6271

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПО

ИСТОЛКОВАТЕЛЬНОМУ И НАЗИДАТЕЛЬНОМУ ЧТЕНІЮ

ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛІЯ,

СЪ БИБЛІОГРАФИЧЕСКИМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ.

Составилъ инспекторъ Симбирской духовной семинаріи

Архимандритъ
М. Барсовъ

Барсовъ
Сб. ст.
1
Библіотека Центральнаго антирелигіознаго музея

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Библіотека 4 Московскаго Кадетскаго Корпуса
Отд. I Шк. 15 II/1
№ 161

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
СѴНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1893.

Проверено 1935 г.

ПРОВ. 1954

BS
2342
Б ар

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, Ноября 13 дня 1892 года.

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

685
53

Предисловіе составителя.

Составленіе названной книги вызвано желаніемъ собрать для читателя, по возможности, въ одно цѣлое относящійся сюда матеріалъ, который, по разбросанности своей во множествѣ духовныхъ журналовъ и книгъ, или мало доступенъ, или неизвѣстенъ ему.

Расположенный въ хронологическомъ порядкѣ Евангельской Исторіи, этотъ матеріалъ прежде всего знакомитъ читателя съ полной Евангельской Исторіей; а повѣствованіе о жизни Господа нашего Іисуса Христа чрезъ истолкованіе текста Евангелія можетъ служить ему Толковымъ Евангеліемъ.

Съ этою цѣлію собраны, частію въ текстѣ Сборника, частію въ библіографическомъ указателѣ: 1) древнѣйшія святоотеческія толкованія; 2) истолковательные отрывки изъ Словъ и Бесѣдъ извѣстнѣйшихъ нашихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, и 3) труды новѣйшихъ нашихъ ученыхъ и нѣкоторыхъ изъ иностранныхъ по экзегетикѣ и апологетикѣ Евангелій.

Библіографическій указатель составленъ по святоотеческимъ твореніямъ, духовнымъ журналамъ, спеціальнымъ богословскимъ сочиненіямъ, Словамъ и Бесѣдамъ; при чемъ въ указателѣ къ послѣднимъ (Словамъ и Бесѣдамъ) обозначается или главный предметъ ихъ, или выдающіяся мѣста въ нихъ. Прилагаемый къ каждому отдѣленію Евангельской Исторіи, или къ каждой главѣ изъ Евангелія, онъ можетъ руководствовать читателя въ пользованіи и другими статьями, не заключающимися въ текстѣ Сборника, для болѣе полнаго знанія и лучшаго воспитанія себя въ духѣ Евангелія.

По всему этому Сборникъ содержитъ не одинъ экзегетическій, но и гомилетическій матеріалъ; или,—выражаюсь языкомъ, болѣе простымъ,—онъ служитъ для истолковательнаго, но вмѣстѣ и назидательнаго чтенія. Нѣкоторыя же статьи въ немъ можно назвать назидательными въ собственномъ смыслѣ. Это потому, что Евангеліе не есть только предметъ любознательности, воспринимаемый памятью и холоднымъ разсудкомъ, но Слово Божіе, живое и дѣйственное, которое *острѣе всякаго меча обоюдоостраго: оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, и судитъ помышленія и намѣренія сердечныя* (Евр. 4, 12). Если кто думаетъ знать св. истины безъ сердечной любви къ нимъ, безъ прочувствованія ихъ сердцемъ и сознательнаго стремленія оправдывать знаніе жизнію, тотъ находится въ опасности имѣть вѣру, о которой говоритъ Апостолъ: *вѣра безъ дѣлъ мертва есть; и бѣсы вѣруютъ и трепещутъ* (Іак. 2, 19. 20). Только *любяй знаетъ Бога, а не любяй не позна Бога, яко Богъ любы есть* (1 Іоан. 3, 7). „Учащій, который дѣйствуетъ однимъ знаніемъ безъ любви“, говоритъ приснопамятный Филаретъ, „предлагаетъ алчущимъ и немощнымъ черствый

или даже каменный хлѣбъ. Ученіе, которое не сердцемъ любящимъ пріемлется, есть сѣмя, сѣемое въ снѣгъ. Знаніе безъ любви есть зимнее солнце, которое не возвращаетъ и не согрѣваетъ. Итакъ аще кто учится, аще учитъ, съ любовію сіе да творитъ“ (т. IV, стр. 172). Вотъ почему лучшія святоотеческія и новѣйшія толкованія проникнуты глубокимъ чувствомъ любви къ Богу и ближнимъ, и истолковательная часть въ нихъ слита съ назидательною.

Само собою разумѣется, что все это имѣетъ ближайшее отношеніе къ желающимъ быть учителями вѣры и пастырями церкви, тѣмъ паче къ настоящимъ пастырямъ. Проповѣдь Слова Божія и слѣдовательно полное и самое удовлетворительное знаніе его есть первая и священная обязанность ихъ. „Итакъ облегчись же, іерей Божій“, скажемъ словами преосвященнаго Ѳеофана, „отъ сей тяготы, испусти изъ устъ своихъ потоки Божескихъ словъ, въ отраду себѣ и въ оживленіе ввѣренныхъ тебѣ душъ. Когда же увидишь, что у тебя самого нѣтъ истины, возьми ее: она въ св. писаніяхъ, и, исполняясь ею, препровождай ее къ дѣтямъ духовнымъ, только не молчи“ (Мысли на каждый день года по церковн. чтеніямъ, стр. 341).

Но могутъ ли и міряне, по праву, считать себя свободными отъ тщательнаго изученія проповѣдуемыхъ истинъ? Если пастыри и учители церкви должны учить; то, конечно, для того, чтобы пасомые знали истину евангельскую настолько, чтобы могли дать отвѣтъ всякому *вопрошающему словесе* о ихъ исповѣданіи (1 Петр. 3, 15), и сами не подвергались бы опасности быть увлеченными кѣмъ либо. Ап. Павелъ предостерегалъ еще христіанъ своего времени: *смотрите, братія, чтобы кто не прельстилъ васъ философіею и пустымъ обманомъ, по преданію человѣковъ, по вещественнымъ началамъ міра, а не по Христѣ* (Колос. 2, 8). Тѣмъ болѣе предостереженіе это необходимо для христіанъ нашего времени, когда, при существующей потребности въ религіозномъ образованіи и всеобщемъ интересѣ къ Евангелію, не мало является людей, искусно, а иногда и нагло выдающихъ ложь за истину, и когда появляются исполненныя вольнодумства сочиненія, въ которыхъ подрываются основы св. истинъ. Кто же поручится, что христіанинъ, незнающій основательно истинъ Божественныхъ по ученію Евангелія и Св. Церкви, устоитъ противъ тлетворнаго лжеученія и не поколеблется въ своихъ убѣжденіяхъ? Найдется ли онъ, чѣмъ опровергнуть и отразить ложь, если не вооруженъ яснымъ и твердымъ знаніемъ содержимаго Евангелія?

Изслѣдуйте писанія: ибо вы думаете чрезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную; а они свидѣтельствуютъ о Мнѣ (Іоан. V, 39). Такъ сказалъ Господь о ветхозавѣтныхъ писаніяхъ. Евангеліе есть исполненіе этихъ писаній. Итакъ изслѣдуйте Евангеліе, ибо вы думаете чрезъ него имѣть жизнь вѣчную; а оно свидѣтельствуетъ о Христѣ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ ТОЛКОВНИКОВЪ.

Блаженный Августинъ. стр. 585. 763.
Агаѳангелъ еп. 542. 560. 567. 593.
Святый Амвросій Медіол. 460. 684.
Амвросій, архіеп. Харьковскій. 802.
Святый Амфилохій Иконійскій. 218.
Анатолій, архіеп. Могилевскій. 677. 780.
Арсеній, митр. Кіевскій. 548. 558.
Святый Аѳанасій Александрійскій. 582. 584. 633. 634. 635. 636. 640. 641. 644. 661. 712. 731. 755.
Базаровъ прот. 800.
Богословскій прот. 747.
Богословскій проф. 67. 86. 93. 118. 137. 154. 179.
Святый Василій Великій. 512. 583. 634. 635. 636. 644. 648. 727. 798.
Властовъ. 795.
Вишняковъ прот. 164. 172.
Святый Григорій Богословъ. 589. 645. 737.
Григорій митроп. 646.
Горскій прот. 441.
Гречулевичъ прот. 517.
Гуляницкій А. 433.
Делекторскій прот. 501.
Державинъ Д. 570.
Святый Димитрій Ростовскій. 428.
Думитрашко свящ. 221. 281.
Д—въ С. 514. 788.
Евсевій, архіеп. Могилевскій. 774.
Елеонскій свящ. 7. 60.
Святый Ефремъ Сиринъ. 588.
Святый Іоаннъ Златоустъ. 511. 586. 642. 651. 706. 712. 778.
Златоверховниковъ свящ. 231. 254.
Препод. Исаія. 751.
Святый Исидоръ Пелусіотъ. 467. 480. 582. 583. 584. 589. 632. 633. 634. 643. 645. 661. 710. 711. 731. 755. 757. 772. 794.
Исидоръ, митроп. Новгородскій. 675.
Блаженный Іеронимъ. 472. 657. 783. 787.
Казанскій М. 294.
Константинъ философъ. 574.
Леонтій, архіеп. Варшавскій, нынѣ митроп. Московскій. 628. 665.
Святый Лѣствичникъ Іоаннъ. 648.
Л—въ А. 689.
Святый Макарій Египетскій. 711.
Марковъ свящ. 480.
Минятій святитель. 647.
Михайловскій прот. 37.
Михаилъ еп. 169. 799.
Муретовъ проф. 694.
Надеждинъ Ѳ. 210. 616. 686.
Норовъ А. С. 209.
Нектаріевскій прот. 520.
Нечаевъ прот., нынѣ еп. Виссаріонъ. 368. 557. 649. 740. 752. 764.
Никодимъ архим. 215. 476.
Орда Х., нынѣ еп. Ириней. 9.
Павелъ, архіеп. Кишиневскій, нынѣ Казанскій. 308.
Предтеченскій свящ. 220. 443.
Поповъ свящ. 539.
Пѣвницкій проф. 177. 259.
Рождественскій проф. 382.
Серафимовъ А. 499.
Скворцовъ проф. 416.
Смирновъ П. 716.

Соллертинскій проф. 518.
Тертулліанъ. 113.
Святый Тихонъ Воронежскій. 535.
Тренчъ, архіеп. Дублинскій. 315. 448. 453. 456. 672.
Филаретъ, митроп. Кіевскій. 198. 202. 762.
Филаретъ, митроп. Московскій. 133. 199. 381. 403. 446. 462. 473. 495. 509. 577. 608. 615. 625. 629. 662. 678. 708. 738. 756. 762. 767.
Филаретъ Рязанскій. 642.
Филаретъ, архіеп. Черниговскій. 792. 794. 796. 799.
Шаффъ. 344.
Экземплярскій. 203.
Яворскій Стефанъ. 251—252.
Яхонтовъ прот. 16.
Θеодоръ архим. 542. 560. 587. 593.
Θеофанъ еп. 458. 464. 475. 480. 510. 511. 652. 658. 660. 723. 738.
Анонимы: 1 — 2. 82. 107. 151. 168. 207. 214. 228. 231. 240. 265. 290. 305. 339. 347. 359. 360. 371. 375. 417. 426. 438. 444. 458. 467. 471. 478. 483. 493. 497. 511. 564. 575. 576. 597. 621. 627. 630. 641. 644. 648. 655. 663. 680. 683. 687. 703. 721. 726. 727. 733. 742. 745. 768. 771. 784.

Бо́льшая часть толкованій *Филарета м. М.* приведена по изд.: Слова и рѣчи, ч. I и II. М. 1848 г., ч. III. 1861 г. Библіографическій же указатель къ нимъ и Словамъ и Бес. другихъ митрополитовъ, архіеп. и епископовъ составленъ по изданіямъ: Слова и рѣчи *Филарета, митроп. Москов.*, т. I. Москва. 1873 г., т. II. 1874 г., т. III. 1877 г., т. IV. 1882 г., т. V. 1885 г.—Слова и бесѣды *Арсенія, митроп. Кіевскаго* въ 5 частяхъ. Спб. 1874 г.—Слова и рѣчи *Исидора, митроп. Новгородскаго.* Спб. 1876 г. — Слова или бесѣды *Григорія, архіеп. Казанскаго*, т. II. Спб. 1853 г.—Сочиненія *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* Общедоступ. изд.—*Вольфа,* т. I. 1871 г., т. II. 1872 г., т. III. 1871 г., т. IV. 1870 г.—Слова и бесѣды *Филарета, архіеп. Черниговскаго,* въ 3-хъ частяхъ. Черниг. 1863 г.—Слова и рѣчи *Макарія, еп. Тамбовскаго,* въ 2-хъ томахъ. Спб. 1859 г.—Слова и бесѣды *Иліодора, архіеп. Курскаго.* Спб. 1844 г. — Слова и рѣчи *Леонтія, архіеп. Варшавскаго,* въ 2-хъ томахъ. Изданіе 2. Спб. 1888 г. — Слова и рѣчи *Павла, архіеп. Кишиневскаго*, т. I. 1879 г., т. II. 1879 г. и т. III. 1881 г. Кишиневъ.—Поученія *Никанора, еп. Уфимскаго.* Уфа. 1883 г. *Херсонскаго и Одесскаго,* т. II. 1885 г., т. III. 1886 г. и т. IV. 1887 г.—Слова и бесѣды *Дмитрія, архіеп. Волынскаго* въ 5 книгахъ, изданіе Почаево-Успенской Лавры.

ОГЛАВЛЕНІЕ

предметовъ и статей въ хронологическомъ порядкѣ Евангельской Исторіи и въ порядкѣ Сборника.

Вступительныя статьи.

Три Библіи. — Святое Евангеліе, какъ книга чудесъ и по содержанію и по дѣйствію его на сердца людей.—„Вѣруйте въ Евангеліе". *Свящ. Елеонскаго.* — Свидѣтельство исторіи о томъ, что Іисусъ Христосъ дѣйствительно жилъ на землѣ и жилъ именно такъ, какъ учитъ тому Св. Церковь. *Свящ. Х. М. Орды.* Стр. 1—15.

Введеніе.

Предварительныя свѣдѣнія и понятія о Св. Евангеліяхъ. *Прот. Яхонтова.* Понятіе о Евангеліи. Источники Евангелія. Отличительныя черты Евангелій. Стр. 16.

Евангеліе отъ Матѳея. Свѣдѣнія о жизни св. Матѳея. Время написанія его Евангелія. Языкъ. Цѣль написанія. Особенность изложенія. Обзоръ содержанія. Стр. 17—22.

Евангеліе отъ Марка. Свѣдѣнія о жизни св. Марка. Время и мѣсто написанія его Евангелія. Цѣль написанія. Отличительныя черты его Евангелія. Обозрѣніе содержанія. Стр. 23—28.

Евангеліе отъ Луки. Свѣдѣнія о жизни св. Луки. Время написанія Евангелія. Цѣль написанія. Особенность Евангелія. Порядокъ изложенія. Обозрѣніе содержанія. Стр. 28—35.

Взаимныя отношенія первыхъ трехъ Евангелій. Стр. 36—37.

Евангеліе отъ Іоанна. Жизнь св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. Характеръ его. Время и мѣсто написанія его Евангелія. Цѣль написанія. Планъ и расположеніе Евангелія. Изъ Шаффа, *Протоіерея В. Михайловскаго.* Стр. 37—47.

Значеніе четверичнаго числа Евангелій. Стр. 48.

О подлинности четвероевангелія. *Внѣшнія* доказательства подлинности: свидѣтельства о томъ православныхъ учителей Церкви изъ послѣдней половины II вѣка; Сирскій переводъ четвероевангелія (Пешито) и каталогъ Муратоpія; свидѣтельства язычниковъ и еретиковъ. Свидѣтельства христіанскихъ учителей Церкви и еретиковъ изъ первой половины II вѣка и изъ перваго вѣка. *Внутреннія* доказательства подлинности четвероевангелія: языкъ его, совершенная безыскусственность и простота, естественность и живость въ изображеніи событій; религіозное и политическое состояніе Іудеи въ то время и топографическія подробности. Стр. 48—60.

О разночтеніяхъ въ текстѣ Евангелій и неповрежденности текста. *Свящ. Елеонскаго.* Стр. 60—63.

Библіографическій указатель къ „Введенію". Стр. 63—66.

Евангельскія оглавленія и предисловія.

О двухъ генеалогіяхъ Іисуса Христа. (Матѳ. I, 1—17. Лук. III, 23—38). *Проф. М. И. Богословскаго.* Главная мысль генеалогіи І. Х. въ Ев. Матѳея и Луки. Почему Ев. Матѳей помѣстилъ родословіе Іисуса Христа въ началѣ своего Евангелія, а Ев. Лука въ III гл. между крещеніемъ и искушеніемъ І. Х.? Примиреніе разностей Евангельскихъ родословій съ ветхозавѣтными свидѣтельствами. Пропускъ въ Ев. Матѳ. трехъ царей между Іорамомъ и Озіей. Кажущееся противорѣчіе писателю 1 кн. Паралип. касательно Салаѳіиля и сыновей Зоровавеля: Авіуда и Рисая. Гипотезы для примиренія разногласія Евангелистовъ въ показаніи предковъ Іисуса Христа отъ Давида до Салаѳіиля и Зоровавеля и отъ этихъ послѣднихъ до Іосифа.—Доказательства подлинности Евангельскихъ родословій. Объясненіе текста. Заключеніе. Стр. 67—82.

Годъ Рождества Іисуса Христа. Стр. 82—84.

Библіографическій указатель къ родословію І. Х. Стр. 84.

Введеніе въ Евангеліе отъ Марка. Изъясненіе 1 ст. I гл. Стр. 85—86.

Прологъ Св. Евангелія отъ Луки (I, 1—4). *Проф. М. И. Богословскаго.* Составъ и содержаніе предисловія. Изъясненіе текста его. Кого Ев. Лука разумѣетъ подъ

многими въ 1 ст., и порицаетъ онъ писанія ихъ, или нѣтъ? Значеніе другихъ словъ въ этомъ стихѣ. Кого Ев. Лука разумѣетъ подъ *очевидцами и служителями Слова* во 2 ст., и отъ нихъ ли именно онъ получилъ свои свѣдѣнія? Планъ и отношеніе его труда къ писаніямъ *многихъ* въ 3 ст. Свѣдѣнія о Ѳеофилѣ. Цѣль написанія Ев. въ 4 ст. Общее заключеніе объ источникахъ для первыхъ письменныхъ извѣстій о жизни и ученіи І. Х. и для Евангелія Луки. Стр. 86—93.

Прологъ Евангелія отъ Іоанна. (I, 1—18). *Проф. М. И. Богословскаго.* Важность пролога. Подлинность его. Составъ и раздѣленіе на части. Откуда Ев. Іоаннъ заимствовалъ ученіе о Словѣ? Различіе между Логосомъ Филона и ученіемъ Ев. Іоанна. Ученіе Ветхаго Завѣта объ Ангелѣ Іеговы и Премудрости Божіей. Откуда заимствовано наименованіе втораго Лица Св. Троицы Словомъ? Какой смыслъ имѣетъ это наименованіе по разуму отцевъ Церкви? Изъясненіе текста. Заключеніе. Стр. 93—107.

Воплощеніе Христово. Доказательства истины Боговочеловѣченія: изъ ожиданія Искупителя всѣми народами древняго міра; изъ прямыхъ обѣтованій народу Израильскому о явленіи Искупителя изъ среды его, и наконецъ изъ исполненія этого обѣтованія, о чемъ повѣствуютъ Евангелія.—Іисусъ Христосъ не простой человѣкъ, но истинный Сынъ Божій, что доказывается содержаніемъ ученія Его, переданнаго Евангелистами. Повѣствованія Евангелистовъ объ этомъ не могутъ быть не достовѣрны. Возраженія отрицательной критики противъ Божества Іисуса Христа неосновательны. Стр. 107—113.

Тайна воплощенія Сына Божія по ученію Тертулліана и отцевъ Церкви. Воплощеніе Сына Божія возможно для Бога и достойно Его, а также достойно и плоти человѣческой. Оно въ то же время и необходимо было для человѣка. Стр. 113—116.

Библіографическій указатель къ прологу Ев. отъ Іоанна. Стр. 116—117.

Дѣтство Господа нашего Іисуса Христа Его Предтечи Іоанна Крестителя (Мѳ. I, 18—II, 23. Лук. I, 5—II, 52).

Проф. М. Богословскаго.

Общія замѣчанія объ исторіи дѣтства Іисуса Христа сравнительно съ исторіей общественнаго служенія Его. Порядокъ, въ какомъ можно размѣстить всѣ Евангельскія повѣствованія о дѣтствѣ І. Х. Стр. 118—119.

1) **Предсказаніе Ангела Захаріи о рожденіи Іоанна Предтечи** (Лук. I, 5—25). Содержаніе и составъ повѣствованія о благовѣстіи Ангела Захаріи. Чѣмъ объясняется неожиданная перемѣна во внѣшнемъ строѣ и характерѣ рѣчи Ев. Луки съ 5 ст. I гл. до 40 ст. II гл. Историческая достовѣрность разсказа о явленіи Ангела Захаріи и подлинность его. Изъясненіе текста повѣствованія. Заключеніе. Стр. 119—132.

Библіографическій указатель къ этому событію. Стр. 132—133.

2) **Благовѣстіе Архангела Гавріила Пресвятой Дѣвѣ Маріи о рожденіи отъ Нея Спасителя міра,** по ученію *Филарета, митроп. Москов.* (Лук. I, 26—38). Повѣствованіе объ этомъ событіи и изъясненіе его. Преданіе объ обрученіи Пресв. Дѣвы Маріи Іосифу, о пребываніи Ея въ Назаретѣ и обстоятельствахъ, при которыхъ явился Ей Архангелъ. Объясненіе словъ Евангелиста: *Она же смутися о словеси его,* по Филарету м. М., и словъ Маріи: *се раба Господня, буди Мнѣ по глаголу твоему,* по нему же. Воплощеніе. Отвѣтъ Филарета м. М. по вопросу о томъ, почему опредѣленіе о воплощеніи Сына Божія, данное еще въ раю, не исполнилось въ продолженіи столь многихъ вѣковъ? Стр. 133—137.

2) **Благовѣстіе Архангела Пресвятой Дѣвѣ Маріи о рожденіи Мессіи.** *Проф. М. И. Богословскаго.* Изъясненіе этого событія и текста повѣствованія о немъ. Назаретское благовѣстіе, какъ завершеніе длиннаго ряда благовѣстій, проходящихъ чрезъ весь Ветхій Завѣтъ. Всеобщее ожиданіе Іудеями Мессіи предъ временемъ рожденія Іисуса Христа и благовѣстіе Ангела Маріи среди этого ожиданія о рожденіи отъ нея Утѣхи и славы Израиля.—Постепенное снисхожденіе Божества къ человѣчеству въ Ветхомъ Завѣтѣ и постепенное же восхожденіе человѣчества къ Божеству въ лицѣ лучшихъ представителей избраннаго народа и рода Дѣвы Маріи. Заключеніе: благовѣстіе Ангела необходимо и естественно, такъ сказать, требовалось исторіей всѣхъ предшествовавшихъ откровеній. Опроверженіе мнѣнія миѳологистовъ и доказательства подлинности повѣствованія Ев. Луки о благовѣстіи Ангела. Составъ повѣствованія. Объясненіе текста его (26—38 ст. I гл.). Стр. 137—151.

Назаретъ. Стр. 151—153.

Библіографическій указатель къ сказаніямъ о жизни Пресвятой Дѣвы Маріи и къ повѣствованію Евангелія о благовѣстіи Ангела. Стр. 153—154.

3) **Посѣщеніе Пресвятою Дѣвою Елизаветы** (Лук. I, 39—56). *Проф. М. И. Бого-*

словскаго. Изъясненіе этого повѣствованія и текста его. Составъ и содержаніе его. Общій ходъ мыслей въ привѣтственной рѣчи Елизаветы и въ хвалебной пѣсни Пресвятой Дѣвы. Опроверженіе возраженій отрицательной критики противъ вдохновеннаго гимна Маріи чрезъ сравненіе этого гимна съ хвалебною пѣснью Анны, матери Самуила. Изъясненіе текста Ев. Луки съ 39—56 ст. I гл. Стр. 154—163.

Библіографическій указатель къ повѣствованію о посѣщеніи Пресв. Дѣвою Елизаветы. Стр. 164.

4) Рождество св. Іоанна Предтечи; обрѣзаніе его и нареченіе ему имени; разрѣшеніе нѣмоты Захаріиной; пророческая пѣснь Захаріи (Лук. I, 57—79). Повѣствованіе объ этихъ событіяхъ и изъясненіе ихъ въ порядкѣ Евангельскаго текста. *Протоіерея С. Вишнякова.* Стр. 164—168.

Родина св. Іоанна Предтечи. Стр. 168—169.

Изъясненіе текста пророчественной рѣчи Захаріи (67—79 ст.). *Еп. Михаила.* Стр. 169—172.

Раннее сиротство св. Іоанна Крестителя. Жизнь его въ пустынѣ до вступленія въ общественное служеніе. — (Лук. I, 80). *Прот. С. Вишнякова.* Стр. 172—176.

Не былъ ли онъ воспитанъ въ школѣ ессеевъ и не принадлежалъ ли къ ихъ сектѣ? *Проф. В. Пѣвницкаго.* Стр. 177—178.

Библіографическій указатель къ событіямъ I гл. Ев. отъ Луки съ 57—80 ст. Стр. 178—179.

5) Открытіе Іосифу, обрученнику Пресв. Дѣвы Маріи, тайны воплощенія Сына Божія (Матѳ. I, 18—25). *Проф. М. И. Богословскаго.* Изъясненіе этого повѣствованія и текста его. Почему Ев. Матѳей начинаетъ съ этого событія свое Евангеліе? Общее содержаніе повѣствованія. Объясненіе текста (18—25 ст.). Въ какомъ смыслѣ надобно понимать пророчество Исаіи о Дѣвѣ и Еммануилѣ, приводимое Евангелистомъ въ 22—23 ст.: мессіанскомъ, или типическомъ? Опроверженіе возраженій отрицательной критики противъ воплощенія, явленія Ангела Іосифу и вообще противъ достовѣрности Евангельскаго разсказа о благовѣстіи Ангела Іосифу. Доказательства подлинности этого повѣствованія. Стр. 179—192.

Библіографическій указатель къ этому повѣствованію. Стр. 192.

6) Рождество Христово (Лук. II, 1—7). Изъясненіе текста повѣствованія. Изъясненіе ст. 1. Историческая достовѣрность сказанія Ев. Луки о переписи Августа. Этой переписи подлежала и Іудея. Историческая трудность къ изъясненію ст. 2, различное объясненіе его западными экзегетами и достовѣрность сказанія Ев. Луки. Во исполненіе указа о переписи Іосифъ и Марія должны были отправиться въ Виѳлеемъ (3 и 4 ст.). Іосифа должна была сопровождать и Марія (ст. 5). Мѣсто рожденія Христа Спасителя (ст. 6 и 7). Стр. 192—198.

Объ уничиженіи Христа Спасителя при самомъ рожденіи Его. *Филарета, митроп. Кіевскаго.* Стр. 198—199.

Благовѣстіе Ангела Виѳлеемскимъ пастырямъ о рождествѣ Іисуса Христа (8—12 ст.). О радости рожд. Хр. (10—12 ст.). *Филарета, митроп. Москов.* Стр. 199—202.

О славословіи Ангеловъ (13—14 ст.). *Филарета, митроп. Кіевскаго.* Стр. 202—203.

Миръ, принесенный на землю родившимся отъ Дѣвы Маріи Іисусомъ Христомъ. *И. Экземплярскаго.* Примиреніе человѣчества съ Богомъ, миръ въ Церкви Христовой и въ душѣ истиннаго христіанина. Способъ, какимъ достигается внѣшній и внутренній миръ. Стр. 203—207.

Виѳлеемъ. Мѣстоположеніе его. Какими событіями онъ ознаменованъ въ Ветхомъ Завѣтѣ? Храмъ надъ пещерою, гдѣ родился Іисусъ Христосъ. Жители Виѳлеема. Вертепъ и ясли. *Норова.* Стр. 207—210.

Урокъ христіанскимъ родителямъ при воспоминаніи вертепа и яслей Виѳлеемскихъ (Лук. II, 11). *Ѳ. Надеждина.* 1) Младенецъ не наше только дитя, но послѣ крещенія чадо Божіе и сонаслѣдникъ Христу. 2) Вмѣстѣ съ родителями у колыбели ихъ младенца находятся его и ихъ Ангелы—хранители. 3) Противъ бѣдности и ея недостатковъ вооружитесь христіанскимъ терпѣніемъ и самоотверженіемъ; учите дѣтей смиренію и любви. 4) Подобно тому, какъ Пресв. Дѣва *слагала глаголы Божіи,* возвѣщенные чрезъ Ангеловъ и пастырей, *въ сердцѣ своемъ,* непрестанно поучайтесь въ словѣ Божіемъ, *слагайте* его *въ сердцѣ своемъ* и сообразуйте съ нимъ свою жизнь. Стр. 210—213.

Библіографическій указатель къ повѣствованію о рождествѣ Іисуса Христа. Стр. 213—214.

Обрѣзаніе Господне (Лук. II, 21). Повѣствованіе объ этомъ событіи съ изъясненіемъ его. Ст. 21. Для чего Іисусъ Христосъ принялъ обрѣзаніе, и чему поучаетъ Онъ этимъ насъ? Мысли о духовномъ обрѣзаніи христіанина. Стр. 214—215.

Срѣтеніе Господне (Лук. II, 22—38). *Архим. Никодима.* Ст. 22—24. Принесеніе І. Х. въ сороковой день по рожденіи Его во храмъ, во исполненіе ветхозавѣтнаго закона объ очищеніи матери и посвященіи Богу первенца. Ст. 25—26. Личность Ст-

меона по сказанію Ев. Луки и по преданію.— Ст. 27—32. Срѣтеніе имъ Божественнаго Младенца и значеніе словъ его: *нынѣ отпущаеши раба Твоего по глаголу Твоему съ миромъ...* Ст. 34—35. Изъясненіе словъ его Пресв. Маріи: *се лежитъ Сей на паденіе и на возстаніе многимъ во Израили...* Ст. 36—38. Сказаніе Ев. Луки объ Аннѣ пророчицѣ и хвалебной пѣсни ея Богу за ниспосланіе Мессіи. Стр. 215—218.

Знаменательнѣйшіе моменты принесенія Христа Спасителя во храмъ, въ день Срѣтенія Господня, по изображенію св. Димитрія Ростовскаго и св. Амфилохія Иконійскаго. Стр. 218—220.

Трогательная встрѣча. *Свящ. Предтеченскаго.* Почему Сумеонъ при срѣтеніи Спасителя вспоминаетъ о смерти и проситъ себѣ смерти? Смерть для праведника и для грѣшника. Стр. 220—221.

Тайна наилучшаго воспитанія дѣтей (Лук. II, 22), состоящая въ томъ, чтобы младенца всецѣло предать Господу и такъ расположить умъ и сердце его, чтобы и пришедши въ возрастъ, онъ самъ всего себя посвятилъ Господу. Доказательства этой истины изъ примѣровъ Свящ. Исторіи. Изображеніе дѣйствительной жизни въ этомъ отношеніи и выводъ изъ сказаннаго. *Думитрашко.* Стр. 221—223.

Библіографическій указатель къ Обрѣзанію и Срѣтенію Господню. Стр. 223—224.

7) **Поклоненіе волхвовъ; смущеніе Ирода; избіеніе младенцевъ: бѣгство св. семейства въ Египетъ** (Матѳ. II гл.). Повѣствованіе объ этихъ событіяхъ, съ изъясненіемъ пророчества Михея (V, 2) въ 6 и 7 ст. II гл. Ев. отъ Матѳ. Стр. 225—228.

Поклоненіе отъ волхвовъ Спасителю (Матѳ. II, 1—12). Изъясненіе этого событія. Опредѣленіе слова *волхвы* и нравственныя качества Евангельскихъ волхвовъ. Откуда они пришли, и какимъ образомъ могли узнать о родившемся Царѣ Іудейскомъ? Мнѣнія отцевъ Церкви о звѣздѣ волхвовъ. Можно ли отвергать то объясненіе, которое почитаетъ это явленіе звѣздою въ собственномъ смыслѣ?—Пришествіе волхвовъ въ Виѳлеемъ и поклоненіе ихъ Божественному Младенцу. Таинственное знаменованіе принесенныхъ ими даровъ. Почему Іерусалимъ не узналъ и не встрѣтилъ ожидаемаго имъ Царя своего? Стр. 228—231.

Дары Господу въ праздникъ Рождества Христова. Стр. 231.

Звѣзда, явившаяся на востокѣ при рожденіи Іисуса Христа (Матѳ. II, 1—2. 9—10). *Свящ. М. Златоверховникова.* Изъясненіе этого повѣствованія. Доказательства исторической достовѣрности его: изъ всеобщаго ожиданія Спасителя міра; изъ близкаго соотношенія между явленіями міра физическаго и нравственнаго и изъ несомнѣнныхъ указаній на это явленіе въ языческой литературѣ и христіанскомъ преданіи (противъ раціоналистовъ). Неосновательность другаго (раціоналистическаго) объясненія, по которому звѣзда Мессіи была совпаденіемъ планетъ Юпитера и Сатурна въ созвѣздіи рыбъ, періодически повторяющимся. Ученіе св. отцевъ Церкви объ этомъ предметѣ. Опроверженіе натуралистическаго же объясненія ст. 9 и 10. Заключеніе. Стр. 231—236.

Бѣгство во Египетъ (Матѳ. II, 13—15). Преданіе о подробностяхъ этого путешествія. Изъясненія ст. 15. Слова св. Іоанна Златоустаго о томъ, чѣмъ впослѣдствіи ознаменованъ былъ Египетъ, и св. Григорія Богослова о томъ, чему поучаетъ насъ исторія бѣгства во Египетъ. Стр. 236—238.

Избіеніе младенцевъ (Матѳ. II, 16—18). Изъясненіе этого повѣствованія. Историческая достовѣрность его. Изъясненіе ст. 17 и 18. Стр. 238—240.

Избіеніе младенцевъ. Историческое значеніе этого событія. 1) Оно было свидѣтельствомъ всеобщаго ожиданія Мессіи; 2) выражало особенную черту характера Ирода и характера его вѣка — крайнее жестокосердіе, и 3) предзнаменовало будущія гоненія на Христа, страданія Церкви Христовой и торжество ея надъ всѣми врагами. Стр. 240—245.

Возвращеніе изъ Египта (Матѳ. II, 19—23). Повѣствованіе объ этомъ событіи. Смерть Ирода. Изъясненіе ст. 23. Какъ объяснить то, что по Ев. Лукѣ св. семейство, послѣ принесенія Божественнаго Младенца въ храмъ Іерусалимскій, снова возвратилось въ свой отечественный городъ Назаретъ (II, 39), а по Ев. Матѳею за поклоненіемъ волхвовъ произошло удаленіе св. семейства въ Египетъ, и уже изъ Египта послѣдовало возвращеніе въ Назаретъ? (II. 22)? Стр. 245—247.

Библіографическій указатель къ событіямъ II гл. Ев. Матѳ. Стр. 247—248.

8) **Двѣнадцатилѣтній Іисусъ во храмѣ.** (Лук. II, 40—52). Повѣствованіе объ этомъ событіи и изъясненіе его. Ст. 40. Общее замѣчаніе Евангелиста о тѣлесномъ возрастаніи І. Х. и укрѣпленіе Его духомъ. Ст. 41—42. Путешествіе на праздникъ Пасхи 12-лѣтняго отрока. Ст. 43—44. Путешествіе Іосифа и Маріи въ обратный путь и потеря отрока.—Опроверженіе ложнаго мнѣнія о Богоматери. 1-е. Ст. 45—48. Двѣнадцатилѣтній Іисусъ въ храмѣ Іерусалимскомъ посреди учителей. Обращеніе къ Нему Богоматери, по возвращеніи Ея въ Іерусалимъ. Опроверженіе ложнаго мнѣнія

о Богоматери 2-е и 3-е.—Ст. 49—50. Отвѣтъ Іисуса Христа Своей Матери. Какъ отнеслись къ этому Іосифъ и Марія. Ст. 51—52. Возвращеніе ихъ въ Назаретъ и общее замѣчаніе Евангелиста о развитіи Іисуса. Стр. 249—253.

Нравственный урокъ для христіанскихъ дѣтей изъ Евангельскихъ сказаній о дѣтствѣ и отрочествѣ І. Х. Стр. 253—254.

О пребываніи Господа нашего Іисуса Христа въ Назаретѣ (противъ раціоналистовъ). *Свящ. М. Златоверховникова.* Взглядъ Ренана на Лице Іисуса Христа, какъ человѣка, подчиненнаго въ Своемъ развитіи общечеловѣческимъ условіямъ, и опроверженіе этого взгляда. Истинный смыслъ замѣчанія Ев. Луки о преуспѣяніи Іисуса премудростію и возрастомъ (II, 51) и повѣствованія его о пребываніи Іисуса Христа въ храмѣ. Опроверженіе возраженія Штрауса противъ исторической достовѣрности этого разсказа. Стр. 254—258.

Библіографическій указатель ко II гл. 41—52 ст. Ев. Луки. Стр. 258.

Явленіе Іоанна Крестителя и его дѣятельность.

Умственное и религіозно-нравственное состояніе Іудеевъ предъ явленіемъ Іоанна Крестителя. *Проф. В. Пѣвницкаго.* Общая характеристика этого времени: мертвое отношеніе народа и его руководителей къ Божественному откровенію и закону; смѣсь гордости и униженія въ духовномъ его настроеніи; извращенное понятіе о Мессіи и ожиданіе отъ Него чувственныхъ благъ. Раздѣленіе духовныхъ руководителей народа на толки и секты. Характеристика сектъ: фарисеевъ, саддукеевъ и ессеевъ. Стр. 259—265.

Сравнительное—изъяснительное обозрѣніе явленія и дѣятельности Іоанна Крестителя (Матѳ. III, 1—12. Марк. I, 2—8. Лук. 1—20). *Время явленія* Іоанна Крестителя, по опредѣленію (Ев. Лук. III, 1—2). Опроверженіе возраженія отрицательной критики противъ упоминанія Евангелистомъ *Лисанія. Мѣсто дѣятельности* Іоанна Крестителя (Матѳ. III, 1. Марк. I, 4). *Значеніе его*, какъ приготовителя пути Господу, по пророчествамъ Исаіи и Малахіи (Матѳ. III, 3. Лук. III, 4—5 и Марк. I, 2—3). Изъясненіе пророчества Исаіи (XL, 3—5). *Дѣятельность* его: проповѣдь о приближеніи Царства Божія и о покаяніи (Матѳ. III, 1—2). Первое явленіе его народу и впечатлѣніе, произведенное имъ (Марк. I, 5. Матѳ. III, 5—6. Лук. III, 15). Обличительная рѣчь его къ фарисеямъ и саддукеямъ (Матѳ. III, 7—10. Лук. III, 7—9). Рѣчь къ народу, мытарямъ и воинамъ (Лук. III, 10—14). *Крещеніе* Іоанново (Матѳ. III, 5—6. Марк. II, 4—5. Лук. III, 3). *Свидѣтельство* о Божественномъ достоинствѣ І. Х. и благодатномъ дѣйствіи крещенія Его. Крещеніе Духомъ Св. и огнемъ (Матѳ. III, 11. Марк. I, 7—8. Лук. III, 15—16). Рѣчь о второмъ пришествіи Іисуса Христа и наказаніи нечестивыхъ (Матѳ. III, 12. Лук. III, 17). Повѣствованіе Ев. Луки о заключеніи Іоанна Крестителя въ темницу (III, 18—20). Стр. 265—277.

Св. Іоаннъ Креститель въ его отношеніяхъ къ Ироду, и нравственный характеръ его, какъ проповѣдника. *Проф. В. Пѣвницкаго.* Стр. 277—281.

Примѣч. къ 4 ст. III гл. Матѳ. *О дикомъ медѣ и акридахъ.* Стр. 281.

Современные фарисеи, саддукеи, книжники и мытари. *Думитрашко.* Стр. 281—287.

Библіографическій указатель къ явленію Іоанна Крестителя и его дѣятельности. Стр. 288—289.

Крещеніе Господа нашего Іисуса Христа.

Изъясненіе этого событія. Значеніе его въ дѣлѣ общественнаго служенія Іисуса Христа роду человѣческому.—О чемъ молился І. Х. по выходѣ изъ воды? Значеніе знаменій при крещеніи: отверстія небесъ, гласа Бога Отца и сошествія Духа Св. въ видѣ голубя. Почему Іудеи при такихъ знаменіяхъ не увѣровали въ І. Х. (Изъ Златоустаго). Какое значеніе имѣли чудесныя знаменія при крещеніи для Іоанна Крестителя? Стр. 290—293.

Какъ примирить незнаніе Іоанномъ Крестителемъ Іисуса Христа до крещенія Его съ словами 14 ст. III гл. Мѳ.? Стр. 293—294.

Крещеніе Господа нашего Іисуса Христа по извѣстіямъ Евангелистовъ. *М. Казанскаго.* Изъясненіе этого событія и текста повѣствованія о немъ (Мѳ. III, 13—17. Мр. I, 9—11. Лук. III, 21—22). Время явленія Іисуса Христа къ Іоанну Крестителю, и мѣсто, откуда Онъ пришелъ къ нему для крещенія, по опредѣленію Ев. Мѳ. (ст. 13) и Мр. (ст. 9). Объясненіе 14 и 15 ст. Ев. отъ Мѳ. Объясненіе грамматическаго сочетанія нѣкоторыхъ словъ въ ст. 16 Мѳ., при сравненіи его съ параллельными мѣстами у Марка (ст. 10) и Луки (ст. 21) и Іоан. I, 33 ст. Объясненіе чудесныхъ знаменій при крещеніи: 1) разверзеніе небесъ было ли явленіемъ объективнымъ, или только внутреннимъ? 2) При сошествіи Духа Св. былъ ли дѣйствительный—тѣлесный голубь, и какое

значеніе имѣлъ онъ? Значеніе сошествія Духа Св. для Самого Іис. Христа. 3) Объясненіе ст. 17 Мѳ. и парал. 11 ст. Марк. и 22 Луки. Почему о голосѣ съ неба не говоритъ самъ Іоаннъ Креститель, повѣствуя о крещеніи І. Х. въ Ев. отъ Іоанна? Какъ примирить мнимое разногласіе синоптиковъ въ передачѣ голоса? Стр. 294—303.

Мысли св. отцевъ и учителей Ц. о крещеніи Іисуса Христа. Стр. 303—305.

Іорданъ. Географическое описаніе его. Какими событіями ознаменованъ онъ въ ветхозавѣтной исторіи? Явленіе Іоанна Предтечи и крещеніе І. Х. во Іорданѣ. Берега Іордана въ настоящее время. Стр. 305—307.

Библіографическій указатель къ крещенію Іисуса Христа. Стр. 307.

Объ искушеніи Іисуса Христа въ пустынѣ отъ діавола (Мѳ. IV, 1—11). *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Стр. 308—315.

Искушеніе Господа въ пустынѣ (Мѳ. IV, 1—11. Мр. I, 12—13. Лук. IV, 1—13). *Тренча, архіеп. Дублинскаго.* Изъясненіе этого событія и текста Еванг. повѣствованія о немъ. Почему объ этомъ событіи разсказываютъ первые три Евангелиста и ничего не говоритъ Ев. Іоаннъ? Внѣшняя и внутренняя связь между крещеніемъ І. Х. и искушеніемъ Его въ пустынѣ отъ діавола. Какое значеніе имѣетъ это второе событіе въ дѣлѣ служенія І. Х. роду человѣческому? Изъясненіе 1 ст. Мѳ. и 13 ст. Мр.: *и бѣ со звѣрми.* Изъясненіе 2—7 ст. Мѳ. Порядокъ искушеній у Ев. Мѳ. и Луки. Изъясненіе 8 и 9 ст. Мѳ. и 6 ст. Луки: *ибо она* (власть) *предана Мнѣ, и Я кому хочу даю ее.* Изъясненіе 10 и 11 ст. Мѳ. и 13 ст. Луки: *и скончавъ все искушеніе, діаволъ отъиде отъ Него до времене.*—Три искушенія Іисуса Христа—весь кругъ человѣческихъ искушеній. Сходство между ними и искушеніемъ нашихъ прародителей. Нравственный урокъ изъ исторіи искушенія Іисуса Христа для христіанина. Заключеніе: искушеніе І. Х. въ пустынѣ не было видѣніемъ въ экстатическомъ состояніи, а также—сномъ или внутреннею борьбою І. Х., но есть дѣйствительная исторія искушенія, которое явилось извнѣ—отъ діавола. Стр. 315—334.

Слова *Шаффа*, *Тренча* и *Буткевича* по вопросу о примиреніи искушаемости съ безгрѣшностію І. Х. Стр. 334—337.

Библіографическій указатель къ искушенію І. Х. въ пустынѣ. Стр. 337—338.

Общественное служеніе Іисуса Христа роду человѣческому до первой Пасхи.

О наружномъ видѣ Іисуса Христа. Стр. 339—344.

Библіографическій указатель къ описанію наружнаго вида І. Х. Стр. 344.

Кратковременность и сильное дѣйствіе Его общественнаго служенія. Отсутствіе всякаго желанія славы и мірскаго величія. *Шаффа.* Стр. 344—347.

Начало общественнаго служенія Іисуса Христа. Стр. 347—348.

Порядокъ событій отъ возвращенія Іисуса Христа изъ пустыни искушенія до первой Пасхи. Стр. 348.

Свидѣтельство Іоанна Крестителя объ Іисусѣ Христѣ предъ посланными отъ синедріона (Іоан. I, 19—28) Повѣствованіе объ этомъ событіи и изъясненіе его. Побудительныя причины посольства отъ синедріона къ Іоанну съ вопросомъ: кто онъ? (ст. 19). Отвѣтъ Іоанна словами пророка Исаіи (20—23). Вопросъ фарисеевъ о правѣ его крестить и свидѣтельство Іоанна о пришедшемъ Мессіи (24—27). Гдѣ было дано это свидѣтельство (28)? Впечатлѣніе его на народъ, важность его и рѣшительность. Примѣч. къ ст. 19, 24 и 28. Стр. 348—350.

Призваніе Іисусомъ Христомъ послѣдователей изъ учениковъ Іоанна Крестителя. Призваніе двухъ апостоловъ (Іоан. I, 29—40). Повѣствованіе объ этомъ событіи и изъясненіе его. Свидѣтельство Іоанна Крестителя объ Іисусѣ Христѣ предъ своими учениками (20—34). Призваніе двухъ учениковъ. Замѣчательность этого дня и событія въ исторіи общественнаго служенія Іисуса Христа. Власть священства ведетъ свое начало отъ Самого Іисуса Христа. Стр. 350—353.

Призваніе Петра, Филиппа и Наѳанаила (Іоан. I, 41—51). Повѣствованіе объ этомъ событіи и изъясненіе его. Призваніе Петра (40—42) и на слѣдующій день Филиппа (43—44) и Наѳанаила (45—49). Что происходило въ душѣ Наѳанаила, когда онъ былъ подъ смоковницею? И чѣмъ объясняется быстрота исповѣданія его Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ? Размышленіе на слова Филиппа, сказанныя Наѳанаилу: *приди и посмотри.* Обѣтованіе, данное Іисусомъ Христомъ ученикамъ (50—51). Что означаетъ наименованіе—Сынъ Человѣческій? Стр. 353—358.

Какъ примирить разность въ повѣствованіяхъ Ев. Іоанна и первыхъ трехъ Евангелистовъ о призваніи Петра, Андрея и другихъ учениковъ? Стр. 359.

Библіографическій указатель къ событіямъ I гл. (19—51 ст.) Ев. отъ Іоанна Стр. 359—360.

Претвореніе воды въ вино (Іоан. II, 1—11). Повѣствованіе объ этомъ событіи и изъясненіе его. Общее замѣчаніе о характерѣ этого чуда, составляющаго какъ-бы

введеніе къ прочимъ чудесамъ Іисуса Христа. Объясненіе текста повѣствованія 1—5 ст., *Тренча.* Объясненіе 4 ст. въ Камнѣ вѣры *Стефана Яворскаго.* Объясненіе того же стиха въ Чт. Общ. л. д. пр. Объясненіе повѣствованія съ 6—11 ст. *Тренча.* Стр. 360—368.

Значеніе чуда на бракѣ въ Канѣ Галилейской, *прот. Нечаева.* Стр. 368—370.

Кана Галилейская. Стр. 370—371.

Характеръ чудесъ Іисуса Христа. Стр. 371—374.

Библіограф. указатель къ чуду на бракѣ въ Канѣ Галилейской. Стр. 374.

Первая Пасха общественнаго служенія Іисуса Христа.

Спаситель на первой Пасхѣ Іудейской (Іоан. II, 13—25). Изъясненіе словъ Спасителя о воскресеніи Его изъ мертвыхъ (Іоан. II, 21). *Филарета, м. Московскаго.* Стр. 375—382.

Библіографическій указатель. Стр. 382.

Бесѣда Іисуса Христа съ Никодимомъ (Іоан. гл. III, ст. 1—21), *В. Рождественскаго.*—Изъ бесѣды о новомъ рожденіи свыше. Іоан. III, 7. *Филарета, м. Московскаго.* Стр. 382—407.

Библіографическій указатель. Стр. 407.

Послѣднее свидѣтельство Іоанна Крестителя объ Іисусѣ Христѣ (Іоан. III, 22—36). Стр. 407—416.

Заключеніе Іоанна въ темницу. Стр. 416—417.

Бесѣда Іисуса Христа съ Самарянкою (Іоан. VI, 1—42).—Всякъ піяй отъ воды сея вжаждется паки, а иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки (Іоан. IV, 13—14).—О поклоненіи Богу духомъ и истиною, *св. Дмитрія Ростовскаго.*—Духъ есть Богъ, и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися (Іоан. IV, 24), *Андрея Гуляницкаго.*—Жатва благодати. (Іоан. IV, 35—38). Стр. 417—440.

Библіографическій указатель къ бесѣдѣ І. Х. съ Самарянкою. Стр. 440—441.

Возвращеніе Іисуса Христа въ Галилею (по заключеніи Іоанна Крестителя въ темницу) (Іоан. IV, 43—45. Мр. I, 14. Мѳ. IV, 12. Лук. IV, 14). Стр. 441—443.

Проповѣдь Іисуса Христа о покаяніи (Мѳ. IV, 13—17. Мр. I, 15. Лук. IV, 15). *Предтеченскаго.* — Покайтеся, приближися бо Царство Небесное (Мѳ. IV, 17).—Въ чемъ состоитъ покаяніе, и какъ намъ должно приступать къ этому? *Филарета, м. Московскаго.* Стр. 443—447.

Библіографическій указатель къ проповѣди Іисуса Христа о покаяніи. Стр. 447—448.

Исцѣленіе сына царедворца (Іоан. IV, 46—54). *Тренча.* Стр. 448—450.

Іисусъ Христосъ, отверженный Назаретянами (Лук. IV, 16—31).—Мысли *еп. Θеофана* на 18 ст. IV гл. Луки. *Его же* на ст. 22—30. Стр. 450—453.

Библіографическій указатель. Стр. 453.

Почему главнымъ мѣстомъ пребыванія Іисуса Христа въ Галилеѣ былъ Капернаумъ? **Исцѣленіе бѣсноватаго въ Капернаумской синагогѣ** (Мр. I, 23—27. Лук. IV, 33—36), *Тренча.* Мысли *еп. Θеофана* на 22 ст. I гл. Марка. *Св. Аѳанасія Александрійскаго* на 33—34 ст. IV гл. Луки. Стр. 453—456.

Исцѣленіе тещи Симона и многихъ больныхъ (Мѳ. VIII, 14—17. Мр. I, 29—32. Лук. IV, 38—40). Мысли *еп. Θеофана* на ст. 43 IV гл. Луки. Стр. 456—458.

Призваніе учениковъ (Мѳ. IV, 18—32. Мр. I, 14—20. Лук. IV, 31—32; V, 1—11).—О силѣ Божественнаго призванія и о послушаніи оному (Мѳ. IV, 22). *Филарета, м. Московскаго.*—Мысли *еп. Θеофана* на 18—24 ст. IV гл. Мѳ. *Его же* на 5—6 ст. V гл. Луки.—*Св. Амвросія Медіоланскаго* изъясненіе Еванг. о чудесной ловлѣ рыбы (Лук. V, 1—11). Стр. 458—465.

Библіографическій указатель къ призванію учениковъ. Стр. 465.

Исцѣленіе прокаженнаго (Мѳ. VIII, 1—4. Мр. I, 40—45. Лук. V, 12—16). *Тренча. Св. Исидора Пелусіота* на 4 ст. VIII гл. Мѳ. Стр. 465—467.

Исцѣленіе разслабленнаго въ Капернаумѣ (Мѳ. IX, 1—8). О томъ же по Ев. Марку II, 1—11.—*Блаж. Іеронима* изъясненіе Евангелія, читаемаго въ 6 недѣлю по Пятидесятницѣ (Мѳ. IX, 1—8).—О благотворныхъ дѣйствіяхъ вѣры (Мѳ. IX, 2), *Филарета, м. Московскаго.*—Мысли *еп. Θеофана* на Евангеліе объ исцѣленіи разслабленнаго (Мѳ. IX, 1—8). Стр. 467—476.

Библіографическій указатель. Стр. 476.

Призваніе Матѳея и вечеря въ его домѣ (Лук. V, 27—39. Мр. II, 13—22. Мѳ. IX, 9—17), *архим. Никодима.*—Новое вино въ ветхихъ мѣхахъ.—Мысли *еп. Θеофана* на 14—17 ст. IX гл. Мѳ.—*Св. Исидора Пелусіота* на слова: ниже вливаютъ вина нова въ мѣхи ветхи (Мѳ. IX, 17). Примиреніе разностей въ Евангельскихъ сказаніяхъ о призваніи Матѳея. *Свящ. Маркова.* Стр. 476—482.

Вторая Пасха общественнаго служенія Іисуса Христа.

Исцѣленіе разслабленнаго у овчей купели и рѣчи Іисуса Христа къ Іудеямъ, сказанныя по этому поводу

(Іоан. V). На какомъ праздникѣ совершено это чудо (ст. 1). Мнѣніе *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* — Изъясненіе 2—47 ст. — О Виѳездѣ, чудесной Іерусалимской купели.— О причинахъ болѣзней (на ст. 14), *Филарета, м. Московскаго.* О тѣхъ, которые предпринимаютъ какія либо дѣла безъ мысли о Богѣ (на ст. 17), *Филарета, м. Московскаго.*—Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю (Іоан. V, 17).—*Св. Григорія Богослова* на 19 ст.—*Препод. Исидора Пелусіота* на тотъ же стихъ. Изъясненіе 25 ст. *А. Серафимова. Св. Григорія Богослова* на 29 ст.—Состояніе праведныхъ и грѣшныхъ по смерти и воскресеніи. *Свящ. А. Делекторскаго.* Стр. 483—505.

Библіографическій указатель къ V гл. Ев. Іоанна. Стр. 506.

Возвращеніе Іисуса Христа въ Галилею. Ученики срываютъ колосья въ субботу (Мѳ. XII, 1—8. Мр. II, 23—28; Лук. VI, 1—5). Что такое суббота второпервая (Лук. VI, 1), по объясненію *св. Исидора Пелусіота* и *св. Іоанна Златоустаго?* Новѣйшія изслѣдованія о томъ же.—Изъясненіе изрѣченій Іисуса Христа о субботѣ (Мр. II, 27—28), *Филарета, м. Московскаго.*— Мысли *еп. Ѳеофана* на 2 ст. VI гл. Луки. Стр. 507—511.

Исцѣленіе сухорукаго (Мѳ. XII, 9—21. Мр. III, 1—13. Лук. VI, 6—11). Мысли *еп. Ѳеофана* на 12 ст. XII гл. Мѳ.—Толкованіе *Златоуста* на 17—21 ст. XII гл. Мѳ.—Вопросъ и отвѣтъ *св. Василія Великаго* къ ст. 20. Стр. 511—513.

Избраніе двѣнадцати Апостоловъ (Мр. III, 13—19. Лук. VI, 12—16. Мѳ. X, 2—4). Для чего Іисусъ Христосъ избралъ Іуду Искаріотскаго въ число Своихъ учениковъ? *С. Д—ва.* Стр. 513—517.

О нагорной проповѣди. Примиреніе нѣкоторыхъ разностей въ нагорной проповѣди у Ев. Матѳ. и Луки. *Прот. Гречулевича.*—Примиреніе разностей въ изложеніи ученія о блаженствахъ у Ев. Матѳея и Луки, *С. Соллертинскаго.* Стр. 517—520.

Изъясненіе заповѣдей о блаженствахъ (Мѳ. V, 1—10), *прот. Нектаріевскаго.* Стр. 520—535.

Утѣшеніе противъ клеветъ и злорѣчій человѣческихъ, *св. Тихона Воронежскаго* (Мѳ. V, 11—12). Стр. 535—537.

Соль земли. *Прот. Нечаева.* (Мѳ. V, 13). Стр. 537—539.

Назначеніе пастырей Христовой Церкви (Мѳ. V, 14—16), *П. Попова.* Стр. 539—542.

Изъясненіе Ев. отъ Мѳ. гл. V, 17—48. Новозавѣтный законъ въ сравненіи съ Ветхозавѣтнымъ. *Еп. Агаѳангела* и *архим. Ѳеодора.* **О ненарушимости Ветхаго Завѣта и о правдѣ вообще** (17—20). Стр. 542—546.

О заповѣди не убій (21—26). Слово о гнѣвѣ человѣческомъ (22), *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Обстоятельства и случаи, въ которыхъ гнѣвъ бываетъ грѣшнымъ и безгрѣшнымъ, а также можетъ ли, когда и какъ переводимъ быть изъ состоянія грѣшнаго въ состояніе безгрѣшное. *Арсенія, митр. Кіевскаго.* Стр. 546—560.

О заповѣди: не прелюбы сотвори (27—30), *еп. Агаѳангела* и *архим. Ѳеодора.* Стр. 560—562.

О заповѣди относительно развода (31—32). Стр. 562—564.

О клятвѣ. Въ какомъ смыслѣ Іисусъ Христосъ воспрещаетъ клятву? (Мѳ. 33—37). Стр. 564—567.

О заповѣди относительно возмездія за обиду (Мѳ. V, 38—42), *еп. Агаѳангела* и *архим. Ѳеодора.* Стр. 567—570.

О любви ко врагамъ и христіанской благотворительности (Лук. VI, 27—36. Мѳ. V, 43—48). *Державина.* Собесѣдованіе Константина философа о любви ко врагамъ. Стр. 570—575.

И взаимъ дайте, ничесоже чающе (Лук. VI, 36). Стр. 575—576.

Будите совершени, якоже Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть (Мѳ. V, 48). Стр. 576—577.

Избранныя толкованія *Филарета, м. Москов.* на VI гл. Ев. Луки и V гл. Ев. Матѳея. О силѣ, исходившей отъ Господа Іисуса и исцѣлявшей вся (Лук. VI, 19). Блажени плачущіе нынѣ (Лук. VI, 21). Горе вамъ, смѣющимся нынѣ, яко возрыдаете и восплачете (ст. 25). Изъясненіе изрѣченія I. X. о свѣтѣ (Мѳ. V, 16). О присягѣ. Стр. 577—582.

Избранныя мѣста изъ твореній св. отцевъ на V гл. Евангелія отъ Матѳея. *Св. Аѳанасія Александрійскаго* на ст. 8. *Св. Исидора Пелусіота* на слова: блажени миротворцы (ст. 9). *Его же* на слова: да просвѣтится свѣтъ вашъ (ст. 16), и о томъ, что не противорѣчитъ сіе сказанному: внемлите милостыни вашея и т. д. (VI, 1). *Св. Василія Великаго* на ст. 23—25. *Св. Исидора Пелусіота* на ст. 25. *Св. Аѳанасія Александрійскаго* на ст. 28. *Св. Исидора Пелусіота*—какъ должно разумѣть слова: аще око твое и рука твоя соблажняетъ тя (ст. 29—30)? *Блаж. Августина* о клятвѣ (ст. 33). *Св. Іоанна Златоустаго* о томъ же. *Св. Ефрема Сирина* о томъ же. *Св. Исидора Пелусіота* на слова: око за око и т. д. 38 ст. *Св. Григорія Богослова* на ст. 45. Стр. 582—589.

Библіографическій указатель къ V гл. Ев. Мѳ. Стр. 590—593.

Какъ по ученію Іисуса Христа должно творить милостыню, молиться и поститься. Объясненіе Евангелія отъ Матѳея гл. VI, ст. 1—8. *Епископа Алеѳангела* и *архим. Ѳеодора.*—Да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя. Мѳ. VI, 3. Стр. 593—602.

О молитвѣ Господней. Археологическій эскизъ. Экзегетическія примѣчанія къ молитвѣ Господней. Изъясненіе молитвы Господней *Филарета, м. Московскаго* (Мѳ. V, 9—13). Стр. 602—613.

Аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ Небесный. Мѳ. VI, 14. Стр. 613—615.

Изъясненія 16—18 ст. О постѣ, милостынѣ и молитвѣ, *еп. Алеѳангела* и *архим. Ѳеодора.*— Смыслъ словъ Іисуса Христа о постѣ, милостынѣ и молитвѣ. *Филарета, митр. Московскаго.* Стр. 615—616.

Вліяніе сердечной привязанности на жизнь и характеръ человѣка (Мѳ. XVII, 21), *П. Надеждина.* Стр. 616—621.

Объ истинномъ просвѣщеніи ума и безпристрастіи къ земнымъ стяжаніямъ. Изъясненіе Мѳ. VI, 22—23. Стр. 621—625.

Противъ роскоши въ одеждѣ и убранствѣ (Мѳ. VI, 28—29), *Филарета, митр. Московскаго.* Стр. 625—627.

Цвѣты. Смотрите кринъ сельныхъ (Мѳ. VI, 28—30). Стр. 627—629.

Изъясненіе словъ Іисуса Христа: ищите прежде Царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ (Мѳ. VI, 33), *Филарета, митр. Московскаго.*—Размышленіе изъ Воскреснаго Евангелія на тотъ же стихъ. Стр. 629—632.

Избранныя мѣста изъ твореній св. отцевъ на VI гл. Евангелія отъ Матѳея. *Св. Исидора Пелусіота* о томъ, что не должно творить милостыню предъ человѣки (ст. 1-й). Его же на слова: да просвѣтится свѣтъ вашъ (Мѳ. V, 16), и что не противорѣчитъ сіе сказанному: внемлите милостыни вашея и проч. (VI,—1). *Св. Аѳанасія Александрійскаго* на 3-й ст. *Св. Исидора Пелусіота* на тотъ же ст. *Св. Василія Великаго* на 6 ст. *Св. Аѳанасія Александрійскаго* на 7, 19, 20 и 25 ст. *Св. Василія Великаго* на 17—18 ст. Его же на 31 ст. Его же на 34 ст. Стр. 632—636.

Библіографическій указатель къ VI гл. Ев. Мѳ. Стр. 636—639.

Изъясненіе VII гл. Ев. Мѳ. О грѣхѣ осужденія ближнихъ, *св. Аѳанасія Александрійскаго* (Мѳ. VII, 1—5). Ею же мѣрою мѣрите, возмѣрится вамъ (Мѳ. VII, 2). Стр. 640—642.

Объ охраненіи святыни (Мѳ. VII, 6), *Филарета, архіеп. Рязан.* Избранныя святоотеческія толкованія на этотъ стихъ. *Св. Іоанна Златоустаго:* о внимательномъ слушаніи слова Божія.—На тотъ же стихъ *св. Исидора Пелусіота, св. Аѳанасія Александрійскаго.* Стр. 642—644.

Услышаніе нашихъ молитвъ (ст. 8—11). *Св. Исидора Пелусіота* на 11 ст.: аще убо вы лукави суще. *Св. Григорія Богослова* на тотъ же ст. Стр. 644—646.

О широкомъ и узкомъ пути (13—14). *Митрополита Григорія.* О томъ же *Святителя Минятія.* О томъ же *св. Іоанна Лѣствичника.* О томъ же *св. Василія Великаго.* Стр. 646—648.

Предостереженіе отъ ложныхъ пророковъ (15 ст.). Волки въ овечьей кожѣ, *прот. Нечаева.* Стр. 648—651.

Объ истинной и ложной мудрости (Мѳ. VII, 24—27), *св. Златоуста.* О томъ же *еп. Ѳеофана.* Стр. 651—652.

Библіографическій указатель къ VII гл. Ев. Мѳ. Стр. 652—653.

Впечатлѣніе проповѣди Іисуса Христа на народъ (ст. 28 и 29 гл. VII), *Прилежаева* Стр. 653—655.

Исцѣленіе слуги сотника въ Капернаумѣ (Мѳ. VIII, 5—13. Лук. VII, 1—10). *Бл. Іеронима* изъясненіе Евангелія, читаемаго въ четвертую недѣлю по Пятидесятницѣ. (Мѳ. VIII, 5—13). Стр. 655—658.

Плаваніе по морю и усмиреніе бури (Мѳ. VIII, 23—27. Мр. IV, 35—41. Лук. VIII, 22—25). Мысли *еп. Ѳеофана* объ этомъ событіи по Ев. Лук. VIII, 20—25 и Мр. IV, 38—39. Стр. 658—659.

Отказъ Господа книжникамъ и двумъ ученикамъ слѣдовать за Нимъ (Мѳ. VIII, 18—22. Лук. IX, 57—62). Мысли *еп. Ѳеофана* объ этомъ событіи. *Св. Исидора Пелусіота* на ст. 20, VIII гл. Мѳ. *Св. Аѳанасія Александрійскаго* на IX гл. Лук. ст. 57—58. Изъясненіе изрѣченія Іисуса Христа: никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять, управленъ есть въ Царствіи Небеснѣмъ (Лук. IX, 62). *Филарета, м. Москов.* Стр. 659—663.

Исцѣленіе Гадаринскихъ бѣсноватыхъ (Мѳ. VIII, 31—32). О бытіи злыхъ духовъ, *Леонтія, архіеп. Варш.*—И моли Его (Іисуса Христа) весь народъ страны Гадаринскія отъити отъ нихъ (Лук. VIII, 37).—Избранныя мѣста изъ св. отцевъ въ изъясненіе Евангелія отъ Луки объ исцѣленіи Гадаринскаго бѣсноватаго (Лук. VIII, 29—39). Стр. 663—670.

Библіографическій указатель къ VIII гл. Ев. Мѳ. и парал. Стр. 671—672.

Воскрешеніе дочери Іаира (Мѳ. IX, 18—19. 23—26. Мр. V, 22, 24, 35—43. Лук. VIII, 41. 42. 49—56), *Тренча.*—О воскресеніи дочери Іаира и исцѣленіи жены кровоточивой, *Исидора, митр. Новг.* Стр. 672—677.

Объ исцѣленіи кровоточивой (Мѳ. IX, 20—22), *Анатолія, архіеп. Могилевскаго.* Два вопроса изъ Евангелія объ исцѣленіи кровоточивой жены (Лук. VIII,—45), *Филарета, м. Московскаго.* Стр. 677—680.

Исцѣленіе двухъ слѣпыхъ и нѣмаго бѣсноватаго (Мѳ. IX, 27 — 35). Стр. 680—683.

Воскрешеніе сына Наинской вдовы (Лук. VII, 11—16). *Св. Амвросія Медіоланскаго* изъясненіе Евангелія о воскресеніи сына Наинской вдовы. Стр. 683—685.

Библіографическій указатель къ IX гл. Ев. отъ Матѳ. и парал. Стр. 686—687.

Посольство отъ Іоанна Крестителя къ Іисусу Христу (Мѳ. XI, 2—19. Лук. VII, 18—28). Посольство отъ Іоанна Крестителя къ Іисусу Христу. *А. Л—ва.* (Мѳ. XI, 21). Объ отвѣтѣ Господа посланнымъ отъ Іоанна Крестителя, *Проф. Муретова.* (Мѳ. XI, 4—19. Лук. VII, 22—35).—Оправданная премудрость (Мѳ. XI, 19). Стр. 687—705.

Угроза нераскаяннымъ (Мѳ. XI, 21—24), *прот. Нечаева.* Стр. 705—706.

Славословіе Богу Отцу за открытіе тайнъ младенцамъ (Мѳ. XI, 25—27). *Св. Златоуста.* Стр. 706—708.

Объ упокоеніи труждающихся и обремененныхъ (Мѳ. XI, 28—29), *Филарета, м. Московскаго.* Стр. 708—710.

Избранныя толкованія изъ твореній св. отцевъ на XI гл. Ев. отъ Матѳея. *Св. Исидора Пелусіота* на ст. 3, 8 и 9. *Преп. Макарія Египетскаго* изъясненіе ст. 11. *Св. Исидора Пелусіота* о томъ, что значитъ сказанное объ Іоаннѣ: мній же въ Царствіи Небеснѣмъ, и проч. 11 ст. *Св. Аванасія Александрійскаго* на ст. 29—30. Изъ бесѣды *св. Іоанна Златоустаго* на слова Евангелія отъ Матѳея гл. XI, 28—30. Стр. 710—714.

Библіографическій указатель къ XI гл. Ев. Мѳ. и парал. Стр. 715.

Милосердіе Господа къ покаявшейся грѣшницѣ (по изображенію св. Ефрема Сирина). (Лук. VII, 36—50). *Свящ. П. Смирнова.*—Жена грѣшница и фарисей (Лук. VII, 34—50). Стр. 716—723.

Библіографическій указатель къ VII гл. Лук. ст. 36—50. Стр. 723.

Іисусъ Христосъ отражаетъ клевету фарисеевъ, приписавшихъ Ему сношеніе съ веельзевуломъ (Мѳ. XII, 22—37. Лук. XI, 14—23; гл. XII, 10. Мр. III, 20—30).—Мысли *еп. Θеофана* на Марк. III гл. 24 ст. *Его же* на Лук. XI гл. 21—22 ст. *Его же* на Матѳ. XII гл. 30 ст. Изъясненіе словъ Іисуса Христа: иже нѣсть на вы, по васъ есть. Иже нѣсть со Мною, на Мя есть (Лук. IX, 50; XI, 23). *Св. Василія Великаго* на Мѳ. XII, 28 и Лук. XI, 20. Стр. 723—727.

Грѣхъ противъ Духа Святаго (Мѳ. XII, 31—32). *Св. Исидора Пелусіота* о хулѣ на Святаго Духа (Мѳ. XII, 32). О томъ же *св. Аванасія Александрійскаго.* Стр. 727—732.

Іисусъ Христосъ укоряетъ фарисеевъ за требованіе знаменія отъ Него (Мѳ. XII, 38—45. Лук. XI, 16, 29—32, 24—26). Знаменіе Іоны пророка (Мѳ. XII, 39—40). *Преп. Исидора Пелусіота* о томъ, что три дня и три ночи пробылъ Господь во гробѣ (Мѳ. XII, 40). *Св. Григорія Богослова* на ст. 43—45 гл. XII Мѳ. Мысли *еп. Θеофана* о томъ же. Стр. 732—738.

Іисусъ Христосъ похваляетъ слушающихъ и соблюдающихъ слово Божіе (Лук. XI, 27—28; VIII, 19—21. Мр. III, 31—35. Мѳ. XII, 46—13, 1). Мать и братья Іисусовы (Марк. III, 31—35), *Филарета, митроп. Москов.* О томъ же, *прот. Нечаева.* Стр. 738—741.

Библіографическій указатель къ XII гл. Мѳ. 22—50 ст. и парал. Стр. 742.

Евангельскія притчи изъ природы. (Мѳ. XIII гл. и парал.). Стр. 742—744.

Изъясненіе притчи о сѣятелѣ и сѣмени. (Лук. VIII, 5—15. Мѳ. XIII, 3—23. Мр. IV, 3—25). *Св. Исидора Пелусіота* о словахъ Писанія: ово убо сто, ово же шестьдесятъ, ово же тридесять (Мѳ. XIII, 8). Стр. 745—747.

Изъясненіе притчи о добромъ сѣмени и плевелахъ (Мѳ. XIII, 24—30), *прот. Богословскаго. Св. Исидора Пелусіота* на притчу о плевелахъ (Мѳ. XIII, 28). Стр. 747—750.

На притчу о зернѣ горчичномъ. Подобно есть Царствіе Небесное зерну горушичну, еже малѣйше есть отъ всѣхъ сѣменъ, егда же возрастетъ, болѣе всѣхъ зелій есть (Мѳ. XIII, 32). Значеніе притчи о зернѣ горчичномъ, *преп. Исидора Пелусіота.* О томъ же, *преп. Исаіи.* Стр. 750—752

Притча Спасителя о закваскѣ (Мѳ. XIII, 33), *прот. В. Нечаева.* О томъ же *преп. Исидора Пелусіота, св. Аванасія Александрійскаго* на ту же притчу по Евангелисту Лукѣ (XIII, 21). Стр. 752—755.

Св. Исидора Пелусіота. Почему Господь называется бисеромъ, и почему Царство Небесное уподобляется ищущу добрыхъ бисерей (Мѳ. XIII, 45)? Стр. 755.

Обрѣтеніе сокровища, скрытаго на полѣ (Мѳ. XIII, 44). Значеніе притчи о сокровищѣ, скрытомъ въ полѣ, *Филарета, м. Московскаго* (Мѳ. XIII, 44). Стр. 755—757.

Значеніе притчи о неводѣ. *Преп. Исидора Пелусіота* (Мѳ. XIII, 47). Стр. 757.

Библіографическій указатель къ XIII гл. Ев. Матѳ. и парал. Стр. 758—759.

Отправленіе двѣнадцати Апостоловъ на проповѣдь (Мр. VI, 7—13. Лук. IX, 1—

6. Мѳ. IX, 35—38; X, 1—16). Анализъ содержанія X гл. Евангелія отъ Матѳея. Стр. 759—762.

Толкованіе *св. Исидора Пелусіота* на V гл. Стр. 762.

О безкорыстномъ и вѣрномъ раздаяніи благодатныхъ даровъ, *Филарета, м. Московскаго* (ст. 7—8). О томъ же *Филарета, м. Кіевскаго* (ст. 9—10). Стр. 762—763.

Избранныя толкованія св. оо. на 16 ст.—Мудрость зміиная, простота голубиная, *прот. Нечаева.* Стр. 763—767.

Изъясненіе словъ І. Х.: претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ (ст. 20), *Филарета, м. Московскаго.* Стр. 767—768.

О случаяхъ и условіяхъ къ пріобрѣтенію славнаго вѣнца исповѣдниковъ Христовыхъ (ст. 32—33). Стр. 768—771.

Аще кто любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ (ст. 37). Христіанскій примѣръ самоотверженія отеческой любви къ сыну изъ любви къ Богу (ст. 37). Стр. 771—772.

Св. Исидора Пелусіота на слова: *пріемляй пророка во имя пророче мзду пророчу пріемлетъ* (ст. 41). Его же на ст. 42. Стр. 772—773.

Библіографическій указатель къ X гл. Мѳ. и парал. Стр. 773—774.

Слухъ объ Іисусѣ тревожитъ убійцу Предтечи (Лук. IX, 7—9. Мр. VI, 14—16. Мѳ. XIV, 1—2). Стр. 774.

Изъ бесѣды *Евсевія Могилевскаго* на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи (Ев. Марка VI, 17—29). Стр. 774—777.

Удаленіе Іисуса Христа изъ области Ирода на восточную сторону моря (Лук. IX, 10. Мр. VI, 30—32. Мѳ. XIV, 13. Іоан. VI, 1). Стр. 777—778.

Св. Іоанна Златоустаго **бесѣда на усѣкновеніе главы святаго Іоанна Крестителя** (Мѳ. XIV, 1—10). Стр. 778—780.

Изъ бесѣды *Анатолія, архіеп. Могилевскаго,* **о чудѣ насыщенія пятью хлѣбами и двумя рыбами пяти тысячъ народа** (Мѳ. XIV, 13—22). *Бл. Іеронима* изъясненіе Евангелія въ 8 нед. по Пятидесятницѣ (Мѳ. XIV, 14—22). Стр. 780—784.

Чудо хожденія по морю (Мѳ. XIV, 22—34). *Блаж. Іеронима* изъясненіе Евангелія читаемаго въ 9 недѣлю по Пятидесятницѣ (Мѳ. XIV, 23—34). Какъ нужно понимать Евангельское повѣствованіе о хожденіи Іисуса Христа по морю? *(С. Д—ва.)* Стр. 784—790.

Библіографическій указатель къ XIV гл. Ев. Мѳ. и парал. Стр. 790—791.

Бесѣда о хлѣбѣ небесномъ (Іоан. VI, 22—71). Изъясненіе 22—36 ст. *Филарета Черниговскаго.*—*Св. Исидора Пелусіота* на ст. 35: Азъ есмь хлѣбъ животный.—Изъясненіе 37—40 ст. *Филарета Черниговскаго.* Изъясненіе 38—40 ст. *Властова.*—Изъясненіе 41—59 ст. *Филарета Черниговскаго. Св. Василія Вел.* на слова: *и Азъ живу Отца ради* (ст. 57). Изъясненіе 59—66 ст. *Филарета, архіеп. Черниг.*—Изъясненіе 62—63 ст. *еп. Михаила.*—О значеніи таинства причащенія (ст. 53, 56—63), *прот. Базарова.*—Существенныя особенности слова Христова, отличающія его отъ слова человѣческаго (ст. 63), *Амвросія, архіеп. Харьковскаго.*—Мысли *еп. Ѳеофана* на ст. 66—67.—Изъясненіе 64—71 ст. *Филарета Черниговскаго.* Стр. 792—807.

Библіографическій указатель къ VI гл. Ев. Іоанна. Стр. 807.

ОГЛАВЛЕНІЕ

предметовъ и статей Сборника въ порядкѣ главъ и стиховъ каждаго Евангелія.

Глава.	*Стихъ.*		*Стран.*
		Евангеліе отъ Матѳея.	
I.	1—17.	Родословіе Господа нашего Іисуса Христа, *М. И. Богословскаго.*—Годъ рождества Іисуса Христа	67—84.
—	18—25.	Открытіе Іосифу, обрученнику Пресвятыя Дѣвы Маріи, тайны воплощенія Сына Божія. *Его же*	179—190.
II.	1—12.	Поклоненіе отъ волхвовъ Спасителю.—Дары Господу въ праздникъ Рождества Христова	228—232.
—	1—2. 9—10.	Звѣзда, явившаяся на востокѣ при рождествѣ Іисуса Христа. *Свящ. Златоверховникова*	232—236.
—	13—15.	Бѣгство во Египетъ	236—238.
—	16—18.	Избіеніе младенцевъ	238—245.
—	19—23.	Возвращеніе изъ Египта	245—246.
III.	1—12.	Явленіе и дѣятельность Іоанна Крестителя. Сравнительно-изъяснительное обозрѣніе Евангельскихъ сказаній о томъ.	265—281.
—	13—17.	Крещеніе Іисуса Христа.—О томъ же по сравненію съ другими Евангелистами, *М. Казанскаго.*—Мысли святыхъ отцевъ и учителей Церкви о крещеніи Іисуса Христа.—Іорданъ.	294—307.
IV.	1—11.	Объ искушеніи Іисуса Христа въ пустынѣ отъ діавола, *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* О томъ же, *Тренча, архіеп. Дублинскаго*	308—334.
—	12.	Возвращеніе Іисуса Христа въ Галилею (по заключеніи Іоанна Крестителя въ темницу), *прот. Горскаго*	441—443
—	13—17.	Проповѣдь Іисуса Христа о покаяніи, *свящ. Предтеченскаго. Покайтеся, приближися бо Царство Небесное.* Въ чемъ состоитъ покаяніе, и какъ намъ должно приступать къ нему, *Филарета, митроп. Московскаго*	443—447.
—	18—24.	Мысли *епископа Ѳеофана* о призваніи учениковъ . . .	464.
—	22.	О силѣ Божественнаго призванія и послушанія оному, *Филарета, митроп. Московскаго*	462—464.
V.	—	Примиреніе нѣкоторыхъ разностей въ нагорной проповѣди у Еванг. Матѳея и Луки. *Прот. Гречулевича:* Примиреніе разностей въ изложеніи ученія о блаженствахъ у Еванг. Матѳея и Луки, *С. Соллертинскаго*	517—520.
—	1—10.	Изъясненіе заповѣдей о блаженствахъ, *прот. Нектаріевскаго.*	520—435.
—	11—12.	Утѣшеніе противъ клеветъ и злорѣчій человѣческихъ, *святаго Тихона Воронежскаго*	535—537.
—	13.	Соль земли. *Свящ. Нечаева*	537—539.
—	14—16.	Назначеніе пастырей Христовой Церкви, *П. Попова* . .	539—542.
—	16.	Изъясненіе изрѣченій Іисуса Христа о свѣтѣ, *Филарета, митроп. Московскаго.* О томъ же, *св. Исидора Пелусіота.*	579—581.

Глава.	Стихъ.		Стран.
V.	17—26.	Новозавѣтный законъ въ сравненіи съ ветхозавѣтнымъ, *епископа Агаѳангела* и *архим. Ѳеодора*	542.
—	22.	Слово о гнѣвѣ человѣческомъ, *Филарета, архіеп. Черниговскаго.*—Обстоятельства и случаи, въ которыхъ гнѣвъ бываетъ грѣшнымъ и безгрѣшнымъ. *Арсенія, митроп. Кіевскаго*	555—560.
—	23—25.	Толкованіе *святаго Василія Великаго*	583.
—	25.	Толкованіе *святаго Исидора Пелусіота*	583.
—	27—30.	О заповѣди: *не прелюбы сотвори, архіеп. Агаѳангела* и *архим. Ѳеодора*	560—562.
—	28.	Толкованіе *святаго Аѳанасія Александрійскаго* . . .	584.
—	29—30.	Толкованіе *святаго Исидора Пелусіота*	584—585.
—	31—32.	О заповѣди относительно развода, *епископа Агаѳангела* и *архим. Ѳеодора*	562—564.
—	33—37.	О клятвѣ	564—567.
		О клятвѣ, *блаженнаго Августина, святаго Златоуста* и *Ефрема Сирина*	585—589.
		О присягѣ, *Филарета, митроп. Московскаго*	581—582.
—	38—42.	О заповѣди относительно возмездія за обиду, *архіеп. Агаѳангела* и *архим. Ѳеодора*	567—570.
—	38.	Толкованіе *святаго Исидора Пелусіота*	589.
—	43—48.	О любви ко врагамъ и христіанской благотворительности .	570—574.
—	45.	Толкованіе *святаго Григорія Богослова*	589.
—	48.	*Будите совершени, якоже и Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть*	576—577.
VI.	1—18.	Какъ по ученію Іисуса Христа должно творить милостыню, молиться и поститься. *Епископа Агаѳангела* и *архим. Ѳеодора*	593—597.
—	1.	Толкованіе *святаго Исидора Пелусіота*	633.
—	3.	*Да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя* .	597—613.
—		Толкованіе *святаго Аѳанасія Александрійскаго* и *Исидора Пелусіота*	633—634.
—	6.	Толкованіе *святаго Василія Великаго*	634.
—	7.	Толкованіе *святаго Аѳанасія Александрійскаго* . . .	634—635.
—	9—13.	О молитвѣ Господней. Археологическій эскизъ. Экзегетическія примѣчанія	602—608.
		Изъясненіе молитвы Господней. *Филарета, митроп. Московскаго*	608—615.
—	14.	*Аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ Небесный*	613—615.
—	16—17.	Толкованіе *епископа Агаѳангела* и *архим. Ѳеодора.* Смыслъ словъ Іисуса Христа о постѣ, милосердіи и молитвѣ. *Филарета, митроп. Московскаго*	615—616.
—	17—18.	Толкованіе *святаго Василія Великаго*	635.
—	19—20. 25.	Толкованіе *святаго Аѳанасія Александрійскаго* . . .	634—635.
—	21.	Вліяніе сердечной привязанности на жизнь и характеръ человѣка, *Ѳ. Надеждина*	616—621.
—	22—33.	Объ истинномъ просвѣщеніи ума и безпристрастіи къ земнымъ стяжаніямъ	621—625.
—	28—29.	Противъ роскоши въ одеждѣ, *Филарета, митроп. Московскаго* .	625—627.
—	28—30.	Цвѣты	627—629.
—	31.	Толкованіе *святаго Василія Великаго*	635—636.
—	33.	Изъясненіе словъ Іисуса Христа: *ищите прежде Царствія Божія и правды его... Филарета, митроп. Московскаго,* Размышленіе на тѣ же слова.	629—632.

Глава.	Стихъ.		Стран.
VI.	34.	Толкованіе *святаго Василія Великаго*	636
VII.	1—5.	О грѣхѣ осужденія ближнихъ, *св. Аѳанасія Александрійскаго*.	640—641.
—	2.	*Ею́же мѣ́рою мѣ́рите, возмѣ́рится и вамъ*	641—642.
—	6.	Объ охраненіи святыни. *Филарета, архіеп. Рязанскаго*	642.
		На тотъ же стихъ *святаго Іоанна Златоуста* (о внимательномъ слушаніи слова Божія), *Исидора Пелусіота* и *Аѳанасія Александрійскаго*	642—644.
—	7—11.	Услышаніе нашихъ молитвъ.—На 11 ст. *святаго Исидора Пелусіота* и *Григорія Богослова*	644—646.
—	13—14.	О широкомъ и узкомъ пути, *Григорія, митроп. Новгородскаго.* О томъ же *Святителя Минятія, святаго Іоанна Лѣствичника* и *Василія Великаго*	646—648.
—	15.	Предостереженіе отъ ложныхъ пророковъ.—Волки въ овечьей кожѣ, *прот. Нечаева*	648—651.
—	24—27.	Объ истинной и ложной мудрости *святаго Златоуста.* О томъ же. *Епископа Ѳеофана*	651—652.
—	28—29.	Впечатлѣніе нагорной проповѣди на народъ, *Прилежаева*	653—655.
VIII.	1—4.	Исцѣленіе прокаженнаго, *Тренча.* На 4 ст. *святаго Исидора Пелусіота*	465—467.
—	5—13.	Исцѣленіе слуги Капернаумскаго сотника.—Изъясненіе Евангелія, читаемаго въ 4-ю недѣлю по Пятидесятницѣ, *блаженнаго Іеронима*	655—658.
—	14—17.	Исцѣленіе тещи Симона и многихъ больныхъ, *Тренча*	456—458.
—	18—22.	Отказъ Господа книжникамъ и двумъ ученикамъ слѣдовать за Нимъ. Мысли о томъ *епископа Ѳеофана.* На 20 ст. *святаго Исидора Пелусіота*	659—661.
—	23—27.	Плаваніе по морю и усмиреніе бури	658.
—	31—32.	Исцѣленіе Гадаринскихъ бѣсноватыхъ.—О бытіи злыхъ духовъ, *Леонтія, архіеп. Варшавскаго*	663—669.
IX.	1—8.	Исцѣленіе разслабленнаго въ Капернаумѣ.—О благотворныхъ дѣйствіяхъ вѣры, *Филарета, митроп. Московскаго.* Мысли *епископа Ѳеофана* объ исцѣленіи разслабленнаго. Изъясненіе Еванг., читаемаго въ 6-ю недѣлю по Пятидесятницѣ	467—475.
—	9—17.	Призваніе Матѳея и вечеря въ его домѣ, *архим. Никодима.*— Новое вино въ ветхихъ мѣхахъ.—Мысли *епископа Ѳеофана* на 14—17 ст. *Святаго Исидора Пелусіота* на 17 ст.— Примиреніе разностей въ Евангельскомъ повѣствованіи о призваніи Матѳея 18—19.	476—482.
—	23—26.	Воскрешеніе дочери Іаира, *Тренча*	672—675.
—	20—22.	Исцѣленіе кровоточивой, *Анатолія, архіеп. Могилевскаго*	677—678.
—	27—35.	Исцѣленіе двухъ слѣпыхъ и нѣмаго бѣсноватаго	680—682.
— 35	X, 1—16.	Отправленіе 12 Апостоловъ на проповѣдь	759—761.
X.	—	Анализъ содержанія X главы Евангелія Матѳея	761—762.
—	5.	Толкованіе *святаго Исидора Пелусіота*	762.
—	7—8.	О безкорыстномъ и вѣрномъ раздаяніи благодатныхъ даровъ. *Филарета, митроп. Московскаго*	762.
—	9—10.	О томъ же *Филарета, митроп. Кіевскаго*	762—763.
—	16.	Избранныя толкованія святыхъ отцевъ на ст. 16. Мудрость зміиная, простота голубиная, *прот. Нечаева*	763—767.
—	22.	Изъясненіе словъ Іисуса Христа: *претерпѣвый же до конца, той спасется, Филарета, митроп. Московскаго.*	767—768.
—	32—33.	*Всякъ, иже исповѣсть Мя предъ человѣки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ. А иже отвержется Мене, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ.*	768—770.

Глава.	Стихъ.		Стран.
X.	37.	*Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ.*—Христіанскій примѣръ отеческой любви къ Сыну изъ любви къ Богу	770—772.
—	41—42.	*Святаго Исидора Пелусіота* на слова: *пріемляй пророка во имя пророче мзду пророчу пріемлетъ*	772—773.
XI.	2—19.	Посольство отъ Іоанна Крестителя къ Іисусу Христу. О томъ же. *А. Л—ва*	687—694.
—	38.	Толкованіе *святаго Исидора Пелусіота*	710—711.
—	4—19.	Объ отвѣтѣ Господа посланнымъ отъ Іоанна Крестителя. *Муретова*	694—702.
—	11.	Толкованіе *препод. Макарія Великаго и Исидора Пелусіота.*	711—712.
—	19.	Оправданная премудрость	703—705.
—	21—24.	Угроза нераскаяннымъ, *прот. Нечаева*	705—706.
—	25—27.	Славословіе Богу Отцу за открытіе тайнъ младенцамъ, *святаго Златоуста*	706—708.
—	28—29.	Объ упокоеніи труждающихся и обремененныхъ, *Филарета, митроп. Московскаго*	708—710.
—	28—30.	О томъ же *святаго Златоуста*	712—714.
—	29—30.	Толкованіе *святаго Аѳанасія Александрійскаго* . . .	712.
XII.	1—8.	Ученики срываютъ колосья въ субботу	507.
—	11—12.	Изъясненіе изрѣченій Іисуса Христа о субботѣ, *Филарета, митроп. Московскаго*	509—510.
—	9—21.	Исцѣленіе сухорукаго.—Мысли *епископа Ѳеофана* . . .	511.
—	17—21.	Толкованіе *святаго Златоуста*	511—512.
—	20.	Вопросъ и отвѣтъ *святаго Василія Великаго*	512—513.
—	22—37.	Іисусъ Христосъ отражаетъ клевету фарисеевъ, приписывавшихъ Ему сношеніе съ веельзевуломъ. Толкованіе *святаго Василія Великаго,* на ст. 28.—Мысли *епископа Ѳеофана* на ст. 30.	723—726.
—	31—32.	Грѣхъ противъ Духа Святаго.—Толкованіе *святаго Исидора Пелусіота* и *Аѳанасія Александрійскаго*	727—732.
—	38—45.	Іисусъ Христосъ укоряетъ фарисеевъ за требованіе знаменія отъ Него	732—733.
—	39—40.	Знаменіе Іоны пророка.—*Святаго Исидора Пелусіота* о томъ, что три дня и три ночи пробылъ Господь во гробѣ . .	733—737.
—	43—45.	Толкованіе *святаго Григорія Богослова.*—Мысли *епископа Ѳеофана*	737—738.
—	46—VIII,1.	Іисусъ Христосъ похваляетъ слушающихъ и соблюдающихъ слово Божіе	738.
XIII.	3—23.	Изъясненіе притчи о сѣятелѣ и сѣмени.—*Святаго Исидора Пелусіота* о словахъ: *ово убо сто, ово же шестьдесятъ, ово же тридесять* (ст. 8).	745—747.
—	24—30.	Изъясненіе притчи о добромъ сѣмени и плевелахъ, *прот. Богословскаго. Исидора Пелусіота,* о томъ же	747—750.
—	32.	Притча Спасителя о зернѣ горчичномъ.—О значеніи этой притчи *святаго Исидора Пелусіота и препод. Исаіи* .	750—752.
—	33.	Притча Спасителя о закваскѣ, *прот. Нечаева.* О томъ же. *Святаго Исидора Пелусіота*	752—755.
—	44.	Значеніе притчи о сокровищѣ, скрытомъ въ полѣ, *Филарета, митроп. Московскаго*	755—757.
—	45.	*Святаго Исидора Пелусіота* о томъ, почему Господь называется бисеромъ, и почему Царство Небесное уподобляется ищущимъ добрыхъ бисерей	755.
—	47.	Значеніе притчи о неводѣ, *святаго Исидора Пелусіота* . .	757.
XIV.	1—2.	Слухъ объ Іисусѣ тревожитъ убійцу Предтечи	774.

Глава.	Стихъ.		Стран.
XIV.	1—10.	Объ усѣкновеніи главы святаго Іоанна Предтечи, *святаго Іоанна Златоустаго*	778—780.
—	13—22.	О чудѣ насыщенія пятью хлѣбами и двумя рыбами пяти тысячъ народа. Изъясненіе Евангелія въ 8-ю недѣлю по Пятидесятницѣ, *блаженнаго Іеронима*	780—784.
—	22—34.	О чудѣ хожденія по морю. Какъ нужно понимать Евангельское повѣствованіе о хожденіи Іисуса Христа по морю? *С. Д—ва.* Изъясненіе Евангелія въ 9-ю недѣлю по Пятьдесятницѣ, *блаженнаго Іеронима*	787—790.

Евангеліе Марка.

I.	1.	Введеніе въ Евангеліе Марка	84—85.
—	2—8.	О явленіи и дѣятельности Іоанна Крестителя. Сравнительно-изъяснительное обозрѣніе Евангельскихъ сказаній о томъ.	265—281
—	9—11.	О крещеніи Іисуса Христа.—О томъ же по сравненію съ другими Евангелистами, *Казанскаго*	294—303.
—	12—13.	Объ искушеніи Іисуса Христа въ пустынѣ отъ діавола сравнительно съ другими Евангелистами, *Тренча*	318.
—	13.	*Вѣруйте во Евангеліе. Свящ. Елеонскаго*	7—9.
—	14.	Возвращеніе Іисуса Христа въ Галилею (по заключеніи Іоанна Крестителя въ темницу), *прот. Горскаго*	441—443.
—	15.	Проповѣдь Іисуса Христа о покаяніи, *свящ. Предтеченскаго*	443—444.
—	21—28.	Ученіе Іисуса Христа въ Капернаумской синагогѣ и изгнаніе духа нечистаго, *Тренча.* Мысли *епископа Θеофана* на ст. 22.	453—455.
—	29—39.	Исцѣленіе тещи Симона и многихъ больныхъ, *Тренча*	456—458.
—	40—45.	Исцѣленіе прокаженнаго, его же	465—467.
II.	1—11.	Исцѣленіе разслабленнаго жилами	471—472.
—	13—22.	Призваніе Матѳея и вечеря въ его домѣ, *архим. Никодима.* Примиреніе Евангельскихъ сказаній о томъ, *священника Маркова*	476—482.
—	23—28.	Ученики срываютъ колосья въ субботу	507.
—	27—28.	Изъясненіе изрѣченій Іисуса Христа о субботѣ, *Филарета, митроп. Московскаго*	509—510.
III.	1—12.	Исцѣленіе сухорукаго	511.
—	13—19.	Избраніе 12 Апостоловъ. Для чего Іисусъ Христосъ избралъ Іуду Искаріотскаго въ число Своихъ учениковъ?	513—517.
—	20—30.	Іисусъ Христосъ отражаетъ клевету фарисеевъ, приписавшихъ Ему сношеніе съ веельзевуломъ	723—724.
—	24.	Мысли *епископа Θеофана* на ст. 24	725.
—	31—35.	Іисусъ Христосъ похваляетъ слушающихъ и соблюдающихъ слово Божіе.—Мать и братья Іисусовы, *Филарета, митроп. Московскаго.* О томъ же. *Прот. Нечаева*	738—741.
IV.	3—25.	Изъясненіе притчи о сѣятелѣ и сѣмени	745—747.
—	35—41.	Плаваніе по морю и усмиреніе бури	658.
—	38—39.	Мысли *епископа Θеофана*	659.
V.	22—24, 35—43.	Воскрешеніе дочери Іаира, *Тренча*	672—675.
VI.	7—13.	Отправленіе 12 Апостоловъ на проповѣдь	759—761.
—	14—16.	Слухъ объ Іисусѣ тревожитъ убійцу Предтечи	774.
—	17—29.	Изъ бесѣды объ усѣкновеніи главы Іоанна Предтечи, *Евсевія, епископа Могилевскаго*	774—777.
—	30—32.	Удаленіе Іисуса Христа изъ области Ирода на восточную сторону моря	777—778.

Глава.	Стихъ.		Стран.
		Евангеліе Луки.	
I.	1—4.	Прологъ Евангелія Луки, *М. Богословскаго*	86—93.
—	5—25.	Благовѣстіе Ангела Захаріи о рожденіи отъ него Предтечи Господня, его же	119—132.
—	26—38.	Благовѣстіе Архангела Гавріила Пресвятой Дѣвѣ Маріи о рожденіи отъ Нея Спасителя міра, по ученію *Филарета, митроп. Московскаго*	133—137.
		О томъ же. *М. Богословскаго.*—Назаретъ	137—153.
—	39—56.	Посѣщеніе Пресвятою Дѣвою Елизаветы. *Богословскаго* . .	154—163.
—	57—79.	Рождество святаго Іоанна Предтечи; обрѣзаніе его и нареченіе ему имени; разрѣшеніе нѣмоты Захаріи; пророческая пѣснь Захаріи. *Прот. С. Вишнякова*	164—168.
—	67—79.	Изъясненіе текста въ пророчественной рѣчи Захаріи, *епископа Михаила*	169—172.
—	80.	Раннее сиротство и жизнь святаго Іоанна Крестителя въ пустынѣ до вступленія его въ общественное служеніе, *прот. Вишнякова*	172—176.
		Не былъ ли Іоаннъ Креститель въ школѣ ессеевъ и не принадлежалъ ли къ ихъ сектѣ? *В. Пѣвницкаго* . . .	177—178.
II.	1—7.	Рождество Христово	192—198.
		Объ уничиженіи Христа Спасителя при самомъ рожденіи Его, *Филарета, митроп. Кіевскаго*	198—199.
—	8—12.	Благовѣстіе Ангела Виѳлеемскимъ пастырямъ.—О радости Рождества Христова, *Филарета, митроп. Московскаго* .	199—202.
—	13—14.	Славословіе Ангеловъ.—Толкованіе 14 ст. *Филарета, митроп. Кіевскаго.*—Миръ, принесенный на землю родившимся отъ Дѣвы Іисусомъ Христосъ, *И. Экземплярскаго* . . .	202—207.
		Виѳлеемъ. Вертепъ и ясли	207—210.
		Урокъ христіанскимъ родителямъ при воспоминаніи вертепа и яслей Виѳлеемскихъ, *Ѳ. Надеждина*	210—213.
—	15—20.	Поклоненіе пастырей	207.
—	21.	Обрѣзаніе Господне	214—215.
—	22—39.	Срѣтеніе Господне, *архим. Никодима.*—Знаменательнѣйшіе моменты принесенія Христа Спасителя во храмъ въ день Срѣтенія Господня, по изображенію *святаго Димитрія Ростовскаго и Амфилохія Иконійскаго.*—Трогательная встрѣча, *свящ. Предтеченскаго*	215—221.
—	22.	Тайна наилучшаго воспитанія дѣтей, *Думитрашко* . . .	221—223.
—	39.	Какъ объяснить то, что по повѣствованію Евангелія Луки послѣ принесенія Божественнаго Младенца въ храмъ Іерусалимскій святое семейство снова возвратилось въ свой отечественный городъ Назаретъ, а по Евангелію Матѳея за поклоненіемъ волхвовъ произошло удаленіе святаго семейства во Египетъ, и уже изъ Египта послѣдовало возвращеніе въ Назаретъ? *Прот. Гречулевича* . . .	246—247.
—	41—52.	Двѣнадцатилѣтній Іисусъ во храмѣ. Опроверженіе ложнаго мнѣнія о Богоматери, *Стефана Яворскаго.*—Нравственный урокъ для христіанскихъ дѣтей.—О пребываніи Іисуса Христа въ Назаретѣ (противъ раціоналистовъ), *свящ. Златоверховникова*	249—258.
III.	1—17.	О явленіи и дѣятельности Іоанна Крестителя, сравнительно-изъяснительное обозрѣніе Евангельскихъ сказаній о томъ.	265—277.
—	18—20.	Іоаннъ Креститель въ его отношеніяхъ къ Ироду, и нравственный характеръ его, какъ проповѣдника, *В. Пѣвницкаго* .	277—281.

Глава.	Стихъ.		Стран.
		Заключеніе Іоанна Крестителя въ темницу, *Скворцова* . .	416—417.
III.	21—22.	О крещеніи Іисуса Христа.—О томъ же сравнительно съ другими Евангелистами, *Казанскаго*	294—303.
—	23—38.	О родословіи Іисуса Христа сравнительно съ Еванг. Матѳея. *М. Богословскаго*	67—83.
IV.	1—13.	Объ искушеніи Іисуса Христа въ пустынѣ отъ діавола сравнительно съ Евангеліемъ Матѳея. *Тренча*	315—334.
—	14.	Возвращеніе Іисуса Христа въ Галилею (по заключеніи Іоанна Крестителя въ темницу), *прот. Горскаго*	441—443.
—	15.	Проповѣдь Іисуса Христа о покаяніи, *свящ. Предтеченскаго*.	443—444.
—	16—31.	Іисусъ Христосъ, отверженный Назаретянами. Мысли *епископа Ѳеофана* на ст. 18, 22—30	450—453.
—	31—37.	Ученіе Іисуса Христа въ Капернаумской синагогѣ и изгнаніе духа нечистаго, *Тренча*. Толкованіе *святаго Аѳанасія Александрійскаго* на ст. 33—34.	453—456.
—	38—44.	Исцѣленіе тещи Симона и многихъ больныхъ, *Тренча*. Мысли *епископа Ѳеофана*, на ст. 43	456—458.
V.	1—11.	Призваніе четырехъ учениковъ.—Изъясненіе Евангелія о чудесной ловлѣ рыбъ, *святаго Амвросія Медіоланскаго* .	458—462.
—	6.	Мысли *епископа Ѳеофана*	464.
—	12—16.	Исцѣленіе прокаженнаго, *Тренча*	465—467.
—	27—39.	Призваніе Матѳея и вечеря въ домѣ, *архим. Никодима*.—Новое вино въ ветхихъ мѣхахъ.—Примиреніе разностей въ Евангельскомъ повѣствованіи о призваніи Матѳея .	476—482.
VI.	1—5.	Ученики срываютъ колосья въ субботу. Что такое суббота второпервая, по объясненію *святаго Исидора Пелусіота, Іоанна Златоуста* и по новѣйшимъ изслѣдованіямъ.—Мысли *епископа Ѳеофана*, на ст. 2.	507—511.
—	6—11.	Исцѣленіе сухорукаго	511.
—	12—16.	Избраніе 12 Апостоловъ. Для чего Іисусъ Христосъ избралъ Іуду въ число учениковъ? *С. Д—ва*.	513—517.
—	19.	О силѣ, исходившей изъ устъ Господа нашего Іисуса Христа и исцѣлявшей вся, *Филарета, митроп. Московскаго* .	577—578.
—	21.	*Блаженны плачущіи*, его же	578—579.
—	27—36.	О любви ко врагамъ и христіанской благотворительности, *Д. Державина*. Собесѣдованіе Константина философа о любви ко врагамъ	570—574.
—	35.	*И взаимъ дайте, ничесоже чающе*	575—576.
VII.	1—10.	Исцѣленіе слуги сотника въ Капернаумѣ	655—657.
—	11—16.	Воскрешеніе сына Наинской вдовы. Изъясненіе Евангелія о воскрешеніи сына Наинской вдовы, *святаго Амвросія Медіоланскаго*	683—685.
—	18—28.	Посольство отъ Іоанна Крестителя къ Іисусу Христу . .	689—694.
—	22—35.	Объ отвѣтѣ Господа посланнымъ отъ Іоанна Крестителя, *М. Муретова*	694—703.
—	36—50.	Милосердіе Божіе къ покаявшейся грѣшницѣ, по изображенію *Ефрема Сирина, П. Смирнова*	716—720.
—	34—50.	Жена грѣшница и фарисей	721—723.
VIII.	5—15.	Изъясненіе притчи о сѣятелѣ и сѣмени	745—747.
—	19—21.	Іисусъ Христосъ похваляетъ слушающихъ и соблюдающихъ слово Божіе	738.
—	22—25.	Плаваніе по морю и усмиреніе бури. Мысли о томъ, *еп. Ѳеофана* .	658—659.
—	26—39.	Объ исцѣленіи Гадаринскихъ бѣсноватыхъ.—Избранныя мѣста изъ святыхъ отцевъ въ изъясненіе Евангелія объ исцѣленіи Гадаринскихъ бѣсноватыхъ	669—670.

Глава.	Стихъ.		Стран.
VIII.	41—42. 49—56.	Воскрешеніе дочери Іаира, *Тренча.* О воскрешеніи дочери Іаира и исцѣленіи жены кровоточивой, *Исидора, митроп. Новгородскаго*	672—677.
IX.	1—6.	Два вопроса изъ Евангелія объ исцѣленіи жены кровоточивой, *Филарета, митроп. Московскаго* (ст. 45).	678—680.
—	7—9.	Отправленіе 12 Апостоловъ на проповѣдь	759—761.
—	10.	Слухъ объ Іисусѣ тревожитъ убійцу Предтечи. Удаленіе Іисуса Христа изъ области Ирода на восточную сторону моря .	774—778.
—	50.	*Иже нѣсть на вы, по васъ есть.* Примиреніе этихъ словъ съ другимъ изрѣченіемъ Спасителя въ XI, 23: *иже нѣсть со Мною, на Мя есть*	726—727.
—	57—62.	Отказъ Господа книжникамъ и двумъ ученикамъ слѣдовать за Нимъ. Мысли о томъ, *епископа Θеофана*	659—661.
—	57—58.	Толкованіе *святаго Аѳанасія Александрійскаго* . . .	661—662.
—	62.	Толкованіе *Филарета, митроп. Московскаго*	662—663.
XI.	14—23.	Іисусъ Христосъ отражаетъ клевету фарисеевъ, приписавшихъ Ему сношеніе съ веельзевуломъ. Кого надобно разумѣть въ ст. 19 подъ сынами фарисеевъ? Мысли *епископа Θеофана* на ст. 21—22.	723—726.
—	20.	Толкованіе *святаго Василія Великаго*	727.
—	16. 29—32. 24—26.	Іисусъ Христосъ укоряетъ фарисеевъ за требованіе знаменія отъ Него	732—733.
—	27—28.	Іисусъ Христосъ похваляетъ слушающихъ и соблюдающихъ слово Божіе	738.
XIII.	21.	Толкованіе *святаго Аѳанасія Александрійскаго* на притчу о закваскѣ	755.

Евангеліе Іоанна.

I.	1—18.	Прологъ святаго Іоанна, *М. Богословскаго*	93—107.
—	19—28.	Свидѣтельство Іоанна Крестителя объ Іисусѣ Христѣ предъ посланными отъ синедріона	348—350.
—	29—51.	Призваніе Іисусомъ Христомъ послѣдователей изъ учениковъ Іоанна Крестителя.—Какъ примирить разность въ повѣствованіяхъ Еванг. Іоанна и первыхъ трехъ Евангелистовъ о призваніи Петра, Андрея и другихъ учениковъ? *Прот. Гречулевича*	350—359.
II.	1—12.	Претвореніе воды въ вино, *Тренча.* Три объясненія ст. 4. Значеніе чуда на бракѣ въ Канѣ Галилейской, *прот. Нечаева.*—Кана Галилейская.—Характеръ чудесъ Іисуса Христа	360—374.
—	13—22.	Спаситель на первой Пасхѣ Іудейской.—Изъясненіе словъ Іисуса Христа о воскресеніи Его изъ мертвыхъ (ст. 21), *Филарета, митроп. Московскаго*	375—382.
III.	1—21.	Бесѣда Іисуса Христа съ Никодимомъ, *В. Рождественскаго.*—О новомъ рожденіи свыше (ст. 7), *Филарета, митроп. Московскаго*	382—407.
—	22—36.	Послѣднее свидѣтельство Іоанна Крестителя объ Іисусѣ Христѣ .	408—416.
IV.	1—42.	Бесѣда Іисуса Христа съ Самарянкою	417—426.
—	13—14.	Всякъ піяй отъ воды сея вжадется паки	426—428.
—	24.	О поклоненіи Богу духомъ и истиною *святаго Дмитрія Ростовскаго и А. Гуляницкаго*	425—438.
—	35—38.	Жатва благодати	438—440.
—	43—45.	Возвращеніе Іисуса Христа въ Галилею (по заключеніи Іоанна Крестителя въ темницу), *прот. Горскаго*	441—443.

Глава.	*Стихъ.*		*Стран.*
IV.	46—54	Исцѣленіе сына царедворца, *Тренча*	448—451.
V.	1—47.	Исцѣленіе разслабленнаго у овчей купели и рѣчи Іисуса Христа къ Іудеямъ, сказанныя по этому поводу	483—493.
—	2.	О Виѳездѣ, чудесной Іерусалимской купели	493—494.
—	14.	О причинахъ болѣзней, *Филарета, митроп. Московскаго* .	494—495.
—	17.	*Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю.*—О тѣхъ, которые предпринимаютъ какія либо дѣла безъ мысли о Богѣ .	495—498.
—	19.	Толкованіе *святаго Григорія Богослова*	498—499.
—	25.	Толкованіе *К. Серафимова*	499—501.
—	29.	Толкованіе *святаго Григорія Богослова.* Состояніе праведныхъ и грѣшныхъ по смерти и воскресеніи, *свящ. Делекторскаго*	501—505.
VI.	1.	Удаленіе Іисуса Христа изъ области Ирода на восточную сторону моря	777—778.
—	22—71.	Бесѣда о хлѣбѣ небесномъ. Толкованія *Филарета, архіеп. Черниговскаго, еп. Михаила, Амвросія, архіеп. Харьковскаго, прот. Базарова, еп. Ѳеофана, св. Исидора Пелусіота и Василія Великаго*	792—807.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПО ИСТОЛКОВАТЕЛЬНОМУ

И НАЗИДАТЕЛЬНОМУ ЧТЕНІЮ

ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛІЯ,

СЪ БИБЛІОГРАФИЧЕСКИМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

Три Библіи.

Въ старыя времена, и на Руси, и въ другихъ земляхъ, меньше было людей ученыхъ и грамотныхъ, чѣмъ сколько ихъ теперь, но не смотря на это въ старыя времена у людей ученыхъ и неученыхъ больше было вниманія, уваженія, любви и благоговѣнія къ слову Божію. Тогда начинали учиться грамотѣ по священнымъ книгамъ; выучившіеся читать любили читать опять болѣе священныя книги, чѣмъ другія какія; тогда ученый человѣкъ не считался и ученымъ, если не зналъ священнаго писанія, не прочиталъ Библіи. А теперь грамотный человѣкъ часто берется скорѣе читать сказку какую, чѣмъ книгу священную; и тысячи наберутся теперь людей ученыхъ, которые ни разу не брали и въ руки библіи. Тогда и грамотные и ученые люди непремѣнно старалисѣ имѣть у себя въ домѣ Библію. Когда не выдумано еще было книгопечатаніе или когда явилось печатаніе, но по новости этого искусства печатныя книги были очень дороги, тогда люди старались даже списывать для себя Библію. Пріобрѣтенною Библіею дорожили, какъ святынею, а богатые убирали ее въ дорогіе переплеты и оправы. Въ доказательство этого я разскажу вамъ изъ старины исторію трехъ Библій.

Первый мой разсказъ будетъ объ одномъ Евангеліи, которое, сколько я знаю, есть наибольшее по величинѣ своей во всемъ свѣтѣ. Оно находится въ Москвѣ въ каѳедральномъ соборѣ и подарено туда матерью Петра В., вѣситъ оно болѣе двухъ пудовъ, и если нужно его вынесть, то несутъ его два человѣка. Оно богато убрано золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Одинъ переплетъ его съ такой оправой стоитъ около милліона рублей. Что при этомъ думала мать Петра В., когда дарила собору это Евангеліе? Я полагаю, она думала между прочимъ, что достоинство этой книги превосходитъ золото и всѣ драгоцѣнности, какія находятся на землѣ. И кто такъ думаетъ, не ошибается, потому что о словѣ Божіемъ написано: «*судьбы Господни вожделѣнны паче злата и камене честна многа*» (Псал. XVIII, 11).

Есть еще Новый Завѣтъ, который имѣетъ также большое достоинство, но не по дорогой оправѣ, а по другому обстоятельству. Этотъ Новый Завѣтъ находится во владѣніи Лондонскаго Библейскаго Общества, и не печатанный, а писанный. Вотъ исторія его происхожденія. Еще въ то время, когда книгопечатаніе было мало распространено, жилъ въ Ирландіи одинъ крестьянинъ, которому хотѣлось непремѣнно имѣть Новый Завѣтъ; вотъ приходитъ онъ къ своему господину и проситъ у него въ подарокъ Новаго Завѣта. Помѣщикъ отказалъ доброму крестьянину въ прось-

бѣ. Но крестьянинъ опять приходитъ съ новою просьбою—хоть позволить ему переписать Новый Завѣтъ. Помѣщикъ позволилъ ему это, но съ условіемъ, чтобы онъ переписывалъ у него въ домѣ въ особой комнатѣ. Помѣщикъ боялся, чтобы у себя дома крестьянинъ не испортилъ книги Новаго Завѣта. Съ тѣхъ поръ каждый вечеръ, по окончаніи своихъ дневныхъ работъ, крестьянинъ приходилъ къ своему барину, садился въ особой комнатѣ и при скудномъ освѣщеніи, которое онъ приносилъ съ собою, переписывалъ по цѣлымъ ночамъ своими мозолистыми руками стихъ за стихомъ. Окончивъ работу, онъ съ большою радостью и благодарностью отдалъ господину печатную книгу Новаго Завѣта. Тогда въ свою очередь господинъ сталъ просить своего крестьянина уступить ему только что оконченный списокъ, обѣщая за то подарить ему крупно напечатанный и хорошо переплетенный Новый Завѣтъ. Крестьянинъ согласился и получилъ наконецъ давно желаемый прекрасный Новый Завѣтъ. Переписанный крестьяниномъ Новый Завѣтъ и хранится доселѣ въ Лондонскомъ Библейскомъ Обществѣ, какъ дорогой памятникъ благочестиваго усердія и труда крестьянина.

А вотъ еще исторія о третьей библіи. Гдѣ она теперь находится и въ чьемъ владѣніи, я не знаю, но исторія ея назидательна и поучительна для насъ. Одна бѣдная женщина лежала больною, и смерть ея была уже не далеко. Женщина эта была вдова и все время своего вдовства проводила въ молитвѣ и слезахъ. Теперь насталъ часъ разлученія ея съ міромъ. Вокругъ ея постели стояли уже взрослыя дѣти ея и глазами, полными любви, смотрѣли на умирающую мать. Собравъ послѣднія силы, она еще разъ поднялась и, взглянувъ на дѣтей сіяющимъ радостью взоромъ, сказала: «дѣти, я оставляю вамъ огромное сокровище». Дѣти посмотрѣли съ удивленіемъ на мать и сказали: «Милая матушка, какже это можетъ быть? Развѣ была когда нибудь вдова бѣднѣе тебя»?—«Такъ, дѣти мои, отвѣчала мать, но я все-таки оставляю вамъ большое сокровище, которое принесетъ вамъ благословеніе: посмотрите!» Съ этими словами она подала имъ свою Библію, которая лежала у ней подъ подушкой, и сказала: «знайте, дѣти, что нѣтъ ни одного листка въ этой книгѣ, который бы не былъ орошенъ моими слезами; вотъ это и есть сокровище, которое я оставляю вамъ; исполняйте все, что въ ней написано, и вы будете счастливы». Дѣти съ благоговѣніемъ приняли послѣдній даръ матери. Слова ея глубоко легли въ сердцахъ дѣтей. Они старались исполнить, чего требуетъ отъ насъ слово Божіе, и были людьми благочестивыми, добрыми и счастливыми; и они всѣмъ повторяли, что Библія есть сокровище, которому нѣтъ цѣны на землѣ.

Теперь не нужно ни труда для переписки, ни большихъ денегъ для пріобрѣтенія Библіи: за 20 коп. сер. можно имѣть весь Новый Завѣтъ на Славянскомъ или на Русскомъ нарѣчіи. Было бы и стыдно, и грѣшно, если бы кто не позаботился пріобрѣсть себѣ Евангеліе, чтобы читать и изучать его (Воскр. Чт. г. XXXI. I, стр. 221—224).

Святое Евангеліе, какъ книга чудесъ и по содержанію, и по дѣйствію на сердца людей.

«Святое Евангеліе»: какія сладкія, какія возвышенныя ощущенія въ горячо вѣрующей душѣ производитъ одно это слово! Оно вноситъ въ душу блажен-

ный миръ любвеобильнаго ученія, возвѣщеннаго людямъ Сыномъ Божіимъ, и окрыляетъ ее къ горнимъ стремленіямъ безпримѣрною картиною земной жизни Христа Спасителя, наполненной небесными чудесами.

Земная жизнь Іисуса Христа сама по себѣ величайшее чудо, какъ жизнь Богочеловѣка, ознаменовалась необозримымъ рядомъ явныхъ и необыкновенныхъ чудотвореній. Замѣчательнѣйшія изъ этихъ чудотвореній Господа внесены св. Апостолами и Евангелистами, Мато., Марк., Лук. и Іоанн., въ ихъ четыре благовѣстія, составившія одну книгу св. Евангелія. Въ такомъ соединенномъ видѣ св. Евангеліе начинается сказаніемъ Мато. о родословіи и чудесномъ рожденіи Сына Божія отъ Пресв. Дѣвы Маріи, изъ потомства Давидова, какъ было предсказано Боговдохновенными пророками, и оканчивается замѣчаніемъ Іоанна, что, если бы описать всѣ чудеса, совершенныя Господомъ, но не вошедшія въ Евангеліе, то цѣлый міръ не вмѣстилъ бы книгъ съ этимъ описаніемъ. За разсказомъ о рождествѣ Іисуса Христа у каждаго изъ Евангелистовъ слѣдуетъ повѣствованіе о дальнѣйшихъ событіяхъ Его земной жизни, особенно послѣднихъ четырехъ лѣтъ ея, проведенныхъ въ открытомъ служеніи нашему спасенію. И сколько здѣсь чудесъ, самыхъ поразительныхъ и самыхъ разнообразныхъ! Вотъ Іисусъ Христосъ претворяетъ воду въ вино, вотъ однимъ словомъ или простымъ дѣйствіемъ возвращаетъ крѣпость, силу и жизнь мышцамъ сухорукаго, глазамъ слѣпаго, тѣлу разслабленнаго, и т. п. Тутъ Онъ насыщаетъ пятью хлѣбами и двумя рыбами болѣе пяти тысячъ человѣкъ, кромѣ женъ и дѣтей, и творитъ остатокъ пищи, наполнившій двѣнадцать кузововъ; тамъ семью хлѣбами и двумя рыбками насыщаетъ около четырехъ тысячъ, и опять творитъ остатокъ въ семь кузововъ; въ одномъ мѣстѣ воскрешаетъ сына вдовы Наинской, въ другомъ—дочь Іаира, а въ третьемъ—Лазаря, пролежавшаго въ гробу четыре дня и уже начавшаго разлагаться. Пока еще не пришелъ часъ отдаться въ руки человѣческой злобы для исполненія предвѣчнаго совѣта Божія о спасеніи людей, Іисусъ Христосъ то обезоруживаетъ небеснымъ словомъ Своимъ коварныхъ совопросниковъ, подосланныхъ фарисеями и книжниками и дѣлаетъ ихъ исповѣдниками Своего могущественнаго ученія, то становится невидимымъ среди толпы разъяренныхъ враговъ, готовыхъ убить Его, то ходитъ по водамъ озера, взволнованнаго бурею, какъ по твердому грунту суши. Коротко говоря, во время земной жизни Христа Спасителя, чудеса предшествовали Ему, какъ свѣтъ солнцу, сопутствовали Ему и слѣдовали за Нимъ, какъ добро за любовію.

Читая описаніе этихъ чудесъ во св. Евангеліи, искренно вѣрующая душа какъ-бы созерцаетъ ихъ совершеніе предъ собственными ея очами. Но и холодный умъ, чуждый живой вѣры, не можетъ не усмотрѣть очевидной истинности чудесъ Евангельскихъ, если обратитъ на нихъ безпристрастное вниманіе. Евангельскія чудеса разсказываются такъ безыскусственно, открыто, просто и убѣдительно, какъ можетъ разсказываться одна только истина: разсказъ въ Евангеліи сливается съ побѣдоносною дѣйствительностію событій. Съ другой стороны, св. Евангелисты описывали жизнь Іисуса Христа и Его чудеса въ такое время, когда живы были очевидцы этихъ чудесъ: преувеличеніе или измѣненіе того, что на самомъ дѣлѣ совершилъ Спаситель, вызвало бы замѣчанія со стороны ревнителей правды, и повело бы къ сокращенію и уничтоженію послѣдователей

Евангелія. Но неблагопріятныхъ замѣчаній на сказанія Евангелистовъ не было, число вѣрующихъ со дня на день умножалось и распространялось, и, наконецъ, Евангеліе овладѣло вселенною. Вотъ гдѣ свидѣтельство Божественности Іисуса Христа! Только Богъ, содѣлавшись человѣкомъ, могъ такъ измѣнять вѣковые законы природы, законы здоровья, жизни, смерти и нравственнаго состоянія людей, какъ измѣнялъ ихъ въ Своихъ чудотвореніяхъ Господь Іисусъ Христосъ.

Человѣкъ любитъ чудесное, и любитъ не даромъ: его назначеніе, цѣль его земной жизни, кроется въ таинственныхъ судьбахъ непостижимаго Промысла Божія. И до того любовь къ чудесному сродна людямъ, что даже хорошо образованные изъ нихъ, свободные отъ предразсудковъ, иногда восхищаются вымыслами чудеснаго, созданными воображеніемъ. Но восторгъ, испытываемый вѣрующею душою при слушаніи или чтеніи Евангелія, во столько выше восхищенія, производимаго художественными созданіями воображенія, во сколько отрадная дѣйствительность важнѣе пріятной мечты; этотъ восторгъ обнимаетъ всѣ силы души и уноситъ ее за предѣлы земныхъ ограниченій въ міръ вѣчнаго торжества надъ этими ограниченіями, въ міръ вѣчнаго, созерцательно-дѣятельнаго покоя, уготованный Искупителемъ для Его вѣрныхъ послѣдователей. Восторгъ, производимый въ душѣ чудеснымъ содержаніемъ Св. Евангелія, обнаруживается не раздраженіемъ чувства, по временамъ нарушающимъ внутреннее благонастроеніе человѣка, какъ это бываетъ съ созданіями вымысла, а живыми порывами къ добру и святости, утверждающими въ человѣкѣ неизмѣнную рѣшимость—точно исполнять волю Божію, быть истиннымъ послѣдователемъ Искупителя. Пусть же наша природная, знаменательная наклонность къ чудесному, какъ можно чаще, пусть всего чаще питается и услаждается не вымыслами воображенія, отрѣшенными отъ дѣйствительности, или преувеличивающими ее, а истинными, сверхъестественными дѣйствіями, сопровождавшими каждый земной шагъ нашего Спасителя.

Духовный восторгъ, производимый на сердца слушателей и читателей Св. Евангеліемъ, увлекая нерѣдко къ подвигамъ и высшему совершенству и всегда—къ добру и правдѣ, порождаетъ новыя, безчисленныя чудеса въ душахъ людей. Не Евангеліе ли вызвало множество благовѣстниковъ, отшельниковъ, исповѣдниковъ, мучениковъ и иноковъ, людей праведныхъ, которыми такъ обильно и лучезарно сіяютъ всѣ времена Церкви Христовой? Не оно ли преобразовало родъ человѣческій такъ, что этотъ родъ, меньше, чѣмъ въ два тысячелѣтія, сдѣлалъ въ умственномъ и нравственномъ своемъ развитіи, въ наукѣ и жизни, достойные удивленія успѣхи, о которыхъ онъ и не мечталъ ясно въ продолженіе пятидесяти пяти вѣковъ, протекшихъ до появленія на землѣ Евангелія? Да, Св. Евангеліе, эта книга чудесъ по содержанію, со всею справедливостью можетъ быть названа книгою чудесъ и по дѣйствію на людей, внимательно слушающихъ или читающихъ его. Вотъ богатый юноша Антоній (впослѣдствіи—«великій») слышитъ въ храмѣ слова Евангелія, обращенныя Іисусомъ Христомъ къ пытливому юношѣ: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ: и имѣти имаши сокровище на небеси: и гряди вслѣдъ Мене* (Матѳ. 19, 21), и одушевленный ими, раздаетъ свое имѣнье бѣднымъ, удаляется въ пустыню, и здѣсь дѣлается отцомъ иноковъ. Вотъ языческій философъ Аѳинагоръ начинаетъ читать Св. Евангеліе съ тою цѣлью, чтобы потомъ написать разсудочное

опроверженіе на проповѣдуемыя въ немъ истины; но Божественный свѣтъ небеснаго ученія касается души ревностнаго язычника, и онъ становится усерднѣйшимъ защитникомъ христіанства. И сколько такихъ примѣровъ чудотворнаго дѣйствія Св. Евангелія на умы и сердца слушателей и читателей представляютъ лѣтописи Христовой Церкви! Много подобныхъ примѣровъ встрѣтили бы мы и нынѣ около насъ самихъ, если бы попристальнѣе всматривались въ духовныя занятія, спасительныя привычки и благотворно-нравственныя перемѣны своихъ ближнихъ. И нынѣ нерѣдки случаи, что любители какого-нибудь порока, рабы какой-нибудь страсти, виновники какой-нибудь несправедливости, выносятъ изъ храма ненависть къ своему пороку, презрѣніе къ своей страсти и отвращеніе къ несправедливости, отдаются посѣтившимъ ихъ въ храмѣ чувствамъ, какъ руководителямъ въ жизни, и истребляютъ въ своихъ душахъ растлѣвающія язвы. Не даромъ простые люди, въ храмѣ, когда діаконъ читаетъ Евангеліе, съ преклоненными главами и съ возбужденнымъ вниманіемъ окружаютъ аналой, на которомъ полагается Евангеліе: въ глаголахъ Іисуса Христа, возвѣщаемыхъ діакономъ, они привыкли обрѣтать крѣпкую Божію силу, вливающую въ нихъ мужество для перенесенія трудовъ и лишеній, оживляющую ихъ сердечныя стремленія къ небу, подавляемыя земными попеченіями, и озаряющую свѣтомъ всевидящей и всеоткрывающей любви Христовой ихъ темные умы. Но о благотворности и душеспасительности дѣйствія, производимаго и въ наше время на людей св. Евангеліемъ, всего бы лучше спросить тѣхъ, кто имѣетъ благочестивый обычай ежедневно прочитывать что-нибудь изъ этой дивной книги. Навѣрное, такіе люди сказали бы намъ, что Св. Евангеліе облегчаетъ и услаждаетъ всякое горе, освящаетъ и упрочиваетъ чистую радость, какъ горниломъ—искушаетъ, очищаетъ и возвышаетъ радость чувственную и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, Св. Евангеліе, изображая жизнь Богочеловѣка, ясно показываетъ, какъ Онъ, пришедши просвѣтить и спасти насъ, не имѣлъ, гдѣ главы подклонить, и до самой смерти не переставалъ быть предметомъ злобы, зависти и самаго чернаго коварства. Но Іисусъ Христосъ, какъ Сынъ Божій, *грѣха не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его:* а мы и рождаемся во грѣхахъ и добровольно не выходимъ изъ грѣховнаго состоянія ни на минуту. Послѣ этого всѣ самыя тяжкія наши страданія ничего не значатъ предъ уничиженіемъ и муками, которыя, безъ всякой вины, единственно по любви къ намъ, претерпѣлъ нашъ Искупитель. И разсудительная мысль о бѣдствіяхъ земной жизни Христа Спасителя, возбуждаемая въ людяхъ чтеніемъ или слушаніемъ Св. Евангелія, легко можетъ примирить ихъ не только съ днями, но съ годами скорби, съ тяжкими испытаніями, съ невозвратимыми и незамѣнимыми потерями и т. д. Но въ Св. Евангеліи есть и таинственная, ускользающая отъ взоровъ испытующаго человѣческаго разума, сила—возстановлять, оживлять, утѣшать, цѣлить и т. п., помимо всякихъ вспомогательныхъ соображеній со стороны человѣка, сила, которая принадлежитъ Евангелію, какъ живому и дѣйственному слову Божію. Эта сила обнаруживается въ томъ, что какіе бы удары бѣдствій ни разразились надъ человѣкомъ—измѣни, наприм., ему и счастье, и дружба, и справедливость, и кровное родство, оставь его все, на что онъ могъ бы надѣяться,—обратившись къ Евангелію, онъ найдетъ въ немъ помощь, отраду и успокоеніе для своей подавленной трудными обстоятель-

ствами души. Итакъ, если вы въ нуждѣ, въ горѣ, въ бѣдѣ; если васъ преслѣдуютъ, унижаютъ, оскорбляютъ, лишаютъ заслуженнаго и т. п., спѣшите ко Святому Евангелію для вѣрнаго воодушевленія благодатнымъ мужествомъ спасительнаго терпѣнія и вожделѣннаго благодушія. Ничего, если бѣдствія и печали сдѣлались какъ-бы постояннымъ вашимъ жребіемъ и неотвратимымъ удѣломъ: и тутъ въ Св. Евангеліи вы обрѣтете то, что тяжкую и мрачную жизнь вашу превратитъ для васъ въ легкую и свѣтлую. И Св. Евангеліе своею чудно оживляющею силою исполнитъ надъ вами слова, сказанныя нѣкогда Іисусомъ Христомъ въ бесѣдѣ съ Іудеями: *пріидите ко Мнѣ, вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. XI, 28). Вы—счастливы? Полюбите Св. Евангеліе и въ дни счастія. Св. Евангеліе—самый вѣрный другъ въ счастіи и самый надежный руководитель къ утвержденію и продолженію счастія. Оно научаетъ людей по достоинству цѣнить милость Божію, являемую въ благоденствіи и успѣхахъ жизни. Оно знакомитъ людей съ самыми лучшими средствами употреблять внутренніе и внѣшніе дары достоянія, получаемые отъ Бога, совѣтуя ихъ иждивать не въ пользу нечестивыхъ или эгоистическихъ пожеланій, а во спасеніе души и во благо ближнихъ. А какую сокровищницу предохраненій, вразумленій и поощреній на пути къ духовному совершенству обрѣтетъ счастливый человѣкъ въ Божественномъ ученіи Іисуса Христа, записанномъ для міра св. Евангелистами! Любовь къ ближнему, близко родственная и совершенно чистая, готовность не щадить ни здоровья, ни жизни ради истины, смиреніе тѣмъ большее, чѣмъ высшее занимаетъ человѣкъ мѣсто въ обществѣ, забвеніе обидъ и оскорбленій, живая память о благодѣяніяхъ, заботливость о просвѣщеніи невѣдущихъ и исправленіи заблуждшихъ братій, и надежда, за эти и подобныя качества удостоиться, по смерти, ближайшаго и блаженнѣйшаго союза съ Богомъ-Творцемъ и Искупителемъ: вотъ, чему учитъ Іисусъ Христосъ въ Евангеліи! Божественные уроки добродѣтели, проникая чрезъ чтеніе или слушаніе Св. Евангелія въ сердца людей, пользующихся благоденствіемъ, непремѣнно отразятся въ ихъ мысляхъ и поступкахъ, и, соединивъ, такимъ образомъ, временное счастіе ихъ съ разнообразными залогами блаженства вѣчнаго, возведутъ его на степень полнаго и истиннаго земнаго счастія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ обычай имѣть Библію или Евангеліе въ каждомъ домѣ каждому семейству и всякому самостоятельному по жизни человѣку. О, какъ достоподражаемъ этотъ обычай! Какъ бы хорошо было, если бы онъ сдѣлался общимъ обычаемъ нашимъ, если бы въ каждомъ православномъ домѣ, въ каждомъ православномъ семействѣ, и у всякаго, независимаго по частной жизни, одинокаго человѣка, книга Св. Евангелія была первою настольною книгою!

По содержанію Св. Евангеліе всегда доступно всѣмъ и каждому, старому и малому, не говоря о взрослыхъ людяхъ обоихъ половъ, всѣхъ званій и степеней образованности или простоты, его могутъ съ пользою читать юноши и дѣвицы, даже дѣти, едва умѣющіе разбирать печатныя слова.

По страницамъ Св. Евангелія разлита особая Божественная сила — возстановлять, утѣшать, цѣлить, живить, благоустроять, возвышать и освящать человѣка. Кто не нуждается въ этой силѣ для побѣды надъ собственными поползновеніями ко грѣху и надъ чужими соблазнами, охватывающими человѣка едва

ли не съ первыхъ дней дѣтства? Всѣ и безъ всякаго исключенія нуждаются. Слѣдовательно, всѣ и безъ всякаго исключенія могутъ и должны или слушать, или читать Св. Евангеліе. На безусловную общедоступность и общепотребность Св. Евангелія указалъ Самъ Іисусъ Христосъ въ слѣдующихъ словахъ къ ученикамъ: «*шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари*» (Марк. XVI, 15). (Воскр. Чт. г. XXV, I, стр. 98—107).

«ВѢРУЙТЕ ВО ЕВАНГЕЛІЕ» (Марк. I, 13).

(Свящ. Елеонскаго).

Поистинѣ въ печальномъ состояніи находится современное образованное общество. Многочисленные члены его различныхъ возрастовъ и всевозможныхъ положеній томятся въ поискахъ за тѣмъ, чему вѣрить, чѣмъ жить, что̀ признавать за истину, чѣмъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ. Печальная сторона этого явленія заключается въ томъ, что ищущіе непритворно и глубоко страдаютъ, а между тѣмъ поиски ихъ и безплодны, и излишни: ищутъ тамъ, гдѣ искомаго никогда не найти, ищутъ того, чѣмъ христіанскій міръ давно уже владѣетъ. Спаситель нашъ, пришедшій на землю исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать слѣпымъ прозрѣніе (Лук. IV, 18), при началѣ Своего служенія воззвалъ: *вѣруйте во Евангеліе* (Марк. I, 13), и Свой зовъ Онъ повторяетъ доселѣ, стоя у дверей каждаго человѣческаго сердца. Нужно только приклонить слухъ къ этому зову, открыть для него сердце, и тѣ мучительные безплодные поиски прекратятся сами собою, и печаль перемѣнится на радость, ибо Евангеліе, дарованное роду человѣческому Господомъ нашимъ и хранимое Церковію Его, содержитъ въ себѣ и истину, и путь къ жизни, и жизнь (Іоан. 14, 6). Доступъ къ этому благодатному источнику никому не возбраненъ: каждый жаждущій можетъ приходить къ нему и пить (Іоан. VII, 37). Но источникъ этотъ единственный: потому понятно, что ищущіе истины жизни внѣ его, ничего не находятъ и остаются въ безвыходномъ положеніи духа.

Уму человѣческому присуще стремленіе къ истинѣ. Но въ чемъ она?

Современная мысль для ищущихъ истины предлагаетъ разнообразныя философскія системы. Но не говоря уже о ихъ взаимномъ противорѣчіи, всѣ онѣ страдаютъ неполнотою, односторонностію, а если отвѣчаютъ на предлагаемые вопросы, то отвѣты эти поражаютъ своею очевидною ложью. Такъ, одни изъ современныхъ мыслителей на вопросъ: въ чемъ сущность добра? отвѣчаютъ: добра не существуетъ, а есть одно только зло; другіе желающимъ ознакомиться съ особенностями духовной природы человѣка говорятъ: души, какъ доселѣ привыкли представлять ее, нѣтъ, и человѣкъ—животное, подобное другимъ; поэтому послѣдняго разъясненія сущности его нравственныхъ и религіозныхъ потребностей, общественныхъ стремленій нужно искать въ мірѣ его старѣйшихъ родичей-четвероногихъ. Подобнаго рода отвѣты не удовлетворяютъ, но смущаютъ и тревожатъ мысль и порождаютъ то стремленіе духа, которымъ болѣютъ многіе изъ современныхъ образованныхъ людей, и которое разрѣшается древнимъ языческимъ вопросомъ: что̀ есть истина? Гдѣ же исходъ? Онъ намъ указанъ. *Вѣруйте во Евангеліе* — это сказалъ Тотъ, Кто приходилъ проповѣдывать слѣпымъ прозрѣніе. И ищущіе истины, отозвавшись на этотъ призывъ, не ошибутся.

Всѣ тѣ вопросы, которые отъ вѣка занимали и доселѣ занимаютъ умъ человѣческій, находятъ въ Евангеліи самые полные и ясные отвѣты, которые умиротворяя умъ, вмѣстѣ радуютъ и сердце и, такимъ образомъ, по своему внутреннему достоинству не имѣютъ себѣ равныхъ. Здѣсь мы находимъ ученіе о Богѣ, какъ о благомъ Отцѣ людей, о мірѣ, какъ твореніи премудраго Создателя, о человѣкѣ, какъ образѣ Божіемъ, о личномъ безсмертіи, какъ удѣлѣ каждаго человѣческаго существа. Наряду съ этими отрадными ученіями Евангеліе влагаетъ въ скорбныя человѣческія сердца непостыдную надежду на совершенное удовлетвореніе лучшихъ человѣческихъ стремленій, на торжество добра надъ зломъ.

Но не истину только стремится познать человѣкъ, онъ желаетъ жить и дѣйствовать нравственно, и для того, чтобы не колебаться въ своей дѣятельности, ищетъ для нея опредѣленныхъ руководительныхъ началъ. И въ этомъ отношеніи современные передовые умы являются на помощь современному образованному человѣку и называютъ нѣсколько началъ для дѣятельности, напримѣръ, начало личнаго удовольствія, начало борьбы за существованіе; предлагаютъ цѣлыя нравственныя системы, цѣль которыхъ — благоденствіе всего человѣчества. Но не благоденствуетъ современное человѣчество: говорятъ о радостяхъ, но, вмѣсто радостнаго, всюду господствуетъ тревожное и тоскливое настроеніе духа; постоянно лепечутъ слово: «братство», а на дѣлѣ оправдываютъ древнее изрѣченіе: человѣкъ человѣку волкъ; усиленно разсуждаютъ о благахъ мира и повторяютъ: «миръ, миръ»! а мира нѣтъ; напротивъ и отдѣльныя лица, и цѣлые народы искусственно возбуждаютъ въ себѣ ярость и думаютъ о такомъ взаимоистребленіи, какого не было отъ начала міра. И серьезные мыслители, изучающіе, какъ умственное, такъ и нравственное состояніе современнаго человѣчества, сравниваютъ его съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ находился Римскій языческій міръ въ періодъ его разрушенія. Какъ же жить? чѣмъ руководствоваться въ дѣйствіяхъ! Но развѣ мы въ самомъ дѣлѣ принадлежимъ къ древнему языческому міру? *Вѣруйте во Евангеліе*, и эти вопросы окажутся излишними. Въ Евангеліи ясно указано руководительное начало дѣятельности и названо любовію; эта любовь возведена въ степень долга по отношенію къ Богу и людямъ и поставлена въ неразрывную связь со всѣми Евангельскими истинами; вмѣстѣ съ тѣмъ Евангеліе разъяснило живымъ примѣромъ и то, какъ прилагать его — это начало — къ жизни. Христосъ не только училъ, но и осуществлялъ Свое ученіе въ Своихъ дѣйствіяхъ. Онъ показалъ, какія свойства слѣдуетъ развивать человѣку при разработкѣ своего нравственнаго характера, какъ относиться къ людямъ и что значитъ любить ихъ, какъ сохранять свѣтлое спокойствіе среди житейскихъ невзгодъ и переносить страданія. Жизнь и дѣятельность Христа изображены въ Евангеліяхъ, и евангельскія повѣствованія представляютъ намъ живой, совершенно законченный образъ Христа, исполненный нравственнаго величія и идеальной духовной красоты. Вліяніе этого величія и этой красоты оказалось могущественнымъ по отношенію къ тѣмъ людямъ, которые составили первое христіанское общество и основали первую христіанскую Церковь. Подчиняясь ему, они свободно и съ любовію преклонились предъ Христомъ, признали Его своимъ образцомъ, высочайшимъ авторитетомъ, и разъ это совершилось, для нихъ стала ясна внутренняя правда Его ученія и сдѣлалось возможнымъ и легкимъ испол-

неніе Его нравственныхъ требованій. Но Христосъ во вѣки пребываетъ, и нравственное Его величіе не умалилось. Поэтому нужно только обратиться къ Нему умомъ и сердцемъ, и тогда всякій пойметъ, что ему дѣлать и чѣмъ руководствоваться въ жизни.

Такъ, въ печальные дни душевной тоски, въ минуты томительнаго исканія истины и добра мы не можемъ назваться безпомощными. Помощь можетъ быть найдена въ книгѣ жизни — Евангеліи. Книга эта всегда предъ нами, и уже отъ каждаго изъ насъ будетъ зависѣть или обратиться къ этой книгѣ и успокоиться, или же отвергнуться и продолжать безполезно и безнадежно томиться.

(Душ. Чт. 1888 г., февр., стр. 202—208).

Свидѣтельство исторіи о томъ, что Іисусъ Христосъ дѣйствительно жилъ на землѣ, и жилъ именно такъ, какъ всегда учила тому Св. Церковь.

(Священ. Х. М. Орды.)

Въ Евангеліи повѣствуется о жизни, ученіи и чудесахъ Іисуса Христа. Но спрашивается: *жилъ* ли то еще когда либо въ дѣйствительности Іисусъ Христосъ? Этотъ безсмысленный вопросъ можетъ предлагать собственно только человѣкъ—совершенно лишенный смысла. Поэтому когда Наполеонъ въ свое невѣрующее время однажды выразился въ разговорѣ съ поэтомъ Виландомъ: «хе, хе! я совершенно не вѣрю, что жилъ Господь Іисусъ Христосъ», то получилъ справедливый отвѣтъ: «въ такомъ случаѣ я черезъ годъ не повѣрю, что жилъ Наполеонъ»! Іисусъ Христосъ *долженъ* былъ жить. Иначе откуда произошло бы исполинское зданіе «Церкви»? Кто говоритъ о Церкви, говоритъ также и о Христѣ. Это просто необходимо. На этотъ разъ мы выяснимъ это на нѣкоторыхъ церковныхъ *учрежденіяхъ*. *Празднованіе воскреснаго дня* есть древнѣйшее церковное установленіе, современное самому христіанству. Въ этомъ никто не сомнѣвается. Почему же однако Іудеи и язычники, тотчасъ послѣ своего обращенія, единогласно избрали для празднованія первый день недѣли? Зачѣмъ Іудеи оставили празднованіе седьмаго Іудейскаго дня, тѣмъ болѣе, что они и по обращеніи своемъ въ христіанство считали *Божественными* всѣ ветхозавѣтныя установленія? Нужно было особенно великое событіе, которое бы связывалось съ этимъ днемъ, потому что дни воспоминанія не установляются такъ себѣ, ради шутки или по капризу. Если бы кто-нибудь вздумалъ, напримѣръ, въ настоящее время произвольно установить для себя и своего семейства днемъ покоя, положимъ, четвергъ, то такого человѣка всѣ назвали бы просто сумасшедшимъ. И развѣ нашелся бы хоть *одинъ* народъ, который бы сталъ ему подражать на томъ только основаніи, что кому то *вздумалось* избрать этотъ день для празднованія? Когда во время Французской революціи опредѣлили было вмѣсто седьмаго дня праздновать *десятый*, то *основаніемъ* этому было, по крайней мѣрѣ то, что хотѣли изгладить всякое воспоминаніе о христіанствѣ. Но спустя нѣсколько лѣтъ снова должны были возвратиться къ прежнему празднованію воскреснаго дня. Это былъ не самовольно выбранный день. Воскресенье несомнѣнно существуетъ съ *первыхъ* христіанскихъ дней. Какимъ образомъ пришли бы къ мысли избрать *этотъ* именно день и какимъ образомъ празднованіе

его сохранялось до настоящаго времени, если бы съ нимъ не было связано воспоминаніе о великомъ событіи? Кто сталъ бы праздновать «побѣду надъ Галлами и съ ними двадесятью языками», если бы не было самой побѣды, не было Александра Благословеннаго? Какъ могъ бы быть «день Господень», если бы не было на землѣ Самого Господа? Мало того, если бы *фактъ воскресенія* былъ вымысломъ, тогда совершенно непонятно было бы существованіе воскреснаго дня. Устраните только воскресеніе Христово и сошествіе Св. Духа, и вы не объясните, какимъ образомъ произошло всеобщее празднованіе воскреснаго дня. Оно будетъ непонятнымъ и безсмысленнымъ установленіемъ.

Далѣе, въ христіанской Церкви всегда существовало *крещеніе и причащеніе*. Этого никто не отрицаетъ. Кѣмъ же они установлены? Всѣ двѣнадцать Апостоловъ и Апостолъ языковъ Павелъ совершали эти таинства и заповѣдали ихъ въ основанныхъ ими Церквахъ, слѣдуя въ этомъ повелѣнію и установленію Самого Христа. Какъ же могли бы они это дѣлать, какъ могли бы они совершать крещеніе во имя Отца и Сына и Св. Духа, если бы они не знали точно, что Самъ Христосъ установилъ это? Они требовали крещенія отъ своихъ современниковъ, слѣдовательно отъ тѣхъ, которые жили, какъ и Апостолы, во времена *Христовы*. Развѣ тогда не возразили бы имъ: да среди насъ и не было никакого Христа, Который бы повелѣвалъ это... Какъ же можете обращаться къ намъ съ такимъ требованіемъ? И какъ, въ такомъ случаѣ, установленіе крещенія и причащенія могло сдѣлаться *всеобщимъ* между первенствующими христіанами? Попробуйте только объяснить существующее у всѣхъ христіанъ крещеніе и причащеніе, и вы найдете, что они необъяснимы, если не было Іисуса Христа, отъ Котораго произошли они. Кто же можетъ еще сомнѣваться въ лицѣ и земной жизни Іисуса Христа, имѣя предъ собою восемнадцати вѣковые памятники Его въ таинствахъ крещенія и причащенія? Какъ могла бы образоваться Церковь, какъ могла бы она совершать эти таинства, если бы не жилъ дѣйствительно Іисусъ Христосъ и не установилъ этихъ таинствъ? Они составляютъ, такъ сказать, неизгладимые слѣды пребыванія и жизни на землѣ Іисуса Христа, видимые и доселѣ. И я совершенно спокойно отъ всякаго мыслящаго человѣка требую дать мнѣ *достаточное* объясненіе этихъ слѣдовъ, если не существовало Лица, Которое оставило ихъ, если оно не было величайшею историческою Личностію, авторитетъ Которой дѣйствуетъ и до настоящаго времени. Тоже нужно сказать, когда возьмемся объяснить фактъ распространенія и принятія нашего *лѣтосчисленія*. По всему свѣту мы считаемъ годы отъ Рождества Христова. Этимъ самымъ Рождество Христово въ теченіи XVIII вѣковъ является предъ нами чрезвычайно внушительнымъ фактомъ. Всякій невѣрующій, когда помѣчаетъ мѣсяцъ, число и годъ на своемъ письмѣ, въ которомъ онъ насмѣхается надъ христіанствомъ, молча опровергаетъ самъ себя. Онъ этимъ признаетъ, что былъ Христосъ, и что происшедшее отъ Него христіанство есть сила, которая преклоняетъ предъ собою весь міръ, а также и *его* упрямыя колѣна, хотя бы только и на бумагѣ.

Поэтому вопросъ: былъ ли когда либо Іисусъ Христосъ? является совершенно *нелѣпымъ*. Уже съ гораздо бо́льшимъ правомъ слѣдовало бы спросить: кто знаетъ, былъ ли когда либо Петръ Великій, была ли война съ Французами въ 12 году? Между тѣмъ невѣрующій дѣлаетъ еще больше такихъ нелѣпыхъ дѣтскихъ вопросовъ.

Но могутъ сказать еще: если жилъ Іисусъ Христосъ, если Онъ былъ такою небычайно великою Личностію, то въ высшей степени удивительно однако, что прежде Евангельскихъ нѣтъ никакихъ другихъ о Немъ повѣствованій, что вся свѣтская языческая литература тогдашняго времени ничего о Немъ не говоритъ. Но постыднѣйшую ложь утверждаютъ увѣряющіе, что это дѣйствительно такъ. Иди и познакомься хоть съ тѣмъ, что извѣстно объ императорѣ *Юліанѣ* (начнемъ съ позднѣйшаго). Онъ былъ такъ близокъ ко временамъ Апостоловъ, что прапрадѣдъ его былъ современникомъ слушавшихъ проповѣдь Апостоловъ. Онъ былъ не только замѣчательный полководецъ, но и искусный писатель. Онъ поставилъ задачею своей жизни представить христіанство, какъ безсмысліе и ложь. И что въ такомъ случаѣ для него сподручнѣе было бы, какъ если бы онъ могъ сказать: никакого Христа и не было совсѣмъ, Христосъ не совершалъ всѣхъ тѣхъ чудесъ, какія передаютъ о Немъ и проч.? Этимъ онъ въ самомъ корнѣ подкопалъ бы ненавистное ему христіанство. Но онъ этого не сдѣлалъ, потому что *не могъ*. Онъ долженъ былъ *признать* Евангельскую исторію, какъ истинную. Спроси далѣе, что языческій философъ *Аристидъ*, впослѣдствіи отрекшійся отъ язычества, говорилъ въ письмѣ къ *Кесарю* о тѣхъ, которые въ его время исцѣлены были Апостолами. Изслѣдуй, что ожесточенный врагъ христіанъ; *Цельсъ*, писалъ о спутникахъ, сопровождавшихъ Іисуса Христа, которые, по его собственнымъ словамъ, жили только за нѣсколько лѣтъ до смерти, и ты найдешь, что *враги* христіанства также громко свидѣтельствуютъ о Христѣ, какъ и новозавѣтные писатели. Вѣроятно, ты также ничего не знаешь о свидѣтельствахъ, какія находятся въ сочиненіяхъ языческаго философа *Лукіана*, *Порфирія*, *Тацита*, *Плинія*, *Светонія*, *Іосифа Лампридія*, *Флегона*, вольноотпущенника Адріанова, *Макробія*, даже самого императора *Марка Аврелія*, подтверждающихъ Евангельскія событія. Умолчу уже о томъ, что Магометъ въ своемъ Коранѣ многократно свидѣтельствуетъ о Христѣ и Его чудесахъ, такъ какъ Магометъ жилъ значительно позже. И такъ, кто же рѣшится утверждать, что въ письменности внѣ-библейской, у языческихъ писателей того времени, не упоминается о томъ, что жилъ Іисусъ Христосъ и жилъ такъ, какъ о Немъ передаютъ Евангелисты? Такъ можетъ говорить только *невѣжественный* человѣкъ или *хитрый обманщикъ*, которому желательно поколебать вѣру въ сердцахъ невѣжественныхъ людей изъ низшаго, или изъ такъ называемаго образованнаго класса. Но въ такихъ важныхъ дѣлахъ нельзя оправдываться словами: «я этого не зналъ!» Тебя спросятъ: почему же ты добросовѣстно не изслѣдовалъ, не испытывалъ, не старался разузнать, гдѣ истина и гдѣ ложь? Неужели ты столь же легкомысленно и равнодушно поступалъ въ житейскихъ своихъ дѣлахъ, какъ поступаешь въ религіозныхъ вопросахъ, гдѣ дѣло идетъ о вѣчномъ твоемъ блаженствѣ? Если бы тебѣ сказали, что поданъ протестъ противъ духовнаго завѣщанія, по которому тебѣ слѣдовало получить 100,000 руб., если бы тебя извѣстили, что у тебя въ имѣніи погорѣли всѣ постройки, что на поляхъ вымерзли всѣ всходы пшеницы: неужели ты принялъ бы все это равнодушно, не побезпокоившись даже разузнать, правда ли это? Какъ же ты можешь равнодушно слышать, когда ежедневно поносятъ твою христіанскую вѣру, твое Евангеліе, когда высказываютъ предъ тобою кощунственныя мнѣнія о христіанствѣ;—какъ ты можешь все это слу-

шать, не пытаясь разслѣдовать, узнать въ точности все дѣло, изучить все касающееся спорнаго вопроса? Твоя ревность въ житейскихъ дѣлахъ страшно осудитъ нѣкогда твое ужасное равнодушіе въ дѣлахъ, касающихся вѣчности.

Послѣ этихъ замѣчаній, изъ многихъ внѣ-библейскихъ историческихъ свидѣтельствъ о Христѣ и земной жизни Его, записанной въ Евангеліяхъ, разсмотримъ на этотъ разъ только нѣкоторыя. И прежде всего представимъ нѣсколько краткихъ свидѣтельствъ, представляемыхъ знаменитыми писателями: *Свѣтоніемъ и Тацитомъ.*

Свѣтоній, жившій съ 70 по 121 г. по Р. Х., описалъ жизнь Римскихъ императоровъ. Описывая жизнь Клавдія, Свѣтоній пишетъ о немъ: «*онъ изгналъ изъ Рима Іудеевъ, которые по поводу Христа постоянно производили безпокойства*». Этотъ Римскій историкъ, правда, не различаетъ новой религіи отъ Іудейской, изъ которой она вышла. Но онъ ясно свидѣтельствуетъ, что имя *Христа* производило сильное движеніе между Іудеями. Слѣдовательно изъ его свидѣтельства видно, что въ царствованіе Клавдія былъ какой-то Мужъ, въ высшей степени вліятельный на народъ, Котораго называли Христомъ.

Другое свидѣтельство находимъ у Тацита. Онъ родился въ 54 г. по Р. Х. Въ своей лѣтописи (13, 44) онъ упоминаетъ о первомъ гоненіи на христіанъ, бывшемъ въ 64 году при Неронѣ, и говоритъ между прочимъ слѣдующее: «*Виновникъ имени христіанъ, Христосъ, былъ умерщвленъ въ царствованіе Тиверія прокураторомъ Понтіемъ Пилатомъ*». Тацитъ былъ гордый Римлянинъ. Онъ съ презрѣніемъ относится къ Іудейской сектѣ, каковою онъ признавалъ христіанство. Онъ бичуетъ въ христіанахъ казавшееся ему смѣшнымъ страстное увлеченіе ихъ новою религіей, угрожавшее опасностью Римскому государству и увеличивавшее современные безпорядки. Изъ словъ его ясно можно видѣть, что около 65 года въ столицѣ міра, которую не такъ легко было привести чѣмъ либо въ движеніе, оказалась такая община, что обратила на себя всеобщее вниманіе и вражду. Онъ свидѣтельствуетъ также, что Глава этой партіи есть извѣстный Христосъ, преданный смерти Понтіемъ Пилатомъ въ царствованіе Тиверія. Отъ этого Христа и самая секта получила свое имя. Слѣдовательно религія Распятаго была уже вообще распространенною спустя 30 лѣтъ послѣ Его смерти. Достаточно было 30 лѣтъ для распространенія ея отъ мѣста ея происхожденія—Іудеи—до средоточія тогдашняго міра и возвышенія ея въ страшную силу, возбудившую гнѣвъ и преслѣдованіе Нерона. Это уже въ высшей степени важное свидѣтельство, полученное нами отъ авторитетнаго языческаго историка о нашемъ Господѣ, свидѣтельство за истину Евангельскихъ повѣствованій.

Приведемъ еще одно интереснѣйшее и древнѣйшее свидѣтельство изъ всемірной исторіи. Это замѣчательное свидѣтельство Іудейскаго историка *Іосифа Флавія.* Онъ родился въ Іерусалимѣ въ 37 году послѣ Р. Хр., былъ нѣкоторое время Римскимъ намѣстникомъ въ Галилеѣ, впослѣдствіи Іудейскимъ полководцемъ; послѣ разрушенія Іерусалима, пользуясь особеннымъ уваженіемъ Тита, онъ переселился въ Римъ, гдѣ и написалъ свою исторію Іудейскихъ древностей, въ которой и находится важное для насъ свидѣтельство. Оно *вполнѣ* читается такъ (кн. 18, гл. 4):

«*Около этого времени жилъ Іисусъ, мудрый человѣкъ, если нельзя иначе назвать Его, какъ только человѣкъ: ибо Онъ совершилъ дѣла чудныя, училъ тѣхъ, которые съ охотою пріемлютъ*

истину. Онъ пріобрѣлъ Себѣ много послѣдователей, какъ изъ Іудеевъ, такъ и изъ язычниковъ. Онъ былъ Мессія (Христосъ). *Не смотря на крестную смерть,* на которую Пилатъ, *по требованію старѣйшинъ народа, осудилъ Его, первые ученики Его не оставили прежней къ Нему любви. Онъ явился имъ живымъ три дня спустя послѣ Своей смерти, какъ предсказали пророки объ этомъ, а равно и о другихъ чудесахъ Его жизни,* и до сего дня послѣдователи Его продолжаютъ существовать подъ именемъ христіанъ, которое они имѣютъ отъ Него».

Не правда ли, что это—замѣчательнѣйшее свидѣтельство, и тѣмъ болѣе цѣнное, что выходитъ изъ устъ величайшаго и знаменитѣйшаго писателя того времени, который одинаково уважаемъ былъ какъ язычниками, такъ и Іудеями, но при этомъ *совершенно* вдали стоялъ отъ христіанства?

Понятно само собою, что это мѣсто должно было выдержать не мало нападеній. Эта звѣзда слишкомъ ярко свѣтитъ, слишкомъ поражаетъ взоры невѣрующихъ, и естественно, что они, во что бы то ни стало, старались потушить ее...

Поэтому говорили: «въ этомъ мѣстѣ христіане подѣлали вставки въ позднѣйшее уже время. Могъ ли такой человѣкъ, какъ Іосифъ Флавій, столь далеко стоявшій отъ христіанства, могъ ли онъ сказать, что Іисусъ былъ Мессія и что Онъ воскресъ въ третій день?» Такъ и теперь еще говорятъ. «Слѣдовательно, прибавляютъ, здѣсь есть позднѣйшія вставки». Нужно замѣтить, что теперь никто уже, знающій дѣло ближе, не утверждаетъ, что *все* это мѣсто не подлинно, на томъ, между прочимъ, основаніи, что Іосифъ дѣлаетъ обстоятельныя свидѣтельства также и объ Іоаннѣ Крестителѣ и Іаковѣ, котораго онъ называетъ братомъ Іисуса. И совершенно ничѣмъ не доказано, чтобы и эти только нѣкоторыя слова были не подлинны. Извѣстный Французскій изслѣдователь въ области церковной исторіи, Прессансе, результаты новѣйшихъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ представляетъ въ такомъ видѣ: если это замѣчательное мѣсто испытало передѣлки, то въ слѣдующихъ существенныхъ своихъ чертахъ оно осталось не тронутымъ: «Къ этому времени явился Іисусъ, мудрый Мужъ, Совершитель необычайныхъ дѣлъ. Учениками Его были тѣ, что любили истину. Онъ собралъ около Себя многихъ Іудеевъ и Грековъ. Они не отреклись отъ любви, какую имѣли къ Нему, и послѣ того какъ Пилатъ, по требованію народныхъ старѣйшинъ, осудилъ Его на крестъ. Множество христіанъ, которые назывались по имени Его, остались Ему вѣрными и до сего дня». Самъ Ренанъ признаетъ слова Еврейскаго историка въ такомъ же значеніи. Такимъ образомъ Іосифъ Флавій подтверждаетъ историческій характеръ великихъ, совершившихся въ Іерусалимѣ, событій, хотя и не признаетъ ихъ внутренняго Божественнаго значенія.

Даже *Талмудъ* и тотъ нѣкоторымъ образомъ свидѣтельствуетъ о Евангельской исторіи. Онъ упоминаетъ имена трехъ Апостоловъ: Матѳея, Ѳаддея и Іакова, и *глумится* надъ чудотворною силою Іисуса Христа, но не можетъ *отрицать* ее. Можно подумать, что слушаешь фарисеевъ, которые хотя не могли отрицать чудесъ Іисуса Христа, что они съ величайшею охотою сдѣлали бы, но приписывали ихъ веельзевулу. Іисусъ Христосъ творилъ чудеса и былъ до смерти ненавидимъ начальствомъ народа Іудейскаго—что̀ свидѣтельствуетъ Талмудъ.

Думаю, что и изъ этихъ немногихъ примѣровъ, заимствованныхъ не изъ

библейской исторіи, добросовѣстный читатель достаточно уже можетъ убѣдиться, какъ лживы увѣренія невѣрующихъ, что будто кромѣ Евангельскихъ разсказовъ нѣтъ нигдѣ и ни какихъ свидѣтельствъ о жизни и дѣятельности Іисуса Христа. Напротивъ! Уже изъ приведенныхъ свидѣтельствъ ясно видно, что какъ Іудейство, такъ и язычество на порогѣ къ новому времени приведено было въ сильное возбужденіе необыкновеннымъ Человѣкомъ, Который назывался Іисусомъ Христомъ, пришелъ изъ Галилеи, совершалъ чудесныя дѣйствія и послѣ страданій окончилъ Свою жизнь на крестѣ. Но однакоже этотъ Распятый владычествуетъ надъ Своею сектою, Его любятъ самымъ искреннимъ образомъ и даже, какъ пишетъ *Плиній*, почитаютъ какъ *Бога;* секта Его тотчасъ послѣ смерти Его распространяется до центра великой Римской имперіи и навлекаетъ на себя ненависть синагоги и языческой государственной власти. Развѣ это не сильнѣйшее свидѣтельство объ Іисусѣ Христѣ языческихъ историковъ? Можно даже сказать еще: если бы не было Евангелій, то развѣ Іисусъ Христосъ былъ бы совершенно неизвѣстною великою Личностію?

Но конечно *точный* образъ этого Лица, и тогда уже возбудившаго къ Себѣ вниманіе всего міра, мы можемъ заимствовать только изъ Евангельскихъ повѣствованій. Но какъ же? Вѣдь эти Евангелія должны быть не подлинными? Они разсказываютъ о дѣлѣ не такъ, какъ оно въ дѣйствительности происходило, но должны были разукрасить его разнаго рода вымыслами, такъ называемыми миѳами, такъ что невозможно съ совершенною точностью отыскать, что здѣсь истина и что прибавка творческой благочестивой фантазіи послѣдователей этого Іисуса. Такъ учитъ людей Штраусъ. Не мало уже теперь можно встрѣтить такихъ, которые, по одной наслышкѣ отъ читавшихъ Штрауса, утверждаютъ: Штраусъ *неопровержимо* доказалъ, что Евангелія въ дѣйствительности содержатъ миѳы. Мы могли бы представить здѣсь дѣло очень просто. Никто не рѣшается отрицать — даже самъ Бауръ, величайшій изъ всѣхъ невѣрующихъ ученыхъ, что посланія Апостола Павла къ Галатамъ, Коринѳянамъ, Римлянамъ и Апокалипсисъ Іоанна Богослова должны быть подлинны. Если же совокупить все, что въ однихъ этихъ книгахъ говорится объ Іисусѣ Христѣ, то окажется, что и въ этихъ писаніяхъ, самими врагами признаваемыхъ подлинными, *засвидѣтельствованы всѣ главнѣйшія событія* земной жизни Іисуса Христа, необходимыя для нашей вѣры. Но мы не имѣемъ въ этомъ надобности. Мы спросимъ только, какія собственно у Штрауса и Баура основанія, по которымъ они считаютъ *Евангелія не подлинными?* Послѣднее и главнѣйшее ихъ основаніе — въ этомъ они сами сознаются — состоитъ единственно въ томъ, что жизнь Іисуса Христа исполнена *чудесъ*. Чудеса же не возможны, такъ какъ, по ихъ ученію, нѣтъ живаго Бога. Слѣдовательно и въ дѣйствительности чудеса никогда не могутъ быть. Такимъ образомъ и Евангелія, повѣствующія о чудесахъ, *должны* быть признаны вымыслами. Всѣ другія основанія, которыя представляетъ Штраусъ, не имѣютъ большаго значенія, потому что многія такъ называемыя противорѣчія въ Евангеліяхъ не такъ велики, какъ онъ представляетъ ихъ. Въ свое время мы покажемъ, какъ легко примиряются такія мнимыя противорѣчія. Слѣдовательно существенное *основаніе*, по которому Штраусъ считаетъ содержаніе Евангелій вымысломъ, состоитъ въ томъ, что онъ не вѣритъ въ *чудеса*. И конечно, кто не признаетъ живаго

личнаго Бога, всемогущаго *Владыки* природы, а не раба ея, тотъ не можетъ представить себѣ никакого чуда. Но мы уже прежде видѣли, что *есть всемогущій* Богъ. Слѣдовательно, Онъ можетъ творить и *чудеса*. Здѣсь одно вытекаетъ изъ другаго. Такимъ образомъ это основаніе Штрауса не можетъ быть для насъ такимъ камнемъ, который бы завалилъ намъ входъ къ Евангеліямъ. Другихъ же, какъ сказалъ я, нѣтъ у него достаточныхъ основаній. Что же касается свидѣтельствъ о подлинности Евангелій и посланій, то они столь сильны, что нужно быть *ожесточеннымъ* противъ истины, чтобы говорить, подобно Бауру и Штраусу, что они написаны около 150—200 годахъ, когда уже не было въ живыхъ ни одного очевидца и когда мечтательные христіане могли измышлять о Христѣ разнаго рода вымыслы.

Нѣтъ, это непростительная *ложь*. Ниже мы приведемъ цѣлый сводъ доказательствъ, подтверждающихъ, что Евангелія дѣйствительно написаны тѣми лицами и въ то время, какъ признавала и признаетъ Св. Церковь. На этотъ разъ можно довольствоваться свидѣтельствомъ знаменитѣйшаго изслѣдователя въ области новозавѣтныхъ первоначальныхъ письменныхъ памятниковъ,—разумѣемъ *Константина Тишендорфа*. Какъ достаточно произнести одно имя Либиха, чтобы загородить уста тысячи полуобразованныхъ болтуновъ въ области естественныхъ наукъ; такъ одно имя Тишендорфа приводитъ въ молчаніе все сборище вздорныхъ почитателей Штрауса. Знаменитый ученый критикъ св. текста не только утверждаетъ, но и доказываетъ въ своихъ сочиненіяхъ самыми убѣдительнѣйшими доводами, что не только четыре Евангелія, но и главныя писанія всего Новаго Завѣта уже собраны были въ одинъ сборникъ около 100 года послѣ Рождества Христова и что Евангелія всѣ вмѣстѣ и каждое въ частности подлинны. И основанія для этого такъ многочисленны и сильны, что другой ученый справедливо сказалъ: можно бы было поздравить себя, если бы какая либо книга изъ свѣтской древней литературы такъ была богато и основательно засвидѣтельствована, какъ эти писанія Новаго Завѣта.

Итакъ если бы тебя, читатель, стала безпокоить сколько-нибудь болтовня слышавшихъ имя Штрауса и читателя его книги, вздорная болтовня о неподлинности новозавѣтныхъ писаній, то знай, что Штраусу съ братіей его противостоятъ такіе ученые, съ которыми онъ рѣшительно не можетъ идти въ сравненіе, и не сомнѣвайся нисколько въ томъ, чему учитъ тебя Св. Церковь. Евангелія наши *подлинны*, происходятъ отъ очевидцевъ Іисуса Христа, которые въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ видѣли, слышали, осязали Его. Это выше *всякаго* сомнѣнія. А кто иначе станетъ говорить тебѣ, тотъ *лжецъ*. Подробныя доказательства, какъ я сказалъ уже, будутъ представлены ниже (см. ст. о подлинности четвероевангелія).

Такимъ образомъ—несомнѣнная, чистѣйшая истина, что Іисусъ Христосъ жилъ на землѣ и жилъ именно *такъ*, какъ всегда учила Св. Церковь. За эту вѣру множество мучениковъ претерпѣли страданія и смерть. Исторія подтверждаетъ это самымъ убѣдительнѣйшимъ образомъ. Утверждать иначе можетъ или достойный сожалѣнія невѣжественный человѣкъ, или же лжецъ и обманщикъ, желающій и у другихъ похитить вѣру, такъ какъ онъ самъ не только не вѣруетъ во Христа, но и отвергнулъ живаго Бога и хочетъ умереть какъ животное (Воскр. Чт. 1879 г. За вѣру и противъ невѣрія, стр. 190—196.)

ВВЕДЕНІЕ.

Предварительныя свѣдѣнія и понятія о Святыхъ Евангеліяхъ.

(Протоіерея Яхонтова.)

Понятіе о Евангеліи. Слово «Евангеліе» въ Новомъ Завѣтѣ означаетъ благовѣстіе Господа Іисуса Христа и Его Апостоловъ о спасеніи рода человѣческаго и устроеніи Царствія Божія на землѣ. Это благовѣстіе послужило основаніемъ Церкви христіанской. Оно сообщено было сначала устно, а потомъ начертано письменами чрезъ святыхъ Апостоловъ, подъ руководствомъ Духа Святаго. Благовѣстіе это едино, но Евангелій—четыре. Впрочемъ еще св. Иринеи Ліонскій называлъ писанія Евангелистовъ «четверичнымъ Евангеліемъ» или четвероевангеліемъ. Въ Евангеліяхъ содержится благовѣстіе объ Іисусѣ Христѣ и Его Царствѣ, по изложенію четырехъ различныхъ повѣствователей.

Источники Евангелія. Между учеными прошлаго столѣтія довольно распространено было мнѣніе о томъ, что прежде извѣстныхъ намъ четырехъ Евангелій—существовало древнѣйшее Евангеліе (откуда будто бы почерпали свои свѣдѣнія Евангелисты Новаго Завѣта), или такъ называемое «первоевангеліе». Но должно признаться, что существованіе мнимаго «первоевангелія» есть гипотеза, не подтверждаемая никакими историческими доказательствами, и совершенно противорѣчащая писаніямъ Апостоловъ и мужей Апостольскихъ. Посему въ послѣднее время мнѣніе о письменномъ «первоевангеліи» оставлено всѣми серьезными учеными. Единственнымъ источникомъ для Евангелистовъ Матѳея и Іоанна было то, что они сами видѣли и слышали отъ своего Божественнаго Учителя и Его Пречистой Матери, *слагавшей* всѣ слова Его и о Немъ *въ сердцы Своемъ*; а для Марка и Луки—ихъ личныя наблюденія и свидѣтельство «самовидцевъ Слова».

Отличительныя черты Евангелій. Первыя три Евангелія сходны между собою и отличаются отъ четвертаго порядкомъ и характеромъ изложенія. Первыя три Евангелія излагаютъ въ послѣдовательномъ порядкѣ свѣдѣнія о жизни Господа Іисуса Христа, почему они и называются *синоптическими*. Св. Іоаннъ не держится такого порядка. Онъ ничего не говоритъ объ исторіи земнаго рожденія Спасителя, а прямо начинаетъ благовѣстіемъ о Божествѣ Его. Первые повѣствуютъ о дѣяніяхъ Іисуса Христа, совершенныхъ главнымъ образомъ въ Галилеѣ; а послѣдній о дѣяніяхъ Его въ Іудеѣ и частію Самаріи. Первые объясняютъ болѣе человѣческія свойства Спасителя, послѣдній Его Божественное достоинство. Но и синоптическія Евангелія имѣютъ свои частныя

отличительныя черты. Лука, спутникъ Апостола языковъ, писалъ Евангеліе для Грековъ; Матѳей, учитель Израиля, имѣлъ въ виду христіанъ изъ Іудеевъ; Маркъ занимаетъ средину между Матѳеемъ и Лукою, останавливая особенное вниманіе на чудесахъ Іисуса Христа, знаменательныхъ для всѣхъ и каждаго. Матѳей изображаетъ въ Іисусѣ Христѣ обѣтованнаго Мессію, въ Царствѣ Его—царство Давида; Маркъ—Владыку природы и человѣка; Лука—Спасителя грѣшниковъ; Іоаннъ—Единороднаго Сына Божія, исполненнаго благодати и истины.

ЕВАНГЕЛІЕ СВ. МАТѲЕЯ.

Писатель Евангелія—Матѳей или Левій (Матѳ. IX, 9. Марк. II, 14. Лук. V, 27), сынъ Алфея (Марк. II, 14), одинъ изъ 12 Апостоловъ (Матѳ. X, 3). До своего призванія къ Апостольскому служенію, онъ былъ мытаремъ, т. е., сборщикомъ податей въ странѣ при озерѣ Тиверіадскомъ, гдѣ была таможня или мытница для сбора пошлинъ съ товаровъ, отправляемыхъ изъ Палестины и Египта въ Сирію и обратно. Призванный Господомъ, онъ беззавѣтно послѣдовалъ за Нимъ. Поприщемъ Апостольской дѣятельности его была сначала Іудея. Но такъ какъ проповѣдь его не встрѣтила полной вѣры въ отечественной странѣ, то Матѳей, со свойственной ему рѣшительностью, удалился изъ отечества и мѣста родины. Но прежде, чѣмъ оставить свой отечественный народъ, св. Матѳей написалъ, какъ передаетъ историкъ Евсевій, свое Евангеліе, въ которомъ изложилъ главныя событія въ жизни Іисуса Христа, отъ Его рождества до воскресенія изъ мертвыхъ, предваривъ это изложеніе—родословіемъ Спасителя, какъ потомка Авраама и Давида, по плоти. Матѳей выразилъ мысль о томъ, что Церковь Христова, возникшая въ Іудеѣ, должна принять въ свои нѣдра языческіе народы. Гдѣ проповѣдывалъ Матѳей по удаленіи изъ Іудеи, съ точностью неизвѣстно. По преданію, онъ продолжалъ Апостольскіе труды въ Эѳіопіи, Индіи и Парѳіи, и въ послѣдней странѣ претерпѣлъ мученическую смерть.

Время написанія Евангелія отъ Матѳея. По свидѣтельству древнихъ отцевъ, св. Матѳей первый изъ Апостоловъ написалъ свое Евангеліе въ то время, когда онъ еще проповѣдывалъ въ Іудеѣ,—именно черезъ восемь лѣтъ по вознесеніи Іисуса Христа.

Языкъ Евангелія, по единогласному свидѣтельству древнихъ отцевъ и писателей Церкви, былъ Еврейскій, или Арамейскій, употреблявшійся въ Палестинѣ. Но такъ какъ настоящій Греческій текстъ не носитъ никакихъ слѣдовъ того, что это переводъ, то нельзя не допустить предположенія о томъ, что самъ же св. Матѳей, когда онъ перенесъ свою дѣятельность въ среду язычниковъ, сдѣлалъ изложеніе своего Евангелія на Греческомъ языкѣ. Арамейскій текстъ Евангелія Матѳея не дошелъ до насъ. Онъ былъ въ обращеніи между іудействующими христіанами, и впослѣдствіи совершенно извращенъ евіонитами, которые выкинули изъ него цѣлый отдѣлъ о сверхъестественномъ рождествѣ Іисуса Христа отъ Духа Святаго.

Цѣль Евангелія, какъ видно изъ обстоятельствъ его написанія и изъ многочисленныхъ ссылокъ на пророковъ Ветхаго Завѣта, есть та, чтобы показать, что Іисусъ Назорей есть обѣтованный Богомъ Мессія—Христосъ; что этотъ

Божественный Посланникъ не былъ признанъ въ Своемъ отечествѣ, почему проповѣдь Евангелія должна быть предложена язычникамъ. Такимъ образомъ Евангеліе св. Матѳея отчасти служило какъ-бы апологіей Апостола въ его отношеніяхъ къ язычникамъ и Іудеямъ.

Въ *изложеніи* событій Евангелистъ не слѣдуетъ хронологическому порядку. Послѣ повѣствованія о рождествѣ, младенчествѣ и крещеніи Іисуса Христа, объ искушеніи Его въ пустынѣ и явленіи на проповѣдь, Евангелистъ повѣствуетъ объ ученіи и дѣлахъ Спасителя, имѣвшихъ мѣсто въ Галилеѣ, и не говоритъ ничего о промежуточныхъ путешествіяхъ въ Іерусалимъ, а потомъ уже (отъ гл. XIX до конца) описываетъ событія, совершившіяся въ Іудеѣ, отъ торжественнаго входа въ Іерусалимъ до воскресенія Господа.

Обозрѣніе содержанія. I. Евангелистъ Матѳей начинаетъ свое Евангеліе «книгою бытія» или происхожденія Іисуса Христа, Возстановителя и Возсоздателя міра и человѣка, первое происхожденіе которыхъ описано въ «книгѣ бытія» пророкомъ Моѵсеемъ. Іисусъ есть обѣтованный сынъ Авраама и Давида. Давидъ былъ четырнадцатымъ нисходящимъ потомкомъ въ родѣ Авраама. Іисусъ Христосъ былъ трижды-четырнадцатымъ (или 42) потомкомъ отъ Авраама. Онъ зачатъ былъ Дѣвою наитіемъ Святаго Духа; но, съ другой стороны, Онъ зачался въ домѣ Іосифа, обручившагося съ Дѣвою Маріей, и потому считался сыномъ его и былъ потомкомъ Давида (гл. I). Іерусалимъ, узнавъ отъ восточныхъ мудрецовъ о рожденіи давно ожидаемаго Мессіи, смутился вмѣстѣ съ иноплеменнымъ царемъ своимъ—Иродомъ Идумеяниномъ; потому что восточные мудрецы или волхвы пришли поклониться новорожденному царю Іудейскому. Вѣсть о родившемся Царѣ-Мессіи повела не къ распространенію Его славы, а къ враждебнымъ дѣйствіямъ со стороны Ирода; послѣдствіемъ чего было бѣгство Іосифа съ Богомладенцемъ и Матерію Его въ Египетъ, а потомъ поселеніе, вмѣсто отечественнаго и Священнаго города Давидова Виѳлеема, въ презираемомъ Назаретѣ (II).

II. Гласъ вопіющаго въ пустынѣ возвѣщаетъ Іудеямъ явленіе Мессіи; о томъ же свидѣтельствуетъ гласъ Бога Отца съ неба во время крещенія Іисусова и явленіе Духа Святаго. Козни и искушенія со стороны врага человѣческаго рода оказываются безсильными противъ Сына Божія (III—IV, 11).

III. Величайшій изъ пророковъ, св. Іоаннъ Креститель, заключенъ въ темницу. Іисусъ Христосъ является на проповѣдь народу, избираетъ Апостоловъ и Своимъ ученіемъ и чудесами доказываетъ, что Онъ есть воистину Спасъ міру Христосъ, величайшій Пророкъ и Учитель (IV, ст. 12—25).

Образцомъ и какъ-бы сокращеніемъ пророческой или учительской дѣятельности Господа Іисуса Христа св. Матѳей выставляетъ, такъ называемую, *нагорную проповѣдь* (V—VII). Въ этой проповѣди Іисусъ Христосъ поучаетъ, какія нравственныя качества долженъ имѣть человѣкъ, чтобы сдѣлаться членомъ Царства Божія. Эти качества, по изъясненію Божественнаго Учителя, суть: смиреніе, плачъ о грѣхахъ, кротость, чистота сердца, миролюбіе, истинная праведность, заключающаяся въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, но не въ смыслѣ фарисейскаго внѣшняго благочестія. Требуются постъ, молитва и милостыня, но совершаемыя не на показъ людямъ, а во славу Божію и отъ чистаго сердца; наконецъ, безраздѣльная, всецѣлая сердечная преданность Богу, исключающая всякую привязан-

ность къ чему либо земному, но не отрицающая человѣколюбія и истекающихъ изъ него обязанностей. Средство къ пріобрѣтенію сихъ добродѣтелей заключается въ неусыпной и полной упованія молитвѣ, безъ лицемѣрія, въ презрѣніи къ соблазнамъ міра, въ слушаніи и исполненіи слова Божія. Послѣ изложенія нагорной проповѣди, Евангелистъ присовокупляетъ разсказъ о томъ впечатлѣніи, какое произвела эта проповѣдь на слушателей. Многіе изъ нихъ увѣровали въ Него, какъ истиннаго Мессію, посланника Божія, и послѣдовали за Нимъ. Чтобы показать дѣятельность Іисуса Христа, какъ Спасителя міра, Евангелистъ изображаетъ картину, такъ сказать, ежедневной жизни Его. Мы видимъ рядъ чудесныхъ дѣяній, въ которыхъ Іисусъ Христосъ проявляетъ Божественную силу, направляя ее къ облегченію человѣческихъ страданій. По этимъ дѣяніямъ, въ Немъ нельзя не признать предсказаннаго пророкомъ Исаіею *Цѣлителя недуговъ* (VIII, 1—17).

IV. Но грубый, въ большинствѣ, и въ лицѣ своихъ представителей склонный къ чувственности, самонадѣянной гордости и тщеславію, Израильскій народъ не только не могъ правильно понять своего Учителя, но и старался вредить Ему по мѣрѣ силъ (VIII, 18—34). Книжники и фарисеи осуждали Его за то, что Онъ приписывалъ Себѣ власть прощать грѣхи, и что Онъ былъ другомъ грѣшниковъ и мытарей (IX, 1—13). Даже ученики Іоанна Крестителя негодовали на то, что ученики Іисуса Христа не постились по обычаю фарисеевъ (14—17). Іисусъ Христосъ совершилъ великія чудеса, исцѣлилъ кровоточивую, которая прикоснулась къ Его одеждѣ, воскресилъ дочь Іаира, возвратилъ зрѣніе двумъ слѣпцамъ, языкъ — нѣмому, изгнавъ изъ него бѣса. Но все было безполезно для ослѣпленныхъ завистью представителей народа. Фарисеи говорили, что Іисусъ творитъ чудеса силою діавола (18 — 34). А простой народъ своимъ невѣжествомъ возбуждалъ жалость въ сердцѣ Господа.

V. Іисусъ Христосъ посылаетъ Апостоловъ по городамъ Израильскимъ съ проповѣдью о пришествіи на землю Царствія (т. е. Царя) Небеснаго и даетъ имъ власть творить чудеса (X, 1—36).

VI. Далѣе св. Евангелистъ описываетъ невѣріе Іудеевъ, хотя они видѣли чудеса Іисуса Христа (XI, 12 и 13); св. Іоаннъ Креститель, находясь въ темницѣ, посылалъ учениковъ своихъ спросить Іисуса: «Онъ ли обѣтованный Мессія-Христосъ, или должно ожидать другаго лица?» Это недоумѣніе тревожило, конечно, учениковъ Іоанна. Іисусъ Христосъ отвѣчалъ, что Его дѣла свидѣтельствуютъ о Немъ, что Онъ есть предсказанный пророками Избавитель міра. Съ тѣмъ вмѣстѣ Іисусъ Христосъ объясняетъ высокое достоинство Іоанна, говоритъ о путяхъ къ Царствію Небесному и упрекаетъ Іудеевъ за невѣріе. Города Галилейскіе, Капернаумъ, Виѳсаида и Хоразинъ, видѣвшіе чудеса Господа и не увѣровавшіе въ Него, подверглись особенно строгому осужденію; напротивъ люди простосердечные, смиренные, страждущіе и бѣдные призываются Господомъ въ Царство Божіе (XI). Ученики Іисуса Христа, однажды проходя между засѣянными полями и чувствуя голодъ, рвали колосья въ день субботній. Вскорѣ Самъ Іисусъ Христосъ въ субботу исцѣлилъ сухорукаго, а потомъ изгнаніемъ бѣса возвратилъ зрѣніе и языкъ слѣпому и нѣмому. Это мнимое нарушеніе покоя субботы возбуждало негодованіе фарисеевъ. Такое непониманіе закона Божія самими учителями народа дало поводъ Іисусу Христу къ произнесенію сильныхъ обличеній противъ фарисейскаго лицемѣрія. Обличеніе возбудило въ обличаемыхъ

неистовый гнѣвъ, и они стали помышлять о томъ, какъ бы убить Обличителя. Кротость Его только усиливала злобу фарисеевъ; они ожесточились еще болѣе и всячески старались оклеветать Его передъ народомъ; чудеса Его они приписывали силѣ бѣсовской. Господь по этому случаю сказалъ имъ, что, приписывая чудеса Его злому духу, они хулятъ Святаго Духа; а это—грѣхъ противъ Святаго Духа, и этотъ грѣхъ никогда не отпустится; что Ниневитяне, покаявшіеся вслѣдствіе проповѣди Іоны пророка, и царица южская, приходившая въ Іерусалимъ послушать мудрости Соломоновой, обличатъ упорныхъ Іудеевъ на послѣднемъ страшномъ судѣ, потому что они не увѣровали Тому, Кто гораздо больше Іоны и Соломона. Въ заключеніе, Господь сказалъ имъ, что духъ злобы вполнѣ овладѣетъ тѣмъ, кто, освободившись отъ него, не соблюлъ дара Божія. А тѣхъ, которые исполняютъ волю Отца Небеснаго, Господь называетъ Своими братьями и даже матерію Своею (XII). Затѣмъ въ символическихъ образахъ или притчахъ Божественный Учитель объясняетъ внутренній характеръ Своего Царства, противоположный чувственному воззрѣнію Іудеевъ; предрекаетъ развитіе этого Царства изъ незамѣтныхъ зачатковъ до поразительнаго величія, его переходъ отъ состоянія безвѣстности до состоянія всемірной славы. Народъ дивился Его ученію, но большею частью остался въ невѣріи; особенно согрѣшили въ этомъ жители отечественнаго Ему Назарета (XIII).

VII. Послѣ мученической кончины Іоанна Крестителя, Іисусъ Христосъ удаляется въ пустыню для уединенной молитвы; явившись къ народу, Онъ творитъ еще большія чудеса и открываетъ ученикамъ Своимъ новыя тайны Царствія Божія. По возвращеніи изъ пустыни, Господь встрѣтилъ множество народа, который пѣшкомъ пришелъ изъ городовъ и всюду искалъ Его. Господь сжалился надъ добрымъ народомъ, который терпѣлъ труды и голодъ, чтобы только послушать Его ученіе. При этомъ Іисусъ Христосъ пятью хлѣбами и двумя рыбами напиталъ 5000 человѣкъ, но затѣмъ снова удалился для уединенной молитвы. Ночью, во время сильной бури, Онъ возвратился къ ученикамъ, плывшимъ по морю Геннисаретскому. Въ это время, утишеніемъ бури, Онъ укрѣпляетъ вѣру учениковъ Своихъ, особенно вѣру Петра, который хотѣлъ придти къ Нему, но испугался бури и сталъ тонуть. По милосердію къ страждущимъ, Господь однимъ прикосновеніемъ Своей одежды исцѣляетъ больныхъ, которыхъ приносили къ Нему (XIV). Фарисеи и книжники упрекали учениковъ Господа, что они не умываютъ рукъ передъ обѣдомъ. Господь изобличаетъ мнимую праведность фарисеевъ, которые не боятся нарушать заповѣди Божіи и хвалятся соблюденіемъ преданія старцевъ; при этомъ Онъ предостерегаетъ народъ отъ фарисейскаго духа; затѣмъ удаляется изъ св. земли въ языческую страну Тира и Сидона. Здѣсь въ Сиро-Финикійской женщинѣ Іисусъ Христосъ встрѣчаетъ такую вѣру, какой Онъ не находилъ въ Израилѣ, и награждаетъ твердую вѣру этой женщины исцѣленіемъ ея дочери. Возвратившись отсюда, Господь снова исцѣляетъ недужныхъ, совершаетъ новое чудо насыщенія семью хлѣбами 4000 народа, и затѣмъ удаляется въ предѣлы города Магдала (XV). Послѣ новыхъ обличеній на фарисеевъ и саддукеевъ, просившихъ у Него новыхъ чудесъ, Іисусъ Христосъ удаляется въ предѣлы Кесаріи Филипповой. На пути Онъ спрашиваетъ учениковъ, что о Немъ думаютъ въ народѣ. Изъ отвѣтовъ учениковъ было видно, что на-

родъ не узнавалъ своего Мессію, но ученики устами Петра при этомъ случаѣ исповѣдали Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ,—и это исповѣданіе, по обѣтованію Господа, должно было послужить краеугольнымъ камнемъ Его Церкви (XVI).

VIII. Съ этого времени Господь начинаетъ приготовлять учениковъ Своихъ къ мысли о предстоящихъ Ему страданіяхъ въ Іерусалимѣ и направляетъ путь Свой изъ Галилеи въ Іудею. Возвѣстивъ ученикамъ объ ожидающихъ Его страданіяхъ, Іисусъ Христосъ научаетъ, что и каждый изъ Его послѣдователей долженъ нести крестъ. Чтобы укрѣпить вѣру и мужество учениковъ, особенно въ дни Его страданій, Онъ открываетъ имъ славу Свою въ преображеніи на Ѳаворѣ (XVII, 1—13). Слабость вѣры, обнаруженная всѣми учениками, кромѣ Петра, Іакова и Іоанна, бывшихъ съ Господомъ на Ѳаворѣ,—слабость, по которой они не могли исцѣлить бѣсновавшагося отрока, даетъ Господу случай сказать о силѣ вѣры, поста и молитвы (XVII, ст. 14—21). Новое чудо Господа должно было еще болѣе укрѣпить вѣру учениковъ. Сборщикъ податей просилъ двѣ драхмы отъ Іисуса Христа; Господь велѣлъ Петру поймать рыбу, вынуть изъ устъ ея монету—статиръ и отдать ее за Него и за себя (XVII, ст. 24—27).

Дальнѣйшія учительныя рѣчи Іисуса Христа ближайшимъ и главнымъ образомъ относятся къ ученикамъ Его. Онъ поучаетъ ихъ добродѣтелямъ, необходимымъ для членовъ Его Церкви: 1) братскому смиренію и незлобію; 2) снисхожденію къ падшимъ братьямъ, но не простирающемуся лишь на нераскаянныхъ и непокорныхъ Св. Церкви (XVIII, ст. 1—17); 3) упованію на Бога, прощенію обидъ (XVIII); 4) чистотѣ супружества для супруговъ и чистотѣ дѣвства для могущихъ сохранить его; 5) неизмѣнной и всецѣлой вѣрѣ въ своего Учителя и Господа и любви къ Нему, до готовности все отдать для Него (XIX); 6) безкорыстному исполненію заповѣдей Божіихъ; 7) любви къ ближнему, до готовности положить за нихъ душу, по примѣру Господа (XX).

IX. *Торжественный входъ Господа въ Іерусалимъ и возвѣщеніе суда Божія городу, народу и всему міру* (XXI—XXV). На пути изъ Іерихона въ Іерусалимъ два слѣпца исповѣдали Іисуса Христа Сыномъ Давидовымъ и по вѣрѣ своей получили исцѣленіе. Изъ Виѳфагіи, съ горы Елеонской, началось торжественное вступленіе Господа въ Іерусалимъ, чтобы исполнить пророчество Захаріи. По входѣ въ храмъ Іерусалимскій, среди радостныхъ восклицаній народа, даже малолѣтнихъ дѣтей, Господь творитъ чудеса и изгоняетъ изъ святаго мѣста торжниковъ и покупателей. Послѣ этого возвращается въ Виѳанію, гдѣ жилъ воскрешенный Имъ Лазарь съ сестрами Марѳою и Маріею (XXI, 1—17). На другой день на пути изъ Виѳаніи въ Іерусалимъ, Іисусъ Христосъ произноситъ проклятіе на смоковницу, не имѣвшую плодовъ, а красовавшуюся только листьями, и смоковница изсохла,—символъ Израильскаго народа, гордившагося своимъ происхожденіемъ отъ Авраама, но скуднаго вѣрою и добрыми дѣлами (XXI, ст. 18—23). Въ храмѣ старѣйшины и архіереи предложили Господу вопросъ о томъ, кто далъ Ему власть учить и распоряжаться въ храмѣ? На это Господь отвѣчалъ имъ вопросомъ о крещеніи Іоанновомъ,—и этимъ пристыдилъ ихъ—заставилъ замолчать. Послѣ этого Онъ обратился къ нимъ съ сильною рѣчью, въ которой обличалъ ихъ въ непокорности волѣ Божіей и угрожалъ конечнымъ отверженіемъ, лишеніемъ Царства Небеснаго и погибелью (XXI, ст. 23—46). Притчею о зва-

ныхъ на вечерю, Господь далъ понять Іудеямъ, что Царство Небесное, которое они презрѣли, будетъ открыто для язычниковъ. Озлобленные этимъ Іудеи предложили Іисусу Христу рядъ коварныхъ вопросовъ—о дани кесарю, о воскресеніи, о главной заповѣди въ законѣ; Господь посрамилъ ихъ коварство мудрымъ разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ. Но когда Самъ Господь спросилъ ихъ: «Мессія Христосъ чей Сынъ?» и когда они отвѣтили: «Давидовъ», Онъ привелъ ихъ въ смущеніе замѣчаніемъ, что Давидъ называетъ Мессію своимъ Господомъ (XXII). Обратившись къ ученикамъ и народу, Іисусъ Христосъ, для предохраненія ихъ отъ фарисейскаго лицемѣрія, обличаетъ грѣхи книжниковъ и фарисеевъ,—ихъ притворство, гордость, коварство, корыстолюбіе, злоупотребленіе писаніемъ, небреженіе о наученіи народа, и возвѣщаетъ погибель Іерусалиму, умерщвлявшему посланниковъ Божіихъ (XXIII).

По выходѣ изъ храма, Іисусъ Христосъ удалился съ учениками на гору Елеонскую. Съ высоты этой горы открывался великолѣпный видъ на Іерусалимъ. Ученики удивляются красотѣ этой столицы; Господь отвѣчаетъ имъ, что скоро въ ней не останется камня на камнѣ; все будетъ разрушено. На вопросъ учениковъ: когда это будетъ,—Господь указываетъ признаки, по которымъ можно будетъ узнать приближающійся конецъ Іерусалима, а отсюда переходитъ къ пророчеству о кончинѣ всего міра, научаетъ бдительной осторожности, потому что время этой кончины неизвѣстно, оно наступитъ внезапно. Чтобы представить еще яснѣе эту истину, Онъ говоритъ притчи о рабахъ, ждущихъ своего господина, о десяти дѣвахъ, о талантахъ; наконецъ, изображаетъ картину страшнаго суда надъ всѣмъ міромъ (XXIV и XXV).

X. *Страданія и смерть Спасителя.* Подвигу страданій и мучительной смерти Іисуса Христа предшествовало помазаніе Его мѵромъ въ дому Симона прокаженнаго. Послѣ этого Іуда Искаріотскій обѣщается предать своего Учителя врагамъ Его за тридцать сребренниковъ. Въ послѣдній разъ Господь совершаетъ Пасху съ учениками, установляетъ таинство причащенія и удаляется на гору Елеонскую. Отсюда начинаются Его страданія. Евангелистъ описываетъ далѣе коварное предательство Іуды лобзаніемъ Учителя, судъ и осужденіе Іисуса Христа съ помощью подкупленныхъ лжесвидѣтелей, отреченіе Петра, вынужденіе у Пилата смертнаго приговора невинно осужденному Праведнику, поруганіе и біеніе Страдальца отъ слугъ архіерейскихъ и воиновъ Римскихъ, крайнее ожесточеніе Іудеевъ, не тронувшихся ни печальнымъ концомъ предателя, ни благодушнымъ терпѣніемъ Іисуса Христа, раздѣленіе ризъ Его, напоеніе желчію и оцтомъ, распятіе между двумя разбойниками, насмѣшки враговъ Его, страшныя явленія природы, сопровождавшія послѣдній вздохъ Его,—наконецъ, смерть и погребеніе Спасителя. Все это исполнилось именно такъ, какъ было предсказано пророками (XXVI и XXVII).

XI. Въ послѣдней главѣ своего Евангелія св. Матѳей описываетъ воскресеніе Іисуса Христа, явленіе Его мѵроносицамъ, упорное невѣріе Іудеевъ, вопреки свидѣтельству стражи, стоявшей у гроба Христова, явленіе воскресшаго Спасителя всему обществу учениковъ Его на горѣ Галилейской. Такъ какъ народъ Еврейскій оказался недостойнымъ своего избранія, то Господь посылаетъ учениковъ Своихъ проповѣдывать спасеніе народамъ всего міра и изрекаетъ обѣтованіе пребывать съ вѣрующими до скончанія вѣка (XXVIII). (Дух. Бес. 1873 г., т. II, стр. 360—363, 375—378, 395—400).

ЕВАНГЕЛІЕ СВ. МАРКА.

I. *Писателемъ* этого Евангелія былъ Маркъ, называемый также Іоанномъ (Дѣян. XII, 12), сынъ богатой Іерусалимлянки Маріи, имѣвшей въ столицѣ Іудейскаго царства собственный домъ. Въ этомъ домѣ Апостолъ Петръ нашелъ себѣ убѣжище послѣ чудеснаго освобожденія изъ темницы; въ этомъ домѣ происходили собранія Апостоловъ (Дѣян. XII). Св. Петръ называетъ св. Марка своимъ духовнымъ *сыномъ* (1 Петр. V, 13). Маркъ сопровождалъ св. Павла и Варнаву, какъ сотрудникъ, въ ихъ Апостольскихъ путешествіяхъ (Дѣян. XII, 25). Хотя онъ потомъ отпущенъ былъ св. Павломъ въ Іерусалимъ (Дѣян. XIII, 13), однако затѣмъ мы опять встрѣчаемъ его въ обществѣ Апостола языковъ (Колос. IV, 10). Во время втораго заключенія своего въ Римской темницѣ св. Павелъ пишетъ къ ученику своему Тимоѳею, чтобы онъ прибылъ къ нему изъ Ефеса въ Римъ, взявъ съ собою Марка; *есть бо ми благопотребенъ въ службу* (2 Тимоѳ. IV, 10). Еще ближе, по преданію, былъ св. Маркъ къ родственнику своему св. Петру, по разсказамъ котораго онъ и написалъ свое Евангеліе. По свидѣтельству Папія, Иринея, Тертулліана и другихъ древнихъ писателей, св. Маркъ исполнялъ при Апостолѣ Петрѣ обязанности письмоводителя или секретаря. Такимъ образомъ Евангеліе св. Марка, въ сущности, есть Евангеліе св. Петра. Св. Іустинъ-философъ прямо называетъ эту книгу Евангеліемъ Петровымъ.

На этомъ основаніи, оно очень рано причислено къ книгамъ, безспорно признаваемымъ Церковію каноническими.

2. *Время и мѣсто написанія.* По свидѣтельству св. отцевъ, Маркъ обнародовалъ свое Евангеліе послѣ Евангелія отъ св. Матѳея; мѣстомъ написанія Евангелія считаютъ Римъ, а мѣстомъ кончины св. Марка—Александрію. Евангеліе написано первоначально на языкѣ Греческомъ, а не на Латинскомъ, какъ нѣкоторымъ хотѣлось думать.

3. *Цѣлію* писателя было то, чтобы изображеніемъ дѣяній Іисуса Христа утвердить въ читателѣ вѣру въ Него, какъ Сына Божія. Евангелистъ изображаетъ Сына Человѣческаго, дѣла Котораго ясно доказываютъ, что Онъ есть Сынъ Божій. Такъ какъ Евангеліе св. Марка написано было не для Іудеевъ, но для увѣровавшихъ изъ язычниковъ, то отношеніе Новаго Завѣта къ Ветхому и обличеніе фарисейскаго направленія, столь замѣтныя у св. Матѳея, въ Евангеліи св. Марка отступаютъ на задній планъ и почти не затрогиваются.

4. *Отличительныя черты Евангелія отъ Марка.* Такъ какъ св. Маркъ имѣлъ цѣлію лишь повѣствованіе о чудесахъ Іисуса Христа, то у него, преимущественно предъ другими Евангелистами, мы находимъ простое фактическое изложеніе событій изъ жизни Спасителя. Маркъ описываетъ дѣла, которыя совершилъ Господь сначала въ Галилеѣ, Переѣ и наконецъ въ Іудеѣ. Евангеліе отъ Марка можетъ служить лучшимъ конспектомъ для совокупнаго изложенія и согласованія Евангелій.

5. РАСПОЛОЖЕНІЕ СОДЕРЖАНІЯ.

I. Дѣла Спасителя въ Галилеѣ (I, 17 до гл. IX, 29).

1. Какъ-бы введеніемъ къ жизнеописанію Іисуса Христа служитъ проповѣдь Іоанна Предтечи (I, 1 — 8). Повѣствованіе собственно о дѣлахъ Спа-

сителя начинается событіемъ крещенія Господня. Послѣ описанія этого событія и разсказа объ искушеніи отъ діавола въ пустынѣ (9—12), Евангелистъ переходитъ къ изображенію учительской дѣятельности Іисуса Христа (ст. 14—15).

Слово Спасителя производило сильное впечатлѣніе какъ на учениковъ, которые всюду сопутствовали Ему, такъ и вообще на народъ, который съ изумленіемъ видѣлъ, что передъ Іисусомъ трепещутъ самые демоны (21—28). Чудеса Іисуса Христа состояли особенно въ исцѣленіяхъ больныхъ и бѣсноватыхъ, со всѣхъ сторонъ стекавшихся къ Нему. Одинъ изъ исцѣленныхъ отъ проказы возвѣстилъ о могуществѣ Исцѣлителя по всѣмъ мѣстамъ Галилеи (40—45).

2. Послѣдствія дѣятельности Іисуса Христа. Исцѣляя разслабленнаго, Спаситель сказалъ, что исцѣленіе зависитъ отъ прощенія грѣховъ болящему. Это выраженіе возбудило соблазнъ между книжниками и фарисеями (II, 1 — 12). Они не одобряли и того, что въ дому Левія (Матѳея) возлежалъ Іисусъ Христосъ съ мытарями и грѣшниками (13 — 17), что ученики Его нарушали субботу (23—28), что Самъ Онъ исцѣлилъ въ субботу сухорукаго (III, 1—12).

3. Господь Іисусъ Христосъ выдѣлилъ изъ среды послѣдователей Своихъ двѣнадцать учениковъ, которые должны были проповѣдывать во всей землѣ Его ученіе (13—19). Старѣйшины народа Израильскаго злословили Іисуса Христа и увѣряли, что Онъ изгоняетъ бѣсовъ силою веельзевула. По этому случаю Господь говоритъ о грѣхѣ противъ Святаго Духа, и называетъ Своими сродниками, братіями и сестрами тѣхъ, которые вѣруютъ въ Него и исполняютъ волю Божію (III, 20—25). Съ этого времени Іисусъ Христосъ сталъ говорить притчами, дабы тѣ, которые не имѣли вѣры въ Него, слышали и не понимали (IV, 1 — 20). Онъ изображалъ таинственное и чудесное развитіе Царства Божія изъ малыхъ предѣловъ до поразительнаго величія (21 — 34). Во время бури Онъ утишилъ волненіе и успокоилъ смятеніе учениковъ (35—41). Переплывъ на другую сторону Тиверіадскаго моря, Онъ снова показалъ Свою силу надъ діаволомъ, но жители этой страны (Гадаринской) просили Его удалиться отъ нихъ, такъ какъ чудеса Его навели на нихъ ужасъ (V, 1—20). Возвратившись на другой берегъ, Іисусъ Христосъ исцѣлилъ кровоточивую, которая прикоснулась къ краю Его одежды, и воскресилъ дочь Іаира (21—43). Затѣмъ Спаситель приходитъ въ Свой родной городъ Назаретъ (VI, 1—6). Но, не встрѣтивъ здѣсь вѣры, скоро удаляется оттуда и обходитъ разныя селенія съ проповѣдью Евангелія.

4. Для бо́льшаго успѣха этой проповѣди, Господь облекъ Своихъ учениковъ силою чудотворенія и послалъ ихъ въ разныя стороны, по двое, проповѣдывать Его ученіе и совершать дѣло Его (VI, 7—13).

5. Иродъ Антипа, предавшій смерти Іоанна Крестителя, слыша о чудесахъ Іисуса Христа, думаетъ, что это Іоаннъ воскресъ изъ мертвыхъ (VI, 14—29). По возвращеніи Апостоловъ, Господь Іисусъ удалился для молитвы и уединенія въ пустыню. Изъ состраданія къ народу, Онъ чудеснымъ образомъ напиталъ пятью хлѣбами и двумя рыбами великое множество народа (5 т.) и повелѣлъ ученикамъ снова отплыть на другую сторону озера, а Самъ удалился на гору для молитвы (30—46). Во время плаванія по озеру, ночью, поднялась буря; но Господь, явившись ученикамъ предъ восходомъ солнца, утишилъ волненіе. Въ землѣ Геннисаретской Его ожидали новыя толпы народа, и Іисусъ Христосъ совершилъ новыя чудеса (47 — 56).

Книжники и фарисеи укоряли Іисуса Христа и учениковъ Его за несоблюденіе отеческихъ обычаевъ; на это Онъ далъ имъ должное вразумленіе, обличилъ ихъ лицемѣріе и нарушеніе ими закона Моусеева, присовокупивъ, что не входящее въ уста оскверняетъ человѣка, но исходящее изъ устъ, или отъ сердца (VII, 1—23). Послѣ этого Господь удалился въ языческую страну Тира и Сидона и здѣсь исцѣлилъ Хананеянку отъ бѣснованія, тронутый вѣрою и мольбою ея матери (24—30). По возвращеніи въ Галилею, Онъ удалился въ Декаполисъ или Десятиградіе, и здѣсь исцѣлилъ глухонѣмаго (31—37). Такъ какъ здѣсь собралось множество народа, чтобы послушать Его ученіе, то, сжалившись надъ нимъ, Онъ снова чудеснымъ образомъ напиталъ большое множество людей (4,000). Отсюда Онъ отправился на кораблѣ въ предѣлы Далмануѳскіе (VIII, 1—10). Фарисеи вступили здѣсь съ нимъ въ споръ, но напрасно просили отъ Него чуда. Іисусъ Христосъ предостерегалъ послѣ этого учениковъ Своихъ отъ фарисейской закваски, которая портитъ все доброе (10—21). Потомъ Онъ прибылъ въ Виѳсаиду, гдѣ исцѣлилъ слѣпаго (22—26).

Отсюда пошелъ Іисусъ Христосъ къ сѣверу и пришелъ въ Кесарію Филиппову. Здѣсь Онъ спрашивалъ учениковъ, за кого Его принимаютъ въ народѣ, и какъ они сами о Немъ думаютъ? Мнѣніе народа было высказано различно и неопредѣленно, но ученики твердо исповѣдали Его «Христомъ», то есть, обѣтованнымъ Мессіею. Вслѣдствіе этого Спаситель говоритъ ученикамъ о томъ, что Онъ долженъ претерпѣть великія страданія и смерть, но въ третій день воскреснетъ. Поэтому Онъ увѣщевалъ и учениковъ быть готовыми пострадать ради Его (30—38). Въ утѣшеніе ихъ, Онъ возвѣстилъ имъ о грядущемъ Царствѣ славы (IX, 1), а тремъ изъ нихъ показалъ славу Божества Своего въ преображеніи на Ѳаворѣ. По сходѣ съ горы, Онъ совершилъ при большомъ собраніи народа чудесное исцѣленіе бѣсноватаго юноши (14—29).

II. Путешествіе Іисуса Христа въ Іерусалимъ (IX, 32—XI, 11).

Предпринявъ путешествіе въ Іерусалимъ, Іисусъ Христосъ возвѣстилъ ученикамъ Своимъ о предстоящихъ Ему страданіяхъ и ихъ исходѣ (32 и 34); заповѣдалъ имъ соблюдать смиренномудріе и услужливость во взаимныхъ отношеніяхъ, имѣть простосердечіе младенца (35—37); училъ не воспрещать творить именемъ Іисуса чудеса тѣмъ, которые не слѣдуютъ за Нимъ (38—40), помогать просящимъ отъ Его имени (41), не соблазнять меньшихъ братій и самимъ убѣгать отъ соблазновъ (42—50). Вступивъ въ предѣлы Іудеи, по другую сторону Іордана, Спаситель продолжалъ проповѣдывать Свое ученіе. На вопросъ фарисеевъ о томъ, позволительно ли женѣ давать отпускное письмо, то есть, разводиться съ нею, Іисусъ Христосъ отвѣчалъ указаніемъ на Божественное происхожденіе брака и назвалъ разводъ мужа съ женою, или жены съ мужемъ, безъ достаточной причины, а съ одною цѣлью взять другую жену, или другаго мужа, — прелюбодѣяніемъ (X, 1—12). Когда къ Іисусу Христу приносили дѣтей для благословенія, то Онъ снова поучалъ Своихъ послѣдователей дѣтской простотѣ и незлобію (13—16). На вопросъ одного богатаго юноши о пути къ Царствію Небесному, Господь сказалъ, что богатство можетъ представлять великое препятствіе къ пріобрѣтенію Царства Небеснаго (17—27); но тѣмъ лю-

дямъ, которые оставляютъ земное богатство ради Царства Небеснаго, предстоятъ великія награды (28—31). Чѣмъ ближе подходилъ Іисусъ Христосъ съ учениками къ Іерусалиму, тѣмъ яснѣе и настойчивѣе Онъ говорилъ имъ о предстоящихъ Ему здѣсь страданіяхъ. Въ это-то время сыны Зеведеевы стали просить Его дать имъ первыя мѣста въ будущемъ Его Царствѣ. Іисусъ Христосъ отвѣчалъ имъ, что участіе въ славѣ Его будетъ условливаться участіемъ въ Его страданіяхъ; степень же прославленія будетъ зависѣть отъ благости Божіей. Путь къ прославленію заключается въ Смиреніи (32—45). Въ Іерихонѣ слѣпецъ Вартимей исповѣдалъ Іисуса Христа Сыномъ Давидовымъ и за вѣру свою получилъ зрѣніе (46—52). Послѣ сего Господь, какъ истинный Сынъ царя Давида по плоти, совершилъ торжественный входъ въ столицу Іудейскаго царства (XI, 1—11).

III. Дѣла Іисуса Христа въ Іерусалимѣ, страданія Его, смерть и воскресеніе (XI, XII—XVI).

1) На пути изъ Виѳаніи въ Іерусалимъ, Господь изрекъ проклятіе на безплодную смоковницу, выражая этимъ Свое негодованіе на скудость вѣры и благочестія въ Своемъ народѣ, который не узналъ въ Немъ истиннаго высочайшаго Царя своего (XI, 12—14). Въ Іерусалимѣ Онъ изгналъ изъ храма торгашей, въ ознаменованіе того, что святилище должно быть возстановлено въ его первоначальной чистотѣ (15—19). Когда, на другой день, ученики замѣтили на проклятой смоковницѣ дѣйствіе гнѣва Божія, Онъ изъяснилъ имъ силу вѣры и могущество молитвы къ Богу, если она исходитъ отъ чистаго и не отягченнаго злобою сердца (20—26). Старѣйшины Іудейскіе, припоминая вчерашнее изгнаніе торжниковъ, спросили Іисуса Христа: на чемъ основываетъ Онъ Свое право распоряжаться въ храмѣ? Вмѣсто отвѣта, Онъ Самъ предложилъ имъ вопросъ объ Іоаннѣ Крестителѣ, и поставилъ ихъ въ затрудненіе (27—33). Въ притчѣ о злыхъ дѣлателяхъ въ виноградникѣ, Іисусъ Христосъ далъ понять Своимъ завистникамъ, что они намѣрены предать Его смерти, чтобы отнять у Него ту власть, которая принадлежитъ Ему, какъ Посланнику и Сыну Божію (XII, 1—9); но, заключаетъ Свое слово Божественный Учитель, «*камень, отброшенный строителями, какъ негодный, послужитъ краеугольнымъ камнемъ зданія*» (10, 11). Враги Іисуса Христа поняли этотъ намекъ и старались погубить своего Обличителя. Желая дать поводъ гражданской власти схватить Его, какъ подозрительнаго человѣка, старѣйшины предлагали Ему самые коварные вопросы; но Іисусъ Христосъ разрушилъ всѣ ихъ козни, разрѣшилъ ихъ хитрые вопросы (13—37) и торжественно изобличилъ ихъ невѣжество въ законѣ, коварство и ханжество (38—40). Въ противоположность мнимому благочестію фарисеевъ Господь указалъ на одну бѣдную вдову, которая принесла послѣднія свои двѣ лепты въ храмъ Господень (41—44).

По выходѣ изъ храма, Господь предвозвѣстилъ Своимъ ученикамъ предстоящую погибель гордаго Іерусалима и разрушеніе великолѣпнаго его храма; вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ указалъ и признаки наступленія этого тяжкаго времени (XIII, 1—13). Объяснивъ послѣдніе признаки наступленія суда Божія, Іисусъ Христосъ завѣщалъ ученикамъ необходимую осторожность въ этотъ періодъ скорби (14—23).

Такъ какъ разрушеніе Іерусалима

было подобіемъ будущаго разрушенія всего міра, то Іисусъ Христосъ, вслѣдъ за предсказаніемъ о гибели святаго града и дома Божія, предсказываетъ о второмъ славномъ Своемъ пришествіи для суда міра (24—37).

2) Наступалъ ветхозавѣтный праздникъ Пасха,—послѣдній въ земной жизни Іисуса Христа, но сдѣлавшійся первымъ въ исторіи христіанской Церкви. Евангелистъ вводитъ читателя въ совѣтъ архіереевъ и старцевъ, гдѣ измышляются ковы противъ Господа Іисуса (XIV, 1—2). Помазаніе Его мvромъ въ Виѳаніи служило предзнаменованіемъ предстоящаго помазанія Тѣла Его при погребеніи (3—9). Ученикъ—предатель Іуда, ропщетъ на трату драгоцѣннаго мvра и идетъ къ врагамъ Христовымъ, чтобы предать имъ Учителя тайно, безъ народа (10—11). Вечеръ послѣдняго дня предъ Своими страданіями Господь провелъ въ кругу Своихъ учениковъ, при чемъ, въ замѣнъ ветхозавѣтной, прообразовательной пасхи, съ ея агнцемъ, установилъ таинство Божественной Евхаристіи, преподавъ Апостоламъ Тѣло и Кровь Свою, подъ видами хлѣба и вина (12—25).

Заключивъ таинственную вечерю священнымъ пѣніемъ, Іисусъ Христосъ удалился съ учениками въ садъ Геѳсиманскій. На пути Онъ говоритъ имъ о предстоящихъ Ему страданіяхъ, смерти и воскресеніи, и предсказываетъ Петру его отреченіе (26—32).

Въ саду Геѳсиманскомъ Господь скорбитъ душею и молится Отцу Небесному. Молитва Его была прервана появленіемъ стражи, которая схватила Его (33—52) и отправила въ судилище (53—54). Старѣйшины Іудейскіе затруднялись произнесть приговоръ противъ Господа Іисуса, по отсутствію какой-либо вины на Немъ. Когда же Онъ, на вопросъ первосвященника, исповѣдалъ Себя Мессіею-Христомъ, имѣющимъ явиться во славѣ Своей, то враги обвинили Его въ богохульствѣ и нанесли Ему разныя оскорбленія (53—65). Въ это время Апостолъ Петръ во дворѣ первосвященника трижды отрекся отъ своего Учителя (66—72). Поутру слѣдующаго дня старѣйшины привели Іисуса Христа къ Пилату, и хотя Пилатъ находилъ Его невиннымъ, но присудилъ Его къ смертной казни, потому что этого требовали Іудеи (XV, 1—15). Послѣ біеній и поруганій (16—20), Іисусъ Христосъ былъ приведенъ на Голгоѳу и здѣсь распятъ на крестѣ, между двумя разбойниками (21—28). Іудеи издѣвались надъ Нимъ и называли Его въ насмѣшку царемъ Іудейскимъ (29—32). Среди чудныхъ знаменій, послѣ громкаго возгласа, Іисусъ Христосъ испустилъ духъ (33—37). Самая природа содрогнулась, завѣса церковная раздралась на двое, Римскій сотникъ—язычникъ увѣровалъ въ Сына Божія (38—41). Поздно ночью Іосифъ Аримаѳейскій испросилъ у Пилата позволеніе снять Тѣло Іисуса Христа и положилъ его въ каменной пещерѣ (42—47).

3) На другой день послѣ субботы, въ день воскресенія, рано утромъ, жены, которыя хотѣли помазать Тѣло Іисуса, нашли пещеру гроба Его пустою и изъ устъ Ангела услышали вѣсть о воскресеніи Господа (XVI, 1—8). Ученики не вѣрили этому событію, не смотря на двукратное явленіе Спасителя Іисуса, сначала Маріи Магдалинѣ, потомъ двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ (9—13). Вечеромъ того же дня Господь явился всему обществу учениковъ и разсѣялъ ихъ сомнѣнія. Онъ заповѣдалъ имъ идти въ міръ, для проповѣди Евангелія, и облекъ ихъ чудными благодатными силами. Преподавъ послѣднія наставленія ученикамъ, Іисусъ Христосъ вознесся на небо, а ученики (по со-

шествіи на нихъ Святаго Духа) отправились на проповѣдь Евангелія во всемъ мірѣ (14—20). (Дух. Бес. 1874 г., т. II, стр. 254—256, 264—270).

ЕВАНГЕЛІЕ СВ. ЛУКИ.

Писатель третьяго Евангелія есть св. Лука, причисляемый къ лику 70 Апостоловъ. По происхожденію онъ былъ Грекъ, родомъ изъ Антіохіи Сирійской, до крещенія—язычникъ, по занятіямъ—*врачъ*. Такъ какъ отъ сословія врачей по Римскимъ законамъ требовалась значительная степень образованія, то св. Лука не чуждъ былъ и мірской науки. Это видно и изъ самаго Евангелія св. Луки, отличающагося стройностью и красотою изложенія и чистымъ Греческимъ языкомъ. Кромѣ того, по преданію, записанному у Никифора Каллиста, св. Лука обладалъ искусствомъ живописи и написалъ нѣсколько изображеній Пресвятой Дѣвы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. Въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ и въ посланіяхъ св. Павла мы видимъ св. Луку почти постояннымъ спутникомъ этого великаго Апостола языковъ (Дѣян. XVI, 10—17; XX, 5; XXI, 18). Говоря о путешествіяхъ св. Павла, писатель книги Дѣяній, безъ сомнѣнія,—Евангелистъ Лука, нерѣдко употребляетъ слово: «*мы*». Въ посланіи къ Колоссянамъ св. Павелъ пишетъ, что ихъ привѣтствуетъ, вмѣстѣ съ нимъ, и Лука, *врачъ возлюбленный* (IV, 14). Въ посланіи къ Филимону онъ называетъ его однимъ изъ своихъ «*сподвижниковъ*» (ст. 24). Въ посланіи къ Тимоѳею говоритъ, что только Лука одинъ остался съ нимъ, т. е., въ Римѣ (2 Тимоѳ. IV, 11). Изъ этого видно, что св. Лука былъ постояннымъ спутникомъ св. Павла и раздѣлялъ съ нимъ и первое и второе плѣненія его въ Римѣ. Поэтому и Евангеліе св. Луки нѣкоторые древніе отцы называютъ Павловымъ Евангеліемъ, какъ Марково—Петровымъ. О дальнѣйшихъ событіяхъ въ жизни Евангелиста Луки историческихъ свѣдѣній не находится. Св. Григорій Нисскій говоритъ, что св. Лука претерпѣлъ мученическую кончину. А бл. Іеронимъ замѣчаетъ, что мощи св. Луки перенесены были въ Константинополь. Другіе писатели говорятъ, что св. Лука проповѣдывалъ въ Ливіи, Египтѣ, Ѳиваидѣ и скончался мирно, имѣя болѣе 80 лѣтъ жизни.

Что третье Евангеліе написано св. Лукою, объ этомъ свидѣтельствуетъ вся древняя христіанская Церковь. Былъ ли онъ очевидцемъ и личнымъ ученикомъ Іисуса Христа, древность въ этомъ не сомнѣвалась и считала св. Луку однимъ изъ двухъ учениковъ, шедшихъ въ Еммаусъ въ день воскресенія Господа. Но иные изъ новѣйшихъ отвергаютъ это на томъ основаніи, что св. Лука, по его собственному свидѣтельству, писалъ въ Евангеліи то, что̀ передали ему бывшіе съ самаго начала очевидцами и служителями Слова (I, ст. 2). Но это могло относиться лишь къ тѣмъ событіямъ, которыя предшествовали явленію Спасителя на общественное служеніе, каковы: рождество Его, обрѣзаніе и принесеніе въ храмъ, крещеніе и другія. Что св. Лука написалъ Евангеліе гораздо послѣ св. Матѳея и Марка, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но годъ написанія съ точностью опредѣлить невозможно. Нѣкоторые думаютъ найти этотъ годъ изъ сопоставленія начала 3-й главы Евангелія св. Луки съ послѣдними стихами (XXVIII, ст. 30 и 31) его же книги Дѣяній св. Апостоловъ. Основываясь на этихъ мѣстахъ, полагаютъ, съ одной стороны, что Еванге-

ліе отъ Луки написано до конца Иродова періода, или до начала Іудейской войны (66 г.), потому что если бы Иродово господство уже не продолжалось во время написанія Евангелія, то Лука, вѣроятно, упомянулъ бы объ этомъ; съ другой стороны,—что Евангеліе написано не прежде перваго заключенія Ап. Павла въ Римѣ, потому что обстоятельство это предполагается извѣстнымъ писателю (XXVIII, 20). Такимъ образомъ годомъ написанія настоящаго Евангелія можно полагать 65 г. по Р. Хр. Но другіе ученые, основываясь на словахъ св. Иринея, что Лука написалъ Евангеліе послѣ смерти Петра и Павла, думаютъ, что Евангеліе Луки явилось позднѣе означеннаго времени, и полагаютъ (безъ достаточнаго основанія), ссылаясь на XXI, ст. 24, гдѣ чрезвычайно ясно говорится о паденіи, разрушеніи и опустошеніи Іерусалима, что Евангелисту было извѣстно даже обстоятельство паденія Іерусалима (70 г.). Изъ всего изложеннаго ясно, что годъ написанія Евангелія не можетъ быть опредѣленъ въ точности, но что годъ этотъ несомнѣнно относится къ десятилѣтію между 65 и 75 годами. Мѣстомъ написанія почитаютъ Римъ; но послѣдняя глава (XXIV), гдѣ говорится о воскресеніи и вознесеніи Іисуса Христа, могла быть написана въ Египтѣ, куда Евангелистъ удалился по случаю гоненія Неронова и гдѣ св. Маркъ заключилъ свое Евангеліе. Этимъ объясняютъ сходство, по содержанію, замѣчаемое въ послѣднихъ главахъ обоихъ Евангелій, и отсутствіе XVI гл. св. Марка въ нѣкоторыхъ кодексахъ.

Цѣль написанія Евангелія видна изъ самаго вступленія къ нему (I, 1—4). Именно, ближайшею цѣлью Евангелиста было убѣжденіе нѣкоего Ѳеофила, одного изъ знатнѣйшихъ жителей Антіохіи,—ученика Луки, въ томъ, что онъ получилъ совершенно правильныя свѣдѣнія объ Іисусѣ Христѣ и Его ученіи. Съ этою цѣлью св. Лука предлагаетъ Ѳеофилу исторію новозавѣтнаго откровенія. Исторія эта начинается Евангеліемъ и продолжается книгою Дѣяній св. Апостоловъ, и обнимаетъ время отъ явленія Ангела Господня іерею Захаріи до прочнаго основанія св. Павломъ христіанской Церкви въ Римѣ. Это распространеніе Евангелія, изъ Іерусалима до Рима, столицы тогдашняго міра, научаетъ Ѳеофила, что Евангеліе Господа Іисуса Христа предназначено для блага всего міра, что Господь Іисусъ есть Спаситель всего міра. Эта идея дѣлаетъ Евангеліе отъ Луки родственнымъ съ Апостольскою проповѣдью св. Павла. Вотъ почему еще Ириней замѣтилъ, что «Лука, спутникъ Павловъ, изложилъ благовѣстіе, слышанное отъ Павла». Отношеніе третьяго Евангелія къ Апостольскимъ трудамъ св. Павла, между прочимъ, послужило основаніемъ къ тому, что Евангеліе св. Луки было принято древнею Церковію за каноническое безъ всякихъ колебаній.

Особенность Евангелія отъ Луки составляютъ картинность, подробность и стройность изложенія. Во всемъ Евангеліи господствуетъ идея объ Іисусѣ Христѣ, какъ Спасителѣ всего міра. Нельзя впрочемъ утверждать, чтобы эта мысль такъ рельефно выдѣлялась у Луки, какъ, напримѣръ, у Матѳея мысль о томъ, что Іисусъ есть Мессія, предсказанный пророками. Идея св. Луки не высказана нигдѣ прямо, но служитъ основаніемъ всего повѣствованія и условливаетъ выборъ историческаго матеріала. Самымъ характеристичнымъ мѣстомъ настоящаго Евангелія представляются гл. XV и XVI. Здѣсь изложе- факты, которыхъ мы не находимъ въ другихъ Евангеліяхъ, и въ которыхъ выражена мысль о безграничномъ мило-

сердіи Божіемъ. Св. Лука одинъ сохранилъ намъ извѣстія о рожденствѣ Предтечи Христова, свиданіи Дѣвы Маріи съ Елизаветою послѣ благовѣщенія отъ Ангела, о поклоненіи пастырей Виѳлеемскихъ, пѣснопѣніи Ангеловъ, о встрѣчѣ Спасителя съ Сумеономъ въ храмѣ, о бесѣдѣ двѣнадцатилѣтняго Іисуса съ учителями народа, о покаявшемся разбойникѣ, объ ученикахъ, шедшихъ въ Еммаусъ, и многія другія.

Порядокъ изложенія Евангелія отъ Луки только отчасти слѣдуетъ хронологіи событій. Вообще же факты здѣсь группируются примѣнительно къ общей мысли, въ нихъ заключающейся.

ОБОЗРѢНІЕ СОДЕРЖАНІЯ.

Предисловіе (I, 1—4). **I. Первое благовѣстіе объ Іисусѣ—Спасителѣ Израиля и всего міра.**

Св. Лука начинаетъ Евангельское благовѣстіе повѣствованіемъ о явленіи Ангела Господня священнику Захаріи въ храмѣ Іерусалимскомъ. Ангелъ объявилъ Захаріи, что отъ него родится сынъ, на которомъ исполнятся пророчества Исаіи и Малахіи (I, 4—26). Затѣмъ слѣдуетъ исторія благовѣщенія Пресвятой Дѣвѣ (26—38). Послѣ свидѣтельства отъ Ангеловъ, Евангелистъ обращается къ свидѣтельствамъ человѣческимъ. Елизавета привѣтствуетъ Дѣву Марію, какъ Матерь Господа; Сама Дѣва Марія прославляетъ Бога, призрѣвшаго на Ея смиреніе, и предвозвѣщаетъ славу Свою во всемъ мірѣ (39—56); наконецъ Захарія, по рожденіи Іоанна, восхваляетъ Бога, открывающаго спасеніе Израилю (57—59). Далѣе идетъ повѣствованіе о рождествѣ Іисуса Христа, о славословіи Ангеловъ, о путешествіи пастырей въ Виѳлеемъ и поклоненіи новорожденному Богомладенцу (II, 1—20). Послѣ обрѣзанія въ восьмой день, исполненъ былъ надъ Нимъ другой ветхозавѣтный обрядъ: въ сороковой день Богомладенецъ Іисусъ принесенъ былъ въ храмъ, гдѣ Сумеонъ и Анна пророчица привѣтствовали Его, какъ Спасителя міра (21—40).

II. Проповѣдь Іоанна Предтечи (III, 1—20).

Въ виду скораго открытія Царства Божія, Іоаннъ проповѣдывалъ покаяніе, угрожая судомъ Божіимъ людямъ нераскаяннымъ. Евангелистъ, отступая отъ хронологическаго слѣдованія событій, въ этой же части сообщаетъ свѣдѣніе о страдальческой кончинѣ Предтечи Господня.

III. Свидѣтельство объ Іисусѣ Христѣ, данное во время крещенія Его, и побѣда Его надъ искушеніями отъ діавола въ пустынѣ (III, 21—IV, 13).

Крещеніе Іисуса Христа, служившее началомъ Его общественной дѣятельности, сопровождалось особыми знаменіями. Гласъ небесный объявилъ Его Сыномъ Божіимъ, и Духъ Святый нисшелъ на Него видимо. Послѣ крещенія Своего Іисусъ Христосъ удалился въ пустыню, и, какъ новый Адамъ, испыталъ нападеніе отъ діавола, но побѣдоносно отразилъ его.

IV. Дѣятельность Іисуса Христа, какъ Учителя и Чудотворца (IV, 14—XXI, 38).

1. Спаситель началъ Свою учительскую дѣятельность яснымъ свидѣтельствомъ о Себѣ, какъ Божественномъ Посланникѣ. Слушатели удивлялись Его ученію, но не хотѣли признать Его Сыномъ Божіимъ и называли Его сыномъ Іосифа. И такъ какъ Господь обличалъ ихъ невѣріе, то они хотѣли низринуть Его съ горы (IV, 14—30).

2. *Дѣятельность Іисуса Христа въ Галилеѣ* (IV, 31—IX, 50) Евангелистъ повѣствуетъ, какъ Іисусъ Христосъ проявлялъ Себя въ качествѣ Пророка, сопровождая чудное ученіе чудными дѣлами. Такъ, въ Капернаумѣ Его учительная рѣчь заключилась чудомъ—изгнаніемъ бѣса и исцѣленіемъ больныхъ (IV, 31—44). Нѣсколькихъ словъ Спасителя достаточно было, чтобы пріобрѣсть столь преданныхъ и великихъ впослѣдствіи учениковъ, каковы были два брата—Петръ и Андрей и другіе два—Іаковъ и Іоаннъ (V, 1—11). Совершая чудеса, Іисусъ Христосъ избѣгалъ славы отъ людей, но желалъ только поселить въ нихъ вѣру въ Свое Божественное посланничество (V, 12—16). Не смотря на поразительныя чудеса, совершенныя Спасителемъ, фарисеи не признавали за Нимъ власти Божественной,—права прощать грѣхи (V, 17—26). Далѣе, они соблазнились тѣмъ, что Іисусъ Христосъ часто бесѣдовалъ и проводилъ время въ обществѣ людей, считавшихся грѣшниками; что какъ Онъ, такъ и ученики Его не соблюдали нѣкоторыхъ правилъ о субботѣ и о постахъ (V, 27—VI, 11).

3. Духовные вожди народа враждовали противъ Іисуса Христа и не вѣровали въ Него. И потому Онъ положилъ основаніе новому чиноначалію въ Своей Церкви. Въ кругу Своихъ послѣдователей Онъ продолжалъ поучать народъ и совершать чудеса (VI, 12—19). Онъ изложилъ, между прочимъ, ученіе о томъ, кого Онъ признаетъ истинными послѣдователями Своими; далѣе, изрекаетъ ученіе о блаженствахъ и преподаетъ нѣкоторыя другія правила христіанской жизни (20—47). Чудеса постоянно подкрѣпляли авторитетъ ученія Іисусова. Такъ, въ Капернаумѣ Онъ исцѣлилъ слугу сотника, а при входѣ въ городъ Наинъ возвратилъ бѣдной вдовѣ ея умершаго сына, воскресивъ его для жизни (VII, 1—17). При всемъ величіи и множествѣ совершенныхъ Имъ чудесъ, Спаситель мало находилъ вѣры между Іудеями. Ученики Іоанна Предтечи пришли къ нему въ темницу и возвѣстили ему съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ о чудесахъ и ученіи Іисуса Христа,—и Предтеча послалъ двухъ изъ нихъ къ Спасителю съ вопросомъ: Онъ ли есть обѣщанный Мессія? Іисусъ Христосъ, вмѣсто отвѣта, совершилъ въ ихъ присутствіи множество чудесъ и послалъ сказать объ этомъ Іоанну (VII, ст. 18—23), котораго назвалъ при этомъ высшимъ изъ пророковъ и величайшимъ изъ рожденныхъ женами (ст. 28). Однако и послѣ того, фарисеи и книжники какъ не повѣрили Іоанну Крестителю, такъ не вѣрили и Самому Іисусу Христу. Ихъ соблазняло даже милосердіе Его къ грѣшникамъ (ст. 29—50). Что касается простаго народа, то онъ любилъ и прославлялъ Спасителя, но слово Божіе или не проникало въ сердце его, или, проникнувъ, не находило въ немъ благопріятной почвы для своего развитія (VIII, 1—18). Таково было отношеніе народа къ Іисусу Христу. Понятно по-

этому, что Спаситель признавалъ Своими учениками не всѣхъ слѣдовавшихъ за Нимъ, а только вѣровавшихъ между ними, и такихъ называлъ братіями Своими (19—21). Предъ ними Онъ многократно и разнообразно проявлялъ Свою чудодѣйственную силу: укротилъ бурю, изгналъ легіонъ бѣсовъ, исцѣлилъ кровоточивую и воскресилъ дочь Іаира (22—56). Двѣнадцати верховнымъ Апостоламъ Своимъ Онъ даровалъ власть творить чудеса и послалъ ихъ проповѣдывать повсюду (IX, 1—6). А прочій народъ, со своимъ властителемъ Иродомъ, не зналъ даже того, кто такой Іисусъ (7—9). Но и вѣра ближайшихъ учениковъ Спасителя нуждалась въ испытаніи и укрѣпленіи. Однажды толпы народа, слѣдовавшаго за Іисусомъ Христомъ, застигнуты были ночью въ пустынѣ. Спаситель приказалъ ученикамъ накормить народъ; а у нихъ было съ собою только пять хлѣбовъ и немного рыбы. Ученики, бывшіе свидѣтелями столь великихъ чудесъ, возразили, что имѣвшейся у нихъ пищи не достанетъ для такого множества народа. Тогда Спаситель, благословивъ принесенную пищу, напиталъ пять тысячъ народа (10—17). Въ другой разъ, Іисусъ Христосъ спросилъ учениковъ: за кого принимаютъ Его въ народѣ? Выслушавъ отвѣтъ, Онъ предложилъ другой вопросъ: за кого признаютъ Его сами ученики? Тогда старѣйшій изъ учениковъ, св. Петръ, возвысилъ голосъ и исповѣдалъ Іисуса Сыномъ Божіимъ (18—20). Послѣ этого исповѣданія, высказаннаго устами Петра, Іисусъ Христосъ могъ считать учениковъ Своихъ уже достаточно подготовленными для того, чтобы выслушать то, что до сихъ поръ составляло для нихъ тайну. Господь тогда же предвозвѣстилъ ученикамъ о предстоящихъ Ему страданіяхъ, смерти и воскресеніи. Въ то же время Онъ далъ имъ понять, что и ихъ участь на землѣ будетъ такая же (21—27). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Господь подкрѣпилъ мужество учениковъ обѣтованіемъ будущей славы, которую Онъ показалъ имъ въ Своемъ преображеніи (28—36). Какъ необходимо было укрѣплять вѣру учениковъ, это оказалось въ томъ, что, по маловѣрію своему, они, не смотря на данныя имъ отъ Господа силы, не могли исцѣлить бѣсноватаго (IX, 37—43); ученики даже не понимали вполнѣ и того, что Господь говорилъ имъ о страданіяхъ (44—45).

4. *Ученіе Спасителя* (IX, 46—XXVIII, 30). Іисусъ Христосъ говорилъ ученикамъ Своимъ, что они не должны величаться своимъ избраніемъ и силами, данными имъ (IX, 46—48); что они не должны отвращаться отъ тѣхъ людей, которые не имѣютъ достаточно мужества, чтобы открыто послѣдовать за Христомъ (49—50). Далѣе слѣдуютъ разъясненія, что они не должны противъ насилія употреблять силу (51—56). Далѣе слѣдуютъ разъясненія по вопросамъ, что значитъ слѣдовать за Христомъ, и какъ нужно слѣдовать за Нимъ (57—62). Когда Господь послалъ 70 учениковъ для того, чтобы они уготовали Ему путь своею проповѣдью и чудесами, то объяснилъ имъ, чѣмъ они должны запасаться для пути и какъ вести себя во время странствованія по св. землѣ. По возвращеніи же учениковъ, Онъ объяснилъ имъ преимущества Апостольскаго служенія (X, 1—24). Затѣмъ идутъ въ Евангеліи св. Луки наставленія по общимъ вопросамъ вѣры. Когда Іисуса Христа спросили, что требуется для вѣчной жизни, Онъ отвѣчалъ, что прежде всего—любовь къ Богу, и потомъ—любовь къ ближнему,—любовь, благотворящая не только своимъ, но и чужимъ (X, 25—34). Маѳѣ, сестрѣ Маріи, объяснено было то *единое*, что нужно каждому христіанину (38—42); а всѣмъ ученикамъ—существо и

содержаніе Богоугодной молитвы (XI, 1—13). Далѣе Евангелистъ передаетъ отвѣты Іисуса Христа, данные совопросникамъ, — что̀ именно отвѣчалъ Онъ на клевету, будто Онъ творитъ чудеса силою діавола (14—28), и также на дерзкое требованіе знаменія (29—32). Потомъ Онъ говорилъ о чистотѣ сердца (33—36). Затѣмъ слѣдуютъ обличенія на лицемѣріе и другіе пороки фарисеевъ (37—54). Во ушію тысящь народа, Іисусъ Христосъ предостерегалъ учениковъ отъ фарисейской испорченности и притворства и убѣждалъ мужественно исповѣдывать ученіе Христово (XII, 12). Затѣмъ опять идутъ общія наставленія: предостереженіе отъ скупости и корыстолюбія (12, 13—21), отъ земныхъ попеченій (22—28); увѣщаніе сосредоточить всѣ попеченія на ожиданіяхъ Господа и предстоящей борьбы съ міромъ (12, 29—53); наставленія о томъ, что должно наблюдать знаменія времени, въ виду близкаго суда Божія (XIII, 1—9).

Далѣе мы находимъ у Евангелиста рядъ изреченій Спасителя, произнесенныхъ въ разное время и по различнымъ поводамъ, и столь же разнообразнаго содержанія. Въ синагогѣ Іисусъ Христосъ исцѣлилъ больнаго въ субботній день. Начальникъ синагоги выразилъ при этомъ свое негодованіе, что дало Іисусу Христу поводъ обличить мнимую ревность фарисеевъ къ соблюденію закона (XIII, 10—17). Народъ радовался чудесамъ Господа. По этому поводу Господь произнесъ рѣчь о природѣ Царства Божія, которое проявляется сначала самыми незамѣтными явленіями, но потомъ, постепенно развиваясь, покрываетъ собою весь міръ (18—21). Нѣкто спросилъ Іисуса Христа: почему мало спасающихся? Господь объяснилъ, какъ труденъ путь къ Царству Небесному (22—30). Одинъ фарисей предостерегалъ Его отъ козней Ирода; но Онъ показалъ Свое всевѣдѣніе, предсказалъ Свою мученическую смерть и грозный судъ Божій надъ Іерусалимомъ (31—35). Находясь за праздничною трапезою у одного изъ старѣйшинъ, Спаситель обличилъ притворное благочестіе фарисея вопросомъ о томъ, позволительно ли исцѣлять больныхъ въ субботу (XIV, 1—6); обличилъ тщеславіе гостей, которые спорили о мѣстахъ (7—11); далъ наставленіе о томъ, что не должно, приглашая гостей, расчитывать на какія либо выгоды (12—14); высказалъ мысль о томъ, что чувственно настроенные Іудеи заграждаютъ себѣ путь въ Царство Небесное, куда, вмѣсто ихъ, будутъ призваны язычники (15—24). Въ другое время, около Іисуса Христа тѣснилось множество народа,—и Онъ сказалъ слово о ревности послѣдователей Его, которая должна выражаться въ самоотверженіи (25—35). Въ другой разъ фарисеи укоряли Іисуса Христа за то, что Онъ не удаляется отъ обращенія съ грѣшниками. Іисусъ Христосъ объяснилъ имъ существо Божественнаго милосердія, заключающееся въ особомъ попеченіи о тѣхъ людяхъ, которые находятся на краю погибели; эту мысль Онъ раскрылъ въ трогательной притчѣ о блудномъ сынѣ (XV). Продолжая рѣчь о милосердіи, Іисусъ Христосъ говорилъ, что подаваніе милостыни есть наилучшій способъ пользованія земнымъ богатствомъ, и что своекорыстіе въ пользованіи имуществомъ лишаетъ человѣка участія въ небесныхъ благахъ (XVI). Въ слѣдующихъ изрѣченіяхъ Господь даетъ наставленія о поведеніи христіанина въ разныхъ случаяхъ жизни. Ученики Его должны прощать другъ другу согрѣшенія (XVII, 1—4). Они также должны помнить, что сколько бы добра они ни сдѣлали, въ этомъ нѣтъ никакой заслуги, потому что они обязаны къ тому (5—10). Ученики Христовы должны благо-

дарить Бога за все, полученное отъ Него (11—19). Далѣе слѣдуютъ изрѣченія о необходимости бдительности, въ виду неизвѣстности будущаго (20—37), о необходимости постоянной молитвы (XVIII, 1—8), о необходимости смиренія и сокрушенія сердечнаго для оправданія предъ Богомъ (9—14). Благословляя дѣтей, Іисусъ Христосъ сказалъ, что къ Царству Небесному открываютъ доступъ дѣтское простодушіе и незлобіе (15—17). Наконецъ, Господь внушаетъ ученикамъ презрѣніе къ земнымъ благамъ и стремленіе къ пріобрѣтенію благъ небесныхъ (18—30).

5. *Дѣла и рѣчи Спасителя на пути въ Іерусалимъ* (XVIII, 31—XXI, 38). Отправляясь въ Іерусалимъ на страданія и смерть, Іисусъ Христосъ объявилъ ученикамъ, что Онъ идетъ въ Іерусалимъ, чтобы исполнить пророческія предсказанія о страданіяхъ, уничиженіи и смерти Мессіи; но ученики не поняли Его (XVIII, 31—34). Въ Іерихонѣ слѣпецъ назвалъ Іисуса Христа всенародно «Сыномъ Давида», т. е., Царемъ Мессіею, и, по вѣрѣ своей, получилъ исцѣленіе отъ слѣпоты (35—43). Желая показать всему народу, какъ должно учителямъ народа обращаться съ грѣшниками, Іисусъ Христосъ вошелъ въ Іерихонѣ въ домъ мытаря Закхея (XIX, 1—10). Здѣсь, въ притчахъ Господь изъяснилъ, что Онъ оставляетъ землю, чтобы пріять Свое Царство и потомъ нѣкогда придти для суда надъ Своими рабами и для отмщенія врагамъ Его Царства (11—27). Изъ Іерихона Господь прибылъ, окруженный учениками и толпою народа, къ горѣ Елеонской, и отсюда, какъ Сынъ Давида, совершилъ царское вшествіе въ Іерусалимъ, какъ задолго предсказалъ пророкъ Захарія. Но среди радостныхъ кликовъ народа, Господь предается скорби о будущей судьбѣ Своего народа и столицы Давида (XIX, 28—44). Въ храмѣ Іерусалимскомъ Іисусъ Христосъ вступилъ въ тѣ права, которыя Ему принадлежали, какъ Царю и Первосвященнику. Онъ изгналъ изъ храма торгашей и всѣхъ, нарушавшихъ святость дома Божія, и сталъ учить тайнамъ Царствія Небеснаго. Старѣйшины Іудейскіе не смѣли воспретить Ему, опасаясь неудовольствія со стороны народа (XIX, 45—48). Когда они спросили Его, по какому праву Онъ распоряжается въ храмѣ и проповѣдуетъ, то отвѣтъ Іисуса Христа, предложенный въ формѣ вопроса о крещеніи Іоанновомъ, заставилъ ихъ замолчать (XX, 1—8). Онъ объяснилъ имъ потомъ, какой тяжкій грѣхъ они совершаютъ противъ Него своимъ невѣріемъ и злобою, и изобразилъ ожидающій ихъ страшный судъ и казнь, притчею о злыхъ дѣтеляхъ въ виноградникѣ (9—19). Тщетно фарисеи и саддукеи пытались уловить Іисуса Христа на словахъ. Онъ вышелъ побѣдителемъ изъ этого испытанія и пристыдилъ враговъ Своихъ Своими вопросами (20—44). Окончивъ со Своими совопросниками, Іисусъ Христосъ дальнѣйшія рѣчи Свои обратилъ исключительно къ ученикамъ. Онъ предостерегалъ ихъ отъ лицемѣрія и одного наружнаго благочестія фарисеевъ, поучалъ истиннымъ добродѣтелямъ, исходящимъ изъ глубины чистаго сердца, открывалъ будущность Своей Церкви, погибель Іерусалима, и заповѣдывалъ бдительность и мужество среди гоненій (XX, 45—XXI, 1—38).

V. Страданія, смерть, воскресеніе и вознесеніе Господа (XXII—XXIV).

Іудейскіе старѣйшины, опасаясь волненія народа, долго колебались принять рѣшительныя мѣры противъ Божественнаго Учителя. Предательство Іуды облегчило успѣхъ ихъ дѣла.—Во время послѣдней таинственной вечери съ уче-

никами, Іисусъ Христосъ Самъ совершилъ и установилъ на вѣки въ Церкви Своей таинство Евхаристіи, и открылъ ученикамъ, что одинъ изъ нихъ предастъ Его. Чтобы прекратить между учениками всякія пререканія о взаимномъ старшинствѣ ихъ, Іисусъ Христосъ внушаетъ имъ смиреніе и взаимную услужливость. Петру предсказано было, что онъ въ ту же ночь три раза отречется отъ своего Учителя. Всѣмъ вообще ученикамъ были возвѣщены великіе труды и скорби въ борьбѣ съ грѣшнымъ міромъ (XXII, 1—38). Наступило время спасительныхъ страданій Богочеловѣка. Іисусъ Христосъ шелъ на эти страданія съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ жестокости, но въ то же время и съ совершеннымъ сознаніемъ, что страданія Его необходимы для спасенія людей, и что они послужатъ къ славѣ Отца Небеснаго, возлюбившаго человѣчество. Преодолѣвъ борьбу и страхъ немощной плоти человѣческой, Іисусъ Христосъ въ тихомъ и спокойномъ величіи вышелъ на встрѣчу врагамъ Своимъ въ саду Геѳсиманскомъ. Предатель привѣтствовалъ Его измѣнническимъ лобзаніемъ. Спаситель былъ взятъ воинами и отведенъ во дворъ первосвященника для суда и осужденія. Петръ въ это время, дѣйствительно, три раза отрекся съ клятвою отъ своего Учителя. Утвердительный отвѣтъ Іисуса Христа на вопросъ первосвященника: Онъ ли Мессія, далъ врагамъ Спасителя поводъ обвинить Его въ богохульствѣ и осудить на смерть. Римскій правитель Іудеи, Пилатъ, не находилъ въ Іисусѣ Христѣ никакой вины; но Іудейскіе старѣйшины вынудили у Пилата смертный приговоръ осужденному ими Праведнику. Идя на мѣсто казни, Іисусъ Христосъ обратился къ плакавшимъ о Немъ Еврейскимъ женщинамъ и сказалъ, что они должны больше плакать о себѣ и дѣтяхъ своихъ, потому что близокъ судъ Божій надъ народомъ Іудейскимъ. Распятый между двумя разбойниками, подвергнутый оскорбленіямъ и осмѣяніямъ, Іисусъ Христосъ обѣщалъ рай благоразумному разбойнику, молился за враговъ Своихъ и съ молитвою на устахъ предалъ духъ Свой. Чудесныя явленія, сопровождавшія смерть Спасителя, давали ясное свидѣтельство о Его Божествѣ и Божественномъ посланничествѣ. Находившійся при крестѣ Римскій сотникъ увѣровалъ въ Іисуса Христа. Одинъ изъ членовъ синедріона, Іосифъ Аримаѳейскій, испросилъ у Пилата Тѣло Іисусово и совершилъ погребеніе Его въ новой пещерѣ, въ своемъ саду (39—XXIII, 1—54). Зрительницами этого были благочестивыя женщины, ходившія во слѣдъ Господа (55—56). Эти жёны, по миновании субботы, пришли ко гробу Іисусову, чтобы помазать Тѣло Его мѵромъ, но нашли гробъ пустымъ. Ангелъ возвѣстилъ имъ, что Учитель ихъ воскресъ. Вѣсть о воскресеніи Господа не нашла вѣры между учениками. Петръ и Іоаннъ ходили ко гробу, но ничего не нашли. Но въ тотъ же день Господь явился двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ, и на пути доказывалъ имъ изъ Писаній, что Ему надлежало пострадать и умереть, чтобы войти въ славу Свою. Ученики, изъ которыхъ одинъ былъ Клеопа, а другой, какъ думаютъ,—самъ Евангелистъ Лука, возвратились въ Іерусалимъ, гдѣ Господь снова явился имъ вмѣстѣ съ прочими Апостолами. Увѣривъ въ истинѣ Своего воскресенія и давъ повелѣніе проповѣдывать имя Его во всемъ мірѣ, Спаситель обѣщалъ имъ послать на нихъ Духа Святаго. Близъ Виѳаніи, на горѣ Елеонской, Господь въ послѣдній разъ на землѣ благословилъ Апостоловъ и въ виду ихъ вознесся на небо (Дух. Бес. 1874 г., т. II, стр. 417—425. 442—446).

Взаимныя отношенія первыхъ трехъ Евангелій.

При внимательномъ чтеніи Евангелій нельзя не замѣтить, что они, и преимущественно первыя три, находятся въ тѣсной взаимной связи и отношеніи между собою. Въ трехъ первыхъ Евангеліяхъ не только одинаковое расположеніе, объемъ и содержаніе, но нерѣдко даже сходны слова, обороты и выраженія. Если три первыя Евангелія раздѣлить по содержанію на небольшія отдѣленія, то такихъ отдѣленій, общихъ всѣмъ тремъ Евангелистамъ, можно насчитать 42; Матѳей и Маркъ имѣютъ 12 предметныхъ отдѣленій, которыхъ нѣтъ у Луки; Маркъ и Лука 5 отдѣленій, которыхъ нѣтъ у Матѳея; Матѳей и Лука 14 отдѣленій, которыхъ нѣтъ у Марка. Чтобы видѣть сходство въ словахъ и въ употребленіи одинаковыхъ выраженій и формъ, стоитъ сравнить напр. Матѳ. III, 11 ст. съ Марк. I, 8 ст. и Лук. III, 16; Матѳ. VIII, 2 и д. съ Марк. I, 40 и д. Лук. V, 12 и д.; Матѳ. VIII, 15 съ Марк. I, 31 и д. Лук. IV, 39 и т. д. Но еще удивительнѣе особенное отношеніе, въ какомъ стоитъ Маркъ къ Матѳею и Лукѣ. Найдено, что во всемъ Евангеліи Марка только 24 стиха принадлежатъ Марку; все же остальное находится то у одного, то у другаго Евангелиста, или у обоихъ вмѣстѣ. Ср. Марк. I, 35—39 съ Лук. IV, 42—44; Марк. I, 45 съ Лук. V, 15; Марк. VI, 14—29 съ Матѳ. XIV, 12 и т. д.

Какъ произошло это? Независимо отъ дѣйствій Св. Духа, подъ вліяніемъ Котораго писали всѣ Евангелисты, это легко объясняется существованіемъ устнаго первоначальнаго Евангелія, изъ котораго Евангелисты почерпали матеріалы для своихъ писаній.

Іисусъ Христосъ далъ Своимъ Апостоламъ повелѣніе—идти по всему міру и учить всѣ народы, и проповѣдь этихъ самовидцевъ и служителей Слова, слушателей Его ученія и очевидцевъ Его дѣлъ, составляла *первоначальное устное Евангеліе*. Вѣра первоначально распространялась посредствомъ живаго слова; поэтому Апостолъ и говоритъ: *вѣра отъ слуха* (Римлян. X, 17), и потому христіанское наставленіе называется *проповѣдію* или *словомъ слышанія*—выраженія, указывающія на устное наставленіе. Главное содержаніе этой проповѣди естественно было историческое; чудесное рожденіе Господа, Его общественная жизнь и служеніе, Его ученіе и чудеса, Его страданія и смерть и особенно Его воскресеніе передавали просто, чтобы этимъ доказать, что Іисусъ изъ Назарета есть обѣщанный Мессія, Искупитель міра, Сынъ Божій. Легко могло произойти, что при этой устной передачѣ Евангельской исторіи очень скоро образовалось нѣкоторое согласіе и однообразіе въ сообщеніи и изображеніи отдѣльныхъ событій, также какъ и въ общемъ историческомъ порядкѣ. Разсказывали почти всегда одни и тѣже событія и прежде всего всегда рѣчи Христовы; рѣчи Іисуса Христа передавали всегда въ одинаковой формѣ уже по тому одному, что у Іудеевъ былъ обычай—изрѣченія своихъ учителей сохранять *буквально*, и что сохранить буквально въ памяти даже длинныя рѣчи Господа было тѣмъ легче, такъ какъ онѣ большею частью предлагались въ формѣ притчей и отрывочныхъ изрѣченій. Притомъ первые повѣствователи этихъ событій всѣ почти люди простые, не высокаго образованія; а и теперь еще можно замѣчать, что человѣкъ простой, разсказывая нѣсколько разъ одно и то же, выражается въ однихъ и тѣхъ же формахъ, даже когда нѣсколько такихъ людей разсказываютъ

объ одномъ и томъ же, то всѣ почти употребляютъ одинаковыя формы и выраженія. Такимъ образомъ первые вѣрующіе имѣли у себя *устное однообразное Евангеліе*, происшедшее отъ очевидцевъ и служителей Слова, и вполнѣ довольствовались имъ для утвержденія и укрѣпленія своей вѣры. Когда же спустя нѣсколько лѣтъ послѣ вознесенія Господа, многіе изъ очевидцевъ скончались, или переселились въ другія далекія страны для проповѣди,—когда съ теченіемъ времени стали къ разсказамъ Апостольскимъ присовокуплять апокрифическія прибавленія,—когда появились лжеучители, начавшіе искажать Евангельскія повѣствованія для своихъ цѣлей, тогда явилась потребность, чтобы Апостолы не только устно засвидѣтельствовали Евангельскую исторію, но и записали свою проповѣдь, или же уполномочили это сдѣлать своимъ ученикамъ и спутникамъ. Такимъ образомъ произошли Евангелія Матѳея, Марка и Луки. Въ нихъ повѣствователи слѣдуютъ вообще тому порядку и формѣ изложенія Евангелія, какъ оно уже существовало устно и произошло отъ Апостоловъ. Этимъ объясняется сходство Евангелій въ расположеніи, въ содержаніи и даже выраженіи. Отсюда же произошло также и различіе Евангелій: особенный характеръ каждаго повѣствователя и особенныя цѣли повѣствованія заставляли брать только нужныя для каждаго писателя событія изъ жизни Господа и изрѣченія Его. Наконецъ Евангелистъ Іоаннъ, написавшій свое Евангеліе уже тогда, когда вездѣ распространены были первыя три Евангелія, опустилъ многое въ своемъ Евангеліи изъ того, что̀ записано было его предшественниками, и записалъ сообразно своей цѣли опущенное ими. Этимъ объясняется разность Евангелія Іоанна отъ первыхъ трехъ Евангелій (Воскр. Чт. 1873, II, стр. 109).

СВЯТЫЙ АПОСТОЛЪ И ЕВАНГЕЛИСТЪ ІОАННЪ БОГОСЛОВЪ.

(Изъ Шаффа, прот. В. Михайловскаго.)

Святый Ап. и Ев. Іоаннъ (съ Евр. значитъ—покровительство, благоволеніе Божіе) былъ сынъ Галилейскаго рыбака Зеведея и Саломіи, братъ Іакову старшему и, вѣроятно, подобно Петру, Андрею и Филиппу, происходилъ изъ Виѳсаиды (Матѳ. IV, 21; X, 2. Марк. I, 19; III, 17; X, 35. Лук. V, 10. Дѣян. XII, 2). Его родители были, кажется, не безъ состоянія; потому что его отецъ имѣлъ у себя въ услуженіи работниковъ (Марк. I, 20), а мать принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя своимъ имѣніемъ служили Іисусу Христу (Матѳ. XXVII, 56. Марк. XV, 40 и д. Лук. VIII, 3) и купили ароматовъ для Его помазанія (Марк. XVI 1, Лук. XXIII, 55—56). Іоаннъ имѣлъ въ Іерусалимѣ свой собственный домъ, въ который онъ принялъ, послѣ распятія Господа, Его Матерь (Іоан. XIX, 27). Первые зародыши благочестія въ нѣжное сердце отрока положила благочестивая мать. Хотя Саломія была еще въ то время подъ вліяніемъ чувственныхъ представленій о Мессіи, общихъ между всѣми Іудеями, и не была чужда въ нѣкоторой степени тщеславія, какъ видно изъ ея просьбъ къ Господу о томъ, чтобъ оба ея сына заняли самыя первыя мѣста въ Его Царствѣ (Матѳ. XX, 20 и д.); но все-таки она послѣдовала за Христомъ искренно и даже не оста-

вила Его при самомъ крестѣ (Марк. XV, 40). Подобно всѣмъ, кромѣ Павла, Апостоламъ и Іоаннъ не получилъ никакого научнаго воспитанія (Дѣян. IV, 13). За все, въ чемъ отказало ему воспитаніе, впослѣдствіи онъ былъ обильно вознагражденъ трехгодичнымъ личнымъ обращеніемъ съ Учителемъ всѣхъ учителей,—и чудеснымъ озареніемъ отъ Св. Духа. Но, по всей вѣроятности, онъ съ раннихъ поръ познакомился со священными книгами ветхаго завѣта, которыя его естественной наклонности къ глубокомысленному обсужденію и его мягкому, нѣжному сердцу дали гораздо болѣе здоровую пищу, чѣмъ какую предлагала школа фарисейская, обезображенная всевозможными ложными идеями.

Въ молодости онъ присталъ къ Іоанну Крестителю; потому что, безъ сомнѣнія, онъ самый есть тотъ не названный по имени одинъ изъ двухъ учениковъ, о которыхъ говоритъ онъ въ Евангеліи (Іоан. I, 35). Его воспріимчивое сердце, съ нетерпѣніемъ *ожидавшее Чаянія* Израиля, не могло тотчасъ не узнать Божественнаго посланника въ сильномъ проповѣдникѣ покаянія, который, какъ утренняя заря предъ солнцемъ, шелъ впереди Христа, прокладывая Ему дорогу. Этотъ вѣстникъ на Іорданѣ, въ Переѣ, указалъ ему, вмѣстѣ съ Андреемъ, на Іисуса, какъ Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра. Первое знакомство его со Спасителемъ было столь замѣчательно и незабвенно, что онъ въ поздніе годы своей жизни еще припомнилъ часъ этой встрѣчи (Іоан. I, 40). Насладившись въ теченіе дня бесѣдою съ Сыномъ Божіимъ и послушавши Его ученія, онъ, вмѣстѣ съ Петромъ и Андреемъ, воротился на свою родину и къ своему рыболовству. Тамъ доброе сѣмя, павшее на его сердце, могло свободно развиваться, и Господь, по Своей премудрости, не препятствовалъ естественному ходу въ образованіи. Вскорѣ послѣ этого Іоаннъ, вмѣстѣ съ Іаковомъ, Петромъ и Андреемъ, отъ своего рыбнаго промысла были позваны Іисусомъ на вѣчное послѣдованіе за Нимъ, на Апостольское служеніе (Матѳ. IV, 18 и д. Марк. I, 16 и д. Лук. IV. 1—11). Такимъ образомъ онъ есть представитель тѣхъ христіанъ, которые мало-по-малу, безъ насильственной внутренней борьбы и безъ поразительныхъ внѣшнихъ перемѣнъ, введены въ общеніе съ Искупителемъ, между тѣмъ какъ Апостолъ Павелъ представляетъ намъ разительный примѣръ внезапнаго, быстраго обращенія. Первый способъ обращенія примѣненъ особенно къ душамъ нѣжнымъ, чувствительнымъ и дѣвственнымъ; а другой—по отношенію къ характерамъ сильнымъ и рѣшительнымъ.

Іоаннъ, сердце котораго рождено для глубокой дружбы и искренней любви, сдѣлался однимъ изъ самыхъ близкихъ учениковъ Господнихъ. Онъ, братъ его Іаковъ и Симонъ Петръ составили общество, самое избранное изъ избранныхъ, тотъ священный дружескій кругъ, который пользовался особеннымъ благоволеніемъ у Богочеловѣка. Только они одни были очевидцами воскрешенія дочери Іаира (Марк. V, 37), преображенія Христова на Ѳаворѣ (Матѳ. XVII, 1) и Его страданій въ Геѳсиманіи (Матѳ. XXVI, 37. Марк. XIV, 33). Основанія такому предпочтенію нужно искать частью въ благой волѣ Господа, частью въ свойствахъ этихъ трехъ учениковъ. Объ Іаковѣ мы почти ничего не знаемъ. Кажется, онъ былъ отъ природы тихъ, серьезенъ и глубокомысленъ, и умеръ въ 44 году мученикомъ,—первымъ изъ мучениковъ—Апостоловъ. По значенію и вліянію занялъ его мѣсто и нѣкоторымъ образомъ замѣнилъ его Апостолъ Павелъ. Петръ извѣстенъ намъ, какъ человѣкъ порывистый, горячій, дѣятельный; Іоаннъ

не сильно высказывался во внѣ, но за то яснѣе и сильнѣе пламенѣетъ душа его внутри. Его любящая душа, свойственная ему особенная религіозная настроенность поставила его выше даже двоихъ изъ избранныхъ Апостоловъ и дала ему первое мѣсто въ этомъ кругу друзей Богочеловѣка. Онъ имѣлъ особенную честь возлежать на персяхъ Господа и прислушиваться къ біенію сердца въ вѣчно Милосердомъ (Іоан. XIII, 23). Поэтому въ писанномъ имъ Евангеліи онъ обыкновенно, по скромности, скрываетъ себя и вмѣстѣ съ тѣмъ, по чувству глубочайшей благодарности, называетъ себя «ученикомъ, котораго любилъ Іисусъ» (XIII, 23; XIX, 26; XX, 2; XXI, 7, 20). Вѣроятно, это есть глубокомысленный перифразъ и объясненіе его собственнаго имени, въ которомъ онъ видѣлъ пророчество о такомъ идеальномъ, дружескомъ общеніи и особенно дружескомъ благоволеніи къ нему Христа — Бога воплотившагося (ср. Іоан. XII, 11 съ Ис. VI, 1).

Іоаннъ засвидѣтельствовалъ свою вѣрность къ Господу во время Его страданій и вмѣстѣ съ Петромъ провожалъ Его до дома первосвященническаго (Іоан. XVIII, 14). Изъ всѣхъ учениковъ только онъ одинъ стоялъ при крестѣ во время распятія, и тогда то Іисусъ поручилъ ему Свою Матерь, потому что онъ больше всѣхъ былъ способенъ замѣнить Ей сына (Іоан. XIX, 26). Онъ взялъ Ее въ свой домъ и, по преданію, содержалъ Ее до самой Ея кончины, которая, по словамъ Никифора, послѣдовала въ 43 году въ Іерусалимѣ (а по показанію другихъ— въ Ефесѣ). Въ день воскресенія онъ, опять вмѣстѣ съ Петромъ, рано пришелъ ко гробу и нашелъ его пустымъ (XX, 3 и д.). Наконецъ, въ Евангеліи онъ встрѣчается намъ на озерѣ Геннисаретскомъ съ другими шестью учениками, съ которыми онъ закидывалъ сѣти, и въ теченіи цѣлой ночи ничего не поймалъ до тѣхъ поръ, пока не явился имъ Воскресшій и не помогъ имъ въ нуждѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ далъ имъ намекъ на то, что въ предстоящемъ имъ Апостольскомъ служеніи, въ великомъ дѣлѣ ловленія людей, человѣческими силами имъ ничего не сдѣлать, но что все зависитъ отъ благословенія Главы и Владыки Церкви. Замѣчательно тамъ различіе въ поведеніи Іоанна и Петра. Тотъ сразу чутьемъ любви узнаетъ Господа, но спокойно остается на суднѣ, потому что онъ былъ увѣренъ въ обладаніи Имъ и всецѣло былъ погруженъ мыслями въ Него, между тѣмъ какъ порывистый Петръ, котораго, конечно, весьма безпокоило сознаніе объ отреченіи, и который въ смущеніи духа желалъ бы получить прощеніе, бросается въ волны и идетъ къ Спасителю на берегъ, для того, чтобъ придти къ Нему раньше всѣхъ (Іоан. XXI, 2 и д.). Такъ глубокомысленная Марія спокойно сидѣла у ногъ Господа, между тѣмъ какъ озабоченная, суетливая сестра ея Марѳа жаловалась на свои хлопоты (XI, 20).

Въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, Іоаннъ рядомъ съ Петромъ представляется самою замѣчательною личностью въ первой христіанской изъ іудейства половинѣ Церкви. Хотя по своему характеру онъ не такъ публично выступаетъ, какъ Петръ, и нигдѣ не изображается говорящимъ рѣчи, но помогаетъ ему своею тихою созерцательностью. Онъ вмѣстѣ съ Петромъ исцѣляетъ хромого (Дѣян. III, 1 и д.), отправляется вмѣстѣ съ нимъ въ Самарію, для того, чтобъ тамъ крещенныхъ діакономъ Филиппомъ христіанъ утвердить въ вѣрѣ, преподавъ имъ Духа Св. (Дѣян. VIII, 14 и д.), и оттуда опять идетъ въ Іерусалимъ. Здѣсь встрѣчается съ нимъ Павелъ въ третье свое путешествіе, въ 50 году, когда онъ со старшими изъ Апостоловъ

разсуждалъ объ обязанности Моусеева закона. Апостолъ Павелъ называетъ его, вмѣстѣ съ Іаковомъ и Петромъ, Апостоломъ Іудеевъ и столпомъ Церкви (Галат. II, 1—9). Такимъ образомъ до этого времени дѣятельность Іоаннова, кажется, ограничивалась Іудеями и Палестиною. Когда Павелъ въ послѣдній разъ пришелъ въ Іерусалимъ въ 58 году, его уже не было тамъ, иначе Лука, конечно, упомянулъ бы объ этомъ (Дѣян. XXI, 18). Касательно же его поздней дѣятельности, мы руководствуемся частью его собственными писаніями, частью церковнымъ преданіемъ...

Впослѣдствіи времени постояннымъ мѣстомъ для своей дѣятельности Іоаннъ избралъ знаменитый торговый городъ Ефесъ, слѣдовательно одну изъ самыхъ важныхъ Павловыхъ Церквей. Этотъ фактъ несомнѣнно подтверждается единогласнымъ свидѣтельствомъ древности, а также изъ Апокалипсиса (1, 11; гл. II и III); видно, что онъ завѣдывалъ Малоазійскими Церквами. Время его переселенія на Греческую почву нельзя опредѣлить съ точностью. Можно утверждать только то, что въ Ефесъ онъ могъ придти только по смерти Павла. Вѣроятно, мученическая кончина Апостола язычниковъ въ 64 году и возникшія опасности и безпорядки, которые Павелъ еще издавна предчувствовалъ (Дѣян. XX, 29—30), дали поводъ Іоанну отправиться на это важное мѣсто замѣнить собою Павла и продолжать устройство Церкви на положенномъ Павломъ основаніи. Гдѣ онъ былъ въ промежуткѣ времени отъ 50—64 года,—этого доказать нельзя.

Дѣятельность св. Іоанна въ Ефесѣ, памятники которой лежатъ передъ нами въ Евангеліи и посланіяхъ Іоанна, была прервана гоненіемъ на христіанъ, воздвигнутымъ Домиціаномъ, для того, чтобъ другимъ образомъ, чрезъ пророческое откровеніе будущаго, онъ послужилъ пользѣ Царства Божія.

Домиціанъ былъ преемникомъ брату своему Титу, вступилъ на престолъ въ 81 году и занималъ его до 96 года, до своей насильственной смерти. Послѣ славнаго начала, онъ вскорѣ высказалъ себя совершеннымъ тираномъ, который въ жестокости нисколько не уступалъ чудовищу — Нерону, а въ лицемѣріи даже превосходилъ его (именно когда онъ былъ особенно любезенъ и привѣтливъ, тогда-то нужно было болѣе всего опасаться его кровожадности); онъ или умерщвлялъ, или ссылалъ самыхъ честныхъ и знатныхъ людей, даже сенаторовъ и отставныхъ консуловъ по самымъ ничтожнымъ предлогамъ, если только они препятствовали его самой мрачной, возмутительной власти, или ненасытному корыстолюбію. При этомъ самообожаніе онъ довелъ до высшей степени богохульства. За исключеніемъ Калигулы, онъ былъ первый Римскій императоръ, присвоившій себѣ имя бога; свои письма онъ начиналъ такими словами: «государь нашъ и богъ повелѣваетъ», и своимъ подданнымъ приказалъ всегда обращаться къ нему въ такихъ же выраженіяхъ. Мало того, онъ считалъ себя даже выше боговъ и свои золотыя и серебряныя статуи велѣлъ поставить на самомъ священномъ мѣстѣ въ храмѣ и приносить себѣ жертвы всякаго рода. Исповѣданіе вѣры Христовой такому человѣку должно было казаться достойнымъ смертной казни преступленіемъ противъ его величества. И дѣйствительно, при немъ умирало множество христіанъ мученическою смертью, между которыми его двоюродный братъ, консулъ Флавій Климентъ, и изъ-за подозрѣнія онъ велѣлъ убить всѣхъ потомковъ Давидовыхъ, а двухъ родственниковъ Іисусовыхъ изъ Палестины доставить въ Римъ, потому что онъ ихъ боялся; но

впослѣдствіи убѣдился, что они были бѣдные и невинные люди, которые не могли сдѣлаться опасными его владычеству. При такомъ императорѣ Апостолъ Іоаннъ, по преданію, сосланъ былъ на пустынный, безплодный, каменистый островъ Патмосъ (въ настоящее время Патмо или Палмоза) на Егейскомъ морѣ, недалеко отъ Азіатскаго берега, къ югозападу отъ Ефеса, и тамъ сподобился видѣнія о борьбѣ и торжествѣ Церкви. Но что онъ, будучи ссыльнымъ, сподобился видѣнія на этомъ островѣ, объ этомъ онъ самъ говоритъ (Апокалипс. I, 9): я «Іоаннъ, братъ вашъ и участникъ въ печали и въ царствіи и въ терпѣніи Іисусъ Христовомъ, былъ на островѣ, называемомъ Патмосъ, за слово Божіе и за свидѣтельство Христово». А что это было въ царствованіе Домиціана, объ этомъ свидѣтельствуетъ почти единогласно вся Церковь христіанская.

По смерти тирана, въ 96 году, и Апостолъ снова получилъ свободу, проживши въ ссылкѣ годъ или болѣе. Преемникъ Домиціана, правдивый и человѣколюбивый Нерва, начинающій собою рядъ добрыхъ императоровъ, по словамъ Діона Кассія, вызвалъ ссылочныхъ назадъ и уничтожилъ доносы и ябеды. Іоаннъ воротился въ Ефесъ на мѣсто прежней своей дѣятельности и правилъ Азійскою Церковію до конца своей жизни. Къ этимъ послѣднимъ годамъ его жизни относятся два характеристическихъ разсказа, которые носятъ на себѣ несомнѣнные признаки истины. Одинъ изъ нихъ дошелъ до насъ отъ Климента Александрійскаго, писавшаго въ концѣ втораго вѣка. Онъ есть трогательное свидѣтельство нѣжной, искренней пастырской любви Апостола. «Возвращаясь съ Патмоса въ Ефесъ», такъ разсказываетъ Климентъ, «Іоаннъ посѣтилъ окрестныя страны для того, чтобы тамъ поставить епископовъ и хорошенько устроить Церкви. Въ одномъ городѣ, недалеко отъ Ефеса, онъ встрѣтилъ одного красиваго, энергическаго и бойкаго юношу, которымъ онъ тотчасъ заинтересовался такъ, что поручилъ его особенной заботливости епископа. Этотъ взялъ его къ себѣ, наставилъ его въ Евангельскомъ ученіи и присоединилъ его чрезъ святое крещеніе къ Церкви. Но съ этого времени онъ ослабилъ свой надзоръ за нимъ. Юноша, такъ рано избавившійся отеческаго руководства, попалъ въ дурное общество, даже сдѣлался предводителемъ шайки разбойниковъ, превосходя всѣхъ своихъ товарищей подозрительнаго поведенія насильственными поступками и кровожадностью. Черезъ нѣсколько времени Іоаннъ снова пришелъ въ этотъ городъ и явилъ себя весьма внимательнымъ къ юношѣ. «А отдай-ка мнѣ», сказалъ онъ епископу, «то сокровище, которое я и Господь ввѣрили тебѣ въ присутствіи всей Церкви». Епископъ со вздохомъ сказалъ: «юноша умеръ для Бога и сдѣлался разбойникомъ. Вмѣсто того, чтобъ жить при церкви, онъ со своими товарищами теперь живетъ въ одной горѣ». Тогда Апостолъ съ громкимъ воплемъ растерзалъ на себѣ одежду, ударилъ себя по головѣ и воскликнулъ: «ахъ! кого я поставилъ хранителемъ души моего брата»? Тотчасъ на лошади, съ провожатымъ, онъ отправляется къ тому мѣсту, гдѣ живетъ шайка разбойниковъ. Караульные хватаютъ его, но онъ не бѣжитъ отъ нихъ, напротивъ проситъ, чтобъ они представили его къ ихъ атаману. Когда этотъ узналъ въ немъ Іоанна, тогда отъ стыда бросился бѣжать. Апостолъ, забывши свои лѣта, гонится за нимъ, сколько у него было силъ, и кричитъ ему: «сынъ мой, зачѣмъ ты бѣжишь отъ меня? отъ меня, твоего отца, безоружнаго старика! Сынъ, сжалься надо мной! Не бойся!

Тебѣ есть еще надежда на жизнь. Я буду отвѣчать за тебя предъ Христомъ. Если нужно, я съ удовольствіемъ пожертвую своею жизнью за тебя, подобно тому, какъ Христосъ умеръ за насъ. Для тебя я готовъ умереть. Остановись! Повѣрь, Христосъ послалъ меня! Такія слова какъ-бы мечомъ пронзаютъ душу несчастнаго. Онъ останавливается, бросаетъ убійственное оружіе, затрясся, залился горючими слезами. Когда старецъ Апостолъ подошелъ къ нему, юноша обнимаетъ его колѣна, съ сильнымъ стономъ проситъ прощенія и чрезъ слезы раскаянія принимаетъ, такъ сказать, второе крещеніе. Апостолъ увѣряетъ его, что онъ получилъ отъ Спасителя прощеніе ему; тотъ бросается на колѣни и цѣлуетъ его руку. Послѣ этого онъ снова вводитъ его въ церковь и здѣсь сильно молится съ нимъ, подвизается съ нимъ въ постѣ и научаетъ его своими бесѣдами до тѣхъ поръ, пока не былъ въ состояніи возвратить его Церкви, какъ примѣръ искренняго обращенія.

Другое также трогательное событіе разсказываетъ учитель Церкви Іеронимъ въ своемъ толкованіи на посланіе къ Галатамъ. Когда Іоаннъ достигъ уже преклонной старости, тогда онъ по слабости не могъ ходить въ собранія и велѣлъ носить себя. Онъ уже не могъ говорить длинныхъ поученій; онъ говорилъ только: «дѣти, любите другъ друга»! На вопросъ: зачѣмъ онъ постоянно повторяетъ одно это увѣщаніе? онъ говорилъ: «затѣмъ, что это есть заповѣдь Господа, и потому еще, что достаточно и ея одной, если только ее выполнить»! Дѣйствительно, достаточно ея одной; потому что какъ Самъ Богъ есть любовь, такъ и любовь къ Нему и къ братьямъ есть сущность и вѣнецъ религіи и нравственности, исполненіе закона и пророковъ и союзъ совершенства.

Всѣ разсказы древнихъ согласны въ томъ, что Іоаннъ дожилъ до времени царствованія императора Траяна, вступившаго на престолъ въ 98 году, и скончался естественною смертью, болѣе чѣмъ на 90 году своей жизни, въ городѣ Ефесѣ. Между тѣмъ какъ бо́льшая часть Апостоловъ крестилась огненнымъ крещеніемъ мученичества, этотъ старецъ-юноша среди бѣдствій первенствующей Церкви вошелъ въ небесный покой и смиренно почилъ на лонѣ любви. Изъ непониманія загадочныхъ словъ Спасителя (Іоан. XXI, 22): «Я хочу, чтобъ онъ оставался, пока Я приду, что̀ тебѣ до этого»? образовалось сказаніе, будто Іоаннъ не умеръ въ собственномъ смыслѣ, но только почиваетъ, дыханіемъ колебля могилу до послѣдняго .втораго пришествія Господня.

Характеръ Іоанна.

Попытаемся теперь, на основаніи свидѣтельствъ исторіи и первѣе всего посланій Іоанна, составить очеркъ его духа и нравственно-религіознаго характера. Теоретическія и практическія способности, которыми, какъ приданнымъ, Творецъ надѣляетъ человѣка при его появленіи на свѣтъ, не подавляются возрождающею вѣрою, но только очищаются отъ грѣховныхъ примѣсей, освящаются на служеніе Богу и такимъ образомъ только возводятся къ высшему совершенству. Іоаннъ безспорно принадлежитъ къ разряду весьма даровитыхъ натуръ: онъ одаренъ глубокимъ и свѣтлымъ умомъ, живымъ чувствомъ, пламенною фантазіею, нѣжнымъ и достолюбезнымъ сердцемъ. Каждый талантъ имѣетъ какой-

нибудь наслѣдственный недостатокъ, неразлучный съ нимъ, и подвергается особому злоупотребленію. Наклонность Іоанна къ созерцательности въ дурной школѣ легко могла довести его до системы пантеистическаго воззрѣнія, смѣшивающаго Бога и міръ. Но, при вѣрномъ воззрѣніи на воплотившееся вѣчное Слово, этотъ даръ сдѣлался святою мудростью, которая заставляетъ насъ вникать въ самую глубь сердца Божія, —Его любвеобильнаго домостроительства о человѣчествѣ. Вслѣдствіе обращенія съ самою воплощенною Мудростію, этотъ предводитель христіанскихъ философовъ, этотъ «Богословъ» въ самомъ точномъ смыслѣ сдѣлался представителемъ Боговдохновеннаго знанія. Подъ самымъ простымъ, самымъ дѣтскимъ покровомъ онъ умѣетъ сообщить самыя глубочайшія истины, которыя даже самому образованному мыслителю доставляютъ неисчерпаемый матеріалъ для изслѣдованій. Церковная символика дала ему аттрибутъ орла, который отважно и съ торжествомъ паритъ въ высшихъ странахъ, и геніальный Рафаэль поэтому представилъ его покоющимся на крыльяхъ орла и смѣло взирающимъ на высоты небесъ. Чрезъ это Церковь хотѣла образно представить острый взглядъ, пророческую дальновидность, смѣлый полетъ и благородную, неотразимую силу духа Іоаннова.

Что же касается его нравственнаго характера, то Іоаннъ былъ и здѣсь также естественно не чуждъ грѣха, не смотря на всѣ его прекрасныя дарованія. Именно такія любвеобильныя души обыкновенно бываютъ способны къ излишней чувствительности (сантиментальности), къ зависимости, къ утонченному самолюбію и тщеславію. Зависть замѣтна нѣсколько изъ того разсказа объ Іоаннѣ, который записанъ Лукою (IX, 49—50) и Маркомъ (IX, 38—40), а честолюбивое стремленіе лежитъ въ основѣ его просьбы къ Господу о самомъ первомъ мѣстѣ въ Царствѣ Небесномъ (Марк. X, 35). Особенно важенъ тотъ случай, о которомъ разсказываетъ Лука (IX, 51—56), именно: когда жители одной Самарянской деревни не хотѣли принять Іисуса, тогда два брата, Іоаннъ и Іаковъ, въ гнѣвѣ высказали слѣдующія слова: «Господи, хочешь ли, мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба и истребилъ ихъ, какъ сдѣлалъ нѣкогда и Илія?» Здѣсь высказывается, очевидно, поспѣшная чувственная ревность, неблагородная жажда отомстить, которая новозавѣтный взглядъ смѣшала съ ветхозавѣтнымъ и забыла, что Сынъ Человѣческій пришелъ не за тѣмъ, чтобъ губить души человѣческія, но чтобъ спасать. Но изъ этого видно, что Іоаннъ вовсе не былъ человѣкомъ съ характеромъ мягкимъ, уступчивымъ, какъ нерѣдко его представляютъ. Его любовь была весьма сильна и глубока, и отъ того-то легко могла переходить въ столь же сильную ненависть, потому что ненависть есть только оборотная сторона любви. Вѣроятно прозваніе «сынами грома», какое далъ Іисусъ Христосъ (Марк. III, 13) сынамъ Зеведеевымъ, имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ этой чертѣ и означаетъ глубину чувства, большую силу въ наклонностяхъ, вслѣдствіе которой легко могутъ произойти гнѣвные порывы сердца, какъ и было въ приведенномъ случаѣ. Горячая натура страстно влечется къ любимому предмету, но столь же страстно отвращается отъ всего, что противно ему. Пока этотъ темпераментъ не просвѣтился и не усмирѣлъ при содѣйствіи Духа Божія, до тѣхъ поръ онъ могъ дѣйствовать разрушительно, подобно потрясающему, сильно раздающемуся во мракѣ грому. Такимъ образомъ, Спаситель, давши Іоанну такое прозваніе, осудилъ его неразумную ревность и его плотскую стра-

стность и сдѣлалъ ему серьезное замѣчаніе о томъ, чтобъ онъ обуздалъ свою натуру и въ своей горячности потушилъ все, противное Божественному. Но когда такой темпераментъ поддавался водительству и управленію Духа Св., тогда онъ, какъ всякое освященное природное дарованіе, могъ сдѣлать множество великихъ, славныхъ дѣлъ въ Царствѣ Божіемъ. Но въ названіи «сыны грома» вмѣстѣ съ тѣмъ заключается что-то почетное: тотъ же самый громъ, который въ иной разъ разрушаетъ, въ другой—очищаетъ воздухъ и даетъ землѣ плодородіе чрезъ сопровождающіе его дожди. Что было въ ревности Іоанновой истиннаго и добраго, то осталось въ немъ и по возрожденіи, какъ-то: нравственная сила и рѣшимость, съ которою онъ любилъ добро и ненавидѣлъ зло. Природныя дарованія были очищены отъ всякихъ примѣсей, усмирены и обращены на служеніе Богу. Въ Апокалипсисѣ громко и сильно гремитъ громъ противъ враговъ Господа и Его Невѣсты. Правда, въ Евангеліи и въ посланіяхъ этого Апостола преобладаетъ тихій и чуть слышный шумъ, но, по крайней мѣрѣ, вдалекѣ, тамъ же по мѣстамъ бушуетъ и буря, какъ напр., когда онъ описываетъ судъ Сына Человѣческаго, (V, 25—30). Съ какимъ отвращеніемъ онъ говоритъ о предателѣ и болѣе и болѣе усиливающейся ярости фарисеевъ противъ своего Мессіи! По его словамъ, Іудеевъ, занятыхъ мыслью объ убійствѣ, Господь называетъ дѣтьми діавола (VIII, 44), и всякій, кто дѣлами не подтверждаетъ своей христіанской вѣры, у него называется лжецомъ (1 Іоан. I, 6, 8, 10); всякій, кто ненавидитъ брата своего, по его словамъ, есть «человѣкоубійца» (III, 15); всякій, содѣлывающій грѣхъ намѣренно, есть сынъ діавола (III, 8). Какъ сильно и неумолимо онъ предостерегаетъ отъ человѣка, отвергающаго воплощеніе Христово, какъ отъ обманщика и антихриста (1 Іоан. II, 18 и д. IV, 1 и д.)! Мало того,—во второмъ посланіи, ст. 10 и 11, онъ запрещаетъ даже привѣтствовать лжеучителя и принимать его въ домъ. Если припомнишь это, то разсказъ Иринея заслуживаетъ полнаго довѣрія. Именно, когда этотъ старецъ-Апостолъ встрѣтился въ общественной банѣ съ гностикомъ Керинфомъ, тогда онъ тотчасъ оставилъ ее, сказавши слѣдующія слова: «я опасаюсь, чтобъ не обрушилось зданіе изъза того, что въ немъ находится Керинфъ, врагъ истины». Эти, повидимому, противорѣчащія другъ другу черты, внутренній огонь любви и поразительный гнѣвъ, небесную кротость и громовую ревность очень легко можно примирить между собою. Это была одна и та же сила духа, которая проявилась въ обоихъ случаяхъ, только по противоположному направленію: одинъ разъ положительнымъ образомъ—увлекаясь Божественнымъ, а въ другой разъ отрицательнымъ— отвращаясь отъ безбожнаго и противо-христіанскаго, подобно тому, какъ одно и то же солнце иной разъ освѣщаетъ и согрѣваетъ живое, а въ другой разъ содѣйствуетъ тлѣнію мертваго. Кто полагаетъ христіанскую любовь въ благодушной снисходительности ко грѣху, тотъ имѣетъ совершенно превратное понятіе о ней, и такою снисходительностью только губитъ того, кого хочетъ пощадить. Чѣмъ искреннѣе любитъ мать свое дитя, тѣмъ заботливѣе она будетъ присматривать за его шалостями и наказывать за нихъ, для того, чтобъ, чрезъ покаяніе и исправленіе, онъ сдѣлался достойнымъ еще большей любви. Чѣмъ пламеннѣе и безграничнѣе кто-нибудь любитъ Бога, тѣмъ рѣшительнѣе и неумолимѣе онъ начинаетъ ненавидѣть діавола и все злое.

Если сопоставить Іоанна съ *Петромъ*, то, при всемъ единствѣ ихъ по вѣрѣ и

любви, мы находимъ пресвѣтлѣйшій образъ и подобіе Божіе въ нихъ отпечатлѣвшимся весьма различно. Петръ есть натура, направленная къ внѣшней дѣятельности, практическая, созданная для организованія и управленія дѣлами церковными; Іоаннъ, напротивъ, сосредоточенъ въ себѣ, самоуглубленъ и способенъ къ поддержанію и образованію уже составившихся Церквей во внутренней жизни знанія и любви. Въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ мы видимъ обоихъ ихъ стоящими во главѣ юной Церкви; но *Петръ* далеко превосходитъ Іоанна впечатлительною энергіею въ дѣятельности; онъ является и потрясающимъ проповѣдникомъ, и сильнымъ чудотворцемъ, и первымъ въ устройствѣ Церкви Апостоломъ. *Апостолъ любви* скромно и однако не безъ вліянія стоитъ подлѣ него, сохраняя глубокое молчаніе, потому что чувствуетъ, что при своемъ тихомъ характерѣ, имѣющемъ открыться въ свое время, въ своемъ мѣстѣ, онъ объемлетъ умомъ весь міръ. Между тѣмъ какъ Петръ и Павелъ имѣли даръ насаждать, онъ, подобно Аполлосу, обладалъ даромъ орошать посаженное. Господь Церкви не поручилъ ему дѣло основанія, но—возведенія Церкви на положенныхъ основаніяхъ. Петръ, по своему темпераменту, сангвиникъ съ большою холерическою примѣсью, оттого легко раздражителенъ, рѣшителенъ, распорядителенъ и вспыльчивъ, не всегда послѣдователенъ, довѣрчивъ, потому что свои дѣйствія опредѣлялъ минутными впечатлѣніями. Это человѣкъ настоящей минуты, и дѣлающій, и говорящій только по данному случаю. Іоаннъ—меланхоликъ, оттого не слишкомъ быстръ, но если ужъ разъ онъ усвоилъ глубоко что-нибудь и искренно прилѣпился къ своему предмету, тогда онъ мало обращаетъ вниманія на внѣшній міръ, глубокомысленно всматривается въ прошедшую жизнь; это *человѣкъ мысли и любви*. Оба ученика любятъ Господа всей душою, но, какъ замѣчаетъ Гроцій, Петръ любилъ болѣе *Христа*, а Іоаннъ любилъ *Іисуса*, т. е., первый почиталъ и любилъ въ Спасителѣ преимущественно Его служеніе, достоинство Его, какъ Мессіи, а Іоаннъ прежде всего прилѣпился къ Его лицу, и поэтому былъ болѣе близокъ къ Нему, былъ, такъ сказать, наперснымъ другомъ. Далѣе, любовь перваго была болѣе дѣятельная и мужественная, любовь послѣдняго болѣе внутренняя, глубокая и дѣвственная. Точно такое же отношеніе находится и между женскими характерами въ новомъ завѣтѣ: между практической, хлопотливой и заботящейся *о многомъ* Маѳою, и между тихою, обрѣтающею себѣ блаженство въ любви Іисуса,—*единомъ на потребу*—и изъ-за него забывающею весь внѣшній міръ—Маріею. Все-таки на обѣихъ почиваетъ благоволеніе Господа, обѣ онѣ равно необходимы въ Царствіи Божіемъ, и у насъ не было бы существенной черты въ общей картинѣ христіанской жизни, если бы мы не имѣли того или другаго изъ этихъ характеровъ.

Съ Павломъ у Іоанна была общею глубина знанія. Это такіе два Апостола, которые оставили намъ самое раскрытое и полное вѣроученіе.

Довольно удачно Петра назвали Апостоломъ *надежды*, Павла Апостоломъ *вѣры*, а Іоанна—*любви*.

Евангеліе Іоанна.

Евангеліе Іоанна,—это глубокомысленное описаніе воплотившагося Сына Божія и проявляющейся въ Его робкомъ видѣ вѣчной Его славы, полной благодати и истины,—еще по словамъ Иринея и другихъ отцевъ Церкви, на-

писано было послѣ всѣхъ другихъ Евангелій и притомъ въ Ефесѣ; и это мнѣніе подтверждается внутренними доказательствами. Дѣйствительно, оно предполагаетъ первыя три Евангелія уже существующими, объясняетъ для читателей—христіанъ изъ язычниковъ—Палестинскія мѣстности, Еврейскія выраженія и нравы и составляетъ вѣнецъ развитія Апостольской Церкви и Богословія. Все это съ полной довѣренностью указываетъ намъ на послѣднія три десятилѣтія перваго вѣка. Но на этомъ нужно и остановиться, потому что признаки, которыми пользовались для ближайшаго опредѣленія времени, недостаточно доказательны.

Цѣль Евангелія, по ясному показанію самого писателя (XX, 31), заключается въ томъ, чтобъ вести читателей къ вѣрѣ въ Іисуса, какъ Бога и Мессію, а чрезъ это къ наслѣдію вѣчной жизни. Кромѣ того, уже отцы Церкви допускали еще побочныя цѣли, именно: обличеніе гностиковъ и евіонитовъ, которое впрочемъ замѣтно не непосредственно, и дополненіе къ разсказамъ другихъ Евангелистовъ. Конечно, Іоаннъ умалчиваетъ о многихъ важныхъ событіяхъ, которыя онъ могъ предполагать уже достаточно извѣстными изъ устнаго преданія и изъ другихъ Евангелій, каковы: исторія дѣтства Іисусова, крещеніе Спасителя, на которое онъ однако намекаетъ (I, 33 и д.), искушеніе въ пустынѣ, преображеніе, прогнаніе бѣсовъ,нагорная бесѣда и народныя притчи о Царствіи Божіемъ, учрежденіе святаго крещенія, мысль о которомъ высказывается впрочемъ въ бесѣдѣ съ Никодимомъ о возрожденіи водою и Духомъ (III, 1 и д.); далѣе установленіе таинства Евхаристіи, котораго онъ касается только мимоходомъ (XIII, 1 и д.),—хотя только при этомъ становится понятной притча о виноградной лозѣ (XVI), равно какъ таинственная рѣчь о вкушеніи Тѣла и о питіи Крови Христовой (VI, 5—57); умолчано также о вознесеніи на небо (XX, 17); вмѣсто того онъ сообщаетъ два величайшія чуда: превращеніе воды въ вино и воскрешеніе Лазаря; далѣе—глубокознаменательныя рѣчи Христовы, особенно прощальную бесѣду и первосвященническую молитву (XIII, 17), которыхъ нѣтъ у его предшественниковъ. Но никакъ нельзя думать, при этомъ, будто бы Іоаннъ хотѣлъ исправить другихъ Евангелистовъ, или только сдѣлать дополненія къ нимъ. Это опровергается уже тѣмъ, что онъ имѣетъ съ ними много общаго въ другихъ разсказахъ, каковы, напримѣръ: чудесное насыщеніе и весьма многія черты изъ исторіи страданій. Нѣтъ, его твореніе излилось отъ полноты сердца; хотя оно служитъ пріятнымъ дополненіемъ къ первымъ Евангеліямъ, однако въ то же время оно есть само въ себѣ законченное цѣлое.

Іоаннъ писалъ его по задуманному *плану* и высказываетъ извѣстнаго рода искусство, которое вышло изъ его особаго пониманія представленнаго предмета, подобно тому, какъ природа по внутренней потребности къ образованію производитъ прекрасные виды, составляющіе образецъ для человѣческаго искусства. Во-первыхъ, матеріалъ въ Евангеліи расположенъ очень ясно, именно по Іудейскимъ праздникамъ, которые образуютъ исходный пунктъ и клубокъ, на который наматывается нить исторіи. Въ продолженіе общественной дѣятельности Іисусовой упоминаются во всякомъ случаѣ (если въ 1 стихѣ V главы не считать праздника очищенія) три, а можетъ быть и четыре пасхи (II, 13; V, 1; VI, 4; XI, 55; XII, 1; XIII, 1), и еще праздникъ кущей (VII, 2) и праздникъ обновленія церкви (X, 22), такъ что по этому можно

опредѣлить періодъ учительской дѣятельности Господа (не много болѣе трехъ лѣтъ). Вмѣстѣ съ этимъ идетъ и внутреннее образованіе, постепенное развитіе отношеній Іисуса къ міру и ученикамъ; особенно мы можемъ прослѣдить постоянное усиліе ненависти невѣрующихъ Іудеевъ къ личному проявленію свѣта и жизни до самой окончательной катастрофы, когда ихъ ненависти, противъ воли ихъ, суждено послужить къ прославленію Распятаго и исполненію плана искупленія.

Изложенію исторіи Евангелистъ предпосылаетъ *предисловіе* (I, 1—18), которое составляетъ тему, именно ту великую истину, что Христосъ есть воплотившееся Слово,—Единосущенъ съ Богомъ, и есть Источникъ всѣхъ откровеній, всякаго свѣта и жизни въ человѣчествѣ. Въ *изложеніи* самой исторіи можно различать три, или, если то, что нѣкоторымъ образомъ составляетъ только историческое введеніе, считать особою частью,—четыре отдѣла: А) *Приготовленіе Спасителя къ общественной дѣятельности*, высказавшееся съ одной стороны въ выступленіи Крестителя (1—19—36), а съ другой стороны въ выборѣ первыхъ учениковъ (35—51), которые уже съ самаго начала испытывали на себѣ вліяніе животворныхъ силъ Богочеловѣка и сподобились наслаждаться славою Единороднаго отъ Отца, исполненнаго благодати и истины. В) *Общественная дѣятельность Спасителя*, проявлявшаяся въ ученіи и чудесахъ, черезъ которыя передъ всѣмъ свѣтомъ открылась Его Божественная природа и Его вѣчная слава и для воспріимчивыхъ была вонею животною въ животъ, а для безчувственныхъ вонею смертною въ смерть (II, 12). Отъ II—IV главы разсказывается преимущественно о событіяхъ, имѣющихъ благотворное вліяніе на жаждущихъ спасенія слушателей, учениковъ и родственниковъ, на собратій въ Канѣ Галилейской, на робкаго Никодима въ Іерусалимѣ, на самарянку и жителей Сихема. Съ V—X говорится главнымъ образомъ объ усиливающемся противодѣйствіи невѣрующихъ Іудеевъ Спасителю, доходящемъ до смертельной ненависти; въ XI излагается чудо воскрешенія Лазаря, послужившее окончательнымъ кризисомъ для вѣры друзей, равно какъ для невѣрія враговъ; затѣмъ (XII, 1 и д. 24 и д.) дѣлается переходъ къ исторіи страданій и общій выводъ изъ Его рѣчей (XII, 45—50). С) *Іисусъ въ кругу только Своихъ учениковъ*, Его послѣдняя вечеря, Его прощальная бесѣда, Его торжественное приготовленіе къ смерти, Его первосвященническое ходатайство и внутреннее прославленіе (XIII—XVII). Этотъ отдѣлъ составляетъ самое лучшее мѣсто въ четвертомъ Евангеліи. Д) *Исторія страданій и воскресенія* или *публичное* прославленіе Господа, когда Онъ передъ всѣмъ народомъ, подобно тому, какъ прежде ученіемъ и дѣлами, такъ теперь послушаніемъ, дошедшимъ до перенесенія страданій, и творческимъ дѣйствіемъ Божіимъ разительно выказывается Мессіею и побѣдителемъ грѣха, смерти и ада (XVIII—XX). Своими явленіями по воскресеніи Онъ даетъ Своимъ ученикамъ ручательство въ постоянномъ Своемъ утѣшительномъ для нихъ присутствіи. Въ одушевленномъ восклицаніи Ѳомы: «Господь мой и Богъ мой»! высказывается самое высшее исповѣданіе Божества Воскресшаго, а пробудить такую вѣру въ человѣкѣ, который вѣруетъ и тогда, когда не видитъ, и было цѣлью Евангелія, чѣмъ оно, какъ нельзя лучше, и заканчивается (20—31). Глава XXI составляетъ весьма знаменательное, особенно для исторіи Петра, дополненіе (Дух. Вѣстн. 1864 г., т. VII, стр. 475 и т. д. VIII, стр. 35).

Значеніе четверичнаго числа Евангелій.

Въ первые вѣка христіанства Евангелій появилось довольно много; но подлинно написанныхъ Апостолами и слѣдовательно единственно достовѣрныхъ было и принято Церковью только четыре, которыя и внесены въ канонъ священныхъ книгъ: первое отъ Матѳея, второе отъ Марка, третье отъ Луки, четвертое отъ Іоанна. Почти еще при жизни Апостоловъ, въ четверичномъ числѣ Евангелій и Евангелистовъ, старались найти таинственный смыслъ. Во второмъ вѣкѣ, и именно во времена св. Иринея (ум. около 200 г.), четырехъ Евангелистовъ сравнивали съ четырьмя херувимами, о которыхъ говорится въ книгѣ прор. Іезекіиля. Въ первой гл. книги этого пророка, Богъ является на колесницѣ, двигавшейся силою четырехъ херувимовъ, изъ которыхъ одинъ имѣлъ видъ человѣка, другой—льва, третій—вола, четвертый—орла. По мнѣнію изслѣдователей Свящ. Писанія, эти четыре херувима означали четыре свойства, въ какихъ Богъ открылся и дѣйствовалъ для спасенія людей, какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, именно: какъ Человѣкъ, какъ Царь, какъ Ходатай и какъ Богъ. Имѣя въ виду значеніе этихъ образовъ, св. отцы каждому изъ Евангелистовъ приписывали особенный символъ одного изъ четырехъ свойствъ, которыми Богъ открылъ Свои спасительныя дѣйствія въ мірѣ, именно: св. Матѳею усвояли символъ человѣка; св. Марку—льва, царя животныхъ; св. Лукѣ—вола, назначеннаго для жертвоприношенія; св. Іоанну—орла, обладающаго дальнозоркостью. По словамъ блаж. Іеронима, такое распредѣленіе символовъ основано на томъ, что св. Матѳей начинаетъ свое Евангеліе человѣческимъ родословіемъ Іисуса Христа, св. Маркъ —энергическою проповѣдью Іоанна Крестителя, раздавшеюся въ пустынѣ подобно рыканію льва; св. Лука—изображеніемъ священническаго служенія Захаріи, въ обязанность котораго входило принесеніе въ жертву воловъ; св. Іоаннъ—вѣчнымъ Божествомъ Іисуса Христа, для изображенія коего потребна была дальнозоркость орла. Если принимать также видѣніе прор. Іезекіиля, какъ откровеніе славы Божіей, то и въ этомъ случаѣ не служатъ ли наши четыре Евангелія носителями по всей землѣ славы Господней? Не на крыльяхъ ли Евангелія Слово, ставшее плотію, обошло міръ и совершило побѣду надъ человѣчествомъ? (Воскр. Чт. 1873, т. II, стр. 92.)

Подлинность Четвероевангелія.

Нѣтъ въ мірѣ ни одной древней книги, подлинность которой была бы столько достовѣрна, сколько подлинность Четвероевангелія, содержимаго Православною Церковію. Эта подлинность до очевидности подтверждается всѣми возможными доказательствами подлинности сочиненій—и внѣшними и внутренними.

1. *Внѣшнія доказательства* подлинности Четвероевангелія.

Внѣшнія доказательства подлинности Четвероевангелія слагаются изъ свидѣтельствъ о томъ православныхъ учителей Церкви и изъ свидѣтельствъ ея враговъ—язычниковъ и еретиковъ.

Замѣтимъ предварительно, что, если бы мы захотѣли разсмотрѣть всѣ свидѣтельства того и другаго рода, мы могли бы провести непрерывную цѣпь ихъ чрезъ весь рядъ вѣковъ отъ появленія христіанства до настоящаго времени, и должны были бы написать цѣлые томы. Но

въ такомъ огромномъ предпріятіи вовсе нѣтъ нужды, потому что самые упорные противники подлинности Четвероевангелія охотно соглашаются, что съ начала третьяго вѣка оно несомнѣнно существуетъ; слѣдовательно намъ достаточно представить только свидѣтельства объ этомъ, относящіяся къ двумъ первымъ вѣкамъ христіанской эры, и всего естественнѣе избрать для сего путь обратный: съ конца втораго вѣка до самаго происхожденія Евангелія изъ рукъ Евангелистовъ.

Въ послѣдней половинѣ втораго вѣка Четвероевангеліе существовало несомнѣнно и было общеизвѣстно во всемъ христіанскомъ мірѣ—на востокѣ и на западѣ, ибо здѣсь и тамъ мы видимъ употребленіе его не только у христіанскихъ писателей, но и у враговъ Церкви.

Изъ христіанскихъ писателей, Климентъ Александрійскій, сдѣлавшійся главою знаменитаго училища съ 189 года, приводитъ изъ всѣхъ нашихъ четырехъ Евангелій многочисленныя мѣста, какъ изъ такихъ писаній, Божественная важность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, упоминая притомъ иногда имена самихъ Евангелистовъ. Чтобы понять важность его свидѣтельства, довольно вспомнить, во-первыхъ, что онъ былъ ученикъ Пантена и, по собственному сознанію, обращался съ древнѣйшими учителями Церкви, мужами Апостольскими, отъ которыхъ, конечно, и узналъ о подлинности Четвероевангелія, а во-вторыхъ то, что онъ, какъ пресвитеръ Александрійскій и какъ наставникъ училища, откуда исходили пастыри для всего края, служитъ для насъ представителемъ вѣрованія всей Церкви Александрійской, которое еще опредѣленнѣе выразилъ ученикъ его Оригенъ (по воспитанію относящійся къ концу втораго вѣка) въ слѣдующихъ словахъ: «о четырехъ Евангеліяхъ я узналъ изъ преданія, что они только одни безъ всякаго противорѣчія пріемлются по всей Церкви Божіей, находящейся подъ солнцемъ; и именно—первое Евангеліе написано Матѳеемъ, второе....» и прочее. Аѳинагоръ Аѳинскій въ своей апологіи, изданной около 177 года, приводитъ точныя слова изъ Евангелій отъ Матѳея и отъ Луки, и, какъ наставникъ того же Александрійскаго училища, представляетъ новое свидѣтельство о вѣрованіи Церкви Александрійской. Ѳеофилъ Антіохійскій столько былъ увѣренъ въ Божественной важности и подлинности четырехъ Евангелій, что написалъ на нихъ комментарій, который хотя и не дошелъ до насъ, но былъ извѣстенъ блаж. Іерониму, приводящему даже изъ него объясненіе одной притчи. Кромѣ того, въ сочиненіи своемъ къ Автолику, которое и мы имѣемъ, Ѳеофилъ указываетъ тексты изъ Евангелій отъ Матѳея, отъ Луки и отъ Іоанна, называя послѣдняго по имени. Будучи епископомъ Антіохійскимъ, Ѳеофилъ долженъ былъ знать и утверждать вѣрованіе всѣхъ частныхъ церквей, ему подвѣдомыхъ, и потому въ его голосѣ мы можемъ слышать голосъ всей западной христіанской Сиріи. Тертулліанъ самымъ опредѣленнымъ образомъ выражается о четырехъ Евангеліяхъ, утверждая, что они написаны Апостолами или учениками Апостольскими—Матѳеемъ, Маркомъ, Лукою и Іоанномъ, и доказывая важность сихъ Евангелій, съ одной стороны, тѣмъ, что они существуютъ въ Церквахъ Апостольскихъ непрерывно со временъ самихъ Апостоловъ, а съ другой, тѣмъ, что они со времени происхожденія своего признаются за подлинныя и Божественныя какъ Апостольскими, такъ и всѣми прочими Церквами. Тертулліанъ, Африканскій пресвитеръ и знаменитѣйшій ученый своего времени, безъ всякаго сомнѣнія есть самый достовѣрный

свидѣтель вѣрованія Церкви Африканской, и даже всѣхъ прочихъ. Наконецъ, у Иринея встрѣчаемъ такія выраженія въ пользу разсматриваемой нами истины, что лучшихъ нельзя и пожелать. «Мы узнали, говоритъ онъ, о домостроительствѣ нашего спасенія не отъ кого либо другаго, но отъ тѣхъ, чрезъ коихъ дошло до насъ Евангеліе, которое они сначала проповѣдывали, а потомъ, по волѣ Божіей, предали намъ въ писаніяхъ, какъ будущій столпъ и основаніе нашей вѣры».—И сказавши это, св. отецъ непосредственно перечисляетъ имена Евангелій и самихъ Евангелистовъ въ томъ точно порядкѣ, въ какомъ они доселѣ остаются. Нѣсколько спустя въ томъ же сочиненіи онъ утверждаетъ, что Евангелій ни больше, ни меньше, какъ только четыре,—и видитъ въ этомъ таинственное отношеніе къ четыремъ странамъ свѣта, въ коихъ насаждена Церковь. Мало сего, по словамъ св. Иринея, такова была достовѣрность всѣхъ четырехъ Евангелій уже и въ его время, что сами еретики свидѣтельствовали объ Евангеліяхъ, стараясь каждый подтверждать изъ нихъ свое ученіе. Вспомнимъ же теперь, что Ириней былъ современникомъ непосредственныхъ учениковъ Апостольскихъ, отъ которыхъ, какъ самъ сознается, любилъ поучаться съ великою заботливостью, и въ особенности былъ долгое время ближайшимъ ученикомъ св. Поликарпа,—самаго близкаго ученика Ев. Іоанна; не забудемъ также, что, оставивши Азію, гдѣ протекла его юность—время воспитанія, Ириней, прежде нежели прибылъ въ Ліонъ, посѣтилъ до половины тогдашняго христіанскаго міра, при чемъ удобно могъ узнать все, что̀ въ немъ происходило; потомъ, будучи еще пресвитеромъ, по нѣкоторымъ дѣламъ церковнымъ посѣтилъ Римъ, и окончилъ дни свои въ Галліи епископомъ Ліонскимъ; явно, что онъ могъ получить свѣдѣнія объ Евангеліяхъ не болѣе, какъ изъ вторыхъ устъ—отъ мужей Апостольскихъ, и что свидѣтельство его ручается за вѣрованіе не только Церкви Ліонской, но и всей западной и даже почти всей Церкви Вселенской. А посему съ полною справедливостью можно сказать,—не будь никакихъ другихъ свидѣтельствъ изъ втораго вѣка о нашихъ четырехъ Евангеліяхъ, одно свидѣтельство Иринея могло бы неоспоримо утвердить ихъ подлинность.

Для полноты нашего обозрѣнія мы должны упомянуть здѣсь еще о двухъ христіанскихъ свидѣтельствахъ особеннаго рода. Это, во-первыхъ, Сирскій переводъ Четвероевангелія съ Греческаго подлинника, извѣстный подъ именемъ перевода «простаго» (peschito) и восходящій, по крайней мѣрѣ, къ послѣдней половинѣ втораго вѣка: новое доказательство вѣрованія въ подлинность всѣхъ Евангелій Церкви Сирійской, не только уже западной, метрополіею коей была Антіохія, но и восточной, сопредѣльной имперіи Парѳянъ. А во-вторыхъ,—каталогъ священныхъ книгъ, открытый Мураторіемъ въ одномъ манускриптѣ Миланской библіотеки, имѣющемъ, по древности, какъ полагаютъ, не менѣе тысячи лѣтъ. Каталогъ сей должно отнести, по крайней мѣрѣ, ко второму столѣтію. И сей древнѣйшій каталогъ священныхъ книгъ также перечисляетъ всѣ наши четыре Евангелія!

Къ писателямъ, враждебнымъ христіанству и Православной Церкви, кои жили преимущественно въ послѣдней половинѣ втораго вѣка и оставили намъ свидѣтельство о Четвероевангеліи, принадлежатъ—языческій философъ Цельсъ и нѣкоторые ученики еретика Валентина.

Изъ многочисленныхъ отрывковъ Цельсова сочиненія противъ христіанъ (которое написано около половины втораго вѣка), сохранившихся у Оригена,

очевидно, что Цельсъ читалъ всѣ наши четыре Евангелія.

Въ частности несомнѣнно, что Цельсъ зналъ: 1) *Евангеліе отъ Матѳея,* ибо онъ говоритъ о всѣхъ происшествіяхъ, описанныхъ въ первыхъ двухъ главахъ сего Евангелія и умолчанныхъ прочими Евангелистами, какъ-то: о звѣздѣ, руководившей волхвовъ, о путешествіи ихъ въ Виѳлеемъ, о дарахъ, принесенныхъ ими новорожденному Мессіи, о гоненіи Ирода, явленіи Ангела Іосифу по сему случаю, пребываніи Іисуса въ Египтѣ, говоритъ,—и самъ сознается, что онъ все это заимствовалъ изъ Евангелій христіанскихъ. Далѣе онъ приводитъ многія правила изъ нагорной бесѣды Спасителя, разсказываетъ о призваніи Апостоловъ и выписываетъ самыя слова изъ Ев. Матѳ.: *егда гонятъ вы во градѣ семъ, бѣгайте въ другій* (X, 23); упоминаетъ о предательствѣ Іуды, отреченіяхъ Петра, молитвѣ Іисуса Христа въ саду Геѳсиманскомъ: *Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія* (XXVI, 39), о чашѣ съ оцтомъ и желчью, поднесенной Спасителю во время Его страданій, о мракѣ и землетрясеніи во время Его смерти и о многихъ другихъ происшествіяхъ, какъ они описаны у Евангелиста Матѳея.

2) *Евангеліе отъ Марка,* ибо онъ передаетъ въ одномъ своемъ возраженіи частный случай, которому основаніе могъ позаимствовать только изъ сего Евангелія, именно утверждая, будто воскресшаго Спасителя видѣла лишь одна жена, и жена «испуганная и изступленная». Такое возраженіе онъ могъ основывать развѣ только на одномъ мѣстѣ у Евангелиста Марка (XVI, 5 и 8), не встрѣчающемся ни у кого изъ прочихъ, мѣстѣ, гдѣ повѣствуется, что жены, пришедшія на гробъ Спасителя, узрѣвши во гробѣ Ангела, *ужасошася и.... изшедше бѣжаша отъ гроба, одержаше же ихъ трепетъ и ужасъ.*

3) *Евангеліе отъ Луки,* ибо этотъ философъ языческій въ одномъ мѣстѣ жалуется на гордость генеалогистовъ, которые возводятъ родословіе Іисуса даже до перваго человѣка—Адама,—частность, принадлежащая исключительно одному Евангелисту Лукѣ (III, 23—38).

4) *Евангеліе отъ Іоанна,* ибо Цельсъ указываетъ на ученіе христіанское о Словѣ, Которое есть Сынъ Божій, на то, что изъ прободеннаго ребра распятаго Спасителя истекла кровь и вода, называетъ Его свѣтомъ и животомъ и проч.,—опять частности, какія находимъ только у одного Евангелиста Іоанна.

О еретикахъ валентиніанахъ св. Иринеи замѣтилъ вообще, что они предпочитали Евангеліе отъ Іоанна прочимъ Евангеліямъ (которыя слѣд. они также допускали),—и отрывки заимствованные изъ сочиненій валентиніанъ, современныхъ св. Иринею, совершенно подтверждаютъ эту истину.

Взявши въ совокупности доселѣ приведенныя нами свидѣтельства, мы должны заключить, что всѣ наши четыре Евангелія существовали и составляли уже опредѣленный канонъ не только въ послѣдней половинѣ втораго вѣка, но и гораздо прежде; ибо, безспорно, книга, изъ которой приводятся мѣста въ какихъ либо сочиненіяхъ, должна быть написана прежде этихъ сочиненій, и для того, чтобы Евангелія могли распространиться во всѣхъ христіанскихъ Церквахъ, находившихся въ Азіи, Европѣ и Африкѣ, могли быть единодушно приняты всѣми христіанами и содѣлаться извѣстными самимъ язычникамъ—для всего этого требовалось время... Послѣ сего, если бы даже мы не въ состояніи были представить никакихъ прямыхъ доказательствъ на то, что Четвероевангеліе существовало и въ первой половинѣ вто-

раго вѣка, и въ такомъ случаѣ, по однимъ соображеніямъ здраваго разсудка, эту истину слѣдовало бы признать за несомнѣнную. Но мы имѣемъ притомъ и прямыхъ достовѣрнѣйшихъ свидѣтелей, которые ясно подтверждаютъ, что Четвероевангеліе точно существовало въ *первой половинѣ втораго вѣка.*

Таковы изъ числа христіанскихъ писателей того времени—св. мученикъ Іустинъ, св. Поликарпъ и Папій.

Первый—а) въ одной изъ апологій своихъ говоритъ «о памятныхъ книгахъ Апостоловъ», которыя читаны были христіанами въ свящ. собраніяхъ, и обыкновенно назывались Евангеліями, а что онъ разумѣлъ здѣсь наши Евангелія, за это ручается тутъ же приведенное имъ изъ помянутыхъ книгъ мѣсто объ установленіи Евхаристіи въ такихъ выраженіяхъ, какія находимъ у св. Матѳея, Марка и Луки; б) во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, особенно же въ разговорѣ съ Трифономъ Іудеяниномъ, предполагаетъ Евангельскую исторію за несомнѣнную, стараясь напр. въ послѣднемъ доказать совершенное согласіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ съ событіями жизни Христовой въ томъ видѣ, какъ именно они изображены у нашихъ Евангелистовъ; в) наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій почти слово въ слово приводитъ многочисленные тексты изъ всѣхъ нашихъ четырехъ Евангелій. Обстоятельства жизни св. Іустина показываютъ, что онъ посѣтилъ всѣ знаменитѣйшія въ то время христіанскія Церкви—Іерусалимскую, Александрійскую, Ефесскую и Римскую, и самъ непосредственно могъ узнать, какія въ нихъ употреблялись Евангелія. Св. Поликарпъ —мужъ Апостольскій, ученикъ св. Іоанна Богослова и епископъ Смирнскій, въ посланіи своемъ къ Филиппійскимъ, написанномъ около 107 года, приводитъ мѣста изъ Евангелій отъ Матѳея (V, 3 и 10; VI, 13; XXVI, 41), отъ Марка (XIV, 38) и отъ Луки (VI, 37 и 38). И если не приводитъ ни одного мѣста изъ Евангелія отъ Іоанна, за то передаетъ слова изъ перваго посланія сего Апостола (IV, 3); а всѣми принято за несомнѣнное, что это посланіе не могло имѣть другаго писателя, какъ только того, кто написалъ и Евангеліе отъ Іоанна.

Современникъ св. Поликарпа, Папій—епископъ Гіераполитскій, который у Евсевія (сохранившаго подлинные отрывки изъ одного его сочиненія) говоритъ о себѣ слѣдующее: «когда я встрѣчалъ кого-нибудь изъ древнихъ, жившаго съ Апостолами, я съ заботливостью старался разспросить, чему они учили, что̀ говорилъ Андрей, Петръ, Филиппъ, Ѳома, Іаковъ, Іоаннъ, Матѳей или какой либо другой ученикъ Господень; что̀ говорили, наконецъ, священники Аристіонъ и Іоаннъ, бывшіе также въ числѣ учениковъ Господа»,—этотъ самый Папій въ томъ же своемъ сочиненіи, по свидѣтельству Евсевія, ясно передаетъ слышанное имъ отъ древнихъ и особенно отъ учителя своего, священника Іоанна, что одно Евангеліе написалъ Матѳей на Еврейскомъ языкѣ, другое Маркъ, спутникъ Апостола Петра, и наконецъ приводитъ тексты изъ перваго посланія Іоаннова, —чѣмъ, подобно св. Поликарпу, даетъ свидѣтельство и о Евангеліи отъ Іоанна.

Но если, по случаю потери многихъ христіанскихъ сочиненій первой половины втораго вѣка (напр. сочиненій св. Іустина, Папія и, можетъ быть, нѣкоторыхъ другихъ) мало дошло до насъ отъ того времени свидѣтельствъ самой Церкви о нашемъ Четвероевангеліи; за то совершенно ясныя и разительнѣйшія свидѣтельства о семъ сохранились для насъ отъ ея враговъ—еретиковъ того времени, и слѣдовательно свидѣтельства тѣмъ важнѣйшія.

Таціанъ, бывшій ученикъ св. Іустина

и потомъ содѣлавшійся главою секты енкратитовъ или северіанъ, а) до уклоненія своего отъ православія написалъ книгу противъ язычниковъ, въ которой приводитъ два точныя мѣста изъ Евангелія отъ Іоанна; б) а по уклоненіи составилъ свое «Четвероевангеліе», въ которомъ, сводя тексты изъ всѣхъ нашихъ четырехъ Евангелій, онъ старался расположить ихъ такъ, чтобы вышла послѣдовательная исторія Іисуса Христа, и при этомъ не дѣлалъ къ текстамъ отъ себя никакихъ прибавленій, а только злонамѣренно опустилъ все противное своимъ заблужденіямъ и, въ особенности, относящееся къ родословію Спасителя и происхожденію Его отъ Давида.

Какого же еще можно требовать лучшаго свидѣтельства, что въ первой половинѣ втораго вѣка существовали уже и въ опредѣленномъ канонѣ всѣ наши четыре Евангелія, когда ученикъ св. Іустина мученика несомнѣнно пользовался ими, какъ сочиненіями Апостольскими?.... Столь важную для христіанина истину ученикъ, безъ сомнѣнія, не принялъ бы, когда бы не принималъ ея учитель; а потому если не совсѣмъ кажутся рѣшительными свидѣтельства о Четвероевангеліи, извлекаемыя изъ немногихъ сохранившихся сочиненій самого св. Іустина (тогда какъ въ погибшихъ, можетъ быть, были самыя точныя и совершеннѣйшія), то не достаточная ли порука за него голосъ ученика?...

О томъ, какъ смотрѣлъ на наши четыре Евангелія Маркіонъ,—другой знаменитый ересеначальникъ, обнародовавшій свои заблужденія прежде половины втораго вѣка, мы довольно знаемъ изъ опроверженій на него св. Иринея и Тертулліана. Первый говоритъ, что Маркіонъ, принимая съ особеннымъ уваженіемъ одно Евангеліе отъ Луки, поносилъ три прочія—отнюдь не потому, якобы не признавалъ ихъ подлинными...; нѣтъ онъ признавалъ ихъ также сочиненіями Апостоловъ и ихъ учениковъ, какъ и Ев. отъ Луки, но только утверждалъ, что Апостолы въ этихъ Евангеліяхъ, не понявши надлежащимъ образомъ ученія Христова, примѣшали къ нему много изъ ветхозавѣтнаго ученія Іудейскаго (котораго Маркіонъ былъ врагъ), тогда какъ Ев. Лука (у котораго Маркіонъ думалъ находить нѣкоторыя подтвержденія своимъ мыслямъ), писавшій подъ непосредственнымъ надзоромъ св. Ап. Павла, избѣжалъ сего недостатка. Послѣдній (Тертулліанъ) ясно напоминаетъ Маркіону что нѣкогда вѣровалъ и онъ сказанію Ев. Матѳея о ясляхъ Спасителя, о поклоненіи Ему пастырей и волхвовъ, какъ самъ сознавался въ одномъ своемъ письмѣ; упрекаетъ еретика за то, что онъ отвергъ Евангелія, видимо осуждающія его, и повредилъ даже принимаемое имъ —тогда какъ одно Іоанново Евангеліе могло бы ниспровергнуть его лжеученіе; наконецъ, желая доказать противнику, что Евангеліе, принимаемое Церковію, истинно, отнюдь не повреждено, какъ утверждалъ Маркіонъ, напротивъ не истинно и повреждено Маркіоново Евангеліе,—знаменитый учитель указываетъ на то, что первое древнѣе послѣдняго, было принимаемо до извѣстнаго времени самимъ Маркіономъ, ведетъ свое начало непрерывно отъ самихъ Апостоловъ и содержится во всѣхъ Церквахъ Апостольскихъ и прочихъ.

Подобное же должно сказать и относительно замѣчаній, какія оставили намъ древнѣйшіе защитники православія на третьяго современнаго Маркіону ересеначальника Валентина, появившагося со своимъ лжеученіемъ около 134 года. Св. Ириней, Тертулліанъ и Епифаній говорятъ самымъ опредѣленнымъ образомъ, что этотъ еретикъ часто искажалъ

смыслъ нашихъ Евангелій, а отнюдь не отвергалъ ихъ.

Еще важнѣе для нашей цѣли свидѣтельства древнихъ учителей Церкви о Василидѣ и Карпократѣ, такихъ ересеначальникахъ, которые жили весьма близко ко временамъ самихъ Апостоловъ. Опровергавшіе заблужденія Карпократа нигдѣ не упрекаютъ его въ томъ, чтобы онъ отвергалъ подлинность нашихъ Евангелій, напротивъ утверждаютъ, что послѣдователи сего еретика старались основывать и собственныя мнѣнія на текстахъ Евангельскихъ. А Василидъ, по словамъ современника его Агриппы Кастора, написавшаго на него опроверженія, составилъ даже до двадцати четырехъ книгъ на Евангеліе.

Наконецъ достигли мы и *перваго вѣка*. Съ одной стороны на основаніи предыдущаго, а съ другой, на основаніи прямыхъ, хотя и немногихъ свидѣтельствъ, уцѣлѣвшихъ отъ того времени, смѣло можно утверждать, что и въ первомъ вѣкѣ извѣстны были наши Евангелія, каждое со времени своего происхожденія, исключая Ев. отъ Іоанна, явившееся къ концу этого вѣка (около 98 года).

Быть не можетъ, этому никто здравомыслящій не повѣритъ, чтобы писатели первой половины втораго вѣка, даже первой четверти втораго вѣка, благопріятствовавшіе и неблагопріятствовавшіе Церкви, вздумали вмѣстѣ и безъ всякой причины признавать какія-то сочиненія за произведенія самихъ Апостоловъ, если бы не пріяли о семъ завѣта отъ своихъ учителей, своихъ отцевъ и своихъ предковъ... Тѣмъ болѣе невѣроятно, чтобы эти сочиненія, о которыхъ дотолѣ никто ничего не слышалъ, вдругъ приняты были всею Церковію, находившеюся уже тогда въ разныхъ странахъ міра, сдѣлались правиломъ всеобщаго вѣрованія для христіанъ. Нѣтъ, если въ началѣ втораго вѣка такъ смотрѣли на наши Евангелія, то это, безъ сомнѣнія, перешло изъ вѣка перваго.

Отъ мужей Апостольскихъ перваго вѣка мы имѣемъ лишь нѣсколько и то краткихъ посланій; къ счастію, и въ этихъ немногихъ, но драгоцѣннѣйшихъ памятникахъ находится очень довольно для нашей цѣли. Св. Игнатій Богоносецъ, епископъ Антіохійскій (ум. въ 107 году), удостоившійся зрѣть Самого Спасителя по воскресеніи, лично знавшій многихъ Апостоловъ и бо́льшую часть жизни проведшій при св. Іоаннѣ Богословѣ, а) упоминаетъ о раздѣленіи Св. Писанія на *Евангеліе* (которое значитъ существовало), Апостоловъ и пророковъ; б) убѣждаетъ держаться ученія Христова тѣхъ вѣрующихъ, изъ которыхъ нѣкоторые говорили: «если не найду въ архивахъ, то не повѣрю Евангелію»; в) выражаетъ мысль, что Ев. содержитъ въ себѣ исторію о пришествіи, страданіи и воскресеніи Спасителя; г) и наконецъ приводитъ мѣста изъ Ев. отъ Матѳея и отъ Луки, хотя и не упоминаетъ, откуда ихъ заимствуетъ. Напр. въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что Христосъ крестился отъ Іоанна, дабы *исполнитъ всяку правду* (Матѳ. гл. III); въ другомъ напоминаетъ слова Спасителя, что *древо отъ плода своего познаваетсѧ* (Лук. VI, 44), въ третьемъ повторяетъ совѣтъ Спасителя: *будите мудри яко змія и цѣли яко голуби* (Матѳ. X, 16), и проч.

Въ посланіи св. Варнавы, написанномъ около 76 года, находятся два точныя мѣста изъ Ев. отъ Матѳея, именно: *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Epist. cap. 5. Матѳ. IX, 13), также: *мнози суть звани, мало же избранныхъ* (ibid. c.4— Матѳ. XXII, 14), и одно мѣсто изъ Евангелія отъ Луки: *просящему у тебе дай* (ibid. cap. 19. Лук. VI, 3). Но всего замѣчательнѣе для насъ то, что, приводя

слова: *мнози суть звани...* мужъ Апостольскій присовокупилъ: *какъ написано,* и такимъ образомъ прямо засвидѣтельствовалъ, что онъ позаимствовалъ эти слова, а слѣдовательно и другія, находящіяся въ нашихъ Евангеліяхъ, не изъ какого-нибудь устнаго преданія, а изъ письменнаго сочиненія.

Наконецъ св. Климентъ Римскій, жившій и обращавшійся со многими Апостолами, особенно же съ Петромъ и Павломъ,—а) въ первомъ своемъ посланіи къ Коринѳянамъ приводитъ, хотя и не буквально, слова Спасителя, находящіяся въ трехъ первыхъ нашихъ Евангеліяхъ, и, приводя, приглашаетъ христіанъ только *воспоминать* эти слова, чѣмъ, очевидно, предполагается, что они, а слѣдовательно и Евангелія, были извѣстны вѣрующимъ и прежде; б) а во второмъ своемъ посланіи къ Коринѳянамъ, кромѣ того, что приводитъ мѣста изъ Ев. отъ Матѳея и отъ Луки, въ одномъ случаѣ употребляетъ при этомъ выраженіе: *говоритъ Писаніе,* а въ другомъ прибавляетъ: *говоритъ Господь во Евангеліи,* хотя и не вездѣ буква въ букву предлагаетъ самые тексты. Справедливость требуетъ замѣтить: 1) что многія сочиненія изъ перваго вѣка не дошли до насъ, а въ этихъ сочиненіяхъ могли быть самыя полныя и точныя свидѣтельства о нашихъ св. Евангеліяхъ; 2) что, если мужи Апостольскіе въ своихъ, дошедшихъ до насъ, писаніяхъ, приводя мѣста изъ Евангелій, большею частью не говорятъ, откуда оныя заимствуютъ, то отсюда отнюдь не слѣдуетъ, будто бы эти мѣста приводятся изъ какого либо другаго источника; ибо—а) также точно по большей части поступаютъ сіи св. отцы, и приводя тексты изъ книгъ ветхозавѣтныхъ, которыя, безспорно, тогда существовали; б) такъ весьма часто поступаемъ и мы, хотя никто не станетъ отсюда заключать, будто мы приводимъ мѣста не изъ Писанія; в) въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, Апостольскіе мужи ясно выразили, что они заимствуютъ слова изъ Писанія или изъ Евангелія; 3) если, наконецъ, сіи достоуважаемые мужи повторяютъ мѣста изъ нашихъ Евангелій по большей части не слово въ слово, то, безъ сомнѣнія, потому, что они приводили тексты на память, а не прямо изъ священныхъ рукописей, какъ поступалъ во второмъ вѣкѣ св. Іустинъ, поступали и поступаютъ очень нерѣдко во всѣ времена многіе христіанскіе писатели...

Итакъ вотъ предъ нами и изъ двухъ первыхъ вѣковъ христіанскихъ болѣе двадцати свидѣтелей, утверждающихъ подлинность нашего Четвероевангелія: одиннадцать принадлежатъ къ числу христіанъ православныхъ, десять къ числу враговъ Церкви. Изъ числа первыхъ, пять, именно: св. Варнава, св. Климентъ Римскій, св. Игнатій Богоносецъ, св. Поликарпъ и Папій,—какъ непосредственные ученики и мужи Апостольскіе, могли узнать о подлинности Евангелій изъ первыхъ устъ, отъ самихъ Апостоловъ, и слѣдовательно суть свидѣтели величайшей важности.

Остальные шесть христіанскихъ писателей почти всѣ суть ученики мужей Апостольскихъ, или, по крайней мѣрѣ, имѣли случай близко обращаться съ ними; слѣдовательно могли слышать о подлинности Четвероевангелія изъ вторыхъ устъ, и отнюдь не болѣе, какъ изъ третьихъ:—значитъ, опять свидѣтели высокой важности. Одни изъ нихъ, напр. Климентъ Александрійскій и св. Іустинъ, приводятъ многочисленныя мѣста изъ всѣхъ нашихъ Евангелій, съ прямымъ указаніемъ на Евангелія, а другіе, каковы св. Ириней и Тертулліанъ, говорятъ кромѣ того о четверичномъ числѣ Евангелій и прямо именуютъ ихъ писателей.

Что же касается до свидѣтельствъ о

подлинности Четвероевангелія враговъ Церкви, то лучшихъ свидѣтельствъ нельзя и пожелать: а) потому уже, что это суть свидѣтельства враговъ; б) враговъ, нерѣдко очень ученыхъ (каковъ Цельсъ), жившихъ весьма близко къ началу христіанства и слѣдовательно имѣвшихъ полную возможность обличить христіанъ въ подлогѣ Евангелій, если бы такой подлогъ былъ; в) враговъ, изъ которыхъ бо́льшая часть (почти всѣ еретики), напротивъ питали глубокое уваженіе къ нашимъ Евангеліямъ—къ одному или даже ко всѣмъ, хотя и позволяли себѣ искажать ихъ; г) наконецъ, по точности, полнотѣ и опредѣленности этихъ свидѣтельствъ: такъ Цельсъ ясно упоминаетъ о священныхъ книгахъ христіанскихъ, называетъ ихъ Евангеліемъ и приводитъ мѣста изъ всѣхъ четырехъ Евангелистовъ. Таціанъ составилъ свое «Четвероевангеліе» изъ всѣхъ нашихъ Евангелистовъ и проч. Обратимся теперь къ доказательствамъ подлинности Четвероевангелія внутреннимъ.

Внутреннія доказательства подлинности Четвероевангелія. Разсматривая наши Евангелія по содержанію, мы не только не встрѣчаемъ въ нихъ ничего такого, что̀ бы противорѣчило ихъ подлинности, напротивъ, находимъ полную сообразность со свойствами писателей, которымъ они обыкновенно приписываются; со временемъ, когда жили эти писатели или происходили описываемыя ими событія;—съ мѣстностью, гдѣ жили первые или происходили послѣднія.

Евангелистовъ нельзя не узнать здѣсь съ перваго разу. Греческій языкъ, на которомъ написаны Евангелія, какъ сознаются всѣ ученые, внимательно разбиравшіе его, не есть языкъ чисто Греческій, но по значенію многихъ словъ, по цѣлымъ выраженіямъ и оборотамъ рѣчи носитъ на себѣ неизгладимую печать языка Еврейскаго и свидѣтельствуетъ, что писатели Евангелій по происхожденію были Евреи; таковы точно и были Матѳей, Маркъ и Іоаннъ. Эта совершенная безыскусственность и простота въ изображеніи событій, какая замѣчается въ Евангеліяхъ, эти частныя указанія на священныя книги Іудеевъ, на лица и происшествія изъ ихъ исторіи, показываютъ, что писатели Евангелій вовсе были незнакомы со свѣтскимъ образованіемъ Грековъ и съ ихъ искусственнымъ историческимъ методомъ—не были богаты свѣдѣніями человѣческими, а знали только одно ветхозав. писаніе: таковы и были Евангелисты. Наконецъ, эта естественность и живость, съ какими описываются въ Евангеліяхъ событія, невольно заставляютъ предполагать, что писатели сами были очевидными свидѣтелями всего описываемаго ими, или, по крайней мѣрѣ, слышали о томъ отъ очевидцевъ: таковы и были Евангелисты.

Въ Евангеліяхъ содержится главнымъ образомъ исторія земной жизни и дѣйствій Іисуса Христа; но, начертывая эту исторію, Евангелисты, очень естественно, оставили и краткій очеркъ тогдашняго состоянія Іудеи, бывшей поприщемъ дѣйствій Спасителя. Правда, они касаются сего предмета ненамѣренно, мимоходомъ, и упоминаютъ иногда самыя незначительныя частности; но эти то частности, съ совершенною точностью подтверждаемыя свидѣтельствами историковъ того времени, не христіанскихъ, и служатъ тѣмъ разительнѣйшимъ доказательствомъ подлинности Евангелій.

Евангелисты оставили намъ краткій очеркъ *религіознаго* состоянія Іудейскаго народа во дни земной жизни Іисуса Христа.

Они изображаютъ Іудеевъ, съ одной стороны, очень приверженными къ своимъ свящ. книгамъ и ревностными къ исполненію обрядовыхъ законовъ, особенно закона о субботѣ; но въ то же вре-

мя говорятъ о нихъ, какъ о людяхъ, рабски привязанныхъ только къ буквѣ писанія и вовсе небрегшихъ о его духѣ,—какъ о народѣ, находившемся почти на крайней степени развращенія нравовъ: и стоитъ только прочитать со вниманіемъ сочиненіе тогдашняго историка Іудейскаго Іосифа Флавія—о войнѣ Іудеевъ, чтобы убѣдиться въ поразительной вѣрности этой картины.

Евангелисты упоминаютъ о фарисеяхъ и саддукеяхъ, какъ двухъ главнѣйшихъ сектахъ, бывшихъ тогда въ Іудейской церкви; о Самарянахъ, къ которымъ постоянно питали Іудеи непримиримую ненависть, но, что особенно замѣчательно, представляютъ намъ Іисуса Христа обращающимся со всѣми этими сектантами самымъ приличнымъ образомъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ началамъ и заблужденіямъ каждой секты. Такъ, когда Онъ бесѣдуетъ съ фарисеями,—Онъ обличаетъ ихъ въ лицемѣріи, въ гордости, въ тщеславіи, съ какимъ они совершали свои пощенія и свои милостыни, въ излишней привязанности къ отеческимъ преданіямъ, которыя предпочитали они самому закону и т. под. Напротивъ, обращая рѣчь Свою къ саддукеямъ, Онъ говоритъ совсѣмъ другимъ языкомъ: видитъ въ нихъ людей грубыхъ и преданныхъ плоти, которые, держась буквы Писанія, не постигаютъ его духа, и отвергаютъ воскресеніе мертвыхъ. Съ Самарянами Онъ говоритъ еще иначе: обличая ихъ въ невѣдѣніи и расколѣ, Онъ даетъ имъ знать, что спасеніе должно послѣдовать отъ Іудеи. Все это и есть самое точное изображеніе фарисеевъ, саддукеевъ и Самарянъ во дни земной жизни Спасителя, по свидѣтельству Іосифа Флавія и другихъ современныхъ лѣтописцевъ.

По сказанію Евангелистовъ, Іудейскій первосвященникъ, который производилъ судъ надъ Христомъ Спасителемъ, назывался Каіафою и управлялъ церковію въ то самое время, какъ правителемъ Іудеи былъ Пилатъ Понтійскій, а св. Іоаннъ повѣствуетъ, что въ одно и то же время два различныя лица—Анна и Каіафа носили имя первосвященника: еще событія, изъ которыхъ первое и послѣднее равно подтверждаетъ Іосифъ Флавій.

Находимъ мы въ Евангеліяхъ краткій очеркъ и *политическаго* состоянія Іудеи во время Спасителя. Іудеи находились тогда, по описанію Евангелистовъ, подъ игомъ Римлянъ, которымъ весьма тяготились, воздыхая о потерянной свободѣ; это показываетъ уже одинъ вопросъ, лукаво предложенный нѣкоторыми изъ нихъ Спасителю: *достоитъ ли намъ кесареви данъ дяти, или ни* (Лук. XX, 22)?—вопросъ, который, будучи предложенъ случайно, въ точности обозначаетъ эпоху, когда жилъ Христосъ, ибо нѣсколько раньше или позже вопросъ сей не имѣлъ бы никакого смысла. Въ частности, Евангелисты говорятъ намъ о правителяхъ Іудеи, бывшихъ во время Спасителя,—объ Иродѣ Великомъ, преемникѣ его Архелаѣ и другомъ Иродѣ, имѣвшемъ за собою Иродіаду, жену Филиппа, брата своего; упоминаютъ также о Понтійскомъ Пилатѣ, который обладалъ Іудеею въ то самое время, какъ Иродъ былъ четвертовластникомъ Итуреи и Трахонитской страны, а Лизаній—Авилиніи (Лук. III, 1). Всѣ эти событія и лица точно въ такомъ видѣ существовали и по свидѣтельству Флавія.

Въ сказаніи Евангелистовъ нерѣдко предполагается, что у Іудеевъ въ то время, кромѣ законовъ и обычаевъ отечественныхъ, были въ употребленіи нѣкоторые законы и обычаи Римскіе. Наприм. а) слова Спасителя: *буди увѣщаваяся съ соперникомъ твоимъ скоро, дондеже еси на пути съ нимъ: да не*

предастъ тебе соперникъ судіи, и судія тя предастъ слузѣ, и въ темницу вверженъ будеши. Аминъ глаголю тебѣ, не изыдеши оттуду, дондеже воздаси послѣдній кодрантъ (Матѳ. V, 25—26),— эти слова указываютъ на употреблявшійся тогда въ Іудеѣ Римскій законъ, по которому заимодавецъ имѣлъ право схватить своего должника и вести предъ судію, и, если должникъ не успѣвалъ помириться съ соперникомъ своимъ на пути, судія осуждалъ его на пеню, которую онъ немедленно долженъ былъ заплатить, въ противномъ случаѣ былъ ввергаемъ въ темницу, откуда могъ изыти не прежде, какъ воздавши *до послѣдняго кодранта*. На этотъ же самый законъ Римскій указываетъ и притча Спасителя о двухъ должникахъ (Матѳ. XVIII, 23) въ послѣдней своей части (въ ст. 28—30); б) по словамъ Евангелистовъ, Іисуса Христа били тростію, прежде нежели Онъ былъ распятъ на крестѣ. Этотъ жестокій обычай надъ осужденными къ крестной казни, дѣйствительно, употреблялся у Римлянъ, какъ свидѣтельствуютъ Титъ Ливій и Іосифъ Флавій. в) Спаситель Самъ принужденъ былъ нести крестъ, на которомъ Ему надлежало пострадать, пишется въ Евангеліи. Плутархъ говоритъ, что этотъ обычай оставался еще у Римлянъ въ силѣ и въ его время. г) По повелѣнію Пилата, говорятъ Евангелисты, на крестѣ Спасителя была сдѣлана надпись Еврейски, Гречески и Римски: *Іисусъ Назарянинъ Царь Іудейскій*. Светоній и Діонъ Кассій свидѣтельствуютъ, что у Римлянъ было въ обычаѣ прибивать вблизи осужденнаго объявленіе о причинѣ его казни; а Флавій присовокупляетъ, что правители Іудейскіе дѣлали это объявленіе обыкновенно на разныхъ языкахъ. д) Св. Іоаннъ Богословъ повѣствуетъ, что по просьбѣ Іудеевъ, Пилатъ повелѣлъ перебить голени у разбойниковъ, распятыхъ со Іисусомъ (Іоан. XIX, 31—33). Языческій писатель Аврелій Викторъ, восхваляя указъ великаго Константина, упразднившій казнь смертную, упоминаетъ о пребитіи голеней, коему подвергались распятые.

Изъ повѣствованія Евангельскаго мы видимъ, что у Іудеевъ были тогда въ ходу троякаго рода монеты, именно: еврейскій *сикль*, Греческая *дидрахма*, и Римскій *динарій*. Это совершенно соотвѣтствуетъ времени земной жизни Спасителя, когда Іудея, незадолго предъ тѣмъ находившаяся подъ владычествомъ Грековъ и принявшая отъ нихъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми законами монету, носила уже иго Римлянъ, сообщавшихъ ей также нѣкоторыя свои постановленія и монеты. А самое употребленіе всѣхъ этихъ монетъ между Іудеями, какъ оно представлено въ Евангельскомъ сказаніи, совершенно соотвѣтствуетъ ихъ происхожденію или назначенію. Такъ, плата за что либо, которая выдавалась изъ сокровищницы храма, производилась древнею Іудейскою монетою (Матѳ. XXVI, 15); подати, введенныя въ Іудеѣ до владычества надъ нею Римлянъ, были платимы монетою Греческою, напр. подать поголовная (Матѳ. XVII, 24. сн. Іос. Флав. о войнѣ Іуд., кн. VII, гл. 6); но въ дѣлахъ общественныхъ, въ выдачѣ жалованья, въ куплѣ и продажѣ употреблялись однѣ монеты Римскія (Матѳ. X, 29; XX, 2. Марк. XIV, 5. Лук. XII, 6. Іоан. VI, 7; XII, 5), которыми платимы были и всѣ новыя подати, введенныя Римлянами (Матѳ. XII, 19. Марк. XII, 15. Лук. XX, 24).

Еще болѣе изумительны нѣкоторыя подробности *топографическія*, встрѣчающіяся въ Евангеліяхъ, и вполнѣ подтверждаемыя писателями не христіанскими. Довольно представить немногія. По словамъ Евангелиста Іоанна, Пилатъ,

производя судъ надъ Спасителемъ *въ преторѣ*, когда услышалъ вопли Іудеевъ, *изведе вонъ Іисуса, и сѣде на мѣстѣ глаголемѣмъ лиѳостротонъ* (Іоан. XIX, 9, 13), которое, слѣдовательно, находилось невдалекѣ отъ претора или жилища Пилатова. И дѣйствительно, Іосифъ Флавій, разсказывая о томъ, что Римляне сдѣлали нападеніе на храмъ со стороны замка *Антоніа*, упоминаетъ о лиѳостротонѣ, какъ внѣшней принадлежности храма, находившейся подлѣ этого замка, а Филонъ въ одномъ мѣстѣ мимоходомъ замѣчаетъ, что преторъ или жилище Римскаго правителя помѣщалось въ палатахъ Ирода, стоявшихъ, какъ извѣстно, въ сосѣдствѣ храма и замка Антоніи къ сѣверо-западу.

Города Іерихонъ и Капернаумъ въ Евангеліи представляются, какъ мѣста, гдѣ производились сборы пошлинъ и податей (Лук. XIX, 1—2. Матѳ. XVII, 24. Лук. VII, 1). Но исторически извѣстно, что богатѣйшее изъ произведеній Іудеи, бальзамовое дерево, составлявшее самый важный предметъ торговли, расло въ окрестностяхъ Іерихона, и что за это произведеніе взимаема была пошлина правительствомъ; поэтому и естественно въ Іерихонѣ надлежало быть мытницѣ. Извѣстно также, что, когда Финикіяне и особенно Арабы привозили свои товары въ Палестину по рѣкѣ Іордану, они проходили этою рѣкою прежде всего мимо Капернаума; значитъ, и здѣсь естественно надлежало быть мытницѣ для отобранія пошлинъ за право входа.

Св. Лука (VII, 1—11) повѣствуетъ, что Спаситель, вышедши изъ Капернаума Галилейскаго, пришелъ въ городъ Наинъ; потомъ шествуя неподалеку отъ Іордана, гдѣ крестилъ Іоаннъ (—ст. 18 и 19), достигъ окрестностей Іерусалима. Эту дорогу изъ Галилеи во Іерусалимъ обозначаетъ и Флавій, свидѣтельствуя, что когда Галилеяне ходили, по обычаю, въ св. градъ на дни праздниковъ чрезъ Самарію, имъ надлежало переходить Наинъ, лежавшій на пути.

Евангелисты упоминаютъ о Самарійскомъ городѣ Сихемѣ или Сихарѣ (Іоан. IV, 5), который во дни Спасителя дѣйствительно и назывался этимъ именемъ, а спустя нѣсколько, началъ называться Мавареою или Мамореою, и вскорѣ—Неаполисомъ, какъ видно изъ медалей, выбитыхъ по разрушеніи Іерусалима; упоминаютъ также о *Кесаріи Филипповой* (Матѳ. XVI, 13. Марк. VIII, 27), которая при Спасителѣ и Апостолахъ точно носила это имя, но прежде называлась *Панеею*, а послѣ на монетахъ и книгахъ *Кесаріею Панейскою*. Но—что еще замѣчательнѣе: св. Іоаннъ говоритъ о Филиппѣ, *иже бѣ отъ Виѳсаиды Галилейскія* (—XII, 21). Этотъ городъ во дни Іоанновы подлинно назывался Виѳсаидою и былъ причисляемъ къ Галилеѣ; но весьма скоро затѣмъ потерялъ свое древнее имя, и именованъ сперва Кесаріею, а потомъ Юліадою, по имени Юліи, дщери Августовой; въ царствованіе Тиверія опять назывался Кесаріею, по смерти его—снова Юліадою, и не былъ уже причисляемъ къ Галилеѣ. Можетъ ли точность быть изумительнѣе?....

Какъ ни малочисленны представленные нами изъ Четвероевангелія примѣры топографической точности, но и они могутъ служить весьма убѣдительнымъ доказательствомъ его подлинности для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя. Онъ легко пойметъ всю силу сего доказательства, когда вспомнитъ: 1) съ какою быстротою, то отъ дѣятельности людей, то отъ дѣйствій природы измѣняется поверхность земли: города разрушаются или теряютъ свои древнія имена, пустыни становятся на-

селенными, а мѣста населенныя превращаются въ пустыни, рѣки изсыхаютъ или принимаютъ новое теченіе, пути сообщенія пролагаются по новымъ мѣстамъ; 2) какъ трудно было въ древнія времена, когда не знали употребленія географическихъ картъ, писателю, даже не очень далекому по времени отъ описываемыхъ имъ событій, относить эти событія къ тѣмъ именно мѣстамъ, гдѣ они происходили, тѣмъ болѣе съ точностью описывать состояніе самихъ мѣстъ во время этихъ происшествій: лучшіе древніе историки не избѣгли грубыхъ ошибокъ въ семъ отношеніи, повѣствуя о событіяхъ вѣковъ предшествовавшихъ; 3) особенно же, какъ трудно было соблюсти эту точность позднѣйшему писателю при описаніи Палестины во время жизни Іисуса Христа. Сколько переворотовъ, религіозныхъ и политическихъ, испытала она около сего времени! Будучи неоднократно раздѣляема между Римскими прокураторами, Иродами и правителями Сиріи, и каждый разъ новымъ, особеннымъ образомъ,—жертва тирановъ, которые по одной прихоти измѣняли имена ея городовъ, или, въ ярости, превращали ихъ въ груды развалинъ,—поперемѣнно завоеванная Помпеемъ, утѣсненная Иродомъ, опустошенная Титомъ и почти уничтоженная Адріаномъ, который разрушилъ въ ней до 50 городовъ и до 985 деревень, святая земля, казалось, мѣняла ежедневно свой видъ и состояніе. Можно ли же было обманщику, даже спустя одинъ вѣкъ послѣ Евангельскихъ событій, изобразить ихъ съ совершенною топографическою точностью, какая замѣчается въ нашемъ Четвероевангеліи? (Хр. Чт. 1846 г. ч. 2, стр. 237—298).

О разночтеніяхъ въ текстѣ Евангелій и неповрежденности текста.

(Свящ. Елеонскаго.)

Въ древнѣйшихъ рукописяхъ новозавѣтныхъ писаній вообще и, въ частности, Евангелій находится очень значительное количество варіантовъ или разночтеній. Многія изъ нихъ вошли въ новозавѣтныя рукописи очень рано и на нихъ жаловался еще Оригенъ въ первой половинѣ III-го вѣка и указалъ причины ихъ; причины эти—небрежность переписчиковъ и затѣмъ дерзость нѣкоторыхъ непрошенныхъ исправителей (Comment in Matth. 15, 14). Были и другія причины разночтеній, и главная изъ нихъ та, что Греческій языкъ Евангелій и другихъ новозавѣтныхъ писаній былъ въ первые вѣка христіанства живымъ языкомъ во многихъ церквахъ, и переписчикамъ—Грекамъ трудно было снимать совершенно точныя копіи со старинныхъ оригиналовъ рука невольно замѣняла прежнія вышедшія изъ употребленія окончанія общеупотребительными, и прежнее своеобразное правописаніе новымъ, современнымъ.

Трудность точной копировки и теперь испытываетъ всякій, кому приходится переписывать старинные, напр. древнерусскіе документы; въ копію незамѣтно вкрадываются современные знаки препинанія, современное употребленіе буквы ѣ и русскія падежныя окончанія вмѣсто старыхъ древнеславянскихъ.

Варіанты или разночтенія критика раздѣляетъ на ненамѣренныя и намѣ-

ренныя. Къ первымъ относятся варіанты, которые невольно допускаются при перепискѣ, особенно при письмѣ подъ диктовку; это—собственно ошибки или глаза, когда литеры, сходныя по начертанію, замѣняются одна другою, или ошибки слуха при письмѣ подъ диктовку, когда смѣшиваются или ставятся одно вмѣсто другаго слова созвучныя, или ошибки памяти, при чемъ слова синонимическія употребляются одно взамѣнъ другаго, или одно и то же слово записывается дважды, или же измѣняются времена и наклоненія глаголовъ. Такихъ ненамѣренныхъ разночтеній въ новозавѣтныхъ рукописяхъ очень много, и нѣкоторыя изъ нихъ представляются очень значительными; такъ напр. въ одной изъ Евангельскихъ рукописей не достаетъ послѣдней половины 19 ст. въ V гл. Еванг. Матѳея; этотъ значительный по объему пропускъ есть несомнѣнно результатъ ошибки глаза, такъ какъ пропускная половина стиха заканчивается тѣми же словами, какими заканчивается и первая; слова эти: „въ Царствіи Небесномъ“.

Что̀ касается варіантовъ или разночтеній, допущенныхъ съ намѣреніемъ, то ихъ также очень много встрѣчается въ древнихъ рукописяхъ Евангелій и прочихъ новозавѣтныхъ писаній. Въ числѣ этихъ разночтеній на первомъ планѣ стоятъ орѳографическія, грамматическія и другія незначительныя филологическія измѣненія первоначальнаго текста: такъ вмѣсто первоначальной формы Καφαρναουμ (Матѳ. XV, 39) поставлено въ рукописяхъ Καπερναοῦμ, вмѣсто Μαγαδὰν—Μαγδαλὰν и Μαγδαλά. Большинство подобнаго рода варіантовъ возникло съ цѣлью устранить изъ текста необычныя и устарѣвшія слова и выраженія и придать ему колоритъ современной переписчикамъ Греческой рѣчи. Далѣе, къ числу намѣренно возникшихъ разночтеній относятся такія, которыя имѣютъ пояснительное истолковательное значеніе. Такъ у Марка XII. 14 по первоначальному тексту читается: „позволительно ли давать кинсонъ кесарю, или нѣтъ“? Но въ нѣкоторыхъ рукописяхъ вмѣсто κήνσον (названіе Греческой монеты) поставлено ἐπικεφάλαιον, что̀ значитъ поголовная или подушная подать. Встрѣчаются затѣмъ измѣненія или разночтенія, допущенныя съ тѣмъ, чтобы устранить поводъ къ неправильнымъ въ догматическомъ смыслѣ представленіямъ; такъ у Луки II, 33 вмѣсто ὁ πατὴρ Αὐτοῦ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ поставлено Ἰωσήφ. Вслѣдствіе многочисленныхъ варіантовъ или разночтеній, происшедшихъ отъ замѣны первоначальныхъ словъ и выраженій новыми, въ новозавѣтныхъ писаніяхъ есть мѣста, первоначальное чтеніе которыхъ не сохранилось. Поэтому критика обыкновенно старается возстановлять это первоначальное чтеніе на основаніи различныхъ догадокъ и предположеній, или, какъ выражаются сами критики, на основаніи конъектуръ. Такихъ мѣстъ впрочемъ немного, и они находятся не въ Евангеліяхъ, а преимущественно въ Апокалипсисѣ и соборныхъ посланіяхъ.

Итакъ, справедливо, что древнѣйшія, дошедшія до насъ, рукописи новозавѣтныхъ писаній и, въ частности, Евангелій содержатъ въ себѣ большое число варіантовъ или разночтеній, происшедшихъ или вслѣдствіе невольныхъ ошибокъ, или же вслѣдствіе намѣренныхъ измѣненій первоначальнаго текста.

Но можно ли, имѣя ихъ въ виду, думать и утверждать, что новозавѣтный текстъ совершенно искаженъ настолько, что уже не заслуживаетъ довѣрія, и что поэтому не только не предосудительно откидывать изъ Евангелій ненужныя мѣста, освѣщать однѣ другими, а напротивъ предосудительно и безбож-

но не дѣлать этого, какъ выражается гр. Толстой? Совершенно нѣтъ. Состояніе Евангельскаго текста, какимъ онъ является въ настоящее время, не даетъ ни малѣйшихъ основаній къ подобнаго рода заключеніямъ и дѣйствіямъ. Дѣло въ томъ, что при всемъ великомъ множествѣ варіантовъ въ новозавѣтномъ, и между прочимъ, въ Евангельскомъ текстѣ почти всѣ они касаются болѣе или менѣе незначительныхъ частностей и нигдѣ и никоимъ образомъ не измѣняютъ основнаго догматическаго и нравственнаго содержанія Новаго Завѣта. Это положеніе не тенденціозно и не голословно. Оно опирается, между прочимъ, на свидѣтельствѣ современныхъ намъ Англійскихъ критиковъ Westcott, а и Hort' а. Но извѣстно, что въ средѣ Англійскихъ ученыхъ, какова бы ни была ихъ спеціальность, настолько развитъ научный смыслъ и уваженіе къ основательности и правильности выводовъ, что никакая предвзятая тенденція не можетъ свести ихъ съ правильнаго научнаго пути. Для нихъ имѣютъ значеніе прежде всего факты, во множествѣ собранные и надлежащимъ, по возможности, образомъ провѣренные. Отсюда въ современныхъ Англійскихъ сочиненіяхъ истинно ученаго характера фактическая сторона дѣла просто подавляетъ и рѣшительно не даетъ мѣста для широковѣщательныхъ и туманныхъ соображеній теоретическаго свойства. Отсюда свидѣтельству Англійскихъ ученыхъ скорѣе, нежели какому либо другому, можно повѣрить. Но названные Англійскіе критики новозавѣтнаго текста именно говорятъ, что безчисленные варіанты въ этомъ текстѣ въ существѣ своемъ незначительны, и этотъ выводъ подтверждаютъ интересными числовыми данными. Если изъ общаго количества варіантовъ, говорятъ они, выдѣлить тѣ, которые никогда не находили и никогда не найдутъ доступа въ печатныя изданія, то отношеніе словъ текста, подлежащихъ критикѣ, къ словамъ, которыя таковой критикѣ не подлежатъ, выразится отношеніемъ 1 къ 8, такъ что $^7/_8$ новозавѣтнаго текста находится внѣ области критическихъ изслѣдованій. Если затѣмъ изъ этой $^1/_8$, подлежащей критикѣ, исключить всѣ тѣ очевидно неправильные варіанты, которые вошли въ печатныя изданія вслѣдствіе не критическаго отношенія къ дѣлу прежнихъ издателей, то названная $^1/_8$ сократится до $^1/_{60}$. Если, наконецъ, изъ этого остатка устранить варіанты, касающіеся орѳографіи, пропусковъ, или прибавленій члена къ собственнымъ именамъ, то первоначальная $^1/_8$ снизойдетъ до $^1/_{1000}$. Что же касается варіантовъ чисто догматическаго характера, то ихъ число крайне ограниченно; при томъ, эти сомнительные варіанты объясняются и восполняются многочисленными параллельными мѣстами, совершенно ясными и не подлежащими сомнѣнію. Къ числу такихъ сомнительныхъ варіантовъ относятся напр. въ начальныхъ словахъ Еванг. Марка: „Начало Евангелія Іисуса Христа, Сына Божія“—послѣднія слова—„Сына Божія“. Слова эти въ нѣкоторыхъ рукописяхъ находятся, въ нѣкоторыхъ опущены. Но взамѣнъ этого наименованіе „Сынъ Божій“ встрѣчается въ другихъ мѣстахъ Четвероевангелія и во всѣхъ извѣстныхъ намъ Евангельскихъ рукописяхъ. Такимъ образомъ существенное содержаніе Евангельскаго текста, догматическое и нравственное, остается не затронутымъ варіантами, какъ ни велико ихъ число, и потому мы въ правѣ смотрѣть на существующій теперь Евангельскій текстъ, какъ на первоначальный и въ существенномъ и главномъ неповрежденный. Слѣдуетъ замѣтить, что отзывъ Westcott' а и Hort, а относительно новозавѣт-

ныхъ варіантовъ есть результатъ ихъ продолжительныхъ критическихъ изслѣдованій новозавѣтнаго текста по рукописямъ и данъ ими въ прибавленіи къ изданію оригинальнаго Греческаго текста новозавѣтныхъ писаній, появившемуся въ Кембриджѣ въ 1882 году.

Правда, древнѣйшія новозавѣтныя рукописи, лежащія въ основаніи печатныхъ изданій Новаго Завѣта, не восходятъ далѣе четвертаго вѣка. Поэтому можно предположить, что въ предшествовавшее время первоначальный текстъ новозавѣтныхъ писаній былъ поврежденъ и искаженъ и въ такомъ видѣ сохранился въ дошедшихъ до насъ, сравнительно позднѣйшихъ, рукописяхъ. Если такъ, то къ послѣднимъ нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ и въ ихъ текстѣ позволительно сдѣлать пропуски, измѣненія. Но такое предположеніе, разъ оно будетъ сдѣлано, тотчасъ же падетъ при встрѣчѣ съ многочисленными и не сомнительными фактами. То правда, что рукописи Евангельскаго текста, дошедшія до насъ, не восходятъ далѣе IV-го вѣка; тѣмъ не менѣе этотъ самый текстъ въ болѣе или менѣе значительныхъ отдѣлахъ сохранился до насъ отъ временъ болѣе раннихъ, и именно въ памятникахъ древней христіанской письменности, какъ-то: въ твореніяхъ Иринея, Тертулліана, Киприана и др., особенно въ толковательныхъ сочиненіяхъ на Новый Завѣтъ, каковы, между прочимъ, сочиненія Оригена, дѣйствовавшаго въ Александріи въ первой половинѣ III вѣка. Въ комментаріяхъ этого ученаго христіанина протолкованы, между прочимъ, Евангелія, и значительные отдѣлы изъ этихъ толкованій дошли до насъ. Здѣсь, такимъ образомъ, предъ нами образцы текста, который существовалъ и которымъ пользовались не только въ III, но и ранѣе—во II вѣкѣ. Но каковъ этотъ текстъ? Если мы сличимъ его съ текстомъ рукописей IV вѣка и печатнымъ, то окажется, что въ главномъ и общемъ всѣ эти тексты, какъ древнѣйшіе, такъ и позднѣйшіе, совпадаютъ—несомнѣнное доказательство, что Евангельскій текстъ, которымъ мы теперь владѣемъ, есть тотъ же, что былъ и въ III и во II вѣкахъ, слѣдовательно первоначальный и неповрежденный, и этой неповрежденности не нарушаютъ многочисленнѣйшіе варіанты и разночтенія, которые въ громадномъ большинствѣ случаевъ, какъ мы видѣли, касаются болѣе или менѣе незначительныхъ и безразличныхъ частностей. Отсюда, о совершенной искаженности извѣстнаго намъ текста Евангелій не можетъ быть и рѣчи (Чт. въ Общ. л. д. п. 1887 г., янв., стр. 35—40).

Библіографическій указатель къ «введенію».

О Евангеліяхъ и Евангельской исторіи вообще.

1) Какъ учили древнѣйшіе отцы и учители Ц. о происхожденіи Евангелій. Рук. для п. 1886 г. II. 125—138. 521—533.

2) *Св. Епифанія Кипрскаго* о происхожденіи Четвероевангелія. Воскр. Чт. X. 101—104.

3) *Св. Іоанна Златоустаго*. Бес. 4 на Ев. отъ Матѳ. (Введеніе къ чтенію всѣхъ Евангелій: о времени, мѣстѣ, поводѣ написанія и проч.) Хр. Чт. 1830 г. XXXIX. 119—145.

4) *Св. Иринея Лионскаго*. О числѣ и отличительныхъ свойствахъ Четвероевангелія. Воскр. Чт. XXI. 91—93.

5) Обозрѣніе Четвероевангелія и Дѣян. Апост.,составленное по руководству *св. Аѳанасія Александрійскаго*. Хр. Чт. 1844 г. I. 46.

6) *М. Филарета* (Кіев.). Слова, бесѣды и рѣчи т. I. Бес. II (о Евангеліи) 8—10.

7) *А. Фотія.* Св. Четвероевангеліе. Дух. Бес. 1863 г. XVIII. 307—316.

8) *Сольскаго.* Изъ лекцій по Новому Завѣту. О Евангеліи. Тр. К. А. 1878 г. II. 100—106.

9) *Пр. И. Фармаковскаго.* О Евангеліяхъ. Вятск. Епарх. В. 1872 г. № 13.

10) *М. Муретова.* Къ вопросу о происхожденіи и взаимномъ отношеніи синоптическихъ Евангелій. Приб. къ тв. св. оо. 1881 г. XXVII. 205—241.

11) *Н. Троицкаго.* О происхожденіи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій.

12) *Н. М.* Сходство Евангелій отъ Матѳ. Марк. и Лук. въ отношеніи къ происхожденію ихъ изъ устнаго Апостольскаго преданія (по поводу изслѣдованія Н. Троицкаго о происхожденіи трехъ Евангелій). Хр. Чт. 1879 г. 541—562.

13) Древнѣйшія преданія о 4-хъ Евангеліяхъ (Годе) Прав. Об. 1864 г. XIV. 236—248. (Обз. франц. журн.).

14) *Верховскаго.* О Евангеліяхъ, ихъ происхожденіи и гармоніи, и о Евангелистахъ. Библ. Слов. I. 562—80.

15) Символы при 4-хъ Евангеліяхъ. Дом. Бес. 1876 г. Вып. 34. 844.

16) О изображеніи 4-хъ Евангелистовъ въ обличеніе неправды мнимыхъ старообрядцевъ. Хр. Чт. 1854 г. I. 372—382.

17) Сравненіе четырехъ Св. Евангелій между собою. Воскр. Чт. X. 301—307. 389—394.

18) Содержаніе Четвероевангелія. Воскр. Чт. 1873 г. II. 135. 148. 165. 198.

19) Порядокъ Евангельскихъ событій или сводъ четырехъ Евангелій. Воскр. Чт. XII. 535—548.

20) *Л. Квандта.* Порядокъ и опредѣленіе времени въ Евангеліяхъ. (Изъ ст. Библ. обз. произвед. иностранной литературы). Чт. въ Общ. л. д. пр. 1874 г. I. 128—129.

21) *Е. Ѳеофана.* Евангельская исторія о Богѣ Сынѣ. Введеніе. (Еванг. хронологія). Къ читателямъ.

22) *Д. Державина.* Пособіе къ изученію Евангельской исторіи. Воскр. Чт. XXX т. I и II.

23) *Еп. Михаила.* О Евангеліяхъ и Евангельской исторіи.

24) Введеніе въ новозавѣтныя книги Св. Писанія. *Герике.* § 8, IV. 68—76.

25) *Орды.* Земная жизнь Господа нашего I. X. Введеніе.

26) Введеніе въ Прав. Богословіе *Макарія.* §§ 117—121. 309—344. Изд. 1863 г.

27) *Священ. Буткевича.* Жизнь Господа нашего Іисуса Христа. М. 1883 г. Введеніе.

28) *Тишендорфа.* Когда написаны наши Евангелія? Прав. Об. 1865 г. XVII. 353—372. XVIII. 1—28. Тр. К. А. 1865 г. III. 185—236.

29) *А. Сергія.* Несомнѣнная истинность Евангельской и Апостольской исторіи. Чт. въ Общ. л. д. п. 1867 г. 19—74.

30) *Ѳ. Смирнова.* О подлинности Евангелій въ статьѣ: На что должно быть обращено вниманіе пастырей Ц., въ виду распространенія книгъ Свящ. Писанія? Рук. для п. 1877 г. I. 376—381. 500—506. II. 16—24.

31) Подлинность и несомнѣнность Евангелій. Дом. Бес. 1868 г., вып. II. 30—37, вып. III. 62—66.

32) *Д. Богольпова.* Новый способъ доказательства достовѣрности Евангельскихъ сказаній на основаніи внутреннихъ признаковъ (Ecce Homo! Обз. жизни и дѣла Христа. Перев. Тернера). Прав. Обоз. 1878 г. Янв. 82—105.

33) Отзывъ объ изслѣдованіи Гюэ о достовѣрности Ев. исторіи. Чт. въ Общ л. д. п. 1872 г. Янв. 29—31. (Библ.).

34) *В. Рождественскаго.* Отрицательная критика и апологетика по вопросу о Евангеліяхъ. Хр. Чт. 1881 г. Мартъ и Апрѣль.

35) *Его же.* Чтенія объ исторической достовѣрности и Божественномъ характерѣ Ев. исторіи. Хр. Чт. 1884 г. 1. 148—167. 674—689.

36) *Шаффа.* Бауръ и Тюбингенская школа. Тр. К. А. 1861 г. III. 279.

37) *Виноградова.* Новая Тюбингенская школа. Тр. К. А. 1863 г. II. 173—226. 317—360.

38) Зарожденіе отрицательной критики Евангелія и христіанства на западѣ. Чт. въ Общ. л. д. п. 1874 г. Янв. 13. Февр. 95. 205. 233.

39) *А. Григорова.* Научно-критическія отрицанія въ изслѣдованіяхъ Евангелія и христіанства на западѣ XVI и XVII вв. Чт. въ Общ. л. д. п. 1874 г. Сент. 316—318.

40) О взглядѣ Ренана на Евангельскую и Апост. исторію. Прав. Обозр. 1866 г. XXI. 173—186. (Обоз. франц. журн.).

41) О взглядѣ на первоначальную исторію христіанства Кокереля. Тамъ же. 188—193.

42) Критическая литература во франц. журналистикѣ противъ книги Ренана „Жизнь Іисуса“. См. въ Обз. иностр. журн. Прав. Обозр. 1864 г. XIII. 39—54.

43) *И. Осинина.* О книгѣ Ренана. Тамъ же. XVI. 259—270.

44) Ренанъ. Дом. Бес. 1865 г. Вып. II. 50—57.

45) Откуда взялся Ренанъ? Дом. Бес. 1866 г. Вып. VI. 151—157.

46) О книгѣ К. Тимковскаго. Опроверженіе на выдуманную „Жизнь Іисуса“ Дом. Бес. 1865 г. Вып. XII. 394—95.

47) *Н. К.* Голосъ христіанина по прочтеніи книги Ренана: Жизнь Іисуса. Тамъ же. Вып. 40. 1154—1159. Вып. 41. 1185—1193.

48) *Пр. В. Добротворскаго.* Замѣтки на книгу Ренана. Дух. Вѣстн. 1864 г. VII. 36.

49) *Свящ. А. Смирнова.* Критическій разборъ книги Кейма: „Исторія Іисуса изъ Назарета“. Прав. Об. 1874 г. I. 327—347. 415—441.

50) *Его же.* Критическій разборъ сочиненія Гаусрата: „Исторія временъ Новаго Завѣта“. Прав. Обозр. 1874 г. I. 674—708.

51) Библ. зам. о той и другой статьѣ *Смирнова.* Рук. для п. 1875 г. I. 348—351.

52) *Христлиба.* Лучшіе методы побѣды надъ новѣйшимъ невѣріемъ. Чт. въ Общ. л. д. п. 1875 г. II. 22—54. 100—126.

53) Противоядіе противъ грубой лжи, что новозавѣтныя писанія не Апостольскаго происхожденія, но произведенія позднѣйшихъ вѣковъ. Воскр. Чт. 1875 г. I. 33—40. 53—59. 103—107.

54) *Свящ. Петропавловскаго.* Необходимыя предположенія о Лицѣ, ученіи и дѣлахъ Іисуса Христа въ виду двухъ безспорныхъ фактовъ: 1) Іисусъ Христосъ былъ распятъ и 2) основалъ Церковь. Противъ теоріи миѳическаго содержанія Евангелій. Чт. въ Общ. л. д. п. 1877 г. Янв. 13—31. Февр. 148—172.

55) Цельсъ и его свидѣтельство въ пользу подлинности и достовѣрности нашихъ каноническихъ Евангелій. Чт. въ Общ. л. д. п. 1874 г. Авг. 135—151. Ноябр. 596—617. Дек. 722—735.

56) Отзывъ Руссо о Евангеліи и Божественномъ Лицѣ Іисуса Христа. Воскр. Чт. 1. 221—222.

57) *Шаффа.* Собраніе свидѣтельствъ объ Іисусѣ со стороны невѣрующихъ. Іисусъ Христосъ—чудо исторіи. 147—195.

58) Жизнь Іисуса Христа и основаніе Церкви. Рук. для п. ц. 1877 г. I. 39—48. 78—90.

59) Іисусъ Христосъ, какъ Примиритель и Спаситель. Стран. 1877 г. III. 228—246.

60) *Іоанна, еп. Смоленскаго.* О Лицѣ Іисуса Христа. Хр. Чт. 1874 г. III. 517—541. 1876 г. II. 69—100.

61) *Лутарда.* Земная жизнь Господа Іисуса Христа. Воскр. Чт. 1875 г. I. 289—295. 305—312.

62) *Абб. Гореля.* (Перев. съ Франц. Х. Орды). Бесѣда съ дѣтьми о жизни Іисуса Христа. Воскр. Чт. XXVIII. 1081—87. 1101—1107. 1130—36.

63) *Навиля.* Христосъ. Публичныя лекціи. Прав. Обозр. 1879 и 1880 г. и отдѣльное изд.

64) *Лютарда.* О Лицѣ Іисуса Христа. Прав. Обозр. 1867 г. XXII. 133—164. Келера (о томъ же противъ Шенкеля). Тамъ же. 231—233 въ обозр. нѣм. Богосл. литер.; о томъ же (неизв. автора). 233—235.

65) *А. Лебедева.* Общія и частныя черты формальнаго различія между ученіемъ Іисуса Христа въ Его собственныхъ устахъ и между ученіемъ Его же въ устахъ Апостоловъ при тождествѣ Христова и Апостольскаго догматическаго ученія въ содержаніи. Хр. Чт. 1875 г. I. 135—156.

66) Его же. Ученіе Іисуса Христа о Богѣ Творцѣ и Промыслителѣ міра въ Его собственныхъ устахъ и въ устахъ Апостоловъ (противъ Баура и Тюбингенской школы). Тамъ же, 232—246.

67) Его же. Ученіе о Богѣ, какъ Спасителѣ человѣка, какъ его Освятителѣ, какъ Судіи и Мздовоздаятелѣ, въ устахъ Іисуса Христа и Его Апостоловъ. Хр. Чт. 1875 г. II. 44—91.

68) *Прессансе.* Источники для исторіи І. Х. (о Евангеліяхъ) въ книгѣ: Іисусъ Христосъ и Его время. IV. 106—178.

О Евангеліяхъ въ частности:

69) *Свящ. В. Маркова.* О Евангеліи отъ Матѳея. Опроверженіе возраженій противъ него отрицательной критики Баура. Прав. Обозр. 1873 г. I и II и отд. изд.

Библ. замѣтки. Рук. для п. 1873 г. II. 184—185.

70) Свѣдѣнія о жизни и трудахъ св. Евангелистовъ. Св. Апостолъ и Ев. Матѳей и отличительныя черты его Евангелія. Душ. Чт. 1860 г. I. 141—167.

71) Матѳей или Левій. Библ. пол. сл. Воскр. Чт. 1876 г. II. 207.

72) Св. Апостолъ и Еванг. Матѳей. Воскр. Чт. XI. 350—353.

73) *Пр. П. Троицкаго.* Св. Ап. и Ев. Матѳей. Воскр. Чт. 1880 г. 504—505.

74) *К. Думитрашко.* Матеріалы для бесѣдъ съ прихожанами о св. Апостолахъ. Св. Ап. и Ев. Матѳей. Рук. для п. 1869 г. III. 357—367.

75) *С. Сольскаго.* Изъ лекцій по Новому Завѣту. §§ 8, 9. 106—121.

76) *Герике.* Введеніе въ новозавѣтныя книги. I. 97—119.

77) *Н. Елеонскаго.* О Евангеліи отъ Марка. Разборъ мнѣній Баура о происхожденіи и характерѣ Ев. отъ Марка. Чт. въ Общ. 1873 г. 670—676.

78) Св. Евангелистъ Маркъ. Воскр. Чт. III. 337—340.

79) Маркъ. Б. п. сл. Воскр. Чт. 1876 г. II. 191—192.

80) Св. Апостолъ и Ев. Маркъ и отличительныя черты его Евангелія. Душ. Чт. 1860 г. I. 396—416.

81) *С. Сольскаго.* Изъ лекцій по Новому Завѣту. §§ 10 и 11. 121—127.

82) Введеніе въ новозавѣтныя книги. *Герике.* О Евангеліи Марка. 1. 119—133.

83) О комментаріи Кейля на Еванг. отъ Марка и Луки. Чт. въ Общ. л. д. п. 1880 г. Апр. 128.

84) Маркъ между Матѳеемъ и Лукою. Прав. Обозр. 1867 г. XXII. 451—452. (Обозр. нѣм. богосл. литер.).

85) *Полотебнова.* Св. Евангеліе отъ Луки. Православно-критико-экзегетическое изслѣдованіе противъ Баура. Чт. въ Общ. л. д. п. 1873 г. Янв. 28—68. Февр. 167—199. Мартъ 314—329. Май 508—551. Авг. 87—115. Кратк. зам. Рук. для п. 1873 г. II. 184—185. III. 537—538.

86) Свѣдѣнія о св. Евангелистѣ Лукѣ и его писаніяхъ. Воскр. Чт. XVII. 253—257.

87) Лука. Б. п. сл. Воскр. Чт. 1876 г. II. 110—112.

88) Св. Апостолъ и Ев. Лука и отличительныя черты его Евангелія. Душ. Чт. 1860 г. II. 175—198.

89) *Троицкаго.* Св. Апостолъ и Ев. Лука. Воскр. Чт. 1881 г. 392—395.

90) *Герике.* Евангеліе отъ Луки. Введеніе въ новозавѣтныя книги. I. 134—147.

91) О св. Евангелистѣ Іоаннѣ Богословѣ и его Ев. Воскр. Чт. I. 35.

92) Примѣръ пастырской любви св. Ап. Іоанна Богослова и обрѣтеніе погибшаго. Тамъ же, 199—201.

93) Совѣтъ *Св. Златоуста,* какъ должно читать и слушать Евангеліе Іоанново. Тамъ же, 38.

94) Память Св. Ап. и Ев. Іоанна Богослова. Воскр. Чт. 1873 г. XIV. 40—44.

95) Св. Апостолъ и Ев. Іоаннъ Богословъ Воскр. Чт. XI. 261—267.

96) Жизнь св. Апостола Іоанна Богослова. Воскр. Чт. 1873 г. II. 81—85. 113—119. 145—148.

97) Пятокнижіе Моусея и Ап. Іоаннъ Богословъ. Воскр. Чт. 1874 г. II. 234—238.

98) *Сольскаго.* Св. Іоаннъ Богословъ. Воскр. Чт. 1880 г. 425—428.

99) *Калинникова.* Св. Ап. и Ев. Іоаннъ Богословъ. Воскр. Чт. 1883 г. 172—176.

100) *Св. Кирилла Александр.* О побужденіяхъ къ написанію Ев. Іоаннова. Воскр. Чт. XII, 45. Ср. Вокр. Чт. I. 36.

101) Евангеліе отъ Іоанна. Б. п. сл. Воскр. Чт. 1875 г. II. 408.

102) Нѣкоторыя черты изъ жизни св. Апостола и Ев. Іоанна Богослова. Хр. Чт. 1844 г. III. 348—398.

103) *Климентъ Александрійскій.* Преданіе о юношѣ, который, сдѣлавшись разбойникомъ, обращенъ былъ Ап. Іоанномъ. Хр. Чт. 1856 г. III. 275—281.

104) О дружествѣ Іисуса Христа со св. Іоанномъ. Хр. Чт. 1826 г. XXIII. 311—337.

105) *Успенскаго.* Дѣятельность св. Ап. Іоанна Богосл. въ Малой Азіи. Хр. Чт. 1879 г. I. 3—31. 219—232. 245—271.

106) *Его же.* Св. Іоаннъ Богословъ и писатель 4-го Ев. и Апок. Тамъ же. 1880 г. I. 47—67.

107) *Н. Молчанова.* Писатель четвертаго Евангелія по самому Евангелію. (Опроверженіе возраженій отрицательной критики). Хр. Чт. 1880 г. II. 419—434.

108) Особенности въ повѣствованіи Ев. Іоанна о чудесахъ Господа нашего I. X. Хр. Чт. 1868 г. I. 3—43.

109) *П. Смирнова.* Св. Ап. и Ев. Іоаннъ Богословъ. Дух. Бес. 1859 г. VI. 163—177. 203—219.

110) *А. Ф.* Св. Іоаннъ Богословъ, какъ чрезвычайное лице и великое свѣтило въ Церкви Христовой. Дух. Бес. 1861 г. XIV. 57—75.

111) *Е. Ѳеофана.* Св. Іоаннъ Богословъ—учитель вѣры и любви. Дом. Бес. 1873 г. Вып. 46, стр. 1128—31.

112) Св. Ап. и Ев. Іоаннъ Богословъ. Рук. для п. 1869 г. III. 113—124.

113) *Свящ. Г. Соколова.* Примѣръ пастырской ревности изъ жизни св. Апостола и Ев. Іоанна Богослова. Рук. для п. 1867 г. I. 124—128.

114) О сомнѣніяхъ въ подлинности Ев. отъ Іоанна. Прав. Обозр. 1865 г. XVIII. 270—272. (Въ обозр. Франц. журн.).

115) *Свящ. М. Морошкина.* Ульгорна о Евангеліи отъ Іоанна. (Въ обозр. нѣм. богосл. журн. Прав. Обозр. 1866 г. XXI. 170—173. 1867 г. XXIII. 147—148. 164—166.

116) *Н. Молчанова.* Пасхальные споры II вѣка въ отношеніи къ вопросу о подлинности Ев. отъ Іоанна. Прав. Об. 1880 г. Апр.

117) Подлинность происхожденія четвертаго Евангелія отъ Ап. Іоанна. Чт. въ Общ. люб. д. п. 1876 г. III. 151. 349. 425. 533.

118) *Прот. М. Богословскаго.* Какія обстоятельства расположили Ап. Іоанна Богослова написать Евангеліе и отличительный характеръ его Евангелія. Чт. въ Общ. л. д. п. 1872 г. Сент. 78—84.

119) Объ отличительномъ характерѣ Ев. отъ Іоанна. Дух. Бес. 1875 г. 190—192.

120) О томъ же въ кн. *еп. Михаила.* О Евангеліяхъ и Евангельской исторіи. 212—213.

121) Евангеліе отъ Іоанна. Введеніе въ новозавѣтныя книги. *Герике.* I. 147—178.

122) Евангеліе св. Ап. и Ев. Іоанна Богослова. Вступленіе къ книгѣ *Властова.* Опытъ изученія Евангелія св. Іоанна Богослова.

ЕВАНГЕЛЬСКІЯ ОГЛАВЛЕНІЯ и ПРЕДИСЛОВІЯ.

О двухъ генеалогіяхъ Іисуса Христа (Матѳ. I, 1—17. Лук. III, 23—38 ст.).

(Профессора М. И. Богословскаго.)

Въ генеалогіяхъ Господа нашего у Матѳея и Луки главнымъ образомъ проводится мысль о приготовленіи рода человѣческаго къ принятію Искупителя, что вмѣстѣ указываетъ и на внутреннюю тѣснѣйшую связь Нов. Завѣта съ Ветхимъ.

Приготовленіе человѣчества къ принятію Искупителя совершилось, какъ извѣстно, двумя параллельными путями: въ іудействѣ—путемъ положительнымъ, чрезъ непосредственныя Божественныя откровенія (Римлян. IX, 4), а у язычниковъ—отрицательнымъ, который привелъ ихъ къ сознанію духовной безпомощности человѣка и къ исканію вышней помощи, *да поне осяжутъ его и обрящутъ, яко не далече отъ единаго коегождо насъ суща* (Дѣян. XVII, 27). Примѣнительно къ этому, можно сказать написаны и Евангельскія родословія. Такъ родословіе св. Матѳ., если бы мы даже и не знали, для кого предназначалось самое Евангеліе, однимъ уже тѣмъ, что начинается съ Авраама и Давида, главнѣйшихъ предковъ Еврейскаго народа (Быт. XXII, 18 и 2 Царств. VII, 12—13), ясно показываетъ, что въ краткомъ его перечнѣ представителей и носителей обѣтованій Божіихъ повторяется исторія избраннаго народа, исторія его приготовленія къ принятію Мессіи. Этимъ собственно только и можно объяснить, почему св. Матѳей въ родословіи Іисуса Христа не выходитъ за предѣлы, какъ-бы указанные Самимъ Богомъ, а предлагаетъ усматривать обѣщаннаго Искупителя въ священномъ родѣ Авраама и Давида. «Поелику говоритъ Іудеямъ, пишетъ Златоустъ, то излишнимъ считаетъ начинать родословіе съ древнѣйшихъ родовъ». Совсѣмъ другое мы видимъ въ родословіи Ев. Луки. Это родословіе хотя также идетъ чрезъ Авраама и Давида, но оно восходитъ гораздо выше и доходитъ даже до родоначальника всѣхъ людей Адама. Въ исторіи человѣческой нельзя еще указать другаго подобнаго родословія, которое бы такъ точно и такъ далеко простиралось, какъ родословіе Іисуса Христа въ Ев. Луки. Такъ какъ св. Лука писалъ свое Евангеліе для христіанъ изъ язычниковъ (т. е. Грековъ), по воззрѣнію которыхъ происхожденіе человѣчества покрыто непроницаемымъ мракомъ, и у которыхъ ходили самыя нелѣпыя басни о первобытныхъ людяхъ, то онъ и предлагаетъ въ своемъ родословіи краткое, но истинное сказаніе о происхожденіи Іисуса Христа (чудесное рожденіе Кото-

раго онъ описалъ выше въ гл. I и II), а вмѣстѣ съ Нимъ и всѣхъ людей отъ единаго человѣка, отъ единыя крови (мысль Апостола Павла, см. Дѣян. XVII, 26), съ одной стороны, для того, чтобы разсѣять прежнія, нелѣпыя языческія басни о первобытныхъ людяхъ, а съ другой и главнымъ образомъ—показать, что во Христѣ Іисусѣ, согласно обѣтованію, данному еще прародителямъ въ раю (Быт. III, 15), спасеніе открыто и предоставлено всему роду человѣческому, а не однимъ только Іудеямъ. И дѣйствительно, смотря теперь на родословное дерево Іисуса Христа, мы на самомъ опытѣ видимъ уже то, что Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ, объяснилъ въ утѣшеніе всѣхъ, бывшихъ нѣкогда язычниками. *Ты дивія маслина сый*, говоритъ онъ тамъ, *привѣпгился еси въ нихъ* (вѣтвяхъ естественныхъ) *и причастникъ корене и масти масличныя сотворился еси и* проч. (XI, 17.)

Что св. Матѳей помѣстилъ родословіе Іисуса Христа въ началѣ Евангелія, это понятно. Народъ Іудейскій, для котораго онъ предназначалъ первоначально свое Евангеліе, былъ по преимуществу народомъ генеалогическимъ, т. е. такимъ, который издавна имѣлъ и уважалъ родословныя записи, и который постоянно хвалился тѣмъ, что происходитъ отъ рода и сѣмени Авраамова (Матѳ. III, 9. Іоанн. VIII, 33). Не такъ легко, повидимому, понять, почему св. Лука въ своемъ Евангеліи помѣстилъ родословіе Іисуса Христа между крещеніемъ и искушеніемъ Его?

Св. Лука самъ указываетъ намъ путь къ рѣшенію этого вопроса въ первыхъ словахъ 23 ст.: *и Той бѣ Іисусъ*. Этимъ выраженіемъ - онъ, во-первыхъ, обращаетъ особенное вниманіе читающаго на Лице Іисуса Христа, и, во-вторыхъ, ясно даетъ понять, что крещеніе, о которомъ только что было говорено, есть одинъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ въ жизни Іисуса Христа; съ этого времени Онъ является уже не тѣмъ, чѣмъ казался прежде. Торжественное свидѣтельство Бога Отца: *Ты еси Сынъ Мой возлюбленный* (Лук. III, 22), вывело Его какъ-бы изъ-подъ спуда и явило міру, доселѣ ничего не вѣдавшему о Немъ.

Съ этого времени Іисусъ Христосъ во всемъ Своемъ величіи, какъ Божественный Посланникъ и какъ *чаяніе* языковъ, выступаетъ на дѣло общественнаго служенія роду человѣческому; съ этого времени Онъ поэтому самому и становится средоточнымъ Лицемъ въ Евангельскомъ повѣствованіи. Этотъ моментъ естественно былъ для Евангелиста самымъ удобнымъ, чтобы изложить Его родословіе. Такъ точно поступилъ и писатель книги Исходъ, помѣстившій родословную Моусея при вступленіи его въ общественное служеніе въ качествѣ посланника Божія и освободителя народа Еврейскаго отъ рабства Египетскаго (Исход. VI, 4—26). Св. Лука, только что переступивъ чрезъ порокъ начинающагося новаго времени еще какъ-бы разъ такимъ образомъ бросаетъ общій взглядъ на все прошедшее и вкороткѣ повторяетъ его содержаніе въ этомъ документѣ, если можно такъ выразиться, который справедливо можно назвать сокращенной исторіей всего древняго человѣчества.

Входя дальше въ разсмотрѣніе Евангельскихъ родословій, нельзя не обратить вниманія и на другія болѣе крупныя разности въ нихъ какъ между собою, такъ и съ родословіями ветхозавѣтными,—разности, которыя съ давнихъ поръ (съ III-го вѣка) и доселѣ остаются предметомъ ученыхъ изслѣдованій. Разности эти заключаются главнымъ образомъ или въ пропускѣ лицъ,

или въ замѣнѣ однихъ другими на одномъ и томъ же мѣстѣ и въ одно и то же время...

Остановимся сначала на примиреніи кажущихся противорѣчій въ Евангельскихъ родословіяхъ съ ветхозавѣтными свидѣтельствами.

Какъ объяснить прежде всего пропускъ въ родословіи Ев. Матѳея трехъ царей между Іорамомъ и Озіей?

Одинъ изъ ученыхъ седьмаго столѣтія, именно Сирскій епископъ Георгій Аравитянинъ, высказалъ предположеніе будто въ подлинникѣ Ев. Матѳея, на Еврейскомъ языкѣ, эти имена были, но что опустили ихъ и притомъ совершенно случайно переводчики, которые переводили Ев. Матѳея съ Еврейскаго языка на Греческій. Они, по мнѣнію упомянутаго епископа вслѣдствіе сходства этихъ именъ въ Греческомъ языкѣ, перескочили съ Охозіи на Озію и такимъ образомъ выпустили три имени, отъ чего образовалось и распространилось неправильное чтеніе между всѣми народами. Хотя это объясненіе находитъ себѣ оправданіе въ Ветхомъ Завѣтѣ, но нельзя сказать, чтобы оно было вѣрно, истинно, во-первыхъ потому, что подобные пропуски по ошибкѣ глаза, какъ здѣсь, можно допустить развѣ отъ переписчика, который слѣдитъ только за буквами, но никакъ не отъ переводчиковъ, притомъ такихъ, трудъ которыхъ не уступаетъ по своему совершенству подлиннику; такъ какъ принятъ былъ въ Церкви и распространился въ ней, какъ подлинное, самимъ Евангелистомъ Матѳеемъ написанное на этомъ языкѣ Евангеліе. Во-вторыхъ потому, что въ 17 ст. Евангелистъ самъ ясно говоритъ, что въ его родословіи, какъ отъ Авраама до Давида, такъ и отъ Давида до плѣна Вавилонскаго, гдѣ сдѣланъ пропускъ, такъ еще и далѣе отъ плѣна Вавилонскаго до Христа, вездѣ по 14 родовъ. Если же имена трехъ опущенныхъ царей прибавить къ имѣющимся, то во второмъ отдѣлѣ его родословія получится вмѣсто четырнадцати семнадцать, что̀, очевидно, будетъ противорѣчить показанію самого Евангелиста.

Существуетъ, напротивъ, другое болѣе правдоподобное объясненіе, по которому св. Матѳей опускаетъ имена трехъ царей за то, что они принадлежали къ роду Ахава, по матери Охозіи царя,—къ такому роду, на который дважды произнесено было Богомъ проклятіе (3 Царств. XXI, 21. 4 Царств. IX, 7). Объясненіе это можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ, тѣмъ болѣе, что ниже (17) самъ Евангелистъ даетъ понять, что при исчисленіи родовъ онъ имѣлъ въ виду численную соразмѣрность (симметрію), и что слѣдоват. могъ нѣкоторыя лица намѣренно опустить изъ родословія Спасителя. Если бы мы, впрочемъ, и не могли указать никакого побужденія для подобнаго пропуска въ родословной Спасителя, то и тутъ историческая достовѣрность остается выше всякаго сомнѣнія, такъ какъ каждый Іудей могъ знать, что Озія, хотя и не сынъ Іорама, но происходитъ отъ него по прямой линіи и необходимо заставляетъ предполагать собою и отца, и дѣда, и прадѣда, т. е. Амасію, Іоаса, Охозію. А выраженіе «родилъ» также могло быть употреблено, когда говорилось о дѣдѣ и прадѣдѣ въ отношеніи ко внукамъ и правнукамъ, какъ и слово отецъ прилагается къ дѣду (Быт. XXVIII, 13), прадѣду (Числ. XVIII, 1—2) и даже прапрадѣду (3 Царств. XV, 11, 24).

Затѣмъ болѣе важнымъ и труднымъ представляется кажущееся противорѣчіе Евангельскихъ родословій съ писателемъ 1 кн. Паралипом. касательно Салаѳіиля.

По Матѳею и Лукѣ Зоровавель сынъ Салаѳіиля, а по кн. Паралипом. (1 Паралипом. III, 18—19) онъ признается сыномъ Фадаіи, брата Салаѳіилева, и слѣдовательно былъ не сыномъ, а племянникомъ послѣдняго. Но Зоровавель называется сыномъ Салаѳіиля не у Матѳея и Луки только, но и во многихъ другихъ мѣстахъ Ветхаго Завѣта (1 Ездр. III, 2; V, 2. Неем. XII, 2. 2 Ездр. V, 5. Аггей I, 1; II, 3). Вѣроятно, Зоровавель былъ сыномъ Салаѳіиля или по закону ужичества, или по усыновленію; въ томъ и другомъ случаѣ одно и то же лице могло получить двоякое происхожденіе (Второзак. XXV, 5—6. Числ. XXXVI, 8—9; XXXII, 41).

Что̀ касается, въ-третьихъ, того, что св. Матѳей называетъ сыномъ Зоровавеля Авіуда (13), а св. Лука—Рисая (27), которыхъ, повидимому, не знаетъ священ. историкъ Ветхаго Завѣта (1 кн. Паралипом.), то въ этомъ случаѣ являются намъ на помощь свидѣтельства другихъ писателей Ветхаго Завѣта, которыя указываютъ путь къ соглашенію св. Матѳея и Луки со священ. историкомъ Ветхаго Завѣта. Изъ нихъ ясно, что или писатель 1 кн. Паралипом. назвалъ не всѣхъ сыновъ Зоровавеля, или,—что нѣкоторые изъ нихъ, а быть можетъ и всѣ носили по два имени....

При дальнѣйшемъ исчисленіи потомковъ Зоровавеля Матѳей и Лука ведутъ родословіе Іисуса Христа по двумъ родовымъ линіямъ Авіуда и Рисая, которыя опустилъ писатель 1 кн. Паралипом., но которыя несомнѣнно хранились какъ въ памяти, такъ и въ фамильныхъ записяхъ потомковъ Давида, изъ которыхъ и заимствовали ихъ Евангелисты.

Разногласіе въ самыхъ родословіяхъ простирается отъ Давида до Салаѳіиля, у Матѳ. I, 6—12, чрезъ 16 поколѣній, а у Луки III, 27—36, чрезъ 20. Въ Салаѳіилѣ и Зоровавелѣ Евангелисты сходятся (Матѳ. I, 12. Лук. III, 27), но потомъ опять расходятся въ разныя стороны до Іосифа, мнимаго отца Іисуса Христа (Матѳ. I, 18. Лук. III, 23).

Извѣстны три главныхъ мнѣнія или лучше три гипотезы для примиренія кажущихся здѣсь противорѣчій.

Первая, самая древняя, которая объясняетъ всѣ разногласія такъ называемымъ закономъ ужичества (Второзак. XXV, 5—6 ст.), извѣстна была уже Юлію Африканскому (писателю III вѣка), который и воспользовался ею въ данномъ случаѣ. Вотъ подлинныя слова Юлія, взятыя Евсевіемъ изъ письма его къ Аристиду: «имена родовъ у Израиля, говоритъ онъ, исчислялись или по природѣ, или по закону, когда во имя брата, умершаго бездѣтнымъ, другой братъ рождалъ отъ жены его дѣтей. Поелику же изъ лицъ, въ родословіи Іисуса Христа, нѣкоторые подлинно преемствовали отцамъ, какъ сыновья, а другія, родившись отъ однихъ отцевъ, прозвались по инымъ, то въ Евангеліяхъ упоминается о тѣхъ и другихъ,—и о родившихся отъ своего отца и какъ будто родившихся (отъ своего отца). Роды, происшедшіе отъ Соломона и Наѳана, *такъ переплелись между собою чрезъ стараніе обезсмертить бездѣтныхъ, чрезъ вторые браки и чрезъ возстановленіе сѣмени*, что одни и тѣ же лица справедливо могли считаться дѣтьми разныхъ отцевъ, то мнимыхъ, то подлинныхъ.

Основываясь на этомъ предположеніи, легко, дѣйствительно, объяснить, почему напр. Салаѳіиль считается у Матѳ. сыномъ Іехоніи, а у Луки сыномъ Нирія? Когда Іехонія умеръ бездѣтнымъ (4 Цар. XXIV, 7 и Іерем. XX, 30), то жена его, говорятъ, по закону ужичества, сдѣлалась женою потомка Давидова чрезъ Наѳана, именно Нирія, и родила

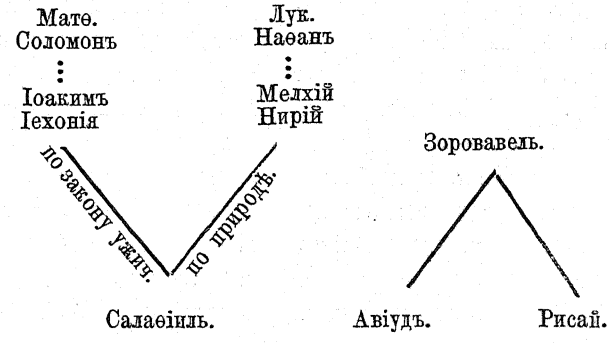
отъ него сына Салаѳіиля, который по природѣ былъ сыномъ Нирія, а по закону сыномъ Іехоніи *.

Этотъ способъ соглашенія разностей въ родословіяхъ Евангельскихъ Юлій Африканскій выдаетъ не за свою догадку или чье либо предположеніе, но за свидѣтельство самихъ сродниковъ Спасителя по плоти. А такъ какъ этотъ способъ основанъ на законѣ, слѣдовательно взятъ изъ живой дѣйствительности (примѣровъ много въ Ветхомъ Завѣтѣ) и отличается простотою и наглядностью, то его держались, по замѣчанію Калмета, почти всѣ древніе толковники. При всемъ этомъ нельзя однако не замѣтить, что самъ Юлій Африканскій не считалъ приведеннаго имъ способа примиренія неоспоримымъ во всѣхъ отношеніяхъ. «Такъ ли оно было, или иначе, говоритъ въ заключеніе Юлій, но достовѣрно, что не легко было бы пріискать объясненіе родословныхъ болѣе удовлетворительное, нежели то, какое они мнѣ сообщили.

Другой способъ примиренія—не такъ древній сравнительно съ предыдущимъ—основывается на другомъ законѣ—законѣ о наслѣдствѣ (Числ. XXXVI, 8—9. 1 Паралипом. II, 21—22. Неем. VII, 63), по которому взявшій за себя дочь умершаго отца вписывался въ потомство послѣдняго и считался сыномъ его. Такъ полагаютъ, что Салаѳіиль, сынъ Нирія, женившись на дочери Іехоніи, которая получила землю и наслѣдство, долженъ былъ вписаться въ потомство послѣдняго, а потому и считался по природѣ сыномъ Нирія, а по закону о наслѣдствѣ сыномъ Іехоніи.—Гипотеза эта, по справедливому замѣчанію Ольсгаузена, идетъ не столько къ разрѣшенію трудностей въ родословіяхъ Евангельскихъ, сколько къ объясненію факта путешествія Пресвятой Дѣвы въ Виѳлеемъ (Лук. II, 4).

Въ послѣднее время распространилось и сдѣлалось едва ли не общепринятымъ еще одно объясненіе, которое, какъ увидимъ, отличается отъ предыдущихъ и большею легкостью, и большею основательностью. Новѣйшіе толковники разногласіе между Евангелистами объясняютъ тѣмъ, что Матѳей изложилъ родословіе Іосифа, а Лука —Маріи, или вѣрнѣе отца ея Илія. Если въ самомъ дѣлѣ такъ, то понятно само собою, что для различныхъ лицъ —Іосифа—Маріи или отца ея Илія—необходимы должны быть и различныя родословія. Какое же основаніе для этого предположенія? Основаніе находится въ самомъ текстѣ Евангельскомъ. Евангелистъ Лука выражается: *и былъ* (Іисусъ), *какъ думаютъ, Сынъ Іосифовъ*,—ἦν... ὢν, ὡς ἐνομίζετο Υἱὸς Ἰωσήφ..—Если Лука, говорятъ, сказалъ, что Іосифъ не истинный, а мнимый отецъ Іисуса,

* Наглядное объясненіе:



то по этому уже самому онъ долженъ былъ составить родословіе не Іосифа, а Маріи, Матери Христа, отцемъ которой былъ Илій, иначе Іоакимъ, какъ онъ называется по древнему церковному преданію. Но сила доказательства заключается не въ томъ однако, что Іосифъ называется въ Ев. Луки мнимымъ отцемъ Іосифа, такимъ онъ собственно представляется и у Ев. Матѳ. въ ст. 18—20, 1 гл., а въ томъ главнымъ образомъ, что въ словахъ: «*какъ думаютъ, Сынъ Іосифовъ*», предъ именемъ Іосифъ» въ подлинникѣ не достаетъ члена τοῦ. Между тѣмъ членъ этотъ стоитъ предъ всѣми прочими именами, находящимися въ генеалогіи. Стоитъ онъ также предъ каждымъ именемъ и въ родословіи Ев. Матѳея. Только въ двухъ манускриптахъ—Италійскомъ и подъ буквою G извѣстномъ—находится членъ τοῦ и предъ именемъ Іосифъ; но весьма легко объяснить эту вставку въ упомянутыхъ манускриптахъ подражаніемъ слѣдующимъ выраженіямъ родословія,—это съ одной стороны; а съ другой было бы непонятно опущеніе члена во всѣхъ прочихъ древнихъ памятникахъ, если бы онъ стоялъ первоначально въ текстѣ. Вслѣдствіе отсутствія члена имя Іосифъ получаетъ совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ какой имѣютъ всѣ другія имена, и само собою, такъ сказать, выпадаетъ изъ родословія. На основаніи этого можно смѣло заключить, что 1) самъ Лука не считалъ имени Іосифа необходимымъ членомъ родословія; 2) что генеалогія его начинается не съ Іосифа, а съ Илія. Но если Іосифъ не есть необходимый членъ родословія, и если генеалогія Луки начинается съ Илія, то требуется рѣшить еще одинъ весьма важный вопросъ: отъ чего зависитъ слово Иліевъ —τοῦ Ἡλί,—не зависитъ ли оно отъ непосредственно предыдущаго имени «Іосифъ»? Судя по аналогіи со всѣми другими именами, стоящими въ родительномъ падежѣ, изъ которыхъ каждое послѣдующее несомнѣнно зависитъ отъ предыдущаго, можно заключить и такъ; только тогда придется признать Илія отцемъ Іосифа, а признавши Илія отцемъ Іосифа, мы должны будемъ принять и объясненіе, предлагаемое Юліемъ Африканскимъ, т. е., что Лука, какъ и Матѳей, излагаетъ генеалогію Іисуса Христа чрезъ родовую линію Іосифа. Но это объясненіе, какъ мы видѣли, не согласимо съ отсутствіемъ члена предъ именемъ «Іосифъ». Если бы и св. Лука начиналъ родословіе съ Іосифа, то имя это онъ непремѣнно долженъ былъ бы отличить, отмѣтить опредѣлительнымъ членомъ τοῦ. Не зависитъ ли имя Иліевъ—τοῦ Ἡλί отъ слова сынъ—Υἱός? При общепринятомъ чтеніи, гдѣ слово сынъ «Іосифовъ» составляютъ какъ-бы одно выраженіе, это трудно допустить. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно слово *сынъ* мыслить себѣ отдѣльно отъ слова «Іосифъ», съ которымъ оно такъ тѣсно соединено? При этомъ чтеніи ничего не остается другаго, какъ принять такое пониманіе этого выраженія: *и былъ, какъ полагаютъ, Сынъ Іосифовъ, но произошелъ отъ Илія*; только *сый*—ὤν—не можетъ имѣть здѣсь въ одно и то же время двухъ значеній: *онъ былъ* именно сынъ, и: *онъ произошелъ*, именно отъ Илія. Совершенно будетъ другое, если мы примемъ Александрійское чтеніе, которому можно отдать на этотъ разъ предпочтеніе. Здѣсь слово сынъ—υἱὸς—стоитъ непосредственно послѣ ὤν—*сый* и отдѣлено отъ имени Іосифъ вводнымъ предложеніемъ ὡς ἐνομίζετο *какъ полагаютъ*.— Точный смыслъ настоящаго стиха по этому чтенію будетъ такой: и былъ сынъ, какъ полагаютъ, Іосифовъ, на самомъ же дѣлѣ Иліевъ—τοῦ Ἡλί. Вотъ

почему св. Лука имя Илія, какъ первое звено въ генеалогической цѣпи, и отмѣчаетъ членомъ. Такимъ образомъ, болѣе точное изслѣдованіе текста снова приводитъ къ тому заключенію, что св. Лука излагаетъ родословіе Іисуса Христа по родовой линіи Илія, отца Пресвятой Дѣвы Маріи. Здѣсь, повидимому, одно еще остается непонятнымъ: почему Евангелистъ не называетъ Пресвятой Дѣвы по имени, а переходитъ прямо отъ Іисуса Христа къ Его дѣду? Но отвѣтить на это не трудно. У древнихъ было не въ обычаѣ, считалось даже неприличнымъ вводить мать, какъ члена, въ генеалогію. У Грековъ сынъ извѣстенъ былъ по отцу, а не по матери; также и у Іудеевъ, у которыхъ даже составилась такая поговорка: genus matris non vocatur genus. Поэтому обычай называть внука сыномъ дѣда своего считался самымъ естественнымъ и вполнѣ историческимъ. Примѣровъ на это мы имѣемъ много въ Ветхомъ Завѣтѣ. И если прежде этотъ обычай находилъ себѣ примѣненіе, то въ настоящемъ случаѣ уклониться отъ него значило бы сдѣлать исключеніе. Первыя главы Евангелія не оставляютъ мѣста никакому сомнѣнію въ этомъ отношеніи. Замѣчательно, что и Талмудъ называетъ Марію, мать Іисуса Христа, дочерью Илія. Если Іудейскіе ученые заимствовали этотъ взглядъ изъ текста Ев. Луки, что̀ еще требуется доказать, то, значитъ, они понимали его такъ, какъ мы; если же изъ преданія, то показаніе Луки, какъ совершенно согласное съ нимъ, подтверждаетъ подлинность того источника, которымъ онъ пользовался.

Такимъ образомъ, повторяемъ еще разъ, предположеніе, что Ев. Лука исчисляетъ предковъ Дѣвы Маріи или отца Ея Илія, не только не заключаетъ въ себѣ никакихъ несообразностей, напротивъ находитъ подтвержденіе и въ текстѣ, и въ преданіи, почему и можетъ быть принято, какъ самое достовѣрное. При этомъ предположеніи, что особенно важно для насъ, оказывается несомнѣннымъ происхожденіе Іисуса Христа отъ Давида, какъ по мнимому отцу, такъ и по матери.—То обстоятельство, что Дѣва Марія была родственницей Елисаветы, жены Захарія, происходившихъ отъ первосвященническаго рода Ааронова, слѣдовательно колѣна Левіина, а не Іудина, блаженный Августинъ объясняетъ тѣмъ, что, вѣроятно, кто-нибудь изъ предковъ св. Маріи, колѣна Іудина, вступилъ въ родство съ семействомъ колѣна Левіина. Да по обычаямъ Іудейской церкви Св. Дѣва и не могла быть обручена Іосифу, если бы не происходила изъ одного и того же съ нимъ рода и племени, а равно и усыновленіе Іосифомъ рожденнаго Маріею Сына было бы невозможно.....

Подлинность Евангельскихъ родословій доказывается—во-первыхъ—многочисленными списками родословныхъ, хранившимися у Іудеевъ со всею тщательностью въ общественныхъ архивахъ и въ частныхъ домахъ до самаго разрушенія Іерусалима; во-вторыхъ, ясными указаніями христіанскихъ и другихъ писателей древности на Евангельскія родословія, какъ на подлинные памятники, а отнюдь не вымышленные.

1) Обычай вести родословныя и хранить ихъ со всею тщательностью былъ не у однихъ Іудеевъ, но и у другихъ восточныхъ народовъ; у Іудеевъ только этотъ обычай былъ гораздо сильнѣе; кто знакомъ съ исторіей этого народа, тотъ знаетъ, какую важность придавали они своимъ родословнымъ записямъ; послѣднія стояли у нихъ въ самой тѣсной связи съ ихъ внутреннимъ образомъ жизни, какъ гражданской, такъ и церковной (Левит. XXV, 9

и слѣд.) Мысль, что Мессія долженъ произойти только отъ нихъ, какъ избраннаго народа, и притомъ отъ извѣстнаго племени, побуждала ихъ постоянно обращаться къ своимъ родословнымъ и повѣрять ихъ. Такъ, по выходѣ изъ Египта, у нихъ тотчасъ же происходитъ перепись родовъ; по переселеніи въ Вавилонъ и изъ Вавилона прежде всего дѣлается то же. Кто не могъ бы доказать когда либо родства своего въ извѣстномъ племени, тотъ лишался правъ племени. Значительныя части Библіи, напр. Числъ, Царствъ, Паралипоменонъ, Ездры, даже цѣлыя книги, напримѣръ книга Руѳи, состоятъ изъ такихъ перечисленій. Съ какою заботливостью Іудеи старались исправить свои родословныя послѣ плѣна, ясно можно видѣть изъ 1 кн. Ездры II, 62 и Неем. VII, 64—65. Еще одинъ фактъ. Когда Августъ наканунѣ, такъ сказать, рожденія Спасителя повелѣлъ сдѣлать перепись по всей землѣ (Лук. II, 4 и дал.) и когда всѣ пошли записываться, каждый въ свой городъ, то пошелъ и Іосифъ съ Маріей въ отечественный свой городъ Виѳлеемъ, неся съ собою свои древнія записи, безъ чего ихъ, ни того, ни другую, не записали бы въ славномъ родѣ Давида. Не обличаютъ ли эти факты противниковъ Евангельскихъ родословій въ совершенномъ незнаніи общественнаго быта Іудеевъ въ ту эпоху, когда родословныя Іисуса записаны были Евангелистами? Кажется, такъ. Но они стараются оправдать свое мнѣніе сказаніемъ Юлія Африканскаго объ Иродѣ, который, будучи самъ незнатнаго рода, изъ зависти къ семействамъ знаменитыхъ родовъ, велѣлъ истребить всѣ хранившіяся въ архивахъ родословныя записи Іудеевъ. Между тѣмъ самъ Юлій непосредственно послѣ этого извѣстія о распоряженіи Ирода замѣчаетъ, что, не смотря на такое повелѣніе со стороны Ирода, нѣкоторые роды и въ томъ числѣ сродники Спасителя по плоти, «деспосины», какъ ихъ тогда называли, сохранили свои родословныя записи. Съ другой стороны, Іосифъ Флавій, писатель очень близкій ко времени, о которомъ говоритъ Юлій Африканскій, и болѣе знакомый съ бытомъ Іудейскаго народа, не только не упоминаетъ объ истребленіи родословныхъ, но и прямо свидѣтельствуетъ о существованіи ихъ въ его время. Правда, что во времена Юлія Африканскаго были многія Іудейскія фамиліи безъ полныхъ родословныхъ записей; но это уже было слѣдствіемъ разрушенія Іудейскаго царства и разсѣянія Іудеевъ, а не слѣдствіемъ истребленія записей при Иродѣ. Извѣстно, что Іудеи позднѣйшаго времени имѣли обыкновеніе во всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ обвинять Ирода. Извѣстно также, что Іудейскіе раввины въ первые вѣка, стараясь заподозрить достовѣрность Евангельскихъ сказаній, придумывали для этого небывалые факты, указывали между прочимъ на родословія у Евангелистовъ и говорили, что они не могли быть составлены согласно съ историческими показаніями, потому что записи родословныя истреблены Иродомъ. Юлій Африканскій могъ или по ошибкѣ раздѣлять убѣжденія современныхъ ему Іудеевъ касательно истребленія родословныхъ записей, или онъ могъ передать только ихъ мнѣніе.

2) Другимъ ручательствомъ за то, что Евангельскія родословія отнюдь не вымышленные, а подлинные памятники, служатъ, какъ мы сказали выше, ясныя указанія на нихъ христіанскихъ писателей древности, а также и другихъ.

Изъ христ. писателей Православной Церкви сошлемся на мужей Апостольскихъ: св. Игнатія Богоносца и св. Іустина мученика.....

Но не только у православныхъ, есть указаніе на родословіе Іисуса Христа и у еретиковъ. Такъ, имѣли его, по словамъ св. Епифанія, еретики Керинѳъ и Карпократъ; кромѣ ихъ имѣли еще Клеобулъ, Клавдій, Демасъ и Гермогенъ, которые, какъ извѣстно, не были послѣдователями Керинѳа и Карпократа. Наконецъ, можно сослаться на язычника Цельса, который также зналъ, что Іисусъ Христосъ происходилъ изъ царскаго Іудейскаго рода, и знакомъ былъ даже съ Его генеалогіей.....

Познакомившись вообще съ родословіями Іисуса Христа въ Ев. Мѳ. и Лук., остановимся теперь и на нѣкоторыхъ частностяхъ въ нихъ.

Начнемъ съ родословія Еванг. Матѳея. Родословіе это распадается на три отдѣла: съ Авраама до Давида (2—6); съ Давида до плѣна Вавилонскаго (7—11) и съ плѣна Вавилонскаго до Христа (12—16); первый стихъ служитъ вступленіемъ, а послѣдній—заключеніемъ.

Ст. 1. *Книга родства Іисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамля.*

Первое выраженіе: *Книга родства Іисуса Христа*—βίβλος γενέσεως Ἰησοῦ Χριστοῦ,—по мнѣнію нѣкоторыхъ, служитъ какъ-бы общимъ заглавіемъ, въ которомъ указывается главный предметъ и главное содержаніе всего Евангелія, и это не неосновательно; потому что все, что повѣствуетъ Евангелистъ объ Іисусѣ Христѣ, заключается въ родословіи, какъ въ корнѣ или началѣ. «Всего изумительнѣе, выше всякой надежды, говоритъ Златоустъ, что Богъ сталъ человѣкомъ. А когда сіе совершилось, все, что затѣмъ ни послѣдовало, и понятно, и естественно». Прямѣе и лучше однако разумѣть подъ этимъ выраженіемъ сказаніе, запись о происхожденіи Іисуса Христа по плоти или Его генеалогію, подобно тому какъ въ 4 ст. II гл. книги Бытія выраженіе: сія книга *бытія небесе и земли*, означаетъ описаніе происхожденія неба и земли. Въ значеніи перечня или записи употреблено это выраженіе предъ исчисленіемъ родовъ отъ Адама въ V гл. 1 ст. кн. Бытія: *сія книга бытія человѣча*—βίβλος γενέσεως ἀνθρώπων. Слово βίβλος—книга—употреблено въ значеніи записи или перечня у св. Апост. Павла (Филиппис. IV, 3), а γένεσις въ значеніи рода или происхожденія— въ книгѣ Исхода (VI, 24 и Числ. I, 18).

Имя *Іисусъ* есть личное имя, по-Еврейски Іешуа,—значитъ Богъ Спаситель или просто Спаситель, имя довольно обыкновенное у Іудеевъ. Здѣсь въ приложеніи ко Христу оно имѣетъ особенное значеніе, выражаетъ понятіе совершеннаго Имъ дѣла спасенія рода человѣческаго (см. ст. 21). Нарицательное имя *Христосъ* есть собственно Греческое и значитъ *помазанный*,—то же, что Еврейское Машіахъ—Мессія, почему Іисусъ и называется то Христомъ, то Мессіей, что все равно. «Въ имени Христа, по словамъ св. Иринея, подразумѣвается Помазавшій и Помазанный, и самое помазаніе, которымъ Онъ помазанъ. Помазалъ Отецъ, помазанъ же Сынъ посредствомъ Духа, Который есть помазаніе, какъ чрезъ Исаію говоритъ Слово: «Духъ Божій на Мнѣ, потому что Онъ помазалъ Меня (LXV, 1), обозначая и помазующаго Отца, и помазаннаго Сына и помазаніе, которое есть Духъ».

Сына Давидова, Сына Авраамля. Происхожденіе Іисуса Христа отъ Давида и Авраама было первымъ и самымъ важнымъ въ глазахъ каждаго Іудея критеріемъ Его мессіанскаго достоинства; при множествѣ самыхъ поразительныхъ доказательствъ мессіанскаго достоинства Іисуса Христа во время Его земной жизни, каковы были

Его чудеса и Божественное, невольно приводившее каждаго въ изумленіе, Его ученіе, одного сомнѣнія въ происхожденіи Спасителя отъ Давида достаточно было для того, чтобы на мѣсто уже начинавшейся вѣры въ Іисуса, какъ Мессію, стало полное невѣріе (Іоан. VII, 41—42, 52). Всякій Іудей, какъ скоро была рѣчь о мессіанскомъ достоинствѣ Іисуса, прежде всего спрашивалъ: отъ кого Онъ происходитъ? Апостолы въ своихъ устныхъ рѣчахъ и писаніяхъ для возбужденія вѣры въ Іисуса, какъ Мессію, часто указывали преимущественно на Его происхожденіе отъ Давида (Дѣян. II, 22—30. Римлян. I, 3. 2 Тимоѳ. II, 8. Апокалипс. XXII, 16). И Ев. Матѳей, если имѣлъ цѣлію, какъ утверждаетъ вся христіанская древность, доказать Іудеямъ въ своемъ Евангеліи мессіанское достоинство Іисуса, могъ начать его не иначе, какъ словами: «Іисусъ—Мессія, Сынъ Давидовъ, Сынъ Авраамовъ». Сыномъ Давида и Авраама Евангелистъ называетъ Іисуса Христа въ смыслѣ общемъ, т. е. въ смыслѣ потомка, каковымъ Іисусъ Христосъ и былъ, согласно обѣтованію Божію (Быт. XII, 1 и слѣд. XXII, 18. Галат. III, 17. 2 Царств. VII, 12. 1 Паралипом. XVII, 11. Псал. LXXXVIII, 4; CXXXI, 11. Исаія XI, 1 и др.). Назвалъ Іисуса Христа прежде Сыномъ Давида, вѣроятно, потому, что обѣтованіе послѣднему было новѣе, относилось не ко всей націи Іудейской, какъ это было въ обѣтованіи Аврааму, и не къ одному изъ двѣнадцати колѣнъ, какъ это было въ обѣтованіи Іудѣ, но частнѣе,—относилось къ дому Давида, имя котораго было Ему усвоено (Іерем. XXX, 9. Іезек. XXXIV, 24; XXXVII, 24). Такимъ образомъ, Евангелистъ, назвавъ Іисуса Христа прежде всего Сыномъ Давида, хотѣлъ этимъ показать Іудеямъ, что онъ говоритъ о томъ именно Христѣ, Котораго они ожидали, какъ Сына Давида и Наслѣдника обѣщаннаго славнаго Царства. Послѣ этого краткаго вступленія слѣдуетъ самое родословіе.

Первый отдѣлъ (2—6): *Авраамъ роди Исаака. Исаакъ же роди Іакова. Іаковъ же роди Іуду и братію его.* Ст. 3. *Іуда же роди Фареса и Зару отъ Ѳамари. Фаресъ же роди Эсрома. Эсромъ же роди Арама.* Ст. 4. *Арамъ же роди Аминадава. Аминадавъ же роди Наассона. Наассонъ же роди Салмона.* Ст. 5. *Салмонъ же роди Вооза отъ Рахавы. Воозъ же роди Овида отъ Руѳи. Овидъ же роди Іессея. Іессей же роди Давида царя.* Ст. 6. *Давидъ же царь роди Соломона отъ Урінны.*

Почему св. Матѳей упомянулъ въ родословіи только о братьяхъ Іуды и ничего не сказалъ ни объ Измаилѣ, братѣ Исаака, ни объ Исавѣ, братѣ Іакова?

«Такъ поступилъ Евангелистъ, по замѣчанію Златоуста, не безъ основательной причины. Онъ хотѣлъ чрезъ это показать, что Измаилъ и Исавъ съ происшедшими отъ нихъ народами: Измаильтянами, Сарацинами, Арабами и друг. ничего не имѣли общаго съ народомъ Іудейскимъ, и что Христосъ отъ нихъ не произошелъ»; тогда какъ дѣти Іакова—Іуда и братья его—были родоначальниками двѣнадцати колѣнъ народа Израильскаго, которыя и составляли избранное Богомъ сѣмя Авраамово. Что Евангелистъ поименовалъ изъ дѣтей Іакова Іуду, такъ это потому, что въ имени Іуды обнимаются всѣ потомки Іакова, и онъ является (Быт. XLIX, 3—8) какъ-бы главой ихъ. А въ родословіе только и входятъ главы родовъ, отъ которыхъ имѣлъ произойти Мессія.

Какой смыслъ, какое значеніе имѣютъ женскія лица, введенныя св. Матѳеемъ въ родословіе Іисуса Христа: Ѳамарь (3), Рахавъ, Руѳь (5) и жена Урія (6)? Но преж-

де, что̀ это были за женщины? Θамарь была невѣсткою Іуды. Библія передаетъ о ней слѣдующее. Послѣ смерти двухъ своихъ мужей, сыновей Іуды, она осталась бездѣтной и, по предложенію свекора, должна была удалиться въ домъ отца своего и жить тамъ до совершеннолѣтія третьяго сына Іуды Силома, котораго отецъ обѣщалъ женить на ней же. Между тѣмъ умерла жена Іуды. Послѣ этого случилось, что Іуда вышелъ посмотрѣть въ поле, какъ стригли его овецъ.

Когда сказали объ этомъ Θамари, она сбросила съ себя траурную одежду, нарядилась и вышла встрѣтить своего свекора. Она знала, что Силомъ былъ уже большой, а между тѣмъ не была еще, согласно обѣщанію, его женою. Іуда, увидѣвъ Θамарь и не узнавъ ее, прельстился ею, плодомъ чего были два сына—близнецы—Фаресъ и Зара (Быт. XXXVIII). Назвалъ Евангелистъ того и другаго, какъ думаютъ, потому, что Фаресъ и Зара послужили прообразомъ двухъ народовъ, вошедшихъ въ Царство Христово—Іудейскаго и языческаго.

Рахавъ была женою Салмона, сына Наассона, отъ которой родился Воозъ. Бо́льшая часть толковниковъ признаютъ ее за одно лице съ Раавъ, Іерихонской блудницей, о которой говорится въ книгѣ Іисуса Навина (II, I. Срав. Евр. XI, 31), но нѣкоторые сомнѣваются и больше по хронологическимъ соображеніямъ, которыя будто бы не позволяютъ отождествить Рахавъ съ Раавъ. Извѣстіе о ней почерпнуто, вѣроятно, изъ фамильныхъ записей дома Давидова. Ея высокое положеніе между Іудеями засвидѣтельствовано въ Апостольскихъ писаніяхъ (Іаков. II, 25 и Евр. XI, 31).

Руѳь—мать Овида—была по происхожденію Моавитянка, язычница, и случайно сдѣлалась женою Вооза по закону ужичества.

Четвертое лице женскаго пола, введенное въ родословіе, была незаконная жена Давида, Вирсавія, отнятая имъ у Урія.

Вводя такихъ женщинъ въ родословіе Іисуса Христа, Евангелистъ хотѣлъ этимъ показать, что Іисусъ Христосъ Свое достоинство получаетъ не отъ Своихъ предковъ, что Его посланничество основывается не на человѣческихъ заслугахъ, а на благости и милосердіи Божіемъ, что обѣтованія Божіи не разрушены грѣхами людей, что Христосъ явился на землѣ не для спасенія одного только избраннаго народа, но для спасенія всего рода человѣческаго, для спасенія всѣхъ, кто бы какого рода, званія, достоинства и пола ни былъ, какъ учитъ Апостолъ: нѣсть *Іудей, ни Еллинъ: нѣсть рабъ, ни свободь: нѣсть мужескій полъ, ни женскій: вси бо вы едино есте о Христѣ Іисусѣ* (Галат. III, 28). Такой смыслъ и такое значеніе имѣютъ женскія лица, введенныя Евангелистомъ въ родословіе Іисуса Христа, хотя и вопреки обычаю восточныхъ писателей.....

Второй отдѣлъ начинается съ Соломона, сына Давидова (7—11): *Соломонъ же роди Ровоама. Ровоамъ же роди Авію. Авія же роди Асу.* Ст. 8. *Аса же роди Іасафата. Іоасафатъ же роди Іоарама. Іорамъ же роди Озію.* Ст. 9. *Озія же роди Іоаѳама. Іоаѳамъ же роди Ахаза. Ахазъ же роди Езекію.* Ст. 10. *Езекія же роди Манассію. Манассія же роди Амона. Амонъ же роди Іосію.* Ст. 11. *Іосія же роди Іоакима и братію его. Іоакимъ же роди Іехонію въ переселеніе Вавилонское.*

Во второмъ отдѣлѣ главнымъ образомъ обращаютъ на себя вниманіе два пропуска,—это, во-первыхъ, пропускъ трехъ царей — Охозіи, Іоаса и Амасіи, между Іорамомъ и Озіей, но на этомъ

пропускѣ мы останавливались уже выше, другой пропускъ касается имени Іоакима, сына Іосіи, и отца Іехоніи. Имени этого дѣйствительно не достаетъ въ нашемъ Славянскомъ переводѣ, не достаетъ его и во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ подлиннаго текста, равно какъ во многихъ рукописяхъ такъ называемой западной рецензіи, Ватиканскаго, Ефрема Сирина и другихъ; но за то это имя сохранилось во многихъ рукописяхъ восточной рецензіи, отличающихся большею исправностью, сравнительно съ западными рукописями. Поэтому издавна съ основательностью замѣчаютъ, что опущеніе имени Іоакима во многихъ древнихъ кодексахъ произошло, по всей вѣроятности, отъ переписчика, обманутаго сходствомъ имени Іоакима и Іехоніи, и подлиннымъ текстомъ Евангелиста Матѳея справедливо считаютъ слѣдующее чтеніе, принятое уже отчасти въ нашемъ Русскомъ переводѣ: Іосія родилъ Іоакима и братьевъ его.... Не только въ Русскомъ переводѣ, какъ мы сейчасъ замѣтили, но и въ нашей Славянской Библіи такое именно приведено чтеніе подъ строкой съ поясненіемъ, что такъ читается это мѣсто въ нѣкоторыхъ Греческихъ спискахъ Евангелія отъ Матѳея. Чтеніе это несомнѣнно подлинное, иначе отъ Давида до Вавилонскаго плѣна не было бы четырнадцати родовъ, какъ это замѣтилъ уже блаженный Іеронимъ. Вопросъ такимъ образомъ о такъ называемомъ недочетѣ родовъ въ Евангельскомъ родословіи втораго отдѣла оказывается теперь совершенно излишнимъ, хотя прежде много труда и времени тратили для рѣшенія его.

Іоакимъ же роди Іехонію въ переселеніе Вавилонское, т. е., при наступленіи, или предъ переселеніемъ (около 588 г. до Рождества Христова. 2 Паралипом. XXXVI), потому что самый фактъ переселенія совершился послѣ, именно въ третій мѣсяцъ царствованія Іехоніи (4 Царств. XXIV, 12). Переселеніе называется *Вавилонскимъ* по имени главнаго въ царствѣ города Вавилона, который стоялъ на рѣкѣ Евфратѣ, впадающей въ Персидскій заливъ; нынѣ разслѣдываютъ развалины этого великолѣпнаго и богатаго нѣкогда города.

Ст. 12—16. *По переселеніи же Вавилонстѣмъ, Іехонія роди Салаѳіиля.* Ст. 13. *Салаѳіиль же роди Зоровавеля. Зоровавель же роди Авіуда. Авіудъ же роди Еліакима. Еліакимъ же роди Азора. Азоръ же роди Садока. Садокъ же роди Ахима. Ахимъ же роди Еліуда.* Ст. 15. *Еліудъ же роди Елеазара. Елеазаръ же роди Матѳана. Матѳанъ же роди Іакова.* Ст. 16. *Іаковъ же роди Іосифа, мужа Маріина, изъ Нея же родися Іисусъ, глаголемый Христосъ.*

Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ нѣкоторые останавливаются на мнимой ошибкѣ, вкравшейся будто бы въ 16 стихъ. Говорятъ, что имя Іосифа внесено въ текстѣ по ошибкѣ переписчика, который вмѣсто Ἰωακίμ — Іоакимъ — прочиталъ Ἰωσήφ—Іосифъ, а потомъ, зная, что Іосифъ былъ не отцемъ, а нареченнымъ мужемъ Св. Дѣвы Маріи, замѣнилъ слово „отецъ“ словомъ „мужъ“ (и эти слова на Греческомъ языкѣ очень сходны по буквамъ: (πατὴρ—ἀνήρ). Правильное поэтому чтеніе 16 ст. Евангелія отъ Матѳея, по мнѣнію такихъ толковниковъ, должно быть слѣдующее: Іаковъ же роди Іоакима, отца Маріина. Предположеніе это ни на чемъ не основывается и есть ни больше, ни меньше какъ догадка, придуманная съ цѣлью оправдать мнѣніе, что Матѳей излагаетъ родословіе предковъ Дѣвы Маріи. Но это совершенно невѣроятно. Напротивъ, такъ какъ св. Матѳей писалъ свое Евангеліе преимущественно для христіанъ изъ

Іудеевъ, невѣріе которыхъ въ Іисуса Христа, какъ Мессію, онъ имѣлъ въ виду, то уже по этому самому онъ не имѣлъ ни побужденія, ни возможности отступить отъ общаго Іудейскаго обычая—считать роды только по мужской линіи, уже по этому одному, повторяемъ, онъ долженъ былъ ввести въ свое родословіе Іосифа, на котораго Іудеи смотрѣли, какъ на естественнаго отца Іисуса Христа (Матѳ. XIII, 55. Лук. IV, 22. Іоан. VI, 42). Что Іосифъ называется здѣсь мужемъ Маріи, объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что у Іудеевъ женихъ и невѣста тотчасъ послѣ обрученія назывались мужемъ и женой (срав. Быт. XXIX, 21. Второзак. XXII, 23—24), а съ другой стороны и тѣмъ, что Іосифъ, по повелѣнію Ангела, принялъ Пресвятую Дѣву въ домъ свой, какъ жену свою (I, 20). Въ талмудѣ и у древнихъ отцевъ Церкви, Іосифъ, мнимый отецъ Іисуса, носитъ еще другое имя Пантира—Πανθηρα, а Іисусъ называется сыномъ Πανθηρα или Пантера. Но какъ и почему, неизвѣстно.

Замѣчательно, наконецъ, въ этомъ стихѣ самое выраженіе Евангелиста о рожденіи Іисуса Христа. Онъ не сказалъ такъ, какъ говорилъ выше о рожденіи предковъ Его по человѣчеству: Авраамъ роди Исаака, Исаакъ—Іакова, Іаковъ—Іуду и проч., не сказалъ: Іаковъ же роди Іосифа, Іосифъ же Христа; но: *Іаковъ же роди Іосифа, мужа Маріина, изъ Неяже родися Іисусъ, глаголемый Христосъ.* Іосифъ не былъ отцемъ Іисуса по плоти, но былъ только обрученъ съ Пресвятой Дѣвой Маріей. Потому Евангелистъ и относитъ рожденіе Іисуса только къ Маріи: *изъ Неяже родися Іисусъ.* Это послѣднее выраженіе составляетъ вступленіе къ дальнѣйшему повѣствованію Евангелиста о сверхъестественномъ рожденіи Іисуса Христа.—Вопросъ о томъ, какимъ образомъ Евангелистъ Матѳей, излагая родословіе Іисуса Христа, исчисляетъ предковъ Іосифа и оканчиваетъ родословіе самимъ Іосифомъ, не сказавъ ничего о предкахъ Пресвятой Дѣвы,—легко разрѣшается. По закону Моисееву, никто изъ Евреевъ не могъ брать себѣ жену изъ другаго колѣна и изъ другаго племени и рода. Для исполненія предопредѣленныхъ цѣлей Промысла каждое колѣно и каждое племя въ колѣнѣ должны были сохранять свою цѣлость. Поэтому, если Іосифъ, по родословію, происходилъ отъ Давида, то, ясно, и обрученная ему Марія происходитъ отъ Давида. Поэтому у Іудеевъ и не было въ обычаѣ, чтобы родословія писались по женской линіи.

Въ заключеніи Евангелистъ, какъ-бы подводя итогъ всему сказанному, говоритъ, что родословіе Іисуса Христа раздѣляется на три отдѣла или эпохи, и что каждая эпоха состоитъ изъ четырнадцати родовъ.

Ст. 17. *Всѣхъ же родовъ отъ Авраама до Давида родове четыренадесяте: и отъ Давида до переселенія Вавилонскаго родове четыренадесяте: и отъ переселенія Вавилонскаго до Христа родове четыренадесяте.*

Общее раздѣленіе родословія на три отдѣла или эпохи имѣетъ въ своемъ основаніи три весьма важныхъ момента или состоянія въ жизни Еврейскаго народа, послѣ чего, по слову Божію, чрезъ пророковъ возвѣщенному, надлежало явиться Спасителю міра. Такъ, первая эпоха отъ Авраама до Давида обнимаетъ начало образованія Еврейскаго народа и времена теократіи до учрежденія царской власти и явленія царя, родоначальника Мессіи. Въ это время народъ былъ подъ управленіемъ патріарховъ, или пророковъ. Вторая эпоха обнимаетъ времена царей до потери народной самостоятельности съ насту-

пленіемъ Вавилонскаго плѣна. Наконецъ, третья—времена возстановленія народной самостоятельности подъ управленіемъ первосвященниковъ до явленія Самого Мессіи. Мессія по пророчествамъ долженъ былъ быть и Пророкъ, и Царь, и Первосвященникъ. Такимъ образомъ, три указанныя эпохи, предшествующія явленію Его, были фактическимъ пророчествомъ о Немъ. На три эти эпохи въ приготовленіи рода человѣческаго Самъ Господь указалъ прикровенно въ притчѣ о дѣлателяхъ винограда (Матѳ. XXI, 33—41. Лук. XX, 9 и слѣд.).

Весьма замѣчательна здѣсь и удивительная соразмѣрность родовъ во всѣхъ трехъ эпохахъ, на что̀ не безъ причины обращаетъ вниманіе читающихъ св. Евангелистъ. Отъ Авраама смѣнилось четырнадцать поколѣній или родовъ, какъ явился царь Давидъ, славнѣйшій послѣ Авраама изъ предковъ обѣтованнаго сѣмени. Столько же родовъ смѣнилось отъ царя Давида до плѣна Вавилонскаго: царство пало, и едва часть народа отведеннаго въ плѣнъ возвратилась въ землю отцевъ. Отъ плѣна ровно столько же еще родовъ прошло до совершеннаго порабощенія Іудеевъ Римлянами: не слѣдовало ли поэтому быть чему-нибудь особенному и въ это время,—какъ-бы такъ продолжалъ св. Евангелистъ? По пророчествамъ оставалось только явиться Спасителю міра—*чаянію языковъ и утѣхи Израиля*, какъ предсказалъ Іаковъ при благословеніи сына своего Іуды (Быт. XLIX, 10). Но такъ какъ Спаситель міра явился согласно пророчествамъ изъ рода Авраамова и Давидова, такъ какъ все предсказанное сбылось на Немъ, то мы и должны вѣрить въ Него, какъ-бы такъ говорилъ Евангелистъ.

Обращаемся къ родословію Іисуса Христа въ Евангеліи Луки (III, 23—38).

Вступленіемъ къ нему, а вмѣстѣ и переходомъ отъ предыдущаго разсказа (о крещеніи Іисуса Христа) служитъ начальный 23 стихъ, который читается такъ: *и Той бѣ Іисусъ яко лѣтъ тридесять, начиная, сый, яко мнимь, Сынъ Іосифовъ, Иліевъ.*

Остановимся на двухъ-трехъ отдѣльныхъ выраженіяхъ этого стиха: *начиная, бѣ* и *сый*. Первыя два—*начиная* и *бѣ*—ἀρχόμενος и ἦν—ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть соединены вмѣстѣ въ одно предложеніе; отъ *бѣ* зависитъ выраженіе: *яко лѣтъ тридесять*, какъ это ясно видно изъ Русскаго перевода: *Іисусъ, начиная Свое служеніе, былъ лѣтъ тридцати.* Тридцатилѣтній возрастъ, надобно замѣтить, какъ цвѣтущая пора человѣческой жизни, былъ такимъ временемъ, когда у Іудеевъ левиты вступали въ отправленіе своей должности (Числ. IV, 3, 23), а также и у Грековъ только съ этого времени молодые люди начинали заниматься общественными дѣлами. Слово *сый*—ὤν—подобно ближайшему къ нему слову ἀρχόμενος—*начиная*,—стоитъ, повидимому, также ни отъ чего независимо, по крайней мѣрѣ, трудно логически объяснить его зависимость отъ глагола *бѣ*—ἦν, какъ и предыдущее слово ἀρχόμενος. Весьма можетъ быть, что св. Лука употребилъ здѣсь это слово потому, что оно казалось ему болѣе удобнымъ для перехода отъ предыдущаго разсказа о крещеніи къ родословію, которое онъ тутъ же и начинаетъ такъ: *яко мнимь* (Сынъ) *Іосифовъ, Иліевъ* и т. д.

Родословіе это, какъ мы доказывали выше, начинается не съ Іосифа, а съ Илія ипоэтом у слова: *яко мнимь* (Сынъ) *Іосифовъ*—слова вводныя, которыя могутъ быть даже выпущены изъ него безъ всякаго ущерба.

Перечисленныхъ лицъ въ первомъ отдѣлѣ или лучше въ періодѣ родосло-

вія, отъ Илія до Нирія, т. е., до конца плѣна Вавилонскаго, насчитывается по Евангелію Луки двадцать одно; а если слѣдовать Юлію Африканскому, то девятнадцать; послѣдній опускаетъ Матѳата и Левія, которые у Евангелиста Луки помѣщены между Иліемъ и Мелхіемъ. Для объясненія этого пропуска, нѣкоторые полагали, что Юлію Африканскому на этотъ разъ измѣнила память, а другіе, что въ экземплярѣ Евангелія, который читалъ онъ, имена Матѳата и Левія были пропущены,—и тому подобное. Во всякомъ случаѣ, какъ число четырнадцать по Матѳею, такъ и девятнадцать по Юлію Африканскому, слишкомъ мало для такого большого періода, какъ этотъ, въ 538 лѣтъ, и родословіе Луки отличается предъ ними въ этомъ періодѣ особенною полнотою и точностью.—Что̀ касается предположенія, высказаннаго Визелеромъ и Блекомъ относительно того, будто Зоровавель и Салаѳіиль, упоминаемые обоими Евангелистами, суть не одни и тѣ же, а разные,—опровергается тѣмъ, что имена ихъ въ обоихъ родословіяхъ встрѣчаются въ одно и то же время и на одномъ и томъ же мѣстѣ послѣ плѣна Вавилонскаго. Слѣдовательно, лица эти отнюдь не разныя, а одни и тѣ же.

Въ слѣдующемъ періодѣ отъ плѣна до Давида Лука перечисляетъ девятнадцать родовъ (28—31). У Матѳея за это время онять только—четырнадцать. Но намъ извѣстно уже, что онъ опускаетъ въ этомъ періодѣ трехъ царей; слѣдовательно, число девятнадцать у Луки служитъ новымъ подтвержденіемъ особенной полноты и точности его родословія.

Въ третьемъ періодѣ, отъ Давида до Авраама (32—34), оба родословія согласны между собою, какъ и съ Ветхимъ Завѣтомъ.

Четвертый періодъ отъ Авраама до Адама излагаетъ одинъ Лука (34—38).

Эта часть родословія составлена, очевидно, по Ветхому Завѣту и притомъ по семидесяти, что̀ доказываетъ имя Каинана въ ст. 36, находящееся только у семидесяти и недостающее въ Еврейскомъ текстѣ (Быт. X, 24; XI 12); вѣроятно, это очень древній варіантъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, имя Каинана непремѣнно должно было стоять въ текстѣ, такъ какъ легче было выпасть этому имени изъ текста Еврейскаго, чѣмъ войти въ текстъ семидесяти, если бы его не было въ первомъ.

Заключительныя слова: *Адамовъ, Божій*, показываютъ, что Іисусъ Христосъ хотя по человѣчеству есть истинный человѣкъ, подобный намъ, кромѣ грѣха, и произошелъ вмѣстѣ со всѣми отъ перваго праотца всего рода человѣческаго Адама, но въ то же время Онъ и не есть только человѣкъ, а древнѣе его, есть Сынъ Божій, всесовершенный и совѣчный Богу Отцу. Кромѣ того, въ словѣ *Божій*, которое поставлено въ концѣ всего родословія, ясно выражается мысль Апостола Павла, высказанная имъ въ Аѳинахъ (Дѣян. XVII, 29): *мы—родъ Божій*. Въ самомъ дѣлѣ, если бы люди происходили не отъ Бога, не имѣли въ себѣ образа и подобія Божія, то и воплощеніе Сына Божія было бы невозможно. Іисусъ Христосъ, возлюбленный Сынъ Божій (Лук. III, 22), потому и принялъ на Себя плоть человѣческую, что мы родъ *Божій* (38).

По словамъ блаженнаго Ѳеофилакта, словомъ *Божій* поражается невѣріе въ безсѣменное рожденіе Іисуса Христа. «Рожденіе Господа, говоритъ онъ, встрѣчало недовѣріе. Посему Евангелистъ, желая показать, что и въ другое время человѣкъ произошелъ безъ сѣмени, отъ низшихъ восходитъ до Адама и Бога.

Онъ говоритъ какъ-бы такъ: если ты не вѣруешь, какъ второй Адамъ родился безъ сѣмени, то прошу—обратись умомъ къ первому Адаму, и ты найдешь, что онъ сотворенъ Богомъ безъ сѣмени и—послѣ сего не будь невѣренъ".

Важность разсмотрѣнныхъ нами генеалогій очевидна уже сама собою изъ важности самаго предмета, но эта важность еще болѣе возвышается въ глазахъ нашихъ отъ того, что генеалогіи записаны были Евангелистами предъ разрушеніемъ Іерусалима и разсѣяніемъ Іудейскаго народа, въ то время, когда происхожденіе Христа изъ рода Давидова можно было всякому доказать изъ подлинныхъ документовъ, и когда всякій, дѣйствительно, могъ ихъ видѣть и видѣлъ самъ, если хотѣлъ. Это обстоятельство таково, что его одного достаточно, чтобы разсѣять въ прахъ всѣ возможныя возраженія противъ подлинности и исторической достовѣрности Евангельскихъ родословій, а равно и противъ происхожденія Спасителя нашего изъ священнаго рода Авраама и Давида (Прав. Собес. 1880 г., ч. I, стр. 26).

Годъ Рождества Христова.

Всѣ мы привыкли съ дѣтства къ установившемуся лѣтосчисленію, и считаемъ, что отъ Рождества Христова прошло 1893 года. Но на какомъ же основаніи признается, что столько именно прошло лѣтъ отъ Рождества Христова, а не болѣе или менѣе? Здѣсь, очевидно, необходимо точно опредѣлить годъ Рождества Христова. Нужно сознаться однако, что древнѣйшіе отцы и учители Церкви, упоминающіе о годѣ Рождества Христова (Іустинъ мученикъ и Тертулліанъ) говорятъ объ этомъ вообще неопредѣленно. Позднѣйшіе же отцы и учители (Ириней, Климентъ Александрійскій, Евсевій) Рождество Іисуса Христа полагаютъ въ 751 году отъ основанія Рима, хотя и не всегда ясно выражаются объ этомъ; съ ними согласно извѣстное ученымъ сочиненіе Chronicon Paschale, историкъ Зонара и другіе. Около половины VI вѣка, Римскій монахъ Діонисій, по прозванію Малый, оставивъ бывшую дотолѣ въ употребленіи *Діоклитіановскую эру* (aera martirum), началомъ лѣтосчисленія поставилъ годъ рожденія Іисуса Христа, признавъ этотъ годъ соотвѣтствующимъ 754 году отъ основанія Рима. Эта Діонисіанская эра, назначавшаяся сначала для церковнаго употребленія, съ X вѣка сдѣлалась общераспространенною въ христіанскихъ странахъ и принята въ гражданскомъ лѣтосчисленіи, хотя всѣми хронологами признается ошибочною, такъ какъ начало ея поставлено нѣсколькими годами *позже* дѣйствительнаго года Рождества Христова. Чтобы точнѣе опредѣлить этотъ годъ, обратимся къ Евангелію.

Въ Евангеліи мы имѣемъ два главныхъ пункта для опредѣленія года Рождества Іисуса Христа:

1) *Время царствованія Ирода*, отца Архелая. У Евангелиста Матѳея II, 1 и д., и Евангелиста Луки I, 5. Изъ этихъ двухъ мѣстъ несомнѣнно ясно то, что Христосъ родился еще во время царствованія этого Ирода. Иродъ же, названный «Великимъ», по свидѣтельству Іосифа Флавія, царствовалъ 37 лѣтъ именно отъ 714 до 750 отъ основанія Рима. Въ послѣднемъ году онъ умеръ за восемь дней предъ Пасхою, вскорѣ послѣ луннаго затмѣнія. Но такъ какъ это лунное затмѣніе по астрономическому вычисленію происходило ночью съ 13 на 14 марта 750 года отъ основанія

Рима, и Іудейская Пасха въ этомъ году приходилась 12 апрѣля, то слѣдовательно и царь Иродъ умеръ въ началѣ апрѣля 750 года отъ основанія Рима, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, *четырьмя годами раньше* нашей эры.

1) Второй главный пунктъ для опредѣленія года Рождества Іисуса Христа представляетъ намъ Евангелистъ Лука II, 1—7 въ повѣствованіи о *предписанной Августомъ Цезаремъ народной переписи*, вслѣдствіе которой Марія и Іосифъ изъ Назарета прибыли въ Виѳлеемъ, гдѣ въ то время и родился Іисусъ Христосъ. Эта перепись, вызванная эдиктомъ Августа въ 746 году отъ основанія Рима, началась для Іудеи въ послѣдніе годы царствованія Ирода, потомъ она была пріостановлена вслѣдствіе смерти Ирода и окончилась въ то время, когда Сиріей управлялъ Квиринъ. Вслѣдствіе этой переписи въ Палестинѣ произошло народное возстаніе, и во главѣ недовольныхъ сталъ извѣстный Ѳевда или Матѳей. Иродъ схватилъ его и сжегъ живымъ 12 марта 750 года отъ основанія Рима. Но такъ какъ эта перепись началась нѣсколько раньше этого времени, то Христосъ, слѣдовательно, родился зимою 749—750 г. отъ основанія Рима и, по крайней мѣрѣ, раньше 12 марта 750 г., и никакимъ образомъ не въ 754 г., какъ полагалъ Діонисій Малый (Изъ Воскр. Чт. за 1872 г. № 50, 379—380).

Въ Евангеліи отъ Луки, гл. III, ст. 1 и 23, ученые хронологи находятъ и еще основанія, дающія возможность опредѣлить отношеніе событій Евангельской исторіи къ общей хронологіи всемірной исторіи.

«Іоаннъ Креститель выступилъ со своею проповѣдью на Іорданѣ въ 15 годъ правленія Тиверія кесаря. Спрашивается: какому именно году соотвѣтствуетъ этотъ 15 годъ, если считать отъ основанія Рима?

Августъ умеръ лѣтомъ 767 года (19 августа) отъ основанія Рима, что соотвѣтствуетъ, по счисленію Діонисія, 14 г. по Рождествѣ Христовомъ, т. е., если, согласно съ Діонисіемъ, годомъ Рождества Христова считать 754 годъ отъ основанія Рима. Если же Іисусъ Христосъ родился въ 750 году отъ основанія Рима, какъ теперь большею частью полагаютъ, то при смерти Августа Ему было почти 18 лѣтъ. Но Тиверій былъ принятъ Августомъ въ соправители еще за *два* года до своей смерти (янв. 765 г.). Вслѣдствіе этого и время счисленія его царствованія можетъ быть двоякое: можно считать или со времени провозглашенія его соправителемъ Августа, (т. е. съ янв. 765 г.), или же со времени смерти послѣдняго, т. е. со времени его единодержавнаго властительства. Римскіе историки счетъ годовъ царствованія Тиверія ведутъ обыкновенно по этому послѣднему способу счисленія. Такимъ образомъ 15-ый годъ царствованія Тиверія будетъ соотвѣтствовать 782 году отъ основанія Рима, или по Діонисію 29 году по Рождествѣ Христовомъ. Но въ такомъ случаѣ Іисусу Христу было въ это время 32 г. (считая съ 750 г.), что̀ явно бы противорѣчило положительному извѣстію Евангелиста, что Іисусъ, начиная Свое служеніе, былъ лѣтъ 30 (23). Поэтому другіе изслѣдователи годы царствованія Тиверія считаютъ со времени признанія его Августомъ своимъ соправителемъ. Въ этомъ случаѣ 15-й годъ его царствованія будетъ соотвѣтствовать 780 г. отъ основанія Рима, или 26—27 году Діонисіевой эры, а тогда и возрастъ Іисуса Христа при крещеніи будетъ дѣйствительно *лѣтъ яко тридесять*, около 30 лѣтъ. Такъ удобно примиряются оба хронологическія извѣстія у Евангелиста Луки (III, 1 и 2), и при этомъ вести ли счетъ по эрѣ Діо-

нисія, или по эрѣ, установленной новѣйшими изслѣдованіями. И что такой способъ исчисленія годовъ царствованія Тиверія совершенно правиленъ и вѣроятенъ, хотя онъ и расходится съ счисленіемъ у Римскихъ историковъ, это доказывается найденными въ послѣднее время надписями и медалями, на которыхъ годы обозначаются такимъ же образомъ; и этотъ способъ счисленія былъ, какъ видно, общепризнаннымъ на востокѣ, и въ частности въ Антіохіи, откуда, вѣроятно, происходилъ Евангелистъ Лука, или гдѣ, по крайней мѣрѣ, онъ имѣлъ также мѣстопребываніе».

По недостатку данныхъ въ повѣствованіяхъ Евангелистовъ, нельзя точно опредѣлить день рожденія Іисуса Христа. Восточная Церковь въ концѣ IV вѣка день Рождества Христова праздновала 6 января; въ западной же Церкви издавна этотъ день праздновался 25 декабря. Число это соотвѣтствуетъ точнѣйшимъ хронологическимъ изслѣдованіямъ; принять это число заставляетъ также глубокое символическое значеніе его. По этому значенію, Христосъ, *второй* Адамъ, зачался отъ Пресвятой Дѣвы во время весенняго равномощія 25 марта (Благовѣщеніе), когда, по древнѣйшему преданію, созданъ и *первый* Адамъ; родился же Христосъ, *Солнце* правды, *Свѣтъ* міру, во время зимняго солнечнаго поворота, когда день начинаетъ увеличиваться, а ночь уменьшаться. Сообразно съ этимъ Св. Церковь зачатіе Іоанна Крестителя, который 6-ю мѣсяцами былъ старше Іисуса (ср. Луки I, 36), полагаетъ 24 сентября —время осенняго равномощія, и рожденіе его 24 іюня,—время солнечнаго поворота, когда дни начинаютъ сокращаться. Еще св. Амвросій указывалъ при этомъ на слова Крестителя, записанныя у Іоан. III, 30: *Ему подобаетъ расти, мнѣ же малитися.* Сообразно съ этимъ Рождество Спасителя падаетъ на конецъ 749 года отъ основанія Рима или на конецъ 5-го года до нашей эры (Воскр. Чт. 1872 г., № 50, стр. 380).

Библіографическій указатель къ родословію І. Х.

1) *Св. Іоанна Дамаскина.* О родословіи Господа и о Св. Богородицѣ. Хр. Чт. 1841 г. I. 389.

2) *Св. Аѳанасія Александрійскаго.* Изъ бесѣдъ на Ев. отъ Матѳ. гл. 1, 1 ст. и 17. IV. 473. Тв. св. оо. XXII.

3) *Е. Ловягина.* Родословіе Господа нашего І. Христа. Хр. Чт. 1864 г. III. 349.

4) *Берзецовскаго.* Родословіе Господа нашего І. Х. Душ. Чт. 1870 г. III. 290.

5) О родословіи Іисуса Христа по сравненію съ Лукою. Воскр. Чт. X. 390.

6) Въ которомъ году родился Іисусъ Христосъ? Хр. Чт. 1838 г. IV. 312.

7) *Свящ. Матѳеевскаго.* Время Рождества Христова. Стран. 1864 г. IV, дек. отд. II. 139.

8) *В. Рождественскаго.* Годъ Рождества Іисуса Христа. Хр. Чт. 1870 г. 205. 1871 г. 107. 500.

9) *Св. Климента Александрійскаго.* О времени рожденія Спасителя (въ Строматахъ кн. 1).

10) *А. Некрасова.* Къ вопросу о годѣ Рождества Христова. Прав. Собес. 1886 г. III. 348—351.

11) *Фаррара.* Годъ рожденія І. Христа въ кн. „Жизнь Іисуса Христа", перев. Лопухина. Прилож. 467—470.

12) Іосифъ (Мѳ. 1, 16). Б. п. сл. Воскр. Чт. 1876 г. I. 127.

13) Марія, Пресв. Дѣва (Мѳ. 1, 16). Тамъ же, II. 175.

Введеніе въ Евангеліе Марка. Изъясненіе ст. 1.

Евангеліе отъ Марка не имѣетъ особеннаго предисловія. Но новѣйшіе экзегеты смотрятъ—одни на три стиха, другіе на 8 стиховъ, какъ на введеніе.

Разсматривая первые три стиха, мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми затрудненіями. Толкователи соотношеніе этихъ стиховъ понимаютъ различно. Нѣкоторые первый стихъ связываютъ съ 4 ст.; 2 и 3 считаютъ вводнымъ предложеніемъ. Если такимъ образомъ понимать связь стиховъ, то получится такой переводъ: «*началомъ Евангелія... былъ Іоаннъ, крестящій въ пустынѣ... какъ и написано у пророковъ*». Другіе (Тишендорфъ) первый стихъ считаютъ самостоятельнымъ и послѣ словъ: «*Сына Божія*» ставятъ точку; 2-й же и 3-й стихи—частью періода, продолженіемъ котораго служатъ дальнѣйшіе стихи: «*какъ было написано у пророковъ... такъ и былъ Іоаннъ*»... Есть еще толкованіе (Мейеръ), по которому первые 3 стиха составляютъ надписаніе ко всему отдѣлу, который кончается 8 стихомъ.

Всего же ближе къ истинѣ стоитъ нашъ толкователь — Θеофилактъ Болгарскій, что 3 стиха составляютъ одно цѣлое — только послѣ слова Θεοῦ нужно поставить ἦν,—т. е. *начало Евангелія было такъ, какъ и написано у пророковъ*. Такое пониманіе оправдывается и грамматически.

Въ частности обращаютъ на себя вниманіе въ 1 стихѣ слѣдующія особенности: въ какомъ смыслѣ нужно понимать здѣсь слово *Евангеліе* (τοῦ Εὐαγγελίου)? Этотъ вопросъ приводитъ къ разсмотрѣнію новаго вопроса: какой родительный падежъ здѣсь употребленъ? Въ Русско-Славянскомъ переводѣ онъ понятенъ какъ genitivus subjectivus: по этому переводу *Евангеліе Іисуса Христа* принимается въ смыслѣ произведенія, дара отъ Іисуса Христа человѣчеству. Такое пониманіе имѣетъ свои историческія основанія: вся древняя Церковь смотрѣла на Евангелія, какъ на единое Евангеліе, ведущее начало отъ Самого Іисуса Христа. Онъ явился съ благою вѣстію міру. Поэтому-то и самое надписаніе Евангелій ставится не въ родительномъ падежѣ (что могло бы ввести въ заблужденіе), а въ винительномъ съ предлогомъ κατά, или по-Славянски *отъ* Матѳея, *отъ* Марка и т. д. Но нѣкоторые толкователи не безъ основанія видятъ здѣсь genitivus objectivus и разумѣютъ начало Евангелія о благовѣстникѣ Іисуса Христа. Основаніе заключается въ контекстѣ рѣчи: рѣчь идетъ здѣсь не объ Іисусѣ Христѣ, а объ Іоаннѣ Крестителѣ и его дѣлахъ, его проповѣди и крещеніи на Іорданѣ. Относительно словъ: *Іисуса Христа* нужно замѣтить, что въ такой формѣ они употребляются еще лишь у Евангелиста Іоанна, обыкновенно же въ Евангеліяхъ они употребляются порознь. Словами—*Сына Божія*—Евангелистъ Маркъ ясно намѣчаетъ цѣль своей Евангельской исторіи, ея задачу и точку зрѣнія на настоящее и послѣдующее изложеніе Евангельскихъ событій. Здѣсь «Сынъ Божій» не синонимъ выраженія «Мессія», здѣсь это слово принимается въ собственномъ, исключительномъ смыслѣ сыновства и единосущія природы съ Богомъ Отцемъ. Такъ, дѣйствительно, и видимъ: Евангелистъ Матѳей имѣлъ цѣлью представить мессіанское значеніе и достоинство Іисуса Христа, какъ потомка Давида, и указать исполненіе на Немъ мессіанскихъ ожиданій. Евангелистъ Маркъ идетъ далѣе, раскрывая въ общихъ чертахъ то, что сказано пространнѣе въ проло-

гѣ Евангелія Іоанна. Онъ поставляетъ своею цѣлью раскрыть Божественное величіе Христа, останавливаясь съ особенною подробностью на изображеніи чудесныхъ дѣлъ Іисуса Христа, описаніе которыхъ у Марка весьма сильно и выразительно, такъ что Евангелистъ часто при описаніи того или другаго чуда отмѣчаетъ вліяніе его на присутствующихъ.

Прологъ Святаго Евангелія Луки (I, 1—4).

(Профессора М. И. Богословскаго.)

Прологъ или предисловіе Евангелія Луки есть собственно посвященіе, въ которомъ писатель его, святый Лука, знакомитъ читателя съ основною мыслью, методомъ и цѣлью своего труда. Такъ, прежде всего, онъ обращаетъ вниманіе на то, что не ему первому пришла мысль написать Евангельскую исторію, что и до него уже многіе брались за этотъ трудъ (1); затѣмъ—что всѣ описанія жизни Іисуса основываются на устномъ преданіи Апостоловъ (2). Эти два стиха—первый и второй—составляютъ первую половину предисловія. Далѣе, въ третьемъ стихѣ, съ котораго начинается вторая половина предисловія, говорится о томъ, что хотя святый Лука пользовался однимъ и тѣмъ же источникомъ, но онъ почерпалъ изъ него самыя точныя и со всею тщательностью провѣренныя извѣстія, въ противоположность тѣмъ *многимъ*, о которыхъ онъ упомянулъ въ первомъ стихѣ, которые, вѣроятно, составляли свои записи безъ строгаго разбора, и можетъ быть, хотя и не злонамѣренно, вносили много недостовѣрнаго, легендарнаго, что̀ носилось въ народной молвѣ, нерѣдко преувеличивающей, а иногда и искажающей событія. Короче,—въ этомъ стихѣ святый Лука опредѣляетъ правила, которымъ онъ намѣренъ былъ слѣдовать при написаніи своего Евангелія. Наконецъ, въ четвертомъ и послѣднемъ стихѣ пролога содержится указаніе на спеціальную цѣль, какую онъ имѣлъ при этомъ въ виду, именно дать читающимъ посредствомъ послѣдовательнаго разсказа о Евангельскихъ событіяхъ вѣрное средство убѣдиться въ ихъ истинѣ, въ ихъ исторической достовѣрности.

Ст. 1. *Понеже убо мнози начаша чинити повѣсть о извѣствованныхъ въ насъ вещехъ.*

Главное, что бросается въ глаза при чтеніи перваго стиха, это: 1) кого святый Лука разумѣетъ подъ *многими*, разумѣетъ ли онъ святыхъ Евангелистовъ Матѳея и Марка, или другихъ какихъ писателей,—и 2) порицаетъ онъ этихъ писателей, или нѣтъ?

Во-первыхъ, нельзя думать, чтобы святый Лука подъ *многими* разумѣлъ именно Евангелистовъ Матѳея и Марка, написавшихъ свои книги ранѣе Евангелиста Луки, потому что къ нимъ не идетъ это слово *многіе*, да Евангелистъ Лука едва ли и зналъ о первыхъ нашихъ каноническихъ Евангеліяхъ; не разумѣетъ онъ также подъ ними лжеапостоловъ и писателей подложныхъ евангелій, хотя эта мысль и принадлежитъ древнимъ; такъ какъ тѣ, кого разумѣетъ святый Епифаній, Оригенъ, Беда, жили вѣкомъ позже святаго Евангелиста Луки, что̀ видно изъ Евсевія; не разумѣетъ, наконецъ, и писателей такъ называемыхъ апокрифическихъ евангелій; потому что послѣднія явились гораздо позже каноническихъ Евангелій, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ имѣемъ ихъ нынѣ. По всей вѣроятности, это были простые, благо-

честивые, не одаренные свыше благодатнымъ Духомъ, описатели жизни и и дѣяній Іисуса Христа, но кто они были, по недостатку историческихъ данныхъ, рѣшить невозможно.

Что̀ касается другаго вопроса, то и на него нужно дать отрицательный отвѣтъ, тѣмъ болѣе, что выраженіе: *начаша* —ἐπεχείρησαν,—не смотря на желаніе нѣкоторыхъ толковниковъ, не заключаетъ въ себѣ прямо ни упрека предшественникамъ, ни критическаго отношенія къ содержанію ихъ писаній. Что это такъ, видно далѣе изъ 3 ст., гдѣ святый Лука ставитъ себя какъ-бы наряду съ ними, говоря: *изволися и мнѣ*. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, это выраженіе несомнѣнно Евангелистомъ Лукою нарочито выбрано изъ числа многихъ другихъ подобныхъ съ тою цѣлью, чтобы пробудить въ читателѣ, съ одной стороны, чувство глубокаго уваженія къ величію избраннаго имъ для своего труда предмета, съ другой—вызвать у него ясное представленіе о недостаточности и неудовлетворительности доселѣ сдѣланныхъ опытовъ.

Остальныя выраженія этого стиха также стоятъ того, чтобы и на нихъ было обращено вниманіе при объясненіи.

1) *Понеже убо*—ἐπειδήπερ. Союзъ этотъ по-Гречески не встрѣчается болѣе нигдѣ въ новозавѣтныхъ книгахъ (у Греческихъ же писателей и притомъ самыхъ лучшихъ нерѣдко) и употребленъ здѣсь для большей выразительности и торжественности. Чрезъ прибавленіе къ простой частицѣ ἐπεὶ частицы δη Евангелистъ Лука указалъ на общее, извѣстное значеніе предмета, о которомъ онъ ведетъ рѣчь; чрезъ присоединеніе же къ этимъ двумъ частицамъ—третьей περ значеніе ἐπειδὴ еще болѣе усиливается, а такъ какъ послѣ ἐπεὶ поставлена частица δη, то далѣе къ нимъ и не могла быть присоединена еще никакая другая, кромѣ περ.

2) *Чинити повѣсть*, или по-Русски: составлять повѣствованія — ἀνατάξασθαι διήγησιν.—Это выраженіе, указывающее на родъ писаній, о которыхъ святый Лука ведетъ здѣсь рѣчь, можетъ имѣть два смысла: или оно означаетъ соединеніе многихъ краткихъ записей въ одно цѣлое, или же только упорядоченіе самыхъ фактовъ въ одномъ стройномъ послѣдовательномъ разсказѣ. Первое пониманіе повело бы насъ къ предположенію, что упомянутые Лукою писатели застали уже въ Церкви множество краткихъ записей, посвященныхъ изображенію отдѣльныхъ событій изъ исторіи Спасителя, и сами въ своихъ трудахъ ограничивались только соединеніемъ этихъ послѣднихъ, такъ что ихъ труды, такимъ образомъ, были второю ступенью въ развитіи Евангельской исторіографіи. Но противъ такого пониманія, во-первыхъ, говоритъ выраженіе втораго стиха: *какъ передали намъ* и проч., которое хотя прямо и не исключаетъ возможности существованія краткихъ записей, которыя могли бы послужить основаніемъ для компилятивныхъ работъ предшественниковъ Луки, тѣмъ не менѣе, однакожъ, оно и не даетъ никакого основанія для такого предположенія, а во-вторыхъ—то, что такое мнѣніе противорѣчитъ характеру Апостольскаго времени, которое не обладало богатствомъ письменности, и характеру Апостоловъ и Евангелистовъ, которые не окружали себя, какъ наши историки, множествомъ вспомогательныхъ книгъ. Выраженіе—ἀνατάξασθαι—привести въ порядокъ, гораздо скорѣе, поэтому, относится къ фактамъ, чѣмъ къ записямъ какимъ либо. Выраженіе же—διήγησιν—повѣствованіе, употребленное особенно въ единственномъ числѣ, означаетъ не записи краткія на отдѣльныя части Евангельской исто-

ріи, какъ думаетъ Шлейермахеръ, но связный, послѣдовательный разсказъ о жизни Спасителя.

3) *О извѣствованныхъ*—περὶ τῶν πεπληροφορημένων—*въ насъ вещехъ*, или, какъ по-Русски: о совершенно извѣстныхъ между нами событіяхъ. Этимъ весьма замѣчательнымъ выраженіемъ Евангелистъ обозначилъ предметъ своего повѣствованія. Πληροφορεῖν по своему составу и значенію имѣетъ сходство съ τελεσφορεῖν—приносить плодъ (VIII, 14). Когда рѣчь идетъ объ обязанности или служеніи какомъ либо, тогда оно означаетъ, что извѣстная обязанность или извѣстное служеніе должно быть исполняемо безукоризненно (*дѣло сотвори благовѣстника, служеніе твое извѣстно сотвори* πληροφόρησον—говоритъ Апостолъ Павелъ во 2-мъ посл. Тимоѳ. IV, 5); а когда рѣчь идетъ просто о лицѣ, тогда оно означаетъ, что это лице должно стремиться достигнуть полнѣйшаго внутренняго совершенства, т. е., оно должно придти къ такому убѣжденію, которое не оставитъ въ немъ мѣста ни малѣйшему сомнѣнію (Римлян. (IV, 21; XIV, 5. Евр. X, 22 и т. д.). При томъ существительномъ, которое употреблено здѣсь Ев. Лукою, именно πράγματα—происшествія, дѣла, намъ кажется, что πληροφορεῖν—можетъ быть принято только въ первомъ значеніи. Притомъ выраженіе πληροφορεῖν, которое гораздо многозначительнѣе, чѣмъ простое πληροῦν, употреблено въ разсматриваемомъ мѣстѣ Евангелистомъ Лукою не безцѣльно, но чтобъ яснѣе выразить ту мысль, что событія, о которыхъ онъ поведетъ рѣчь, были не простыми обыкновенными событіями, но исполненіемъ предначертаній Промысла, мѣрою полноты, Божественною мыслью, которая пришла въ исполненіе не вдругъ, но мало-по-малу.

Второй стихъ, начинаясь союзомъ *якоже предаша намъ иже исперва самовидцы и слуги бывшіи Словесе*, содержитъ въ себѣ придаточное предложеніе, которое относится не къ послѣдующему: *изволися и мнѣ писати...*, а къ предыдущему, и притомъ къ цѣлому предложенію: *начаша чинити повѣсть...*, а не къ дополнительнымъ только словамъ: *о извѣствованныхъ въ насъ вещехъ*, какъ хочетъ того Ольсгаузенъ.

Въ этомъ второмъ стихѣ Евангелистъ говоритъ объ устномъ Апостольскомъ преданіи, изъ котораго почерпали свои свѣдѣнія всѣ составители Евангельскихъ сказаній и которое одно только и было достовѣрнѣйшимъ источникомъ для всѣхъ письменныхъ разсказовъ о жизни Спасителя и Его ученіи. Такъ мы говоримъ, между прочимъ, еще потому, что въ первое время христіанства, Евангеліе распространялось исключительно чрезъ устное преданіе, изустные разсказы очевидцевъ и служителей Слова. Но спрашивается: кого святый Лука разумѣетъ подъ очевидцами и служителями Слова, и отъ нихъ ли именно получилъ онъ свои свѣдѣнія?

Ольсгаузенъ разумѣетъ подъ очевидцами и служителями Слова свидѣтелей рожденія и дѣтства Іисуса. Но едва ли справедливо, во-первыхъ потому, что слово *исперва*, съ самаго начала—ἀπ' ἀρχῆς,—по связи можетъ относиться только къ началу общественнаго служенія Іисуса, особенно же оно указываетъ на Его крещеніе, какъ на исходный пунктъ всѣхъ событій, которыя исполнились предъ лицемъ Апостоловъ; а во-вторыхъ потому, что этого не позволяетъ допустить слѣдующее выраженіе: *и слуги бывшіи Словесе*. Это выраженіе, нужно замѣтить, будучи понимаемо буквально, стоитъ въ прямой противоположности съ прежде приведеннымъ. Служители Слова не были служителями отъ начала, со дня Его рожденія, такъ какъ они призваны были

къ своему служенію гораздо позже, преимущественно же со дня Пятидесятницы. Тогда они свое положеніе очевидцевъ перемѣнили на положеніе проповѣдниковъ; къ этому времени собственно и относится начало ихъ общественнаго служенія; на все же предыдущее время ихъ служенія нужно смотрѣть какъ на подготовку къ общественному служенію. Смыслъ этого мѣста, такимъ образомъ, такой: «тѣ, которые сначала были очевидцами — αὐτόπται, позднѣе сдѣлались служителями Слова». Если такъ будетъ понято слово *слуги*, тогда не будетъ никакого затрудненія понимать и подъ выраженіемъ *слуги Словесе* — проповѣдниковъ Евангелія, какъ въ кн. Дѣян. XIV, 25, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, именно въ смыслѣ Евангельскаго слова или проповѣди Евангельской.

Относительно же того, что святый Лука могъ собрать самыя точныя свѣдѣнія о жизни Іисуса, свѣдѣнія отъ очевидцевъ и служителей Слова,—не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Святый Лука былъ почти постояннымъ спутникомъ Апостола Павла (Дѣян. XVI, 10; XX, 6; XXVII, 1 и дал.), а сопровождая святаго Павла, онъ могъ встрѣчать и несомнѣнно встрѣчалъ у него (Колос. IV, 14. Филим. I, 24. 2 Тимоѳ. IV, 11) многихъ лицъ, видѣвшихъ и слышавшихъ Христа, и даже Марію, Матерь Іисуса, и на нихъ-то могъ всякій разъ сослаться. Но главнымъ и преимущественнымъ источникомъ его Евангелія, по преданію, было благовѣствованіе Апостола Павла. Евсевій въ своей церковной исторіи такъ выражается объ Евангелистѣ Лукѣ: «а Лука, спутникъ Павла, изложилъ въ книгѣ Евангелія проповѣданное Павломъ». Этимъ, конечно, не исключается и то соображеніе, по которому святый Лука могъ пользоваться и дѣйствительно, можетъ быть, пользовался письменными записями со словъ очевидцевъ о жизни и дѣлахъ Іисуса Христа.

Въ третьемъ стихѣ, съ котораго начинается вторая половина предисловія, заключается главное мѣсто пролога. Здѣсь именно Евангелистъ намѣчаетъ планъ, котораго онъ намѣренъ держаться при писаніи своего Евангелія, а вмѣстѣ съ этимъ опредѣляется и отношеніе его труда къ писаніямъ тѣхъ многихъ, о которыхъ онъ упомянулъ въ первомъ стихѣ: *изволися и мнѣ*, пишетъ святый Лука, *послѣдовавшу выше вся испытно, поряду писати тебѣ, державный Ѳеофиле.*

Выраженіемъ *изволися и мнѣ*—разсудилось и мнѣ, или: я счелъ нужнымъ—святый Евангелистъ ставитъ себя относительно знанія Евангельской исторіи на одну линію со своими предшественниками. Какъ свидѣтель, онъ зналъ ее такъ же мало, какъ и они, потому что онъ принадлежалъ ко второму поколѣнію, которое (какъ видно изъ слова *намъ*— ст. 2) почерпало свои свѣдѣнія уже изъ преданія. Но хотя Евангелистъ и ставитъ себя какъ-бы на ряду съ предшественниками, однако онъ ясно даетъ видѣть свое превосходство предъ ними. Да иначе и быть не могло. Въ противномъ случаѣ было бы не понятно, почему Евангелистъ Лука рѣшился взяться за такой предметъ, который неоднократно уже былъ описанъ многими. Если онъ не имѣлъ ничего прибавить къ тому, что было ранѣе написано, то трудъ его тогда долженъ показаться для каждаго совершенно излишнимъ. Превосходство же его предъ другими заключается въ томъ, что онъ въ своемъ трудѣ не ограничивается только тѣмъ, чтобы собрать во едино Апостольское преданіе и передать его потомству въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ то время въ Церкви, напротивъ, онъ

приводитъ слова только самихъ очевидцевъ о тѣхъ событіяхъ, которыя незадолго предъ тѣмъ предъ глазами всѣхъ произошли и всѣмъ извѣстны, онъ *строго выбираетъ, располагаетъ и провѣряетъ* факты, чтобы передать только строгую историческую истину.

Послѣдовавшу выше вся испытно, поряду писати тебѣ... По-Русски: по тщательномъ изслѣдованіи всего сначала, по порядку описать тебѣ... Глаголъ *послѣдовавшу* — παρηκολουθηκότι — нельзя понимать здѣсь въ буквальномъ смыслѣ, т. е., слѣдовать шагъ за шагомъ; тогда слово *вся*—πᾶσιν—должно быть признано въ мужескомъ родѣ, т. е., *послѣдовавшу всѣмъ Апостоламъ*, а это должно повести насъ непремѣнно къ ложному пониманію настоящаго мѣста, потому что писатель не могъ здѣсь говорить о всѣхъ Апостолахъ, какъ о спутникахъ. Такимъ образомъ, слово это должно быть понято здѣсь въ образномъ смыслѣ, какъ оно часто употребляется классиками, а именно: что онъ имѣетъ въ виду тщательно, во всей подробности, познакомиться съ избраннымъ имъ предметомъ.

Тщательное обслѣдованіе, тщательную провѣрку Евангельскихъ событій святый Лука имѣетъ въ виду начать 1) сначала — ἄνωθεν. Ἄνωθεν буквально значитъ „отъ верху до низу“. Писатель какъ-бы уподобляетъ себя путешественнику, стремящемуся открыть источникъ рѣки, которую онъ потомъ намѣренъ прослѣдить на всемъ ея теченіи. Въ Апостольскомъ преданіи этого нельзя было найти, такъ какъ оно само находилось въ церковномъ обращеніи. Но съ чего же было начать? Единственнымъ исходнымъ пунктомъ въ данномъ случаѣ могла представиться Евангелисту Лукѣ мысль о проповѣди спасенія, которая началась съ выступленія на общественное служеніе Іоанна Крестителя и главнымъ образомъ съ крещенія Іисуса. Проповѣдью о спасеніи открывается Евангеліе Марка, съ этого же начинаютъ свою рѣчь Апостолъ Петръ предъ Корниліемъ и Апостолъ Павелъ въ Антіохіи Писидійской (Дѣян. X, 37 и д. XIII, 23 и д.). Святый Лука, сказавъ, что онъ начнетъ свое Евангеліе сначала, явно намекаетъ этимъ на повѣствованія, содержащіяся въ первыхъ двухъ главахъ его Евангелія. 2) Послѣ того какъ святый Лука съ такою точностью указалъ, съ чего собственно должна начинаться Евангельская исторія, онъ поставляетъ затѣмъ своею задачею передать читателямъ все содержаніе этой исторіи такъ *подробно и обстоятельно*, какъ только было это для него возможно (πᾶσιν, т. е., всѣ особенно замѣчательные въ ней факты). Апостольское преданіе было, такъ сказать, фрагментарнаго характера, такъ какъ Апостолы не всякій разъ разсказывали о всѣхъ совершившихся событіяхъ, но только о тѣхъ, которыя болѣе соотвѣтствовали тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ они проповѣдывали, которыя казались имъ, однимъ словомъ, болѣе пригодными для цѣли. Такъ, по крайней мѣрѣ, это достовѣрно извѣстно объ Апостолѣ Петрѣ изъ свидѣтельства Папія, или Іоанна пресвитера, на котораго Папій ссылается: „Петръ излагаетъ ученіе съ цѣлью, говоритъ Папій, удовлетворить нуждамъ слушателей, а не съ тѣмъ, чтобы бесѣды Господни передать по порядку“. Такіе разсказы, принаровленные къ нуждамъ слушателей, само собою разумѣется, скорѣе воспринимались слушателями и прочнѣе залегали въ ихъ сердцѣ, но при этомъ естественно должны были у нихъ образоваться и весьма значительные пробѣлы. Словомъ *вся*—πᾶσιν—святый Лука довольно ясно намекаетъ на ту часть своего Евангелія (IX,51—XVIII, 14), въ которой онъ къ тому

преданію, которое мы находимъ записаннымъ у первыхъ двухъ Евангелистовъ, прибавляетъ еще новый рядъ фактовъ и рѣчей, которые до этого времени, вѣроятно, передавались только въ устной проповѣди. 3) На что̀ Евангелистъ имѣетъ въ виду обратить свое особенное вниманіе,—это на точность и опредѣленность Евангельской исторіи, чего естественно также не могло доставать въ преданіи, такъ какъ оно довольно долгое время переходило изъ устъ въ уста. Это свое намѣреніе Евангелистъ выразилъ словомъ *поряду*—καθεξῆς. Эбрардъ хотя и утверждаетъ, что Лука этимъ словомъ хотѣлъ указать не на систематическую послѣдовательность, а на хронологическій только порядокъ; но по контексту рѣчи, кажется, можно понимать здѣсь это слово въ смыслѣ общей послѣдовательности, точности и подробности, въ противоположность отрывочности, неточности и неполнотѣ записей многихъ (1), которыя замѣнить своимъ Евангеліемъ святый Лука счелъ нужнымъ. Написанное въ такомъ видѣ свое Евангеліе святый Лука посвящаетъ нѣкоему *державному Θеофилу*.

Предположеніе, что имя *Θеофилъ* есть не собственное имя извѣстнаго лица, а нарицательное, означающее вообще всякаго Боголюбца, не имѣетъ ничего за себя, а противъ себя эпитетъ *державный* или достопочтенный, который странно было бы прилагать къ нарицательному имени и который въ твореніяхъ Луки много разъ прилагается къ знатнѣйшимъ Римскимъ лицамъ, какъ напр. Феликсу и Фесту (Дѣян. XXIII, 26; XXIV, 3; XXVI, 25); кромѣ того, встрѣчается и на монетахъ. Безъ сомнѣнія, святый Лука хотѣлъ указать этимъ эпитетомъ на внѣшнее и притомъ весьма высокое положеніе своего друга и покровителя. Есть весьма древнее извѣстіе, что въ Антіохіи Сирской, изъ которой происходилъ и Евангелистъ Лука, былъ въ то время знатный гражданинъ Θеофилъ, устроившій въ своемъ домѣ церковь христіанскую, и нѣтъ никакихъ препятствій видѣть въ этомъ Θеофилѣ то лице, для котораго первоначально написано Евангеліе Луки.

Намѣтивъ въ третьемъ стихѣ планъ и опредѣливъ правила, которымъ намѣренъ былъ слѣдовать при написаніи Евангелія, въ четвертомъ и послѣднемъ стихѣ святый Лука указываетъ спеціальную цѣль его—дать Θеофилу средство опредѣленнѣйшимъ образомъ узнать (ἐπιγνῶσκειν) несомнѣннѣйшую истину (ἀσφάλειαν) того ученія, той вѣры во Христа, въ которой онъ ранѣе былъ наставленъ. *Да разумѣеши*, пишетъ Лука, *о нихже научился еси словесѣхъ, утвержденіе.*

Слово *утвержденіе*—ἀσφάλειαν—твердое основаніе—поставлено Евангелистомъ въ концѣ предисловія, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы придать бо́льшую выразительность высказываемой имъ мысли. Въ сказаніяхъ другихъ, пожалуй, можно было бы еще и не сомнѣваться, но такъ какъ Лука противопоставляетъ имъ свое, имѣющее *твердое основаніе*, то сказанія этихъ другихъ многихъ оказываются сомнительнаго свойства. При такомъ пониманіи послѣдняго слова въ предисловіи Евангелиста Луки становится крѣпкою та мысль, что Апостольское преданіе о Лицѣ Іисуса Христа и Его судьбѣ сосредоточивается единственно только въ нашихъ четырехъ каноническихъ Евангеліяхъ, единственныхъ по достовѣрности своей, а всѣ остальныя писанія этого рода носятъ апокрифическій характеръ.

Еще останавливаетъ на себѣ вниманіе въ этомъ стихѣ выраженіе: *о нихже научился еси словесѣхъ*, собственно выраженіе *словесѣхъ*—λόγων. Трудно понять, на что̀ указываетъ оно: на исто-

рическое ли содержаніе Евангелія, или также и на религіозное значеніе фактовъ, какъ это открывается изъ послѣдующаго? Въ первомъ случаѣ Евангелистъ Лука могъ бы просто сказать, что достовѣрность каждаго историческаго факта, взятаго отдѣльно, съ ясностью откроется изъ отношенія ихъ къ цѣлому, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ заключать въ себѣ ничего вымышленнаго. Всякое необыкновенное событіе, кажущееся одно само по себѣ, въ отдѣльности отъ другихъ, невѣроятнымъ, будетъ естественно и понятно, когда его поставятъ въ тѣсную связь съ несомнѣнно достовѣрнымъ, отъ котораго оно отдѣлено.

Строго говоря, этимъ можно бы и закончить объясненіе пролога. Но если мы хотимъ вполнѣ понять мысль Евангелиста, то не должны ли въ томъ *ученіи* —λόγων—, о которомъ онъ говоритъ здѣсь, видѣть нѣчто болѣе, чѣмъ простой намекъ на разсказъ о событіяхъ? Извѣстное мѣсто изъ 1 посл. къ Коринѳ. XV, 1—4 показываетъ, что въ проповѣди Апостольской ученіе вѣрѣ христіанской стояло въ самой тѣсной связи съ изложеніемъ Евангельскихъ событій. Проповѣдники Евангелія, какъ видно изъ упомянутаго мѣста, для возбужденія и укрѣпленія вѣры, сначала разсказывали факты, а затѣмъ объясняли ихъ значеніе. Несомнѣнно, что наставленіе, полученное Ѳеофиломъ раньше, вполнѣ достаточно было для того, чтобы онъ могъ понять Евангельскую исторію и даже усвоить заключающіяся въ ней чисто религіозныя истины, которыя Евангелистъ раскрываетъ въ связи съ изложеніемъ Евангельскихъ событій; а такъ какъ здѣсь, въ прологѣ, идетъ рѣчь о писателѣ и читателѣ, которые оба принадлежали къ числу христіанъ изъ язычниковъ, то понятно, что христіанскія истины, сообщаемыя въ Евангеліи Луки, не могли быть иными, какъ тѣми самыми, которыя лежатъ въ основѣ проповѣди Павла, и которыя этотъ Апостолъ самъ называетъ своимъ Евангеліемъ,—это именно Божественное ученіе о призваніи всѣхъ людей безъ исключенія къ вѣчному блаженству или вѣчному спасенію.

Цѣлью Евангелиста Луки, такимъ образомъ, было передать событія такъ, чтобы изъ нихъ каждый легко могъ понять сейчасъ указанную нами мысль Апостола. Единственное средство для этого было передать Евангельскую исторію такъ, какъ это, онъ видѣлъ, дѣлалъ самъ Павелъ. А Апостолъ Павелъ въ этомъ случаѣ никакъ не могъ явиться новаторомъ; онъ долженъ былъ быть и, дѣйствительно, былъ только продолжателемъ дѣла и ученія Іисуса Христа, носителемъ и истолкователемъ Его собственныхъ мыслей. Ибо въ Церкви все, что̀ не ведетъ своего начала отъ Самого Іисуса Христа, не только не имѣетъ права на пребываніе въ ней, но и совсѣмъ не можетъ существовать. Такъ было бы, несомнѣнно, и съ ученіемъ Апостола Павла, если бы оно не вело своего начала отъ Самого Спасителя. А отсюда не открывается ли съ ясностью, что цѣлью Евангелія Луки было доказать своимъ читателямъ, что главная мысль его Евангелія заимствована не отъ Апостола Павла, но совершенно правильно выведена имъ изъ жизни и ученія Самого Небеснаго Учителя Іисуса Христа.

Если мы, такимъ образомъ, вѣрно поняли смыслъ заключительныхъ словъ пролога, то смѣло можемъ утверждать, что третье Евангеліе въ сущности то же, что и первое, только полнѣе. Какъ первое написано было съ цѣлью доказать, что Христосъ есть Мессія, ожидаемый Іудеями, такъ второе доказываетъ, что Христосъ—Мессія Іудей-

скій—есть вмѣстѣ Мессія и язычниковъ, что и для нихъ Онъ пришелъ также, какъ и для Іудеевъ (IV, 25—27; XVII, 11—19 и мн. друг. Ср. X, 25—37; IX, 51—56).

Въ отношеніи къ источникамъ Евангельской исторіи также получаемъ изъ разсмотрѣннаго предисловія четыре весьма важныхъ результата.

1) Общимъ источникомъ для первыхъ письменныхъ извѣстій о жизни и ученіи Іисуса Христа было устное свидѣтельство Апостоловъ, διδαχὴ τῶν Ἀποστόλων, которое, по Дѣян. II, 42 ст., завѣщано основаннымъ отъ нихъ общинамъ, какъ самое драгоцѣнное наслѣдіе.

2) Письменная обработка этого Апостольскаго преданія получила рано свое начало, уже при переходѣ отъ перваго христіанскаго поколѣнія ко второму; и многіе писатели заняты были этимъ дѣломъ въ то время.

3) Святый Лука при написаніи своего Евангелія, вѣроятно, пользовался не только устнымъ, обращавшимся въ Апостольской Церкви, преданіемъ, но также и довольно значительнымъ числомъ первоначальныхъ письменныхъ сказаній.

4) Святый Лука, однако, не удовольствовался этими двумя вспомогательными средствами, онъ старался самъ лично собрать какъ можно больше свѣдѣній отъ очевидцевъ, чтобъ матеріалъ, заключающійся въ тѣхъ двухъ источникахъ, пополнить, исправить и привести въ порядокъ (Прав. Собес. 1879 г. I, стр. 19).

Прологъ Евангелія св. Апостола Іоанна (I, 1— 18).

(Професс. М. И. Богословскаго).

Прологъ Евангелія святаго Апостола Іоанна предлагаетъ въ связи такое возвышенное ученіе о Лицѣ Іисуса Христа и особенно о Божествѣ Его, какого не представляютъ въ своихъ писаніяхъ всѣ другіе Апостолы. Лучи высшаго Божественнаго откровенія, можно сказать, сосредоточиваются здѣсь во всей силѣ и сіяютъ ослѣпительнымъ блескомъ.

«Никто, говоритъ въ благоговѣйномъ удивленіи святый Амвросій, никто со столь высокою мудростью не созерцалъ Божественную славу и не выразилъ намъ болѣе приличнымъ словомъ (какъ Іоаннъ). Онъ вознесся превыше облаковъ, вознесся превыше силъ небесныхъ, превыше Ангеловъ, обрѣлъ въ началѣ Слово и узрѣлъ (Его) у Бога». Почти тѣми же словами выражается о высотѣ ученія Іоаннова въ прологѣ и другой святый отецъ: «между тѣмъ какъ прочіе три Евангелиста, говоритъ блаженный Августинъ, описывали только земную жизнь Іисуса Христа и мало говорили о Его Божествѣ, Іоаннъ, не желая болѣе имѣть въ виду землю, съ первыхъ словъ своего Евангелія, поднимается не только выше земли и воздушныхъ пространствъ и видимаго неба, но даже выше Ангеловъ и всѣхъ невидимыхъ силъ, и возносится къ Тому, Кѣмъ сотворены всѣ вещи». Впрочемъ, не только христіанскіе учители, даже и языческіе ученые поражаются необыкновенною возвышенностью Евангельскаго пролога. Такъ, одинъ изъ философовъ школы Платона, упоминаемый Августиномъ, говорилъ, что начало Евангелія Іоаннова надлежало бы начертать золотыми буквами и поставить во всѣхъ храмахъ на первомъ мѣстѣ.

Относительно подлинности пролога, равно какъ и принадлежности его Евангелію Іоанна не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ прологѣ высказываются въ общихъ чертахъ тѣ же

самыя мысли, какія подробно излагаются и во всемъ Евангеліи. Напримѣръ, въ прологѣ говорится о вѣчности Слова, то же самое мы находимъ и въ Евангеліи XVII, 5: *и нынѣ прослави Мя Ты, Отче, у Тебе Самаго славою, юже имѣхъ у Тебе прежде міръ не бысть.* Ср. 24 ст. той же XVII гл. и слова Іоанна Крестителя I, 27, 30. Затѣмъ говорится въ прологѣ о единствѣ Слова со Отцемъ,—тоже и въ Евангеліи X, 30: *Азъ и Отецъ едино есма*, ср. XII, 45; XIV, 9; еще о всевѣдѣніи,—то же и въ Евангеліи XIII, 18—19 и др.—Что же касается состава и содержанія пролога, то онъ распадается вообще на три части или отдѣленія.

Въ первомъ отдѣленіи, съ 1—5 ст., говорится о Словѣ, какъ Оно отъ вѣчности было у Бога и Само было Богомъ, какъ міръ былъ сотворенъ Имъ и какъ изначала въ Словѣ былъ единственный источникъ жизни и свѣта для всего существующаго, какъ этотъ свѣтъ свѣтилъ во тьмѣ и тьма не объяла его. Во второмъ отдѣленіи, съ 6—13 ст., продолжается и подтверждается мысль предыдущаго о болѣе близкомъ откровеніи Слова въ мірѣ до Его воплощенія. Сначала Евангелистъ говоритъ здѣсь объ Іоаннѣ Предтечѣ, говоритъ то, что Іоаннъ не былъ истиннымъ свѣтомъ, а посланъ былъ только свидѣтельствовать о свѣтѣ (6—8); затѣмъ опять идетъ рѣчь о Словѣ, Которое одно и было истиннымъ свѣтомъ для всего міра, особенно же для Іудеевъ, но которое ни міръ, ни свои не приняли (9—11); и, наконецъ, о тѣхъ немногихъ избранныхъ, которымъ за то, что они ожидали утѣхи Израиля, за то, что постепенное откровеніе свѣта въ Ветхомъ Завѣтѣ находило себѣ у нихъ пріемъ, Слово—свѣтъ даровало имъ высочайшее изъ всѣхъ благъ—право быть чадами Божіими (12—13). Въ третьемъ отдѣленіи (14—18) заключается главное мѣсто всего пролога: рѣчь о воплощеніи Слова (*Слово плотъ бысть*), о славѣ Воплотившагося и о богатствѣ благодатныхъ даровъ, полученныхъ человѣчествомъ чрезъ Него. Здѣсь болѣе, чѣмъ Іоаннъ Креститель; ибо Іоаннъ самъ свидѣтельствуетъ, что Идущій за нимъ былъ прежде него. Здѣсь болѣе, чѣмъ Моисей, ибо чрезъ Моисея данъ только законъ, чрезъ Іисуса же Христа благодать и истина. Чрезъ Іисуса Христа, говоритъ въ заключеніи пролога Евангелистъ, и невидимый Богъ, къ Которому человѣчество дотолѣ не имѣло прямаго и непосредственнаго доступа, сдѣлался для всѣхъ видимымъ и доступнымъ.

Послѣ этого, для уясненія содержанія пролога намъ необходимо остановиться на главной идеѣ Евангелиста, на его ученіи о Словѣ (Λόγος). И прежде всего представляется тотъ вопросъ: не заимствовалъ ли Евангелистъ его, какъ предполагаютъ нѣкоторые изъ западныхъ Богослововъ, изъ Іудео-Александрійской теософіи, особенно же отъ Филона, у котораго ученіе о словѣ или логосѣ занимаетъ главное мѣсто. Нельзя отрицать, что въ основныхъ чертахъ ученіе о логосѣ давно было извѣстно Александрійскимъ Іудеямъ, по крайней мѣрѣ, столѣтія еще за два до Рождества Христова; нельзя также отрицать и того, что при Филонѣ это самое ученіе сдѣлалось предметомъ современной философіи, изъ которой онъ черпалъ матеріалъ для своихъ сочиненій.

Но если предположить на самомъ дѣлѣ, что Филонъ въ ученіи о логосѣ былъ выразителемъ своей народной философіи, а ученіе святаго Іоанна о томъ же предметѣ было заимствовано у Филона, или почерпнуто изъ одного и того же съ нимъ источника, то само собою понятно, что въ самомъ существенномъ тотъ

и другой должны быть согласны между собою. Такъ ли же это на самомъ дѣлѣ? Попытаемся провести хотя краткую параллель между ними.

Святый Іоаннъ учитъ, во-первыхъ, что Логосъ—Слово—есть Лице; по ученію Филона, напротивъ, логосъ, какъ личность, не существуетъ, онъ у него есть просто какая-то совокупность божескихъ силъ, идея идей, городъ идей или разумъ Божій. Допустимъ, впрочемъ, что Филонъ, хотя и непослѣдовательно, мыслилъ все-таки логосъ личностью;—но этотъ личный логосъ у него, во-вторыхъ, не есть Богъ, всемогущій Творецъ міра изъ ничего, какимъ Онъ изображается у Іоанна. Логосъ Филона безспорно существо низшее, подчиненное Богу, орудіе Его. Въ-третьихъ, уже само собою понятно, что логосъ Филона, какъ существо сотворенное, не вѣчно; у Іоанна Логосъ (Слово), какъ Божеское Лице, вѣченъ въ собственномъ и истинномъ смыслѣ этого слова. Наконецъ, послѣднее и существенное отличіе заключается въ томъ, что, по Филону, не можетъ быть непосреднаго соединенія божества съ человѣческою природой, такъ какъ божество, говоритъ онъ, не прикасается къ тому, что матеріально,—у Іоанна же соединеніе Божества съ человѣчествомъ въ актѣ воплощенія составляетъ основаніе всего его ученія. И вотъ, здѣсь-то не только существенное отличіе, но и «полнѣйшая противоположность», какъ весьма мѣтко выразился Прессансе, потому что то, что̀ для Іоанна составляетъ основную истину, въ глазахъ Александрійскаго Іудея—страшнѣйшее богохульство.

Уже и по этому краткому сравненію можно судить, что ученіе Филона о логосѣ въ сущности совершенно другое, чѣмъ ученіе Іоанна Богослова; аналогично оно только въ словахъ; и потому нѣтъ никакого основанія предполагать, будто святый Іоаннъ заимствовалъ свое ученіе у Филона, или почерпнулъ изъ одного съ нимъ источника. Гораздо скорѣе, основываясь на указанныхъ разностяхъ и противоположностяхъ въ ученіи того и другаго, предположить, что первый хотѣлъ опровергнуть, хотя не прямо, ученіе современной Александрійской философіи, начавшей распространяться въ то время по Малой Азіи.

Если уже необходимо, во что̀ бы то ни стало, указать прецендентъ для ученія Іоаннова о Логосѣ (Словѣ), то его нужно искать, какъ это и дѣлаютъ Богословы, отнюдь не въ Іудео-Александрійской теософіи или у Филона, а въ другомъ мѣстѣ, и именно въ Ветхомъ Завѣтѣ, особенно въ каноническихъ его книгахъ, съ которыми весь Новый Завѣтъ находится въ самой близкой, непосредственной связи, какъ предначатіе съ совершеніемъ. Наглядным доказательствомъ этого служитъ уже одно то, что Новый Завѣтъ начинается тѣмъ, чѣмъ оканчивается Ветхій, то есть, исторіей предтечи Мессіи, предсказаніе о явленіи котораго составляетъ содержаніе послѣднихъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ. Евангеліе Іоанна, правда, представляетъ на этотъ разъ исключеніе изъ общаго правила, такъ какъ, сообразно внутреннему своему характеру, начинается не тѣмъ, что отъ міра сего. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что и въ настоящемъ случаѣ Ветхій Завѣтъ имѣетъ ближайшее соотношеніе съ Новымъ и служитъ для него исходнымъ пунктомъ.

Такъ, прежде всего, здѣсь обращаетъ на себя наше вниманіе ученіе Ветхаго Завѣта объ Ангелѣ Іеговы,—ученіе безспорно имѣющее непосредственное отношеніе къ ученію Евангелиста Іоанна о Словѣ. Ангелъ Іеговы изображается въ Ветхомъ Завѣтѣ далеко пре-

восходящимъ всѣхъ Ангеловъ, съ которыми Онъ имѣетъ общимъ одно только имя, означающее притомъ должность, а не существо природы. Онъ принимаетъ себѣ честь, свойственную одному Богу, говоритъ отъ своего имени и проч.... А въ пророчествахъ особенно послѣднихъ пророковъ (Захаріи и Малахіи) Онъ прямо называется грядущимъ Мессіей и Спасителемъ. Конечно, полной аналогіи нельзя провести между Ангеломъ Іеговы и Логосомъ Іоанна. Логосъ Іоанна наприм. есть Всемогущій Творецъ міра, тогда какъ Ангелъ Іеговы всюду представляется только посредникомъ между Богомъ и Его народомъ и нигдѣ не называется Творцемъ міра. Но это легко понять. Ангелъ, какъ вѣстникъ и исполнитель Божіихъ повелѣній, и не могъ называться въ Ветхомъ Завѣтѣ Творцемъ міра: для этого требовалось ему уже другое имя, а не имя Ангела.

Затѣмъ не меньшаго заслуживаетъ вниманія и другое ученіе Ветхаго Завѣта—ученіе о Премудрости Божіей. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ книгѣ Притчей въ извѣстномъ классическомъ мѣстѣ VIII гл. съ 22—31 ст., Логосъ—Творецъ міра выводится подъ именемъ премірной и міръ творящей Премудрости. Равно также въ книгахъ Премудрости Соломона, Іисуса, сына Сирахова, и у Іова Логосъ, Коимъ Богъ все сотворилъ и содержитъ, замѣняется словомъ Премудрость, и Премудрость эта представляется рожденною отъ Бога, прежде вѣкъ исшедшею изъ устъ Вышняго, Участницей Его въ твореніи, имѣющею престолъ Свой на облакахъ. Изображеніе Премудрости въ указанныхъ книгахъ, относимое въ прямомъ буквальномъ смыслѣ ко второму Лицу Святыя Троицы, какъ нельзя лучше и какъ нельзя больше, отвѣчаетъ ветхозавѣтному ученію объ Ангелѣ Іеговы, существѣ личномъ и самостоятельномъ, чрезъ котораго невидимый Богъ открывалъ Себя людямъ въ Ветхомъ Завѣтѣ.

Если же теперь несомнѣнно, что Новый Завѣтъ тѣсно примыкаетъ къ Ветхому въ ученіи о Божественномъ Посредникѣ и Творцѣ міра, т. е., Логосѣ, то нельзя ли, по крайней мѣрѣ, признать болѣе справедливымъ того предположенія, что Евангелистъ могъ заимствовать самое выраженіе *Логосъ* изъ Александрійской школы или Филона, на чемъ особенно настаиваютъ нѣкоторые? Какъ ни маловажно само по себѣ это предположеніе, но и на него нельзя согласиться, во-первыхъ, потому, что этотъ самый образъ выраженія *Логосъ* (Слово) встрѣчается опять таки, хотя и не часто, въ томъ же самомъ Ветхомъ Завѣтѣ (въ Псал. XXXII, 6; CXLVII, 4—7, у пророка Аггея II, 5—6), а, во-вторыхъ, и преимущественно потому, что святый Евангелистъ, и не обращаясь къ Ветхому Завѣту, имѣлъ основаніе наименовать Сына Божія Словомъ (Λόγος) по непосредственному откровенію, которое было ему на островѣ Патмосѣ въ день великихъ пророческихъ откровеній и записано имъ въ Апокалипсисѣ въ XIX, 11, 13 такъ: *и увидѣлъ я отверстое небо, и се, конь бѣлый и Сѣдящій на немъ называется Вѣрный и Истинный.... Онъ былъ облеченъ въ одежду, обагренную кровію.* Имя Ему: *Слово Божіе.* Вотъ, по нашему мнѣнію, самое вѣрное объясненіе происхожденія наименованія Сына Божія Словомъ (Λόγος). Итакъ, не только ученіе о Словѣ не могло перейти отъ Александрійцевъ, но и самый образъ выраженія не могъ быть заимствованъ оттуда.

Остается еще одинъ вопросъ, обращающій на себя вниманіе, это: какой смыслъ, какое понятіе соединяется съ образомъ выраженія *Слово* (Λόγος),

и почему онъ употребленъ въ приложеніи къ лицу Божескому? На этотъ вопросъ даютъ прекрасный отвѣтъ святые отцы. Златоустъ пишетъ; «поелику рожденіе Сына есть рожденіе безстрастное, потому Евангелистъ и именуетъ Его Словомъ, дабы изъ того, что̀ есть въ тебѣ, научить тебя тому, что̀ превыше тебя. Какъ умъ, раждающій слово, раждаетъ безъ болѣзни, не раздѣляется, не истощается и не подвергается чему-нибудь бываемому въ тѣлахъ, такъ и Божественное рожденіе безстрастно, неизрѣченно, непостижимо и чуждо дѣленія». «Какъ нельзя сказать, что умъ иногда бываетъ безъ слова, такъ и Отецъ и Богъ не былъ безъ Сына», учитъ блаженный Θеофилактъ о совѣчности Сына Отцу. Отношеніе Сына Божія къ міру и людямъ прекрасно изображаетъ святый Григорій Богословъ изъ наименованія Сына Божія Словомъ: «Сынъ называется Словомъ, потому что Онъ та́къ относится къ Отцу, ка́къ слово къ уму, не только по безстрастному рожденію, но и по соединенію съ Отцемъ, и потому, что являетъ Его. Святый Златоустъ: «вотъ почему Евангелистъ наименовалъ Сына Словомъ; поелику Онъ возвѣстилъ намъ, что Слово есть Единородный Сынъ Божій, то, дабы не пришло кому на мысль страстное рожденіе, предупреждаетъ сіе самымъ наименованіемъ Слова, показуя, что и раждается отъ Отца Сынъ, и безстрастно». «Но не по этой только причинѣ онъ такъ наименовалъ Его, продолжаетъ Златоустъ, но, во-вторыхъ, и потому, что Сынъ пришелъ возвѣстить намъ объ Отцѣ. *Вся яже слышахъ отъ Отца Моего сказахъ вамъ*» (Іоан. XV, 15).

Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію каждаго стиха въ отдѣльности.

Въ 1 ст. *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово*, Евангелистъ говоритъ о вѣчности Слова, объ отношеніи Его къ Богу Отцу и о томъ, какова Его природа.

Вѣчность Слова изображается первыми словами стиха: *въ началѣ бѣ Слово*. Смыслъ выраженія *въ началѣ*—ἐν ἀρχῇ въ книгахъ Ветхаго Завѣта и Новаго, всякій разъ опредѣляется тою связью, въ какой оно находится. Напримѣръ въ книгѣ Быт. I, 1 это выраженіе указываетъ на начало міра, съ бытіемъ котораго начинается и самое время. У Евангелиста, напротивъ, оно говоритъ о безначальномъ бытіи Сына у Отца, бытіи прежде всѣхъ временъ, когда еще не были сотворены ни небо, ни земля, когда еще не было ни одного изъ безчисленнаго множества херувимовъ и серафимовъ. Справедливость такого пониманія подтверждаетъ одно параллельное мѣсто, находящееся у того же самаго Евангелиста въ XVII, 5, гдѣ Самъ Господь говоритъ о Своемъ бытіи у Отца: *прежде міръ не бысть*. Василій Великій, объясняя слова: *въ началѣ бѣ* (противъ Евномія), выражается: «невозможно и придумать что-нибудь такое, что̀ было бы древнѣе сего начала; ибо сіе послѣднее не было бы и началомъ, если бы прежде его существовало что-нибудь». Но еще опредѣленнѣе, еще рѣшительнѣе говоритъ о вѣчности Слова выраженіе—*бѣ*. Въ Священномъ Писаніи это выраженіе постоянно означаетъ бытіе вѣчное, самостоятельное, свойственное одному Богу. Іегова говоритъ Моусею: *Азъ есмь сый* (Ἐγώ εἰμι ὁ Ὤν) *сіе Мое имя есть вѣчное* (Исход. III, 14—15). И Самъ Спаситель также этимъ словомъ изображаетъ вѣчность Своего бытія: *прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь*, говоритъ Онъ (VIII, 56). Такимъ образомъ, *въ началѣ бѣ Слово* —значитъ: Слово—Сынъ Божій—не сотворено, не произошло во времени, но имѣетъ безначальное, вѣчное бытіе.

Слѣдующими словами (вторымъ членомъ стиха): *и Слово бѣ къ Богу*—показывается личное отношеніе Слова, какъ втораго Лица, къ первому. Выраженіе *къ Богу* означаетъ не то, что Слово было въ Богѣ безъ всякаго различія отъ перваго Лица, но что Оно вмѣстѣ съ Нимъ сосуществовало, было (πρὸς—къ), такъ сказать, возлѣ Бога. Св. Ириней, ученикъ Поликарпа, который былъ ученикомъ Іоанна Богослова, пишетъ, что Іоаннъ, ученикъ Господа, желалъ Евангеліемъ своимъ подавить заблужденіе, которое посѣялъ Керинѳъ между людьми. Св. Ириней такъ пишетъ о Керинѳѣ: «въ Азіи нѣкто Керинѳъ училъ, что міръ созданъ не первымъ Богомъ, но нѣкоторою силою, совершенно отдѣльною и далеко отстоящею отъ того начала, которое выше всего, и незнающею Всевышняго Бога. Въ противоположность этому ученію Евангелистъ повѣствуетъ, что Слово, Которымъ все получило бытіе, нераздѣльно съ Богомъ, въ самомъ близкомъ отношеніи и единеніи съ Нимъ, впрочемъ такъ, что Оно есть Лице особое, самостоятельное». Не сказалъ Евангелистъ: *Слово было въ Богѣ*, но: *Слово было у Бога*, показуя тѣмъ особность Слова, какъ Лица, или Его личное различіе отъ Лица Бога Отца». Такимъ образомъ Слово, существующее съ Богомъ отъ вѣчности, есть Лице особое, самостоятельное.

Чтобы, однако, не осталось непонятнымъ, что̀ же такое Слово и какова Его природа? Евангелистъ (въ третьемъ членѣ стиха) говоритъ положительно: *и Богъ бѣ Слово*. То есть, Слово было не только во внутреннѣйшемъ общеніи съ Богомъ, но Само было Богомъ. Слово Богъ по-Гречески—Θεὸς—стоитъ безъ члена и, безъ сомнѣнія, занимаетъ мѣсто сказуемаго (предиката), такъ какъ впереди въ обоихъ предложеніяхъ и послѣ еще во второмъ стихѣ подлежащее одно—Слово—ὁ Λόγος. Слово Θεὸς (Богъ)—безъ члена, въ отличіе отъ ὁ Θεὸς съ членомъ употребляется въ Священномъ Писаніи въ общемъ смыслѣ Божественнаго существа, Божественной природы, подобно Еврейскому слову Элогимъ въ Ветхомъ Завѣтѣ (ср. Іоан. X, 34). Въ такомъ смыслѣ встрѣчается слово Θεὸς—Богъ—въ кн. Дѣян. XII, 22: *гласъ Божій*—Θεοῦ φωνὴ, *а не человѣчь*; XXVIII, 6; *глаголаху Бога*—Θεόν *того быти*; особенно же во 2 посл. Солунян. II, 4: *противникъ и превозносяйся паче всякаго глаголемаго Бога*—Θεόν—*или чтилища, якоже ему сѣсти въ церкви Божіей*—τοῦ Θεοῦ—*аки Богу, показующу себе, яко Богъ*—Θεὸς—*есть*.

Во второмъ стихѣ *Сей бѣ искони къ Богу*—повторяется мысль перваго о вѣчномъ и довременномъ отношеніи Слова къ Богу Отцу. Такъ какъ далѣе Евангелистъ говоритъ о пришествіи этого Слова въ міръ и о Его воплощеніи, то, чтобы одно выраженіе *бѣ къ Богу* не навело кого на мысль, что бытіе Слова у Отца было преходящее, прибавляетъ, что Оно было *искони*,—существовало отъ вѣчности. Повторена мысль, такимъ образомъ, въ болѣе ясномъ выраженіи для того, чтобы никто не сомнѣвался въ ней. «Чтобы ты, услышавъ, пишетъ святый Златоустъ, «въ началѣ было Слово», и признавъ Его вѣчнымъ, не подумалъ однакоже, что жизнь Отца на нѣкоторое разстояніе, т. е., на большее число вѣковъ предшествуетъ жизни Сына, и такимъ образомъ—чтобы ты не положилъ начала Единородному, Евангелистъ присовокупляетъ: Оно было въ началѣ у Бога, т. е. Онъ такъ же вѣченъ, какъ Самъ Отецъ». Но съ другой стороны, повтореніе сказанной мысли во 2 ст. служитъ прекраснымъ переходомъ отъ предыдущаго къ послѣдующему, отъ ученія объ отношеніи

Слова къ Богу къ ученію объ отношеніи Его (Слова) къ міру.

Показывая отношеніе втораго Лица къ міру, Евангелистъ говоритъ, что Имъ все сотворено, и что безъ Него ничто не могло произойти.

Ст. 3. *Вся Тѣмъ быша и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть.* Слово *вся* означаетъ, что ни на небѣ, ни на землѣ (Колосян. I, 16, 20) нѣтъ такого существа и такой вещи, которая получила бы свое бытіе не чрезъ Него. «Солнце, восходящее утромъ на тверди небесной, луна и безчисленное множество звѣздъ небесныхъ, земля со всѣмъ, что находится на ней, со всѣми горами, со всѣми долинами, съ широкими морями, съ рѣками, со всѣми растеніями, со всѣми животными, все человѣчество: все это Его дѣло. Безчисленное множество блаженныхъ духовъ, серафимы и херувимы, окружающіе Его престолъ: самъ врагъ Его сатана, и онъ созданъ Имъ, какъ чистый духъ». Глаголъ *быша*—ἐγένετο—заключаетъ въ себѣ ту мысль, что міръ получилъ начало какъ по формѣ, такъ и по матеріи, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ, и притомъ единственно чрезъ Слово δἰ Αὐτοῦ—Тѣмъ или чрезъ Него).

Въ выраженіи *Тѣмъ* или чрезъ Него —δἰ Αὐτοῦ—предлогомъ διὰ—чрезъ—указывается на отношеніе, въ какомъ находится Слово, какъ Творецъ міра, къ Богу Отцу. Причинное отношеніе Божества къ міру выражается предлогами ἐκ—изъ и διὰ—чрезъ, Римлян. XI, 36. 1 Коринѳ. VIII, 6; тѣми же самыми предлогами обозначается и ὑпостасное отличіе Бога Отца отъ Бога Сына. Ἐκ—изъ—употребляется, когда говорится объ Отцѣ, какъ первопричинѣ, а διὰ—чрезъ, когда говорится о Сынѣ, какъ посредствующей, или ближайшей причинѣ. Отцу принадлежитъ идея, мысль о сотвореніи міра, но приводитъ въ исполненіе эту идею, эту мысль Слово. Поэтому говорится, что міръ изъ Отца чрезъ Сына. Но этимъ выраженіемъ δἰ Αὐτοῦ—Тѣмъ, или чрезъ Него нисколько не унижается достоинство втораго Лица и не дается мысли, что Богъ сотворилъ міръ Словомъ, какъ художникъ орудіемъ, чему училъ Филонъ, или что Слово есть слуга Отца, какую мысль высказывалъ Оригенъ. Напротивъ, Слово есть такой же самостоятельный Творецъ міра, какъ и Богъ Отецъ (срав. Колосян. I, 16). По единству существа, первоначальная мысль Отца о сотвореніи міра есть собственная мысль и Сына; воля Отца, что мысль эта должна осуществиться есть также и воля Сына: «*не можетъ Сынъ творити о Себѣ ничесоже, аще не еже видитъ Отца творяща: яже бо Онъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ, Отецъ бо любитъ Сына и вся показуетъ Ему, яже Самъ творитъ* (Іоан. V, 19—20).

Вторая половина стиха: *и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть*—служитъ повтореніемъ, разъясненіемъ и усиленіемъ въ отрицательной формѣ предыдущей: въ ней заключается логическое удареніе на «*вся Тѣмъ быша*», чѣмъ и придается этому выраженію особенное значеніе.

Послѣднія слова: *еже бысть*, по замѣчанію святаго Златоуста, прибавлены съ особенною цѣлью: «дабы кто не подумалъ, что если *вся Тѣмъ быша*, то и Духъ Святый,—Евангелистъ нашелъ нужнымъ прибавить: *еже бысть*, т. е., то, что сотворено; но Духъ не есть существо сотворенное».

Настоящимъ ученіемъ о твореніи святый Іоаннъ видимо желалъ опровергнуть два современныхъ ему заблужденія,—о вѣчности матеріи, ученіе Филона и нѣкоторыхъ изъ еретиковъ Апостольскаго вѣка, и другое—объ об-

разованіи міра какимъ-то высшимъ эономъ, по природѣ впрочемъ существенно отличнымъ и далеко отстоящимъ отъ Бога. Но кромѣ этихъ двухъ заблужденій имъ опровергается и еще одно, также находящееся у Филона, которое хотя и не было извѣстно христіанамъ Апостольскаго вѣка, но которое несомнѣнно оказало вліяніе на новѣйшую философію, проповѣдующую, что міръ есть не что иное, какъ матеріализовавшійся логосъ или слово.

Отъ ученія о твореніи Евангелистъ переходитъ далѣе къ ученію о сохраненіи и промышленіи и приписываетъ это также Слову.

Ст. 4. *Въ Томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ*, то есть, Слово—не только творческая сила, призвавшая все къ бытію, но въ Немъ же заключается и *жизнь* всего сотвореннаго. Оно есть какъ-бы душа, все животворящая; а для людей, какъ разумныхъ существъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ есть и *свѣтъ*, ихъ освѣщающій. Жизнь (ζωή) и свѣтъ (φῶς), которые приписываются здѣсь Слову, составляютъ неотъемлемыя свойства Его природы. Первое выраженіе — жизнь — ζωὴ — на языкѣ Евангелиста Іоанна имѣетъ глубочайшій смыслъ, именно, оно означаетъ не только то, что въ Словѣ во всей полнотѣ заключаются и отображаются Божественное существо и Его Божественныя безпредѣльныя совершенства, но и то, что въ Немъ—жизнь безграничная, самобытная, независимая ни отъ чего посторонняго, имѣющая въ себѣ животворное начало всего существующаго, жизнь по преимуществу (Іоан. V, 25), не то что жизнь сотворенныхъ существъ. Послѣднія по природѣ своей смертны и пользуются жизнью только какъ даромъ Божіимъ и притомъ единственно чрезъ Христа. «Дабы никто не оставался въ недоумѣніи, говоритъ Златоустъ, какимъ образомъ Словомъ создано столько и такихъ тварей, Евангелистъ прибавилъ: *въ Томъ животъ бѣ*... Сколько ни черпай воды изъ ключеваго источника, источникъ ни мало не оскудѣваетъ; такъ и творческая сила Единороднаго, сколько бы ни было создано и сотворено ею существъ, она нисколько не умаляется»....

Второе выраженіе Евангелиста *свѣтъ*—φῶς—также, какъ и первое, имѣетъ не менѣе глубокій смыслъ; имъ опредѣляется, такъ сказать, сущность Слова. Сущность Божественной природы хотя собственно и неизрѣченна, но слово *свѣтъ* яснѣе другихъ подобій представляетъ человѣческому разумѣнію чистѣйшую и всесовершеннѣйшую природу Божества. Этимъ объясняется, между прочимъ, что всѣ народы во всѣ времена и на всѣхъ языкахъ мыслили Бога не иначе, какъ подъ образомъ свѣта. Свѣтъ солнечный освѣщаетъ, оживляетъ и дѣлаетъ плодотворной физическую природу; свѣтъ Божественный есть такое же жизненное начало для міра духовнаго. Такъ называется Богъ, какъ первопричина всего, живущимъ во свѣтѣ неприступномъ (1 Тимоѳ. VI, 16); такъ и Христосъ говоритъ о Себѣ, что Онъ есть свѣтъ міру (Іоан. VIII, 12; IX, 5). Глаголъ *бѣ*—ην (въ противоположность φαίνει — *свѣтится* въ 5 ст.) выражаетъ ту мысль, что Слово есть постоянный источникъ духовнаго свѣта и духовной жизни для людей.

Въ 5 ст. Евангелистъ говоритъ, что Слово—свѣтъ не перестало освящать людей даже и послѣ того, какъ люди отпали отъ Бога, когда мракъ грѣховный, по выраженію пророка, покрылъ всю землю и всѣ народы: *и свѣтъ во тмѣ свѣтится, и тма его не объятъ.*

И свѣтъ во тмѣ свѣтится. Совѣсть, которую Господь далъ людямъ, есть

лучъ Его свѣта, который и во тьмѣ свѣтитъ. И язычники имѣли совѣсть. Всякое сознаніе грѣха, желаніе искупленія и спасенія, какое встрѣчаемъ и въ язычествѣ, есть сіяніе этого свѣта. Но кромѣ этого внутренняго голоса совѣсти, Слово—свѣтъ свѣтило и внѣшнимъ образомъ, чрезъ избранныхъ Своихъ, патріарховъ и пророковъ, свѣтило до тѣхъ поръ, пока Само стало плотію (срав. Евр. I, 1; III, 3—6. 1 Коринѳ. X, 4, 9. Евр. XI, 26).

И тма его не объятъ. Люди, не смотря на голосъ совѣсти и убѣжденія посланниковъ Божіихъ, до такой степени увлеклись ложью, что почти утратили способность къ воспріятію его (III, 19), или—какъ передаютъ мысль Евангелиста святый Златоустъ и блаженный Ѳеофилактъ,—тьма, покрывавшая человѣчество, какъ ни густа была, не одолѣла и не поглотила его (свѣта).

Съ шестаго стиха начинается новое (второе) отдѣленіе пролога и начинается оно рѣчью объ Іоаннѣ Предтечѣ.

Словами 6 ст. *бысть человѣкъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ*—Евангелистъ опредѣляетъ природу Іоанна Предтечи: говоритъ, что онъ былъ человѣкъ, и говоритъ это несомнѣнно потому, что были люди, которые, смотря на строгій образъ его жизни, считали его Ангеломъ, или другимъ высшимъ существомъ. Чтобы опровергнуть это ложное мнѣніе, Евангелистъ говоритъ, что Іоаннъ былъ человѣкъ, посланный, впрочемъ, Богомъ, о чемъ и предсказалъ еще, какъ извѣстно, пророкъ Малахія (III, 1).

Указавши въ 6 ст. на природу Предтечи, въ 7 ст. Евангелистъ переходитъ къ опредѣленію цѣли, для которой онъ былъ посланъ отъ Бога: *Сей пріиде во свидѣтельство, да свидѣтельствуетъ о свѣтѣ, да вси вѣру имутъ ему.* Іоаннъ долженъ былъ свидѣтельствовать о свѣтѣ и тѣмъ приготовить людей къ принятію Его. «Поелику мракъ грѣховъ и ночь невѣрія покрывали весь міръ, и люди не могли взирать на Солнце правды, говоритъ блаженный Августинъ, то святый Іоаннъ посланъ былъ напередъ, какъ свѣтильникъ, дабы очи сердца, помраченныя злобою до того, что не могли сносить великаго и истиннаго свѣта, привыкли сперва къ слабому сіянію свѣтильника, и тогда уже, по удаленіи мрака грѣховнаго, по разсѣяніи облака невѣрія, радостно и безъ боли, а не съ тяжестью, взирали на небесный свѣтъ, пришедшій къ намъ во Христѣ.... Если бы Господь и Спаситель, Который есть истинный свѣтъ, не послалъ напередъ блаженнаго Іоанна, какъ свѣтильника, то цѣлый міръ не могъ бы снести сіянія свѣта Его».

Выраженіе: *да свидѣтельствуетъ о свѣтѣ*—ближе поясняетъ предыдущее—*во свидѣтельство;* то есть Предтеча, свидѣтельствуя о пришествіи въ міръ Мессіи, долженъ былъ указать Его людямъ, какъ это и было (Іоан. I, 29—30, 36); и люди только чрезъ него должны были узнать Мессію и увѣровать въ Него—*да вси вѣру имутъ Ему* (δι' Αὐτοῦ). Изъ указанія на природу Предтечи (въ ст. 6) и на цѣль его посланничества (въ ст. 7) можно было видѣть уже ясно, что не Іоаннъ—свѣтъ; тѣмъ не менѣе въ ст. 8 Евангелистъ нашелъ нужнымъ прямѣе высказаться объ его лицѣ: *не бѣ той свѣтъ, но да свидѣтельствуетъ о свѣтѣ.* Не просто и не безъ причины говоритъ это Евангелистъ, по замѣчанію святаго Златоуста: у насъ нерѣдко свидѣтель бываетъ выше и часто достовѣрнѣе того, о комъ свидѣтельствуетъ. Чтобы сего не подумалъ кто и объ Іоаннѣ, Евангелистъ тотчасъ предупреждаетъ сіе неправое мнѣніе, и, искореняя его, показываетъ, кто свидѣтельствующій и

Кто свидѣтельствуемый, и какъ велико различіе между свидѣтелемъ и Тѣмъ, о Комъ онъ свидѣтельствуетъ.

Послѣ вводнаго повѣствованія объ Іоаннѣ, какъ свидѣтелѣ свѣта, Евангелистъ продолжаетъ благовѣстіе о свѣтѣ, который во тьмѣ свѣтитъ. Непосредственная связь рѣчи такая: Іоаннъ не былъ свѣтомъ, а только свидѣтельствовалъ о свѣтѣ. Истинный свѣтъ Тотъ, о Которомъ свидѣтельствовалъ Іоаннъ и Который просвѣщаетъ всякаго человѣка, но Котораго ни міръ, ни свои не приняли.

Ст. 9—11. *Бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ.*

Въ 9 стихѣ выраженіе *грядущаго въ міръ*—ἐρχόμενον εἰς τὸν κόσμον—по складу Греческой рѣчи можно относить и къ слову *свѣтъ*—φῶς—и къ слову *человѣка*—ἄνθρωπον; въ первомъ случаѣ рѣчь имѣетъ такой смыслъ: свѣтъ истинный (Мессія), приходя въ міръ, просвѣщаетъ всякаго человѣка; во второмъ—свѣтъ истинный просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ или раждающагося. То и другое толкованіе имѣетъ своихъ сторонниковъ. Послѣдняго держатся святый Златоустъ, Кириллъ Александрійскій и другіе, перваго—Кириллъ Іерусалимскій и блаженный Августинъ, и особенно многіе изъ новѣйшихъ толкователей.—Не смотря, однакожъ, на то, что многіе изъ новѣйшихъ толкователей держатся перваго изъ этихъ мнѣній, послѣднему надобно отдать предпочтеніе потому, что оно представляется самымъ естественнымъ и, прибавимъ, сообразнымъ съ мыслью Евангелиста,—тою именно, что всякій человѣкъ при самомъ своемъ рожденіи несетъ въ своей душѣ искру Божественнаго свѣта, исходящаго отъ Божественнаго Слова,—свѣта, при которомъ и возможно только духовное развитіе и нравственное возрастаніе человѣка. И этого внутренняго свѣта не могла совершенно объять тьма грѣховная, какъ ни густа была она,—*свѣтъ сей свѣтится и во тмѣ* (5).

Далѣе Евангелистъ продолжаетъ свою мысль.—Слово *въ мірѣ бѣ, и міръ Тѣмъ бысть, и міръ Его не позна* (10), *не позна* по своему грѣховному омраченію. Подъ словомъ *міръ* въ 10 стихѣ можно разумѣть вмѣстѣ Іудеевъ и язычниковъ, такъ какъ Іудеи наравнѣ съ другими народами, сверхъ положительнаго откровенія, пользовались также и свѣтомъ естественнаго разума. Но преимущественно здѣсь разумѣется подъ словомъ *міръ*—міръ языческій, потому что объ Іудеяхъ собственно говорится далѣе въ 11 ст.: *во Своя пріиде и Своя Его не пріяша.*

Свои—τὰ ἴδια—противоположно слову *міръ*—κόσμος, и означаетъ народъ Іудейскій. Этотъ смыслъ ясно вытекаетъ изъ сравненія ветхозавѣтныхъ мѣстъ, въ которыхъ народъ Божій называется *Своимъ народомъ* (Исход. XIX, 5. Втор. VII, 16; XIV, 2; XXVI, 18. Псал. CXXXIV, 4). Конечно, можно разумѣть подъ словомъ *свои* и всѣхъ людей, какъ созданія Божественнаго Слова, просвѣщаемыя притомъ Его свѣтомъ;—но такъ какъ впереди уже сказано о Словѣ, что Оно было въ мірѣ, то здѣсь выраженіемъ *во своя пріиде* (ἦλθε) Евангелистъ указываетъ на внѣшнее, историческое личное явленіе Божественнаго Слова среди Своего народа, который былъ приготовляемъ къ принятію Его особеннымъ водительствомъ Божіимъ. Но подобно тому, какъ *міръ Его не позналъ, и свои Его не пріяша.* Греческій глаголъ παραλαμβάνειν—означаетъ *принимать въ свой домъ.*—Въ настоящемъ случаѣ словами: *свои Его не пріяша*—Евангелистъ хочетъ, повидимому, выразить мысль о непріятіи, иначе—объ

отверженіи Божественнаго Слова не нѣсколькими личностями, а *цѣлымъ народомъ*. Божественное Слово, явившись среди Своего народа, долженствовало бы быть принято имъ, долженствовало бы водвориться, такъ сказать, посреди *Своего* народа, но этотъ народъ не *принялъ* Его.—Повидимому, Евангелистъ желаетъ выразить ту мысль, что народъ Израильскій виновенъ предъ Божественнымъ Словомъ болѣе, чѣмъ язычники. Послѣдніе, хотя и были озаряемы Его свѣтомъ чрезъ свою совѣсть, но не знали Его по своей грѣховной слѣпотѣ; народъ же Израильскій зналъ Его не только изъ разума и совѣсти, но еще и изъ положительнаго откровенія Божія, тѣмъ не менѣе не принялъ Его.—Тамъ грѣхъ невѣдѣнія, здѣсь—грѣхъ свободнаго отверженія.

Но хотя и міръ не позналъ Божественнаго Слова, и Свой народъ не принялъ Его,—тѣмъ не менѣе и въ мірѣ языческомъ, и въ народѣ избранномъ оказались нѣкоторыя личности, которыя приняли Его и увѣровали въ Него. И этимъ принявшимъ и увѣровавшимъ въ Него Оно даровало высочайшее изъ всѣхъ благъ—право быть чадами Божіими.

Ст. 12. *Елицы же пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти вѣрующимъ во имя Его.*

«Не сказалъ Евангелистъ: сдѣлалъ чадами Божіими, усыновилъ Богу, но: далъ власть быть чадами. И сказалъ такъ потому, какъ объясняетъ святый Златоустъ, что благодать не дѣйствуетъ насильственно, не стѣсняетъ человѣческой свободы и самовластія, но приходитъ и дѣйствуетъ только въ тѣхъ, которые желаютъ ея и пекутся о ней. Въ ихъ власти содѣлываться чадами. Если же они не хотятъ, даръ не приходитъ и не дѣйствуетъ въ нихъ. Божіе дѣло дать благодать, человѣческое представить вѣру» и проч.

Говоря о тѣхъ немногихъ, которые, по вѣрѣ въ Слово, пріобрѣли себѣ право быть чадами Божіими, Евангелистъ въ слѣдующемъ стихѣ противополагаетъ это ихъ духовное возрожденіе рожденію плотскому и говоритъ такъ:

Ст. 13. *Иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася.*

Говоря такъ, святый Евангелистъ, можетъ быть, имѣлъ въ виду Іудеевъ, которые, гордясь своимъ происхожденіемъ отъ Авраама, считали себя особенно и исключительно близкими къ Богу. Нѣтъ, какъ-бы такъ говорилъ Евангелистъ, не физическое рожденіе дѣлаетъ людей близкими Богу, чадами Его, но рожденіе духовное, непостижимое, рожденіе отъ Бога. Это благодатное рожденіе и всыновленіе ихъ Богу получается ими чрезъ вѣру въ Божественное Слово.

Въ 14 стихѣ, съ котораго начинается третье и послѣднее отдѣленіе пролога, говорится о воплощеніи предвѣчнаго Слова:

И Слово плотъ бысть, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины.

«Само Божіе Слово, разсуждаетъ святый Григорій Богословъ, превѣчное, невидимое, непостижимое, безтѣлесное, начало отъ начала, свѣтъ отъ свѣта, источникъ жизни и безсмертія, опредѣленіе и Слово Отца приходитъ ко Своему образу, носитъ плоть ради плоти, соединяется съ разумною душею ради моей души, очищая подобное подобнымъ, дѣлается человѣкомъ по всему кромѣ грѣха».

И Слово плотъ бысть. Плотъ выражено по-Гречески словомъ σάρξ, такимъ словомъ, которое, по Библейскому словоупотребленію, означаетъ не внѣшнюю только или тѣлесную часть приро-

ды человѣческой, какое значеніе имѣетъ другое подобозначущее слово σῶμα, но всего человѣка, состоящаго изъ души и тѣла. Слово соединилось не только съ тѣломъ (σῶμα), но также и съ человѣческою душею, и потому имѣетъ два естества—Божеское и человѣческое, которыя соединились несліянно, неизмѣнно и нераздѣльно въ одномъ Лицѣ Богочеловѣка. Кратко, Евангелистъ выражаетъ этимъ ту мысль, что Божественное Слово приняло на Себя полное человѣческое естество.

И вселися въ ны—ἐσκήνωσεν ἐν ἡμῖν. Буквальное значеніе слова σκηνοῦν—жить въ палаткѣ, проводить жизнь странника Суд. V, 17. Апокалипс. XII, 12. Это выраженіе здѣсь означаетъ то, что Богъ Слово, Іисусъ Христосъ явился на землю не на мгновеніе, какъ являлись Ангелы, но жилъ между людьми ѣлъ, пилъ, бесѣдовалъ и дѣлалъ все, что̀ дѣлаетъ обыкновенно не духъ, не имѣющій плоти и кости, а человѣкъ.... Онъ терпѣлъ голодъ и жажду, утомленіе отъ трудовъ, нужды безпріютной жизни, не имѣя гдѣ главы приклонить, переносилъ оскорбленія отъ невѣжества и злобы людской, наконецъ, вынесъ страданія и смерть на крестѣ.

И видѣхомъ славу Его, продолжаетъ Евангелистъ, *славу яко Единороднаго отъ Отца*. «Мы видѣли славу, говоритъ святый Златоустъ, не пророка, не Ангела, не Архангела, не горнихъ силъ, не иной какой созданной твари, какова бы она ни была, но видѣли славу Самого Владыки, Самого Царя, Самого истиннаго Единороднаго Сына, Господа всяческихъ. Неприступная слава сія, хотя и была сокрыта подъ покровомъ тѣла, однакожъ проявилась въ такой необычайной силѣ и свѣтозарномъ сіяніи, какими можетъ блистать только слава Единороднаго отъ Отца, Господа Славы. Видѣхомъ славу Его въ Его жизни, въ Его ученіи, въ Его дѣяніяхъ, въ чудесахъ и знаменіяхъ, которыя наполняли весь путь Его земной жизни, даже въ самыхъ крестныхъ Его страданіяхъ, въ которыхъ, по словамъ Златоуста, являлось не только Его милосердіе и любовь, но и Его неизглаголанная сила, которою сокрушалась клятва, посрамлялись демоны, пригвождалось ко кресту рукописаніе грѣховъ.

«Выраженіе ὡς—*какъ* означаетъ здѣсь не уподобленіе и не сравненіе, а подтвержденіе и несомнѣнное опредѣленіе. Какъ-бы такъ сказалъ Евангелистъ: мы видѣли славу, какую подобаетъ и свойственно имѣть Единородному и истинному Сыну Царя всѣхъ Бога» (Злат.)

Слово *Единородный*—Μονογενὴς—сопоставляемое съ выраженіемъ: *отъ Бога родившаяся* ст. 13 означаетъ то, что Слово есть—Сынъ Божій не по благодати всыновленія (ср. ст. 12), но въ единственномъ и собственномъ смыслѣ. Въ такомъ смыслѣ употребляется это слово въ кн. Товит. III, 15. Лук. VII, 12; VIII, 42; IX, 38. Евр. XI, 17.

Исполнъ благодати и истины. Слова эти отдѣлены отъ своего подлежащаго другими вставочными словами: *Видѣхомъ славу Его* и проч. Настоящая связь словъ у Апостола такова: *и Слово стало плотію и обитало съ нами, полное благодати и истины*, а затѣмъ уже слѣдуютъ: *и мы видѣли славу Его, славу какъ Единороднаго отъ Отца*. Выраженіемъ *исполнъ благодати и истины* Евангелистъ указываетъ самыя характерныя черты въ лицѣ Мессіи—Искупителѣ нашемъ, черты по преимуществу Божественныя. Слово *благодать* чаще употребляемое Апостоломъ Павломъ, чѣмъ Іоанномъ (только здѣсь и въ ст. 14, 16, 17. 2 Іоан. 3), указываетъ именно на откровеніе безпредѣльной Божественной любви (ἀγάπη) въ спасеніи міра, въ посланіи Сына для спа-

сенія: *тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (III, 16. Сравн. XVII, 23. 1 Іоан. IV, 9). И Сынъ явилъ эту безпредѣльную любовь тѣмъ, *яко и грѣшникомъ намъ сущимъ, за ны умре* (Римлян. V, 8). Слово *истина*—другая сторона откровенія во Христѣ; оно противоположно словамъ: *образъ и тѣнь*, словамъ, служащимъ для обозначенія ветхозавѣтнаго закона, и значитъ, что всѣ ветхозавѣтныя обѣтованія, прообразы истинно и дѣйствительно осуществились на Іисусѣ Христѣ, что Онъ есть, по выраженію Апостола Павла, *самый образъ вещей* (Евр. X, 1) или истина (Іоан. XXIV, 6). Съ другой стороны, Христосъ, какъ Единородный Сынъ Божій, возвѣстилъ намъ всю волю Божію и сообщилъ намъ полнѣйшее вѣдѣніе о Богѣ, чѣмъ то, какое сообщено было чрезъ ветхозавѣтныхъ пророковъ (Евр. I, 1. сн. Іоан. I, 18).

Въ 14 стихѣ Евангелистъ свидѣтельствовалъ о воплощеніи Слова и славѣ Воплотившагося самъ, какъ очевидецъ, въ 15 стихѣ онъ приводитъ свидѣтельство лица посторонняго, но такого, къ которому Іудеи питали глубокое уваженіе и вполнѣ довѣряли.

Ст. 15. *Іоаннъ свидѣтельствуетъ о Немъ, и воззва глаголя: Сей бѣ, Егоже рѣхъ, Иже по мнѣ грядый, предо мною бысть: яко первѣе мене бѣ.*

Слова: *Иже по мнѣ грядый, предо мною бысть: яко первѣе мене бѣ*—можно понимать въ смыслѣ первенства по достоинству, какъ и понимаетъ ихъ святый Златоустъ, и въ смыслѣ первенства по времени. Прямѣе и ближе къ тексту послѣднее, хотя и то само собою разумѣется. Іоаннъ Креститель какъ-бы такъ говорилъ: хотя Іисусъ явился и послѣ меня, но Онъ старше меня, Онъ существовалъ прежде меня въ вѣчности. Въ такомъ смыслѣ употребляется слово ἔμπροσθεν—впереди—въ кн. Быт. XXIV, 7; XLV, 5. Суд. I. 23; III, 2; IV, 14. 2 Царств. V, 24. Исаія XLV, 2. Іоан. III, 28. Слово πρῶτος—первѣе—самъ Евангелистъ употребляетъ для означенія времени V, 4; VIII, 7. Исаія XLIV, 6; XLI, 4. Апокалипс. I, 1, 7.

Сославшись на свидѣтельство Предтечи о Христѣ, какъ Богѣ, Евангелистъ для удостовѣренія въ томъ же обращается, наконецъ, къ сознанію всѣхъ вѣрующихъ и говоритъ, что въ Божественномъ достоинствѣ Лица Іисуса Христа убѣждаетъ каждаго изъ насъ собственный опытъ.

Ст. 16. *И отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ и благодать возблагодать*, то есть, отъ полноты благодати и истины въ Немъ—Іисусѣ (ср. ст. 14), мы вѣрующіе получаемъ все нужное для насъ въ избыткѣ — *мы вси пріяхомъ и благодать возблагодать*. Относительно послѣдняго выраженія *и благодать возблагодать* толковники расходятся между собою въ пониманіи. Одни въ первомъ словѣ *благодать* видятъ указаніе на Новый Завѣтъ, а во второмъ на Ветхій, предлогъ ἀντὶ принимаютъ въ значеніи *вмѣсто*, то есть, Новый Завѣтъ вмѣсто Ветхаго. Но Ветхій Завѣтъ нигдѣ не называется благодатію, и притомъ въ слѣдующемъ стихѣ *благодать*—χάρις противополагается *закону* — νόμος, который никогда не былъ посредникомъ благодати, какъ и вообще Ветхій Завѣтъ, по внутреннему своему характеру, не можетъ быть названъ благодатію. Поэтому справедливѣе, согласно съ другими толковниками, подъ выраженіемъ: *благодать возблагодать* понимать избытокъ, обиліе благодати въ ея многоразличныхъ проявленіяхъ и видахъ. Свойство Божественной бла-

годати таково, что чѣмъ больше ея требуется, тѣмъ больше и дается (Матѳ. XIII, 12; XXV, 29); только получать эту неисчерпаемую благодать люди могутъ чрезъ одного Іисуса Христа.

Ст. 17. *Яко законъ Моусеемъ данъ бысть, благодать же и истина Іисусъ Христомъ бысть.* «Законъ и благодать, говоритъ блаженный Августинъ, даны отъ Бога, тотъ ниспосланъ чрезъ раба Его Моусея, а благодать отъ Него Самого чрезъ Сына Его». Отношеніе закона къ благодати, какъ очевидно изъ этого стиха, такое же, какое Моусея ко Христу, Ветхаго Завѣта къ Евангелію, тѣни къ дѣйствительности. Законъ Моусеевъ предписывалъ заповѣди, неудобоисполнимыя во всей ихъ полнотѣ, и поражалъ преступника проклятіемъ, не давая ему однакоже достаточно силъ для достиженія законной праведности (Галат. III, 10). Благодать Христова снимаетъ съ человѣка проклятіе законное, оправдываетъ предъ Богомъ, примиривъ съ Нимъ (Галат. III, 13. Римлян. V, 9—10); прощаетъ и очищаетъ грѣхи и, сообщая многоразличные дары духовные по мѣрѣ вѣры (1 Коринѳ. XII, 1 и дал.), даетъ силы исполнять новозавѣтный законъ такъ, что онъ кажется игомъ благимъ и бременемъ легкимъ (Іоан. I, 9. Матѳ. XI, 30). Если къ слову *благодать* прибавляется здѣсь слово *истина*—ἡ ἀλήθεια—, какъ въ ст. 14, то это не для того, какъ думаютъ, чтобы сдѣлать замѣтною, противоположность благодати закону, а для того, чтобы показать, что все, что̀ законъ изображалъ подобно тѣни, имѣя истину впереди, ясно открыто, пришло въ исполненіе и дѣйствительно совершено Іисусомъ Христомъ. Съ пришествіемъ Іисуса Христа на землю, съ исполненіемъ на Немъ всѣхъ обѣтованій и завѣтовъ, законъ ветхозавѣтный долженъ былъ уступить свое мѣсто закону новому, благодатному. «Тѣни преходятъ, ихъ мѣсто заступаетъ истина», говоритъ Григорій Богословъ. Не безъ причины Евангелистъ выражается еще о законѣ, что онъ *данъ* — ἐδόθη, а о благодати, что она *бысть*. «Примѣть и то, что о Ветхомъ Завѣтѣ сказалъ—*данъ* чрезъ Моусея, ибо онъ былъ подчиненный и слуга; а о Новомъ не сказалъ—*данъ*, но—*былъ*, чтобы показать, что онъ произошелъ отъ Господа нашего Іисуса Христа, какъ отъ Владыки, а не отъ раба, и въ конецъ достигъ благодати и истины». Въ этомъ стихѣ Евангелистъ въ первый разъ называетъ Слово тѣмъ именемъ, которое Оно носило во плоти, показывая какъ-бы этимъ, что онъ спѣшитъ закончить прологъ и намѣренъ перейти къ Евангельской исторіи.

Въ 18 стихѣ, которымъ дѣйствительно и заканчивается прологъ, Евангелистъ приводитъ основаніе, почему благодать Божію можно получать чрезъ одного только Іисуса Христа.

Ст. 18. *Бога никтоже видѣ никогдаже: Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, Той исповѣда.*

Такъ какъ никто и нигдѣ не видѣлъ истиннаго Бога, то никто и никогда не могъ ни открыть истиннаго познанія о Немъ, ни сообщить даровъ благодатныхъ; только Единородный Сынъ Божій, сущій въ нѣдрѣ Отчемъ, даровалъ человѣчеству то и другое въ совершенствѣ.

Выраженіе: *Бога никтоже видѣ никогдаже,* повидимому, противорѣчитъ тѣмъ мѣстамъ Ветхаго Завѣта, въ которыхъ говорится о нѣкоторыхъ патріархахъ и пророкахъ, что они удостоились видѣть Бога и бесѣдовать съ Нимъ, напр. Іаковъ (Быт. XXXII, 31), Моусей (Числ. XII, 8), Исаія (VI, 5); но это противорѣчіе мнимое и оно устраняется словами Самого Бога, сказанными чрезъ

уста пророка Осіи: *Азъ видѣнія умножихъ и въ рукахъ пророческихъ уподобися*, что̀, по объясненію святаго Златоуста, значитъ: «Я являлся въ образахъ и подобіяхъ, а не тѣмъ, что Я есмь Самъ въ Себѣ».

Выраженіе: *сый въ лонѣ Отчи*—имѣетъ тотъ смыслъ: Сынъ имѣетъ вѣчное бытіе, нераздѣльное со Отцемъ; и слѣдовательно единосущенъ Отцу.

Той исповѣда. Исповѣда съ подлинника (ἐξηγήσατο) значитъ открыть, истолковать, у Греческихъ писателей—изъяснить волю боговъ. Сынъ Божій открылъ намъ Бога, объяснилъ намъ тайны Божіи, открылъ, по словамъ Апостола Павла, премудрость Божію, въ тайнѣ сокровенную, которой никто не зналъ въ мірѣ (1 Коринѳ. II, 7—8). Въ этомъ выраженіи, между прочимъ, Евангелистъ самъ даетъ и объясненіе, почему онъ назвалъ Сына Божія Словомъ. Безъ Слова — Сына Божество осталось бы невѣдомымъ и недоступнымъ для человѣчества, какъ невѣдома и недоступна была бы душа человѣческая, если бы люди не были одарены словомъ.

Таково ученіе Іоаннова пролога о Богѣ Словѣ. Въ этомъ ученіи заключается сущность сколько Евангелія Іоанна, столько и всего Новаго Завѣта. Потому что ученіе пролога о вѣчности Бога Слова, объ отношеніи Его къ Богу Отцу, о воплощеніи Слова было предметомъ и другихъ новозавѣтныхъ писателей. Почему на прологъ Евангелія Іоанна и можно безъ ошибки смотрѣть, какъ на прологъ не къ одному только этому Евангелію, а ко всему Новому Завѣту (Прав. Собес. 1878 г. Апр., стр. 400).

Воплощеніе Христово.

Къ числу библейско-христіанскихъ истинъ, возбуждающихъ недоумѣніе въ нашихъ образованныхъ людяхъ и служащихъ для нихъ камнемъ претыканія, относится особенно воплощеніе Христово. Постараемся устранить недоумѣнія касательно этой истины.

По свидѣтельству исторіи всѣхъ религій и философій, великая истина Боговочеловѣченія неразлучна была съ человѣчествомъ на всѣхъ ступеняхъ его развитія. Наблюдательный взоръ легко можетъ замѣтить у всѣхъ народовъ древности томительное, страстное ожиданіе избавленія отъ удручающихъ родъ людской золъ и бѣдствій. И прекрасная Эллада, и гордый Римъ не хорошо себя чувствуютъ подлѣ своихъ боговъ. Эти боги не въ состояніи были подать имъ миръ и утѣшеніе, которыхъ жаждала душа. Приносятся многочисленныя жертвы за жертвами, учреждаются разные таинственные культы, созидаются алтари чуждымъ, неизвѣстнымъ богамъ:—что̀ все это, какъ не симптомъ сердечнаго недовольства настоящею дѣйствительностью и желанія лучшаго? Тихое, мечтательное предчувствіе ожидаемаго человѣчествомъ избавленія усматривается уже въ сказаніи о возвращеніи Сатурна, который, какъ вѣрили древніе, мирно будетъ нѣкогда царствовать на землѣ, а равно и въ сказаніи о прикованномъ Прометеѣ, котораго освободитъ наконецъ Геркулесъ, сынъ одного изъ боговъ.

Не думайте, что это мечтательныя представленія страдавшаго подъ гнетомъ бѣдъ простаго невѣжественнаго народа: народные мыслители и поэты также борются съ тьмою бѣдствій и безумія и стремятся къ свѣту.

Философъ *Сократъ* своимъ требованіемъ — *обратиться къ себѣ, познать*

себя, нѣсколько напоминаетъ слова Предтечи въ пустынѣ: «покайтеся! приблизилось Царство Небесное!» Ученикъ Сократа *Платонъ*, обладавшій даромъ глубокаго проникновенія въ грѣховныя бѣдствія человѣчества, говоритъ о страждущемъ праведникѣ и изображаетъ его въ такихъ чертахъ, которыя невольно напоминаютъ о страждущемъ Голгоѳскомъ Праведникѣ. Въ трагедіяхъ *Эсхила и Софокла* находится также предчувствіе избавленія посредствомъ полнаго и совершеннаго примиренія. Поэтъ *Виргилій* въ одной изъ своихъ эклогъ ожидаетъ избавителя для своего времени; онъ ожидаетъ наступленія новаго счастливаго вѣка, какой принесетъ съ собою рожденіе младенца.

По религіозному ученію *Индійцевъ*, змѣй, начало зла, по истеченіи двѣнадцати тысячелѣтій, будетъ побѣжденъ Кришною.

Буддизмъ полагаетъ спасеніе въ Буддѣ, открывающемъ людямъ путь къ блаженству. Этотъ Будда многими признается вочеловѣчившимся богомъ.

Ариманъ, злой богъ, будетъ побѣжденъ, вѣрили *Персы*, Ормуздомъ, добрымъ богомъ, и возстановитъ на землѣ совершенный миръ. Въ концѣ времени явится Созіошъ, спаситель, а съ нимъ настанетъ побѣда надъ царствомъ тьмы и возстановленіе первобытнаго блаженства.

Египтяне ожидали какого-то избавителя и искупителя Гороса, который имѣлъ побѣдить зло (олицетворяемое въ Трифонѣ) и поставить на землѣ правителемъ начальника жизни.

Народы *передней Азіи* въ праздникъ Адониса воспоминали смерть своего избавителя — бога, а жители *Тира* въ Мелкартѣ признавали раба божія, который и трудомъ, и страданіями достигъ блаженства.

Германцы также ожидали царства мира и искупленія. *Вальдеру* надлежало умереть; о смерти его горюетъ весь міръ. Послѣ долгой борьбы и страданій начинается на землѣ великій міровой пожаръ, отъ котораго погибаютъ боги и люди; но побѣдитель *Видаръ* снова возстановляетъ золотой вѣкъ. Является новая земля, а съ нею Вальдеръ и всѣ боги, спокойно царствующіе надъ людьми.

Такъ говорилъ голосъ страстнаго желанія искупленія у народовъ древняго міра. Очевидно, что здѣсь одно только страстное желаніе и ничего больше. Совсѣмъ не то у народа Израильскаго: у него было больше, чѣмъ одно желаніе. Для Израильскаго народа искупленіе составляло предметъ надежды. Непрерывная цѣпь обѣтованій Божественныхъ и предсказаній пророческихъ приготовляла народъ къ пришествію Искупителя. Эта цѣпь начинается послѣ грѣхопаденія и заканчивается временемъ Іоанна Крестителя. Сначала вообще только указывается, что Искупитель произойдетъ изъ нѣдръ человѣчества (Быт. III, 15); но вслѣдъ затѣмъ предсказанія пріобрѣтаютъ опредѣленнѣйшій видъ. Авраамъ получаетъ обѣтованіе, что изъ его потомства произойдетъ Спаситель (Быт. XXII, 18). Іаковъ указываетъ колѣно (Быт. XLIX, 10), а Давиду возвѣщается семейство, изъ котораго произойдетъ Избавитель (2 Царств. VII, 12). Пророкъ Михей называетъ мѣсто рожденія Спасителя; пророки Исаія и Захарія самымъ точнымъ образомъ изображаютъ многія обстоятельства изъ внѣшней жизни Его, а равно и Божественное Его достоинство. Вся исторія народа Израильскаго, самъ народъ носитъ на себѣ пророчественный характеръ, представляя прообразы славнаго будущаго.

О явленіи въ мірѣ предсказаннаго пророками и ожидаемаго Искупителя повѣствуютъ Евангелія. Сынъ Божій

сходитъ съ неба не въ какомъ либо фантастическомъ образѣ, въ призрачномъ видѣ человѣкомъ. Его ожидали на землѣ въ теченіи пяти тысячъ лѣтъ. И когда онъ пришелъ, Его тотчасъ узнали такіе люди, какъ Сумеонъ Богопріимецъ, Іоаннъ Креститель и многіе другіе; они узнали Его и привѣтствовали какъ Спасителя міра. Зачинается Онъ по наитію Святаго Духа и рождается отъ Дѣвы Маріи; Онъ есть истинный человѣкъ, отъ жены рожденный, и истинный Богъ, творческимъ чудомъ всемогущества явившійся въ міръ. Явленіемъ Его не прерывается законъ историческаго развитія, поелику пришествіе Его въ міръ, какъ мы видѣли, достаточно было приготовлено. Законъ естественнаго порядка также остается неприкосновеннымъ, такъ какъ Спаситель подчинился естественнымъ условіямъ рожденія и развитія личной жизни. Онъ возрасталъ, укрѣплялся Духомъ и во всемъ былъ подобенъ намъ, исключая грѣха. Хотя Онъ родился отъ жены, но не находился подъ всеобщимъ проклятіемъ первороднаго грѣха, такъ какъ этотъ грѣхъ передается только естественнымъ дѣйствіемъ зачатія, которое у Спасителя замѣнено было преестественнымъ зачатіемъ. Вопросъ о томъ, какъ возможно было въ такомъ случаѣ Его рожденіе, въ равной мѣрѣ неразрѣшимъ, какъ и вопросъ о происхожденіи перваго человѣка. Происхожденіе перваго и втораго Адама мы называемъ чудомъ.

Этому чуду многіе и теперь не вѣрятъ. Богохульное мнѣніе, что Христосъ былъ простой человѣкъ, находитъ себѣ не малый просторъ. «Если Христосъ былъ простой человѣкъ, то ко мнѣ Онъ становится гораздо ближе. Какъ Сынъ Божій, Онъ недостижимъ для меня. Какъ Сынъ Человѣческій, Онъ составляетъ для меня идеалъ, къ которому я стремлюсь». Такова старая пѣснь, которую давно уже распѣваютъ... Но было бы невозможно объяснить и понять явленіе Христа, если признавать Его только за религіознаго генія, за выдающуюся личность, какъ любятъ нѣкоторые называть Его, и пришлось бы совсѣмъ отказаться отъ дѣйствительнаго пониманія Его жизни. При этомъ оставался бы, во-первыхъ, неразрѣшимымъ вопросъ: какъ могла явиться такая единственная въ своемъ родѣ личность, подобно исполину, возвышающаяся надъ всѣмъ человѣчествомъ? Напрасно, во-вторыхъ, стали бы ограничиваться однимъ ученіемъ Его, которое любятъ называть просто нравственнымъ ученіемъ. Не видно, конечно, ниоткуда, чтобы Спаситель хотѣлъ учить Свой народъ только морали. Поразительнымъ для моралиста образомъ, Онъ всегда полагаетъ въ основаніе Свое Лице. Вѣра, которую Онъ возвѣщаетъ, есть вѣра въ Него, нравственность, которой Онъ учитъ, есть не что иное, какъ дѣло Его воли, происходящее изъ любви къ Нему. Этотъ Учитель нравственности поставляетъ для Своихъ учениковъ необходимымъ условіемъ, чтобы они любили Его больше отца и матери, и требуетъ Себѣ Божескаго почтенія (Іоан. V, 23). При этомъ во всякомъ случаѣ остается непонятнымъ, какъ могло достигнуть такого высочайшаго значенія и распространенія Его *ученіе*. Вѣру въ единаго Бога имѣли уже Израильтяне. «Слыши, Израиль, взываетъ къ нему Богъ во Второзак. VI, 4, Господь Богъ твой единъ есть». Ученіе *о внчной жизни* Ветхій Завѣтъ молчаливо предполагаетъ, хотя и не дерзаетъ приподнимать распростертаго надъ нимъ покрывала. *Любовь* Бога къ людямъ нельзя яснѣе изобразить, какъ изобразилъ Давидъ въ псалмѣ CII, 13: «какъ отецъ милуетъ сыновъ, такъ милуетъ

Господь боящихся Его» (ср. Исаія LXIII, 16 и Малахія I, 6). *Заповѣдь о любви къ ближнимъ*, въ которой многіе полагаютъ существо христіанской религіи, внушалъ еще Моусей своимъ современникамъ: люби ближняго, какъ самого себя» (Левит. XIX, 18). *Любовь ко врагамъ* ясно заповѣдуется въ книгѣ Притчей (XXV, 22) и въ книгѣ Исходъ XXIII, 4). Такимъ образомъ главные пункты ученія Христова давно извѣстны были Іудеямъ, и слѣдовательно нельзя ограничиваться тѣмъ, что Онъ былъ только учитель; Онъ былъ Богъ, и этимъ рѣшаются всѣ недоумѣнія.

Послушаемъ Его Самого, что Онъ говоритъ о Своемъ Лицѣ. Всѣмъ извѣстны мѣста Священнаго Писанія, гдѣ Онъ говоритъ о Себѣ. Припомнимъ нѣкоторыя изъ нихъ. Вотъ заключеніе Евангелія отъ Матѳея: «дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ. Итакъ идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, уча ихъ соблюдать все, что̀ Я вамъ повелѣлъ». Спрашивается: возможно ли, чтобы говорилъ такъ человѣкъ? Только наша вѣра въ то, что Онъ былъ истинный Сынъ Божій, избавляетъ Его отъ обвиненій въ богохульствѣ, а насъ отъ упрековъ въ безбожіи. Безъ всякой внѣшней помощи и содѣйствія, Онъ одинаково выступаетъ противъ всего рода человѣческаго и возвѣщаетъ основаніе Царства, стоящаго въ совершенномъ противорѣчіи со всѣми желаніями грѣховнаго человѣческаго сердца, и тѣмъ не менѣе это Царство прочно утверждается и укрѣпляется въ борьбѣ со всѣми враждебными силами, которыя наконецъ подчиняются Ему. Что̀, далѣе, Онъ говоритъ на пути ко гробу Лазаря? «Я есмь воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ. И всякій, живущій и вѣрующій въ Меня, не умретъ во-вѣкъ» (Іоан. XI, 25—26). Говорилъ ли такъ когда либо человѣкъ? Какой человѣческій учитель дерзалъ утверждать о себѣ: «Я есмь то, чему учу?» Мы почли бы безумствомъ въ чьихъ либо другихъ устахъ слова: «кто любитъ отца и мать больше Меня, тотъ Меня недостоинъ». А что за смѣлое слово, съ которымъ Онъ обращается къ міру: «пріидите ко Мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененные» и «аще кто жаждетъ, да грядетъ ко Мнѣ!» Что̀ за дерзкая мысль собрать силою проповѣди подъ одну власть всѣхъ сыновъ человѣческихъ, живущихъ на землѣ, безконечно различныхъ по образованію, по нравамъ, по языку, и составить изъ нихъ одно великое общество! Слуги первосвященническіе были правы, сказавъ: «никогда не говорилъ такъ человѣкъ, какъ Этотъ»! Здѣсь больше, чѣмъ мудрость Соломона и Сократа, Платона и Аристотеля. Объ этихъ мудрецахъ немногіе только имѣютъ точныя свѣдѣнія, и эти немногіе не склоняются подъ ихъ авторитетъ. Но что̀ сказалъ Іисусъ, тому учится уже дитя на груди матери, то воспитываетъ отрока и юношу, укрѣпляетъ мужа въ борьбѣ жизни, утѣшаетъ старика на смертномъ одрѣ. Глубочайшіе вопросы вѣры и нравственности, важнѣйшія задачи философіи выливаются изъ Его устъ въ словахъ, которыя можетъ понять и дитя. Прекрасно кто-то замѣтилъ одному невѣрующему: если бы Христосъ сказалъ только слова: «во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними»; то Онъ сказалъ бы больше, чѣмъ всѣ философы.

Послѣ этого остается одно изъ двухъ: или принять за истину все, что̀ говорится о Христѣ въ Евангеліяхъ, или же предоставить полнѣйшій просторъ самымъ страннымъ недоразумѣніямъ. Допустивши наприм. съ Цельсомъ, Англійскими деистами, Вольтеромъ и дру-

гими безумное предположеніе, которое языкъ затрудняется выговорить, именно—что Христосъ былъ обманщикъ, вы никакъ не объясните, какъ отъ обманщика могло выйти нравственное обновленіе человѣчества. Но вотъ Штраусъ и Ренанъ стараются доказать, что Христосъ былъ, можетъ быть, и самъ обманывавшійся мечтатель. Откуда же это знаютъ гг. Штраусъ и Ренанъ? Изъ Евангелій этого они не могли вычитать; въ Евангеліяхъ представляется образъ Его совершенно непохожимъ на мечтателя. Умъ Его трезвъ и ясенъ, взоръ Его проницателенъ и рѣшителенъ, сужденія Его точны. То же чудесное спокойствіе, съ которымъ Онъ является въ началѣ Своей общественной дѣятельности, сохраняется у Него до конца Его жизни.

И такъ какъ Лице Іисуса Христа стоитъ выше всѣхъ нападеній, то сомнѣвающіеся обращаются къ повѣствователямъ о Его Лицѣ, къ Евангелистамъ, не довѣряя ихъ достовѣрности и утверждая, что вообще не было никакого историческаго Христа. Но въ такомъ случаѣ съ равнымъ правомъ можно утверждать, что не существовало въ дѣйствительности ни одной изъ историческихъ личностей, о которыхъ повѣствуетъ исторія. Если бы Евангелисты были обманщики, то оставалось бы необъяснимымъ, какъ они могли придти къ мысли представить предъ наши взоры такой образъ, который превосходитъ все, что̀ когда либо производилъ міръ истиннаго и прекраснаго, независимо отъ простоты ихъ разсказа и сильнаго впечатлѣнія истины, какое производятъ ихъ повѣствованія на всякаго читающаго Евангелія безъ предзанятыхъ мыслей. Апостолы, при ближайшемъ знакомствѣ съ ихъ писаніями, оказываются людьми простыми, совершенно искренними, не скрывающими ни своихъ недостатковъ, ни своихъ грѣховъ. Будь они обманщиками, они конечно иначе повѣствовали бы.

Такъ какъ съ этой стороны возраженіе безсильно, то старались обманщиковъ обратить въ обманутыхъ. Суевѣрные ученики не поняли, говорятъ, своего Учителя; подъ впечатлѣніемъ отъ Его Лица они силою фантазіи преувеличили образъ Его и украсили чуждыми чертами. На это можно сказать слѣдующее: христіанство, въ теченіе стольких̀ъ вѣковъ явившее столь много чрезвычайныхъ дѣйствій, не можетъ имѣть своимъ источникомъ разгоряченной фантазіи нѣсколькихъ Галилейскихъ рыбарей. Притомъ же эти рыбари отнюдь не были ослѣпленными мечтателями и фанатиками, но въ высшей степени людьми трезвыми и сдержанными; въ подтвержденіе этому стоитъ только прочитать ихъ рѣчи въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, сказанныя ими народу. Рѣчь ихъ вездѣ проста, ясна, можно сказать даже суха, безъ всякихъ аффектацій. Говоря о своемъ Господѣ и Учителѣ, они не прославляютъ Его въ поэтическихъ выраженіяхъ, какъ высшее существо, и выражаются о Немъ, если можно такъ сказать, слишкомъ прозаически. Проникнутые, какъ и всѣ Израильтяне, мыслью, что Божественное и человѣческое, Богъ и міръ отдѣлены между собою безконечною пропастью, они теперь держатся совершенно противоположнаго мнѣнія, говорятъ о вочеловѣченіи Бога, каждый по своему, каждый со своей точки зрѣнія или своихъ слушателей. Все, что̀ было доселѣ у нихъ самаго дорогаго, они должны были оставить и проповѣдывать только Іисуса распятаго и идти за Него на смерть. Но очевидно, что это возможно было только при убѣжденіи въ истинѣ того, что̀ они проповѣдывали. Такое же убѣжде-

ніе въ истинности ихъ повѣствованій производятъ они и на читателей, безъ предзанятыхъ мыслей обращающихся къ чтенію ихъ повѣствованій. Вотъ какое впечатлѣніе они сдѣлали на Руссо, не отличавшагося, какъ извѣстно, вѣрою. Онъ говоритъ: «признаюсь, что величіе Писанія приводитъ меня въ удивленіе, святость Евангелій говоритъ моему сердцу. Какъ малы въ сравненіи съ ними книги философовъ со всею ихъ напыщенностью! Возможно ли, чтобы Тотъ, чья исторія разсказывается въ Евангеліяхъ, былъ только человѣкъ? Менѣе имѣютъ за себя свидѣтелей несомнѣнные въ общемъ мнѣніи факты изъ жизни Сократа, чѣмъ земная жизнь Спасителя. Гораздо было бы труднѣе объяснить, какъ нѣсколько человѣкъ согласились составить эту книгу, чѣмъ признать, что не существовало то Лице, Которое дало матеріалъ для Писанія. Евангеліе заключаетъ въ себѣ такія блестящія, неподражаемыя черты истины, что выдумывавшій оное былъ бы болѣе достоинъ удивленія, чѣмъ самое Лице, о Которомъ онъ повѣствуетъ».

Для избѣжанія подобныхъ затрудненій, нѣкоторые и Учителя и учениковъ относятъ къ области вымысла. Евангелій, говорятъ такіе отрицатели, не писали ни Апостолы, ни ученики ихъ; уже въ позднѣйшее время вложены были въ уста Христу извѣстныя рѣчи и изрѣченія, и не раньше конца втораго вѣка Церковь окружила миѳами и легендами естественныя первоначально дѣла и слова Своего Основателя. Но наука несомнѣнно доказала, что Евангелія произошли еще въ первомъ вѣкѣ, и что въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ втораго вѣка наши 4 Евангелія были извѣстны и приняты вездѣ въ христіанской Церкви. На это-то и не обращаютъ вниманія представители этой гипотезы. Нужно знать исторію первенствующей Церкви Христовой, повѣствующую о мученикахъ, шедшихъ на смерть за свою вѣру въ Распятаго и Воскресшаго, чтобы дать надлежащую оцѣнку подобнымъ утвержденіямъ. Притомъ же тогда очень хорошо умѣли различать истину отъ вымысла. И жизнь Аполлонія Тіанскаго описана также четырьмя писателями; онъ выдавалъ себя за бога, странствовалъ по разнымъ странамъ со своимъ ученіемъ и чудесами; но кто же принялъ его ученіе и кто призналъ его богомъ?

Противники Божества Христова всякій разъ приходятъ въ затрудненіе, если серьезно обратить вниманіе на послѣдствія ихъ заблужденія. Кто отрицаетъ Божество Христово, у того не остается уже идеала добродѣтели, который не такъ давно старались извлекать изъ Евангелія. Этотъ идеалъ сыгралъ свою роль съ того времени, какъ Шлейермахеръ выступилъ со своимъ мнѣніемъ. Онъ дѣлаетъ еще шагъ впередъ и признаетъ въ Іисусѣ Христѣ только Сына Человѣческаго, т. е., первообразъ человѣчества, въ которомъ оно достигаетъ высочайшаго своего развитія. По этому мнѣнію Христосъ есть высшее развитіе всего, что̀ первоначально заключено было въ человѣческой природѣ. Ученіе Христово въ такомъ случаѣ есть не что иное, какъ продуктъ предшествующаго времени; Христосъ умѣючи воспользовался только богатымъ наслѣдствомъ, полученнымъ отъ іудейства и язычества. Но жаль только, что Евангельское повѣствованіе ничего объ этомъ не знаетъ! Какъ сынъ (мнимый) плотника, Христосъ выступаетъ на общественное служеніе въ мало извѣстной области, не получивъ школьнаго образованія, не имѣя Себѣ руководителя и безъ всякаго знакомства съ Римскимъ и Греческимъ образованіемъ. Откуда же Ему эта премудрость?

спросимъ мы съ Іудеями. О языческомъ наслѣдствѣ, конечно, нечего уже и говорить. Да и какъ Онъ возобладалъ Іудейскимъ наслѣдствомъ? Онъ неумолимо отвергаетъ всѣ религіозныя и патріотическія претензіи Своего народа и разрушаетъ всѣ блестящія его надежды. Онъ совершенно иначе, чѣмъ оффиціальные народные учители, объясняетъ Священное Писаніе Ветхаго Завѣта. Онъ поставляетъ Себя выше Ветхаго Завѣта, показываетъ его Своему народу совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ какъ привыкли видѣть его. Да и что̀ мнѣ въ первообразѣ человѣчества? Онъ не удовлетворяетъ въ дѣйствительности потребностей моего сердца. Пожалуй, если бы не существовалъ грѣхъ, тогда мы могли бы довольствоваться возвышенными религіозными идеями, благочестивыми чувствами и расположеніями. Но мы имѣемъ надобность въ большемъ. Намъ нужно искупленіе нашихъ грѣховъ, намъ необходимъ Ходатай нашего избавленія, необходимо откровеніе благодати Божіей; но въ этомъ отношеніи ничего не поможетъ намъ первообразъ человѣчества.

Послѣдователи Гегеля и Штрауса идутъ еще дальше въ передергиваніи понятій. Такъ какъ, по мнѣнію перваго, абсолютная идея въ отдѣльномъ лицѣ никогда не можетъ достигнуть своего обнаруженія во всей полнотѣ, а проявляется только въ цѣломъ родѣ, то и вочеловѣченіе Бога не могло быть только въ одной исторической личности, въ Іисусѣ Христѣ, а продолжаетъ осуществляться во всемъ человѣческомъ родѣ. Отсюда уже естественное заключеніе, что въ развитіи человѣчества къ богоподобію Христосъ есть только членъ, хотя и безъ сомнѣнія выдающійся. Но независимо отъ того, что этотъ протестъ противъ воплощенія Христова, какъ прекрасно кто-то замѣтилъ, появился слишкомъ поздно, мы уже на герояхъ человѣчества видимъ, что «невозможное» у философовъ часто бываетъ въ дѣйствительности. У Рафаэля, у Моцарта въ одномъ произведеніи выливалась вся сила, изящество и полнота идеи;—почему же я долженъ сомнѣваться въ словахъ Апостола Павла, когда онъ говоритъ, что во Христѣ вся полнота Божества обитала тѣлесно? Повторимъ еще разъ: намъ нуженъ удобоощутимый, наглядный, историческій образъ, который пробуждалъ бы наши сердца, и предъ которымъ преклонялись бы наши колѣна; намъ нуженъ Христосъ, Которому могли бы предаться со всею силою и горячностью нашей любви, Христосъ, Который снисходилъ бы къ намъ, и къ Которому мы могли бы возноситься. Таковъ именно и есть нашъ Христосъ Господь (Воскр. Чт. 1872 г. т. 1, стр. 321—326).

Тайна рожденія Сына Божія во плоти человѣческой, по ученію Тертулліана и св. отцевъ.

Непостижимая для разума тайна рожденія Сына Божія во плоти человѣческой вызывала съ самаго начала христіанства противъ себя возраженія со стороны невѣрующихъ. Невозможно, говорили они, Сыну Божію «родиться и воспринять плоть человѣческую», ибо невозможно вмѣщеніе Безконечнаго въ конечной и ограниченной, Безначальнаго во временной и тлѣнной, Всесовершеннаго въ чуждой совершенства плоти человѣческой. «Истинное рожденіе Его» отъ Дѣвы казалось имъ «позорнѣйшимъ» для Бога. Находя рожденіе Сына Божія

во плоти *невозможнымъ*, они или совершенно отрицали воплощеніе, или же старались понять и изъяснить его такъ, чтобы Богу не усвоялась истинная плоть человѣческая и все то, что̀ сопряжено съ воспринятіемъ ея, какъ-то: зачатіе въ утробѣ Дѣвы Маріи, рожденіе и пр. Защищая воплощеніе Сына Божія, служащее основаніемъ нашего спасенія, древніе святые отцы и писатели церковные указывали на любовь Божію къ человѣку, проявившуюся въ воплощеніи Сына Божія и на достоинство природы человѣческой, созданной тѣмъ же любвеобильнымъ Богомъ. Особенно краснорѣчивое выраженіе этихъ мыслей находимъ въ сочиненіяхъ Тертулліана.

Плоть человѣческая, говоритъ онъ, при самомъ началѣ ея предназначалась къ тому возвеличенію ея, каковое имѣло послѣдовать чрезъ рожденіе въ ней Сына Божія. «Нѣкоторое великое дѣло предначертывалось, когда приготовлялось это вещество. И столько разъ оно почтено было Богомъ, сколько разъ оно испытывало на себѣ прикосновеніе руки Божіей... Представь себѣ, что *весь* Богъ занимается имъ—Своею рукою, Своимъ разумомъ, Своимъ дѣйствіемъ, Своимъ совѣтомъ, Своею мудростію, Своимъ провидѣніемъ и прежде всего Своею *любовію*, придававшею ему обликъ. Эта персть для того и образовывалась съ такою тщательностью, что при этомъ предносилась мысль о Христѣ, имѣвшемъ содѣлаться человѣкомъ, бывшемъ тогда еще перстію, и Слово имѣло содѣлаться плотію, тогда бывшею еще землею... Да, эта персть, тогда уже отражавшая въ себѣ образъ будущаго Христа во плоти, есть не только твореніе Божіе, но и *залогъ* Его. Тебя возмущаетъ самый фактъ рожденія Сына Божія во плоти? Но если ты отвергаешь воплощеніе Сына Божія, какъ не возможное и опасное для Бога, то тебѣ остается осудить и отвергнуть его, какъ недостойное Его. Начавъ съ поношенія самаго рожденія человѣческаго, ораторствуй противъ недостоинства элементовъ, служащихъ къ дѣторожденію въ утробѣ матерней, вооружайся противъ стыдливости раждающей женщины,—стыдливости, освященной самою природою и заслуживающей скорѣе почтенія, ради той опасности, которой подвергается женщина, готовящаяся быть матерью. Ты чувствуешь отвращеніе къ дитяти, родившемуся въ свѣтъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ, навѣрно презираешь и то, что оно омывается, обвертывается пеленами, когда расправляются его члены, что оказываются ему ласки. И ты презираешь это, достойное всяческаго почтенія, дѣло природы? Но какимъ образомъ родился ты самъ? Ты ненавидишь человѣка, раждающагося въ свѣтъ?! Какъ же ты можешь любить кого либо?... И однакожъ несомнѣнно, что Христосъ *возлюбилъ* того самаго человѣка, который зачался и образовался въ утробѣ матерней изъ элементовъ, по твоему, недостойныхъ того, который воспитанъ среди материнскихъ ласкъ, смѣшныхъ для тебя! Ради него Онъ снизошелъ на землю, ради него проповѣдывалъ, ради него Онъ уничижилъ Себя даже до смерти и смерти крестныя (Фил. II, 8). О, какъ возлюбилъ Онъ этого человѣка, если искупилъ его столь великою цѣною!... Возлюбивъ человѣка, Онъ возлюбилъ и его рожденіе, и его плоть, ибо ничего нельзя любить, не любя того, чрезъ что̀ вещь получаетъ свое бытіе. Или отними рожденіе и уничтожь человѣка, или оставь плоть и вмѣстѣ съ нею оставь намъ человѣка, спасеннаго Богомъ. Ты полагаешь, что плоть и рожденіе постыдны для Того, Кто спасъ человѣка, что она недостойна Его? Однакожъ Онъ не спасъ бы человѣка

если бы не любилъ его. Преобразуя наше рожденіе небеснымъ рожденіемъ, Онъ освобождаетъ и плоть отъ всяческихъ немощей, очищаетъ прокаженную, слѣпой возвращаетъ свѣтъ, укрѣпляетъ разслабленную, освобождаетъ подверженную демонамъ, воскрешаетъ умершую. И мы должны ли стыдиться подобной плоти?»

Несомнѣнно, что весь блескъ человѣческаго величія ничего не можетъ прибавить къ дѣлу воплотившагося Искупителя, что ни одно вещество не благородно настолько, чтобы служить достойной одеждой для Божества; но Богъ облагораживаетъ формы, въ которыя облекается. И человѣческое рожденіе нисколько не унижаетъ Божескаго величія. Дѣлаясь человѣкомъ, Богъ не можетъ пасть въ Своемъ величіи, ибо Онъ не перестаетъ быть Богомъ. Измѣненіе происходитъ не въ высшемъ существѣ. Божественная и человѣческая природы, соединяясь въ одной личности Христа, остаются неприкосновенными; одна возвышается, а другая не унижается. Чрезъ воплощеніе Богъ возводитъ человѣческую природу на ту высоту, на которую могла возвести ее только любовь Божественная. «Богъ пришелъ бесѣдовать съ людьми, дабы научить ихъ жить по Божественному; Богъ обращается съ человѣкомъ, какъ съ равнымъ Ему, дабы и человѣкъ могъ должнымъ образомъ относиться къ Нему. Богъ умалился, дабы человѣкъ возвысился (Изъ Воскр. Чт. 1880 г. № 52, стр. 563—564)

Но развѣ нельзя было всемогущему и премудрому Богу спасти насъ такъ же легко и просто, какъ и сотворилъ въ началѣ, т. е., однимъ словомъ? Почему нужно было, чтобы Сынъ Божій сдѣлался Сыномъ Человѣческимъ? Въ этомъ заключается, по выраженію святаго Апостола, *тайна велія благочестія* (1 Тимоѳ. III, 16), которую не постигнуть нашему уму и которую развѣ нѣсколько только можно приблизить къ нашему пониманію.

И въ обыкновенномъ житейскомъ быту весьма часто бываетъ такъ, что исправить иную испорченную и обветшавшую вещь, наприм. одежду, стоитъ бо́льшихъ хлопотъ, тратъ и времени, чѣмъ сдѣлать ее вновь. Это всякій изъ насъ знаетъ по собственному опыту. Нѣчто похожее надобно видѣть и въ возсозданіи падшаго человѣка, который въ паденіи своемъ, въ лицѣ прародителей, такъ низко уронилъ себя, такъ крѣпко расшибся и испортился, что поднять и уврачевать его могъ только Самъ же Создатель и притомъ безъ насилія свободы его, а съ согласія, и не словомъ только, но и дѣломъ,—дѣломъ самаго тѣснаго и преискренняго соединенія Божества Своего съ человѣчествомъ, потому что только при такой связи могли перейти въ собственность, усвоиться человѣчеству, какъ очищеніе отъ вкоренившагося въ природѣ его грѣха, такъ и начатокъ новой благодатной жизни. «Если бы Іисусъ Христосъ принялъ на Себя не настоящее тѣло человѣческое, говоритъ св. Аѳанасій Великій, а только мнимое и кажущееся, то и спасеніе наше было бы только мнимое, а не дѣйствительное (о воплощ. Бога Слова). Но если бы принявъ тѣло, говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, не принялъ души человѣческой, то и не исцѣлилъ бы того, чего не принялъ (Излож. вѣры кн. 3, гл. 6). Іисусъ Христосъ сошелъ съ неба, говоритъ еще св. Аѳанасій, чтобы насъ возвести на небо. Онъ восхотѣлъ родиться, какъ человѣкъ, чтобы пріобрѣсть наши сердца. Онъ принялъ на Себя тлѣнную плоть нашу, дабы воплотить въ ней начало безсмертія. Онъ осудилъ Себя на немощь, дабы даровать силу,—однимъ словомъ—Онъ

сдѣлался человѣкомъ, дабы возрожденное Имъ человѣчество снова ожило, восторжествовало надъ смертью. Если бы І. Христосъ, по словамъ Григорія Богослова, пребылъ на Своей высотѣ, если бы не снисшелъ къ немощи нашей, то, можетъ быть, немногіе бы послѣдовали за Нимъ, даже едва ли послѣдовали бы и немногіе (Слово 37. Тв. св. отц. Церк. Москов. Ак.). Онъ явился, закрывшись отвсюду завѣсою—тѣломъ нашимъ—потому, что иначе невозможно было бы приблизиться къ моимъ немощамъ (тамъ же, слово 8-е таинств. пѣсноп.). Кромѣ того, поелику изобрѣтатель грѣха діаволъ мечталъ быть непобѣдимымъ, уловивъ надеждою обоженія, то самъ уловляется покровомъ плоти, чтобы, приразясь какъ къ Адаму, срѣтить Бога (тамъ же, слово 39) и о крѣпость Его сокрушить свою злобу (сл. 8.) Такъ объясняютъ воплощеніе и рожденіе Сына Божія св. отцы Церкви. О немъ говоритъ и св. Апостолъ Павелъ въ слѣдующихъ словахъ: *Богъ послалъ Сына Своего въ подобіи плоти грѣховной, въ жертву за грѣхъ, и осудилъ грѣхъ во плоти, чтобы оправданіе закона исполнилось въ насъ живущихъ не по плоти, но по духу* (Римлян. VIII, 3—4). (Изъ Воскр. Чт. за 1873 г., т. II, стр. 390—391).

Библіографическій указатель къ прологу Евангелія отъ Іоанна.

Святоотеческія толкованія.

1) *Св. Іоанна Златоустаго.* Бес. на слова: *Въ началѣ бѣ Слово* (1, 1). Бес. на разныя мѣста Писанія. II. 179.

2) *Его же.* На слова: *И міръ Его не позна*, (1, 10). Хр. Чт. 1839 г. III. 135.

3) *Его же.* О воплощеніи Бога Слова (1, 14). Воскр. Чт. XIV. 351. XV. 373. Хр. Чт. 1835 г. II. 25. 1838 г. I. 43.

4) *Его же. И отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ благодать возблагодать* (1, 16). Воскр. Чт. IX. 119.

5) *Его же.* Бес. на 11 ст. 1 гл. Хр. Чт. 1841. II. 309.

6) *Бл. Θеофилакта* изъясненіе Ев., читаемаго въ 1-й день Пасхи. Воскр. Чт. X. 4.

7) *Св. Прокла, архіеп. Константинопол.* (1. 1). Хр. Чт. 1840 г. II. 194.

8) *Преп. Сѵмеона Новаго Богослова.* Толкованіе словъ: *Въ началѣ бѣ Слово* (1, 1). Въ 57 словѣ Душ. Чт. 1879 г. II. 371.

9) *Св. Аѳанасія Александрійскаго.* О явленіи во плоти Бога Слова и противъ аріанъ. Ч. III. 285. Тв. св. оо. XXI.

10) *Блаж. Августина.* На первыя слова Еванг. отъ Іоан. Воскр. Чт. X. 1.

11) *Преп. Максима Исповѣдника.* О воплощеніи Бога Слова. Воскр. Чт. VIII. 421.

12) *Преп. Исидора Пелусіота.* На слова: *И видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго* (1, 14) Ч. I. 264. Тв. св. оо. Т. XXXIV.

13) *Его же.* На слова: *Въ началѣ бѣ Слово* (1, 1). Ч. II. 381. Т. 35. Ч. III. 52. Т. 36.

новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

14) *Муретова.* Идея Логоса въ Ветх. Зав. Прав. Обозр. 1882 г. II. 102—140. 451—493. 695—722.

15) *Троицкаго.* Іисусъ Христосъ, какъ Богъ Слово (Логосъ), и откровеніе Его міру (1—14). Чт. въ Общ. л. д. п. 1881 г. Апр. 365.

16) Ученіе о Логосѣ у Филона Александр. и св. Іоанна Богослова въ связи съ предшествовавшимъ историческимъ развитіемъ идеи Логоса. Приб. къ тв. св. отц. 1881 г. XXVIII. 163—293.

17) *Е. О. Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* и дал. 1 гл. Іоан. Дом. Бес. 1870 г. Вып. 16—32. I и 11.

18) О лицѣ Христа Спасителя (Слово плоть бысть). Дух. Бес. 1860 г. XI. 465.

19) Богочеловѣкъ *(изъ Люгарда).* Тр. К. Д. А. 1869 г. I. 3.

20) *Прот. М. С.* Богъ—Слово. Тр. К. Д. А. 1874 г. II. Май. 162.

21) Изъясненіе Евангелія въ день Св. Пасхи. Приб. къ тв. св. оо. 1850 г. IX. 188.

22) Евангеліе, читаемое на Литургіи въ 1-й день Пасхи. Воскр. Чт. V. 12.

23) Благодать возблагодать (1, 16). Рук. для с. п. 1871 г. III. 223.

24) Законъ и благодать (1. 17). Воскр. Чт. VI. 348.

25) Евангеліе, читаемое на Литургіи въ день Св. Пасхи. Рук. для с. п. 1868 г. I. 567.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

26) Ст. 1—18. *Павла, архіеп. Кишинев.* Сравненіе ученія Ев. Іоанна о Словѣ съ ученіемъ древнѣйшаго еретика Керинѳа. III. 249—258.

27) Ст. 1—17. *Филарета, митроп. Москов.* Почему Св. Церковь торжественнѣйшимъ образ. оглашаетъ слухъ нашъ въ день Св. Пасхи благовѣстіемъ о Богѣ Словѣ? IV. 243—246.

28) Ст. 1—4. *Его же.* О творческой и промыслительной дѣятельности Бога Слова и о могущественныхъ дѣйствіяхъ слова человѣческаго, по причинѣ образа Божія въ человѣкѣ. III. 231—234.

29) Ст. 4. *Арсенія, митроп. Кіев.* I. X. есть свѣтъ для людей, просвѣщающій ихъ лучами истиннаго Боговѣдѣнія. I. 11—14.

30) Ст. 7. *Его же.* Объ отношеніи невѣрующихъ Іудеевъ къ Іоанну Крестителю. III. 196—199.

31) Ст. 12. *Григорія, архіеп. Казан.* Важность благодѣянія—быть чадомъ Божіимъ II. 127—133.

32) Ст. 14. *Иннокентія, архіеп. Херсон.* О томъ, что таинство воплощенія содержитъ въ себѣ все, что только можетъ одушевить насъ и питать нашу надежду; но въ то же время въ немъ заключается все, что̀ можетъ пробуждать безпечныхъ и устрашать недостойныхъ. I. 98—109.

33) Ст. 14. *Никанора, архіеп. Херсон.* О Боговоплощеніяхъ Слова въ обширнѣйшемъ смыслѣ проявленій Божества въ ограниченныхъ формахъ, при твореніи міра и промышленіи объ искупленіи человѣка III. 191—194.

34) Ст. 17. *Филарета, митроп. Москов.* Почему прежде *благодать*, а потомъ *истина?* V. 297.

Дѣтство Господа нашего Іисуса Христа и Его Предтечи Іоанна Крестителя (Матѳ. I, 18—II, 23. Лук. 1, 5—II, 52).

Проф. М. И. Богословскаго.

Исторія дѣтства сравнительно съ исторіей общественнаго служенія Іисуса Христа необыкновенно коротка; знакомятъ съ нею только два Евангелиста—Матѳей и Лука, Маркъ же и Іоаннъ совсѣмъ не касаются ея. Тѣмъ не менѣе исторія эта есть прекраснѣйшая и совершенно необходимая часть цѣлаго, какъ это съ очевидностью доказываетъ примѣръ Матѳея и Луки. Не будь, въ самомъ дѣлѣ, этой, хотя и краткой, исторіи, мы не знали бы многаго, и притомъ самаго важнаго; не знали бы: когда, какъ и откуда произошелъ Спаситель, гдѣ Онъ жилъ, и какія лица окружали Его? Всѣ эти вопросы остались бы для насъ неразрѣшимыми. А какой она проливаетъ яркій свѣтъ не только на все прошлое — ветхозавѣтное, но и на все будущее въ христіанствѣ, для этого достаточно указать на пѣснь Богородицы (Лук. I, 46—55), Захаріи (Лук. I, 68—79) и Симеона (Лук. II, 28—35).

Повѣствованія эти — эпизодическаго характера; каждое изъ нихъ представляетъ маленькое цѣлое и законченное; ихъ можно размѣстить въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) предсказаніе Ангела о рожденіи Іоанна Предтечи (Лук. I, 5—25); 2) Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвѣ о рожденіи Мессіи (Лук. I, 26—38); 3) посѣщеніе Пресвятою Дѣвою Елизаветы (Лук. I, 39—56). Эти три разсказа образуютъ первый кругъ или первое отдѣленіе. Второй кругъ образуютъ слѣд. четыре разсказа. 4) Рожденіе и обрѣзаніе Іоанна съ хвалебною пѣснью Захаріи (Лук. I, 57—80); 5) открытіе Іосифу тайны воплощенія (Матѳ. I, 18—25); 6) рожденіе, обрѣзаніе Іисуса Христа и принесеніе Его во храмъ (Лук. II, 1—40); 7) поклоненіе волхвовъ, бѣгство святаго семейства во Египетъ и возвращеніе въ Назаретъ (Матѳ. II, 1—23); 8) повѣствованіе о первомъ путешествіи Іисуса Христа въ Іерусалимъ и бесѣдѣ Его во храмѣ (Лук. II, 41—52), которое служитъ заключеніемъ и, такъ сказать, вѣнцемъ всѣхъ предыдущихъ повѣствованій. Изъ этого перечня видно, что бо́льшую часть повѣствованій передаетъ Евангелистъ Лука, а меньшую Евангелистъ Матѳей Послѣдній описываетъ только такія событія, которыя могли бы возродить и укрѣпить вѣру въ первыхъ читателяхъ—Евреяхъ, что Іисусъ Христосъ есть истинный Мессія, обѣтованный еще въ Ветхомъ Завѣтѣ; Лука же неоспоримо имѣлъ въ виду показать связь своей Евангельской исторіи съ Божественными откровеніями Ветхаго Завѣта о спасеніи чрезъ Іисуса Христа всего человѣчества, а не однихъ Іудеевъ (Лук. II, 32). Такимъ образомъ оба Евангелиста тѣс-

но соединяются другъ съ другомъ и восполняютъ одинъ другаго, представляя одну гармонически стройную картину рожденія и дѣтства Іисуса Христа—Сына Божія и Сына Человѣческаго. Обращаемся къ первому повѣствованію.

1) Предсказаніе Ангела о рожденіи Предтечи.

Общее содержаніе этого повѣствованія таково: сначала сообщаются краткія свѣдѣнія о Захаріи и Елизаветѣ и объ ихъ семейныхъ обстоятельствахъ (5—7). Это—первая часть. Затѣмъ во второй изображается явленіе Ангела Захаріи во храмѣ, радостное благовѣстіе его, недовѣріе со стороны Захаріи Ангелу и послѣдствія недовѣрія (8—22). Въ заключеніе (третья часть) говорится объ исполненіи предсказанія Ангела (23—25).

При разсмотрѣніи этого повѣствованія прежде всего обыкновенно обращаютъ вниманіе на неожиданную перемѣну во внѣшнемъ строѣ и характерѣ рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, въ первыхъ четырехъ стихахъ, которые предшествуютъ этому повѣствованію и составляютъ предисловіе къ Евангелію, рѣчь чисто Греческая, здѣсь же она съ первыхъ словъ и до конца 40 ст. II гл. становится Еврейской и по формѣ, и по духу. Но такая неожиданная перемѣна естественно объясняется тѣмъ предположеніемъ, что Лука пользовался здѣсь письменнымъ источникомъ на Еврейскомъ или Арамейскомъ языкѣ, который старался удержать во всей чистотѣ и по содержанію, и по формѣ. Сущность содержанія первыхъ двухъ главъ Евангелія дѣлаетъ это предположеніе въ высшей степени вѣроятнымъ. Святый Лука повѣствуетъ въ этихъ главахъ именно о томъ, что̀ произошло въ двухъ родственныхъ семействахъ и что̀ хранилось въ нихъ до времени, какъ святѣйшая тайна. Позднѣе же, когда совершено было великое дѣло искупленія рода человѣческаго, и когда Марія, Мать Господа, находилась еще въ числѣ первыхъ вѣрующихъ (Дѣян. 1, 14), ничего не было естественнѣе,—какъ чтобы Сама Она повѣдала всему христіанскому обществу чудесное рожденіе Своего Спасителя, а также и Его Предтечи. И все это несомнѣнно занесено было на память въ фамильныя записи, которыми и воспользовался святый Лука, чтобы передать исторію дѣтства Іисуса Христа со всею точностью, чтобы разсказъ его былъ вполнѣ достовѣренъ, о чемъ онъ особенно заботился (I, 3).

Затѣмъ останавливаются на вопросѣ о достовѣрности разсказа. Нѣкоторые изслѣдователи Евангельской исторіи, отрицая явленіе Ангеловъ вообще, и въ частности Захаріи, относятъ этотъ разсказъ прямо въ область миѳовъ. Но прежде чѣмъ разбирать ихъ основанія, считаемъ необходимымъ замѣтить, что критики въ данномъ случаѣ не обращаютъ никакого вниманія на исторію явленія Ангеловъ. Съ исторической точки зрѣнія дѣйствительность явленія Ангеловъ едва ли можетъ подлежать какому либо сомнѣнію: въ священной письменности Ветхаго и Новаго Завѣтовъ передается множество подобныхъ фактовъ. Неужели же всѣ священные писатели завѣдомо и единодушно согласились передавать вымыслы за факты? Предполагать такой обманъ по меньшей мѣрѣ было бы странно и крайне не научно. Ученіе объ Ангелахъ, и слѣдовательно исторія ихъ явленій входитъ органически въ систему Богооткровенной религіи и имѣетъ въ ней величайшее значеніе. По ученію Священнаго Писанія, мы окружены Анге-

лами; Богъ ввѣрилъ насъ ихъ попеченію (Псал. XXXIII, 8. Быт. XXXII, 1); мало этого, задача христіанства и состоитъ именно въ томъ, чтобы ввести насъ въ этотъ высшій духовный міръ, котораго мы лишились за свой грѣхъ. *Вы*, говоритъ Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Евреямъ (XII, 22), *приступили къ горѣ Сіону и ко граду Бога живаго, къ небесному Іерусалиму и тьмамъ Ангеловъ, торжественному собору* и проч. Спрашивается послѣ этого: какія же основанія приводятъ критики противъ достовѣрности ангелоявленій? Первое, на которое они главнымъ образомъ опираются, это то, что съ естественной точки зрѣнія нельзя объяснить чудеснаго явленія Ангеловъ людямъ. Никто, говорятъ они, не можетъ сказать, какимъ способомъ и по какимъ законамъ Ангелы—существа духовныя, не тѣлесныя—неожиданно являются въ мірѣ чувственномъ, осязаемомъ? Возраженіе это, по ихъ мнѣнію, одно изъ самыхъ сильныхъ, но въ сущности самое слабое и самое несостоятельное. Для того, чтобы извѣстныя явленія были признаны несомнѣнно дѣйствительными, нѣтъ необходимости понимать тѣ законы и способы, по которымъ они совершаются. Для этого достаточно только имѣть доказательства ихъ дѣйствительности; способы же совершенія ихъ при этомъ могутъ оставаться и непонятными. Это, кажется, слишкомъ ясно. Совершенно возможная и самая обыкновенная вещь—имѣть несомнѣнныя доказательства въ пользу дѣйствительнаго существованія извѣстныхъ предметовъ и въ то же время совершенно не понимать, какъ, отъ какихъ причинъ и по какимъ законамъ существуютъ эти предметы.... Тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать о явленіяхъ существъ высшаго духовнаго міра, гдѣ есть законы своего рода, законы высшаго порядка. Если же на это намъ скажутъ, что вселенная есть органическое цѣлое съ опредѣленными законами, что эти законы господствуютъ не только на нашей землѣ, но вездѣ, куда только могутъ проникать наши наблюденія, что слѣдовательно всякое чудесное явленіе есть нарушеніе вѣчныхъ законовъ природы, то на это готово болѣе чѣмъ равносильное возраженіе: никто не доказалъ и ничѣмъ нельзя доказать, чтобы міръ, какъ органическое цѣлое—этого нельзя не признать—былъ совершенно замкнутымъ кругомъ конечныхъ причинъ. Если же такъ, если міръ не есть совершенно замкнутый кругъ конечныхъ причинъ, то нѣтъ, слѣдовательно, никакого основанія и отрицать чудесныя явленія существъ высшаго міра; нѣтъ основанія думать, что явленія эти нарушаютъ гармонію природы, или приводятъ ее въ разстройство. Въ природѣ дѣйствуютъ свои законы, въ явленіяхъ духовнаго великаго міра—свои, высшаго порядка, которые для насъ непостижимы.

Другое основаніе приводятъ чисто психологическое. Всѣ явленія Ангеловъ, о которыхъ говорится въ Священномъ Писаніи, были, по мнѣнію критиковъ (миѳологистовъ), чисто субъективнымъ дѣйствіемъ собственнаго воображенія тѣхъ лицъ, которыя видѣли Ангеловъ; допускаются, такимъ образомъ, только субъективныя видѣнія, внутренніе образы. Что подобныя видѣнія или галлюцинаціи на самомъ дѣлѣ бываютъ,—это фактъ опыта, который легко объясняется болѣзненнымъ состояніемъ, или чрезмѣрнымъ душевнымъ возбужденіемъ. Въ томъ и другомъ случаѣ раздраженіе нервовъ возбуждаетъ представленіе о предметѣ, или звукѣ, и хотя это явленіе чисто внутреннее, человѣкъ переноситъ его, какъ всѣ другія впечатлѣнія, во внѣшній міръ. Онъ видитъ пред-

метъ, лицо, которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ предъ нимъ, онъ слышитъ голоса, которыхъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Такимъ образомъ объясняются, напр., исторія дѣвы Орлеанской и голоса, которые она будто слышала. Но такія видѣнія, какъ мы замѣтили, не возникаютъ сами по себѣ; каждое видѣніе предполагаетъ соотвѣтствующее душевное состояніе. Дѣва Орлеанская видитъ видѣніе, потому что она, при болѣе и болѣе возрастающемъ внутреннемъ возбужденіи, уже носилась съ тѣми мыслями, которыя только воплотились въ этихъ видѣніяхъ; она слышитъ въ голосахъ только свои собственныя мысли. Было ли что-нибудь подобное у Захаріи? Ожидалъ ли онъ себѣ сына? Былъ ли онъ въ такомъ настроеніи, чтобы внутренно быть расположеннымъ къ этому видѣнію? Совершенно наоборотъ. Если какой фактъ не подлежитъ сомнѣнію, то это тотъ, что Захарія совершенно оставилъ мысль о возможности имѣть дѣтей. *Азъ бо есмь старъ, и жена моя заматорѣвши во днехъ своихъ*, отвѣчаетъ онъ Ангелу на благовѣстіе и проситъ знаменія, чтобы увѣриться въ дѣйствительности словъ его. Спрашивается: могъ ли Захарія при такомъ настроеніи имѣть такое видѣніе, какое описываетъ святый Лука? Очевидно, нѣтъ. Въ самомъ же повѣствованіи нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы это было внутреннее видѣніе; событіе это описано съ такою ясностью и опредѣленностью, съ такою подробностью и обстоятельностью, что не оставляетъ никакого сомнѣнія въ дѣйствительности внѣшняго факта. Въ защиту дѣйствительности явленія Ангеловъ противъ школы миѳологистовъ можно привести и еще нѣкоторыя соображенія. Извѣстно, что міръ видимыхъ, физическихъ явленій есть результатъ невидимыхъ нами причинъ, отъ которыхъ они происходятъ. Цѣлая же вселенная во всемъ ея необъятномъ величіи и красотѣ даетъ намъ ясное указаніе на существованіе единой, высшей, духовной Первопричины. Такъ собственно представляется это и по Священному Писанію (Римлян. I, 20). Всякое видимое, живое существо, всякое физическое явленіе есть по нему дѣйствіе этой верховной Первопричины; такъ что видимый и невидимый міръ находятся между собою въ постоянномъ взаимодѣйствіи и относятся одинъ къ другому, какъ дѣйствіе къ своей причинѣ. Въ этой мысли, проникающей все Священное Писаніе, выражается глубокое духовное пониманіе того отношенія, которое существуетъ между міромъ видимымъ и невидимымъ. Если же таково въ общемъ, по ученію Священнаго Писанія, отношеніе видимаго міра къ невидимому, то частнѣе въ религіозно-нравственной жизни, гдѣ жизнь высшаго міра проявляется самымъ непонятнымъ образомъ, это взаимодѣйствіе двухъ міровъ должно быть самое поразительное. И дѣйствительно, въ нѣкоторые важнѣйшіе моменты жизни человѣческой оно открывалось или явленіемъ Ангеловъ, или даже Самого Бога. Впрочемъ, эти откровенія постоянно видоизмѣнялись, смотря по нуждамъ лицъ и времени. Въ періодъ религіознаго дѣтства, т. е. въ Ветхомъ Завѣтѣ (Галат. IV, 1—3), когда человѣчество нуждалось въ болѣе доступныхъ чувствамъ откровеніяхъ духовнаго міра, подобныя откровенія были гораздо чаще, чѣмъ въ Новомъ Завѣтѣ; притомъ одному откровенія давались наяву, другому во снѣ, сообразно съ воспріемлемостью лицъ. О произволѣ какомъ либо тутъ нечего и думать.—Сообщенія Божественной воли во время сна составляютъ, безъ сомнѣнія, низшую ступень Божественныхъ откровеній, а наяву—самую выс-

шую. Аврааму, Іакову, Моисею, Захаріи, Дѣвѣ Маріи, Апостолу Павлу откровенія чрезъ Ангеловъ были наяву (въ бодрственномъ состояніи), а не во снѣ. Наконецъ, Самъ Господь Іисусъ Христосъ не получалъ никакого откровенія, но Самъ былъ откровеніемъ Бога въ человѣчествѣ, на Него, какъ говорится въ словѣ Божіемъ, восходятъ и нисходятъ Ангелы Божіи (Іоан. I, 51). Изъ всего сказаннаго о дѣйствительности явленія Ангеловъ людямъ видно, что достовѣрность разсматриваемаго нами повѣствованія, съ точки зрѣнія библейской, религіозной, не подлежитъ никакому сомнѣнію. А если не можетъ подлежать сомнѣнію достовѣрность, на которую такъ сильно нападаютъ критики извѣстнаго рода, то тѣмъ болѣе нельзя сомнѣваться въ подлинности, за которую служатъ порукой, съ одной стороны, свидѣтельства древнѣйшихъ памятниковъ христіанской письменности, съ другой—языкъ...

Переходимъ къ экзегетическому анализу этого повѣствованія.

1) Повѣствованіе свое Евангелистъ начинаетъ общимъ опредѣленіемъ времени событія и описаніемъ тѣхъ лицъ, о которыхъ прежде всего намѣренъ былъ говорить (5—7.)

Ст. 5. *Бысть во дни Ирода царя Іудейска, іерей нѣкій именемъ Захарія, отъ дневныя чреды Авіани: и жена его отъ дщерей Аароновыхъ, и имя ей Елисаветъ....* Времени событія Евангелистъ хотя и не опредѣляетъ съ особенною точностью, тѣмъ не менѣе можно думать, что выраженіемъ: *бысть во дни Ирода царя Іудейскаго,* онъ съ перваго разу хотѣлъ указать на начало осуществленія ветхозавѣтнаго пророчества о Мессіи, съ особенною ясностью высказаннаго еще патріархомъ Іаковомъ: *не отойдетъ скипетръ отъ Іуды, пока не пріидетъ Примиритель* (Быт. XLIX, 10). Но вотъ теперь скипетръ земной отнятъ отъ Іуды, на престолѣ Давидовомъ возсѣдаетъ иноплеменникъ Иродъ; слѣдовательно время пришествія Мессіи наступило, и слѣдовательно то, о чемъ онъ намѣренъ повѣствовать, относится именно ко временамъ Мессіи. Подъ Иродомъ здѣсь несомнѣнно разумѣется Иродъ Великій, тотъ самый, который разными происками и подкупомъ пріобрѣлъ себѣ титулъ царя Іудейскаго (за 37 лѣтъ до Рождества Христова) отъ Римскаго сената, при помощи тріумвировъ Антонія и Октавія. По словамъ Іосифа Флавія, Иродъ былъ родомъ Идумеянинъ, сынъ Антипатра, а по Евсевію, Епифанію, Амвросію и другимъ Аскалонитянинъ. Достигнувъ трона, онъ, какъ иноплеменникъ, сдѣлался слѣпымъ орудіемъ Римлянъ и всѣми силами старался только о томъ, чтобы подавить въ Іудеяхъ національный ихъ духъ и отнять силу и значеніе древнихъ ихъ установленій и священныхъ отеческихъ преданій. Изъ опасенія, чтобы кто не лишилъ его престола, окружилъ себя довольно сильною партіею единомышленниковъ—иродіанъ, которые едва ли его не провозглашали Мессіей; подозрительный и жестокій характеромъ, онъ безъ пощады предавалъ смерти всѣхъ, кто или по своему высокому положенію, или по вліянію на современное общество, или по богатству, представлялся опаснымъ для него. Весьма естественно, что при такомъ жестокомъ царѣ—иноплеменникѣ, ожиданіе Мессіи—избавителя отъ чужеземнаго ига—усилилось въ средѣ Іудеевъ, и болѣе всѣхъ, безъ сомнѣнія, ожидали пришествія Его и молились объ этомъ благочестивые родители Іоанна Предтечи, о которыхъ Евангелистъ говоритъ гораздо подробнѣе, чѣмъ о времени событія. Оба они, по его словамъ, происходили изъ священническаго рода,

пользовавшагося у Іудеевъ особеннымъ почетомъ и уваженіемъ. Захарія (съ Еврейскаго Богъ вспомнилъ) принадлежалъ къ поколѣнію Авія и былъ, какъ думаютъ нѣкоторые (Оригенъ, Василій Великій, Григорій Богословъ, Ѳеофилактъ), сынъ Варахіи, тотъ самый, кровь котораго нечестивые Іудеи неповинно пролили между храмомъ и жертвенникомъ (Матѳ. XXIII, 35); а Елизавета (съ Еврейскаго клятва Божія) имѣла по прямой линіи родоначальникомъ первосвященника Аарона. По мнѣнію нѣкоторыхъ толкователей (Амвросія, Августина, Евѳимія Зигабена, Беды и друг.), Захарія былъ не простой священникъ, а первосвященникъ. Въ основаніе приводятъ ст. 9 и 10; но тамъ мы и разсмотримъ это ихъ основаніе; а здѣсь достаточно замѣтить противъ такого мнѣнія слѣдующее: Захарія называется не архіереемъ, а іереемъ, и прибавлено еще *нѣкій*, что̀ показываетъ ясно, что онъ былъ только одинъ изъ многихъ, или по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ, равныхъ ему по достоинству лицъ, а этого не возможно сказать въ строгомъ смыслѣ о первосвященникѣ; затѣмъ Захарія причисляется къ нѣкоторой опредѣленной чредѣ Авіевой, а первосвященникъ не принадлежалъ ни къ одной чредѣ. Наконецъ, Іосифъ Флавій, перечисляя первосвященниковъ времени Захаріи, ничего не говоритъ о первосвященствѣ этого послѣдняго. «Первосвященникомъ онъ можетъ быть названъ только развѣ какъ первый по чредѣ или старшинству изъ священниковъ Авіевой чреды» (Арх. Михаилъ). Чреда Авія была 8 въ числѣ 24 чередъ или классовъ, на сколько раздѣлилъ Давидъ все священническое сословіе для удобства отправленія Богослуженія (шестнадцать изъ племени Елеазара — первенца Аарона и восемь изъ потомковъ Иѳамара. I Паралипом. XXIV). Каждый классъ въ теченіе восьми дней, отъ одной субботы до конца другой, отправлялъ священнослуженіе во храмѣ (2 Паралипом. XXIII, 8. 4 Царств. XI, 9). При этомъ лица служащія смѣнялись ежедневно, какъ этого требуютъ признать слова *отъ дневныя чреды*, означающія собственно «дневную службу». Такой порядокъ за небольшимъ промежуткомъ, во время плѣна Вавилонскаго, продолжался до самаго разрушенія храма Іерусалимскаго.

Указавъ въ 5 ст. на почетное званіе и происхожденіе родителей Іоанна Предтечи, далѣе, въ 6 ст., святый Лука описываетъ ихъ внутреннее, нравственное достоинство: *бѣста же праведна оба предъ Богомъ, ходяще во всѣхъ заповѣдехъ и оправданіихъ Господнихъ безпорочна.* Праведность Захаріи и Елизаветы была не внѣшняя, фарисейская, лицемѣрная, способная обмануть людей, но истинная и несомнѣнная. Это показываетъ самый образъ выраженія. Они оказались праведными не передъ людьми, которые могутъ ошибаться въ своихъ сужденіяхъ, а *передъ Богомъ*, существомъ всевѣдущимъ, отъ Котораго ничто не можетъ укрыться и явиться въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ каково есть въ дѣйствительности. Слѣдовательно, если Захарія и Елизавета предъ Богомъ были праведны, то они и на самомъ дѣлѣ были таковы. Поэтому Евангелистъ и добавляетъ еще, что они *поступали по всѣмъ заповѣдямъ и уставамъ безпорочно*, т. е., что они не были виновны ни въ какомъ преступленіи противъ закона. Впрочемъ, надобно замѣтить, что праведность, усвояемую здѣсь Захаріи и Елизаветѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новаго Завѣта и другимъ лицамъ подзаконнымъ, напр. Симеону (Лук. II, 25), Лоту (2 Петр. II, 7), нельзя смѣшивать со святостію или оправданіемъ

отъ грѣховъ, которое даруется человѣку только Кровію Іисуса Христа (1 Іоан. I, 7; II, 2). Это была *праведность законная*, которая никогда не могла быть совершенною и способною примирить Бога съ человѣкомъ (Галат. III, 10—11); эта праведность только усиливала жажду къ искупленію, возбуждала въ сердцахъ людей чувства покаянія и вѣры въ Мессію. Потому-то въ сердцѣ Захаріи и Елизаветы, не смотря на ихъ праведность предъ Богомъ, таилось самое живое ожиданіе Мессіи, Искупителя народа Божія и всего человѣчества... Католическіе Богословы (какъ Мальдонатъ) видятъ въ этомъ стихѣ неопровержимое подтвержденіе своего взгляда на преимущественное оправданіе человѣка добрыми дѣлами. Если, говорятъ они, Захарія и Елизавета были праведны предъ Богомъ исполненіемъ предписаній закона, то, слѣдовательно, личные, внѣшніе подвиги и составляютъ условіе оправданія человѣка предъ Богомъ. Но сомнительно, чтобы такая мысль дѣйствительно заключалась въ данномъ мѣстѣ. Евангелистъ здѣсь желаетъ опредѣлить не условія оправданія, а показать, каковы были Захарія и Елизавета въ своей религіозно-нравственной жизни; слѣдовательно, говоря объ ихъ праведности чрезъ дѣла закона, онъ этимъ хочетъ сказать только то, что они лично удовлетворяли требованіямъ ветхозавѣтнаго закона (Филиппис. III, 6) и ни чуть не болѣе. Для ученія же объ оправданіи человѣка одними дѣлами здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго намека. Напротивъ, если взять во вниманіе одинъ слѣдующій стихъ, не касаясь другихъ мѣстъ Священнаго Писанія, можно положительно утверждать, что и въ Ветхомъ Завѣтѣ дѣла далеко не имѣли бо́льшаго значенія, что и тамъ кромѣ дѣлъ требовалась еще вѣра и вѣра испытанная.

Ст. 7. *И не бѣ има чада, понеже Елисаветъ бѣ неплоды, и оба заматорѣвша во днехъ своихъ бѣста*... Обиліе дѣтей и потомство считалось у Іудеевъ внѣшнимъ выраженіемъ особеннаго благословенія Божія праведнымъ людямъ, и, наоборотъ, бездѣтность служила знакомъ немилости Божіей къ грѣшнымъ людямъ (Второзак. XXVIII, 18). Захарія и Елизавета, однако, не смотря на свою праведность, до глубокой старости не имѣли дѣтей. Что̀ же это значитъ? Было ли это знакомъ немилости Божіей къ нимъ? Очевидно, здѣсь было не то и не такъ. Очевидно, что Богъ испытывалъ этимъ только ихъ вѣру, подобно тому, какъ Онъ испытывалъ вѣру Авраама, и посредствомъ испытанія укрѣпилъ ее въ нихъ такъ, что они удостоились наконецъ быть родителями Предтечи Господня. Правда, объ испытаніи вѣры, о моральной, такъ сказать, причинѣ, которая разумѣется здѣсь сама собою, не говорится ни слова, а говорится только о причинѣ физической—неплодствѣ Елизаветы и вообще старости обоихъ; но это потому и для того, что Евангелистъ поставилъ себѣ цѣлью выставить на видъ и какъ можно яснѣе чудесность событія. Критики, не признающіе чудесъ, стараются обойти эту мысль Евангелія и хотятъ доказать, что въ словахъ: *заматорѣвша во днехъ своихъ*—указывается не на глубокую старость, а на тотъ періодъ въ жизни, когда человѣкъ только что вступаетъ въ старость, и когда еще онъ не потерялъ физической способности имѣть дѣтей... Захарія, не смотря на свою старость, молится еще о дарованіи себѣ потомства (13), надѣется, слѣдовательно, получить его, каковое обстоятельство не могло бы имѣть мѣста, когда бы онъ и его жена находились въ преклонныхъ лѣтахъ.... Но въ священной письменности Ветхаго Завѣта

это гебраистическое выраженіе (*заматорѣвши во днехъ своихъ*) означаетъ именно тотъ періодъ жизни, когда, по закону естественнаго человѣческаго плодородія, нельзя уже бываетъ ожидать рожденія дѣтей (напр. Быт. XVIII, 11). А что̀ касается ссылки ихъ на молитву Захаріи о дарованіи себѣ будто бы потомства, то это есть не болѣе, какъ одно предположеніе. Изъ 18 ст., напротивъ, ясно видно, что Захарія ни для себя, ни для жены своей, по преклонности лѣтъ, не считалъ уже физически возможнымъ имѣть дѣтей. Слѣдовательно, молитва его была совсѣмъ не о томъ, а о чемъ-то другомъ, что мы и постараемся доказать въ своемъ мѣстѣ. Итакъ внимательный разборъ текста убѣждаетъ, что Захарія и Елизавета находились уже въ преклонныхъ лѣтахъ, когда имъ Богъ благоволилъ даровать сына. Но сколько именно было имъ лѣтъ въ то время, въ точности опредѣлить трудно. Захарія не левитъ, а священникъ. Левиты, достигшіе 50 лѣтъ, были, какъ извѣстно, увольняемы отъ служенія, священники же служили до самой смерти. Можно, однако, съ вѣроятностью предположить, что имъ было около 60 лѣтъ, и къ дѣторожденію, по естественному порядку вещей, они были уже не способны, особенно если помнить неплодство Елизаветы. Вопросъ теперь развѣ только въ томъ: почему Предтеча Мессіи долженъ былъ родиться отъ престарѣлыхъ родителей? Прекрасный отвѣтъ на него—въ одномъ церковномъ стихѣ, въ которомъ говорится, что «Іоаннъ Креститель родился отъ престарѣлыхъ родителей для того, чтобы быть истиннымъ Предтечей того Бога Слова, Который имѣлъ родиться отъ Дѣвы, дабы сіи великія событія были преславны». «За однимъ чудомъ, говоритъ Амвросій, долженствовало слѣдовать другое. Необходимо было Іоанну Крестителю родиться отъ неплодной матери, чтобы люди приготовились видѣть рожденіе Спасителя отъ безмужней Дѣвы». Въ Ветхомъ Завѣтѣ рождались и нѣкоторые другіе отъ неплодныхъ и престарѣлыхъ родителей, сверхъ ожиданія, какъ напр. Исаакъ, Самуилъ. Нѣтъ ли въ этомъ рожденіи тайны Промысла и натуры? Хорошій намекъ на это дѣлаетъ блаженный Августинъ, говоря, что Елизавета была sterilis corpore, sed foecunda animo; рожденіе великихъ людей вообще было замедляемо до тѣхъ поръ, пока въ супругахъ съ лѣтами пройдетъ все чувственное, ослабѣютъ всѣ похоти. Нужно, чтобы родители и съ физической стороны были очищены, чтобы быть орудіемъ людей необыкновенныхъ, потому дѣти у нихъ и раждаются въ позднѣйшее время. Съ другой стороны, долговременное ожиданіе служитъ лучшимъ приготовленіемъ плода болѣе зрѣлаго. Такое устроеніе Промысла болѣе нужно было въ Ветхомъ Завѣтѣ, такъ какъ Ветхій Завѣтъ болѣе соотвѣтствовалъ младенческому состоянію рода человѣческаго.

II. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній о званіи, происхожденіи и праведности Захаріи и Елизаветы, и о томъ, какое испытаніе Богъ предопредѣлилъ этой четѣ, лишивъ ее до глубокой старости дѣтей, Евангелистъ описываетъ чудесное явленіе Ангела Захаріи въ храмѣ (8—12), приводитъ предсказаніе его о рожденіи Іоанна Предтечи (13—17) и говоритъ о принятіи Захаріей этой небесной вѣсти (18—22).

1) Явленіе Ангела Захаріи послѣдовало во время отправленія Богослуженія.

Ст. 8—10. *Бысть же служащу ему въ чину чреды своея предъ Богомъ, по обычаю священничества ключися ему покадити вшедшу въ церковь Господню:*

и все множество людей бѣ молитву дѣя внѣ, въ годъ θиміама, т. е., однажды, когда онъ въ порядкѣ своей (дневной) чреды служилъ предъ Богомъ, по жребію, какъ обыкновенно было у священниковъ, досталось ему кадить, когда онъ вошелъ въ храмъ Господень, а все множество народа молилось внѣ во время кажденія. — По закону Божію, дважды въ день—при утренней и вечерней жертвѣ—совершалось благовонное куреніе (Исход. XXX, 7—8); служащій священникъ входилъ во святилище для кажденія, т. е., совершалъ кажденіе не посредствомъ кадильницы, а чрезъ возженіе курильнаго благовоннаго порошка на алтарѣ кадильномъ (11), а народъ въ это время приносилъ молитву во дворѣ и ожидалъ его возвращенія. Какъ 24 священническіе класса перемѣнялись послѣ опредѣленнаго восьмидневнаго періода времени, такъ и священники, составлявшіе извѣстный классъ, не только перемѣнялись ежедневно, но и жребіемъ опредѣляли отправленіе частныхъ священнослужебныхъ обязанностей: одному выпадалъ жребій кадить, т. е., возжигать θиміамъ, другому закалать и приносить жертву, одному утромъ, а другому вечеромъ. Таковъ былъ обычай у священниковъ. И этотъ обычай, по справедливому замѣчанію одного западнаго богослова, имѣлъ тотъ смыслъ, что выборъ служенія представлялся не личному произволу, а волѣ Божіей, выраженіемъ которой и служилъ жребій. Захаріи, такимъ образомъ, въ одинъ день своей чреды, по жребію, досталось войти въ храмъ Господень для кажденія, что̀ считалось особенною честью, какой, по свидѣтельству раввиновъ, не удостоивался ни одинъ священникъ болѣе одного раза въ жизни.—Нѣкоторые изъ толковниковъ, считающихъ Захарію за первосвященника, говорятъ, что подъ *храмомъ* — ναὸς — нужно разумѣть Святое Святыхъ. Но для этого мы не имѣемъ никакого основанія. Скорѣе всего и несомнѣнно храмомъ—ναὸς—здѣсь называется святилище, гдѣ находился алтарь кадильный, и куда ходили ежедневно священники для совершенія разныхъ обрядовъ Богослуженія. Еще менѣе состоятельно мнѣніе, основывающееся на 4 ст. IX гл. послан. къ Евреямъ, по которому будто бы алтарь кадильный находился во Святое Святыхъ и что сюда именно священники и входили для кажденія. Златая кадильница во Святое Святыхъ, о которой упоминаетъ Апостолъ Павелъ въ указанномъ мѣстѣ, предназначена была не для ежедневнаго кажденія, а для воскуренія θиміама разъ въ годъ, въ праздникъ очищенія, такъ какъ, по словамъ самого Апостола Павла, во Святое Святыхъ входилъ *единъ архіерей единою въ лѣто, не безъ крове*, ст. 7, IX гл....

Выраженіемъ: *бѣ молитву дѣя внѣ, въ годъ θиміама*—обращается особенное вниманіе на торжественную минуту молитвы. Въ то время, какъ священникъ совершалъ кажденіе, народъ, собравшійся *внѣ*—въ притворахъ и дворахъ, ближайшихъ ко святилищу—возносилъ молитву къ Богу, видимымъ символомъ которой служилъ θиміамъ, поднимавшійся съ алтаря кадильнаго (Апокалипс. V, 8; VIII, 3—11). Оба эти дѣйствія стоятъ въ тѣсномъ соотношеніи между собою. Одно было типическое, идеальное; другое дѣйствительное, разумѣется, далеко несовершенное. Первое должно было покрывать второе своею святостью; второе восполнять первое своею жизненностью. Такъ взаимно восполняли себя оба дѣйствія, почему они и должны были происходить въ одно время. На эту одновременность ихъ ясно указываетъ вы-

раженіе ὥρα—время, поставленное съ членомъ, что̀ значитъ не простое время, а время извѣстное, опредѣленное закономъ для кажденія и вмѣстѣ молитвы народной. Но какое собственно разумѣется здѣсь время—утреннее или вечернее,—съ точностью рѣшить трудно. Если сопоставить это мѣсто съ вышеупомянутымъ обычаемъ бросать жребій, что̀ происходило несомнѣнно утромъ, то можно думать, что это было утреннее кажденіе. И вотъ, когда Захарія, вошедши въ храмъ, т. е. во святилище, съ благоговѣйнымъ чувствомъ началъ совершать кажденіе, внезапно явился ему Ангелъ Господень, стоя по правую сторону жертвенника кадильнаго.

Ст. 11. *Явися же ему Ангелъ Господень, стоя одесную алтаря кадильнаго.* Въ выраженіи *явися*—ὤφθη—Амвросій и Августинъ видятъ указаніе на внезапность явленія Ангела, а святый Златоустъ—на дѣйствительность этого явленія и его независимость отъ состоянія духа самого Захаріи. «Не сказано, говоритъ онъ, увидѣлъ Ангела Захарія, но явился ему Ангелъ». Замѣчаніе Златоуста важно тѣмъ, что онъ признаетъ явленіе Ангела Захаріи не экстатическимъ видѣніемъ, но реальнымъ фактомъ. Ангелъ Господень явился близъ жертвенника, по правую сторону его (т. е. между жертвенникомъ и столомъ съ хлѣбами предложенія), какъ вѣстникъ радости, вѣстникъ искупленія спасаемыхъ, которыхъ Іисусъ Христосъ на судѣ Своемъ поставитъ одесную Себя. Неожиданное, однако, явленіе Ангела смутило Захарію и привело его въ страхъ.

Ст. 12. *И смутися Захарія видѣвъ, и страхъ нападе нань.*

Чувство страха естественно должно было овладѣть Захаріей при видѣ Ангела, особенно если принять во вниманіе существовавшее у древнихъ Евреевъ убѣжденіе, что видѣніе Ангела предвѣщаетъ близость смерти (Суд. VI, 22—23; XIII, 22). Во всякомъ случаѣ, и смущеніе, и страхъ въ душѣ праведнаго священника весьма естественны и сами по себѣ; человѣку вообще свойственно испытывать робость при видѣ величественныхъ и необычайныхъ явленій. Необычайное видѣніе, говоритъ блаженный Ѳеофилактъ, смущаетъ святыхъ». Невѣрующіе въ наше время желаютъ чудесъ. Руссо, напримѣръ, требовалъ, чтобы ему явился Самъ Богъ. Но какая должна быть сила духа, чтобы не смутиться при явленіи существа изъ высшаго міра! Недаромъ Израильтяне отреклись непосредственно бесѣдовать съ Богомъ, а просили Моисея быть своимъ посредникомъ.

2) Благовѣстіе Ангела: прежде всего Ангелъ успокоиваетъ Захарію отъ смущенія и страха, а затѣмъ уже возвѣщаетъ ему о рожденіи сына; при этомъ описываетъ его личныя свойства и указываетъ на его призваніе (13—17).

Ст. 13. *Рече къ нему Ангелъ: не бойся, Захаріе: зане услышана бысть молитва твоя: и жена твоя Елисаветъ родитъ сына тебѣ, и наречеши имя ему Іоаннъ.*

На основаніи словъ *молитва твоя услышана* обыкновенно полагаютъ, что Ангелъ говоритъ о молитвѣ Захаріи относительно разрѣшенія неплодства его жены. Но это одно только предположеніе. Какъ ни глубоко лежало въ душѣ его желаніе потомства, и какъ ни часто, можетъ быть, онъ выражалъ прежде это желаніе въ своихъ молитвахъ предъ Господомъ въ настоящее время онъ потерялъ всякую надежду имѣть дѣтей и не вѣрилъ даже Ангелу, возвѣстившему ему объ этомъ. Гораздо вѣроятнѣе поэтому предположить, что Захарія, какъ одинъ изъ немногихъ лучшихъ людей того времени, ожидавшихъ утѣхи Израилевой—

Мессіи, молился не о чемъ другомъ, какъ о скорѣйшемъ пришествіи Его. Притомъ онъ, какъ священникъ, представлявшій собою во время кажденія посредника между Богомъ и молящимся народомъ, безъ сомнѣнія, и долженъ былъ молиться не о своихъ нуждахъ, а о нуждахъ народа, о его спасеніи. И вотъ, въ отвѣтъ на такую чистѣйшую и возвышеннѣйшую молитву, онъ слышитъ отъ Ангела то, чего никакъ не могъ ожидать по преклонности своихъ лѣтъ: *и жена твоя Елисаветъ родитъ сына тебѣ, и наречеши имя ему Іоаннъ*, т. е., Господь милостивъ. Ангелъ какъ-бы такъ говорилъ: «ты молился о пришествіи Мессіи; молитва твоя услышана: Онъ придетъ скоро. Сынъ твой, котораго родитъ тебѣ Елизавета, жена твоя, долженъ быть Предтечею благодатнаго пришествія Его». Такое объясненіе подтверждается всѣмъ дальнѣйшимъ повѣствованіемъ о рожденіи Іоанна Крестителя, гдѣ первымъ и главнѣйшимъ предметомъ служитъ Мессія. Надобно также замѣтить при этомъ, что обѣтованіе Захаріи сына не исключало естественныхъ законовъ рожденія; сверхъестественность въ этомъ отношеніи принадлежитъ одному только Іисусу Христу.

Ст. 14 *И будетъ тебѣ радость и веселіе, и мнози о рождествѣ его возрадуются.* Если рожденіе и обыкновеннаго дитяти въ семействѣ всякаго истиннаго Израильтянина сопровождалось радостью, то тѣмъ большею радостью должно было быть рожденіе необыкновеннаго дитяти, рожденіе, предвозвѣщенное Ангеломъ, какъ это и было на самомъ дѣлѣ (Лук. 1, 58). *Радость*—χαρὰ—означаетъ радость внутреннюю, а *веселіе*—ἀγαλλίασις—радость, выражающуюся внѣшнимъ образомъ (64—67).—Указавъ въ 14 ст. на радость и веселіе при рожденіи Іоанна Крестителя, Ангелъ сейчасъ же приводитъ и основаніе этому:

Ст. 15. *Будетъ бо велій предъ Господемъ: и вина и сикера не имать пити, и Духа Святаго исполнится еще изъ чрева матере своея...*

Въ этомъ стихѣ описываются собственно личныя свойства Предтечи и сначала замѣчается вообще, что ему будетъ принадлежать высокое духовное значеніе: *будетъ бо велій предъ Господемъ*, что̀ и засвидѣтельствовалъ Самъ Іисусъ Христосъ въ одно время: *ей, глаголю вамъ, сказалъ Онъ, не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя* (Матѳ. XI, 9, 11). Затѣмъ указываются двѣ частныхъ черты изъ его жизни. Первая: *вина и сикера не имать пити*,—черта, повидимому, не слишкомъ великая; такъ какъ въ древности не мало было назореевъ, на нѣсколько времени или навсегда давшихъ обѣтъ не пить вина и сикера и не стричь волосъ, какъ Самсонъ (Суд. XIII, 5), Самуилъ (1 Царстъ I, 11) и другіе. На самомъ же дѣлѣ черта эта весьма замѣчательная. Въ назорействѣ сосредоточена была вся суровая строгость закона Моусеева, и Іоаннъ, какъ завершительный камень зданія церкви ветхозавѣтной, долженъ былъ вполнѣ выразить эту строгость, чтобы, такимъ образомъ, и самому перейти отъ закона дѣлъ къ закону благодати, а для другихъ сдѣлаться надежнымъ руководителемъ въ Царство Христово. Итакъ, какъ истинный назорей, Іоаннъ не будетъ пить *вина и сикера*. Подъ *виномъ* разумѣется вино виноградное, а *сикеромъ* называется напитокъ изъ всякихъ другихъ плодовъ (напр. ячменя, фиников), особенно пальмовыхъ деревъ, съ примѣсью меда. Предтеча Господень не долженъ былъ пить вина и сикера, какъ исповѣдникъ покаянія, не только словомъ, но еще болѣе примѣромъ совершенно воздерж-

ной и строгой жизни. Строгое воздержаніе Іоанна Предтечи опять засвидѣтельствовалъ Іисусъ Христосъ, когда сказалъ, что онъ хлѣба не ѣстъ, ни вина не пьетъ (Лук. VII, 33). Такая строгость Іоанна дѣлала его какъ-бы небеснымъ явленіемъ на землѣ и всѣхъ заставляла видѣть въ немъ великаго пророка и небеснаго посланника (Матѳ. XXI, 26). Конечно, такой образъ жизни былъ предназначенъ Іоанну не противъ его воли, но вполнѣ согласовался съ его собственнымъ настроеніемъ и призваніемъ. Божественная премудрость обнимаетъ жизнь каждаго человѣка до самыхъ мельчайшихъ подробностей и на этомъ-то основаніи даетъ такое или иное назначеніе человѣку.

Другая черта, отмѣченная изъ жизни Іоанна Предтечи, безспорно самая высокая: *и Духа Святаго исполнится еще отъ чрева матере своея.* Этою чертою онъ сравнивается со всѣми ветхозавѣтными пророками, которые были движимы Духомъ Святымъ(2 Петр.I, 21). Исполненіе Духа Святаго или благодати Святаго Духа отъ чрева матери означаетъ необыкновенно обильное сообщеніе даровъ благодати такому человѣку для исполненія необыкновенныхъ, предназначенныхъ ему дѣлъ, а равно и особенное содѣйствіе Божіе такому человѣку во исполненіе его предназначенія (Іеремія I, 5. Псал. XXIII, 9—10).Это буквально исполнилось на Іоаннѣ,когда онъ, будучи еще во чревѣ матери, радостно взыгралъ при входѣ Пресвятой Дѣвы Маріи (Лук. I, 41—44).

Въ слѣдующихъ двухъ стихахъ говорится о призваніи Іоанна Предтечи, или лучше о его будущей дѣятельности.

Ст. 16. *И многихъ отъ сыновъ Израилевыхъ обратитъ ко Господу Богу ихъ.*

Дѣятельность Предтечи ограничивается однимъ Израилемъ не потому, будто прочіе народы исключены изъ участія въ благодѣяніяхъ Божіихъ, а потому, что то, что̀ совершилось въ средоточіи человѣчества, во Израилѣ, служило для блага всѣхъ. По премудрымъ цѣлямъ Промысла, въ средѣ Израиля приготовлялось поле для Божественной дѣятельности, а потому здѣсь сосредоточивалась вся дѣятельность Божественныхъ посланниковъ.—Что проповѣдью Іоанна будетъ обращенъ не весь народъ, а только часть его,—это ясно выражено въ словахъ: *обратитъ многихъ изъ сыновъ Израилевыхъ.* Выраженіе это не значитъ, что народъ Израильскій оставилъ своего Бога, забылъ Его, и потому долженъ снова обратиться къ Нему. Нѣтъ, народъ Израильскій зналъ своего Бога и исполнялъ Его законъ, но это знаніе и исполненіе было только внѣшнее и наружное, а не искреннее и сердечное; по жизни народъ Израильскій былъ не лучше язычниковъ; и вотъ, когда дѣйствительно Предтеча обратился къ нему съ проповѣдью о покаяніи и исправленіи нравовъ стеклось множество Іудеевъ, и они обращались къ Господу Богу своему. Говоря о такой дѣятельности Предтечи, Ангелъ поставляетъ ее, какъ видно изъ слѣдующаго стиха, въ тѣсную связь съ пришествіемъ Мессіи.

Ст. 17. *И той предъидетъ предъ Нимъ духомъ и силою Иліиною, обратити сердца отцемъ на чада, и противныя въ мудрости праведныхъ,—уготовати Господеви люди совершены.*

И той предъидетъ предъ Нимъ.—Выраженіе *предъ Нимъ* грамматически относится къ словамъ предыдущаго ст.: *ко Господу Богу ихъ*, а это показываетъ, что въ лицѣ имѣющаго придти Мессіи будетъ Самъ Богъ, какъ предсказалъ пророкъ Малахія (III, 1). Слѣдующее выраженіе: *духомъ и силою Иліиною*—нельзя понимать такъ, будто Іоаннъ долженъ быть воскресшимъ Иліею, какъ ошибочно думали о немъ Іудеи

(Матѳ. XVI, 14; XVII, 10; XXVII, 47. Марк. IX, 11. Лук. VII, 27), но что онъ будетъ дѣйствовать съ тою же горячею ревностью и нравственнымъ могуществомъ, съ какимъ нѣкогда дѣйствовалъ великій ревнитель по истинной религіи во времена безбожія и религіознаго отупѣнія народа пророкъ Илія. Далѣе дѣятельность Іоанна Предтечи изображается почти буквально словами пророка Малахіи (IV, 6): *иже устроитъ сердце отца къ сыну, и сердце человѣка ко искреннему его, да не пришедъ поражу землю въ конецъ*. Истинный смыслъ разсматриваемыхъ словъ лучше всего даютъ понять два изрѣченія пророка Исаіи: *Авраамъ не узнаетъ насъ, и Израиль не признаетъ насъ своими; Ты, Господи, Отецъ нашъ* (LXIII, 16); и другое: *Тогда Іаковъ не будетъ въ стыдѣ, и лице его болѣе не поблѣднѣетъ, (ибо) когда увидитъ у себя дѣтей своихъ, дѣло рукъ Моихъ* (XXIX, 22—23). Авраамъ и Іаковъ тамъ, за гробомъ, при взглядѣ на своихъ нечестивыхъ потомковъ должны были стыдиться и отвращать отъ нихъ свои взоры; но при раскаяніи ихъ они опять будутъ радоваться и веселиться. Основываясь на этихъ изрѣченіяхъ, можно такимъ образомъ справедливо утверждать, что задача Предтечи, по словамъ Ангела, должна была состоять въ возобновленіи духовнаго единства между патріархами и ихъ потомками,—единства, прерваннаго непокорностью и непослушаніемъ послѣднихъ. Это именно и значитъ выраженіе *обратити... противныя въ мудрости праведныхъ*, т. е., возвратить непокорнымъ образъ мыслей древнихъ праведниковъ, чтобы они явились вполнѣ готовыми къ принятію Мессіи: *уготовати Господеви люди совершены*, или какъ въ Русскомъ переводѣ: представить Господу народъ приготовленный.

3) Съ 18—22 ст. повѣствуется о недовѣріи Захаріи къ небесному вѣстнику, затѣмъ о наказаніи его за недовѣріе и, наконецъ, о томъ, какое впечатлѣніе произвело это событіе на народъ, находившійся во храмѣ.

Смущеніе и недоумѣніе Захаріи до того были сильны въ то время, когда Ангелъ возвѣстилъ ему о рожденіи сына, что онъ не могъ совладѣть съ собою, чтобы не выразить сомнѣнія:

Ст. 18. *И рече Захаріа ко Ангелу: по чесому разумѣю сіе; азъ бо есмь старъ, и жена моя заматорѣвши во днехъ своихъ*... Объ Авраамѣ Апостолъ говоритъ: онъ не помышлялъ, что тѣло его, почти столѣтняго, уже омертвѣло, и утроба Саррина въ омертвѣніи (Римлян. IV, 19). А мысль Захаріи именно и обратилась на этотъ предметъ. Но за то онъ сейчасъ же и получилъ вразумленіе отъ Ангела.

Ст. 19. *И отвѣщавъ Ангелъ рече ему: азъ есмь Гавріилъ предстояй предъ Богомъ: и посланъ есмь глаголати къ тебѣ и благовѣстити тебѣ сія.*

Ангелъ усвояетъ себѣ Еврейское имя *Гавріилъ*, что̀ значитъ сила Божія. А у Бога не изнеможетъ всякъ глаголъ: слѣдовательно, Ангелъ какъ-бы такъ говорилъ: самое имя мое должно ручаться за справедливость словъ моихъ и возможность исполненія ихъ. Имя это могло быть извѣстно Захаріи по откровеніямъ пророку Даніилу, которыя были сообщены этимъ же Ангеломъ (VIII, 16; IX, 21).—Выраженіе: *предстояй предъ Богомъ*—заимствовано изъ жизни восточныхъ дворовъ, гдѣ предстоящими назывались люди, самые приближенные къ царю (3 Царств. X, 8; XII, 6; XVII, 1. 2 Царств. XXII, 29). Говорятъ, Ангелъ, очевидно, причисляетъ себя къ классу Ангеловъ, самыхъ высшихъ и самыхъ близкихъ къ Богу.

Для вразумленія Захаріи, однако, онъ

не довольствуется однимъ напоминаніемъ о своемъ достоинствѣ, а изрекаетъ ему и наказаніе, которое состояло въ лишеніи дара слова.

Ст. 20. *И се, будеши молча и не могій проглаголати, до негоже дне будутъ сія: зане не вѣровалъ еси словесемъ моимъ, яже сбудутся во время свое.*

Кажется, не безъ особенныхъ цѣлей было положено на Захарію такого рода наказаніе. Лишившись языка, Захарія тѣмъ самымъ вразумленъ былъ, что событіе это до времени должно быть тайною. А между тѣмъ, какія бы вредныя слѣдствія могли произойти отъ того, если бы хотя малѣйшая часть возвѣщеннаго небеснымъ посланникомъ стала извѣстною всенародно? Припомнимъ, какія слѣдствія повлекла за собою подобная молва, распространившаяся по случаю отыскиванія новорожденнаго Царя Іудейскаго восточными магами. «Ангелъ справедливо не прощаетъ невѣрующему Захаріи, говоритъ святый Аѳанасій Великій, потому что онъ имѣлъ въ примѣрѣ прежде него бывшихъ безплодными и рождавшихъ, какъ учатъ Божественныя Писанія». Выраженіе *будеши молча и не могій проглаголати*, кажется, одно и то же. Поэтому отцы для избѣжанія повторенія переводятъ иногда первое *молча* (въ Русскомъ переводѣ нѣмъ) словомъ глухъ, на томъ основаніи, что у людей обыкновенно съ нѣмотою соединяется глухота. А у Захаріи дѣйствительно нѣмота могла соединяться съ глухотою, какъ можно это заключить изъ ст. 62 и *помаваху ему*. Если бы онъ могъ слышать, то его не спрашивали бы знаками, а словами. Такъ какъ Захарія вслѣдствіе явленія Ангела замедлилъ во святилищѣ, то это обстоятельство тотчасъ же вызвало удивленіе въ народѣ, ожидавшемъ его выхода.

Ст. 21. *И бѣша людіе ждуще Захаріи: и чудяхуся коснящу ему въ церкви.*

По позднѣйшему преданію, священники, входившіе въ храмъ для молитвы не должны были долго оставаться въ немъ, чтобы не подать повода думать, будто съ ними случилось какое-нибудь несчастіе. Вотъ, это-то и заставило народъ ожидать Захарію, когда онъ замедлилъ во храмѣ, а не то, чтобы получить отъ него благословеніе, какъ думаютъ нѣкоторые (арх. Михаилъ). По словамъ Маймонида, благословеніе преподавалось народу другимъ священникомъ, а не тѣмъ, который совершалъ кажденіе.

Когда Захарія, по выходѣ изъ храма, не могъ говорить съ народомъ и объяснялся съ нимъ знаками,—народъ понялъ изъ этого, а также, вѣроятно, и изъ возбужденнаго состоянія духа, отражавшагося на лицѣ его, что съ нимъ случилось что либо необыкновенное, что онъ имѣлъ видѣніе во храмѣ.

Ст. 22. *Изшедъ же не можаше глаголати къ нимъ и разумѣша, яко видѣніе видѣ въ церкви: и той бѣ помавая имъ, и пребываше нѣмъ.*

Видѣніе означаетъ всякое вообще необычайное явленіе, представляющееся взору, будетъ ли то наяву, или во снѣ (Мейеръ), и вѣроятно объ этомъ спрашивалъ его народъ. Захарія, будучи не въ состояніи отвѣчать, объяснялся съ ними знаками: *и той бѣ помавая имъ.*

III. Повѣствованіе оканчивается краткою рѣчью о возвращеніи Захаріи въ домъ свой и объ исполненіи предсказанія Ангела (23—25).

Ст. 23. *И бысть яко исполнишася дніе службы его, иде въ домъ свой*, т. е., когда кончилась недѣля, въ теченіе которой классъ Авіи совершалъ служеніе, Захарія возвратился въ домъ свой,

который находился въ нагорной странѣ (39), вѣроятно въ Хевронѣ (на югъ отъ Іерусалима, въ разстояніи 5 часовъ пути). Не смотря на то, что Захарія испыталъ глубокое нравственное и физическое потрясеніе, лишился языка, онъ все-таки прежде законнаго времени не оставилъ своихъ обязанностей; это весьма рельефно характеризуетъ его нравственную личность, какъ человѣка вполнѣ праведнаго (6). Не менѣе, впрочемъ, характерная черта выставляется затѣмъ и въ лицѣ жены его Елизаветы.

Ст. 24. *По сихъ же днехъ зачатъ Елизаветъ жена его, и таяшеся мѣсяцъ пять, глаголющи.*

Пять мѣсяцевъ, говоритъ Евангелистъ, таилась Елизавета послѣ того, какъ сдѣлалась беременною. Чѣмъ объяснить такую необыкновенную сокровенность? Ее можно объяснить или тѣмъ, что она не хотѣла дать повода удивляться и разглашать то, что составляло священную и семейную тайну, на которую положена была печать молчанія въ лишеніи языка ея мужа, или тѣмъ, что она имѣла намѣреніе сообразовать свое поведеніе съ волей Божіей именно—такъ какъ Богъ благоволилъ отнять отъ нея поношеніе, то она, со своей стороны, и сама не хотѣла показываться до тѣхъ поръ, пока ясные признаки беременности не лишили бы всякаго другаго возможности поносить ее за бездѣтность. Послѣднее, кажется, больше приближается къ истинѣ, какъ указывающее и уясняющее связь между поступкомъ Елизаветы и ея мысленнымъ настроеніемъ, выразившимся въ послѣднемъ 25 стихѣ.

Ст. 25. *Яко тако мнѣ сотвори Господь во дни, въ няже призрѣ отъяти поношеніе мое въ человѣцѣхъ.*

Въ Новомъ Завѣтѣ, какъ извѣстно, внутренняя духовная жизнь предпочитается внѣшнему счастію, и дѣвство превозносится предъ брачною жизнью (Матѳ. XIX, 12. 1 Коринѳ. VII, 7). Но по духу Ветхаго Завѣта, въ которомъ вообще внутреннее благочестіе тѣсно соединялось съ обиліемъ благъ внѣшнихъ, неплодіе считалось знакомъ немилости Божіей, а потому подвергалось поношенію (1 Царств. I, 5—8. Ср. Исаія IV, 1. Осія IX, 11—12). Вотъ почему праведная Елизавета, безъ сомнѣнія, весьма много перенесшая оскорбленій за свое неплодство, какъ только увидѣла, что болѣе уже не безплодна, такъ искренно и отъ всего сердца благодаритъ Бога, Который, наконецъ, снялъ съ нея поношеніе, освободилъ ее отъ стыда предъ людьми.

Таковы чудесныя обстоятельства, сопровождавшія зачатіе Іоанна Предтечи. Всѣ они (явленіе Ангела во храмѣ, нареченіе имени и нѣмота Захаріи) ясно показываютъ, что Іоаннъ дѣйствительно еще до рожденія своего предназначенъ былъ отъ Бога приготовить путь Господу (Лук. VII, 27. Срав. Матѳ. XI, 10. Марк. I, 2). (Прав. Собес. 1881 г., ч. III, стр. 103).

Библіографическій указатель къ благовѣстію Захаріи о рожденіи отъ него Предтечи (Лук. I, 5—25).

Святоотеческія толкованія.

1) *Преп. Исидора Пелусіота.* Объ онѣмѣніи Захаріи, ч. I. 88—89. Тв. св. оо., т. XXXIV.

2) *Его же.* О нѣмотствованіи Захаріи. Тамъ же. 154—155.

3) *Св. Епифанія Кипрскаго.* О пророкахъ, ихъ кончинѣ, мѣстѣ погребенія (Захарія). Воскр. Чт. X. 143.

Новѣйшія *въ духовныхъ журналахъ:*

4) *А. П.* Размышленіе христіанина при чтеніи Св. Евангелія. (Предсказаніе Архангела Гавріила о рожденіи Предтечи Христова Іоанна). Стран. 1877. I. 72.

5) Тайны Провидѣнія въ рожденіи избранниковъ на служеніе человѣчеству. Дух. Бес. 1858 г. III. 219.

6) *Е. Ловягина.* Захарія, отецъ Іоанна Предтечи и Крестителя Господня. Хр. Чт. 1854 г. II. 188.

7) Зачатіе честнаго, славнаго Пророка, Предтечи и Крестителя Іоанна. Воскр. Чт. I. 189.

8) Св. Архангелъ Гавріилъ. Воскр. Чт. XVII. 121.

9) Елизавета. Б. п. сл. Воскр. Чт. 1875 г. I. 47.

10) Захарія. Б. п. сл. Тамъ же. II. 31.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

11) Ст. 13—17. *Арсенія митроп. Кіевскаго.* О молитвѣ праведныхъ Захаріи и Елизаветы, благовѣстіи Ангела, величіи Іоанна Предтечи и образѣ его жизни. III. 179—181.

12) Ст. 14—15. *Филарета митроп. Московскаго.* Всякое основаніе, всякое средство радости или благополучія въ жизни тогда только твердо и надежно, когда оно полагается предъ Господомъ. III. 419—420.

13) *Свящ. Городцева.* Бесѣды на 1 главу Еванг. отъ Луки. Захарія и Елизавета. 15—58.

2. Благовѣстіе Архангела Гавріила Пресвятой Дѣвѣ Маріи о рожденіи отъ Нея Спасителя міра (Лук. I, 26—38).

(по ученію Филарета, митрополита Московскаго).

Когда окончилось время воспитанія Преблагословенной Дѣвы Маріи при храмѣ Іерусалимскомъ, и надлежало Ей оставить сіе мѣсто, чтобы подобно другимъ дѣвицамъ вступить въ супружество,—Она произнесла предъ Богомъ обѣтъ посвятить Себя на всегдашнее Ему служеніе и навсегда пребыть дѣвою, и Свое намѣреніе открыла первосвященнику и священникамъ. Служители Божіи приняли обѣтъ Дѣвы, но въ то же время, чтобы юная сирота (Дѣва Марія тогда уже лишилась родителей) не оставалась безъ покровительства и попеченія, нашли нужнымъ обручить Ее кому либо изъ мужей рода Израилева, дабы онъ былъ хранителемъ Ея дѣвства, Ея защитникомъ и помощникомъ. Обручникомъ Дѣвы Маріи былъ избранъ старецъ Іосифъ. По свидѣтельству Евангелія, онъ былъ человѣкъ праведный (Матѳ. I, 19), и подобно Маріи происходилъ изъ дома и рода Давидова (Лук. II, 4). Но этотъ царственный потомокъ Давидовъ находился въ бѣдномъ состояніи и трудами древодѣланія снискивалъ себѣ пропитаніе. По какимъ-то обстоятельствамъ онъ жилъ не въ отечественномъ своемъ городѣ Виѳлеемѣ, гдѣ родился Давидъ, но въ бѣдномъ Галилейскомъ городѣ Назаретѣ. Посему и Марія переселилась въ Назаретъ, оставивъ Іерусалимъ, гдѣ подъ кровомъ храма мирно протекли двѣнадцать лѣтъ Ея жизни среди подвиговъ благочестія, въ обществѣ женъ и дѣвъ, посвятившихъ себя на служеніе Богу.

Какъ вся Галилея вообще, такъ и въ особенности Галилейскій городъ Назаретъ, были въ крайнемъ презрѣніи у Іудеевъ. *Еда отъ Галилеи Христосъ приходитъ? испытай и виждь, яко пророкъ отъ Галилеи не приходитъ,* говорили Іудеи (Іоан. VII, 41, 52); *отъ Назарета можетъ ли что добро быти?* говорили сами Галилеяне (Іоан. I, 46). Но какъ часто неправы и погрѣшительны бываютъ сужденія человѣческія! Въ презрѣнномъ, по мнѣнію людей, Назаретѣ жила Дѣва, отъ всѣхъ родовъ избран-

ная быть Матерью Бога; въ немъ былъ воспитанъ и пребывалъ до тридцатилѣтняго возраста Тотъ, Который есть Спаситель всѣхъ человѣковъ, имя Коего исповѣдуетъ вселенная.

Живя въ Назаретѣ, Пресвятая Дѣва болѣе и болѣе преуспѣвала въ подвигахъ благочестія, какимъ пріучилась въ храмѣ Божіемъ. Она пребывала въ уединеніи и безмолвіи, упражнялась въ Богомысліи, молитвѣ, чтеніи священныхъ книгъ и въ трудахъ рукодѣлія. Свидѣтельствомъ постояннаго изученія и глубокаго знанія священныхъ книгъ, какое Она имѣла, служитъ Ея возвышенная пѣснь, воспѣтая Ею при свиданіи съ праведною Елизаветою, и въ честь Богоматери воспѣваемая Святою Церковію (Лук. I, 46—56). Пѣснь сія вся проникнута духомъ священныхъ книгъ и, очевидно, состоитъ изъ разныхъ изрѣченій Священнаго Писанія.

Однажды, какъ свидѣтельствуетъ преданіе, Марія читала книгу пророка Исаіи. Въ размышленіи Она остановилась на словахъ пророка: *се, Дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ* (Исаія VII, 14), и молила Бога о ниспосланіи возвѣщеннаго пророками Избавителя міра. Въ сіи минуты святаго размышленія и молитвы, около вечерняго времени дня, въ скромномъ жилищѣ Дѣвы является Архангелъ Гавріилъ и, какъ-бы отвѣчая на благочестивое желаніе Ея и мольбу, произноситъ Ей радостное привѣтствіе: «радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою! Благословенна Ты между женами»! «Ты», какъ-бы такъ сказалъ Архангелъ, «Ты украсила Себя всѣми добродѣтелями, всѣми духовными совершенствами, и за то содѣлалась достойною особенной милости и любви Божіей. Господь, близкій ко всѣмъ людямъ, исполняющимъ святую волю Его, особенно приближается къ Тебѣ Своею неизрѣченною благодатію. Онъ, источникъ всякаго благословенія, благословляетъ Тебя преимущественно предъ всѣми женами въ мірѣ, почему и люди будутъ благословлять Тебя, прославлять и ублажать паче всѣхъ женъ».

Явленіе Архангела не устрашило Марію, какъ устрашило священника Захарію явленіе Ангела Господня, стоящаго по правую сторону алтаря кадильнаго (Лук. I, 11—12), или приводило въ трепетъ явленіе Ангеловъ другихъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ (Суд. VI, 22 — 23, — 13, 22). Живя во храмѣ, Марія привыкла къ явленіямъ и бесѣдамъ Ангельскимъ. Но привѣтствіе, какое она услышала отъ Ангела, смутило Ее. *Она же смутися о словеси.* Слово Ангела, слово радости и благословенія, смутило Дѣву Марію своею необычайностью. «До сихъ поръ ни одинъ и особенно ни одна изъ земнородныхъ не слыхали съ небесъ подобнаго привѣтствія. *Миръ Тебѣ*, сказалъ Ангелъ Господень Гедеону (Суд. VI, 23), по надобности успокоить его, ибо Гедеонъ, по понятіямъ своего времени, думалъ, что видѣніе Ангела будетъ ему смертоносно; но привѣтствіе *радуйся* безпримѣрно въ древнихъ явленіяхъ Ангеловъ. *Господь съ Тобою,* такъ привѣтствовалъ Ангелъ Гедеона же и также по особенной надобности вдохнуть ему силу и бодрость для чудесной побѣды надъ врагами и для спасенія народа Израильскаго. Многократно и щедро благословлялъ Богъ Авраама, какъ напримѣръ: *воистину благословя благословлю тя и умножая умножу сѣмя твое, яко звѣзды небесныя и яко песокъ вскрай моря, и наслѣдитъ сѣмя твое грады супостатовъ, и благословятся о сѣмени твоемъ вси языцы земніи* (Быт. XXII, 17—18), и паки: *Авраамъ бывая будетъ въ языкъ великъ и многъ, и благословятся о немъ вси языцы земніи* (Быт. XVIII, 18);

но не сказано здѣсь, чтобы Авраамъ былъ благословенъ въ мужахъ, т. е. преимущественно предъ всѣми мужами, а о благословеніи Сарры, хотя и она участвовала въ произведеніи на свѣтъ благословеннаго сѣмени, совсѣмъ умолчано. Правда, сказалъ Господь однажды и о Саррѣ: *благословлю же ю* (Быт. XVII, 16), но достойно примѣчанія, что и сіе краткое благословеніе изречено не въ лице ей, а въ отсутствіе ея, Аврааму. Видно, такъ надлежало по судьбамъ Божіимъ, чтобы отъ жены, въ которой прежде мужа началась утроба благословенія въ блаженномъ раю, долѣе, нежели отъ мужа, таились начатки возвращающагося благословенія на несчастной землѣ. Безъ сомнѣнія, разумѣла сіе Дѣва Марія, какъ изъ писаннаго слова Божія, такъ и посредствомъ собственнаго смиреннаго Богомыслія, и потому, когда слышитъ, что неожиданный посѣтитель привѣтствуетъ Ее не только миромъ, но и радостью, приписываетъ Ей благодать не какъ даръ, но какъ Ея неотъемлемое достояніе, возвѣщаетъ Ей благословеніе преимущественное предъ всѣми женами въ мірѣ: тихая душа Ея отъ сильныхъ словъ духа, какъ тихая вода отъ сильнаго дыханія вѣтра, по необходимости приходитъ въ движеніе: «*смутися о словеси его*» (Изъ слова Филарета М. М. въ день Благовѣщенія. Слово и рѣчи Т. III. М. 1877 г., стр. 79—80).

Смиреннѣйшая изъ всѣхъ женъ, Она не можетъ понять словъ Ангела; его благовѣстіе выше Ея чаянія, выше Ея понятія о Себѣ. Можетъ быть, даже Она руководилась правиломъ, которое всегда было извѣстно людямъ праведнымъ: *искушать духи, аще отъ Бога сутъ* (Іоан. IV, 1), а потому, слѣдуя благоразумію и остерегаясь обольщенія, Она разсуждала въ сердцѣ Своемъ, что̀ бы это было за привѣтствіе, во истину ли оно отъ Бога.

Между тѣмъ какъ Дѣва размышляла о словахъ Архангела и молчала, Архангелъ продолжалъ и усилилъ слово благовѣщенія: не бойся, Марія! сказалъ онъ Ей, ибо Ты пріобрѣла благодать у Бога; не смущайся, что слышишь необычайное о Тебѣ: это дѣло Божіе, это дѣло особенной милости и любви Божіей къ Тебѣ. Ты зачнешь во чревѣ и родишь Сына, Который будетъ и Освободителемъ Израиля и Спасителемъ міра, и потому должна назвать Его Іисусомъ, такимъ именемъ, которое бы выражало Его спасительныя дѣйствія по отношенію къ людямъ. Онъ будетъ великъ; Онъ будетъ не только Твоимъ Сыномъ, но наречется Сыномъ Всевышняго и по человѣчеству, будучи отъ вѣчности Сыномъ Единороднымъ, сущимъ въ лонѣ Отчи по Божеству. Въ Его лицѣ Господь исполняетъ Свое обѣщаніе, съ клятвою данное праотцу Твоему Давиду, отъ плода чрева его посадить на престолѣ его (2 Царств. VII, 12. Псал. CXXXI, 11). Твоему Сыну Господь Богъ дастъ престолъ Давида, отца Его. Онъ будетъ Царемъ, но Царемъ царства не земнаго и преходящаго, а духовнаго и вѣчнаго, коего только образъ и тѣнь представляло царствованіе во Израили дома Давидова. Его Царство не отъ міра сего, и Царству Его не будетъ конца.

Пресвятая Дѣва увѣровала словамъ Ангела, какъ это засвидѣтельствовалъ Самъ Духъ Святый устами праведной Елизаветы (Лук. I, 45), посему и не требуетъ отъ него знаменія, подобно тому, какъ требовалъ священникъ Захарія, когда возвѣщено было ему о рожденіи сына. Но неизмѣнная любовь къ чистотѣ дѣвства побуждаетъ Ее спросить Ангела: «какъ будетъ сіе, когда Я не знаю мужа»? Чтобы правильно разумѣть сіе слово, необходимо должно, во-первыхъ, предположить, какъ и преданіе сказуетъ,

что Маріамъ еще прежде обязала Себя обѣтомъ—во всю жизнь Свою хранить дѣвство, ибо не обязанная симъ обѣтомъ и обрученная мужу, какую имѣла бы причину вопрошать о возможности родить Сына: *како будетъ сіе?* Во-вторыхъ, надлежитъ взять въ соображеніе законъ Моисеевъ (Числ. XXX), по которому обѣтъ дѣвы, или жены могъ быть уничтоженъ однимъ словомъ отца, или супруга, и только тогда становился твердымъ, когда отецъ, или супругъ слышалъ о немъ и не отвергъ онаго. Изъ сего соображенія должно заключить, также согласно съ преданіемъ, что обѣтъ дѣвства, который на предсказаніе о рожденіи сына заставилъ Марію сказать: *како будетъ сіе?* былъ уже тогда извѣстенъ Іосифу и признанъ имъ, и что онъ обручилъ себѣ Пречистую Дѣву съ тѣмъ, чтобы подъ именемъ супруга быть стражемъ Ея дѣвства, которому нужно было таиться подъ наружнымъ покровомъ брачнаго союза въ такомъ народѣ, который, привлекаясь видимымъ благословеніемъ брака, не постигалъ высоты дѣвства. По симъ обстоятельствамъ, сколь ни далека была Маріамъ отъ того, чтобы не вѣровать, или сомнѣваться, или прекословить, или любопытствовать, принуждена однако вопросить Ангела: *како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?* Хотя имѣю мужа по обряду обрученія, но у меня нѣтъ мужа по обѣту дѣвства. Обѣтъ сей произнесенъ, утвержденъ: сколько я не желаю отмѣнить его, столько не позволяетъ законъ, который говоритъ: *человѣкъ, иже аще обѣщаетъ обѣтъ Господу, или заклене́тся клятвою, или опредѣлитъ предѣломъ о души своей, не осквернавитъ словесе своего: вся, елика изыдутъ изъ устъ его, да сотворитъ* (Числ. XXX, 3). Господь не нарушаетъ Своихъ законовъ, какъ же будетъ то, что и обѣтъ дѣвства сохранится, и законъ исполнится, и сынъ родится»? (Изъ слова Филарета М. М. въ день Благовѣщенія. Слова и рѣчи. Т. II, М. 1874 года, стр. 150—151.

Како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю? Архангелъ кратко и съ любовію отвѣтствуетъ Дѣвѣ, изъясняя, сколько было возможно, глубочайшую тайну воплощенія Бога Слова. Духъ Святый найдетъ на Тебя, сказалъ онъ, и сила Всевышняго осѣнитъ Тебя. Предсказаніе исполнится безъ нарушенія дѣвства, безъ отмѣненія обѣта. Зачатіе совершится не образомъ естественнымъ, отъ мужа, но сверхъестественнымъ, чрезъ наитіе Святаго Духа, чрезъ осѣненіе силою Вышняго. Духъ Святый низойдетъ на Тебя, и тайнымъ, непостижимымъ Своимъ наитіемъ содѣлаетъ Тебя Матерію, образуетъ въ Тебѣ плодъ чрева. Посему Раждаемый не будетъ подобенъ обыкновеннымъ дѣтямъ, которыя, зачинаясь въ беззаконіяхъ и рождаясь во грѣхахъ, съ рожденіемъ приносятъ въ міръ грѣхъ и проклятіе, но будетъ святъ, не причастенъ никакому грѣху. Онъ наречется Сыномъ Божіимъ. Вотъ и Елизавета, родственница твоя, называемая неплодною, и она зачала сына въ старости своей, и ей уже шестой мѣсяцъ. Ибо у Бога не останется безсильнымъ никакое слово.

Ангелъ ожидалъ отвѣта и согласія Дѣвы Маріи. Дѣва не замедлила и отвѣтомъ, и согласіемъ. «Се раба Господня», сказала Она, «да будетъ Мнѣ по слову твоему»... Какая высота вѣры, глубина смиренія и преданности волѣ Божіей въ семъ отвѣтѣ Маріи! «Если праведная Сарра предвѣстіе о рожденіи отъ нея Исаака, необыкновенномъ, однако не сверхъестественномъ, приняла съ замѣшательствомъ, если при подобномъ предвѣстіи о рожденіи Предтечи Господня праведный Захарія не вѣрилъ и требовалъ знаменія, то колико

выше самыхъ праведниковъ является Пресвятая Дѣва Марія, когда благовѣщеніе о рожденіи отъ Нея Христа Спасителя, сверхъестественномъ, непостижимомъ, Божественномъ, пріемлетъ безъ замѣшательства, безъ недовѣрія. Прежде благовѣщенія, при началѣ небеснаго явленія, Она смутилась на нѣсколько мгновеній и остановилась въ размышленіи... но, что̀ весьма дивно, когда Она услышала несравненно болѣе сильное слово благовѣщенія: *Духъ Святый найдетъ на Тя, зачнеши во чревѣ и родиши Сына, раждаемое свято, наречется Сынъ Божій, Царствію Его не будетъ конца*, тогда уже нѣтъ смущенія, и Она отвѣтствуетъ словомъ послушанія: *се раба Господня: буди Мнѣ по глаголу твоему*». Богоизбранная Марія смиренно и всецѣло предалась въ волю Божію и наитіемъ Святаго Духа содѣлалась вмѣстилищемъ невмѣстимаго Бога Слова. Такъ совершилась великая тайна воплощенія Бога Слова. *Буди Мнѣ по глаголу твоему*, сказала Марія, и *Слово плоть бысть!* (Душ. Чт. 1861 г., ч. I, стр. 327—337).

Но Божіе опредѣленіе о воплощеніи Сына Божія было уже постановлено и даже провозглашено еще въ первые дни міра. «Почему же оно не исполнилось впродолженіе столь многихъ вѣковъ? Не въ Богѣ причина медленности. У Вѣчнаго всегда все готово. Для Всемогущаго всегда все возможно. Тварь медлитъ по необходимости, потому что движется въ опредѣленныхъ кругахъ времени, которыхъ не можетъ ускорить. Въ твари свободной недостаетъ готовности для принятія дѣйствія Божія, когда въ ея волѣ недостаетъ соотвѣтствія волѣ Божіей. Особенно трудно устроять сію готовность въ твари падшей и разрушенной, которую нужно возставлять и пересозидать. Такимъ образомъ слово Божіе о Спасителѣ міра, какъ молнія, блеснуло надъ человѣчествомъ въ первыя минуты грѣховнаго омраченія и неоднократно просіявало въ послѣдующихъ откровеніяхъ; но мракъ грѣховный продолжалъ тяготѣть, и вѣки и тысящелѣтія должны были пройти, прежде нежели дѣйствительно *Богъ явися во плоти*. Въ сіе долгое время благословеніе, которымъ Богъ Отецъ благословилъ насъ *въ небесныхъ о Христѣ прежде сложенія міра*, какъ молніеносный облакъ, носилось надъ землею, между тѣмъ какъ тайное дѣйствіе Провидѣнія изыскивало въ родѣ человѣческомъ и уготовляло Благословенную въ женахъ, Которая бы могла Своею чистотою Божественную молнію привлечь, принять, вмѣстить, удержать, не бывъ опалена огнемъ Божества, и такимъ образомъ чрезъ Себя существенно усвоить всему человѣчеству благословеніе Христово» (Изъ слова Филарета М. М. въ день Благовѣщенія. Слова и рѣчи. Т. IV, М. 1882 г., стр. 442—443).

Благовѣстіе Ангела Пресвятой Дѣвѣ Маріи о рожденіи Мессіи (Лук. I, 26—38).

(Профессора М. И. Богословскаго.)

Вслѣдъ за предсказаніемъ Ангела о рожденіи Іоанна Предтечи, святый Лука описываетъ благовѣстіе его Пресвятой Дѣвѣ Маріи о рожденіи отъ Нея Мессіи, пришествія Котораго въ то время ожидалъ весь народъ Іудейскій.

Назаретское благовѣстіе, о которомъ повѣствуетъ Евангелистъ Лука служитъ завершеніемъ длиннаго ряда благовѣстій, проходящихъ черезъ весь Ветхій Завѣтъ. Первое слово благовѣстія было сказано еще въ раю, тотчасъ по паде-

нiи: «*сѣмя жены сокрушитъ главу змія*» (Быт. III, 15). Здѣсь зерно всѣхъ послѣдующихъ обѣтованій и пророчествъ о Мессіи. Съ теченіемъ времени это «*первоевангеліе*», какъ справедливо называютъ Эдемское обѣтованіе о побѣдоносномъ сѣмени жены, болѣе и болѣе выяснялось, опредѣлялось и восполнялось чертами конкретными. Въ обѣтованіяхъ, данныхъ патріархамъ Еврейскаго народа, что «*сѣмя жены*», подъ которымъ, по прямому смыслу словъ, можно было разумѣть весь человѣческій родъ, имѣющій произойти отъ первой жены—«*матери всѣхъ живущихъ*», точнѣе опредѣляется, какъ «сѣмя» Авраама, Исаака и Іакова, съ присовокупленіемъ, что въ немъ и черезъ него получатъ благословеніе всѣ народы земли (Быт. XII, 3; XVIII, 18; XXII, 18; XXVI, 4; XXVIII, 14),—затѣмъ, какъ сѣмя или точнѣе—потомокъ Іуды (Быт. XLIX, 10). Еще бо́льшую опредѣленность получаетъ это благословенное сѣмя въ обѣтованіи, данномъ одному изъ потомковъ Іуды, Давиду: «*возставлю послѣ тебя сѣмя твое и упрочу царство его. Я утвержу престолъ его на вѣки. Я буду ему отцемъ, и онъ будетъ Мнѣ сыномъ, и престолъ его будетъ вѣчно*» (2 Царств. VII, 12—14. Сравн. 1 Парал. XVII, 11—14). Это величественное обѣтованіе въ свою очередь величественно раскрывается въ псалмахъ, собственно такъ называемыхъ мессіанскихъ. По изображенію Давида, Мессія—прекраснѣйшій «изъ сыновъ человѣческихъ», изливающій благодать изъ устъ своихъ, любящій правду и ненавидящій беззаконіе (Псал. XLIV, 3—4, 8). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Давидъ исповѣдуетъ Его своимъ Господомъ (Псал. CIX, 1) и прямо называетъ «*Сыномъ Божіимъ*», въ исключительномъ смыслѣ (Псал. II, 7)... Полнѣе и яснѣе благовѣстіе о Мессіи раскрывается въ писаніяхъ пророческихъ. Пророки едва находятъ слова, образы и краски для изображенія величія будущаго Потомка Давида и Его Царства. По ихъ предсказаніямъ, въ Немъ какимъ-то чуднымъ образомъ сочетается небесное съ земнымъ, Божественное съ человѣческимъ. Онъ—отрасль отъ корня Іессеова (Исаія XI, 1), отрасль Давида (Іерем. XXXIII, 15), но вмѣстѣ съ тѣмъ отрасль Іеговы (чэма-то, что выростаетъ изъ существа Самого Іеговы), отрасль прекрасная и величественная (Исаія IV, 2); имя этой отрасли: Господь (Іегова) оправданіе наше (Іерем. XXXIII, 16). Матерію Его будетъ земнородная Дѣва, но Онъ будетъ носить Божественное имя Еммануилъ (Исаія VII, 14) вмѣстѣ съ другими именами, приличествующими единому Богу: Чудный, Совѣтникъ, Богъ крѣпкій, Отецъ вѣчности, Князь мира (Исаія IX, 5—6). Его родиною будетъ Виелеемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ исходы Его изъ начала, отъ дней вѣчныхъ (Михей V, 1—4), т. е. Его бытіе безначально, вѣчно. Онъ—«Сынъ Человѣческій», но въ то же время Онъ, какъ Богъ, шествуетъ на облакахъ небесныхъ, окруженный тьмами служебныхъ Ангеловъ, и Ему дана власть и сила и царство, и всѣ народы и племена и поколѣнія служатъ Ему; владычество Его—владычество вѣчное, которое не прейдетъ, и Царство Его не исчезнетъ (Дан. VII, 13—14)... Не вдаваясь болѣе въ подробности, замѣтимъ, что по изображенію пророковъ Мессія совмѣститъ въ Своемъ лицѣ всѣ теократическія достоинства, будетъ и царемъ, и первосвященникомъ, и пророкомъ. Всѣ высокія черты нравственнаго служенія органовъ и представителей ветхозавѣтной теократіи въ Немъ одномъ сливаются и принимаютъ характеръ не только идеальный, но и вышеестественный, возвышаются до вышечеловѣческихъ свойствъ.—Такъ обѣтованіе о Мессіи,

данное въ самомъ началѣ человѣческаго рода, постоянно и постепенно уяснялось, раскрывалось и восполнялось съ теченіемъ времени. Въ концѣ концовъ въ писаніяхъ пророческихъ мы имѣемъ полное предочертаніе Евангельской исторіи и даже исторіи Церкви въ существеннѣйшихъ ея моментахъ, потому что пророки говорятъ не только о такихъ будущихъ событіяхъ, которыя совершатся при концѣ ветхозавѣтнаго времени и въ началѣ новозавѣтнаго, но и такихъ, которыя будутъ совершаться въ продолженіи всего новозавѣтнаго времени или даже только въ концѣ его. Въ сознаніи пророческомъ эпохи какъ-бы сливались; въ слитномъ видѣ представляли они будущность, подобно тому, какъ у насъ сливаются предметы, даже далеко отстоящіе другъ отъ друга, когда мы смотримъ вдаль...

Если многострадальный Іудейскій народъ не палъ подъ бременемъ бѣдствій, тяготѣвшихъ на немъ цѣлые вѣка, то этимъ онъ обязанъ благовѣстникамъ Сіона—пророкамъ: онъ жилъ надеждою на будущаго Возстановителя и Совершителя теократіи; вдали времени ему сіялъ свѣтлый образъ Мессіи и Его Царства, начертанный пророками. Когда обѣтованіе о Мессіи раскрыто было въ возможной ясности и полнотѣ, пророчество умолкаетъ. Но проходитъ еще болѣе 400 лѣтъ, прежде чѣмъ является на землю Мессія. Лѣта эти избранному народу даются для того, чтобы онъ глубже ознакомился и сблизился съ пророчествами; изъ пророческихъ книгъ перенесъ ихъ въ свое сознаніе и жизнь, прилѣпился къ нимъ вѣрою, упованіемъ, желаніями. Такъ и было. Ко времени пришествія Іисуса Христа ожиданіе Мессіи между Іудеями было всеобщее, и было оно тѣмъ живѣе и напряженнѣе, чѣмъ прискорбнѣе было внѣшнее политическое состояніе ихъ: домъ Давида давно уже лишился престола; Іудея была подъ болѣе или менѣе тяжелымъ для ихъ патріотическаго чувства покровительствомъ языческихъ государей, и, наконецъ, сдѣлалась одною изъ провинцій Римской имперіи. Вотъ почему, когда явился Іоаннъ Креститель, къ нему тотчасъ отправлено было посольство съ вопросомъ: не онъ ли Мессія? Вотъ почему о скоромъ пришествіи Его знаютъ даже Самаряне (Іоан. IV). Однимъ изъ обычныхъ, общеупотребительныхъ въ это время названій Мессіи было: «*Грядый*», ὁ Ἐρχόμενος, Тотъ, Который долженъ придти, пришествіе Котораго всѣми ожидается (см. Матѳ. XI, 3. Луки VII, 19. Іоанна VI, 14. Евр. X, 37).

Въ это-то время всеобщаго ожиданія Мессіи посланъ былъ Архангелъ Гавріилъ въ Назаретъ къ бѣдной и неизвѣстной Дѣвѣ изъ царскаго Давидова рода съ благовѣстіемъ о рожденіи отъ Нея Утѣхи и Славы Израиля.

Но еще прежде, чѣмъ Сынъ Божій родился отъ Дѣвы Маріи и явился на землѣ въ качествѣ Основателя Новаго Завѣта, Онъ уже явилъ Себя въ силѣ и дѣйствіи во времена Ветхаго Завѣта. Вся ветхозавѣтная исторія въ сокровеннѣйшей своей сущности есть исторія постепеннаго снисхожденія Сына Божія къ человѣчеству. Всѣ Богоявленія, о которыхъ разсказываетъ Ветхій Завѣтъ суть явленія Сына Божія; вся ветхозавѣтная теократія—Его устроеніе; Онъ давалъ законы, руководилъ судьбами Израиля; Его силою совершались чудеса; Его Духомъ, Духомъ «*Христовымъ*» исполнены были пророки (1 Петр. I, 11). Прямо о Сынѣ Божіемъ не говорится въ Ветхомъ Завѣтѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ о Немъ говорится въ Новомъ: это было бы неблаговременно и могло повести къ страшнымъ недоразумѣніямъ. Напротивъ, въ Ветхомъ Завѣтѣ настойчиво проводится мысль

о безусловномъ единствѣ Бога, равно какъ о Его невидимости и неприступности. Дѣйствующимъ лицемъ въ періодѣ постепеннаго устроенія ветхозавѣтной теократіи отъ Моусея до Давида, посредникомъ между Богомъ и людьми, устроителемъ этой теократіи является Ангелъ Господень—Maleach—Iehovah, называемый иногда Maleach La Elogim. Онъ многократно уже являлся патріархамъ Еврейскаго народа (Быт. XXI, 17—19; XXII, 11—18; XVI, 7—14; XVIII, 1—33), является Моусею, Іисусу Навину, судіямъ (Исх. XXIII, 20—23; XXXIII, 2—16. Числъ XX, 16. Суд. II, 1—4. Іисусъ Навинъ V, 14; VI, 1), постоянно руководитъ избраннымъ народомъ, поражаетъ враговъ Израиля, усвояетъ себѣ заключеніе завѣта съ народомъ Израильскимъ, прямо называетъ себя главою ветхозавѣтной теократіи (Суд. II, 1—4). Кто же этотъ Ангелъ Господень? Вопросъ этотъ на западѣ породилъ цѣлую литературу. У насъ въ послѣднее время явилось обстоятельное и весьма основательное изслѣдованіе по этому предмету, принадлежащее М. Д. Муретову. Оказывается, что ветхозавѣтный Ангелъ—Іегова есть Сынъ Божій на пути къ Своему воплощенію, являющійся предварительно въ очертаніи будущаго Своего воплощенія, въ человѣкообразномъ видѣ. Что Онъ не есть служебный тварный духъ—видно изъ того, что Онъ явственно выдѣляется изъ сонма служебныхъ Ангеловъ по Своей природѣ, власти и достоинству, представляется Началовождемъ ихъ (Іисусъ Навин. V, 14; VI, 1. Быт. XXVIII, 11—12. Сравн. XXXI, 11); мало того, отожествляется съ Іеговою, всегда говоритъ и дѣйствуетъ, какъ Самъ Іегова, и прямо называетъ Себя Богомъ и Іеговою, имѣетъ Божественныя свойства и совершаетъ Божественныя дѣйствія. Но однакоже Онъ не сливается съ Іеговою въ одну ѵпостась, но имѣетъ отличное отъ Него самостоятельное бытіе. Ясно, что этотъ отличный отъ Іеговы, но въ то же время равночестный Ему устроитель и руководитель ветхозавѣтной теократіи, личный и единосущный Іеговѣ посредникъ всего вообще ветхозавѣтнаго домостроительства есть Христосъ—Сынъ Божій... Вотъ почему у Евангелиста Іоанна о Сынѣ Божіемъ говорится, что Онъ «во Своя» пріиде (Іоан. I, 1—18), а у Павла Апостола (1 Коринѳ. X, 9) сказано, что Христосъ предводительствовалъ Евреями, когда они шли въ землю обѣтованную, и былъ искушаемъ ими въ пустынѣ, тогда какъ по книгѣ Исходъ Евреями предводительствовалъ Ангелъ — Іегова, а по Числъ XXI гл. Евреи искушали въ пустынѣ Самого Іегову. Вотъ почему, тогда какъ сами пророки производили свои откровенія отъ Іеговы, или же, какъ Захарія, отъ Ангела—Іеговы, въ посланіи Петра говорится, что чрезъ пророковъ говорилъ Духъ Христовъ (1 Петр. I, 11). Такимъ образомъ священныя книги Ветхаго Завѣта представляютъ намъ постепенное приближеніе Сына Божія къ человѣчеству: сперва, въ начальный періодъ теократіи, Онъ являлся ветхозавѣтнымъ праведникамъ отвнѣ въ образѣ человѣка, природу котораго Онъ имѣлъ воспріять въ единство Своей ѵпостаси; затѣмъ, въ періодъ пророческій, Духъ Христа вселяется въ пророковъ и говоритъ чрезъ нихъ. Если мы припомнимъ еще, что весь составъ ветхозавѣтнаго Богослуженія имѣлъ значеніе не только символическое, но и прообразовательное, служилъ «*тѣнію и образомъ будущаго*» (Евр. X, 1; VIII, 5. Колос. II, 17. 1 Петр. I, 12), что весь законъ былъ дѣтоводителемъ ко Христу (Галат. III, 14) то понятнымъ будетъ глубокое замѣчаніе Августина: novum testamentum in vetere latet, vetus in novo patet.

Постепенному снисхожденію Божества къ человѣчеству соотвѣтствовало постепенное восхожденіе къ Божеству человѣчества въ лицѣ *„святаго сѣмени“* (Исход. VI, 13), которое хранилось въ средѣ избраннаго народа и ради котораго сохраняемъ былъ этотъ народъ. «Богъ... отъ вѣка видѣлъ всѣ безчисленные для насъ роды сыновъ падшаго Адама и провидѣлъ и избралъ одинъ, если не во всѣхъ своихъ лицахъ достойный, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ сохранявшій останки первозданной доброты, менѣе уступавшій заразѣ грѣха, преимущественно расположенный къ принятію и вѣрному храненію благодати, способный, наконецъ, при постепенномъ благодатномъ очищеніи, произрастить чистую Дѣву, могущую быть пріятелищемъ воплощаемаго Божества». Когда эта цѣль была достигнута, исполнилось предопредѣленное время и Богъ послалъ въ міръ Сына Своего, раждаемаго отъ жены (Галат. IV, 1).

Можно ли, спрашивается, сомнѣваться послѣ этого въ правдивости повѣствованія Евангелиста Луки о благовѣстіи Ангела Пресвятой Дѣвѣ Маріи,—о томъ благовѣстіи, которое необходимо и естественно, такъ сказать, требовалось исторіей всѣхъ предшествовавшихъ Божественныхъ откровеній? Изслѣдователю безпристрастному и непредубѣжденному, конечно, и въ голову не придетъ сомнѣваться. Но, къ сожалѣнію, не такъ смотрятъ и судятъ люди съ предзанятыми идеями и теоріями. Штраусъ, напримѣръ, со своими послѣдователями прямо считаетъ Назаретское благовѣстіе вымысломъ, который образовался подъ вліяніемъ древнихъ ветхозавѣтныхъ сказаній о Мессіи, какъ великомъ царѣ и потомкѣ Давида... Но если бы Штраусъ хотѣлъ быть научнымъ и послѣдовательнымъ въ своихъ доказательствахъ, ему необходимо было бы прежде всего объяснить, почему одинъ Еврейскій народъ имѣлъ особенную религію (монотеистическую) и особенное совершеннѣйшее законодательство, которое ставило его неизмѣримо выше всѣхъ другихъ народовъ древности? А жилъ онъ между тѣмъ въ тѣхъ же самыхъ географическихъ, или климатическихъ и историческихъ условіяхъ, въ какихъ находились и всѣ другіе народы. Отчего же у нихъ не было ни подобной религіи, ни подобнаго законодательства? Отчего опять одинъ Еврейскій народъ жилъ и дышалъ мессіанской идеей, тогда какъ у всѣхъ другихъ народовъ все лучшее—золотой вѣкъ былъ назади, и всѣ они жили прошлымъ? На всѣ эти и подобные вопросы Штраусъ не даетъ и не можетъ дать отвѣта.

Что̀ касается указаній на языческіе миѳы, въ которыхъ говорится о рожденіи великихъ героевъ и боговъ отъ непорочныхъ дѣвъ, напримѣръ, Будды, Зороастра и другихъ, то указанія эти не имѣютъ ровно никакого значенія, такъ какъ между языческими преданіями и священнымъ сказаніемъ нѣтъ ничего общаго. Основа миѳовъ была совершенно другая. Всѣ язычники, какъ извѣстно, смотрѣли на матерію, какъ на зло. Бракъ, по ихъ понятіямъ, также былъ зломъ, и такъ какъ въ жизни человѣческой они нигдѣ и ни въ чемъ не видѣли ничего хорошаго, то все высокое и выдающееся, по ихъ взгляду, не могло явиться обыкновеннымъ путемъ. Отсюда герои и боги ихъ раждаются отъ непорочныхъ дѣвъ. Но такъ ли смотрѣли Іудеи на природу и особенно на бракъ? У нихъ, напротивъ, Божественнымъ откровеніемъ воспитана была чрезвычайно возвышенная идея о святости брака, и поэтому творческое соединеніе Божества съ человѣчествомъ безъ посредства, т. е. безъ мужа, не могло быть ни придумано

Іудеями, ни вообще вырости на Іудейской почвѣ. Этимъ, между прочимъ, можетъ быть объяснено, почему нѣкоторые изъ Іудеевъ (еретики эвіонеи), не понявши пророчества Исаіи о Дѣвѣ, имѣющей родить Эммануила, отвергли сверхъестественное рожденіе Іисуса Христа. Но въ концѣ всего надобно сказать, что приравнивать Евангельское повѣствованіе къ языческимъ миѳамъ есть чистое безуміе. Миѳы у всѣхъ народовъ создавались въ первобытную, доисторическую эпоху, а Евреи жили въ свѣтлое историческое время и были народомъ зрѣлымъ. Мыслимое ли дѣло, чтобы этотъ народъ въ концѣ своей исторической жизни, совершенно лишившись политической самостоятельности, вздумалъ создавать миѳъ и притомъ о такомъ Лицѣ, Которое и Своимъ ученіемъ, и Своими дѣйствіями шло противъ ихъ завѣтныхъ мечтаній. Мыслимое ли, наконецъ, дѣло, чтобы миѳъ произвелъ такой переворотъ въ умахъ и сердцахъ человѣческихъ, какой совершился въ мірѣ съ явленіемъ Христа на землю? Приписывать такое явленіе миѳу—значитъ идти наперекоръ не только свидѣтельству исторіи, но и миѳологіи.

Все сказанное нами въ основаніи разрушаетъ выдумку миѳологистовъ, но мы готовы, однако, разобрать и другіе доводы, которыми они стараются подкрѣпить себя. Вотъ эти доводы. Въ Новомъ Завѣтѣ,—кромѣ первыхъ двухъ Евангелистовъ—Матѳея и Луки, нѣтъ, говорятъ, другихъ мѣстъ, въ которыхъ ясно говорилось бы о сверхъестественномъ происхожденіи Іисуса Христа; не говорятъ, какъ явился Спаситель, ни Евангелистъ Іоаннъ, ни Апостолъ Павелъ, хотя оба они очень много занимались изложеніемъ ученія о Немъ, какъ Сынѣ Божіемъ; при этомъ ссылаются на то противорѣчіе, въ какомъ стоитъ будто бы описаніе этого событія съ генеалогіями, гдѣ Іосифъ называется мужемъ Маріи и отцемъ Іисуса, а также и со сказаніемъ Евангелиста Матѳея о молчаніи Пресвятой Дѣвы предъ Іосифомъ.

1) Что̀ Евангелистъ Іоаннъ не говоритъ объ обстоятельствахъ рожденія Іисуса Христа, это вовсе ничего не доказываетъ. Изъ содержанія его Евангелія видно, что онъ имѣлъ цѣлью описывать такія событія, свидѣтелемъ которыхъ самъ былъ и которыя относились къ общественному служенію Іисуса Христа. Тѣмъ не менѣе, когда онъ въ противоположность понятію Іудеевъ о Мессіи утверждалъ въ началѣ первоначальное соединеніе природы человѣческой съ Божественной, говоря: «*Слово плотъ бысть*» (Іоан. I, 14), а съ другой стороны, когда говорилъ: «*рожденное отъ плоти плоть есть*» (Іоан. III, 6), то, сопоставляя эти изрѣченія, нельзя не допустить, что Іоаннъ предполагалъ особенный родъ рожденія Іисуса Христа; нельзя подумать, чтобы онъ представлялъ, что рожденіе Іисуса Христа совершилось обыкновеннымъ путемъ. Сюда принадлежатъ также тѣ мѣста, въ которыхъ говорится о единствѣ Іисуса Христа съ Богомъ Отцемъ (Іоан. X, 30; XVI, 15; XXVI, 28; XVII, 10 и друг.) и о томъ, что Ему дана всякая власть на небѣ и на землѣ (Іоан. XVII, 2).

2) Не встрѣчается, правда, прямыхъ указаній и у Апостола Павла. Но что̀ должно выводить изъ его словъ, когда онъ называетъ Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ (Римлян. I, 3), Богомъ, благословеннымъ во вѣки (Римлян. IX, 5) Господомъ съ небесе (1 Коринѳ. XV, 47) и другія? Не лежитъ ли въ основѣ всѣхъ этихъ предикатовъ мысль о Его сверхъестественномъ происхожденіи, хотя онъ прямо и не говоритъ объ этомъ? А, съ другой стороны, когда онъ утвер-

ждаетъ наслѣдственное поврежденіе во всемъ человѣчествѣ (Римлян. V, 12), не значитъ ли это, что онъ исключаетъ Іисуса изъ всеобщаго поврежденія, не значитъ ли это, что онъ представляетъ опять другой образъ Его рожденія?

3) Мнимое противорѣчіе, въ какомъ стоитъ будто бы описаніе этого событія съ генеалогіями, а также и сказаніемъ Евангелиста Матѳея о молчаніи Пресвятой Дѣвы, удовлетворительно разрѣшается прикровенностью чуда, для пониманія котораго Іудеи еще не созрѣли. Что соединеніе Бога съ человѣческой природой было недоступно Іудеямъ, это подтверждаетъ, какъ мы уже замѣтили выше, грубое представленіе іудействующихъ христіанъ, что Мессія былъ простой человѣкъ, что Онъ родился такъ же, какъ и всѣ раждаются. Молчаніе Маріи предъ Іосифомъ возможно еще объяснить желаніемъ скрыть высокое чудо, которому человѣкъ и съ простою вѣрою едва ли повѣрилъ бы, а можетъ быть и особенное повелѣніе Божіе было относительно Іосифа, нуждавшагося въ подкрѣпленіи свыше своей вѣры. Во всякомъ случаѣ, Провидѣнію угодно было открыть ему эту тайну сверхъестественнымъ образомъ (Матѳ. I, 20). «Дѣва молчала», говоритъ Златоустъ, «ибо думала, что не увѣритъ жениха, сказавши о необыкновенномъ дѣлѣ; а, напротивъ, огорчитъ его, подавъ мысль, что прикрываетъ сдѣланное преступленіе. Если Сама Она, слыша о даруемой Ей толикой благодати, судитъ по-человѣчески и говоритъ: «*како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю*» (Лук. I, 37), то гораздо болѣе усумнился бы Іосифъ, услышавъ о семъ отъ подозрѣваемой жены. Посему Дѣва вовсе не говоритъ Іосифу». Объясненіе это въ высшей степени правдоподобно, психологически вѣрно и вполнѣ естественно. Иначе Марія поступить, дѣйствительно, и не могла. Вообще надобно сказать, что и эти доводы миѳологистовъ носятъ на себѣ тотъ же характеръ лжи и несправедливости, а потому нисколько не ослабляютъ вѣры въ Божественное происхожденіе Іисуса Христа отъ Дѣвы, какъ несомнѣнный историческій фактъ. А что фактъ этотъ записанъ самимъ Евангелистомъ, въ этомъ также нельзя сомнѣваться. За это ручаются писатели самой глубокой древности, напримѣръ, святый Игнатій, святый Іустинъ и нѣкоторые изъ еретиковъ.

Правда, святый Игнатій упоминаетъ о воплощеніи Іисуса Христа отъ Дѣвы кратко и въ общихъ выраженіяхъ, за то святый Іустинъ мученикъ передаетъ это событіе почти буквально словами Евангелиста Луки въ двухъ мѣстахъ: а) въ разговорѣ съ Трифономъ, гдѣ онъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Марія Дѣва, принимая вѣру и радость, когда Ангелъ Гавріилъ принесъ Ей радостную вѣсть, что найдетъ на Нее Духъ Господень и сила Вышняго осѣнитъ Ее, посему и раждаемое отъ Нея святое есть Сынъ Божій, отвѣчала: пусть будетъ Мнѣ по слову твоему»; затѣмъ б) въ первой апологіи онъ пишетъ такъ: «сила Божія, нашедши на Дѣву, осѣнила Ее и сдѣлала то, что Она зачала, будучи Дѣвою. И посланный въ то время къ Дѣвѣ Ангелъ Божій благовѣстилъ Ей такими словами: вотъ зачнешь во чревѣ отъ Духа Святаго и родишь Сына, и Онъ наречется Сыномъ Вышняго, и наречеши имя Ему Іисусъ». Сказавъ это, святый Іустинъ непосредственно за этимъ прибавляетъ: «такъ повѣствуютъ тѣ, которые описали все, касающееся до Спасителя нашего Іисуса Христа, и мы вѣримъ имъ»... А что Іустинъ дѣйствительно разумѣетъ здѣсь не какія либо другія повѣствованія, какъ только Евангельскія, это ясно

видно изъ той же апологіи его: въ 66 главѣ онъ прямо называетъ сказанія эти написанными Апостолами и говоритъ, что они называются Евангеліями.

Изъ еретиковъ, по словамъ святаго Иринея, касается этого повѣствованія (именно объ Ангелѣ Гавріилѣ) Маркъ гностикъ. А Василидъ, Ѳеодотъ буквально приводятъ слова 35 ст.: «*Духъ Святый найдетъ на Тя и сила Вышняго осѣнитъ Тя*», хотя они и объясняли ихъ въ аллегорическомъ смыслѣ. У нѣкоторыхъ докетовъ встрѣчается даже указаніе на это повѣствованіе съ прибавленіемъ словъ: «какъ написано». «Ангелъ», говорится, «благовѣстилъ Маріи, какъ написано»...

Перейдемъ теперь къ экзегетическому анализу.

Разсматриваемое повѣствованіе состоитъ изъ трехъ главныхъ частей. Въ первой говорится о явленіи Ангела Пресвятой Дѣвѣ (26—29); во второй передается благовѣстіе его (30—33); и въ третьей (34—38), какъ приняла Пресвятая Дѣва благовѣстіе Ангела.

I. Намѣреваясь говорить о явленіи Ангела Пресвятой Дѣвѣ, святый Лука опредѣляетъ прежде всего время и мѣсто событія, затѣмъ сообщаетъ краткое свѣдѣніе о Пресвятой Дѣвѣ (26—27) и, наконецъ, уже описываетъ самое явленіе Ангела (28—29).

Ст. 26—27. *Въ мѣсяцъ же шестый посланъ бысть Ангелъ Гавріилъ отъ Бога во градъ Галилейскій, емуже имя Назаретъ, къ Дѣвѣ обрученнѣй мужеви, емуже имя Іосифъ, отъ дому Давидова: и имя Дѣвѣ Маріамъ.*

Время событія святый Лука опредѣляетъ кратко, говоритъ, что оно случилось «*въ мѣсяцъ шестый*», очевидно со дня зачатія Іоанна Предтечи, о чемъ онъ только что передалъ въ предыдущихъ стихахъ этой главы (ср. ст. 36). А такъ какъ предсказаніе Ангела Захаріи о рожденіи сына было въ сентябрѣ 747 года отъ основанія Рима, то благовѣстіе Пресвятой Дѣвѣ должно было быть въ мартѣ 748 году, и именно по преданію церковному 25 марта. «Это расчислено съ намѣреніемъ, говоритъ одинъ изъ нашихъ Богослововъ (сочин. Иннокентія, архіеп. Херсонск. Томъ XI, 1877 годъ, стр. 18). Мы видимъ изъ Апокалипсиса, продолжаетъ онъ, что на небѣ, гдѣ произносится судъ всему міру, есть какіе-то всемірные дни, часы, годы, по которымъ все распредѣляется» (Апокалипс. VIII, 1). Любопытно на этотъ разъ замѣчаніе и блаженнаго Августина, который пишетъ: «зачатіе Предтечи было послѣ осенняго равноденствія, когда дни начинаютъ убывать, рожденіе опять послѣ лѣтняго равноденствія, когда опять дни быстро убываютъ, а зачатіе Спасителя было послѣ весенняго равноденствія, когда дни прибавляются; рожденіе также послѣ зимняго, когда опять дни прибавляются, и въ этомъ видно, что Іисусу Христу подобало расти, а Іоанну малитися».

Итакъ въ шестой мѣсяцъ со дня зачатія Предтечи посланъ былъ отъ Бога Ангелъ Гавріилъ во градъ Галилейскій Назаретъ съ благовѣстіемъ къ Дѣвѣ Маріи.

Не Іерусалиму и не другому какому либо знаменитому городу тогдашняго міра суждено было въ совѣтѣ Божіемъ быть мѣстомъ такого высокаго событія, а Назарету, одному изъ самыхъ маленькихъ городовъ Галилеи. Галилея, окруженная и населенная отчасти язычниками (отчего въ Писаніи часто называется Галилеею языческою) (Исаія IX, 1. 1 Мак. V, 15. Матѳ. IV, 15) не пользовалась уваженіемъ у прочихъ Іудеевъ (Іоан. VII, 52), а городъ Назаретъ и въ самой Галилеѣ считался презрѣннымъ городомъ, такъ что добро-

душный Наѳанаилъ сказалъ о немъ: *отъ Назарета можетъ ли что добро быти* (Іоан. I, 46). Между тѣмъ въ этой-то далекой странѣ и презираемомъ всѣми городѣ жила избранница Божія, Пресвятая Дѣва Марія, обрученная бѣдному древодѣлю Іосифу, изъ дому Давидова.

Міръ ветхозавѣтный, какъ извѣстно, ревновалъ о чадородіи, а потому и о бракѣ, домогаясь родить Спасителя или, выражаясь языкомъ Ветхаго Завѣта, то благословенное *сѣмя*, которое сотретъ главу змія (Быт. III, 15) и о которомъ *благословятся вси языцы земніи* (Быт. XXII, 18). Міръ ветхозавѣтный такъ мало понималъ и чтилъ дѣвство, что дѣвство, навсегда чуждое браку, было для него предметомъ оплакиванія (Суд. XI, 38, 40). Были дѣвственники изъ мужей, напримѣръ, Іоаннъ Креститель и еще прежде пророки Илія и Елисей, но первою Дѣвою была Преблагословенная Марія. Еще въ непорочности младенческой Она была посвящена на всегдашнюю чистоту. Бракъ, столько чтимый въ Ветхомъ Завѣтѣ, могъ раждать только человѣковъ. Одно дѣвство достойно было родить Богочеловѣка. Потому вслѣдъ за обрученіемъ Іосифу Марія обручается Духу Святому, чтобы быть Матерію Господа. Благовѣщеніе послѣдовало за обрученіемъ.

Ст. 28. «*И вшедъ къ Ней Ангелъ рече: радуйся, Благодатная: Господь съ Тобою: благословенна Ты въ женахъ*». Привѣтствіе величественное, но неопредѣленное, располагавшее къ ожиданію чудеснаго, но неизвѣстно—чего. Въ цѣломъ своемъ составѣ привѣтствіе это встрѣчается первый разъ въ Библіи. До сихъ поръ ни одинъ и особенно ни одна изъ земнородныхъ не слыхала съ неба подобнаго привѣтствія. «*Радуйся, Благодатная*», т. е. исполненная высокихъ даровъ Божіихъ, превышающихъ естественную доброту. Такого рода привѣтствіе безпримѣрно въ древнихъ явленіяхъ Ангеловъ. Что̀ касается до слѣдующаго: «*Господь съ Тобою*», то оно встрѣчается въ Библіи. «*Господь съ тобою*» (Суд. VI, 12), привѣтствовалъ Ангелъ Гедеона. Святая Дѣва могла вспомнить, что когда Ангелъ привѣтствовалъ такимъ образомъ Гедеона, хотѣлъ вдохнуть въ него силу и одобрить для чудесной побѣды надъ врагами и спасенія народа Израильскаго. Привѣтствіе же: «*благословенна Ты въ женахъ*»—опять неслыханное. Многократно и щедро благословлялъ Богъ Авраама (Быт. XXII, 17—18; XVIII, 18). Но не сказано, чтобы Авраамъ благословенъ былъ въ мужахъ, т. е. преимущественно предъ всѣми мужами. Но вотъ Марія слышитъ, что неожиданный посѣтитель привѣтствуетъ Ее не только миромъ, но и радостію, приписываетъ Ей благодать не какъ даръ, но какъ Ея неотъемлемое достояніе, затѣмъ возвѣщаетъ Ей благословеніе, преимущественное предъ всѣми женами въ мірѣ, поставляетъ безвѣстную Дѣву превыше всѣхъ ихъ. Ибо «*благословенная въ женахъ*» по свойству священнаго языка значитъ: благословенная предъ всѣми женами человѣческаго рода.

Ст. 29. «*Она же видѣвши смутися о словеси его и помышляше, каково будетъ цѣлованіе сіе*». «*Смутися*»: слишкомъ необычайно было привѣтствіе. Но смутилась Пресвятая Дѣва не смущеніемъ сомнѣнія или невѣрія, а смущеніемъ смиреннаго чувства предъ высокою нечаянностью. «*Смутися*» отъ словъ похвалы, хотя нѣтъ похвалы, которой бы Она не была достойна и которой не превышала бы Своимъ достоинствомъ. Прекрасно говоритъ объ этомъ смущеніи Святой Дѣвы митрополитъ Филаретъ:

«въ виду необычайнаго привѣтствія, тихая душа Ея отъ сильныхъ словъ Духа, какъ тихая вода отъ сильнаго дыханія вѣтра, по необходимости приходитъ въ движеніе: «*смутися о словеси его*».

«Смущается Марія,—и не медлитъ укрощать смущеніе, удерживая и подавляя его молчаніемъ. Смущается, но побѣждаетъ смущеніе размышленіемъ, «*помышляше, каково будетъ цѣлованіе сіе*»; размышляла, что бы значило такое привѣтствіе. «Пріиму ли необычное привѣтствіе?—Страшусь, да не вмѣнится Мнѣ сіе въ превозношеніе. Отвергну ли? Страшусь, да не оскорблю невѣрованіемъ не только Божія посланника, но и Пославшаго. Пожду въ безмолвіи, что далѣе явитъ Богъ. Такъ Она и не приняла высокаго привѣтствія, и тѣмъ сохранила Свое смиреніе, но и не отвергла, и тѣмъ сохранила Свою вѣру. А сохраняя смиреніе и вѣру, Она сохранила то чистое расположеніе духа, которое содѣлывало Ее способною принять высочайшее откровеніе Божіе».

II. Ангелъ проникъ мыслію ощущенія души Пресвятой Дѣвы, а потому прежде всего успокоиваетъ Ее и затѣмъ уже возвѣщаетъ Ей о рожденіи Сына и о томъ, каковъ будетъ Онъ (30—33).

Ст. 30. «*И рече Ангелъ Ей: не бойся, Маріамъ: обрѣла бо еси благодать у Бога*».—Изъ этихъ словъ видно, что Марія не смутилась только, но и почувствовала страхъ. Свѣтлый духъ Ангела усмотрѣлъ Ея чувство и поспѣшилъ возвратить душѣ Пресвятой Дѣвы миръ и тишину, потребныя для принятія необычайнаго благовѣстія о рожденіи отъ Нея Еммануила. «*Не бойся: обрѣла бо еси благодать у Бога*». Послѣднія слова присовокупилъ онъ, видимо, въ объясненіе наименованія Ея «*благодатною*». По особенной благодати Божіей Дѣва Марія удостоена высочайшаго избранія Божія, но эта благодать привлечена высочайшимъ Ея достоинствомъ. Превыше всѣхъ земнородныхъ вознесена Она избраніемъ, но это потому, что превыше всѣхъ явилась достойною избранія по Своимъ душевнымъ качествамъ и расположеніямъ, по любви къ дѣвству, по Своему глубокому смиренію, по Своей вѣрѣ и полной преданности волѣ Божіей. Человѣчество, пройдя долгій рядъ очищенія и освященія въ сонмѣ патріарховъ и всѣхъ святыхъ Ветхаго Завѣта, явилось, наконецъ, въ Маріи на той степени чистоты и совершенства, на которой Она могла содѣлаться вмѣстилищемъ Бога—Слова. Духъ Святый «предочистилъ» Богоизбранную Отроковицу и возвелъ Ее до чистоты, достойной непосредственнаго соприкосновенія съ чистотою Божества.

Ст. 31. «*И се, зачнеши во чревѣ, и родиши Сына, и наречеши имя Ему Іисусъ*». Ангелъ выражается словами пророка Исаіи (VII, 14), предвозвѣстившаго рожденіе Мессіи отъ Дѣвы. Только имя, повидимому, другое даетъ имѣющему родиться отъ Нея Сыну; пророкъ говоритъ: «*и нарекутъ имя Ему Еммануилъ*», а Ангелъ: «*и наречеши имя Ему Іисусъ*». Но здѣсь разность только въ рѣченіяхъ, а не въ существѣ выражаемой ими идеи: «*Еммануилъ*» значитъ: съ нами Богъ; «*Іисусъ*» значитъ «*Спаситель*», *Той бо спасетъ люди Своя отъ грѣхъ ихъ*» (Матѳ. I, 21). Но спасти людей отъ грѣховъ, которые «*разлучаютъ между нами и между Богомъ*» (Исаія LIX, 2) значитъ уничтожить это разлученіе, приблизить къ намъ Бога, сдѣлать, чтобы «*съ нами*» былъ «*Богъ*». Такимъ образомъ между именами: «*Еммануилъ—съ нами Богъ*» и «*Іисусъ—Спаситель отъ грѣховъ*» есть не только точная внутренняя со-

образность, но и единство. «*Съ нами Богъ*» во «*Іисусѣ*» по самому воплощенію; ибо въ немъ естество «*Божеское*» и «*наше*» человѣческое соединены нераздѣльно и несліянно въ единое Лице Богочеловѣка; и потому Онъ не стыдится братіею нарицати насъ (Евр. II, 11). «*Съ нами Богъ*» во «*Іисусѣ*» по искупленію, ибо Господь страданіемъ Своимъ загладилъ грѣхъ, который мы творили, смертію Своею умертвилъ смерть, на которую мы за грѣхъ осуждены были, воскресеніемъ Своимъ вновь пріобрѣлъ намъ жизнь Божію, отъ которой мы грѣхомъ отчуждены были (Ефес. IV, 18).

Ст. 32—33. «*Сей будетъ велій, и Сынъ Вышняго наречется: и дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида отца Его: и воцарится въ дому Іаковли во вѣки, и Царствію Его не будетъ конца*».

Свойство Божественнаго Младенца Ангелъ изображаетъ чертами безконечно-возвышеннѣйшими, чѣмъ свойства Іоанна. Во-первыхъ, Онъ называется великимъ: «*Сей будетъ велій*». Когда Ангелъ возвѣщалъ Захаріи о рожденіи сына, то онъ также сказалъ о немъ, что будетъ великъ, но при этомъ прибавилъ «*предъ Господомъ*» (15), т. е., какъ рабъ предъ Господомъ; о Христѣ же просто говорится: будетъ *великъ*, т. е., безусловно великъ. «Сказано и объ Іоаннѣ, говоритъ Амвросій, что онъ будетъ великъ; но онъ великъ, какъ человѣкъ, а тотъ, какъ Богъ»; поэтому, во-вторыхъ, называется Сыномъ Вышняго: «*и наречется*», говоритъ, т. е., будетъ «*Сыномъ Вышняго*», Сыномъ Бога Отца въ особенномъ, собственномъ смыслѣ, какъ Сынъ Единородный (Іоан. I, 14). Основываясь на выраженіи «*наречется*», аріане утверждали, что Христосъ, прежде чѣмъ родиться, не былъ Сыномъ Божіимъ. Но они не понимали, что здѣсь говорится о Христѣ, какъ о человѣкѣ. «Называется, говоритъ блаженный Ѳеофилактъ, Сыномъ Вышняго, какъ человѣкъ: ибо такъ какъ Лице было одно, поистинѣ былъ Сыномъ Вышняго Человѣкъ, Сынъ Дѣвы». Въ-третьихъ, Ему приписывается царское достоинство: «*и дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида, отца Его*». Въ этихъ словахъ повторяется обѣтованіе, данное Богомъ самому Давиду: «*возставлю сѣмя твое по тебѣ.... и уготовлю царство его. Азъ буду ему во отца и той будетъ Мнѣ въ сына*» (2 Царств. VII, 12—19). Отчасти это пророчество приложимо къ Соломону, царю мудрому и устроившему въ Іерусалимѣ храмъ Господу Богу (3 Царств. VIII, 26—28); но вполнѣ оно относилось только къ его великому Потомку, Мессіи—Христу. Въ такомъ духѣ понимали это обѣтованіе еще пророки, которые говорили, что «*въ тѣ дни Господь возраститъ Давиду Отрасль праведную, Которая будетъ производить судъ и правду на землѣ*» (Іерем. XXXIII, 15—17. Псал. LXXXVIII, 5. Исаія IX, 7). Обѣтованіе, данное Давиду, такимъ образомъ теперь окончательно исполнилось. Но хотя въ благовѣстіи Ангела Царство, назначаемое Сыну Маріи, представляется тѣсно соединеннымъ съ престоломъ Давида, однако въ то же время оно ясно отличается отъ него; Царство это не должно быть временнымъ, каково было земное царство Давида и его ближайшихъ потомковъ, а будетъ вѣчнымъ, т. е., никогда не кончится; слѣдовательно будетъ Царство духовное, благодатное, для котораго царство Давида было только прообразомъ: «*и воцарится въ дому Іаковли во вѣки*», продолжалъ Ангелъ, «*и Царствію Его не будетъ конца*», какъ предсказалъ еще пророкъ Михей (IV, 7). *Домомъ Іакова* назывался до Рождества Христова народъ Израильскій, потомки Іакова, а по при-

шествіи Господа—всѣ вѣрующіе въ Него, которыхъ Апостолъ Павелъ называетъ *духовнымъ Израилемъ* (Римлян. II, 25—29), изъ которыхъ и состоитъ благодатное Царство Христово. Это благодатное Царство подлинно не будетъ имѣть конца: земныя царства и народы возрастаютъ и падаютъ, безчисленныя перемѣны на лицѣ земли смѣняются однѣ другими, подобно волнамъ на морѣ, но благодатное Царство Христово, Св. Церковь, охраняемая невидимою силою Божіей, подобно Ноеву ковчегу, носится невредимою выше всѣхъ волненій міра и будетъ носиться, доколѣ, наконецъ, послѣдній огненный потопъ обновитъ лице всей земли, и будетъ *«небо ново и земля нова»*, и благодатное Царство Христово—Церковь воинствующая преобразится въ Царство славы—Церковь вѣчно торжествующую (1 Коринѳ. XV, 24—28).

III. Возвѣстивъ о рожденіи обѣтованнаго Мессіи и изобразивъ свойства Его, Ангелъ, наконецъ, разрѣшаетъ недоумѣніе Пресвятыя Дѣвы относительно величайшей тайны Боговоплощенія (34—38).

Ст. 34. *Рече же Маріамъ ко Ангелу: како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю»*. Таинство воплощенія Сына Божія открыто, но Ангелъ не удаляется отъ Святой Дѣвы. Въ душѣ Ея раждается вопросъ не отъ недовѣрія, не отъ пытливости, но отъ владычествующей любви къ чистотѣ дѣвства. Эта именно любовь выразилась въ словахъ: *«како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю»*. Хотя имѣю мужа по обряду обрученія, но у Меня нѣтъ мужа по обѣту дѣвства; обѣтъ этотъ произнесенъ, утвержденъ; столько Я ни желаю отмѣнить его, сколько не позволяетъ законъ: *«человѣкъ, иже аще обѣщаетъ обѣтъ Господу... да сотворитъ»* (Числ. XXX, 3). Господь не нарушаетъ Своихъ законовъ: какъ же будетъ то, что и обѣтъ дѣвства сохранится, и законъ исполнится, и Сынъ родится? Отреченіе Маріи отъ земнаго мужа подаетъ Ангелу поводъ возвѣстить Ей достоинство Богоневѣсты, къ которому Она предопредѣлена.

Ст. 35. *«И отвѣщавъ Ангелъ, рече Ей: Духъ Святый найдетъ на Тя, и сила Вышняго осѣнитъ Тя: тѣмже и раждаемое свято, наречется Сынъ Божій»*.

Воплощеніе Сына Божія, по словамъ Ангела, должно совершиться вполнѣ сверхъестественнымъ образомъ. *«Духъ Святый найдетъ на Тя»*, говоритъ онъ, *«и сила Вышняго осѣнитъ Тя»*. Нѣкоторые различаютъ смыслъ этихъ двухъ параллельныхъ предложеній. Въ первомъ видятъ приготовительное дѣйствіе Духа Святаго, а въ послѣднемъ—самое вселеніе Бога Слова въ утробу Матери Маріи, разумѣя подъ силою Вышняго Іисуса Христа, какъ въ 1 Коринѳ. I, 24. Исаіи IX, 6; другіе, напротивъ, считаютъ ихъ по смыслу совершенно тождественными, и подъ Духомъ Святымъ разумѣютъ не спеціально третье Лице Святыя Троицы, а Божество вообще, Божественную творческую силу (какъ въ Ев. Лук. XI, 20. Срав. XII, 28), почему будто бы слово Духъ—Πνεῦμα—по-Гречески и стоитъ безъ члена. Мнѣнія этого, конечно, нельзя отрицать, въ извѣстной степени оно справедливо, такъ какъ Божество, т. е. всѣ Лица Святыя Троицы вездѣ и во всемъ дѣйствуютъ нераздѣльно; но съ другой стороны нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что предуготовительное дѣйствіе Духа Святаго обнаружилось здѣсь преимущественно и особенно въ предочищеніи и освященіи нѣдръ Пресвятой Дѣвы для воспринятія Бога Слова; безъ этого благодатнаго дѣйствія немыслимо не только безгрѣшное вочеловѣченіе Его, но и то, чтобы Святая

Дѣва удостоилась воспринять Сына Божія; и если благодатное дѣйствіе въ освященіи и совершеніи человѣчества приписывается особенно Святому Духу, то почему и воплощеніе Христово также не должно было совершиться по дѣйствію Духа Святаго? Святый Василій Великій говоритъ: «можетъ быть, въ самой Божественной природѣ есть основаніе такого различія,—сего мы не знаемъ». Подобнаго толкованія, очевидно, избѣгаютъ потому, что оно дало поводъ нѣкоторымъ еретикамъ называть Духа Святаго матерію Іисуса Христа; но это совершенно ложное основаніе; потому что Духу Святому усвояется здѣсь дѣйствіе предуготовительное, предочищающее, освящающее, а не раждающее. Въ этомъ именно, а не въ другомъ смыслѣ Церковь вѣруетъ и исповѣдуетъ, что Сынъ Божій воплотился отъ Духа Свята (третій членъ символа вѣры).—Выраженіе «*сила Вышняго осѣнитъ Тя*», какъ параллельное предыдущему, дополняетъ и поясняетъ его. Евѳимій Зигабенъ понимаетъ осѣненіе въ смыслѣ покрова: сила Вышняго (т. е. Духъ Божій), говоритъ онъ, покроетъ Тебя, т. е. поможетъ Тебѣ зачать во чревѣ, что невзможно для Тебя по природѣ. Подобнымъ же образомъ толкуетъ это выраженіе и блаженный Ѳеофилактъ, который говоритъ: «*осѣнитъ Тя*», т. е. покроетъ Тебя, окружитъ Тебя со всѣхъ сторонъ. Вообще этотъ образъ Ангельской рѣчи имѣетъ близкое сходство съ описаніемъ дѣйствія Духа Божія при началѣ творенія, т. е. какъ въ началѣ Духъ Божій носился надъ водами и Своею силою приготовлялъ безвидное и безформенное вещество міра къ воспріятію дѣйствій Слова Божія (Быт. I, 2); такъ точно и здѣсь Своимъ осѣненіемъ Духъ Божій освятилъ вещество для плоти и крови Сына Божія. Искупитель міра долженъ былъ родиться безъ грѣха; Имѣвшій очистить насъ отъ грѣховъ не могъ произойти отъ плоти, зараженной грѣхомъ. Но такъ какъ, съ другой стороны, сверхъестественное дѣйствіе Духа Божія не исключаетъ, не измѣняетъ сущности человѣческой природы, приготовляя тѣло Іисуса Христа въ нѣдрахъ Пресвятой Дѣвы, отъ плоти и крови Ея; то естественно, что Спаситель, будучи безгрѣшенъ по началу Своей человѣческой жизни, раздѣлялъ съ людьми немощи плоти (2 Коринѳ. XIII, 4); Онъ носилъ въ Себѣ возможность страданія и смерти, безъ чего невозможно совершеніе дѣла искупленія. Такимъ образомъ откровеніе тайны воплощенія вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, неразрывно соединеннымъ съ понятіемъ объ Искупителѣ.

Сказавъ о сверхъестественномъ происхожденіи Іисуса Христа отъ Дѣвы Маріи, Ангелъ какъ-бы замѣчаетъ: «*тѣмже и раждаемое свято, наречется Сынъ Божій*» или какъ по Русскому переводу: посему и раждаемое Святое наречется Сыномъ Божіимъ, т. е. Тотъ, Кто рождается отъ Тебя, святъ, безъ порока (Іоан. I, 13. III, 6), по наитію Святаго Духа, назовется Сыномъ Божіимъ. Наименованіе Мессіи Сыномъ Божіимъ, подобно какъ и Сыномъ Вышняго (32), относится къ человѣческой природѣ Его. Спаситель называется здѣсь Сыномъ Божіимъ въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ у Евангелиста (III, 38) Луки называется Адамъ, т. е. какъ получившій свое бытіе непосредственно изъ рукъ Творца. Въ другихъ мѣстахъ Новаго Завѣта это наименованіе постоянно употребляется въ другомъ смыслѣ, именно оно означаетъ вѣчное бытіе Іисуса Христа, которое Онъ имѣлъ у Отца прежде созданія міра, и единосущіе Его съ Богомъ Отцемъ. Замѣчательно, впрочемъ, что Іисусъ Христосъ, желая

поставить Себя ближе къ людямъ и представить предъ ними въ то же время живой образецъ человѣческаго совершенства, преимущественно называетъ Себя Сыномъ Человѣческимъ, тогда какъ Апостолы нигдѣ въ своихъ посланіяхъ не называютъ Его этимъ именемъ, а только Сыномъ Божіимъ, чѣмъ ясно Апостолы поставляютъ Его выше себя. Такимъ образомъ Іисусъ Христосъ, будучи Сыномъ Божіимъ отъ вѣчности, по Своему рожденію во времени сдѣлался Сыномъ Человѣческимъ, Сыномъ Дѣвы Маріи, отъ Которой воспринялъ душу и тѣло человѣческое и Которая есть поэтому въ строгомъ и точномъ смыслѣ Матерь Божія. На третьемъ Вселенскомъ Соборѣ, Ефесскомъ (431 г.), догматъ этотъ торжественно утвержденъ противъ еретика Несторія, который училъ, что во Христѣ только нравственно соединены два естества, Божеское и человѣческое, а потому Дѣву Марію называетъ Христородицею, а не Богородицею.

Тайна воплощенія Сына Божія—тайна непостижимая, и вотъ Ангелъ, ожидая отъ Маріи согласія, чтобы укрѣпить Ея вѣру, указываетъ Ей на событіе, хотя далеко низшее, однако также только посредствомъ чуда Божія возможное,—на то, что праведная Елизавета, неплодная, престарѣлая, зачала уже сына,—и вообще на чудодѣйственное всемогущество Божіе:

Ст. 36 и 37. *И се, Елисаветъ южика* (родственница) [1] *Твоя, и та зачатъ сына въ старости своей: и сей мѣсяцъ шестый есть ей нарицаемый неплоды: яко не изнеможетъ у Бога всякъ глаголъ*, т. е. нѣтъ ничего невозможнаго для Бога. «*Глаголъ*» на священномъ (Еврейскомъ) языкѣ иногда значитъ то же, что вещь или дѣло. Богъ сказалъ, и Его волѣ все повинуется. Воля Божія, гдѣ ей угодно, побѣждаетъ законы или уставы естества. Напрасно думаютъ, что законы непреложны. Законы природы, какъ справедливо замѣтилъ Остерзее, отнюдь не оковы, которыя будто бы наложилъ на Себя Божественный Законодатель, но нити, которыя Онъ держитъ въ Своей рукѣ, сокращая или распуская ихъ, когда Ему угодно. И въ настоящемъ случаѣ, въ дѣлѣ воплощенія Сына Божія, воля Его законъ (Евр. X, 7). Пресвятая Дѣва повиновалась этой волѣ и Свою безусловную покорность ей выразила, наконецъ, въ такихъ словахъ, которыя показываютъ, что Она вполнѣ была достойна Своего высокаго назначенія:

Ст. 38. *Рече же Маріамъ: се, раба Господня: буди Мнѣ по глаголу твоему, и отъиде отъ Нея Ангелъ.*

Се, раба Господня.... Краткія и простыя слова, но какъ много въ нихъ выражается! Тутъ выражается и глубочайшее смиреніе, и чистѣйшая и совершеннѣйшая преданность Маріи Богу; преданность волею, мыслію, душею, всѣмъ существомъ, всякою способностью, всякимъ дѣйствіемъ, всякою надеждою и ожиданіемъ.... И это послушаніе прекло-

[1] По преданію, записанному Кирилломъ Александрійскимъ, Елизавета и Марія были дочерями двухъ родныхъ сестеръ, изъ которыхъ Анна, мать Пресв. Дѣвы, была выдана за Іоакима изъ колѣна Іудина, а вторая, мать Елизаветы, за жреца. Св. Дмитрій Ростовскій, приводя прямое запрещеніе закона: брать Іудеямъ женъ изъ чужаго колѣна (Числ. 36, 9), такъ объясняетъ бракъ Іоакима изъ колѣна Іудина съ Анною изъ колѣна Левіина: „племени Левіину съ Іудовымъ соединятися не возбранено, да домъ царскій съ священническимъ домомъ въ сродствѣ будетъ“, и, указавъ на примѣры Аарона и Іодая, взявшихъ женъ изъ племени (колѣна) Іудина (Исх. 6, 23. 2 Цар. 22, 11), заключаетъ: „сіе же бысть смотрѣніемъ Божіимъ, да Пречистая Дѣва будетъ дщерь царска и архіерейска, имѣвшая породити Христа Царя и Архіерея“ (кн. житій св. на мѣс. сент. 9 день, стр. 20).

нило душу Ея подъ осѣненіе Духа Святаго, соединило волю Ея съ волею Божественною, отверзло сердце Ея для входа силы Вышняго, и вѣчный свѣтъ прошелъ и засвѣтилъ въ Ней жизнь, новую не только для земли, но и для неба, небесную въ земной, вѣчную во временной, Божественную въ человѣческой, всеоживляющую въ умирающей. *И Слово плотъ бысть.*

Во дни творенія міра, когда Богъ изрекалъ Свое живое и мощное: *да будетъ*, слово Творца производило въ міръ твари, но въ этотъ безпримѣрный въ бытіи міра день, когда Божественная Маріамь изрекла Свое кроткое и послушное: *буди*, слово твари низвело въ міръ Творца... Съ этого именно момента, или лучше съ этого мгновенія, когда Пресвятая Дѣва сказала: *буди Мнѣ*, Божество всею полнотою низошло въ сферу растлѣннаго человѣчества, соединилось съ нимъ тѣснѣйшимъ образомъ, пріобщилось плоти и крови его, чтобы такимъ образомъ, какъ говоритъ преосвященный Филаретъ, все грѣшное человѣчество, на раменахъ Божественной силы, восполнять и вознести выше, нежели откуда оно пало, въ небесное вѣчное Царство Божіе». «Отселѣ, выразимся его же словами, Божество становится ближе къ намъ, нежели къ Ангеламъ; потому что естество Ангельское только приближается къ нему, а естество человѣческое находится уже въ единствѣ упостаси Его. Не отъ Ангелъ бо воистину пріемлетъ, но отъ сѣмени Авраамова пріемлетъ» (Евр. II, 16).

Изъ всего сказаннаго понятно, какое значеніе имѣетъ въ исторіи человѣчества событіе Благовѣщенія Пресвятой Дѣвѣ, описанное Евангелистомъ. На немъ, какъ на первомъ узлѣ, держится все: и земная жизнь Іисуса Христа съ Его страданіемъ и чудесами, уничиженіемъ и славой, смертію и воскресеніемъ, и наша вѣра въ Него, какъ Богочеловѣка. Вотъ почему и называется оно «*спасенія нашего главизной*». (Прав. Соб. 1884 г., ч. 1, стр. 231.)

НАЗАРЕТЪ.

Поднявшись на одну изъ близкихъ къ Назарету горныхъ высотъ, вдругъ открывается видъ на весь скромный Назаретъ; это въ настоящее время небольшой городъ, съ 5,000 жителей-Арабовъ, изъ коихъ 2,000 православныхъ, а остальные — католики, протестанты и магометане; расположенъ въ нагорной лощинѣ между двумя хребтами известковыхъ горъ, отличается здоровымъ климатомъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ праведнаго Іосифа, въ коемъ совершилось благовѣщеніе, устроенъ католическій монастырь. Отъ св. дома сего сохранились три небольшія комнаты, одна надъ другою, въ видѣ пещеръ, вырытыхъ въ природной, каменной скалѣ. Все это скромное жилище святѣйшаго семейства заключено теперь въ стѣнахъ красиваго католическаго храма, главный алтарь коего значительно возвышенъ; подъ нимъ, въ нижней природной пещерѣ, гдѣ было жилище Пресвятой Богородицы, устроенъ католическій же храмъ, въ который спускаются по мраморнымъ ступенямъ. Подъ престоломъ сего храма изображенъ мраморный кругъ съ крестомъ, означающій то мѣсто, гдѣ стояла Пресвятая Дѣва во время Архангельскаго благовѣстія; вокругъ подпись на Латинскомъ языкѣ: *и Слово плотъ бысть;* нѣсколько дорогихъ лампадъ неугасимо горятъ, озаряя это святое мѣсто. А гдѣ предсталъ Дѣвѣ небесный вѣстникъ—Архангелъ Гаврі-

илъ, то мѣсто обозначено мраморною колоннсю, средина которой выпилена. Преданіе говоритъ, что ее выпилили невѣрные, думая найти въ этой колоннѣ скрытое сокровище, и за дерзость свою были поражены слѣпотою. Съ глубокимъ благоговѣніемъ покланяются вѣрующіе священнѣйшему сему мѣсту, падаютъ ницъ и, лобызая какъ-бы живые слѣды стоявшей здѣсь честнѣйшей херувимъ и славнѣйшей серафимъ Пресвятой Дѣвы и небеснаго вѣстника, приносятъ Небесной Заступницѣ нашей изъ глубины сердечной Архангельское привѣтствіе: «радуйся, Благодатная! Господь съ Тобою.—Изъ нижней комнаты или пещеры, гдѣ было благовѣщеніе, съ правой стороны входятъ по каменной лѣстницѣ въ верхнія двѣ комнаты, которыя сохраняются въ первобытномъ своемъ видѣ. Въ первой изъ нихъ, по преданію, Богоматерь воспитывала Господа Іисуса Младенца: углубленіе въ стѣнѣ, гдѣ теперь престолъ, служило для Него колыбелью. Благоговѣйно поклонившись сему святому мѣсту, входятъ во вторую комнату, тоже изъ природнаго гранита; тутъ жилъ праведный Іосифъ — хранитель Богоматери и Ея Божественнаго Сына. Въ этомъ-то убогомъ жилищѣ мирно протекала жизнь Господа нашего до 30-лѣтняго Его возраста; здѣсь Онъ провелъ Свое дѣтство и юность, здѣсь Онъ возрасталъ и духомъ и тѣломъ, въ повиновеніи Своей Св. Матери и мнимому отцу-древодѣлю Іосифу. *И бѣ повинуяся има, и преспѣваше премудростію и возрастомъ, и благодатію у Бога и человѣковъ.* Нѣсколько дальше монастыря Благовѣщенія указываютъ мѣсто плотничной мастерской св. Іосифа; здѣсь Спаситель-Отрокъ помогалъ въ работѣ плотничной Своему воспитателю; здѣсь же продолжалъ Онъ и Самъ трудиться по кончинѣ мнимаго отца Своего для пропитанія Своей Божественной Матери. Потому-то, конечно, и называли Его Іудеи плотникомъ (Марк. VI, 3).

Въ другой католической церкви, стоящей на концѣ города, показываютъ небольшой гранитный камень, на которомъ, по преданію, Господь нашъ Іисусъ Христосъ трапезовалъ съ учениками Своими. Въ семъ же храмѣ особенно замѣчателенъ надпрестольный образъ Спаса, списокъ, какъ говорятъ, съ образа, посланнаго Спасителемъ царю Эдесскому Авгарю.

Отъ Назарета въ разстояніи 1½ часа ходу находится та гора, съ коей хотѣли озлобленные Іудеи сбросить Господа, обличавшаго ихъ лицемѣріе; указываютъ и самое то мѣсто, куда Іудеи привели Господа, дабы низринуть Его—небольшая площадка, обнесенная нынѣ камнями; внизу подъ площадкою страшная пропасть, съ выдающимися обрывистыми утесами. *И востаставше*, повѣствуетъ св. Евангелистъ, *изгнаша Его вонъ изъ града, и ведоша Его до верху горы, на нейже градъ ихъ созданъ бяше, да быша Его низринули.* Но еще не насталъ часъ страданій Его, а потому и не могли ничего сдѣлать съ Нимъ злобные враги Его: *Онъ же прошедъ посредъ ихъ, идяше* (Лук. IV, 29—30).

Близъ Назарета устроена очень хорошая и довольно большая Арабско-Греческая церковь, посвященная имени Пречистой Дѣвы Богоматери; въ лѣвой сторонѣ церкви, въ углубленіи, находится источникъ, изъ коего Пречистая Дѣва Марія почерпала воду; это мѣсто обложено бѣлымъ мраморомъ и вообще прекрасно устроено, въ видѣ придѣла. Предъ иконой Благовѣщенія горятъ непрестанно лампады и свѣчи, а внизу сдѣлано отверстіе, съ опускающеюся въ него кружкою, для почерпанія воды, которую поклонники съ благо-

говѣніемъ пьютъ и умываются ею, съ молитвою къ Благодатной Маріи, почерпавшей воду изъ сего источника. Какія скромныя, но глубоко умиляющія душу воспоминанія!.. (Троицкіе листки. Изд. 3. 1885 г. № 112.)

Библіографическій указатель къ сказанію о жизни Пресвятой Дѣвы Маріи и благовѣстію Ей Архангела о рожденіи отъ Нея Спасителя міра (Лук. I, 26—38).

Толкованія святоотеческія.

1) *Св. Аѳанасія Александрійскаго.* Изъ толкованія на Ев. Лук. I. 20, 35—38, 46—48). Ч. IV, 495—498. Тв. св. оо. т. XXII.

Новѣйшія *въ духовныхъ журналахъ.*

2) Черты изъ жизни и характера Богоматери, по указанію Свящ. Писанія. Воскр. Чт. II. 289.

3) Величіе Богоматери въ земной Ея жизни. Воскр. Чт. XXVII. № 52. 1230.

4) Ева, праматерь наша, и Пресв. Дѣва Марія, Матерь Божія. Воскр. Чт. VII, 198.

5) Библейскія дѣти. Пресв. Дѣва Марія. Воскр. Чт. 1873 г. II. 220.

6) Древнее церковное преданіе о рождествѣ Пресв. Богородицы. Воскр. Чт. XXIII. I. 481.

7) *Бѣллюстина.* Рождество Пресв. Дѣвы. Воскр. Чт. XXXII. I. 637.

8) Богородичное Евангеліе. Духовн. Бес. 1870 г. II. № 33.

9) Поученіе 2-е о земной жизни I. X. Рождество Богородицы. Воскр. Чт. XXXI. I. 225.

10) Поученіе 3-е о земной жизни I. X. (Введеніе во храмъ Пресв. Богородицы и воспитаніе Ея). Благовѣщеніе. Тамъ же. 265.

11) Назаретъ (1, 26). Б. п. сл. Воскр. Чт. 1876 г. II. 351.

12) *И вшедъ къ Ней Ангелъ, рече: радуйся, Благодатная* и т. д. (1, 28). Воскр. Чт. XI. 154.

13) Благовѣщеніе Пресв. Богородицы (1, 26—38). Воскр. Чт. I. 430.

14) *Бѣллюстина.* Благовѣщеніе (1, 26—38). Воскр. Чт. XXXII. 1334. II.

15) *Ѳ. Надеждина.* Благовѣщеніе Пресв. Богородицы. Дух. Бес. 1862 г. XV. 287.

16) *А. П.* Размышленіе христіанина при чтеніи Св. Евангелія о благовѣщеніи Арханг. Гавріила Пресв. Дѣвѣ Маріи. Стран. 1877 г. I. 366.

17) *М. Монастырева. Не бойся, Маріамь* (I, 30). Дом. Бес. 1860 г. Вып. 9. 146.

18) Праздникъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы. (Объясненіе праздниковъ ученикамъ сел. школъ.) Воскр. Чт. XXVIII. II. 1112.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

19) Ст. 26—38. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Чѣмъ обрѣла Себѣ благодать у Бога Преблагословенная Дѣва Марія? III. 129—131. О высотѣ дѣвства въ глазахъ Церкви Христовой и въ глазахъ истинныхъ христіанъ. I. 341—357.

20) Ст. 27—31. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* О значеніи имени Іисусъ, возвѣщеннаго Архангеломъ. II. 11.

21) Ст. 28—29. 32—33. 38. *Филарета, митроп. Московскаго.* Объ особенной *благодати*, которую Маріамъ *обрѣла* у Бога, и о потребности благодати вообще. IV. 176—181. О томъ, что было причиною смущенія Божіей Матери, при благовѣстіи Ей Ангела, и какъ Она вышла изъ этого состоянія. III. 79—81. Что было причиною и предметомъ размышленія Пресв. Дѣвы, при благовѣстіи Ей Ангела? V. 150—152. О глубочайшемъ смиреніи (смутися о словеси его) и непобѣдимой силѣ благоразумія (и помышляше, каково будетъ цѣлованіе сіе) Пресв. Дѣвы Маріи. II. 368—371. О духовномъ характерѣ Царства Христова. I. 135—138. Какъ отъ вѣры Пресв. Дѣвы Маріи требовалось предварительное признаніе предрекаемаго Ей Сына не только въ качествѣ Сына Божія, но вмѣстѣ въ качествѣ Царя, такъ и отъ нашей вѣры, вмѣстѣ съ признаніемъ въ Лицѣ Іисуса, Сына Божія, Богочеловѣка, Спасителя нашего, требуется признаніе въ Немъ нашего Царя, какъ существенно необходимое для спасительной вѣры. V. 72—74. О благовѣстіи Архангела Пресв. Дѣвѣ Маріи и по вопросу о томъ, почему всемогущая

сила Божія въ дѣлѣ, принадлежащемъ собственно всемогуществу, дѣйствуетъ не безъ соизволенія воли человѣческой? V, 121—124. Что̀ значитъ, что воплощеніе Сына Божія предваряется небеснымъ благовѣщеніемъ, и что сіе благовѣщеніе не только изрекается вседержавною волею Господа, но и взыскуетъ соизволенія рабы Его? Объ обязанности, пользѣ и важности послушаніи вообще. IV. 236—243. Если Божіе опредѣленіе о воплощеніи Сына Божія было уже постановлено и провозглашено еще въ первые дни міра, то почему оно не исполнялось въ продолженіе многихъ вѣковъ? IV. 442—445. О совершенной преданности Маріами Богу и объ истинной преданности волѣ Божіей вообще. II. 65—70.

22) Ст. 38. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О послушаніи Пресв. Дѣвы Маріи слову Божію. Противъ тѣхъ, которые не вѣрятъ нѣкоторымъ угрозамъ и обѣтованіямъ Божіимъ. О вѣчности мученій. III. 33—44.

23) Ст. 38. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* О необходимости полной совершенной преданности волѣ Божіей. Слово въ день Успенія Божіей Матери.

3) Посѣщеніе Пресвятою Дѣвою Елизаветы (Лук. I, 39—56).

(Профессора М. И. Богословскаго.)

Въ этомъ повѣствованіи предыдущія два—предсказаніе Ангела о рожденіи Іоанна Предтечи (Лук. I, 5—25) и благовѣстіе его Пресвятой Дѣвѣ Маріи (Лук. I, 26—38) сливаются, такъ сказать, вмѣстѣ, въ одно повѣствованіе. Святый Лука говоритъ здѣсь прежде всего (39—41) о томъ, какъ Пресвятая Дѣва вскорѣ послѣ благовѣстія отправилась изъ Назарета къ родственницѣ Своей Елизаветѣ, какъ увидѣлись обѣ избранныя Богомъ матери, и какое необыкновенное дѣйствіе произвело на Елизавету свиданіе съ Маріей. *Вдругъ взыгралъ младенецъ во чревѣ ея*, замѣчаетъ Евангелистъ, *и она исполнилась Духа Святаго*. Замѣчаніе это весьма важно; оно сразу даетъ видѣть, что описываемое событіе, подобно первымъ двумъ, имѣетъ вполнѣ чудесный характеръ. Далѣе (42—55) онъ приводитъ возвышенныя и вдохновенныя рѣчи ихъ, которыя собственно и составляютъ главную часть повѣствованія. Общій ходъ мыслей въ этихъ рѣчахъ можно изложить въ слѣдующемъ порядкѣ. Во-первыхъ, Елизавета въ своей привѣтственной рѣчи (которая занимаетъ первое мѣсто съ 42—45 ст.) прославляетъ Марію и Сына Ея (42); затѣмъ, обращаясь къ себѣ самой, съ глубочайшимъ смиреніемъ называетъ Ее *Матерію Господа* (43) и тотчасъ же объясняетъ, почему она знаетъ все случившееся съ Маріей: *Се бо, яко бысть гласъ цѣлованія Твоего во ушію моею, взыграся младенецъ радощами во чревѣ моемъ* (44). Оканчивается эта рѣчь снова прославленіемъ Маріи (45). Хвалебная пѣснь Пресвятой Дѣвы (46—55) раздѣляется на четыре совершенно правильныя строфы, изъ которыхъ въ первой (съ 36 до половины 48 ст.) Марія выражаетъ чувство Своего благоговѣнія предъ Богомъ; во второй (съ половины 48 до 50 ст. благодаритъ Его за благодѣянія, оказанныя Ей и всему роду человѣческому; въ третьей (51—53) изображаетъ всемогущество, святость и милосердіе Божіе, и, наконецъ, въ четвертой (54—55) прославляетъ Бога за исполненіе обѣтованій, данныхъ Аврааму и сѣмени его. Стихъ 56 составляетъ историческое заключеніе. Въ этомъ стихѣ говорится о времени пребыванія Маріи у Елизаветы. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе настоящаго повѣствованія.

Изъ этого содержанія видно, что Евангелистъ довольствуется почти од-

ною только передачей собственныхъ словъ праведной Елисаветы и самой Пресвятой Дѣвы Маріи. Онъ не старается прибавить къ ихъ словамъ что либо отъ себя, или прикрасить свой разсказъ,—это такая особенность, какой можно только ожидать отъ писателя правдиваго и точнаго, что, конечно, не можетъ не возвышать его еще болѣе въ глазахъ всякаго безпристрастнаго изслѣдователя Евангельской исторіи. Къ сожалѣнію, не такъ относится къ нему Нѣмецкая критика.

Показавъ несостоятельность возраженія Штрауса противъ чудеснаго характера этого событія, г. Богословскій переходитъ къ другому его возраженію противъ вдохновенной рѣчи Маріи и говоритъ:

Гораздо большею серьезностью отличаются возраженія Штрауса противъ рѣчей, которыя, по его мнѣнію, представляютъ искусственный подборъ писателя. Если смотрѣть на гимнъ Маріи, какъ на дѣйствіе Духа Божія, говоритъ онъ, то намъ кажется страннымъ, почему этотъ гимнъ, вылившись непосредственно изъ Божественнаго источника, не только лишенъ оригинальности, но и есть воспроизведеніе, родственной по обстоятельствамъ, хвалебной пѣсни матери Самуила (1 Царств. II). На возраженіе это считаемъ необходимымъ прежде всего замѣтить слѣдующее: откровеніе Божественное можетъ быть непосредственное и посредственное, сообщаемое чрезъ слово Божіе, какимъ мы пользуемся теперь. Если пѣснь Пресвятой Дѣвы дѣйствительно была непосредственнымъ откровеніемъ Божіимъ, то нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что Духъ Божій вложилъ въ уста ея рѣчь сходную съ рѣчью Анны, матери Самуила, сказанной при подобныхъ обстоятельствахъ, или же Онъ извлекалъ изъ памяти говорящей слова знакомой Ей ветхозавѣтной пѣсни. Послѣднее объясненіе можно было бы признать болѣе естественнымъ, если бы въ самомъ дѣлѣ пѣснь Маріи была очень сходна съ пѣснію Анны, но такого близкаго сходства совсѣмъ нѣтъ, какъ увидимъ сейчасъ изъ сравненія ихъ.

ПѢСНЬ АННЫ

(1 Царств. II, 1—10).

Ст. 1. И помолися Анна и рече: утвердися сердце мое въ Господѣ, вознесеся рогъ мой въ Бозѣ моемъ, разширишася уста моя на враги моя, возвеселихся о спасеніи Твоемъ.

2. Яко нѣсть святъ, яко Господь, и нѣсть праведенъ, яко Богъ нашъ, и нѣсть святъ паче Тебе.

3. Не хвалитеся и не глаголите высокая въ гордыни: ниже да изыдетъ велерѣчіе изъ устъ вашихъ: яко Богъ разумовъ Господь, и Богъ уготовляяй начинанія Своя.

4. Лукъ сильныхъ изнеможе, и немощствующіи препоясашася силою:

5. исполненіи хлѣба лишишася, и алчущіи пришельствоваша землю: яко неплоды роди седмь, и многая въ чадѣхъ изнеможе.

ПѢСНЬ ПРЕСВ. ДѢВЫ

(Лук. I, 46—55).

Ст. 46. И рече Маріамъ: величитъ душа Моя Господа,

47. и возрадовася духъ Мой о Бозѣ Спасѣ Моемъ,

48. яко призрѣ на смиреніе рабы Своея: се бо отнынѣ ублажатъ Мя вси роди:

49. яко сотвори Мнѣ величіе Сильный, и свято имя Его.

50. И милость Его въ роды родовъ боящимся Его.

6. Господь мертвитъ и живитъ, низводитъ во адъ и возводитъ.

7. Господь убожитъ и богатитъ, смиряетъ и выситъ.

8. Возставляетъ отъ земли убога, и отъ гноища воздвизаетъ нища, посадити его съ могущими людей, и престолъ славы дая въ наслѣдіе имъ.

9. Даяй молитву молящемуся: и благослови лѣта праведнаго, яко не въ крѣпости силенъ мужъ.

10. Господь немощна сотвори супостата его: Господь святъ, да не хвалится премудрый премудростію своею и проч.

51. Сотвори державу мышцею своею: расточи гордыя мыслію сердца ихъ:

52. низложи сильныя со престолъ и вознесе смиренныя:

53. алчущія исполни благъ, и богатящіяся отпусти тщи:

54. воспріятъ Израиля отрока Своего помянути милости,

55. якоже глагола ко отцемъ нашимъ Аврааму и сѣмени его до вѣка.

Это одно простое сравненіе наглядно показываетъ, что если и есть сходство между тою и другою пѣснію, то только въ весьма немногихъ выраженіяхъ (наприм. между 1 и 47 ст., 5 и 53 ст.), а различіе большое. Тогда какъ Марія прославляетъ Бога за Свое счастіе съ глубочайшимъ смиреніемъ и съ полнымъ сознаніемъ, что это счастіе принадлежитъ не Ей одной, а всѣмъ людямъ, у Анны, напротивъ, сказывается чувство своего личнаго торжества и побѣды надъ врагами. Притомъ хвалебная пѣснь Пресвятой Дѣвы напоминаетъ не столько пѣснь Анны, сколько нѣкоторые мессіанскіе псалмы Давида (Псал. CII, 17. ср. 50 ст.; Псал. XXXII, 10; LXXVI, 15. срав. 51 ст.; Псал. XXXIII, 11. срав. 53 ст.; Псал. CXXXI, 11. срав. 55 ст.), нѣкоторыя мѣста изъ кн. пророка Исаіи (XLI, 8. ср. 54 ст.), Аввакума (III, 18. ср. 46 ст.) и друг. Вообще эта пѣснь служитъ прекраснѣйшимъ завершеніемъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ о Мессіи, съ тѣмъ различіемъ, что говоритъ о Немъ не какъ о будущемъ, имѣющемъ еще явиться, а какъ о пришедшемъ и явившемся.

Перейдемъ къ экзегетическому анализу.

I. Первые три стиха (39 — 41) составляютъ краткое вступленіе или введеніе въ повѣствованіе, въ которомъ Евангелистъ вообще говоритъ отъ себя о посѣщеніи Пресвятою Дѣвою Елизаветы, не опредѣляя съ точностью ни времени, ни мѣста описываемаго событія. Начинаетъ такъ:

Ст. 39. *Воставши же Маріамъ во дни тыя, иде въ горняя со тщаніемъ, во градъ Іудовъ.*

Пресвятая Дѣва, оставшись одна послѣ благовѣстія Ангела и сознавая, безъ сомнѣнія, всю важность совершившагося надъ Собою, не могла не почувствовать сильнѣйшаго желанія подѣлиться съ кѣмъ-нибудь Своею радостію. Подобное желаніе бываетъ обыкновенно очень сильно въ обстоятельствахъ и не такой великой важности. Ближе всѣхъ къ Ней теперь былъ Іосифъ, но такъ какъ ему Она, очевидно, боялась открыть Божественную тайну, чтобы не смутить его, то нѣтъ ничего удивительнаго, что Она рѣшилась отправиться къ Елизаветѣ, на которую не безъ цѣли указалъ ей Ангелъ (36) и которая могла быть для Нея теперь тѣмъ, чѣмъ бываетъ мать для дочери въ важнѣйшую минуту жизни. Кромѣ

того, желаніе увѣриться въ словахъ Ангела и раздѣлить съ Елизаветой ея радость не менѣе побуждали къ тому. Вообще посѣщеніе вызывалось глубочайшею потребностью сердца Маріи, что́ и выразилъ св. Лука весьма живо словами: *воставши* (гебраизмъ) и *иде со тщаніемъ*, т. е. съ поспѣшностью. Этимъ только и объясняется, почему Она вскорѣ послѣ благовѣстія—*во дни тыя* (гебраизмъ)—отправилась въ путь. Выраженіе *во дни тыя* означаетъ здѣсь собственно время, необходимое для приготовленія къ путешествію, которое должно было продолжиться около четырехъ дней. Весьма вѣроятно, что такое дальнее путешествіе Она предприняла не одна, а въ обществѣ другихъ богомольцевъ, которые со всѣхъ краевъ Палестины нерѣдко ходили въ Іерусалимъ, куда и Ей лежалъ путь: *иде въ горняя*—εἰς τὴν ὀρεινήν. Для болѣе яснаго представленія положенія нагорной страны необходимо имѣть въ виду, что Палестина во время земной жизни Іисуса Христа раздѣлялась на четыре части: на сѣверѣ находилась Галилея, откуда отправилась Пресвятая Дѣва, на югѣ Іудея, въ срединѣ между ними Самарія, а на востокѣ Перея или страна за-Іорданская, границами своими соприкасавшаяся съ тремя означенными частями Палестины; кромѣ того средняя и южная части Палестины, т. е. Самарія и Іудея отъ сѣвера къ югу прорѣзывались горнымъ хребтомъ и дѣлились естественно на двѣ половины: на горную ἡ ὀρεινὴ, — и низменную или равнинную. Горная часть Іудеи и есть именно та мѣстность, гдѣ находился *градъ Іудовъ*—πόλις Ἰούδα—цѣль путешествія Маріи. Но какой городъ разумѣется подъ градомъ Іудовымъ, рѣшаютъ различно. Нѣкоторые думаютъ, это это былъ Іутта, небольшой священническій городокъ въ колѣнѣ Іудиномъ. Хотя это мнѣніе и имѣетъ нѣкотораго рода основаніе въ преданіи, дошедшемъ до царицы Елены, которая построила въ Іуттѣ, какъ мѣстѣ рожденія Предтечи, церковь, тѣмъ не менѣе его нельзя признать вѣрнымъ, потому что въ такомъ случаѣ нужно будетъ допустить, что въ данномъ мѣстѣ Евангелія вкралась ошибка. По мнѣнію другихъ, это былъ Хевронъ, знаменитѣйшій священническій городъ, находившійся въ двухъ часахъ пути отъ Виѳлеема; по раввинскому преданію, записанному въ Талмудѣ, этотъ городъ прямо называется мѣстомъ жительства Захаріи и Елизаветы. Послѣднее мнѣніе можно считать болѣе вѣроятнымъ.

Ст. 40. *И вниде въ домъ Захаріинъ, и цѣлова Елисавету.* Св. Лука обстоятельно описываетъ, какъ Пресвятая Дѣва вошла въ домъ Захаріи, чѣмъ даетъ читающему ближе понять внутреннее состояніи Маріи. Она при первомъ же взглядѣ увѣряется въ словахъ Ангела и радостно привѣтствуетъ Елизавету. Привѣтствіе это, можетъ быть, было самое обыкновенное: *миръ тебѣ* (такъ выражалось оно у Іудеевъ), но въ устахъ Ея оно исполнено было необыкновенной чудесной силы, какъ видно изъ слѣдующаго стиха:

Ст. 41. *И бысть яко услыша Елисаветъ цѣлованіе Маріино, взыграся младенецъ во чревѣ ея: и исполнися Духа Свята Елисаветъ.* Какъ только услышала Елизавета привѣтствіе Маріи, вдругъ взыгралъ—ἐσκίρτησε—младенецъ во чревѣ ея. Глаголъ σκίρτειν встрѣчается еще у семидесяти въ книгѣ Бытія гл. XXV, ст. 22 также для обозначенія движенія младенца въ утробѣ матери. Но здѣсь это выраженіе не такъ нужно объяснять, какъ объясняютъ его Кальвинъ, Ольсгаузенъ, Годе и другіе, именно, что восторгъ матери былъ причиной

движенія младенца,—это не согласно съ текстомъ,—а такъ, что, какъ только услышала Елизавета привѣтствіе Маріи, вдругъ послѣдовало движеніе младенца, которое тотчасъ же привело мать въ восхищеніе (Гофм. и Кейль). «Не мать прежде исполнилась Духа Святаго, замѣчаетъ Мальдонатъ, но сынъ, и когда исполнился сынъ, исполнилась и мать». Въ эту минуту на немъ точно оправдалось предсказаніе Ангела Захаріи: *и Духа Святаго исполнится еще изъ чрева матере своея* (15). Движеніе младенца такимъ образомъ произошло отъ воздѣйствовавшаго на него Духа Святаго, Который и мать привелъ въ такое состояніе, что она узнала въ Маріи Матерь Господа своего, т. е. Мессіи, Которому сынъ ея долженъ быть предтечей. Другаго объясненія и быть не можетъ. Какъ Пресвятая Дѣва ничего не знала объ Елизаветѣ, прежде чѣмъ открылъ Ей Ангелъ, такъ и этой послѣдней ничего не было извѣстно о судьбѣ Маріи до настоящей минуты. Называя Марію Матерію Господа (43), она сама ссылается на движеніе младенца (44), вслѣдъ за которымъ исполнилась Духа Святаго, какъ замѣчаетъ здѣсь Евангелистъ.

II. Рѣчь Елизаветы (42—45). Ст. 42. *И возопи гласомъ велiимъ и рече: благословенна Ты въ женахъ, и благословенъ плодъ чрева Твоего.*

Елизавета, по вдохновенію Святаго Духа, привѣтствуетъ Марію не какъ бѣдную дѣвицу, которую любила, какъ родственницу, но истинно—какъ Матерь Господа. Называя Ее *благословенною въ женахъ*, она, подобно Ангелу (ст. 28), поставляетъ Пресвятую Дѣву превыше всѣхъ женъ. Не говоря уже о томъ, что одно повтореніе привѣтствія Ангельскаго само по себѣ удивительно, чего, конечно, не могла не замѣтить Марія, но еще болѣе удивительно второе привѣтствіе: *благословенъ плодъ чрева Твоего*, которымъ Она, такъ сказать, спѣшитъ подтвердить благовѣстіе Ангела и въ то же время ясно даетъ понять, что тайна, возвѣщенная Маріи и доселѣ еще никому неизвѣстная, извѣстна уже ей. Елизавета, однако, не вполнѣ высказала бы Божественную тайну, если бы остановилась только на этихъ словахъ. Вотъ почему далѣе она не только прямо называетъ Марію Матерію Господа своего, но и объясняетъ, какъ она узнала эту тайну:

Ст. 43 — 44. *И откуду мнѣ сiе, да пріидетъ Мати Господа моего ко мнѣ*, иначе: за какія мои заслуги Богъ удостоилъ меня, что пришла ко мнѣ Матерь Господа моего, т. е. Мессіи; *се бо, яко бысть гласъ цѣлованія твоего во ушiю моею, взыграся младенецъ радощами во чревѣ моемъ.* Елизавета указываетъ въ объясненіи только на радостное движеніе младенца своего, но значеніе этого движенія сдѣлалось ей ясно тотчасъ же отъ воздѣйствовавшаго и на нее Духа Святаго. Ея младенецъ, будучи предназначенъ вѣстникомъ и предтечею Мессіи, самъ прежде всего радостно привѣтствовалъ Его при входѣ Маріи. Такъ поняла Елизавета радостное движеніе младенца по вдохновенію Духа Святаго, Который осѣнилъ ее (41).

Въ 45 ст. Елизавета еще разъ обращается къ Маріи и прославляетъ Ее. *И блаженна Вѣровавшая, яко будетъ совершеніе глаголаннымъ Ей отъ Господа.* Третье лице употреблено здѣсь, очевидно, вмѣсто втораго. Елизавета какъ-бы такъ говорила: блаженна, счастлива Ты, что повѣрила словамъ благовѣстника. Ей, безъ сомнѣнія, предносилось при этомъ невѣріе ея мужа, и она, прославляя вѣру Маріи, какъ будто хотѣла сказать: вотъ что въ подобныхъ обстоятельствахъ постигло ея мужа за

невѣріе. Но чтобы не мѣшать радостнаго съ печальнымъ, сказала только: сбудется, непремѣнно сбудется то, что̀ сказалъ Тебѣ Господь. *Совершеніе*—τελείωσις—означаетъ здѣсь то же, что̀ и πλήρωσις, т. е. совершенное, безусловное исполненіе. Выраженіе *глаголаннымъ Ей* относится не къ обѣтованію только о зачатіи и рожденіи Іисуса, но и къ тому, что̀ Ангелъ возвѣстилъ Маріи о вѣчномъ Царствѣ Ея Сына (31—33).

III. Хвалебная пѣснь Маріи (46—55). Ст. 46—48 (первая строфа). *И рече Маріамъ: величитъ душа Моя Господа, и возрадовася духъ Мой о Бозѣ Спасѣ Моемъ: яко призрѣ на смиреніе рабы Своея.*

О Пресвятой Дѣвѣ Лука не говоритъ, что Она исполнилась Духа Святаго, какъ сказалъ объ Елизаветѣ (41), а просто: *и рече Маріамъ.* Душа Ея въ это время жизни постоянно находилась въ Божественной атмосферѣ, если можно такъ выразиться, тогда какъ вдохновеніе Елизаветы, подобно вдохновенію ветхозавѣтныхъ пророковъ, было только мгновенное. Уже въ первомъ Ея словѣ *величитъ* ясно сказывается это состояніе души. Прославлять Бога на самомъ дѣлѣ можетъ только тотъ, кто очищаетъ свою душу и свое сердце для Его пребыванія. Понятія *душа и духъ*, употребленныя здѣсь, конечно, нельзя строго различать, тѣмъ не менѣе они указываютъ на различныя свойства внутреннѣйшей части существа человѣческаго (Кейль). *Душа*—ψυχή—центръ внутренней жизни человѣка, принципъ индивидуальности и мѣсто личныхъ впечатлѣній; *духъ*—πνεῦμα—духовный принципъ жизни души. При посредствѣ духа и тѣла, душа вступаетъ въ сношеніе съ двумя мірами—высшимъ и низшимъ, т. е. духовнымъ и земнымъ. Еще одна противоположность заключается здѣсь въ словахъ: *Господь и Спаситель.* Господь, Котораго душа Ея прославляетъ, Богъ Вседержитель, на служеніе Которому Она безусловно предала Себя; Спаситель, о Которомъ возрадовалась, есть тотъ же Премилосердый Богъ, животворящую силу Коего Она уже вѣдала на Себѣ, и Который въ Ея лицѣ снова поднялъ на высоту все падшее человѣчество. Это Божественное милосердіе Она и прославляетъ, когда говоритъ: *яко призрѣ на смиреніе рабы Своея.* Пресвятая Дѣва не считала Себя достойной такой великой милости. Чѣмъ же Она заслужила ее? Ничѣмъ инымъ, какъ смиреніемъ. Подъ смиреніемъ—ταπείνωσις—Оригенъ, Августинъ, Беда и др. разумѣютъ добродѣтель смиренія, но это едва ли справедливо. Едва ли бы Марія, смиреннѣйшая изъ всѣхъ, рѣшилась восхвалять добродѣтель Своего смиренія. Притомъ, смиреніе, какъ добродѣтель, на Греческомъ языкѣ выражается словомъ ταπεινοφροσύνη, а не ταπείνωσις, которымъ означается низкое, незнатное состояніе или положеніе человѣка въ обществѣ (срав. наприм. Іаков. I, 10). Пресвятая Дѣва была, дѣйствительно, бѣднѣйшею изъ всѣхъ дѣвицъ во Израили и совершенно неизвѣстною. Но теперь, когда Богъ призрѣлъ на Нее, на Ея уничиженіе, Она сдѣлалась славнѣйшею изъ всѣхъ:

48—50 ст. (вторая строфа). *Се бо отнынѣ ублажатъ Мя вси роди: яко сотвори Мнѣ величіе Сильный*—Δυνατός[1]—*и свято имя Его: и милость Его въ роды родовъ боящимся Его.*

Се бо отнынѣ, т. е. съ того момента, какъ Ангелъ возвѣстилъ о рожденіи Мессіи, *ублажатъ Мя*, говоритъ о Себѣ Пресвятая Дѣва, *вси роди*, т. е. будутъ прославлять Меня всѣ грядущія поко-

[1]) Δυνατός въ Новомъ Завѣтѣ находится только здѣсь.

лѣнія. «Это не простое слово радости, не гаданіе, случайно получившее видъ предчувствія, но пророчество въ самомъ точномъ смыслѣ сего слова, глаголъ Духа Святаго въ устахъ Маріи, изъявленіе опредѣленія и изволенія Божія о Ея судьбѣ и о нашей къ ней обязанности». Преосвященный Филаретъ, слова котораго мы сейчасъ привели, разсматриваетъ далѣе самыя основанія истиннаго пророчества и прилагаетъ ихъ къ предсказанію Маріи о Себѣ. Вотъ его подлинныя слова: «Законъ, по которому родятся истинныя пророчества, Апостолъ Петръ изобразилъ въ слѣдующихъ словахъ: *ни бо волею бысть когда человѣкомъ пророчество, но отъ Святаго Духа просвѣщаеми глаголаша святіи Божіи человѣцы* (2 Петр. I, 21). Два признака должны соединиться, чтобы съ достовѣрностью показать и отличить такое пророчество. Во-первыхъ, предсказаніе должно быть такое, котораго нельзя вывесть изъ извѣстныхъ обстоятельствъ посредствомъ заключеній разума, или изъяснить изъ естественнаго состоянія предсказателя. Во-вторыхъ, предсказаніе должно исполниться въ точности. Если предсказаніе выводится посредствомъ заключеній разума, или изъясняется изъ естественнаго состоянія предсказателя, то это догадка человѣческая, а не Богомъ вдохновенное пророчество. Если предсказаніе не сбылось въ точности, то это ложное, а не истинное пророчество, или, по крайней мѣрѣ, не дознанное въ истинѣ. Такъ судить о пророкахъ учатъ сами пророки. *Пришедшу слову, познаютъ пророка, его же посла имъ Господь въ вѣрѣ* (Іерем. XXVIII, 9).

Приложимъ сіи начала къ предсказанію Пресвятой Дѣвы. Бѣдная и безвѣстная въ мірѣ Дѣва изъ чего могла бы по разуму вывести столь великолѣпную догадку, на чемъ могла бы естественно утвердить столь огромную надежду, что Ее узнаетъ и будетъ прославлять не только современный міръ, но и всѣ роды всѣхъ послѣдующихъ временъ? На томъ ли, что Она была изъ рода царей? Но слава рода сего давно прошла, Сама же Она была обручена древодѣлю, а отъ такого жребія, конечно, слишкомъ далеко до всемірной славы. На томъ ли, что Ей предсказано быть Матерью Христа? Но если бы и о семъ разсуждала Она по разуму Своего времени, какъ даже и при Христѣ разсуждали самые Апостолы, и потому ожидала бы устроенія царствія Израилева (Дѣян. I, 6),— какъ мало и сіе могло вести Ее къ надеждѣ всемірной и всенародной славы! Кто изъ царей Израилевыхъ знаменитѣе Давида? Чья память въ родѣ Израилевомъ благословеннѣе памяти родоначальника Авраама? Но матери Авраама и матери Давида не только не ублажаютъ послѣдовавшіе роды, но даже именъ ихъ не знаютъ. Много ли могла обѣщать Себѣ по симъ примѣрамъ и Матерь Мессіи, разсуждая естественно по разуму и понятіямъ Своего народа и времени? Надобно при семъ вспомнить о глубокомъ смиреніи Преблагословенныя Маріи. Кто не мало думаетъ о своемъ достоинствѣ, о своихъ добродѣтеляхъ, тотъ можетъ льстить себя преувеличенными надеждами; но расположеніе духа Ея совсѣмъ не таково было. Въ то самое время, какъ Она славитъ Бога за Свое избраніе къ высокому званію Матери Господа, Она видитъ Себя только рабою, говоритъ только о Своей ничтожности: *призрѣ на смиреніе рабы Своея.* Какъ же вдругъ отъ столь смиреннаго переходитъ Она къ столь высокимъ глаголамъ о Самой Себѣ: *Отнынѣ ублажатъ Мя вси роди?* Очевидно, что не отъ собственныхъ сѣмянъ Ея разума и сердца возникла сія мысль: Духъ Святый, Которому предалась Она

въ восторгѣ молитвы, просвѣтилъ въ сіе время Ея умъ, подвигнулъ Ея уста, и Она изрекла, что̀ предопредѣлилъ о Ней Богъ, и что̀, подъ руководствомъ Ея провидѣнія, должна въ отношеніи къ Ней исполнить Вселенская Церковь.... Тщетно мрачныя мудрствованія неправомыслящихъ усиливались затмить Ея славу; они только изощрили ревность правовѣрующихъ къ Ея прославленію. Ни пространства мѣстъ, ни продолженіе и превратность временъ не ослабляютъ сіянія славы Ея».... Такъ оправдывается точно пророчество Маріи о Себѣ Самой: *ублажатъ Мя вси роди.* Но отъ пророчества о Себѣ, о Своемъ прославленіи, Пресвятая Дѣва тотчасъ же опять переносится мыслію къ Богу, какъ Виновнику Своего счастія и блаженства и прославляетъ три Божественныхъ свойства, открывшіяся Ей; и прежде всего всемогущество Божіе: *яко сотвори Мнѣ величіе Сильный.* Называя Бога Сильнымъ, Она опредѣленно указываетъ на слова Ангела: *сила Вышняго осѣнитъ Тя* (35), когда творческая сила Слова открылась очевиднѣе, чѣмъ нѣкогда при созданіи человѣка. *Сотвори величіе*—μεγαλεῖα,—т. е. великое, неслыханное дѣло Всемогущій Богъ сотворилъ съ Ней, содѣлавъ Ее Матерію Мессіи. Другое свойство—святость: *и свято имя Его*, т. е. Котораго имя свято [1]. Пресвятая Дѣва при чудесномъ воздѣйствіи на Нее силы Божіей, ощутила Себя въ непосредственномъ соприкосновеніи съ абсолютною святостію; Она поняла, что это совершенство Божіе болѣе чѣмъ какое либо другое составляетъ существенное Его свойство: *и свято имя Его.* Имя вообще служитъ обозначеніемъ предмета въ умѣ человѣка; имя Божіе слѣдовательно служитъ болѣе или менѣе вѣрнымъ отображеніемъ Божественнаго существа въ душѣ того, кто приближается къ Нему. Третье прославляемое Маріей Божественное совершенство, есть милость: *и милость Его въ роды родовъ боящымся Его.* Милость Божія, какъ-бы такъ говорила Марія не ко Мнѣ одной, но ко всѣмъ боящимся Его въ роды родовъ (обыкновенная форма превосходной степени), т. е. изъ рода въ родъ, до самыхъ отдаленнѣйшихъ родовъ.

Въ слѣдующей строфѣ (51—53) пространнѣе изображается, какъ Богъ Всемогущій, Всесвятой и Всеблагой управляетъ міромъ: *Сотвори державу мышцею Твоею: расточи гордыя мыслію сердца ихъ: низложи сильныя со престолъ, и вознесе смиренныя: алчущыя исполни блаѣ и богатящыяся отпусти тщы.*

Въ этихъ стихахъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Пресвятая Дѣва говоритъ о томъ великомъ переворотѣ, или лучше о томъ всеобщемъ мірообновленіи, которое наступитъ съ устроеніемъ Царства Сына Ея и которое въ пророческомъ созерцаніи представляется Ей уже наступившимъ. У пророковъ будущее Царство Мессіи часто изображается подобнымъ образомъ, и глаголы всегда ставятся въ прошедшемъ времени. Только съ этимъ мнѣніемъ въ настоящемъ случаѣ едва ли можно согласиться, потому что здѣсь не прошедшее (пророческое), а аористы, которые никогда въ такомъ смыслѣ не употребляются, а всегда означаютъ дѣйствіе или явленіе повторяющееся. Къ тому же 54 ст., въ которомъ говорится о воспріятіи Израиля и исполненіи Божіихъ

[1] Употребленіе личнаго мѣстоименія съ союзомъ *и*, вмѣсто относительнаго который, было обычно у Евреевъ (Псал. 110, 9). При томъ это предложеніе, равно какъ и слѣдующее, служитъ поясненіемъ предыдущаго (Кейль).

обѣтованій, долженъ бы стоять впереди этой строфы, тогда, по крайней мѣрѣ, логическая связь была бы естественнѣе. Поэтому справедливо думаютъ Кейль и Гофманъ, что въ третьей строфѣ идетъ рѣчь вообще о промышленіи и постоянномъ дѣйствіи Бога въ мірѣ, и аористы слѣдуетъ переводить въ настоящемъ времени, тѣмъ болѣе, что и выше настоящее время (*свято имя Его и милость Его къ боящимся Его*).

Ст. 51. *Сотвори державу мышцею Своею*, т. е. Богъ, какъ всемогущій, являлъ и являетъ силу мышцы Своей. Сила мышцы—символическое изображеніе всемогущества Божія. По внѣшней формѣ выраженіе это буквально ветхозавѣтное, гебраистическое, подобно выраженію: *десница Господня творитъ силу* (Псал. CXV, 15—16). *Разсточи гордыя мыслію сердца ихъ*, т. е. какъ всесвятой, Онъ разсѣевалъ и разсѣеваетъ всѣхъ гордыхъ, надменныхъ въ своемъ сердцѣ, особенно когда они стремятся осуществить планы горделиваго сердца своего (ср. Псал. LXXV, 6). *Сердце* на языкѣ Священнаго Писанія означаетъ центръ жизни человѣческой и всѣхъ ея отправленій, слѣдовательно мыслей, желаній и дѣйствій (Матѳ. XV, 19. срав. Лук. II, 35). Поэтому и сказано: *въ своего помышленіи сердца*. Подъ *гордыми* нельзя исключительно разумѣть здѣсь ни язычество въ его представителяхъ (какъ думаетъ блаженный Ѳеофилактъ), ни Іудейскихъ книжниковъ и фарисеевъ (какъ думаютъ другіе), а вообще гордыхъ и надменныхъ, къ какому бы времени и странѣ они ни принадлежали.

Ст. 52—53. *Низложи сильныя со престолъ и вознесе смиренныя*....., т. е. какъ Всеблагой, Онъ возвышаетъ смиренныхъ, а сильныхъ—властителей низлагаетъ съ престоловъ, алчущихъ насыщаетъ, а богатыхъ—πλουτοῦντας, стремящихся къ наживѣ, отпускаетъ ни съ чѣмъ. Подъ *сильными*—δυνάστας—разумѣются тѣ владыки земные, которые злоупотребляютъ своею властью, а подъ *смиренными* — ταπεινοὺς—всѣми унижаемые и всему покорные. И эти выраженія напоминаютъ опять ветхозавѣтныя изрѣченія, напримѣръ Сираха X, 17: *Господь низвергаетъ престолы властителей и посаждаетъ кротких на мѣсто ихъ*, и Псал. CVI, 9: *ибо Онъ насытилъ душу жаждущую и душу алчущую исполнилъ благами*. Подъ *благами* разумѣются не столько блага, матеріальныя или вещественныя, сколько духовныя; *алчущихъ* этихъ духовныхъ благъ Онъ насыщаетъ (ср. Матѳ. V, 6), а не сознающихъ своей духовной бѣдности отпускаетъ ни съ чѣмъ со стыдомъ и позоромъ.

Въ четвертой, наконецъ, строфѣ (54—55) Марія возвращается къ тому, съ чего начала Свою хвалебную пѣснь, т. е. къ прославленію Бога. Но здѣсь Она прославляетъ Его не отъ Себя, а отъ лица Своего народа, прославляетъ Его за исполненіе обѣтованій, данныхъ Аврааму и сѣмени его: *воспріятъ Израиля отрока Своего помянути милости, якоже глагола ко отцемъ нашимъ Аврааму и сѣмени его до вѣка*.

Вѣрность Бога Своимъ обѣтованіямъ составляетъ основной принципъ сего ветхозавѣтнаго домостроительства, или лучше всего мессіанскаго дѣла. Въ словахъ *воспріятъ Израиля отрока Своего* буквально исполнилось пророчество Исаіи: *ты рабъ Мой* (у семидесяти вмѣсто *рабъ*—*отрокъ*—παῖς), *Я избралъ тебя, и не отвергну тебя* (XLI, 8 и дал.). Хотя Израильскій народъ и былъ наказанъ Богомъ за свои преступленія, лишенъ былъ даже политической свободы, переходилъ изъ рукъ однихъ враговъ къ другимъ, но Богъ не забылъ его, снова протянулъ къ нему Свои

руки [1] и воспринялъ его въ Свою отеческую любовь такъ, какъ никогда прежде; Онъ послалъ для спасенія его Своего Единороднаго Сына, Который воспріялъ отъ него Свою плоть и кровь (Евр. II, 14—18). Слова *Аврааму и сѣмени его* зависятъ не отъ *якоже глаголахъ*, какъ думаютъ Лютеръ, Кальвинъ, Гроцій и др., а отъ *помянути милости*, — это ясно, во-первыхъ, изъ конструкціи словъ, а во-вторыхъ и главнымъ образомъ такого сочетанія требуетъ выраженіе *до вѣка*, которое никакъ не можетъ зависѣть отъ слова *глаголахъ*. Богъ потому воспомянулъ Свои милости *Аврааму и сѣмени его*, т. е. народу Израильскому, что милости эти должны продолжаться вѣчно, какъ вѣчно, на всѣ времена простирается дѣйствіе искупительныхъ заслугъ Спасителя. *Помянути* — образное выраженіе означающее не забвеніе Богомъ Своихъ обѣтованій, а то, что Онъ привелъ въ исполненіе эти обѣтованія лишь съ теченіемъ времени, впродолженіи котораго они оставались неисполненными, какъ-бы забытыми по давности времени. Таковъ внутренній смыслъ хвалебной пѣсни Пресвятой Дѣвы. Наша Церковь поступила весьма мудро, опредѣливъ воспѣвать ее на утреннемъ церковномъ Богослуженіи въ заключеніе девятой пѣсни.

Послѣдній 56 ст. составляетъ историческое заключеніе: *пребысть Маріамъ съ нею яко три мѣсяцы: и возвратися въ домъ свой.*

Около трехъ мѣсяцевъ пробыла Марія у Елизаветы, но дождалась ли Она рожденія Іоанна Предтечи, Евангелистъ не говоритъ, а толковники думаютъ различно. Амвросій, Оригенъ, изъ новѣйшихъ Годе утвердительно рѣшаютъ этотъ вопросъ. Ѳеофилактъ, Евѳимій Зигабенъ, изъ новѣйшихъ Гофманъ и Кейль отрицаютъ это мнѣніе и, кажется, не безъ основанія. Въ 57 ст. и слѣдующихъ говорится только о сосѣдяхъ и родственникахъ, которые, какъ только услышали о рожденіи сына у Елизаветы, тотчасъ собрались въ домъ Захаріи, и они же одни присутствовали при обрѣзаніи младенца, а о Маріи Лука не говоритъ ни слова. Весьма вѣроятно, что Она, избѣгая взора любопытныхъ, поспѣшила предъ рожденіемъ Іоанна возвратиться въ Назаретъ, въ домъ Свой. Замѣчаніе Евангелиста, что Марія возвратилась въ *домъ Свой*, а не въ домъ Іосифа, ясно даетъ видѣть, что Пресвятая Дѣва, по обрученіи Своемъ, не вдругъ перешла въ домъ Іосифа, что, слѣдовательно, какъ благовѣстіе Ангела было въ Ея собственномъ домѣ, такъ и путешествіе къ Елизаветѣ Она совершила изъ Своего дома, и только по возвращеніи въ Назаретъ перешла въ домъ жениха Своего, гдѣ на первыхъ же порахъ Ей предстояло великое испытаніе (Прав. Соб. 1885 г., ч. III, стр. 3).

[1] Ἀντιλαμβάνεσθαι—воспріять—имѣетъ и это значеніе.

Библіографическій указатель къ свиданію Пресвятой Дѣвы съ Елизаветою (Лук. I, 39—56).

Изъ толкованій святоотеческихъ.

1) *Преп. Исидора Пелусіота* На слова: *И откуда мнѣ сіе* (Лук. 1, 43), ч. I. 207. 208. Тв. св. оо. т. XXXIV.

Изъ толкованій новѣйшихъ

въ духовн. журналахъ:

2) *Ѳоменко.* Горній городъ Іудинъ. Воскр. Чт. 1881 г. 247—250.

3) Свиданіе Пресв. Дѣвы съ праведною Елизаветою. Воскр. Чт. V. 439.

4) Свиданіе Маріи съ Елизаветою. Хр. Чт. XXXVII. 205.

5) *Л. П.* Размышленіе христіанина при чтеніи Св. Евангелія о свиданіи Пресв. Дѣвы Маріи съ прав. Елизаветою. Стран. 1877 г. II. 21—26.

6) Лук. 1, 46. Назидат. хар. Хр. Чт. 1829 г. XXV. 208.

7) Ст. 46—55. Изъ бесѣды въ день Благовѣщенія. Воскр. Чт. XIII. 566.

8) Ст. 54—55. Наказуемый Богомъ народъ. Душ. Чт. 1874 г. III. 300.

9) Ст. 51. Воскр. Чт. II. 238.

10) *Арх. Иннокентія* на тотъ же стихъ. Дом. Бес. 1864 г. Вып. 31. 661—662.

11) *Арх. Фотія.* Пѣснь Богородицы. Дух. Бес. 1864 г. XX. 425—432.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

12) *Ст. 39—40. Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О свиданіи Пресв. Дѣвы съ Елизаветою, о благочестіи дома Захаріи, и о неразборчивости въ нашихъ знакомствахъ. III. 10—18. *Ст. 39.* Объ отшествіи Божіей Матери, по успеніи Ея, отъ земли на небо *(въ горняя)*, и о блаженномъ состояніи праведныхъ душъ за гробомъ. III. 45—52. О томъ, какъ благоугождала Пресв. Дѣва Господу, прежде нежели стяжала благодать Богообщенія въ наитіи на Нее Духа Св. 275—278. *Ст. 41.* О томъ, что въ самыхъ естественныхъ, повидимому, событіяхъ нужно замѣчать и открывать слѣды невидимо присутствующей и тайно дѣйствующей чудотворной силы Божіей. III. 119—121. *Ст. 43.* О радости праведной Елизаветы посѣщенію Божіей Матери, и о недостаткѣ нашего усердія къ посѣщенію храмовъ Божіихъ. III. 107—118.

13) *Ст. 39. Григорія, архіеп. Казанскаго.* О любопытствѣ и любознательности. II. 174—181. *Ст. 44.* О злоупотребленіи и добромъ употребленіи дара слова. 182—188. *Ст. 45.* Блаженство Богоматери отъ вѣры. 190—196.

14) *Ст. 46—48. Филарета, митроп. Московскаго.* О добродѣтели безмолвія Пресв. Дѣвы. II. 149—154. Какимъ образомъ Дѣва Марія удостоилась Своего высокаго избранія? IV. 543—545. Какъ предреченіе Пресв. Дѣвы являетъ признаки глаголющаго въ Ней слова Божія, такъ исполненіе сего предреченія ознаменовано признаками дѣла Божія. IV. 82—87. *Ст. 49.* Истинное *величіе* даруетъ Богъ. III. 383—385.

---

4) Рождество св. Іоанна Предтечи; обрѣзаніе его и нареченіе ему имени; разрѣшеніе нѣмоты Захаріиной; пророческая пѣснь Захаріи. (Лук. I, 57—79.)

(Прот. С. Вишнякова.)

Ст. 57 — 58. «Когда незаходимое Солнце — Христосъ Спаситель нашъ благоволилъ возсіять міру и, приклонивъ небеса, вошелъ въ святѣйшее самаго неба дѣвическое чрево,—надлежало явиться предъ Нимъ денницѣ отъ неплодной старицы—св. Предтечѣ Іоанну, дабы онъ предвозвѣстилъ людямъ пришествіе Господне. И вотъ, когда исполнилось время чревоношенія Елизаветѣ, она родила сына въ старости своей, подобно тому какъ нѣкогда Сарра родила Исаака. Такъ чудо предшествовало чуду: прежде нежели Пресвятая Дѣва Марія родила Христа, престарѣлая Елизавета родила Предте-

чу Христова, дабы видѣвшіе необычайное по законамъ природы рожденіе отъ неплодной старицы, увѣровали потомъ превышеестественному рожденію отъ безмужней Дѣвы; ибо всемогущая сила Божія, разрѣшившая неплодство старицы Елизаветы, конечно могла и нетлѣнную Отроковицу Марію содѣлать Матерію, ибо Создателю послушно всякое естество» (Синакс. на 24 іюня).

Если въ народѣ, ревновавшемъ о чадородіи, неплодные скорбѣли о своемъ безчадіи и, не смотря на личныя свои нравственныя совершенства, были предметомъ не только сожалѣнія, но и поношенія, то разрѣшеніе неплодія особенно такихъ лицъ, отъ которыхъ, повидимому, нельзя было ожидать чадородія, не только благотворно дѣйствовало на сердца самихъ раждающихъ, но какъ-бы мгновенно измѣняло въ отношеніи къ нимъ мысли и чувства людей, среди которыхъ они жили. Такъ было и при разрѣшеніи Елизаветы. Радостью и веселіемъ исполнились сердца родителей Предтечи, потерпѣвшихъ также долгое и тяжкое испытаніе безчадія. Равнымъ образомъ, вѣсть, скоро разнесшаяся по всѣмъ окрестностямъ Іуты, о необыкновенномъ разрѣшеніи неплодствовавшей Елизаветы поразила всѣхъ знаемыхъ ея—сосѣдей и родственниковъ; всѣ они теперь обрадовались ея счастію; всѣ видѣли въ этомъ чудномъ событіи явленіе особенной великой къ ней милости Господней. Такъ исполнились слова Архангела къ Захаріи: «*и будетъ тебѣ радость и веселіе, и многіе о рожденіи* (твоего сына) *возрадуются*» (Лук. I, 14).

Время рожденія св. Іоанна Предтечи стоитъ въ связи со временемъ явленія Архангела Гавріила Захаріи во время чередоваго служенія его при храмѣ Іерусалимскомъ. Захарія былъ изъ чреды Авіевой; чреда Авіи была восьмая изъ двадцати четырехъ очередей священническихъ. Теперь нужно отсчитать число недѣль отъ времени разрушенія храма Іерусалимскаго Титомъ, совершившагося въ 9-й день мѣсяца Авъ или 5-го августа 823 года отъ построенія Рима, когда, по Іудейскому счисленію, началась въ храмѣ чреда Годоліи, до 748 года отъ построенія Рима, когда произошло явленіе Архангела—съ тѣмъ, чтобы опредѣлить время служенія въ этомъ году чреды Авіевой. Семьдесятъ пять солнечныхъ годовъ, содержа въ себѣ 3913 недѣль и три дня, указываютъ, что въ это время чреда Годоліи повторялась 163 раза, и что въ описываемый 748 годъ она могла быть на службѣ въ началѣ мѣсяца августа. Если на основаніи древнѣйшаго преданія, принятаго восточною и западною Церквами, зачатіе св. Іоанна отнесено къ 23 сентября 748 года, то 24 іюня 749 года отъ построенія Рима должно почитаться днемъ рожденія Предтечи. Подробн. см. въ Сказ. о земной жизни Богород., стр. 156—157.

Ст. 59—61. У Іудеевъ восьмой день по рожденіи младенца мужескаго пола для его родителей былъ днемъ радостнаго семейнаго праздника. Въ этотъ день надъ новорожденнымъ по закону совершалось обрѣзаніе, чрезъ которое младенецъ Еврейскій вступалъ въ завѣтъ съ Богомъ и въ общество избраннаго народа Божія (Быт. XVII, 10—14. Левит. XII, 3).

Законъ обрѣзанія получилъ свое начало въ лицѣ Авраама и повторенъ былъ цѣлому народу Еврейскому чрезъ Моисея (Левит. XII, 3), который дознался собственнымъ опытомъ всю важность этого Божественнаго постановленія прежде, нежели сдѣлался законодателемъ: на пути въ Египетъ изъ земли Мадіамской Богъ угрожалъ ему

смертью за необрѣзаніе сына (Исход. IV, 24—26). Обрѣзывать повелѣно было крайнюю плоть (Быт. XVII, 11); орудіемъ обрѣзанія могли быть—острый камень (Нав. V, 2—3), или стальной ножъ. Оно имѣло таинственное знаменованіе: — въ предшествующемъ ему состояніи знаменовало нечистоту и порчу человѣческой природы, въ его предметѣ и времени—исправленіе этого поврежденія чрезъ Мессію, имѣвшаго родиться безъ мужа; въ самомъ образѣ дѣйствія — внутреннее обрѣзаніе или умерщвленіе плотскаго и рожденіе духовнаго человѣка (Зап. на кн. Быт., стр. 172 — 176). Въ Новомъ Завѣтѣ оно замѣнено крещеніемъ. Обрѣзаніе совершалось обыкновенно въ домахъ. Каждый Еврей — глава семейства, а въ случаѣ нужды даже и женщина—мать могли совершать обрѣзаніе; но при покойномъ ходѣ общественной жизни, исполненіе этого обряда поручалось въ каждомъ городѣ и селеніи извѣстнымъ, опытнымъ лицамъ, назначаемымъ для этого главою священниковъ. Для участія въ семейной радости и молитвенныхъ благожеланіяхъ новорожденному, вступающему теперь въ права сына Авраамова, приглашались знакомые—сосѣди и родственники. Такой же семейный праздникъ былъ и въ домѣ праведнаго Захаріи въ восьмой день по рожденіи ему сына. Послѣ совершенія обряда обрѣзанія, по древнему обычаю, давалось новорожденному имя. Право нарекать имя новорожденному предоставлено было отцу, вѣроятно, по примѣру древнихъ праотцевъ (Быт. V); но въ настоящемъ случаѣ, при глухонѣмотѣ Захаріи, между присутствующими произошло недоумѣніе: какимъ именемъ назвать новообрѣзаннаго? По древнему обычаю — нарекать новорожденнаго именемъ отца, или какого либо близкаго и болѣе уважаемаго родственника, собравшіеся въ домѣ Захаріи хотѣли назвать младенца именемъ отца его — Захаріею. Услыхавъ объ этомъ, Елизавета, знавшая, какое должно быть дано имя ея младенцу, или по внушенію отъ Духа Святаго, или по предварительному письменному извѣщенію отъ Захаріи, сказала окружающимъ: *нѣтъ, не Захарія, но Іоаннъ да будетъ имя ему.* Въ недоумѣніи, какой смыслъ надобно соединять съ именемъ, нареченнымъ Елизаветою, родственники возразили ей, что во всемъ родствѣ ихъ нѣтъ никого, кто бы назывался такимъ именемъ, и за разрѣшеніемъ этого дѣла обратились къ самому отцу младенца.

Ст. 62—64, 67. Захарія съ покорностью и терпѣніемъ переносилъ наказаніе, изреченное ему словомъ Архангельскимъ; но по этому же слову онъ могъ надѣяться, что съ рожденіемъ ему сына разрѣшатся узы его языка и слуха. Сынъ раждается; истекаетъ уже восьмой день послѣ этого событія; на радостный праздникъ обрѣзанія младенца собрались друзья Захаріи; но самъ онъ все еще нѣмотствуетъ! Съ живымъ сочувствіемъ слѣдилъ онъ теперь своимъ взоромъ за всѣмъ, что̀ дѣлалось вокругъ него, но не могъ еще принять дѣятельнаго участія въ томъ, что̀ такъ близко касалось его сердца!.. Между тѣмъ время наказанія его приходило уже къ своему концу. Когда родственники стали знаками, вѣроятно письменными, спрашивать его о томъ, какъ-бы онъ хотѣлъ назвать своего сына, Захарія попросилъ передать ему дощечку для письма и написалъ на ней: Іоаннъ — имя ему. Всѣ родственники удивились тому, что, вопреки ихъ ожиданіямъ и желаніямъ, отецъ и мать, безъ видимаго между собою соглашенія, одинаково нарекли своего младенца необычнымъ въ ихъ семействѣ именемъ. Это

удивленіе перешло въ страхъ, когда родственники услышали, что у Захаріи, лишь только написалъ онъ имя младенца, открылся снова даръ слова!—Минута замѣчательная! Написавъ имя—Іоаннъ, которое, по повелѣнію Божію, онъ долженъ былъ дать своему сыну, Захарія явилъ теперь полную вѣру бывшему ему Архангельскому извѣщенію, и это-то послушаніе вѣры не только разрѣшаетъ его слухъ и языкъ, но и низводитъ на него благодать Святаго Духа! Милости Божіи, въ такомъ изобиліи излившіяся на Захарію, исполнили сердце его глубокою благодарностью, и первыми звуками возвращеннаго ему дара слова была хвалебная пѣснь Господу Благодѣтелю. Восхищенный тѣмъ, что, наконецъ, свободно можетъ онъ излить восторгъ души своей, Захарія въ пророческомъ вдохновеніи какъ-бы совершенно забываетъ чудо, только что надъ нимъ совершившееся: духъ его созерцаетъ, и уста его воспѣваютъ прежде всего величайшее благодѣяніе Божіе, явленное роду человѣческому въ воплощеніи Сына Божія, яснымъ предвѣстіемъ Котораго было рожденіе ему сына.—Въ пѣснопѣніи Захаріи слышится сладкій звукъ арфы Давидовой, дышетъ древній духъ пророческій.

Ст. 68—75. «*Благословенъ Господь Богъ Израилевъ*, воспѣваетъ Захарія, *что посѣтилъ народъ Свой и сотворилъ избавленіе ему; и воздвигъ рогъ спасенія намъ въ дому Давида, отрока Своего, какъ возвѣстилъ устами бывшихъ отъ вѣка святыхъ пророковъ Своихъ, что спасетъ насъ отъ враговъ нашихъ, и отъ руки всѣхъ ненавидящихъ насъ; сотворитъ милость съ отцами нашими и помянетъ святый завѣтъ Свой, клятву, которою клялся Онъ Аврааму, отцу нашему, дать намъ, по избавленіи отъ руки враговъ нашихъ, небоязненно служить Ему въ святости и въ правдѣ предъ Нимъ, во всѣ дни жизни нашей*».

Озаренный Духомъ Божіимъ, праведный Захарія еще неосуществившееся предсказаніе ему Ангела о пришествіи Мессіи видитъ уже какъ-бы осуществившимся и благословляетъ Господа, посѣтившаго Своею милостію народъ Свой и ниспославшаго ему нетерпѣливо ожидаемое имъ избавленіе чрезъ Мессію—потомка Давидова. Въ этомъ Мессіи пророкъ видитъ такое Лице, посредствомъ Котораго Господь, вѣрный Своимъ обѣтованіямъ, возвѣщеннымъ устами всѣхъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, наконецъ благоволилъ избавить народъ Свой отъ угнетающихъ его враговъ.—Благодатное Царство Мессіи будетъ состоять въ томъ, что народъ Іудейскій, освобожденный Имъ отъ порабощенія врагамъ, озарившись новымъ свѣтомъ Богопознанія, будетъ уже безбоязненно, въ святости и правдѣ, служить своему Господу.

Ст. 76—79. Обращаясь потомъ къ сыну своему—младенцу, какъ-бы уже понимающему его пророческое слово, Захарія говоритъ: *и ты, младенецъ, наречешься пророкомъ Всевышняго; ибо предъидешь предъ лицемъ Господа приготовить пути Ему, дать уразумѣть народу Его спасеніе въ прощеніи грѣховъ ихъ, по благоутробному милосердію Бога нашего, коимъ посѣтилъ насъ Востокъ свыше, просвѣтить сидящихъ во тьмѣ и тѣни смертной, направить ноги наши на путь мира.*

Для изображенія будущаго пророческаго служенія Богодарованнаго ему сына, Захарія заимствуетъ черты то изъ Архангельскаго объ немъ благовѣстія, то изъ пророчествъ: Исаіи, Захаріи и Малахіи. Этотъ сынъ — пророкъ Всевышняго, — величайшій изъ пророковъ,—предназначенъ Господомъ приготовить путь для имѣющаго скоро

придти Мессіи,—то есть—показать давно и съ нетерпѣніемъ ожидавшему Его народу Іудейскому, что спасеніе его зависитъ единственно отъ Мессіи, вразумить этотъ народъ, что желаемое имъ спасеніе заключается не въ избавленіи его отъ политическаго рабства иноплеменникамъ, теперь его угнетающимъ, но въ очищеніи души его отъ грѣховъ,—рабства тягчайшаго и вѣчнаго,—что избавленіе это даровано будетъ Іудеямъ не по какимъ либо ихъ заслугамъ, и не потому, что они сѣмя Авраама; но единственно по неизрѣченному милосердію Бога чрезъ воплощеніе Единороднаго Его Сына, Который, какъ Востокъ свыше, прольетъ Свой благотворный свѣтъ не только на Іудеевъ, но и на язычниковъ, находящихся во тьмѣ и сѣни смертной,—на крайней степени невѣрія и нечестія, оканчивающихся вѣчною погибелью.

Ст. 65—66. Можно судить, какимъ изумленіемъ, какимъ благоговѣйнымъ страхомъ объяты были души всѣхъ собравшихся теперь вокругъ Захаріи, когда лилась изъ устъ его вдохновенная пророческая пѣснь! Внезапное онѣмѣніе Захаріи и прежде внушало многимъ изъ нихъ мысль, что съ нимъ случилось что-нибудь необыкновенное; потомъ—рожденіе ему сына, неожиданное по преклоннымъ лѣтамъ его и Елизаветы; затѣмъ чудесное разрѣшеніе нѣмоты его при нареченіи имени этому сыну, наконецъ—вдохновенное его слово, въ которомъ пророкалось о времени нетерпѣливо ожидаемаго Израилемъ избавленія, какъ уже наступившемъ, и о высокомъ назначеніи дитяти, окруженнаго столькими чудесными знаменіями,—все это рѣшительно убѣждало присутствующихъ, что здѣсь явственно дѣйствуетъ рука Господня, что все здѣсь происходитъ по особенному устроенію Божественнаго Провидѣнія, что вожделѣнное время пришествія Мессіи—близко! Вѣсть объ этомъ, переходя изъ устъ въ уста, скоро разнеслась по всей нагорной сторонѣ Іудеи. Истина разсказываемыхъ чудесныхъ событій была непререкаема: она падала глубоко на сердца всѣхъ ревнителей истины, и изъ нихъ внимательнымъ къ знаменіямъ временъ указывала, что несомнѣнно приближаются времена Мессіи. Не смѣя открыто проповѣдывать то, что̀ было еще покрыто мракомъ чудеснаго и прикровенно высказано въ пророческомъ пѣснопѣніи Захаріи, подобные люди уже вѣрили сердцемъ, что сынъ его есть вѣрный предвѣстникъ этихъ временъ, и нетерпѣливо спрашивали самихъ себя: что̀ отроча сіе будетъ? Что̀ принесетъ оно въ міръ, когда будетъ дѣйствовать самостоятельно? Не радостная ли это звѣзда утренняя,—предвѣстница восхода Солнца правды, имѣющаго озарить и согрѣть сердца всѣхъ, ожидающихъ Его съ вѣрою? Такъ св. Іоаннъ, по устроенію Божію, съ первыхъ дней своей жизни уже началъ исполнять свое высокое предназначеніе; не былъ онъ Свѣтъ, но уже свидѣтельствовалъ о Свѣтѣ (св. великій пророкъ, Предтеча и Креститель Іоаннъ, стр. 42—48).

Родина Предтечи Господня.

Къ югозападу отъ Іерусалима, на одинъ часъ съ четвертью ѣзды, въ обширной горной лощинѣ, между садовъ и обработанныхъ полей, красиво расположено селеніе *Айнъ-Каримъ*, въ древности—*Горняя*, или *Горній градъ Іудовъ*: это—родина Предтечи Христова Іоанна. На томъ мѣстѣ, гдѣ родился величайшій изъ рожденныхъ женами пророкъ, находится теперь Францисканскій

монастырь. Церковь здѣсь трехъ-престольняя; лѣвый престолъ стоитъ надъ мѣстомъ рожденія Іоанна Предтечи. Изъ храма по 8 мраморнымъ ступенямъ спускаются въ пещеру, гдѣ, подъ мраморною доскою престола, горитъ 6 неугасимыхъ лампадъ, а подъ ними—вырѣзанная изъ мрамора же звѣзда съ Латинскою надписью: «здѣсь родился Предтеча Господень». Сводъ и стѣны пещеры обложены мраморомъ и покрыты богатою матеріей, а полъ украшенъ мозаикою. Главный престолъ храма стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ счастливый старецъ Захарія воспѣлъ свою благодарственную пѣснь: Благословенъ Господь Богъ Израилевъ... (Лук. I, 67 и далѣе). За монастыремъ въ концѣ селенія видѣнъ подъ тѣнью смоковницъ водоемъ, называющійся «Источникъ Маріи»; преданіе говоритъ, что сюда ходила черпать воду Матерь Божія, когда гостила у Своей сродницы Елизаветы. — Не вдали отъ этого водоема находятся развалины дома свв. Захаріи и Елизаветы.—Въ Горней живутъ Арабы, около 500 человѣкъ,—всѣ они грубы, дики и не пользуются добрымъ мнѣніемъ у поклонниковъ (Троицкіе листки 1884 г. № 226).

Объясненіе текста въ пророчественной рѣчи Захаріи.

(Лук. I, 67—79).

(Епископа Михаила.)

67 ст. *И Захарія... исполнился Святаго Духа и пророчествовалъ, говоря.* Послѣ общихъ вводныхъ замѣчаній о впечатлѣніи, произведенномъ на народъ необычайными обстоятельствами рожденія младенца и о самомъ младенцѣ (65—66), Евангелистъ снова обращается ко дню разрѣшенія нѣмоты Захаріиной и излагаетъ его пророческую рѣчь, которою онъ благословлялъ Бога, когда разверзлись уста его и онъ началъ говорить (64). Какъ и жена его, въ минуту свиданія съ Богоматерію, такъ и самъ онъ, въ минуту разрѣшенія нѣмотствовавшаго языка, исполнившись Святаго Духа, *пророчествовалъ* о грядущемъ Мессіи, непосредственнымъ предтечею Коего долженствовалъ быть его новорожденный сынъ. Въ пророческомъ воодушевленіи онъ видитъ, какъ и Дѣва Марія, Мессію уже какъ-бы пришедшаго и совершившаго великое дѣло искупленія человѣчества (почему и обороты рѣчи также въ прошедшемъ времени), по опредѣленію и обѣтованію Божію (66 — 75); обратившись же къ своему младенцу, пророчески предуказываетъ путь его жизни и его призваніе особенное (76—77); и наконецъ пророческій взоръ его опять устремляется къ главному предмету созерцанія — Мессіи, означая Его новымъ образнымъ наименованіемъ—*Востокъ свыше* (78—79).

68 ст. *Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, что посѣтилъ народъ Свой и сотворилъ избавленіе Ему. Посѣтилъ народъ Свой*—образное выраженіе (пришелъ утѣшить, помочь), означающее Божественное дѣйствіе посланія народу помощи и утѣшенія въ лицѣ Мессіи, воплотившагося Сына Божія. *Сотворилъ избавленіе* — выраженіе сущности того дѣйствія, которое совершитъ пришелъ Мессія, дѣйствія избавленія или искупленія человѣчества и оправданія его предъ судомъ правды Божіей. Образъ (избавленія или выкупа) взятъ отъ обычая *выкупать* плѣнныхъ отъ враговъ за извѣстную плату. Человѣкъ—по самой природѣ своей—плѣнникъ грѣха и подлежитъ проклятію и вѣчной смерти;

самъ онъ за себя выкупа дать не можетъ, не имѣетъ силъ оправдаться предъ Богомъ и выкупиться отъ грѣха. А между тѣмъ такой выкупъ, такое удовлетвореніе необходимо требуется правдою Божіею. Этотъ выкупъ за человѣка и все человѣчество далъ правдѣ Божіей единый, могшій дать такой выкупъ, какъ безгрѣшный, Сынъ Божій воплотившійся; цѣна этого выкупа есть Кровь Его неповинная, пролитая за животъ міра, или вообще крестная смерть Его, невиннаго и безгрѣшнаго, слѣдовательно не подлежавшаго смерти и слѣдовательно принявшаго эту смерть за грѣхи другихъ. Чрезъ этотъ выкупъ человѣкъ освобожденъ отъ грѣха и слѣдствій его и, усвояя себѣ заслуги крестной смерти Спасителя вѣрою, можетъ получать прощеніе грѣховъ и такимъ образомъ быть оправданнымъ предъ Богомъ, по мѣрѣ вѣры — болѣе или менѣе; почему Христосъ и называется Искупителемъ или Спасителемъ.

Ст. 69. *И воздвигъ рогъ спасенія намъ въ дому Давида, отрока Своего. Рогъ спасенія*: спасительный рогъ, т. е. рогъ, могущій спасти, или крѣпкій, твердый рогъ. Образъ взятъ отъ рога храмоваго жертвенника, составлявшаго убѣжище для преступниковъ, такъ что преступникъ, прибѣжавшій къ жертвеннику и ухватившійся за рогъ его, не подлежалъ уже заслуженному наказанію (Ср. 3 Царств. I, 50; II, 28 и дал.). Такъ прибѣгающій къ Господу Спасителю съ вѣрою и покаяніемъ получаетъ прощеніе грѣховъ и не подлежитъ уже заслуженному наказанію. Этотъ спасительный рогъ воздвигнутъ *въ дому Давида*, т. е. въ родѣ Давидовомъ, изъ котораго происходилъ по плоти Іисусъ Христосъ. *Отрока Своего*, или раба Своего, т. е. служителя Божія вѣрнаго и высокаго (Дѣян. IV, 25). Нельзя ли впрочемъ полагать, что образъ *рога спасенія* взятъ отъ того, что Самуилъ излилъ рогъ елея на Давида, предзнаменуя тѣмъ избраніе его въ царя—спасителя Израиля отъ враговъ? Въ такомъ случаѣ это выраженіе будетъ образнымъ выраженіемъ царскаго достоинства Іисуса Христа, дарующаго спасеніе людямъ.

Ст. 70. *Какъ возвѣстилъ устами бывшихъ отъ вѣка святыхъ пророковъ Своихъ*. Устами древнихъ святыхъ пророковъ Господь Богъ предвозвѣстилъ пришествіе Мессіи со всѣми его благотворными послѣдствіями для человѣчества. *Отъ вѣка*: не въ тѣсномъ смыслѣ слова—отъ вѣчности, но въ относительномъ—издавна, издревле (Дѣян. III, 21). *(Спасетъ насъ отъ враговъ* и проч.).

Ст. 71. *Что спасетъ насъ отъ враговъ нашихъ и отъ руки всѣхъ ненавидящихъ насъ*. Ближайшимъ образомъ разумѣется здѣсь избавленіе отъ внѣшнихъ враговъ, но главнымъ образомъ отъ враговъ духовныхъ, отъ которыхъ избавить вѣрующихъ пришелъ Мессія, какъ-то — грѣховъ человѣка, его страстей, плотскихъ стремленій и проч.; главнѣйшимъ же образомъ отъ самаго опаснаго врага — духа злобы, коего власть разрушена пришествіемъ Сына Божія.

Ст. 72. *Сотворитъ милость съ отцами нашими, и помянетъ святый завѣтъ Свой*. Исполненіе обѣтованій о Мессіи есть не только предметъ радости для современниковъ Его, вѣры и упованія для послѣдующихъ родовъ, но и *милость* Божія для предковъ, *для отцевъ;* благословляя дѣтей, Богъ благословляетъ тѣмъ и отцевъ, даруя и имъ радость видѣть въ ихъ потомствѣ исполненіе ихъ надеждъ и упованій, которыми и они жили. *Завѣтъ* значитъ условіе или договоръ Бога съ человѣкомъ, по которому Богъ обѣщается благодѣтель-

ствовать человѣка, подъ условіемъ исполненія человѣкомъ Его воли или закона. Въ этомъ обширномъ значеніи и употребляется здѣсь слово завѣтъ, т. е. что Богъ исполнитъ Свои обѣтованія. Пророки указывали постоянно на вѣрность Бога завѣту Своему, не смотря на невѣрность Ему по временамъ народа избраннаго. Завѣтъ называетъ *святымъ*, потому что онъ есть выраженіе святой воли Божіей. Таковой завѣтъ заключенъ былъ особенно съ Авраамомъ (Быт. XVII, 4 и дал.), главнымъ же образомъ со всѣмъ народомъ Еврейскимъ чрезъ посредство Моисея на Синаѣ. На эти завѣты здѣсь и указывается въ общемъ наименованіи завѣта, такъ какъ они собственно составляли одинъ завѣтъ съ однимъ народомъ.

Ст. 73. *Клятву, которою клялся Онъ Аврааму, отцу нашему, дать намъ.* Клятва, о которой здѣсь рѣчь, изложена въ Быт. XXII, 16 — 18. Богъ клянется Самимъ Собою, такъ какъ больше Ему некѣмъ и нечѣмъ клясться (Евр. VI, 13—14), клянется для удостовѣренія человѣка въ непреложности Его словъ, клянется Аврааму, что Онъ благословитъ сѣмя, т. е. потомство его. Съ пришествіемъ Мессіи эта клятва утверждена, т. е. обѣтованіе исполнено. Общій смыслъ клятвы Захарія въ пророческомъ одушевленіи представляетъ въ болѣе частномъ приложеніи. Богъ клялся Аврааму въ томъ, что потомству его дана будетъ земля обѣтованная, и въ потомкѣ его благословятся всѣ племена земныя.

Ст. 74. Въ духѣ созерцая исполненіе сей клятвы, Захарія говоритъ, что Богъ клялся Аврааму учредить высокое духовное служеніе Ему. *Небоязненно*: разумѣется не страхъ Божій, который, напротивъ, служитъ основаніемъ благочестія (50), но безбоязненность предъ врагами внѣшними, которые служатъ здѣсь также образомъ враговъ и духовныхъ. *По избавленіи отъ руки враговъ*: въ благословеніи Аврааму рѣчь идетъ о врагахъ Евреевъ, занимавшихъ въ то время землю обѣтованную,—Хананскихъ народахъ; въ рѣчи Захаріи подъ образомъ ихъ разумѣются всѣ враги Царства Мессіи, отъ которыхъ Онъ пришелъ избавить вѣрующихъ въ Него. *Служить Ему*: разумѣется служеніе Богу въ обширномъ смыслѣ, какъ вообще жизнь религіозная, жизнь по Богу въ правдѣ и преподобіи истины.

Ст. 75. *Въ святости и правдѣ предъ Нимъ, во всѣ дни жизни нашей.* «Святость есть праведность въ отношеніи къ Богу, а правда—справедливость въ отношеніи къ людямъ» (Θеофил.). Святость, безъ сомнѣнія, разумѣется истинная, не внѣшнее, только наружное исполненіе внѣшнихъ религіозныхъ дѣйствій, что̀ не спасло фарисеевъ отъ осужденія. *Во всѣ дни:* до скончанія вѣка, такъ какъ вѣчно Царство Мессіи. Разумѣется здѣсь таковое служеніе истинныхъ членовъ Царства Христова, на которыхъ и исполняется обѣтованіе Божіе, данное Аврааму. Уклоненіе отъ сего въ нѣкоторыхъ членахъ Царства Христова, неискреннихъ или неразумныхъ послѣдователяхъ Его, конечно, не показываетъ, что таковыя обѣтованія не осуществились.

Ст. 76—77. *И ты, младенецъ, наречешься пророкомъ Всевышняго; ибо предъидешь предъ лицемъ Господа приготовить пути Ему, дать уразумѣть народу Его спасеніе въ прощеніи грѣховъ ихъ.* «Захарія переходитъ съ пророчествомъ къ сыну своему Іоанну» (Евѳим. Зигабенъ). *Наречешься*: т. е. будешь (32), и таковымъ будутъ почитать тебя люди. *Пророкомъ*: чрезвычайнымъ посланникомъ Божіимъ, который по особенному вдохновенію Божественному

долженъ возвѣщать волю Божію людямъ, непосредственно ему сообщаемую отъ Бога. *Всевышняго*, т. е. Бога (32). *Ибо предъидеши* и прочія: ближе опредѣляется частнѣйшее предназначеніе Іоанна при его пророческомъ служеніи (ср. ст. 17). *Предъ лицемъ Господа*, т. е. Іисуса Христа, Бога воплотившагося. *Приготовить пути* (ср. Исаія XL, 3. Малахія III, 1. Матѳ. III, 3 и Марк. I, 2). *Дать уразумѣть* и прочія: разъяснить и внушить народу, что наступаетъ Царство Мессіи и *спасеніе* народа и міра чрезъ прощеніе грѣховъ при покаяніи. Съ такою именно проповѣдью о покаяніи и явился Предтеча Христовъ Іоаннъ, когда пришло время (Матѳ. III, 1 и далѣе и парал.).

Ст. 78—79. *По благоутробному милосердію Бога нашего, коимъ посѣтилъ насъ Востокъ свыше, просвѣтить сидящихъ во тьмѣ и тѣни смертной, направить ноги наши на путь мира.* Отъ сына своего пророческій взоръ Захаріи опять устремляется къ главному предмету созерцанія—Мессіи, Котораго онъ означаетъ здѣсь новымъ образнымъ наименованіемъ. *Востокъ свыше*; выраженіе заимствовано отъ восхода солнца (Апокалипс. VII, 2. Матѳ. V, 45), которое только что озарило первыми лучами святую обрадованную землю. Захарія созерцаетъ это восходящее Солнце—зачатаго и имѣющаго скоро родиться Іисуса—Мессію, Который святымъ ученіемъ и искупительною жертвою имѣетъ просвѣтить человѣчество, какъ солнце освѣщаетъ землю. *Просвѣтить сидящихъ во тьмѣ и тѣни смертной* (Матѳ. IV, 14—16). Подъ сидящими во тьмѣ здѣсь разумѣются не только жители Галилеи, какъ въ указанномъ мѣстѣ Евангелія отъ Матѳея, но, вообще, всѣ люди, по той же причинѣ. *Направить ноги* и прочія: продолжается тотъ же образъ. Люди представляются какъ путешественники, застигнутые на пути темной ночью, которые сбились съ пути, шаги которыхъ, по причинѣ темноты, невѣрны, и которые ждутъ разсвѣта и солнца, чтобы найти вѣрную дорогу и твердыми шагами направиться къ своей цѣли.—Такъ все человѣчество до Христа оставалось во мракѣ невѣдѣнія и заблужденій; у одного только народа Еврейскаго былъ свѣточъ—законъ и пророки, какъ мерцающія звѣзды въ темную ночь; но передъ пришествіемъ Христа и этотъ свѣточъ почти погасъ, и эти звѣзды померкли, почти—была темная и непроглядная ночь. Взошедшее Солнце—Христосъ освѣтилъ и разогналъ этотъ мракъ, и человѣчеству указалъ вѣрный, мирный, безпрепятственный путь къ ихъ вѣчной цѣли,—нравственному совершенству, спасенію и вѣчной жизни.—Такъ славословіе Захаріи оканчивается ясновидѣніемъ отдаленнаго и отдаленнѣйшаго будущаго, которое еще продолжается и теперь, и еще доселѣ составляетъ будущее (изъ Толковаго Евангелія, т. II, стр. 250—256).

Раннее сиротство и жизнь святаго Іоанна Крестителя въ пустынѣ до вступленія его въ общественное служеніе.

(Протоіерея С. Вишнякова.)

По свидѣтельству древняго церковнаго преданія, слухъ о необыкновенныхъ обстоятельствахъ, окружавшихъ зачатіе и рожденіе сына священника Захаріи, дошелъ до царя Ирода.

Когда Иродъ, въ неистовомъ гнѣвѣ, издалъ повелѣніе—избить въ Виѳлеемѣ и его окрестностяхъ всѣхъ младенцевъ мужескаго пола, начиная съ двухъ лѣтъ ихъ возраста и ниже, надѣясь, что среди

этого всеобщаго избіенія погибнетъ и ненавистный ему новорожденный Царь Іудейскій, тогда вспомнилъ онъ и о сынѣ священника Захаріи. «Ужъ не этотъ ли младенецъ будетъ царемъ Іудейскимъ?»—представилось подозрительному тирану, и онъ рѣшился погубить его,ославъ нарочныхъ убійцъ въ домъ Захаріи. Но *рука Господня* спасла святаго младенца. Захарія былъ въ это время на чредѣ своего служенія во храмѣ Іерусалимскомъ; въ Іутѣ, въ домѣ его, оставалась одна праведная Елизавета со своимъ сыномъ. Между тѣмъ вѣсть о безчеловѣчномъ приказѣ Ирода, по близости разстоянія Виѳлеема отъ Іуты, дошла и до Елизаветы. Вскорѣ потомъ въ Виѳлеемѣ и его окрестностяхъ раздались жалостные вопли и стоны отцевъ и матерей, у которыхъ убиты были дѣти. Елизавета, опасаясь за дорогаго своего сына, убѣжала въ сосѣднія пустынныя горы и со слезами молилась здѣсь Господу—защитить ее и младенца. Скоро, съ вершины одной горы, увидала она толпу воиновъ, приближавшихся къ ней. Сокрыться отъ нихъ Елизавета не видѣла никакихъ средствъ. Подбѣжавъ къ одной отвѣсной скалѣ, она въ горести сердца, но съ крѣпкою вѣрою въ Бога, воскликнула: «гора Божія, пріими матерь съ сыномъ». Скала чуднымъ образомъ раскрылась, приняла ее и снова замкнулась за нею, скрывъ ее отъ преслѣдователей.

Воины донесли Ироду о безуспѣшности своихъ поисковъ; но неутомимый въ злобѣ тиранъ послалъ ихъ въ храмъ спросить Захарію: «*гдѣ скрылъ онъ своего сына*»? Старецъ отвѣтилъ посланнымъ: «*я теперь служу Господу Богу Израилеву и не знаю, гдѣ сынъ мой*». Услышавъ это отъ своихъ слугъ, Иродъ воскликнулъ: «что же? ужъ не сынъ ли его будетъ царствовать во Израилѣ?» и приказалъ сказать Захаріи: «скажи истину, гдѣ твой сынъ? Или не знаешь, что кровь твоя въ моей рукѣ?» Священникъ Божій сказалъ посланнымъ: «Богъ мнѣ свидѣтель, что я не знаю, гдѣ мой сынъ. Вы можете пролить кровь неповинную!» Преданіе свидѣтельствуетъ, что Захарія въ это время былъ не одинъ въ храмѣ; его окружало множество собратій—священниковъ, книжниковъ и фарисеевъ, но всѣ они питали тогда глубокую ненависть къ Захаріи. Эта ненависть возгорѣлась въ нихъ по слѣдующему обстоятельству: когда Пресвятая Дѣва Марія, въ сороковой день по рожденіи Спасителя, пришла въ храмъ Іерусалимскій для законнаго очищенія,—Ее, съ предвѣчнымъ Младенцемъ, принялъ праведный Захарія и поставилъ Пречистую Дѣву не тамъ, гдѣ обыкновенно стояли жены, а на мѣстѣ, назначенномъ для дѣвицъ, гдѣ не дозволялось стоять замужнимъ. Книжники и фарисеи, замѣтивъ это, негодовали; но Захарія объявилъ имъ, что Дѣва сія хотя стала Матерію, но вмѣстѣ не переставала быть чистою Дѣвою. Когда же они не хотѣли вѣрить этому, то святый Захарія сказалъ: «естество человѣческое и все, что̀ создано, подвластно своему Создателю: тайна силы—въ десницѣ Его! И по Своей всемогущей волѣ Онъ можетъ устроить въ созданіи Своемъ такъ, чтобы и дѣва рождала, и родившая осталась дѣвою. Вотъ почему и эта Матерь поставлена мною съ дѣвицами, какъ Дѣва истинная!» Такое открытое исповѣданіе таинства воплощенія Бога Слова, соединенное со столь знаменательнымъ дѣйствіемъ въ знакъ приснодѣвства Богоматери, возбудило во всѣхъ Іудеяхъ, окружавшихъ Захарію, глубокую къ нему ненависть и поселило въ злобныхъ ихъ сердцахъ ужасное намѣреніе—предать его смерти. Они ждали только благопріятнаго для этого случая,—и вотъ,

случай этотъ представился... Беззащитный старецъ палъ подъ мечами убійцъ, присланныхъ Иродомъ, и кровь его, какъ камень, ссѣлась на мраморномъ помостѣ между храмомъ и жертвенникомъ (всесожженія), въ вѣчное осужденіе безчеловѣчныхъ его убійцъ. Господь Іисусъ Христосъ, обличивъ жестоковыйныхъ Іудеевъ въ убійствѣ столькихъ пророковъ, прорекъ имъ страшное наказаніе и за убіеніе праведнаго Захаріи. *Да пріидетъ на васъ вся кровь праведная, пролитая на землѣ, отъ крови Авеля праведнаго до крови Захаріи, сына Варахіина, котораго вы убили между храмомъ и жертвенникомъ* (Матѳ. XXIII, 35).

Праведная Елизавета, рукою Божіею сокрытая отъ убійцъ, посланныхъ Иродомъ, поселилась со своимъ младенцемъ—сыномъ въ горномъ ущельѣ, въ скалѣ, гдѣ нашла она удобную для этого пещеру. Внизу этой пещеры струился источникъ чистой, прохладной воды, а вверху росло густое, покрытое плодами, финиковое дерево.

Но не долго наслаждался святый Іоаннъ нѣжною заботливостью своей матери: чрезъ сорокъ дней послѣ мученической смерти Захаріи скончалась и праведная Елизавета. Такимъ образомъ, съ ранняго дѣтства суждено было святому Іоанну остаться сиротою въ мірѣ; но Господь повелѣлъ Своему Ангелу питать и хранить сироту-младенца въ пустынной пещерѣ.

Жизнь святаго Іоанна въ пустынномъ уединенія до призванія его на общественное служеніе покрыта таинственностью. Только нѣсколько указаній на это можно находить въ словѣ Божіемъ и писаніяхъ отеческихъ. «Не спрашивай меня, говоритъ святый Златоустъ, какъ напримѣръ, Іоаннъ во время зимы и во время зноя солнечнаго жилъ въ пустынѣ, особенно въ незрѣломъ возрастѣ, и со слабымъ, еще не укрѣпившимся тѣломъ? Какимъ образомъ дѣтское его тѣло могло перенести такую перемѣну воздуха при многихъ невыгодахъ пустынной жизни!... Іоаннъ въ пустынѣ обиталъ, какъ на небѣ... Предтечѣ Того, Кто имѣлъ прекратить все древнее, какъ-то: трудъ, проклятіе, печаль и потъ, надлежало и самому имѣть нѣкоторые знаки такого дара и быть превыше древняго осужденія, каковымъ онъ и былъ. Ибо онъ ни земли не обрабатывалъ, ни браздъ не разсѣкалъ, ни хлѣба не ѣлъ въ потѣ лица; но столъ имѣлъ готовый, одежду находилъ скорѣе, чѣмъ пищу, а о жилищѣ еще менѣе заботился, нежели объ одеждѣ. Онъ, нося плоть, велъ какую-то Ангельскую жизнь».

Какъ устроилась нравственная жизнь избранника Божія съ перваго обнаруженія его сознанія до полнаго укрѣпленія его характера,—на это Евангеліе указываетъ только въ общихъ чертахъ: *младенецъ возрасталъ и укрѣплялся духомъ*, говоритъ святый Евангелистъ объ Іоаннѣ, *и былъ въ пустыняхъ до дня явленія своего Израилю* (Лук. I, 80).

Для человѣка возможны два способа возрастать, говоритъ Оригенъ: одинъ способъ возрастанія тѣлеснаго, гдѣ воля человѣка нисколько не можетъ участвовать; *ибо кто изъ насъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту, хотя на одинъ локоть* (Матѳ. VII, 51)?

Второй способъ возрастанія—духовный, въ которомъ принимаетъ дѣятельное участіе личная свобода человѣка.

Объ этомъ-то духовномъ возрастаніи и говоритъ здѣсь Евангелистъ. Святый Іоаннъ возрасталъ духомъ,—то есть,—духъ его не пребывалъ на одной степени первоначальнаго въ немъ состоянія, но постоянно развивался во всѣхъ своихъ силахъ и способностяхъ.

Благословенный плодъ праведныхъ родителей, святый Іоаннъ наслѣдовалъ отъ нихъ любовь и благоговѣніе ко Господу вѣру и преданность обѣтованіямъ и заповѣдямъ Божіимъ. Съ дѣтства зналъ онъ, что вся жизнь его земная, какъ жизнь назорея, нераздѣльно посвящена единому Богу,—и потому, естественно, уклонялся онъ отъ всего мірскаго, шумнаго, обольстительнаго.— Первоначальнымъ средствомъ общенія его съ Богомъ и небожителями была его дѣтская, чистая и пламенная молитва, ставшая впослѣдствіи всегдашнею потребностью его души. Съ развитіемъ его самосознанія раскрывалось въ немъ и Богопознаніе, которое почерпалъ онъ въ словѣ Божіемъ, духъ глубокой любви, который переданъ былъ ему святымъ его родителемъ.—Духъ Святый, исполнившій Іоанна еще во чревѣ его матери, несомнѣнно былъ и постояннымъ его руководителемъ при чтеніи слова Божія: Онъ внушалъ ему вѣрныя понятія о Богѣ, открывалъ ему свойства Моусеева законодательства и цѣль онаго, разливалъ свѣтъ на всѣ ветхозавѣтныя пророчества о Мессіи и на время ихъ исполненія.—Чтеніе слова Божія сопровождалось Богомысліемъ, которое устраняло его отъ увлеченій и занятій земными предметами.—Постоянное самоуглубленіе и зоркая бдительность надъ самимъ собою, при которыхъ не могло ускользнуть ни одно біеніе его сердца, ни одно движеніе его духа, предохраняли святаго Іоанна отъ всякихъ чувственныхъ напряженій, которыя могли бы повредить нравственной его чистотѣ. Внимательно слѣдя за своею совѣстью, храня ее въ ненарушимомъ спокойствіи, святый Іоаннъ столько утвердился въ истинѣ и добродѣтели, такъ пріобыкъ не скрывать отъ духовнаго самонаблюденія истинныхъ движеній своего сердца, что никакія искушенія не могли уже отклонить его отъ прямаго пути истины. Все это образовало во святомъ Іоаннѣ тотъ строго нравственный аскетическій духъ, которымъ отличалась вся земная жизнь праведника. Внутренняя чистота души святаго Іоанна, глубокое подвижническое его настроеніе отражались въ самой его внѣшности. Глава его, какъ назорея, покрыта была длинными, волнующимися волосами; одежду носилъ онъ изъ грубаго жесткаго верблюжьяго волоса; чресла его препоясаны были широкимъ кожанымъ поясомъ; пищею для великаго пустынножителя служили акриды и дикій, полевой, не сладкій на вкусъ, медъ. И эту малопитательную пищу святый Іоаннъ употреблялъ въ такомъ незначительномъ количествѣ, что Господь Іисусъ Христосъ говорилъ объ этомъ Іудеямъ, какъ о предметѣ, имъ извѣстномъ: *пріиде Іоаннъ ни ядый, ни піяй* (Лук. VII, 37).

Строгая подвижническая жизнь—не безпримѣрна въ Ветхомъ Завѣтѣ: такую жизнь вели, напримѣръ, Илія, Елисей и другіе пророки; они любили жить въ пустынномъ уединеніи, хотя такое уединеніе ихъ было только временное. Но чтобы кто-нибудь изъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ посвящалъ себя на уединеніе въ глубинѣ пустыни, вдали отъ человѣческаго общества, всю жизнь свою провелъ въ горныхъ пещерахъ, среди всѣхъ возможныхъ лишеній,—такого примѣра не было до Іоанна Крестителя! Жизнь святаго Іоанна такъ была необыкновенна, столько поразительна для его современниковъ, что злые враги его— фарисеи, не имѣя возможности отвергнуть дѣйствительно чрезвычайной высоты ея, старались приписать ее скорѣе вліянію духа злобы, чѣмъ сознать ея истинное, небесное достоинство (Лук. VII, 33).

Евангеліе не указываетъ намъ, въ какихъ именно пустыняхъ Іудейскихъ подвизался величайшій изъ пророковъ Господнихъ; но сохранилось доселѣ живое преданіе о мѣстахъ уединенныхъ его подвиговъ. До семнадцатилѣтняго возраста своего онъ пребывалъ въ пещерѣ, на одинъ часъ пути отъ Іуты, гдѣ сокрытъ онъ былъ со своею праведною матерью отъ злобы Иродовой. Въ лѣтахъ юношескихъ святый Іоаннъ избралъ для своего пребыванія болѣе строгую, малоплодную и скалистую мѣстность близъ Хеврона, въ восьми миляхъ отъ Іерусалима. Предъ призваніемъ своимъ на проповѣдь народу Іудейскому, Предтеча жилъ по сю сторону Іордана, недалеко отъ Іерихона, въ пещерѣ, въ скалѣ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ Евреи чудесно перешли Іорданъ подъ предводительствомъ Іисуса Навина, при возвращеніи изъ Египта въ обѣтованную землю.

Безысходно ли жилъ святый Іоаннъ въ пустыняхъ до дня явленія своего Израилю? Нѣтъ сомнѣнія, что великій подвижникъ предпочиталъ тишину пустыннаго уединенія мірскому шуму и волненію, глубоко сознавая, что одно изъ вѣрныхъ средствъ не заразиться людскими пороками — удалиться отъ грѣшнаго человѣческаго общества; между тѣмъ съ достовѣрностью можно предполагать, что онъ оставлялъ иногда свою любимую пустыню для того, чтобы предпринять путешествіе, напримѣръ, въ Іерусалимъ, для удовлетворенія живому чувству своего благочестія. Святый Златоустъ говоритъ: Іоаннъ обиталъ въ пустынѣ, какъ на небѣ, и оттуда, подобно Ангелу, исходилъ во грады. Всего скорѣе могли вызывать его изъ пустыни дни великихъ Іудейскихъ праздниковъ, каковы были: праздникъ Пасхи, Пятидесятницы, Кущей. Такое путешествіе въ Іерусалимъ обязательно было для всякаго Іудея (Второзак. XVI, 16—17). Самъ Господь Іисусъ Христосъ, еще съ двѣнадцатилѣтняго Своего возраста, подчинялся этому закону. Святый Іоаннъ, какъ назорей, какъ сынъ священника, какъ Предтеча Мессіи, сознающій свое назначеніе, долженъ былъ исполнять этотъ законъ Божій. Весьма вѣроятно, что предъ такими праздниками выходилъ онъ изъ своего пустыннаго уединенія и смѣшивался съ толпами народа, со всѣхъ сторонъ стекавшагося въ Іерусалимъ. Его необыкновенная наружность не могла не обращать вниманія спутниковъ, но привычка святаго Іоанна къ молчанію, его глубокое смиреніе,—невольно удерживали его спутниковъ отъ празднаго любопытства или бесѣдъ безполезныхъ. Во время такихъ-то путешествій святый Іоаннъ имѣлъ возможность ближе познакомиться со свойствами и образомъ мыслей своихъ современниковъ, съ духовными потребностями разныхъ классовъ Іудейскаго народа, въ городѣ и храмѣ примѣтить многое, чего не примѣчали тогдашніе учители и блюстители народнаго благочестія, или оставляли безъ вниманія... Чистымъ, не причастнымъ грѣшной суетѣ мірской, каждый разъ возвращался святый Іоаннъ въ свою пустыню,— и развѣ только усиливалъ здѣсь подвиги своего благочестія для духовнаго своего укрѣпленія, предвидя тѣ сильныя препятствія, которыя неминуемо предстояли ему при исполненіи великаго его назначенія; потому что мало отраднаго представлялось Богопросвѣщенному взору будущаго проповѣдника покаянія въ современномъ ему Іудейскомъ народѣ,—въ его политическомъ и религіозно-нравственномъ состояніи (святый великій пророкъ, Предтеча и Креститель Іоаннъ, стр. 53—63. 65—66).

Не былъ ли св. Іоаннъ Предтеча въ школѣ ессеевъ и не принадлежалъ ли къ ихъ сектѣ?

(Проф. В. Пѣвницкаго.)

Нѣкоторые западные богословы полагали (напр. Павлюсъ), что св. Іоаннъ Креститель принадлежалъ къ ессеямъ, державшимся строгихъ правилъ жизни, и въ ихъ обществѣ получилъ свое образованіе. Мы не находимъ ничего предосудительнаго въ томъ предположеніи, что ессеи, ихъ ѳеософія, ихъ честные нравы и аскетическіе обычаи были извѣстны св. Іоанну Предтечѣ, какъ хорошо были извѣстны ему всѣ воззрѣнія фарисеевъ и саддукеевъ. Очень можетъ быть, что онъ еще юношею познакомился со всѣми толками, на какіе тогда распадалось Іудейское религіозное сознаніе, и секта ессеевъ могла понравиться ему болѣе, чѣмъ другія. Но мы никакъ не можемъ допустить, что Іоаннъ Предтеча принадлежалъ къ числу посвященныхъ ессеевъ и отъ нихъ заимствовалъ хоть часть своихъ воззрѣній и нравственныхъ привычекъ. И это не потому только, что ни въ Евангеліи, ни у Іосифа Флавія нѣтъ ни малѣйшихъ намековъ на что либо подходящее къ высказаннымъ положеніямъ; но и потому, что жизнь и дѣятельность св. Іоанна Крестителя производитъ собою на наблюдательнаго историка впечатлѣніе, совершенно противоположное тому, какое въ свое время производили ессеи. Въ средѣ ессеевъ св. Іоаннъ Креститель не могъ найти себѣ полнаго удовлетворенія. Для его сильной, широкой и Богопросвѣщенной мысли нужна была истина болѣе полная, горизонтъ болѣе объемлющій, чѣмъ какими довольствовались ессеи. Ессеи были честные и добрые люди; они искали святости. Но ихъ воззрѣнія были довольно тѣсны; у нихъ въ практикѣ было много сепаратизма, нетерпимости и суевѣрныхъ замашекъ и обычаевъ. Ими ли удовлетвориться такому смѣлому и необыкновенному духу, какой съ первыхъ дней обнаружилъ въ себѣ великій предъ Господомъ Іоаннъ? Онъ могъ питать нѣкоторое уваженіе къ стремленіямъ ессеевъ, къ ихъ честности и любви къ правдѣ, но въ то же время съ сожалѣніемъ объ ихъ ограниченности онъ долженъ былъ бы оставить ихъ, если бы обстоятельства какъ-нибудь сблизили его съ ними,—и искать себѣ у Бога новаго свѣта, новаго откровенія. Онъ идетъ въ пустыню; потому что ищетъ высшаго совершенства, и потому что окружающая дѣйствительность оскорбляетъ его впечатлительную, но ревнивую душу. Среди пустыни молодой человѣкъ повѣряетъ и оцѣниваетъ всю мудрость, какую доставило ему современное ему поколѣніе; онъ видитъ духовно-нравственную бѣдность тогдашняго человѣчества, заключается въ самого себя, въ свою собственную мысль, и посредствомъ внѣшняго уединенія и внутренней самососредоточенности воспитываетъ себя до высшихъ созерцаній, до новыхъ откровеній Божіихъ, неизвѣстныхъ тогдашнему народу. Съ высоты, на которую при содѣйствіи небесной помощи вознесся его окрыленный духъ, онъ смотритъ на эти жалкія и ничтожныя направленія, какія тогда опредѣляли собою сознаніе и дѣятельность Іудейскаго народа. Онъ скорбитъ объ ослѣпленіи людей; его обнимаетъ при этомъ чувство гнѣва и негодованія, или святая ревность по истинному Богопознанію. Формальная святость и тусклое, фальшивое богопознаніе фарисеевъ, бездушный раціонализмъ и естественная нравственность саддукеевъ у него не заслужива-

ютъ даже имени человѣческаго; онъ называетъ ихъ порожденіями ехидниными (Матѳ. III, 7). Самые честные ессеи, довольные малымъ и въ этомъ самодовольствѣ возвышавшіе себя надъ всѣми людьми, внушаютъ ему горькую мысль о низкомъ уровнѣ духовно-нравственныхъ требованій и превратномъ узкомъ взглядѣ на святое начало жизни у самыхъ лучшихъ представителей тогдашнихъ поколѣній. Итакъ, когда мы представляемъ св. Іоанна въ пустынѣ, мы представляемъ высоту его Боговѣдѣнія и чистоту его нравственныхъ понятій, родившихся по дѣйствію Святаго Духа, въ его собственной душѣ, а не вынесенныхъ имъ изъ какой либо школы, представляемъ его горькую мысль о религіозномъ усыпленіи народа, представляемъ броженіе горячихъ чувствъ,— ревности, гнѣва и любви. При этомъ понятнымъ становится, что въ этомъ человѣкѣ, бродящемъ по пустынямъ, мало занятомъ мыслью о своемъ продовольствіи и одеждѣ, питающемся тѣмъ, что̀ дастъ ему Богъ и природа, сбирается и готовится сила, могущая поразить поколѣнія, отъ давняго томленія привыкшія къ религіозной бѣдности, но не потерявшія впечатлительности и воспріимчивости къ новымъ, болѣе питательнымъ словамъ, помнившія времена пророковъ и съ часу на часъ ожидавшія Мессію.

Но это понятно намъ, когда мы издали смотримъ на великія совершившіяся событія. Чувствовалась ли эта сила, собиравшаяся во св. Іоаннѣ его современниками? Для нихъ молодой человѣкъ, въ пустыняхъ ищущій себѣ спокойнаго мѣста для самовоспитанія, могъ казаться юношею мечтательныхъ увлеченій, который удаляется отъ міра, потому что онъ охлаждаетъ его мечты и требуетъ отъ него дѣла, а не праздныхъ созерцаній. Но нѣтъ, не такая молва ходила о св. Іоаннѣ. Онъ же обращался среди людей, знакомился съ ихъ ученіемъ и обычаями, и вездѣ, гдѣ былъ, онъ оставилъ впечатлѣніе силы и рѣшительности. Съ его именемъ, съ самыхъ первыхъ дней проявленія его самостоятельной личности, соединяли настойчивую, непреклонную волю, огненную сильную душу, крѣпкую, сосредоточенную мысль. Знавшіе его говорили о немъ, что въ немъ воплотилась сила и духъ Иліи, готоваго, подобно ему, бороться и съ небомъ, и съ землею, съ величіемъ и малостію этого грѣшнаго міра. Потому, когда св. Іоаннъ жилъ въ пустынѣ, онъ не терялся и не исчезалъ для общества; изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ знали его, расходилась по народу молва о немъ, какъ человѣкѣ необыкновенномъ (Тр. Кіев. Ак. 1868 г., т. I, стр. 17—20).

Библіографическій указатель къ событіямъ I гл. 57—80 ст. Ев. Луки.

Изъ толкованій святоотеческихъ.

1) *Блаж. Августина.* Изъ слова на рождество св. Іоанна Предтечи. О гласѣ и Словѣ. Воскр. Чт. XVI. 183.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

2) Ст. 57—80. *М. Богословскаго.* Рожденіе Іоанна Предтечи, его обрѣзаніе и хвалебная пѣснь Захаріи. Прав. Соб. 1889 г. янв. 3—34.

3) Рождество св. пророка, Предтечи и Крестителя Іоанна. Дух. Бес. 1860 г., т. X, № 26. 225.

4) Жизнь и служеніе св. пророка, Предтечи и Крестителя Іоанна. Хр. Чт. 1853 г. II. 153.

5) Поученіе 4-е о земной жизни Господа нашего І. Х. (Захарія и Елизавета... Рожденіе Предтечи). Воскр. Чт. XXXI. I. 297—305.

6) *М. Монастырева. Сотворити милость со отцы нашими* (ст. 72). Дом. Бес. 1860 г. Вып. 9. 146.

7) *И бѣ въ пустыняхъ до дне явленія своего ко Израилю* (ст. 80). Воскр. Чт. XXXIV. II. 432.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

8) Ст. 66. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О воспитаніи, образѣ жизни и проповѣди Іоанна Крестителя Ш. 187—194.

9) Ст. 73—75. *Филарета, митроп. Московскаго.* Желаніе служить и благоугождать Богу должно быть кореннымъ и главнымъ желаніемъ человѣка, началомъ и концемъ всѣхъ его желаній. Ш. 458—460.

5) Открытіе Іосифу, обрученнику Пресвятой Дѣвы Маріи, тайны воплощенія Сына Божія (Матѳ. I, 18—25).

(Профессора М. И. Богословскаго.)

Въ Евангеліи св. Луки мы видѣли, какъ Богъ Слово, по одному слову Пресвятой Дѣвы: «*буди Мнѣ*», воплотился отъ Нея (Лук. I, 26—38), и какъ вскорѣ послѣ того тайна эта чудеснымъ образомъ открыта была праведной Елизаветѣ (Лук. I, 39—56). Теперь намъ предстоитъ познакомиться съ другимъ, не менѣе чудеснымъ открытіемъ великой тайны воплощенія Сына Божія праведному Іосифу, обрученнику Маріи. Святый Лука умалчиваетъ объ этомъ событіи, но за то имъ начинаетъ свое Евангеліе святый Матѳей. И это понятно почему. Святый Матѳей писалъ свое Евангеліе для христіанъ изъ Іудеевъ, изъ которыхъ многіе думали, что Іисусъ Христосъ былъ сынъ Іосифа (Матѳ. XIII, 55; ср. Марк. VI, 3). Чтобы уничтожить это ложное мнѣніе, онъ и повѣствуетъ въ самомъ началѣ Евангелія о такомъ чудесномъ событіи, которымъ неоспоримо подтверждается сверхъестественное происхожденіе Іисуса Христа отъ Дѣвы Маріи.

Общее содержаніе повѣствованія таково. Прежде всего (18—19) Евангелистъ кратко замѣчаетъ отъ себя, что Пресвятая Дѣва оказалась *имущею во чревѣ отъ Духа Свята*, т. е. чудесно, но что Іосифъ, праведный мужъ Ея, не зная Божественной тайны, вознамѣрился было тайно развестись съ Ней. Это вступленіе. Затѣмъ, въ главной части (20—23) идетъ рѣчь о явленіи Ангела Іосифу во снѣ, который открываетъ ему тайну воплощенія, повелѣваетъ принять Марію въ домъ свой, наречь имѣющему родиться отъ Нея Сыну имя Іисусъ, и который, наконецъ, для бо́льшаго убѣжденія Іосифа и въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ древнее пророчество Исаіи о рожденіи Еммануила отъ Дѣвы (VII, 14)—мѣсто самое важное, какъ въ догматическомъ, такъ и въ экзегетическомъ отношеніи. Въ заключеніи (24—25) Евангелистъ опять дѣлаетъ краткое замѣчаніе отъ себя, говоря, что Іосифъ, исполняя слова Ангела, принялъ Марію въ домъ свой и, когда Она родила Сына, нарекъ Ему имя Іисусъ.

Переходимъ къ экзегетическому анализу.

1. Вступленіе (18—19):

Ст. 18. *Іисусъ Христово рождество сице бѣ: обрученнѣй бо бывши Матери Его Маріи Іосифови, прежде даже не снитися има, обрѣтеся имущи во чревѣ отъ Духа Свята.*

Хотя Евангелистъ Матѳей и начинаетъ свое повѣствованіе словами:

Іисусъ Христово рождество сице бѣ— οὕτως ἦν, т. е. произошло такимъ образомъ, или было такъ, но онъ не касается всѣхъ предшествующихъ событій, а ограничивается только однимъ, которое имѣло особенное значеніе для христіанъ изъ Іудеевъ и которое подтверждаетъ его мысль, высказанную еще въ генеалогіи (16), что Іисусъ Христосъ родился отъ Маріи безъ мужа. Эту мысль онъ и теперь въ этомъ стихѣ высказываетъ прежде всего: *обрученнѣй бо бывши Матери Его Маріи обрѣтеся имущи во чревѣ отъ Духа Свята.* — Обрученіе происходило при свидѣтеляхъ и заключалось торжественной клятвой (Притч. Солом. XI, 17. Малах. XI, 14), но обрученная оставалась въ домѣ родителей своихъ до тѣхъ поръ, пока женихъ не приглашалъ на бракъ. Выраженіе *снитися*—συνελθεῖν—сходиться, собираться вмѣстѣ—указываетъ не на брачную жизнь, а на жизнь семейную, или лучше совмѣстную жизнь подъ однимъ очагомъ. Поэтому πρὶν ἢ συνελθεῖν αὐτοὺς—*прежде даже не снитися има*—по-Русски надо перевести такъ: прежде чѣмъ они стали жить вмѣстѣ, а не сочетались, какъ переведено въ Русскомъ сѵнодальномъ изданіи. Выраженіе это важно еще и въ другомъ отношеніи: оно точнѣе опредѣляетъ время и мѣсто благовѣстія Пресвятой Дѣвѣ, чѣмъ повѣствованія Луки. У Луки просто сказано: «*бысть посланъ Ангелъ къ Дѣвѣ обрученнѣй*»; но гдѣ Она находилась въ это время—въ Своемъ ли домѣ, или въ домѣ Іосифа, объ этомъ ничего не говорится, почему нѣкоторые, основываясь на неопредѣленномъ выраженіи Луки, думаютъ, что благовѣстіе Ангела Маріи было въ домѣ Іосифа. Между тѣмъ изъ Евангелія Матѳея ясно видно, что Марія оказалась имущею во чревѣ прежде, чѣмъ они начали жить вмѣстѣ; слѣдовательно, Ангелъ являлся обрученной Дѣвѣ еще въ то время, когда Она жила въ Своемъ домѣ. Въ это-то время несомнѣнно Пресвятая Дѣва и совершила Свое путешествіе къ Елизаветѣ, у которой пребыла около трехъ мѣсяцевъ (Лук. I, 56). Трехъ мѣсяцевъ, конечно, было вполнѣ достаточно для того, чтобы обнаружились признаки зачатія, и когда Она возвратилась *въ домъ Свой*, Іосифъ не могъ уже не замѣтить Ея беременности. На это собственно указываетъ и выраженіе *обрѣтеся*—εὑρέθη (въ страд. формѣ): всѣмъ замѣтно стало, что Она беременна, и скорѣе всего, конечно, замѣчено было это Іосифомъ, какъ это прямо видно изъ слѣдующаго ст., къ которому слово εὑρέθη—*обрѣтеся* служитъ прекраснымъ переходомъ.

Ст. 19. «*Іосифъ же мужъ Ея, праведенъ сый, и не хотя Ея обличити, восхотѣ тай пустити Ю*».

Въ душѣ Іосифа, по выраженію церковной пѣсни, произошла тогда «буря помышленій сумнительныхъ» (пѣснь акаѳиста). Буря эта обнаружилась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ неожиданнѣе она поднялась въ душѣ его по возвращеніи Богоневѣсты отъ Елизаветы, и была тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ лучше онъ зналъ предшествующую жизнь своей Обручницы, чѣмъ охотнѣе подтвердилъ своимъ согласіемъ данный Ею обѣтъ всегдашняго дѣвства, чѣмъ охотнѣе довѣрялъ Ей всѣмъ своимъ любящимъ сердцемъ. «Безъ сомнѣнія, пишетъ одинъ изъ нашихъ архипастырей, онъ сто разъ закрывалъ глаза, чтобы не видѣть этого, сто разъ хотѣлъ думать, что онъ обманывается, но каждый день приносилъ ему новое мученіе, подтверждалъ съ большею ясностью его подозрѣнія». Что̀ дѣлать? На что̀ рѣшиться? Прикрыть это великодушно, значило нарушить законъ; поступить по закону, зна-

чило подвергнуть Ее жесточайшему наказанію—побіенію камнями (Второзак. XXII, 23—24). Іосифъ хочетъ стоять на срединѣ: не предавая Ея суду, онъ рѣшился развестись съ Ней тайно: «*Іосифъ же мужъ Ея, праведенъ сый, и не хотя Ея обличити, восхотѣ тай пустити Ю*». Іосифъ называется мужемъ Маріи съ исторической точки зрѣнія писателя (Меу.), а не потому, чтобы обрученіе считалось равнымъ браку, и чтобы въ этомъ случаѣ, подобно тому какъ и въ брачномъ, требовался формальный разводъ (Вейсъ и др.).—*Праведенъ*—δίκαιος—прямодушенъ и справедливъ, а не благосклоненъ и добръ (Злат., Іерон., Лютеръ, Гроцій, Блекъ и друг.). Будучи справедливымъ и поставляя законъ правиломъ своей жизни, Іосифъ поэтому уже самому не могъ принять беременной Маріи въ свой домъ, но въ то же время онъ не хотѣлъ и обличить Ее—παραδειγματίσαι, т. е. посредствомъ формальнаго обжалованія предать Ее открытому позору, или выставить какъ-бы напоказъ всѣмъ, послѣ чего Она, по закону (Второзак. XXII, 23 и сл.), должна была подвергнуться строжайшему наказанію. Такъ понимаютъ большинство толкователей, Де-Ветте же и Мейеръ, напротивъ, разумѣютъ подъ παραδειγματίσαι простую выдачу разводнаго письма обрученной, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, выраженіе: «*тай пустити*» означаетъ отпустить безъ разводнаго письма, разойтись по взаимному согласію (Меу.), или, хотя и съ разводнымъ письмомъ, только безъ упоминанія о причинѣ развода (Де-Ветте). Но это объясненіе не отвѣчаетъ значенію слова παραδειγματίσαι —предавать открытому позору—и не оправдывается понятіемъ Іудеевъ о разводномъ письмѣ. Въ разводномъ письмѣ (Второзак. XXIV, 1), по объясненію раввиновъ, не обозначалась причина развода; въ немъ только давалось свидѣтельство о разводѣ жены съ мужемъ, при чемъ предоставлялось ей право на вступленіе въ другой бракъ; слѣдовательно для жены не было никакого позора и тогда, когда она явно (φανέρως) съ разводнымъ письмомъ отходила отъ своего мужа. Но спрашивается еще: нужно ли было выдавать разводное письмо для уничтоженія обрученія? Законъ во Второзаконіи XXIV говоритъ только о такомъ разводѣ съ замужней женой, которая жила уже въ домѣ мужа, лишь раввины своимъ толкованіемъ распространили этотъ законъ и на разводъ съ обрученной. Но даже и въ этомъ случаѣ разводное письмо никакъ не могло бы служить позоромъ для обрученной, такъ какъ въ немъ не обозначалась причина развода.

II. Явленіе Ангела Іосифу во снѣ и открытіе ему тайны воплощенія (20—23).

20 ст. «*Сія же ему помыслившу, се, Ангелъ Господенъ во снѣ явися ему, глаголя: Іосифе, сыне Давидовъ, не убойся пріяти Маріамъ жены твоея: рождшеебося въ Ней отъ Духа есть Свята*».

По разумѣнію отцевъ Церкви Ангелъ потому не скоро явился къ Іосифу съ вѣстію о зачатіи отъ Обручницы его Сына силою *Духа Святаго*, чтобы дать ему время замѣтить фактъ непосредственно и черезъ то сильнѣе подѣйствовать на него, ибо открытіе тайны могло быть преждевременнымъ до осязательнаго убѣжденія Іосифа въ несомнѣнной дѣйствительности факта.—*Ангелъ Господенъ*—Ἄγγελος Κυρίου (безъ члена), т. е. одинъ изъ Ангеловъ Божіихъ, хотя нѣкоторые изъ отцевъ Церкви и думаютъ, что Ангелъ, явившійся Іосифу, былъ тотъ же Ангелъ, который являлся и Пресвятой Дѣвѣ. *Во снѣ*, т. е. во время сна. Что Господь Богъ нерѣдко открывалъ людямъ Свою волю

во снѣ, это видно изъ многихъ мѣстъ Библіи. Такъ было несомнѣнно и здѣсь. Но какого рода было это откровеніе, спрашиваетъ преосвященный Иннокентій, высшее или низшее? и отвѣчаетъ: «явиться во снѣ, конечно, менѣе чудесности, чѣмъ наяву. Но ежели взять состояніе того, кому дается откровеніе, то сей родъ откровенія должно почесть высшимъ; ибо если человѣкъ удовольствуется откровеніемъ, даннымъ ему во снѣ, то чрезъ это покажетъ больше вѣры, нежели когда потребовалъ бы явленія въ бодрственномъ состояніи». Эта мысль принадлежитъ собственно Златоусту... Обращеніе Ангела къ Іосифу со словами: *сыне Давидовъ*, съ одной стороны, напоминало ему о происхожденіи Мессіи изъ рода Давидова, а съ другой ясно давало видѣть, что плодъ Маріи и есть именно тотъ самый обѣщанный Мессія, о Которомъ предсказывали пророки, и что, слѣдовательно, нечего было ему страшиться принять Марію въ домъ свой; это-то, напротивъ, и есть для него прямая Божественная воля (Пресвятая Дѣва, очевидно, не жила еще въ это время въ домѣ Іосифа).—*Рождшеебося въ Ней*—т. е., плодъ, находящійся въ Ней, *отъ Духа есть Свята*..

Въ слѣдующемъ стихѣ Ангелъ еще яснѣе и точнѣе открываетъ Божественную тайну:

Ст. 21. *Родитъ же Сына, и наречеши имя Ему Іисусъ: Той бо спасетъ люди Своя отъ грѣхъ ихъ*».

Изъ этихъ словъ Іосифъ долженъ былъ видѣть, что его сонъ не есть игра воображенія, потому что никакой простой сонъ не могъ указать съ достовѣрностью такого признака, какъ рожденіе сына. Въ этомъ же должно было несомнѣнно убѣждать его и повелѣніе наречь Младенцу имя Іисусъ,—имя не случайное, а опредѣленное, какимъ должна была назвать Своего Сына и Пресвятая Дѣва (Лук. I, 31). Имя Іисусъ, по объясненію Ангела, значитъ: *Той бо спасетъ люди Своя отъ грѣхъ ихъ*. Цѣль объясненія Еврейскаго имени и для Евреевъ же очень понятна. Іудеи желали видѣть въ Мессіи освободителя отъ рабства, завоевателя и властелина; чтобы исправить эту ошибку и установить правильный взглядъ на Него, какъ Спасителя отъ рабства діаволу и грѣху, а не отъ временнаго порабощенія Римскому владычеству, Ангелъ и говоритъ: «*Той бо спасетъ люди Своя отъ грѣхъ ихъ*». Выраженіе: *люди Своя*—τὸν λαὸν Αὐτοῦ—указываетъ собственно на народъ Израильскій, которому Мессія обѣщанъ и которому Онъ ближайшимъ образомъ посланъ (Римлян. I, 16; срав. Іоан. IV, 22). Но этимъ не исключается назначеніе Его быть Спасителемъ и всѣхъ другихъ народовъ. Подъ народомъ Божіимъ въ обширномъ смыслѣ разумѣется весь духовный Израиль, всѣ жаждущіе правды и истины среди всѣхъ племенъ и народовъ (Іоан. X, 16), и на нихъ такъ же, какъ и на Израиля, простираются плоды искупительныхъ заслугъ Іисуса Христа (Галат. III, 14).

Далѣе, для бо́льшаго удостовѣренія Іосифа въ томъ, что это чудесное зачатіе отъ Духа Свята совершилось по предвѣчному предопредѣленію Божію, Ангелъ приводитъ пророчество Исаіи о рожденіи Мессіи отъ Дѣвы:

Ст. 22—23. «*Сіе же все бысть, да сбудется реченное отъ Господа пророкомъ, глаголющимъ: се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ, еже есть сказаемо, съ нами Богъ*».

Многіе изъ новѣйшихъ толковниковъ приписываютъ эти слова самому Евангелисту на томъ основаніи, что прежде говорилось въ будущемъ времени, а теперь въ настоящемъ и прошедшемъ, но, по мнѣнію Златоуста, это—слова

Ангела. Новѣйшіе толкователи, почти всѣ, признавая мессіанскій характеръ пророчества Исаіи, приведеннаго Евангелистомъ Матѳеемъ, не соглашаются между собою въ томъ, считать ли его прямо мессіанскимъ, или только типическимъ. До половины XVIII в. объясненіе пророчества въ строго мессіанскомъ смыслѣ было, можно сказать, не только господствующимъ, но исключительнымъ. Всѣ отцы Церкви, а за ними и другіе толковники, относили пророчество Исаіи прямо къ Мессіи. До XVIII вѣка только изъ среды Іудеевъ раздавались возраженія противъ правильности такого толкованія. Съ половины же XVIII вѣка большинство западныхъ экзегетовъ стали объяснять пророчество Исаіи въ типическомъ смыслѣ, раздѣляясь, впрочемъ, на двѣ группы. По мнѣнію однихъ, здѣсь говорится о рожденіи Езекіи у Ахаза, или даже о рожденіи сына у самого пророка, которые были прообразами Мессіи. По мнѣнію другихъ, предсказаніе Исаіи есть ни больше, ни меньше, какъ притча, въ которой все нужно понимать не въ собственномъ, а въ переносномъ смыслѣ. Спрашивается теперь: какому объясненію отдать предпочтеніе, или лучше: какое объясненіе правильнѣе — древнее, строго мессіанское, или новое, типическое, котораго держатся новѣйшіе экзегеты? Вопросъ этотъ, по нашему мнѣнію, можно рѣшить только на основаніи содержанія пророчества и тѣхъ историческихъ обстоятельствъ, при которыхъ оно было произнесено.

Обстоятельства, при которыхъ Исаія произнесъ свое знаменитое предсказаніе о рожденіи Еммануила, были слѣдующія. Въ царствованіе Ахаза, царя Іудейскаго, напали на Іудею Расинъ, царь Сирійскій, и Факей, царь Израильскій; они хотѣли взять Іерусалимъ, Ахаза и его семейство истребить и поставить царемъ такого человѣка, который бы платилъ имъ дань. Когда сдѣлалось это извѣстно, всѣхъ объялъ величайшій страхъ. И вотъ, въ это самое время, по повелѣнію Божію, приходитъ къ Ахазу пророкъ Исаія, ободряетъ его Божественною помощью и увѣряетъ, что замыслы враговъ не состоятся. Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ предлагаетъ царю просить знаменія отъ Господа «*въ глубину*» или «*въ высоту*» (Исаія VII, 11), т. е. какъ-бы такъ говоритъ пророкъ: «проси себѣ знаменіе, какое только угодно тебѣ, какое только считаешь достаточнымъ для убѣжденія своего въ вѣрности предложеннаго обѣщанія. Я ничѣмъ не ограничиваю тебя въ избраніи мѣста и предмета для этого знаменія; въ цѣлой вселенной ты можешь назначить это мѣсто и предметъ; небо, земля и преисподняя—все готово для того, чтобы, по гласу Бога Твоего, произвести то чудо, какого ты пожелаешь. «Хочешь ли, говоритъ блаженный Іеронимъ, чтобы разверзлась земля и освѣтились мрачныя глубины ада, сокрытыя въ сердцѣ ея, или,—чтобы открылись небеса, Богъ исполнитъ твою волю». Но когда невѣрующій Ахазъ отказался просить знаменія подъ тѣмъ предлогомъ, что не должно искушать Бога, тогда пророкъ обращается ко всему дому Давидову и даетъ ему такое знаменіе, какого, повидимому, никто и просить не могъ у Господа; «*послушайте, домъ Давидовъ*, говоритъ пророкъ, *Самъ Господь дастъ вамъ знаменіе: се Дѣва зачнетъ и родитъ Сына и нарекутъ имя Ему Еммануилъ*». Это утѣшительное изъ утѣшительнѣйшихъ пророчествъ, безъ сомнѣнія, не было понято ни Ахазомъ, ни другими его современниками, но въ ряду обѣтованій Божіихъ о Мессіи оно является необходимѣйшимъ завершительнымъ звеномъ, безъ котораго не доставало бы суще-

ственнѣйшаго признака для опредѣленія Божественной природы Мессіи. Прежде въ пророчествахъ о Мессіи говорилось, что Онъ произойдетъ отъ сѣмени Аврама и Давида, но обыкновеннымъ ли естественнымъ путемъ, какъ всѣ люди раждаются,—это было еще неизвѣстно. И вотъ теперь, когда царскому роду Давида грозила опасность быть истребленнымъ отъ враговъ, пророкъ говоритъ, что спасеніе ихъ будетъ такъ чудесно, какъ чудесно родится Еммануилъ отъ Дѣвы. А что это было пророчество въ собственномъ смыслѣ, видно изъ того, что самъ Исаія называетъ его знаменіемъ.—На языкѣ Священнаго Писанія это слово значитъ нѣчто особенное, дивное, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ явленій. Значитъ, и здѣсь оно употреблено въ томъ же смыслѣ. Св. Іустинъ въ разговорѣ съ Трифономъ пишетъ: «если бы Тотъ, о Которомъ Исаія говоритъ, не имѣлъ родиться отъ Дѣвы, то о Комъ же это Святый Духъ восклицаетъ: вотъ Самъ Господь дастъ знаменіе, вотъ Дѣва зачнетъ во чревѣ и родитъ Сына. А вы, продолжаетъ нѣсколько ниже св. Іустинъ, и здѣсь осмѣливаетесь искажать переводъ и утверждаете, что въ Писаніи сказано: вотъ молодая женщина (ἡ νεανίας) будетъ имѣть во чревѣ. Какъ будто бы великое дѣло показано было, если бы женщина родила». Подобнымъ образомъ говоритъ и св. Ириней въ III книгѣ противъ ересей.—То же повторяли Тертулліанъ, Оригенъ, Василій Великій, Іеронимъ, Ѳеодоритъ и другіе. Св. Іоаннъ Златоустъ въ объясненіи разсматриваемыхъ словъ Исаіи пишетъ: «знаменіе должно выходить изъ общаго порядка вещей, превосходить естественный ходъ дѣлъ, быть дивнымъ, необыкновеннымъ, такъ чтобы каждый изъ видящихъ и слышащихъ замѣчалъ въ немъ нѣчто особенное. Поэтому оно и называется *знаменіемъ*, что заключаетъ въ себѣ нѣчто знаменательное; а знаменательнымъ оно не было бы, если бы не выходило изъ общаго порядка вещей. Такъ и здѣсь, если бы шла рѣчь о женѣ, раждающей по законамъ природы, то для чего же пророкъ назвалъ бы знаменіемъ то, что̀ бываетъ ежедневно». Такой смыслъ слова «знаменіе» подтверждаетъ и формула цитаціи въ Евангеліи Матѳея: *сіе же все бысть, да сбудется реченное отъ Господа пророкомъ*. По согласному признанію почти всѣхъ новѣйшихъ толкователей, формула эта ясно показываетъ, что слова Исаіи передаются въ Евангеліи въ собственномъ смыслѣ о чудесномъ зачатіи и рожденіи Мессіи отъ Дѣвы Маріи, а не аналогично или примѣнительно, что̀ совершенно неумѣстно. Въ самомъ дѣлѣ, если бы у Исаіи шла рѣчь только о естественномъ зачатіи и рожденіи, то какое сходство было бы между этимъ зачатіемъ и рожденіемъ и тѣмъ, о которомъ повѣствуетъ Матѳей? Такимъ образомъ обстоятельства, при которыхъ произнесено знаменательнѣйшее пророчество о рожденіи Еммануила отъ Дѣвы, которое самъ пророкъ называетъ знаменіемъ отъ Господа и которое, какъ таковое, приводится въ Евангеліи Матѳея, достаточно уже убѣждаютъ въ томъ, что и понимать его должно въ прямомъ, строго мессіанскомъ смыслѣ, а не въ какомъ либо типическомъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію самаго содержанія пророчества. Въ Евангеліи Матѳея слова пророка приведены по семидесяти съ несущественными отступленіями, такъ: *се Дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ Сына, и нарекутъ (вмѣсто: наречеши) имя Ему Еммануилъ, еже есть сказаемо: съ нами Богъ*. Частица *се* или *вотъ* показываетъ, что предметъ, о которомъ говорится впереди, по своей важности заслуживаетъ

особеннаго вниманія. Дѣва—ἡ Παρθένος есть точный переводъ Еврейскаго haalma, т. е. возмужалая, незамужняя, молодая дѣвица въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, но не молодая женщина. Такое значеніе его оправдывается какъ этимологически, такъ и вообще употребленіемъ въ подлинныхъ священныхъ книгахъ Ветхаго Завѣта, равно какъ и въ переводахъ. Это слово на языкѣ Библіи всегда означаетъ дѣву чистую, непорочную. Въ древнихъ переводахъ Арабскихъ, Сирскихъ, особенно въ Греческомъ переводѣ LXX, alma переведено съ тѣмъ же значеніемъ. Семьдесятъ перевели alma словомъ παρθένος, какъ оно приводится и у Евангелиста Матѳея, чѣмъ ясно засвидѣтельствовали, что древніе Іудеи разумѣли подъ alma дѣву въ собственномъ смыслѣ, а не какую либо молодую женщину, какъ перетолковываютъ позднѣйшіе ихъ потомки.—Если Іудеи, пишетъ св. Златоустъ, найдутъ другое возраженіе противъ сказаннаго о дѣвствѣ и представятъ другихъ переводчиковъ, говоря: они перевели не «*дѣва*», *а молодая женщина* (νεανίας), то напередъ скажемъ имъ, что LXX толковниковъ по справедливости заслуживаютъ предъ всѣми прочими бо́льшаго вѣроятія. Ибо тѣ переводили и послѣ пришествія Христова и оставаясь Іудеями; а потому справедливо можно подозрѣвать, что они сказали такъ по враждѣ и съ намѣреніемъ затемнить пророчество. Семьдесятъ же, которые за сто или болѣе лѣтъ до пришествія Христова такимъ большимъ обществомъ приступили къ дѣлу сему, свободны отъ всякаго подозрѣнія; они и по времени, и по многочисленности, и по взаимному согласію, преимущественно заслуживаютъ вѣроятія. Что̀ касается, наконецъ, этимологическаго значенія слова alma, то, по изслѣдованіямъ многихъ знатоковъ священнаго языка, объяснявшихъ въ настоящемъ случаѣ Еврейскій языкъ имъ же самимъ, оказывается, что по этимологіи alma означаетъ собственно *сокровенную* (отъ alam—таилъ, скрывалъ), какъ справедливо могли называться на востокѣ однѣ только дѣвы, которыя, по тогдашнему обычаю, до брака не смѣли являться въ обществѣ и скрывались въ домахъ своихъ родителей, отъ чего и назывались заключенными (2 Маккав. III, 19. 3 Маккав. I, 15). А что эта дѣва—единственная и опредѣленная, то такого пониманія требуетъ членъ, стоящій въ Еврейскомъ текстѣ предъ alma (ha alma)». Членъ стоитъ здѣсь, какъ прекрасно замѣчаетъ Дрехслеръ, въ своемъ ближайшемъ, обыкновеннѣйшемъ значеніи, какъ примѣняющій общее понятіе къ опредѣленной и извѣстной Дѣвѣ. Хотя Ахазу и окружавшимъ его Она не была извѣстна, но за то извѣстна Духу, Который говоритъ чрезъ пророковъ и Который предлагаетъ слушателямъ прежде всего и во всѣхъ отношеніяхъ принять слово съ покорною вѣрою. Членъ потому здѣсь употребленъ, что у Господа отъ вѣчности было предопредѣлено, что такого рода Дѣва должна быть только одна и кромѣ Нея никакая другая. То же самое говоритъ и св. Златоустъ.

Послѣ этого понятно уже само собою, Кого и въ какомъ смыслѣ мы должны разумѣть подъ *Еммануиломъ*, имѣющимъ по словамъ пророка родиться отъ Дѣвы; но для большей ясности постараемся представить разборъ и этого слова. Еммануилъ—имя не собственное; оно указываетъ только на тѣ свойства, которыми будетъ обладать Младенецъ, и на свойства тѣхъ событій, которыя имѣли совершиться при рожденіи Еммануила. Въ Священномъ Писаніи нерѣдко встрѣчаются такія имена, которыя не составляютъ собственныхъ именъ лицъ, или вещей (Исаія VIII, 3; VII, 3.

Осія I), а выражаютъ собою или ихъ свойства, или прообразуютъ собою будущія событія. Напр. о томъ же *Эммануилѣ* говорится: имя Ему: Чудный, Совѣтникъ, Богъ Крѣпкій, Отецъ вѣчности, Царь міра (Исаія IX, 6, ср. Исаія LXI, 6; LXII, 4. Іезек. XLVIII, 35. Іерем. XXIII, 6 и др.). Очевидно, что здѣсь названія: Чудный, Совѣтникъ и пр. не суть собственныя имена Младенца, о Которомъ говоритъ Исаія, а указываютъ только собою на Его свойства—всемогущества, всевѣдѣнія и вообще Божественныя достоинства. А отсюда должно заключить, что и имя Еммануилъ не есть собственное имя Младенца, такъ какъ ни откуда не видно, чтобы оно было собственнымъ именемъ Его, тѣмъ болѣе, что Еммануилу даны пророкомъ и другія имена (IX, 6). Что же означаетъ это имя и приложимо ли оно къ лицу Іисуса Христа? Еммануилъ съ Еврейскаго значитъ «*съ нами Богъ*». Блаженный Ѳеодоритъ такъ выражается объ этомъ: «послѣ того какъ пророкъ предсказалъ чудесное зачатіе и рожденіе отъ Дѣвы, указываетъ онъ также и имя: Дитя онъ называетъ Еммануиломъ. Это имя означаетъ *съ нами Богъ*, вочеловѣчившагося Бога, воспріявшаго человѣческую природу, соединившагося съ нею Бога, образъ Бога и образъ раба, созерцаемый въ одномъ Сынѣ». Но св. Златоустъ еще подробнѣе выясняетъ значеніе этого имени въ такихъ словахъ: «возвѣстивъ о рожденіи, пророкъ называетъ и имя Рожденнаго, не то, которое дано Ему, но которое приличествуетъ Ему по дѣламъ.... Ибо тогда особенно Богъ былъ съ нами, когда Онъ явился на землѣ, обращался съ людьми и показалъ великое о насъ попеченіе. Не Ангелъ и не Архангелъ былъ съ нами, но Самъ Господь нисшелъ и принялъ на Себя исправить все.—Провидя это, пророкъ радовался и восхищался, и однимъ словомъ изобразилъ все это, предвозвѣстивъ намъ Еммануила». И такъ, по объясненію отцевъ Церкви, пророкъ называетъ Еммануиломъ Того, Кто Самъ Богъ и человѣкъ, или лучше Богочеловѣкъ, каковъ и есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и слѣдовательно имя это вполнѣ приличествуетъ только Ему одному и никому другому. Въ частности въ Еммануилѣ нельзя видѣть Езекію. Кромѣ того, что Езекія ни въ какомъ случаѣ не можетъ назваться Еммануиломъ, уже въ древности было доказано, что этотъ взглядъ совершенно противорѣчитъ хронологическимъ показаніямъ священныхъ книгъ Царствъ и Паралипоменонъ. Блаженный Іеронимъ пишетъ: «Евреи думаютъ, что здѣсь заключается пророчество о Езекіи, сынѣ Ахаза, потому что въ его царствованіе была взята Самарія. Но это мнѣніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть одобрено. Вѣдь Ахазъ, сынъ Іоаѳама, царствовалъ надъ Іудеей и Іерусалимомъ 16 лѣтъ (4 Царств. XVI); ему преемникомъ въ царствованіи былъ его сынъ Езекія, вступившій на престолъ 25 лѣтъ отъ роду; онъ царствовалъ надъ Іудеей и Іерусалимомъ 29 лѣтъ. Итакъ, какимъ же образомъ въ пророчествѣ къ Ахазу, произнесенномъ въ первый годъ его царствованія, говорится о зачатіи, о рожденіи Езекіи, когда въ началѣ царствованія Ахаза Езекіи было уже 9 лѣтъ»? Нѣкоторые разумѣли подъ Еммануиломъ сына самого пророка. Но это мнѣніе еще болѣе нелѣпо и отвергается уже тѣмъ, что самъ Исаія въ VIII, 8 называетъ Еммануила Господомъ земли Іудейской, чего онъ никакъ не могъ сказать о своемъ сынѣ.

По Гофману Еммануилъ—это Израиль будущаго, т. е. идеальный дѣвственный Израиль, отъ котораго должно произойти сѣмя обѣтованное, или Мес-

сія, въ лицѣ Котораго Богъ вступитъ въ самый тѣсный союзъ со Своимъ избраннымъ народомъ. Это объясненіе считаютъ самымъ лучшимъ многіе изъ новѣйшихъ западныхъ экзегетовъ, но оно не разрѣшаетъ тѣхъ трудностей въ пониманіи его, ради которыхъ придумано. Укажемъ одну. У Исаіи въ VII, 14—16 представлено рожденіе и возрастаніе Еммануила современнымъ наступающему опустошенію земли царя Сирійскаго, Израильскаго, а потомъ и Іудейскаго. Отрокъ, по мнѣнію этихъ ученыхъ, получаетъ Свое имя отъ того, что спасетъ народъ Свой, слѣдовательно долженъ жить во время спасенія и наказанія его;—«этого требуетъ, говорятъ они, человѣческій смыслъ». Но спрашивается: родила ли дѣйствительно Дѣва Еммануила во время Ахаза, или дѣйствительно этотъ Еммануилъ былъ уже отрокомъ ко времени спасенія и наказанія Своего народа въ царствованіе Ахаза? Если именно это требованіе человѣческаго смысла поставляется критеріемъ для объясненія настоящаго пророчества, то придется допустить, что рожденіе младенца во время пророка было историческимъ содержаніемъ пророчества; мало того, придется также допустить, что подъ дѣвой разумѣется жена Ахаза, или самого пророка, или, наконецъ, другое какое неизвѣстное лицо того времени; но на это, какъ мы видѣли уже выше, нельзя согласиться ради сильныхъ филологическихъ и фактическихъ трудностей.

Гораздо вѣрнѣе поэтому строго мессіанское толкованіе, котораго держались отцы Церкви и котораго доселѣ держатся нѣкоторые изъ компетентныхъ западныхъ экзегетовъ. Всѣ они согласно говорятъ, что въ дѣвѣ пророкъ созерцалъ Матерь Мессіи, о Которой пророчествовалъ, что Она родитъ Сына и назоветъ Его Еммануиломъ, и что, подъ руководствомъ Духа Божія, предвозвѣщая о рожденіи и возрастаніи Еммануила, онъ далъ въ этомъ пророчествѣ невѣрующему Ахазу и всему Израилю «знаменіе будущаго спасенія его отъ невидимаго врага, которому предстоящее скорое спасеніе отъ видимыхъ враговъ было только прообразомъ и несомнѣннымъ ручательствомъ». Знаменіе это, говоритъ Кейль, было подобно знаменію пророка Іоны, на которое Іисусъ Христосъ указываетъ невѣрующему роду Своего времени (Лук. XI, 30). Для невѣрующихъ оно служило предостереженіемъ, чтобы они не ожесточились совершенно, а для вѣрующихъ—подкрѣпленіемъ ихъ надежды на Господа, въ виду наступающей грозной опасности. Пророкъ не говоритъ, когда родится Еммануилъ; но, по его словамъ, не достигнетъ Онъ и отрочества, какъ Іудея освободится отъ нашествія Израильтянъ и Сиріянъ (Исаія VII, 15—16). Что дѣтство Еммануила представляется у пророка современнымъ нашествію враговъ, то это объясняется сложнымъ характеромъ пророчества, тѣмъ собственно, что въ духовныхъ пророческихъ созерцаніяхъ отдаленное будущее сливается съ настоящимъ, подобно тому, какъ мы видимъ отдаленные предметы отъ насъ нераздѣльно, но вмѣстѣ и совокупно.

III. Въ послѣднихъ заключительныхъ стихахъ св. Матѳей говоритъ объ исполненіи Іосифомъ повелѣнія Ангела, т. е. о томъ, что онъ принялъ Марію въ домъ свой и, когда Она родила, нарекъ ему имя.

Ст. 24—25. «*Востав же Іосифъ отъ сна, сотвори якоже повелѣ ему Ангелъ Господень, и пріятъ жену свою. И не знаяше Ея, дондеже роди Сына Своего Первенца и нарече имя Ему Іисусъ*». Еще въ древности были еретики, которые на основаніи 25 ст.

не знаяше Ея, дондеже и пр. утверждали, что Марія, родивши Іисуса Христа, имѣла еще послѣ другихъ дѣтей отъ Іосифа. Въ новѣйшее время это заблужденіе проповѣдуютъ раціоналисты. «*Не знаяше.... дондеже....* значитъ послѣ рожденія узналъ, и если былъ *первенецъ*, значитъ были и другія дѣти. Но такое пониманіе можетъ казаться правильнымъ съ перваго только разу; при внимательномъ же разборѣ подлиннаго текста оно оказывается совершенно ложнымъ. Такъ, главное выраженіе, наводящее на сомнѣніе, *дондеже*—ἕως οὗ—пока наконецъ, по употребленію его въ Библіи, означаетъ неопредѣленную продолжительность времени и состоянія и равносильно выраженію *никогда*. Въ такомъ смыслѣ это выраженіе употребляется во многихъ мѣстахъ Ветхаго и Новаго Завѣта, напр. въ словахъ Господа Саваоѳа Іудеямъ: «*Азъ есмь, и дондеже состарѣешися*» (Исход. XLVI, 4). Слѣдуетъ ли отсюда, что Богъ пересталъ существовать послѣ? Другое мѣсто: «*не возвратися вранъ, дондеже изсяче вода*» (Быт. VIII, 7); можно ли опять изъ этихъ словъ заключить, что послѣ того воронъ возвратился въ ковчегъ Ноя? Но еще яснѣе доказываютъ неправильность такого пониманія слова Бога Отца къ Своему Сыну въ Псал. CIX, 3: «*сѣди одесную Мене дондеже*».... И не только въ Еврейскомъ языкѣ, даже въ нашемъ не мало такихъ выраженій; говорятъ наприм.: «до смерти остался бездѣтнымъ», или «до смерти во враждѣ»,—точно послѣ смерти примирился, или послѣ смерти имѣлъ дѣтей» и т. п. Что̀ касается слова *первенецъ*, то имъ часто означается только родившійся первымъ, хотя послѣ него другой и не раждался. Такъ Ангелъ Господень поражалъ всѣхъ первенцевъ Египетскихъ, хотя въ числѣ ихъ несомнѣнно были единственныя дѣти у отцевъ (Исход. XII, 29). Такъ Господь Богъ повелѣлъ посвящать Ему всѣхъ первенцевъ Израильскихъ, хотя бы у кого изъ нихъ и не было послѣ ни сестеръ, ни братьевъ (Исход. XIII и XXXIV. Левит. XXII и Числ. VIII). Кромѣ того, выраженіе *первенецъ* въ отношеніи къ Іисусу Христу имѣетъ еще другое высшее значеніе. Такъ въ Писаніи Онъ называется *первороднымъ между многими братіями* (Римлян. VIII, 29), *первенцемъ изъ мертвыхъ* (Апокалипс. I, 5), *рожденнымъ прежде всякой твари* (Колос. I, 15). Такимъ образомъ всѣ обстоятельства убѣждаютъ, что Дѣва Марія навсегда осталась чистою и непорочною Дѣвою. Равнымъ образомъ и Іосифъ, будучи посвященъ въ тайну воплощенія Сына Божія и сдѣлавшись свидѣтелемъ сверхъестественныхъ событій при рожденіи и послѣ рожденія Іисуса Христа, легко могъ понять и убѣдиться, что обрученіе ему Дѣвы Маріи имѣло болѣе высокую цѣль, нежели умноженіе потомства и рожденіе дѣтей, да къ тому же надобно замѣтить, что онъ былъ въ такихъ лѣтахъ, когда отъ него не могло уже быть дѣтей: по преданію, записанному у Іоанна Дамаскина (въ словѣ на Рождество Христово), ему было восемьдесятъ лѣтъ, когда онъ былъ обрученъ съ Маріей. Если же въ Евангеліяхъ упоминается о братьяхъ Іисуса Христа (Матѳ. XII, 46—47. Іоан. II, 12; VII, 3, 5 и др.), и они называются даже по именамъ (Матѳ. XIII, 55. Марк. VI, 3.—Іаковъ, Іосія, Симонъ и Іуда), то по несомнѣнному преданію, идущему отъ временъ Апостольскихъ, они были дѣтьми Іосифа отъ перваго его брака; слѣдовательно они были названными братьями, а не родными. «*И нарече имя Ему Іисусъ*». Согласно повелѣнію Ангела (21), Іосифъ (конечно и Пресв. Дѣва вмѣстѣ съ нимъ—Лук. I, 31 и

II, XXI) нарекъ имя Младенцу Іисусъ. Этимъ и заканчиваетъ свое повѣствованіе св. Матѳей, но о самомъ рожденіи онъ не говоритъ ни слова, такъ какъ само собою предполагается, что оно совершилось въ опредѣленный срокъ.

Повѣствованіе св. Матѳея о сверхъестественномъ происхожденіи Іисуса Христа, подобно повѣствованію св. Луки (I, 26—38) служитъ камнемъ преткновенія для разнаго рода раціоналистовъ и пантеистовъ, какъ древняго, такъ и новѣйшаго времени. Изъ многихъ возраженій ихъ заслуживаетъ опроверженія одно, которое выставляетъ Кеймъ, а именно: что вѣрованіе въ Богочеловѣчество Іисуса Христа совершенно нарушаетъ опредѣленный Богомъ міровой порядокъ и противорѣчитъ самому себѣ, потому что отсутствіе участія мужа, чтобы предохранить рожденнаго отъ нечистоты, съ одной стороны, лишаетъ его равенства съ человѣчествомъ, а съ другой, чрезъ участіе матери, эта нечистота все-таки вносится въ природу: поэтому, заключаетъ Кеймъ, всѣ попытки уразумѣть единство Божеской и человѣческой природы въ Іисусѣ Христѣ не привели ни къ какому удовлетворительному результату. Въ этомъ-то пунктѣ и высказывается главнымъ образомъ настоящая причина *претыканія*. Человѣкъ, будучи не въ состояніи понять своимъ обыкновеннымъ умомъ тайну соединенія Божеской и человѣческой природы въ одномъ лицѣ, думаетъ или, лучше, рѣшаетъ, что ученіе Писанія о Богочеловѣческой личности Іисуса Христа не истинно. Но неужели этотъ умъ понялъ и постигъ тайну зарожденія человѣческой жизни? И неужели опредѣленное Богомъ распространеніе человѣческаго рода чрезъ рожденіе есть такой неподвижный законъ природы, который Богъ не можетъ обойти? Одно изъ двухъ: или законы природы установлены живымъ и личнымъ Богомъ, и тогда Онъ имѣетъ власть измѣнять ихъ согласно цѣлямъ Своего благодатнаго Царства, или естественный порядокъ выше Бога, и Онъ не всемогущъ—и понятіе о Богѣ, Творцѣ и Правителѣ міра есть только продуктъ суевѣрія или дѣтскаго воображенія? Новѣйшая критика аргументируетъ, выходя изъ этого послѣдняго воззрѣнія, стараясь прикрыть его своеобразнымъ пониманіемъ и искаженіемъ Писанія. Если въ догматическихъ изслѣдованіяхъ и не удалось съ достаточностью выяснить соединеніе Божественной и человѣческой природы Іисуса Христа, все-таки это не даетъ никакого права отрицать Богочеловѣческую личность Его, тѣмъ болѣе, что тайна воплощенія Сына Божія—тайна непостижимая для человѣческаго ума, такая тайна, «*въ нюже*», по выраженію Апостола (1 Петр. I, 12), «*желаютъ Ангели приникнути*». Впрочемъ, нѣкоторые отцы и учители Церкви пытались приблизить ее къ пониманію примѣрами, особенно примѣромъ соединенія въ самомъ человѣкѣ двухъ противоположностей—духа и матеріи. И если отъ человѣка раждается человѣкъ, то рожденный отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи непосредственно всемогущею силою Божіей, наитіемъ Святаго Духа, долженъ быть Богъ и вмѣстѣ человѣкъ, т. е., Богочеловѣкъ, потому что, какъ изъ существа Божескаго раждается Богъ, такъ изъ существа человѣческаго—человѣкъ. Въ словахъ Ангела Пресвятой Дѣвѣ: *тѣмже и раждаемое свято наречется Сынъ Божій*—содержится, по нашему мнѣнію, ясное подтвержденіе этой мысли. Мессія, Единородный Сынъ Божій, и по воплощеніи, въ человѣческой природѣ, *назовется*, т. е. будетъ тѣмъ же, чѣмъ Онъ былъ отъ вѣчности, то есть Единороднымъ

Сыномъ Божіимъ и Богомъ. Согласно съ этимъ учили объ Іисусѣ Христѣ, какъ Богочеловѣкѣ, всѣ святые Апостолы, а вслѣдъ за ними и вся Вселенская Церковь, вѣрованіе которой относительно этого съ особенною ясностью и торжественностью выразилось на Вселенскихъ Соборахъ противъ аріанской и несторіанской ереси.

. . . . . .

Еще нелѣпѣе возраженія Павлюса и Штрауса, которые въ явленіи Ангела Іосифу во снѣ не признаютъ никакой чудесности. Первый говоритъ, что хотя Іосифу, дѣйствительно, и привидѣлся сонъ, но это былъ простой, обыкновенный сонъ, какой онъ могъ видѣть послѣ того, какъ Марія сообщила ему о Своей беременности. Штраусъ же, напротивъ, находя такое объясненіе неудовлетворительнымъ, считаетъ Евангельское повѣствованіе просто выдумкой, выросшей на почвѣ Іудейскаго профетизма, или ветхозавѣтной теократіи. Что сновидѣнія Іосифа нельзя объяснить въ обыкновенномъ смыслѣ, безъ искаженія Евангельскихъ словъ,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. И обыкновенные сны, какъ извѣстно, въ основѣ своей всегда имѣютъ вообще нѣчто изъ дѣйствительной жизни, и потому по большей части служатъ какъ-бы подтвержденіемъ или повтореніемъ бодрственнаго состоянія, съ примѣсью, конечно, фантастическаго. Обыкновенно, о чемъ человѣкъ больше думаетъ наяву, какое впечатлѣніе сильнѣе оставило слѣды въ его душѣ, чѣмъ онъ особенно занятъ, то по большей части ему и снится, или, по крайней мѣрѣ, снится въ томъ же направленіи, какое имѣло его сознаніе наяву. А если такъ, то Іосифу скорѣе всего могло присниться въ той или другой формѣ лишь подтвержденіе его подозрѣнія. Но во снѣ Іосифа дѣло принимаетъ обратный ходъ, и притомъ такой, для котораго вовсе не было, да и не могло быть ничего подобнаго въ дѣйствительной жизни. Іосифу снится не только совершенно противоположное его подозрѣнію, но для обыкновеннаго разума и недосягаемое, чего Іосифъ никогда не могъ вообразить себѣ—зачатіе Маріей Сына по дѣйствію Святаго Духа. Для насъ это теперь, разумѣется, понятно. Но тогда?... Между тѣмъ Іосифъ, какъ повѣствуетъ Евангеліе, принялъ сонъ свой за откровеніе Божіе и поступилъ по отношенію къ Маріи согласно повелѣнію Ангела.

. . . . . .

Штраусъ, называя повѣствованіе Матѳея выдумкой, ссылается на то, что одно и то же событіе у Матѳея и Луки передается совершенно различно. Но довольно одного простаго чтенія, чтобы видѣть съ перваго раза, что Евангелисты повѣствуютъ о событіяхъ, совершенно различныхъ. Лука повѣствуетъ о явленіи Ангела Маріи еще до зачатія Спасителя; у Матѳея Ангелъ является Іосифу уже въ то время, когда у Маріи стали слишкомъ замѣтны признаки беременности, и является затѣмъ, чтобы разсѣять сомнѣніе въ душѣ Іосифа, остановить его намѣреніе развестись съ Маріей. Впрочемъ, Штраусъ самъ подробно перечисляетъ не малыя разности, находящіяся въ этихъ двухъ повѣствованіяхъ. А если такъ, то ради чего онъ относитъ ихъ къ одному и тому же событію? Развѣ только для того, чтобы придать нѣкоторую вѣроятность своимъ нападкамъ на историческую достовѣрность повѣствованія. Но не значитъ ли это легкомысленно презирать здравый смыслъ читающаго Евангелія? Штраусъ, однако, не ограничивается этимъ однимъ возраженіемъ, онъ ссылается еще въ подтвержденіе своей мысли на «непонятное молчаніе Маріи предъ Іосифомъ». На это возраженіе

можно сказать одно. Мы знаемъ, что ни Писаніе, ни преданіе, не даетъ намъ данныхъ для того, чтобы поднять завѣсу, которая скрываетъ отъ насъ эту тайну. Но даетъ ли намъ это право отрицать то, чего мы не знаемъ и не понимаемъ? Что̀ стало бы съ исторической наукой, если бы позволили мы себѣ отвергать такіе факты, мотивы которыхъ для насъ непонятны? Ольсгаузенъ въ своемъ комментаріи на это мѣсто весьма справедливо замѣчаетъ, что обыкновенные способы человѣческаго пониманія неприложимы къ такимъ необыкновеннымъ событіямъ, какія описываются въ первыхъ главахъ Евангелія Матѳея и Луки. Съ этимъ замѣчаніемъ можно было бы только тогда не соглашаться, если бы несомнѣнно было доказано, что разсматриваемое повѣствованіе есть позднѣйшая вставка, измышленная позднѣе Апостольскаго вѣка съ цѣлью провести извѣстную мысль, какъ увѣряетъ Бауръ со своими послѣдователями. Но, къ счастью, увѣреніе это—пустой вымыселъ и имѣетъ противъ себя неоспоримыя древнѣйшія свидѣтельства, утверждающія несомнѣнную подлинность повѣствованія Евангелія Матѳея. Такъ, по свидѣтельству Іеронима, ученіе о сверхъестественномъ происхожденіи Спасителя отъ Дѣвы принимали назореи, у которыхъ, по словамъ того же Іеронима, было въ употребленіи Евангеліе Матѳея на Еврейскомъ языкѣ. Святый Игнатій Богоносецъ въ посланіи къ Ефесянамъ пишетъ (18): ибо Богъ нашъ, Іисусъ Христосъ, по устроенію Божію, зачатъ былъ Маріею изъ сѣмени Давидова, отъ Духа Святаго: *ибо се Дѣва во чревѣ пріиметъ*, говоритъ Писаніе, *и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ* (Матѳ. I, 23). У святаго Іустина мученика въ разговорѣ съ Трифономъ читаемъ: «и Іосифу обрученному Маріи, который сперва хотѣлъ было изгнать Обрученницу свою, было велѣно чрезъ видѣніе не выгонять Жены своей, потому что, какъ говорилъ явившійся ему Ангелъ, отъ *Духа Свята есть то*, что̀ Она имѣетъ во чревѣ». Онъ же въ первой апологіи такъ пишетъ: «и посланный въ то время къ Дѣвѣ Ангелъ Божій благовѣстилъ Ей такими словами: вотъ зачнешь... и наречется... *И нарекутъ Ему имя Іисусъ, ибо Онъ спасетъ людей Своихъ отъ грѣховъ ихъ*. Такъ повѣствуютъ тѣ, которые описали все, касающееся до Спасителя нашего Іисуса Христа». По свидѣтельству Оригена, язычникъ Цельсъ знакомъ былъ съ этимъ повѣствованіемъ Матѳея и цитовалъ его даже въ своихъ сочиненіяхъ. Наконецъ, въ доказательство подлинности мы можемъ сослаться на одну форму цитаціи, находящуюся въ этомъ повѣствованіи, которая весьма часто встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ Евангелія,—это ἵνα πληρωθῇ τὸ ῥηθέν—*да сбудется реченное* (22). Оборотъ этотъ составляетъ замѣчательную особенность Евангелія Матѳея. Другіе синоптики, приводя мѣста изъ Ветхаго Завѣта, выражаются совершенно иначе, именно: ὡς γέγραπται—*какъ написано* (Марк. I, 2. Лук. III, 4). Притомъ, указаніе на исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ съ цѣлью представить Іисуса дѣйствительно обѣтованнымъ Мессіею и устранить всѣ сомнѣнія относительно Его мессіанскаго достоинства,—это такая особенность Евангелія Матѳея, характеризующая его отъ первой главы до послѣдней, что не можетъ не обратить на себя вниманія каждаго. Ее признаетъ даже и Бауръ (Прав. Собес. 1886 г., ч. III, стр. 121).

Библіографическій указатель къ открытію тайны воплощенія Іосифу (Матѳ. I, 18—25).

Изъ толкованій святоотеческихъ.

1) *Св. Іоанна Златоустаго.* Бес. на Матѳ. 1, 22—23 ст. Христ. Чт. 1840. I. 24—25.

2) *Преп. Исидора Пелусіота.* Письмо Ермилу о словахъ: *дондеже роди Сына...* Воскр. Чт. XII. 206 и Ч. I. 12—13.

Новѣйшія толкованія

въ духовн. журналахъ:

3) Іосифъ (Матѳ. 1, 16) Б. п. сл. Воскр. Чт. 1876 г. I. 127.

4) Марія Пресв. Дѣва (Матѳ. 1, 16). Тамъ же, II. 175.

5) Еммануилъ (Матѳ. 1, 23). Воскр. Чт. 1875 г. I. 95.

6) Матѳ. I, 21. Хр. Чт. 1851. II. 533.

7) Опытъ объясненія на Евангеліе отъ Матѳея. Прав. Соб. 1865 г. II. 161—191.

8) Евангельское чтеніе въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ (Матѳ. I, 1—25). Воскр. Чт. XXV. № 36. 959.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

9) Ст. 18—26. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* Бесѣда на благовѣстіе о рожденіи Спасителя. I. 52—61.

10) Ст. 22—23. *Филарета, митроп. Московскаго.* Объ исполненіи пророческихъ словъ, относящихся къ рождеству І. Х., и о томъ, почему не столь, повидимому, точно исполнилось предсказаніе о Его имени? Поелику пророкъ Исаія преднарекъ Ему имя *Еммануилъ;* но вмѣсто того Ангелъ повелѣлъ нарещи Ему имя Іисусъ? II. 177—180.

11) Ст. 25. *Григорія, архіеп. Казанскаго.* Сравненіе земной любви съ небесною. II, 42—49.

6) РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО (Лук. II, 1—7).

Съ тѣхъ поръ, какъ Ангелъ открылъ Іосифу тайну воплощенія, благочестивый старецъ оставался съ Маріей въ убогомъ жилищѣ Назаретскомъ, утѣшая себя мыслью о томъ, что Богъ удостоилъ его быть хранителемъ Св. Дѣвы и имѣющаго родиться отъ Нея Божественнаго Младенца. Но не въ Назаретѣ долженствовалъ родиться этотъ Божественный Младенецъ, а въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ, въ томъ городѣ, гдѣ въ первый разъ увидѣлъ свѣтъ царь Давидъ. Сюда прибыли Іосифъ и Марія по случаю переписи.

Ст. 1. *Въ тѣ дни вышло отъ кесаря Августа повелѣніе сдѣлать перепись по всей землѣ,* говоритъ Евангелистъ Лука. Выраженіе *въ тѣ дни* (ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις) не нужно понимать въ буквальномъ смыслѣ, т. е. какъ будто бы изданіе императорскаго *повелѣнія* (δόγμα) о переписи явилось лишь весьма незадолго, за нѣсколько дней до рожденія Іисуса Христа. Напротивъ, между изданіемъ такого повелѣнія и временемъ, когда оно начало проводиться въ исполненіе, между прочимъ, и въ Іудеѣ, могло пройти два, три и болѣе года. Въ настоящемъ случаѣ выраженіе — «ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις совершенно равносильно Еврейскому bajomem hahem, которое обнимаетъ вообще неопредѣленный періодъ времени (ср. напр. Матѳ. III, 1). Далѣе—ἀπογραφή—перепись, на тогдашнемъ юридическомъ языкѣ, значитъ внесеніе въ оффиціальный списокъ или реэстръ имени, возраста, состоянія, имущества, числа дѣтей каждаго главы семейства, т. е. оно означаетъ въ собственномъ смыслѣ перепись (descriptio). Съ какою цѣлью была предпринята такая перепись,—Евангелистъ не говоритъ; но очевидно, что она была предпринята въ видахъ будущаго опредѣле-

нія налоговъ. Хотя терминомъ: ἀπογραφή означался иногда и этотъ политико-экономическій актъ, т. е. самое опредѣленіе и взиманіе подати или налога, поелику онъ совершался именно на основаніи предварительно составленной переписи, но собственно для этого былъ свой, обыкновенно употреблявшійся терминъ: ἀποτίμησις. И что въ словахъ Евангелія рѣчь собственно не объ обложеніи и взиманіи податей, но лишь о переписи,—это видно изъ его словъ: *и пошли всѣ записываться, каждый въ свой городъ* (3). Очевидно, самая подать еще не могла быть взимаема, когда не было еще точнаго списка лицъ, подлежащихъ этой подати. Эта-то необходимая предварительная мѣра и приводилась въ исполненіе въ разсматриваемое нами время. Нельзя разумѣть также тѣмъ болѣе подъ упоминаемой Евангелистомъ переписью геграфическое и статистическое описаніе различныхъ областей Римской имперіи (descriptio orbis), то описаніе, которое предпринято было Юліемъ Цезаремъ и окончено было дѣйствительно Августомъ. Наконецъ, подъ вселенной—οἰκουμένη никакъ нельзя разумѣть, какъ думалъ Гугъ, собственно Іудею, но всю Римскую имперію (orbis terrarum).

Противъ дѣйствительности изданія со стороны Августа повелѣнія о переписи ссылаются главнымъ образомъ на то, что никто изъ тогдашнихъ историковъ не упоминаетъ объ этомъ. Но эта ссылка совершенно бездоказательна. Примѣры такого молчанія о разныхъ событіяхъ древнихъ историковъ нерѣдки. Въ настоящемъ случаѣ достаточно указать на то, что никто изъ историковъ того времени не упоминаетъ также и о предпринятой Юліемъ Цезаремъ и оконченной Августомъ descriptio orbis; дѣйствительность же ея никѣмъ однако не заподозривается. При этомъ особенно не нужно забывать того, что та именно часть исторіи Діона Кассія—главнѣйшаго источника для царствованія Августа—55-я книга, которая прямо, между прочимъ, касается разсматриваемаго нами времени, дошла до насъ вообще только въ отрывкѣ,—да и этотъ отрывокъ въ отношеніи именно къ 748—750 гг. имѣетъ пробѣлъ.

Такимъ образомъ этотъ такъ называемый argumentum ex silentio не доказываетъ на самомъ дѣлѣ ничего. Сила этого доказательства еще болѣе ослабляется слѣдующими данными. По свидѣтельству Тацита и Светонія, Тиверій, по смерти Августа, согласно его завѣщанію, читалъ въ сенатѣ составленное имъ и написанное собственноручно Breviarium totius imperii—«Краткое описаніе всего государства». Составленіе этого описанія начато было Августомъ еще въ 731 г.; и составленіе его было возможно только въ томъ случаѣ, если имѣлись подъ руками возможно точныя свѣдѣнія по всѣмъ тѣмъ пунктамъ, описаніе которыхъ входило въ содержаніе breviarium'a. А посему можно думать, не стояло ли въ ближайшей связи и изданное Августомъ повелѣніе о переписи вселенной съ этимъ именно, какъ видно, весьма сильно занимавшимъ его дѣломъ?

Далѣе—Тертулліанъ упоминаетъ, какъ объ общеизвѣстномъ фактѣ, о производившейся при Августѣ Сентіемъ Сатурниномъ переписи въ Іудеѣ (Adver. Mac. IV, 19); эта же перепись падаетъ именно на 744—748 годы, т. е., слѣдовательно на время незадолго до смерти Ирода. Подобныя же извѣстія находимъ у Кассіодора и Свиды, основывавшихся въ этомъ случаѣ, очевидно, не на словахъ только Луки, но и на другихъ источникахъ, для насъ теперь неизвѣстныхъ.

Кромѣ всего этого, имѣются другія извѣстія, изъ которыхъ видно, что во-

обще дѣло правильнаго и однообразнаго распредѣленія и взиманія налоговъ составляло одну изъ существенныхъ заботъ Августа, такъ что упоминаемое Евангелистомъ повелѣніе его о переписи было, очевидно, одною изъ многихъ мѣръ, предпринятыхъ въ этихъ видахъ.

Такой переписи подлежала и Іудея во время управленія ею Иродомъ Великимъ.

Отрицающіе достовѣрность вышеуказаннаго извѣстія Луки утверждаютъ, что Августъ могъ сдѣлать повелѣніе о переписи лишь въ Римскихъ провинціяхъ, но отнюдь не въ провинціяхъ, состоявшихъ подъ управленіемъ своихъ особыхъ царей (reges socii). Но и это утвержденіе основывается на совершенно неправильномъ представленіи дѣла, особенно по отношенію къ Іудеѣ. Независимость Ирода по отношенію къ Риму была весьма относительною. Еще со времени занятія Іерусалима Помпеемъ Іудеи должны были платить Римлянамъ двойную подать: поголовную или подушную и поземельную. Іудеи, по свидѣтельству Тацита, жаловались на тяжесть этихъ налоговъ. Незадолго до Рождества Христова они должны были принести клятву въ вѣрности Римскому императору. Извѣстно также, что Иродъ не имѣлъ права чеканки собственной монеты, съ изображеніемъ своего имени; обращавшаяся въ его странѣ монета была Римская. Все это показываетъ, что положеніе Ирода относительно Римскаго императора было не болѣе, какъ положеніе вассала; а слѣдовательно повелѣніе Августа о переписи могло простираться и на Іудею. Само собою разумѣется, что исполненіе этого повелѣнія могло совершаться не иначе, какъ чрезъ посредство и подъ руководствомъ Ирода и примѣнительно къ мѣстнымъ и національнымъ обычаямъ. Въ этомъ отношеніи политика Рима всегда была такова, чтобы различныя предпринимавшіяся по отношенію той или другой подвластной провинціи государственныя мѣры приводить въ исполненіе чрезъ посредство мѣстной высшей власти и, по возможности, согласно съ національнымъ духомъ подвластныхъ народовъ.

Ст. 2. Въ томъ видѣ, въ какомъ второй стихъ читается въ нынѣшнемъ textus receptus, и какъ онъ переводится обыкновенно во всѣхъ переводахъ, смыслъ его представляетъ чрезвычайно много трудностей для толкователя. Слѣдуя обычному переводу его: *сія перепись была первая въ правленіе Квиринія Сиріею*, можно предположить, что Квириній правителемъ Сиріи былъ еще при жизни Ирода. Между тѣмъ дѣйствительная исторія говоритъ, что эту должность Квириній проходилъ много позже смерти Ирода, а что извѣстная подъ его именемъ перепись происходила въ Іудеѣ спустя по крайней мѣрѣ десять лѣтъ позже Рождества Христова. Въ концѣ же царствованія Ирода правителемъ Сиріи былъ Варъ. Для устраненія этихъ историческихъ трудностей прибѣгали къ разнымъ догадкамъ и способамъ толкованія относящагося сюда Греческаго текста Евангелія Луки. Отмѣтимъ наиболѣе замѣчательныя мнѣнія въ этомъ отношеніи.

Нѣкоторые считали это мѣсто испорченнымъ и позволяли себѣ въ этомъ предположеніи дѣлать поправку въ немъ. Такъ, напр., Михаэлисъ включалъ послѣ глагола ἐγένετο πρὸ τῆς: «сія перепись была прежде той, которая была въ правленіе».... Другіе останавливались съ особеннымъ вниманіемъ на словѣ πρώτη первая, и при этомъ одни переводили его въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляется иногда Латинское primus: «сія перепись была *лишь* тогда (или: началась), когда Сиріею управлялъ Квириній»; эдиктъ о переписи и самая пе-

репись слѣдовали, такимъ образомъ, не непосредственно другъ за другомъ; другіе (Поллюккъ, Эвальдъ, Визелеръ) въ смыслѣ προτέρα=πρότερον ἢ ἡγεμονεύειν (сія перепись была прежде управленія....) Нѣкоторые полагали, что глаголъ: ἀπογράφεσθαι (1) и дальнѣйшее существительное ἀπογραφή (2) имѣютъ неодинаковое значеніе здѣсь. Первымъ, говорятъ, означается собственно перепись лицъ или составленіе списковъ; второе же употреблено Евангелистомъ въ смыслѣ ἀποτίμησις. Къ этому прибавляютъ, что вмѣсто αὕτη (tex. recep.) нужно читать αὐτὴ самая перепись (т. е. имущественная или податная)—была лишь тогда, когда Сиріею управлялъ Квириній.

Еще существуетъ рядъ экзегетическихъ опытовъ объясненія, которые опираются болѣе на исторію, чѣмъ на филологію. Такъ Гугъ, Неандеръ и другіе утверждаютъ, что упоминаемый Евангелистомъ Квириній, прежде нежели еще онъ сдѣлался правителемъ Сиріи, принималъ уже, въ качествѣ чрезвычайнаго императорскаго легата, дѣятельное участіе по разнымъ дѣламъ, касавшимся Сиріи и Іудеи, въ частности руководилъ именно и переписью при Иродѣ Великомъ. Неточность со стороны Евангелиста состоитъ только въ томъ, что онъ употребляетъ выраженія ἡγεμονεύειν означающее обыкновенно должность намѣстника или управителя, но не временнаго, чрезвычайнаго легата. Нѣкоторые (какъ наприм. Цумптъ) стараются доказать даже, что Квириній былъ дважды правителемъ Сиріи, и что во время перваго-то управленія своего онъ и завѣдывалъ упоминаемою Евангелистомъ переписью.

Отмѣтимъ еще мнѣніе одного изъ извѣстныхъ протестантскихъ экзегетовъ—Годе. Находя также чтеніе: αὐτὴ болѣе правильнымъ, чѣмъ αὕτη, Годе говоритъ:» мы знаемъ, что производившаяся Квириніемъ въ 759 году, т. е. 10 лѣтъ позже Рождества Христова перепись имѣла чрезвычайно сильное вліяніе на Іудейскій народъ, такъ какъ она ясно показывала полное и окончательное подчиненіе Іудеевъ чужеземной языческой власти. Перепись эта къ тому же была уже не личною только, а имущественною (ἀποτίμησις)—Дѣян. V, 37; и она могла поэтому съ полнымъ правомъ называться первою переписью, такъ что на выраженіе Евангелія ἡ ἀπογραφὴ πρώτη можно смотрѣть, какъ на техническое обозначеніе ея. Смыслъ словъ Евангелія получается такой: «самая же, такъ называемая, первая перепись была тогда, когда Сиріею управлялъ Квириній». Евангелистъ Лука, такимъ образомъ упомянувъ о переписи, бывшей при Иродѣ, прерываетъ свое повѣствованіе, чтобы, во избѣжаніе недоразумѣній, указать на то, что упомянутая имъ сейчасъ перепись была другая, не та, которая извѣстна подъ именемъ такъ называемой первой переписи. Въ самомъ дѣлѣ, такое обозначеніе переписи Квиринія, повидимому, исключало существованіе всякой другой, ранѣе бывшей. При такомъ объясненіи понятными становятся, какъ отрывочность 2 ст. по отношенію къ 1-му, т. е. отсутствіе всякой соединительной частицы между ними, такъ равно и отсутствіе члена ἡ при πρώτη, такъ что вслѣдствіе этого выраженіе: ἡ ἀπογραφὴ πρώτη представляется, дѣйствительно, какъ-бы однимъ собственнымъ именемъ, или техническимъ выраженіемъ, подобно выраженіямъ: ἡ ἐπιστολὴ πρώτη, δευτέρα. Второй стихъ, по этому объясненію, можно слѣдовательно перевести такимъ образомъ: «такъ называемая обыкновенно первая перепись была во время управленія Квириніемъ Сиріею».

Какъ-бы, впрочемъ, ни объясняли мы разсматриваемый стихъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что какого либо смѣшенія со стороны Евангелиста историческихъ событій предполагать нельзя. Противъ этого ясно говорятъ слѣдующіе два факта: во-первыхъ, о позднѣйшей переписи Квиринія, вызвавшей возстаніе Іуды Галилеянина, Евангелистъ, какъ видимъ изъ его же книги Дѣяній Апостольскихъ (V, 37), имѣетъ совершенно ясное и точное понятіе. Ему не могло быть неизвѣстно, что возстаніе Іуды Галилеянина, о которомъ онъ говоритъ, было именно вслѣдствіе окончательнаго соединенія Іудеи съ Римскимъ государствомъ, и слѣдовательно спустя значительное время послѣ смерти Ирода. Въ Евангеліи же, упоминая о переписи, онъ ясно говоритъ, что она была еще при жизни Ирода. Во-вторыхъ, изъ XXIII, 6—9, ясно видно также, что Евангелисту Лукѣ въ точности извѣстно было и позднѣйшее раздѣленіе между Іудеею и Галилеею, между тѣмъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ его Евангелія (III, 1—5) Іудея и Галилея представляются еще какъ единая монархія или царство, находящееся подъ властью одного Ирода. Въ виду этихъ уже двухъ ясныхъ фактовъ всякое обвиненіе въ незнаніи, или смѣшеніи Евангелистомъ историческихъ событій падаетъ само собою; а отсюда само собою слѣдуетъ и то, что слѣдовательно и встрѣчаемыя нами трудности въ истолкованіи 2-го стиха II гл. его Евангелія заключаются въ недостаткѣ нашихъ нынѣшнихъ свѣдѣній различныхъ обстоятельствъ изъ исторіи Іудеи, а отнюдь не въ тѣхъ или другихъ мнимыхъ погрѣшностяхъ священнаго историка.

Ст. 3—4. *И пошли всѣ записываться, каждый въ свой городъ. Пошелъ также и Іосифъ изъ Галилеи, изъ города Назарета, въ Іудею, въ городъ Давидовъ, называемый Виѳлеемъ, потому что онъ былъ изъ дома и рода Давидова.*

Возражаютъ, что будто бы, согласно Римскимъ обычаямъ веденія переписи, Іосифу и Маріи не было никакой нужды отправляться для записи въ свой отечественный городъ, такъ какъ запись эта могла быть сдѣлана въ самомъ мѣстѣ ихъ жительства, т. е. въ Назаретѣ. Но о какомъ либо строгомъ проведеніи Римскихъ обычаевъ здѣсь не можетъ быть, какъ уже сказано, рѣчи. Напротивъ, по всѣмъ даннымъ видно, что въ настоящемъ случаѣ, въ виду сохранявшейся еще относительной независимости Іудейскаго государства, особенности общественнаго строя и духа его были приняты въ полное вниманіе Римскимъ правительствомъ. Производство переписи было облечено совершенно въ Іудейскія формы, т. е. примѣнительно къ существовавшему дѣленію его на колѣна и фамиліи или роды. Производство ея въ такой формѣ представлялось къ тому же дѣйствительно удобнымъ, такъ какъ бо́льшая часть колѣнъ и родовъ продолжали еще жить въ своихъ родовыхъ участкахъ; для тѣхъ же изъ нихъ, которые жили въ другихъ мѣстахъ, весьма важно было возстановить порванныя связи, отъ которыхъ зависѣли наслѣдственныя и другія права. Производившаяся Квириніемъ десять лѣтъ позже перепись имѣла въ этомъ отношеніи существенное отличіе; въ это время дѣло имущественной переписи велось исключительно уже Римскими властями, безъ всякаго вниманія къ національнымъ преданіямъ Іудейства. Тогда-то по этому поводу и поднялъ знамя возстанія Іуда Галилеянинъ *и отвлече*, какъ говоритъ Дѣписатель, *люди довольны вслѣдъ себѣ* (V, 37).

Ст. 5. *Записаться съ Маріею, обрученною ему Женою, Которая была беременна.*

На вопросъ—для чего сопровождала Іосифа и обрученная ему Жена—Святая Марія—отвѣчать не трудно. Если слова: *съ Маріею обрученною ему Женою* тѣсно соединять съ предшествовавшимъ глаголомъ: *написатися* (ст. 5) и видѣть, такимъ образомъ, въ словахъ Евангелія указаніе того, что и Святая Марія путешествовала именно также для записи, то и въ такомъ случаѣ дѣло не представляетъ ничего страннаго; потому что по Римскимъ законамъ и женщины также, наравнѣ съ мужчинами, подлежали въ покоренныхъ странахъ поголовной подати: мужчины, начиная съ 14 лѣтъ, а женщины—съ 12 лѣтъ и до 60. Можно думать также, что Святая Марія подлежала записи, какъ единственная Представительница Своего дома, а слѣдовательно Дочь—Наслѣдница родоваго имущества. Въ этомъ случаѣ путешествіе было, очевидно, столь же обязательно для Нея, какъ и для Іосифа. Но едва ли не справедливѣе слова ст. 5: *съ Маріею обрученною ему Женою* поставлять въ тѣсную связь не съ глаголомъ ἀπογράφασθαι, но съ глаголомъ ἀνέβη—*пошелъ также и Іосифъ.... съ Маріею....* Побужденіе для Святой Маріи раздѣлить трудъ путешествія съ нареченнымъ мужемъ своимъ для насъ будетъ весьма понятно, если мы примемъ во вниманіе тѣ чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ Она находилась, равно какъ и то положеніе, какое занималъ относительно Ея нареченный мужъ Ея, призванный на самомъ дѣлѣ Промысломъ быть хранителемъ Ея, служителемъ имѣвшей скоро открыться *великой тайны благочестія*.

Ст. 6—7. *Когда же они были тамъ, наступило время родить Ей; и родила Сына Своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его въ ясли, потому что не было имъ мѣста въ гостинницѣ.* Виѳлеемъ въ то время, когда прибыли сюда Іосифъ и Марія, былъ до такой степени наполненъ путешественниками, что цѣломудренная чета рѣшительно не могла найти для себя пристанища. Постоялые дворы или гостинницы были—такъ сказать—набиты людьми. Подобныя зданія обыкновенно устроялись при входѣ въ городъ, дабы каждый могъ найти здѣсь пристанище и ночлегъ. Но Іосифъ и Марія не нашли и здѣсь для себя пристанища. По преданію, они вынуждены были занять одну изъ пещеръ, которыя находились въ горахъ Виѳлеемскихъ и служили для загона скота во время зимнее, или же дождливое.

Сказаніе о рожденіи Іисуса Христа въ пещерѣ опирается на словахъ Исаіи: «*Сей вселится въ высоцѣ пещерѣ камене крѣпкаго*» (XXXIII, 16),—и съ самой глубокой древности было предметомъ господствующаго вѣрованія. Это сказаніе можно находить у Іустина, Оригена; его повторяли потомъ церковные историки: Евсевій, Іеронимъ, Сократъ, Созоменъ. И дѣйствительно, Палестина была богата въ то время гротами и ущеліями, которыя сперва служили жилищемъ троглодитовъ, а потомъ убѣжищемъ пустынниковъ, подобныхъ Иліи, Іоанну Крестителю, или же воиновъ, подобныхъ Маккавеямъ. При Иродѣ Великомъ эти ущелія были мѣстомъ отдыха для пастуховъ, охранявшихъ стада.

Мѣстомъ рожденія Спасителя были ясли, при которыхъ стояли вьючныя животныя. По древнему преданію, стояли здѣсь волъ и оселъ, дабы показать, что «*волъ позна стяжавшаго его и оселъ ясли господина своего, Израиль же не позна своего Спасителя и людіе Его не уразумѣша*» (Исаія I, 3).

О самомъ рожденіи, свидѣтелемъ котораго не былъ никто изъ смертныхъ, можно находить только нѣкоторыя гаданія. Такъ, напр., въ видѣніяхъ благо-

честивой Эммерихъ представляется такая картина:

«Когда пришелъ часъ рожденія, Марія стала на колѣни, скрестивъ руки на груди и обративъ лице къ востоку. И вдругъ Она сдѣлалась какъ-бы объятою пламенемъ; весь гротъ озарился какимъ-то сверхъестественнымъ свѣтомъ; даже самая скала, въ которой изсѣченъ этотъ гротъ, оживилась отъ необыкновеннаго движенія свѣта. Но вотъ снимается сводъ, и Марія видитъ свѣтозарный путь, ведущій въ самое небо. Ей кажется, что Она идетъ этимъ путемъ, что Она, наконецъ, достигаетъ самой вершины небесъ и замѣчаетъ тамъ нѣкое чудное движеніе силъ небесныхъ, которыя, постепенно приближаясь къ Ней, даютъ явственно различить, что это Ангельскіе хоры. Св. Дѣва, пораженная этимъ зрѣлищемъ, опускаетъ взоры внизъ и видитъ на Своихъ колѣняхъ Сына Божія, Который доселѣ, какъ слабый, утробный младенецъ, былъ сокрытъ отъ Ея тѣлесныхъ очей» (Жизнь Іисуса Христа, Скворцова, стр. 25—27, 30).

Объ уничиженіи Христа Спасителя при самомъ рожденіи Его.

Филарета, митрополита Кіевскаго.

«Видите, братіе, какъ въ Пресвятой Дѣвѣ Матери Божіей побѣждаются естества уставы. И зачатіе Ея безъ сѣмене, и чревоношеніе безъ тягости, и рожденіе безъ болѣзни. Раждаетъ Сына Своего Первенца безъ посторонней помощи. Сама пречистыми Своими руками повиваетъ Его пеленами, Сама полагаетъ Его въ яслехъ; ибо въ обители, т. е. въ гостинницѣ, каковая находилась въ Виѳлеемѣ для приходящихъ, не было имъ мѣста. Она была занята другими, которые были ихъ богаче и имѣли средство заплатить содержателямъ. Такъ родился Спаситель міра! Какое убогое, но любвеобильное и много назидательное для насъ рожденіе Его! Кто изъ человѣкъ раждался когда либо въ такой нищетѣ и бѣдности? Творецъ и Господь неба и земли раждается внѣ дома Матери Своей. Имѣя престолъ небо и подножіе землю (Исаія LXVI, 1), не имѣетъ мѣста въ обители,—раждается въ чужомъ пастушескомъ вертепѣ.—Нѣжные младенческіе члены Свои полагаетъ въ скотскихъ яслехъ, и никакого не имѣетъ для нихъ успокоенія, кромѣ сухаго былія, отъ хлады зимы согрѣвается простыми пеленами, и дыханіемъ безсловесныхъ животныхъ. Такъ: *лиси язвины имутъ и птицы небесныя гнѣзда. Сынъ же Человѣческій не имать гдѣ главы подклонити* (Лук. IX, 58). Такъ,—пришедый спасти насъ, Единородный Сынъ Божій, богатъ сый,—обнища насъ ради, да мы нищетою Его обогатимся!—(2 Коринѳ. VIII, 9.) Послѣ сего, какая гордая душа не смирится, взирая на безпредѣльное уничиженіе и смиреніе Господа Вседержителя, съ каковымъ Онъ раждается для спасенія нашего? Какое каменное сердце не смягчится безпредѣльнымъ человѣколюбіемъ Его, по которому Онъ, оставивъ престолъ славы Своея на небѣ, полагается въ яслехъ? До чего простерлась безпредѣльная любовь Его къ намъ, бѣднымъ и ничтожнымъ тварямъ? Чтобъ совлечь съ насъ оскверненную грѣхами одежду смертной плоти и облечь въ одежду чистоты и безсмертія, Онъ облекается въ бренную и смертную ризу плоти нашей. Чтобъ избавить насъ отъ вѣчнаго рабства грѣховнаго, Онъ дѣлается для насъ послѣднимъ рабомъ. Чтобы насъ, заблудшихъ овецъ, ввесть въ блаженныя обители Отца Небеснаго, Онъ раждается въ простомъ пастушескомъ вертепѣ, не имѣя мѣста въ обители. Чтобъ облечь насъ ризами вѣчной славы, Онъ повивается убогими пеленами. Чтобъ уготовить намъ въ жилище небо, Онъ по-

лагается въ яслехъ; чтобъ привесть насъ въ мѣсто нескончаемой радости, Онъ терпитъ хладъ зимы и нощи. Послѣ сего, какъ можетъ преступное сердце наше любить что либо паче Его единаго? Какъ можетъ не возлюбить Его всею силою своею? И въ сей любви какъ можетъ считать для себя тягостнымъ исполненіе заповѣдей любви Его, въ которыхъ заключается все спасеніе наше и вся истинная жизнь наша?» (Слова, бесѣды и рѣчи. Изд. 1883 г., стр. 76—77.)

Благовѣстіе Ангела Виѳлеемскимъ пастырямъ (Лук. II, 8—12); славословіе Ангеловъ (13—14) и поклоненіе пастырей (15—20).

Ст. 8—12. Счастливый жребій,—встрѣтить Небеснаго Царя, явившагося на землю,—выпалъ на долю не какихъ-нибудь знатныхъ представителей человѣчества, а бѣдныхъ пастуховъ, въ окрестностяхъ Виѳлеема стоявшихъ на стражѣ у своихъ стадъ. Въ то время, когда покоилась земля и спали люди, Ангельскій міръ, непрестанно славословящій Бога на небесахъ, съ благоговѣйнымъ трепетомъ взиралъ на совершавшееся на землѣ величайшее чудо—рожденіе отъ Дѣвы предвѣчнаго Сына Божія для спасенія людей. Когда это великое дѣло совершилось—родился Спаситель рода человѣческаго, одинъ изъ Ангеловъ тотчасъ явился бодрствовавшимъ пастухамъ для сообщенія имъ этого отраднаго извѣстія. Свѣтлый ликъ Ангела устрашилъ смиренныхъ пастуховъ и заставилъ ихъ недоумѣвать, что бы значило это явленіе? «Не бойтесь, сказалъ имъ Ангелъ; я возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ всѣмъ людямъ. Въ Давидовомъ городѣ, Виѳлеемѣ, родился обѣтованный Искупитель, Который спасетъ людей отъ ихъ грѣховъ. Идите туда, и тамъ вы найдете Божественнаго Младенца, повитаго и лежащаго въ яслехъ».

О радости Рождества Христова.

(Лук. II, 10—12.)

Филарета, митрополита Московскаго.

И рече имъ Ангелъ: не бойтеся: се бо, благовѣствую вамъ радость велію, яже будетъ всѣмъ людемъ. Яко родился вамъ Спасъ, Иже есть Христосъ Господь (Лук. II, 10—12). Какая же это радость?—Ангелъ изъясняетъ: *яко родися вамъ днесь*... Прерываю рѣчь вѣстника, чтобы показать въ самомъ началѣ его рѣчи начало радости. Рожденіе всегда больше или меньше радостно, потому что представляетъ расширеніе и торжество жизни; такъ какъ, напротивъ, смерть всегда больше или меньше печальна, потому что, поглотивъ одну жизнь, она угрожаетъ всѣмъ остающимся жизнямъ того же рода. Въ особенности же рожденіе бываетъ радостно для тѣхъ, кому, или у кого и для кого родился младенецъ. Если онъ родится извѣстному семейству,—радость всему семейству. Если онъ родится народу и государству, какъ наприм. сынъ царевъ и особенно наслѣдникъ престола,—радость всему народу и царству. Ангелъ говоритъ: *родися вамъ*. Кому? Неужели только пастырямъ Виѳлеемскимъ, къ которымъ было слово Ангела? Но Ангелъ сказалъ уже, что радость будетъ *всѣмъ людямъ:* сіе показываетъ, что чрезъ пастырей онъ смотритъ на всѣхъ людей и потому именно возвѣщаетъ радость всѣмъ людямъ, что возвѣщаемый младенецъ раждается вамъ, всѣмъ людямъ, по семейству, по народу, по всѣмъ людямъ на свѣтѣ, сколько есть, было и будетъ ....

Но станемъ далѣе выведывать отъ Ангела, почему возвѣщаемое имъ ро-

жденіе должно принести всеобщую радость. Онъ говоритъ: *яко родися вамъ днесь Спасъ*. Въ исторіи народа Божія неоднократно видимъ являвшихся знаменитыхъ мужей, которые для него были орудіями спасенія Божія. *Возстави имъ Господь судей и бяше Господь съ судіею, и спасе я отъ рукъ враговъ ихъ во вся дни судіи* (Суд. II, 18). Случалось и то, что такое спасеніе возвѣщаемо было Ангеломъ, какъ напримѣръ Гедеону: *иди въ крѣпости твоей сей и спасеши Израиля отъ руки Мадіамли* (Суд. VI, 14). Но сіи временныя и частныя спасенія не могли быть предметомъ радости для всѣхъ людей, потому что не на всѣхъ простирались, и вскорѣ уступали мѣсто новому злу и бѣдствію. *Умираше судія и отвращахуся, и паки растлѣваху паче отецъ своихъ* (Суд. XI, 19). Теперь раждается Спасъ всѣмъ людемъ—истинный Спаситель, Котораго только слабымъ изображеніемъ были всѣ знаменитые въ священной древности мужи силы и спасенія,—всеобщій Спаситель, Котораго спасеніе простирается на всѣхъ, кто только не захочетъ погибнуть самъ добровольно,—Всегдашній Спаситель, на спасаемыхъ Которымъ не смѣетъ пріити никакая новая погибель.

Вѣстникъ радости еще изъясняетъ: *родися вамъ днесь Спасъ, Иже есть Христосъ Господь*. Видно, Виѳлеемскіе пастыри уже имѣли нѣкоторое понятіе о Христѣ, когда небесный вѣстникъ, видящій мысли ихъ, надѣялся достаточно вразумить ихъ о великости извѣщаемой радости, сказавъ, что возвѣщаемый есть Христосъ. И подлинно, нельзя было имъ не слышать иногда въ Іерусалимскомъ храмѣ псаломскаго гласа, который оттуда перешелъ и въ наши храмы. *Спасе Господь Христа Своего* (Псал. XIX, 7). И еще: *Господь утвержденіе людей Своихъ и Защититель спасенія Христа Своего есть* (Псал. XXVII, 8). Впрочемъ, сіи самые гласы псаломскіе не даютъ разумѣть намъ, въ какомъ возвышенномъ знаменованіи говоритъ о Христѣ Ангелъ пастырямъ. Псалмы представляютъ Христа спасаемаго, чтобы потомъ служить спасенію другихъ.

Ангелъ возвѣщаетъ Христа, Который есть Самъ Господь,—Христа, то есть, Помазанника Божія, Котораго Богъ, какъ сказуетъ другой пророкъ, *помаза, благовѣстити нищимъ посла, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣненнымъ отпущеніе, и слѣпымъ прозрѣніе* (Исаія LXI, 1—3), но Который въ то же время и Самъ есть Господь и Богъ, Самъ Собою сильный спасти не только угрожаемыхъ погибелью, близкихъ къ погибели, погибающихъ уже, но и погибшихъ спасти умершихъ воскресить, осужденныхъ оправдать, подъ клятвою за нарушеніе закона сущихъ благословить, рабовъ ада въ чадъ Божіихъ претворить.

О радость безпредѣльная, простирающаяся отъ неба до ада, вожделѣнная какъ спасеніе, сладостная и восхитительная, какъ помазаніе Духа Божія, могущественная, какъ Виновникъ ея Господь! Я умолчалъ бы теперь, потому что сего слишкомъ довольно, чтобы ее чувствовать, такъ какъ, напротивъ, никакого слова не было бы довольно, чтобы вполнѣ изобразить оную.

Но проповѣдь Ангела еще не кончилась. Дослушаемъ ее до конца. Онъ хочетъ еще показать знаменіе—примѣту, по которой бы ближе усмотрѣли возвѣщаемую имъ радость, лучше узнали ее и полнѣе въ ней удостовѣрились: *и се вамъ знаменіе*. Какое же это знаменіе? Гдѣ оно? Покажи намъ. Вотъ оно: *обрящете Младенца повита, лежаща въ яслехъ*. Ахъ, вѣстникъ радости! не разрушилъ ли ты ее, думая возвысить и

утвердить знаменіемъ? Что за радость видѣть Младенца не въ порфирѣ, или виссонѣ тонкомъ, не въ чертогѣ, или въ свѣтломъ домѣ, даже не въ хижинѣ, даже не въ колыбели, но въ ясляхъ, и слѣдственно въ какомъ-нибудь жилищѣ безсловесныхъ, или въ пустомъ мѣстѣ, не защищенномъ отъ декабрьскаго ночнаго воздуха? При такомъ зрѣлищѣ не скорѣе ли пожалѣешь о родившей и о рожденномъ, или убоишься за жизнь младенца, нежели обрадуешься? Но нельзя же не думать и того, чтобы вѣстникъ небесный явился обмануть землю ложнымъ обѣщаніемъ, или невѣрнымъ знаменіемъ радости. Если намъ земнороднымъ не кажется знаменіемъ радости то, что онъ указуетъ, какъ знаменіе радости: не потому ли такъ, что чистое небесное око лучше видитъ вещи, нежели земное, не вдругъ очищаемое отъ праха суеты? *Очистимъ чувствія и узримъ*; очистимъ умъ и уразумѣемъ тайну Христа Господа, очистимъ сердце, и насладимся Его радостію, сквозь наружные виды скорби. Подумавъ лучше, я начинаю понимать Ангела, и признаю, что безпримѣрное зрѣлище *Младенца повита, лежаща въ яслехъ*, есть знаменіе не столько безпримѣрной нужды и бѣдствія, сколько безпримѣрной радости. Ибо скажите, въ какомъ иначе видѣ желали бы обрѣсти родившагося вамъ днесь Спаса, Христа Господа? Въ славѣ ли небесной, свойственной Ему, какъ Господу?—Но сей славы трепещутъ херувимы и закрываютъ предъ нею лица. Какъ же могли бы устоять предъ ней мы, земнородные, бренные, грѣшные? Въ славѣ ли хотя земной? Но было ли бы сіе зрѣлище радостнѣе зрѣлища простыхъ пеленъ и смиренныхъ яслей? Многимъ ли доступна и земная слава? И есть ли она что-нибудь больше, какъ только поверхностный блескъ? Тѣмъ, которые смотрятъ на ея блескъ, она большею частью непостижима; а тѣ, отъ которыхъ исходитъ блескъ сей, знаютъ, что слава земная не есть вѣрное знаменіе радости. Нѣтъ! перестанемъ искать знаменія радости нашими гаданіями дерзновенными, но не надежными: вникнемъ глубже въ то знаменіе, которое намъ показано. Почему нужно намъ знаменіе радости? Потому, что у насъ недостаетъ радости. Почему намъ потребенъ Спасъ, Христосъ Господь? Потому, что мы страшимся погибели. Отчего же недостатокъ радости, отъ чего страхъ погибели? Оттого, что мы находимся въ удаленіи отъ жизни Божіей; отъ того, что живемъ въ растлѣніи грѣховномъ. А если такъ, то не доброе ли знаменіе, что родившійся намъ Спасъ начинаетъ показываться тамъ, гдѣ оказалось первое наказаніе грѣха по изрѣченіи Судіи: *въ болѣзнехъ родиши чада*? Какъ премудрый Врачъ, Онъ приближается Своею врачебною, Божественною силою къ самому началу и корню нашей болѣзни, нашего грѣховнаго растлѣнія; каковое же могло быть лучшее знаменіе чаемаго исцѣленія? По сему глубокому и премудрому началу не трудно заключить, сколь совершенное готовитъ Онъ врачеваніе. Не маловажно и то, что нисходя до смиреннаго рожденія, Онъ нисходитъ еще и до униженныхъ яслей. Чрезъ сіе даетъ Онъ особенное знаменіе, что хотя бы грѣхъ унизилъ тебя до скотоподобныхъ страстей и похотей, хотя бы ты совѣстью принужденъ былъ самъ на себя обратить пророческое обличеніе: *человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Псал. XLVIII, 13); и тогда не долженъ ты отчаяваться въ снисхожденіи Спаса своего, Который, не возгнушавшись возлечь въ ясляхъ, не возгнушается и въ ясляхъ души твоей почить Своею благодатію и Своимъ миромъ, если только покая-

ніемъ и вѣрою предъ Нимъ себя повергнешь (изъ слова на Рождество Христово, т. I, стр. 6—9).

Ст. 13—14. Къ Ангелу, возвѣстившему пастухамъ эту великую радость, явилось множество другихъ Ангеловъ, и они воспѣли слѣдующую, извѣстную всѣмъ намъ, хвалебную пѣснь Богу, постоянно славимому на небесахъ, и Своимъ воплощеніемъ принесшему на землю миръ и явившему людямъ Свою неизрѣченную милость: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе.*

О славословіи Ангеловъ (Лук. II, 13—14).

(Филарета митроп. Кіевскаго.)

«Содержаніе сей пѣсни весьма важно, ибо въ ней заключается таинство спасенія человѣческаго. *Слава въ вышнихъ Богу.* Въ высотахъ небесныхъ тысящи тысящей и тьмы темъ Ангеловъ, предстоящихъ престолу Бога тріипостаснаго, созерцая чистыми очами Его дѣла, всегда поютъ Ему славу. Но особенную воздаютъ Ему хвалу при особенныхъ Его дѣйствіяхъ. Такъ при сотвореніи міра воспѣли они славу Его всемогущества, премудрости и благости. *Егда основахъ землю, — егда сотворены быша звѣзды*, глаголетъ Господь ко Іову, *восхвалиша Мя гласомъ великимъ вси Ангели Мои* (Іов. XXXVIII, 4—7). Такъ и здѣсь, при возстановленіи падшаго естества человѣческаго, и какъ-бы при возсотвореніи его, сонмы Ангеловъ во всѣхъ краяхъ неба поютъ славу Его милосердія. — На небесахъ есть царство любви. Спаситель Христосъ говоритъ: *радость бываетъ Ангеламъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся* (Лук. XV, 10),—какая же была радость, когда они узрѣли обѣтованнаго Спасителя всѣхъ человѣковъ, уже рождшагося для спасенія ихъ? Въ сей-то радости привѣтствуютъ они другъ друга и воздаютъ славу Богу: *Слава въ вышнихъ Богу!*

И на земли миръ.—Первая причина радостнаго славословія Ангеловъ есть та, что они видятъ и на земли миръ. Была нѣкогда брань и на небесахъ, когда одинъ изъ Ангеловъ свѣта возмечталъ быть равенъ Богу и возмутилъ мирныхъ жителей неба. Но брань сія окончилась сверженіемъ его съ сообщниками его гордости изъ области свѣта въ область тьмы. Съ тѣхъ поръ въ высотахъ небесныхъ, въ жилищѣ святыхъ Ангеловъ, устоявшихъ въ вѣрности Господу и Творцу своему, во вѣки вѣковъ утвержденъ ненарушимый миръ. Былъ нѣкогда миръ и на земли, когда, по сотвореніи ея, поставленный отъ Бога обладателемъ ея человѣкъ, въ невинности своей, повиновался заповѣди Творца своего. Но сверженный съ неба сатана прельстилъ обладателя ея и, вовлекши его въ преслушаніе Творцу своему, отнялъ отъ земли миръ (Быт. III). Человѣкъ, содѣлавшись грѣшникомъ, прервалъ миръ съ Богомъ, Коего святость никакого не можетъ имѣть *общенія* (2 Коринѳ. VI, 14) съ грѣхомъ. Потерялъ миръ съ совѣстью своею, которая у грѣшника никакъ не можетъ быть покойна; и земля, вмѣсто обители мира, сдѣлалась зрѣлищемъ безпрерывныхъ браней, жилищемъ людей, противящихся Богу, враждующихъ съ ближними, стонущихъ отъ угрызенія своей совѣсти. Чтобъ паки водворить на земли миръ, надлежало родъ человѣческій спасти отъ грѣховъ, которые служатъ первоначальною причиною всякой брани, всякаго неустройства и всѣхъ золъ. И Сего-то Спасителя и Господа Іисуса Христа, вѣчнаго Примирителя человѣка съ Богомъ, земли съ небомъ, Ангелы, зря воплощеннымъ и родившимся на земли, привѣтствуютъ другъ друга радостною пѣснію:

Слава въ вышнихъ Богу, и на земли такъ, какъ и на небѣ, паки водворился *миръ*,—миръ съ Богомъ. *И на земли миръ.*

Въ человѣцѣхъ благоволеніе. Вторая причина радости Ангеловъ есть та, что они видятъ въ человѣкахъ благоволеніе Божіе. Богъ благоволитъ токмо къ невиннымъ и святымъ. Грѣхъ есть естественный предметъ гнѣва Божія. Богъ, по существенной Своей святости, безпредѣльно *ненавидитъ всякое беззаконіе* (Псал. V, 5—6). Какимъ же образомъ въ человѣкахъ грѣшникахъ благоволеніе Божіе? Здѣсь открывается намъ неизрѣченное человѣколюбіе Бога и Спасителя нашего. Благоволеніе Бога Отца вѣчно почиваетъ въ Единородномъ возлюбленномъ Сынѣ Его, какъ Самъ Отецъ Небесный глаголетъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ* (Матѳ. XVII, 5). Чтобъ обратить сіе благоволеніе Божіе и на человѣковъ, Сынъ Божій Самъ воплощается и дѣлается человѣкомъ. Естество человѣческое соединяетъ на всю вѣчность со Своимъ Божествомъ. Послушаніемъ Своимъ Богу заглаждаетъ преслушаніе человѣковъ; безпредѣльнымъ смиреніемъ Своимъ изглаждаетъ ихъ гордость; — Божественными заслугами страданій и смерти Своея избавляетъ ихъ отъ гнѣва Божія за грѣхи ихъ. Воплощенный Сынъ Божій дѣлается главою человѣковъ, ходатаемъ за нихъ, примирителемъ ихъ съ Богомъ, *братомъ* ихъ (Евр. II, 11—12), *другомъ* ихъ (Іоан. XV, 14 — 15), и ради Его всесильнаго ходатайства, ради Его Божественныхъ заслугъ, Отецъ Небесный отверзаетъ всѣмъ человѣкамъ входъ въ Царствіе Свое; кающихся грѣшниковъ и всѣхъ истинно вѣрующихъ въ Сына Его пріемлетъ въ отеческія объятія, прощаетъ имъ грѣхи ихъ; они уже не чада гнѣва, но чада любви и благодати Его; вмѣсто гнѣва обращаетъ на нихъ благоволеніе Свое. — И сію-то тайну спасенія нашего святые Ангелы, созерцая чистыми очами своими, воспѣваютъ радостную и хвалебную Богу пѣснь: *Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе* (Слова, бесѣды и рѣчи, стр. 82 — 85).

Миръ, принесенный на землю родившимся отъ Дѣвы Маріи Іисусомъ Христомъ.

(И. Экземплярскаго.)

Глубокая тьма покрывала землю; была полночь. Города и села, все, повидимому, погружено было въ сонъ; повсюду царствовала тишина; только въ Іудеѣ, на поляхъ Виѳлеемскихъ, пастыри бодрствовали на стражѣ стада своего. Вдругъ отверзлись небеса, безмѣрный свѣтъ осіялъ землю, явились сонмы Ангеловъ Божіихъ и воспѣли новую, неслыханную отъ вѣчности пѣснь: «*Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ*». Ветхозавѣтные пророки предсказывали, что съ пришествіемъ Христа на землю возсіяетъ *множество мира* (Псал. LXXI, 7), такъ что и *нѣмотствующіе научатся глаголати миръ* (Исаія XXIX, 24). Самъ Іисусъ Христосъ, совершая Свое Божественное служеніе на землѣ, непрестанно благовѣствовалъ *миръ* (Іоан. XIV, 27), призывалъ Своихъ послѣдователей къ миру и успокоенію (Матѳ. XI, 28), внушалъ миръ, молился о мирѣ всего міра (Іоан. XVII, 11) и Апостоламъ Своимъ заповѣдалъ благовѣстить миръ всѣмъ (Лук. X, 5). Апостолы Христовы обошли всю вселенную; и первое желаніе ихъ, первое благовѣстіе было всегда благовѣ-

стіемъ и желаніемъ мира всѣмъ (2 Петр. I, 2. 2 Іоан. I, 3. Филиппис. IV, 7. Колос. III, 15). И ясно учили они о примиреніи человѣка съ Богомъ чрезъ Іисуса Христа (2 Коринѳ. V, 19. Колос. I, 19—20, 22).

Но какой же это миръ, гдѣ онъ на землѣ, когда, напротивъ того, мы видимъ почти непрестающія войны однихъ народовъ съ другими, внутреннія смятенія и неустройства въ государствахъ, несогласіе, вражду, ссоры людей между собою? Гдѣ же этотъ миръ, когда не такъ давно кончилась тяжелая война наша съ врагами Христіанства, и нужно вести войну съ внутренними домашними врагами нашими? Нѣтъ мира на землѣ? Есть.

Миръ, возвѣщенный Апостолами Божіими, предвозвѣщенный ветхозавѣтными пророками, благовѣствованный Самимъ Спасителемъ и Его Апостолами, есть, во-первыхъ, *миръ Бога съ родомъ человѣческимъ*, миръ земли съ небомъ, полученіе отъ Бога прощенія человѣку во грѣхахъ черезъ Іисуса Христа, за насъ пострадавшаго. «*Оправдавшись вѣрою*», говоритъ Апостолъ Павелъ, «*мы имѣемъ миръ съ Богомъ чрезъ Господа нашего Іисуса Христа*» (Римлян. V, 1). Во-вторыхъ, то царство мира, о которомъ благовѣствовали Ангелы, заключается въ Церкви Христовой и въ душѣ истиннаго христіанина.

Достаточно въ нѣсколькихъ словахъ изобразить состояніе народа Еврейскаго и міра языческаго во время пришествія Христова на землю, чтобы судить о томъ, что жизнь человѣческаго рода была враждою противъ Бога и должна была или положить предѣлъ милосердію Божію, подвигнувъ правосудіе Его къ наказанію, какъ то было предъ всемірнымъ потопомъ, или вызвать Примирителя. Израиль видимо отживалъ свое время. Пророчество давно уже прекратилось въ немъ и *князь отъ Іуды оскудѣлъ*, когда угасла фамилія Маккавеевъ, и во главѣ Іудейскаго царства явился иноплеменникъ, усердный слуга кесаря и жестокій тиранъ подвластнаго ему народа. «Евангелію пришлось бороться не столько съ религіями, сколько съ общественнымъ порядкомъ, который онѣ породили. Нравственность, подъ вліяніемъ жестокихъ и чувственныхъ обрядовъ, упала до того, что дѣйствія безнравственныя считались религіозными. Художества, литература и роскошь никогда не были такъ возвышенны, какъ при началѣ эры христіанской; но въ то же время духъ общественный никогда не былъ въ такомъ упадкѣ. Богатый властвовалъ надъ невольникомъ, имѣя надъ нимъ, какъ надъ животнымъ, право жизни и смерти; несправедливый и жестокій къ бѣдному, онъ унижался предъ императоромъ, провозглашая его богомъ. Человѣчество, униженное въ невольникѣ, за которымъ не признавалось никакихъ естественныхъ правъ, боготворилось въ человѣкѣ, нерѣдко имѣвшемъ всѣ свойства звѣря. Безстыдство въ жизни семейной доходило до крайности. Жена была для мужа лишь временною рабою его гнусныхъ страстей—и тѣмъ еще гордилась. Дитя, которое стѣсняло, выбрасывали на улицу, какъ ненужное; вся жизнь человѣческая заключалась въ крови и развратѣ. Срамъ протекалъ по всѣмъ общественнымъ жиламъ». Но перо христіанина отказывается начертить картину этого всеобщаго развращенія рода человѣческаго. Человѣкъ не могъ подняться собственными силами отъ своего паденія; не могъ удовлетворить правдѣ Божіей ни Ангелъ, ни ходатай; долженъ былъ явиться Самъ Богъ,—и дѣйствительно явился Искупитель міра, примирившій родъ человѣческій съ вѣчною Правдою. Господь

Іисусъ Христосъ принесъ миръ людямъ. Онъ примирилъ грѣшный родъ человѣческій съ Богомъ Своею крестною смертію; побудилъ грѣшнаго человѣка оставить свою вражду противъ Бога и предать свою непокорную волю волѣ Божіей, что даетъ его душѣ миръ, превосходящій всякъ умъ; научилъ людей прощать оскорбленія, желать добра ближнему своему, чѣмъ лучше всего возстановляется нарушенный миръ; побудилъ человѣка изгонять изъ своего сердца нарушающія миръ между людьми—зависть, гордость, своекорыстіе и т. п.; распространилъ между всѣми народами начала любви.

«*Царство Мое,* сказалъ Спаситель, *не отъ міра сего*» (Іоан. XVIII, 36). Изъ этихъ словъ ясно, что не въ земныхъ человѣческихъ царствахъ, въ которыхъ, по предсказанію же Спасителя, мы имѣли «*услышатъ брани и слышанія бранемъ*» (Матѳ. XXIV, 6), а въ особомъ Христовомъ благодатномъ Царствѣ, въ *Церкви Святой* надобно искать мира. Одинъ изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ прямо называетъ Церковь новозавѣтную мѣстомъ, гдѣ дается миръ. Утѣшая Іудеевъ, скорбѣвшихъ о славѣ перваго храма, и указывая имъ на славу втораго, онъ говоритъ: «*велія будетъ слава храма сего, послѣдняя паче первыя, глаголетъ Господь Вседержитель, и на мѣстѣ семъ дамъ миръ, и миръ души въ снабдѣніе зиждущему, еже возставити церковь сію*». Учрежденное Іисусомъ Христомъ на землѣ Царство, называемое Церковію, ни по средствамъ своимъ, ни по характеру внутреннему, ни по цѣли, не похоже на царства мірскія. Средства этого Царства духовныя—слово Божіе и сила Духа Святаго. И этими средствами оно побѣдило и упорныхъ Іудеевъ, и невѣровавшихъ язычниковъ, и мудрецовъ, и сильныхъ міра сего, такъ что составилось «*едино стадо о Христѣ Іисусѣ*» (Римлян. XII, 5), и всѣ, по выраженію Апостола, «*единымъ Духомъ во едино тѣло крестятся, аще Іудеи, аще Еллины, или рабы, или свободни: и вси единымъ Духомъ напаяются*» (1 Коринѳ. XII, 13). Единеніе вѣрующихъ во Христа, составляющихъ единую Соборную Церковь на землѣ, выражается со всею силою въ молитвенныхъ собраніяхъ христіанъ, гдѣ Самъ Христосъ одушевляетъ ихъ Своимъ невидимымъ присутствіемъ. Жизнь Церкви въ эти священно-таинственныя минуты представляетъ подобіе жизни небесной. Наконецъ, если обратить вниманіе на цѣль земной Церкви, нельзя не видѣть въ ней самаго мирнаго царства. Церковь преслѣдуетъ одну цѣль—спасеніе своихъ членовъ и жизнь ихъ вѣчную; цѣль—не земная, чуждая всякихъ земныхъ расчетовъ и устраняющая всѣ поводы и побужденія къ распрямъ и враждѣ.

Исторія Церкви Христовой положительно подтверждаетъ ту истину, что истинная Церковь есть царство мира. Какой высокій духъ любви и единенія видимъ мы у членовъ первоначальнаго христіанскаго общества! «*У множества увѣровавшихъ*, говоритъ очевидецъ Апостолъ, *было одно сердце и одна душа; и никто изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. Не было между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ Апостоловъ; и каждому давалось, кто въ чемъ имѣлъ нужду*» (Дѣян. IV, 32, 34—35). Тотъ же первобытный миръ, ту же первоначальную любовь и единеніе видимъ мы и въ распространившейся во всѣ концы вселенной Церкви Христовой. Всѣ истинные члены ея называютъ другъ друга братьями по духу,

другъ за друга молятся, другъ другу помогаютъ въ нуждахъ тѣлесныхъ, а болѣе духовныхъ, желаютъ спасенія и вѣчнаго блаженства. Не оставилъ въ покоѣ мирнаго царства Христова возмутитель рода человѣческаго. Съ цѣлью поколебать его, онъ поселялъ вражду въ царствахъ человѣческихъ, производя въ нихъ разнаго рода смятенія и неустройства, и даже явно вооружилъ языческій міръ противъ вѣрующихъ во Христа, когда открытъ былъ цѣлый рядъ жестокихъ гоненій на нихъ. Но мирное царство Христово удержалось непоколебимо и неизмѣнно во всѣ времена. Исчезли съ лица земли цѣлыя царства и народы, а Церковь Христова пребываетъ и пребудетъ во вѣкъ.

Церковь Христова, будучи истиннымъ царствомъ мира, даетъ и въ частности миръ каждому вѣрующему во Христа. Если христіанинъ имѣетъ послушаніе святой вѣрѣ, исполняетъ законъ, принесенный съ неба Сыномъ Божіимъ, участвуетъ въ спасительныхъ таинствахъ Церкви, то несомнѣнно имѣетъ внутрь себя царствіе Божіе, какъ и сказалъ Самъ Господь о Своихъ послѣдователяхъ: «*царствіе Божіе внутрь васъ есть*», т. е. кто соблюдаетъ все предписанное въ законѣ Христовомъ и пользуется всѣми средствами, какія предлагаетъ Церковь къ спасенію своихъ чадъ, тотъ приходитъ въ соотвѣтствіе своему назначенію, въ согласіе и умиротвореніе съ самимъ собою, поставляется въ должныя отношенія къ Богу. А можетъ ли быть выше и блаженнѣе состоянія души на землѣ, какъ ощущать миръ, быть въ мирѣ съ ближними и находиться въ союзѣ съ Богомъ? И никакія бѣдствія и страданія не могутъ омрачить этого состоянія. Напротивъ того, изъ исторіи Церкви Христовой знаемъ, что святые люди даже радовались въ страданіяхъ своихъ и хвалились въ скорбяхъ; въ узахъ и темницахъ, въ пустыняхъ и вертепахъ, при всѣхъ видимыхъ лишеніяхъ, были такъ благодушны и спокойны, какъ, быть можетъ, никогда не чувствуютъ себя люди, живущіе со всѣми удобствами, въ видимомъ довольствѣ и счастіи. Самая смерть не страшна людямъ Божіимъ; они благодушно ожидаютъ приближенія кончины своей и съ миромъ отходятъ къ Богу—своему Спасителю.

Вотъ гдѣ *миръ* на землѣ, о которомъ возвѣстили Ангелы Божіи и благовѣствовать который приходилъ Спаситель нашъ. Царство мира—въ Церкви Христовой и въ душѣ истиннаго христіанина. Да не смущаютъ сердце наше никакія смятенія, происходящія въ мірѣ. У насъ есть успокоеніе—это покровъ Церкви Божіей; у насъ есть возможность пріобрѣтать прочный миръ въ душѣ—это послушаніе Церкви Христовой. Царство Христово не отъ міра сего. Въ мірѣ не престаютъ и не престанутъ брани между народами и царствами, равно какъ и между частными людьми,—но и среди этихъ неустройствъ Божіе Царство возрастаетъ и будетъ возрастать. Въ мірѣ не прекратятся брани, потому что въ немъ люди руководствуются земными и временными побужденіями и интересами, изъ-за которыхъ и происходитъ вражда и брань. Но если бы люди всецѣло проникнуты были духомъ вѣры и Церкви, тогда бы они заботились о благахъ духовныхъ, а временнымъ благамъ не придавали бы такого значенія, какое обыкновенно приписывается имъ. При такомъ настроеніи общества, несомнѣнно, менѣе было бы на землѣ несогласія и вражды. Можно съ увѣренностью сказать, что народы христіанскіе снисходительнѣе и мирнѣе язычниковъ и магометанъ; и между христіанскими народами тѣ отли-

чаются бо́льшимъ душевнымъ спокойствіемъ, уступчивымъ и миролюбивымъ характеромъ, которые болѣе преданы вѣрѣ и Церкви. Въ частности тотъ христіанинъ имѣетъ больше кротости, снисходительности и любви, который преданъ Церкви и во всемъ поступаетъ по ея указаніямъ и правиламъ.

Нашъ христіанскій долгъ жить такъ, какъ заповѣдалъ намъ родившійся для нашего спасенія Господь нашъ Іисусъ Христосъ, быть христіанами не по имени только, но и по жизни. Тогда, по крайней мѣрѣ, вокругъ насъ, въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ мы несравненно меньше будемъ видѣть зависти, ссоры и вражды, но болѣе мира, согласія и любви братской. *Миръ всякому, дѣлающему благое* (Римлян. II, 10). (Воскр. Чт. 1880 г. № 51, стр. 558—561).

Ст. 15—20. Когда Ангелы скрылись отъ очей пастуховъ и пѣснь ихъ унеслась къ небесамъ, пастухи поспѣшно отправились искать родившагося Спасителя, чтобы поклониться Ему. Отыскавъ пещеру, въ которой родился Іисусъ Христосъ, они нашли въ ней все та́къ, ка́къ сказалъ имъ Ангелъ. Пресвятая Дѣва Марія, безсѣменно зачавшая, безболѣзненно родила небесный плодъ; человѣческая помощь оказалась не нужною при рожденіи пренепорочною Дѣвою Того, Кто пришелъ исцѣлить всякій недугъ и всякую язву въ людяхъ. Сама Пресвятая Богородица спеленала родившагося отъ Нея Божественнаго Младенца, Сама служила Ему, и изъ людей одинъ только благочестивый старецъ Іосифъ удостоился присутствовать при такомъ событіи.—Вошедши въ пещеру, пастухи увидѣли въ ней Божію Матерь, Іосифа и новорожденнаго Младенца, повитаго и лежащаго въ ясляхъ, поклонились Ему и разсказали все то, что̀ имъ было сказано о Немъ. Для Божіей Матери и Іосифа—обручника извѣстно уже было то, что̀ разсказывали имъ пастухи; они знали объ этомъ еще до рожденія Іисуса Христа; свидѣтельство пастуховъ служило для нихъ только подтвержденіемъ ихъ вѣрѣ и отрадной надеждѣ—видѣть въ новорожденномъ обѣтованнаго Искупителя. Вотъ почему Пресвятая Дѣва «Марія сохранила всѣ слова сіи, слагая въ сердцѣ Своемъ» (Лук. II, 19); для Ея материнскаго сердца эти слова служили отраднѣйшимъ извѣстіемъ. Но проповѣдь пастуховъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ ими другимъ людямъ была, можно сказать, первоевангеліемъ, возвѣстившимъ міру о явленіи на землѣ Сына Божія, обѣщаннаго Спасителя рода человѣческаго. Получивши радостную вѣсть о явленіи на землѣ Спасителя, пастухи проповѣдывали объ этомъ всѣмъ, кому могли, *славя и благодаря Бога за все, что слышали и видѣли, какъ имъ сказано было.*

ВИѲЛЕЕМЪ.

Виѳлеемъ находится въ 2 часахъ пути на югъ отъ святаго града Іерусалима; онъ расположенъ на горѣ, покрытой роскошными садами: фигъ, маслинъ, гранатовъ и виноградниковъ. Вся окрестность дышетъ свѣжестью и какимъ-то весельемъ: куда ни взглянешь—вездѣ видны горы и долины въ зелени садовъ, а въ разныхъ мѣстахъ среди деревьевъ высятся сторожевыя башни, что̀ много украшаетъ этотъ счастливый городокъ. Когда любуешься на эти живописныя окрестности, говоритъ одинъ путешественникъ, то невольно припоминаешь всѣ тѣ библейскія событія, какія совершились здѣсь. Вонъ вдали виднѣется небольшое четырехъугольное зданіе, накрытое куполомъ: это могила прекра-

сной Рахили, нѣжно любимой супруги праотца Іакова; здѣсь она умерла, была имъ оплакана и погребена близъ дороги въ Виѳлеемъ. А вотъ и развалины той Рамы, о которой упоминаетъ пророкъ, предсказывая избіеніе невинныхъ младенцевъ Виѳлеемскихъ: *гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть, плачъ и рыданіе и вопль многъ: Рахиль плачущися чадъ своихъ, и не хотяше утѣшитися: яко не суть!*—Вотъ нивы, на которыхъ бѣдная Руѳь собирала позади жнецовъ колосья, чтобы прокормить свою престарѣлую свекровь, которую она любила, какъ мать, за что и наградилъ ее Господь великимъ счастіемъ: она сдѣлалась женою почетнаго и богатаго жителя Виѳлеемскаго Вооза. А тамъ внизу, на долинахъ Виѳлеемскихъ и по окрестнымъ плодоноснымъ холмамъ, богатымъ родниками сладкой воды, пасъ стада отца своего прекрасный правнукъ Руѳи—юноша Давидъ; тамъ онъ вступалъ въ бой со львомъ и медвѣдемъ, защищая свое стадо, и тамъ же игралъ на арфѣ и пѣлъ свои дивные псалмы; многіе псалмы его поютъ объ этихъ горахъ, въ которыхъ онъ зналъ каждое ущелье, каждую пещеру, каждый источникъ прохладной воды. Въ этихъ горахъ не разъ укрывался онъ отъ Саула; когда тотъ повсюду гонялся за нимъ, какъ за бѣглымъ рабомъ или какимъ-нибудь злодѣемъ. И вспоминаются трогательныя умоляющія слова невинно гонимаго, кроткаго юноши, обращенныя къ злобному гонителю: «за что господинъ мой преслѣдуетъ раба своего? Что я сдѣлалъ? Какое зло въ рукѣ моей? Самъ Богъ пусть разсудитъ между мною и тобою, ты гоняешься за мною, какъ гоняются за куропаткой по горамъ»! (1 Царств. XXVI, 18, 20; XXIV, 13). Здѣсь въ Виѳлеемѣ отыскалъ его пророкъ Самуилъ и впервые помазалъ на царство, и когда Давидъ сдѣлался царемъ въ Израилѣ, то Виѳлеемъ сталъ называться почетнымъ именемъ города Давидова. А вотъ и кладязь Давидовъ, изъ котораго онъ, томимый жаждою, пожелалъ напиться въ то время, когда Виѳлеемъ былъ занятъ Филистимлянами; тогда трое изъ его храбрецовъ съ опасностью жизни пробрались чрезъ станъ непріятельскій и достали воды своему любимому вождю. Но мужественный царь ~~вылилъ~~ пролилъ эту воду вмѣсто жертвы Богу, говоря: «сохрани меня Богъ! ужели я стану пить кровь этихъ храбрецовъ»?—Вслѣдъ затѣмъ онъ разбилъ на голову враговъ и овладѣлъ Виѳлеемомъ.—Далѣе къ югу, за горами, находятся знаменитые пруды Соломоновы, откуда этотъ премудрый царь устроилъ водопроводъ въ Іерусалимъ, и понынѣ снабжающій водою мечеть Омарову.—А вотъ къ востоку видна прекрасная долина пастырей, поросшая плодовитыми деревьями; тамъ они пасли стада свои въ ту священную ночь, когда предсталъ имъ Ангелъ небесный и сказалъ: *не бойтеся, се бо, благовѣствую вамъ радость велію, яже будетъ всѣмъ людемъ:—яко родися вамъ днесь Спасъ, Иже есть Христосъ Господь, во градѣ Давидовѣ* (Лук. II, 10—11). И внезапно явилось съ тѣмъ Ангеломъ множество воинствъ небесныхъ, и воспѣли они Господу дивную пѣснь: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!*... Сколько великихъ, трогательныхъ воспоминаній!...

Храмъ надъ пещерою, гдѣ родился Господь нашъ Іисусъ Христосъ, высится отдѣльно отъ селенія, на самомъ краю горы, съ восточной ея стороны, и огромныя стѣны древняго монастыря издали походятъ на крѣпость. Величественный храмъ построенъ царицею Еленою, въ видѣ креста. Въ западной конечности креста расположено въ

4 ряда 48 мраморныхъ колоннъ; потолка надъ ними нѣтъ, а прямо на стѣнахъ положены кедровыя балки и стропила, украшенныя рѣзьбою, а на нихъ оловянная крыша. Главный алтарь стоитъ надъ пещерою Рождества Христова. Подъ всѣмъ храмомъ идутъ пещеры, въ которыхъ устроено нѣсколько алтарей; тамъ же гробница блаженнаго Іеронима, который много лѣтъ подвизался въ этихъ пещерахъ; неподалеку отъ него покоятся двѣ его блаженныя ученицы—Павла и дочь ея Евстохія; онѣ происходили изъ благородной Римской фамиліи, но промѣняли роскошный Римъ съ его богатыми палатами на эти пещеры, основали въ Виѳлеемѣ нѣсколько женскихъ монастырей и, окончивъ свою труженическую жизнь у яслей Христовыхъ, обѣ погребены въ одной могилѣ. Въ Виѳлеемѣ насчитывается около 4,500 жителей, и замѣчательно: между ними нѣтъ ни одного Еврея. Еще Тертулліанъ, писатель II вѣка по Рождествѣ Христовомъ, спрашивалъ Евреевъ: «какъ же вы ожидаете Мессіи изъ Виѳлеема, когда тамъ нѣтъ ни одного изъ васъ»?—Жители Виѳлеема дѣлаютъ костяныя и масличныя четки, перламутровые кресты, образки, изображенія гроба Господня и тому подобныя вещи. Все это въ большомъ количествѣ раскупается богомольцами.

ВЕРТЕПЪ И ЯСЛИ.

(Изъ Путешествія А. С. Норова.)

Главный алтарь Виѳлеемскаго храма основанъ надъ самымъ вертепомъ Рождества Христа Спасителя. Съ обѣихъ сторонъ алтаря сходятъ по 15-ти мраморнымъ ступенямъ въ подземную церковь. Можно ли объяснить сладостное чувство восторга и благоговѣнія, которымъ исполняется сердце при вступленіи въ таинственный сумракъ этого святилища? Прежде нежели я могъ что-нибудь разглядѣть, я палъ ницъ на мраморный помостъ, тамъ, гдѣ серебряная звѣзда, освѣщенная лампадами, означаетъ мѣсто рожденія нашего Искупителя! Изливъ чувство умилительной благодарности Спасителю за спасеніе всего человѣчества и моей души, я прочелъ Латинскую надпись кругомъ сіяющей звѣзды: «здѣсь родился Іисусъ Христосъ отъ Дѣвы Маріи». Что можно сказать болѣе? Это мѣсто находится въ полукружномъ углубленіи. Помостъ вертепа Рождества, образуя также полукругъ, обвѣшенъ 16 богатыми лампадами, надъ которыми мраморная доска служитъ престоломъ, гдѣ совершается литургія.

Отступая нѣсколько шаговъ отъ мѣста Рождества Спасителя, вы видите на правой сторонѣ особливую пещеру, куда ходятъ по двумъ или тремъ ступенямъ; тамъ были ясли, гдѣ покоился тотъ Младенецъ, Кому небо престолъ, земля же подножіе ногъ Его (Исаія LXVI, 1), и гдѣ впервые поклонились Ему волхвы и пастыри: мудрость и простота.

Ясли высѣчены въ природномъ камнѣ (ибо въ Іудеѣ лѣсъ довольно дорогъ). Они имѣютъ видъ продолговатаго ящика и обложены бѣлымъ мраморомъ. Это святое мѣсто, освѣщенное такъ же, какъ и вертепъ Рождества, драгоцѣнными лампадами, служитъ престоломъ для совершенія литургіи. Престольный образъ изображаетъ поклоненіе пастырей.

Противу колыбельныхъ яслей Спасителя устроенъ, въ томъ же вертепѣ, другой престолъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Пресвятая Богородица принимала, съ Младенцемъ Іисусомъ на Ея лонѣ, по-

клоненіе трехъ волхвовъ. Всѣ стѣны вертепа, какъ здѣсь, такъ и у святилища Рождества, одѣты богатыми тканями, и множество серебряныхъ и позолоченыхъ лампадъ висятъ вдоль главнаго свода и по сторонамъ. Весь вертепъ имѣетъ вообще саженей 5 въ длину и сажени полторы въ ширину.

Урокъ христіанскимъ родителямъ при воспоминаніи вертепа и яслей Виѳлеемскихъ.

(Ѳ. Надеждина.)

Се вамъ знаменіе: обрящете Младенца повита, лежаща въ яслехъ (Лук. XI, 12).

Чудное таинство заключается въ семъ благовѣстіи Ангела пастырямъ Виѳлеемскимъ! Умъ нашъ не можетъ совершенно постигнуть *тайны Бога, явившагося во плоти* (1 Тимоѳ. III, 16), въ образѣ младенца; но, при свѣтѣ Евангелія, онъ можетъ видѣть, чему поучаетъ насъ эта тайна относительно нашихъ младенцевъ. Одно то, что Самъ Богъ *Младенецъ бысть*, даетъ намъ разумѣть, что жизнь младенца не есть что либо не важное, что ею должно заниматься не поверхностно, но съ самымъ полнымъ и глубокимъ вниманіемъ къ ней. Въ этомъ отношеніи *знаменіе*, данное нѣкогда пастырямъ Виѳлеемскимъ, можетъ и должно быть знаменіемъ и въ наше время для многихъ изъ насъ.

Пастыри Виѳлеемскіе обрѣтаютъ въ ясляхъ, въ младенческомъ видѣ, Царя славы, Сына Божія.—Кого же мы обрѣтаемъ въ колыбели и пеленахъ въ лицѣ своихъ младенцевъ? *Въ беззаконіихъ зачатъ есмь, и во грѣсѣхъ роди мя мати моя* (Псал. L, 7), говоритъ о своемъ рожденіи и младенчествѣ пророкъ, озаренный Духомъ Божіимъ. *Кто бо чистъ будетъ отъ скверны? Никто же, аще и единъ день житіе его на земли* (Іов. XIV, 4—5), говоритъ другой Богодухновеный мужъ. Итакъ въ лицѣ нашихъ младенцевъ мы должны бы видѣть грѣшниковъ, исполненныхъ *гнѣва* (тамъ же, ст. 1), отчужденныхъ отъ жизни Божіей. Но слава безпредѣльному человѣколюбію Божію! Наши младенцы, по благодати Божіей, данной человѣческому роду родившимся отъ Дѣвы Сыномъ Божіимъ, возраждаются въ таинствѣ крещенія въ новую, духовную жизнь и дѣлаются чадами Божіими во Христѣ Іисусѣ; имъ также, какъ и всѣмъ вѣрующимъ, Господь *даде область чадомъ Божіимъ быти* (Іоан. I, 12).—Вотъ спасительный и глубокій урокъ, вотъ знаменіе для отцевъ и матерей христіанскихъ! При колыбели вашего младенца, воспоминайте какъ можно чаще о ясляхъ, въ которыя возлегъ, бывъ младенцемъ, Сынъ Божій,—и научитесь видѣть въ своемъ младенцѣ не ваше только дитя, но и чадо Божіе, наслѣдника не вашего только имущества, чести, имени, правъ и достоинствъ, но и сонаслѣдника Христу, соучастника въ Его царствѣ и славѣ!...

Не сами, но по указанію *Ангела*, пастыри Виѳлеемскіе обрѣтаютъ Божественнаго Младенца.—Думаете ли, что Ангелы нисколько не принимаютъ участія въ жизни вашихъ младенцевъ?—*Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего Небеснаго* (Матѳ. XVIII, 10),—сказалъ Господь. Размышляйте сколько возможно чаще о сихъ многознаменательныхъ словахъ нашего

Господа. Такое размышленіе сдѣлаетъ для васъ занятіе съ вашимъ младенцемъ и легкимъ, и пріятнымъ, и поучительнымъ. Одушевитесь мыслью, что вмѣстѣ съ вами у колыбели вашего младенца находятся и его и вашъ Ангелы-Хранители. Какое высокое сообщество! Ангелъ-Хранитель вашего младенца, безъ сомнѣнія, съ любовію и радостію приникаетъ къ колыбели его; потому что невинная, ангелоподобная душа младенца отрадна и пріятна взору Ангельскому. Старайтесь же и вы всѣми силами соблюдать чистоту души и сердца, удаляйтесь не только дѣлъ, но и мыслей и желаній грѣховныхъ: иначе васъ оставитъ вашъ Ангелъ-Хранитель, потому что для него ненавистенъ и отвратителенъ всякій грѣхъ. При колыбели вашего младенца учитесь быть подобными ему: иначе *не внидете въ Царство Небесное* (Матѳ. XVIII, 3). Не оставляйте этой колыбели въ небреженіи, ради какихъ-нибудь ничтожныхъ игръ, забавъ и удовольствій; не убѣгайте отъ нея, подобно нѣкоторымъ отцамъ и матерямъ, въ тѣ общества, гдѣ любятъ болѣе прекрасную одежду и жилище, нежели душу, гдѣ царствуетъ внѣшній блескъ остроумія и приличій, а на ряду съ нимъ злорѣчіе, кощунство, легкомысліе, мелочное тщеславіе. Если даже необходимыя занятія, домашнія или общественныя, отвлекаютъ васъ отъ вашего младенца, то во время, свободное отъ сихъ занятій, сколько возможно чаще возвращайтесь къ колыбели младенца, въ сообщество Ангельское!...

Пастыри Виѳлеемскіе нашли Божественнаго Младенца въ крайней бѣдности и нищетѣ,—въ убогихъ пеленахъ, въ ясляхъ, въ вертепѣ. Если вы бѣдны, если колыбель и вашего младенца окружена скудостью и нищетою, то не смущайтесь этимъ, не ропщите на свою и его судьбу. Вы можете позволенными и законными средствами улучшить эту судьбу? Сдѣлайте и это, если можете! Но первѣе и болѣе всего постарайтесь, чтобы дитя ваше воспользовалось тѣмъ неоцѣненнымъ богатствомъ, тѣмъ небеснымъ нетлѣннымъ, некрадомымъ сокровищемъ, которое уготовалъ для него и для васъ родившійся въ крайней бѣдности и нищетѣ Господь Христосъ: *вѣсте бо благодать Господа нашего Іисуса Христа, яко васъ ради обнища богатъ сый, да вы нищетою Его обогатитеся.* Постарайтесь всѣми силами, чтобы духъ Евангелія, духъ живой вѣры, надежды, нелицемѣрной любви къ Богу и ближнимъ одушевлялъ сердце и управлялъ всею жизнью вашего дитяти. Если вы успѣете сдѣлать для него это, тогда вы сдѣлаете все, что̀ нужно. Указавъ ему на безцѣнное наслѣдіе въ жизни будущей, вы вмѣстѣ съ тѣмъ упрочите и его земную судьбу. Противъ бѣдности и ея недостатковъ вы вооружите его христіанскимъ терпѣніемъ и самоотверженіемъ, глубокою преданностью въ волю Провидѣнія. Вы укорените въ его душѣ отвращеніе отъ лѣности, праздности и тунеядства и дадите ему возможность доставить себѣ пропитаніе честнымъ и добросовѣстнымъ трудомъ. Если вы богаты, если довольство и изобиліе окружаютъ васъ и колыбель вашего младенца, то вамъ еще болѣе, чѣмъ бѣдняку, должно для блага вашего и вашего младенца воспоминать Виѳлеемскія ясли и вертепъ! Берегитесь злоупотребленій богатствомъ. Возвеличенные Богомъ, учитесь у Бога смиренію. Смотрите: *одѣяйся свѣтомъ, яко ризою*, повивается убогими пеленами! Итакъ всѣми силами постарайтесь, употребите и ваше слово, и примѣръ вашей жизни, чтобы гордость и тщеславіе, наклонность къ жизни праздной и чувственной не возобладали

сердцемъ вашего дитяти. Чистая, невинная, не омраченная страстями душа дитяти еще доступна всему истинно великому и прекрасному? Посему, какъ только начнетъ пробуждаться въ немъ сознаніе—вы сколько возможно чаще постарайтесь обращать мысли вашего дитяти къ вертепу Виѳлеемскому. Напечатлѣйте въ его сердцѣ трогательный и величественный образъ Божественнаго Младенца, по безпредѣльной любви къ человѣчеству смирившаго Себе до яслей, чтобы потомъ смирить *Себе даже до смерти, смерти же крестныя* (Филиппис. II, 8). Внушите вашему дитяти, какъ смиреніе уподобляетъ христіанина Самому Богу и низводитъ на него благодать Божію. Изъ любви къ Богу, научите ваше дитя умѣрять и укрощать свои желанія, имѣя многое, довольствоваться малымъ! Внушите ему не равнодушіе, не холодное презрѣніе къ нищетѣ и бѣдности, но живое сочувствіе къ ней, горячую любовь къ ближнему, хотя бы покрытому рубищемъ; внушите ему, что подъ рубищемъ и нищетою человѣкъ—его собратъ и сонаслѣдникъ въ Царствѣ Небеснаго Отца. Если вы не сдѣлаете этого, то вашъ младенецъ, наслѣдникъ вашего богатства, будетъ самый жалкій и ничтожный нищій!... И очень легко можетъ статься, что при нравственной нищетѣ онъ сдѣлается нищимъ и по внѣшнему состоянію,—подобно сыну блудному, расточитъ имѣніе ваше на дѣла, самыя ничтожныя и порочныя, а ваше знаменитое имя обратитъ въ притчу и посмѣяніе!...

Обрѣтши Божественнаго Младенца, пастыри Виѳлеемскіе *сказаша о глаголѣ, глаголанномъ имъ о Отрочати семъ*. При этомъ святый Евангелистъ замѣчаетъ: *Маріамъ же соблюдаше вся глаголы сія, слагающи въ сердцы Своемъ*. Итакъ Пресвятая Дѣва, чтобы достойно исполнить Свое высокое служеніе Сыну Божію, слагала глаголы Божіи, возвѣщенные чрезъ Ангеловъ и пастырей, въ сердцѣ Своемъ, и не только въ этомъ случаѣ, но и въ теченіе всей Своей жизни, Она, какъ свидѣтельствуетъ священное преданіе, непрестанно помышляла о нихъ и сообразовала съ ними Свою жизнь. Вотъ высокій образецъ для всѣхъ отцевъ и матерей христіанскихъ! Чтобы исполнить свой священный долгъ въ отношеніи къ чадамъ—своимъ по естеству и Божіимъ по благодати,—они должны приготовиться къ своему важному служенію, должны прежде воспитать самихъ себя, чтобы, какъ должно, воспитать своихъ дѣтей. Но гдѣ они могутъ найти самое лучшее училище для подобнаго самовоспитанія, какъ не въ словѣ Божіемъ? Гдѣ, какъ не здѣсь, они найдутъ истинное, самое глубокое знаніе нашей природы, ея силъ и потребностей, законы и правила истинной добродѣтели, вѣрный путь къ возможному счастію на землѣ и несомнѣнному блаженству на небѣ? Гдѣ, какъ не въ словѣ Божіемъ, они найдутъ истинную родительскую любовь, чуждую слабостей, и благоразумную строгость, чуждую жестокости и суровости,—и высокіе примѣры дѣтской любви, почтенія и повиновенія власти родительской, и ужасающіе примѣры неуваженія къ ней? Здѣсь, въ словѣ Божіемъ, они найдутъ самыя надежныя и лучшія средства внушить дѣтямъ своимъ и кротость, и простосердечіе, и откровенность, и охоту къ трудамъ и занятіямъ. Нужно только, чтобы они не по временамъ, не изрѣдка, но непрестанно поучались въ словѣ Божіемъ, слагали его въ сердцѣ своемъ и сообразовали съ нимъ свою жизнь. Если же не могутъ, или не умѣютъ дѣлать этого сами, то пусть внимаютъ тѣмъ пастырямъ, которые, подобно пастырямъ

Виѳлеемскимъ, благовѣствуютъ слово Божіе, открываютъ чудныя дѣла Божіи, возвѣщаютъ волю Божію.

Се вамъ знаменіе: обрящете Младенца повита, лежаща въ яслехъ! Да напечатлѣется сіе знаменіе въ умахъ и сердцахъ родителей, воспитателей и ихъ питомцевъ! Руководимые симъ знаменіемъ, да пріидутъ они къ Воплотившемуся ради нашего спасенія, Почившему въ ясляхъ и вертепѣ, — и соединятся съ Нимъ на вѣки въ свѣтлыхъ обителяхъ Небеснаго Отца, въ Царствѣ славы и вѣчнаго блаженства! (Дух. Бес. 1859 г., т. VIII, стр. 561—566.)

Библіографическій указатель къ повѣствованію о Рождествѣ Христовомъ.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

1) Лук. II, 1. Августъ. Б. п. сл. Воскр. Чт. 1874 г. I. 11.

2) Ст. 2. Квириній. Б. п. сл. Воскр. Чт. 1876 г. I. 256.

3) Рождество Христово. Хр. Чт. 1834 г. IV. 340. 1836 г. IV. 185. 1855 г. II. 499.

4) Рождество Христа Спасителя, *Сольскаго.* Воскр. Чт. 1880 г. № 51. 555.

5) Рождество Спасителя. Дух. Бес. 1862 г. XVI. № 51. 543.

6) Рождество Господа нашего Іисуса Христа. Воскр. Чт. 1879 г. № 52. 519.

7) Размышленіе въ день Рождества Христова. Хр. Чт. 1851 г. II. 533.

8) Мысли при чтеніи Евангелія о Рождествѣ Іисуса Христа. Воскр. Чт. XXX, ч. II. 870.

9) Размышленіе при ясляхъ Христовыхъ. Воскр. Чт. XIV. 362.

10) Въ вертепѣ Виѳлеемскомъ (изъ записокъ паломника). Воскр. Чт. XXXIV. II. 302.

11) Родившійся въ Виѳлеемѣ Спаситель. *Бѣлюстина.* Воскр. Чт. XXXII, ч. II. 1009.

12) Размышленіе въ день Рождества Христова, *Свѣтлякова.* Стран. 1878 г. I. 233.

13) Святое семейство. Воскр. Чт. 1872 г. 82. 102.

14) Іосифъ обручникъ. Воскр. Чт. III. 365.

15) Св. и праведный Іосифъ, обручникъ Пресв. Богородицы. Воскр. Чт. XXVI, ч. II. 937.

16) Виѳлеемъ. Воскр. Чт. XVIII. 367. Назаретъ. Тамъ же. 511.

17) Виѳлеемъ. Душ. Чт. 1864 г. III. 332.

18) Виѳлеемъ. Душ. Чт. 1872 г. I. 121.

19) Градъ Давидовъ. Воскр. Чт. 1873 г. II. 387.

20) Путешествіе изъ Назарета въ Виѳлеемъ, славословіе Ангеловъ, проповѣданіе пастырей. Воскр. Чт. XXXI. I. 329.

21) Мысли при чтеніи сказанія о Рождествѣ Христовомъ и поклоненіи пастырей (Лук. II, 1—20). Хр. Чт. 1840 г. IV. 423.

22) Евангельское чтеніе съ дѣтьми объ исторіи Рождества Христова (Лук. II, 1—20). Воскр. Чт. XXIX, ч. II. 874 и 893.

23) Виѳлеемскіе пастыри, *Прот. Яхонтова.* Дух. Бес. 1858 г. IV. 296.

24) Всемірно-историческое значеніе Рождества Христова. *Его же.* Дух. Бес. 1863 г. XIX. № 51.

25) На ст. 14-й. *Х. О.* Экзегетическое затрудненіе. Рук. для паст. 1870 г. II. 439.

26) На тотъ же ст. Душ. Чт. 1860 г. I. 297.

27) На тотъ же ст. Воскр. Чт. I. 309.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

28) Ст. 1—20. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* Бесѣды: о Рождествѣ Христа Спасителя. I. 65—76. О благовѣстіи пастырямъ, славословіи Ангеловъ и поклоненіи пастырей новорожденному Младенцу. 128—136.

29) Ст. 10. *Макарія, еп. Тамбовскаго.* О томъ, что Рождество Христово есть радостнѣйшее событіе для всего человѣчества. II. 189—194.

30) *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* О томъ, что вѣра въ воплотившагося Сына Божія есть преизобилующій источникъ утѣшенія и радости для всѣхъ истинныхъ чадъ Христовой Церкви. Слово въ день Рождества Христова.

31) Ст. 12. *Филарета, митроп. Московскаго.* О таинственномъ и нравственномъ значеніи *знаменій:* младенчества, пеленъ и яслей Іисуса Христа. Какими знаменіями можетъ удостовѣриться христіанинъ въ своемъ приближеніи ко Христу, или въ истинѣ своего возрожденія. I. 184—188.

32) Ст. 12. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* О вредѣ подражанія правиламъ міра. I. 8—13.

33) Ст. 13. *Филарета, митроп. Московскаго.* Для чего при Рождествѣ Іисуса Христа новымъ и нечаяннымъ образомъ провозглашается *слава Божія* съ неба на землю, какъ нѣчто неизвѣстное и неслыханное? II. 36—40.

34. Ст. 14. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* О значеніи Ангельской пѣсни. I. 5—8.

35. Ст. 14. *Никанора, архіеп. Херсонскаго.* Картина мира въ Виѳлеемѣ, въ моментъ Рождества Христова, и картина бѣшеной ярости въ Іерусалимѣ. Какой миръ принесло съ собою на землю Рождество Христово? т. I. 439—458. О сравнительномъ значеніи христіанской дуалистической и современной научной монистической системы міровоззрѣнія. III. 508—527.

36) Ст. 17—18. *Филарета, митроп. Московскаго.* Размышленіе о чудѣ Рождества Христова II. 294—298.

37) *Его же.* Какую мысль и цѣль имѣлъ Евангелистъ, когда двукратно указывалъ на Маріамъ, соблюдающую въ сердцѣ глаголы судебъ и жизни Христовой, а послѣ того хранитъ молчаніе о Ней? IV. 629—631.

ОБРѢЗАНІЕ ГОСПОДНЕ (Лук. II, 21).

Обрѣзаніе, одно изъ священныхъ дѣйствій Ветхаго Завѣта, было установлено Богомъ. Оно было видимымъ знакомъ, которымъ этотъ народъ долженъ былъ отличаться отъ прочихъ народовъ; оно напоминало Евреямъ, что они народъ избранный, народъ Божій.

Сынъ Божій, сдѣлавшись сыномъ Пресвятой Дѣвы Маріи, благоволилъ подвергнуть Себя этому священнодѣйствію Ветхаго Завѣта, и былъ обрѣзанъ, яко человѣкъ осмодневный. Безъ сомнѣнія, Онъ не имѣлъ нужды въ этомъ внѣшнемъ знакѣ союза съ Богомъ; Онъ всегда былъ и есть въ Отцѣ, и Отецъ въ Немъ; Онъ и Отецъ—едино. Но Онъ пришелъ въ міръ, чтобы исполнить всякую правду и научить насъ исполненію правды.

Своимъ обрѣзаніемъ Онъ научаетъ насъ исполнять законъ Божій съ совершенною точностью, не изыскивать никакихъ предлоговъ къ нарушенію заповѣдей Божіихъ и ничѣмъ не оправдывать своего уклоненія отъ постановленій Святой Церкви.

Гордость низвергла человѣка съ высоты, на которую онъ былъ поставленъ Создателемъ при созданіи. Іисусъ Христосъ смиряетъ Себя до исполненія обязанностей падшаго человѣка, чтобы возвести насъ на высоту первобытную.

Времена Ветхаго Завѣта прошли, обрѣзаніе отмѣнено, и вмѣсто него установлено благодатное таинство святаго крещенія. Народъ избранный, сдѣлавшійся богоубійцею, отверженъ Богомъ, и внѣшній знакъ его избранія—обрѣзаніе—сдѣлалось не нужнымъ. Однако и для насъ христіанъ есть обрѣзаніе, которому мы должны подвергнуть себя добровольно,—*обрѣзаніе духовное*, состоящее въ отсѣченіи отъ души плотскихъ страстей и пожеланій. *Обрѣзани бысте*, говоритъ святый Павелъ увѣровавшимъ изъ необрѣзанныхъ язычниковъ, *обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ, въ совлеченіи тѣла грѣховнаго плоти, въ обрѣзаніи Христовѣ: спогребшеся Ему крещеніемъ* (Колос. II, 11). *Умертвите убо уды ваша, яже на земли: блудъ, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоиманіе, еже есть идолослуженіе*

(III, 5). Могущественнѣйшимъ пособіемъ намъ въ этихъ условіяхъ будетъ сладчайшее имя *Іисусъ*, нареченное нашему Господу при Его обрѣзаніи. Это спасительное имя есть щитъ и оружіе противъ злыхъ духовъ, злыхъ помысловъ и всякаго зла. Господь Самъ сказалъ о вѣрующихъ въ Него: *именемъ Моимъ бѣсы изженутъ, языки возглаголютъ новы, змія возмутъ: аще и что смертно испіютъ, не вредитъ ихъ: на недужныя руки возложатъ и здрави будутъ* (Марк. XVI, 17—18). Имя *Іисусъ*, часто повторяемое устами и сердцемъ нашимъ, да удержитъ насъ отъ словъ праздныхъ, да отгонитъ отъ насъ всѣ внушенія врага нашего спасенія, да уничтожитъ въ насъ ядъ грѣха, да исторгнетъ насъ изъ безпечности и нерадѣнія, и да поставитъ насъ такъ, чтобы крайнее снисхожденіе и безпредѣльная любовь къ намъ нашего Господа Іисуса Христа не остались для насъ напрасными! (Духовн. Бес. 1859 г., т. I, стр. 13—14.)

СРѢТЕНІЕ ГОСПОДНЕ (Лук. II, 22—39).

(Архимандрита Никодима.)

Ст. 22—24. Въ Ветхомъ Завѣтѣ былъ законъ, по которому женщина, послѣ рожденія младенца, почиталась нечистою впродолженіе сорока, или восьмидесяти дней, судя потому, былъ ли младенецъ мужескаго, или женскаго пола. Въ эти дни, называвшіеся днями очищенія, она не должна была приходить въ храмъ, участвовать въ общественномъ Богослуженіи и прикасаться къ чему либо священному. По прошествіи же сего срока, она являлась во храмъ и приносила очистительную жертву. Женщина достаточнаго состоянія приносила въ жертву однолѣтняго агнца во всесожженіе и молодаго голубя, или горлицу въ жертву за грѣхъ. Жертва бѣдной женщины состояла изъ двухъ горлицъ или, вмѣсто нихъ, двухъ молодыхъ голубей (Левит. XII, 1—8). Кромѣ сего, если младенецъ былъ первороженный, то, сверхъ обряда очищенія матери, совершался надъ младенцемъ обрядъ посвященія его Богу. *Освяти Ми всякаго первенца перворожденнаго, разверзающаго всякая ложесна въ сынѣхъ Израилевыхъ*, заповѣдалъ Господь Моусею (Исход. XIII, 2). Неизвѣстно съ точностью, какъ совершался этотъ обрядъ. Вѣроятно, священникъ принималъ младенца на руки и, обратившись къ алтарю, возвышалъ или возносилъ дитя, какъ-бы вручая его Господу. Извѣстно только, что сія заповѣдь дана была народу Іудейскому въ память благодѣяній Божіихъ, явленныхъ ему при изведеніи его изъ Египта, когда Ангелъ, погубивъ въ одну ночь всѣхъ первенцевъ Египетскихъ, не коснулся первенцевъ Еврейскихъ (Исход. XIII, 12—16). Какъ посвященные Богу, первенцы назначаемы были на служеніе Ему, становились собственностію Божіею. *Первенцы сыновъ твоихъ да даси Ми* (Исход. XXII, 29). Но поелику въ послѣдствіи времени для служенія Богу при скиніи поставлены были левиты, которыхъ Господь принялъ вмѣсто первенцевъ отъ сыновъ Израилевыхъ (Числ. III, 12; VIII, 16—18), то за первенцевъ изъ всѣхъ другихъ колѣнъ назначенъ былъ выкупъ въ пять сиклей серебра (Исход. XXXIV, 20). Господь нашъ Іисусъ Христосъ Самъ сказалъ о Себѣ, что Онъ пришелъ не разорить законъ, но исполнить (Матѳ. V, 17). По слову Апостола Павла, Сынъ раждается отъ жены, бываетъ подъ закономъ, чтобы искупить подзаконныхъ (Галат. IV, 4). Посему,

въ осьмой день по рожденіи, Онъ пріемлетъ по закону обрѣзаніе (Лук. II, 21), и въ четыредесятый, какъ первенецъ, приносится во храмъ для посвященія Богу. Пресвятая Дѣва Марія и Іосифъ оставляютъ Виѳлеемъ, въ которомъ они пребывали по рожденіи Іисуса Христа, и предпріемлютъ путешествіе въ Іерусалимъ, гдѣ находился храмъ и совершались обряды Моусеева закона.

Ст. 25—26. Въ то время въ Іерусалимѣ жилъ старецъ, по имени Сумеонъ. Евангеліе не показываетъ, къ какому званію онъ принадлежалъ. Основываясь на томъ, что онъ принялъ Младенца Іисуса на руки свои (Лук. II, 28), какъ думаютъ, для совершенія обряда посвященія Его Богу, и послѣ благословилъ Марію и Іосифа (Лук. II, 34), полагаютъ, что Сумеонъ былъ одинъ изъ священниковъ Іерусалимскаго храма. Говорятъ даже, что онъ есть одно лице съ Іудейскимъ первосвященникомъ Сумономъ, сыномъ Оніи, прозваннымъ за благочестіе и благотворительность праведнымъ (301—222 до Рождества Христова), что онъ былъ однимъ изъ 70 переводчиковъ Священнаго Писанія съ Еврейскаго языка на Греческій и жилъ болѣе 300 лѣтъ. Считаютъ его еще сыномъ Гиллела, знаменитаго учителя фарисейскаго, и отцемъ Гамаліила, учителя Павлова. Другіе, утверждаясь на употребленномъ въ Евангеліи выраженіи—*бѣ человѣкъ въ Іерусалимѣ*—не признаютъ Сумеона лицемъ, принадлежавшимъ къ священническому сословію (Ѳеофилактъ и Евѳимій. Слич. Лук. I, 5). Но умалчивая о званіи Сумеона, Евангеліе изображаетъ его нравственныя достоинства: онъ былъ человѣкъ *праведный и благочестивый*, исполнялъ всѣ должныя обязанности въ отношеніи къ Богу и людямъ, имѣлъ живую вѣру въ грядущаго Избавителя, чаялъ сего Утѣшителя Израилева, Который во всѣ времена составлялъ предметъ радостныхъ ожиданій истинныхъ Израильтянъ, день Котораго, по слову Самого Спасителя, радъ былъ видѣть Авраамъ, отецъ вѣрующихъ, и увидѣлъ и возрадовался (Іоан. VIII, 56), Котораго издали только видѣли всѣ ветхозавѣтные праведники и радовались (Евр. XI, 13). За свои добродѣтели Сумеонъ сдѣлался избраннымъ сосудомъ Святаго Духа: *Духъ бѣ святъ въ немъ*. Подобно другимъ ветхозавѣтнымъ праведникамъ и Сумеонъ готовился умереть съ вѣрою въ исполненіе обѣтованій Божіихъ; но Духъ Святый возвѣстилъ ему, что ему предстоитъ жребій гораздо лучшій, что онъ не увидитъ смерти, доколѣ не увидитъ Христа Господня. Преданіе, признающее Сумеона за одного изъ 70 переводчиковъ Священнаго Писанія, говоритъ, что это откровеніе Сумеонъ получилъ въ то время, когда, переводя книгу пророка Исаіи, усомнился въ его пророчествѣ о рожденіи Мессіи отъ Дѣвы, и явившимся Ангеломъ извѣщенъ былъ, что онъ узритъ исполненіе словъ пророка. Послѣ сего откровенія Сумеонъ жилъ въ надеждѣ узрѣть спасеніе Божіе и съ радостію видѣлъ продолженіе дней своихъ.

Ст. 27—32. Въ одно время Духъ Святый повелѣваетъ ему идти въ храмъ, куда въ то же время Марія и Іосифъ принесли Іисуса, чтобы совершить надъ Нимъ законный обрядъ. Бѣдная Мать съ Младенцемъ на рукахъ стояла во дворѣ храма среди народа, готовясь принести Свою скудную жертву. Во дворъ храма входитъ извѣстный всѣмъ въ Іерусалимѣ своимъ благочестіемъ старецъ, беретъ изъ рукъ изумленной Матери Ея Сына и устремляетъ на Него внимательный взоръ. Духъ Святый открываетъ ему въ семъ Младенцѣ Обѣтованнаго Мессію, и святый старецъ, объятый священнымъ востор-

гомъ, восклицаетъ: «нынѣ отпущаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему съ миромъ; ибо видѣли очи мои спасеніе Твое, которое Ты уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ народовъ, свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ и славу народа Твоего Израиля». Какія чистыя, возвышенныя, недоступныя для большей части тогдашнихъ Іудеевъ понятія о Лицѣ Мессіи и о принесенныхъ Имъ на землю благахъ выражаются въ сей вдохновенной рѣчи праведнаго Симеона! Онъ видитъ въ Младенцѣ Іисусѣ спасеніе, или Спасителя людей, конечно, не отъ рабства внѣшняго, а отъ грѣховъ ихъ. Видитъ предназначеніе сего спасенія для всего міра: оно не ограничится одними Іудеями, какъ думали сіи послѣдніе,—оно уготовано предъ лицемъ всѣхъ народовъ. Видитъ тѣ блага, которыя Мессія даруетъ людямъ: Онъ освободитъ ихъ отъ господствующихъ между ними заблужденій, разсѣетъ на землѣ мракъ идолослуженія, суевѣрія и страстей, просвѣтитъ всѣхъ свѣтомъ истиннаго Богопознанія и Богопочтенія. Видитъ въ Немъ и славу народа Израильскаго, которому дѣйствительно предъ всѣми народами въ мірѣ принадлежитъ великая слава и высокое преимущество въ томъ, что изъ среды его возсіялъ вселенной этотъ свѣтъ, что среди Іудеевъ воплотился Богъ, среди нихъ жилъ, училъ, творилъ чудеса, содѣлалъ спасеніе человѣковъ и изъ среды ихъ избралъ Апостоловъ—просвѣтителей вселенной.

Ст. 34—35. Просвѣщаемый Духомъ Святымъ Симеонъ въ то же время предвидитъ также ожесточеніе людей и отверженіе ими уготованнаго имъ и всему міру спасенія Божія, предвидитъ крестныя страданія и смерть Сына Маріина и тѣ жгучія скорби, какія постигнутъ Его Матерь. Когда Марія и Іосифъ, слушая рѣчь праведника, дивились великому и славному назначенію Іисуса, старецъ, благословивъ ихъ, сказалъ Маріи, Матери Его: «се лежитъ Сей на паденіе и на возстаніе многихъ въ Израилѣ и въ предметъ пререканій, да откроются помышленія многихъ сердецъ. И Тебѣ самой мечъ пройдетъ душу». Не всѣ, какъ-бы такъ говорилъ праведный старецъ Маріи,—не всѣ воспользуются спасеніемъ, которое принесено на землю симъ Божественнымъ Младенцемъ. Однихъ, которые увѣруютъ въ Него и послѣдуютъ за Нимъ, Онъ возставитъ отъ паденія, или спасетъ, а для другихъ, которые не захотятъ увѣровать въ Него, Онъ послужитъ поводомъ къ паденію или погибели. На Немъ исполнится то, что̀ сказано въ Писаніи: се, Я полагаю въ Сіонѣ камень краеугольный, избранный, драгоцѣнный: и вѣрующій въ Него не постыдится (Исаія XXVIII, 16). Для вѣрующихъ Онъ будетъ драгоцѣнность, а для невѣрующихъ камень претыканія и камень соблазна, о который преткнутся они, не покоряясь слову (1 Петр. II, 6—8). Во всю жизнь Свою Онъ будетъ предметомъ противорѣчій—одни будутъ говорить о Немъ: *благъ есть*, а другіе: *ни, но льститъ народы* (Іоан. VII, 12). Одни: *Сей есть Христосъ*, а другіе: *еда отъ Галилеи Христосъ приходитъ*? (Іоан. VII, 41). Одни: *еда Христосъ пріидетъ, еда больша знаменія сотворитъ, яже Сей творитъ*?(Іоан. VII, 31), а другіе—*яко о веельзевулѣ князѣ бѣсовстѣмъ изгонитъ бѣсы* (Матѳ. XII, 24). И въ сихъ-то противорѣчіяхъ откроются сердечныя расположенія людей, обнаружатся—ложное благочестіе, тщеславная суетность и завистливая злоба однихъ, чистосердечіе и любовь къ истинѣ другихъ.... Невѣріе людей прострется до того, что они предадутъ смерти своего Спасителя; и Ты Сама, говоритъ Симеонъ, обращаясь къ Маріи,

будешь свидѣтельницею этого тяжко скорбнаго для Тебя зрѣлища. «Терніе вѣнца Іисусова, гвозди Его распятія, копіе пробожденія Его, Его раны, Его болѣзненный вопль, Его умирающій взоръ, какъ мечъ, пронзятъ Твое матернее сердце».

Ст. 36—38. Вмѣстѣ съ Сумеономъ проповѣдницею великаго таинства пришествія Избавителя явилась св. Анна пророчица, названная такъ, вѣроятно, потому, что имѣла даръ предвѣдѣнія. Она была дочь Фануилова и происходила изъ колѣна Асирова, которое извѣстно въ Священномъ Писаніи, какъ колѣно богатое, сильное, но вмѣстѣ кроткое и миролюбивое (Быт. XLIX, 20. Второзак. XXXIII, 24—25). По прошествіи семи лѣтъ супружеской жизни лишившись мужа, она рѣшилась посвятить себя на всецѣлое служеніе Богу. При храмѣ Іерусалимскомъ, въ зданіяхъ его окружающихъ, жили дѣвы и вдовы, посвящавшія себя на служеніе Богу, проводившія время въ молитвѣ и трудахъ для храма, свойственныхъ ихъ полу. Въ число ихъ вступила и Анна. Она не отходила отъ храма, не опускала ни одного Богослуженія, строго соблюдала установленные посты и молитвы, служила Богу день и нощь,—не только во храмѣ, но и въ тишинѣ домашняго уединенія. Среди такихъ подвиговъ благочестія она достигла восьмидесяти четырехъ лѣтъ. За то Господь даровалъ ей великое счастіе узрѣть родившагося Господа. Духъ Святый, приведшій Сумеона во храмъ, указалъ и Аннѣ въ Младенцѣ Іисусѣ Христѣ Избавителя Израилева. Она подошла къ Сумеону, воззрѣла на держимаго имъ Младенца и, исполнившись духовной радости, излила душу свою въ хваленіяхъ къ Богу, и для всѣхъ, ожидавшихъ пришествія Мессіи, сдѣлалась проповѣдницею открывшагося спасенія.

Іосифъ и Марія, совершивъ во храмѣ все по закону Господню, вскорѣ оставили Іерусалимъ... (Душ. Чт. 1861 г., ч. I, стр. 174—182.)

Знаменательнѣйшіе моменты принесенія Христа Спасителя во храмъ въ день Срѣтенія Господня, по изображенію св. Димитрія Ростовскаго и св. Амфилохія Иконійскаго.

Освяти Ми всякаго первенца первороженнаго... Первенца сыновъ твоихъ да даси Мнѣ (Исход. XIII, 2, 22, 29), заповѣдалъ Господь Богъ Израилю чрезъ пророка Моусея. Во исполненіе этого повелѣнія Божія, даннаго Богомъ Израильтянамъ въ постоянное напоминаніе объ избавленіи отъ руки Ангела смерти первенцевъ ихъ въ Египтѣ, *вознесоста* Богомладенца Спасителя святые родители Его,—повѣствуетъ Евангелистъ Лука,—*во Іерусалимъ, поставити Его предъ Господемъ* (II, 22), т. е. вдати Божіе Богови. Умилительно читать у св. отцевъ Церкви, что̀ изрекла при этомъ Пресвятая Дѣва Марія, и что̀ провѣщали, видя Господа, лежавшаго на рукахъ Богоматери, исполнившіеся Духа Святаго старецъ Сумеонъ и пророчица Анна. Пресвятая Дѣва Марія,—говоритъ святый Димитрій Ростовскій,—«преклонила колѣна предъ Господомъ и, съ великимъ благоговѣйнствомъ вознося держимаго Ею Господа Іисуса, вѣщала: «Се, о Превѣчный Отче, есть Сынъ Твой, Егоже послалъ еси воплотитися отъ Мене спасенія ради человѣческаго! Се, Егоже родилъ еси прежде вѣкъ безъ матери, Азъ же напослѣдокъ лѣтъ Твоимъ благоволеніемъ родихъ безъ мужа! Се плодъ утробы Моея первороженный, Духомъ Твоимъ во Мнѣ зачатый и неизрѣченно отъ Мене происшедый, якоже Ты единъ еси! Се Первенецъ Мой, но Твой Первѣйшій, Тебѣ соприсносущный и собезначальный,—Первенецъ Тебѣ единому

подобающій... Пріими Первенца, съ Нимже вѣки сотворилъ Ты и возсіявати повелѣлъ еси свѣту! Пріими воплощенное отъ Мене Слово, Имже утвердилъ Ты небеса, основалъ землю, собралъ воды въ совокупленіе едино: пріими Твоего отъ Мене Сына, Котораго Тебѣ приношу на сіе истое,—да Его плотію и кровію, отъ Мене пріятою, искупитъ родъ человѣческій». Чудные глаголы! Пребожественныя вѣщанія Пресвятой Дѣвы Маріи! Но дивное изрекъ при этомъ и старецъ Сѵмеонъ, которому обѣщано было Духомъ Святымъ не видѣти смерти, прежде даже не видитъ Христа Господня (Лук. II, 26), и который нарочито въ этотъ часъ приведенъ былъ Духомъ Святымъ въ храмъ (Лук. II, 27). По сказанію того же святаго Димитрія Ростовскаго, онъ, «воззрѣвъ на Пречистую Дѣву и на держимое Ею Отроча, видѣлъ благодать Божію, окружающую Матерь съ Отрочатемъ, и пріемши Его на руки, какъ лебедь бѣлый сѣдинами, предъ кончиною своею воспѣлъ вѣщая: «нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ. Не имѣхъ азъ мира въ мысляхъ моихъ, по вся дни Тебе ожидая и по вся дни печалуя, когда пріидеши: нынѣ же Тебя увидѣвъ, миръ получилъ, и, печали избывъ, отхожу отселѣ, радостную нося вѣсть къ отцамъ моимъ: возвѣщу Твое въ міръ пришествіе праотцу Адаму, Аврааму, Моѵсею и Давиду и прочимъ святымъ отцамъ и пророкамъ и неизрѣченныя радости исполню ихъ, въ печали доселѣ сущихъ. Отпусти мене, раба Твоего, почити послѣ многихъ трудовъ моихъ на лонѣ Авраама; уже бо видѣша очи мои спасеніе Твое, всѣмъ людямъ уготованное». Присутствовавшіе при этомъ дивились, слыша, что праведный старецъ вѣщаетъ къ Младенцу, не какъ къ младенцу, но какъ къ Ветхому деньми, и молится Ему, не какъ человѣку, но какъ Богу, имѣющему власть живота и смерти и могущему отпустить его къ иной жизни, или удержать здѣсь.—Затѣмъ, обращаясь къ Преблагословенной Богоматери, святый и праведный старецъ присовокупилъ: *се, лежитъ Сей на паденіе и на востаніе многимъ... И Тебѣ Самой душу пройдетъ оружіе* (Лук. II, 34—35), т. е. возлежащій теперь на рукахъ Твоихъ Возстановитель мира, возставляя однихъ, другихъ низвергнетъ: возставитъ вѣрующихъ въ Него изъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ—не только здѣсь на землѣ, но и во адѣ, куда сойдетъ Онъ, какъ побѣдитель ада; низвергнетъ невѣрующихъ и противящихся Ему. Оружіемъ же, или мечемъ, проходящимъ душу Пресвятой Дѣвы Маріи, называетъ безчисленныя горестныя помышленія, имѣвшія поразить материнское сердце Ея и премѣнившіяся затѣмъ въ радость и веселіе послѣ воскресенія Господа изъ мертвыхъ.

Не была и не могла быть безмолвною при срѣтеніи Господа и святая пророчица Анна, дочь Фануилова. *И та въ той часъ*, повѣствуетъ Евангелистъ Лука, *приставши исповѣдашеся Господеви и глаголаше о Немъ всѣмъ чающимъ избавленія во Іерусалимѣ* (II, 38). Глаголы ея подробно и прекрасно передаетъ святый Амфилохій, епископъ Иконійскій. «Анна видѣла—говоритъ онъ—Господа младенцемъ, видѣла дары, съ Нимъ и за Него принесенные; но не преткнулась сомнѣніемъ о возрастѣ младенчества. Возвѣщая всѣмъ предстоящимъ могущество Господа, она какъ-бы такъ говорила къ собравшимся людямъ: «видите ли сего Младенца, ссущаго сосцы, покоющагося у нѣдръ Матери? Онъ сотворилъ вѣки; Онъ утвердилъ небеса; Онъ распростеръ землю; Онъ оградилъ море пескомъ.

Сей Младенецъ при Ноѣ отверзъ хляби небесныя. Сей Младенецъ изводитъ вѣтры изъ сокровищницъ Своихъ. Сей Младенецъ даетъ снѣгъ, какъ волну. Сей Младенецъ освободилъ праотцевъ нашихъ изъ Египта жезломъ Моисеевымъ. Сей Младенецъ раздѣлилъ Чермное море и чрезъ него, какъ чрезъ злачное поле, провелъ народъ Свой; въ пустынѣ ниспосылалъ ему манну, какъ дождь, и далъ въ наслѣдіе землю, точащую медъ и млеко. Сей Младенецъ руководствовалъ отцами, соорудившими храмъ сей... Не соблазняйтесь возрастомъ Младенца, ибо Онъ и Младенецъ и Собезначальный Отцу, подлежитъ счисленію времени, и никто не можетъ исповѣдать родъ Его; Онъ и нѣмотствующій Младенецъ, и вмѣстѣ Дарующій мудрость и Отверзающій уста; родившійся отъ Дѣвы, и Непостижимый; зримый, и Необъятный» (Воскр. Чт. 1886 г., стр. 94—96).

Трогательная встрѣча.

(Свящ. Предтеченскаго.)

Когда, въ сороковой день по Рождествѣ Спасителя, принесли Его,—Младенца Іисуса, въ Іерусалимскій храмъ, «чтобы совершить надъ Нимъ законный обрядъ»; тамъ, между прочими, встрѣтилъ Его Симеонъ старецъ,—взялъ Его на руки, благословилъ Бога и сказалъ: «нынѣ отпущаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, съ миромъ; ибо видѣли очи мои спасеніе Твое, которое Ты уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ народовъ, свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ, и славу народа Твоего, Израиля (Лук. II, 22—40). Какая *трогательная встрѣча!* Убѣленный сѣдинами старецъ встрѣчаетъ въ храмѣ сорокадневнаго Младенца Господа,—и о чемъ думаетъ? Чего желаетъ себѣ? Съ какой молитвой обращается къ Нему? Божественному Младенцу предрекаетъ величіе и славу; а себѣ молитъ смерти и радуется ея приближенію: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ.* Казалось бы, преклонному старцу, при видѣ жизни, только что начинающейся, и при видѣ Самаго Источника и Подателя жизни, всего естественнѣе было пожелать себѣ жизни и помолиться о ея продолженіи; а Симеонъ вспоминаетъ о смерти и смерти проситъ себѣ, какъ счастія. Что это значитъ? Ужели онъ тяготился жизнью? И развѣ можетъ человѣкъ безтрепетно думать о смерти и радоваться ея приближенію?

Можетъ, если живетъ такъ, какъ жилъ нѣкогда Богопріимецъ, который былъ праведенъ и благочестивъ и чаялъ утѣхи Израилевы. Что такое земля для праведника? Мѣсто ссылки, мѣсто странствованія, цѣль и предѣлъ котораго не здѣсь, а въ небѣ,—въ вѣчности. Развѣ узникъ не тяготится узами и не ждетъ освобожденія отъ нихъ? Развѣ путникъ счастливымъ себя считаетъ въ многотрудномъ пути, и не радуется при мысли, что близка его родина? Что такое земная жизнь наша? Это поле брани, на которомъ мы вѣкъ свой сражаемся, гдѣ плоть наша воюетъ съ духомъ, добрыя наклонности со злыми. Какой воинъ не желаетъ, чтобы скорѣе кончилась война, и не радуется при вѣсти, что миръ скоро будетъ заключенъ? Что такое земная жизнь наша? Мѣсто скорбей, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть никогда покоя, никогда истиннаго и постояннаго счастія; а смерть для праведника есть переходъ къ блаженству нескончаемому. Какъ же ему не желать смерти и не радоваться при ея приближеніи? «Для меня жизнь—Христосъ, и смерть—пріобрѣтеніе», говоритъ св. Апостолъ Павелъ. «Желаніе имѣю разрѣшиться и быть со Христомъ, потому что то несравненно лучшее» (Филиппис. I, 21, 23).

У Сумеона, впрочемъ, была и другая причина, почему онъ тяготился жизнью и желалъ себѣ смерти, какъ счастія. «Ему было предсказано Духомъ Святымъ, что онъ не увидитъ смерти, доколѣ не увидитъ Христа Господня». По древнему сказанію, это было за 270 лѣтъ до Рождества Христова; находясь въ числѣ 72 переводчиковъ Священнаго Писанія съ Еврейскаго языка на Греческій, Сумеонъ усумнился было въ подлинности одного мѣста изъ книги пророка Исаіи, гдѣ говорится о рожденіи Еммануила (Іисуса Христа) отъ Дѣвы. Когда Младенецъ Іисусъ былъ принесенъ Маріею, Матерію Его, во храмъ, Богопріимцу было уже около 300 лѣтъ. А кому въ такія лѣта жизнь на землѣ можетъ быть пріятною? Кому, при томъ, какъ Сумеону, не радостно было бы умереть въ виду такого счастія, какого онъ удостоился? Отъ вѣка обѣтованный Спаситель міра пришелъ; Сумеонъ видитъ Его и держитъ на старческихъ рукахъ своихъ. Какъ было не пожелать смерти при такомъ счастіи и не сказать Источнику жизни и счастія: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ: яко видѣста очи мои спасеніе Твое!* Какое высшее счастіе онъ могъ испытать въ жизни, и какого блаженства не могъ ожидать въ вѣчности, когда сподобился видѣть и держать на рукахъ своихъ Самого Мессію, обѣтованнаго Искупителя?

Что-то мы съ тобою, братъ христіанинъ, скажемъ, когда смерть къ намъ приблизится? А вѣдь, скоро ли, долго ли, она къ намъ придетъ неизбѣжно, неминуемо. Ахъ, если бы насъ сподобилъ Господь на закатѣ дней своихъ сказать, какъ нѣкогда сказалъ Сумеонъ старецъ: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ: яко видѣста очи мои спасеніе Твое!* Но для этого нужно жить, какъ жилъ Сумеонъ,—праведно, благочестиво, съ вѣрой во Христа Спасителя: потому что какъ радостно умирать праведнику,—такъ, напротивъ, страшно умирать грѣшнику безъ вѣры во Христа и надежды на спасеніе. За гробомъ ждетъ его не блаженство, а судъ безъ милости, му́ки безъ окончанія. Храни насъ, Боже! (Духовн. Бес. 1872 г. т. 1, стр. 65—67.)

Тайна наилучшаго воспитанія дѣтей.

(Изъ поученія Н. Думитрашко.)

И егда исполнишася дніе очищенія Ею, по закону Моусееву, вознесоста Его (Іисуса) во Іерусалимъ, поставити Его предъ Господемъ (Лук. II, 22).

Просты, повидимому, эти священныя слова и говорятъ, кажется, только о томъ, что когда Божественному Младенцу Іисусу исполнилось сорокъ дней отъ рожденія, то родители понесли Его въ Іерусалимъ, чтобы посвятить Его Богу. Но стоитъ вникнуть въ эти слова, вдуматься въ нихъ—и намъ откроется, что въ нихъ заключена тайна истиннаго воспитанія и—счастія христіанскаго, ибо никто, надѣюсь, не сомнѣвается въ томъ, что основаніе счастію каждаго человѣка полагается въ его воспитаніи. Тайна эта состоитъ въ томъ, чтобы младенца всецѣло предать Господу и такъ расположить и умъ и сердце его, чтобы, и пришедши въ возрастъ, онъ самъ всего себя посвятилъ Господу.

Если хотите подтвержденія этой истины, то обратите свое вниманіе на слѣдующія обстоятельства: Исаакъ съ юныхъ лѣтъ принесенъ Господу, и—на немъ до кончины его почіетъ благодать Бо́жія; Моусей, въ первые мѣсяцы по рожденіи, отданъ попеченію Божественнаго Промыслителя, и—изъ него выходитъ Боговидецъ, законодатель, вождь народа Божія, великій чудотворецъ и

пророкъ. Самсонъ прежде рожденія своего обреченъ былъ на особенное служеніе Богу, и Господь выразилъ въ немъ Свою силу. Самуилъ, Богу обѣщанный и Богомъ данный, съ младенчества служитъ святому храму Его, и дѣлается великимъ пророкомъ. Іоаннъ, на первомъ году жизни своей отданный пустынной жизни, становится пророкомъ, предтечею Господа и Его крестителемъ. Марія, Богомъ возвѣщенная и Богу посвященная съ нѣжнѣйшихъ отроческихъ лѣтъ—потомъ Богородица. Наконецъ, Іисусъ, Самъ Господь и Господу представленный—Спаситель нашъ. Что же показываютъ всѣ эти священные примѣры? То самое, что выше сказано, кто съ дѣтства преданъ былъ Богу, въ томъ проявлялась великая сила благодати Божіей.

Но не всѣмъ же быть такими святыми?! помыслитъ кто-нибудь. Нѣтъ,—всѣмъ. Христосъ воплотился для всѣхъ, преподалъ Евангеліе всѣмъ, пострадалъ за всѣхъ, всѣхъ спасъ и всѣмъ заповѣдалъ: «будьте святы, какъ и Я святъ; будьте совершенны, какъ Отецъ Мой Небесный совершенъ» (Матѳ. V, 48). Но мы всѣ, подумаетъ другой, также посвящены Богу, и дѣтей своихъ приносимъ и посвящаемъ, по установленію церковному, въ сороковой день. Это хорошо, если только совершенно справедливо; нельзя не похвалить за то, что придерживаются древнихъ благочестивыхъ уставовъ и обычаевъ. Но признайтесь, не тѣмъ ли и кончилось наше посвященіе Богу? Ибо въ чемъ другомъ выразили мы, что мы предали Богу свое дитя совершенно? Развѣ въ томъ, что при таинствѣ крещенія нарочно согрѣвали воду, боясь, чтобы холодною не повредить слабаго младенца? Или въ томъ, что въ теченіи цѣлой зимы лишаемъ своихъ дѣтей св. причастія, изъ опасенія, чтобы по холоду не простудить ихъ и не подвергнуть опасности ихъ жизни? Но, Боже мой! Это ничто иное, какъ постыдное недовѣріе ко вседѣйствующей благодати Божіей, какъ непростительное невѣдѣніе о самыхъ основаніяхъ вѣры нашей. Или, можетъ быть, кто-нибудь укажетъ на то, что дѣти наши вездѣ въ училищахъ изучаютъ законъ Божій. Это правда: имъ преподается тамъ и исторія вѣры, и ученіе вѣры, и правила истинной жизни, и они все это изучаютъ, но—только изучаютъ.... Истины святой вѣры заучиваются такъ же, какъ имена и событія исторіи гражданской, какъ числа, какъ названія родовъ и видовъ разныхъ животныхъ. Сердце не участвуетъ въ принятіи Божественныхъ глаголовъ, тогда какъ они назначены собственно для сердца; даже умъ рѣдко сознаетъ величіе этихъ святыхъ истинъ; одна память имѣетъ съ ними дѣло. Если это такъ, скажутъ, то виноваты едва ли не сами учители закона Божія: они или не хотятъ, или не умѣютъ внушить истиннаго понятія о святой вѣрѣ и любви къ ней. Можетъ быть, и такъ отчасти. Но возьмемъ во вниманіе и то обстоятельство, что дѣти поступающія въ училище, обыкновенно бываютъ не менѣе 10 лѣтъ отъ роду, и, не смотря на это, не знаютъ самыхъ первоначальныхъ истинъ христіанскихъ, не имѣютъ понятія о самыхъ первыхъ, необходимѣйшихъ правилахъ благочестивой жизни. Они не умѣютъ и перекреститься, какъ слѣдуетъ; о святыхъ постахъ если знаютъ, то только потому, что слышали объ нихъ толки, будто они установлены для простаго народа, и слышали это странное открытіе по большей части отъ своихъ родителей; понятія ихъ о вѣрѣ ниже всякаго понятія и до того не ясны, что нерѣдко въ своемъ представленіи они не могутъ отдѣлить Пресвятой Троицы отъ Пресвятой Богородицы. Любви же къ церкви Божіей,

усердія къ молитвѣ не ищи и не спрашивай. Что̀ послѣ этого можетъ сдѣлать съ такими дѣтьми самый искусный и опытный учитель во время своихъ краткихъ и рѣдкихъ бесѣдъ съ ними? Какъ онъ возраститъ то, что̀ не было посѣяно? Какъ онъ взлелѣетъ то, что̀ не было насаждено? Или изъ своего собственнаго сердца вырвать сѣмена вѣры и любви и вселить въ сердцахъ своихъ питомцевъ? Можно бы и на это рѣшиться, но, къ сожалѣнію, это невозможно. Виноваты, стало быть, не учители, если ихъ питомцы слабы въ вѣрѣ, лѣнивы въ молитвѣ, не безукоризненны и въ жизни христіанской. Виноваты родители ихъ, что съ самаго нѣжнаго дѣтства не всѣяли въ сердца своихъ дѣтей сѣмянъ благочестія; не было посѣва—нѣтъ и жатвы, нѣтъ и плодовъ.

Воспитаніе тогда только будетъ истинно и обученіе благочестію тогда только будетъ прочно и дѣйствительно, когда будетъ начинаться съ младенческихъ пеленъ. Понятія и убѣжденія, внушенныя намъ въ дѣтствѣ, никогда не истребятся изъ нашего сердца: мы и умремъ съ ними. Значитъ, въ это-то время, съ самыхъ первыхъ младенческихъ лѣтъ, нужно учить дитя вѣрѣ и благочестію и словомъ, а особенно примѣромъ—потому, что ничто такъ не дѣйствуетъ на дитя, какъ примѣръ старшихъ,—внушать ему любовь къ Богу и ко всему Божественному: къ молитвѣ, къ церкви, къ святынѣ храмовъ и проч. И если дитя съ того времени будетъ всегда имѣть Бога въ сердцѣ и на устахъ, то и до конца жизни своей не разлучится съ Нимъ. Такимъ способомъ—и только такимъ—получитъ свой смыслъ и значеніе посвященіе Богу младенца въ сороковой день, а безъ этого оно будетъ многозначительнымъ, ни къ чему не ведущимъ обрядомъ.

Выводъ изъ сказаннаго очевиденъ для каждаго. Родители и всѣ вообще, на комъ лежитъ священный долгъ воспитанія дѣтей, должны искренно и неуклонно заботиться о томъ, чтобы дѣти съ самаго перваго пробужденія въ нихъ сознанія были напитываемы духомъ вѣры и благочестія. Тѣ же, которые не имѣютъ отношенія къ дѣтямъ, должны обратить вниманіе на самихъ себя, и если они сознаютъ, что въ ихъ собственномъ воспитаніи была сдѣлана та роковая ошибка, что они возрасли не согрѣтые теплотою вѣры и любви къ Богу, то имъ слѣдуетъ напрячь всѣ силы, употребить всѣ средства, чтобы пополнить свой недостатокъ. Иначе они явятся предъ очами Господа въ самомъ жалкомъ видѣ, и Онъ можетъ сказать имъ тѣ же безотрадныя слова, которыя изрекъ подобнымъ людямъ въ Своемъ Божественномъ Откровеніи: *ты говоришь: я ни въ чемъ не имѣю нужды; а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и наг*ъ (Апокалипс. III, 17). (Воскр. Чт. 1873 г. т. 1, стр. 76—78).

Библіографическій указатель къ Обрѣзанію и Срѣтенію Господню (Лук. II, 21—38).

Толкованія святоотеческія.

1) Мысли отцевъ и учителей Церкви объ обрѣзаніи. Воскр. Чт. XXIV г. 402.

2) *Св. Аѳанасія Александр.* изъ толкованія на Ев. отъ Луки (II, 22—24, 29). Тв. св. Аѳ. Алекс. ч. IV. 498—501. Тв. св. оо. XXII.

3) *Пр. Исидора Пелусіота* на слова: *Всякъ младенецъ мужескаго пола, разверзая ло-*

жёсна (Лук. II, 23), противъ ѳеопасхитовъ и утверждающихъ, что во Христѣ одно естество. Ч. I. 16—17. Тв. св. оо., т. 34.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

4) Изъясненіе ст. 21, 2 гл. Лук. Воскр. Чт. XVIII. 377.

5) Величіе святѣйшаго имени Іисусъ (Лук. II, 21) (съ англійскаго). Воскр. Чт. 1874 г. I. 17.

6) Обрѣзаніе Господне, принесеніе во храмъ и пророчества Сумеона и Анны. Воскр. Чт. XXXI г. I. 367.

7) Евангельское чтеніе въ день Срѣтенія Господня. *Орловскаго.* Воскр. Чт. XXXI. II. 841.

8) Срѣтеніе Господне. Воскр. Чт. 1879 г. № 5. 53.

9) Мысли при чтеніи повѣствованія о принесеніи Іисуса Христа во храмъ и о срѣтеніи Его Сумеономъ Богопріимцемъ и Анною пророчицей (Лук. II, 22—40). Хр. Чт. 1846 г. I. 306.

10) День Срѣтенія Господня (размышл.). Стран. 1878 г., янв. 75.

11) О св. Сумеонѣ и Аннѣ (25—38). Воскр. Чт. IX г. 382.

12) Св. и праведные Сумеонъ Богопріимецъ и Анна пророчица. Воскр. Чт. 1880 г. № 5. 42—43.

13) Сумеонъ Богопріимецъ—совершенный Израильтянинъ (Лук. II, 25—35). Воскр. Чт. VIII г. 423.

14) *Ѳ. Смирнова.* Сумеонъ Богопріимецъ и Анна пророчица. Воскр. Чт. 1882 г. 46—48.

15) Изъясненіе (Лук. II, 29—32) въ бесѣдѣ на Срѣтеніе. Хр. Чт. 1849 г. I. 78.

16) Изъясненіе на то же мѣсто. Воскр. Чт. II г. 387; VII г. 417; XII г. 432.

17) Христосъ—свѣтъ для сокровенныхъ душъ человѣческихъ (Лук. II, 34—35). Прав. Соб. 1861 г. I. 143—172.

18) Изъясненіе на то же мѣсто. Воскр. Чт. VII г. 237.

19) Іисусъ Христосъ—знаменіе пререкаемое (Лук. II, 34). Прот. *Зефирова.* Дом. Бес. 1874 г. Вып. 48. 1259.

20) Анна (Лук. II, 36—38). Б. п. сл. Воскр. Чт. 1874 г. I. 143.

21) Благодать (Лук. II, 40). Б. п. сл. Тамъ же. 271.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

22) Ст. 21. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* Бес. объ обрѣзаніи Господнемъ. I. 199—204.

23) *Иліодора, архіеп. Курскаго.* Объ обрѣзаніи духовномъ—христіанскомъ. 50—54.

24) Ст. 22—23 и дал. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* Бесѣда на Срѣтеніе Господне. I, 279—286.

25) Ст. 25—26. *Его же.* О томъ, почему для праведнаго Сумеона смерть была мирною, и о средствахъ противъ ужасовъ смерти. I. 288—296.

26) Ст. 34. *Его же.* О раздѣленіи проповѣди Сумеона на три части и о вразумленіи, данномъ въ средней или второй части: *се лежитъ Сей на паденіе и на возстаніе многимъ во Израилѣ и въ знаменіе пререкаемо.* I. 309—317.

27) Ст. 22—38. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Бесѣды на Срѣтеніе Господне. I. 36—47.

28) Ст. 26. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О томъ, что мысль о Христѣ должна утѣшать каждаго христіанина въ часъ смерти. II. 53—60.

29) Ст. 29. *Исидора, митроп. Новгородскаго.* Мысли и чувства Сумеона Богопріимца и назидательный урокъ для насъ. 20—25. 31—39.

30) *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* Смерть грѣшника рѣзко отличается отъ смерти праведника. II. 61—70. И каждый христіанинъ чрезъ вѣру, подобно Сумеону, дѣлается Богоносцемъ. 80—92.

31) *Григорія, архіеп. Казанскаго.* Какъ умереть съ спокойнымъ духомъ? II. 70—75.

32) *Иліодора А. К.* Что̀ можетъ успокоивать духъ нашъ при видѣ ужасовъ смерти? 68—75.

33) *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* О томъ, что изъ самыхъ опасныхъ положеній Промыслъ Божій выводитъ человѣчество и народы торжествующими, воздвигая на спасеніе ихъ орудія и силы невѣдомыя, но могущественно дѣйствующія; но для сего нужны среди самихъ людей, среди народовъ, благопотребныя орудія. III. 43—53.

34) Ст. 35. *Филарета, митроп. Московскаго.* Рѣшеніе вопросовъ: зачѣмъ бѣдствуютъ и невинные? Зачѣмъ и тѣ, которые не безвинны, страждутъ не въ соразмѣрности съ виною своею, а нерѣдко наименѣе виновные страждутъ наитягчае? III. 260—264.

35) *Его же.* Въ какое время исполнилось предреченіе Сумеона Матери Божіей: и Тебѣ же Самой душу пройдетъ оружіе? Чт. въ Общ. л. д. п. 1875 г. I. 451.

7) Поклоненіе волхвовъ; смущеніе Ирода; избіеніе младенцевъ; бѣгство во Египетъ и возвращеніе въ Назаретъ (Матѳ. II).

Ст. 1—2. Въ то время, когда небесныя воинства восхваляли рожденіе Небеснаго Царя, когда пастухи, а вмѣстѣ съ ними и всѣ слышавшіе отъ нихъ объ этомъ необычайномъ событіи дивились сему, всѣ прочіе Іудеи не думали и не знали объ исполненіи ихъ завѣтныхъ обѣтованій. Чтобы это радостное событіе, —явленіе въ міръ обѣтованнаго Спасителя,—не осталось долго неизвѣстнымъ Іерусалиму, по устроенію Промысла пришли въ Іерусалимъ съ востока волхвы. Для нихъ представляется страннымъ, что въ столицѣ государства, гдѣ случилось такое важное событіе, какъ рожденіе великаго Царя, не только никто не празднуетъ, но и не говоритъ объ этомъ ни слова. И вотъ, сами волхвы рѣшаются спросить объ этомъ у Іудеевъ: гдѣ родившійся Царь Іудейскій? Ибо мы видѣли звѣзду Его на востокѣ и пришли поклониться Ему.

Ст. 3. Казалось, что эта вѣсть должна привесть Іерусалимъ въ восторгъ и радость. Онъ слышитъ исполненіе своихъ постоянныхъ надеждъ, своихъ нетерпѣливыхъ и долговременныхъ ожиданій,—ему возвѣщается о рожденіи Его Царя. Не спѣшатъ ли и всѣ жители Іерусалима, подобно волхвамъ, узнать мѣсто рожденія своего Царя и воздать Ему должное поклоненіе и хвалу? Къ стыду Іудеевъ мы видимъ противное. Услышавъ эту вѣсть, говоритъ Евангелистъ, Иродъ царь смутился и весь Іерусалимъ съ нимъ. Что же это за смущеніе? Можетъ быть, это было угрызеніемъ совѣсти, смущеннымъ сознаніемъ того, что такое радостное для Іудеевъ событіе, какъ рожденіе великаго обѣтованнаго Царя, возвѣщается имъ чужестранцами? Можетъ быть, это былъ стыдъ отъ того, что они не знали о такомъ важномъ, случившемся среди нихъ, событіи и не воздали поклоненія новорожденному Царю, тогда какъ отдаленные пришельцы предупредили ихъ въ этомъ?... Нѣтъ, это была тревога другаго рода. Для Ирода, властолюбиваго и честолюбиваго тогдашняго Іудейскаго царя, вѣсть, принесенная волхвами о рожденіи великаго Іудейскаго Царя, должна была вмѣсто радости принести мучительный страхъ. При этой вѣсти онъ вспомнилъ незаконное овладѣніе Іудейскимъ царствомъ, вспомнилъ ужасныя жестокости, произведенныя имъ въ Іудеѣ, и это привело его въ страхъ, что вотъ новый Царь представитъ Свои права на царство, а оскорбленные правленіемъ Іудеи станутъ подъ знамена новаго Царя и отомстятъ за всѣ понесенныя имъ оскорбленія. Смутились съ нимъ приверженцы его; смутились многіе, можетъ быть, еще и потому, что опасались, какъ-бы раздраженный тиранъ не прибѣгъ къ особеннымъ жестокостямъ.

Ст. 4—6. Въ этомъ страхѣ Иродъ обращается къ первосвященникамъ и книжникамъ народнымъ, которые, конечно, какъ знакомые съ Писаніемъ, не могли не знать о мѣстѣ, предназначенномъ для рожденія обѣтованнаго Царя. «Гдѣ, спрашиваетъ у нихъ Иродъ, должно родиться Христу»? При этомъ имени взоры всѣхъ постоянно обращались на Іудейскій городъ Виѳлеемъ, гдѣ, на основаніи пророчествъ, должно было родиться Христу. Они помнили и знали слова пророка: *и ты, Виѳлеемъ, земля Іудина, ни чѣмъ не меньше воеводствъ Іудиныхъ; ибо изъ тебя произойдетъ Вождь, Который упасетъ на-*

родъ Свой, Израиля. Ссылаясь на эти слова, книжники, на вопросъ Ирода о мѣстѣ рожденія Христа, положительно отвѣчаютъ: «въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ».

Въ подлинникѣ это пророческое мѣсто у Михея (V, 2) нѣсколько отлично отъ приведеннаго книжниками, или Евангелиста, но въ главномъ—въ указаніи на мѣсто рожденія Мессіи—совершенно они одинаковы. По подлиннику такъ: «*Виѳлеемъ Евфраѳа, ты малъ, чтобы быть тебѣ въ ряду съ тысячами Іудиными, но изъ тебя произойдетъ у меня Владыка Израиля; Его начало,—дни вѣчности*». *Евфраѳа* значитъ *плодоносное поле*, названіе, выражающее то же, что̀ и Виѳлеемъ—*домъ хлѣба*. Такъ назывался Виѳлеемъ Іудейскій еще въ патріархальное время (ср. Быт. XXXV, 19; XLVIII, 7. Руѳ. IV, 11). *Ты малъ, чтобы быть въ ряду съ тысячами Іудиными* (ничѣмъ не меньше большихъ городовъ Іудиныхъ): Виѳлеемъ былъ городокъ не многолюдный, который по внѣшней силѣ никакъ не могъ равняться съ городами многолюдными въ родѣ Іерусалима, съ городами, которые были сильны, которые могли давать много способныхъ носить оружіе; но пророкъ указываетъ на преимущество его предъ прочими городами другое, несравненно важнѣйшее, чѣмъ внѣшняя сила, или богатство. *Произойдетъ Владыка* (Вождь) *Израиля*: «хорошо сказано *произойдетъ*, а не *останется* въ тебѣ; ибо Христосъ не остался въ Виѳлеемѣ, но по рожденіи вышелъ изъ него и жилъ большею частью въ Назаретѣ» (Злат. и Ѳеофил.) *Владыка*: это—существенная черта Мессіи — владычество духовное надъ всѣмъ міромъ. *Израиль* (Еврейское царство) употребляется здѣсь частью потому, что пророчество изрѣчено было народу Еврейскому, которому и обѣщанъ былъ Мессія, частью потому, что Израиль употребляется здѣсь для обозначенія избранныхъ всего человѣчества, «увѣровавшихъ во Христа какъ изъ Евреевъ, такъ и изъ язычниковъ» (Злат. съ Ѳеофил.) *Исходища Его начало, дни вѣчности*: «пророкъ указуетъ этими словами на Божество Владыки, имѣющаго родиться въ Виѳлеемѣ; хотя Онъ и родится по плоти во времени, но по Божеству Своему Онъ вѣченъ. Первосвященники же и книжники, сказавъ о Виѳлеемѣ, что изъ него произойдетъ Пастырь Израилевъ, не присовокупили (сихъ) словъ изъ лести къ царю» (Злат.). *Упасетъ*: образъ пастыря въ отношеніи Іисуса Христа къ вѣрующимъ въ Него прилагаетъ къ Себѣ Онъ Самъ (Іоан. X, 11 и дал.) Смыслъ образа тотъ, что Христосъ, какъ пастырь, стадо Свое охраняетъ отъ враговъ, питаетъ на избранныхъ лучшихъ мѣстахъ— словомъ Своимъ и таинствами, напаяетъ во время Своими благодатными дарами и приводитъ для вѣчнаго успокоенія къ Отцу Своему (Толков. Ев. Михаила т. I, стр. 21—23).

Ст. 7—8. Узнавъ о мѣстѣ рожденія Спасителя, Иродъ призываетъ къ себѣ волхвовъ и удовлетворяетъ желанію ихъ. «Новый царь, говоритъ онъ имъ, родился въ Виѳлеемѣ: ступайте туда, но только тщательно развѣдайте о Младенцѣ, и, когда подробно узнаете все, приходите назадъ и извѣстите меня, чтобъ и мнѣ придти поклониться Ему». Но подъ этимъ смиреніемъ, побуждавшимъ будто бы Ирода воздать должное поклоненіе родившемуся Царю, скрывалась злоба и жестокіе замыслы оскорбленнаго властолюбія. Иродъ думалъ воспользоваться розысками волхвовъ, чтобы новымъ преступленіемъ удержаться на несправедливо захваченномъ престолѣ: думалъ освободиться и отъ этого мнимаго соперника, какъ привыкъ онъ поступать со всѣми, кто только встрѣчался на дорогѣ къ ненасытному его властолюбію.

Ст. 9—11. Волхвы же, узнавъ мѣсто рожденія великаго Іудейскаго Царя, съ радостью отправляются на поклоненіе Ему въ Виѳлеемъ. Не успѣли они выйти изъ Іерусалима, какъ та же самая звѣзда, которую видѣли они на востокѣ,—звѣзда необыкновеннымъ явленіемъ и положеніемъ возвѣстившая имъ рожденіе въ Іудеѣ великаго Царя, явилась снова и шла передъ ними, указывая имъ путь. Какъ только они пришли въ Виѳлеемъ, звѣзда остановилась надъ мѣстомъ, гдѣ находился Божественный Младенецъ. Несказанный восторгъ и радость объяла ихъ сердце, когда они увидѣли цѣль долгаго своего странствованія,—увидѣли мѣсто, куда такъ нетерпѣливо стремились ихъ души,—увидѣли Божественнаго Младенца съ Его Матерью, и въ поклоненіи своемъ этому великому Царю выразили всю полноту чувствъ, поднявшихъ ихъ въ долгое странствованіе, постоянно подкрѣплявшихъ ихъ въ продолженіи онаго. «И падши, говоритъ святый Евангелистъ, поклонились Ему и, открывъ сокровища свои, поднесли Ему, какъ Царю, Помазаннику и Богу, дары: золото, ладанъ и смирну».

Ст. 12. Исполнивъ искреннее желаніе своего сердца, воздавъ должное поклоненіе Божественному Младенцу, волхвы, согласно приказанію Ирода, должны были на обратномъ пути возвѣстить ему о мѣстѣ рожденія великаго Царя. Не проникая злыхъ намѣреній Ирода, они хотѣли уже отправиться въ Іерусалимъ; но бывшее имъ во снѣ откровеніе удержало ихъ отъ этого намѣренія,—имъ повелѣно было отправиться въ свое отечество инымъ путемъ.

Ст. 16—18. Страхъ и смущеніе Ирода, послѣ отшествія волхвовъ изъ Іерусалима, нѣсколько уменьшились и уступили мѣсто злобной радости, думавшей употребить розыски волхвовъ средствомъ для исполненія своихъ жестокихъ замысловъ—погубить родившагося Царя. Онъ ожидалъ возвращенія волхвовъ и радовался въ душѣ, что такъ легко можно будетъ освободиться отъ угрожавшей его властолюбію опасности. Но злобѣ и нечестивымъ намѣреніямъ, какъ-бы они ни были сильны, не возможно бороться съ Божіимъ промысломъ: онѣ не въ состояніи были уничтожить дѣло Божественнаго милосердія къ падшему роду человѣческому. Мы видѣли, что волхвы, вразумленные ночнымъ видѣніемъ, ушли въ свою страну другимъ путемъ. Прошло нѣсколько времени нетерпѣливыхъ ожиданій Ирода,—волхвы не приходили. Тутъ онъ ясно увидѣлъ, что его ожиданія напрасны, что волхвы посмѣялись надъ нимъ.

Его тревога и страхъ перешли въ ужасный гнѣвъ, въ которомъ онъ уже не останавливался ни передъ какими средствами для удовлетворенія своихъ нечестивыхъ и злобныхъ намѣреній. Неудачная попытка на пути преступленія не образумила его, а, напротивъ, еще болѣе ожесточила и заставила употребить всевозможныя средства для достиженія своей цѣли. И вотъ, въ этомъ ожесточенномъ состояніи онъ издаетъ самое ужасное приказаніе: не зная лица своего мнимаго соперника, онъ изливаетъ свою ярость на Его возрастъ и мѣсто рожденія,—повелѣваетъ губить всѣхъ, какъ въ Виѳлеемѣ, такъ и во всѣхъ его предѣлахъ, младенцевъ отъ двухъ лѣтъ и ниже, предполагая, что послѣ этого новорожденному Царю невозможно будетъ избѣжать смерти. И вотъ, до 14 тысячъ невинныхъ жертвъ дѣлаются добычею ненасытнаго властолюбія,—нѣсколько тысячъ семействъ своимъ плачемъ и воплемъ должны разогнать страхъ и принести въ душу нечестиваго честолюбца покой и радость. «Гласъ въ Рамѣ слышанъ, приводитъ Евангеліе по этому поводу слова пророка, плачъ и рыданіе

и вопль великій; Рахиль плачетъ о дѣтяхъ своихъ и не хочетъ утѣшиться, ибо ихъ нѣтъ».

Ст. 13—15. Однако злобному намѣренію Ирода не суждено было исполниться. Не пришла еще пора воплотившемуся Сыну Божію искупить грѣхи людскіе Своею смертію. Отецъ Небесный хранилъ родившагося Спасителя, и только что волхвы ушли изъ Виѳлеема, является во снѣ Іосифу Ангелъ Господень и говоритъ: «встань, возьми Младенца и Матерь Его и бѣги во Египетъ, и будь тамъ, доколѣ не скажу тебѣ; ибо Иродъ хочетъ искать Младенца, чтобы погубить Его». Исполняя Божественное повелѣніе, Іосифъ этою же самою ночью, вмѣстѣ съ Божественнымъ Младенцемъ и Его Матерью, отправился въ Египетъ, гдѣ святое семейство спокойно жило до смерти Ирода (Воскр. Чт. 1867 г., ч. I, стр. 406—411).

Поклоненіе отъ волхвовъ Спасителю.

(Матѳ. II, 1—12.)

Какъ ни смиренно совершилось воплощеніе Сына Божія въ убогомъ вертепѣ среди безсловесныхъ; но казалось, и небо и земля поспѣшили преклониться предъ глубокимъ смиреніемъ своего Творца, волею почившаго въ убогихъ ясляхъ. Архангелы и Ангелы сошли съ небесныхъ круговъ въ юдоль Виѳлеемскую и благовѣстили міру *радость велію: яко родися Спасъ, Иже есть Христосъ Господь* (Лук. II, 11). Ветхозавѣтная церковь, сначала въ лицѣ пастырей Виѳлеемскихъ, потомъ въ лицѣ праведныхъ Сѵмеона и Анны, поклонилась и исповѣдала въ младенчествовавшемъ Іисусѣ *славу Израиля* (Лук. II, 32). Наконецъ, и языческая неплодящая церковь узнала *чаяніе языковъ* (Быт. XLIX, 10), и въ лицѣ волхвовъ преклонилась предъ дивнымъ Младенцемъ, Который вскорѣ имѣлъ *собрать во едино разсточенная чада Божія* (Іоан. II, 52).

Кто же были эти первенцы вѣры во Христа—эти первопризванные Имъ изъ тьмы идолослуженія въ чудный свѣтъ благодати? Святый Евангелистъ Матѳей называетъ ихъ волхвами,—именемъ, которое въ Священномъ Писаніи, по большей части, означаетъ человѣка зломудраго и преданнаго суевѣрію, но у пророка Даніила означаетъ просто: мудраго,—наблюдателя природы, или частнѣе астронома (Дан. I, 20; V, 11). Весьма вѣроятно, что и волхвы, пришедшіе поклониться родившемуся Спасителю, принадлежали къ числу сихъ послѣднихъ, ибо во всей ихъ исторіи открываются качества душъ чистыхъ и благоговѣйныхъ, способныхъ принимать Божественныя внушенія и имъ повиноваться. Они удостоиваются во снѣ наставленія отъ Самаго Бога, къ Которому, по словамъ пророка, *не преселится лукавнуяй* (Псаломъ V, 5). Все это показываетъ, что они имѣли довольно чистыя понятія о Богѣ, и что мудрость ихъ не была *земна, душевна, бѣсовская* (Іаков. III, 15). «Глаголются же быти волсви, говоритъ св. Димитрій Ростовскій, не яко въ бѣсовскихъ обаяніяхъ упражняющіися, но понеже обычай бѣ, Персомъ, Еѳіопомъ и инымъ восточнымъ странамъ, философы своя и звѣздочетцы, тако нарицати волхвами. Нарицаются же и царіе, не яко царіе велицыи, но яко имущіи отъ нихъ кійждо свой градъ, или княженіе опредѣленное».

Святый Евангелистъ Матѳей не опредѣляетъ, въ частности, страны, изъ которой пришли волхвы въ Іерусалимъ, но говоритъ вообще, что *волсви отъ востокъ пріидоша* (II, 1), и это подало поводъ производить ихъ изъ Халдеи, изъ Персіи, Аравіи, и даже—Индіи. Но древнее преданіе Церкви, подтверждаемое свидѣтельствами святаго Златоуста,

Кирилла Александрійскаго и Θеофилакта, называетъ отечественною страною волхвовъ—Персію,«яко въ то время наипаче тамо славно бѣ ученіе звѣздочетское и не можаше кто у нихъ царемъ быти, аще не первѣе звѣздочетства изученъ будетъ». Это преданіе проливаетъ свѣтъ и на свойство мудрости волхвовъ—чуждой суевѣрія, и на то, какимъ образомъ люди, жившіе среди тьмы язычества, могли знать о родившемся Царѣ Іудейскомъ: извѣстно, что пророкъ Даніилъ жилъ долгое время въ Персіи (Дан. VIII, 2) и что̀ еще важнѣе—былъ главою мудрыхъ (Дан. II, 48; V, 11). Нельзя думать, чтобы онъ не передалъ своимъ сотрудникамъ и подчиненнымъ понятій истиннаго Боговѣдѣнія, чтобы не подѣлился съ ними утѣшительнымъ откровеніемъ о пришествіи Мессіи, Который составлялъ и *чаяніе языковъ*, и—особенно, чтобы книга его пророчествъ не была извѣстна Халдейскимъ и Персидскимъ мудрецамъ, которыхъ исключительнымъ занятіемъ были религія и мудрость. Съ большою вѣроятностью можно полагать, что седмины Даніиловы и счисленіе ихъ составляли у нихъ, преемственно изъ рода въ родъ, предметъ особеннаго вниманія и ожиданія, и—вотъ, когда приблизилось *скончаніе ихъ*, вниманіе мудрецовъ Персидскихъ устремилось къ Іудеѣ и Іерусалиму, гдѣ, по предреченію Даніила, долженъ помазаться *Святый святыхъ* (IX, 24), а явленіе необыкновенной звѣзды убѣдило ихъ, что Чаяніе языковъ явился на землѣ. Избраннѣйшіе изъ мудрыхъ, быть можетъ, отъ лица цѣлаго сословія своего, отправились въ Іерусалимъ, водимые тою же чудною звѣздою, которая, по словамъ Евангелиста, *идяше предъ ними* (Матѳ. II, 9).

Это необыкновенное небесное явленіе составляло предметъ разныхъ догадокъ учителей церковныхъ. Святый Златоустъ и Θеофилактъ думали, что то была нѣкая Божественная и Ангельская сила, являвшаяся вверху, въ видѣ звѣзды и названная въ Священномъ Писаніи звѣздою въ томъ смыслѣ, въ какомъ Ангелъ, предводившій ополченіемъ Израиля въ пустынѣ, называется просто столпомъ облачнымъ и столпомъ огненнымъ (сн. Исходъ XIII, 21—22 съ XIV, 19. Числ. XIV, 14). Это мнѣніе, подтверждаемое свидѣтельствомъ двухъ такихъ великихъ учителей Церкви, пріемлется съ уваженіемъ святымъ списателемъ житій святыхъ. «Кая то бѣ звѣзда», вопрошаетъ святый Димитрій Ростовскій, и, приведши мнѣніе святаго Златоуста и Θеофилакта, «яко не бѣ отъ числа звѣздъ небесныхъ нами видимыхъ, но Божественная нѣкая и Ангельская сила, вмѣсто звѣзды являющаяся», присовокупляетъ: «вся бо звѣзды, на небесѣхъ суть поставлены, а та, на воздусѣ зряшеся; вся звѣзды, обычнѣ, отъ востока на западъ текутъ, а та едина, необычно, отъ востока на югъ къ Іерусалиму течаше; вся звѣзды въ нощи точію сіяютъ, а та и во дни, солнцу подобно сіяше; вся звѣзды съ прочими свѣтилы непрестанное свое имутъ движеніе и теченіе, а та едина, овогда идяше, овогда же стояше: ходящимъ волхвомъ, ходяше и звѣзда, почивающимъ же имъ, и она стояше». Впрочемъ, симъ не отвергается мнѣніе тѣхъ, которые почитаютъ звѣзду, приведшую волхвовъ къ Спасителю, небеснымъ тѣломъ или звѣздою въ собственномъ смыслѣ. Исторія свидѣтельствуетъ, что великія событія въ мірѣ нравственномъ всегда предварялись или сопровождались знаменіями въ видимой природѣ, по нѣкоему взаимному, хотя и недовѣдомому для человѣка, соотношенію міра духовнаго съ вещественнымъ: такъ въ часъ смерти Искупителя, солнце померкло и земля сотряслась; и предъ будущимъ славнымъ при-

шествіемъ Его на землю, по словамъ Евангелія, *будутъ знаменія въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ* (Лук. XXI, 25). Можно думать, что мудрецы Персидскіе, зная, что скончавается счисленіе седминъ Даніиловыхъ, и, примѣтивъ въ это время появленіе необыкновенной звѣзды, и—еще болѣе необыкновенное движеніе ея, уразумѣли, что она знаменуетъ рожденіе того великаго Царя, о Которомъ имъ извѣстно было изъ пророчества Даніила.

Путеводимые чудесною звѣздою и наставленные въ Іерусалимѣ отъ книжниковъ, что изъ Виѳлеема *изыдетъ Вождь, еже быти въ князя во Израили* (Михей V, 2), волхвы достигли Виѳлеема и съ глубокимъ благоговѣніемъ поверглись предъ Божественнымъ Младенцемъ. По обыкновенію восточныхъ народовъ, по которому привѣтствіе царю должно сопровождаться поднесеніемъ даровъ (1 Царств. X, 27), волхвы, *отверзше сокровища свои, принесоша Ему дары: злато, ливанъ и смирну* (Матѳ. II, 11). Въ выборѣ сихъ даровъ, отцы Церкви видятъ таинственное знаменованіе. «Принесоша Ему, говоритъ святый Димитрій Ростовскій, злато, яко царю, ливанъ, яко Богу, смирну, яко человѣку смертну». Не соблазнили мудрецовъ Персидскихъ ни бѣдность родителей Іисусовыхъ, ни скромный вертепъ, ни убогія ясли; «по просвѣщающей ихъ тайно Господней благодати, видѣвше Отроча, Бога Его быти познаша, и того ради не точію яко царю, но и яко Богу, Ему поклонишася, поклоненіемъ Богу приличествующимъ, чесо ради пишется: падше поклонишася» (сказ.: о покл. волх.). (Воскр. Чт., ч. XII, стр. 406—409.)

Но что же Іерусалимъ? Какъ онъ, столько лѣтъ и столь пламенно ожидавшій Христа, не узналъ и не встрѣтилъ Его? Почему толпы Іудеевъ не устремились за волхвами въ Виѳлеемъ?— Іудеи были уже не тѣ, что во дни Маккавеевъ. Иноземное иго уже разслабило духъ ихъ. «Для чего, думали старѣйшины народа и граждане Іерусалима, подвергаться безъ нужды явной опасности, идти на копье и мечъ дикихъ Галловъ, Ѳракіанъ и Германцевъ, охраняющихъ входы и исходы нашего города? Если родился Христосъ, Посланникъ Божій, то Его не погубитъ никакая сила, никакая хитрость; Онъ откроетъ Себя Іерусалиму и явитъ Себя міру, когда настанетъ тому время». Такъ думали, молчали и ожидали! Справедливо, что дѣло Господа Іисуса не могло погибнуть. Оно должно было восторжествовать не только надъ кознями земными, но и надъ всѣми силами ада. Однако Богъ дѣйствуетъ для людей чрезъ людей и рѣдко являетъ Свою силу непосредственно, и вотъ Христосъ изберетъ Себѣ дѣятелей между рыбарями и мытарями пренебрегаемой Галилеи языческой.

Хотя еще при рожденіи Іисуса Христа, по сказанію святаго Евангелиста Луки, Виѳлеемскіе пастыри удостоились видѣнія Ангеловъ съ вѣстью о рожденіи Господа Іисуса и разсказали о своемъ чудномъ видѣніи нѣкоторымъ жителямъ Виѳлеема; но пастыри скоро оставили Виѳлеемъ, а страхъ недавнихъ казней за одни мессіанскія надежды связывалъ уста слышавшихъ отъ пастырей. Хотя еще до явленія волхвовъ Іисусъ Христосъ во время обрѣзанія Своего открытъ былъ Духомъ Святымъ въ самомъ Іерусалимѣ Сумеону и Аннѣ; но они, по внушенію того же Духа, сказали о сей тайнѣ только подобнымъ имъ немногимъ праведникамъ, чающимъ избавленія (Лук. II, 38). Господу угодно было послать въ Іерусалимъ другихъ благовѣстниковъ о Рождествѣ Христовѣ. Было время, когда Еврейскіе пророки

торжественно предвозвѣщали судьбы царей и народовъ языческихъ. Настало время, что отдаленные мудрецы востока — язычники торжественно возвѣщаютъ потомкамъ сихъ пророковъ о рожденіи Царя Іудейскаго. Это значило, что участь Іерусалима была уже предрѣшена, что онъ самъ себѣ готовилъ отверженіе, что язычники предварятъ Іудеевъ въ Царствѣ родившагося великаго Царя. Но Іерусалимъ сего не понялъ! (Душ. Чт., т. X, ч. 3, стр. 351—352.)

Дары Господу въ праздникъ Рождества Христова.

И принесоша Ему дары: золото, ливанъ и смирну (Матѳ. II, 11). На востокѣ былъ обычай приходить къ знатнымъ людямъ съ дорогими подарками. Такъ царица Савская посѣтила Соломона, привезла ему ароматы, множество золота, драгоцѣнныхъ камней и проч. Посему и волхвы принесли дары Младенцу Іисусу и вручили ихъ Матери Его. И въ настоящее время нѣкоторые имѣютъ обычай дарить что-нибудь другъ другу въ день Рождества Христова. Какой же подарокъ можетъ быть пріятнѣе для Господа? Посмотримъ на тѣ сокровища, какія принесли волхвы,— не можемъ ли мы подражать имъ? Во-первыхъ, они принесли *золото*—самый дорогой металлъ. Но Давидъ говоритъ, что слово Божіе дороже и вожделѣннѣе дорогого золота. Значитъ, если мы изучимъ слово Божіе и хранимъ его въ сердцѣ, то имѣемъ даръ, который для Господа дороже золота; этотъ даръ Его— истина: нѣтъ ничего дороже ея.

Во-вторыхъ, волхвы принесли *ладанъ*. Это—родъ того ароматическаго ѳиміама, который, по повелѣнію Божію, употребляли въ скиніи и во храмѣ (Исход. XXX, 34—38). Онъ имѣетъ очень пріятный запахъ; поднимаясь къ небесамъ, подобно облакамъ, онъ служитъ благодарственнымъ даромъ, пріятнымъ Богу. Если мы принесемъ Богу «благодареніе», какъ говоритъ Псалмопѣвецъ, не будетъ ли это пріятнѣе Богу, чѣмъ ладанъ? Наша душа, возсылающая ѳиміамъ благодарности къ небу, не дороже ли ладана?

Наконецъ, волхвы принесли *смирну*. Подобно ладану, она добывается изъ дерева, растущаго преимущественно въ Аравіи. Для этого надрѣзываютъ кору дерева, и оттуда вытекаетъ ароматный сокъ, который входилъ въ составъ того благовоннаго елея, какимъ помазывали царей и первосвященниковъ. Слово *смирна* значитъ *горечь*, скорбь. Не можемъ ли и мы принести этого дара Господу? Развѣ мы не скорбимъ и не сокрушаемся о грѣхахъ своихъ? Сердечная скорбь о грѣхѣ—вотъ наша смирна.

Итакъ и мы можемъ принести своему Царю тѣ же дары, какіе принесли Ему волхвы—золото, ладанъ и смирну. Мы можемъ принести Ему истину Божію въ сердцѣ, какъ говоритъ Давидъ: «слово Твое я скрылъ въ сердцѣ своемъ». Можемъ искренно благодарить Его за то, что Онъ пришелъ спасти насъ. Можемъ предъ Нимъ исповѣдать скорбь о грѣхахъ, за которые Онъ умеръ. Если мы поступимъ такъ, то будемъ также мудры и принесемъ Ему настоящіе дары, истинное золото, ливанъ и смирну (Воскр. Чт. 1873. II. 386—387.)

Звѣзда, явившаяся на востокѣ при рождествѣ Іисуса Христа (Матѳ. II, 1—2, 9—10).

(Свящ. М. Златоверховникова.)

Евангельскій разсказъ о явленіи необыкновенной звѣзды и путешествіи вос-

точныхъ маговъ въ Іерусалимъ для поклоненія Младенцу Іисусу не имѣетъ, говоритъ Мейеръ, въ основѣ своей никакого историческаго факта. Это—миѳъ, составленный христіанами изъ Іудеевъ, на основаніи вѣры въ звѣзду Мессіи и того мнѣнія, что Мессіи принесутъ дары жители далекихъ странъ. Если принять разсказъ о необыкновенной звѣздѣ за историческій фактъ, то нужно басни астрологіи признавать истиною и неизмѣнный законъ движенія небесныхъ тѣлъ за басню. Разсказъ о поклоненіи маговъ Спасителю, говоритъ Эйшаль, включенъ въ Евангеліе въ позднѣйшее время, и есть ни болѣе ни менѣе, какъ уступка вѣрованію христіанъ, что Христосъ творилъ чудеса силою магическою. Что же касается необыкновенной звѣзды, которая появилась при рожденіи Спасителя и которую называютъ звѣздою Мессіи, то это одна изъ тѣхъ астрологическихъ басней, которыя изъ Халдеи наводнили тогдашній Римскій міръ и не исчезли еще въ наше время. Въ самомъ дѣлѣ, говоря о судьбѣ какого либо человѣка, не говоримъ ли очень часто: «его звѣзда?» Самое движеніе «звѣзды Мессіи», при путешествіи маговъ изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ, также чудесно, какъ и теченіе звѣзды, ведшей Энея изъ пылающей Трои къ Олимпу. Впрочемъ, объ этой послѣдней нужно сказать, что она указывала герою путь, вовсе ему неизвѣстный, тогда какъ восточные маги и безъ чудесной звѣзды могли отыскать дорогу изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ. Точно также думаютъ Штраусъ, Ренанъ и другіе раціоналисты.

Невольно удивляешься легкости, съ какою фигурируютъ раціоналисты предъ Евангельской исторіей. Они безцеремонно обращаются съ нею, какъ ни съ какимъ историческимъ памятникомъ. Не нравится ли имъ что либо въ ней, или не подходитъ къ ихъ убѣжденіямъ,—сейчасъ клеймятъ то или легендою, или миѳомъ, или преднамѣренною ложью.

Въ Евангельскомъ сказаніи о путешествіи восточныхъ астрономовъ въ Іудею для поклоненія родившемуся Спасителю міра ничего нѣтъ ни страннаго, ни выдуманнаго. Мессія и для язычниковъ былъ не безъизвѣстенъ. Онъ былъ предметомъ завѣтныхъ ожиданій всего человѣчества. Въ ходѣ исторіи, эти ожиданія высказывались нерѣдко избранникамъ человѣчества; но ко времени появленія Мессіи они приняли характеръ какого-то всеобщаго лихорадочнаго движенія. Добросовѣстные и умные языческіе историки, Тацитъ и Светоній, описывая состояніе человѣчества предъ появленіемъ христіанства, замѣчаютъ, что въ то время на всемъ востокѣ ожидали необыкновеннаго монарха, который родится во Іудеѣ и доставитъ счастіе всему человѣчеству. Не трудно указать историческое основаніе подобнаго ожиданія. Это послѣднее есть какъ-бы отголосокъ перваго обѣтованія о Спасителѣ, даннаго, въ лицѣ нашихъ праотцевъ, всему человѣчеству. Чѣмъ дороже и привлекательнѣе обѣщаніе, тѣмъ оно памятнѣе. Мы знаемъ, съ другой стороны, что Іудеи, во время своего политическаго рабства иноземнымъ народамъ (Вавилонянамъ, Персамъ, Грекамъ, Египтянамъ, Сиріянамъ и Римлянамъ), были разбросаны по разнымъ странамъ. Живя между язычниками, они невольно знакомили этихъ послѣднихъ съ содержаніемъ своей религіи и даже располагали ихъ къ прозелитизму. Случаи прозелитизма, то есть, обращенія язычниковъ къ закону Моусееву, были очень нерѣдки предъ появленіемъ христіанства. Само собою понятно, что, при этомъ, язычники отъ Іудеевъ проникались мыслью и ожиданіемъ Мессіи—Спасителя міра и могли

точно знать время пришествія Его. Мало этого, къ концу до-христіанскаго міра язычество дошло до изумительной нравственной слабости. Никакой разумный язычникъ не удовлетворялся уже ни баснями о богахъ, ни обломками и курьезами языческой морали, а выдумать новую религію не хватало силъ. Погоня за истиною, погоня сильная и жгучая, при неудачѣ, разразилась полнѣйшимъ скептицизмомъ. Естественно было, послѣ этого, придти къ мысли, что только Богъ Самъ можетъ извлечь человѣчество изъ нравственной тины, и возжечь свѣточъ новой религіи. Къ этому заключенію, дѣйствительно, и пришли лучшіе язычники. Что жъ удивительнаго послѣ этого, если набожные восточные астрономы всѣми силами души питали и лелѣяли мысль о Спасителѣ міра и по необыкновенному физическому явленію заключили о рожденіи Его?

Такимъ необыкновеннымъ физическимъ явленіемъ была «звѣзда Мессіи». Между міромъ вещественнымъ и нравственною областью существуетъ взаимное соотношеніе, такъ что пути Божественныхъ распоряженій въ послѣдней болѣе или менѣе яснымъ образомъ открываются и въ явленіяхъ перваго. Конечно, основаніе такого соотношенія невѣдомо намъ; тѣмъ не менѣе великія событія въ мірѣ нравственномъ нерѣдко предварялись или сопровождались знаменіями и въ вещественной природѣ. Припомнимъ обстоятельства Синайскаго законодательства и еще болѣе знаменія, которыми сопровождалась смерть Богочеловѣка. Что жъ удивительнаго, если и рожденіе Спасителя, этотъ необыкновенный фактъ въ мірѣ нравственномъ, сопровождалось необыкновеннымъ физическимъ явленіемъ,—явленіемъ звѣзды?

Но историческая достовѣрность явленія звѣзды Мессіи основывается не на однихъ только предположеніяхъ и логическихъ выводахъ. И въ языческой литературѣ, и въ христіанскомъ преданіи существуютъ несомнѣнныя указанія на звѣзду Мессіи. Въ Китайскихъ астрономическихъ таблицахъ, отличающихся несомнѣнною древностью и большою точностью, отмѣчено время появленія какой-то новой звѣзды, которая видна была впродолженіе семидесяти дней. По вычисленіямъ Фукэ и Визелера, указанное явленіе новой звѣзды падаетъ именно на время Рождества Іисуса Христа. Въ древнихъ астрономическихъ замѣткахъ Индѣйцевъ также упоминается, что подъ конецъ священнаго періода, обнимавшаго 4320 лунныхъ лѣтъ, замѣчена была новая звѣзда. И это явленіе, по вычисленіямъ названныхъ астрономовъ, совпадаетъ со временемъ Рождества Христова. Не безъизвѣстно было явленіе необыкновенной звѣзды Мессіи и Грекамъ и Римлянамъ. Цельсъ, отъявленный врагъ христіанства, зналъ, по свидѣтельству Оригена, искаженное преданіе о звѣздѣ Мессіи. Въ пѣснопѣніяхъ Сивиллиныхъ, большею частью составленныхъ въ первомъ вѣкѣ нашей эры, замѣчательны слѣдующія слова: «небо и земля возрадовались при рожденіи Младенца, тронъ улыбнулся и міръ былъ въ восхищеніи. Мудрецы восточные преклонились предъ новою звѣздою, предвѣстницею такого счастія». Позднѣе, Халкидій, по всей вѣроятности язычникъ, жившій въ IV вѣкѣ, въ своемъ комментаріи на Платонова Тимея, такъ описываетъ это явленіе: «извѣстна, говоритъ онъ, святая и достойная нашего вниманія исторія: она разсказываетъ намъ о появленіи звѣзды, которая предвѣщала не язву и смерть, а пришествіе достопоклоняемаго Божества для спасенія людей. Халдеи, мудрые и опытные астрономы, замѣтивъ эту звѣзду, немедленно отпра-

вились отыскивать новорожденнаго Бога и, нашедши Его, принесли Ему дары и жертвы». Подобныя замѣчанія, взятыя изъ древнихъ языческихъ источниковъ, драгоцѣнны для насъ. Онѣ показываютъ, что фактъ явленія звѣзды Мессіи неоспоримъ. Только насилуя историческую правду и подрывая всякое значеніе древнихъ историческихъ памятниковъ, можно сомнѣваться въ подлинности приведенныхъ нами свидѣтельствъ и видѣть въ нихъ отраженіе христіанской легенды. Что̀ касается собственно христіанскаго преданія о звѣздѣ Мессіи, то оно всеобще, и въ писаніяхъ отцевъ и учителей Церкви первыхъ вѣковъ представляется, какъ несомнѣнный историческій фактъ.

Ниже мы познакомимся съ церковнымъ воззрѣніемъ на звѣзду Мессіи, то есть съ различными объясненіями этого необыкновеннаго феномена; теперь же опишемъ, со словъ святаго Игнатія Богоносца, внѣшнія свойства этого явленія. «Звѣзда (Мессіи), говоритъ онъ, сіяла больше всѣхъ звѣздъ, и свѣтъ ея былъ очаровательный; всѣ удивлялись этому новому явленію, неприравнимому ко всѣмъ другимъ и произведшему на людей необыкновенное впечатлѣніе».

Послѣ такихъ неоспоримыхъ историческихъ свидѣтельствъ касательно звѣзды Мессіи, что̀ сказать о глумленіяхъ раціоналистовъ надъ Евангельскимъ сказаніемъ о путешествіи восточныхъ астрономовъ въ Іудею для поклоненія рожденному Спасителю міра? Дѣло само за себя говоритъ, сколько тутъ добросовѣстности и исторической правды. Раціоналистовъ сбиваетъ съ толку чудесный характеръ описаннаго въ Евангеліи событія: звѣзда Мессіи, говорятъ они, есть явленіе, противное законамъ естествознанія, и напоминаетъ собою астрологическія басни. Но добросовѣстные и умные астрономы пришли совсѣмъ къ другимъ выводамъ.

17 декабря 1603 г. послѣдовало необыкновенное совпаденіе какъ-бы въ одной точкѣ или соединеніе двухъ планетъ Юпитера и Сатурна въ созвѣздіи рыбъ, такъ что для простаго невооруженнаго глаза эти двѣ планеты должны были представляться одною необыкновенною звѣздою; свѣтъ ихъ былъ ярче и замѣтнѣе сіянія другихъ звѣздъ. Такое явленіе, замѣченное знаменитымъ астрономомъ Кеплеромъ, не безпримѣрное. Абарбанель (1463 г. Діонисіевой эры) замѣчаетъ, что соединеніе Юпитера и Сатурна совершается чрезъ каждые 600 лѣтъ и отмѣчаетъ собою какія-нибудь важныя обстоятельства въ мірѣ Божіемъ: съ подобнымъ соединеніемъ совпало рожденіе Моисея; имъ же непремѣнно отмѣчено будетъ и рожденіе Мессіи. На основаніи такого замѣчанія со стороны ученаго Іудея, Иделлеръ и Кеплеръ думаютъ, что планетное соединеніе въ созвѣздіи рыбъ для Іудеевъ всегда было дѣломъ особенной важности; а такъ какъ астрономическія свѣдѣнія Іудеи заимствовали отъ Халдеевъ, то и эти послѣдніе придавали особенное значеніе подобному физическому явленію. Послѣ тщательныхъ астрономическихъ вычисленій, названные астрономы, а также Даламбертъ и Шумахеръ пришли къ заключенію, что во время Рождества Іисуса Христа, по всей вѣроятности, послѣдовало рѣдкое и замѣчательное соединеніе двухъ большихъ планетъ. Оно было замѣчено Халдейскими астрономами и, вслѣдствіе ихъ вѣры въ близкое пришествіе Спасителя изъ Іудеи, принято за несомнѣнное свидѣтельство рождества Мессіи. Такимъ образомъ, путешествіе ихъ во Іудею было въ порядкѣ вещей.

Приводя подобное объясненіе «звѣзды Мессіи», мы далеки отъ согласія съ

нимъ. Положимъ, оно не страдаетъ рѣзкостью и безтактностью, какими отличаются раціоналистическія воззрѣнія на звѣзду Мессіи, но все-таки не вполнѣ отвѣчаетъ Евангельской истинѣ. Это ни болѣе ни менѣе, какъ натуралистическое объясненіе Евангельскихъ чудесъ. Въ фактѣ явленія звѣзды Мессіи названные ученые видятъ не особенное дѣйствіе Божественнаго разума и творчества, а случайное совпаденіе съ необыкновеннымъ явленіемъ въ мірѣ нравственномъ. Но при всемъ томъ, названные ученые, такъ или иначе, помогаютъ намъ. Они признаютъ историческимъ фактомъ явленіе необыкновенной звѣзды во время рождества Іисуса Христа; а это очень важно для насъ въ борьбѣ съ раціоналистами, которые то же самое (то есть явленіе звѣзды) считаютъ миѳомъ, легендою, ложью.

Наше воззрѣніе на звѣзду Мессіи опредѣляется самымъ разборомъ раціоналистическихъ воззрѣній на это явленіе, и оно уже высказано нами. Въ этомъ явленіи мы видимъ не случайное совпаденіе съ величайшимъ чудомъ воплощенія Бога Слова, а нарочитое воздѣйствіе Божественнаго творчества; это—чудо, бывшее знаменіемъ самаго величайшаго изъ чудесъ—рождества Спасителя. Въ этомъ случаѣ мы только повторяемъ ученіе Церкви. Святый Игнатій Богоносецъ, Оригенъ и Евсевій, разбирая Евангельское сказаніе о путешествіи восточныхъ маговъ въ Іудею для поклоненія Младенцу Христу, полагали, что упоминаемая въ немъ звѣзда особенная, нарочито созданная звѣзда; а по мнѣнію Златоуста и Ѳеофилакта, это—умная сила (Ангелъ, въ образѣ только звѣзды.)

Если все Евангельское сказаніе о поклоненіи восточныхъ маговъ Младенцу Христу подвергается нападеніямъ критиковъ раціоналистовъ, то, въ частности, замѣчаніе о звѣздѣ, какъ путеводительницѣ маговъ изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ, вызываетъ самое безобразное кощунство ихъ надъ священнымъ предметомъ.

Въ виду такого не научнаго и безобразнаго отношенія раціоналистовъ къ Евангелію, отрадно имѣть дѣло съ людьми науки и мысли, которые, испытывая при чтеніи Евангелія какія либо недоумѣнія, не отдѣлываются осужденіемъ и кощунствомъ, а придумываютъ, для успокоенія своего набожнаго чувства, объясненіе того, что̀ вызвало у нихъ недоумѣніе. Правда, эти объясненія не всегда бываютъ удачны и сообразны съ Евангельскою истиною, но онѣ все-таки заслуживаютъ нашего вниманія, какъ результатъ научнаго отношенія къ дѣлу. Тотъ же знаменитый Кеплеръ, который призналъ звѣзду Мессіи несомнѣннымъ историческимъ фактомъ—соединеніемъ двухъ большихъ планетъ, не могъ въ буквальномъ смыслѣ принять замѣчаніе святаго Матѳея: «звѣзда, которую волхвы видѣли на востокѣ, шла предъ ними (во время путешествія ихъ изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ) до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, пришла и остановилась надъ мѣстомъ, гдѣ былъ Младенецъ (Христосъ)». По этому поводу онъ разсуждаетъ та́къ: «Библія о предметахъ человѣческой жизни говоритъ съ людьми тѣмъ же языкомъ, какимъ они привыкли говорить. Она не есть учебникъ оптики или астрономіи, но имѣетъ въ виду болѣе высокія цѣли.». Поэтому, въ приведенныхъ словахъ Матѳея, по мнѣнію его, не слѣдуетъ видѣть астрономическаго извѣстія: это—изображеніе впечатлѣнія, какое сложилось у маговъ при постоянномъ вниманіи ихъ къ необыкновенной звѣздѣ на пути изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ. Эбрардъ, одинъ изъ болѣе добросовѣстныхъ Нѣмецкихъ богосло-

вовъ, нѣсколько яснѣе приводитъ тотъ же самый взглядъ. «На пути изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ, говоритъ онъ, маги снова увидѣли звѣзду (Мессіи), которая находилась теперь на югѣ отъ Іерусалима, по направленію къ Виѳлеему, и, казалось имъ, шла предъ ними и остановилась надъ домомъ, въ которомъ находился Младенецъ Іисусъ. Это—извѣстный оптическій обманъ, въ которомъ каждый можетъ убѣдиться ночью: при постоянномъ вниманіи къ одной опредѣленной звѣздѣ, наблюдатель можетъ замѣтить, что звѣзда эта будетъ идти, когда самъ онъ идетъ, и стоять, когда онъ остановится. Такъ было и съ магами, при постоянномъ вниманіи ихъ къ необыкновенной звѣздѣ на пути въ Виѳлеемъ. И святый Матѳей только передаетъ впечатлѣніе маговъ».

Другой изслѣдователь Евангелія, Французскій ученый Сеппъ (Seppe), раздѣляя подобное мнѣніе, прибавляетъ къ нему интересное объясненіе, почему маги, на пути въ Виѳлеемъ, постоянно видѣли необыкновенную звѣзду надъ этимъ городомъ. «Дорога изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ, говоритъ онъ, проходила чрезъ глубокую долину гигонъ или адъ, которая была тогда границею двухъ колѣнъ, Іудина и Веніаминова. Самый Виѳлеемъ, находившійся въ десяти километрахъ на югъ отъ Іерусалима, расположенъ на высокой горѣ. Путешественнику, идущему изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ, горизонтъ, позади этого маленькаго городка, естественно долженъ казаться весьма узкимъ».

Какъ, повидимому, ни естественны и ни правдоподобны подобныя объясненія Евангельскаго замѣчанія о звѣздѣ, путеводительницѣ маговъ въ Виѳлеемъ, но признать ихъ правильными невозможно. Это значило бы свести звѣзду Мессіи къ самому обыкновенному физическому явленію и навязать Евангелисту то, что̀ ему вовсе не свойственно. Повѣствуя о путешествіи маговъ въ Виѳлеемъ, Евангеліе Матѳея передаетъ намъ вовсе не то, что̀ *казалось*, или *могло казаться* магамъ, а то, что̀ они дѣйствительно видѣли и чувствовали. Только натуралистическое объясненіе можетъ говорить о наивности и оптическомъ обманѣ маговъ...

Признавая звѣзду Мессіи чудомъ, знаменіемъ величайшаго чуда,—воплощенія Сына Божія, мы и въ данномъ случаѣ, въ путеводительствѣ звѣзды, видимъ то же дѣйствіе Божественной силы и, говоря та́къ, только повторяемъ отеческое воззрѣніе на это явленіе. «Что̀ за нужда была въ звѣздѣ, говоритъ святый Златоустъ, когда мѣсто (рожденія Спасителя) сдѣлалось уже извѣстнымъ? Та, чтобы указать и Самаго Младенца, ибо иначе нельзя было узнать Его, поелику и домъ не былъ извѣстенъ и Его Мать не была славна и знаменита» (Домашн. Бес. 1873 г., стр. 1245—1251).

Бѣгство во Египетъ (Матѳ. II, 13—16).

Ст. 13—14. Когда волхвы поклонились Господу Іисусу и удалились изъ Виѳлеема, Ангелъ Господень является во снѣ Іосифу и говоритъ: «встань, возьми Младенца и Матерь Его, и бѣги въ Египетъ и будь тамъ, доколѣ не скажу тебѣ, ибо Иродъ хочетъ искать Младенца, чтобы погубить Его». Іосифъ всталъ, взялъ Младенца и Матерь Его ночью, и пошелъ во Египетъ. Тяжело было старцу предпринимать этотъ далекій путь; но онъ долженъ былъ повиноваться повелѣнію Божію. Древнее преданіе сохранило трогательныя подробности этого путешествія святаго семейства. Передадимъ кратко нѣкоторыя изъ нихъ.— Не надѣясь на свои слабыя силы, Іосифъ взялъ съ со-

бою своего сына, святаго Іакова, который впослѣдствіи былъ проименованъ братомъ Божіимъ. Чрезъ нѣсколько дней святые путешественники очутились въ тѣхъ самыхъ безводныхъ пустыняхъ, по которымъ шелъ изъ Египта народъ Израильскій. Страшныя трудности и невзгоды встрѣтили ихъ здѣсь. Дорога шла все мѣстами песчаными и нерѣдко совсѣмъ исчезала среди песчаныхъ холмовъ; въ пустынѣ негдѣ было достать необходимаго для пропитанія, а потому все надобно было взять съ собою въ потребномъ количествѣ, а у нихъ былъ только одинъ оселъ, который необходимъ былъ и для юной Матери съ Божественнымъ Младенцемъ. Днемъ подвергались они нестерпимому жару, ночью принуждены были защищать себя отъ холода, а какъ защититься отъ всего этого тамъ, гдѣ мѣстомъ отдыха, какъ днемъ, такъ и ночью, могъ служить только песокъ, по которому они шли, а кровомъ—одинъ сводъ небесный?—Повѣствуютъ, что въ одномъ мѣстѣ, среди пустыни, напали на нихъ разбойники и хотѣли отнять у нихъ осла. Но одинъ изъ разбойниковъ до того былъ плѣненъ красотою Божественнаго Младенца, что не позволилъ своимъ товарищамъ обижать святыхъ путниковъ: «если бы, говорилъ онъ, Самъ Богъ воспріялъ на Себя человѣческій образъ, то и Онъ не былъ бы прекраснѣе Сего Дитяти».—Тогда Матерь Божія сказала сему благоразумному разбойнику: «вѣрь, что Сей Младенецъ не забудетъ твоего благодѣянія. Онъ воздастъ тебѣ благимъ воздаяніямъ за то, что ты теперь охранилъ жизнь Его». Это былъ тотъ самый разбойникъ, который впослѣдствіи былъ распятъ одесную Господа и сподобился услышать отъ Него: «днесь со Мною будеши въ раи». Такъ исполнилось надъ нимъ слово Матери Божіей!—Близъ Египетскаго города Гермополя было большое прекрасное дерево, въ которомъ обиталъ нечистый духъ; этому дереву мѣстные жители покланялись, какъ Богу, и приносили жертвы. Но едва Богоматерь приблизилась къ нему со Своимъ Богомладенцемъ, какъ оно тотчасъ же страшно сотряслось до корня, и бѣсъ, устрашенный пришествіемъ Господа Іисуса, бѣжалъ; а само оно преклонило свои вѣтви къ землѣ, воздавая достодолжное поклоненіе своему Создателю и Его Пречистой Матери. Утомленные странники укрылись отъ зноя солнечнаго подъ его широколиственною тѣнью, и съ того времени дерево то стало исцѣлять своими листьями отъ всякихъ болѣзней.—Вошелъ святый Іосифъ съ Богоматерію и Богомладенцемъ Іисусомъ въ храмъ идольскій, гдѣ было 365 идоловъ, и всѣ эти идолы пали на землю и сокрушились; и исполнилось надъ ними слово пророческое: *се, Господь сидитъ на облацѣ легцѣ*—на рукахъ Пречистой Дѣвы—Матери,—*и пріидетъ во Египетъ, и потрясутся рукотворенная Египетская отъ лица Его* (Исаія XIX, 1).—Остановилось святое семейство близъ селенія, именуемаго Метаріэ; святый Іосифъ оставилъ Матерь Божію съ Господомъ Іисусомъ подъ однимъ деревомъ, а самъ пошелъ въ селеніе пріискать убѣжище, гдѣ можно было бы имъ остановиться. И вотъ дерево, подъ которымъ отдыхала Матерь Божія, вдругъ раздвоилось съ верху до низу, наклонило свой верхъ и образовало у своихъ корней какъ-бы шатеръ для Божественной Путницы и Ея Дивнаго Младенца, а вблизи того дерева внезапно появился родникъ чистой прохладной воды для утоленія ихъ жажды. Огромный пень этого дерева и доселѣ сохранился; изъ его вершины идутъ и теперь сочныя вѣтви.

Сохранился и источникъ, изобилующій вкусною водою.—Сколько времени провели святые странники въ Египтѣ—неизвѣстно; Святое Евангеліе говоритъ только, что по смерти Ирода снова явился во снѣ Іосифу Ангелъ Божій, и по его повелѣнію святое семейство возвратилось въ землю Израилеву, (Троицкій листокъ 1883 г. № 93).

Ст. 15. Евангелистъ Матѳей указываетъ въ этомъ событіи исполненіе *реченнаго Господомъ чрезъ пророка: изъ Египта воззвалъ Я Сына Моего.* Эти слова Божіи приведены изъ книги пророка Осіи (XI, 1) и относятся, какъ видно изъ связи рѣчи, собственно къ изведенію народа Израильскаго изъ Египта при Моисеѣ; сыномъ Божіимъ называется здѣсь весь народъ, избранный и освобожденный Богомъ изъ рабства Египетскаго, какъ онъ симъ именемъ названъ Самимъ же Богомъ предъ изведеніемъ его изъ Египта (Исход. IV, 22). Ко Христу же относятся слова сіи въ прообразовательномъ смыслѣ, такъ какъ народъ Еврейскій, называемый сыномъ Божіимъ первороднымъ, по избранію его изъ среды другихъ народовъ въ особенный народъ Божій, былъ прообразомъ истиннаго, первороднаго и Единороднаго Сына Божія Господа Іисуса Христа, а потому и низведеніе его изъ Египта было образомъ воззванія Іисуса Христа изъ Египта (Толк. Ев. Михаила, т. I, стр. 27).

Мѣсто, гдѣ провелъ Спаситель Свое дѣтство, было прославлено потомъ пребываніемъ многихъ тысячъ монаховъ и пустынниковъ. «Пришедши въ Египетскую пустыню», говоритъ святый Златоустъ, «ты увидишь, что эта пустыня лучше всякаго рая; тамъ безчисленные лики Ангеловъ въ образѣ человѣческомъ, сонмы мучениковъ, собраніе дѣвъ; увидишь, что все торжество діавольское ниспровергнуто, а Царствіе Христово сіяетъ... Не столь свѣтло небо, испещренное сонмомъ звѣздъ, какъ Египетская пустыня, являющая повсюду иноческія кущи».

«Исторія бѣгства въ Египетъ», выражаясь словами Григорія Богослова, «весьма ясно представляетъ ту истину, что хотя христіанинъ живетъ внѣ своего отечества, но каждая страна можетъ быть для него отечествомъ. Душа христіанина чувствуетъ себя странницей въ этомъ мірѣ, какъ-бы оставленною на этой землѣ; но она должна помнить, что Іисусъ Христосъ всегда съ нею (Жизнь Іисуса Христа, Скворцова, стр. 58).

Избіеніе младенцевъ (Матѳ. II, 3—8, 16—18).

Ст. 16. Иродъ между тѣмъ долго и напрасно ожидалъ возвращенія волхвовъ. Когда же увидѣлъ, что они его обманули, пришелъ въ страшный гнѣвъ и рѣшился непремѣнно умертвить Христа Младенца, возраста Котораго точно онъ не зналъ. Онъ повелѣлъ избить въ Виѳлеемѣ и въ окрестностяхъ его всѣхъ младенцевъ, отъ двухъ лѣтъ и ниже, ибо такимъ образомъ, думалъ онъ, не избѣжитъ смерти и страшное для него Дитя.

Виѳлеемъ, поля котораго были недавно освѣщены свѣтомъ Господнимъ, и который въ буквальномъ смыслѣ былъ вратами небесными, внезапно покрыла ночь страданій и грѣха; онъ сдѣлался мѣстомъ дѣйствія силъ тьмы. «Миръ на земли», пѣли Ангелы; и на ихъ привѣтствіе изъ безутѣшнаго сердца отдается материнскій вопль. «Великую радость» возвѣщали Ангелы, и слезы дщерей Сіона были имъ отвѣтомъ. Но Іисусъ Христосъ, по чудному промыслу Божію, былъ спасенъ и сокрытъ (Земная жизнь Господа нашего Іисуса Христа, Орды, стр. 71—72).

Неосновательны возраженія отрицательной критики противъ достовѣрности этого событія. Указъ объ избіеніи младенцевъ не есть неслыханная вещь въ древнемъ мірѣ. Такъ, напримѣръ, когда во времена Римской республики распространилось пророчество о скоро имѣвшемъ быть рожденіи человѣка, долженствовавшаго царствовать надъ Римскимъ народомъ, сенатъ постановилъ забросить всѣхъ дѣтей мужескаго пола, которыя родятся въ томъ году. Только жены сенаторовъ, будучи беременны, какъ-то успѣли иначе объяснить распространившееся пророчество и предотвратили изданіе этого закона.

Но если отъ кого можно было ожидать подобнаго указа, то это отъ Ирода, какъ человѣка въ высшей степени злаго и подозрительнаго.

Онъ былъ до того напуганъ, говоритъ Іудейскій историкъ Іосифъ, что, не желая упустить виновныхъ, неистовствовалъ противъ невинныхъ. Его подозрительность, имѣвшая по большей части самыя глупыя основанія, заставила его обагрить свой дворецъ кровью самыхъ близкихъ родныхъ. Такъ, онъ велѣлъ задушить свою жену, красивую Асмонеянку Маріамну. Жертвами его опасеній пали сыновья его: Александръ, Аристовулъ и Антипатръ, самъ дядя Іосифа Антигонъ, отецъ его жены Александръ, теща Александра, родственникъ Киртобанъ и друзья Досиѳей и Гадій. Его безчеловѣчныя казни, какъ-то: сожженіемъ, удушеніемъ, разрубливаніемъ пополамъ, невыносимыми пытками, заставили Еврейскихъ пословъ сказать императору Августу, что пережившіе время Иродовой жизни болѣе жалки, чѣмъ пострадавшіе.

Такимъ образомъ избіеніе младенцевъ есть такое дѣйствіе, подобнаго которому всегда можно было ожидать отъ Ирода, судя по его характеру. Но это дѣйствіе подтверждается и исторіей: языческій писатель Макробій упоминаетъ о гибели невинныхъ жертвъ двухлѣтняго возраста, умерщвленныхъ Иродомъ. Даже Цельсъ, жестокій врагъ христіанства, допускалъ Виѳлеемское избіеніе и бѣгство Іисуса Христа въ Египетъ.

По Греческимъ и Ефіопскимъ легендамъ, число убитыхъ младенцевъ простиралось до 14000. Въ окрестностяхъ Виѳлеема показываютъ и теперь гроты, гдѣ, по мѣстному преданію, скрывались многія матери, будучи преслѣдуемы солдатами Ирода, и гдѣ онѣ были умерщвлены вмѣстѣ съ дѣтьми, которыхъ держали на рукахъ своихъ. Древніе христіане, по свидѣтельству Оригена, установили даже празднество въ воспоминаніе тѣхъ, кои были умерщвлены для Бога (Жизнь Іисуса Христа, Скворцова, стр. 39—41).

Ст. 17—18. Евангелистъ Матѳей въ избіеніи младенцевъ Виѳлеемскихъ видитъ исполненіе *реченнаго пророкомъ Іереміею*: *гласъ въ Рамѣ слышанъ, плачъ и рыданіе и вопль великій; Рахиль плачетъ о дѣтяхъ своихъ и не хочетъ утѣшиться, ибо ихъ нѣтъ.* Это мѣсто взято изъ книги пророка Іереміи (XXXI, 15) по переводу LXX. Рама небольшой городокъ въ колѣнѣ Веніаминовомъ. На этомъ мѣстѣ полководецъ Навуходоносора Навузарданъ собралъ Іудеевъ плѣнныхъ для того, чтобы отвести ихъ въ Вавилонъ (Іерем. XL, 1). Очевидецъ этого событія пророкъ Іеремія, изображая отъ лица Божія возвращеніе Іудеевъ изъ плѣна, самое это бѣдствіе отведенія въ плѣнъ представляетъ подъ такимъ образомъ, что Рахиль, прамать Веніаминова, плачетъ объ отводимыхъ Іудеяхъ изъ своей земли въ неволю, какъ-бы на смерть. Евангелистъ же въ семъ печальномъ событіи указуетъ образъ другаго печальнаго событія—избіенія младенцевъ Иродомъ, а потому и приводитъ то пророческое

изображеніе, какъ сбывшееся въ событіи избіенія младенцевъ. Естественно сопоставленіе Рамы съ Виѳлеемомъ, такъ какъ Рахиль погребена близъ сего послѣдняго (напутикъ Евфраѳѣ Быт. XXXV, 19). Рама значитъ высота, каковое названіе этотъ городокъ получилъ, безъ сомнѣнія, отъ возвышеннаго мѣстоположенія. Думаютъ, что этотъ городокъ то же, что Аримаѳея, гдѣ жилъ Іосифъ, принимавшій участіе въ погребеніи Господа (Толк. Евангеліе Михаила, т. I, стр. 29).

Избіеніе младенцевъ

(Матѳ. II, 3—8, 16—18).

Избіеніе младенцевъ Виѳлеемскихъ есть одно изъ знаменательныхъ и поучительныхъ событій, сопровождавшихъ рожденіе Господа нашего. Вникнемъ въ историческое значеніе этого событія.

1) Виѳлеемскіе младенцы избиты были ради рожденнаго Царя Іудейскаго, Мессіи—Христа Спасителя. Потому это избіеніе, вмѣстѣ съ событіями, предварившими его, съ одной стороны, служило свидѣтельствомъ, какъ опредѣленно и гласно было тогда ожиданіе Его, а съ другой,—оно же придавало сему ожиданію еще болѣе опредѣленности, гласности и живости. По единогласному свидѣтельству писателей Іудейскихъ, Греческихъ и Римскихъ, при концѣ древняго міра, повсюду было тревожное ожиданіе какого-то необыкновеннаго событія, новой великой эпохи, явленія необыкновеннаго лица, всемірнаго царя, посланника свыше. Это ожиданіе утверждалось на священныхъ предсказаніяхъ глубокой древности и было такъ опредѣленно и рѣшительно, что народы западные (по отношенію къ Палестинѣ) ожидали его съ востока, а восточные съ запада, или тѣ и другіе даже прямо изъ Іудеи; что изъ отдаленныхъ странъ приходили многіе язычники въ Іерусалимъ и Іудею видѣть посланника Божія, коего и думали видѣть въ извѣстныхъ знаменитыхъ лицахъ, напримѣръ, завоевателяхъ, или въ нѣкоторыхъ смѣлыхъ искателяхъ счастія, въ Римѣ и особенно въ Іудеѣ.—Имя Царя Іудейскаго, которое усвояли чаемому всѣми посланнику, естественно должно было сильно тревожить всякаго властителя Іудеи. Иродъ восхитилъ и сохранялъ свою власть надъ нею съ великими усиліями и опасностями, съ помощью всякаго рода коварствъ, злодѣяній, обмановъ и жестокостей. Въ подобномъ случаѣ особенно дорожатъ своимъ пріобрѣтеніемъ и страшатся утратить его. Есть основаніе думать, что Ирода рано начала занимать молва о чаемомъ рожденіи Божественнаго Младенца—будущаго Царя, и что онъ говорилъ другимъ объ этомъ. Еще въ 714 году онъ былъ въ Римѣ, гдѣ жилъ въ домѣ извѣстнаго Полліона, своего друга, бывшаго тогда консуломъ. Въ домѣ Полліона жилъ и другъ его поэтъ Виргилій. Въ этомъ-то году явилась знаменитая эклога Виргилія, посвященная общему ихъ другу Полліону, въ которой воспѣвается скорое рожденіе Божественнаго Младенца и наступленіе новой эры, золотого вѣка. Изображенія Виргилія такъ выразительны, такъ особенны, что благонамѣренные изслѣдователи признаютъ здѣсь вліяніе на него Іудейскихъ преданій, или лучше—пророческихъ вѣщаній, которыя занимали и Ирода. Вотъ классическое мѣсто изъ этой эклоги: «пришло послѣднее время, воспѣтое Сивиллою! Начинается вновь великій рядъ вѣковъ! Новый родъ нисходитъ съ высокаго неба! А ты, чистая Луцинія, лелѣй раждающагося младенца, съ которымъ престанетъ вѣкъ желѣзный и начнется вѣкъ золотой. Въ твое консульство, Полліонъ, явится эта краса будущаго вѣка; въ твое время,—

если еще и останутся слѣды нечестія человѣческаго,—но земля освободится отъ столь долго обдержащаго ее страха. Онъ пріиметъ жизнь отъ божества, будетъ отличенъ между всѣми небесными существами, превыше которыхъ вознесется; онъ управитъ землю, умиротворенную добродѣтелями его отца». Такъ, Ирода давно пугало всеобщее ожиданіе царя съ востока изъ Іудеи. Теперь легко представить, что онъ, подозрительный, какъ и всякій тиранъ и злодѣй, былъ сильно встревоженъ, когда *волсви отъ востокъ пріидоша въ Іерусалимъ, глаголюще: гдѣ есть рождейся Царь Іудейскій? Видѣхомъ бо звѣзду Его на востоцѣ и пріидохомъ поклонитися Ему.* Услышавъ объ этомъ, царь *смутися*, собираетъ первосвященниковъ и книжниковъ и спрашиваетъ: *гдѣ Христосъ раждается?* Они отвѣчали: *въ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ. Тако бо писано есть пророкомъ: и ты, Виѳлееме, земле Іудова, ничимже менши еси во владыкахъ Іудовыхъ: изъ тебе бо изыдетъ Вождь, Иже упасетъ люди Своя Израиля* (Матѳ. II, 1—5). Иродъ нисколько не сомнѣвался въ истинности пророчества. Въ безпокойствѣ и страхѣ онъ тайно призываетъ волхвовъ и спрашиваетъ о времени явленія звѣзды; самъ посылаетъ ихъ въ Виѳлеемъ и, въ злобныхъ видахъ своихъ, проситъ точно, обстоятельно *(извѣстно)* развѣдать о рожденіи и сказать ему на обратномъ пути. Поруганный отъ волхвовъ, царь отъ смущенія и страха переходитъ въ неистовство противъ Рожденнаго и изливаетъ свою злобу на возрастъ и мѣсто Его рожденія. И вотъ, четырнадцать тысячъ младенцевъ безжалостно избиваются въ Виѳлеемѣ и во всѣхъ его предѣлахъ! Открылась картина, предреченная пророкомъ Іереміею, предызображенная въ зрѣлищѣ Іудеевъ, въ унынiи и съ плачемъ шедшихъ въ горькій плѣнъ Вавилонскій (Іерем. XXXI, 9, 15). Тысячи семействъ и матерей повержены въ ужасъ и горесть. Послышались безутѣшный плачъ и рыданіе и вопль многъ объ убіеніи столькихъ жизней, лелѣянныхъ материнскою любовью.— Вопли живыхъ какъ-бы откликнулись въ жилищѣ умершихъ, гдѣ Рахиль, праматерь Виѳлеемскихъ матерей, рыдала вмѣстѣ съ ними о ихъ и ея чадахъ. Избіеніе Виѳлеемскихъ младенцевъ, очевидно, произвело сильное впечатлѣніе не только въ Виѳлеемѣ, но и во всей Іудеѣ. Необыкновенное стеченіе народа въ Виѳлеемѣ, по случаю всеобщей переписи (Лук. II, 1—7), послужило еще къ большей гласности событія. Съ любопытствомъ и смятеніемъ спрашивали о причинѣ столь ужаснаго, неожиданнаго, дотолѣ неслыханнаго дѣтоубійства. Но, конечно, ее могли узнать и узнали: волхвы вопрошали о рожденномъ Царѣ Іудейскомъ въ слухъ всего Іерусалима, смутившагося отъ ихъ вопроса. Созванные Иродомъ *вся первосвященники и книжники людскіе* открыто объявили, на основаніи пророчества, о Виѳлеемѣ, какъ о мѣстѣ рожденія сего Царя. Волхвы и были посланы въ Виѳлеемъ. Ясно было, что убійца младенцевъ Виѳлеемскихъ думалъ погубить въ числѣ ихъ и новорожденнаго Царя Іудейскаго,—думалъ, объятый подозрѣніемъ и страхомъ за собственную власть, для которой онъ принесъ въ жертву и собственныхъ сыновей своихъ. Итакъ уже родился сей Царь Христосъ, обѣщанный Мессія, надежда и утѣха Израилева. Его трепещетъ свирѣпый тиранъ иноплеменникъ, воцареніемъ котораго уже начинаетъ исполняться славное пророчество праотца Іакова объ оскудѣніи вождя отъ Іуды. Теперь-то и нужно придти сему обѣтованному Царю отъ рода

Авраамова и Давидова! Въ отдаленной языческой странѣ о Немъ узнали мудрецы по нѣкоей чудной звѣздѣ; отъ дальняго востока они пришли, чтобы найти Его и поклониться Ему. Не тѣмъ ли паче Израилю должно теперь узнать Его, чаять Его, готовиться срѣтить и принять Его!... Такія мысли, естественно, сами собою возникали у лучшихъ избранныхъ Іудеевъ, которые слагали ихъ въ сердцѣ своемъ; теперь они тѣмъ паче *чаяли Утѣхи Израилевы* (Лук. II, 25), тѣмъ болѣе вѣрили, что скоро обрѣтутъ Того, *Егоже писа Моусей въ законѣ и пророцы* (Іоан. I, 45), что скоро явится *Мессія, глаголемый Христосъ, и возвѣститъ имъ вся* (Іоан. IV, 25).

Слухъ объ одновременномъ избіеніи въ Іудеѣ цѣлыхъ тысячъ младенцевъ, какъ о событіи почти небываломъ и слишкомъ гласномъ, долженъ былъ проникнуть и за предѣлы Іудеи, особенно въ Римъ, гдѣ зорко слѣдили за событіями въ покоренныхъ областяхъ. Вскорѣ, по убіеніи младенцевъ, Иродъ убилъ своего сына Антипатра. Оба событія сдѣлались извѣстными въ Римѣ почти одновременно. Макровій говоритъ: когда Августъ услышалъ, что Иродъ между младенцами Іудейскими отъ двухъ лѣтъ убилъ своего сына, тогда сказалъ: «у Ирода лучше быть животнымъ (porcum), чѣмъ сыномъ». А зная объ убіеніи младенцевъ, не могли не знать, что причиною его—рожденіе необыкновеннаго Младенца—Царя. Такая вѣсть казалась тѣмъ болѣе важною и знаменательною, что недавно подобная ей пронеслась въ самомъ Римѣ. Светоній «въ жизни Августа» говоритъ: «въ Римѣ совершилось открытое чудо: прошелъ слухъ, что природа готовится произвесть на свѣтъ лице, которое будетъ царемъ Римскимъ. Устрашенный этимъ сенатъ опредѣлилъ не воспитывать ни одного младенца мужескаго пола, рожденнаго въ этотъ годъ». Ко всему этому присоединялись еще сказанія Сивиллъ, надъ которыми задумывался первый философъ и ораторъ вѣка Цицеронъ, и которыя переносилъ въ свои пѣсни первый поэтъ—Виргилій. Вмѣстѣ съ избіеніемъ Іудейскихъ младенцевъ дѣлались извѣстными язычникамъ и другія знаменія рожденія Мессіи, напр. явленіе чудной звѣзды, приведшей къ Нему волхвовъ. Халкидій въ толкованіи Платонова Тимея говоритъ: «есть одно достойное уваженія и священное сказаніе, что являлась какая-то необыкновенная звѣзда, предвозвѣщавшая не болѣзни и смерти, но снисшествіе достопоклоняемаго Бога для спасенія людей и благополучія дѣлъ человѣческихъ; говорятъ, ее примѣтили Халдеи, почтившіе дарами рожденнаго Бога». Словомъ, вѣсть о знаменіяхъ и событіяхъ, сопровождавшихъ рожденіе Мессіи, чаемаго языками, не безъ пользы касалась слуха лучшихъ язычниковъ, которые, какъ увѣряютъ сами Іудеи, приходили около того времени во множествѣ видѣть Спасителя міра.

2) Въ избіеніи младенцевъ Виѳлеемскихъ Иродомъ выражается особенная черта характера его и его вѣка—крайнее жестокосердіе. Одна эта черта уже представляетъ намъ всю глубину растлѣнія, всю бѣдственность жизни тогдашняго человѣчества, которому, если бы не явилось избавленіе свыше, оставалось только погибать.

Крайнимъ жестокосердіемъ запечатлѣна вся дѣятельность Ирода. Ничто не было дорого для него, кромѣ его жестокой власти. Счастіе и жизнь людей, самыхъ близкихъ, не имѣли въ глазахъ его никакой цѣны. Страданія другихъ услаждали его. Когда онъ отнималъ жизнь у другихъ, то ему лучше и пріятнѣе ощущалась собственная жизнь. Еще въ молодости, хи-

тростью и дарами получивъ царственную власть въ Іудеѣ, онъ, по вступленіи въ Іерусалимъ, опустошилъ его грабежами и убійствами. Затѣмъ обратилъ злость на господствовавшую дотолѣ въ Іудеѣ фамилію Маккавеевъ, съ которою самъ былъ въ родствѣ. Истреблялъ одного за другимъ всѣхъ членовъ сей фамиліи, не исключая собственной жены и дѣтей своихъ, подозрѣвая всѣхъ въ умыслахъ противъ него. Какъ царь, Иродъ радовался всякому поводу казнить своихъ подданныхъ, конечно, недовольныхъ властью иноплеменнаго тирана. Незадолго предъ ужасною кончиною своею, онъ собралъ къ себѣ въ Іерихонъ знатнѣйшихъ Іудеевъ и далъ повелѣніе умертвить ихъ въ минуту своей смерти для того, какъ онъ говорилъ, чтобы не оставить смерти своей безъ плача. Нѣсколько прежде сего онъ избилъ съ непостижимымъ жестокосердіемъ Виѳлеемскихъ младенцевъ не только *въ Виѳлеемѣ, но и во всѣхъ его предѣлахъ отъ двухъ лѣтъ и ниже*, то есть подозрительный и жадный до крови тиранъ расширилъ свою жестокость по отношенію и къ мѣсту, и къ возрасту Божественнаго Младенца.

Таковъ былъ Иродъ! И, однакожъ, онъ всегда пользовался расположеніемъ Римскаго правительства, умѣлъ искупать предъ нимъ свои злодѣянія и жестокости лестью и дарами. Самый народъ, льстивый и низкій, съ презрѣннымъ подобострастіемъ смотритъ на жестокосердаго тирана, смущается вмѣстѣ съ нимъ при вѣсти о рожденіи Царя Іудейскаго. *Иродъ царь смутися и весь Іерусалимъ съ нимъ*. Мало того, хитрости, злодѣйства, жестокости Ирода, умѣвшаго при помощи ихъ держаться на престолѣ болѣе 30 лѣтъ, доставили ему имя великаго! Величайшій злодѣй названъ великимъ царемъ!... Характеръ Ирода отозвался и въ его потомкахъ, властвовавшихъ въ Іудеѣ, Галилеѣ и сосѣднихъ странахъ.

Но перенесемся мыслью къ міру языческому. Тамъ на престолѣ всесвѣтной имперіи является рядъ чудовищъ, въ которыхъ, впрочемъ, какъ справедливо замѣчаютъ, отражался духъ вѣка. Жестокосердіе было одною изъ господствующихъ чертъ ихъ характера. Терзаніе людей, убійства составляли обычныя занятія ихъ, забавы, жизнь. Вспомнимъ имена Тиверія, Калигулы, Нерона, Домиціана, Вителлія, Геліогабала и другихъ. За всѣхъ прямо выразился одинъ изъ нихъ: «пусть ненавидятъ, лишь бы боялись»; и хотѣлъ, чтобы родъ человѣческій имѣлъ одну голову, чтобы можно было убить его разомъ. И такихъ-то тирановъ причисляли къ богамъ и воздвигали имъ статуи. Жестокосердіе господствовало и во всемъ тогдашнемъ обществѣ. Довольно указать здѣсь лишь на одно явленіе—на тогдашнія зрѣлища. Безъ нихъ не могли жить Римляне. «Хлѣба и зрѣлищъ!»—кричали они правительству. Никакія собранія, говоритъ Цицеронъ, не были такъ многочисленны, какъ на зрѣлищахъ гладіаторскихъ. Тутъ присутствовали цѣлыя тысячи зрителей разнаго состоянія и пола. Что же были сіи зрѣлища? Бой гладіаторовъ со звѣрями. Зрѣлища сіи иногда поглощали въ мѣсяцъ до двадцати тысячъ человѣкъ. Съ радостью, жадными глазами смотрѣли мужчины и женщины, дѣти и старцы, какъ несчастные гладіаторы боролись съ раздраженными звѣрями, обливались кровью, были терзаемы и раздираемы на части. Когда раненый звѣремъ гладіаторъ падалъ, требовали, чтобы онъ кончилъ борьбу; когда онъ просилъ пощады, ему отказывали въ томъ громкимъ крикомъ, при чемъ женщины махали платкомъ. Если который изъ нихъ ускользалъ отъ когтей звѣря утромъ, то его непремѣнно

требовали на бой послѣ полудня, чтобы успокоить и удовольствовать публику видомъ его ранъ и крови. Если недоставало на зрѣлищѣ гладіаторовъ, схватывали пришедшихъ прежде всѣхъ зрителей, и, надрѣзывая имъ языкъ, чтобы не произносили жалобъ, бросали звѣрямъ. Даже императоры, хвалимые за свою доброту, учреждали для народа такія зрѣлища, чтобы позабавить и задобрить его. Траянъ свою побѣду надъ Даками торжествовалъ зрѣлищами, на коихъ въ продолженіи 123 дней было растерзано 10 тысячъ гладіаторовъ и 11 тысячъ звѣрей. И Плиній хвалитъ Траяна за столь доблестное дѣло. Такъ лучшіе императоры и лучшіе граждане раздѣляли жестокосердіе своего вѣка! Неудивительно, что Римскіе императоры воздвигали ужаснѣйшія гоненія на христіанъ; что крови ихъ жаждали безчеловѣчные Римляне, кричавшіе на зрѣлищахъ: «христіанъ львамъ, христіанъ львамъ»!—Такъ бѣдственна и растлѣна была, во время пришествія Мессіи, жизнь человѣчества, въ коемъ угасали послѣднія искры любви къ ближнимъ, умирали лучшія чувства человѣческія. Ожесточая и свирѣпѣя болѣе и болѣе, оно могло только терзать, разрушать, уничтожать само себя. Таковъ былъ міръ образованный! Но скоро въ этотъ міръ ринулись съ сѣвера, юга—съ разныхъ сторонъ многочисленныя орды варваровъ. Представимъ, что грубая, дикая, раздраженная свирѣпость и кровожадность варваровъ соединилась бы съ утонченною, противоестественною, болѣзненною жестокостью и безчеловѣчностью образованныхъ народовъ!.. Устрашенная мысль отступаетъ предъ этой тиною, которая могла бы быть только картиною разрушенія міра, достойнаго погибнуть въ волнахъ новаго потопа!...

3) Но—*тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный.* Спасши отъ погибели безчеловѣчный міръ Своими страданіями, Онъ возвѣстилъ ему новый законъ любви, кротости, милосердія ко всѣмъ людямъ, какъ дѣтямъ одного Отца Небеснаго о Христѣ Іисусѣ, предъ Которымъ равны Іудей, Еллинъ, варваръ, рабъ и свободь. Но жестокосердый міръ, распявшій на крестѣ самую Любовь, возстанетъ и на ученіе Любви и послѣдователей Ея, предастъ ихъ жесточайшимъ страданіямъ, которыя именно и послужатъ къ побѣдѣ сего ученія надъ ожесточеннымъ міромъ. Страданія младенцевъ Виѳлеемскихъ были предзнаменованіемъ послѣдующихъ страданій Церкви Христовой. Явленіе чудесной звѣзды, пришествіе волхвовъ, древнія пророчества могли открыть Ироду и окружавшимъ его Божественное величіе Рожденнаго. Однакожъ Иродъ воздвигаетъ на Него гоненіе, въ которомъ участвуютъ и первосвященники указаніемъ мѣста рожденія Его и безмолвіемъ при жестокомъ распоряженіи царя; участвуетъ весь Іерусалимъ, потому что, раздѣляя смущеніе Ирода при вѣсти о рожденіи новаго Царя, онъ какъ-бы предпочитаетъ перваго послѣднему и потомъ предпочтетъ ему языческаго кесаря!... Словомъ, здѣсь видны уже та слѣпота и ожесточеніе, съ какою враги Христа и Его Церкви, не смотря на всѣ знаменія и чудеса, возстанутъ противъ Него и вѣрующихъ.—Гоненіемъ Ирода начинается для Господа рядъ гоненій, претерпѣнныхъ Имъ въ земной жизни. Уничиженный въ Своемъ рожденіи, предвѣчный Младенецъ Виѳлеемскій уже начинаетъ страдать—страданіями избиваемыхъ ради Его младенцевъ, а самые младенцы сіи, крещенные не водою, но кровью, прославленные за свои страданія, явились уже въ преддверіи христіанской Церкви,

какъ предтечи мучениковъ, своею кровью какъ-бы освятившіе осквернённую землю Іудейскую, чтобы она была достойна отражать стопы грядущаго Мессіи. Блаженны сіи младенцы, которые, не видѣвъ суеты мірской, увѣнчаны небесною славою, ради своихъ невинныхъ страданій за Христа!

Но какъ жалки и несчастны всѣ возстающіе на Господа и Его Церковь! Посмотрите на убійцу младенцевъ Виѳлеемскихъ. Притворнымъ уваженіемъ къ Рожденному, онъ хотѣлъ обмануть волхвовъ, но самъ поруганъ отъ нихъ. Чтобы убить Его, онъ съ злою разсчетливостью, силою своей жестокой власти, убиваетъ младенцевъ не только въ Виѳлеемѣ, но и во всѣхъ предѣлахъ его,— отъ двухъ лѣтъ и ниже; и однакожъ Рожденный остался невредимъ. Не умертвивъ Его, онъ не погубилъ и младенцевъ Виѳлеемскихъ, стяжавшихъ жизнь лучшую: погибъ только самъ! Постигнутый казнью Божіею, убійца покушался убить и себя и кончилъ жизнь въ страшныхъ мукахъ, предвѣщавшихъ ему му́ки геенскія. Судъ Божій постигъ и весь жестокій родъ Ирода, думавшаго избіеніемъ рожденнаго Царя сохранить для него престолъ. Архелай, сынъ Ирода, кончилъ дни въ изгнаніи. Иродъ Антипа съ Иродіадою—въ заточеніи. Иродъ Агриппа предъ всѣми пораженъ Ангеломъ. И что̀ могли сдѣлать Церкви Христовой всѣ враги, въ такомъ множествѣ, съ такимъ ожесточеніемъ, съ такою хитростью и силою возставшіе на нее! Не всѣ ли они погибли, пораженные судомъ Божіимъ, и ихъ гоненія не содѣйствовали ли къ бо́льшему торжеству ея? Жалка и ничтожна мудрость человѣческая предъ премудростію Божіей! Господь крѣпость наша, Господь утвержденіе наше, прибѣжище наше и Избавитель нашъ: уповаемъ на Него. Хваля призовемъ Господа и отъ врагъ нашихъ спасемся (Псал. XVII, 2, 4). (Воскр. Чт., г. XIX, стр. 399—405.)

Возвращеніе изъ Египта.

(Матѳ. II, 19—23).

Ст. 19—22. Скоро послѣ избіенія младенцевъ Виѳлеемскихъ Иродъ скончался ужасною смертью. «Богъ, пишетъ Іосифъ Флавій, желая наказать Ирода за его жестокость, постоянно увеличивалъ его болѣзнь. Медленный жаръ, который никакъ не могъ выйти наружу, мучилъ и пожиралъ его внутри. Его внутренность была полна язвъ; многія наружныя части тѣла были изъѣдены червями; онъ едва могъ дышать, и его дыханіе было такъ зловонно, что нельзя было приблизиться къ нему. И вдобавокъ ко всему этому, страшный голодъ мучилъ его, такой голодъ, котораго не было возможности утолить».

Когда онъ умеръ, Ангелъ опять повелѣлъ Іосифу во снѣ возвратиться съ Младенцемъ и съ Его матерью въ землю Израилеву. Іосифъ сначала думалъ идти въ Виѳлеемъ, такъ какъ разсчитывалъ, что Сынъ Давидовъ долженъ былъ воспитываться въ городѣ Давидовомъ. Но когда онъ услышалъ, что въ Іудеѣ вмѣсто Ирода воцарился жестокій сынъ его Архелай, то убоялся идти въ Іудею. Потому онъ и отправился въ Назаретъ, гдѣ жилъ и прежде. И такимъ образомъ этотъ городъ и прекрасная Галилея сдѣлались настоящимъ отечествомъ Божественнаго Младенца.

Ст. 23. Въ выборѣ мѣстопребыванія Іисуса Христа Евангеліе указываетъ исполненіе на Немъ сказаннаго *чрезъ пророковъ, что Онъ Назорееме наречется*. Такого изрѣченія буквально нѣтъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, и смыслъ его опредѣлить и раскрыть довольно трудно. Святый Златоустъ полагаетъ, что пророчество сіе взято изъ книги, потерянной Іудеями. Другіе думаютъ, что Еван-

геліе указываетъ на Сампсона, какъ на образъ Христа, и имѣетъ въ виду мѣсто изъ книги Судей (XIII, 5); иные, что онъ прикровенно указываетъ на слова Исаіи (XI, 1), гдѣ великій Потомокъ Іессея (Мессія) называется *Нецеръ*—Отрасль; иные думаютъ, что Евангеліе имѣетъ въ виду пророчество, сохранившееся только въ преданіи Іудейскомъ. Не вѣроятнѣе ли сихъ предположеній, что Евангеліе не указываетъ здѣсь въ частности ни на какое пророчество, но имѣетъ въ виду общій характеръ пророчествъ *объ уничиженномъ* состояніи Христа? Такъ можно думать потому, что а) Евангеліе не говоритъ: «сказанное чрезъ пророка», но: «сказанное *чрезъ пророковъ*», выражая симъ, что это есть не изрѣченіе какого либо пророка, точное по выраженію, но извѣстная общая черта пророчествъ; б) пророки, предвозвѣщая о Мессіи, часто говорили о Его уничиженномъ состояніи (Исаія LXIII. Псал. XXI), а жители Назарета не только не пользовались почетомъ въ глазахъ Іудеевъ, но и были въ презрѣніи. Выйти изъ Назарета или быть Назаретцемъ.—Назарянином или Назореемъ—это значило быть въ пренебреженіи, въ презрѣніи, быть уничиженнымъ, отверженнымъ. На Христѣ, поселившемся въ Назаретѣ, бывшемъ въ уничиженіи до смерти крестной, и исполнилось въ точности сказанное о семъ уничиженіи у пророковъ (Толковое Евангеліе Михаила, стр. 31—32).

Ближе всего эти слова, говоритъ другой толкователь, имѣютъ отношеніе къ словамъ Исаіи XI, 1, гдѣ Мессія по-Еврейски называется Нецеръ, т. е. Вѣтвь или Отрасль. Это названіе Мессіи Незеромъ отъ частаго употребленія у Іудеевъ мало-по-малу сдѣлалось собственнымъ именемъ. Для обращенныхъ Іудеевъ поэтому ничего не было ближе сопоставленія словъ и понятій Незеръ и Назаретъ; для нихъ замѣчательнымъ доказательствомъ, что Іисусъ есть Мессія, было то, что Онъ, какъ Незеръ, воспитанъ былъ въ Назаретѣ. Это будетъ тѣмъ значительнѣе еще, что Назаретъ, собственно дающій отрасли свое имя производитъ изъ того же корня Незеръ (Земная жизнь Іисуса Христа, Орды, стр. 74, примѣч.).

Какъ объяснить то, что, по повѣствованію Евангелиста Луки, послѣ принесенія Божественнаго Младенца въ храмъ Іерусалимскій, святое семейство снова возвратилось въ свой отечественный городъ Назаретъ (II, 39); а по повѣствованію Евангелиста Матѳея, за поклоненіемъ волхвовъ произошло удаленіе святаго семейства во Египетъ, и уже изъ Египта послѣдовало возвращеніе въ Назаретъ? (II, 23.)

Это объясняется тѣмъ, что въ повѣствованіяхъ святыхъ Евангелистовъ весьма нерѣдко разсказываются однѣ послѣ другихъ, и даже, повидимому, въ непрерывной связи по времени такія событія, которыя совершились не непосредственно одно послѣ другаго, такъ что въ промежуткѣ ихъ протекло довольно времени и произошло еще многое другое, какъ открывается изъ снесенія одного Евангелиста съ другими. Это-то снесеніе или сравненіе святыхъ Евангелій между собою и показываетъ, какъ надобно понимать выраженія, употребляемыя святыми Евангелистами, при означеніи времени изображаемыхъ ими событій: *тогда, въ тѣ дни, послѣ сего, по совершеніи сего* и проч. Эти выраженія не всегда означаютъ у нихъ ближайшее преемство событій, но часто—одну связь между ними, или просто послѣдовательность ихъ чрезъ неопредѣленное время (см. Матѳ. III, 1. Лук. I, 80 и под.).

Такъ точно и здѣсь: изъ сказанія святаго Луки о возвращеніи святаго семейства въ Галилею, въ Назаретъ, по совершеніи всего по закону во храмѣ Іерусалимскомъ, чрезъ 40 дней по рожденіи Спасителя въ Виѳлеемѣ, слѣдуетъ только то, что святое семейство не избрало Виѳлеема своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ, но скоро возвратилось въ прежнее жилище свое—Назаретъ; а изъ сказанія Евангелиста Матѳея можно выводить только то, что послѣ отшествія волхвовъ изъ Виѳлеема,—въ непродолжительномъ времени, Іосифъ получилъ повелѣніе отъ Ангела Господня удалиться съ Божественнымъ Младенцемъ и Его Матерью въ Египетъ и быть тамъ до смерти Ирода.

Такимъ образомъ между поклоненіемъ волхвовъ и бѣгствомъ въ Египетъ могло совершиться (и совершилось) принесеніе Іисуса Христа во храмъ Іерусалимскій; а между принесеніемъ во храмъ и возвращеніемъ въ Галилею—бѣгство въ Египетъ. Но Евангелистъ Лука, послѣ исторіи срѣтенія Господня, говоритъ прямо о возвращеніи святаго семейства въ Назаретъ, по тому самому, что опустилъ въ своемъ повѣствованіи, случившееся между тѣмъ и другимъ событіемъ, удаленіе въ Египетъ; а Евангелистъ Матѳей сряду послѣ повѣствованія о поклоненіи волхвовъ говоритъ о бѣгствѣ въ Египетъ, потому что опустилъ разсказъ о срѣтеніи. Итакъ сказанія обоихъ Евангелистовъ не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшаго разногласія, а только пополняются одно другимъ, и вмѣстѣ открываютъ настоящій ходъ событій первыхъ лѣтъ жизни Іисуса Христа.

Святый Іосифъ, постоянно жившій въ Назаретѣ, гдѣ имѣлъ и свой домъ, только по случаю народной переписи приходилъ въ Виѳлеемъ. Когда же здѣсь родился Спаситель отъ Пресвятой Дѣвы Маріи, то нужно было провесть еще 40 дней матерняго очищенія, по закону Моусееву: въ эти самые дни приходили въ Виѳлеемъ на поклоненіе новорожденному Христу волхвы, получившіе первое откровеніе и вступившіе въ путь еще прежде рожденія Его (Златоуста Бесѣда на Матѳея 7-я, 3). По отшествіи же волхвовъ изъ Виѳлеема (Матѳ. II, 13) и по совершеніи всего по закону Господню въ Іерусалимскомъ храмѣ (Лук. II, 29), Іосифъ намѣренъ былъ возвратиться на свое постоянное мѣстопребываніе, въ Назаретъ; но, нечаянно получивъ повелѣніе отъ Ангела, совершилъ, вмѣсто сего, путешествіе въ Египетъ, и, уже по прибытіи оттуда, дѣйствительно возвратился въ Назаретъ (Обз. Четвероев. Гречулевича, ч. II, стр. 6—7).

Библіографическій указатель къ событіямъ II гл. Евангелія отъ Матѳея.

Святоотеческія толкованія:

1) *Пр. Исидора Пелусіота.* О звѣздѣ, путеводившей волхвовъ. Ч. I. 216.

2) *Св. Іоанна Златоустаго.* О звѣздѣ, приведшей волхвовъ ко Христу. Воскресн. Чт. VII. 335.

3) *Его же.* О избіеніи младенцевъ Виѳлеемскихъ отъ Ирода. Тамъ же. 336.

4) *Св. Аѳанасія Александрійскаго* изъ толкованія на Ев. отъ Матѳ. II, 2, IXX, и 20). Тв. св. Аѳ. Алекс., ч. IV. 473. Тв. св. оо., т. XXII.

5) Изъясненіе *блаж. Ѳеофилакта* (Матѳ. II, 1—12). Воскресное Чт. X. 359.

6) *Св. Діонисія Ареопагита.* Почему небеснымъ чинамъ усвоено наименованіе Ангеловъ (ст. 13). Воскресное Чт. XVIII.289.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

7) Евангельское чтеніе на литургіи въ день Рождества Христова (Матѳ. II, 1—12). Воскресное Чт. XXV, 966.

8) Евангельское чтеніе въ недѣлю по Рождествѣ Христовомъ (Маѳ. II, 13—23). Тамъ же. 987.

9) О волхвахъ, пришедшихъ поклониться Іисусу Христу. Хр. Чт. 1831 г., ч. IV. 270.

10) О звѣздѣ, явившейся волхвамъ. Хр. Чт. 1828 г. XXXII. 290.

11) Волхвы въ Іерусалимѣ. Душ. Чт. 1869 г. III. 345.

12) О звѣздѣ Мессіи. Воскресное Чт. XXVII. II. 1042 и 1093.

13) *Бѣлюстина.* Волхвы, поклонившіеся Господу Іисусу. Воскресное Чт. XXXII. II. 985.

14) Звѣзда и волхвы (Матѳ. II, 2). Воскресное Чт. 1877 г. II. 363.

15) *Прот. Скворцова.* Звѣзда, явившаяся на востокѣ. Дом. Бес. 1866 г. Вып. 47. 1089.

16) *Прот. Гречулевича.* О времени поклоненія волхвовъ въ порядкѣ Евангельскихъ событій. Стран. 1869 г., ч. IV. 144. (Дек.).

17) Волхвъ (Матѳ. II, 1). Б. п. сл. Воскресное Чт. 1874 г. II. 61.

18) Мысли при чтеніи Евангельскихъ сказаній о поклоненіи волхвовъ родшемуся Спасителю (Матѳ. II, 1—12). Хр. Чт. 1843 г. IV, 437.

19) Иродъ. Б. п. сл. Воскресное Чт. 1875 г. II. 111.

20) Бѣгство св. семейства въ Египетъ. Воскресное Чт. XVIII. 380.

21) Преданіе о пребываніи Іисуса Христа въ Египтѣ. Воскресное Чт. XIII г. 398.

22) Путешествіе св. семейства въ Египетъ. Воскресное Чт. VII. 357.

23) Одно изъ преданій Египтянъ о бѣгствѣ праведнаго Іосифа съ Младенцемъ Іисусомъ и Матерію Его въ Египетъ. Воскресное Чт. XXVII. II. 1060.

24) *Калинникова.* Поклоненіе волхвовъ. Воскресное Чт. 1882 г. 456—459.

25) *Его же.* Бѣгство Пресвятой Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ въ Египетъ. Тамъ же. 460—462.

26) *Прот. Скворцова.* Избіеніе младенцевъ Виѳлеемскихъ. Дом. Бес. 1867 г. Вып. 2, 41.

27) Архелай (Матѳ. II, 22). Б. п. сл. Воскресное Чт. 1874 г. I. 207.

28) Дивный промыселъ, видимый въ обстоятельствахъ Рождества Христова. Воскресное Чт. XV. 368.

29) *С. И.* Христіанскій домъ (Матѳ. II, 23). Воскресное Чт. 1874 г. I. 33.

30) *Прот. Нечаева.* Уроки покаянія, заимствованные изъ Евангелія въ Великомъ канонѣ св. Андрея Критскаго (Вочеловѣченіе, волхвы, пастыри, младенцы, Симеонъ и Анна). Душ. Чт. 1880 г. III. 109.

31) Возвращеніе изъ Египта, дѣтство и отрочество Іисуса Христа. Воскресное Чт. XXXI г. 445.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ:

32) *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* О приготовленіи Іудеевъ и язычниковъ къ принятію Мессіи и о путешествіи волхвовъ въ Іерусалимъ. I. 145—155. О смущеніи Іерусалимлянъ и Ирода, по прибытіи волхвовъ, о коварномъ замыслѣ Ирода, о путешествіи волхвовъ въ Виѳлеемъ, о поклоненіи ихъ новорожденному Младенцу и о возвращеніи въ свою страну. I. 162—173. О бѣгствѣ святаго семейства во Египетъ. I. 176—182. Объ избіеніи Виѳлеемскихъ младенцевъ и возвращеніи святаго семейства въ Назаретъ I. 186—197.

33) Ст. 11. *Его же.* О нравственномъ символическомъ значеніи даровъ, принесенныхъ волхвами, въ приложеніи къ христіанамъ I. 139—144.

34) Ст. 13. *Филарета, митрополита Московскаго.* О пагубныхъ слѣдствіяхъ любви къ міру изъ примѣра Ирода и Іерусалимлянъ. I. 85—88.

35) *Григорія, архіеп. Казанскаго.* Почему Христосъ инымъ пріятенъ, а другимъ противенъ? II. 134—142.

36) Ст. 16. *Макарія, еп. Тамбовскаго.* О томъ, какъ страсти ослѣпляютъ человѣка. II. 199—204.

8) Двѣнадцатилѣтній Іисусъ во храмѣ (Лук. II, 41—52).

Евангелистъ Лука свое повѣствованіе о возвращеніи Іисуса и родителей Его въ Назаретъ заключаетъ слѣдующими словами: *Младенецъ же возрасталъ и укрѣплялся духомъ, исполняясь премудрости; и благодать Божія была на Немъ* (II, 40). Евангельская исторія умалчиваетъ о томъ, какимъ образомъ происходило въ Назаретѣ воспитаніе и развитіе Божественнаго Младенца. Человѣческое любопытство различнымъ образомъ пыталось приподнять завѣсу, распростертую надъ исторіей дѣтства и юношества Іисуса Христа. Ничѣмъ не сдерживаемая фантазія наполнила это таинственное пространство времени до перваго явленія Іисуса Христа въ общественное служеніе всякаго рода баснями и сказками. Евангелисты разсказываютъ только *единственное* событіе изъ этого періода времени, что̀ служитъ блистательнымъ доказательствомъ ихъ осторожности и осмотрительности въ выборѣ разсказываемыхъ ими событій.

Ст. 41—42. Въ кругу Своего семейства Іисусъ достигъ въ Назаретѣ двѣнадцатилѣтняго возраста. Этотъ возрастъ, почти соотвѣтствующій нашему пятнадцатилѣтнему, по Іудейскому обычаю составлялъ переходъ изъ дѣтства въ юношескій возрастъ. Съ этимъ возрастомъ связывалась обязанность исполненія закона и участія въ Богослужебныхъ дѣйствіяхъ и обычаяхъ. Мальчики съ этого времени назывались «дѣтьми закона».

Приближалась Пасха. Это былъ величайшій Іудейскій праздникъ. Священнѣйшія воспоминанія о великихъ дѣлахъ Божіихъ соединялись съ нимъ. Воспоминалось то время, когда Богъ избралъ народъ Израильскій изъ всѣхъ народовъ и сдѣлалъ его Своимъ народомъ. Богъ повелѣлъ чрезъ Моисея: «три раза въ годъ должны являться предъ Господомъ всѣ мужчины: въ праздникъ пасхи, въ праздникъ пятидесятницы и въ праздникъ кущей». Поэтому и Іосифу нужно было отправиться въ Іерусалимъ. По благочестивому обычаю, Марія сопутствовала ему. Но такъ какъ и Іисусу было уже двѣнадцать лѣтъ, то и Его взяли съ собою въ Іерусалимъ. Время такихъ путешествій было веселымъ временемъ. Цѣлыя огромныя толпы народа изъ разныхъ мѣстъ шли вмѣстѣ. Чѣмъ дальше они шли, тѣмъ больше пристава̀ло къ нимъ путешественниковъ. При этомъ шли бесѣды о древнихъ временахъ милости Божіей. Почти каждое мѣсто на дорогѣ было памятникомъ благодѣяній Божіихъ благочестивымъ предкамъ. Во время отдыха прочитывали отрывки священной исторіи и пѣли хоромъ псалмы.

Ст. 43 — 44. По прошествіи праздничныхъ дней, родители Іисуса отправились въ обратный путь. Осмотрѣвшись, они замѣтили, что Іисуса не было подлѣ нихъ. Все, что̀ Онъ видѣлъ и слышалъ, видъ храма, священные его сосуды и его жертвы, чтеніе закона и пророковъ, гдѣ все указывало на Него,—все это сильно подѣйствова̀ло на Его душу, такъ что Онъ не замѣтилъ почти теченія времени и не могъ оторваться отъ храма. Родители Его сначала не безпокоились о Немъ, думая, что Онъ немного отсталъ съ другими путешественниками (Жизнь Господа нашего Іисуса Христа. Орды, стр. 74—75).

Опроверженіе ложнаго мнѣнія о Богоматери 1-е.

«Потеря Отрока Іисуса не была небреженіемъ со стороны Маріи, но это

было смотрѣніе Божіе и объявленіе о призваніи Христовомъ, о которомъ Самъ Онъ говоритъ: развѣ вы не знали, что Мнѣ должно быть въ томъ, что̀ принадлежитъ Отцу Моему (49)? Поэтому нерадѣніе въ потерѣ Отрока Іисуса никоимъ образомъ не можетъ относиться къ Богородицѣ по слѣдующимъ причинамъ: а) Смотрѣніе или промыслъ Божій не имѣютъ никакого соотношенія съ нерадѣніемъ или безпечностью. б) Само Евангеліе не приписываетъ совершенно Богоматери такого порока, какъ нерадѣніе или безпечность, говоря: «они (Марія и Іосифъ) думали, что Онъ (Іисусъ) идетъ съ другими, и прошли дневный путь» (Лук. II, 44). в) Марія и Іосифъ тотчасъ же послѣ того, какъ узнали, что Его нѣтъ, начали искать Іисуса между родственниками и знакомыми и, не нашедши Его, возвратились въ Іерусалимъ, чтобы, во что̀ бы то ни стало, розыскать Его. г) Преблагословенная Дѣва Марія, Богородица, твердо была увѣрена въ томъ, что въ человѣческой плоти Христа таится Слово Отчее и Премудрость Божія, а потому многое дозволяла Ему, зная и надѣясь на то, что ничего дурнаго не можетъ случиться отъ доброй Его воли. д) Обычай той страны, т. е. Палестины, отнимаетъ отъ Богоматери всякій порокъ нерадѣнія и безпечности. Евангеліе извѣщаетъ о многихъ путникахъ, входившихъ и исходившихъ изъ Іерусалима, изъ которыхъ одни шли впереди, а другіе сзади. Такъ продолжалось до самаго вечера, когда всѣ сходились на мѣсто для ночлега. И малые отроки той земли привыкли, по примѣру большихъ, собираться вмѣстѣ съ друзьями своими и знакомыми или добровольно, или же будучи побуждаемы къ тому своими родными. Поэтому и милосердная Матерь Марія не захотѣла запрещать Своему Сыну того, чего и прочія матери не запрещали своимъ сыновьямъ, не изъ недостатка материнской любви къ нимъ, но, напротивъ, отъ избытка любви къ своимъ дѣтямъ, не желавшей стѣснять дѣтской свободы. Итакъ, если и Преблагословенная Дѣва Марія цѣлый день не видѣла при Себѣ Своего Сына, то это никакъ не можетъ свидѣтельствовать о Ея безпечности и нерадѣніи, а, напротивъ, есть знакъ Ея особенно сильной любви и уваженія къ свободѣ Своего Дѣтища» (изъ Камня вѣры Стефана Яворскаго).

Ст. 45—47. Іосифъ и Марія думали, что найдутъ своего Отрока между другими путешественниками. Но надежда ихъ не оправдывается. Тогда сердца ихъ наполняются тревогою, но они не впадаютъ въ унынie. Они возвращаются въ Іерусалимъ и на третій день находятъ Его въ храмѣ (въ одномъ изъ его притворовъ) посреди учителей. Вотъ куда Онъ пришелъ; вотъ гдѣ Онъ слушалъ чтеніе и изъясненіе Писанія. Здѣсь была рѣчь Его Отца, голосъ изъ Его небеснаго отечества; здѣсь были образы и подобія будущаго спасенія, предсказывавшіе о Немъ и имѣвшіе исполниться на Немъ. Въ Немъ пробуждалось мало-по-малу то, что̀ лежало въ глубинѣ Его существа. Онъ слушаетъ учителей, относящихся съ большимъ благоволеніемъ къ Отроку. Онъ спрашиваетъ, и они толкуютъ и объясняютъ Ему все, по мѣрѣ своего разумѣнія. Они сами и всѣ слушающіе Его дивятся разуму и отвѣтамъ Его.

Ст. 48. Увидя своего Сына, родители изумляются. Марія представляла Себѣ, что и у Него болѣло сердце та́къ же, ка́къ у Нея, и что при первой встрѣчѣ Онъ бросится къ Ней съ радостію. Ей хотѣлось бы этого, но этого не произошло. Онъ сидитъ совершенно беззаботный и благодушный,

какъ будто Ему нѣтъ никакого дѣла до Матери и до Ея скорби. Поэтому Она не знаетъ, какъ Ей отнестись къ Сыну, и Ея сокрушеніе и состраданіе изливаются въ словахъ: «*Чадо! что Ты сдѣлалъ съ нами? Вотъ отецъ Твой и Я съ великою скорбью искали Тебя*». Марія не иначе могла назвать Іосифа, какъ отцемъ, чтобы не открывать тайны рождества Іисуса Христа. Въ глазахъ всѣхъ, не вѣдавшихъ этой тайны, Іосифъ былъ отцемъ Іисуса, хотя въ дѣйствительности не былъ таковымъ.

Опроверженіе ложнаго мнѣнія о Богоматери 2-е.

Марія не согрѣшила малодушіемъ, унынiемъ и нетерпѣніемъ, когда съ такою болью въ сердцѣ искала потерянаго Ею Отрока, какъ Сама Она говоритъ: *отецъ Твой и Я съ великою скорбью искали Тебя.* Во время распятія Іисуса Христа Дѣва Марія имѣла на сердцѣ Своемъ, какъ-бы отъ оружія остраго, гораздо бо́льшую рану, нежели въ то время, когда затеряла Его на пути изъ Іерусалима. Однакоже и во время распятія Своего возлюбленнаго Сына Богоматерь мужественно перенесла давившую Ее тогда скорбь: будучи укрѣпляема благодатію свыше, Она, какъ говоритъ Евангелистъ, *стояла при крестѣ Іисусовѣ* и не падала духомъ, ослабляемая немощью, обычною для прочихъ женъ. Почему жъ бы, спрашивается послѣ этого, Дѣва Марія не могла перенести, безъ разстройства душевнаго, гораздо меньшей скорби о кратковременномъ только погубленіи Отрока Іисуса? Далѣе, кто могъ имѣть бо́льшую вѣру въ Божество Іисуса Христа, чѣмъ Марія, Которая знала про Себя, что Она зачала Своего Сына не отъ сѣмени мужескаго естественнымъ образомъ, но отъ Духа Святаго, по благовѣстію Архангела? А гдѣ есть твердая и несомнѣнная вѣра, тамъ не можетъ быть никакого мѣста малодушію и унынію; а если нѣтъ малодушія, то не можетъ быть и ослабленія или упадка духа. Для праведныхъ вообще обычно переносить мужественно всякія несчастія, по слову псалмопѣвца: *великъ миръ у любящихъ законъ Твой, и нѣтъ имъ преткновенія* (Псал. CXVIII, 165). Святые Божіи никогда не ослабѣваютъ въ несчастіяхъ, но, напротивъ, еще болѣе укрѣпляются, по примѣру и словамъ Апостола Павла: *когда я немощенъ, тогда силенъ* (2 Коринѳянамъ XII, 10).

Опроверженіе 3-е.

Слова Богородицы: *Чадо! что сотворилъ еси нама тако?* не были словами обличенія и укора, какъ утверждаютъ противники, но были вѣрнѣе словами удивленія или жалости, проистекавшими отъ усердія Матери. Такіе жалостные вопросы къ Богу обычны у святыхъ Божіихъ. Такъ, Давидъ говорилъ Богу вопросительно и съ сожалѣніемъ: *доколѣ, Господи, забудеши мя до конца? доколѣ отвращаеши лице Твое отъ мене* (Псал. XII, 2)? *Господи Боже силъ! доколѣ будеши гнѣвенъ къ молитвамъ народа Твоего* (Псал. LXXIX, 5)? *Зачѣмъ мятутся народы, и племена замышляютъ тщетное* (Псал. II, 1)? Пророкъ Іеремія говоритъ: *почему путь нечестивыхъ благоуспѣшенъ, и всѣ вѣроломные благоденствуютъ* (Іерем. XII, 1)? *Долго ли будетъ сѣтовать земля, и трава на всѣхъ поляхъ сохнутъ* (тамъ же, ст. 4)? *Скотъ и птицы погибнутъ за нечестіе жителей ея?* Подобныя этому слова находятся и въ Апокалипсисѣ, гдѣ (VI, 10) сказано: *доколѣ, Владыко Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущимъ на землѣ за кровь нашу?* Всѣ такіе и подобные имъ во-

просы, часто встрѣчающіеся въ Священномъ Писаніи, можно ли признать обличеніемъ или укоромъ Богу? Самъ Христосъ на крестѣ говорилъ Отцу Своему: *Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставилъ* (Матѳ. XXVII, 46)? Пусть скажутъ намъ противники: ужели этими словами Христосъ обвиняетъ или обличаетъ Отца Своего? Неудивительно впрочемъ, если отважившіеся обвинить Богоматерь въ порокѣ обличенія и укора, не задумаются и Сына Ея, Христа Бога нашего, обвинять въ порокѣ малодушія и отчаянія (изъ Камня вѣры Стефана Яворскаго).

Ст. 49—50. На слова Богоматери: «вотъ отецъ Твой и Я съ великою скорбью искали Тебя», Іисусъ Христосъ отвѣчалъ: *зачѣмъ вамъ было искать Меня? Или вы не знали, что Мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему?*

Слова: *зачѣмъ вы искали Меня?* не суть слова обличенія или укора, но слова утѣшенія и наставленія. Прежде всего они суть слова наставленія, потому что посредствомъ ихъ Христосъ научаетъ Марію и Іосифа тому, что отлученіе Его отъ нихъ въ то время, когда они искали Его, возвращаясь изъ Іерусалима, произошло не по слѣпому случаю, но по смотрѣнію и тайнымъ судьбамъ Божіимъ, дабы Онъ (Іисусъ) пребывалъ и упражнялся въ тѣхъ самыхъ дѣлахъ, на которыя посланъ Отцемъ Своимъ Небеснымъ. Поэтому и сказалъ Христосъ: *или вы не знаете, что Мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему?* Очевидно, что слова эти были словами наставленія только, но никакъ не словами негодованія, или обличенія, какъ утверждаютъ противники наши. Далѣе, эти же самыя слова Христа были вмѣстѣ съ тѣмъ и словами утѣшенія, потому что посредствомъ ихъ Христосъ объявляетъ родителямъ Своимъ (Маріи и Іосифу), что не слѣдовало бы имъ искать Его съ такой великой печалью и болью въ сердцѣ, такъ какъ отлученіе Его отъ нихъ совершенно чуждо было всякой опасности, какой только они могли бы бояться за Него. Наконецъ, и отъ самой справедливости очевидною является ложь противниковъ нашихъ. Могъ ли вообще Христосъ обличать Мать Свою, и что̀ могло быть причиною обличенія и негодованія на Нее? Развѣ одно только то, что Она съ такимъ усердіемъ и болью въ сердцѣ искала Его? Но изъ этого наиболѣе обнаруживается, напротивъ, материнская любовь къ Сыну, такъ какъ обыкновенно съ большимъ сожалѣніемъ утрачивается нами то, что̀ съ любовью охраняется. И такъ можетъ ли кто повѣрить, чтобы Сынъ за любовь материнскую воздалъ обличеніемъ и негодованіемъ? Сверхъ того, пусть отвѣтятъ противники наши: обличалъ ли Христосъ учениковъ Іоанновыхъ, спрашивая ихъ: *чего ищете?* (Іоан. I, 38). Обличалъ ли Онъ также и Марію Магдалину, говоря ей: *Жено, чего плачешь, кого ищешь* (Іоан. XX, 15)? Конечно, нѣтъ (отвѣтятъ они). А если въ этихъ вопросахъ нѣтъ ни обличенія, ни негодованія, то нѣтъ ихъ, значитъ, и въ вопросѣ: *чего вы искали Меня?* (изъ Камня вѣры Стефана Яворскаго).

Или вы не знали, что Мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему? Въ первый разъ еще Христосъ свидѣтельствуетъ, что Богъ—Отецъ Его. Сначала Онъ Сынъ Божій, а потомъ—Своихъ родителей. Сначала Онъ долженъ идти путемъ Божіимъ, а потомъ ихъ дорогою. Нигдѣ они не должны были искать Его, какъ только въ храмѣ, который принадлежитъ Отцу Его. Но слова Его заключаютъ въ себѣ

еще больше: исполнить волю Отца Его—вотъ Его пища, дѣлать дѣла Отца—вотъ Его призваніе.

Родители Іисуса Христа конечно понимали, что, называя храмъ принадлежащимъ Его Отцу, Онъ Бога называетъ Своимъ Отцемъ. Но они могли не понимать всей тайны отношенія Его къ Богу Отцу. Только постепенно, мало-по-малу, они проникали въ эту тайну, открытую при Его благовѣщеніи. Но Мать Его сохраняла всѣ эти слова въ Своемъ сердцѣ, пока не пришло время, когда Она совершенно поняла ихъ.

Ст. 51—52. Послѣ этого чуднаго свидѣтельства о Своемъ истинномъ Отцѣ, Іисусъ съ Іосифомъ и Маріей возвратился въ Назаретъ и не выходилъ изъ повиновенія имъ. Ни сознаніе высокаго Своего призванія, ни впечатлѣніе отъ похвалъ удивленныхъ слушателей, ничто не даетъ Ему повода выйти изъ дѣтскаго послушанія. Онъ былъ въ повиновеніи у родителей. Какъ впослѣдствіи, *хотя Онъ и Сынъ Божій*, однако страданіями навыкъ послушанію (Евр. V, 8), такъ Его дѣтское и юношеское развитіе было постояннымъ навыкомъ послушанію, пока Онъ публично сталъ свидѣтельствовать о Своемъ Отцѣ. Но и религіозное человѣческое Его познаніе еще не было окончено. Онъ возрасталъ какъ возрастомъ, такъ и мудростію. Постояннымъ обращеніемъ со Своимъ Небеснымъ Отцемъ, углубленіемъ въ Священное Писаніе Своего народа, посѣщеніемъ въ субботы синагоги Назаретской, умственнымъ разсматриваніемъ чудесъ творенія, расширялось и углублялось Его познаніе, возрастала Его премудрость. Въ такой же мѣрѣ все полнѣе покоилась въ Немъ благодать или благоволеніе Божіе. Онъ нашелъ также благоволеніе и у людей. Во всемъ Назаретѣ *одинъ* только былъ о Немъ голосъ, что Онъ прекраснѣйшій между всѣми юношами. Всѣ любили и уважали Его. Такимъ образомъ тихо и спокойно въ хижинѣ переходилъ Онъ изъ дѣтства и юности въ годы мужеской зрѣлости.—Послѣ этого разсказа завѣса опять опускается и юность Іисуса въ продолженіи 18 лѣтъ остается неизвѣстною, пока Искупитель не выступилъ со словами: *покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Земная жизнь Іисуса Христа, Орды, стр. 77—78).

Нравственный урокъ для христіанскихъ дѣтей.

Обозрѣвая Евангельскія сказанія о первыхъ годахъ жизни Господа и Спасителя нашего, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ: почему Евангелисты указали только на двѣ черты изъ дѣтской и отроческой жизни Іисуса Христа: на мудрость, явленную Имъ въ храмѣ среди книжниковъ, и на повиновеніе, которое Онъ оказывалъ Своимъ родителямъ?

Очевидно, что эти двѣ черты имѣютъ особенно важное значеніе для христіанина, и что Евангелисты, указывая на нихъ, хотѣли между прочимъ дать намъ наиболѣе полезный нравственный урокъ. Указывая на бесѣду Спасителя во храмѣ, когда Онъ привелъ въ удивленіе весь Іерусалимъ Своимъ знаніемъ слова Божія, они этимъ самымъ поучаютъ насъ, что нѣтъ знанія выше знанія слова Божія, и что прежде, чѣмъ изучать какія либо науки, мы должны изучать слово Божіе, какъ единственное прочное основаніе всѣхъ нашихъ знаній и убѣжденій. Указывая на повиновеніе Спасителя Іосифу и Маріи, они чрезъ это даютъ намъ и особенно молодымъ людямъ, возрастъ которыхъ былъ

освященъ именно этимъ временемъ жизни Спасителя,—даютъ урокъ повиновенія родителямъ и всѣмъ тѣмъ, которые занимаютъ для насъ мѣсто родителей.

И въ самомъ дѣлѣ, какое знаніе такъ важно для насъ, какъ знаніе слова Божія? Слово Божіе есть нашъ неизмѣнный и лучшій учитель, къ которому мы должны преимущественно и чаще всего обращаться за совѣтами; оно есть то непоколебимое основаніе, на которомъ одномъ зиждутся всѣ наши убѣжденія и познанія и безъ котораго нашъ умъ колеблется всѣми толками людей легкомысленныхъ, ищущихъ постоянно новыхъ и новыхъ знаній и не умѣющихъ остановиться на истинѣ.

Съ другой стороны, какая высокая добродѣтель, особенно если взять во вниманіе молодость, не умѣющую жить самостоятельно, но въ то же время порывающуюся къ самостоятельности, какая высокая добродѣтель—послушаніе родителямъ! Дѣти, внѣ послушанія родителямъ, подвергаются всѣмъ нравственнымъ опасностямъ молодости, и эти опасности бываютъ тѣмъ пагубнѣе для нихъ, что они не сознаютъ ихъ гибельнаго вліянія на свою жизнь и по неопытности сердца не замѣчаютъ ихъ. Совершенно не то мы видимъ, когда дѣти воспитываются въ любви и послушаніи родителямъ. Подъ руководствомъ этой любви они бываютъ свободнѣе отъ всѣхъ нравственныхъ опасностей, такъ какъ они подчиняютъ въ этомъ случаѣ свое неопытное сердце болѣе твердому и опытному руководительству родителей; а вмѣстѣ съ этимъ они научаются во всей полнотѣ великимъ и основнымъ христіанскимъ добродѣтелямъ—любви и смиренію и, такимъ образомъ, готовятъ изъ себя будущихъ лучшихъ гражданъ Царства Небеснаго и земнаго.

О пребываніи Господа нашего Іисуса Христа въ Назаретѣ (противъ раціоналистовъ).

(Священника М. Златоверховникова.)

Извѣстно изъ Евангелія, что праведный Іосифъ и Святая Марія съ Младенцемъ Іисусомъ оставались въ Египтѣ до смерти Ирода. Когда послѣдовала позорная кончина этого тирана, они возвратились на родину и поселились въ Назаретѣ. Здѣсь Спаситель жилъ, почти никѣмъ не узнаваемый, до тридцатилѣтняго возраста, времени Своего вступленія на общественное служеніе. Евангелистъ мало занимается этимъ періодомъ жизни Іисуса Христа. Но за то апокрифическіе писатели и современные раціоналисты съ особенною любовью останавливаются на немъ. И тогда какъ первые обставляютъ эту жизнь вымышленными чудесами, имѣющими сказочный характеръ и вызывающими въ трезвомъ читателѣ сожалѣніе о напрасномъ трудѣ разоблачить темную завѣсу надъ частною жизнью Спасителя, послѣдніе (раціоналисты) вкладываютъ эту жизнь въ самыя узкія рамки условій человѣческаго развитія и, за недостаткомъ положительныхъ историческихъ данныхъ, даютъ полный просторъ своей творческой фантазіи.

Такою фантазіей особенно богатъ раціоналистъ Ренанъ... Для него Христосъ—человѣкъ, правда несравненный, геніальный, но все-таки человѣкъ. Составивъ такое основное воззрѣніе на Спасителя, Ренанъ не представляетъ для Него другихъ условій развитія, кромѣ общечеловѣческихъ. Онъ ставитъ Христа въ зависимость отъ вліяній климата, среды, гдѣ Онъ росъ, тѣхъ убѣжденій и суевѣрій, которыя ходячи были у людей, равныхъ Ему по общественному положенію. Изъ какихъ же источниковъ Ренанъ позаимствовалъ свѣдѣнія о вос-

питаніи Іисуса? Не имѣя и не ища данныхъ въ Евангеліи, онъ пробавляется единственно грезами своей фантазіи, при чемъ запутывается въ противорѣчіяхъ и несообразностяхъ. То онъ говоритъ о рѣшающемъ, исключительномъ значеніи въ воспитаніи Іисуса роскошной Галилейской природы, то о неотразимомъ вліяніи на Него раввина Гиллеля, пророковъ и апокрифовъ; то онъ представляетъ Іисуса либеральнымъ по отношенію къ закону Моисееву, то пропитаннымъ народными суевѣріями; то ставитъ Его въ параллель съ ученымъ Филономъ, то представляетъ ничего незнающимъ поселяниномъ. И все это въ одной главѣ, на немногихъ страницахъ. Но обратимся къ частностямъ.

По Ренану, Христосъ учился читать и писать, изучалъ Ветхій Завѣтъ и апокрифы; но онъ забылъ, что говорили Назаретяне по поводу ученія Спасителя въ Назаретской синагогѣ: *откуда у Него такая премудрость и силы?... и соблазнялись о Немъ;* то есть, соотечественники Спасителя недоумѣвали, какимъ образомъ Онъ, не получивъ никакого воспитанія, могъ быть такъ премудръ? Онъ забылъ только, что говорили Іудеи во время праздника Кущей по поводу ученія же Спасителя: *и дивились Іудеи говоря: какъ Онъ знаетъ писанія, не учившись?* Іисусу Христу, какъ Богочеловѣку, не было никакой надобности учиться; это Онъ показалъ на двѣнадцатомъ году Своей жизни въ Іерусалимскомъ храмѣ, о чемъ мы ниже скажемъ подробно. Если бы и Ренанъ призналъ Его Богочеловѣкомъ, то всѣ грезы его о различныхъ вліяніяхъ на Іисуса и обученіи Его оказались бы совершенно не нужными.—По мнѣнію Ренана, «законъ Моисеевъ для Христа, кажется, не имѣлъ въ себѣ ничего привлекательнаго; Онъ считалъ Себя способнымъ произвести нѣчто лучшее». Это чистѣйшая ложь. *Не думайте*, говорилъ Спаситель въ нагорной бесѣдѣ, *что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вамъ: доколь не прейдетъ небо и земля, ни одна іота или черта не прейдетъ изъ закона, пока не исполнится все.* Точно также, говоря, что Іисусъ многое позаимствовалъ у Гиллеля, Ренанъ говоритъ совершенную ложь. Онъ заключаетъ это на основаніи нѣкотораго сходства между нравственнымъ ученіемъ Іисуса Христа и афоризмами Гиллеля. Но откуда знаютъ объ афоризмахъ Гиллеля? Изъ Талмуда. А Талмудъ то ли ученіе приписываетъ Гиллелю, которое онъ дѣйствительно преподавалъ, или скорѣе нѣкоторыя изъ нравственныхъ наставленій Христа, хорошо всѣмъ извѣстныхъ во время составленія Талмуда? Можно ли, основываясь на документѣ позднѣйшемъ и наполненномъ бреднями (съ чѣмъ соглашается и Ренанъ), утверждать, что Гиллелъ проповѣдывалъ то или другое ученіе? Какъ можно рѣшительно говорить, что этотъ раввинъ былъ учителемъ Іисуса, потому только, что ему приписывается кое что сходное съ ученіемъ Іисуса, что прямо могло быть заимствовано Гиллелемъ изъ Евангелій?—Ренанъ считаетъ суевѣріемъ, что Христосъ признавалъ существованіе діавола; но Сынъ Божій для того и воплотился, чтобы разрушить дѣла діавола. Ученіе это проводится во всемъ Священномъ Писаніи. Ренанъ считаетъ также суевѣріемъ вѣру въ Промыслителя; но наука не поколебала еще этой вѣры и не можетъ замѣнить ее вѣрою въ естественныя силы и законы природы.

Мы, конечно, не станемъ своими догадками и предположеніями поднимать завѣсу надъ частною жизнью Спасителя въ Назаретѣ. Для насъ достаточно

и тѣхъ краткихъ замѣчаній касательно этой жизни, которыя имѣются въ Евангеліи. *Іисусъ*, говоритъ Евангелистъ Лука, *преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ, и въ любви у Бога и человѣковъ*. Итакъ, на основаніи этого свидѣтельства довольно сказать, что человѣческая природа Спасителя со всѣми ея духовными силами развивалась постепенно, съ тѣмъ только различіемъ отъ общечеловѣческаго развитія, что зло не коснулось Христа и ничто не помрачило чистоты души Его. Это правильное развитіе человѣческой природы Спасителя, этотъ гармоническій ростъ опредѣлялись воздѣйствіемъ Божественной природы Іисуса Христа. Тѣмъ же воздѣйствіемъ условливается непрерывное единеніе Спасителя съ Отцемъ Небеснымъ и раннее сознаніе мессіанскаго призванія Его. Трудно предположить, судя по невѣрію даже родственниковъ Іисуса Христа, чтобъ это сознаніе Спасителя выразилось въ какихъ либо необыкновенныхъ дѣйствіяхъ во время частной жизни Его въ Назаретѣ. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что оно присуще было Христу въ годы отрочества, и при одномъ важномъ обстоятельствѣ, записанномъ въ Евангеліи отъ Луки, было Имъ высказано.

Достигнувъ двѣнадцатилѣтняго возраста, съ котораго Израильтяне начинали участвовать въ религіозной жизни своего народа, Спаситель, вмѣстѣ съ Іосифомъ и Матерью Своею, пришелъ въ Іерусалимъ. Здѣсь, въ храмѣ, все говорило Ему о Богѣ, Его Отцѣ, и о собственномъ Его призваніи. Этотъ храмъ былъ домомъ Божіимъ; вся система религіозныхъ дѣйствій въ немъ обращена къ прославленію и умилостивленію Творца; всѣ молящіяся лица устремлены были къ Небесному Отцу, и Спаситель радостно почувствовалъ, что Онъ находится въ Своемъ собственномъ домѣ. Съ другой стороны, эта жертвенная кровь, лившаяся для умилостивленія правосудія Божія, говорила Ему о Его искупительной Крови, имѣющей пролиться на Голгоѳѣ; а эти молитвы о скорѣйшемъ наступленіи Царства Мессіи—Избавителя, это чтеніе закона и пророковъ, въ основѣ которыхъ лежала мысль о Спасителѣ, расположили Его сейчасъ же, здѣсь же, заявить Свою учительскую дѣятельность, не открывая торжественно Своего имени и достоинства. И вотъ, въ то время, когда Іосифъ и Святая Марія были на обратномъ пути въ Назаретъ, двѣнадцатилѣтній Спаситель бесѣдуетъ съ Іудейскими учителями въ храмѣ. Его вопросы показывали такую глубину чувства и такое богатство духа, что привели этихъ знаменитыхъ учителей въ удивленіе. Вся ученость раввиновъ, покрытыхъ сѣдинами, оказалась недостаточною, скудною предъ вопросами Отрока Назаретскаго. Между тѣмъ Мать, обезпокоенная отсутствіемъ Своего Сына, Котораго напрасно надѣялась найти среди Своихъ родственниковъ, возвращается въ Іерусалимъ и находитъ Его тамъ, гдѣ всего менѣе ожидала Его встрѣтить,—въ храмѣ, среди учителей, за ученою бесѣдою. Съ нѣжнымъ упрекомъ относится любящая Мать къ Своему любезному Сыну за часы Своего страха и безпокойства о Его благосостояніи. *Сынъ Мой*, говоритъ Она, *что Ты сдѣлалъ съ нами? Вотъ отецъ Твой и Я съ великою скорбью искали Тебя. Зачѣмъ было вамъ искать Меня? Или вы не знали, что Мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему?* Ренанъ, извращающій всю Евангельскую исторію, видитъ въ этомъ отвѣтѣ возмущеніе Спасителя противъ власти родительской, и по этому поводу написалъ дикую тираду: «Іисусъ, какъ всѣ люди, исключительно преданные

идеѣ, говоритъ онъ, ни во что̀ ставилъ узы кровныя. Связь идеи есть единственная связь, которую такія натуры признаютъ. Современемъ мы увидимъ, какъ Христосъ попретъ ногами все земное, узы крови, любви, отечества и не оставитъ въ душѣ мѣста ничему, кромѣ идеи, которая представлялась Ему въ абсолютной формѣ добра и истины». Нельзя безъ отвращенія читать эти богохульныя слова! Можно ли такъ говорить о Спасителѣ, Который преисполненъ былъ любви, доброты и милосердія, Который, вися на крестѣ и испытывая тягчайшія страданія, заботится о Матери Своей и поручаетъ Ее любимѣйшему Своему ученику? И даютъ ли приведенныя выше слова Спасителя хоть малѣйшее основаніе Ренану дѣлать подобный выводъ? Ближайшій смыслъ этихъ словъ, по связи рѣчи, тотъ, что Спасителю, посланному отъ Отца на особое служеніе роду человѣческому, о чемъ уже знали нѣчто Іосифъ и Марія, и естественно, и прилично быть въ храмѣ, принадлежащемъ Отцу Его, потому что въ немъ Онъ особенно являлъ Свое присутствіе. Но самое выраженіе этой мысли, очевидно, скрываетъ въ себѣ болѣе обширный смыслъ, именно: указываетъ прикровенно на все великое дѣло Его служенія, которое Ему предназначено и предстоитъ совершить; что Ему надлежитъ дѣлать то, или быть главнымъ дѣятелемъ въ томъ, для совершенія чего Онъ посланъ отъ Отца. Іосифъ и Марія хорошо знали необыкновенное достоинство и мессіанское призваніе Іисуса Христа; но съ человѣческой точки зрѣнія не могли представить, чтобы воля Отца Небеснаго стала исключительною цѣлью Дитяти. И потому рѣчь Спасителя не совсѣмъ была вразумительна для нихъ. *Но они не поняли сказанныхъ Имъ словъ*, замѣчаетъ Евангелистъ.

Штраусъ считаетъ переданный нами фактъ вымысломъ, или, по крайней мѣрѣ, искаженіемъ самаго простаго событія съ предзанятою мыслью доказать рано развившееся въ Іисусѣ сознаніе о Его мессіанскомъ призваніи, и въ подтвержденіе своего мнѣнія усиливается найти несообразности въ самомъ разсказѣ о посѣщеніи Христомъ храма. Прежде всего, онъ строитъ такую дилемму: «или родители Іисуса на столько довѣряли своему Сыну, что въ продолженіи цѣлаго дня не безпокоились за Него отсутствующаго, и тогда непонятно, почему они вечеромъ безпокоятся о Немъ; или, если, вечеромъ безпокоятся о Его отсутствіи, то почему они оставались покойными въ теченіи цѣлаго дня?» Дилемма, легко разрѣшимая. Такъ какъ Іосифъ и Марія привыкли къ точному послушанію Іисуса, то совершенно естественно, что, извѣстивъ Его о времени своего отбытія изъ Іерусалима и дорогою не видя Его при себѣ они не сомнѣвались въ томъ, что, по причинѣ большой суматохи, при выходѣ изъ города, Іисусъ отбился отъ нихъ и идетъ вмѣстѣ съ родственниками. Но вечеромъ, когда на условномъ ночлегѣ между родными не оказалось Іисуса,— неизвѣстность, гдѣ Онъ находится, и что̀ съ Нимъ дѣлается, не могла не поразить скорбью ихъ родительское сердце.

Далѣе, въ Евангельскомъ разсказѣ о посѣщеніи Христомъ храма, Штраусъ находитъ ту несообразность, что Іисусъ представленъ почтеннымъ диспутантомъ, сидящимъ среди раввиновъ, на почетномъ мѣстѣ, тогда какъ, по народнымъ обычаямъ, Онъ, какъ отрокъ, въ качествѣ ученика долженъ былъ стоять въ присутствіи раввиновъ. Если бы Штраусъ добросовѣстно относился къ Евангелію, то не выставилъ бы подобнаго возраженія. Въ Евангеліи ясно

сказано, чѣмъ условливалось особенное вниманіе къ Спасителю Іудейскихъ раввиновъ. Во время богословской бесѣды раввиновъ, которая велась главнымъ образомъ для назиданія народа и въ которой могли принимать участіе слушатели, Отрокъ Іисусъ показалъ необыкновенную для дитяти мудрость, предлагая раввинамъ вопросы и отвѣчая имъ, когда, по поводу Его вопросовъ, обращались къ Нему съ вопросами. Эта-то мудрость заставила раввиновъ забыть разность въ лѣтахъ и въ общественномъ положеніи между ними и отрокомъ и предоставить Ему почетное раввинское мѣсто.

«Съ истиннымъ человѣчествомъ и истинно человѣческимъ развитіемъ Іисуса, говоритъ еще Штраусъ, ни какъ не мирится, что Онъ на двѣнадцатомъ году Своей жизни признаетъ Себя Сыномъ Божіимъ». Для Штрауса, конечно, это камень преткновенія, потому что онъ считаетъ Христа простымъ человѣкомъ и подчиняетъ Его развитіе общечеловѣческимъ условіямъ; но для насъ раннее сознаніе Спасителя о Себѣ, какъ Мессіи и Сынѣ Божіемъ, есть необходимое слѣдствіе того факта, что Онъ не простой человѣкъ, а Богочеловѣкъ (Дом. Бес. 1874 г. XVII. 41—47).

Библіографическій указатель ко 2 гл. 41—52 ст. Ев. Луки.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

1) *Свящ. Вишнякова.* Первое путешествіе Іисуса Христа въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи. Душ. Чт. 1869 г. I. 315.

2) *Іоанна, еп. Смоленскаго.* О лицѣ Іисуса Христа. Двѣнадцатилѣтній Іисусъ. Хр. Чт. 1876 г., ч. II. 75—77.

3) *Пѣвницкаго.* Юность Богочеловѣка. Воскресное Чт. 1881 г. 371—376.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

4) Ст. 45—46. *Филарета, митроп. Московскаго.* Ученіе о храмѣ въ связи съ повѣствованіемъ о пребываніи двѣнадцатилѣтняго Іисуса въ храмѣ Іерусалимскомъ. IV. 568—571.

5) Ст. 48. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* Въ составъ воспитанія дѣтей необходимо и преимущественно должно входить посѣщеніе храмовъ Божіихъ и внимательное слушаніе и изученіе проповѣдуемаго въ нихъ слова Божія. III. 97—106.

6) Ст. 49. *Павла. архіеп. Кишиневскаго.* О любви Богочеловѣка къ Своему Отцу Небесному и о храмѣ, какъ священномъ мѣстѣ, наиболѣе благопріятствующемъ воспитанію и возгрѣванію въ душѣ человѣческой любви къ Богу и ревности о Немъ. III. 443—456. 456—461.

О явленіи и дѣятельности святаго Іоанна Крестителя.

Умственное и религіозно-нравственное состояніе Іудеевъ предъ явленіемъ Іоанна Крестителя.

(Профессора В. Пѣвницкаго.)

Смутное время переживала Іудея предъ явленіемъ святаго Іоанна Крестителя. Это время богато было надеждами, ожиданіями и запросами, но бѣдно было средствами удовлетворенія духовныхъ потребностей. Книга откровенія хранила для Іудеевъ дорогіе завѣты Божіи и указывала имъ чистое ученіе вѣры и нравственности. Но при чтеніи ея темное покрывало лежало на глазахъ Израиля, и онъ, видя и слыша, не разумѣлъ завѣщаннаго ему откровенія, и не столько изъ него извлекалъ для себя просвѣтительныя начала, сколько въ него старался влагать свои плотяныя воззрѣнія, наросшія на его сознаніе въ теченіе длинной перемѣнчивой его исторіи. Изъ среды его возвышались особенные знатоки и толкователи закона и пророковъ. Но для вѣрнаго толкованія Божественнаго слова мало одного механическаго знанія; для этого нужно живое дѣйствіе духовнаго чувства Божественной истины, а его-то и не доставало книжникамъ Іудейскимъ, считавшимъ буквы и слова и не умѣвшимъ уловить вложенную въ нихъ силу духа и истины. Божественный законъ у нихъ обезображенъ былъ разными преданіями человѣческими; единая заповѣдь любви, указанная въ немъ Спасителемъ, у нихъ раздѣлялась на множество большихъ и малыхъ заповѣдей, и вмѣсто того, чтобы возбудить и направить къ святымъ цѣлямъ внутреннее расположеніе духа народа, они до мельчайшихъ подробностей росписывали для него правила и формулы внѣшняго поведенія. Храмъ Божій загороженъ былъ множествомъ громоздкихъ человѣческихъ пристроекъ, совершенно не гармонировавшихъ съ нимъ, и, блуждая по этимъ пристройкамъ, народъ не проникалъ до средины своего святилища. Его руководители духовную силу раздробили на мелкія единицы и не могли составить изъ нихъ цѣлаго,—какъ-бы считали деревья и не видѣли за ними лѣса.

Въ духовномъ настроеніи Іудейскаго народа, предъ явленіемъ Іоанна Крестителя, замѣтна нѣкоторая смѣсь гордости и униженія. Люди считаютъ себя избраннымъ и возлюбленнымъ народомъ Божіимъ, присвоиваютъ себѣ право на особенную близость къ Богу и особенныя благодѣянія Божіи, на основаніи великихъ обѣтованій ихъ великимъ отцамъ. Но политическое ничтожество, переносимое ими иго иноплеменнаго

правительства, разныя гражданскія невзгоды, сознаніе своего безсилія естественными средствами перемѣнить и возвысить свое положеніе, — все это наносило жестокій ударъ высокомѣрному чувству Іудеевъ. Въ ихъ умахъ горькая дѣйствительность плохо сживалась съ ихъ гордыми требованіями и воззрѣніями на себя, и на каждомъ шагу при этомъ слышалась дисгармонія, служившая отголоскомъ внутренняго раздора, разъѣдавшаго народное чувство. Тяжесть такого положенія вызывала иногда взрывы національнаго фанатизма, не хотѣвшаго сносить рабской покорности чужому властителю. Эти взрывы причиняли новую смуту народному сознанію. Они увлекали собою много самонадѣянныхъ жизней, разражались кровью и смертью, но народу не приносили облегченія и не исправляли его обольщеннаго самосознанія.

Ожиданіе Мессіи, обѣтованнаго Избавителя, было при этомъ средоточіемъ всѣхъ помысловъ народа. Имя Его было на устахъ всѣхъ, и всѣ съ особенною внимательностью слѣдили за признаками времени, какъ-бы допрашивая у нихъ, скоро ли явится къ нимъ Тотъ, къ Кому направлялись умы и сердца ихъ отцовъ и дѣдовъ. Но этотъ былъ ожидаемый Мессія въ умахъ народа не былъ тѣмъ, чѣмъ Его представляли пророки. Задушевныя желанія порабощеннаго народа призывали въ немъ къ себѣ царя—освободителя и завоевателя. Внѣшнее бѣдствіе удручало народъ; умственное настроеніе его образовалось подъ вліяніемъ чувственныхъ склонностей молодаго восточнаго организма, и эти склонности брали въ немъ верхъ надъ другими стремленіями всякій разъ, когда умолкали воздвигаемые Богомъ ревнители духовнаго закона, и мѣста учителей занимали тѣ, которые хотѣли быть устами народныхъ желаній, по слову Іезекіиля. И вотъ, тоскливое ожиданіе мучитъ народъ Іудейскій; онъ видитъ предъ собою въ будущемъ человѣка, котораго пошлетъ Богъ къ потомкамъ Авраама и Давида для того, чтобы этотъ посланникъ Божій избавилъ его отъ политическаго униженія, прогналъ изъ Іудеи чужихъ правителей, возвратилъ народу Божію самостоятельность, основалъ для него величественное царство, сдѣлалъ его господиномъ и властителемъ земли и подчинилъ ему всѣ сосѣднія племена и народы. Это была чувственная мечта обольщеннаго народа, но она окрѣпла и сгустилась до того, что подчиняла себѣ и тѣхъ, которые владѣли относительно трезвымъ сознаніемъ. Какой-то темный покровъ заслонялъ глаза всѣхъ Іудеевъ, и они не видѣли и не понимали того внутренняго избавленія, къ какому велъ ихъ и какое готовилъ для нихъ Промыслъ Божій.

Въ кругу людей, которые возвышались надъ массою народа своимъ образованіемъ и вызывались быть руководителями другихъ силою обстоятельствъ или своею волею, съ весьма давнихъ временъ, по свидѣтельству Іосифа Флавія, было три особливыхъ толка или направленія. Каждый толкъ рѣзко отличался одинъ отъ другаго, и между ними не было мира и доброжелательныхъ отношеній. Человѣкъ, искавшій высшаго просвѣщенія, часто проходилъ всѣ три толка, посѣщая разныя школы, какъ, напримѣръ, дѣлалъ самъ Іосифъ Флавій въ молодые годы. Люди изъ значительныхъ семействъ, особенно юноши особенныхъ дарованій и благочестиваго настроенія, окончательно останавливались на томъ или другомъ толкѣ только послѣ колебаній и короткаго знакомства съ ученіемъ и требованіями каждаго изъ нихъ.

Самымъ популярнымъ и наиболѣе распространеннымъ толкомъ былъ толкъ фарисейскій. Его направленіе и недостатки намъ извѣстны изъ Евангелія. Господу и Спасителю нашему часто приходилось имѣть дѣло съ гордыми вождями народа — фарисеями. Завладѣвъ всѣми видными мѣстами, окруженные почетомъ, увѣренные въ своей силѣ и святости своего направленія, они съ неудовольствіемъ встрѣтили новое Божественное ученіе Господа Іисуса Христа и возстали противъ Него со всею неумолимостью уязвленнаго самолюбія, когда увидали, что оно тревожитъ ихъ спокойную самоувѣренность и подрываетъ у народа вѣру въ ихъ значеніе, проливая новый свѣтъ на затемненный и искаженный ими законъ правды и истины. И вотъ, по обличеніямъ Спасителя, мы знаемъ ихъ гордость, лицемѣріе и нѣкоторое чванство своими благочестивыми подвигами, ихъ показную и скрупулезную религіозность, чисто внѣшнюю и бездушную, и ихъ умственную ограниченность. Они расширяли хранилища свои и увеличивали воскрилія одеждъ своихъ, любили предвозлежанія на пиршествахъ и предсѣданія въ синагогахъ, и привѣтствія на площадяхъ, и чтобы люди звали ихъ: учитель! учитель! Народъ хвалилъ ихъ за подвиги ихъ религіозной ревности и любви къ ближнимъ, но высшій его Сердцевѣдецъ называлъ фарисеевъ лицемѣрами за эти подвиги: они творили милостыни, посты и моленія, но любили это дѣлать такъ, чтобы эти милостыни, посты и моленія всѣмъ были видны и у всѣхъ снискивали имъ славу и почесть. Такъ, во время поста они принимали на себя мрачныя лица, чтобы всѣмъ показаться постящимися; для совершенія молитвъ и для подаванія милостыни они останавливались на углахъ людныхъ улицъ, или избирали для этого сходбища въ синагогахъ. Привязанность къ закону у нихъ была самая сильная, и они предъ лицемъ народа ревновали объ его исполненіи, и даже не довольствовались соблюденіемъ повелѣннаго имъ, а хотѣли налагать на себя особенныя, какъ-бы сверхдолжныя, обязательства. Ихъ скрупулезная ревность къ яснымъ требованіямъ закона прибавила множество мелкихъ предписаній или преданій человѣческихъ, касающихся соблюденія субботы, храненія внѣшней чистоты, порядка при столѣ и т. п. Этими мелочными предписаніями связана была обыденная жизнь фарисея отъ утра до ночи, и пунктуальное исполненіе ихъ было для него предметомъ особенныхъ заботъ и источникомъ гордости и самообольщенія. Но жизнь ихъ, размѣренная и разсчитанная механически и связанная самыми подробнѣйшими правилами внѣшняго благоповеденія, лишена была внутренняго духа и содержанія. И Спаситель уподобляетъ ихъ гробамъ повапленнымъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты. По Его словамъ, они людямъ казались праведными, а внутри были наполнены лицемѣрія и беззаконія. Они сами между тѣмъ не замѣчали внутренней пустоты своей. Ихъ мысль прикована была къ закону внѣшней праведности, и за нимъ они не видѣли важнѣйшаго въ законѣ,— духа и силы. Они давали положенную десятину съ мяты, аниса и тмина, и оставляли судъ, милость и правду, и не умѣли различать, кто больше виновенъ въ нарушеніи закона,—тотъ ли, кто обижаетъ сиротъ и вдовицъ, или тотъ, кто приступаетъ къ столу съ неумытыми руками. Противорѣчій цѣлыя массы росли и уживались въ фарисейскомъ сознаніи, и они не возбуждали въ немъ стремленія какъ-нибудь по-

крыть и исправить ихъ,—и эти противорѣчія видны были какъ въ общемъ строѣ ихъ жизни, такъ и въ тѣхъ частныхъ предписаніяхъ, какими они упорядочивали свою нравственную дѣятельность. Спаситель называетъ ихъ безумными и слѣпыми за то, что они не замѣчали оскорбляющей чистое сознаніе силы этихъ противорѣчій, и приводитъ въ примѣръ ихъ слѣпоты странныя правила ихъ касательно клятвы. Они говорили, что если кто поклянется храмомъ, то ничего, а если кто поклянется золотомъ храма, то повиненъ;—также, если кто поклянется жертвенникомъ, то ничего, если же кто поклянется даромъ, который на немъ, то виновенъ. Безумные и слѣпые (говорилъ имъ по этому поводу Господь нашъ)! Что̀ больше, — золото, или храмъ, освящающій золото? Даръ, или жертвенникъ, освящающій даръ?... Но какъ ни печально было умственное и нравственное состояніе этой первенствующей Іудейской секты, видъ добродѣтели и религіозности, какимъ прикрывали фарисеи свою духовную нищету, сдѣлалъ ихъ вождями народа, и они, по свидѣтельству Іосифа Флавія, снискали себѣ въ народѣ такое уваженіе, что всѣ обряды, относящіеся до Богопочитанія, какъ молитвы и жертвоприношенія, происходили единственно по ихъ предписанію, и всѣ города Іудейскіе съ великими похвалами свидѣтельствовали о нихъ, что они какъ жизнью своею, такъ и словами показываютъ себя послѣдователями одной добродѣтели.

Другой толкъ, противоположный фарисейскому, составляли саддукеи; но они далеко не имѣли такого значенія, какъ фарисеи, у Іудейскаго народа. На Іудейской почвѣ саддукейскій толкъ представлялъ отпрыскъ сухаго, безсердечнаго раціонализма, какой подчиняетъ себѣ умы, когда въ обществѣ ослабѣваетъ или заглушается религіозное чувство. Фарисеи, съ кучею своихъ мелочныхъ правилъ, желавшіе подвести жизнь человѣка подъ механическій законъ, навлекали на себя упрекъ въ суевѣріи; саддукеи, напротивъ, давали поводъ обличать ихъ въ невѣріи. Если у тѣхъ было слишкомъ много внѣшнихъ предписаній, то у этихъ слишкомъ мало. Они вѣрили въ одно Пятокнижіе и не допускали никакихъ аллегорическихъ толкованій его, и потому отвергали все, чего нельзя было вывести изъ буквы Писанія. Воззрѣніе ихъ на вещи было слишкомъ плоско и безжизненно: міръ духовный для нихъ почти не существовалъ, и они не вѣрили ни въ воскресеніе, ни въ вѣчную жизнь, ни въ бытіе высшихъ безплотныхъ существъ. Идея самаго Промысла Божія имъ представлялась въ туманной дали и неясномъ полумракѣ: она отождествлялась у нихъ съ представленіемъ слѣпаго рока; потому что въ дѣйствіяхъ Промыслителя они не видѣли любви и благой воли и считали недостойнымъ Его заботиться о частныхъ живыхъ существахъ міра. Ихъ нравоученіе было освященіемъ естественныхъ требованій нашей природы, и они не столько свою дѣятельность старались возвысить по требованіямъ закона Моисеева, сколько подчиняли своимъ желаніямъ этотъ самый законъ. Нужда высшаго освященія и высшихъ нравственныхъ подвиговъ ими не сознавалась, и они, при низкомъ уровнѣ своихъ нравственныхъ требованій, съ самодовольствомъ смотрѣли на свою честность, если она не запятнана была черными преступленіями. Ихъ руководителемъ былъ разсудокъ, испытанный въ преніяхъ и увѣренный въ своей силѣ и въ правдѣ тѣхъ сужденій, какія составляли содержаніе саддукейскаго толка; потому, какъ свидѣтельствуетъ Іосифъ Флавій, они очень

любили состязанія о той премудрости, которой сами слѣдовали. Утонченность и сухость саддукейскаго раціонализма, конечно, не приходилась по характеру Іудейскаго народа. Поэтому этимъ направленіемъ увлекались немногіе, собственно самые знатные и богатые люди, болѣе прочихъ подчинявшіеся чужеродным вліяніямъ и по самымъ условіямъ жизненной обстановки могущіе держать себя независимо. «Въ обществѣ, говоритъ Іосифъ Флавій, они не дѣлаютъ ничего, а когда по принужденію отправляютъ какія-нибудь государственныя должности, то соглашаются съ фарисеями; потому что народъ иначе не могъ бы сносить ихъ». Это свидѣтельство говоритъ намъ, какъ мало силы въ народѣ имѣли саддукеи; толкъ ихъ распространялся какъ-бы втихомолку, и держащіеся его должны были набрасывать на себя чужую одежду, когда имъ приходилось дѣйствовать среди народа на видныхъ мѣстахъ.

Третій толкъ образовали такъ называемые ессеи. Къ этому толку пристава ли люди съ теплымъ религіознымъ чувствомъ, искавшіе высшей святости. Отъ фарисеевъ, хвалившихся своею праведностью, они отличались тѣмъ, что не довольствовались однимъ формальнымъ исполненіемъ разныхъ преданій человѣческихъ, а желали внутренняго освѣженія своимъ душамъ, которыхъ томила духовная жажда среди пустыни Іудейскихъ суевѣрій, и еще—тѣмъ, что не хотѣли занимать видныхъ мѣстъ въ обществѣ, а, напротивъ, удалялись отъ общества, считая его нечистымъ и видя въ немъ только опасности для своей нравственной чистоты и препятствія къ достиженію предположенныхъ ими высшихъ цѣлей святости. При такомъ настроеніи и при такомъ взглядѣ на окружающую ихъ жизнь, они удалялись въ пустыню и образовывали здѣсь отдѣльные союзы или общины, замкнутыя въ себѣ и въ тишинѣ своего круга стремившіяся развить такое благочестіе и такое чистое настроеніе души, какія невозможными имъ казались среди обыденной жизни городовъ и селеній, занятыхъ мелочными заботами и зараженныхъ своекорыстіемъ и неправдами. Говоря объ ессеяхъ, Іосифъ Флавій считаетъ въ ихъ общинахъ «болѣе четырехъ тысячъ мужей, которые ни женъ не поемлютъ, ни рабовъ имѣть не стараются, почитая послѣднее несправедливымъ, а первое подверженнымъ многимъ безпокойствамъ и ссорамъ: и для того обитаютъ раздѣльно, и одни другимъ услуживаютъ... Имѣнія же у нихъ общія, такъ что богатый столько же довольствуется своимъ стяжаніемъ, сколько и ничего не имѣющій». Они занимались земледѣліемъ и другими промыслами, необходимыми для удовлетворенія тѣлесныхъ потребностей; надъ произращеніями и плодами земли, по свидѣтельству Флавія, надзирателями поставляли людей добрыхъ изъ священническаго сана, которые имѣли заботу о пріуготовленіи жита и другихъ снѣдей. Между искусствами, у нихъ развивавшимися, особенно процвѣтало цѣлебное искусство, въ которомъ они думали опираться не на одни естественныя знанія, но и на таинственныя силы, для нихъ будто доступныя.—Въ жизни и поведеніи они являлись людьми безупречными и могли внушить къ себѣ уваженіе не у однихъ Іудеевъ. Сосредоточенные въ себѣ, они никого не задѣвали, чтили власть и выполняли всѣ повинности, трудились, сколько могли, и отличались благотворительностью, тихимъ нравомъ и религіознымъ настроеніемъ. Особенное удивленіе у Флавія заслужила ихъ правдивость и честность, которою, по его словамъ, они превосходятъ всѣхъ Грековъ и варваровъ, и по которой они отвергали клят-

ву и присягу, какъ предполагающую взаимное недовѣріе, немыслимое между честными людьми, допуская ее только для тѣхъ, кто послѣ трехлѣтняго искуса принимался ими въ число посвященныхъ.—Со стороны своихъ теоретическихъ вѣрованій или убѣжденій, ессеи свято хранили все, чего держались вѣрующіе изъ Іудеевъ. Кромѣ того, у нихъ предполагали существованіе особой ѳеософіи, въ которой они старались уяснить для себя вопросы касательно высшаго духовнаго міра. Посвящающійся въ ессеи послѣ трехлѣтняго приготовленія и искуса въ предписанной для этого единственной присягѣ, дозволительной по обычаямъ секты, клялся между, прочимъ, никому не открывать именъ ангеловъ, о какихъ ему сообщено будетъ. Отсюда мы заключаемъ, что въ ессейскомъ толкѣ развилось и укрѣпилось ему собственно принадлежащее ѳеософское міровоззрѣніе, и что оно тщательно хранилось ессеями въ тайнѣ, чтобы не посвященная мысль, такъ сказать, не осквернила его своимъ нечистымъ прикосновеніемъ, отъ чего, между прочимъ, такъ мало можетъ сказать о немъ исторія. Уединенная жизнь ессеевъ, вдали отъ людскаго шума, способствовала образованію оригинальной ѳеософіи въ ихъ кругѣ, и зная мечтательное настроеніе ессеевъ, —этихъ людей чувства, обращеннаго къ выспреннему міру и не удовлетворявшагося дѣйствительностью, мы не предполагаемъ въ ихъ ѳеософіи особенной мудрости: въ тишинѣ пустыни воображеніе рисовало картины высшаго міра, полныя таинственности; онѣ могли быть очень заманчивы для человѣка съ живымъ чувствомъ, но мало существеннаго давали трезвой разсудочной мысли.—Но главная черта, которая рѣзко характеризовала ессеевъ и бросала на нихъ невыгодную тѣнь,—это было высокомѣрное мнѣніе о себѣ, доходившее до презрѣнія всѣхъ, кто не принадлежалъ къ ихъ толку, и отсюда проистекавшая исключительность или сепаратизмъ, дышавшій духомъ нетерпимости, по которому они боялись прикоснуться ко всему, что̀ выходило изъ обыкновеннаго, чуждаго имъ общества. Высокомѣрнымъ самомнѣніемъ ессеи превосходили фарисеевъ, и оно раждалось у нихъ отъ того, что они болѣе другихъ заботились о выполненіи закона, избѣгали тѣхъ нечистотъ и пороковъ, какими заражена была нравственная жизнь ихъ современниковъ, и совершали частыя и особенныя религіозныя бдѣнія и подвиги. Своимъ сепаратизмомъ они напоминаютъ закоренѣлыхъ изъ нашихъ раскольниковъ. Думая, что у нихъ только святые обряды и угодное Богу служеніе, и что они только чистые люди, они не ходили въ храмъ и не отправляли въ немъ жертвоприношеній; они боялись здѣсь осквернiться чрезъ соприкосновеніе съ другими людьми и надѣялись своими частыми молитвами и священнодѣйствіями больше усладить свою душу, чѣмъ сколько это возможно во храмѣ, при обычномъ богослуженіи. Свое отношеніе къ Іудейскому храму они выражали только тѣмъ, что присылали въ него дары.—Свое отчужденіе отъ другихъ ессеи не ограничивали религіозною областью, но переносили его и въ обыденный бытъ: они, напримѣръ, принимали только ту пищу, которая приготовлена въ ихъ обществѣ, и скорѣе согласились бы умереть, чѣмъ ѣсть отъ другихъ. Внѣшнее очищеніе или омовеніе, указывавшее на необходимость внутренняго очищенія и замѣнявшее это послѣднее, слишкомъ часто употреблялось у нихъ: къ нему они прибѣгали всякій разъ, когда получали осквернeніе отъ прикосновенія чего-нибудь нечистаго. А это, при всей ихъ осторожности, могло случаться почти на каждомъ шагу, въ силу той щепе-

тильности, какою они отличались. Кругомъ себя они видѣли множество нечистотъ и въ природѣ, и въ людяхъ, и внѣшними средствами хотѣли спасать себя отъ нихъ. Не только язычникъ, не только простой Іудей своимъ прикосновеніемъ возмущалъ спокойствіе ихъ самоуслажденія; но даже свой братъ—ессей заставлялъ другаго ессея принимать очищеніе, если только онъ принадлежалъ не ко одной степени съ нимъ и между тѣмъ случайно касался его. Всѣхъ степеней въ ессейскомъ толкѣ было четыре, и низшія степени по отношенію къ высшимъ были нечистыми; потому прошедшіе первыя степени не хотѣли и боялись имѣть общеніе съ людьми низшаго совершенства, по странной пугливости мелкаго духа. Духъ высокомѣрія и нетерпимости, проявлявшійся въ чувствахъ и дѣлахъ ессеевъ, подрывалъ въ корнѣ ихъ благочестіе. Въ ихъ настроеніи и дѣятельности, при серьезныхъ желаніяхъ, много было дѣтскаго. Внутренняго обновленія и жизни по духу искали они, и съ этою цѣлью они бѣжали отъ людей въ пустыни. Но не просвѣтленная свобода не знала, куда вести человѣка: робко она озиралась кругомъ и разными внѣшними преградами старалась предохранить избранное общество отъ нравственной заразы, гнѣздившейся въ современныхъ поколѣніяхъ. Отсюда суевѣрныя привычки и странныя недѣйствительныя средства очищенія и освященія, успокоивающія встревоженную совѣсть. Въ своемъ замкнутомъ кругѣ, со своею робкою совѣстью, со своими узкими воззрѣніями, со своими подвигами, въ которыхъ за внѣшнимъ напряженіемъ ослаблялась внутренняя сила, ессеи представляютъ изъ себя видъ людей, начавшихъ духомъ и кончившихъ плотью, стремившихся къ духовной свободѣ и подпавшихъ духовному рабству.

Рядомъ съ указанными тремя толками въ Еврейскомъ обществѣ Іосифъ Флавій ставитъ четвертый толкъ, введенный Іудою Галилеяниномъ. Это собственно былъ политическій отпрыскъ фарисейской секты. Державшіеся этого толка въ религіозномъ отношеніи согласны были съ фарисеями, но къ фарисейской закваскѣ они присоединяли политическія стремленія,—были защитниками вольности и самостоятельности Іудейскаго народа, и кромѣ Бога не хотѣли признавать другихъ правителей и властителей. Эти мечты о самостоятельности Іудейскаго народа подъ ѳеократическимъ правленіемъ приводили людей новаго толка въ столкновеніе съ чужими властями, управлявшими Іудеею. И вотъ они, въ избыткѣ національнаго фанатизма, съ удивительною твердостью выступали на не ровную борьбу и скорѣе соглашались терять жизнь, подвергать себя, своихъ друзей и сродниковъ самымъ жестокимъ казнямъ, чѣмъ признавать кого либо изъ людей своимъ господиномъ. Іосифъ Флавій удивляется упрямству, рѣдкому ожесточенію этихъ людей и почти невѣроятному презрѣнію къ чувствованію боли, но въ то же время замѣчаетъ, что этимъ суемудріемъ заразился безумный народъ... (Труды Кіев. Д. Акад. 1868 г., т. I, стр. 4—16.)

Сравнительное изъяснительное обозрѣніе Евангельскихъ сказаній о явленіи Іоанна Крестителя и его дѣятельности (Матѳ. III, 1—12. Марк. I, 2—8. Лук. III, 1—20).

Время явленія Іоанна Крестителя, по опредѣленію Евангелиста Луки (III, 1—2). Время вступленія Іоанна Крестителя на проповѣдь опредѣляетъ ясно одинъ Евангелистъ Лука. Это было въ 15 годъ владычества Тиверія кесаря, когда Пилатъ былъ правителемъ Іудеи,

Иродъ четверо-властникомъ въ Галилеѣ, Филиппъ, братъ его, четверо-властникомъ въ Итуреѣ и Трахонитской области, а Лисаній—четверо-властникомъ въ Авилинеѣ, при первосвященникѣ Аннѣ и Каіафѣ. Подробность, съ какою Евангелистъ Лука дѣлаетъ точное обозначеніе этого времени, показываетъ, какое важное значеніе въ Евангельской исторіи имѣетъ явленіе Крестителя на проповѣдь. Въ то же время Евангелистъ хотѣлъ чрезъ это изобразить то состояніе міра, при какомъ имѣло совершаться искупительное служеніе Іисуса Христа роду человѣческому. Іудея въ то время была уже обращена въ Римскую провинцію; поэтому Евангельское опредѣленіе времени даетъ, прежде всего, чрезъ обозначеніе года правленія Римскаго императора; далѣе обозначаетъ сначала гражданскихъ правителей Палестины—прокуратора въ Іудеѣ Пилата и тетрарховъ: Ирода Антипу, Филиппа и Лисанія; потомъ граждански церковнаго, и наконецъ—церковнаго (Анну и Каіафу).

Говоря о Пилатѣ, Евангелистъ называетъ его игемономъ (ἡγεμονεύοντος Ποντίου Πιλάτου της Ἰουδαίας). Собственно титулъ Пилата былъ ἐπίτροπον — прокураторъ, титулъ же игемона принадлежалъ намѣстнику или управителю Сиріи. Но такъ какъ въ Іудеѣ въ лицѣ прокуратора была сосредоточена и военная и гражданская власть, то этотъ титулъ могъ быть приложимъ и къ нему. Послѣ низложенія Архелая, сына Иродова, въ 6 году по Рождествѣ Христовѣ, Іудея была окончательно присоединена къ Римскому государству, и вмѣстѣ съ Самаріею и Идумеею образовала часть провинцій Сиріи. Пилатъ былъ по счету пятымъ прокураторомъ Іудеи; должность эту онъ получилъ въ 26 году или никакъ не ранѣе осени 25 г. по Рождествѣ Христовѣ, слѣдовательно незадолго до явленія Іоанна Крестителя на Іорданѣ; въ должности своей онъ оставался почти 10 лѣтъ.

Другіе правители Іудеи называются у Евреевъ четверовластниками. Въ своемъ завѣщаніи Иродъ раздѣлилъ свои владѣнія между своими сыновьями. Одну часть онъ отдалъ Архелаю съ титуломъ этнарха, титуломъ, означавшимъ власть, меньшую царской, но бо́льшую власти тетрарха. Послѣ низложенія Архелая эта часть перешла въ руки Римлянъ. Другую часть, обнимавшую Галилею и Перею, Иродъ отдалъ второму сыну своему Ироду Антипѣ, съ титуломъ тетрарха, что̀ значитъ управитель или начальникъ надъ четвертою частью. Титулъ этотъ давался въ то время очень часто владѣтелямъ маленькихъ областей, первоначально соединенныхъ подъ однимъ скипетромъ и потомъ раздѣленныхъ на четыре части. Иродъ Антипа царствовалъ 42 года, до 722 г. отъ основанія Рима. Третью часть своихъ владѣній Иродъ отдалъ третьему сыну—Филиппу; его владѣнія составляли: Итурея, страна Трахонитская и Ватанея.

Принимая въ точномъ смыслѣ слова титулъ тетрарха, какой носили вышеуказанные сыновья Ирода, нужно думать, что кромѣ указанныхъ трехъ частей Иродомъ была образована еще четвертая часть, которую Евангелистъ называетъ Авилиніею, а ея правителя Лисаніемъ. Авилинія былъ городъ къ сѣверо-западу отъ Дамаска, при подошвѣ Антиливана. Полстолѣтія ранѣе въ этой области царствовалъ Лисаній, сынъ и преемникъ Птоломея, царя Халкидонскаго; въ 36 году до Рождества Христова онъ былъ умерщвленъ Антоніемъ, и часть его страны была отдана Клеопатрѣ. Затѣмъ страна переходила въ разныя руки. О суще-

ствованіи однако позднѣйшаго Лисанія не упоминаетъ никто изъ историковъ. На этомъ основаніи Штраусъ видѣлъ въ словахъ Евангелиста самую грубую историческую ошибку, состоящую въ томъ, что онъ будто бы представляетъ живымъ и управляющимъ такое лице, которое на самомъ дѣлѣ умерло болѣе, чѣмъ 50 лѣтъ прежде. Мнѣніе Штрауса раздѣляетъ въ новѣйшее время Кеймъ и другіе. Но и въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, мнѣнія и приговоры отрицательной критики оказываются въ высшей степени поспѣшными и неосновательными. Дѣло въ томъ, что если бы даже мы и, дѣйствительно, не имѣли никакихъ свидѣтельствъ о существованіи Лисанія, современника упоминаемыхъ Евангелистомъ Ирода Антипы и Филиппа, то и въ такомъ случаѣ видѣть въ словахъ Евангелиста неоспоримую ошибку было бы несправедливо. При этомъ нужно прежде всего обратить вниманіе на слѣдующіе факты: а) извѣстный, по Діону Кассію и другимъ, Лисаній, жившій до Рождества Христова, носилъ царскій титулъ, данный ему Антоніемъ, упоминаемый же Евангелистомъ называется прямо только тетрархомъ; б) прежній Лисаній царствовалъ только 4—5 лѣтъ; имѣя въ виду этотъ краткій срокъ его царствованія, невѣроятно, чтобы страна только потому, что въ ней 4, 5 лѣтъ царствовалъ нѣкто Лисаній, могла спустя почти столѣтіе называться у всѣхъ историковъ Авилиніею Лисанія; наконецъ в) въ недавнее время найдены одна медаль и одна надпись съ именемъ Лисанія, называемаго именно тетрархомъ и первосвященникомъ—титулы, съ какими прежній Лисаній неизвѣстенъ. Изъ всего этого и заключаютъ, что кромѣ Лисанія, жившаго до Рождества Христова, былъ еще другой Лисаній, безъ сомнѣнія, потомокъ перваго, владѣвшій не всею страною Халкидскою, но лишь частью ея съ именемъ тетрарха. Это заключеніе подтверждается теперь, какъ положительный фактъ, двумя найденными надписями, упоминающими ясно именно о тетрархѣ Лисаніи, современникѣ Августа и Тиверія.

Архіереями Евангелистъ Лука называетъ Анну и Каіафу. Если по закону у Іудеевъ былъ всегда одинъ первосвященникъ, то со времени подчиненія Римскому владычеству, Римскіе прокураторы смѣняли архіереевъ по своему усмотрѣнію и представляли власть другимъ лицамъ, такъ что въ одно время бывало нѣсколько титулярныхъ архіереевъ; правящій же былъ одинъ. По свидѣтельству Флавія, Анна или Ананъ сдѣлался архіереемъ при Кононіи (прокураторѣ), въ 760 году отъ основанія Рима, и былъ до правленія Валерія Грата, который отнялъ у него власть и передалъ ее Измаилу, потомъ немного спустя отставилъ и сего и назначилъ Елеазара, сына Анны, а чрезъ годъ Симона; но опять чрезъ годъ отдалъ архіерейство Іосифу, по прозванію Каіафѣ. Во время этого Каіафы явился Іоаннъ Предтеча и потомъ распятъ былъ Іисусъ Христосъ. Если же Лука ставитъ въ числѣ архіереевъ и Анну, который былъ отставной, и умалчиваетъ о другихъ подобныхъ же архіереяхъ, то—вѣроятно—потому, что Анна былъ тесть Каіафы и пользовался у него и у народа большимъ уваженіемъ за свое долговременное правленіе, тѣмъ болѣе, что онъ былъ отцемъ пяти сыновей, бывшихъ поочередно архіереями. Нѣкоторые прибавляютъ, что Анна былъ еще викаріемъ своего зятя по архіерейству, а это давало ему власть, равную съ архіереемъ.

Въ это-то время *былъ глаголъ Божій къ Іоанну, сыну Захаріи, въ пустынѣ* (Лук. III, 2). Удаленный отъ всѣхъ

училищъ человѣческой мудрости, онъ не по своему влеченію или желанію вступилъ на дѣло служенія, но, въ своемъ уединеніи преданный тихому безмолвію и молитвѣ, онъ ожидалъ свыше призыванія и наставленія въ таинствахъ вѣры: былъ посланъ отъ Бога (Іоан. I, 6). И какъ скоро онъ получилъ отъ Бога призываніе и посольство, повелѣніе и освященіе, откровеніе и увѣреніе, то безъ всякаго замедленія и дальнѣйшаго приготовленія, со всею готовностью и преданностью волѣ Божіей, поспѣшилъ на дѣло служенія.

Мѣсто служенія Іоанна Крестителя. Поприщемъ своего служенія Іоаннъ избралъ страну, лежащую около отеческаго города въ такъ называемой пустынѣ *Іудейской* (Матѳ. III, 1. Марк. I, 4), и отсюда переходилъ въ другія страны, какъ скоро представлялся къ тому случай, или побуждалъ его Духъ Святый (Лук. III, 3). Пустыня, въ которой проповѣдывалъ Іоаннъ, была менѣе плодородная и менѣе обитаемая часть той области, которая, по описанію Іосифа Флавія, лежала между Іорданомъ и Мертвымъ моремъ, и состояла большею частью изъ горъ и луговъ, имѣла однакожъ нѣкоторыя пажити, много деревень и городовъ. Путешественники, посѣщавшіе эту страну, разсказываютъ о прекрасныхъ видахъ окружающихъ ее горъ и долинъ, пріятнѣйшимъ образомъ разукрашенныхъ цвѣтами и зеленѣющею травою. Самая пріятность этой страны могла расположить Іоанна избрать ее мѣстомъ своей проповѣди. Но были и гораздо важнѣйшія причины, почему онъ, вопреки обычаю большей части древнихъ учителей и господствовавшему тогда обыкновенію преподавать ученіе во храмѣ или синагогахъ, не пошелъ въ Іерусалимъ, но вступилъ, какъ народный учитель, въ страну, отдаленную отъ главнаго города. Онъ зналъ, сколь многіе будутъ смотрѣть на него тамъ глазами завистливыми, сколько препятствій предлежало бы ему тамъ въ дѣлѣ его служенія, какъ со стороны фарисеевъ, такъ и со стороны другихъ слѣпыхъ вождей Іудейскаго народа. И для слушателей было гораздо лучше, когда они приходили къ нему въ пустыню и здѣсь свободные часы посвящали тихому размышленію и самоуглубленію, кои всегда должны сопутствовать наставленію. Удаленіе отъ шума и разсѣянія необходимо, чтобы люди хотя разъ пришли къ размышленію о самихъ себѣ (Хр. Чт. 1853 г., ч. II, стр. 182—183).

Значеніе Іоанна Крестителя въ дѣлѣ общественнаго служенія его. Говоря о значеніи Іоанна Крестителя въ дѣлѣ общественнаго служенія его, первые три Евангелиста указываютъ исполненіе на немъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ о приготовителѣ пути Господу, Ангелѣ Божіемъ (Матѳ. III, 3. Лук. III, 4—5. Марк. I, 2—3). У всѣхъ ихъ находится цитатъ пророка Исаіи XL, 3; но у Евангелиста Луки онъ приведенъ полнѣе (XL, 3—5). А Евангелистъ Маркъ, обыкновенно мало сносящій новозавѣтныя событія съ ветхозавѣтными пророчествами, въ данномъ случаѣ, напротивъ, имѣетъ еще цитатъ изъ Малахіи III, 1, который въ Евангеліи Матѳея (XI, 10) и Луки (VII, 27) передается, какъ высказанный Іисусомъ Христомъ въ свидѣтельствѣ Его о Крестителѣ. Пророчество Исаіи въ указанномъ мѣстѣ относится прежде всего и ближайшимъ образомъ къ возвращенію Іудеевъ изъ плѣна Вавилонскаго, которое пророкъ изображаетъ, какъ предводительствуемое Самимъ Богомъ и предшествуемое вѣстникомъ. Этотъ вѣстникъ возглашаетъ, чтобы въ пустынѣ, по которой имѣетъ пройти Господь со Своимъ народомъ, приготовили Ему путь

прямой и ровный,—углубленія наполнили насыпями, а горы и холмы срыли и проч. Это пророчество Евангелисты и самъ Іоаннъ Креститель (Іоан. I, 23) изъясняютъ въ прообразовательномъ смыслѣ, и подъ Господомъ, шествующимъ во главѣ Своего народа, при возвращеніи послѣдняго изъ плѣна, разумѣютъ Мессію, а подъ вѣстникомъ Его Предтечу — Іоанна; пустынею въ этомъ духовномъ смыслѣ будетъ самый народъ Израильскій, а ея неровности, которыя слѣдуетъ устранить, какъ препятствія къ пришествію Мессіи, суть грѣхи человѣческіе; отсюда и сущность проповѣди Іоанна: *покайтесь*. Это прообразовательное пророчество Исаіи послѣдній изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ — Малахія высказываетъ прямо, называя приготовляющаго путь Мессіи Предтечу Ангеломъ Господнимъ (Руков. къ толковому чтенію Четвероевангелія, Боголѣпова, стр. 99—100).

Дѣятельность Іоанна Крестителя состояла прежде всего въ проповѣди о приближеніи Царства Божія и о покаяніи. Въ тѣ дни приходитъ Іоаннъ Креститель и проповѣдуетъ въ пустынѣ Іудейской и говоритъ: *покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Матѳ. III, 1—2). Приближеніе Царства Небеснаго то же, что приближеніе Царства Мессіи. Это—оправданіе грѣшнаго человѣка предъ Богомъ чрезъ искупительныя заслуги Іисуса Христа, примиреніе съ Богомъ въ Сынѣ Его и, какъ необходимое слѣдствіе этого, блаженство на небесахъ. Это—совокупность тѣхъ сверхъестественныхъ и благодатныхъ даровъ, которые необходимы для спасенія человѣка и дарованы намъ Іисусомъ Христомъ въ устроеніи Церкви на землѣ. Какъ внутреннее дѣйствіе и состояніе человѣка, оно *не приходитъ съ соблюденіемъ*, т. е. оно незамѣтно для внѣшняго наблюденія, но есть *внутрь* (Лук. XVII, 21). Такое вожделѣнное Царство, по словамъ пророка, уже *приближися*, но въ него не могутъ войти люди съ ожиданіями земными, съ расположеніями и наклонностями чувственными, съ сердцемъ нечистымъ, грубымъ и развращеннымъ. Посему Предтеча требуетъ отъ всѣхъ очищенія духа и исправленія сердца: *покайтесь*, принесите искреннее раскаяніе о содѣянныхъ грѣхахъ своихъ; всячески удаляйтесь отъ нихъ, и на мѣсто грѣховныхъ склонностей питайте въ себѣ лучшія и Богоугодныя расположенія; возбудите въ себѣ стремленіе къ чистотѣ сердца и благоговѣніе къ Богу, которыя выражаются въ соотвѣтственныхъ имъ дѣлахъ.

Интересный пунктъ въ исторіи святаго Іоанна Крестителя *первое его явленіе народу* съ публичнымъ словомъ, по закону Божественной силы. Оно имѣло рѣшительное значеніе по отношенію къ народу, который съ перваго явленія новаго проповѣдника обратилъ къ нему сердца и взоры. Оно можетъ давать богатый матеріалъ для размышленія и историку, и философу, и художнику. Мы представляемъ себѣ стеченіе народа въ какомъ либо мѣстѣ около Іордана, по случаю религіознаго праздника или по чему либо другому. Можетъ быть, общество, стекшееся въ одномъ мѣстѣ, читало законъ или воспоминало судьбы Божіи, явленныя въ исторіи ихъ отцевъ и дѣдовъ. Среди бесѣды, предъ обществомъ, погруженнымъ въ размышленіе, вдругъ является молодой человѣкъ, прикрытый эпанчею изъ верблюжьяго волоса, подпоясанный кожанымъ поясомъ. Суровая аскетическая жизнь его молодому лицу придала сухость и блѣдность. Но эта сухость и блѣдность не показываетъ истощанія: крѣпкіе мускулы и широкія кости, видныя изъ-подъ его верблюжьей

одежды, свидѣтельствуютъ о силѣ и твердости его организма, и вмѣстѣ съ этимъ о силѣ и твердости его духа и воли. На челѣ его слѣды трудовой сосредоточенной мысли; въ его глазахъ блеститъ и выражается какое-то особенное одушевленіе, и на всемъ лицѣ ясный отпечатокъ самоуглубленія и рѣшительности. На него указываютъ; на него обратили вниманіе. Сильнымъ высокимъ голосомъ онъ начинаетъ сильную рѣчь къ этому собравшемуся обществу: оно поражается неожиданностью этой рѣчи, поражается видомъ этого человѣка, Богъ вѣсть откуда явившагося, такого оригинальнаго и заманчиваго по виду. Молодость и нѣжность возраста, строгій аскетизмъ и непреклонная энергія, рѣдко соединимая въ одномъ лицѣ, придаютъ ему въ глазахъ народа особенный интересъ. Слова его, полныя небесной святости и внутренней энергіи, какъ громъ, раздаются предъ собраніемъ, и послѣ того какъ этого слова не стало, не вдругъ приходитъ въ себя ошеломленное собраніе: первое впечатлѣніе парализовало самостоятельную мысль слушателей, и въ нихъ говоритъ только какое-то неясное чувство, похожее на страхъ и благоговѣніе. Они одумываются, приходятъ въ себя; новыя слова глубоко запали въ ихъ душу и уже слились съ содержаніемъ ихъ сознанія, и потому отъ нихъ они не могутъ оторваться. Начинаютъ спрашивать, кто этотъ странный и, повидимому, великій человѣкъ. Называютъ имя Іоанна, молва о которомъ уже ходила, какъ о человѣкѣ высшаго просвѣщенія. Желаніе слушать его растетъ все больше и больше, по мѣрѣ слуховъ о первомъ впечатлѣніи, произведенномъ проповѣдью Іоанна. Пророчество, давно не слышное во Іудеѣ, проявилось снова съ такою силою, какой не было, говорятъ, и въ устахъ Иліи. Проповѣдь продолжается, впечатлѣніе усиливается, и святый Іоаннъ дѣлается великимъ провозвѣстникомъ новыхъ началъ и вождемъ новаго направленія духовной жизни въ Іудейскомъ народѣ.

Сила духа и слова Іоанна производили необыкновенное впечатлѣніе на современныя ему поколѣнія. Іосифъ Флавій свидѣтельствуетъ, что «народъ, восхищенный его ученіемъ, стекался къ нему въ великомъ множествѣ... и что власть этого мужа была такъ велика Іудеями, что они готовы были сдѣлать по его совѣту все, и что самъ Иродъ царь боялся этой власти великаго учителя надъ своими подданными; видѣлъ, что они скорѣе послушаются Іоанна, чѣмъ его самого, и потому въ безпокойствѣ за собственную власть заключилъ его въ темницу». По словамъ Евангелистовъ (Марк. I, 5. Матѳ. III, 5—6), къ нему выходила въ пустыню вся Іудейская страна и Іерусалимляне, и крестились отъ него, исповѣдуя грѣхи свои. Въ народѣ образовалось благоговѣйное уваженіе къ имени и дѣятельности Іоанна. Всѣ поражались необычайно его словомъ и его подвигами, и у всѣхъ на умѣ при этомъ таилось помышленіе: не Христосъ ли, не обѣщанный ли Мессія этотъ великій посланникъ Божій (Лук. III, 15)? (Изъ ст. Пѣвницкаго. Тр. Кіев. Акад. 1868 г., т. I, стр. 23—24. 45—46).

Обличительная рѣчь Іоанна къ фарисеямъ и саддукеямъ (Матѳ. III, 7—10). Къ Іоанну приходили люди не только изъ простаго сословія, но и лица, пользовавшіяся народнымъ уваженіемъ, учители и ихъ послѣдователи изъ фарисейской и саддукейской секты. Надобно думать, что саддукеи въ этомъ случаѣ слѣдовали только примѣру фарисеевъ, подобно тому, какъ они, по свидѣтельству Іосифа Флавія, когда умывали руки, то слѣдовали постановленію

фарисеевъ, совершенно вопреки своему убѣжденію, а единственно ради преимущественнаго вѣса фарисеевъ въ глазахъ народа. Этимъ объясняется, почему и саддукеи пришли слушать проповѣдь Іоанна о покаяніи и искать крещенія; хотя это совершенно несообразно съ ихъ характеромъ. Іоаннъ счелъ нужнымъ высказать истину и тѣмъ, и другимъ гораздо сильнѣе. Онъ зналъ, что мнимая праведность фарисеевъ главнымъ образомъ состояла въ излишней точности такихъ вещей, кои самъ законъ оставилъ въ неопредѣленности. Зналъ, что такая наружная, тщеславная святость легко можетъ ослѣплять народъ и истинную смиренную праведность привести у него въ подозрѣніе. Саддукеевъ Іоаннъ зналъ, какъ открытыхъ противниковъ важнѣйшихъ предметовъ вѣроученія, какъ равнодушныхъ презрителей всего священнаго, коихъ образъ мыслей представлялъ много пищи страстямъ, открывая свободный путь многимъ порокамъ. Весьма вѣроятно, что фарисеи и саддукеи, напыщенные своею святостью и уваженіемъ народа, никогда не думавшіе найти въ себѣ какіе либо недостатки, приходили къ Іоанну изъ подозрѣнія, единственно для того, чтобы вывѣдать намѣренія новаго учителя; особенно безпокоило ихъ то, что по мѣрѣ, какъ возрастало уваженіе народа къ нему, упадала ихъ собственная слава. Можно ли послѣ этого удивляться, что Іоаннъ встрѣчаетъ ихъ грозною рѣчью: *порожденія ехиднова! кто сказа вамъ бѣжати отъ грядущаго гнѣва.* (7)—что̀ заставляетъ васъ, такихъ святыхъ и чистыхъ, какими вы представляете себя, теперь однакожъ бояться и избѣгать предстоящаго гнѣва Божія? (Злат. толков. на Ев. отъ Матѳ., т. I, стр. 195—196). Съ такими словами, указывающими на освобожденіе отъ гнѣва Божія, посредствомъ покаянія, Іоаннъ обращается къ фарисеямъ и саддукеямъ, какъ будто пришедшимъ для покаянія и крещенія, тогда какъ они, по ясному свидѣтельству Евангелистовъ, *совѣтъ Божій отвергоша о себѣ, не крещшеся отъ него* (Лук. VII, 30). Но такъ какъ они пришли уже на Іорданъ, то Іоаннъ говоритъ съ ними, какъ съ пришедшими для искренняго раскаянія въ своихъ грѣхахъ, и съ кроткою твердостью продолжаетъ если вы дѣйствительно желаете избѣжать предстоящаго суда, то *принесите плодъ, достойный покаянія* (8); дѣйствуйте праведно; отвращайтесь отъ того, въ чемъ теперь надобно раскаяться; не думайте, что вы избѣжите этого суда и будете гражданами новаго Царствія собственно потому, что вы дѣти Авраама (9). Напрасно вы думаете, что ваше плотское происхожденіе отъ этого великаго праотца освобождаетъ васъ отъ трудныхъ подвиговъ для наслѣдованія грядущаго Царства Божія. Одно происхожденіе отъ Авраама не приноситъ вамъ никакой пользы и не имѣетъ никакого значенія въ отношеніи къ наслѣдію наступающаго Царства, . если не будетъ соединено съ истиннымъ покаяніемъ и добрымъ внутреннимъ чувствомъ. Не думайте, что, въ случаѣ отверженія вашего, у Авраама будетъ недостатокъ въ чадахъ; нѣтъ, *Богъ можетъ и изъ камней сихъ воздвигнутъ чадъ Аврааму* (9).

Упрекъ безчувственнымъ и ожесточеннымъ Іудеямъ поразительный! Изъ книги Іисуса Навина (IV, 9) видно, что въ Іорданѣ были поставлены камни въ память чудеснаго перехода Израильтянъ чрезъ эту рѣку. Іоаннъ произноситъ упомянутыя слова въ то время, когда крестилъ въ Іорданѣ (6) и именно въ Виѳаварѣ (Іоан. I, 28), т. е. *въ мѣстѣ прехожденія*, каковымъ име-

немъ обозначается то мѣсто, на которомъ, по переходѣ чрезъ Іорданъ, Израильтяне поставили ковчегъ. Іеронимъ свидѣтельствуетъ, что камни, поставленные памятникомъ чудеснаго перехода, были видны еще въ его время. На сіи-то камни указывая, Іоаннъ какъ-бы такъ сказалъ: какъ древле камни эти положены въ знакъ чуда, совершеннаго Богомъ для славы Израиля,—такъ нынѣ, въ поношеніе ваше, Тотъ же Всемогущій можетъ изъ камней сихъ воздвигнуть потомковъ Аврааму. Если вы будете недостойны, Онъ можетъ избрать другіе народы въ наслѣдники обѣтованій, данныхъ Аврааму. Отъ Авраама произошли многіе народы, не Израиль только. *Не вси бо сущіи отъ Израиля, сіи Израиль, ни зане суть сѣмя Авраамле, вси чада: сирѣчь, не чада плотская, сія чада Божія, но чада обѣтованія причитаются въ сѣмя*, какъ прекрасно замѣчаетъ Апостолъ Павелъ (Римлян. IX, 6—8). Только совершенное внутреннее измѣненіе своихъ чувствъ и склонностей можетъ возвратить вамъ давно уже потерянное право наслѣдія новаго Царства и охранить васъ отъ предстоящаго гнѣва Божія. И теперь самое лучшее время къ этому внутреннему измѣненію и обращенію къ Богу отцевъ своихъ; судъ уже предъ дверьми,—ибо сѣкира *при корени древа лежитъ*, и древа, не приносящія *добраго плода*, т. е. люди, коихъ дѣла свидѣтельствуютъ о нечистыхъ чувствахъ ихъ, будутъ *посѣчены*, искоренены и *сожжены*; притомъ сѣкира уже *при корени* ихъ *лежитъ*: судъ предстоитъ весьма близко, и чрезъ краткое время получатъ наказаніе всѣ нечестивые: потому что всякое безъ различія древо, не приносящее плода, будетъ изсѣчено и сожжено (св. Златоустъ Толков. на Ев. Матѳ. т. I, стр. 202). Судъ близъ есть, но есть время избѣгнуть предстоящей участи; сѣкира только лежитъ при корени, но не начинаетъ еще посѣкать (тамъ же). (Христ. Чт. 1853 г., ч. II, стр. 188—191).

Этой рѣчи Іоанна Крестителя къ фарисеямъ и саддукеямъ нѣтъ въ Евангеліи отъ Марка; Евангелистъ же Лука приводитъ ее согласно съ Матѳеемъ, но говоритъ, что она была обращена къ народу. Здѣсь нѣтъ противорѣчія между Евангелистомъ Матѳеемъ и Лукою. Означенная рѣчь Крестителя, конечно, была произнесена предъ всѣмъ собравшимся народомъ; но почему Іоаннъ говорилъ здѣсь строго и грозно, это объясняетъ намъ святый Матѳей: говоря въ такомъ тонѣ, Іоаннъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ фарисеевъ и саддукеевъ, которые были среди народной толпы, а вмѣстѣ съ ними и всѣхъ тѣхъ, кто изъ простаго народа былъ одинаковаго съ ними расположенія и духа. А могло быть и такъ, что сіи обличительныя слова Іоаннъ произносилъ дважды: и къ народу, какъ говоритъ Евангелистъ Лука, и, въ особенности, къ фарисеямъ и саддукеямъ, какъ говоритъ Евангелистъ Матѳей, чтобы дать имъ почувствовать, что хотя они (фарисеи и саддукеи) и считали себя гораздо выше и добродѣтельнѣе народа, но съ ними не иначе Богъ поступитъ, какъ и съ прочими, если они не принесутъ плодовъ, достойныхъ покаянія (Обз. Четвероев. Гречулевича, ч. II, стр. 8).

Лук. 10—14. Говоря объ этой рѣчи Іоанна Крестителя, Евангелистъ Лука прибавляетъ, что многіе изъ простаго народа тронулись ею и спрашивали Іоанна, что̀ имъ дѣлать. Чтобъ представить людямъ яснѣе существенныя ихъ обязанности, отъ которыхъ они уклонились въ собственной жизни, возбудить въ нихъ внутреннее святое рас-

положеніе, изъ котораго должны проистекать всѣ добрыя дѣла, Іоаннъ, предъ каждымъ сословіемъ своихъ слушателей, возстаетъ противъ того порока, которому преимущественно предавался каждый изъ нихъ порознь. Такъ, людямъ, своекорыстіе которыхъ ясно открывалось въ скупости и недостаткѣ благотворительности, проповѣдуетъ о томъ, чтобы они удѣляли изъ своего собственнаго богатства и имущества,—если оно превышаетъ необходимыя ихъ нужды (Лук. III, 11). Мытарямъ, которые взыскивали пошлины болѣе надлежащаго и тѣмъ обогащались, Іоаннъ напоминаетъ объ обязанности не брать съ народа больше того, что̀ постановлено закономъ (12—13). Являлись къ нему и воины, вѣроятно, изъ войска Ирода Антипы. Этотъ князь дѣйствительно имѣлъ не малое число войска, что̀, естественно, требовало увеличенія налоговъ и часто подавало поводъ праздным̀ъ и корыстолюбивымъ воинамъ клеветать на многихъ, какъ на возмутителей, коихъ должно обуздывать силою. Это было причиною того, что насилія во многихъ мѣстахъ оставались безъ наказанія, и чрезъ то распространялись болѣе и болѣе. Посему Іоаннъ увѣщевалъ воиновъ воздерживаться отъ насилій, не клеветать ни на кого, какъ на возмутителя и непокорнаго, и довольствоваться опредѣленнымъ жалованьемъ (14). Такъ, простую и великую заповѣдь: люби ближняго, какъ самого себя, умѣлъ Іоаннъ ясно и понятно передавать каждому.

Крещеніе Іоанново (Матѳ. III, 5—6. Марк. I, 4—5. Лук. III, 3). Іоаннъ не ограничивался одною только проповѣдью о покаяніи и о Царствіи Небесномъ, которая могла изгладиться изъ памяти и сердца его слушателей, по ихъ грубости или невнимательности; но онъ старался чувственныя сердца ихъ возбудить чувственнымъ, внѣшнимъ способомъ дѣйствованія, который не могъ остаться безъ продолжительнаго на нихъ впечатлѣнія: этотъ способъ дѣйствованія состоялъ *въ крещеніи*. Между Іудеями омовенія были въ обыкновеніи съ глубокой древности. Іаковъ, приготовляясь принести жертву Богу въ Веѳилѣ, приказываетъ своимъ домочадцамъ повергнуть *боги чуждыя* и очиститься (Быт. XXXV, 2). Впослѣдствіи очищенія заповѣданы были Самимъ Богомъ и совершались не только надъ людьми (Исходъ XIX, 10; XXIX, 4; XL, 12. Левит. VIII, 6. Числ. VIII, 6. Левит. XII, 6; XIII, 34; XVI, 7—9. Левит. XI, 25—29; XXII, 6: Числ. XIX, 7—12), но и надъ вещами (Числ. XXXI, 23). Кромѣ этихъ омовеній, у Іудеевъ былъ еще обрядъ принятія язычниковъ въ іудейство, подобный крещенію. Хотя древность его не опредѣлена удовлетворительно; но думаютъ, что онъ вошелъ въ обыкновеніе послѣ плѣна вмѣстѣ съ другими очищеніями,—когда многіе изъ язычниковъ присоединялись къ іудейству и принимали крещеніе, частью потому, что нѣкоторые уже были обрѣзаны и имъ, равно какъ и женщинамъ, нуженъ былъ другой обрядъ очищенія, а частью потому, что нѣкоторые, желая принять іудейство, страшились обрѣзанія и изъ снисхожденія ихъ только крестили.

Но ни одно изъ этихъ омовеній не походило на крещеніе Іоанново. Призванный Самимъ Богомъ на дѣло служенія, Іоаннъ, какъ проповѣдникъ покаянія, по повелѣнію Божію, установляетъ *крещеніе покаянія во оставленіе грѣховъ*. Покаяніе, какъ мы видѣли, было въ очахъ Іоанна необходимымъ и неизбѣжнымъ условіемъ вступленія людей въ новое царство Божіе; посему крещеніе покаянія означало такое погруженіе въ воду, которымъ истинно кающіеся свидѣтельствовали искренность своего покая-

нія и открыто исповѣдывали свои грѣхи (Марк. I, 5), и этимъ самымъ дѣйствіемъ показывали, что они, подобно тѣлесному омовенію, обязуются постоянно очищать душу свою отъ нечистоты грѣховной. Обрядъ этотъ былъ такъ простъ и приспособленъ къ понятіямъ народа, обыкновенно представлявшаго внутреннее очищеніе подъ образомъ омовенія тѣлеснаго, что цѣль его была понятна всѣмъ и каждому, кто только имѣлъ истинное стремленіе къ очищенію души.

О силѣ и значеніи крещенія Іоаннова вотъ какъ разсуждали святые отцы и учители Церкви. «Крещеніе Іоанново, говоритъ святый Златоустъ, только предуготовляло другое (крещеніе христіанское); оно только въ зародышѣ и обѣтованіи заключало то, что̀ послѣднее совершало самымъ дѣломъ». Блаженный Августинъ выражаетъ это подробнѣе: «я вѣрю, что Іоаннъ крестилъ водою во оставленіе грѣховъ, но самымъ дѣломъ совершается это только въ крещеніи христіанскомъ», и присовокупляетъ: «Іоаннъ преподавалъ такое крещеніе, которое принявшаго оное побуждало признать необходимымъ крещеніе Господа. Тѣ не возраждаются, которые крещаются крещеніемъ Іоанновымъ; имъ только для Господа люди были приготовляемы, и только въ Немъ одномъ могли получить возрожденіе». По словамъ Кирилла Александрійскаго, «какъ Законъ Моусеевъ служилъ нѣкоторымъ образомъ приготовленіемъ къ будущимъ благамъ и духовному Богопочтенію, заключая въ себѣ сокровенную истину, такъ и крещеніе Іоанново, относительно къ крещенію Христову, содержитъ въ себѣ приготовительную силу». «Крещеніе Іоанново, пишетъ блаженный Іеронимъ, не столько отпускало грѣхи, сколько было крещеніемъ покаянія въ отпущеніе грѣховъ, т. е. въ будущее отпущеніе, которое должно было послѣдовать чрезъ Христово освященіе» (Хр. Чт. 1853 г., ч. II, стр. 186—187. 191—195).

Свидѣтельство Іоанна Крестителя о Божественномъ достоинствѣ Іисуса Христа и благодатномъ дѣйствіи крещенія Его (Матѳ. III, 11. Марк. I, 7—8. Лук. III, 15—16). Что и самъ Іоаннъ Предтеча смотрѣлъ на свое крещеніе, какъ на приготовительное только, это видно изъ словъ его: «*я крещу васъ водою въ покаяніе, но Идущій за мною сильнѣе меня; я недостоинъ понести обувь Его; Онъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ и огнемъ*». У всѣхъ трехъ Евангелистовъ приводится это свидѣтельство Іоанна Крестителя объ Іисусѣ Христѣ, но Евангелистъ Лука, кромѣ того, показываетъ поводъ къ нему (III, 18—20). Послѣдняго слова: «*и огнемъ*» въ параллельномъ мѣстѣ Евангелиста Марка нѣтъ. Поводомъ къ свидѣтельству Іоанна о Христѣ было народное ожиданіе: Іоаннъ не есть ли Самъ Мессія? Это показываетъ, какое впечатлѣніе и возбужденіе произвелъ онъ на народъ своею личностью и дѣятельностью. А отвѣтъ его на это ожиданіе показываетъ всю глубину смиренія Іоанна и то, какъ далеко онъ былъ отъ того, чтобы злоупотребить этимъ народнымъ возбужденіемъ для заявленія себя бо́льшимъ, нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ.—Сравнивая себя со Христомъ, Іоаннъ говоритъ, что Идущій за нимъ, т. е. Тотъ, Который по плану Божія домостроительства долженъ начать Свою открытую дѣятельность послѣ него, на столько сильнѣе, выше его, что Іоаннъ недостоинъ быть самымъ послѣднимъ рабомъ, должность котораго состояла бы въ ношеніи и подвязываніи сандалій у своего господина. Сравнивая же свое крещеніе съ крещеніемъ Іисуса Христа, Іоаннъ говоритъ, что крещеніе его, Іоанна, есть только одинъ внѣшній символъ чистоты внутренней и постоянно про-

должающагося покаяннаго чувства. Напротивъ, крещеніе Мессіи будетъ истинно животворнымъ: *Онъ будетъ крестить Духомъ Святымъ и огнемъ*. Подъ словами: *Той вы крестить Духомъ Святымъ*, толкователи Писанія разумѣютъ весь образъ дѣйствій Святаго Духа чрезъ заслуги Іисуса Христа на родъ человѣческій,—какъ-то: и ученіе чрезъ откровеніе, которое вообще приписывается въ Писаніи Духу Святому (2 Петр. I, 21), и чудеса, совершаемыя силою Духа, для убѣжденія людей въ Божественности откровеннаго ученія (Матѳ. XII, 28). Правильность такого объясненія подтверждается тѣмъ, что крестить Духомъ Святымъ значитъ вообще преподать дары Духа Святаго (Дѣян. I, 15). Златоустъ говоритъ: «подъ словами: *крестить вы Духомъ Святымъ* Іоаннъ разумѣлъ и отпущеніе грѣховъ, и отнятіе наказанія, и оправданіе, и освященіе, и освобожденіе, и усыновленіе, и братство, и участіе въ наслѣдіи, и обильное изліяніе Святаго Духа».

Подъ словами: крестить и *огнемъ*,—бо́льшая часть толкователей, согласно съ Златоустомъ, разумѣютъ очищающее и воспламеняющее душу человѣка дѣйствіе Святаго Духа. Какъ Господь Іисусъ Христосъ подъ образомъ живой воды (Іоан. IV, 14; VII, 37—38) разумѣлъ благодать Святаго Духа, обильно сообщаемую вѣрующимъ, очищающую ихъ и жаждущей душѣ ихъ подающую неизъяснимое утѣшеніе (такъ изъясняютъ Златоустъ и Ѳеофилактъ); такъ подъ образомъ огня Предтеча Господень представляетъ силу Духа Святаго, которая, какъ огонь, превращаетъ каменное сердце человѣка въ плотяное, уничтожаетъ грѣховныя его нечистоты, воспламеняетъ его душу любовію Божественною. Такое объясненіе подтверждается тѣмъ, что Евангелистъ Маркъ и Іоаннъ, передавая тѣ же слова Предтечи, упоминаютъ объ одномъ только крещеніи Духомъ Святымъ, умалчивая объ огнѣ, чего нельзя было бы сдѣлать, если бы въ указанномъ изрѣченіи духъ и огонь были предметы различные. Нельзя, впрочемъ, согласиться съ тѣми толкователями, которые разумѣютъ здѣсь сошествіе Святаго Духа на Апостоловъ въ день Пятидесятницы (Дѣян. XI, 1—7). Хотя Духъ Святый и сошелъ тогда въ видѣ огненныхъ языковъ, но только на однихъ Апостоловъ, между тѣмъ какъ крещеніе огнемъ, о которомъ говоритъ Предтеча, относилось ко всѣмъ его слушателямъ—Іудеямъ. Притомъ, это сошествіе названо въ книгѣ Дѣяній крещеніемъ только Духомъ Святымъ (Дѣян. I, 5). Какъ частныя, можно допустить мнѣнія тѣхъ, которые подъ огненнымъ крещеніемъ разумѣютъ или испытаніе на судѣ, по сказанному у Апостола Павла (1 Коринѳ. III, 13), или бѣдствія и гоненія, какія вѣрующіе во Христа претерпѣвали отъ невѣрныхъ и терпятъ доселѣ (Лук. XII, 49), или гнѣвъ Божій, подвергающій нераскаянныхъ грѣшниковъ жестокимъ казнямъ (Исаія V, 24; LXVI, 24. Малахія IV, 1—2. Солун. I, 8), о чемъ далѣе говоритъ и самъ Предтеча (Лук. III, 12).

Показавъ Іудеямъ, какія блага принесетъ имъ грядущій во слѣдъ его Мессія, въ дальнѣйшихъ словахъ (Матѳ. III, 12. Лук. III, 17) онъ переходитъ *ко второму славному Его пришествію, къ послѣднему дню страшнаго Его суда*. Чтобы поразить страхомъ тѣхъ, кого не могли возбудить къ добру указанныя благодатныя обѣтованія и подвигнуть къ неусыпной дѣятельности тѣхъ, которые, въ послѣдующее время, сподобясь крещенія Духомъ Святымъ, могли бы почитать себя уже принятыми въ сонмъ избранныхъ Мессіею и бездѣятельно опочить на этой надеждѣ, святый Іоаннъ разскрываетъ своимъ слу-

шателямъ, что̀ произведетъ Мессія въ послѣдній день міра, когда станетъ Онъ между временемъ и вѣчностью, между небомъ и адомъ, между жизнью и смертью.

Мы видѣли, что бо́льшая часть современныхъ Предтечѣ Іудеевъ вѣрила и надѣялась, что имѣющій придти Мессія обратится къ нимъ съ однимъ только Своимъ благоволеніемъ и любовію, какъ къ потомкамъ великихъ праведниковъ, безъ всякой съ ихъ стороны личной заслуги. Разрушая такую ложную и жалкую надежду Іудеевъ, Предтеча Господень показываетъ, что грядущій Мессія не можетъ взирать на пороки людей безразлично, но что Ему принадлежитъ судъ надъ грѣшниками и отмщеніе: *лопата Его въ рукѣ Его, и Онъ очиститъ гумно Свое и соберетъ пшеницу въ житницу Свою, а солому сожжетъ огнемъ неугасимымъ.*

Для выраженія своихъ мыслей Предтеча беретъ образы изъ близкаго къ народу быта. Лопата—земледѣльческое орудіе, которымъ, посредствомъ вѣянія, отдѣляются хорошія хлѣбныя зерна отъ соломы и плевы; гумно — небольшое (на востокѣ обыкновенно на возвышенностяхъ), среди поля, открытое со всѣхъ сторонъ, плотно убитое, мѣсто для молотьбы сжатыхъ или скошенныхъ хлѣбныхъ растеній. Гумно означаетъ здѣсь весь міръ и прежде всего народъ Іудейскій; пшеница—людей праведныхъ, достойныхъ участія въ Царствѣ Христовомъ; плевелы и солома—людей нечестивыхъ.

Говоря, что лопата Мессіи въ рукѣ Его, святый Іоаннъ даетъ понять, что власть судебная принадлежитъ исключительно Христу, что Онъ собственною властію, какъ Богъ, произнесетъ Свой приговоръ судимымъ. Эту истину подтверждаетъ Самъ Спаситель словами: Отецъ не судитъ никого, но всякій судъ отдалъ Сыну (Іоан. V, 22).

Мессія очиститъ гумно Свое; слѣдовательно Онъ будетъ прозирать въ самую глубину сердецъ человѣческихъ; иначе возможно ли правосудное различеніе? Онъ допуститъ на время въ Своей Церкви добрыхъ и злыхъ, подобно тому, какъ хозяинъ поля, во время жатвы, принимаетъ все, что̀ приносятъ ему жатели; но, когда наступитъ опредѣленный день судный, Господь вывѣетъ гумно Свое и отдѣлитъ хорошія зерна отъ соломы,—будетъ судить нелицепріятно, съ полною и самою строгою справедливостью отдѣлитъ избранныхъ отъ отверженныхъ. *И соберетъ пшеницу въ житницу Свою,*— соединитъ на небѣ,—мѣстѣ совершеннѣйшаго покоя и блаженства, всѣхъ тѣхъ, которые, по своему благочестію, постоянству и твердости, оставались неподвижными отъ прираженія грѣховныхъ искушеній. Они-то и составляютъ пшеницу Христову. Святый Игнатій Богоносецъ, осужденный Траяномъ на снѣденіе львамъ въ Римскомъ циркѣ, писалъ къ Римскимъ христіанамъ: «о если бъ я сподобился звѣрей, приготовленныхъ для меня! Я пшеница Божія, и долженъ быть измолотъ зубами звѣрей, чтобы быть чистымъ хлѣбомъ Христовымъ!»

Обязанность судьи состоитъ не только въ томъ, чтобы отличать добрыхъ и воздавать имъ по заслугамъ, но и наказывать злыхъ. На это же указываетъ и Предтеча, говоря, что Мессія *солому,* отдѣленную отъ добрыхъ зеренъ, *сожжетъ огнемъ неугасимымъ.* Въ Священномъ Писаніи подъ соломою, назначенною для сожженія, разумѣются обыкновенно люди нечестивые. Напримѣръ, Исаія V, 24. Въ словахъ Предтечи подъ соломою, выходящею изъ того же корня, какъ и пшеница, по мнѣнію толкователей, изображаются тѣ люди, которые, какъ и святые, суть члены

Церкви, исповѣдуютъ ту же вѣру, участвуютъ въ тѣхъ же таинствахъ, но внутренно безсильны для дѣлъ любви, которыя составляютъ, такъ сказать, лучшее зерно человѣческой жизни. Солома долго растетъ вмѣстѣ съ пшеницею, какъ необходимая ея поддержка; но во время молотьбы она отдѣляется отъ пшеницы, какъ ничѣмъ уже съ нею не связанная и безполезная; такъ и тѣ, которые въ земной жизни своей не руководятся движеніями любви къ Богу и ближнему и внушеніями Святаго Духа, могутъ быть временно необходимы для праведниковъ, какъ солома для пшеницы; но такъ какъ они не имѣютъ живой связи съ ними, то и будутъ осуждены, какъ безплодные и безполезные.

Вѣчный огонь, назначенный для грѣшниковъ, Предтеча называетъ *неугасимымъ*. Въ писаніи Ветхаго Завѣта адскія мученія грѣшниковъ изображаются подъ различными видами (напримѣръ подъ образомъ холодной воды—Іов. XXIV, 19,—огня и жупела—Псал. X); но Предтеча говоритъ только о наказаніи огнемъ, потому что это наказаніе—самое страшное, какое только можно вообразить; оно, само собою, даетъ понятіе о всѣхъ другихъ видахъ мученій, ожидающихъ грѣшниковъ во адѣ. Называя адскій огонь неугасимымъ, Предтеча даетъ понять, что этотъ огонь не только никогда не можетъ угаснуть, но что онъ никогда не истребляетъ,—жжетъ и пожираетъ вѣчно. Этотъ огонь неугасимъ потому, что не имѣетъ нужды въ пищѣ для своего поддержанія:—по изволенію Божію, онъ существуетъ самъ по себѣ и будетъ продолжаться вѣчно. Онъ не истребляетъ своихъ жертвъ, потому что Богъ умѣряетъ его дѣйствіе, а только причиняетъ нестерпимыя и неизобразимыя мученія. «Ты скажешь, говоритъ Златоустъ, какъ адскій огонь можетъ быть неугасимымъ? Но не видишь ли ты купину, горящую и несгораемую»? (святый великій пророкъ, Предтеча и Креститель Іоаннъ, Прот. Вишнякова, стр. 169—170, 172—176.)

Евангелистъ Лука (III, 18—20), продолжая повѣствованіе о дѣятельности Іоанна Крестителя, замѣчаетъ, что многое и другое благовѣствовалъ Іоаннъ, и передаетъ о заключеніи Іоанна въ темницу. Это послѣднее повѣствованіе у первыхъ двухъ Евангелистовъ передано гораздо позже (Матѳ. XIV. Марк. VI) и точно такъ же, какъ здѣсь у Евангелиста Луки, не въ хронологическомъ порядкѣ, но для выясненія мысли Ирода о Христѣ: не есть ли Онъ воскресшій Іоаннъ? Евангелистъ же Лука здѣсь передаетъ объ этомъ для того, чтобы показать, съ одной стороны, слѣдствія неустрашимой проповѣди Іоанна, а съ другой—закончить исторію объ Іоаннѣ Крестителѣ и съ крещенія Іисуса Христа исключительно заняться исторіею Спасителя.

Іоаннъ Креститель въ его отношеніяхъ къ Ироду, и нравственный характеръ его, какъ проповѣдника (Лук. III, 19). Слово святаго Іоанна Крестителя, исходя изъ пустыни, распространялось по всей Іудеѣ и Галилеѣ и достигало до высоты царскаго престола. Утѣшая, наставляя и обличая народъ, своимъ правдивымъ и неподкупнымъ словомъ великій проповѣдникъ поражалъ знатныхъ и сильныхъ земли, и блюстителямъ гражданскаго закона со смѣлостью посланника Божія напоминалъ объ отступленіяхъ отъ закона Божественнаго.

Человѣкъ сильнаго и крѣпкаго духа какъ скоро, по сознанію правды, выступаетъ на общественное служеніе силою своего слова, и это сознаніе утверждаетъ Божественнымъ полномочіемъ,—никому не льститъ, не предъ кѣмъ не

сдерживаетъ сильной проповѣди, но всѣмъ говоритъ равное и, если нужно, рѣзкое слово. Въ исторіи мы видимъ много искусныхъ, но слабыхъ волею, проповѣдниковъ: они большею частью воскуряютъ ѳиміамъ знатнымъ и сильнымъ и закрываютъ глаза отъ ихъ слабостей и пороковъ. Если казнятъ они своимъ словомъ, то казнятъ ту низкую и презрѣнную толпу, которой нечего бояться, и которой нужно скорѣе слово утѣшенія и ободренія, чѣмъ сурового обличенія; но предъ людьми высшими они раскрываютъ свои уста или для хвалы и величанія, или для общихъ разглагольствій, никого не задѣвающихъ и теряющихся въ воздухѣ. Какъ не похожъ на нихъ великій Іоаннъ! Желая обратить *строптное въ правое и острое въ путь гладкій*, по пророчеству Исаіи, онъ преслѣдуетъ пороки и уклоненія отъ закона вездѣ, на всѣхъ поприщахъ жизни, и въ своихъ строгихъ обличеніяхъ не щадитъ никого, ни черни, ни богатыхъ, ни знатныхъ, ни сильныхъ. Ему даже казалось нужнѣе направлять свое слово на тѣхъ, которые, бывъ поставлены на верху общества, своимъ развращеніемъ могли соблазнять обыкновенный народъ, чѣмъ на людей простыхъ и невидныхъ. И вотъ, Иродъ и своею частною жизнью, и своимъ управленіемъ вызываетъ у него сильное противъ себя слово. Какъ посланникъ Божій, онъ его обличаетъ такъ же смѣло, какъ и послѣдняго раба,—и при этомъ нѣтъ у него робкой мысли о томъ, что съ нимъ будетъ за это смѣлое слово. Онъ исполняетъ свое служеніе, а гнѣвъ сильныхъ, темница, казни для него какъ-бы не существуютъ.

Послѣ всего сказаннаго, у читателя, вѣроятно, уже слагается представленіе о нравственномъ характерѣ святаго Іоанна Крестителя, какъ проповѣдника. Образъ строгій, суровый и энергическій! Въ его словѣ мало мягкаго, ласкающаго элемента; въ немъ слышится строгая и жесткая проповѣдь, сильная и привлекательная своею правдою и энергіею. Когда онъ обличаетъ, онъ не ищетъ успокоивающихъ, бальзамныхъ, нашихъ свѣтскихъ выраженій и полунамековъ, а говоритъ прямо, не стѣсняясь обращаетъ къ людямъ тяжеловѣсныя слова, въ родѣ: «порожденія ехидновъ! кто сказалъ вамъ бѣжать отъ грядущаго гнѣва?» Болѣзнь была сильна; и врачъ не хочетъ обманывать и обольщать больнаго; онъ со строгою, даже съ суровою миною даетъ ему острое лѣкарство, предлагаетъ тяжелую операцію и въ этомъ случаѣ не разбираетъ ни званія, ни состоянія, ни пола, ни возраста. Сердце его наболѣло, и онъ не видитъ возможности безъ крайнихъ мѣръ и суровыхъ словъ вывести уснувшій народъ изъ его несчастнаго нравственнаго положенія. Самъ онъ жизни безупречной, нравственности самой строгой; постъ и молитвенныя бдѣнія его и его учениковъ извѣстны всѣмъ, кому только знакомо имя Іоанна. Потому на него никто не посмѣетъ обратить хоть часть того упрека, какой онъ относитъ къ своимъ слушателямъ.—Строгость и жесткость видна не только въ выраженіяхъ, но и въ содержаніи проповѣди Іоанна. Онъ говоритъ о казни, о конечномъ отверженіи тѣхъ людей, которые ждали себѣ избавителя и считали себя избранными и особенно любимыми Богомъ, и въ этихъ мысляхъ мало заботились о нравственной чистотѣ и добродѣтели. Этотъ сильный и строгій голосъ нуженъ былъ для пробужденія тогдашнихъ поколѣній. Другаго рода слово могло бы пропасть безслѣдно и остаться безъ дѣйствія на народъ.

Это строгое слово—выраженіе энергіи характера и силы воли. Съ этою энер-

гическою силою соединяется кипучая фантазія, блещущая образами. Молодой аскетъ-проповѣдникъ не былъ человѣкомъ холоднаго разсудка; съ холоднымъ разсудкомъ человѣкъ сидитъ въ кабинетѣ и не выступаетъ на общественное слово. Его душа живымъ вмѣщала въ себѣ цѣлый міръ даже въ то время, когда онъ ходилъ по пустынѣ и носился съ своею думою; эта дума не была жидкимъ, безжизненнымъ отвлеченіемъ. Она имѣла въ виду практику жизни, къ ней направлялась, и въ головѣ пустынника облекалась въ пеструю одежду радужныхъ образовъ. Пустынники, говорятъ, всегда люди болѣе или менѣе сильнаго воображенія, которымъ не скучно въ собственномъ душевномъ кругѣ, и пустыня въ свою очередь своимъ постояннымъ нашептываніемъ и чарующимъ вліяніемъ еще больше возбуждаетъ пламенную дѣятельность этого воображенія. Потому въ нихъ, въ ихъ положеніи, въ ихъ рѣчи всегда много поэтическаго. Съ природою сживается человѣкъ и говоритъ ея образнымъ языкомъ. Такимъ, по крайней мѣрѣ, былъ Іоаннъ Креститель, отъ силы ли его кипучей натуры, или отъ вліянія пустыни. Смотрите, немногое передали намъ Евангелисты изъ его рѣчи, но въ этомъ немногомъ какая полнота образовъ, какая радужная и поэтическая одежда! Убѣждая народъ искренно покаяться и исправиться, онъ говоритъ съ угрозою: «уже и сѣкира при корнѣ деревъ лежитъ: всякое древо, не приносящее добраго плода, посѣкаютъ и въ огонь бросаютъ». Онъ изображаетъ Мессію и Его дѣйствія, и—новый образъ: «у Него лопата въ рукѣ, и Онъ очищаетъ гумно Свое, собираетъ пшеницу въ житницу Свою, а солому сожжетъ огнемъ неугасимымъ»! Онъ указываетъ свое отношеніе къ Нему и изображаетъ Его такимъ сильнымъ и великимъ, у Котораго онъ недостоинъ разрѣшить ремень Его сандалій. Другой разъ на вопросъ своихъ учениковъ о Спасителѣ, уже начавшемъ Свои дѣйствія и возбудившемъ нѣкоторую ревность въ приверженцахъ Крестителя, онъ отвѣчаетъ: *имѣяй невѣсту женихъ есть: а другъ жениховъ, стоя и послушая его, радостію радуется за гласъ жениховъ. Сія убо радость моя исполнися. Оному подобаетъ расти, мнѣ же малитися* (Іоан. III, 29—30). Вообще, что ни слово отъ Іоанна, то образъ и картина, и Евангелисты своими немногими выдержками изъ рѣчей Іоанна, имѣющими оригинальный, своеобразный и всегда вѣрный себѣ характеръ, ясно даютъ понять желающему коренныя отличительныя ихъ свойства.

Когда мы, при мысли объ Іоаннѣ Крестителѣ, обращаемся къ исторіи и ищемъ въ ней подобныхъ ему дѣятелей слова,—во всей совокупности историческихъ лицъ намъ представляются три выдающіеся типа, родственные между собою и по своей натурѣ, и по дѣятельности, и по той внѣшней судьбѣ, какую они испытали. Читатель, можетъ быть, догадывается, кого мы хотимъ назвать. Это именно святый Илія, самый замѣчательный изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ,—святый Іоаннъ Креститель, самый бо́льшій изъ рожденныхъ женами, стоящій на распутіи двухъ эпохъ, служащій Предтечею Божественнаго Учителя человѣчества и Спасителя міра,—и наконецъ святый Іоаннъ Златоустъ, одинъ изъ самыхъ сильныхъ и славныхъ проповѣдниковъ христіанской Церкви. Всѣ трое аскеты и подвижники; всѣ трое любили пустыню и находили въ ней особенное услажденіе. У всѣхъ трехъ душа была сильная и независимая, характеръ энергическій и непреклонный, фантазія богатая и пылкая. Всѣ трое хотѣли поднять своимъ энергиче-

скимъ словомъ упавшій уровень народной нравственности и смѣло выступали на борьбу съ противоборствующими имъ силами. И, какъ нарочно, въ періодъ дѣятельности каждаго изъ нихъ около трона являлась развращенная царица, съ которою, конечно, не мирились аскеты-проповѣдники, и которая воздвигала на нихъ гоненіе и доводила ихъ до темницы, изгнанія или ссылки. Илія ратовалъ съ лживыми пророками Ваала, обличалъ Іезавель и былъ гонимъ ею. Іоаннъ Креститель говорилъ сильное слово на саддукеевъ и фарисеевъ, — представителей современной ему нравственности и религіозной науки, обличалъ Ирода и Иродіаду, и потерпѣлъ темничное заключеніе, а потомъ и смерть отъ обличаемой властительницы. Іоаннъ Златоустъ нападалъ на развращенное высшее общество Константинопольское, на испорченное духовенство, усыпленное богатствомъ и ласками двора и вельможъ, встрѣтилъ себѣ врага въ развращенной Евдоксіи, которой онъ не щадилъ въ своихъ строгихъ обличеніяхъ. Сила Божественнаго полномочія воздвигала великихъ проповѣдниковъ на борьбу съ развращеніемъ своего времени, и содѣйствіе высшей помощи поддерживало ихъ, когда противъ нихъ возставала земная власть и внѣшнее могущество, и ихъ слову давало неумолимую строгость. Но голосъ Божій находилъ отраженіе въ голосѣ народа, и народъ большимъ почтеніемъ окружалъ ревнителей вѣры и благочестія, возбуждавшихъ противъ себя гоненія сильныхъ земли. Ахаавъ, одинъ изъ наиболѣе сильныхъ Израильскихъ царей, распоряжавшійся всѣми средствами земнаго могущества, трепещетъ имени Иліи, пророка, ничѣмъ не владѣвшаго, кромѣ силы своего слова, отступаетъ предъ нимъ въ открытомъ состязаніи, и чувствуетъ, что онъ оскорбляетъ народъ, когда поднимаетъ противъ него гоненіе. Іоанна Крестителя, такого же строгаго ревнителя, какимъ былъ Илія, Иродъ долго *соблюдалъ*, т. е. долго не рѣшался сдѣлать съ нимъ какое либо насиліе,—и въ этомъ случаѣ много значило предъ нимъ необычайное вліяніе Іоанна на народъ, который всецѣло преданъ былъ своему учителю и готовъ былъ слушаться его во всемъ. Іоаннъ Златоустъ слишкомъ много любви и преданности видѣлъ у толпы бѣдныхъ и незнатныхъ, которая готова была все отдать за него. Когда Евдоксія ссылаетъ его изъ Константинополя, народъ возмущается изъ-за него, и устрашенные Аркадій и Евдоксія униженно просятъ изгнанника возвратиться на свою каѳедру. Другой разъ изгоняютъ Златоуста,—народъ стережетъ его, не хочетъ съ нимъ разстаться и съ угрозами идетъ во дворецъ требовать себѣ своего архипастыря, и если бы не покорность Златоуста, Константинополь не избѣжалъ бы кровопролитія. Сближенія наши не выисканы произвольно: въ одной половинѣ, по отношенію къ предшественнику Іоанна Крестителя, они указаны были мнѣніемъ современниковъ и подтверждены Евангеліемъ. Духъ и силу Иліи предвозвѣстилъ въ Іоаннѣ Крестителѣ Архангелъ, благовѣствовавшій Захаріи о рожденіи отъ него сына (Лук. I, 17), и Самъ Спаситель сказалъ о немъ, что онъ Илія, котораго ожидали и который долженъ былъ придти предъ явленіемъ Мессіи (Матѳ. XI, 14). Изъ одной стороны мы только продолжили это сближеніе въ другую, и изъ представителей христіанской Церкви, чтившихъ память великаго проповѣдника покаянія, самъ собою рядомъ съ именемъ Іоанна Крестителя становится энергическій и сильный образъ соименнаго ему пастыря—проповѣдника Антіохій-

ской, а потомъ Константинопольской Церкви (Іоаннъ Креститель, какъ проповѣдникъ покаянія, Пѣвницкаго. Труды Кіевской Духовной Академіи 1868 г., томъ I, стр. 28—30. 32—37).

Примѣчаніе къ 4 ст. 3 гл. Матѳ. *Что такое дикій медъ и акриды, которыми питался Іоаннъ?* У Израильтянъ былъ медъ двоякаго рода: домашній отъ пчелъ, и дикій, получаемый повсюду на поляхъ и въ лѣсу; пчелы клали его или просто на землѣ, или въ дуплахъ деревъ, или въ разсѣлинахъ камней. Такіе камни назывались у Евреевъ камнями меда, и получаемый оттуда медъ—медомъ изъ камня (Второзак. XXXII, 13. Псал. LXXX, 17). Этотъ медъ, доставляемый самою пустынею, употреблялъ въ пищу Іоаннъ. *Климентъ Александрійскій* пишетъ: Апостолъ Матѳей питался зернами, ягодами и зеленью безъ мясъ, а Іоаннъ далѣе простиралъ воздержность, вкушалъ акриды и медъ полевой.

Греческое ἀκρίδες значитъ насѣкомыхъ. Акриды употребляются въ пищу у многихъ народовъ, отъ чего нѣкоторые изъ нихъ называются акридофагами. Іудеямъ давно извѣстно было употребленіе акридъ. Это видно изъ закона Моусеева, коимъ указывается нѣсколько родовъ акридъ чистыхъ и употребляемыхъ въ пищу (Левит. II, 21—22), и изъ талмудистовъ, которые перечисляютъ различные признаки, отличающіе чистыхъ акридъ отъ нечистыхъ. Повѣствованія новѣйшихъ путешественниковъ по Палестинѣ единогласно свидѣтельствуютъ, что акриды весьма извѣстны тамъ и употребляются въ пищу; только эти акриды не составляютъ той сладкой снѣди, какая приготовляется изъ нихъ въ другихъ мѣстахъ; онѣ имѣютъ дурной запахъ и непріятный вкусъ и служатъ пищею однимъ бѣднымъ и нищимъ. Исидоръ Пелусіотъ читалъ вмѣсто ἀκρίδες ἐγκρίδες, разумѣя подъ этимъ словомъ вѣтви деревъ, или кустарниковъ, въ которыхъ хранилось сладкое вещество (Хр. Чт. 1853 г. II, стр. 178—179). Другіе думаютъ, что акриды суть верхушки травы, которая иначе называется мелагра, а иные разумѣютъ подъ симъ дикіе яблоки (Ѳеофилактъ, ср. Аѳан. Вел.).

Современные фарисеи, саддукеи, книжники и мытари.

(Н. Думитрашко.)

Въ святыхъ Евангеліяхъ очень часто встрѣчаются наименованіе фарисеевъ, саддукеевъ, книжниковъ и мытарей. Люди ученые давно растолковали ученымъ образомъ всѣ эти названія и объяснили, кто въ древнія времена носилъ эти названія и какого рода и качествъ были эти люди. Но для большинства людей читающихъ, слѣдовательно коечему учившихся, всѣ эти мудреныя прозвища остаются не вполнѣ понятными. О не учившихся уже и говорить нечего; они часто въ церкви слышатъ въ Евангельскихъ чтеніяхъ наименованія: фарисей, мытарь и подобныя, но рѣшительно не понимаютъ, кто и почему назывался такъ.

Мы предполагаемъ, что объяснить всѣ эти названія самымъ понятнымъ образомъ лучше всего наглядно, указавши и въ современномъ обществѣ такого рода людей, которыхъ по справедливости можно назвать фарисеями, саддукеями, книжниками и мытарями. Постараемся при этомъ объясненіи избѣгать всякаго рода натяжекъ и личностей.

1. *Фарисеи.* Фарисей—по-Еврейски перушимъ, то есть избранный, означаетъ человѣка особеннаго, отличающагося отъ толпы своею праведностью, чистотою жизни и строгимъ выполненіемъ священныхъ постановленій. Іудейскій писатель Іосифъ Флавій, кажется, и самъ принадлежавшій къ этой сектѣ или по крайней мѣрѣ воспитавшійся подъ ея вліяніемъ, изображаетъ этихъ людей въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ, увѣряя, что «они какъ жизнью своею, такъ и словами показываютъ себя послѣдователями единыя добродѣтели». Но Христосъ Спаситель нашъ

во время земной жизни Своей, которая почти совпадаетъ съ временемъ Іосифа Флавія, изображаетъ совершенно другими чертами и силою Божественнаго слова обличаетъ ихъ лицемѣріе, т. е. притворство, удостовѣряя, что ихъ праведность была только мнимая, что они только старались казаться добрыми, честными, святыми, а на самомъ дѣлѣ исполнены были злобы, лукавства и хищенія. Особенность ихъ составляла чрезмѣрная привязанность къ обрядамъ и благочестивымъ обычаямъ. Въ этомъ отношеніи они не довольствовались даже очень подробными постановленіями обрядоваго закона Моусеева (изложенными въ книгѣ Левитъ и другихъ) и старались дополнять ихъ различными стариннными благочестивыми обычаями, перешедшими отъ предковъ по обыкновенной передачѣ къ потомкамъ изъ рода въ родъ. При слѣпомъ уваженіи къ этимъ обычаямъ они начали возводить ихъ ко временамъ Моусея, увѣряя, что этотъ пророкъ Божій, кромѣ писаннаго закона, получилъ отъ Бога еще изустныя наставленія, нигдѣ въ книгахъ не записанныя, и что эти наставленія, перешедшія къ нимъ отъ старцевъ, выше самаго закона писаннаго.

Одинъ Русскій писатель, вышедши самъ изъ Еврейскаго народа, свидѣтельствуетъ, что «и теперь между Евреями есть фарисеи, и что нынѣшніе фарисеи соблюдаютъ тотъ же образъ жизни, то же видимое благочестіе, какъ и у древнихъ. Стоитъ только взглянуть издали на фарисея, чтобы угадать эту личность, показывающуюся совершенно какъ будто отрекшеюся отъ этого міра. Многіе изъ нихъ ходятъ почти согбенными, съ видомъ изнуреннымъ отъ поста. Любимый нарядъ ихъ: бѣлый колпакъ, туфли даже въ грязное время и остроконечная шапка (штраймель). Одѣты и умыты всегда кое-какъ: этимъ неглижорствомъ они какъ-бы показываютъ, что пренебрегаютъ тѣмъ, что̀ любитъ мірской человѣкъ. Они говорятъ, что все земное недостойно истиннаго вниманія духовнаго человѣка».

Но не этихъ современныхъ фарисеевъ мы имѣемъ въ виду: есть и между нами, въ христіанскомъ обществѣ, такого рода люди, которыхъ по всей справедливости можно назвать фарисеями. Къ числу ихъ прежде всего слѣдуетъ отнести такъ называемыхъ старовѣровъ или старообрядцевъ. Эти новѣйшіе фарисеи, также точно, какъ и древніе, стараются строго держаться преданія старцевъ. Невѣжественные сами, они думаютъ увѣрить всѣхъ, что ихъ заблужденія составляютъ истинную древле православную вѣру, и силятся доказать это свое убѣжденіе ссылками на сомнительныя мѣста какой-нибудь неисправной старопечатной книги. Ихъ привязанность къ обряду есть истинно фарисейская: ихъ гордость точнымъ выполненіемъ церковныхъ уставовъ совершенно такова же, какая была у современныхъ Спасителю фарисеевъ, о которыхъ сказано въ Священномъ Писаніи: *образъ благочестія держаще, силы же его отвергшеся*. Какъ древніе фарисеи обходили моря и сушу, чтобы пріобрѣсть хоть одного послѣдователя своего ученія, такъ точно и эти новѣйшіе фарисеи пропагандируютъ всѣми способами свое заблужденіе и силятся распространить его, совращая въ расколъ неопытныхъ и невѣжественныхъ людей и дѣлая ихъ сынами геенны, худшими себя (Матѳ. XXIII, 15). Древніе фарисеи старались молиться долго напоказъ и по наружности казались людьми праведными, а внутри были исполнены лицемѣрія и беззаконія. Такъ точно и новые старообрядствующіе въ своихъ часовняхъ, а особенно въ своихъ скитахъ поражаютъ продолжительностью

своихъ моленій и радѣній, числомъ зажженныхъ свѣчъ, множествомъ положенныхъ поклоновъ, длиною своихъ лѣстовокъ (четокъ) и всею вообще наружною благочестивою обстановкою; но за то въ тайнѣ трущобъ своихъ предаются всякаго рода мерзостямъ, *о нихже не лѣпъ есть глаголати* нынѣ подробно, и о которыхъ безъ ужаса и содраганія не могутъ разсказывать люди, случайно бывшіе свидѣтелями ихъ беззаконій.

Но нужно однакоже сознаться, что фарисейскія свойства встрѣчаются не у однихъ раскольниковъ. И между православными нерѣдко попадается та безнравственная особенность, которую Христосъ назвалъ закваскою фарисейскою (Лук. XII, 1). Мы говоримъ о лицемѣріи и ханжествѣ, или такого рода притворствѣ, когда люди, въ сущности вовсе не религіозные, притворяются приверженцами благочестія и почитателями Церкви и ея служителей, строгими блюстителями церковныхъ уставовъ, точными исполнителями религіозныхъ обычаевъ. Такого рода люди встрѣчаются нерѣдко. Они дѣйствуютъ по двоякимъ побужденіямъ: или такъ точно, какъ древніе фарисеи, думаютъ этимъ притворнымъ благочестіемъ возбудить къ себѣ уваженіе народа и пріобрѣсть вліяніе на него; или же, что̀ еще хуже, дѣйствуютъ такъ для того, чтобы заслужить вниманіе и расположенность высокопоставленныхъ въ духовенствѣ лицъ и чрезъ нихъ достигнуть виднаго положенія въ обществѣ и выгодныхъ мѣстъ по службѣ. Къ сожалѣнію, имъ иногда удается добиться предположенной цѣли; но большею частью ихъ двуличіе раскрывается очень ясно для глазъ окружающаго ихъ народа, и та самая толпа, которую эти лицемѣры думали обмануть и одурачить своею притворною праведностью и своимъ мнимымъ благочестіемъ, зоветъ ихъ ханжами, лицемѣрами, фарисеями.

2. *Саддукеи.* Саддукеи явились въ Іудействѣ за 150 лѣтъ до Рождества Христова. Ученіе ихъ образовалось подъ вліяніемъ на Еврейскія воззрѣнія Греческой философіи, особенно эпикуреизма. Родоначальникомъ саддукейскаго ученія считается Садокъ, который, отвергая преданія, не вѣрилъ ни въ Ангеловъ, ни въ безсмертіе души, и считалъ безусловную свободу условіемъ совершеннѣйшей добродѣтели. Іосифъ Флавій, описывая ихъ, прибавляетъ еще слѣдующія двѣ характеристическія черты саддукеевъ, что къ ихъ ученію приставали преимущественно только знатные и богатые люди, и что саддукеи, достигая власти, уподоблялись фарисеямъ и приставали къ нимъ.

Между современными намъ Евреями саддукеи не встрѣчаются, какъ цѣлая секта, но продолжаютъ существовать, какъ отдѣльныя вольнодумныя личности. Евреи ихъ честятъ обыкновенно ругательнымъ прозвищемъ никойресъ, т. е. невѣрный, отверженный. Кромѣ того, всѣ хасиды (приверженцы цадиковъ) и многіе талмудисты считаютъ вольнодумцами и тѣхъ новѣйшихъ реформаторовъ Іудейской обрядности, которые вводятъ въ ихъ богослуженіе Нѣмецкій языкъ и стараются сдѣлать его похожимъ на богослуженіе лютеранское. Наконецъ, вольнодумными почитаются у старыхъ Евреевъ и воспитанники казенныхъ Еврейскихъ училищъ, какъ за стремленіе ихъ ввести въ Еврейское богослуженіе Русскій языкъ, такъ и за пренебреженіе къ мелочнымъ талмудическимъ обрядамъ домашней и общественной жизни, а также и за обыкновенный между ними религіозный индеферентизмъ.

Въ современномъ христіанскомъ обществѣ можно указать, какъ на точное и

близкое подобіе древнихъ саддукеевъ, на нашихъ всякаго рода вольнодумцевъ: атеистовъ, матеріалистовъ, нигилистовъ и либераловъ. Аналогическія сходства между ними и древними саддукеями поразительны. Какъ древніе саддукеи явились въ іудействѣ подъ вліяніемъ Греческой философіи, такъ и наши вольнодумцы образовались не путемъ самозарожденія, а очевиднымъ дѣйствіемъ заграничнаго вольнодумства; они произрасли на родной нашей почвѣ, какъ завезенныя изъ чужихъ краевъ сѣмена разныхъ колючекъ, и насѣяны первоначально вольтеровскими книжками и вообще сочиненіями энциклопедистовъ прошлаго столѣтія; а потомъ размножились вслѣдствіе наплыва къ намъ новыхъ идей матеріализма и позитивизма.

Такъ точно, какъ саддукеи, всѣ они почти поголовно не вѣрятъ въ безсмертіе души человѣческой, въ воскресеніе мертвыхъ, въ судъ и воздаяніе. Наши саддукеи пошли даже гораздо дальше древнихъ: они не признаютъ религіи вообще, не вѣрятъ ни во что сверхъестественное, отвергаютъ возможность чудесъ, промыслъ Божій, Самого Бога.

Какъ древніе саддукеи считали совершенную свободу необходимымъ условіемъ для доброй жизни, такъ и наши хлопочутъ о свободѣ и либеральничаютъ обо всѣхъ общественныхъ и политическихъ предметахъ самымъ крайнимъ образомъ. Только часто оказывается, что они больше хлопочутъ не о свободѣ дѣлать добро, которая и теперь никому не возбранена, а о полнѣйшей распущенности нравовъ, и обнаруживаютъ не сдерживаемую никакими границами наглость и неприличіе разговоровъ, поступковъ и обращенія.

Какъ въ древности къ саддукеямъ приставали только богатые и знатные, такъ и теперь такимъ настроеніемъ проникнуты люди, большею частью выдѣлившіеся изъ народа своимъ образованіемъ, положеніемъ и состояніемъ. Простой же народъ остается вѣренъ завѣту своей религіи и, покуда не развратили его эти гнусные учители распущенности, твердо держится благочестивыхъ обычаевъ предковъ и священныхъ уставовъ Церкви. Древніе саддукеи отвергали всякій авторитетъ древнихъ учителей и старцевъ и руководствовались указаніями философствующаго разума. Наши новѣйшіе саддукеи поступаютъ точно также, только прогрессируя идутъ много дальше: они не только пренебрегаютъ авторитетомъ знаменитѣйшихъ свѣтилъ науки и искусства, а дерзаютъ подрываться подъ самый авторитетъ Божественный, стараясь поколебать важность церковнаго преданія, священныхъ книгъ и вообще Божественнаго откровенія. Они силятся вмѣсто здраваго ученія вѣры и священныхъ уставовъ Церкви утвердить какія-нибудь недозрѣлыя положенія своей науки и сомнительные результаты своихъ скороспѣлыхъ изслѣдованій, а вмѣсто священныхъ именъ христіанства воздвигаютъ на пьедесталы свои боготворимые ими авторитеты разныхъ Контовъ, Люисовъ, Бюхнеровъ и подобн.

Наконецъ еще одна черта сходства современныхъ саддукеевъ съ древними: наши такъ же точно, какъ и тѣ, повидимому, не уважаютъ власти и пренебрегаютъ ею, пока ея не достигнутъ сами. И въ то время, когда подобные люди становятся во главѣ какого-нибудь учрежденія, забываютъ весь свой прежній либерализмъ и оказываются безцеремонными и своевольными деспотами и тиранами, требующими отъ подчиненныхъ безпрекословнаго повиновенія.

3. *Книжники.* Первоначально у древнихъ Іудеевъ книжниками назывались

переписчики священныхъ книгъ, которымъ усвоялось это имя съ поясненіемъ (книжники—скорописцы). Число ихъ увеличилось особенно со времени Іудейскаго царя Іосіи. Ихъ избирали обыкновенно изъ колѣна Левіина (Іис. Нав. XXI) и различали между ними книжниковъ домовыхъ или придворныхъ и книжниковъ людскихъ (2 Царств. VIII, 14), т. е. народныхъ (Матѳ. II, 4). Во времена первосвященника Ездры образовался новый родъ книжниковъ, изучавшихъ священныя книги Еврейскія и объяснявшихъ ихъ народу Іудейскому. Ихъ ученость была чисто библейская и, нужно сказать правду, отличалась точностью, какъ видно изъ Евангельской исторіи, когда на вопросъ Ирода, гдѣ Христосъ рождается, они отвѣчаютъ ясно и немедленно: «въ Виелеемѣ Іудейскомъ», и ссылаются на пророчество Михея (Матѳ. II, 4—6). Вскорѣ эти книжники впали въ кропотливость и мелочность поразительную. Желая сохранить во всей точности и неповрежденности священныя книги, они не только заучивали ихъ наизустъ, но сосчитали и знали, сколько въ каждой книгѣ содержится буквъ и знаковъ; могли даже сказать, сколько разъ въ извѣстной книгѣ употреблена буква іодъ или другія какія-нибудь. Ихъ обыкновенно называли мазоретами. Для безошибочнаго чтенія Библіи они изобрѣли надстрочные и подстрочные знаки, замѣняющіе въ Еврейской письменности гласныя буквы. Такого рода ученыхъ еще въ V-мъ вѣкѣ христіанскаго лѣтосчисленія встрѣчалъ въ Палестинѣ блаженный Іеронимъ Стридонскій, называющій и по именамъ Лиддея и Варавана, раввиновъ Тиверіадскаго и Виелеемскаго. Такого рода книжники существуютъ и между теперешними Евреями, съ тою разницею, что они всѣ свои силы обратили къ изученію Талмуда и достигаютъ и здѣсь замѣчательныхъ результатовъ, безъ затрудненія указывая въ этой многотомной и многосоставной запутанной книгѣ всѣ нужныя подходящія къ данному случаю мѣста.

Перейдемъ теперь къ нашему современному обществу и укажемъ и среди насъ людей, которымъ съ большею или меньшею основательностью можно усвоить названіе книжниковъ.

Прежде всего приходятъ на память знаменитые въ старообрядческомъ раскольническомъ мірѣ начетчики. Это—настоящіе книжники, изучающіе съ любовью и усердіемъ, достойными лучшаго дѣла, всѣ знаменитыя въ старообрядчествѣ книги, какъ харатейныя, такъ и старопечатныя. Они безошибочно знаютъ и указываютъ всѣ благопріятствующія имъ мѣста изъ самыхъ обширныхъ книгъ и прочитываютъ изъ нихъ цѣлыя страницы и главы наизустъ. Этимъ они пріобрѣтаютъ себѣ особенный почетъ и довѣріе между раскольниками и дѣлаются ихъ руководителями въ дѣлахъ религіозныхъ. Къ сожалѣнію, не получивъ надлежащаго образованія научнаго, они не только невѣжественно относятся къ священнымъ книгамъ, не умѣя отличить книги подлинной отъ подложной и мѣста неповрежденнаго отъ испорченнаго, а осмѣливаются еще являться истолкователями предметовъ священныхъ. Но Боже мой! чтò это за толкованія! они какъ двѣ капли похожи на мудрованія древнихъ книжниковъ, которыхъ изобличилъ Спаситель, называя ихъ невѣжественными и слѣпыми. Какъ тѣ говорили: если кто поклянется храмомъ, то ничего; а если кто поклянется золотомъ церковнымъ, то виноватъ (Матѳ. XXIII, 16 и 18); такъ и наши старообрядческіе книжники мудрствуютъ лукаво: «безъ покаянія нѣтъ спасенія, а безъ грѣхопаденія нѣтъ покаянія; значитъ нужно

прежде согрѣшить, чтобы можно было потомъ спастись чрезъ покаяніе»! Какъ не вспомнить при этомъ горькихъ словъ Господа: слѣпые вожди слѣпыхъ! а если слѣпой ведетъ слѣпаго, то оба упадутъ въ яму (Матѳ. XV, 14). И дѣйствительно, съ такими руководителями раскольники все больше и больше ввергаются въ бездну заблужденія.

И у насъ, въ средѣ православныхъ, есть также книжники, т. е. ученые и просвѣщенные люди, занимающіеся изученіемъ и изъясненіемъ предметовъ Божественныхъ. Но встрѣчается два рода ученыхъ. Одни, по примѣру древнихъ святыхъ отцевъ, уважаютъ науку и занимаются ею; но, почитая науку служительницею религіи, не преклоняются предъ лжеименнымъ разумомъ и содержатъ его въ послушаніи вѣрѣ. За такое безошибочное отношеніе къ вѣрѣ и наукѣ они, по справедливости, почитаются свѣтилами Церкви и духовнаго просвѣщенія. Другіе, ослѣпленные блескомъ книжной учености, раболѣпствуютъ передъ наукою. Изъ угожденія ея своенравнымъ капризамъ, не замѣчая, что она нерѣдко вземлется на разумъ Божій, они, во имя науки, готовы отречься отъ священнѣйшихъ вѣрованій и драгоцѣннѣйшихъ преданій церковныхъ, и являются такимъ образомъ измѣнниками вѣры и православія. Къ такимъ книжникамъ, по справедливости, относятся укорительныя слова Спасителя: горе вамъ, что вы взяли ключъ разумѣнія, сами не вошли и входящимъ воспрепятствовали (Лук. XI, 52).

Особенный видъ книжниковъ представляютъ еще тѣ люди, которые, пристрастившись къ чтенію книгъ, проводятъ за ними все свое время и изъ-за этой своей страсти къ чтенію, не желая оторваться отъ заинтересовавшей ихъ книги, забываютъ и пищу, и сонъ, и дѣло и даже молитву. Это нехорошо и особенно потому, что увлеченіе такого рода является при чтеніи книгъ пустыхъ, легкихъ: такого рода чтеніе не только оказывается безплоднымъ, но нерѣдко бываетъ положительно вреднымъ, потому что при безразборчивости въ чтеніи легко увлечься книгами безнравственнаго и развратнаго содержанія и испортить себя умственно и нравственно.

Наконецъ къ разряду книжниковъ по преимуществу слѣдуетъ отнести лицъ, занимающихся литературою: сочинителей, издателей, редакторовъ. Значеніе ихъ велико и важно, если они являются проводниками идей свѣтлыхъ, ученія здраваго, мыслей основательныхъ и зрѣлыхъ. Но если лица подобнаго рода, забывая свое высокое призваніе, увлекаются недостойными цѣлями и, гоняясь за популярностью въ народѣ, или же изъ желанія нажиться на счетъ подписчиковъ (что̀ чаще встрѣчается), потакаютъ страстямъ народнымъ, угождаютъ дурнымъ вкусамъ публики и удовлетворяютъ низкимъ инстинктамъ, то они вмѣсто того, чтобы быть руководителями народа, становятся угодниками толпы и играютъ самую гадкую и недостойную роль.

4. *Мытари.* Названіе «мытари» Славянское и происходитъ отъ древняго слова мытъ, что̀ означало подать, пошлину и всякій вообще подушный сборъ. Отсюда заставы, на которыхъ сбирали подати, называли мытницами (Матѳ. IX, 9), а самые сборщики податей получили названіе мытарей. Но это были не отъ правительства поставленные люди, состоящіе на службѣ государственной, а лица частныя, откупившія себѣ право производить извѣстный сборъ, или ихъ уполномоченные. Ихъ поэтому можно назвать словомъ откупщикъ, болѣе понятнымъ для насъ и точнѣе

выражающимъ сущность ихъ занятій. Между ними были старѣйшины мытарей, или главные откупщики и ихъ подначальные (Лук. XIX, 2) и подчиненные (народъ мытарей многъ Лук. V, 29). Это званіе или сословіе образовалось вслѣдствіе того, что Римское правительство, для избѣжанія столкновеній съ массою народа и для сокращенія издержекъ взиманія, ввело въ завоеванныхъ областяхъ систему откуповъ, по которой сдавало богатымъ предпринимателямъ за приблизительную плату право сбора какъ подушной подати, такъ и повинностей дорожныхъ и другихъ статей государственнаго дохода. Мытарямъ назначался maximum сбора, какъ видно изъ словъ Іоанна Крестителя: ничего не требуйте свыше опредѣленнаго вамъ (Лук. III, 12); но понятно, что они, взявшись за хлопотное дѣло сборщиковъ изъ-за разсчетовъ, не строго держались въ должныхъ границахъ и притѣсняли народъ, вымогая у него двойныя и тройныя подати. За это народъ страшно ненавидѣлъ ихъ, и потому имя мытаря сдѣлалось въ понятіяхъ народа тожественнымъ съ названіемъ грѣшника, беззаконника. Вотъ отчего иногда Евреи негодовали и роптали, когда Христосъ заходилъ къ мытарямъ и гостилъ у нихъ (Матѳ. IX, 11 и Лук. XIX, 7). По этой же причинѣ враждебные Господу фарисеи и книжники, желая уронить Его во мнѣніи народа, внушали толпѣ объ Іисусѣ, что Онъ другъ мытарямъ и грѣшникамъ (Матѳ. XI, 19). Но и между этими людьми встрѣчались иногда замѣчательно честные и благочестивые. Таковы были Закхей мытарь, оправданный Господомъ и признанный за истиннаго сына Авраамова, и мытарь Левій, избранный въ число двѣнадцати Апостоловъ Христовыхъ, извѣстный въ христіанствѣ подъ именемъ Евангелиста Матѳея.

Между нынѣшними Евреями есть особеннаго рода мытари. Это сборщики общественныхъ податей съ Евреевъ, или такъ называемые кагальные. Какъ свидѣтельствуетъ объ нихъ бывшій ихъ единовѣрецъ (Брафманъ, книга кагала), они производятъ съ собранными суммами большія злоупотребленія и пользуются правомъ обложенія сборами на общественныя надобности, какъ могущественнымъ средствомъ къ притѣсненію и угнетенію всѣхъ, кто не нравится имъ и навлечетъ на себя ихъ нерасположенность. Этимъ средствомъ кагальные держатъ, можно сказать, въ полномъ порабощеніи всю массу невѣжественнаго еврейства и не допускаютъ никакого стремленія отдѣльныхъ личностей къ нравственному совершенствованію и умственному развитію.

Въ нашемъ христіанскомъ обществѣ въ очень недавнее время существовали настоящіе мытари; это были откупщики такъ называемыхъ питейныхъ сборовъ. Заплативши извѣстную наибольшую сумму за право взиманія такого рода сборовъ въ извѣстной губерніи или городѣ, они являлись въ той мѣстности чуть не полными распорядителями и для скорѣйшаго возврата затраченныхъ денегъ прибѣгали нерѣдко къ самымъ непозволительнымъ средствамъ и дѣлались развратителями народа, а иногда и разорителями и притѣснителями его. Но благодареніе Господу и благодѣтелю Государю! Народъ нашъ избавился отъ этихъ піявокъ, сосавшихъ кровь народную и вытягивавшихъ изъ него всѣ свѣжія силы и заработки. Откупщиковъ у насъ больше нѣтъ (Воскр. Чт. 1873 г., т. I, стр. 132—137. 162—170).

Библіографическій указатель къ явленію Іоанна Крестителя и его дѣятельности (Матѳ. III, 1—12. Марк. I, 2—8. Лук. III, 1—18).

Святоотеческія толкованія.

1) *Св. Аванасія Александрійскаго.* Изъ бесѣды на Матѳ. гл. 3, ст. 4 и 11-й Ч. IV. 476. Тв. св. оо. т. XXII.

2) *Пр. Исидора Пелусіота.* На сказанное народу Іоанномъ: *уже бо и сѣкира при корени* (Матѳ. III, 10). Ч. 1. 44. Тв. св. оо. т. XXXIV.

3) *Его же.* Что̀ значатъ слова: *Емуже лопата въ руцѣ Его* (Матѳ. III. 12), Тамъ же 45.

4) *Его же.* Почему Іоаннъ назвалъ Іудеевъ *порожденіями ехидновыми* (Матѳ. III, 7), Тамъ же 72.

5) *Его же.* Что̀ такое *пружіе и медъ дивій,* которыми питался Іоаннъ? (Матѳ. III, 4). Тамъ же 89.

6) *Св. Іоанна Златоустаго.* О различіи крещенія христіанскаго отъ Іудейскаго и Іоаннова и о томъ, какое изъ нихъ принялъ Іисусъ Христосъ. Воскр. Чт. XVIII. 387.

Новѣйшія толкованія

въ духовн. журналахъ:

7) Св. Іоаннъ Предтеча, по сказанію 4-хъ Евангелистовъ. Воскр. Чт. XVI. 219.

8) Іоаннъ Креститель. Хр. Чт. 1827 г. XXV. 92.

9) Св. Іоаннъ пророкъ, Предтеча и Креститель Господень. Воскресное Чт. т. III. 387.

10) О Предтечѣ Господнемъ. Душ. Чт. 1876 г. II. 216.

11) Іоаннъ Креститель. Б. п. сл. Воскресное Чт. 1875 г. II. 391.

12) Іоаннъ Креститель, образъ его жизни, проповѣдь и вліяніе на народъ. Воскресное Чт. XXXI. 509.

13) *Орды.* Св. Іоаннъ, Предтеча Господень, и крещеніе Господа нашего Іисуса Христа, Воскресное Чт. XXXII. 905.

14) *Прот. Нечаева.* Уроки покаянія заимствованные изъ Ев. въ Великомъ канонѣ св. Андрея Критскаго (Іоаннъ Предтеча). Душ. Чт. 1880 г. III. 211.

15) Разсказъ о праздникѣ Собора св. Іоанна пророка, Предтечи и Крестителя Господня, и о десной рукѣ Предтечевой. Воскресное Чт. 1879 г. 21.

16) Обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи. Воскресное Чт. III. 433.

17) Первое и второе обрѣтеніе главы Предтечи. Воскресное Чт. IX. 411.

18) Св. Іоаннъ Предтеча, изображаемый: 1) въ пророчествахъ, 2) въ исторіи Евангельской и 3) въ ученіи Іисуса Христа. Воскресное Чт. III. 131.

19) *К. И.* Св. Предтеча и Креститель Христовъ Іоаннъ. Опытъ характеристики. Прав. Обоз. 1885 г. I. 505—532.

20) *Гласъ вопіющаго въ пустыни* (Матѳ. III, 3), Стран. 1864 г. I. янв. отд. V.

21) Покаяніе и вѣра. Воскресное Чт. XXII. 436.

22) *І. Б.* Проповѣдничество св. Іоанна Крестителя. Воскресное Чт. XXXIII. II. 318.

23) Проповѣдь Іоанна Крестителя. Воскресное Чт. II т. 363.

24) *Пѣвницкаго.* Св. Іоаннъ Крест., какъ проповѣдникъ покаянія. Тр. Кіев. Ак. 1868 г. I. 3.

25) О крещеніи Іоанновомъ (см. въ ст. Происхожденіе и литургическій характеръ таинствъ). Тр. Кіев. Д. Ак. 1874. IV. 356.

26) Крещеніе Духомъ Св. и огнемъ (Матѳ. III, 11). Руков. для с. п. 1871 г. I. 418.

27) О крещеніи Іоанновомъ (Лук. III, 3). Воскресное Чт. XV. 390.

28) Крещеніе Іоанново (Лук. III, 3). Руков. для с. п. 1872 г. I. 46.

29) *Н. Ястребова.* Іоанново крещеніе и отличіе его отъ крещенія христіанскаго. Воскресное Чт. 1882 г. 21—22.

30) *Всякая гора и холмъ смирится* (Лук. 3, 5). Воскресное Чт. XIV, 438.

31) *Д. Державина.* Христіанскій трудъ (Лук. III, 12—13). Воскресное Чт. XXVIII. 286.

32) *П. Образцова.* Христіанское Богословіе въ книгахъ Новаго Завѣта. Воскресное Чт. 1872 г. II. 355.

33) Каіафа. Б. п. сл. Воскресное Чт. 1876 г. I. 223.

34) Анна. Б. п. сл. Воскресное Чт. 1874 г. 143.

35) Итурея. Б. п. сл. Воскресное Чт. 1875 г. II. 174.

36) Краткое свѣдѣніе о сектѣ фарисеевъ. Воскресное Чт. Ш. 413—417.

37) Фарисеи. Духовная Бес. 1959 г. V. 135. 1875 г. № 37. 167.

38) Саддукеи. Б. п. сл. Б. п. сл. Воскресное Чт. 1877 г.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

39) На Матѳ. 3, 2. *Филарета, митроп. Московскаго. Покайтеся.* Чт. въ Общ. люб. д. п. 1876 г. II. 295.

40) На Марк. гл. 1, ст. 1—2. *Григорія архіеп. Казанскаго.* Духъ многихъ христіанъ нашего времени. II. 34—40.

41) Ст. 3. *Филарета, митроп. Московскаго.* О духовной пустынѣ и гласѣ благодати, предваряющей и призывающей грѣшника къ обращенію и спасенію во всякое время. I. 58—65.

42) Ст. 4—5. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О томъ, что частная или особенная воля Божія, которую должно исполнять для полученія жизни вѣчной, есть наше состояніе, или то званіе, въ которомъ кто находится, II. 22—28.

43) Ст. 8. *Макарія, еп. Тамбовскаго.* Объ обѣтахъ, какіе даны за насъ нашими воспріемниками при крещеніи, и о благахъ, какіе дарованы намъ при этомъ. II. 212—216.

Крещеніе Господа нашего Іисуса Христа.

О крещеніи Христа Спасителя говорятъ всѣ четыре Евангелиста. Подробнѣе другихъ повѣствуетъ Евангелистъ Матѳей, но и сказанія прочихъ Евангелистовъ заключаютъ въ себѣ указанія, очень важныя для яснаго уразумѣнія этого многознаменательнаго событія въ жизни нашего Спасителя.

Проповѣдь Іоанна Крестителя была проповѣдью покаянія, крещеніе его—символомъ очищенія, омытія грѣховъ. Для чего же Іисусъ Христосъ, чистый и безгрѣшный отъ самаго рожденія, идетъ на Іорданъ къ строгому проповѣднику покаянія и отъ руки его пріемлетъ крещеніе? Вопросъ этотъ не могъ рѣшить себѣ самъ Креститель, по Божественному вдохновенію познавшій въ грядущемъ къ нему Іисусѣ обѣтованнаго Мессію. «*Іоаннъ же возбраняше Ему, глаголя: азъ требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко Мнѣ?*» (Матѳ. III, 14.) Іисусъ Христосъ успокоилъ его недоумѣніе слѣдующими словами: «*остави нынѣ, тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду*». Что̀ означаютъ эти слова?

Крещеніе Іисуса Христа нельзя представлять себѣ событіемъ, отдѣльно стоящимъ въ Его земной жизни; напротивъ, оно не только имѣетъ тѣсную связь со всѣмъ ходомъ Его служенія нашему спасенію, но составляетъ рѣшительное и полное начало этого служенія.

Единому Безгрѣшному, возжелавшему предъ вѣчною Правдою искупить падшее человѣчество, *подобало* свободою Своею поставить Себя предъ Богомъ въ положеніе грѣшнаго человѣчества: восчувствовать и вынести на Себѣ все бремя его грѣховности,—въ лицѣ Своей святыни представить Богу и Отцу все соестественное Ему человѣчество, обремененное сознаніемъ грѣха, готовое подвергнуться всей силѣ дѣйствія Божественнаго правосудія. Отсюда становится понятнымъ, почему Іисусъ Христосъ требуетъ для Себя крещенія, какъ символа покаянія въ грѣхахъ человѣчества, для спасенія котораго Онъ воплотился,—какъ предначатія Своего страданія за грѣхи міра, и называетъ это исполненіемъ *правды*. Нельзя сомнѣваться, что проповѣдь Іоанна о покаяніи не только ни для кого изъ Іудеевъ, но и для самаго Іоанна не представлялась во всей глубоко-знаменательной своей силѣ; полная правда ея была открыта только Единому, вземлющему грѣхи міра. Самъ Онъ былъ свободенъ отъ всякаго грѣха и потому могъ содѣлаться совершеннѣйшею жертвою за грѣхъ; но тѣмъ сильнѣе въ Немъ было сознаніе тяжести грѣха падшаго человѣчества, ради котораго Онъ воплотился и вочеловѣчился. Самое чувство, или сознаніе въ Себѣ человѣческой, хотя и безгрѣшной, плоти у Него не было однимъ личнымъ сознаніемъ, какъ будто бы Его чистая святая плоть не имѣла ничего общаго съ остальнымъ человѣчествомъ, но скорѣе было сознаніемъ Своей принадлеж-

ности къ человѣческому роду, который Онъ восхотѣлъ отъ грѣха и нечестія возвести къ Своей святости. Таково дѣйствіе Его любви, по которой самая святость Его нисходитъ къ сознанію всеобщей грѣховности. И когда теперь проповѣдь Іоанна, имѣвшая въ виду именно пробуждать это сознаніе въ грѣшныхъ людяхъ, достигла высшей степени своей силы и строгости, то душа Іисуса воспріяла на себя чувство человѣческой грѣховности, и Онъ идетъ къ водѣ очищенія, Самимъ Богомъ установленнаго и совершаемаго чрезъ Его пророка; и конечно никто изъ крестившихся не зналъ и не чувствовалъ въ такой степени необходимости этого очищенія для себя, въ какой чувствовалъ оную Іисусъ для всего человѣчества. Такимъ образомъ въ крещеніи проявилось, какъ первое торжественное дѣйствіе Его Божественной любви къ падшему человѣчеству, нисхожденіе Его до униженной мѣры очищенія, одинаковой съ согрѣшившимъ человѣчествомъ,—взятіе на Себя всѣхъ грѣховъ человѣческихъ и предначинательное нисхожденіе, какъбы во гробъ, въ струи Іорданскія. Потому-то дѣйствіе крещенія покаянія въ крещеніи Іисуса собственно обнаружилось во всей полнотѣ благоволительнымъ гласомъ Бога Отца о Сынѣ возлюбленномъ, и сошествіемъ на Него Духа Святаго. Іисусъ Христосъ, какъ чистѣйшій Представитель всего человѣчества, омывая Свою плоть крещеніемъ, тѣмъ самымъ торжественно предомываетъ во Іорданѣ грѣхи людскіе, взятые Имъ на Свою отвѣтственность: такимъ-то рѣшительнымъ началомъ искупленія падшаго человѣчества Искупитель воистину отверзаетъ небо землѣ и являетъ человѣкамъ невѣдомую дотолѣ имъ тайну Тройческаго поклоненія. Такимъ образомъ, Іоаннъ Креститель только послѣ крещенія возвѣщаетъ Іисуса *Агнцемъ Божіимъ, вземлющимъ грѣхи міра* (Іоан. I, 29); тогда какъ прежде въ своей проповѣди представлялъ Его только сильнѣйшимъ себя, грядущимъ за собою, Отмстителемъ за беззаконія и Воздателемъ за добро (Матѳ. III, 10—12. Марк. I, 7—8. Лук. III, 9—17. Іоан. I, 15, 26—27). Онъ прямо признается народу, что до крещенія онъ не зналъ Іисуса (Іоан. I, 31, 33), что̀ видно изъ самой попытки его не допустить Іисуса до крещенія. Сознавая свою собственную внутреннюю нечистоту, Іоаннъ самъ желалъ креститься отъ Іисуса, но не зналъ, для чего безгрѣшному, чистому Господу потребно крещеніе? Въ краткомъ отвѣтѣ Іисуса, какъ его передаетъ Евангелистъ Матѳей (III, 15), разрѣшается это недоумѣніе Іоанна.

По словамъ Евангелиста Луки, Іисусъ молился во время крещенія (Лук. III, 21). Съ уразумѣніемъ цѣли крещенія Іисуса, дается уразумѣть и о предметѣ Его молитвы, отвѣтомъ на которую служили послѣдовавшія затѣмъ чудесныя знаменія. Омывая грѣхи человѣчества въ Іорданскихъ струяхъ, Іисусъ молился о томъ, чтобъ, чрезъ Его безгрѣшное омовеніе, распространилось очищеніе на все грѣшное человѣчество, и, можетъ быть, также о томъ, чтобъ Его человѣческому естеству Отецъ даровалъ силы, если можно такъ выразиться, вполнѣ совершить начатый крещеніемъ подвигъ очищенія и искупленія человѣчества. Впослѣдствіи, предъ окончаніемъ этого подвига, мы видимъ, Онъ молился о томъ же самомъ; разумѣемъ здѣсь такъ называемое моленіе о чашѣ. Послѣдовавшими за молитвою Іисуса знаменіями Богъ показалъ, что Онъ услышалъ молитву Сына Своего. Отверстіе небесъ, Божественный гласъ и видимое сошествіе Святаго Духа,—вотъ знаменія, которыми Богъ ощутительно для всего народа, присутствовавшаго при

крещеніи Іисуса (Лук. III, 21—22), отвѣтилъ на крещеніе и молитву Своего возлюбленнаго Сына. Чтобъ уразумѣть силу перваго знаменія, нужно представить себѣ первобытное состояніе человѣка, когда онъ былъ еще добръ и безгрѣшенъ. До грѣхопаденія между Богомъ и человѣкомъ существовало тѣсное общеніе, имѣвшее, по самому свойству чистой, неиспорченной природы человѣческой, характеръ видимаго присутствія Бога въ раю. Но какъ скоро грѣхъ повредилъ природу человѣка, то человѣкъ, какъ-бы пропастью, грѣхомъ отлучилъ себя отъ Бога; херувимъ съ пламеннымъ мечемъ заградилъ человѣку входъ въ райское жилище, гдѣ онъ могъ прежде видимымъ, ощутительнымъ образомъ сообщаться со своимъ Богомъ; и когда потомъ грѣхи людскіе перевысили долготерпѣніе Божіе, тогда самый земной рай былъ смытъ потопомъ. Но небо не навсегда закрылось для человѣка; съ очищеніемъ людскихъ сквернъ или грѣховъ оно должно снова открыться. И вотъ, теперь чрезъ Іисуса Христа, эту новую дверь рая, оно открывается для человѣчества, скверны котораго омываетъ на Іорданѣ Безгрѣшный; такимъ образомъ общеніе между Богомъ и человѣкомъ возстановляется. Но этого мало, на крещающагося Іисуса, какъ Представителя предобновленнаго, предочищеннаго человѣчества, сходитъ видимымъ образомъ Духъ Святый и на Немъ почиваетъ; при этомъ Божественный гласъ свидѣтельствуетъ о Немъ, какъ о Сынѣ возлюбленномъ, въ Которомъ открывается благоволеніе Божіе къ человѣчеству. Въ этомъ гласѣ выражается вся Отеческая любовь къ сему Агнцу, берущему на Себя грѣхи міра, и слышится великое слово о примиреніи неба съ землею, Бога съ людьми. Явленіе Духа въ видѣ голубя удобопримѣнительно и къ общему понятію людей, и къ самой священной исторіи, которой всѣ событія суть событія домостроительства спасенія падшаго человѣчества. Голубь, въ общемъ понятіи и по указанію Священнаго Писанія, представляется, какъ символъ нравственной чистоты; въ событіяхъ же священной исторіи изображается еще, какъ вѣстникъ спасенія, принесшій Ною свѣжую вѣтвь—радостный знакъ окончанія потопа. Явленіе Духа въ видѣ голубя указываетъ намъ на оба эти значенія: и какъ на символъ духовной чистоты, недостающей грѣшному человѣчеству, и какъ на вѣстника благодатнаго спасенія и примиренія человѣка съ Богомъ.

Таковъ смыслъ сошествія Святаго Духа на Іисуса при крещеніи; но сіе было—для всего человѣчества, Представителемъ котораго является здѣсь Іисусъ. Дальнѣйшее же значеніе этого сошествія въ отношеніи собственно къ лицу Іисуса Христа объясняетъ Апостолъ Петръ словами: «*помаза Его Богъ Духомъ Святымъ и силою, и пройде Іисусъ благодѣтельствуя и исцѣляя вся насилованныя отъ діавола, яко Богъ бяше съ Нимъ*» (Дѣян. X, 38). На это помазаніе Іисуса Духомъ Святымъ, ради Его высокаго служенія, указывалъ пророкъ Исаія слѣдующими словами: «*Духъ Господень на Мнѣ, Егоже ради помаза Мя, благовѣстити нищимъ посла Мя, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣнникомъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе* (Исаія LXI, 1). На эти слова пророка Самъ Іисусъ указываетъ, какъ на доказательство Своего Божественнаго посланничества, Іоанну, который самъ видѣлъ помазаніе Его Духомъ Святымъ. Креститель, находясь въ темницѣ и слыша дѣла Іисусовы, послалъ къ Нему учениковъ своихъ спросить: «Ты ли еси грядый, или иного чаемъ?» Въ удостовѣреніе Іоанна, и особенно учениковъ его, Іисусъ велѣлъ

ученикамъ сказать ему, что они видятъ и слышатъ, именно—что слѣпые прозираютъ, хромые ходятъ, прокаженные очищаются, глухіе слышатъ, мертвые возстаютъ и нищимъ благовѣствуется: и блаженъ, кто не соблазнится о Мнѣ (Матѳ. XI, 2—5),—заключаетъ Спаситель (Прав. Обозр. 1866 г., т. XIX, стр. 9—14).

Почему же, скажутъ, Іудеи не увѣровали въ Іисуса Христа при такихъ событіяхъ? «По жестокосердію своему, отвѣтимъ словами святаго Златоуста, ибо и при Моисеѣ много было чудесъ, хотя и не такихъ; но народъ и послѣ голосовъ, трубъ и молній слилъ себѣ тельца; да и тѣ же самые, которые были при крещеніи, видѣли послѣ воскресеніе Лазаря,—однакожъ не только не увѣровали въ Того, Кто сотворилъ это чудо, но часто покушались даже убить Его. Итакъ если они, видѣвъ собственными глазами воскресеніе мертвыхъ, столько были злы, то чему дивиться, если они не повѣрили гласу, нисшедшему свыше? Ибо когда душа находится въ состояніи безчувственности и развращенія, и одержима недугомъ зависти, тогда она не убѣждается никакимъ чудомъ». Впрочемъ нельзя думать, будто явленіе Бога, при крещеніи Іисуса Христа, осталось безполезнымъ для всѣхъ Его послѣдователей. На тѣхъ, которые подъ руководствомъ Іоанна предрасположили себя къ принятію истиннаго Мессіи, обстоятельства крещенія Іисуса Христа, конечно, имѣли благотворное вліяніе. Что же касается до Іоанна, теперь для него совершеннѣйшимъ образомъ объяснилось достоинство и назначеніе Іисуса, такъ какъ ему прежде этого было возвѣщено: *надъ Негоже узриши Духа сходяща и пребывающа на Немъ, Той есть крестяй Духомъ Святымъ* (Іоан. I, 33). Послѣ этого знаменія, гаданіе его о Божественномъ достоинствѣ Іисуса перешло въ полную, совершенную увѣренность (Хр. Чт. 1853 г., ч. II, стр. 199—200).

Какъ примирить незнаніе Іоанномъ Крестителемъ Іисуса Христа до Его крещенія, о чемъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ Евангеліи отъ Іоанна (I, 33) со словами 14 ст. III гл. Евангелиста Матѳея: *Іоаннъ же возбраняше Ему глаголя: азъ требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мнѣ?*

Думаютъ, что еще до крещенія Іисуса Христа Іоаннъ зналъ Его; зналъ Его святость, безконечно превышавшую нравственность современныхъ Ему Іудеевъ; зналъ высокія совершенства Его, которыми Онъ безъ сравненія превосходилъ самого Іоанна. И могъ ли не знать Іисуса тотъ, который еще во чревѣ матери взыгралъ радостью при встрѣчѣ Елизаветы съ Пресвятою Дѣвою? Правда, мѣстожительства ихъ, Назаретъ и Іута, были одно отъ другаго не ближе 10—12 миль, и при тогдашнемъ, не совсѣмъ удобномъ сообщеніи, взаимныя посѣщенія родственниковъ не могли быть часты. Правда и то, что Пресвятая Дѣва, вскорѣ послѣ рожденія Іисуса, должна была бѣжать въ Египетъ и, возвратившись оттуда, поселилась опять въ Назаретѣ. При всемъ томъ самый удобный случай къ свиданію ихъ былъ въ Іерусалимѣ во время праздника, къ которому ежегодно приходить обязанъ былъ каждый Израильтянинъ. Но зная Іисуса, какъ сына Маріи и родственника своего по плоти, отличающагося необыкновенною чистотою и святостію жизни и не похожаго на прочихъ людей, приходившихъ принимать крещеніе покаянія, Іоаннъ не зналъ Его Божественнаго достоинства, какъ онъ самъ говоритъ: *азъ не вѣдѣхъ Его* (Іоан. I, 33); и только при крещеніи онъ узналъ въ

Іисусѣ Христѣ Сына Божія. Духъ, руководствовавшій Іоанна во всемъ служеніи, конечно, вразумилъ его о необычайности Лица, пришедшаго на крещеніе. Посему-то Іоаннъ, по глубокому чувству своего смиренія и недостоинства предъ Тѣмъ, Коего явленіе произвело на него столь сильное впечатлѣніе, воскликнулъ: *азъ требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мнѣ?* (Матѳ. III, 14) (Христ. Чт. 1853 г., ч. II, стр. 196),

Другіе толкователи думаютъ, что жизнь Іисуса Христа до Его крещенія, по Божественному устроенію, текла совершенно раздѣльно отъ жизни Іоанна, и именно для того, чтобы впослѣдствіи тѣмъ тверже и удостовѣрительнѣе было ихъ взаимное свидѣтельство другъ о другѣ. Въ такомъ случаѣ описываемое здѣсь Евангелистомъ Матѳеемъ обстоятельство объясняется тѣмъ, что Іоаннъ, много обращавшійся съ людьми и чрезъ то научившійся прозрѣвать внутреннее человѣка, сразу узрѣлъ въ Немъ чистаго и безгрѣшнаго, а Духъ Божій тотчасъ исполнилъ духъ его сильнымъ предчувствіемъ, что это и есть ожидаемый имъ Мессія (св. великій пророкъ, Предтеча и Креститель Іоаннъ, Прот. Вишнякова, стр. 212).

Крещеніе Господа нашего Іисуса Христа по извѣстіямъ Евангелистовъ (Матѳ. III, 13—17 и парал. Марк. I, 9—11. Лук. III, 21—22).

(М. Казанскаго.)

Извѣстія о крещеніи Господа мы находимъ только у синоптиковъ. Что́ же касается Іоанна, то этотъ Евангелистъ обходитъ молчаніемъ фактъ крещенія, предполагая, вѣроятно, что читатели его Евангелія уже достаточно знакомы съ нимъ изъ синоптическихъ Евангелій. Оно сообщаетъ только собственное свидѣтельство Крестителя о бывшемъ ему явленіи Святаго Духа, сошедшаго на Іисуса въ видѣ голубя, почему онъ, Креститель, согласно съ прежде сообщеннымъ ему откровеніемъ, узнаетъ Іисуса, какъ Мессію, Который предназначенъ крестить Духомъ Святымъ.

Матѳ. III, 13: «*Тогда* (τότε) *приходитъ Іисусъ изъ Галилеи на Іорданъ къ Іоанну, креститься отъ него*». Когда же это «тогда»? По связи съ предыдущимъ очевидно, что Іисусъ пришелъ къ Іоанну на Іорданъ въ то самое время, когда этотъ послѣдній, какъ проповѣдникъ покаянія, занимаясь крещеніемъ народа, уже достаточно выяснилъ, кто онъ самъ и кто Тотъ, пришествіе Котораго онъ предсказывалъ.

Въ общемъ согласно съ Матѳеемъ передаетъ дѣло и Евангелистъ Маркъ (I, 9). Но у него есть и нѣкоторыя особенности. Такъ мѣсто, откуда Іисусъ Христосъ пришелъ къ Іоанну креститься, Матѳеемъ указывается вообще Галилея, а Маркомъ — опредѣленнѣе Назаретъ Галилейскій. Затѣмъ, вмѣсто обыкновеннаго выраженія: «*и крестился Іисусъ въ Іорданѣ*». Ἐν τῷ Ἰορδάνῃ, Маркъ ставитъ εἰς τὸν Ἰορδάνην». Такой способъ рѣчи у Марка объясняется, по Блеку, тѣмъ, что крещеніе Іисуса было чрезъ погруженіе въ теченіе.

Матѳ. 14—15: *Іоаннъ же удерживалъ* (διεκώλυεν) *Его и говорилъ: мнѣ надобно креститься отъ Тебя, и Ты ли приходишь ко мнѣ?* Но Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: «*оставь теперь, ибо такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду. Тогда оставляетъ Его*». Маркъ и Лука этотъ разговоръ между Іисусомъ и Іоанномъ совершенно опускаютъ.

Глаголъ διεκώλυεν очень удачно употребленъ здѣсь, потому что онъ, какъ

нельзя лучше, выражаетъ противодѣйствіе Христу со стороны удивленнаго Іоанна. Этотъ глаголъ больше не употребляется ни въ Новомъ Завѣтѣ, ни у LXX, кромѣ XII гл. 7 ст. книги Іудиѳь, но очень часто у классическихъ писателей.

Первоначальный отказъ Крестителя крестить Іисуса даетъ основаніе думать, что Креститель уже зналъ Іисуса до крещенія. По Евангелисту Іоанну совершенно напротивъ; Креститель прямо и опредѣленно говоритъ: «*я не зналъ Его, но для того и пришелъ крестить въ водѣ, чтобы Онъ явленъ былъ Израилю.... Я не зналъ Его; но Пославшій меня крестить въ водѣ сказалъ мнѣ: на Кого увидишь Духа сходящаго и пребывающаго на Немъ, Тотъ есть крестящій Духомъ Святымъ*» (31—33). Это свидѣтельство Крестителя дало поводъ Бауру и Штраусу находить противорѣчіе между Евангелистами Матѳеемъ и Іоанномъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя ли согласиться съ ними? Отнюдь нѣтъ. Никакого противорѣчія между Матѳеемъ и Іоанномъ нѣтъ, оно только кажущееся; напротивъ, между ними находится полнѣйшее согласіе. Для подтвержденія этой мысли укажемъ нѣсколько объясненій критиковъ, старающихся разрѣшить это (мнимое) противорѣчіе между Евангелистами.

а) Блекъ смотритъ на дѣло такимъ образомъ. «Такъ какъ святый Іоаннъ, говоритъ онъ, передаетъ намъ собственное свидѣтельство Крестителя, и такъ какъ на это свидѣтельство нужно смотрѣть тѣмъ съ бо́льшимъ довѣріемъ, что онъ самъ (Евангелистъ Іоаннъ), очень вѣроятно, ранѣе былъ ученикомъ Крестителя, то мы вполнѣ можемъ здѣсь принять, что «положеніе» этого разговора у Матѳея не точно, что хотя такой разговоръ между Іисусомъ и Іоанномъ и былъ, но былъ послѣ совершенія крещенія и послѣ бывшаго при крещеніи явленія Крестителю, при этомъ и форма разговора должна была быть нѣсколько иною, потому что этотъ разговоръ могъ относиться не къ предпринимаемому, но уже къ совершившемуся факту крещенія. Въ евангеліи евіонитовъ, по Епифанію, этотъ разговоръ, продолжаетъ онъ, дѣйствительно и занимаетъ это самое мѣсто, т. е. помѣщенъ послѣ крещенія Іисуса и соединенныхъ съ нимъ явленій. Хотя въ общемъ, по Блеку, евіонитское евангеліе нужно разсматривать только какъ позднѣйшую передѣлку нашего перваго каноническаго Евангелія и именно съ Іудейско-христіанской точки зрѣнія, съ нѣкоторыми, большею частью произвольными и апокрифическими прибавками и измѣненіями, тѣмъ не менѣе въ этомъ пунктѣ его изложеніе по сравненію съ Евангеліемъ Іоанна представляется очень вѣроятнымъ».

По объясненію Блека, такимъ образомъ, противорѣчія между Евангелистами нѣтъ никакого. Но, къ сожалѣнію, съ такимъ объясненіемъ согласиться никакъ нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, непонятно, почему это Блекъ, относясь съ полнымъ довѣріемъ къ повѣствованію святаго Іоанна, который сообщаетъ собственное свидѣтельство Крестителя, полагаетъ, что Матѳей разговоръ между Іисусомъ и Іоанномъ поставилъ не на то мѣсто, на которое нужно бы поставить его? Если онъ въ своемъ объясненіи опирается, какъ это видно, на евіонитскомъ евангеліи, то такая опора очень ненадежна, потому что самъ же вѣдь онъ говоритъ, что это евангеліе, какъ позднѣйшая переработка нашего перваго каноническаго Евангелія, наполнено нѣкоторыми, большею частью произвольными и апокрифическими прибавками и измѣненіями; слѣдовательно непервоначальность этого Евангелія онъ уже самъ признаетъ. А потому, кажется,

вѣрнѣе и естественнѣе представлять дѣло совершенно наоборотъ, т. е., что разговоръ между Іисусомъ и Іоанномъ въ евіонитскомъ Евангеліи занимаетъ не то мѣсто, и что такое положеніе его скорѣе есть произвольное измѣненіе нашего перваго каноническаго Евангелія.

б) Довольно оригинально старается примирить противорѣчіе, находимое Штраусомъ и Бауромъ между Матѳеемъ и Іоанномъ, Неандеръ. Вотъ какъ онъ объясняетъ слова Крестителя: «я не зналъ Его».... въ сравненіи съ тѣмъ, говоритъ онъ, что̀ Креститель теперь узналъ, «все его прежнее знаніе объ Іисусѣ представлялось, какъ ничего—незнаніе».

Такимъ образомъ, по Неандеру, выходитъ, что Креститель и по Евангелисту Іоанну зналъ Іисуса до крещенія, но что это знаніе было слишкомъ ничтожно, даже болѣе, какъ-бы ничего — незнаніе, а слѣдовательно и противорѣчія между Евангелистами нѣтъ. Но такое объясненіе слишкомъ искусственно и натянуто.

в) Гораздо проще и естественнѣе, по нашему мнѣнію, понимаютъ дѣло Мейеръ и Эбрардъ. «По Іоанну I, 33, говоритъ Мейеръ, Крестителю было откровеніе, что Тотъ, на Кого онъ увидитъ Духа сходящаго, есть Мессія. Въ этотъ моментъ (когда сошелъ Духъ Святый), слѣдовательно въ первый разъ Креститель узнаетъ Іисуса, какъ Мессію. Слѣдовательно, по Іоанну, Креститель говоритъ объ этомъ предыдущемъ моментѣ. Этому не противорѣчитъ, по Мейеру, 14 ст. Матѳея, въ основаніи котораго лежитъ не признаніе мессіанства Іисуса, а только еще пророческое предчувствіе его». Но какимъ образомъ могло явиться это предчувствіе у Крестителя? Это объясняется, по справедливому замѣчанію Эбрарда, чисто психологическимъ путемъ. «Человѣку, говоритъ онъ, смотрѣвшему такъ глубоко въ сердца сотнямъ разнородныхъ людей и умѣвшему такъ рѣзко обличать лицемѣрный взглядъ обманщиковъ, безгрѣшный, святый, кроткій и возвышенный взглядъ Іисуса долженъ былъ показаться удивительнымъ и произвесть на него глубочайшее впечатлѣніе». Поэтому Креститель при одномъ только взглядѣ на святое лице Богочеловѣка, чувствуя предъ Нимъ свое недостоинство, началъ удерживать Его отъ своего крещенія, говоря: «*мнѣ надобно креститься отъ Тебя и Ты ли приходишь ко Мнѣ*»? Іоаннъ изумленъ и не можетъ понять, какимъ образомъ безгрѣшный и святой человѣкъ хочетъ принять на себя крещеніе покаянія въ оставленіе грѣховъ, и при томъ отъ человѣка грѣховнаго, и потому объявляетъ, что онъ нуждается въ крещеніи Іисуса. Но Іисусъ Христосъ, по прекрасному замѣчанію А. В. Горскаго, съ величіемъ Сына Божія, со смиреніемъ Сына Человѣческаго, зная, что̀ Онъ дѣлаетъ и для чего Онъ дѣлаетъ, что̀ погружаетъ въ водѣ, что̀ хочетъ пріять отъ воды, кому нужно крещеніе и для чего оно нужно», говоритъ въ отвѣтъ Іоанну: *оставь теперь* (ἄφες ἄρτι): «*ибо такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду*» (15).

Ἄφες ἄρτι. Это выраженіе нужно понимать такимъ образомъ. Іисусъ Христосъ какъ-бы та́къ говоритъ Іоанну: «оставь доколѣ свои человѣческія соображенія и дѣлай то, что̀ тебѣ повелѣно, и я буду дѣлать то, что̀ мнѣ должно». Очень хорошо объясняетъ это выраженіе святый Златоустъ. «Іисусъ Христосъ, говоритъ онъ, не просто сказалъ «остави» но присовокупилъ: *нынѣ*. Ибо не всегда будетъ сіе, говорилъ Онъ; напротивъ, ты увидишь Меня и въ томъ состояніи, въ какомъ же-

лаешь видѣть, а теперь пока ожидай его».

Ибо такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду (οὕτω γὰρ πρέπον ἐστὶν ἡμῖν πληρῶσαι πᾶσαν δικαιοσύνην). Въ этихъ словахъ заключается причина, почему Іоаннъ долженъ доколѣ оставить свои человѣческія соображенія. Ἡμῖν различно относятъ: то исключительно къ Іисусу (Θеофилактъ, Евѳимій Зигабенъ), то ближе всего къ Іисусу, относя въ то же время и къ Іоанну, такъ какъ онъ обязанъ былъ совершить крещеніе надъ Іисусомъ (Блекъ). Но ни то, ни другое объясненіе, конечно, неправильно. Мѣстоименіе ἡμῖν несомнѣнно нужно относить какъ къ Іисусу, такъ одинаково и къ Іоанну. Выраженіе δικαιοσύνη (justitia) въ противоположность ἀνομία означаетъ здѣсь то, что̀ требуетъ отъ насъ законъ, слѣдовательно выраженіе „πληρῶσαι πᾶσαν δικαιωσύνην“—означаетъ —исполнить—всѣ требованія закона или весь законъ. Очевидно, этими словами Іисусъ Христосъ указываетъ на то, что Ему необходимо принять крещеніе, а Іоанну—крестить Его. Правда, крещеніе Іоанново не было заповѣдью Синайскаго законодательства и не могло имѣть для Іисуса—Сына Божія и человѣка безъ грѣха—того самаго значенія, какое оно имѣло для остальныхъ Іудеевъ, для которыхъ оно было крещеніемъ покаянія, тѣмъ не менѣе, оно было Божественнымъ постановленіемъ. Поэтому Іисусъ Христосъ, признавая это крещеніе таковымъ и явившись въ міръ, по выраженію Апостола Павла, γενόμενος ὑπὸ τοῦ νόμου (Галат. IV, 4) долженъ былъ принять его, подобно тому, какъ Онъ принялъ обрѣзаніе и очищеніе, и этимъ самымъ исполнить Божественную волю. *Тогда Іоаннъ оставляетъ Его.*

Матѳ. ст. 16. Марк. I, 10. Лук. III, 21—22. Іоан. I, 32.

«*И крестившись, Іисусъ* (Лук.: когда же крестился весь народъ, и Іисусъ крестившись молился) *тотчасъ вышелъ изъ воды* (Марк.: и когда выходилъ изъ воды); *и се, отверзлись Ему небеса* (Маркъ: тотчасъ увидѣлъ разверзающіяся небеса; Лука: отверзлось небо), *и увидѣлъ Духа Божія, Который сходилъ, какъ голубь, и ниспускался на Него* (Маркъ: и Духа, какъ голубя, сходящаго на Него; Лука: и Духъ Святый снисшелъ на Него въ тѣлесномъ видѣ, какъ голубь; Іоаннъ: и свидѣтельствовалъ Іоаннъ, говоря: я видѣлъ Духа, сходящаго съ неба, какъ голубя, и пребывающаго на Немъ).

Указанные сейчасъ стихи и затѣмъ ст. 17 Матѳея и параллельные, о которыхъ рѣчь будетъ впереди, служили и служатъ камнемъ преткновенія какъ для новыхъ, такъ и древнихъ экзегетовъ. Въ этихъ стихахъ, какъ извѣстно, всѣ четыре Евангелиста разсказываютъ о томъ весьма необычайномъ явленіи, которое произошло при крещеніи Господа. На немъ-то главнымъ образомъ экзегеты и останавливаются, объясняя его чрезвычайно разнообразно и давая иногда широкій просторъ своей фантазіи. Поэтому мы, съ своей стороны, считаемъ необходимымъ указать болѣе или менѣе главныя и выдающіяся объясненія этого явленія и прослѣдить, на сколько они, если можно такъ выразиться, проливаютъ свѣтъ на это чрезвычайное явленіе. Но такъ какъ въ текстѣ встрѣчаются, съ одной стороны, такія выраженія, которыя неправильно понимаются нѣкоторыми экзегетами, а съ другой—такія, которыя будто бы даютъ поводъ нѣкоторымъ критикамъ отрицательнаго направленія находить противорѣчіе между Евангелистами; поэтому мы прежде всего постараемся сдѣлать правильное объясненіе неправильно понимаемыхъ выраженій и устранить находимое критиками противо-

рѣчіе между Евангелистами. Вотъ эти выраженія.

Εὐθὺς—*тотчасъ* (Матѳей: и, крестившись, Іисусъ тотчасъ вышелъ изъ воды). Одни изъ толкователей, признавая это выраженіе за гиперболу, думаютъ, что по смыслу его нужно отнести къ βαπτισθεὶς (Фрицтшъ) другіе (Мальдонатъ, Баумгартенъ, Крузи) полагаютъ, что оно относится къ выраженію: καὶ ἰδοὺ ἀνεῴχθησαν Αὐτῷ οὐρανοί. Но это выраженіе грамматически естественнѣе и ближе всего относится къ глаголу ἀνέβη, дѣлая наглядную быструю послѣдовательность одного дѣйствія за другимъ.

Αὐτῷ (и вотъ, отверзлись *Ему* небеса). Къ кому относится это мѣстоименіе? къ Іисусу, или Іоанну? Толкователи разногласятъ. Одни (Де-Ветте, Краббе, Бауръ, Беза и Блекъ) относятъ его къ Іоанну; другіе (Мейеръ, Эбрардъ и Кейль) къ Іисусу. Какое изъ этихъ объясненій справедливо? Несомнѣнно второе. Стоитъ только обратить вниманіе на связь этого мѣстоименія съ предыдущимъ предложеніемъ, чтобы видѣть, что оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть относимо къ Іоанну. При глаголѣ ἀνέβη въ предыдущемъ предложеніи подлежащее несомнѣнно Іисусъ, а мѣстоименіе Αὐτῷ очевидно служитъ дательнымъ опредѣленія.

И увидѣлъ Духа Божія (Маркъ просто—Духа). *Кто увидѣлъ* (εἶδε)—Іоаннъ, или Іисусъ? По Мейеру, Кейлю и Эбрарду за подлежащее при εἶδε нужно считать Іисуса, а по Блеку, а также и нашему Русскому переводу — Іоанна. По нашему мнѣнію, правильнымъ должно признать первое объясненіе. Правда, противъ этого объясненія было и можетъ быть такого рода возраженіе: если при εἶδε за субъектъ нужно считать Іисуса, а не Іоанна, въ такомъ случаѣ и въ Греческомъ должно бы стоять тогда въ выраженіи «ἐρχόμενον ἐπ' Αὐτόν»—вмѣсто ἐπ' Αὐτὸν—ἐφ' Ἑαυτὸν или ἐφ' Αὐτόν. Но это возраженіе легко устраняется, если мы только обратимъ вниманіе, по справедливому замѣчанію Блека, на то, что въ новозавѣтномъ языкѣ возвратное мѣстоименіе вообще употребляется рѣже, чѣмъ у Грековъ, и что весьма часто указательное мѣстоименіе ставится въ этомъ языкѣ даже тамъ, гдѣ Греческіе писатели скорѣе поставили бы возвратное. Такъ, напримѣръ, у Евангелиста Іоанна I, 48: „и увидѣлъ Іисусъ Наѳанаила идущимъ къ Себѣ» (πρὸς Αὐτὸν). Греческій писатель скорѣе поставилъ бы здѣсь возвратное. Такимъ точно образомъ и въ разбираемомъ нами мѣстѣ могло быть поставлено ἐπ' Αὐτὸν вмѣсто ἐφ' Αὐτὸν. Но и помимо этого замѣчанія Блека считать за субъектъ при εἶδε Іоанна нельзя, кажется, на томъ простомъ основаніи, что, если въ словахъ: *и се, отверзлись Ему небеса* мѣстоименіе Αὐτῷ относится къ Іисусу (что̀ несомнѣнно), то и глаголъ εἶδε долженъ быть отнесенъ также къ Нему, потому что одно предложеніе тѣсно соединяется съ другимъ союзомъ *и* (καὶ). Такъ по Матѳею. А что̀ до Марка (10), то тамъ прямо и рѣшительно субъектъ при εἶδε долженъ быть Іисусъ, а не Іоаннъ, какъ ставятъ, напримѣръ, наши Русскіе переводчики. Вотъ переводъ этого стиха по подлиннику: «и тотчасъ, выходя изъ воды (конечно Іисусъ), увидѣлъ (безъ сомнѣнія то же Іисусъ) разверзающіяся небеса и Духа, какъ голубя, сходящаго на Него».

Итакъ, по Матѳею и Марку, Духа Божія видѣлъ Іисусъ. А что̀ касается Луки, то этотъ Евангелистъ не говоритъ, кто видѣлъ, а говоритъ только, что отверзлось небо и нисшелъ Духъ Святый. Святый Евангелистъ Іоаннъ ясно и опре-

дѣленно говоритъ, что Духа Божія видѣлъ Креститель. А если такъ, то является вопросъ: нѣтъ ли противорѣчія между Евангелистами?

Штраусъ дѣйствительно находитъ противорѣчіе, но совершенно напрасно. Дѣло въ томъ, что Евангелисты Матѳей и Маркъ, такъ какъ они ведутъ рѣчь объ Іисусѣ, говорятъ, что Онъ видѣлъ Духа Божія, а святый Іоаннъ, говоря о Крестителѣ, говоритъ, что онъ видѣлъ. Поэтому противорѣчія тутъ никакого нѣтъ, и дѣло нужно представлять такимъ образомъ, что Духа Божія одинаково видѣли Іисусъ и Іоаннъ, такъ какъ одно другимъ не исключается.

Теперь перейдемъ къ объясненію самаго явленія, происшедшаго при крещеніи Господа. Оно распадается на три главныхъ момента: разверзеніе небесъ, сошествіе Духа Святаго и голосъ съ неба.

Критика разнообразно объясняетъ этотъ моментъ. Укажемъ главныя и почему либо выдающіяся изъ этихъ объясненій.

а) Объясненіе раціоналистовъ. Раціоналисты, считая разверзеніе небесъ явленіемъ чисто внѣшнимъ, тѣлеснымъ глазомъ воспринимаемымъ, объясняютъ его или такъ, что это былъ лучъ молніи, проникающій чрезъ облака, насколько при молніи кажется, что небо разсѣкается, или такъ, что это было просто освѣщеніе неба чрезъ разгнаніе облаковъ... Но всѣ основанія ихъ ясно свидѣтельствуютъ только о томъ, что такое пониманіе дѣла есть плодъ одной фантазіи.

б) Совершенно инымъ характеромъ отличается объясненіе Блека. Онъ, напротивъ, подъ разверзеніемъ небесъ разумѣетъ чисто внутреннее явленіе, воспринимаемое духовнымъ окомъ. При указаніи его объясненія, мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ его толкованіе на Матѳея, такъ какъ здѣсь собственно онъ доказываетъ, почему именно надо понимать это явленіе такъ, а не иначе. Вотъ основаніе къ такому пониманію: такъ какъ святый Матѳей говоритъ не въ общемъ смыслѣ: небо отверзлось, но небо отверзлось ему—Іоанну, то чрезъ это становится, по Блеку, очень вѣроятнымъ, что Евангелистъ вообще думаетъ не о внѣшнемъ, тѣлеснымъ глазомъ воспринимаемомъ явленіи на небѣ, потому что это явленіе было бы видно для всѣхъ присутствующихъ, и притомъ въ значительномъ округѣ, и тогда онъ едва ли бы сталъ выражаться, что небо отверзлось Іоанну. По крайней мѣрѣ, на основаніи такого выраженія Евангелиста, мы должны признать, что это явленіе имѣло отношеніе только къ Крестителю, и что оно было доступно только его воспріятію, а потому и было не внѣшнимъ, тѣлеснымъ глазомъ воспринимаемымъ, явленіемъ, но сверхчувственнымъ, воспринимаемымъ окомъ духа. Въ этомъ смыслѣ и другихъ мѣстахъ, по Блеку, употребляется выраженіе разверзенія небесъ. Такъ, напримѣръ: у пророка Іезекіиля (I, 1) говорится, что, когда пророкъ находился въ плѣну, однажды, днемъ открылись небеса, и онъ увидѣлъ лице Бога; ему было послано отъ Бога видѣніе. Хотя здѣсь не сказано опредѣленно, что небеса отверзлись ему—пророку, тѣмъ не менѣе, по Блеку, нужно признать, что здѣсь рѣчь не о внѣшнемъ явленіи—разсѣяніи облаковъ небесныхъ. Въ книгѣ Дѣяній VII, 56—въ рѣчи Стефана читаемъ: *вотъ, я вижу небеса отверстыя*... И здѣсь также разумѣется, по Блеку, не внѣшнее явленіе, потому что оно тогда было бы воспринято также и другими присутствующими, чего въ разсказѣ однакоже нѣтъ, такъ какъ стихъ 55 (Стефанъ же, будучи исполненъ Духа Святаго,

воззрѣвъ на небо, увидѣлъ славу Божію и Іисуса, стоящаго одесную Бога) скорѣе выразительно показываетъ, что явленіе было только Стефану, когда онъ исполнился Духа Святаго. На основаніи этихъ и подобныхъ имъ (напр. Іоан. I, 51) примѣровъ, Блекъ заключаетъ, что выраженіемъ Матѳея: «*небеса отверзлись Ему*» указывается только на то, что Крестителю представлялось въ видѣніи, какъ открывались небеса, и что поэтому Евангелистъ говоритъ не о внѣшнемъ явленіи. Такого взгляда держится и Ольсгаузенъ.

Отдавая должное Блеку за его справедливое опроверженіе фантастическаго объясненія раціоналистовъ, признать справедливымъ и его объясненіе однакоже нельзя. Дѣло въ томъ, что онъ признаетъ разверзеніе неба явленіемъ чисто субъективнымъ, а не объективнымъ, на томъ только основаніи, что если бы оно было объективнымъ явленіемъ, то его могли бы видѣть и другіе присутствующіе, а не одинъ Іоаннъ, какъ это видно изъ разсказа Евангелиста Матѳея. Но въ этомъ-то именно и заключается, по нашему мнѣнію, главная ошибка Блека, потому что другихъ-то присутствующихъ, кромѣ Іисуса и Іоанна, въ это время, кажется, никого и не было. По крайней мѣрѣ, Евангельскія повѣствованія производятъ впечатлѣніе глубокаго уединенія на Іорданѣ, какъ будто бы тамъ были только Іисусъ и Іоаннъ и нигдѣ нѣтъ упоминанія о другихъ присутствующихъ. И относительно примѣровъ, приводимыхъ Блекомъ для подтвержденія своего объясненія, нужно сказать, что и они не могутъ служить прочнымъ основаніемъ для такого объясненія. О встрѣчающихся въ этихъ примѣрахъ выраженіяхъ: «*отверзлись небеса, вижу отверстыя небеса*» и т. под. Эбрардъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что «хотя выраженіе ἀνεῴχθησαν οὐρανοὶ употребляется и въ приложеніи къ субъективнымъ видѣніямъ (Іезек. I, 1. Дѣян. VII, 55) и даже образно (Іоан. I, 51), но само въ себѣ оно не означаетъ субъективнаго видѣнія, а вообще всякое дозволеніе проникновенія (Gewär eines Einblicks) или обращеніе взора изъ низшей, запятнанной грѣхомъ, области творенія въ область высшую, неомраченную грѣхомъ (Матѳ. VI, 10), будетъ ли это проникновеніе человѣку дозволено чрезъ субъективное видѣніе, или объективное Богоявленіе».

Итакъ, если разверзеніе неба нельзя понимать та́къ, ка́къ его понимаетъ Блекъ, то какое же должно быть правильное пониманіе его? Совершенно правильно, по нашему мнѣнію, понимаетъ его Мейеръ, а именно, что это было дѣйствительное раскрытіе неба, изъ отверстія котораго сошелъ Духъ Святый, слѣдовательно — совершенно объективное явленіе, доступное тѣлесному глазу. Во всякомъ случаѣ, если въ сужденіи объ этомъ явленіи руководиться совершенно безпристрастно объективно-исторической мѣркой, то едва ли возможно будетъ сомнѣваться въ этомъ.

II. *Сошествіе Духа Божія.* Матѳей: «*и увидѣлъ Духа Божія, Который сходилъ какъ голубь* (ὡσεὶ περιστερὰν) *и ниспускался На него;* (Маркъ: и увидѣлъ Духа, какъ голубя (ὡσεὶ περιστερὰν), сходящаго на Него; Лука: и Духъ Святый нисшелъ на Него, въ тѣлесномъ видѣ, какъ голубь (σωματικῷ εἴδει ὡσεὶ περιστερὰν); Іоаннъ: и свидѣтельствовалъ Іоаннъ, говоря: я видѣлъ Духа, сходящаго съ неба, какъ голубя (ὡσεὶ περιστερὰν), и пребывающаго на Немъ.

Изъ указаннаго сопоставленія Евангельскихъ сказаній нельзя не замѣтить, что всѣ Евангелисты, при сравненіи Духа Божія съ голубемъ, употребляютъ выраженіе ὡσεὶ περιστερὰν. А святый

Лука къ этому выраженію прибавляетъ еще выраженіе—σωματικῷ εἴδει.

а) На основаніи этихъ выраженій, Павлюсъ, напримѣръ, думаетъ, что на Іисуса Христа случайно, или чрезъ особенное Божественное провидѣніе, слетѣлъ дѣйствительный голубь, какъ символъ Святаго Духа. А Тертулліанъ и Августинъ думаютъ, что это былъ созданный сверхъестественнымъ образомъ отъ Бога голубь, въ которомъ Духъ Святый сокрылся, какъ въ Своемъ тѣлѣ.

Признать такое пониманіе справедливымъ значитъ признать плодъ одной фантазіи за дѣйствительность, ибо такой голубь существуетъ только въ воображеніи Павлюса, Тертулліана и Августина, а не въ Евангельскомъ текстѣ. Всѣ Евангелисты, употребляя выраженіе—ὡσεὶ (какъ если бы, какъ-бы, или, какъ въ Латинскомъ переводѣ—sicut, quasi, tanquam) περιστερὰν (голубь) для сравненія Духа Божія съ голубемъ, безъ сомнѣнія, не соединяли съ этимъ выраженіемъ того смысла, какой соединяютъ съ нимъ Павлюсъ, Тертулліанъ и Августинъ. Въ противномъ случаѣ, почему же бы имъ не выразиться такъ: Іисусъ (или Іоаннъ) увидѣлъ тѣлеснаго голубя, какъ символъ Святаго Духа? Что же до Луки, который, быть можетъ, соблазняетъ ихъ своимъ выраженіемъ—σωματικῷ εἴδει, то вѣдь онъ говоритъ, что Духъ Святый сошелъ только въ видѣ (εἶδος, species) тѣла, подобно тому, какъ если бы голубь. А отсюда, кажется, также никакимъ образомъ нельзя заключать о тѣлесномъ голубѣ. Очевидно, что никакого такого голубя не было, но что у Евангелистовъ рѣчь идетъ именно только о *сравненіи* явленія съ голубемъ.

Теперь вопросъ только въ томъ, сравнивается ли Духъ Святый съ голубемъ въ отношеніи къ образу, въ которомъ Онъ сошелъ на Іисуса, или въ отношеніи къ способу Своего снисхожденія. Нужно ли, слѣдовательно, относить выраженіе ὡσεὶ περιστερὰν къ Πνεῦμα τοῦ Θεοῦ, или къ глаголу καταβαίνειν. Бо́льшая часть критиковъ стоятъ за второе пониманіе, меньшая—за первое.

Сравнивая Духа Святаго съ голубемъ въ отношеніи къ способу Его снисхожденія, критики указываютъ то на тихое, равномѣрное движеніе (Блекъ), то на быстроту (Фритцшъ), то на тихое дѣйствіе Духа (Неандеръ), то, наконецъ, на Его чистоту (Ольсгаузенъ). Но противъ такого пониманія вполнѣ справедливо замѣчаетъ Мейеръ: «такъ какъ Лука опредѣленно говоритъ: Духъ сошелъ *въ тѣлесномъ видѣ, какъ голубь* (σωματικῷ εἴδει ὡσεὶ περιστερὰν), гдѣ послѣдними словами ближе опредѣляется выраженіе σωματικῷ εἴδει, то вышеприведенное толкованіе представляется безосновательнымъ уменьшеніемъ чудесной стороны явленія, итолько древнее объясненіе (Евѳимія Зигабена, Эразма, Лютера и другихъ) дѣйствительно явившагося образа голубя является справедливымъ». Такимъ образомъ, по Мейеру, Духъ Святый сравнивается съ голубемъ въ отношеніи къ дѣйствительному образу, въ которомъ Онъ сошелъ на Іисуса. Такое пониманіе дѣла, по нашему мнѣнію, вполнѣ справедливо и согласно съ Евангельскимъ текстомъ.

Нельзя умолчать при этомъ о догматическомъ возраженіи, сдѣланномъ Штраусомъ, по поводу объясняемаго нами мѣста. Вотъ это возраженіе: если Іисусъ Христосъ уже первоначально былъ рожденъ отъ Святаго Духа, то къ чему еще нужно было это позднѣйшее снисхожденіе Святаго Духа на Него? Прекрасный отвѣтъ на это догматическое возраженіе даютъ Эбрардъ и Кейль. «Что Іисусъ Христосъ, какъ Сынъ Божій,

обладалъ Святымъ Духомъ во всѣхъ отношеніяхъ, подобный взглядъ, говоритъ Эбрардъ, возможенъ только для того, кто не признаетъ различной ѵпостаси Святаго Духа. Напротивъ, хотя Сынъ и имѣетъ одно существо какъ съ Отцемъ, такъ и Святымъ Духомъ, тѣмъ не менѣе Онъ отличенъ отъ Того и Другаго, какъ особенный Субъектъ. Здѣсь при крещеніи рѣчь не о томъ, чтобы сдѣлать святымъ Того, Кто уже Самъ по Себѣ святъ, но какъ одинъ и тотъ же Святый Духъ, Который, по рѣшительному ученію Священнаго Писанія, уже въ Ветхомъ Завѣтѣ дѣйствовалъ, то какъ Духъ служенія или чудесъ, то какъ Духъ покаянія и вѣры, а также въ Новомъ Завѣтѣ еще при жизни Іисуса былъ данъ ученикамъ,— такъ этотъ Духъ, однакоже, въ день Пятидесятницы, видимымъ образомъ, вступилъ въ новое отношеніе къ Іисусу и Его дѣлу избавленія». Въ какое же отношеніе? «Іисусъ, скажемъ словами Лютарда, чрезъ Святаго Духа родился началомъ жизни, при крещеніи этотъ Духъ дается Ему, какъ Духъ служенія. Но такъ какъ Духъ Господень есть Духъ премудрости и разума, совѣта и силы, познанія и страха Божія (Іезек. II, 2), то снабженіе Іисуса этимъ Духомъ разсматривается, какъ ступень развитія въ личной жизни Его Богочеловѣческой природы, которую (ступень) можно назвать Божественнымъ посвященіемъ для вступленія въ Его мессіанское служеніе, и которая утверждена была на Немъ небеснымъ голосомъ, такъ что и Креститель видимымъ образомъ былъ удостовѣренъ въ этомъ, и потому могъ свидѣтельствовать объ Іисусѣ, какъ Агнцѣ Божіемъ, Который принялъ на Себя и несетъ грѣхи міра».

III. *Голосъ съ неба.* (Матѳ. 17 ст.; Марк. 11 ст.; Лука 22 ст.). *И се, гласъ съ небесъ глаголющій* (Маркъ и Лука: и гласъ былъ съ небесъ): *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Маркъ и Лука: Ты Сынъ Мой Возлюбленный), *въ Которомъ* (Лука: въ Тебѣ) *Мое благоволеніе.* Что̀ касается святаго Іоанна, то у него этотъ голосъ съ неба совершенно опущенъ. Этотъ пропускъ подалъ поводъ Штраусу находить противорѣчіе между Евангелистами, но противорѣчія тутъ никакого нѣтъ. Штраусъ совершенно забываетъ о томъ, что, вѣдь, святый Іоаннъ вовсе не о крещеніи Іисуса разсказываетъ, а только ссылается на спеціальный моментъ сошествія Святаго Духа, какъ на доказательство того, что Іисусъ есть Спаситель міра. Поэтому, ужели Іоаннъ Креститель, какъ скоро онъ ссылается на какое либо событіе, долженъ былъ всякій разъ при этомъ разсказывать и обо всѣхъ, связанныхъ съ нимъ, событіяхъ?

Не такъ легко на первый взглядъ устранить разногласіе между самыми синоптиками въ передачѣ голоса. Всѣ они, какъ мы уже видѣли, единогласно свидѣтельствуютъ, что былъ голосъ съ неба, но относительно формы, въ какой слышался этотъ голосъ для Іисуса и Крестителя, они разногласятъ. По Матѳею голосъ сказалъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный...* Слѣдовательно этотъ голосъ ближайшимъ образомъ относился къ Іоанну. По Марку и Лукѣ голосъ сказалъ: *Ты Сынъ Мой возлюбленный...* слѣдовательно былъ обращенъ ближайшимъ образомъ къ Іисусу.

На основаніи такого разногласія Евангелистовъ, напримѣръ, Газе, заключаютъ, что никакого вообще голоса съ неба не раздавалось, но въ знаменіе, случившееся на небѣ, синоптики влагаютъ мысль, которую нашли въ немъ Креститель, или Іисусъ, слѣдовательно, что Іудеи называли Bath-Kol, дочь голоса, значеніе, мысль, знаменіе.

Постараемся объяснить разногласіе синоптиковъ, чтобы этимъ самымъ доказать, что такія заключенія, какія дѣлаетъ отсюда Газе, не имѣютъ для себя законныхъ основаній въ Евангельскомъ текстѣ. Извѣстно, что каждое внѣшнее явленіе, которое мы воспринимаемъ, заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: объективную и субъективную. Извѣстно также, что наши субъективныя состоянія имѣютъ большое значеніе при воспріятіи нами впечатлѣній отъ предметовъ объективнаго міра, и что каждый видитъ въ предметѣ то, что онъ склоненъ видѣть въ немъ. Прилагая сказанное къ разсматриваемому нами сверхъестественному явленію, разногласіе между Евангелистами можно объяснить такимъ образомъ: голосъ съ неба, что крещаемый есть Сынъ Божій, это—объективная сторона явленія, которую совершенно одинаково восприняли какъ Іисусъ, такъ и Креститель. Что это былъ за голосъ по своему существу и какъ онъ былъ произведенъ, рѣшеніе этого вопроса превышаетъ границы человѣческаго разумѣнія. Что же касается словесной формы Божественнаго голоса, то ее Іисусъ и Іоаннъ восприняли каждый сообразно со своимъ субъективнымъ состояніемъ. Іоаннъ во время своего крещенія въ покаяніе ожидалъ среди крестившихся Того, надъ Кѣмъ онъ увидитъ Духа Божія, сходящаго въ видѣ голубя. Поэтому, когда, наконецъ, онъ увидалъ это знаменіе, онъ услышалъ естественно въ Божественномъ голосѣ удостовѣрительное обращеніе лично къ себѣ: «*Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Я благоволилъ*». А Іисусъ Христосъ ждалъ отъ Бога Отца особеннаго указанія относительно того, когда Онъ долженъ открыть Свое мессіанское служеніе роду человѣческому, и потому услыхалъ личное обращеніе къ Себѣ Самому: «*Ты Сынъ Мой возлюбленный, въ Тебѣ Я благоволилъ*».

Отсюда, кажется, должна быть понятна вся неосновательность и незаконность отрицанія Газе разбираемаго нами сверхъестественнаго явленія — голоса, слышаннаго съ неба Іисусомъ и Крестителемъ (Чт. въ общ. л. д. п. 1885 г., ч. II, стр. 618).

Мысли святыхъ отцевъ и учителей Церкви о крещеніи Іисуса Христа.

Присоединимъ къ приведеннымъ толкованіямъ нѣсколько изрѣченій святыхъ отцевъ и учителей Церкви и толкователей Священнаго Писанія, отвѣчавшихъ на вопросъ: для чего Господь Іисусъ Христосъ, Чистѣйшій и Святѣйшій святыхъ, — благоволилъ принять крещеніе отъ Іоанна? *Святый Епифаній* говоритъ: «Господь пришелъ на Іорданъ и крестился отъ Іоанна не потому, что имѣлъ нужду въ этомъ омовеніи, но для того, чтобы исполнить до конца все, что свойственно воспринятому Имъ человѣческому естеству, и показать, что Онъ носилъ истинную плоть и есть истинный человѣкъ. Онъ не хотѣлъ преступить законовъ должнаго и отвѣчалъ Іоанну: *тако подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Матѳ. III, 15). По этой причинѣ Онъ сошелъ на воды крещенія, но такъ, что чрезъ сіе даровалъ имъ несравненно болѣе, нежели сколько могъ воспринять, не имѣя ни въ чемъ нужды; ибо самыя воды Онъ озарилъ Своимъ свѣтомъ и сообщилъ имъ нѣкую особенную силу, по которой вѣрующіе въ Него, приступая къ водамъ крещенія, облекаются этою сообщенною Его нисшествіемъ силою и озаряются свѣтомъ Его». «Никогда бы воды крещенія, подтверждаетъ святый *Амвросій*, не способны были бы очищать грѣхи человѣческіе, если бы они не были освящены прикосновеніемъ къ

Тѣлу Спасителя. Погрузившись въ водѣ, Спаситель освятилъ воды, бездны и ключи всѣхъ источниковъ». Блаженный *Іеронимъ* говоритъ, что Іисусъ Христосъ принялъ крещеніе отъ Іоанна для того, чтобы Самому исполнить на самомъ дѣлѣ то, что̀ повелѣвалъ Онъ другимъ касательно повиновенія закону, и чтобы засвидѣтельствовать Своимъ крещеніемъ силу и важность крещенія Іоаннова, особенно потому, что между Іудеями было много неправомыслящихъ объ этомъ крещеніи. По словамъ *Златоуста*, принявъ крещеніе Іоанново, Спаситель установилъ истинное крещеніе, которое долженствовало быть проповѣдуемо впослѣдствіи. «Только, подчинившись крещенію Іоаннову, Сынъ Человѣческій долженъ былъ принять извѣствованіе Святаго Духа, нисшедшаго на Него, и въ то же время быть провозглашеннымъ, какъ Сынъ Вышняго отъ гласа, сшедшаго съ небесъ. Пріемля крещеніе отъ Іоанна, Іисусъ Христосъ убѣждалъ всѣхъ людей въ необходимости принимать установленное Имъ крещеніе, дѣйственность котораго Онъ благоволилъ указать въ нисшествіи Святаго Духа. Такъ какъ Іисусъ Христосъ благоволилъ принять на Себя всѣ наши грѣхи и принести удовлетвореніе за весь міръ, то долженствовало Ему принять и зракъ кающагося грѣшника, чтобы получить отъ Іоанна крещеніе покаянія во оставленіе грѣховъ». *Святый Григорій Богословъ* говоритъ: «Іоаннъ крститъ. Приходитъ Іисусъ, освящающій, можетъ быть, самого Крестителя, несомнѣнно же всего ветхаго Адама, чтобы погребсти въ водѣ, а прежде ихъ и для нихъ освящающій Іорданъ. Восходитъ Іисусъ отъ воды, ибо возноситъ съ Собою весь міръ, и видитъ разводящася небеса,—небеса, которыя Адамъ для себя и для потомковъ своихъ заключилъ такъ же, какъ и рай пламеннымъ оружіемъ». По словамъ блаженнаго *Іеронима*, «Господь Іисусъ Христосъ установилъ новое общество, вступать въ которое можно только получивши крещеніе; посему Онъ, чтобы во всемъ быть подобнымъ братьямъ Своимъ, Самъ первый благоволилъ подчиниться этому закону. Господь Іисусъ Христосъ благоволилъ добровольно придти ко крещенію Іоаннову и подклонить Свою выю подъ руку его для того, чтобы показать, что Онъ всегда добровольно исполнялъ законъ Моусеевъ (даже, напримѣръ, обрѣзаніе), а не по какому либо внѣшнему побужденію (по волѣ, напримѣръ, родителей). Святый Апостолъ Павелъ учитъ, что Іисусъ Христосъ призванъ былъ къ великому первосвященническому служенію по повелѣнію Божію, какъ Ааронъ. Первый изъ первосвященниковъ закона могъ приступить къ исполненію обязанностей своего сана только послѣ очищенія водою и облаченія во всѣ знаки своего достоинства; но очищеніе, произведенное надъ Ааономъ, было только образомъ крещенія, которое долженствовалъ принять Іисусъ Христосъ отъ Іоанна, и обязанности Еврейскаго первосвященника были только тѣнью таинъ царственнаго священства Христова, которое по своей святости и высотѣ несравнимо». *Въ Синаксарѣ* на крещеніе Господне читаемъ: крестился Іисусъ Христосъ тридцати лѣтъ, въ такомъ возрастѣ, который у людей легко наклоняется ко всякому грѣху. Ибо какъ первый возрастъ младенческій, по словамъ Златоуста и Ѳеофилакта, имѣетъ многое невѣжество и неразуміе,—второй—юношескій—разжигается вожделѣніемъ плотскимъ; такъ тридцатилѣтній возрастъ совершеннаго мужа порабощенъ корыстолюбію, тщеславію, гнѣву и всякимъ грѣхамъ. До сего возраста отложилъ Господь крещеніе

для того, чтобы исполнить законъ всѣми возрастами, чтобы освятить наше естество и подать намъ силу побѣждать страсти и хранить себя отъ грѣховъ смертныхъ (святый великій пророкъ, Предтеча и Креститель Іоаннъ, протоіерея Вишнякова, стр. 218).

Іорданъ.

Іорданъ вытекаетъ у подножія горы *Антиливана*, изъ небольшаго круглаго озера *Фіалъ*. Эта священная рѣка протекаетъ по обширной и весьма плодоносной долинѣ между крутыми и скалистами горами, съ сѣвера къ югу: проходитъ сквозь два озера: *Самохонитское и Тиверіадское* и впадаетъ въ *Мертвое море*. Іорданъ очень извилистъ; берега его поросли ивнякомъ и другими кустарниками; въ этихъ кустарникахъ гнѣздятся безчисленныя стаи дикихъ утокъ, аистовъ, стрижей и другихъ пернатыхъ; встрѣчаются и дикіе звѣри: кабаны, шакалы, тигры и другіе. Вода Іорданская лѣтомъ прозрачна, а осенью, зимою и весною мутна; она очень пріятна на вкусъ и изобилуетъ рыбою; ширина рѣки не болѣе десяти саженъ, а глубина около сажени; впрочемъ, зимою отъ частыхъ дождей Іорданъ выступаетъ изъ береговъ и затопляетъ окрестную равнину на полверсты и больше.

Много священныхъ воспоминаній соединяется съ именемъ Іордана. Много знаменательныхъ событій—и умилительныхъ и грозныхъ—совершилось на его берегахъ. Здѣсь процвѣтали нѣкогда богатые и роскошные, но и преступные города Содомъ и Гоморра съ другими тремя городами; окрестности этихъ городовъ были, по выраженію книги Бытія, прекрасны, какъ рай Божій. Здѣсь, въ этихъ городахъ, жилъ благочестивый племянникъ Авраама Лотъ, пока гнѣвъ Божій не истребилъ грѣшныхъ городовъ за ихъ безпримѣрный развратъ и нечестіе. И вотъ, на мѣстѣ прекраснѣйшей долины съ роскошными садами и богатыми городами, теперь широко разстилается Мертвое море, вполнѣ заслуживающее такое имя, потому что ни одно животное не живетъ на его пустынныхъ берегахъ, ни одинъ Арабъ не ставитъ тутъ своего шатра, и ни одна рыба не можетъ жить въ его мертвыхъ водахъ... Воистинну страшенъ во гнѣвѣ Своемъ Господь, праведный Судія!...—Но обратимся къ болѣе отраднымъ воспоминаніямъ. Съ однимъ дорожнымъ посохомъ переходилъ нѣкогда священную рѣку патріархъ Іаковъ, когда шелъ въ Месопотамію. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ возвращался къ отцу чрезъ тотъ же Іорданъ уже съ многочисленнымъ семействомъ, съ множествомъ рабовъ и большими стадами скота. Такъ благословляетъ Богъ Своихъ избранниковъ, которые предаютъ себя всецѣло благому водительству Его святаго Промысла.—Когда Евреи возвращались изъ Египта, «вода Іордана, текущая сверху, остановилась и стала стѣною, а текущая въ море соленое ушла и изсякла. Всѣ сыны Израилевы переходили по сушѣ, и только тогда, когда священники, несшіе ковчегъ завѣта Господня, вышли изъ Іордана, вода устремилась по своему руслу, пошла какъ вчера и третьяго дня, выше всѣхъ береговъ своихъ (Іисус. Нав. III, 15—17; IV, 18)». Такъ самая неразумная природа повинуется и служитъ рабамъ Божіимъ, когда они сами неуклонно исполняютъ волю Божію!—На берегахъ Іордана судіи народа Божія Аодъ, Гедеонъ и Іефѳай побѣждали враговъ Израиля—Моавитянъ, Мадіанитянъ и другихъ. Чрезъ Іорданъ чудесно переходили посуху великіе пророки Израильскіе Илія и Елисей; по слову пророка Елисея, въ его волнахъ семь разъ окунулся прокаженный полково-

децъ Сирійскій Нееманъ, и, по молитвѣ пророка, «обновилось тѣло его, какъ тѣло малаго ребенка, и онъ очистился отъ проказы». Не то же ли было и съ каждымъ изъ насъ, когда мы трижды погружены были въ святой купели крещенія, въ семъ духовномъ нашемъ Іорданѣ, и очистились въ ней отъ проказы грѣха, въ которомъ родились на свѣтъ Божій? Но увы! съ той поры сколько новой нечистоты накопилось на нашихъ грѣшныхъ душахъ! Для омовенія ея есть еще купель, но уже не Іорданской воды, а чистыхъ слезъ покаянія. Но гдѣ, какъ не на тѣхъ же священныхъ берегахъ Іордана впервые раздалась строгая, но въ то же время утѣшительная проповѣдь Предтечи Христова—покайтеся? Гдѣ, какъ не въ пустынѣ Іорданской, этотъ «гласъ Словесе, свѣтильникъ Свѣта, денница Солнца» (какъ величаетъ его Святая Церковь) всѣмъ возопилъ людемъ, что пришелъ Христосъ, Избавитель міра и Агнецъ Божій, что приближились къ людямъ желанные дни благодатнаго Царствія Христова? О, какое чудное зрѣлище представляли тогда берега Іордана, оглашаемые проповѣдью Іоанна, сына Захаріина! Отовсюду, со всѣхъ концевъ Іудеи и Галилеи, и изъ за-Іорданскихъ странъ, стекались къ нему люди всѣхъ званій и состояній и исповѣдывали предъ нимъ грѣхи свои, и принимали отъ руки его крещеніе... Были тутъ и гордые фарисеи, которые думали спастись только тѣмъ, что они потомки Авраама, но которыхъ Предтеча Христовъ безпощадно обличалъ въ лицемѣріи и лукавствѣ, угрожая страхомъ грознаго суда Божія; были тутъ и смиренные мытари, которыхъ онъ поучалъ безкорыстію и любви къ ближнимъ; были здѣсь и воины, которымъ онъ внушалъ никого не обижать, не клеветать, довольствоваться тѣмъ, что имѣютъ. «Я крещу васъ водою, вѣщалъ Предтеча народу Израильскому, но идетъ за мною Тотъ, Кто сильнѣе меня, у Котораго я недостоинъ развязать ремень обуви. Онъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ и огнемъ»... Но, вотъ, является къ Іоанну и Тотъ, о Комъ онъ предвозвѣщалъ, Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Вотъ Онъ, одѣваяй небо облаки, одѣяйся свѣтомъ яко ризою, какъ человѣкъ совлекаетъ съ Себя одежды и погружается въ волнахъ Іордана, освящая Собою водное естество... Вотъ, съ небесъ гремитъ гласъ Бога Отца: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ!*...

Слишкомъ восемнадцать столѣтій протекло съ тѣхъ поръ. Было время, когда на берегахъ Іордана процвѣтали святыя обители; и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Господь воспріялъ крещеніе отъ Іоанна, стоялъ монастырь святаго Іоанна Предтечи, развалины котораго и доселѣ примѣтны; въ пустынѣ Іорданской было много отшельниковъ, подражателей Предтечѣ Христову. Но теперь пустынны берега священной рѣки; за то съ тѣхъ поръ, какъ Іорданъ сталъ купелію Самого Христа—сколько тысячъ благочестивыхъ поклонниковъ посѣтило сіи берега! Каждый годъ (обыкновенно въ первые дни страстной седмицы) цѣлыми караванами, по тысячѣ, по двѣ и больше, идутъ они сюда въ сопровожденіи отряда Турецкой конницы, въ предохраненіе отъ нападенія дикихъ обитателей пустыни—бедуиновъ, и проводятъ ночь на берегахъ Іордана, раскидывая здѣсь свои шатры. Съ какимъ восторгомъ они погружаются въ священныя воды Іордана, при пѣніи тропаря Богоявленію: *во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи*... съ благоговѣніемъ спѣшатъ они зачерпнуть воды Іорданской въ дорожные мѣхи и сосуды, срѣзать себѣ на память трость изъ прибрежнаго камыша, достать камушекъ со дна рѣки,

чтобы все это отнести на далекую родину!...

Нѣтъ въ мірѣ рѣки священнѣе Іордана, оттого и твердо знаетъ ея имя каждый христіанскій младенецъ! (Троицкіе листки, № 94).

Библіографическій указатель къ крещенію Іисуса Христа. (Матѳ. III, 13—17. Марк. I, 9—11. Лук. III, 21—22.)

Святоотеческія толкованія.

1) Бесѣда св. Іоанна Злат. на Матѳ. III, 13—15 (о крещеніи Іисуса Христа отъ Іоанна). Воскр. Чт. XVII. 381.

2) *Пр. Исидора Пелусіота.* На сказанное Господомъ: *остави нынѣ* (Матѳ. III, 15). Ч. 1. 46—47. Тв. св. оо. XXXIV.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

3) Бесѣда на Богоявленіе (Изъясненіе Матѳ. III, 13—17). Хр. Чт. 1849 г. I. 1—8.

4) Богоявленіе Господне. Воскр. Чт. I. 325.

5) Крещеніе Іисуса Христа. Воскр. Чт. III. 379.

6) Крещеніе Господа нашего Іисуса Христа во Іорданѣ. Воскр. Чт. XXVI. II. 981.

7) О крещеніи Іисуса Христа. Воскр. Чт. XXXI. II. 616.

8) Крещеніе Іисуса Христа. Воскр. Чт. 1879 г. № 2. 19—21.

9) Крещеніе Господа нашего Іисуса Христа. Дом. Бес. 1868 г., вып. II. 29—30.

10) *Діак. Никольскаго.* Явленіе Духа Святаго въ видѣ голубя. Душ. Чт. 1865 г. V. 55.

11) *С. Д—ва.* О чудесныхъ знаменіяхъ при крещеніи Іисуса Христа (Марк. I, 10—11). Воскр. Чт. 1875 г. 8—10.

12) *Іоанна, еп. Смоленскаго.* О лицѣ Іисуса Христа. Крещеніе Іисуса Христа. Хр. Чт. 1876 г., ч. II. 77—80.

13) *Сольскаго.* Крещеніе Господне. Воскр. Чт. 1881 г. 5—7.

14) *Ѳоменко.* Мѣсто и время крещенія Господня. Воскр. Чт. 1881 г. 15—18.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ:

15) На Матѳ. III, 13—17 ст. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* Бес. о крещеніи Іисуса Христа и размышленіе о нашемъ крещеніи. I. 323—331. О всемірномъ значеніи гласа Бога Отца: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный...* I. 332—335.

16) Ст. 14. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О необходимости христіанскаго смиренія. II. 122—130.

17) *Иліодора, архіеп. Курскаго.* Бесѣда на Богоявленіе. 55—65.

18) На Марка I, 9 ст. *Исидора, митроп. Новгородскаго.* О крещеніи Іисуса Христа и Божественномъ установленіи крещенія христіанскаго. 9—12.

Объ искушеніи Іисуса Христа въ пустынѣ отъ діавола

(Матѳ. IV, 1—11).

(Павла, архіепископа Кишиневскаго, нынѣ Казанскаго.)

Въ подвигѣ приготовленія къ Своему высокому всемірному служенію Іисусъ Христосъ провелъ четыредесять дней, вовсе не вкушая пищи. Постоянная молитва — бесѣда съ Богомъ Отцомъ, строгій постъ и всестороннее испытаніе потребностей природы человѣческой, сосредоточенное углубленіе въ тайну искупленія рода человѣческаго тройственнымъ служеніемъ—пророческимъ, первосвященническимъ и царскимъ—вотъ что̀ составляло подвигъ Богочеловѣка въ пустынѣ послѣ крещенія. Но великому подвигу насталъ, наконецъ, предѣлъ. Настало время открыться немощи человѣческаго естества Христова съ его нуждами и потребностями,—Спаситель взалкалъ. Послѣ строгаго поста, Онъ почувствовалъ голодъ и желаніе утолить голодъ пищею. Этою минутою, естественной, но не нравственной немощи Богочеловѣка, этимъ возникновеніемъ естественной, законной потребности тѣла, пользуется коварный искуситель, съ цѣлью обратить немощь естественную въ нравственную и потребность законную въ средство и орудіе къ увлеченію Его въ беззаконіе. И приступилъ къ Нему искуситель и сказалъ: *если Ты Сынъ Божій, скажи, чтобы камни сіи сдѣлались хлѣбами* (Матѳ. IV, 3). Искуситель какъ-бы благожелательно заботится объ утоленіи голода Спасителя. За отсутствіемъ въ дикой пустынѣ естественныхъ средствъ, онъ указываетъ на чудодѣйственныя средства къ пріобрѣтенію пищи, находящіяся во власти Іисуса, какъ Сына Божія. Онъ внушаетъ Христу не томить Себя голодомъ, не искать естественныхъ средствъ къ удовлетворенію потребности въ пищѣ, а утолить Свой голодъ чудодѣйственнымъ способомъ—претвореніемъ камней въ хлѣбъ. Но Христосъ не слѣдуетъ внушенію врага, хотя оно и имѣетъ видъ благожелательности и разумности; совѣты и внушенія врага всегда опасны и направлены къ погибели того, кому они подаются. Іисусъ сказалъ искусителю *въ отвѣтъ: написано: не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ, но всякимъ словомъ исходящимъ изъ устъ Божіихъ* (Матѳ. IV, 4). Этими словами Богочеловѣкъ отразилъ первое искушеніе,—отразилъ оружіемъ слова Божія.

Въ чемъ же состояло здѣсь искушеніе? И чѣмъ оно отражено?—Искушеніе состояло не въ удовлетвореніи Іисусомъ Христомъ естественной потребности тѣла—въ пищѣ. Удовлетвореніе этой потребности, совершенно естественной, непреборимо, неотразимо требующей удовлетворенія, есть дѣло законное и потому не грѣховное. Го-

сподь Іисусъ, какъ человѣкъ, въ урочныя времена и чувствовалъ голодъ, и утолялъ Свой голодъ пищею. Не чуждался Онъ даже снѣдей пріятныхъ, какъ скоро ихъ предлагало Ему доброе гостепріимство, какъ мы знаемъ это изъ примѣра Марѳы, сестры Лазаревой (Лук. X, 38—42), и подобныхъ ей лицъ (Лук. VII, 36). Онъ даже утолялъ голодъ—но не Свой, а другихъ людей,—чудеснымъ образомъ, когда этого требовало милосердіе и назиданіе. Такъ поступилъ Онъ при насыщеніи пяти тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами (Лук. IX, 12—17) и четырехъ тысячъ семью хлѣбами (Матѳ. XV, 32—38). Искушеніе состояло въ томъ, что діаволъ склонялъ Іисуса Христа усвоить слишкомъ важное, первостепенное значеніе потребностямъ плоти. Онъ, во-первыхъ, склонялъ Христа, презрѣвъ и отложивъ доблестное терпѣніе, отложивъ всѣ другія заботы и попеченія, немедленно, съ поспѣшностью, съ нетерпѣливостью сосредоточить все Свое вниманіе на насыщеніи Своего тѣла. Онъ, во-вторыхъ, склонялъ Христа прибѣгнуть для насыщенія тѣла къ средствамъ чудодѣйственнымъ, бывшимъ во власти Богочеловѣка,—къ претворенію камней въ хлѣбы. Словомъ, намѣреніе искусителя состояло въ томъ, чтобы, первымъ случаемъ нетерпѣливаго, поспѣшнаго удовлетворенія потребности въ пищѣ, ослабить въ Богочеловѣкѣ силу постническаго терпѣнія и положить начало нетерпѣливому удовлетворенію, хотя бы даже и неблаговременно и со вредомъ для высшихъ потребностей духа, и обратить на служеніе, на удовлетвореніе низшимъ потребностямъ тѣла не только высшія силы духа, но даже и силы чудодѣйственныя, всѣ силы Божественныя, присущія Богочеловѣку. Нужно ли говорить о томъ, что успѣхъ искушенія извращалъ бы нравственный характеръ Богочеловѣка и ниспровергалъ бы все дѣло искупленія, обращая силу Божію въ рабскую, служебную чувственности силу? Но коварство діавола посрамлено; лукавое искушеніе отражено, побѣждено Богочеловѣкомъ. *Написано*, говоритъ Онъ искусителю, *не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ* (Матѳ. IV, 4). Искушеніе отражено тѣмъ, что Спаситель не спѣшитъ утолить Свой голодъ, какъ того желалъ бы искуситель, а терпѣливо переноситъ его; не увлекается наслажденіемъ, которое доставляетъ хлѣбъ человѣку, истомленному голодомъ; изрекаетъ готовность жить не хлѣбомъ однимъ, но и всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ. Онъ какъ-бы такъ отвѣчалъ искусителю: «зачѣмъ ты побуждаешь Меня прибѣгнуть, для утоленія Моего голода, къ чудодѣйственной силѣ, которою Я обладаю? Если бы для напитанія Меня теперь нужно было чудо, то Самъ Богъ чудесно напиталъ бы Меня, какъ напиталъ Онъ нѣкогда Израильтянъ въ пустынѣ манною.. Зачѣмъ ты искушаешь Меня напоминаніемъ о тѣлесной пищѣ и склоняешь Меня нетерпѣливо, чудеснымъ образомъ, утолить Мой голодъ, когда слово Божіе, бесѣда съ Богомъ для Меня—сладостнѣе всякой пищи и такъ насыщаетъ Меня, что заставляетъ Меня забыть о пищѣ тѣлесной? Не забываютъ ли люди о пищѣ, слушая пріятную бесѣду даже человѣческую? Не тѣмъ ли естественнѣе забыть о пищѣ среди сладостной бесѣды съ Богомъ? Зачѣмъ ты искушаешь Меня на поступокъ самоугожденія, когда призваніе Мое состоитъ въ томъ, чтобы употреблять Мои сверхъестественныя силы не на служеніе Своимъ тѣлеснымъ нуждамъ, а на служеніе спасенію людей? Зачѣмъ ты стараешься отклонить Меня отъ Моего

призванія на путь самоугожденія, когда Моя пища—творить волю Пославшаго Меня и совершить дѣло Его? (Іоан. IV, 34.) Отрекусь ли Я отъ Своего призванія, ради немедленнаго утоленія голода, и уподоблюсь ли Исаву, продавшему преимущества первородства брату своему за чечевичную похлебку?» Указавъ на Свое спасительное призваніе, какъ на главную цѣль Своей земной жизни, какъ на Свою пищу, Іисусъ Христосъ тѣмъ самымъ отразилъ искусителя. Вопросъ, значитъ, разрѣшенъ такимъ образомъ: Спаситель будетъ употреблять въ дѣло присущія Ему чудодѣйственныя силы и средства только въ томъ случаѣ, когда того потребуютъ цѣли и потребности высшія, духовныя,—когда потребуетъ того спасеніе людей. Не уклонится Онъ отъ употребленія Своей чудодѣйственной силы и на служеніе низшимъ потребностямъ—тѣлеснымъ; но это Онъ сдѣлаетъ не для удовлетворенія Своихъ собственныхъ тѣлесныхъ нуждъ, а для служенія нуждамъ другихъ людей,—и при томъ лишь тогда, когда чудесное удовлетвореніе нуждъ тѣлесныхъ будетъ служить духовному благу,—спасенію людей и славѣ Божіей.

Побѣжденный діаволъ прекратилъ искушеніе, направленное къ возбужденію похоти плоти, и покусился подвергнуть Спасителя другому искушенію; покусился возбудить въ Спасителѣ гордость, тщеславіе.

Искуситель хорошо зналъ, что человѣкъ весьма легко подвергается пораженію тотчасъ послѣ одержанной побѣды. Послѣ побѣды человѣкъ часто увлекается своимъ торжествомъ, презрительно смотритъ на своего врага, не вполнѣ зорко и съ должною заботливостью слѣдитъ за тѣмъ, что происходитъ вокругъ него и за дѣйствіями своего врага. Онъ часто не допускаетъ и мысли, чтобы противъ него—побѣдителя могло быть сдѣлано новое покушеніе со стороны пораженнаго противника. Зналъ искуситель и то, что люди, недоступные часто искушеніямъ со стороны похоти плоти, бываютъ доступнѣе другимъ искушеніямъ, или поддаются легко искушеніямъ со стороны гордости, суетности, или скоро увлекаются корыстолюбіемъ. Тщеславный и корыстолюбецъ часто забываютъ о пищѣ, отказываютъ себѣ въ ней, предавшись стремленіямъ и заботамъ объ удовлетвореніи своимъ господствующимъ страстямъ—одинъ тщеславія, другой—корыстолюбія. Считая Богочеловѣка простымъ человѣкомъ, и потому способнымъ къ неосторожности послѣ побѣды и доступнымъ искушенію съ той или другой стороны, діаволъ не отказывается отъ дальнѣйшаго искушенія Христа, послѣ безуспѣшнаго старанія возбудить въ Немъ похоть плоти. Искуситель рѣшается возбудить во Христѣ другую похоть, по его мнѣнію быть можетъ болѣе сродную искушаемому и потому скорѣе могущую возникнуть въ Его душѣ:—онъ рѣшается возбудить въ Спасителѣ гордость, суетность, тщеславіе.... И вотъ—съ этою цѣлью онъ *беретъ* Христа *во святый градъ и поставляетъ Его на крылѣ храма и говоритъ Ему: если Ты Сынъ Божій, бросься внизъ, ибо написано: Ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ, и на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею* (Матѳ. IV, 6. Псал. XC, 11—12).

Храмъ Іерусалимскій расположенъ былъ въ самой верхней части города, а одинъ изъ притворовъ его—Соломоновъ находился надъ страшною пропастью, такъ что нельзя было безъ содраганія смотрѣть съ него внизъ... Такъ ужасна была по своей глубинѣ эта пропасть! И вотъ, діаволъ поставляетъ

Іисуса Христа надъ этою пропастью и, желая возбудить въ Немъ похоть гордости, тщеславное сознаніе Своего могущества, предлагаетъ Ему броситься внизъ. Для легчайшаго склоненія Христа къ этому тщеславному поступку, онъ прибѣгаетъ къ тому же самому слову Божію, которымъ еще такъ недавно поразилъ его Христосъ, хочетъ употребить противъ Христа Его же собственное оружіе. Діаволъ, словами Священнаго Писанія, напоминаетъ Христу, что въ Его власти находятся такія сверхъестественныя средства, которыя сдѣлаютъ это устремленіе Его внизъ совершенно для Него безопаснымъ и безвреднымъ. Но и эта попытка искусителя не имѣла успѣха и точно также осталась безплодною, какъ и прежняя. Господь Іисусъ Христосъ отразилъ и ее также словомъ Божіимъ. *Іисусъ сказалъ* діаволу: *написано также: не искушай Господа Бога твоего* (Матѳ. IV, 7. Второзак. VI, 16). Онъ какъ-бы такъ сказалъ искусителю: «нѣкогда Евреи въ пустынѣ, въ Рефидимѣ, томимые жаждою, вслѣдствіе недостатка воды, роптали на Моусея и въ лицѣ его на Бога, и своимъ ропотомъ явно обнаруживали требованіе чудеснаго утоленія ихъ жажды. Моусей негодовалъ на ихъ ропотъ и сказалъ имъ: *что вы укоряете меня? что искушаете Господа?* (Исход. XVII, 3.) И хотя на этотъ разъ Господь чудесно источилъ воду изъ Хоривской скалы и утолилъ жажду ропотливаго народа, но Моусей нареченіемъ имени мѣсту тому: Масса и Мерива, т. е. искушеніе и укореніе (Исход. XVII, 7), явно показалъ Израильтянамъ всю преступность ихъ дерзновенія искушать Господа и потомъ, при концѣ своей жизни, во Второзаконіи строго напомнилъ имъ объ этомъ случаѣ, говоря: *не искушайте Господа Бога вашего, какъ вы искушали Его въ Массѣ* (Второзак. VI, 16). То есть, не требуйте и не ожидайте, чтобы Богъ постоянно совершалъ чудеса, для удовлетворенія вашимъ тѣлеснымъ нуждамъ и потребностямъ. Сверхъестественныя силы дѣйствуютъ только при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, для чрезвычайныхъ духовныхъ цѣлей. Тѣлесныя же нужды удовлетворяются чудеснымъ образомъ только тогда, когда признаютъ то нужнымъ суды Божіи, когда восхощетъ этого Самъ Богъ, для достиженія высшихъ цѣлей чрезъ удовлетвореніе низшимъ нуждамъ людей. Если жъ Моусей призналъ искушеніемъ Бога требованіе чуднаго утоленія жажды,—удовлетворенія настоятельнѣйшей потребности, то не будетъ ли тѣмъ болѣе искушеніемъ Бога требованіе сверхъестественной помощи Божіей, для чуднаго охраненія Меня, когда Я безъ всякой нужды, пользы и цѣли, изъ одного тщеславнаго желанія показать тебѣ—врагу Божію, что Я Сынъ Божій, брошусь въ пропасть? Нѣтъ, ты не искусишь Меня,—не склонишь, ради суетнаго тщеславія, искусить Господа, требуя отъ Него безъ нужды чуда»...

Въ чемъ же состояло здѣсь искушеніе? и чѣмъ оно отражено? Искушеніе состояло въ томъ, что діаволъ старался склонить Іисуса Христа обратить Свою чудодѣйственную силу въ средство не для достиженія высшихъ цѣлей,—не для возбужденія въ людяхъ вѣры въ Него, какъ Спасителя, и въ Его спасительное ученіе, не для благотворенія людямъ, а въ орудіе суеты и тщеславія,—старался склонить Его пользоваться сверхъестественною силою только для суетнаго киченія ею... Искушеніе отражено тѣмъ, что Іисусъ Христосъ заявилъ, какъ о началѣ Своей дѣятельности,—о томъ, что Онъ не будетъ искушать Господа,—не будетъ употреблять Свою чудодѣйственную си-

лу безъ нужды, въ видахъ суеты, тщеславія, житейской гордости.

Послѣ двухъ безуспѣшныхъ покушеній возбудить въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ похоть плоти и чувство гордости житейской и склонить Его къ проявленію Своей чудодѣйственной силы ради цѣлей себялюбивыхъ,—діаволъ приступаетъ къ Нему съ третьимъ, наиболѣе рѣшительнымъ искушеніемъ. Онъ перестаетъ уже скрывать свою цѣль—сдѣлать Христа своимъ рабомъ чрезъ тайное лукавое увлеченіе Его на путь нравственнаго паденія, на путь страстей; нѣтъ, онъ дерзаетъ явно склонить Его сдѣлаться рабомъ, слугою искусителя, поклониться ему. Онъ мечтаетъ совершенно отклонить Іисуса Христа отъ Его призванія—совершить волю Отца Небеснаго о спасеніи человѣчества крестною жизнію и крестною смертію... Что же дѣлаетъ съ этою цѣлью искуситель?—Онъ возводитъ Спасителя на высокую гору, во мгновеніе времени показываетъ Ему всѣ царства вселенной и славу ихъ и говоритъ Ему: *Тебѣ дамъ власть надъ всѣми сими царствами и славу ихъ, ибо она предана мнѣ, и я, кому хочу, даю ее; итакъ, если Ты поклонишься мнѣ, то все будетъ Твое* (Лук. IV, 5—7). Но Господь Іисусъ Христосъ и это послѣднее, рѣшительное искушеніе духа злобы побѣдоносно отразилъ тѣмъ же оружіемъ слова Божія. *Тогда Іисусъ говоритъ діаволу: отойди отъ Меня, сатана; ибо написано: Господу Богу твоему покланяйся, и Ему одному служи* (Матѳ. IV, 10).

Не легко объяснить, какимъ образомъ, послѣ двухъ безуспѣшныхъ попытокъ искусить Богочеловѣка, діаволъ осмѣлился приступить къ Нему съ новымъ искушеніемъ и притомъ съ искушеніемъ такимъ рѣшительнымъ, такимъ дерзко самонадѣяннымъ. Онъ предлагаетъ Спасителю совершить не какой либо единичный поступокъ, несообразный съ достоинствомъ и призваніемъ Его... Нѣтъ, онъ дерзко требуетъ отъ Спасителя поклоненія себѣ... Онъ требуетъ, чтобы Спаситель отдалъ всего Себя, со всѣми Своими силами въ его власть, направилъ всю Свою дѣятельность на служеніе діаволу, сдѣлался полнымъ рабомъ его. Какъ объяснить такую наглую дерзость, хотя бы то и со стороны діавола?

Возможно и вѣроятно, что діаволъ не понялъ вполнѣ своихъ предыдущихъ пораженій. Потерпѣвъ посрамленіе въ двухъ первыхъ попыткахъ, онъ могъ объяснить свое первое пораженіе мыслью, что Іисусъ Христосъ, видимо, не легко можетъ быть уловленъ въ сѣть похоти плоти и гордости житейской. За то навѣрное,—могъ думать онъ,—удобнѣе возбудить въ Немъ властолюбіе и корыстолюбіе. И въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко человѣкъ забываетъ даже о пищѣ, готовъ не ѣсть и не пить, готовъ затѣмъ унизить свое достоинство, пожертвовать своею честью, лишь бы только удовлетворить своей страсти властолюбія или корыстолюбія. Могъ діаволъ дать и другое объясненіе своимъ неудачамъ. Уклоненіе Іисуса Христа отъ совершенія чудесъ могло привести искусителя къ заключенію, что онъ ошибочно считаетъ Іисуса Христа чудотворцемъ, что Іисусъ Христосъ вовсе не обладаетъ чудодѣйственною силою, и, не обладая ею, Онъ, естественно, не могъ подпасть искушенію совершать чудеса, по приглашенію искусителя, ради собственныхъ цѣлей. И въ самомъ дѣлѣ,—такъ могъ думать сатана,—Іисусъ не сотворилъ еще ни одного чуда во все время Своей жизни на землѣ, не смотря на видимую праведность Свою. Да и прежде немало было людей, которые были великими

праведниками, а между тѣмъ чудесъ не творили. Таковы были: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Іовъ и др. Также вѣроятно и Іисусъ не чудотворецъ; а потому и нетрудно было Ему избѣжать искушеній, склонявшихъ Его къ совершенію безцѣльныхъ чудесъ. Очевидно,—могъ думать сатана,—первыя попытки обольстить Іисуса направлены ошибочно, не противъ слабыхъ сторонъ Искушаемаго; нужно сдѣлать новую попытку, съ иной стороны.

И вотъ, онъ рѣшается уловить Іисуса Христа въ сѣти похоти очесъ; онъ покушается обольстить очи Іисуса Христа зрѣлищемъ благъ земныхъ и тѣмъ возбудить въ Немъ похоть властолюбія и корыстолюбія. Съ этою цѣлью возводитъ Богочеловѣка на одну изъ высочайшихъ горъ, доселѣ извѣстную подъ именемъ горы искушенія. Съ нея была видна бо́льшая часть Палестины, а равно виднѣлись и нѣкоторыя окрестныя земли. Съ этой горы діаволъ показываетъ Спасителю, какъ-бы въ панорамѣ, всѣ царства земли, со всею ихъ славою, со всѣми богатствами... И—вотъ Іисусъ Христосъ и діаволъ стоятъ и смотрятъ,—смотрятъ, какъ предносятся предъ ихъ глазами земныя царства... Стоятъ и смотрятъ на царства міра два представителя двухъ совершенно противоположныхъ началъ;—смотрятъ—каждый со своимъ особымъ настроеніемъ, со своими особыми чувствами, планами и цѣлями. Діаволъ смотритъ на міръ съ злобною радостью, но вмѣстѣ и съ недовольствомъ. Онъ радуется, видя успѣхъ своихъ зловредныхъ, гибельныхъ дѣйствій въ мірѣ; радуется, взирая на бездну нечестія и порока, въ которую онъ низвергъ злосчастное человѣчество; радуется господству въ мірѣ идолопоклонства и всесторонняго растлѣнія и развращенія, подъ покровомъ внѣшняго величія и славы; радуется духовной нищетѣ міра, подъ покровомъ вещественнаго богатства. Но радость его не полна еще. Она омрачается тѣмъ, что, не смотря на всѣ его усилія сѣять однѣ лишь плевелы, въ мірѣ остается еще сѣмя святое, въ народѣ Израильскомъ остается избранное общество праведниковъ, исповѣдующихъ истиннаго Бога и отвращающихся пороковъ. И вотъ, онъ злобствуетъ, что онъ еще—не совершенный побѣдитель; сознаніе, что дѣло его далеко еще не доведено до конца, служитъ для него источникомъ недовольства, огорченія, ярости. Но онъ полонъ надежды. Онъ гордо и самоувѣренно мечтаетъ, что современемъ все покорится ему, что всѣхъ онъ обольститъ искусительными приманками.

Что́ же чувствуетъ Христосъ, взирая на проходящія предъ Нимъ царства міра сего? Конечно, Онъ прежде всего чувствуетъ великую скорбь, видя человѣчество, изъязвленное грѣхомъ и покрытое душевными ранами и струпами, подобно тому, какъ тѣлесно изъязвленъ былъ человѣкъ, попавшій въ руки разбойниковъ (Лук. X, 30), или покрытъ гнойными струпами прокаженный. Съ горькимъ сожалѣніемъ взираетъ Христосъ, какъ отягченное своими грѣховными болѣзнями и своею нравственною проказою человѣчество обезсилѣло для доброй дѣятельности и ничего само не можетъ сдѣлать для своего уврачеванія и обновленія... И—душа Спасителя полна состраданія и любви къ несчастному человѣчеству. Эта любовь тѣмъ сильнѣе, что подъ гнойными грѣховными струпами все еще сохраняется въ человѣческой природѣ хотя и искаженный образъ Божій, и что потому эта природа, при помощи свыше, можетъ возродиться и въ ней опять можетъ возобновиться во всемъ своемъ совершенствѣ величественный образъ Божій.

Спаситель пламенѣетъ готовностью исполнить Свое призваніе по отношенію къ человѣчеству. Съ радостнымъ чувствомъ созерцаетъ Онъ Свою будущую искупительную дѣятельность. Онъ видитъ пророчественно, какъ Его крестомъ сокрушается глава діавола; какъ люди—эти заблудшія чада Божіи—опять возвращаются къ своему Отцу Небесному, и какъ съ нихъ спадаетъ вся грѣховная проказа,—и—они становятся новою, чистою тварью. Радостное чувство переходитъ изъ души Спасителя и въ Его взоръ... Радость блеснула въ очахъ Его, предъ коими въ то время предносились всѣ земныя царства.—Стоявшій съ нимъ искуситель, конечно, не преминулъ замѣтить радостный взоръ и тотчасъ же истолковалъ радость Искушаемаго въ свою пользу. Не понялъ онъ, что̀ происходитъ въ душѣ Іисуса Христа, и подумалъ, что блеснувшій въ глазахъ Его лучъ радости служитъ выраженіемъ уже образовавшейся въ душѣ Его, при взглядѣ на міръ, похоти очесъ, похоти властолюбія и корыстолюбія. Подъ вліяніемъ такой ошибочной мысли искуситель съ наглою дерзостью обращается къ Богочеловѣку и говоритъ Ему: *Тебѣ дамъ власть надъ всѣми сими царствами и славу ихъ, ибо она предана мнѣ, и я, кому хочу, даю ее. И такъ, если Ты поклонишься мнѣ, то все будетъ Твое* (Лук. IV, 6—7). Но минута для этого искусительнаго предложенія была выбрана искусителемъ весьма неблагопріятная для него. Если бы Спаситель былъ даже не Богочеловѣкъ, а простой благочестивый человѣкъ, то и въ такомъ случаѣ, погруженный въ столь возвышенныя созерцанія, проникнутый сознаніемъ Своего спасительнаго призванія и рѣшимостью исполнить всецѣло волю Божію, Онъ отразилъ бы побѣдоносно искусительное предложеніе поработить Себя діаволу. За цѣну даже всѣхъ царствъ земныхъ, если бы діаволъ дѣйствительно имѣлъ власть и могъ дать ихъ, Онъ не преклонилъ бы Своихъ колѣнъ предъ врагомъ Божіимъ. Тѣмъ съ большею рѣшимостью и твердостью отринулъ дерзкое требованіе духа злобы Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ, и діаволъ терпитъ полное пораженіе и посрамленіе. Спаситель властно сказалъ ему въ отвѣтъ: *отойди отъ Меня, сатана; написано: Господу Богу твоему покланяйся и Ему одному служи* (Лук. IV, 8). Послѣ такого побѣдоноснаго отраженія искушенія и послѣ властнаго повелѣнія Сына Божія, духъ злобы вынужденъ былъ оставить Искупителя. Но не навсегда онъ оставляетъ Его... Впослѣдствіи, онъ неоднократно будетъ искушать Богочеловѣка, стараясь возбудить въ Немъ похоть властолюбія и корыстолюбія,—желаніе сдѣлаться земнымъ царемъ, получить во владѣніе земное царство. Но самъ лично онъ уже не дерзнетъ приступать къ Спасителю съ подобнымъ искушеніемъ, а будетъ дѣйствовать на Него или чрезъ народъ Іудейскій, покушающійся сдѣлать Его царемъ своимъ (Іоан. VI, 15), или даже чрезъ ближайшихъ учениковъ Христа—Апостоловъ. Апостолы, не поняв̀ши еще надлежащимъ образомъ Христова и своего призванія, часто будутъ мечтать и бесѣдовать съ Нимъ о земномъ царствѣ своего Учителя и о своемъ высокомъ положеніи (Матѳ. XX, 20—28; XVIII, 1; XVI, 22—23), и чрезъ то будутъ служить не малымъ соблазномъ для Спасителя. Будетъ сатана возбуждать въ Немъ похоть властолюбія и чрезъ враговъ Его—распинателей, ругающихся надъ царскимъ достоинствомъ Его (Матѳ. XXVII, 29, 37, 42). Но въ настоящій моментъ, послѣ властнаго и твердаго отраженія Христомъ дерзкаго, самонадѣяннаго пред-

ложенія діавола—поклониться ему,—со стыдомъ оставляетъ Іисуса Христа. На мѣсто его приступаютъ Ангелы и служатъ Христу (Матѳ. IV, 11). (Изъ Словъ въ нед. по просвѣщеніи, въ нед. о мытарѣ и фарисеѣ и въ нед. о блудномъ сынѣ. Слова и рѣчи, т. I, стр. 15—19. 26—29. 37—40).

Искушеніе Господа въ пустынѣ (Матѳ. IV, 1—11. Марк. I, 12—13. Лук. IV, 1—13).

(Тренча, архіеп. Дублинскаго).

Повѣствованіе объ искушеніи нашего Господа мы находимъ у трехъ Евангелистовъ: въ первомъ и третьемъ Евангеліи разсказъ этотъ полнѣе, во второмъ кратче. Евангелистъ Іоаннъ совсѣмъ не говоритъ объ этомъ событіи, у него даже нѣтъ намека на него, развѣ мы должны уразумѣть оный въ словахъ Христа: «*идетъ князь міра сего, и во Мнѣ не имѣетъ ничего*» (Іоан. XIV, 30); но и эти слова имѣли въ виду и указывали, безъ сомнѣнія, не исключительно на искушеніе, бывшее въ пустынѣ, а относились къ этому событію, какъ къ тому наиважнѣйшему по своему значенію мгновенію, когда «князь міра сего» напрягалъ въ борьбѣ всѣ свои силы, чтобы преодолѣть и имѣть «нѣчто» во Христѣ, какъ онъ имѣетъ «нѣчто» въ каждомъ изъ чадъ Адамовыхъ вслѣдствіе грѣха. Оригенъ обращаетъ вниманіе на то, что, при всемъ значеніи искушенія и не смотря на особенно выдающееся мѣсто, которое занимаетъ разсказъ о немъ у двухъ Евангелистовъ, равно какъ и у третьяго, хотя его повѣствованіе и кратче, о немъ не говорится вовсе, такъ же, какъ и о Преображеніи, въ четвертомъ Евангеліи. Онъ считаетъ причиною этого пропуска то, что событіе, о которомъ идетъ рѣчь, не принадлежало къ Богословію въ самомъ строгомъ значеніи этого слова: то есть, касалось скорѣе жизни и дѣятельности Христа, какъ человѣка; такъ какъ Онъ искушаемъ былъ не какъ Богъ, «потому что Богъ не искушается зломъ» (Іаков. I, 13), а какъ человѣкъ. Слѣдовательно вполнѣ согласно было съ задачами и цѣлями, имѣвшимися въ виду при написаніи первыхъ трехъ Евангелій, чтобы повѣствованіе объ искушеніи было помѣщено въ нихъ; понятно и намѣренное опущеніе его въ четвертомъ Евангеліи.

Другая причина молчанія Евангелиста Іоанна объ этомъ событіи та, что его Евангеліе назначалось быть дополненіемъ предшествующихъ; оно не должно было поэтому говорить вновь о томъ, о чемъ уже и такъ было много сказано; его назначеніе было собрать въ сокровищницу драгоцѣнныя событія изъ жизни Христа, записать слова и дѣла Его, ими опущенныя. Таково было духовное богатство жизни Христовой, что только такимъ образомъ, чрезъ повѣствованіе о ней въ «четырехъ-стороннемъ Евангеліи», какъ оно названо самимъ Оригеномъ, эта жизнь могла быть представлена достаточно полно для нуждъ Церкви. Разъ этотъ восполнительный характеръ Евангелія отъ Іоанна признанъ, тотчасъ объясняется и то, почему онъ не писалъ о томъ, о чемъ писавшіе до него такъ подробно уже повѣствовали.

Повѣствованіе объ искушеніи нашего Господа въ пустынѣ не слѣдовало бы никогда разсматривать отдѣльно отъ повѣствованія о Его крещеніи. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что далеко не все его значеніе будетъ понято нами, если мы, даже въ мысляхъ, разобщимъ

его отъ торжественнаго свидѣтельства, провозглашеннаго Отцемъ о Сынѣ, прославленія Его съ небесъ и того полнаго увѣренія въ Его Божествѣ, которое было явлено на Іорданѣ; вотъ почему въ Евангельской исторіи эти два событія и изложены въ такой тѣсной связи между собою во всѣхъ трехъ повѣствованіяхъ (Матѳ. III, 16—17; IV, 1—11. Марк. I, 9—13. Лук. III, 21—22; IV, 1—13).

. . . . . .

Сынъ Божій въ крещеніи получилъ Свое небесное вооруженіе, и вотъ, Онъ идетъ явить силу этого духовнаго вооруженія. Получивъ крещеніе водою и Духомъ Святымъ, Онъ теперь получаетъ огненное крещеніе искушенія, и затѣмъ для Него послѣдуетъ и еще иное крещеніе—крещеніе кровію (Матѳ. XX, 22): потому что для Начальника нашего спасенія, равно какъ и для Его послѣдователей, дарованія Божія не служатъ ручательствомъ въ томъ, что Онъ не встрѣтится со зломъ, а скорѣе, они суть та великая сила, которою Онъ посвященъ для борьбы; такимъ образомъ то начальное слово, которымъ начинается разсказъ объ искушеніи: *тогда Іисусъ возведенъ былъ Духомъ въ пустыню* не есть простое слово *тогда*, понимаемое въ смыслѣ обозначенія лишь времени; нѣтъ, его значеніе глубже. Поставленное намѣренно, чтобы служить звеномъ, связующимъ искушеніе съ крещеніемъ, оно скорѣе обозначаетъ тотъ Божественный порядокъ, въ которомъ слѣдовали событія въ жизни Спасителя, и желаетъ остановить наше вниманіе на этомъ.

То, что̀ сказано о крещеніи, должно сказать и объ искушеніи. Неизмѣримо велика побѣда, одержанная въ немъ вторымъ Адамомъ, а также значеніе, которое она имѣла и имѣетъ въ дѣлѣ нашего искупленія.

. . . . . .

Адаму дано было положеніе, которое онъ долженъ былъ хранить; но онъ не сохранилъ его, и судьба міра рѣшилась на многіе вѣка. А теперь, съ появленіемъ втораго Адама, наступило второе испытаніе рода человѣческаго. Все рѣшается сызнова. Вновь представителемъ всѣхъ насъ выступаетъ одинъ Борецъ, Тотъ, Который одинъ дается за всѣхъ, стояніе Котораго будетъ стояніемъ многихъ, и паденіе Котораго, если бы только оно было мыслимо, стало бы паденіемъ многихъ, то есть—всѣхъ. Разъ уже сатана замышлялъ низринуть Небесное Царство, и это почти было удалось ему. Если бы тогда не было изречено милосердіемъ Божіимъ новое и неожиданное обѣщаніе о Сѣмени жены, то онъ бы и достигъ желаемаго. Теперь онъ постарается дѣйствительно сокрушить это царство, и сокрушить его навсегда. При томъ первомъ случаѣ оставалась еще надежда на Того, по образу Котораго былъ созданъ Адамъ, Который долженствовалъ явиться въ предназначенное время для поправленія того, что̀ повреждено Адамомъ,—но если бы Онъ палъ, за Нимъ уже нѣтъ никого; послѣднее сраженіе было бы дано—и проиграно.

Тогда Іисусъ возведенъ былъ Духомъ въ пустыню. Если бы кто спросилъ: какимъ это духомъ Онъ былъ веденъ туда? то конечно должно отвѣтить: *Духомъ Божіимъ*. Іеремія Тейлоръ выражается та́къ: «Онъ былъ веденъ духомъ добра, чтобы быть искушеннымъ отъ зла». Нѣкоторые, впрочемъ немногіе, понимали это иначе, предполагая, что Его увлекъ въ пустыню именно тотъ самый злой духъ, который потомъ и приступилъ къ Нему тамъ. Но это, очевидно, толкованіе ошибочное. Тутъ, видимое дѣло, зовъ Духа Божія на совершеніе подвига, и зовъ истинно безпримѣрный по своей силѣ. Даже въ Вет-

хомъ Завѣтѣ, на низшей степени развитія духовной жизни, мы неоднократно видимъ людей, совершающихъ подвиги, движимыхъ на то Духомъ Божіимъ, такъ напримѣръ въ жизни Моисея (Дѣян. VIII, 23), Гедеона (Суд. VI, 34), Самсона (Суд. XIII, 25; XVI, 19). Начальникъ нашего спасенія шелъ въ пустыню, влекомый туда другимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ шелъ добровольно; по словамъ одного ученаго, Онъ идетъ, какъ подвижникъ, по Своей волѣ; или еще разъ приведемъ слова Іереміи Тейлора—: «не влекомый какимъ либо неестественнымъ насиліемъ, а по дѣйствію вдохновенія и сверхъестественному влеченію и сильной рѣшимости воли».

Мѣстомъ искушенія была пустыня. Какая пустыня—намъ не сказано *; но для насъ существенно важно замѣтить то, что именно въ пустынѣ произошла эта встрѣча добра и зла, и того и другаго въ высшемъ своемъ представителѣ. И лучшаго мѣста не могло быть для этой встрѣчи, болѣе подходящаго. Дикость и запустѣніе на землѣ—это, такъ сказать, отпечатокъ, положенный грѣхомъ на внѣшнемъ твореніи; это его слѣды и знаки въ природѣ; это отголоски въ видимомъ мірѣ того разоренія и опустошенія, которыя внесены грѣхомъ во внутреннюю жизнь человѣка. Вѣрно сознавая это, люди всегда и считали дикія мѣста жилищемъ злыхъ духовъ.

По религіи древнихъ Персовъ, Аримань и его злые духи обитали въ Туранскихъ степяхъ и пустыняхъ, къ сѣверу отъ счастливаго Ирана, который находился подъ владычествомъ Ормузда; равно какъ, по вѣрованію Египтянъ, злой Тиѳонъ считался царемъ Ливійской песчаной степи, а Омирисъ— плодоноснаго Египта. Это понятіе о пустынѣ, какъ мѣстѣ пребыванія злыхъ духовъ, понятіе болѣе или менѣе допускаемое и Священнымъ Писаніемъ (Исаія XIII, 21; XXXIV, 14. Матѳ. XII, 43. Апокалипс. XVIII, 2), доказываетъ уже цѣлесообразность встрѣчи Господа съ сатаною въ пустынѣ, но высшая причина, по которой мы признаемъ ее наилучшимъ мѣстомъ для этой встрѣчи, есть та, что она во всемъ совершенно противоположна раю или саду. Садъ и пустыня—это двѣ противоположности въ жизни природы; въ нихъ мы видимъ или высшую гармонію, или наиглубочайшую разстроенность природы. Было справедливо, чтобы первый Адамъ былъ обитателемъ рая или сада, пока онъ пребывалъ въ своей первобытной чистотѣ; чтобы все внѣшнее, его окружавшее, соотвѣтствовало его внутренней жизни, чтобы между тѣмъ и другимъ не было несогласія; и вотъ въ этомъ-то Едемскомъ садѣ произошло его искушеніе. Побѣжденный въ борьбѣ, онъ былъ изгнанъ изъ рая; и вотъ, онъ и родъ человѣческій, судьбы котораго связаны съ его судьбою, осуждены жить на землѣ, изъ-за него проклятой. Правда, что въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, проклятіе нѣсколько милосердіемъ Божіимъ смягчено, и не вся земля обращена въ пустыню; но ея пустынныя мѣста до сихъ поръ свидѣтельствуютъ намъ, чѣмъ бы она по справедливости могла стать вся; на нихъ сосредоточена сила проклятія. Поэтому второй Адамъ,

---

[1] Преданіе говоритъ, что мѣстомъ искушенія была „пустыня, простирающаяся отъ Іерихона“ (Іис. Нав. XVI, 1; ср. Iosephus Antt. X, 8—2) и тянувшаяся затѣмъ по пути къ Іерусалиму (Іис. Нав. XVIII, 12), и, указывая точнѣе мѣсто искушенія, говоритъ, что оно происходило въ этой пустынѣ на той крутой и шероховатой горѣ, возвышающейся надъ равниной утесомъ какъ стѣна и прозванной потомъ Quarantana по сорокадневному посту Господа.

выступая на поле брани, покинутое первымъ Адамомъ, и унаслѣдовавъ отъ него для борьбы всѣ послѣдствія его пораженія, борется со врагомъ именно въ пустынѣ; и въ ней одолѣвъ его, возвращаетъ рай всему роду человѣческому, поборникомъ и представителемъ котораго Онъ былъ въ этой борьбѣ. Не менѣе вѣрно и то, что мы до сихъ поръ еще не видимъ сада въ полномъ его цвѣтѣ и красѣ; но то плодоносіе земли и раскрытіе ея силъ и красотъ, которое добыто уже и теперь человѣкомъ въ странахъ христіанскихъ, и служащее нуждамъ и радостямъ человѣка—не есть ли это залогъ и ручательство возвращенія современемъ земли къ ея полному первоначальному плодоносію и красотѣ, вслѣдствіе побѣды Христа надъ сатаною въ пустынѣ?

Святый Маркъ, какъ ни кратко его повѣствованіе объ искушеніи (онъ удѣляетъ ему лишь два стиха I, 12—13), указываетъ намъ, однакоже, въ немъ на одну особенность, которую мы тщетно бы стали отыскивать у другихъ Евангелистовъ, хотя ихъ описанія искушенія и длиннѣе; и то, на что̀ указываетъ святый Маркъ, должно остановить наше вниманіе не слегка и не поверхностно.

Въ своемъ разсказѣ объ этомъ событіи, по сравненію съ ихъ повѣствованіями, онъ также кратокъ, какъ въ разсказѣ о явленіи Господа двумъ ученикамъ на пути въ Еммаусъ (XVI, 12—13), если сопоставимъ его съ повѣствованіемъ о томъ же самомъ событіи у Евангелиста Луки (XXIV, 13—35). Но его образъ повѣствованія далеко не всегда таковъ, и какъ ни кратко его Евангеліе въ своемъ цѣломъ, но излагаетъ онъ событія съ большею содержательностью, чѣмъ и Евангелистъ Матѳей и Евангелистъ Лука; доказательствомъ чего можетъ служить его описаніе исцѣленія Гадаринскаго бѣсноватаго (V, 1—20) и разсказъ объ одержимомъ духомъ нѣмымъ (IX, 14—29), сравненныя съ ихъ повѣствованіями о томъ же. Въ данномъ случаѣ онъ сообщаетъ намъ о Господѣ, что, находясь въ пустынѣ, *Онъ былъ со звѣрями* (13). Но это замѣчаніе, очевидно, сдѣлано Евангелистами не просто для усиленія представленія о дикости и запустѣніи мѣста, гдѣ происходило искушеніе, какъ нѣкоторые желали бы это истолковать; нѣтъ, оно разомъ останавливаетъ наше вниманіе, намѣренно, на райскомъ состояніи, вновь прозябшемъ во второмъ Адамѣ.

Онъ былъ со звѣрями, которые признали въ Немъ своего истиннаго Владыку; Онъ былъ съ ними, какъ былъ съ ними Адамъ, пока не согрѣшилъ. Въ Немъ, во второмъ Адамѣ, являющемъ въ себѣ тотъ идеалъ человѣка, который изображенъ въ восьмомъ псалмѣ, всѣ преимущества, данныя Адаму, столь на долго утраченныя и отнятыя, лишь въ извѣстной мѣрѣ дарованныя послѣ потопа вновь (Быт. IX, 2), вполнѣ проявляются опять (ср. Быт. I, 26—28 съ Псал. VIII). Апокрифическія евангелія, чудесная сторона которыхъ просто чудовищна, и которыя такъ рѣдко изображаютъ Божественнаго Отрока съ чертами истинно Божественными,—въ данномъ случаѣ не столь далеки, какъ всегда, отъ истины идеальной и исторической. Такъ одно изъ нихъ повѣствуетъ объ Отрокѣ Іисусѣ, что во время Его бѣгства въ Египетъ львы и леопарды играли около Него, не вредя Ему и сопровождая Его.

Это возобладаніе вторымъ Адамомъ надъ возмутившимся царствомъ животныхъ должно затѣмъ продолжиться болѣе или менѣе, въ Святыхъ Его. И они «будутъ брать змѣй» (Марк. XVI, 18); и имъ дана будетъ власть «насту-

пать на змѣй и скорпіоновъ» (Лук. X, 19), и такимъ образомъ отмѣнится угроза, произнесенная пророкомъ Іереміею (VIII, 17); Павелъ будетъ стряхивать съ руки ядовитое животное и не потерпитъ никакого вреда (Дѣян. XXVIII, 5; ср. Іов. V, 22—23. Исаія XI, 8. Іезек. XXXIV, 25. Осія II, 18). Истиннымъ доказательствомъ этого высшаго преимущества, дарованнаго возстановленному отъ грѣха человѣку, служатъ, хотя иногда и въ преувеличенномъ видѣ, безчисленные примѣры изъ житій святыхъ, слову и волѣ которыхъ покорялись самые дикіе звѣри: святые сзываютъ рыбъ на слушаніе своихъ поученій, переплываютъ рѣки на спинѣ крокодиловъ и творятъ тысячи подобныхъ дѣлъ. Нельзя, впрочемъ, утверждать, чтобы даже и въ естественномъ своемъ состояніи человѣкъ совершенно былъ лишенъ этого преобладанія надъ животными; обломки его царскаго жезла все-таки остались у него въ рукахъ; «всякое естество звѣрей и птицъ, пресмыкающихся и морскихъ животныхъ укрощается и укрощено естествомъ человѣка» (Іаков. III, 3); и въ наши дни существуютъ укротители львовъ, змѣй; но этимъ жезломъ, которымъ человѣкъ теперь владѣетъ съ трудомъ, и при постоянныхъ возмущеніяхъ противъ него его непокорныхъ рабовъ, Христосъ дѣйствовалъ съ полною властію, какъ доказано было это въ теченіи этихъ сорока дней. Вотъ что̀ сказано намъ словами: *Онъ былъ со звѣрями*.

Въ эту пустыню Онъ, «достославный Отшельникъ» былъ веденъ *для искушенія отъ діавола* или отъ сатаны, какъ говоритъ святый Маркъ. Замѣчательно, какъ явенъ становится сатана въ Новомъ Завѣтѣ, между тѣмъ какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ онъ и ученіе о немъ едва примѣтны. Тамъ, послѣ перваго появленія противника въ раю, повелѣнія къ тому же прикровеннаго, онъ надолго вовсе удаленъ со сцены; во всемъ домостроительствѣ Ветхаго Завѣта лишь кое-гдѣ виднѣется мимолетное указаніе на то, что существуетъ эта духовная глава царства зла (так. въ кн. Іова I и II. Захар. III, 1, 2 и 1 Паралип. XXI, 1); только два раза о немъ упоминается въ не каноническихъ книгахъ (Премудр. II, 24. Сирах. XXI, 30).

То, что сатана становится болѣе замѣтенъ въ книгахъ Новаго Завѣта, можетъ быть отчасти объяснено подобіемъ, взятымъ изъ вещей естественныхъ: такъ, напримѣръ, свѣтъ гдѣ сильнѣе, тамъ и тѣни гуще. Высота и глубина—это понятія соотносительныя. Правдою скорѣе всего обнаруживается неправда; лишь при свѣтѣ любви ненависть является ненавистью; а нечестіе таковымъ при свѣтѣ чистоты; такимъ образомъ потребно явиться высшему добру для того, чтобы мы уразумѣли бездну зла. Но этимъ не объясняется вполнѣ молчаніе Священнаго Писанія о сатанѣ. Безъ сомнѣнія, люди въ то время, которое было младенческимъ возрастомъ рода человѣческаго, еще не созрѣли для принятія ученія о немъ. Ибо для многихъ это ученіе, принятое живо ими къ сердцу, было бы слишкомъ страшно; прежде чѣмъ они узнали о князѣ свѣта, ихъ бы устрашило существованіе князя властей тьмы. Такимъ образомъ находящимся подъ Божественнымъ домостроительствомъ въ Ветхомъ Завѣтѣ и не дозволено знать слишкомъ ясно что либо о сатанѣ до тѣхъ поръ, пока имъ не дано было узрѣть духовнымъ окомъ его, спадшаго съ неба, какъ молнію; только лишь тогда Священное Писаніе начинаетъ говорить о немъ ясно и не обинуясь. Съ этого должны мы, можетъ быть, взять примѣръ для обученія дѣтей. Порядокъ, котораго придерживался Богъ въ обученіи рода человѣческаго,

то умолчаніе, почти полное, котораго Онъ придерживался во время младенчества рода человѣческаго, можетъ съ успѣхомъ быть примѣнено къ дѣтямъ, а также и къ тѣмъ, чьи способности мало развиты духовно. «Пишу вамъ дѣти», говоритъ святый Апостолъ Іоаннъ, «потому что вы познали Отца» (1 Іоан. II, 12—13); и они дѣйствительно узнали отъ него о любви Отца Небеснаго; затѣмъ онъ продолжалъ: «я написалъ вамъ, юноши, потому что вы сильны, и слово Божіе пребываетъ въ васъ, и вы побѣдили лукаваго (14). Этимъ уже сильнымъ дано было знать, что ихъ брань не противъ крови и плоти, но противъ духовъ злобы поднебесныхъ» (Ефес. VI, 12).

И постившись сорокъ дней и сорокъ ночей, напослѣдокъ взалкалъ. Какъ должны мы понимать столь продолжительный постъ, повидимому, невозможный для человѣка при обыкновенныхъ условіяхъ? Очевидно не такъ, какъ дѣлали нѣкоторые, объясняя все Божественною властію Христа, здѣсь будто дѣйствовавшей; такъ какъ такое толкованіе этого событія отняло бы у него для насъ все его значеніе. Истолкованія должно искать въ иномъ.

. . . . . .

Опытъ нашей ежедневной жизни показываетъ, что область высшая вліяетъ на низшую. Изнуренный, измученный полкъ, который чрезъ силу тащится, услышавъ звуки хорошо знакомой ему пѣсни, ободряется, забываетъ всю свою усталость: не есть ли это доказательство того, что духъ царитъ не только въ собственной области, но предназначенъ господствовать и господствуетъ уже не въ малой мѣрѣ и теперь надъ тою областью жизни человѣческой, которая ниже его? Матерія вмѣсто того, чтобы упорно сопротивляться духу, часто является чудно ему служащею.

Чувственность искажаетъ и лишаетъ достоинства наружность человѣка; чистота и любовь облагораживаютъ ее, проливая лучи своего свѣта и на наружный видъ. И что самое воскресеніе тѣла, то есть конечное прославленіе естества, или большинство тѣхъ чудесъ, которыя были творимы Господомъ во время Его земной жизни, какъ не дѣйствія духа на вещество? То же мы видимъ и въ теченіи сорокадневнаго поста Господа. Превознесенный и поддерживаемый выше обычныхъ потребностей животной жизни великимъ приливомъ духовной радости, сильный этимъ только что бывшимъ крещеніемъ, въ торжественномъ восторгѣ отъ привѣтствія и свидѣтельства Отца, Онъ въ эти дни не имѣлъ и не чувствовалъ нужды ни въ чемъ вещественномъ. Такъ, при однородномъ съ настоящимъ, хотя и менѣе важномъ случаѣ, голодъ и жажда были забыты Имъ, или, вѣрнѣе сказать, Онъ не ощущалъ ихъ при Самарійскомъ колодезѣ, отъ радости о взысканіи погибшей души (Іоан. IV, 31—34). Въ жизни другихъ людей находимъ достаточно сходныхъ съ этимъ случаевъ, которые, какъ ни далеки отъ того, о которомъ идетъ рѣчь, все же, въ своей и меньшей мѣрѣ, свидѣтельствуютъ о томъ же самомъ преобладаніи духа, о томъ преобладаніи, которое онъ можетъ являть надъ требованіями естественной жизни. Всѣ сильныя страсти, какъ-то: необычайная радость, удручающая скорбь, восторженная набожность, всѣ онѣ, какъ мы всегда видимъ, заставляютъ временно забывать о нуждахъ жизни животной, отложить и прервать ея требованія на время, хотя и не столь продолжительное. Павелъ въ минуту своего обращенія три дня не ѣлъ и не пилъ (Дѣян. IX, 9).

Итакъ Господь постился *сорокъ дней*. Но почему именно сорокъ, а не болѣе

и не менѣе? Мы побуждаемся сдѣлать этотъ вопросъ по случаю повторенія этого самаго числа при обстоятельствахъ, не вполнѣ не сходныхъ и между собою, и съ настоящимъ случаемъ. Совершенно столько же постился Моусей (Второзак. IX, 9) и Илія (1 Царств. XIX, 8); Онъ, глава Новаго Завѣта, не отставалъ ни въ чемъ отъ тѣхъ, которые явлены были главнѣйшими представителями Ветхаго Завѣта, его законовъ и пророковъ (Матѳ. XVII, 3). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, сорокадневный Его постъ не есть слѣдствіе ихъ постовъ, длившихся столько же времени; скорѣе же и ихъ и Его длились такое число дней вслѣдствіе того значенія, какое этому числу сорокъ вездѣ приписывается въ Священномъ Писаніи. Всматриваясь пристально, мы замѣчаемъ, что оно въ немъ всегда является числомъ, означающимъ кару, сѣтованіе, исповѣданіе грѣха или наказанія за оный. Такъ, оно является знакомъ наказанія за грѣхъ въ тѣ сорокъ дней и сорокъ ночей, въ продолженіи которыхъ Богъ возвѣщаетъ, что Онъ повелитъ водамъ потопа покрыть землю (Бытія VII, 4, 12) [1]; въ сорокалѣтнемъ странствованіи Израильтянъ въ пустынѣ (Числ. XIV, 33; XXXII, 13. Псал. XCV, 10); въ тѣхъ сорока ударахъ, которыми долженствовалъ быть наказанъ виновный (Второзак. XXV, 3. 2 Коринѳ. XI, 24); въ опустошеніи Египта, которое должно было длиться сорокъ лѣтъ (Іезек. XXIX, 11). Знакомъ же исповѣданія грѣха оно является, когда Моусей сорокъ дней ходатайствовалъ о своемъ народѣ (Второзак. IX, 25); когда Ниневитяне налагаютъ на себя сорокадневный постъ (Іоан. III, 4); когда Іезекіиль несетъ наказанія за неправды дома Іудина, въ теченіи сорока дней (Іезек. IV, 6); сорокъ дней, а въ случаѣ рожденія дѣвочки дважды сорокъ дней, срокъ—назначенный родительницѣ для ея очищенія послѣ родовъ (Левит. XII, 2—5; ср. Псал. L, 3: «во грѣсѣхъ родила меня мать моя)». Въ силу всего этого, и имѣя главнымъ своимъ основаніемъ постъ своего Господа, и положила Церковь Великій постъ четыредесятницы; въ этомъ же и причина, почему выбрано для Евангельскаго чтенія въ первое Воскресенье Великаго поста это повѣствованіе Священнаго Писанія объ искушеніи; повѣствованіе это, если мы должнымъ образомъ прочувствуемъ его сердцемъ, болѣе чѣмъ какое другое, поможетъ намъ провести время поста должнымъ образомъ.

. . . . . .

. . . . . .

Сорокадневный постъ Христа есть величайшій фактъ, противопоставленный, въ дѣлѣ искупленія, тѣмъ плотскимъ похотямъ, которымъ угождали какъ Адамъ, такъ и Израильтяне; точно такъ, какъ сліяніе языковъ въ день Пятидесятницы противопоставлено смѣшенію языковъ, бывшему при столпотвореніи Вавилонскомъ (Быт. XI, 7—8. Дѣян. II, 6—11), на что̀ Церковь желала бы привлечь наше вниманіе, выбравъ между прочимъ и послѣднее событіе предметомъ для нашего поученія во дни празднованія Пятидесятницы.

Сорокъ дней продолжалась пріостановка этого чувства потребности въ тѣлесной пищѣ, но по истеченіи ихъ голодъ далъ себя почувствовать во всей силѣ; «*Онъ напослѣдокъ взалкалъ*».

Искуситель это видитъ и замышляетъ воспользоваться минутою, которую счелъ для себя благопріятною; и вотъ самое искушеніе, раздѣленное на три послѣдовательныя дѣйствія, начинается: *И при-*

[1] Амвросій, De Noë et Arcâ, XIII, 6, 44.

ступилъ къ Нему искуситель и сказалъ: если Ты Сынъ Божій, скажи, чтобы камни сіи сдѣлались хлѣбами. Нѣкоторое наружное сходство, повидимому, могущее существовать между камнями и хлѣбомъ (ср. Матѳ. VII, 9), служитъ объясненіемъ тому, почему именно надъ ними, а не надъ чѣмъ либо другимъ Христосъ былъ вызываемъ показать Свое могущество. Часто спрашивали, зналъ ли дѣйствительно искуситель, что Тотъ, къ Кому онъ приступалъ съ такимъ наущеніемъ, есть Сынъ Божій? или это было лишь испытующее дѣйствіе, чтобы заставить Его открыть Себя и показать Своимъ отвѣтомъ, Кто Онъ и какою облеченъ властію? На этотъ вопросъ отвѣчали различно. Вѣроятно, правы тѣ, которые еще издревле отвѣчали большею частью, что злой духъ, испытуя такимъ образомъ, старался выяснить для себя могущество Того, Котораго онъ инстинктивно вѣрно сознавалъ своимъ врагомъ смертельнымъ, страшась наихудшаго, но все еще находясь въ недоумѣніи, съ Кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Мы не должны также упускать изъ вида того намека, который такимъ образомъ здѣсь дѣлался, несомнѣнно, на слова: «*Сей есть Сынъ Мой возлюбленный*», такъ недавно произнесенныя съ неба. То, что̀ объявлено Богомъ рѣшительно, сатана желаетъ вновь сдѣлать сомнительнымъ и гадательнымъ (ср. Быт. III, 1). Эти самыя слова, со скрытой въ нихъ хулой и тайнымъ отрицаніемъ, Христу предназначалось опять услышать въ часъ еще болѣе мучительнаго страданія, чѣмъ былъ даже настоящій. Онъ опять будетъ хулимъ и насмѣшливо вызываемъ подобными же словами (Матѳ. XXVII, 40) доказать Свое мессіанское посольство и этимъ самымъ уничтожить все то дѣло, которое Онъ, какъ Мессія, пришелъ совершить; но тогда, какъ и теперь, Онъ найдетъ въ Себѣ силу предоставить защиту Своего сыновства въ руки Отца.

То, на что̀ сатана вызываетъ въ данную минуту Господа, именно повелѣть, чтобы камни сіи сдѣлались хлѣбами, не было въ собственномъ смыслѣ грѣхомъ, но было бы дѣломъ грѣшнымъ для Него. Согласиться Ему на это значило бы уничтожить все Свое дѣло, какъ Ходатая и Посредника. Если бы при всякомъ болѣе сильномъ напорѣ на Него страданій и мукъ міра Онъ прибѣгалъ къ власти, которая была присуща Ему, какъ Сыну Божію, и такимъ образомъ исключалъ бы Себя изъ того, что̀ доступно вообще человѣчеству, то гдѣ бы былъ сотоварищъ—человѣкъ, побѣдитель міра своею человѣческою вѣрою, а не Своею Божественною силою? Исчезла бы вся жизнь по вѣрѣ.

При Своемъ воплощеніи Господь соединилъ Свою судьбу съ судьбою всего рода человѣческаго; искушеніе состоитъ въ предложеніи вновь отдѣлить Себя отъ людей: «Сынъ Божій, яви Свое могущество». Когда въ осажденномъ и пораженномъ голодомъ городѣ, когда въ трудныя минуты при переходахъ по безводнымъ степямъ, полководецъ или начальникъ отказывается отъ исключительныхъ преимуществъ, не желая выдѣлять свою участь изъ участи своихъ страждущихъ сотоварищей—солдатъ, когда Катонъ выливаетъ на песокъ единственную каплю воды, которую могли добыть среди Африканской степи и принесли ему для питья, то всѣ они, поступая та́къ, дѣйствовали по мѣрѣ своихъ духовныхъ силъ въ томъ же направленіи, высшее выраженіе и исполненіе чего мы видимъ въ образѣ дѣйствія Господа въ данномъ случаѣ. Его чудеса всѣ будутъ для нуждъ другихъ; никогда для Его собственныхъ. Онъ, претворившій воду въ

вино, могъ обратить камни въ хлѣбъ; но на то Онъ былъ побуждаемъ нуждою другихъ, на это же только Своею. И это воздержаніе отъ помощи Самому Себѣ было закономъ всей Его жизни; жизни, столь же дивной тѣми чудесами, которыхъ Ему не угодно было совершить, какъ и тѣми, которыя Имъ были содѣяны.

Сила этого искушенія, равно какъ и каждаго изъ послѣдующихъ, состояла въ томъ, что то, что̀ предлагалъ исполнить сатана, дѣйствительно вполнѣ согласовалось съ конечными цѣлями служенія Сына Божія; и что грѣхъ состоялъ единственно въ дѣйствіи преждевременномъ. Такъ, одною изъ конечныхъ цѣлей Его служенія роду человѣческому долженствовало быть то, что пустыня расцвѣтетъ, какъ кринъ, что всякая тяжесть грѣха—голодъ, бѣдность, нужда, весь мучительный трудъ добыванія отъ земли въ потѣ лица ежедневнаго пропитанія, и оставляющій мало, или вовсе не оставляющій времени для высшаго умственнаго или нравственнаго развитія,—что всѣ эти послѣдствія перваго проклятія земли (Быт. III, 17—19) прекратятся и окончатся, что, такъ сказать, камни сдѣлаются хлѣбомъ. Но искушеніе состояло въ томъ, что предлагалось съ этого начать вмѣсто того, чтобы этимъ окончить, предлагалось вызвать изобиліе въ видимомъ мірѣ иначе, чѣмъ какъ выраженіе и слѣдствіе внутренняго царства правды. И въ отказѣ Господа исполнить это заключается осужденіе всякаго намѣренія облегчить тяжкую судьбу рода человѣческаго безъ кореннаго нравственнаго исправленія, всякаго предположенія, считающаго возможнымъ сдѣлать людей счастливѣе, не дѣлая ихъ святѣе,—всѣхъ тѣхъ предположеній, которыя не болѣе, какъ коммунистическія мечты, коль скоро онѣ поставляются цѣлью, а не средствами къ достиженію оной; мечты эти не небеснаго происхожденія, а совсѣмъ инаго. Не отъ добра онѣ и никогда не могутъ привести къ добру. Но между тѣмъ, кто дерзнетъ измѣрить всю силу этого искушенія для Того, Который зрѣлъ одновременно состраданіемъ человѣческимъ и Божескимъ на безчисленный трудъ и нужду рода человѣческаго? Я думаю, что вполнѣ ошибочно было бы признавать его личный, непосредственный голодъ тѣмъ, что̀ составляло все, или даже главное, самое сильное и тяжелое въ этомъ искушеніи. Для стоящаго, какъ Онъ стоялъ, въ центрѣ человѣчества, отъ котораго исходили всѣ радіусы, направляясь къ своей крайней окружности, этотъ голодъ былъ лишь какъ-бы ключемъ и истолкователемъ всего того голода, всей той нужды, всѣхъ тѣхъ бѣдъ, которыя когда либо были испытываемы чадами Адама, или будутъ ими испытаны, до того великаго и славнаго дня, когда земля будетъ разрѣшена отъ первоначальнаго проклятія и снова станетъ произращать обильнымъ райскимъ произращеніемъ. Его личный голодъ былъ включенъ въ страданіе; но онъ не исключалъ, а скорѣе вмѣщалъ въ себѣ еще и голодъ всѣхъ людей. Но быть въ состояніи пріостановить все это, знать, что Ему стоитъ произнести одно слово, и всему этому положенъ былъ бы конецъ, кто изъ имѣющихъ грѣшное, а слѣдовательно и себялюбивое сердце, въ силахъ постичь, чѣмъ это искушеніе было для Того, Который весь любовь ко всѣмъ людямъ?

. . . . . .

Отвѣтъ, данный Іисусомъ Христомъ, таковъ, что каждый въ правѣ, равно какъ и Онъ, сдѣлать его: *не хлѣбомъ однимъ будетъ живъ человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ*

Божіихъ. Защитникъ всей Своей Церкви, Онъ покрываетъ Своимъ щитомъ не одного Себя, но всѣхъ тѣхъ, кого Онъ назвалъ Своими братьями и съ которыми Онъ въ Своемъ воплощеніи соединилъ Свою участь и судьбу; и говоря: «будетъ живъ человѣкъ» заявляетъ, что Онъ не желаетъ отдѣлять Себя отъ рода человѣческаго.—Эти слова взяты, равно какъ и другія два мѣста, Имъ приводимыя, не только изъ Ветхаго Завѣта, но прямо изъ повѣствованія о сорокалѣтнемъ искушеніи Израиля въ пустынѣ, какъ о немъ разсказано въ книгѣ Второзаконія. И сдѣлано это, конечно, не просто, не безъ основанія, но изъясняется тѣмъ, что Израиль прообразовалъ Сына Человѣческаго, что Онъ былъ «рабъ Божій», долженствовавшій исполнить праведность, но не исполнившій ея; въ этомъ фактѣ мы и должны искать объясненія того, что святый Матѳей говоритъ словами пророка Осіи: «изъ Египта воззвалъ Я Сына Моего» (Матѳ. II, 15; ср. Осія XI, 1). Христосъ, на что уже и прежде приходилось указывать, не только есть второй Адамъ, но и истинный Израиль рабъ Божій (Исаія XLII, 1), который, какъ таковый, засвидѣтельствуетъ своимъ послушаніемъ, что человѣкъ истинно живетъ лишь вѣчнымъ словомъ, что въ немъ его жизнь.

Первоначально эти слова были сказаны Моусеемъ о маннѣ: «Онъ питалъ тебя манною, которой не зналъ ты, и не знали отцы твои, дабы показать тебѣ, что не однимъ хлѣбомъ живетъ человѣкъ, но всякимъ (словомъ) исходящимъ изъ устъ Господа, живетъ человѣкъ» (Второзак. VIII, 3). Но сказанныя тогда эти слова особенно приличествовали такой минутѣ, какъ была настоящая, и вотъ почему: въ ниспосланіи манны и въ питаніи ею людей заключалось знаменательное доказательство того, что для всемогущества Божія не одни обычныя средства могутъ быть предѣломъ дѣйствія; и что какъ тогда Онъ создалъ «новую вещь» для подкрѣпленія Своего народа, такъ Онъ и теперь могъ напитать совершенно безъ всякихъ какихъ либо наружныхъ средствъ и помощи того, который возлагалъ свою надежду на Него. Богъ Самъ Питатель, а не хлѣбъ или что̀ иное. Манна была не болѣе какъ помощь, данная слабой вѣрѣ, потому что она въ сущности вовсе не питала, питательность же заключалась во всемогуществѣ Божіемъ, дѣйствовавшемъ въ маннѣ и черезъ манну. И такимъ образомъ не указываетъ ли Господь этими словами Священнаго Писанія на то, что человѣку необходимо еще и нѣчто иное, кромѣ хлѣба; что онъ имѣетъ душу, которая должна быть питаема небесной пищей, какъ его тѣло поддерживается земною; и что если голодъ души утоленъ, то не важно, какъ живется тѣлу. Его слова еще сильнѣе это выражаютъ, чѣмъ ветхозавѣтныя. Творческое слово, которое одно даетъ хлѣбу его питательную силу, можетъ напитать, какъ Онъ убѣжденъ, что и напитаетъ въ настоящей нуждѣ, независимо отъ хлѣба. Собственно говоря въ отвѣтѣ заключается мысль: «у Меня есть пища, которой вы не знаете (Іоан. IV, 32). Я не въ изнеможеніи, какъ ты предполагаешь, и въ чемъ тебѣ бы хотѣлось и Меня увѣрить; Я живу Богомъ»...

Потомъ беретъ Его діаволъ во святый городъ и поставляетъ Его на крылѣ храма. Довольно замѣчательно то, что святый Матѳей называетъ Іерусалимъ *святымъ городомъ*, каковаго названія мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ другихъ Евангелистовъ. Для него, какъ Іудея, онъ именно былъ «святымъ мѣстомъ» (Матѳ. XXIV, 15), «городомъ великаго

Царя» (Матѳ. V, 35), «престоломъ Господа» (Іерем. III, 17). Въ повѣствованіи, параллельномъ настоящему у святаго Луки, сказано просто *Іерусалимъ*. Я не желалъ бы истолковывать слово *беретъ* такъ, какъ это дѣлаетъ Гаммондъ, предполагающій, будто оно означаетъ, что «діаволъ перенесъ Его по воздуху», потому что такое восхищеніе и полетъ, подчиненіе Себя на столько волѣ противника представляется вполнѣ несогласнымъ съ тѣмъ достоинствомъ, которое сохранялъ Сынъ Божій среди Своего уничиженія. Сторонники такого толкованія говорятъ, что ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, чтобы Тотъ, Который допустилъ слугъ діавола Себя заушать, бичевать и распять, отдалъ Себя настолько и насилію ихъ владыки; а что намъ должно лишь помнить то, что насиліе это могло быть совершаемо надъ Нимъ не иначе, какъ если Онъ добровольно поддался оному. Но слова, сказанныя святымъ Матѳеемъ, врядъ ли оправдываютъ такое толкованіе оныхъ. Слово, переведенное нами глаголомъ *беретъ* (παραλαμβάνει), есть то самое, которое употреблено всѣми тремя Евангелистами, когда они желали описать возведеніе Господомъ съ Собою избранныхъ Своихъ Апостоловъ на гору Преображенія (Матѳ. XVII, 1. Марк. IX, 2. Лук. IX, 28), и часто встрѣчается въ иныхъ мѣстахъ Евангелія. Что *крыло храма* было мѣстомъ, недосягаемымъ иначе, какъ посредствомъ такого полета — это мнѣніе ошибочно. Въ разсказѣ Егезиппа, который сохраненъ намъ Евсевіемъ, о мученичествѣ праведнаго Іакова, мученикъ поставляется на этомъ самомъ *крылѣ*, достичь котораго *онъ* очевидно могъ лишь не сверхъестественнымъ образомъ. Сюда онъ поставленъ былъ, чтобы проповѣдывать людямъ, стоявшимъ внизу, и когда своимъ словомъ не оправдалъ ожиданій Іудеевъ, возведшихъ его туда, то былъ свергнутъ ими оттуда. Мы, я убѣжденъ, всего лучше сдѣлаемъ, признавъ, что образъ быстраго перемѣщенія нашего Господа изъ пустыни, гдѣ началось искушеніе и гдѣ Его находимъ по окончаніи онаго,—на крыло храма и на вершину горы, внѣ сферы нашего пониманія.

И говоритъ Ему: если Ты Сынъ Божій, бросься внизъ; ибо написано: Ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ, и на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твою. Ясно, что храмъ былъ подходящимъ мѣстомъ для этого собственно теократическаго искушенія, равно какъ пустыня была такимъ для искушенія, обращеннаго къ тѣлеснымъ потребностямъ; такъ и высокая гора будетъ вполнѣ должнымъ мѣстомъ для имѣвшагося еще въ виду искушенія отъ міра; даже иные представляли себѣ, что искуситель бралъ на себя попеременно и разные образы: видъ отшельника въ пустынѣ, Ангела свѣта на крылѣ храма, царя, когда на горѣ предлагалъ царства міра Господу. — Раскрывъ нѣсколько это искушеніе, мы можемъ лучше уяснить себѣ, въ чемъ состояла его гнетущая сила. То, что̀ искуситель предлагалъ, могло быть приблизительно слѣдующее: «будь теперь же сразу признанъ Христомъ. Дай добровольно то, что̀ тѣ, отъ которыхъ будетъ зависѣть принять, или отвергнуть Тебя, будутъ такъ часто требовать отъ Тебя, именно «знаменіе съ неба» (Матѳ. XII, 38; XVI, 1. Лук. XI, 16). Явись, окруженный и носимый сонмомъ Ангеловъ среди изумленнаго народа. Ты—предопредѣленный Христосъ. Зачѣмъ избирать путь долгаго, медленнаго и тягостнаго признанія Тебя, какъ Мессіи? Зачѣмъ соглашаться нести презрѣніе и отверженіе—наводя такимъ образомъ столько зла на Себя и на тѣхъ, которые от-

вергнутъ Тебя, когда однимъ высокимъ дерзновеніемъ вѣры, и имѣя тѣмъ болѣе слово Священнаго Писанія, служащее Тебѣ порукой въ этомъ. Ты могъ бы шагнуть разомъ къ тому отдаленному совершенію судебъ, которое имѣется дѣйствительно въ виду Промысломъ Божіимъ?

Съ какимъ удивительнымъ искусствомъ искуситель измѣнилъ въ одно мгновеніе весь планъ своего нападенія! Въ томъ первомъ искушеніи онъ вызывалъ Господа на недовѣріе къ любви Его Отца, говоря, что Онъ долженъ Самъ Себѣ помочь, а другой помощи не будетъ; теперь же побуждаетъ не то, чтобы чрезмѣрно вѣрить этой любви, но подвергнуть эту любовь испытанію согласно Своему произволу, а не Божіему опредѣленію. Если онъ не можетъ вовлечь Его въ грѣхъ недовѣрія, то, быть можетъ, удастся вовлечь въ грѣхъ превозношенія вѣры. Сатана, къ тому же, узналъ еще нѣчто и другое при той первой встрѣчѣ: онъ узналъ, что Писаніе есть законъ жизни Христовой; что оно — та сфера, въ которой Онъ живетъ и движется. На словѣ этого Писанія былъ основанъ отказъ Господа сдѣлать камни хлѣбомъ. Такъ вотъ же слово этого самаго Писанія, которое должно бы побудить Его согласиться на то, что̀ Ему теперь предлагается.. Девяностый псаломъ, на который ссылается противникъ, написанъ не лично о Сынѣ Божіемъ, а касается всѣхъ вѣрующихъ вообще. Тѣмъ не менѣе сатану нельзя обвинить въ злоупотребленіи или неправильной ссылкѣ на этотъ псаломъ, когда онъ (сатана) примѣнилъ содержащееся въ немъ обѣтованіе ко Христу; такъ какъ все написанное относительно вѣрующихъ вообще должно быть отмѣнно вѣрно относительно Его, Который—ихъ Глава. Оригенъ, должно сознаться, въ этомъ не правъ, обвиняя сатану въ ложномъ примѣненіи ко Христу того, что̀ было написано о другихъ, и въ извращеніи Писанія въ этомъ мѣстѣ; обвиненіе это повторено Златоустомъ и Іеронимомъ. Что есть и должна быть гдѣ-нибудь ложь въ приложеніи даже словъ истины со стороны того, кто лжецъ и искони лжецъ—это несомнѣнно. Онъ лжетъ, по прекрасному указанію благочестиваго Бернарда, опуская малую фразу, которая измѣнила бы весь характеръ приведеннаго мѣста. *Онъ Ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ*—эти слова сатана приводитъ, но слѣдующія затѣмъ: «охранять Тебя на всѣхъ путяхъ Твоихъ» онъ вовсе опускаетъ. Но то, на что̀ онъ теперь вызывалъ Господа, не было *путемъ*, предопредѣленнымъ Ему Его Небеснымъ Отцемъ,—путемъ, на которомъ Онъ могъ бы быть увѣренъ, что Онъ не споткнется (Іоан. XI, 9—10), а бездною, въ которую Онъ бы своевольно ринулся; и никто не въ правѣ прилагать къ себѣ обѣтованіе о храненіи его на всѣхъ путяхъ его, разъ онъ промѣнялъ опредѣленные ему пути на какіе либо стропотные пути въ родѣ того, который предлагался теперь Господу.

Іисусъ сказалъ ему: написано также: не искушай Господа Бога Твоего. Это дѣйствительно написано на каждой страницѣ Писанія, но здѣсь главнымъ образомъ указывается на Второзаконіе VI, 16. Но прежде всего въ этомъ возраженіи Христа *написано* также заключается великій урокъ, совершенно независимый отъ того именно мѣста Писанія, на которое Онъ въ данномъ случаѣ ссылается, или отъ того значенія, которое Онъ ему придаетъ. Это указаніе есть наша охрана и защита противъ всякаго искаженнаго употребленія разобщенныхъ мѣстъ Священнаго Писанія. Только вникая въ духъ всего Писанія, мы видимъ, какъ оно допол-

няетъ и истолковываетъ само себя, чѣмъ и вооружены мы противъ заблужденій и обольщеній, противъ чрезмѣрныхъ увлеченій или отпаденій въ ту или другую сторону.

Въ данномъ случаѣ Господь извлекаетъ изъ хранилища оружій Божіихъ оружіе, одновременно поражающее и защищающее, которое можно назвать и солнцемъ, и щитомъ: *не искушай Господа Бога Твоего*... Люди *искушаютъ* Бога, когда съ недовѣріемъ относятся къ неистощимымъ источникамъ Его премудрости, Его могущества, Его благости; когда они не хотятъ вѣрить просто Его слову, а вызываютъ Его на немедленное доказательство и удостовѣреніе Имъ обѣщаннаго для того, чтобы увѣровать. Такъ, когда сыны Израилевы восклицали: «можетъ ли Богъ приготовить трапезу въ пустынѣ» (Псал. LXXVII, 19)? этотъ ихъ вопросъ былъ въ самомъ строгомъ смыслѣ слова «искушеніемъ» Бога, какъ прямо и объясняетъ Псалмопѣвецъ: «они искушали Бога въ сердцѣ своемъ — они искушали Бога и оскорбляли Святаго Израилева» (41)... Не въ другомъ смыслѣ, какъ мы знаемъ, и враги Господа «приступили и, *искушая* Его, просили показать имъ знаменіе съ неба» (Матѳ. XVI, 1), то-есть они испытывали Его, отказываясь, если имъ не дастся это доказательство, признать Его права, какъ Мессіи. И то предложеніе, которое сатана дѣлалъ Господу, чтобы Онъ бросился стремглавъ съ крыла храма, было въ самомъ строгомъ смыслѣ слова, какъ Онъ это Самъ объявляетъ «искушеніемъ» Господа Бога Своего, то-есть испытываніемъ Его, какъ таковаго, въ помощь и храненіе Котораго не вѣрятъ безъ очевидныхъ доказательствъ.

Богъ можетъ *искушать* человѣка столь часто, какъ Ему угодно; потому что въ каждомъ человѣкѣ есть немощное начало, оправдывающее искушеніе, которое или откроетъ ему эту немощь и такимъ образомъ обратитъ его къ Источнику всякой истинной силы, или чрезъ побѣдоносную борьбу съ онымъ сдѣлаетъ его обладателемъ еще большей силы Божіей, чѣмъ прежде. Но люди никогда не могутъ законно *искушать* Бога, въ Которомъ нельзя открыть ничего подобнаго, и Котораго они тогда болѣе всего чтутъ, когда признаютъ въ Его лицѣ соединеннымъ все наивысочайшее, благороднѣйшее и величайшее, до чего ихъ сердца могутъ возвыситься. Христу надлежало вѣровать въ любвеобильную благость и вѣрность Божію, въ силу которыхъ Богъ охранитъ Его на всѣхъ путяхъ Его, не искушая или испытывая Его, какъ внушалъ это противникъ. Такое искушеніе могло бы произойти лишь только отъ тайнаго невѣрія, и было бы для Него отступленіемъ въ самомъ началѣ отъ той жизни по вѣрѣ, прожить которую Онъ пришелъ на землю для побѣжденія ею лукаваго.

Въ этомъ отказѣ Христа осуждены всѣ тѣ, которые бѣгутъ прежде, чѣмъ бываютъ посланы, которые бросаются въ опасности, къ которымъ не призваны; всѣ тѣ, которые охотно желаютъ быть преобразователями, но которые не призваны Богомъ и не посланы Имъ на дѣло преобразованія, и которые поэтому большею частью подвергаютъ себя, а съ собой и свое дѣло сраму, безчестію и пораженію; осуждены также и всѣ тѣ, которые надменно надѣются на помощь Божію, не имѣя библейскаго свидѣтельства, оправдывающаго ихъ вѣру въ то, что Онъ ихъ почтитъ Своею силою.

Хорошо извѣстно, что въ разныхъ Евангеліяхъ это второе искушеніе и третье слѣдуютъ въ различномъ порядкѣ. У святаго Матѳея искушеніе тще-

славіемъ *(бросься внизъ)* поставлено первымъ, а искушеніе мірообладаніемъ *(все это дамъ Тебѣ)* слѣдуетъ потомъ, тогда какъ у святаго Луки сначала предлагаются царства съ ихъ славою, и только, когда они были отвергнуты, начинается искушеніе духовной гордостью. Могутъ спросить: въ какомъ порядкѣ собственно должны были слѣдовать искушенія, или, выражаясь точнѣе, въ какомъ дѣйствительно послѣдованіи шли искушенія въ данномъ случаѣ?... Въ пользу повѣствованія святаго Луки можно сказать то, что духовное нечестіе, кажется, есть крайнее и утонченнѣйшее искушеніе лукаваго; люди, побѣдившіе всѣ другія искушенія, подвергаются еще и оному, и иногда побѣждаются имъ; такъ какъ бѣлаго діавола, какъ говорятъ, надо болѣе страшиться, чѣмъ чернаго; а устроеніе того, чтобы искушенія слѣдовали въ такомъ порядкѣ и послѣдовательности, чтобы они были возможно дѣйствительнѣе, это преимущественно приписывается сатанѣ (Ефес. IV, 14; VI, 10—13). Но, съ другой стороны, въ пользу послѣдовательности, которой придерживается святый Матѳей, можно сказать, что слова: *отойди отъ Меня, сатана,* врядъ ли могли быть сказаны среди искушенія, такъ какъ они скорѣе окончательное и властное удаленіе искусителя, послѣ котораго онъ не осмѣлится долѣе, въ данную по крайней мѣрѣ минуту, безпокоить Господа. И этотъ фактъ, кажется, исключаетъ всѣ доводы, которыми поддерживается тотъ или другой порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ искушенія, не говоря уже о томъ, что слова у святаго Матѳея *тогда* (5) и *опять* обозначаютъ тѣснѣйшее сопоставленіе обстоятельствъ въ послѣдовательномъ порядкѣ времени, чѣмъ это сдѣлано въ слабо между собой связанныхъ происшествіяхъ у святаго Луки.

Опять беретъ Его діаволъ на весьма высокую гору,—горы Сіонъ, Хоривъ, Ѳаворъ, Небо, Масличная гора, всѣ онѣ были называемы,—*и показываетъ Ему всѣ царства міра и славу ихъ, и говоритъ Ему: все это дамъ Тебѣ, если падши поклонишься мнѣ.* Внутренняя связь между этимъ третьимъ искушеніемъ и тѣмъ, которое предшествовало, можетъ быть слѣдующая: «итакъ, если Ты не Сынъ Божій, что ясно изъ Твоего безсилія превратить камни въ хлѣбъ, изъ Твоего отказа смѣло полагаться на силу и богатство Его благодати, то поклонись мнѣ и пріими отъ меня то, что̀ я Тебѣ дамъ, *всѣ царства міра и славу ихъ*». Этими послѣдними словами обозначается все, что̀ царства заключали въ себѣ прекраснѣйшаго, богатѣйшаго, наилучшаго, цвѣтъ и вѣнецъ ихъ блеска, вмѣстѣ взятые (Исаія XXXIX, 2. Матѳ. VI, 29).... Какимъ бы образомъ ни совершилось это показываніе, ясно, что ловко придумано представленіе искушенія очамъ, а не нашептываніе слуху,—ловкость, которой можно было и ожидать отъ отца лжи. Око—входная дверь для желанія; обольщеніе и уклоненіе отъ добра чрезъ него легче всего совершается. «Оно», говоритъ епископъ Андреусъ, «есть маклеръ между сердцемъ и всѣми порочными вожделѣніями, которыя существуютъ въ мірѣ»; оно выказало себя таковымъ изначала (ср. Быт. III, 6. Іов. XXXI, 1, 7. 2 Царств. XI, 2. Іезек. XXIII, 16. Матѳ. V, 28. 2 Петр. II, 14) и такимъ есть до сихъ поръ.

...То качественное прибавленіе, которое находится въ повѣствованіи святаго Луки, весьма знаменательно: *Тебѣ дамъ власть надъ всѣми сими царствами и славу ихъ, ибо она предана мнѣ, и я кому хочу даю ее.* Хотя искуситель искони лжецъ, однако онъ не осмѣливается присвоить себѣ царства

міра и славу ихъ, какъ-бы совершенно по праву ему принадлежащія. На свѣтѣ есть довольно много манихеянъ, вѣрующихъ, что діаволъ—царь и владыка міра; но тотъ, въ чью пользу клонится вѣроученіе манихеянъ о міроправленіи, самъ не рѣшается утверждать этого... Въ нѣкоторой мѣрѣ, дѣйствительно, попущено міру подпасть власти діавола; онъ теперь, по собственнымъ словамъ Христа, «князь міра сего» (Іоан. XII, 31); по словамъ Его Апостола, «князь господствующій въ воздухѣ» (Ефес. II, 2); «богъ вѣка сего» (2 Коринѳ. IV, 4); могущій дать тѣмъ, кто ему служитъ, силу свою и престолъ свой и великую власть (Апокалипс. XIII, 2). Но какою бы властью онъ ни обладалъ въ мірѣ, пользуется онъ ею не по праву, а со своей стороны—похищеніемъ, съ Божіей—попущеніемъ, какъ онъ даже вынужденъ здѣсь и самъ сознаться. Ему можно бы сказать, какъ было сказано одному изъ его слугъ: «ты не имѣлъ бы надо мною никакой власти, если бы не было дано тебѣ свыше» (Іоан. XIX, 11). Нашъ міръ въ началѣ не былъ міромъ *злымъ* (Быт. I, 31); онъ былъ дѣйствительно mundus, но не mundus immundus, такъ какъ часто это любитъ пояснять Августинъ.

Сатана играетъ въ сильную игру, и поэтому онъ не скупится много и предложить. Епископъ Андреусъ дозволяетъ себѣ тонкую и мѣткую иронію, какую встрѣчаемъ въ одной изъ его проповѣдей объ искушеніи, когда онъ противопоставляетъ предложеніе Христу царствъ міра, Имъ отвергнутое, съ невыразимо жалкими подкупами, каковы: чечевичная похлёбка (Быт. XXV, 34), Сенаарская одежда (Іисусъ Навинъ VII, 21), обмѣнъ двухъ одеждъ (4 Царств. V, 23), тридцать сребренниковъ (Матѳ. XXVI, 15), на которые мы такъ часто согласны промѣнять все.

Вотъ нѣкоторыя его слова: «найдутся люди, которые скажутъ, что они никогда не были искушаемы царствами. Очень можетъ быть; для чего же, когда цѣль достигнута много меньшимъ? Такъ искушаемъ былъ одинъ Христосъ; въ Немъ витала сильная душа, для которой не могли быть приманкой малыя вещи. Но съ нами бываетъ далеко не то, потому что мы цѣнимъ себя много дешевле. Мы цѣнимъ свой товаръ очень низкой цѣной; сатана можетъ купить насъ задаромъ, какъ говорится. Ему не для чего подымать насъ такъ высоко, какъ вершина горы. Вершина башни достаточно высока для этого; даже самая низкая колокольня во всемъ городѣ, и та бы годилась для того, чтобы дѣло сдѣлать съ нами. Или, ему стоитъ увлечь насъ лишь на кровли нашихъ собственныхъ домовъ; нѣтъ, даже и того не нужно,—если мы будемъ стоять просто у своихъ оконъ и дверей, и онъ дастъ намъ лишь то, что̀ мы изъ нихъ увидимъ, онъ и этимъ достаточно искуситъ насъ; мы примемъ этотъ даръ, да еще и поблагодаримъ его. Ему не придется обращаться къ намъ съ царствами. Если бы онъ подошелъ къ намъ съ тридцатью сребренниками, то боюсь, что многіе изъ насъ сыграли бы роль Іуды. Нѣтъ, и меньше еще, нежели это, въ состояніи подкупить многихъ, даже «горсть ячменя и кусокъ хлѣба». Да пожалуй иной не смутится купить и продавать бѣдняка за пару сандалій, по выраженію пророка Амоса... Что-нибудь въ родѣ полтины серебра, или десяти грошей, или пары сапогъ и тому подобной мелочи можетъ заставить насъ пасть на колѣни предъ діаволомъ».

Но какъ велика должна быть сила и прелесть этого искушенія!... Ничего не могло быть справедливѣе, какъ то, чтобы всѣ царства міра принадлежали Христу, ничто не было вѣрнѣе того,

что Онъ, какъ Мессія, унаслѣдуетъ ихъ всѣ. И поэтому, чувствуя и сознавая, что Онъ законный Царь народовъ, имѣющій власть благословлять ихъ всякимъ благословеніемъ, какъ ихъ Царь, имѣя такія пророчества о Своемъ царствѣ и о томъ, чѣмъ это царствованіе должно быть, (какъ у Исаіи XXXII, 1—8. Псал. LXXI), Онъ, вѣроятно, чрезвычайно желалъ, и по совершенству Своей природы Онъ и долженъ былъ желать, чтобы царства міра принадлежали Ему. Сколько страждущихъ сердецъ ждали отъ Него обвязанія своихъ кровавыхъ ранъ? сколько сидящихъ во тьмѣ ожидали свѣта отъ Него? сколько угнетенныхъ ожидали отъ Него освобожденія отъ своихъ оковъ? Власть осуществить все это, осушить всѣ эти рѣки слезъ, сообщить полноту познанія любви Своего Отца, исправить всякое зло, истребить всѣхъ тѣхъ, кто губитъ и гонитъ добро на землѣ—вотъ та слава, которая представлялась Его взору при обладаніи царствами міра; вотъ въ чемъ состояла главная сила этого искушенія...

Съ другой стороны, мы не должны упускать изъ вида, что въ этомъ третьемъ искушеніи представлялась надежда обойти и миновать весь тотъ трудъ, горе и страданія, на которыя въ противномъ случаѣ Спаситель міра долженъ идти. Царства міра станутъ Его достояніемъ, какъ легкій даръ, вмѣсто того, чтобы быть, какъ это должно стать въ противномъ случаѣ, болѣзненно вырванной у хищника добычей цѣною Своей собственной жизни и крови. Съ этой точки зрѣнія, живо представляя Себѣ страшное искушеніе, заключавшееся въ надеждѣ избѣжать такимъ образомъ креста и питія чаши для Того, Который зналъ все, что̀ значили этотъ крестъ и чаша, должны мы истолковывать эти слова: «отойди отъ Меня, сатана» (Матѳ. XVI, 23), которыми позднѣе Христосъ порицаетъ главу Своихъ Апостоловъ, когда и онъ вздумалъ выступить прекателемъ и хотѣлъ своимъ «да не будетъ этого съ Тобою, Господи» (Матѳ. XVI, 22) увѣрить Господа, что многостраданіе не есть и не должно быть Его удѣломъ; что есть иной путь, кромѣ пути крестнаго, которымъ Онъ можетъ вознестись на Свой престолъ. Эти слова Господа озадачили многихъ. Могъ ли Тотъ, Который не произносилъ никогда празднаго слова, для Котораго сатана былъ воплощеніе всякаго зла, назвать этимъ именемъ Своего слугу, порицать такъ ужасно его случайную ошибку? Они отказались признать это; а между тѣмъ какъ избѣжать признанія этого? Думаю, слѣдующимъ образомъ: Христосъ видѣлъ яснымъ свѣтомъ Своего духа въ словахъ святаго Петра скорѣе подстрекательство сатаны, который заставлялъ дѣйствовать слугу и дѣлалъ его для искушенія органомъ и безсознательнымъ орудіемъ, которымъ хотѣлъ воздѣйствовать на Учителя. Христосъ увидѣлъ сатану, такъ-сказать, выглядывающимъ изъ-за Петра, подстрекающимъ чрезъ него, какъ въ пустынѣ внушалъ болѣе непосредственно, что есть кратчайшій путь къ Царству Его славы, чѣмъ позорный путь Его креста; и къ діаволу собственно и прежде всего и обращены эти слова, хотя, обращенныя къ нему, они составили и для Петра внушительное и истинное порицаніе...

Но какою цѣною должно было оплатить это право щедро благословлять другихъ, въ чемъ собственно и заключалась главная сила этого искушенія? Не болѣе какъ поклоненіемъ тому, отъ кого Онъ долженъ былъ получить царство... До сихъ поръ внушенія лукаваго, при всей ихъ лживости и коварствѣ, могли быть все-таки сколько-нибудь благопріятно истолкованы; первое

могло быть вызвано сочувствіемъ, хотя и неумѣстнымъ, къ голоду Господа; второе—желаніемъ, хотя и преждевременнымъ, чтобы Онъ открыто провозгласилъ достоинство Своего Лица и служенія и содѣлалъ явною для всего міра Божію къ Нему любовь. Но настоящее искушеніе не допускаетъ никакого такого благопріятнаго толкованія. Теперь искуситель показалъ себя въ истинномъ своемъ видѣ, таковымъ, что уже нельзя ошибиться и принять его за Ангела свѣта: онъ, очевидно, вождь, влекущій людей къ полнѣйшему отступничеству отъ поклоненія и служенія истинному Богу; или, говоря точнѣе, тѣ искушенія заключали въ себѣ предложенія, оскорбительныя для Христа, а въ этомъ послѣднемъ заключалась открытая хула для Бога Небеснаго. Поклоненіе, принадлежащее Богу, предлагалось воздать Его врагу. Поэтому измѣненъ и тонъ отвѣта: *отойди отъ Меня, сатана!* Божественное терпѣніе уступаетъ теперь мѣсто Божественному негодованію...

Затѣмъ Христосъ переходитъ къ оправданію того слова, полнаго презрѣнія, которымъ Онъ отвѣтилъ и каковымъ однимъ и могъ отвѣтить на послѣднее предложеніе искусителя; а также и къ объясненію и того страшнаго имени *сатаны*, противника и врага всего добраго, которымъ Онъ назвалъ его. Дѣлаетъ Онъ это словомъ Писанія, въ грѣхъ непослушанія противъ котораго противникъ желалъ вовлечь Его: *ибо написано*: *Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи—написано* во Второзак. VI, 13 и тамъ же X, 20; ср. Апокалипс. XIX, 10)...

Тогда оставляетъ Его діаволъ, или согласно болѣе точнымъ словамъ святаго Луки, отмѣчающимъ двѣ важныя черты, которыя были опущены святымъ Матѳеемъ, *и кончивъ все искушеніе, діаволъ отошелъ отъ Него до времени.* Мы врядъ ли преувеличимъ значеніе словъ *все искушеніе*, если заключимъ, что тѣ три искушенія, которыми было сдѣлано нападеніе въ пустынѣ на великаго нашего Вождя, объемлютъ собою весь кругъ человѣческихъ искушеній, такъ что для насъ изъ этого становится очевиднымъ превосходство Христа надъ сатаною и его главнѣйшими тремя оружіями. Эти три главныя оружія обозначаются тремя словами: міръ, плоть и діаволъ, соотвѣтствующія, какъ часто было замѣчаемо, тѣмъ тремъ, которыя исчислены святымъ Іоанномъ: «похоть плоти, похоть очей и гордость житейская» (1 Іоан. II, 16). Въ наущеніи удовлетворить голодъ образомъ, не согласнымъ съ волей Божіей, заключалось искушеніе плоти; въ предложеніи царствъ съ ихъ славою—искушеніе міра; а затѣмъ, хотя и всѣ искушенія были отъ діавола, но то искушеніе было особенно демонское, которымъ предлагалось Христу тщеславно и духовно горделиво ринуться стремглавъ съ крыла храма, то есть стать другимъ «сыномъ утренней зари» (ср. Исаіи XIV, 12), но который бы палъ съ высоты много высшей, чѣмъ та, съ которой когда либо палъ Его искуситель.

Не должны мы также упускать изъ вида и не замѣтить то достойное примѣчанія сходство, которое существуетъ между этимъ искушеніемъ и тѣмъ, подъ которымъ наши прародители пали въ раю. Когда «увидѣла жена» (чрезъ тѣ неправильныя стекла и очки, которыя были издѣлія сатаны, какъ добавляетъ Жаксонъ), «что дерево хорошо для пищи» (вожделѣніе плоти), «и что оно пріятно для гласъ» (искушеніе міра), «и вожделѣнно, потому что даетъ знаніе» (искушеніе діавола), то она «взяла плодовъ его и ѣла» (Быт. III, 6). Въ этомъ ея первомъ грѣхѣ заключались

основы всякаго инаго грѣха, равно какъ въ настоящей побѣдѣ надъ искушеніемъ задатки и много бо́льшіе, чѣмъ задатки всякой иной побѣды.

Такимъ образомъ *окончивъ все искушеніе*, метнувъ всѣ свои огненныя стрѣлы и увидѣвъ, что всѣ онѣ, потушенныя и смятыя, пали на землю, *діаволъ оставляетъ Его*, потому что прежде всего надъ Царемъ вѣрующихъ долженствовало быть показано истинно вѣрнымъ то слово, которое впослѣдствіи запечатлѣетъ своею печатью и каждый изъ сыновъ Его Царства: «противостаньте діаволу, и убѣжитъ отъ васъ» (Іаков. IV, 7). *Онъ оставляетъ Его;* но, какъ добавляетъ святый Лука, *до времени*. Тутъ оставлено мѣсто для другаго нападенія: подразумѣвается собственно, что такое позднѣйшее нападеніе имѣлось въ виду и въ свое время проявится. Для насъ не можетъ быть сомнѣнія насчетъ того, какое время имѣлось въ виду священнымъ повѣствователемъ, а именно, что какъ одно великое искушеніе ознаменовало начало открытаго служенія Спасителя, такъ другое ознаменуетъ окончаніе онаго; что за искушеніемъ въ пустынѣ послѣдуетъ въ должное время, дополняя его, искушеніе въ саду (Геѳсиманскомъ); даже Самъ Господь, обращая ли Свой взоръ къ бывшему, или во всякомъ случаѣ взирая на это второе искушеніе, когда оно уже было очень близко и наступало, воскликнулъ: «идетъ князь міра сего, и во Мнѣ не имѣетъ ничего» (Іоан. XIV, 30); ничего, то есть, такого, на что̀ онъ могъ бы воздѣйствовать своею властью и требовать, какъ свое...

Мы видимъ также, что Ему является Ангелъ и подкрѣпляетъ Его въ другой великій часъ Его искушенія (Лук. XXII, 43). Вѣроятно, что они въ данномъ случаѣ принесли пищи (ср. 1 Царств. XIX, 5—6): слово, которое читаемъ въ оригиналѣ (διηκονοῦν), можетъ это значитъ; и такимъ образомъ, быть можетъ, слово «хлѣбъ Ангельскій ѣлъ человѣкъ» (Псал. LXXVIII, 25) получило свое высшее осуществленіе; а равно они могли и воспѣть торжественными пѣснями эту величайшую побѣду Царства свѣта надъ царствомъ тьмы.

Теперь нѣсколько словъ въ заключеніе. Много было приложено старанія для того, чтобы истолковать искушеніе до полнаго отрицанія его существованія; желали отнять у него все заключающееся въ немъ сверхъестественное и такимъ образомъ низвести его до уровня происшествія, могущаго быть объясненнымъ законами, обычно дѣйствующими вокругъ насъ и въ насъ...

Такъ, для иныхъ искушеніе есть видѣніе. Но это толкованіе не можетъ устоять. Очевидно, что священные повѣствователи не намѣрены были излагать разсказъ объ этомъ событіи, какъ о видѣніи. Когда они сообщаютъ о чемъ либо подобномъ, то выражаютъ свою мысль вполнѣ ясно (Дѣян. IX, 12; X, 3, 10; XI, 5; XVIII, 9; XXII, 17); и, что̀ еще болѣе касается сущности дѣла, никто не можетъ принять это толкованіе, не отступивъ отъ вѣрованія Церкви относительно ея Спасителя и Главы. Христосъ не имѣлъ видѣній; по существу Его Божественной природы, Онъ не могъ имѣть оныхъ. Никогда не было двери, отверстой на небѣ (Апокалипс. IV, 1) для Него, предъ Которымъ міръ небесный былъ всегда открытъ и ясно зримъ (Іоан. V, 19—20). Тотъ не могъ быть въ то или другое время «въ Духѣ» (Апокалипс. I, 10), Который всегда былъ въ Духѣ; почему для Него и не существовали какія либо духовныя восхищенія. Онъ не имѣлъ особенныхъ сообщеній и откровеній отъ Отца, потому что вся Его жизнь была полнѣйшее и непрерывное единеніе съ

Нимъ. Даже тѣ сообщенія, которыя могли бы казаться таковыми особенными сообщеніями, къ Нему обращенными прямо, истолковываются, какъ имѣющія другой поводъ и значеніе: «не для Меня былъ гласъ сей, но для народа» (Іоан. XII, 30; ср. XI, 41—42). Весьма возвышенно говоритъ Массильонъ въ словѣ *о Божествѣ нашего Господа* объ этомъ отсутствіи всякаго восхищенія, всякихъ восторговъ, всякихъ изступленій во Христѣ; онъ выясняетъ, что Его Божество не допускало того, чтобы Онъ въ какую либо минуту Своей жизни былъ въ томъ восторженномъ состояніи духа, въ какомъ бывали пророки Ветхаго Завѣта, а также, хотя и рѣже, Апостолы и другія лица Новаго Завѣта (Дѣян. X, 10; XI, 5; XXII, 17. 2 Коринѳ. XII, 2, 4. Апокалипс. 1, 10). Понятіе о видѣніи, равно какъ и о восторгѣ, доходящемъ до изступленія, есть то, что дѣйствія нашей низшей жизни понижаются или отчасти прерываются для того, чтобы сдѣлать возможнымъ лучшее воспріятіе впечатлѣній или сообщеній изъ высшаго міра; это есть заходъ блестящаго солнца здѣшняго міра, чтобы явились ясныя звѣзды небесной тверди. Но для Христа въ этомъ никогда не могло быть нужды, потому что въ Немъ во всякое время существовало полное равновѣсіе и гармонія всѣхъ способностей и силъ; въ Немъ не было преобладанія низшихъ жизненныхъ силъ, которыя могли бы когда либо омрачать или мѣшать совершенному дѣйствію высшихъ силъ.

Это же самое соображеніе, только еще въ высшей степени, воспрещаетъ истолковывать искушеніе какъ сонъ, который, дѣйствительно, есть ничто иное, какъ низшій видъ видѣнія. Даже слуги Божіи, уже преуспѣвшіе въ духовной жизни, рѣдко получаютъ откровенія такимъ образомъ. Сновидѣнія служатъ скорѣе проводникомъ сообщеній съ язычниками, каковы: Авимелехъ (Быт. XX, 3), Лаванъ (Быт. XXXI, 24), Навуходоносоръ (Дан. II, 1; IV, 5), жена Пилата (Матѳ. XXII, 16); волхвы, пришедшіе съ востока (Матѳ. II, 12); или и съ другими, стоящими хотя и выше сихъ, но все же своими духовными силами далеко не равняющимися великимъ святымъ Божіимъ, Соломону напримѣръ (1 Царств. III, 5); и намъ именно указывается, какъ на одно изъ достоинствъ Моисея, на то, что Богъ, говорившій и открывавшій Свою волю другимъ низшимъ пророкамъ въ видѣніяхъ или снахъ, съ нимъ говорилъ устами къ устамъ (Числ. XII, 5—8. Второзак. XXXIV, 10).

Насколько же еще въ большей мѣрѣ долженствовало быть всегда присущимъ Сыну Божію полное ясновидѣніе самыхъ высшихъ истинъ? Истинно, всякія какія либо мечты и представленія воображенія были на столько чужды Ему, что я считаю ошибкою то, что Мильтонъ въ возвращенномъ раѣ описываетъ Его мечтающимъ о пиршествахъ во время Своего голода въ пустынѣ.

Другая попытка отнять у искушенія всю его таинственность была сдѣлана въ XVII столѣтіи и возобновлена въ началѣ текущаго Паулусомъ и другими.

Они усматривали въ искусителѣ простаго смертнаго человѣка, подосланнаго синедріономъ, или, можетъ быть, и самого первосвященника, желавшаго удостовѣриться въ томъ, какова духовная настроенность этого молодого пророка Галилейскаго, которому только что дано было такое славное свидѣтельство отъ Крестителя; и попытать, нельзя ли его обольстить и привлечь къ служенію ветхой развращенной теократіи, вмѣсто того, чтобы свидѣтельствовать противъ нея и ея служителей, чего, по примѣру

прежде бывшихъ пророковъ, а также по многимъ грознымъ указаніямъ и дѣйствіямъ Крестителя, слѣдовало ожидать отъ Него. На это мнѣніе достаточно указать, и затѣмъ болѣе къ нему не возвращаться. Невѣріе имѣетъ нѣкоторыя ложныя представленія, которыхъ потомъ само стыдится, и это одно изъ таковыхъ.

Ученіе другихъ, что искушеніе это была борьба нашего Господа не съ внѣшнимъ врагомъ, а со внутренними, съ пожеланіями плоти, гордости, влеченіями міра, которыя возникли въ Его умѣ и старались совратить Его съ тѣснаго пути, Ему предназначеннаго, совершенно несогласно съ понятіемъ о лицѣ Спасителя, Который, какъ таковый, долженъ быть вполнѣ святъ, чтобы мысли, побуждавшія ко злу, могли такимъ образомъ возникать въ Его душѣ. Христосъ могъ быть искушаемъ только извнѣ, а не внутренно. Онъ нисходилъ на землю, облеченный не нашей грѣшной плотью, къ которой зло прирождено и въ которой оно неизбѣжно возникаетъ, но по точному выраженію Апостола «въ подобіи плоти грѣховной» (Римлян. VIII, 3), и ясно, что здѣсь слово «въ подобіи» относится къ слову «грѣховной», потому что съ плотію Онъ имѣлъ не подобіе, а тождество (1 Іоан. IV, 2. Іоан. I, 14), а потому зло ни въ какомъ другомъ видѣ и не могло предстать Ему (Прав. Обозр. 1887 г. Мартъ, стр. 562—589. Апрѣль, стр. 719—740).

Какъ примирить искушеніе Іисуса Христа съ понятіемъ о Его безгрѣшности.

Шаффъ разрѣшаетъ вопросъ этотъ слѣдующимъ образомъ: «Христосъ, безъ сомнѣнія, подвергался искушеніямъ, также какъ и мы, но Онъ никогда не былъ побѣжденъ искушеніемъ. Его безгрѣшность была прежде всего *относительная* безгрѣшность Адама до паденія; отсюда и необходимость испытаній и искушеній, и самая возможность паденія. Если бы Онъ съ самаго начала былъ одаренъ абсолютною неспособностью грѣшить, то не могъ бы быть истиннымъ человѣкомъ, и по этому самому не могъ бы быть образцомъ для нашего подражанія; Его святость не была бы Его собственною, личною заслугою, а случайнымъ, внѣшнимъ даромъ, и Его искушенія были бы обманчивымъ призракомъ. Какъ истинный человѣкъ, Христосъ долженъ былъ сдѣлаться существомъ нравственно свободнымъ и нравственно отвѣтственнымъ; но свобода предполагаетъ возможность выбора между добромъ и зломъ, предполагаетъ также и возможность какъ исполненія, такъ и неисполненія заповѣдей Божіихъ. Однако съ одной уже этой стороны представляется огромное коренное различіе между первымъ и вторымъ Адамомъ: первый лишился своей невинности чрезъ злоупотребленіе свободою и чрезъ свое непослушаніе подвергся печальной необходимости грѣха; второй же Адамъ среди грѣховъ былъ и остался невиннымъ, не смотря на всѣ искушенія. Такимъ образомъ *относительная* безгрѣшность Христа, чрезъ Его собственное, личное нравственное дѣло, или чрезъ правильное употребленіе свободы, чрезъ совершенное, активное и пассивное повиновеніе Богу, постепенно болѣе и болѣе дѣлалась *абсолютною*. Другими словами: *первоначальная возможность не грѣшить*, заключающая въ себѣ возможность грѣха, но исключающая его дѣйствительность, развилась во Христѣ *до невозможности грѣшить*,—до невозможности, которая грѣшить не *можетъ*, потому что не *хочетъ*. Это есть самая высшая степень свободы, гдѣ она дѣлается тожественною съ нравственною необходимостью, или абсолютнымъ и по-

стояннымъ, непремѣннымъ самоопредѣленіемъ къ добру. Свобода на этой степени есть свобода Бога и святыхъ на небѣ, съ тѣмъ различіемъ, что святые достигаютъ такого состоянія свободы чрезъ освобожденіе и избавленіе отъ узъ грѣха и смерти, тогда какъ Христосъ пріобрѣлъ его Своими собственными заслугами» (Іисусъ Христосъ—чудо исторіи, стр. 34—35).

«Когда спрашиваютъ: въ чемъ состоитъ заслуга исполненія заповѣди, которую нельзя было преступить? Какая слава въ томъ, что не согрѣшилъ Тотъ, Который не могъ согрѣшить? то вопросъ, говоритъ Тренчъ, возникаетъ отъ смѣшенія понятія о нравственной и физической необходимости. Богъ не можетъ лгать, Богъ не можетъ дѣлать зла; но должны ли мы поэтому прекратить наше хваленіе и прославленіе Его за Его святость и истину? Онъ не можетъ, потому что Онъ не хочетъ. Теперь Ангелы не могутъ грѣшить; они такъ проникли въ славу Божію, что вознесены, какъ мы вѣруемъ, выше возможности паденія. Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы ихъ послушаніе имѣло цѣну тогда, когда они могли послѣдовать *за не сохранившими своего достоинства, но оставившими свое жилище* (Іуд. I, 6), а теперь, когда они не могутъ грѣшить, лишилось бы ея? Есть нѣчто лучшее и высшее, какъ думали Августинъ и Ансельмъ, чѣмъ свободный произволъ, liberum arbitrium, хотя бы онымъ, при всякомъ отдѣльномъ случаѣ, когда представляется выборъ, и предпочтено было добро; и это лучшее есть свобода, libertas, или блаженная необходимость добра, beata necessitas boni, и разъ какимъ либо существомъ достигнуто такое состояніе, то странно было бы, конечно, утверждать о немъ, что это достиженіе имъ высшаго низвело его въ состояніе низшее, въ состояніе безчувственныхъ пней и камней, которые дѣйствительно не могутъ творить зла, но по тѣмъ же причинамъ, которыя не допускаютъ ихъ до дѣланія онаго, не въ состояніи поступать и правильно» (Прав. Обозр. 1887 г. Апрѣль).

По тому же вопросу (объ искушаемости и безгрѣшности Іисуса Христа) въ Евангельской исторіи О. Буткевича находимъ слѣдующее разсужденіе:

Для православнаго христіанскаго богослова представляется трудная задача при изслѣдованіи вопроса объ искушеніи Господа нашего Іисуса Христа: съ одной стороны онъ долженъ допустить, что Христосъ былъ искушаемъ сатаною, ибо того требуетъ несомнѣнный смыслъ Евангельскихъ повѣствованій, а съ другой—онъ не долженъ переходить и границы, указанной словами Апостола Павла: *кромѣ грѣха* (Евр. IV, 15). Но въ этихъ предѣлахъ нельзя долго держаться, если приписать Христу абсолютную невозможность сближенія со зломъ (non potuit peccare). Если къ Нему не могъ приближаться искуситель, то онъ, очевидно, не былъ доступенъ и искушенію вообще. Понятно, почему уже богоотступнику Юліану бросилось въ глаза и казалось страннымъ, что діаволъ пытался было искусить Іисуса, потому что, по взгляду Юліана, діаволъ, какъ существо умное, долженъ былъ знать, что Іисусъ обладалъ столь возвышенною природою, предъ которой должна оказаться напрасною всякая попытка искусить Его. На это Ѳеодоръ Мопсуэтскій даетъ отвѣтъ, не имѣющій, впрочемъ, для себя основанія въ Евангельскомъ текстѣ, что тогда будто бы діаволъ не зналъ Іисуса, какъ Сына Божія, какимъ Онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Но что̀ касается діавола, то этотъ вопросъ можно рѣшить, конечно, нѣсколько иначе, выходя изъ самаго понятія о діаволѣ. Искушая

Іисуса, онъ дѣлаетъ только то, что̀ онъ и долженъ былъ дѣлать по необходимому требованію своей природы, такъ какъ иначе онъ сталъ бы въ противорѣчіе съ самимъ собою и пересталъ бы быть діаволомъ; какъ духу злобы, какъ врагу человѣчества, ему свойственно было желаніе довести до паденія и втораго Адама, какъ онъ довелъ до этого перваго, чтобы такимъ образомъ разрушить все дѣло искупленія падшаго человѣчества. Гораздо труднѣе вопросъ о способности къ искушенію Самого Іисуса Христа. Положеніе Арія, что въ силу свободы Своей воли Христосъ одинаково былъ доступенъ какъ для порока, такъ и для добродѣтели, какъ извѣстно, есть одно изъ тѣхъ лжеученій, которыя Православная Церковь положительно отвергла и осудила, какъ еретическія. Тѣмъ не менѣе едва ли можно отказать Іисусу во всякомъ пунктѣ соприкосновенія со зломъ, потому что въ этомъ случаѣ мы впали бы въ докетизмъ, и человѣчество Іисуса нужно было бы считать только призрачнымъ.

Самъ Богъ, по свидѣтельству ветхозавѣтнаго Писанія, допускаетъ къ Себѣ діавола вмѣстѣ съ Ангелами и даже принимаетъ его предложенія, хотя эти предложенія завѣдомо направлены сатаною во вредъ благочестивому человѣку и притомъ по чисто сатанинскимъ мотивамъ. Самъ Богъ уже въ силу одного Своего всевѣдѣнія способенъ различать добро отъ зла; но это однакоже не значитъ, что Онъ способенъ избирать зло, т. е. способенъ грѣшить. Поэтому, при рѣшеніи вопроса о безгрѣшности Іисуса, мы должны руководиться лишь слѣдующимъ соображеніемъ: Высшая Божественная природа Христа, которая неслитно и нераздѣльно была соединена въ Немъ съ природою человѣческою, не можетъ быть мыслима вполнѣ уничтоженною или находящеюся въ абсолютномъ покоѣ ни въ одинъ моментъ Его земной жизни, а слѣдовательно и зло, какъ нѣчто дѣйствительное и реальное, въ Немъ также не можетъ быть мыслимо. Но такъ какъ съ другой стороны во Христѣ никогда не уничтожалась и человѣческая природа, всегда способная къ борьбѣ со зломъ, то зло поэтому всегда и могло приближаться къ Нему въ большей или меньшей степени, и вотъ, въ исторіи искушенія дѣйствительно и указывается такой моментъ, когда злой духъ ближе всего приступилъ къ Нему. Такимъ образомъ, если во Христѣ должна быть допущена возможность грѣха, то такая, которая вслѣдствіе безгрѣшности Божественной природы Іисуса, освятившей до возможной степени самое Его человѣчество, никогда не могла перейти въ дѣйствительность. Такимъ образомъ, безгрѣшность Іисуса состояла въ томъ, что, исполненный безграничнаго отвращенія ко злу, Онъ совершенно побѣдилъ его возвышенностію Своей природы, а потому уничтожилъ въ Себѣ и самую возможность грѣха въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ ее вообще. Только Отецъ не искушается зломъ (Іаков. I, 13), Сынъ же, однажды вступившій въ лоно человѣчества, чрезъ Свое «подобіе плоти грѣха» (Римлян. VIII, 3), всегда могъ приходить во время Своей земной жизни въ личное соприкосновеніе со зломъ, не воспринимая его однакоже въ Себя. А если такъ, то совершенно справедливо, что дѣло искупленія падшаго человѣчества отъ грѣха Христосъ прежде всего долженъ былъ начать побѣдою надъ діаволомъ, приступившимъ прежде всего къ Нему Самому. «Въ идеѣ Искупителя, говоритъ Ольсгаузенъ, заключается то, что Онъ назначенъ уничтожить царство тьмы». Но «первымъ шагомъ къ этому, по справедливому замѣчанію Куна, должно быть то, чтобы

зло было уничтожено прежде всего на Немъ Самомъ; затѣмъ, когда бы Онъ уже на дѣлѣ отогналъ отъ Самого Себя приблизившагося къ Нему злаго духа, Онъ могъ начать и Свое дѣло искупленія человѣчества отъ грѣха и власти князя міра сего». Какъ Освободитель человѣчества отъ власти князя тьмы, Христосъ дѣйствительно почти всю Свою жизнь на землѣ провелъ въ борьбѣ съ княземъ тьмы (ср. напримѣръ Матѳ. XXVII, 40. Іоан. VI, 14; VII, 3—4 и мн. другія), хотя и выдаются особенно только два момента, въ которые Онъ совершилъ полное противодѣйствіе силѣ злаго духа и побѣдилъ его. Эти моменты, какъ извѣстно принадлежатъ къ началу и концу Его общественнаго служенія, и каждый изъ нихъ носитъ свой особый отпечатокъ. Въ началѣ общественнаго служенія діаволъ, не скрывая себя, предлагалъ Іисусу искушенія, съ чисто сатанинскою хитростью предваряя ихъ словами: «аще Сынъ еси Божій»; но въ то время, когда Іисусъ уже почти оканчивалъ Свое дѣло на Голгоѳѣ, діаволъ не осмѣлился предстать предъ Нимъ непосредственно, и потому въ уста чадъ своихъ—Іудеевъ влагаетъ тѣ же самыя слова: *аще Ты Сынъ Божій, сниди со креста*, которыя, очевидно, должны имѣть такой смыслъ: «сойди со креста (разрушь все Свое дѣло), если Ты хочешь доказать, что Ты Сынъ Божій». Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ Христосъ выходитъ полнымъ Побѣдителемъ; Онъ не принялъ ни одного изъ этихъ предложеній, хотя особенно послѣднее, при Его Божественномъ всемогуществѣ и при Его сильнѣйшихъ страданіяхъ въ то время, и могло быть, если бы его исполненіе не грозило уничтоженіемъ всего дѣла искупленія (Жизнь Господа нашего Іисуса Христа. 291—294).

Библіографическій указатель къ искушенію Іисуса Христа въ пустынѣ отъ діавола (Матѳ. IV, 1—11. Марк. I, 12—13. Лук. IV, 1—13).

Святоотеческія толкованія.

1) *Св. Кирилла Александрійскаго.* Объ искушеніи Іисуса Христа въ пустынѣ (Лук. IV, 1—12). Воскр. Чт. XX. 379.

2) *Св. Аванасія Александрійскаго.* Изъ бесѣдъ на Евангеліе Матѳ. Ч. IV. 477. (Тв. св. оо., т. XXII).

3) *Блаж. Августина.* Объ искушеніи Іисуса Христа въ пустынѣ отъ діавола и отличіи вѣдѣнія Ангельскаго отъ вѣдѣнія демона. Воскр. Чт. XV. 405.

4) *Преп. Исидора Пелусіота.* Объ искушеніи Господа. Ч. I. 54.

5) *Его же.* Почему Господь не содѣлалъ камней хлѣбами. Тамъ же. 55.

6) *Св. Григорія Двоеслова.* Бес. на Матѳ. IV, 1—11. Воскр. Чт. XVII. 443.

7) *Св. Ефрема Сирина.* Совѣтъ для борьбы съ духомъ злобы. Воскр. Чт., г. XII. 317.

Новѣйшія толкованія

въ духовн. журналахъ:

8) Искушеніе Іисуса Христа отъ діавола въ пустынѣ. Воскр. Чт. IV. 405—409. XXXI. II. 637.

9) Сорокадневный постъ и троекратное искушеніе Іисуса Христа отъ діавола въ пустынѣ. Воскр. Чт., т. XV. 398.

10) Искушеніе Іисуса Христа въ пустынѣ, какъ образецъ для христіанина. Воскр. Чт. XIII. 431.

11) Сорокадневный постъ Іисуса Христа, постъ первенствующихъ христіанъ и постъ въ наше время. Воскр. Чт. 1877 г. I. 76.

12) *Ѳоменко.* Сорокадневная гора (Матѳ. IV, 1—2). Воскр. Чт. 1881 г. 85—88.

13) *Смирнова.* Искушеніе Іисуса Христа въ пустынѣ. Воскр. Чт. 1882 г. 14—18.

14) *Іоанна, еп. Смоленскаго.* О лицѣ Іисуса Христа. Объ искушеніи Іисуса Христа. Хр. Чт. 1876 г., ч. II. 80—84.

15) Мысли при чтеніи повѣствованія объ искушеніи Господа нашего Іисуса Христа. Хр. Чт. 1843 г. II. 325.

16) *Прот. В. Нечаева.* Уроки покаянія, заимствованные изъ Евангелія... Искушеніе въ пустынѣ отъ діавола. Душ. Чт. 1880 г. III. 221.

17) *Х. О.* Примѣръ Божественнаго Пастыреначальника для подражанія пастырямъ въ отраженіи и перенесеніи ими искушеній. Рук. для с. п. 1869 г. I. 494.

18) *І. Іосифа.* Искушеніе Іисуса Христа въ пустынѣ. Дух. Бес. 1860 г. IX. 38.

19) *А. Іосифа.* Искушеніе Іисуса Христа въ пустынѣ есть образъ нашего искушенія отъ діавола. Дух. Бес. 1862 г. XV. 18.

20) *Архим. Ѳеодора* объ искушеніи Іисуса Христа въ кн.: О православіи въ отношеніи къ современности. Изд. Стран. 1860 г. 145—167.

21) Слово Божіе оружіе противъ искушеній отъ діавола. Дух. Бес. 1862 г. XV. 14.

22) Слово Божіе есть пища духа. Воскр. Чт. II. 87.

23) *Е. Никодима.* О діаволѣ. Душ. Чт. 1871 г. II. Іюль.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

24) На Ев. Луки 4 гл., ст. 13—15, *Никанора, архіеп. Херсонскаго.* Объ искушеніи Іисуса Христа въ пустынѣ отъ діавола. II. 23—28.

Общественное служеніе Іисуса Христа послѣ крещенія и искушенія Его въ пустынѣ до первой Пасхи.

О наружномъ видѣ Іисуса Христа.

Евангелисты, описывая жизнь Іисуса Христа, касаются иногда самыхъ частныхъ ея обстоятельствъ, но ничего яснаго не говорятъ о наружномъ видѣ и лицѣ Его. И неудивительно:—они такъ были проникнуты мыслью, что ихъ Учитель есть Мессія и Богъ, что не обращали вниманія на человѣческій Его видъ, когда писали Евангелія.

Но если Евангелисты ничего не сказали намъ о внѣшнемъ видѣ и чертахъ лица Іисусова, то неужели первенствующіе христіане, не имѣвшіе счастія видѣть Христа лицемъ къ лицу, не имѣли любопытства знать отъ очевидцевъ, какой видъ имѣлъ Тотъ, въ Котораго они, не видя, вѣруютъ, и Котораго, не видя, любятъ всей душею? Согласно ли это съ настроеніемъ души любящей?—Нѣтъ,—и должно допустить, что первые христіане, не видѣвшіе Господа, со всею заботливостью разспрашивали Апостоловъ и прочихъ очевидцевъ о лицѣ и всемъ видѣ Его, а сіи, безъ сомнѣнія, со всею готовностью и подробностью отвѣчали на ихъ вопросы; ибо любовь любитъ говорить о Возлюбленномъ, и такимъ образомъ преданіе, переходя изъ устъ въ уста, могло сохранить если не полный или совершенный въ цѣломъ, то болѣе или менѣе близкій къ истинѣ очеркъ вида и лица Христова, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ Его.

А есть ли хотя преданія?—Есть.

Въ письмѣ, приписываемомъ *святому Іоанну Дамаскину*, Богослову и писателю VIII вѣка, къ Ѳеофилу императору, *о святыхъ и честныхъ иконахъ*, пишется, между прочимъ, что святый равноапостольный царь Константинъ повелѣлъ въ церквахъ начертать живыми красками рождество Спасителя въ городѣ Виѳлеемѣ, поклоненіе пастырей, привѣтствіе и дары волхвовъ, теченіе звѣзды, праведнаго Сумеона Богопріимца, Іоанна, преподающаго крещеніе, неслыханныя и Божественныя чудеса, славное и животворящее воскресеніе, наконецъ и чудеса, содѣланныя Апостолами. Потомъ сказавъ, что Единородный, Слово Божіе и Богъ нашъ, содѣлавшись человѣкомъ отъ Святыя Дѣвы и Богородицы Маріи, непреложно и неизмѣнно, вмѣстѣ съ плотію и кровію имѣлъ душу разумную, былъ ростомъ въ три почти локтя, носилъ дебелую плоть, имѣлъ видъ, подобный нашему, очень многими чертами походилъ на Матерь Свою и представлялъ въ Себѣ образъ Адама,—писатель присовокупляетъ, что тотъ же императоръ Константинъ позаботился изобразить Христа въ такомъ видѣ, въ какомъ Онъ представленъ древними историками: ростъ высокій, брови нахмуренныя, носъ пра-

вильный, волосы кудрявые, станъ нѣсколько согбенный, видъ благообразный, борода черная, лице пшеничнаго цвѣта, —подобно какъ у Матери, персты долгіе, голосъ звучный, рѣчь сладкая, весьма привѣтливый, кроткій, великодушный, терпѣливый; въ такихъ чертахъ представляется Богочеловѣческій видъ Его.

Письмо сіе, какъ замѣтилъ Комбефизій, не можетъ принадлежать святому Дамаскину ни по слогу, ни по самому времени; но противъ того, что оно хотя писано не Дамаскинымъ, а другими, по Комбефизію, тремя патріархами: Іовомъ Александрійскимъ, Христофоромъ Антіохійскимъ и Василіемъ Іерусалимскимъ, однако—къ императору Ѳеофилу, не спорятъ. Поэтому это письмо имѣетъ, по крайней мѣрѣ, ту историческую достовѣрность, что оно писано въ IX вѣкѣ и именно къ означенному императору.

Никифоръ Каллистъ, жившій и писавшій въ XIV вѣкѣ, тщательно собиравшій и читавшій произведенія предшествовавшихъ писателей, и составившій Церковную Исторію, въ этомъ сочиненіи представилъ слѣдующее изображеніе Іисуса Христа:

«Вотъ изображеніе Господа нашего Іисуса Христа, говоритъ онъ, сколько мы узнали отъ древнихъ, и какое только можно сдѣлать въ описаніи, всегда несовершенномъ. Лицо Его отличалось красотою и выразительностью. Ростъ Его былъ около семи пальмъ (5 футовъ, 4 дюйма и 2 линіи). Волосы русые, не слишкомъ густые и слегка волнистые; брови черныя, но нисколько не нахмуренныя. Смугловатые и исполненные живости глаза проливали неизъяснимую пріятность. Носъ былъ у Него продолговатый, борода русая и не очень длинная. Волосы имѣлъ Онъ долгіе; никогда ножницы не восходили на главу Его; никакая рука человѣческая не касалась ихъ, развѣ рука Матери во время Его дѣтства. Голову носилъ Онъ нѣсколько наклонно, и отъ этого ростъ Его казался не такъ высокъ. Цвѣтъ лица Его подходилъ къ цвѣту пшеницы. Лице было ни кругло, ни продолговато, и много походило на лице Матери; имѣло умѣренный румянецъ. Видъ Его выражалъ важность, мудрость, кротость и милосердіе. Наконецъ Онъ во всемъ походилъ на Божественную и непорочную Свою Матерь».

Выраженіе, поставленное въ началѣ сего описанія: *сколько мы узнали отъ древнихъ*, если не даетъ всей достовѣрности сему изображенію, по крайней мѣрѣ можетъ ручаться за то, что сей писатель со всею заботливостью и подробностью собиралъ всѣ, какія только могъ, свѣдѣнія о семъ предметѣ, какъ письменныя, такъ и устныя, и если не представилъ намъ совершенно вѣрнаго изображенія Спасителя, то, конечно, вѣрно передалъ то, какъ въ его время думали о видѣ Іисуса Христа.

Почти такое же изображеніе наружнаго вида Христова находятъ въ письмѣ нѣкоего *Публія Лентула*, сдѣлавшемся извѣстнымъ около XIV-го или XV-го столѣтія. Въ библіотекѣ Іенской, говоритъ одинъ иностранный журналъ, есть рукописное Евангеліе, относящееся къ XV-му вѣку, въ заглавіи котораго читается слѣдующее:

«Увѣряютъ, что во время кесаря Октавія, Публій Лентулъ, проконсулъ Іудейскій при царѣ Иродѣ, писалъ къ Римскимъ сенаторамъ слѣдующее письмо, найденное послѣ *Евтропіемъ* въ лѣтописяхъ Римскихъ». Потомъ слѣдуетъ самое письмо, начертанное красивыми золотыми буквами.—Вотъ переводъ этого письма:

«Въ настоящее время явился у насъ, и теперь еще живъ, человѣкъ весьма добродѣтельный, по имени Іисусъ Христосъ. Народъ называетъ Его великимъ

Пророкомъ, а ученики Его — Сыномъ Божіимъ. Онъ воскрешаетъ мертвыхъ и исцѣляетъ всякія болѣзни и недуги. Онъ имѣетъ высокій и стройный станъ; видъ Его важенъ и выразителенъ, такъ что, смотря на Него, нельзя не любить и вмѣстѣ не бояться Его. Волосы на головѣ отлива винограднаго, до ушей безъ блеска и гладки; отъ ушей до плечъ идутъ свѣтлыми волнами и спускаются ниже плечъ; на головѣ раздѣляются на двѣ стороны, по обычаю Назореевъ. Чело гладкое и чистое; на всемъ лицѣ нѣтъ никакого пятна. Ланиты покрыты не густымъ румянцемъ. Видъ благообразный и пріятный, носъ и уста правильные. Борода довольно густая и одинаковаго цвѣта съ волосами; раздѣляется на-двое съ подбородка. Глаза голубые и весьма блестящіе. Въ выговорахъ и укоризнахъ — страшенъ; въ наставленіяхъ и увѣщаніяхъ — ласковъ и любезенъ. Взглядъ удивительно пріятенъ и вмѣстѣ важенъ. Никогда никто не видалъ Его смѣющимся, но видали плачущимъ. Ростъ высокій, руки длинныя и прямыя, плечи совершенныя. Рѣчь Его ровна и важна; но Онъ говоритъ мало.—Это прекраснѣйшій изъ всѣхъ человѣковъ».

Кто былъ этотъ Лентулъ, неизвѣстно; исторія не знаетъ его. Во время жизни Христовой Римскими прокураторами Іудеи были: Копоній, Маркъ Амбивій, Анній Руфъ, Валерій Гратъ и Пилатъ; за Пилатомъ, осужденнымъ въ ссылку около 37 года по Рождествѣ Христовомъ, слѣдовалъ Маркелъ; о Лентулѣ ни слова! Равно кто и этотъ Евтропій? По однимъ сократитель Римской Исторіи (род. 310, ум. 390 г.), по другимъ— одинъ изъ семидесяти Апостоловъ и первый епископъ Вавилонскій; но оба сіи мнѣнія не имѣютъ доказательствъ. Эти обстоятельства отнимаютъ историческое достоинство у письма Лентулова. Не смотря на то, оно имѣетъ для насъ ту важность, что представляетъ мысли объ Іисусѣ Христѣ того времени, когда это письмо, кѣмъ бы то ни было, сочинено, и именно не позже XV вѣка, и что оно во всемъ почти сходно съ изображеніемъ Никифоровымъ, между тѣмъ и не заключаетъ въ себѣ ничего, противнаго аналогіи нашей вѣры объ Іисусѣ Христѣ. Сверхъ сего, тотъ же журналъ находитъ въ семъ письмѣ черты лица, подобныя самому древнему изображенію Спасителя, которое находится *въ Римскихъ катакомбахъ, въ часовнѣ святаго Каллиста*, и обнародовано въ сборникѣ Bottari. Самое древнее изображеніе Христа, говоритъ г. Рауль Рошетъ, Французскій профессоръ Археологіи, происшедшее отъ христіанской кисти, какое только сохранилось временемъ, есть, безъ сомнѣнія, то, которое видно на сводѣ кладбищенской часовни святаго Каллиста, и которое выдано въ свѣтъ въ сборникѣ Bottari. Спаситель человѣковъ представленъ здѣсь въ бюстѣ съ лицемъ овальнымъ, нѣсколько продолговатымъ, вида важнаго, пріятнаго и задумчиваго, съ бородою короткою и рѣдкою, съ волосами, посреди чела раздѣленными на двѣ стороны и падающими на плеча, совершенно такимъ же, какимъ Онъ изображенъ на пяти гробницахъ Ватиканскаго кладбища, коихъ стиль и отдѣлка принадлежатъ, по всей вѣроятности, къ вѣку Юліана (Христ. Чт. 1838 г. IV, стр. 359).

Другой писатель о наружномъ видѣ Іисуса Христа говоритъ слѣдующее:

По свидѣтельству церковныхъ историковъ: Евсевія, Созомена, Кедрина, упоминаемая въ Евангеліи кровоточивая жена, исцѣленная Господомъ нашимъ, въ знакъ своей благодарности, воздвигла изваяніе Спасителя въ городѣ Панеадѣ (Кесарія Филиппова); но это, можетъ быть, очень сходное изображеніе было

уничтожено изувѣрствомъ язычниковъ при Юліанѣ Отступникѣ. Во II-мъ вѣкѣ у гностиковъ были изображенія Спасителя. Одна женщина въ Римѣ (секты Карпократа) воздавала поклоненіе Спасителю наряду съ изображеніями Пиѳагора и Апостола Павла. Александръ Северъ въ своей моленной поставилъ съ изображеніями Авраама, Орфея, Аполлонія Тіанскаго и ликъ Христа Спасителя. Неизвѣстно, каковы были черты этого лика.

Евангеліе, конечно, вѣрнѣйшій источникъ свѣдѣній о Господѣ нашемъ, но оно даже ученіе и чудеса Господни изображаетъ не многословно, а о внѣшности Спасителя говоритъ весьма кратко. Изъ показаній Евангелистовъ можно узнать, или вѣрнѣе вывести, очень немногое, именно: что внѣшнимъ образомъ Господь не отличался отъ Своихъ учениковъ, или вообще отъ Галилеянъ (Матѳ. XXVI, 69—75); что будучи кротокъ и смиренъ сердцемъ (Матѳ. XI, 29), Онъ иногда одушевлялся, во время бесѣды, и тогда говорилъ со властію, такъ, какъ никто изъ людей говоритъ не можетъ (Іоан. VII, 44 — 47), а въ обыкновенное время говорилъ тихо, опустя очи (Лук. VI, 20), можетъ быть отъ этого казался старше Своихъ лѣтъ (Іоан. VIII, 57). По воскресеніи внѣшній видъ Его настолько измѣнился, что и ученики Его иногда не узнавали (Матѳ. XXVII, 17. Лук. XXIV, 16. Іоан. XXI, 12). Вотъ все, что̀ можно узнать изъ Евангелій.

На памятникахъ древне-христіанскаго искусства Господь Іисусъ Христосъ изображался разнымъ образомъ. Первоначальный образъ представленія, самый древній—это символическій. Спаситель изображался въ видѣ рыбы (ἰχθύς), въ видѣ креста, въ видѣ агнца, въ видѣ добраго пастыря, несущаго на плечахъ заблудшую овцу, въ видѣ Орфея, игрою на лирѣ укрощающаго звѣрей...

Къ неменѣе глубокой древности относится господствующій нынѣ обычай изображать Христа въ длинномъ хитонѣ, съ длинными волосами и небольшою раздвоенною бородою. Г. Муравьевъ въ Римскихъ письмахъ (часть I, стр. 274) и Мартиньи (стр. 333) упоминаютъ объ иконѣ II вѣка, на которой Спаситель изображенъ сходно съ нынѣ принятымъ подобіемъ. Она находится въ Римскихъ катакомбахъ Каллиста, и снимокъ приложенъ въ сочиненіи Мартиньи (на стр. 333). На другихъ древнихъ памятникахъ, а именно христіанскихъ гробницахъ (саркофагахъ) Господь изображается также довольно сходно съ нынѣшнимъ: въ длинномъ хитонѣ и мантіи, со свиткомъ, жезломъ, крестомъ или ключами въ рукахъ, но не въ зрѣломъ возрастѣ, а юнымъ, безбородымъ и кудрявымъ. Обычай изображать Христа въ этомъ послѣднемъ видѣ сохранялся еще до X вѣка, какъ видно напримѣръ на мозаикахъ базилики святаго Марка въ Венеціи. Замѣчаютъ, впрочемъ, что древніе художники писали Спасителя юнымъ, когда въ изображаемомъ событіи Онъ являлся, какъ Чудотворецъ, Сынъ Божій, Слово, искони соприсносущное Отцу; а когда писали Его въ качествѣ Просвѣтителя, Учителя, то придавали Ему бороду, аттрибутъ зрѣлости, опытности и мудрости. И въ нашей сельской иконописи изрѣдка встрѣчается изображеніе Господа въ юномъ видѣ, — отголосокъ пріемовъ древнѣйшей поры искусства. Обыкновенно въ такомъ случаѣ Онъ пишется на облакахъ, сѣдящимъ за трапезою, на которой иногда поставляется хлѣбъ и чаша, напримѣръ на иконѣ Архангела Михаила (не вѣрнѣе ли сказать Апокалипсическаго всадника?).

Въ 944 году, по усиленнымъ стараніямъ Греческаго императора Константина Порфирогенета, изъ Едессы пере-

несенъ въ Константинополь Нерукотворенный образъ Господень, чудесно отпечатлѣвшійся на убрусѣ. Послѣ этого съ половины XIV вѣка, онъ находился въ Генуѣ, въ началѣ XVI вѣка во Франціи и наконецъ снова возвращенъ въ Геную, гдѣ будто бы находится и теперь. Но есть ли существующій нынѣ въ Генуѣ образъ Господень подлинный святый Убрусъ, или только копія съ него—достовѣрно неизвѣстно. Патріархъ же Константинополя нѣкогда на вопросъ о мѣстѣ нахожденія святаго Убруса отвѣчалъ: по разграбленіи Цареграда крестоносцами въ 1204 году, похищенъ ими и Нерукотворенный образъ, но корабль, везшій эту святыню, равно какъ и драгоцѣнный престолъ Софійскаго храма, потонулъ въ Мраморномъ морѣ и увлекъ въ пучину неоцѣненную святыню. Греческіе корабельные кормчіе, по преданію изъ рода въ родъ, помнятъ и указываютъ путешественникамъ въ Пропонтидѣ мѣсто, поглотившее священную добычу. Патріархъ прибавляетъ, что при введеніи христіанства въ Россію, вѣроятно, были принесены и копіи съ Нерукотвореннаго образа, и что искать ихъ слѣдуетъ въ древнѣйшихъ церквахъ Кіева и Новгорода.

Итакъ о видѣ Господа нашего Іисуса Христа мы можемъ знать только съ копій, весьма отдаленныхъ, и нѣкоторыхъ описаній.

Древнѣйшее изъ этихъ описаній, впрочемъ, по многимъ обстоятельствамъ признаваемое апокрифическимъ, есть донесеніе якобы Іудейскаго проконсула Публія Лентула Римскому сенату. Оно приложено къ рукописному Евангелію Іенской библіотеки, написано золотыми буквами на пергаментѣ, и подъ нимъ сдѣлано хорошее изображеніе лика Господня.

«Сіяніе и величіе Божества, говоритъ блаженный Іеронимъ, сокрытое во плоти, просвѣчивало на Его лицѣ и придавало Ему привлекательность, которая покоряла всѣхъ, кто имѣлъ счастіе созерцать Его».—«Можетъ быть, говоритъ Оригенъ, не доставало чего-нибудь тѣлесной красотѣ Спасителя, но выраженіе лица Его было благородно, небесно!»

Послѣднее по порядку времени, но за то наиболѣе достовѣрное, описаніе принадлежитъ церковному историку (около 1350 г.) Никифору Каллисту.

Святый Іоаннъ Дамаскинъ въ своемъ описаніи внѣшности Богочеловѣка прибавляетъ еще, что у Него были сросшіяся брови—черта не встрѣчающаяся у другихъ описателей.—За нимъ повторили Елшій, Діонисій.

Да и можно ли придать этому лику какія-нибудь однообразныя черты, какое-нибудь ясное выраженіе, когда въ лицѣ Богочеловѣка все—таинство, все—непостижимое сліяніе величія и униженія, блеска и тѣни, Божества и человѣчества? То бесѣдующій о красотѣ лилій, о свободѣ беззаботныхъ птицъ, то раздѣляющій суровые труды рыбарей; то милостивый и добрый, когда прощаетъ падшихъ, ласкаетъ дѣтей, указываетъ на Небеснаго Отца, Который посылаетъ дождь и солнце безъ разбора добрымъ и злымъ; то суровый и грозный, когда бичуетъ торгашей и лицемѣровъ; то изнемогающій отъ усталости, жажды и глада; то величественно-спокойный, когда однимъ именемъ Своимъ заставляетъ отступить цѣлую толпу, когда поражаетъ искусителя на горѣ сорокадневной.... Какая кисть, какое перо въ состояніи уловить образъ, столь сіяющій и столь неопредѣленный, то меланхолическій, какъ лунное сіяніе, то строгій и поражающій, какъ раскаты грома! Агнецъ и левъ отъ Іуды, голубь и орелъ, камень претыканій, о который разобьются упавшіе на него, и который раздавитъ тѣхъ, на кого обрушится, *знаме-*

ніе прекаемо (Лук. II, 34), невечернее Солнце, сіяющее въ полуночномъ туманѣ надъ волнами Галилейскаго моря! *Удивися Твой разумъ*, Христе, *отъ мене, услышавшу преславная велѣнія смотренія Твоего!* (Ирмол. гласъ 6-й, пѣснь 4-я.) Выпадаетъ кисть и рѣзецъ изъ рукъ художника, когда онъ обдумываетъ, какимъ бы образомъ въ одномъ законченномъ видѣ выразить личность столь подвижную, характеръ столь чудно-двойственный, существо столь необыкновенное...

Церковному художнику остается придерживаться подобія, освященнаго преданіемъ Церкви—это во-первыхъ; а во-вторыхъ, сообразно мѣсту, времени, положенію дѣла—придавать, на изображеніи священныхъ событій, этому лику выраженіе благопотребное и приличное. А все-таки какъ-бы желательно, чтобы одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ и безспорнѣйшихъ (по мнѣнію знатоковъ иконнаго дѣла) снимковъ святаго Убруса былъ, сколько возможно, болѣе распространенъ въ безчисленныхъ экземплярахъ между художниками и вѣрующими! (Изъ ст. Владимірскаго: Богочеловѣкъ въ церковной живописи. Душ. Чт. 1868 г. Нояб., стр. 183.)

Библіографическій указатель къ описанію наружнаго вида Іисуса Христа.

1) Объ изображеніи Спасителя въ архіерейскомъ облаченіи. Рук. д. с. п. 1879 г. II. 123—126. *Прот. Г. Дюкова.* 2) Новооткрытое Армянское Pendant къ посланію Публія Лентула въ Римскій сенатъ. Прав. Об. 1880 г. II. Май 35—41. 3) *Еп. Порфирія Успенскаго.* Изъ сборника XVII в. въ библ. одного изъ Аѳон. мон. Тр. Кіев. Ак. 1876 г. Апр. 4) Образъ Господа нашего Іисуса Христа по художественнымъ памятникамъ древней Церкви. (Изображенія Іисуса Христа. Типъ ихъ. Свѣтлый Христосъ. Символическій Христосъ.) *Д. Державина.* Тр. Кіев. Д. Ак. 1866 г. III. 3—51. 5) Въ книгѣ Фаррара, *Перев. Лопухина.* 1885 г. 68—69. 144 и прилож. VI. 481.

Кратковременность и сильное дѣйствіе общественнаго служенія Іисуса Христа, отсутствіе всякаго желанія славы и мірскаго величія.

(*Шаффа.*)

Мы приступаемъ теперь къ общественной жизни Іисуса. Спустя тридцать лѣтъ по рожденіи, послѣ мессіанскаго посвященія крещеніемъ Іоанна, Его непосредственнаго Предтечи и личнаго представителя Ветхаго Завѣта, какъ со стороны его законодательствъ, такъ и со стороны пророческой или Евангельской, и послѣ мессіанскаго испытанія посредствомъ искушенія въ пустынѣ—параллель искушенія перваго Адама въ раю—Онъ выступилъ на великое Свое дѣло.

Общественная жизнь Іисуса продолжалась только три года, и еще прежде достиженія мужской зрѣлости, Онъ умеръ въ полной свѣжести и мужественной силѣ, не испытавъ слабости старческаго возраста, что̀ неизбѣжно разстроило бы образъ Князя жизни и Возстановителя нашего рода. Онъ сохранилъ цвѣтъ юноши,—Онъ не былъ пожилымъ мужемъ. Его лице и Его дѣло, каждое слово, Имъ сказанное, каждое дѣло, имъ со-

вершенное, носятъ на себѣ печать свѣжести, блеска и силы юности, и сохраняютъ ихъ всегда. Все другое исчезаетъ вмѣстѣ съ временемъ, каждая книга, написанная человѣкомъ, теряетъ свой интересъ послѣ повтореннаго чтенія: только Евангеліе Іисуса никогда не утомляетъ читателя, напротивъ, чѣмъ чаще оно читается, тѣмъ больше становится интереснымъ, и при каждомъ новомъ чтеніи глубина его дѣлается глубже. О Наполеонѣ, во время заключенія его на островѣ Еленѣ, разсказываютъ, что онъ указывая на Новый Завѣтъ, лежавшій на столѣ, сказалъ: «я никогда не утомляюсь, читая его, и каждый день читаю его съ одинаковымъ восхищеніемъ». Евангеліе не есть книга, но живая сила, побѣждающая все, что̀ захочетъ ей противиться. Чистота Евангелія, плѣняющая душу, принадлежитъ не міру, но Богу.

Но отличаясь отъ всѣхъ людей по Своимъ лѣтамъ, Христосъ со свѣжестью, энергіей и творческою силой юности соединялъ такую мудрость, умѣренность и опытность, которыя во всѣхъ другихъ случаяхъ свойственны только зрѣлому возрасту. Три года Его общественнаго служенія, если даже разсматривать ихъ съ простой исторической точки зрѣнія, заключаютъ въ себѣ больше, чѣмъ самая продолжительная жизнь самыхъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ людей. Они наполнены глубочайшимъ смысломъ Божественнаго опредѣленія и назначенія касательно человѣческаго рода. Они—зрѣлый плодъ всего предшествовавшаго времени, исполненіе всѣхъ надеждъ и пламенныхъ желаній Іудеевъ и язычниковъ, и плодоносный зародышъ возникающихъ родовъ. Они заключаютъ въ себѣ импульсы для самыхъ свѣтлыхъ размышленій и благороднѣйшихъ дѣлъ и сохранятъ такую силу то тѣхъ поръ, пока стоитъ міръ. Они—«конецъ безконечнаго прошедшаго и начало безконечнаго будущаго».

Какъ достопамятенъ, какъ удивителенъ этотъ контрастъ между кратковременностью и несоизмѣримымъ значеніемъ общественнаго служенія Іисуса! Спаситель міра—юноша!

Всѣ остальные люди нуждаются въ длинномъ рядѣ лѣтъ, чтобы довести свой духъ и характеръ до зрѣлости и оставить послѣ себя въ мірѣ продолжительный слѣдъ. Есть, конечно, исключенія, которымъ мы не отказываемъ въ значеніи. Александръ Великій, этотъ послѣдній и самый блистательный цвѣтъ древней Греческой національности, умеръ молодымъ человѣкомъ тридцати трехъ лѣтъ, и завоевалъ востокъ до самыхъ береговъ Инда. Но кто можетъ подумать только сравнить этого тщеславнаго завоевателя, эту жертву своихъ страстей, съ незапятнаннымъ Другомъ грѣшниковъ, или кровавыя побѣды, окончившіяся постыднымъ пораженіемъ въ упоеніи чувственныхъ вожделѣній, съ мирными тріумфами Другаго, тріумфами, которые всегда, съ каждымъ годомъ дѣлаются славнѣе, и наконецъ чудовищное солдатское, на насиліи основанное царство, распавшееся на части тотчасъ послѣ своего образованія, сравнить съ духовнымъ царствомъ, которое стоитъ до настоящаго дня и будетъ стоять вѣчно? Впрочемъ, не должно забывать, что истинное значеніе и единственное достоинство завоеваній Александра лежатъ совершенно внѣ горизонта его честолюбія и его намѣреній: пересадкой Греческаго языка и Греческой цивилизаціи въ Азію и посредствомъ соединенія восточнаго міра съ западнымъ приготовлялся путь ко введенію всеобщей религіи Іисуса Христа. Наполеонъ въ своемъ разговорѣ съ генераломъ Бертранъ на островѣ святой Елены сдѣлалъ удачное замѣчаніе: «восторгаются

завоеваніями Александра. Такъ и быть! Но есть другой Завоеватель, Который присвоилъ Себѣ, соединилъ съ Собою и организовалъ не только націю, но весь человѣческій родъ. Какое чудо! Человѣческая душа со всѣми ея силами дѣлается неотъемлемою частью (une annexe) Іисуса Христа». Жизнь и дѣла Христа въ абсолютномъ смыслѣ составляютъ центръ исторіи, такъ что вся древность относится къ нему, какъ приготовленіе къ нимъ, а средніе и новые вѣка, какъ исполненіе ихъ. Поэтому-то они стоятъ выше всякаго сравненія съ дѣлами обыкновеннаго человѣка.

Есть еще другое поразительное различіе между Христомъ и героями исторіи, различіе, о которомъ мы не можемъ не упомянуть. Было бы совершенно естественно предположить, что такая необыкновенная Личность, Которая выказываетъ удивительныя притязанія и совершаетъ необыкновенныя дѣла, окружитъ Себя необыкновенными отношеніями, и займетъ положеніе выше обыкновенной низкой толпы. Отъ такого Лица должно было бы ожидать чего-то особеннаго и поразительнаго во взглядѣ, одеждѣ, манерахъ, образѣ рѣчи, жизни, равно какъ и въ свитѣ Его слугъ и сопровождающихъ.

Но тутъ-то мы встрѣчаемъ прямую противоположность. Величіе Христово носитъ на себѣ печать особенной, оригинальной скромности, лишено малѣйшихъ притязаній на внѣшній блескъ; оно не только не пугаетъ зрителя, а, напротивъ, поселяетъ въ немъ сильнѣйшее желаніе къ тѣснѣйшему сближенію со Христомъ. Его общественная жизнь никогда не выражала притязаній на славу мірскаго героизма, окруженнаго важностью и внѣшнимъ блескомъ,— напротивъ, она вращалась въ кругу обыденной жизни, и въ простыхъ отношеніяхъ сына, брата, гражданина, учителя и друга. Даже достовѣрнаго изображенія Его лика, «исполненнаго благодати и истины», мы не имѣемъ; глаза Евангелистовъ преимущественно были обращены на небесную красоту духа Христова, и потому-то внѣшнее явленіе у нихъ теряется предъ силой Его слова и дѣла. Христосъ не командовалъ арміей, у Него не было царства, которымъ бы Онъ управлялъ, никогда Онъ не занималъ виднаго поста, никогда Онъ не заискивалъ мірскаго благорасположенія, и ни отъ кого не ожидалъ вознагражденія. Онъ былъ самый простой человѣкъ, не имѣвшій друзей и покровителей, ни въ синедріонѣ, ни при дворѣ Ирода. Христосъ не имѣлъ дружескихъ сношеній ни съ духовными, ни со свѣтскими руководителями народа, которыхъ Онъ, на двѣнадцатомъ году Своей жизни, Своими вопросами и отвѣтами привелъ въ изумленіе. Своихъ учениковъ Онъ выбралъ изъ необразованныхъ рыбаковъ Галилейскихъ и не обѣщалъ имъ никакого другаго вознагражденія въ этомъ мірѣ, кромѣ участія въ Своей горькой чашѣ страданій. Онъ ѣлъ съ мытарями и грѣшниками, мѣшался въ толпѣ простаго народа, никогда однако не унижаясь до его грубыхъ нравовъ и обычаевъ. Христосъ такъ былъ бѣденъ, что не имѣлъ гдѣ голову преклонить. Удовлетвореніе небольшихъ Его потребностей зависѣло отъ добровольныхъ подаяній нѣкоторыхъ благочестивыхъ женщинъ, и «ковчежецъ» былъ въ рукахъ вора и предателя. Онъ не обладалъ также ни ученостью, ни знаніемъ искусствъ, ни краснорѣчіемъ въ обыкновенномъ смыслѣ, ни другой какой-нибудь силой, посредствомъ чего великіе мужи возбуждаютъ вниманіе и обезпечиваютъ за собою удивленіе міра. Греческіе и Римскіе писатели ничего не знали даже о существованіи Христа; только спустя нѣсколь-

ко лѣтъ послѣ Его крестной смерти, плоды Его дѣла, постоянное возрастаніе «секты» Его приверженцевъ вызвали ихъ презрительное прозвище и оппозицію.

Но при всемъ томъ этотъ Іисусъ отъ Назарета, безъ денегъ и оружія, завоевалъ милліоны, завоевалъ болѣе, чѣмъ Александръ, Цезарь, Магометъ и Наполеонъ; безъ научнаго познанія и учености, Онъ распространилъ свѣтъ на человѣческія и Божественныя дѣла болѣе, чѣмъ всѣ философы и ученые, взятые вмѣстѣ; безъ школьнаго краснорѣчія, Онъ произносилъ такія слова жизни, какія никогда ни прежде, ни послѣ не были высказаны, и произвелъ такое дѣйствіе, которое далеко превышаетъ силы какого бы то ни было оратора или поэта; не написавъ ни одной строки, Онъ привелъ въ движенья перья и далъ темы для проповѣдей, рѣчей, сочиненій, ученыхъ книгъ, произведеній искусствъ и сладкихъ пѣсенъ хвалы,—сдѣлалъ больше, чѣмъ все множество произведеній великихъ мужей древнихъ и новыхъ временъ. Рожденный въ ясляхъ и какъ преступникъ распятый на крестѣ, Онъ двигаетъ теперь судьбами цивилизованнаго міра и господствуетъ надъ духовнымъ царствомъ, которое обнимаетъ третью часть обитателей земнаго шара. Никогда въ этомъ мірѣ жизнь не была такъ безпритязательна, скромна и проста по своей внѣшней сторонѣ и формѣ, и такъ богата по послѣдствіямъ для всѣхъ временъ, націй и классовъ людей. Исторія не знаетъ другаго примѣра такого полнаго и удивительнаго успѣха, не смотря на недостатокъ всякаго рода матеріальныхъ, соціальныхъ, литературныхъ и артистическихъ вспомогательныхъ средствъ и вліяній, которыя для достиженія успѣха необходимы обыкновенному человѣку. Съ этой стороны Христосъ стоитъ также особнякомъ между героями исторіи, и представляется намъ неразрѣшимою загадкою; если мы не захотимъ допустить, что Онъ былъ болѣе, чѣмъ человѣкъ и именно, что Онъ былъ вѣчный Сынъ Божій. (Іисусъ Христосъ— чудо исторіи, стр. 29—34.)

Начало общественнаго служенія Христова.

Для опредѣленія времени, *когда Іисусъ, началъ Свое общественное служеніе,* Евангелія предлагаютъ слѣдующія данныя, записанныя у Евангелиста Іоан. II, 13 и д. и Лук. III, 23. Въ первомъ мѣстѣ упоминается первая Пасха, которую Іисусъ Христосъ праздновалъ въ Іерусалимѣ, послѣ вступленія въ общественное служеніе. Здѣсь Господь говоритъ въ храмѣ Іудеямъ: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (19). Іудеи, понявши слова эти въ смыслѣ храмоваго зданія, отвѣчали: *четыредесять и шестію лѣтъ создана бысть церковь сія, и Ты ли треми денми воздвигнеши ю.* Здѣсь разумѣется перестройка Зоровавелева храма, начатая, по свидѣтельству Іосифа Флавія, въ 18-мъ году царствованія Иродова; 18-ый же годъ царствованія Иродова соотвѣтствуетъ году отъ Пасхи 734 до 735 года отъ основанія Рима. Если къ этимъ приложимъ 46 лѣтъ, то получимъ годъ отъ Пасхи 780 до 781 г. отъ основанія Рима. Слѣдовательно подъ праздникомъ Пасхи, о которомъ говоритъ Іоаннъ, нужно разумѣть Пасху 781 г. отъ основанія Рима. Отъ перваго общественнаго явленія Іисуса Христа, то есть отъ Его крещенія Іоанномъ до этого праздника, прошло, по крайней мѣрѣ, *три* мѣсяца, но вѣроятно еще больше; ибо на это время падаетъ сорокадневный постъ Господа въ пустынѣ, потомъ Его путешествіе на

бракъ въ Кану, пребываніе Его въ Капернаумѣ и, наконецъ, путешествіе въ Іерусалимъ. Не ошибемся, поэтому, если крещеніе Іисуса Христа и первое Его общественное явленіе поставимъ лѣтомъ или осенью 780 года отъ основанія Рима. Съ этимъ согласенъ и Евангелистъ Лука, который въ приведенномъ выше мѣстѣ говоритъ, что Іисусъ, когда начиналъ учить, имѣлъ *около* 30 лѣтъ. Іисусъ же въ концѣ 780 г. отъ основанія Рима, имѣлъ 31 годъ. Слѣдовательно въ началѣ Своего общественнаго служенія Онъ имѣлъ почти $30^1/_2$, или крайне 31 годъ безъ трехъ мѣсяцевъ (Воскр. Чт. 1872 г. Дек. № 50, стр. 380—381).

Порядокъ событій отъ возвращенія Іисуса Христа изъ пустыни искушенія до первой Пасхи.

Послѣ того какъ Іисусъ Христосъ возвратился изъ пустыни искушенія, Іоаннъ Креститель, еще продолжавшій своею проповѣдью и крещеніемъ подготовлять народъ ко Христу, дважды свидѣтельствуетъ о Немъ: сначала предъ посланными отъ синедріона, а потомъ, на другой и на третій день, въ виду идущаго къ нему Іисуса—предъ своими учениками (Іоан. I, 19—36). По слову Крестителя, нѣкоторые изъ его учениковъ слѣдуютъ за Іисусомъ, а эти въ свою очередь призываютъ ко Христу нѣкоторыхъ изъ своихъ соучениковъ (Іоан. I, 37 — 51). Съ этими первыми Своими послѣдователями Господь возвращается въ Галилею. Здѣсь, чрезъ два дня, Онъ присутствуетъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской и совершаетъ первое въ Галилеѣ чудо—претворяетъ воду въ вино, а послѣ того нѣсколько дней остается въ Капернаумѣ (Іоан. II, 1 — 12). Такъ началось общественное служеніе Іисуса Христа.

Свидѣтельство Іоанна Крестителя объ Іисусѣ предъ посланными отъ синедріона (Іоан. I, 19—28).

Послѣ крещенія Іисуса Христа, Іоаннъ пророчество свое о грядущемъ перемѣнилъ на проповѣдь о пришедшемъ Мессіи.

Ст. 19. Прежде всего представляется (по указанію Евангелиста Іоанна) свидѣтельство Крестителя предъ посланными изъ Іерусалима. При великомъ стеченіи народа къ Крестителю и чрезвычайномъ къ нему уваженіи, — когда Іоаннъ такъ открыто и ясно проповѣдывалъ о явленіи Ожидаемаго, когда его проповѣдь ближайшимъ образомъ относилась къ благосостоянію всего народа, принимавшаго отъ него крещеніе, — могли ли Іудейскіе правители оставаться равнодушными зрителями столь важныхъ и необычайныхъ событій? Имъ поручено было пещись о благѣ народа, объ охраненіи вѣры и церкви, о предотвращеніи всѣхъ нововведеній и безпокойствъ. Поэтому они должны были получить точное свѣдѣніе объ Іоаннѣ, его правахъ и намѣреніяхъ, дабы можно было судить: оставить ли его самому себѣ, или подать ему руку помощи, или же во время остановить его. Къ этой причинѣ посольства къ Іоанну присоединялась и другая: такъ какъ Іоаннъ, проповѣдникъ скораго пришествія Мессіи, называлъ себя Его Предтечею, то фарисеи и приверженцы ихъ думали найти въ немъ человѣка, котораго можно ввести въ свое общество, пробудить въ немъ сочувствіе къ ихъ честолюбивымъ планамъ, чтобы чрезъ него скорѣе другихъ обратить на себя вниманіе Мессіи и чрезъ это получить значеніе и силу, что̀ было постоянною цѣлью ихъ дѣйствій (св. Златоустъ Бес. XVI на Евангеліе Іоанна). Посему они и рѣшились по-

требовать отъ него отчета: кто онъ такой? Въ дѣлѣ, столь важномъ, судіи отправляютъ къ Іоанну торжественное посольство изъ священниковъ и левитовъ.

Ст. 20—23. Іоаннъ на вопросъ, предложенный ему посланными отъ синедріона: кто онъ?—спокойно и безъ смущенія отвѣчаетъ, что онъ—не Мессія; не объявляетъ себя и Иліею; отрицается и отъ другаго почетнаго наименованія пророка, и когда они сильно настаиваютъ на томъ, чтобы онъ опредѣленно сказалъ имъ о себѣ, не даетъ иного отвѣта, кромѣ словъ изъ пророка Исаіи (XL, 3): *азъ гласъ вопіющаго въ пустыни, исправите путь Господень, якоже рече Исаія пророкъ.*

Ст. 24—26. Фарисеи ничего не могли возразить противъ этого, однакожъ и не оставили Іоанна скоро. Они спрашиваютъ его теперь: по какому праву онъ крститъ народъ? То, что онъ Предтеча Мессіи, по мнѣнію Іудеевъ, не давало еще ему права, безъ позволенія синедріона, совершать крещеніе. Самъ Мессія, конечно, могъ имѣть на это право; они даже ожидали отъ Него подобнаго обряда (Іоан. I, 25. Лук. III, 15). Іоаннъ отвѣчаетъ кратко, однакожъ опредѣленно, что онъ крститъ только водою. Какъ все служеніе его было только предуготовительное, такъ и самое крещеніе было только предуготовленіемъ къ великому и животворящему крещенію Грядущаго по немъ; и чтобы отстранить отъ себя всѣ вопросы, Іоаннъ въ заключеніе своего отвѣта торжественно объявляетъ: *посредъ васъ стоитъ Нѣкто, Егоже вы не вѣсте* (26).

Ст. 27. «Онъ выступаетъ на служеніе Свое послѣ меня, но имѣетъ вѣчное бытіе и Божественное достоинство; я недостоинъ даже быть Его рабомъ».

Ст. 28. Хотя Іоаннъ не указалъ имъ на самое лице Мессіи, однакожъ торжественное свидѣтельство его, что ожидаемый Мессія уже пришелъ, весьма усилило и распространило въ народѣ ожиданіе Мессіи. Ибо Креститель далъ это свидѣтельство не въ уединеніи, но въ Виѳаварѣ, гдѣ ежедневно стекались къ нему многочисленныя толпы со всѣхъ сторонъ; не предъ народомъ необразованнымъ, но предъ людьми, свѣдущими въ Писаніи; но произвольно, но будучи вопрошенъ тѣми, кои имѣли власть спрашивать и предъ которыми надлежало говорить одну чистую истину. Послѣ этого никто не могъ сказать: «онъ убѣждалъ только простой народъ». И Самъ Спаситель смѣло могъ указывать, въ обличеніе невѣрнымъ Іудеямъ, на это свидѣтельство, данное Іоанномъ предъ синедріономъ (Іоан. V, 33). Посему Евангелистъ смотритъ на это исповѣданіе Крестителя, какъ на важнѣйшее и рѣшительнѣйше: *и сіе есть свидѣтельство Іоанново...* и т. д.

Примѣчаніе 1. Ст. 19. *Іудеи* прислали изъ Іерусалима... Послѣ плѣна Вавилонскаго Евреи стали называть себя общимъ именемъ — *Іудеи*, потому что бо́льшая часть возвратилась изъ плѣна изъ колѣна Іудина; но здѣсь это названіе имѣетъ особенный религіозный оттѣнокъ. Подъ нимъ разумѣется общество людей, враждебныхъ Христу, которые отвергали Его, какъ Мессію. Іереи и левиты — члены синедріона. Синедріонъ состоялъ изъ священниковъ — 1-й классъ, старцевъ—2-й классъ и левитовъ—законовѣдовъ—3-й классъ.

Примѣчаніе 2. Ст. 24. *А посланные были изъ фарисеевъ.* Нѣкоторые, основываясь на мнѣніи Оригена, видятъ здѣсь указаніе на какое-то другое посольство, но, очевидно, мнѣніе это неправильно. Рѣчь идетъ о томъ же посольствѣ, члены котораго принадлежали къ фарисейской партіи.

Примѣчаніе 3. Ст. 28. *Сіе происходило въ Виѳаварѣ, при Іорданѣ, гдѣ крестилъ Іоаннъ.* Въ весьма многихъ рукописяхъ вм. *Виѳавара* стоитъ *Виѳанія*. Можетъ быть, мѣстечко это носило два имени, какъ это бывало въ Палестинѣ, бываетъ и вездѣ. Во всякомъ случаѣ это не та Виѳанія, которая находилась

близъ Іерусалима, ибо объ этой прямо замѣчается, что она была при Іорданѣ. Оригенъ нашелъ поселеніе съ названіемъ Виѳавара почти прямо противъ Іерихона, на восточномъ (Перейскомъ или Галаадскомъ) берегу Іордана. Здѣсь вѣроятно и крестилъ Іоаннъ, избравъ мѣсто близъ большого торговаго города для удобства желавшихъ креститься и слушать его проповѣдь о явившемся Христѣ (Толковое Евангеліе Михаила, т. III, стр. 43).

Призваніе Іисусомъ Христомъ послѣдователей изъ учениковъ Іоанна Крестителя.

Призваніе двухъ Апостоловъ (Іоан. I, 29—40).

Подвигъ сорокадневнаго поста и молитвы Господа въ пустынѣ, окончившійся побѣдою Его надъ искушеніями отъ лукаваго, былъ подвигомъ окончательнаго приготовленія Его къ общественному служенію для спасенія міра и вмѣстѣ послѣднимъ дѣломъ частной сокровенной Его жизни. Изъ пустыни Онъ грядетъ на великое служеніе спасенію міра. Онъ объявитъ Себя теперь Христомъ, тѣмъ обѣтованнымъ Спасителемъ, Котораго отъ начала міра ожидали вѣрующіе.

Куда же идетъ Іисусъ Христосъ изъ пустыни? Съ чего начинаетъ Онъ дѣло служенія Своего спасенію міра?

Онъ идетъ на пустынные берега Іорданскіе къ Іоанну Предтечѣ и Крестителю, на мѣсто крещенія и проповѣди его, и начинаетъ Свое служеніе тамъ призваніемъ къ Себѣ первыхъ учениковъ и Апостоловъ. Іоаннъ Предтеча, какъ посланникъ Божій, имѣлъ назначеніе отъ Бога приготовить путь Господу, обратить сердца людей къ Нему и указать Его народу. Іоаннъ проповѣдывалъ о приближеніи Царствія Христова, указывалъ уже народу и ученикамъ своимъ на Самого Іисуса Христа. Теперь Господь опять идетъ къ Іоанну, чтобы изъ учениковъ его призвать и избрать Себѣ первыхъ учениковъ и Апостоловъ.

Ст. 29. Іоаннъ стоялъ со своими учениками на берегу Іордана, когда Іисусъ Христосъ, послѣ пустынныхъ подвиговъ и побѣды надъ искусителемъ, шелъ по пустынному берегу Іордана. Іоаннъ теперь еще указываетъ на Господа ученикамъ своимъ и говоритъ имъ: «*се, Агнецъ Божій, Который беретъ на Себя грѣхи міра*». Въ этихъ краткихъ словахъ заключалась въ существѣ цѣлая проповѣдь, которая полнѣйшимъ образомъ раскрыта въ Евангеліи. Всѣ Іудеи ожидали обѣщаннаго Спасителя, но ожидали Его, какъ великаго Царя земнаго. Одинъ только Іоаннъ указывалъ народу истинный образъ Спасителя, пришедшаго взять на Себя грѣхи міра и пострадать за нихъ. Этотъ образъ припоминалъ ученикамъ пророчество Исаіи, гдѣ Святый Израилевъ изображается смиреннымъ, какъ агнецъ, носящимъ на Себѣ грѣхи наши, скорбящимъ и страждущимъ за беззаконія наши (Исаія LIII). Подобно древнимъ пророкамъ, Іоаннъ видитъ въ лицѣ Іисуса Христа Царя и вмѣстѣ Страдальца, Владыку міра и вмѣстѣ Искупителя людей Своею смертію. Выраженіе глубокаго самоуничиженія, кротости и искренняго смиренія, которое видѣлъ Іоаннъ какъ на лицѣ, такъ и во всемъ образѣ Іисуса, грядущаго къ нему, сильно подѣйствовало на душу Іоанна, и онъ изрекъ: *се, Агнецъ;* а чтобы внушить своимъ слушателямъ, что этотъ Агнецъ Іисусъ Христосъ не случайно имѣетъ подвергнуться смерти, но по вѣчному опредѣленію Божію, что *Онъ* только въ состояніи принести вѣчному правосудію

умилостивленіе за грѣхи людей,—называетъ Его агнцемъ *Божіимъ*, избраннымъ Самимъ Богомъ. Дальнѣйшими словами—*вземляй грѣхи міра*—Іоаннъ, безъ сомнѣнія, указываетъ не столько на терпѣніе и кротость Господа въ перенесеніи обидъ и вообще бѣдствій сей жизни, чистоту Его жизни и непорочность духа, но преимущественно и главнымъ образомъ—на умилостивительную смерть Господа, коею Онъ доставилъ людямъ прощеніе грѣховъ.

Ст. 30—34. *Сей есть*, продолжалъ Іоаннъ, указывая своимъ слушателямъ на Іисуса, *о Немже азъ рѣхъ: по мнѣ грядетъ Мужъ, Иже предо мною бысть, яко первѣе мене бѣ* (Іоан. I, 30). Не совсѣмъ опредѣленное выраженіе: «Иже предо мною бысть», которое употребилъ Іоаннъ въ противоположность выраженію: «по мнѣ грядетъ», и которое можетъ быть понимаемо какъ въ отношеніи времени, такъ и въ отношеніи достоинства, тотчасъ объясняется: «яко первѣе мене бѣ». Очевидно, что Іоаннъ не дѣлаетъ здѣсь одного только повторенія, но имѣетъ въ виду достоинство природы Грядущаго по немъ, и этимъ показываетъ, что Мессія, какъ бывшій до его рожденія, есть Существо Вѣчное и потому Божественное. Отсюда разливается свѣтъ и на всѣ прочія мѣста, въ которыхъ Креститель представляетъ себя въ такой степени ниже своего Преемника, что почитаетъ себя недостойнымъ отвязать ремень у сапоговъ Его, или исполнять предъ Нимъ какую либо другую службу послѣдняго раба (Матѳ. III, 11. Марк. I, 17. Лук. III, 16, Іоан. I, 27); такъ представляетъ себя онъ собственно потому, что исповѣдуетъ въ Мессіи Божественное лице: *Сей есть Сынъ Божій*, именуя Его Сыномъ Божіимъ, какъ уже изъ сказаннаго можно заключать, не въ томъ смыслѣ и значеніи, по которому цари и судіи именуются въ Ветхомъ Завѣтѣ сынами Божіими, или богами (Псал. 82, 1, 6),—но признавая Его Богомъ истиннымъ, Богомъ по самому существу Его.

Чтобы указать основанія своей проповѣди объ Іисусѣ Христѣ и сдѣлать ее убѣдительнѣе для учениковъ, Іоаннъ продолжаетъ, что въ Іисусѣ Христѣ онъ признаетъ обѣщаннаго Искупителя не по собственному своему разумѣнію и убѣжденію, а по непосредственному откровенію отъ Самого Бога: «я видѣлъ Духа, сходящаго съ неба, какъ голубя, и пребывающаго на Немъ. Я не зналъ Его; но Пославшій меня крестить въ водѣ сказалъ мнѣ: на Кого увидишь Духа, сходящаго и пребывающаго на Немъ, Тотъ есть крестящій Духомъ Святымъ. И я видѣлъ и засвидѣтельствовалъ, что Сей есть Сынъ Божій». Оставалось закончить эту проповѣдь тѣмъ, что само собою было понятно для учениковъ Іоанна: «если вы ожидаете обѣтованнаго Избавителя и желаете войти въ Царство Его, то слѣдуйте за Нимъ; Онъ теперь предъ глазами вашими».

Но въ этотъ день указаніе Іоанна на Іисуса Христа осталось безъ видимыхъ послѣдствій для учениковъ Іоанновыхъ. Ожидали ли они прямого повелѣнія отъ своего учителя, чтобы слѣдовать за Господомъ? Но путь въ Царство Христово есть путь свободной вѣры и рѣшимости, а не принужденія. Думали ли они, что самъ учитель ихъ пойдетъ за Господомъ впереди ихъ и вмѣстѣ съ ними? Но Іоаннъ имѣлъ назначеніе свидѣтельствовать на водахъ Іордана объ Іисусѣ, и онъ не могъ оставить своего мѣста и своего назначенія безъ непосредственнаго повелѣнія Божія. Происходило ли въ нихъ колебаніе между привязанностью къ прежнему учителю своему и вѣрою въ новаго Учителя? Смущалъ ли смирен-

ный образъ Іисуса Христа, какъ агнца искупительнаго за грѣхи міра, и они не могли сразу отказаться отъ того любимаго образа, въ которомъ привыкли они представлять Христа царемъ великимъ и славнымъ? Но это колебаніе и это смущеніе вѣры ихъ, при вѣрѣ ихъ въ истинность проповѣди Іоанна, какъ пророка Божія, поведутъ ихъ не отъ Христа, а къ Христу. Въ этотъ день никто изъ учениковъ Іоанновыхъ не послѣдовалъ за Іисусомъ Христомъ. Но Сердцевѣдецъ видѣлъ, что проповѣдь Іоанна не останется безъ плода въ сердцахъ учениковъ его, и ожидалъ этого плода.

Ст. 35—39. На другой день Господь опять проходилъ пустыннымъ берегомъ Іордана. Іоаннъ опять сталъ въ это время съ двумя учениками своими на берегу Іордана. Увидѣвъ Господа, Іоаннъ повторяетъ свое свидѣтельство о Немъ и начинаетъ тѣми же словами; едва онъ произнесъ теперь слова: *се, Агнецъ Божій...*, какъ два ученика тѣ оставили Іоанна и послѣдовали за Іисусомъ Христомъ. Ученики шли молча за Господомъ. Душа ихъ полна была новыхъ чувствъ и думъ, какія возбуждала въ нихъ вѣра, что они нашли Того, о Комъ предвозвѣщали пророки и Котораго всѣ въ Іудеѣ ожидали съ нетерпѣніемъ. Они затруднялись, а можетъ быть, и не осмѣливались начать бесѣду съ Тѣмъ, предъ Кѣмъ и великій учитель ихъ Іоаннъ считалъ себя послѣднимъ рабомъ и почелъ бы за величайшую милость, если бы ему позволено было развязать ремень у обуви Его. Господь Самъ начинаетъ бесѣду съ ними. Обратившись къ нимъ, Онъ спрашиваетъ ихъ: *что вамъ надобно?* Сердцевѣдецъ зналъ, для чего два ученика Іоанновы идутъ за Нимъ, но Своимъ вопросомъ Онъ желалъ дать имъ поводъ высказать открыто свое желаніе быть учениками Его. Не зная, чего потребуетъ отъ нихъ новый Учитель ихъ, они заявляютъ только свою готовность всегда быть съ Нимъ, слушать Его и дѣлать, что̀ Онъ прикажетъ, и потому вмѣсто отвѣта спрашиваютъ Его: *Учитель, гдѣ Ты живешь?* Можетъ быть, они думали при этомъ, что этотъ Учитель, на Которомъ почивали великія и завѣтныя надежды Израиля, имѣетъ мѣсто пребыванія Своего въ какомъ-нибудь большомъ городѣ и въ богатомъ домѣ. А Господь не имѣлъ, гдѣ главы преклонить. Поэтому Онъ предоставляетъ первозваннымъ ученикамъ Своимъ собственными глазами увидѣть мѣсто, гдѣ пребываетъ Онъ: *пойдите и увидите, сказалъ имъ Господь. Они пошли и увидѣли, гдѣ Онъ живетъ; и у Него пробыли день тотъ.* Было въ это время около десятаго часа, по нашему счисленію около четырехъ часовъ по полудни.

Что̀ же они увидѣли?—они увидѣли, если не пустыню и пещеру, въ родѣ тѣхъ, среди которыхъ провелъ Іисусъ Христосъ сорокъ дней и ночей, то какую-нибудь бѣдную хижину вблизи пустынной долины Іорданской, гдѣ Онъ остановился на ночлегъ. Но при этомъ они, безъ сомнѣнія, увидѣли подъ смиреннымъ видомъ человѣка Божественное величіе Господа и убѣдились, что Онъ дѣйствительно есть Тотъ, Кого ожидаетъ Израиль; потому что на слѣдующій день они поспѣшили искать своихъ братьевъ, чтобы съ радостью объявить имъ, что они нашли обѣщаннаго Христа.

Ст. 40. Одинъ изъ этихъ двухъ учениковъ былъ Андрей, братъ Симона Петра, изъ мѣстечка Виѳсаиды. Другаго Евангелистъ Іоаннъ не называетъ по скромности; но уже изъ этого мы чувствуемъ, что это былъ ни кто иной, какъ самъ Евангелистъ. По крайней мѣрѣ 50 лѣтъ спустя писалъ Іоаннъ свое Евангеліе, но и въ глубокой даже

старости онъ съ радостнымъ восторгомъ вспоминалъ объ этомъ вечерѣ, этомъ важномъ, рѣшительномъ въ его жизни часѣ.

Замѣчателенъ былъ этотъ день,—день призванія двухъ Апостоловъ, въ исторіи спасенія міра. Господь Іисусъ Христосъ, тридцать лѣтъ проводившій въ неизвѣстности простаго человѣка, въ этотъ день вступаетъ въ подвигъ великаго служенія Своего спасенію человѣка, объявляетъ Себя обѣтованнымъ Спасителемъ и открывается ищущимъ Его. Доселѣ была проповѣдь о Христѣ грядущемъ; въ этотъ день закончена была такая проповѣдь изъ устъ Іоанна Крестителя указаніемъ на Христа пришедшаго, и въ этотъ же день началась проповѣдь Евангелія: два ученика уже слушали въ этотъ день ученіе Господа о пришествіи Царствія Божія. Спасеніе благовѣствуется уже въ мірѣ явившимся Спасителемъ!... Замѣчателенъ этотъ день и въ земной жизни Іисуса Христа. Это—день вступленія Его въ общественное служеніе спасенію человѣка,—день призванія людей къ спасенію, и—два ученика составляютъ первое пріобрѣтеніе Господа Спасителя, первыхъ членовъ благодатнаго Царства Его. Одинокимъ вышелъ Господь изъ пустыннаго уединенія въ міръ на подвигъ созданія Церкви Своей на землѣ, и вотъ, двухъ учениковъ и будущихъ строителей таинъ Его далъ Ему Отецъ Небесный. Если были для Іисуса Христа минуты радости на землѣ, то эти минуты, когда Онъ увидѣлъ подлѣ Себя двухъ первыхъ учениковъ, были первыми минутами высокой небесной радости для Него.

Обращаетъ на себя наше вниманіе еще одно обстоятельство изъ этой исторіи. Вступленіе Свое на подвигъ общественнаго служенія спасенію міра Господь начинаетъ не торжественною проповѣдью о Себѣ, какъ Спасителѣ міра, не проповѣдью о благодатномъ Царствіи Своемъ, не инымъ какимъ торжественнымъ дѣйствіемъ, а призваніемъ къ Себѣ двухъ Апостоловъ, этихъ неотлучныхъ свидѣтелей Божественнаго величія Его и чудесъ, этихъ постоянныхъ слушателей Его ученія, этихъ будущихъ проповѣдниковъ ученія Его міру и строителей таинъ Церкви Его. Первое, на что̀ обращены Божественныя попеченія Господа при созданіи Церкви Своей на землѣ, это—избраніе и приготовленіе въ ней пастырей, то есть учителей, совершителей таинъ и управителей. Не очевидно ли изъ этого для всякаго, что Церковь Христова не можетъ существовать безъ пастырей и учителей, что власть священства пастырей ея ведетъ начало свое отъ Самого Іисуса Христа, что власть ихъ—власть Христова, что только то истинное священство въ Церкви, которое идетъ преемственно отъ Апостоловъ, что гдѣ нѣтъ законнаго священства, тамъ нѣтъ и Церкви Христовой, нѣтъ и спасенія? Укажемъ же на это замѣчательное обстоятельство въ служеніи Іисуса Христа всякому старообрядцу, когда онъ заведетъ съ нами рѣчь о священствѣ. Спросимъ его: какъ онъ можетъ почитать себя христіаниномъ, когда въ общинѣ его нѣтъ священства? А если онъ укажетъ, что у нихъ есть люди исполняющіе званіе священниковъ, то спросимъ его: откуда идетъ это священство, что у нихъ? Есть ли оно священство Апостольскаго преемства? (Воскр. Чт. за 1867 г. кн. II, стр. 677—683.)

Призваніе Апостоловъ: Петра, Филиппа и Наѳанаила (Іоан. I, 41—51).

Два первозванные Апостола, Андрей и Іоаннъ, проведши первую ночь съ Іисусомъ Христомъ на пустынныхъ бере-

гахъ Іордана, въ бесѣдѣ съ Господомъ получили полное убѣжденіе, что Онъ дѣйствительно есть обѣтованный Спаситель міра, и потому на слѣдующій день поспѣшили пойти къ своимъ братьямъ, чтобы подѣлиться съ ними радостью о драгоцѣнномъ обрѣтеніи и пригласить ихъ къ слѣдованію за Іисусомъ Христомъ. Братья ихъ, какъ видно, находились теперь на берегу Іордана, были усердными слушателями проповѣди Іоанна Крестителя о пришествіи Царствія Божія и, вслѣдствіе послѣдняго объявленія Предтечи Господня, что уже явился Тотъ, Кто беретъ на Себя грѣхи міра, желали встрѣтить Его и быть учениками Его.

Ст. 40—42. Андрей первый пошелъ искать своего брата Симона, а потомъ и Іоаннъ своего, Іакова. Они въ тотъ же день нашли своихъ братьевъ и объявили имъ, что нашли Христа, Котораго съ нетерпѣніемъ ожидалъ весь Израильскій народъ и на Котораго указывалъ Іоаннъ Креститель, и—тѣ съ радостью послѣдовали за ними къ Господу.

Евангелистъ Іоаннъ, который описываетъ это дѣло, ничего не говоритъ о томъ, какъ встрѣтилъ Господь брата его, Іакова. Безмолвно ли принялъ Господь этого будущаго Апостола, который всей душой искалъ Его и желалъ быть Его ученикомъ, или Іоаннъ умалчиваетъ объ этой встрѣчѣ своего брата съ Господомъ, какъ онъ по смиренію любитъ умалчивать и о себѣ; только извѣстно, что Іаковъ съ того дня остался постояннымъ послѣдователемъ и Апостоломъ Господа. Объ обстоятельствахъ же встрѣчи Господомъ Симона Евангелистъ Іоаннъ пишетъ слѣдующее: когда Андрей привелъ Симона къ Іисусу, то Онъ, *взглянувъ на него, сказалъ: ты—Симонъ, сынъ Іонинъ: ты наречешься Кифа (Петръ), что значитъ: камень.* Господь Сердцевѣдецъ, Который знаетъ всѣ сокровенные помыслы и тайныя желанія души человѣческой (Іоан. II, 25), видѣлъ твердость вѣры, искренность любви и глубину убѣжденія, съ какими принялъ Симонъ отъ своего брата вѣсть, что онъ нашелъ Христа, и съ какими шелъ онъ навстрѣчу Господу, и ради этой твердости и непоколебимой рѣшительности вѣры новаго ученика и будущаго Апостола Онъ даетъ ему вмѣсто имени Симона новое имя Петра, то есть имя камня. Послѣ Господь и объяснилъ, что это имя дано Симону именно за твердость и высоту его вѣры.

Ст. 43—44. На другой день Господь хотѣлъ съ этими четырьмя учениками идти съ береговъ Іордана въ Галилею, гдѣ Онъ постоянно жилъ до сего времени, гдѣ находилась теперь Пречистая Матерь Его, и гдѣ Онъ начнетъ теперь Свое служеніе спасенію міра, Свою проповѣдь о наступленіи Царствія Божія. Но тутъ же, на берегахъ Іордана, Господь встрѣчаетъ Филиппа, происходившаго изъ Виѳсаиды, города Андрея и Петра. Сердцевѣдецъ видѣлъ, что и душа Филиппа желала найти Того, о Комъ проповѣдывалъ Іоаннъ Креститель, и потому Онъ сказалъ Филиппу: *иди за Мною.* Это приглашеніе Господа отвѣчало тайному желанію сердца Филиппа, который безмолвно желалъ и искалъ счастія быть ученикомъ и послѣдователемъ Іисуса Христа, о Которомъ онъ слышалъ возвышенную проповѣдь Іоанна на Іорданѣ. Филиппъ всѣмъ сердцемъ вѣровалъ уже, что Іисусъ изъ Назарета дѣйствительно есть Тотъ, Кому надлежало придти по предсказанію пророковъ, и потому для него достаточно было одного приглашенія со стороны Іисуса, чтобы послѣдовать за Нимъ и никогда уже не разлучаться съ Нимъ. Филиппъ былъ изъ тѣхъ людей, которые слѣдуютъ чувству вѣрующаго сердца, а сердце говорило ему,

что Пригласившій его слѣдовать за Собою и есть Тотъ, Кого ищетъ онъ.

Ст. 45—49. Не таковъ былъ другъ его Наѳанаилъ. И этотъ тоже искалъ Христа, но онъ прежде вѣры сердца любилъ испытывать разсудкомъ, точно ли истинно то, во что̀ хочетъ вѣровать, точно ли согласно это съ убѣжденіями его ума. Но лишь бы искренне было желаніе вѣры, а Господь откроетъ путь и для убѣжденія ума въ истинѣ, которой ищетъ сердце. Такъ и было съ призваніемъ Наѳанаила въ число Апостоловъ Христовыхъ. Филиппъ встрѣтилъ Наѳанаила и говоритъ ему съ простотою и откровенностью вѣры: *мы нашли Того, о Которомъ писали Моисей въ законѣ и пророки, Іисуса, Сына Іосифа, изъ Назарета.* Наѳанаилъ раздѣлялъ общій тогда многимъ Евреямъ предразсудокъ, что Христосъ, какъ царь съ земнымъ величіемъ, придетъ и явится во славѣ среди высшаго Іерусалимскаго общества, или другаго какого знаменитаго города, прославленнаго въ древности дѣлами царей; а Галилея, которая не пользовалась славою между Іудеями, и особенно небольшой городокъ Назаретъ, о которомъ ни разу не упоминается въ писаніяхъ Ветхаго Завѣта, никакъ не могли быть, по мнѣнію Іудеевъ, мѣстомъ рожденія и явленія обѣщаннаго Христа (Іоан. VII, 42, 52). Поэтому, какъ только услышалъ отъ Филиппа слова, что Христосъ изъ Назарета, Наѳанаилъ съ живостью возразилъ: *изъ Назарета можетъ ли быть что доброе?* Филиппъ не берется опровергать словами этотъ старый предразсудокъ; вѣрующая душа его находитъ лучшимъ предоставить друга съ его сомнѣніями Самому Господу. *Поди и посмотри,* отвѣчалъ Филиппъ на возраженіе Наѳанаила. Предразсудокъ былъ на поверхности, а искренность во глубинѣ сердца Наѳанаила, и потому онъ не хочетъ безъ изслѣдованія отвергать то, что̀ другъ его признаетъ истиною: онъ пошелъ къ Господу. Когда Іисусъ Христосъ увидѣлъ его, то сказалъ о немъ Своимъ спутникамъ, но сказалъ та́къ, что слова эти слышалъ и Наѳанаилъ: *вотъ, подлинно Израильтянинъ, въ которомъ нѣтъ лукавства!* Наѳанаилъ дѣйствительно былъ таковъ, и всѣ знали его, какъ человѣка простаго и откровеннаго; но его удивило теперь то, почему знаетъ объ немъ съ этой стороны Іисусъ Христосъ, съ Которымъ онъ встрѣчается въ первый разъ въ жизни; поэтому Наѳанаилъ съ удивленіемъ спрашиваетъ Іисуса Христа: *почему Ты знаешь меня?* Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Господь намекнулъ Наѳанаилу на одно таинственное обстоятельство, смыслъ котораго никому не былъ извѣстенъ, кромѣ самого Наѳанаила: *прежде нежели позвалъ тебя Филиппъ,* сказалъ Господь, *когда ты былъ подъ смоковницей, Я видѣлъ тебя...* Что̀ происходило въ душѣ Наѳанаила, когда онъ былъ подъ смоковницею, это было тайною, о которой, кромѣ самого Наѳанаила, могъ знать только одинъ Богъ. А Іисусъ говоритъ ему объ этомъ та́къ, ка́къ можетъ говорить одинъ только Тотъ, предъ Кѣмъ открыты всѣ сокровенные помыслы и тайны души человѣческой. Сомнѣніе слетѣло съ мысли Наѳанаила: онъ вѣритъ, что съ нимъ говорилъ Христосъ, Котораго искала душа его. Но такъ какъ обѣтованный Христосъ, по предсказанію пророковъ, долженъ быть не простой человѣкъ, и не простой царь Израильскій, а такой царь, который сначала царствуетъ надъ Израилемъ, а потомъ надъ всѣмъ міромъ, и которому Отецъ Небесный даетъ народы въ наслѣдіе и предѣлы земли во владѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ Христосъ называется въ Писаніи Сыномъ Божіимъ, то Наѳанаилъ, исповѣдуя

Іисуса обѣтованнымъ Христомъ, называетъ Его, на основаніи пророчества Давида (Псал. II), именно Сыномъ Божіимъ: *Учитель!* воскликнулъ Наѳанаилъ, *Ты — Сынъ Божій, Ты — Царь Израилевъ!* (Изъ Воскр. Чт. 1867 г., кн. II, стр. 765—771).

Что происходило въ душѣ Наѳанаила, когда онъ былъ подъ смоковницею, и чѣмъ объясняется быстрота его убѣжденія, объ этомъ находимъ слѣдующія благочестивыя гаданія у Фаррара:

У благочестивыхъ Евреевъ существовалъ обычай, одобренный и Талмудомъ, совершать *Кришму* или дневную молитву подъ смоковницею. Есть минуты, когда милость Божія осязательно посѣщаетъ человѣческое сердце; когда мысль орлинымъ полетомъ стремится въ безграничное небо; когда, восхищенные присутствіемъ Божіимъ, мы слышимъ глаголы неизрѣченные. Въ это время мы проживаемъ цѣлую жизнь, потому что возбужденіе душевное таково, что уничтожаетъ всякое время. Въ подобныя минуты человѣкъ становится ближе къ Богу, познаетъ Бога, и Онъ, повидимому, знаетъ его. Если бы кому либо изъ людей можно было видѣть въ это время нашу душу, то онъ узналъ бы все, что есть въ нашемъ существѣ великаго и безсмертнаго. Но видѣть это невозможно для человѣка: возможно только Тому, чья рука ведетъ насъ, чья десница управляетъ нами, хотя бы мы взяли крылья утра и полетѣли въ отдаленныя моря (Псал. XXXVIII, 9). Подобное ощущеніе долженъ былъ испытывать Израильтянинъ, въ которомъ не было лести, когда онъ сидѣлъ, молился и думалъ подъ своею смоковницею. Объ этихъ-то ощущеніяхъ, извѣстныхъ только Тому, Кому дано читать тайны людскаго сердца, напомнилъ Господь Наѳанаилу. Пусть же скажетъ тотъ, кому довелось испытать подобныя чувства: какъ бы онъ взглянулъ на такого человѣка, который бы открылъ ему то, что онъ въ эти минуты внутренно видѣлъ, и проникъ его сердечныя движенія? А то, что въ жизни христіанъ бывали такія уединенныя думы, такое восхищеніе до третьяго неба, впродолженіе котораго душа стремится преодолѣть границы пространства и времени и становится лицемъ къ лицу съ Вѣчнымъ и Невидимымъ,—такое воспламененіе небеснымъ огнемъ, которое въ одно мгновеніе навсегда сожигаетъ все, что есть въ насъ мелочнаго и низкаго,—то неоспоримо доказано словомъ и дѣломъ. И если кто либо изъ моихъ читателей испыталъ на себѣ это Божественное измѣненіе, уничтожающее прежняго и въ то же время творящее или обновляющее новаго человѣка, то такой пойметъ это быстрое сочувствіе, это мгновенное убѣжденіе, это сотрясеніе какъ отъ электрическаго удара въ сердцѣ Наѳанаила, которое заставило его броситься предъ Іисусомъ на колѣна и вызвало такой внезапный отвѣтъ: «*Равви! Ты Сынъ Божій; Ты Царь Израилевъ*». (Жизнь Іисуса Христа Фаррара въ переводѣ Матвѣева, стр. 79—80.)

Съ какою живостью прежде высказывалось сомнѣніе, съ такою же силою теперь высказывается вѣра Наѳанаила. И какъ быстро сомнѣніе уступило мѣсто вѣрѣ! Такъ всегда бываетъ съ сомнѣніемъ, которое медлитъ вѣрить не потому, что не хочетъ вѣрить, а потому, что желаетъ уяснить основанія для вѣры. Примѣръ Наѳанаила въ этомъ отношеніи достоинъ подражанія. Когда на душѣ твоей лежитъ какое либо недоумѣніе или сомнѣніе на счетъ истины твоей вѣры, то не чуждайся пути разъясненія и доказательствъ, на который приглашаютъ тебя друзья истины. Иди за ними на этотъ путь, но иди съ искреннимъ желаніемъ узнать и уяснить

истину, а не съ упорнымъ намѣреніемъ держаться своего предразсудка на счетъ ея. Искреннему желанію узнать истину Самъ Господь поможетъ открыть путь къ ней (Воскр. Чт. 1867 г., кн. II, стр. 770—771).

Съ тѣхъ поръ какъ небеса, отверзавшіяся при видѣніяхъ святыхъ Стефана и Павла, затворились снова, земной видъ Богочеловѣка не бывалъ уже видимъ, и мы не можемъ повторить отвѣта святаго Филиппа въ томъ смыслѣ, какъ онъ былъ имъ сказанъ. За то въ отвѣтъ на всѣ сомнѣнія мы можемъ сказать: приди и посмотри, какъ умирающій міръ воскресъ, растлѣвшій возродился, одряхлѣвшій обновился! Приди и посмотри, какъ мракъ освѣтился, отчаяніе изгнано! Приди и посмотри на попеченіе о заключенномъ въ темницу преступникѣ, на свободу ходившаго въ оковахъ раба! Приди и посмотри, какъ бѣдное, невѣжественное большинство освобождено отъ невыносимаго ига меньшинства богатыхъ и ученыхъ! Приди и посмотри, какъ возстаютъ домы призрѣнія больныхъ и сиротъ на развалинахъ колоссальныхъ амфитеатровъ, гдѣ нѣкогда проливалась кровь человѣческая! Приди и посмотри, какъ гнусные символы всеобщаго растлѣнія уничтожены и замѣнены святѣйшими храмами! Приди и посмотри, какъ селенія роскоши и тиранніи преобразились въ красивыя и счастливыя жилища, безжизненный атеизмъ—въ оживотворяющее христіанство, возмутители—въ дѣтей, идолопоклонники—въ святыхъ мужей! Да, приди и посмотри на величественныя дѣянія этой великой продолжающейся девятнадцать вѣковъ христіанской драмы, тогда ты увидишь, что все это стремится къ одному великому развитію, издавна предначертанному въ совѣтѣ небесной воли; тогда ты въ почтительномъ смиреніи постигнешь, что каждый кажущійся случай въ дѣйствительности есть дѣйствіе Провидѣнія, совершающаго все въ стройномъ порядкѣ и съ полнымъ убѣжденіемъ; тогда услышишь ты голосъ нашего Спасителя, Который отыскиваетъ тебя словами любви и состраданія,—и ты воскликнешь съ Наѳанаиломъ: «Учитель! Ты Сынъ Божій, Ты Царь Израилевъ»! (Жизнь Іисуса Христа, Фаррара, стр. 78—79.)

Ст. 50—51. Живую вѣру Наѳанаила Господь награждаетъ обѣтованіемъ познанія высочайшихъ таинъ Богооткровенія: *ты увѣровалъ въ Меня потому, что Я сказалъ тебѣ, что Я видѣлъ тебя подъ смоковницею: увидишь больше сего.* И обращаясь ко всѣмъ Своимъ спутникамъ, Господь прибавилъ: *истинно, истинно говорю вамъ: отнынѣ будете видѣть небо отверстымъ и Ангеловъ Божіихъ восходящихъ и нисходящихъ къ Сыну Человѣческому.* Такъ какъ вѣра Наѳанаила во Христа, Котораго онъ призналъ теперь въ Іисусѣ Назарянинѣ, основывалась на пророчествахъ, то Господь указываетъ ему на одно такое пророчество, которое говоритъ о соединеніи неба съ землею и Бога съ человѣкомъ, или о тайнѣ воплощенія Сына Божія. Онъ напоминаетъ Наѳанаилу и прочимъ ученикамъ о видѣніи Іаковомъ лѣстницы, по которой восходили и нисходили Ангелы и наверху которой стоялъ *яко Сынъ Человѣческій*, и этимъ даетъ имъ разумѣть, что пророчественное видѣніе это теперь исполняется. Этимъ именемъ Сына Человѣческаго Господь и сталъ называть Себя часто (Воскр. Чт. 1867 г., кн. II, стр. 771).

Называя Себя въ Евангеліи около восьмидесяти разъ «*Сыномъ Человѣческимъ*», Христосъ положительно, неопровержимо утверждаетъ Свое человѣчество. Между тѣмъ какъ это выраже-

ніе ставитъ Христа въ разрядъ людей, какъ плоть отъ нашей плоти и кость отъ нашей кости, оно въ то же время даетъ чувствовать, что Онъ болѣе, чѣмъ обыкновенный индивидуумъ, что Онъ не только *обыкновенный* Сынъ человѣческій, какъ всѣ другіе потомки Адама, но *именно* Сынъ Человѣческій, Человѣкъ въ самомъ высокомъ смыслѣ, идеальный, универсальный, абсолютный Человѣкъ, второй Адамъ, пришедшій съ неба, Глава новаго, высшаго разряда человѣческаго рода, Царь Израилевъ, Мессія. То же существенно выражается, хотя менѣе ясно, въ другомъ родственномъ названіи: «Сынъ Давидовъ», названіи, которое часто прилагается къ Христу, какъ оффиціальное званіе обѣщаннаго Мессіи, Царя Израилева; такъ, напримѣръ, Его называли два слѣпца Іерихонскіе, Хананейская жена, и вообще это названіе употреблялъ въ приложеніи къ Нему народъ.

Названіе «Сынъ Человѣческій» отнюдь не выражаетъ, какъ многіе утверждаютъ, только униженіе Христа, а скорѣе выражаетъ Его возвышеніе надъ общимъ уровнемъ, и въ Немъ и чрезъ Него осуществленный идеалъ человѣческой природы съ ея нравственной и религіозной стороны, или въ ея отношеніи къ Богу. Такое толкованіе оправдывается и грамматически, по причинѣ употребленія опредѣленнаго члена, и исторически: таково выраженіе у Даніила (VII, 14), гдѣ Мессію онъ обозначаетъ, какъ Главу одного вѣчнаго всеобщаго царства. Кромѣ того, оно тотчасъ объясняется само собою, какъ самое естественное и самое опредѣленнѣйшее, въ слѣдующихъ, напримѣръ, мѣстахъ: «Сынъ Человѣческій имѣетъ власть на землѣ прощать грѣхи» (Матѳ. IX, 6. Марк. II, 10). «Сынъ Человѣческій есть господинъ и субботы» (Матѳ. XII, 8. Марк. II, 28). «Если не будете ѣсть Плоти Сына Человѣческаго и пить Крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни» (Іоан. VI, 53). «Сынъ Человѣческій пріидетъ въ славѣ Отца Своего». Сынъ Человѣческій пришелъ взыскать и спасти погибшее (Матѳ. XVIII, 11, сн. Лук. XIX, 10). «Отецъ далъ Ему власть производить и судъ, потому что Онъ есть Сынъ Человѣческій (Іоан. V, 27). Даже тѣ мѣста, на которыя ссылаются, какъ на благопріятствующія другимъ воззрѣніямъ, при нашемъ толкованіи заключаютъ въ себѣ величайшую силу и красоту по контрасту, который снисшествіе Христа на землю и Его уничиженіе представляетъ въ яснѣйшемъ свѣтѣ; такъ, напримѣръ, когда Онъ говоритъ: «лисицы имѣютъ норы, и птицы небесныя гнѣзда, а Сынъ Человѣческій не имѣетъ, гдѣ приклонить голову» (Лук. IX, 58). Или: «Кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вамъ рабомъ; такъ какъ Сынъ Человѣческій не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ» (Матѳ. XX, 27—28). Такимъ образомъ человѣчество Христа, въ своемъ возвышеніи надъ всѣмъ обыкновеннымъ человѣчествомъ и въ своемъ нисхожденіи на самую низшую его ступень, ради возвышенія и спасенія его, представляетъ собою, какъ-бы преддверіе Его Божеству (Іисусъ Христосъ—чудо исторіи. Шаффа, стр. 68—69).

Съ призваніемъ Наѳанаила стало шесть учениковъ у Господа. Съ этими учениками Онъ и пошелъ съ береговъ Іордана въ Галилею, которую оставилъ еще тогда, когда пошелъ на Іорданъ креститься отъ Іоанна. Тамъ, въ Галилеѣ, началось Его торжественное служеніе спасенію міра, начались Его бесѣды къ народу и Его чудеса.

Какъ примѣряется разность въ повѣствованіяхъ св. Іоанна и первыхъ трехъ Евангелистовъ о призваніи Петра, Андрея и другихъ учениковъ.

По свидѣтельству Евангелиста Іоанна, призваніе Андрея, Петра и другихъ совершилось въ то самое время, когда Іисусъ Христосъ, въ первый разъ послѣ Своего крещенія возвращался изъ Іудеи въ Галилею, берегомъ Іордана (Іоан. I, 37—51). А Евангелисты Матѳей, Маркъ и Лука относятъ призваніе тѣхъ же учениковъ, Петра и Андрея, и съ ними сыновъ Зеведеевыхъ, къ другому времени, когда Спаситель, послѣ втораго уже возвращенія Своего въ Галилею, проходилъ по берегу озера Геннисаретскаго (Матѳ. IV, 18 — 22. Марк. I, 16—20. Лук. V, 1—11). Эта разность въ повѣствованіяхъ Евангелистовъ объясняется тѣмъ, что первые три Евангелиста и Евангелистъ Іоаннъ говорятъ о различныхъ событіяхъ. Апостолы Петръ и Андрей и бывшіе съ ними двукратно призываемы были Божественнымъ Учителемъ. Въ первый разъ призваніе сіе было однимъ сближеніемъ будущихъ Апостоловъ съ Іисусомъ Христомъ, какъ представляетъ Евангеліе отъ Іоанна (I, 37 — 51). Хотя они послѣ сего и сопровождали Его, какъ свойственно было ученикамъ Его, но еще не были неразлучными спутниками Его, какъ этого требовало званіе Апостоловъ, будущихъ свидѣтелей Христовыхъ. Посему-то изъ Каны, по совершеніи здѣсь Спасителемъ втораго чуда, они удалились къ Галилейскому морю, для рыбной ловли. Здѣсь, нашедши ихъ опять, Господь Іисусъ Христосъ *во второй* разъ призвалъ ихъ; и это было уже настоящимъ призваніемъ ихъ къ высокому служенію Апостольства (Матѳ. IV, 22. Марк. I, 17—20. Лук. V, 11). Теперь только Господь указалъ имъ назначеніе ихъ, обѣщавъ сотворить ихъ ловцами человѣковъ,—и съ тѣхъ поръ они уже не отходили отъ Него. Но, замѣтимъ еще кстати, что и это послѣднее призваніе было лишь частное (какого, безъ сомнѣнія, удостоились и другіе ученики, что̀ въ особенности извѣстно объ Апостолѣ Матѳеѣ). Какъ частное и предварительное, относящееся только къ нѣкоторымъ изъ учениковъ Христовыхъ, оно должно быть различаемо отъ общаго и окончательнаго избранія 12-ти Апостоловъ, о которомъ прямо повѣствуютъ только два Евангелиста: Маркъ (III, 13 и пр.) и Лука (въ VI). (Подробн. Сравн. Обз. Четвероев. Гречулевича, т. II, стр. 14—15).

Библіографическій указатель къ событіямъ 1 гл. 19—51 ст. Еванг. Іоанна.

Святоотеческія толкованія.

1) *Св. Іоанна Златоустаго* о посольствѣ Іудеевъ къ Крестителю (Іоан. I, 19—28). Воскр. Чт. IX. 335.

2) *Блаж. Θеофилакта.* Изъясненіе Евангелія, читаемаго въ первую недѣлю Великаго поста (Іоан. I, 43—51). Воскр. Чт. X. 431.

3) *Пр. Исидора Пелусіота* на сказанное Господомъ: *посмотрите на Меня* (I. 39). Ч. III. 94.

Новѣйшія толкованія

въ духовн. журналахъ:

4) Свидѣтельство св. Іоанна Предтечи объ Іисусѣ Христѣ, какъ обѣтованномъ Мессіи, предъ посольствомъ синедріона Іудейскаго. Воскр. Чт. XV, 115.

5) *Азъ гласъ вопіющаго въ пустыни: исправите путь Господень, якоже рече Исаія пророкъ* (Іоан. I, 23). Воскр. Чт. 1874 г. I. 25.

6) Виѳавара (Іоан. I, 28). Б. п. сл. Воскр. Чт. 1874 г. II. 39.

7) Се Агнецъ Божій... ст. 29. Іисусъ Христосъ, какъ искупительная жертва за грѣхи людей. Дух. Бес. 1860 г. IX. 441.

8) Евангельское чтеніе въ 1-ю нед. Великаго поста. Воскр. Чт. XXV. 1155.

9) Искреннее отношеніе къ истинѣ (Іоан. I, 45—49). Прав. Обозр. 1860 г. 125.

10) Святая простота (Іоан. I, 47). Воскр. Чт. 1876 г. I. 273.

11) Андрей Первозванный. Воскр. Чт. II. 298.

12) Андрей (Іоан. I, 35, 40, 44). Б. п. сл. Воскр. Чт. 1874 г. I. 143.

13) Петръ (Іоан. I, 40—42). Б. п. сл. Воскр. Чт. 1877 г. I. 189.

14) Св. Апостолъ Филиппъ (43). Воскр. Чт. VIII. 43.

15) Наѳанаилъ (ст. 45). Б. п. сл. Воскр. Чт. 1876 г. II. 384.

16) Виѳсаида (ст. 44). Б. п. сл. Воскр. Чт. 1874 г. II, 46.

17) Краткое историческое свѣдѣніе о святомъ Апостолѣ Филиппѣ. Хр. Чт. 1838 г. IV. 212.

18) *К. Думитрашко.* Матеріалы для бесѣды съ прихожанами о святыхъ Апостолахъ. Святый Апостолъ Филиппъ. Рук. для с. п. 1869 г. III. 315.

19) Св. Андрей Первозванный. Тамъ же. 425.

20) *П. Троицкаго.* Святый Апостолъ Андрей Первозванный. Воскр. Чт. 1880 г. № 48, 527.

21) О лицѣ Іисуса Христа. *Іоанна, еп. Смоленскаго.* О призваніи учениковъ (Іоан. I, 35—51). Хр. Чт. 1876 г., ч. II. 85—87.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

22) Ст. 43. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О призваніи ко Христу каждаго человѣка. Черты истиннаго послѣдователя Христова. II. 270—278.

23) *Его же.* Что̀ такое вѣра и въ чемъ она должна проявляться? II. 279—289.

Претвореніе воды въ вино (Іоан. II, 1—11).

Это «*начало чудесъ*» есть истинное введеніе ко всѣмъ прочимъ чудесамъ, которыя совершилъ Христосъ, подобно, какъ притча о Сѣятелѣ есть введеніе къ прочимъ Его притчамъ (Марк. IV, 14). Никакое другое чудо не содержитъ въ себѣ столько пророчествъ, никакое другое не предызобразило бы съ такою вѣрностью всего будущаго дѣланія Сына Божія. «Ветхозавѣтный законодатель Моусей своимъ первымъ чудомъ хотѣлъ наказать безбожниковъ и устрашить Іудеевъ, и потому претворилъ воду въ кровь. Іисусъ Христосъ претворяетъ воду въ вино, дабы успокоить и обрадовать бывшихъ на бракѣ. Не есть ли это ясное доказательство того, что главная цѣль пришествія Искупителя на землю не та, чтобы покрыть всѣ предметы траурной одеждой, но та, чтобы возвеселить, обрадовать человѣчество»? Но не станемъ забѣгать нашими замѣчаніями, которыя найдутъ должное себѣ мѣсто по разсмотрѣніи самаго чуда.

Ст. 1—2. «*На третій день былъ бракъ въ Канѣ Галилейской*»—на третій день, безъ сомнѣнія, послѣ того, какъ Филиппъ и Наѳанаилъ, согласно предшествовавшему повѣствованію (I, 43) послѣдовали за Христомъ. Онъ Самъ и два Его новоизбранные ученика, изъ которыхъ одинъ былъ родомъ изъ Каны (XXI, 2), безъ затрудненія могли перейти въ два дня отъ береговъ Іордана въ Кану и такимъ образомъ на третій день могли присутствовать на бракѣ или на брачномъ пиршествѣ. «*И Матерь Іисуса была тамъ. Былъ также званъ Іисусъ и ученики Его*». Молчаніе Евангелистовъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Іосифъ не дожилъ до времени открытаго служенія Христова. Въ послѣдній разъ упоминается о немъ, когда Іисусъ, будучи еще отрокомъ, приходилъ въ Іерусалимскій

храмъ (Лук. XI, 41), послѣ чего однако Іосифъ жилъ нѣсколько лѣтъ (51). «По мнѣнію отцевъ Церкви, домъ, гдѣ совершался бракъ былъ домъ родственниковъ Богоматери. Женихомъ былъ Апостолъ Симонъ, по прозванію Кананитъ или Зилотъ. Этотъ Симонъ былъ сынъ Клеопы, брата святаго Іосифа, и слѣдовательно племянникъ Пресвятой Дѣвы и двоюродный братъ Іисусу Христу».

Ст. 3. «*И когда не достало вина, то Матерь Іисуса говоритъ Ему: вина нѣтъ у нихъ*». Присутствіе Его и учениковъ Его, можетъ быть не предусмотрѣнное, такъ какъ они зашли съ дороги, могло неожиданно умножить число гостей, а чрезъ это запасъ вина оказался недостаточнымъ. Матерь Господа, по той или другой причинѣ, не сочла неприличнымъ принять участіе и нѣкоторымъ образомъ оказать помощь въ праздничныхъ распоряженіяхъ. Можетъ быть, Она была въ близкомъ родствѣ съ женихомъ, или невѣстой, во всякомъ случаѣ Она обезпокоилась затрудненіемъ скромнаго хозяйства и желала оное устранить. Трудно однако опредѣлить, чего именно Она ожидала отъ Своего Божественнаго Сына, объясняя Ему нужду хозяевъ. Прежніе опыты Его могущества и благости (см. ст. 11) не могли Ей внушить такую смѣлость, чтобы ожидать дальнѣйшаго ихъ проявленія. Нѣкоторые дѣйствительно не отрицали безусловно предшествовавшихъ чудесъ, разумѣя, что это было первое изъ чудесъ, въ которомъ Онъ явилъ *славу Свою*, другія же дѣла Онъ могъ совершать въ болѣе тѣсномъ семейномъ кругу и чрезъ то подать поводъ къ ожиданію болѣе явнаго раскрытія Его благодати и могущества. Но не обходя прямаго заявленія Евангелиста Іоанна, мы можемъ представить, какъ Она, сохраняя въ сердцѣ Своемъ всѣ пророческія указанія о будущей славѣ Своего Сына (Лук. XI, 19, 51), вѣрила, что въ Немъ сокрываются силы, еще сдерживаемыя, но которыя обнаружатся, когда наступитъ къ тому время. Это вѣроятнѣе того предположенія, что Ея слова были произнесены безъ опредѣленной цѣли, и что Она къ Нему теперь обратилась, находя въ Немъ всегда мудраго совѣтника, какъ въ малѣйшихъ, такъ и въ важнѣйшихъ дѣлахъ. Бенгель позволяетъ себѣ странную догадку, будто Она хотѣла Ему сказать, что время оставить пиршество и дать чрезъ это примѣръ прочимъ гостямъ, прежде чѣмъ недостатокъ обнаружился.

Но каковы бы ни были побудительныя причины Ея вмѣшательства, оно сначала не обѣщаетъ добраго успѣха.

Первое объясненіе ст. 4-го. «*Іисусъ говоритъ Ей: что Мнѣ и Тебѣ, Жена? еще не пришелъ часъ Мой*». Римско-католическіе толкователи очень старались снять съ этого отвѣта всякую тѣнь какого-то упрека или порицанія. Цѣлые трактаты были написаны для такой только цѣли. Но въ этомъ обращеніи—*жена*—поистинѣ нѣтъ ни строгости, ни суровости, хотя въ немъ слышится для нашего уха нѣчто подобное. Въ полномъ любви словѣ со креста, обращенномъ къ Своей Матери, Онъ употребляетъ то же воззваніе: «Жена, вотъ сынъ Твой» (Іоан. XIX, 26). Въ самомъ дѣлѣ здѣсь выражается нѣчто торжественное и вмѣстѣ свойственное достоинству женщины. Иное слышится въ словахъ: «*Жена, что Мнѣ и Тебѣ*». Всѣ толкователи первыхъ вѣковъ Церкви находили въ нихъ болѣе или менѣе неодобреніе и холодность. Сами Римскіе католики допускаютъ видимость чего-то подобнаго, отрицая только дѣйствительность. Онъ отвѣчалъ такимъ образомъ,—говорятъ они, чтобы

научить *насъ*, а не *Ее*, что не плоть и кровь, а высшія соображенія побудили Его избрать этотъ случай для перваго явленія Своей Божественной власти. Всего вѣрнѣе, что имѣлась цѣль преподать этотъ урокъ, но прежде всего преподать Ей, *Благословенной* въ женахъ, Которая по Своему высокому положенію болѣе другихъ подвергалась опасности забыть его, а въ лицѣ Ея и всѣмъ. «Она, говоритъ Златоустъ, еще не имѣла о Немъ того мнѣнія, какое должно было имѣть; но, какъ родившая, думаетъ по примѣру другихъ матерей, что можетъ приказывать Тому, передъ Кѣмъ Ей надлежало благоговѣть, какъ передъ Своимъ Господомъ». Съ этимъ можно сопоставить служащій къ поясненію текстъ (Матѳ. XII, 46—50).

Нѣкоторая строгость этого отвѣта, примѣтная при чтеніи, безъ сомнѣнія была смягчена самымъ тономъ Говорившаго, который показывалъ Его скорую готовность удовлетворить просьбѣ Ея. Ибо изъ того, что тотчасъ же

Ст. 5. «*Матерь Его сказала служителямъ: что скажетъ Онъ вамъ, то сдѣлайте*», очевидно, что въ кажущемся отказѣ Его Она слышала не отрицаніе, а согласіе. Она въ немъ читаетъ лучшій отвѣтъ на Свою просьбу, питаетъ въ Себѣ такую увѣренность, которой не поколебала и кажущаяся нерѣшительность онаго; Она такъ увѣрена, что даже ясно предугадываетъ самый способъ ожидаемаго удовлетворенія. Между тѣмъ эта увѣренность, при непосредственно слѣдующемъ возраженіи—«*еще не пришелъ часъ Мой*», представляетъ новую трудность. Если бы это изрѣченіе не объяснилось самимъ событіемъ, то чрезъ него проявленіе славы отдалялось бы не на кратчайшій срокъ, а относилось бы къ какому-либо позднѣйшему періоду Его служенія. Въ повѣствованіи Евангелиста Іоанна «*часъ Его*» вообще означаетъ время страстей или отшествіе изъ этого міра (VII, 30; VIII, 20; XII, 23, 27; XIII, 1; XVII, 1). Здѣсь же, а можетъ быть и въ другомъ мѣстѣ (VII, 6), означается ближайшій срокъ. Такъ правильно Она это и понимала. «*Часъ Его*» пришелъ не прежде, какъ по истощеніи запаса вина. Когда нѣтъ никакой другой помощи,—тогда, а не прежде, пробьетъ часъ великаго Помощника. Тогда настанетъ пора дѣйствовать, когда при совершенномъ недостаткѣ вина, явномъ для всѣхъ, чудо окажется выше всякаго сомнѣнія; иначе, по словамъ Августина, скорѣе показалось бы, что Онъ *смѣшалъ* элементы, а не *претворилъ* ихъ.

Прекрасна готовность, съ какою Господь нашъ удовлетворяетъ не только безусловнымъ нуждамъ, но и вспомоществуетъ въ менѣе важныхъ потребностяхъ, и въ настоящемъ случаѣ, какъ болѣе вѣроятно, не столько ради гостей, сколько ради брачной четы, свадебное торжество которой, по непредусмотрѣнному недостатку вина, могло подвергнуться насмѣшкамъ и порицанію. Такую готовность къ пособію должно сопоставить со строгимъ самоотреченіемъ отъ Своего всемогущества при удовлетвореніи собственнымъ крайнимъ нуждамъ. Онъ, Который претворилъ воду въ вино, могъ также повелѣть, чтобы камни сдѣлались хлѣбами (Матѳ. IV, 4), и уготовляющій трапезу другимъ, Самъ терпѣливо переносилъ голодъ и жажду. (Чудеса Господа нашего Іисуса Христа Тренча, стр. 85, 87—90. Жизнь Іисуса Христа, Скворцова, стр. 83.)

Второе объясненіе 4-го ст. «*Что Мнѣ и Тебѣ, Жено?*» Нѣкоторые изъ учителей Церкви такъ объясняютъ эти слова Христовы: Христосъ, сказавъ: «что Мнѣ и Тебѣ, Жено?» какъ-бы такъ говорилъ:

мы приглашены на бракъ, заботиться же о винѣ, необходимомъ для брачнаго пира, есть дѣло не приглашенныхъ, а тѣхъ, которые приглашали. Поэтому какое намъ дѣло заботиться о томъ, что̀ не должно составлять предметъ нашей заботы? Да кромѣ того, сейчасъ не для всѣхъ еще замѣтна и недостача вина, а когда сдѣлается замѣтною всѣмъ,—тогда Я покажу силу Своего Божества, теперь же еще «не у пріиде часъ Мой». Это была дружественная бесѣда Христа со Своею Матерью, а не обличеніе или укоризна.—Понимаютъ иногда и та́къ слова Христовы: не съ негодованіемъ Христосъ сказалъ: «что̀ Мнѣ и Тебѣ, Жено?» такъ какъ Онъ исполнилъ прошеніе Своей Матери, но сказалъ та́къ ради насъ, чтобы мы въ обращеніи нашемъ къ Богу не руководились заботами плотскихъ родителей нашихъ, и чтобы суета міра сего не развращала нашихъ духовныхъ помысловъ.—Понимаютъ и та́къ: «что̀ Мнѣ и Тебѣ? т. е., забота о недостачѣ вина—не наше дѣло, но если Ты, по обычному Тебѣ добросердечію, желаешь, чтобы не было этой недостачи, то скажи слугамъ, чтобы они сдѣлали то, что̀ Я прикажу имъ». Итакъ, не отринулъ, значитъ, Христосъ Своей Матери и словами, почтивъ Ее дѣломъ (претворенія воды въ вино).—Наконецъ, одни изъ учителей церковныхъ раздѣляютъ дѣла Христовы и говорятъ, что одни дѣла Христосъ творилъ, какъ Богъ, другія же,—какъ человѣкъ. Пречистая Дѣва, Матерь Божія, просила у Сына Своего такого дѣла (претворенія воды въ вино), которое Онъ могъ совершить не по человѣческому естеству, по которому Онъ имѣлъ Матерь, но по естеству Божественному, по которому Христосъ имѣлъ только Отца. Поэтому Онъ и сказалъ: «что Мнѣ и Тебѣ», т. е., Ты просишь у Меня такого дѣла, которое Я могу сотворить не какъ человѣкъ, въ чемъ имѣю общее съ Тобою, будучи Твоимъ Сыномъ, но какъ Богъ, въ чемъ Ты Мнѣ уже не Мать и не имѣешь ничего общаго со Мною. Итакъ, что̀ можетъ быть у насъ общаго въ сотвореніи такого чуда, какъ претвореніе воды въ вино?» Это сказано было Христомъ не съ негодованіемъ на Матерь Свою, но ради наставленія тѣхъ, которые находились на брачномъ пирѣ, дабы явить Себя имъ не человѣкомъ только, но и Богомъ. Отсюда мы научаемся, что Христосъ въ томъ, яже Отца Его бяху, не смотрѣлъ на родство по плоти, но творилъ волю Отца Своего Небеснаго (изъ Камня вѣры Стефана Яворскаго).

Третье объясненіе ст. 4-го. *Что Мнѣ и Тебѣ, Жено?* Когда Пресвятая Дѣва, узнавши о недостаткѣ вина на свадьбѣ, къ празднованію которой приглашена была Она и Ея возлюбленный Сынъ со Своими учениками, обратилась къ Іисусу со словами: у нихъ нѣтъ вина (Іоан. II, 3), то услышала въ отвѣтъ: «что̀ Мнѣ и Тебѣ, Жено? Еще не пришелъ часъ Мой». Этотъ отвѣтъ Іисуса Христа Своей Матери звучитъ несомнѣнно строго. Отчего же такая строгость къ Матери, Которая, очевидно, руководилась въ Своемъ обращеніи къ Нему единственно чувствомъ расположенія къ бѣднымъ людямъ, поставленнымъ въ затруднительное положеніе? Для того, чтобы правильно понять отвѣтъ Христа, нужно вникнуть въ слова Его Матери.

Обращеніе Пресвятой Маріи къ Своему Сыну есть не иное что, какъ кроткая просьба, напоминающая просьбу сестеръ Лазаря: Господи, тотъ, котораго Ты любилъ, теперь боленъ (Іоан. XI, 3). Но какъ Пресвятая Дѣва пришла къ мысли обратиться въ данномъ случаѣ къ Своему Сыну? Прежде всего

это обращеніе естественно объясняется тѣмъ, что Іисусъ Христосъ и Его ученики пришли въ Кану неожиданно и поэтому были собственно лишними гостями на свадьбѣ; такимъ образомъ Пресвятая Дѣва и обратилась къ Нему съ просьбой какъ-нибудь поправить неловкость, въ которой очутились приглашавшіе Іисуса и не разсчитавшіе своихъ достатковъ хозяева. Но, кромѣ того, нужно принять во вниманіе при этомъ и тотъ подъемъ духа, который должны были при видѣ Іисуса чувствовать всѣ свадебные гости и въ особенности Его Мать. Разговоръ естественно вращался около тѣхъ событій, которыя недавно совершились въ Іудеѣ и главное дѣйствующее Лице въ которыхъ теперь присутствовало на свадьбѣ. Нѣсколько дней назадъ Іоаннъ Креститель предъ своими учениками на томъ мѣстѣ, гдѣ собиралось много народу, засвидѣтельствовалъ, что Іисусъ изъ Назарета есть Тотъ Мессія, Котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали Іудеи, что онъ видѣлъ сходившаго на Іисуса во время крещенія Духа Божія. Ученики Іисуса со своей стороны могли добавить о явленіи необыкновеннаго прозрѣнія Іисуса при встрѣчѣ съ Наѳанаиломъ и сообщить о томъ торжественномъ обѣщаніи Христовомъ, по которому съ этого времени должно отверзнуться небо и Ангелы Божіи восходить и нисходить на Сына Человѣческаго, т. е. на Того Іисуса, Котораго они видѣли предъ собой. Наконецъ, и самое явленіе Іисуса не въ одиночествѣ, но окруженнымъ учениками, уже должно было въ свадебныхъ гостяхъ возбуждать мысль о новой эпохѣ, которая должна отсюда начаться. Всѣ эти обстоятельства не могли не пробудить въ душѣ Богоматери тѣхъ надеждъ, которыя Она таила въ Себѣ съ самаго чудеснаго рожденія Іисуса. Естественно Ей было придти къ мысли, что теперь-то, наконецъ, насталъ часъ Его выступленія предъ народомъ Израильскимъ въ качествѣ Избавителя (Лук. I, 80), и Она ясно хочетъ побудить Его къ рѣшительному дѣйствію, къ заявленію чѣмъ-нибудь Своего мессіанскаго достоинства.

Обращеніе Іисуса Христа въ Своемъ отвѣтѣ Ей можетъ быть поставлено въ параллель съ Второзак. XXXIII, 9, гдѣ служителямъ святилища вмѣняется въ обязанность говорить отцу и матери: «я не смотрю на васъ», и указываетъ на то, что въ дѣлахъ Своего мессіанскаго служенія Христосъ не былъ поставленъ подъ условія 5-й заповѣди. Еще будучи 12-ти лѣтнимъ Отрокомъ, Онъ разорвалъ узы плоти и крови изъ послушанія Своему Богу и Отцу, чтобы соткать новую связь между Собою и Своими родителями. Теперь, придя уже въ совершенный возрастъ и выступая на общественное служеніе, Онъ окончательно разрываетъ естественныя узы, которыя еще связывали Его съ Матерью. Пресвятая Марія должна узнать теперь въ Немъ Своего Господа, должна вступить къ Нему въ совершенно иныя отношенія, чѣмъ какія прежде существовали въ Ея сознаніи, если только Она желаетъ имѣть часть въ Господѣ и Спасителѣ, Котораго Она родила міру, если только желаетъ получить вѣчное спасеніе. И Господь Іисусъ Христосъ, Своимъ строгимъ словомъ указывая Ей на терпѣніе и на неумѣстность вмѣшательства въ Его дѣла какъ Мессіи, этимъ самымъ даровалъ Ей помощь, въ которой Она нуждалась, чтобы отъ чувства материнской любви возвыситься до вѣры въ Него, какъ въ Своего Господа и Спасителя.

Для Нея труднѣе было, чѣмъ для всѣхъ прочихъ людей, покориться Ему, какъ Своему Искупителю, въ Котораго

Она должна вѣровать такъ же, какъ и другіе; нужно помнить, что вообще всѣ родители, которые постоянно имѣли предъ глазами своихъ дѣтей, видѣли ихъ слабыми и неразвитыми, привыкаютъ смотрѣть на нихъ, какъ на низшихъ себя, и давать имъ указанія въ разныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни, тогда какъ сами не любятъ слушать поученія отъ своихъ дѣтей. Если же именно въ такомъ положеніи находилась и Пресвятая Марія, то Іисусъ Христосъ не иначе могъ выразить къ Ней Свою любовь, какъ указавъ Ей, что Она не можетъ разсчитывать ни на какія преимущества предъ другими въ тѣхъ случаяхъ, когда Онъ дѣйствуетъ какъ Мессія. Поставляя Ее въ настоящее положеніе, въ извѣстныя границы, какъ и прочихъ людей, Онъ облегчаетъ для Нея, насколько возможно, вѣру въ Него и даетъ противовѣсъ установившимся привычкамъ совмѣстной жизни. Онъ почитаетъ Ее какъ мать, но не въ ущербъ Своему Отцу, Своему призванію и истинной любви къ Ней Самой, и потому съ точки зрѣнія Мессіи называетъ Ее не матерью, но просто женщиною. Такимъ образомъ въ Своемъ отвѣтѣ Господь хочетъ выразить ту мысль, что не Марія вмѣстѣ съ Нимъ должна рѣшить, не пора ли выступить Ему въ качествѣ Мессіи, а только Богъ Отецъ (Чт. въ Общ. люб. д. п. 1874 г. Янв. Мелкія статьи, зам. и изв.).

Условія, при которыхъ совершилось чудо, по замѣчанію Златоуста, исключаютъ подозрѣніе во всякой стачкѣ.

Ст. 6—7. «*Было же тутъ шестъ каменныхъ водоносовъ, стоявшихъ по обычаю очищенія Іудейскаго, вмѣщавшихъ по двѣ или по три мѣры. Іисусъ говоритъ имъ: наполните сосуды водою. И наполнили ихъ до верха*». Это были сосуды для *воды*, а не для *вина*: такимъ образомъ нельзя заподозрить, что въ нихъ оставались подонки вина, которые, сообщивъ налитой на нихъ водѣ запахъ или вкусъ вина, были бы приняты за слабѣйшій сортъ вина, да и всякое подобное предположеніе исключается похвалою распорядителя новому запасу (10). Упомянуто, для чего сосуды находились въ готовности. Они тутъ стояли не вслѣдствіе какого либо задуманнаго плана, а согласно обычаю и преданію объ умовеніи, соблюдавшемуся у Іудеевъ (Матѳ. XV, 2; XXIII, 25. Марк. VII, 2—4. Лук. XI, 38); и это гораздо правдоподобнѣе предположенія, что они были нужны для какого либо особо установленнаго обряда. Притомъ они вмѣщали огромное количество, какого нельзя было пронести незамѣтно, «*по двѣ или по три мѣры*». Эти сосуды были пустые; получившіе приказаніе ихъ наполнить водою, сами сдѣлались чрезъ то свидѣтелями дѣйствительности чуда; иначе казалось бы только, какъ дѣйствительно показалось лишь распорядителю пира, что вино получено откуда-то неожиданно, «*а онъ не зналъ, откуда это вино; знали только служители, почерпавшіе воду*», т. е., не воду, уже теперь ставшую виномъ, а простѣйшій элементъ, на который Господь нашъ подѣйствовалъ Своими претворяющими силами.

Ст. 8. «*И говоритъ имъ: теперь почерпните и несите къ распорядителю пира. И принесли*». Происходили споры о томъ, былъ ли *распорядитель* одинъ изъ гостей, по общему согласію или по выбору хозяина поставляемый начальникомъ пира, или главный служитель, наблюдавшій за порядкомъ и надзиравшій за прочими слугами. Согласно обычаю Грековъ и Римлянъ, это былъ одинъ изъ гостей, временно исполнявшій эту обязанность; слѣдуя же Сираху (XXXII, 1—2), у Іудеевъ также былъ обычай избирать такого старшину рас-

порядителемъ угощенія. Въ самомъ дѣлѣ, смѣлость замѣчанія, съ которымъ онъ отнесся къ жениху, рѣшительно опредѣляетъ, что это было лицо, равное ему, а не подвластное: ему надлежало отвѣдать и разливать вино въ чаши; слѣдовательно ему первому приказалъ поднесть вино Господь, и въ этомъ незначительномъ обстоятельствѣ внимательный къ обычаямъ общества и воздающій всякому должное.

И понесли теперь уже не воду, а вино. Подобно другимъ актамъ творенія—или точнѣе претворенія—здѣсь это превращеніе воды въ вино сокрыто отъ нашего взора. Въ сосуды была влита вода; изъ нихъ почерпается вино, но мы напрасно усиливались бы постигнуть дѣйствительный процессъ претворенія, и, отступя назадъ, можемъ только опереться на глубокомысленное правило: subtilitas naturae longe superat subtilitatem mentis humanae. Между тѣмъ, поистинѣ, все это, исключая быстроты претворенія, нисколько не разительнѣе того, что каждодневно происходитъ предъ нами; но правильное повтореніе и привычка до того притупили наши глаза, что мы вовсе тому не дивимся, и, найдя пригодное для того имя, думаемъ, что открыли самую тайну, или скорѣе, что тутъ нѣтъ никакой тайны и вовсе нечего доискиваться. Кто ежегодно подготовляетъ вино въ виноградѣ, опредѣливъ ему поглощать земную и небесную влагу, наливаться ею и превращать ее въ свои благороднѣйшіе соки, Тотъ сосредоточилъ теперь въ одинъ моментъ всѣ тѣ медленные процессы и мгновенно совершилъ то, на что по обычному порядку требовались мѣсяцы. «Вотъ *вино*, падающее съ неба», довольно обычное восклицаніе Французскихъ крестьянъ, когда дождь въ надлежащее время падаетъ на ихъ виноградники. Эта аналогія, конечно, не помогаетъ уразумѣть, что Господь тогда дѣлалъ, но поясняетъ, что Онъ дѣйствовалъ въ высшемъ направленіи, не въ превратномъ и не въ противномъ ежедневнымъ незамѣчаемымъ нами чудесамъ природы. Что же было исключительною особенностью, что было изъятіемъ изъ порядка природы,—это могущество и воля, дѣйствіемъ коихъ всѣ посредствующія стадіи медленныхъ процессовъ быстро совершились и мгновенно цѣль была достигнута.

Ст. 9—10. «*Когда же распорядитель отвѣдалъ воды, сдѣлавшейся виномъ (а онъ не зналъ, откуда это вино; знали только служители, почерпавшіе воду)*, тогда *распорядитель зоветъ жениха*, то есть, называя его, обращается къ нему и съ восклицаніемъ, не неприличнымъ веселому пиру, говоритъ: *всякій хозяинъ подаетъ сперва хорошее вино, а когда упьются, тогда худшее*. Многіе толкователи соблазнялись выраженіемъ «упиться» и старались оное смягчить, дабы не показалось, что здѣсь происходила непристойная попойка (у Кипріана temulenta convivia), подобная тѣмъ, которыя столь часто безславятъ брачное торжество. Еще бо́льшія трудности находили въ томъ, что Господь не только почтилъ Своимъ присутствіемъ собраніе, гдѣ такъ много злоупотребляли дарами Божіими, но, что еще страннѣе, Своею чудотворною силою способствовалъ къ вящшему излишеству. Но вовсе нѣтъ нужды тревожиться словомъ и придавать ему столь великое значеніе. Мы совершенно можемъ быть увѣрены, что здѣсь подобное излишество не имѣло мѣста; ибо въ противномъ случаѣ Господь не соизволилъ бы почтить это брачное пиршество Своимъ присутствіемъ, а еще менѣе поощрялъ бы излишества и невоздержности такимъ особеннымъ, спеціальнымъ чудотвореніемъ. *Распорядитель пира* говоритъ только объ общемъ практическомъ на-

блюденіи и объясняетъ оное весьма просто причиною, приложимою и къ настоящему случаю, а именно, что люди, притупившіе вкусъ, менѣе способны различать хорошее и дурное. Итакъ все это нимало не показываетъ ненравственнаго поведенія настоящихъ гостей, а касается вообще испорченныхъ свѣтскихъ обычаевъ, и конечно не найдется человѣка, который теперь счелъ бы предосудительнымъ присутствіе Того, Кто былъ образомъ совершенной святости.

Такого же свойства и недостойное возраженіе тѣхъ, кому чудо представляется невѣроятнымъ, и которые полагаютъ, что если Господь и не способствовалъ разгулу уже начавшемуся, то сотвореніемъ столь обильнаго количества вина (количество было огромное) Онъ подвергалъ опасности человѣческую слабость. Съ такою же справедливостью всякій благій Божій даръ, который можетъ быть употребленъ во зло, всякій обильный урожай полевыхъ плодовъ, богатый сборъ винограда, можетъ искушать человѣческую слабость, а чрезъ то въ нѣкоторомъ родѣ (ср. Лук. XII, 16) испытывать умѣренность людей среди изобилія. Ибо человѣкъ можетъ достигать совершенства не изъятіемъ отъ искушеній, но скорѣе побѣдою среди искушеній, и та только умѣренность высоко цѣнится и заслуживаетъ это имя, которая имѣетъ своимъ источникомъ не скудость средствъ, а строгое самообладаніе или самоограниченіе. Что здѣсь даръ долженствовалъ быть весьма великъ, это можно было предвидѣть. Онъ, Царь, жаловалъ по-царски. Нескупой Податель среди обычнаго обилія Своего царства природы (Псал. LXV, 9—13), Онъ не былъ скупымъ Подателемъ теперь, внося Свои обычные дары въ Царство благодати и непосредственно подчиняя ихъ Своему служенію (Лук. V, 6—7).

Ст. 11. *Такъ положилъ Іисусъ начало чудесамъ въ Канѣ Галилейской*, именно тамъ, гдѣ задолго предъ тѣмъ было пророчество, что народъ сидящій во тьмѣ увидитъ свѣтъ великій (Исаія IX, 2. Матѳ. IV, 14—16). Евангелистъ вовсе не упоминаетъ о чудесахъ отроческаго возраста Іисуса, о которыхъ такъ много говорится почти во всѣхъ апокрифическихъ Евангеліяхъ; ибо, конечно, нельзя понимать словъ его такъ, что это было первое чудо изъ тѣхъ, которыя Онъ совершилъ въ Канѣ, но что это дѣйствительно было первое чудо и совершилось въ Канѣ, и Церковь всегда въ этомъ смыслѣ принимала слова Евангелія прямо и рѣшительно. Это указаніе важно и находится въ связи съ одною главною мыслью Евангелиста, а именно—онъ устраняетъ и отвергаетъ всѣ ни на чемъ неосновательныя понятія о лицѣ Господа, понятія, коими держались невѣрныя и вымышленныя преданія о Его младенчествѣ, благопріятствовавшія еретическимъ ученіямъ.

Только о Сынѣ могло быть сказано, что Онъ *явилъ славу Свою*, ибо *слава* (δόξα) выражаетъ здѣсь не аттрибутъ, свойственный твари, а Божественную славу, нераздѣльную отъ идеи «Слова» (Λόγος), абсолютнаго свѣта, — всякій другой проявилъ бы славу Бога, и только Онъ, сущій Богъ, могъ явить Свою собственную: какъ Богъ, Онъ озаряется Своимъ свѣтомъ, и это свѣтоозареніе есть *Его слава* (Іоан. I, 14. Матѳ. XVI, 27. Марк. VIII, 38). Евангелистъ, какъ нельзя сомнѣваться, имѣетъ въ виду пророчество (Исаія XL, 5): «явится слава Господня», указуя, что въ этомъ событіи оно оправдано! Объ этой славѣ Господа мы весьма часто слышимъ въ Ветхомъ Завѣтѣ (Исход. XVI, 7. Іезек. XI, 23; XXXIX, 21; XLIII, 2). Пока Онъ пребывалъ на землѣ, какъ Сынъ

Человѣческій, все это большею частью отъ всѣхъ было сокрыто. Тѣлесный покровъ, въ который Онъ благоволилъ облечься, былъ непроницаемъ для человѣческихъ глазъ. Но теперь, въ этомъ дѣйствіи благодати и могущества, слава Его проникла сквозь внѣшнюю оболочку и проявилась для учениковъ Его, и они увидѣли славу Его, какъ Единороднаго отъ Отца. *И ученики Его увѣровали въ Него* (ср. XVI, 30—31). Чудо, кромѣ удовлетворенія непосредственной нужды, имѣло свои дальнѣйшіе результаты: оно укрѣпило, усилило, возвысило вѣру тѣхъ, которые, уже вѣруя въ Него, сдѣлались болѣе способными къ возрастанію въ вѣрѣ—могли возвышаться отъ вѣры въ вѣру, отъ вѣры въ земнаго учителя до вѣры въ Небеснаго Господа (3 Царств. XIVI, 24). (Чудеса Господа нашего Іисуса Христа, Тренча, стр. 91—96).

Значеніе чуда на бракѣ въ Канѣ Галилейской.

(Прот. Нечаева, нынѣ еп. Виссаріона).

Ближайшая цѣль чуда была благотворительная, но главнымъ образомъ оно совершено было для того, чтобы видѣли ученики Божественную славу Его, убѣдились въ Его Божественномъ посланничествѣ и утвердились въ вѣрѣ въ Него. Они до сихъ поръ вѣровали въ Него, иначе и не послѣдовали бы за Нимъ, но, видно, вѣра ихъ еще не была такъ крѣпка, чтобы не нуждалась въ подкрѣпленіи какимъ-нибудь чуднымъ знаменіемъ.

Кромѣ указаннаго значенія, чудо претворенія воды въ вино, какъ всѣ чудеса Христовы, имѣетъ символическое значеніе. Въ канонѣ святаго Андрея Критскаго, читаемомъ на повечеріяхъ въ первые четыре дня первой седмицы Великаго поста, сказано, что первое чудо въ Канѣ Галилейской сотворено, «да ты измѣнишися, душе» (пѣснь 9). Т. е. Христосъ въ этомъ чудѣ наглядно выразилъ ту истину, что Онъ пришелъ обновить человѣка, возродить насъ къ жизни человѣка новаго, совершенно отличной отъ жизни человѣка ветхаго, получаемой каждымъ изъ насъ путемъ естественнаго рожденія съ наслѣдственною грѣховною порчею, переходящею отъ Адама во все его потомство. Человѣкъ ветхій и человѣкъ новый по природѣ ничѣмъ не отличаются: у того и другаго то же физическое устройство, тѣ же внѣшнія чувства, та же душа, одаренная разумомъ, свободною волею и способностью къ чувствованію пріятнаго и непріятнаго, любви и ненависти. Но при ближайшемъ сравненіи жизни того и другаго человѣка открывается поразительное различіе. Человѣкъ ветхій живетъ только для земли и для себя; человѣкъ новый, живя на землѣ, воздыхаетъ о небѣ, помышляетъ о предметахъ духовныхъ; радость общенія съ Богомъ въ святомъ словѣ Его, въ молитвѣ, въ таинствахъ, предпочитаетъ всему на свѣтѣ; волю свою старается привести въ согласіе съ волею Божіею и въ своихъ поступкахъ руководствуется не самолюбіемъ, а ревностью о славѣ Божіей и любовью къ ближнимъ. Вотъ къ этой-то жизни новаго человѣка призвалъ насъ, это-то измѣненіе духовной нашей природы по всѣмъ сторонамъ ея пришелъ произвесть въ насъ Господь Іисусъ, а для сего потребно совершить надъ нею чудо благодати Божіей, подобное чуду претворенія воды въ вино.

Не лишена глубокаго духовнаго значенія вообще вся исторія посѣщенія Христомъ Спасителемъ брака въ Канѣ.

1) Такъ, Своимъ присутствіемъ на брачномъ пиршествѣ Онъ освятилъ и благословилъ супружескій союзъ и вообще семейное состояніе. Благословенно безбрачіе, когда люди, могущіе вмѣ-

стить безбрачную жизнь, добровольно принимаютъ на себя обѣтъ ея для большей свободы въ служеніи Богу, для вящшаго преуспѣянія въ духовной жизни. Самъ Господь Іисусъ освятилъ этотъ родъ жизни Своимъ примѣромъ, но Онъ же явилъ благоволеніе Свое къ жизни брачной, удостоивъ Своимъ посѣщеніемъ бракъ въ Канѣ, и какъ первымъ дѣломъ Творца по сотвореніи человѣка было благословеніе ему плодиться и размножаться, такъ однимъ изъ первыхъ дѣлъ Обновителя человѣчества было освященіе брачнаго сожитія, для того, чтобы члены семьи были вмѣстѣ членами Его Церкви, чтобы дѣти естественныхъ родителей были вмѣстѣ чадами Божіими по благодати.

2) Христосъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской снисходительно отнесся къ земнымъ радостямъ и утѣшеніямъ и даже Самъ споспѣшествовалъ веселію гостей, приготовивъ для нихъ силою Своего всемогущества вино, веселящее сердце человѣка. Таковъ вообще духъ Евангельскаго ученія. Оно возстаетъ противъ пристрастія къ земнымъ удовольствіямъ, доходящаго до забвенія Бога, противъ жизни разсѣянной и грубо-чувственной, но отнюдь не противъ невинныхъ, тихихъ земныхъ радостей. Но при какихъ условіяхъ земныя наши радости могутъ быть невинны? При такихъ же, при какихъ невинно было веселіе гостей на бракѣ въ Канѣ Галилейской. Присутствіе среди нихъ Христа удерживало ихъ отъ излишества въ употребленіи пищи и питія, отъ нескромныхъ словъ и движеній. Подобно сему, и наши земныя радости будутъ чисты и невинны, если мы будемъ избирать ихъ съ мыслью о Христѣ, если прежде чѣмъ позволимъ себѣ принять участіе въ томъ или другомъ увеселеніи, спросимъ себя, не соединяется ли съ нимъ нарушеніе заповѣди Христовой или церковной, благовременно ли оно, благовременно ли напримѣръ учреждать увеселительныя собранія и посѣщать ихъ подъ воскресные и праздничные дни, —и если законныя и позволительныя христіанину радости будемъ освящать памятью о Христѣ и ею удерживать себя отъ грѣховной разсѣянности. По предреченію Христа Спасителя, Его второе пришествіе застанетъ людей неготовыми къ срѣтенію Его, ибо люди тогда, какъ и во дни передъ потопомъ, будутъ ѣсть, пить, жениться и выходить замужъ (Матѳ. XXIV, 38—39). Бѣда не въ томъ, что люди будутъ ѣсть, пить, праздновать свадьбы, а въ томъ, что они, хотя и христіане, будутъ все это дѣлать съ забвеніемъ о Христѣ и о своемъ христіанскомъ званіи, о вѣчной своей судьбѣ, съ безпечностью людей допотопныхъ и, можетъ быть, съ глумленіями надъ предостереженіями противъ этой безпечности. Что̀ мудренаго, если для такихъ безпечныхъ и страха Божія чуждыхъ христіанъ второе Христово пришествіе будетъ та́къ же пагубно, ка́къ пагубенъ былъ для современниковъ Ноя потопъ? Кто не помнитъ о Христѣ добровольно и мыслью о Немъ не умѣряетъ своей склонности къ земнымъ удовольствіямъ, Онъ тому напомнитъ о Себѣ невольно, какъ строгій Судія. При семъ нельзя безъ горькаго сожалѣнія вспомнить о не христіанскомъ характерѣ празднованія во многихъ христіанскихъ семействахъ свадебъ. Нельзя не назвать нечестивымъ обычая послѣ вѣнчанія устроять балы съ попойками, съ карточною игрою, съ нескромными плясками, въ которыхъ принимаютъ обыкновенно участіе сами новобрачные, не разсуждая о неприличіи этого увеселенія послѣ совершенія надъ ними великаго таинства, которымъ освященъ ихъ супружескій союзъ.

3) Іисусъ Христосъ не вдругъ испол-

нилъ желаніе Своей Пречистой Матери касательно помощи на бракѣ въ Канѣ Галилейской,—Онъ сказалъ Ей, что еще не пришелъ часъ Его. Если Онъ такъ отнесся къ желанію существа чистѣйшаго и святѣйшаго, то удивительно ли, если Онъ поступаетъ подобно сему иногда въ отношеніи къ намъ грѣшнымъ, когда мы просимъ Его о помощи? Какъ мы заставляемъ Его долго ожидать отъ насъ покаянія и обращенія, такъ Онъ не всегда скоро внемлетъ нашимъ мольбамъ къ Нему, или мольбамъ за насъ другихъ. Онъ желаетъ, чтобы мы не только питали смиренное чувство зависимости отъ Него и съ упованіемъ обращались къ Нему съ молитвою о помощи, но вмѣстѣ — чтобы научились терпѣнію въ молитвѣ, преданности Его святой волѣ, чтобы мы навыкли любить Его не тогда только, когда Онъ показываетъ явные знаки Своего благоволенія къ намъ, но и тогда, когда, повидимому, отвращаетъ отъ насъ лице Свое. Мы сами не всегда готовы принять отъ Бога милость, которой у Него просимъ. Дождь полезенъ бываетъ для почвы не тогда, когда она еще не совсѣмъ освободилась отъ снѣга и льда, а тогда, когда согрѣлась солнечными лучами. Подобно сему и благость Божія находитъ достаточную пріемлемость только въ сердцахъ, согрѣтыхъ любовью къ Богу.

4)Распорядитель пира на бракѣ въ Канѣ Галилейской сказалъ, что гостей сперва угощаютъ хорошимъ виномъ, а когда напьются, тогда подаютъ имъ худшее. Не образъ ли это судьбы міролюбцевъ? Пока есть имъ на что̀ жить, міръ поитъ ихъ изъ полной чаши своими утѣхами и радостями, окружаетъ ихъ льстецами и поклонниками, отуманиваетъ имъ голову похвалами ихъ мнимымъ достоинствамъ, душевнымъ и тѣлеснымъ. Но оканчивается тѣмъ, что міролюбецъ или пресыщается и отъ пресыщенія впадаетъ въ скуку и отчаяніе, или вслѣдствіе расточительности впадаетъ въ нищету, въ которой отъ него отступаются его мнимые друзья, дорожившіе не имъ, а его хлѣбосольствомъ,— и подобно блудному сыну притчи, доведшему себя до необходимости питаться свинымъ кормомъ, пьетъ до смерти горькую чашу всяческихъ лишеній. И хорошо еще, если эта нищета и горе обратятъ его, какъ блуднаго сына, къ раскаянію и путемъ раскаянія приведутъ къ Господу. Но бываетъ и такъ, что міролюбцы, брошенные міромъ, лишенные участья къ себѣ людей, не ищутъ утѣшенія въ Богѣ, да такъ и умираютъ. Поистинѣ послѣ сладкаго и дорогаго вина имъ приходится пить одно горькое и никуда негодное. Такъ поступаетъ міръ со своими жалкими поклонниками, но не такъ Христосъ, Женихъ Церкви, съ уневѣщенными Ему душами. Чѣмъ онѣ преданнѣе Ему, тѣмъ больше на ихъ долю достается пить изъ чаши скорбей, больше нести крестовъ въ борьбѣ съ искушеніями отъ міра, плоти и діавола. Но какъ Самъ Онъ путемъ креста достигъ славы, такъ и послѣдователямъ Его, раздѣляющимъ съ Нимъ страданія здѣшней жизни, уготовано прославленіе на небесахъ, въ Царствіи Небесномъ, гдѣ Онъ обѣщался вкушать вмѣстѣ съ ними новое вино вѣчныя, никогда неумаляющіяся радости (Марк. XIV, 25). (Душ. Чт. за 1873 г., II ч., стр. 219—222.)

Кана Галилейская.

На горѣ Назаретской къ западу простирается равнина Завулонская, въ одну милю ширины и 3 — 4 длины. Это — плодородная и цвѣтущая поляна, покрытая въ лѣтнее время роскошною растительностью. Въ уединенной котловинѣ, въ сѣверной части горы, видны

развалины города Каны. Подвигаясь отъ Каны по оконечности равнины далѣе къ горамъ, отъ Назарета простирающимся къ сѣверу, и по волнообразнымъ возвышенностямъ доходя до мѣста, гдѣ дорога становится покатою, мы вдругъ видимъ прекрасную деревню Кефръ-Кенна. Въ новѣйшее время эту деревню стали считать древней Каной. Въ тамошнихъ гончарныхъ заводахъ приготовляются кружки, покупаемыя путешественниками въ память тѣхъ кружекъ, въ которыхъ подносили вино, претворенное Іисусомъ Христомъ изъ воды. Дебель въ своихъ «странствованіяхъ по востоку» разсказываетъ: «чрезъ три часа изъ Назарета мы прибыли въ Кану. Почти за 300 шаговъ отъ города находится колодезь съ свѣтлою, превосходною водою, изъ котораго, по преданію, Христосъ приказалъ почерпнуть воды, которую Онъ на бракѣ обратилъ въ вино. Съ каждой стороны ведутъ къ колодезю четыре ступени. Колодезь имѣетъ около 8 футовъ длины и $2^1/_2$ фута ширины. Здѣсь находится каменная ванна или корыто, устроенное однимъ Англичаниномъ для всѣхъ, кто хочетъ здѣсь помыться. Деревня лежитъ на склонѣ холма и состоитъ изъ бѣдныхъ хижинъ и развалинъ. Недалеко отъ помянутаго колодезя указываютъ мѣсто, гдѣ стоялъ домъ Варѳоломея (Наѳанаила), гдѣ былъ бракъ. За 150 шаговъ дальше, показываютъ сосуды, въ которыхъ совершилось превращеніе воды въ вино; они были закопаны въ землю и состоятъ изъ однихъ черепковъ. (Земная жизнь Господа нашего Іисуса Христа, Орды, стр. 103, примѣчаніе 3.)

Характеръ чудесъ Іисуса Христа.

Первое что̀ видится намъ въ чудесномъ происшествіи на бракѣ въ Канѣ Галилейской,—это то, что Іисусъ Христосъ принимаетъ такое близкое участіе въ семейной радости людей бѣдныхъ, неимущихъ, и, чтобы помочь имъ, совершаетъ чудо. Мы видимъ, что Іисусъ Христосъ Своею Божественною силою помогаетъ одному изъ великихъ несчастій, привнесенныхъ въ міръ грѣхомъ: бѣдности и слабости человѣка, по которой онъ неспособенъ вполнѣ удовлетворить своимъ невиннымъ требованіямъ. Чудеса Христовы прежде всего были великимъ, чрезвычайнымъ благодѣяніемъ немощнымъ и бѣдствующимъ людямъ. Іисусъ Христосъ постоянно ищетъ несчастныхъ и помогаетъ имъ чудеснымъ образомъ, такъ что ученики и первые послѣдователи Христа на первый разъ только и видѣли въ Немъ великаго чудотворца, пришедшаго помочь страждущему человѣчеству, и уже отсюда, отъ этой вѣры, постепенно переходили къ вѣрѣ въ достоинство Его, какъ Мессіи, Искупителя отъ грѣха и смерти. Въ самомъ дѣлѣ, какое поразительное для міра зрѣлище представляетъ то, что Іисусъ Христосъ Своими чудесными знаменіями постоянно помогалъ бѣдствующему человѣчеству, хотя чудеса для всемогущества Его можно было творить и независимо отъ нуждъ людскихъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ чудеса Божіи были чаще всего чудесами грозной, карающей грѣшниковъ, силы. Не то въ Новомъ Завѣтѣ. Іисусъ Христосъ явился Богомъ любви и милосердія; къ самымъ оскорбителямъ святости Божіей Онъ обращается съ примирительнымъ словомъ любви, и это спасительное слово любви сопровождаетъ столь же спасительными чудесными знаменіями, которыми хочетъ облегчить тяжелое состояніе человѣка. Посему, читатели, когда вы услышите о какомъ либо чудесномъ дѣйствіи Христовомъ, поспѣшите прославить безконечное всемогущество Его и столь же безконечную любовь и состраданіе къ немощамъ нашимъ.

Но чудеса совершалъ Іисусъ Христосъ не для того только, чтобы оказать благодѣянія нѣкоторымъ страждущимъ людямъ и цѣлить нѣкоторыя тѣлесныя немощи. Іисусъ Христосъ приходилъ на землю, чтобы уврачевать наши душевныя болѣзни, загладить грѣхъ, ставшій глубокою пропастью между Богомъ и человѣкомъ. Это духовное обновленіе человѣка и было цѣлью Его Божественнаго посланничества. Но, само собою понятно, такое великое дѣло, какое имѣлъ совершить Іисусъ Христосъ, требовало особенныхъ чрезвычайныхъ средствъ: для обыкновенныхъ людей недостаточно было слышать Его ученіе, видѣть жизнь Его, чтобы признать въ Немъ Божественное лице Искупителя, а нужны были средства, болѣе поразительныя для самыхъ внѣшнихъ чувствъ, которыя бы, приводя въ удивленіе самую слабую впечатлительность, вызвали вниманіе людей и такимъ образомъ содѣйствовали принятію и распространенію проповѣди Спасителя. Располагая всѣми силами неба и земли, Господь Іисусъ Христосъ избираетъ такими средствами чудеса. *Та дѣла, яже Азъ творю, свидѣтельствуютъ о Мнѣ.* Выступая за предѣлы обыкновеннаго порядка вещей, представляя знаменія въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ въ какомъ люди привыкли ихъ видѣть, чудеса Христовы дѣйствительно со всѣхъ сторонъ привлекали къ себѣ непривычные къ такимъ явленіямъ взоры. Народъ въ удивленіи спрашивалъ: что это за Лице, творящее знаменія, какихъ никто не видѣлъ доселѣ? и, перебирая различныя сужденія касательно Іисуса Христа, лучшіе люди, не зараженные до крайности предразсудками Іудейскими, скоро приходили къ тому заключенію, что подобныхъ знаменій не можетъ совершать человѣкъ, если бы съ Нимъ не былъ Богъ. Сила чудесныхъ дѣйствій Христа была такъ велика, что, наконецъ, самые враги Его должны были преклониться предъ Его силою и могуществомъ; и какая глубоко поразительная картина, когда, напримѣръ, стражъ креста Христова среди великихъ чудесныхъ знаменій не можетъ болѣе устоять въ невѣріи и невольно восклицаетъ: *воистинну бъ Сей Божій Сынъ!*

Да, мы вовсе не поняли бы характера и духа чудесъ Христовыхъ, если бы почли ихъ особенными, отдѣльными явленіямн всемогущества Христа Спасителя. Чудеса Христовы служатъ однимъ изъ откровеній Бога въ полнотѣ Его безконечныхъ совершенствъ, Бога, спасающаго родъ человѣческій. Въ этомъ отношеніи чудеса входятъ, какъ часть, въ планъ домостроительства нашего спасенія. Самое пришествіе Христа Спасителя на землю, имѣвшее цѣлью измѣнить жизнь человѣческую и дать ей направленіе къ небу, было уже по преимуществу чудомъ. Потомъ, такъ какъ весь нынѣшній ходъ вещей измѣненъ подъ вліяніемъ грѣха, то, вотъ, въ лицѣ Искупителя отъ грѣха, проклятія и смерти Онъ самымъ видимымъ образомъ сбрасываетъ тяжелыя слѣдствія грѣха. Отъ чего особенно терпитъ человѣкъ, на этомъ Христосъ Искупитель останавливаетъ съ запрещеніемъ Свою чудодѣйственную силу. Воздушныя стихіи, часто враждебныя для человѣка, становятся послушнымъ орудіемъ Христа и усмиряются однимъ словомъ Его; зыбкая водная стихія подъ стопами Его становится твердою и свободно держитъ Его на своемъ лонѣ. Ничтожное количество хлѣба въ рукахъ Его питаетъ цѣлыя тысячи народа. Онъ одинаково дѣйственно говоритъ и тѣлесно больному: «*востани и ходи*», и душевно больному: «*отпущаются тебѣ грѣхи*». Смерть — послѣднее слѣдствіе грѣха— для Него не существуетъ: Онъ воскре-

шаетъ мертвыхъ, и Самъ воскресъ отъ гроба. Искуситель рода человѣческаго, виновникъ всѣхъ страданій его, признаетъ въ Іисусѣ Христѣ высшую противоборствующую ему силу и бѣжитъ отъ Его всемогущаго слова. И, вообще, всѣ дѣятельныя отношенія Іисуса Христа къ человѣку образуютъ одно великое чудо спасающаго Бога, посредствомъ котораго мы должны были подняться отъ духовнаго и тѣлеснаго порабощенія.

Такимъ образомъ чудеса Христовы неразрывны отъ Его ученія. Такъ какъ бѣдствія и страданія человѣка суть слѣдствія грѣха, то посему возможность избавленія отъ этихъ страданій чудесною силою Христа необходимымъ условіемъ для себя предполагала вѣру во Христа, какъ Искупителя отъ грѣха. На чудесное исцѣленіе Іисусомъ Христомъ больныхъ, увѣчныхъ, вообще на всѣ чудеса Христовы, повторяемъ, нельзя смотрѣть, какъ на нѣчто случайное, нельзя представлять, будто бы ими имѣлось въ виду только помочь обстоятельствамъ данной минуты, а послѣ, положимъ, оставить въ душѣ получившаго чудесную помощь болѣе или менѣе полную благодарность и уваженіе къ чудотворцу. Этого мало: все ученіе Христово, всѣ дѣла и чудеса Его, — все вмѣстѣ вполнѣ было направлено къ одному — возбужденію людей къ новой благодатной жизни, принесенной Іисусомъ Христомъ. *Сія писана быша,* говоритъ Евангелистъ о ученіи Христовомъ, равно и о чудесахъ Его, *да вѣруете, яко Іисусъ есть Сынъ Божій, и да вѣрующе, живота имате во имя Его* (Іоан. XX, 31). Здѣсь ничто не могло быть одно безъ другаго: ученіе Христа Спасителя видимо утверждало свою дѣйствительность въ чудѣ; чудо, какъ-бы въ картинѣ, въ образѣ, выражало то же ученіе. *Азъ воскресеніе и животъ: грядый ко Мнѣ не имать взалкатися никогдаже,* училъ Іисусъ Христосъ. А когда Онъ воскрешалъ мертвыхъ, питалъ чудесно тысячи народа, то этимъ самымъ сообщалъ глубокую неотразимую убѣдительность тому же ученію.

Потому-то и нельзя было пользоваться чудомъ, не пользуясь въ то же время и ученіемъ Христовымъ, которое ясно проповѣдывалось самымъ чудомъ, и Іисусъ Христосъ уклонялся отъ совершенія чуда всегда, когда видѣлъ людей, нерасположенныхъ къ Его ученію, потому что такіе люди не могли видѣть самыхъ очевидныхъ знаменій Божественной силы Христовой. Простыя открытыя сердца постоянныхъ послѣдователей Христа одни видятъ большею частью всѣ знаменія и чудеса Христовы. А для особенно торжественныхъ явленій Своей чудодѣйственной силы Іисусъ Христосъ избираетъ и самыхъ близкихъ и преданныхъ Его ученію лицъ. Восходя на Ѳаворъ, гдѣ непосредственно должно было раскрыться Его Божественное величіе, Іисусъ Христосъ беретъ только троихъ изъ учениковъ Своихъ. Да и тѣмъ немногимъ, которые видятъ сокровенные чудеса Его, Іисусъ Христосъ заповѣдуетъ молчать о чудесной силѣ Его, по крайней мѣрѣ, до извѣстнаго времени, именно до времени воскресенія Его изъ мертвыхъ. Это потому, что такъ какъ многіе были вооружены противъ ученія Христа, то разсказъ о чудесахъ не только не могъ принести имъ надлежащей пользы, а напротивъ, какъ показалъ опытъ, служилъ для однихъ соблазномъ, для другихъ безумiемъ.

Такъ, христіане, нужно проникнуться вѣрою во Христа Спасителя и проникнуться глубоко, чтобы надлежащимъ образомъ понимать явленія Божественной силы и всемогущества. Это нужно твердо запомнить всѣмъ, слушающимъ

исторію чудесной жизни нашего Господа. Безплодно только созерцать чудо, даже холодно пользоваться имъ—значитъ вовсе не видѣть и не знать его. Это очень просто и понятно. Мы, напримѣръ, часто сподобляемся пріобщаться Плоти и Крови Христовой. Это ли не чудо? А между тѣмъ какъ многіе изъ насъ присутствуютъ при совершеніи этого чуда и не видятъ его, многіе пріобщаются самой трапезы Божественной и не чувствуютъ спасительныхъ плодовъ ея, *судъ себѣ ядятъ и піютъ* (1 Коринѳ. XI, 29). Такъ точно многіе изъ Іудеевъ, среди постоянныхъ чудесъ Христовыхъ, не хотѣли признать въ Немъ обѣтованнаго Спасителя и, гдѣ уже ясно обнаруживалась во Христѣ сила выше, чѣмъ человѣческая, говорили, что это дѣйствіе злого духа. Посему-то мы, слушая о чудесахъ Христовыхъ, должны, прежде всего, настроить себя, какъ истинно вѣрующіе во Христа и Его ученіе. Только въ такомъ случаѣ свободно и съ полнымъ сознаніемъ величія дѣла мы поймемъ тайны Божественной чудодѣйственной благодати; въ противномъ случаѣ, не имѣя полной всецѣлой вѣры во Христа, мы потеряемъ путеводную звѣзду этого чуднаго міра, дадимъ поводъ нашей мысли склоняться къ сомнѣнію и вообще не найдемъ того утѣшительнаго назиданія, какое выноситъ истинно вѣрующій изъ исторіи чудесъ Христовыхъ. Мало того, этимъ мы глубоко оскорбимъ Совершителя этихъ чудесъ, Виновника спасенія нашего Іисуса Христа. Нельзя не припомнить здѣсь, разсказанный Евангелистомъ Маркомъ, подобный случай съ фарисеями, глубоко огорчившій Христа: Іисусъ Христосъ только что совершилъ въ глазахъ цѣлыхъ тысячей народа чудо съ пятью хлѣбами. Фарисеи, особенно враждебные ученію Христа, заспорили съ Нимъ и потребовали отъ Него новаго знаменія. Іисусъ Христосъ, замѣчаетъ Евангелистъ, глубоко вздохнулъ и сказалъ, обращаясь къ ученикамъ Своимъ: *что родъ сей знаменія ищетъ? Очи имуще не видите, и уши имуще не слышите; и не помните; пять хлѣбы преломихъ въ пять тысячъ, колико кошъ исполнь укрухъ пріясте? глаголаша Ему: дванадесять; егда же седмь въ четыре тысящи, колико кошницъ исполненія укрухъ пріясте? Они же рѣша Ему: седмь. Не у ли чувствуете, ниже разумѣете? еще ли окаменено сердце ваше имате?* (VIII.) Кого не трогаетъ до глубины души эта вполнѣ справедливая жалоба Спасителя на невѣріе и ожесточеніе, тотъ напрасно будетъ стараться разгадать тайну чудесъ Христовыхъ. Не съ такимъ расположеніемъ сердца проникали ее истинно вѣрующіе. «Когда я», говоритъ о себѣ святый Іоаннъ Златоустый, «погружаюсь мыслью въ Евангельскія чудесныя сказанія, то я отъ изумленія перехожу къ слезамъ, отъ слезъ къ молитвѣ и благодаренію» (Воскр. Чт. 1868 г., янв. № 40, стр. 787—794).

Библіографическій указатель къ чуду на бракѣ въ Канѣ Галилейской (Іоан. I, 1—11).

1) Кана Галилейская. Б. п. сл. Воскр. Чт. 1876 г. I. 224.

2) Первое чудо въ Канѣ Галилейской. Характеръ чудесъ Іисуса Христа. Воскр. Чт. XXXI. II. 785.

3) *Прот. Нечаева.* Уроки покаянія, заимствованные изъ Евангелія. (Бракъ въ Канѣ Галилейской.) Душ. Чт. 1880 г. Ш. Нояб. 345.

4) О чудѣ въ Канѣ Галилейской. Хр. Чт. 1833 г., ч. I. 317—328.

5) *Ѳ. Смирнова.* Первое чудо Іисуса Христа въ Канѣ Галилейской. Воскр. Чт. 1882 г. 18—21.

Первая Пасха общественнаго служенія Іисуса Христа.

Спаситель на первой Пасхѣ Іудейской (*) (Іоан. II, 13—22).

И близъ бѣ Пасха Іудейска, повѣствуетъ Евангелистъ Іоаннъ (2, 13), *и взыде въ Іерусалимъ Іисусъ.* Это была первая Пасха, на которой, послѣ крещенія Своего, Спаситель торжественно благоволилъ явить Себя міру, какъ обѣтованный Мессія-Искупитель рода человѣческаго, какъ Господь праздниковъ и субботы, какъ Владыка храма, и какъ Законодатель ветхозавѣтной церкви и новозавѣтной.

Городъ представлялъ въ это время видъ всемірной столицы; не тысячами, а можно сказать, милліонами стекались туда Евреи со всѣхъ краевъ земли. Это видно изъ того, что 1) закономъ Моусеевымъ было предписано, дабы каждый Еврей мужскаго пола, каждый годъ непремѣнно, шелъ въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи, исключая тѣхъ Евреевъ, кои жили въ самыхъ далекихъ краяхъ свѣта, и кои, вмѣсто себя, присылали дары (Исход. XXIII, 17; XXXIV, 23). 2) Если о праздникѣ Пятидесятницы, во время котораго Духъ Святый сошелъ на Апостоловъ, Евангелистъ Лука замѣчаетъ, что тогда сошлись въ Іерусалимъ *отъ всего языка, иже подъ небесемъ* (Дѣян. II, 4),—тѣмъ болѣе то же надобно сказать о праздникѣ Пасхи, которая, какъ первый праздникъ, всегда праздновалась въ Іерусалимѣ торжественнѣе, чѣмъ другіе. Кромѣ Евреевъ, тутъ, безъ сомнѣнія, были и язычники—Римляне, Греки, Арабы, Египтяне (сравн. Дѣян. II, 4—11). 3) Повѣствуя о послѣднемъ разрушеніи Іерусалима отъ Римлянъ, случившемся также въ праздникъ Пасхи, Іосифъ Флавій замѣчаетъ, что бывали такія времена, когда на Пасху стекалось въ Іерусалимъ—по приблизительному счету—около двухъ милліоновъ пятисотъ шестидесяти пяти тысячъ человѣкъ (**), — только такихъ, коимъ законъ позволялъ вкушать Пасхальнаго Агнца,—исключая тѣхъ, коимъ по закону запрещено было участвовать въ священной жертвѣ.

Таковъ былъ, или, по крайней мѣрѣ, таковъ могъ быть Іерусалимъ въ то время, когда Спаситель пришелъ туда праздновать первую Пасху. Поелику самое многолюдное стеченіе народа обыкновенно бывало при храмѣ Іерусалимскомъ,—и поелику для Начальника вѣры всего важнѣе были дѣла вѣры и благочестія, то Господь отправился ко храму. И какое зрѣлище увидѣлъ Онъ здѣсь! Въ пустынѣ, когда слава Божія осѣняла скинію, сонмы Израильтянъ только издалеча осмѣливались взирать на нее и падали ницъ въ глубокомъ безмолвіи и благоговѣніи,—теперь уже не было благоговѣнія ко храму. Во времена Давида и Соломона слышны были вокругъ се-

ленія славы Божіей только голоса поющихъ священныя пѣсни и звуки храмовыхъ орудій музыкальныхъ,—теперь, у самыхъ дверей храма, воздухъ наполнялся ревомъ животныхъ, шумомъ торговцевъ и продавцевъ. Вся окружность храма, всѣ огромные переходы, построенные Иродомъ и составлявшіе чудо строительнаго искусства,—все, гдѣ только можно было что-нибудь помѣстить, все было занято несчетнымъ множествомъ (***) скота и птицы, которую жители Іерусалима продавали иногороднымъ Евреямъ, издалека пришедшимъ на праздникъ; все было загромождено сѣдалищами продавцевъ голубей, столами мѣновщиковъ, съ извѣстнымъ обманомъ и плутовствомъ размѣнивавшихъ деньги туземныя на иностранныя, мелкія на бо́льшія, и наоборотъ. Рынокъ нечестивый, превратившій, по словамъ Самого Господа, храмъ молитвы въ сущій вертепъ разбойниковъ (Матѳ. XXI, 12. Марк. XI, 15).

Гдѣ былъ синедріонъ,—этотъ строгій блюститель благочестія народнаго и порядка законнаго? Куда смотрѣли первосвященники и книжники, что не видѣли этого страшнаго безпорядка? Они все видѣли, но ничего не возбраняли; отчасти потому, что сами производили постыдную торговлю, отчасти потому, что получали незаконную прибыль отъ неумѣстнаго торга.

Исполненный Божественной ревности и человѣколюбивой жалости къ священному мѣсту, столь неприлично занятому, Господь взялъ первыя встрѣтившіяся Ему верви (которыми привязывали продажный скотъ), сдѣлалъ изъ нихъ бичъ и погналъ всѣхъ вонъ—и скотовъ и людей; деньги торгашей разсыпалъ, столы опрокинулъ. Людей, торговавшихъ скотомъ и деньгами, Онъ не удостоилъ ни однимъ словомъ; но когда очередь дошла до тѣхъ, кои продавали голубей—птицу невинную и кроткую,—Спаситель, обращаясь къ продавцамъ, сказалъ съ кротостію: *возмите сія отсюду, и не творите дому Отца Моего дому купленаго* (Іоан. II, 16).

Легко представить себѣ молву и движеніе, кои произошли въ народѣ, когда Спаситель гналъ его вонъ; не трудно также понять и огорченіе корыстолюбивыхъ торговцевъ отъ понесенныхъ убытковъ, особенно отъ разсыпанныхъ денегъ; при всемъ томъ никто не осмѣлился не только силою противустать, но даже и словомъ противиться Господу. Не видимъ также, чтобы Господь употреблялъ Свой бичъ для нанесенія ударовъ непокорнымъ; въ Евангеліи сказано просто: *и сотворивъ бичь отъ вервій, вся изгна изъ церкве* (II, 15). Всего вѣроятнѣе, что это простое орудіе для возбужденія покорности въ людяхъ простыхъ и грубыхъ служило въ рукахъ Спасителя только грозою и не было приводимо въ дѣйствіе. Отчего такое послушаніе тамъ, гдѣ всего естественнѣе было ожидать упорнаго сопротивленія, наглой обороны, дерзкой защиты своему скоту и деньгамъ? Народъ не видѣлъ въ Іисусѣ Христѣ ни первосвященника, ни архисинагога, ни начальника общественнаго; онъ видѣлъ предъ собою простаго Іудеянина, изъ Галилеи пришедшаго въ Іерусалимъ на праздникъ. Отчего же онъ такъ легко и безпрекословно повинуется Ему въ семъ случаѣ? Здѣсь показалъ Іисусъ Христосъ власть Свою, говоритъ святый Златоустъ; то есть, видъ Спасителя въ это время былъ такъ величественъ и священенъ, слова такъ убѣдительны, повелѣнія такъ владычественны, дѣло само по себѣ такъ правильно и благочестиво, что народъ, самый грубый и самый пристрастный къ барышничеству, не могъ не повиноваться Ему.

Помянуша же ученицы Его, замѣ-

чаетъ святый Евангелистъ, *яко писано есть: жалость дому Твоего снѣсть Мя* (Іоан. II, 17. Псал. LXVIII, 10). И простой зритель, видя подобное безчестіе, наносимое одному изъ великолѣпнѣйшихъ зданій въ мірѣ, не могъ не придти въ жалость (****). Но Спасителя трогало не то, что красота и великолѣпіе зданія помрачались безобразною торговлею; Его приводило въ жалость крайнее неуваженіе избраннаго народа къ храму, отсутствіе всякаго благоговѣнія къ мѣсту селенія славы Божіей, низкая корысть, вкравшаяся въ самый домъ Отца Его Небеснаго. И теперь стоило только взглянуть на Божественное лице Господа, чтобы тотчасъ привести на память слова пророка Давида: *жалость дому Твоего снѣсть Мя*. Эта Божественная жалость, соединенная съ Божественною ревностію по домѣ Отца Небеснаго, снѣдавшая душу Искупителя, ясно выразилась на лицѣ, въ очахъ и во всѣхъ движеніяхъ Его.

Какъ скоро переходы были очищены, скотъ и люди прогнаны, и воцарилась тишина церковная, вдругъ Іудеи окружили Спасителя и приступили къ Нему съ вопросами: *отвѣщаша же Іудеи и рѣша Ему: кое знаменіе являеши намъ, яко сія твориши* (II, 18)? Само собою разумѣется, что эти Іудеи были не изъ торговцевъ, не изъ простаго народа, а люди важные, начальники храма—священники, члены синедріона. Съ вѣроятностью можно полагать, что въ числѣ допросчиковъ находились тѣ самыя лица, которыя незадолго предъ симъ были посланы отъ синедріона къ святому Іоанну Предтечѣ съ вопросомъ о Мессіи, и которыя всѣ были фарисеи (Іоан. I, 24). Само собою также разумѣется, что синедріонъ и его члены имѣли право спрашивать Спасителя о Его необыкновенномъ поступкѣ; ибо на нихъ лежала главная и непремѣнная обязанность—строго наблюдать за всѣмъ касающимся религіи (Второзак. XVII, 8 и сл. Іезек. XLIV, 15—16, 24). Но чего хотятъ они? Не спрашиваютъ прямо: имѣешь ли Ты право и власть поступать такъ? а говорятъ: чѣмъ докажешь, что имѣешь власть? Слѣдственно, имъ нужны доказательства? Но Спаситель уже представилъ имъ: 1) Онъ наименовалъ храмъ Іерусалимскій *домомъ Отца Своего Небеснаго*. 2) Доказалъ Свою власть самымъ дѣломъ Своимъ, изгнавъ всѣхъ изъ храма; ибо, во-первыхъ, кто послушалъ бы Его, если бы Онъ дѣйствовалъ не со властію? Во-вторыхъ, кто отважился бы принять на себя такое дѣло, не имѣя полной и совершенной увѣренности въ своей силѣ и власти? Самый синедріонъ едва ли бы отважился вдругъ, безъ предварительныхъ мѣръ, искоренять злоупотребленіе, усилившееся обычаемъ и временемъ, опасаясь народнаго возмущенія. Спаситель, напротивъ, все совершилъ просто и тихо: не очевидна ли здѣсь власть вышечеловѣческая и выше власти синедріона?

Съ другой стороны, какихъ требуютъ они доказательствъ? Чудесъ: это явно изъ отвѣта Спасителя, Который видѣлъ ихъ тайныя мысли. Но какихъ чудесъ? Такихъ, какихъ хотѣлъ и какія пришелъ творить Господь, они не хотѣли и, какъ видно впослѣдствіи, не вѣрили; такихъ, какихъ хотѣлось имъ, не захотѣлъ и не сталъ бы творить Господь. При первомъ взглядѣ на Спасителя, они увидѣли, что это совсѣмъ не такой Мессія, какого имъ хотѣлось: не Царь, не завоеватель, не изгонитель ненавистныхъ имъ Римлянъ, а человѣкъ безъ всякихъ знаковъ мірской власти и величія. Это непріятное впечатлѣніе поставило ихъ въ нерѣшительность: имъ не хотѣлось, чтобы Этотъ Человѣкъ смиреннаго вида, Котораго

они допрашивали, всенародно объявилъ Себя истиннымъ Мессіею; ибо что̀ имъ пользы отъ такого Мессіи? Но они ожидали своего Мессію съ такимъ пламеннымъ нетерпѣніемъ; они много и опредѣленно слышали отъ Предтечи, что Мессія уже пришелъ и тайно находится посреди нихъ! Поэтому имъ не хотѣлось и того, чтобы допрашиваемый Господь отрекся отъ достоинства Мессіи.—«Можетъ быть, Этотъ Человѣкъ, думали они, теперь и не такимъ является намъ, какого мы ждемъ; но, можетъ быть, современемъ Онъ будетъ именно тотъ, какого мы желаемъ. Хотя поступокъ Его подвергаетъ Его всей строгости закона; но мы въ настоящемъ случаѣ поступимъ съ Нимъ та́къ, чтобы изъ сего не выходило ни да, ни нѣтъ, ни оправданія, ни осужденія. Потребуемъ у Него доказательствъ слегка: *кое знаменіе являеши намъ яко сія твориши?*—и довольно».

Господь, проникнувъ глубину лукаваго сердца ихъ, воздвигъ Божественную руку Свою и, указуя на Себя, на Свою пречистую Плоть, яснымъ и пророческимъ гласомъ изрекъ: разорите *Церковь сію, и треми денми созижду ю.* Въ семъ изрѣченіи премудрости Божіей, вѣдущей сердца человѣковъ, заключается точный отвѣтъ на вопросъ, со всевозможно различными цѣлями предлагаемый. И во-первыхъ, желающій чуда видитъ здѣсь ясное указаніе на величайшее изъ чудесъ, возможное только для Бога,—на чудо самовоскресенія; другаго мертвеца силою Божіею можетъ воскресить и человѣкъ—чудотворецъ: самого себя—никто, кромѣ Богочеловѣка. Во-вторыхъ, имѣющій истинное понятіе объ истинномъ назначеніи истиннаго Мессіи, находитъ ясное указаніе на самое главное дѣло и обязанность Мессіи—на искупленіе рода человѣческаго чрезъ страданіе, смерть и воскресеніе. Въ-третьихъ, для людей, которыхъ до времени надлежало содержать въ не совсѣмъ ясномъ понятіи о лицѣ Мессіи, а только поддерживать ихъ вѣру, ибо *не у прiиде часъ,*—отвѣтъ долженствовалъ и оставаться не совсѣмъ яснымъ. Въ-четвертыхъ, для фарисеевъ и синедріона онъ долженствовалъ быть страшнымъ пророчествомъ, которое они приведутъ нѣкогда въ исполненіе. Въ-пятыхъ, для людей, имѣвшихъ странныя, мечтательныя понятія о Мессіи, какъ о земномъ Царѣ, какъ о завоевателѣ, который будто бы покоритъ Евреямъ всю землю и всѣхъ ихъ посадитъ на царскіе престолы,—для людей, которые отъ этихъ странныхъ понятій ни за что̀ не хотѣли отказаться, ни какимъ чудомъ разувѣриться,—и отвѣтъ долженствовалъ представляться обоюднымъ по выраженію, невозможнымъ по исполненію.

Такимъ точно онъ показался и допросчикамъ; ибо, выслушавъ его, они съ печальною усмѣшкою, вѣроятно, съ улыбкою сожалѣнія, либо съ негодованіемъ возразили Спасителю: *четыредесять и шестію лѣтъ создана бысть церковь сія, и Ты ли треми денми воздвигнеши ю?*

Въ этомъ возраженіи хотя, можетъ быть, есть правда историческая, но нѣтъ правды логической.

Храмъ Іерусалимскій никогда не строился въ продолженіи 46 лѣтъ. Въ первый разъ Соломонъ построилъ его въ 7 лѣтъ (3 Царств. VI, 38); въ другой разъ при Зоровавелѣ, по возвращеніи изъ плѣна Вавилонскаго, онъ начатъ за 535 лѣтъ до Рождества Христова и конченъ въ 515 годъ до Рождества Христова, слѣдственно строился 25 лѣтъ (1 Ездр. III, 8—9; IV, 4—24; V, 1—6, 21). Тотъ самый храмъ, на который теперь обратили рѣчь Іудеи, построенъ Иродомъ въ 8 лѣтъ. Вѣроятно, Іудеи разумѣли не самый храмъ,

а разныя пристройки и украшенія, многократно прибавлявшіяся къ нему. Иродъ кончилъ строеніе храма въ 8 и за 8 лѣтъ до Рождества Христова; если къ симъ 16 годамъ приложить 30 лѣтъ по Рождествѣ Христовѣ, то и получится 46 лѣтъ.

Но здѣсь нѣтъ правды логической, т. е. сообразности возраженія съ отвѣтомъ. Такой Человѣкъ, Который назвалъ храмъ домомъ Отца Небеснаго, могъ ли съ неуваженіемъ къ этому самому дому говорить: возьмите, разрушьте, разорите его? Тотъ, Который не потерпѣлъ безпорядка отъ купли, Котораго снѣдала жалость и ревность, что другіе не оказываютъ храму должнаго уваженія, что его безчестятъ торговлею безстыдною, могъ ли не только на дѣлѣ, но даже на словахъ оказать малѣйшее неблаговоленіе къ дому Божію? Это значило бы опровергать на словахъ то, что было утверждаемо на дѣлѣ. При томъ же, замѣчаетъ святый Златоустъ, «если бы Онъ и говорилъ, что въ три дня воздвигнетъ Церковь; что за вина?» Іудеи требовали чуда: Спаситель (принимая слова Его даже въ буквальномъ смыслѣ) и отвѣчаетъ имъ нѣчто весьма чудесное: они еще не знали чудодѣйственной силы Его; слѣдственно не могли ни знать, ни рѣшительно утверждать, можетъ или не можетъ Онъ совершить то, о чемъ говорилъ. И слѣдственно возраженіе Іудеевъ было одна привязка къ буквѣ, а не къ смыслу отвѣта,—привязка совершенно въ духѣ фарисейскомъ.

Спаситель указывалъ на Тѣло Свое, и его называлъ храмомъ,—выраженіе у Евреевъ очень употребительное и фарисеямъ извѣстное; а они, привязавшись къ одному слову храмъ, низвратили значеніе и смыслъ всѣхъ словъ Господа, перетолковавъ оныя о храмѣ Іерусалимскомъ. Злонамѣренное перетолкованіе въ настоящемъ случаѣ было очень выгодно для фарисеевъ; ибо этимъ, во-первыхъ, они могли себя задобрить у народа, указывая на величественный храмъ Іерусалимскій и съ притворнымъ фарисейскимъ благоговѣніемъ произнося: «онъ въ сорокъ шесть лѣтъ построенъ». Во-вторыхъ, не найдя въ Спасителѣ того, чего имъ хотѣлось, они тутъ же рѣшились исподволь приводить Его въ подозрѣніе народу и отнимать уваженіе къ Нему. Народъ, не смотря на барышничество въ притворахъ, всегда, однакоже, гордился величіемъ и красотою храма своего и почиталъ оный вѣчнымъ храмомъ: кто бы осмѣлился не только сказать, но и подумать объ его паденіи? «А между тѣмъ, слышите ли, что̀ Онъ говоритъ? Онъ говоритъ о разрушеніи нашего храма! Ему ли воздвигнуть это огромное зданіе, чудеснѣйшее въ свѣтѣ,—такому ли человѣку воздвигнуть его въ три дня? Не оскорбительно ли это для насъ, истинныхъ чтителей храма Іеговы, и не смѣшно ли, не досадно ли самохвальство этого человѣка?»

Господь не благоволилъ ни отвѣчать знаменитымъ Іудеямъ на ихъ возраженіе, ни продолжать разговора. Но эти несчастные долго помнили слова Искупителя: они привели ихъ въ обвиненіе тогда, когда пришло погибельное для нихъ время осудить Его на смерть. *Мы слышахомъ Его глаголюща,* говорили они, *яко Азъ разорю сію Церковь рукотворенную и треми денми ину нерукотворенну созижду* (Марк. XIV, 57—58). Явно, что лжесвидѣтели были тѣ же самыя лица, которыя допрашивали Господа при первой Пасхѣ, ибо говорятъ: *мы слышахомъ,*—и въ другой разъ искажаютъ и смыслъ, и слова Его. Даже чернь Іерусалимская, толико облагодѣтельствованная Господомъ, впродолженіе трехъ лѣтъ слишкомъ, очень хоро-

шо памятовала первый разговоръ Его съ фарисеями, и Его же словами издѣвалась надъ Нимъ, когда Онъ былъ на крестѣ. Иные, стоя и зря на страждущаго (Лук. XXIII, 35), другіе, проходя мимо, ругались, кивали головами и съ насмѣшкою говорили: *уа, разоряяй Церковь и тремя денми созидаяй* (Марк. XV, 29). Не удивительно, въ послѣднее время гражданскаго существованія своего, Іудеи такъ развратились, что ни одинъ народъ не могъ равняться съ ними въ жестокости, вѣроломствѣ и ослѣпленіи. «Я думаю», пишетъ Флавій, «что если бы Римляне не поспѣшили завоевать насъ, то мой отечественный городъ или провалился бы сквозь землю, или бы огонь Содомскій пожралъ его».

Пребывая въ Іерусалимѣ до окончанія праздника, Господь не оставался празднымъ зрителемъ торжественныхъ церемоній Іудейскихъ, напротивъ, Онъ дѣйствовалъ, и дѣйствовалъ точно такъ, какъ требовали отъ Него допросчики, то есть Онъ творилъ чудеса. Евангелистъ не говоритъ, какія это были чудеса; но ихъ можно угадать по свойству и характеру тѣхъ чудесъ, которыя Онъ совершалъ впослѣдствіи: исцѣлялъ больныхъ, очищалъ прокаженныхъ, давалъ прозрѣніе слѣпымъ, училъ заблуждающихъ.

Во время первой же Пасхи Спаситель въ Іерусалимѣ имѣлъ Свою премудрую и продолжительную бесѣду съ Никодимомъ о возрожденіи.

Примѣчанія: (*) Первою называется она не потому, чтобы Спаситель теперь только въ первый разъ праздновалъ Пасху Іудейскую въ Іерусалимѣ, ибо Онъ каждый годъ праздновалъ ее тамъ (Лук. II. 41—42), но потому, что она была первою послѣ Его крещенія и первою же со времени вступленія Его въ торжественное служеніе роду человѣческому.

(**) Лѣтъ за семь до разрушенія Іерусалима, Сирійскій префектъ Цестій Галлъ, посланный Нерономъ для усмиренія Евреевъ, осадивъ городъ, спрашивалъ у архіереевъ: нельзя ли какъ-нибудь опредѣлить число бывшихъ въ Іерусалимѣ? Тогда была Пасха. Архіереи объявили, что отъ девяти до одиннадцати часовъ праздника было священниками заклано 256,500 пасхальныхъ агнцевъ. Каждаго агнца должно было снѣдать общество, не менѣе десяти человѣкъ, а часто и въ двадцать человѣкъ. Если означенное число жертвъ 256,500 умножить на 10, выйдетъ 2.565,000. Если возьмемъ среднее число 15: окажется 3.847,500. Если прибавить сюда нечистыхъ,—будетъ всего народу болѣе 4-хъ милліоновъ.

(***) О несмѣтномъ множествѣ скота см. примѣч. (**). Зачѣмъ здѣсь были волы? Они не принадлежали къ жертвоприношеніямъ пасхальнаго праздника: конечно, эти животныя могли быть тутъ для другихъ причинъ; но сіи причины могли быть отложены для другаго времени. Одна только жажда къ торговой прибыли заставляла Іудеевъ пригонять сей скотъ ко храму въ праздникъ Пасхи.

(****) Торговля производилась въ портикахъ или переходахъ, коими обведенъ былъ притворъ Соломоновъ (сравн. Іоан. X, 23. Дѣян. V, 12), т. е. третье отдѣленіе храма, самое крайнее, иначе называвшееся дворомъ внѣшнимъ и притворомъ для язычниковъ. Сіи портики утверждались на огромныхъ каменныхъ стѣнахъ и были украшены колоннами въ два, три и четыре ряда. Колонны превосходнаго Коринѳскаго ордена, числомъ около 162, вытесанные изъ бѣлаго мрамора, имѣли въ высоту 25 локтей; а вмѣстѣ съ основаніемъ, капителями, карнизомъ и крышею портика возвышались на 50 локтей; въ окружности были такъ толсты, что три человѣка, взявшись за руки, едва могли обхватить ихъ. Крыша портиковъ сдѣлана была изъ кедроваго дерева и украшена рѣзьбою; ширина ихъ въ 30, а высота въ 50 локтей. Полъ притвора устланъ былъ разноцвѣтнымъ мраморомъ (Іосифъ Флавій. Древности; книг. XV; гл. II, 5. О войнѣ Іудейской книг. V, глав. 2 и слѣдующая). „Строеніе сіе изъ всѣхъ находящихся подъ солнцемъ было самое достопамятное“. Ч. Ш. стр. 60.—Какой человѣкъ, хотя бы не имѣющій благочестія, но сколько-нибудь имѣющій вкуса къ изящному, могъ не придти въ жалость и негодованіе, увидѣвъ, что столь богатое и превосходное твореніе искусства обращено въ стойло скотовъ и въ безобразный рынокъ мѣнялъщиковъ! (Воскр. Чт., г. VIII, стр. 104—110.)

Изъясненіе словъ Спасителя о воскресеніи Его изъ мертвыхъ.

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Онъ же глаголаше о церкви Тѣла Своего (Іоан. II, 21).

Сіи немногія слова святаго Евангелиста Іоанна заключаютъ въ себѣ много духовнаго ученія...

Нѣкогда вошелъ Іисусъ Христосъ въ храмъ Іерусалимскій и, найдя въ немъ продающихъ овецъ, воловъ и голубей для жертвоприношеній, и размѣнивателей денегъ для подаянія въ сокровище храма, бичемъ изъ вервей изгналъ продающихъ, извергнулъ предметы торговли и сказалъ: *возмите сія отсюду и не творите дому Отца Моего домомъ купли*... Когда Іудеи увидали, что Іисусъ, еще мало имъ извѣстный (потому что сіе было почти въ началѣ Его проповѣданія), дѣйствуетъ во храмѣ со властію столь необыкновенною, потому что изгоняетъ изъ онаго тѣхъ, которыхъ не изгоняли священники и самъ первосвященникъ, то потребовали, чтобы Онъ, если подлинно есть полномочный посланникъ Божій, доказалъ имъ Свое Божественное посланничество какимъ-нибудь чудомъ: *какое знаменіе являеши намъ, и сія твориши?*

Надобно сказать, что подобное требованіе обыкновенно Господь оставляетъ безъ удовлетворенія, потому что сіе народное требованіе чудесъ происходитъ болѣе изъ любопытства, и даже отъ тайнаго невѣрія, нежели отъ искренняго желанія узнать истину, и слѣдовательно удовлетворенія не заслуживаетъ, и, какъ нечистое въ своемъ началѣ, не ведетъ къ доброму концу. При томъ кроткій и смиренный сердцемъ Іисусъ не любитъ дѣлать чудесъ для Своей славы, но творилъ Онъ обыкновенно изъ человѣколюбія, изъ чего слава истины выходила сама собою. А дабы совершенно удовлетворить искателямъ истины непритворнымъ и сдѣлать безотвѣтнымъ упорство и лукавство невѣрія, для сего предназначено было изъ чудесъ—тридневное Воскресеніе Христово изъ мертвыхъ безъ видимаго Воскресителя, славно совершившееся послѣ того, какъ весь составъ Его еще прежде смерти казался безвозвратно разрушеннымъ безчисленными и тягчайшими страданіями. Но и о семъ побѣдоносномъ знаменіи Своей Божественной силы, примѣняясь къ тому, сколько вмѣстить могли слышавшіе, Онъ говорилъ предъ народомъ наиболѣе въ притчахъ и какъ-бы въ догадкахъ, напримѣръ: *родъ лукавъ и прелюбодѣй знаменія ищетъ, и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны пророка. Якоже бо бѣ Іона во чревѣ китовѣ три дни и три нощи* (Матѳ. XII, 39—40). Подобно сему и по изгнаніи продающихъ изъ храма, требовавшимъ знаменія Іудеямъ Онъ сказалъ: *разорите Церковь сію и тремя денми воздвигну ю.*

Что сіе сказано не просто, Іудеи могли бы догадаться изъ того, что Господь сказалъ: *разорите*, Іудеи, безъ сомнѣнія, не захотѣли бы сами разорять церковь сію, то есть храмъ Іерусалимскій. Но люди, плотскіе по жизни, по дѣламъ, обыкновенно и понимаютъ все плотскимъ образомъ. Какъ рѣчь шла о церкви или храмѣ, то Іудеи о семъ самомъ храмѣ и поняли оную, и подумали, что Іисусъ предвѣщаетъ разореніе и построеніе храма въ три дня, и изъ сего нелѣпаго понятія извлекли еще болѣе нелѣпое возраженіе. Какъ можно въ три дня построить храмъ, который строился сорокъ шесть лѣтъ? *Четыредесять и шесть лѣтъ создана бысть церковь сія, и Ты ли тремя денми воздвигнеши ю?* Какъ будто чудеса для Вѣчнаго и всемогущаго Бога, можно

уничтожить и сдѣлать невозможными посредствомъ ничтожнаго недочета человѣческихъ лѣтъ и дней.

Когда святый Іоаннъ вписалъ въ Евангеліе пророчество Господа о тридневномъ воскресеніи, сказанное притчею и неправильно понятое Іудеями, тогда, чтобы противупоставить ложному толкованію истинное и устранить всякое недоразумѣніе, Онъ присовокупилъ слѣдующее замѣчаніе: *Онъ же глаголаше о церкви Тѣла Своего,* то есть, слова Іисуса Христа—*разорите церковь сію, и тремя денми воздвигну ю,* относились не ко храму Іерусалимскому, но къ храму собственнаго Его Тѣла, и означали, что Іудеи храмъ Тѣла Его разорятъ страданіями и крестною смертію; но что Онъ возсоиждетъ храмъ Тѣла Своего славнымъ тридневнымъ воскресеніемъ изъ мертвыхъ.

Онъ же глаголаше о церкви Тѣла Своего. Іисусъ Христосъ говоритъ о Своемъ Тѣлѣ и назвалъ оное церковію или храмомъ Божества. Почему? Отвѣтъ на сіе вполнѣ удовлетворительный представляется въ изрѣченіи Апостола Павла: *яко въ томъ живетъ вѣчно исполненіе Божества тѣлесно* (Колос. XI, 9). Гдѣ Богъ обитаетъ всею полнотою Своего Божества, тамъ, безъ сомнѣнія, и есть храмъ Его, въ высочайшей степени святый. (На освященіе храма въ честь Казанской иконы Божіей Матери 18 Іюня 1833 г.) (Чт. XIII, ст. 21).

Библіографическій указатель къ изгнанію изъ храма торжниковъ (Іоан. II, 13—25).

Святоотеческія толкованія.

1) *Преп. Исидора Пелусіота* на слова: *не творите дому Отца Моего дому купли* (Іоан. II, 16). Тв. св. оо., т. XXXIV. Тв. Исидора Пелус., ч. I. 73.

2) *Его же* на слова: *разрушьте Церковь сію и тремя денми воздвигну ю* (Іоан. II, 19). Тв. св. оо., т. XXXVI. Тв. св. Исидора Пелус., ч. III. 130.

Новѣйшія толкованія:

3) *Митр. Кіевскаго Филарета.* Бес. на ст. 12—18. Воскр. Чт., г. VIII. 25.

Его же. Бес. на ст. 18—22. Тамъ же. 68.

Ст. 23. Тамъ же. 85.

4) Христосъ на первой Пасхѣ Іудейской въ первый годъ торжественнаго служенія Своего роду человѣческому. Стран. 1872 г. Октябрь.

5) О томъ же. Воскресное Чт., г. XIX. 26—30.

6) Поученіе 4-е о земной жизни Іисуса Христа. Изгнаніе торжниковъ изъ храма Іерусалимскаго. Воскр. Чт., г. XXXI. II. 949—958.

Бесѣда Іисуса Христа съ Никодимомъ (Іоан. III, 1—21).

(Проф. В. Г. Рождественскаго.)

Бесѣда Іисуса Христа съ Никодимомъ есть одна изъ замѣчательныхъ бесѣдъ Господа, передаваемыхъ намъ святымъ Евангелистомъ Іоанномъ Богословомъ. Все въ этой бесѣдѣ останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе читающаго и настраиваетъ его чувство самымъ благоговѣйнымъ образомъ: и необыкновенная, нѣсколько загадочная, съ перваго взгляда, личность собесѣдника Христова — Никодима, который былъ одинъ изъ начальниковъ Іудейскихъ (членъ синедріона), знаменитый учитель Израилевъ, и котораго въ особенности

свѣтлый нравственный образъ, какъ онъ рисуется въ Евангельской исторіи, блеститъ яркою звѣздою во мракѣ іудейства временъ Іисуса Христа; и чрезвычайный предметъ собесѣдованія—высочайшія тайны возрожденія человѣка къ новой жизни водою и Святымъ Духомъ и искупленія чрезъ крестную смерть Единороднаго Сына Божія; и, наконецъ, самая обстановка, среди которой происходитъ бесѣда: она происходитъ ночью, и если не тайно, т. е. при отсутствіи всякихъ свидѣтелей, то во всякомъ случаѣ уединенно, при свидѣтеляхъ немногихъ и приближенныхъ. Всѣ эти обстоятельства дѣлаютъ правильное, ясное и полное разумѣніе этой замѣчательной бесѣды, безъ сомнѣнія, особенно драгоцѣннымъ и желательнымъ для каждаго внимательнаго читателя Евангелія; этой-то потребности мы и хотимъ удовлетворить предлагаемымъ ниже объясненіемъ.

Своему изложенію бесѣды Іисуса Христа съ Никодимомъ Евангелистъ Іоаннъ предпосылаетъ, какъ-бы въ видѣ введенія къ ней, краткое описаніе дѣятельности Іисуса Христа во Іерусалимѣ, во время праздника Пасхи, послѣ торжественнаго явленія Его во храмѣ (II, 23—25). Описаніе это составляетъ въ историческомъ разсказѣ Евангелиста какъ-бы общій фонъ, въ которомъ Евангелистъ изображаетъ означенную бесѣду, какъ особенную, отдѣльную картину.

Чтобы опредѣлить истинное значеніе этого отрывка въ общемъ ходѣ историческаго повѣствованія у Евангелиста Іоанна, для этого нужно взять во вниманіе основную идею, проходящую какъ чрезъ все общее четвертое Евангеліе, такъ въ особенности весьма ясно выступающую въ той части его, къ которой принадлежитъ описываемое въ III главѣ обстоятельство изъ жизни Іисуса Христа. Идея эта есть постепенное откровеніе Іисуса Христа о Своемъ Лицѣ и Своемъ дѣлѣ. Евангелистъ Іоаннъ включаетъ въ свое повѣствованіе бесѣду Іисуса Христа съ Никодимомъ именно, какъ самый достопримѣчательный примѣръ подобнаго откровенія Его въ первое время Своего общественнаго служенія. Значеніе этой бесѣды въ Евангеліи Іоанна такое же, какое имѣетъ нагорная проповѣдь въ Евангеліи Матѳея. Въ частности, что̀ касается личности Никодима, то онъ представляетъ въ одно и то же время и примѣръ и исключеніе изъ увѣровавшихъ въ Іисуса Христа Іерусалимскихъ Іудеевъ: примѣръ, потому что его вѣра, какъ и другихъ, была основана также въ сущности на тѣхъ же чудесахъ Іисуса Христа; исключеніе, потому что вѣра Никодима пустила въ его душѣ болѣе глубокіе корни, чѣмъ у другихъ, потому и Іисусъ Христосъ удостоиваетъ его такой дружеской и весьма важной по своему содержанію бесѣды Своей.

Прежде изложенія самой бесѣды, Евангелистъ знакомитъ насъ въ краткихъ словахъ съ личностью собесѣдника Христова: *бѣ же человѣкъ отъ фарисей, Никодимъ имя ему, князь Жидовскій* (1). Никодимъ былъ *фарисей и одинъ изъ членовъ синедріона* (ср. VII, 50): первое обстоятельство нужно особенно имѣть въ виду при объясненіи послѣдующей бесѣды, въ которой рѣчь Іисуса Христа, какъ увидимъ, направлена именно главнымъ образомъ къ пораженію ложныхъ фантастическихъ воззрѣній фарисейства на Царство Божіе и условія вступленія человѣка въ это Царство. Типъ Іудейскаго фарисея временъ Іисуса Христа былъ, прежде всего, олицетвореніемъ самаго узкаго и самаго фанатическаго національнаго партикуляризма. *Нѣсмь, яко прочія человѣцы*, — вотъ каковъ былъ взглядъ

фарисея не только на людей, не принадлежавшихъ къ Іудейскому обществу, но и на членовъ этого общества, только не изъ ихъ кружка. Затѣмъ, съ фарисейской точки зрѣнія, всякій Іудей, а тѣмъ болѣе — фарисей потому именно, что онъ фарисей и Іудей, есть непремѣнный и достойнѣйшій членъ славнаго Царства Мессіи. Самъ Мессія, по возврѣніямъ этой партіи, будетъ не болѣе, какъ такой же Іудей, только болѣе совершенный и болѣе славный, чѣмъ другіе. Достигнувъ посредствомъ Своихъ чудесъ апогея славы и могущества, Мессія, какъ мечтали фарисеи, оснуетъ всемірное царство, въ которомъ Іудеи займутъ первое мѣсто, станутъ во главѣ всего человѣчества; всѣ языческія царства падутъ по грозному слову его суда. Такова была въ своихъ главнѣйшихъ чертахъ воображаемая фарисейскими учителями программа дѣятельности будущаго Мессіи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ большей или меньшей степени всѣ эти мечты и предразсудки раздѣлялъ и Никодимъ, хотя его честная и искренняя душа и предчувствовала, быть можетъ, всю ложность ихъ. Кромѣ этой краткой замѣтки Евангелиста Іоанна о Никодимѣ и еще двухъ (VII, 50; XIX, 39), изъ которыхъ видно, что Никодимъ, подобно Іосифу Аримаѳейскому, былъ тайнымъ ученикомъ Іисуса Христа, о личности его и судьбѣ не сохранилось до насъ никакихъ положительныхъ историческихъ извѣстій; есть, впрочемъ, преданіе, что будто бы Никодимъ, вмѣстѣ съ Гамаліиломъ, своимъ родственникомъ, былъ крещенъ Апостолами Петромъ и Іоанномъ; лишенный своего званія, жилъ внѣ Іерусалима, въ деревнѣ Гамаліила, и по смерти былъ съ почестями погребенъ подлѣ первомученика Стефана, почему и ему приписывается также мученическая кончина.

Сей пріиде ко Іисусу нощію и рече Ему: Равви, вѣмы, яко отъ Бога пришелъ еси Учитель: никтоже бо можетъ знаменій сихъ творити, яже Ты твориши, аще не будетъ Богъ съ нимъ (2). Прежде всего раждается вопросъ: какая была особенная цѣль этого посѣщенія? Очевидно, слова Никодима, приводимыя Евангелистомъ, суть не болѣе, какъ предварительное объясненіе съ Іисусомъ Христомъ съ его стороны, или—если можно такъ выразиться,—прелюдія къ его бесѣдѣ; апотому отыскивать въ нихъ цѣль его прихода нельзя. По всей вѣроятности, признавая Іисуса Христа, вслѣдствіе видѣнныхъ имъ знаменій Его, за личность необыкновенную, и еще ранѣе слышавъ о тѣхъ необычайныхъ вѣстяхъ, какія были доставлены нѣкогда синедріону членами депутаціи, которая была послана къ Іоанну Крестителю на Іорданъ, Никодимъ пришелъ къ мысли, не есть ли, въ самомъ дѣлѣ, Іисусъ Христосъ ожидаемый Мессія. Мысль эта, какъ можно думать, сильно занимала нѣжную, впечатлительную душу Никодима и побуждала его искать всякаго удобнаго случая для того, чтобы узнать вѣрно и точно, кто же такой Этотъ необыкновенный Чудотворецъ, въ Котораго уже многіе увѣровали изъ Іудеевъ, находившихся въ Іерусалимѣ. И вотъ, онъ шелъ удостовѣриться въ этомъ во что̀ бы то ни стало,—а при этомъ могъ имѣть также въ виду, убѣдившись въ томъ, что Іисусъ есть истинный Мессія, узнать затѣмъ, ка́къ же Онъ намѣренъ повести Свое дѣло—дѣло Мессіи, и какихъ особенныхъ перемѣнъ нужно ожидать съ Его пришествіемъ. — Множественное число — *мы знаемъ* — показываетъ, повидимому, что всего этого Никодимъ хотѣлъ достигнуть не для себя одинственно, — что тѣ же мысли, тѣ же чаянія относительно Іисуса раздѣляли съ нимъ и многіе другіе изъ

членовъ синедріона. — Никодимъ приходитъ къ Іисусу Христу ночью, о чемъ повторяется въ Евангеліи Іоанна еще два раза (VII, 50; XIX, 39). Побужденіемъ для Никодима избрать именно ночное время для посѣщенія Іисуса Христа могли быть и *страхъ* (Іоан. XII, 42) предъ другими невѣрующими членами синедріона, и, можетъ быть, также *нежеланіе* или самолюбивое опасеніе — чрезъ явное гласное посѣщеніе подать поводъ народной молвѣ считать Іисуса Христа за какую либо особенную, замѣчательную личность, и такимъ образомъ поднять еще болѣе Его авторитетъ въ мнѣніи народномъ. Начиная свою бесѣду съ Іисусомъ Христомъ, Никодимъ называетъ Его: «*Равви*»— учитель. — Это названіе выражало со стороны Никодима весьма почтительное отношеніе его къ лицу Іисуса Христа, такъ какъ этотъ титулъ давался лишь лицамъ, прошедшимъ чрезъ различныя степени раввинской мудрости, а этихъ правъ Іисусъ Христосъ, какъ всѣмъ было извѣстно (VII, 15), не имѣлъ за Собою. Но это выражаетъ и самъ Никодимъ, называя Іисуса Христа *отъ Бога пришедшимъ Учителемъ*. Это выраженіе означаетъ не то только, что Іисусъ Христосъ есть Учитель необыкновенный по силѣ и высотѣ Своего ученія, но и то, что Онъ есть Учитель, *посланный Богомъ, дѣйствующій по призванію свыше*, а не достигшій этого титула и права учительства путемъ обыкновеннаго человѣческаго обученія. *Никтоже бо можетъ знаменій сихъ творити, яже Ты твориши, аще не будетъ Богъ съ нимъ*. Въ этихъ словахъ Никодимъ, какъ настоящій учитель, хочетъ, очевидно, оправдать или представить, такъ сказать, формальное доказательство высказаннаго имъ сейчасъ убѣжденія, а равно раскрыть и предъ Самимъ Іисусомъ Христомъ то, въ чемъ онъ никогда не сомнѣвался. Чудеса Іисуса Христа, по взгляду Никодима, доказывали присутствіе въ Немъ Божественной силы, а это послѣднее — Его Божественное посольство. Въ этой аргументаціи Никодима ясно слышится не голосъ той сердечной, безусловной вѣры, которая высказывалась предъ Іисусомъ Христомъ такими словами: *вѣрую, Господи, помози моему невѣрію* (Марк. IX, 24), но голосъ именно Іудейскаго книжника, желавшаго показать себя не просто вѣрующимъ въ тайны Божественнаго домостроительства, подобно другимъ, но какъ знатока ихъ, хвалившагося своимъ знаніемъ закона и всего Божественнаго. Вотъ почему, быть можетъ, Іисусъ Христосъ и прерываетъ такъ рѣзко безъ всякихъ переходовъ, эти теологическія разсужденія Никодима.

Отвѣща Іисусъ и рече ему: аминь, аминь глаголю тебѣ, аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти Царствія Божія (3). Въ этихъ словахъ Іисусъ Христосъ дѣлаетъ точно такой же, повидимому, не прямо отвѣчающій на слова вопрошающаго отвѣтъ, какой Онъ ранѣе сдѣлалъ, напримѣръ, на бракѣ въ Канѣ Своей Пречистой Матери, или потомъ въ Іерусалимѣ Іудеямъ (Іоан. II, 4, 19). И въ настоящемъ случаѣ, какъ прежде, Іисусъ Христосъ отвѣчаетъ не на слова вопрошающаго, какъ отвѣчаемъ обыкновенно мы люди, но на самые внутренніе мотивы, чувства, помышленія его души, скрывающіяся подъ этими словами. Какимъ образомъ? Съ первыхъ же словъ своей бесѣды съ Іисусомъ Христомъ Никодимъ показалъ себя истымъ фарисеемъ... Въ удивленіи Никодима къ Христовымъ дѣламъ Іисусъ Христосъ ясно видитъ, какъ за этимъ удивленіемъ скрывалась завѣтная мечта фарисейская, не наступаетъ ли время славнаго земнаго царства Израильскаго, и не этотъ ли ве-

ликій Чудотворецъ Іисусъ и есть именно Основатель этого царства? Чудеса Его не есть ли, такъ сказать, начало великаго политическаго переворота, скоро имѣющаго наступить? Мы уже замѣтили также, что каждый Іудей, въ особенности фарисей, потому именно, что онъ Іудей — сѣмя Авраамово, считалъ себя непремѣннымъ членомъ этого царства. Этого самообольщенія Іудейскаго не чуждъ былъ, конечно, и Никодимъ. И вотъ, на эти-то чувства и тайныя надежды Никодима, ясно просвѣчивающія даже и для простаго человѣческаго наблюденія въ его словахъ, и даетъ отвѣтъ Іисусъ Христосъ, противополагая въ немъ ложному фарисейскому понятію о царствѣ Мессіи Свое истинное; и Онъ дѣлаетъ это не въ какой либо спекулятивной формѣ, но въ формѣ самой практической, наглядной, которая весьма много должна была говорить также и нравственному сознанію Никодима: *аминь, аминь глаголю тебѣ, аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти Царствія Божія*, т. е. «не чрезъ какіе либо спеціальные политическіе перевороты откроется Царство Божіе, котораго ты ожидаешь; оно откроется для тебя лишь чрезъ полное нравственное перерожденіе или радикальное измѣненіе твоей жизни». Іисусъ Христосъ говоритъ: *аминь, аминь*, т. е. со всею рѣшительностью, разбивая такимъ образомъ до основанія всѣ фарисейскія предубѣжденія и сомнѣнія на этотъ счетъ въ Никодимѣ. Выраженіемъ: *Я говорю тебѣ* указываетъ на безусловный авторитетъ Свой, какъ Божественнаго Учителя, авторитетъ, который призналъ въ Немъ и самъ Никодимъ. Далѣе, чрезъ общую безличную форму выраженія: *если кто не родится...* Іисусъ Христосъ смягчаетъ Свои слова, устраняя чрезъ это для Никодима прямое приложеніе къ нему того, что̀ въ этихъ словахъ было жесткаго. — Неодинаково толкованіе нарѣчія свыше «ἄνωθεν», которое можно понимать какъ въ смыслѣ указанія мѣста существованія или происхожденія чего либо, такъ и въ смыслѣ опредѣленія времени существованія или происхожденія. Бо́льшая часть толкователей толкуютъ въ первомъ смыслѣ, т. е. переводятъ «свыше» (т. е. съ неба, отъ Бога), какъ это переведено у насъ въ Славянскомъ и Русскомъ изданіяхъ. Какъ на основаніе такого пониманія, указываютъ на употребленіе этого слова въ такомъ именно смыслѣ въ другихъ мѣстахъ у Евангелиста Іоанна (см. III, 31; XIX, 11 и 23; ср. I, 13). Нѣкоторые же изъ древнихъ и новѣйшихъ толкователей понимаютъ это выраженіе та́къ: ἄνωθεν— значитъ, говорятъ, здѣсь: *съ начала, снова* (iterum, ἐξ ἀρχῆς), или, какъ другіе хотятъ понимать, *заново, вновь*. Не отрицая основательности и этого втораго пониманія слова ἄνωθεν, мы думаемъ однако, что если оно и вѣрно выражаетъ мысль Іисуса Христа, то не исчерпываетъ ея вполнѣ. Необходимо соединить здѣсь оба толкованія. Іисусъ Христосъ хочетъ сказать, что вмѣсто прежней своей жизни человѣкъ долженъ начать совершенно новую жизнь,—начать жить нравственно совершенно заново или сызнова, какъ будто бы и не жилъ никогда ранѣе. Но въ то же время далѣе (5) Іисусъ Христосъ ясно показываетъ, гдѣ или въ комъ источное начало этой новой жизни. Не на землѣ и не въ людяхъ, но на небѣ и въ Духѣ Божіемъ; стало быть, оно дается свыше, т. е. съ неба, отъ Бога. Оба эти понятія, заключающіяся въ нарѣчіи ἄνωθεν, ясно и раздѣльно раскрываются также и въ ученіи святыхъ Апостоловъ — тамъ, гдѣ они говорятъ объ этомъ новомъ рожденіи христіанъ; сподобившихся этого новаго рожденія они называютъ

и *новою тварью* и *рожденными отъ Бога*, совлекшимися ветхаго человѣка съ дѣяньми его и облекшимися *въ новаго, обновляемаго въ разумъ, по образу Создавшаго его* (Галат. VI, 15. Ефес. IV, 23. Іоан. II, 29 и др.). Всѣ эти и подобныя выраженія имѣютъ очевидную и прямую связь съ выраженіемъ Спасителя и составляютъ какъ-бы его комментарій. *Не можетъ видѣть* (ἰδεῖν) *Царствія Божія*, или, какъ говоритъ ниже Христосъ, войти (εἰσελθεῖν) въ Царствіе Божіе,—значитъ: человѣкъ не возрожденный не можетъ быть участникомъ ни въ настоящихъ духовныхъ благахъ, ни въ будущей славѣ Царства Мессіи, или принимая глаголъ ἰδεῖν въ его тѣсномъ, собственномъ смыслѣ,—не можетъ даже и подозрѣвать о самомъ существованіи этого Царства, такъ какъ у него недостаетъ для этого необходимыхъ чувствъ (ср. I Коринѳ. II, 14 — 15). Какъ поразительны должны были быть эти слова Іисуса Христа для Никодима — почетнаго фарисея, члена синедріона, учителя Израилева!

Глаголаше къ Нему Никодимъ: како можетъ человѣкъ родитися, старъ сый? еда можетъ второе внити во утробу матере своея и родитися (4)? Этотъ отвѣтъ (или вопросъ) Никодима былъ предметомъ самыхъ разнообразныхъ соображеній для новѣйшихъ толкователей, камнемъ претыканія для большей части изъ нихъ, потому что его находили крайне безразсуднымъ и неизвинительнымъ для фарисейскаго учителя. Новѣйшіе толкователи придумывали различные перифразы этого отвѣта Никодима, желая представить его, насколько возможно, благовиднымъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: «переродиться нравственно невозможно въ мои лѣта» (Шлейермахеръ, Б. Крузій). «То, чего Ты требуешь, также невозможно, какъ не можетъ родиться человѣкъ, старый» (Швейцеръ, Толюккъ и друг.). «Какъ возможно, чтобы Іудей подобно прозелиту долженъ былъ вновь родиться» (Кнапъ и друг.) и т. п. Но всѣ эти и подобные перифразы отвѣта Никодима явно искусственны и совершенно напрасны, точно такъ же, какъ совершенно напрасно и то предположеніе нѣкоторыхъ толкователей, будто бы этотъ отвѣтъ былъ высказанъ Никодимомъ въ состояніи горячности, раздраженія (Ланге), или же крайняго смущенія, которое овладѣло имъ вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ предшествовавшаго разговора (Мейеръ). Ошибка всѣхъ этихъ объясненій состоитъ въ томъ, что во всѣхъ ихъ отвѣтъ Никодима третируется, какъ отвѣтъ крайне безразсудный, недостойный учителя Израилева. Между тѣмъ, въ сущности, отвѣтъ или возраженіе Никодима не представляетъ ничего безразсуднаго или компрометирующаго его разсудительность. Нужно только судить о немъ не по нашимъ собственнымъ понятіямъ, но съ точки зрѣнія самого Никодима. Мы уже сказали: какъ фарисеи смотрѣли на Царство Мессіи. Въ ихъ мечтахъ оно являлось царствомъ чувственнымъ, земнымъ, украшеннымъ лишь всѣмъ величіемъ и славою земныхъ царствъ. Теперь, если такъ дѣйствительно представлять себѣ «Царство Божіе», и если для вступленія въ это Царство нужно непремѣнно какое-то новое рожденіе, какъ слышитъ это Никодимъ, то это рожденіе можетъ быть и должно быть не иное, какъ также плотское, чувственное, подобное первому. Это, очевидно, совершенно нелѣпо; но эту нелѣпость понималъ очень хорошо и самъ Никодимъ; и эту-то нелѣпость онъ и самъ старается выставить на видъ какъ можно ярче, употребляя для этого нарочито такое явно нелѣпое возраженіе: *еда можетъ второе*

внити во утробу матере своея и родитися. Такой характеръ возраженія Никодима видѣнъ какъ изъ употребленной при этомъ Евангелистомъ отрицательно-вопросительной частицы μή, такъ въ особенности изъ этихъ добавочныхъ словъ: «*старъ сый*». Этими добавочными словами Никодимъ, указывалъ ли онъ ими собственно на преклонность своихъ лѣтъ, какъ обыкновенно полагаютъ, или же имѣлъ въ виду вообще всѣхъ людей, во всякомъ случаѣ хочетъ, очевидно, еще съ большею яркостью выставить на видъ невозможность новаго рожденія. Очень вѣроятно, что этими словами Никодимъ хотѣлъ указать не на возрастъ только человѣка, потому что бо́льшая или меньшая разность возраста не дѣлаетъ болѣе или менѣе невозможнымъ фактъ новаго плотскаго рожденія, но, какъ полагаетъ одинъ изъ новѣйшихъ толкователей, на то обстоятельство, ка́къ же можетъ человѣкъ снова родиться, когда у него уже нѣтъ болѣе матери? Такимъ образомъ отвѣтъ Никодима показываетъ лишь одно, какъ трудно было для фарисейскаго ума, загроможденнаго множествомъ самыхъ ложныхъ понятій о Мессіи и Его Царствѣ, усвоеніе такихъ возвышенныхъ духовныхъ тайнъ христіанства, какія старался раскрыть Никодиму Іисусъ Христосъ.

Отвѣща Іисусъ: аминь, аминь глаголю тебѣ, аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ Царствіе Божіе (5). Въ общемъ ходѣ бесѣды эти и дальнѣйшія слова Іисуса Христа составляютъ какъ-бы комментарій предыдущихъ Его словъ, и въ особенности слова ἄνωθεν. Послѣ этихъ словъ ясно становилось для Никодима, о какомъ собственно рожденіи говорилъ выше и теперь говоритъ ему Іисусъ Христосъ. Не о рожденіи плотскомъ, но о духовномъ или что̀ то же—о крещеніи, которое въ одной своей половинѣ (крещеніе водою) уже начато было Іоанномъ, и вторая половина котораго скоро также должна была начаться.

Въ этихъ словахъ болѣе всего затрудняло толкователей то обстоятельство, что возрожденіе усвояется въ нихъ не только Духу, но и водѣ, тогда какъ ниже (6—8) упоминается одинъ только Духъ. Какое, спрашивали, значеніе можетъ имѣть вода въ такомъ существенно-духовномъ, нравственномъ дѣлѣ, какъ возрожденіе? Отвѣты на этотъ вопросъ были разнообразные, а отсюда разнообразились и самыя толкованія словъ Іисуса Христа. Одни изъ толкователей давали слову «водою» лишь метафорическое значеніе въ рѣчи Спасителя, разумѣя подъ нею или (какъ напримѣръ Кальвинъ, Гроцій и др.) Того же Святаго Духа (ἓν διὰ δυοῖν), какъ начало очищающее (aqua spiritualis, spiritus aqueus), или (Теллеръ) ученіе Евангельское, какъ воду духовную (ὕδωρ πνευματικόν). Другіе же, желая удержать значеніе каждаго изъ указываемыхъ Іисусомъ Христомъ началъ, дѣйствующихъ въ возрожденіи, даютъ также значеніе при этомъ и водѣ, но значеніе лишь символическое: вода въ крещеніи служитъ, говорятъ, символомъ покаянія со стороны человѣка, такъ что Іисусъ Христосъ словами: аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ Царствіе Божіе,—хотѣлъ какъ-бы сказать: если кто не принесетъ съ своей стороны покаянія и потомъ не получитъ Духа Святаго отъ Бога, тотъ не можетъ войти въ Царствіе Божіе. Наконецъ, Ѳеодоръ Мопсуетскій, Евѳимій Зигабенъ и другіе, а также нѣкоторые изъ новѣйшихъ толкователей сравниваютъ значеніе воды въ крещеніи съ утробою матери, или понимаютъ ее какъ *мѣсто* зачатія и рожденія вѣрующаго, а дѣйствіе Духа, какъ начало образующее, заступающее

какъ-бы мѣсто отца. «Вода употребляется какъ-бы мѣсто рожденія раждающагося», говоритъ Златоустъ; «что̀ утроба (матери) для младенца, то вода—для вѣрнаго; онъ въ водѣ зачинается и образуется. Прежде было сказано: *да изведутъ воды гады душъ живыхъ* (Быт. I, 20). А съ того времени, какъ Владыка низшелъ въ струи Іордана, вода производитъ уже не гады душъ живыхъ, а души разумныя и духоносныя». Таковы наиболѣе замѣчательныя мнѣнія о томъ, въ какомъ смыслѣ въ словахъ Христа Спасителя возрожденіе усвояется не только Духу, но и водѣ. Сравнивая всѣ эти толкованія, легко видѣть, что если первое изъ нихъ совершенно противно самой буквѣ текста, въ которомъ и вода и Духъ представляются, какъ два отдѣльныхъ понятія, имѣющія, стало быть, каждое свое отдѣльное значеніе, то и два послѣднія не даютъ также точнаго и полнаго отвѣта на вышеизложенный вопросъ. Что отъ приступающихъ къ таинству крещенія требуется покаяніе,—это всегда, отъ временъ Апостольскихъ, Св. Церковь признавала и строго наблюдала въ своей практикѣ. Равнымъ образомъ, что въ водѣ крещенія или точнѣе—чрезъ погруженіе въ этой водѣ и восклоненіе изъ нея символически изображается, какъ говоритъ Іоаннъ Златоустъ, «гробъ и смерть, воскресеніе и жизнь»,—эта мысль имѣетъ свои основанія въ извѣстныхъ словахъ Апостола Павла: *или не разумѣете, яко елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смертъ Его крестихомся: спогребохомся убо Ему крещеніемъ въ смертъ: да якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы въ обновленіи жизни ходити начнемъ. Аще бо сообразни быхомъ подобію смерти Его, то и воскресенія будемъ* (Римлян. VI, 3—5). Тѣмъ не менѣе давать одно лишь символическое значеніе водѣ крещенія (т. е. понимать ли ее, какъ символъ покаянія, или какъ символъ гроба и смерти, воскресенія и жизни), не позволяетъ въ особенности то, что въ словахъ Іисуса Христа оба слова: и вода и Духъ стоятъ совершенно параллельно одинъ другому при глаголѣ γεννηθῇ и соединены съ нимъ однимъ и тѣмъ же предлогомъ ἐξ,—что̀ показываетъ ихъ тѣсную связь и совмѣстное дѣйствіе въ тайнѣ возрожденія человѣка; стало быть, какъ Духъ, такъ и вода, имѣютъ не символическое только, но и объективное значеніе въ этой тайнѣ. Въ какомъ же, спрашивается, смыслѣ можетъ быть усвоено новое духовное рожденіе также и водѣ, какъ и Духу Святому? Непогрѣшительный отвѣтъ на это даетъ намъ само слово Божіе.

Двоякое благодатное дѣйствіе совершается надъ вѣрующимъ въ таинствѣ крещенія: во-первыхъ, онъ очищается благодатію Божіею отъ всякаго грѣха; и во-вторыхъ, содѣлывается новымъ человѣкомъ, оправданнымъ и освященнымъ. Первый изъ этихъ актовъ исполняется именно въ троекратномъ погруженіи крещаемаго въ воду. Омываясь видимо, тѣлесно, въ водѣ крещенія, вѣрующій въ то же время невидимо, таинственно омывается духовно, прежде всего, отъ лежащей на немъ скверны грѣха прародительскаго и потомъ отъ всякаго личнаго грѣха; съ него слагается вина, въ которой повиненъ весь міръ Богови; изъ узника, раба грѣха, надъ которымъ тяготѣлъ страшный судъ Божій, онъ дѣлается свободнымъ, помилованнымъ, котораго уже не касается никакое теперь осужденіе Божіе. Таково благодатное дѣйствіе рожденія водою. Но все это есть только одна сторона новаго духовнаго рожденія,—сторона, такъ сказать, отрица-

тельная, хотя и составляющая непремѣнное условіе (conditio sine qua non) новаго рожденія. Положительная сторона его, возрожденіе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, принадлежитъ уже собственно Духу Божію, Который, нисходя на вѣрующаго, уже омытаго отъ сквернъ грѣховныхъ, помилованнаго, творитъ изъ него новаго человѣка, т. е. поврежденную грѣхомъ природу человѣка возсоздаетъ въ первобытной цѣлости, гармоніи силъ, Богоподобіи, послѣ чего вѣрующій становится подлинно новою тварью, созданною по Богѣ въ правдѣ и преподобіи истины. Теперь открывается для него дверь Царствія Божія, такъ какъ онъ, какъ человѣкъ уже не душевный, а духовный, дѣлается вполнѣ способнымъ къ наслажденію всѣми благами этого Царствія. Таково благодатное рожденіе отъ Духа Божія.

Такимъ образомъ рожденіе водою и рожденіе Духомъ Святымъ составляютъ въ таинствѣ крещенія двѣ существенно неразрывныя стороны одной и той же великой тайны, совершающейся въ это время надъ вѣрующимъ—тайны возрожденія. Стало быть, вода въ крещеніи не есть символъ только покаянія, или смерти и воскресенія (т. е. погруженіе), ни также только мѣсто рожденія раждающагося, но есть и то видимо для человѣка очищающее средство, чрезъ которое невидимо, таинственно совершается еще болѣе важное нравственное очищеніе всего существа человѣческаго. Это-то, безъ сомнѣнія, таинственное, нравственное очистительное дѣйствіе воды въ крещеніи и имѣетъ въ виду, между прочимъ, Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, когда говоритъ объ Іисусѣ Христѣ, что Онъ пришелъ въ міръ *водою* (а также: кровію и Духомъ) (1 Іоан. V, 6), т. е., какъ Самъ объявленъ Сыномъ Божіимъ чрезъ свидѣтельство Отца при крещеніи въ водѣ, такъ это же крещеніе водою (и Духомъ, сдѣлалъ и для всѣхъ вѣрующихъ въ Него средствомъ, возрождающимъ и дѣлающимъ ихъ также сынами Божіими. При этомъ достойно замѣчанія для нашей цѣли въ особенности то обстоятельство, что вода поставляется здѣсь у Апостола на ряду съ кровію (примиряющею насъ съ Богомъ) и Духомъ (возрождающимъ насъ), и слѣдовательно ей усвояется въ дѣлѣ нашего спасенія такое же объективное (предметное) значеніе, какъ и этимъ послѣднимъ.

Въ Греческомъ текстѣ Евангелія ни предъ ὕδωρ, ни предъ πνεῦμα нѣтъ члена, тогда какъ онъ далѣе есть (см. ст. 6 и 8). Это отсутствіе члена объясняется тѣмъ, что въ настоящемъ случаѣ Іисусъ Христосъ доколѣ хотѣлъ собственно указать вообще на самую природу дѣйствующихъ въ новомъ рожденіи началъ—воды и Духа, поколику именно вода крещенія есть дѣйствительная вещественная вода, а Духъ есть подлинно также существо духовное, неземное, Божественное, такъ что въ послѣднемъ случаѣ къ слову «Духъ», хотя и можно прибавить: Божій (τοῦ Θεοῦ), тѣмъ не менѣе не необходимо разумѣть непремѣнно третье Лице Святыя Троицы—Духа Святаго. Какъ Лице, Онъ указывается уже собственно въ дальнѣйшихъ словахъ, гдѣ предъ πνεῦμα стоитъ и членъ τὸ (см. ст. 6 и 8).

Рожденное отъ плоти плоть есть: и рожденное отъ Духа духъ есть (6). При этихъ словахъ должно было мало-по-малу становиться яснымъ для Никодима, что ожидаемое Іудеями Царство Мессіи нѣсть брашно и питіе, не имѣетъ ничего общаго съ царствами міра сего, и что, стало быть, никакія внѣшнія привиллегіи или преимущества по рожденію и общественному положенію не

откроютъ дверей въ это Царство. *Рожденное отъ плоти плоть есть*, говоритъ Господь. Прискорбный и вмѣстѣ глубоко-поучительный смыслъ этого выраженія былъ, безъ сомнѣнія, хорошо понятенъ учителю Израилеву. Слово «плоть» σάρξ на языкѣ Священнаго Писанія, какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта, означая всего вообще человѣка, какъ оно означаетъ и здѣсь, въ словахъ Іисуса Христа, служитъ обыкновенно выраженіемъ особеннаго, физическаго и нравственнаго состоянія его послѣ паденія. Вслѣдствіе грѣхопаденія, разрушившаго въ человѣческомъ существѣ гармонію отношеній между душею и тѣломъ, подчинившаго отчасти первую законамъ и требованіямъ послѣдняго, плоть, съ ея ощущеніями удовольствія и неудовольствія, наслажденій и болѣзней, стала источникомъ разнообразныхъ нравственныхъ искушеній и страстей, воюющихъ на духъ человѣка противъ закона ума, сдѣлалась какъ-бы сѣдалищемъ или орудіемъ грѣха; человѣкъ ведетъ постоянную борьбу съ нею, и при этомъ его воля, испорченная грѣхомъ, по большей части оставалась и остается побѣжденною отъ нея. Это-то бѣдственное нравственное состояніе и называется въ Священномъ Писаніи состояніемъ плотскимъ, а самъ человѣкъ, находящійся въ такомъ состояніи, плотію (Быт. VI, 3., Римлян. VII и VIII. Галат. III, 3 и др.). На это бѣдственное нравственное состояніе человѣчества и Іисусъ Христосъ обращаетъ вниманіе Своего собесѣдника и при этомъ указываетъ ему, что это состояніе путемъ естественнаго рожденія передается отъ поколѣнія къ поколѣнію, такъ что собственными силами человѣкъ не можетъ выйти изъ этого гибельнаго состоянія. «Ты думаешь, какъ-бы такъ говоритъ Господь, только о земномъ, плотскомъ рожденіи; но развѣ не знаешь, что рожденное отъ плоти, т. е. отъ плотскихъ, зараженныхъ грѣхомъ, родителей, есть также плоть, т. е., такое же плотское, преданное грѣху, существо?» Какимъ же образомъ,—подразумѣвалось само собою,—такое существо можетъ быть достойнымъ Царствія Божія и способнымъ участвовать въ его высшей духовной жизни? Поэтому-то и необходимо высшее, духовное рожденіе для человѣка—рожденіе отъ Духа Божественнаго; и какъ рожденное отъ плоти есть плоть, такъ рожденное отъ Духа есть духъ. *Рожденное отъ Духа духъ есть*,—говоритъ Господь. Какъ въ предыдущемъ предложеніи подъ плотію разумѣется весь человѣкъ, и по тѣлу и по душѣ, такъ и въ настоящемъ,—духомъ называется также весь новый, рожденный отъ Духа Божія, человѣкъ, съ его душею и тѣломъ; и въ той и въ другой сторонѣ своей природы онъ дѣлается чрезъ это рожденіе духомъ или духовнымъ, одухотвореннымъ, — что онъ и выражаетъ во всемъ,—и въ своихъ мысляхъ, и въ своемъ поведеніи, и въ самыхъ тайныхъ помышленіяхъ своихъ. Тайна этого возрожденія была, конечно, совершенно непонятна для Никодима, еще не возрожденнаго и, слѣдовательно, еще не испытавшаго на себѣ благодатныхъ дѣйствій этого возрожденія; не разъясненія этой тайны имѣлъ, безъ сомнѣнія, въ виду и Іисусъ Христосъ, говоря: *рожденное отъ Духа духъ есть*. Этими словами Спаситель хотѣлъ только подтвердить совершенную необходимость и полную дѣйственность вводимаго Имъ въ міръ новаго, необычайнаго способа рожденія человѣка; и Его внимательный собесѣдникъ вполнѣ понялъ то и другое, хотя относительно послѣдняго его фарисейскіе предраз-

судки снова, какъ сейчасъ увидимъ, возбудили совершенно напрасныя недоумѣнія.

Средній родъ «рожденное» вмѣсто мужескаго болѣе ясно и безусловно выражаетъ всеобщность закона нравственнаго возрожденія, какъ непремѣннаго условія для вступленія въ Царство Мессіи, равно какъ точнѣе указываетъ и на самую природу человѣка вообще, безотносительно къ личности каждаго.

Не дивися, яко рѣхъ ти: подобаетъ вамъ родитися свыше. Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ: тако есть всякъ человѣкъ рожденный отъ Духа (7—8). Мѣстоименіемъ *вамъ* (ὑμᾶς) *родитися* Іисусъ Христосъ исключаетъ Себя Самого изъ круга подлежащихъ закону новаго рожденія, установленному Имъ для всѣхъ людей. Іисусъ Христосъ могъ, какъ человѣкъ, расти и укрѣпляться духомъ (Лук. II, 40, 52); но Онъ не имѣлъ нужды въ возрожденіи. Нисшествіе Святаго Духа на Него во время крещенія не было возрожденіемъ, но лишь завершеніемъ предшествовавшаго, естественнаго духовнаго развитія Его. Чтобы разсѣять удивленіе Никодима, Іисусъ Христосъ обращается къ сравненію и указываетъ въ самой природѣ примѣръ явленія, дѣйствительность котораго несомнѣнна для всякаго по его дѣйствіямъ, и происхожденіе котораго, не смотря на то, ускользаетъ отъ чувственнаго наблюденія. Слово πνεῦμα стоитъ вмѣсто ἄνεμος—вѣтеръ. Это ясно показываетъ какъ самое сравненіе, такъ и выраженія: дышетъ (πνεῖ) и гласъ его слышиши (φωνὴν αὐτοῦ ἀκούεις). Какъ образуется вѣтеръ, гдѣ начинается онъ, и гдѣ кончается его движеніе,—этого глазъ нашъ и никакое другое чувство не замѣчаетъ. Между тѣмъ какъ развитіе всякой жизни растительной начинается съ какого-нибудь органическаго зародыша, наблюдаемаго простымъ или вооруженнымъ глазомъ, вѣтеръ является и исчезаетъ, какъ нѣчто неуловимое, неопредѣленное. Въ этомъ-то отношеніи онъ и составляетъ прекрасную эмблему для выраженія дѣйствій Духа Божія въ человѣкѣ. *Тако есть всякъ человѣкъ рожденный отъ Духа*, т. е. таково же дѣйствіе Духа Божія во всякомъ человѣкѣ, рожденномъ отъ Него. Сколь ни несомнѣнно возрождающее дѣйствіе Его въ человѣкѣ христіанинѣ, но когда именно начинается Его возрождающее дѣйствіе, какъ Онъ дѣйствуетъ, куда направляется въ своемъ дѣйствіи,—этого усмотрѣть и опредѣлить невозможно. Одно лишь можно усмотрѣть и замѣтить и постороннему наблюдателю, и еще болѣе самому возрожденному отъ Духа Божія,—это самую перемѣну, происшедшую во всемъ его существѣ чрезъ возрожденіе. Двѣ новыя истины Іисусъ Христосъ открываетъ, такимъ образомъ, Никодиму относительно новаго рожденія: во-первыхъ, что непостижимость, таинственность его отнюдь еще не даетъ права сомнѣваться въ его дѣйствительности; и во-вторыхъ, что чего не постигаетъ въ настоящемъ случаѣ кичливый человѣческій умъ, какъ во многихъ другихъ дѣлахъ Божественныхъ, то совершенно ясно и понятно для вѣрующаго, проникнутаго смиреніемъ, сердца человѣческаго, воспринимающаго Божественное непосредственнымъ чувствомъ.

Казалось бы, послѣ всего этого для Никодима не было уже ни малѣйшаго повода къ дальнѣйшему пререканію и сомнѣнію относительно новаго духовнаго рожденія: что могъ только вмѣстить еще невозрожденный Духомъ Божіимъ умъ его относительно этой тайны, все то Іисусъ Христосъ, какъ любве-

обильный Учитель, открылъ Своему совопроснику, съ величайшимъ терпѣніемъ препобѣждая разные фарисейскіе предразсудки. Но что̀ же, видимъ мы, дѣлаетъ Никодимъ?

Отвѣща Никодимъ и рече Ему: како могутъ сія быти? Отвѣща Іисусъ и рече ему: ты еси учитель Израилевъ, и сихъ ли не вѣси? (9—10). Различно объясняютъ ка́къ настоящій вопросъ Никодима, та́къ и отвѣтъ Іисуса Христа. Одни изъ толкователей видятъ въ вопросѣ Никодима сомнѣніе и невѣріе въ возможность новаго духовнаго рожденія, а отсюда—въ отвѣтѣ Іисуса Христа—обличеніе этого невѣрія или сомнѣнія. По мнѣнію же другихъ, Никодимъ искренно будто бы сознается въ непониманіи такихъ таинственныхъ дѣйствій Духа Божія, какъ ихъ представилъ выше Іисусъ Христосъ, сознается, что онъ не только не испытывалъ ихъ на себѣ, что еще не удивительно, но вовсе и не знаетъ подобной дѣятельности Духа Божія. Это, въ свою очередь, говорятъ, удивляетъ теперь Іисуса Христа; Онъ съ удивленіемъ указываетъ Никодиму на это духовное невѣдѣніе его, обличаетъ его въ недальновидности и простотѣ (Златоустъ). При этомъ нѣкоторые изъ толкователей замѣчаютъ еще, что слова Іисуса Христа: *и сихъ ли не вѣси* (καὶ ταῦτα οὐ γινώσκεις) значатъ не просто: «и ты этого не знаешь», но имѣютъ болѣе сильное значеніе: «и ты не вникалъ или не вдумывался въ это?» Законъ и пророки Ветхаго Завѣта, какъ-бы та́къ говоритъ Господь, не достигли въ тебѣ своей цѣли; они не пробудили въ тебѣ истиннаго покаянія; иначе ты самъ живо чувствовалъ бы, ясно сознавалъ бы нужду полнаго нравственнаго обновленія себя или возрожденія. Не отрицая справедливости этихъ толкованій въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, думаемъ однако, что ни то, ни другое изъ нихъ не представляетъ въ надлежащемъ и полномъ свѣтѣ ни вопроса Никодима, ни еще болѣе отвѣта Іисуса Христа. Настоящій вопросъ Никодима, равно какъ и отвѣтъ на него Іисуса Христа, имѣетъ очевидную и тѣсную связь съ дальнѣйшими словами бесѣды (II, 12) Іисуса Христа, гдѣ отъ разсужденій о новомъ духовномъ рожденіи Онъ вдругъ переходитъ къ новому предмету—къ разсужденію о достоинствѣ Своего учительства и Своего ученія. Что̀ вызвало такую перемѣну предмета бесѣды? Основаніе этого заключается именно въ особенномъ характерѣ самаго вопроса Никодима.

Како могутъ сія быти? Вопросъ этотъ,—былъ ли онъ выраженіемъ простаго непониманія (ср. 10 ст.: *и сихъ ли не вѣси?*), или положительнаго невѣрія (ср. ст. 12),—во всякомъ случаѣ высказанъ былъ Никодимомъ не по «Іудейской лишь немощи», но, какъ показываетъ самая форма его, съ очевидною фарисейски-высокомѣрною цѣлью—показать Іисусу Христу, что и онъ также, какъ учитель Израилевъ, свѣдущъ въ вещахъ Божественныхъ, духовныхъ,—и однако недоумѣваетъ, какъ возможны подобныя дѣйствія Духа Божія въ человѣкѣ, какъ наглядно представилъ ихъ выше Іисусъ Христосъ. Ка́къ можетъ это статься? Это-то фарисейское высокомудрствованіе и поражаетъ со всею силою въ Своемъ отвѣтѣ Іисусъ Христосъ, такъ что пораженный этимъ отвѣтомъ, Никодимъ уже не возражаетъ потомъ ничего болѣе и въ своемъ нравственномъ самоуниженіи мало-по-малу подготовляетъ въ своемъ сердцѣ ту почву, на которой Господь и сѣетъ потомъ сѣмена Своего спасительнаго ученія: «*ты еси учитель Израилевъ, и сихъ ли не вѣси?* «Ты,—какъ-бы та́къ говоритъ Го-

сподь,—представитель Израильской мудрости, извѣстный, уважаемый учитель Іудейскій, какъ же ты этого не знаешь?» Такимъ образомъ въ этомъ удивленіи Іисуса Христа справедливѣе видѣть собственно обличеніе не столько «недальновидности и простоты» Никодима, сколько высокомѣрнаго фарисейскаго учительства, которое, взявъ ключъ разумѣнія тайнъ Царствія Божія, ни само не входило въ него, ни другихъ не допускало войти. Какъ равви—учитель, взявшій на себя дѣло нравственнаго просвѣщенія другихъ, онъ долженъ былъ обладать большею духовною опытностью, высшимъ уразумѣніемъ таинъ Божественныхъ, чѣмъ обыкновенный Израильтянинъ, и при томъ такихъ существенно важныхъ таинъ, какъ тайна нравственнаго возрожденія. Этого въ правѣ былъ требовать отъ него всякій. Если же этой опытности, этого разумѣнія въ немъ не было, то онъ былъ, очевидно, лишь слѣпой вождь слѣпыхъ, которому самому надлежало стать въ ряды учениковъ. Къ этому-то сознанію Іисусъ Христосъ ближайшимъ образомъ и приводилъ Своего собесѣдника, срывая съ его глазъ маску фарисейскаго учительства и указывая на Себя и Свою проповѣдь, какъ на источникъ истиннаго и полнаго вѣдѣнія вещей Божественныхъ. И слово Господа пало дѣйствительно на добрую почву,—не осталось безплодно.

Съ 11-го стиха III главы Евангелія отъ Іоанна начинается вторая часть бесѣды Іисуса Христа съ Никодимомъ. Въ дальнѣйшемъ теченіи бесѣды Никодимъ хранитъ глубокое молчаніе. Съ Своей стороны Іисусъ Христосъ прежній, нѣсколько обличительный, тонъ рѣчи перемѣняетъ на самый мягкій и нѣжный. Первая часть бесѣды составляетъ какъ-бы отрицательный отвѣтъ на главный вопросъ, занимавшій Никодима: «что̀ такое необычайное имѣетъ случиться послѣ всѣхъ этихъ знаменій,—предвѣстіемъ чего служатъ они?» «Ничего,—какъ-бы та́къ отвѣчаетъ Іисусъ Христосъ, не будетъ такого, чего ты ожидаешь». Понятно, что съ такимъ отрицательнымъ отвѣтомъ Онъ не могъ его отпустить отъ Себя. И вотъ, въ дальнѣйшей бесѣдѣ Своей, видя, какой живой интересъ Никодимъ высказалъ къ Его предыдущимъ объясненіямъ, Господь даетъ прямой уже отвѣтъ на всѣ тѣ вопросы, которые волновали впечатлительную душу Его собесѣдника. Это легко можно видѣть изъ сравненія почти каждаго слова дальнѣйшихъ стиховъ (особенно же 11, 12 и 13) съ первыми словами Никодима, съ какими онъ обратился къ Іисусу Христу (2). Никодимъ назвалъ Іисуса Христа Учителемъ, и Господь открываетъ ему о чрезвычайномъ предметѣ и характерѣ Своего ученія (11). Въ своемъ обращеніи Никодимъ выразилъ какъ-бы свою вѣру въ Іисуса Христа, какъ посланника Божія; Господь теперь упрекаетъ его и въ лицѣ его всѣхъ его собратій въ томъ, что они не имѣютъ искренней и дѣйствительной вѣры въ Него (11 и 12). Никодимъ назвалъ Іисуса Христа учителемъ, отъ Бога пришедшимъ: теперь Господь объявляетъ ему, что мнимый учитель, бесѣдующій съ нимъ, дѣйствительно снизшелъ съ неба, и небо есть дѣйствительное также и постоянное Его жилище (13), и что Онъ не просто Учитель, но Искупитель и свѣтъ міра (14 и др.). Такова связь второй части бесѣды съ первою, разобранною нами.

Переходя къ откровенію высшихъ таинъ о Себѣ и Своемъ Царствѣ, Іисусъ Христосъ, какъ-бы въ видѣ вступительнаго замѣчанія, прежде всего говоритъ Никодиму, что, въ противоположность доселѣшнему фарисейскому

учительству, Онъ Самъ и Его ученики возвѣщаютъ новое ученіе, такое, которое основывается на непосредственномъ знаніи и созерцаніи истины: *аминь, аминъ глаголю тебѣ, яко еже вѣмы, глаголемъ: и еже видѣхомъ, свидѣтельствуемъ, и свидѣтельства нашего не пріемлете*(11). «Истинно, истинно говорю тебѣ: вы—мнимые учители Израилевы», какъ-бы такъ говоритъ Господь,—«учите только тому, что̀ передано вамъ другими (закономъ и пророками), и что̀ представляетъ вамъ лишь буква Писанія; а посему», какъ подразумѣвалось само собою, «ученіе ваше не имѣетъ ни надлежащей твердости въ устахъ вашихъ, какъ ученіе не ваше собственно, ни ясности и полноты истины, такъ какъ буква есть только сосудъ истины. Напротивъ, мы учимъ тому, о чемъ имѣемъ непосредственное знаніе, свидѣтельствуемъ то, что̀ видѣли собственными глазами; посему наше ученіе имѣетъ непреложную твердость въ устахъ нашихъ и открываетъ истину, какъ она есть сама въ себѣ, во всемъ ея свѣтѣ и величіи». Таково новое, наступившее съ пришествіемъ Іисуса Христа въ міръ, ученіе о тайнахъ Божественныхъ.

Неодинаково было и есть мнѣніе толкователей относительно того, кого разумѣетъ Іисусъ Христосъ, говоря во множественномъ числѣ: *еже вѣмы, глаголемъ, и еже видѣхомъ, свидѣтельствуемъ*. Прямое объясненіе мы имѣемъ въ собственныхъ же дальнѣйшихъ словахъ Іисуса Христа: *и свидѣтельства нашего не пріемлете*. Какъ здѣсь и далѣе (12) Іисусъ Христосъ разумѣетъ, очевидно, Никодима и его единомышленниковъ, такъ въ первомъ случаѣ Онъ разумѣетъ, несомнѣнно, Себя и Своихъ учениковъ, какъ представителей новаго ученія, какъ новыхъ учителей, сподобившихся узрѣть своими глазами и слышать то, что̀, какъ говорилъ впослѣдствіи Господь,—*мнози пророцы и царіе восхотѣша видѣти, и не видѣша, и слышати то*, что̀ они слышали, *и не слышаша* (Лук. X, 24). Для вѣрующихъ учениковъ Іисуса Христа открылось въ лицѣ Его самое небо; поэтому и о нихъ можно было сказать, что они проповѣдывали то, что̀ видѣли непосредственно своими глазами (ср. Матѳ. XI, 25—26. Лук. X, 21). *Видѣвый Мене*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *видѣ Отца Моего* (Іоан. XIV, 9). Что при этомъ лично присутствовали нѣкоторые изъ учениковъ Іисуса Христа, какъ предполагаютъ нѣкоторые изъ новѣйшихъ толкователей, этого изъ самаго текста, конечно, прямо не видно; но это объясненіе, которое мы дали ему, и какое ясно вытекаетъ изъ всего хода рѣчи, дѣлаетъ это предположеніе, по нашему мнѣнію, весьма вѣроятнымъ.

Аще земная рекохъ вамъ, и не вѣруете: како, аще реку вамъ небесная, увѣруете? Что̀ нужно разумѣть подъ земнымъ (τὰ ἐπίγεια) и подъ небеснымъ (τὰ ἐπουράνια) въ ученіи Іисуса Христа? *Небесная*,—это открываемыя далѣе Іисусомъ Христомъ тайны о Своемъ Лицѣ, о Своемъ отношеніи къ Богу Отцу, о безконечной любви Божіей къ міру въ искупленіи и спасеніи его чрезъ Своего Единороднаго Сына и проч. (13—16). *Земная*—это тѣ истины, которыя ранѣе высказалъ Іисусъ Христосъ относительно возрожденія водою и Духомъ Святымъ въ таинствѣ крещенія, о плотскомъ или грѣховномъ состояніи человѣка невозрожденнаго, и проч. Для уразумѣнія этихъ послѣднихъ истинъ человѣкъ многое можетъ почерпать изъ области земнаго, человѣческаго опыта и наблюденія, изъ свидѣтельства собственнаго внутренняго чувства. Напротивъ, въ уразумѣніи первыхъ, все основывается единственно на вѣрѣ въ Боже-

ственное откровеніе; какъ скоро въ комъ нѣтъ этой вѣры, для того навсегда закрывается и тотъ путь, по которому единственно онъ можетъ достигнуть неба и созерцанія вещей небесныхъ. Относить, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ толкователей, выраженіе «земная» лишь къ сдѣланному ранѣе Іисусомъ Христомъ сравненію дѣйствій Духа Божія въ возрожденномъ человѣкѣ съ дѣйствіемъ вѣтра совершенно неправильно. При такомъ пониманіи не было бы полнаго соотвѣтствія въ противоположеніи Іисуса Христа.

Но сказанное ближайшимъ образомъ Никодиму имѣло очевидное отношеніе и ко всѣму вообще народу Іудейскому, какъ это ясно показываетъ самая форма выраженія во множественномъ числѣ. И дѣйствительно, невѣріе народа Іисусъ Христосъ испыталъ при очищеніи Іерусалимскаго храма отъ торжниковъ и мѣновщиковъ и потомъ во время дальнѣйшаго Своего пребыванія въ Іерусалимѣ. Несомнѣнно можно полагать, что во время Своего пребыванія въ Іерусалимѣ, творя различныя чудеса, Іисусъ Христосъ сопровождалъ ихъ, какъ и всегда, различными наставленіями, касавшимися болѣе простыхъ и понятныхъ для каждаго истинъ, вѣроучительныхъ и нравоучительныхъ; но при этомъ встрѣчалъ, вѣроятно, неразуміе, невѣріе въ отношеніи къ этимъ Своимъ наставленіямъ; и потому-то, можетъ быть, не довѣрялъ вѣрѣ увѣровавшихъ въ Него Іерусалимлянъ, что вѣра ихъ была лишь слѣдствіемъ простаго удивленія къ Его знаменіямъ, не имѣя для себя корня въ усвоеніи, принятіи самыхъ истинъ Его спасительнаго ученія. И это недовѣріе Его выражалось, какъ надобно полагать, именно въ томъ, что Онъ не открывалъ предъ ними какихъ либо особенныхъ возвышенныхъ тайнъ Своего ученія. Почему же? Отвѣтъ на это составляютъ именно настоящія слова, сказанныя Никодиму: *аще земная рекохъ вамъ, и не увѣруете: како, аще реку вамъ небесная, вѣруете*: «Если вы, какъ-бы такъ говоритъ Господь, «не вѣрили Мнѣ (для того, чтобы уразумѣть), когда Я говорилъ вамъ о такихъ вещахъ, дѣйствительность которыхъ вы сами могли провѣрить, то какъ повѣрите вы (а слѣдовательно и разумѣете), когда Я буду открывать вамъ высшія тайны Своего ученія, о которыхъ умъ вашъ никогда и гадать не смѣлъ»?

И никтоже взыде на небо, токмо сшедый съ небесе Сынъ Человѣческій сый на небеси (13). Между этими и предыдущими словами необходимо подразумѣвается слѣдующая посредствующая мысль, замѣняемая у Евангелиста простымъ союзомъ и (καὶ): «и однакожъ никто кромѣ Меня не можетъ открыть вамъ доступа къ вещамъ небеснымъ». Почему? «Потому что никто не взошелъ на небо, какъ только сшедшій съ небеси Сынъ Человѣческій, сущій на небеси». О какомъ восхожденіи на небо говоритъ здѣсь Іисусъ Христосъ? Какъ въ предыдущихъ словахъ выраженія *земная и небесная* суть метафорическія наименованія различныхъ тайнъ Его ученія, такъ точно и въ настоящемъ случаѣ выраженіе: *взыде на небо*—нельзя понимать въ его лишь буквальномъ собственномъ смыслѣ. Дѣло въ томъ, что самое слово *небо*, трижды повторяющееся въ словахъ Іисуса Христа, означаетъ въ настоящемъ случаѣ, какъ и въ другихъ (см. I, 51), не просто только мѣсто или пространство вселенной, мѣсто преимущественнаго обитанія Божія и жилище высшихъ духовъ, но главнымъ образомъ имѣетъ нравственный смыслъ, служитъ выраженіемъ тѣснѣйшаго общенія съ Богомъ, непосредственнаго лицезрѣнія Божія и вмѣстѣ

всѣхъ вещей въ Богѣ; такой именно главнымъ образомъ нравственный смыслъ слово *небо* и имѣетъ въ первомъ и послѣднемъ предложеніи разсматриваемаго мѣста. Такимъ образомъ смыслъ словъ Іисуса Христа: *и никтоже взыде на небо* будетъ слѣдующій: «потому что никто не находится въ такихъ тѣснѣйшихъ отношеніяхъ къ Богу и ко всему небесному, чтобы онъ могъ говорить о нихъ, какъ-бы взошедшій на небо и самъ непосредственно видящій и знающій ихъ». Какъ на совершенно подобное же выраженіе можно указать на слѣдующія слова Іисуса Христа: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ: и никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ: ни Отца кто знаетъ токмо Сынъ* (Матѳ. XI, 27; ср. Іоан. I, 16). Одинъ Іисусъ Христосъ обладалъ такимъ непосредственнымъ познаніемъ вещей небесныхъ, Божественныхъ,—Онъ одинъ постоянно видитъ и знаетъ все небесное. Почему? Потому что Онъ есть *сшедый съ небесе Сынъ Человѣческій, сый на небеси.* Имѣя въ виду болѣе широкое и глубокое значеніе, чѣмъ буквальное, предыдущаго глагола ἀναβέβηκεν, мы должны также и глаголу: καταβάς — *сшедый* — дать болѣе широкій смыслъ, чѣмъ какой даетъ буквальное значеніе его. Называя Себя низшедшимъ съ неба Сыномъ Человѣческимъ, Іисусъ Христосъ говоритъ этимъ, что Онъ есть болѣе, чѣмъ посланникъ Божій, подобный ветхозавѣтнымъ пророкамъ и учителямъ,—за какого посланника считаетъ Его Никодимъ; Его явленіе на землѣ въ образѣ Сына Человѣческаго есть низшествіе изъ высшаго, Божественнаго бытія или состоянія въ состояніе низшее, уничиженное потому что Его всегдашнее вѣчное бытіе не на землѣ, а на небѣ. «Одинъ Я», какъ-бы такъ говоритъ Господь, «въ состояніи повѣдать вамъ, какъ очевидецъ, всѣ тайны небесныя, потому что хотя Я и совершенно подобный вамъ человѣкъ, тѣмъ не менѣе Я не отъ земли, но низшелъ съ неба на землю, и небо есть истинное и вѣчное Мое отечество». Итакъ, вотъ первая тайна небесная, открытая Іисусомъ Христомъ Никодиму —тайна воплощенія!

Ὁ ὢν—*сый*, настоящая форма причастія имѣетъ въ данномъ случаѣ, какъ показываетъ и стоящій предъ нимъ членъ, свое строго опредѣленное значеніе, выражая понятіе, противоположное тому, которое заключается въ предшествующихъ словахъ: *сшедый съ небесе Сынъ Человѣческій* (ὁ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ καταβάς). Какъ этими послѣдними словами Спаситель выразилъ предъ Никодимомъ уничиженное, земное состояніе Свое, какъ Сына Человѣческаго, такъ, наоборотъ, добавочнымъ выраженіемъ: *сый на небеси*, Онъ открылъ предъ Своимъ собесѣдникомъ тайну Своего вѣчнаго, неразлучнаго присутствія, по Своей Божественной природѣ, на небеси у Бога Отца. По всей вѣроятности, это именно выраженіе Іисуса Христа и воспроизводитъ Евангелистъ Іоаннъ въ заключительныхъ словахъ пролога, называя Его *Единороднымъ Сыномъ, сущимъ въ лонѣ Отца* (I, 18).

И якоже Моисей вознесе змію въ пустынѣ, тако подобаетъ вознестися Сыну Человѣческому: да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный (14 и 15). Соединительный союзъ *и* (καί) выражаетъ здѣсь не логическую собственно связь мыслей, но просто послѣдовательность со стороны Іисуса Христа въ откровеніи тайнъ Своего ученія Никодиму. Выше (13) Іисусъ Христосъ открылъ Никодиму тайну Своего воплощенія, тайну Божественной славы Своего Лица; отъ этой тайны Онъ переходитъ къ другой, стоящей въ связи съ ней, тайнѣ искупле-

нія; или, что то же—отъ откровенія о Своемъ Лицѣ Іисусъ Христосъ переходитъ къ откровенію о Своемъ Царствѣ. И что̀ же открываетъ? Въ противоположность воображаемой фарисеями славѣ Мессіи, какъ новаго могущественнаго Соломона, какъ царя завоевателя, Іисусъ Христосъ говоритъ, что основаніе истиннаго Царства Мессіи послѣдуетъ чрезъ безславную смерть Его Самого, что цѣль Его Царства не завоеванія, не внѣшнее владычество надъ народами земли, но нравственное ихъ спасеніе, жизнь вѣчная. Таковъ общій смыслъ приведенныхъ словъ Іисуса Христа.

Чтобы приблизить, сколько возможно, къ пониманію Своего собесѣдника открываемую тайну, Божественный Учитель опять обращается къ сравненію и на этотъ разъ для сравненія беретъ одно обстоятельство изъ священной исторіи Израильскаго народа (Числ. XXI, 8—9). Искупительную смерть Свою на крестѣ Іисусъ Христосъ сравниваетъ съ мѣднымъ зміемъ, повѣшеннымъ Моусеемъ на древѣ (на знамени) нѣкогда въ пустынѣ по повелѣнію Божію, и это послѣднее обстоятельство представляетъ символомъ перваго. Какъ нѣкогда мѣдный змій служилъ знаменіемъ спасенія для Израильтянъ, такъ точно, такимъ же знаменіемъ спасенія для всего міра долженъ сдѣлаться распятый на крестѣ Сынъ Человѣческій, т. е. Мессія. Въ двоякомъ отношеніи, какъ легко видѣть, Спаситель принимаетъ повѣшеніе Моусеемъ мѣднаго змія на знамени, какъ прообразъ или знаменіе Своей искупительной смерти: 1) какъ мѣдный змій былъ вознесенъ или повѣшенъ на знамени, такъ и Ему, подобнымъ же образомъ, надлежитъ быть вознесеннымъ или повѣшеннымъ на древѣ; 2) какъ взоръ на мѣднаго змія спасалъ погибавшихъ отъ угрызеній зміевъ древнихъ Израильтянъ, такъ вѣра въ распятаго Іисуса Христа будетъ спасать всѣхъ отъ вѣчной погибели.

Указывая на Свою крестную смерть, Іисусъ Христосъ говоритъ: *тако подобаетъ* (οὕτως δεῖ). Это выраженіе всюду, гдѣ оно встрѣчается у Евангелиста Іоанна и въ другихъ мѣстахъ Новаго Завѣта, означаетъ высшее нравственное предопредѣленіе или необходимость чего либо, и слѣдовательно имѣетъ нѣсколько болѣе широкое значеніе, чѣмъ подобное же выраженіе: *да сбудется реченное,* или *да сбудется Писаніе* (ἵνα πληρωθῇ γραφὴ или τὸ ῥηθὲν). *Тако подобаетъ*—значитъ: такъ должно быть по Божественному предопредѣленію для удовлетворенія высшихъ нравственныхъ цѣлей человѣчества, а вмѣстѣ въ исполненіе пророчествъ. Такое высшее значеніе Своей крестной смерти Іисусъ Христосъ и раскрываетъ далѣе предъ Никодимомъ, говоря, что это безславная смерть будетъ источникомъ жизни вѣчной для всѣхъ вѣрующихъ въ Него: *да всякъ вѣруяй въ Онъ не погибнетъ но имать животъ вѣчный.* Слова эти, мы сказали, имѣютъ также прямое соотвѣтствіе съ прообразомъ. Чувственному взору древнихъ Израильтянъ здѣсь противополагается спасительная вѣра въ Распятаго (которая есть также зрѣніе, только духовное) новаго Израиля; уврачеванію и тѣлесному здоровью первыхъ—жизнь вѣчная послѣдняго. И кто будетъ этотъ новый Израиль? Всякій вѣрующій, говоритъ Іисусъ Христосъ, т. е. всякій человѣкъ—безотносительно къ тому, будетъ ли онъ чадо Авраамово, или нѣтъ, лишь бы онъ былъ исполненъ вѣры въ распятаго Сына Человѣческаго (πᾶς ὁ πιστεύων).

Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный (16). Въ Своемъ по-

слѣдовательномъ откровеніи Никодиму небесныхъ тайнъ Своего ученія, Іисусъ Христосъ возводитъ его на самую высшую ступень,—открываетъ ему тайну предопредѣленія Божественной любви объ искупленіи падшаго человѣчества чрезъ Единороднаго Сына Божія. На язычниковъ, находившихся внѣ ветхозавѣтнаго теократическаго домостроительства, Іудеи вообще, и въ особенности фарисеи, смотрѣли презрительно, какъ на подлежавшихъ вѣчному гнѣву и осужденію Божію, а на себя, какъ на привиллегированныхъ сыновъ Царства Божія. Каково же, опять, должно было быть удивленіе Никодима, и какое пораженіе гордости Іудейской слышать, что всѣ люди, весь міръ, а не одни Іудеи, составляютъ предметъ безпредѣльной любви Божіей!... По отношенію къ предыдущимъ словамъ (15), настоящія слова Іисуса Христа составляютъ, очевидно, какъ-бы поясненіе или доказательство,—и въ особенности словъ: *тако подобаетъ вознестися Сыну Человѣческому* (οὕτως ὑψωθῆναι δεῖ).

Въ каждомъ словѣ настоящаго изрѣченія Іисуса Христа выражается сила самой величайшей любви Божіей къ человѣчеству, явленной въ искупленіи. Указывая словами: *тако возлюби Богъ* на высочайшую степень любви Божіей, Іисусъ Христосъ представляетъ эту любовь еще болѣе въ выразительной степени, когда въ предметѣ такой любви Божіей (тако возлюби Богъ міръ) указываетъ все недостоинство, всю незаслуженность этой любви; потому что *міръ* (κόσμος) означаетъ въ настоящемъ случаѣ, какъ и въ другихъ, не просто все человѣчество вообще (подобно πᾶς въ ст. 15), но человѣчество именно падшее, грѣховное, находящееся въ отчужденіи отъ Бога, во враждѣ съ Нимъ. «Выразительны», скажемъ словами Златоуста,—и присовокупленныя вслѣдъ за симъ слова: *яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть* (ἔδωκεν). И прежде всего, что̀ касается глагола ἔδωκεν (далъ есть), то онъ, особенно въ настоящемъ контекстѣ рѣчи, выражаетъ гораздо большее, чѣмъ напримѣръ *послалъ* (ἀπέστειλεν), указывая, что даруемое есть добровольная жертва со стороны дающаго,—жертва, которая отдается вполнѣ и для полнаго удовлетворенія нуждъ тѣхъ, кому она подается (ср. Римлян. VIII, 31. Галат. I, 4. Лук. XXII, 19). Выражая самое величіе дара, Іисусъ Христосъ называетъ Себя теперь уже не Сыномъ Человѣческимъ, какъ Онъ дважды именовалъ Себя выше, но *Сыномъ Божіимъ Единороднымъ*. Въ этомъ именованіи Своемъ Онъ выражаетъ всю безпредѣльность любви Божіей къ міру, показывая, что Богъ «даровалъ міру для его спасенія не Ангела, не Архангела, но собственнаго единственнаго Сына». Какое же можетъ быть еще большее доказательство любви Божіей къ міру (Римлян. VIII, 32)? И это новое откровеніе Свое Христосъ Спаситель заключаетъ тѣми же словами, какъ и предыдущее: *да всякъ вѣруяй въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный*. «Одинаковое повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ», говоритъ Годе, «въ концѣ 15 и 16 стиховъ имѣетъ ритмическій характеръ и составляетъ естественное выраженіе особенной возвышенности чувства и мысли Господа при этомъ. Слова эти суть какъ-бы двукратный торжественный кличъ побѣдителя, или подобны припѣву какого либо гимна». Не отвергая справедливости этихъ замѣчаній, прибавимъ, съ своей стороны, что это двукратное повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ, составляя каждый разъ естественное и необходимое дополненіе предыдущей главной мысли, было сдѣлано

Господомъ, можно думать, не безъ особенныхъ также намѣреній въ отношеніи къ Своему собесѣднику. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ это двукратное напоминаніе о спасающей вѣрѣ въ Себя, въ Свою крестную смерть— не желалъ ли, быть можетъ, Іисусъ Христосъ живѣе возбудить эту вѣру въ Никодимѣ,—сильнѣе дать почувствовать ему всю необходимость этой вѣры для его спасенія?

Не посла Богъ Сына Своего въ міръ, да судитъ мірови, но да спасется Имъ міръ (17). Ожидая обѣтованнаго Мессію, Іудеи надѣялись, между прочимъ, что первымъ дѣломъ Его будетъ грозный судъ надъ всѣми врагами и притѣснителями ихъ, отмщеніе за униженіе Своего избраннаго народа. Въ настоящемъ случаѣ Іисусъ Христосъ желаетъ яснѣе раскрыть Никодиму цѣль перваго собственно Своего пришествія, устраняя изъ понятій Никодима всѣ Іудейски-партикуляристическія надежды. Весь міръ—Іудеи и Эллины составляютъ предметъ безпредѣльной любви Божіей; для спасенія этого міра Онъ отдалъ даже и Своего Единороднаго Сына. И вотъ, посланный Сынъ Божій явился въ этомъ мірѣ,—и явился не для того, чтобы судить людей, т. е. разбирать, кто изъ нихъ добръ, и кто золъ, но для того, чтобы чрезъ вѣру въ Себя всѣмъ доставить спасеніе, и добрымъ и злымъ, какъ этого возжелала любовь Божія. Трижды повторяющееся слово: «міръ» имѣетъ во всѣхъ случаяхъ одно и то же значеніе, т. е. означаетъ, какъ и выше (15), все вообще человѣчество, находящееся въ отчужденіи отъ Бога, а не міръ только языческій.

Вѣруяй въ Онъ не будетъ осужденъ: а не вѣруяй уже осужденъ естъ, яко не вѣрова во имя Единороднаго Сына Божія (18). Мысль настоящаго стиха есть усиленіе предыдущей. Іисусъ Христосъ возвѣщаетъ, что всякій вѣрующій въ Него не подлежитъ вообще суду; слѣдовательно не подлежитъ и будущему суду Его. Почему? Потому, во-первыхъ, что вѣрующему въ Сына Божія прощаются грѣхи; слѣдовательно въ немъ нечего, такъ сказать, и судить, такъ какъ судъ есть именно отдѣленіе добра отъ зла; а во-вторыхъ потому, что вѣра приводитъ къ «свѣту» (21), и такимъ образомъ вѣрующій восходитъ на такую ступень нравственнаго состоянія, гдѣ всякій судъ становится излишнимъ; этотъ судъ при свѣтѣ вѣры совершился самъ собою надъ каждымъ вѣрующимъ; каждый истинно вѣрующій самъ себя разсуждаетъ. И Апостолъ Павелъ говоритъ: *аще быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были* (1 Коринѳ. XI, 31). Наоборотъ, невѣрующій въ Сына Божія подлежитъ суду и уже осужденъ. Почему? Потому что,—говоритъ Іисусъ Христосъ,—не вѣровалъ во имя Единороднаго Сына Божія, т. е., во-первыхъ, потому, что чрезъ свое невѣріе онъ уже достаточно ясно показалъ свое нравственное состояніе, такъ что судъ его въ немъ самомъ уже совершился, и его судьба на будущемъ страшномъ судѣ уже заранѣе, такъ сказать, опредѣлена; во-вторыхъ потому, что онъ отвергъ спасительное имя Единороднаго Сына Божія, и чрезъ это отверженіе самъ лишилъ себя возможности помилованія, самъ себя осудилъ на вѣчную погибель; въ-третьихъ потому, что *онъ самъ себе не разсуждаетъ*, такъ какъ лишенъ для этого и необходимаго нравственнаго свѣточа и критерія вѣры. «Какъ убійца», говоритъ святый Іоаннъ Златоустъ, «хотя бы и не былъ осужденъ приговоромъ судьи, уже осужденъ по самому свойству своего дѣла, такъ и невѣрующій. И Адамъ умеръ въ тотъ самый день, въ кото-

рый вкусилъ отъ древа; таково было опредѣленіе: *въ онь же аще день снѣсте отъ древа, смертію умрете* (Быт. II, 17). Но онъ еще жилъ и послѣ того: какимъ же образомъ онъ умеръ? И по опредѣленію Божію, и по свойству своего поступка. Кто сдѣлалъ себя повиннымъ наказанію, тотъ находится подъ наказаніемъ, хотя еще и не на самомъ дѣлѣ, а по опредѣленію».

Сей же есть судъ, яко свѣтъ пріиде въ міръ, и возлюбиша человѣцы паче тму, нежеже свѣтъ: бѣша бо ихъ дѣла зла. Всякъ бо дѣлаяй злая ненавидитъ свѣта и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла его, яко лукава суть. Творяй же истину грядетъ къ свѣту, да явятся дѣла его, яко о Бозѣ суть содѣлана (19—21). Если Іисусъ Христосъ пришелъ въ міръ не для того, чтобы судить его, но чтобы спасти, то что же значитъ, послѣ этого, тотъ судъ, о которомъ Онъ сейчасъ упомянулъ,—судъ рѣшительный, совершающійся надъ невѣрующими въ Него? Отвѣчая на этотъ-то совершенно естественный вопросъ, возникшій, быть можетъ, и въ умѣ Никодима, Іисусъ Христосъ и объясняетъ теперь сущность сейчасъ указаннаго Имъ суда: «вотъ въ чемъ», какъ-бы такъ говоритъ Господь, «состоитъ этотъ судъ: въ лицѣ Моемъ (Лук. II, 32. Іоан. VIII, 12; IX, 5 и др.) пришелъ свѣтъ въ міръ и ясно обнаружилъ нравственное состояніе каждаго человѣка, такъ что уже теперь съ вѣрностью можно выразить общее нравственное состояніе человѣчества: люди возлюбили тьму болѣе, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ злы». Итакъ вотъ какого рода судъ начался въ мірѣ съ пришествіемъ въ него Іисуса Христа! Хотя прямою цѣлью пришествія Его въ міръ былъ не какой либо судъ надъ міромъ, но спасеніе его, тѣмъ не менѣе это принесенное міру спасеніе имѣло въ то же время своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ судъ надъ міромъ,—судъ самый дѣйствительный и непогрѣшительный, только судъ не внѣшній, какъ воображали Іудеи, но внутренній,—судъ совѣсти, раздѣлившій человѣчество, по ихъ нравственному состоянію, на двѣ категоріи: на вѣрующихъ и невѣрующихъ, сыновъ свѣта и сыновъ тьмы, чадъ Божіихъ и чадъ діавола (1 Іоан. II, 10). Въ человѣчествѣ до-христіанскомъ какъ-бы смѣшивались оба вида людей, т. е. и добрые и злые; съ явленіемъ Іисуса Христа, началось раздѣленіе ихъ. Обращаясь съ вѣрою къ Іисусу Христу, Божественному свѣту, просвѣщающему всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, или оставаясь упорно въ своемъ невѣріи къ Нему, каждый чрезъ это самое самымъ лучшимъ образомъ показываетъ, каковъ онъ по своей нравственной природѣ—добръ, или золъ, сынъ ли свѣта, или сынъ тьмы. Говоря: *и возлюбили люди тьму болѣе, нежели свѣтъ*, Іисусъ Христосъ имѣлъ, конечно, въ виду ближайшимъ образомъ современный Ему народъ Іудейскій, большинство котораго не хотѣло признать въ Немъ явившагося свѣта міра; но истина этихъ словъ вполнѣ оправдалась также и оправдывается, какъ извѣстно, и надъ всѣмъ человѣчествомъ вообще. Какъ на причину такого страннаго, повидимому, явленія въ человѣчествѣ, Христосъ Спаситель указываетъ на «злыя дѣла» или нечистую жизнь большинства людей: такимъ образомъ, вотъ гдѣ всегда былъ и есть дѣйствительный источникъ невѣрія!

Ст. 20. Чтобы яснѣе представить Никодиму, какимъ образомъ вѣра или невѣріе въ ниспосланный міру въ лицѣ Его и въ Его ученіи свѣтъ открываетъ, дѣйствительно, нравственную

природу каждаго человѣка, Іисусъ Христосъ обращается къ аналогическому явленію, постоянно наблюдаемому въ нравственной жизни людей. «Всякій, дѣлающій злое, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы. А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что они въ Богѣ содѣланы». Нѣтъ нужды слово: «свѣтъ» (τὸ φῶς) принимать въ настоящемъ случаѣ въ томъ же смыслѣ, какъ и выше (19), гдѣ свѣтомъ Іисусъ Христосъ ясно называетъ Самого Себя. Іисусъ Христосъ выставляетъ на видъ Никодиму общій, такъ сказать, законъ нравственной жизни людей, а потому и слово свѣтъ не есть въ настоящемъ случаѣ, какъ и прежде, только метафорическое означеніе Его Лица и Его отношеній къ міру, но имѣетъ самый обширный смыслъ.

Всякъ дѣлаяй злая (т. е. упорно пребывающій во злѣ) *ненавидитъ* (μισεῖ) *свѣта*—говоритъ Господь. Зло, какъ показываетъ опытъ, враждебно даже физическому свѣту, почему оно и называется метафорически тьмою (σκότος), равно какъ, наоборотъ, добро—свѣтомъ (φῶς). Всякій злодѣй избираетъ преимущественно тьму—ночное время, для исполненія своихъ преступныхъ замысловъ и избираетъ потому, что свѣтъ противенъ не только удобству исполненія его замысловъ, но и его злодѣйской совѣсти, старающейся обыкновенно скрываться отъ всякаго посторонняго вниманія и наблюденія. Еще болѣе противенъ злу свѣтъ нравственный,—свѣтъ именно святыхъ, благихъ внушеній совѣсти, свѣтъ истинныхъ, гуманныхъ требованій здраваго ума, свѣтъ благочестивой жизни, и проч. Всякаго подобнаго свѣта дѣлающій злое, не имѣя его въ себѣ, чуждается и въ другихъ, старается избѣгать общенія съ нимъ, какъ самаго тяжкаго, ненавистнаго обличенія своихъ злыхъ дѣлъ. Но особенно ненавистенъ для дѣлающаго злое Божественный свѣтъ вѣры,—свѣтъ, проистекающій изъ живаго, тѣснѣйшаго общенія чрезъ вѣру съ Богомъ. Ненавидя такимъ образомъ свѣтъ, дѣлающій злое и не желающій отстать отъ своихъ злыхъ навыковъ и *не приходитъ къ свѣту*, да не обличатся дѣла его, т. е., старается всегда держать себя вдали отъ всякаго свѣта, и особенно отъ свѣта Божественнаго, потому что сіяніе этого свѣта открыло бы со всею очевидностью его совѣсти всю глубину его нравственнаго паденія, все недостоинство его дѣлъ, и понудило бы перемѣнить свой образъ жизни; а этого-то онъ и не хочетъ. Своимъ невѣріемъ онъ старается удалить отъ себя этотъ тяжелый для очей его совѣсти свѣтъ, чтобы во мракѣ невѣрія своего, какъ во мракѣ ночи, спокойнѣе продолжать свою грѣховную жизнь. Такъ именно поступалъ и народъ Еврейскій въ большинствѣ своемъ въ отношеніи къ Іисусу Христу, въ Лицѣ Котораго во-очію явился имъ неприступный свѣтъ Божества; и это-то поведеніе народа Іудейскаго Іисусъ Христосъ имѣлъ въ виду, безъ сомнѣнія, говоря эти слова.

Ст. 21. Не таково поведеніе творящаго истину, т. е. поступающаго всегда и во всемъ такъ, какъ дѣйствительно слѣдуетъ поступать согласно требованію всѣхъ нравственныхъ предписаній, налагаемыхъ на человѣка его совѣстью, законами частной и общественной жизни, и наконецъ вѣрою. Такой человѣкъ всегда и во всемъ стремится къ свѣту,—онъ есть *сынъ свѣта*, какъ говоритъ Апостолъ (Ефес. V, 8). Между тѣмъ какъ дѣлающій худыя дѣла ненавидитъ свѣтъ, какъ противный живущему въ немъ мра-

ку,—творящій истину, напротивъ, любитъ свѣтъ и заботится, прежде всего, о томъ, чтобы постоянно ходить въ свѣтѣ лица всевидящаго Бога; его духовный взоръ постоянно обращенъ къ этому свѣту. Равнымъ образомъ и всюду, гдѣ бы и въ чемъ бы только ни проявлялся отблескъ этого Божественнаго свѣта,—въ дѣлахъ ли благочестивой жизни частнаго человѣка, въ благихъ ли начинаніяхъ и предпріятіяхъ цѣлаго общества, въ знаменіяхъ ли вѣры и событіяхъ церковной жизни и проч.,—всюду этотъ свѣтъ пріятенъ для него, всегда радуетъ его. Находясь въ такомъ отношеніи къ свѣту, творящій истину всегда смѣло, съ радостью, спѣшитъ на встрѣчу ко всякому отблеску Божественнаго свѣта въ мірѣ,—и въ особенности къ этому самому свѣту. Для чего? *Да явятся,* говоритъ Іисусъ Христосъ, *дѣла его, яко о Бозѣ сутъ содѣлана.* Если дѣлающій худыя дѣла старается всячески скрывать свою нечистую жизнь отъ всякаго свѣта, боясь обличенія или разоблаченія своихъ худыхъ дѣлъ и въ своей совѣсти, и предъ другими; то творящій истину, напротивъ, потому и стремится къ свѣту, чтобы содѣлались явными (ближайшимъ образомъ, конечно, для него самого, а если нужно, то и для другихъ) дѣла его. И въ этомъ стремленіи нѣтъ чего либо самолюбиваго, тщеславнаго, но оно составляетъ насущную нравственную потребность его, проистекающую изъ существа самыхъ добрыхъ дѣлъ. Души честныя, свѣтоносныя стремятся къ свѣту не только потому, что онѣ вслѣдствіе правоты своихъ дѣлъ не боятся его, но въ особенности для того, чтобы при этомъ свѣтѣ видѣть во всей ясности свои содѣланныя въ Богѣ дѣла. Это послѣднее служитъ для нихъ постояннымъ критеріемъ ихъ нравственнаго поведенія; это есть необходимое нравственное самоиспытаніе ихъ, въ которомъ онѣ почерпаютъ для себя новыя силы и новыя побужденія къ достиженію высшаго нравственнаго идеала, къ совершенному уничтоженію въ себѣ всякой тьмы. Такія-то честныя, алчущія и жаждущія правды души были напримѣръ первые ученики и послѣдователи Христовы, изъ которыхъ объ одномъ Самъ Іисусъ Христосъ замѣтилъ въ минуты приближенія его къ Себѣ: *се, воистинну Израильтянинъ, въ немже льсти нѣсть* (Іоан. I, 47). Изъ числа такихъ-то душъ былъ и Никодимъ, котораго также любовь къ истинѣ и исканіе свѣта привлекли къ Іисусу Христу; и очень можетъ быть, что, въ частности, его именно приходъ къ Себѣ и имѣлъ въ виду Іисусъ Христосъ, употребляя это образное выраженіе: *приходитъ къ свѣту* (Стран. 1872 г., ч. I-я, стр. 16—49. 113—149).

О новомъ рожденіи, свыше (Іоан. III, 7).

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Подобаетъ вамъ родитися свыше, сказалъ Господь Никодиму въ ночной, уединенной съ нимъ бесѣдѣ. Не сказалъ: надобно тебѣ родиться вновь, хотя говорилъ съ однимъ только человѣкомъ; но сказалъ: подобаетъ вамъ, дабы видно было, что рѣчь идетъ не о потребности сего или другаго человѣка въ особенности, но что изрекается законъ всѣмъ вамъ, которые желаете быть истинными учениками Небеснаго Учителя Іисуса Христа.

Ученіе Господне о возрожденіи человѣка страннымъ показалось Никодиму, хотя ему нельзя приписывать ни неблагонамѣренности, поелику онъ призналъ Божественное посланничество Іисуса по Его чудесамъ,—ни грубой необразованности, потому что былъ князь и фарисей. Сперва возсталъ въ немъ

чувственный разумъ, разсуждающій о предметахъ по понятіямъ тѣлеснаго только міра, и вопросилъ: *како можетъ человѣкъ родитися, старъсый? еда можетъ второе внити во утробу матере своея и родитися?* А когда сіе грубо-стихійное мудрованіе опровержено понятіемъ о высшемъ рожденіи водою и духомъ, тогда еще вступилъ въ состязаніе разумъ философскій и требовалъ объясненія и доказательства: *како могутъ сія быти*? Не бываетъ ли подобнаго сему и нынѣ? Что̀ такое возрожденіе? Что̀ за мысль—человѣка, въ теченіи его бытія, производить вновь, тогда какъ онъ, безъ сомнѣнія, долженъ оставаться однимъ и тѣмъ же лицемъ? Къ чему сіе изысканное мудрствованіе, сія непонятная таинственность? Не довольно ли быть просто добрыми христіанами? Такія слова противъ глубокаго христіанскаго ученія не вырываются ли у нѣкоторыхъ, какъ камни, бросаемые наудачу, безъ сознанія, что ими поразить желаютъ? Знайте же, что дѣло идетъ не о произвольно возносящемся мудрованіи, поелику съ Апостоломъ и я желаю *всякому сущему въ васъ не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати* (Римлян. XII, 3); не о пристрастіи къ темной таинственности, которую, впрочемъ, не знаю, кто захотѣлъ бы предпочесть ясности возможной; не объ уклоненіи отъ простоты, о которой съ Апостоломъ и я забочусь, *да не како истлѣютъ разумы ваша отъ простоты, яже о Христѣ* (2 Коринѳ. XI, 3); но дѣло идетъ о томъ, чтобы или пріобрѣсть, или утратить Царство Божіе. Возрожденіе требуется не для того, чтобы сдѣлаться мудрецомъ, или таинственникомъ, но для того, чтобы пріобрѣсть Царство Божіе. Если ты удаляешь отъ себя мысль о возрожденіи, то удаляешь отъ себя возможность видѣть Царствіе Божіе. *Аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти Царствія Божія*, глаголетъ Господь. Итакъ повторяю: блаженъ, кто можетъ праздновать свое рожденіе свыше.

На сіе вы можете сказать: почему же намъ и не поздравить себя съ блаженствомъ возрожденія, когда мы рождены водою и духомъ въ святомъ крещеніи? Вотъ мысль, достойная внимательнаго изслѣдованія, въ ученіи о возрожденіи. Различимъ крещеніе водою и крещеніе Духомъ, какъ различаетъ ихъ Самъ Іисусъ Христосъ въ Своемъ изрѣченіи къ Апостоламъ: *Іоаннъ убо крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ* (Дѣян. I, 5), и спросимъ: крещеніе, котораго мы сподобились, есть ли только крещеніе водою? Нѣтъ, безъ сомнѣнія. Если бы оно было только крещеніе водою, то почти не разнилось бы отъ простыхъ очистительныхъ омовеній, употреблявшихся во времена Ветхаго Завѣта, или было бы обрядомъ и незаслуживало бы наименованія таинства, которое отличительно даетъ оному Церковь; владычественное имя Отца и Сына и Святаго Духа представлялось бы въ крещеніи странно бездѣйственнымъ; утверждать, что мы крестились во имя Святаго Духа, но не крестились духомъ, было бы непримиримое само въ себѣ противорѣчіе. *Елицы бо во Христа крестистеся*, сказуетъ Апостолъ, *во Христа облекостеся* (Галат. III, 27). Безъ сомнѣнія, сего не можетъ сдѣлать вода, но развѣ духъ. Если же крещеніе наше есть болѣе, нежели крещеніе только водою, то нельзя не признать, что оно есть крещеніе водою и духомъ, и, по выраженію Апостола, *баня паки бытія* (Титъ III, 5), однимъ словомъ, возрожденіе. Итакъ подлинно во святомъ крещеніи мы сподобились возрожденія; *порождени*, какъ изъясняетъ Апостолъ, *не отъ съмене истлѣнна, но неистлѣнна, словомъ живаго Бога*

и пребывающа во вѣки (1 Петр. I, 23), силою имени Отца и Сына и Святаго Духа. Что̀ жъ? Итакъ подлинно есть Царствіе Божіе внутрь насъ? Должно быть такъ. Итакъ мы блаженны? Пусть и сіе скажетъ о себѣ кто можетъ; а я не смѣю, потому что вижу слишкомъ много такого, что сему противорѣчитъ; вижу болѣе явленій и дѣлъ человѣка невозрожденнаго, ветхаго, нежели возрожденнаго, новаго, болѣе бѣдности Адамовой, нежели блаженства Христова. Посмотрите, какими чертами описываетъ истинно возрожденныхъ Священное Писаніе.

Всякъ рожденный отъ Бога грѣха не творитъ, яко сѣмя Его въ немъ пребываетъ, и не можетъ согрѣшати, яко отъ Бога рожденъ есть (1 Іоан. III, 9). То есть, благодать Божія, какъ сѣмя, какъ начало новой жизни въ человѣкѣ, одушевляя его вѣрою и любовію къ Богу, непрестанно производитъ въ немъ добрыя помышленія, намѣренія и дѣла; и потому совсѣмъ не сродно ему дѣлать грѣхъ и находить въ немъ удовольствіе. Всякій ли изъ насъ прощенныхъ отважится сказать о себѣ, что онъ таковъ?

Всякъ рожденный отъ Бога побѣждаетъ міръ (1 Іоан. V, 4). Всякій ли изъ насъ чувствуетъ себя такимъ побѣдителемъ? Не многихъ ли изъ насъ побѣждаетъ корысть или слава, или суета міра, и влекутъ въ плѣнъ его прелести?

Вы, пишется къ возрожденнымъ, *помазаніе имате отъ Святаго и вѣсте вся* (1 Іоан. II, 20). *И не требуете, да кто учитъ вы, яко то само помазаніе учитъ вы о всемъ* (27). Укажите мнѣ здѣсь хотя одного изъ сихъ вѣдущихъ вся, чтобы мнѣ научиться отъ него разрѣшенію трудностей означаемаго теперь ученія.

Мы стали теперь между противоположностями. Съ одной стороны, есть причины думать, что мы причастны духовнаго возрожденія чрезъ святое крещеніе, съ другой, есть признаки, по которымъ нельзя не признаться, что въ насъ большею частью недостаетъ свойствъ и дѣйствій человѣка возрожденнаго. Какъ же изъяснить и согласить сіи несообразности?

Здѣсь приличествуетъ слово притчи Господней: *подобно есть Царствіе Небесное сокровищу сокровену на селѣ* (Матѳ. XIII, 44). Село, или поле, изображаетъ человѣка. Глубина, въ которой сокрыто сокровище, означаетъ сердце или внутренность человѣка, болѣе или менѣе открытую вѣрою. Сюда въ таинствѣ крещенія Духъ Божій, дышущій, *идѣже хощетъ*, дхнулъ невидимо и внесъ въ Своемъ дыханіи сокровище, нетлѣнное сѣмя возрожденія, новую жизнь отъ Бога. Итакъ сокровище положено, и точно есть на полѣ нашемъ; но каждый ли изъ насъ сдѣлалъ со своей стороны то, чего далѣе требуетъ притча? Обрѣлъ ли оное глубокимъ самопознаніемъ и вхожденіемъ внутрь себя? Скрылъ ли отъ невидимыхъ татей смиреніемъ? Продалъ ли вся, елика имать, отвергся ли міра и плоти, отдалъ ли безъ остатка страсти и пожеланія, чтобы взять внутреннее сокровище и употребить къ своему блаженству? Если мы ничего такого не сдѣлали; если совсѣмъ не позаботились проникнуть, что̀ сокрыто въ нашемъ полѣ; если мы только на поверхности его насемся чувственнымъ удовольствіемъ, какъ безсловесное злакомъ; если скрытое сокровище глубже и глубже закрываемъ уметами и дрязгомъ помысловъ и дѣлъ суетныхъ, нечистыхъ, беззаконныхъ;—то сокровище лежитъ, но мы имъ не пользуемся; нетлѣнное въ насъ сѣмя не прозябаетъ, не цвѣтетъ, не плодоноситъ; духовная жизнь или въ зародышѣ, или въ обморокѣ; надобно желать, чтобы

о нашемъ возрожденіи вновь попекся кто-нибудь, какъ святый Павелъ о возрожденіи крещенныхъ еще прежде Галатовъ, когда онъ писалъ къ нимъ: *чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Галат. IV, 19). То есть: какъ раждающая мать, нахожусь я въ подвигѣ и страданіи, дабы споспѣшествовать вашему духовному рожденію, и притомъ уже не въ первый разъ; сперва сіе было нужно, когда надлежало посредствомъ вѣры и крещенія положить въ сердцахъ вашихъ начатокъ духа; *но когда вы, наченше духомъ, нынѣ плотію скончаваете* (Галат. III, 3), то потребенъ новый болѣзненный подвигъ, дабы погребенное подъ преобладающею плотію духовное сокровище открыть, дабы задержанный ростокъ духа возрастить до приношенія плодовъ духовныхъ, дабы впечатлѣнный въ душу крещеніемъ образъ Христовъ прояснить и проявить во всѣхъ способностяхъ, силахъ, расположеніяхъ и дѣлахъ Христоподобныхъ и Богоугодныхъ: *паки болѣзную, дондеже вообразится въ васъ Христосъ.*

Кто соглашается съ сими размышленіями въ томъ, сколь важно и необходимо для истиннаго христіанина возрожденіе, а между тѣмъ въ своей жизни, дѣлахъ и совѣсти не обрѣтаетъ успокоивающаго свидѣтельства, что онъ дѣйствительно пользуется плодами возрожденія, тому надлежитъ не безъ заботы подумать, въ какомъ же онъ состояніи находится и къ чему сіе ведетъ. Судъ Христовъ произнесенъ и, вѣрно, не перемѣнится. Какъ судилъ Онъ въ безмолвную ночь въ присутствіи одного Никодима, такъ же будетъ судить и въ славный послѣдній день въ присутствіи всѣхъ Ангеловъ и всѣхъ человѣковъ: не рожденный свыше не можетъ видѣть Царствія Божія!

Иные думаютъ: можно ли опредѣлить всѣ шаги къ Царствію Небесному? Можетъ быть, спасемся какъ-нибудь и мы. Это походитъ на то, какъ если бы кто, примѣтивъ трудность и неизвѣстную надежду земледѣлія, сказалъ: можетъ быть, родится хлѣбъ и безъ воздѣлыванія и безъ посѣва. *Сѣяй въ духъ*, говоритъ Апостолъ, *отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (Галат. VI, 8). Если не сѣемъ, то вѣрно и жать нечего будетъ.

Иной, напротивъ, скажетъ: хорошо же я непремѣнно буду сѣять въ духъ, и сдѣлаюсь возрожденнымъ. Нѣтъ, возлюбленный! И это не есть надежный путь. Ни безпечное *можетъ быть*, ни самостоятельное *непремѣнно*, не годятся въ дѣлахъ духа. Кто какъ будто на заказъ думаетъ сдѣлаться возрожденнымъ, тотъ всего скорѣе сдѣлается мечтателемъ. Не можетъ младенецъ родиться, когда и какъ захочетъ: родить его должна мать, по порядку природы. Равнымъ образомъ не можетъ человѣкъ возродиться, когда и какъ захочетъ: возродить его долженъ Духъ Божій, по порядку благодати.

Между крайностями безпечной недѣятельности и самонадѣянной предпріимчивости лежитъ скромный, но дѣятельный путь духа, который указуетъ Апостолъ слѣдующими словами: *со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте* (Фил. II, 12). Содѣвайте спасеніе, а не думайте, что оно содѣвается само собою, но содѣвайте со страхомъ и трепетомъ, не полагаясь на то, что̀ дѣлаете сами, и остерегаясь непрестанно, чтобы не противиться дѣйствованію въ васъ Божію. *Богъ бо есть дѣйствуяй въ васъ и еже хотѣти, и еже о благоволеніи* (13).

Хотите ли знать въ особенности о возрожденіи, что̀ наиболѣе зависитъ отъ насъ и что̀ наиболѣе нужно съ нашей стороны? Посмотрите, по указанію Апостола, на образъ возрожденія, представленный въ рожденіи естествен-

номъ. Не одна раждающая болѣзнуетъ родами, но и рождаемое болѣзнуетъ и плачетъ. Вотъ новая притча для ученія о возрожденіи. Болѣзнуй о ветхой, плотской жизни, отъ которой ты еще не разрѣшился; плачь о грѣхахъ своихъ, не только потому, что адъ угрожаетъ тебѣ за нихъ, но еще болѣе потому, что ты Богу, тебя сотворившему и тебя любящему, не былъ вѣренъ, что предъ Христомъ, за тебя пострадавшимъ, явился неблагодаренъ, что Святаго Духа опечалилъ; плачь слезами сердечными, слезами печальной любви; найди себѣ пищу въ сихъ слезахъ, по написанному: *быша слезы мнѣ хлѣбъ день и нощь* (Псал. XLI, 4). *Печаль бо, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2 Коринѳ. VII, 10), покаяніе не словесное только, но дѣятельное, не кратковременное, но рѣшительное и постоянное, то, которое въ крещенныхъ Церковь знаменательно называетъ вторымъ крещеніемъ, а слѣдственно существенною принадлежностью возрожденія, то, с которомъ радость бываетъ на небесахъ.

Познайте, ищущіе быть чадами Божіими, духовный вкусъ чистой, Божественной печали, и познаете возрожденіе и вкусите новую жизнь, на радость себѣ и небу, на радость полную, неотъемлемую на вѣки (изъ Бесѣды о новомъ рожденіи. Ч. II, стр. 281—284).

Библіографическій указатель къ III гл. Ев. Іоанна.

Святоотеческія толкованія.

1) *Святаго Іоанна Златоустаго.* Бес. на слова: *якоже Моисей вознесе змію въ пустынѣ* и т. д. (ст. 14—16). Воскр. Чт., г. XVII. 203—206.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

2) Бесѣда Спасителя съ Никодимомъ о возрожденіи (1—21). Воскр. Чт., г. VII. 40—50.

3) Святый Никодимъ. Воскр. Чт. г. VIII. 70.

4) Бесѣды *Филарета М. К.* Воскр. Чт., г. VIII. 86—88. 133—137.

5) *Іоанна, еп. Смоленскаго.* Бес. Іисуса Христа съ Никодимомъ о возрожденіи. Церковн. Вѣст. 1875 г. № 27. 9—11. Хр. Чт. 1876 г., ч. II. 87—99.

6) Никодимъ, собесѣдникъ Христовъ. Дом. Бес. 1877. Вып. 21. 619—625.

7) Поученіе 5-е о земной жизни Іисуса Христа. О Никодимѣ. Воскр. Чт., г. XXXI. 965—969.

8) *Н. Троицкаго.* Ученіе Іисуса Христа о духовномъ возрожденіи и вѣчномъ спасеніи, изложенное въ бесѣдѣ Его съ Никодимомъ. Чт. въ Общ. 1887 г., кн. VI—VII. Іюнь. Іюль. 557—586.

9) Ст. 1. Никодимъ. Библ. и. сл. Воскр. Чт. 1877 г. I. 15.

10) Ст. 6. Рожденіе и крещеніе. Воскр. Чт. XVII. 387—389.

11) Ст. 8. О благодати Духа Святаго. Тамъ же, г. V. 59—64.

12) На тотъ же стихъ. Невидимая сила. Тамъ же. 1876 г. I. 243.

13) Ст. 12. *Арх. Иннокентія.* Дом. Бес. 1864 г. Вып. 33. 633—695.

14) На тотъ же стихъ. Воскр. Чт., т. IV. 229.

15) Ст. 14—17. Воскр. Чт. XXV. $18^{64}/_{62}$. № 21. 559—562.

16) Ст. 18. *Еп. Θеофана.* Дом. Бес. 1871 г. Вып. 15. 469.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

17) Ст. 5. *Леонтія, митроп. Московскаго.* О необходимости совершать таинство крещенія и надъ младенцами. II. 149—150.

18) Ст. 16. *Филарета, митроп. Московскаго.* О потребности воплощенія Сына Божія насъ ради человѣкъ. III. 341—343. О любви Божіей къ міру: любви Отца—распинающей, любви Сына—распинаемой и любви Духа—торжествующей силою крестною. I. 90—98.

19) Ст. 36. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Состояніе души грѣшной до всеобщаго суда. III. 150.

Въ ученыхъ сочиненіяхъ:

20) *С. Соллертинскаго.* О бесѣдѣ Іисуса Христа съ Никодимомъ. Пастырство Христа Спасителя. 127—130.

Послѣднее свидѣтельство Іоанна Крестителя объ Іисусѣ Христѣ (Іоан. III, 22—36).

Ст. 22. *По сихъ же пріиде Іисусъ и ученицы Его въ Жидовскую землю: и ту живяше съ ними.*

По сихъ же: послѣ пребыванія Господа въ Іерусалимѣ на праздникѣ Пасхи, послѣ всего, что Онъ здѣсь дѣлалъ.

Въ Жидовскую землю: въ Іудею въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ извѣстную (южную) часть или область Палестины.

И ту живяше съ ними: судя потому, что Господь, отправившись на сей разъ изъ Іудеи въ Галилею, проходилъ чрезъ Самарію вѣроятно во время полеваго посѣва (IV, 35), надобно полагать, что Господь въ этотъ разъ довольно долго пробылъ въ Іудеѣ; и именно нѣсколько болѣе полугода (съ Марта—Апрѣля до Ноября—Декабря). Нѣтъ указанія въ словахъ Евангелія, чтобы все это время Онъ пробылъ въ какомъ либо одномъ мѣстѣ. Господь проходилъ со Своею проповѣдію всю священную землю въ ея извѣстныхъ древнихъ границахъ—отъ Дана до Вирсавіи—крайнихъ предѣловъ святой земли съ сѣвера и юга (Толков. Евангелія Михаила).

И крещаше (чрезъ учениковъ IV, 2). Что̀ касается до характера и дѣйствительности крещенія, которое Господь Іисусъ Христосъ, во время земной Своей жизни, преподавалъ Іудеямъ чрезъ посредство Своихъ учениковъ, то мнѣнія объ этомъ отцевъ и учителей Церкви и толкователей Писанія не одинаковы. Тертулліанъ, Златоустъ, Ѳеофилактъ, Евѳимій и другіе говорятъ, что оно по своей силѣ и дѣйствительности не выше было крещенія Іоаннова, потому что не имѣло благодати Святаго Духа, такъ какъ Іисусъ еще не былъ прославленъ, и цѣлію того и другаго было только приведеніе крещаемыхъ ко Христу. Блаженный Августинъ, а вслѣдъ за нимъ многіе изъ западныхъ толкователей Писанія и богослововъ, утверждаютъ, что крещеніе, производимое Апостолами во время земной жизни Христовой, было существеннымъ таинствомъ возрожденія; иные,—что оно стало имѣть такую дѣйственность только послѣ торжественнаго своего установленія, что оно отверзало небо—только въ надеждѣ; что оно не совершалось еще во имя Трехъ Лицъ Божества, но только во имя Іисуса Христа, и видятъ подтвержденіе своей мысли въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ—XI, 38. Замѣчательно, что Апостолы перестали крестить послѣ заключенія Іоанна въ темницу, ибо при ихъ посланничествѣ Господомъ къ овцамъ погибшимъ дома Израилева между различными обязанностями не возлагалась на нихъ обязанность крестить, и вопроса о крещеніи не было до самаго воскресенія Іисуса Христа изъ мертвыхъ, послѣ котораго Апостолы получили уже торжественное и опредѣленное повелѣніе отъ Господа—крестить всѣ народы во имя Отца и Сына и Святаго Духа (святый великій пророкъ, Предтеча и Креститель Іоаннъ. Протоіерея Вишнякова, стр. 179—180).

Ст. 23. *Бѣ же Іоаннъ крестя во Енонѣ близъ Салима, яко воды многи бяху ту: и прихождаху и крещахуся.*

Ст. 24. *Не у бо бѣ всажденъ въ темницу Іоаннъ.*

Евсевій Кесарійскій указываетъ въ третьей книгѣ своей Канонической хроники, въ главѣ XXIV, что дѣянія Господа, совершенныя до заключенія Іоанна въ темницу, описаны только въ Евангеліи Іоанна, всѣ же остальные Евангелисты начинаютъ описаніе событій и чудесъ, совершенныхъ Господомъ, со времени заключенія Іоанна.

И дѣйствительно только Евангелистъ Іоаннъ Богословъ повѣствуетъ о призваніи первыхъ учениковъ на Іорданѣ, о первомъ чудѣ въ Канѣ Галилейской, о первомъ посѣщеніи Господомъ Іерусалима и храма, о бесѣдѣ съ Никодимомъ и о крещеніи Іоанномъ близъ Салима въ Енонѣ.

Гдѣ былъ Енонъ близъ Салима—вопросъ спорный. Большинство авторитетовъ, и въ томъ числѣ отецъ протоіерей Соколовъ въ Священной Исторіи и на картѣ, къ ней приложенной,—повидимому на основаніи Евсевія и записокъ комиссіи изслѣдованія Палестины, помѣщаетъ Салимъ на западномъ берегу Іордана, на границѣ Самаріи и Галилеи. Енонъ же находится южнѣе Салима, и по всей вѣроятности есть Халдейское (т. е. Арамейское) слово *аинъ*, источникъ или во множественномъ числѣ источники, *аинанъ*, и это слово было переписано Греческими буквами αἰνών. Существуетъ и другое мнѣніе, что Енонъ находился близъ Наблуса (Сихема) въ Самаріи, но мы упоминаемъ о немъ лишь для того, чтобы оговорить, что мы его не раздѣляемъ, тѣмъ болѣе, что и святый Іеронимъ въ Ономастиконѣ указываетъ, что Енонъ лежалъ на восемь Римскихъ миль южнѣе Скиѳополиса, «близъ Салима и Іордана» «juxta Salem et Jordanem» (Опытъ изученія Евангелія святаго Іоанна Богослова. Г. Властова, т. I, стр. 166—167).

Ст. 25. *Бысть же стязаніе отъ учениковъ Іоанновыхъ со Іудеи о очищеніи.*

Ст. 26. *И пріидоша ко Іоанну и рекоша ему: равви, Иже бѣ съ тобою обонполъ Іордана, Емуже ты свидѣтельствовалъ еси, се, Сей крещаетъ, и вси грядутъ къ Нему.*

Ученики святаго Іоанна скоро замѣтили, что къ ихъ учителю слушателей приходитъ меньше, чѣмъ прежде, и, въ слѣпой привязанности къ нему, стали досадовать и завидовать Тому, Кого почитали виновникомъ такого народнаго невниманія къ Крестителю.

Нерасположенные къ нимъ Іудеи и въ особенности фарисеи, злобные враги Іисуса Христа и Его Предтечи, находили въ этомъ обстоятельствѣ случай язвить учениковъ Крестителя и направлять зародившуюся въ нихъ зависть къ тому, чтобы они побудили своего учителя не только ослабить тѣ свидѣтельства, какія давалъ онъ касательно Лица Іисуса Христа, но даже отказаться отъ нихъ.

Подъ внушеніемъ фарисеевъ, говоритъ святый Кириллъ Александрійскій, нѣкоторые Іудеи вступили съ учениками Іоанновыми въ состязаніе касательно законныхъ очищеній, каково, напримѣръ, окропленіе водою, смѣшанною съ пепломъ рыжей телицы (о чемъ говорится въ XIX гл. кн. Числъ). Вода эта названа тамъ водою окропленія и водою очищенія. Іудеи усиливались доказывать, что очищенія, производимыя водою съ пепломъ жертвъ, имѣютъ болѣе силы, чѣмъ крещеніе Іоанново. Ученики Предтечи легко доказывали, что крещеніе ихъ учителя—выше очищеній закона Моусеева; но фарисеи, чтобы не дать ученикамъ Предтечи одержать верхъ въ состязаніи, прервали ихъ и стали превозносить крещеніе Іисусово и унижали предъ нимъ крещеніе Іоанново.

Златоустъ говоритъ, что состязаніе было касательно преимущества крещенія Іоаннова предъ крещеніемъ Христовымъ. Ученики Іоанновы хотѣли внушить тѣмъ, которые крещены были учениками Христовыми, что крещеніе Іоанново заключаетъ въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ крещеніе учениковъ Христовыхъ и, взявъ одного изъ крещенныхъ ими, усиливались убѣдить его въ томъ, но не убѣдили.

Одинъ изъ западныхъ толкователей Писанія такъ излагаетъ ходъ этого спора объ очищеніи. Іудеи, враждебные ко Христу и Крестителю, обратились къ ученикамъ Іоанновымъ какъ-бы съ слѣдующими словами: вотъ, у васъ теперь два крестителя: котораго же изъ нихъ крещеніе лучше? Ученики Іоанновы, не проникнувъ въ злостную цѣль вопроса Іудеевъ, стали на сторонѣ своего учителя. Не онъ ли первый, говорили они, открылъ намъ силу воды, и первый началъ крестить? И самому обряду крещенія онъ научень не людьми и не чрезъ ихъ посредство, а глаголомъ Божіимъ, бывшимъ къ нему въ пустынѣ; по Его повелѣнію онъ пришелъ и крестилъ вмѣстѣ съ другими и Того, къ Которому теперь идетъ почти весь міръ. Іудеи возразили: да самъ учитель вашъ не превозносилъ ли Его крещенія предъ своимъ, не говорилъ ли: я крещу васъ въ водѣ, а Тотъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ и огнемъ? Не объявлялъ ли вамъ учитель, что онъ недостоинъ даже развязать ремни Его сандалій? Ученики Іисусовы присоединили къ этому, что крещеніе ихъ Учителя засвидѣтельствовано многими чудесами, тогда какъ Іоаннъ не сотворилъ ни одного чуда, да и самъ открыто исповѣдалъ, что онъ—не Христосъ!

Не рѣшивши спора, ученики Іоанновы приходятъ къ нему съ тѣмъ, чтобы онъ самъ вывелъ ихъ изъ затрудненія и защитилъ достоинство своего крещенія. Впрочемъ, они не открываютъ прямо вопроса, который былъ предметомъ ихъ спора. Евангеліе не указываетъ и на то, съ какими чувствами обратились къ Іоанну ученики его. Можно бы предполагать, что они воодушевлены были и добрымъ настроеніемъ, такъ какъ ничего подозрительнаго не говорили они ни о Лицѣ Христовомъ, ни объ Его крещеніи. Между тѣмъ, по изъясненію толкователей Писанія (напримѣръ Златоуста), нельзя сомнѣваться въ томъ, что ихъ обращеніе ко святому Іоанну происходило подъ вліяніемъ духа зависти къ Іисусу Христу и Его ученикамъ: изъ словъ ихъ видно, что имъ хотѣлось побудить своего учителя—отказаться отъ своихъ свидѣтельствъ касательно Іисуса Христа. *Равви,* говорили они Іоанну, *Тотъ, Который былъ съ тобою при Іорданѣ, и о Которомъ ты свидѣтельствовалъ, вотъ, Онъ креститъ и всѣ идутъ къ Нему!* Съ этою цѣлью они предложили на разсмотрѣніе четыре пункта: 1) напомнили о недавнемъ, смиренномъ положеніи Іисуса Христа. *Тотъ, Который былъ съ тобою,* говорили они (не удостоивая назвать Іисуса по имени), и представлялся однимъ изъ учениковъ твоихъ; 2) напоминаютъ Іоанну о свидѣтельствѣ, какое давалъ онъ о Христѣ; 3) присовокупляютъ, будто Іисусъ присвоилъ Себѣ то служеніе, на которое, по ихъ мнѣнію, призванъ былъ только одинъ ихъ учитель, прозванный крестителемъ,—говоря: *вотъ, Онъ креститъ;* 4) указываютъ, какой ущербъ для Іоанна происходитъ отъ того: *идутъ къ Нему,*—то есть,—тѣ, которые обыкновенно шли къ тебѣ, не обращаютъ уже вниманія на твое лице и твое крещеніе, а толпятся вокругъ Того.

Замѣтимъ, съ какимъ чувствомъ ученики Іоанновы скрываютъ свое прямое намѣреніе для того, чтобы возбудить въ Предтечѣ сожалѣніе о томъ, что онъ свидѣтельствовалъ объ Іисусѣ. Къ двумъ первымъ словамъ своимъ: *Тотъ, Который былъ,* они присоединяютъ еще: *съ тобою при Іорданѣ.* Эти слова—не прямое обвиненіе. Смыслъ ихъ такой: Тотъ, Который былъ съ тобою при Іорданѣ, Который смирялся подъ твоею рукою, какъ низшій тебя, вотъ Онъ сталъ въ

Іудеѣ выше тебя и креститъ Самъ Своею властью. Ради Него всѣ теперь оставляютъ тебя, не дорожатъ случаемъ принять твое крещеніе, а идутъ къ Нему, чтобы получить Его, недавно еще установленное, крещеніе!

Нельзя не предположить, что вся эта рѣчь внушена была ученикамъ Іоанновымъ коварными фарисеями. Имъ хотѣлось возбудить открытое несогласіе между Крестителемъ и Іисусомъ, и чрезъ то имѣть благовидный предлогъ относиться къ нимъ съ обычнымъ своимъ презрѣніемъ. Они не могли принять того горькаго врачевства, какое открылъ Предтеча Христовъ Іудеямъ въ покаяніи и крещеніи, и потому-то, отвергнувши совѣтъ Божій о себѣ, не крестились отъ Іоанна. Въ своемъ ослѣпленіи они надѣялись, что въ грядущемъ славномъ Царствѣ Мессіи будетъ вполнѣ удовлетворена ихъ гордость и успокоено ихъ честолюбіе; но царство смиренія, покаянія и самоотверженія было далеко отъ ихъ мыслей! Они надѣялись завладѣть вселенной, обогатиться разореніемъ всѣхъ иныхъ народовъ: какъ же можно было имъ принять то ученіе, которое предписывало раздѣлять съ бѣдными даже ту одежду, какую они на себѣ носили, и насущную свою пищу?...

Хитрый и коварный вопросъ учениковъ Іоанновыхъ открылъ Предтечѣ случай дать новое, торжественное, полное глубокаго пророческаго прозрѣнія въ Царство Мессіи и послѣднее изъ упоминаемыхъ въ Евангеліи свидѣтельство о Христѣ. И хотя этотъ вопросъ дышалъ ревнивымъ чувствомъ зависти къ славѣ Іисуса и доказывалъ сомнѣніе въ Мессіанскомъ Его достоинствѣ, не смотря на ясныя о томъ свидѣтельства Предтечи, онъ, съ удивительнымъ спокойствіемъ, смиреніемъ и глубиною духа, не входя въ чувства своихъ учениковъ, раскрываетъ предъ ними все величіе лица Христова и Его служенія сравнительно съ собою и своимъ служеніемъ (святый великій пророкъ, Предтеча и Креститель Іоаннъ. Протоіерея Вишнякова, стр. 281—285).

Ст. 27. *Отвѣща Іоаннъ и рече: не можетъ человѣкъ пріимати ничесоже, аще не будетъ дано ему съ небесе.*

Ст. 28. *Вы сами мнѣ свидѣтельствуете, яко рѣхъ: нѣсмь азъ Христосъ, но яко посланъ есмь предъ Нимъ.*

Ст. 29. *Имѣяй невѣсту женихъ есть: а другъ женіховъ, стоя и послушая его, радостію радуется за гласъ женіховъ. Сія убо радость моя исполнися.*

Ст. 30. *Оному подобаетъ расти, мнѣ же малитися.*

Боговдохновенными словами отвѣчаетъ Іоаннъ на вопросъ и коварные намеки фарисеевъ. Во-первыхъ, онъ установляетъ (27) въ умахъ слушателей вѣчный законъ, что тамъ, гдѣ проявляется благодать, тамъ сила не человѣческая, а сила Господня, сила творческая. Вслѣдъ за симъ коварно поставленный вопросъ вызываетъ новое свидѣтельство со стороны Іоанна о Господѣ Іисусѣ, которое является и новымъ свидѣтельствомъ противъ Іудеевъ, отвергавшихся Господа и предавшихъ Его пропятію. Въ стихѣ 28 Іоаннъ прямо признаетъ всенародно Господа Іисуса за Христа, а себя называетъ посланнымъ предъ Нимъ (ср. I, 23 и Исаія XL, 3). Сравненіе себя съ другомъ жениха (29) есть продолженіе того же свидѣтельства о томъ, что Господь Іисусъ есть Христосъ. Называя себя (I, 23) «гласомъ вопіющимъ: уготовайте путь Господень», и уподобляя Господа жениху, Іоаннъ прямо указываетъ на пророческія выраженія Ветхаго Завѣта, въ которыхъ Іегова изображается женихомъ, а народъ обѣтованія невѣстой: «и обручу тебя Мнѣ на-

вѣкъ... и ты познаешь Господа», говоритъ пророкъ Осія.

Но уже не къ народу Іудейскому взывалъ въ этихъ словахъ пророка Осіи Господь, а къ той Церкви Божіей, которая создана Имъ на развалинахъ древней ветхозавѣтной церкви, разрушенной преступленіями жестоковыйнаго народа. Невѣстой Христовой содѣлалась Церковь христіанская. Іоаннъ Креститель произносилъ повелѣніемъ Духа Святаго свои слова, и въ нихъ было исполненіе того, о чемъ вѣщали пророки,—пришествіе на землю Іеговы во плоти человѣческой и обрученіе Церкви съ Божественнымъ Женихомъ, другомъ Котораго и вѣстникомъ именуетъ себя Іоаннъ. Но сіе дано было ему уразумѣть, что Господь явился на земли и потому «радость его исполнися»: онъ видитъ начало Царствія Божія на земли, хотя не можетъ еще сознавать всего величія тайны, раскрывающейся лишь послѣ воскресенія Господа нашего Іисуса Христа. Іоаннъ, движимый Духомъ Божіимъ, свидѣтельствуетъ о Господѣ Іисусѣ, что Онъ подлинно Христосъ, радостію радуется, видя «спасеніе Господне, которое Господь уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ народовъ; свѣтъ ко просвѣщенію язычниковъ и славу людей Господнихъ Израиля» (Лук. II, 30—32). Съ духовною высшею радостію вторично признавая и провозглашая Господа Іисуса Христомъ (ср. I, 26, 30), онъ возвѣщаетъ, что Ему, Господу Іисусу, подобаетъ расти, а ему, Іоанну, умаляться, ибо возложенная на него Богомъ миссія близится къ концу. Онъ радуется, какъ Симеонъ Богопріимецъ, чувствуя, что его отпускаетъ Владыка, и что ему готовится вѣнецъ правды, который Господь даетъ всѣмъ возлюбившимъ явленіе Его (Опытъ изученія Евангелія Іоанна. Г. Властова, т. I, стр. 168—170).

Можетъ быть спросятъ: для чего святый Іоаннъ въ настоящемъ случаѣ открыто объявляетъ себя другомъ Христовымъ — самымъ близкимъ, — тогда какъ при другихъ обстоятельствахъ онъ затруднялся причислить себя даже къ слугамъ Сына Божія и нерѣдко повторялъ, что онъ недостоинъ оказать Ему одну изъ самыхъ низкихъ услугъ—понести за Нимъ обувь или развязать ремни Его сандалій?

Въ настоящемъ случаѣ Предтеча Христовъ желалъ показать, что онъ не подобенъ рабамъ, которые, въ отношеніи къ своимъ господамъ, обнаруживаютъ болѣе ненависти, чѣмъ сердечнаго сочувствія. Друзья содѣйствуютъ счастію своихъ друзей, трудятся—доставить имъ это счастіе, радуются и блаженствуютъ. Святый Іоаннъ говорилъ нѣкогда, что онъ недостоинъ развязать ремни сандалій Сына Божія, потому что его самого принимали за Христа; онъ показывалъ тогда крайнее свое смиреніе потому, что ему предстояло искушеніе гордости. Теперь онъ возвѣщаетъ о себѣ, какъ о самомъ близкомъ другѣ Сына Божія потому, что хотѣли выставить его какъ-бы совмѣстникомъ Его; онъ выразилъ свою къ Нему любовь и нѣжность потому, что хотѣли возбудить въ немъ зависть и ненависть.

Заканчивая сравненіе себя съ другомъ Жениха, Предтеча сказалъ: *Ему должно расти, а мнѣ умаляться.* Другъ жениха въ началѣ отношеній между женихомъ и невѣстой былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ,—являлся на первомъ планѣ. Но чѣмъ болѣе начинали развиваться отношенія между женихомъ и невѣстой, тѣмъ болѣе умалялось его значеніе; съ бракосочетаніемъ женихъ вступалъ въ права мужа, и—дѣло друга женихова оканчивалось.

Такъ и въ отношеніяхъ Іоанна ко Христу: онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ приготовленіи народа Іудейскаго къ принятію Христа; онъ перстомъ указалъ народу пришедшаго Мессію. Христосъ вступилъ въ права мужа: дѣло друга женихова окончено. Христу долженствовало возрастать, а Іоанну умаляться. Безъ сомнѣнія, святый Іоаннъ не умалялся ни въ сообщенныхъ ему дарахъ благодати, ни въ своихъ добродѣтеляхъ, но постоянно возрасталъ въ нихъ. Христосъ, съ Своей стороны, не могъ возрастать Самъ въ Себѣ благодатію и добродѣтелями. Ему предстояло возрастать предъ очами людей чрезъ Свое ученіе и чудеса, чрезъ благоговѣніе, которое день ото дня болѣе и болѣе проявлялось въ сердцахъ Іудеевъ, спѣшившихъ и слушать Его, и принимать Его крещеніе.

Какъ же умалялся святый Іоаннъ Креститель? Кириллъ Александрійскій отвѣчаетъ: Предтеча не уменьшался ни самъ въ себѣ, ни во мнѣніи людей, но только въ сравненіи со Христомъ. Мы говоримъ, что утренняя звѣзда, самая яркая изъ всѣхъ звѣздъ, уменьшается въ своемъ блескѣ по мѣрѣ того, какъ приближается солнце; между тѣмъ эта звѣзда по своему блеску сама по себѣ остается одинаковою, но только теряется изъ виду, когда заблеститъ царь звѣздъ. Іоаннъ Креститель, говоритъ святый Амвросій, названъ свѣтильникомъ. Свѣтильникъ блѣднѣетъ, когда начинаетъ блестѣть солнце; даже кажется онъ потухшимъ, когда ставятъ его предъ болѣе яркимъ свѣтомъ. Такъ и Предтеча казался уменьшающимся въ сравненіи со Христомъ. Предтеча умалялся и во мнѣніи людскомъ, говоритъ Григорій Великій, потому что, принимаемый нѣкогда за Христа, по причинѣ своей уединенной, необыкновенно воздержной, и вообще равноангельской жизни, онъ окончилъ свое земное поприще тѣмъ, что стали почитать его только за пророка. Напротивъ, Іисусъ, проводившій жизнь обыкновенную, обращавшійся и раздѣлявшій трапезу съ мытарями и грѣшниками, сначала почитался только пророкомъ, но потомъ признанъ былъ за Христа.

Возрастаніе Іисуса Христа въ сравненіи Его съ Предтечею обнаружилось даже въ дни Его рожденія и смерти, чрезъ родъ и мѣсто Его страданій. Іисусъ увидѣлъ свѣтъ тогда, когда дни начинаютъ увеличиваться, и умеръ не въ день нечестиваго празднованія рожденія Ирода или Пилата, но въ торжественные дни Пасхи. Смерть Іисуса произошла не въ исполненіе просьбы плясавицы, но по пророческому возвѣщенію первосвященника Іудейскаго, по неоднократному требованію и грознымъ кликамъ всей Іудейской синагоги. Не въ темницѣ мрачной умеръ Іисусъ; но среди яснаго дня, подъ открытымъ небомъ, предъ лицемъ всего міра, недалеко отъ Іерусалимскихъ воротъ. Онъ не былъ обезглавленъ и не сократился на цѣлую главу, но былъ вознесенъ и распростертъ на крестообразномъ древѣ, четыре конца котораго показали, что Онъ привлечетъ къ Себѣ всю вселенную.

По словамъ святаго Амвросія Медіоланскаго, Іоаннъ Креститель былъ образомъ закона и пророковъ, которые долженствовали умалиться чрезъ свое уничтоженіе. Христосъ изображалъ новый законъ и Евангеліе, которое долженствуетъ возрастать до скончанія вѣка; предопредѣлено было, чтобы законъ престалъ, чтобы Іудейская нація исчезла по мѣрѣ того, какъ Евангеліе станетъ распространять свой свѣтъ, а народъ христіанскій развиваться (святый великій пророкъ, Предтеча и Креститель Іоаннъ. Прот. Вишнякова, стр. 290—294).

Ст. 31. *Грядый свыше надъ всѣми есть. Сый отъ земли, отъ земли есть и отъ земли глаголетъ: Грядый съ небесе надъ всѣми есть.*

Сей стихъ указываетъ на важное различіе пророчествъ отъ того откровенія, когда «Богъ глаголалъ намъ въ Сынѣ (Евр. I, 1—2)». Слово (говоритъ святый Аѳанасій Великій въ посланіи къ Епиктету, т. III, стр. 341) сходило на пророковъ, рожденныхъ отъ мужа и жены, но Сей Человѣкъ отъ Дѣвы и пришелъ единожды при концѣ вѣковъ и воскресъ и именуется «съ нами Богъ». Всѣ пророки родились: Богочеловѣкъ же: «Слово плоть бысть». Пророки говорили по повелѣнію Духа Божія и произносили слова, вложенныя во уста ихъ Духомъ Божіимъ, но оставались человѣками и по свидѣтельству Священнаго Писанія не могли обнять всей глубины вѣщаемыхъ ихъ устами Духомъ Божіимъ словъ. И Іоаннъ Креститель могъ только крестить «крещеніемъ покаянія, людямъ глаголя, да во грядущаго по немъ вѣруютъ, сирѣчь во Христа Іисуса». Онъ только приготовлялъ людей къ воспріятію высшей тайны и «глаголалъ отъ земли», ибо небесные глаголы принадлежали Тому, Который «пришелъ съ небесе и надъ всѣми есть». Сему подобало крестить Духомъ Святымъ.

Ст. 32. *И иже видѣ и слыша, сіе свидѣтельствуетъ и свидѣтельства его никтоже пріемлетъ.*

Сіе глаголетъ Креститель о Томъ, Который сшелъ съ небеси. Онъ «свидѣтельствуетъ о истинѣ», ибо Онъ Самъ сказалъ: «Азъ на сіе родихся и на сіе пріидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину». Сшедый съ небеси говоритъ не о земныхъ человѣческихъ мысляхъ, а вноситъ въ міръ новыя, высшія, неизвѣстныя человѣку истины: «и всякъ иже есть отъ истины послушаетъ гласа Моего», сказалъ Господь. Посему съ горестью восклицаетъ Креститель, что грѣшные и неразумные люди не пріемлютъ этого свидѣтельства съ неба, не понимая, какого драгоцѣннаго дара они отвергаются.

Ст. 33. *Пріемый его свидѣтельство вѣрова, яко Богъ истиненъ есть.*

Ст. 34. *Егоже бо посла Богъ, глаголы Божія глаголетъ: не въ мѣру бо Богъ даетъ Духа.*

Ст. 35. *Отецъ бо любитъ Сына и вся даде въ руцѣ Его.*

Ст. 36. *Вѣруяй въ Сына имать животъ вѣчный: а иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ.*

«Пріемый его свидѣтельство», т. е. свидѣтельство Сына Божія, «*вѣрова*, яко Богъ истиненъ есть». По поводу слова *вѣрова* мы должны сказать, что Славянскій переводъ въ примѣчаніи допускаетъ замѣну этого слова словомъ *утверди;* а Русскій переводъ ближе къ Греческому оригиналу передаетъ это слово словомъ *запечатлѣлъ*. Въ Греческомъ стоитъ слово ἐσφράγισεν, переведенное по-Латыни obsignavit, имѣющее значеніе запечатлѣть, въ переносномъ смыслѣ—дать свое торжественное согласіе. Но замѣтимъ, что значеніе нашего Славянскаго перевода нисколько не умаляется словомъ *вѣрова* или *утверди*. Тотъ, кто пріемлетъ свидѣтельство Господа Іисуса, симъ утверждаетъ или запечатлѣваетъ, что онъ вѣруетъ, что во Христѣ Іисусѣ исполненіе всѣхъ обѣщаній Божіихъ и всѣхъ надеждъ безсмертной души человѣческой. Вѣрующій же сему вѣруетъ, «яко Богъ истиненъ есть», ибо въ Богочеловѣкѣ проявился истинно Богъ, Который въ Ветхомъ Завѣтѣ обѣщалъ людямъ спасеніе. Глаголы же Богочеловѣка поистинѣ суть слова Божіи: «Егоже бо посла Богъ, глаголы Божія гла-

голетъ». Сіи глаголы Самого Бога Слова суть полнота мудрости и любви, явленныя людямъ. И Моисей, и пророки воспринимали отъ Духа Божія по мѣрѣ того, что̀ они могли нести и что̀ народъ могъ воспріять. Но одинъ Господь Іисусъ Христосъ явилъ полноту Духа Божія. Потому-то съ Его пришествіемъ «не въ мѣру Богъ даетъ Духа», а обильно «безъ мѣры» изливается Духъ на всѣхъ вѣрующихъ во имя Господа. Дары Господни обильны, но дѣйствуетъ Духъ Святый въ людяхъ по мѣрѣ нравственныхъ силъ ихъ и доброй воли и способности воспріять дары Святаго Духа. Но да помнитъ всякій, «яко никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ», или яснѣе по-Русски: никто не можетъ назвать Іисуса Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ, ибо, какъ говоритъ святый Григорій Богословъ, «и самое хотѣніе добра требуетъ отъ Бога помощи», тѣмъ же паче можетъ человѣкъ усвоить себѣ путь спасенія не иначе, какъ при помощи Духа Божія, и исповѣданіе имъ Іисуса Христомъ и Господомъ есть уже актъ отданія Себя всецѣло Богу и Его милосердію.

«Вся даде въ руцѣ Сына Отецъ»: и судъ (Іоан. V, 22), и жизнь вѣчную (Іоан. X, 28—29), и власть надъ всякою плотію (Іоан. XVII, 2), и всѣхъ вѣрующихъ, грядущихъ къ Господу (Іоан. VI, 37), и всякую власть на небѣ и на землѣ (Матѳ. XXVIII, 18),— «Отецъ бо любитъ Сына».

Въ отношеніяхъ Отца и Сына надо помнить единосущность Ихъ, какъ Единаго Бога, и раздѣльность Ихъ въ отношеніи Бога къ Богочеловѣку. Богъ, благоволивый сдѣлаться совершеннымъ человѣкомъ, сливаетъ въ Себѣ Божество и полное человѣчество, и какъ таковый, представляетъ Собою предъ Богомъ весь человѣческій міръ, на который изливается любовь Божія. Только отрицающійся Господа Іисуса не участвуетъ въ сей великой любви Божіей, по собственной злой волѣ. Въ Господѣ Іисусѣ возлюбилъ насъ Богъ, «отдавъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную» (Іоан. III, 16). Сему Господу Іисусу «покори Богъ вся подъ нозѣ Его.... да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ (1 Коринѳ. XV, 27—28). Въ Господѣ Іисусѣ все наше спасеніе; вдали отъ Него мы не участники въ любви Божіей; только съ Нимъ и у ногъ Его мы соучастники этой любви. «Только вѣрующій въ Сына имѣетъ жизнь вѣчную». Не сказано: будетъ имѣть, а сказано *имѣетъ:* онъ уже началъ жизнь вѣчную; онъ имѣетъ впереди себя радостное будущее; всѣ надежды его въ вѣчности, а земныя случайности и скорби, если и трогаютъ его какъ человѣка, въ земной оболочкѣ находящагося, не могутъ лишить его внутренняго спокойствія и счастія, ибо онъ знаетъ, что все это преходящія, кратковременныя страданія, за которыми вѣчная жизнь. Гностикомъ въ хорошемъ смыслѣ этого слова, т. е. *вѣдущимъ* называетъ святый Климентъ Александрійскій христіанина, устремляющаго свои помыслы въ свѣтлое будущее.

«Не вѣруяй» не можетъ узрѣть жизни и свѣта, ибо волею своею пребываетъ во мракѣ. Безсмертіе, дарованное душѣ его, если «гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ», называется уже не жизнь, а смерть вѣчная. «И сія есть смерть вторая» (Откр. XXI, 8). (Опытъ изученія Евангелиста Іоанна. Г. Властова, т. I, стр. 170).

Заключеніе Іоанна въ темницу.

(Проф. К. Скворцова.)

Вскорѣ послѣ этого Іоаннъ былъ схваченъ и заключенъ въ темницу,— за то, что обличилъ безстыдное поведеніе Ирода Антипы, отнявшаго жену у своего брата Филиппа, Иродіаду.

Извѣстно, что Иродъ Антипа, по приказанію отца своего Ирода Великаго, вступилъ въ бракъ не съ племянницею, какъ того требовалъ обычай его дома, а съ чужеземкой, именно дочерью Ареты, владѣтеля каменистой Аравіи, съ которымъ отецъ его очень часто воевалъ.

Хотя эта Аравитянка попала въ руки такого человѣка, который не былъ по сердцу ея; но образцовою вѣрностью и снисходительностью она умѣла въ продолженіи многихъ лѣтъ обуздывать нравы своего жестокаго и сладострастнаго супруга. Но наконецъ ея цѣломудренная душа была потрясена въ самомъ основаніи.

Во время одной изъ поѣздокъ въ Римъ, Иродъ Антипа, остановившись въ домѣ брата своего Филиппа, завязалъ любовныя связи съ его женой— Иродіадой, — женщиной прекрасной по наружности, но изнѣженной и страшно недовольной своимъ положеніемъ.

Происходя изъ дома Маккавеевъ, она была еще ребенкомъ отдана въ супруги дядѣ своему Филиппу, который былъ почти втрое старше ея и стоялъ гораздо ниже и по способностямъ, и по образованію. Пока Иродъ Великій былъ живъ, она могла утѣшать себя по крайней мѣрѣ тою мыслью, что сдѣлается нѣкогда владѣтельной особой. Но когда этотъ престарѣлый отецъ ея мужа умеръ, и изъ завѣщанія его было узнано, что онъ не оставилъ Филиппу не только царства, но даже отдѣльнаго куска земли; тогда со всею силою заговорили въ Иродіадѣ чувства оскорбленнаго самолюбія.—И вотъ она, наконецъ, рѣшается обратить свою любовь къ другому дядѣ, который не очень дорожилъ своей законной супругой, а между тѣмъ былъ уже наполовину царемъ. Не побоялась она въ этомъ случаѣ ни того публичнаго скандала, который могъ произойти отъ этой незаконной любви, ни той мести, съ которой могла выйти противъ него оскорбленная Аравитянка. «Когда перейду въ золотой дворецъ и сдѣлаюсь царицей, думала она, тогда заставлю умолкнуть всѣхъ и все». И она перешла, взявъ съ собою единственную дочь Саломію.

Великодушіе Аравитянки помогло ей насладиться преступными связями съ Антипой: во время поѣздки послѣдняго въ Римъ, она, по желанію Иродіады, удалилась изъ жилища своего невѣрнаго супруга и навсегда уѣхала въ Аравію. Но достиженіе развода съ законной женой было для Иродіады не легко; потому что, будучи женой брата Антипы, она находилась съ Антипой въ кровномъ родствѣ, а бракъ въ такомъ родствѣ былъ строго воспрещенъ закономъ.

Отецъ Аравитянки, Арета, въ отмщеніе за обиду, нанесенную его дочери, немедленно объявилъ войну Антипѣ и началъ опустошать города Переи. Эта война до такой степени возгорѣлась, что самъ Антипа, въ сопровожденіи всѣхъ своихъ придворныхъ, долженъ былъ отправиться въ крѣпость Махеру для принятія начальствованія надъ войсками и воодушевленія ихъ. Во время этого путешествія онъ узналъ, что въ пустынѣ Іорданской явился пророкъ, привлекающій къ себѣ множество народа. Это извѣстіе ему было очень пріятно. Онъ немедленно послалъ за

Іоанномъ, разсчитывая ослѣпить убогаго проповѣдника своею пышностью и пріобрѣсть себѣ его заступничество въ народѣ. Но вмѣсто ласковаго привѣта тетрарху, сидѣвшему рядомъ съ Иродіадой и окруженному военачальниками, смиренный отшельникъ высказалъ въ высшей степени непріятныя для него слова: «не подобаетъ тебѣ имѣть жену брата своего». Эти грозныя слова пророка были подобны тѣмъ, какія обращалъ Наѳанъ къ Давиду, Илія къ Ахаву; но вмѣсто того, чтобы образумить преступную Иродіаду, онѣ довели ее до безумія.

Преданіе говоритъ, что Иродъ Антипа, желая успокоить народъ, очень дурно смотрѣвшій на связь его съ Иродіадой, старался прикрыть незаконность и гнусность своего поступка той выдумкой, что будто бы Филиппъ, по убѣжденію Іоанна, далъ разводную Иродіадѣ. Чувствуя себя такимъ образомъ неправымъ по отношенію къ Іоанну, онъ—можетъ быть—и не разразился бы противъ него страшнымъ гнѣвомъ; но Иродіада не жалѣла притворныхъ словъ и вынудила у мужа приказаніе заключить Іоанна въ темницу.

Историкъ Іосифъ говоритъ, что Іоаннъ былъ заключенъ въ крѣпость Махеру.— Эта крѣпость находилась въ 15 миляхъ отъ Іерусалима, къ востоку отъ Мертваго моря, близъ того источника, въ которомъ Иродъ Великій тщетно искалъ спасенія отъ своей ужасной болѣзни. Основаніе крѣпости относятъ еще ко временамъ Маккавеевъ. Потомъ (за 62 года до Рождества Христова) она была разрушена Римлянами; и наконецъ опять возобновлена Иродомъ Великимъ, и притомъ такъ великолѣпно, что въ ней былъ и огромный арсеналъ, и обширное помѣщеніе для людей разнаго званія и состоянія (Жизнь Іисуса Христа по Евангеліямъ и преданіямъ, стр. 189—191).

Бесѣда Іисуса Христа съ Самарянкою (Іоан. IV, 1—42).

Егда убо разумѣ Іисусъ, яко услышаша фарисеи, яко Іисусъ множайшыя ученики творитъ и крещаетъ, нежеже Іоаннъ (Іисусъ же Самъ не крещаше, но ученицы Его): остави Іудею и иде паки въ Галилею (1—3).

Вслѣдствіе извѣстія о томъ, что до фарисеевъ дошелъ слухъ объ усилившейся дѣятельности Іисуса Христа и о возрастающемъ числѣ Его послѣдователей, Іисусъ оставляетъ Іудею и идетъ въ Галилею, чтобы уклониться отъ преслѣдованій Своихъ завистливыхъ враговъ. Іоаннъ Креститель въ это время былъ уже ввергенъ въ темницу (Матѳ. IV, 12. Марк. I, 14); поэтому вражда фарисеевъ теперь устремилась исключительно на Іисуса, вся дѣятельность Котораго была прямо противоположна своекорыстнымъ ихъ цѣлямъ. Іисусъ Христосъ казался имъ опаснѣе самого Іоанна, съ одной стороны потому, что Іоаннъ свидѣтельствовалъ о Немъ, какъ о Мессіи, а съ другой — потому, что Онъ рѣзко выступалъ противъ фарисейскихъ обычаевъ и постановленій.— *Яко Іисусъ множайшыя ученики творитъ* и проч. буквальная передача извѣстія, дошедшаго до фарисеевъ. Поправляя приведенное извѣстіе, Евангелистъ присовокупляетъ: «хотя Самъ Іисусъ не крестилъ, а ученики Его». Кромѣ того, замѣчаніе это имѣетъ цѣлью уяснить другое неопредѣленное выраженіе самого Евангелиста, сказавшаго, что Іисусъ *крещаше* (III, 22). Это крещеніе, которое совершали ученики, не было еще христіанскимъ крещеніемъ, крещеніемъ во Святомъ Духѣ, потому что Святый Духъ сошелъ въ міръ только

послѣ того уже, какъ грѣхи міра очищены были искупительною смертію Христовою; но это было приготовительное крещеніе Іоанново, крещеніе покаянія. Вопросъ о томъ, почему не крестилъ Самъ Іисусъ, легко разрѣшается тѣмъ, что для Него, пришедшаго крестить *Святымъ Духомъ*, не прилично было совершать крещеніе покаянія водою, крещеніе, которое имѣло цѣлью и назначеніемъ приготовленіе къ принятію Его Самого.

Подобаше же Ему пройти сквозѣ Самарію (4). Кратчайшій путь изъ Іудеи въ Галилею проходилъ чрезъ Самарію; обыкновенная дорога Галилеянъ, путешествовавшихъ въ Іерусалимъ, также лежала чрезъ Самарію. Только самые строгіе Іудеи избѣгали ненавистной имъ Самаріи (9) и дѣлали окольный путь чрезъ Перею.— *Пріиде убо во градъ Самарійскій, глаголемый Сихарь, близъ веси (поля), юже даде Іаковъ Іосифу, сыну своему* (5). Названіе города Сихарь встрѣчается только въ этомъ мѣстѣ Священнаго Писанія; но, безъ сомнѣнія, это тотъ городъ, который въ Ветхомъ Завѣтѣ называется Сихемомъ (ср. Быт. XXXIII, 18. Іисус. Нав. XX, 7. Суд. IX, 7 и др. м.), впослѣдствіи, въ честь императора Веспасіана, носившій имя Flavia Neapolis, а теперь называемый Наблусъ. Онъ лежитъ въ прекрасной долинѣ между горами Гаризимомъ и Геваломъ, на разстояніи 18 часовъ отъ Іерусалима и 16 отъ Назарета. Фактъ, на который указывается въ словахъ: *юже даде Іаковъ Іосифу, сыну своему*, основывается на словахъ Быт. XLVIII, 22, по переводу LXX. По Еврейскому подлиннику въ этомъ мѣстѣ Іаковъ говоритъ Іосифу: «*И я даю тебѣ одинъ участокъ* (по-Евр. секемъ ахарь) *преимущественно предъ братьями твоими*». LXX перевели это: *азъ же даю ти Сикиму избранную свыше братіи твоея*, какъ перевелъ буквально съ Греческаго и нашъ Славянскій переводчикъ. Греческіе переводчики перевели такъ на томъ основаніи, что, по преданію, этотъ участокъ, о которомъ говорилъ Іаковъ, былъ подлѣ Сихема, и на словахъ книги Іисуса Нав. XXIV, 32, гдѣ повѣствуется, что кости Іосифа погребены подлѣ Сихема, на томъ полѣ, которое купилъ Іаковъ, и что сыновья Іосифа получили эту землю въ свое владѣніе.

На этомъ полѣ, на югъ отъ Сихема, около получаса пути, находился *источникъ* (πηγή), выкопанный, по преданію, патріархомъ Іаковомъ. Этотъ источникъ существуетъ еще и теперь (подъ именемъ Биръ-Якубъ), хотя и не имѣетъ воды, и пользуется большимъ уваженіемъ мѣстныхъ жителей. Было около полудня *(бѣ же часъ яко шестый)*, какъ Іисусъ, утрудившись отъ путешествія, пришелъ сюда, и въ такомъ состояніи усталости (*тако*) сѣлъ вблизи источника. Точнымъ опредѣленіемъ времени Евангелистъ хочетъ указать основаніе, почему Іисусъ усталъ и жаждалъ; женщина пришла брать воды, а ученики пошли купить пищи.

Послѣ предварительнаго введенія, въ которомъ читатель знакомится съ внѣшнимъ поводомъ и обстоятельствами, слѣдуетъ самая бесѣда: *пріиде жена отъ Самаріи почерпати воду*. «Самарія» означаетъ не *городъ* Самарію, который находился отъ этого мѣста часа на два и назывался не Самаріей, а Севастіей, но вообще—область Самарію. Слѣдовательно выраженіе: *отъ Самаріи* нужно соединить не со словомъ *пріиде*, но со словомъ *жена*; поэтому «жена отъ Самаріи» будетъ значить то же, что и «Самарянка».—«*Глаголя ей Іисусъ: даждь Ми пити.*» Послѣдними словами Господь самымъ простымъ и естественнымъ образомъ вызвалъ женщину на бесѣду.

Замѣчаніе Евангелиста въ слѣдующемъ стихѣ (8): *ученицы бо Его отшли бяху во градъ, да брашно купятъ*, объясняетъ, почему Іисусъ обратился къ женщинѣ со Своею просьбою: ученики ушли и унесли съ собою, вѣроятно, путевыя принадлежности, въ числѣ которыхъ находилось и «почерпало» (11).

Удивляясь просьбѣ чужеземца, въ Которомъ она, или по Его языку, или по одеждѣ, узнала Іудея, Самарянка спрашиваетъ: *какъ Ты Жидовинъ сый отъ мене пити просиши жены Самаряныни сущей?* Въ объясненіе этого вопроса Самарянки Евангелистъ, имѣя въ виду читателей христіанъ изъ язычниковъ, присовокупляетъ: *не прикасаютбося Жидове Самаряномъ.*

Самаряне произошли отъ смѣшенія пяти народностей, переселенныхъ съ востока Ассархадокомъ для разселенія Самарійскаго царства, жителей котораго Салманасаръ переселилъ на востокъ (4 Царствъ XVII, 24). Они вмѣстѣ съ національными своими божествами чествовали Іегову и составляли тогда Іудейскую секту. Исключенные Іудеями отъ участія въ Іерусалимскомъ богослуженіи они построили себѣ на горѣ Гаризимѣ храмъ; изъ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ принимали только Пятокнижіе. Іудеи презирали ихъ больше, чѣмъ самыхъ язычниковъ, не принимали изъ Самарянъ прозелитовъ. Существовало раввинское постановленіе: никто не долженъ водить дружбы съ Самаряниномъ, вступать въ общеніе хлѣба и соли (т. е. ѣсть вмѣстѣ) и даже не принимать безденежно части воды, потому что на Самарянахъ тяготѣло великое проклятіе. Іисусъ, сынъ Сираха, говоритъ: «двумя народами гнушается душа моя, а третій не есть народъ: это сидящій на горѣ Самарійской, Филистимляне, и глупый народъ, живущій въ Сихемѣ» (L, 25).

Господь не отвѣчаетъ прямо на вопросъ Самарянки; Онъ старается возбудить въ ней чувство о Своемъ высокомъ значеніи, объясняя ей встрѣчу ея съ Собою, какъ особое милостивое дѣйствіе промысла Божія, и указывая образно на небесные дары, которые Онъ можетъ дать ей: *аще бо вѣдала еси даръ Божій, и Кто есть глаголяй ти: даждь Ми пити, ты бы просила у Него* (именно дать тебѣ пить), и *далъ бы ти воду живу* (10).—«Даръ Божій», какъ видно изъ дополнительнаго прибавленія къ этому выраженію: *и Кто есть глаголяй ти*, означаетъ дарованный Богомъ случай бесѣдовать съ Іисусомъ Христомъ.—Выраженіе: *живая вода* имѣетъ двоякій смыслъ: оно означаетъ, во-первыхъ, «*свѣжую текущую воду*» въ противоположность стоячей водѣ—въ цистернахъ, и въ этомъ смыслѣ Самарянка понимаетъ слова эти. Но оно можетъ быть понимаемо, во-вторыхъ, и въ смыслѣ духовномъ и означать «живую воду, подающую жизнь»; въ послѣднемъ смыслѣ понимаетъ эти слова и Спаситель (сравн. Іерем. II, 13, 17—18, гдѣ Іегова называется «источникомъ живой воды)». Іисусъ Христосъ подъ этими словами первѣе всего разумѣетъ Свое *ученіе*, сообщеніе Божественной истины, которая утоляетъ человѣческую жажду истины и освѣжаетъ душу точно такъ же, какъ свѣжая ключевая вода утоляетъ физическую жажду и освѣжаетъ тѣло. Но такъ какъ нельзя отдѣлять Его отъ Его ученія, такъ какъ Онъ—вѣчная истина Божія—составляетъ содержаніе Своего ученія, такъ что, кто съ вѣрою принимаетъ Его *ученіе*, тотъ принимаетъ въ себя и Его Самого, то можно сказать, что подъ живою водой Онъ разумѣетъ потомъ и *Самого Себя*, со всею Своей полнотою истины и благодати. Такъ объясняютъ это выраженіе восточные отцы Церкви

(ср. Сирах. XV, 3. XXIV, 21, гдѣ Божественная *премудрость* сравнивается съ *водою* и съ *источникомъ*).

Любопытство Самарянки возбуждено въ высшей степени; слово Спасителя: *аще бы вѣдала... Кто есть глаголяй ти* возбудили въ ней уваженіе къ Нему; поэтому она называетъ теперь Іисуса *Господомъ*. Но это уваженіе у легкомысленной женщины было только мгновенное и поверхностное; дерзко и колко спрашиваетъ она, не безъ примѣси ироніи и съ истинно женскою словоохотливостью: *Господи, ни почерпала имаши, и студенецъ есть глубокъ: откуду убо имаши воду «живу»? Еда Ты болій еси отца нашего Іакова, иже даде намъ студенецъ сей, и той изъ него питъ, и сынове его, и скоти его?* — «Почерпало» — сосудъ съ прикрѣпленной бечевкой для доставанія воды, составлявшій необходимую принадлежность путешественниковъ. По свидѣтельству древнихъ путешественниковъ, колодезь Іакова имѣлъ 105 футовъ глубины и до 15 футовъ былъ наполненъ водою. По новѣйшимъ измѣреніямъ, онъ имѣетъ 75 футовъ глубины и стоитъ безъ воды. Самаряне считали себя потомками *Іосифа;* поэтому выраженіе: *отца нашего Іакова.* Іисусъ снова не отвѣчаетъ на оба вопроса Самарянки прямо: *откуду имаши* и *еда Ты болій еси*, но указываетъ ей свойство той воды, которую Онъ даетъ, въ противоположность естественной водѣ. Если бы она это поняла, то вопросы ея рѣшились бы сами собою. Естественная вода утоляетъ *физическую* жажду только на *нѣкоторое время*: *всякъ піяй отъ воды сея, вжаждется паки.* Напротивъ, вода, которую Господь даетъ и которая есть Онъ Самъ съ полнотою Своей благодати и истины, удовлетворяетъ человѣка и утоляетъ его жажду навсегда: *иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки.* Здѣсь невольно приходитъ на мысль одно мѣсто у пророка Исаіи (LV, 1), гдѣ говорится о благахъ Царства Мессіи: *жаждущіи идите на воду* и т. п. Это, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду и Господь, на него Онъ и ссылается въ другомъ мѣстѣ (Іоан. VII, 37). Но не одно только это свойство имѣетъ вода, которую подаетъ Господь: *но вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды, текущей въ животъ вѣчный.* Господь этими словами какъ-бы такъ говоритъ: «когда человѣкъ пьетъ эту духовную воду, которую Я даю ему, то здѣсь она будетъ въ немъ такимъ самобытнымъ родникомъ, который будетъ достигать отъ сего міра въ другой». Или безъ метафоръ: если человѣкъ съ вѣрою принимаетъ въ себя Христа съ полнотою Его благодати и истины, то Христосъ будетъ въ немъ истиннымъ началомъ жизни; *человѣкъ* уже тогда не живетъ, а живетъ въ немъ *Христосъ* (Галатамъ II, 20). Всѣ добрыя дѣла, которыя онъ тогда творитъ, происходятъ отъ этого начала, какъ рѣка изъ своего источника, и эти дѣла приводятъ его къ вѣчной жизни.—Самарянка все еще не понимаетъ того, что̀ Господь говоритъ, и относя слова Его къ естественной водѣ, говоритъ: *Господи, даждь ми сію воду, да ни жажду, ни прихожу сѣмо почерпати.* Тяжело было для нея носить воду, такъ какъ колодезь далеко отстоялъ отъ города; поэтому она и желаетъ освободиться отъ своей тяжести. Она проситъ живой воды, хотя еще и не понимаетъ ее. Это первый шагъ, котораго желалъ отъ нея Іисусъ Христосъ. Поэтому Онъ неожиданно для нея даетъ совершенно другое направленіе бесѣдѣ. Онъ требуетъ отъ Самарянки: *иди, приласи мужа твоего и пріиди сюда!* Съ этимъ, повидимому, не имѣвшимъ никакого

значенія, требованіемъ Господь обратился съ одной стороны для того, чтобы убѣдить ее въ Своемъ великомъ достоинствѣ, а съ другой для того, чтобы пробудить ея совѣсть. Если она хочетъ пользоваться этою водою, которую Іисусъ обѣщаетъ, то она должна напередъ отказаться отъ своего нечистаго поведенія.

Съ обыкновенною женскою хитростью Самарянка отвѣчаетъ: *не имамъ мужа*, думая этимъ наполовину справедливымъ, наполовину ложнымъ отвѣтомъ уклониться отъ непріятнаго для нея требованія. Но Іисусъ даетъ ей замѣтить, что хорошо знаетъ, какъ нужно понимать ея двусмысленный отвѣтъ: *добрѣ рекла еси, яко мужа не имамъ: пять бо мужей имѣла еси, и нынѣ егоже имаши, нѣсть ти мужъ. Се воистинну рекла еси.* Іисусъ слова Самарянки: *не имамъ мужа*, перемѣняетъ въ слова: *мужа не имамъ*, потому что мысль сосредоточивается на словѣ *мужа*. Нельзя съ точностью опредѣлить, что̀ нужно разумѣть подъ словами *пять мужей*, дѣйствительныхъ ли законныхъ мужей Самарянки, которыхъ она преемственно имѣла и съ которыми она разставалась вслѣдствіе смерти ихъ или развода съ ними, или же только незаконныхъ и сожителей. Понятно только, что она теперь жила въ прелюбодѣяніи.

На основаніи такого точнаго знанія домашнихъ ея обстоятельствъ и отношеній, Самарянка заключаетъ, что Іисусъ есть *пророкъ: Господи, вижу, яко пророкъ еси Ты*. Потому что знаніе сокровеннаго входило въ понятіе ветхозавѣтнаго пророка (ср. I Царств. IX, 9). Поэтому она тотчасъ предлагаетъ ему для рѣшенія спорный спеціально-религіозный вопросъ: *отцы наши въ горѣ сей поклонишася: и вы глаголете, яко во Іерусалимѣхъ есть мѣсто, идѣже кланятися подобаетъ* (20). Для уясненія предложеннаго Самарянкою вопроса, нужно бы его еще дополнить словами: «кто правъ»?

Дѣйствительно ли этотъ спорный вопросъ интересовалъ Самарянку, или же она хотѣла только этимъ отклонить разговоръ касательно безнравственной своей жизни, нельзя съ точностью опредѣлить, но вѣроятнѣе первое.

Подъ словами *отцы наши* нужно разумѣть не Авраама, Исаака и Іакова, какъ думаютъ нѣкоторые на основаніи преданія, подкрѣпляемаго замѣчаніями кн. Быт. XII, 6 и д. XIII, 4; XXXII, 20, но древнихъ *Самарянъ*, построившихъ во времена Нееміи храмъ на горѣ Гаризимѣ. *Въ горѣ сей* указываетъ на гору Гаризимъ, у подошвы которой лежалъ Сихемъ. Къ словамъ: «*отцы... поклонишася*» нужно было бы еще присоединить: «что̀ и мы дѣлаемъ, слѣдуя имъ». Слово *поклонишася* (προσεκύνησαν) въ вопросѣ Самарянки, равно какъ и въ нижеслѣдующемъ отвѣтѣ Господа, нужно понимать въ смыслѣ *богослуженія* вообще, преимущественно же въ смыслѣ *жертвоприношеній*, такъ какъ въ нихъ собственно состояло ветхозавѣтное богослуженіе. Храмъ на горѣ Гаризимѣ давно уже былъ разрушенъ Іоанномъ Гирканомъ (въ 130 г. до Рождества Христова), однако Самаряне продолжали приносить тамъ жертвы, основываясь на Второзак. XXVII, 4, гдѣ Іегова повелѣваетъ написать на камняхъ слова закона и поставить изъ нихъ жертвенникъ на горѣ *Гевалъ*. Самаряне же въ своемъ текстѣ читали вмѣсто Гевалъ-Гаризимъ. Еще и теперь Самаряне эту гору, которую и Моусей указалъ, какъ гору благословенія (Второзак. XI, 29; XXVII, 12 и др.), считаютъ священною и во время молитвы обращаются къ ней лицемъ.

Іисусъ Христосъ отвѣчаетъ на спорный вопросъ, стараясь *сначала* поста-

вить мысль ея на высшую точку зрѣнія: *вѣру Ми ими, жено, яко грядетъ часъ, егда ни въ горѣ сей, ни во Іерусалимѣхъ поклонитеся Отцу* (21). Спорный вопросъ основывался на представленіи, что Богу законнымъ образомъ можно поклоняться только въ одномъ мѣстѣ, что только въ томъ мѣстѣ Онъ благоугождается жертвами и что, слѣдовательно, Онъ присутствуетъ какъ-бы только въ одномъ мѣстѣ. Іисусъ Христосъ хочетъ разувѣрить Самарянку въ этомъ, увѣряя ее, что скоро не будетъ мѣста ни *Іудейскому*, ни *Самарянскому* богослуженію, которое искало Бога только на Сіонѣ, или Гаризимѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ спорный вопросъ между Іудеями и Самарянами, которому Самарянка придавала такую важность, потеряетъ въ будущемъ все свое значеніе. Еще пророкъ Малахія сказалъ: «отъ востока до запада имя Мое велико между народами; и *во всякомъ мѣстѣ имени* Моему должно совершать куреніе и чистое приношеніе, ибо имя Мое велико между народами, говоритъ Іегова воинствъ» (I, 11). Пророкъ, слѣдовательно, возвѣщаетъ, что постановленіе закона Моусеева (Второзак. XII, 5 и д.): «на мѣстѣ, которое изберетъ Господь Богъ нашъ, изъ всѣхъ колѣнъ вашихъ, чтобы положить имя Свое тамъ и жить на немъ, тамъ ищите Его и туда приходите, и туда приносите всесожженія ваши и жертвы ваши» и т. д.,— въ будущемъ, съ явленіемъ Мессіи, потеряетъ свое значеніе. И это пророческое предсказаніе лежитъ въ основаніи сказанныхъ Господомъ словъ. Въ словахъ: *вѣру Ми ими* заключается усиленное подтвержденіе новой истины, которая Самарянкѣ должна была показаться невѣроятною, слѣдовательно настоятельное убѣжденіе въ *вѣрѣ*. Словомъ *Отцу* предуказывается *новое отношеніе*, въ которомъ въ наступающее теперь время молящіеся будутъ находиться чрезъ Христа къ своему Богу: Онъ будетъ имъ Отцемъ.

Потомъ Іисусъ Христосъ рѣшаетъ спорный вопросъ тѣмъ, что Самаряне неправы, а Іудеи отчасти правы: *вы кланяетеся, Егоже не вѣсте: мы кланяемся, Егоже вѣмы: яко спасеніе отъ Іудей есть* (22). До того времени, хочетъ сказать этимъ Христосъ, когда не будутъ кланяться ни на Гаризимѣ, ни на Сіонѣ, т. е. когда отмѣнены будутъ какъ Самарянскія, такъ и Іудейскія жертвоприношенія и богослуженія, *Іудеи* («мы») правы, считая Іерусалимъ законнымъ мѣстомъ для богослуженія и жертвъ. Слово: *не вѣсте* нужно понимать *въ относительномъ* смыслѣ, потому что Самаряне не чужды были нѣкотораго познанія истиннаго Бога, но въ сравненіи съ религіознымъ познаніемъ Іудеевъ Богопознаніе Самарянъ было въ высшей степени недостаточно и могло быть названо незнаніемъ. Самаряне были въ нѣкоторомъ смыслѣ протестантами и раскольниками въ іудействѣ. Какъ протестанты шестнадцатаго столѣтія легко и скоро думали перенестись въ первобытное христіанство и полуторатысящелѣтнее историческое развитіе христіанства поставили въ вопросъ, или раскольники наши, вздумавшіе въ семнадцатомъ вѣкѣ возвратиться къ мнимой *старой вѣрѣ*, такъ поступили и Самаряне. Принимая изъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ книгъ только Пятокнижіе, они такимъ образомъ отрицали позднѣйшее развитіе чувства посредствомъ пророковъ. Ихъ ожиданія Мессіи поэтому были недостаточны и неясны; недостаточно, слѣдовательно, было и ихъ богослуженіе, основою и душою котораго былъ Мессія. Подъ словомъ *спасеніе* (σωτηρία) естественно нужно понимать спасеніе чрезъ Мессію, которое происходитъ отъ Іудеевъ, такъ какъ

Спаситель по плоти долженъ произойти и произошелъ отъ Израиля (ср. Римлян. IX, 4). Искупитель долженъ былъ произойти изъ того народа, который постоянно обладалъ Божественнымъ откровеніемъ, вѣнцомъ котораго былъ Христосъ (Евр. I, 1). Показавъ, что Іудеи въ своемъ богослуженіи относительно правы, Господь теперь оставляетъ въ сторонѣ противоположность іудейства и самарянства и говоритъ: *но грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истинною: ибо Отецъ таковыхъ ищетъ покланяющихся Ему.* Спаситель этимъ хочетъ противопоставить Богопочтенію Іудеевъ, хотя истинному въ сравненіи съ Самарянскимъ, но все еще недостаточному и несовершенному, совершенную форму Богопочтенія, которое теперь, съ пришествіемъ Его должно наступить. Это Богопочтеніе Онъ называетъ *будущимъ* («грядетъ часъ») и вмѣстѣ съ тѣмъ *настоящимъ* («и нынѣ есть»). Оно было настоящимъ уже въ своемъ зародышѣ, такъ какъ Основатель и Ходатай этого истиннаго Богопочтенія, Христосъ уже явился; оно было будущимъ, такъ какъ это истинное Богопочтеніе долженствовало все дальше и дальше распространяться въ человѣчествѣ. Въ этомъ смыслѣ Царство Божіе называется въ Новомъ Завѣтѣ то настоящимъ, то будущимъ.—Нужно замѣтить здѣсь, что въ Греческомъ подлинникѣ стоитъ ἀληθινοι προσκυνηταὶ— истинные поклонники, а не ἀληθεῖς προσκυνηταί. Если бы Спаситель сказалъ: ἀληθεῖς προσκυνηταί, то этимъ Онъ показалъ бы, что Іудейское Богопочтеніе ложное, потому что ἀληθές составляетъ противоположность ложному, не истинному; напротивъ ἀληθινόν означаетъ то, что̀ *соотвѣтствуетъ своей идеѣ*, въ противоположность недостаточному и несовершенному. Іудейское Богопочтеніе было, конечно, недостаточно, но *не ложно.* Объ этихъ «истинныхъ поклонникахъ» говоритъ Іисусъ, что они будутъ покланяться *духомъ и истиною.* Онъ говоритъ: *Отцу*, а не *Богу;* истинному поклоннику Богъ всегда является въ отношеніи *Отца къ сыну.* Слово: *духомъ*, судя по связи рѣчи, очевидно стоитъ, какъ противоположность къ словамъ: *въ горѣ сей и въ Іерусалимѣхъ* (19), а слово: *истиною* въ противоположность одному внѣшнему и символическому Богопочтенію Іудеевъ и Самарянъ посредствомъ *жертвъ.* Іудейское и Самарянское Богопочтеніе связано было съ опредѣленнымъ мѣстомъ, съ храмомъ Іерусалимскимъ и горою Гаризимъ; только тамъ Іудей и Самарянинъ могли совершать высочайшее дѣйствіе Богопочтенія, т. е. приносить жертвы. И эти жертвы были только внѣшніе символы и образы, но не были самою *истиною.* Истинное же Богопочтеніе должно состоять: 1) *въ духѣ*, т. е. во внутреннихъ духовныхъ дѣйствіяхъ, во внутренней духовной жертвѣ, въ которой человѣкъ себя самого приноситъ въ жертву Богу, и которая не связана съ какимъ либо однимъ опредѣленнымъ мѣстомъ, но можетъ быть совершаема вездѣ и во всякое время. Несправедливо нѣкоторые подъ словомъ *духъ* разумѣютъ здѣсь Святаго Духа, хотя и несомнѣнно, что *поклоненіе духомъ* можетъ быть только во Святомъ Духѣ (ср. Римлян. VIII, 14, и д.). Истинное Богопочтеніе должно состоять 2) *въ истинѣ*, т. е. быть не только внѣшнимъ символическимъ, образнымъ, но и существеннымъ, обнимающимъ собою предметъ Богопочтенія. Такое поклоненіе въ духѣ и истинѣ есть единственно истинное, потому что оно соотвѣтствуетъ своей идеѣ, т. е. свойственно существу Божію. Поэтому Іисусъ Христосъ присовокупляетъ, *подтвер-*

ждая сказанное Имъ прежде: *Духъ есть Богъ* (слѣдовательно Онъ не связанъ опредѣленнымъ пространствомъ): *и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (24). Само собою понятно, что этими словами Господь не исключаетъ всякихъ *внѣшнихъ дѣйствій* Богопочтенія, какъ утверждаютъ мистики. Пока человѣкъ остается человѣкомъ, т. е. тѣлесно-духовнымъ существомъ, до тѣхъ поръ внутреннее его Богопочтеніе будетъ связано съ опредѣленными временами и мѣстами и выражаться во внѣшнихъ символическихъ дѣйствіяхъ Только у чистыхъ духовъ возможно совершенно духовное Богопочтеніе. Христосъ хочетъ этими словами показать, что *одно только внѣшнее* Богопочтеніе, *исключительно* связанное съ однимъ опредѣленнымъ мѣстомъ, безъ внутренняго Богопочтенія, не имѣетъ въ очахъ Божіихъ никакой цѣны; еще въ Ветхомъ Завѣтѣ Богъ требовалъ внѣшней чистоты только ради внутренней (ср. Псал. XLIX и L).

Хотя Самарянка и не поняла смысла словъ Іисуса Христа во всей ихъ глубинѣ, однако она уже предчувствуетъ, что Тотъ, Котораго она уже считаетъ Пророкомъ, обѣщаетъ ей нѣчто великое и возвышенное. Полнаго уясненія этому она ожидаетъ отъ грядущаго Мессіи; поэтому она говоритъ: *вѣмъ, яко Мессія пріидетъ, глаголемый Христосъ: егда Той пріидетъ, возвѣститъ намъ вся* (25). Самаряне также ожидали Мессію и свои понятія о Мессіи и ожиданія Его основали на словахъ Пятокнижія (см. Быт. XLIX, 10. Числ. XXIV), особенно на словахъ Второзак. XVIII, 16, гдѣ Моисей говоритъ: «пророка... *якоже мене*, возставитъ тебѣ Господь Богъ твой; Того послушайте». Они называли Мессію Гашшагебъ или Гаттагебъ, что, по мнѣнію однихъ, значитъ, «обращатель, проповѣдникъ», а по мнѣнію другихъ «возвращающійся» (именно Моисей, на основаніи словъ *якоже мене*). Названіе же «Мессія», которое Самарянка употребляетъ здѣсь, или перешло къ Самарянамъ отъ Іудеевъ, или же Евангелистъ влагаетъ въ уста Самарянкѣ. Спаситель мало-по-малу до того приготовилъ душевное состояніе Самарянки, что уже прямо говоритъ ей, что Онъ Самъ есть обѣщанный Моисеемъ Мессія: *Азъ есмь, глаголяй съ тобою*. Предъ злобствующими Іудеями Іисусъ Христосъ такъ открыто не говорилъ о Себѣ, какъ предъ этою незлобивою женщиною. Теперь она узнала, что̀ такое живая вода, и Кто можетъ дать ей эту воду. *Азъ есмь*, ср. Второзак. XXXII, 39. Исход. XLIII, 10 и др. м. Какое дѣйствіе произвело на Самарянку это откровеніе Господа, лучше всего доказываетъ ея молчаніе.

И тогда (именно, когда Іисусъ говорилъ это Самарянкѣ) *пріидоша ученицы Его и чудяхуся, яко съ женою глаголаше* (27). Они удивлялись отъ того, что говоритъ съ женщиною не было въ обычаѣ Іудейскихъ учителей; считалось даже неприличнымъ и въ обществѣ вести обыкновенный разговоръ съ женщинами. Было даже правило не привѣтствовать женщинъ при встрѣчѣ съ ними, а что̀ касается до обученія ихъ, то раввины говорятъ: «кто учитъ свою дочь закону, тотъ совершаетъ глупость»; и въ другомъ мѣстѣ: «лучше сжечь слова закона, чѣмъ передавать ихъ женщинамъ». Впрочемъ, ученики изъ уваженія къ своему Учителю не дерзнули спросить: *чесо ищеши? или: что глаголеши съ нею?*

Обрадованная отвѣтомъ Іисуса: *Азъ есмь Мессія*, Самарянка забываетъ свое дѣло, за которымъ пришла къ колодезю, оставляетъ свой водоносъ и бѣжитъ въ восторгѣ въ городъ: *пріидите*, говоритъ она своимъ горожанамъ, *и видите Че-*

ловѣка, Иже рече мнѣ вся, елика сотворихъ: еда Той есть Христосъ? (XXVIII, 29.) Вопросъ Самарянки: *еда Той есть Христосъ?* выражаетъ не сомнѣніе ея, такъ какъ она уже ясно сознавала, что Іисусъ есть Мессія; она желаетъ этимъ вопросомъ, чтобы ея увѣренность была подтверждена согласіемъ и ея согражданъ. Человѣческая природа такъ вообще устроена, что собственное убѣжденіе человѣкъ хочетъ всегда подкрѣплять мнѣніемъ ближнихъ. *Изыдоша же изъ града, и грядяху къ Нему* (30).

Когда ушла Самарянка, Спаситель углубился въ размышленіе. Онъ теперь посѣялъ въ народѣ Самарянскомъ первыя сѣмена Своего ученія; женщина сдѣлалась провозвѣстницею Его имени. И созерцая будущее, Онъ уже видитъ прекрасные плоды этой первой дѣятельности. Поэтому Онъ забываетъ о тѣлесной пищѣ, какъ-бы насытившись радостію отъ успѣха Своего дѣла. Ученики нѣкоторое время въ благоговѣйномъ молчаніи стояли; наконецъ, они рѣшились заговорить: *между же симъ* (послѣ отшествія женщины и прибытія Самарянъ) *моляху Его ученицы Его, глаголюще: Равви, яжды!* Іисусъ отвѣчаетъ: *Азъ брашно имамъ ясти, егоже вы не вѣсте.* Подъ этою *яствою* Іисусъ Христосъ разумѣетъ, какъ видно изъ 3 ст., совершеніе возложеннаго на Него Отцемъ дѣла спасенія. Это дѣло, начавшее уже совершаться, такъ радуетъ душу Спасителя, какъ физическая пища подкрѣпляетъ тѣлесную жизнь; на это дѣло обращено Его желаніе, какъ желаніе чувственнаго человѣка устремляется на пищу. Что ученики не знали той пищи, о которой говоритъ Господь, видно изъ ихъ вопроса, какой они давали другъ другу: *еда кто принесе Ему ясти?* (33).

Поэтому Іисусъ объясняетъ имъ свойство пищи, которую Онъ имѣетъ въ виду: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя и совершу дѣло Его* (34). Слѣдовательно, это—духовная пища, и она состоитъ въ исполненіи воли Его Небеснаго Отца и въ совершеніи дѣла спасенія, которое Отецъ поручилъ Ему *(дѣло Его)* (34). Исполненіе этого дѣла уже началось совершаться: *не вы ли глаголете яко еще четыри мѣсяцы суть, и жатва пріидетъ? Се, глаголю вамъ: возведите очи ваши и видите нивы, яко плавы* (побѣлѣли) *суть къ жатвѣ уже.* Въ словахъ: *еще четыри мѣсяцы, и жатва пріидетъ*, Іисусъ Христосъ, по всей вѣроятности, приводитъ народную поговорку, которую употребляли въ разговорѣ во время сѣянія, для утѣшенія среди тяжкой работы представленіемъ радостнаго времени жатвы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для убѣжденія къ торопливому ожиданію. Такъ объясняютъ это мѣсто многіе толковники, хотя такого изрѣченія или поговорки мы и не встрѣчаемъ въ другомъ мѣстѣ. Словами: *се, глаголю вамъ... къ жатвѣ уже*, Іисусъ Христосъ, безъ сомнѣнія, указываетъ на шедшихъ изъ города Сихемлянъ. Общій смыслъ послѣднихъ словъ Іисуса Христа будетъ такой: «въ народной поговоркѣ говорится: сѣявши, нужно ждать четыре мѣсяца (и въ талмудѣ время между сѣяніемъ и жатвою опредѣляется съ четыре мѣсяца), когда можно будетъ жать; совершенно иначе съ Моей духовною жатвою; здѣсь непосредственно за посѣвомъ слѣдуетъ и жатва». Вообще превосходно открывается смыслъ этихъ словъ, если предположить, что, когда Іисусъ произносилъ ихъ, народъ на поляхъ вокругъ занимался посѣвомъ.

Въ дальнѣйшихъ Своихъ словахъ Господь, удерживая образъ жатвы, изображаетъ Себя *сѣющимъ*, а учениковъ Своихъ *жнущими*, т. е., что ученики должны совершить *дѣйствительный* пріемъ

Сихемлянъ въ новое Царство Божіе: *жняй мзду пріемлетъ*, именно за свой трудъ; и эта мзда, эта награда суть зрѣлые плоды, которые онъ собираетъ въ свои житницы, поэтому *и собираетъ плодъ въ животъ вѣчный*. Словами: *въ животъ вѣчный* рѣчь изъ образной переходитъ въ простую. Подъ этими словами —*въ животъ вѣчный*—Спаситель разумѣетъ не будущую только жизнь, но ту жизнь, которая начинается со вступленіемъ въ Его Царство и продолжается въ вѣчность, ту истинную жизнь, которая начинается въ насъ принятіемъ вѣрою Христа, Который есть жизнь по преимуществу. Эта духовная жатва, которую совершатъ Апостолы, будетъ радовать и Сѣятеля—Іисуса, и жателей —учениковъ Его; поэтому: *да и сѣяй вкупѣ радуется и жняй* (35). Представляя основаніе прежде сказанному: *да и сѣяй вкупѣ радуется и жняй*, Іисусъ Христосъ присовокупляетъ: *о семъ бо* (въ этомъ пунктѣ сѣянія и жатвы) *слово* (изрѣченіе) *есть истинное* (справедливо), т. е. изрѣченіе имѣетъ свою полную истинность: *инъ есть сѣяй и инъ есть жняй*. Обыкновенный смыслъ этого изрѣченія слѣдующій: «часто человѣкъ можетъ только приготовлять послѣдствія своей дѣятельности, но не самъ достигать ихъ». Затѣмъ примѣненіе изрѣченія: *Азъ послахъ вы жати, идѣже вы не трудистеся: иніи трудишася, и вы въ трудъ ихъ внидосте*. Подъ словомъ *иніи* Іисусъ Христосъ разумѣетъ сначала Себя Самого, а потомъ Моусея и пророковъ; этимъ Онъ указывалъ, что Ветхій Завѣтъ былъ приготовительною школою къ христіанству. Ветхій Завѣтъ приготовлялъ только какъ-бы почву; Христосъ былъ сѣятелемъ, а нѣсколько лѣтъ спустя Филиппъ, Петръ и Іоаннъ собрали здѣсь въ Самаріи первую богатую жатву (см. Дѣян. VIII, 5, и д.).

Послѣ этого Евангелистъ снова продолжаетъ прерванную (30) нить повѣствованія: *отъ града же того мнози вѣроваша въ Онъ отъ Самарянъ, за слово жены свидѣтелствующія, яко рече ми вся, елика сотворихъ. Егда убо пріидоша къ Нему Самаряне, моляху Его, дабы пребылъ у нихъ: и пребысть ту два дни* (39—40). Вѣра Сихемлянъ, о которой здѣсь рѣчь, была еще несовершенная. Разсказъ женщины *склонилъ* ихъ къ признанію, что Іисусъ есть Мессія. Высшей же степени вѣры они достигли только вслѣдствіе проповѣди Самого Господа впродолженіи двухдневнаго у нихъ Его пребыванія: *и много паче вѣроваша за слово Его. Женѣ же глаголаху: яко не къ тому за твою бесѣду вѣруемъ: сами бо слышахомъ, и вѣмы, яко Сей есть воистинну Спасъ міру Христосъ* (41—42). Сихемляне называютъ Іисуса «Спасителемъ міра»; слѣдовательно поняли Его гораздо лучше, чѣмъ бо́льшая часть Іудеевъ, которые признавали Его только Спасителемъ избраннаго народа (Руков. для паст. ц. 1868 г. № 34, стр. 557).

Всякъ піяй отъ воды сея вжаждется паки, а иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки.
(Іоан. IV, 13—14).

Та́къ говорилъ нѣкогда Господь къ женѣ Самарянской, желая показать, съ одной стороны, суетность обыкновенныхъ предметовъ нашего желанія, съ другой полноту и совершенство благъ, Имъ Самимъ даруемыхъ.—Для чего пьемъ мы воду? чтобы утолить жажду водою? Сколько бы мы ни пили ея, жажда возобновится, можетъ даже возрастать по мѣрѣ привычки къ извѣстному количеству воды. Не таково ли свойство и тѣхъ удовольствій, въ которыхъ ищемъ мы на землѣ удовлетворенія жажды духовной? Сколько бы кто ни иждивалъ сокровищъ земныхъ,

сколько бы ни приносилъ жертвъ своимъ прихотямъ и желаніямъ, въ душѣ всегда будутъ возникать желанія новыя; она никогда не найдетъ полноты и довольства. Посмотрите на кого угодно: каждый возрастъ, каждое состояніе имѣетъ свой безпредѣльный кругъ желаній. Дитя едва преступитъ предѣлы своего возраста, скучаетъ уже тѣмъ, чѣмъ прежде такъ занималось и тѣшилось; юношу не занимаетъ то, что̀ нравится дитяти; возмужалому противно то, къ чему стремится юноша, а старецъ разочаровывается наконецъ и въ томъ, чего съ такимъ усиліемъ домогался возмужалый. —Иной стремится къ знанію, но за однимъ предметомъ дознаннымъ открываются неизслѣдованныя глубины предметовъ новыхъ,—и разумъ не можетъ найти предметовъ своимъ изысканіямъ; тотъ движется страстью къ преобладанію, господству надъ другими, но печальнымъ опытомъ дознаетъ, что и всѣ царства міра не дадутъ ему счастія и покоя; другой ищетъ пищи своему чувству—ищетъ въ созданіяхъ воображенія, въ грубыхъ наслажденіяхъ плоти, но рано или поздно видитъ, что сердце —бездна, которой ничто не наполнитъ. —Этого мало, если бы каждый изъ насъ владычественно обнялъ всю вселенную, если бы всѣ солнцы и міры вращались въ нашемъ внутреннемъ мірѣ; мы и тогда не видѣли бы конца своимъ желаніямъ. Что̀ же значитъ безпрестанное недовольство тѣмъ, что̀ мы пріобрѣтаемъ, или владѣемъ, и постоянная жажда новыхъ предметовъ, новыхъ наслажденій? Значитъ, что сокровище наше не здѣсь, не на земли, не въ суетныхъ наслажденіяхъ земныхъ, не въ мгновенномъ блескѣ счастія мірскаго. Душа какъ-бы носитъ въ себѣ неясный образъ высшаго предмета своихъ желаній, верховной красоты, ищетъ съ этимъ образомъ самаго подлинника, сличаетъ со своимъ образомъ каждую новую вещь, каждое новое твореніе міра окружающаго, но всякій разъ, подобно дитяти, ищущему отца или матери на чужбинѣ, какъ-бы обознается и видитъ, что все это не то, чего она хочетъ, чего желаетъ; тоска обновляется, жажда растетъ, жажда мучитъ.... Брось же каждый надежду найти полноту и довольство сердца въ томъ, что̀ вокругъ тебя; оно не утолитъ твоей жажды, а усугубитъ крушеніе духа, чувство суеты.—*Всякъ піяй отъ воды сея вжаждется паки.*

Но иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, говоритъ Спаситель, *не вжаждется во вѣки.* Итакъ есть другое благо истинное, всесовершенное; оно одно можетъ насытить сердце, удовлетворить его ненасытимыя, неистощимыя желанія. Гдѣ же это благо? превыше міра, въ Самомъ Богѣ. Уже самая безпредѣльность нашихъ желаній показываетъ, что и предметъ ихъ долженъ быть безпредѣленъ въ совершенствахъ. Мы постоянно стремимся къ всесовершенной истинѣ: значитъ истина всесовершенная одна и можетъ быть вѣнцемъ усилій нашихъ; въ насъ постоянно обитаетъ желаніе добра верховнаго: значитъ оно одно и можетъ быть высшею цѣлью нашего дѣланія; мы ищемъ блаженства ненарушимаго: значитъ одно вѣчное непреходящее благо и можетъ доставить покой душамъ нашимъ. Гдѣ же эта верховная истина, верховное добро и блаженство? Въ Богѣ; въ Немъ одномъ то истинное благо, котораго тщетно ищетъ душа наша въ предметахъ міра, насъ окружающаго, и въ чудныхъ картинахъ міра воображаемаго. Но что̀ же? Самое благо верховное должно содѣлаться животворнымъ потокомъ въ нашемъ собственномъ сердцѣ, проникнуть все существо наше, чтобы могло быть нашимъ. Потому-то Спаситель говоритъ далѣе: и будетъ въ немъ

источникъ воды живыя. Какимъ образомъ? Когда сердце наше откроется все для принятія благодати, тогда Самъ Богъ раскрываетъ въ существѣ нашемъ ростокъ, зрѣющій для вѣчности, и непрестанно напаяетъ его силою живота вѣчнаго. И вотъ, гдѣ причина внутренней полноты духа, которой ищутъ, но не имѣютъ люди, надѣленные всѣми дарами счастія; вотъ, гдѣ причина непостижимаго спокойствія истинныхъ христіанъ среди гоненій и страданій! Міръ можетъ отнять у нихъ все; но въ замѣнъ всего въ ихъ сердцѣ есть ростокъ нескончаемаго блаженства, котораго ничто исхитить не можетъ. Намъ не понятно, какъ возможно въ человѣкѣ то, что Божество какъ-бы нисходитъ въ природу человѣка, даетъ ему ощущать, обнимать безконечное, Божественное своимъ ограниченнымъ чувствомъ, сознаніемъ; тѣмъ не менѣе такъ есть, такъ бываетъ съ каждымъ освященнымъ, облагодатствованнымъ христіаниномъ—храмомъ Бога живаго, сосудомъ Духа Святаго. Неизсякаемый потокъ Божественной жизни, не заливая, не потопляя конечной твари, тихо, благодатно струится въ существѣ ея, животворитъ и обновляетъ ея сердце, течетъ и ведетъ къ животу вѣчному.... Такъ можетъ быть, такъ будетъ и съ каждымъ изъ насъ, если мы всецѣло предадимъ себя Богу (Воскр. Чт., г. V, стр. 38—40).

О поклоненіи Богу духомъ и истиною.

(*Изъ Розыска святаго Дмитрія Ростовскаго.*)

Въ наше время нѣкоторые изъ новѣйшихъ сектантовъ и лжеучителей учатъ простой народъ, что не должно будто бы не только приходить въ церковь на молитву, но даже и дома не слѣдуетъ молиться съ тѣмъ, подобающимъ Богу, благоговѣйнымъ поклоненіемъ, какое мы, православные, воздаемъ Ему предъ святыми иконами, преклоняясь до земли тѣломъ своимъ и главою. Молиться, говорятъ они, должно про себя, однимъ только умомъ. Въ подтвержденіе своего лжеученія сектанты эти приводятъ слѣдующія слова Христовы, сказанныя Имъ въ бесѣдѣ съ Самарянкою: «*истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною*» (Іоан. IV, 23) и неправильно толкуютъ ихъ такъ: «не слѣдуетъ кланяться тѣломъ и главою въ землю, потому что Христосъ не велитъ этого дѣлать, а должно, напротивъ, покланяться однимъ только духомъ, хотя бы то и лежа на постели». Нерѣдко ссылаются еще они въ подтвержденіе своихъ мыслей и на книгу, извѣстную подъ названіемъ «*Учительнаго воскреснаго Евангелія*», въ которой (въ бесѣдѣ на недѣлю о Самарянинѣ) выше упомянутыя слова Христовы толкуются будто бы такъ: «*истинные поклонницы кланяются Отцу не тѣломъ, но духомъ*».—Такимъ образомъ, современные сектанты и лжеучители клевещутъ на чистыя слова Господа, какъ на такія, которыя запрещаютъ будто бы покланяться Богу посредствомъ поклоненія тѣла до земли, и потому отъ тѣхъ самыхъ словъ, отъ которыхъ слѣдовало бы имъ получить пользу, они чрезъ неправильное ихъ толкованіе получаютъ вредъ для себя. Пчела и паукъ хотя съ одного и того же орошеннаго утреннею росою цвѣтка собираютъ одну и ту же росу, но только собранная ими роса превращается не въ одинаковое вещество: въ пчелѣ превращается она въ медъ, а въ паукѣ въ ядъ смертоносный. Такъ точно и упоминаемые нами сектанты отъ тѣхъ же самыхъ цвѣтовъ слова Божія, отъ которыхъ правовѣрующіе и благочестивые мужи, подобно пчеламъ, получаютъ

для души своей пріятную пользу,—они, какъ пауки, получаютъ для себя одинъ только вредоносный ядъ еретичества. Справедливо говоритъ о нихъ святый Дороѳей, что «душа, имѣющая злое произволеніе, отъ всякой вещи получаетъ себѣ вредъ, хотя бы вещь сама по себѣ была и полезною».

Итакъ, для того, чтобы дать отвѣтъ сектантамъ и обличить ихъ лжеученіе, разсмотримъ приводимыя ими слова Христовы съ слѣдующихъ трехъ сторонъ: 1) Для чего Іисусъ Христосъ сказалъ тѣ слова Самарянкѣ, т. е., съ какою цѣлію или съ какимъ намѣреніемъ? 2) Запрещаетъ ли Онъ тѣми словами людямъ, чтобы они не покланялись Богу тѣломъ своимъ? 3) Что̀ именно значитъ покланяться Богу духомъ и истиною.

Но прежде всего, для болѣе удобнаго пониманія того, что̀ нами будетъ сказано, предложимъ вкратцѣ исторію о раздѣленіи, бывшемъ между Іудеями и Самарянами.—Еще со времени смерти Соломона и начала царствованія сына его Ровоама, между племенами Израильскими, т. е. между Іерусалимомъ и Самаріею, началось раздѣленіе, продолжавшееся до самаго плѣна Вавилонскаго (см. 3 Царств. XII и 4 Царств.). По возвращеніи же изъ плѣна Вавилонскаго раздѣленіе это еще болѣе усилилось, особенно же послѣ того случая, когда братъ Іудейскаго первосвященника, именемъ Манассія, лишенный священничества за женитьбу на иноплеменницѣ, дочери князя Самарійскаго, ушелъ изъ Іерусалима къ тестю своему въ Самарію (а происходило все это во дни Александра Великаго, царя Македонскаго). Этотъ самый Манассія построилъ въ Самаріи, при помощи своего тестя, на высокой горѣ Гаризимъ (при подошвѣ которой стоялъ городъ Сихемъ, прозванный послѣ Сихара), церковь, во всемъ сходную съ той, которая тогда была въ Іерусалимѣ, и сдѣлался въ ней первымъ первосвященникомъ. Съ этого времени взаимная ненависть и раздѣленіе, ранѣе существовавшія между Іудеями и Самарянами, окончательно укрѣпились. Самаряне, даже и тѣ изъ нихъ, которые сами были Еврейскаго происхожденія, не хотѣли ходить на поклоненіе въ церковь Іерусалимскую, но приносили жертвы и обращались съ молитвами къ Богу Небесному въ своей церкви, бывшей на горѣ Гаризимъ, и предпочитали ее церкви Іерусалимской, не смотря на то, что въ ней поставлены были послѣ даже и идолы, такъ какъ Сирійскій царь Антіохъ Епифанъ поставилъ тамъ статую главнаго Греческаго бога Зевеса. Взаимная же ненависть между жителями Іерусалима и Самаріи была столь велика, что они совершенно гнушались другъ друга и не хотѣли ни ѣсть, ни пить, ни бесѣдовать вмѣстѣ, почему и упоминаемая въ Евангеліи Самарянка говоритъ Іисусу Христу: *како Ты, Жидо́винъ сый, отъ мене пити просиши, жены Самаряныни сущей? не прикасаютбося Жидове Самаряномъ*» (Іоан. IV, 9). Кромѣ того, Іудеи не входили въ города Самарянскіе, считая Самарянъ нечистыми, подобно язычникамъ. Самъ Христосъ, изъ снисхожденія къ такому же издавна укоренившемуся злому обычаю Іудеевъ, повелѣвалъ ученикамъ Своимъ устраняться Самарянъ, говоря: «*на путь языкъ не идите и во градъ Самарянскій не внидите*» (Матѳ. X, 5). Самаряне съ своей стороны то же не входили въ города Іудеевъ и устранялись отъ сообщества съ ними, и, вслѣдствіе этого, самое напоминаніе объ имени Самарянскомъ было для Іудеевъ мерзостью. Когда хотѣли они укорить Господа нашего, то говорили: «*не добръ ли*

мы глаголемъ, яко Самарянинъ еси Ты» (Іоан. VIII, 48)? Распря же о церквахъ между Іудеями и Самарянами была постоянная. Іудеи говорили: «мѣсто для поклоненія Небесному Богу находится въ нашей Іерусалимской церкви; *отъ Сіона бо изыде законъ, и слово Господне изъ Іерусалима*, говоритъ одинъ пророкъ (Михей IV, 2); *Господь отъ Сіона воззоветъ и отъ Іерусалима дастъ гласъ Свой*, говоритъ другой пророкъ (Іоиль III, 16—17); кромѣ того, и Самъ Богъ сказалъ: *Азъ Господь Богъ вашъ, вселяяйся въ Сіонѣ, въ горѣ Моей святѣй, и будетъ Іерусалимъ святъ*. «По всему этому», говорили Іудеи, «видно, что Богъ живетъ только у насъ однихъ, и потому у насъ должно покланяться Ему и приносить жертвы, такъ какъ во всей поднебесной нѣтъ другаго избраннаго для жительства и поклоненія Ему мѣста, какъ только одна наша Іерусалимская церковь».— Самаряне, не принимавшіе никакихъ пророческихъ книгъ, кромѣ книгъ Моусеевыхъ, говорили съ своей стороны, что мѣсто для поклоненія и принесенія жертвъ Богу Небесному находится именно на ихъ горѣ (Гаризимѣ) и въ ихъ церкви. Въ подтвержденіе своихъ словъ они приводили слѣдующія: «Авраамъ, идя изъ Месопотаміи въ Ханаанскую землю, пришелъ прежде всего въ Сихемъ, гдѣ и создалъ Богу первый алтарь, на которомъ онъ и принесъ жертву и получилъ отъ Бога обѣтованія. Точно также Іаковъ, возвращаясь изъ Месопотаміи со своими женами и дѣтьми, поставилъ въ Сихемѣ жертвенникъ Богу, купивъ для этого часть земли у Эммора, отца Сихемова. Кости Іосифа, по завѣщанію его вынесенныя изъ Египта, погребены были въ Сихемѣ же, такъ какъ самъ Іаковъ, умирая, завѣщалъ это мѣсто въ наслѣдство Іосифу. Наконецъ, Іисусъ Навинъ, по переходѣ чрезъ Іорданъ, по разореніи Іерихона и послѣ побѣды надъ царемъ Гайскимъ (Іис. Нав. VIII), построилъ въ Сихемѣ первый алтарь Богу Израилеву, какъ заповѣдалъ это ему Моусей, рабъ Господень; написалъ на камняхъ законъ Божій и, прочитавъ его вслухъ предъ всѣмъ собраніемъ сыновъ Израилевыхъ, въ первый разъ благословилъ здѣсь народъ Еврейскій. По всему этому, заключали Самаряне, очевидно, что нѣтъ на землѣ другаго мѣста для поклоненія истинному Богу, какъ только одна наша церковь на горѣ Гаризимъ».—Такими спорами между собой Самаряне и Іудеи, какъ люди плотскіе, не понимавшіе того, что̀ духовно, старались ограничить Бога однимъ какимъ-нибудь опредѣленнымъ мѣстомъ, какъ-бы не разумѣя того, что Онъ вездѣсущъ и все Собою наполняетъ.

Перейдемъ теперь къ намѣченному нами разсмотрѣнію приводимыхъ современными сектантами словъ Христовыхъ о поклоненіи Богу духомъ и истиною. 1) Слова «*истиннїи поклонницы*» и проч. сказаны были Іисусомъ Христомъ съ слѣдующимъ намѣреніемъ: а) Онъ желалъ обличить неправое мнѣніе Самарянъ о Богѣ, состоявшее въ томъ, что они думали, будто Богъ ограничивается какимъ-нибудь опредѣленнымъ мѣстомъ или храмомъ. Съ этою цѣлью Христосъ и говоритъ имъ: «*вы кланяетесь, егоже не вѣсте*», т. е. не знаете того, что Богъ не можетъ быть ограниченъ ни мѣстомъ, ни храмомъ, а есть существо безграничное, безпредѣльное и ничѣмъ необъемлемое. б) Желалъ низложить высокоуміе Самарянъ и Іудеевъ, гордившихся своими церквами, и по этой причинѣ говорилъ имъ, пророчествуя о разрушеніи церквей ихъ: «*грядетъ часъ, егда ни въ горѣ сей* (Гаризимѣ), *ни во Іерусалимѣ поклонитеся Отцу*», т. е., что Іерусалимская и Самарянская

церкви будутъ разрушены, земля опустошена, и приношеніе Богу жертвъ прекратится. в) Намѣреваясь изъ Іудеевъ и язычниковъ устроить одну Церковь, Христосъ желалъ, уничтоживъ существовавшую между Іудеями и Самарянами вражду, привести ихъ къ любовному соглашенію. Поэтому Онъ и Бога Отцемъ называетъ, чтобы содѣлать всѣхъ чадами Богу, устроить всеобщее братство и истинныхъ поклонниковъ показать между тѣми Іудеями и язычниками, которые въ Него будутъ вѣровать. г) Желалъ, наконецъ, обличить неправое поклоненіе Самарянъ Богу, происходившее только по плоти, а не по духу, для чего и говорилъ: «*истиннїи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною*», а не плотскимъ только поклоненіемъ и приношеніемъ въ жертву различныхъ животныхъ. 2) Христосъ вышеупомянутыми словами о поклоненіи духомъ и истиною не запрещаетъ людямъ покланяться Богу тѣломъ и челомъ въ землю. Если бъ Онъ запрещалъ это, то Самъ, будучи еще въ пеленкахъ, не принялъ бы отъ пастырей поклоненія, сдѣланнаго Ему всѣмъ тѣломъ; точно также и отъ трехъ царей Персидскихъ (т. е. волхвовъ), «*гиже падше поклонишася Ему*». Далѣе, если бъ Онъ запрещалъ кланяться Богу тѣломъ, то не позволилъ бы грѣшной женѣ прикасаться къ Его ногамъ, омывать ихъ слезами своими, лобызать и вытирать волосами головы своей (Лук. VII, 38). И «*прокаженный кланяшеся Ему, глаголя: Господи! аще хощеши, можеши мя очистити* (Матѳ. VIII, 2); и *князь нѣкїй пришедъ кланяшеся Ему, глаголя: дщи моя нынѣ умре, но пришедъ возложи на ню руку Твою, и оживетъ*» (Матѳ. IX, 18). Ученики Христовы, бывшіе съ Нимъ въ кораблѣ, по избавленіи Петра отъ потопленія, «*пришедше поклонишася Ему, глаголюще: воистинну Божій Сынъ еси*» (Матѳ. XIV, 33); *жена Хананейская припадши поклонися Ему*» (Матѳ. XV, 22); «*Марія, сестра Лазарева, видѣвши Іисуса, паде Ему на ногу, глаголющи Господи! аще бы былъ еси здѣ, не бы умерлъ братъ мой*» (Іоан. XI, 21). Если бы Христосъ запрещалъ людямъ покланяться Богу тѣломъ, то Самъ, молясь къ Богу Отцу въ саду Геѳсиманскомъ, не сталъ бы преклонять колѣнъ Своихъ и падать лицомъ въ землю, повергаясь тѣломъ въ молитвѣ предъ Отцемъ Своимъ. Точно также, если бы Онъ запрещалъ поклоняться тѣломъ, то развѣ не запретилъ бы этого и ученикамъ Своимъ, шедшимъ, по воскресеніи Его, на гору Галилейскую, которые, когда Онъ явился имъ, «*видѣвше Его, поклонишася Ему*» (Матѳ. XXVIII, 17). «*И егда возношашеся на небо, тіи поклонишася Ему*» (Лук. XXIV, 51—52). Кромѣ того, образъ поклоненія Богу и на небѣ показанъ былъ святому Іоанну Богослову, въ тѣхъ двадцати четырехъ старцахъ, которые падали предъ «*Сѣдящимъ на престолѣ*» и кланялись «*Живущему во вѣки вѣковъ*» (Апокалипс. IV, 10). Упомянемъ еще въ заключеніе о томъ: развѣ преподобные отцы Россійскіе въ молитвахъ своихъ Богу не творили земныхъ поклоновъ? Точно также и нынѣ заботящіеся о своемъ спасеніи не дѣлаютъ ли того же самаго? Итакъ, сектанты, учащіе не покланяться Богу тѣломъ, говорятъ неправду, изобрѣтая нѣчто новое и клевеща на Самого Христа, будто Онъ не велитъ покланяться тѣломъ, а однимъ только духомъ. 3) Чтобы лучше познать, въ чемъ должно заключаться поклоненіе Богу духомъ и истиною, слѣдуетъ прежде всего разсмотрѣть, каково было поклоненіе Богу отъ Іудеевъ и Самарянъ. Для этого изъ книги, называемой «*Учительнымъ*

воскреснымъ Евангеліемъ» (на которую, какъ мы выше сказали, иногда ссылаются сектанты, какъ-бы на такую, которая учитъ не покланяться тѣломъ, но однимъ только духомъ), обратимъ вниманіе на слѣдующее толкованіе: «*истинными поклонниками* Онъ (т. е. Христосъ) называетъ вѣрующихъ въ Него, т. е. насъ, открыто принадлежащихъ къ Его Церкви, какъ таковыхъ, которые поистинѣ почитаютъ Бога, а не сѣнію только Ему покланяются, какъ Іудеи и Самаряне. Всякая жертва Іудейская была сѣнію только и прообразомъ истины, а истинные поклонники кланяются Отцу не тѣломъ, но духомъ, т. е. не тѣлесными жертвами, но духовными». Толкованіе это говоритъ само за себя: не тѣломъ, говоритъ оно, должно покланяться Богу, т. е. не тѣлесными Іудейскими и Самарянскими жертвами, а духомъ, т. е. жертвами духовными, христіанскими. Здѣсь не о тѣлѣ человѣческомъ говорится, будто человѣкъ не долженъ имъ покланяться Богу, а только о жертвахъ ветхозавѣтныхъ, въ которыхъ состоялъ ветхозавѣтный тѣлесный поклонъ, т. е. о приношеніи въ жертву Богу различныхъ животныхъ, какъ-то: тельцовъ, агнцевъ, козловъ и проч. Хотя Іудеи и Самаряне поклонялись также Богу и тѣломъ своимъ, но они не знали того, какъ духъ свой, т. е. мысли и умъ, возносить и обращать къ Богу. Псалмопѣвецъ говоритъ: «*жертва Богу духъ сокрушенъ*» (Псал. L, 19); а они съ приносимыми ими жертвами не приносили Богу духа сокрушеннаго, и потому поклонъ ихъ былъ плотской, а не духовный. Они жертвы приносили, а жизни чистой и богоугодной не имѣли, а потому и поклоненіе ихъ предъ Богомъ не было истиннымъ. Отсюда ясно для насъ, въ чемъ должно заключаться поклоненіе Богу духомъ и истиною. Прежде всего, не тѣломъ только, но и духомъ должно покланяться Богу, т. е. умомъ и мыслію, обращенною къ Богу, и притомъ такъ, чтобы тѣло головою преклонялось до земли, какъ повелѣваетъ то и діаконскій возгласъ въ церкви: «*паки и паки колѣна преклонше, Господу помолимся*», а умъ молитвенною мыслію преходилъ небеса и предстоялъ предъ Богомъ. Далѣе, не однимъ только духомъ, но и тѣломъ должно покланяться Богу, какъ дѣлалъ это и святый Апостолъ Павелъ, который въ посланіи къ Римлянамъ (I, 9) говоритъ: «*свидѣтель ми есть Богъ, Емуже служу духомъ моимъ*», а въ посланіи къ Ефесеянамъ (III, 14); «*преклоняю колѣна моя ко Отцу Господа нашего Іисуса Христа*». Отсюда видно, что Апостолъ Павелъ покланялся Богу и духомъ и тѣломъ, а не однимъ только духомъ, какъ учатъ покланяться сектанты, не преклоняющіе въ молитвѣ предъ Богомъ своего тѣла. Покланяться же Богу истиною значитъ проводить предъ Богомъ жизнь праведную, Богоугодную, чистую и трудолюбивую. Поэтому о добродѣтельномъ человѣкѣ мы и говоримъ, что онъ есть истинный рабъ Божій, когда видимъ его трудящимся въ добрыхъ дѣлахъ и угождающимъ Богу своею праведною жизнью. Итакъ, кланяться Отцу духомъ значитъ обращаться къ Богу мыслію и умомъ, но и не безъ тѣлеснаго, при этомъ, поклоненія въ молитвѣ, какъ мы выше объ этомъ сказали; а кланяться Отцу истиною—значитъ проводить жизнь добродѣтельную и трудолюбивую, съ непрестанною заботою о своемъ спасеніи. Можно еще приложить къ словамъ Христовымъ о поклоненіи Богу истиною и слѣдующее духовное толкованіе: должно, чтобы мы покланялись Отцу во истинѣ, т. е. въ Самомъ Сынѣ Его Единородномъ, Который есть истина, и въ Духѣ Святомъ,

наставляющемъ насъ на всякую добродѣтельную истину, т. е. должно, чтобы мы покланялись Богу, въ Троицѣ единому, Отцу и Сыну и Святому Духу, усердіемъ къ Богу и жизнью по Богѣ, въ теплотѣ духа и дѣланіи истины христіанской. Такимъ образомъ, новѣйшіе сектанты и лжеучители изобрѣли новое и совершенно ложное умствованіе, утверждая, будто Самъ Христосъ приводимыми выше словами: «*истинніи поклонницы*» и проч. запрещаетъ людямъ покланяться Ему тѣломъ и главою въ землю, и что должно будто бы поэтому покланяться Богу однимъ только духомъ, хотя бы то и лежа въ постели (Воскр. Чт. 1887 г., стр. 369—373. 393—397).

Духъ есть Богъ, и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися (Іоан. IV, 24).

(*А. Гуляницкаго.*)

Такъ говорилъ нѣкогда Христосъ Спаситель женѣ Самарянкѣ. Въ церкви Іудейской Самаряне были еретиками и раскольниками. По законамъ Іудейскимъ, кто хотѣлъ служить истинному Богу и истиннымъ, Ему угоднымъ, служеніемъ, тотъ долженъ былъ быть Іудеемъ или прозелитомъ Іудейскимъ, ходить во храмъ Іерусалимскій и только въ этомъ храмѣ приносить жертвы, совершать обряды и молитвы, со всею точностью и подробностью опредѣленныя въ законѣ. Самаряне всецѣло нарушали эти законы іудейства. Отдѣлившись отъ него, они хотѣли учредить у себя независимое отъ іудейства почитаніе Іеговы и служеніе Ему. Но какъ богословіе ихъ иногда не свободно было отъ примѣси языческихъ заблужденій, такъ и богопочтеніе и богослуженіе ихъ не всегда было истинно и правильно само въ себѣ, и во всякомъ случаѣ было незаконно. Вѣковые религіозные споры провели самую строгую, самую рѣзкую черту разобщенія между Іудеями и Самарянами: Самарянка не можетъ не высказать своего удивленія Іисусу Христу, какъ Онъ, будучи Іудеемъ, проситъ у ней—Самарянки воды напиться: *не прикасаютбося Жидове Самаряномъ* (Іоан. IV, 9). Главнѣйшимъ спорнымъ пунктомъ между ними былъ вопросъ о мѣстѣ богослуженія: Самарянамъ казалось непонятнымъ, отчего это только въ Іерусалимѣ принесенная жертва пріятна Богу, и почему не можетъ быть такою принесенная, напримѣръ, на горѣ Гаразимъ, какъ это утверждали Іудеи. И вотъ, лишь только Самарянка увидѣла, что Бесѣдовавшій съ нею есть пророкъ, она тотчасъ же предлагаетъ Ему спорный вопросъ для рѣшенія (19—20). Отдавъ должную справедливость богослуженію Іудейскому предъ Самарянскимъ, Іисусъ Христосъ возводитъ мысль Своей собесѣдницы къ наступающимъ временамъ Новаго Завѣта, когда уже Богослуженіе не будетъ привязано къ одному опредѣленному мѣсту, когда Богоугодность или небогоугодность его будетъ зависѣть уже совсѣмъ не отъ того, въ Іерусалимѣ ли, на Гаризимѣ, или въ другомъ какомъ либо мѣстѣ будетъ оно совершаться: *истинніи поклонницы*, которыхъ ищетъ Отецъ Небесный, не будутъ уже кланяться Ему такъ, какъ кланяются Іудеи, у которыхъ за множествомъ обрядовыхъ предписаній, умноженныхъ еще фарисейскими преданіями, часто не видно бываетъ въ богослуженіи ни жизни, ни духа; тѣмъ болѣе они не будутъ Ему кланяться такъ, какъ кланяются Самаряне, у которыхъ самое существованіе богослуженія лишено законнаго основанія, и потому не имѣетъ въ себѣ *истины*. Они будутъ кланяться Ему вмѣстѣ и *духомъ и истиною*. Это

новое повсюдное служеніе Богу будетъ сообразнѣе и съ самымъ понятіемъ о Богѣ: Богъ есть духъ, и потому кто кланяется Ему, долженъ кланяться духомъ и истиною (21—24).

Таковъ прямой естественный смыслъ этого изрѣченія Спасителя, какъ онъ дается разсмотрѣніемъ историческихъ обстоятельствъ и условій, вызвавшихъ самое изрѣченіе. Между тѣмъ, оно, будучи разсматриваемо внѣ своей исторической основы и приводимо внѣ связи съ ходомъ цѣлой рѣчи Спасителя, часто служило и служитъ камнемъ претыканія и соблазна для очень многихъ: въ немъ часто думаютъ находить такой смыслъ, какого оно рѣшительно не имѣетъ.

Какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя общества людей, почему либо не любящія Церкви и отрицающія ея Богослуженіе, таинства, обряды, праздники, посты и подобныя учрежденія, всегда думали и думаютъ находить оправданіе такому своему поведенію и основаніе такому отрицанію въ приведенныхъ словахъ Спасителя. Множество такихъ людей и обществъ было и теперь есть въ странахъ неправославныхъ; являлись подобные люди и въ нашемъ православномъ отечествѣ: таковы были, напримѣръ, Новгородскіе еретики—*жидовствующіе*, таковъ былъ еретикъ *Ѳеодосій Косой* и другіе; есть, наконецъ, такіе люди и общества и въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ: это нѣкоторыя *согласія раскольниковъ*, также разныя другіе сектанты—*духоборцы и молокане, скопцы и хлысты, скакуны* и прочіе. Оторвавшись отъ живительнаго союза съ Церковію Христовою, не имѣя у себя ни законныхъ священниковъ, ни святыхъ храмовъ, ни животворныхъ и спасительныхъ таинствъ, сообщающихъ вѣрующей душѣ благодать Божію, и пребывая, поэтому, въ духовномъ гладѣ и жаждѣ,—эти люди и общества утѣшаютъ себя тѣмъ, что подобное состояніе и есть настоящее правильное и единственно-возможное состояніе,—что Богослуженіе, священство, таинства, благодать, вообще Церковь со всѣми своими освящающими и соединяющими съ Богомъ учрежденіями не только не имѣетъ основанія въ словѣ Божіемъ, а, напротивъ, будто прямо отвергается многими мѣстами Священнаго Писанія. Въ ряду этихъ многихъ мѣстъ всегда почти первымъ поставляется вышеприведенное нами: *Духъ есть Богъ, и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися.*

Въ опроверженіе ученія этихъ людей написано много сочиненій и цѣлыхъ книгъ. Но люди эти опровергаютъ и сами себя своею практикою, своею жизнью. Отвергая истинную Церковь, іерархію и таинства, люди эти въ то же время учреждаютъ въ своихъ обществахъ нѣчто въ родѣ этого. Они имѣютъ у себя молитвенные домы, свое богослуженіе, своихъ старцевъ—учителей и совершителей священнодѣйствій. Мало того, нѣкоторыя изъ этихъ обществъ, вооружаясь на словахъ противъ всякой обрядности и внѣшности, на дѣлѣ вводятъ у себя самые странные, самые нелѣпые и уродливые обряды, въ родѣ круженій, скаканій разнаго рода и тому подобныхъ одуряющихъ дѣйствій,—и думаютъ посредствомъ этихъ обрядовъ входить въ общеніе съ Богомъ...

Есть у насъ другой родъ людей, соблазняющихся приведеннымъ мѣстомъ Писанія и думающихъ находить въ немъ защиту и оправданіе своему ошибочному взгляду и неуважительному отношенію къ обрядности церковной. Эти люди не составляютъ собою особыхъ религіозныхъ партій, не выдѣляются изъ общества и Церкви: они любятъ называть себя людьми съ не-

зависимыми религіозными убѣжденіями, людьми чуждыми предразсудковъ, суевѣрій и заблужденій толпы (какъ они называютъ людей, не принадлежащихъ къ ихъ кругу). Люди эти не отвергаютъ прямо многоразличныхъ обычаевъ, обрядовъ, уставовъ и предписаній церковныхъ; но они смотрятъ на все это, какъ на принадлежность массы, толпы, которая по своей неразвитости не способна возвыситься до разумнаго представленія о Богѣ и внутренняго, духовнаго служенія Ему. Подобные люди, выражая свои воззрѣнія и убѣжденія, то сѣтуютъ о томъ, что на святой Руси слишкомъ много праздниковъ, что они отнимаютъ въ году много времени, которое могло бы быть употреблено на полезныя работы и занятія, то жалуются, что Русскій простолюдинъ много тратитъ денегъ на поминъ своихъ родителей, на служеніе молебновъ и акаѳистовъ, то порицаютъ обычай благочестиваго странствованія ко святымъ мѣстамъ, то не одобряютъ земные поклоны и употребленіе свѣчей при Богослуженіи, какъ выраженіе молитвеннаго настроенія души, и т. п. и т. п.

Никто не станетъ защищать бездушнаго и лицемѣрнаго употребленія внѣшнихъ обрядовъ и выраженій христіанскаго Богослуженія, въ комъ бы это ни происходило, въ простомъ человѣкѣ, или образованномъ. Во всякомъ и хорошемъ дѣлѣ возможны и бываютъ крайности, а они вредны уже по тому одному, что они крайности. Но изъ-за злоупотребленій благочестивыми обычаями отрицать самое ихъ значеніе и употребленіе—дѣло не логическое и во всѣхъ отношеніяхъ несправедливое: оно можетъ предполагать или незнаніе сущности, духа и силы христіанства, или враждебное отношеніе къ Церкви Православной, въ которой Богослуженіе слагается изъ внутренней и внѣшней стороны.

Необходимость внѣшнихъ формъ Богослуженія такъ очевидна для всякаго православнаго, что доказывать и защищать ее было бы съ нашей стороны дѣломъ лишнимъ. Всякій православный знаетъ, что внѣшнее Богослуженіе есть, съ одной стороны, естественное, необходимое выраженіе Богослуженія внутренняго, духовнаго; а съ другой необходимое средство нравственнаго освѣженія, укрѣпленія и освященія,—Богоучрежденный органъ Божественной благодати, подающей вѣрующему *вся Божественныя силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. I, 3). На этомъ основаніи, всякій православный убѣжденъ, что внѣшность, обрядность, церковность должна существовать до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать Церковь, пока будетъ продолжаться на землѣ благодатное Царство Христово.

«Пусть такъ», говорятъ намъ, «но бѣда въ томъ, что нашъ простой народъ самую-то сущность религіи поставляетъ въ этой обрядовой внѣшности; онъ не можетъ, говорятъ, представить, что можно служить Богу безъ колоколовъ, можно быть нравственнымъ человѣкомъ безъ поклоновъ и постовъ, можно лучше угодить Богу дѣлами любви къ ближнему, нежели покупкою свѣчъ въ церкви и проч. Поставляя несущественное на мѣсто существеннаго, внѣшнее на мѣсто внутренняго въ своемъ взглядѣ на религію, народъ по неволѣ заблуждается и въ своей нравственной жизни. Вмѣсто любви и добрыхъ дѣлъ, вмѣсто исправленія сердца и жизни, онъ довольствуется только посѣщеніемъ храмовъ, хожденіемъ по святымъ мѣстамъ и т. д.». Если народъ нашъ дѣйствительно такъ привязанъ къ обрядности, что изъ-за нея забываетъ существенное въ дѣлѣ религіи, то надо выводить его изъ этого заблужденія мудрыми совѣтами и исправленіями, здра-

вымъ просвѣщеніемъ его и другими благоразумными средствами: это—задача нравственно-религіознаго воспитанія его и духовнаго возрастанія; но не нужно смѣяться надъ самою обрядностью, ни лишать ее подобающаго ей уваженія, ни отнимать у ней истиннаго ея значенія. Спаситель, укоряя книжниковъ и фарисеевъ за то, что они учили народъ исправно давать законныя десятины храму, но не заботились о главномъ въ законѣ—правосудіи, милости и вѣрѣ,—не требовалъ, однакожъ, отъ нихъ оставленія этихъ обрядовыхъ предписаній закона: Онъ говорилъ, что и *сія подобаше творити и онѣхъ не оставляти* (Матѳ. XXIII, 23). Таково должно быть и всегда правильное отношеніе къ двумъ сторонамъ религіи: за внѣшнею ея стороною не должна быть забываема внутренняя; въ свою очередь за внутреннею не должна быть оставляема и презираема внѣшняя. Если нашъ крестьянинъ, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ представить служенія Богу безъ колоколовъ,—онъ заблуждается; но онъ совершенно правъ, когда не можетъ представить себѣ религіи Христовой, напримѣръ безъ креста Христова, безъ чаши Завѣта и под.; совершенно справедливъ также, когда не понимаетъ, какъ это можно быть истиннымъ христіаниномъ и въ то же время не ходить въ церковь, не творить поклоновъ, не соблюдать праздниковъ и проч.

Но если бъ и въ самомъ дѣлѣ нѣкоторые изъ христіанъ были такъ просты, что не понимали бы дѣла религіи иначе, какъ понимаютъ это дѣти, когда думаютъ, что Богослуженіе состоитъ только въ томъ, чтобы ходить въ церковь, творить крестное знаменіе, класть поклоны, цѣловать иконы, кресты, мощи, и проч., то въ такомъ случаѣ мы не поспѣшимъ бросить въ нихъ камень осужденія.

Церковь Христова, по назначенію своему, должна включать въ себя всѣхъ людей. Іисусъ Христосъ, посылая на проповѣдь Апостоловъ, велѣлъ имъ идти во *весь міръ*, проповѣдывать Евангеліе *всей твари*, учить и крестить *вся языки* (Матѳ. XXVIII, 19. Марк. XVI, 15). При такомъ характерѣ всеобщности, вселенства, въ Церковь, естественно, должны войти люди какъ всѣхъ націй, званій и состояній, половъ и возрастовъ, такъ и всѣхъ возможныхъ степеней умственнаго и нравственнаго развитія, образованности, гражданственности, цивилизаціи и т. д. Долгъ и цѣль Церкви—воспитывать всѣхъ этихъ людей въ духѣ религіи Христовой, *дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія въ мужа совершенна, въ мѣру возраста полноты Христовой* (Ефес. IV, 13); Церковь должна всѣхъ возродить и пересоздать, всѣхъ просвѣтить и освятить, всѣхъ привести къ соединенію со Христомъ въ Богѣ. Но эти самые люди, которыхъ она должна воспитывать, составляютъ уже ея членовъ. Она не есть такая школа, которая принимаетъ къ себѣ въ ученики только лицъ, извѣстнымъ образомъ подготовленныхъ къ ней; нѣтъ, она принимаетъ къ себѣ всѣхъ и каждаго желающаго и воспитываетъ ихъ съ младенческаго невѣдѣнія, проводитъ ихъ чрезъ извѣстныя степени развитія и совершенствованія;—поэтому въ составѣ Церкви должны быть и такіе члены, каковы дѣти въ семействѣ; въ нравственномъ возрастѣ дѣтей ея неизбѣжно является безчисленное множество степеней христіанской зрѣлости и совершенства. Будемъ ли мы разсматривать Церковь, какъ всемірное общество вѣрующихъ, и притомъ на всемъ пространствѣ ея многовѣковой жизни, или же—только какъ извѣстное частное общество, и притомъ только въ дан-

номъ мѣстѣ и въ данное время ея существованія,—во всякомъ случаѣ всегда и вездѣ найдемъ въ ней членовъ болѣе зрѣлыхъ и совершенныхъ и менѣе зрѣлыхъ и совершенныхъ въ христіанской жизни, найдемъ также и *младенцевъ о Христѣ* (1 Коринѳ. III, 2). Члены болѣе зрѣлые и совершенные всегда найдутъ себѣ въ Церкви духовное брашно, пищу твердую и крѣпкую, высокія истины вѣдѣнія, глубокіе предметы созерцанія и размышленія и, по своей развитости, будутъ вникать болѣе въ духъ и силу религіи; младенцы о Христѣ—найдутъ себѣ у ней здоровое словесное млеко, простое, безхитростное слово истины и правило жизни, и по своему духовному возрасту, естественно будутъ расположены болѣе къ внѣшней сторонѣ религіи, къ ея формѣ и обряду. Но и тѣ и другіе члены ея, если пребудутъ вѣрны ея матернему руководству и попеченію, одинаково *возрастутъ* въ ней *во спасеніе* (1 Коринѳ. III, 3. 1 Петр. II, 2). Въ этомъ-то и состоитъ всеобщее значеніе христіанства, отличающее его отъ всякой другой религіи и философіи, что оно даетъ духовную пищу и вѣчную жизнь какъ высокообразованнымъ и учено-взыскательнымъ людямъ, такъ и людямъ необразованнымъ и простымъ,—что оно способно удовлетворить и спасти равно тѣхъ и другихъ. Человѣческое образованіе всегда было достояніемъ меньшинства, и религія Христова перестала бъ быть всемірною спасительною силой, если бъ стояла въ зависимости отъ этого образованія.—Такимъ образомъ, если есть въ нашемъ обществѣ христіане съ чисто внѣшнимъ отношеніемъ къ дѣлу религіи, то это *младенцы о Христѣ*. Наше дѣло, конечно, просвѣщать ихъ, возводить ихъ понятія отъ буквы къ духу, отъ внѣшняго къ внутреннему, отъ формы къ содержанію; но удержимся смѣяться надъ ними, осуждать и презирать ихъ. Дитя, безъ сомнѣнія, ничего не понимаетъ въ религіи Христовой; однакожъ Іисусъ Христосъ и ихъ называетъ наслѣдниками Царствія Божія (Матѳ. XVIII, 3. Марк. X, 14—15 и др.)

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на взрослаго человѣка, но младенца по разумѣнію истинъ и существа христіанства,—посмотрите на этого человѣка, съ такимъ усердіемъ полагающаго земные поклоны, съ такою ревнивою торопливостью поспѣшающаго къ честно́му кресту, къ помазанію елеемъ, къ окропленію святою водою, съ такою горячностью лобзающаго святую икону, святыя мощи и т. д.: въ этихъ дѣйствіяхъ его выражается чувство, высокорелигіозное, умиляющее душу вашу. Этотъ невѣжественный человѣкъ съ такимъ жаромъ цѣлуетъ икону, содержанія и смысла которой самъ не доразумѣваетъ; вы знаете, что на ней изображено, положимъ, таинство воплощенія ради насъ Бога Слова, и однакожъ остаетесь къ ней холодными и невнимательными. Онъ взираетъ на картину распятія Господа, и слезы умиленія и раскаянія текутъ изъ его очей; вы, какъ человѣкъ развитой и образованный, конечно, гораздо больше его понимаете всю цѣнность, всю силу крестной жертвы вашего Спасителя, и однакожъ остаетесь равнодушными при взглядѣ на картину. Поютъ умилительную пѣснь: «Тебе поемъ, Тебе благословимъ», этотъ человѣкъ такъ усердно молится, такъ искренно воздыхаетъ; можетъ быть, онъ и не знаетъ того, что̀ извѣстно вамъ, какъ человѣку ученому, именно что, по ученію Церкви, въ это время совершается великая тайна преложенія хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Христову, и однакожъ онъ кладетъ поклоны, онъ воздыхаетъ, а вы, зная это, остаетесь спо-

койными, безъ всякаго религіознаго выраженія. И такъ далѣе проведите, если угодно, сравненіе между своимъ поведеніемъ и поведеніемъ этого человѣка въ церкви, между своимъ и его отношеніемъ къ святынѣ, къ таинствамъ, вообще къ религіи, во всѣхъ случаяхъ вашей жизни,—и скажите по совѣсти, непромѣняли бъ ли вы въ этихъ случаяхъ свою ученую холодность на его дѣтское чувство.

И такъ въ этомъ, повидимому, чисто внѣшнемъ отношеніи къ дѣлу религіи сокрыты живыя внутреннія начала христіанскія—вѣра и любовь. А гдѣ вѣра и любовь, тамъ содержится все для того, чтобъ быть истиннымъ христіаниномъ... *Любовь покрываетъ множество грѣховъ* (1 Петр. IV, 8), и чѣмъ болѣе кто любитъ, тѣмъ болѣе ему оставляется (Лук. VII, 44). Вотъ, почему этой простотѣ вѣры такъ много открывается, такъ много дается. Не одни только Апостолы, будучи простыми рыбарями, удивили міръ своею мудростью, своею дѣятельностью. Читайте исторію Церкви,—и вамъ часто, очень часто придетъ на память извѣстная молитва Спасителя, въ которой Онъ благодаритъ Отца Небеснаго, что Онъ *утаилъ* тайны Царствія Своего *отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ* ихъ *младенцамъ* (Лук. X, 21); придутъ также на мысль изрѣченія Апостольскія, что *буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ, и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая* (1 Коринѳ. I, 27).

Вы хотите, чтобъ простой человѣкъ покланялся Богу духомъ и истиною, съ разумѣніемъ своего служенія Богу: желаніе доброе и святое; учите этому народъ, но не отнимайте у него при этомъ того сокровища его вѣры, которое украшаетъ его дѣтскую душу. Начинайте развитіе, усовершенствованіе его съ той умственной и нравственно-религіозной ступени, на которой онъ стоитъ; дайте ему расти и совершенствоваться въ его духовномъ возрастѣ, а не отрывайте его отъ той почвы его духовной жизни, которою онъ живетъ: совершенство не дается сразу; высшее есть развитіе низшаго. Начало нравственной жизни нашего простолюдина—правильное: развивайте въ немъ это начало правильно и постепенно, а не сталкивайте его съ той ступени, на которой онъ живетъ крѣпко; можно отнять у него образъ его религіознаго служенія Богу и не дать ему вмѣсто того ничего (Воскр. Чт., г. XXVII, ч. I, стр. 97—108).

ЖАТВА БЛАГОДАТИ

(Іоан. IV, 35—38).

Возведите очи ваши, и видите нивы, яко плавы суть къ жатвѣ уже.

Такъ сказалъ Спаситель, когда видѣлъ и показывалъ Апостоламъ народъ, идущій къ Нему изъ города Самарянскаго. Эти люди, имѣвшіе сердца, расположенныя къ вѣрѣ, были та нива, которая какъ-бы уже бѣлѣла (была плавая), подобно пшеницѣ предъ жатвою. Изъ чего можно было заключать сіе? Небесный Жатель могъ видѣть совершенно все внутреннее состояніе духовной нивы; можно было судить о добротѣ нивы и по той готовности, по тому усердію, съ какими народъ спѣшилъ видѣть и слушать Мессію, всѣми ожидаемаго. Сверхъ того, Домовладыкѣ нивъ духовныхъ угодно было и испытать одинъ колосъ изъ Самарянской нивы, и Онъ нашелъ, что онъ готовъ уже къ благодатной жатвѣ, достоинъ внесенія въ Житницу благодати. Жена Самарянка сдѣлалась начаткомъ всей благодатной жатвы въ городѣ Сихарѣ.

И жняй мзду пріемлетъ и собираетъ плодъ въ животъ вѣчный: да и сѣяй вкупѣ радуется и жняй.

Кто *сѣяй*, и кто *жняй?* Жателями, то есть собирателями ищущихъ спасенія въ Христову Церковь, были Апостолы, проповѣдавшіе Евангеліе по наставленію Самого Господа. Кто же были сѣятели? Кто на нивѣ Божіей посѣялъ сѣмена вѣры и надежду для будущей жатвы благодатной? Таковы были древніе праотцы, принимавшіе откровеніе Божіе и предавшіе его другимъ; таковы Моисей и пророки. Много было, въ теченіи вѣковъ, приготовлено ко временамъ новозавѣтнымъ; много было душъ, ожидавшихъ пришествія Христова. И только ли это было у Іудеевъ и Самарянъ? Не было ли и у язычниковъ какого либо сѣянія вѣры? Такъ! и къ нимъ посылались иногда пророки, напримѣръ, Іона къ Ниневитянамъ. Весь народъ Израильскій былъ, можно сказать, всемірнымъ пророкомъ для народовъ, и, возвѣщая имъ Бога истиннаго, возвѣщалъ и надежду на Избавителя. Не плодомъ ли подобнаго сѣянія у язычниковъ были волхвы, упоминаемые въ Евангеліи? Ибо и они ожидали великаго Царя Іудейскаго и удостоились поклониться Ему. Были убо многіе сѣятели и повсюду, и оставили жателямъ новозавѣтнымъ обширныя поля засѣянныя, хотя не всякое поле одинаково обильную обѣщало жатву. Бо́льшая часть была земля каменистая и заросшая терніемъ. Ка́къ же сѣявшіе въ Ветхомъ Завѣтѣ радуются со жнущими въ Завѣтѣ Новомъ? Радуются та́къ, ка́къ Ангелы Божіи радуются о единомъ грѣшникѣ кающемся (Лук. XV, 10). Радуются вкупѣ со жнущими—Апостолами; ибо та́къ угодно было, говоритъ Апостолъ Павелъ, *да не безъ насъ совершенство пріимутъ* (Евр. XI, 40), то есть, обождать за гробомъ временъ новозавѣтныхъ, и тогда *внити въ радость Господа своего*. Такимъ образомъ можно сказать, что *жняй мзду пріемлетъ* въ самомъ жатіи, ибо собираетъ плоды для жизни вѣчной, а сѣявшіе въ свое время не имѣли такой мзды, но утѣшали себя одной надеждой и обѣтованіями Божіими.

О семъ бо слово есть истинное, яко инъ есть сѣяй, и инъ есть жняй.

О другой жатвѣ этого нельзя сказать вообще: сѣютъ большею частью для себя и для себя собираютъ плодъ. Если же бываетъ и на чувственной нивѣ *инъ сѣяй, а инъ жняй*, то это почитается несчастіемъ для сѣятеля; это значитъ, что другой завладѣлъ нивою сѣявшаго и собираетъ себѣ плодъ трудовъ его. Не та́къ въ жатвѣ духовной. Здѣсь хотя инъ сѣяй въ Ветхомъ Завѣтѣ, а инъ жняй въ Новомъ, но оба радуются; потому что оба не для себя трудятся, а для Бога, и оба отъ Него получаютъ мзду трудовъ во время свое. Авраамъ радуется съ Павломъ, Моисей съ Петромъ, всѣ пророки и Апостолы соединяются на единой вечери Господней, какъ трудившіеся на единой великой нивѣ Божіей и положившіе одно основаніе Церкви, *сущу краеугольну Самому Іисусу Христу* (Ефес. II, 20).

Азъ послахъ вы жати, идѣже вы не трудистеся: ініи трудишася, и вы въ трудъ ихъ внидосте.

Не думайте, какъ-бы та́къ говоритъ Господь, что дѣло проповѣданія Евангельскаго будетъ малоплодно, что на нивѣ народовъ вы ничего не найдете, кромѣ тернія и волчцевъ. Нѣтъ, тамъ многіе прежде васъ трудились, много добрыхъ сѣмянъ возрасло и возрастшее готово къ жатвѣ Евангельской. Но поэтому, когда будете видѣть успѣхъ проповѣди, если цѣлые города и народы будутъ обращаться къ вѣрѣ, не приписывайте все однимъ трудамъ своимъ, не забывайте, что у Небеснаго Домовладыки и прежде васъ были многіе

благіе дѣлатели въ родѣ человѣческомъ. Вы ничего не собрали бы безъ предварительнаго сѣянія, да и сами вы не были бы Моими учениками, если бъ не были приготовлены къ тому Богомъ. Если все это могло относиться къ Апостоламъ, то тѣмъ паче можетъ относиться къ проповѣдникамъ позднѣйшимъ, возвѣщающимъ слово истины Евангельской уже послѣ того, какъ *во всю землю изыде вѣщаніе* первыхъ Богодухновенныхъ проповѣдниковъ и *въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Римлянамъ X, 18). Имъ-то преимущественно сознаваться должно: «мы посланы жать, тамъ гдѣ не трудились; другіе, несравненно лучше насъ, трудились прежде, и мы вошли въ ихъ трудъ.—Слава и честь Единому, укрѣпляющему какъ первыхъ, такъ и послѣднихъ дѣлателей на нивѣ Своей!» Что же должно помышлять проповѣдникамъ, когда они не видятъ успѣха своей проповѣди? То же, что древнѣйшимъ пророкамъ, которые сѣяли слово вѣры и не видѣли плодовъ сѣянія. Если проповѣдникъ не можетъ назваться жнецомъ на духовной нивѣ, ибо слово его не собираетъ класовъ въ житницу Христову, то онъ не лишается, по крайней мѣрѣ, званія сѣятеля. Будетъ время, когда и сѣяй и жняй возрадуются вкупѣ. *Кійждо свою мзду пріиметъ по своему труду* (1 Коринѳянамъ III, 8). (Воскресное Чтеніе, г. XI, стр. 38—40).

Библіографическій указатель къ бесѣдѣ Іисуса Христа съ Самарянкой.

Святоотеческія толкованія:

1) *Св. Іоанна Златоустаго* о происхожденіи Самарянъ. Воскр. Чт., г. XI. 35—36.

2) *Его же.* Изъясненіе Евангелія, читаемаго въ недѣлю о Самарянинѣ. Воскр. Чт. XIX. 41—44.

3) На ст. 14. *Св. Кирилла Іерусалимскаго* о томъ, почему Духъ Святый въ Писаніи называется *водою живою.* Воскр. Чт., г. XIII. 81.

4) На ст. 21—26. *Св. Кирилла Александрійскаго* о поклоненіи Богу духомъ и истиною. Воскр. Чт., г. VI. 33—35.

5) На ст. 22. *Преп. Исидора Пелусіота* на сказанное Господомъ Самарянкѣ: *мы кланяемся, егоже вѣмы.* Тв. св. оо., т. XXXV. Тв. Исидора Пелус., ч. II. 333—335.

6) Ст. 46—53. *Св. Григорія Двоеслова.* О силѣ вѣры во Христа, Спасителя міра. Бесѣды на Евангелія въ перев. *архим. Климента.* Кн. I. 96—102.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

7) *Филарета, митроп. Кіевскаго,* бесѣда на ст. 1—54. Воскр. Чт., г. VIII. 150—153. 165—170. 189—193.

8) Недѣля Самаряныни. 5—42 ст. Воскр. Чт., г. XXV. $18^{61}/_{62}$. № 5. 117—126.

9) Бесѣда Іисуса Христа съ женою Самарянкою, съ 5—24 ст. Воскр. Чт., г. XVI. 40.

10) Мысли при чтеніи бесѣды Іисуса Христа съ женою Самарянкою (4—43 ст.) Воскр. Чт., г. XXII. 44—46.

11) Бесѣда Іисуса Христа съ Самарянкою у колодезя Іаковлева. Дух. Бес. 1862 г. XV. № 18. 417—428. № 19. 453—464. № 20. 484—488.

12) *А. Загоскина.* Спаситель міра и жена Самарянка. Дом. Бес. 1860 г. Вып. 13. 180—185.

13) *Прот. Нечаева.* Уроки покаянія, заимствованные изъ Евангелія въ Великомъ канонѣ святаго Андрея Критскаго. *Самарянка.* Душ. Чт. 1881 г. Февр. 236—245.

14) Поучительныя истины изъ Евангелія въ нед. о Самарянинѣ. Воскр. Чт., г. V. 36—38.

15) Жена Самарянка. Воскр. Чт., г. II. 42—44.

16) Сихарь. Воскр. Чт., г. XVII. 44—47.

17) Ересь Самарянская. Воскр. Чт., г. III. 45—48.

18) На ст. 9. Евреи и Самаряне. Воскр. Чт., г. XXXIV. I. 111—116.

19) На ст. 11. Колодези на востокѣ. Воскр. Чт. 1874 г. I. 268—269.

20) Археологическая находка въ святой землѣ (каменная ограда колодца Іакова). Чт. въ Общ. 1881 г. Сент. 405.

21) На ст. 13—14. Воскр. Чт., г. V. 38—40.

22) На ст. 22. Значеніе древняго царства Іудейскаго для народовъ христіанскихъ. Воскр. Чт. г. XXVI. II. 920—928.

23) *Вине.* Народъ и человѣчество. (Спасеніе исходитъ отъ Іудеевъ. ст. 22). Прав. Обозр. 1872 г. Нояб. 515—540.

24) На ст. 23—24. Что̀ значитъ покланяться Богу духомъ и истиною. Воскр. Чт., г. XXIV. 48—52.

25) На тотъ же текстъ. Разумное поклоненіе Богу. Воскр. Чт., г. XXIII. 131—140.

26) На ст. 24. *Прот. Скворцова.* Духовная любовь къ Богу. Дом. Бес. 1866 г. Вып. 19. 477—478.

27) На тотъ же ст. Скудость плодовъ молитвы. Хр. Чт. 1823. X. 290—315.

28) На ст. 27. Женщина у Евреевъ и въ христіанствѣ. Воскр. Чт., г. XXXII. I. 121—129.

29) На ст. 42. Мысли *еп. Θеофана.* Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ. 143.

30) Бес. Іисуса Христа съ Самарянкою. Опытъ объясненія воскресныхъ Евангелій ученикамъ воскресныхъ школъ. Воскр. Чт. 1883 г. II. 3—9.

31) *Дмитрія, архіеп. Херсонскаго.* О поклоненіи Богу духомъ и истиною. Воскр. Чт. 1884 г. 289—296.

32) Справедливо ли въ словахъ Господа Іисуса Христа къ Самарянкѣ о поклоненіи Богу духомъ и истиною видѣть ученіе о духовномъ только поклоненіи и служеніи Ему? Воскр. Чт. 1885 г. 257—263.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

33) Ст. 10. *Исидора, митроп. Новгородскаго.* О томъ, что̀ означаетъ живая вода, и о духовной жаждѣ. 102—103.

34) Ст. 20. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О богослуженіи Самарянскомъ и Іудейскомъ, и о томъ, что должно свято соблюдать неприкосновенность всѣхъ постановленій Церкви. (Противъ нововведеній въ римско-католической церкви.) О похвальныхъ качествахъ Самарянки. I. 201—207.

35) Ст. 23. *Макарія, еп. Тамбовскаго.* Смыслъ изрѣченія Іисуса Христа о поклоненіи Богу духомъ и истиною въ цѣломъ составѣ рѣчи и по снесенію его съ другими мѣстами Священнаго Писанія. (Противъ такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ.) II. 349—359.

36) Ст. 42. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Почему Самарянка удостоилась бесѣды со Христомъ. I. 444—449.

Возвращеніе Іисуса Христа въ Галилею (по заключеніи Іоанна Крестителя въ темницу). (Іоан. IV, 43—45. Марк. I, 14. Матѳ. IV, 12. Лук. IV, 14).

(Прот. Горскаго.)

Два дня пробылъ Господь въ Сихемѣ, по просьбѣ Самарянъ, и пошелъ въ Галилею, которая стала съ этого времени обыкновеннымъ мѣстомъ Его дѣйствій; здѣсь Онъ все время проводилъ въ небольшихъ путешествіяхъ по различнымъ ея округамъ и городамъ. Нѣкоторыя замѣчанія о тогдашнемъ состояніи Галилеи могутъ намъ послужить къ объясненію, почему Господь избралъ эту преимущественно страну мѣстомъ Своего общественнаго служенія.

Галилея, по счисленію Іудейскаго историка, содержала въ себѣ до 204 городовъ и селеній. Жителей тамъ было до 4 милліоновъ. Ежели и сократить обыкновенное число жителей, которое онъ полагаетъ въ каждомъ малѣйшемъ селеніи; именно 15000, все однакоже Галилея, при малой обширности, была тогда очень многолюдная страна. Жители ея не всѣ были Іудеи; много было между ними иностранцевъ, Финикійскаго, Арабскаго и даже Египетскаго происхожденія. Они уже давно пришли

въ сію страну, нѣкоторые еще во времена Ассирійскаго владычества, другіе были поселены Сирійскими государями. Отличное плодородіе этой страны, равно какъ и удобство для торговли привлекало иныхъ и позднѣе. Многіе изъ сихъ переселенцевъ приняли уже и религію Іудейскую. Подъ скипетромъ одного государя, Галилеяне составили одинъ народъ изъ людей различныхъ религій, различныхъ націй; Израильтяне между ними, если и были немногочисленнѣе, однако при государѣ, державшемся вѣры Іудейской, были въ нѣкоторомъ смыслѣ господствующимъ народомъ, хотя ни вѣра государя, ни древнія права, какія Іудеи имѣли на сію страну исключительно въ отношеніи ко всѣмъ другимъ народамъ, не давали имъ никакихъ преимуществъ предъ прочими поселенцами. Итакъ Галилея можетъ быть разсматриваема въ отношеніи къ религіи и какъ страна Іудейская, и какъ страна языческая; въ семъ послѣднемъ значеніи она называлась Галилеею языковъ.

Смѣшеніе Израильтянъ съ язычниками въ Галилеѣ и отдаленность ихъ отъ столицы оставляли ихъ по большей части въ невѣжествѣ въ отношеніи къ своей вѣрѣ. Это были люди, *сѣдящіе во тьмѣ и сѣни смертнѣй.* Коренные Іудеи смотрѣли на нихъ съ презрѣніемъ. *Отъ Галилеи пророкъ не приходитъ, изъ города Галилейскаго можетъ ли что добраго быти?* Это были всеобщія поговорки между чистыми Іудеями. Галилеяне не богаты были учителями, за то учители Іудейскіе не передали имъ всѣхъ своихъ заблужденій. Правда, они раздѣляли съ прочими Іудеями нѣкоторые предразсудки относительно Мессіи; но ихъ предразсудки, какъ предразсудки невѣжества, легче могли сгладиться, нежели предразсудки ложнаго просвѣщенія. Явленіе между ними Мессіи тѣмъ болѣе долженствовало привлекать ихъ къ Нему, чѣмъ на низшей степени стояли они прежде въ мнѣніи своихъ соотчичей Іудейскихъ.

Для другихъ обитателей Галилеи—язычниковъ Іисусъ такъ же не могъ остаться незамѣченнымъ, хотя ни Самъ, ни ученики Его собственно съ ученіемъ къ нимъ не обращались; потому что и Онъ, и ученики Его исцѣляли больныхъ ихъ во множествѣ. Такимъ образомъ и между сими людьми обращеніе и проповѣдь Іисуса не могли оставаться безъ плода.

Ученики Іисуса были всѣ изъ Галилеи. Другимъ послѣдователямъ Его удобнѣе было сопровождать Его въ Его путешествіяхъ и, оставляя свои домы, собирать сѣмена Его ученія, которыя Онъ бросалъ тамъ и здѣсь: поелику плодородностью страны вообще обезпечивались они на счетъ своего содержанія.

Этими соображеніями намъ объясняются причины, по которымъ Спаситель избралъ мѣстомъ преимущественнаго Своего обращенія во время общественнаго служенія Галилею.

Евангелистъ Іоаннъ (IV, 44—45), говоря о прибытіи Господа въ Галилею, замѣчаетъ: *Самъ бо Іисусъ свидѣтельствова, яко пророкъ въ своемъ отечествѣ чести не имать.* Сими словами онъ хочетъ объяснить, почему Господь не остался въ Назаретѣ.

Когда вступилъ Онъ въ Свою страну, въ чистыхъ селеніяхъ Галилеи Ему начали попадаться люди, которые были въ послѣдній праздникъ въ Іерусалимѣ и видѣли тамъ Его первыя дѣйствія. Молва быстро начала распространяться объ Немъ. Всѣ радовались ихъ соотечественнику, Галилеянину; всѣ думали, —Онъ заставитъ теперь Іудеевъ согласиться, что и изъ Галилеи пророкъ приходитъ, надѣялись, что въ Своей странѣ Онъ покажетъ еще болѣе чудо-

твореній (IV, 45). Конечно, много было въ такихъ представленіяхъ объ Іисусѣ неправильнаго; творить чудеса для угожденія Своимъ соотечественникамъ, для возвышенія ихъ предъ Іудеями, Онъ никогда не думалъ; творить чудеса для поддержанія Своей славы—еще менѣе. Главною цѣлію Его чудотвореній всегда было нравственное благо людей, возбужденіе вѣры въ Него, какъ Мессію; гдѣ не видѣлъ Онъ сего, тамъ воздерживался отъ всякихъ знаменій и чудесъ. —Но нельзя отрицать, по крайней мѣрѣ, того, что эти представленія объ Іисусѣ соединялись однакоже съ уваженіемъ къ Нему Самому, какъ посланнику Божію (Еванг. Исторія).

Проповѣдь Іисуса Христа о покаяніи (Матѳ. IV, 13—17. Марк. I, 15. Лук. IV, 15).

(Свящ. Предтеченскаго.)

Возвратившись въ Галилею, Господь Іисусъ Христосъ поселился въ Капернаумѣ, въ предѣлахъ Завулоновыхъ и Нефеалимовыхъ, и оттуда началъ Евангельскую Свою проповѣдь. Первыя слова этой проповѣди были о покаяніи: *оттолѣ начатъ Іисусъ проповѣдати и глаголати: покайтеся, приближися бо Царствіе Небесное* (Матѳ. IV, 17).

Замѣчательно, что такими же точно словами началъ проповѣдь свою и Предтеча Христовъ Іоаннъ: *пріиде Іоаннъ Креститель, проповѣдая въ пустынѣ Іудейстѣй и глаголя: покайтеся, приближися бо Царствіе Небесное* (Матѳ. III, 1—2). Что̀ жъ это значитъ, что и Господь Іисусъ Христосъ и Предтеча Его Іоаннъ въ первыхъ словахъ проповѣди своей и прежде всего потребовали отъ людей покаянія? Ужели такъ необходимо было покаяніе, что безъ него никто не могъ сдѣлаться членомъ новозавѣтнаго Царства Христова, что съ него нужно было начать самое Евангеліе Царствія?

Да. Новое Царствіе, новые порядки, какіе пришелъ водворить на землѣ Іисусъ Христосъ, такъ отличны отъ прежней жизни, отъ безпорядковъ прежде господствовавшихъ, что дѣйствительно необходимо было оставить людямъ все прежнее и родиться снова, а это новое рожденіе начинается покаяніемъ. Прежде было на землѣ царство грѣха, царство діавола; Господь пришелъ основать здѣсь Царство Божіе, Царство Небесное. Прежде люди жили во тьмѣ—Господь пришелъ озарить ихъ свѣтомъ. Прежде люди, рождаясь только отъ плоти, и побужденіями плоти преимущественно руководствовались въ своихъ дѣйствіяхъ; въ Новомъ Завѣтѣ должны были отъ Духа возраждаться и Духомъ руководствоваться (Іоан. III, 1—12). Прежніе жили подъ закономъ, новозавѣтные должны жить подъ благодатію. Прежніе были рабы, а новые—дѣти. На прежнихъ Господь дѣйствовалъ страхомъ, сердца возрожденныхъ привлекаетъ къ Себѣ любовію. Прежде тяготѣлъ надъ людьми законъ смерти—теперь мы идемъ къ жизни блаженной—нескончаемой. Ка́къ же бы могъ совершиться такой глубокій рѣшительный переворотъ въ жизни людей—въ жизни человѣчества, безъ покаянія, безъ рѣшительнаго отказа отъ всего прежняго: отъ прежнихъ мыслей, прежнихъ желаній, прежняго образа дѣйствій? Развѣ возможно общеніе свѣта и тьмы, свободы и рабства, истины и лжи, духа и плоти, неба и ада? И вотъ, Спаситель, какъ предъ Нимъ Предтеча Его Іоаннъ, въ первыхъ словахъ Евангельской Своей проповѣди потребовалъ отъ людей покаянія: *оттолѣ начатъ Іисусъ проповѣдати и глаголати: покайтеся, приближися бо Царствіе Небесное.*

Господь какъ-бы та́къ говорилъ: по-

кайтеся: вы хотите быть сынами свѣта, бросьте жъ дѣла тьмы; хотите принадлежать Богу — возненавидьте діавола; хотите быть духовными — освободите духъ отъ служенія плоти; хотите быть на небѣ—оставьте земныя привязанности; желаете исполниться благодати—перестаньте исполнять законъ по одной необходимости. Вы стремитесь къ свободѣ—покиньте привычки рабовъ. Ваше новое назначеніе быть дѣтьми—отбросьте же страхъ и воспитайте въ сердцахъ дерзновеніе, при которомъ возможно будетъ для васъ говорить Богу: *Авва Отче!* Вы желаете быть Моими учениками и наслѣдовать жизнь вѣчную—совлекитесь же ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ, и облекитесь въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины (Ефес. IV, 22, 24).

Какъ Господь проповѣдывалъ о Своемъ Царствѣ, такъ и основалъ на землѣ это благодатное Царство Свое, — Святую Церковь. Но истинно принадлежитъ къ этому Царству только тотъ, кто имѣетъ его въ сердцѣ своемъ и проявляетъ въ мысляхъ, желаніяхъ и дѣлахъ, согласныхъ съ ученіемъ Христовымъ. Для остальныхъ, даже изъ числа тѣхъ, которые видимо принадлежатъ къ Церкви Христовой, и теперь благовременны тѣ же слова, какими XVIII вѣковъ предъ симъ Господь началъ Евангельскую Свою проповѣдь: *покайтеся, приближися бо Царствіе Небесное.* Приблизилось; но водворилось ли оно въ сердцахъ? Объ этомъ Царствѣ сказалъ Самъ Господь: *не пріидетъ Царство Божіе съ соблюденіемъ*, примѣтнымъ образомъ, *се бо, Царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Матѳ. XVII, 20—21). (Духовн. Бес. 1872 г., т. I, стр. 25—29.)

Покайтеся, приближися бо Царство Небесное (Матѳ. IV, 17).

Что такое Царство Небесное? Гдѣ оно? И какъ войти въ него?—Вотъ вопросы, которые особенно должны занимать христіанина, и которые онъ обязанъ разрѣшить не мыслію только, но наипаче дѣломъ и всею своею жизнью.

Что такое Царство Небесное? Царство Небесное есть святое общество Ангеловъ и человѣкъ, соединенныхъ между собою въ духѣ всецѣлой любви и преданности къ Богу и Господу Іисусу Христу. Итакъ, Царство Небесное, съ одной стороны, весьма похоже на царства земныя, а съ другой не похоже на нихъ и даже противоположно имъ. И въ Царствѣ Небесномъ, по подобію земныхъ царствъ, есть Царь и Господь,—это Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, Спаситель Іисусъ Христосъ. И тамъ, какъ и здѣсь, есть подданные своего Царя, члены Царства,—это Ангелы, выну хвалящіе Господа, и всѣ благочестивыя души человѣческія, свято исполняющія волю Спасителя, изображенную въ Евангеліи и законахъ церковныхъ. И тамъ, какъ и въ царствахъ земныхъ, главное условіе къ тому, чтобы быть членомъ царства, есть совершенное повиновеніе закону, который есть законъ Божій, законъ Христовъ. Горделивый духъ и непокорная, грѣшная душа, судомъ Божіимъ, какъ мертвый членъ, отсѣкается отъ нескверная тѣла Царства Божія и ниспадаетъ въ царство тьмы и діавола. Но, имѣя много похожаго на общества земныя, Царство Небесное во многомъ совсѣмъ не похоже на нихъ, и даже противоположно имъ. Святый Апостолъ говоритъ о Царствѣ Небесномъ: *нѣсть Царствіе Божіе брашно и питіе, но правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Римлян. XIV, 17). Главная цѣль зем-

ныхъ обществъ, по большей части, есть временное благосостояніе людей, довольство и спокойствіе. Не такъ въ Царствѣ Небесномъ. То, что составляетъ здѣсь главное, есть правда, добродѣтель, благочестіе. *Ищите прежде Царствія Божія и правды его* (Матѳ. VI, 33). И земныя царства стремятся къ миру; но сей миръ есть земной, внѣшній, отсутствіе внѣшней брани; а не тотъ миръ, который превосходитъ всякъ умъ, и который, происходя отъ Бога, водворяетъ въ душѣ совершенную тишину и блаженство. Есть радости и въ земныхъ обществахъ.—Но какія это радости? Подобно самымъ обществамъ, по большей части земныя, чувственныя, а не радость о Дусѣ Святѣ, которая постоянно одушевляетъ только членовъ Царства Небеснаго. И такъ Царство Божіе и похоже, и не похоже на царства земныя. И вотъ причина, почему въ проповѣди Іисуса Христа Царство Божіе представляется какъ-бы только вновь возникающимъ. Конечно, Царствіе Божіе было и до явленія Іисуса Христа на землѣ. Оно было между Ангелами; было и между человѣками. Ибо и въ Ветхомъ Завѣтѣ были рабы Божіи, служившіе Богу отъ всего сердца. Но на землѣ до Іисуса Христа оно было сокровенно; на землю, отъ начала паденія проклятую въ дѣлахъ человѣка, падали свыше только нѣкоторые лучи, во свѣтѣ которыхъ содѣлали свое спасеніе только немногіе Богобоязненные мужи Ветхаго Завѣта. Но съ явленіемъ Іисуса Христа на землю, Небесное Царство низошло на нее вполнѣ и явственно. Теперь съ нами Самъ Господь на землѣ; небо соединилось съ землею; земля снова сдѣлалась жилищемъ Божіимъ, и человѣкъ снова сталъ предметомъ особенной любви Божіей и чадомъ Богу возлюбленнымъ. *Приближися бо Царство Небесное.*

Нужно ли послѣ сего спрашивать, гдѣ сіе Царство Божіе? Оно вездѣ. Оно на небѣ; ибо тамъ Богъ и Ангелы, служащіе Ему день и нощь. Оно на землѣ; ибо и здѣсь Богъ и Сынъ Божій, Спаситель нашъ, и Духъ Святый, и Ангелы, хранители наши, и человѣки, вѣрующіе въ Бога и въ Іисуса Христа, и въ духѣ святыя вѣры живущіе для Бога, подобно жителямъ неба. Оно—въ Святой Православной Церкви нашей; ибо Глава ея есть Самъ Господь нашъ, Который и живетъ въ ней, и блюдетъ ее до скончанія вѣка, очищая ее, яко злато въ горнилѣ, и разливая въ ней обильно благодать Свою освящающую. Оно въ святыхъ храмахъ нашихъ; ибо здѣсь совершается все то, что единожды было совершено предъ лицемъ неба и земли и для всей земли. Здѣсь приносится безкровная жертва за спасеніе всѣхъ, и вѣрующіе, соединяясь въ единомъ духѣ вѣры и любви и отложивъ всѣ житейскія, земныя попеченія и мысли, воспаряютъ умомъ и сердцемъ къ Отцу Небесному и къ Ходатаю Бога и человѣковъ Іисусу Христу. Если гдѣ такъ явственно небо соединяется съ землею, то это въ святыхъ храмахъ нашихъ. Наконецъ, Царство Божіе можетъ находиться еще и ближе къ тебѣ, христіанинъ, чѣмъ ты думаешь. Оно можетъ обитать внутрь тебя, въ сердцѣ твоемъ; ибо сердце твое есть храмъ Святаго Духа, Который освящаетъ его и преисполняетъ всякимъ благолѣніемъ духовнымъ и всѣми Божественными дарами, яже къ животу и благочестію. Приникни же къ твоему сердцу и послушай слухомъ души твоей, есть ли въ ней тотъ миръ Божій, о которомъ говоритъ святый Апостолъ, и который не разлученъ съ Царствомъ Божіимъ; или еще слышится въ немъ тревога страстей, воюющихъ на духъ безсмертный? Всмотрись въ душу твою окомъ

ума твоего и виждь, чиста ли она, какъ подобаетъ быть невѣстѣ Христовой, или риза ея черна, и лице ея омрачено грѣхомъ? Разбери чувствомъ безпристрастнымъ и скажи, какія радости движутъ душею твоею,—о земныхъ ли предметахъ, или радости о предметахъ небесныхъ? Если въ сердцѣ твоемъ живутъ правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ, то знай, что Царство Небесное низошло въ душу твою, такъ что тебѣ нѣтъ нужды путешествовать за нимъ въ далекія страны. Но вопрошай, почему оно еще не обнаруживаетъ въ тебѣ всей славы, которою должно быть окружено Царство Божіе. Настоящая жизнь есть время сѣянія, а не жатвы; смерть не иначе, какъ только постепенно бываетъ пожерта животомъ. Но придетъ время, когда Царство Божіе, не стѣсняемое уже тѣсными предѣлами твоего сердца, разліется неизрѣченнымъ свѣтомъ славы и безсмертія по всему существу твоему, и когда праведницы просвѣтятся, яко солнце, въ Царствіи Отца ихъ.

Станемъ ли, наконецъ, говорить о томъ, какъ намъ войти въ сіе Царство Божіе? Другаго средства нѣтъ, кромѣ того, которое указалъ намъ Господь: *покайтеся, приближися бо Царство Небесное.* Покаяніе,—вотъ единственное средство войти въ Царство Божіе. Грѣхомъ мы отпали отъ Царства Божія, слѣдовательно покаяніемъ во грѣхѣ мы и войдемъ въ него. Грѣхомъ мы удалились отъ Бога и святаго общества Ангеловъ; чрезъ покаяніе во грѣхѣ мы и снова будемъ приняты въ это общество. Слезы покаянія суть благодатный дождь, который омываетъ всякую нечистоту душевную и содѣлываетъ насъ способными ко всякому нравственному совершенству. Покаяніе можетъ содѣлать изъ насъ все, и все можетъ доставить намъ. Безъ покаянія и среди Царства Божія мы можемъ остаться чадами тьмы и погибели. *Покаемся убо: приближися бо Царство Небесное* (Воскр. Чт., г. IX, стр. 480—482).

Въ чемъ состоитъ покаяніе, и какъ намъ должно приступать къ этому.

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Покаяться значитъ перемѣнить прежнія мысли, какъ погрѣшительныя, оставить прежнія желанія, какъ безразсудныя и суетныя, прежнія дѣла, какъ достойныя осужденія и погибельныя, и воспріять новыя мысли, а слѣдовательно и желанія и дѣла. Подлинно надлежало покаяться Іудеямъ, когда приближалось Царство Небесное, когда явился между ними Спаситель міра. Они думали о царствѣ земномъ, а имъ возвѣщается Царство Небесное: надо перемѣнить мысли земныя на небесныя. Они, какъ блаженства, желали изобилія и богатства, власти и славы между народами, а имъ проповѣдуютъ, что блаженны нищіи духомъ, алчущіе и жаждущіе правды, изгнанные правды ради: надобно перемѣнить желанія чувственныя и страстныя. Они слегка и наружно исполняли принятые обряды набожности, а оставляли *вящшія закона, судъ и милость и вѣру* (Матѳ. XXIII, 23), и хваляся закономъ, преступленіемъ закона, какъ обличаетъ ихъ Апостолъ, Бога безчествовали (Римлян. II, 23); надо было перемѣнить дѣла лицемѣрно благовидныя, или явно беззаконныя на дѣла внутренно добрыя и чистыя и начать новую жизнь, которою бы Богъ прославился въ душахъ и тѣлесѣхъ. Такъ должно разумѣть проповѣдь Господню о приближеніи Царства Небеснаго въ отношеніи къ первоначальнымъ ея слушателямъ, Іудеямъ. Но и мы не находимся ли между слушателями Божественной проповѣди? Не взываетъ ли

Господь и къ намъ въ Евангеліи: *покайтеся, приближися бо Царствіе Небесное?* Іудеи большею частью не вняли проповѣди Господней, и ветхій Іерусалимъ, *понеже не разумѣлъ времени посѣщенія Его* (Лук. XIX, 44), разрушился у самаго основанія Царства Небеснаго. *И вы блюдитеся, како слышите* (Лук. VIII, 18). Дни земные приходятъ и проходятъ, и вѣчное Царство Небесное становится ближе и ближе. Царство благодати и спасенія приблизилось и открылось уже давно чрезъ спасительную проповѣдь Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Его спасительную для насъ крестную смерть и воскресеніе, чрезъ обильное изліяніе Святаго Духа на Апостоловъ, чрезъ распространеніе христіанскія вѣры во вси концы вселенныя, чрезъ то и мы во святомъ крещеніи сдѣлались сынами и наслѣдниками Царства Небеснаго. Приближается новое болѣе торжественное откровеніе Царства Небеснаго, какъ Царства славы и блаженства. Предреченныя Господомъ знаменія временъ указываютъ сіе великое событіе со дня на день ближе. *Востанетъ*, сказалъ Онъ, *языкъ на языкъ, и царство на царство: и будутъ глади, и пагубы, и труси по мѣстомъ. Вся же сія начало болѣзнемъ* (Матѳ. XXIV, 7). Сколько разъ уже являлось сіе начало послѣднихъ временъ! Какъ грозно было сіе знаменіе, между прочимъ, и въ сей самой области, во дни наши! *За умноженіе беззаконія*, говоритъ еще Господь, *изсякнетъ любы многихъ* (Матѳ. XXIV, 12). О, какъ беззаконіе умножается! О, какъ возлюбленная любовь изсякаетъ! *И проповѣстся сіе Евангеліе Царствія по всей вселенней* (Матѳ. XXIV, 14), предрекалъ Онъ еще; и оно проповѣдано и проповѣдуется. Что̀ далѣе? *И тогда пріидетъ кончина* (Матѳ. XXIV, 14). Когда? Я не знаю; *не знаютъ ни Ангели на небеси* (Матѳ. XXIV, 36); но знаю и вамъ сказано, и теперь напоминается, что кончина пріидетъ точно въ такой часъ, какъ нынѣшній, въ который о томъ не знаютъ и не полагаютъ, чтобы то былъ часъ кончины, который, какъ сѣть рыбу, захватитъ живущихъ на землѣ; знаю и нетрудно всякому понять, что если время за тысячу восемсотъ лѣтъ до нашего времени называлось уже *кончиною лѣта*, то наши дни, конечно, еще ниже висятъ на концѣ вѣковъ, надъ бездною вѣчности; знаю, что Тотъ, Который проповѣдывалъ во Іудеѣ и въ Галилеѣ, что *приближися Царство Небесное*, вновь подтверждаетъ въ Іоанновомъ Откровеніи: время близъ, и даже клянется: *ей, гряду скоро* (Апокалипс. XXII, 20). (Изъ слова въ недѣлю вторую по Пятид., стр. 52—54.)

Библіографическій указатель къ началу проповѣди Іисуса Христа въ Галилеѣ (Матѳ. IV, 13—17 и парал.).

Святоотеческія толкованія.

1) *Св. Іоанна Златоуста.* Бес. на ст. 17. Воскресное Чт., г. XVII. 391—393.

Новѣйшія толкованія

въ духовн. журналахъ:

2) О вступленіи Господа нашего Іисуса Христа во всемірное служеніе роду человѣческому и о первой проповѣди Его въ предѣлахъ Завулоновыхъ и Нефеалимовыхъ. Матѳ. IV. 13—17. Воскресное Чт., г. XXV., ч. II. 1004—1009.

3) *В. Пѣвницкаго.* Образъ Господа Іисуса Христа, какъ Учителя. Тр. Кіев. Д. Ак. 1868 г. III. 374—468.

4) На ст. 17. Начало проповѣди. Воскресное Чт., г. XII. 414—415.

5) *Еп. Θеофана* на парал. 15 ст. I г. Марка.

(Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ. 270—271).

6) Капернаумъ (Матѳ. IV, 13). Библ. п. сл. Воскресное Чт. 1874 г. I. 302—303.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

7) На ст. 16. *Григорія, архіеп. Казанскаго.* О нравственномъ состояніи міра предъ воплощеніемъ Іисуса Христа II. 42—49.

8) Ст. 17. *Никанора, архіеп. Херсонскаго.* Поуч. и Бес., т. IV. 43.

9) Ст. 17. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* Что̀ такое Царство Небесное? Откуда и какъ оно приближается къ намъ? Гдѣ намъ искать и какъ обрѣтать его? Слово въ нед. по просвѣщеніи.

10) Ст. 17. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* О свойствахъ Царства Небеснаго и объ условіяхъ истиннаго покаянія: возрожденіи по существу и возрожденіи личномъ. III. 13—21.

11) Ст. 17. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Принадлежности покаянія: самоиспытаніе, сокрушеніе о грѣхахъ, одушевляемое вѣрою, и рѣшимость оставить грѣхи. III. 133—137.

Исцѣленіе сына царедворца (Іоан. IV, 46—54).

(Тренча, архіеп. Дублинскаго.)

Въ началѣ Своего путешествія по Галилеѣ Іисусъ Христосъ пришелъ въ Кану, гдѣ были у Него родственники и гдѣ уже Онъ сотворилъ первое чудо. Расположеніе жителей города, какъ кажется, не совсѣмъ соотвѣтствовало желаніямъ Іисуса: они ждали отъ Него только чудесъ, а вѣрить въ Него какъ въ Мессію, не думали.—Но между жителями Каны предсталъ Іисусу одинъ царедворецъ изъ Капернаума. *Въ Капернаумѣ былъ нѣкоторый царедворецъ, у котораго сынъ былъ боленъ.* Можетъ статься, по мнѣнію нѣкоторыхъ, это былъ Иродовъ управитель Хуза, жена котораго, довольно замѣчательная, является между святыми женами, послужившими Господу «отъ имѣній своихъ» (Лук. VIII, 3). Только очень важный и чрезвычайный фактъ этого рода могъ привлечь Иродова домоправителя и его семейство въ Евангельскую мрежу. Другіе принимали это лицо за Манаила, совоспитанника Иродова (Дѣян. XIII, 1). Одинъ ли изъ этихъ двоихъ, или кто либо иной, не поименованный въ Писаніи, *услышавъ, что Іисусъ пришелъ въ Галилею, пришелъ къ Нему и просилъ Его придти и исцѣлить сына его, который былъ при смерти.*

По нѣкоторой строгости, которая слышится въ словахъ Господа: *вы не увѣруете, ежели не увидите знаменій и чудесъ*, можно заключить, что этого просителя заставило обратиться къ Іисусу внѣшнее побужденіе, необходимость, которой Онъ только могъ удовлетворить (Исаія XXVI, 16); что онъ былъ не изъ тѣхъ, которыхъ влекло внутреннее желаніе, и что безъ такой нужды онъ не искалъ бы Его. По свойственному Іудеямъ характеру чувственности (ибо слова: *вы не увѣруете*, выражаютъ осужденіе не одному, а многимъ вообще) онъ, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не могъ своимъ душевнымъ окомъ созерцать славу Христа, какъ она проявлялась въ Его личности и въ Его ученіи. Только *знаменія и чудеса*, и ничто другое могли возбудить въ немъ вѣру, въ противоположность Самарянамъ, среди которыхъ Господь такъ недавно находился и которые безъ всякаго чуда «увѣровали по Его слову» (Іоан. IV, 41).

Но если въ отвѣтѣ Господа содержится упрекъ, то въ немъ есть и ободреніе, скрытое обѣщаніе чуда, хотя ему становится въ вину его условная вѣра, то, что ему нужно чудо и ничто кромѣ чуда не въ силахъ внушить ему

упованіе на Владыку жизни. Онъ это такъ и принимаетъ, ибо, не усматривая отказа въ этомъ словѣ кажущейся, въ сущности же дѣйствительной строгости, онъ продолжаетъ сильнѣе настаивать на своемъ желаніи: *Господи, пріиди, пока не умеръ сынъ мой.* Онъ, правда, соединяетъ надежду на помощь съ тѣлеснымъ присутствіемъ Господа, онъ вмѣстѣ далекъ отъ вѣры и смиренія того (Матѳ. VII, 8), кто сказалъ: *Господи, я недостоинъ, чтобъ Ты вошелъ подъ кровъ мой, но скажи только слово, и выздоровѣетъ слуга мой!* Еще менѣе мечтаетъ онъ о великой силѣ, могущей воскресить умершаго. По его мнѣнію, Христосъ могъ исцѣлить больнаго; но онъ и не воображаетъ, что Онъ имѣетъ власть оживить умершаго. Столь слабая вѣра должна и можетъ быть укрѣплена только опытомъ. Такое благодатное дѣйствіе испытанія и вмѣстѣ укрѣпленія вѣры представляется въ слѣдующемъ благоволеніи Господа къ просителю. Онъ не идетъ съ нимъ, какъ тотъ объ этомъ просилъ, а отсылаетъ его лишь съ однимъ словеснымъ увѣреніемъ: *пойди, твой сынъ здоровъ* (ср. Матѳ. VIII, 13. Марк. VII, 29). Отецъ удовлетворился этимъ отвѣтомъ, повѣрилъ; повѣрилъ слову, которое сказалъ ему Іисусъ, и пошелъ съ надеждою, что все исполнится согласно этому слову. Здѣсь было двойное чудо: надъ тѣломъ отсутствующаго отрока, надъ сердцемъ присутствующаго отца; одинъ исцѣлился отъ болѣзни, другой отъ своего невѣрія.

Сравненіе образа дѣйствій Господа по отношенію къ этому царедворцу и къ сотнику, приводимому въ другихъ Евангеліяхъ, назидательно. Конечно, Тотъ не взираетъ на лица людей, Кто не идетъ, а *посылаетъ* только къ сыну этого царедворца (ср. 4 Царств. V, 10—11). Самъ же посѣщаетъ слугу того сотника. Здѣсь, сверхъ того, представляется еще болѣе важное обстоятельство. Здѣсь Онъ нейдетъ, когда Его просятъ, а посылаетъ Свое цѣлительное слово; Онъ предпочитаетъ придти Самъ, когда Его просятъ заочно произнести Свое цѣлительное слово, ибо здѣсь, по толкованію Златоуста, узкая и скудная вѣра расширяется и углубляется, а тамъ твердая вѣра увѣнчается и мзду пріемлетъ. Не пошедши, Онъ усиливаетъ вѣру царедворца; а предлагая идти, Онъ поставляетъ на видъ и чтитъ смиреніе сотника.

На дорогѣ встрѣтились ему слуги и сказали: сынъ твой здоровъ. Хотя вѣра не быстро пустила корни въ душѣ его, но, повидимому, твердо наконецъ укоренилась въ ней. Увѣренность его въ словѣ Христа достигла такой полноты, что онъ не спѣша отправился въ обратный путь. Не ранѣе слѣдующаго дня онъ приближался къ своему дому, хотя разстояніе между двумя городами не было значительно и не требовалось многихъ часовъ на переходъ; но кто вѣритъ, тотъ не станетъ спѣшить. *Онъ спросилъ у нихъ: въ которомъ часу стало ему легче?* ибо по степени вѣры своей отецъ ожидалъ только медленнаго и постепеннаго выздоровленія. *Ему сказали: вчера въ седьмомъ часу горячка оставила его.* Тогда — подразумѣвали они—произошелъ не просто переломъ болѣзни и ослабленіе горячки, но горячка совершенно оставила больнаго, какъ это было и съ тещею Симона, которая по слову Христа *тотчасъ встала и служила имъ* (Лук. IV, 39). Изъ сего *отецъ его узналъ, что это былъ тотъ часъ, въ который Іисусъ сказалъ ему: сынъ твой здоровъ. И увѣровалъ самъ и весь домъ его.* Вотъ что онъ сдѣлалъ за всѣ благодѣянія, дарованныя ему Господомъ: онъ принялъ и другое высшее благодѣяніе, Чашу спасенія, да и не онъ одинъ, а какъ это

часто случается, его обращеніе вліяло на всѣхъ ему близкихъ, ибо подобными послѣдствіями Промыслъ Божій приводитъ насъ къ сознанію, какимъ образомъ не только великое общество человѣческое, но и всякое меньшее общество, нація или, какъ въ настоящемъ случаѣ, семейство, соединяясь подъ однимъ общимъ главою, участвуетъ въ его благахъ и злополучіяхъ (ср. Дѣян. XVI, 15, 31; XVIII, 8).

Это чудотвореніе не тождественно ли съ повѣствованіемъ объ исцѣленіи слуги сотника (Матѳ. VIII, 5. Лук. VII, 2), повторенное здѣсь съ нѣкоторыми незначительными варіантами. Такъ, повидимому, думалъ Ириней и нѣкоторые изъ современниковъ Златоуста, который однако не признавалъ этихъ двухъ чудесъ за одно. Эвальдъ безъ всякихъ доказательствъ считаетъ тождество дѣломъ рѣшеннымъ. Ничто не ручается за это мнѣніе, нѣтъ никакого повода считать его правдоподобнымъ. Самая внѣшняя обстановка не одинакова; то чудо совершилось въ Капернаумѣ, это въ Канѣ; сотникъ—язычникъ, а царедворецъ—Еврей, (въ противномъ случаѣ это не было бы умолчано, такъ какъ отношенія Господа во время земной жизни къ лицамъ, непринадлежащимъ къ избранному народу, въ особенности были замѣчены); тотъ проситель ходатайствовалъ за своего слугу, этотъ за сына; тамъ чрезъ другихъ, здѣсь лично; тамъ больной разслабленный, здѣсь одержимый горячкою; но всего болѣе вопросъ разрѣшается внутреннимъ различіемъ двухъ повѣствованій. Тотъ сотникъ служитъ образцомъ твердой вѣры, этотъ царедворецъ слабо вѣруетъ; сотникъ убѣжденъ, что ежели Іисусъ скажетъ слово, то слуга его исцѣлѣетъ; царедворецъ такую важность придаетъ посѣщенію Господа, ограничивая въ своихъ мысляхъ Его могущество, и думаетъ, что только Его личное присутствіе облегчитъ страданіе больнаго; одного Господь похваляетъ, другаго порицаетъ. Дѣйствительно такъ поразительно несходство между ними, что Августинъ сопоставляетъ ради контраста вѣру сотника и маловѣріе царедворца. Напротивъ того, черты сходства и предполагаемаго тождества слабы и поверхностны, напримѣръ, близкая смерть страждущаго, заочное исцѣленіе словомъ, проситель возвращался къ исцѣлившему больному. Нимало не удивительно, что въ двухъ чудесахъ такого рода обстоятельства были общія (Чудеса Іисуса Христа, стр. 101, 103—104).

Іисусъ Христосъ, отверженный Назаретянами (Лук. IV, 16—31).

Послѣ посѣщенія многихъ городовъ Галилеи Іисусъ Христосъ приходитъ въ Назаретъ. Чудо Капернаумское было и тамъ слышно (Лук. IV, 23). Дошла сюда молва и о другихъ благодатныхъ дѣйствіяхъ Іисуса (18 — 22). Но имъ или не вѣрили, или не давали такой важности, чтобы считать ихъ дѣлами Мессіи. Хотѣлось имъ самимъ что-нибудь чудесное видѣть отъ Него; впрочемъ и въ такомъ случаѣ они не способны были принять Его, какъ принимали Его другіе. Въ нихъ слишкомъ сильны были предубѣжденія, посѣянныя долговременнымъ пребываніемъ Іисуса въ Назаретѣ—въ убогомъ видѣ. Въ такомъ-то расположеніи нашелъ къ Себѣ сердца Своихъ соотечественниковъ Іисусъ въ то время, когда, явившись въ Назаретъ, вошелъ въ синагогу ихъ и началъ учить. И чего же надлежало ожидать отсюда? Іисусъ предложилъ для первой бесѣды чтеніе изъ пророка. По особенному намѣренію Божію открылось Ему мѣсто изъ Исаіи: XLI, 1—2, гдѣ пророкъ предвѣщаетъ лѣто Господне благопріятное, истинное лѣто отпуще-

нія (юбилей), времена отрады и утѣшенія для народа Божія съ пришествіемъ Мессіи. Но тотъ же пророкъ предсказывалъ вмѣстѣ, что Помазанникъ Божій будетъ благовѣствовать *нищимъ* духомъ, будетъ исцѣлять, — но *сокрушеннымъ сердцемъ*, будетъ проповѣдывать освобожденіе *плѣннымъ*, т. е., держимымъ въ узахъ грѣха и діавола, возвѣститъ прозрѣніе *слѣпымъ*, которые и сами сознаютъ свою слѣпоту, отпуститъ на свободу измученныхъ,—подъ игомъ князя тьмы, но которые сами будутъ желать того. Между тѣмъ Его слушатели были не изъ числа тѣхъ, которые сознавали свою слѣпоту и желали исцѣленія отъ нея. Поэтому слово Его, при всей своей силѣ, не могло произвести на нихъ спасительнаго дѣйствія. Они только дивились, что извѣстный имъ съ младенчества Іисусъ можетъ говорить такъ краснорѣчиво; соглашались, что теперь наступило это время, предвозвѣщенное пророкомъ; проповѣдь Іоанна, проповѣдь Самого Іисуса вездѣ были принимаемы съ охотою. Когда же по прямому приложенію словъ пророка къ лицу Самого Іисуса нужно было признать Его Мессіею, тогда возбудились въ нихъ сомнѣнія: можетъ ли совершать такія дѣла Тотъ, Котораго мы знаемъ Мать, братію и сестеръ, Котораго привыкли считать Сыномъ плотника? Не имѣя сердечнаго расположенія къ духовнымъ благамъ, указываемымъ пророкомъ, а потому и не дорожа ими, они, безъ сомнѣнія, требовали отъ Іисуса, если не словами, то, по крайней мѣрѣ, въ мысляхъ, чудесъ, какія совершилъ Онъ въ Капернаумѣ и въ другихъ мѣстахъ, по вѣрѣ прибѣгавшихъ къ Нему за помощью. Но творить чудеса тамъ, гдѣ не было никакой пріемлемости вѣры, только для удовлетворенія грубаго чувственнаго любопытства—этого не могъ Господь. — «Правда, сказалъ Онъ, вы можете сказать, что Самъ Я не стараюсь ничѣмъ привлечь расположеніе ваше, не дѣлаю, чего вамъ хочется:— но это уже не въ первый разъ оправдывается, что пророку нѣтъ чести въ отечествѣ своемъ. Такъ было съ Иліею, такъ было съ Елисеемъ. И какъ Илія и Елисей, когда не имѣли къ нимъ вѣры Израильтяне, свои благодѣянія оказывали постороннимъ, такъ приходится сдѣлать и Мнѣ». Эта рѣчь, которая ставила жителей Назарета ниже язычниковъ, принимавшихъ съ вѣрою пророковъ, вывела ихъ совершенно изъ себя: они выгнали Іисуса изъ синагоги, изъ города, хотѣли сбросить съ горы, на которой былъ расположенъ ихъ городъ; но Іисусъ закрылъ Себя отъ нихъ Своею Божественною силою и удалился.

Съ Нимъ тогда не было учениковъ Его, или по крайней мѣрѣ не всѣ: Іисусъ, можетъ быть, нарочито удалилъ ихъ отъ того, чтобы быть свидѣтелями непріятности, нанесенной Ему соотечественниками, которая могла сильно подѣйствовать на ихъ душу. Онъ пошелъ изъ Назарета къ морю Галилейскому, чтобы тамъ найти ихъ, избрать себѣ какое-нибудь одно мѣсто для всегдашняго пріюта, въ случаѣ нужды, принять Своихъ учениковъ въ тѣснѣйшій союзъ съ Собою, начать ихъ особенное образованіе, соотвѣтственное ихъ назначенію, и съ ними снова отправиться путешествовать по Галилеѣ.

Мысли епископа Θеофана на 18 ст. IV гл. Луки.

Господь не возвѣстить только пришелъ *о лѣтѣ пріятномъ*, но и принесъ его. Гдѣ же оно? Въ душахъ вѣрующихъ. Земля никогда не будетъ превращена въ рай, пока будетъ существовать настоящій порядокъ вещей; но она есть и будетъ поприщемъ приготовленія къ

райской жизни. Начатки ея полагаются въ душѣ: возможность сему въ благодати Божіей; благодать же принесъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ,—принесъ слѣдовательно для душъ *лѣто пріятно*. Кто слушаетъ Господа и исполняетъ все заповѣданное Имъ, тотъ получаетъ благодать и силою ея наслаждается въ себѣ лѣтомъ пріятнымъ. Это вѣрно совершается во всѣхъ искренно вѣрующихъ и дѣйствующихъ по вѣрѣ. Мыслями не наполнишь душу этою пріятностью; надо дѣйствовать, и пріятность вселится сама собою. Внѣшняго покоя можетъ не быть никакого, а одинъ внутренній, но онъ неотъемлемъ отъ Христа. Впрочемъ, всегда бываетъ такъ, что коль скоро водворится внутренній покой, внѣшнія безпокойства не имѣютъ тяготы и горькости. Стало быть, и съ этой стороны есть лѣто пріятно; только снаружи оно кажется холодною зимою. (Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ, стр. 334—335.)

Его же на ст. 22—30.

Назаретяне дивились слову Господа, а все же не вѣровали: помѣшала зависть, какъ открылъ Самъ Господь. И всякая страсть противна истинѣ и добру, зависть же больше всѣхъ, ибо существо ея составляетъ ложь и злоба; это страсть самая несправедливая и самая ядовитая и для носящаго ее, и для того, на кого она обращена. Въ малыхъ размѣрахъ она бываетъ у всякаго, коль скоро равный, а тѣмъ паче худшій беретъ верхъ. Эгоизмъ раздражается, и зависть начинаетъ точить сердце. Это еще не такъ бываетъ мучительно, когда и самому открыта дорога; но когда она заграждается, и заграждается тѣмъ, къ кому уже зачалась зависть, тогда стремленіямъ ея нѣтъ удержу; тутъ миръ не возможенъ. Зависть требуетъ сверженія съ горы своего противника, и не успокоится, пока какъ-нибудь не достигнетъ этого, или не сгубитъ самого завидующаго. Доброхоты, у которыхъ симпатическія чувства преобладаютъ надъ эгоистическими, не страдаютъ отъ зависти. Это указываетъ путь къ погашенію зависти и всякому мучимому ею. Надобно спѣшить возбудить доброхотство, наипаче къ тому, которому завидуешь, и обнаружить это дѣломъ, тотчасъ зависть и стихнетъ. Нѣсколько повтореній въ томъ же родѣ, и, съ Божіею помощію, она совсѣмъ уляжется. Но такъ оставить ее,—измучитъ, изсушитъ и въ гробъ вгонитъ, когда не одолѣешь себя и не оставишь дѣлать зло завидуемому (тамъ же, стр. 335—336).

Назаретяне не повѣрили слову Господа, отъ того, что живя среди нихъ, Онъ не имѣлъ во внѣшнемъ Своемъ положеніи свѣтлости привлекающей и представительности, вызывающей невольное уваженіе. Мы знаемъ, Кто Онъ, говорили они; быть не можетъ, чтобъ въ Немъ было что либо чрезвычайное. Это, однакожъ, не расположило Господа принять внушительную внѣшность; но и Самъ Онъ все время оставался крайне простъ по внѣшности, и Апостолы потомъ также держали себя, а потомъ и всѣ истинные ихъ послѣдователи и подражатели были таковы же. Отъ чего такъ? Отъ того, что нельзя изобрѣсть такой внѣшней свѣтлости, которая бы вполнѣ соотвѣтствовала свѣту жизни о Христѣ Іисусѣ. И признано,—лучше держать внѣшность самой послѣдней цѣны, чтобъ она собою не загораживала внутренняго. Имѣющій очи смотри прямо на это послѣднее, не останавливая вниманія своего на первой. Святый Апостолъ Павелъ выражался такъ: *имамы сокровище сіе въ скудельныхъ сосудѣхъ* (Коринѳ. IV, 7). Если бы посмотрѣть, каковы были по наружности лица, предъ которыми мы теперь благоговѣемъ

и которыхъ призываемъ въ молитвахъ, глазамъ бы своимъ не повѣрили: такъ они были просты. Но и доселѣ такъ, кто познаетъ, что̀ такое жизнь о Христѣ Іисусѣ, бросаетъ внѣшность и весь обращается внутрь. Отъ того, само собою первая падаетъ, а послѣднее возвышается и ростетъ. Даже у многихъ бываетъ такъ, что никто не замѣчаетъ этой свѣтлости внутренней, ни даже самъ обладающій ею. Зло око человѣческое; ему и не показываютъ истинно хорошаго, пока оно можетъ повредить ему (тамъ же, стр. 221—223).

Библіографическій указатель къ проповѣди въ Назаретѣ. (Лук. IV, 16—31).

1) Еврейскія синагоги. Воскресное Чт. XXXII. II. 870—880.

2) Какъ относился Іисусъ Христосъ къ Іудейскому богослуженію? См. въ ст. „Установленіе новозавѣтнаго Богослуженія“. Душ. Чт. 1879 г. III. 169—173.

3) О духѣ христіанства. *М Н-ва.* Воскресное Чт. 1874 г. I. № 25. 384.

4) Ст. 16—21. *Никанора, архіеп. Одесскаго.* Объ исполненіи пророчества Исаіи (LXI, 1) на Іисусѣ Христѣ. IV. 548—556.

Почему главнымъ мѣстомъ пребыванія Іисуса Христа въ Галилеѣ былъ Капернаумъ?

Главнымъ мѣстопребываніемъ Іисуса Христа въ Галилеѣ былъ Капернаумъ. Почему? Эта часть Галилеи отличалась предъ всѣми прочими тучною почвою, обиліемъ всякихъ плодовъ, благотворностью климата, прекраснымъ источникомъ; это было немаловажнымъ удобствомъ для собиравшагося къ Іисусу народа. Кромѣ того Капернаумъ лежалъ на границѣ двухъ отдѣльныхъ владѣній: собственно онъ находился въ Галилеѣ, гдѣ правилъ Иродъ, но весьма близко отъ Капернаума находилась Виѳсаида, бывшая въ области Филиппа, брата Иродова, который правилъ Итуреею и Трахонитскою областью, и куда могъ бы удалиться Іисусъ, если бы встрѣтилась опасность со стороны Ирода (Матѳ. XIV, 13. Іоан. VI, 1). Но были безъ сомнѣнія и другія болѣе важныя причины у Сердцевѣдца, почему именно этотъ, а не другой городъ избралъ Онъ мѣстомъ Своего постояннаго пребыванія, которыхъ мы не знаемъ. Знаемъ только, что Капернаумъ отселѣ называлъ Іисусъ Своимъ городомъ, что здѣсь просили съ Него динарій, какъ и съ прочихъ обитателей города (Матѳ. VII, 24; IX, 1).

Ученіе Іисуса Христа въ Капернаумской синагогѣ и изгнаніе духа нечистаго (Марк. I, 21—28. Лук. IV, 31—37).

(Тренча, архіеп. Дублинскаго.)

Господь нашъ поучалъ, согласно Своему обычаю, въ субботу (ср. Лук. IV, 16. Дѣян. VIII, 14—15), въ Капернаумской синагогѣ. Народъ теперь, какъ и въ другихъ случаяхъ (см. Матѳ. VII, 29. Марк. I, 22; XI, 18), внимая Ему, *дивился Его ученію, ибо Онъ училъ какъ власть имѣющій.* Но Онъ былъ силенъ не словомъ только, но и дѣломъ, и согласно устроенію Своего Небеснаго Отца, здѣсь представился Ему случай подкрѣпить слово Свое послѣдующими знаменіями. *Въ синагогѣ ихъ былъ человѣкъ, одержимый духомъ нечистымъ,* или по выраженію святаго Луки, *имѣ-*

ющій нечистаго духа бѣсовскаго, но не отлученный отъ общественнаго богослуженія подобно другому, который находился въ такомъ же положеніи и о которомъ упомянуто святымъ Лукою XIII, 16; и духъ этотъ вдругъ почувствовалъ близость Того, Кто былъ сильнѣйшій всего царства духовъ, къ которому онъ принадлежалъ, Того, Кто былъ посланъ на разрушеніе всѣхъ дѣлъ діавола. Тревожимый инстинктомъ и сознаніемъ столь близкой опасности, угрожавшей его незаконному владычеству, онъ—не самъ человѣкъ, а злой духъ—вскричалъ: *оставь, что Тебѣ до насъ, Іисусъ Назарянинъ! Ты пришелъ погубить насъ* (ср. Матѳ. VIII, 29. 2 Петр. II, 4. Іуд. I, 6). *Знаю Тебя, что Ты святый Божій!* Земля не познала своего Царя, пришедшаго въ образѣ одного изъ земнородныхъ ея чадъ; но о Немъ свидѣтельствовало небо (Лук. II, 11; III, 22. Матѳ. III, 17), а теперь долженъ свидѣтельствовать адъ: «діаволы вѣруютъ и трепещутъ». Злочестивый, рѣшившійся остаться навсегда злочестивымъ, понялъ, что пришелъ его часъ смерти, когда на него ополчился Святый Божій (ср. Псал. XV, 10).

Но, можно спросить, какая бы могла быть причина, побуждающая къ такому свидѣтельству? Странно, что злой духъ, безъ всякаго принужденія, провозглашаетъ міру о присутствіи въ немъ Святаго Божія, имѣющаго положить конецъ всякому злу, отъ котораго нечестивый тучнѣлъ и которымъ жилъ. Не въ правѣ ли мы скорѣе ожидать, что онъ станетъ отрицать, или стараться помрачить славу Его? Нельзя сказать, чтобъ это было невольное исповѣданіе истины, насильственное, исторгнутое высшимъ могуществомъ Христа, въ виду того, что имъ оскорбился Самъ, въ пользу Кого оно провозглашено, оскорбился до того, что заградилъ уста этого глашатая. Итакъ остается или съ Ѳеофилактомъ и Гроціемъ принять это за вопль низкаго раболѣпнаго страха, притворно и льстиво намѣревающагося отвратить отъ себя судъ, который съ пришествіемъ Христа въ міръ долженъ неминуемо близиться, или слѣдуя Іерониму, считать этотъ возгласъ рабскимъ воплемъ невольника, воображенію котораго при неожиданной встрѣчѣ со своимъ, хорошо ему извѣстнымъ, властелиномъ, чудятся истязанія и мýки, и, вотъ, онъ старается какъ-нибудь укротить его гнѣвъ, или иначе—видѣть въ этомъ заявленіи скрытый умыселъ унизить предъ свѣтомъ Того, за Кого оно подано. Врагъ надѣялся навлечь подозрѣніе на самую истину, лишить ее довѣрія, когда бы принято было свидѣтельство, произнесенное духомъ лжи, а эти исповѣданія Іисуса Христомъ могли казаться предосудительными для Его дѣла, какъ мы видимъ изъ ст. 2 и вскорѣ послѣдующаго 22-го III гл. святаго Марка. Самый фактъ, что Христосъ возбранилъ ему свидѣтельствовать, говоря: *замолчи и выйди изъ него*, даетъ нѣкоторое право на предпочтеніе этого объясненія. Ангелъ и Апостолъ имѣютъ право запрещать именемъ другаго, но Христосъ запрещаетъ Своимъ собственнымъ.

Но слово Его въ настоящемъ случаѣ было ли тѣмъ словомъ могущества, какого мы должны ожидать? Христосъ повелѣлъ злому духу замолчать, но «духъ нечистый, только послѣ того какъ сотрясъ его и закричалъ громкимъ голосомъ, вышелъ изъ него» (ср. Дѣян. VIII, 7). На самомъ дѣлѣ онъ былъ послушенъ приказанію молчать, онъ уже ничего болѣе *не говорилъ*, что̀ и было ему приказано Господомъ; въ громкомъ крикѣ выразился лишь нечленораздѣльный вопль ярости и отчаянія. Здѣсь также нѣтъ и противорѣчія между свя-

тымъ Лукою, который говоритъ, что *духъ ни мало не повредилъ ему*, и святымъ Маркомъ, который замѣчаетъ, что *духъ сотрясъ его*. Злой духъ не причинилъ ему продолжительныхъ мукъ, онъ ему сдѣлалъ зло, какое только могъ; ибо и въ Евангеліи Луки сказано, что духъ повергъ его посреди синагоги, а съ этимъ фактически согласно повѣствованіе другаго Евангелиста, что *духъ сотрясъ его*.

Евангелистъ Маркъ не упускаетъ удобнаго случая сказать о глубокомъ впечатлѣніи, которое чудеса Христа производили на свидѣтелей, и о томъ, какъ они имъ дивились и изумлялись (V, 20; VI, 51; VII, 37; X, 26). Здѣсь онъ это выражаетъ съ наибольшею силою: и *всѣ ужаснулись, такъ что другъ друга спрашивали: что это? что это за новое ученіе, что Онъ и духамъ нечистымъ повелѣваетъ со властію, и они повинуются Ему?* (Чудеса Господа нашего Іисуса Христа, стр. 176—178.)

Мысли еп. Ѳеофана на 22 ст 1 гл. Марка.

Господь училъ въ синагогѣ Капернаумской, и всѣ дивились о ученіи Его: *бѣ бо уча ихъ, яко власть, имый, а не яко книжницы*. Эта власть—не тонъ повелительный, а сила вліянія на души и сердца. Слово Его проходило во внутрь и вязало совѣсти людскія, указывая, что все такъ есть, какъ Онъ говорилъ. Таково и всегда слово, проникнутое силою Божественною, слово отъ Духа, или слово помазанное. Таково оно было и у святыхъ Апостоловъ, и послѣ нихъ у всѣхъ вліятельныхъ учителей, говорившихъ не отъ научности, а отъ того, какъ Духъ имъ давалъ провѣщавать. Это—даръ Божій, стяжаемый однакожъ трудами не надъ однимъ изслѣдованіемъ истины, а болѣе надъ сердечнымъ жизненнымъ усвоеніемъ ея. Гдѣ это совершится, тамъ слово проникается убѣдительностью, потому что переходитъ отъ сердца къ сердцу; тутъ и власть слова надъ душами. Книжникамъ, говорящимъ и пишущимъ отъ научности, не дается такая сила, потому что они говорятъ отъ головы и въ голову пересыпаютъ свое умствованіе. Въ головѣ же нѣтъ жизни, а только верхушка ея. Жизнь въ сердцѣ, и только исходящее изъ сердца можетъ воздѣйствовать на эпохи жизни. (Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ, стр. 271—272.)

Святаго Аѳанасія Александрійскаго на 33—34 ст. IV гл. Луки.

И въ сонмищи бѣ человѣкъ, имый духа бѣса нечиста, и возопи гласомъ великимъ, глаголя: остави, что намъ и Тебѣ, Іисусе Назарянине: пришелъ еси погубити насъ: вѣмъ Тя, Кто еси, Святый Божій. Бѣсъ, сказавшій: *вѣмъ Тя*, не зналъ Его истинно, говорилъ же лицемѣрно. Но и въ томъ, что̀ сказано имъ въ правду (ибо справедливо сказалъ: *Ты еси Святый Божій*), Господь наложилъ на него молчаніе и запретилъ говорить, чтобы и бѣсъ вмѣстѣ съ истиною не посѣялъ злобы своей, и мы пріобучились не внимать бѣсамъ, хотя, повидимому, говорятъ они и истину. Ибо намъ, имѣя у себя Божественныя Писанія и свободу, дарованную Спасителемъ, неприлично учиться у діавола, который не соблюлъ чина и совратился въ мысляхъ своихъ. Посему, когда произноситъ онъ и изрѣченія Писаній, Господь запрещаетъ ему, говоря: *грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя* (Псал. XLIX, 16)? Поэтому самъ Отчій гласъ вѣщающій: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Матѳ. III, 17), и покланяющіеся Ему Ангелы и написавшіе о Немъ святые

достаточно могутъ научить вѣрныхъ, что Онъ одинъ есть Сынъ и Божіе Слово. Аріане же, поелику не имѣютъ чистаго разумѣнія и не могутъ послушать мужей Божественныхъ и Богослововъ, то хотя у подобныхъ имъ бѣсовъ пусть научатся, что не о многихъ возглашали сынахъ, но Сего единаго вѣдая, говорили: *Ты еси Святый Божій* и Сынъ Божій. Ибо самъ внушившій имъ ересь не сказалъ: Ты одинъ изъ святыхъ Божіихъ (Σὺ εἶ Ἅγιος τοῦ Θεοῦ), которыхъ много, но говоритъ: Ты еси Святый Божій (Σὺ εἶ ὁ Ἅγιος τοῦ Θεοῦ), потому что Ты одинъ. Поэтому весьма кстати присовокупленъ здѣсь членъ (ὁ Ἅγιος). Ибо Онъ одинъ святъ по естеству, другіе же святы, какъ причастники Его. Такъ и сами дѣлатели лжи, нерѣдко вынуждаемые очевидностью, и противъ воли свидѣтельствуютъ объ истинѣ. Ибо и демоны не Евангелистовъ исполняли дѣло, но поелику не могли взирать на свѣтъ истины, то и взывали: *вѣмы Тя, Кто еси, Святый Божій.* (Тв. св. оо., т. XXIV. Тв. Аѳ. Вел., ч. IV, стр. 501).

Исцѣленіе тещи Симона и многихъ больныхъ (Матѳ. VIII, 14—17. Марк. I, 29—32. Лук. IV, 38—40).

(Тренча, архіепископа Дублинскаго.)

Это чудо у Евангелистовъ Марка и Луки находится въ непосредственной связи съ предыдущимъ. Евангелистъ Маркъ повѣствуетъ: *вышедши вскорѣ изъ синагоги, пришли въ домъ Симона и Андрея.* У святаго Луки сказано только: въ домъ Симона. Вѣроятно, чтобы вкусить хлѣба, Господь въ сію субботу вошелъ въ этотъ домъ. *Пришедши въ домъ Петровъ, Іисусъ увидѣлъ тещу его, лежащую въ горячкѣ. Она была одержима сильною горячкою,* говоритъ святый Лука, врачъ, по всей вѣроятности употребляющій эпитетъ въ смыслѣ техническаго термина, а не для простаго означенія силы ея болѣзни. Это легко допустить по той причинѣ, что у медиковъ того времени было различіе между сильными горячками, соотвѣтствующими современному у насъ тифу, и слабыми горячками. Одинъ также Евангелистъ Лука упоминаетъ о предстательствѣ нѣкоторыхъ за больную: *и просили Его о ней.* Ему же мы обязаны замѣчательными выраженіями: *Онъ запретилъ горячкѣ*; а при другомъ случаѣ: «Онъ запретилъ вѣтру» (VIII, 24). Одинъ Евангелистъ Матѳей упоминаетъ, что *Онъ коснулся руки ея.* Отъ этого живительнаго прикосновенія здоровье и сила проникли въ ея истощенный организмъ: *горячка оставила ее,* и оставила ее не въ крайней слабости и изнуреніи, обыкновенно слѣдующими за горячкою, по естественному порядку вещей, при медленномъ возстановленіи здоровья. Ея исцѣленіе произошло такъ быстро, что она *встала и служила имъ* (ср. Іоан. IV, 52), заботясь о всемъ нужномъ для угощенія присутствовавшихъ.

Молва объ этомъ чудѣ, вскорѣ послѣдовавшемъ за другимъ того же дня такъ быстро распространилась, что *когда настала вечеръ,* или, слѣдуя Марку, *когда заходило солнце, къ Нему приносили многихъ бѣсноватыхъ и Онъ изгналъ духовъ словомъ, и исцѣлилъ всѣхъ больныхъ.* Двояко объясняется это не важное обстоятельство, тщательно отмѣченное всѣми тремя Евангелистами, что только *при* или *по* захожденіи солнца больные были приносимы къ Іисусу. Нѣкоторые (Ольсгаузенъ) полагаютъ, что выжидали, когда сойдетъ полуденный жаръ и наступитъ болѣе удобная пора и вечерняя прохлада для приноса больныхъ; другіе объясняютъ, что это былъ день субботній (ср. Марк. I, 21, 29) и что боялись нарушить священное отдохновеніе, принимаясь за трудъ до

солнечнаго заката или до истеченія дня. Такъ въ одномъ случаѣ думаетъ и Златоустъ, но въ другомъ подобномъ онъ усматриваетъ болѣе общее доказательство вѣры и ревности народа, который и по миновaніи дня все еще стремился ко Христу и предъ Нимъ слагалъ своихъ больныхъ.

Все это совершалось, какъ повѣствуетъ Евангелистъ Матѳей, *да сбудется реченное чрезъ пророка Исаію, который говоритъ: Онъ взялъ на Себя наши немощи и понесъ болѣзни.* Представляются нѣкоторыя трудности по поводу ссылки на это пророчество—во-первыхъ: почему Евангелистъ все это приводитъ въ связь съ исцѣленіемъ только тѣлесныхъ человѣческихъ недуговъ; во-вторыхъ, почему должно находить болѣе реальное исполненіе онаго здѣсь, чѣмъ въ какомъ либо другомъ способѣ Христова служенія? Первая изъ этихъ трудностей улаживается. Связь, какъ она представляется въ Писаніи, такъ тѣсна между грѣхомъ и страданіемъ, смерть (а болѣзнь есть начало смерти) такъ непосредственно слѣдуетъ за грѣхомъ, все бремя бѣдъ, тяготѣющихъ надъ міромъ, носитъ въ нѣкоторомъ смыслѣ такія карательныя черты, что Мессія является Совершителемъ Своего посольства и Исполнителемъ относящихся къ Нему пророчествъ —устраняетъ ли Онъ грѣхъ, или врачуетъ недугъ и услаждаетъ скорбь, неминуемыя слѣдствія грѣха, исправляетъ ли зло нравственное, или физическое.

Въ рѣшеніи другаго вопроса представляются болѣе существенныя затрудненія. Слова святаго Матѳея, какъ и приведенное имъ пророчество, приписываютъ Господу воспріятіе на Себя болѣзней и немощей, отъ которыхъ Онъ освобождалъ другихъ. Но какъ это могло быть? Въ какомъ смыслѣ можно о Немъ утверждать, что Онъ взялъ на Себя наши немощи и понесъ болѣзни? Не правильнѣе ли думать, что Онъ ихъ устранилъ и уничтожилъ?

Многимъ казалось удовлетворительнымъ объясненіе, почерпнутое изъ Его трудной дѣятельности этого дня, по миновaніи онаго не окончившейся и длившейся даже вечеромъ; такъ что Онъ дѣйствительно облегчалъ тяготы другихъ, но съ обремененіемъ для Себя, съ утомленіемъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ неблаговременныхъ трудовъ, производящихъ болѣзненное ощущеніе въ самомъ труженикѣ. Но невѣроятно, чтобы Евангелистъ намѣревался придать такую важность необычнымъ или продолжительнымъ трудамъ этого дня, или съ такою же свободою не сослался бы на эти слова, повѣствуя о другихъ исцѣленіяхъ, совершенныхъ Господомъ. Не одинъ только этотъ день, хотя бы и особенно изнурительный, но всѣ дни Его земной жизни были для Него днями испытанія тѣхъ золъ, отъ которыхъ Онъ избавлялъ другихъ. Законъ всякой истинной помощи таковъ, что если ты хочешь облегчить бремя, то долженъ самъ преклониться и поднять его (Галат. VI, 2); если хочешь усладить скорбь, то долженъ ей сочувствовать, о чемъ мы свидѣтельствуемъ всякій разъ, говоря о состраданіи, о соучастіи: законъ этотъ наивѣрнѣйшимъ образомъ былъ исполненъ Имъ, на чью помощь возлагаются всѣ надежды. Не въ одномъ этомъ возрѣніи на Его жизнь, то есть, что Онъ былъ Цѣлителемъ немощей, исполнились пророчества, но еще болѣе они оправдались всею Его жизнію, приведшею Его въ соприкосновеніе съ безконечно разнообразными лишеніями и скорбями, съ дисгармоніею во внѣшней жизни, съ противорѣчіями въ человѣческомъ бытіи. Все это, какъ реальное слѣдствіе грѣха представлявшееся Его взорамъ въ своемъ истинномъ видѣ, все это отзывалось живою скорбію въ святой душѣ

Господа. Святый Евангелистъ Матѳей цитуетъ эти слова по отношенію къ одному трудовому дню земной жизни Господа, но мы тогда только постигаемъ всю ихъ силу, когда сознаемъ, что въ высшей степени приложимыя къ тому дню, слова эти простираются на всѣ другіе дни и на всѣ другіе виды Его служенія, ради котораго Онъ пришелъ въ міръ. Онъ понесъ немощи, неся бремя смертной страдальческой жизни, дабы привести ихъ къ концу и побѣдоносно низложить смерть (Чудеса Господа нашего Іисуса Христа, стр. 178—182).

Марк. I, 33—39. Лук. IV, 41—44. Матѳ. IV, 23—25. О продолженіи дѣятельности Іисуса Христа и о впечатлѣніи совершенныхъ Имъ чудесъ Евангелисты разсказываютъ: и весь городъ собрался къ дверямъ. А Онъ на каждаго изъ больныхъ возлагалъ руки и исцѣлялъ ихъ. Выходили изъ многихъ и бѣсы съ крикомъ, говоря: «Ты Христосъ, Сынъ Божій». Но Онъ запрещалъ имъ сказывать, что они знаютъ о Немъ. Поутру весьма рано Іисусъ Христосъ вставъ вышелъ и пошелъ въ уединенное мѣсто, и тамъ молился. Симонъ и прочіе побѣжали искать Его. И нашедши сказали Ему: «всѣ ищутъ Тебя». Но Онъ говоритъ имъ: «пойдемъ въ ближнія селенія и въ другіе города, чтобы Мнѣ и тамъ проповѣдать о Царствіи Божіемъ, потому что Я на то пришелъ». И ходилъ по всей Галилеѣ; училъ въ синагогахъ, благовѣствовалъ о Царствіи Божіемъ и исцѣлялъ всякую болѣзнь и немощь въ людяхъ. Слухъ о Немъ разнесся по всей Сиріи, со всѣхъ сторонъ приводили къ Нему больныхъ самыми разнообразными недугами и припадками для исцѣленія; и множество народа слѣдовало за Нимъ.

Мысли еп. Ѳеофана на Лук. IV гл. 43 ст.

И другимъ градовомъ благовѣстити Ми подобаетъ Царствіе Божіе, яко на се посланъ есмь. Это—*яко на се посланъ есмь,*—священству нашему надобно принять себѣ въ непреложный законъ. И Апостолъ заповѣдалъ имъ въ лицѣ святаго Тимоѳея: *обличи, запрети, умоли, настой благовременнѣ и безвременнѣ.* Истину на землю принесъ Господь и Духъ Святый исполнившій Апостоловъ въ день Пятидесятницы,—и ходитъ она по землѣ. Проводники ея—уста іереевъ Божіихъ. Кто изъ нихъ затворяетъ уста свои, тотъ преграждаетъ путь истинѣ, просящейся въ души вѣрующихъ. Отъ этого и души вѣрующихъ томятся, не получая истины, и сами іереи должны ощущать томленіе отъ истины, которая, не получая исхода, тяготитъ ихъ. Облегчись же, іерей Божій, отъ сей тяготы, испусти потоки Божескихъ словесъ, въ отраду себѣ и въ оживленіе ввѣренныхъ тебѣ душъ. Когда же увидишь, что и у тебя самого нѣтъ истины, возьми ее: она—въ святыхъ писаніяхъ; и, исполняясь ею, препровождай ее къ дѣтямъ духовнымъ: только не молчи. Проповѣдуй, ибо на это ты призванъ. (Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ, стр. 340—341.)

Призваніе четырехъ Апостоловъ (Лук. V, 1—11).

Евангелистъ Лука повѣствуетъ, что когда Господь стоялъ однажды при озерѣ Геннисаретскомъ и около Него тѣснился народъ, желая слышать слово Божіе, то, увидѣвъ при брегѣ двѣ рыбачьи лодки, хозяева которыхъ, вышедши изъ оныхъ, вымывали сѣти свои, Онъ вошелъ въ одну изъ нихъ, принадлежавшую Симону, и попросилъ сего послѣдняго отплыть нѣсколько отъ берега. Тогда Онъ сѣлъ и началъ учить народъ

изъ лодки. Окончивъ бесѣду Свою, Онъ сказалъ Симону, чтобъ тотъ отплылъ на глубину и закинулъ сѣть для ловли. Симонъ отвѣчалъ Ему: «Наставникъ! всю ночь мы промучились и ничего не поймали; но по слову Твоему закину сѣть» (5). Такъ и было сдѣлано, и трудъ не былъ напрасенъ: у нихъ поймано было такое множество рыбы, что сѣть прорывалась, и они уже должны были призвать къ себѣ на помощь товарищей съ другаго судна; оба судна наполнились рыбою, такъ что начинали тонуть. Какъ люди, хорошо знакомые со своимъ дѣломъ, Симонъ Петръ и его товарищи не могли не видѣть всей чудесности событія, и это привело ихъ въ страхъ. Видя предъ собою такого великаго Чудотворца, Симонъ въ почтительномъ самоуниженіи припалъ къ колѣнамъ Іисусовымъ и началъ просить: «выйди отъ меня, Господи,—я человѣкъ грѣшный» (8). Но Христосъ успокоилъ его и сказалъ: «не бойся; съ сего времени будешь ловить человѣковъ» (10). Слова эти однозначащи съ тѣмъ призваніемъ Апостоловъ, о которомъ сообщаетъ намъ другой Евангелистъ,—и конецъ дѣла видимъ тутъ одинъ и тотъ же: пораженные чудомъ Христа рыбари, вытащивъ оба судна на землю *и оставльше вся вслѣдъ Его идоша* (11).

Приведенный разсказъ объясняетъ намъ отчасти ту необыкновенную рѣшимость самоотверженія, съ которою эти рыбари оставили все тотчасъ по первому призыву и пошли вслѣдъ за Христомъ. Простота ихъ послушанія, обнаруженная въ этомъ дѣлѣ, безспорно, показываетъ простоту ихъ вѣры и сердечнаго расположенія; но это отнюдь не было слѣпое послушаніе. Всюду подтверждая слово Свое побѣдоносною силою дѣла, Спаситель и здѣсь, въ занятіяхъ ихъ собственнаго же быта, даетъ имъ живое убѣжденіе къ тому, чтобы они довѣрились Ему безпрекословно. Что же въ такомъ случаѣ представляется особеннаго въ подвигѣ добровольной ихъ рѣшимости, если она была такъ приготовлена и возбуждена чудомъ? Опять то же послушаніе и довѣрчивость, съ которою былъ принятъ самый опытъ увѣренія. Не смотря на безуспѣшную усталость послѣ работы въ теченіи цѣлой ночи, Симонъ не отказывается взять на себя новый трудъ. Онъ самъ даетъ замѣтить Учителю, что трудъ этотъ, по соображенію съ предшествовавшимъ, не обѣщаетъ успѣха; но изъ уваженія къ Наставнику, и полагаясь только на слово Его, Симонъ снова закидываетъ сѣть. Это показываетъ, что въ немъ дѣйствовало уже напередъ установившееся довѣріе къ Наставнику. Впечатлѣніе страха, произведенное на рыбарей чудеснымъ ловомъ рыбы, было естественно. Но какое чувство лежало въ основаніи этого страха и съ какими представленіями соединялся онъ у рыбарей? Судя, по крайней мѣрѣ, потому, какъ выразился онъ у Петра, страхъ этотъ былъ произведенъ не одною внезапностью чуда, но имѣлъ болѣе глубокое основаніе. Явленіе необычайной, высшей силы въ лицѣ великаго Наставника возбудило въ Петрѣ живое представленіе о собственной грѣховности, которое заставило его припасть въ ужасѣ къ колѣнамъ Іисусовымъ. Такимъ образомъ въ душѣ его дѣйствовало возбужденное чувство смиренія. Много разъ въ Евангеліи мы встрѣчаемся съ мыслью о смиреніи и примѣрами смиренія; но это самое показываетъ, что смиреніе представляетъ собою одинъ изъ главныхъ предметовъ Евангельскаго ученія и должно считаться дѣломъ первостепенной потребности у каждаго изъ насъ. Намъ только нужно всегда помнить истинный характеръ христіанскаго смиренія. Оно сосредоточивается не въ скромномъ только

вообще мнѣніи человѣка о самомъ себѣ а прямо въ искреннемъ и полномъ сознаніи своего недостоинства, какъ это высказалось у Петра, высказывалось и въ другихъ случаяхъ, упоминаемыхъ Евангеліемъ. Скромная умѣренность въ сужденіи человѣка о самомъ себѣ, безспорно, составляетъ необходимую черту смиренія; но она сама же, если только существуетъ въ человѣкѣ не по одному имени, располагаетъ его вглядываться внимательнѣе въ свои недостатки и сознавать не закрываясь всю теперешнюю разстроенность своего нравственнаго положенія. А бываетъ очень часто, что человѣкъ не приходитъ и къ мысли—судить о себѣ скромнѣе и благоразумнѣе, доколѣ что либо не дастъ ему почувствовать внутреннихъ язвъ своей грѣховности. Совершившееся паденіе человѣка—дѣло несомнѣнное, и поврежденіе природы его черезъ грѣхъ—явленіе въ опытѣ повсемѣстное; потому устранять отъ себя мысль объ этомъ, при взглядѣ на себя самого, было бы для христіанина непростительнымъ самообольщеніемъ, и отнюдь не можетъ это быть прикрыто какою либо поверхностною формою скромности и умѣренности. Дѣло тутъ прежде всего во внутреннемъ сердечномъ чувствѣ; если только это послѣднее глубоко и сильно, оно тогда можетъ выражаться не въ однихъ только формахъ безотвѣтнаго самоуниженія, но и другими способами, какъ напримѣръ выразилось у Петра, который сталъ просить Іисуса удалиться отъ него. Поступокъ Петра сходенъ съ поступкомъ Капернаумскаго сотника (Матѳ. VIII, 8), который также не хотѣлъ видѣть Іисуса въ домѣ у себя—по чувству смиренія: въ обоихъ случаяхъ своеобразность внѣшнихъ отношеній обезпечивалась достоинствомъ внутренняго расположенія. Со стороны Петра это могло служить свидѣтельствомъ еще болѣе высокаго воззрѣнія: его трепетное обращеніе ко Христу напоминаетъ собою о томъ почтительномъ благоговѣніи, по которому Іудей издавна почиталъ для себя страшнымъ близкое присутствіе Божества и опасался быть истребленнымъ отъ величія славы Его. Воззрѣніе, правда, несвойственное новозавѣтному духу сыноположенія; но въ то же время, если отнесемъ его къ разсматриваемому случаю, можемъ заключить о томъ, какое понятіе имѣлъ Петръ объ Іисусѣ Христѣ и чѣмъ сознавалъ себя въ присутствіи Его. (Воскр. Чт., г. XXV, ч. II, стр. 685—699.)

Святаго Амвросія Медіоланскаго изъясненіе Евангелія о чудесной ловлѣ рыбы (Лук. V, 1—11).

Вмѣзъ Іисусъ въ единъ отъ кораблю, иже бѣ Симоновъ, моли его отъ земли отступити мало. Изъ Евангелія извѣстно, что за Господомъ, когда Онъ исцѣлялъ болѣзни, народъ всюду слѣдовалъ, и желающихъ получить отъ Него исцѣленіе не удерживали ни время, ни мѣсто. Въ одно время наступалъ уже вечеръ, а народъ все шелъ за Нимъ; но встрѣтилось море,—и когда народъ сталъ тѣснить Его, Онъ взошелъ на корабль Петровъ, который, по словамъ Евангелиста Матѳея, бѣдствовалъ на морѣ, а по словамъ святаго Луки, наполненъ былъ рыбою, въ означеніе того, что Церковь Христова напередъ должна была подвергнуться различнымъ искушеніямъ, а потомъ уже содѣлаться плодоносною, и что всѣ тѣ, которые плаваютъ по житейскому морю, подобны рыбамъ. Въ одномъ мѣстѣ Христосъ представленъ спящимъ на кораблѣ, а въ другомъ повелѣвающимъ. Подлинно Онъ спитъ для робкихъ, а бодрствуетъ для совершенныхъ; но при всемъ томъ, Христосъ хотя и спящимъ представленъ, но, по

словамъ пророка, сердце Его бдѣло (Пѣсн. пѣсн. V, 2).

Евангелистъ Матѳей упомянулъ о повелѣніи Его вѣтру для того, чтобы показать Его власть и всемогущество; ибо здѣсь открывается Его Божеская власть и всемогущество; потому что укрощеніемъ волнующагося моря, покорностью стихіи Его гласу и способностью неодушевленныхъ тварей къ повиновенію ясно доказана Его Божественная сила и власть, которыя равнымъ образомъ видны и тогда, когда Онъ укрощаетъ волны міра сего и однимъ словомъ Своимъ изгоняетъ нечистыхъ духовъ.

Евангелистъ Лука говоритъ, что Спаситель для Себя избралъ тотъ самый корабль, на которомъ Петръ ловилъ рыбу, т. е. который не обуревался. Обуревался тотъ корабль, на которомъ сидѣлъ Іуда; ибо хотя на немъ сидѣли и другіе ученики, исполненные вѣры къ своему Учителю, но отъ невѣрія предателя поколебался. Такъ безвѣріе одного можетъ быть причиной всеобщаго возмущенія, а потому мы во всякомъ случаѣ должны удаляться человѣка, зараженнаго невѣріемъ и предательствомъ, дабы изъ-за одного не погибнуть всѣмъ!

Іисусъ Христосъ прочимъ ученикамъ велѣлъ закинуть мрежу въ море, а Петру сказалъ: *поступи во глубину*, т. е. во глубину размышленій; ибо познаніе сокровенныхъ таинъ Божіихъ, явленіе Сына Божія, Его непостижимое рожденіе, есть такая глубина, въ которой разумъ человѣческій совершенно теряется; но пусть мнѣ не дозволено знать, какимъ образомъ родился Богъ; но знать то, что Онъ воплотился, полезно; пусть я не знаю способа Его рожденія, но я долженъ знать, что Онъ дѣйствительно родился; пусть я не знаю, какимъ образомъ Сынъ родился отъ Отца, но знаю совершенно, что Отецъ родилъ Сына; и если Богу не вѣрить, то кому же? Мы обыкновенно вѣримъ тому, что̀ видимъ или о чемъ слышимъ, и когда намъ разсказываютъ люди честные, то вѣримъ безпрекословно; ка́къ же послѣ сего не вѣрить тому, что̀ говоритъ намъ Богъ Отецъ, что̀ подтверждаетъ Богъ Сынъ, что̀ подтверждаютъ затмившееся солнце и потрясшаяся земля? Въ сію-то глубину поступить Христосъ повелѣлъ Петру, дабы онъ могъ прозрѣвать духовными очами и воскресеніе Бога Сына и сошествіе Святаго Духа.

Мрежа, которую Спаситель повелѣлъ Апостоламъ закинуть въ море, означаетъ въ духовномъ смыслѣ связный составъ проповѣди, которою можно уловить слушателя въ послушаніе вѣры. Апостольскую проповѣдь очень прилично назвать мрежею; ибо ка́къ мрежею пойманная рыба не пропадаетъ, но сохраняется и извлекается изъ глубины морской на берегъ,—та́къ и проповѣдь Апостольская не погубила людей, но извлекла ихъ изъ глубины невѣдѣнія во свѣтъ истины и возвела ихъ умъ отъ земли къ небу.

Наставниче, говорилъ Петръ, *обнощь всю труждшеся, ничесоже ямомъ: по глаголу же Твоему ввергу мрежу*. Другими словами это можно та́къ выразить: Господи, я увѣренъ, что тамъ царствуетъ ночь, гдѣ нѣтъ Твоей воли; ибо никто еще не обратился къ вѣрѣ. Хотя я и закидывалъ мрежу слова своего о крещеніи, но доселѣ не изловилъ ничего. Я закидывалъ эту мрежу не ночью, но днемъ, и ожидаю Твоего повелѣнія, *по глаголу Твоему ввержу мрежу*. Подлинно Апостолы ничего не изловили, когда не были посланы на проповѣдь; но когда Спаситель послалъ ихъ во всѣ концы вселенныя проповѣдывать Евангеліе, тогда они изловили неисчислимое множество рыбы. Этотъ успѣхъ въ ловитвѣ ни мало не зависѣлъ

отъ ихъ краснорѣчивой проповѣди, но отъ того дара, который они получили свыше отъ Святаго Духа. Отъ этого дара проповѣдь ихъ имѣла такую силу, что всякое человѣческое мудрованіе ей уступало, и многіе народы обратились къ вѣрѣ во Христа.

Подъ именемъ товарищей, которыхъ приглашали на проповѣдь, когда стала проторгаться мрежа, можно здѣсь разумѣть Іудейскій народъ, изъ числа котораго былъ Іоаннъ и Іаковъ, потому что въ Писаніи сказано: *бысть Іудея святыня Его* (Псал. CXIII, 2). Іудеи изъ своей синагоги точно спѣшатъ на корабль Петровъ, т. е. обращаются къ Церкви Христовой, чтобы наполнить оба корабля, т. е. Церковь и синагогу, потому что о имени Христовомъ всяко колѣно Іудейское и Еллинское поклонится, ибо *всяческая во всѣхъ Христосъ* (Колос. III, 11).

Петру, изловившему множество рыбы, предстояла другая забота—сберечь ее; но опытный сей ловецъ, умѣя изловить, не затруднялся и въ томъ, какъ изловленную сберечь; онъ, уловивъ по слову Христову, вѣрилъ этому слову, и счастливый ловъ не приписалъ своимъ силамъ и своему искусству, а сказалъ: *изыди отъ меня, яко мужъ грѣшенъ есмь, Господи,* т. е. онъ удивился силѣ и благодати Божіей; но чѣмъ болѣе былъ достоинъ толикой благодати, тѣмъ болѣе смирялся.

Христіанинъ! не долженъ ли и ты сказать съ Апостоломъ: *изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь, Господи,* да и тебѣ скажетъ Господь: *не бойся?* Богъ милосердъ и многомилостивъ, не бойся предъ Нимъ исповѣдывать свои согрѣшенія. Ничего не приписывай себѣ, но все относи къ славѣ Божіей; ибо Онъ по благости Своей даруетъ тебѣ все то, что̀ служитъ къ твоему спасенію и вѣчному блаженству (Воскр. Чт., г. X, стр. 245—247).

О силѣ Божественнаго призванія и о послушаніи оному.

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Она же абіе оставльше корабль и отца своего, по Немъ идоста (Матѳ. IV, 22).

На берегу моря Галилейскаго четверо рыбаковъ занимались своимъ дѣломъ. Двое закидывали сѣти, начиная ловъ; другіе двое въ другомъ мѣстѣ поправляли сѣти, видно, поврежденныя во время лова. Идетъ нѣкто по берегу и говоритъ двумъ первымъ: идите за Мною, и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ». Петръ и Андрей могли узнать въ призывающемъ Того, Котораго Іоаннъ Креститель указалъ имъ на Іорданѣ и назвалъ *Агнцемъ Божіимъ;* и Который, при первой встрѣчѣ съ незнакомымъ Симономъ, не только назвалъ его по имени, но и преднарекъ ему новое имя Петра, тогда непонятное и загадочное. Сіи воспоминанія должны были возбудить въ Петрѣ и Андреѣ почтительное вниманіе къ словамъ призывающаго Іисуса. Но при семъ нельзя было имъ не примѣтить и того, что Призывающій былъ странникъ, безпомощный, не имѣющій ни собственнаго дома, ни богатства, ни званія въ обществѣ, почетнаго или начальственнаго. Ка́къ же вдругъ пойти за Нимъ? Куда идти за человѣкомъ, который не имѣетъ, гдѣ преклонитъ главу? Петръ и Андрей имѣли какую-нибудь хижину, имѣли лодку, сѣти, рыболовный промыслъ, и отъ того пропитаніе: ка́къ бросить сіе, чтобы идти за Тѣмъ, Который и сего не имѣетъ?—Но Онъ сдѣлаетъ *ловцами человѣковъ?*—Что̀ это значитъ? ка́къ это возможно? Люди ловятъ людей въ свою власть, подчиненность, зависимость, въ свою волю, посредствомъ предварительной власти надъ нѣкоторыми людьми, посредствомъ богатства, посредствомъ разнообразнаго свѣтскаго

искусства, посредствомъ сильныхъ, богатыхъ, образованныхъ сообщниковъ и единомышленниковъ;—ничего такого не имѣютъ ни Призывающій, ни призываемые быть ловцами человѣковъ. Посему чего бы естественно долженъ былъ ожидать призывающій Іисусъ отъ Петра и Андрея?—если не рѣшительнаго отказа, то нерѣшимости, раздумья, колебанія и борьбы между порывами на зовъ необыкновенный и привязанностью къ быту обыкновенному, между желаніемъ и надеждою неизвѣстнаго великаго, и между опасеніемъ потерять извѣстное малое, и не пріобрѣсти ничего. И что же, напротивъ, оказалось?—Рѣшимость быстрая, готовность полная, послѣдованіе зову, не отсроченное ни на минуту. Петръ и Андрей не остановились даже, чтобы передать свои рыболовныя сѣти, дабы онѣ безъ пользы не пропали, или не сдѣлались добычею хищника. Они просто ихъ бросили. *Она же абіе оставльша мрежи, по Немъ идоста.*

Іисусъ идетъ далѣе по берегу и подобнымъ образомъ зоветъ другихъ двухъ рыбарей, Іакова и Іоанна. Дѣйствіе зова оказывается подобное прежнему и, можетъ быть, еще болѣе удивительное. Изъ Евангельской исторіи не видно, чтобы Іаковъ и Іоаннъ такъ рано и такъ благопріятно предварены были о Іисусѣ, какъ Андрей и Петръ: тѣмъ болѣе удивительно, что и тѣ приняли зовъ Его также безпрекословно, какъ сіи. Іаковъ и Іоаннъ, чтобы идти за Іисусомъ, должны были оставить то, что гораздо дороже рыболовныхъ сѣтей,—оставить отца своего; но и сила сыновней любви, вмѣстѣ съ прочими противоборными чувствованіями и помышленіями естественными, не могла стоять противъ силы слова Іисусова: *она же абіе оставльша корабль и отца своего, по Немъ идоста.*

Что же это за сила, которая въ немногихъ звукахъ слова Іисусова дѣйствуетъ такъ внезапно, такъ неестественно, такъ побѣдоносно надъ сильнѣйшими естественными привязанностями, чувствованіями, умопредставленіями?—По самому дѣйствію необходимо должно признать, что эта сила вышеестественная, слѣдовательно Божественная,—сила слова Божія, *живаго и дѣйственнаго* (Евр. IV, 12),—глагола, который *не возвращается тощь* (Исаія LV, 11) къ изрекшему его, Слова, Которымъ вся быша (Іоан. I, 3). То же Слово, сосущественное Отцу, Которое въ началѣ міра непостижимымъ, Божественнымъ образомъ *рече: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ* (Быт. I, 3), и вообще: *рече, и быша: повелѣ, и создашася* (Псал. XXXII, 9), теперь облекшись въ одежду человѣческаго естества, съ тою же Божественною властію глаголетъ человѣческимъ гласомъ, и глаголемое творится; тварь неудержимо никакими препятствіями устрояется и движется по гласу Творца; человѣкъ идетъ за Богочеловѣкомъ; рыбарь дѣлается Апостоломъ.

Но при семъ надлежитъ принять въ разсужденіе и то, что сіе Слово, всегда одинаково могущественное Само по Себѣ, неодинаково простираетъ Свое могущество на твари. Когда Оно глаголетъ твари, какъ твари, тогда она покорствуетъ Ему необходимо. Такъ Іисусъ *запрети вѣтру и рече морю: молчи, престани: и улеже вѣтръ, и бысть тишина велія* (Марк. IV, 39). Но когда Слово Божіе глаголетъ твари, какъ существу разумному и свободному, тогда предоставляетъ ей свободно внять глаголемому и принять спасительную силу и дѣйствіе глагола. Такъ глаголалъ Господь Петру и Андрею: *грядита по Мнѣ;* и Самъ не только побуждалъ ихъ слѣдовать за Нимъ, но и

давалъ имъ силу исполнить сіе и преодолѣть всѣ препятствія; однако не принуждалъ ихъ, а предоставлялъ имъ свободно принять слово и силу слова, повелѣніе и благодать исполненія. И потому, прославляя Божественную силу слова Христова, мы не должны оставить безъ замѣчанія и человѣческую въ Апостолахъ добродѣтель послушанія слову Христову.

Какъ быстро подвиглась ихъ свободная воля во слѣдъ призывающаго слова Христова: *абіе*, тотчасъ! Какъ вѣрно за намѣреніемъ послѣдовало самое дѣло: *по Немъ идоста!* Какъ безусловно всѣмъ для сего пожертвовано: *оставльша мрежи,—оставльша корабль и отца своего!*

Вотъ, для насъ примѣръ и указаніе общаго христіанскаго долга—послушанія слову Христову,—послушанія скораго, неуклоннаго, дѣятельнаго, никакими препятствіями не побѣждаемаго, на всѣ пожертвованія готоваго (Т. I. Изъ Слова въ недѣлю 3-ю по Пятидесятницѣ, стр. 91—92).

Мысли епископа Ѳеофана о призваніи учениковъ (Матѳ. IV, 18—24).

Позвалъ Господь Петра и Андрея,—и они тотчасъ, оставя все, пошли за Нимъ. Позвалъ Онъ Іакова и Іоанна, и они тоже тотчасъ оставили все и пошли за Нимъ. Отчего же такъ скоро и охотно пошли? Оттого, что увидѣли лучшее. Таковъ уже законъ у насъ въ душѣ, что, узнавъ и вкусивъ лучшее, она отвращается отъ худшаго и бросаетъ его. Тутъ совершается то же, что̀ потомъ Господь изобразилъ въ притчѣ о сокровищѣ, сокрытомъ на селѣ, и о бисерѣ многоцѣнномъ. Это сокровище и бисеръ—вѣра въ Господа и общеніе съ Нимъ по силѣ вѣры. Обладателями сего мы нарицаемся еще въ крещеніи. Отчего же мы такъ мало цѣнимъ такое сокровище и, мало цѣня, мѣняемъ на пустошь? Оттого, что во время воспитанія не̄вводятъ насъ во вкусъ этого сокровища, и оно становится чуждо нашему сердцу. Сердце наше не знаетъ этого лучшаго. Оно знаетъ только, что изъ не хорошаго меньше не хорошо и что больше, и на этомъ основываетъ свой взглядъ. Тутъ и причина вся, отъ чего иныхъ зоветъ Господь, и они идутъ; а мы, и призванные, бѣжимъ отъ Него. (Мысли на каждый день года, стр. 183—184.)

Лук. V, 6. Цѣлую ночь трудились рыбари и ничего не поймали; но когда Господь вошелъ въ ихъ лодку и, послѣ проповѣди, велѣлъ забросить мрежу, поймалось столько, что вытащить не могли, и мрежа проторгалась. Это—образъ всякаго труда безъ помощи Божіей. Пока одинъ человѣкъ трудится и одними своими силами хочетъ чего достигнуть,—все изъ рукъ валится; когда приближится къ нему Господь,—откуда потечетъ добро за добромъ. Въ духовно-нравственномъ отношеніи невозможность успѣха безъ Господа осязательно видна: *безъ Мене не можете творити ничесоже*, сказалъ Господь. И этотъ законъ дѣйствуетъ во всякомъ. Какъ вѣтка, если не срощена съ деревомъ, не только плода не приноситъ, но, изсыхая, и живность теряетъ, такъ и люди, если не состоятъ въ живомъ общеніи съ Господомъ, плодовъ правды, цѣнныхъ для живота вѣчнаго, приносить не могутъ. Добро, какое въ нихъ и бываетъ иногда, только на видъ добро, а въ сущности не доброкачественно, какъ лѣсное яблоко и красно бываетъ съ виду, а попробуй—кисло. И во внѣшнемъ житейскомъ отношеніи тоже осязательно видно: бьется, бьется иной, и все не въ прокъ. Когда же низойдетъ благословеніе Божіе,—откуда что̀ берется. Внимательные къ себѣ и къ путямъ жизни опытно знаютъ эти истины (тамъ же, стр. 339—340).

Библіографическій указатель къ призванію Апостоловъ

(Матѳ. IV, 18—22. Лук. V, 1—11).

Святоотеческія толкованія.

1) *Св. Дмитрія Ростовскаго* на слова: *изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь* (8). Воскр. Чт., г. XX. 239—244.

Новѣйшія толкованія

въ духовн. журналахъ:

2) *Ѳ. Надеждина.* Призваніе къ Апостольскому служенію Петра, Андрея, Іакова и Іоанна. Дух. Бес. 1860 г., т. X. № 27. 257—273.

3) Призваніе Апостоловъ (Матѳ. IV, 19—20). Воскр. Чт., г. XXXIV. I. 253—256.

4) Зеведей (Матѳ. IV, 21). Библ. пол. сл. Воскр. Чт. 1875 г. I. 397. Іаковъ. Тамъ же. II. 221—229. Іоаннъ (Матѳ. IV, 22). Тамъ же. 407—408.

5) Лук. V, 1—11. Изъясненіе Евангелія о чудесной ловлѣ рыбъ. Воскр. Чт., г. III. 245—248.

6) *Бѣлюстина.* Апостольство. Воскр. Чт., г. XXXIII. II. № 26. 1—8.

7) *Г. Н.* Святые Апостолы, какъ проповѣдники слова Божія. Тамъ же. 62—68.

8) Геннисаретъ (Лук. V, 1). Библ. пол. сл. Воскр. Чт. 1874 г. II. 143.

9) Матѳ. IV, 19. *Прот. Нечаева.* Сокровище духовное, отъ міра собираемое. Душ. Чт. 1884 г. Авг. 462—467.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

10) Матѳ. IV, 18—23. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* О состояніи рода человѣческаго предъ явленіемъ на землю Искупителя и о религіозно-нравственномъ состояніи современнаго общества. III. 139—155.

11) Ст. 19. *Филарета, митр. Московскаго.* О томъ, что призваніемъ Петра, Андрея, Іакова и Іоанна Іисусъ Христосъ положилъ начало созиданію Своей Церкви, и что всѣ люди, подобно рыбамъ, плавають въ глубинѣ моря житейскаго и уловляются духовною мрежею въ Царство Небесное, V. 81—83.

12) Ст. 23. *Его же.* О проповѣданномъ Іисусомъ Христомъ Евангеліи Царствія: что было предметомъ его, и что такое Царствіе Небесное. II. 317—321.

13) Ст. 18—24. *Иліодора, архіеп. Курскаго.* Бесѣда о призваніи 4-хъ учениковъ. 271—277.

14) Лук. V, 1—11. *Макарія, еп. Тамбовскаго.* О преимуществахъ Библіи предъ всѣми другими книгами, ея свойствахъ и достоинствахъ. II. 63—68.

15) *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* О призваніи рыбарей и высокомъ значеніи труда для общаго и частнаго блага людей. II. 119—125. О томъ живомъ участіи, которое принимаетъ Господь Богъ въ судьбѣ міра и человѣка и нѣкоторыхъ законахъ міроправленія Божія. III. 296—310.

16) Ст. 1. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Отъ чего мало хотятъ слушать слово Божіе. II. 97.

17) Ст. 5. *Исидора, митроп. Новгородскаго.* О свойствахъ истиннаго послушанія. 182—190.

Иннокентія, архіеп. Херсонскаго. О напрасномъ исканіи счастія въ мірскихъ благахъ. I. 658—664.

18) Ст. 10. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* Мудрость безъ праводушія, безъ младенческаго смиренія и простоты, есть только тѣнь совершенства, слабое отраженіе истиннаго свѣта. 476—481.

Исцѣленіе прокаженнаго (Матѳ. VIII, 1—4. Марк. I, 40—45. Лук. V, 12—16).

(Тренча, архіеп. Дублинскаго.)

Іисусъ Христосъ находился въ одномъ изъ Галилейскихъ городовъ, *и вотъ, подошелъ прокаженный и кланялся Ему* (Матѳ. VIII, 2). О поклоненіи едвали нужно говорить, что оно означаетъ глубокое уваженіе, но не предполагаетъ еще признанія Божественнаго характера въ Томъ, Кому оно воздается. Просьба этого несчастнаго человѣка къ Господу выражается замѣчательными словами — это языкъ простой и смиренной вѣры, которая готова ожидать исхода, каковъ бы онъ ни былъ, и изъявивъ свое желаніе,

предоставить исполненіе, или отказъ высшей мудрости и любви: *Господи! если хочешь, можешь меня очистить* (2). Здѣсь нѣтъ вопроса о могуществѣ; нѣтъ признаковъ невѣрія того просителя, который говорилъ: *если что можешь, сжалься надъ нами и помоги намъ* (Марк. IX, 22). *И Іисусъ, простеръ руку, коснулся его*, укрѣпляя и ободряя его вѣру, снисходя на просьбу и отвѣчая тѣми же словами, какими была выражена просьба: *хочу, очистись. И онъ тотчасъ очистился отъ проказы* (3). Это прикосновеніе Христа къ нечистому достопримѣчательно, ибо въ силу закона оно влекло за собою обрядовое осквернение. Гностики въ этомъ несоблюденіи закона Господомъ видѣли подтвержденіе своего ученія, что законъ исходилъ не отъ всеблагаго Бога, а отъ злаго начала. Имъ справедливо отвѣчаетъ Тертулліанъ, утверждаясь главнымъ образомъ на глубокой мысли, заключающейся въ запрещеніи прикасаться къ лицамъ, по закону признаннымъ нечистыми, т. е. что мы не должны оскверняться участіемъ въ грѣхахъ другихъ людей; а Апостолъ Павелъ, перемѣняя обрядовое запрещеніе въ нравственное, восклицаетъ: *выйдете изъ среды ихъ и не прикасайтесь къ нечистому* (2 Коринѳ. VI, 17). Эти плотскія запрещенія были полезны для всѣхъ, пока не пришелъ Онъ, Пречистый, для Кого все было чисто, Кто былъ чуждъ скверны и заразы, Кто первый между человѣками положилъ преграду и отразилъ напоръ зла, господствующаго въ мірѣ.

И говоритъ ему Іисусъ: *смотри, ни кому не сказывай* (ср. Матѳ. XII, 16. Марк. V, 43). Болѣе вѣроятная причина запрещенія—та, чтобы Его скромное служеніе не затруднялось неблаговременнымъ стеченіемъ толпы, привлекаемой къ Нему надеждою мірскихъ благъ, (что̀ дѣйствительно бывало, какъ это явствуетъ изъ Евангелія Марк. I, 45), или въ ожиданіи чудесныхъ знаменій, или, можетъ быть, чтобы преждевременно не вооружить противъ Себя враговъ молвою объ Его великихъ дѣлахъ (Іоан. XI, 46—47). Но приказаніе одному провозглашать, другому молчать о великомъ Божіемъ благодѣяніи условливалось и другими болѣе глубокими причинами и основывалось на различномъ нравственномъ состояніи самихъ исцѣленныхъ. Гроцій и Бенгель не безъ основанія полагаютъ, что это: *смотри, ни кому не сказывай* должно принимать съ такимъ ограниченіемъ, т. е. пока не исполнишь Моего приказанія: *пойди, покажи себя священникамъ и принеси даръ, какой повелѣлъ Моисей во свидѣтельство имъ.* До тѣхъ поръ ему надлежало молчать, дабы молва объ этомъ не предупредила его, и дабы Іерусалимскіе священники, изъ зависти или изъ желанія унизить дѣло Господа, не стали вовсе отрицать, что исцѣленный страдалъ проказою или что дѣйствительно теперь отъ нея очистился. Такимъ образомъ замѣчаніе святаго Марка: *Онъ тотчасъ отослалъ (43) его* объясняется тѣмъ, что Онъ не дозволилъ ему медлить и потребовалъ скорѣйшаго исполненія приказанія, чтобы молва о его исцѣленіи не предупредила его. *Во свидѣтельство имъ* (44), т. е. по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ доказательство самимъ прекателямъ, что «Я пришелъ не нарушить законъ, а исполнить» (Матѳ. V, 17). По нашему мнѣнію, слова: *во свидѣтельство имъ* (ср. Марк. VI; 11. Лук. IX, 5) значатъ то же, что въ доказательство противу нихъ, въ обличеніе ихъ невѣрія, когда Я оправдываю права Мои столь великими знаменіями, такими дѣлами, дѣйствительность которыхъ они должны

скрѣпить своею печатью (Іоан. V, 36; XV, 24), принимая твой даръ, а тебя самого, какъ очищеннаго, вновь допуская въ общество. Явленіе исцѣленнаго къ священникамъ, по уставу левитовъ (XIV, 3), было нужно для того, чтобы они засвидѣтельствовали о дѣйствительномъ очищеніи больнаго, приняли отъ него даръ и принесли какъ очистительную жертву за него, а по исполненіи всѣхъ этихъ обрядовъ, объявивъ его чистымъ, возстановили его во всѣхъ правахъ и преимуществахъ церковныхъ и гражданскихъ. Касательно нарушеннаго прокаженнымъ приказанія хранить молчаніе и о томъ, что онъ, *вышедши, началъ провозглашать и разсказывать о происшедшемъ* (Марк. I, 45), мнѣнія толкователей не одинаковы. Характеристическую черту и глубокое различіе между Римско-католическими и протестантскими толкователями составляетъ то, что первые, сколько извѣстно, всѣ безъ исключенія скорѣе похваляютъ, чѣмъ осуждаютъ этихъ людей за неисполненіе строгаго и сопряженнаго съ угрозою повелѣнія Христа никому не разглашать о полученномъ ими дарѣ, и что учители той церкви видятъ въ этомъ непослушаніи неудержимое изліяніе благодарныхъ сердецъ, что въ сущности должно считаться не грѣхомъ, а заслугой. Нѣкоторые изъ древнихъ, напримѣръ Ѳеофилактъ, не обинуясь утверждаютъ, что эти люди вовсе не были ослушниками, разглашая о чудѣ, что Христосъ, вовсе не имѣлъ намѣренія обязать ихъ заповѣдію молчанія, но предписалъ ее по Своему смиренію, и не оскорбился ихъ непослушаніемъ. Что̀ касается до толкователей протестантскихъ, для которыхъ слово Божіе есть безусловное правило и законъ, и которые не допускаютъ поклоненія Богу посредствомъ самопроизвольныхъ дѣлъ, а слѣдуютъ образцу, имъ указанному, то всѣ они считаютъ, что повиновеніе лучше жертвы, хотя бы жертва предназначалась для особеннаго чествованія Божія 1) Царств. XV, 21). Потому разглашеніе чуда вопреки повелѣнію Христа они считаютъ недостаткомъ въ вѣрѣ ослушниковъ, виною, которую нельзя оправдать, хотя и признаютъ, что она истекаетъ изъ благодарнаго сердца (Чудеса Іисуса Христа, стр. 168—171).

Святаго Исидора Пелусіота на 4 ст. VIII гл. Матѳея.

Прокаженному повелѣно было принести предписанный закономъ даръ для того, чтобы показать согласіе двухъ завѣтовъ, а также и то, что Совершившій исцѣленіе нынѣ есть Одинъ и тотъ же съ Давшимъ законъ (Тв. св. оо., т. XXXIV. Тв. Исидора Пелус., ч. I, стр. 100).

Исцѣленіе разслабленнаго въ Капернаумѣ (Матѳ. IX, 1—8).

Въ чемъ состоялъ этотъ недугъ разслабленія? Судя по описанію и по самому названію больныхъ такого рода въ Евангеліи (παραλυτικὸς, отъ παράλυσις), это была та же или почти та же самая болѣзнь, которая у насъ также теперь извѣстна подъ именемъ паралича, и обнаруживается пораженіемъ и ослабленіемъ нервовъ въ организмѣ человѣка, въ большей или меньшей степени.

Разслабленнаго приносятъ ко Христу на одрѣ; значитъ, больной не могъ и двинуться съ него. Онъ былъ доведенъ до такого ослабленія, что не могъ даже и обратиться самъ къ Спасителю съ просьбою объ исцѣленіи; едва ли даже онъ былъ въ полномъ сознаніи. Евангелистъ сообщаетъ намъ, что Спаситель принялъ во вниманіе *вѣру* тѣхъ, кои принесли больнаго, и на основаніи ея изрекъ больному слово милости. Тутъ

мы напередъ уже встрѣчаемъ видимое оправданіе того, какъ общая *молитва вѣры*, по словамъ святаго Іакова (Іаков. V, 15), можетъ спасать болящихъ. Хотя Евангелистъ не показываетъ, обращались ли тѣ лица ко Христу словесно съ прошеніемъ относительно больнаго; но то самое, что они представили его Спасителю, побуждаясь вѣрою, которая не скрылась отъ очей Христовыхъ, было съ ихъ стороны не другое что, какъ та же соединенная молитва вѣры, которую имѣлъ въ виду и Апостолъ, предлагая намъ ученіе о таинствѣ елеосвященія.

Что же сказалъ Христосъ разслабленному? «Дерзай, чадо, говоритъ Онъ, отпущаются тебѣ грѣхи твои». Стóитъ и здѣсь намъ обратить вниманіе на сходство, какое замѣчается между самымъ ходомъ дѣла въ Евангельскомъ повѣствованіи и между словами Апостола. Чтобъ испросить помощь разслабленному, сказали мы, является соединенная вѣра другихъ, и успѣхъ ея тотчасъ же обнаруживается прощеніемъ грѣховъ больнаго; Апостолъ также говоритъ: *молитва вѣры* (при помазаніи елеемъ) *спасетъ болящаго и воздвигнетъ его Господь,—и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему* (Іаков. V, 15). Послѣ этого въ словахъ Апостола о елеосвященіи невольно и самымъ послѣдовательнымъ образомъ представляется на видъ намъ драгоцѣнная, для всѣхъ открытая возможность пользоваться во всякое время тѣмъ даромъ помощи свыше при болѣзняхъ, какого удостоивались нѣкоторые во время земной жизни Спасителя,—пользоваться при посредствѣ одной вѣры, на условіяхъ чисто нравственныхъ. Разница здѣсь только въ томъ, съ одной стороны, что благодатное дарованіе исцѣленія, которое являлось тамъ, какъ чрезвычайный даръ, въ особенныхъ случаяхъ, и прямо по вызывающей къ тому потребности, равно какъ и способности со стороны страждущихъ, здѣсь облекается въ общую и постоянную форму церковнаго тайнодѣйствія. Съ другой же стороны въ томъ здѣсь разница, что при такой общедоступности своей оно, естественно, въ своемъ употребленіи не всегда соразмѣряется съ дѣйствительною вѣрою нуждающихся, а иногда могутъ обращаться къ нему и безъ надлежащей вѣры,—равно какъ не всегда могутъ знать и полную мѣру своей потребности въ немъ, потому что инымъ воля Божія присуждаетъ одинъ внутренній даръ отпущенія грѣховъ и ведетъ потомъ ихъ къ мирной кончинѣ путемъ болѣзни. Отсюда, между прочимъ, объясняется и то, почему такъ часто это священное таинство не сопровождается для насъ видимымъ врачеваніемъ немощей тѣлесныхъ. Впрочемъ, сказать правду, намъ слѣдовало бы побольше представлять Богу опытовъ живой и твердой вѣры, когда мы сходимся молиться за больнаго: тогда виднѣе было бы на самомъ опытѣ, почему, сколько и когда не достигается здѣсь даръ полнаго врачеванія по душѣ и тѣлу.

Ясно, что Спаситель, начиная рѣчь Свою къ разслабленному словомъ прощенія, тѣмъ указываетъ внутреннюю сокровенную причину болѣзни въ душѣ его, въ нравственныхъ недостаткахъ его прошлой жизни и хочетъ прежде всего устранить эту причину. Такое гласное объясненіе не могло служить къ подрыву чести больнаго; потому что всѣ должны были понимать, что за каждымъ есть свои грѣхи и *нѣсть праведенъ никтоже* (Римлянамъ III, 10). Если бы Спаситель обратился къ нему со словомъ обличенія, тогда, дѣйствительно, Онъ выразилъ бы прямо невыгодное мнѣніе о разслабленномъ; это значило бы, что болящій остается въ нераскаянности. Но когда съ такою

привѣтливостію объявляется прощеніе грѣшному человѣку,—это первая честь, которой мы всѣ теперь должны искать себѣ, потому что безъ того намъ невозможно никакое восхожденіе къ почести вышняго званія Божія, невозможенъ никакой исходъ изъ своего нравственнаго униженія. Съ этой стороны, такимъ образомъ, было трудно кому-нибудь взвести нареканіе на слова Христовы, сказанныя разслабленному. Но мыслящіе безъ разсужденія нашли здѣсь новую причину къ нареканію. Нѣкоторые изъ книжниковъ, присутствовавшіе тамъ, начали думать про себя, что Спаситель присвояетъ Себѣ Божескія, не принадлежащія Ему права, изрекая отпущеніе грѣховъ больному, и назвали это богохульствомъ (Марк. II, 7. Матѳ. IX, 3). Разумѣется, имъ слѣдовало бы обратить вниманіе на то, что Іисусъ Христосъ совершалъ прежде въ виду всѣхъ, на тѣ общеизвѣстные и многочисленные признаки посланничества свыше въ чудесахъ Его, судя по которымъ они такъ или иначе должны были заключать о неоспоримомъ достоинствѣ всѣхъ словъ Его и дѣйствій, и признавать въ нихъ слѣды Божественнаго полномочія, какъ-бы ни представлялось оно чрезвычайнымъ; это Онъ доказывалъ имъ Самъ однажды, говоря: *дѣла, яже Азъ творю о имени Отца Моего, та свидѣтельствуютъ о Мнѣ* (Іоан. X, 25); *аще и Мнѣ не вѣруете, дѣломъ Моимъ вѣруйте* (38). Но они постоянно забывали это. Потому Онъ здѣсь же, въ ихъ присутствіи, рѣшается представить имъ на дѣлѣ силу сказаннаго доказательства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и облагодѣтельствовать больнаго. «Для чего вы, говоритъ Онъ имъ, помышляете злое въ сердцахъ своихъ?—Что̀ легче, сказать ли: прощаются тебѣ грѣхи, — или сказать: встань и ходи»? «Но, говоритъ, чтобы вы знали, что Сынъ Человѣческій имѣетъ власть на землѣ отпущать грѣхи,—(тутъ Онъ обращается къ разслабленному) встань, возьми одръ твой и иди въ домъ твой» (Матѳ. IX, 4—6). Къ общему изумленію, больной тотчасъ исполнилъ слово Господа и отправился домой вполнѣ здоровымъ. Здѣсь кстати замѣтить, что постель или одръ (κλίνη), о которомъ здѣсь упоминается, устроивался такъ, что положеннаго на немъ человѣка, въ случаѣ болѣзни, могли четверо поднять и понести на немъ;—но въ то же время каждый самъ, если былъ въ силѣ, могъ взять и понести свой одръ, какъ походную вещь. Отданное разслабленному приказаніе нести свою постель, и за тѣмъ послѣдовавшее исполненіе того на дѣлѣ, всего лучше могло послужить къ наглядному и всенародному подтвержденію чуда исцѣленія. Недальновиднымъ судіямъ теперь нельзя было уже поднять свой голосъ противъ Спасителя, хотя бы и желалось того имъ. Народъ, бывшій свидѣтелемъ этого чуда, не прибѣгая къ неумѣстнымъ разсужденіямъ, поступилъ въ простотѣ своей благоразумнѣе. Онъ, въ большинствѣ своемъ, также очень еще мало разумѣлъ Божественную власть Христа, а только видѣлъ въ Немъ великаго Пророка; но онъ прославилъ Бога, подающаго такую людямъ власть (8).

Въ недугѣ разслабленія, сказали мы, особенно въ представленномъ теперь примѣрѣ, усматривается сходство съ тѣмъ общественнымъ недугомъ разслабленія, которому и въ наше время довольно часто, даже иногда очень часто бываетъ принуждено отдавать жертвы свои смертное человѣчество, и который у насъ извѣстенъ съ тѣмъ же именемъ паралича. Врачебная наука, по мѣрѣ добытыхъ способовъ, предла-

гаетъ свои мѣры противъ онаго, предохраняющія, возстановляющія организмъ; и мы должны быть благодарны къ тѣмъ пособіямъ и предостереженіямъ, которыя она по силѣ своей сообщаетъ въ пользу общую. Евангельское повѣствованіе объ исцѣленіи разслабленнаго въ Капернаумѣ подаетъ намъ съ своей стороны поводъ обратить вниманіе на сей предметъ, очевидно, съ другой, нравственной точки зрѣнія. Всѣ мы знаемъ, какъ внезапно болѣзнь эта поражаетъ людей, недумано-негаданно ихъ вырываетъ изъ обычнаго, долгимъ временемъ настроеннаго хода ихъ заботъ, надеждъ, занятій, какъ иногда быстро и нежданно подрываетъ она самую жизнь человѣка, не помышлявшаго о смерти, не успѣвшаго и въ земныхъ отношеніяхъ своихъ осуществить предпринятыхъ и созданныхъ цѣлей жизни. Сама наука въ большей части случаевъ не можетъ вѣрнымъ образомъ предупредить или предугадать эту болѣзнь. Если когда, конечно, то именно смотря на этотъ симптомъ дѣйствующаго надъ нами закона тлѣнія и смерти, мы побуждаемся носить въ душѣ предостереженіе древняго мудреца: *помяни, яко смерть не замедлитъ* (Сирахъ XIV, 12), и обращаться преданнымъ взоромъ къ невидимому Распорядителю нашей судьбы, Его верховному благостному суду повѣряя жизнь и смерть свою и по возможности стараясь быть готовыми на всякое время. Но вотъ Евангеліе, писанное для насъ же, указываетъ намъ въ своей исторіи такого Врача, Который былъ силенъ однимъ словомъ уничтожить — не говоримъ предрасположеніе къ болѣзни или предшествующіе какіе либо признаки ея, нѣтъ — самый недугъ разслабленія, въ полномъ его видѣ и во всей силѣ. Что ни говорите, а одно представленіе о такихъ дѣйствіяхъ животворящей силы, какъ бывшихъ несомнѣнно, когда бы ни происходили они, отзывается отраднымъ впечатлѣніемъ въ душѣ, особенно если сознаемъ, что и мы призваны быть также въ живыхъ и близкихъ отношеніяхъ къ Іисусу Христу, Который *вчера и днесь, Тойже и во вѣки* (Евр. XIII, 8). И быть не можетъ, чтобы эти отношенія, если они поддерживаются въ настоящемъ видѣ, не сопровождались благотворными, хотя и не столь замѣтными послѣдствіями для нашей тѣлесной жизни, на сколько это будетъ нужно здѣсь для насъ же самихъ. Не станемъ непремѣнно обѣщать себѣ чудесныхъ исцѣленій въ случаяхъ указанной болѣзни; но довольно, если добросовѣстно воспользуемся тѣми нравственными предохранительными мѣрами, на которыя Онъ тогда еще указывалъ,—а Онъ за то будетъ насъ покрывать Своею милостію. Дѣйствительно, нельзя не замѣчать, что и тогда еще, при самомъ исцѣленіи разслабленныхъ, Онъ обращалъ особенное вниманіе на свободную нравственную настроенность ихъ цѣлой жизни и въ связи съ оною поставлялъ какъ дѣйствіе болѣзни, такъ и самое дѣйствіе врачеванія. То Онъ прежде исцѣленія спѣшитъ очистить совѣсть страждущаго отъ грѣховъ (Матѳ. IX, 2); то послѣ исцѣленія внушаетъ исцѣленному беречься отъ грѣха, чтобъ не пострадать еще хуже (Іоан. V, 14). Это самое должны мы примѣнить и къ себѣ, въ видахъ предохраненія отъ тяжкаго зла. Во-первыхъ, сказанное исцѣленному при овчей купели: *не согрѣшай, да не горше ти что будетъ*, должно быть принято за правило и всѣми, не испытавшими еще болѣзни, какъ мѣра предохраненія отъ нея. *Не согрѣшай*, т. е. старайся по возможности избѣгать всѣхъ видовъ нравственнаго зла, а если

противъ воли увлекаешься имъ, тотчасъ сознавай свою вину и веди борьбу съ нимъ; это значитъ, что независимо отъ той естественной добропорядочности въ образѣ жизни, которой требуютъ отъ человѣка въ этомъ разѣ по правиламъ гигіены, онъ долженъ еще соблюдать постоянную добропорядочность и въ нравственномъ строѣ своихъ душевныхъ дѣйствій и движеній. И необходимость подобнаго требованія всего нагляднѣе прилагается къ тѣмъ именно болѣзнямъ тѣла, гдѣ страдаютъ органы, служащіе ближайшими посредниками его сношеній съ душею, и слѣдовательно всего ближе открытые вліянію этой послѣдней. Безъ сомнѣнія, сдѣланное Спасителемъ предостереженіе относится по преимуществу къ грѣхамъ чувственнаго сладострастія и вообще къ различнымъ видамъ плотской невоздержности, которыя и безъ того, по опыту самой науки, признаются ближайшими и болѣе распространенными причинами физическаго разслабленія; на это слѣдуетъ всегда намъ обращать вниманіе, отъ юности до старости своей.—Во-вторыхъ, стараясь охранять себя отъ нравственныхъ причинъ физическаго разслабленія, мы постоянно должны искать себѣ благодати *отпущенія грѣховъ* (Матѳ. IX, 2). Это значитъ, что мы не просто должны быть сами въ себѣ заняты сознаніемъ своихъ поступковъ и борьбою съ порокомъ, но должны каяться предъ Богомъ, очищать свою совѣсть въ покаяніи предъ Нимъ и искать мира съ Нимъ. Для этой цѣли намъ указано опредѣленное и обязательное средство въ Церкви,—таинство святаго покаянія: здѣсь-то мы должны слагать съ себя бремя грѣховъ, производящихъ смертоносные зародыши болѣзней для души и тѣла. Пусть надъ нами чаще раздается слово благодатнаго прощенія изъ устъ служителя Церкви, какъ нѣкогда раздалось оно надъ разслабленнымъ; это, можетъ быть, всего вѣрнѣе въ большей части случаевъ обезпечитъ цѣлость нашего здоровья. Да и самый порядокъ жизни нашей, столько важный для этого послѣдняго, тогда станетъ тверже и удовлетворительнѣе; благодать таинства не есть что либо номинальное только, но всюду, гдѣ является, вноситъ съ собою миръ и благоустройство (Воскр. Чт., г. XXV, ч. I, стр. 379—386).

Исцѣленіе разслабленнаго (жилами) (Марк. II, 1—11).

Такъ какъ этотъ больной не могъ не только ходить и двигаться, то четыре человѣка взяли его вмѣстѣ съ одромъ, на которомъ онъ лежалъ, и понесли къ Іисусу Христу. Подошедши къ дому, гдѣ находился Іисусъ Христосъ, они увидѣли, что приблизиться къ нему нѣтъ никакой возможности; потому что Спаситель былъ окруженъ множествомъ народа, который занималъ не только средину дома, но и всѣ входы. Но любовь и состраданіе принесшихъ разслабленнаго находятъ средство показать болящаго Врачу Небесному. Не имѣя возможности пронести больнаго чрезъ двери дома, они рѣшились сдѣлать отверстіе въ кровлѣ и оттуда спустить его въ средину комнаты. Это очень удобно можно было сдѣлать при томъ устройствѣ домовъ, какое было на востокѣ. Кровли этихъ домовъ обыкновенно дѣлались плоскими и къ нимъ всегда приставлялась широкая лѣстница. Чрезъ подобную лѣстницу они внесли больнаго на крышу, сдѣлали въ этой крышѣ отверстіе и спустили больнаго въ средину комнаты.—Такая вѣра и усердіе не остались безъ должной награды. Іисусъ Христосъ съ любовію принимаетъ болящаго и немедленно вливаетъ въ душу его утѣшеніе.

Но такъ какъ корнемъ болѣзни разслабленнаго служили грѣхи, то Спаситель прежде всего старается исторгнуть этотъ ядовитый корень: *чадо, отпущаются тебѣ грѣси твои,* говоритъ Спаситель. Эти слова показались врагамъ Спасителя богохульствомъ. Книжники, которые себѣ однимъ приписывали знаніе закона и по гордости своей никакъ не хотѣли признать Іисуса Христа Мессіею, начали помышлять въ сердцахъ своихъ: *что Сей тако глаголетъ хулы? Кто можетъ оставляти грѣхи, токмо единъ Богъ?* Но Спаситель, тотчасъ уразумѣвъ духомъ Своимъ, что они помышляютъ, сказалъ имъ: *что есть удобѣе? рещи разслабленному: отпущаются тебѣ грѣси? или рещи: востани и возми одръ твой, и ходи?* А дабы показать, что Онъ имѣетъ власть прощать грѣхи, Онъ всемогущимъ Своимъ словомъ воздвигаетъ болящаго съ одра и велитъ ему идти въ домъ свой: *и воста абіе, и вземъ одръ, изыде предъ всѣми: яко дивитися всѣмъ и славити Бога, глаголющимъ, яко николиже тако видѣхомъ!*

Изъ Евангельскаго чтенія мы узнаемъ ту истину, что главнымъ и общимъ источникомъ болѣзней служитъ грѣхъ, и что слѣдовательно вѣра въ Спасителя, соединенная съ покаяніемъ, есть самое вѣрное средство противъ всѣхъ болѣзней.

Разслабленный есть подобіе грѣшника, который не можетъ самъ себѣ помочь, но долженъ прибѣгать къ пособію духовнаго врача. Божественный Врачъ, исцѣлившій разслабленнаго, передалъ власть отпущенія грѣховъ Апостоламъ, и въ лицѣ ихъ всей Церкви. Будемъ же прибѣгать къ этой врачебницѣ, чтобы избавиться не только временнаго, но и вѣчнаго наказанія за грѣхи.

Исторія о разслабленномъ показываетъ и то, каково должно быть наше покаяніе. Господь видѣлъ тайныя помышленія книжниковъ и обличилъ ихъ. Итакъ нѣтъ пользы въ томъ, когда мы скрываемся отъ взоровъ людей. Господь будетъ судить насъ не по наружности, а по внутреннему состоянію нашего сердца. И потому мы должны изгонять изъ своей души всякое дурное помышленіе, и чистосердечно исповѣдываться во грѣхахъ своихъ.

Эта исторія служитъ наконецъ утѣшеніемъ для подвижниковъ благочестія. Наши труды и страданія, о которыхъ никто не знаетъ изъ людей, извѣстны Господу; и потому мы должны быть терпѣливы, въ полной увѣренности, что Господь рано или поздно наградитъ насъ сторицею, какъ наградилъ вѣру разслабленнаго и усердіе принесшихъ его (Воскресное Чт., г. XXV, стр. 1181—1183).

Блаженнаго Іеронима изъясненіе Евангелія, читаемаго въ шестую недѣлю по Пятидесятницѣ (Матѳ. IX, 1—8).

Во время оно влѣзъ Іисусъ въ корабль, прейде и пріиде во Свой градъ. И се, принесоша Ему разслаблена, на одрѣ лежаща: и видѣвъ Іисусъ вѣру ихъ, рече разслабенному: дерзай, чадо, отпущаются ти грѣси твои.

Градомъ Господа былъ Назаретъ, отъ чего и назывался Онъ Назореемъ (Матѳ. II, 23). Принесенный къ Нему теперь разслабленный уже былъ второй; онъ лежалъ на одрѣ, потому что не могъ ходить. Великое смиреніе Господь показалъ, назвавъ сыномъ Своимъ сего разслабленнаго, къ которому священники даже не прикасались.—Но онъ сдѣлался сыномъ Господа и потому, что Господь простилъ ему грѣхи. Точно также и душа иногда лежитъ въ тѣлѣ по всѣмъ силамъ своимъ разслаблена; но когда приносится совершеннымъ учителемъ ко Господу для уврачеванія, и

по милосердію Его получаетъ исцѣленіе, то такъ дѣлается крѣпкою, что тотчасъ встаетъ и беретъ одръ свой.

И се, нѣціи отъ книжникъ рѣша въ себѣ: Сей хулитъ. И видѣвъ Іисусъ помышленія ихъ, рече: вскую вы мыслите лукавая въ сердцахъ своихъ. Господь чрезъ пророка сказалъ: *Азъ есмь заглаждаяй беззаконія твоя* (Исход. XLIII, 25). Посему книжники обличили Его въ богохульствѣ, такъ какъ почитали Его человѣкомъ и не разумѣли словъ Божіихъ. Но Господь Свое Божество доказываетъ тѣмъ, что знаетъ помышленія книжниковъ, и какъ-бы такъ говоритъ имъ: по той силѣ и власти, по коей знаю ваши помышленія, Я могу отпускать грѣхи людямъ. Судите же по себѣ, что получаетъ отъ Меня разслабленный. *Чтобо есть удобнѣе рещи: отпущаются ти грѣси, или рещи: востани и ходи; но да увѣсте, яко власть имать Сынъ Человѣческій на земли отпущати грѣхи, тогда глагола разслабленному: востани, возми одръ твой и иди въ домъ твой.*

Великое различіе между словами и дѣлами. Что разслабленному были отпущены грѣхи, это извѣстно было одному Господу, отпустившему ихъ; но дѣйствительность словъ: *востани и ходи* могли свидѣтельствовать какъ самъ возставшій, такъ и видѣвшіе его возставшимъ. Такимъ образомъ производится чудо тѣлесное, для доказательства духовнаго, хотя одна сила можетъ какъ оставлять грѣхи души, такъ и уврачевать тѣло. Изъ сего обстоятельства сверхъ сего мы должны уразумѣть еще то, что многимъ тѣлеснымъ болѣзнямъ мы подвергаемся за грѣхи наши. Такъ и разслабленному, можетъ быть, для того прежде были отпущены грѣхи, дабы, по уничтоженіи причины болѣзни его, возвратить ему здоровье. *И въставъ вземъ одръ свой, иде въ домъ свой. Видѣвше же народи дивишася и прославиша Бога, давшаго властъ таковую человѣкомъ.* Подобно сему и душа разслабленная, когда воскресаетъ и получаетъ прежнюю свою крѣпость, беретъ одръ, на коемъ прежде лежала въ разслабленіи своемъ, и несетъ его въ домъ своихъ добродѣтелей. (Воскр. Чт., г. XVII, стр. 125—126.)

О благотворныхъ дѣйствіяхъ вѣры.

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Видѣвъ Іисусъ вѣру ихъ рече разслабленному: дерзай, чадо, отпущаются ти грѣси твои (Матѳ. IX, 2).

При внимательномъ разсмотрѣніи, открываются здѣсь относительно вѣры важныя и назидательныя истины.

Первая истина: вѣра благотворно дѣйствуетъ на человѣка грѣшника, для полученія прощенія во грѣхахъ. Ибо Евангелистъ не напрасно замѣчаетъ, что Господь произнесъ отпущеніе грѣховъ, *видѣвъ вѣру*. Видно, Господь дѣйствовалъ не просто по Своему изволенію, не потому только, что имѣлъ болящаго предъ глазами, даже не потому, что сострадалъ бѣдствующему, хотя и сіе свойственно Источнику милосердія, но потому, что увидѣлъ вѣру. Видно, что если бы не была усмотрѣна вѣра, не послѣдовало бы и отпущенія грѣховъ. Одинъ Богъ дѣйствительно даетъ отпущеніе грѣховъ: одна вѣра пріемлетъ оное.

Другая истина: вѣра благотворно дѣйствуетъ на человѣка бѣдствующаго, къ его избавленію отъ бѣдствія. Возвѣщая разслабленному отпущеніе грѣховъ, Господь не сіе одно имѣлъ въ виду, но вмѣстѣ съ симъ, его исцѣленіе отъ болѣзни. Въ Божественномъ опредѣленіи: *отпущаются ти грѣси*, уже заключалось и другое: *востани и ходи*. Только

лукавыя помышленія книжниковъ потребовали, чтобы послѣднее произнесено было вновь, выразительно и отдѣльно. Слѣдственно и къ исцѣленію приступилъ Господь, *видѣвъ вѣру*. Если бы не было вѣры, то не послѣдовало бы чудеснаго исцѣленія, какъ сіе ясно замѣтилъ Евангелистъ въ другомъ мѣстѣ: *и не сотвори ту силъ многихъ за невѣрство ихъ* (Матѳ. XIII, 58). Господь, по милосердію Своему, даруетъ благодатныя и чудесныя исцѣленія и другія творитъ избавленія отъ бѣдъ; и безъ сомнѣнія за Его милосердіемъ дѣло не станетъ: надобно при томъ, чтобы не стало дѣла за нашею вѣрою.

Третья истина: вѣра одного человѣка можетъ благотворно дѣйствовать въ пользу другого. Евангельское повѣствованіе говоритъ: *видѣвъ Іисусъ вѣру ихъ, рече разслабленному*. Изъ сего видно, что не вѣра самого разслабленнаго, или, по крайней мѣрѣ, не одна его вѣра привлекла ему прощеніе грѣховъ и исцѣленіе; но помогла ему вѣра нѣкоторыхъ другихъ людей: *видѣвъ Іисусъ вѣру ихъ*. Кто были сіи необыкновенные помощники, узнаемъ отъ Евангелиста Марка, который, повѣствуя объ исцѣленіи разслабленнаго, согласно съ Матѳеемъ въ существѣ дѣла, присовокупляетъ нѣкоторыя подробности. Онъ сказываетъ, что разслабленнаго несли на одрѣ четыре человѣка; что, по тѣснотѣ отъ множества народа, они не могли внести его въ домъ, въ которомъ Господь находился; что, не уступая сему препятствію, они разобрали кровлю или потолокъ дома и опустили одръ съ больнымъ въ храмину, на пространство, которое между Господомъ и собравшимся къ Нему народомъ оставлено было благоговѣніемъ сего народа. Ихъто вѣру Господь увидѣлъ, и по ихъ вѣрѣ, или, по крайней мѣрѣ, при содѣйствіи ихъ вѣры вѣрѣ разслабленнаго, и грѣхи разслабленному простилъ и отъ недуга исцѣлилъ его.

Но иные, можетъ быть, спросятъ: какимъ образомъ люди вѣрою своею могутъ привлекать благодатную и чудодѣйственную силу Божію не только самимъ себѣ, но и другимъ, у которыхъ не достаетъ собственной подобной вѣры, или, подобно древнимъ книжникамъ, нѣкоторые помышляютъ въ сердцахъ своихъ, что̀ Сей тако глаголетъ? Одинъ вѣруетъ, а другой исцѣляется: какая тутъ сообразность? Одинъ вѣруетъ, а другой разрѣшается отъ грѣховъ: какая тутъ правда? Не будетъ ни грубо, ни обидно, если мы скажемъ имъ то, что̀ сказалъ Господь Апостолу Петру, когда онъ возсталъ съ возраженіемъ противъ одной изъ таинъ вѣры: *иди за Мною, сатано: яко не мыслиши, яже суть Божія, но яже человѣческа* (Марк. VIII, 33). Ты мыслишь о правдѣ человѣческой и не понимаешь правды Божіей; думаешь о сообразностяхъ естественныхъ, вещественныхъ, но и сихъ часто не понимаешь и удивляешься, встрѣчая ихъ тамъ, гдѣ не ожидалъ, и не находя тамъ, гдѣ предполагалъ; и удивительно ли, что сообразностей духовныхъ общеній благодатныхъ, не постигаешь безъ благодатнаго опыта? Духъ выше плоти; благодать выше природы; вѣра выше разума: посему неудивительно, что для плоти непонятно, какъ дѣйствуетъ духъ; для природы непонятно, какъ дѣйствуетъ благодать; для разума непонятно, какъ дѣйствуетъ вѣра.

Впрочемъ изъ самаго крещенія Господня на немыслящихъ, *яже суть Божія*, можно примѣтить, что есть нѣкоторая возможность мыслить, яже суть Божія, потому что было бы несправедливо осуждать за то, что не сдѣлано невозможнаго. И если можно, по Апостолу, *вѣрою разумѣвать* (Евр. XI, 3), то можно нѣсколько разумѣвать и самую вѣру и ея спаситель-

ныя дѣйствія, и удостовѣриться, что въ нихъ нѣтъ ни неправды, ни несообразностей. Одна строгая правда не позволила бы ни въ какомъ случаѣ простить грѣхи; для сего нужна помощь милосердія; а милосердіе не требуетъ заслуги, которой бы воздано было по правдѣ, но только готовности принять подаваемую благодать. Душа безъ вѣры есть сосудъ, запертый для благодати, а душа вѣрующая—открытый. Вѣра открываетъ душу для принятія благодати. Чтобы увѣриться въ семъ дѣйствіи вѣры Божіей, посмотримъ на дѣйствіе вѣры человѣческой. Въ сношеніи съ человѣкомъ, къ которому не имѣемъ ни довѣренности, ни преданности, не примѣчаемъ ли, что душа наша заперта для него; что его дѣйствіе на насъ скользитъ, такъ сказать, по поверхности нашего сердца, не проникая внутрь его; что разсужденія его насъ не убѣждаютъ, и чувствованія не трогаютъ, хотя онѣ и не безъ силы? Напротивъ, кому мы довѣряемъ и преданы, того и легкая мысль, и простое слово, преклоняетъ нашъ умъ, проникаетъ сердце, движетъ душу; и такое общеніе душъ бываетъ иногда столь тѣснымъ, что мы находимъ для него приличнымъ наименованіе единства. Примѣните сіе дольнее къ горнему, сіе земное къ небесному, сіе человѣческое къ Божественному, и вы отчасти можете уразумѣть, какъ вѣра отверзаетъ душу для принятія благодати, а также и то, какъ одна душа, привлекшая благодать вѣрою чрезъ искреннее общеніе съ другою душею, можетъ и ей впечатлѣвать дѣйствіе вѣры, и облегчать пріятіе благодати. Такъ души носителей Евангельскаго разслабленнаго съ одной стороны вѣрою стремились ко Христу, съ другой—человѣколюбіемъ и состраданіемъ прилѣплялись къ душѣ разслабленнаго: *и видѣвъ Іисусъ вѣру ихъ*, и токъ благодати пролился отъ Него чрезъ ихъ души на душу и тѣло разслабленнаго. (Изъ Слова въ недѣлю шестую по Пятидесятницѣ, ч. I, стр. 100—102).

Мысли еп. Ѳеофана на Евангеліе объ исцѣленіи разслабленнаго (Матѳ. IX, 1—8).

Господь прощаетъ грѣхи разслабленному. Радоваться бы; но лукавый умъ ученыхъ книжниковъ говоритъ: «Сей хулитъ». Даже когда послѣдовало чудо исцѣленія разслабленнаго въ подтвержденіе той утѣшительной для насъ истины, что *власть имать Сынъ Человѣческій отпущати грѣхи*,—и тогда народъ прославилъ Бога, а о книжникахъ ничего не сказано, вѣрно потому, что они и при этомъ сплетали какіе либо лукавые вопросы. Умъ безъ вѣры то и дѣло куетъ лукавыя подозрѣнія и сплетаетъ хулы на всю область вѣры. Чудесамъ то не вѣритъ, то требуетъ осязательнѣйшаго чуда. Но когда оно дано бываетъ и обязываетъ къ покорности вѣрѣ, онъ не стыдится уклоняться, извращая, или криво толкуя чудныя дѣйствія Божія. Также относится онъ и къ доказательствамъ истины Божіей. И опытныя и умственныя доказательства представляютъ ему въ достаточномъ числѣ и силѣ: онъ и ихъ покрываетъ сомнѣніемъ. Разбери всѣ его предъявленія, и увидишь, что все въ нихъ одно лукавство, хоть на его языкѣ это слыветъ умностію; такъ что невольно приходишь къ заключенію, что умность и лукавство одно и то же. Въ области вѣры Апостолъ говоритъ: *мы умъ Христовъ имамы*. Чей же умъ внѣ области вѣры? Лукаваго. Отъ того и отличительною чертою его стало лукавство (Мысли на каждый день года, стр. 220—221).

Библіографическій указатель къ исцѣленію разслабленнаго по Евангеліямъ Матѳея и Марка.

Святоотеческія толкованія.

1) *Св. Іоанна Златоустаго.* Бесѣда о разслабленномъ, опущенномъ чрезъ кровлю (Марк. II, 1—12). Бес. на разныя мѣста Священнаго Писанія, т. II. 148—179.

2) *Блаж. Ѳеофилакта.* Изъясненіе Евангелія, читаемаго въ нед. 2-ю Великаго поста (Марк. II, 1—12). Воскр. Чт., г. X. 443—444.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

3) Матѳ. IX, 1—8 ст. Воскр. Чт., г. XVII. 125.

4) Матѳ. IX, 1. *Пріиде Іисусъ въ Свой градъ.* Дух. Бес. 1858. IV. 187—192.

5) Ст. 2. *Видѣ Іисусъ вѣру ихъ, рече разслабленному.* Воскр. Чт., г. XXIV. 139—143.

6) *Гизо.* Іисусъ Христосъ и Его чудеса. Прав. Обозр. 1865 г. XVI. 236—241.

7) *Н. Елеонскаго.* Анализъ II гл. Марка. Чт. въ Общ. 1873 г. Іюнь. 672—679.

Въ Словахъ, Бесѣдахъ и учен. сочин.

8) Матѳ. IX, 2. *Филарета, митроп. Московскаго.* О томъ, что физическое зло зависитъ отъ нравственнаго зла, т. е. грѣха, какъ послѣдствіе, съ нимъ родившееся и съ нимъ уничтожающееся.—Вѣра одного человѣка можетъ благотворно дѣйствовать въ пользу другаго. IV, 102—104.

9) Ст. 6. *С. Соллертинскаго.* Толкованіе имени Сынъ Человѣческій въ кн. Пастырство Христа Спасителя. 77—80.

10) Ст. 8. *Филарета, митроп. Московскаго.* О Божественныхъ дѣйствіяхъ Господа нашего Іисуса Христа, явленныхъ Имъ въ исцѣленіи разслабленнаго, и о различныхъ сужденіяхъ о Немъ окружающихъ людей. IV. 303—306.

11) Марк. гл. II, 1—2 ст. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О Капернаумѣ и вѣрѣ жителей этого города; о томъ, что только вѣра творитъ чудеса. II. 336—341.

12) Ст. 1—12. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Объ исцѣленіи разслабленнаго въ Капернаумѣ. I. 220—222.

13) Ст. 5. *Макарія, еп. Тамбовскаго.* О внутренней связи между нашими болѣзнями и грѣхами. II. 262—268.

Призваніе Матѳея и вечеря въ его домѣ (Лук. V, 27—39. Марк. II, 13—22. Матѳ. IX, 9—17).

(Архим. Никодима.)

Послѣ исцѣленія разслабленнаго Іисусъ Христосъ пошелъ опять къ морю Галилейскому. Весь народъ шелъ къ Нему, и Онъ училъ ихъ. Проходя, Онъ увидѣлъ сидящаго у сбора пошлинъ мытаря, по имени Матѳея, называвшагося иначе Левіемъ, сына Алфеева, и сказалъ ему: «иди за Мною». Тотъ всталъ и, оставивъ все, пошелъ за Нимъ.

Изъ любви и благодарности къ Небесному Учителю Матѳей пригласилъ Его въ Свой домъ и сдѣлалъ для Него великій пиръ (Лук. V, 29). Ученики Іисуса Христа, многіе изъ народа, слѣдовавшаго за Іисусомъ и часто не имѣвшаго себѣ пропитанія, также многіе изъ мытарей и другихъ близкихъ Матѳею лицъ, были приглашены имъ раздѣлить трапезу въ домѣ его. Господь допустилъ быть съ Собою за однимъ столомъ мытарей и грѣшниковъ, чтобы Своимъ снисхожденіемъ и Своимъ Божественнымъ словомъ привлекать ихъ къ покаянію и спасенію. Но Іудейскіе учители—книжники и фарисеи не хотѣли видѣть въ семъ высокое дѣло милосердія, и соблазнились. Они съ ропотомъ говорили ученикамъ Іисуса: для чего Учитель вашъ и вы сами ѣдите и пьете съ мытарями и грѣшниками? Услышалъ слова ихъ Господь и сказалъ: *не требуютъ здравіи врача, но болящіи. Шед-*

ше же научитеся, что есть: милости хощу, а не жертвы. Не пріидохъ бо призвати праведники, но грѣшники на покаяніе (Матѳ. IX, 12—13). Господь какъ-бы такъ говорилъ: «только больной имѣетъ нужду во врачѣ, только грѣшникъ чувствуетъ нужду въ Спасителѣ, а вы, фарисеи, почитающіе себя чистыми и праведными, вы не чувствуете во Мнѣ нужды и не обращаетесь ко Мнѣ за помощію. Я пришелъ спасти грѣшниковъ, и вотъ почему имѣю съ ними такое близкое общеніе, вмѣстѣ съ ними ѣмъ и пью. Впрочемъ, и вы напрасно считаете себя чистыми и праведными потому только, что исполняете внѣшніе обряды. Обратите ваше вниманіе на слово Божіе, знаніемъ котораго вы хвалитесь. Пророкъ Осія говоритъ отъ лица Божія: *милости хощу, а не жертвы* (Осія VI, 6), то есть, Я цѣню гораздо болѣе, ставлю гораздо выше дѣла любви и милосердія, чѣмъ внѣшнія законныя жертвы, въ исполненіи которыхъ вы поставляете свою праведность».—Фарисеи замолчали. Тогда въ бесѣдѣ приняли участіе нѣкоторые изъ учениковъ Іоанна Крестителя, въ настоящемъ случаѣ подобно фарисеямъ соблазнившіеся близкимъ общеніемъ Іисуса Христа съ мытарями и грѣшниками. Строго исполняя установленные между Іудеями всенародные посты, они исполняли и особенные посты фарисеевъ, постившихся *двакраты въ недѣлю* (Лук. XVIII, 12). Темничное заключеніе въ это время ихъ учителя (Марк. I, 14) было для нихъ новымъ побужденіемъ поститься и печалиться. Видя, что ученики Іисуса Христа не раздѣляютъ съ ними ихъ правилъ, не раздѣляютъ ихъ скорби объ Іоаннѣ Крестителѣ, который крестилъ ихъ Учителя и котораго учениками были нѣкоторые изъ Апостоловъ, они стали на сторону фарисеевъ и вмѣстѣ съ ними съ укоризною говорили Спасителю: *почто мы и фарисеи постимся много, ученицы же Твои не постятся?* На такую укоризну Спаситель отвѣчалъ тремя сравненіями или притчами, которыя имѣютъ одинъ общій смыслъ, что во всемъ надобно соблюдать приличіе и сообразоваться съ временемъ. Можетъ быть, имѣя въ виду нѣкогда сказанныя ихъ учителемъ слова, въ которыхъ Предтеча сравнивалъ Мессію съ Женихомъ, а себя съ другомъ Жениха (Іоан. III, 29), Спаситель сказалъ имъ, «могутъ ли брачные гости печалиться и поститься, пока съ ними женихъ? Но придутъ дни, когда отнимется отъ нихъ женихъ, и тогда будутъ поститься». Именемъ Жениха называя Самого Себя, а гостями брачными Апостоловъ, какъ служителей Іисуса Христа въ устроеніи Церкви, Спаситель какъ-бы такъ говорилъ: «какъ неприлично было бы, если бы женихъ захотѣлъ, чтобы гости во время брачнаго торжества печалились и постились, такъ неприлично и то, если бы Я въ настоящее время, въ Моемъ присутствіи, заставилъ Своихъ учениковъ много поститься и вести печальный образъ жизни. Вамъ прилично поститься и печалиться: Іоаннъ, вашъ другъ, вашъ учитель, въ темницѣ; Я пребываю съ Моими учениками, и они должны веселиться. И они будутъ поститься, когда отнимется отъ нихъ женихъ, то есть, когда Я не буду съ ними присутствовать видимымъ образомъ».

«И никто, продолжалъ Спаситель, не приставляетъ заплаты изъ новаго къ одеждѣ старой; ибо новая заплата отдеретъ отъ одежды, и дира будетъ больше прежней. Не вливаютъ также вина молодого въ мѣхи старые, а иначе прорвутся мѣхи, и вино вытечетъ, и мѣхи пропадутъ. Но вино молодое вливаютъ въ мѣхи новые, и сбережется и

то и другое. Такъ и Я нахожу неблаговременнымъ, неприличнымъ на учениковъ Моихъ, еще слабыхъ, возлагать бремя строгой жизни и тяжкихъ заповѣдей; Я поступаю съ ними снисходительно, доколѣ они не будутъ совершенно обновлены и укрѣплены Святымъ Духомъ». (Такъ понимаетъ сіи слова святый Златоустъ; ему слѣдуютъ Евѳимій Зигабенъ, Ѳеофилактъ и другіе.)

Трапеза и бесѣда кончились. Матѳей своимъ примѣромъ показалъ силу и истину словъ Своего Небеснаго Гостя,—сказавшаго о Себѣ, что пришелъ не праведниковъ, а грѣшниковъ призвать на покаяніе. Не видно, чтобы кто либо изъ фарисеевъ, этихъ мнимыхъ праведниковъ, внялъ ученію Спасителя и послѣдовалъ за Нимъ, Матѳей же,—мытарь, по общему мнѣнію, человѣкъ грѣшный,—остался вѣрнымъ ученикомъ Іисуса, и въ скоромъ времени удостоился сопричисленія къ лику двенадесяти Его Апостоловъ (Душеп. Чт. 1860 г., ч. I, стр. 150—155).

Новое вино въ ветхихъ мѣхахъ.

Отдадимъ справедливость новой философіи. Самонадѣянная прежде, она въ недавнее время стала искать помощи у христіанства, стала признавать нужду христіанской заповѣди о любви для блага обществъ. Считающіеся представителями людей умныхъ согласны нынѣ съ тѣмъ, что любовь и братство, проповѣданныя Господомъ Іисусомъ, составляютъ лучшее врачевство для недуговъ общественныхъ. По требованію любви христіанской желаютъ, чтобы человѣческіе законы были снисходительны къ несчастнымъ преступникамъ. Во имя той же любви желаютъ, чтобы люди, не смотря на различіе сословій и званій, были равны предъ закономъ, и чтобы бѣдность и незнатность рода не лишали человѣка гражданскаго значенія. Во имя той же любви требуютъ, чтобы добытое трудомъ человѣка принадлежало трудившемуся, а не было присвояемо другимъ лицомъ, не бравшимъ участія въ трудѣ. Все это прекрасно! Все это—вино новое, чистое, свѣжее!

Но вотъ о чемъ забываютъ: новое вино не надобно лить въ мѣхи ветхіе, какъ говоритъ Спаситель нашъ (Лук. V, 37). Если новую заповѣдь Спасителя думаютъ осуществить только средствами человѣческими,—это ветхіе мѣхи. Какія средства человѣческой природы могутъ преобразовать враждующій, завистливый, раздѣленный страстями міръ людской въ одну семью братской любви? Въ человѣческой природѣ нѣтъ ихъ: двигатели ея—своекорыстіе и самолюбіе гордое. Или думаютъ, что людямъ стоитъ только пожелать, чтобы дѣйствовать въ духѣ любви христіанской,—и преобразованіе людей кончилось? Желанія еще не даютъ того, чего желаемъ. Одинъ изъ лучшихъ людей говоритъ за себя и за всѣхъ: «желаніе добра есть во мнѣ; но, чтобы сдѣлать его, того не нахожу (Римлян. VII, 18)». Ни наука, ни самый высокій умъ не даютъ намъ силъ для осуществленія высокихъ идеаловъ. Время увѣриться въ томъ опытами тысящелѣтій. Ни философы, ни законодатели, оставившіе образцовыя теоріи, не подарили ни себя, ни другихъ ни золотникомъ новыхъ силъ. Какъ ни умничай, а надобно согласиться со словами Спасителя нашего: «рожденное отъ плоти есть плоть (Іоан. III, 6)». Всѣ происшедшіе отъ Адама не могутъ сами по себѣ стать выше наслѣдственной природы. Грѣхъ—начало всѣхъ несчастій; а отъ него не освободиться человѣку самому по себѣ. Потому грѣхъ и несчастіе всегда будутъ сопутствовать

человѣку на путяхъ жизни его и станутъ разрушать лучшіе планы его.

Одна возможность для человѣка исполнять высокіе идеалы—помощь небесная, принятіе и усвоеніе благодати Божіей. Для того, чтобы осуществить въ себѣ новую заповѣдь Христову, надобно родиться свыше (7), надобно преобразоваться силою Духа Святаго (6). Можно усвоить себѣ умомъ философію Гегеля, философію Платона, всякую другую философію человѣческую; но, чтобы усвоить себѣ философію Христову, для того мало быть слушателемъ этой философіи. Думаютъ, что могутъ усвоить Евангельское ученіе о братской любви помимо помощи Христовой? Напрасная мечта! Во Христѣ Іисусѣ, Побѣдителѣ грѣха и смерти, человѣчество имѣетъ втораго Адама, духовнаго, животворящаго (1 Коринѳян. XV, 45, 47). Если не отъ Него начинается поколѣніе людское, то это ветошь, ни къ чему не годная. Только Онъ Своимъ Духомъ можетъ обновить печальное существованіе человѣка.

Новое вино въ ветхихъ мѣхахъ—потеря добраго вина и порча самимъ мѣхамъ. Такова судьба тѣхъ обществъ, которыя пытаются осуществить въ себѣ христіанское ученіе о братской любви безъ полнаго духовнаго обновленія, безъ живой и возраждающей вѣры въ Господа Іисуса. Сердца ветхія, своекорыстныя, гордыя, самолюбивыя проповѣдуютъ любовь для другихъ, но сами не знаютъ ея, сами ничего не сдѣлали для нея, не пожертвовали ей ни одною страстью, ни одною привычкою. И что выходитъ? Перевороты разрушительные, потрясенія, ниспровергающія существующій порядокъ и не созидающія ничего прочнаго. Отчего это отсутствіе устойчивыхъ началъ общежитія, эта тоска, это недовольство настоящимъ, эта неувѣренность въ будущемъ, эта робость при выполненіи прекраснаго? Не отъ того ли, что новое вино льютъ въ ветхіе мѣха? «Прогрессъ, прогрессъ», кричатъ. А на дѣлѣ оказывается только ломка стараго—и ничего дѣльнаго; на дѣлѣ попрежнему невиннаго тѣснитъ сильное богатство, и счастливый нечестивецъ распоряжается судьбою людей честныхъ. Тратятъ силы; тратятъ средства—и все безъ пользы; занимаютъ людей работами—и всѣ работы только ослабляютъ людей бѣдныхъ, знакомя ихъ съ новыми нуждами, съ новыми бѣдами, тяжелыми уже по самой новости. Былъ давно, очень давно, философъ-царь, который понялъ философскимъ умомъ важность любви христіанской для общества языческаго, заставилъ язычниковъ построить больницы и дома милосердія; но долго ли стояли между язычниками заведенія Юліана? Онѣ разсыпались подобно карточнымъ домикамъ, при первомъ дуновеніи вѣтра. Вотъ наглядный опытъ того, что не удержать ветхимъ мѣхамъ вина новаго!

Нѣтъ, надобно имѣть не одно знаніе ученія Христова. Надобно глубоко чувствовать испорченность свою, и этимъ чувствомъ привлекать на себя благодать Христову, чтобы съ ея помощью воплощать въ себѣ новую заповѣдь Христову. Прежде всего, надобно какъ можно менѣе мечтать о себѣ, о своихъ силахъ и совершенствахъ, и какъ можно искреннѣе молить Вседѣйствующаго и Благаго о Его милосердіи къ бѣднымъ людямъ. Заповѣдь о любви, безъ мысли о самоотреченіи, менѣе чѣмъ Іудейская заповѣдь и уже вовсе не Христова заповѣдь. «Покайтесь и вѣруйте въ Евангеліе», тѣмъ началъ проповѣдь Свою Спаситель; тѣмъ начинается и жизнь христіанская.

Пусть неотступною будетъ на всѣхъ путяхъ нашихъ увѣренность, что мы—ветхіе мѣха, и Онъ только можетъ пере-

дѣлать эту ветхость заново. Надобно всѣмъ молиться за себя и за другихъ, дабы свѣтъ небесный озарилъ глубины сердецъ человѣческихъ, и они приняли бы новое вино съ расположеніями новыми, достойными вѣчности счастливой. Тогда одни осудятъ въ себѣ своекорыстіе, волнующееся противъ новаго закона, другіе поймутъ, что свобода Христова есть отреченіе отъ всякаго преступнаго самоволія, отъ всякой животной страсти, и любовь покорная святымъ заповѣдямъ Божіимъ. Духъ Христовъ, и только Онъ одинъ, можетъ преобразовать сердца людей (Душеп. Чт. 1861 г. I, стр. 391).

Мысли епископа Θеофана на 14—17 ст. IX гл. Матѳея.

Спрашивали Господа: почему ученики Его не постятся? Онъ отвѣчалъ: потому что еще не пришло для нихъ время. Потомъ приточною рѣчью показалъ, что вообще строгость внѣшняго подвижничества должна соотвѣтствовать обновленію внутреннихъ силъ духа. Прежде возгрѣй духъ ревности, а потомъ налагай на себя и строгость; ибо въ такомъ случаѣ есть въ тебѣ внутренняя новая сила, способная съ пользою выдержать ихъ. Если же, не имѣя этой ревности, возьмешься за строгости, увлекаясь или только примѣромъ другихъ, или показностью подвижничества, то не на пользу это будетъ. Немного еще продержишься въ этой строгости, а потомъ ослабѣешь и бросишь. И будетъ тебѣ еще хуже, чѣмъ было прежде. Строгость безъ внутренняго духа—то же, что заплата изъ сырцоваго полотна на ветхой одеждѣ, или вино новое въ старыхъ мѣхахъ. Заплата отпадетъ и дира дѣлается еще больше; а вино прорываетъ мѣхъ, и само пропадаетъ, и мѣхъ дѣлается негожимъ. Это, впрочемъ, не значитъ, что строгости негодны, а внушается только, что надо начинать ихъ въ порядкѣ. Надобно сдѣлать, чтобы потребность ихъ шла извнутрь, чтобъ онѣ удовлетворяли сердцу, а не тѣснили только совнѣ, какъ гнетъ. (Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ, стр. 180—181.)

Св. Исидора Пелусіота на слова: *ниже вливаютъ вина нова въ мѣхи ветхи* (Матѳ. IX, 17).

Согнившихъ въ ветхости и отвергнувшихъ новую благодать Господь нарекъ *мѣхами ветхими*, какъ-бы прорвавшимися и проливающими новое ученіе Царствія. Таковымъ обличилъ себя Каіафа. Ибо, услышавъ отъ Господа, что Онъ—Сынъ Божій, разодралъ одежды. Петръ же, пріявъ законъ Духа жизни, не только поучаемый не отрицался, но и вопрошаемый исповѣдалъ, давъ видѣть насажденное въ немъ познаніе истины. (Тв. св. оо., т. XXXIV. Тв. Исидора Пелус., ч. I, стр. 39.)

Примиреніе разностей въ Евангельскомъ повѣствованіи о призваніи Матѳея (Лук. V, 27—28. Марк. II, 13—14. Матѳ. IX, 9).

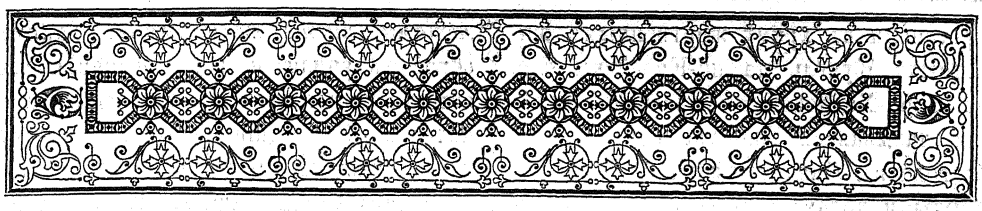
(Свящ. Маркова.)

Что̀ въ Евангеліи Матѳея разсказывается о Матѳеѣ, то же самое въ Евангеліяхъ Марка (II, 14) и Луки (V, 27) повѣствуется о мытарѣ Левіи, котораго Маркъ, кромѣ того, называетъ сыномъ Алфея.

Для устраненія противорѣчій въ Евангельскихъ сказаніяхъ объ этомъ событіи, нѣкоторые экзегеты признавали въ этихъ сказаніяхъ повѣствованія о двухъ совершенно особенныхъ событіяхъ. Еще Оригенъ считалъ Апостола Матѳея, о которомъ разсказывается въ его Евангеліи, и Левія, о которомъ повѣствуютъ Евангелисты Маркъ и Лука, за два раз-

личныя лица, принимая Левія за ученика Господа Іисуса въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ Апостола Матѳея. Подобныя же толкованія можно встрѣчать и у новѣйшихъ западныхъ экзегетовъ.—Но какъ при этомъ объяснить близкое до точности сходство повѣствованій у всѣхъ Евангелистовъ объ обстоятельствахъ призванія къ апостольству, какъ Матѳея, такъ и Левія? Всѣ три Евангелиста почти буквально передаютъ сказанія о призваніи Іисусомъ Христомъ «человѣка», сидѣвшаго у сбора пошлинъ (Матѳ. IX, 9. Марк. II, 14. Лук. V, 27); Матѳей и Лука прямо называютъ его мытаремъ (ὁ τελώνης Матѳ. X, 3. Лук. V, 27). Самое призваніе его у всѣхъ трехъ Евангелистовъ изображается одними и тѣми же чертами. Христосъ сказалъ ему: «слѣдуй за Мною. И онъ всталъ и послѣдовалъ за Нимъ». Какъ у Матѳея, такъ и у Марка и Луки, здѣсь нельзя разумѣть одно приближеніе человѣка къ Спасителю съ вѣрою въ Него, но призваніе въ Апостолы въ строгомъ смыслѣ, такъ что онъ сдѣлался послѣ этого постояннымъ спутникомъ Господа. Кромѣ того, это призваніе у всѣхъ Евангелистовъ стоитъ въ связи съ совершенно одними и тѣми же предшествующими ему и послѣдующими за нимъ обстоятельствами. По сказанію всѣхъ трехъ Евангелистовъ, оно произошло въ Капернаумѣ (снес. Матѳ. VIII, 5; IX, 1. Марк. II, 1. Лук. IV, 31), тотчасъ послѣ чуда исцѣленія разслабленнаго (Матѳ. IX, 2—8. Марк. II, 3—12. Лук. V, 18—26); всѣ три Евангелиста разсказываютъ непосредственно послѣ этого призванія объ одномъ и томъ же событіи—возлежаніи Іисуса Христа на вечери вмѣстѣ со Своими учениками, мытарями и грѣшниками (Матѳ. IX, 10. Марк. II, 15. Лук. V, 28); даже рѣчи, произнесенныя Іисусомъ при этомъ случаѣ о непредосудительности Его обращенія съ мытарями и грѣшниками и несоблюденія поста Его учениками—переданы всѣми тремя Евангелистами почти буквально. Сомнѣваться послѣ этого въ единствѣ разсматриваемаго нами происшествія, разсказаннаго тремя Евангелистами, рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній: все это повѣствованіе о призваніи въ Апостолы, какъ Матѳея, такъ и Левія, относится къ одному и тому же лицу. Кромѣ того, изъ сличенія нѣкоторыхъ мѣстъ Евангелій Марка и Луки можно доказать и то, что эти Евангелисты, передавая повѣствованіе о призваніи въ Апостолы мытаря, котораго они называютъ Левіемъ, разумѣютъ того же самаго Матѳея, о призваніи котораго разсказывается въ Евангеліи отъ Матѳея, или лучше сказать, называютъ Левія Матѳеемъ, и такимъ образомъ одному и тому же лицу усвояютъ два имени: Левія и Матѳея. Правда, Евангелисты Маркъ и Лука нигдѣ не говорятъ прямо, что имена Левій и Матѳей принадлежатъ одному и тому же лицу; упоминая имя Матѳея, они нигдѣ прямо не говорятъ, что это тотъ самый Апостолъ, призваніе котораго они разсказали съ именемъ Левія, но это и безъ прямыхъ указаній весьма понятно изъ ихъ исчисленій двѣнадцати Апостоловъ, гдѣ, упоминая о Матѳеѣ, они совершенно умалчиваютъ о Левіи (снес. Матѳ. X, 3. Марк. III, 18. Лук. VI, 15. также Дѣян. I, 13). Отсюда естественно заключить, что Левій, призванный Господомъ въ Апостолы, но не упоминаемый Евангелистами Маркомъ и Лукою въ числѣ двѣнадцати Апостоловъ, и есть Матѳей, упомянутый ими среди Апостоловъ въ перечисленіи ихъ, а слѣдовательно это есть тотъ Апостолъ, котораго самъ Матѳей въ своемъ Евангеліи и при разсказѣ о призваніи его и при

перечисленіи двѣнадцати Апостоловъ, такъ же, какъ и Евангелисты Маркъ и Лука, называетъ одинаково Матѳееемъ. Такимъ образомъ хотя Матѳей ничего не говоритъ о своемъ какомъ-нибудь другомъ имени, несомнѣнно, что Апостолъ, призванный Іисусомъ Христомъ изъ мытарей въ Капернаумѣ, имѣлъ два имени: Левія и Матѳея, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что у Іудеевъ былъ обычай, или заразъ называться двумя именами, или же перемѣнять свое имя на другое. Усвоеніе другого имени обыкновенно зависѣло отъ какихъ-нибудь особенно замѣчательныхъ событій изъ жизни и означало особенное уваженіе къ памяти этихъ событій; очень часто самыя эти новыя имена своимъ этимологическимъ значеніемъ выражали смыслъ самаго событія, въ память котораго кто либо усвоялъ ихъ себѣ. Примѣровъ на это можно привести много какъ изъ ветхозавѣтной исторіи, такъ и изъ новозавѣтной. Что же удивительнаго, если и мытарь Левій, послѣ призванія его Господомъ Іисусомъ въ Апостольское служеніе, сталъ называться Матѳееемъ, что значитъ: даръ Божій? Въ самомъ дѣлѣ не даръ ли особенной Божественной милости открылся ему въ призваніи его отъ мытницы въ великое Апостольское служеніе? Какъ живо сознавалъ это самъ Матѳей, видно изъ того сильнаго впечатлѣнія, какое произвело на него пророческое слово Осіи, которымъ Господь оправдываетъ предъ фарисеями Свое милосердое обращеніе съ мытаремъ: «милости хочу, а не жертвы, Я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію» (Матѳ. IX, 13; снес. XII, 7). Замѣчательно, что это мѣсто изъ пророчества Осіи приведено здѣсь только Евангелистомъ Матѳееемъ, и безъ сомнѣнія потому, что оно имѣло особенное значеніе въ отношеніи къ нему самому; между тѣмъ какъ Маркъ и Лука опустили его въ своихъ повѣствованіяхъ о томъ же событіи. Этимъ же особеннымъ значеніемъ призванія мытаря Левія въ Апостолы для него самого легко объясняется и различіе именъ въ повѣствованіи о его призваніи въ Евангеліи Матѳея и повѣствованіяхъ Евангелистовъ Марка и Луки. Эти два Евангелиста, разсказывая исторію призванія мытаря Левія въ званіе Апостольское, точно слѣдовали исторической дѣйствительности, и поэтому и назвали этого мытаря его первоначальнымъ Іудейскимъ именемъ, предполагая, безъ сомнѣнія, въ своихъ читателяхъ знаніе тождества его съ Апостольскимъ именемъ Матѳея. Перечисляя же 12 Апостоловъ, они назвали Левія уже его Апостольскимъ именемъ (Марк. III, 18. Лук. VI, 15; снес. Дѣян. I, 13). Между тѣмъ какъ самъ Матѳей не только въ перечисленіи 12 Апостоловъ, но и въ исторіи призванія своего въ Апостольское служеніе назвалъ себя одинаково—Апостольскимъ именемъ Матѳея. Итакъ, прежде своего призванія въ Апостольское служеніе Господу Іисусу, Матѳей назывался Левіемъ и былъ сборщикомъ податей въ Капернаумѣ; при озерѣ Тиверіадскомъ онъ былъ призванъ Іисусомъ въ Апостолы и послѣ сего сталъ называться Матѳееемъ. Такъ относятся между собой два имени Апостола, о которыхъ упоминается въ трехъ синоптическихъ Евангеліяхъ (Прав. Обозр. 1873 г. О Евангеліи отъ Матѳея. Янв., стр. 52—57).



Вторая Пасха общественнаго служенія Іисуса Христа.

Исцѣленіе разслабленнаго у овчей купели и рѣчи Іисуса Христа къ Іудеямъ, сказанныя по этому поводу (Іоан. V).

Ст. 1. *По сихъ же бѣ.* Послѣ исцѣленія сына царедворца до исцѣленія разслабленнаго слѣдовали многія событія, описанныя у другихъ Евангелистовъ (Матѳ. IV, 13—26. Марк. I, 16—39. Лук. V, 1—11. Матѳ. VIII, 18—34. Марк. IV, 35—41; V, 1—21. Лук. VIII, 22—40; IX, 57—62. Матѳ. IX, 1—34. Марк. II, 13—22; V, 21—43. Лук. V, 27—39; VIII, 41—49).

Бѣ праздникъ Іудейскій. Какой? Пасха. а) Пасха по преимуществу назывался ἡ ἑορτὴ праздникъ (Іоан. XII, 12. Матѳ. XXVI, 5) или: ἑορτὴ безъ члена (Матѳ. XXVII, 15. Марк. XV, 6. Лук. XXIII, 17). Іоаннъ тѣмъ болѣе назвалъ бы здѣсь другой праздникъ по имени, что предъ тѣмъ назвалъ онъ праздникомъ Пасху (Іоан. IV, 45; сл. II, 23). б) Сказано было (IV, 13) *четыре мѣсяцы и жатва.* Въ Пасху именно приносили ячменный хлѣбъ Господу и потомъ жали ячмень, а за четыре мѣсяца, въ декабрѣ, начинали сѣять. в) Святый Ириней II, 39 твердо говоритъ, что этотъ праздникъ былъ Пасха, именно, вторая впродолженіи служенія Іисусова. г) Никакого другаго праздника нельзя здѣсь разумѣть: аа) ни Пятьдесятницы (Златоустъ, Кириллъ), потому что между Пасхою и Пятьдесятницею не проходитъ четырехъ мѣсяцевъ (Іоан. IV, 35), и нельзя было бы вмѣстить отъ первой Пасхи до Пятьдесятницы событій, описываемыхъ II, 23—V, 1. бб) Ни праздника кущей, начинавшагося въ 14 день тисри (октября) хотя сей праздникъ иногда назывался праздникомъ (Іоан. VII, 10—11, 14, 37) и у Флавія—великимъ праздникомъ; у Іоанна праздникъ кущей названъ праздникомъ, тогда какъ онъ прежде названъ прямо своимъ именемъ, праздникомъ кущей (Іоан. VII, 2). вв) Ни праздникъ освященія храма, начинавшійся въ 25 день кислева (декабря), ни праздникъ пуримъ, бывавшій за мѣсяцъ до Пасхи, не были въ числѣ великихъ праздниковъ (Филаретъ Черниговскій).

Ст. 2. *Есть же во Іерусалимѣхъ овчая купѣль, яже глаголется Еврейски Виѳезда, пять притворъ имущи* (2). На основаніи слова: *есть же....* дѣлали заключеніе, что Евангеліе Іоанна написано до разрушенія Іерусалима, но несправедливо: эта купель существовала и послѣ разрушенія города; она существуетъ даже и теперь, какъ мы знаемъ это изъ описаній святыхъ мѣстъ современными археологами. Въ Славянскомъ нашемъ переводѣ читаемъ: есть же..... «*овчая купѣль*....; въ Русскомъ же переводѣ: есть же.... *у Овечьихъ воротъ купальня.* Овечьи ворота упоминаются въ книгѣ Нееміи III, 1, 32; XII, 39. По преданію, онѣ находились на восточной сторонѣ Іерусалима вблизи храма и названы такъ потому, что чрезъ нихъ

прогоняли къ храму жертвенныхъ животныхъ. Купель эта по-Еврейски, т. е. на Сиро-Халдейскомъ мѣстномъ нарѣчіи, называлась Виѳезда (т. е. домъ благодати). Она окружена была пятью крытыми ходами, *притворами* или галлереями, въ которыхъ и располагались больные, смотря по роду своихъ болѣзней.

Ст. 3—4. *Въ тѣхъ же* (притворахъ) *слежаще множество болящихъ, слѣпыхъ хромыхъ, сухихъ, чающихъ движенія воды: Ангелъ бо Господенъ на всяко лѣто схождаше въ купѣль и возмущаше воду: и иже первѣе влазяше по возмущеніи воды, здравъ бываше, ящемъ же недугомъ одержимъ бываше.* Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ толковниковъ хотѣли объяснить повѣствуемое здѣсь естественными силами природы. Они говорили, что это были *минеральные* источники, имѣвшіе естественную цѣлительную силу. Но такое объясненіе совершенно неудовлетворительно и ложно. Если бы принимаемое здѣсь народное мнѣніе было ложно и представляло совершенный вымыселъ, то Евангелистъ совершенно не сталъ бы приспособляться къ нему. Напротивъ, въ основаніи этого народнаго мнѣнія заключалась глубокая мысль, что въ явленіяхъ природы дѣйствуютъ не только мертвыя механическія силы природы, но и силы высшаго міра, и что такъ называемыя силы природы сами приводятся въ дѣйствіе высшими дѣйствующими причинами, *Ангелами*. Это ученіе Іудейскаго Богословія принято отцами Церкви и современными намъ богословами. Такъ блаженный Августинъ говоритъ: «всякая видимая въ этомъ мірѣ вещь имѣетъ *надзирающую за нею Ангельскую власть*». Святый Григорій, говоря о различныхъ чинахъ Ангельскихъ, говоритъ между прочимъ: «къ *силамъ*, кажется, принадлежатъ всѣ Ангелы, которые *надзираютъ надъ предметами, чисто тѣлесными*». Такимъ образомъ учили и всѣ средневѣковые естествоиспытатели до *Кеплера* включительно. Послѣдній говоритъ объ этомъ такъ: «каждый элементъ имѣетъ своего небеснаго Архея (начальника)». Такимъ объясненіемъ отнюдь не отрицаются существованіе и дѣйствіе естественныхъ силъ природы; напротивъ, при этомъ онѣ получаютъ только высшую причинность. Только атеистическое направленіе мысли, обращающей свой взоръ исключительно къ *второстепеннымъ причинамъ* и почитающей и служащей, по словамъ Апостола Павла, твари вмѣсто Творца (Римл. 1, 25), можетъ находить въ нашемъ объясненіи неестественность и натянутость. Слова: *и иже первѣе влазяше.... здравъ бываше, ящемъ же недугомъ одержимъ бываше,* еще болѣе утверждаютъ насъ въ той мысли, что цѣлебное дѣйствіе возмущенной Ангеломъ воды у овчей купели было сверхъестественно.

Ст. 5—13. *Бѣ же тутъ нѣкій человѣкъ, тридесять и осмь лѣтъ имый въ недузѣ своемъ*, т. е. былъ боленъ въ продолженіи тридцати восьми лѣтъ. *Сего видѣвъ Іисусъ лежаща, и разумѣвъ, яко многа лѣта уже имяше въ недузѣ, глагола ему: хощеши ли цѣлъ быти?* (5—6.) Больной этотъ, должно быть, принадлежалъ къ разряду *сухихъ* (ξῆροι), т. е. параличныхъ. Своимъ вопросомъ: *хощеши ли цѣлъ быти?* Господь хочетъ возбудить въ больномъ надежду на помощь и воспріемлемость къ пріятію небесной силы, которую Спаситель хотѣлъ излить на него, потому что больной, какъ видно изъ ст. 7, потерялъ всякую надежду на выздоровленіе. Такъ какъ параличъ мѣшалъ ему въ надлежащее время войти въ возмущенную воду, то ему, казалось, закрытъ уже былъ всякій путь къ выздоровленію. Поэтому онъ говоритъ: *Господи, человѣка не имамъ да егда возмутится вода, вверженетъ мя*

въ купѣль: егда прихожду азъ (и проч.) *инъ прежде мене слазитъ.* Изъ словъ его: *егда прихожду азъ* и проч. видно съ одной стороны, что больной съ трудомъ еще могъ однако передвигаться, а съ другой, что каждый разъ при возмущеніи воды только одинъ кто-нибудь могъ получать пользу. Іисусъ Христосъ изрекаетъ больному Свое могущественное слово: *востани!* и больной мгновенно чувствуетъ себя выздоровѣвшимъ. Онъ встаетъ, беретъ свой *одръ* и ходитъ въ доказательство, что ноги его здоровы. Заключительное замѣчаніе Евангелиста: *бѣ же суббота въ той день*, когда совершено исцѣленіе, составляетъ переходъ къ дальнѣйшему повѣствованію. *Жидове*, т. е. члены синедріона (которыхъ также нужно разумѣть и въ 15 ст.), видѣвшіе, должно быть, самое исцѣленіе, порицаютъ однако сначала *ношеніе* выздоровѣвшимъ своей постели, порицаютъ, какъ занятіе, непозволенное въ субботу. Раввинскія постановленія касательно субботняго покоя въ это время уже осложнились и оразнообразились, распространившись на самыя незначительныя занятія. Но исцѣленный оправдывается (11) приказаніемъ Того, Кто исцѣлилъ его и Кто, въ глазахъ его, имѣлъ достаточную власть освободить его отъ соблюденія слишкомъ мелочныхъ постановленій о субботѣ: *Иже сотвори мя цѣла, Той мнѣ рече: возми одръ твой и ходи.* Въ отвѣтѣ исцѣленнаго высказывается нѣкоторая какъ-бы дерзость въ отношеніи къ спрашивавшимъ. Синедристы требуютъ отъ него свѣдѣній о Человѣкѣ, Который далъ ему позволеніе носить въ субботу свой одръ и тѣмъ объявилъ законы ихъ необязательными. *Кто есть Человѣкъ рекій ти: возьми одръ твой и ходи?*— Слово—«человѣкъ» употреблено въ презрительномъ смыслѣ. Прекрасно по поводу этихъ словъ замѣчаетъ блаженный Ѳеофилактъ: «вотъ смыслъ злобы! Не говорятъ, Кто исцѣлилъ тебя, но Кто повелѣлъ нести одръ твой. Спрашиваютъ не о томъ, что̀ приводило въ удивленіе, но о томъ, что̀ порицали». Исцѣленный не могъ доставить требуемыхъ отъ него свѣдѣній, такъ какъ Іисусъ тотчасъ послѣ исцѣленія скрылся среди народа, бывшаго на мѣстѣ томъ.

Ст. 14 — 16. Вѣроятно, исцѣленный тотчасъ пошелъ во храмъ, чтобы принесть Богу благодарность за свое исцѣленіе. Здѣсь встрѣтилъ его Іисусъ Христосъ и обратился къ нему со слѣдующими словами: *се, здравъ еси! ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (14). Значитъ тридцативосьмилѣтняя болѣзнь этого человѣка была слѣдствіемъ и наказаніемъ за его грѣхи, которые Іисусъ Христосъ зналъ. Поэтому Онъ и предостерегаетъ его отъ грѣховъ, чтобы не постигло его еще большее наказаніе, когда онъ снова предастся своимъ грѣхамъ. —Исцѣленный теперь только узналъ, Кто его Благодѣтель, и указываетъ на Него синедристамъ (Іудеямъ) не по злобѣ, какъ думали нѣкоторые, и не вслѣдствіе безотчетнаго послушанія начальству, равно какъ и не изъ благодарности, чтобы прославить предъ Іудеями своего Благодѣтеля, но чтобы показать авторитетъ, подъ вліяніемъ котораго онъ дѣйствовалъ. Для него этотъ авторитетъ былъ выше авторитета синедристовъ, и онъ это выставляетъ имъ на видъ. Фарисействующіе синедристы *сего ради гоняху Іисуса и искаху его убити*, не потому, что Онъ позволилъ исцѣленному нести свой одръ, а потому, *зане сія творяше въ субботу.* Въ Іудейскихъ сочиненіяхъ заключалось множество указаній, опредѣлявшихъ законность исцѣленія въ субботу. По этимъ правиламъ только въ неминуемой опасности можно было присту-

пать къ лѣкарственнымъ средствамъ въ субботу.

Ст. 17. *Іисусъ же отвѣщаваше имъ* (на враждебные ихъ замыслы): *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (17). Синедристы, какъ видно изъ этого отвѣта Господа, въ своихъ преслѣдованіяхъ Его ссылались на слова Моисея (Быт. II, 2 и д. Исходъ XX, 10 и д.), гдѣ говорится, что Богъ почилъ въ седьмой день отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, и что Онъ освятилъ его, дабы и человѣкъ въ этотъ день успокоивался отъ своихъ трудовъ. Противъ этого Іисусъ Христосъ говоритъ имъ, что этотъ покой Божій нельзя понимать въ смыслѣ совершенной недѣятельности; напротивъ, Богъ непрерывно продолжаетъ дѣйствовать. Онъ продолжаетъ дѣйствовать, сохраняя сотворенное и управляя имъ, а также устрояя спасеніе людей. Такъ Богъ покоится въ Своей дѣятельности и дѣйствуетъ въ Своемъ покоѣ. Словами: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ* Іисусъ Христосъ опровергаетъ основаніе, на которомъ фарисеи строили свои мелочныя постановленія касательно субботы. Празднованіе субботы должно собирать и приводить къ внутреннему единству разсѣяваемый разнообразіемъ земныхъ предметовъ духъ человѣка. Если бы кто постоянно имѣлъ такое сосредоточеніе и сохранялъ его, то онъ каждый день праздновалъ бы субботу; всякая внѣшняя дѣятельность не нарушала бы въ немъ внутренняго покоя. Но человѣкъ не можетъ находиться въ такомъ постоянномъ сосредоточеніи и покоѣ, и поэтому Богъ установилъ опредѣленный день, въ который человѣкъ *преимущественно* долженъ заботиться объ этомъ покоѣ. Но какъ вѣчный покой Божій не исключаетъ постоянной дѣятельности ко благу людей, такъ и человѣческій субботній покой не исключаетъ дѣятельности людей ко благу ближнихъ.—Въ словахъ: *и Азъ дѣлаю* Іисусъ Христосъ подлѣ дѣятельности Отца поставляетъ и Свою дѣятельность. Отецъ дѣйствуетъ только чрезъ Сына; Сынъ есть начало всякаго откровенія и дѣятельности Божіей вовнѣ.

Ст. 18—20. *И сего ради паче искаху Его Іудее убити, яко не токмо разоряше субботу, но и Отца Своего глаголаше Бога, равенся творя Богу* (18). Іудеи не поняли глубокаго смысла словъ Іисуса о субботнемъ покоѣ, они оставались при своемъ мнѣніи, что Онъ исцѣленіемъ разслабленнаго нарушилъ субботу; но они поняли, что Іисусъ словами: *Отецъ Мой* приписываетъ Себѣ Божественное *сыновство*, а сопоставленіемъ Своей дѣятельности съ дѣятельностью Отца поставляетъ Себя въ *равной степени* съ Богомъ, приписываетъ Себѣ *Божественную* сущность. Это еще болѣе возбудило ихъ вражду. Іисусъ Христосъ не опровергаетъ выводъ, какой синедристы сдѣлали изъ Его словъ, именно, что Онъ равнымъ Себя считаетъ съ Богомъ, а, напротивъ, усиливаетъ *(аминь аминь глаголю вамъ)* и подтверждаетъ его, указывая на совершенное единство Своей дѣятельности съ дѣятельностью Отца. И сначала Онъ дѣлаетъ это *отрицательно*, отвергая въ Себѣ всякое самовольное дѣйствіе, чуждое соизволенія Отца: *не можетъ Сынъ творити о Себѣ ничесоже, аще не еже видитъ Отца творяща*, а потомъ *положительно* говоря, что дѣло Отца есть вмѣстѣ и дѣло Сына: *яже бо Онъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ* (19). Но основаніе этому единству между Отцемъ и Сыномъ заключается не въ нравственномъ только единствѣ *воли*, какое можетъ быть между Богомъ и людьми, но въ единствѣ *существа*. На это указываетъ уже выраженіе: *не можетъ*.

Сотворенныя существа могутъ отпадать отъ Бога, *могутъ* къ своему вреду дѣлать нѣчто *сами по себѣ*, но не такъ Сынъ, совершеннѣйшій образъ и сіяніе Божественнаго существа. Но еще больше это выражается въ дальнѣйшихъ словахъ: *Отецъ бо любитъ Сына и вся показуетъ Ему, яже Самъ творитъ.* Связью между Отцемъ и Сыномъ и съ тѣмъ вмѣстѣ основаніемъ *единства* ихъ дѣятельности представляется здѣсь *любовь*. Сынъ созерцаетъ и видитъ въ существѣ Отца все, что̀ Онъ отъ вѣчности предопредѣлилъ ко спасенію людей, и открываетъ это во времени, будучи Самъ откровеніемъ невидимаго Бога. Господь обѣщаетъ также, что Онъ по волѣ Своего Небеснаго Отца, сотворитъ еще бо́льшія и удивительнѣйшія дѣла, чѣмъ это чудесное исцѣленіе и подобныя чудеса, совершенныя Имъ. *И больша сихъ покажетъ Ему дѣла, да вы* (невѣрующіе, если не хотите вѣрить, по крайней мѣрѣ) *чудитеся* (20).

Ст. 21. Въ числѣ такихъ великихъ дѣлъ Онъ прежде всего называетъ *воскресеніе мертвыхъ: якоже бо Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихже хощетъ, живитъ.* Толковники несогласны касательно того, о какомъ здѣсь воскресеніи и оживленіи идетъ рѣчь: о духовномъ, или о тѣлесномъ, или о томъ и другомъ вмѣстѣ? Но что Христосъ первѣе всего имѣлъ въ виду *духовное, нравственное* воскресеніе изъ мертвыхъ, это видно не только изъ дальнѣйшаго хода мыслей, но и изъ словъ: *ихже хощетъ* и *живитъ*, поставленныхъ въ формѣ *настоящаго* времени. Ибо тѣлесное воскресеніе будетъ нѣкогда всеобщимъ; но этого нельзя сказать о духовномъ воскресеніи, которое совершается на землѣ по милосердному *избранію* и опредѣленію Божію. Но изъ этого духовнаго воскресенія вполнѣ естественно развивается въ послѣдній день міра и тѣлесное, потому что Христосъ есть Искупитель *цѣлаго* человѣка по душѣ и тѣлу. Тѣло воскресаетъ къ блаженной жизни только *потому*, что духъ прежде уже получилъ жизнь (ср. VI, 40, 44 и д. Римлян. VIII, 11). Но объ этомъ *тѣлесномъ* воскресеніи рѣчь ниже (28); поэтому тамъ употреблена форма *будущаго* времени. — Не безъ особеннаго значенія сначала сказано: *воскрешаетъ*, а потомъ *живитъ*. Первымъ словомъ означается начальное пробужденіе отъ духовной грѣховной смерти, а вторымъ — полное оживленіе сообщеніемъ спасающей благодати.

Ст. 22—23. Съ духовнымъ воскресеніемъ и оживленіемъ Господь соединяетъ *другое* великое Свое дѣло — *судъ*, который также нужно первѣе всего понимать въ *духовномъ* значеніи. *Отецъ бо не судитъ никому же, но судъ весь даде Сынови.* Причинное *бо* относится къ предшествующему: *ихже хощетъ живитъ:* какъ судія тѣхъ, которые, *не* хотятъ принимать *Его*, Сынъ есть *Животворитель* тѣхъ, которыхъ Онъ пріиметъ и приведетъ къ блаженству, и наоборотъ, съ духовнымъ воскресеніемъ и оживленіемъ въ непосредственной связи стоитъ *судъ*. Христосъ явился какъ истинный свѣтъ и жизнь въ мрачномъ, духовно мертвомъ мірѣ грѣха. Тѣ, которые съ вѣрою приняли Его, сдѣлались свѣтомъ, воскресли къ новой жизни, возродились, непосредственно перешли слѣдовательно отъ смерти къ жизни; тѣ же, которые съ невѣріемъ отвергли Его, остались въ грѣховной тьмѣ, въ духовной смерти; слѣдовательно отдѣлились отъ свѣта и жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ всѣхъ тѣхъ, которые приняли въ себя жизнь и свѣтъ Христовъ. Слѣдовательно, съ пришествіемъ Христовымъ, послѣ многихъ предварительныхъ дѣйствій на-

чался въ человѣчествѣ въ собственномъ смыслѣ послѣдній *судъ*, и этотъ судъ продолжается въ теченіи вѣковъ, большею частью невидимо, но иногда въ особенно важныхъ періодахъ является и видимо, пока, наконецъ, въ послѣдній день міра окончится великимъ и страшнымъ судомъ. Ниже въ 27) ст.) судъ приписывается Сыну потому, что Онъ *Сынъ Человѣчь есть*. Сынъ, какъ Богъ, открывшійся во внѣ, первоначально создалъ міръ (I, 3). Какъ Творецъ, Онъ долженствовалъ быть и Искупителемъ *падшаго* міра, потому что искупленіе въ результатѣ своемъ есть ни что иное, какъ новое твореніе. Но чтобы искупить міръ, Сынъ Божій долженствовалъ быть членомъ человѣчества, слѣдовательно Сыномъ Человѣческимъ, чтобы Онъ могъ Свои заслуги сдѣлать общимъ достояніемъ всѣхъ людей. Ибо только въ человѣчествѣ, какъ органическомъ цѣломъ, можетъ существовать взаимная вмѣняемость какъ преступленій, такъ и заслугъ. Но, какъ Сынъ Человѣческій, Христосъ сдѣлался Праотцемъ новаго человѣчества, Главою новаго тѣла, всѣ живые члены котораго Онъ нѣкогда соединитъ съ Собою, и тогда только образуетъ совершенно *новаго человѣка*, а всѣ мертвые члены отдѣлитъ отъ Себя, слѣдовательно совершитъ судъ (27).—Здѣсь сказано: *даде*, потому что Сынъ имѣетъ отъ Отца какъ Существо Его, такъ и Его *власть* и *силу*. Отецъ далъ Сыну *весь судъ;* значитъ не только въ послѣднемъ Его дѣйствіи на страшномъ судѣ, но и въ продолженіи всей исторіи. *Цѣль* этой оживляющей и судящей дѣятельности Сына составляетъ: *да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца*. Потому что: *иже не чтитъ Сына, не чтитъ* (также) *Отца, пославшаго Его* (23). Честь и слава Божія есть послѣдняя цѣль всякаго творенія. Но Богъ Отецъ прославляется только въ Сынѣ, Своемъ Посланникѣ, Посредникѣ между Богомъ и тварью.

Ст. 24. *Аминь, аминь глаголю вамъ, яко слушаяй словесе Моего и вѣруяй Пославшему Мя, имать животъ вѣчный: и на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ*. Торжественно увѣряетъ здѣсь Господь, что кто слушаетъ Его слово и вѣритъ ему, какъ слову *Божія* Посланника *(Пославшему Мя)*, тотъ *имѣетъ* уже вѣчную жизнь. *Вѣра*, по употребленію въ Евангеліи Іоанна, есть не простое, отвлеченное принятіе чего либо за истину, но есть нѣчто таинственное, есть живое, дѣйствительное воспріятіе въ себя того, во что̀ вѣруемъ. Кто истинно вѣруетъ во Христа, тотъ воспринимаетъ Его въ себя духовнымъ образомъ, и, такъ какъ Христосъ есть жизнь по преимуществу, *имѣетъ*, слѣдовательно, уже въ себѣ вѣчную жизнь, и потому не приходитъ на *судъ*, т. е. не отдѣляется отъ Христа и не предается вѣчной смерти, но *перешелъ* уже изъ состоянія духовной смерти въ состояніе истинной жизни.

Ст. 25—27. *Аминь, аминь глаголю вамъ, яко грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія и услышавше оживутъ* (25). Съ особенною настойчивостію *(аминь, аминь)* Спаситель снова повторяетъ ту же мысль, которую Онъ высказалъ въ предшествующемъ стихѣ, только выражаетъ здѣсь ее другимъ образомъ. Что подъ словомъ *мертвые* нужно разумѣть здѣсь мертвыхъ *духовно* (Матѳ. VIII, 22. Апокалипс. III, 1), и что весь этотъ стихъ нужно объяснять не въ смыслѣ воскресенія мертвыхъ на страшномъ судѣ, уже очевидно слѣдуетъ и изъ выраженія: *и нынѣ есть*. А что нельзя также разумѣть здѣсь и тѣхъ чудесъ воскресенія, которыя Іисусъ Христосъ

совершилъ въ послѣдніе три года Своей жизни (Іоан. XI. Марк. V, 41. Лук. VII, 14) доказывается выраженіемъ *услышавше* (οἱ ἀκούσαντες), которое, имѣя предъ собою членъ, можетъ быть понимаемо только въ смыслѣ *вѣрующаго* слушанія, добровольнаго принятія слова Христова. Въ перифразѣ эти слова можно передать такъ: «убѣждаю, увѣряю васъ, что подпавшее грѣховной смерти человѣчество отселѣ услышитъ пробуждающій и воскрешающій голосъ Сына Божія, Его Евангеліе, и тѣ, которые съ вѣрою пріимутъ Его, воскреснутъ къ истинной жизни». *Якоже бо Отецъ имать животъ въ Себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ Себѣ* (26), т. е. быть самостоятельнымъ источникомъ жизни для людей. Прекрасно блаженный Августинъ замѣчаетъ въ объясненіе этого мѣста: «Отецъ имѣетъ жизнь *изъ* Себя и не отъ Сына; Сынъ имѣетъ жизнь въ Себѣ, но *отъ* Отца». *И область* (власть) *даде Ему и судъ творити, яко Сынъ Человѣчь есть* (27). Христосъ, какъ вѣчный Сынъ Божій, имѣя власть, сообщаетъ человѣчеству истинную жизнь, имѣетъ также власть отлучать отъ Себя и тѣмъ предавать вѣчному осужденію тѣхъ, которые не хотятъ принимать Его; другими словами: Онъ имѣетъ полномочіе и власть совершать судъ. И эту власть Онъ имѣетъ не только какъ Сынъ *Божій*, но и какъ Сынъ *Человѣческій*.

Ст. 28 — 30. Отъ духовнаго воскресенія и невидимаго суда Спаситель переходитъ теперь къ *тѣлесному* воскресенію и *видимому* суду въ послѣдній день міра: *не дивитеся сему: яко грядетъ часъ, въ оньже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ сотворшіи благая въ воскресеніе живота, а сотворшіи злая въ воскресеніе суда* (28 — 29). «*Не дивитеся!*» — выражаетъ усиленіе мысли: «не удивляйтеся тому, что̀ Я вамъ сказалъ о *духовномъ* воскресеніи; ибо Я долженъ сказать вамъ еще больше; Я долженъ вамъ объявить, что Я воскрешу и *тѣлесно* умершихъ и буду судить на послѣднемъ судѣ. *Не могу Азъ творити о Себѣ ничесоже. Якоже слышу,* (такожде) *сужду: и судъ Мой праведенъ есть, яко не ищу воли Моея, но воли пославшаго Мя Отца* (30). Слѣдовательно судъ, который Онъ нѣкогда произведетъ, будетъ праведный судъ, потому что 1) Отецъ *всеправедный* судитъ въ Сынѣ; *не могу ничесоже.* Сынъ высказываетъ только то, что̀ видитъ въ Отцѣ: *якоже слышу, сужду;* и потому 2) что между Отцемъ и Сыномъ полнѣйшее согласіе *воли, яко не ищу* и проч.

Ст. 31. Много великаго сказалъ о Себѣ Господь въ предшествующихъ словахъ рѣчи Своей: Онъ объявилъ Себя Воскресителемъ и Судіею всего человѣчества. Это откровеніе о Своемъ великомъ достоинствѣ совершенно естественно требовало себѣ подтвержденія, *свидѣтельства.* Вѣроятно, Господь читалъ на лицахъ изумленныхъ Своихъ слушателей вопросы: «какъ Ты докажешь это? Какъ мы можемъ повѣрить Твоему собственному только свидѣтельству?» (Ср. VIII, 13.) Поэтому Спаситель предупреждаетъ эти и подобные вопросы и подтверждаетъ Свое свидѣтельство: 1) свидѣтельствомъ *Божіимъ*, ст. 32, 36 и д.; 2) свидѣтельствомъ *Крестителя*, ст. 33 и д.; свидѣтельствомъ *Священнаго Писанія*, ст. 39, чтобы, по юридическому ветхозавѣтному правилу (Второзак. XIX, 15) «при свидѣтельствѣ *двухъ* или *трехъ* свидѣтелей подтвердилось дѣло». Сначала Онъ говоритъ: *аще Азъ свидѣтельствую о Мнѣ, свидѣтельство Мое нѣсть истинно* (31). Удивительно, что Спаситель здѣсь говоритъ совершенно противно тому,

что̀ въ другомъ мѣстѣ (VIII, 14) Онъ возражаетъ на такой же вопросъ. Тамъ Онъ именно говоритъ, что Его свидѣтельство о Самомъ Себѣ *есть истинно*, а здѣсь, что оно *не есть истинно*. Но это кажущееся противорѣчіе разрѣшается просто тѣмъ, что Христосъ стоитъ здѣсь на *человѣческой* только точкѣ зрѣнія Своихъ слушателей. Онъ какъ-бы та́къ говоритъ: «если бы свидѣтельство Мое было только Мое одно, то вы, конечно, по своимъ воззрѣніямъ и правиламъ, не дали бы никакого значенія Моему свидѣтельству». Но въ другомъ мѣстѣ (VIII, 14) Господь говоритъ о Своемъ достоинствѣ *Божественномъ*, болѣе сильнаго доказательства которому не можетъ быть, какъ Его слово, поелику оно есть едино съ непреложнымъ словомъ Божіимъ. Простою, общепонятною рѣчью это можно выразить та́къ: свидѣтельство, которое человѣкъ даетъ о самомъ себѣ, бываетъ убѣдительнымъ, или не убѣдительнымъ, смотря по лицамъ, предъ которыми оно дается. Свидѣтельство Іисуса Христа о Самомъ Себѣ было несомнѣннымъ и совершенно убѣдительнымъ для Его учениковъ и для всѣхъ, кто не закрывалъ глазъ и сердецъ предъ сіяніемъ истины и святости, окружающихъ Его существо; поэтому Онъ и требовалъ отъ учениковъ, чтобы они вѣрили Ему за Его *слово*. Но для всѣхъ тѣхъ, которые не получали такого впечатлѣнія отъ святости всего Его существа, собственное свидѣтельство Его о Себѣ не имѣло силы полной убѣдительности; для нихъ Свою безусловную достовѣрность Онъ долженъ былъ доказать другимъ образомъ.

Ст. 32. *Инъ есть свидѣтельствуяй о Мнѣ, и вѣмъ, яко истинно есть свидѣтельство, еже свидѣтельствуетъ о Мнѣ.* Спрашивается, кто здѣсь разумѣется подъ словомъ *инъ?* Святый Златоустъ, блаженный Ѳеофилактъ, Евѳимій Зигабенъ и др. разумѣютъ *Іоанна Крестителя;* святый Кириллъ Александрійскій, блаженный Августинъ, Беда и др. *Бога Отца*. Если допустить послѣднее, то, безъ сомнѣнія, будетъ прерванъ ходъ мыслей; потому что тотчасъ въ ст. 33 — 35 слѣдуетъ свидѣтельство Крестителя, и только съ 36 ст. уже собственно представлено свидѣтельство *Отца*. При первомъ же мнѣніи, ходъ мыслей идетъ послѣдовательно отъ низшаго къ высшему; но при этомъ неумѣстна форма глагола *свидѣтельствуетъ* въ *настоящемъ* времени; слѣдовало бы какъ въ 33 ст., поставить глаголъ въ *прошедшемъ* времени, такъ какъ свидѣтельство Іоанна уже было въ прошедшемъ. Поэтому единственно справедливо будетъ подъ словомъ—*инъ* разумѣть *Бога Отца* (ср. VIII, 18, 54. 1 Іоан. V, 9). Къ этому приводятъ также слова: *и вѣмъ, яко истинно есть* и пр., въ которыхъ снова указывается на единство существа между Сыномъ и Отцемъ. На слѣдующее затѣмъ (33—34) свидѣтельство Крестителя Господь ссылается только ради человѣческой слабости Своихъ слушателей.

Ст. 33—35. *Вы посласте ко Іоанну, и свидѣтельствова о истинѣ: Азъ же не отъ человѣка свидѣтельства пріемлю, но сія глаголю, да спасени будете* (33—34). Слѣдовательно, Іисусъ только, между прочимъ, указываетъ на свидѣтельство Іоанна, которое они сами слушали. Іоаннъ, говоритъ Онъ, засвидѣтельствовалъ истину, что именно Іисусъ есть Мессія, обѣщанный пророками, Агнецъ Божій, вземлющій грѣхи міра (I, 19 и д. 29 и д.); и такъ какъ они со своей стороны *(вы)* Крестителя считали пророкомъ, что̀ подтвердило и бывшее къ нему посольство синедріона (I, 19), то должны повѣрить этому свидѣтельству. Однако замѣчаетъ Іисусъ Христосъ, что Онъ со Своей стороны

(Азъ же) не изыскиваетъ одного *человѣческаго* свидѣтельства, и ссылается на него только потому, чтобы облегчить имъ вѣру, приводящую ко спасенію. Полнаго убѣжденія въ истинности и Божественности ученія Іисуса Христа человѣкъ достигаетъ *внутреннимъ* свидѣтельствомъ Святаго Духа; всѣ же *внѣшнія* свидѣтельства служатъ только къ тому, чтобы приготовить человѣка и сдѣлать воспріимчивымъ къ этому внутреннему свидѣтельству. Поэтому Христосъ и говоритъ въ другомъ мѣстѣ (XV, 26 и д.): «*Духъ* истины свидѣтельствуетъ о Мнѣ. И *вы* (Апостолы) свидѣтельствуете, яко искони со Мною есте». Это внѣшнее свидѣтельство Апостоловъ и внутреннее свидѣтельство Святаго Духа непрерывно продолжается въ Церкви. Объ Іоаннѣ Господь говоритъ потомъ (35): *Онъ бѣ свѣтильникъ горя и свѣтя*, имѣя приводить васъ на путь истины; *вы же* (только) *восхотѣсте возрадоватися въ часъ свѣтѣнія его*, т. е. вмѣсто того, чтобы просвѣтиться этимъ свѣтомъ, вы, подобно дѣтямъ, играли только при свѣтѣ, старались удовлетворить только своей страсти любопытства и болтливости. Христосъ есть первоначальный *свѣтъ* (1, 8), просвѣщающій, подобно солнцу, самого Крестителя; Іоаннъ же былъ только свѣтильникомъ, какъ Предтеча Мессіи. Нѣкоторые думаютъ, что выраженіемъ: *бѣ свѣтильникъ горя*—Спаситель указалъ на текстъ въ книгѣ Сираха (48, 1), гдѣ такъ говорится объ *Иліи*, прообразѣ Предтечи: *и воста Илія пророкъ, яко огнь, и слово его яко свѣща горяше*. Но образъ выраженія тамъ и здѣсь различный. *Восхотѣсте* стоитъ въ значеніи: «вы не хотѣли ничего больше», и выражаетъ въ совокупности со слѣдующими словами легкомысліе современниковъ Іоанна Предтечи.

Ст. 36—38. Отъ свидѣтельства Крестителя Христосъ теперь снова переходитъ къ *Божественному свидѣтельству*, заключающемуся въ чудесахъ: *Азъ же имамъ свидѣтельство болѣе* (свидѣтельства) *Іоаннова. Дѣла бо, яже Азъ творю, свидѣтельствуютъ о Мнѣ, яко Отецъ Мя посла* (36). Это большее свидѣтельство заключается, говоритъ Господь, въ *чудесахъ* («дѣла»), которыя Отецъ совершаетъ чрезъ Него («даде») и которыя Онъ совершаетъ самостоятельно («Азъ творю»). Эти чудеса свидѣтельствуютъ о томъ, что Онъ Божій Посланникъ, и служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ Божественнаго посланничества Христова. *И пославый Мя Отецъ Самъ свидѣтельствова о Мнѣ: ни гласа Его нигдѣ же слышасте, ни видѣнія Его видѣсте, и словесе Его не имате пребывающа въ васъ: зане, Егоже Той посла, Сему вы вѣры не емлете* (37). Помянутыми чудесами Самъ Отецъ свидѣтельствовалъ объ Іисусѣ, какъ Своемъ Посланникѣ; въ этихъ чудесахъ Онъ какъ-бы *вслухъ* говорилъ имъ, *видимо* являлся имъ; но они ни *голоса* Его не слыхали, ни *лица* Его не видали. При такомъ толкованіи мы, согласно съ мнѣніемъ блаженнаго Августина, Гроція и др., слова 37 ст. относимъ къ *чудесамъ*, которыми Богъ свидѣтельствовалъ объ Іисусѣ. Поэтому оба выраженія *гласъ* (φωνή) и *видѣніе* (εἶδος) естественно нужно понимать образно и объяснять въ смыслѣ различныхъ формъ Божественнаго откровенія *во внѣ*, которыя могутъ быть познаваемы слухомъ и видѣніемъ просвѣщеннаго духа. Святый Кириллъ Александрійскій, блаженный Ѳеофилактъ, Евфимій Зигабенъ, Беда и др. понимаютъ эти слова въ смыслѣ свидѣтельства, которое Самъ Богъ предложилъ о Христѣ въ *Священномъ Писаніи* Ветхаго Завѣта въ предсказаніяхъ о Мессіи; но о свидѣтельствѣ Священнаго Писанія рѣчь

идетъ ниже (39). Совершенно произвольно утверждаютъ также нѣкоторые, что здѣсь имѣется въ виду свидѣтельство Отца, бывшее при крещеніи Іисуса Христа (Матѳ. III, 17). При нашемъ объясненіи ст. 37, выраженіе—*словесе* (38), очевидно поставленное въ противоположность къ словамъ: *гласъ* и *видѣніе*, нужно понимать въ смыслѣ *внутренняго* откровенія Божія въ сердцѣ человѣка. Въ каждомъ сердцѣ говоритъ слово Божіе и находитъ себѣ отзвукъ, когда совнѣ человѣкъ встрѣчаетъ что-нибудь родственное ему. Но грѣхъ ослабляетъ возбуждаемость этого внутренняго слова: оно является дѣйствующимъ только по временамъ, а не «пребывающимъ» всегда. И если человѣкъ съ вѣрою и любовью принимаетъ въ себя Христа, тогда это внутреннее слово «пребываетъ» въ немъ, и тогда онъ понимаетъ внѣшнія откровенія Божія въ чудесахъ, въ природѣ и исторіи. Такъ все находится въ таинственномъ кругообращеніи: чудеса должны приводить человѣка къ вѣрѣ во Христа; но они достигаютъ этого только тогда, если человѣкъ имѣетъ внутреннюю воспріемлемость къ Божественному откровенію, если онъ слышитъ въ сердцѣ своемъ слово Божіе; но этого человѣкъ снова достигаетъ только вѣрою во Христа.

Ст. 39—40. *Третье* свидѣтельство есть свидѣтельство *Священнаго Писанія: испытайте Писаній, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный: и та суть свидѣтельствующая о Мнѣ. И не хощете пріити ко Мнѣ, да животъ имате.* У раввиновъ существовало изрѣченіе: «кто усвояетъ себѣ слова закона, тотъ пріобрѣтаетъ себѣ жизнь будущаго вѣка». Господь не порицаетъ этой мысли; Онъ говоритъ только, что этой жизни, которой они ищутъ въ Священномъ Писаніи, не найдутъ безъ Него, Который есть жизнь по преимуществу. Ветхій Завѣтъ содержитъ только мертвыя буквы, если читать и разумѣть его безъ отношенія ко Христу. Христосъ есть душа и жизнь Священнаго Писанія. Но и въ Писаніи только тотъ находитъ Его, а съ Нимъ и вѣчную жизнь, кто имѣетъ добрую волю, кто *хочетъ* придти къ Нему.

Ст. 41—44. Въ заключеніе Своей рѣчи Господь отклоняетъ отъ Себя подозрѣніе въ томъ, что Онъ изъ суетнаго тщеславія возбуждаетъ къ Себѣ вѣру и открываетъ Своимъ слушателямъ основаніе ихъ невѣрія: *славы отъ человѣкъ не пріемлю* (не изыскиваю, см. ст. 34): *но разумѣхъ вы, яко любве Божія не имате въ себѣ. Азъ пріидохъ во имя Отца Моего, и не пріемлете Мене: аще инъ пріидетъ во имя свое* (т. е. не по уполномочію Божественному) *того пріемлете* (41—43). У нихъ нѣтъ любви къ Богу, слѣдовательно нѣтъ и стремленія къ славѣ Божіей, и поэтому-то они и не признали Іисуса, ибо Онъ ищетъ только славы Божіей. Ложные мессіи, ложные пророки, которые ищутъ только своей собственной славы, напротивъ, съ радостью будутъ приняты ими, ради внутренняго ихъ сродства съ ними.— Негодуя на Своихъ противниковъ, Іисусъ Христосъ въ священномъ гнѣвѣ спрашиваетъ ихъ: *како вы можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищете?* (44.) Такъ какъ всѣ ихъ стремленія самолюбивы и своекорыстны и не направлены къ истинной славѣ, т. е. къ пріобрѣтенію благоволенія у Бога, то они, пока будутъ упорствовать въ своемъ поведеніи такомъ, не будутъ въ состояніи придти къ вѣрѣ; потому что вѣра требуетъ самоотверженія и смиренія.

Ст. 45—47. Высказавъ строгое порицаніе невѣрію Своихъ противниковъ, Іисусъ Христосъ этимъ самымъ могъ

показаться ожесточеннымъ ихъ обвинителемъ. Отклоняя отъ Себя этотъ упрекъ, Онъ говоритъ: *не мните, яко Азъ на вы реку ко Отцу: есть, иже на вы глаголетъ, Моусей, нань же вы уповаете* (45). Этимъ Онъ имѣлъ сказать, что съ Его стороны нѣтъ надобности обвинять ихъ предъ Небеснымъ Отцемъ, такъ какъ самъ *Моусей*, на котораго они возложили всю свою надежду, т. е. надѣялись спастись чрезъ его посредство, обвиняетъ ихъ предъ Отцемъ за ихъ невѣріе. Потому что Моусей столькими прообразованіями и предсказаніями о Мессіи въ пятокнижіи, и наконецъ ясными словами: «*пророка отъ братіи твоея, якоже мене, возставитъ тебѣ Господь Богъ твой: того послушайте*»! (Второзак. XVIII, 15,) указалъ на будущаго Мессію. Поэтому и говоритъ Господь: *аще бо бысте вѣровали Моусеови, вѣровали бысте убо и Мнѣ: о Мнѣ бо той писа* (46). Заключительный вопросъ: *аще ли того писаніямъ не вѣруете, како Моимъ глаголомъ вѣру имете?* предполагаетъ, что Іудеи вслѣдствіе своего уваженія къ *Моусею* и *письменному* слову Ветхаго Завѣта, легче могли повѣрить сему, чѣмъ *устному* слову Іисуса Христа. Господь заключаетъ Свою рѣчь вопросомъ, въ которомъ высказывается вся безнадежность Іудеевъ; Онъ высказываетъ въ этомъ вопросѣ Свое горькое убѣжденіе, что ничего не ожидаетъ отъ синагоги, кромѣ того, на что уже она рѣшилась, именно—Своей смерти (16). Руков. для сел. паст. 1868 г. № 24, стр. 195—212.)

О Виѳездѣ, чудесной Іерусалимской купели.

Есть во Іерусалимѣхъ овчая куплль, яже глаголется Еврейски Виѳесда, пять притворъ имущи (Іоан. V, 2). Еврейское наименованіе овчія купели означаетъ домъ, или вообще мѣсто милосердія, и принадлежитъ, конечно, столько же пяти великимъ притворамъ, которые воздвигнуты были при ней друзьями страждущаго человѣчества, сколько и самой купели, исцѣлявшей всякаго рода больныхъ.—Чудесная купель носила еще другое наименованіе—овчей; потому, какъ думаетъ блаженный Іеронимъ, что въ ней предварительно омываемы были жертвенныя животныя. Но въ древнѣйшихъ Греческихъ рукописяхъ Новаго Завѣта 2 ст. V гл. Евангелія отъ Іоанна читается такъ, что можно перевесть: *есть въ Іерусалимѣ у Овечьихъ воротъ* (ἐπὶ τῇ προβατικῇ, подразумѣвается πύλῃ), т. е. что слова Евангелиста въ семъ мѣстѣ указываютъ только на мѣстоположеніе Виѳезды въ городѣ—у Овечьихъ воротъ (Неем. III, 1), а не на другое наименованіе ея. На этомъ же мѣстѣ путешествующіе въ Палестину находятъ и теперь развалины ея и самый ровъ водный, хотя уже высохшій и заросшій травою.

Исторически неизвѣстно, съ какого времени Ангелъ Господень началъ возмущать воду въ Виѳездѣ. Молчаніе объ этомъ ветхозавѣтныхъ писателей ясно показываетъ, что купель эта начала оказывать чудесныя дѣйствія послѣ ихъ временъ, и, по всей вѣроятности, незадолго предъ рожденіемъ Іисуса Христа. Воды Силоамскаго источника, наполнявшія Виѳезду, въ нѣкоторомъ отношеніи были прообразованіемъ Царства Мессіи (Исаія VIII, 6).

Купель дѣлалась чудесною нѣсколько разъ, какъ видно изъ словъ разслабленнаго: *Господи, человѣка не имамъ, да егда возмутится вода, ввержетъ мя въ купель* (Іоан. V, 7), и изъ выраженія, употребленнаго Евангелистомъ: Ангелъ Господень сходилъ *по временамъ* (κατὰ καιρὸν,) въ такое т. е. время,

которое не было опредѣлено заранѣе, какъ это видно и изъ того, что больные всегда находились при Виѳездѣ, и что для защиты ихъ отъ воздушныхъ перемѣнъ построены были при купели притворы.

Чудесность Виѳезды нѣкоторые старались изъяснить дѣйствіемъ причинъ естественныхъ. Такъ одни думали, что исцѣленіе больныхъ въ этой купели было слѣдствіемъ омовенія въ ней жертвенныхъ животныхъ и ихъ внутренностей; другіе видѣли въ ней не болѣе, какъ одну изъ Палестинскихъ теплицъ.— Но можно ли и подумать, чтобы слѣпой, хромой, или сухой получали исцѣленіе отъ одного минутнаго погруженія въ воду, смѣшанную съ кровью животныхъ? Не говоря уже о томъ, что для очищенія жертвъ, приносимыхъ Іудеями, были предназначены омывальницы, стоявшія во внутреннемъ дворѣ ихъ храма (2 Парал. IV, 6), изъяснять такимъ образомъ чудесное исцѣленіе больныхъ въ Виѳездѣ значитъ произвольно уклоняться отъ прямаго и яснаго сказанія Евангельскаго. Равнымъ образомъ вовсе не согласно съ истиною и здравымъ смысломъ низводить Виѳезду въ разрядъ теплицъ. Изъ повѣствованія Евангелиста видно, что болѣзни ожидавшихъ возмущенія воды въ ней были такого рода, что къ излѣченію ихъ недостаточны всѣ извѣстныя врачующія силы природы. Никакія теплицы не могутъ влить жизни въ изсохшіе члены тѣла, или возвратить зрѣніе слѣпому и совершенно исправить хромого, и тѣмъ менѣе быть одинаково цѣлительными для всякаго недуга.— Видѣлъ ли міръ воды, которыя имѣли бы столь сильное вліяніе на возстановленіе здоровья человѣческаго, что одного минутнаго погруженія въ нихъ достаточно было бы къ прогнанію всякаго рода болѣзней? И что̀ значитъ, что не каждый, сходившій въ купель по возмущеніи воды, получалъ исцѣленіе, а только тотъ, кто сходилъ въ нее первый? Одной этой черты совершенно достаточно къ тому, чтобы отличить Виѳезду отъ всѣхъ въ цѣломъ свѣтѣ теплицъ.

Ангелъ Господень сходилъ въ купель и возмущалъ воду; небесная сила изливалась въ земной источникъ. Она изливалась, повидимому, только для одного избраннаго, который первый нисходилъ въ купель. Ибо хотя вѣроятно и то, что и другіе, послѣ перваго входившіе въ нее, получали нѣкоторое облегченіе въ своихъ болѣзняхъ; но вѣрно было только то, что первый, воспользовавшійся возмущенною водою, освобождался отъ всякой, какой бы то ни было, болѣзни: *здравъ бываше, яцѣмъ же недугомъ одержимъ бываше* (4).

Такимъ образомъ овчая купель была ближайшимъ прообразованіемъ какъ того несравненно чудеснѣйшаго, источника, который, впродолженіе трехъ лѣтъ съ половиною, текъ тогда непрестанно, *исцѣляя всякъ недугъ и всяку язю въ людехъ* (Матѳ. IV, 23), такъ и духовнаго источника благодати, исцѣляющаго всякую болѣзнь душевную и открытаго для всего рода человѣческаго (таинства святаго крещенія). Воскр. Чт., г. III, стр. 32—34).

О ПРИЧИНАХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

(Филарета, митроп. Московскаго.)

Обрѣте его Іисусъ въ церкви и рече ему: се, здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ (Іоан. V, 14).

Это сказано было нѣкоему человѣку во Іерусалимѣ, близъ Овчей купели, въ разслабленіи тридцать восемь лѣтъ тщетно ждавшему излѣченія водою, которую однажды въ годъ для одного больного дѣлало врачебною прикосновеніе Ангельской силы, доколѣ, наконецъ, явился Владыка временъ, стихій и Ангеловъ,

и не требуя ни времени, ни воды, ни Ангела, исцѣлилъ разслабленнаго словомъ: *возстани, возьми одръ твой и ходи.* Исцѣлитель не все кончилъ, потому что, убѣгая славы, поспѣшилъ скрыться въ народѣ. Чрезъ нѣсколько дней, вѣроятно въ праздникъ, исцѣленный пришелъ въ храмъ, вѣроятно какъ и мы нынѣ, чтобы благодарить Бога за свое здравіе. Тогда Исцѣлитель вновь нашелъ его и, какъ прежде въ словѣ подалъ ему врачевство цѣлительное, такъ и теперь въ словѣ подаетъ врачевство предохранительное: *се, здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ.*

Если бы мы услышали, что искусный врачъ излѣченному, или больному говоритъ, напримѣръ: не употребляй впредь такой или такой пищи,—что бы мы подумали? Конечно мы бы подумали: видно, излѣченный прежде употреблялъ сію пищу; она, видно, была и причиною болѣзни; видно, врачъ предвидитъ, что и опять она причинитъ болѣзнь, если излѣченный не перестанетъ употреблять оную. Подобно сему, что должны мы подумать, слыша слово Господне къ исцѣленному: *се, здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ?*—Видно, исцѣленный прежде согрѣшалъ; видно, согрѣшенія были причиною его болѣзни; видно, провидитъ Божественный Врачъ, что возобновляемые грѣхи возобновятъ зло въ томъ или другомъ видѣ, но еще въ большей силѣ.

Здѣсь можно спросить: участь ли одного человѣка представляется въ Евангельскомъ повѣствованіи о разслабленномъ, или съ тѣмъ вмѣстѣ открывается общій законъ суда надъ грѣхомъ, частью впечатлѣнный въ природѣ, частью приводимый въ дѣйствіе Провидѣніемъ, хотя и не всегда очевидно, не всегда скоро, не всегда одинаково, по видамъ, степенямъ и обстоятельствамъ грѣха? Кто можетъ измѣрить глубину, изслѣдовать пути Божіихъ судебъ? Кто рѣшится каждаго больного признать осужденнымъ и всякую болѣзнь вывѣскою виновности? Страдалъ и праведный Іовъ болѣзнью и притомъ весьма тяжкою. Но нельзя же признать и того, будто на одного Іерусалимскаго грѣшника исключительно направлена была строгость суда за грѣхи юности, заключившая его на тридцать восемь лѣтъ въ узы болѣзни, и за возможные грѣхи старости уготовившая ему еще болѣе тяжкій жребій.

Слѣдъ подобнаго суда видѣнъ и въ судьбѣ другого разслабленнаго, котораго исцѣляя, Господь сказалъ: *отпущаются тебѣ грѣси твои* (Марк. II, 5). Очевидно, что, подобно глубоко мудрствующему врачу, Онъ исцѣляетъ отъ болѣзни, дѣйствуя на причину болѣзни. Что видимъ въ сихъ примѣрахъ, то не выражается ли, какъ законъ, въ словѣ Апостольскомъ: *грѣхъ въ мірѣ вниде, и грѣхомъ смерть:—оброцы грѣха смерть?* Ибо что есть болѣзнь, какъ не отрасль древа смерти, или уменьшительный неполный пріемъ зелія смерти? Слѣдственно, вмѣстѣ со смертью и болѣзнь пришла по дорогѣ, проложенной грѣхомъ; а потому очень естественно, если она и нынѣ приходитъ тою же дорогою. (Изъ Слова предъ благодарственнымъ молебствіемъ за прекращеніе губительныхъ болѣзней. Т. III-й, стр. 207—208.)

О тѣхъ, которые предпринимаютъ какія либо дѣла безъ мысли о Богѣ.

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю (Іоан. V, 17). Если Богъ, сотворивъ міръ и почивъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, тѣмъ не менѣе доселѣ дѣлаетъ, то должно заключить, что сіе дѣланіе

нужно для блага тварей, ибо не можно вообразить, чтобы Богъ сталъ дѣлать дѣло безполезное. Итакъ горе тому, кто или устранитъ отъ себя сіе дѣланіе Божіе, или какимъ-нибудь образомъ воспрепятствуетъ оному! Человѣкъ, яко существо живущее и свободное, дѣлаетъ и самъ, хотя что-нибудь, хотя какъ-нибудь. Если онъ не полагаетъ своего дѣла предъ Господомъ и основаній онаго въ Самомъ Господѣ, если не обращаетъ вниманія на дѣланіе Божіе и не подчиняетъ оному своего дѣланія, то всего больше надлежитъ ожидать того, что дѣло человѣческое будетъ въ противорѣчіи съ дѣломъ Божіимъ; но какъ дѣло Божіе, безъ сомнѣнія, могущественнѣе человѣческаго, то необходимо слѣдуетъ, что въ семъ случаѣ скорѣе, или медленнѣе дѣло человѣческое должно разрушиться, исчезнуть. Если зависимость отъ *Носящаго всяческая глаголомъ силы Своея* (Евр. I, 3) такъ велика, что мы *безъ Него не можемъ творити ничесоже;* то дѣла, совершаемыя безъ Бога, должно признать не только ненадежными, но и совершенно ничтожными, и даже возникаетъ отсюда сомнѣніе: какъ существуютъ дѣла людей нечестивыхъ и противящихся волѣ Божіей? Впрочемъ, сомнѣніе сіе разрѣшается, когда отъ особеннаго благодатнаго дѣйствія или содѣйствія Божія, безъ котораго не можемъ творить ничего духовно добраго, подобно какъ виноградная вѣтвь не можетъ приносить плода безъ своей лозы и живаго сока ея, различаемъ всеобщее дѣйствіе творческой и промыслительной силы Божіей въ природѣ вещей, или, по выраженію Апостола, ношеніе всяческихъ глаголомъ силы Божіей. Изъ сей всегда и вездѣ, когда и гдѣ только существуютъ твари, открытой сокровищницы Божіей имѣютъ болѣе или менѣе для своего употребленія и нечестивые и богопротивники, что̀ предоставляется имъ какъ тварямъ, а не какъ нечестивымъ и богопротивникамъ вопервыхъ потому, чтобы ихъ не уничтожить, что̀ было бы противно намѣренію и славѣ Творца, во-вторыхъ, чтобы не лишить ихъ свободы, которая есть также нераскаянное или невозвратное дарованіе Божіе, въ-третьихъ, по долготерпѣнію, чтобы дать имъ время на покаяніе, въ-четвертыхъ, по порядку самаго правосудія, которое обыкновенно является пресѣчь преступленіе, когда преступленіе уже существуетъ, ибо иначе какъ можно было бы признать, что то правосудіе? Знаменательно изъясняется о дѣлахъ грѣшниковъ Священное Писаніе: *прозябоша грѣшницы, яко трава* (Псал. XCI, 8). Какъ дикая трава, прозябающая на невоздѣланной землѣ, пользуется вмѣстѣ съ благородными растеніями трудомъ и удобреніемъ земледѣльца, но тѣмъ не менѣе она чужда для него, поелику онъ не сѣялъ дикихъ сѣмянъ, ежеминутно должна ожидать посѣкающаго желѣза или расторгающей руки; такъ дѣла грѣшниковъ пользуются всеобщимъ дѣйствіемъ творческой и промыслительной силы Божіей, но тѣмъ не менѣе они чужды для Бога, потому что Онъ не сѣялъ грѣховныхъ склонностей, побужденій и намѣреній, а возникаютъ оныя безъ Его воли, и вопреки Его волѣ, изъ злоупотребленія свободы, и потому ежеминутно должны ждать суда, очищающаго отъ нихъ поле или вертоградъ Божій. Внегда прозябоша грѣшницы яко трава, и проникоша вси дѣлающіе беззаконіе: это для того только, яко да потребятся въ вѣкъ вѣка.

Если Богъ такъ недалекъ отъ насъ, что мы *въ Немъ живемъ, движимся и есмы*, то не далеко заключить, все ли равно для Него, и по слѣдствію все ли равно для насъ, живемъ ли мы въ Немъ,

какъ младенецъ во чревѣ или на лонѣ матери, или какъ ехидна, грызущая чрево матерей.

Если потолику всяческая исполняются благости, поколику Богъ отверзаетъ руку; и напротивъ того все мятется, когда Онъ отвращаетъ лице, то весьма важно знать, когда Онъ отвращаетъ руку и когда отвращаетъ лице. Извѣстно же, что самая щедрая рука не отверзается для подаянія, когда не отверзается рука нуждающагося для принятія; и самой благодати несвойственно обращать лице туда, гдѣ отъ нея отвращаются.

Если удаляющіе себя отъ Бога погибаютъ, то съ заботою и даже съ трепетомъ надлежитъ помыслить о томъ, что̀ значитъ удаляться отъ Бога. Поелику Онъ есть вездѣсущъ и вездѣприсутственъ, то существомъ и мѣстомъ удалиться отъ него некуда. Ка́къ же могутъ быть удаляющіеся отъ Бога и въ чемъ состоитъ сіе удаленіе? Сіе изъясняетъ Самъ Богъ. *Приближаются Мнѣ*, глаголетъ, *людіе сіи усты своими и устнами чтутъ Мя: сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене* (Матѳ. XV, 8). Изъ сего видно, что удаленіе отъ Бога бываетъ не мѣстомъ существа, но употребленіемъ и направленіемъ силъ и способностей,—бываетъ сердцемъ, устами и, по соотвѣтствію, можно прибавить,—умомъ, дѣлами. Если сердце твое не прилѣпляется къ Богу вѣрною любовью и святымъ желаніемъ; то сердце твое далече отстоитъ отъ Бога. Если умъ твой не возвышается къ познанію Бога и воли Его, къ благоговѣйному размышленію о Его совершенствахъ, или не погружается въ безмолвное созерцаніе оныхъ въ чувствѣ смиренія и недостоинства своего, то умъ твой удаленъ отъ Бога. Если ты дѣлаешь свои дѣла, какъ тебѣ нравится, не помышляя о Богѣ и не разсуждая, угодны ли Ему оныя, то дѣла твои удалены отъ Бога. О удаленіи отъ Бога устами нечего и говорить: если и приближеніе къ Нему устами признано недостаточнымъ, то сколь должно быть недостойно удаленіе! Измѣряя такимъ образомъ состояніе удаленія отъ Бога, не съ опасеніемъ ли должны мы обратиться въ другую сторону, чтобы усмотрѣть, далеко ли отсюда до бѣдствія и погибели? Но что̀ мы видимъ? Тутъ нѣтъ никакого разстоянія. Вотъ гибель! бездна ея разверзается! *се удаляющіи себе отъ Тебе погибнутъ!* (Изъ Слова въ день рожденія Императора Николая Павловича 25 іюня 1829 года).

Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю (Іоан. V, 17).

Ка́къ же сказано у Моисея: *и почи Богъ въ день седмый отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, яже сотвори*?—Ужели шестидневное твореніе было не полное, такъ что, послѣ нѣкотораго успокоенія, опять надлежало приниматься за дѣло и продолжать его или доканчивать?—Нѣтъ, тогда было сдѣлано все, что̀ нужно, и все было сдѣлано весьма хорошо, какъ показываетъ отзывъ о дѣлѣ Самого великаго Дѣлателя;—посему и покой Божій былъ всецѣлый и продолжался бы всегда, если бы не открылось нужды въ новомъ твореніи. Кто открылъ сію нужду? Ты человѣкъ; ка́къ? Твоимъ паденіемъ и превращеніемъ чрезъ него всѣхъ вещей.—Съ тѣхъ поръ, какъ ты палъ съ высоты Богоподобія и убился до смерти, Отецъ и Сынъ *доселѣ снова дѣлаютъ* и будутъ дѣлать дотолѣ, пока ты не воскреснешь и не возстанешь, не начнешь жить всею полнотою первобытной жизни, не станешь паки на свое мѣсто, а чрезъ тебя не возставятся и не возглавятся и всѣ прочія твари. Дѣланіе въ то время, когда бы предлежало толь-

ко покоиться, само по себѣ есть уже состояніе не вожделѣнное; но человѣкъ, нарушивъ покой Божій и заставивъ любовь Творца своего снова дѣйствовать и, такъ сказать, трудиться, не только не облегчаетъ этого труда, но всемѣрно отягчаетъ, ожесточаетъ, преогорчаетъ его, такъ что само долготерпѣніе Божіе принуждено иногда бываетъ жаловаться на трудъ, даемый Ему человѣками (Исаія VII, 13).

Теперь, если есть нѣкое мѣсто гдѣ либо успокоенія для творческой дѣятельности, то—въ душахъ праведниковъ. *Ту покой Мой*, говоритъ Самъ Богъ, *здѣ вселюся*. Въ семъ-то разумѣ и Святая Церковь устами священнослужителей своихъ возглашаетъ: *единъ святъ и во святыхъ почиваяй!* Выраженіе глубокое и премного знаменательное! Если же во всемъ мірѣ теперь одинъ только ты, человѣкъ, можешь доставлять успокоеніе Творцу своему, то познай свое преимущество, и не упускай драгоцѣннаго случая послужить нынѣ своему Господу, дабы имѣть участіе и въ той субботѣ Божественной, которая послѣдуетъ за новымъ твореніемъ (Воскр. Чт., г. IV, стр. 281—282).

Святаго Григорія Богослова на 19 ст. V гл. Іоан.

Не можетъ Сынъ творити о Себѣ ничесоже, аще не еже видитъ Отца творяща. Въ разсужденіи сего должно замѣтить, что слова *можетъ* и *не можетъ* не въ одномъ смыслѣ употребляются, но многозначительны. Иное называется невозможнымъ по недостатку силъ въ извѣстное время и на извѣстное дѣйствіе; напримѣръ, ребенокъ не можетъ бороться, щенокъ—видѣть или драться съ такимъ-то, но современемъ будетъ, можетъ быть, и бороться, и видѣть, и драться съ такимъ-то, хотя съ другимъ драться и тогда останется для него невозможнымъ. Иное бываетъ невозможнымъ въ большей части случаевъ; напримѣръ *не можетъ градъ укрытися вверху горы стояй* (Матѳ. V, 14). Но въ иномъ случаѣ могъ бы онъ и укрыться, если бы загороженъ былъ большею горою. Иное невозможно по несообразности; напримѣръ, *еда могутъ сынове брачніи поститися, елико* въ домѣ *женихъ* (Матѳ. IX, 15. Марк. II, 19), или тѣлесно видимый Женихъ (ибо въ Его присутствіе время не злостраданій, но веселія), или умосозерцаемое Слово (ибо должны ли тѣлесно поститься очищенные Словомъ)? Иное невозможно по недостатку воли; напримѣръ: *не можаше ту* сотворить знаменій *за невѣрствіе* пріемлющихъ (Марк. VI, 5—6). Поелику при исцѣленіяхъ нужны и вѣра врачуемыхъ и сила врачующаго, то по недостатку одного дѣлалось невозможнымъ и другое. Но не знаю, не причислить ли и сего къ невозможному по несообразности? Ибо несообразно было бы исцѣлить поврежденныхъ невѣріемъ. Невозможность по недостатку воли выражается также въ словахъ: *не можетъ міръ ненавидѣти васъ* (Іоан. VII, 7); и: *како можете добро глаголати, зли суще* (Матѳ. XII, 34). Ибо почему было бы невозможно то или другое, если не потому, что нѣтъ на сіе воли? А иногда называется невозможнымъ и то, что̀ хотя невозможно по природѣ, однакоже могло бы стать возможнымъ по волѣ Божіей; напримѣръ: невозможно тому же человѣку *родитися второе* (Іоан. III, 4), и невозможна игла, принимающая въ себя верблюда (Матѳ. XIX, 24). Ибо что̀ препятствовало бы и сему быть, если бы стало то угодно Богу? Но внѣ всѣхъ сихъ невозможностей совершенно невозможное и не сбыточное; и оно-то составляетъ предметъ настоящаго и взысканія.

Какъ признаемъ невозможнымъ, чтобы Богъ былъ золъ или не существовалъ (сіе показывало бы въ Богѣ безсиліе, а не силу), или чтобы существовало не существующее, или чтобы дважды два было вмѣстѣ и четыре и десять; такъ невозможно и ни съ чѣмъ не совмѣстимо, чтобы Сынъ творилъ что либо такое, чего не творитъ Отецъ. Ибо все, что̀ имѣетъ Отецъ, принадлежитъ Сыну; такъ и обратно, принадлежащее Сыну принадлежитъ Отцу. Итакъ ничего нѣтъ собственнаго; потому что все общее. И самое бытіе у Нихъ общее и равночестное, хотя бытіе Сына и отъ Отца. Потому и говорится: Азъ живу Отца ради (Іоан. VI, 57), не въ томъ смыслѣ, что жизнь и бытіе Сына поддерживаются отъ Отца, но въ томъ, что Сынъ отъ Отца существуетъ довременно и безвиновно. Что̀ же значатъ слова: ка́къ видитъ творящаго Отца, та́къ и творитъ? Ужели и здѣсь то же, что̀ видимъ въ списывающихъ картины или письмена, которыя не иначе могутъ написать вѣрно, какъ смотря на подлинникъ и имъ руководствуясь? Но Сынъ очищаетъ прокаженныхъ, освобождаетъ отъ бѣсовъ и болѣзней, животворитъ мертвыхъ, ходитъ по морю и совершаетъ все прочее, что̀ Имъ сотворено; надъ кѣмъ же и когда совершалъ сіе прежде Сына Отецъ? Не явно ли, что одни и тѣ же дѣла Отецъ предначертываетъ, а Слово приводитъ въ исполненіе, не рабски и слѣпо, но съ вѣдѣніемъ и владычественно, точнѣе же сказать, отечески? Такъ понимаю я слова: что̀ сотворено бываетъ Отцемъ, *сія и Сынъ такожде творитъ*, не въ подраженіе сотворенному, но по равночестію власти (Тв. св. оо., т. III. Тв. Григорія Богослова, ч. III, стр. 87—88.)

Препод. Исидора Пелусіота на тотъ же стихъ.

Сіе: *не можетъ Сынъ творити о Себѣ ничесоже, аще не еже видитъ Отца творяща*—есть знакъ не безсилія, но невозможности Отцу имѣть одно изволеніе, а Сыну—другое. Но если Сынъ видитъ, что̀ творитъ Отецъ, Отецъ же творитъ изволяемое въ совѣтѣ, то слѣдуетъ, что Сынъ видитъ и самые совѣты Отца, потому что самое изволеніе Божіе есть уже твореніе. А если Сынъ видитъ изволяемое въ совѣтѣ Отца и участвуетъ въ изволеніи, то, какъ очевидно, участвуетъ и въ естествѣ. Слѣдовательно у Отца и Сына одна сущность, какъ и одна воля (Тв. св. оо., т. XXXIV. Тв. св. Исидора Пелусіота, ч. 1. 202).

Изъясненіе 25 ст. V главы Іоанна.

(А. Серафимова.)

Въ словахъ: *грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія и услышавше оживутъ*—одни видятъ указаніе на *воскресеніе духовное*, которое въ Апокалипсисѣ Іоанна называется *первымъ* (XX, 5); другіе указаніе на *воскресеніе тѣлесное* и притомъ—или *частное*, т. е. тѣхъ, кого Христосъ во время Своей жизни на землѣ воскресилъ изъ мертвыхъ (Лазаря, дочь Іаира и др.), или *всеобщее*, имѣющее быть при концѣ міра; при чемъ словамъ: *и нынѣ есть*—даютъ смыслъ времени неопредѣленнаго—до кончины міра. Въ защиту перваго мнѣнія (о воскресеніи духовномъ) обыкновенно приводятъ самый контекстъ рѣчи, изъ котораго видно: а) что предыдущія слова 24 стиха: *прейдетъ отъ смерти въ животъ*—имѣютъ смыслъ духовнаго обновленія жизни, или духовнаго возрожденія; б) что оживленіе приписывается здѣсь *голосу* такъ же, какъ въ предыдущемъ оно приписывается

слову; в) это воскресеніе ясно (будто бы) отличается отъ всеобщаго воскресенія (о которомъ говоритъ Христосъ ниже въ 28 и 29 ст.) тѣмъ именно, что предметъ указывается здѣсь прямо, какъ-бы пальцемъ: «грядетъ часъ и *нынѣ есть*»; наконецъ г) хотятъ подтвердить это мнѣніе и тѣмъ, что какъ пророки, предсказывая воскресеніе мертвыхъ во времена Мессіи, разумѣли подъ этимъ воскресеніемъ именно воскресеніе духовное—отъ смерти невѣдѣнія и грѣха къ свѣту и жизни Евангелія (Исаія XXVI, 19. Іезек. XXXVII, сн. Римлян. XI, 15, и др.), такъ и сами Іудеи ожидали именно такого воскресенія. Второе объясненіе (о воскресеніи тѣлесномъ) основываютъ на томъ, что здѣсь (25) Христосъ не говоритъ: кто услышитъ и *увѣруетъ*, какъ въ предыдущемъ стихѣ—24, а только—кто *услышитъ* гласъ.., а этого и довольно, чтобы отличить смыслъ этихъ словъ отъ смысла предыдущихъ.

Но совершенно произвольны и неосновательны мнѣнія о томъ, что здѣсь говорится о духовномъ воскресеніи, или о всеобщемъ, какъ и въ 28 стихѣ. Основаніемъ для перваго мнѣнія не можетъ служить контекстъ рѣчи потому, что иначе и слова 28 стиха нужно понимать въ духовномъ смыслѣ, потому что оборотъ рѣчи совершенно одинаковый: въ первомъ мѣстѣ говорится (25), что *мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія*, а во второмъ (28)—*сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія;* но поелику послѣднія слова (28), по общему признанію лучшихъ экзегетовъ, касаются воскресенія тѣлеснаго (всеобщаго), то и первыя нужно понимать въ такомъ же смыслѣ; и различіе въ оборотахъ съ 24 стихомъ, въ которомъ говорится о духовномъ оживленіи, еще яснѣе подтверждаетъ такой смыслъ. Но при этомъ все-таки нельзя давать словамъ 25 стиха такого же обширнаго смысла, какой дается словамъ 28 стиха, т. е. словъ перваго стиха нельзя относить (какъ относятся они по второму объясненію) ко всеобщему воскресенію а) потому именно, что здѣсь не о всѣхъ умершихъ говорится, какъ въ 28 стихѣ, б) потому что въ нихъ время воскресенія гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ въ 28 стихѣ; въ послѣднемъ не говорится, когда будетъ то, что *вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія и изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда;* тогда какъ въ первомъ (25) очень ясно опредѣляется это время словомъ: *нынѣ*, по которому весьма основательно заключать, что рѣчь идетъ здѣсь о воскресеніи частномъ, бывшемъ еще при жизни Спасителя и во время Его смерти. Къ такому пониманію ведетъ и самый контекстъ рѣчи: сказавъ объ оживленіи или воскресеніи духовномъ (21—24), въ доказательство Своей Божественной силы, власти и достоинства, равныхъ силѣ, власти и достоинству Бога Отца, Іисусъ Христосъ переходитъ съ тою же цѣлію къ воскресенію мертвыхъ въ частности, и когда слушатели Его, безъ сомнѣнія, удивлялись Его словамъ, и, быть можетъ, сомнѣвались въ истинѣ ихъ,—Онъ присовокупилъ: *не дивитеся сему*, т. е. не удивляйтесь тому, что Я имѣю власть и силу давать истинную жизнь мертвымъ духомъ—мертвымъ по грѣхамъ, и воскрешать нынѣ—въ скоромъ времени нѣкоторыхъ мертвецовъ,—*грядетъ часъ, егда вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія* (27—28), т. е. Я имѣю гораздо бо̀льшую власть и силу: настанетъ время, когда мертвецы должны воскреснуть по волѣ Моей и повелѣнію. Такимъ образомъ возможность духовнаго оживленія и частнаго

воскресенія доказывается здѣсь всеобщимъ воскресеніемъ, а возможность послѣдняго, въ свою очередь, должна быть несомнѣнною отъ осуществленія перваго. (Руков. для сел. паст. 1865 г. № 42, стр. 204 и 208.)

Св. Григорія Богослова на ст. 29.

Тогда (на второмъ судѣ) поставятся престолы, Ветхій денми сядетъ, раскроются книги, потечетъ рѣка огненная, предстанутъ предъ взоры свѣтъ и тьма уготованная: *и изыдутъ сотворшіи благая въ воскресеніе живота*, который нынѣ сокровенъ во Христѣ, напослѣдокъ же съ Нимъ явится, а *сотворшіи злая въ воскрешеніе суда*, которымъ осудило уже неувѣровавшихъ судящее имъ слово (Іоан. XII, 48). И первые наслѣдуютъ неизрѣченный свѣтъ и созерцаніе Святыя царственныя Троицы, Которая будетъ тогда озарять яснѣе и чище и всецѣло соединится со всецѣлымъ умомъ (въ чемъ единомъ и поставляю особенно Царствіе Небесное); а удѣломъ вторыхъ, кромѣ прочаго, будетъ мученіе, или вѣрнѣе сказать, прежде всего прочаго,—отверженіе отъ Бога и стыдъ въ совѣсти, которому не будетъ конца (Тв. св. оо., ч. I. Тв. Григорія Богослова, ч. II, стр. 55—56).

Состояніе праведныхъ и грѣшныхъ по смерти и воскресеніи (на ст. 29).

(Свящ. А. Делекторскаго.)

Міръ, куда вступятъ по воскресеніи люди, совсѣмъ не походитъ на нынѣшній міръ, подлунный. Правда, тамъ есть свое небо, но солнце этого неба—Богъ тріединый; звѣзды на немъ—Ангелы и святые. Тамъ есть своя земля, но на ней драгоцѣнные перлы замѣнены совершенствами; одеждою служитъ невинность, пищею и питіемъ правда Божія, жилищами—разные удѣлы блаженства. Тамъ есть и свое общество, но такое, въ которомъ занимаютъ мѣста соотвѣтственно достоинствамъ христіанскимъ, въ которомъ славятся побѣды, одержанныя надъ самимъ собою; знаменитость опредѣляется степенями близости къ престолу Божію; знаками отличія служатъ внутренніе кресты, и тотъ почитается великимъ, кто, исполнивъ заповѣди Христовы, самъ научилъ тому же и ближняго,—словомъ, міръ будущаго вѣка есть міръ духовный.

Праведникъ вступитъ въ него съ неописанною радостью, точно какъ-бы, послѣ долговременнаго заключенія своего въ темницѣ, вышедши на солнечный свѣтъ. Дѣйствительно, земная жизнь была для него какимъ-то узилищемъ; онъ не могъ видѣть того, чему вѣровалъ, не могъ обладать тѣмъ, что̀ любилъ, не могъ достигнуть того, чего желалъ и надѣялся. Нерѣдко горести, болѣзни, заботы, недостатки, несчастія—этотъ всегдашній житейскій хаосъ приводилъ и его, какъ человѣка, въ такое замѣшательство, что всѣ основы благочестія колебались въ немъ, и святые предметы вѣры казались ему не больше, какъ призракомъ. Бо́льшую часть времени провелъ онъ въ тяжкой борьбѣ съ міромъ, діаволомъ и собственными страстями, оспаривая, не безъ пролитія крови, каждый шагъ у враговъ своихъ. Въ самыя свѣтлыя минуты жизни своей онъ чувствовалъ какую-то грусть нетерпѣнія: душа его рвалась отселѣ на небо, а тѣло притягивало его къ землѣ, и, влача стопы въ отдаленіи отъ Господа, единственнаго предмета всѣхъ своихъ желаній и мыслей, онъ вопіялъ сквозь слезы: Господи, когда пріиду и явлюся лицу Твоему! Теперь, по воскресеніи, представъ лицу Божію, безопасный со стороны всякихъ враговъ, вдали отъ бурь

и тревогъ житейскихъ, какую восхитительную перемѣну долженъ ощутить въ себѣ праведникъ! Онъ весь уже тамъ, куда столько лѣтъ порывался однимъ своимъ сердцемъ; его вѣра превратилась теперь въ видѣніе, надежда въ событіе, любовь въ наслажденіе. У него нѣтъ теперь даже желаній, потому что нѣтъ нуждъ; его разумъ, сердце, воля находятся въ блаженномъ покоѣ; самое тѣло его, избавясь отъ скучной обязанности служить своему чреву, съ восторгомъ отдалось все на службу душѣ и стало неумолкающимъ органомъ славы Божіей. *И изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота.*

Но что почувствуютъ грѣшники, увидя въ будущемъ мірѣ то, чего они не любили, чему даже не вѣрили, и не нашедши тамъ ни одного изъ своихъ любимыхъ предметовъ? Изыдетъ изъ гроба богачъ, стяжавшій милліоны неправдою, и, озрѣвшись кругомъ себя, скажетъ со вздохомъ: гдѣ жъ мое золото, гдѣ жъ мои драгоцѣнные камни? Куда дѣвался огромный, великолѣпно украшенный домъ съ его увеселительнымъ садомъ, съ его зимними цвѣтами и плодовыми деревьями? Гдѣ тотъ хрусталь и фарфоръ, которымъ щеголяли мои пиршественные столы? Гдѣ мои дорогіе мѣха и ткани, гдѣ слуги мои, гдѣ кони и блестящія колесницы?... Нѣтъ ничего! Все сгибло и какъ будто провалилось сквозь землю!

Пробудится отъ вѣковаго сна честолюбецъ, достигшій нѣкогда высокихъ степеней беззаконными средствами и будетъ по привычкѣ искать на груди своей знаковъ земнаго могущества, но, не нашедши ихъ, воскликнетъ: какъ,— неужели я никогда не выходилъ изъ круга презрѣнной толпы, не стоялъ никогда выше жалкой посредственности? Неужели то, что я имѣлъ, всѣ даже знаки иноземныхъ отличій, и то, что въ рукахъ моихъ заключалась власть государственная, что меня трепетали, и мнѣ покланялись сильные люди, и то, что слава моего имени, не вмѣщаясь въ предѣлахъ отечества, гремѣла въ странахъ отдаленныхъ—неужели все это видѣлось мнѣ только во снѣ? Я, точно, игралъ нѣкогда въ свѣтѣ великую роль, а теперь никакихъ, ни малѣйшихъ слѣдовъ отъ прежняго величія моего не осталось! Увы мнѣ!

Возстанетъ съ могильнаго ложа человѣкъ любострастный, проведшій всю жизнь въ угожденіи плоти, въ доставленіи чувствамъ своимъ мірскихъ удовольствій и, встрѣтя вокругъ себя одни предметы духовные, промолвитъ съ досадой: въ какую скучную пустыню попалъ я! Что это за міръ, въ которомъ нѣтъ ни гульбищъ, ни пировъ, ни зрѣлищныхъ представленій, въ которомъ музыка не тѣшитъ слуха, живопись не прельщаетъ очей, откуда изгнаны всѣ искусства, удовлетворяющія потребностямъ тонкаго вкуса! То ли дѣло была земля—мое прежнее обиталище! То былъ рай, но онъ для меня потерянъ, невозвратно потерянъ!

Вотъ будущія чувствованія преданныхъ міру людей, послѣ ихъ воскресенія! Скорбь о потерѣ земныхъ благъ, раскаяніе, что для такихъ преходящихъ вещей было убито столько драгоцѣннаго времени, преодолѣно столько препятствій, трудовъ и опасностей, сознаніе всей пустоты и ничтожности ихъ, убѣжденіе въ собственномъ легкомыслiи, въ собственной слѣпотѣ,—всѣ эти болѣзненныя ощущенія, какъ черви, станутъ гнѣздиться въ сердцѣ преступномъ и точить его поминутно. Но если бы только сими ощущеніями ограничилось бѣдственное состояніе воскресшихъ грѣшниковъ,—оно было бы еще сносно; а то, къ нестерпимому мученію ихъ, та самая любовь къ міру, которую они

прежде питали, лелѣяли въ груди своей, теперь обратится для нихъ въ змѣю, сосущую сердце. Какъ обладаемый любовною страстью не можетъ ни на часъ отвлечь своихъ мыслей отъ любимой особы, хотя бы она находилась отъ него за нѣсколько тысячъ верстъ и была совершенно къ нему равнодушна; или какъ подверженный слабости пьянства влечется къ вину тѣмъ съ большею силою, чѣмъ труднѣе достать напитокъ, утоляющій на время смертную жажду его; такъ точно грѣшники, переселясь въ страну вѣчности, будутъ воздыхать о временныхъ благахъ, которыми обладали, не смотря на совершенную безнадежность когда либо обладать ими и даже увидѣть ихъ снова. Во всемъ безпредѣльномъ пространствѣ неба не найдется предмета, который бы остановилъ на себѣ ихъ блуждающіе взоры; ихъ мысль будетъ носиться въ прошедшемъ, ихъ воображеніе будетъ бродить по землѣ, отыскивая на ней знакомыя мѣста и наполняя ихъ призраками минувшаго счастья. Представьте человѣка, въ высшей степени томимаго голодомъ, или жаждою, который притомъ еще помышляетъ о вкусныхъ яствахъ и сладкихъ напиткахъ,—какимъ адскимъ огнемъ горитъ его внутренность! Подобное сему испытаютъ и воскресшіе грѣшники. Конечно, и прежде обладавшія ими страсти походили на лютыхъ домашнихъ звѣрей,—по крайней мѣрѣ можно было тогда укрощать ихъ ярость соотвѣтственною пищею. Теперь, напротивъ, грѣшники будутъ алкать по прежнему золота, но вмѣсто его соберутъ они пыль; будутъ по прежнему влещись къ чувственнымъ удовольствіямъ, но вмѣсто ихъ ощутятъ они смрадъ. И такимъ образомъ жажда корысти, вожделѣніе славы, огонь сладострастія, оставаясь голодными, изольютъ всю свою лютость на тѣ самыя души, въ которыхъ они владычествуютъ. *И изыдутъ сотворшіи злая въ воскрешеніе суда.*

Столько-то различны чувствованія добродѣтельныхъ и порочныхъ людей при взглядѣ на новый міръ, куда они вступятъ послѣ своего воскресенія! Но еще виднѣе будетъ это различіе, когда разсмотримъ, каковою въ то время покажется тѣмъ и другимъ жизнь ихъ, проведенная въ здѣшнемъ свѣтѣ.

Есть въ душѣ каждаго изъ насъ незримая скрижаль или книга,—я говорю о совѣсти нашей,—въ которой начертывается все, что̀ бы мы ни сдѣлали добраго или худаго на землѣ, начиная съ перваго нашего вопля и до послѣдняго издыханія. Время не способно изгладить ея письмена; множество разнородныхъ предметовъ не производитъ въ ней замѣшательства. И хотя мы, по своей разсѣянности и невѣдѣнію, многое забываемъ теперь за собою, многое представляемъ не въ истинномъ видѣ: не смотря на то, ни малѣйшій поступокъ нашъ не опущенъ и не искаженъ въ этомъ внутреннемъ зеркалѣ, такъ что для будущаго надъ нами суда не предстоитъ надобности ни въ обличителяхъ, ни въ свидѣтеляхъ постороннихъ. Мы сами внутри себя носимъ улику или одобреніе поступковъ своихъ, сами, не примѣчая того, служимъ хранилищемъ всѣхъ своихъ тайнъ, ведемъ подробную лѣтопись своего прошедшаго. Когда люди, по гласу Сына Божія, возстанутъ изъ мертвыхъ, тогда книга совѣсти ихъ, дотолѣ для многихъ запечатлѣнная, раскроется, и они съ изумленіемъ прочитаютъ въ ней все, что̀ нѣкогда сдѣлали, о чемъ нѣкогда говорили и думали. Тогда увидишь ты, праведникъ, нынѣ столь горько плачущій о грѣхахъ своихъ и столь мало цѣнящій свои добродѣтели, увидишь ты тогда земное поприще свое, съ чувствами воина, взи-

рающаго на поле битвы, гдѣ онъ нѣкогда былъ побѣдителемъ. Откроется тебѣ, что ты сокрушался болѣе по долгу смиренія, чѣмъ по важности твоихъ преступленій; откроется, что грѣхъ юнаго возраста, лежавшій такимъ чернымъ пятномъ на душѣ твоей, уже давно омытъ Кровію Искупителя и твоими слезами, — что грѣхи невѣдѣнія, малодушія, разсѣянности, неосмотрительности и прочія немощи человѣческаго естества, которыя ты раздѣлялъ со всѣми другими, изглажены за твою любовь къ ближнему и покаяніе. Придетъ тебѣ на память каждое несчастіе, которое ты нѣкогда перенесъ, каждая обида, за которую ты не хотѣлъ даже мысленно мстить; явится изъ-подъ спуда вся исторія твоихъ внутреннихъ подвиговъ, уничиженій гордаго разума, смиреній дерзостной воли, умерщвленій похотливаго сердца, бореній съ злымъ духомъ и съ тонкими соблазнами свѣта; обнаружатся твои сокровенныя милостыни, твои строгіе посты, твои ночныя бдѣнія и молитвы; узришь ты благословеніе Божіе, нисходившее не разъ на домы и на цѣлые города по твоей за нихъ просьбѣ; узришь во многихъ семействахъ процвѣтавшіе непорочные нравы, насажденные примѣромъ твоимъ святымъ; узришь многихъ преступниковъ, благодарныхъ тебѣ за свое исправленіе, многихъ несчастныхъ, одолженныхъ тебѣ счастливой судьбою, — все сіе тогда узришь ты, сотворившій благая, и изыдешь въ воскрешеніи живота.

Но горе человѣку, котораго жизнь, преисполненная пороковъ и заблужденій, была многолѣтнимъ злоупотребленіемъ милосердія Божія! Та же самая совѣсть обнаружитъ предъ нимъ всѣ дѣла, всѣ помыслы, даже всѣ слова его прежнія, и уже не дастъ имъ того ложнаго, пристрастнаго вида, въ которомъ они нѣкогда ему представлялись, но покажетъ, каковы они были дѣйствительно. Во-первыхъ, множество преступленій, давно позабытыхъ, оживетъ тогда въ памяти виновнаго съ такою подробностью, какъ-бы это было чрезъ нѣсколько минутъ послѣ ихъ совершенія, и ужаснется порочное сердце, признавъ въ этихъ гнусныхъ найденышахъ свое давнее порожденіе. Во-вторыхъ, множество рѣчей и поступковъ, противныхъ ученію христіанскому, которые прежде казались простительными и маловажными, тогда окажутся зломъ, весьма важнымъ и непростительнымъ. Увидитъ легкомысленный, какъ не разъ, читая вольныя книги, участвуя въ нескромныхъ бесѣдахъ, присутствуя на соблазнительныхъ зрѣлищахъ, онъ мало-по-малу довелъ себя до степени совершеннаго охлажденія къ христіанству. Увидитъ болтливый, какъ однажды, говоря на счетъ чести ближняго, безъ всякаго злаго намѣренія вонзилъ въ грудь ему стрѣлу смертоносную. Увидитъ острякъ, какъ нѣкогда шутя надъ вещами священными, употребляя слова Писанія или языкъ Богослужебный для смѣха, онъ совратилъ съ пути истины нѣсколько молодыхъ умовъ, которые оставались бы правомыслящими. Такое открытіе должно опечалить грѣшниковъ тѣмъ болѣе, чѣмъ они увѣреннѣе были въ безпорочности своего поведенія. Далѣе, тѣ грѣхи, которые таились во глубинѣ сердца, совершались въ сокрытыхъ мѣстахъ, и о которыхъ никто знать не могъ, кромѣ самого грѣшника, откроются по воскресеніи предъ лицемъ человѣковъ и Ангеловъ. Скрытный грѣшникъ, обыкновенно, обольщаетъ себя тою надеждою, что его дѣла снидутъ съ нимъ вмѣстѣ въ могилу и умрутъ въ нѣдрахъ земли: напрасная надежда! Придетъ время, грѣшникъ, нынѣ кроющійся во тьмѣ и считающій себя безопаснымъ со стороны людской прозор-

ливости,—придетъ время, когда и безбожный образъ мыслей твоихъ, и твоя упрямая недовѣрчивость Церкви, и твои преступныя предпріятія, и твои любострастные помыслы, и твоя зависть, ненависть къ ближнему, и твои коварства, обманы, хищенія, клеветы,—когда все это обнаружится отъ нынѣшнихъ, непроницаемыхъ покрововъ и, по слову пророка, откроется стыдъ твой, явятся всѣ укоризны твои. Наконецъ, самыя добродѣтели, которыми грѣшники гордятся на землѣ и которыя свѣтъ превозноситъ до небесъ, въ то время окажутся, если не вовсе злыми дѣлами, то, по крайней мѣрѣ, не стоющими названія добродѣтели. И это не удивительно: теперь о людскихъ добродѣтеляхъ заключаемъ мы по одной благовидной наружности дѣйствій; тогда каждое доброе дѣйствіе оцѣнено будетъ по способностямъ, побужденіямъ и свойствамъ того, кто его совершилъ. Такимъ образомъ прежнее трудолюбіе грѣшниковъ явится въ то время орудіемъ любостяжательности, ихъ прежняя дѣятельность по службѣ объяснится честолюбивыми видами, ихъ прежняя благотворительность къ бѣднымъ обратится въ пустое тщеславіе, ихъ прежняя набожность приметъ на себя отвратительный видъ лицемѣрія. Нечистый источникъ души ихъ возмутитъ и всѣ тѣ струи, которыя нѣкогда изъ нея изливались. Окажется, что одинъ изъ нихъ обнаружилъ государственное зло по личному мщенію, что другой былъ храбрымъ на войнѣ по своему удальству, что третій принесъ жертву въ храмъ изъ сокровищъ, нажитыхъ неправедно. Словомъ, ничто великое и славное, произведенное грѣшниками, не устоитъ, не выдержитъ пробы въ испытательномъ огнѣ пробудившейся совѣсти. И горько, горько будетъ сильнымъ земли увидать тогда всѣ свои прежніе трофеи разбитыми въ прахъ, всѣ свои блестящія добродѣтели заклейменными посрамленіемъ! *И изыдутъ сотворшіи злая въ воскрешеніе суда...*

Что̀ должны почувствовать грѣшники, когда предстанетъ ихъ взорамъ ужасная будущность! Представьте человѣка, который, взобравшись на высочайшую гору, вдругъ увидитъ у ногъ своихъ пропасть: отъ страха кружится у него голова, ноги его скользятъ, а онъ сохранилъ еще столько памяти и разсудка, чтобы постигнуть неизбѣжность своего паденія въ бездну. Каково же положеніе сего несчастнаго? Но несравненно ужаснѣе будетъ положеніе грѣшниковъ, когда, возставши изъ нѣдръ земли, они увидятъ себя неизбѣжно падающими съ вершины порока въ адскую пропасть. Смерть полагаетъ предѣлъ мученіямъ человѣка, низвергшагося съ горы; а воскресшіе грѣшники будутъ испытывать только му́ки низверженныхъ, безъ всякой надежды когда либо умереть. *И изыдутъ сотворшіи злая въ воскрешеніе суда.*

Воскресшій Спаситель! сотвори Своею всесильною благодатію, да мы всѣ, возставъ нѣкогда изъ гробовъ своихъ, изыдемъ не на судъ, но въ воскрешеніе живота! (Дом. Бес. 1865 г., стр. 433—438.)

Библіографическій указатель къ V гл. Ев. Іоанна.

Святоотеческія толкованія:

1) 1—15 ст. *Св. Кирилла Александрійскаго.* Изъясненіе Евангелія о разслабленномъ. Воскр. Чт., г. VI. 25—29.

2) 1—15. *Блаж. Θеофилакта.* Изъясненіе Евангелія, читаемаго въ недѣлю о разслабленномъ. Воскр. Чт., г. X. 37—39.

3) *Блаж. Августина.* Иносказательное изъясненіе купели овчей. Воскр. Чт., г. XI. 27—28. Журн. мин. нар. просв. Ч. LV. VI. 81.

4) *Его же.* На ст. 17. Изъясненіе словъ Христовыхъ: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю.* Воскр. Чт., г. XII. 34—38.

5) На ст. 14. *Св. Іоанна Златоустаго. Се, здравъ еси, ктому не согрѣшай.* Воскр. Чт., г. VIII. 101.

6) *Его же.* На ст. 17. Бес. на разныя мѣста Священнаго Писанія, т. II. 193—205.

7) *Его же.* На ст. 19. Бес. на слова: *Не можетъ Сынъ творити о Себѣ ничесоже.* Бес. на разныя мѣста Святаго Писанія, т. II. 205—206.

8) *Его же.* На ст. 32. Христ. Чт. 1841 г. III. 48—68.

9) *Пр. Исидора Пелусіота* на тѣ же слова. Тв. св. оо., т. XXXV. Тв. Исидора Пелус., ч. II. 335—340.

Новѣйшія толкованія

въ духовн. журналахъ:

10) Ст. 1—14. *М. К. Филарета,* Бес. Воскр. Чт., г. VIII. 207—211.

11) Ст. 1—15. Воскр. Чт. VI. 25. Изъясненіе Еванг.

12) Ст. 2 — 4. Изъясненіе Евангелія о разслабленномъ. Воскр. Чт., г. XVIII. 33—35.

13) Ст. 2. Виѳезда. Библ. пол. сл. Воскр. Чт., г. 1874 г. II. 32.

14) Домъ милосердія. Воскр. Чт. 1874 г. I. 284—286.

15) Ст. 6. Воскр. Чт., г. XIV. 44. Тамъ же, г. XXXII. I. 89.

16) *Прот. Нечаева.* Уроки покаянія, заимствованные изъ Евангелія. (Исцѣл. разслабленныхъ.) Душ. Чт. 1881 г. I. Янв. 91—95.

17) Мысли еп. Θеофана на тотъ же стихъ. Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ. 134.

18) *Арх. Иннокентія* на тотъ же ст. Дом. Бес. 1864 г. Вып. 37. 765—766.

19) Ст. 27. Воскр. Чт., г. XI. 308—309.

20) Ст. 29. Мысли еп. Θеофана. 120.

21) Ст. 35. Воскр. Чт., г. V. 180.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ:

22) Ст. 2—3. *Филарета, митроп. Московскаго.* Символическое значеніе овчей купели, какъ купели крещенія. III. 248—250.

23) Ст. 3. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* О купели христіанской и о томъ, почему всемогущая сила благодати не можетъ исцѣлить всѣхъ нашихъ недуговъ. I. 625—634.

24) Ст. 6. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О значеніи вопроса: *хощеши ли цѣлъ быти?* и о томъ, что грѣхъ — начало болѣзней. I. 174—182.

25) Ст. 7. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* О томъ, что самое вѣрное средство избѣжать гнѣва Божія, не только временнаго, но и вѣчнаго, сдѣлать всякую молитву и прошеніе благопріятными предъ Богомъ,— это—въ особенности милосердіе и сострадательность къ бѣдствующимъ братіямъ нашимъ. Слово въ нед. 4-ю по Пасхѣ.

26) Ст. 8. *Макарія, еп. Тамбовскаго.* О духовныхъ врачевствахъ противъ болѣзней. II. 329—334.

27) Ст. 14. *Димитрія, архіеп. Волынскаго.* О томъ, что грѣхъ есть первая и главная причина болѣзней, и что самое время болѣзни можетъ быть весьма благопотребно для души. Слово въ нед. 4-ю по Пасхѣ.

28) *Никанора, архіеп. Херсонскаго.* Объ исцѣленіи разслабленнаго и о томъ, что грѣхъ разслабляетъ не только душу, но и тѣло. I. 141—146. 151—156.

29) Ст. 19—20. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Изъясненіе словъ Іисуса Христа. I. 148—149.

30) Ст. 24. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* праведный человѣкъ не умираетъ, а переходитъ отъ смерти въ животъ. III. 536—554.

31) Ст. 36. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* О пришествіи Мессіи. IV. 56.

Возвращеніе Іисуса Христа въ Галилею.

Ученики срываютъ колосья въ субботу (Матѳ. XII, 1—8. Марк. II, 23—28. Лук. VI, 1—5).

На обратномъ пути въ Галилею, въ одну изъ субботъ, которую Евангелистъ Лука называетъ первою послѣ втораго дня Пасхи, Іисусъ Христосъ проходилъ засѣянными полями. Ученики Его, чувствуя голодъ, начали срывать колосья, и растирая ихъ руками, ѣли зерна. Какъ скоро замѣтили это фарисеи, тотчасъ же приступили къ Іисусу Христу съ упрекомъ: «вотъ, Твои ученики дѣлаютъ то, что̀ не позволяется дѣлать въ субботу!»

Христосъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: «развѣ вы не слыхали, что̀ сдѣлалъ Давидъ, когда взалкалъ? Вошедши въ храмъ, онъ вкушалъ отъ хлѣбовъ предложенія и давалъ вкушать отъ нихъ своимъ спутникамъ, тогда какъ, по закону, одни священники имѣли право ѣсть эти хлѣбы».

Это событіе описано въ 1 книгѣ Царствъ XXI гл. и состояло въ слѣдующемъ: царь и пророкъ Давидъ, гонимый Сауломъ, приходитъ въ Номву, гдѣ тогда была скинія; онъ и его спутники томимы были голодомъ, а между тѣмъ первосвященникъ не имѣлъ простаго хлѣба, которымъ бы онъ могъ напитать ихъ; тогда этотъ предлагаетъ путникамъ хлѣбы предложенія, которые должны съѣдать одни священники (Левит. XXIV, 8—9).

Этого первосвященника Евангелистъ Маркъ называетъ Авіаѳаромъ, между тѣмъ при описанномъ обстоятельствѣ и первосвященникомъ и дѣйствующимъ лицемъ былъ Ахимелехъ, отецъ Авіаѳара. Въ объясненіе этой разности одни толкователи думаютъ, что Ахимелехъ носилъ еще имя Авіаѳара, какъ и послѣдній называется еще Ахимелехомъ (2 Царствъ VIII, 17. 1 Царствъ XXIV, 2, 31); другіе, что Евангелистъ смѣшиваетъ здѣсь имена и собственно потому, что Авіаѳаръ былъ долгое время (3 Царствъ I, 7, 12, 25) первосвященникомъ во время царствованія Давида; третьи — что Авіаѳаръ, какъ другъ Давида, по преданію былъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, при посредствѣ котораго совершилось то дѣло; первосвященникомъ же онъ называется, какъ преемникъ отцу въ этомъ званіи.

«Итакъ, если Давидъ, ваша слава, ваша святыня, не осужденъ за то дѣйствіе, котораго онъ, по закону, не имѣлъ права совершить, то на какомъ основаніи вы осуждаете Моихъ учениковъ за дѣйствіе, не запрещенное закономъ!» (Потому что законъ не позволялъ только входить на поле ближняго съ серпомъ.)

Но такъ какъ фарисеи могли сказать, что срываніе и растираніе колосьевъ есть занятіе, а заниматься дѣломъ не позволительно въ субботу, то Спаситель продолжаетъ: «или вы не читали закона, что въ субботніе дни священники могутъ нарушить въ храмѣ покой субботній, и это не поставляется имъ въ вину? Но глаголю вамъ: здѣсь есть бо́льшій храма. Если бы вы знали, что̀ значитъ: милосердія хочу, а не жертвы, то не осудили бы невинныхъ. Суббота ради человѣка, а не человѣкъ ради субботы; и потому Сынъ Человѣческій есть Господь и субботы».

Что такое суббота второпервая (Лук. VI, 1), **по объясненію святаго Исидора Пелусіота.**

Второпервою суббота называется потому, что была второю на Пасхѣ и

первою во время опрѣсноковъ. Ибо Іудеи, вечеромъ закалая пасху, на слѣдующій день праздновали праздникъ опрѣсноковъ и сей-то день называли второпервою субботою, потому что, какъ сказалъ я, былъ онъ вторымъ днемъ Пасхи и первымъ опрѣсноковъ. А что сіе дѣйствительно такъ, явствуетъ изъ обвиненія Апостоловъ, что *восторгаху класы и ядяху*. Ибо въ это только время колосья созрѣваютъ, наклоняются отъ тяжести плода и готовности къ жатвѣ, и какъ-бы призываютъ на себя серпъ, а въ третій день опрѣсноковъ приносимъ былъ въ жертву снопъ (Левит. XXI, 10—11). Такимъ образомъ и время, и совершавшееся въ это время даютъ рѣшеніе вопроса. А что день названъ субботою, не дивись сему; потому что Іудеи всякій праздникъ называютъ субботою. И посему-то говорится: суббота субботъ; такъ какъ случалось иногда, что или начало, или конецъ праздника совпадали такъ сказать, съ недѣльною субботою, что нерѣдко бываетъ и у насъ. Ибо какъ у насъ, когда Богоявленіе или Рождество Спасителя по плоти приходится въ день воскресный, сіе дѣлаетъ торжество сугубымъ и какъ-бы праздникъ на праздникъ; такъ и у нихъ, если какой праздникъ совпадалъ съ субботою, назывался онъ *субботою субботъ*. (Тв. св. оо., т. XXXV. Тв. Ис. Пел., ч. II, стр. 163.)

О томъ же святаго Іоанна Златоустаго.

Что̀ значитъ суббота второпервая?— То, когда случалось двойное празднованіе, и субботы Господней и другаго послѣдующаго праздника; ибо Іудеи каждый праздникъ называли субботою.

Что такое суббота второпервая (Лук. VI, 1), по новѣйшимъ изслѣдованіямъ.

Хотя выраженія въ субботу второпервую нѣтъ въ двухъ замѣчательныхъ Тишендорфовскихъ манускриптахъ, въ 4-хъ памятникахъ Итальянскихъ и во многихъ древнихъ редакціяхъ, хотя его отвергаютъ самые авторитетные критики, но мы въ этомъ случаѣ согласны съ Тишендорфомъ, который допускаетъ его въ своемъ «Synopsis'ѣ Evangelica», основываясь на свидѣтельствѣ святаго Амвросія и на внутреннемъ содержаніи факта. До сихъ поръ это выраженіе было пыткой для толковниковъ по своей темнотѣ и по кажущемуся противорѣчію, а между тѣмъ поразительная точность, заключающаяся въ этомъ указаніи времени, и служитъ доказательствомъ существованія этого выраженія въ первоначальномъ текстѣ Евангелія Луки. Мы вмѣстѣ съ Тишендорфомъ принимаемъ объясненіе этого выраженія, сдѣланное Визлеромъ, который говоритъ, что второпервая суббота есть первая суббота второго церковнаго года, считая отъ исхода послѣдняго субботняго года. Итакъ нужно опредѣлить, когда былъ этотъ послѣдній субботній годъ предъ торжественнымъ явленіемъ Іисуса Христа міру? Мы можемъ сдѣлать,—и вотъ средства для этого. Первая Маккавейская книга говоритъ намъ (VI, 20, 49, 53), что 150 г. эры Селевкидской былъ субботній. Этотъ субботній годъ, по Юліанскому періоду, падаетъ на осень 4550 и продолжается до осени 4551 г., какъ можно видѣть изъ хроники священной исторіи Альфонса де-Виньоль (т. I, стр. 696, 697). Согласно съ Виньолемъ и книгою Исходъ (XXIII, 10—11), мы допускаемъ, что субботніе годы были годы седмичные. Итакъ если къ числу 4550 прибавить 27 періодовъ и 7 го-

довъ, то будетъ 189, а потому годъ, начинающійся съ осени 4739 г., будетъ субботній. Вычитая изъ 4739 4713, мы получимъ 26 годъ нашей эры, продолжающійся до осени 27 года. Суббота первая поэтому будетъ относиться къ веснѣ 28 года, а второпервая къ веснѣ 29 года нашей эры. Въ 29 году, какъ намъ извѣстно, церковный Іудейскій годъ начинался въ воскресенье 3 апрѣля, или въ понедѣльникъ вечеромъ, слѣдовательно первая суббота будетъ безъ всякаго сомнѣнія 9-го апрѣля. Итакъ въ субботу 9-го апрѣля ученики Господа рвали первые созрѣвшіе колосья и подали Господу случай сказать, что Онъ есть Господь и субботы. Итакъ, по Евангелисту Лукѣ, Іисусъ Христосъ началъ Свое служеніе въ Галилеѣ съ весны 29 г. Евангелистъ Іоаннъ опредѣляетъ его праздникомъ Пурима до Пасхи 29 г., т. е. отъ субботы 19 марта до воскресенія 17 апрѣля; такимъ образомъ, по Іоанну, точкою отправленія служила суббота 19 марта, а потому, идя отъ субботы до субботы, мы встрѣчаемъ поразительное сходство Іоанна съ Лукою, именно: мы встрѣчаемъ субботу 26 марта, субботу 2 апрѣля, субботу 9 апрѣля, субботу 16 апрѣля (ср. Лук. IV, 16; IV, 31; VI, 1; VI, 6). Вотъ совокупность результатовъ, полученныхъ нами посредствомъ хронологическихъ изслѣдованій! (Прав. Обозр. 1864 г. XIV, стр. 341—342. Обозр. Франц. журн.).

Изъясненіе изрѣченій Іисуса Христа о субботѣ.

(Филарета, митр. Московскаго.)

Кто есть отъ васъ человѣкъ, иже имать овча едино, и аще впадетъ сіе въ субботы въ яму, не иметъ ли е и изметъ? Кольми убо лучши есть человѣкъ овчате? Тѣмже достоитъ въ субботы добро творити (Матѳ. XII, 11—12). *Суббота человѣка ради бысть, а не человѣкъ субботы ради. Тѣмже Господь есть Сынъ Человѣческій и субботѣ* (Марк. II, 27—28). Вотъ что говоритъ Евангеліе къ облегченію строгости закона субботы или дня Господня. Изъ сихъ изрѣченій можно извлечь два правила. Первое, дѣла неизбѣжной нужды позволительны въ день Господень. Второе, дѣла благотворныя и человѣколюбивыя достойны дня Господня. Но изъ сего по необходимости должно заключить и то, что дѣла, въ которыхъ нѣтъ ни неизбѣжной нужды, ни нравственнаго достоинства и благотворности, и Евангеліе, также какъ древній законъ, оставляетъ запрещенными въ день Господень.

Что касается до величественнаго изрѣченія Господня: *Господь есть Сынъ Человѣческій и субботѣ:* слыша сіе, не подумайте, чтобы Господь, создавшій субботу, Самъ разрушилъ ее и позволилъ попирать ее. Онъ сказалъ, что не пришелъ *разорити* законъ, но *исполнити* (Матѳ. V, 17). И нарекши Себя *Господомъ субботы*, Онъ являетъ Свое Божество и власть истолковать законъ субботы (ибо кто лучше можетъ истолковать законъ, какъ Самъ Законодатель?), исполнить его и обновить. Сію власть особенно явилъ Онъ въ томъ, что, сохранивъ сущность первоначальнаго закона—посвящать Богу седьмой день, освятилъ для сего новый день Своимъ славнымъ воскресеніемъ. Древній день субботній, празднованный въ память сотворенія міра, не вполнѣ радостный съ того времени, какъ сотворенное повреждено грѣхомъ, по справедливости долженъ былъ уступить свою славу новому дню воскресному, въ память новаго творенія, которымъ мы *созданы во Христѣ Іисусѣ на дѣла благая* (Ефес. II, 10), *порождены во упованіе живо воскресеніемъ Іисусъ*

Христовымъ отъ мертвыхъ (1 Петр. I, 3). Видите, какъ Господь субботы не разорилъ ее, но еще возвысилъ. И потому, если святъ и благоговѣйно чтимъ былъ древній день Господень, день *субботы*, то есть, покоя, въ память перваго творенія временнаго, то не паче ли долженъ быть святъ и благоговѣйно чтимъ новый день Господень, день воскресный, день радости новаго творенія, пребывающаго во вѣки? (Изъ бесѣды объ освященіи дня Господня, т. III, стр. 368—369.)

Мысли еп. Ѳеофана на 2 ст. VI гл. Луки.

Господни ученики срываютъ колосья, растираютъ ихъ руками и ѣдятъ въ субботу. Дѣло очень маловажное и на видъ, и по существу своему; между тѣмъ фарисеи не утерпѣли и укорили ихъ (Лук. VI, 2). Что̀ заставило ихъ поднимать объ этомъ рѣчь? На видъ—неразумная ревность, а въ существѣ—духъ пересудливости. Этотъ духъ за все цѣпляется, и все представляетъ въ мрачномъ видѣ беззаконности и пагубности. Это—немощь, въ большей или меньшей степени, почти общая у людей, не внимающихъ себѣ. Словомъ не всякій выскажетъ пересудливыя мысли, а удержаться отъ нихъ рѣдкій удерживается. Кто-то присѣдитъ сердцу и разжигаетъ его на пересуды—оно и источаетъ ихъ. Но въ то же самое время пересудчикъ самъ готовъ на недобрыя дѣла, лишь бы только никто не видалъ, и непремѣнно состоитъ въ недобромъ порядкѣ въ какомъ либо отношеніи; онъ какъ будто затѣмъ и судитъ и осуждаетъ, чтобы чувство правды, оскорбленное и подавленное въ себѣ, вознаградить нападками на другихъ, хотя бы то и неправыми. Правдолюбивый и стоящій въ правдѣ, зная, какъ трудно достается исправность въ дѣлахъ, а еще болѣе въ чувствахъ, никогда не станетъ судить; онъ скорѣе готовъ бываетъ покрыть снисхожденіемъ не только малое, но и великое преступленіе другихъ. Господь не судитъ пересудчиковъ фарисеевъ, а снисходительно толкуетъ имъ, что ученики сдѣлали поступокъ, который всякій, разсудивъ какъ слѣдуетъ, можетъ извинить. И всегда почти та́къ бываетъ: разсуди о поступкѣ ближняго, и найдешь, что онъ совсѣмъ не имѣетъ того важнаго, ужасающаго характера, который показался тебѣ въ немъ съ перваго раза.

Аще ли бысте вѣдали, что есть милости хощу, а не жертвы, николиже убо бысте осуждали неповинныхъ (Матѳ. XII, 7). Итакъ, чтобы избавиться отъ грѣха осужденія, надо возымѣть милостивое сердце. Милостивое сердце не только не осудитъ кажущагося нарушенія закона, но и очевиднаго для всѣхъ. Вмѣсто суда, оно воспріиметъ сожалѣніе и скорѣе будетъ готово плакать, нежели укорять. Дѣйствительно, грѣхъ осужденія есть плодъ немилостиваго сердца, злораднаго, находящаго услажденіе въ униженіи ближняго, въ очерненіи его имени, въ попраніи его чести. Дѣло это—дѣло человѣкоубійственное, и творится по духу того, кто есть человѣкоубійца искони. Тамъ бываетъ много и клеветничества, которое изъ того же источника; ибо діаволъ потому и діаволъ, что клевещетъ и всюду распространяетъ клеветливость. Поспѣши возбудить въ себѣ жалость всякій разъ, какъ придетъ злой позывъ къ осужденію. Съ жалостливымъ же сердцемъ обратись потомъ съ молитвою къ Господу, чтобъ Онъ всѣхъ насъ помиловалъ, не только того, кого хотѣлось осудить, но и насъ, и, можетъ быть, больше насъ, чѣмъ того,—и замретъ злой по

зывъ. (Мысли на каждый день года, стр. 369.)

Исцѣленіе сухорукого (Матѳ. XII, 9—21. Марк. III, 1—13. Лук. VI, 6—11).

Въ другую субботу, Іисусъ Христосъ, пришедши въ синагогу, исцѣлилъ здѣсь человѣка, имѣвшаго сухую руку.

Фарисеи, при видѣ этого больнаго, жаждавшаго исцѣленія, предложили Іисусу Христу вопросъ: позволительно ли исцѣлять въ субботу? предложили—конечно—на томъ основаніи, что обыкновенные врачи, для исцѣленія тѣлесныхъ болѣзней, прибѣгаютъ къ матеріальнымъ средствамъ, требующимъ напряженія, труда, но въ настоящемъ случаѣ это основаніе не имѣло никакого значенія, потому что Спаситель исцѣлялъ однимъ словомъ.

Чтобы скорѣе вразумить фарисеевъ, Спаситель велѣлъ больному стать на срединѣ синагоги, и притомъ такъ, чтобы всѣ могли его видѣть, и потомъ сказалъ: «а Я васъ спрошу, что позволительно дѣлать въ субботу: добро, или зло? спасти душу, или погубить»?

Фарисеи ничего не отвѣчали на этотъ вопросъ, хотя въ ихъ же законѣ сказано, что спасти жизнь человѣку не запрещается и въ субботу. Тогда посмотрѣвъ на нихъ съ гнѣвомъ, и глубоко сожалѣя объ ожесточеніи ихъ сердецъ, Іисусъ Христосъ не продолжалъ бесѣды съ ними, а приступилъ прямо къ исцѣленію больнаго: «простри руку твою», сказалъ Онъ больному. Больной простеръ, и рука исцѣлилась.

Фарисеи пришли въ бѣшенство; и совѣтовались о томъ, что бы сдѣлать съ Іисусомъ; сперва совѣтовались объ этомъ между собою, а потомъ, по выходѣ изъ синагоги, съ иродіанцами—приверженцами династіи Ирода, и рѣшили: «погубить Іисуса».

Но Іисусъ, узнавъ объ этотъ, удалился со Своими учениками къ морю.

Мысли епископа Ѳеофана на 12 ст. XII гл. Матѳея.

Достоитъ въ субботы добро творити (Матѳ. XII, 12). Это сказалъ Господь по исцѣленіи въ синагогѣ въ субботу сухорукаго, и въ укоръ фарисеямъ, которые заповѣдь о субботнемъ покоѣ довели до того, что даже шаги измѣрили, сколько ихъ сдѣлать можно въ этотъ день. Но такъ какъ и добрыхъ дѣлъ нельзя дѣлать безъ движенія, то они скорѣе соглашались отказываться отъ добрыхъ дѣлъ, чѣмъ допустить лишнее движеніе. Спаситель не разъ обличалъ ихъ за то, потому что суббота требовала покоя отъ житейскихъ заботъ, а не отъ дѣлъ благочестія и братолюбія. Въ христіанствѣ, вмѣсто субботы, празднуется воскресенье, съ тою же цѣлью—покоя отъ всѣхъ житейскихъ дѣлъ и посвященія сего дня исключительно на дѣла Божіи. Христіанское здравомысліе никогда не доходило до фарисейской мелочности относительно недѣланія въ воскресенье; но за то позволительное разрѣшеніе на дѣланіе въ этотъ день заведено далеко за предѣлы должнаго. Недѣланіе отдаляло фарисеевъ отъ дѣланія добрыхъ дѣлъ; а христіанъ позволяемое ими себѣ дѣланіе отводитъ отъ нихъ. Вечеромъ подъ воскресенье—театръ, потомъ еще какое либо увеселеніе. Утро проспано; въ церковь некогда. Нѣсколько визитовъ, обѣдъ; вечеромъ опять увеселенія. Такъ отдается все время чреву и услажденію прочихъ чувствъ; о Богѣ и благотвореніи некогда и вспомнить (Мысли на каждый день года, стр. 202—204).

Толкованіе Златоуста на XII, 17—21 Матѳея.

Продолжая повѣствованіе о дѣятельности Іисуса Христа за исцѣленіемъ сухорукаго, Евангелистъ Матѳей говоритъ,

что по удаленіи Его оттуда, за Нимъ послѣдовало множество народа, и Онъ исцѣлилъ ихъ всѣхъ, но запретилъ имъ объявлять о Немъ (15—16). Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ исполнилось на Немъ пророчество Исаіи (XLII, 1—6), который изображаетъ Мессію въ образѣ кроткаго и смиреннаго раба, а не въ видѣ земнаго царя—завоевателя, какъ думали о Немъ Іудеи.

Златоустъ даетъ на это мѣсто слѣдующее толкованіе:

Се, Отрокъ Мой, Егоже изволихъ: возлюбленный Мой, Наньже благоволи душа Моя. Положу духъ Мой на Немъ, и судъ языкомъ возвѣститъ: не преречетъ, ни возопіетъ, ниже услышитъ кто на распутіихъ гласа Его. Трости сокрушенны не преломитъ, и льна внемшася не угаситъ, дондеже изведетъ въ побѣду судъ и на имя Его языцы уповати имутъ (17—21).

Симъ пророкъ прославляетъ кротость и неизрѣченное могущество Христово, отверзаетъ великую и широкую дверь язычникамъ, предсказываетъ несчастія, имѣющія постигнуть Іудеевъ, и показываетъ единомысліе Христа съ Отцемъ. Ибо говоритъ: *се, Отрокъ Мой, Егоже изволихъ, возлюбленный Мой, Наньже благоволи душа Моя* (1 Коринѳ. XVI, 9)! Ежели Христосъ избранъ Богомъ, то Онъ нарушаетъ законъ не какъ противникъ, или врагъ Законодателя, но какъ согласно съ Нимъ мыслящій и поступающій. Потомъ, возвѣщая о кротости Его, говоритъ: *не преречетъ, ни возопіетъ*. Христосъ желалъ исцѣлить ихъ больныхъ, но когда они отвергли Его, то Онъ и въ семъ не противодѣйствовалъ имъ. Далѣе показывая Его силу, а ихъ слабость, говоритъ: *трости сокрушенны не преломитъ*. Ибо удобно было Христу переломить ихъ всѣхъ, какъ трость, и притомъ уже надломленную. *И льна внемшася не угаситъ*. Здѣсь изображаетъ воспламенившійся гнѣвъ Іудеевъ и силу Христову, могущую укротить сей ихъ гнѣвъ и весьма легко погасить его. А это показываетъ великую Его кротость. Что же? всегда такъ будетъ? И Онъ до конца будетъ терпѣть злоумышляющихъ и неистовствующихъ противъ Него? Нѣтъ! Но когда совершитъ Свое дѣло, тогда и начнетъ наказывать. Ибо сіе выражается словами: *дондеже изведетъ въ побѣду судъ. И на имя Его языцы уповати имутъ*. Такъ какъ и Павелъ говоритъ: будучи готовы *отомстити всяко преслушаніе, егда исполнится ваше послушаніе* (2 Коринѳ. X, 6). Что же значатъ слова: *дондеже изведетъ въ побѣду судъ?* Когда совершитъ всѣ Свои дѣла, тогда произведетъ месть и месть совершенную; тогда они подвергнутся несчастіямъ, когда Онъ воздвигнетъ блистательный трофей; когда Его правда восторжествуетъ надъ ними, и не оставитъ имъ даже предлога къ безстыдному противорѣчію. Ибо пророкъ обыкновенно правду называетъ судомъ. Но дѣла Божественнаго домостроительства не ограничатся только наказаніемъ невѣрныхъ, напротивъ, Господь еще привлечетъ къ Себѣ весь міръ; почему и присовокуплено: *и на имя Его языцы уповати имутъ*. Но дабы ты зналъ, что и сіе согласно съ волею Отца, пророкъ въ самомъ началѣ и это вмѣстѣ съ предыдущимъ подтвердилъ словами: *возлюбленный Мой, Наньже благоволи душа Моя*. Возлюбленный, очевидно, дѣлаетъ сіе по волѣ Возлюбившаго (Бес. Злат. на Ев. Матѳея, ч. II, стр. 197—199).

Вопросъ и отвѣтъ Василія Великаго къ ст. 20.

Что значатъ *трость сокрушенная и ленъ внемшійся*, и въ какомъ смыслѣ кто-нибудь одной *не преломитъ* и другаго *не угаситъ*? Трость сокрушенная, какъ

разсуждаю, есть тотъ, кто въ какой-нибудь страсти исполняетъ заповѣдь Божію; и его надобно не преломлять и не отсѣкать, но болѣе врачевать, какъ и Господь научилъ, сказавъ: *внемлите милостыни вашея не творити предъ человѣки, да видими будете ими* (Матѳ. VI, 1); и какъ заповѣдуетъ Апостолъ, говоря: *вся творите безъ роптанія и размышленія* (Филиппис. II, 14); и въ другомъ мѣстѣ: *ничтоже по рвенію или тщеславію* (3). *А ленъ внемлійся*, когда исполняетъ кто заповѣдь не съ пламеннымъ вожделѣніемъ и не съ совершеннымъ тщаніемъ, но съ лѣностью и разслабленіемъ; и его не останавливать надобно, а болѣе возбуждать напоминаніемъ судовъ и обѣтованій Божіихъ (Тв. св. оо., т. IX. Тв. Василія Великаго, ч. V, стр. 362).

Избраніе двѣнадцати Апостоловъ (Марк. III, 13—19. Лук. VI, 12—16. Матѳ. X, 2—4).

Въ бытность Свою въ Галилеѣ, Іисусъ Христосъ взошелъ на гору (по мнѣнію древнихъ, на Ѳаворъ) и пробылъ всю ночь въ молитвѣ.

Есть нѣчто въ высшей степени умилительное въ самой мысли объ этихъ уединенныхъ часахъ: кругомъ полнѣйшее безмолвіе и тишина, ненарушаемыя никакими звуками человѣческой жизни,—только гукаютъ филины или воютъ шакалы; на неизмѣримой глубинѣ восточнаго неба яркими огнями сверкаютъ звѣзды; а подъ ними одинокая фигура Человѣка скорбей колѣнопреклоненно стоитъ на росистой травѣ и ищетъ подкрѣпленія для Своихъ трудовъ въ этомъ чистомъ воздухѣ, подъ этимъ открытымъ небомъ, отъ этого внутренняго и безмолвнаго общенія со Своимъ Отцемъ и Богомъ.

Кто знаетъ, что̀ обнимала въ сіе время молитва Господня? Можно, впрочемъ, думать, что, полагая начало строенія Церкви новозавѣтной, Божественный Ходатай нашъ призывалъ на дѣло Свое благословеніе Отца Своего, просилъ ей крѣпости противъ царства тьмы (*и врата адова не одолѣютъ ей—видѣхъ сатану съ небесе спадша: се, сатана проситъ, дабы сѣялъ васъ, яко пшеницу, и Азъ молихся о тебѣ, Симоне*). Сынъ Человѣческій, можетъ быть, просилъ Отца Своего Небеснаго объ укрѣпленіи собственномъ на послѣдній подвигъ, Ему предлежащій, ибо на утро долженъ былъ, по волѣ Отца и по благому соизволенію Своему, приблизить къ Себѣ и съ сего времени всегда имѣть предъ Собою острое орудіе смерти—Іуду Искаріотскаго.

И бѣ обнощь въ молитвѣ Божіи (Лук. VI, 12). На утро, призвавъ къ Себѣ на гору учениковъ Своихъ, избираетъ изъ нихъ 12 для того, чтобы они были постоянно при Немъ и чтобы впослѣдствіи могли свидѣтельствовать, что̀ сами видѣли, слышали, осязали (Марк. III, 14). Это были какъ-бы начальники новыхъ будущихъ 12 колѣнъ новаго Израиля (Апокалипс. XXI, 14).

Число 12 имѣетъ въ Священномъ Писаніи и въ священной исторіи знаменательное значеніе: оно состоитъ изъ 3—4. *Три* представляетъ какъ вѣчное, несозданное существо открывшаго Себя Бога, такъ и временное развитіе всего сотвореннаго. Вспомнимъ о тріединомъ Богѣ, о тройственномъ раздѣленіи скиніи свидѣнія храма, а также и человѣка; о трехъ главныхъ моментахъ времени—прошедшемъ, настоя-

щемъ и будущемъ, о тройственномъ благословеніи и т. д. *Четыре* есть число міра: вспомнимъ о четырехъ странахъ свѣта, о 4-хъ стихіяхъ и т. д. Число *двѣнадцать*, какъ произведеніе трехъ и четырехъ, выражаетъ тѣсное проникновеніе человѣческаго и міроваго Божественнымъ. Поэтому оно есть число народа завѣта: 12 колѣнъ, 12 столбовъ у жертвенника (Исход. XXIV, 4), 12 хлѣбовъ предложенія, 12 драгоцѣнныхъ камней на первосвященнической дщицѣ, 12 звѣздъ на главѣ жены (Апокалипс. XII, 1), 12 вратъ небеснаго Іерусалима и т. д.

Вотъ имена Апостоловъ, которыя мы находимъ у Евангелистовъ и въ Дѣян. Апостольскихъ.

	Матѳ. X, 2—4.	Марк. III 16—19.	Лук. IV, 14—16.	Дѣян. Апост. I, 13.
1	Симонъ.	Симонъ.	Симонъ.	Петръ.
2	Андрей.	Іаковъ.	Андрей.	Іаковъ.
3	Іаковъ.	Іоаннъ.	Іаковъ.	Іоаннъ.
4	Іоаннъ.	Андрей.	Іоаннъ.	Андрей.
5	Филиппъ.	Филиппъ.	Филиппъ.	Филиппъ.
6	Варѳоломей.	Варѳоломей.	Варѳоломей.	Ѳома.
7	Ѳома.	Матѳей.	Матѳей.	Варѳоломей.
8	Матѳей.	Ѳома.	Ѳома.	Матѳей.
9	Іаковъ Алфеевъ.	Іаковъ Алфеевъ.	Іаковъ Алфеевъ.	Іаковъ Алфеевъ.
10	Леввей.	Ѳаддей.	Симонъ Зилотъ.	Симонъ Зилотъ.
11	Симонъ Кананитъ.	Симонъ Кананитъ.	Іуда Іаковлевъ.	Іуда Іаковлевъ.
12	Іуда Искаріотскій.	Іуда Искаріотскій.	Іуда Искаріотскій.	

Хотя порядокъ вездѣ различенъ, однако постоянно мы видимъ *три* отдѣленія по *четыре* имени въ каждомъ, во главѣ которыхъ во всѣхъ перечисленіяхъ стоятъ *всегда одни и тѣ же имена*. Въ *первомъ* отдѣленіи *первый* вездѣ Петръ, во *второмъ* вездѣ Филиппъ, въ *третьемъ* Іаковъ младшій, сынъ Алфея; *послѣдній* вездѣ Іуда Искаріотскій. Къ *первому* отдѣленію во всѣхъ перечисленіяхъ принадлежатъ: Петръ, Андрей, Іаковъ старшій и Іоаннъ; ко *второму* точно также: Филиппъ, Варѳоломей, Матѳей и Ѳома; а къ *третьему* Іаковъ младшій, Симонъ, Іуда Іаковлевъ (прозываемый также Ѳаддеемъ и Левеемъ) и Іуда Искаріотскій. Только въ предѣлахъ отдѣленій въ различныхъ перечисленіяхъ мѣняется порядокъ Апостоловъ.

Для чего Іисусъ Христосъ избралъ Іуду Искаріотскаго въ число Своихъ учениковъ?

(С. Д—ва.)

Личность Іуды, сдѣлавшагося предателемъ Спасителя, столь оригинальна и вмѣстѣ столь загадочна, что на множество вопросовъ, возникающихъ въ умѣ каждаго человѣка, при размышленіи объ этой личности, можно отвѣчать только предположительно, тѣмъ болѣе, что Священное Писаніе очень мало сообщаетъ свѣдѣній объ Іудѣ. Къ числу этихъ вопросовъ,—темныхъ, но дающихъ весьма обильный матеріалъ для благочестиваго размышленія, относится и вопросъ объ избраніи Іуды Господомъ въ число учениковъ.

Само собою разумѣется, мы не можемъ допустить той мысли, что Іисусъ Христосъ ошибся въ нравственномъ характерѣ Іуды: *Іисусъ зналъ всѣхъ и не имѣлъ нужды, чтобы кто засвидѣ-*

тельствовалъ о человѣкѣ, ибо Самъ зналъ, что въ человѣкѣ (Іоан. II, 24—25). Это совершенное сердцевѣдѣніе, эту ясную проницательность Іисуса Христа, отъ которой не были сокрыты всѣ тайныя мысли, желанія и чувствованія человѣка, нельзя, конечно, отождествлять съ проницательностью, свойственною великимъ умамъ, примѣры которыхъ представляетъ исторія, или съ проницательностью физіогномиста, который по наружнымъ, внѣшнимъ чертамъ объясняетъ внутреннюю исторію человѣка, подобно тому, какъ естествоиспытатели по различнымъ наслоеніямъ земной коры читаютъ исторію первоначальнаго состоянія нашей планеты. Эта проницательность, напротивъ, относится ко всевѣдѣнію Сына Человѣческаго, въ Которомъ, какъ въ чистомъ ясномъ зеркалѣ, предметы и люди отражаются въ истинномъ своемъ видѣ. Въ этомъ зеркалѣ не могъ не отразиться и образъ Іуды.

Равнымъ образомъ нельзя согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ, что Іуда заранѣе былъ предназначенъ для своего ужаснаго преступленія, и что онъ былъ избранъ Господомъ въ число ближайшихъ учениковъ только для того, чтобы дать ему удобный случай совершить предательство, необходимое для спасенія падшаго рода человѣческаго. Допустить такое мнѣніе было бы явною хулою противъ Бога, Который, сотворивъ человѣка свободнымъ, не можетъ по Своей благости лишить его этого Божественнаго дара—свободы, и, будучи по существу Своему святѣйшимъ, Онъ можетъ только попускать зло, но никогда не можетъ содѣйствовать грѣху и преступленію, хотя бы и изъ цѣлей, спасительныхъ для человѣка;—Господь содѣйствуетъ только добру, а не злу. Но если разумно-нравственныя существа, злоупотребляя дарованною имъ свободою, отступаютъ отъ праваго пути, грѣшатъ, то Господь нерѣдко и самое зло обращаетъ въ добро и употребляетъ грѣхъ ихъ въ средство ихъ спасенія. Такимъ образомъ и предательство Іуды хотя и послужило, по премудрому и благому устроенію Господа, ко спасенію рода человѣческаго, однако оно было свободнымъ дѣйствіемъ Іуды и вовсе не было необходимо всемогуществу Божію для совершенія дѣла нашего искупленія: во власти всемогущаго Бога состоитъ неисчислимое множество средствъ для осуществленія Его цѣлей,—все существующее можетъ быть средствомъ для исполненія Его воли. Также и синедріону Іудейскому не было необходимости въ этомъ предательствѣ,—онъ и безъ предательства со стороны Іуды могъ достигнуть своей цѣли распятія Іисуса. Да притомъ синедріонъ и кромѣ Іуды имѣлъ не мало продажныхъ орудій для того, чтобы въ удобный часъ, подъ покровомъ ночи, подстеречь и схватить Господа, и воспользовался услугами невѣрнаго ученика Іисусова отчасти только для того, чтобы въ нѣкоторой мѣрѣ сложить съ себя вину и успокоить свою совѣсть, а отчасти изъ опасенія возстанія народа, который еще недавно взывалъ Царю Сіонскому: «осанна».

Но если Іуда не былъ предназначенъ Богомъ для предательства и если, при избраніи Іуды въ число учениковъ, Іисусъ Христосъ вполнѣ зналъ характеръ Іуды, зналъ не только то, чѣмъ былъ Іуда, но и чѣмъ будетъ впослѣдствіи, то почему же Господь избралъ его?

Нѣкоторые изъ экзегетовъ думаютъ, что Іуда принадлежалъ къ числу тѣхъ трехъ личностей, о которыхъ говорится въ 9-й главѣ Евангелиста Луки и которыя служатъ представителями различныхъ темпераментовъ,—это будто

бы былъ тотъ холерикъ, который явился къ Іисусу Христу со словами: *Господи! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошелъ* (57), и которому Господь сказалъ: *лисицы имѣютъ норы и птицы небесныя гнѣзда, а Сынъ Человѣческій не имѣетъ, гдѣ преклонитъ голову* (58). Хотя это мнѣніе, какъ не имѣющее твердой опоры, которая не дается еще словами о лисицахъ и ихъ норахъ, нельзя назвать вполнѣ достовѣрнымъ, однако въ этомъ мнѣніи можно признать вѣрною ту мысль, что не Іисусъ Христосъ искалъ Іуду, но Іуда Іисуса Христа, и что встрѣча Господа съ Іудою послѣдовала при столь необыкновенныхъ обстоятельствахъ, что Іисусъ Христосъ, говоря человѣчески, призналъ въ нихъ дѣйствіе Божественнаго Промысла, волю Отца Своего Небеснаго, которой Онъ всегда оказывалъ безусловное послушаніе. Іисусъ Христосъ видѣлъ въ Іудѣ будущаго Своего предателя, но, подчиняясь высшей, Божественной волѣ, принялъ его въ общеніе съ Собою и даже сдѣлалъ вмѣстѣ съ другими одиннадцатью однимъ изъ ближайшихъ Своихъ учениковъ—Апостоловъ. Но съ другой стороны нужно обратить вниманіе и на то, что Іуда былъ человѣкъ недюжиннаго характера; онъ принадлежалъ къ тѣмъ исключительнымъ натурамъ, которыя не ограничиваются посредственностями, но которыя бываютъ способны къ произведенію самыхъ рѣшительныхъ, великихъ дѣйствій въ области добра или зла (если только злыя дѣйствія можно называть великими). Кромѣ мрачныхъ, преступныхъ качествъ, Господь не могъ не замѣтить въ Іудѣ и особенныхъ свѣтлыхъ дарованій, которыя, при благотворномъ вліяніи ближайшаго общенія съ самымъ Источникомъ добра, могли бы сдѣлать его однимъ изъ достойнѣйшихъ членовъ въ кругу Апостоловъ, если бы только Іуда надлежащимъ образомъ воспользовался дарованными ему выгодами и позаботился о надлежащемъ развитіи этихъ свѣтлыхъ сторонъ своего характера, а не далъ имъ заглохнуть подъ гнетомъ преступныхъ страстей и наклонностей. Что Іуда былъ способенъ не на одно только дурное, но и на хорошее, это можно видѣть уже изъ того обстоятельства, что онъ болѣе трехъ лѣтъ пребывалъ со Спасителемъ среди различныхъ напастей (Лук. XXII, 28), проповѣдывалъ Евангеліе Царствія вмѣстѣ съ другими Апостолами и не оставилъ Іисуса Христа даже и тогда, когда многіе изъ учениковъ отошли отъ Него (Іоан. VI, 66—67). Сильное раскаяніе Іуды въ своемъ грѣхѣ, публичное признаніе его во храмѣ, торжественное свидѣтельство о невинности уже осужденнаго Іисуса, отреченіе отъ сребренниковъ, полученныхъ за предательство,—все это показываетъ, что даже и послѣ предательства въ Іудѣ не совсѣмъ еще угасли хорошія стороны его характера. И если бы раскаяніе Іуды не было соединено съ безнадежнымъ отчаяніемъ въ безконечномъ милосердіи Божіемъ, то очень можетъ быть, что онъ, подобно Апостолу Петру, принесшему истинное покаяніе въ своемъ отреченіи отъ Господа, былъ бы ревностнѣйшимъ провозвѣстникомъ Христа, полагающимъ, подобно прочимъ Апостоламъ, душу свою за Него. Хотя, при призваніи Іуды къ апостольству, Господь, конечно, не обольщался твердою надеждою побѣдить дурныя наклонности Іуды хорошими его качествами, однако для Іисуса Христа не была внѣ возможности и та мысль, что Іуда можетъ еще спастись, что ближайшее общеніе съ Іисусомъ, постоянное обращеніе съ Искупителемъ можетъ имѣть благотворное дѣйствіе на него. Господь

не хотѣлъ отказать въ средствахъ спасенія человѣку, стоящему на краю бездны, хотя и зналъ, что средства эти будутъ отвергнуты. При своемъ избраніи, Іуда не былъ еще человѣкомъ вполнѣ потеряннымъ; онъ еще не вступилъ на тотъ путь зла, который привелъ его къ ужаснѣйшей трагической развязкѣ; Іуда былъ еще въ нерѣшительномъ состояніи; знамя его внутренней жизни колебалось между мрачною полночью и свѣтлымъ утромъ, между холоднымъ, ледянымъ сѣверомъ внутренняго оцѣпенѣнія по отношенію ко всему Божественному и святому и утреннимъ восходомъ благодатнаго солнца—Христа;—предполагать противное значило бы, что Іуда былъ избранъ только для того, чтобы болѣе и болѣе погружаться въ бездонную пропасть порока. Но это нерѣшительное состояніе не могло долго продолжаться,—Іуда, какъ человѣкъ въ высшей степени энергическій, долженъ былъ сдѣлать рѣшительный поворотъ въ ту или другую сторону. Роковой моментъ насталъ, и Іуда избралъ тотъ страшный путь, съ котораго нѣтъ уже возврата. Примѣръ Іуды, во зло себѣ употребившаго все обиліе дарованныхъ ему средствъ спасенія, яснѣе всего доказываетъ ученіе Православной Церкви, что благодать Божія не дѣйствуетъ на людей непреодолимо, съ вынудительностью физической силы.

Такимъ образомъ Іисусъ Христосъ смотрѣлъ на Іуду, какъ на предметъ Своей святой воспитывающей любви, какъ на крестъ, который возложилъ на Него Небесный Отецъ и который нести, нести впродолженіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ, было для Него однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ страданій. Принявъ Своего будущаго предателя въ число Своихъ учениковъ и давъ ему всѣ средства къ уничтоженію дурныхъ наклонностей и къ развитію его добрыхъ элементовъ въ ближайшемъ общеніи со Спасителемъ и избранными Его учениками, Іисусъ Христосъ не только засвидѣтельствовалъ этимъ Свое безпредѣльное послушаніе волѣ Отца Небеснаго, но и представилъ совершеннѣйшее, торжественное подтвержденіе Своего ученія о любви ко врагамъ, оставивъ на всѣ времена, для всѣхъ грядущихъ поколѣній, высочайшій примѣръ этой любви. Избраніемъ Іуды Господь самымъ очевиднымъ образомъ доказалъ и ту истину, что Онъ пришелъ не праведниковъ, но грѣшниковъ призвать и предложить имъ все обиліе благодатныхъ средствъ для наслѣдованія жизни вѣчной. (Воскр. Чт. 1874 г., т. I, стр. 189—191.)

О НАГОРНОЙ ПРОПОВѢДИ.

Примиреніе нѣкоторыхъ разностей въ нагорной проповѣди у Евангелистовъ Матѳея и Луки.

(Прот. В. Гречулевича.)

Какъ объяснить то, что, по Евангелисту Матѳею, Іисусъ Христосъ говорилъ проповѣдь *на горѣ*, и *сидя;* а по Евангелисту Лукѣ, *сошедши съ горы и ставъ на ровномъ мѣстѣ?*

По изъясненію блаженнаго Августина, это нужно понимать такъ, что Іисусъ Христосъ сперва взошелъ съ Апостолами на вершину горы, а потомъ сошелъ съ ними на низшее мѣсто той же горы, болѣе ровное и для народа удобное, гдѣ и стоялъ, когда исцѣлялъ больныхъ, какъ говоритъ Евангелистъ Лука; а потомъ *сѣлъ* въ качествѣ учителя, какъ говоритъ Евангелистъ Матѳей.

О самой нагорной проповѣди должно замѣтить, что если многое изъ сказан-

наго въ продолженіи ея у Евангелиста Матѳея упоминается въ разныхъ мѣстахъ у Евангелистовъ Марка и Луки, то это, безъ сомнѣнія, произошло отъ того, что Евангелистъ Матѳей, кромѣ изложенія того, что̀ собственно при настоящемъ случаѣ произнесено, хотѣлъ совмѣстить здѣсь, въ соотвѣтствіе и поясненіе сказанному, всю сущность нравственнаго Евангельскаго ученія, хотя въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена преподаннаго. А съ другой стороны это произошло, и конечно, еще болѣе отъ того, что Самъ Спаситель неоднократно повторялъ тѣ поучительныя истины, которыя особенно хотѣлъ внѣдрить въ умы и сердца Своихъ учениковъ и всѣхъ Своихъ послѣдователей; въ чемъ нельзя и сомнѣваться, судя потому, что таковыя повторенія встрѣчаемъ нерѣдко у одного и того же Евангелиста, какъ напримѣръ о необходимости прощать ближнему обиды, о смиреніи и исполненіи заповѣдей Божіихъ не словомъ, а дѣломъ и т. п.

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, и начало, и середина, и конецъ, и все постепенное развитіе этой проповѣди, совершенно сходныя какъ у Евангелиста Матѳея, такъ и у Евангелиста Луки, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что обоими Евангелистами описана одна и та же проповѣдь; такъ что если здѣсь излагается нѣчто и однимъ Евангелистомъ Матѳеемъ, то это снесено имъ для «совокупности» (суммы) нравственнаго Евангельскаго ученія, преподаннаго въ разныхъ мѣстахъ, или повторявшагося въ разныхъ случаяхъ. Ибо почти все, упоминаемое въ нагорной проповѣди Евангелистомъ Матѳеемъ, если не въ ней самой, то въ разныхъ другихъ мѣстахъ, есть и у Евангелиста Луки. (Подробный сравн. обзоръ Четвероевангелія. Ч. II, стр. 30—31.)

Примиреніе разностей въ изложеніи ученія о блаженствахъ у Евангелистовъ Матѳея и Луки.

(С. Соллертинскаго.)

Кромѣ Евангелиста Матѳея нагорная проповѣдь описывается и Евангелистомъ Лукою, и разно. У Евангелиста Матѳея нанесено признаковъ Царствія Небеснаго болѣе, чѣмъ у Евангелиста Луки; а вдобавокъ къ этому Евангелистъ Лука присовокупляетъ къ «блаженни» еще четырекратное «горе». Разность безспорная и такая, что еще въ древности отцы и учители Церкви рѣшались смотрѣть на передачи Евангелистовъ, какъ на записи совершенно различныхъ рѣчей Спасителя. Но уже одно тождество предпосланнаго (избраніе двѣнадцати Апостоловъ) и послѣ посланнаго (исцѣленіе слуги сотника) не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что это одна и та же рѣчь. Успѣшный выходъ изъ оказывающагося затрудненія, повидимому, заключается въ цѣляхъ, которыя имѣли Евангелисты при изложеніи нагорной проповѣди Спасителя. На самомъ дѣлѣ есть уже прямыя указанія на то, что Евангелистъ Лука извлекаетъ лишь нѣчто изъ сказаннаго и записаннаго полностью—in extenso у Евангелиста Матѳея. На это онъ указываетъ самъ, напримѣръ: «сказалъ также притчу сію»; что̀ предполагаетъ выборку Евангелистомъ изъ всего содержанія бесѣды только потребнаго ему. Или: «когда окончилъ всѣ слова Свои». Опять очевидно во «всѣхъ словахъ» Спасителя было больше, чѣмъ сколько записано у Евангелиста Луки; изъ этой сокровищницы онъ, взявъ одно и опустивъ другое, прямо переходитъ къ концу. Отсюда является вопросъ: почему Евангелистъ Лука, который въ началѣ своего повѣствованія предначерталъ себѣ строгій порядокъ — почему онъ доволь-

ствуется извлеченіями и притомъ такъ, что они не оказываются вездѣ связанными, по крайней мѣрѣ, въ формально-логическомъ отношеніи. Еще Іоаннъ Златоустъ даетъ къ этому правильную нить: въ Евангеліи Матѳея Іисусъ Христосъ говоритъ къ Апостоламъ и въ лицѣ ихъ всѣмъ христіанамъ; другими словами, подлежащее у него—Царствіе Небесное. А у Евангелиста Луки блаженства имѣютъ субъективный тонъ и обращаются къ Апостоламъ только. Этимъ объясняется, что послѣдній выпускаетъ все сказанное о законѣ Моисеевомъ, о постѣ, милостынѣ и молитвѣ; хотя въ другомъ мѣстѣ онъ несомнѣнно приводитъ эти кардинальныя и потому неоднократно повторявшіяся Спасителемъ изрѣченія. Отсюда же объясняется и опущеніе нѣкоторыхъ блаженствъ. Какъ ученикъ Апостола Петра, какъ наученный смиренію, онъ едва ли могъ ублажить учениковъ, напримѣръ какъ «кроткихъ», потому что ко времени нагорной проповѣди они еще не осуществили на себѣ этого требованія. Все, что̀ еще превышаетъ силы Апостоловъ и что̀ не могло еще быть наличной собственностью тѣхъ, которые были въ то время проникнуты земными ожиданіями Мессіи, которые ставили вопросъ о старшинствѣ, выпускается, и оставляется то, что̀ прямо было свойственно имъ. Мы не умалимъ святости предмета, если скажемъ, что, по избраніи Апостоловъ, во время нагорной проповѣди, они отличались неизмѣримо отъ другихъ членовъ Царствія Небеснаго. Но отличались не полнымъ усвоеніемъ Царствія Небеснаго, а тѣмъ, что отдѣлились отъ стараго, ветхозавѣтнаго, и готовно безъ-завѣтно послѣдовали за Спасителемъ. Это—отрицательное достоинство, выразившееся въ трехъ признакахъ, которые Евангелистъ Лука и считаетъ возможнымъ привести. А если та́къ, если мы согласимся съ тѣмъ, что онъ имѣлъ въ виду лично Апостоловъ, тогда будетъ понятно какъ то, почему нагорная проповѣдь имѣетъ у него такое содержаніе, какое имѣетъ, почему она, повидимому, отрывочна; такъ и то, почему мы съ правомъ останавливаемся на Матѳеѣ, какъ изложившемъ блаженства полнѣе, съ точки зрѣнія не представителей христіанской общины, а идеи Царствія Небеснаго и ея безотносительной, полной и глубокой содержимости.

Такимъ образомъ остается одинъ вопросъ: сколько отдѣльныхъ, самостоятельныхъ требованій Царства Небеснаго высказалъ Іисусъ Христосъ? По этому вопросу существуютъ различныя мнѣнія. Вейсъ полагаетъ, что во всей нагорной бесѣдѣ высказаны только три условія для вступленія въ Царство Небесное. Но это потому, что основывается на данномъ у Евангелиста Луки, а не Матѳея. Деличъ насчитываетъ 10, и этого числа онъ достигъ чрезъ дѣленіе послѣдняго блаженства на 2. Десятеричное число у Делича имѣетъ свой смыслъ: Іисусъ Христосъ въ нагорной бесѣдѣ предложилъ человѣчеству новое десятословіе вмѣсто ветхозавѣтнаго, даннаго на Синаѣ; и документальнымъ оправданіемъ этого служитъ то, что какъ въ древнемъ законѣ, говоритъ, за Бытіемъ, — генезисомъ слѣдуетъ Исходъ, когда были даны заповѣди, такъ и въ новомъ законѣ за «Бытіемъ» христіанской общины нужно было предложить Исходъ—изложить ученіе о блаженствѣ. Но какія бы ни были приведены еще остроумныя основанія, ищущія скрупулезнаго соотвѣтствія Новаго Завѣта Ветхому, все равно при десятеричномъ счисленіи 9-е блаженство будетъ безъ награды, а 10-е безъ заповѣди. Эвальдъ насчитываетъ только 7 блаженствъ, а остальныя онъ считаетъ за переходъ къ слѣдующей рѣчи. Но

не понятно, почему Эвальдъ эти «переходныя мысли» не считаетъ за требованія, за блаженства. Онъ этого не объясняетъ; и къ этому же безъ права навязываетъ Іисусу Христу риторичность построенія, искусственность въ изложеніи и доказательствахъ. Мейеръ—самый авторитетный протестантскій толкователь буквальнаго смысла Евангелій насчитываетъ тоже 7 блаженствъ; но этого числа онъ достигъ чрезъ предположеніе, что въ 9-мъ стихѣ повторена мысль стиха третьяго — въ кротости повторяются изгнанные за правду. Въ общемъ такимъ же путемъ сокращенія лютеране насчитываютъ 8 блаженствъ, соединяя 8 и 9 блаженства въ одно, какъ имѣющія де одну и ту же мысль. Въ этомъ случаѣ они слѣдуютъ за вѣроисповѣданіемъ, отъ котораго отдѣлились, и которое, находя для себя основаніе не у одного только Августина, старается издавна оправдать себя такъ, что (какъ напримѣръ Мальдонатъ) въ такомъ случаѣ выходитъ больше соотвѣтствія Евангелиста Матѳея съ Евангелистомъ Лукою, ибо у перваго образуется тоже (дважды взятая) четверица. — Не вникая пока въ содержаніе самихъ блаженствъ, мы при счетѣ числа блаженствъ вправѣ основаться на внѣшней сторонѣ: посмотрѣть, сколько разъ повторяется привѣтствованіе «μακάριος» и потомъ уже разсмотрѣть содержаніе ихъ. Слово μακάριος повторяется 9 разъ. И поэтому мы считаемъ 9 отдѣльныхъ требованій, какъ и учитъ Православная Церковь.—(Пастырство Христа Спасителя. 2-е изд. 1889 г., стр. 171—174.)

Изъясненіе заповѣдей о блаженствахъ

(Матѳ. V, 1—10.)

(Прот. Нектаріевскаго).

Узрѣвъ Іисусъ народы, взыде на гору: и сѣдшу Ему приступиша къ Нему ученицы Его. И отверзъ уста Своя, учаше ихъ (Матѳ. V, 1—2).

Въ землѣ Іудейской, въ которой жилъ и училъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, недалеко отъ озера Геннисаретскаго, между городами Капернаумомъ и Тиверіадою, находится значительное возвышеніе, которое въ видѣ четвероугольнаго холма уединенно поднимается изъ прекрасной равнины. Сіе-то возвышеніе, названное впослѣдствіи христіанами «горою блаженствъ», сдѣлалось мѣстомъ одного изъ важнѣйшихъ Евангельскихъ событій. Однажды Господь Іисусъ Христосъ взошелъ на этотъ холмъ со Своими учениками, сопровождаемый безчисленнымъ множествомъ народа *отъ всея Іудеи и Іерусалима, и поморія Тирска и Сидонска, иже пріидоша послушати Его* (Лук. VI, 17 — 18). Сильно тронулось сердце Іисуса Христа при видѣ такого множества народа, жаждавшаго послушать Его, *зане бяху яко овцы не имущія пастыря* (Марк. VI, 34). Онъ сѣлъ,—и изъ пречистыхъ устъ Его обильнымъ потокомъ полилась рѣчь трогательная, высокая, усладительная, преисполненная любви Отца къ дѣтямъ, рѣчь о томъ, какъ достигнуть небеснаго блаженства, какія добродѣтели требуются отъ насъ для этого. Длинная рѣчь сія составляетъ сущность и духъ Новаго Завѣта, и ясно изображаетъ величіе духа Богочеловѣка и убѣдительно доказываетъ Божественность христіанства. Ибо, точно, *николиже тако есть глаголалъ* (Іоан. VII, 46) и не могъ глаголать человѣкъ: ни одинъ мудрецъ своимъ умомъ не могъ дойти до такой высоты ученія..

Вотъ что говоритъ Господь: *блажени нищіи духомъ: яко тѣхъ есть Царствіе Небесное. Блажени плачущіи: яко тіи утѣшатся. Блажени кротціи: яко тіи наслѣдятъ землю. Блажени алчущіи и жаждущіи правды: яко тіи на-*

сытятся. Блажени милостивіи: яко тіи помиловани будутъ. Блажени чистіи сердцемъ: яко тіи Бога узрятъ. Блажени миротворцы: яко тіи сынове Божіи нарекутся. Блажени изгнани правды ради: яко тѣхъ есть Царство Небесное. Блажени есте, егда поносятъ вамъ и ижденутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, Мене ради (Матѳ. V, 3—11). *Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ.*

Чтобы вполнѣ понять смыслъ и значеніе сихъ словъ Господа и приложить ихъ къ своей жизни,—необходимо остановиться отдѣльно на каждомъ выраженіи приведенной рѣчи Господа и подробно разсмотрѣть ее со всѣхъ сторонъ.

Блажени нищіи духомъ: яко тѣхъ есть Царствіе Небесное.

Кто это *нищіи духомъ*? Въ чемъ состоитъ ихъ блаженство? Почему имъ первымъ обѣщается блаженство? Нищими обыкновенно называютъ людей, которые, не имѣя дневнаго пропитанія, просятъ милостыни. Но это нищіи—тѣломъ, а не духомъ. Нищета тѣлесная одна сама по себѣ не составляетъ еще добродѣтели и не даетъ права на блаженство; часто она бываетъ даже предосудительна; это въ томъ случаѣ, если она происходитъ отъ порочной жизни и поддерживается праздностью и лѣностью. Посему Спаситель сказалъ не просто: блажени нищіе; но нищіе—*духомъ*. Нищими духомъ Онъ называетъ смиренныхъ умомъ и сокрушенныхъ сердцемъ. Много есть смиренныхъ не по своему расположенію, а по необходимости обстоятельствъ; въ этомъ еще не велика слава. Блаженны, какъ-бы такъ говорилъ Господь, тѣ, которые добровольно смиряютъ себя и уничижаютъ не только предъ Богомъ, Котораго величіе безпредѣльно, но и предъ людьми, считая себя первыми изъ грѣшниковъ; блаженны тѣ, которые, сознавая недостаточность собственныхъ силъ для духовной и святой жизни, прибѣгаютъ къ Богу и у Него испрашиваютъ даровъ благодати, какъ нищіе—милостыни. Очевидно отсюда, что нищими духомъ могутъ быть и богатые, если они, помышляя, что видимое богатство тлѣнно и скоропреходяще, что оно есть незаслуженный ими даръ Всеблагаго, Который нѣкогда потребуетъ отъ нихъ, какъ отъ Своихъ приставниковъ, отчета въ употребленіи богатства, не превозносятся, не расточаютъ богатства въ роскошь и чувственныя удовольствія, а съ благоговѣйною осторожностью стараются употреблять оное, сообразно съ назначеніемъ, на собственныя необходимыя нужды и на нужды своихъ ближнихъ. Обѣщанное смиреннымъ блаженство начинается еще во время земной жизни. Но здѣсь оно скрывается внутри, во глубинѣ души смиренныхъ, проявляясь только для нихъ самихъ въ томъ глубокомъ внутреннемъ мирѣ души, который есть плодъ истинной живой вѣры въ Бога Отца и Сына и Святаго Духа. Полное и совершенное блаженство ожидаетъ смиренныхъ въ жизни будущей. Если счастливъ сынъ, который, имѣя богатаго и славнаго отца, совершенно увѣренъ и обезпеченъ въ полученіи наслѣдства своего, хотя и не введенъ еще во владѣніе тлѣннымъ и скоропреходящимъ имуществомъ, то во сколько счастливѣе сыны Отца Небеснаго, коимъ обѣщано вѣчное Царство, и сіе обѣщаніе утверждено завѣтомъ Крови Единороднаго Сына Божія и обрученіемъ Духа Святаго въ сердцахъ ихъ.

Но почему Спаситель прежде всего ублажаетъ нищету духа или смиреніе? На этотъ вопросъ прекрасно отвѣчаетъ святый Іоаннъ Златоустъ. «Поелику, говоритъ онъ, величайшія бѣдствія, удручающія всю вселенную, произошли отъ гордости: такъ діаволъ, не бывъ прежде

таковымъ, сдѣлался діаволомъ отъ гордости, такъ и первый человѣкъ, обольщенный отъ діавола, палъ и сдѣлался смертнымъ за гордость и каждый послѣ Адама, мечтая о своемъ равенствѣ съ Богомъ, впадалъ въ нечестіе; поелику, говорю, эта гордость есть верхъ золъ, корень и источникъ всякаго нечестія, то Спаситель и приготовляетъ врачевство, соотвѣтствующее болѣзни, полагаетъ этотъ первый законъ (нищету духа), какъ крѣпкое и безопасное основаніе. Ибо на этомъ основаніи съ безопасностью можно созидать все прочее. Когда же не будетъ этого основанія, то, хотя бы кто до небесъ возвышался жизнью,—все это легко разрушится. Какъ гордость есть начало всякаго нечестія, такъ и смиреніе есть начало всякаго благочестія. Потому-то Христосъ и начинаетъ тѣмъ, что съ корнемъ исторгаетъ гордость изъ души слушателей. Смиреніе такъ необходимо для вступленія въ Царство Христово, что безъ него нельзя сдѣлать и одного шагу на пути ко спасенію. Одни только смиренные могутъ истинно вѣровать во Христа, ибо, сознавая слабость ума человѣческаго и неспособность его къ пониманію таинъ Божіихъ, они въ простотѣ сердца вѣрятъ слову Божію,—и Богъ, по вѣрѣ ихъ, открываетъ имъ тайны Царствія Своего. Одни только смиренные способны къ принятію даровъ Духа Святаго; ибо, чувствуя бѣдность своего сердца, они искренно просятъ у Отца Небеснаго даровъ благодати,—и Богъ подаетъ имъ по ихъ прошенію. Какъ струя водъ всегда минуетъ горы и устремляется на мѣста низменныя, такъ и струя благодати Божіей, минуя людей гордыхъ и превозносящихся, изливается на смиренныхъ.

Блажени плачущіи: яко тіи утѣшатся.

Начавъ съ того, съ чего преимущественно и начать надлежало, т. е. съ заповѣди о смиреніи, Спаситель переходитъ къ другой заповѣди, которая, кажется, противорѣчитъ мнѣнію цѣлой вселенной. Ибо, тогда какъ всѣ почитаютъ радующихся блаженными, а плачущихъ несчастными, Онъ вмѣсто первыхъ называетъ блаженными послѣднихъ, говоря: *блажени плачущіи.*

Но какихъ плачущихъ Господь ублажаетъ? и въ чемъ состоитъ ихъ утѣшеніе?

Плачъ и сѣтованіе у людей происходятъ отъ различныхъ причинъ. Плачетъ богатый, когда лишается своихъ сокровищъ. Сѣтуетъ честолюбецъ, когда обходятъ его почестью. Сокрушается преданный удовольствіямъ и утѣхамъ міра, когда онѣ отнимаются у него. Скорбитъ завистливый, когда видитъ счастіе ближняго своего. Воздыхаетъ злобный, когда не можетъ отмстить врагу своему. Но не такихъ плачущихъ ублажаетъ Спаситель. Нѣтъ, плачущіе и воздыхающіе о предметахъ земныхъ не только не заслуживаютъ ублаженія, но еще достойны осужденія. Ибо плачъ людей о предметахъ земныхъ ясно показываетъ, что эти люди прикованы къ землѣ всѣмъ существомъ своимъ, не знаютъ иныхъ благъ, кромѣ благъ земныхъ, иныхъ нуждъ, кромѣ нуждъ плоти,—они далеки отъ жизни Божіей, отъ жизни святой, истинно-христіанской. Притомъ, плачущіе о предметахъ земныхъ, если не находятъ для себя утѣшенія, неизбѣжно предаются унынію, малодушію, даже отчаянію; а при такомъ состояніи духа люди неспособны бываютъ ни къ чему доброму и, доколѣ остаются въ этомъ состояніи, они какъ бы мертвы душею.

Не тѣло наше, сотворенное изъ земли и имѣющее возвратиться въ землю, а главнымъ образомъ душа безсмертная, созданная для вѣчнаго блаженства дол-

жна быть предметомъ нашихъ заботъ, и попеченій. Прекрасна была душа человѣческая въ началѣ! Созданная по образу Божію, она носила въ себѣ отпечатокъ совершенствъ Божескихъ. Правда, миръ и радость обитали въ ней. Но, увы! Грѣхъ исказилъ Богоподобную душу нашу такъ, что едва сохранились въ ней нѣкоторыя только черты образа Божія; онъ лишилъ насъ благодатнаго общенія съ Богомъ. О сей-то потерѣ высокихъ совершенствъ души своей и блаженнаго единенія нашего съ Богомъ,—о грѣхахъ своихъ мы должны плакать день и ночь. Эти-то плачущіе и ублажаются Спасителемъ въ словахъ: *блажени плачущіи. Печаль по Бозѣ*, говоритъ святый Апостолъ, *содѣлываетъ въ насъ покаяніе во спасеніе* (2 Коринѳ. VII, 10). Дѣйствительно, печаль о грѣхахъ весьма спасительна для насъ, ибо, происходя изъ сознанія нашей грѣховности предъ Богомъ, она располагаетъ насъ къ истинному покаянію; слезы умиленія омываютъ наше сердце отъ скверны грѣха; вопль сокрушеннаго сердцемъ проникаетъ небеса и низводитъ на насъ благодать Духа Святаго, возвращающую душамъ нашимъ ту чистоту и невинность, съ которой мы вышли изъ купели крещенія, а съ возвращеніемъ невинности возвращается намъ и блаженство наше, *блажени плачущіи.*

По заповѣди Господа, мы должны любить ближнихъ, какъ самихъ себя. А кто истинно любитъ ближнихъ, тотъ, видя, какъ они, впадая въ грѣхи, омрачаютъ свою душу и явно устремляются къ вѣчной погибели, не можетъ не скорбѣть о нихъ. Вотъ другой видъ плача, ублажаемаго Спасителемъ. Такъ скорбѣлъ Моисей, когда Израильтяне въ пустынѣ отступили отъ Бога своего и поклонились златому тельцу (Исход. XXXII, 31). Такъ плакалъ о нечестіи и плѣненіи Іерусалима пророкъ Іеремія (Пл. I, 28). Такъ скорбѣлъ о невѣріи Іудеевъ святый Апостолъ Павелъ (Римл. IX, 2—3). Такъ плакалъ Самъ Іисусъ Христосъ во время торжественнаго входа Своего во Іерусалимъ, провидя разрушеніе сего беззаконнаго города: *яко приближися* (Іисусъ), *видя градъ, плакася о немъ* (Лук. XIX, 41).

Но есть еще видъ святаго плача, свойственный людямъ, пламенѣющимъ любовью къ Богу и отъ преизбытка ея желающимъ скорѣе соединиться съ Нимъ на вѣки. Эти люди сѣтуютъ о продолженіи странствованія своего на землѣ и воздыхаютъ о небесномъ своемъ отечествѣ. *О семъ воздыхаемъ*, говоритъ святый Апостолъ Павелъ, *въ жилище наше небесное облещися желающе, благоволимъ паче отыти отъ тѣла и внити ко Господу* (2 Коринѳ. V, 28). И еще: *желаніе имамы разрѣшитися отъ тѣла и со Христомъ быти* (Филиппис. I, 23). Вотъ тѣ плачущіе, которыхъ Іисусъ Христосъ называетъ блаженными!

Какая же награда назначается плачущимъ? *Яко тіи утѣшатся.* Гдѣ утѣшатся? И здѣсь—на землѣ, и тамъ—на небѣ. Омывая слезами грѣхи свои, они примиряются и со своею совѣстью, и съ Богомъ: совѣсть перестаетъ упрекать ихъ и возмущать покой душевный; и Отецъ Небесный утѣшаетъ чадъ Своихъ, изливая въ сердца ихъ любовь Свою Духомъ Своимъ (Римлян. V, 5) и даруя имъ несомнѣнную надежду на вѣчную радость, когда Іисусъ Христосъ *отымет всяку слезу отъ очію ихъ* (Апокалипс. XXI, 4), когда отбѣжитъ отъ нихъ всякая печаль и воздыханіе, когда веселіе и радость вѣчная почіетъ надъ главою ихъ (Исаія XXXV, 10). Когда же утѣшаетъ людей Самъ Богъ, тогда и тысячи скорбей не могутъ отнять у нихъ

радости. Такая высокая награда обѣщана плачущимъ не потому, чтобы самый плачъ заслуживалъ того, но по человѣколюбію Божію, т. е. награда обѣщана отъ Бога не по важности дѣйствія, но по любви Его къ людямъ. Ибо плачущіе оплакиваютъ грѣхи свои, а для такихъ людей довольно только получить прощеніе. Но такъ какъ Іисусъ Христосъ безмѣрно человѣколюбивъ, то Онъ и не ограничиваетъ награды отмѣненіемъ наказанія, но еще даетъ такимъ людямъ блаженство—великое утѣшеніе на землѣ и еще большее—на небѣ.

Блажени кротціи: яко тіи наслѣдятъ землю.

Послѣ сильной бури и проливнаго дождя, въ природѣ, обыкновенно, настаетъ тишина, и бываетъ какъ-бы нѣкое обновленіе: растенія получаютъ новую силу, воздухъ дѣлается чище и благорастворенніе, солнце начинаетъ свѣтить ярче. Такъ и въ человѣкѣ послѣ сердечныхъ воздыханій его объ утраченныхъ совершенствахъ и крайней нищетѣ души, послѣ горькихъ и обильныхъ слезъ о грѣхахъ, является особенное, тихое расположеніе духа, при которомъ человѣкъ ничѣмъ не раздражается, никого не раздражаетъ, не предается гнѣву, не превозносится, не ропщетъ не только на Бога, но и на людей, всѣхъ любитъ,—словомъ, человѣкъ дѣлается кроткимъ; а пріобрѣтая кротость, онъ достигаетъ высокой степени блаженства, по обѣтованію Спасителя: *блажени кротціи: яко тіи наслѣдятъ землю.*

Кротость человѣка, обыкновенно, выражается во всѣхъ дѣйствіяхъ, какъ въ отношеніи къ Богу, такъ и въ отношеніи къ ближнимъ. Кротость въ отношеніи къ Богу состоитъ во всецѣлой и безусловной Ему преданности, по которой кроткія души безусловно вѣрятъ Его слову, съ покорностью повинуются Его волѣ, съ сыновнимъ благоговѣніемъ исполняютъ Его заповѣди и крайне остерегаются, чтобы не оскорбить Его безпредѣльную любовь и благость; во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, даже при величайшихъ, повидимому, несчастіяхъ своихъ, не только не ропщутъ на промыслъ Божій, но еще благословляютъ Бога и говорятъ съ Іовомъ: *яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно во вѣки* (I, 21).

Истинно кроткій въ отношеніи къ Богу бываетъ кротокъ и въ обращеніи съ ближними. Кротость его въ отношеніи къ ближнимъ состоитъ въ томъ, что онъ не превозносится предъ другими, не предается гнѣву, никого не раздражаетъ, никому не воздаетъ зломъ за зло, памятуя слова Господа: *Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ* (Римлян. XII, 19), никого не обижаетъ ни словомъ, ни дѣломъ, и самъ ничѣмъ не обижается. Да и можно ли обидѣть того, кто ничѣмъ не обижается, ничѣмъ не раздражается, кто благословляетъ клянущихъ, благотворитъ ненавидящимъ его, молится за гонителей своихъ? Какъ угліе огненное смягчаетъ и расплавляетъ даже твердые металлы, такъ кротость человѣка смягчаетъ и сокрушаетъ самыя упорныя сердца враговъ. Къ тому же у кроткаго и не можетъ быть много враговъ; ибо онъ всемогущею силою любви Христовой, обитающей въ немъ, побѣждаетъ благимъ злое, такъ что самые злые враги его начинаютъ уважать его невольно и изъ враговъ дѣлаются друзьями.

Іисусъ Христосъ обѣщаетъ кроткимъ всю землю въ наслѣдіе, говоря: *блаженіи кротціи: яко тіи наслѣдятъ землю.* Слова сіи буквально исполнились надъ кроткими христіанами. Въ то время, когда Іисусъ Христосъ давалъ сію за-

повѣдь, вселенною владѣли невѣрные язычники; все общество вѣрующихъ состояло изъ нѣсколькихъ послѣдователей Христовыхъ. Можно ли было подумать тогда, что малое общество кроткихъ людей побѣдитъ милліоны свирѣпыхъ язычниковъ и отниметъ у нихъ владѣніе землею? И однакожъ это сбылось. Постоянно кроткіе христіане, не смотря на безчисленное множество и всю ярость язычниковъ, терпя, воздавая добромъ за зло, уступая, благословляя, молясь, восторжествовали надъ язычниками и мало по-малу овладѣли вселенной. И такъ не опасайся потерять что либо чрезъ кротость; смотри,—кроткимъ Самъ Богъ обѣщаетъ въ наслѣдіе землю. Развѣ Онъ не въ силахъ исполнить Свое обѣщаніе? Нѣтъ, *Господня земля и исполненіе ея, вселенная и вси живущіи на ней* (Псал. XXIII, 1). А Господь особенно любитъ кроткихъ и ущедряетъ ихъ благами, *вся сія*, т. е. небо и землю, *сотвори рука Моя*, глаголетъ Господь, *и сія суть вся Моя. И на кого воззрю? Токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ* (Исходъ LXVI, 23). Такъ воззрѣлъ Господь на Моусея и сдѣлалъ его вождемъ избраннаго народа Божія, озарилъ его такимъ свѣтомъ Своея славы, что невозможно было взирать на лице его,—за что? За то, что Моусей былъ *кротокъ зѣло*. Такъ воззрѣлъ Господь на кроткаго Давида и даровалъ ему царство, покорилъ ему множество народа, удостоилъ его чести нарицаться отцемъ воплотившагося отъ племени его Спасителя міра, Іисуса Христа. *Блажени кротціи: яко тіи наслѣдятъ землю.*

Впрочемъ, Господь Іисусъ въ сихъ словахъ не ограничиваетъ награды, обѣщанной кроткимъ, одною настоящею жизнью; но вмѣстѣ предлагаетъ и будущія вѣчныя блага. Пророкъ Давидъ увѣряетъ, что *праведницы наслѣдятъ землю и вселятся въ вѣкъ вѣка въ ней* (Псал. XXXVI, 29). Какую землю? Не эту тлѣнную землю, на которой мы живемъ, и которая не пребудетъ въ вѣкъ вѣка; но ту землю живыхъ, о которой говоритъ тотъ же пророкъ: *вѣрую видѣти благая Господня на землѣ живыхъ* (Исходъ XXVI, 13), то есть, гдѣ живутъ и не умираютъ. Что это за земля? Это та земля, о которой пишетъ святый Апостолъ Петръ: *новаго небесе и новыя земли по обѣтованію Его чаемъ* (2 Петр. III, 11), это та земля, которую видѣлъ въ откровеніи возлюбленный ученикъ Іисуса Христа Іоаннъ: *и видѣхъ небо ново и землю нову, первое бо небо и первая земля преидоша* (Апокалипс. XXI, 1). Это та земля, которая откроется по разрушеніи этого тлѣннаго міра, земля, на которой не только мы вѣрующіе во Христа и ожидающіе своего избавленія; *но и вся тварь освободится отъ работы истлѣнія* (Римлян. VIII, 24). На этой-то новой землѣ, на землѣ живыхъ, въ вѣчномъ Царствѣ Отца Небеснаго, находится истинное и никогда неотъемлемое наслѣдіе, обѣтованное кроткимъ. Какъ отцы земные обыкновенно съ радостью вводятъ въ наслѣдство своего имѣнія дѣтей кроткихъ и покорныхъ, такъ Отецъ Небесный, Богъ правды, уготовалъ въ наслѣдіе вѣчное блаженство на землѣ живыхъ чадамъ Своимъ—кроткимъ и послушнымъ Его велѣніямъ. И не удивительно. Кроткіе подражаютъ Единородному Сыну Божію, Который на землѣ былъ *кротокъ и смиренъ сердцемъ* (Матѳ. XI, 29), и Который *послушливъ былъ волѣ Отца даже до смерти, смерти же крестныя.*

Блажени алчущіи и жаждущіи правды: яко тіи насытятся.

Исполнившій въ точности одну заповѣдь непремѣнно располагается къ

исполненію всѣхъ прочихъ. Кто пріобрѣлъ кротость и вкусилъ плоды ея, тотъ взалчетъ и возжаждетъ правды вообще. Посему Спаситель, преподавъ заповѣдь объ одной частной добродѣтели, предлагаетъ обширнѣйшую заповѣдь о правдѣ, говоря: *блажени алчущіи и жаждущіи правды: яко тіи насытятся.*

Въ душѣ человѣческой замѣчается какое-то томительное чувство алчбы и жажды, которое не даетъ человѣку покоя во всю его жизнь. Томимые симъ чувствомъ, люди устремляются въ различныя стороны, вездѣ ищутъ и въ цѣлой вселенной не находятъ годной пищи для души своей. Душа наша не можетъ насытиться ничѣмъ земнымъ и тлѣннымъ; всѣ усилія человѣка насытить душу свою благами и удовольствіями міра, обыкновенно, кончаются тѣмъ, что не насыщенная душа повергается въ изнеможеніе и отчаяніе.

Явно, что не этихъ временныхъ, тлѣнныхъ и скоропреходящихъ благъ и удовольствій ищетъ душа наша. Чего же она ищетъ? Чего алчетъ и жаждетъ? Чѣмъ можно насытить ее? *Правды* алчетъ и жаждетъ безсмертная душа наша. Что̀ жъ это за правда, которая можетъ насытить и успокоить душу нашу? Это та правда, о которой свидѣтельствовали законъ и пророки, о которой воздыхали всѣ ветхозавѣтные праведники,—*правда Божія*, явленная *вѣрою Іисусъ Христовою во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ* (Римлян. III, 32); иначе сказать, — это оправда̀ніе человѣка, повиннаго предъ Богомъ.

Алчущіе и жаждущіе правды, безъ сомнѣнія, будутъ употреблять и средства къ пріобрѣтенію сей правды, подобно тому какъ голодные употребляютъ всѣ средства къ утоленію голода. Какими же средствами пріобрѣтается правда? Она пріобрѣтается вѣрою во Христа и исполненіемъ закона Его. Человѣкъ самъ собою не можетъ оправдаться предъ Богомъ: *не оправдится всяка тварь предъ Нимъ* (Римлян. III, 20). Ибо для того, чтобы оправдаться предъ Богомъ, нужно исполнить весь законъ; а человѣкъ, оставленный своимъ силамъ, никакъ не можетъ исполнить всего закона. Кто же согрѣшитъ хотя во единомъ, бываетъ повиненъ во всемъ, дѣлается преступникомъ и идетъ подъ клятву и осужденіе: *писано бо есть: проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всѣхъ писанныхъ въ книзѣ законнѣй, яко творити я: нѣсть убо праведенъ никтоже: весь міръ повиненъ Богови* (Второзак. XXVI, 27. Іерем. XI, 8. Галат. III, 10). Гдѣ и чрезъ кого намъ оправданіе?

Оправданіе наше—во Христѣ Іисусѣ и чрезъ Христа. Онъ, Спаситель нашъ, пріявъ на Себя человѣческое естество, исполнилъ за насъ весь законъ, пріобрѣлъ у Бога правду, и Его-то правда вмѣняется намъ въ праведность. *Якоже единаго* (Адама) *прегрѣшеніемъ во вся человѣки вниде осужденіе: такожде и Единаго* (Іисуса Христа) *оправданіемъ во вся человѣки вниде оправданіе.* Но чтобы это оправданіе, пріобрѣтенное заслугами и смертію Іисуса Христа, сдѣлалось нашею собственностью, мы должны тѣснѣйшимъ образомъ соединиться съ Господомъ, или, по выраженію Апостола, *облечься во Христа* (Галат. III, 27). Соединиться же со Христомъ мы можемъ не иначе, какъ вѣрою, которая привлекаетъ на насъ благодать Божію, въ таинствахъ возраждающую, очищающую и укрѣпляющую нашу душу. Благодать, однако, не должна оставаться въ насъ тща, то есть, понапрасну, безъ дѣйствія, но должна быть употреблена нами въ дѣло, на то, чтобы неуклонно шествовать за Нимъ, нашимъ Господомъ и Спасите-

лемъ, послѣдовать *стопамъ Его;* иначе мы не сохранимъ оправданія, удалимся отъ Христа, разорвемъ союзъ съ Нимъ. Отсюда понятно, почему отъ христіанина требуется, кромѣ вѣры во Христа, и сообразная съ нею жизнь или добрыя дѣла. Вѣра безъ дѣлъ то же, что и тѣло безъ души; и какъ тѣло безъ души мертво и не можетъ дѣйствовать, такъ и вѣра безъ добрыхъ дѣлъ недѣйствительна, мертва и не можетъ привести насъ ко спасенію. Посему алчущіе и жаждущіе правды должны стремиться къ исполненію закона Христова, къ христіанскимъ добродѣтелямъ такъ, какъ голодные стремятся къ пищѣ, жаждущіе къ питію. Примѣръ этого стремленія поданъ намъ Самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ. *Мое брашно есть,* говорилъ Онъ ученикамъ Своимъ, предлагавшимъ Ему пищу, въ то время, какъ Онъ готовился проповѣдывать жителямъ Сихаря, *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя и совершу дѣло Его* (Іоан. IV, 34). Спаситель ясно высказалъ симъ желаніе, чтобы и нашимъ брашномъ было исполненіе воли и ученія Его, чтобы мы всѣ желанія души своей соединили въ одно святое желаніе, желаніе правды, пріобрѣтаемой вѣрою во Христа и исполненіемъ Его закона.

Симъ-то алчущимъ и жаждущимъ Спаситель обѣщаетъ насыщеніе, говоря: *блажени алчущіи и жаждущіи правды: яко тіи насытятся.* Насыщеніе духовное подобно отчасти тѣлесному насыщенію. Голодный человѣкъ, до принятія пищи, обыкновенно, чувствуетъ въ себѣ какое-то болѣзненное томленіе, скуку, изнеможеніе, такъ что въ это время онъ не способенъ ни къ трудамъ, ни къ удовольствіямъ; но послѣ принятія здоровой пищи человѣкъ совсѣмъ измѣняется: болѣзненное чувство голода въ немъ тотчасъ прекращается, и онъ снова дѣлается доволенъ, веселъ, бодръ, силенъ и готовъ на труды. Подобно сему и душа наша, если она не получаетъ сродной себѣ пищи, томится, воздыхаетъ, страждетъ и въ этомъ состояніи совершенно не способна бываетъ ни къ подвигамъ духовнымъ, ни къ истинной радости. Но та же самая душа, вкусивъ сродной съ своей природой пищи,—правды Божіей или, что то же, благодатнаго оправданія нашего во Христѣ Іисусѣ, дѣлается совершенно иною: оправдившись, успокоивается внутренно, и въ то же время она получаетъ отъ Іисуса Христа благодатныя силы, отъ чего дѣлается бодрою, легкою, готовою на всѣ подвиги, — возносится превыше земнаго, преодолѣваетъ всѣ препятствія ко спасенію; начинаетъ любить законъ Божій, постепенно восходитъ отъ силы въ силу, отъ совершенства къ совершенству, приближается къ своему Первообразу — Богу, и почерпаетъ радость и блаженство изъ самаго Источника радости и блаженства; и здѣсь-то жажда ея утоляется. Впрочемъ, совершенное насыщеніе души невозможно въ сей жизни, доколѣ душа соединена узами съ бренною плотью; оно послѣдуетъ въ жизни будущей; *насыщуся,* говоритъ Псалмопѣвецъ, *внегда явитимися славѣ Твоей* (Псал. XVI, 15).

Блажени милостивіи: яко тіи помиловани будутъ.

Итакъ да заградятся уста всякаго, кто будетъ еще жаловаться на трудность пути ко спасенію. Іисусъ Христосъ открываетъ намъ всѣ средства къ достиженію блаженства и облегчаетъ путь ко спасенію, чтобы въ день суда Его никто не могъ сказать, что ему не дано было достаточныхъ средствъ ко спасенію. Что можетъ быть удобоисполнимѣе заповѣди о милосердіи, за которое однакожъ, какъ и за другія добро-

дѣтели, обѣщается блаженство? Есть добродѣтели особенныя и дѣла великія, для которыхъ потребны особенныя дарованія и силы благодати, и притомъ особенные случаи. Есть особенно важныя служенія въ Церкви Божіей, къ которымъ не всякій способенъ и призванъ. Но нѣтъ человѣка, который не могъ бы быть милостивымъ къ ближнимъ своимъ, если только самъ не ожесточилъ сердца своего; нѣтъ времени, въ которое бы не открывалось намъ множества случаевъ къ милосердію; а слѣдовательно нѣтъ человѣка, который бы не могъ получить блаженства, обѣщаннаго всѣмъ милостивымъ.

Обѣщавъ блаженство милостивымъ, Іисусъ Христосъ Самъ въ другомъ мѣстѣ исчислилъ дѣла милосердія въ слѣдующихъ словахъ: *взалкахся, и дасте Ми ясти: возжадахся, и напоисте Мя: странень бѣхъ, и введосте Мене: нагъ, и одѣясте Мя: боленъ, и посѣтисте Мене: въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко Мнѣ* (Матѳ. XXV, 35—36). И какое сильное побужденіе представляетъ Спаситель къ исполненію исчисленныхъ дѣлъ милосердія! Онъ, Создатель и Избавитель нашъ, всѣ благодѣянія, оказываемыя нами ближнимъ, благоволитъ принимать такъ, какъ бы Ему мы лично благодѣтельствовали: *понеже,* говоритъ Онъ, *сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе.* Чье сердце будетъ такъ жестоко и окаменено, чтобы, памятуя сіи слова Спасителя, могло отказать въ милости собрату своему нуждающемуся, въ лицѣ котораго благоволитъ принимать нашъ малый даръ Самъ Господь? Тотъ, Кто даетъ и далъ тебѣ Плоть Свою ясти, проситъ у тебя куска хлѣба; — ужели ты въ лицѣ бѣднаго не напитаешь Его алчущаго? Тотъ, Кто испилъ за тебя чашу страданій и смерти, испилъ до дна, проситъ у тебя чаши студеной воды; ужели ты въ лицѣ нищаго не напоишь Его жаждущаго? Тотъ, Кто крестомъ стяжалъ и даровалъ тебѣ въ наслѣдіе небо, не имѣетъ, гдѣ главы подклонити,—ужели ты въ лицѣ странныхъ не введешь Его въ домъ свой и не отворишь дверей Тому, Кто отверзъ тебѣ райскія двери? Тотъ, Кто одѣлъ тебя въ свѣтлую Боготканную одежду правды и веселія, терпитъ холодъ, едва прикрываясь рубищемъ,—ужели ты въ лицѣ безпомощныхъ не одѣнешь Его нагого? Тотъ, Кто исцѣлилъ тебя отъ смертельныхъ ранъ грѣховныхъ, очистилъ струпы беззаконій твоихъ, лежитъ и страждетъ на одрѣ болѣзни,—ужели ты въ лицѣ больныхъ не послужишь Ему въ болѣзни? Тотъ, Кто избавилъ тебя отъ узъ адовыхъ и даровалъ тебѣ вѣчную свободу чадъ Божіихъ, сидитъ въ темницѣ, обложенный оковами,—ужели ты въ лицѣ узниковъ не посѣтишь Его и не послужишь Ему? Ужели ты постыдишься мрачнаго жилища узниковъ ради Того, Кто не постыдился сойти во адъ для искупленія грѣшниковъ?

Но скажетъ кто либо: всѣ такія дѣла милосердія доступны только богатымъ, здоровымъ и свободнымъ отъ житейскихъ дѣлъ, занятій, а я самъ бѣденъ, нищъ, нагъ, боленъ и даже лишенъ свободы;—какъ же я могу творить дѣла милосердія, за которыя обѣщано блаженство? Не смущайся такими мыслями, возлюбленный. Богъ не требуетъ невозможнаго; не можешь сдѣлать многаго,—дѣлай немного; не можешь благотворить тѣлу ближняго,—благотвори его душѣ. Душа человѣка, какъ и тѣло его, имѣетъ свои нужды,—и нужды ея на столько важнѣе тѣлесныхъ, на сколько душа важнѣе тѣла. Помогай ближнему въ этихъ нуждахъ, твори дѣла милосердія духовнаго. Видишь, что ближній твой уклонился отъ исти-

ны въ вѣрѣ и жизни христіанской,—увѣщаніемъ его обрати отъ заблужденія пути его (Іаков. V, 20). Замѣтишь невѣдущаго,—научи его истинѣ и добру, подай ближнему добрый и благовременный совѣтъ въ затрудненіи, или въ непримѣчаемой имъ опасности, молись за него Богу и утѣшай печальныхъ, не воздавай зломъ за зло, которое сдѣлали тебѣ другіе, отъ сердца прощай обиды. Ужели ни одного изъ сихъ дѣлъ милости не можешь сдѣлать? Ужели не можешь молиться за другихъ? не воздавать зломъ за зло, прощать обиды? Ужели не можешь желать добра ближнимъ, *радоваться съ радующимися, плакать съ плачущими?* Есть награда не только за дѣла и слова, но и за благожеланіе, за слезы, но даже еще и за самые вздохи. И о семъ-то блаженный Іовъ говоритъ: *азъ о всякомъ немощнѣмъ восплакахся, воздохнувъ же видѣвъ мужа въ бѣдахъ* (XXX, 25). Если же есть награда за слезы и вздохъ, то подумай, каково будетъ воздаяніе, когда присоединятся къ нимъ слова, усердіе и самыя дѣла?

Блажени милостивіи: яко тіи помиловани будутъ, говоритъ Господь. Вотъ награда милостивымъ! Имъ обѣщается помилованіе, какъ-бы въ соотвѣтствіе оказанныхъ имъ милостей ближнему. Отъ кого милостивые получатъ эту награду? Эту награду милостивые получатъ отчасти отъ людей, а главнымъ образомъ отъ Бога. Богъ, по премудрымъ намѣреніямъ Своимъ, раздѣляетъ между людьми дары Своей благодати, такъ что никого хотя не лишилъ даровъ Своихъ, но и никому не далъ всѣхъ. Иной богатъ, но не уменъ, другой и уменъ, но немощенъ; иной крѣпокъ тѣломъ, но не имѣетъ значенія въ обществѣ; другой славенъ, но бѣденъ. Словомъ, нѣтъ ни одного человѣка, который бы имѣлъ все и не нуждался въ помощи другихъ. Единъ Богъ вседоволенъ: *ни отъ рукъ человѣческихъ угожденія пріемлетъ, требуя что, Самъ дая всѣмъ животъ, и дыханіе и вся* (Дѣян. XVII, 25). А всякій человѣкъ требуетъ помощи собратій своихъ ближнихъ. Но кто болѣе пользуется помощью ближнихъ, какъ не тотъ, кто самъ помогаетъ ближнимъ? Кому съ большею охотою мы, обыкновенно, оказываемъ милость, какъ не тому, кто самъ милостивъ къ другимъ? Всегда ожидай отъ другихъ того, что̀ самъ дѣлаешь другимъ. *Въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ* (Лук. VI, 38), сказалъ Господь. Правда, нерѣдко бываетъ, что люди, разумѣется, не всѣ, а только нѣкоторые по своему недоброжелательству не хотятъ, или по безсилію своему даже не могутъ—оказать помощи милостивому; отчаяваться ли ему въ такомъ случаѣ? Конечно, нѣтъ. Милостивый имѣетъ постоянно и неизмѣнно вѣрнаго защитника и помощника въ Томъ, Кто сказалъ: *блажени милостивіи: яко тіи помиловани будутъ.* Самъ Господь защититъ и помилуетъ милостиваго во время бѣдствій, неразлучныхъ съ настоящею жизнью; Онъ Самъ восполнитъ его скудость отъ сокровищницы даровъ Своихъ. *Блаженъ разумѣваяй на нища и убога,* говоритъ святый пророкъ Давидъ, *въ день лютъ избавитъ его Господь и оживитъ его, и да ублажитъ его на земли и да не предастъ его въ руки враговъ его. Господь да поможетъ ему на одрѣ болѣзни его* (Псаломъ XL, 2—4). Такъ милуетъ милостивыхъ Господь еще въ сей жизни; полная же награда милостивыхъ ожидаетъ еще въ будущей жизни. Въ день страшнаго всемірнаго суда Царь и Судія скажетъ имъ: *пріидите, благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо, и*

дасте Ми ясти: возжадахся, и напоисте Мя: странень бѣхъ, и введосте Мене: наг, и одѣясте Мя: боленъ, и посѣтисте Мене: въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко Мнѣ... И идутъ сіи въ животъ вѣчный (Матѳ. XXV, 34—36).

Но *судъ безъ милости не сотворшимъ милости* (Іаков. II, 13).

Имъ скажетъ праведный Судія на послѣднемъ судѣ: *идите отъ Мене, проклятіи, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. Взалкахся бо, и не дасте Ми ясти: возжадахся, и не напоисте Мене: странень бѣхъ, и не введосте Мене: наг, и не одѣясте Мене: боленъ, и въ темницѣ, и не посѣтисте Мене... И идутъ сіи въ муку вѣчную* (Матѳ. XXV, 41—43, 46).

Ужасный приговоръ! онъ ужасенъ тѣмъ болѣе, что уже никогда не будетъ отмѣненъ, или смягченъ ни для кого; онъ навсегда останется такимъ; онъ вѣченъ! Праведный Судія объявилъ намъ этотъ ужасный приговоръ заранѣе, чтобы мы не считали заповѣди о милосердіи маловажною и не обольщали себя пустою надеждою, что безъ дѣлъ милосердія мы войдемъ въ Царство Небесное.

Блажени чистіи сердцемъ: яко тіи Бога узрятъ.

Послѣ легкой заповѣди о милосердіи Спаситель предлагаетъ довольно трудную заповѣдь о чистотѣ сердца, обѣщая за исполненіе ея высокую награду,—лицезрѣніе Бога. *Блажени чистіи сердцемъ*, говоритъ Онъ, *яко тіи Бога узрятъ.* Что заповѣдь эта трудна, въ этомъ удостовѣряетъ насъ не только опытъ, но и слово Божіе. *Кто чистъ будетъ отъ скверны*, спрашиваетъ праведный Іовъ и отвѣчаетъ: *никтоже, аще и единъ день житіе его на земли* (Іов. XIV, 14). *Нечисты мы вси* (Исаія LXIV, 6), говоритъ святый пророкъ Исаія. Чистѣйшее око Всесвятаго Бога усматриваетъ нѣчто стропотно (Іов. IV, 18) даже въ чистыхъ и святыхъ Ангелахъ. Что̀ сказать послѣ этого о насъ, которые *піемъ неправды, якоже питіе* (Іов. XV, 16)! Гдѣ мы возьмемъ чистоту сердца? Какъ пріобрѣтемъ ее на землѣ, когда Ангелы не вполнѣ имѣютъ ее на небеси? Но да не усумнимся въ словахъ Господа: не можетъ быть, чтобы Онъ требовалъ отъ насъ невозможнаго. Если Онъ требуетъ отъ насъ чистоты сердца,—значитъ, она возможна для насъ.

Какимъ же образомъ намъ можно пріобрѣсть чистоту сердца? Премилосердый и Всеблагій обрѣлъ и даровалъ намъ средство къ возвращенію первобытной чистоты и непорочности сердца. Какое это средство? Это средство есть искупленіе насъ Кровію Единороднаго Сына Божія, Господа нашего Іисуса Христа. Въ силу искупительныхъ заслугъ Христа Спасителя, вѣрующему въ Него отпускаются всѣ грѣхи, и хотя непостижимо для человѣческаго ума, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно возвращается ему чистота и непорочность сердца, каковую имѣлъ первый человѣкъ, созданный по образу Божію, до своего паденія. Гдѣ и когда возвращается человѣку эта чистота и непорочность? Прежде всего возвращается въ таинствѣ святаго крещенія, въ которомъ душа наша омывается отъ всякой скверны или порока (Ефес. V, 26—27) и облекается въ одежду совершенной чистоты и непорочности. Для сохраненія этой Боготканной одежды чистоты и непорочности и для руководства ею въ подвигахъ добродѣтели, любовь Божія даровала законъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ и вся Божественныя силы къ его исполненію. Кто пользуется этими Богодарованными силами и исполняетъ сей законъ, тотъ

постепенно восходитъ отъ силы въ силу, отъ добродѣтели къ добродѣтели, отъ совершенства къ совершенству, и приближается къ своему первообразу—Богу, Который есть высочайшее совершенство, чистота и святость.

Но жизнь наша посреди обольстительнаго міра подобна морю, волнующемуся бурею: то собственныя наши страсти, то духъ злобы, какъ разъяренныя морскія волны, воздымаются на насъ, всячески стараются поглотить нашу душу, или по крайней мѣрѣ лишить насъ драгоцѣннаго сокровища невинности и чистоты,—этого залога вѣчнаго блаженства. И какъ рѣдки тѣ, кои не потерпѣли кораблекрушенія въ семъ мірѣ и не погубили своего сокровища! Но никогда неизсякаемая любовь Отца Небеснаго, ради заслугъ Искупителя нашего, и къ погубившимъ пріобрѣтенную въ крещеніи чистоту сердца грѣшникамъ простираетъ руку помощи, даруетъ имъ покаяніе, которое для насъ, согрѣшившихъ послѣ крещенія, есть какъ-бы второе крещеніе; ибо подъ условіемъ вѣры и сердечнаго сокрушенія во грѣхахъ оно очищаетъ насъ, по подобію крещенія, отъ всякаго грѣха. Очищенныхъ и обновленныхъ въ таинствѣ покаянія, Господь тѣснѣйшимъ образомъ соединяетъ насъ съ Собою—источникомъ жизни и святости—въ другомъ величайшемъ таинствѣ—таинствѣ святаго причащенія, въ которомъ Онъ питаетъ насъ животворящею Своею Плотію и Кровію и чрезъ сіе дѣлаетъ насъ причастниками Божественнаго естества и Его совершенствъ. Вотъ сколько даровано намъ средствъ къ тому, чтобы быть намъ чистыми и непорочными предъ Богомъ. Должно съ благодареніемъ пользоваться сими средствами къ очищенію нашего сердца, и пріобрѣтенную чрезъ нихъ чистоту сердца хранить и беречь, какъ зѣницу ока. Послѣднее особенно важно; ибо пріобрѣсти чистоту сердца гораздо легче, чѣмъ сохранить ее. Первое—есть дѣло Божіе и отъ насъ требуетъ очень немногаго, а второе, т. е. сохраненіе чистоты, есть главнымъ образомъ наше собственное дѣло,—здѣсь Богъ является только нашимъ споспѣшникомъ и помощникомъ. Собственный трудъ нашъ въ этомъ дѣлѣ,—трудъ не легкій, состоитъ въ томъ, чтобы постоянно, такъ сказать, въ каждую минуту бодрствовать надъ своимъ сердцемъ, строго наблюдая, чтобы ничто нечистое, противное совѣсти и закону христіанскому, не приразилось къ нему, и при первой малѣйшей опасности, отъ чего или отъ кого бы то ни было, для нашей нравственной чистоты,—заключать накрѣпко всѣ двери, ведущія къ нашему сердцу, иначе сказать,—всѣ чувства, и прерывать всякое общеніе съ соблазнителемъ и предметомъ соблазна. Кто когда-нибудь бралъ на себя этотъ трудъ, тотъ знаетъ по опыту, что онъ не легокъ. Но чѣмъ труднѣе доброе дѣло, тѣмъ выше награда. Такая высокая награда и обѣщана чистымъ сердцемъ: они увидятъ Бога, будутъ наслаждаться Его лицезрѣніемъ; *тіи Бога узрятъ.*

Когда и какимъ образомъ они узрятъ Бога? Они узрятъ Бога еще въ сей жизни. Богъ *недалече отъ единаго коегождо насъ* (Дѣян. XVII, 27). *О немъ мы живемъ, движемся и есмы,* говоритъ Апостолъ. Но видѣть Его тѣлесными очами нельзя, ибо Онъ духъ чистѣйшій и совершеннѣйшій; духовными же очами, то есть, умомъ, просвѣщеннымъ вѣрою, можно созерцать Бога еще въ сей жизни, хотя и несовершенно; чистое сердце способно еще здѣсь на землѣ ощущать невидимое присутствіе Божества. А если Богу

угодно бываетъ открыть Свою Божественную славу и присутствіе въ какихъ либо видимыхъ знаменіяхъ, то достойные видятъ въ этихъ знаменіяхъ и образахъ Бога даже тѣлесными очами. Такъ, мы знаемъ, что отецъ вѣрующихъ, патріархъ Авраамъ, принялъ Бога въ образѣ трехъ странниковъ; Моусей видѣлъ на горѣ нѣкій слѣдъ и отблескъ славы Божіей; Илія на горѣ Хоривѣ видѣлъ Бога въ гласѣ хлада тонка,—въ тихомъ вѣяніи вѣтерка, и бесѣдовалъ съ Богомъ; пророки Исаія и Іеремія видѣли славу Бога; Апостолы Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, во время преображенія Господня, видѣли Божественную славу Господа. Но всѣ эти явленія представляютъ намъ только величіе Божіе, славу Его, а не существо Его, которое неприступно и непостижимо. Посему, не смотря на всѣ эти особенныя, чудесныя и чрезвычайныя явленія Божества, о видѣніи Бога въ настоящей жизни мы должны повторить слова Апостола: *нынѣ же видимъ Его* (Бога), яко *зерцаломъ въ гаданіи* (1 Коринѳ. XII, 19). Когда же мы увидимъ Его лицомъ къ лицу, то познаемъ Его та́къ, ка́къ мы знаемъ самихъ себя. Это величайшее счастіе, по увѣренію Апостола, ожидаетъ насъ въ будущей жизни. Если объ этомъ, предстоящемъ въ будущей жизни всѣмъ вѣрующимъ и въ особенности чистымъ сердцемъ, лицезрѣніи мы будемъ судить по тѣмъ слабымъ опытамъ лицезрѣнія, какого удостоивались въ сей жизни нѣкоторые святые Божіи человѣки, то и тогда оно представляется исполненнымъ величайшей славы и блаженства. Послушайте, вотъ что̀ пишется о Боговидцѣ Моусеѣ, послѣ того какъ Богъ явилъ ему только часть Своей славы: *и прославися зракъ плоти лица Моусея такъ, что сыны Израилевы убояшеся приступити къ нему, и онъ возлагаше покровъ на лице свое, егда глаголаше къ сынамъ Израилевымъ* (Исход. XXXIV, 29, 35). Послушайте, вотъ что̀ говоритъ о себѣ другой Боговидецъ. Пророкъ Исаія, послѣ того какъ онъ видѣлъ Бога на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ: *о, окаянный азъ! ибо умилихся, яко Царя Господа Саваова видѣхъ очима моима* (Исаія VI, 5). Наконецъ, вотъ что̀ говоритъ одинъ изъ очевидцевъ преображенія Господня Апостолъ Петръ: *Господи, добро есть намъ здѣ быти* (Матѳ. XVII, 4, 6). Всѣ сіи выраженія Боговидцевъ даютъ намъ нѣкоторое понятіе о величіи блаженства, проистекающаго отъ созерцанія Бога; но только нѣкоторое. Полное и совершенное понятіе объ этомъ мы въ сей жизни не можемъ составить, а самаго блаженства даже вообразить не можемъ. Возлюбленніи, говоритъ святый Апостолъ Іоаннъ, *не у явися, что будемъ: вѣмы же, яко егда явится, подобни Ему будемъ, ибо узримъ Его якоже есть* (1 Іоан. III, 2). Блаженство лицезрѣнія Бога такъ велико, что чистѣйшіе и святѣйшіе Ангельскіе чины и величайшіе праведники ничего болѣе не желали и не желаютъ, какъ только постоянно созерцать Бога и быть въ единеніи съ Нимъ; *когда пріиду и явлюся лицу Божію*, поетъ пророкъ Давидъ; *желаю разрѣшитися и со Христомъ быти*, пишетъ святый Апостолъ. И это-то высокое блаженство Спаситель обѣщаетъ намъ за чистоту сердца. *Блажени чистіи сердцемъ: яко тіи Бога узрятъ.*

Блажени миротворцы: яко тіи сынове Божіи нарекутся.

Вражда между людьми бываетъ причиною безчисленныхъ золъ и бѣдствій, удручающихъ родъ человѣческій. Вотъ почему Іисусъ Христосъ, пришедшій на землю, дабы спасти родъ человѣче-

скій отъ золъ и бѣдствій, учитъ насъ всеусильно стараться истреблять плевелы вражды и насаждать благія сѣмена мира, обѣщая за такой высокій подвигъ высокое и многозначительное наименованіе сыновъ Божіихъ. *Блажени миротворцы: яко тіи сынове Божіи нарекутся.*

И міръ имѣетъ своихъ миротворцевъ, которые возникающія или между цѣлыми государствами брани, или между частными людьми ссоры и неудовольствія, оканчиваютъ иногда взаимнымъ примиреніемъ. Конечно, и эти миротворцы оказываютъ человѣчеству важныя услуги. Но всякій миръ земной, если онъ не проистекаетъ отъ Бога мира и любви, но основывается на земныхъ видахъ, не проченъ; онъ столь же часто и удобно разрушается, сколько легко возникаютъ несогласія въ сердцахъ людей, у которыхъ еще не умерщвлены страсти,—эти всегдашніе источники брани и раздоровъ. Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, готовясь принести Себя въ умиротворительную жертву, показалъ различіе между миромъ земнымъ и миромъ, который Онъ принесъ съ неба и преподалъ вѣрующимъ. *Миръ оставляю*, говоритъ Онъ ученикамъ Своимъ, *миръ Мой даю вамъ: не якоже міръ даетъ, Азъ даю вамъ* (Іоан. XIV, 27).

Что жъ это за миръ, который принесъ, оставилъ и преподалъ Спаситель вѣрующимъ, и который мы должны пріять, сохранять и распространять, дабы сдѣлаться истинными миротворцами и пріобрѣсти право чадъ Божіихъ?

Истинный миръ, принесенный съ неба на землю Спасителемъ, убившимъ вражду плотію Своею, состоитъ въ святомъ и блаженномъ примиреніи человѣка съ Богомъ, отъ Котораго проистекаетъ постоянный миръ человѣка въ чистой совѣсти и ненарушаемый миръ его съ ближними.

Сохраняя миръ съ ближними и отклоняя всѣ поводы и причины къ несогласію и враждѣ, истинные миротворцы примѣромъ и словомъ своимъ распространяютъ миръ Божій между людьми, стараются, сколько можно, примирить враждующихъ, а когда не могутъ примирить сами, молятъ Бога объ ихъ примиреніи. И за сей-то подвигъ, коимъ они подражаютъ Единородному Сыну Божію, пришедшему на землю примирить согрѣшившаго человѣка съ правосудіемъ Божіимъ, имъ обѣщается высокое наименованіе сыновъ Божіихъ. Какъ велико это имя, святый Апостолъ Павелъ показываетъ въ слѣдующихъ словахъ: *аще чады и наслѣдницы,—наслѣдницы убо Богу, сонаслѣдницы же Христу* (Римлян. VIII, 17). Ничего болѣе невозможно дать человѣку; ничего выше этого не можетъ и желать человѣкъ! Человѣкъ дѣлается наслѣдникомъ и участникомъ во всѣхъ благахъ, коими наслаждается Самъ Богъ: *Видите, какову любовь далъ есть Отецъ нашъ, да чада Божія и наслѣдницы наречемся и будемъ* (1 Іоан. III, 1).

Блажени изгнани правды ради: яко тѣхъ есть Царствіе Небесное.

Нерѣдко въ жизни мы видимъ примѣры того, съ какимъ усиліемъ и ревностью нѣкоторые изъ людей берегутъ свои земныя сокровища. Пріобрѣтенное богатство они хранятъ въ сокровенныхъ мѣстахъ, запираютъ крѣпкими замками, и въ случаѣ, если какой злодѣй покусится на похищеніе, они отстаиваютъ свою собственность всѣми силами, до послѣдней крайности, терпя брань, побои, раны и т. п. Если такъ сыны вѣка берегутъ земное богатство, которое рано или поздно, но непремѣнно придется оставить на землѣ, и которое не составляетъ истиннаго счастья нашего даже и на землѣ, то не

гораздо ли болѣе мы должны заботиться о сохраненіи небеснаго сокровища,—добродѣтелей, которыя пойдутъ съ нами въ вѣчность и доставятъ намъ нескончаемое и неизрѣченное блаженство? Посему-то Спаситель, послѣ семи заповѣдей о различныхъ добродѣтеляхъ, предлагаетъ еще такую, которою требуется отъ насъ постоянство и твердость въ добродѣтели, какимъ бы опасностямъ, гоненіямъ и бѣдствіямъ ни подвергались мы. *Блажени,* говоритъ Онъ, *изгнани правды ради: яко тѣхъ есть Царствіе Небесное.*

Подъ именемъ изгнанія здѣсь можно разумѣть всѣ скорби и бѣдствія, постигающія насъ на пути къ вѣчному блаженству, а подъ словомъ *правды,* по изъясненію святаго Златоуста, разумѣется полное благочестіе души, или добродѣтель (Бес. 13 на Матѳ.). За сію-то добродѣтель намъ и должно стоять до крове. Почему же для полученія блаженства требуется постоянство и твердость въ добродѣтели, простирающіяся до готовности терпѣть всякія скорби и напасти? Постоянство и твердость въ добродѣтели намъ необходимы прежде всего потому, что постоянно и сильно возстаютъ противъ нашей добродѣтели враги нашего спасенія, такъ что впродолженіе всей нашей жизни на землѣ нѣтъ ни одной минуты, въ которую бы мы не подвергались опасности потерять свою добродѣтель. Перваго сильнаго и непримиримаго врага возстающаго противъ нашей добродѣтели и увлекающаго насъ къ пороку, мы встрѣчаемъ въ себѣ самихъ—и въ собственной нашей плоти.

Другой врагъ нашего спасенія—это міръ со своими соблазнами и гоненіями. *Міръ сей,* по выраженію святаго Апостола, *весь во злѣ лежитъ* (Іоан. V, 19), и своими злыми примѣрами сильно увлекаетъ насъ ко злу. Онъ непрестанно бросаетъ разжженныя стрѣлы соблазновъ, такъ что нужно закрывать глаза, затыкать уши, чтобы не увлекаться злыми примѣрами и соблазнами міра. Если же мы не увлекаемся злыми примѣрами и соблазнами міра, то міръ принимаетъ противъ насъ другое оружіе,—ненависть и гоненіе. Безобразный лицемъ не любитъ смотрѣться въ зеркало и не терпитъ при себѣ людей красивыхъ. Не любятъ, не терпятъ, гонятъ и преслѣдуютъ нечестивые добродѣтельнаго, потому что въ жизни его, какъ въ чистомъ зеркалѣ, они невольно усматриваютъ все безобразіе своей души и всю нечистоту жизни своей. Сколько нужно осторожности, вниманія, благоразумія, твердости и терпѣнія, чтобы при всѣхъ окружающихъ насъ соблазнахъ и воздвигаемыхъ противъ насъ гоненіяхъ соблюсти сокровище добродѣтели! *Блюдите убо, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дніе лукави суть* (Ефес. V, 15—16). *Будите мудри, яко змія, и цѣли* (незлобиви), *яко голубіе* (Матѳ. X, 16).

Но что̀ еще сказать о томъ страшномъ супостатѣ нашемъ, который, по замѣчанію святаго Апостола, *яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. V, 8)? Возмущается духъ при одной мысли о силѣ и злобѣ сего врага нашего; подъ ударами сего супостата падали иногда великіе подвижники добродѣтели; противъ него не устоялъ и первозданный, совершеннѣйшій человѣкъ. И сей то страшный врагъ непрестанно ополчается противъ насъ всѣми силами ада, стараясь лишить насъ добродѣтели, какъ залога вѣчнаго блаженства нашего.

Имѣя столькихъ и столь сильныхъ враговъ, непрестанно злоумышляющихъ противъ насъ, можемъ ли мы когда либо предаваться безпечности? Дрем-

летъ ли воинъ, когда предъ нимъ стоятъ непріятели съ обнаженными мечами? И мы какъ воины Христовы, окруженные со всѣхъ сторонъ врагами, должны неусыпно и твердо стоять на стражѣ своего спасенія, наблюдая за всѣми движеніями враговъ своихъ и отражая всѣ удары и стрѣлы ихъ *во всякомъ терпѣніи и всякою молитвою и моленіемъ, молящеся на всяко время духомъ* (Ефес. VI, 18) Господу о укрѣпленіи силъ нашихъ (Изъ Бесѣдъ на изрѣченія Господни о блаженствахъ. Духовн. Бес. 1871 г. № 36, стр. 161—170; № 37, стр. 180—188; № 38, стр. 193—196; № 40, стр. 238—240; № 41, стр. 241—250; № 42, стр. 269—272).

Утѣшеніе противу клеветъ и злорѣчій человѣческихъ (Матѳ. V, 11—12).

(Святаго Тихона Воронежскаго.)

Путемъ поношенія и уничиженія предшелъ намъ Самъ Христосъ, никакого грѣха не сотворивый. Сколько и какъ тяжко хулили Его фарисейскія уста, и поношенія, какъ ядовитыя стрѣлы, бросали на Него, Евангеліе святое свидѣтельствуетъ. Мало имъ было называть Его ядцею и винопійцею, другомъ мытарей и грѣшниковъ, Самаряниномъ, и бѣса имущимъ и неистовымъ, Который всякимъ образомъ искалъ погибшихъ, но и льстецомъ, развратникомъ нарицали. *Сего обрѣтохомъ развращающа языкъ нашъ и возбраняюща кесареви дань даяти* (Лук. XXII, 2), Который училъ ихъ: *воздадите убо кесарева кесареви и Божія Богови* (Матѳ. XXII, 21). И глаголаху: *о князѣ бѣсовстѣмъ изгонитъ бѣсы* (Матѳ. IX, 34), Который силою Божества Своего запрещалъ и изгонялъ демоновъ. Симъ путемъ шли и святіи Его. Никто отъ нихъ клеветы и поношенія не избѣжалъ. Сыскали чада міра и въ непорочномъ житіи что̀ хулить; выдумалъ лживый языкъ, чѣмъ и безпорочныхъ порочить. Моусей пророкъ, законодатель, вождь Израилевъ, другъ и собесѣдникъ Божій, отъ сонмища Кореова и Авиронова претерпѣлъ укореніе (Числ. XIV) и отъ прочихъ людей своихъ. Сколько на Давида, святаго царя Израилева и пророка Божія, бросали враги его ядовитыхъ отъ лживаго языка своего стрѣлъ, псаломъ показуетъ, который глаголетъ: *весь день поношаху ми вразы мои, и хвалящіи мя мною кленяхуся* (Псал. CI, 9 и слѣд.). Даніила пророка лживый языкъ въ ровъ ко львамъ, какъ въ гробъ, ввергнулъ (Дан. VI, 16). Что̀ пострадали Апостоли отъ всего міра, которому милость Божію проповѣдовали! Какъ прелестники, развратники и возмутители вселенныя вмѣнялися и укорялися, которые отъ прелести къ истинѣ, и отъ тьмы къ свѣту, и отъ царства діавольскаго къ Царствію Божію обращали. То же дознали на себѣ и преемники ихъ—святители, мученики и прочіи святіи. Читай церковную исторію и увидишь, како никто отъ нихъ не ушелъ отъ клеветы. То же и нынѣ святымъ, въ мірѣ живущимъ, отъ злаго міра случается. Міръ бо въ злобѣ своей постояненъ есть: не любитъ истины, которую и словомъ и житіемъ показуютъ святіи; и всегда держится лжи и неправды, которою они гнушаются. Не первый убо терпишь ты поношеніе и безчестіе. Видишь, что и святіи терпѣли, и нынѣ терпятъ (Іоан. V, 10).

Всему будетъ конецъ. Злорѣчіе и терпѣніе кончится, хулящіе и хулы терпящіе всѣ свое отъ правды Божіей воспріимутъ: хулящимъ хула обратится въ вѣчное поношеніе и срамоту, а поношеніе терпящимъ въ вѣчную славу, когда человѣцы воздадятъ отвѣтъ не токмо за хулу, но и за всякое праздное слово. *Праведно есть у Бога воз-*

дати скорбь оскорбляющимъ васъ: а вамъ оскорбляемымъ отраду съ нами, въ откровеніи Господа Іисуса съ небесе, глаголетъ Апостолъ (2 Солун. I, 6—7). Болѣе бо себѣ вредятъ злорѣчивые и клеветники, нежели тому, кого хулятъ; ибо того имя и славу временно помрачаютъ, свои же души погубляютъ. Что имъ по христіанской должности надобно чинить? По Христову словеси, должно *благословить кленущія вы и молитися за творящихъ вамъ напасть* (Матѳ. V, 44). Когда многія клеветы, поношенія и укоренія падаютъ на тебя, и изнеможеши отъ злорѣчивыхъ языковъ, яко олень отъ псовъ гонимый, — бѣги ради прохлажденія къ живому святаго Писанія источнику и ищи отъ него прохлажденія. Тамо Богъ не тѣхъ ублажаетъ, которыхъ всѣ хвалятъ, паче же глаголетъ имъ: *горе, егда добрѣ рекутъ вамъ человѣцы вси!* (Лук. VI, 26.) Но ублажаетъ тѣхъ, которые поношеніе терпятъ отъ злыхъ: *блажени есте, егда поносятъ вамъ, и изженутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ!* (Матѳ. V, 11—12.) Кто не прохладится отъ необузданныхъ языковъ гонимый, когда толико великую мзду, имѣющую быть на небесѣхъ терпящимъ, разсудитъ? Кто не утѣшится, толь богатое слыша обѣщаніе, и отречется всякое временное безчестіе и руганіе терпѣть? Добрая бо надежда всякую умягчаетъ скорбь, а паче надежда вѣчныя жизни, славы и веселія. Всякой скорби и безчестію нынѣшнему, хотя и черезъ все житіе продолжится, конецъ смерть будетъ, но будущему веселію и славѣ конца не будетъ. Тогда забудетъ человѣкъ всѣ бѣды и напасти; едино утѣшеніе, радость и веселіе непрестанное будетъ имѣть безъ конца. *Якоже аще кого мать утѣшаетъ, тако и Азъ утѣшу вы, и во Іерусалимѣ утѣшитеся, и узрите, и возрадуется сердце ваше* (Исаія LXIV, 13—14). Но скажешь: тая мзда обѣщается Христа ради терпящимъ, правда,—но кто отъ насъ страждетъ не яко убійца, или яко тать, или яко злодѣй и прочіи, но яко христіанинъ, *да не стыдится, но да прославляетъ Бога въ части сей* (1 Петр. IV, 15—16). Убо и утѣшенія сего пріобщается, *яко общникъ со святыми въ печали и въ Царствіи и въ терпѣніи Іисусѣ Христовѣ* (Апокалипс. I, 9). *Любящымъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое*, глаголетъ Апостолъ (Римлян. VIII, 28). Имъ клевета и поношеніе въ пользу милостію Божіею обращается (Лук. XVIII, 14). Сего ради, уязвляемая клеветою и злорѣчіемъ беззаконныхъ людей душа, *потерпи Господа, мужайся, и да крѣпится сердце твое, и потерпи Господа* (Псал. XXVI, 14). *Уповай на Господа, и Той сотворитъ: и изведетъ яко свѣтъ правду твою и судьбу твою яко полудне* (Псал. XXXVI, 5—6). Молчи, яко нѣмый, якоже Давидъ дѣлалъ: *азъ яко глухъ и не слышахъ, и яко нѣмъ не отверзаяй устъ своихъ: и бых яко человѣкъ не слышай и не имый во устѣхъ своихъ обличенія: яко на Тя, Господи, уповахъ. Ты услышиши, Господи Боже мой!* (Псал. XXXVII, 14 и д.) Дѣлай и ты также, и Богъ возглаголетъ вмѣсто тебя. Якоже бо отецъ плотскій, когда видитъ предъ собою дѣтей отъ какого безчинника ругаемыхъ и обиду терпящихъ, и въ молчаніи на отца своего взирающихъ; тогда, вмѣсто ихъ, отецъ ихъ отвѣщаваетъ, глаголетъ и защищаетъ ихъ: тако Богъ, Отецъ Небесный, поступаетъ съ нами и обижающими насъ. Всякая бо обида и поношеніе, намъ наносимое, предъ Богомъ, яко вездѣсущимъ и вся назираю-

щимъ, дѣлается. Когда убо видитъ Онъ, что мы обижаеми и поношаеми терпимъ, молчимъ и къ Нему единому взираемъ, и предаемъ то дѣло суду Его праведному, глаголя со пророкомъ: *Ты услышиши, Господи Боже мой*; тогда Онъ, вмѣсто насъ, возглаголетъ, заступитъ и защититъ насъ и смиритъ возстающихъ на насъ. Тако дѣлалъ Давидъ святый, который во всякихъ напастяхъ къ единому Богу прибѣгалъ и къ Нему взиралъ, и помощи и защищенія искалъ отъ Него, якоже изъ псалмовъ его можеши видѣти. Послѣдуй и ты пророку сему, и, затворивъ уста, молчи, да Богъ Самъ вмѣсто тебя возглаголетъ. Когда тако въ молчаніи пребудеши постоянно, то поношеніе и уничиженіе людей не иное что, какъ похвалу и славу у Бога исходатайствуетъ тебѣ. Весь свѣтъ яко ничто предъ Богомъ: убо и уничиженіе всего свѣта, не токмо нѣкоторыхъ злорѣчивыхъ, ничто предъ славою, которую Богъ вѣрному Своему подаетъ рабу. Не тотъ убо блаженъ, кого люди, неправедные судіи, хвалятъ, но тотъ, кого Богъ Святый и Праведный похваляетъ: якоже и окаяненъ не тотъ, кого люди уничижаютъ, но кого Богъ уничижаетъ (Домашн. Бесѣда. Вып. 51, стр. 1235—1238).

Соль земли.

(Свящ. В. Нечаева.)

«*Вы есте соль земли. Аще же соль обуяетъ, чимъ осолится? Ни во что же будетъ ктому, точію да изсыпана будетъ вонъ, и попираема человѣки*» (Матѳ. V, 13).

Называя солью земли ближайшихъ учениковъ Своихъ, Іисусъ Христосъ имѣлъ въ виду не ихъ однихъ, а вмѣстѣ тѣхъ изъ слушателей Своихъ, которые имѣли принять къ сердцу Его ученіе.

Въ какомъ же смыслѣ Господь Іисусъ именуетъ Своихъ ближайшихъ учениковъ и другихъ истинныхъ послѣдователей Своихъ солію земли, или иначе солію для міра, для человѣчества (слич. ст. 14)?

Соль имѣетъ силу сообщать свое свойство—соленость тѣмъ веществамъ, къ которымъ обыкновенно примѣшивается, все равно какъ закваска, положенная въ растворъ изъ муки, сообщаетъ ему свойственную ей кислоту. Подобное значеніе для міра имѣло общество учениковъ Христовыхъ. Это была не секта какая-нибудь, не какой-нибудь замкнутый, ни для кого изъ постороннихъ недоступный кругъ избранныхъ лицъ, съ тайнымъ ученіемъ, въ которое посвящены они одни. Ученики Христовы не должны были держать въ тайнѣ принятое ими ученіе,—они должны были повсюду распространять его (Марк. XVI, 15), должны были міръ языческій обращать въ христіанскій, царство сатаны въ Царство Христово, вѣрующихъ церкви ветхозавѣтной привлекать къ новозавѣтной; должны были свои вѣрованія и убѣжденія насаждать въ другихъ, своими нравственными совершенствами служить примѣромъ для нихъ,—словомъ—должны были дѣлать другихъ тѣмъ, чѣмъ сами стали, какъ соль дѣлаетъ солеными другія вещества.—Для просоленія какого-нибудь вещества, напримѣръ воды, достаточно самаго незначительнаго въ сравненіи съ объемомъ его количества соли. Такъ и общество учениковъ Христовыхъ въ началѣ было весьма немногочисленно, и однакожъ они произвели духовный переворотъ во всемъ мірѣ; сила ихъ слова и святой жизни отозвалась во всѣхъ концахъ вселенной, воздѣйствовала на Іудеевъ и язычниковъ, образованныхъ и необразованныхъ, знатныхъ и худородныхъ, богатыхъ и

бѣдныхъ—всѣхъ ихъ претворила въ учениковъ Христовыхъ, одушевила ихъ единымъ духомъ, одними вѣрованіями.—Соль не измѣняетъ ни сущности, ни внѣшняго вида веществъ, въ которыхъ растворяется, а только даетъ имъ свой вкусъ. Подобно сему и христіанство, всюду проповѣданное Апостолами, не уничтожало ни гражданскихъ порядковъ, ни семейныхъ узъ, ни различія сословій; оно только измѣняло нравы людей, и черезъ это измѣненіе благотворно дѣйствовало на общественныя учрежденія, уживаясь съ ними въ мирѣ. Такъ, напримѣръ, оно не возставало противъ рабства, но оно смягчало отношенія господъ къ рабамъ ученіемъ о духовномъ братствѣ во Іисусѣ Христѣ.—Соль имѣетъ силу предохранять вещества, къ которымъ примѣшивается, отъ порчи и гніенія, или по крайней мѣрѣ останавливаетъ дальнѣйшее распространеніе порчи и гніенія. Столь благотворно дѣйствуютъ на ближайшихъ своихъ истинные христіане. Словомъ своимъ, солію духовной мудрости растворенным (Колос. IV, 6. Ефес. IV, 29), и примѣромъ жизни своей, освященной благодатію, они предохраняютъ ближнихъ своихъ отъ духовнаго растлѣнія, т. е. отъ заблужденій и пороковъ, противодѣйствуютъ распространенію между ними растлѣвающихъ мудрованій и обычаевъ и утверждаютъ ихъ въ вѣрѣ и любви ко Христу.—Соль имѣетъ острый вкусъ и разъѣдающую силу. Нѣчто подобное представляютъ намъ отношенія истинныхъ христіанъ къ нехристіанамъ, или къ христіанамъ только по имени.—Люди міра, слѣдующіе суетнымъ и не христіанскимъ обычаямъ его, не уживаются, или съ трудомъ уживаются съ людьми, живущими по духу Евангелія и по заповѣдямъ Церкви: послѣдніе для нихъ, такъ сказать, *солоны* и подвергаются съ ихъ стороны даже явнымъ гоненіямъ, по слову Апостола: *вси хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ гоними будутъ* (2 Тимоѳ. III, 12).—Тяжко положеніе христіанина среди людей не христіански разсуждающихъ и живущихъ; онъ, однакожъ, не смущается, не колеблется, не старается задобрить ихъ угодливостью имъ, отступленіемъ отъ своихъ убѣжденій и правилъ,—и какъ ни жестоки нападенія на него, побѣда все же однако въ сущности остается на его сторонѣ. Какъ соль, хотя имѣетъ острый вкусъ, дѣлаетъ пищу вкусною и пріятною, такъ и стойкость христіанина въ своихъ убѣжденіяхъ и правилахъ возбуждаетъ нерѣдко удивленіе и уваженіе къ нему въ противникахъ его. Такъ во дни Апостоловъ члены Церкви Іерусалимской пользовались расположеніемъ Іудейскаго народа, хотя народъ сей распялъ Христа Спасителя и былъ врагомъ Евангелія (Дѣян. II, 47). Юліанъ отступникъ былъ заклятый врагъ христіанъ, однакожъ уважалъ христіанскія учрежденія и приказывалъ язычникамъ подражать имъ въ устроеніи странноприимныхъ домовъ, монастырей, вводилъ между язычниками, по примѣру христіанъ, покаяніе, общественное чтеніе и пѣніе.

Ученикъ Христовъ, Апостолъ ли, или всякій истинный христіанинъ, есть соль земли, по благотворному вліянію на человѣчество. Что же именно дѣлаетъ его солію для другихъ? Это благодать Святаго Духа, просвѣщающая и освѣщающая посредствомъ слова Божія, святыхъ таинствъ, и непосредственнымъ наитіемъ. Безъ нея человѣкъ, при всѣхъ естественныхъ совершенствахъ, по ученію слова Божія, окаяненъ и бѣденъ и нищъ, и слѣпъ и нагъ (Апокалипс. III, 17). Можетъ ли таковый быть солію для человѣчества? Можетъ ли слѣ-

пой указывать путь слѣпымъ? Можетъ ли тотъ, кто самъ окаяненъ и нищъ и нагъ, давать другимъ то, чего самъ не имѣетъ? Такимъ образомъ быть солію земли значитъ собственно служить проводникомъ въ нее благодатной силы Божіей. Какое высокое предназначеніе для ученика Христова! Но чѣмъ оно выше, тѣмъ больше долженъ онъ дорожить имъ, тѣмъ заботливѣе беречь и поддерживать въ себѣ то, что̀ дѣлаетъ его солію для другихъ, т. е. благодатныя силы. *Аще соль обуяетъ, чимъ осолится?* Т. е. соль, потерявшую силу ничѣмъ не исправишь, не сдѣлаешь снова соленою; подобно сему, скажемъ словами Апостола, «невозможно однажды просвѣщенныхъ и вкусившихъ дара небеснаго, и содѣлавшихся причастниками Святаго Духа и вкусившихъ благаго Божія глагола и силъ будущаго вѣка, и отпадшихъ опять обновлять покаяніемъ, когда они снова распинаютъ Сына Божія и ругаются Ему»! Люди, которые не разъ вкушали сладость благодатнаго общенія со Святымъ Духомъ и потомъ впали въ непростительный грѣхъ противленія Ему, которые на самихъ себѣ испытали, что Христосъ есть Искупитель грѣшныхъ, и потомъ внутренно или наружно отреклись отъ Него и такимъ образомъ впали въ тяжкій грѣхъ распинателей Христовыхъ,—эти люди заградили себѣ путь покаянія и безъ особенной, чрезвычайной благодати Божіей не могутъ обновиться духовно. «Попирайте меня, какъ соль обуявшую», говорилъ одинъ изъ таковыхъ кающихся къ проходившимъ мимо него въ церковь, поверженный ницъ у дверей церковныхъ. Вотъ какіе тяжкіе подвиги нужны были для примиренія съ Церковію для засвидѣтельствованія искренности обращенія!—Вотъ какъ трудно душу падшую, эту соль обуявшую, привести въ прежнее состояніе, снова осолить, снова обратить къ чистотѣ и святости (Душеп. Чт. 1867 г., ч. I, стр. 94—100).

Назначеніе пастырей Христовой Церкви (Матѳ. V, 14—16).

(П. Попова).

Вы есте свѣтъ міра. Назвавъ Апостоловъ свѣтомъ міра, Господь указалъ имъ важное ихъ назначеніе и высокія качества. Будучи *Свѣтомъ отъ Свѣта, Отцемъ и Источникомъ свѣтовъ* (1 Іоан. I, 5. Іаков. I, 17) и Виновникомъ озареній,—*свѣтомъ истиннымъ, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ* (Іоан. I, 9), Онъ одинъ собственно есть *свѣтъ міру*: кто послѣдуетъ Ему, *тотъ не будетъ ходить во тмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни* (Іоан. VIII, 12). Назвать же, послѣ сего человѣка свѣтомъ міра, значитъ—приписать ему то свойство, которое принадлежитъ одному Богу, и слѣдовательно назвать его этимъ именемъ никто не можетъ, кромѣ Бога, Который, соотвѣтственно названію, можетъ удѣлить ему часть Своей славы.

Іисусъ Христосъ съ названіемъ учениковъ и Апостоловъ Своихъ свѣтомъ міра соединилъ ту мысль, что они должны изливать свѣтъ свой предъ прочими людьми, а эти должны созерцать свѣтъ учениковъ Его и въ ихъ свѣтѣ находить для себя лучшее побужденіе жить такъ, чтобы жизнью своею прославить Отца Небеснаго.

Многомилостивый Господь нашъ благоволилъ сосредоточить свѣтъ міра не въ Апостолахъ только, но и въ преемствующихъ въ служеніи Апостольскомъ, провозвѣстникахъ явленія во плоти Источника свѣта, благоволилъ совершить дѣло спасенія нашего чрезъ подобныхъ же намъ человѣковъ—пастырей и учителей Церкви.

Итакъ, когда и преемники Апостольскаго служенія—пастыри и учители Церкви суть свѣтъ міра и свѣтильники (Матѳ. V, 14—15), то міръ чего можетъ ожидать отъ нихъ? Подобнаго тому, чего можно ожидать отъ свѣтоноснаго и животворнаго, самого по себѣ, свѣтила вещественнаго—солнца. Какъ необходимо, чтобы свѣтъ исходящій изъ солнца, производилъ озареніе и теплоту, которыя бы сообщали жизненность всему живущему,—что̀ возможно только тогда, когда солнце бываетъ чисто само по себѣ и не заслоняется отвнѣ облаками, и когда находится въ прямомъ положеніи къ землѣ; такъ равнымъ образомъ необходимы условія благоплоднаго дѣйствія свѣта благодатнаго,—что̀ также возможно только при чистотѣ души пастыря, почерпающей свѣтъ истины въ свѣтлыхъ струяхъ слова Божія, и только при надлежащемъ отношеніи ея къ тѣмъ, для которыхъ она должна быть свѣтомъ и жизнью. Ка́къ чувственный солнечный свѣтъ, лучами своими просвѣщая очи наши, даетъ намъ возможность видѣть предметы міра вещественнаго, при опредѣленномъ разстояніи, и разсуждать о нихъ; та́къ пастырское слово прогоняетъ тьму невѣдѣнія, просвѣщаетъ умы вѣрою и сообщаетъ вѣрующимъ ясное познаніе предметовъ міра духовнаго, только бы сами пастыри не были заражены грѣхомъ. Ибо *всякій дѣлающій худыя дѣла, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы* (Іоан. III, 20). Вотъ почему Іисусъ Христосъ, назвавъ Апостоловъ и ихъ преемниковъ свѣтомъ міра, хотя и отдалъ имъ свѣтъ какъ-бы въ ихъ собственность, но вмѣстѣ заповѣдалъ имъ пользоваться симъ свѣтомъ не для себя только, но и для освѣщенія другихъ,—заповѣдалъ не скрывать его отъ людей. *Не можетъ*, говоритъ Онъ, *укрыться городъ, стоящій на верху горы: и зажегши свѣчу, не ставятъ ея подъ сосудомъ, но на подсвѣчникѣ, и свѣтитъ всѣмъ въ домѣ* (Матѳ. V, 14—15), т. е. какъ-бы та́къ сказалъ: «васъ избралъ и содѣлалъ Богъ проповѣдниками вѣры; значитъ, вы всѣмъ должны быть извѣстны, всѣ должны видѣть васъ, подобно тому, какъ и городъ, стоящій на возвышенной мѣстности, видимъ бываетъ на значительное разстояніе; васъ избралъ Богъ проповѣдниками вѣры,—не скрывайте же Евангельской проповѣди, по своему небреженію или по страху, подобно тому какъ неблагоразумно ставить зажженную свѣчу подъ сосудомъ, а между тѣмъ людей, находящихся въ домѣ, оставлять въ темнотѣ».

Какимъ способомъ по преимуществу можетъ распространяться между людьми этотъ благодатный свѣтъ? *такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми*, заповѣдуетъ Апостоламъ Іисусъ Христосъ, *чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего Небеснаго* (Матѳ. V, 16). Вотъ истинный свѣтъ, который долженъ исходить отъ пастырей и учителей Церкви: только посредствомъ добрыхъ дѣлъ они могутъ распространять свой свѣтъ между другими.—Примѣры пастырей весьма примѣчательны. Пасомые смотрятъ на своихъ пастырей очень внимательно; а потому всѣ дѣла и поступки пастырей должны быть чисты, свѣтлы, поучительны и назидательны; пастырь всегда долженъ проявлять одни добрыя качества. Впрочемъ, это не значитъ, чтобы онъ творилъ добрыя дѣла для похвалы и изъ тщеславія. По заповѣди Господней, не пастыри сами должны стараться являть предъ людьми свои добродѣтели, но чтобы свѣтъ пастырей просвѣщался предъ человѣками, чтобы побѣдоносная сила примѣра пастырей воспламеняла другихъ къ христіанскимъ добродѣтелямъ.

Но если къ служителямъ Божіимъ относятся слова Господа: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки*, то и къ поучаемымъ и руководимымъ ими на пути къ вѣчному спасенію относится ожиданіе Господа, что они будутъ видѣть добрыя дѣла своихъ руководителей и будутъ прославлять Отца Небеснаго. Видѣть въ пастыряхъ опыты и примѣры высокихъ добродѣтелей и не усовершать своихъ дѣлъ по симъ опытамъ и примѣрамъ, значитъ находиться во мракѣ невѣжества, быть подъ вліяніемъ грубыхъ страстей и пороковъ. Надобно дорожить добрыми примѣрами руководителей на пути ко спасенію, которые они подаютъ своимъ *словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тимоѳ. IV, 12). Но если бы случилось, что добрыя наставленія служителя Слова не написаны въ книгѣ собственной его жизни,—и въ такомъ случаѣ руководимые поступили бы непростительно, если бы отвергли справедливыя и полезныя наставленія тѣхъ, которыхъ дѣла не соотвѣтствуютъ словамъ. Поведеніе пастыря, достойное осужденія, не лишаетъ его возможности оставаться полезнымъ для Церкви. Онъ никогда не учитъ другихъ жить худо, и потому жизнь его ни въ какомъ случаѣ, не можетъ быть препятствіемъ къ спасенію другихъ. *Благодать Божія, спасительная всѣмъ человѣкомъ*, изливается на христіанъ чрезъ пастыря независимо отъ его поведенія. Спаситель даетъ прямую заповѣдь: *вся убо елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите: по дѣломъ же ихъ не творите* (Матѳ. XXIII, 3). Святый Апостолъ Павелъ всѣмъ безъ исключенія христіанамъ внушаетъ—со страхомъ и трепетомъ содѣвать свое спасеніе, дабы быть неповинными и цѣлыми, чадами Божіими, непорочными, и являться якоже свѣтила въ мірѣ (Филиппис. II, 12, 15), слово животно предержаще (16).

Такимъ образомъ для того, чтобы вѣрующіе во Христа могли достойно прославить Отца Небеснаго, необходимо имъ свѣтить свѣтомъ своимъ добродѣтелей всегда и повсюду—и во святыхъ храмахъ въ часы церковныхъ священнодѣйствій, и въ домахъ въ кругу родныхъ, и въ обществѣ, и на поприщѣ различныхъ видовъ служенія обществу, и въ самомъ уединеніи. Особенно готовящіеся къ пастырскому служенію должны возлюбить чистоту души и тѣла и всегда носить въ сердцѣ своемъ страхъ Божій. Имъ рѣшительно необходимо, безъ отлагательства, привыкать жить свято и богоугодно, чтобы, по вступленіи въ званіе пастырей (кому Богъ поможетъ), быть примѣромъ благочестія для пасомыхъ. Требованіе доброй жизни отъ готовящихся къ пастырскому служенію совершенно основательное: они издѣтства воспитываются въ страхѣ Божіемъ: примѣры родителей, служащихъ алтарю Господню, начинаютъ сѣять въ сердцахъ ихъ сѣмена благочестія еще отъ колыбели; воспитаніе ихъ начинается Богомыслiемъ, продолжается въ вѣрѣ, созрѣваетъ въ дѣятельности христіанской; вниманіе ихъ измлада особенно обращено на священныя книги, по которымъ они научены читать, и мыслить, и чувствовать; воображеніе ихъ занимаютъ по преимуществу подвиги мужей благочестивыхъ и дѣянія святыхъ Божіихъ. Нѣтъ нужды, что весьма многіе превосходятъ ихъ стихійнымъ просвѣщеніемъ: стихійная мудрость, пріобрѣтаемая знаніемъ разныхъ отраслей человѣческаго вѣдѣнія, составляетъ достоинство пастыря только относительно, —безъ него ничто не теряется въ познаніи вѣры и въ правильности умозаключеній. Ученіе, устами пастыря изрекаемое, какъ основанное на словѣ Божіемъ, всегда *вѣрно и всякаго пріятія достойно* (1 Тимоѳ. I, 15), и, какъ

проповѣдь Евангелія, оно есть свѣтъ, просвѣщающій умы, есть основаніе и утвержденіе христіанскаго благочестія (Руков. для сел. паст. 1861 г., т. II, стр. 153—161).

Новозавѣтный законъ въ сравненіи съ ветхозавѣтнымъ. (Еванг. отъ Матѳ. V, 17—48, зач. 11—15).

(Епископа Агавангела и архим. Ѳеодора.)

Въ пятой главѣ Евангелія отъ Матѳея (съ 6 ст. до конца гл.) содержится та часть нагорной бесѣды Спасителя, въ которой Онъ, какъ Законодатель Новаго Завѣта, изрекъ духовныя заповѣди Своего закона, сравнительно съ ветхозавѣтнымъ законодательствомъ. Изъ предложеннаго здѣсь ученія Іисуса Христа можемъ уразумѣть *вообще* духъ Христова закона и отношеніе новозавѣтнаго законодательства къ ветхозавѣтному; можемъ также научиться правильно понимать и исполнять *частныя* правила о важнѣйшихъ добродѣтеляхъ христіанскихъ, каковы: смиренная кротость, цѣломудріе, любовь ко врагамъ.

Порядокъ въ сей части бесѣды Христовой таковъ: сначала Господь выражаетъ общую мысль, что Онъ вѣрно исполняетъ написанное въ законѣ и у пророковъ, и утверждаетъ строгую обязательную силу всѣхъ заповѣдей правды, но отвергаетъ правду фарисеевъ и книжниковъ, какъ не приводящую въ Царство Небесное (17—20); а потомъ излагаетъ, въ сличеніи съ Ветхимъ Завѣтомъ, какъ понимали его Іудеи, частныя обязанности и законы Новаго Завѣта (21—45).

О ненарушимости Ветхаго Завѣта и о правдѣ вообще.

Не мните, яко пріидохъ разорити законъ, или пророки: не пріидохъ разорити, но исполнити. Аминъ бо глаголю вамъ: дондеже прейдетъ небо и земля, іота едина, или едина черта не прейдетъ отъ закона, дондеже вся будутъ. Иже аще разоритъ едину заповѣдій сихъ малыхъ, и научитъ тако человѣки, мній наречется въ Царствіи Небеснѣмъ: а иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ Царствіи Небеснѣмъ. Глаголю бо вамъ: яко аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ Царствіе Небесное (17—20).

Слова: *не мните, яко пріидохъ разорити законъ, или пророки*, очевидно, направлены къ успокоенію ревности Іудеевъ по законѣ и вообще по ветхозавѣтномъ словѣ Божіемъ, ревности, которой и мнимое, внѣшнее отступленіе отъ закона казалось уже разрушеніемъ сего закона. «Не думайте», какъ-бы такъ говорилъ слѣпымъ ревнителямъ завѣта Божія», чтобы на самомъ дѣлѣ, Я былъ разрушителемъ закона и пророковъ. Напротивъ, Я и пришелъ для исполненія закона и пророковъ».

Подъ *закономъ и пророками* разумѣются не только книги закона Моусеева и книги пророческія въ тѣсномъ смыслѣ сего имени, но и все ветхозавѣтное слово Божіе; ибо и учительныя и дѣописательныя святыя книги написаны также пророками и служатъ къ раскрытію и дополненію закона Моусеева (Матѳ. XXII, 40. Лук. XVI, 29, 31. Дѣян. XIII, 15). Сими двумя наименованіями очень естественно называются писанія ветхозавѣтныя; поелику законъ и пророки составляютъ существенныя части ветхозавѣтнаго распоряженія Божія о спасеніи человѣческомъ; законъ, потому что онъ пробуждаетъ нужду въ искупленіи; пророки, потому что они показываютъ, гдѣ искать удовлетворенія сей нужды.

Что̀ касается до того, ка́къ и что̀ *исполнилъ* Христосъ въ законѣ и пророкахъ, или въ ветхозавѣтномъ словѣ

Божіемъ, это отчасти объясняется изъ продолженія бесѣды Христовой. Далѣе, съ 21 стиха, Спаситель раскрываетъ глубокій смыслъ собственно нравственныхъ предписаній ветхозавѣтныхъ и дополняетъ въ отношеніи къ нимъ то, о чемъ не говорили прежде Него, но что̀ хранилось въ Ветхомъ Завѣтѣ, какъ въ сѣмени. Изъ сего видно, что подъ исполненіемъ закона и пророковъ Спаситель разумѣетъ, *во-первыхъ*, полное и глубокое раскрытіе смысла и вмѣстѣ совершеннѣйшее духовное исполненіе нравственнаго закона. Что Господь исполнилъ законъ въ семъ смыслѣ, сего не нужно доказывать, когда Евангельская исторія ясно свидѣтельствуетъ, что вся жизнь Господа была совершеннѣйшимъ выраженіемъ и исполненіемъ воли Отца Небеснаго.

Впрочемъ, неосновательно было бы ограничивать мысль Іисуса Христа объ исполненіи закона и пророковъ только нравственными предписаніями Ветхаго Завѣта. Сего не дозволяетъ какъ общій образъ выраженія о законѣ и пророкахъ: *не мните, яко пріидохъ разорити законъ, или пророки*, то есть вообще, а не въ той, или другой части Ветхаго Завѣта такъ и особенное указаніе на исполненіе закона въ каждой его іотѣ и чертѣ: *іота едина, или едина черта не прейдетъ, дондеже вся будетъ*. Итакъ подъ исполненіемъ закона и пророковъ разумѣется, *во-вторыхъ*, исполненіе обрядоваго закона и пророчествъ ветхозавѣтныхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. И дѣйствительно, до Іисуса Христа не была исполнена обрядовая часть закона въ ея сущности. Все, что̀ совершали священники Ветхаго Завѣта, было только образомъ, а не самою вещію. Іисусъ Христосъ всесовершенно исполнилъ сей законъ, принесши Себя въ истинную и благоугодную жертву Богу Отцу и восшедши, какъ истинный Первосвященникъ, въ вѣчное и истинное Святое Святыхъ, въ самое небо. Та же жертва приносится донынѣ въ Церкви Его, и самая Церковь представляетъ себя въ жертву живую и благоугодную Богу, будучи укрѣпляема и очищаема духомъ Христовымъ. Посему отмѣненіе обрядоваго закона надобно понимать не такъ, какъ будто бы сила его кончилась навсегда. Въ новозавѣтной Церкви обрядовый законъ также исполняется, но исполняется не въ буквѣ, а въ духѣ; ибо законные ветхозавѣтные обряды имѣли духовное значеніе и служили образомъ *будущихъ*, то есть Христовыхъ *благъ*. Такъ, напримѣръ, законъ обрѣзанія, отмѣненный въ своей буквѣ, по своему духу исполняется у насъ въ таинствѣ *крещенія* (Колос. II, 11—12).

Подобнымъ образомъ Господь исполнилъ и ветхозавѣтныя пророчества въ событіяхъ и дѣлахъ Своихъ и продолжаетъ исполнять ихъ въ Своей Церкви, которая есть тѣло Его. Объ этомъ говорятъ Писанія Новаго Завѣта; объ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія Христовой Церкви.

«Ка́къ же Онъ исполнилъ его»? говоритъ блаженный Ѳеофилактъ въ изъясненіи сихъ словъ. «Онъ исполнилъ его, во-первыхъ, совершеніемъ всего сказаннаго о Немъ пророками. Посему и Евангелистъ часто говоритъ, *да сбудется реченное* тѣмъ, или другимъ *пророкомъ*. Онъ исполнилъ и всѣ предписанія закона: *беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (Псал. LIII, 9). Онъ исполнилъ законъ и въ томъ смыслѣ, что восполнилъ его, ибо Онъ въ полномъ совершенствѣ начерталъ то, чего законъ представлялъ одну тѣнь. Законъ сказалъ: *не убій*, а Христосъ: и не гнѣвайся напрасно. Такъ и живописецъ не изглаждаетъ начальнаго очертанія, но проясняетъ и дополняетъ его.

Слова: *дондеже прейдетъ небо и земля, іота едина, или едина черта не прейдетъ отъ закона, дондеже вся будутъ*, заключаютъ въ себѣ подтвержденіе того, что законъ не можетъ быть нарушенъ; скорѣе прейдетъ небо и земля, нежели законъ останется неисполненнымъ. *Іота* есть самая малая по начертанію буква Еврейскаго алфавита. *Чертою* (κεραία) раввины называли изгибъ, которымъ одна буква отличается отъ другой, сходной по начертанію.

Господь говоритъ далѣе: *иже аще разоритъ едину заповѣдій сихъ малыхъ и научитъ тако человѣки, мнїй наречется въ Царствіи Небеснѣмъ: а иже сотворитъ и научитъ, сей велїй наречется въ Царствіи Небеснѣмъ.*

Разоритъ, то есть превратнымъ толкованіемъ отниметъ силу у заповѣди, какъ это дѣлали Іудейскіе законоучители, и взирая на нее, какъ на маловажную, не сочтетъ за грѣхъ нарушить ее.

Едину заповѣдій сихъ малыхъ. Въ сихъ словахъ Господь имѣетъ въ виду образъ мыслей фарисеевъ. Фарисеи раздѣляли заповѣди нравственнаго закона на два класса: на заповѣди большія и малыя. Первыя называли *матерями*, послѣднія *дщерями*. О сихъ послѣднихъ говорили, что нарушеніе ихъ не составляетъ важнаго грѣха. Но между сими послѣдними, по своему ослѣпленію, поставляли такія правила, которыя относились къ сущности закона—къ любви, милостынѣ и правосудію (см. Матѳ. XXIII, 23). О сихъ-то послѣднихъ заповѣдяхъ говоритъ здѣсь Спаситель и ихъ-то называетъ малыми, малыми, впрочемъ, только по ложному понятію фарисейскому. Спаситель сказалъ какъбы такъ: если кто не будетъ признавать вполнѣ важности и тѣхъ заповѣдей, которыя, по мнѣнію фарисеевъ, маловажны; если кто не почтетъ преступнымъ ихъ нарушенія, тотъ меньшимъ будетъ въ Царствіи Небесномъ. Итакъ бесѣда Господа отъ общей рѣчи о законѣ и пророкахъ, или о Ветхомъ Завѣтѣ, начинаетъ склоняться уже къ ученію объ исполненіи въ особенности духовно-нравственныхъ предписаній Ветхаго Завѣта, какъ необходимомъ условіи для достиженія Царства Небеснаго.

Подъ *Царствомъ Небеснымъ* разумѣется, во-первыхъ, Царство благодати, то есть Церковь Христова на землѣ; ибо тотъ, кто, причисляя себя къ сонму христіанъ, учитъ противно спасительнымъ заповѣдямъ Божіимъ, долженъ быть отлученъ отъ Церкви. Во-вторыхъ, подъ Царствомъ Небеснымъ разумѣется Царство славы, или Церковь Божія, торжествующая на небѣ. Поелику благодать Божія терпитъ на землѣ смѣшеніе злыхъ съ добрыми, чтобы первые исправились отъ соединенія съ послѣдними, а послѣдніе восходили къ совершенству въ борьбѣ съ искушеніями, въ которыя вовлекаются первыми, то совершенное и рѣшительное отлученіе нарушителей закона правды будетъ состоять въ отчужденіи отъ Царства славы. Итакъ Господь учитъ, что разоряющіе, не только сами нарушающіе, но и другимъ внушающіе нарушить духовно-нравственныя предписанія закона Божія, хотя бы сіи предписанія казались маловажными, лишатся силъ и даровъ, принадлежащихъ сынамъ Царства Небеснаго; не принадлежа духомъ къ Царству благодати, они не внидутъ и въ Царство славы.

Мнїй наречется, т. е. будетъ. Слово—*мнїй* Спаситель употребилъ въ соотвѣтствіе съ предыдущимъ выраженіемъ—малыя заповѣди; но оно не означаетъ того, что учитель, разоряющій малыя заповѣди, останется въ Царствѣ Христовомъ, занимая только низшую сте-

пень блаженства. Когда Господь сказываетъ, что нарушающій, подобно фарисеямъ, нѣкоторыя заповѣди и научающій тому же другихъ, будетъ самымъ малымъ въ Царствѣ Божіемъ; то Онъ разумѣетъ, что этотъ человѣкъ навсегда будетъ удаленъ отъ Царства славы. «Когда ты слышишь слова: *меньшій въ Царствіи Небеснѣмъ*, говоритъ святый Златоустъ, то разумѣй подъ оными не иное что̀, какъ геенну или мученіе. Ибо возможно ли, чтобы тотъ, кто назоветъ брата своего глупымъ и нарушитъ одну заповѣдь, былъ ввергенъ въ геенну; а кто нарушитъ весь законъ и другихъ доведетъ до сего, будетъ находиться въ царствіи? Не это разумѣется здѣсь, но то, что таковый въ то время будетъ *меньшимъ*, т. е. отверженнымъ, послѣднимъ; а послѣдній, безъ сомнѣнія, ввергенъ будетъ тогда въ геенну».

На слова: *сотворитъ и научитъ*, блаженный Ѳеофилактъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: Господь «напередъ сказалъ: *сотворитъ*, а потомъ уже *научитъ:* ибо какъ мнѣ другого вести по пути, по которому самъ я не хаживалъ? Съ другой стороны, если я и творю, а не учу: не буду имѣть такой награды, а заслужу даже наказаніе, если не учу по зависти, или по лѣности.

Остается, наконецъ, раскрыть понятіе о *правдѣ фарисеевъ и книжниковъ*, съ которой *нельзя внити въ Царствіе Божіе*. Правда фарисеевъ и книжниковъ, дѣйствительно, не имѣла ни основанія, ни силы и направленія истинной, спасительной праведности. Основаніе спасительной праведности есть Христосъ Спаситель, въ Которомъ единомъ уже и въ Ветхомъ Завѣтѣ полагалось *благословеніе* (Быт. XXII, 18), и слѣдовательно освобожденіе отъ проклятія, или оправданіе предъ Богомъ. Но Іудейскіе учители, современные Христу, утратили истинное духовное понятіе объ обѣтованномъ Мессіи. При извращеніи понятія о Мессіи и Его благодати, на чемъ болѣе могла основаться правда представителей и вождей іудейства — книжниковъ и фарисеевъ? У нихъ не доставало уже самаго основанія истинной, спасительной правды, именно живой вѣры въ обѣтованнаго Христа, Царя благодати, пріемлемой вѣрой. А извративъ основаніе истинной правды, учители іудейства стали понимать и самыя предписанія закона и внушенія пророковъ, не какъ внушенія и заповѣди спасающей въ грядущемъ Христѣ любви Божіей, которой должна послѣдовать и предаваться послушная вѣра, и которая такой вѣрѣ продусвояла и въ Ветхомъ Завѣтѣ благодатную правду; но стали понимать какъ такія требованія Божіи, исполненіе которыхъ составляло, по ихъ мнѣнію, заслугу предъ Богомъ, которой и приписывалась спасительная и оправдательная сила, безъ нужды во Христѣ и Его благодати. Отсюда, вмѣсто *Божіей правды*, у Іудеевъ и особенно у вождей ихъ, книжниковъ и фарисеевъ, произошла правда своя, поставляемая ими съ самомнѣніемъ и самоувѣренностью, какъ-бы одоленіе, дѣлаемое ими Самому Господу—Законодателю (Римлян. X, 3). Такъ извратилось у фарисеевъ и самое направленіе истинной праведности. Правда ихъ стала надменная, безъ духа смиренія и кроткой любви, и слѣдовательно правда болѣе или менѣе наружная, или состоящая только во внѣшнихъ добрыхъ дѣлахъ, безъ внутренней доброты. Съ такой правдой свойственно было скорѣе возстать противъ истинно-оправдывающей Божіей благодати, усвояемой чрезъ послушаніе вѣры, нежели узнать и принять оную съ покорностью. Такъ и случилось съ большей частью Іудеевъ, подъ руководствомъ ихъ на-

ставниковъ. Наружная правда, при самодовольствѣ и гордости, естественно превращалась въ одну личину, подъ которою могли гнѣздиться въ сердцѣ самые низкіе пороки и страсти, въ чемъ Спаситель и обличаетъ книжниковъ и фарисеевъ (см. Матѳ. XXIII, 13 — 28). Они подавали милостыню, строго соблюдали посты, долго молились. Но, дѣлая наружно добро другимъ, они въ глубинѣ души питали зависть, ненависть, злобу, осуждали другихъ, явно называли многихъ грѣшниками, и при каждомъ добромъ дѣлѣ ставили главною цѣлью не Бога, а себя, старались пріобрѣсть у людей честь себѣ, и чрезъ то восхищали себѣ славу, приличную одному Богу. Итакъ очевидно, какъ свѣтъ солнца, что аще не избудетъ правда наша паче правды книжниковъ и фарисеевъ, не войдемъ въ Царство Небесное; надобно въ корнѣ измѣнить подобное направленіе правды, чтобы достигнуть спасенія.

Такимъ образомъ общій смыслъ разсмотрѣнныхъ словъ Христовыхъ слѣдующій: «вы ревнуете», какъ-бы такъ Христосъ говорилъ Іудеямъ, «ревнуете о законѣ и пророкахъ, трепеща за каждую ихъ букву, какъ научили васъ руководители ваши — книжники и фарисеи. Знайте, что Я для того и пришелъ, чтобы осуществить, раскрыть, утвердить всю силу закона и пророковъ, показать истинный смыслъ и духъ Ветхаго Завѣта. Небо и земля скорѣе прейдутъ, нежели одна живая и животворная черта въ откровеніи слова Божія можетъ прейти безъ свойственнаго ей исполненія, или утратить обязательную живительную для вѣры силу. Ваши наставники говорятъ, что есть и неважныя заповѣди Божіи; но Я говорю, что унижающій и одну изъ сихъ мнимоневажныхъ заповѣдей и научающій другихъ тому же, будетъ и самъ столько униженъ въ отношеніи къ Царствію Небесному, что не войдетъ въ оное. Только тотъ, для кого священно-важны и непреложно-обязательны всѣ заповѣди Слова Божія, кто сіе доказываетъ собственною жизнью чрезъ исполненіе всѣхъ заповѣдей Божіихъ и то же внушаетъ другимъ чрезъ ученіе, только такой руководитель великъ въ отношеніи къ Царству Небесному; онъ и самъ войдетъ и руководимыхъ имъ приведетъ въ Царство Небесное. Что̀ касается до правды книжниковъ вашихъ и фарисеевъ, гордой, наружной, лицемѣрной, то у этой правды нѣтъ ни основанія, ни направленія истинной правды. Съ такою правдою не войдете въ Царство Божіе при всей вашей ревности къ законной буквѣ, ревности, внушенной вамъ книжниками и фарисеями. Итакъ, если ищете Царства Небеснаго или спасенія, вамъ нужно въ самомъ корнѣ измѣнить направленіе вашей добродѣтели, или того дѣла, которымъ вы устрояете спасеніе; надобно оставить фарисейскій духъ, останавливающійся только на мертвыхъ письмахъ живаго слова Божія, на одной внѣшности образовъ, и превозносящійся исполненіемъ законныхъ дѣлъ, какъ великой заслугой предъ Богомъ и великимъ превосходствомъ предъ другими людьми». Таковъ общій смыслъ разсмотрѣнныхъ выше словъ Христовыхъ!

Приступимъ теперь къ разсмотрѣнію ученія Христова о заповѣдяхъ правды.

О ЗАПОВѢДИ: НЕ УБІЙ.

Слышасте, яко речено бысть древнимъ: не убіеши: иже бо аще убіетъ, повиненъ есть суду. Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ гнѣваяйся на брата своего всуе, повиненъ есть суду: иже бо аще речетъ брату своему, рака: повиненъ есть сонмищу: а иже аще речетъ, уроде: повиненъ есть геенѣ

огненнѣй. Аще бо принесеши даръ твой ко олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой. Буди увѣщаваяся съ соперникомъ твоимъ скоро, дондеже еси на пути съ нимъ, да не предастъ тебе соперникъ судіи, и судія тя предастъ слузѣ, и въ темницу ввержень будеши. Аминъ глаголю тебѣ: не изыдеши оттуду, дондеже воздаси послѣдній кодрантъ (21—26).

Речено бысть древнимъ: не убіеши. И это было достаточно для древнихъ; ибо они, по свидѣтельству самого слова Божія (Галат. IV, 13), были въ состояніи младости, подобномъ дѣтскому возрасту человѣческой жизни; а человѣка въ этомъ состояніи и возрастѣ, въ которомъ мысль и расположеніе немедленно по своемъ внутреннемъ возбужденіи стремится къ внѣшнему обнаруженію, довольно удержать отъ самаго обнаруженія вспыхнувшаго въ немъ гнѣва и ненависти къ ближнему, — и онъ незамѣтно возстановитъ въ себѣ должную къ нему любовь. Если бы, напримѣръ, Каинъ, который тотчасъ по возбужденіи зависти къ брату сталъ мраченъ и поникъ взоромъ, удержался отъ дальнѣйшаго ужаснѣйшаго обнаруженія своего человѣкоубійственнаго чувства (отъ чего и удерживалъ его Самъ Господь), то онъ возвратилъ бы въ свое сердце брата. Исавъ, по такому же ненавистному движенію рѣшась умертвить брата, но не будучи допущенъ до сего удаленіемъ Іакова въ иную страну, впослѣдствіи съ распростертыми объятіями и слезами искренней братской любви встрѣтилъ того же самаго Іакова (Быт. XXXIII, 4). Посему на все продолженіе состоянія человѣчества, подобнаго состоянію *младости*, и данъ законъ собственно противъ обнаруженія, и притомъ всецѣлаго обнаруженія гнѣва и ненависти, противъ убійства; ибо съ полнымъ соблюденіемъ сего закона въ человѣкѣ соединялось исполненіе и духовной заповѣди о ненарушимости сердечной любви къ ближнему. Время Христово и свойства Іудеевъ сего времени уже были инаковы. Теперь фарисей, не совершая убійства по закону, могъ, дозволять себѣ въ сердцѣ питать злобу, зависть, мстительность, и при всемъ этомъ мечтать еще о законной своей праведности, какъ не нарушившій буквы закона: *не убій.* Это было уже совершеннымъ извращеніемъ существа и истиннаго направленія заповѣди закона. И такъ для того самаго, чтобы законъ не былъ извращенъ и забытъ въ своемъ существѣ, а, напротивъ, остался въ своемъ первоначальномъ значеніи и силѣ, чтобы, то есть, *не разорити, а исполнити законъ,* Господь съ властію верховнаго Законодателя глаголетъ уже не такъ, какъ речено бысть древнимъ и какъ доселѣ гласила буква закона, далѣе которой не проникали Іудеи, и законополагаетъ заповѣдь духовной правды прямо и вполнѣ въ ея существѣ и силѣ, — заповѣдь, чтобы любовь и миръ въ отношеніи къ ближнимъ не были нарушаемы ни словомъ, ни даже движеніемъ сердечнымъ. *Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ гнѣваяйся на брата своего всуе, повиненъ есть суду: иже бо аще речетъ брату своему рака, повиненъ есть сонмищу,* и проч.

Но между тѣмъ какъ при утвержденіи существа и силы закона о ненарушимости любви къ ближнему Христосъ не стѣсняется не только общимъ, или господствующимъ направленіемъ іудейства, но и самою буквой Писанія,—въ образѣ изложенія и раскрытія сего закона Онъ снисходитъ къ пріем-

лемости Іудеевъ. Ибо о разныхъ степеняхъ какъ нарушенія сего закона, такъ и наказанія за сіе нарушеніе, Онъ говоритъ не просто, раскрывая только общія духовно-нравственныя понятія, но представляя нарушителей духовнаго закона какъ-бы отвѣтчиками предъ внѣшними судами, извѣстными у Іудеевъ, и притомъ указуя только частные, болѣе обычные случаи нарушенія сего закона (22). Равнымъ образомъ и убѣжденіе къ возможно-тщательному исполненію сего самаго закона любви и мира Господь предлагаетъ такимъ образомъ, что указуетъ также на частный случай жертвоприношенія, совершаемаго не въ мирѣ съ ближнимъ, и обратно представляетъ немиролюбиваго человѣка должникомъ своего ближняго, находящимся съ нимъ уже на пути къ судіѣ и подвергающимся опасности заключенія тюремнаго даже за одну полушку долга (23—26). Разсмотримъ все это сначала въ подробностяхъ, а потомъ изложимъ общій смыслъ всего мѣста.

Степени нарушенія закона любви и мира въ отношеніи къ ближнему указаны въ бесѣдѣ Христовой три слѣдующія: гнѣвъ на ближняго, допускаемый *всуе;* потомъ поношеніе ближняго словомъ *рака* (пустой человѣкъ), наконецъ презрительное названіе ближняго *уродомъ*. Итакъ первая степень нарушенія закона *не убіеши,* понимаемаго въ своемъ духовномъ существѣ, есть гнѣвъ, сокрытый въ душѣ и не выражаемый ни словомъ, ни дѣломъ. Не всякій, гнѣвающійся на другого, подвергается въ настоящемъ мѣстѣ осужденію, но только тотъ, кто гнѣвается *всуе,* чей гнѣвъ не основывается на любви къ истинѣ и добродѣтели. Гнѣвъ означаетъ преимущественно слѣпую страсть, не управляемую разсудкомъ. Вторая степень нарушенія заповѣди: *не убіеши* состоитъ въ томъ, когда кто скажетъ другому: *рака.* Слово *рака* говоритъ святый Златоустъ, не составляетъ большой обиды; оно выражаетъ только нѣкоторое неуваженіе къ другому. У Сиріянъ, изъ языка которыхъ взято сіе слово, оно было браннымъ словомъ, которое, впрочемъ, по весьма обыкновенному употребленію своему, не выражало частныхъ недостатковъ того, къ кому относилось, но только означало неспокойное состояніе души того, кто произносилъ его, и служило выраженіемъ гнѣва. Итакъ вторая степень преступленія, осуждаемаго Спасителемъ, состоитъ въ томъ, когда человѣкъ не удерживаетъ гнѣва въ себѣ, но выражаетъ его словами, съ смущеннымъ тономъ. Третья степень нарушенія заповѣди: *не убіеши,* состоитъ въ томъ, когда кто говоритъ другому: *уроде.* Сіе названіе, по точнѣйшему преложенію подлинной Евангельской рѣчи, значитъ собственно: глупый; но какъ мудрость у древнихъ означала не столько просвѣщенный умъ, сколько благочестивую жизнь, такъ глупостью называлось нечестіе. Посему словомъ *уроде* указывается на нравственные недостатки; и слѣдовательно, кто называетъ другого симъ именемъ, тотъ, осуждая его, обнаруживаетъ злое расположеніе и презрѣніе къ нему. Итакъ съ сей степенью гнѣва, соединяется осужденіе, злость, гордость.

Во всѣхъ исчисленныхъ случаяхъ разумѣется такое состояніе души, въ которомъ мы удовлетворяемъ своему самолюбію, не заботясь о благѣ другого. Въ первомъ случаѣ гнѣваемся напрасно, когда или только по неосновательному подозрѣнію, или по ложной клеветѣ, или по одной неосторожности ближняго, или даже за прямодушіе и другія, могущія оскорбить самолюбіе наше, добрыя качества ближняго, прерываемъ любовь къ нему.

Когда сей неосновательный гнѣвъ выражаемъ языкомъ, показывая и словами и тономъ голоса, что оскорбленіе, нанесенное намъ, очень тяжко для насъ; то хотя бы мы не унижали брата постыдными словами, уже смущаемъ его сердце и самую совѣсть, если онъ не думалъ оскорбить насъ, или оскорбилъ ненамѣренно. Когда же гнѣвъ нашъ восходитъ до такой степени, что мы не стыдимся поносить другихъ, т. е. обличать брата въ слабостяхъ, выказывать къ нему презрѣніе, соединенное съ враждебнымъ расположеніемъ, то это значитъ сказать ему: *уроде*. Итакъ общая черта всѣхъ сихъ степеней гнѣва есть та, что предающійся оному, такъ или иначе терзаетъ душу и честь ближняго изъ угожденія своему самолюбію. Такой гнѣвъ и такія его обнаруженія, очевидно, относятся къ движеніямъ и выраженіямъ человѣкоубійственнаго расположенія духа нелюбви и ненависти къ ближнему, и потому самому составляютъ разные виды и степени нарушенія заповѣди: *не убій*.

Съ другой стороны, изъ самаго существа сей же заповѣди: *не убій*, какъ раскрываетъ оную Спаситель, прямо и ясно слѣдуетъ, что нельзя почесть нарушеніемъ оной того гнѣва на какого либо ближняго, который происходитъ отъ усмотрѣнія, что онъ теряетъ вѣчное блаженство, или желаетъ насъ лишить сего блаженства, когда, напримѣръ, ближній какимъ бы то ни было образомъ влечетъ насъ ко грѣху, когда онъ въ присутствіи нашемъ дерзаетъ оскорблять величіе Творца, не слушая совѣтовъ и убѣжденій другихъ. Такой гнѣвъ, какъ благородное движеніе духа, ревнующаго о томъ, чтобы ближній былъ и самъ духовно живъ, и въ другихъ не убивалъ жизни духовной, есть истинное исполненіе закона: *не убій*. «Но если кто гнѣвается справедливо», говоритъ блаженный Ѳеофилактъ, «для вразумленія и по духовной ревности, тотъ не будетъ осужденъ». Въ семъ случаѣ гнѣвъ бываетъ плодомъ благоговѣнія къ славѣ Божіей, глубокаго желанія вѣчнаго блаженства себѣ и другимъ, и ни что̀ иное есть, какъ выраженіе духовной ревности, того огня пламенной любви къ Богу и ближнимъ, который постоянно согрѣваетъ сердце благочестивыхъ, и который стремится истребить грѣхъ и въ другихъ. Сей-то гнѣвъ былъ по временамъ въ Спасителѣ и Его ученикахъ (сл. Марк. III, 5). Онъ побуждалъ Господа называть фарисеевъ *буіими* (μωρούς), словомъ, которое въ нагорной проповѣди переведено: *уроде*. Но что̀ былъ сей гнѣвъ, если не движеніе и выраженіе Божественной любви, желавшей вразумить ослѣпленныхъ и сдѣлать ихъ способными къ принятію благодати? Сего рода гнѣвъ былъ и въ первомученикѣ Стефанѣ, который говорилъ первосвященникамъ и книжникамъ: *вы присно Духу Святому противитеся, якоже отцы ваши, тако и вы*. Онъ былъ въ сердцѣ Павла, который назвалъ предсѣдателя Іудейскаго судилища стѣною повапленною. Имъ воспламененъ былъ святый Николай, когда въ собраніи епископовъ ударилъ нечестиваго Арія по ланитѣ за его богохульство. Онъ можетъ горѣть въ каждомъ вѣрующемъ. Только не каждый вѣрующій можетъ отличить его отъ грѣховнаго гнѣва. Гнѣвается и суевѣръ, повидимому, за славу Божію, за вѣчное блаженство свое, за спасеніе другихъ; но гнѣвъ его есть убійство, потому что главная причина гнѣва сего есть не чистая разумная ревность къ славѣ Божіей, но самолюбіе, прикрытое личиной ложной набожности. Апостолъ Павелъ не осуждаетъ гнѣва и въ христіанахъ, но

только требуетъ, чтобы гнѣвъ ихъ былъ безгрѣшенъ (Ефес. IV, 26).

Что̀ касается степеней наказанія, которымъ Спаситель угрожаетъ за гнѣвъ или за нарушеніе заповѣди о любви и мирѣ съ ближнимъ, то степени сего наказанія различны по различію гнѣва. Они суть—повинность суду, повинность предъ сонмищемъ или верховнымъ судилищемъ и, наконецъ, повинность гееннѐ огненной. Для объясненія сихъ степеней наказанія надобно обратить вниманіе на судопроизводство, бывшее у Іудеевъ относительно преступниковъ закона *не убіеши*. Моусей дозволилъ мстить за кровь убитаго, и убійца подвергался смерти отъ родственниковъ убитаго; но впослѣдствіи правители Іудейскаго народа предоставили дѣло убійцы суду, и чтобы предотвратить Іудеевъ отъ мщенія, сдѣлали прибавленіе къ заповѣди Моусея: *убійца подлежитъ суду*. Поелику же въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ упоминается не только о судѣ, но еще о сонмищѣ (τῷ συνεδρίῳ), которое, по постепенному усиленію мыслей Спасителя, означаетъ высшее правительственное мѣсто; то надобно имѣть въ виду и самое раздѣленіе Іудейскихъ судовъ. У Іудеевъ, по сказанію раввиновъ, въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ находилось менѣе 120 человѣкъ, устроены были судилища, состоявшія изъ 3-хъ мужей; но въ сихъ судилищахъ рѣшались только тѣ преступленія, за которыя взыскивалась денежная пеня. Слѣдовательно, сего суда нельзя разумѣть въ заповѣди: *не убіеши*, нарушители которой подлежали смертной казни. Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ было болѣе 120-ти человѣкъ, находились судилища, состоявшія изъ 23 членовъ. Здѣсь разсматривались уголовныя преступленія, какъ напримѣръ человѣкоубійство, хотя судебныя рѣшенія приводились въ исполненіе не иначе, какъ съ утвержденія синедріона. Сей-то судъ разумѣется въ словахъ: *иже бо аще убіетъ, повиненъ есть суду*. Главнымъ же судилищемъ былъ синедріонъ, въ которомъ засѣдали 72 члена. Здѣсь разсматривались самыя важныя дѣла, разсуждаемо было о войнѣ, о мирѣ, о ложныхъ пророкахъ. По мѣрѣ важности судебныхъ мѣстъ, предоставлялось имъ употреблять и наказанія, одни другихъ бо́льшія. Мечъ, для наказанія *убійцъ* смертью, предоставленъ былъ судилищу изъ 23 членовъ. Верховное судилище, синедріонъ, побивалъ богохульниковъ и ложныхъ пророковъ камнями. Но употреблялась еще третья, высшая степень смертной казни, сожженіе огнемъ. Въ отношеніи къ сей послѣдней казни особенно замѣчательна извѣстная долина близъ Іерусалима, принадлежавшая сынамъ Енномовымъ, и потому носившая имя долины Еннома. До временъ царя Іосіи на сей долинѣ Іудеи совершали служеніе Молоху, приносили въ жертву дѣтей, сожигая ихъ на огнѣ, или проводя чрезъ огонь; посему на ней курился огонь. Дабы сдѣлать сію долину предметомъ общаго отвращенія, благочестивый Іосія повелѣлъ бросать туда мертвые трупы, не удостоенные погребенія. Тамъ для предотвращенія язвы, которая могла родиться отъ смердящихъ испареній гніющихъ труповъ, былъ возжигаемъ также огонь для сожженія ихъ. Такимъ образомъ сіе мѣсто возбуждало отвращеніе и ужасъ въ зрителяхъ, и потому было весьма выразительнымъ образомъ мѣста вѣчныхъ мученій, которое посему и получило названіе *геенны*, принадлежавшее этой ужасной долинѣ. Доказательствомъ того, что слово геенна, въ настоящей бесѣдѣ Христовой, означаетъ дѣйствительно мѣсто нескончаемыхъ или вѣчныхъ мученій, служатъ слѣдующія слова Самого Христа о гееннѐ: *идѣже*

червь ихъ не умираетъ, и огнь не угасаетъ (Матѳ. IX, 44, 46, 48). Итакъ, по словамъ Христовымъ, даже за сердечныя движенія одного суетнаго гнѣва человѣкъ подлежитъ не менѣе тяжкому суду и наказанію, какъ у Іудеевъ подлежалъ самый убійца; а за выраженіе суетнаго гнѣва въ неспокойномъ и неуважительномъ словѣ о ближнемъ, онъ подвергается отвѣтственности, подобной той, какой подвергался виновный предъ верховнымъ судилищемъ, на которомъ осуждались богохульники и лжепророки; за злобное же и презрительное поношеніе ближняго человѣка заслуживаетъ геенскаго огня вѣчныхъ мученій, котораго только образомъ или тѣнью былъ курящійся огонь въ долинѣ Енномъ.

Значеніе вѣчныхъ мученій, принадлежащее слову—*геенна*, ведетъ къ правильному разумѣнію и первыхъ двухъ наказаній. Ибо когда геенна, въ бесѣдѣ Христовой, прямо означаетъ мѣсто и огонь вѣчной муки; то и другія судилища земной жизни, исчисляемыя наряду съ геенной, служатъ, въ словахъ Его, также образомъ духовныхъ будущихъ наказаній. И въ самомъ дѣлѣ, когда гнѣвъ не выражается ни словомъ, ни дѣломъ, то онъ не можетъ и подлежать земному суду; его можетъ видѣть и наказывать только Судія Небесный. Правда, для насъ сокрыты тайны будущей жизни, мы не можемъ со всею ясностью показать, чему соотвѣтствуютъ исчисленныя Господомъ наказанія. Но если подъ геенной разумѣются вѣчныя мученія, то сонмище или верховное судилище можетъ означать послѣдній всемірный судъ, на которомъ грѣшники понесутъ наказаніе отъ страха при взорѣ на величіе Судіи, и о которомъ самое представленіе должно приносить тяжкое мученіе грѣшнику еще въ сей жизни и особенно по смерти, до всеобщаго воскресенія. *Судъ* же можетъ означать частный судъ по смерти каждаго, или такъ называемыя мытарства, въ которыхъ грѣшникъ подвергнется мучительному истязанію за всѣ мысли и движенія сердца, не согласныя съ закономъ Божіимъ.

Таковы наказанія, опредѣленныя вѣчнымъ правосудіемъ за самыя малыя преступленія, отъ которыхъ никто не свободенъ и которыя мы едва почитаемъ грѣхами. «Но смотри», говоритъ святый Златоустъ, «какъ постепенно Господь переходитъ отъ малыхъ наказаній къ бо́льшимъ, и тѣмъ какъ-бы защищаетъ Себя предъ тобою, показывая, что Онъ Самъ вовсе не хотѣлъ бы употреблять подобныхъ угрозъ, но что мы сами заставляемъ Его произносить такіе приговоры. Я сказалъ тебѣ, говоритъ Онъ: не гнѣвайся напрасно, ибо повиненъ будешь суду. Ты пренебрегъ этимъ, смотри же, что̀ породилъ гнѣвъ твой: онъ тотчасъ заставилъ тебя поносить другаго. Ты сказалъ брату своему: рака. За это Я подвергъ тебя другому наказанію—суду сонмища. Но если ты, презрѣвъ и сіе, прострешь далѣе свою наглость; то Я не стану болѣе налагать на тебя сихъ умѣренныхъ наказаній, но подвергну тебя вѣчному огню геенскому, дабы ты, наконецъ, не покусился и на убійство. Ибо ничто, ничто не бываетъ такъ несносно, какъ ругательство, ничто столь не угрызаетъ душу человѣческую; а чѣмъ язвительнѣе слова обидныя, тѣмъ сильнѣйшій возгарается огонь. Итакъ не почитай за маловажное называть другаго уродомъ (безумнымъ). Ибо, отнимая у брата своего то, чѣмъ мы отличаемся отъ безсловесныхъ, и что̀ преимущественно содѣлываетъ насъ человѣками, т. е. умъ и разсудокъ, ты чрезъ это лишаешь его всякаго благородства. Итакъ не на слова только мы должны обращать вниманіе, но и на самое дѣло и на страсть,

представляя то, какой ударъ можетъ нанести слово, и какое причинить зло. Посему и Апостолъ Павелъ изгоняетъ изъ Царствія Небеснаго не только прелюбодѣевъ и блудниковъ, но и *досадителей*. И весьма справедливо. Ибо поноситель разоряетъ благо, созидаемое любовью, подвергаетъ ближняго безчисленнымъ бѣдствіямъ, производитъ непрестанныя вражды, разрываетъ члены Христовы, ежедневно изгоняетъ любезный Богу миръ, своими ругательствами уготовляетъ діаволу просторное жилище и дѣлаетъ его сильнѣйшимъ. Посему и Христосъ поставилъ сей законъ, дабы ослабить крѣпость его; ибо Онъ великое попеченіе имѣетъ о любви, потому что любовь есть мать всѣхъ благъ и отличительный признакъ Его учениковъ; она одна содержитъ въ себѣ всѣ совершенства, человѣку сродныя».

Подобнымъ образомъ отвѣтствуетъ блаженный Ѳеофилактъ на вопросъ о строгости наказаній, опредѣленныхъ Господомъ.

Перейдемъ теперь къ изъясненію и самаго, предлагаемаго Христомъ, убѣжденія къ исполненію раскрытаго выше закона любви и мира въ отношеніи къ ближнему. Въ убѣжденіе къ сему Спаситель сначала указываетъ на жертвоприношеніе, совершаемое не въ мирѣ съ ближнимъ. Онъ при семъ имѣетъ въ виду опять поступки Своего времени. Необузданная мстительность господствовала и въ общественной, и въ частной жизни Іудеевъ, а фарисейское благочестіе думало освободиться отъ строгости нравственнаго закона точностью въ исполненіи обрядовыхъ учрежденій и преданій (Матѳ. XV, 7—9, 9—13). Что же говоритъ Господь? Онъ беретъ во вниманіе назначенное для угожденія Богу учрежденіе—жертвоприношеніе и находитъ оное неблагоугоднымъ Богу, безъ мира съ ближнимъ. *Аще принесеши даръ твой ко олтарю и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ: и тогда пришедъ принеси даръ твой.*

Сіи слова Спасителя должны были произвести глубокое впечатлѣніе на Іудеевъ. Они представляютъ Іудея въ такомъ положеніи, или въ то время, когда онъ принесъ уже свою жертву въ притворѣ храма и ожидалъ, когда священникъ приметъ ее, чтобы заклать и возложить на жертвенникъ. Въ эту минуту, когда Іудей думалъ пріобрѣсти благоволеніе Божіе, онъ долженъ былъ видѣть, что для Бога миръ съ ближними дороже всякой жертвы, что для примиренія съ братомъ надобно прервать самое Богослуженіе, иначе оно будетъ не только не угодно, но и оскорбительно для Бога (слич. VI, 14. Марк. XI, 25. 1 Тимоѳ. II, 8). Таково значеніе словъ Христовыхъ по отношенію къ первымъ Его слушателямъ, каковы были Іудеи. Но поелику Господь даетъ законы Новаго Завѣта и о самомъ дѣйствіи принесенія дара къ жертвеннику говоритъ безъ указанія какихъ либо особенностей собственно *съновнаго* Богослуженія; то должно относить разсматриваемое наставленіе Господа и къ христіанскому Богослуженію. Посему, что здѣсь говорится о жертвѣ, то уже въ первыхъ столѣтіяхъ христіанства разумѣли въ особенности о таинствѣ Евхаристіи; и изъ сего произошло святое правило, чтобы вѣрующіе предъ пріобщеніемъ Святыхъ Таинъ примирились съ ближними лобзаніемъ святымъ.

Помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя. Ближній можетъ гнѣваться за нанесенное ему оскорбленіе, или по какому либо только подозрѣнію,

или по неудовлетворенію его самолюбію. Во всякомъ случаѣ нашъ долгъ—заботиться о пріобрѣтеніи сего сердца. Даже и тогда, когда безъ всякаго повода съ нашей стороны, онъ самъ оскорбилъ насъ, мы должны искать мира съ нимъ. Въ другихъ мѣстахъ Священнаго Писанія предписывается вообще мириться съ тѣми, на кого имѣемъ что-нибудь, или съ кѣмъ у насъ нѣтъ мира (Матѳ. VI, 14. Марк. XI, 25. 1 Тимоѳ. II, 8). А въ молитвахъ Святой Церкви, читаемыхъ предъ пріобщеніемъ Святыхъ Таинъ, дается слѣдующая заповѣдь: *первѣе примирися тя опечалившимъ*, то есть примирись не только съ тѣми, которыхъ ты оскорбилъ, но даже съ тѣми, которые оскорбили тебя самого. Подобнымъ образомъ объясняетъ слова Христовы и блаженный Ѳеофилактъ: «къ словамъ: *аще братъ твой имать нѣчто на тя* не присовокупилъ еще ничего: то есть, справедливо или не справедливо имать онъ, примирись. Притомъ не сказалъ: если ты имѣешь что либо противъ него, но: если онъ имѣетъ нѣчто на тя, постарайся примирить его съ собою».

Остави ту даръ твой предъ олтаремъ и шедъ прежде смирися. Слово—*смирися*—употребляется для означенія взаимнаго примиренія двухъ лицъ между собою (1 Коринѳ. VII, 11). «Богъ отказывается и отъ собственной чести», замѣчаетъ на сіе мѣсто тотъ же блаженный Ѳеофилактъ, «лишь бы мы хранили любовь... А даръ повелѣваетъ оставить для того, чтобы поставить тебя въ необходимость къ примиренію; ибо если при семъ пожелаешь принести даръ твой, то по необходимости долженъ будешь примириться. Но съ симъ вмѣстѣ и то показываетъ, что любовь есть истинная жертва».

И тогда пришедъ принеси даръ твой. Жертвы не должно оставлять; ее надобно принести послѣ; и тогда она будетъ пріятна Богу. Конечно, не всегда можно исполнить разсматриваемое наставленіе Господа въ буквальномъ смыслѣ. Посему древніе толковники справедливо замѣчаютъ, что въ случаѣ невозможности поступать буквально по наставленію Господа, должно отходить отъ жертвенника для примиренія не ногами, но сердцемъ. Спасительно и богоугодно просить прощенія у другихъ самымъ дѣломъ. Но когда, напримѣръ, отдаленность разстоянія и т. п. не дозволяютъ исполнить буквально заповѣдь Спасителя, тогда довольно внутренняго примиренія. Самъ Господь въ другомъ мѣстѣ требуетъ, чтобы мы отпускали другимъ прегрѣшенія во время молитвы, разумѣя, очевидно, отпущеніе въ сердцѣ (Марк. XI, 23).

Далѣе, въ убѣжденіе къ соблюденію той же заповѣди о любви и мирѣ съ ближнимъ, Господь представляетъ человѣка немиролюбиваго должникомъ ближняго, находящимся съ нимъ уже на пути къ судіи, который не выпуститъ виновнаго изъ темницы, до уплаты послѣдней полушки долга: *буди увѣщаваяся съ соперникомъ твоимъ скоро, дондеже еси на пути съ нимъ, да не предастъ тебе соперникъ судіи, и судія тя предастъ слузѣ, и въ темницу вверженъ будеши. Аминь глаголю тебѣ: не изыдеши оттуду, дондеже воздаси послѣдній кодрантъ.* Рѣчь, очевидно, приточная! Образъ взятъ, какъ можно примѣтить, изъ Римскаго судопроизводства, которому въ тяжебныхъ дѣлахъ должны были подлежать и Іудеи, современные Христу. По Римскимъ законамъ, посредники старались сначала дома примирить ссорящихся, и если не успѣвали, истецъ требовалъ, чтобы виновный шелъ вмѣстѣ съ нимъ къ претору. Когда побуждаемый не соглашался идти, то истецъ влекъ его

силою. У судьи—претора не было уже пощады виновному, или неисправному должнику. Въ положеніи сего должника, пока еще онъ на пути къ судіи, представляется человѣкъ немирный съ ближнимъ. Разрѣшимъ черты сего образа, или притчи на точныя мысли, какія выражены въ словахъ Христовыхъ.

Путь къ судіи есть образъ жизни временной, которая уже въ Ветхомъ Завѣтѣ называется путемъ всѣхъ людей (3 Царств. II, 2. Іов. XVI, 22). *Судіей*, какъ и царемъ, въ Священномъ Писаніи часто и весьма естественно представляется Господь Богъ; ибо судебная и особенно верховно-судебная или царская власть есть отблескъ власти Божіей. *Въ служителяхъ*, которые исполняютъ повелѣніе судіи, мы видимъ также образъ, имѣющій духовное значеніе. Въ притчѣ о плевелахъ Спаситель называетъ жателями Ангеловъ. Тамъ, гдѣ Онъ говоритъ о послѣднемъ судѣ міра, Ангелы опять представляются служителями всемірнаго Судіи (Матѳ. XIII, 39, 49; XXIV, 31). Подъ *соперникомъ*, какъ довольно ясно открывается изъ словъ Спасителя разумѣется человѣкъ оскорбленный нами. Подъ образомъ *темницы* въ Священномъ Писаніи нерѣдко разумѣется мѣсто вѣчныхъ мученій (1 Петр. III, 19. Апокалипс. XX, 7. 2 Петр. II, 4, 9. Іуд. I, 6). Спаситель, присовокупляя, что виновный не выйдетъ изъ темницы, доколѣ не отдастъ послѣдняго кодранта, указываетъ на непремѣнность сего наказанія; *ибо самъ собою никто не дастъ Богу измѣны за ся и цѣну избавленія души своея* (Псал. XLVIII, 8—9). Въ притчѣ о должникѣ повѣствуется, что царь повелѣлъ бросить его въ темницу, доколѣ онъ не отдастъ своего долга (Матѳ. XVIII, 34). Но должникъ не въ состояніи былъ уплатить его (25).

Такимъ образомъ общій смыслъ всего мѣста есть слѣдующій: «и одни сердечныя движенія несправедливаго гнѣва имѣютъ уже силу и виновность, какія Іудеями приписывались убійству: по выходѣ человѣка изъ настоящей жизни, когда будутъ душу его истязывать на предварительномъ частномъ судѣ, горько напомнятся ему всѣ эти грѣхи внутренняго человѣкоубійства. Что же касается до выраженія суетнаго гнѣва въ неспокойныхъ словахъ, въ худыхъ отзывахъ о ближнемъ,—за подобное униженіе образа Божія, по которому человѣкъ созданъ, виновный подлежитъ такой отвѣтственности, какой Іудеи подвергаютъ только богохульниковъ и имъ подобныхъ оскорбителей святыни: на всемірномъ страшномъ судѣ это почувствуетъ и на опытѣ дознаетъ порицатель ближняго. А гордо-презрительное и злобное слово о ближнемъ есть вина, достойная прямо вѣчной смерти; виновные въ сихъ грѣхахъ и не очистившіеся покаяніемъ составляютъ вѣрную и вѣчную добычу огня геенскаго. Таковъ судъ правды Божіей о нарушеніи любви и мира съ ближнимъ, если виновный не позаботится сколь возможно скорѣе и искреннѣе возстановить любовь и миръ съ ближнимъ! Не думай, чтобы молитва, соединяемая съ дарами и жертвами Богу, могла уменьшить виновность немирныхъ отношеній къ ближнимъ. Напротивъ, гнѣвъ и злоба, особенно выражаемыя вовнѣ, испортятъ самую молитву и сдѣлаютъ всѣ дары предъ Богомъ неблагоугодными. И потому, даже начавъ молитвенное жертвоприношеніе и вспомнивъ о своемъ долгѣ предъ ближнимъ, который тобою оскорбленъ и на тебя сѣтуетъ, прекрати начатое, поспѣши къ ближнему; если не можешь ногами, то—сердцемъ, и чрезъ искреннее съ нимъ примиреніе освободись отъ своего долга. Такъ, пока находишься еще

на пути къ вѣчному, нелицепріятному праведному Судіи, пока дана тебѣ возможность развязывать всѣ узлы недоумѣній и ссоръ съ ближнимъ, пользуйся симъ временемъ, которое ежеминутно можетъ прекратиться; сколько возможно съ твоей стороны, имѣй искренній миръ со всѣми. Иначе окажешься предъ Судіей неоплатнымъ должникомъ и останешься на вѣки въ адской темницѣ. Небо и земля прейдутъ, а слова правды Божіей не прейдутъ ни въ одной істѣ или чертѣ (Прав. Собес. 1855 г., стр. 199—218. 224—240. 242—251).

Слово о гнѣвѣ человѣческомъ.

Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ, гнѣваяйся на брата всуе, повиненъ есть суду (Мате. V, 22). Въ нагорной бесѣдѣ Господь предостерегаетъ отъ разныхъ ложныхъ мыслей, которыя внушаемы были Іудейскому народу фарисеями. Въ числѣ такихъ несправедливыхъ мыслей была мысль, что будто довольно исполнить буквально требованіе закона, о душевныхъ же расположеніяхъ нѣтъ нужды много заботиться. Такъ объясняли учители Іудейскіе и заповѣдь: *не убій;* они говорили, что заповѣдь запрещаетъ насильно отнимать жизнь у другаго, и ничего болѣе. Такимъ образомъ Іудейскіе учители учили только наружной честности и не заботились о чистотѣ внутренней. Сынъ Божій говоритъ Своимъ послѣдователямъ: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей: не можете внити въ Царствіе Небесное. Слышасте, яко речено бысть древнимъ: не убій.—Азъ же глаголю вамъ: всякъ, гнѣваяйся на брата своего туне, повиненъ есть суду.* Осмотримъ благоговѣйно ученіе Спасителя нашего о гнѣвѣ.

Всякъ, гнѣваяйся на брата туне (напрасно), *повиненъ есть суду.* Спаситель объявляетъ виновнымъ гнѣвъ напрасный. Слѣдовательно не всякій вообще гнѣвъ осуждаетъ Онъ. И точно, не всякій гнѣвъ грѣшенъ. Когда Господь нашъ увидѣлъ, что въ храмѣ Божіемъ продаютъ и покупаютъ какъ-бы на рынкѣ, то Онъ взялъ бичъ и бичемъ выгналъ изъ храма оскорбителей святаго храма. Не дѣлайте, говоритъ Онъ, дому Отца Моего домомъ купли. Вотъ гнѣвъ и гнѣвъ Всесвятаго! Сей гнѣвъ есть святая ревность о славѣ Отца Небеснаго, Которому посвященъ былъ храмъ. Въ гнѣвѣ на нечестіе Евреевъ, слившихъ себѣ тельца изъ золота и кланявшихся ему, какъ Богу, Моисей разбилъ скрижали закона, полученныя отъ Бога. Апостолъ Петръ съ негодованіемъ отвергъ дары Симона волхва, которыми тотъ хотѣлъ купить дары Духа Святаго. *Сребро твое,* сказалъ онъ, *да будетъ съ тобою въ погибель* (Дѣян. VIII, 10). Апостолъ Павелъ хотѣлъ съ палкою придти къ Коринѳянамъ, чтобы вразумить нѣкоторыхъ, какъ слѣдуетъ жить по христіански. Такъ бываютъ случаи, когда не было бы святостью не обнаруживать гнѣва. Справедливъ, законенъ, святъ гнѣвъ отца и матери на худое поведеніе дѣтей. Судъ Божій палъ бы на нихъ самихъ, какъ и на ихъ дѣтей, если бы они смотрѣли сквозь пальцы на безпорядки дѣтей. Вспомните Илія... Поэтому каждый начальникъ обязанъ для удержанія силы законовъ дѣйствовать не только мѣрами кроткими, но и строгими. Счастливъ онъ, если не имѣетъ нужды изъявлять гнѣвъ на подчиненныхъ; но несчастенъ, если, имѣя нужду дѣйствовать строго, дѣйствуетъ слабо;— онъ наноситъ вредъ и себѣ, и подчиненнымъ. И каждый искренній христіанинъ долженъ скорбѣть и негодовать, когда увидѣлъ бы наглыхъ хулителей святой вѣры, изрыгающихъ хулы на истину Божію: иначе холодность его была

бы нечестіемъ противъ Господа. Такъ, гнѣвъ основанный на законной причинѣ, есть гнѣвъ святый, праведный.

Другое дѣло — гнѣвъ напрасный: *всякъ, гнѣваяйся на брата туне, повиненъ есть суду*. Когда же гнѣвъ бываетъ напраснымъ? Ахъ, если смотрѣть на гнѣвъ, каковъ бываетъ онъ у людей, то придется поискать, и не легко найдешь, когда бываетъ онъ у людей не напраснымъ. Гнѣваются, выходятъ изъ себя, на такія вещи, которыя имѣютъ все право на вниманіе признательной любви. Твой отецъ, твой другъ, твой начальникъ говорятъ тебѣ о твоихъ ошибкахъ съ искреннимъ желаніемъ добра тебѣ. А ты на слова любви отвѣчаешь словами негодованія и брани, осыпаешь возраженіями, укорами, упреками, оскорбленіемъ. Приди въ себя, за что ты гнѣваешься? Зачѣмъ ты любовь святую топчешь въ грязи дикихъ чувствъ и мыслей твоихъ? Добрый Іосифъ сказываетъ отцу, какъ обижаютъ его братья, и они послѣ того не хотятъ говорить съ нимъ и рѣшаются продать его въ неволю, къ смертельному огорченію отца. Справедливъ ли гнѣвъ ихъ на Іосифа? Бываетъ, что гнѣваются на такія вещи, которыя едва ли стоятъ и мимолетнаго взгляда. Гнѣваются на то, что потерянъ, пропалъ или уничтожился предметъ простой забавы, предметъ преступнаго пристрастія... Стыдно говорить, а надобно сказать, что у иныхъ гнѣвъ изливается даже на безсловесныхъ, даже на вещи бездушныя. Бываетъ и то, что гнѣваются на дѣло, достойное гнѣва, но гнѣваются такъ, какъ не слѣдовало бы гнѣваться. Не напрасный ли гнѣвъ, когда въ гнѣвѣ употребляютъ такія мѣры противъ грѣха, которыя только раздражаютъ, а не усмиряютъ грѣхъ? Неосторожное, не намѣренное слово, вмѣсто того, чтобы покрыть молчаніемъ или исправить словомъ ласки, преслѣдуешь ты словами бранными, словами злорѣчія и даже клятвы: справедливъ ли ты? Дитя твое сдѣлало неважную ошибку, и ты выходишь изъ себя, поднимаешь шумъ и крикъ? Къ чему это? Не думаешь ли ты, что дитя не замѣтитъ несправедливости въ твоемъ гнѣвѣ? Оно замѣнитъ твою несправедливость и оставитъ безъ вниманія свои ошибки. *Гнѣвайтеся и не согрѣшайте*, говоритъ Писаніе (Ефесян. IV, 20); т. е. гнѣвайтеся на дѣло не законное, но такъ, чтобы не преступить границъ справедливости. Трудно ли послѣ того видѣть какъ преступенъ, какъ виновенъ напрасный гнѣвъ? Онъ, во-первыхъ, оскорбляетъ въ насъ любовь къ ближнему. *Любовь*, говоритъ Апостолъ, *долготерпитъ, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не помнитъ зла, все покрываетъ, все переноситъ* (I Коринѳ. XIII, 4—6). И изъ исторіи святыхъ видимъ, что пока не проникала въ сердца ихъ святая любовь, они были жестоки, заносчивы, нетерпѣливы, вспыльчивы; но становились кротки и мягки, когда овладѣвала сердцами ихъ Евангельская любовь. Такъ не ищите, не найдете въ напрасномъ гнѣвѣ ни кротости, ни снисходительности; онъ не покрываетъ, а открываетъ слабости другихъ; онъ не знаетъ извиненій ошибкамъ ближняго; все, что любитъ любовь, оскорбляетъ гнѣвъ.

Гнѣвъ преступенъ и по источникамъ, изъ которыхъ происходитъ. Въ иныхъ онъ—плодъ самолюбія, которое слишкомъ дорожитъ своимъ просторомъ жизни и потому возстаетъ съ негодованіемъ противъ самыхъ пустыхъ встрѣчъ, напримѣръ противъ того, что не такъ подали чашку. Въ другихъ гнѣвъ—плодъ гордости, которая высоко ставитъ свою личность, свои достоинства, и малое невниманіе къ ней со стороны

другаго принимаетъ за жестокое оскорбленіе для себя. Противны, оскорбительны Богу источники, изъ которыхъ возникаетъ гнѣвъ.

Гнѣвъ виновенъ и по дѣйствіямъ, которыя производитъ въ душѣ нашей. Что̀ буря въ воздухѣ, то напрасный гнѣвъ въ душѣ: мысль, чувства, намѣренія—все въ безпорядкѣ, все въ разстройствѣ бываетъ отъ гнѣва, такъ что свѣта Божьяго не видно въ душѣ. Кто узнаетъ въ неистовствѣ гнѣвной души душу разумную, чудный образъ Божества? Увы—это образъ духа темнаго! Сколько лжи, клеветъ, обидъ, неправотъ выбрасываетъ гнѣвная душа! Отъ гнилыхъ словъ, отъ оскорбленій чести доходятъ до убійства. Если бы только въ душахъ слабыхъ производилъ гнѣвъ сильныя опустошенія,—это бы не удивительно.—Нѣтъ, и въ сердцахъ подвижниковъ, которые долго трудились на пути самоотреченія, гнѣвъ, допускаемый по немощи человѣческой, производитъ сильный вредъ и удаляетъ отъ нихъ духъ благодати.

Такимъ образомъ понятно, почему Спаситель произноситъ такой строгій приговоръ напрасному гнѣву. Онъ подвергаетъ его суду и притомъ неодинаковому, по степени гнѣва. *Всякъ, гнѣваяйся на брата туне, повиненъ есть суду.* Это гнѣвъ сердечный, внутренній, который еще не выразился въ словахъ. *Иже аще речетъ*, продолжаетъ Спаситель, *брату своему: рака*, пустой человѣкъ, *повиненъ есть сонмищу. А иже речетъ: уроде*, безсовѣстный человѣкъ, *повиненъ есть геенньѣ огненнѣй.* Это значитъ, что кто выразитъ гнѣвъ свой въ укорительномъ наименованіи брата пустымъ человѣкомъ,—тотъ такъ виновенъ предъ Богомъ, какъ-бы онъ судимъ былъ въ видѣ важнаго преступника предъ верховнымъ судилищемъ. Если же гнѣвъ достигаетъ крайней степени, такъ что гнѣвный называетъ брата самымъ поноснымъ именемъ, каково у Іудеевъ было названіе безсовѣстныхъ, то это такой грѣхъ, который подвергаетъ виновнаго геенне....

Чтобы спасаться отъ гнѣва, представляй себѣ чаще и живѣе безобразіе гнѣва. Для того поставляй себя на мѣстѣ другаго и спрашивай: каково было бы тебѣ, если бы другой за ошибку неважную осыпалъ бы тебя бранью? Поставивъ себя въ положеніе отвѣтственнаго лица предъ гнѣвнымъ, ты скоро и ясно поймешь несправедливость, низость напраснаго гнѣва, легко замѣтишь и то, какъ немного нужно для того, чтобы безчиніями гнѣва не унижать собственной своей души.

Во-вторыхъ, какъ можно чаще имѣй въ виду образецъ небесной кротости, данный намъ небомъ въ лицѣ Спасителя. *Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*, говоритъ намъ Господь и Учитель нашъ. И подлинно, какъ велика, какъ Божественна была кротость Его! Какими оскорбленіями преслѣдовали Его Іудеи во все продолженіе земнаго служенія Его! *Бѣса имать*, говорили о Сынѣ Отца Небеснаго; Онъ другъ мытарямъ и грѣшникамъ,—нарушитель святой субботы, толковали другіе. А чего не перенесъ Онъ, когда преданъ былъ въ руки враговъ предателемъ? И на всѣ оскорбленія, на всѣ злословія, на всѣ насмѣшки, на всѣ побои, пощечины, заплеванія—ни одного слова гнѣвнаго, ни одного движенія негодованія. *Христосъ пострада по насъ*, говоритъ Апостолъ Петръ, *намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его,—Иже укоряемъ не укоряше, страдая не угрожаль, предаяше же Судящему праведно* (1 Петр. II, 21).

Наконецъ, какъ и отъ всякаго грѣха, какъ и отъ всякой душевной болѣзни,

нельзя исцѣлиться отъ гнѣва своими силами, безъ помощи благодати Божіей. Потому молись, усердно молись Господу, дабы Онъ послалъ тебѣ духъ кротости и терпѣнія. Для того, чтобы дать силу любви къ другому надъ силою гнѣва,— молись въ движеніи гнѣва и за ближняго, говори отъ глубины сердца: «Господи! прости согрѣшенія оскорбившему меня; онъ человѣкъ, какъ и я». Повѣрь, молитва подастъ миръ душѣ твоей (Воскр. Чт., г. XXVI, ч. I, стр. 223—228).

Обстоятельства и случаи, въ которыхъ гнѣвъ бываетъ грѣшнымъ и безгрѣшнымъ; а также—можетъ ли когда и какъ переводимъ быть изъ состоянія грѣшнаго въ состояніе безгрѣшное.

(Арсенія, митроп. Кіевскаго.)

Гнѣвъ бываетъ грѣхомъ тяжкимъ и смертнымъ, когда обращенъ бываетъ на ближняго нашего 1) напрасно—безъ достаточной причины; ибо Небесный Учитель сказалъ не просто: *всякъ, гнѣваяйся на брата своего, повиненъ есть суду, но: всякъ гнѣваяйся всуе;* 2) соединяется съ тайною или явною злобою, продолжительно питаемою, и 3) съ желаніемъ мщенія и самимъ мщеніемъ при удобномъ случаѣ. Каждое изъ сихъ условій приноситъ въ гнѣвъ свою мѣру тяжести и виновности предъ Богомъ, а всѣ, вмѣстѣ взятыя, образуютъ изъ него грѣхъ ужасный и крайне опасный. Отсутствіе котораго либо изъ нихъ, конечно, измѣняетъ до извѣстной степени качество грѣха, но не отнимаетъ виновности онаго. Главный вредъ, который причиняетъ намъ гнѣвъ, состоитъ наиболѣе въ томъ, что онъ открываетъ въ наше сердце входъ діаволу и доставляетъ ему легкую возможность утвердиться въ немъ; поселяя же діавола, въ то же время изгоняетъ Духа благодати, Который есть Духъ мира и любви, и чрезъ то отчуждаетъ насъ рѣшительно отъ Бога. Посему-то Апостолъ въ своемъ увѣщаніи къ гнѣвающимся напоминаетъ имъ: *ниже дадите мѣста діаволу.*

Гнѣвъ бываетъ безгрѣшнымъ, когда возгорается не напрасно, но по причинѣ совершенно достаточной и законно уважительной. Причиною же къ гнѣву достаточною и законною не могутъ быть никакіе разсчеты житейскіе, или потеря выгодъ временныхъ, но должны быть единственно оскорбленіе величія Божія и препинанія на пути ко спасенію нашему и ближнихъ нашихъ. Ибо, если все мы, по Апостолу, должны творить во славу Божію и въ свое спасеніе, то, очевидно, только то, что̀ уничижаетъ первую и угрожаетъ послѣднему, должно раздражать и огорчать насъ; все же прочее, какъ не имѣющее цѣны, или имѣющее цѣну только относительную, по примѣненію къ главной цѣли бытія, не можетъ само по себѣ, въ случаѣ утраты или ущерба, давать намъ права на гнѣвъ противу ближнихъ нашихъ, какъ развѣ въ мѣрѣ, соотвѣтствующей значенію благъ, утраченныхъ въ достиженіи этой цѣли. Такимъ образомъ не грѣшатъ родители, когда, видя безпорядочное поведеніе своихъ дѣтей, гнѣваются и возносятъ жезлъ отеческій для наказанія строптивыхъ чадъ своихъ къ ихъ исправленію. Не грѣшатъ пастыри Церкви, когда, замѣчая въ сынахъ и дщеряхъ своей паствы охлажденіе къ вѣрѣ, пренебреженіе къ святынѣ, нарушеніе правилъ и постановленій Церкви о постѣ и молитвѣ и о другихъ видахъ добродѣтели, законснѣніе во грѣхѣ и упорное сопротивленіе слову обличенія и увѣщанія, въ праведномъ негодованіи за ихъ непослушаніе, изъемлютъ свой мечъ духовный на пораженіе непокорныхъ во *измождение плоти, да духъ спасется.* Не грѣшатъ правители и начальники,

когда, встрѣчая въ своихъ подчиненныхъ своевольство и небреженіе, лукавство и мздоимство въ исполненіи обязанностей своего званія, негодуютъ и досадуютъ и свойственными мѣрами наказанія стараются возвратить ихъ къ долгу забытому, лишь бы только все это дѣлалось безъ злобы и мщенія—съ искреннимъ желаніемъ блага обществу и пользы наказуемымъ. Не грѣшатъ, наконецъ, господа и домохозяева, когда огорченные разнаго рода безпорядками домашней и внѣшней прислуги своей, предаются гнѣву и подвергаютъ виновныхъ наказанію заслуженному, лишь бы только соблюдалось, сколько возможно, вѣрное уравненіе, а въ наказаніяхъ мѣра человѣколюбія и благоразумнаго снисхожденія къ немощамъ человѣческимъ.

Еще болѣе гнѣвъ становится безгрѣшнымъ, когда вмѣсто ближнихъ нашихъ обращаемъ его на самихъ себя, на свои грѣхи и беззаконія, когда на самихъ себя досадуемъ, скорбимъ, болѣзнуемъ сокрушаемся и плачемъ, представляя въ умѣ своемъ всю тяжесть грѣховъ и всю неблагодарность свою къ Богу—Благодѣтелю.

Гнѣвайтесь, говоритъ святый Василій Великій, гнѣвайтеся на свои грѣси и не осуждайте о грѣсѣхъ ближняго своего, да тако осужденія избудете. *Не судите, да не судими будете,* глаголетъ Господь. Только и здѣсь нужна намъ большая надъ самими собою бдительность и мудрая осторожность, чтобы, съ одной стороны, подъ кровомъ тяжкихъ нашихъ скорбей и горькихъ упрековъ самимъ себѣ за паденія внезапныя и поползновенія случайныя, по извѣстной слабости человѣческой, почти неизбѣжныя, не закралась въ наше сердце такъ называемая духовная гордость, которая огорчается и сокрушается не тѣмъ, что извѣстнымъ грѣхомъ оскорбленъ Богъ и нарушенъ святый Его законъ, а только тѣмъ, что какъ мы, которые, по нашему мнѣнію, въ духовномъ совершенствѣ стоимъ такъ высоко, могли вдругъ ниспасть такъ глубоко и унизиться до грѣха, столь грубаго и столько самолюбію нашему противнаго: въ такомъ случаѣ послѣдняя наша были бы горша первыхъ; а съ другой, чтобы, привыкши постоянно заниматься только самими собою, въ то же время не пріобрѣли гибельнаго также навыка, равнодушно — безъ участія, безъ всякихъ мѣръ предупредительныхъ и исправительныхъ, смотрѣть на проступки тѣхъ изъ ближнихъ нашихъ, которые ввѣрены Промысломъ исключительно нашему надзору и попеченію; въ такомъ случаѣ намъ угрожала бы участь первосвященника Илія, не за свои грѣхи, ибо онъ былъ мужъ кроткій и праведный, но за грѣхи дѣтей своихъ, за которыми не довольно смотрѣлъ и которыхъ не довольно наказывалъ, хотя отеческими наставленіями нерѣдко вразумлялъ,— такъ злополучно павшаго.

Но есть средство и грѣшный гнѣвъ превратить въ безгрѣшный. Пророкъ Давидъ указываетъ и пролагаетъ къ тому вѣрный путь. *Гнѣвайтеся,* говоритъ онъ, *и не согрѣшайте;* а если, подразумѣвать должно, и случится вамъ согрѣшить, то, *яже глаголете въ сердцахъ вашихъ, на ложахъ вашихъ умилитеся* (Псал. IV, 5). Святый Іоаннъ Златоустъ въ объясненіи сихъ словъ говоритъ: на ложахъ умилитеся, сіе есть, яже во дни въ сердцѣ мыслите, о семъ истязайте и обличайте совѣсть свою въ покаяніи, на ложахъ хотящіи уснути, воспоминающе гробъ, смерть, судъ и геенну. И такъ, вотъ крайній предѣлъ гнѣва безгрѣшнаго: отъ часовъ дневныхъ до захожденія солнечнаго. Апостолъ Павелъ, приводя сіе мѣсто изъ пророка, прямо говоритъ: *солнце да*

не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ. Слѣдовательно кто со злобою въ сердцѣ на ближняго засыпаетъ, тотъ тяжко согрѣшаетъ; кто съ тою же злобою пробуждается поутру, тотъ находится въ опасномъ, хотя и тогда еще, по милосердію Божію, не безнадежномъ состояніи, а кто и сегодня, и завтра, и послѣ-завтра, въ теченіи нѣсколькихъ дней и ночей, недѣль и мѣсяцевъ, а, избави Богъ, и цѣлыхъ лѣтъ остается въ прежней злобѣ своей, неумолимой, непреклонной, не ослабляемой временемъ, но со дня на день усиливающейся и возрастающей, тотъ близокъ къ своей погибели. Такой человѣкъ можетъ быть увѣренъ, что уже не Богъ въ его сердцѣ обитаетъ, а діаволъ свирѣпствуетъ, какъ властелинъ жестокій, какъ повелитель немилостивый, какъ тиранъ безчеловѣчный, ежечасно и ежеминутно свою жертву терзающій. А отъ такого недобраго сосѣдства чего можно ожидать добраго? Припомните судьбу Саула, Богоизбраннаго и Богоосвященнаго, что̀ сталось съ нимъ съ того времени, какъ злоба противъ неповиннаго Давида поселилась въ его сердцѣ? Сколь жалка была его жизнь и сколь несчастный постигнулъ его конецъ! А что̀ еще затѣмъ по ту сторону гроба должно было встрѣтить его! *Смертъ грѣшниковъ люта,* взываетъ пророкъ, но лютость бѣдствій и страданій, ожидающихъ ихъ за смертью, какой языкъ выразитъ, какое перо описать можетъ! (Воскр. Чт. 1873 г., ч. II, 97—101.)

О заповѣди: не прелюбы сотвори.

(Еп. Алавангела и архим. Θеодора.)

Другая новозавѣтная заповѣдь, законоположенная Спасителемъ также въ сличеніи съ ветхозавѣтнымъ закономъ и съ убѣжденіемъ къ должному исполненію оной, есть слѣдующая: *слышасте, яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши. Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцы своемъ. Аще же око твое десное соблажняетъ тя, изми е и верзи отъ себе: уне бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ удъ твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геенну огненную. И аще десная твоя рука соблажняетъ тя, усѣцы ю и верзи отъ себе: уне бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ удъ твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геенну* (27—30).

Речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши. Во времена того состоянія человѣчества, которое было подобно состоянію молодости (Галат. IV, 1—3), когда внутреннимъ движеніямъ и расположеніямъ естественно стремиться, немедленно по ихъ возбужденіи, къ внѣшнему обнаруженію,—довольно было удержать закономъ человѣка отъ открытаго прелюбодѣйства, чтобы душа его, не успѣвъ истощить въ себѣ естественныхъ остатковъ первобытной свѣжести, сохранилась и во внутреннемъ, нерастлѣнномъ плотскою нечистотою, цѣломудріи. Такъ, Іосифъ, убѣжавъ отъ безстыдной Пентефріевой жены, сохранилъ цѣломудріе не только тѣлесное, но и духовное. Потому и данъ былъ древнимъ законъ противъ только внѣшняго нарушенія цѣломудрія: *не прелюбы сотвориши.* Теперь фарисей, сохраняя внѣшнимъ образомъ цѣломудріе, могъ въ своемъ сердцѣ и духѣ быть исполненъ нечистотою разврата и однако усвоять себѣ законную правду, какъ не нарушившій буквы законной. Чтобы не разорилась, а сохранилась и исполнилась и сія заповѣдь въ своемъ духѣ и существѣ, требовалось законоположить оную также уже различно отъ того, какъ *речено бысть древнимъ.* Законодатель Новаго Завѣта, съ властію и надъ Завѣтомъ Ветхимъ, даетъ заповѣдь о

самомъ существѣ цѣломудрія, которое состоитъ въ чистотѣ и сохраненіи сердца отъ самыхъ внутреннихъ нечистыхъ движеній и можетъ нарушаться однимъ взглядомъ нечистымъ: *Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцы своемъ.*

Святый Златоустъ, говоритъ, что «Іисусъ Христосъ запрещаетъ здѣсь не всякое пожеланіе, но пожеланіе, раждающееся въ насъ отъ воззрѣнія на женъ. Ибо любящій смотрѣть на красивыя лица преимущественно самъ возжигаетъ въ себѣ пламя страсти и душу дѣлаетъ плѣнницею, и послѣ сего скоро приступаетъ и къ совершенію пожеланія... Ибо Господь не просто сказалъ: кто пожелаетъ, поелику можно желать и сидя въ горахъ; но иже *воззритъ ко еже вожделѣти*, то есть, кто самъ производитъ въ себѣ пожеланіе, кто безъ всякаго принужденія вовлечетъ сего звѣря въ свое спокойное сердце; это уже происходитъ не отъ природы, но отъ нерадѣнія... Посему-то Спаситель не вовсе запретилъ смотрѣть на женъ, но только запретилъ смотрѣть на нихъ съ вожделѣніемъ.

Уже любодѣйствова съ нею въ сердцы своемъ (μοιχεύειν) называется преступленіе противъ цѣломудрія въ брачномъ состояніи; однакожъ духовное нарушеніе цѣломудрія равно возможно и Христову закону противно, какъ въ состояніи брака, такъ и внѣ брака. Но надобно замѣтить, что преступленіе супруговъ противъ цѣломудрія важнѣе преступленія безбрачныхъ. Ибо тамъ съ удовлетвореніемъ нечистому пожеланію соединяется неуваженіе къ благословенію Божію, подаваемому въ бракѣ, и расторгается самымъ дѣломъ союзъ, въ который введены супруги Богомъ на всю жизнь.

Труднѣе для уразумѣнія убѣжденіе къ сохраненію цѣломудрія, соединенное въ бесѣдѣ Спасителя съ заповѣдью о цѣломудріи. *Аще же око твое десное соблажняетъ тя, изми е и верзи отъ себе: уне бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ удъ твоихъ* и проч. Спаситель предлагаетъ въ сихъ увѣщательныхъ словахъ самое средство противъ нечистыхъ пожеланій, подобно какъ выше, въ заповѣди о гнѣвѣ (23—26), присовокупилъ правило о примиреніи. То же наставленіе, только нѣсколько точнѣе, Онъ повторяетъ при другомъ случаѣ (Матѳ. XVIII, 8—9. Марк. IX, 43—47). Какъ, Господь, говоря о гнѣвѣ, заповѣдуетъ для примиренія съ братомъ оставлять самое важное дѣло, каково жертвоприношеніе, такъ для подавленія нечистой похоти предписываетъ удалять соблазнительные предметы, хотя бы то былъ правый нашъ глазъ, или правая рука. Глазъ у всѣхъ народовъ служитъ образомъ драгоцѣнныхъ предметовъ. Римляне говорили: глазъ всего дороже. На то же указываютъ слова Апостола Павла (Галат. IV, 15). И не просто о глазѣ говоритъ Христосъ, но о правомъ глазѣ: *десное око*. Такимъ образомъ, дабы все тѣло не подверглось вѣчнымъ мученіямъ, лучше лишиться самаго дорогого, глаза и правой руки, которую не можетъ замѣнить лѣвая.

Но ужели каждый разъ должно отсѣкать тѣлесный органъ, какъ скоро онъ какъ-нибудь ведетъ къ похоти! Если бы при каждомъ пробужденіи нечистыхъ пожеланій необходимо было истреблять тѣлесные органы, то всѣ люди должны были бы обречь себя на изверженіе глазъ, и Церковь Христова сдѣлалась бы обществомъ увѣчныхъ. Апостолъ Павелъ заповѣдуетъ хранить тѣло и пещись о немъ (Ефес. V, 29). Самъ Спаситель полагаетъ источникомъ блуда и прелюбодѣянія не тѣлесные чле-

ны, но сердце (Матѳ. XV, 19). Священное Писаніе ясно заповѣдуетъ *духомъ* побѣждать искушенія плоти; оно называетъ грѣховными членами плоти не уды тѣлеснаго организма, но блудъ, похоть, нечистоту (Римл. VIII, 4, 13; VI, 12—13. Колос. III, 5). Если бы буквально должно было разумѣть слова Спасителя, то надобно было бы оправдать Оригена, который сдѣлался скопцомъ, неправильно понявъ другое изрѣченіе Господа (Матѳ. XIX, 12); надобно было бы исторгнуть языкъ, когда произносимъ худыя слова, уничтожить слухъ и т. д. Но, что̀ еще хуже, при всѣхъ такихъ искаженіяхъ цѣль нимало бы не достигалась: похоть не перестала бы жить въ сердцѣ, хотя бы всѣ орудія къ удовлетворенію ея были истреблены. Златоустъ въ самыхъ словахъ Спасителя находитъ признакъ того, что должно понимать ихъ не въ собственномъ смыслѣ. Объясняя сіе мѣсто, онъ говоритъ: «Спаситель произнесъ означенныя слова не о членахъ. Онъ нигдѣ не осуждаетъ плоти, но вездѣ обвиняетъ развращенную волю. Не глазъ твой смотритъ, но чрезъ него смотритъ умъ и сердце. Поелику, когда душа наша бываетъ обращена на другіе какіе либо предметы, тогда глазъ часто не видитъ предметовъ, находящихся предъ ними. Посему не все должно приписывать дѣйствію глаза. Если бы Христосъ говорилъ о членахъ, то бы не объ одномъ глазѣ сказалъ, и притомъ не о правомъ только, но объ обоихъ. Потому что, если кто соблазняется правымъ глазомъ, тотъ, безъ сомнѣнія, соблазняется и лѣвымъ. Итакъ, почему Спаситель упомянулъ только о правомъ глазѣ и о правой рукѣ?—Потому, дабы ты зналъ, что рѣчь идетъ не о членахъ, но о людяхъ, имѣющихъ съ нами тѣсную связь. Итакъ, если ты кого либо любишь столько, что на него полагаешься, какъ на правый глазъ, и столько признаешь его полезнымъ для себя, что считаешь его за правую руку свою,—и если онъ развращаетъ твою душу, то ты и такого человѣка отсѣки отъ себя». Святый Аѳанасій, Кириллъ, Иларій и Ѳеофилактъ относятъ слова Господа къ ближайшимъ родственникамъ, которые влекутъ насъ ко грѣху.

Итакъ общій смыслъ всего мѣста слѣдующій: «и одно внутреннее движеніе любодѣйства, возбужденное нечистымъ взглядомъ на женщину, уже есть грѣхъ любодѣянія. Какая же должна быть бдительность, чтобы не потерять цѣломудрія и не быть осужденнымъ на ряду съ блудниками! Особенно тяжкій подвигъ состоитъ въ томъ, чтобы остеречься отъ соблазнителя, каковымъ можетъ быть человѣкъ, нужный для тебя, какъ правая рука, и дорогой тебѣ, какъ правый глазъ. Въ такихъ случаяхъ не дорожи и правымъ глазомъ, отсѣкай и правую руку, оставайся безъ нужнаго и дорогого для тебя человѣка, прекрати всякія близкія къ нему отношенія, чтобы избавиться отъ соблазна и отъ огня геенскаго, неминуемо угрожающаго тебѣ за увлеченія соблазномъ».

О заповѣди относительно развода.

Новая заповѣдь Христова законодательства слѣдующая: *речено же бысть: яко иже аще пуститъ жену свою, да дастъ ей книгу распустную. Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ, отпущаяй жену свою, развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю прелюбодѣйствовати: и иже пущеницу поиметъ, прелюбодѣйствуетъ* (31—32).

Здѣсь Господь даже и совсѣмъ отмѣняетъ древній законъ въ буквальномъ его смыслѣ, но существенно *не разоряетъ, а исполняетъ* и утверждаетъ ту самую мысль, съ какою данъ былъ сей законъ.

Во времена ветхозавѣтныя, по смыслу и силѣ закона, жена поставлялась въ строгую зависимость отъ мужа. Отсюда въ тѣхъ случаяхъ, когда жена по чему либо становилась противною мужу, и это, по свойству ветхозавѣтнаго состоянія нѣкоторой *младости*, немедленно обнаруживалось въ самыхъ поступкахъ мужа по отношенію къ женѣ, въ такихъ случаяхъ жена подвергалась опасности сдѣлаться жалкою и беззащитною жертвою жестокости и своенравія мужа. Какое же законное предписаніе нашлось нужнымъ *приложить преступленій ради сего* послѣдняго рода (Галат. III, 19)? Когда законъ первозданной природы о неразрывности соединенія двухъ въ плоть едину заглушался юношески стремительными страстями человѣка, и притомъ самовластіе мужа поддерживалось другимъ, даннымъ для грѣшнаго уже человѣчества, закономъ о строгой зависимости жены отъ мужа; то понятно, что напрасны были бы въ подобныхъ случаяхъ какія либо законныя ограниченія жестоковыйности человѣка. Оставалось уступить сей неудержимой въ своихъ стремленіяхъ жестоковыйности, и только защитить, сколько возможно, права и безопасность отвергаемой жены. И законъ, дозволивъ разводъ безъ ограничительныхъ условій, требовалъ только, чтобы самовластный мужъ самъ письменно отрекался отъ жены, и потому она была бы совершенно свободна отъ него въ своей дальнѣйшей судьбѣ; *речено же бысть: яко иже аще пуститъ жену свою, да дастъ ей книгу распустную.* При установленіи Новаго Завѣта было уже совсѣмъ иное время. Теперь порочный человѣкъ могъ предаваться злымъ страстямъ не столько по неудободержимому ихъ увлеченію, сколько прямо по духовному развратy. Теперь иной Іудей, съ согласія самихъ законниковъ и книжниковъ, могъ самовластно отпустить жену, и даже не одну, нисколько не думая о правахъ жены и собственныхъ обязанностяхъ, о предохраненіи себя и жены отъ распутства; и однако, какъ предъ отвергаемою женою, такъ и предъ закономъ могъ онъ считать себя чистымъ и правымъ, если только далъ ей разводную на бумагѣ. Это было бы уже совершенно противъ смысла и намѣренія закона о разводѣ; сей законъ данъ въ смыслѣ охраненія безопасности и защищенія правъ жены, въ намѣреніи предотвращенія опасныхъ для нравственности и спокойствія безпорядковъ въ супружествѣ, и теперь сей же самый законъ могъ быть употребленъ именно къ порожденію и пріумноженію самыхъ гибельныхъ безпорядковъ въ брачныхъ союзахъ, къ совершенному подавленію правъ жены. Итакъ, чтобы не разорился въ концѣ, а исполнился и былъ непреложенъ законъ брака въ истинномъ его существѣ, буква ветхозавѣтнаго закона о разводѣ должна по смыслу и духу сего же самаго закона уже потерять свою важность и дѣйствіе, такъ что безъ необходимости разводящіеся и вступающіе въ новый бракъ должны быть признаваемы за прелюбодѣевъ. Сей приговоръ объ отмѣненіи буквы закона съ неограниченною властью надъ Ветхимъ Завѣтомъ и изрекаетъ Законодатель Новаго Завѣта: *Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ, отпущаяй жену развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю прелюбодѣйствовати: и иже пущеницу поиметъ, прелюбодѣйствуетъ.*

Изложенное нами изъясненіе сего мѣста вполнѣ подтверждаетъ блаженный Ѳеофилактъ. Онъ говоритъ: «Моусей повелѣлъ, чтобы возненавидѣвшій жену свою развелся съ нею, дабы не случилось чего-нибудь худшаго, потому что возненавидѣнная могла быть и убита,

Но таковый обязанъ дать разведенной разводную, которая у нихъ называлась отпускною, такъ чтобы отпущенная уже не возвращалась къ нему и не произошло смуты, когда онъ сталъ жить уже съ другою». И приведя далѣе слова Христовы: *Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ, отпущаяй жену свою, развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю прелюбодѣйствовати: и иже пущеницу пойметъ, прелюбодѣйствуетъ*,—блаженный учитель продолжаетъ: «Господь не нарушаетъ Моисеева закона, но исправляетъ его и запрещаетъ мужу ненавидѣть свою жену безъ вины. Если онъ оставитъ ее по уважительной причинѣ, т. е. за прелюбодѣяніе, не подлежитъ осужденію; а если не за прелюбодѣяніе, то подлежитъ суду, потому что тѣмъ заставляетъ ее прелюбодѣйствовать. Но и тотъ становится прелюбодѣемъ, кто возьметъ ее, потому что, если бы никто не взялъ ее, она, можетъ быть, возвратилась бы къ прежнему мужу и покорилась бы ему.... А христіанину должно быть миротворцемъ и для чужихъ, тѣмъ болѣе для своей жены, которую Богъ совокупилъ съ нимъ».

Итакъ смыслъ Христовой заповѣди противъ развода есть слѣдующій: «брачный союзъ, какъ установленный Самимъ Богомъ, имѣетъ такую священную важность, что только одна причина, и именно прелюбодѣйство мужа и жены какъ явное поруганіе святыни брака и прямое нарушеніе сего союза, можетъ сдѣлать разводъ законнымъ. Если же кто, кромѣ сего случая, разведется со своею женою, такъ чтобы она свободно могла посягнуть за другаго, то онъ не иное что дѣлаетъ, какъ разрѣшаетъ и даетъ побужденіе своей женѣ прелюбодѣйствовать отъ живого мужа. Равно и женившійся на сей женѣ, разведенной съ мужемъ, прелюбодѣйствуетъ съ такою женою, у которой еще живъ свой мужъ» (Прав. Собес. 1856 г., стр. 3—17).

О клятвѣ.

Въ какомъ смыслѣ Іисусъ Христосъ воспрещаетъ клятву.

Въ отвѣтъ на вопросъ: позволительна ли клятва, прежде всего требуется правильное изъясненіе словъ Христовыхъ, въ которыхъ представляется она запрещенною. Слова сіи читаются такъ: *паки слышасте, яко речено бысть древнимъ: не во лжу кленешися, воздаси же Господеви клятвы твоя. Азъ же глаголю вамъ не клятися всяко: ни небомъ, яко престолъ есть Божій: ни землею, яко подножіе есть ногама Его: ни Іерусалимомъ, яко градъ есть великаго Царя: ниже главою твоею клянися, яко не можеши власа единаго бѣла или черна сотворити. Буди же слово ваше: ей, ей; ни, ни: лишше же сею отъ непріязни есть* (Матѳ. V, 33—37). Изъ сего ученія Божественнаго не должно выводить такого заключенія, что клятва есть дѣйствіе безусловно воспрещенное.

Спаситель показалъ, что взираетъ на древній законъ не въ древней только его буквѣ, но и въ томъ его направленіи, какое получилъ онъ въ жизни Іудеевъ и преданіяхъ старцевъ (Матѳ. V, 20. Слич. XXIII, 16, 18). Слѣдовательно, и слова Спасителя о клятвѣ имѣютъ отношеніе къ современнымъ Ему обычаямъ Іудейскимъ.

Предъ пришествіемъ Іисуса Христа нравственность Іудейскаго народа пришла въ глубокій упадокъ. Лицемѣріе фарисейское, вредное ученіе и пороки саддукеевъ, своевольныя истолкованія закона,—все сіе вмѣстѣ способствовало къ тому, что истинный смыслъ закона болѣе и болѣе затмѣвался. По той мѣрѣ, какъ исчезала строгость нравовъ, возрастала между Іудеями взаимная не-

довѣрчивость,—они въ сношеніяхъ между собой часто не довольствовались одними простыми увѣреніями. Клятва, поставленная сначала средствомъ къ дознанію истины въ дѣлахъ общественныхъ и неудоборѣшимыхъ, перешла въ привычку кляться. Въ дѣлахъ житейскихъ и маловажныхъ безъ нужды и безъ пользы для ближняго, для цѣлей даже нечистыхъ и предосудительныхъ, Іудеи легкомысленно прибѣгали къ клятвеннымъ увѣреніямъ. Клятва по своей сущности орудіе истины, стала являться въ устахъ народа покровомъ обмана и лжи. До какой степени простиралась привычка подтверждать клятвой свои обѣщанія, показываетъ примѣръ Ирода (Марк. VI, 23, 26). Признавая законными нѣкоторые виды ея, Іудеи почитали недѣйствительными обѣщанія, данныя подъ другими видами клятвы. Отъ того произошла иная крайность: въ клятвѣ не только скрывалась хитрость, но и обнаруживалось суевѣріе. Пристрастные къ частому и ненужному ея употребленію, Іудеи, однакожъ, справедливо опасались нарушенія третьей заповѣди десятословія. Чтобы успокоить совѣсть, они изобрѣли клятвенныя увѣренія, въ которыхъ совсѣмъ не упоминалось имя Божіе, а только дѣлалось указаніе на другіе предметы и имена. Свидѣтельствуясь небомъ и землею и умалчивая объ имени Божіемъ, они еще не видѣли въ томъ противорѣчія заповѣди, въ которой запрещено употреблять имя Божіе всуе. Представленіе о всевѣдѣніи и вездѣсущіи Божіемъ было устранено; придавая только видъ непреложной истины своимъ словамъ, легкомысленные мечтали, что не подлежатъ за сіе отвѣту предъ судомъ Божіимъ. По свидѣтельству блаженнаго Іеронима, «постыдную привычку кляться сотворенными вещами всегда имѣли Іудеи. Клянущійся почитаетъ или любитъ того, кѣмъ клянется. —Клянясь Ангелами, Іерусалимомъ, храмомъ и стихіями, Іудеи чрезъ то воздавали твореніямъ и вещамъ чувственнымъ честь, подобающую Богу».

Противъ сихъ злоупотребленій поставляетъ Спаситель заповѣдь Свою о клятвѣ. Ея воспрещеніемъ Онъ удерживаетъ языкъ людей легкомысленныхъ, привыкшихъ къ частому и ненужному произношенію клятвенныхъ увѣреній. Выраженіе—*не клятися всяко* направлено противъ употребленія клятвы въ дѣлахъ житейскихъ, во взаимныхъ маловажныхъ сношеніяхъ людей между собой, гдѣ никто не долженъ требовать, и никто самъ собой не долженъ давать клятву. Въ ежедневныхъ сношеніяхъ, въ обыкновенныхъ разговорахъ довольно сказать—да или нѣтъ; а что сверхъ сего, то уже отъ лукаваго (Матѳ. V, 37). Если бы даже люди не употребляли имени Божія, а клялись чѣмъ-нибудь другимъ, но безъ достойныхъ къ тому побужденій, и такія клятвы неодобрительны, ибо проистекаютъ отъ того же духа лукаваго, омрачающаго умы людей суевѣріемъ и заблужденіями. Посему Спаситель осуждаетъ и тѣ, изобрѣтенныя Іудеями, клятвы, въ которыхъ имя Божіе не произносится. Ибо и тѣ клятвы, въ которыхъ имя Божіе не произносится, имѣютъ свое основаніе въ могуществѣ имени Божія: иначе они безсмысленны. Богъ дѣлаетъ клятву священною, замѣчаетъ святый Григорій Богословъ. Клятва небомъ потому важна, что небо есть престолъ Божій,—землею, потому что земля подножіе ногъ Божіихъ,—Іерусалимомъ, потому что это градъ великаго Царя (Матѳ. V, 35). Кто, свидѣтельствуясь сими предметами, оставляетъ безъ вниманія сокровенное въ нихъ пребываніе вездѣсущаго Бога, тотъ оскорбляетъ достопоклоняемое Его имя. Но Іудеи уклонились еще къ худ-

шему: они клялись своей головой, какъ будто имѣя право на свою жизнь и смерть и совсѣмъ забывая о Томъ, безъ чьей воли не спадетъ ни единъ власъ съ главы человѣческой. Изобличая столь суевѣрную и безразсудную клятву, Спаситель упрекаетъ легкомысленнаго: *не можеши власа единаго бѣла или черна сотворити.* Отсюда видно, что Господь представляетъ клятву, какъ дѣло священное, къ которому не должно приступать легкомысленно. Онъ воспрещаетъ ослаблять ея силу неразумнымъ и неблагонамѣреннымъ измѣненіемъ того первоначальнаго существеннаго ея содержанія, въ которомъ имя Бога вездѣсущаго, правосуднаго и всевѣдущаго поставлено въ ея основаніе (Второзак. VI, 13).

Но воспрещая употреблять клятву легкомысленно и съ своевольными измѣненіями, Спаситель оставляетъ неприкосновенными тѣ общественныя условія, которыя иногда дѣлаютъ ее неизбѣжною. Всѣ заповѣди Христовы даны съ тою цѣлью, чтобы человѣкъ возвышался до подражанія совершенствамъ Божіимъ (V, 48), и сею цѣлью должны быть изъясняемы. Нельзя, напримѣръ понимать буквально заповѣдь объ изверженіи соблазняющаго ока и отсѣченіи правой руки (Матѳ. V, 29—30). Если бы христіане еще на землѣ достигали Богоподобнаго совершенства, если бы честность всякаго была несомнѣнна для всѣхъ, то и клятва тогда была бы излишня. Но теперь, когда оставлены вкупѣ расти до жатвы и плевелы и пшеница, клятва неизбѣжна, и вынуждаемая нѣкоторыми чрезвычайными обстоятельствами, она не препятствуетъ совершенству избранныхъ Божіихъ, если произносится въ томъ духѣ, какой усвояетъ ей Спаситель. Онъ не отмѣняетъ древняго закона о клятвѣ и не приводитъ изъ сего закона словъ: именемъ Его (да) кленешися (Второзак. VI, 13; X, 20). Это было бы необходимо, если бъ заповѣданная древнимъ клятва уничтожилась совершенно. Но какъ духъ закона требовалъ, чтобы клянущійся поставлялъ себя мысленно предъ очами Божіими и страхомъ Божія вездѣприсутствія побуждалъ себя къ исполненію клятвеннаго обѣщанія, такъ и Спаситель, обновляя духъ сего древняго закона, напоминаетъ слушавшимъ Его, что при всякой клятвѣ свидѣтель—Богъ, что слѣдовательно не избѣжитъ Его всевѣдѣнія и правосудія тотъ, кто клянется вещами, забывая о Богѣ. Воспрещеніемъ легкомысленной клятвы Спаситель побуждаетъ смотрѣть на нее, какъ на дѣйствіе не только священное, но и подвергающее великой отвѣтственности. «Подумай, замѣчаетъ блаженный Іеронимъ, что Спаситель запрещалъ кляться не Богомъ, а небомъ и землею, Іерусалимомъ и главою твоею».

Сему изъясненію, повидимому, препятствуетъ усиленное рѣченіе, употребленное Спасителемъ, *всяко:* вовсе не клянись. Но подобныя выраженія, служа ограниченіемъ предмета, не служатъ его отрицаніемъ и изъ духа ученія Христова заимствуютъ свою ограничительную силу. Въ бесѣдѣ съ Самарянкой Спаситель говоритъ: *грядетъ часъ, егда ни въ горѣ сей, ни во Іерусалимѣхъ поклонитеся Отцу* (Іоан. IV, 21); но было бы погрѣшительно, на основаніи сихъ словъ, уничижать мѣста внѣшняго Богопочтенія, и Іерусалимъ доселѣ служитъ мѣстомъ самаго благоговѣйнаго поклоненія Богу. Такъ же должно судить и о клятвѣ: Спаситель воспрещаетъ клятву, но безразсудную и лицемѣрную. Такое употребленіе ея Спаситель хочетъ уничтожить, когда въ другое время, обличая пороки фарисеевъ, объясняетъ: *иже кленется церковью, клянется ей и Живущимъ въ ней: и кле-*

ныйся небесемъ кленется престоломъ Божіимъ и Сѣдящимъ на немъ (Матѳ. XXIII, 21—22). Изъясненіе сіе представляется излишнимъ, если бы Спаситель хотѣлъ отвергнуть клятву вообще, а не фарисейскую только клятву. Ибо, осуждая пороки Іудеевъ, Онъ оставляетъ неприкосновенными важнѣйшія дѣла правды и закона: сія подобаше творити, а указывая на извращеніе заповѣдей, возстановляетъ истинный порядокъ ихъ: фарисее слѣпый, очисти прежде внутреннее... (26).

Когда Спаситель предсталъ синедріону, Онъ молчалъ и не отвѣчалъ на многократные вопросы и побужденія со стороны первосвященника. Но какъ скоро Каіафа употребилъ имя Божіе и сказалъ: заклинаю Тя Богомъ живымъ, да речеши намъ,—Спаситель, давъ немедленный отвѣтъ, чрезъ сіе показалъ, какъ свято и достоуважаемо призываніе имени Божія даже въ устахъ неправеднаго судіи. Чего не могъ достигнуть Каіафа силою первосвященническихъ правъ и своей власти, то получилъ призываніемъ имени Бога живаго (Матѳ. XXVI, 62—63).

Итакъ заповѣдь Спасителя о клятвѣ въ связи рѣчи и въ соображеніи другихъ словъ Христовыхъ внушаетъ намъ такое правило: «не вызываться самопроизвольно и легкомысленно на клятву и не требовать ея отъ другихъ безъ особенной надобности».

Ту же самую мысль внушаютъ слова Апостола Іакова, въ которыхъ содержится точное повтореніе заповѣди Христовой о клятвѣ. Онъ говоритъ: *прежде же всѣхъ, братіе моя, не кленитеся ни небомъ, ни землею, ни иною коею клятвою: буди же вамъ еже ей, ей, и еже ни, ни: да не въ лицемѣріе* (осужденіе) *впадете* (V, 12). (Прибавл. къ тв. св. оо. 1853 г., ч. XII, стр. 522 — 530.)

О заповѣди относительно возмездія за обиду.

(Еп. Ангеила и архим. Ѳеодора.)

Продолжая Новозавѣтное духовно-нравственное законодательство, Іисусъ Христосъ говорилъ: *слышасте, яко речено бысть: око за око и зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ: не противитися злу. Но аще тя кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую: и хотящему судитися съ тобою, и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу: и аще кто тя поиметъ по силѣ поприще едино, иди съ нимъ два. Просящему у тебе дай и хотящаго отъ тебе заяти не отвращи (ст. 38—42).*

Слышасте, яко речено бысть: око за око, зубъ за зубъ.—Законы, изложенные въ Исходѣ XXI, 24. Левитъ XXIV, 20. Второзакон. XIX, 21. Строгіе, даже суровые, законы эти даны были не для того, чтобы другъ у друга вырывали глаза, но дабы удерживали руки свои отъ обидъ; ибо угроза, заставляющая страшиться наказанія, обуздываетъ стремленіе къ дѣламъ преступнымъ (Злат. ср. Ѳеофил.). Хотя законъ же самъ и пророки ограничивали дѣйствіе этого закона, запрещая и обличая любомстительность (Левит. XIX, 18. Пл. Іерем. III, 27—30. Пр. 24, 29), тѣмъ не менѣе законъ этотъ былъ въ дѣйствіи, и, будучи данъ, какъ и другіе подобные законы, по жестокосердію или жестоковыйности или грубости Іудеевъ ветхозавѣтныхъ, не согласенъ съ высокою любовью христіанскою, и потому требовалъ отмѣненія или лучше усовершенія.

Посему Господь полагаетъ рѣшительную преграду такому злоупотребленію и разоренію древняго закона о возмездіи, противопоставляя буквѣ онаго благодатный законъ новозавѣтной правды, которая на обиду отвѣтствуетъ готовностью принять еще новую обиду, не

правую притязательность удовлетворяетъ сугубо, и тѣмъ паче готова на всякія уступки для просящихъ, отрекаясь отъ всякаго возмездія. *Азъ же глаголю вамъ: не противитися злу*, и т. д.

Чувство кротости и любви, заповѣданное въ сихъ словахъ Спасителемъ, было во всѣ времена отличительнымъ признакомъ тѣхъ, кои истинно принадлежали къ Церкви Его. Оно ясно выражается у Апостоловъ (Римлян. XII, 19—21. 1 Солун. V, 15. 1 Коринеян. VI, 7. 1 Петр. III, 9). Но само собою разумѣется, что Христовы правила о терпѣніи обидъ, объ отреченіи отъ возмездія, какъ направленныя собственно противъ Іудейской любомстительности, не исключаютъ не только общественныхъ мѣръ къ ограниченію зла и наказанію дѣлающихъ зло, но и частныхъ усилій и заботъ о ненарушимости правды, о вразумленіи легкомысленныхъ обидчиковъ, о доведеніи злонамѣренныхъ до невозможности вредить другимъ. Ибо иначе самые духовные Христовы законы мы по Іудейски обратили бы только въ букву, могущую послужить къ успѣхамъ зла и къ подавленію добродѣтели. Итакъ, хотя Спаситель изрекъ заповѣдь въ видѣ общаго правила, но исполнять ее буквально во всѣхъ случаяхъ, безъ исключенія было бы не согласно съ духомъ Христіанскаго ученія и съ другими изрѣченіями Господа и Апостоловъ. Христіанинъ есть сынъ Небеснаго Отца (45) и благодатный общникъ Божественнаго естества (2 Петр. I, 4). Любовь христіанина должна имѣть въ себѣ характеръ любви Божіей. Но любовь Божественная неразлучна со святостью и премудростью, и потому не только допускаетъ и терпитъ зло, но и ограничиваетъ и наказываетъ его, какъ по внутреннимъ свойствамъ Божественной природы, такъ для уврачеванія зла и для блага человѣчества. Подобнымъ образомъ и любовь христіанина должна терпѣть зло только въ той мѣрѣ, въ какой оно остается болѣе или менѣе безвреднымъ для славы Божіей и для спасенія человѣковъ. Если вѣчное благо не совмѣщается съ зломъ, то любовь христіанина должна ограничивать и наказывать зло, и эта обязанность наказывающей любви, по Божественному установленію возложена на начальство (Римлян. XIII, 1—4).

Итакъ изрѣченіе Спасителя, понимаемое по духу христіанской истины, заключаетъ въ себѣ слѣдующій смыслъ: «вы, ученики Мои, должны быть свободны отъ любомстительности, должны дѣлать для оскорбителя болѣе того, чего требуетъ онъ отъ васъ, если это только не противно славѣ Божіей, благу общества и самого оскорбителя». Сему объясненію не противорѣчитъ связь словъ Спасителя; ибо, какъ мы видѣли, заповѣдь Христова клонится не къ ограниченію наказанія зла, но къ искорененію любомстительности въ ученикахъ Христовыхъ.

Что сіе объясненіе проистекаетъ изъ духа Христова, это подтверждается другими библейскими изрѣченіями. Апостолъ Павелъ, узнавъ о тяжбахъ христіанъ Коринѳской Церкви, не рѣшительно исключаетъ оныя изъ общества христіанскаго (1 Коринѳ. VI, 7), а говоритъ только: для чего они не хотятъ лучше быть обиженными, но обижаютъ сами? Онъ называетъ начальство *слугою Божіимъ, отмстителемъ, въ гнѣвъ злое творящимъ* (Римлян. XIII, 4). Въ другихъ мѣстахъ Самъ Христосъ дозволяетъ Своимъ ученикамъ удаляться отъ гоненій бѣгствомъ. Что̀ касается дѣйствій Спасителя и Апостоловъ, то въ Евангеліи (Іоан. XVIII, 23), видимъ примѣръ, что Господь Самъ при ударенiи Его въ ланиту не исполняетъ

буквально Своей заповѣди—подставлять и другую біющему; но, напротивъ, спрашиваетъ оскорбителя: *аще глаголахъ добрѣ, что Мя біеши?* Апостолъ Павелъ вездѣ признаетъ въ начальствѣ долгъ наказывать зло и, въ случаѣ оказываемой ему несправедливости, вмѣсто того, чтобы страдать, обращается къ начальству (Дѣян. XVI, 35—40; XXII, 23—29; XXV, 9—11). Когда первосвященникъ повелѣлъ бить его по устамъ, то онъ отвѣчаетъ ему съ укоризною (Дѣян. XXIII, 2 — 4); и когда сталъ оправдываться въ своихъ словахъ, то раскаявался не въ укоризнѣ, но въ томъ, что по невѣдѣнію укорилъ первосвященника—начальника народа.

Ст. 41. *И аще кто тя поиметъ по силѣ поприще едино, иди съ нимъ два.* Образъ рѣчи заимствованъ отъ восточнаго, собственно Персидскаго, распространившагося и въ Палестинѣ и на западѣ, обычая или способа пересылки какихъ либо важныхъ документовъ или приказаній. Со временъ Кира установлено было, что курьеры, везшіе какія либо приказанія, отъ станціи до станціи, имѣли право требовать себѣ проводниковъ и принуждать къ тому силою въ случаѣ нежеланія (Гер. VIII, 98. Ксеноф. Кироп. VIII, 6, 17). «Принудить значитъ влечь кого неправедно, безъ всякой причины и съ обидою. Но и на сіе будь готовъ, такъ чтобы ты готовъ былъ больше страдать, нежели сколько тотъ тебѣ вредитъ» (Злат.). Общій смыслъ: если потребуется твоя услуга даже несправедливо и съ принужденіемъ, окажи двоякую услугу.

Что̀ касается въ особенности сего правила: *просящему у тебе дай и хотящаго отъ тебе заяти не отврати* (42), то въ разумѣніи и исполненіи онаго также не должно, по Іудейски, связываться одной буквой. Ибо буквальное разумѣніе и исполненіе сей заповѣди можетъ вести иногда къ поступкамъ, совершенно противнымъ духу христіанства. Такъ карпократіане оправдывали удовлетвореніе похоти тѣмъ, что сего требуетъ сама природа, а требованіе просящаго, говорили они, должно исполнять. Блаженный Іеронимъ ограничиваетъ предметъ даянія просящему собственно духовными дарами. Но нѣтъ сомнѣнія, что Спаситель имѣлъ въ виду и тѣлесныя или внѣшнія благодѣянія, какъ видно изъ дальнѣйшаго наставленія—вообще добро творить ненавидящимъ (44). Только въ другихъ мѣстахъ Новаго Завѣта предписываются правила благотворительности, опредѣляющія нѣкоторыя условія для ней и указывающія на нѣкоторыя степени благотворенія. *Аще бо усердіе предлежитъ*, говоритъ святый Апостолъ Павелъ (2 Коринѳ. VIII, 12), *поелику аще кто имать, благопріятенъ есть, а не поелику не имать.* Онъ же пишетъ въ другомъ мѣстѣ (Галат. VI, 10): *тѣмже убо дондеже время имамы, да дѣлаимъ благое ко всѣмъ, паче же къ приснымъ въ вѣрѣ.* И еще: *аще же кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отверглся есть, и невѣрнаго горшій есть* (1 Тимоѳ. V, 8). Впрочемъ никакъ не должно, съ другой стороны, и ограничивать самый духъ разсматриваемыхъ Христовыхъ заповѣдей. «Что̀ же, неужели мнѣ нагому ходить, скажешь ты?» говоритъ святый Златоустъ и продолжаетъ: не были бы мы наги, если бы въ точности исполняли сіи повелѣнія; и ниже еще: не будемъ почитать невозможными повелѣнія Господни. Они и полезны, и весьма удобны къ исполненію, если только мы будемъ бодрствовать. «И дѣйствительно, существенная сила сихъ заповѣдей Христовыхъ состоитъ въ томъ, чтобы намъ въ своемъ духѣ и сердцѣ отвѣчать на обиду не только проще-

ніемъ оной, но и полною готовностью принять еще новую обиду, чтобы сердечною любовью стремиться къ удовлетворенію и успокоенію всякаго просящаго. А что̀ касается до внѣшняго обнаруженія такой христіанской настроенности, то самая любовь христіанская, служащая для оной основаніемъ и закономъ, не допуститъ, напримѣръ, подать ножъ требующему его убійцѣ или безумцу; всеусильно воспротивится содѣйствію и сопутствованію человѣку, идущему на худое дѣло, успокоитъ и удовлетворитъ прежде присныхъ по вѣрѣ, нежели чуждыхъ, и т. д.

Итакъ общій смыслъ всего мѣста таковъ: «въ Новомъ Завѣтѣ, согласно впрочемъ съ духомъ и истинными требованіями ветхозавѣтнаго закона, злу не должно противопоставлять зла; не враждою и обидою должно ограничивать, обезоруживать и вразумлять враждебность обидчика, но любовью, готовою принять отъ него и другую обиду, готовою дать ему вдвое противъ того, чего насильно требуетъ его жадность. Тѣмъ паче въ тѣхъ случаяхъ, когда кто дѣйствительно въ чемъ либо нуждается и проситъ сего скромно и униженно, любви христіанской свойственно быть готовою даже на сугубыя услуги, по крайней же мѣрѣ на полное удовлетвореніе просителя. И только бы совершенно сроднилась съ сердцемъ человѣка такая любовь Новаго Завѣта, сама она будетъ для него правиломъ и руководствомъ въ томъ, какъ поступать во всѣхъ разнообразныхъ отношеніяхъ къ просителямъ и обидчикамъ» (Прав. Соб. 1856 г., стр. 107. 110—116. Толков. Ев. Михаила, ч. I, стр. 89, 92).

О любви къ врагамъ и христіанской благотворительности (Лук. VI, 27—36. Матѳ. V, 43—48).

Д. Державина.

Какъ ни высоки требованія любить враговъ, благотворить гонителямъ и проч., однако не только сердце соглашается съ ними, хотя и не можетъ не бояться немощи человѣческой, но и разумъ невольно долженъ признать справедливость этихъ требованій. Безъ всякихъ хитрыхъ доказательствъ, къ какимъ обыкновенно прибѣгаетъ мудрость человѣческая, Небесный Учитель однимъ словомъ доказалъ, что эти великія требованія любви суть вмѣстѣ и требованія справедливости; «поступайте съ людьми та́къ, ка́къ хотѣлось бы вамъ, чтобы и они поступали съ вами». Что̀ можетъ быть справедливѣе, законнѣе этого требованія? Итакъ хотите вы, чтобы васъ любили всѣ безъ исключенія, даже и враги,—любите же и вы всѣхъ безъ исключенія, даже и враговъ. Хотите ли вы, чтобы вамъ благотворили, васъ благословляли, за васъ молились, прощали вамъ ваши проступки—всѣ, даже и враги,—дѣлайте и вы то же. Хотите ли вы, чтобы вамъ помогали въ вашихъ нуждахъ: давали, напримѣръ, взаймы даже и тогда, когда вы не можете дать процентовъ и даже обезпечить уплаты, давайте и вы, если имѣете возможность, не только тѣмъ, которые могутъ платить проценты и обезпечить заемъ, но и тѣмъ, которые не могутъ этого сдѣлать; и если хотите, чтобы съ васъ не требовали уплаты безъ всякой жалости, съ насиліемъ и жестокостью, когда вы не въ состояніи уплатить,—не будьте и вы безжалостны къ неимущимъ должникамъ. Однимъ словомъ, имѣйте всегда предъ очами совершенное милосердіе Отца Небеснаго и подражайте Ему, если хотите

быть сынами и наслѣдниками Всевышняго. Что̀ можетъ быть справедливѣе этихъ требованій? Этотъ законъ совершеннѣйшей любви не есть ли вмѣстѣ съ тѣмъ и законъ совершеннѣйшей правды? Такъ, любовь и правда—въ сущности одно, и только въ нашемъ больномъ зрѣніи они двоятся.

Но вотъ правила, соблазняющія многихъ: «ударитъ ли кто тебя по щекѣ, подставь другую; оспариваетъ ли кто у тебя верхнюю одежду, уступи и рубашку».—«Неужели въ самомъ дѣлѣ», спрашиваютъ съ недоумѣніемъ, «должно безпрекословно выносить всѣ оскорбленія, самыя унизительныя, въ родѣ пощечинъ, и уступать неправдѣ, которая готова ограбить васъ?» Іисусъ Христосъ заповѣдуетъ о высочайшихъ подвигахъ христіанской любви и самоотверженія прямо и положительно, безъ ограниченій и условій. Такъ и исполнять нужно заповѣдь Христову. Подвиги такой высочайшей любви и самоотверженія не для всякаго изъ насъ христіанъ сразу могутъ быть доступны; къ такимъ подвигамъ нужно идти путемъ долгаго упражненія своихъ нравственныхъ силъ и духовнаго воспитанія. Кто достигаетъ въ такую мѣру нравственнаго совершенства, тотъ исполняетъ ученіе Христово о любви безъ условій и ограниченій; Святая Церковь наша прославляетъ нестяжательныхъ безсребренниковъ и такихъ нищелюбивыхъ благотворителей, которые жертвовали всѣмъ достояніемъ своимъ по любви къ ближнимъ, которые не только отдавали свою послѣднюю рубашку просящему у нихъ, но и полагали собственную душу за нихъ; Святая Церковь прославляетъ въ сонмѣ святыхъ своихъ такихъ смиренныхъ и безмолвныхъ труженниковъ на подвигѣ терпѣнія, которые благодушно и съ любовью переносили всякія оскорбленія, удары и страданія; Святая Церковь прославляетъ и такихъ подвижниковъ нестяжательности, которые собственными руками помогали вору забрать у нихъ имущество ихъ. Но повторимъ еще, это—такіе высокіе подвиги любви и самоотверженія, которые не всякій можетъ понести. И если бы намъ хоть малымъ чѣмъ приближаться къ высокому духу такихъ подвиговъ любви Христовой!... Кто не достигъ такого нравственнаго совершенства и не въ состояніи понести такихъ подвиговъ, для тѣхъ изъ насъ открытъ законный путь удовлетворенія за обиду, нанесенную намъ, за похищеніе нашего имущества и под. Съ этой стороны предполагается само собою ограниченіе въ ученіи Евангельскомъ о подвигахъ любви и самоотверженія; но это такое ограниченіе, которое относится собственно не къ смыслу и широтѣ заповѣди о любви, а къ немощамъ нашимъ.

Есть и другого рода ограниченія этой заповѣди, ограниченія, которыя по существу своему не суживаютъ смыслъ заповѣди, а расширяютъ его. Мы призываемся ученіемъ Христовымъ къ перенесенію личныхъ обидъ и притѣсненій. Но, если ты имѣешь дѣло съ воромъ, который своимъ ремесломъ вредитъ благосостоянію общества, и ты изъ боязни потакаешь ему и не стараешься предать его въ руки правительства и суда,—въ такомъ случаѣ ты грѣшишь противъ заповѣди о любви къ ближнему. Если ты поставленъ судьею и въ этомъ званіи по чувству личнаго снисхожденія будешь укрывать отъ закона, оправдывать воровъ и грабителей, то ты грѣшишь противъ заповѣди о любви, хотя бы ты думалъ, что думаешь это изъ побужденій любви и снисхожденія.

Если же, христіанинъ, близкій твой нанесъ тебѣ оскорбленіе по какимъ бы

то ни было побужденіямъ, въ минуту ли душевнаго разстройства, или въ горячемъ спорѣ, или потому что онъ предубѣжденъ противъ тебя клеветою злыхъ людей, нанесъ оскорбленіе по горячности характера и неумѣнію сдерживать себя,—въ этихъ и подобныхъ случаяхъ, христіанинъ, прости, прости ему отъ всей души, по братски, какъ ни было глубоко оскорбленіе; скорѣе перенеси новое, только не мсти. Твое терпѣніе, твоя уступчивость, твое снисхожденіе обезоружатъ оскорбителя и возбудятъ въ немъ искреннее раскаяніе; напротивъ того, излишняя взыскательность превращаетъ ничтожную вспышку въ упорную вражду. Сколько такимъ образомъ наше щекотливое самолюбіе и гордость рождаютъ непримиримыхъ ненавистей! Какъ часто неразрывные друзья дѣлаются заклятыми врагами только оттого, что одинъ изъ нихъ не хотѣлъ снести какого-нибудь обиднаго слова. Прощеніе вольныхъ ли то, или невольныхъ и случайныхъ оскорбленій есть и благоразумный, и благородный поступокъ.

Подобнымъ же образомъ мы должны вести себя, когда дѣло касается нашего имущества. Если татъ, или грабитель по ремеслу, судія—мздоимецъ, торговецъ—обманщикъ, или сосѣдъ—сутяга посягаютъ на нашу собственность, то мы должны не мстить ему лично, а имѣемъ право и обязаны защитить свою собственность судомъ. Мы обязаны это сдѣлать, во-первыхъ, для себя, по естественному чувству самосохраненія, если похищеніе такъ значительно, что доводитъ насъ до нищенской сумы, потому что въ этомъ случаѣ уступчивость есть безразсудство. Мы еще болѣе обязаны защищать свою собственность для своей семьи, если имѣемъ ее, чтобы ради безсовѣстнаго и безбожнаго грабителя не пустить семьи поміру. Мы обязаны даже предать хищника въ руки правосудія для блага цѣлаго общества, чтобы другихъ спасти на будущее время отъ его покушеній. Наконецъ, мы обязаны это сдѣлать для блага самого хищника, потому что хищниковъ уступчивость дѣлаетъ болѣе наглыми, а сопротивленіе и наказаніе обуздываетъ и даже исправляетъ.

Но, христіанинъ, если братъ твой, голодомъ и всякаго рода лишеніями, доведенъ до отчаянія и, забывъ стыдъ и совѣсть и пренебрегая опасностью, простираетъ руку къ твоей собственности, нужно ли говорить тебѣ, какъ ты долженъ поступить въ этомъ случаѣ? Не говоритъ ли тебѣ твое собственное сердце, что тутъ мѣсто не сопротивленію, а состраданію, не наказанію, а милосердію? Не говоритъ ли тебѣ собственный здравый смыслъ, что это не обыкновенный хищникъ, котораго нужно обуздывать, а несчастный, котораго нужно спасти отъ голодной смерти,—озлобленный, котораго ожесточенное сердце нужно смягчить участіемъ и любовью. Итакъ въ этомъ случаѣ исполни заповѣдь Господню буквально: если онъ требуетъ у тебя верхнюю одежду, отдай и рубашку; т. е. дай ему больше, чѣмъ сколько онъ у тебя требуетъ. Такого рода преступника въ образцовыхъ государствахъ даже уголовные законы, обязанные для защиты правъ гражданъ внимать только голосу правосудія, и тѣ отличаютъ отъ преступниковъ въ собственномъ смыслѣ и смягчаютъ для нихъ наказанія. Но правосудіе общественное не можетъ оказывать этимъ несчастнымъ столько снисхожденія, сколько они заслуживаютъ, какъ потому, что и не имѣетъ права на то, такъ и потому, что не можетъ хорошо знать ихъ. Потому частныя лица, сами обиженныя, христіанскимъ милосердіемъ обязаны своею любовью смягчать строгость общественнаго правосудія.

Но одни ли эти несчастные поручены нашей любви и милосердію, а тѣ, враги наши, гонители, обидчики и хищники преданы на жертву нашей злобѣ и лишенію? О, нѣтъ! Любовь наша должна обнимать и этихъ: «любите враговъ вашихъ», заповѣдалъ Господь, «дѣлайте добро ненавидящимъ васъ, благотворите проклинающихъ васъ и молитесь за обидчиковъ и гонителей, да будете сынами Вышняго, Который благъ даже и къ неблагодарнымъ и злымъ. Подражай, христіанинъ, этому совершенному, всеобъемлющему милосердію. Если врагъ твой страждетъ, забудь всѣ оскорбленія и спѣши къ нему на помощь,—и, «если алчетъ онъ, снабди его хлѣбомъ; если жаждетъ, напой его»; если встрѣтишь осла своего врага заблудившимся, вороти и отдай ему (Притч. XXI, 22); если встрѣтишь упавшимъ отъ бремени, не проходи мимо, но вмѣстѣ съ нимъ, твоимъ врагомъ, подними измученное животное (Исход. XXIII, 4—5); вообще отнюдь «не питай ненависти къ врагу своему въ сердцѣ, не враждуй, не мсти» (Левит. XIX, 17—18). Такъ повелѣвалъ даже ветхозавѣтный законъ, уступавшій Евангельскому въ кротости. Даже и предавать оскорбителя или хищника справедливому наказанію должно не изъ мщенія,—не съ злобною радостью, даже не съ холоднымъ безстрастіемъ судьи, а съ любовью, съ искреннимъ желаніемъ исправить его, подобно тому какъ врачъ даетъ больному горькое лѣкарство, или отсѣкаетъ больной членъ, для того чтобы спасти больнаго. Пусть любовь опредѣляетъ и наказаніе, и мѣру его, и смягчаетъ его суровость. «Вся вамъ любовію да бываютъ».

Нѣтъ, подумаетъ, можетъ быть, не одинъ изъ насъ, это возможно только для Бога, а не для человѣка. Я могу подавить въ своемъ сердцѣ раздраженіе противъ человѣка случайно, безъ явнаго намѣренія оскорбившаго меня; я могу не только безъ всякаго усилія простить несчастнаго, котораго нищета заставила протянуть руку къ моей собственности, но и готовъ даже отъ всего сердца помочь ему; я понимаю, какъ безчеловѣчно мстить въ подобномъ случаѣ; я могу даже простить и врага, если съ искреннимъ раскаяніемъ онъ будетъ просить у меня прощенія; но любить закоснѣлаго врага, благословлять проклинающаго меня и молиться за гонителя—нѣтъ это выше силъ человѣческихъ, это невозможно!— Нѣтъ, видно возможно, когда Господь повелѣваетъ: Онъ, конечно, знаетъ, что̀ возможно и невозможно; видно возможно, когда и Церковь, во исполненіе Его заповѣди, въ своихъ молитвословіяхъ заставляетъ насъ молиться за ненавидящихъ насъ. Конечно, невозможно достигнуть такого невозмутимаго незлобія и кротости, чтобы ни отъ какихъ обидъ не зашевелилось въ сердцѣ раздраженіе; не этого требуетъ слово Божіе: «гнѣвайтеся», говоритъ Давидъ, «только не согрѣшайте» (Псал. IV, 5). Раздраженіе извиняется; не должно только допускать гнѣву заглушать чувство любви, превращаться въ злобу и увлекать насъ къ мщенію. Вотъ чего требуетъ отъ насъ Господь, и это возможно. Подумайте только, что врагъ вашъ и гонитель есть однако братъ вашъ о Христѣ; а перестаетъ ли братъ любить даже врага—брата, или отецъ перестаетъ ли любить преступнаго сына? Подумайте еще, что вы сами нерѣдко бываете виновны противъ вашихъ ближнихъ, и даже, можетъ быть, были виновны противъ него, врага своего, и слѣдовательно имѣете нужду въ снисхожденіи. Подумайте, что, если не вашей виною онъ сталъ вашимъ врагомъ, то въ томъ, что у него такое

порочное и злое сердце, непремѣнно болѣе или менѣе виновно дурное воспитаніе, дурные примѣры, несчастныя обстоятельства. Подумайте наконецъ, что злой человѣкъ, обижающій васъ, есть опасно больной, который, обижая васъ, дѣлаетъ гораздо болѣе себѣ вреда, чѣмъ вамъ, потому что вамъ онъ причиняетъ только временный вредъ, а себѣ вѣчный, связывая свою душу грѣхомъ. Не даромъ простой народъ съ глубоко вѣрнымъ чувствомъ называетъ преступниковъ, преданныхъ въ руки правосудія, несчастными. Сообразите же все это и скажите, не естественно ли, вмѣсто ненависти, чувствовать состраданіе къ самому лютому врагу? Отчего же намъ однако такъ трудно прощать враговъ? Не отъ того ли, что̀ наше сердце вообще отвыкло отъ любви и стало слишкомъ самолюбиво? Такъ изнѣженный человѣкъ не можетъ вынести тѣхъ тяжелыхъ трудовъ, какіе выноситъ поденьщикъ. Вглядимся безпристрастно въ наше сердце: какими чувствами оно постоянно питается? Хорошо ли знакома намъ любовь не только ко врагамъ, но даже къ нашимъ сродникамъ, къ благодѣтелямъ? Осмотримся кругомъ, въ какихъ отношеніяхъ мы другъ къ другу? Надменность и презрѣніе къ низшимъ, притѣсненія и грабительства слабыхъ, зависть и ожесточеніе къ высшимъ, соперничество къ равнымъ, вражда даже къ тѣмъ, съ которыми природа связала насъ священными узами—къ родителямъ и дѣтямъ, вотъ печальная, но вѣрная картина нашихъ отношеній, плохо прикрытая вѣжливостью, приличіями. Любовь, это небесная гостья, низведенная Христомъ на землю, кажется, снова улетѣла въ родное небо и оставила землю въ жертву самолюбію. Мудрено ли послѣ этого, что мы не въ силахъ любить своихъ враговъ? (Воскр. Чт., г. XXVIII, ч. II, стр. 732—741.)

Собесѣдованіе Константина философа о любви ко врагамъ.

Христіанскому философу Константину, нареченному Кириллу, предложенъ былъ Сарацинами вопросъ, касающійся любви ко врагамъ. Они говорили: «если Христосъ есть Богъ вашъ, то почему вы не дѣлаете того, что̀ Онъ повелѣваетъ: молиться за враговъ, добро творить ненавидящимъ васъ, обращать ланиту біющимъ; вы же не та́къ, а совсѣмъ противно поступаете: изощряете оружіе противъ враждующихъ, выходите на брань съ ними и умерщвляете ихъ». Блаженный Кириллъ спросилъ въ свою очередь: «если въ какомъ-нибудь законѣ предлагаются двѣ заповѣди и обѣ даются людямъ для исполненія, то кто будетъ истиннѣйшимъ законоблюстителемъ: тотъ ли, который исполнитъ одну заповѣдь, или тотъ, кто исполнитъ обѣ заповѣди? «Безъ сомнѣнія тотъ,—отвѣчали Сарацины,—который исполнитъ обѣ заповѣди». Тогда философъ сказалъ имъ: «Христосъ Богъ нашъ повелѣлъ намъ молиться за обижающихъ насъ и благотворить имъ; но Онъ же заповѣдалъ намъ: *большіи сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV, 13). Поэтому мы терпимъ обиды, причиняемыя каждому изъ насъ отдѣльно, но въ обществѣ защищаемъ другъ друга и полагаемъ свою жизнь за братій нашихъ, дабы вы, увлекая ихъ въ плѣнъ, не плѣнили вмѣстѣ съ тѣлами и души ихъ, склоняя благочестивыхъ къ своимъ злымъ и богопротивнымъ дѣламъ (Воскр. Чт., г. XXI, стр. 72).

И взаимъ дайте, ничесоже чающе (Лук. VI, 35—36).

Но неужели въ самомъ дѣлѣ грѣшно давать другимъ взаймы въ ожиданіи отдачи? Нельзя сказать этого безусловно: въ нашъ вѣкъ, да и всегда, благовременное одолженіе при нуждѣ стоитъ иногда не менѣе прямой благотворительности или безвозвратнаго пожертвованія. И Самъ Спаситель когда говоритъ: «взаймы давайте, ничего не ожидая», этими же словами показываетъ, что давать взаймы можно. Какимъ же образомъ все это примиряется само съ собою? Мы знаемъ, что бываютъ различные роды ссудъ и одолженій: однѣ дѣлаются съ явною цѣлью — помочь собрату, облегчить бѣду его, безъ всякихъ лишнихъ притязаній, и соединяются съ терпѣливостью относительно возвращенія имъ взятаго и снисходительною невзыскательностью въ случаѣ его несостоятельности, особенно если она непредвидѣнна; другія употребляются какъ средство—воспользоваться чужою бѣдою для извлеченія себѣ какой либо прибыли, или же хотя и дѣлаются по прямому уваженію къ нуждѣ другаго, но, не будучи плодомъ безкорыстнаго добросердечія, при первомъ же замедленіи возврата, хотя бы и невольномъ, вызываютъ гнѣвъ благодѣтеля и только обращаются въ поводъ къ враждѣ и жестокостямъ съ его стороны. Очевидно, что между тѣмъ и другимъ разница большая. Есть возможность совмѣстить требованіе безкорыстной щедрости съ дѣломъ временнаго одолженія собрату: это будетъ выполнено тогда, когда мы, имѣя средства, будемъ съ такою же точностью въ этомъ случаѣ, какъ и во всякомъ другомъ, слѣдовать правилу: *просящему у тебе дай* (Матѳ. V, 42),—когда не будемъ требовать себѣ излишнихъ и стѣснительныхъ для ближняго вознагражденій,—когда, наконецъ, сдѣлавъ ему ссуду, не будемъ много заниматься тѣмъ, въ какую пору и съ какою исправностью она будетъ возвращена, и даже разсуждать о томъ, будетъ ли она когда-нибудь возвращена. Внѣшняя форма отношеній нашихъ можетъ оставаться въ обыкновенномъ своемъ видѣ; но тутъ сила въ томъ уже, какъ мы внутренно относимся къ этому дѣлу, до какой степени тутъ дѣйствуетъ наше безкорыстіе и наше доброжелательство другому. Но, разумѣется, всѣ наставленія Христовы клонятся къ тому, чтобъ мы вообще какъ можно болѣе совершали дѣлъ благотворительности безвозмездно и безъ житейскихъ расчетовъ, имѣя въ виду одну небесную награду.

Въ такихъ-то дѣйствіяхъ должна показывать себя наша любовь къ ближнимъ. Тогда только и будетъ снята та преграда, которая мѣшаетъ ей стать на степень совершенства и всеобщности; тогда только и окажется, что мы любимъ другихъ не своекорыстною любовью грѣшниковъ, а тою, какая свойственна людямъ обновленія и сынамъ Вышняго. *И будете сынове Вышняго,* продолжаетъ Спаситель. Почему же? *Яко Той благъ есть на безблагодатныя и злыя,*—потому что Всевышній благъ и къ неблагодарнымъ, и злымъ. Любовь наша, если хочетъ быть достойна благодати нашего усыновленія, должна сама быть сродною любви Божественной и дѣйствовать по образу ея; а эта присносущная любовь непрерывно промышляетъ о благѣ и спасеніи каждаго изъ насъ, не смотря на тѣ ежечасныя и тяжкія ей оскорбленія и на ту забывчивость къ ея благодѣяніямъ, какія встрѣчаетъ съ нашей стороны. Потому и говоритъ Спаситель въ заключеніе: *будите убо милосерди якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть* (36). Такимъ образомъ,

указавъ намъ сперва слѣдовать примѣру нашей естественной любви къ самимъ себѣ, Христосъ возводитъ насъ потомъ къ другому, высшему и совершеннѣйшему образцу,—образцу любви Божественной, и въ этомъ послѣднемъ открываетъ непрерывный путь усовершенія нашей любви, какъ относительно силы ея, такъ относительно чистоты и святости побужденій (Воскр. Чт., г. XXV, ч. II, стр. 718—720).

Будите совершени, якоже Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть (Матѳ. V, 48).

Раціоналисты часто говорятъ объ идеалѣ, къ которому долженъ стремиться человѣкъ; но ихъ идеалъ отвлеченъ, какъ идея, и въ отношеніи къ усовершенствованію человѣка совершенно безплоденъ. Самое ихъ ученіе объ этомъ предметѣ, какъ ни кажется просто и опредѣленно, лишено не только жизни, но даже и смысла. «Если ты имѣешь, говорятъ они, любовь къ прекрасному, то имѣешь и любовь Іисуса. Если ищешь идеала, то ищешь Іисуса. Если молишься идеалу прекраснаго, то молишься Самому Іисусу Христу. Ты истинный, въ такомъ случаѣ, христіанинъ. Только древніе христіане поклонялись символамъ; а нынѣшній христіанинъ долженъ поклоняться духомъ и истиною».

По этому странному сужденію о христіанствѣ и нравственности были бы истинными христіанами всѣ философы, всѣ избранные мыслители искусства и литературы. Ибо развѣ они не любятъ идеала? Развѣ своего генія не посвящаютъ поклоненію прекрасному? И ихъ идеальный Христосъ не составляетъ ли для нихъ всю религію?

Но что̀ это за Христосъ, который требуетъ отъ своихъ поклонниковъ только литературныхъ цвѣтовъ и ѳиміама прекрасныхъ искусствъ? Что̀ это за религія, гдѣ искусство заступаетъ мѣсто Богопочтенія, наука замѣняетъ добродѣтель, геній почитается святостью? Можно ли назвать истиннымъ христіаниномъ того, чья вѣра есть взоръ, устремленный на умственный идеалъ, чья надежда есть только славная мечта, и чье поклоненіе оканчивается колѣнопреклоненіемъ предъ божествомъ разума?

Какъ относится это почитаніе безличнаго идеала къ истинной добродѣтели и нравственному усовершенствованію человѣка? Въ состояніи ли этотъ идеалъ освятить философовъ, которые почитаютъ себя жрецами его? Что̀ эта религія идеала, которой народъ не понимаетъ и которой имя даже служитъ для него загадкою, что̀ она можетъ сдѣлать для добродѣтели, и какую святость можетъ произвесть въ народѣ? Найдете ли вы отца, или мать, или дитя, которые бы, силою этого идеала и подражаніемъ этому абстрактному Христу, когда-нибудь нравственно образовались и просвѣтились?

Нѣтъ, только опредѣленно обозначенный, личный, живой идеалъ силенъ, дѣйствителенъ и плодоносенъ въ великомъ дѣлѣ усовершенствованія человѣка. Кто этотъ идеалъ? Отецъ Небесный, совершенства Котораго мы видимъ въ лицѣ Богочеловѣка Іисуса Христа. Такъ какъ Божественное Существо невидимо и непостижимо для твари, то Единородный Сынъ Божій благоволилъ низойти на землю, облекся въ естество человѣческое, и не только явилъ въ Себѣ безконечныя совершенства Отца Небеснаго, но и указалъ намъ путь къ уподобленію этому высочайшему идеалу. *Азъ есмь*, говоритъ, *путь, истина и животъ: никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною. Аще Мя бысте знали и Отца Моего знали бысте. Якоже Азъ во Отцѣ, тако и Отецъ во Мнѣ. Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. XIV, 7—10).

Въ чемъ же состоитъ то Божественное совершенство, которому мы должны подражать? Въ святости: *по звавшему вы Святому,* говоритъ Апостолъ, *и сами святи во всемъ житіи будите. Зане писано есть: святи будите, якоже Азъ святъ есмь* (1 Петр. I, 16). Этого совершенства всего болѣе требуетъ отъ насъ Отецъ Небесный. Онъ есть высочайшій и чистѣйшій свѣтъ, и потому пятно грѣховное для Него нестерпимо, и Онъ отвращаетъ очи Свои отъ человѣка грѣшника: *измыйтеся,* требуетъ Онъ, *и чисти будите, отымите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима Моима* (Исаія I, 16). Единородный Сынъ Божій, Іисусъ Христосъ, для того и пришелъ на землю, для того и пролилъ Свою драгоцѣнную Кровь, чтобы искупить грѣхъ нашъ и представить намъ образецъ жизни святой и Богоугодной: Онъ *далъ Себе за ны, да избавитъ ны отъ всякаго беззаконія и очиститъ Себѣ люди избранны, ревнители добрымъ дѣломъ* (Тит. II, 14). Да и не естественнѣе ли всего подражать святости? Премудрость Божественная непостижима, всемогущество безконечно: Богомъ не можетъ сдѣлаться человѣкъ. Одно, поистинѣ, возможно для насъ, существъ сотворенныхъ и ограниченныхъ: это — повиноваться святой волѣ Божіей; воля же Его есть *святость наша* (1 Сол. IV, 3), какъ говоритъ Апостолъ. Повиновеніе волѣ Божіей и составляетъ то драгоцѣнное преимущество, которое возвышаетъ насъ надъ неразумною природою и приближаетъ къ Богу. Въ душѣ каждаго изъ насъ есть уже образъ Божій. Надобно только, чтобы мы чтили этотъ образъ и не помрачали его страстями, которыя низводятъ человѣка до уподобленія неразумнымъ животнымъ. Надобно, чтобы мы истинно любили своего Господа; а эта любовь поведетъ насъ путемъ, прямо ведущимъ къ Богу. Самъ Спаситель встрѣтитъ насъ на этомъ пути Своею благодатною помощію, Самъ *вознесетъ и прославитъ* (Воскр. Чт., г. XXIII, стр. 385—387).

Избранныя толкованія Филарета, митрополита Московскаго, на VI главу Евангелія Луки и V главу Евангелія Матѳея.

О силѣ, исходившей отъ Господа Іисуса и исцѣлявшей вся.

Весь народъ искаше прикасатися Ему: яко сила отъ Него исхождаше и исцѣляше вся (Лук. VI, 19). Что̀ это за *сила,* которая *исхождаше отъ* Господа Іисуса *и исцѣляше вся?* — Не иная какъ сила Его Божескаго естества, соединеннаго съ естествомъ человѣческимъ, и Его человѣчества обоженнаго.

Сила Божества безконечно велика, такъ какъ всѣ Его свойства безконечны, и вѣчно дѣятельна, такъ какъ всѣ Его свойства вѣчны и непреходящи. Итакъ, сила Божества не только дѣятельно исходила изъ Его сокровенности во время шестидневнаго творенія, но дѣятельно исходитъ и послѣ онаго, по реченному Господомъ: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. V, 17). Она исходитъ въ міръ невидимый и дѣйствуетъ, какъ первоначальный свѣтъ, просвѣщающій вторые свѣты, чистые умы, — какъ источная жизнь, оживляющая и облаженствующая безсмертное бытіе духовъ. Исходитъ въ міръ видимый и дѣйствуетъ, какъ *свѣтъ,* который *во тмѣ свѣтится* (Іоан. I, 5), который *просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ* (9), какъ жизнь, которая оживляетъ смертное и мертвое воскрешаетъ. Святый Апостолъ Павелъ видитъ и свидѣтельствуетъ, что Сынъ Божій *носитъ всяческая глаголомъ силы Своея* (Евр. I, 3),

что мы въ Богѣ *живемъ, и движемся, и есмы* (Дѣян. XVII, 28), что Онъ дивнымъ образомъ приближается къ намъ, *да поне осяжемъ Его и обрящемъ, яко не далече отъ единаго коегождо насъ суща* (Дѣян. XVII, 27).

Но поелику опытъ вѣковъ показывалъ, что духъ человѣческій не умѣлъ обрѣсти и духовно осязать приближающагося къ нему Божества и, вопреки своему назначенію къ блаженному общенію съ Богомъ, погрязалъ въ тваряхъ, въ тлѣніи, въ смерти, то неистощимый въ средствахъ милованія Богъ изобрѣлъ новый необычайный способъ преподанія Своей животворной и спасительной силы человѣку. Это уже не приближеніе только Божества къ человѣку, но соединеніе Божества съ человѣчествомъ въ лицѣ Богочеловѣка Іисуса Христа, въ Которомъ, по изъясненію Апостола, *живетъ всяко исполненіе Божества тѣлесно* (Колос. II, 9). Его человѣчество исполнено и орошено Божественною силою, по упостасному, или единоличному въ Немъ соединенію естествъ Божескаго и человѣческаго; а поелику воспріятое имъ и обоженное человѣчество есть единоестественно со всѣмъ родомъ человѣческимъ, — то оно есть открытый для всѣхъ человѣковъ и неистощимый источникъ Божественной благодатной, животворящей, всеисцѣляющей, спасительной силы.

Такова *сила*, которая *исхождаше отъ* Господа Іисуса *и исцѣляше вся*. Еще ли кто спроситъ: исходитъ ли она отъ Него и нынѣ? — Прежде вопроса уже отвѣтствовалъ на сіе Апостолъ: *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, Той же и во вѣки* (Евр. XIII, 8),—Той же и днесь, съ тою же силою, отъ Него исходящею и исцѣляющею вся; поелику это сила Божественная, и слѣдственно не временная, не преходящая, но вѣчная и вѣчно дѣйствующая, и преимущественно на желающихъ и *ищущихъ прикасатися Ему* (Т. III-й, стр. 104—105).

Блажени плачущіи нынѣ (Лук. VI, 21). **Горе вамъ смѣющимся нынѣ: яко возрыдаете и восплачите** (Лук. VI, 25).

Какіе *плачущіе* находятся на пути къ блаженству? — Христосъ Спаситель ублажаетъ *нищихъ*, не просто, но нищихъ *духомъ* (Лук. VI, 20). И когда, по сказанію святаго Луки, говоритъ: *блажени алчущіи нынѣ: яко насытитеся* (VI, 21), Онъ ублажаетъ не алчущихъ хлѣба, потому что насыщеніе хлѣбомъ не есть блаженство, но какъ полнѣе и яснѣе сказуетъ святый Матѳей, *блажени алчущіи и жаждущіи правды* (V, 6). Сообразно съ симъ надлежитъ разсуждать и о плачущихъ. Блаженны плачущіе *духомъ* и, по духовному побужденію, плачущіе о *правдѣ* и добродѣтели, которой не имѣютъ, оплакивающіе неправды и грѣхи, которыми обременены, плачущіе отъ скорби духа, что прогнѣвали и прогнѣвляютъ Бога, и потомъ отъ любви духа, что при всемъ желаніи, видятъ себя не довольно соотвѣтствующими Божіей любви и милосердію.

Изъ сего можно усмотрѣть и то, почему желающій достигнуть блаженства не долженъ миновать пути слезнаго. Первозданный непорочный человѣкъ блаженствовалъ въ раю безъ слезъ, и путемъ радости шелъ къ высшему блаженству небесному. Но когда, прельщенный духомъ злобы, человѣкъ преткнулся и палъ грѣхомъ, райскій путь радости скрылся отъ него; и Самъ Богъ, какъ праведный Судія и вмѣстѣ какъ человѣколюбивый Врачъ, поставилъ его на путь плачевный, когда сказалъ Адаму, указуя на проклятую въ дѣлахъ его землю: *въ печалехъ снѣ-*

си тую вся дни живота твоего (Быт. III, 17); когда сказалъ Евѣ: *умножая умножу печали твоя и воздыханія твоя* (16).

Что Богъ поступилъ въ семъ, какъ праведный Судія, сіе понятно само собою. А что Онъ поступилъ въ семъ и какъ человѣколюбивый Врачъ, сіе требуетъ изъясненія.

Христосъ Спаситель сказалъ: *Царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. XVII, 21). Оно есть въ насъ конечно не въ полнотѣ, какъ оно есть на небѣ, но по крайней мѣрѣ въ начаткѣ, когда живетъ въ насъ благодать Божія, когда *вселяется Христосъ вѣрою въ сердца* (Ефес. III, 17). По прямой съ симъ противоположности справедливо можно сказать, что и царство діавола, или иначе адъ и самый огнь геенскій, не въ полнотѣ, а въ начаткѣ, внутрь человѣка есть, когда живетъ въ немъ грѣхъ. Сей скрытый огнь оказываетъ себя въ дѣйствіяхъ. Онъ непрестанно возжигаетъ въ душѣ грѣшника желанія къ новымъ грѣхамъ и *жжетъ совѣсть* (1 Тимоѳ. IV, 2), темнымъ, но всегда мучительнымъ сознаніемъ зла, при особенныхъ обстоятельствахъ разгорающимся въ пламя отчаянія. Посему, какъ для угашенія пожара нужна вода, такъ для угашенія неестественнаго огня грѣховнаго въ душѣ нужны слезы покаянія. Какъ для уврачеванія разстройства въ здоровьѣ, произведеннаго роскошью и неумѣренностью въ пищѣ и питіи, употребляются горькія врачевства, такъ для уврачеванія души, зараженной впечатлѣніями грѣховныхъ услажденій, требуются скорби покаянія и горькія слезы.

Міръ не любитъ плакать, когда не исторгаетъ слезъ страсть, или бѣда. Онъ любитъ веселіе или смѣхъ. Спѣшитъ скачущею ногою достигнуть минутнаго блаженства. Кажется, онъ стремится теперь къ такому совершенству суеты, чтобы совсѣмъ ничего не дѣлать, а только забавляться. Столько забавляются увеселеніями, столько говорятъ о нихъ, и пишутъ, и печатаютъ, что непонятно, какъ людямъ не наскучитъ веселіе, простираемое до пресыщенія и утомленія.

Знаете ли, думаете ли вы, куда ведетъ сей путь, къ какимъ послѣдствіямъ приближаетъ сія все поглощающая страсть къ увеселеніямъ, къ роскоши, къ непрестаннымъ чувственнымъ наслажденіямъ? — Судъ уже произнесенъ; и произнесенъ такимъ Судіею, Котораго опредѣленія неизмѣнны, потому что Онъ безконечно праведенъ и вѣченъ. *Горе вамъ смѣющимся нынѣ: яко возрыдаете и восплачете* (Лук. VI, 25). Это *нынѣ*, которое вы съ такими усиліями наполняете обаяніями и мечтами, вскорѣ прейдетъ; обаянія и мечты исчезнутъ: и вы *восплачете* о разстройствѣ вашего внѣшняго благосостоянія, о разстройствѣ здоровья, о разстройствѣ силъ душевныхъ, и, что̀ всего плачевнѣе, *возрыдаете*, наконецъ, о томъ, что не плакали кратковременными слезами покаянія и умиленія, которыя принесли бы вамъ вѣчное утѣшеніе, и что кратковременнымъ веселіемъ и смѣхомъ купили себѣ вѣчныя, палящія слезы. (Изъ слова въ день памяти святителя Алексія. Т. III-й, стр. 102—104.)

Изъясненіе изрѣченія Іисуса Христа о свѣтѣ.

Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки (Матѳ. V, 16). Чтобы узнать, кто сіи люди, которыхъ Евангеліе призываетъ свѣтить прочимъ человѣкамъ, надлежитъ обратить вниманіе на обстоятельства, въ которыхъ Господь изрекъ заповѣдь свѣта: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки*. Евангелистъ Матѳей описываетъ сіи обстоятельства такъ: *узрѣвъ же народы, взыде на гору: и*

сѣдшу Ему, приступиша къ Нему ученицы Его. И отверзъ уста Своя, учаше ихъ (V, 1—2). Итакъ поученіе Христово было ученикамъ Христовымъ; и, конечно, высокая заповѣдь свѣтить человѣкамъ относилась преимущественно къ высшему разряду сихъ учениковъ, то есть, къ двѣнадцати Апостоламъ, такъ какъ, безъ сомнѣнія, къ нимъ относится слѣдующая часть поученія Христова: *вы есте свѣтъ міра. Не можетъ градъ укрытися верху горы стоя* (14). Апостолы стояли на горѣ ученія, которую теперь видимъ, и просвѣтились свѣтомъ закона духовнаго; потомъ на горѣ Ѳаворѣ,—и постигли свѣтъ молитвеннаго созерцанія; потомъ на Сіонѣ,—и озарились свѣтомъ воскресенія; на Елеонѣ,—и возводили очи къ свѣту обоженія человѣчества во Христѣ; наконецъ паки на Сіонѣ,—и наполнились свѣтомъ Духа Святаго. Такъ возвысясь въ духѣ, они уже не могли укрыться въ естественной простотѣ своей и необразованности. Молніи свѣта, не убивающія, но животворящія, проливались изъ нихъ не только на землю Іудейскую, но и на языческій міръ, лежащій въ сугубой тьмѣ невѣдѣнія и пороковъ, и преобразовали его въ міръ свѣта, въ міръ истины и добродѣтели, въ міръ христіанскій.

Такъ это дѣло Апостольское, а не наше?— помыслитъ, можетъ быть, слышащій. Слѣдственно дѣло свѣта — не наше дѣло?

Удержимъ помыслъ, безъ нужды торопливый. Возвратимся къ зрѣлищу Христа, учащаго на горѣ.

Узрѣвъ же народы, взыде на гору: и сѣдшу Ему, приступиша къ Нему ученицы Его. И отверзъ уста Своя, учаше ихъ. Учениками языкъ Апостольскій часто называетъ не однихъ Апостоловъ, но и всѣхъ съ вѣрою слушающихъ и пріемлющихъ ученіе Христово. Что и въ семъ обширномъ смыслѣ можно и должно принять наименованіе учениковъ, употребленное въ приведенномъ теперь сказаніи Евангелиста, въ томъ удостовѣряетъ замѣченное имъ обстоятельство: *узрѣвъ народы.* Если бы поученіе Господа относилось только къ двѣнадцати Апостоламъ,—для чего бы Евангелисту сказывать, что оно началось, когда Господь *узрѣлъ народы?* Странно вообразить человѣколюбиваго Іисуса, узрѣвшаго народы, оставившаго ихъ безъ вниманія и *отверзшаго уста Своя* только для двѣнадцати человѣкъ. Не такъ поступалъ Онъ обыкновенно. Что̀ нужно было говорить собственно для Апостоловъ, то говорилъ Онъ имъ особо безъ народа: *особь ученикомъ Своимъ сказаше вся* (Марк. IV, 34). А когда видѣлъ предъ Собою народъ, не пренебрегалъ его и не лишалъ спасительнаго слова: *видѣ Іисусъ народъ многъ и милосердова о нихъ,—и начатъ ихъ учити много* (Марк. VI, 34). Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что и тогда, какъ Господь, *узрѣвъ народы,* поучалъ на горѣ, проповѣдь Его не къ однимъ Апостоламъ относилась, но касалась и каждаго изъ народа, кто имѣлъ уши слышать и сердце вѣровать.

Теперь найдено, что если мы и не Апостолы, а принадлежимъ только къ *народу* вѣрующихъ; тѣмъ не менѣе и для насъ есть доля въ нагорной проповѣди Христовой, и намъ нѣчто сказано въ сихъ словахъ: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки:* дѣло свѣта духовнаго намъ не чужое.

Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки.—Какимъ образомъ?— Господь продолжаетъ: *яко да видятъ ваша добрая дѣла.*

Вотъ очень простая тайна свѣта! *Добрыя дѣла* — вотъ свѣтъ, который всякій издавать можетъ! Добрый примѣръ — вотъ способъ, которымъ каждый можетъ распространять свой свѣтъ

между другими! И вотъ явственная черта Божественности ученія Христова, что она, восходя превыше высокаго созерцанія, въ то же время нисходитъ до самаго простаго разумѣнія и всякому доступнаго исполненія.

Чтобы распространять между человѣками свѣтъ, или иначе сказать, истину и добро, для сего, кажется, мы не знаемъ болѣе открытыхъ способовъ, какъ три слѣдующіе: слово, власть, примѣръ. Слово дѣйствуетъ убѣжденіемъ, власть—праведно употребляемымъ могуществомъ, примѣръ располагаетъ къ подражанію. Не всѣмъ дается даръ и право дѣйствовать словомъ разума и премудрости; ко власти, особенно высшей и обширнѣйшей, немногіе призываются Провидѣніемъ; но всѣ могутъ дѣйствовать добрымъ примѣромъ, между тѣмъ какъ и особенной силѣ слова или власти онъ сообщаетъ отъ себя новую силу. Посему судите, какъ важенъ добрый примѣръ (Изъ слова въ день тезоименитства Государя Императора, т. II-й, стр. 161—162).

О присягѣ.

Если для непогрѣшительнаго и успѣшнаго совершенія всякаго дѣла много можетъ усердная молитва, то почему въ нѣкоторыхъ случаяхъ сія великая помощь нашей доброй волѣ признается какъ-бы неудовлетворительною, и требуется еще клятва именемъ Божіимъ?—Во-первыхъ, потому, что добрая воля не у всѣхъ и не всегда непоколебима; во-вторыхъ, потому, что добрая, или недобрая воля, благонамѣренность, или неблагонамѣренность, скрываются въ душѣ дѣйствующаго и невидимы другимъ. Пріявъ силу отъ молитвы, ты приступаешь къ дѣлу общества и должности съ рѣшимостью дѣйствовать вѣрно, съ надеждою дѣйствовать общеполезно. Но могутъ встрѣтиться препятствія, искушенія, прельщенія, опасенія: добрая воля можетъ поколебаться и удалить отъ себя благодать молитвы. На сей случай предстанетъ тебѣ, какъ новая опора для подкрѣпленія доброй воли, данная тобою клятва именемъ Божіимъ и съ нею страхъ всевидящаго и нелицепріятнаго Судіи Бога. Ты дѣйствуешь для правительства и общества съ добрымъ намѣреніемъ; положимъ, знающіе тебя вѣрятъ сему; но незнающихъ тебя, конечно, болѣе, нежели знающихъ; можетъ случиться, что иные не поймутъ твоего дѣла; иные, предусматривая, что вѣрность твоя можетъ быть искушаема прельщеніями, лишеніями, опасностями, усомнятся въ ея непоколебимости; а иные по собственной неблагонамѣренности припишутъ твоему дѣлу недоброе намѣреніе и распространятъ недовѣріе къ тебѣ. Подобнымъ образомъ случиться можетъ недостатокъ довѣрія и у тебя къ другимъ, и у многихъ ко многимъ. Что̀ должно изъ сего произойти?—Очевидно, недостатокъ взаимнаго общественнаго довѣрія: при недостаткѣ общественнаго довѣрія, можетъ ли быть общественное единство? При недостаткѣ общественнаго единства, можетъ ли вполнѣ раскрыться и правильно дѣйствовать общественная сила? Ка́къ же можетъ существовать общество? Ка́къ поддержать его?—Не тверды земныя основанія; ломки плотскія опоры: найдите для общества утвержденіе и опору въ крѣпости Божіей, въ силѣ имени Божія. Призовите Бога во свидѣтельство и въ помощь вашей вѣрности, которую вы рѣшились хранить, въ отмщеніе вашей невѣрности которой вы рѣшились не позволять себѣ; иначе сказать, дайте клятву именемъ Божіимъ. Послѣ сего, каждый вѣрующій въ Бога, подобно вамъ, долженъ вѣрить вашей вѣрности въ дѣлахъ правительства и общества, по-

тому что вѣритъ помощи Божіей, торжественно вами призванной; потому что вѣритъ вѣрности Божіей, которая, безъ сомнѣнія, оправдаетъ ввѣряющихся ей и не попуститъ святому имени Божію ненаказанно быть покровомъ невѣрности. Такъ удовлетворительная клятва именемъ Божіимъ утверждаетъ, подкрѣпляетъ, охраняетъ общественное довѣріе и, вслѣдствіе того, общественное единство и общественную силу (Изъ бесѣды предъ молебствіемъ и присягою Московскаго дворянства. Т. III, стр. 339).

Избранныя мѣста изъ святоотеческихъ толкованій на V главу Евангелія Матѳея.

Святаго Аѳанасія Александрійскаго на ст. 8-й.

Блажени чистіи сердцемъ: яко тіи Бога узрятъ: потому что очистившій сердце свое отъ всякаго страстнаго расположенія въ собственной лѣпотѣ своей видитъ образъ Божія естества. А душевная чистота достаточна къ тому, чтобы, какъ въ зеркалѣ, изображать въ себѣ Бога.

А если сказано: *никтоже чистъ отъ скверны, аще и единъ день житія его* (Іов. XIV, 4), то еретики не знаютъ, что разумѣется сіе о скверне естественной, какую младенецъ приноситъ съ собою, исходя изъ матерней утробы. Посему и законописатель Моусей сказалъ, что жена рождающая нечиста, и родивъ мужескій полъ, не чиста сорокъ дней, и родивъ женскій полъ, по причинѣ большей удобоподвижности естества, не чиста восемьдесятъ дней (Левит. XIV, 3, 5). (Тв. св. оо., т. XXIV. Тв. святаго Аѳанасія Александрійскаго, ч. IV, стр. 478).

Святаго Исидора Пелусіота на слова: блажени миротворцы (ст. 9).

Спаситель ублажилъ миротворцевъ и возвѣстилъ, что сдѣлаются сынами Божіими, во-первыхъ, пребывающіе въ мирѣ съ самими собою и невоздвигающіе мятежа, но прекращающіе внутреннюю брань тѣмъ, что тѣло покоряютъ духу, низшее убѣждаютъ быть въ рабствѣ у высшаго, въ такомъ рабствѣ, которое лучше всякой свободы и царской власти; потомъ водворяющіе миръ и въ другихъ, живущихъ въ раздорѣ и съ самими собою, и другъ съ другомъ. Но никто не въ правѣ указывать другому въ томъ, чего самъ не имѣетъ. Посему удивляюсь ни съ чѣмъ несравненной щедрости Божія человѣколюбія; потому что обѣщаетъ блага воздаянія не только за труды и пролитіе пота, но и за нѣкоторый родъ наслажденія, такъ какъ верхъ всего увеселяющаго насъ есть миръ, а безъ него, когда нарушенъ онъ войною, ничто радостотворное не будетъ имѣть силы. Хорошо также сказано, что миротворцы сынове Божіи нарекутся; и такая награда назначена за сей подвигъ. Поелику Самъ Онъ, какъ истинный Сынъ, умиротворилъ всяческая, содѣлавъ тѣло орудіемъ добродѣтели, двоякаго рода людей, то есть, увѣровавшаго изъ Іудеевъ и увѣровавшаго изъ язычниковъ сотворивъ однимъ новымъ человѣкомъ, небесное совокупивъ съ земнымъ; то справедливо сказалъ, что дѣлающіе, по возможности, то же самое, будутъ удостоены того же наименованія и возведены въ достоинство сыноположенія, которое и есть самый высшій предѣлъ блаженства (Тв. св. оо., т. XXXVI. Тв. святаго Исидора Пелусіота, ч. III, стр. 86).

Его же на слова: да просвѣтится свѣтъ вашъ (ст. 16) и о томъ, что не противорѣчитъ сіе сказанному: внемлите милостыни вашея и т. д. (VI, 1).

Ничего, досточудный, нѣтъ лучше доброй славы, разносящейся всюду, проходящей и сушу и море; и сокровищъ

Крезовыхъ никто не сравнитъ съ нею. Почему, какъ приточникъ сказалъ: *лучше имя доброе, неже богатство многое, паче же сребра и злата благодать благая* (Притч. XXII, 1), такъ и Христосъ повелѣлъ: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки*—не для того, чтобы мы жили для любочестія (да не будетъ сего! Христосъ искореняетъ оное, повелѣвая и молитву и милостыню творить не всенародно, и отъ одной руки утаивать, что сдѣлано другою), но для того, чтобы никому не подавали мы справедливаго повода къ соблазну. Въ такомъ случаѣ и противъ воли нашей свѣтъ дѣлъ озаритъ видящихъ и обратитъ къ славословію Божію. Ибо, что сіе разумѣетъ Христосъ, видно изъ того, что не сказано: да прославитесь вы, но: *да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Тв. св. оо., т. XXXV. Тв. святаго Исидора Пелусіота, ч. II, стр. 187).

Святаго Василія Великаго на ст. 23—24.

Однимъ ли только іереямъ, или и всѣмъ сказано: *аще принесеши даръ твой ко алтарю и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ алтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой* (23—24)? И какъ можетъ всякій изъ насъ приносить даръ къ алтарю?

Преимущественно и первообразно слѣдовало бы принять сіе за сказанное іереямъ. А поелику написано: *вы же священницы Господни наречетеся служителіе Богу всѣ* (Исаія LXI, 6), *и жертва хвалы прославитъ мя* (Псал. XLIX, 23), и еще: *жертва Богу духъ сокрушенъ* (Псал. L, 19); да и Апостолъ говоритъ: *представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служеніе ваше* (Римлян. XII, 1); все же это для всѣхъ есть общее, то каждому изъ насъ необходимо исполнять сказанное (Тв. св. оо., т. IX. Тв. св. Василія Великаго, ч. V, стр. 344).

Его же на ст. 25.

Кто соперникъ каждому изъ насъ, или какъ намъ мириться съ нимъ?

Здѣсь Господь называетъ соперникомъ въ собственномъ смыслѣ того, кто намѣренъ отнять что-нибудь полезное намъ. Помиримся же съ нимъ, если соблюдемъ заповѣдь Господа, сказавшаго: *хотящему судитися съ тобою и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу* (40); а подобно сему надобно поступать и въ разсужденіи всякой вещи (тамъ же, стр. 319—320).

Святаго Исидора Пелусіота на тотъ же стихъ.

Господь, руководствуя насъ къ предусмотрительности, что съ *паденіемъ* нашимъ ходимъ (Сирах. XIII, 16), и *посредѣ сѣтей минуемъ* (IX, 18), повелѣлъ *внимати отъ кваса* (Матѳ. XVI, 11) и отъ соблазновъ, и *увѣщаватися съ соперникомъ скоро, дондеже мы на пути съ нимъ*, а подъ *соперникомъ* буквально разумѣлъ пожеланіе тѣла, противное духу, и *путемъ* назвалъ жизнь, которую родъ нашъ проходитъ не твердо, *совѣщаніемъ* же нашимъ съ тѣломъ нарекъ сознаніе его возстанія, которое должно быть усматриваемо нами скоро, чтобы иначе, подчинившись его велѣніямъ и сдѣлавъ что либо недостойное *вышняго званія* (Филиппис. III, 14), не были мы преданы имъ Судіи, когда пріидетъ Онъ дѣла и слова наши собрать во едино и воздать *комуждо по дѣяніямъ его* (Матѳ. XVI, 27). (Тв. св. оо., т. XXXIV. Тв. св. Исидора Пелусіота, ч. I, стр. 57.)

Святаго Аѳанасія Александрійскаго на ст. 28.

Иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцы своемъ. Любодѣйствуетъ съ женою въ сердцѣ, кто согласенъ на дѣло, но препятствуютъ ему въ томъ, или мѣсто, или время, или страхъ гражданскихъ законовъ. Въ томъ же, что многіе, не совершивъ злочестиваго дѣла, наказаны, какъ прелюбодѣи, нетрудно удостовѣриться всякому примѣромъ Олоферна. Когда спѣшилъ онъ совершить ненавистное дѣло, тогда Іудиѳь, какъ законъ правды, извлекши мечъ, отсѣкла ему голову, призвавъ на помощь и въ защиту, какъ законодателя и споспѣшника цѣломудрію,—Бога. Такъ и два старца, сказавши Сусаннѣ: *се въ похотѣніи твоемъ есмы* (Дан. XIII, 20), хотя не сдѣлали сего, однакоже наказаны и подверглись смерти, какъ прелюбодѣи. Посему, если кто таковъ и нынѣ, т. е. похотливъ, невоздержень, вожделѣваетъ чужихъ женъ, то любодѣйствуетъ онъ въ мысли своей. А кто владѣетъ страстями, блюдетъ себя чистымъ отъ нарушенія долга и отъ осквернения, тотъ не прелюбодѣй, но властелинъ страстей; онъ Божіимъ страхомъ останавливаетъ стремительность сластолюбія, какъ морской волнѣ препятствуетъ твердая и незыблемая скала (Тв. св. оо., т. XXIV. Тв. Аѳанасія Александрійскаго, ч. IV, стр. 478).

Святаго Исидора Пелусіота о томъ, какъ должно разумѣть слова: аще око твое и рука твоя соблазняетъ тя (29—30).

Окомъ и *рукою десною* всеблагій Христосъ наименовалъ близость къ намъ друзей и преданныхъ намъ за ихъ благорасположеніе искренно содѣйствовать, назвавъ именами тѣхъ членовъ, которыми приводимъ въ исполненіе, что̀ намъ пріятно. Посему, какъ скоро кто либо изъ нихъ дѣлается виновникомъ соблазна, погрязаетъ въ какомъ либо грѣхѣ, который и насъ подвергаетъ укоризнѣ, и ему приноситъ безчестіе, надлежитъ отсѣчь таковаго; иначе и ты, подобно ему дѣлаясь вредоноснымъ, утратишь тѣлесную чистоту, сообщивъ недугъ свой тѣмъ, которые не заражены еще подобными страстями (Тв. св. оо., т. XXXIV. Тв. Исидора Пелусіота, ч. I, стр. 59).

Его же о томъ же.

Не лишено разумности Евангельское изрѣченіе, а, напротивъ того, исполнено смысла и разсудительности. Взять верхъ надъ вожделѣніемъ и признается великимъ, и дѣйствительно великое дѣло; но гораздо важнѣе быть предусмотрительнымъ, чтобы не одолѣла эта болѣзнь. Сіе-то самое предустрояя, Христосъ сказалъ: *всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцы своемъ*, называя прелюбодѣемъ не того, кто увидѣлъ мимоходомъ и внезапно уязвился, извлекъ стрѣлу и уврачевалъ язву. Ибо не сказалъ, кто воззрѣлъ, но кто взираетъ, намѣренно привлекъ на себя страсть, питаетъ ее въ себѣ, постоянно посѣщаетъ ту, которую увидѣлъ, съ любопытствомъ смотритъ на чужую красоту и отъ частаго лицезрѣнія вкушаетъ нѣкоторый родъ удовольствія.

Если кто не убѣждается самъ, то пусть послушаетъ хотя приточника, который сказалъ прежде Евангельскаго изрѣченія: «не останавливай на ней ока своего, но иди прочь и не медли на мѣстѣ», и этого преукрашеннаго добродѣтелями писателя, который въ одномъ мѣстѣ говоритъ: *добротою женскою мнози прельстишася* (Сирах. IX, 9), и въ другомъ: *не надзирай чуждыя доброты* (8). Не сказалъ: не смотри (это

бываетъ иногда и случайно), но: не надзирай, устраняя внимательное наблюденіе, пытливое разсматриваніе, возрѣніе съ вожделѣніемъ. Ибо сказано: *отъ сея* дружба *яко огнь разгорается* (9), то есть отъ сего зарождается срамная любовь. Даже и внѣшнимъ мудрецамъ, не очень заботившимся объ этой строгости нравовъ, казалось сіе благоприличнымъ и истиннымъ. И *Сократъ*, (приведу и ихъ изрѣченія, потому что возбуждаютъ къ цѣломудрію), увидѣвъ, что нѣкто поцѣловалъ благообразнаго юношу, сказалъ: «этотъ легко бросится на мечи и кинется въ огонь, какъ осмѣлившійся поцѣлуемъ зажечь въ себѣ такой костеръ». А Діогенъ, увидѣвъ юношу, наряженнаго роскошнѣе, нежели какъ свойственно мужу, сказалъ: «если пойдешь къ мущинамъ, то бѣда тебѣ; а если къ женщинамъ, то надѣлаешь бѣдъ; потому что нарядами мущины уловляютъ женщинъ, а женщины и женоподобные мущинъ». *Агизелай* же прекрасному отроку, котораго любилъ, когда хотѣлъ поцѣловать его, воспретилъ это. И *Александръ* не согласился даже видѣть жену Даріеву, признавъ дѣломъ постыднымъ тому, кто беретъ въ плѣнъ мужей, уступать надъ собою побѣду женамъ. Если же надобно воспользоваться примѣрами, взятыми не только у язычниковъ, но и у варваровъ, то не откажусь и это сдѣлать. Персидскій царь *Киръ* не осмѣлился видѣть Панеію, которая ему предназначалась, и о которой свидѣтельствовали, что красота ея чрезвычайна даже тому, кто видѣлъ ее часто, и говорилъ, что не терпитъ ничего худого, совѣтовалъ не часто смотрѣть на нее, говоря: «огонь жжетъ тѣхъ, которые близко, а красота и тѣхъ, которые далеко стоятъ». Итакъ если Евангельское изрѣченіе и писатель Притчей, и сочинившій книгу Премудрости, и Еллинскіе и Персидскіе примѣры согласны въ этомъ, то всѣми силами должно обуздывать очи, избѣгать пытливаго и невоздержнаго лицезрѣнія, какъ уязвляющаго смертельно; потому что отъ него вторгается въ душу самый важный порокъ, овладѣвая существенными ея частями, и изгнавъ разсудокъ, всецѣло дѣлаетъ ее добычею страсти (Тв. св. оо., т. XXXV. Тв. Исидора Пелусіота, ч. II, стр. 121).

Блаженнаго Августина о клятвѣ (33 ст.).

Не грѣхъ кляться истинно; но поелику тяжко грѣшитъ тотъ, кто клянется ложно; то, кто вовсе не клянется, тотъ не подвергается опасности ложной клятвы; а кто клянется, хотя бы то и истинно, тотъ подвергается опасности и ложной клятвы. Посему Господь нашъ Іисусъ Христосъ, запрещая всякую клятву, хотѣлъ чрезъ это устранить отъ тебя и самую опасность, чтобы тебѣ не преткнуться на пути скользкомъ и не пасть. Однако Господь все же клялся, скажешь ты. Тотъ можетъ кляться безъ всякаго опасенія, кто не подлежитъ опасности погрѣшить. Пусть тебя не соблазняетъ то, что Господь клялся; потому что одинъ только Богъ и можетъ кляться. Ты, когда клянешься, что̀ дѣлаешь? — призываешь Бога во свидѣтели. Ты—Его; а Онъ — Самого Себя. Но ты, какъ человѣкъ, во многомъ можешь ошибаться и потому часто можешь свидѣтельствоваться истиною во лжи. Человѣкъ иногда какъ-бы по неволѣ дѣлается клятвопреступникомъ, принимая за несомнѣнную истину то, въ чемъ клянется, хотя мнимая его истина можетъ оказаться ложью. Впрочемъ, грѣхъ клятвы въ семъ случаѣ не такъ еще великъ, какъ въ томъ, когда человѣкъ клянется во лжи, по сознанію, т. е. когда увѣренъ въ томъ, что онъ клянется ложно. Итакъ много лучше поступаетъ и отъ этого грѣха во вся-

комъ случаѣ безопаснѣе тотъ, кто, по заповѣди Спасителя, вовсе не клянется (Воскр. Чт., г. XV, стр. 200—201).

Если же кто побудитъ тебя къ клятвѣ, думая, будто тѣмъ удовлетворитъ себѣ, когда ты клятвою подтвердишь, что не сдѣлалъ того, въ чемъ онъ тебя подозрѣваетъ; то ты, давъ клятву, для устраненія худого подозрѣнія, не такъ согрѣшишь, какъ тотъ, кто понудилъ тебя. Ибо Господь сказалъ: буди слово ваше: ей, ей; ни, ни; лишше же сею отъ непріязни есть (Матѳ. VI, 37). Говоря о клятвѣ, Онъ хотѣлъ научить насъ, что самая клятва бываетъ отъ непріязни. Если ты принужденъ другимъ къ клятвѣ, то она отъ его непріязни, а не отъ твоей. Можно сказать, что это порокъ всего рода человѣческаго, то есть, это бываетъ отъ того, что мы не можемъ видѣть сердецъ нашихъ. Ибо, если бы мы видѣли сердца, то кому клялись бы? Кто заставлялъ бы насъ кляться, если бы видны были и мысли другого?

Напишите въ сердцахъ вашихъ, что̀ скажу вамъ. Тотъ, кто понудилъ другого къ клятвѣ, зная, что онъ поклянется ложно, хуже человѣкоубійцы. Ибо человѣкоубійца убиваетъ тѣло, а тотъ душу, даже двѣ души, — и того, кого понудилъ кляться, и свою. Ты увѣренъ въ истинѣ того, что̀ утверждаешь, и въ ложности того, что̀ говоритъ другой; и какъ понуждаешь его кляться? Вотъ онъ клянется, вотъ согрѣшаетъ ложною клятвою, вотъ погибаетъ; какая тебѣ отъ того польза? Нѣтъ, ты и самъ погибъ, потому что захотѣлъ удовлетворить себя погибелью брата. Берегитесь ложной клятвы, берегитесь и клятвы безразсудной. А всего лучше избѣжите и того и другого зла, если удалите отъ себя привычку кляться (Воскр. Чт., г. XI, стр. 213—214).

Святаго Іоанна Златоустаго о клятвѣ.

Не кленитесь ни небомъ, яко престолъ есть Божій: ни землею, яко подножіе есть ногама Его: ни Іерусалимомъ, яко градъ есть великаго Царя. Древніе имѣли обыкновеніе кляться то небомъ, то землею, то Іерусалимомъ. Господь возвышаетъ оные предметы не по собственной ихъ природѣ, но по особенному отношенію къ нимъ Самого Бога, сообразно съ нашимъ понятіемъ. Ибо такъ какъ тогда сильно владычествовало идолослуженіе, то, чтобы оные предметы не показались сами по себѣ достойными уваженія, для сего Спаситель выставилъ на видъ славу Божію. Онъ не сказалъ, поелику хорошо и велико небо; не сказалъ: поелику полезна земля; но—поелику небо есть престолъ Божій, земля подножіе; и такимъ образомъ Своихъ слушателей повсюду побуждалъ къ прославленію Господа. *Ниже головою твоею кленися, яко не можеши власа единаго бѣла, или черна сотворити.* И сіи слова Христосъ присоединилъ не по уваженію къ человѣку, иначе бы и самъ человѣкъ былъ достоинъ поклоненія; но потому, дабы воздать славу Богу и показать, что ты не властенъ и надъ собою, а потому не имѣешь власти кляться головою. Если никто не согласится отдать сына своего другому, то кольми паче Богъ не уступитъ Своего творенія тебѣ. Хотя голова и твоя, но она есть собственность другого, и быть не можетъ, чтобы ты былъ ея господиномъ, когда не можешь сдѣлать для нея и самомалѣйшаго. Ибо Іисусъ Христосъ не сказалъ, что ты не можешь сдѣлать волоса, но что не можешь даже перемѣнить его качества. Что̀ жъ, скажешь ты, если кто-нибудь требуетъ клятвы и даже принуждаетъ къ сему? Страхъ къ Богу да будетъ сильнѣе таковаго принужденія. Если

ты станешь представлять таковые предлоги, то не сохранишь ни одной заповѣди. Ибо ты скажешь и объ женѣ: что, если она буйна и расточительна? Скажешь и о правомъ глазѣ: я, и вырвавъ его, стану разжигаться? Скажешь и о любострастномъ воззрѣніи: ужели мнѣ нельзя и смотрѣть? Равно можешь сказать и о гнѣвѣ на брата: что, если я вспыльчивъ и не могу удерживать своего языка? И такимъ образомъ всѣ вышесказанныя заповѣди будемъ опровергать. Между тѣмъ, касательно законовъ человѣческихъ, ты никогда не смѣешь представлять подобные предлоги и говорить: что—если то или другое? но волею или не волею, а непремѣнно повинуешься предписанію. Притомъ касательно закона Божія, ты можешь избѣгать всякаго принужденія къ клятвѣ. Ибо, кто внялъ ученію о высказанныхъ блаженствахъ и устроилъ себя такъ, какъ повелѣлъ Іисусъ Христосъ; тотъ предъ лицемъ всѣхъ, будучи достоинъ почтенія и уваженія, ни отъ кого не будетъ принуждаемъ къ клятвѣ: *буди же слово ваше: ей, ей: ни, ни: лишше же сею отъ непріязни есть.* Итакъ, что означаетъ лишше словъ: *ей* и *ни?* Это означаетъ клятву, а не клятвопреступленіе. Ибо извѣстно и никому нѣтъ нужды сказывать, что клятвопреступленіе происходитъ отъ непріязни, и не только излишне, но и дѣло богопротивное, а клятва есть дѣло излишнее и безъ нужды прибавляемое. Итакъ скажешь: почему бы клятва была отъ лукаваго? И если клятва отъ лукаваго, то почему она позволена закономъ? Сіе же самое скажешь и о женѣ: на какомъ основаніи нынѣ почитается любодѣяніемъ то, что прежде было позволительно?—Что жъ на сіе можно сказать?—То, что тогда многое сказано было изъ снисхожденія къ пріемлющимъ законъ. Какъ между прочимъ велѣно было чтить Бога тукомъ жертвъ, что весьма недостойно Его, такъ, какъ недостойно философа пустословить. Итакъ нынѣ, когда добродѣтели возросли, отпущеніе жены вмѣняется въ прелюбодѣяніе, и клятва производится отъ непріязни. А если бы законы касательно развода и клятвы съ начала были законами діавола, то они не были бы столько полезны и дѣйствительны. Съ другой стороны, если бы не предшествовали оные законы, то не столь бы легко было принять Христово ученіе о нихъ. Итакъ не ищи силы въ сихъ законахъ, когда употребленіе ихъ прекращено. Они нужны были при тогдашнихъ обстоятельствахъ; ежели угодно, нужны и нынѣ. Ибо и нынѣ показывается ихъ сила, особенно тѣмъ, что ихъ унижаютъ. Поелику то, что они нынѣ представляются таковыми, служитъ для нихъ важнѣйшею похвалою. Они, конечно, не показались бы намъ таковыми, если бы не воспитали насъ надлежащимъ образомъ и не сдѣлали способными къ принятію высшихъ законовъ. Сосецъ, когда исполнитъ свое дѣло, и младенецъ сдѣлается способнымъ вкушать болѣе совершенную пищу, дѣлается ужъ безполезнымъ. И родители, которые прежде почитали сосецъ необходимымъ для своего младенца, дѣлаютъ его предметомъ шутокъ; а многіе намазываютъ его какимъ-нибудь горькимъ веществомъ, дабы, если словами не могутъ отучить отъ него младенца, то уже самымъ дѣломъ обуздать въ немъ стремленіе къ сосцу.

Такъ и Христосъ, когда сказалъ, что клятва происходитъ отъ непріязни, то сказалъ не потому, будто древній законъ произошелъ отъ діавола, но дабы слушателей сильнѣе отвлечь отъ древняго несовершенства (Бес. на Ев. Матѳ., ч. I, стр. 357—360).

Ефрема Сирина о томъ же.

Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ: *паки слышасте, яко речено бысть древнимъ: не во лжу клянешися, воздаси же Господеви клятвы твоя. Азъ же глаголю вамъ не клятися всяко: ни небомъ, яко престолъ есть Божій: ни землею, яко подножіе есть ногама Его: ни Іерусалимомъ, яко градъ есть великаго Царя. Ниже главою твоею кленися, яко не можеши власа единаго бѣла, или черна сотворити. Буди же слово ваше: ей, ей: ни, ни: лишше же сею отъ* діавола *есть.* Какъ же осмѣливаемся мы преступать заповѣди Сотворившаго насъ, по слову сказавшаго: *положиша на небеси уста своя, и языкъ ихъ прейде по земли* (Псал. LXXII, 9)? И ты осмѣливаешься небоязненно отверзать уста свои и пускать слова на небо, произнося клятвы и хулы? Или не боишься, что огненный серпъ, видѣнный пророкомъ, вселится въ домѣ твоемъ (Захар. V, 4), пока не истребитъ тебя въ поднебесной за то, что на Бога Вседержителя, на Котораго не смѣютъ взирать Ангелы, Архангелы, херувимы и серафимы, предстоятъ же Ему со страхомъ и трепетомъ, пѣснословя страшное, славное и досточтимое имя Его, осмѣливаешься ты отверзать уста, какъ написано: *продерзателе, себѣ угодницы, славы не трепещутъ хуляще: идѣже Ангели крѣпостію и силою больши суще,* не произносятъ *на ся укоризненна суда. Сіи же, яко скоти животни, естествомъ бывше въ погибель и тлю, въ нихже не разумѣютъ хуляще, во истлѣніи своемъ истлѣютъ, пріемлюще мзду неправедну* (2 Петр. II, 10—13)? Ужели ты, будучи человѣкомъ, не познаешь самъ себя? Или думаешь, что дѣло сіе обратится тебѣ въ доблесть? Нѣтъ, сказываю тебѣ; но къ пагубѣ и погибели твоей послужитъ оно; потому что сквернишь ты и души другихъ, ставъ содѣйственникомъ сатаны. Апостолъ говоритъ: *учаще и вразумляюще себѣ самѣхъ, во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ поюще* въ сердцѣ вашемъ *Господеви* (Колос. III, 16); и ты вмѣсто сего учишь противному: хуламъ и клятвамъ; и какъ себя, такъ и подражающихъ твоему неразумѣнію, дѣлаешь сынами геенны; потому что горечью наполнилъ ты тѣ уста, которыя создалъ Богъ на славословіе Его. Перестань, наконецъ, человѣкъ, чтобы это самое слово, которымъ пренебрегаешь ты, не сдѣлалось пламенемъ въ устахъ твоихъ и не сожгло языка твоего. Если человѣкъ, бывъ въ ссорѣ съ другимъ человѣкомъ, и по заключеніи мира, стыдится встрѣтиться съ нимъ; то какъ же ты, который сегодня въ мірѣ, а завтра предстанешь судилищу Его, осмѣливаешься выговорить такія слова и не боишься, что можетъ сойти съ неба огонь и пожрать тебя за то, что отверзаешь уста на Вседержителя? И въ мысли не держишь, что внезапно можетъ разверзнуться подъ тобою земля и поглотить тебя? Не обманывайся, человѣкъ; ибо невозможно избѣгнуть изъ рукъ Создавшаго насъ. Послушай того, кто говоритъ: *хуляще: иже воздадятъ слово* Богу, имѣющему *судити живыхъ и мертвыхъ* (1 Петр. IV, 4—5). Долго ли будемъ прогнѣвлять Того, Кто даровалъ намъ столько благъ; Кто, взявъ персть отъ земли, создалъ человѣка и вдунулъ въ него дыханіе жизни Кто все покорилъ подъ ноги его; Кто спящихъ насъ охраняетъ, возстающихъ отъ сна покрываетъ, алчущихъ питаетъ, нагихъ одѣваетъ, малодушествующихъ утѣшаетъ, вразумляетъ и милуетъ, Кто и Единороднаго Сына Своего предалъ за жизнь всѣхъ, между тѣмъ какъ мы за благодѣянія Его приносимъ тернія

и волчцы, годныя только на сожженіе? (Тв., ч. III, стр. 279—284. Изд. 1859 года.)

Святаго Исидора Пелусіота на слова: око за око и т. д. 38 ст.

Законодатель обоихъ завѣтовъ одинъ; но законъ Іудеямъ, какъ необузданнымъ, запрещалъ только дѣла; а Евангеліе, преподавая намъ ученіе, какъ любомудрымъ, и самыя мысли, отъ которыхъ раждаются дѣйствія, преграждаетъ, какъ источники зла, не только наказывая строго грѣхи учиненные, но и полагая надежныя преграды ихъ совершенію. Если угодно тебѣ, займемся и подлинными словами; всего лучше слышать самое Писаніе. Господь говоритъ: *речено бысть древнимъ: око за око, и зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ не противитися злу.* Законъ мѣрою наказанія полагаетъ равенство страданія, дозволивъ обиженнымъ дѣлать столько же зла, сколько сами потерпѣли, чтобы опасеніемъ потерпѣть то же самое предотвратить злое дѣло. Вотъ объясненіе, касающееся глубокой мысли законодателя. А Евангеліе кротостію страждущаго препятствуетъ пороку простираться на худшее. Поелику справедливо полагался предѣлъ несправедливости отмщающихъ, и данъ былъ законъ, чтобы не дѣлано было ничего худого; то воздавалось подобнымъ за подобное. Всякій дѣлалъ то же, въ чемъ обвинялъ обиженный. Но это было не прекращеніемъ прежнихъ худыхъ дѣлъ, но вызовомъ новыхъ болѣе ужасныхъ, когда одинъ раздражался и дѣлалъ зло вновь, а другой усиливался отмстить за старое и не зналъ никакого предѣла во злѣ. Отмщеніе служило не концемъ, но началомъ бо́льшихъ бѣдъ, когда обидчикъ и отмщающій впадали въ какой-то непримиримый раздоръ, и что̀ было премудраго въ законѣ, что̀ законодатель установилъ къ предотвращенію грѣхопаденій, то принуждали сдѣлаться напутіемъ ко грѣху. Итакъ, поелику столько породилось золъ, то Евангеліе, подобно огню, угасивъ начало, остановило стремленіе зла впередъ (Тв. св. оо., т. XXXVI. Тв. Исидора Пелусіота, ч. III, стр. 124).

Святаго Григорія Богослова на ст. 45.

Послѣдуемъ высочайшему и первому закону Самого Бога, Который посылаетъ дождь на праведныхъ и грѣшныхъ и велитъ солнцу восходить одинаково надъ всѣми, Который безъ всякаго стѣсненія, предоставивъ всѣмъ, обитающимъ на сушѣ, и землю и источники, и рѣки и лѣса, пернатымъ—воздухъ, живущимъ въ водахъ—воду, Который всѣмъ человѣкамъ даровалъ въ изобиліи первыя потребности жизни, кои ни власти не подлежатъ, ни закономъ не ограничиваются, ни предѣлами государствъ не преграждаются, но предложены всѣмъ и каждому въ богатой мѣрѣ, и между тѣмъ нисколько отъ того не оскудѣваютъ. Такъ щедро всѣхъ людей надѣлилъ Богъ, конечно для того, чтобы равнымъ раздаяніемъ даровъ Своихъ показать и одинаковое достоинство нашей природы, и богатство Своей благости. А люди, зарывъ въ землю золото, серебро, дорогія и лишнія одежды, самоцвѣтные камни и другія подобныя драгоцѣнности,—сіи свидѣтельства брани, междоусобій и древняго насильства восхитителей верховной власти,—послѣ того, безумные, поднимаютъ еще брови и бѣдствующимъ сродникамъ своимъ по естеству отказываютъ въ милосердіи, не желая даже излишками своими помочь имъ въ нуждахъ ихъ. Какое невѣжество! Какая глупость! (Тв. св. оо., т. II. Тв. святаго Григорія Богослова, ч. II, стр. 28.)

Библіографическій указатель къ V гл. Евангелиста Матѳея и VI гл. Евангелиста Луки (21—36 ст.).

Святоотеческія толкованія.

1) *Св. Григорія Нисскаго* о блаженствахъ (1—10). Тв. св. оо., т. XXXVIII. Тв. Григорія Нисскаго, ч. II. 359—478.

2) *Св. Льва, папы Римскаго.* Изъясненіе изрѣченій о блаженствахъ (3—9). Воскресное Чтеніе, г. VII. 267—269.

3) *Св. Василія Великаго* о кротости. Въ комъ она есть? ч. I. 290, ч. V. 307. Плоды оной. 422. Какъ съ кротостію совмѣстно негодованіе? 421—422.

4) *Св. Іоанна Златоустаго.* Смерть души. Дух. Бес. XV. 565—569.

5) На ст. 20. *Преп. Максима Испов.* Воскресное Чтеніе XXXIII. 434.

6) *Преп. Исидора Пелусіота* на тотъ же стихъ. Тв. св. оо., т. XXXIV, ч. I. 56—57; а также ч. III. (т. XXXVI) 130—131. 114—115.

7) *Св. Григорія Богослова.* Гнѣвъ позволителенъ намъ на одного діавола. ч. IV. 146.

8) *Исидора Пелусіота* на ст. 23, ч. III. 13—14. Тв. св. оо., т. XXXVI.

9) *Его же* на ст. 28, ч. II. 81—87. Тв. св. оо., т. XXXV и ч. III. 27. Тв. св. оо., т. XXXVI.

10) *Его же* на ст. 29—30. Какъ должно разумѣть сказанное: *аще око твое или рука твоя соблажняютъ тя,* ч. II. 121—124.

11) *Его же* о томъ, что душа безсмертна, ч. II. 312—313. 263—265. Тв. св. оо., т. XXXV. *Его же* на ст. 11, ч. II. 481—482, ч. III. 103.

12) *Его же* о томъ, что Евангельское ученіе не противорѣчитъ ветхозавѣтному законоположенію, ч. I. 257.

13) *Преп. Исидора Пелусіота* о клятвѣ, ч. I. 105.

14) *Св. Григорія Богослова.* И давать клятву, и требовать оной значитъ оскорблять правду, ч. IV. 367.

15) *Св. Василія Великаго.* Не должно доводить людей до клятвы, ч. VI. 204—205. Давшій клятву въ зломъ дѣлѣ долженъ принести въ этомъ покаяніе и не поддерживать худаго намѣренія подъ предлогомъ клятвы, ч. VII. 47—48. Наказаніе клятвопреступнику. 106—110.

16) *Преп. Исидора Пелусіота объ ударяемомъ въ ланиту* (39), ч. I. 68.

17) *Его же* на слова: *бьющему тя въ десную ланиту подаждь и другую.* Лук. VI, 29, ч. II. 173, ч. III. 91—92.

18) *Преп. Максима Исповѣдника.* Ученіе о совершенной любви. Воскресное Чтеніе, г. XXI. 303—308.

19) *Св. Дмитрія Ростовскаго* о любви ко врагамъ.

20) *Св. Іоанна Лѣствичника.* О кротости. Лѣствица, сл. 24, гл. 2. 3. 4. 5. 7. 8. 10 и 12.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

21) *Митроп. Гавріила.* О блаженствахъ. Христ. Чт. 1837 г. IV. 50—83.

22) О 8-ми блаженствахъ (3—10). Христ. Чт. 1825 г. XX. 239—266.

23) Евангельскія блаженства (3—12). Христ. Чт. 1853 г. II. 335—357.

24) *Архіеп. Анатолія.* Слова о 9-ти Евангельскихъ блаженствахъ (3—12). Христ. Чт. 1855. I. 299—358.

25) *Прот. Нечаева.* Блаженны въ литургіи оглашенныхъ (3—12). Душ. Чт. 1868. II. 267—284.

26) Евангельскія блаженства. Дом. Бес., 1862 г. Вып. 45. 377—378. Вып. 46. 401—403.

27) Ст. 1—12. Воскресное Чтеніе, г. XV. 73—77. 104—110. 112—115. 123—126. 145—148.

28) Блажени нищіи духомъ (ст. 3). Воскресное Чтеніе, XXIV. 43 44. Христ. Чт. 1823 г. IX. 284.

29) Блажени плачущіе (ст. 4). Воскресное Чтеніе, г. XXIV. 98—100. 597—599. Христ. Чт. 1823 г. IX. 284. 1827 г. XXVIII. 232—234.

30) *Свящ. А. Покровскаго.* Утѣшительный плачъ и горестный смѣхъ. Дух. Бес. 1863 г. XVII. 306—316.

31) Истинно-христіанская скорбь. Душ. Чт. 1871 г. III. 191—196.

32) Утѣшеніе въ скорби. Христ. Чт. 1847 г. IV. 322—340.

33) На ст. 2—5, 3—9. Воскресное Чтеніе, г. VII. 267.

34) Блажени кротціи (ст. 5). Воскресное Чтеніе, г. XXIV. 117—118.

35) Блажени алчущіи... милостивіи (ст. 6—7). Тамъ же. 318—319. Христ. Чт. 1833 г. I. 273—275. Христ. Чт. 1848 г. I. 118—129. 1832 г., ч. 45. 359—376.

36) Блажени чистіи сердцемъ (ст. 8). Воскресное Чтеніе, г. XXIV. 442—444. Тамъ же, г. II. 147—150.

37) *Ѳ. Надеждина.* О христ. чистотѣ сердца. Христ. Чт. 1862 г. II. 129—145.

38) Ст. 8—12. Христ. Чт. 1848 г. I. 434—448.

39) Ст. 12. Христ. Чт. 1833 г. IV. 182—192.

40) *Ѳ. Смирнова.* Евангельское ученіе о блаженствахъ въ нравственно-соціальномъ отношеніи. Воскресное Чтеніе 1882 г. 64—66. 85—86. 93—94. 98—100.

41) *Прот. Н. Ѳаворова.* О христіанской нравственности. Заповѣди блаженства. Труды Кіев. Дух. Акад. 1879 г. III. Дек. 463—464.

42) О нравственномъ Евангельскомъ законѣ. Христ. Чт. 1837 г. II. 52—75.

43) *Гизо.* Іисусъ Христосъ и Его заповѣди. Размышл. о сущности христ. вѣры. Прав. Обозр. 1865 г. VI. 228—236.

44) *Свящ. Воздвиженскаго.* Идеалъ нравственно-христіанской жизни (въ ст. Характеръ новозавѣтнаго законодательства и сравненіе его съ ветхозавѣтнымъ). Прав. Обозр. 1872 г., ч. I. 175, 347, 482.

45) *П. Образцова.* Христіанское Богословіе въ книгахъ Новаго Завѣта. Воскресное Чтеніе 1872 г. II. 303, 350.

46) *А. Гусева.* Евангельскіе совѣты и ихъ отношеніе къ положительнымъ требованіямъ Евангелія. Христ. Чт. 1873 г. III. 387—424.

47) Царство Небесное. Воскресное Чтеніе г. X. 88—92.

48) *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* Мысли о безсмертіи. Стран. 1864 г. II. 57—73.

49) Мысли христіанина о безсмертіи. Воскресное Чтеніе, г. XXXIV. II. 446—456.

50) *Архіеп. Амвросія.* Мысли о безсмертіи. Тамъ же. I. 328—331.

51) Мысли о безсмертіи души. Тамъ же. XXXI. 456—462. 476—482. 519—529.

52) Какое безсмертіе дорого для человѣка? Христ. Чт. 1876 г. I. 87—107.

53) *Свящ. Г. П.* Самостоятельность и безсмертіе души. Душ. Чт. 1881 г. I. Апр. 470—496.

54) *В. Н. Карпова.* О безсмертіи души. Стран. 1861 г. Май.

55) *Берсье.* О безсмертіи души. Стран. 1878 г. III. 197—221.

56) *Свящ. Морошкина.* Безсмертіе души. Дом. Бес. 1871 г. Вып. 31. 858—863.

57) *Прот. І. Бурлуцкаго.* Душа по понятіямъ стихійныхъ мудрецовъ и по ученію слова Божія. Дом. Бес. 1873 г. Вып. 50. 1225.

58) *Свящ. М. Благодарова.* О душѣ человѣческой. Дом. Бес. 1873 г. 167. 791. 1158. 1186. 1215. 1233. 1257. 1276.

59) *И. Крестосельскаго.* Вѣра въ безсмертіе души у древнихъ. Тр. Кіев. Ак. II. 255—260.

60) *Ив. Нильскаго.* Объ утѣшеніяхъ, какія доставляетъ человѣку вѣра въ безсмертіе души. Дух. Бес. 1859 г. VIII. 135—151.

61) На ст. 13. О важности пастырскаго служенія въ Церкви Христовой. Руков. для п. ц. 1881 г. II. 319—324.

62) Ст. 14. Воскресное Чтеніе, г. XXIV. 371.

63) Ст. 22. О гнѣвѣ. Христ. Чт. 1833 г. IV. 102—111.

64) Гнѣвъ, какъ смертный грѣхъ. Воскресное Чтеніе 1885 г. 651—654.

65) Къ тому же ст. *Геенна.* Библ. пол. сл. Воскресное Чтеніе 1874 г. II. 143. *Рака.* Тамъ же. 1377 г. II. 15.

66) Мысли еп. Ѳеофана на ст. 28. 171.

67) На ст. 29. Воскресное Чтеніе, г. IX. 101.

68) *Н. Б.* На ст. 31—32. Нерасторжимость брака (изъ ст. Ученіе о бракѣ вопреки неправильнымъ взглядамъ на него). Руков. для сел. п. 1878 г. I. 419—430.

69) *Т. Барсова.* О послѣдствіяхъ расторженія брака въ случаѣ прелюбодѣянія. Законъ о разводѣ. Христ. Чт. 1882 г., ч. I. 799—842. 801—807.

70) *Пѣвницкаго.* Присяга и ея значеніе. Воскресное Чтеніе, 1883 г. 73—77.

71) На ст. 37. Христіанскія размышленія. Христ. Чт. 1833 г. I. 212—284.

72) Мысли еп. Ѳеофана на Матѳея V, 39. 172.

73) На ст. 42 и парал. Луки VI, 30. Благотворительность по ученію Іисуса Христа. Воскресное Чтеніе, г. XXXIII, ч. II. 657—669. Благотворительность и право собственности по ученію св. отцовъ. Тамъ же 352—364.

74) *А. Воскресенскаго.* Современный соціализмъ и собственность. Воскресное Чтеніе 1880 г. 327—346.

75) Любовь ко врагамъ. Христ. Чт. 1857 г. I. 355—374.

76) *Свящ. В. Нечаева.* Нѣчто о любви ко врагамъ. Душеп. Чт. 1870 г. III. 120.

77) На Еванг. Лук. VI, 22—23. Радость небесная на землѣ. Дом. Бес. 1871 г. Вып. 39. 1016.

78) На ст. 27. Еп. Макарія о любви ко врагамъ. Стран. 1878 г. III. 75—79.

79) На ст. 31—36. Воскресное Чтеніе, г. XXV. 715—720. Нед. 19 по Пятидесятницѣ.

80) Ст. 32. Воскресное Чтеніе, г. XX. 456—458.

81) Мысли еп. Ѳеофана на 22—31 ст. 349—351.

82) На ст. 35. Воскресное Чтеніе, г. I. 223. 1886 г. № 41. 651.

83) *А. Анатолія* на слова: *любите враги ваша* (35 ст.). Воскресное Чтеніе, г. XVIII. 257—261.

84) На ст. 36. Христіанское милосердіе. Христ. Чт. 1856 г. I. 170—187.

85) *Бѣлюстина.* Законъ жизни. Воскресное Чтеніе, г. XXXIII. II. 21—28.

86) Не мсти за обиду, а Богу предоставляй дѣло отмщенія. Достопам. сказ. о подвигахъ св. отцевъ. 248.

87) *А. Орфано.* Изъясненіе V гл. Еванг. Матѳея въ статьѣ: Въ чемъ должна заключаться истинная вѣра, по поводу книги графа Л. Н. Толстаго: Въ чемъ моя вѣра? Чт. въ Общ. люб. дух. просвѣщ. 1887 г. Кн. VIII. Іюль и Августъ. Изъясненіе заповѣдей о блаженствахъ. 155—159. Объ отношеніи Ветхаго Завѣта къ Новому (ст. 17—20). 159—171. О заповѣди: не убій и о гнѣвѣ (21—22). 172—174. Законъ о разводѣ (31—32). 175—184. О клятвѣ (33—37). 184—190. О непротивленіи злу (38—42). Кн. IX. Сент. 252—259. О любви ко врагамъ (43—48). 260—268.

88) *С. Соллертинскаго.* Изъясненіе V гл., 22 ст. о гнѣвѣ, и 38—42 ст. о непротивленіи злу въ Рѣчи на торжественномъ актѣ С.-Петерб. Дух. Акад. Христ. Чт. 1887 г. Мартъ—Апрѣль. 440—463.

89) *Свящ. Н. Елеонскаго* о непротивленіи злу въ ст. О новомъ евангеліи Толстаго. Чт. въ Общ. люб. д. пр. 1887 г., кн. I. Январь 61—67.

90) *Волкова.* Толкованіе 22 ст. о гнѣвѣ (противъ Толстаго) въ статьѣ: „Послѣднія произведенія графа Л. Н. Толстаго въ Русской и отчасти иностранной литературѣ. Прав. Собес. 1886 г. II. 457—459. О непротивленіи злу (38—42). Тамъ же. III. 91—92. 97—102. 114—117. О бракѣ. Тамъ же. 118—119. О любви ко врагамъ (ст. 44). Тамъ же. II. 462—464.

Въ Словахъ, Бесѣдахъ и ученыхъ сочиненіяхъ.

91) Матѳея V, 3—12. *С. Соллертинскаго.* Экзегетическое толкованіе Евангельскихъ изрѣченій о блаженствахъ въ кн. „Пастырство Христа Спасителя". Разборъ святоотеческихъ и новѣйшихъ—западныхъ толкованій. 174—278.

92) Ст. 13—14. *Его же* и въ той же книгѣ: Толкованіе изрѣченій Іисуса Христа о соли земли и свѣтѣ міра въ связи съ 9 заповѣдію о блаженствахъ. 277—278.

93) Ст. 3. Изъ словъ *Макарія, еп. Тамбовскаго,* о нищетѣ духа. II. 173—186.

94) Ст. 7. *Филарета, митроп. Московскаго.* Какимъ образомъ къ твоему помилованію или освобожденію отъ грѣха можетъ послужить твое милосердіе къ другому. IV. 332—333.

95) *Иліодора, архіеп. Курскаго.* О побужденіяхъ къ христ. милосердію. 244—253.

96) Ст. 8. *Филарета, митроп. Московскаго.* Объ очищеніи сердца. III. 45—49.

97) Ст. 19. *Его же.* Смыслъ изрѣченія Іисуса Христа о нарушеніи малыхъ заповѣдей. II. 302—305.

98) Ст. 22. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* О гнѣвѣ, II. 74.

99) Ст. 23—24. *Филарета. митроп. Московскаго.* О заповѣди примиренія. IV. 354—356.

100) Ст. 33—37. *Никанора, архіеп. Херсонскаго.* Смыслъ словъ Іисуса Христа о клятвѣ. II. 103—106.

Филарета, митроп. Московскаго. О клятвѣ или присягѣ. IV. 473—477.

101) Ст. 37—42. 22. *С. Соллертинскаго.* О непротивленіи злу и напрасномъ гнѣвѣ въ кн. „Пастырство Христа Спасителя." 192—195.

102) Ст. 39—42. *Никанора, архіеп. Херсонскаго.* О непротивленіи злу: возможно ли исполненіе словъ Іисуса Христа. Есть ли это заповѣдь, или только Евангельскій совѣтъ? Въ какихъ случаяхъ возможно и даже должно защищать себя? II. 274—282.

103) Ст. 48. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Въ чемъ должно состоять уподобленіе Отцу Небесному въ нашихъ отношеніяхъ къ ближнему? II. 19—20.

104) Лук. VI, 21. *Филарета, митроп. Московскаго.* О смѣхѣ міра и плачѣ Евангельскомъ: который изъ нихъ сообразнѣе съ нынѣшнимъ состояніемъ человѣка на землѣ и съ дальнѣйшимъ его назначеніемъ? II. 307—311. О духовной алчбѣ и жаждѣ, о средствѣ и способѣ къ пріобрѣтенію блаженства. II. 349—354.

Павла, архіеп. Кишиневскаго. О различныхъ родахъ плача, спасительнаго и погибельнаго. II. 104—111.

105) Ст. 19—21. 23. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* Краткое изъясненіе Евангельскихъ блаженствъ. III. 347—354. О духовной нищетѣ. 354—363. 482—489. О свойствахъ благъ, уготованныхъ въ вѣчности, какъ страждущихъ за имя Христово, такъ и всѣмъ вообще христіанамъ. 441—447.

106) Ст. 22. *Никанора, архіеп. Херсонскаго.* О тайнѣ возрожденія христіанской души, или: о внутренней связи между поражающими насъ напастями и блаженствомъ нашего духа, между злостраданіями и радостію нашего сердца. IV. 426—439.

107) Ст. 23. *Филарета, митроп. Московскаго.* О небесной наградѣ и различіи ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ наградъ. III. 30—35.

108) Ст. 31—36. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* О необходимости, легкости и благотворныхъ послѣдствіяхъ исполненія заповѣди: *якоже хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите такожде,* и о любви ко врагамъ. Бесѣда въ нед. 19 по Пятидесятницѣ.

109) Ст. 35. *Макарія, еп. Тамбовскаго.* О любви ко врагамъ. II. 63—68.

110) *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* О любви ко врагамъ. III. 311—324.

111) *Филарета, митроп. Московскаго.* О любви ко врагамъ. I. 285—289.

112) Ст. 36. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* О характерѣ Божественнаго милосердія и его существенныхъ чертахъ. II. 127—129.

Дмитрія, архіеп. Волынскаго. О свойствахъ любви къ ближнему на основаніи милосердія и любви Божіей къ человѣку. Слово въ нед. 19 по Пятидесятницѣ.

Какъ по ученію Іисуса Христа должно творить милостыню, молиться и поститься (Объясненіе Евангелія отъ Матѳея VI, 1—18).

(Еп. Агаѳангела и архим. Ѳеодора).

Въ пятой главѣ Святаго Евангелія отъ Матѳея объясняется сущность истинной праведности и раскрывается духъ ветхозавѣтныхъ заповѣдей, забытый Іудеями, привязывавшимися къ буквѣ. Отъ заповѣдей Господь переходитъ теперь къ добрымъ дѣламъ, которыя служатъ средствомъ къ нравственному спѣянію человѣка и которыя такъ же, какъ и заповѣди, не были совершаемы Іудеями въ томъ духѣ, въ какомъ должно совершать ихъ. Спаситель не отвергаетъ закона, но измѣняетъ побужденіе и цѣль, съ какою Іудеи упражнялись въ добродѣтели. Не слава человѣческая и земное счастье должны побуждать къ добродѣтели, но мысль о Богѣ—вѣчномъ Мздовоздаятелѣ, Которому должно покланяться не наружно только и видимо, но «*въ духѣ и истинѣ*». «Сначала Господь ничего не говорилъ о семъ, пишетъ святый Златоустъ; ибо не прилично было бы, не убѣдивъ напередъ къ исполненію должнаго, учить, какъ надобно исполнять то и доводить до совершенства. Но когда уже научилъ благочестію, тогда истребляетъ и ту язву, которая непримѣтнымъ образомъ заражаетъ оное. Ибо болѣзнь не вдругъ заражается, но тогда, когда исполнимъ многое изъ повелѣннаго намъ. Итакъ должно было прежде насадить добродѣтель, а потомъ уничтожить страсть, повреждающую плодъ ея».

Изъ добродѣтелей Спаситель избираетъ милостыню, молитву и постъ, и святый Златоустъ говоритъ, что тщеславіе преимущественно прилипаетъ къ этимъ добродѣтелямъ. Притомъ почти этими добродѣтелями ограничиваются всѣ жертвы, требуемыя отъ насъ святою вѣрою въ отношеніи къ Богу, къ ближнимъ и къ намъ самимъ. Милостыня заключаетъ въ себѣ всякое благодѣяніе, всякое дѣло любви къ ближнему, молитва—всякую обязанность въ отношеніи къ Богу, постъ—умерщвленіе тѣла, всякое дѣло покаянія.

Ст. 1. *Внемлите милостыни* (1) *вашея не творити* (2) *предъ человѣки, да* (3) *видими будете ими: аще ли же ни, мзды не имате отъ Отца вашего, Иже есть на небесѣхъ. 2. Егда убо твориши милостыню, не воструби предъ собою* (4), *якоже лицемѣри творятъ въ сонмищихъ и въ стогнахъ* (5), *яко да прославятся отъ человѣкъ: аминъ глаголю вамъ, воспріемлютъ мзду свою. 3. Тебѣ же тво-*

рящу милостыню, да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя. 4. Яко да будетъ милостыня твоя въ тайнѣ: и Отецъ твой видяй въ тайнѣ (6), *Той воздастъ тебѣ явѣ.*

Примѣчанія: (1) *Милостыни*—Ἐλεημοσύνην. Такъ читается почти во всѣхъ восточныхъ рукописяхъ. Но въ кодексѣ Ватиканскомъ и Кантабрижскомъ, въ Вульгатѣ, въ Іерусалимско-Сирійскомъ переводѣ, въ общепринятомъ текстѣ Греческомъ, у Исидора Пелусіота, у древнихъ Латинскихъ учителей Церкви стоитъ δικαιοσύνη—*праведность*. Одно слово замѣнено другимъ, безъ сомнѣнія, потому, что они у Еллинистовъ часто имѣютъ одно значеніе. Δικαιοσύνη—*праведность*, въ отношеніи къ грѣшнику, требующему милостыни, выражается въ благодѣяніи, милосердіи, милостынѣ; почему у раввиновъ *цедакà*—δικαιοσύνη всегда почти замѣняется словомъ ἐλεημοσύνη—*милостыня*, и въ Новомъ Завѣтѣ δικαιοσύνη иногда значитъ благотворительность (2 Коринѳ. IX, 9). Но у Евангелиста, всего вѣроятнѣе, стояло первоначально ἐλεημοσύνη, ибо ниже три раза употреблено ἐλεημοσύνη, а сіи слова стоятъ въ тѣсной связи съ первымъ стихомъ и заключаютъ въ себѣ слѣдствіе, выведенное изъ него, какъ показываетъ частица οὖν *убо* (2). Спаситель имѣлъ намѣреніе раскрыть духъ главныхъ добродѣтелей, какъ показываетъ ходъ Его объясненія. Главными добродѣтелями, какъ нынѣ почитаются, такъ и фарисеями, которыхъ имѣетъ въ виду здѣсь Спаситель, признаваемы были милостыня, молитва, постъ.

(2) Ποιεῖν—*творити*, вмѣсто подавать. *Творить милостыню*,—выраженіе соотвѣтствующее Еврейскому *аса цедакà*.

(3) Πρὸς (съ тѣмъ чтобы) означаетъ цѣль. Ср. XIII, 30; XXVI, 12.

(4) *Предъ собою*. Трубу обыкновенно держатъ предъ лицемъ, когда сообщаютъ ей звуки.

(6) Ἐν ταῖς συναγωγαῖς καὶ ἐν ταῖς ῥυμαῖς. Слову συναγωγὴ нѣкоторые толковники даютъ значеніе стеченія и разумѣютъ толпы народа, собирающіяся на улицахъ. Но если бы рѣчь была о толпахъ народа, то вмѣсто συναγωγὴ стояло бы ὄχλος, или сказано было бы ἐν ταῖς συναγωγαῖς τῶν ῥυμῶν *въ сонмищихъ улицъ*. Ῥυμὴ то же, что στενωπὸς *тѣсный переулокъ*; πλατεία—*широкая улица*; ῥυμὴ употреблено потому, что на востокѣ во всѣхъ древнихъ городахъ улицы были тѣсныя, для предохраненія проходящихъ отъ зноя солнечнаго.

(6) Βλέπων ἐν τῷ κρυπτῷ. При βλέπων не нужно подразумѣвать τὰ (ἐν τῷ κρυπτῷ) *видящій тайное*, ни σε—видящій *тебя* въ тайнѣ, ἐν имѣетъ здѣсь значеніе движенія къ мѣсту, какъ εἰς—въ, т. е. который смотритъ на сокровенное. *Явно* (ἐν τῷ φανερῷ) относится ко дню послѣдняго суда, когда все откроется (Матѳ. XXV, 31. Лук. XIV, 14. 2 Коринѳ. V, 10).

Говоря о милостынѣ, Спаситель поучаетъ, чего должно остерегаться въ подаяніи ея (1—2) и о чемъ стараться, чтобы она была Богоугодною (3). Онъ говоритъ, что цѣль милостыни должна состоять не въ славѣ человѣческой, но въ угожденіи одному Богу, дабы и возмездіе могли мы получить отъ Бога (4).

Говоря о томъ, чего должно остерегаться въ подаяніи милостыни, Господь предостерегаетъ насъ отъ тщеславія и указываетъ на примѣръ фарисеевъ, какъ людей, которые хотя много, повидимому, дѣлали благотвореній; но благотворенія ихъ не имѣли никакой цѣны въ очахъ Божіихъ; потому что фарисеи совершали ихъ не для славы Божіей, а по тщеславію. Тщеславіе, или желаніе славы человѣческой, незамѣтно вкрадывается въ дѣла, пріобрѣтающія уваженіе людей, и для спасенія души опаснѣе самыхъ плотскихъ пожеланій. Послѣднія имѣютъ власть надъ людьми чувственными; чистыя души легко замѣчаютъ и съ отвращеніемъ отвергаютъ ихъ; но славолюбіе преслѣдуетъ и добродѣтельныхъ людей, какъ говоритъ святый Златоустъ, преслѣдуетъ тѣмъ съ большею опасностью, чѣмъ незамѣтнѣе обольстительная вонь его входитъ въ сердце. Оно подобно змію, который скрывается подъ прекрасными благовонными цвѣтами, и часто не прежде усматривается, какъ когда уже пора-

жаетъ человѣка своимъ жаломъ. У зараженныхъ дыханіемъ славолюбія блекнутъ всѣ цвѣты добрыхъ дѣлъ, сохнутъ всѣ плоды заслугъ. «Будемъ избѣгать духа тщеславія и славолюбія, увѣщеваетъ святый Василій Великій, этого обаяющаго похитителя духовныхъ дѣлъ, этой моли добродѣтелей, этого злодѣя, вкрадывающагося въ сердце съ благовоннымъ ядомъ».

Заповѣдь Спасителя — *не творить милостыни предъ людьми*—не противорѣчитъ другому изрѣченію Его (V, 16), по которому свѣтъ жизни христіанина долженъ свѣтить предъ человѣками, дабы они видѣли добрыя дѣла его. Спаситель отвергаетъ отъ этой заповѣди нечистую цѣль, которую имѣютъ лицемѣры при совершеніи добрыхъ дѣлъ. Это-то намѣреніе при подаваніи милостыни лишаетъ человѣка награды; оно-то грѣховно, но не самое подаваніе предъ очами человѣческими. Дѣлать добро часто не иначе бываетъ возможно, какъ въ глазахъ другихъ; нерѣдко самое званіе требуетъ, чтобъ оно было видимо. «Если ты творишь дѣло милосердія, говоритъ блаженный Ѳеофилактъ, и предъ человѣками, но не съ тѣмъ, чтобъ на тебя смотрѣли, не будешь осужденъ и не потеряешь мзды. Но если дѣлаешь то изъ тщеславія, то потеряешь награду и будешь осужденъ, хотя бы ты дѣлалъ то и въ клѣти своей: Богъ караетъ, или увѣнчиваетъ намѣреніе». Святый Златоустъ находитъ въ самыхъ словахъ Господа указаніе на то, что Онъ не вовсе отвергаетъ милостыню, подаваемую предъ человѣками. «Сказавъ, говоритъ онъ, *не творити предъ человѣки*, Господь присовокупилъ: *да видими будете ими*... Ибо и предъ людьми дѣлающій добро можетъ дѣлать не для того, чтобы его видѣли, равно какъ и недѣлающій предъ людьми можетъ дѣлать съ тѣмъ, чтобъ его видѣли. Почему Богъ наказываетъ, или увѣнчиваетъ не самое наше дѣло, но намѣреніе». Итакъ всегда должно дѣлать добро, не заботясь о томъ, видятъ ли насъ люди, не довольствуясь однимъ тѣмъ, что Самъ Богъ есть невидимый свидѣтель нашихъ дѣйствій. По сему не должно останавливать благотворенія и тогда, когда оно не можетъ быть сокрыто отъ очей человѣческихъ. Надобно только молиться при этомъ: «*не намъ, не намъ, Господи, но имени Твоему даждь славу*» (Псал. CXIII, 9).

Побужденіемъ къ истинной нелицемѣрной благотворительности Спаситель представляетъ награду Отца Небеснаго. Такъ въ Новомъ Завѣтѣ часто указывается на возмездіе за чистую добродѣтель и говорится, что оно уготовано и соблюдается на небесахъ (1 Петр. I, 5. Колос. I, 5. 2 Тимоѳ. IV, 8). Хотя сіе побужденіе не можетъ имѣть совершенно равнаго достоинства съ другимъ побужденіемъ, съ чистою, дѣтскою любовью къ Богу, по которой человѣкъ творитъ добрыя дѣла, не думая о будущемъ воздаяніи на небесахъ, впрочемъ, въ дѣлахъ благочестія и оно имѣетъ великую важность; поелику не всѣ люди способны водиться однимъ высшимъ побужденіемъ, и поелику на землѣ подвиги самоотверженія болѣе облегчаются для человѣка мыслью о возмездіи на небесахъ.

Чтобы показать яснѣе, чего должно остерегаться во время благотворенія, Спаситель указываетъ на превратный примѣръ, близкій къ Его слушателямъ, на примѣръ фарисеевъ: *не воструби*, говоритъ Онъ, *предъ собою, якоже лицемѣри творятъ въ сонмищихъ и стогнахъ*. Сихъ словъ не должно принимать въ буквальномъ значеніи; иначе надобно бы допустить, что лицемѣрные праведники въ самомъ дѣлѣ имѣли обыкновеніе созывать бѣдныхъ посредствомъ трубъ,

дабы обратить вниманіе постороннихъ зрителей на свои благодѣянія. Хотя подобный образъ дѣйствованія былъ очень сообразенъ съ духомъ фарисеевъ, но въ этомъ случаѣ страсть тщеславія была бы слишкомъ замѣтна; лицемѣры конечно постарались бы сколько-нибудь прикрыть ее. Святый Златоустъ, въ объясненіе сихъ словъ, пишетъ: «Господь говоритъ такъ не потому, чтобы они имѣли трубы, но желаетъ показать великое безуміе ихъ, обличая и осуждая ихъ такимъ иносказаніемъ. Блаженный Θеодоритъ говоритъ, что трубою часто Божественное Писаніе называетъ громкое воззваніе, и потомъ о настоящемъ изрѣченіи онъ пишетъ: «Господь какъ-бы такъ сказалъ: не разглашай, не дѣлай явною для всѣхъ твою милостыню, чтобы суетною славою не погубить плода человѣколюбія». «Такъ объясняетъ сіи слова и блаженный Θеофилактъ. Господь говоритъ такъ не потому, будто лицемѣры носили при себѣ трубы, но чтобы болѣе опорочить ихъ намѣреніе, такъ какъ они желали, чтобы объ ихъ милостынѣ трубили».

Итакъ изрѣченіе Спасителя имѣетъ слѣдующій смыслъ: «не объявляй другимъ, когда подаешь милостыню нищему: не выбирай для подаванія такихъ мѣстъ, гдѣ бы видна была твоя милостыня, и, подавая, не употребляй такихъ средствъ, чтобы благодѣяніе твое замѣтили другіе.

Синагоги, какъ послѣ христіанскія церкви, были мѣстами, гдѣ между прочимъ собиралась милостыня для бѣдныхъ и гдѣ для сей цѣли находились кружки. Но нищіе не могли просить милостыни въ синагогахъ, дабы не воспрепятствовать богослуженію; они обыкновенно собирались у дверей синагогъ (Дѣян. III, 3), какъ это донынѣ продолжается въ христіанскихъ церквахъ. Впрочемъ, фарисеи и предъ дверьми подавали такъ, что обращали на себя вниманіе всѣхъ, и въ кружку клали въ виду всѣхъ; а иногда не стыдились привлекать нищихъ въ самыя синагоги и тамъ дѣлали милостыню. Они имѣли совершенно превратную цѣль при благотвореніи. Они искали собственной славы, вмѣсто того, чтобы творить добро для славы Божіей (V, 16). Посему отъ Бога они не должны были ожидать награды за свои дѣла, ибо получали ее здѣсь на землѣ. Это—человѣческая похвала, которой они искали. Ничтожная мзда! «Хорошо Господь назвалъ ихъ лицемѣрами, говоритъ святый Златоустъ; ибо милостыня ихъ имѣла одну только личину милостыни, а сердце ихъ было исполнено жестокости и безчеловѣчія. Они творили оную не изъ милосердія къ ближнему, но для полученія славы. Крайняя жестокость — искать для себя чести и не избавлять отъ несчастья другого, когда онъ погибаетъ отъ глада».

Въ словахъ: *тебѣ же творящу милостыню, да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя*, — дается положительное правило, что милостыню должно подавать въ глубокой сокровенности. Правило предложено въ переносныхъ словахъ. Господь говоритъ о шуйцѣ и десницѣ, т. е. о лѣвой и правой рукѣ. Въ древнее время названіе тѣлесныхъ членовъ часто употреблялось въ значеніи ближайшихъ и вѣрнѣйшихъ друзей. Братъ и другъ нерѣдко назывался десною, или лѣвою рукой. Такое значеніе имѣютъ сіи слова и здѣсь. Милостыню должно подавать такъ тайно, чтобы не знали о томъ самые ближайшіе друзья и родственники, но видѣлъ только одинъ Отецъ Небесный. Чего желаешь ты, объясняетъ святый Златоустъ, не того ли, чтобы имѣть какихъ либо зрителей дѣлъ твоихъ? Вотъ ты имѣешь не Ан-

геловъ, не Архангеловъ, но Бога всяческихъ. Если же ты желаешь и человѣковъ имѣть своими зрителями, то Онъ въ надлежащее время исполнитъ и сіе твое желаніе, и даже въ величайшемъ избыткѣ удовлетворитъ оное. Ибо если нынѣ ты захочешь показываться, то можешь показаться только десяти или двадцати, или ста человѣкамъ; а если стараешься скрыться нынѣ, то тогда Самъ Богъ возвѣститъ о тебѣ предъ всею вселенною. Итакъ если ты наипаче желаешь того, чтобъ люди видѣли твои добродѣтели, то скрой ихъ нынѣ, дабы всѣ, къ большей тебѣ чести, увидѣли ихъ тогда, когда Богъ сдѣлаетъ ихъ явными, откроетъ и возвѣститъ предъ всѣми. Видящіе нынѣ обвинятъ тебя, какъ тщеславнаго, а когда увидятъ тебя вѣнчаемаго, тогда не только не обвинятъ тебя, но и всѣ удивятся тебѣ. Такимъ образомъ, когда ты можешь получить отъ Бога величайшую награду и всѣхъ привести въ удивленіе, если только потерпишь малое время, то подумай, какое было бы безуміе лишиться того и другого, прося у Бога награды за свои добрыя дѣла, а между тѣмъ содѣлывая людей зрителями оныхъ тогда, когда Богъ взираетъ на оныя?... Кто былъ бы такъ жалокъ, чтобы, презрѣвъ Царя, поспѣшающаго узрѣть его блистательные подвиги, захотѣлъ быть видимымъ одними только бѣдными и нищими? Вотъ какія великія награды уготованы на небѣ истинному благотворителю! Но Богъ воздаетъ ему еще и здѣсь Своею благодатію и часто земными благами (Прав. Собес. 1856 г., стр. 215—227).

Ст. 3. Да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя.

Это значитъ, говоритъ одинъ отецъ Церкви, то, чтобъ человѣкъ твой ветхій не зналъ того, что̀ творитъ въ тебѣ человѣкъ новый, просвѣщаемый Духомъ Святымъ.

Не всегда полезно скрывать отъ другихъ добрыя дѣла свои; но полезно и нужно нерѣдко открыто дѣйствовать ко благу ближнихъ; не величаться тѣмъ, но и не стыдиться того. Напротивъ, всегда полезно и нужно скрывать добрыя дѣла отъ ветхаго человѣка нашего, отъ нашихъ страстей и міролюбивыхъ склонностей, дабы къ чистому святому дѣлу не примѣшать нечистыхъ видовъ, самолюбивыхъ побужденій, суетныхъ желаній. Тогда только и отъ другихъ скрывать должно доброе дѣло, когда открывать его имъ заставляетъ нашъ ветхій же человѣкъ, въ насъ живущій, или когда онъ же, дѣйствуя въ другихъ, усиливается знать и испортить все то, что̀ мы хотимъ сдѣлать.

Такимъ образомъ совершенно согласуется упомянутое Евангельское правило съ другимъ правиломъ Небеснаго Наставника: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. V, 16). Слава Божія требуетъ отъ тебя дѣйствованія? Дѣйствуй со всѣмъ усердіемъ и открыто, хотя бы это было совершенно противно всѣмъ склонностямъ ветхаго человѣка. Но слава же Божія требуетъ нерѣдко, чтобы ты скрывалъ дѣйствія или удерживалъ, тогда не дѣйствуй ни въ угодность плоти, ни по желаніямъ міра; или скрывай дѣйствія та́къ, чтобы не знала сторона шуяя, что̀ творитъ сторона правая (Воскр. Чт., г. III, стр. 127).

Ст. 5. *И егда молишися, не буди* (1) *якоже лицемѣри* (2), *яко любятъ* (3) *въ сонмищихъ и въ стогнахъ путій* (4) *стояще* (5) *молитися, яко да явятся человѣкомъ: аминь глаголю вамъ, яко воспріемлютъ мзду свою.*

Примѣчанія. (1) Οὐκ ἔσῃ въ будущ. вмѣсто повелительнаго, какъ выше V, 48.

(2) *Якоже лицемѣри.* Выраженіе ὑποκριτὴς—*лицемѣръ* встрѣчается очень часто въ Евангеліяхъ, напримѣръ ст. 16; VII, 5; XV, 7; XVI, 3; XXIII, 13. Лук. VI, 42; XI, 44 и другіе. Глаголъ ὑποκρίνεσθαι находится только у Луки XX, 20. Первоначальное значеніе его—одно съ ἀποκρίνεσθαι—*отвѣчать*, потомъ отвѣчать подъ чужимъ именемъ, вообще принимать, представлять чужой видъ. Въ Новомъ Завѣтѣ употребляется всегда въ значеніи наружной праведности, набожности, которой не соотвѣтствуютъ внутреннія расположенія.

(3) Φιλοῦσι. Φιλεῖν въ соединеніи съ предыдущимъ неокончательнымъ такъ же, какъ и ἀγαπᾶν, означаетъ охоту къ дѣйствію, желаніе, соединенное съ сердечнымъ удовольствіемъ, также какъ Еврейское—агафъ, хафецъ (Исаія LVI, 10. Іерем. XIV, 10. Осія XII, 6. Матѳей XXIII, 6); у Греческихъ писателей иногда значитъ оно то же, что εἰωθέναι, ἔθος ἔχειν—*имѣть обыкновеніе.* Но имѣлъ ли такое значеніе сей глаголъ у святыхъ писателей Новаго Завѣта, сомнительно, по крайней мѣрѣ нѣтъ примѣровъ.

(4) Γωνίαι τῶν πλατειῶν. Это—перекрестки, гдѣ пересѣкаются двѣ улицы и гдѣ такимъ образомъ можно быть видимымъ многими людьми; выраженіе равнозначительно другому διέξοδος τῶν ὁδῶν (Матѳ. XXII, 9) *исходища путей*—перекрестки дорогъ (ср. Притч. VII, 12).

(5) Ἑστῶτες. Это слово употреблено не просто въ значеніи находиться, быть. Имъ означается цѣль—показать предъ людьми стояніе въ молитвѣ; лицемѣры любятъ молиться стоя, или останавливаться для молитвы. Хотя молиться стоя заповѣдано было Іудеямъ закономъ; но лицемѣры поступали такъ единственно для того, чтобы молитву ихъ видѣли другіе; потому что можно было совершать тайную молитву ходя или сидя. Впрочемъ, и они умѣли прикрывать свое лицемѣріе. У Іудеевъ, какъ послѣ и у магометанъ, назначены были извѣстные часы для молитвы, такъ что и нынѣ магометанинъ, или совѣстный Іудей, какъ скоро ударитъ опредѣленный часъ, совершаетъ свою молитву, гдѣ бы онъ ни находился. Лицемѣръ могъ такъ расположить время, что именно ему въ эти часы приходилось быть на улицѣ или на перекресткѣ; и онъ тогда совершалъ молитву, со всею точностью исполняя суевѣрную заповѣдь, принятую послѣ въ талмудъ, что „если бы привѣтствовалъ тебя царь во время молитвы, ты ему не отвѣтствуй; если бы змій уязвилъ ногу, не прерывай своей молитвы".

Научая молитвѣ, Спаситель говоритъ, какъ должно молиться вообще (5—8), и потомъ показываетъ самый образецъ молитвы (9—15). Онъ говоритъ, что наша молитва не должна быть лицемѣрною и разсѣянною (5—6), не должна быть наборомъ пустыхъ словъ (7—8), а въ образцѣ молитвы поучаетъ, о чемъ намъ должно молиться (9—15).

Молитва есть бесѣда, въ которую вступаетъ человѣкъ съ невидимымъ Отцемъ на небѣ. Она основывается на мысли о любви и всемогуществѣ Божіемъ, а вмѣстѣ и на чувствѣ нищеты духа и тѣла, на чувствѣ полной зависимости человѣка отъ Бога, его Творца и Промыслителя, его Господа и Отца. Итакъ она есть бесѣда съ однимъ Богомъ, а не съ людьми. Но фарисеи въ молитвахъ искали человѣческой славы. Бога, Который долженъ быть цѣлью и главнымъ предметомъ молитвы, они ставили ниже себя, дѣлая себя самихъ идоломъ, предъ которымъ люди должны были воскурять ѳиміамъ хвалы. Отъ сихъ-то нечистыхъ расположеній предохраняетъ насъ здѣсь Спаситель. Онъ не требуетъ, чтобы мы скрывали свои молитвы отъ другихъ; этого часто не возможно исполнять; нерѣдко званіе и обязанность понуждаютъ къ молитвѣ, которую должны видѣть другіе. Посему наставленіе Спасителя имѣетъ слѣдующій смыслъ: «не выставляйте на видъ вашего благочестія; не притворяйтесь, что вы молитесь Богу, когда не имѣете внутренняго расположенія къ молитвѣ; не молитесь для того, чтобъ другіе почитали и прославляли васъ.

Ст. 6. *Ты же, егда молишися, вниди въ клѣть твою и, затворивъ двери твоя помолися Отцу твоему, Иже въ тайнѣ: и Отецъ твой, видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ.*

Спаситель даетъ здѣсь положительное наставленіе, что̀ намъ должно дѣлать, чтобы молитва наша не была лицемѣрною и разсѣянною. Онъ говоритъ: «войди въ клѣть твою».

На востокѣ устроялись въ домахъ верхнія помѣщенія, назначавшіяся для особенныхъ цѣлей, большею же частью для благочестивыхъ упражненій, для молитвы (Дѣян. X, 9). Въ такую-то клѣть Господь заповѣдуетъ уединяться, чтобы молиться безъ развлеченій, не для славы человѣческой,—и заповѣдуетъ не просто уединяться, но и запереть сію клѣть для бо́льшаго удаленія отъ людей.

Сія заповѣдь заключаетъ въ себѣ не одинъ буквальный, но и духовный смыслъ. Она вообще научаетъ насъ избѣгать человѣческой славы и разсѣянія во время молитвы. Гдѣ бы мы ни совершали молитву, въ уединеніи ли, среди ли людей, никогда не должны желать другаго зрителя, кромѣ Бога; должны забывать все, что̀ окружаетъ насъ, и ни о чемъ не должны помышлять, какъ только о своихъ нуждахъ, о своей нищетѣ, о своемъ недостоинствѣ, о безконечномъ достоинствѣ благъ, которыхъ просимъ, о величіи и благости Того, Кого просимъ и съ Кѣмъ бесѣдуемъ. Посему не безъ основанія святые отцы Церкви разумѣютъ подъ клѣтью сердце человѣка. Чтобы молиться свято, надобно войти въ глубину сердца и заключить входъ въ него всѣмъ постороннимъ мыслямъ: «вотъ клѣть молитвы, говоритъ святый Амвросій, которую ты всегда имѣешь съ собою. Въ сію клѣть преимущественно должно уединяться, хотя бъ мы находились и между людьми. «Богъ, говоритъ святый Златоустъ, вездѣ смотритъ на цѣль дѣлъ. Если и въ клѣть войдешь и затворишь за собою двери, то, ежели дѣлаешь это по тщеславію, затворенныя двери не принесутъ тебѣ пользы... Господь желаетъ, чтобъ ты, прежде нежели затворишь ихъ, изгналъ изъ себя тщеславіе и заключилъ дверь сердца твоего. Ибо совершенно доброе дѣло всегда свободнымъ должно быть отъ тщеславія, а особенно во время молитвы. Если и безъ сего порока во время молитвы всюду блуждаемъ своими мыслями, то, когда приступимъ къ молитвѣ съ болѣзнью тщеславія, тогда и сами не услышимъ молитвъ своихъ. Если же и мы сами не слышимъ молитвъ и прошеній своихъ, то какъ можемъ надѣяться, что Онъ услышитъ насъ».

Итакъ сими словами Спаситель отнюдь не запрещаетъ молитвы, совершаемой въ церкви, въ обществѣ вѣрныхъ. «Что̀ же, говоритъ блаженный Ѳеофилактъ, ужели не должно мнѣ молиться въ церкви? Напротивъ! Должно, только съ чистымъ намѣреніемъ, а не съ тѣмъ, чтобы видѣли это люди; потому что не мѣсто вредитъ намъ, но внутреннее расположеніе и цѣль. Многіе, и втайнѣ молясь, дѣлаютъ это для того, чтобы нравиться людямъ». Общественная молитва, по своей торжественности и по участію въ ней многихъ, болѣе соотвѣтствуетъ величію Господа Бога, общаго нашего Отца, нежели частная, въ которой мы одни предстоимъ предъ Нимъ; общественная молитва болѣе способна назидать насъ, возбуждать и поддерживать въ насъ чувство благоговѣнія къ Богу и чувство любви къ ближнимъ, нежели молитва частная, въ которой мы лишены и примѣра и возбужденія посторонняго, въ которой, именуя Бога Отцемъ нашимъ, мы не можемъ даже ощущать вполнѣ всей силы сихъ

словъ. Молитва церковная, совершаемая многими въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, имѣетъ бо́льшую силу предъ Господомъ Богомъ, нежели частная, ибо возносится людьми, Самимъ Богомъ избранными для сего и украшенными благодатію священства, при посредствѣ которой нисходятъ и на насъ отъ Господа Бога благодатные дары и благословеніе. «Говорятъ: могу молиться дома», пишетъ святый Златоустъ. «Ты самъ себя обманываешь, другъ мой. Правда, ты можешь дома молиться, но не можешь молиться та́къ, ка́къ въ церкви, гдѣ собрано столько отцевъ, гдѣ возносится къ Богу единодушный гласъ. Ты не можешь такъ возноситься, когда одинъ станешь призывать Господа, какъ возноситься можешь, когда стоишь вмѣстѣ съ братьями; ибо здѣсь есть нѣчто болѣе,—единеніе многихъ, союзъ любви, молитвы священниковъ. Для того и поставлены священники, чтобы молитвы народа, которыя могутъ быть слабы, соединяя съ болѣе сильными, возносить на небо».

Итакъ заблудшіе братія наши понимаютъ ложно слова Господа, когда говорятъ, что можно обойтись безъ церкви, что будто и дома можно та́къ же молиться, ка́къ въ церкви. Послушаемъ еще, что̀ говоритъ объ этомъ предметѣ одинъ изъ отечественныхъ нашихъ святителей, именно святый Алексій, митрополитъ Московскій. Онъ та́къ поучаетъ: «князи, бояре, и купцы и всякій правовѣрный христіанинъ! Оставя всѣ дѣла своя, на церковную молитву стекайтеся безъ лѣности и не рцыте тако: отпоемъ себѣ дома. Не можетъ бо та молитва успѣти ничтоже безъ церковныя молитвы. Якоже бо храмина дымомъ безъ огня не можетъ согрѣтися: тако и та молитва безъ церковныя. Церковь бо наречется земное небо, въ нейже закалается Агнецъ, Сынъ, Слово Божіе, за очищеніе грѣховъ всего міра, вѣрныхъ, и людей трепещущихъ словесъ Божіихъ, въ ней же проповѣдуется Евангеліе благовѣщенія Царства Божія, и святыхъ Апостолъ Дѣянія, и Соборная посланія, и свѣтлаго нашего учителя Павла Апостола 14 посланій, и святыхъ Вселеньскихъ Отецъ 7 Соборовъ почитаются, и престолъ Божія славы херувимы невидимо осѣняется и священническими руками Тѣло и Кровь Божественная пріемлется и вѣрнымъ людемъ подается на спасеніе и на очищеніе душамъ и тѣламъ. И таковое и страшное, и грозное, и преславное чудо Божіе, еже есть церковное управленіе,—и хощете домашнимъ своимъ пѣніемъ обрѣсти себѣ пользу?»

Ст. 7. *Молящеся же не лишше глаголите* (1), *якоже язычницы: мнятъ бо, яко во многоглаголаніи своемъ услышани будутъ. 8. Не подобитеся убо имъ: вѣстъ бо Отецъ вашъ, ихже требуете, прежде прошенія вашего.*

Примѣчаніе. (1) Βαττολογήσετε. Βαττολογία у Симплиція значитъ то же, что̀ πολυλογία—*многословіе.* Βατταρίζειν у Лукіана значитъ безпорядочно и глупо говорить. Въ одномъ же мѣстѣ у блаженнаго Ѳеодорита βατταρισμοὶ параллельно выраженію τὰ ἀλογιστῶς εἰρημένα *нерачительно, безсмысленно сказанное.* Глоссаторы слову βάττος даютъ значеніе заики, съ трудомъ говорящаго,—βαττολογεῖν *съ трудомъ говорить,* потомъ оно значитъ у нихъ многословіе и наконецъ пустословіе, безсмыслица; сіи значенія сходятся въ одномъ—*пустое многословіе.*

Здѣсь заключается наставленіе въ томъ, что мы должны избѣгать еще другого вида лицемѣрія въ молитвѣ, то есть длинныхъ прошеній, состоящихъ въ пышномъ наборѣ словъ и чуждыхъ сердечнаго расположенія.

Язычники произносили въ молитвахъ своихъ многія и неприличныя слова.

У Латинянъ молиться значило обременять, утомлять боговъ. Еллинъ не довольствовался тѣмъ, что взывалъ ко всѣмъ своимъ 30,000 богамъ, какъ насчитываетъ ихъ Изіодъ, но онъ призывалъ каждаго порознь. О Мавританской жрицѣ въ Энеидѣ говорится: триста разъ она произноситъ имена боговъ, ерева, хаоса и проч. Къ именамъ язычники прилагали безчисленное множество эпитетовъ, которые исчислялись въ торжественныхъ молитвахъ. У Платона сказано объ одномъ Еллинѣ: онъ много молился Апполону, перечисляя наименованія бога. Подобныя исчисленія, осмѣиваемыя Лукіаномъ, встрѣчаются въ гимнахъ Орѳея.

Къ симъ именамъ они присовокупляли прошенія, не важныя по содержанію, или не достойныя Бога, и повторяли ихъ до нѣсколькихъ тысячъ разъ. Древнѣйшій примѣръ такихъ повтореній находимъ въ 3 Царствъ XVI, 26, гдѣ жрецы Ваалови цѣлую половину дня кричали къ Ваалу: «послушай насъ». Особенно часты сіи повторенія у Индѣйскихъ и магометанскихъ факировъ, тогда какъ предметъ моленій ихъ относится къ земнымъ благамъ и къ удовольствіямъ, часто грѣховнымъ и богопротивнымъ.

Съ длинными и пустыми молитвами язычники соединяли ложныя понятія о богахъ. Они думали, что боги ихъ находятся въ отсутствіи или чѣмъ-нибудь развлечены и не могутъ слышать ихъ молитвъ, или въ извѣстныя времена находятъ особенное удовольствіе въ томъ или другомъ имени. Посему они говорили много, чтобы угодить богамъ и, такъ сказать, заставить ихъ услышать свои прошенія .

Сіи-то моленія язычниковъ и преимущественно ложныя понятія ихъ Спаситель имѣетъ въ виду, когда запрещаетъ совершать длинныя молитвы. Такъ разумѣли заповѣдь Его древніе учители Церкви. Святый Григорій Нисскій говоритъ: «мнѣ кажется, Господь указываетъ словами—*не лишше глаголите*—на пустыя мысли и на суетныя и безполезныя желанія молящихся. Ибо благоразумныя прошенія означаютъ словомъ—*моленіе;* но молитвы, касающіяся преходящихъ удовольствій, не суть моленіе, а многословіе или, яснѣе, пустая, пошлая рѣчь, болтовня».—Святый Василій Великій приводитъ заповѣдь Спасителя при изъясненіи словъ пророка Исаіи: *и аще умножите моленіе, не услышу васъ* (Исаія I, 15), и относитъ многословіе молитвы къ прошенію о земныхъ предметахъ, сравнивая съ сими словами изрѣченіе Соломона: *отъ многословія не избѣжишіи грѣха* (Притч. X, 19), которому онъ противополагаетъ другое въ Псалмѣ XXVI, 4: *едино просихъ отъ Господа, то взыщу, еже жити ми въ дому Господни.* Подобнымъ образомъ объясняетъ сіе мѣсто святый Златоустъ. «Подъ многоглаголаніемъ, говоритъ онъ, разумѣется здѣсь пустословіе; напримѣръ, когда просимъ у Бога неприличнаго, какъ-то: власти, славы, побѣды надъ врагами, множества богатства, словомъ всего того, что безполезно для насъ». Подобнымъ образомъ блаженный Ѳеофилактъ говоритъ, что многоглаголаніе есть пустословіе, когда, напримѣръ, молимся о чемъ либо земномъ,—о власти, славѣ, богатствѣ. «Къ сему объясненію приближаются Еѳіопскій и Персидскій переводчики Святаго Евангелія, которые вмѣсто словъ—не лишше глаголите—поставили въ своихъ переводахъ: «не говорите неприличнаго».

Итакъ смыслъ словъ Спасителя слѣдующій: не употребляйте во время молитвы многихъ словъ, не согласныхъ съ вашимъ спасеніемъ и истинными понятіями о Богѣ. Отецъ вашъ, Кото-

рому вы молитесь, не имѣетъ нужды въ самыхъ словахъ; Онъ не такъ далекъ отъ васъ, чтобы не могъ слышать; Онъ не разсѣянъ, чтобы вамъ нужно было обращать на себя Его вниманіе; Онъ не невѣдущъ, чтобъ вы показывали Ему, въ чемъ имѣете нужду; Онъ не смотритъ на слова, но на расположеніе и знаетъ прежде, нежели вы Ему молитесь, въ чемъ имѣете нужду.

Впрочемъ, Спаситель не имѣлъ намѣренія совсѣмъ запретить длинныя и усиленныя молитвы, какъ это видно изъ другихъ наставленій и изъ собственнаго примѣра Его. Онъ представляетъ намъ въ примѣръ вдову, которая единственно усильными просьбами смягчила жестокаго судью (Лук. XVIII, 2—3); Онъ изображаетъ человѣка, который получилъ желаемое отъ своего друга только докучливымъ прошеніемъ (Лук. XI, 5, 10). Спаситель Самъ проводилъ въ молитвѣ цѣлыя ночи (Лук. VI, 12; XXI, 31) и въ саду Геѳсиманскомъ молился долго и усильно, повторяя одну и ту же молитву (Лук. XXII, 40—46, ср. Евр. V, 7). Апостолы заповѣдуютъ быть постоянными, т. е. твердыми и усильными просителями (Римлян. XII, 12. Колос. IV, 2. Солун. V, 17). Если сердце опредѣляетъ время молитвы, а чувство благоговѣнія, вѣры и любви внушаетъ слова, то кратко, или долго будемъ молиться, минуту или часъ, въ краткихъ или многихъ словахъ, измѣняя или повторяя выраженія, въ нѣмыхъ вздохахъ или яснымъ голосомъ, — мы молимся правильно, и наша молитва благоугодна Богу. «Лишнее говорить въ молитвѣ, говоритъ одинъ изъ древнихъ учителей Святой Церкви, значитъ необходимое дѣло запутывать излишними словами, а долго молиться значитъ продолжительнымъ и благочестивымъ усиліемъ сердца толкаться къ Тому, Кому молимся; потому что это дѣло совершается болѣе стенаніемъ и вздохами, нежели словами». Господь повелѣлъ намъ, говоритъ святый Златоустъ, не возсылать къ Нему молитвы, составленной изъ многочисленныхъ стиховъ, а просто открывать Ему наши прошенія. Подобнымъ образомъ пишетъ блаженный Ѳеодоритъ: «не должно совершать молитвъ, составленныхъ изъ многочисленныхъ словъ, а должно молиться немногими словами, но сердечно и непрестанно». Итакъ въ сихъ словахъ заключается обличеніе заблуждшихъ братій нашихъ, которые, привязываясь къ тому и другому способу совершенія молитвъ, къ тѣмъ или другимъ словамъ молитвъ, не входятъ въ духъ молитвъ, и, что особенно противно заповѣди Господа, молясь, обнаруживаютъ упорное противленіе Святой Православной Церкви.

Вѣстъ бо Отецъ вашъ, ихже требуете, прежде прошенія вашего. Было бы богопротивно, если бы изъ сихъ словъ мы заключили, что намъ не нужно молиться. Кто освободитъ сына отъ обязанности просить о чемъ либо отца, только потому, что отецъ его знаетъ, что ему нужно? Возношеніе мыслей къ Богу очищаетъ сердце молящагося и содѣлываетъ его болѣе способнымъ къ принятію Божіей благодати. Богъ готовъ удѣлять намъ Свои дары, но мы не всегда готовы принимать ихъ (Прав. Собес. 1856 г., стр. 247—262).

О молитвѣ Господней.

(Археологическій эскизъ.)

Мнѣнія ученыхъ археологовъ и экзегетовъ о цѣли, значеніи и смыслѣ молитвы, данной Господомъ Своимъ ученикамъ (Матѳ. VI, 9—13; ср. Лук. XI, 2—4), очень разнообразны. Мы приведемъ три замѣчательныя мнѣнія относительно этой молитвы. По первому

изъ нихъ, Христосъ не давалъ Своимъ ученикамъ, а еще менѣе всѣмъ христіанамъ послѣдующихъ вѣковъ, всеобщей молитвенной формулы, а сообщилъ только духъ дѣтской любви и довѣрія къ Богу, которымъ долженъ быть движимъ молящійся христіанинъ. Христосъ, говорятъ защитники этого мнѣнія, хотѣлъ въ противоположность Іудейскому и языческому многоглаголанію (πολυλαλία, βαττολογία) показать на примѣрѣ, какъ съ немногими словами можетъ быть соединено богатое содержаніе, и какъ въ краткой рѣчи могутъ быть высказаны всѣ главныя нужды жизни, духа и сердца. (Въ такомъ случаѣ слово οὕτως — *такъ* понимается въ смыслѣ: напримѣръ). Нѣкоторые же изъ ученыхъ археологовъ въ противоположность этому взгляду на молитву Господню считаютъ ее за предписанную формулу молитвы, которою должны дорожить всѣ христіане, древніе и новые, и приравниваютъ ее къ данной Христомъ Апостоламъ формулѣ крещенія (Матѳ. XXVIII, 19). Что же касается до содержанія и формы этой молитвы, то защитники разсматриваемаго мнѣнія говорятъ, что въ этомъ случаѣ она очень подходитъ къ Іудейскимъ молитвамъ, и что Христосъ, примѣняясь въ ея составленіи къ Іудейскимъ воззрѣніямъ, имѣлъ въ виду ту цѣль, чтобы эта молитва легче могла утвердиться въ народѣ. Наконецъ, третье мнѣніе принимаетъ семь прошеній молитвы Господней за начальныя слова различныхъ, бывшихъ въ употребленіи при Іудейскомъ богослуженіи молитвъ, — слова, данныя Христомъ вмѣсто другихъ длинныхъ, не цѣлесообразныхъ молитвъ. «Ученики, говоритъ одинъ толковникъ, какъ видно изъ отвѣта Іисуса, желали отъ Него не указанія, какъ молиться, но о чемъ молиться и что они только должны принять за образецъ... И Христосъ не говоритъ: Я хочу показать вамъ, какъ должно выражать въ молитвѣ свои благочестивыя чувствованія. Ученики просили нѣчто другое, чѣмъ формулы молитвы». А такъ какъ Іисусъ Христосъ вообще былъ терпѣливъ къ Іудейскому богослуженію, былъ далекъ отъ того, чтобы совершенно отвергать всѣ Іудейскія молитвы, то и выбралъ начальныя слова изъ болѣе лучшихъ молитвъ для Своихъ учениковъ. «Да и былъ ли бы Онъ въ такомъ уваженіи у Апостоловъ— заключаетъ этотъ толковникъ, если бы отвергъ всѣ молитвы, къ которымъ они изъ дѣтства привыкли?» Эта гипотеза наиболѣе принимается западными толковниками. И дѣйствительно, она не представляетъ ничего такого, что было бы несогласно съ образомъ дѣйствій и ученія Христа Спасителя, нуждами Его учениковъ и отношеніями времени. Для Іисуса Христа нѣтъ ничего недостойнаго въ заимствованіи наиболѣе подходящихъ къ христіанскому міровоззрѣнію молитвъ Іудейскихъ, особенно въ виду скорѣйшаго распространенія и утвержденія въ ихъ средѣ первыхъ Своихъ послѣдователей. Но тѣмъ не менѣе православные толковники основательнѣе принимаютъ второе мнѣніе.— Переходя теперь на почву литургико-археологическую, мы задаемся вопросомъ: была ли молитва Господня въ употребленіи при богослуженіи въ первыя времена христіанства?

При Апостолахъ эта молитва не была въ Богослужебномъ употребленіи. Въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, въ тѣхъ мѣстахъ ея, гдѣ идетъ рѣчь объ общественной молитвѣ, нигдѣ нѣтъ слѣдовъ молитвы Господней. Также мало свѣдѣній объ этой молитвѣ даютъ намъ и посланія Апостольскія. Правда, слова 1 Коринѳ. XIV, 6 приводятъ нѣкоторые въ доказательство Богослужебнаго

употребленія этой молитвы при Апостолахъ, но неосновательно: тутъ идетъ рѣчь, какъ видно изъ контекста, о свободныхъ импровизаторскихъ молитвахъ, послѣ которыхъ присутствовавшіе также говорили: аминь, какъ послѣ говорили по окончаніи молитвы Господней.

Въ писаніяхъ мужей Апостольскихъ также мало встрѣчаемъ слѣдовъ употребленія этой молитвы при Богослуженіи. Іустинъ мученикъ (Apolog. 1 p. 222 ed. Oberth.) сообщаетъ, что въ христіанскихъ собраніяхъ предстоятель возносилъ молитвы и благодаренія, сколько могъ, и потомъ народъ восклицалъ: аминь. Это мѣсто нѣкоторые принимаютъ за свидѣтельство объ употребленіи молитвы Господней въ Богослужебныхъ собраніяхъ христіанъ II вѣка; но лучше всего считать это мѣсто за упоминаніе о молитвѣ отъ духа и сердца, которую дозволено было произносить предстоятелямъ, сообразуясь со своими силами и потребностями ихъ общины. Впрочемъ, кажется, у Іустина, есть намекъ на «Отче нашъ» въ другомъ мѣстѣ, именно при описаніи обрядовъ, сопровождавшихъ крещеніе (ibid. 212), гдѣ можно думать, что онъ имѣетъ въ виду молитву Господню.

Также неопредѣленно говоритъ объ употребленіи этой молитвы и святый Ириней, хотя ему и нельзя отказать въ знаніи ея, ибо въ книгѣ «Противъ ересей» онъ ясно говоритъ: «посему и въ молитвѣ научилъ насъ говорить (Христосъ): и остави намъ долги наша, поелику Онъ есть Отецъ нашъ, Котораго мы были должниками, преступивши Его заповѣдь».

Древнѣйшія же и яснѣйшія свидѣтельства о Богослужебномъ употребленіи этой молитвы содержатъ въ себѣ постановленія Апостольскія; однако и они не могутъ свидѣтельствовать объ употребленіи этой молитвы во времена Апостоловъ, такъ какъ новая критика относитъ ихъ происхожденіе къ IV вѣку, и только свидѣтельства Тертулліана, Кипріана и Оригена о церковномъ употребленіи «Отче нашъ» во II и III вв. стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Тертулліанъ († 220) не только упоминаетъ объ употребленіи этой молитвы, но и самъ даже написалъ сочиненіе «De oratione», которое представляетъ ничто иное, какъ объясненіе молитвы Господней, съ примѣчаніями относительно обыкновеній при совершеніи молитвы. Въ этомъ сочиненіи, которое онъ написалъ еще предъ уклоненіемъ въ монтанизмъ (сл. еще предъ 200-мъ годомъ), онъ не только принимаетъ эту молитву за предписанную, но и называетъ ее основаніемъ всѣхъ молитвъ, сокращеніемъ всего Евангелія. Изъ контекста рѣчи, гдѣ Тертулліанъ говоритъ объ употребленіи этой молитвы, видно, что она была употребляема только вѣрующими (fidelibus, въ противоположность оглашеннымъ).

Кипріанъ († 358) во всемъ почти согласенъ съ Тертулліаномъ, котораго онъ называетъ своимъ учителемъ и мысли котораго дополняетъ и распространяетъ. Онъ также написалъ введеніе и объясненіе на «Отче нашъ» (de oratione Dominica) и даетъ такіе же высокіе отзывы о значеніи молитвы Господней, какъ и Тертулліанъ, называя ее любезною и пріятною для Бога.

Современникъ Кипріана Оригенъ († 258) написалъ также обстоятельное сочиненіе о молитвѣ (περὶ εὐχῆς), вторая часть котораго посвящена изъясненію молитвы «Отче нашъ». Кромѣ этихъ древнихъ писателей, у извѣстныхъ отцевъ Церкви IV и V вв. находится много свидѣтельствъ о всеобщности употребленія «Отче нашъ». Такъ Августинъ въ письмѣ къ Гилярію говоритъ, что эта

молитва для христіанъ необходима и что она будетъ употребляться до конца міра. Также у Златоуста (Нот. 64, ст. 288) говорится объ ежедневномъ прошеніи: да пріидетъ Царствіе Твое, какъ свидѣтельство о надеждѣ христіанъ на воскресеніе (ср. Кирилла Іерусалимскаго тайновод. поуч. V и др. мѣста).

Употребленіе этой молитвы, какъ уже выше было замѣчено, ограничивалось одними вѣрными. Важнѣйшія свидѣтельства объ этомъ можно находить у Златоуста во 2-й Бесѣдѣ на 2 Коринѳ., гдѣ онъ говоритъ о неосвященныхъ, что имъ не сообщалась никогда введенная Христомъ и узаконенная молитва, и въ Бесѣдѣ 62-й, гдѣ онъ говоритъ, что никто не можетъ называть Бога Отцемъ, прежде нежели не будетъ очищенъ отъ грѣховъ крещеніемъ. Это подтверждаетъ Ѳеодоритъ (въ haeret. fabul. c. 28) и Августинъ (Sermo 62); при чемъ послѣдній замѣчаетъ, что молитва Господня, которую онъ называетъ «ежедневною молитвою вѣрныхъ», въ первый разъ дѣлалась извѣстною оглашеннымъ въ тотъ день, когда они приготовлялись ко крещенію (dies competentium). Но почему же эта молитва не сообщалась оглашеннымъ до крещенія, когда она находится въ Священномъ Писаніи, которое извѣстно было и язычникамъ? Это недоумѣніе разрѣшается тѣмъ, что отъ оглашенныхъ скрывали не голыя слова молитвы, но догматико-мистическое толкованіе ихъ, о чемъ говорятъ Кипріанъ и другіе отцы Церкви.

Такимъ образомъ относительно Богослужебнаго употребленія молитвы Господней можно сказать, что она начала входить въ употребленіе уже послѣ Апостоловъ и знаніемъ таинственнаго значенія ея призываній обладали только одни вѣрующіе (Воскр. Чт. 1875 г., т. II, стр. 271—274).

Ст. 9. *Сице убо молитеся вы: Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ! да святится* (1) *имя Твое* (2): *10. да пріидетъ Царствіе Твое: да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли. 11. Хлѣбъ нашъ насущный* (3) *даждь намъ днесь: 12. и остави намъ долги наша, яко* (4) *и мы оставляемъ должникомъ нашимъ: 13. и не введи насъ въ напасть* (5), *но избави насъ отъ лукаваго. Яко Твое есть Царствіе и сила и слава во вѣки. Аминь.*

Примѣчаніе. (1) Ἁγιάζειν *(святится)* значитъ дѣлать святымъ что либо не святое, потомъ—обращаться со святымъ благоговѣйно, хранить святое свято, почитать (Числ. XX, 12. Второзак. XXXII, 51. Исход. XX, 8. Левит. XXI, 8. 1 Петр. III, 15. Сирах. XXXIII, 4). Такъ объясняетъ это слово святый Златоустъ: „какъ Ангелы, говоритъ онъ, воздаютъ честь (ἁγιάζουσι) Богу, отвращаясь всякаго грѣха и тщательно исполняя законъ, добродѣтели, такъ и мы должны чтить Его (ἁγιάζειν)“. Посему ἁγιάζειν соотвѣтствуетъ другому слову δοξάζειν, *прославлять, возвеличивать,* какъ Сирах. XXXVI, 4. Левит. X, 3. Іезек. XXVIII, 22; XXXVIII, 23. Въ значеніи прославленія сіе слово принимаетъ въ настоящемъ мѣстѣ блаженный Ѳеодоритъ; на Исаіи VIII, 17, онъ говоритъ: *освятите* (ἁγιάσατε)—пророкъ поставилъ вмѣсто—*воспойте;* такъ и мы говоримъ молясь: да *святится имя твое,* вмѣсто: *да прославится.*

(2) Ὄνομα *(имя)* имѣетъ тѣсное и обширное значеніе. Въ тѣсномъ смыслѣ оно значитъ собственно имя Божіе, напримѣръ имя Іеговы; въ обширномъ означаетъ существо Божіе, совершенства Божественныя, такъ какъ имя обыкновенно служитъ выраженіемъ сущности предмета. Если принимать его здѣсь въ первомъ значеніи, то прошеніе будетъ выражать желаніе, чтобы имя Божіе было произносимо съ благоговѣніемъ и не употреблялось безъ нужды. Но слова Спасителя не заключаютъ въ себѣ такого смысла. Въ Священномъ Писаніи выраженіе—*Гиндишъ-шемъ (святится имя),* когда относится къ имени Божію, вездѣ означаетъ прославленіе Бога (Исаія XXIX, 23. Іезек. XXXVI, 23. ср. Исаія LII, 5. Римлян. II, 24, 1 Тимоѳ. VI, 1). Въ Новомъ Завѣтѣ вмѣсто

ἁγιάζειν ὄνομα, т. е. Θεοῦ, часто употребляются δοξάζειν, или φανεροῦν—*прославить, открыть имя*, гдѣ, очевидно, разумѣются совершенства, воля, существо Божіе (Іоан. XII, 28; XV, 1, 4, 6. Апокалипс. XV, 4). Итакъ ὄνομα означаетъ все существо Божіе, не исключая, конечно, и имени Божія въ собственномъ смыслѣ.

(3) Ἐπιούσιος. Этому слову даютъ двоякое значеніе: *ежедневный и потребный для поддержанія жизни*. Первое значеніе принято въ Вульгатѣ и повторяется многими Латинскими толковниками. Смыслъ въ прошеніи по сему значенію такой: „подавай намъ хлѣбъ нынѣ и въ каждый изъ слѣдующихъ дней". Но это значеніе не точно соотвѣтствуетъ Греческому слову: ἐπιούσιος. Сіе слово происходитъ отъ ἐπὶ *по, сообразно*, и οὐσία *сущность, природа*, и значитъ—*принадлежащій къ сущности, природѣ, сообразный съ природой, съ нуждами природы*, а посему сообщаетъ прошенію слѣдующій смыслъ: дай намъ хлѣбъ, который необходимъ для поддержанія нашей временной жизни; дай столько, сколько нужно для того, чтобы природа наша не разстроилась.

(4) Частицѣ ὡς—*яко* можно давать троякое значеніе: а) винословное, отпусти намъ, *поелику* и мы прощаемъ другихъ; б) количественное—*сколько*, в) сравнительное—*подобно какъ* и мы прощаемъ. Перваго значенія она не можетъ имѣть здѣсь. Отпуская другимъ согрѣшенія, мы не можемъ симъ побудить Бога къ прощенію насъ, потому что никакая наша добродѣтель не есть заслуга предъ Богомъ и не сильна умилостивить Его, если мы не будемъ имѣть вѣры въ заслуги Искупителя. Не можетъ имѣть и втораго значенія—*сколько;* наше прощеніе обидъ ближняго не можетъ быть мѣрою прощенія Божія. Если мы просимъ у Бога столько прощенія, сколько сами прощаемъ ближнему, то освободимся отъ весьма немногихъ и самыхъ неважныхъ грѣховъ; потому что каждое оскорбленіе, дѣлаемое намъ братомъ, почти ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, какое мы наносимъ Богу, какъ это видно изъ притчи о царѣ, требующемъ отчета отъ своего подданнаго (Матѳей XVIII, 23—35). Остается дать частицѣ ὡς значеніе сравнительное,—*подобно, какъ;* такое значеніе ея есть существенное; оно употреблено и въ упомянутой притчѣ (Матѳей XVIII, 33).

(5) Πειρασμὸς—*искушеніе* имѣетъ два значенія. Оно значитъ: а) опытъ, испытаніе, которое Богъ дѣлаетъ надъ людьми, чтобы дать имъ случай открыть свое постоянство въ добрѣ и любовь къ Богу. Такъ были искушаемы Богомъ Авраамъ, Іовъ и Товія. Сіи испытанія суть дѣйствія любви Божіей и составляютъ жребій избранныхъ, залогъ блаженной надежды. Они весьма полезны для насъ, и потому Іаковъ заповѣдуетъ радоваться въ нихъ, а Давидъ просилъ ихъ себѣ у Бога (Іаков. I, 1—2, 12. 1 Петр. I, 6—7. Римлян. V, 3—4. Евр. XII, 6. Апокалипс. III, 19. Товит. XII, 13. Псал. XVI, 3). б) Πειρασμὸς значитъ также *искушеніе грѣховное*, которое можетъ быть направлено противъ Бога и противъ людей. Искушаетъ такимъ образомъ Бога тотъ, кто не имѣетъ твердой вѣры въ Его могущество и благость, сомнѣвается въ Его попеченіи, или требуетъ, чтобы Онъ творилъ чудеса. Такъ, т. е. невѣріемъ, искушали Израильтяне Бога въ пустынѣ (Дѣян. XV, 10; V, 9. 1 Коринѳ. X, 9. Прем. I, 2). Искушать симъ же образомъ человѣка значитъ обольщать и влечь его ко грѣху. Сіи-то искушенія имѣетъ въ виду Спаситель, когда повелѣваетъ молиться—*не введи насъ въ напасть;* ибо и они происходятъ хотя не отъ Бога, но однако по допущенію Божію.

Объясненіемъ молитвы Господней занимались многіе учители и святые отцы Церкви съ самыхъ древнихъ временъ. У святаго Златоуста объясненіе молитвы Господней находится въ бесѣдахъ на Святое Евангеліе отъ Матѳея и въ бесѣдѣ о устроеніи жизни по Богу. Его изъясненіе, подобно всѣмъ другимъ твореніямъ сего великаго святителя и вселенскаго учителя Церкви, просто, общепонятно, близко къ сердцу. Святый Исидоръ Пелусіотъ (въ посл. I, IV, 24) и святый Кириллъ Іерусалимскій объясняютъ молитву кратко. У святаго Григорія Нисскаго есть пять словъ о молитвѣ. Во 2-мъ изъ нихъ объясняется молитва Господня. Сіе изъясненіе содержитъ въ себѣ много высокихъ мыслей, свойственныхъ твореніямъ древнихъ святыхъ мужей, и отличается красотою изложенія. Объясненіе святаго Кипріана въ твореніи о молитвѣ Господней заключаетъ въ себѣ

также превосходныя и глубоко-христіанскія наставленія. Изъ учителей древней же Церкви объясняли молитву Господню—Тертулліанъ, котораго изъясненіе, впрочемъ, кратко, хотя не лишено нѣкотораго достоинства, — Іеронимъ, который предлагаетъ также краткое объясненіе молитвы въ толкованіи Евангелія отъ Матѳея и въ разговорѣ противъ пелагіанъ — Августинъ, который предложилъ истолкованіе молитвы Господней въ объясненіи нагорной бесѣды и въ словахъ на Евангеліе отъ Матѳея, и котораго объясненіе содержитъ въ себѣ много добрыхъ мыслей; но, подобно объясненію всей бесѣды, почти всегда колеблется между двумя противоположными истолкованіями.

Толковники указываютъ на цѣль, съ которою Господь далъ намъ сію молитву. По мнѣнію однихъ, цѣлью молитвы было показать образецъ всѣхъ прочихъ молитвъ христіанскихъ; другіе утверждаютъ, будто эта молитва дана для того, чтобы мы буквально держались ея одной. Но изъ Новаго Завѣта видно, что Іисусъ Христосъ не желалъ, чтобы одна сія только молитва употреблялась христіанами. Самъ Онъ и Апостолы произносятъ другія молитвы (Іоан. XVII. Матѳ. XXVI, 39. Дѣян. I, 24; IV, 24). Что не въ буквѣ заключается главное достоинство молитвы Господней, это показываетъ разность, хотя и незначительная, въ изложеніи сей молитвы, по Евангелію отъ Матѳея и по Евангелію отъ Луки (ср. Матѳ. VI, 11—13. Лук. XI, 3—4). Въ первенствующей Церкви она не была единственною молитвою; только усвояли ей несравненное преимущество предъ всѣми другими молитвами. Святый Златоустъ называетъ ее мѣрою, образцомъ молитвъ христіанскихъ. Евѳимій говоритъ: «Господь предалъ намъ образецъ молитвы не для того, чтобъ мы молились ею одною, но чтобъ, имѣя сей источникъ моленія, почерпали изъ нея мысли для другихъ молитвъ». Итакъ вотъ намѣреніе, съ которымъ Господь предалъ намъ Свою молитву! Мы должны соображать съ нею всѣ другія прошенія и не вносить въ нихъ того, что̀ противно ей. Само собой разумѣется, что молитва Господня, какъ образецъ и содержаніе всѣхъ существенныхъ прошеній христіанина, должна быть первою въ устахъ христіанина, произносимою всегда, когда душевныя нужды усиливаются до того, что сердце не находитъ сильнѣйшихъ выраженій, кромѣ тѣхъ, кои произнесены устами возлюбленнаго Сына Отца Небеснаго.

Хотя молитва дана была ученикамъ тогда, когда на нихъ еще не сошелъ Духъ Божій, впрочемъ, она назначена для однихъ вѣрующихъ, и потому смысла ея не должно измѣрять тогдашними понятіями учениковъ, многаго еще не понимавшихъ въ рѣчахъ Спасителя. Полное значеніе получаетъ она только въ устахъ возрожденнаго христіанина. Только онъ можетъ назвать Бога въ полномъ смыслѣ Отцемъ; только онъ можетъ молиться о пришествіи Царствія Божія, понимая его надлежащимъ образомъ; только онъ можетъ говорить съ полнымъ значеніемъ словъ: *остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.*

Молитва Господня содержитъ въ себѣ одинъ предметъ—желаніе Царства Божія, въ которомъ сосредоточиваются всѣ прошенія чадъ Божіихъ. Сіе желаніе раскрывается въ священномъ числѣ семи прошеній. Въ началѣ прошеній стоитъ воззваніе къ Богу, какъ къ Отцу: въ концѣ славословіе (Прав. Собес. 1856 г., стр. 262—270).

Изъясненіе молитвы Господней (Матѳ. VI, 9—13).

(Филарета, митроп. Московскаго.)

Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ! взываемъ мы, послѣдуя Единородному.

Я говорю: послѣдуя. Ибо кто дерзнулъ бы произнести сіе призываніе, когда бы *Единородный* не содѣлался *Первороднымъ во многихъ братіяхъ* (Римлян. VIII, 29), облекшися въ плоть нашу, и если бы мы взаимно не облеклись въ Него крещеніемъ? Дщери Евы производятъ на свѣтъ только рабовъ и сыновъ гнѣва: одна Церковь раждаетъ чадъ свободы и благодати. Рожденіе въ рабство совершается безъ нашей воли: рожденіе въ свободу долженствуетъ быть болѣе свободное. Гдѣ слабый остатокъ первоначальной свободы воздвигается отъ земли, расторгаетъ узы плоти, стремится ко благу духовному, тамъ начинается рожденіе небесное, сыноположеніе Духа, пріемлемое вѣрою.

Часто мы произносимъ имя Отца Небеснаго; но размышляли ль мы когда о нашемъ правѣ такъ именовать Его? Занимаясь земными мыслями, земными желаніями, земными дѣйствіями, охотно покорствуя суетѣ вмѣстѣ съ тварью, которая покорена ей неволею, безпечно продолжая быть также плотію, какъ и родились отъ плоти (Іоан. III, 6), какую часть имѣемъ мы въ Отцѣ Небесномъ; и какъ можемъ поставлять себя въ санъ Его сыновъ, вмѣстѣ съ Единороднымъ, *Иже есть сіяніе славы и образъ ѵпостаси Его* (Евр. I, 3)? Именуя Отца Небеснаго не для того, чтобы благодарственно исповѣдать наше благодатное усыновленіе, но только для того, чтобы ульстить (если бы то возможно было) Его милосердіе, ужели мы думаемъ нашими воплями обезоружить правду Бога, испытующаго сердца и утробы! Нѣтъ—отвѣчаетъ Онъ на дерзновенныя взыванія чадъ міра и плоти, Я не Отецъ вашъ, доколѣ вы не тщитесь внутренно содѣлаться Моими чадами: вы *отца есте* того, коего *вожделѣнія хощете творити* (Іоан. VIII, 44); Мнѣ подобаетъ быть для васъ токмо Господомъ рабовъ и Судіею повинныхъ.

Дадимъ, христіане, Богу нашему быть для насъ тѣмъ, чѣмъ Его именуемъ. Отторгнемъ себя отъ земли; взыщемъ отечества небеснаго, тогда неосужденно наименуемъ Отцемъ нашимъ живущаго на небесахъ, и Онъ безъ гнѣва услышитъ наши прошенія.

Да святится имя Твое: вотъ первое прошеніе. Божіе имя есть вещь священнѣйшая въ мірѣ. Имъ совершаются наши спасительныя таинства; имъ печатлѣется вѣрность нашихъ клятвъ и обѣщаній; его полагаемъ мы въ основаніе начинаній нашихъ. Было время когда оно, исходя изъ устъ рабовъ Божіихъ, владычественно потрясало природу и низлагало ихъ враговъ, видимыхъ и невидимыхъ. Сія непостижимая сила есть собственно Божія; но ея дѣйствіе въ насъ зависитъ отъ нашей вѣры и благочестія. Посему заповѣдано намъ хранить имя Божіе съ благоговѣніемъ и употреблять съ бережливостью: *да не пріимеши имени Господа Бога твоего всуе* (Второзак. V, 11). Посему, признавая себя недостойными хранителями сего небеснаго сокровища, мы молимъ Отца Небеснаго, да вѣчно святое въ самомъ себѣ имя Его святится и въ насъ; да съ благодатною силою произносимъ его устами; да съ вѣрностью изрекаемъ его дѣлами; *да свѣтъ нашъ просвѣтится предъ человѣки*, и они въ насъ и съ нами *прославятъ Отца нашего, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. V, 16).

Но что если языкъ молящагося, долженствующій освятить имя Божіе, или паче, освятиться имъ, еще не очищенъ отъ празднословія, злорѣчія, лжи, клеветы? Что, если желанія нашихъ сер-

децъ противоборствуютъ хотѣніямъ нашихъ устенъ? Если гласы молебныхъ пѣній и славословій нашихъ возмущаетъ нами же возносимый къ небу вопль нищихъ (Быт. IV, 10), въ которыхъ мы не прославили Бога, Судію обидящихъ? Какая въ томъ польза, что мы на языцѣ носимъ славу Божію, если языцы, взирая на нашу жизнь въ удивленіи вопрошаютъ другъ друга: гдѣ есть Богъ ихъ (Псал. LXXVIII, 10)?

Сколько можешь, удержи языкъ твой отъ зла, сотвори благо (Псал. XXXIII, 14—15) всѣмъ сердцемъ твоимъ; тогда не вотще молиться будешь, да святится имя Божіе.

Да пріидетъ Царствіе Твое: вотъ второе прошеніе сыновъ Царствія.

Царствіе Божіе—царство всѣхъ вѣковъ (Псал. CXLIV, 13); и еще прежде, нежели родились вѣки, Богъ былъ Царемъ Своей сокровенной вѣчности. Нынѣ во времени Онъ открываетъ владычество Творца и Промыслителя въ царствѣ природы, и въ царствѣ благодати любовь Отца и Спасителя,—впрочемъ такъ, что мы видимъ Его токмо якоже зерцаломъ въ гаданіи (1 Коринѳ. XIII, 12). Наконецъ, оба сіи царства, постепенно достигая предопредѣленнаго совершенія, преобразятся въ единое Царствіе славы, въ которомъ Онъ явится сынамъ Царствія лицемъ къ лицу, и будетъ возводить ихъ отъ славы въ славу. Грядущее такимъ образомъ отъ Бога къ человѣкамъ Царствіе многихъ въ торжественномъ пришествіи своемъ обыдетъ и оставитъ ошую: только избранные и носящіе въ себѣ внутреннее сѣмя Царствія призваны будутъ *наслѣдовать уготованное имъ Царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. XXV, 34). Итакъ моленіе наше о Царствіи Божіемъ есть благоговѣйное желаніе, чтобы Богъ совершилъ *чаяніе твари, откровенія сыновъ Божіихъ чающей* (Римлян. VIII, 10), и насъ сподобилъ достойно срѣтить сіе вожделѣнное для всего міра событіе.

Искренно ли въ насъ такое желаніе? Мы желаемъ Царствія Божія и знаемъ, что сіе Царство нѣсть отъ міра сего (Іоан. XVIII, 36); но не многіе ли изъ насъ въ легкомысленныхъ мечтаніяхъ созидаютъ здѣсь каждый собственное царство? Сынъ силы думаетъ мечемъ начертать другимъ законъ страха и умиленія; мнящійся быть мудрымъ хочетъ владычествовать перомъ въ царствѣ мнѣній; легкомысленный мечтаетъ быть законодателемъ въ удовольствіяхъ и забавахъ; корыстолюбивый устрояетъ темное царство и собираетъ бездушныхъ подданныхъ въ своихъ сокровищахъ. Мы желаемъ Царствія Божія и вѣримъ, что въ него вводятъ узкія врата и тѣсный путь (Матѳ. VII, 14): однако, не часто ли упреждая другъ друга, поспѣшаемъ занять широкій путь и вступить во врата пространныя? Мы любимъ поставлять себя одесную другихъ, не представляя того, что по самому естественному послѣдствію, идя такимъ образомъ на встрѣчу Господу, мы обращаемся ошую Его. Мы желаемъ Царствія Божія и слышали, что нудится (Матѳ. XI, 12) оно; итакъ дѣлаемъ ли себѣ какое насильствіе для пріобрѣтенія его, и не для того ли только молимся о немъ, чтобы трудъ сего великаго дѣла сложить на единаго Бога?

Возревнуемъ о служеніи Богу, подобно какъ мы ревнуемъ о господствованіи въ мірѣ; изыдемъ во срѣтеніе Царствію Божію путемъ креста и смиренія; тогда молитва о его пришествіи не будетъ лицемѣріемъ.

Третіе прошеніе: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли.* Богъ нашъ на небеси и на земли творитъ вся, елика хощетъ: *воли бо Его кто противитися можетъ* (Римлян. IX, 19)?

Итакъ, безъ сомнѣнія, не умноженія могущества желаемъ мы Всемогущему въ нашей молитвѣ. Тварь, одаренная всѣмъ, но которая видитъ все свое блаженство въ единой волѣ Творца своего, молитъ, да Его благая воля и совершенная покоритъ себѣ ея волю несовершенную и слабую, и будетъ въ ней и еже хотѣти и еже дѣяти (Филиппис. II, 13). Но что̀ есть воля Божія на землѣ, яко на небеси? Ангелы суть небо; человѣки суть земля; когда земнородные будутъ служить Богу съ любовью столь пламенною, съ ревностью столь неудержимою, какъ Ангелы; тогда исполнится воля Его, яко на небеси, и на земли. — Церковь вѣрующихъ есть небо на земли: омраченный и заблуждающій міръ есть токмо земля; когда и погибшія овцы познаютъ спасительный гласъ Пастыря, и сѣдящія во тьмѣ и сѣни смертной видятъ свѣтъ велій; тогда исполняется воля Отца свѣтовъ, яко на небеси, и на земли.

Духъ есть нѣкоторымъ образомъ небо въ человѣкѣ; плоть — земля: когда *внутренній человѣкъ, соуслаждающійся закону Божію*, подчинитъ себѣ *законъ сущій во удѣхъ* (Римлян. VII, 22—23), а плоть останется тѣмъ, чѣмъ ей должно быть, — покорною рабынею; тогда исполнится воля Бога духовъ, яко на небеси, и на земли.

Много мы говоримъ о волѣ Божіей; но едва ли не болѣе помышляемъ объ исполненіи своей воли. Мы желаемъ видѣть землю, по исполненію воли Божіей, подобною небу, или самимъ небомъ; но начинаемъ ли сіе великое превращеніе съ самихъ себя? Любовь Ангельская! Гдѣ ты обитаешь? Гдѣ ты дѣйствуешь, ревность благочестивая? Гдѣ почиваешь ты, кроткая преданность волѣ Божіей? Вмѣсто возвышенія отъ земли къ небу, отъ жизни христіанской къ Ангельской, не болѣе ли примѣтно въ насъ нисхожденіе отъ неба къ землѣ, униженіе духа предъ плотью, ниспаденіе отъ благословеннаго Царства благодати въ мятежное владычество растлѣнной природы? Возненавидимъ прежде злую волю собственную и потомъ уже молиться будемъ о благой въ насъ волѣ Божіей.

Три прошенія молитвы Господней, о которыхъ я сказалъ, слушатели, тѣмъ съ большею осмотрительностью и благоговѣніемъ должны быть приносимы нами Господу, что простираются отъ времени до вѣчности. Слѣдующія за ними четыре прошенія относятся болѣе до времени; но мы должны памятовать, что благоразумное или неблагоразумное попеченіе о временномъ пріобрѣтаетъ намъ благоволеніе, или воздвигаетъ на насъ гнѣвъ Вѣчнаго Бога.

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.

Симъ желаніемъ должны ограничиваться наши попеченія о благахъ міра. Жизнь есть благо потому, что ею можно заслужить блаженную вѣчность; потому только благо для насъ и то, что служитъ къ сохраненію жизни. Кто знаетъ, сколько долженъ онъ сдѣлать для вѣчности; тотъ немного имѣетъ времени заботиться о жизни настоящей. Къ счастію, благій Промыслитель слагаетъ съ насъ сей послѣдній трудъ, какъ скоро мы пріемлемъ на себя первый: *ищите прежде Царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. VI, 13). И посему вѣрныя чада Божіи просятъ не у рабовъ, но у *Отца:* просятъ не суетныхъ украшеній и ничтожныхъ драгоцѣнностей, но *хлѣба;* хлѣба не вкуснаго, но *насущнаго;* не въ житницы на лѣта многа, но только *днесь* на трапезу. *Довлѣетъ*, говорятъ они, настоящему *дневи злоба его* (Матѳ. IV, 34); почто заранѣе стужать попечи-

тельному Отцу о такихъ нуждахъ, которыхъ, можетъ быть, заутра не будетъ болѣе? Но и при столь ограниченномъ требованіи не столько помышляютъ они о хлѣбѣ, насыщающемъ тѣло, какъ о томъ *насущномъ* хлѣбѣ, который питаетъ и укрѣпляетъ *существенную* часть человѣка; ибо *не о хлѣбѣ единѣмъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изо устъ Божіихъ* (Матѳ. IV, 4). Всѣ ли мы умѣемъ хотя чувствовать спасительный гласъ слова Божія, если не обрѣтать для онаго сродную пищу? Не часто ли подавляется сей духовный гладъ алчностью плоти, которая требуетъ не насыщенія, но пресыщенія, не одежды, но убранства, не здравія для отправленія дѣлъ, но нѣги и бездѣйствія? Удовлетворивъ себѣ въ обыкновенныхъ временныхъ потребностяхъ, мы вымышляемъ для себя случаи непредвидимые и нужды въ будущихъ лѣтахъ, которыя никогда къ намъ не придутъ. Наконецъ, не довольствуясь оскорблять Бога столь излишними желаніями, мы еще оставляемъ Его и обращаемся съ оными къ сильнымъ земли, къ хитростямъ, къ неправдамъ, и такимъ образомъ присовокупляемъ къ дерзости невѣріе.

Будемъ умѣреннѣе въ нашихъ желаніяхъ и благоразумнѣе въ выборѣ потребнаго для насъ. Одна благоразумная умѣренность умѣетъ просить хлѣба у Хлѣба животнаго (Іоан. VI, 35).

И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.

Сколь многочисленны долги наши Богу! Есть долгъ наслѣдственный. Нашъ первый праотецъ купилъ запрещенный плодъ цѣною жизни своея и своего потомства: мы родимся должниками. Есть долги собственные. Богъ невидимо намъ раздаетъ многоцѣнные таланты, внутренніе и внѣшніе, коемуждо противу силы его (Матѳ. XXV, 15); употребленіе ихъ во благо и во славу Его есть лихва, Имъ требуемая: каждое беззаконное дѣйствіе, каждое порочное желаніе, каждый лукавый помыслъ исчитаются всевѣдѣніемъ и составляютъ ужасное множество долговъ нашихъ. Они неоплатимы. Но какой легкій договоръ намъ о нихъ предлагается! *аще отпустите человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ Небесный* (Матѳ. VI, 14). Для сего-то священнаго договора мы приводимъ предъ Него съ собою нашихъ должниковъ; указуемъ Его милосердію на наше милосердіе; и если бы такимъ образомъ вси до единаго старались изглаждать предъ очами Божіими зло, сдѣланное человѣками, то рукописанія грѣховъ нашихъ постепенно бы оскудѣвали, доколѣ, наконецъ, взаимныя прощенія всѣхъ и каждаго оставили бы единое всеобщее оправданіе, къ неизрѣченной славѣ Помилователя, къ несказанному блаженству помилованныхъ.

Не такъ же ли удобно, скажутъ, милосердію безконечному и безъ условія простить погрѣшности и заблужденія слабыхъ смертныхъ, сколько бы ни были онѣ многочисленны? — Но не удобнѣе ли тебѣ простить несравненно меньшія оскорбленія твоего ближняго? То истинно, что милосердіе Божіе безконечно; потому-то и хощетъ оно, чтобы не ты одинъ, но и всѣ получили прощеніе, и, подая его тебѣ, какъ-бы проситъ его у тебя твоимъ братіямъ. О человѣкъ, который живешь и дышешь единою милостью Господа! Если ты отвергаешь Его у тебя ходатайства за ближнихъ твоихъ; какъ можетъ Онъ пріять за тебя ходатайство Сына Своего? Тогда въ прошеніи *оставленія долговъ нашихъ, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ,* уже заключается и осудительный на насъ при-

говоръ: *судъ безъ милости не сотворшему милости* (Іаков. II, 13).

Не забудемъ, христіане, миловать прежде, нежели будемъ просить помилованія. *Блажени милостивіи: яко тіи помиловани будутъ* (Матѳ. V, 7).

И не введи насъ во искушеніе.

Безполезно было бы и прощеніе грѣховъ, если бы мы всегда возвращались къ нимъ съ прежнею слабостью. Но какъ трудно не пасть когда либо среди непрестанной брани противу плоти, міра и духа злобы! Левъ рыкаетъ; лисы коварствуютъ. Если мы противопоставляемъ лукавству прозорливость, то крѣпость измѣняетъ намъ; если ярости силу, то коварство насъ обманываетъ. Нѣтъ для насъ иной надежды, развѣ единый Побѣдитель всѣхъ враговъ нашихъ не попуститъ на насъ болѣе нападеній, нежели мы можемъ выдержать, или даруетъ намъ столько искусства и силъ, сколько нужно для совершенной побѣды.

И мы молимся, слушатели, о сохраненіи насъ отъ искушеній; но не приближаемся ли къ нимъ сами, прежде нежели они постигаютъ насъ? Молимся, да не поработитъ насъ плоть; но не сами ли слишкомъ заботливо питаемъ и грѣемъ врага сего, и служимъ ему, какъ другу и владыкѣ? Молимся, да не очаруетъ насъ міръ; но не мы ли отверзаемъ ухо къ его тлетворнымъ обаяніямъ? Молимся, да не соблазнитъ насъ око; но не мы ли его пригвождаемъ къ земнымъ прелестямъ? Противъ кого въ такомъ случаѣ обращается наша молитва, если не противъ насъ самихъ? *Кійждо искушается отъ своея похоти влекомъ и прельщаемъ* (Іаков. I, 14). Отъ насъ зависитъ нейти на встрѣчу искушеніямъ: молитвою отвращать должно тѣ, которыя противъ воли нашей съ нами срѣтаются.

Но избави насъ отъ лукаваго.

Есть, наконецъ, нѣкоторый родъ зла въ поврежденной природѣ, которое находится не столько во внутреннемъ существѣ вещей, сколько во мнѣніи, въ дѣйствіи токмо наружномъ и преходящемъ ощущеніи. Оно не всегда есть бичь карающаго Правосудія; но часто поражающій жезлъ любви, горькое врачество, и, такъ сказать, благо несозрѣвшее. Убожество, болѣзнь, печаль, униженіе, гоненія суть зло развѣ тогда, когда мы виновны въ нихъ; но немощная природа содрогается при одномъ видѣ страданія. И сколь велико снисхожденіе Отца Небеснаго, Который позволяетъ намъ просить Его, да успокоитъ насъ отъ сихъ призраковъ зла; да ускоритъ разсѣять и сіи легкія тѣни пробѣгающія по юдоли жизни!

Но тѣмъ дерзновеннѣе и неблагодарнѣе мы, когда употребляемъ во зло толикое снисхожденіе. Сколь многіе вопіютъ къ Богу на несчастія, которыя суть дѣло ихъ собственныхъ рукъ! Тотъ, который неумѣренностью сокрушилъ крѣпость свою, приходитъ жаловаться на свои немощи; тотъ призываетъ судъ Божій на оскорбляющихъ его, кто самъ осуждается предъ ними своею совѣстію; тотъ окаяваетъ свою нищету, кто привлекъ ее расточительностью. Просить ли таковымъ избавленія отъ лукаваго, или лучше благодарить Промыслъ за предстоящее обличеніе и внушаемое исправленіе лукаваго сердца?

Будемъ, слушатели, съ радостью сносить наказаніе, когда мы виновны; когда невинны, безъ нетерпѣливости молиться объ избавленіи отъ бѣдствія. *Вѣстъ Отецъ нашъ Небесный, ихже требуемъ* (Матѳ. VI, 32). (Изъ бесѣды о молитвѣ Господней, ч. II, стр. 273—277.)

Ст. 14. *Аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ Небесный.* Итакъ, величайшее для насъ благо—отпущеніе грѣ-

ховъ нашихъ—Отецъ Небесный положилъ, такъ сказать, въ собственныя наши руки: прощай ближнимъ твоимъ согрѣшенія ихъ предъ тобою,—Господь проститъ и твои согрѣшенія предъ Нимъ; не отпустишь другимъ,—не отпустится и тебѣ. Почему такъ?

1) Потому, что Царство Божіе есть царство любви и мира, единодушія и союза братскаго: можетъ ли быть принятъ въ него человѣкъ гнѣвливый и раздражительный, мстительный и злопамятный? такому приличное мѣсто, очевидно,—только въ адѣ!

2) Потому, что съ правосудіемъ Божіимъ примирилъ насъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ Своими страданіями и крестною смертію; а между нами и ближними нашими нѣтъ ходатая и посредника; намъ должно мириться самимъ, пока мы на пути жизни, въ противномъ случаѣ соперникъ нашъ предастъ насъ Судіи, а Судія отдастъ насъ слугѣ, который всадитъ насъ въ темницу.

3) Потому, что за всѣ грѣхи ближняго нашего, слѣдовательно и за грѣхъ оскорбленія, коимъ согрѣшилъ онъ предъ нами, пролита святѣйшая Кровь Сына Божія: не простить ближнему согрѣшенія его ради сей величайшей жертвы, ради которой Самъ Отецъ Небесный прощаетъ намъ всѣ согрѣшенія наши, значило бы второе распинать Сына Божія.

4) Потому, что непримирительность есть исчадіе гордости и ясное свидѣтельство того, что въ насъ обитаетъ и надъ нами властвуетъ сей діавольскій грѣхъ. Какъ же проститъ намъ Отецъ Небесный грѣхи наши, если мы не хотимъ извергнуть изъ сердца своего исконнаго зла, за которое и прародители наши изгнаны изъ рая? Но чѣмъ же лучше всего могли бы мы доказать, что мы отверглись самолюбія и не питаемъ въ себѣ гордости, какъ не прощеніемъ обидъ, какъ не отпущеніемъ ближнимъ нашимъ согрѣшеній ихъ?

5) Потому, что Богъ отпускаетъ грѣхи только кающимся, а не нераскаяннымъ (по той причинѣ, что, сотворивъ насъ свободными, не отъемлетъ Своего дара,—призываетъ, а не принуждаетъ идти въ Свое Царство); но не можетъ быть истиннаго покаянія безъ полнаго самоотверженія; а гдѣ же наше самоотверженіе, когда не хотимъ простить брату нашему оскорбленія?

6) Потому, что въ Царствѣ Божіемъ могутъ быть только сыны Божіи, которыхъ свойство отличительное—быть милосердыми, якоже Отецъ нашъ Небесный милосердъ есть, прощать другимъ не седмь только кратъ, но *семдесятъ кратъ седмерицею.*

Аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ Небесный: аще ли не отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ (Воскр. Чт., ч. XII, стр. 468).

Ст. 16. *Егда же поститеся, не будите, якоже лицемѣры сѣтующе: помрачаютъ бо лица своя, яко да явятся человѣкомъ постящеся: аминъ глаголю вамъ, яко воспріемлютъ мзду свою. 17. Ты же постяся помажи главу твою и лице твое умый: 18. яко да не явишися человѣкомъ постяся, но Отцу твоему, Иже въ тайнѣ, и Отецъ твой, видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ.*

Къ милостынѣ и молитвѣ Господь присовокупляетъ постъ, который составляетъ одно изъ важнѣйшихъ средствъ къ побѣдѣ надъ діаволомъ и плотію. Постъ есть жертва, которую мы приносимъ Богу своимъ тѣломъ, и объемлетъ собою всѣ тѣлесные подвиги и дѣла покаянія. Посему все то, что̀ Спаситель говоритъ о постѣ, относится и къ прочимъ внѣшнимъ дѣламъ благочестія. Іисусъ Христосъ запрещаетъ

искусственное, намѣренное уныніе, но не печаль сердца, сокрушеннаго скорбью о грѣхахъ; поелику сія скорбь не можетъ не сопровождать истиннаго покаянія и поста. Когда Господь говоритъ, что должно помазывать главу и умывать лице, то слова сіи могли имѣть буквальный смыслъ для современниковъ Его; ибо въ Палестинѣ былъ обычай помазывать главу, какъ для предохраненія отъ солнечнаго зноя, изсушавшаго тѣло, такъ и для чистоты. Сіе полезное обыкновеніе оставляли фарисеи во время поста, чтобы пренебреженіемъ наружной опрятности и притворнымъ принятіемъ пасмурнаго вида дать замѣтить свою подвижническую строгость и тѣмъ заставить другихъ взирать на себя, какъ на людей святыхъ. Вопреки сему лицемѣрному благочестію Іисусъ Христосъ заповѣдуетъ не измѣнять ничего въ обыкновенномъ образѣ жизни. Такъ какъ и мы прилагаемъ стараніе о наружной чистотѣ, а въ извѣстные дни даже дѣлаемъ выборъ въ одеждѣ, то заповѣдь Господа должно принимать въ буквальномъ смыслѣ и по отношенію къ намъ, т. е. и мы не должны во дни поста оставлять въ пренебреженіи своей наружности и дѣлать намѣренно свое лице печальнымъ и истощеннымъ. Вообще заповѣдь Спасителя имѣетъ тотъ смыслъ, что въ покаяніи и умерщвленіи тѣла не должно стараться дѣлать себя замѣтнымъ людямъ. «Христосъ, говоритъ святый Златоустъ, заповѣдуетъ намъ помазывать голову не съ тѣмъ, чтобы мы непремѣнно дѣлали сіе, но чтобы тщательно старались скрывать свои подвиги».

При сихъ словахъ, говоритъ тотъ же великій святитель, прилично намъ тяжко возстенать и горько восплакать. Мы не только подражаемъ лицемѣрамъ, но и превзошли ихъ. Я знаю, знаю многихъ, которые не только, когда постятся, обнаруживаютъ это предъ людьми, но и совсѣмъ не постясь—принимаютъ на себя лица постящихся и въ извиненіе представляютъ то, что̀ хуже самаго грѣха. Я дѣлаю это, говорятъ они, для того, чтобы мнѣ не соблазнить другихъ. Но что̀ ты говоришь? Поститься тебѣ повелѣваетъ законъ Божій, а ты ссылаешься на соблазнъ? И ужели думаешь, что, исполняя сей законъ, ты соблазняешь, а нарушая оный, не дѣлаешь соблазна? Что̀ можетъ быть хуже сего извиненія? Ты хочешь быть хуже лицемѣровъ, вдвойнѣ лицемѣришь и вымышляешь крайнее нечестіе. Ужели не приводитъ тебя въ стыдъ выразительность изрѣченія Спасителева? Онъ не сказалъ, что они только лицемѣрятъ, но, желая сильнѣе обличить ихъ, сказалъ: *помрачаютъ бо лица своя*, т. е. портятъ, искажаютъ ихъ. Съ другой стороны Спаситель отклоняетъ Своихъ слушателей отъ подражанія лицемѣрамъ и самою легкостью предписываемой имъ заповѣди. Ибо Онъ не заповѣдуетъ долгаго поста, не предписываетъ много поститься, но только предостерегаетъ, дабы намъ не лишиться вѣнца за оный. Итакъ то, что̀ есть тяжкаго въ постѣ, лежитъ и на насъ, и на лицемѣрахъ, ибо и они постятся. А самое легкое дѣло, т. е. трудиться съ тѣмъ, чтобы не потерять награды, составляетъ Мою заповѣдь, говоритъ Спаситель. Такимъ образомъ Онъ нимало не увеличиваетъ для насъ трудовъ, но только ограждаетъ безопасностью награды, не желая, чтобы мы отходили не увѣнчанными подобно лицемѣрамъ.

«Если же и для суетной славы, учитъ тотъ же святый вселенскій учитель, казаться блѣднымъ значитъ портить лице, то что̀ сказать о бѣлилахъ и румянахъ, которыми женщины портятъ лица свои на пагубу юношамъ

сладострастнымъ? Въ первомъ случаѣ дѣлаютъ вредъ только себѣ самимъ, а въ послѣднемъ и себѣ и тѣмъ, которые смотрятъ на нихъ. Бѣгите той и другой язвы съ возможнымъ усиліемъ!»

«Подъ елеемъ, говоритъ блаженный Ѳеофилактъ, разумѣется также и милостыня, а подъ главою нашею—Христосъ, Котораго должно умащать милостынями. А лице умывать значитъ также душу очищать и чувства омывать слезами» (Прав. Собес. 1856 г., стр. 301—304).

Смыслъ словъ Іисуса Христа о постѣ, милостынѣ и молитвѣ.

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Ст. 18. *Да не явишися человѣкомъ постяся, но Отцу твоему, Иже въ тайнѣ: и Отецъ твой, видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ.* Подвизайся, дѣлай добро, служи Богу; но берегись, чтобы твоихъ подвиговъ, твоихъ добродѣтелей, твоего благочестія не обнаруживать предъ людьми безъ нужды, произвольно, самодовольно, тщеславно; имѣй Бога свидѣтелемъ своей совѣсти, и Онъ будетъ мздовоздаятелемъ твоимъ за все, что̀ ты, не примѣчаемый человѣками, для Него дѣлаешь, или терпишь.

Господь заповѣдуетъ тайну, во-первыхъ, для дѣлъ человѣколюбія: *тебѣ творящу милостыню, да не увѣстъ шуйца твоя, что творитъ десница твоя.* Во-вторыхъ, для дѣлъ благочестія: *егда молишися, вниди въ клѣть твою и, затворивъ двери твоя, помолись Отцу твоему, Иже въ тайнѣ.* Въ-третьихъ, для дѣлъ самоотверженія и умерщвленія плоти: *да не явишися человѣкомъ постяся, но Отцу твоему, Иже въ тайнѣ.* Слѣдственно, тайну скромности и смиренія заповѣдуетъ Онъ для всѣхъ обязанностей человѣка къ Богу, ближнему и самому себѣ,—для всякой добродѣтели,—для всѣхъ дѣлъ закона.

Скажутъ: но ка́къ же исполнится Христово же слово: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. V, 16)?—Не заботьтесь; слово Христово исполнится само собою и не потребуетъ вашей помощи. Сказано: да просвѣтится свѣтъ вашъ, самъ собою, естественно, какъ свѣтитъ всякій свѣтъ; а не сказано: выставляйте на показъ свѣтъ вашъ. Добрыя дѣла суть дѣла свѣта по естеству: дѣлайте тайно,—свѣтъ просіяетъ, когда и сколько повелитъ Богъ и Свѣтодавецъ. Бѣда въ томъ, если дѣлаете дѣла темныя, злыя: отъ сихъ, конечно, нѣтъ и не будетъ свѣта, и Богъ не будетъ ими прославленъ.

Скажутъ еще: ка́къ же и молиться или проповѣдывать въ Церкви, если и дѣла благочестія творить должно въ тайнѣ?—Дабы отвѣтствовать на сіе, напомнимъ, что въ томъ же самомъ поученіи, въ которомъ Спаситель нашъ говоритъ о молитвѣ въ тайнѣ, говоритъ и о дарѣ, принесенномъ ко алтарю: *аще принесеши даръ твой ко алтарю* (Матѳ. V, 23); а сіе бываетъ въ Богослуженіи открытомъ и торжественномъ. Изъ сего видно, что заповѣдью о тайной молитвѣ не отмѣняется обязанность участвовать въ общественномъ церковномъ Богослуженіи. Но есть и въ семъ случаѣ своего рода осторожность, чтобы не являться человѣкамъ тщеславно, а смиренно предстоять Отцу Небесному, Иже въ тайнѣ. Если, стоя въ церкви, ты совершаешь дѣйствія благоговѣнія, общія всѣмъ присутствующимъ, но стараешься удерживать, или дѣлать непримѣтными особенныя въ тебѣ движенія возбужденнаго благочестія, воздыханія или воп-

ли, готовыя исторгнуться, слезы, готовыя пролиться: въ семъ расположеніи ты и среди многочисленнаго собранія сокровенно предстоишь Отцу твоему, Иже въ тайнѣ (изъ слова въ день Успенія Божіей Матери. Т. I, стр. 195—196).

Ст. 21. **Вліяніе сердечной привязанности на жизнь и характеръ человѣка.**

(Ѳ. Надеждина.)

Наше сердце тамъ, гдѣ предметъ нашей любви и привязанности, или, какъ говоритъ Евангеліе, *идѣже есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Матѳ. VI, 21). Но гдѣ наше сердце со своимъ сокровищемъ, не тамъ ли и вся наша душа? Такъ, чѣмъ живетъ сердце, *исходище* (Притч. IV, 23), источникъ нашей жизни, тѣмъ живетъ и весь человѣкъ, около того сосредоточивается вся его жизнь и дѣятельность.

Неудивительно, если отъ такихъ или другихъ свойствъ предмета, особенно любимаго нами, и вся наша жизнь и дѣятельность принимаетъ такой или иной характеръ. Чѣмъ возвышеннѣе и благороднѣе предметъ нашей сердечной привязанности, чѣмъ способнѣе онъ возбуждать и питать въ нашемъ сердцѣ истинно христіанскія чувства и желанія; тѣмъ скорѣе можно ожидать отъ человѣка характера благороднаго и высокаго, дѣятельности благотворной и общеполезной. И наоборотъ, чѣмъ ничтожнѣе и мелочнѣе предметъ нашей любви, чѣмъ менѣе привязанность къ нему сообразна съ требованіями закона Евангельскаго и совѣсти; тѣмъ ничтожнѣе и мелочнѣе характеръ человѣка, тѣмъ болѣе безполезна или положительно вредна его жизнь и дѣятельность. Это—постоянный и неизмѣнный законъ духовно-нравственной жизни человѣка вездѣ, гдѣ только сердечная привязанность къ предмету искренна, нелицемѣрна.

Человѣческая жизнь представляетъ много примѣровъ, которые могутъ служить самыми очевидными доказательствами этой истины.

Такъ, одинъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ подобнаго рода представляетъ намъ жизнь людей, сердце которыхъ привязано къ земнымъ сокровищамъ. Если любовь къ этимъ сокровищамъ поглощаетъ всѣ чувства сердца, всѣ желанія и помышленія человѣка и развивается до крайней жадности, до отвратительной скупости, то человѣкъ, ради своего мертваго и бездушнаго сокровища, умираетъ для всего живущаго и чувствующаго. Его сердце дѣлается безчувственнымъ и хладнымъ ко всѣмъ воплямъ и мольбамъ несчастныхъ. Эта жестокость, эта холодность и безжизненность сердца скупыхъ выражаются и во всѣхъ отношеніяхъ ихъ къ ближнимъ и во всей обстановкѣ ихъ жизни.

Угрюмость и холодность и недоступность во взглядѣ и лицѣ, почти постоянная суровость въ разговорѣ и въ обращеніи съ другими, боязливая мнительность, подозрительность и осторожность даже въ присутствіи такихъ людей, честность и прямодушіе которыхъ всѣмъ извѣстны, желаніе постоянно жить въ отдаленіи отъ другихъ людей и другихъ удалять отъ себя—вотъ свойства, которыя болѣе или менѣе, смотря по степени развитія страсти, опредѣляютъ характеръ скупыхъ! Вся обстановка ихъ домашней жизни—одежда, утварь, множество различныхъ, нужныхъ и ненужныхъ вещей;—все это, сберегаемое ими въ теченіе многихъ лѣтъ, покрытое пылью, снѣдаемое молью и ржавчиной, устарѣлое и истлѣвшее, полуразрушенное, не вѣетъ ли могильнымъ холодомъ, не показываетъ ли, что ску-

ные заживо отреклись отъ жизни, отказались отъ всѣхъ, даже самыхъ невинныхъ, потребностей и удовольствій жизни? Такъ мертвое и бездушное сокровище сердца передаетъ свои свойства и сердцу, и характеру, и всей жизни человѣка! Конечно, привязанность къ земнымъ сокровищамъ не всегда развивается до такой степени, не всегда является въ видѣ крайней, отвратительной скупости. Но если она есть первая и главная привязанность сердца, то, въ какомъ-бы видѣ ни являлась, до какой-бы степени ни доходила, она всегда болѣе или менѣе убиваетъ въ сердцѣ человѣка любовь и сочувствіе къ ближнимъ, дѣлаетъ его своекорыстнымъ, помышляющимъ только о своихъ выгодахъ и удовольствіяхъ, но холоднымъ и равнодушнымъ къ несчастіямъ и страданіямъ другихъ.

Посмотрите, при свѣтѣ здраваго разсудка и особенно при свѣтѣ Евангелія, на другія сердечныя привязанности, которыя являются въ формѣ изящной и прекрасной, основаны на требованіяхъ мнимаго просвѣщенія, цивилизаціи, современнаго вкуса и общественнаго благоприличія. И здѣсь вы примѣтите, какъ эти привязанности, неподчиненныя высшимъ и благороднѣйшимъ требованіямъ человѣческаго сердца, гибельно дѣйствуютъ на характеръ и жизнь человѣка, какъ ужасно разстраиваютъ его отношенія къ ближнимъ, какъ незамѣтно влекутъ его къ погибели, скрывая отъ него самого безобразное подъ видомъ прекраснаго, ничтожное и низкое подъ маскою великаго и высокаго.

Въ наше время многіе имѣютъ страсть одѣваться изящно, новомодно. И какъ, повидимому, извинительно это пристрастіе именно потому, что уже слишкомъ обыкновенно, что день ото дня болѣе и болѣе оно распространяется между людьми! Какъ не слѣдовать обыкновенію, почти всеобщему, почти превратившемуся въ законъ общежитія? Многіе такъ и думаютъ,—и все свое сердце, всѣ помышленія, всю жизнь отдаютъ въ жертву страсти къ нарядамъ и убранствамъ, повинуются ея требованіямъ въ такой же мѣрѣ, въ какой бы слѣдовало повиноваться только требованіямъ благоразумія, совѣсти и закона. Удивительно ли, если эти люди, постоянно занятые мыслями о модахъ, которыя постоянно измѣняются, очень часто мѣняютъ свои мысли, чувства, взгляды, убѣжденія и дѣлаются въ характерѣ своемъ капризными и непостоянными? Обратитесь къ опыту и присмотритесь внимательнѣе къ быту, напримѣръ, женщины, пристрастной къ нарядамъ и уборамъ. Въ такой же мѣрѣ, въ какой нищаго гнететъ забота о дневномъ пропитаніи, сердце этой женщины угнетаетъ забота о томъ, какъ-бы одѣться лучше, какъ-бы своей одеждой обратить на себя общее вниманіе. Можетъ ли быть что-нибудь мелочнѣе и ничтожнѣе подобной заботы? Но вотъ ей удалось одѣться, по ея мнѣнію, лучше и новомоднѣе всѣхъ своихъ соперницъ,—и тогда въ ея сердцѣ пробуждается иное чувство,—чувство тщеславія! Переполнивъ сердце, это чувство часто изливается и наружу,—является въ гордомъ и высокомѣрномъ взглядѣ, которымъ поражаютъ соперницъ. Но и этимъ, какъ показываетъ опытъ жизни, дѣло не всегда кончается: ко взгляду нерѣдко присоединяется и язвительное слово,—то въ видѣ тонкаго, но ѣдкаго намека, когда говорятъ въ присутствіи соперницъ, то въ видѣ насмѣшекъ явныхъ, сужденій самыхъ оскорбительныхъ, часто отъ одежды доходящихъ до нравственныхъ недостатковъ, когда говорятъ заочно. За насмѣшки въ свою очередь

платятъ насмѣшкой; тщеславіе отражаютъ тщеславіемъ; презрѣніе—презрѣніемъ; сказанное лукавымъ намекомъ такъ же ясно, какъ сказанное прямо, и сказанное заочно очень рѣдко сохраняется въ тайнѣ, но, переходя изъ устъ въ уста, доходитъ до тѣхъ, о которыхъ сказано. И вотъ зло, порожденное пристрастіемъ къ модной, нарядной одеждѣ, растетъ день ото дня болѣе и болѣе. Нерѣдко самыя нѣжнѣйшія чувства, самыя священныя обязанности приносятся въ жертву этому ничтожному, но изящному идолу! Что, напримѣръ, священнѣе и ненарушимѣе любви супружеской? Но женщина, сердце которой предано модным нарядамъ и убранствамъ, часто жертвуетъ для нихъ и любовью къ супругу, по крайней мѣрѣ на столько цѣнитъ его любовь къ себѣ, на сколько она служитъ средствомъ къ удовлетворенію любви къ нарядамъ. Она платитъ за нѣжность нѣжностью, за ласки—ласками только тогда, когда супругъ удовлетворяетъ ея пристрастію къ нарядамъ. Но ея чело покрывается облакомъ печали, взоръ дѣлается угрюмымъ и мрачнымъ, изъ устъ слышатся упреки въ холодности и равнодушіи, когда супругъ не хочетъ или не можетъ удовлетворить ея прихотямъ, слишкомъ безумнымъ и разорительнымъ... Отсюда сколько непріятностей и огорченій семейныхъ! Но вотъ супругъ ищетъ средствъ удовлетворить недовольную супругу,— и какъ часто въ подобныхъ случаяхъ, не находя средствъ законныхъ, прибѣгаютъ къ незаконнымъ, жертвуютъ долгомъ и совѣстью, низвращаютъ правду и судъ, оправдывая виновныхъ, осуждая невинныхъ! Сколько зла для общества! Сколько плача и слезъ для несчастныхъ! А сколько огорченій для супруга отъ насмѣшекъ, на которыя онъ не смѣетъ отвѣчать, отъ обличеній, которыхъ не можетъ отражать, отъ упрековъ совѣсти, часто заглушаемыхъ, но никогда не заглушимыхъ!... Послѣ любви и привязанности супружеской, самая нѣжнѣйшая и сильнѣйшая привязанность, которую сама природа возбуждаетъ въ сердцѣ женщины, это—привязанность къ дѣтямъ, любовь материнская... Но, какъ несомнѣнно доказываетъ опытъ жизни, и эта священная привязанность часто приносится въ жертву страсти къ модамъ и убранствамъ! И есть ли время женщинѣ, пристрастной къ нарядамъ и уборамъ, думать о дѣтяхъ, когда она весь день думаетъ о собраніяхъ, гдѣ любитъ блистать этими нарядами, а потомъ, изнеможенная и усталая, покоится до другаго вечера, въ который дѣлается то же? Не такъ же ли дѣйствуютъ и всѣ другія привязанности нашего ветхаго человѣка? Не простираютъ ли онѣ своего гибельнаго вліянія на характеръ, жизнь и дѣятельность людей?

Вотъ человѣкъ, сердце котораго привязано къ удовольствіямъ самымъ чувственнымъ и грубымъ: онъ любитъ шумныя пиршества и собранія; онъ ищетъ своего утѣшенія въ винѣ, своего веселія въ обществѣ людей развратныхъ. Что же удивительнаго, если въ его характерѣ и поведеніи болѣе или менѣе обнаруживается его сердечная склонность? Что удивительнаго, если въ его мысляхъ—крайняя разсѣянность и безпорядокъ, въ его воображеніи—образы нечистой похоти, въ его словахъ — соблазнительная двусмысленность, въ его взорахъ, лицѣ, походкѣ, тѣлодвиженіяхъ, во всемъ обращеніи—крайняя вольность и безстыдство? Иначе и быть не можетъ: ядъ разврата, отравивъ сердце, изъ сердца проникаетъ въ помыслы, въ слова и дѣла человѣка!

Вотъ человѣкъ, сердце котораго плѣнилось поверхностнымъ, ничтожнымъ

блескомъ земной славы: онъ желаетъ, во что̀ бы то ни стало, какимъ бы то ни было путемъ, добиться наградъ, почестей и отличій. Неудивительно, если онъ и своихъ ближнихъ цѣнитъ и уважаетъ въ той мѣрѣ, въ какой они содѣйствуютъ достиженію его цѣли? Лукавство, хитрость, двоедушіе управляютъ его жизнью и дѣлами, если подъ маскою почтенія и уваженія, свѣтскихъ благоприличій, вѣжливости и привѣтливости, онъ строитъ козни своимъ ближнимъ. Честолюбецъ унижается до крайняго раболѣпства предъ тѣми, которые могутъ возвысить его, осыпать почестями и отличіями, для ихъ прихотей онъ жертвуетъ совѣстью и закономъ, по ихъ приказанію тѣснитъ и угнетаетъ своихъ ближнихъ, разрушая всѣ преграды на пути къ своей цѣли, онъ сталкиваетъ съ мѣста другихъ, болѣе его достойныхъ и способныхъ. И это все нисколько не удивительно: наше сердце по самой природѣ своей таково, что для предмета своей искренней и глубокой привязанности готово жертвовать и ближними, коль скоро они идутъ вопреки этой привязанности...

Но отъ привязанностей грубыхъ и чувственныхъ, или тонкихъ, но мелкихъ и ничтожныхъ, одностороннихъ и своекорыстныхъ, обратимся къ той привязанности сердца, которая и по самому предмету своему должна быть возвышенна и благородна, и по своему вліянію на характеръ, жизнь и дѣятельность человѣка благотворна и общеполезна. Есть люди, которые все свое сердце, всѣ помышленія, всю жизнь отдаютъ наукѣ, посвящаютъ на изысканіе истины. Что̀ можетъ быть возвышеннѣе и благороднѣе подобной привязанности? Что̀—общеполезнѣе и благотворнѣе жизни, посвященной на изысканіе и распространеніе истины, въ которой такъ многіе нуждаются? И здѣсь скорѣе всего, кажется, можно бы ожидать характера возвышеннаго и благороднаго, чуждаго всякой уклончивости и лукавства—дѣятельности сколько благотворной, столько же достойной человѣка. Подлинно сердечная привязанность къ наукѣ, жажда знаній достойны полнаго уваженія?

Но если эта привязанность не подчиняется другой, высшей привязанности сердца человѣческаго, если въ изысканіи истины понимаютъ истину по своему, ищутъ ее только въ своихъ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ, предположеніяхъ и соображеніяхъ,—тогда и эта сама по себѣ благородная привязанность сердца можетъ сдѣлаться источникомъ многихъ раздоровъ и раздѣленій, вражды и неудовольствій, источникомъ дѣйствій своекорыстныхъ, крайне унизительныхъ для человѣка и разрушительныхъ для благоденствія общественнаго, тѣмъ болѣе разрушительныхъ, чѣмъ болѣе наука даетъ средствъ представлять ихъ благородными, высокими и общеполезными.

Но гдѣ найти высшую привязанность? Гдѣ найти предметъ, вполнѣ достойный нашей любви и притомъ столь высокій и благородный, чтобы истинная и полная привязанность къ нему исключала даже возможность ничтожества и низости въ характерѣ и дѣятельности человѣка? Гдѣ найти предметъ, который бы, овладѣвъ нашимъ сердцемъ, плѣнивъ его любовью къ себѣ, отъ себя самого далъ нашему сердцу свойства истинно прекрасныя, нашему характеру и всей дѣятельности истинное величіе и достоинство? Въ вѣрѣ, только въ вѣрѣ можно найти столь драгоцѣнное сокровище сердца, но не во всякой вѣрѣ; потому что и вѣра, если только она произошла отъ людей,—отъ ихъ заблужденій и мудрованій,—можетъ крайне развращать сердце и растлѣвать всю жизнь человѣка. Только въ

вѣрѣ, данной намъ Самимъ Богомъ и Единороднымъ Сыномъ Божіимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, только въ вѣрѣ христіанской можно найти предметъ, вполнѣ достойный нашей любви.

Что же говоритъ намъ вѣра? *Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ* (Марк. XII, 30)—такъ, какъ Онъ Самъ требуетъ въ Своемъ святомъ законѣ, въ Своемъ откровеніи человѣчеству. Вотъ привязанность сердца, вполнѣ достойная христіанина!

Эта привязанность не исключаетъ вовсе, не уничтожаетъ другихъ сердечныхъ привязанностей; но, подчиняя ихъ себѣ, облагораживаетъ и возвышаетъ ихъ, даетъ имъ направленіе истинно полезное и благотворное. И любящіе Бога, какъ и всѣ люди, часто пользуются благами земными,—богатствомъ, почестями, отличіями, невинными удовольствіями и удобствами жизни, мудростью и знаніями человѣческими. Но эти предметы никогда не дѣлаются у нихъ идолами сердца, требующими себѣ въ жертву всего и всѣхъ.

Такъ какъ наше сердце по самой природѣ своей таково, что для своей любимой привязанности часто готово пожертвовать всѣмъ, то и любящіе Бога, сообразно съ такимъ свойствомъ сердца человѣческаго, приносятъ въ жертву высокой привязанности своего сердца все, что несообразно съ ней, приносятъ ей въ жертву самыя нѣжныя и благородныя влеченія сердца, если послѣднія идутъ вопреки ей, приносятъ ей въ жертву свои собственныя выгоды, достоинства и преимущества, если сохраненіе или пріобрѣтеніе послѣднихъ оскорбительно для Того, Кому предано ихъ сердце.

Такъ, любящіе Бога несравненно болѣе другихъ людей уважаютъ естественныя влеченія и привязанности сердца человѣческаго: для нихъ священна и неприкосновенна любовь родительская, супружеская, дѣтская; для нихъ священны узы родства и дружбы. Но коль скоро подобныя естественныя привязанности переступаютъ свои границы, идутъ вопреки волѣ Божіей, требуютъ себѣ жертвъ, неугодныхъ Богу, тогда для любящихъ Бога они уже не имѣютъ силы и значенія и сами приносятся въ жертву любви къ Богу.

Любящіе Бога болѣе всѣхъ людей сознаютъ и уважаютъ священный долгъ —повиноваться волѣ и власти начальствующихъ. Но если эта воля идетъ вопреки волѣ Божіей, требуетъ дѣйствій, несообразныхъ съ совѣстью и закономъ Божіимъ, тогда для любящихъ Бога она теряетъ свою обязательную силу.

Любящіе Бога, какъ и всѣ люди, желаютъ себѣ добраго мнѣнія и доброй славы, хорошаго положенія въ обществѣ, и болѣе или менѣе стремятся къ исполненію своихъ желаній. Но у нихъ только одинъ путь къ этой цѣли, согласный съ волей и закономъ Божіимъ,—путь истинныхъ заслугъ и достоинствъ, безъ всякой гордости, тщеславія и превозношенія, пріобрѣтеніе чести и выгодъ строгимъ и точнымъ исполненіемъ обязанностей, безъ нарушенія чужихъ правъ чести и достоинствъ.

И такъ только одна есть привязанность сердца, достойная того, чтобы ей покорить все наше сердце,—только эта привязанность сердца къ Богу, какъ высочайшему благу и совершенству, можетъ дать надлежащую цѣну и направленіе другимъ привязанностямъ сердца, образовать характеръ истинно великій, дать жизни и дѣятельности человѣка направленіе истинно благотворное и полезное. Только эта привязанность сердца можетъ образовать людей полезныхъ и достойныхъ на всѣхъ степеняхъ жизни общественной, — безпри-

страстныхъ судей, строгихъ ревнителей правды, благородныхъ и достойныхъ служителей науки и воспитателей юношества, добрыхъ отцевъ и матерей семейства, добрыхъ начальниковъ и подчиненныхъ, достойныхъ и ревностныхъ пастырей Церкви. Безъ этой высокой привязанности сердца, безъ любви къ Богу—никакія разумныя убѣжденія, о которыхъ въ наше время говорятъ такъ много, никакія всеобъемлющія понятія, никакія улучшенія и учрежденія не принесутъ никакой существенной пользы. Ибо не изъ убѣжденій разума, большею частью пріобрѣтаемыхъ и наживаемыхъ со внѣ, принимаемыхъ и отвергаемыхъ сообразно съ такими или иными расположеніями сердца, не изъ случайной обстановки внѣшней жизни, изъ ея улучшеній и усовершенствованій, а изъ самаго человѣка,—изъ его сердца, изъ того сокровища, къ которому привязано его сердце, возникаетъ со своимъ характеромъ и плодами жизнь и дѣятельность человѣка. Отъ сердца, *исходища живота, —отъ сердца бо исходятъ помышленія* (Матѳ. XV, 19); *благій человѣкъ отъ благаго сокровища сердца своего износитъ благое: и злый человѣкъ отъ злаго сокровища сердца своего износитъ злое* (Лук. VI, 45) во всѣ свои желанія и помышленія, во всѣ слова и дѣла, во всѣ отношенія къ своимъ ближнимъ (Духовн. Бес. 1859 г., т. VIII, стр. 217—222, 225, 228—231).

Ст. 22—33. Объ истинномъ просвѣщеніи ума и безпристрастіи къ земнымъ стяжаніямъ.

Свѣтильникъ тѣлу есть око: аще убо будетъ око твое просто, все тѣло твое свѣтло будетъ: аще ли око твое лукаво будетъ, все тѣло твое темно будетъ (22—23). Предъ этимъ Спаситель далъ Своимъ слушателямъ урокъ —искать себѣ сокровищъ не земныхъ, а небесныхъ, и по сему случаю замѣтилъ: *идѣже есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (21). А потомъ —вотъ прибавляетъ: *свѣтильникъ тѣлу есть око,* и т. д. Какъ то замѣчаніе относится ко внутренней жизни сердца нашего, такъ, очевидно, и эти послѣднія слова нужно понимать въ примѣненіи ко внутреннему состоянію души. Око души, свѣтильникъ ея, есть разумъ или разумное сознаніе человѣка: и какъ чувственный глазъ имѣетъ великое значеніе для тѣла нашего, потому что чрезъ него дается тѣлу свѣтъ; такъ и разумъ нашъ служитъ внутреннимъ орудіемъ просвѣщенія души. У кого испорченъ глазъ, тотъ видитъ предметы неправильно; у кого совсѣмъ закрытъ, тотъ не видитъ вовсе ни себя, ни другихъ, и даже ходя среди яснаго дня весь остается во тьмѣ. Такъ, если у кого и разумъ омраченъ, то, обращаясь среди свѣтлыхъ указаній истины, онъ имѣетъ ошибочныя представленія о вещахъ, или и вовсе не видитъ истины; и умъ его и вся душа остается во тьмѣ. Въ родѣ человѣческомъ давно сознана потребность истиннаго просвѣщенія ума, и мудрость человѣческая дорожитъ чистотою и свѣтлостью разумнаго сознанія: приведенныя слова Евангелія могутъ показать намъ, что и Спаситель отдаетъ цѣну этому предмету.— *Аще убо свѣтъ, иже въ тебѣ, тьма есть,* продолжаетъ Онъ, *то тьма колми* (23)! Если, говоритъ, свѣтъ, находящійся въ тебѣ, сдѣлается тьмою, то что̀ сказать о самой тьмѣ,—о всей т. е. душѣ, которая освѣщается уже при посредствѣ разума? Это служитъ для насъ побужденіемъ заботиться о просвѣщеніи ума своего; но и въ то время, когда мы трудимся надъ развитіемъ разумнаго сознанія своего и утѣшаемся успѣхами ума, намъ нужно каждый разъ, и еще больше, имѣть въ виду

замѣчаніе Спасителя. Что, если самый свѣтъ образованія, которымъ мы гордимся, на пріобрѣтеніе котораго употребляемъ столько времени и силъ, окажется подъ конецъ тьмою?.. А слѣдуя Евангельскому показанію, должны мы заключать, что подобное явленіе возможно. Въ настоящемъ нашемъ положеніи для насъ дарованъ чистый и невозмущаемый источникъ умственнаго просвѣщенія,—въ словѣ Божественнаго Откровенія: въ его-то указаніяхъ, при возбужденіи отъ Духа истины, умъ нашъ долженъ почерпать себѣ начала истиннаго здравомыслія и, пользуясь усердно ими, изощрять и укрѣплять свой взоръ; сюда же нужно направлять намъ и естественныя средства умственнаго образованія, которыя во всякомъ случаѣ имѣютъ свою важность въ глазахъ человѣка благомыслящаго. Для желающихъ «вести христіанскую жизнь въ совершенствѣ», скажемъ словами святаго Макарія Великаго, настоитъ потребность «позаботиться прежде всего о смыслѣ и разсудкѣ души»; и нужно это потому, что при всей даже скудости естественнаго свѣта своего, при всемъ богатствѣ благодатныхъ озареній свыше, умъ остается здѣсь въ извѣстной степени необходимымъ органомъ внутренняго просвѣщенія души отъ Бога и естественнымъ посредникомъ между силами ея и истиною Божіею. Теперь, чтобъ намъ успѣшно, при его посредствѣ, можно было усвоять себѣ ея внушенія, нужно, чтобы самъ онъ съ чистотою и обильно озарился свѣтомъ ея. А взоръ его можетъ сдѣлаться лукавымъ, т. е. худымъ, когда вмѣсто истины дѣйствительной, которая ему дается, будетъ намъ передавать невѣрныя и самодѣльныя представленія о ней, какъ бываетъ у больнаго глаза; можетъ и вовсе сдѣлаться невидящимъ, когда упорно станетъ закрываться отъ живыхъ ея впечатлѣній.

Но чтобы умъ нашъ могъ навѣрное избѣгать всѣхъ этихъ недостатковъ и пріобрѣсть себѣ живую воспріимчивость къ внушеніямъ небесной истины,—для этого нужно прежде очищать его отъ страстныхъ помысловъ; потому что страсти и пороки—вотъ первое омраченіе ума. Нужно, чтобы свѣтлый взглядъ его у насъ выразился прежде всего въ чистыхъ и возвышенныхъ стремленіяхъ сердца, которое всегда находится въ тѣсной связи съ нашими убѣжденіями:—иначе здѣсь-то угрожаетъ уму нашему опасность—завести себя въ тьму неисходную; «если разумное сознаніе, которое есть свѣтъ души, говоритъ блаженный Іеронимъ, затемнено въ тебѣ душевными пороками, то какъ мрачна должна быть въ тебѣ самая тьма»! Нужно, чтобъ это разумное сознаніе обнаружило себя въ здравомъ, по возможности, и основательномъ различеніи добра и святыхъ наклонностей отъ грѣха и грѣховныхъ пожеланій: нравственно практическое здравомысліе,—вотъ необходимое условіе для цѣлости и чистоты ума, во всей его разумной дѣятельности. Говоря объ этомъ здѣсь, мы хотимъ указать на то, что и въ Евангеліи высказывается то же самое. Когда Спаситель учитъ насъ обращать сердца свои къ небеснымъ благамъ, а вслѣдъ за этимъ непосредственно внушаетъ намъ заботиться о чистотѣ взглядовъ своихъ, то не напрасно, безъ сомнѣнія, то и другое поставляетъ Онъ въ ряду одно съ другимъ. А еще прежде, въ иномъ мѣстѣ, Онъ и прямо чистотѣ сердечной усвояетъ видѣніе Бога, которое и составляетъ вѣнецъ умственнаго совершенства: *блажени чистіи сердцемъ*, говоритъ Онъ, *яко тіи Бога узрятъ* (Матѳ. V, 8). Слѣдовательно, когда сердце человѣка отдѣлилось отъ земныхъ нечистыхъ пожеланій, это значитъ, что и умственное око его чи-

сто. Но этого мало: далѣе Спаситель снова обращается къ ученію о безпристрастіи къ земнымъ стяжаніямъ, о которомъ начата была рѣчь у Него прежде. *Никтоже можетъ двѣма господинома работати: либо единаго возлюбитъ, а другаго возненавидитъ: или единаго держится, о друзѣмъ же не радити начнетъ: не можете Богу работати и мамонѣ* (24). Слово «мамона» означаетъ: богатство; такъ назывался у Сиріянъ богъ богатства. Человѣкъ не можетъ работать Богу и мамонѣ совмѣстно, потому что служеніе тому и служеніе другому не примиряется одно съ другимъ: одно для неба, а другое для земли; одно обращается на пользу души, а другое лишь къ выгодамъ тѣла и во вредъ душѣ. Здѣсь-то въ благоразумномъ выборѣ между ними, въ предпочтеніи Бога и небесныхъ благъ богатству, предстоитъ христіанину случай обнаружить свое здравомысліе и показать, что свѣтильникъ ума его не помрачился.

Человѣческая привязанность къ богатству можетъ находить для себя благовидное основаніе въ потребностяхъ тѣлесной жизни нашей, для обезпеченія которыхъ самимъ же намъ приходится выискивать и средства. Поэтому Спаситель обращаетъ Свое слово къ этому предмету, и здѣсь же въ самомъ основаніи подрываетъ нашу неразумную привязанность къ вещественнымъ пріобрѣтеніямъ. *Сего ради глаголю вамъ: не пецытеся душею вашею, что ясте, или что піете: ни тѣломъ вашимъ, во что облечетеся. Не душа ли больши есть пищи, и тѣло одежди? Воззрите на птицы небесныя, яко ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ Небесный питаетъ ихъ. Не вы ли паче лучши ихъ есте? Кто же отъ васъ пекійся можетъ приложити возрасту своему лакоть единъ* (25—27)? Такъ Онъ въ самыхъ даже крайнихъ нуждахъ ограничиваетъ нашу любовь къ пріобрѣтеніямъ; послѣ этого для нея не остается уже болѣе благовиднаго предлога. Что же? Ужели дѣло клонится къ тому, чтобы оставили мы всякія заботы о земной собственности,—даже тѣ, къ которымъ вызываетъ вопіющая потребность? Да, мы знаемъ славныхъ подвижниковъ благочестія, которые съ наглядною буквальностью осуществляли въ своей жизни заповѣдь Христову, отказываясь отъ всякой собственности, не думая сегодня о томъ, что будутъ ѣсть завтра, гдѣ приклонятъ голову свою, а питаясь—чѣмъ Богъ послалъ, и укрываясь—гдѣ попало; и Богъ видимо являлъ имъ слѣды промысла Своего,—многимъ посылалъ даже чудеснымъ образомъ въ пустынѣ пищу чрезъ Ангеловъ. Вѣра не будетъ никогда обманута въ ожиданіи того, что ей обѣщано: водясь именно такимъ соображеніемъ, одинъ изъ приснопамятныхъ отцевъ древности (Александръ, основатель обители неусыпающихъ при Евфратѣ,) рѣшился съ буквальною точностью примѣнить къ дѣлу слова Христовы, и Богъ не оставлялъ его. Были и другіе образцы, подобные ему. Но спрашивается: можно ли же совсѣмъ такъ бросить попеченіе о земномъ, когда чрезъ это разстроился бы правильный порядокъ общежитія, были бы уничтожены общеполезные труды промышленности, которыми сближаемся мы и на пути образованія? Правда, указанный примѣръ святыхъ подвижниковъ не есть примѣръ всеобщій: то были чрезвычайныя проявленія вѣры. Только утверждая это, мы, кажется, должны не ту назвать здѣсь главную причину, о которой мы сейчасъ упомянули, а другую. Мы не знаемъ еще, что сталось бы съ земною нашей жизнью, если бы вдругъ пришли всѣ въ такой возрастъ вѣ-

ры, что отказались бы рѣшительно отъ всѣхъ житейскихъ попеченій, ради Христа и Евангелія: вѣдь намъ не слѣдуетъ же упускать того изъ виду, что наступитъ нѣкогда такое состояніе, когда всѣ достойные участники спасенія будутъ жить, *яко Ангелы Божіи на небеси* (Матѳ. XXII, 30). А лучше спросимъ вотъ о чемъ: всѣ ли мы теперь способны къ таковой вѣрѣ въ Промыслъ Божій, какая обнаруживалась иногда у тѣхъ святыхъ избранниковъ? Тутъ скрывается причина поважнѣе первой; вслѣдствіе ея и та получаетъ законную свою силу; обѣ же онѣ, въ соединеніи одна съ другою, побуждаютъ насъ искать въ словахъ Христовыхъ болѣе снисходительнаго примѣненія ихъ къ жизни, которое могло бы быть для всѣхъ доступно, а вмѣстѣ и для всѣхъ уже составлять прямую обязанность. И дѣйствительно, онѣ имѣютъ примѣненіе ко всѣмъ намъ. Замѣтимъ, что Спаситель не освобождаетъ насъ отъ честнаго труда на пользу внѣшней жизни и не благословляетъ насъ отдаваться лѣни и бездѣйствію, въ праздномъ ожиданіи пособій Промысла. Нѣтъ, что̀ сказано Адаму: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой* (Быт. III, 10), то остается неизмѣннымъ закономъ и для насъ, доколѣ мы живемъ здѣсь. И святые отшельники, бросая все мірское, тѣмъ не менѣе трудились въ своемъ удаленіи отъ людей, и даже другимъ нерѣдко помогали трудомъ рукъ своихъ. Но Христосъ говоритъ намъ: не пецытеся, то есть, не дозволяйте себѣ лишнихъ безпокойствъ, не суетитесь. «Трудиться мы должны, говоритъ тотъ же приведенный нами учитель Церкви, но безпокоиться не должны». Что мы имѣемъ право та́къ объяснять слова Евангельскія, это можемъ вывести и изъ послѣдующихъ словъ: «кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть»? Очевидно, здѣсь устраняются отъ насъ тѣ именно заботы, которыя несовмѣстны съ нашей ограниченностью и должны быть предоставлены уже самому Промыслу. Неумѣренная суетливость относительно внѣшнихъ условій жизни дѣйствительно бываетъ у насъ часто, и даже во многихъ случаяхъ мѣшаетъ дѣлу, вмѣсто того, чтобы помогать ему, потому что нарушаетъ спокойное равновѣсіе трудящихся силъ. Но и при болѣе спокойномъ трудѣ она можетъ обнаруживать себя не менѣе сильнымъ образомъ: человѣкъ до такой степени вдается иногда въ житейскія спекуляціи или вообще бываетъ занятъ внѣшними удобствами жизни, что какъ будто у него кромѣ физическихъ потребностей нѣтъ больше никакихъ, и какъ будто онъ самъ вѣчно остается единственнымъ попечителемъ своего существованія. Онъ забываетъ, что кромѣ нуждъ физическихъ есть нужды духовныя, которымъ онъ обязанъ еще больше удѣлять вниманія, и что надъ нимъ еще есть общій Попечитель и Правитель человѣческой судьбы, Которому единственно принадлежитъ окончательное распредѣленіе средствъ жизни между нами и устройство ея, окончательное препобѣжденіе всѣхъ трудностей ея, обезпеченіе всѣхъ случайностей ея. При всей обязательности честнаго труда въ жизни, много здѣсь у насъ останется такого, чего мы сами напередъ не можемъ съ вѣрностью опредѣлить или устроить собственными силами, и что̀ находится въ рукахъ верховнаго Владыки всѣхъ, также какъ въ Его рукахъ ежеминутно состоитъ и самое существованіе души нашей и тѣла. А это послѣднее обстоятельство служитъ у насъ и постояннымъ обезпеченіемъ для надежды на Промыслъ Божій; на это намъ указываетъ и Христосъ: *не душа*

ли большіи есть пищи, и тѣло одежды? То есть, если Богъ намъ даровалъ душу и тѣло, въ которыхъ обнаружено такое богатство жизни,—тѣмъ болѣе не затруднится помогать намъ во второстепенныхъ, внѣшнихъ средствахъ жизни. Пусть только явится въ насъ эта крѣпкая увѣренность въ Промыслѣ Божіемъ и обратится въ постоянный навыкъ души; тогда мы сами каждый разъ узнаемъ безъ труда, гдѣ нужно будетъ намъ употребить собственныя усилія, гдѣ должно отдаться непосредственно на волю Божію. Главное,—мы не вправѣ отрицать, что слѣды ея промыслительныхъ дѣйствій въ судьбѣ нашей несомнѣнны: то же самое мы замѣчаемъ и въ окружающей насъ видимой природѣ. Это послѣднее намъ и Спаситель поставляетъ на видъ, когда указываетъ на птицъ небесныхъ, а потомъ на полевыя лиліи, о которыхъ Богъ заботится такъ, что мы сами о себѣ никогда не въ силахъ позаботиться.

Общее же заключеніе Евангельскаго чтенія такое: *ищите прежде Царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (33). То есть, нужно держаться такого правила, чтобъ не внѣшнее благоденствіе жизни, а Царство Божіе съ его святынею и правдою составляло нашу прямую и неотлучную задачу въ жизни, тогда Самъ Богъ, Которому всегда пріятно помогать намъ въ этомъ дѣлѣ, не лишитъ насъ ни малѣйшаго изъ даровъ земныхъ, если только онъ окажется пригоднымъ для главной цѣли нашей (Воскр. Чт., г. XXV, ч. I, стр. 281—289).

Ст. 28—29. Противъ роскоши въ одеждѣ и убранствѣ.

(Филарета, митрополита Московскаго.)

О одежди что печетеся? Смотрите криновъ сельныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ. Что такое одежда? Въ порядкѣ естественномъ—средство для защищенія человѣческаго тѣла отъ разрушительнаго дѣйствія стихій; въ порядкѣ нравственности—защита стыдливости; въ порядкѣ гражданскомъ—искусственное прикрытіе членовъ тѣла, приспособленное къ отправленію того или другаго званія общественнаго, и вмѣстѣ отличительный знакъ званій и степеней въ нихъ поставленныхъ. Изъ сихъ понятій тотчасъ можно усмотрѣть, что попеченіями объ одеждѣ должны управлять необходимость, скромность, постоянство.

Богъ нѣкоторымъ образомъ освятилъ то, что есть въ одеждѣ простѣйшаго и вмѣстѣ необходимѣйшаго. *И сотвори Господь Богъ Адаму и женѣ его ризы кожаны: и облече ихъ* (Быт. III, 21). Но чрезъ сіе самое осуждается безразсудная заботливость объ украшеніи тѣла. Если вещество по наставленію Самого Бога, употребленное для составленія одѣянія, была кожа, то для чего нѣкоторые или несчастными, или презрѣнными представляютъ себѣ тѣхъ, которые носятъ простой ленъ и грубую волну? Для чего намъ непріятно, если не на насъ прядетъ шелковичный червь; не для насъ земля раждаетъ злато, и море перлы? Къ чему столь дѣтскія прихоти? Чего вамъ лучше и благолѣпнѣе той одежды, которую для насъ готовитъ Самъ Богъ! Ибо можно сказать, что Онъ и для каждаго изъ насъ, какъ для Адама и его жены, творитъ потребныя ризы. Въ какой странѣ міра Онъ предопредѣляетъ намъ произойти на свѣтъ, въ той же и производитъ все, что, по качеству сея страны, потребно для нашего тѣла; и для сисканія того, что необходимо потребно, почти всегда довольно средствъ влагаетъ въ руки наши Его премудрый

Промыслъ. Для чего же мы еще нерѣдко желаемъ, чтобы одежда наша превышала не только требованіе необходимости, но и приличіе нашего состоянія? Для чего мы иногда недовольны нашими украшеніями потому только, что оныя не похищены у отдаленнѣйшихъ братій нашихъ? Посмотрите—такъ премудрость Божія постыжаетъ не только суетныя попеченія о излишнемъ, но и о потребномъ излишнія;—посмотрите на полевыя цвѣты, какъ они растутъ; не прядутъ и не трудятся; а вы, маловѣры, мучите себя по произволу изыскиваемыми заботами о вашемъ одѣяніи; какъ будто Провидѣніе меньше занимается вами, нежели былiемъ, нынѣ цвѣтущимъ, а завтра увядающимъ; и будто оно забыло произвести близъ васъ потребное для васъ!

Если вы, смотря на полевые цвѣты, не обрѣтаете въ себѣ мудрости пчелъ, дабы собрать съ нихъ тонкій, духовный медъ; если зрѣлище природы не приноситъ вамъ наставленія, которое бы обратилось въ васъ въ силу и жизнь,—изберите себѣ другое высшее зрѣлище; возвысьте духъ вашъ, и воззрите не на образъ и тѣнь истины, но на самое лице ея, на красоту не созданную, на цвѣтъ совершенства—воззрите, члены тѣла Христова, на Главу свою,—и всмотритесь пристально, пристанутъ ли ей любимыя ваши украшенія. Какая несообразность! Глава во ясляхъ, на соломѣ; а члены хотятъ почивать на своихъ сѣдалищахъ и утопать въ одрахъ своихъ! Глава въ уничиженіи, въ нищетѣ; а члены только и помышляютъ о богатствѣ и великолѣпіи! Глава орошается кровавымъ потомъ; а члены умащаются и обливаются благовоніями! со Главы падаютъ слезы; а члены жемчугъ осѣняетъ! Глава въ терніи; а члены въ розахъ! Глава багрѣетъ отъ истекшей крови и смертною объемлется блѣдностію; а члены лукавымъ искусствомъ дополняютъ у себя недостатокъ естественной живости и, думая сами себѣ дать красоту, въ которой природа имъ отказала, превращаютъ живой образъ человѣческій въ изображеніе художественное! Глава то въ наготѣ, то въ одеждѣ поруганія; а члены любятъ покоиться подъ серебрянымъ виссономъ, подъ златымъ руномъ, или, вмѣсто наготы Распятаго, съ презрѣніемъ стыда и скромности, вымышляютъ себѣ одежду, которая бы не столько покрывала, какъ обнажала!

Но неужели всѣ должны отвергнуть всякое благолѣпіе и облечься въ рубища!—Нѣтъ, совопросники, *мудрые еже творити злая, благо же творити не познавшіе* (Іерем. IV, 22)! Никто сего не требуетъ. Божественный Учитель нашъ обличаетъ только попеченія объ одеждѣ, и особенно излишнія, суетныя, пристрастныя. *О одежди что печетеся?* Впрочемъ извѣстно, что и Самъ Онъ (безъ сомнѣнія, дабы не лишить утѣшенія и награды людей, служившихъ Его тѣлеснымъ потребностямъ) носилъ драгоцѣнный нешвенный хитонъ, который пожалѣли раздрать раздѣлявшіе ризы Его. Есть родъ и степень благолѣпія и даже великолѣпія въ одеждѣ, который назначаетъ не пристрастіе, но благоприличіе, не суетность, но состояніе, не тщеславіе, но долгъ и обязанность. Но попеченія безъ конца, пышность безъ мѣры, расточеніе безъ цѣли, ежедневныя перемѣны уборовъ потому только, что есть люди, которые имѣютъ низость заниматься изобрѣтеніями сего рода, и что слишкомъ много такихъ, которые имѣютъ рабскую низость подражать симъ дѣтскимъ изобрѣтеніямъ — невѣроятная безразсудность! Безразсудность тѣмъ болѣе нелѣпая, что, безъ сомнѣнія, многіе виновные въ ней признаютъ ее, и однакожъ

не престаютъ вновь дѣлаться виновными въ ней! И пусть бы оставалась она безразсудностью: бѣдственно то, что ею пораждаются и питаются беззаконія. Посмотримъ напримѣръ, какъ иногда на торжищѣ безъ вниманія проходятъ мимо нищаго, просящаго мелкой монеты на хлѣбъ насущный, и тысячи отдаютъ за ненужное украшеніе. Кто дерзнетъ сказать, что тутъ не нарушена любовь къ ближнему? Кто же не видитъ изъ этого и многихъ другихъ примѣровъ, какъ легко извиняемая міромъ суетность можетъ сдѣлать человѣка повиннымъ предъ обѣими скрижалями закона Божія? (Т. I. Изъ слова въ недѣлю 3-ю по Пятидесятницѣ, стр. 93—96.)

Ст. 28—30. Цвѣты.

Смотрите кринъ сельныхъ. Значитъ, это прекрасное созданіе Божіе достойно особеннаго вниманія и изученія со стороны человѣка, когда Спаситель обращаетъ къ нему взоры наши, говоря: *смотрите кринъ сельныхъ.*—Но то, что̀ сказалъ Онъ о кринахъ сельныхъ, и донынѣ еще роскошно цвѣтущихъ на равнинѣ Шаронской въ Палестинѣ, можно одинаково отнесть и ко всему царству цвѣтовъ на землѣ; потому что нѣтъ ни одного изъ нихъ, къ которому нельзя было бы, съ большею или меньшею точностью, примѣнить словъ Спасителя о кринахъ сельныхъ: *глаголю вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ* (Матѳ. VI, 29). Изучающему ихъ не какъ *сѣно сельное, днесь суще, и утрѣ въ пещь вметаемо* (30), но какъ прекрасныя созданія Божіи, исполненныя жизни и красоты образцовой,—какая открывается глубина премудрости и разума Божія въ ихъ устройствѣ и украшеніи! Какъ благодѣтельною представляется десница Промысла, не только снабдившая жилище человѣка—землю всѣмъ нужнымъ и полезнымъ для него, но еще отечески озаботившагося объ украшеніи ея всѣми чудесами красоты и изящества?

Цвѣтокъ зачинается въ почкѣ и почиваетъ въ ней, сначала, какъ птенецъ въ скорлупѣ. Тамъ незримо и таинственно Богъ уготовляетъ для него изъ луча солнечнаго и влаги дивную ткань, въ которую *одѣваетъ* (Матѳ. VI, 30) цвѣтокъ, когда наступаетъ время явить его предъ очи міра. Разсмотрите внимательно покрой этой одежды, сотканной рукою Творца: какое богатство и разнообразіе формъ и очертаній! какое смѣлое и изящное сочетаніе формъ симметріи съ самою игривою неправильностью! Встрѣчаются цвѣты то угловатые, то плоскіе, то выпуклые, то прямые, то какъ будто согбенные или висящіе; одни имѣютъ видъ креста,—другіе видъ звѣзды, солнца; тѣ образованы въ формѣ колесца, иные согнуты какъ рога, еще иные представляются въ видѣ трубы, или висятъ шарами и колокольчиками. Есть цвѣты, представляющіе чаши, урны, ладіи, знамена, челюсти животныхъ и т. д.; въ однихъ все расположено въ порядкѣ и соразмѣрности; другіе привлекаютъ взоръ самою смѣлою и изящною неправильностью очертаній. Архитектура не знаетъ другихъ, болѣе изящныхъ, образцовъ для своихъ украшеній, кромѣ формъ и очертаній цвѣтовъ, равно какъ живопись—другихъ рисунковъ, кромѣ тѣхъ, которыми творческая рука Зиждителя испещряетъ нѣжныя ткани цвѣтовъ. Въ семъ послѣднемъ отношеніи, какъ многіе изъ нихъ безмолвно, но тѣмъ не менѣе разительно, однимъ видомъ и роскошнымъ убранствомъ своимъ, какъ будто взываютъ къ смотрящимъ на нихъ: *ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ нихъ!* Въ без-

численномъ разнообразіи рисунковъ, испещряющихъ ихъ, взоръ встрѣчаетъ и пурпуръ утренней зари, и лазурь свода небеснаго, и бѣлизну снѣга, и синеву воздуха, и красноту огня, и блескъ золота,—и все это въ тысячѣ разныхъ оттѣнковъ и въ самомъ свободномъ и изящномъ сочетаніи красокъ!

Съ поразительною красотою рисунковъ и очертаній многіе изъ цвѣтовъ соединяютъ усладительный запахъ! Изъ распускающихся чашечекъ ихъ незримо отдѣляются мельчайшіе атомы, которые, смѣшиваясь въ воздухѣ, напояютъ благоуханіемъ эту, лишенную всякаго запаха, жидкость. Такимъ образомъ, каждый пахучій цвѣтокъ, какъ будто несетъ человѣку — царю и владыкѣ на землѣ — свою дань, ему одному свойственный ѳиміамъ, потому что у всякаго изъ нихъ есть свой отличный отъ другаго запахъ. Съ какимъ наслажденіемъ и часто съ какою пользою для здоровья вдыхаешь эти волны разнообразныхъ благоуханій, находящіяся въ воздухѣ? Отеческая благость Провидѣнія не удовлетворилась однимъ услажденіемъ нашихъ чувствъ посредствомъ цвѣтовъ: она сообщила еще многимъ изъ нихъ цѣлительную силу, освѣжающую и оживляющую истощенное недугами тѣло человѣка. Сего мало, по многимъ изъ цвѣтовъ она разсѣяла тончайшія, питательныя и цѣлительныя частицы, неуловимыя для взора, и которыхъ человѣкъ никакъ не могъ бы добыть и воспользоваться ими, если бы та же благодать Божія не даровала ему искуснаго работника въ трудолюбивой пчелѣ, которая неутомимо облетаетъ по всѣмъ цвѣтамъ, собирая съ каждаго дань и складывая потомъ ее въ соты свои, какъ-бы въ нѣкоторыя житницы, для пользы и употребленія владыки своего—человѣка.

Желая доставить наслажденіе взору человѣка, отеческая благость роскошно осыпаетъ цвѣтами деревья и кустарники и бо́льшую часть зерновыхъ хлѣбовъ, имѣя въ виду наслажденіе именно одного любимаго чада своего—человѣка, потому что животныя вовсе нечувствительны къ красотамъ цвѣтовъ, смотрятъ на нихъ не болѣе, какъ на траву, или сѣно, годное, или не годное для корма ихъ, и равнодушно попираютъ ногами самый роскошный цвѣтокъ; одинъ только человѣкъ сознаетъ изящество цвѣтовъ, удивляется великолѣпной красотѣ и наслаждается благообразіемъ и запахомъ ихъ.

Эти созданія Божіи такъ изящны, такъ великолѣпны, исполнены такой свѣжести и пріятности, что мы нигдѣ не хочемъ разставаться съ ними, желаемъ всегда имѣть ихъ подлѣ себя и наслаждаться ими. Это одно изъ тѣхъ чистыхъ и невинныхъ наслажденій нашихъ, которое освѣжаетъ умъ, радуетъ сердце, не оставляетъ послѣ себя никакой горечи, доставляетъ мирную и кроткую отраду духу нашему, утомленному суетою мірскою. По этой причинѣ, человѣкъ старается разводить цвѣты вездѣ, гдѣ самъ живетъ, украшаетъ и уставляетъ ими свое жилище, вноситъ ихъ и въ храмъ Божій, не только какъ дань благодаренія и признательности къ Творцу, но и какъ самое прекрасное украшеніе, подобающее святилищу. И не только живыми цвѣтами любитъ окружать себя человѣкъ, но и въ изящныхъ произведеніяхъ своихъ воспроизводитъ ихъ же, напримѣръ: въ живописи, ваяніи, вышиваньѣ и т. под. только въ семъ отношеніи, цвѣты естественные далеко оставляютъ за собою все, что̀ изобрѣтаетъ воображеніе и досужество человѣка для услажденія взоровъ. Какъ-бы задуманы ни были, они нравятся и привлекаютъ взоръ только на время. Измѣнчивый и прихотливый вкусъ свѣта, именуемый модою, скоро забываетъ ихъ и требуетъ

у изящныхъ искусствъ все новыхъ и новыхъ рисунковъ; но цвѣты естественные, хотя очертанія, формы и цвѣтъ ихъ постоянно одни и тѣ же, нравятся всегда. Это потому, что творческій умъ Зиждителя міровъ, посылая ихъ въ міръ, одѣваетъ ихъ такъ прекрасно и великолѣпно, что *ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ.*

Вообще—какъ въ устройствѣ и безконечномъ разнообразіи цвѣтовъ, такъ въ великолѣпномъ убранствѣ, въ благоуханіи и многообразной пользѣ ихъ, сколько, съ одной стороны, отражается неизслѣдимый разумъ и премудрость Божія, столько, съ другой, отеческая благость и самая предупредительная внимательность Его къ тварямъ Своимъ и въ особенности къ намъ — людямъ. Пріучайся же, человѣкъ, смотря на цвѣты и пользуясь ими, возводить отъ нихъ очи свои горѣ къ Тому, Который такъ щедро и роскошно посылаетъ ихъ тебѣ почти во всякое время. Взирай на нихъ не безсознательно и не безсмысленно, какъ животныя, но какъ на постоянныхъ и живыхъ свидѣтелей отеческой заботливости промысла о твоей пользѣ и наслажденіи, и—съ чувствомъ благодаренія повергайся предъ этою щедродательною десницею, которая не только посылаетъ *злакъ на службу твою* (Псал. CIII, 14), но и устрояетъ его такъ, чтобы онъ былъ *въ наслажденіе* тебѣ (1 Тимоѳ. VI, 17)! (Воскр. Чт., г. XIX, стр. 108—110.)

Изъясненіе словъ Іисуса Христа:—ищите же прежде Царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ (Матѳ. VI, 33).

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Правило совершенной нестяжательности Господь преподалъ не въ качествѣ заповѣди, безусловно для всѣхъ обязательной, но въ качествѣ совѣта, условно предлагаемаго желающему: *аще хощеши совершенъ быти.* И какъ не отъ всякаго можно надѣяться совершенства, такъ ненадежно было бы совѣтовать всякому, чтобы оставилъ все. Да и естественное устроеніе земной жизни таково, что требуетъ занимающихся и земными дѣлами. Если бы всѣ занимающіеся земледѣліемъ рѣшились буквально исполнять правило: *не пецыся на утрей*, и, отвергнувъ попеченіе о завтрашнемъ днѣ, тѣмъ паче отвергли попеченіе о слѣдующемъ годѣ и перестали бы пахать и сѣять,—такое одностороннее направленіе къ жизни духовной разрушило бы жизнь естественную.

Но если такимъ образомъ неизбѣжно, чтобы многіе не оставляли занятія дѣлами земными и мірскими, то неизбѣжно встрѣчается вопросъ: какъ достигнуть того, чтобы дѣла земныя и мірскія не препятствовали дѣлу духовному и небесному? Болѣе общеупотребительное и для немощи нашей болѣе снисходительное рѣшеніе сего вопроса можемъ найти въ изрѣченіи Господнемъ: *ищите прежде Царствія Божія и правды его.*

Поставленіе одного дѣла прежде показываетъ, что допускается другое дѣло послѣ. Слѣдственно въ изрѣченіи Господнемъ заключаются двѣ мысли: одна открытая, другая сокрытая въ словѣ: *прежде.* Мысль открытая: должно искать Царствія Божія и правды его прежде. Мысль сокрытая: не запрещается искать и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ послѣ. Такимъ образомъ изъ слова Христова открывается, что есть возможность съ успѣхомъ упражняться въ дѣлѣ небесномъ, въ исканіи Царствія Божія и правды его, и, безъ вреда для сего дѣла, заниматься и дѣлами земными, дѣлами необходимыми, какъ-то: исполненіемъ обязанностей званія и службы въ обществѣ человѣческомъ; дѣлами полезными, или хотя только невинными,

какъ-то: пріобрѣтеніемъ и употребленіемъ разнообразныхъ познаній въ области природы и искусства, впрочемъ такъ, чтобы съ сими Египетскими сокровищами не погрязнуть въ морѣ житейскомъ, но чтобы мудро и праведно похитить ихъ у Египтянъ и употребить во славу Отца Небеснаго и во благо земныхъ чадъ Его. Тайна добраго и безпрепятственнаго успѣха заключается въ томъ, чего вы будете искать *прежде*, какое дѣло пойдетъ у васъ впередъ другихъ дѣлъ, будетъ первенствовать между всѣми дѣлами, господствовать въ вашихъ мысляхъ, желаніяхъ и стремленіяхъ, или, какъ изъяснился одинъ изъ древнихъ отцевъ, что̀ будетъ у васъ *дѣломъ* и что̀ *подъ̀іемъ*. Если вы будете *прежде всего искать Царствія Божія и правды его;* если дѣло спасенія души вашей благодатію и вѣрою, очищенія заповѣдями, усовершенія добродѣтелями будетъ у васъ первенствовать между всѣми прочими дѣлами, господствовать въ вашихъ мысляхъ, желаніяхъ и стремленіяхъ; если сіе только и будете вы почитать *дѣломъ* истиннымъ и важнымъ, а всѣ земныя дѣла только *подъ̀іемъ*, занятіемъ второстепеннымъ, маловажнымъ, которому нѣкоторая доля вниманія уступается послѣ главнаго дѣла, то земныя дѣла не будутъ у васъ препятствіемъ дѣлу небесному; вы можете надѣяться обрѣсти Царствіе Божіе, паче всего искомое, и между тѣмъ, не имѣть недостатка и въ томъ, о чемъ менѣе заботитесь, въ потребномъ для земной жизни, по вѣрному обѣщанію Господню: *сія вся приложатся вамъ*. Напротивъ того, если вы думаете, что надобно прежде обезпечить себя въ дѣлахъ земныхъ и мірскихъ, и потомъ уже пещись о небесномъ; если какое-нибудь земное занятіе наукою, искусствомъ, художествомъ, промысломъ, исканіемъ выгодъ, блеска и пріятностей жизни, сдѣлалось у васъ первенствующею мыслью, господствующимъ желаніемъ, вашимъ *дѣломъ* по превосходству, а дѣло благочестія остается у васъ только *подъ̀іемъ*, дѣломъ досуга отъ мірскихъ занятій, то вы превратили порядокъ, предписанный словомъ Господнимъ; вы не на пути къ обрѣтенію Царствія Божія; да и для обезпеченія себя земными благами, не знаю, на чемъ можете утвердить свою надежду, потому что не къ вамъ относится обѣщаніе Господне: *сія вся приложатся вамъ*. (Изъ слова въ день обрѣтенія мощей препод. Сергія, т. III-й, стр. 90—91.)

Размышленіе изъ воскреснаго Евангелія на тотъ же стихъ.

Ищите. Истиннаго блага повелѣвается намъ искать. Ибо, хотя Богъ всегда готовъ даровать намъ все нужное и полезное, но насильно, безъ желанія и прошенія нашего, безъ исканія,—не подаетъ. *Просите*, говоритъ Господь, и *дастся вамъ: ищите, и обрящете* (Матѳ. VII, 7). Потому, первое условіе для пріобрѣтенія истиннаго блага есть искреннее желаніе сего блага, исканіе и молитва. *Ищите:* почувствуйте нужду въ истинномъ благѣ; познайте, чего не достаетъ душѣ, чего она алчетъ и жаждетъ, и потомъ просите у Бога хлѣба животнаго и воды живой для души. Не ищутъ, чего не желаютъ; не просятъ, въ чемъ не чувствуютъ нужды. Потому и молитва наша къ Богу должна выражать наши сердечныя желанія, а не состоять только въ словахъ, исходящихъ изъ однихъ устъ, а не изъ сердца. Желаютъ и ищутъ дотолѣ, пока не обрѣтутъ всего искомаго. Но для души въ здѣшней жизни нѣтъ полнаго наслажденія, нѣтъ блаженства неизмѣннаго,—потому искать и молиться должно непрестанно. *Ищите прежде.*

Не говори: я еще молодъ; мнѣ рано думать о спасеніи душевномъ; наслаждусь прежде мірскими радостями, испытаю здѣшнія удовольствія, а потомъ когда уже приближусь къ старости и смерти, тогда буду заниматься моимъ спасеніемъ. Не говори такъ, но отгоняй прочь отъ себя такія пагубныя мысли. Такъ говорили и думали многіе: и одни изъ нихъ не дожили до старости и умерли въ нераскаяніи, другіе и въ самой старости не могли оставить грѣховныхъ привычекъ и ни сколько не исправились. Къ чему привыкнешь въ юности, отъ того очень трудно отстать и въ старости; и трудно научиться тому въ старости, чему не учились въ юности; труднѣе начинать спасеніе въ лѣтахъ преклонныхъ, нежели въ возрастѣ цвѣтущемъ, съ сердцемъ мягкимъ, съ душею, ко всему открытою. *Ищите прежде*, и прежде всего: прежде нежели будете сами пещись о своей пищѣ и одеждѣ, прежде нежели будете думать объ устроеніи своего семейства, прежде нежели изберете себѣ состояніе общественное и должность: словомъ прежде всѣхъ,—не говорю уже о суетныхъ, излишнихъ удовольствіяхъ, но прежде—самыхъ нужныхъ въ жизни предметовъ.

Ищите и чего?—*Царствія Божія и правды его.* Главную цѣль нашихъ желаній мы обыкновенно называемъ *счастіемъ*, и каждый составляетъ понятіе о счастіи по своимъ склонностямъ; самые мудрые въ мірѣ не согласны между собою въ понятіи о счастіи. Но Евангеліе называетъ главную цѣль нашу *Царствіемъ Божіимъ и правдою Божіею*; оно же объясняетъ намъ и то, въ чемъ состоитъ Царствіе Божіе. *Царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. XVII, 21), говоритъ Господь. Не гоняйтесь за своимъ счастіемъ за моря, въ страны отдаленныя; не ищите его въ нѣдрахъ горъ; не ищите ни въ богатствѣ, ни въ почестяхъ и ни въ какихъ внѣшнихъ благахъ: оно состоитъ во внутреннихъ, душевныхъ сокровищахъ, которыя подаются Духомъ Святымъ. Какія же это сокровища? Апостолъ называетъ ихъ праведностью, миромъ и радостью: *нѣсть*, говоритъ, *Царствіе Божіе брашно питіе, но правда и миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Римлян. XIV, 17). Чего не достаетъ тому, кто имѣетъ въ душѣ миръ и радость, и притомъ о Дусѣ Святѣ, миръ Божій, радость духовную и святую? У него все свѣтло въ душѣ, чиста и спокойна совѣсть, довольно всѣмъ сердце; онъ на землѣ уже предвкушаетъ блаженство небесное, котораго вѣрный залогъ имѣетъ въ себѣ самомъ, потому что Духъ Святый, въ немъ живущій, есть *обрученіе наслѣдія нашего* (Ефесян. I, 14). Но главное условіе для сего внутренняго счастія, мира и радости о Духѣ Святѣ, или Царствія Божія въ насъ, есть правда Божія. Ищите Царствія Божія и правды Божіей. Эта правда есть, оправданіе очищеніе отъ грѣховъ, отъ скверны плоти и духа; это риза чистоты и святости, въ которой одной допустятъ насъ на вечерю Божію. Убѣлимъ прежде душевныя ризы въ Крови Агнца Божія, Іисуса Христа; стяжимъ живою вѣрою въ Него праведность, Его святыя свойства и любовь, и тогда внидемъ въ радость Господа; тогда и миръ Божій, превосходящій всякій умъ, будетъ обитать въ душахъ нашихъ.

Ищите прежде Царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ. Сія вся: разумѣются блага, нужныя для жизни временной. Такимъ образомъ Спаситель не лишаетъ насъ и земныхъ благъ; Онъ только показываетъ намъ легчайшее и надежнѣйшее средство пріобрѣтать ихъ. Онъ какъ-бы такъ говоритъ намъ: напрасно вы столько трудовъ и заботъ употребляете для пріобрѣтенія пищи, одежды и другихъ жи-

тейскихъ благъ; ищите прежде пищи для души, а тѣлесную пищу Богъ, и безъ усильнаго исканія, подастъ вамъ; ищите ризы оправданія душѣ, а Богъ не оставитъ безъ защиты вашего тѣла: *вѣстъ бо Отецъ вашъ Небесный, яко требуете сихъ всѣхъ* (Матѳ. VI, 32). Что Богъ не только безъ нашихъ усилій и излишнихъ заботъ можетъ подать намъ все нужное для тѣла, но и безъ всякаго труда нашего можетъ даровать то, свидѣтельствуетъ о томъ манна, которую посылалъ Онъ избранному народу Своему въ пустынѣ; свидѣтель тому Илія, который питался отъ врана; свидѣтели многіе угодники Божіи, которые многіе годы проводили въ необитаемыхъ пустыняхъ. Ужели Богъ, подающій намъ вѣчныя блага, пожалѣетъ дать намъ временныя? нѣтъ, послѣднія ничего не стоитъ Ему даровать праведнымъ: Онъ подаетъ ихъ и грѣшнымъ, *сіяя солнце Свое на злыя и благія и дождя на праведныя и неправедныя* (Матѳ. V, 45). Но вѣчныя блага Онъ не можетъ даровать всякому, даровать ихъ безъ нашего исканія; здѣсь Онъ говоритъ: ищите, подвизайтесь, а о временныхъ благахъ напротивъ: *не печытеся душею вашею, что ясте или что піете, ни тѣломъ вашимъ, во что облечетеся* (Матѳ. VI, 25). Впрочемъ, не думай, чтобы Спаситель хотѣлъ отнять у насъ законныя средства для пріобрѣтенія благъ земныхъ; Онъ хочетъ отсѣчь только излишнія и незаконныя пріобрѣтенія, запрещаетъ неумѣренныя желанія, непомѣрныя заботы о житейскомъ. Не жалѣйте трудовъ, не щадите ничего для снисканія спасенія: это должно быть первою и главною цѣлью нашею, а все прочее почитайте маловажнымъ; все прочее, что̀ нужно, безъ усильнаго труда, дастся намъ. Какимъ образомъ? Когда будемъ преимущественно заботиться о душѣ, то у насъ не будетъ суетныхъ желаній для тѣла, не будетъ многихъ прихотей и пристрастій, которыя умножаютъ мнимыя и ложныя потребности наши. Тогда и Богъ лучше поможетъ намъ во всемъ и самые малые труды наши благословитъ сторичнымъ плодомъ, все устроитъ такъ, что мы не будемъ имѣть ни въ чемъ нужномъ недостатка.

Вѣрно, свято и совершенно истинно слово Господа нашего: *ищите прежде Царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ!* (Воскр. Чт., г. II, стр. 94—96.)

Избранныя мѣста изъ твореній св. отцевъ на VI главу Ев. Матѳея.

Св. Исидора Пелусіота о томъ, что не должно творить милостыню предъ человѣки. ст. 1-й.

Въ собственномъ смыслѣ милостивъ тотъ, кто оказываетъ благодѣяніе, но не разглашаетъ о бѣдствіяхъ страждущихъ. Если дѣлаетъ добро ради самаго добра, то заслуживаетъ бо́льшую награду, нежели дѣлающій это ради награды. А если дѣлаетъ ради Божественной награды, то будетъ поставленъ во второмъ ряду. И если дѣлаетъ ради похвалы, то и получитъ то, ради чего сдѣлалъ. Но кто не дѣлаетъ должнаго, ни ради самаго добра, ни ради Божіей награды, ни ради человѣческой похвалы; тотъ, по моему мнѣнію, даже и не человѣкъ, а злой демонъ. Итакъ, по какой же причинѣ, выслушавъ Божественный глаголъ, повелѣвающій: *не творити милостыни предъ человѣки*, ты, не соглашаясь самъ дѣлать что либо по славолюбію, обвиняешь дѣлающихъ изъ честолюбія? Сколько сохраняющій цѣломудріе ради славы человѣческой выше не пребывающаго въ цѣломудріи даже и ради славы, столько же дѣлающій по славолюбію лучше вовсе недѣлающаго; потому что первый сты-

дится людей, а послѣдній не стыдится ни людей, ни Бога. (Тв. св. оо., т. XXXV. Тв. св. Исидора Пелусіота, ч. II, стр. 428.)

Его же на слова: да просвѣтится свѣтъ вашъ (Матѳ. V, 16), **и что не противорѣчитъ сіе сказанному: внемлите милостыни вашея и проч.** (VI, 1).

Хотя совершающимъ добрыя дѣла, когда дѣла сіи бываютъ явны, служитъ то въ пользу; почему и Спаситель сказалъ: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ:* однакоже, поелику иные имѣютъ въ виду при семъ не Владычное слово, но свою славу, Спаситель далъ такой совѣтъ: *внемлите милостыни вашея не творити предъ человѣки: аще ли же ни, мзды не имате.* Первыми словами выражается благонравіе и любовь къ добру, которыя не могутъ укрыться, когда бы и хотѣли сего дѣлающіе; а вторыми обуздывается славолюбіе. Въ первыхъ Господь воспрещаетъ порокъ, а въ послѣднихъ—желаніе дѣлать на показъ. Послѣднее не противорѣчитъ первому; но воспрещаетъ пороки, какъ-бы неразрывно слѣдующіе за добродѣтелями. Всякая добродѣтель, совершаемая не на показъ, въ собственномъ смыслѣ можетъ быть названа, и дѣйствительно есть добродѣтель. Если же увлекается въ славолюбіе, то перестаетъ быть истинною добродѣтелью. Ибо умалчиваю о томъ, что подающіе милостыню на показъ, не по добролюбію сіе дѣлаютъ, но чтобы выставить на позоръ чужія бѣдствія. Услаждаясь тѣмъ, что именуются милостивыми, не отказываются они преувеличивать чужія злополучія. А сіе: *да просвѣтится свѣтъ вашъ*—сказано не съ тѣмъ, чтобы мы величались, но въ томъ смыслѣ, что дѣлу доброму невозможно быть умолчану, если бы и скрывали дѣлающіе. Какъ свѣтильникъ, показавшись въ безлунную ночь, самъ собою обращаетъ къ себѣ взоры; такъ и добродѣтель, противъ воли обладающихъ ею, обыкновенно озаряетъ всѣхъ. (Тв. св. оо., т. XXXVI. Тв. св. Исидора Пелусіота, ч. III, стр. 71.)

Св. Аѳанасія Александрійскаго на 3-й ст.

Тебѣ же творящу милостыню, говоритъ Спаситель, *да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя;* то есть, пусть не знаютъ плотскія изволенія, что совѣщаваетъ Духъ Святый. Но возможно ли творящему милостыню сдѣлать, чтобы шуйца его не споспѣшествовала въ дѣлѣ благотворенія? Безъ сомнѣнія надобно, чтобы у всякаго обѣ руки одна другой содѣйствовали въ благотвореніи. И когда лѣвая рука держитъ деньги, или кошелекъ, тогда правая сѣетъ прекрасное сѣмя на нивѣ сердца нищихъ, чтобы пожать не колосъ, держащійся на соломенномъ стеблѣ, но вѣчную и безсмертную жизнь, утвержденную на крестѣ. Единородный же хощетъ, чтобы плотскіе помыслы, не знали, что творитъ десница Святаго Духа, и чтобы они не воспрепятствовали, какъ ни есть, благому преднамѣренію и щедрому произволенію, сказавъ: «на многіе годы должно намъ имѣть для себя пищу и деньги на расходы, и разныя одежды, и убранные домы, и серебряный приборъ для стола, и деревни, и поля для доходовъ». Ибо десная часть Святаго Духа вовсе не заботится о всемъ этомъ и не вожделѣваетъ сего, вѣруя Владычнему слову: *ищите прежде Царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. VI, 33). Въ семъ смыслѣ пусть шуйца не знаетъ, что творитъ десница.

Ибо когда умъ съ твердымъ и усильнымъ желаніемъ угодить Богу, всемѣрно стремясь не уклониться отъ должнаго, подвизается законно; тогда не имѣетъ онъ мысли ни о какомъ другомъ членѣ, кромѣ полезнаго ему въ предложенномъ дѣлѣ, какъ и художникъ во всякое время имѣетъ въ виду одно полезное ему орудіе. Притомъ, если въ вѣрѣ нѣтъ никакой причины къ невѣрію, если свѣтъ по природѣ своей не бываетъ причиною тьмы, ежели діаволъ не смѣетъ появляться со Христомъ; то явно, что противное разуму несовмѣстно съ разумомъ. А если противное разуму не можетъ быть соглашено съ разумомъ, то возведенный въ разумъ добродѣтелей не знаетъ положенія, противнаго сему разуму, познаетъ же одну добродѣтель. И посему, не знаетъ онъ ни десницы въ преизбыткѣ, ни шуйцы въ недостаткѣ, потому что въ обѣихъ явно видитъ противное разуму. (Тв. св. оо., т. XXIV. Тв. св. Аѳанасія Алекс., ч. IV, стр. 480—481.)

Св. Исидора Пелусіота на тотъ же стихъ.

Не въ тайнѣ и сокровенности положенъ этотъ Божій законъ, повелѣвающій: *да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя;* напротивъ того, не теменъ, а весьма ясенъ и очевиденъ онъ для внимательныхъ. Поелику во слѣдъ за добрымъ дѣломъ идетъ у насъ тщеславіе и желаніе показать себя, то Господь говоритъ: ни одно доброе дѣло да не совершается у тебя страстно, и преспѣяніе твое да не сопровождается кичливымъ помысломъ; но если дѣлаешь что хорошо, не выставляй себя на показъ, не величайся, не гонись за здѣшними рукоплесканіями, а ожидай будущихъ вѣнцевъ. (Тв. св. оо., т. XXXV. Тв. св. Исидора Пелус. Ч. I, стр. 60.)

Св. Василія Великаго на 6-й ст.

Какая это *клѣть*, въ которую Господь повелѣваетъ войти молящемуся? *Клѣтію*, обыкновенно, называется пустая и отдѣльная храмина, въ которую кладемъ, что̀ хотимъ сохранить, или въ которой можно скрыться, по сказанному у пророка: *идите, людіе Мои, внидите въ храмину вашу, укрыйтеся* (Исаія XXVI, 20). А силу заповѣди объясняетъ самый предметъ рѣчи, потому что она обращена къ страждущимъ недугомъ человѣкоугодія. Почему если кого безпокоитъ этотъ недугъ, то прекрасно онъ дѣлаетъ, устраняясь и уединяясь въ молитвѣ, пока не будетъ въ состояніи пріобрѣсти навыкъ не обращать вниманія на похвалы людскія, а взирать только на Бога, по примѣру сказавшаго: *се яко очи рабъ въ руку господій своихъ, яко очи рабыни въ руку госпожи своея: тако очи наши ко Господу Богу нашему* (Псал. CXXII, 2). Но если кто по благодати Божіей чистъ отъ недуга сего, то нѣтъ ему необходимости скрывать прекрасное; чему научая, Самъ Господь говоритъ: *не можетъ градъ укрытися, верху горы стоя. Ниже возжигаютъ свѣтильника и поставляютъ его подъ спудомъ: но на свѣщницѣ, и свѣтитъ всѣмъ, иже во храминѣ. Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. V, 14—16). Тотъ же смыслъ заповѣди о милосердіи и о постѣ, о которыхъ говорится въ томъ же мѣстѣ, и вообще о всякомъ дѣлѣ благочестія. (Тв. св. оо., т. IX. Тв. св. Василія Вел., ч. V, стр. 355.)

Св. Аѳанасія Александрійскаго на ст. 7, 19—20 и 25.

Ст. 7. *Молящеся же не лишше глаголите.* Выражаетъ симъ Господь, что

непріятны Ему молитвы долгія, а не частыя. Ибо Самъ повелѣваетъ молиться непрестанно.

Христосъ говоритъ: (ст. 19.) *не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, идѣже червь и тля тлитъ, и идѣже татіе подкапываютъ и крадутъ:* (20)—*скрывайте же себѣ сокровище на небеси, идѣже ни червь, ни тля тлитъ, и идѣже татіе не подкапываютъ, ни крадутъ.* Слышавшіе сіи слова говорили: «совѣтъ весьма хорошъ, и похвальна мысль,—настоящія блага жизни полагать лучше не на землѣ, но въ сокровищницѣ на небесахъ. Впрочемъ, какъ же положить на небеса серебро и золото? Мы не имѣемъ на сіе возможности. Небо очень высоко, и намъ не достать его рукой. Не видимъ и лѣствицы, которую видѣлъ патріархъ Іаковъ, чтобы взойти по ней и положить на небеса, что̀ есть у насъ». Но Господь учитъ: хотя небо и очень высоко, однакоже можете полагать на него некрадомое сокровище правды. Дай бѣдному и нищему, что̀ нужно ему, и найдешь, что все это цѣлымъ, неоскверненнымъ, нерастлѣннымъ соблюдется на небѣ. Есть же у тебя и лѣствица, возводящая съ земли на небо—спасительный крестъ,—есть и ступени на ней—догматы пречистыхъ Евангелій. И такъ, восходи по онымъ въ небесныя обители, чтобы прославиться на вѣкъ. Но будь также внимателенъ къ сказанному Мною.

Ст. 25. *Не душа ли больши естъ пищи, и тѣло одежди?* Душа превосходнѣе пищи, поколику она есть жизненный духъ, а пища—нѣчто земное и удоборазлагаемое. И тѣло превосходнѣе одежды, потому что оно есть дѣло рукъ Божіихъ;—а одежда—волна съ безсловеснаго животнаго. Поэтому, если, по милости Всеблагого, сподобились мы имѣть лучшее и важнѣйшее, то тѣмъ паче будемъ изобиловать менѣе важнымъ и низшимъ. (Тв. св. оо., т. XXIV. Тв. св. Аѳанасія Алекс., ч. IV, стр. 481—482.)

Св. Василія Великаго на ст. 17—18.

Поелику Господь сказалъ: *ты же постяся, помажи главу твою и лице твое умый, яко да не явишися человѣкомъ постяся;* что̀ дѣлать когда и противъ воли дѣлается видимымъ для людей, кто желаетъ поститься по какой-нибудь угодной Богу причинѣ, какъ, видимъ, нерѣдко поступали и святые?

Заповѣдь сія касается тѣхъ, которые стараются исполнять заповѣдь Божію на показъ людямъ, чтобы удовлетворить страсти человѣкоугодія. Ибо о томъ, что заповѣдь Господня, исполненная въ славу Божію, естественнымъ образомъ не можетъ укрыться отъ боголюбцевъ, Господь Самъ объявилъ, сказавъ: *не можетъ градъ укрытися верху горы стоя, ниже вжигаютъ свѣтильника и поставляютъ его подъ студомъ,* и т. д. (Матѳ. V, 14—15). (Тв. св. оо., т. IX. Тв. св. Василія Вел., ч. V, стр. 320.)

Его же на ст. 31-й.

Поелику Господь повелѣваетъ не заботиться о томъ, что̀ ямы, или что̀ піемы, или чимъ одеждемся; то до чего простирается сія заповѣдь, или какъ въ точности выполняется?

Заповѣдь сія, какъ и всякая другая, простирается даже до смерти; потому что Господь послушливъ былъ даже до смерти. Выполняется же она при упованіи на Бога. Ибо Господь, запретивъ заботиться, присовокупилъ обѣтованіе, говоря: *вѣстъ бо Отецъ вашъ,* въ чемъ имѣете нужду, прежде нежели попросите у Него (Матѳ. VI, 32). Таковъ былъ Апостолъ, который говоритъ: *осужденіе смерти имѣхомъ, да не на-*

дѣющеся будемъ на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя (2 Коринѳ. I, 9), то есть, по душевной рѣшимости и готовности ежедневно умиралъ я, но былъ соблюдаемъ Божіимъ благоволеніемъ. Потому съ дерзновеніемъ говорилъ: *яко умирающе, и се живи есмы* (2 Коринѳ. VI, 9). Рѣшимости таковой способствуетъ пламенное рвеніе и ненасытимое вожделѣніе исполнять заповѣди Господни; обладаемый симъ желаніемъ не имѣетъ и досуга разсѣяваться попеченіемъ о потребностяхъ тѣлесныхъ (тамъ же, стр. 312).

Его же на ст. 34-й.

Поелику есть Господня заповѣдь: *не пецытеся на утрей* (34); то какъ здраво разумѣть сію заповѣдь; ибо видимъ, что много у насъ попеченія о потребномъ на нужды, даже запасаемъ и то, чего достаточно было бы и на болѣе долгое время?

Кто принялъ ученіе Господа, сказавшаго: *ищите прежде Царствія Божія и правды его*, и не сомнѣвается въ истинѣ обѣтованій Того, Кто присовокупилъ: *и сія вся приложатся вамъ* (33); тотъ не приводитъ въ бездѣйствіе душу житейскими заботами, которыя подавляютъ слово и дѣлаютъ его безплоднымъ (Матѳ. XIII, 22); но, подвизаясь добрымъ подвигомъ благоугожденія Богу, вѣруетъ Господу, сказавшему: *достоинъ есть дѣлатель пищи своея* (Матѳ. X, 10), и ни мало не безпокоится о ней; работаетъ же и заботится не ради самого себя, но ради Христовой заповѣди, какъ показалъ и научилъ Апостолъ, сказавъ: *вся сказахъ вамъ, яко тако труждающимся подобаетъ заступати немощныя* (Дѣян. XX, 35). Ибо заботиться ради самого себя значитъ обвинять себя въ самолюбіи; а заботиться и работать ради заповѣди значитъ пріобрѣтать похвалу за христолюбивое и братолюбивое расположеніе (тамъ же, стр. 350).

Библіографическій указатель къ VI гл. Ев. Матѳея.

О милостынѣ (1—4 ст.)

Святоотеческія толкованія.

1) *Св. Іоанна Златоуста* о томъ, что милостыня есть самая Богоугодная жертва. Воскресное Чтеніе, г. XXI. 255—257. 283—284.

2) *Преп. Исидора Пелусіота* на слова: *милостыни вашея не творите предъ человѣки, да видими будете* (ст. 1). Часть III-я. 141—142.

3) *Св. Василія Великаго* о томъ, какъ должно творить милостыню, т. IV. 194. Въ подаяніи милостыни нужна разборчивость, т. VI. 320.

4) *Св. Ефрема Сирина* о любви къ милостынѣ. Тв. святыхъ отцевъ, т. XIV. Твор. Ефрема Сирина, ч. III-я, 37.

5) Отвѣтъ *св. Іоанна Милостиваго* на вопросъ о подаяніи милостыни. Воскресное Чтеніе 1885 г. 383.

6) *Препод. Исаака Сирина.* Въ чемъ состоитъ милостыня? Слова подвижническія. М. 1858 г. 401—402. 443. Сравненіе милостыни съ безмолвіемъ. 414. Обязанность творить милостыню лежитъ преимущественно на живущихъ въ мірѣ. 82. 85. Она приближаетъ къ Богу 412, приводитъ въ общеніе съ Нимъ 9, врачуетъ душу 254. Милостыни не принимаетъ Богъ отъ блуднаго 421. 422. Не должно отказывать въ ней никому 427. 428. Не различать достойныхъ и недостойныхъ 413. Должно подавать ее съ видомъ ласковымъ. 413. 602.

7) *Св. Аѳанасія Александр.* на ст. 1, т. IV. 479.

Новѣйшія толкованія:

8) На ст. 2. Какъ нужно дѣлать добро. Воскресное Чтеніе 1873 г. II. 188—189.

9) Ст. 3. Душеп. Чт. 1860 г. II. 167.

10) О милостынѣ. Воскресное Чтеніе 1885 г. 769—776. 785—791. 1884 г. 780—784.

О молитвѣ (5—15).

Святоотеческія толкованія:

11) *Св. Іоанна Златоустаго* о томъ, какъ должно молиться (ст. 6). Воскресное Чтеніе, ч. V. 445—447.

12) Его же о томъ, что должно просить у Бога болѣе духовныхъ благъ, нежели чувственныхъ. Воскресное Чтеніе, г. XV. 152.

13) Его же Бес. на Матѳея. VI, 9—15. Христ. Чт. 1840 г. I. 146—174.

14) *Св. Василія Великаго.* Что такое молитва? т. IV. 68—69. Виды оной. V. 381. Молитвѣ внутренней не препятствуетъ внѣшняя дѣятельность. 177. 178. Предметъ молитвы. II. 61. V. 381. 383. VII. 291. Польза молитвы. VI. 357. 358. Дѣйствительность общественной молитвы. 228. Необходимость непрестанной молитвы. IV. 68—69. Нужна ли молитва, тогда какъ Богъ и прежде молитвы нашей знаетъ нужды наши? V. 388. Молитва нужна въ часъ смертный. III. 444. Условія успѣшной молитвы. V. 385. и слѣд. Нужны неотступность и постоянство въ молитвѣ. 384. 386. 388. Какъ достигнуть неразсѣянности въ молитвѣ? 310. Отчего молитва остается иногда не услышанною? 388. И продолжительная молитва, совершаемая безъ усердія, безуспѣшна. II. 61. Для чего Богъ медлитъ иногда исполненіемъ молитвъ нашихъ. V. 389. Почему молитва святыхъ остается иногда не услышанною? 339—341. Почему молитвы Іудеевъ безуспѣшны? II. 62. Не должно прекращать молитвы, когда во время оной смущаютъ лукавые помыслы. V. 425. 426.

15) *Св. Григорія Богослова.* Молитва восходитъ до неба. I. 280. Сила молитвы I. 205, родительской I. 247. 248. II. 131. Для молитвеннаго бесѣдованія съ Богомъ нужна чистота духа III. 258. Скорость Божіей помощи молящемуся II. 90.

16) *Св. Ефрема Сирина* о молитвѣ. Тв. М. 1859 г., ч. III. 658 и 17. Почему Богъ одни прошенія наши пріемлетъ, а другія отвергаетъ, ч. V. 235. Воскресное Чтеніе 1885 г. 538—541.

17) *Св. Исаака Сирина.* Что такое молитва? 91. 243. 267. 299. 477. 478. Молчаніе чистыхъ есть молитва. 152. Различіе между молитвою и созерцаніемъ. 90. Молитва выше милостыни. 203. Выше дѣлъ любви къ ближнимъ 84. Виды молитвы 89—91. 243. Молитва чистая и нечистая. 92. Духовная. 92. Наименованіе ея у святыхъ отцевъ 92. 93. Въ какомъ смыслѣ называется духовною? 152. 153. Чистая молитва предѣлъ всякой молитвы 89. Ниспосылается Духомъ Святымъ 99. Ея достигаютъ немногіе. Высшія состоянія духа во время молитвы. 93. 94. 96. 98. 99. 154. 416. Что такое молитва святыхъ въ жизни будущей 294. Непрестанная молитва есть признакъ будущаго совершенства 152. Побужденіе къ молитвѣ 293. 294. Какова должна быть молитва? 75. Должна быть смиренна. 310. 311, постоянна 16, требуетъ упражненія 242. Ключи къ ней—движеніе языка и сердца 89. Предметъ молитвы долженъ быть достоинъ Бога 38. Она должна быть сообразна съ требованіями жизни 40. Какъ укрощать помыслы во время молитвы. 334. 335. Не должно увлекаться въ молитвѣ посторонними разсужденіями 199. 200. Какъ поступать при холодности къ молитвѣ? 595. Должно ли просить у Бога благъ временныхъ? 38. 39. 173 и высокихъ дарованій благодатныхъ? 372. Пренебреженіе къ молитвѣ даетъ входъ бѣсамъ въ сердце 519. Какъ діаволъ постепенно производитъ охлажденіе къ молитвѣ? 541. Молитвѣ способствуетъ отшельничество 242. 243. Богу доступна молитва смиреннаго. 452. А кто не почитаетъ себя грѣшникомъ, того молитва Богомъ не пріемлется 371. Для чего Богъ не вдругъ исполняетъ молитву 40. 479. 480. Благотворныя дѣйствія молитвы. 53, 242. 477. 478. Почему высшія состоянія духовныя даруются во время молитвы? 96. Молитва ключъ къ уразумѣнію Писанія 583. Отгоняетъ худые помыслы 444. Истребляетъ страсти 490. Привлекаетъ вниманіе Ангеловъ 38. Прогоняетъ бѣсовъ 58. Даруетъ дерзновеніе предъ Богомъ 432. Ведетъ къ видѣнію свѣта Божественнаго 57. 58. 416. Образцы молитвы. 238, 234—236. 531. 532. Молитва къ распятому Спасителю. 505. 506. Примѣръ нощныхъ моленій 70. 71.

18) *Св. Іоанна Лѣствичника.* Наставленія о молитвѣ. Лѣствица сл. 28, п. 2—16. 22—24. 26—27. 29. 39. 48. 54. 56.

19) *Его же.* Отчего часто молитвы наши не бываютъ услышаны. Сл. 26, п. 59 и 60.

20) *Св. Іоанна Златоустаго.* Изъясненіе молитвы Господней въ Бес. на слова: *узкая врата и тѣсный путь, вводяй въ животъ* (Матѳ. VII, 14). Бес. на разныя мѣста Священнаго Писанія, т. II. 68—76. Бес. на Матѳ. VI, 9—15. Христ. Чт. 1840. I. 146—174.

21) *Св. Кипріана Карѳагенскаго.* Бесѣда о молитвѣ Господней. Христ. Чт. 1839 г. I. 131.

22) *Трактатъ Тертулліана* о молитвѣ Господней. Тр. Кіевской Духовной Академіи 1865 г. I, 419—438.

23) *Блаженнаго Августина.* Изъясненіе молитвы Господней. Воскресное Чтеніе, г. VII. 217—219. 225—228.

24) *Св. Григорія Нисскаго.* О молитвѣ Господней. Христ. Чт. 1834 г. III. 246—263. Воскресное Чтеніе, г. VI. 79—83. Тв. Григорія Нисскаго, ч. I. 380—499. Тв. святыхъ отцевъ, т. XXXVII.

25) *Преп. Исидора Пелусіота* на слова: Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ, ч. I. 60. Его же на молитву Господню: Отче нашъ, ч. II. 61—62. 411—413. Его же на слова: отпускайте, и будетъ отпущено вамъ (ст. 14), ч. III. 100—101.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

26) Молитва по ученію *Климента Александрійскаго. К. Попова.* Воскресное Чтеніе 1883 г. 287—288.

27) Сила и дѣйственность христіанской молитвы по изображенію *Тертулліана.* Воскресное Чтеніе 1879 г. 373.

28) Мысли святыхъ отцевъ о молитвѣ. Воскресное Чтеніе, г. II. 263—266.

29) *Орды.* Непремѣнно нужно молиться Богу. Воскресное Чтеніе 1882 г. 357—360.

30) *Прот. Нечаева.* На ст. 7—8. Многоглаголаніе въ молитвѣ. Душеп. Чт. 1876 г. III. 112—117.

31) *А. Хойнацкаго.* Историческое происхожденіе молитвы Господней и ея мѣсто въ системѣ христіанскаго ученія о надеждѣ (изъ историческаго Катихизиса). Воскресное Чтеніе 1872 г. № 9. 141.

32) О древнемъ употребленіи молитвы Господней. Воскресное Чтеніе III. 29—32.

33) Молитва Господня на языкахъ Россіи. Чт. въ Общ. 1871 г. Январь. Руководство для сельскихъ пастырей 1871 г. I. № 9. 309—311.

34) *Прот. Нечаева.* Употребительнѣйшія церковныя молитвы. Молитва Господня. (Изъясненіе ея). Душеп. Чт. 1863 г. I, 3—19. 111. 67—80.

35) *Свящ. Владимірскаго.* Хлѣбъ насущный. Душеп. Чт. 1875 г. I. 54—66.

36) Молитва Господня. Краткое изъясненіе содержанія ея для дѣтей. Воскресное Чтеніе XXXIII. II. 600—605; 635—638; 649—657; 660—695.

37) *Заикина.* Объясненіе молитвы Господней. Чт. въ Общ. 1882 г. I. 39—58.

38) Молитвенныя воздыханія къ Богу, внушенныя молитвою Господнею. Воскресное Чтеніе, г. VI. 255—258; 260—266.

39) Размышленіе съ дѣтьми о молитвѣ Господней. Воскресное Чтеніе, г. XXIX. 1009—1014. 1078—1083. 1100—1103. 1103—1106. 1124—1128. 1128—1131. 1156—60. 1179—82. 1189.

40) Размышленія о молитвѣ Господней. Христ. Чт. 1822 г. VI. 318—341. VIII. 357—362. Тамъ же 1827 г. XXV. 244—245.

41) *Аристова.* Значеніе молитвы въ нашей духовной жизни. Воскресное Чтеніе 1880 г. 129—131.

42) *Епископа Θеофана.* Мысли на 14—15 ст. 55.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

43) Ст. 8. *Филарета, митроп. Московскаго.* Нужно ли молиться, когда Богъ знаетъ наши нужды прежде прошенія нашего? III. 93—95.

44) Ст. 9—13. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Бесѣды о молитвѣ Господней. IV. 1—25.

45) Ст. 14—15. *Леонтія, архіеп. Варшавскаго.* О прощеніи обидъ. I. 138—140.

О постѣ (15—18).

Святоотеческія толкованія.

46) На ст. 17. *Преподобн. Максима Исповѣдника.* Воскресное Чтеніе, г. IX. 101.

47) *Св. Іоанна Златоуста.* О постѣ. Воскресное Чтеніе, 1885 г. 82—93.

48) *Св. Василія Великаго.* Въ чемъ состоитъ постъ истинный. IV. 15—28 и угодный Богу II. 53. Какъ должно встрѣчать постъ? IV. 1. 2 и проводить оный? V. 277. Мѣра и время поста V. 276. 277. Не должно продолжать поста до совершеннаго разслабленія тѣла. II. 56. V. 396—399. 405. 406. Надобно ни трудовъ не оставлять ради поста, ни поста ради трудовъ. V. 281. Польза поста. II. 53. IV. 2. 6—9. 25. Онъ полезенъ всегда, вездѣ и для всѣхъ. IV. 19. 20. 23. 24. 26. Онъ укрѣпляетъ въ брани съ діаволомъ IV. 19, поддерживаетъ здравіе въ тѣлѣ IV. 5, и внѣшній видъ человѣка дѣлаетъ почтеннымъ IV. 15. Тѣлесные недуги и немощи не препятствуютъ соблюденію поста. IV. 4. 5. Изображеніе постника. VI. 121.

49) *Св. Григорія Богослова* постъ христіанъ предъ Пасхою III. 303. Сорокадневный IV. 348. Знаменованіе онаго III. 303.

50) *Св. Ефрема Сирина* о постѣ. Твореніе, часть III. 25—26, часть IV. 138—142.

51) *Св. Исаака Сирина.* Древность поста 132. Польза поста 130—132. 270. 534. Оружіе противъ діавола 132. 133. За трапезою постящихся возлежитъ Христосъ и осѣняютъ пищу Ангелы. 62. Малое нарушеніе поста ведетъ къ неумѣренности 542. Сила поста ослабляется бесѣдою съ людьми. 64. 208.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

52) *Свящ. П. Красовскаго.* Христіанскій постъ. Дом. Бес. 1871 г. Вып. 12. 402—405.

53) Недѣля сыропустная (Матѳ. 14—21). Воскресное Чтеніе, г. XXV. 1124—1125.

54) *Владиміра Соловьева.* Религіозныя основы жизни, часть I-я. О молитвѣ, милостынѣ и постѣ.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ:

55) Ст. 18. *Филарета, митроп. Московскаго.* О скромной, тихой и сокровенной жизни Божіей Матери. Правило: будь, а не кажись". III. 193. 200.

О непривязанности къ міру (19—34 ст.).

Святоотеческія толкованія.

56) Ст. 22—33. *Блаженнаго Іеронима* изъясненіе Евангелія въ 3-ю нед. по Пятидесятницѣ. Воскресное Чтеніе, г. XVIII. 101—102.

57) *Св. Іоанна Златоуста* изъ Бес. на Матѳея VI, 31—33 ст. Воскресное Чтеніе, г. XVI. 89—91.

58) *Св. Аванасія Александрійскаго* на 33 ст., ч. IV. 483.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

59) На ст. 24. *Свящ. В. Лебедева.* Душеп. Чт. 1860 г. I. 198—201.

60) Размышленіе на Матѳея VI, 24, 31—32. Христ. Чт. 1852 г. II. 371—374.

61) *Мамона.* Биб. пол. сл. Воскресное Чтеніе, 1876 г. II. 144.

62) *Св. Иринея Ліонскаго.* Не можете Богу работати и мамонѣ. Отвѣтъ на возраженія, заимствованныя изъ этого ст. Христ. Чт. 1838 г. II. 267.

63) Ст. 24—34. Не безпокойтесь. Воскресное Чтеніе, 1873 г. I. 89—91.

64) *А. Розова.* Не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ. Воскресное Чтеніе, 1881 г. 465—466.

65) *Арх. Германа* (25—33 ст.). Житейскія заботы. Духовн. Бес. 1863 г. XVIII. 339—347.

66) Ст. 25. Не пецытеся душею вашею, что̀ ясте, или что̀ піете... Воскресное Чтеніе, г. XXIV. 197—198, г. XVIII. 103. *Пѣвницкаго.* Тамъ же 1883 г. 279—282.

67) Видимая природа, какъ училище самопознанія (22—33 ст.). Воскресное Чтеніе, г. III. 276—280.

68) *Епископа Ѳеофана* мысли на ст. 22—23 и 31. Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ. 192 и 175.

69) *Свящ. Голубинскаго.* Одежда христіанина. Матѳея VI, 25. Воскресное Чтеніе, ч. II. 98—101.

70) *Свящ. В. Владимірскаго.* Птицы небесныя (ст. 26). Душеп. Чт. 1871 г. II. 119—138; 216—240.

71) *Крин*ъ (28—29). См. въ ст. Луговыя травы, упоминаемыя въ Священномъ Писаніи. Душеп. Чт. 1866 г. III. 217—219.

72) Ст. 28—30. Христ. Чт. 1823 г. 341—359.

73) Ст. 34. Христ. Чт. 1856 г. II. 261—272.

74) Ст. 33. Воскресное Чтеніе, г. XIX. 110.

75) Ст. 34. Тамъ же, г. II. 157.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

76) Ст. 25. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Какія заботы о земномъ преступны? II. 64.

77) Ст. 33. *Григорія, архіеп. Казанскаго.* Чего намъ искать? II. 299—306.

78) Ст. 33. *Филарета, митроп. Московскаго.* О предпочтительномъ исканіи Царствія Божія и правды его. II. 284—287.

О грѣхѣ осужденія ближнихъ св. Аѳанасія Александрійскаго (Матѳ. VII, 1—5).

Не судите, да не судими будете. Имже судомъ судите, судятъ вамъ: и въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ (1—2). Господь говоритъ, что одно и то же и въ разной мѣрѣ терпятъ, и кто судитъ, и кто мѣряетъ; впрочемъ, говоритъ сіе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ еретики, обманывая сами себя, *и не разумѣюще, ни яже глаголютъ, ни о нихже утверждаютъ* (1 Тимоѳ. I, 7). Ибо, разрѣшая за деньги приносящихъ неразумное и гибельное покаяніе, готовы они утверждать, что не должно судить и того, кто сдѣлалъ смертный грѣхъ, потому что Господь сказалъ: *не судите, да не судими будете.* Но если это дѣйствительно такъ, какъ утверждаютъ они; то, безъ сомнѣнія, подверглись осужденію праведный Ной, который осмѣятеля Хама осудилъ быть рабомъ братій; и Моисей, осудивъ собиравшаго дрова въ субботу, повелѣлъ побить его камнями внѣ стана; и преемникъ его Іисусъ, осудивъ Ахара за татьбу, истребилъ со всѣмъ домомъ; и Финеесъ, осудивъ Замврія за блудодѣяніе, пронзилъ сулицею; и Самуилъ царя Амаликитянъ Агага предалъ смерти предъ Господомъ; и Илія, осудивъ лжепророковъ, какъ свиней заклалъ при потокѣ; и Елисей, осудивъ Гіезія за принятіе денегъ, наказалъ проказою; и Даніилъ, осудивъ похотливыхъ старцевъ за клевету, наказалъ по закону Моисееву; и Петръ, пріявъ ключи Небеснаго Царствія, когда Ананія съ женою утаили часть собственнаго своего достоянія, осудивъ за это, сдѣлалъ, что пали они мертвыми; и Павелъ осудилъ ковача Александра, сказавъ: *да воздастъ ему Господь по дѣламъ его* (2 Тимоѳ. IV, 14), а Именея и Филата предалъ сатанѣ, *да накажутся не хулити* (1 Тимоѳ. I, 20), Коринѳскія же Церкви обвинялъ въ томъ, что не судятъ, сказавъ: *тако ли нѣсть въ васъ мудръ ни единъ иже можетъ разсудити между братій своихъ? Не вѣсте ли, яко ангеловъ судити имамы* (1 Коринѳ. VI, 5, 3)? Итакъ, если всѣ праведные судили, и не были сами судимы, паче же, избраны на духовное служеніе; то почему же не должно судить, какъ говорятъ еретики? Господь сказалъ: *не судите, да не судими будете,* не для того, чтобы мы поступали въ чемъ, или дѣлали что, безъ суда, но имѣя въ виду фарисеевъ и книжниковъ, которые судили другъ друга, но не исправляли сами себя. Такъ, напримѣръ: убійцу по закону осуждали на смерть, а сами беззаконно убивали пророковъ; прелюбодѣю опредѣляли казнь, какъ прелюбодѣю, сами же какъ кони женонеистовые ржали на чужихъ женъ; татя осуждали, когда сами были похитителями чужихъ достояній, и оцѣживали комаровъ, велбудовъ же пожирали. А что таковы были фарисеи и книжники, явствуетъ изъ слѣдующихъ за симъ словъ, сказанныхъ Господомъ.

Что видиши сучецъ, иже во оцѣ брата твоего, бервна же, еже есть во оцѣ твоемъ, не чуеши? Или како речеши брату твоему, остави, да изму сучецъ изъ очесе твоего: и се бервно во во оцѣ твоемъ? Лицемѣре, изми первѣе бервно изъ очесе твоего: и тогда узриши изъяти сучецъ изъ очесе брата твоего (3—5). Если у самого тебя въ окѣ бервно непотребства, то можешь ли предостеречь брата своего отъ сучьца малаго грѣха? Богомудрый Павелъ, пиша къ Римлянамъ, о таковыхъ лицемѣрахъ, пріемлющихъ на себя видъ благочестія, говоритъ: *научая убо иного, себе ли не учиши? проповѣдая не кра-*

сти, крадеши? глаголяй не прелюбы творити, прелюбы твориши? гнушаяся идолъ, святая крадеши? Иже въ законѣ хвалишися, преступленіемъ закона Бога безчествуеши (Римлян. II, 21—23); и еще: *имже бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши: тожде бо твориши судяй.* Такъ преступившіе законъ Пасхи преступленіемъ сего закона безчестятъ Христа, Господа Пасхи. Посему кто осуждаетъ за что либо другаго, а самъ дѣлаетъ то же, тотъ осуждаетъ себя самого. Такъ и два старца, судившіе Сусанну, какъ прелюбодѣйцу, сами по закону Моусееву осуждены, какъ прелюбодѣи. И фараону возмѣрено тою же мѣрою, какою онъ мѣрялъ. Поелику ввергалъ онъ въ рѣку младенцевъ, то и самъ погибъ, потонувъ въ Чермномъ морѣ. И архіереи, убившіе Захарію у жертвенника, сами при жертвенникѣ побиты Римлянами въ наученіе тебѣ, что, какою мѣрою кто мѣряетъ, такою и ему возмѣрится. *И имиже кто согрѣшаетъ, сими и мучится* (Премудр. Сол. XI, 17). (Тв. св. оо., т. XXIV. Тв. св. Аѳанасія Александр., ч. IV, стр. 483—485).

Еюже мѣрою мѣрите, возмѣрится вамъ (Матѳ. VII, 2).

Это можно понимать и о мѣрѣ добра и о мѣрѣ зла. То и другое возмѣрится намъ *нашею же* мѣрою. Гдѣ возмѣрится? частью и въ этой жизни, а совершенно—въ жизни будущей.

Что̀ за мѣра у насъ, которою возмѣряетъ намъ сама правда Божія?—Эта мѣра есть наше сердце. Имъ мѣряемъ мы другимъ добро и зло. *Отъ сердца исходища живота* (Притч. IV, 23); отъ него же *исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія*, и пр. (Матѳ. XV, 19). Добро удѣлять другимъ учитъ Апостолъ мѣрою сердца—*кійждо якоже имать изволеніе сердцемъ* (2 Коринѳ. IX, 7); отъ него же требуется любовь (1 Тимоѳ. I, 5. I Петр. I, 22), призываніе Господа (2 Тимоѳ. II, 22), и самая вѣра (Римлян. X, 10). И вообще отъ этого *сокровища благій человѣкъ износитъ благая, и лукавый человѣкъ износитъ лукавая* (Матѳ. XII, 35).

Ка́къ же нашею мѣрою—сердцемъ возмѣрится намъ и за добро и за зло?

Есть сердце обширное, и сердце тѣсное, сжатое, какъ есть бо́льшая и меньшая мѣра. Бываютъ сердца столь пространныя, что они могутъ вмѣщать въ себѣ всѣхъ человѣковъ, — сердца, подобныя сердцу Апостола Павла, который говоритъ Коринѳянамъ: «*сердце наше распространися: не тѣсно вмѣщаетеся въ насъ*» (2 Коринѳ. VI, 11). и Филиппійцамъ: «*я имѣю васъ въ сердцы моемъ*» (Филиппис. I, 7). Какая обширная мѣра! Кто можетъ наполнить ее?—Наполнить ее можетъ одинъ Богъ; ибо *болій есть Богъ сердца нашего*, говорятъ люди, имѣющіе столь обширное сердце (1 Іоан. III, 20). Но есть и сердца сжатыя, закрытыя къ сторонѣ ближнихъ, а потому закрытыя и къ Богу; ибо *не любяй брата своего, егоже видѣ, Бога, Егоже не видѣ, како можетъ любити?* (1 Іоан. IV, 20.) Закрытыя къ ближнимъ и къ небу такія сердца однако открыты со стороны противной, какъ мѣра превращенная; они открыты къ преисподней, и ея испареніями наполняются.

Сердце доброе, вѣрующее и любящее всѣхъ, исполняется и здѣсь многими драгоцѣнными благами. Въ него, говоритъ Писаніе, *изліяся любы Божія* (Римлян. V, 5); въ немъ *обрученіе Духа* (2 Коринѳ. I, 22), въ немъ свѣтъ Божій (2 Петр. IV, 6) Духъ Сына (Галат. IV, 6) и Самъ Христосъ (Ефес. III, 17). Что̀ же будетъ такое сердце тамъ, гдѣ слава Божія замѣняетъ всякій свѣтъ для блаженныхъ (Апокалипс.

XXI, 25) и гдѣ *будетъ Богъ всяческая во всѣхъ?* (1 Коринѳ. XV, 28.)

Напротивъ, злое сердце, исполняясь, зломъ грѣха, исполняется и всякимъ зломъ—помраченіемъ смысла, *неискуснымъ умомъ — творити неподобная* (Римлян. I, 28), угрызеніями совѣсти, нерѣдко—презрѣніемъ отъ другихъ, подозрѣніями, страхомъ, безпокойствами. *Нѣсть радоватися нечестивымъ* (Исаія XLVIII, 22), и здѣсь: что же будетъ тамъ? Такъ, еюже мѣрою мѣримъ, возмѣрится и намъ!—По другому сравненію Писанія, эта истина выражается такъ: *сѣяй скудостію скудостію и пожнетъ: а сѣяй о благословеніи о благословеніи и пожнетъ* (2 Коринѳ. IX, 6); *сѣяй въ плоть свою отъ плоти пожнетъ истлѣніе, а сѣяй въ духъ отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (Галат. VI, 8). (Воскр. Чт., г. VI, стр. 421—422.)

Объ охраненіи святыни.

Ст. 6. *Не давайте святыни псамъ и не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями, чтобъ онѣ не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали васъ.*

Слова этого стиха находятся въ такой связи съ изложенною заповѣдью о неосужденіи ближнихъ: запрещается осужденіе ближнихъ, но не сужденіе о нихъ. Сужденіе о ближнихъ не только дозволительно, но даже необходимо, особенно Апостоламъ при проповѣди Евангелія, потому что проповѣдывать слово Божіе недостойнымъ и неспособнымъ слушать и оцѣнить его значитъ предавать его на посмѣяніе и вызывать со стороны враговъ гоненіе на себя Рѣчь—образная.

Толкованіе Филарета, архіепископа Рязанскаго.

Подъ именемъ псовъ разумѣются здѣсь тѣ злобные враги вѣры и истины, которые, слыша святѣйшія тайны Царствія Божія, не пріемлютъ ихъ съ кротостью агнцевъ и не обращаютъ во спасеніе души своей; но съ дерзостью псовъ лаютъ на проповѣдниковъ истины и при всякомъ случаѣ готовы угрызать ихъ. Подъ именемъ свиней разумѣются тѣ, погрязшіе въ нечистыхъ похотяхъ грѣшники, которые, хотя слышатъ слово Божіе, но, не имѣя зрѣнія для распознанія драгоцѣнности сего небеснаго бисера, со свинскимъ невѣжествомъ пренебрегаютъ сіе сокровище жизни вѣчной, предпочитая оному скотскую жизнь въ нечистыхъ похотяхъ своихъ. Въ отношеніи къ тѣмъ и другимъ Спаситель заповѣдуетъ служителямъ слова Божія наблюдать святую нѣкую и разсмотрительную бережливость въ сообщеніи имъ таинъ Царствія Божія, дабы, съ одной стороны, сохранить важность, свойственную симъ небеснымъ тайнамъ, и святость ихъ предохранить отъ попранія нечистыми ногами грѣшниковъ; а съ другой — остеречь и самыхъ проповѣдниковъ Евангелія, которыхъ ревность въ обличеніи злыхъ людей могла бы подвергнуть ихъ растерзанію отъ ихъ злобы. А сверхъ того, дабы и самимъ беззаконникамъ не подать случая еще къ бо́льшимъ беззаконіямъ и погибели, которой они подвергаютъ себя попраніемъ небесныхъ бисеровъ святѣйшихъ таинъ Царствія Божія. (Бесѣды на V, VI и VII гл. Ев. Матѳея. М. 1837 года.)

Избранныя святоотеческія толкованія на этотъ стихъ.

Св. Іоанна Златоустаго (о внимательномъ слушаніи слова Божія).

Не пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями, да не попрутъ ихъ ногами своими (Матѳ. VII, 6).—Кто же такой, скажешь, будетъ попирать слово Божіе? Тотъ, кто не считаетъ его драгоцѣн-

нымъ и важнымъ. Кто это такой, скажешь, столь несчастный, что не почитаетъ его драгоцѣннѣйшимъ всего? Тотъ, безъ сомнѣнія, кто не съ такою охотою и не съ такимъ усердіемъ занимается имъ, съ какою охотою занимается любодѣйцами въ оныхъ сатанинскихъ театрахъ. Тамъ весьма многіе проводятъ даже цѣлые дни и для сихъ занятій много терпятъ урона въ дѣлахъ домашнихъ. И однако, съ какою охотою и тщаніемъ то, что̀ слышали, стараются удержать въ памяти и внутри сохраняютъ къ погибели душевной! А здѣсь, гдѣ говоритъ Богъ, не пождутъ терпѣливо немного времени. Отчего это? Оттого, что мы ничего не имѣетъ общаго съ небомъ, и для того-то поистинѣ Богъ угрожаетъ намъ геенною не потому, чтобы насъ желалъ Онъ ввергнуть въ нее; но—чтобы побудить насъ убѣгать сего пагубнаго обычая. Но мы все дѣлаемъ напротивъ. Часто какой-нибудь изъ престарѣлыхъ, обшедши многія страны и морскія области, подробно повѣствуетъ не только о числѣ стадій, но и положеніи городовъ, о видахъ, пристаняхъ, площадяхъ и проч.; а мы не знаемъ и того, какъ близко находимся отъ небеснаго града! Мы вѣрно поспѣшили бы проходить этотъ путь, если бы знали разстояніе. Ибо градъ сей отстоитъ отъ насъ не такъ, какъ небо отъ земли; но и гораздо болѣе, если будемъ нерадивы; а если употребимъ стараніе, то въ короткое время можемъ достигнуть до самыхъ вратъ. Ибо не величиною разстоянія, а качествомъ нравственнымъ должно измѣрять это пространство.

Ты тщательно содержишь въ памяти происшествія настоящей жизни, знаешь и новое, и древнее, и древнѣйшее, можешь перечислить, — не только главныхъ вождей, подъ предводительствомъ которыхъ ты сражался, но даже всѣхъ военачальниковъ, даже всѣхъ раздаятелей наградъ, и тѣхъ, которые сражались на зрѣлищахъ и которые побѣдили,—знаешь, что̀ до тебя не касается и не приноситъ тебѣ никакой пользы. Но—кто въ семъ градѣ, о которомъ говоримъ мы, главный начальникъ, кто по немъ первый, второй или третій; или кто въ немъ въ какое время, или что̀ устроилъ и совершилъ? ты и во снѣ объ этомъ не мечталъ. А какіе законы постановлены въ немъ,—ты и другихъ объ этомъ слушать не хочешь. Ка́къ же, скажи мнѣ, ты надѣешься получить обѣтованныя тебѣ блага, на кои ты не обращаешь вниманія даже и тогда, когда тебѣ говорятъ объ нихъ? (Воскр. Чт., г. IV, стр. 255.)

На тотъ же ст. св. Исидора Пелусіота.

Слова: *не дадите святая псомъ: ни пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями, да не поперутъ ихъ ногами своими, и вращшеся расторгнутъ вы,*—подаютъ подобный слѣдующему смыслъ: поелику Божіе слово свято и подлинно самый драгоцѣнный бисеръ; *псы* же и *свиніи* суть погрѣшающіе не только въ догматахъ, но и въ дѣятельной жизни; и *попираніе*—раздоръ и состязаніе объ этомъ покушающихся извратить правоту догматовъ и оскорбляющихъ доблестное житіе; а *расторженіе*—пренебреженіе и поруганіе живущими неправо предлагающихъ слово Божіе и подающихъ добрые совѣты, то Господь сказалъ по сему: не повергайте слова подобно чему либо малоцѣнному и легко пріобрѣтаемому, чтобы и Господа не оскорбить вамъ и самимъ не подвергнуться осмѣянію тѣхъ, которые не говорятъ и не дѣлаютъ ничего право. Иные же, близко къ истинѣ, утверждаютъ, что Господь повелѣвалъ не давать и священства непотребнымъ и нечистымъ, чтобы не осквернили онаго и

не стали нападать на рукоположившихъ, расторгая ту добрую славу, какую имѣли прежде. Если же скажутъ, что и согрѣшающимъ мірянамъ повелѣваетъ не преподавать Божественныхъ Таинъ, не противорѣчь сему. И если будутъ говорить, что запрещаетъ совершать Божественное крещеніе надъ тѣми, которые притворно приступаютъ къ вѣрѣ, но не оставляютъ настоящихъ своихъ занятій—также не спорь (ч. III, стр. 97).

На тотъ же ст. св. Аѳанасія Александрійскаго.

Не дадите святая псомъ, ни пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями, говоритъ Христосъ. Ибо и въ семъ нуженъ правый судъ. Господь не сказалъ неопредѣленно, или безъ различія: давайте святое и бисеры всѣмъ, но говоритъ: *не дадите святая псомъ*—злымъ дѣлателямъ; по слову Апостола: *блюдитеся отъ псовъ, блюдитеся отъ злыхъ дѣлателей* (Филиппис. III, 2), блюдитесь и отъ свиней, т. е. похотливыхъ. Похотливые же уподобляются свиніямъ, не безъ основанія; напротивъ того, сравненіе сіе близко и вѣрно. Какъ свинія почитаетъ для себя утратой, если кто извлечетъ ее изъ тины; такъ, если и похотливаго отвлекаетъ кто отъ тины сластолюбія, то врагомъ своимъ, а не другомъ, признаетъ онъ совѣтующаго ему быть цѣломудреннымъ. Итакъ бисеровъ нашихъ — Пречистыхъ Таинъ, не будемъ пометать предъ людьми, подобными свиніямъ. Ты говоришь: и они желаютъ пріобщиться святыхъ; но они безстыдные псы и свиніи, валяющіеся въ сластолюбіи. Поэтому, не давай имъ. Ибо и больные желаютъ воды, но врачи не дозволяютъ имъ пить; и похитители власти желаютъ царской порфиры, но охраняющіе оную, предвидя опасность, не уступаютъ ея. Внемли же и ты, діаконъ: не давай недостойнымъ порфиры пречистаго Тѣла, чтобы не подпасть тебѣ отвѣтственности, не по законамъ гражданскимъ, но по Владычнему слову. Итакъ, *не дадите святая псомъ, ни пометайте бисеръ предъ свиніями, да не поперутъ ихъ ногами своими*, неразумными помыслы, и *вращшеся расторгнутъ вы*, произведя расколы и ереси (ч. IV, стр. 485—486).

О томъ же св. Василія Великаго.

Вопросъ. Какъ иный даетъ святое псамъ, или повергаетъ бисеры предъ свиніями, и какъ бываетъ присовокупленное: *да не поперутъ ихъ ногами, и вращшеся расторгнутъ вы* (Матѳ. VII, 6)?

Отвѣтъ. Сіе объясняетъ намъ Апостолъ, когда къ сказанному имъ Іудеямъ присовокупляетъ: *иже въ законѣ хвалишися, преступленіемъ закона Бога безчествуеши* (Римлян. II, 23). Посему Господь запретилъ здѣсь то безчестіе, какое святымъ словамъ Господнимъ наносимъ преступленіемъ оныхъ. Слѣдствіемъ сего преступленія бываетъ, что находящіеся внѣ вѣры также почитаютъ Господни наставленія удобопренебрегаемыми, и потому же самому съ большею смѣлостью возстаютъ и на насъ, и преступающаго какъ-бы расторгаютъ своими укоризнами и обличеніями (ч. V, стр. 334).

Услышаніе нашихъ молитвъ (Матѳ. VII, 8—11).

Всякій просящій получаетъ и ищущій находитъ, и стучащему отворятъ. Есть ли между вами такой человѣкъ, который, когда сынъ его попроситъ у него хлѣба, подалъ бы ему камень! И, когда попроситъ рыбы, подалъ бы ему змѣю? Итакъ если вы, будучи злы, умѣете даянія благія давать дѣтямъ: вашимъ; тѣмъ болѣе Отецъ вашъ Небес-

ный дастъ блага просящимъ у Него (Матѳ. VII, 8—11).

Горячо нѣкогда молилась святая Моника, мать блаженнаго Августина, чтобы Богъ не допустилъ путешествія сына ея въ Италію, гдѣ въ развратномъ Римѣ ему угрожали многоразличныя опасности. Но напрасно: Августинъ долженъ былъ отправиться въ Италію, и въ этой странѣ онъ нашелъ Христа и свое обращеніе. А въ этомъ собственно и былъ главный предметъ молитвы святой Моники за своего сына. Такимъ образомъ молитва ея хотя не буквально, но съ преизбыткомъ была услышана. И какъ часто случается подобное и съ другими искренно и съ вѣрою молящимися! Сначала кажется, что молитва ихъ была совершенно напрасною; но затѣмъ оказывается, что она услышана гораздо лучше, чѣмъ могъ и представить молящійся. Вотъ больной со слезами молится о выздоровленіи. Напрасно: болѣзнь его все усиливается. Но неужели молитва его была тщетна? Далеко нѣтъ. Въ болѣзни выздоровѣла душа его. Внѣшнюю жизнь онъ потерялъ, но внутреннюю пріобрѣлъ для вѣчной жизни. Мы часто просимъ дать намъ камень, а Богъ подаетъ вмѣсто того хлѣбъ. Но когда мы просимъ хлѣба, Богъ даетъ и хлѣбъ, а когда нужно, то и мгновенно и буквально, какъ это испытывали многіе угодные Богу люди. Иногда дѣйствительно Богъ медлитъ исполненіемъ нашихъ молитвъ и заставляетъ насъ ожидать; но это Онъ дѣлаетъ по любви къ намъ, потому что ожиданіе дѣлаетъ насъ лучшими, такъ какъ чрезъ него мы учимся терпѣнію, упражняемся въ воздыханіяхъ и молитвахъ, больше приходимъ къ сознанію самихъ себя, и утѣшеніе становится послѣ гораздо отраднѣе и сильнѣе. Одно необходимо условіе, чтобы молитва наша была услышана: необходимо, чтобы молитва была истинная, молитва со смиреніемъ и вѣрою. При этомъ условіи милосердый Господь несомнѣнно услышитъ насъ и подастъ просимое (Воскр. Чт. 1876 г., т. II, стр. 17—18).

Св. Исидора Пелусіота на 11 ст. Аще убо вы лукави суще.

Велика благость Божія и человѣческая жестокость. Кто испросилъ себѣ отсрочку и получилъ прощеніе долга, тотъ, когда у него попросили отсрочки, не только не далъ, но и заключилъ клеврета своего въ темницу, и притомъ не столько ему задолжавшаго, сколько долженъ былъ самъ, потому что самъ долженъ былъ десять тысячъ талантовъ, а тотъ пятьдесятъ динаріевъ. Потому Евангельское слово, человѣческую доброту сравнивая съ Божіею благостію, справедливо назвало ее лукавствомъ: *аще убо вы лукави суще, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ*, не цѣлую природу обвиняя въ лукавствѣ (да не будетъ сего! ибо написано: *ублажи, Господи, благія* (Псал. CXXIV, 4), и еще: *благій человѣкъ отъ сокровища* своего *износитъ благая* (Матѳ. XII, 35), но сравнивая только благость человѣческую съ Божіею, назвало ее лукавствомъ. Ибо сказано: *кольми паче Отецъ вашъ Небесный дастъ блага просящимъ у Него* (Матѳ. VII, 11). (Тв. св. оо., т. XXXV. Тв. Исидора Пелусіота, ч. II, стр. 169.)

Св. Григорія Богослова на тотъ же стихъ.

Послѣдуемъ высочайшему и первому закону Самого Бога, Который посылаетъ дождь на праведныхъ и грѣшныхъ и велитъ восходить солнцу одинаково надъ всѣми (Матѳ. V, 45), Который, безъ всякаго стѣсненія, предоставилъ всѣмъ, обитающимъ на сушѣ, и землю, и источники, и рѣки, и лѣса, пернатымъ—

воздухъ, живущимъ въ водахъ — воду, Который всѣмъ человѣкамъ даровалъ въ изобиліи потребности жизни, кои ни власти не подлежатъ, ни закономъ не ограничиваются, ни предѣлами государствъ не преграждаются, но предложены всѣмъ и каждому въ богатой мѣрѣ и между тѣмъ нисколько отъ того не оскудѣваютъ. Такъ щедро всѣхъ людей надѣлилъ Богъ, конечно, для того, чтобы равнымъ раздаяніемъ даровъ Своихъ показать и одинаковое достоинство нашей природы, и богатство благости Своей. А люди, зарывъ въ землю золото, серебро, дорогія и лишнія одежды, самоцвѣтные камни и другія подобныя драгоцѣнности,—сіи свидѣтельства брани, междоусобій и древняго насильства восхитителей верховной власти,—послѣ того, безумные поднимаютъ еще брови и бѣдствующимъ сродникамъ своимъ по естеству отказываютъ въ милосердіи, не желая даже излишками своими помочь имъ въ нуждахъ ихъ. Какое невѣжество! Какая глупость! (Тв. св. оо., т. II. Тв. Григорія Богослова, ч. II, стр. 28).

О широкомъ и узкомъ пути (Матѳ. VII, 13—14).

(*Митрополита Григорія.*)

Внидите узкими враты: яко пространная врата и широкій путь вводяй въ пагубу, и мнози суть входящіи имъ: что узкая врата, и тѣсный путь, вводяй въ животъ, и мало ихъ есть, иже обрѣтаютъ его (Матѳ. VII, 13—14).

Слѣдовательно нельзя войти въ Царство Небесное такъ легко, какъ многимъ думается. Туда ведетъ не широкій — легкій, а узкій — трудный путь; широкій—легкій путь ведетъ въ пагубу; въ Небесное Царство ведетъ путь тѣсный. Разсмотримъ слова Господа.

Внидите тѣсными враты, сказалъ Господь. Что значатъ эти слова? Безъ сомнѣнія, не иное что, какъ слѣдующее: «всѣми силами старайтесь идти въ Царство Небесное, не смотря ни на какія трудности и неудобства; употребляйте всевозможную осторожность, непрестанную осмотрительность, непрерывное обузданіе плоти, непрерывное возбужденіе духа».

Пространная врата и широкій путь вводяй въ пагубу, продолжаетъ Господь. Люди, идущіе широкимъ путемъ, думаютъ, что можно войти въ Небесное Царство, нимало не наклоняясь, нимало не сгибаясь, не дѣлая себѣ ни малаго насилія, не употребляя напряженія силъ, и посему спокойно удовлетворяютъ всѣмъ пожеланіямъ своего не обновленнаго покаяніемъ сердца; идутъ широкимъ путемъ бодро и совершенно беззаботно. Они не думаютъ о вѣрѣ, и не употребляютъ усилій для исполненія ея требованій. Конечно, можно не наклоняться, не сгибаться, не остерегаться, т. е. ни въ чемъ себѣ не отказывать, можно пользоваться всѣмъ, что намъ любезно и пріятно, можно жить, ни мало не думая о большой ношѣ нашихъ грѣховъ, но, наконецъ, окажется, что мѣсто, куда приведетъ насъ такой путь, слишкомъ ужасно и крайне болѣзненно: такой путь ведетъ въ пагубу. И посему, друже, ежели тебѣ любезно вѣчное блаженство, то остановись и — дальше ни на шагъ! Легкая, часто веселая, широкая дорога, по которой ты идешь такъ беззаботно, удовлетворяя, или стараясь удовлетворять всѣмъ пожеланіямъ твоего сердца, есть преддверіе ада, который можетъ открыть свою пасть и поглотить тебя прежде, нежели ты опомнишься. Весьма много людей идетъ этимъ легкимъ, широкимъ путемъ; но это не должно вводить насъ въ заблужденіе и отвращать отъ труднаго, тѣснаго пути. Напротивъ, всякій изъ насъ долженъ сильно говорить себѣ: «хотя

бы всѣ люди шли широкимъ путемъ, я не пойду съ ними. Я слѣдую моему Господу и иду Его дорогою. Онъ Самъ показалъ мнѣ истинный путь, и Самъ остерегалъ отъ ложнаго пути. Его я слушаюсь». На пути ко спасенію иногда бываютъ почти непреодолимыя препятствія. Исчислите, ежели можете, все, что̀ можетъ ввести и вводитъ насъ въ соблазнъ и грѣхъ отвнѣ, потомъ разсмотрите, какъ много и часто препятствуютъ нашему исправленію разныя дурныя наши склонности, — и вы тотчасъ увидите, что путь и врата, вводящіе въ животъ, въ самомъ дѣлѣ узки и тѣсны. Но тѣсными вратами вообще нельзя входить неосторожно и беззаботно: легко можно убиться, или завязнуть. Широкимъ путемъ, которымъ ходятъ весьма многіе, нельзя идти неосмотрительно: легко можно упасть и сломить ногу, или и шею. На пути въ Царство Небесное встрѣчается весьма много препятствій и затрудненій, которыя не легко преодолѣваются. И вотъ причина, почему такъ немногіе идутъ этимъ путемъ, и почему святый Апостолъ такъ сильно побуждаетъ насъ бодрствовать, мужаться, укрѣпляться. Но это не должно устрашать насъ. Мы—не одни, съ нами нашъ Господь. Онъ предшествуетъ намъ Своимъ примѣромъ, Самъ ведетъ насъ и Самъ даетъ намъ силу, ежели только мы, съ своей стороны, дѣлаемъ, что̀ можемъ и что̀ должны дѣлать. Кто идетъ при Его руководствѣ, тотъ, наконецъ, непремѣнно войдетъ въ Его вѣчное Царство. А кто идетъ не по Его направленію и не съ должною осторожностью и ревностью, кто хочетъ войти въ Небесное Царство со всѣми своими худыми склонностями, страстями и грѣхами, тому нельзя надѣяться, чтобы для него отворились двери въ Небесное Царство (изъ слова въ недѣлю тринадцатую по Пятидесятницѣ. Духовн. Бес. 1858 г., т. III, стр. 136—139).

О томъ же святителя Минятія.

Тѣсенъ и прискорбенъ путь, вводящій въ Царство Небесное; и потому многіе подвижники, вступивъ на него, оставили міръ, бросили все мірское позади себя, и прошли симъ путемъ въ нищетѣ и всякихъ лишеніяхъ; святые мученики омочили сей путь даже не по́томъ, а кровью своею. Стало быть, кто ходитъ, высоко поднявъ голову, кто гордится предъ другими, тому не пройти здѣсь, если не наклонитъ головы, если не смирится: узки врата, и тѣсенъ путь! Кто пресыщается земными благами, тучнѣетъ отъ невоздержанія, тому не пройти, если не изнуритъ своего тѣла постомъ и трудами: узки врата и тѣсенъ путь! У кого много всякаго ненужнаго добра, кто не дѣлится съ ближними своимъ добромъ, кто при этомъ обремененъ еще другими суетными попеченіями, тому не пройти здѣсь, если не убавитъ всего этого: узки врата и тѣсенъ путь! А женщинамъ,—о какъ много надобно оставить изъ того, къ чему привязано ихъ сердце, если они хотятъ пройти въ эти узкія врата! Тѣсенъ и прискорбенъ путь, полонъ терній и волчцовъ! Много нужно пота пролить, много надобно труда приложить, много должно потерпѣть и пострадать, чтобы въ рай пройти: многими скорбями подобаетъ намъ внити въ Царство Небесное! У кого тѣло любитъ нѣгу и покой, кто не можетъ и одного слова обиднаго переварить, тому не пройти въ рай: узки туда врата, тѣсенъ и прискорбенъ путь! Кто же хочетъ въ рай войти? Конечно, всѣ хотятъ. Такъ пусть же всѣ и знаютъ, что путь туда тѣсный и прискорбный! Пророкъ Илія, восходя на небо, сбросилъ съ себя верхнюю одежду свою. Что̀ же

это была за одежда? Да простая кожа овчая. Стало быть, ты, который такъ или иначе обдираешь овецъ—обижаешь бѣдныхъ людей, — знай, что въ чужой кожѣ въ рай тебя не пустятъ. Лучше и изъ головы выбрось, будто можно туда войти въ чужой кожѣ, съ отнятымъ у ближняго добромъ!

О томъ же св. Іоанна Лѣствичника.

Узкій путь, (ведущій къ Царствію Небесному), покажутъ тебѣ: томленіе чрева, всенощное стояніе, вода въ мѣру, хлѣбъ въ скудости, очистительное питіе, безчестія, насмѣшки, наруганія, отсѣченіе своей воли, терпѣніе нападокъ, безропотное переношеніе пренебреженія, вмѣненіе ни во что̀ оскорбленій и навыкъ, когда обижаютъ, великодушно терпѣть; когда оговариваютъ, не сердиться: когда уничижаютъ, не гнѣваться; когда осуждаютъ, смиряться. Блаженны, которые идутъ однимъ изъ исчисленныхъ путей: *яко тѣхъ есть Царство Небесное* (Матѳ. V, 5—12). Лѣствица сл. 2, гл. 8.

О томъ же Василія Великаго.

Почему называются *пространными* тѣ врата, и *широкимъ* тотъ путь, которые вводятъ въ *пагубу* (Матѳ. VII, 13)?

Господь, по многому человѣколюбію, для выраженія ученій истины употребляетъ слова и именованія предметовъ, намъ знакомыхъ. Посему какъ уклоненіе отъ прямаго пути, проложеннаго по землѣ, возможно на большее пространство; такъ, говоритъ онъ, уклоняющійся отъ пути, который ведетъ въ Царство Небесное, находится на великомъ пространствѣ заблужденія. А слова: пространный и широкій, какъ разсуждаю, тожде значительны; потому что широкое и у знакомыхъ съ внѣшнею ученостью называется пространнымъ. Поэтому поле, то есть, мѣсто заблужденія, пространно, а конецъ его—пагуба.

Отчего *узки* тѣ врата, и *тѣсенъ* тотъ путь, которые вводятъ въ животъ, и ка́къ входитъ ими человѣкъ (Матѳ. VII, 14)?

Опять и здѣсь узкое и тѣсное означаютъ не что либо разное; но слово: тѣсный выражаетъ высшую степень узкости, когда путь до того суженъ, что идущему надобно тѣсниться, то есть, съ обѣихъ сторонъ жаться; потому что опасно всякое уклоненіе и въ правую и въ лѣвую сторону, какъ на мосту, съ котораго, въ какую сторону ни поверни, готова принять тебя текущая подъ нимъ рѣка. Потому Давидъ говоритъ: *при стези соблазны положиша ми* (Псал. CXXXIX, 6). Посему, кто предположилъ войти въ животъ узкимъ и тѣснымъ путемъ, тотъ долженъ остерегаться всякаго отступленія и совращенія отъ заповѣдей Господнихъ, исполняя написанное: *да не уклонишися ни на десно, ни на лѣво* (Второзак. XVII, 11). Тв. св. оо., т. IX. Тв. Василія Великаго, ч. V, стр. 329—330).

Предостереженіе отъ ложныхъ пророковъ (Матѳ. VII, 15).

Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные (Матѳ. VII, 15). Великую опасность для впечатлительныхъ, но не твердыхъ въ вѣрѣ христіанъ составляютъ обольщенія лжепророковъ или лжеучителей, подъ вліяніемъ которыхъ легко впасть въ неправовѣріе и чрезъ то подвергнуться погибели. Поэтому Спаситель весьма настойчиво убѣждаетъ беречься такихъ лжепророковъ. Ибо когда человѣкъ силою Святаго Духа возбуждается къ новой жизни, то вмѣстѣ съ этимъ для него восходитъ новый свѣтъ познанія,

и онъ ничего столь сильно не желаетъ, какъ чтобы этотъ свѣтъ все яснѣе и яснѣе свѣтилъ ему. Но для этого ему нуженъ руководитель, и онъ старается найти вѣрнаго руководителя, чтобы не попасть въ руки обольстителя. А такіе обольстители и лжепророки были во всѣ времена; они есть и теперь, какъ предсказалъ это Апостолъ Павелъ, когда писалъ Тимоѳею: «знай, что въ послѣдніе дни наступятъ времена тяжкія. Ибо люди будутъ самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злорѣчивы, родителямъ непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящіе добра, предатели, наглы, напыщены, болѣе сластолюбивы, нежели Боголюбивы, имѣющіе видъ благочестія, силы же его отрекшіеся. Таковыхъ удаляйся» (2 Тимоѳ. III, 1—5). Внутри это хищные волки, хотя они и приходятъ въ овечьей одеждѣ и въ духовности Ангельской,—волки, готовые безпощадно разстерзать и пожрать. Ибо хотя они и Христа проповѣдуютъ, въ Его имя пророчествуютъ, даже бѣсовъ изгоняютъ и много чудесъ совершаютъ, но въ дѣйствительности они не ищутъ ни славы Божіей, ни спасенія душъ, но ищутъ самихъ себя, своей славы, своихъ выгодъ. Они учатъ, они проповѣдуютъ не изъ любви къ грѣшнымъ человѣческимъ душамъ, но своекорыстія ради, будетъ ли это слава, деньги, или то и другое вмѣстѣ. Если же они и дѣйствительно ищутъ душевнаго спасенія, то это у нихъ не главное; но главное у нихъ своя собственная личность; ради этого они стараются умножить число своихъ приверженцевъ, которые бы вездѣ возвѣщали ихъ славу. Это—лицемѣры, которые подъ маскою благочестія скрываютъ свою жадность и честолюбіе. Но будучи подъ маской и ходя въ овечьей кожѣ, они тѣмъ опаснѣе для неокрѣпшихъ въ вѣрѣ и познаніи истины. Ихъ такъ обольщаетъ знаніе Писанія, ревность и мнимое смиреніе этихъ лжепророковъ, что они вполнѣ довѣряютъ имъ и становятся тѣмъ же, что и лжеучители ихъ. Обращеніе съ ними, близость и примѣръ ихъ отравляютъ ядомъ простыя души. Кто слѣдуетъ имъ, какъ своимъ руководителямъ, скоро и самъ становится подобнымъ имъ въ лицемѣріи и во всѣхъ порокахъ, ведущихъ къ вѣчной погибели. И мало ли идущихъ этимъ путемъ?... Спаситель предостерегаетъ: «берегитесь лжепророковъ»! (Воскр. Чт. 1876 г., т. II, стр. 3—4).

Волки въ овечьей кожѣ.

(Протоіерея Нечаева.)

Внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы (Матѳ. VII, 15). Что̀ это за лживые пророки, отъ которыхъ повелѣваетъ беречься ученикамъ Своимъ Господь Іисусъ Христосъ? Во времена ветхозавѣтныя имени лживыхъ пророковъ заслуживали тѣ, которые пророчествовали во имя ложныхъ боговъ, напримѣръ пророки Ваала и Астарты (2 Царств. XVIII, 19), также тѣ, которые ложно выдавали себя за пророковъ истиннаго Бога, мечты своего воображенія и личныя мнѣнія—за откровенія свыше и видѣнія (Іерем. XXIII, 16—17. Іезек. 6—10). Они льстили современникамъ, возвѣщая миръ и безопасность, когда надъ ними висѣла неотвратимая гроза (тамъ же); за деньги, иногда за горсть ячменя и куска хлѣба, однимъ, которымъ суждено помилованіе отъ Господа, предсказывали гибель, другимъ, обреченнымъ на погибель—благоденствіе (Іерем. VI, 18. Іезек. XIII, 19). Истинные пророки

поражали лживыхъ сильными обличеніями и угрозами и предостерегали отъ нихъ общество. Отъ подобныхъ лжепророковъ, имѣющихъ появиться въ нѣдрахъ христіанства, предостерегаетъ Своихъ учениковъ Господь Іисусъ, имѣя въ виду, что эти лжепророки, подражая истиннымъ вѣстникамъ воли Божіей, возьмутъ на себя роль не только предсказателей, но вообще учителей вѣры и нравственности.

Предостереженіе Христа Спасителя не имѣетъ ли значеніе для нашего времени? Имѣетъ. Мы не говоримъ о нѣкоторыхъ сектантскихъ обществахъ, члены которыхъ въ своихъ религіозныхъ собраніяхъ искусственными пріемами приводятъ себя въ состояніе изступленія и въ этомъ состояніи свои безсвязныя рѣчи выдаютъ кощунственно за внушенія Святаго Духа. Мы имѣемъ въ виду лжеучителей другаго рода, которые не называютъ себя вѣстниками воли Божіей, органами непосредственныхъ Божественныхъ откровеній, тѣмъ не менѣе весьма похожи на тѣхъ лжепророковъ, отъ которыхъ предостерегаетъ Іисусъ Христосъ. Подобно послѣднимъ первые стараются навязать довѣрчивымъ слушателямъ лживыя и въ высшей степени пагубныя ученія и при этомъ ведутъ себя такъ благовидно, что неопытные легко поддаются ихъ вліянію, не подозрѣвая, что имѣютъ дѣло съ волками въ овечьей шкурѣ. Самъ сатана принимаетъ иногда видъ свѣтлаго Ангела для обольщенія людей. Что̀ мудренаго, если и слуги отца лжи прикидываются смирными овцами для уловленія добычи? Они никого не приневоливаютъ принять ихъ ученіе, никого насильно, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, не склоняютъ на свою сторону; они только желаютъ, чтобы вы ихъ слушали,—и слушаетъ иной незрѣлый нравственно и физически человѣкъ и подъ обаяніемъ ихъ рѣчей до того заслушивается, что, думая имѣть дѣло съ овцею, непримѣтно попадаетъ въ челюсти волка, погибаетъ нравственно и нерѣдко физически. О, «берегись, христіанинъ, отъ лжепророковъ, которые приходятъ къ намъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки—хищники».

Таковы въ наше время тѣ лжеучители, которые стремятся къ ниспроверженію существующихъ отношеній семейныхъ, гражданскихъ и церковныхъ, распространяя превратныя понятія о свободѣ и всеобщемъ равенствѣ. Таковы вызыватели духовъ—спириты. Всего хуже и опаснѣе то, что современные лжеучители, не смотря на несогласіе своихъ мнѣній со словомъ Божіимъ и вообще съ ученіемъ истины, для обольщенія неопытныхъ, дерзко ссылаются, въ оправданіе своего ученія, на слово Божіе. Можно ли напримѣръ ожидать, чтобы заимствованное у язычниковъ (Египтянъ и Индусовъ) ученіе о переселеніи душъ и многократномъ ихъ перевоплощеніи, для постепеннаго ихъ очищенія, могло имѣть основаніе въ Священномъ Писаніи? Но защитники этого ученія силятся утвердить его на словахъ Іисуса Христа въ бесѣдѣ съ Никодимомъ. Христосъ сказалъ Никодиму: *аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти Царствія Божія* (Іоан. III, 3) Вмѣсто свыше защитники ученія о переселеніи душъ читаютъ: снова, и увѣряютъ, что здѣсь идетъ рѣчь о переходѣ души, путемъ рожденія, изъ одного тѣла въ другое,—не обращая вниманія на то, какъ Самъ Христосъ объяснялъ Свои слова. Когда Никодимъ, не понявъ смысла этихъ словъ, спросилъ Іисуса Христа: како можетъ родитися человѣкъ, старъ сый? Іисусъ Христосъ указалъ на таинство крещенія, говоря: аще кто не родится

водою и Духомъ, не можетъ внити въ Царствіе Божіе (4—5). Духовное возрожденіе души, благодатію Святаго Духа, въ водахъ крещенія, очевидно, ничего не имѣетъ общаго съ переселеніемъ душъ. Распространители противообщественныхъ ученій, для уловленія простодушныхъ, тоже ссылаются, какъ свойственно волкамъ въ маскѣ овцы, на свидѣтельства слова Божія. Напримѣръ, въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ повѣствуется, что между Іерусалимскими христіанами существовало общеніе имуществъ (Дѣян. II, 44 и д.). Это общеніе было совершенно добровольное, какъ выраженіе братской любви и сострадательности къ нуждающимся. Но современные лжеучители, возстающіе противъ частной собственности, указываютъ на этотъ примѣръ въ оправданіе обязательнаго раздѣленія между всѣми частныхъ имуществъ, съ насильственнымъ отнятіемъ ихъ у владѣльцевъ. Какое кощунственное и лицемѣрное толкованіе слова Божія! Но можно ли и ожидать иного отъ волковъ въ овечьей кожѣ? (Душеп. Чт. 1876 г., ч. III, стр. 427—428. 433—434.)

Объ истинной и ложной мудрости (Матѳ. VII, 24—27).

Итакъ всякаго, кто слушаетъ слова Мои сіи и исполняетъ ихъ, уподоблю мужу благоразумному, который построилъ домъ свой на камнѣ. И пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры и устремились на домъ тотъ, и онъ не упалъ, потому что основанъ былъ на камнѣ. А всякій, кто слушаетъ сіи слова Мои и не исполняетъ ихъ, уподобится человѣку безразсудному, который построилъ домъ свой на пескѣ. И пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ, и онъ упалъ, и было паденіе его великое.

Слова св. Златоустаго.

Здѣсь дождемъ, рѣками и вѣтрами Господь иносказательно называетъ человѣческія несчастія и злоключенія, какъ-то: клеветы, навѣты, плачъ, смерть, погибель ближнихъ, оскорбленія отъ другихъ и всякое другое зло, какое только бываетъ въ настоящей жизни. Но душа праведнаго, говоритъ Онъ, ничѣмъ не побѣждается. Причиною сему то, что она основана на камнѣ; камнемъ же называетъ твердость Своего ученія. Ибо, поистинѣ, заповѣди Его гораздо тверже камня; помощью ихъ человѣкъ становится выше всѣхъ волнъ человѣческихъ. Ибо, кто тщательно соблюдаетъ оныя, тотъ препобѣждаетъ не только гоненіе людей, но и козни діавольскія. Человѣка же, который слушаетъ слова Христовы и не творитъ ихъ, Спаситель справедливо назвалъ безразсуднымъ. Ибо что̀ можетъ быть безразсуднѣе того, кто строитъ домъ на пескѣ, подъемлетъ трудъ, но плода и спокойствія не получаетъ, а вмѣсто сего несетъ наказаніе? А что и преданные пороку трудятся, это всякому извѣстно. Ибо и хищникъ, и прелюбодѣй, и клеветникъ переносятъ много трудовъ и безпокойствъ, дабы свое нечестіе привести въ исполненіе; но отъ сихъ трудовъ не только никакой не получаютъ пользы, но еще терпятъ великій вредъ. Поелику и Павелъ, намекая на сіе же самое, говоритъ: *сѣяй въ плоть свою отъ плоти пожнетъ въ истлѣніе.* Сему сѣятелю подобны и тѣ, которые на пескѣ строятъ, какъ-то: на блудѣ, на роскоши, на пьянствѣ, на гнѣвѣ и на всемъ прочемъ. Порокъ послѣдователей своихъ дѣлаетъ безразсуднѣйшими, и храмина, построенная на пескѣ, распадается не просто, а съ великимъ бѣдствіемъ. Ибо Спаситель сказалъ: *и было паденіе ея великое.* И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь опасность

угрожаетъ не маловажнымъ вещамъ, но душѣ и притомъ лишеніемъ неба и нетлѣнныхъ оныхъ благъ. Но и прежде сего порочный будетъ проводить жизнь самую несчастную, сопряженную съ непрерывными печалями, страхомъ, заботами и сильными безпокойствами, на что̀ указывая, премудрый говоритъ: *бѣгаетъ нечестивый, ни единуже гонящу.* Поелику таковые люди трепещутъ тѣней, подозрѣваютъ друзей, враговъ, рабовъ, знаемыхъ и незнаемыхъ, и такимъ образомъ прежде вѣчныхъ мученій еще здѣсь терпятъ жесточайшее мученіе. Все сіе показывая, Христосъ сказалъ: *и было паденіе ея великое.* Такимъ образомъ и настоящими бѣдствіями сильно убѣждая самыхъ упорныхъ невѣрныхъ избѣгать порока, Онъ сдѣлалъ приличное заключеніе Своимъ благимъ заповѣдямъ.

Мысли еп. Θеофана.

Слушающій слова Господни и исполняющій ихъ подобенъ строющему домъ на камнѣ; а слушающій и не исполняющій подобенъ строющему домъ на пескѣ. Заучи это всякій и почаще повторяй; истина же, въ немъ содержащаяся, всякому понятна и ясна наглядно. И собственныхъ опытовъ всякій имѣетъ подъ руками въ этомъ родѣ множество. Мысли, напримѣръ, пока еще думаешь о чемъ. бываютъ неустойчивы и мятутся; когда же изложишь ихъ на бумагѣ, онѣ получаютъ окрѣплость и неподвижность. Предпріятіе какое-нибудь все еще бываетъ невѣрно и мѣняется въ частностяхъ, пока не начато; а когда пустишь его въ ходъ, всѣмъ исполнительнымъ соображеніямъ конецъ. Такъ и нравственныя правила, пока не исполнены, онѣ какъ будто чужія, суть внѣ насъ и непрочны; а когда исполняешь ихъ, онѣ входятъ внутрь, осѣдаютъ въ сердцѣ и полагаютъ тамъ основу характеру доброму, или злому. *Блюдите убо, како опасно ходите.*

Библіографическій указатель къ VII гл. Ев. Матѳея.

О неосужденіи ближнихъ (1—5).

Святоотеческія толкованія:

1) *Св. Іоанна Златоустаго.* Духовн. Бес. 1862 г. XVI. 211.

2) *Св. Григорія Богослова,* т. I. 65. III. 159. 160.

3) *Св. Исаака Сирина.* Слова подвижническія. М. 1858 г. 54. 440. 577.

4) *Св. Ефрема Сирина.* О томъ, чтобы не быть злорѣчивымъ. Твор., ч. I. 26. О злорѣчіи и злорѣчивыхъ. Тамъ же. 27. Слово о злоязычіи и о страстяхъ, ч. II. 450.

5) *Преп. Исидора Пелусіота* на слова: *что же видиши сучецъ, иже во окѣ брата твоего, бервна же, иже есть во окѣ твоемъ, не чуеши* (ст. 3), ч. II. 414.

6) Предостереженіе и назиданіе склонныхъ къ осужденію ближняго. Достопамятныя сказ. о подвижничествѣ святыхъ отцевъ. 235.

7) Не осуждай священника. Достопамятныя сказ. о подвижничествѣ святыхъ отцевъ. 173—174.

8) *Св. Анастасія Синаита* о томъ, что не должно осуждать никого, наипаче же священника. Воскресное Чтеніе, г. XXII. 83.

Новѣйшія толкованія:

9) *Еп. Θеофана.* Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ. 182.

10) На Ев. Лук. VI, 41. Воскресное Чтеніе, г. XXIV. 33—34. На ст. 1—2 Матѳея, г. II. 123, г. XXIII. 357, г. XVII. 334, г. XVI. 217—218. 1880 г. 148.

11) *Пѣвницкаго* о пересудахъ. Воскресное Чтеніе, 1883 г. 289—291. 299—301.

12) Одинъ изъ ближайшихъ путей въ Цар-

ствіе Небесное. Воскресное Чтеніе, 1885 г. 95—96.

13) *Діакона Воинова* о грѣхѣ осужденія ближнихъ. Душеп. Чт. 1861 г. 203—227.

14) Въ защиту суда и присяги. Воскресное Чтеніе, 1886 г. 289.

15) *С. Соллертинскаго.* Объясненіе VII гл. 1 ст. Матѳея и VI гл. 37 ст. у Луки въ Рѣчи на торжественномъ актѣ С.-Петербургской Духовной Академіи. Христ. Чт. 1887 г. мартъ—апрѣль. 463—468. (Противъ графа Толстаго.)

16) *А. Орфано.* Объясненія VII гл. 1—5 ст. въ статьѣ: Въ чемъ должна заключаться истинная вѣра каждаго человѣка, по поводу книги графа Толстаго: Въ чемъ моя вѣра. Чт. въ Общ. люб. духовн. просвѣщ. 1887 г. сентябрь 268—284.

17) *Волкова.* Объясненіе 1 ст. въ статьѣ: Послѣднія произведенія графа Л. Н. Толстаго и ихъ критика въ русской и отчасти иностранной литературѣ. Прав. Собес. 1886 г. III. 116—118 и II. 460. 462.

18) Ст. 6. Бисеръ. Библ. пол. сл. Воскресное Чтеніе, 1874 г. I. 270.

Объ услышаніи молитвъ (7—11).

19) Ст. 7. *Просите, и дастся вамъ, ищите, и обрящете, толцыте, и отверзется вамъ.* Христ. Чт. 1826 г. XXIII. 125—128.

20) Ст. 11 и Лук. XI, 13. *Аще убо вы, зли суще, умѣете даянія блага дяти чадомъ вашимъ, кольми паче Отецъ, Иже съ небесе, дастъ Духа Святаго просящимъ у Него.* Воскресное Чтеніе, г. V. 383—384.

21) *Еп. Ѳеофана* о томъ же на Ев. Луки XI, 10—13. Мысли на каждый день года. 385.

22) Ст. 12. *Преп. Исидора Пелусіота* на сказанное: *вся, елика хощете, да творятъ вамъ...* Часть II. 438—439.

О тѣсномъ и широкомъ пути (13—14).

23) Назидательныя размышленія объ узкомъ пути ко спасенію (13 ст.). Христ. Чт. 1827. XXV. 120—123.

24) На тотъ же ст. Воскресное Чтеніе, г. XXII. 506.

25) *Св. Іоанна Златоуста* на ст. 14. Бес. на разныя мѣста Священнаго Писанія, т. II. 62—76.

Предостереженіе отъ ложныхъ пророковъ (15—20).

26) *Еп. Ѳеофана.* Мысли на каждый день года. 177.

27) Ст. 15—16. *Архіеп. Никанора.* О томъ, что ересеученіе графа Толстаго разрушаетъ самыя основы не только православн. христ. вѣры, но и всякой религіи. Поученія и Бес., т. IV. 483. Ст. 15—20. Его же о томъ, что ересеученіе графа Толстаго разрушаетъ основы общественнаго и государственнаго порядка. Тамъ же. 471.

28) Ст. 15. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* О ложныхъ пророкахъ. IV. 74.

29) Ст. 17. *Леонтія, архіеп. Варшавскаго.* О воспитаніи дѣтей въ семьѣ и школѣ. I. 342—344.

Объ истинной и ложной мудрости (21—27).

30) На ст. 21. Воскресное Чтеніе, г. XIX. 153.

31) *Мысли еп. Ѳеофана* на тотъ же ст. 178.

32) Ст. 24—27. О Еврейскихъ домахъ въ Палестинѣ. Воскресное Чтеніе, 1873 г. II. 172—173.

Спеціальныя толкованія:

1) Нагорная проповѣдь Господа нашего Іисуса Христа, *Тренча, архіеп. Дублинскаго;* 2) Бесѣды на V, VI и VII гл. Еванг. отъ Матѳея, *Филарета, архіеп. Рязанскаго;* 3) Нагорная проповѣдь Іисуса Христа, *свящ. А. Смирнова;* 4) Нагорная бесѣда Іисуса Христа, *Ѳ. Троицкаго;* 5) Общедоступное истолкованіе V, VI и VII гл. Ев. Матѳея, *С. Уварова.*

Впечатлѣніе проповѣди Іисуса Христа на народъ.

И бысть, егда сконча Іисусъ словеса сія, дивляхуся народи о ученіи Его. Бѣ бо уча ихъ яко власть имѣя, и не яко книжницы (и фарисее). (Ст. 28—29.)

Со властью было слово Іисуса Христа. Безспорно, конечно, что такъ было потому, что въ настоящемъ случаѣ училъ истинѣ Тотъ, Кто о Себѣ сказалъ: *Азъ есмь истина* (Іоан. XIV, 6). Но если мы обратимъ вниманіе лишь на человѣческую сторону дѣла, раз-

смотримъ ученіе Іисуса Христа только относительно его способа изложенія, формы рѣчи, то и тогда должны будемъ повторить то, невольно вырвавшееся изъ устъ слушателей Христовыхъ, признаніе, которое приведено нами выше: *николиже тако есть глаголалъ человѣкъ, яко Сей Человѣкъ*.

Іисусъ Христосъ училъ *не яко книжницы и фарисее* (Матѳ. VII, 28). Ученые толкователи закона, пустившись въ отвлеченный догматизмъ, преобразили религію въ сухую, многосложную, отвлеченную доктрину, состоявшую изъ множества тонкихъ пустыхъ формальностей и мелочныхъ предписаній, раздробленныхъ на множество отдѣленій и подраздѣленій. До какой крайней и странной мелочности доходили раввины, обставляя заповѣди Моусеева закона неисчислимыми предписаніями и *преданіями старцевъ*, опредѣляющими въ чрезвычайныхъ подробностяхъ каждое постановленіе закона, можно видѣть изъ того, что у раввиновъ существовали опредѣленія даже касательно способа обрѣзыванія ногтей. Но систематическій видъ, который дали своему ученію ученые книжники, былъ мало доступенъ простому народу. Мелочная Іудейская ученость, проповѣдуемая въ синагогахъ, связывала и пугала простой здравый разсудокъ неученаго Іудея. Поэтому, наполненныя мелочами разсужденія раввиновъ не оставляли послѣ себя никакого серьезнаго слѣда въ умахъ и сердцахъ слушателей и всѣмъ уже наскучили. Всѣ чувствовали, что раввины учили тому, чему сами не вѣрили, въ чемъ увѣрять другихъ не смѣли и что̀ говорилось,—внушалось только для вида.

Не такимъ характеромъ отличалось ученіе Іисуса Христа. Онъ училъ всегда просто, общедоступно, сильно—со властію. Въ его проповѣди ничего не было искусственнаго, заученнаго; она была чужда всякой изысканности и отвлеченности. «Ученіе Спасителя—это безоблачное утро, это — восходящее солнце, льющее лучи радостнаго свѣта». Истина, которой Онъ училъ, озаряя одинаковымъ свѣтомъ и самые простые, скромные, и самые высшіе, развитые умы. Іисуса Христа одинаково могли понимать и простой неученый рыбарь, и глубокомысленный книжникъ. Говорятъ что одинъ мыслитель, на смертномъ одрѣ, окруженный самыми славными изъ своихъ учениковъ, сказалъ съ непритворною грустью: «я уношу съ собою въ могилу сожалѣніе, что только одинъ человѣкъ въ мірѣ понималъ меня, да и тотъ понималъ только въ половину». То же самое могъ бы сказать и всякій философъ, какъ руководитель умовъ; потому что каждый изъ философовъ распространялъ вокругъ себя лишь относительный свѣтъ, несовершенно воспринимаемый даже тѣми, на кого онъ падалъ прежде всѣхъ. Неудоборазумѣваемая философская система міровоззрѣнія, съ ея строго логическими отдѣлами, дробленіями и распорядками, съ недосягаемою отвлеченностью ея понятій, съ массой техническихъ и спеціальныхъ выраженій, съ неяснымъ темнымъ языкомъ, съ искусственными и изысканными оборотами мысли и рѣчи, могла только озадачивать простую голову и, какъ туманъ, носиться въ умахъ неученыхъ людей. Философы даже съ намѣреніемъ удалялись черни, руководясь тѣмъ, существовавшимъ въ древней философіи, мнѣніемъ, что истина можетъ и должна быть удѣломъ только немногихъ мужей, достигшихъ высшаго умственнаго развитія, а простому народу безполезно знать ее. Одинъ духовный Французскій писатель справедливо замѣчаетъ, что «слово поэта: odi profanum vulgus было дви-

зомъ мудрецовъ». Философы не посвящали презираемую ими чернь въ глубокомысленныя тайны своего ученія и сообщали ихъ однимъ только посвященнымъ, т. е. небольшому числу послѣдователей своей школы. Подобныя же презрительныя отношенія къ *невѣдущимъ*, кромѣ языческаго міра существовали и въ Іудейскомъ мірѣ, о чемъ, какъ уже мы замѣтили, можно судить по слѣдующимъ словамъ фарисеевъ и книжниковъ: *народъ сей, иже не вѣстъ закона, проклятіи суть*. Такимъ образомъ, ясность и простота ученія Іисуса Христа была совершенно новымъ, не бывалымъ еще въ мірѣ явленіемъ (Образъ ученія І. Х. Прилежаева. Духов. Бес. 1871 г., т. I, стр. 10—13).

Исцѣленіе слуги сотника въ Капернаумѣ (Матѳ. VIII, 5—13. Лук. VII, 1—10).

Вскорѣ послѣ нагорной проповѣди, во вторую Пасху Своего служенія, Іисусъ Христосъ вошелъ въ Капернаумъ, городъ Галилейскій, принадлежавшій колѣну Нефѳалимову. Здѣсь, какъ передаетъ намъ Евангелистъ Матѳей, приступилъ ко Христу сотникъ, ища врачеванія разслабленному слугѣ своему. Это былъ одинъ изъ Римскихъ военныхъ чиновъ, завѣдывавшій одною изъ центурій или сотенъ, на которыя дѣлилось Римское войско. Такъ какъ Іудея находилась въ то время подъ властью Римлянъ, то въ ней можно было нерѣдко имѣть подобныя встрѣчи. Евангелистъ Лука, у котораго, судя по всѣмъ признакамъ, излагается та же исторія съ сотникомъ (VII), представляетъ это дѣло нѣсколько иначе. Онъ говоритъ, что сотникъ не самъ лично явился ко Христу съ просьбою, а послалъ къ Нему Іудейскихъ старѣйшинъ города, съ которыми, какъ замѣтно, находился въ хорошихъ отношеніяхъ, и чрезъ нихъ просилъ Спасителя придти на помощь слугѣ его. Евангелистъ сообщаетъ при этомъ даже нѣкоторыя подробности просьбы ихъ: они начали усильно ходатайствовать предъ Іисусомъ о сотникѣ, выставляя заслуги его,—и именно то, что онъ любитъ народъ Іудейскій и построилъ имъ въ городѣ синагогу. Іисусъ послушался ихъ и вмѣстѣ съ ними отправился къ сотнику. Между тѣмъ, сколько видно изъ словъ Евангелиста Матѳея, сотникъ явился самъ къ Іисусу, и даже не относился къ Нему прямо съ просьбою своею, а только объяснилъ Ему тяжелое положеніе слуги своего и ожидалъ Его милости. «Господи, сказалъ сотникъ, слуга у меня лежитъ дома разслабленъ и жестоко страдаетъ»; услышавъ это, Іисусъ вызывается Самъ пойти и помочь ему: «Я приду, исцѣлю его». Эта видимая разница между сказаніями двухъ Евангелистовъ, по замѣчанію святаго Златоуста, объясняется тѣмъ, что оба они, говоря объ одномъ и томъ же событіи, касаются различныхъ обстоятельствъ дѣла и взаимно пополняютъ другъ друга. Нѣтъ несообразности въ томъ, если сотникъ, изъ благоговѣйнаго уваженія къ Іисусу, которое впослѣдствіи такъ ясно высказалъ, не рѣшался прежде самъ просить Его, но употребилъ къ тому посредство единоплеменныхъ Спасителю старѣйшинъ, а потомъ видя снисходительную предупредительность Его, счелъ долгомъ явиться къ Нему лично. Съ другой же стороны, можно и то замѣтить, что святый Матѳей не столько имѣетъ въ виду частныя—опредѣленныя подробности, сколько общія и существенныя черты событія, въ которомъ сотникъ, послѣ Іисуса, разумѣется, былъ дѣйствующимъ лицемъ, самъ ли непосредственно, заочно ли. Главное то, скажемъ словами того же святаго

отца, что каждый изъ Евангелистовъ изобразилъ усердіе этого человѣка.

Можно было ожидать, что высказанное Спасителемъ намѣреніе придти въ домъ къ сотнику обрадуетъ послѣдняго какъ нельзя болѣе; потому что ничѣмъ не могъ онъ быть столько успокоенъ относительно исполненія просьбы своей, какъ подобною внимательностью великаго Чудотворца. Кромѣ того, самое посѣщеніе дома его такимъ Лицемъ было бы уже для него величайшимъ благодѣяніемъ. Мы знаемъ, какъ дорожили подобными посѣщеніями другія лица, съ какою радостью, съ какимъ усердіемъ принимали у себя Спасителя и старались услужить Ему—чѣмъ можно, какъ напримѣръ—Марѳа. И все это имѣло свою цѣну въ очахъ Спасителя, потому что служило выраженіемъ теплой вѣры въ Него.—Но вѣра сотника обнаружила себя иначе. Услышавъ, что Спаситель хочетъ идти къ нему, онъ сталъ этому противорѣчить: онъ считалъ себя недостойнымъ такого счастія. *Господи*, сказалъ онъ, *нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши: но токмо рцы слово, и исцѣлѣетъ отрокъ мой* (Матѳ. VIII, 8). «Я, говоритъ, не стою того, Господи, чтобы вступилъ Ты подъ кровлю дома моего; я увѣренъ, что если Ты скажешь одно слово,—мой слуга будетъ здоровъ». Къ этому онъ прибавляетъ: *ибо азъ человѣкъ есмь подъ властію, имый подъ собою воины; и глаголю сему: иди, идетъ; и другому: пріиди, и приходитъ; и рабу моему: сотвори сіе, и сотворитъ* (9). То есть: «вотъ я и подвластный человѣкъ, но меня слушаются всѣ тѣ, которые подчинены мнѣ: Твое ли слово не исполнится, когда Ты скажешь моему слугѣ быть здоровымъ?» Изъ этого видно, какое высокое понятіе сотникъ имѣлъ о Христѣ: онъ считалъ Его полновластнымъ Повелителемъ природы. Хорошо было бы, если бы и всѣ облеченные властью пріучались, глядя на свои относительные преимущества надъ другими, чтить и уважать священное могущество Того, Которому *дадеся всяка власть на небеси и на земли* (Матѳ. XXVIII, 18); это вмѣстѣ побуждало бы ихъ скромнѣе судить о своей власти надъ другими, и подкрѣпило бы ее сильною опорою—опорою умѣренности, здравомыслія, примѣръ котораго показалъ собою сотникъ. Другой на его мѣстѣ, даже не имѣя слишкомъ горячаго усердія къ Спасителю, радъ бы былъ воспользоваться предупредительностью Іисуса и принять это за честь, которую дѣлаютъ ему, какъ лицу начальственному; но этотъ, отложивъ въ сторону всякіе помыслы о правахъ своихъ на предпочтеніе, не упускаетъ изъ виду своего зависимаго положенія и къ своимъ начальственнымъ правамъ обращается за тѣмъ только, чтобы тѣмъ живѣе представить себѣ неограниченную силу власти высшей—небесной. Такія чувства и расположенія возбудили удивленіе въ Самомъ Іисусѣ, и Онъ высказалъ оное предъ тѣми, которые сопутствовали Ему: *аминь глаголю вамъ, ни во Израили* (т. е. между Израильтянами) *толики вѣры обрѣтохъ* (Матѳ. VIII, 10). Само собою очевидно, чѣмъ эта вѣра заслужила вниманіе. Мы, разумѣется, не вправѣ унижать предъ нею достоинство той вѣры, которая искала видимыхъ и частыхъ общеній со Христомъ Спасителемъ, какъ это мы усматриваемъ, напримѣръ, у приближенныхъ учениковъ Его—Апостоловъ и у нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Какъ Богъ Своею благодатію раздѣляетъ людямъ мѣру вѣры (Римлян. XII, 3), такъ могутъ быть различныя обнаруженія и со стороны ея самой, не противорѣча одно другому, лишь бы сила и духъ ея всюду оставались неприкосновенны.

Но то, въ чемъ она высказалась у сотника, дѣйствительно, составляетъ и будетъ всегда составлять превосходную, ничѣмъ незамѣнимую черту истинной вѣры, безъ которой эта вѣра и въ другихъ случаяхъ не могла бы удерживать своего Евангельскаго характера. Въ сотникѣ высказалась вѣра, проникнутая глубокимъ чувствомъ смиренія, сознаніемъ собственнаго недостоинства; вотъ что̀ было въ ней достойно вниманія. Вѣра во Христа—Сына Божія тогда и становится для насъ вѣрою спасающею, когда бываетъ проникнута у насъ чувствомъ собственнаго недостоинства; потому что она тогда прямымъ путемъ ведетъ насъ къ Богу отъ грѣха,—путемъ спасительнаго покаянія. Въ такомъ случаѣ какъ бы ни были на видъ различны ея проявленія у разныхъ лицъ, она сама всюду ручается за свое преданное стремленіе къ Богу. У сыновъ Израиля, полагавшихся на свое внѣшнее исполненіе дѣлъ закона, во многихъ случаяхъ не доставало этого спасительнаго чувства самоосужденія; недостатокъ этотъ замѣчался даже у тѣхъ изъ нихъ, которые принимали вѣру Христову, такъ что Апостолу стоило не мало труда вразумлять ихъ. Между тѣмъ, когда слово спасенія пронеслось между язычниками и, освѣщая тьму, въ которой жилъ здѣсь человѣкъ естественный, стало лицемъ къ лицу со всею наготою его, всѣмъ безобразіемъ, и показало, что въ немъ все повреждено до глубины,—на этой истощенной почвѣ стали здѣсь и тамъ во множествѣ возникать живые и свѣжіе ростки покаяннаго сокрушенія и самоуничиженія, явилось много достойныхъ сыновъ Авраама по вѣрѣ и участниковъ его благословенія. Объ этомъ Спаситель напередъ замѣтилъ здѣсь же, похваляя вѣру сотника: *глаголю вамъ: яко мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ и возлягутъ со Авраамомъ и Исаакомъ и Іаковомъ во Царствіи Небеснѣмъ: сынове же Царствія,* т. е. Іудеи, ближайшіе наслѣдники Царства по призванію, *изгнани будутъ во тьму кромѣшнюю* (11—12). Вѣра сотника была вознаграждена достойнымъ образомъ; Іисусъ сказалъ ему: *иди, и якоже вѣровалъ еси, буди тебѣ,* и слуга его выздоровѣлъ въ тотъ же часъ (13); посланные прежде къ Іисусу сотникомъ друзья его, какъ сообщаетъ Евангелистъ Лука, возвратясь домой, нашли слугу его уже здоровымъ (VII, 10). (Воскр. Чт., г. XXV, ч. I., стр. 310—315.)

Блаженнаго Іеронима изъясненіе Евангелія, читаемаго въ четвертую недѣлю по Пятидесятницѣ (Матѳ. VIII, 5—13).

Во время оно, вшедшу Іисусу въ Капернаумъ, приступи къ Нему сотникъ, моля Его и глаголя: Господи, отрокъ мой лежитъ въ дому разслабленъ, мнтъ страждa. И глагола ему Іисусъ: Азъ пришедъ исцѣлю его. И отвѣщавъ сотникъ, рече Ему: Господи! нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши, но токмо рцы слово, и исцѣлѣетъ отрокъ мой.

Если Господь такъ скоро обѣщалъ сотнику придти къ нему и исцѣлить отрока его, то это Онъ сдѣлалъ не по тщеславію, а потому, что видѣлъ въ сотникѣ вѣру, смиреніе и благоразуміе. Вѣру сотника видѣлъ Господь въ томъ, что онъ, будучи язычникомъ, былъ увѣренъ, что Іисусъ Христосъ можетъ исцѣлить разслабленнаго; а смиреніе въ томъ, что почиталъ себя недостойнымъ того, да внидетъ Господь подъ кровъ его; благоразуміе же въ томъ, что уразумѣлъ Божество Христово подъ покровомъ плоти Его и ожидалъ себѣ пользы отъ сокровеннаго Божества Его.

О благоразуміи его свидѣтельствуютъ и слѣдующія слова его: ибо и *азъ есмь человѣкъ подъ властію, имый подъ собою воины: и глаголю сему: иди, и идетъ: и другому: пріиди, и приходитъ: и рабу моему: сотвори сіе, и сотворитъ.* Ибо сими словами онъ показалъ свою увѣренность въ томъ, что Іисусъ Христосъ можетъ совершить, что̀ захощетъ, не чрезъ одно лично Свое пришествіе, но и чрезъ Ангеловъ.

Слышавъ же Іисусъ *удивися* тому, что сотникъ уразумѣлъ Божественное Его величіе, *и рече грядущимъ по Немъ: аминъ глаголю вамъ: яко ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ.* Здѣсь Господь разумѣлъ настоящихъ Израильтянъ, а не бывшихъ до Него патріарховъ и пророковъ. Впрочемъ, быть можетъ, здѣсь, въ лицѣ сотника вѣра язычниковъ предпочитается вѣрѣ Іудеевъ.

Глаголю же вамъ, яко мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ и возлягутъ со Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ во Царствіи Небеснѣмъ. Такъ какъ Богъ Авраама, Творецъ неба, есть Отецъ Іисуса Христа, то во Царствіи Небесномъ участвуетъ и Авраамъ; а съ нимъ возлягутъ и тѣ народы, которые будутъ вѣровать во Христа, Сына Небеснаго Творца. Здѣсь Господь показалъ преимущество язычниковъ предъ настоящими Израильтянами по вѣрѣ, упомянувъ о тѣхъ обитателяхъ востока и запада, кои будутъ вѣровать во Христа, по примѣру сотника.

Сынове же Царствія будутъ изгнани во тьму кромѣшнюю. Подъ сынами Царствія здѣсь разумѣются Іудеи, коими Господь прежде сего управлялъ. *Будутъ изгнани во тьму кромѣшнюю.* Тьма всегбываетъ внутри, а не внѣ. Но поелику тотъ, кто удаляется отъ Бога, оставляетъ свѣтъ, то тьма названа внѣшнею (Воскр. Чт., г. XVII, стр. 117—118).

Плаваніе по морю и усмиреніе бури (Матѳ. VIII, 23—27. Марк. IV, 35—41. Лук. VIII, 22—25).

Послѣ этого Спаситель, вмѣстѣ съ учениками, отплылъ на другую сторону моря, куда послѣдовали за Нимъ и нѣкоторые изъ слушателей, расположившись на другихъ лодкахъ и принявъ нѣсколько иное направленіе. Во время этого ночнаго плаванія, Онъ, уставшій отъ дневныхъ трудовъ, уснулъ на кормѣ судна. Но передъ разсвѣтомъ, когда плывшіе достигли самой середины моря, поднялась такая ужасная буря, что лодка начала шататься, наполняться водой и наконецъ тонуть. Сколько ни старались ученики помочь горю, но выбившись изъ силъ, и такимъ образомъ потерявъ надежду на спасеніе отъ погибели, въ страшномъ испугѣ бросились къ Іисусу и, разбудивъ Его, взывали: «Господи, спаси насъ, погибаемъ»! Іисусъ Христосъ, пробудившись, прежде всего почелъ нужнымъ остановить ихъ душевное волненіе и упрекнулъ ихъ въ малодушіи; но потомъ повелѣлъ вѣтру и волнамъ утихнуть. И по первому слову Его буря утихла и волны улеглись. Свидѣтели этого чуда съ благоговѣніемъ спрашивали себя потомъ: «Кто же это, что и вѣтеръ и море повинуются Ему»?

Этимъ чудомъ Спаситель хотѣлъ показать, какъ мы безсильны сами по себѣ, и какъ сильны, когда при насъ благодать Божія!... Хотѣлъ показать, что Онъ всегда готовъ остановить волны, воздымаемыя противъ насъ,—и не попуститъ намъ искуситися паче, нежели можемъ.

Мысли епископа Ѳеофана объ этомъ событіи (Лук. VIII, 20—25).

1. Садясь въ лодку, чтобъ переплыть на другую сторону озера (Лук. VIII,

20—25), думали ль Апостолы, что встрѣтятъ бурю и подвергнутъ жизнь свою опасности? Между тѣмъ, вдругъ поднялась буря, и они не чаяли уже остаться живыми. Таковъ путь жизни нашей! Не знаешь, какъ и откуда налетитъ бѣда, могущая уничтожить насъ. То воздухъ, то вода, то огонь, то звѣрь, то человѣкъ, то птица, то домъ, словомъ,—все окружающее вдругъ можетъ превратиться въ орудіе смерти нашей. Отсюда законъ: живи такъ, чтобъ каждую минуту быть готовымъ встрѣтиться со смертью и небоязненно вступить въ ея область. Сію минуту живъ ты,—а кто знаетъ, будешь ли живъ въ слѣдующую? По этой мысли и держи себя. Дѣлать все дѣлай, что̀ слѣдуетъ, по порядкамъ жизни твоей, но никакъ не забывай, что можешь переселиться въ страну, откуда нѣтъ возврата. Непамятованіе о семъ не отдалитъ опредѣленнаго часа, и намѣренное изгнаніе изъ мысли этого рѣшительнаго переворота не умалитъ вѣчнаго значенія того, что̀ будетъ съ нами послѣ него. Предавъ жизнь свою и все свое въ руцѣ Божіи часъ за часомъ проводи съ мыслью, что каждый изъ нихъ есть часъ послѣдній. Въ жизни отъ этого умалится число пустыхъ утѣхъ; а въ смерти неисчетно будетъ вознагражденo это лишеніе радостью, которой ничего нѣтъ равнаго въ радостяхъ жизни. (Мысли на каждый день года. 36—364.)

(Марк. IV, 38—39)

2. Ученики плывутъ по морю; поднимается буря и поставляетъ ихъ въ опасное положеніе, а Господь спитъ. Взываютъ къ Нему: «Господи, спаси!» и Онъ однимъ словомъ укрощаетъ бурю. Другое фактическое представленіе порядка Божественнаго промышленія. И каждый человѣкъ, и народы, и Церковь —плывутъ по морю жизни сами, силами въ нихъ вложенными, естественными и сверхъестественными, по порядкамъ, Богомъ заведеннымъ. Господь почиваетъ хотя и пребываетъ среди движущихся событій; Самъ же дѣйствовать начинаетъ тогда, когда угрожаетъ неминучая бѣда, могущая уклонить направленіе событій въ противность Божественнымъ Его планамъ. Онъ всюду есть, все хранитъ, все согрѣваетъ вѣяніемъ любви Своей, но дѣйствовать предоставляетъ Своимъ тварямъ, силами имъ данными, по законамъ и порядкамъ, Имъ повсюду заведеннымъ и хранимымъ. Онъ не лично вседѣйствующь, хотя все отъ Него, и безъ Него ничего не бываетъ. Всегда готовъ Онъ и Самъ воздѣйствовать, когда это нужно, по Его безпредѣльной премудрости и правдѣ. Молитва—пріемникъ Божіихъ дѣйствій. Но самая лучшая молитва: «Господи! Тебѣ все вѣдомо: сотвори со мною, какъ изволишь!» (Тамъ же, 290—292.)

Отказъ Господа книжникамъ и двумъ ученикамъ слѣдовать за Нимъ (Матѳ. VIII, 18—22. Лук. IX, 57—62).

Во время путешествія Іисуса Христа по берегамъ Геннисаретскаго моря, число желавшихъ слѣдовать за Нимъ увеличилось бы непомѣрно, если бы Онъ не дѣлалъ между ними строгаго выбора. И потому, когда одинъ книжникъ высказалъ желаніе быть послѣдователемъ, то Спаситель отвѣчалъ ему: «лисицы имѣютъ норы и птицы небесныя гнѣзда, а Сынъ Человѣческій не имѣетъ, гдѣ главы подклонити»—давая этимъ знать, что послѣдователи Его должны быть готовы приносить самыя тяжкія жертвы, а не ожидать веселыхъ дней, мірской славы, богатства. Послѣ такого отвѣта, конечно, человѣкъ, мечтавшій о земномъ счастіи долженъ былъ замолчать и отказаться отъ своего желанія слѣдовать за Христомъ.

Замѣтивъ еще на лицѣ одного человѣка желаніе быть послѣдователемъ, Спаситель Самъ обратился къ нему съ предложеніемъ: «*иди за Мною*». Но приглашенный отвѣчалъ: «*позволь мнѣ прежде пойти домой и похоронить моего отца*». «*Предоставь мертвымъ*» сказалъ ему Спаситель, «*погребсти своихъ мертвецовъ, а ты иди и благовѣствуй Царствіе Божіе*». Условіе показалось труднымъ, и приглашенный отказался слѣдовать. Подъ именемъ мертвыхъ разумѣлись въ ветхомъ законѣ грѣшники. Іисусъ Христосъ, конечно, употребляетъ это слово въ значеніи «невѣрующій»; но это почти то же самое, потому что невѣрующаго ожидаетъ смерть духовная.

Вызвался, наконецъ, одинъ изъ среды народа—повидимому—съ полнымъ желаніемъ слѣдовать; но только просилъ позволенія проститься со своими домашними. Зная очень хорошо, что этотъ человѣкъ, отправившись домой, не разстанется со своими родными и знаемыми Іисусъ Христосъ говоритъ ему: «кто, взявшись за рало, осматривается назадъ, тотъ не надеженъ для Царствія Божія».

Мысли епископа Ѳеофана объ этомъ событіи.

1. Одному изъ хотѣвшихъ идти вслѣдъ Господа Онъ сказалъ: «Сынъ Человѣческій не имѣетъ, гдѣ главу подклонить», а другому, хотѣвшему прежде похоронить отца, сказалъ: оставь мертваго, его похоронятъ другіе, а ты иди вслѣдъ Меня (Матѳ. VIII, 16—22). Это значитъ, что, кто хочетъ идти вслѣдъ Господа, тому не должно ожидать отъ этого слѣдованія на землѣ никакого утѣшенія, а однихъ лишеній, нуждъ и скорбей, и что житейскія заботы, даже самыя законныя, не совмѣстны съ этимъ слѣдованіемъ. Надобно отрѣшиться отъ всего рѣшительно, чтобъ ничто уже не привязывало къ землѣ; затѣмъ обречь себя на всестороннія страданія, или крестъ; и, снарядившись такимъ образомъ, идти вслѣдъ Господа. Такова прямая воля Господня! Но кому эта заповѣдь,—Апостоламъ только или и всѣмъ христіанамъ? Разсуди всякій самъ. Отвергнуть себя и взять крестъ—всѣмъ ли сказано? Потомъ—возлюбить Господа паче отца и матери, братьевъ и сестеръ, жены и дѣтей—всѣмъ ли сказано? Выводъ ясенъ. Какъ же быть? Однажды и Апостолы предлагали такой вопросъ Господу, и Онъ отвѣтилъ имъ: «невозможное у человѣкъ, возможна суть у Бога? (Лук. XVIII, 27.) (Мысли на каждый день года 200).

2. Никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять, управленъ есть въ Царствіи Божіи (Лук. IX, 62). То есть, кто думаетъ спасаться, а между тѣмъ оглядывается и на то, что̀ должно бросить для спасенія, тотъ не спасается, не идетъ, не направляется въ Царствіе Божіе. Надобно уже окончательно порѣшить со всѣмъ тѣмъ, что̀ несовмѣстно съ дѣломъ спасенія. Задумавшіе спасаться и сами это видятъ, но разставанье съ нѣкоторыми привязанностями отлагаютъ все до завтра. Вдругъ порвать все—представляется слишкомъ большою жертвою. Хотятъ отрѣшаться исподволь, чтобъ и другимъ не бросалось въ глаза,—и всегда почти проигрываютъ. Заводятъ порядки спасительные, а сердечныя расположенія оставляютъ прежними. На первыхъ порахъ несообразность очень рѣзка; но *завтра* и обѣщаемое измѣненіе ихъ заграждаютъ уста совѣсти. Такимъ образомъ, все завтра да завтра,—совѣсть устаетъ толковать все одно и то же, и наконецъ замолкаетъ. А тутъ начинаютъ приходить мысли, что и такъ можно оставить. Мысли эти крѣпнутъ, а затѣмъ и навсегда устанавливаются. Образуется

лицо внѣшне исправное, но съ внутреннею неисправностью. Это раскрашенный гробъ предъ очами Божіими. Главное то бѣда, что обращеніе таковыхъ бываетъ такъ же трудно, какъ и тѣхъ, которые ожестѣли въ грѣхахъ открытыхъ, если еще не труднѣе... А думается, что все ничего.

Св. Исидора Пелусіота на ст. 20, VIII гл. Матѳея.

Лиси язвины имутъ, и птицы небесныя гнѣзда. Такъ Господь просившему позволенія идти за Нимъ отвѣчалъ, какъ сердцевѣдецъ, *создавый на единѣ сердца* (Псал. XXXII, 15) человѣческія (сказано же *на единѣ*, потому что сотворилъ, не имѣвъ нужды въ помощи другаго), и какъ усматривающій, что человѣкъ этотъ одержимъ лукавыми помыслами, что вселяются въ немъ злые духи, и онъ неотвратимо преданъ пороку. Посему-то удалилъ его отъ сопребыванія съ Собою, чтобы упорство его въ злонравіи не содѣлалось причиною соблазна для вѣрующихъ, такъ что они, смотря на сего человѣка, осудили бы въ немощи Владычнюю силу, какъ не возмогшую обратить его къ добродѣтели (Тв. св. оо., т. XXXIV. Тв. Исидора Пелусіота, ч. I, стр. 11).

Св. Аѳанасія Александрійскаго на IX гл. Луки, ст. 57—58.

Бысть же идущимъ имъ по пути, рече нѣкій къ Нему: иду по Тебѣ, аможе аще идеши, Господи. И рече ему Іисусъ: лиси язвины имутъ, и птицы небесныя гнѣзда: Сынъ же Человѣческій не имать, гдѣ главу подклонити. Господь, видя, что книжникъ сей, обѣщаясь идти по Немъ, говоритъ это только на словахъ, а не содержитъ того въ мысли, и увлекается иными помыслами, — постыждаетъ его обличеніемъ, и не гонитъ отъ Себя, какъ-бы отвращаясь отъ него, и не обольщается словами его, какъ-бы не зная, каковъ онъ, но какъ вѣдущій обличаетъ, и какъ вразумляющій исправляетъ. Господь какъ-бы такъ говоритъ: никто, упокоеваясь въ безсловесномъ, не можетъ послѣдовать Слову; другъ безсловесныхъ не въ состояніи пріять Слова; кто мечтаетъ о безсловесныхъ, тотъ не способенъ пріобрѣсти понятія о Словѣ. Дѣйствительно же въ самой дерзости книжника можно видѣть признакъ его опрометчивости и невѣжества. Ибо если бы позналъ онъ силу Слова, то вовсе не составилъ бы себѣ ложнаго понятія о духовномъ Словѣ. И, будучи человѣкомъ, не осмѣлился бы сравнивать себя съ непостижимою силою Спасителя; говоря: иду по Тебѣ, аможе аще идеши. Ибо идти во слѣдъ Спасителю съ тѣмъ только, чтобы слышать Его ученіе, возможно еще для естества человѣческаго, впрочемъ, по человѣколюбію только Спасителя; сравняться же съ Нимъ и послѣдовать за Нимъ всюду и невозможно и дерзко для дающаго такое обѣщаніе; потому что не можемъ мы пребывать съ Нимъ, покоющимся у Отца. И возможно ли сіе для тѣхъ, кои иного естества? Невозможно для насъ всюду сопутствовать Вездѣсущему; потому что Онъ безпредѣленъ, а мы ограничены; Онъ въ цѣлой вселенной и внѣ ея, а мы во вселенной имѣемъ опредѣленной мѣры составъ. И Господь, недвижимо и не преходя съ одного мѣста на другое, повсюду сущее приводитъ въ движеніе и всѣмъ управляетъ; а мы человѣки, переходя съ того мѣста, съ котораго движемся, симъ оставленіемъ мѣста показываемъ, сколько малы предъ непреходящимъ вездѣ присутствіемъ Его Божества. Господь исправляетъ книжника въ томъ и другомъ, изобличаетъ неготовность его къ исполненію предпріятія, и научаетъ величію

Своего Божества, говоря: *лиси язвины имутъ* и проч. Сіе то же, какъ если бы сказалъ Онъ: всѣ сотворенныя существа ограничены и раздѣлены между собою мѣстомъ, Слово же Божіе имѣетъ необъятную силу; поэтому, не говори больше: *иду по Тебѣ, аможе аще идеши.* Если же хочешь стать ученикомъ, оставь безсловесное, и приступи къ слову. Ибо пребывающему въ безсловіи невозможно стать ученикомъ Слова. (Тв. св. оо., т. XXIV. Тв. Аѳанасія Александрійскаго, ч. IV, 503—505.)

Изъясненіе изрѣченія Іисуса Христа:

> *Никтоже возложъ руку свою на рало и зря вспять, управленъ есть въ Царствіи Божіи* (Лук. IX, 62).

(Филарета, митроп. Московскаго.)

Упоминаніе о *ралѣ* даетъ разумѣть, что притча заимствована отъ земледѣлія. Земледѣлецъ, *возложивъ руку свою на рало,* то-есть, предпринявъ пахать свое поле, долженъ постоянно смотрѣть впередъ, дабы вести рало или соху, правильно и съ надлежащимъ углубленіемъ, и такимъ образомъ приготовить землю къ принятію и произращенію сѣмени и къ принесенію плода. Но если онъ будетъ оглядываться и смотрѣть назадъ, то не примѣтитъ, какъ рало пойдетъ—или безъ потребнаго для сѣмени углубленія, или безъ пользы неоднократно по одной и той же бороздѣ, или уклонится и оставитъ часть земли нераспаханною, и такимъ образомъ трудъ окажется безплоднымъ.

Что же значитъ сія притча въ отношеніи къ Царствію Божію? *Что значитъ возложитъ руку на рало?* Что значитъ *зрѣть вспять?* Чтобы изъяснить сіе несомнѣнно по разуму Христову, надлежитъ принять въ соображеніе случай, по которому изречена притча. На пути Христа Спасителя въ Іерусалимъ подошелъ къ Нему нѣкій человѣкъ и сказалъ Ему: *иду по Тебѣ, Господи: прежде же повели ми отвѣщатися, иже суть въ дому моемъ* (Лук. IX, 61). Отвѣтомъ на сіе была притча, въ которой словамъ: *иду по Тебѣ, Господи,* соотвѣтствуютъ иносказательныя слова: *возложъ руку на рало,* а словамъ: *повели ми отвѣщатися, иже суть въ дому моемъ,* слова: *зря вспять;* и наконецъ о людяхъ, сею послѣднею чертою ознаменованныхъ, уже безъ иносказанія произносится судъ: *никтоже* изъ таковыхъ *управленъ есть въ Царствіи Божіи.*

Итакъ подъ образомъ *возлагающаго руку на рало* представляется человѣкъ, который желаетъ идти во слѣдъ Христа, жить и поступать по вѣрѣ въ Него, по заповѣдямъ Его, по примѣру Его, который предпріемлетъ подвигъ воздѣлывать землю своего сердца ученіемъ Христовымъ, чтобы насѣять ее добрыми помышленіями, святыми молитвенными желаніями, Божественными созерцаніями, дабы она могла приносить плоды добрыхъ духовныхъ дѣлъ, питательные для жизни вѣчной. Доселѣ сей человѣкъ на правомъ пути. Онъ направляется къ Царствію Божію.

Но сей же человѣкъ можетъ принять образъ *зрящаго вспять,* когда пристрастно обращается къ предметамъ земнымъ, которые оставилъ было позади себя, ради послѣдованія Христу, когда отъ желаній духовныхъ возвращается къ вожделѣніямъ плотскимъ, отъ послушанія вѣрѣ къ своемудрію и своеволію, отъ заповѣдей Божіихъ къ обычаямъ суетнаго міра, отъ спасительнаго примѣра Христа и святыхъ Его къ пагубнымъ примѣрамъ людей чувственныхъ и грѣхолюбивыхъ; и такимъ образомъ, развлекая и разстраивая самъ себя, лишаетъ землю своего сердца правильнаго духовнаго воздѣлыванія, а

слѣдственно и спасительнаго плодоношенія. Очевидно, это уже неправый путь, невѣрное направленіе къ Царствію Божію. *Никтоже* изъ таковыхъ людей *управленъ есть въ Царствіи Божіи.* (Изъ слова въ день обрѣтенія мощей препод. Сергія. Т. III-й, стр. 116—117.)

Исцѣленіе Гадаринскихъ бѣсноватыхъ.

Бѣси же моляху Его, глаголюще: аще изгониши нынѣ, повели намъ ити въ стадо свиное. И рече имъ: идите. Они же изшедше идоша въ стадо свиное: и се, (абіе) устремися стадо все по брегу въ море, и утопоша въ водахъ (Матѳ. VIII, 31—32).

Вся восьмая глава Евангелія отъ Матѳея, заключеніе которой составляютъ приведенные нами тексты, представляетъ особенно важный и поучительный отдѣлъ въ исторіи земной жизни Спасителя. Здѣсь Онъ открывается намъ въ Своей великой любви къ грѣшникамъ, въ Своемъ человѣческомъ и Божественномъ естествѣ, въ Своей силѣ и величіи; здѣсь повѣствуется, какъ Онъ освободилъ людей отъ самыхъ тяжкихъ тѣлесныхъ и душевныхъ страданій, какъ Онъ показывалъ Свою власть надъ стихіями, какъ Онъ повелѣвалъ не только надъ бурею и волнами, но и надъ бѣсами, даже надъ легіонами ихъ, и какъ они повиновались Ему.

Мы не намѣрены здѣсь входить въ подробное разсужденіе объ изгнаніи Спасителемъ бѣсовъ; но скажемъ только нѣсколько словъ въ объясненіе затрудненій, какія нѣкоторые находятъ здѣсь.

Здѣсь повѣствуется, что Господь Іисусъ пришелъ въ страну *Гергесинскую* (28). Многіе признаютъ, что эти Гергесинцы были потомки прежнихъ Гергессеевъ, о которыхъ упоминается въ Пятокнижіи Моисея (Быт. XV, 21. Второзак. VII, 1) и въ книгѣ Іисуса Навина (XXIV, 11). Во всякомъ случаѣ это былъ въ большинствѣ языческій народъ, и прибытіе Іисуса Христа въ эту страну показываетъ, что Онъ пришелъ на землю для искупленія не только Іудеевъ, но и язычниковъ. Евангелистъ Маркъ говоритъ, что это была страна *Гадаринская*, въ чемъ многіе хотятъ тотчасъ видѣть противорѣчіе, показывая этимъ, какъ часто люди по своему незнанію находятъ противорѣчія тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Дѣло же здѣсь объясняется такъ: Гадара находилась вблизи Геннисаретскаго озера и составляла одинъ изъ городовъ «Десятиградія» (Матѳ. IV, 25). Гергеса или Гераса былъ другой изъ числа этихъ городовъ, находившійся въ 3—4 миляхъ на востокъ отъ Гадары; слѣдовательно лежалъ не вдали отъ нея. Господь Спаситель пришелъ въ страну обоихъ этихъ городовъ, и одинъ изъ Евангелистовъ называетъ страну по имени одного города—Гергесинскою, а другой по имени другого города — Гадаринскою. Поэтому совершенно одинаково, сказать ли: страна Гергесинская или Гадаринская. Изъ этого мы видимъ, что Евангелисты, при написаніи Евангелій, не входили въ предварительныя между собою соглашенія, иначе они назвали бы здѣсь одинъ и тотъ же городъ. Такъ и другія мнимыя противорѣчія въ Священномъ Писаніи свидѣтельствуютъ не противъ, а за Божественное вдохновеніе священныхъ писателей.

Срѣтоша Его два бѣсна. Евангелисты Маркъ и Лука говорятъ объ одномъ только бѣсноватомъ, вѣроятно потому, что одинъ изъ нихъ выдавался чѣмъ либо, напримѣръ силою бѣснованія. Это мнѣніе тѣмъ вѣроятнѣе, что только при полной зависимости одного бѣсноватаго отъ другого мыслимо ихъ сожитіе и хожденіе вмѣстѣ. Нѣкоторые думаютъ, что были мужъ и жена, или Іудей и язычъ-

никъ. *Они вышли изъ гробовъ.* Это оставалось для нихъ единственнымъ помѣщеніемъ, такъ какъ они убѣгали отъ взора человѣческаго. Гробы состояли изъ естественныхъ пещеръ, или изъ искусственно высѣченныхъ въ скалахъ гротовъ. Діаволъ обиталъ здѣсь, такъ сказать, между трофеями своей побѣды, между мертвыми; но даже тамъ, гдѣ онъ считалъ себя какъ-бы дома, какъ и на Голгоѳѣ, «мѣстѣ череповъ», Господь Іисусъ поразилъ и побѣдилъ его. Они были *люты зѣло*, говорится далѣе о бѣсноватыхъ. Нельзя ли бываетъ иногда сказать этого и о людяхъ, когда они предаются гнѣву? Но это, какъ мы видимъ здѣсь, свойство бѣсовское. *И се возописта глаголюще: что намъ и Тебѣ, Іисусе, Сыне Божій?* Здѣсь мы видимъ, что бѣсы очень, очень хорошо знали Іисуса, признавали и исповѣдывали Его Сыномъ Божіимъ. «Что Тебѣ до насъ»? говорили они. Дѣйствительно они ничего не имѣли съ Нимъ, такъ какъ Онъ пришелъ не для ихъ спасенія, а для спасенія людей; и они ничего не хотятъ имѣть съ Нимъ; такъ какъ Онъ пришелъ разрушить дѣла ихъ. Исторія жизни всѣхъ людей, которые живутъ безъ Христа, къ сожалѣнію, говоритъ то же самое: что Тебѣ до насъ, Іисусе! Горе намъ, если мы ничего не хотимъ имѣть съ Іисусомъ, Спасителемъ грѣшниковъ, но благо намъ, если Онъ съ нами и мы съ Нимъ! *Пришелъ еси мучити насъ*, т. е. наказывать, судить насъ; Ты пришелъ лишить насъ и того скуднаго свѣта и свободы, какіе еще остались намъ—ходить по землѣ и дѣлать по своей волѣ. *Прежде времене* Ты совершаешь Свой судъ надъ нами, до наступленія страшнаго суда, когда увеличатся наши му́ки (Апокалипс. XX, 14). Такъ какъ наказаніе злыхъ духовъ предстоитъ главнымъ образомъ еще въ будущемъ, то нынѣшнее мученіе ихъ состоитъ частью въ лишеніи прежняго блаженства, частью въ чувствѣ своей погибели, особенно въ зависти и злобѣ, что Богъ возлюбилъ людей несравненно больше, чѣмъ ихъ; можно присовокупить также, что ихъ наказаніе состоитъ въ ужасномъ ожиданіи суда и созерцанія своего осужденія.

Бѣси же моляху Его, глаголюще: аще изгониши ны, повели намъ ити въ стадо свиное. «Бѣсы просили Его; значитъ они ничего не могутъ сдѣлать безъ воли Его и допущенія. Даже свиньѣ, какъ замѣчается здѣсь, они ничего не могутъ сдѣлать безъ воли Божіей и допущенія. *И рече имъ: идите!* Онъ позволилъ имъ это по Своимъ мудрымъ, святымъ и, въ отношеніи къ людямъ, благимъ причинамъ; равно какъ и потому, что животныя этого рода не принадлежали землѣ обѣтованной. *Они же изшедше идоша въ стадо свиное*, которое они привели въ такое же бѣшенство, въ какомъ находились прежде одержимые ими люди. *И се устремися абіе стадо все по брегу въ море, и утопоша въ водахъ;* свиньи, какъ бѣшеныя, бросились съ горы въ Геннисаретское озеро и потонули въ водѣ, числомъ около двухъ тысячъ (Марк. V, 13). Нужно думать, что Іисусъ Христосъ все это допустилъ для убѣжденія саддукеевъ, которые говорили, какъ нѣкоторые и теперь говорятъ, что «нѣтъ ни Ангела, ни духа» (Дѣян. XXIII, 7 — 8), такъ какъ ихъ нельзя видѣть, Іисусъ Христосъ представилъ имъ здѣсь видимое доказательство существованія множества злыхъ духовъ, чтобы они не имѣли основанія оправдываться въ своемъ невѣріи.

Это чудо, за исключеніемъ того, что Господь Іисусъ совершилъ надъ безплодною смоковницею (Матѳ. XXI, 18—20), было единственнымъ изъ всѣхъ чудесъ Господа, которымъ Онъ нанесъ

вредъ чужой собственности. Это служитъ доказательствомъ Его благости и показываетъ намъ, что чудеса Его всегда имѣли въ виду благо людей. Чудеса Его служили доказательствомъ не только Божественной Его силы, но и Его благоволенія къ людямъ.

Но невѣрующіе при этомъ возражаютъ, что Іисусъ Христосъ въ этомъ случаѣ нарушилъ право собственности. Но если бы у нихъ столько было познанія и вѣры въ Божество Іисуса Христа, сколько имѣли бѣсы, то они не дѣлали бы такого неразумнаго возраженія. Если Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ, какъ Онъ исповѣдуется и доказывается здѣсь, то Онъ имѣетъ верховное и неоспоримое право надъ всею собственностью людей (Псал. XLIX, 10—12). Если бы Онъ, какъ всемогущій Богъ, уничтожилъ эту собственность Гадарянъ посредствомъ землетрясенія, повальной болѣзни, молніи, или другимъ какимъ либо образомъ, то никто не имѣлъ бы права на это жаловаться. Онъ въ собственномъ смыслѣ есть владѣтель и собственникъ всякаго имущества, которое Онъ ввѣряетъ людямъ на время для соотвѣтственнаго пользованія и распоряженія онымъ. Далѣе, если свиньи составляли собственность Іудеевъ, то они владѣли ими вопреки ясному запрещенію Божію, и совершенно справедливо было отнять у нихъ то, чѣмъ они владѣли незаконно. Если же свиньи принадлежали язычникамъ, то и эти также поступали вопреки закону Божію, содержа свиней среди народа, для котораго было грѣхомъ занятіе свиноводствомъ и которому они могли служить только искушеніемъ. Поэтому было совершенно справедливо устранить это беззаконіе. При томъ же исцѣленіе и спасеніе двухъ несчастныхъ человѣкъ было гораздо дороже собственности, которая при этомъ погибла. Если дорого исцѣленіе тѣла, составляющаго величайшее земное благо, то здравіе и спасеніе души несравненно дороже. «Какая польза человѣку если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ?» (Матѳ. XVI, 26.) Исцѣленные вѣчно будутъ благодарить Бога за свое чудесное спасеніе, между тѣмъ какъ владѣтели свиней никогда, можетъ быть, не поблагодарили бы Его, если бы Онъ оставилъ имъ свиней ихъ въ цѣлости. Упрекающіе Спасителя за Его всегда премудрыя и праведныя, а въ этомъ случаѣ и милосердныя, дѣйствія поступаютъ хуже Гергессеевъ, которые не укоряли и не упрекали Іисуса Христа, что Онъ лишилъ ихъ свиней, но просили только, чтобы Онъ отошелъ отъ ихъ предѣловъ (34). (Воскр. Чт. 1876 г., т. II, стр. 372—375.)

О бытіи злыхъ духовъ (Матѳ. VIII, 31—32).

(*Леонтія, архіепископа Варшавскаго.*)

Когда Господь Іисусъ Христосъ вступилъ въ страну Гергесинскую, Его встрѣтили два несчастныхъ, одержимыхъ бѣсами. Бѣсноватые, по внушенію злыхъ духовъ, хотѣли, быть можетъ, устрашить Іисуса Христа также, какъ они устрашали всѣхъ проходившихъ путемъ тѣмъ, но вмѣсто того сами устрашились, встрѣтившись съ Сыномъ Божіимъ. *И се, возписта глаголюще: что намъ и Тебѣ, Іисусе Сыне Божій? пришелъ еси сѣмо прежде времене мучити насъ* (Матѳ. VIII, 29).

Въ этихъ словахъ истинно вѣрующій христіанинъ ясно видитъ доказательство бытія злыхъ духовъ, какъ потому, что оно заключается въ Евангеліи, которое составляетъ непреложное свидѣтельство истины, такъ и потому, что бѣсноватые сами по себѣ и сами отъ себя не могли говорить такъ, частью

по незнанію Іисуса Христа, о Которомъ, конечно, и не слыхали они, а главнымъ образомъ по неестественности рѣчи. Прилично ли и естественно ли людямъ, въ первый разъ видѣвшимъ Іисуса Христа и не имѣвшимъ о Немъ понятія, говорить, что Онъ пришелъ прежде времени мучить ихъ? Въ устахъ людей, каковы бы они ни были, подобныя слова не имѣютъ смысла. Итакъ въ несчастныхъ бѣсноватыхъ говорили, очевидно, злые духи, власть которыхъ надъ людьми пришелъ разрушить Спаситель нашъ. Впрочемъ, въ словѣ Божіемъ и Ветхаго и Новаго Завѣта столько есть прямыхъ и ясныхъ указаній на существованіе злыхъ духовъ, что было бы крайне странно называющимся христіанами сомнѣваться въ немъ. Что жъ, однакоже, нерѣдко приходится слышать? Нѣкоторые христіане говорятъ, что подъ бѣсноватыми, о которыхъ упоминаетъ Евангеліе, надобно разумѣть людей, одержимыхъ особенною нервною болѣзнью, физическою же, но только такою, которой названія Евреи не умѣли придумать, а отнюдь не злыми духами. Но если это была болѣзнь естественная, то почему же она не названа такъ, тогда какъ о другихъ болѣзняхъ въ Евангеліи прямо говорится? И ужели Спаситель—воплощенная истина, Сынъ Божій, могъ говорить несправедливо, приспособляясь только къ понятіямъ Іудеевъ? Ужели Онъ, обличавшій суевѣрія фарисейскія, могъ умолчать о такомъ важномъ суевѣріи? Напротивъ, въ словѣ Божіемъ прямо сказано, что Іисусъ Христосъ *исцѣлялъ всѣхъ обладаемыхъ діаволомъ* (Дѣян. X, 38),—что Сынъ Божій для того и пришелъ,—*да разрушитъ дѣла діавола* (1 Іоан. III, 8), который, чрезъ грѣхопаденіе прародителей по его же наущенію, получилъ власть надъ грѣшниками. Власть эту уничтожилъ Іисусъ Христосъ Своимъ искупленіемъ и дарованіемъ искупленнымъ средствъ побѣждать козни древняго духовнаго врага человѣковъ—въ истинно-христіанской вѣрѣ съ ея таинствами и правилами благочестія. Но христіанинъ своимъ невѣріемъ и грѣхами даетъ къ себѣ вновь доступъ злымъ духамъ, которые дѣйствуютъ теперь хитрѣе, какъ слабѣйшіе, противъ временъ дохристіанскихъ, но тѣмъ не менѣе вредоносно, гибельно для спасенія вѣрующихъ. Злые духи стараются принаровляться къ страстямъ и наклонностямъ нашимъ; пользуясь ими, они закрываютъ свои козни отъ насъ какъ-бы какимъ покрываломъ. Но христіане, внимательные къ себѣ, старающіеся стяжать праведность, ведущіе борьбу съ дурными наклонностями, ясно замѣчаютъ ухищренія злыхъ духовъ, видятъ ихъ козни и искушенія, и не безъ усилій побѣждаютъ ихъ вѣрою въ Господа, молитвою, постомъ, трезвѣніемъ и бодрствованіемъ надъ собою.

Говорятъ еще: подъ злыми духами надобно разумѣть олицетворенія нашихъ грѣховъ и страстей.—Но вѣдь это, во-первыхъ, совершенно противно слову Божію, а во-вторыхъ, ясно противорѣчитъ опыту. Мы не одобряемъ зла, осуждаемъ грѣхъ и въ себѣ и въ другихъ; самые закоренѣлые злодѣи весьма часто вдругъ измѣняютъ свою жизнь и съ отвращеніемъ смотрятъ на свои прежнія дѣла. Что жъ это значитъ? То, что зло и грѣхъ произошли первоначально не отъ человѣковъ, какъ и утверждаетъ Священное Писаніе, что зло въ нашей природѣ произошло отъинуда, именно чрезъ искушеніе отъ діавола. Конечно, грѣхъ усиливается наклонностями нашей поврежденной природы, созданной доброю; иначе мы любили бы зло. Послѣ сего странно было бы олицетворять наши страсти именемъ злыхъ духовъ. (Изъ Слова въ нед. 5 по Пя-

тид. Слова и рѣчи, т. I, стр. 49—51. Изд. 2. С-Пб. 1888 г.)

И моли Его (Іисуса Христа) *весь народъ страны Гадаринскія отъити отъ нихъ* (Лук. VIII, 37).

Когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ, посѣтивъ страну Гергесинскую или, что̀ то же, Гадаринскую, исцѣлилъ двухъ бѣсноватыхъ лютыхъ зѣло, изгнавъ изъ нихъ бѣсовъ, которые потомъ, по Его же позволенію, вошли въ стадо свиное и потопили его въ озерѣ Геннисаретскомъ, то, узнавъ о такомъ чудѣ, *весь градъ изыде въ срѣтеніе Іисусови.* Безъ сомнѣнія, всякій подумалъ бы въ эти минуты, что народъ идетъ принести благоговѣйную благодарность великому Чудотворцу; но—народъ сей и говоритъ и дѣлаетъ совсѣмъ противное: *и видѣвше Его молиша, дабы прешелъ отъ предѣлъ ихъ.*

Ка́къ объяснить такой поступокъ Гадарянъ? Въ немъ представляется такая странность, что не вдругъ можно понять настоящій смыслъ его. Къ какому роду людей причислить сей народъ, который въ одно и то же время и смиряется предъ Іисусомъ Христомъ, и возстаетъ противъ Него, оказываетъ къ Нему и почтеніе и непріязнь, молитъ Его, но самою мольбою хочетъ изгнать Его изъ страны своей? Враги ли это, или чтители Его?—Не чтители; ибо не желаютъ Его присутствія у себя, не признаютъ Его благодѣянія, не чувствуютъ не только любви, но и благодарности къ Нему; но какъ назвать ихъ и врагами, когда они не досаждаютъ Ему, не ропщутъ на Него, не поносятъ, не преслѣдуютъ Его, а приходятъ къ Нему съ покорною мольбою? Какое же чувство руководило, когда они шли въ срѣтеніе Іисусу Христу и старались скорѣе удалить Его отъ себя?

Святый Евангелистъ Лука замѣчаетъ при сказаніи о семъ поступкѣ Гадарянъ, что вѣсть о чудѣ совершенномъ Іисусомъ Христомъ, произвела ужасъ въ сердцахъ ихъ, и страхъ заставилъ ихъ говорить то, что̀ говорили они Господу (VIII, 37). Чего же убоялись они?—Когда является величіе и сила Божія, тогда человѣкъ не можетъ не ощущать трепета въ сердцѣ своемъ; это испытывали на себѣ и самые благочестивые люди. Такъ Апостолъ Петръ *обдержимъ былъ ужасомъ о многой ловитвѣ рыбъ* по одному слову Христову (Лук. V, 8) и сказалъ въ этомъ случаѣ почти то же, что̀ и Гадаринскіе жители: *припаде къ колѣнома Іисусовама, глаголя: отыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь, Господи.* Сей страхъ происходитъ въ сердцѣ человѣка отъ глубокаго сознанія собственнаго его недостоинства предъ лицемъ Божіимъ и есть плодъ истинной вѣры; въ немъ совокупляются благоговѣніе, любовь и смиреніе, и потому чувство сіе пріятно Богу. Но—не такой страхъ обладалъ Гадарянами. Они сознаютъ свое безсиліе предъ могуществомъ Іисуса Христа; но въ этомъ сознаніи нѣтъ благоговѣйнаго умиленія, которое свойственно въ сихъ случаяхъ душѣ истинно смиренной. Они видятъ въ Іисусѣ Христѣ силу и власть выше человѣческія, но не показываютъ даже и желанія узнать, откуда въ Немъ сія власть и сила. Въ мнимомъ смиреніи своемъ предъ Іисусомъ Христомъ они ищутъ только средства удалить Его отъ себя. Итакъ это не страхъ вѣры, въ которомъ заключается любовь къ Устрашающему насъ величіемъ и силою Божественною, но—страхъ невѣрія, или суевѣрія, который возбуждаетъ въ человѣкѣ одно только желаніе—удалить отъ себя предметъ устрашающій.

Теперь поступокъ Гадарянъ понятенъ для насъ. Они жили въ невѣжествѣ духовномъ, не имѣли истинной вѣры и не помышляли о духовномъ просвѣще-

ніи своемъ. Преданные обыкновеннымъ заботамъ и желаніямъ мірскимъ, они такъ привыкли къ этому порядку жизни, что почитали его самымъ лучшимъ и естественнымъ. Посему, когда явился къ нимъ Господь Іисусъ Христосъ и показалъ предъ ними Божественную силу Свою; то они убоялись Его присутствія, тѣмъ болѣе, что чудо Господне соединено было съ вещественною потерею для нихъ. Если бы въ нихъ было желаніе и потребность истинной вѣры, то они забыли бы о потерѣ своей и, благоговѣя предъ величіемъ Чудотворца, чаяли бы въ Немъ небеснаго посланника для просвѣщенія своего; но имъ представлялось совсѣмъ другое, именно, что въ присутствіи такого Лица никому нельзя считать себя безопаснымъ, что при Немъ можетъ нарушиться порядокъ ихъ жизни и дѣятельности и пр. Кто Онъ былъ и съ какою цѣлью посѣтилъ ихъ, объ этомъ они не заботились узнать; имъ желалось только поскорѣе успокоиться отъ страха своего и возвратиться къ привычному образу жизни, потому *и молиша Его, дабы прешелъ отъ предѣлъ ихъ.* Явленіе это тѣмъ замѣчательно для насъ, что хотя и не такъ явно, но совершенно такимъ же образомъ нерѣдко бываетъ и между нами.

И мы такъ привыкаемъ иногда къ жизни плотской, чувственной, что въ сердцѣ нашемъ образуется холодное равнодушіе ко всему, превышающему вещественныя потребности наши. Тогда мы начинаемъ любить тотъ мнимый покой души, который на самомъ дѣлѣ есть начало ея омертвѣнія. Въ насъ не только нѣтъ желанія объяснить себѣ нравственное состояніе наше, но напротивъ— мы стараемся обходить всѣ вопросы, вызывающіе умъ нашъ къ размышленію о предметахъ, выходящихъ изъ обыкновеннаго круга вещей, и удалять отъ себя случаи, непріятно пробуждающіе совѣсть нашу. По нашимъ поступкамъ трудно судить о насъ, кто мы, враги ли вѣры, или послушные чада ея: ни вражды, ни любви къ ней мы не показываемъ на дѣлѣ. Но Господь не терпитъ сего расположенія въ людяхъ (Апокалипс. III, 15—16) и, по безконечному благоутробію Своему, Самъ посѣщаетъ насъ для того, чтобы пробудить душу нашу отъ усыпленія, и благоволитъ совершать предъ нами или надъ нами чудеса Своего могущества. Иногда десница Господня видимо открывается надъ нами въ поражающихъ насъ несчастіяхъ; иногда слово Божіе, живое и дѣйственное, острѣйшее паче меча обоюдуостра, проходитъ даже до раздѣленія души и духа нашего и строго судитъ помышленія и мысли сердечныя въ насъ; иногда другимъ образомъ является намъ Господь въ силѣ и величіи Своемъ. Какъ же срѣтаемъ мы Его въ сихъ случаяхъ? Трепетъ объемлетъ сердца наша; но въ этомъ трепетѣ нѣтъ истиннаго страха Божія. Намъ тяжело въ присутствіи Господнемъ, потому что мы не можемъ съ тою безпечностью о душѣ проводить день за днемъ, къ какой получили сильную привычку; мы по неволѣ должны измѣнить обычный образъ дѣятельности, или, лучше, оставить обычную дремоту свою и бдѣть за собою непрестанно. Поэтому мы желаемъ, чтобы посѣщеніе Господне не продолжилось и, не испытуя цѣли его, молимъ, подобно Гадарянамъ, да прейдетъ отъ предѣлъ нашихъ невидимый, но страшный Посѣтитель нашъ, чтобы все пришло у насъ въ прежній порядокъ, чтобы намъ не страшно было возвратиться ко всѣмъ привычкамъ нашимъ и идти беззаботно тѣмъ путемъ, какимъ шли прежде. Такъ истинно бываетъ съ людьми, заматорѣвшими въ той жизни по плоти, которой вся цѣль

ограничивается возможнымъ спокойствіемъ и благополучіемъ на землѣ (Воскр. Чт., г. XVI, стр. 295—297).

Избранныя мѣста изъ св. отцевъ въ изъясненіе Евангелія отъ Луки объ исцѣленія Гадаринскаго бѣсноватаго (Луки VIII, 26—39).

Ст. 26 и 27. Преидоша во страну Гадаринску, яже есть объ онъ полъ Галилеи. Изшедшу же Ему (Іисусу Христу) *на землю, срѣте Его мужъ нѣкій отъ града, иже имяше бѣсы*, и проч.

Встрѣчается Спасителю человѣкъ, одержимый нечистыми духами, лишенный смысла и разумѣнія, не лучше умершаго и погребеннаго, даже тягчайшему подверженный бѣдствію. То, что онъ былъ нагъ и жилъ большею частью въ гробахъ, показываетъ лютость демоновъ. Здѣсь видимъ, что Богъ промыслительно попускаетъ нѣкоторымъ подпадать власти демонской, не столько для того, чтобъ они терпѣли зло, сколько для того, чтобъ чрезъ нихъ мы познали, каковы для насъ демоны, и отвращались ихъ власти, и чтобъ такимъ образомъ терпѣніе одного было наставленіемъ для многихъ (Изъ КириллаАлекс.).

Ст. 28 и 29. Узрѣвъ же Іисуса и возопивъ, припаде къ Нему и гласомъ велiимъ рече: что мнѣ и Тебѣ, Іисусе Сыне Бога вышняго? и проч.

Легіонъ демонскій сдѣлалъ заговоръ противъ могущества Господня; но когда приближался Тотъ, Кто имѣетъ власть надъ всѣми,—вопіетъ, свидѣтельствуетъ о присутствіи превосходнѣйшей силы, не скрываетъ истины, что здѣсь присутствуетъ то Божественное Существо, Которое въ будущемъ вѣкѣ предастъ грѣшниковъ казни (изъ того же отца).

Ст. 30. Вопроси же его Іисусъ, глаголя: что ти есть имя? Онъ же рече: легеонъ: яко бѣси мнози внидоша въ онь. Не по незнанію ли спросилъ Христосъ, какъ одинъ отъ насъ? Нѣтъ, такъ думать и говорить о Немъ неразумно; ибо, какъ Богъ, Онъ знаетъ все, испытуетъ сердца и утробы. Но съ тѣмъ намѣреніемъ вопросилъ Господь, да познаемъ и мы, что въ одну душу вселяется великое множество демоновъ. Онъ зналъ, что въ душѣ этого человѣка жили многіе демоны, хотя другіе видѣли здѣсь одного человѣка и слышали одинъ голосъ, и спросилъ: что ти есть имя? для того, чтобъ сами демоны объявили о своемъ множествѣ.

Ст. 31. И молляху Его, да не повелитъ имъ въ бездну ити.

Они думали, что уже настаетъ имъ казнь, и боялись, что теперь же впадутъ въ мýки. Не имѣя возможности запираться въ своихъ беззаконіяхъ, просятъ не наказывать ихъ прежде времени; ибо Господь нашелъ ихъ въ нечестіи и производящихъ злодѣянія, безобразящихъ и мучащихъ Его твореніе, почему и опасались, чтобы за ихъ непомѣрныя злодѣйства не ускорилъ Онъ время наказанія (Злат. бесѣд. 29-я на Матѳея).

Ст. 32—33. Бѣ же ту стадо свиній много пасомо въ горѣ, и молляху Его, да повелитъ имъ въ ты внити, и проч.

Спроситъ кто: для чего Христосъ исполнилъ прошеніе демоновъ, позволивъ имъ войти въ стадо свиней? Отвѣтствую: не для того, чтобъ послушаться ихъ, а—чтобъ многому чрезъ то научить насъ. Во-первыхъ, для того, чтобъ тѣ, которые освободятся отъ демоновъ, познали, какъ велико зло, которое терпѣли отъ нихъ; во-вторыхъ, чтобы показать всѣмъ, что демоны безъ Его позволенія не смѣютъ напасть и на свиней; въ-третьихъ,—дать знать, какъ несравненно лютѣе демоны поступили бы съ людьми, если бъ промыслъ Божій не полагалъ предѣловъ нападеніямъ демоновъ,—Спаситель хотѣлъ

чтобъ и жители тѣхъ странъ познали Его всемогущество. Ибо гдѣ извѣстно было имя Его, Онъ не много показывалъ Себя; но гдѣ никто не зналъ Его, тамъ творилъ славныя чудеса, чтобы привесть къ познанію Своего Божества. А что жители того города пребывали въ безчувствіи, видно изъ того, что, когда надлежало просить Его и удивляться Его силѣ, они отсылали Его отъ себя (Злат. въ той же бесѣд.)

Никому не запрещено находить здѣсь и таинственный смыслъ. Познаемъ, что и люди, живущіе подобно свиньямъ, легко подвергаются нападенію демоновъ. И если терпящіе это все еще человѣки, они могутъ часто отражать нападеніе; а если совсѣмъ уподобятся свиньямъ, то не только будутъ одержимы демонами, но и низвергнутся отъ нихъ въ бездну. Если угодно, сравнимъ одного съ другимъ,—бѣсноватаго и сребролюбца. Бѣсноватый никогда не одѣвался, жесточайшимъ образомъ бился камнями и гонимъ былъ демономъ по мѣстамъ непроходимымъ. Не ужасно ли это? Но не менѣе страшно то, на что покушаются сребролюбцы; ибо лучше быть совсѣмъ нагимъ, нежели на похищенныя деньги пріобрѣтать себѣ одежды. Кого также назовемъ болѣе бѣснующимся, того ли, кто самъ себя бьетъ или, того, кто и противъ себя и противъ всякаго, встрѣчающагося съ нимъ, неистовствуетъ? Безъ сомнѣнія, послѣдняго. Бѣсноватый только себя обнажаетъ, а этотъ всякаго, съ кѣмъ встрѣчается.

«Но тѣ, скажешь, раздираютъ одежды». Что жъ? Обижаемый не пожелаетъ ли, чтобъ у него лучше раздрали одежду, чѣмъ—отняли все его имущество?—«Не разбиваютъ до крови лицъ человѣческихъ?» И это дѣлаютъ хищники, а томя другихъ голодомъ, причиняютъ имъ бо́льшія боли. «Не бросаютъ на каждаго проходящаго камнями?» Но легче остеречься бросаемыхъ на насъ камней, нежели избѣжать тѣхъ тысячи ударовъ, какіе причиняютъ бѣднымъ письма и условія, написанныя для ихъ разоренія. А что они живутъ въ гробахъ, или лучше сами они гробы, видно изъ слѣдующаго. Какъ гробъ сокрываетъ тѣло умершаго, такъ тѣло сребролюбца заключаетъ въ себѣ мертвую душу. Такимъ гробамъ уподобляетъ Самъ Господь Іудеевъ, когда говоритъ, что они *полны хищенія и неправды* (Матѳ. XXIII, 25, 27. Злат. въ той же бесѣдѣ).

Спроситъ кто либо: Гергесинцы были-ль Іудеи? Какъ нашлись у нихъ свиньи, когда это—животныя по закону нечистыя, и запрещено употреблять ихъ въ пищу? Должно знать, что земля Гадаринцевъ или Гергесинцевъ чиста, но Евангелистъ показываетъ, что это было на предѣлахъ Галилеи, которая называется Галилеею языковъ. Такимъ образомъ ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что Гергесинцы, какъ язычники, питались свиньями (изъ Григорія Нисскаго).

Ст. 34—39. Видѣвше же пасущіи бывшее, бѣжаша и возвѣстиша во градѣ и въ селѣхъ. Изыдоша же видѣти бывшее, и проч.

Замѣть кротость Іисуса Христа. Ибо, когда жители той страны, столько облагодѣтельствованные Имъ, принуждали Его удалиться, Онъ оставилъ тѣхъ, которые показали себя недостойными Его ученія, давъ имъ въ наставники освобожденнаго отъ демоновъ и пастуховъ свиней. Отходя же, оставилъ въ нихъ дѣйствіе страха. Ибо потеря *стада* свинаго распространяла слухъ о чудѣ, и событіе сильно подѣйствовало на ихъ умы; повсюду возвѣщали новое чудо какъ сами исцѣленные, такъ и хозяева потопленныхъ свиней, и пастухи стада (Злат. бесѣд. 29 на Матѳ.). (Воскр. Чт., г. XXIV, стр. 315—318.)

Библіографическій указатель къ VIII гл. Евангелиста Матѳея и парал.

Святоотеческія толкованія.

1) *Св. Дмитрія, митроп. Ростовскаго* на ст. 11—12. Слово въ 4 нед. по Пятидесятницѣ. Воскресное Чтеніе, г. XVII. 107—111.

2) *Бесѣда св. Іоанна Златоустаго* объ исцѣленіи слуги Капернаумскаго сотника. Бес. на Еванг. Матѳея, ч. I. М. 1859 г. 532—546.

3) *Преп. Исидора Пелусіота* на 11 ст. ч. I. 100—101.

4) *Св. Іоанна Златоуста,* толкованіе на Матѳея 18—22. XXVII. Бес. на Ев. Матѳея, ч. I. 361—372.

5) *Св. Іоанна Златоуста* Бесѣда на ст. 23—24, ч I. 572—577.

6) *Св. Іоанна Златоустаго* объ исцѣленіи Гадаринскихъ бѣсноватыхъ въ XXVIII Бес. на Ев. Матѳея, ч. I. 577—590.

7) *Св. Дмитрія Ростовскаго* на 34 ст. Воскресное Чтеніе, г. XVI. 113.

Новѣйшія толкованія:

8) *Филарета, митроп. Кіевскаго.* Бес. на ст. 5—7. Воскресное Чтеніе, г. III. 398—402.

9) На ст. 31. Воскресное Чтеніе, г. IV. 334.

10) Чудеса. Воскресное Чтеніе, 1872 г. I. 145—148.

11) Чудеса Господа нашего Іисуса Христа *Тренча.* Исцѣленіе сотникова слуги. 171—175.

12) *Буткевича.* Жизнь Господа нашего Іисуса Христа. Исцѣленіе слуги Капернаумскаго сотника. 383—387.

13) *Филарета, митроп. Кіевскаго.* Бес. на ст. 14—22. Воскресное Чтеніе, г. IV. 60—65.

14) *С. Д-ва.* Сынъ Человѣческій (Матѳ. VIII, 20). Воскресное Чтеніе, 1875 г. I. 65—66.

15) *Щеголева.* Почему Іисусъ Христосъ называетъ Себя Сыномъ Человѣческимъ. Воскресное Чтеніе, 1881 г. 464—465.

16) *Филарета, митроп. Кіевскаго* на ст. 23—27. Воскресное Чтеніе, г. III. 267—270.

17) *Епископа Ѳеофана.* Мысли на ст. 23. 179.

18) *Тренча.* Чудеса Господа нашего Іисуса Христа. Укрощеніе бури. 116—121.

19) *Буткевича.* Жизнь Господа нашего Іисуса Христа. Укрощеніе бури. 470—472.

20) О библейскихъ бѣсноватыхъ (Матѳ. VIII, 29—31; XII, 22; XVII, 15 и друг.). Воскресное Чтеніе, 1874 г. I. 353—365.

21) *Прот. Нечаева.* Уроки покаянія, заимствованные изъ Евангелія въ Великомъ канонѣ святаго Андрея Критскаго. Исцѣленіе бѣсноватыхъ (Матѳ. VIII, 28; XVII, 15. Марк. V, 3 и друг.). Душеп. Чт. 1881 г. I. Январь. 102—109.

22) *Филарета, митроп. Кіевскаго.* Бес. на ст. 28—34. Воскресное Чтеніе, г. IV. 107—109.

23) Недѣля 5 по Пятидесятницѣ (ст. 28—34). Воскресное Чтеніе, г. XXV. № 13. 343—355.

24) *Епископа Ѳеофана.* Мысли на ст. 28—44. 211.

25) *Тренча* объ исцѣленіи бѣсноватыхъ въ Гадаринской странѣ. Чудеса Господа нашего Іисуса Христа 121.

26) *Буткевича.* Жизнь Господа нашего Іисуса Христа. 360.

27) *Евсевія, епископа Могилевскаго.* Бес. въ 4 нед. по Пятидесятницѣ. Бес. на воскр. и праздн. Евангелія, ч. I. 284—292.

28) Ст. 10. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Высокій нравственный характеръ Капернаумскаго сотника. I. 461—465.

29) На тотъ же ст. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* IV. 82.

30) Ст. 11—12. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* О приговорѣ Господа на недостойныхъ сыновъ Царствія Божія и объ условіяхъ истинной вѣры для христіанина. Вол. Епарх. Вѣд. 1877 г. № 13.

Ст. 28—34. *С. Соллертинскаго.* Объ исцѣленіи Гадаринскихъ бѣсноватыхъ (противъ Бека). Пастырство Христа Спасителя. 37—38.

31) Ст. 38. *Григорія, архіеп. Казанскаго.* Не будь равнодушенъ къ вѣрѣ. II. 11—19.

32) Ст. 4. *С. Соллертинскаго.* Почему Іисусъ Христосъ повелѣлъ исцѣленному прокаженному показаться священникамъ? Пастырство Христа Спасителя. 33—36. 158—159.

33) Ст. 5 и дал. *Его же.* Примиреніе разностей въ Евангельскихъ повѣствованіяхъ объ исцѣленіи слуги Капернаумскаго сотника и о личности этого послѣдняго. Тамъ же. 160—162.

34) На Еванг. Марка V. 9. Мысли епископа Ѳеофана. 292.

35) *Архіеп. Иннокентія* на ст. 10—12. Дом. Бес. 1864 г. Вып. 48. 965—966.

36) На тотъ же стихъ. Воскресное Чтеніе, г. II. 315.

37) Гадара (Марк. V, 1). Библ. пол. сл. Воскресное Чтеніе, 1874 г. II. 96.

38) На Ев. Лук. VIII, 26—39 ст. Воскресное Чтеніе, г. XXV, ч. II. 819—822, г. XXVI, ч. II. 755—760.

39) *Евсевія, епископа Могилевскаго.* Бес. на 23-ю нед. по Пятидесятницѣ. Бес. на воскр. и праздн. Ев., ч. II. 51—63.

40) Объясненіе воскреснаго Еванг. въ 23 и 24 нед. по Пятидесятницѣ (Лук. VIII, 26—56). Рук. для сел. пастыр. 1867 г. III. 243.

41) Ст. 30. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* О бытіи злыхъ духовъ и дѣятельности ихъ въ настоящее время въ духовно-нравственной жизни людей. II. 191—200.

42) *Леонтія, архіеп. Варшавскаго.* О томъ, почему жители страны Гадаринской просили Іисуса Христа отойти отъ нихъ, и о силѣ страстей и дурныхъ привычекъ. I. 96—97.

43) Ст. 37. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* О долгѣ благодарности. II. 120.

Воскрешеніе дочери Іаира (Матѳ. IX, 18—19, 23—26. Марк. V, 22, 24, 35—43. Лук. VIII, 41—42, 49—56).

(Тренча, архіеп. Дублинскаго.)

Чудесное воскрешеніе дочери Іаира слѣдуетъ у Евангелистовъ Марка и Луки непосредственно за возвращеніемъ Господа нашего изъ той восточной стороны озера, которую Онъ оставилъ, когда тамошніе жители, виновные въ противоборствѣ своему собственному благу, просили Его удалиться отъ ихъ береговъ (Матѳ. VIII, 34). У Евангелиста Матѳея этому чуду предшествуютъ другія событія—исцѣленіе разслабленнаго, его собственное призваніе и нѣкоторыя бесѣды съ фарисеями.

Два Евангелиста Маркъ и Лука называютъ отца воскрешенной по имени—Іаиръ и точнѣе опредѣляютъ его званіе: *онъ былъ начальникъ синагоги.* Это, безъ сомнѣнія, была синагога въ Капернаумѣ, гдѣ теперь находился Іисусъ (Матѳ. IX, 1). По Евангелисту Матѳею Іаиръ приходитъ къ Нему, говоря: *дочь моя теперь умираетъ; но пріиди и возложи на нее руку Свою, и она будетъ жива* (Матѳ. IX, 18). У другихъ же Евангелистовъ представляются важные варіанты: *маленькая дочь моя* (θυγάτριον, filiola) *при смерти* (Марк. V, 23); *у него была одна дочь, около двѣнадцати лѣтъ, и та была при смерти* (Лук. VIII, 32). Эту разницу не трудно согласить съ изложеніемъ святаго Матѳея. Когда отецъ оставилъ свою дочь, она была при послѣднемъ издыханіи; онъ не зналъ, считать ли ее живою или мертвою; онъ зналъ только, что когда онъ отъ нея уходилъ, силы ея до того упали, что ее почти нельзя было считать живою; и теперь, не имѣя вѣрнаго свѣдѣнія о ея смерти, онъ затруднялся, говорить ли о ней, какъ о покойницѣ, или нѣтъ, а потому въ одну минуту могъ выразиться такъ, въ другую минуту иначе. Странно, что подобное обстоятельство, столь естественное, столь сообразное съ дѣйствительною жизнью и описанными событіями, было выставлено нѣкоторыми какъ противорѣчіе между Евангеліями.

Тогда Господь, слухъ Котораго внимаетъ голосу всѣхъ удрученныхъ, тотчасъ, вставъ *пошелъ—за Нимъ и ученики Его.* За ними отправилась также и толпа, слушавшая Его ученіе и съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ жаждавшая видѣть, что̀ Господь сдѣлаетъ или чего не сдѣлаетъ. На пути совершилось чудесное исцѣленіе женщины, страдавшей кровотеченіемъ; но объ этомъ лучше сказать особо, ибо это чудо совершенно отдѣляется отъ настоящаго разсказа, хотя имѣетъ къ

нему отношеніе; ибо эта обстановка Господа, разговоръ Его съ учениками, а потомъ съ женщиною, все это долженствовало быть болѣзненнымъ испытаніемъ для убитаго горестью отца, когда была дорога каждая минута, когда смерть вытряхивала послѣднія немногія песчинки изъ часоваго сосуда, измѣрявшаго жизнь его дочери;— испытаніе, въ своемъ родѣ подобное тому, которое вынесли сестры Лазаря, видя, что ихъ возлюбленный братъ близился къ могилѣ, а Господь, не смотря на то, медлилъ. Но сколь ни болѣзненно было для отца это испытаніе, мы не замѣчаемъ въ немъ никакихъ признаковъ нетерпѣливости, и это, безъ сомнѣнія, вмѣнилось ему въ заслугу. Между тѣмъ какъ Господь говорилъ съ женщиной, *приходятъ отъ начальника синагоги и говорятъ: дочь твоя умерла, что еще утруждаешь Учителя?* (Марк. V, 35.) Евангелистъ Лука упоминаетъ объ одномъ, вѣроятно нарочитомъ вѣстникѣ, съ которымъ шли другіе, такъ какъ люди вообще очень любятъ сообщать поразительныя извѣстія, не исключая даже и печальныхъ. Надежда на дѣйствительную помощь отъ Христа, которую они могли питать прежде, теперь погибла. Тѣ, которые, можетъ быть, вѣрили, что Онъ былъ въ состояніи воспламенить послѣднюю искру угасающей жизни, не имѣли однако болѣе крѣпкой вѣры, не чаяли бо́льшаго, не думали, что Онъ силенъ возжечь искру жизни и послѣ того, какъ она уже вовсе потухла. Можетъ быть, и надежда отца исчезла бы и не совершилось чудо, за отсутствіемъ необходимаго для того условія, вѣры, если бы милосердый Господь не видѣлъ опасности и не предотвратилъ готоваго возникнуть въ немъ невѣрія. *Іисусъ, услыхавъ слова сіи, тотчасъ говоритъ начальнику синагоги: не бойся, только вѣруй* (Марк. V, 36). Въ этомъ тотчасъ выражается истинное милосердіе. Господь говоритъ въ тотъ же самый моментъ, не давая времени проникнуть сомнѣнію въ душу отца, а еще болѣе не допуская устами его высказаться невѣрію, которое могло бы помѣшать исцѣленію, но предупреждая его словами ободренія и надежды.

И вотъ Онъ беретъ съ Собою троихъ изъ Своихъ Апостоловъ: Петра, Іакова и Іоанна, тѣхъ самыхъ троихъ, удостоенныхъ не въ одномъ только этомъ случаѣ быть свидѣтелями дѣлъ, отъ которыхъ другіе были устраняемы. Мы здѣсь впервые находимъ такое избраніе въ средѣ избранныхъ, и фактъ этотъ, въ особенности когда мы припомнимъ торжественную знаменательность подобнаго же избранія при другихъ обстоятельствахъ (Матѳ. XVII, 1—2; XXVI, 37), знаменуетъ новую эру въ жизни Господа. Дѣло, къ которому Онъ теперь приступалъ, было такъ необычайно, столь таинственно, что только эти трое, цвѣтъ и вѣнецъ Апостольскаго сонма, были достойными свидѣтелями онаго. Родители присутствовали тутъ, но совершенно по инымъ причинамъ. Лишь съ Апостолами и родителями, а не съ кѣмъ другимъ, *Онъ приходитъ въ домъ начальника синагоги и видитъ смятеніе и плачущихъ и вопіющихъ громко*, какъ повѣствуетъ святый Маркъ (V, 38); или по Матѳею, *свирѣльщиковъ и народъ въ смятеніи* (IX, 23). Здѣсь, какъ и вездѣ, Онъ является утѣшающимъ и вносящимъ миръ. *И вошедъ, говоритъ имъ: что смущаетесь и плачете? дѣвица не умерла, но спитъ! И смѣялись надъ Нимъ.*

Говорить о смерти какъ о снѣ, это образъ, употребительный во всѣхъ языкахъ и у всѣхъ народовъ. Чрезъ это не отрицается дѣйствительность смерти, но скрытно подтверждается, что за

смертью послѣдуетъ воскресеніе, какъ пробужденіе слѣдуетъ за сномъ. Нетрудно усмотрѣть, почему Господь употребляетъ здѣсь этотъ образъ выраженія. Во-первыхъ, ради отца: слова эти служатъ для подкрѣпленія его колеблющейся вѣры, которая при видѣ этихъ знаковъ сѣтованія, при видѣ доказательствъ того, что все кончилось, могла совершенно угаснуть; она снова укрѣпляется словами: *не бойся, только вѣруй*. Онъ, Владыка жизни, опускаетъ страшное слово: «она умерла», и замѣняетъ болѣе кроткимъ, обѣщающимъ пробужденіе: она спитъ. Въ то же время въ Своемъ святомъ смиреніи, которое побуждаетъ Его, при всякомъ возможномъ случаѣ, удалять отъ наблюденія чудныя дѣла Свои, Онъ чрезъ это слово, имѣющее двоякое значеніе, какъ-бы завѣсою укрываетъ отъ взоровъ толпы то дѣло, которое намѣревался совершить.

Теперь, сказавъ это, Онъ изгоняетъ шумную толпу плакальщиковъ, и дѣлаетъ это по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, присутствіе ихъ было неумѣстно и излишне: они собрались плакать о покойницѣ, а она не умерла, или во всякомъ случаѣ, смерть въ ней должна была такъ скоро уступить возвращающейся жизни, что и не заслуживала этого имени; это были только сонъ и пробужденіе. Такой причины было достаточно. Но еще болѣе того, неистовое и шумное выраженіе скорби однихъ, смѣшанное съ притворными наемными воплями другихъ (Паралипом. XXXV, 25. Еккл. XII, 5. Іерем. IX, 17—18. Амос. V, 16), ни мало не соотвѣтствовало духовному настроенію, которое приличествовало свидѣтелямъ столь святаго и страшнаго таинства, отъ котораго были удалены даже нѣкоторые Апостолы,—не говоря уже о грубости и насмѣшкахъ (ср. Быт. XVIII, 12), съ которыми было принято заявленіе Господа, что отроковица теперь оживетъ. Такіе насмѣшники не должны быть свидѣтелями священнаго дѣйствія; къ ногамъ ихъ не слѣдовало бросать жемчугъ. Подобное же удаленіе всѣхъ было предложено Петромъ, съ вѣрою помолившимся о воскрешеніи Тавиѳы, хотя это произошло по другимъ причинамъ (Дѣян. IX, 40; ср. 2 Царств. IV, 33).

Теперь въ домѣ водворилась тишина. Двѣ души—вѣрующая и надѣющаяся, подобно погребальнымъ факеламъ горѣли у одра умершей—отецъ и мать. Представителями Церкви были три главные Апостола. И вотъ совершается торжественное пробужденіе, совершается безъ всякаго усилія со стороны Того, Кто есть Владыка живыхъ и мертвыхъ. И *взявъ дѣвицу за руку*, это была не болѣе какъ отроковица лѣтъ двѣнадцати (Марк. V, 42; ср. Дѣян. IX, 41), *говоритъ ей: дѣвица, тебѣ говорю, встань*. Евангелистъ Маркъ сохранилъ для насъ, вѣроятно слышанныя имъ изъ устъ Петра, подлинныя слова Господа на языкѣ, на которомъ Онъ ихъ произнесъ: «талиѳа куми», какъ въ другомъ случаѣ было произнесено: еффаѳа (VII, 34). И при этомъ словѣ, и прикосновеніи этой руки *возвратился духъ ея, она тотчасъ встала* (Лук. VIII, 55) *и начала ходить* (Марк. V, 42). Затѣмъ, чтобы подкрѣпить эту жизнь, только-что въ ней возвратившуюся, и чтобы доказать, что она была не привидѣніе, а возвратилась отъ смерти къ дѣйствительной человѣческой жизни (ср. Лук. XXIV, 41. Іоан. XXI, 5. Дѣян. X, 4), и являя полное спокойствіе Своего духа какъ въ маломъ, такъ и въ великомъ, *Онъ велѣлъ дать ей пѣсть*. Эта предосторожность была очень необходима, такъ какъ родители, въ минуту своего

восторга, могли легко объ этомъ забыть. Но упоминанію объ этомъ святый Маркъ по своему обыкновенію предпосылаетъ замѣчаніе о глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ чудомъ на зрителей. Они *пришли въ великое изумленіе* (ср. I, 27; II, 12; IV, 41; VI, 51; VII, 37). То же повѣствуетъ Евангелистъ Лука, но съ меньшею силою и упоминая лишь объ изумленіи родителей (Чудеса Господа нашего Іисуса Христа, стр. 141—146).

О воскрешеніи дочери Іаира и исцѣленіи жены кровоточивой (Лук. VIII, 41—56).

(Исидора, митропол. Новгородскаго.)

Когда Спаситель исцѣлилъ бѣсноватаго въ странѣ Гадаринской, къ Нему пришелъ Іаиръ—начальникъ Іудейской синагоги. Былъ ли онъ свидѣтелемъ того чуда, или слава о Чудотворцѣ привлекла его,—неизвѣстно. Видно только, что въ немъ уже были начатки вѣры,—а несчастіе смягчило сердце и сдѣлало его способнымъ принести плодъ вѣры. Убитый скорбью о болѣзни единородной двѣнадцатилѣтней дочери, Іаиръ палъ къ ногамъ Господа Іисуса Христа, просилъ Его войти въ домъ его и исцѣлить на смертномъ одрѣ лежащую.

Милосердый Господь не медлитъ помощію, когда призываютъ Его съ вѣрою, отъ сердца. Но сердце Іаира такъ было измучено печалью, что не имѣло достаточной силы преодолѣть всякое сомнѣніе и страхъ. Для вѣры его нужно было подкрѣпленіе противъ искушенія, о которомъ Іаиръ еще не зналъ. Но Спаситель зналъ, что больная должна умереть до пришествія Его въ домъ. И вотъ что творитъ премудрость Божія для подкрѣпленія вѣры его.

На пути къ дому Іаира многочисленный народъ сопровождалъ Господа. Всѣмъ извѣстно было, что Онъ идетъ для исцѣленія болящей. Каждый желалъ видѣть новое чудо и старался быть ближе къ Чудотворцу. Совершенно стѣснили Его. И въ этой тѣснотѣ одна больная женщина, не смѣя ни остановить Его, ни даже въ слухъ молить Его о помощи, помыслила въ себѣ,—(вотъ живая вѣра!)—что для исцѣленія ея довольно и того, если коснется только ризъ Его,—и тотчасъ исцѣлилась. Въ толпѣ стѣснившагося народа, и самые ученики не замѣтили совершившагося чуда. Женщина того и желала. Въ простотѣ сердца она думала утаиться и отъ Самого Іисуса Христа. Но слава Божія не должна была оставаться въ тайнѣ. Нужно было и народу показать примѣръ какъ легко получить спасеніе вѣрующимъ въ Него, и особенно подкрѣпить Іаира противъ искушенія, которое сейчасъ онъ встрѣтитъ, и которое, безъ помощи, должно было ниспровергнуть всякую надежду. Спаситель остановился и спросилъ: *кто есть коснувыйся Мнѣ?* Всѣ молчали. Ученикамъ же и самый вопросъ показался страннымъ. *Наставниче, говорили они, народы одержатъ Тя и гнѣтутъ, и глаголеши: кто есть коснувыйся Мнѣ.* Мало ли, думали, въ такой тѣснотѣ прикасающихся къ Нему, и что̀ тутъ особеннаго?—Особенное то, что иные прикасаются къ Господу безъ вѣры, безъ мысли, и не привлекаютъ къ себѣ благодатной силы Его, а другіе, безъ словъ, съ одною вѣрою, прикасаются къ Нему душею и получаютъ исцѣленіе отъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Спаситель открылъ тайну: *прикоснуся Мнѣ нѣкто: Азъ бо чухъ силу, изшедшую изъ Мене.* Никто, конечно, не подумаетъ, что всевѣдущій Сынъ Божій не зналъ, кто прикоснулся къ Нему и привлекъ къ себѣ чудодѣйственную силу. Но польза предстоявшихъ требовала, чтобы исцѣлившаяся

женщина сама повѣдала предъ народомъ, *елика сотвори ей Богъ. Видѣвши, жена, яко не утаися, трепещущи пріиде, и падши предъ Нимъ, ея же ради вины прикоснуся Ему, повѣда Ему предъ всѣми людьми, и яко исцѣлѣ абіе.*

Исцѣлѣвшая не тщеславится даромъ Божіимъ. Какъ прежде считала себя недостойною приступить явно ко Врачу душъ и тѣлесъ, такъ и послѣ полученія благодати Божіей, приступаетъ *трепещущи*, какъ-бы сдѣлала преступленіе недостойнымъ прикосновеніемъ къ ризамъ Господнимъ,—разсказываетъ предъ всѣми, какъ-бы въ извиненіе своей дерзости, что двѣнадцать лѣтъ страдала отъ болѣзни, раздала все имѣніе врачамъ безъ всякой для себя пользы,—и когда другіе столь легко получаютъ помощь отъ Господа, сподобляются даже счастія принять милосердаго Врача въ домъ свой, и она, въ безнадежномъ положеніи своемъ, осмѣлилась по крайней мѣрѣ прикоснуться къ ризѣ Его,—и тотчасъ исцѣлилась.

Печальный Іаиръ слышалъ разсказъ исцѣлѣвшей женщины. И кто лучше его могъ приложить къ своему сердцу настоящее событіе? Если эта женщина 12 лѣтъ напрасно искала помощи у людей, и мгновенно обрѣла ее у Христа, безъ вѣдома Его коснувшись только ризъ Его; почему жъ и больной дочери его не получить исцѣленія, когда Христосъ съ этою цѣлью благоволилъ пойти въ домъ его? Надежда отца ожила. Спаситель доселѣ ничего не сказалъ ему о томъ, что̀ нужно съ его стороны для спасенія дочери. Но, обратившись къ женѣ, въ ободреніе ея сказалъ: *дерзай, дщи! вѣра твоя спасе тя.* Князю Еврейскому не трудно было понять, что и отъ него требуется живая вѣра. Можетъ быть, онъ и понялъ.

Но сколько нужно твердости, чтобы устоять въ вѣрѣ противъ всѣхъ искушеній, часто нечаянныхъ и тяжкихъ, и всегда необходимыхъ для совершенства самой вѣры!

Спаситель еще не окончилъ словъ Своихъ, какъ нѣкто, пришедшій изъ дома Іаира, объявилъ ему: *дочь твоя умерла.* Не безпокой Учителя. Мертвыхъ не лѣчатъ.

Хорошо спѣшить сообщить другому вѣсть радостную; въ этомъ еще видно участіе къ положенію ближняго. Но что̀ заставило сродника или знакомаго спѣшить къ Іаиру съ горькою вѣстью о его невозвратной потерѣ? Вѣроятно, то же невѣріе, которое вооружало книжниковъ и фарисеевъ противъ Іисуса Христа, торопилось, какъ можно скорѣе, прервать всякое сношеніе съ Нимъ князя синагоги.

Это—искушеніе. Но Тотъ, Кто знаетъ человѣческую немощь, не попуститъ, чтобы вѣрующій палъ подъ бременемъ искушеній. Іаиръ, пораженный вѣстью о смерти дочери, не успѣлъ еще ни размыслить о томъ, что̀ ему дѣлать, ни сказать Господу о невозвратной своей потерѣ, а ему уже готова помощь. *Не бойся,* вѣщаетъ ему Спаситель, *токмо вѣруй, и спасена будетъ.* Мертвая—жива будетъ! Кто могъ это понять? Но тамъ и мѣсто вѣрѣ, гдѣ изумѣваетъ умъ. Отецъ умершей не прекословитъ: благодать Божія проливаетъ въ сердце утѣшеніе, которое можно ощущать, а не объяснять.

Наконецъ пришли въ домъ Іаира. Одръ умершей окруженъ былъ плачущими и рыдающими. *Не плачитеся,* сказалъ Небесный Учитель,—*не умре бо, но спитъ.* И предъ очами Божіими, и предъ очами вѣры смерть, конечно, есть сонъ. Но кто ничего не видитъ дальше настоящей жизни, ни разумѣетъ силы Божіей, тому и слово истины кажется юродствомъ. *Ругахуся Ему вѣдяще, яко умре.* Вотъ гордость ума

безъ вѣры! Чего не понимаетъ, надъ тѣмъ ругается. Потому онъ и недостоинъ видѣть чудеса премудрости Божіей.

Кромѣ трехъ учениковъ, отца и матери умершей, всѣ высланы вонъ изъ дома. Спаситель, взявъ умершую за руку, возгласилъ: *отроковице, возстани!* Она встала,—и начала ходить. (Слова и рѣчи. Изд. 1876 г. С.-Пб. Изъ слова въ нед. 24 стр. 204—209.)

Объ исцѣленіи кровоточивой (Матѳ. IX, 20—22).

(Анатолія, архіепископа Могилевскаго.)

Глаголаше въ себѣ: аще токмо прикоснуся ризъ Его, спасена буду (Матѳ. IX, 21.)

Страдавшая двѣнадцать лѣтъ кровотеченіемъ женщина мгновенно исцѣлилась отъ одного прикосновенія къ воскрилію одежды Спасителя, на пути, по которому Онъ, умоленный настойчивымъ прошеніемъ нѣкоего начальника Іудейской синагоги, отправился въ домъ его, чтобы возложеніемъ рукъ своихъ возстановить здоровье умиравшей его дочери. Одно это обстоятельство показываетъ, сколь велика была вѣра кровоточивой, ни мало не сомнѣвавшейся, что она выздоровѣетъ отъ одного прикосновенія къ одеждѣ Спасителя, тогда какъ начальникъ Іудейской синагоги полагалъ, что для исцѣленія умиравшей его дочери необходимо, чтобы Іисусъ Христосъ лично пришелъ въ домъ его и возложилъ на нее руки Свои. Положеніе женщины, страдавшей кровотеченіемъ, такъ было безотрадно, что она, повидимому, не могла уже имѣть никакой надежды не только на выздоровленіе, но даже на пропитаніе себя въ будущемъ; потому что многіе, пользовавшіе ее врачи, истощивъ надъ нею все свое врачебное искусство, измучивъ ее продолжительнымъ лѣченіемъ, когда, наконецъ, больная издержала на лѣкарство и врачей все свое имущество, оставили ее, какъ неизлѣчимую, гораздо въ худшемъ состояніи, чѣмъ она была до лѣченія. Въ такомъ положеніи больная, слыша о чудесахъ Спасителя, сказала въ сердцѣ своемъ: «видно никто, кромѣ Іисуса, не возстановитъ моего здоровья, но какъ явиться мнѣ, какъ приступить къ Нему? Законъ Моисеевъ о всякой, подобной мнѣ, женщинѣ говоритъ: *не чиста будетъ: всякой вещи святыя да не прикоснется, и во святилище да не внидетъ!* (Левит. XII, 4.) Что же мнѣ дѣлать? Повергшись предъ Іисусомъ въ очахъ столь многочисленной народной толпы, я произведу въ народѣ всеобщее отъ меня отвращеніе и, пострадавъ столько лѣтъ, навлеку еще на себя всеобщее безславіе». Въ сихъ мысляхъ, стыдясь самой себя, удерживаемая многими опасеніями, не смѣла бѣдная открыто просить Спасителя объ исцѣленіи ея и, волнуемая помышленіями, не знала, что предпринять, на что рѣшиться. Снисхожденіе Іисуса Христа къ бѣдствующимъ ободряло больную надеждою на Его милосердіе, а гнусность болѣзни охлаждала ея надежду. Однакожъ, считая себя самою недостойною тварью, кровоточивая возлагаетъ все свое упованіе на благосердіе Спасителя, ни мало не сомнѣваясь, что обитающая въ Іисусѣ Христѣ полнота Божества источаетъ изъ Него врачеваніе и наполняетъ собою самыя одежды Господа. Одушевленная такою вѣрою, кровоточивая подходитъ къ Іисусу Христу въ толпѣ угнетавшаго Его народа, и силою вѣры, тайно, какъ-бы похищаетъ совершенное исцѣленіе отъ своей болѣзни, такъ что едва только прикоснулась къ одеждѣ Спасителя, вдругъ остановилось теченіе крови ея, и она почувствовала въ тѣлѣ своемъ,

что совершенно выздоровѣла и освободилась отъ болѣзни своей. *И ощути,* говоритъ Евангелистъ Маркъ, *тѣломъ, яко исцѣлѣ отъ раны* (Марк. V, 25).

Въ то же время Іисусъ Христосъ почувствовалъ Самъ въ Себѣ, что изъ Него вышла сила, исцѣлившая кровоточивую, и обратясь къ народу, сталъ спрашивать: *кто прикоснуся ризамъ Моимъ?* Господь спрашивалъ это не по невѣдѣнію, но, напротивъ, чтобы предъ всѣми окружавшими Его открылось Его всевѣдѣніе, а съ другой стороны,—чтобы указать народу на исцѣлившуюся, чтобы освободить ее отъ страха, чтобы утѣшить, ободрить трепещущую, заставить ее предъ всѣми сознаться въ своемъ поступкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать ей случай изъявить Ему благодарность предъ всѣми свидѣтелями чудеснаго событія за полученное отъ Него благодѣяніе. Исцѣлѣвшая пала къ ногамъ Спасителя и объявила всю истину. Тогда Господь, *обращься и видѣвъ ю, рече: дерзай, дщи, вѣра твоя спасе тя,* какъ-бы говоря: оказанное тебѣ благодѣяніе пріобрѣтено единственно силою вѣры твоей; не прикосновеніе къ одеждѣ Моей исцѣлило тебя, но вѣра, подвигшая тебя прикоснуться ко Мнѣ. *Иди въ миръ, и буди цѣла отъ раны твоея.* Отпуская исцѣленную съ миромъ, Господь прикровенно далъ ей уразумѣть, что причиною долговременной болѣзни ея были грѣхи ея. Почему, сказавъ страдавшей кровотеченіемъ: *иди съ миромъ!*—вмѣстѣ съ тѣмъ исцѣлилъ душевныя язвы ея, даровалъ ей миръ съ Богомъ и собственнымъ сердцемъ ея.

Прикасаясь къ воскрылію одежды Христовой, кровоточивая не боготворила ризъ Его, а только выразила прикосновеніемъ несомнѣнную вѣру во всемогущество Іисуса Христа. Подобно сему, руководствуемые Святою Церковію, вѣрующіе покланяются святымъ иконамъ, прилагаются съ благоговѣніемъ ко святымъ мощамъ и останкамъ благоугодившихъ Богу своею жизнію, чествуютъ все, что̀ благословено и освящено Церковью, оказываютъ сыновнее уваженіе пастырямъ ея, какъ служителямъ Божіимъ. Но такое чествованіе святыни не означаетъ ея боготворенія, а только есть внѣшнее выраженіе живаго чувства вѣры, надежды на милость Божію и пламенной любви къ Богу. Пусть нечестіе именуетъ суевѣріемъ оказываемое нами чествованіе церковной святынѣ. Хула нечестивыхъ обращается на главу ихъ! Между тѣмъ, многіе опыты удостовѣряютъ, что какъ для кровоточивой женщины спасительно было прикосновеніе къ одеждѣ Іисуса Христа, такъ для чествующихъ святыя иконы, мощи святыхъ и другіе церковные предметы, бываютъ они какъ-бы проводниками благодати Божіей, чудесно врачующей многія неисцѣлимыя естественными способами болѣзни и недуги, сообщающей утѣшеніе скорбящимъ и сокрушаемымъ бѣдствіями (Воскр. Чт., г. XIX, стр. 308—310).

Два вопроса изъ Евангелія объ исцѣленіи кровоточивой жены.

(Филарета, митрополита Московскаго.)

И рече Іисусъ: кто естъ коснувыйся Мнѣ? (Лук. VIII, 45.) Евангеліе повѣствуетъ, что нѣкогда Іисусъ Христосъ, идя посреди множества народа, получилъ нѣкое *прикосновеніе,* которое заставило Его спросить: кто прикоснулся къ Нему? И когда шедшіе съ Нимъ ученики Его отвѣтили, что сіе прикосновеніе могло быть нечаянное, происходящее отъ тѣсноты и потому не требующее дальняго изслѣдованія, тогда Онъ присовокупилъ, что то было не простое и обыкновенное прикосновеніе, но такое, при которомъ Онъ ощутилъ

силу изъ Него изшедшую: *прикоснуся Мнѣ нѣкто: Азъ бо чухъ силу изшедшую изъ Мене.*

Когда при семъ повѣствованіи представляемъ себѣ, что сіе изысканіе дѣлаетъ Іисусъ Христосъ, Божія сила и Божія премудрость,—отъ удивленія приходитъ желаніе взаимно вопросить Его: неужели Ты, Господи, сый Божія Премудрость, не вѣдаешь, кто прикоснулся къ Тебѣ? И еще: неужели Ты, сый Божія сила, такъ преданъ во власть человѣковъ, что могутъ они почерпать и, такъ сказать, похищать изъ Тебя сію Божественную силу безъ Твоего свѣдѣнія и соизволенія?

Первый изъ сихъ вопросовъ разрѣшить поможетъ намъ Апостолъ Павелъ, который говоритъ, что Христосъ Іисусъ *Себѣ умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ и образомъ обрѣтеся, якоже человѣкъ* (Филиппис. XI, 6—7). Въ семъ *умаленіи* Своемъ, или по точнѣйшему преложенію Павлова изрѣченія, *въ истощаніи* Своемъ, Іисусъ Христосъ *искушенъ бывъ по всяческимъ, по подобію* человѣческихъ немощей и недостатковъ, *развѣ грѣха* (Евр. IV, 15), который собственно не принадлежитъ къ образу человѣка, но къ образу діавола. Итакъ если воплотившійся Сынъ Божій истощилъ всего Себя; если Онъ искушенъ былъ по всяческимъ по подобію человѣковъ, то неудивительно, что благоволилъ искуситися и тѣмъ, что принялъ на Себя подобіе человѣческаго невѣдѣнія, въ которомъ скрывалъ свѣтъ Божественной Премудрости, и сквозь которое свѣтъ сей просіявалъ токмо, когда было нужно, для озаренія человѣковъ. Изъ сего можно уразумѣть, что не было непристойно Божественному Іисусу вопрошать окружающихъ Его: *кто есть коснувыйся Мнѣ?* Хотя же само Божество Его видѣло, знало и сокровеннымъ образомъ возвѣщало человѣчеству, *кто есть коснувыйся*; но Ему благоугодно было наружно предложить сей вопросъ для того, чтобы обратить общее вниманіе на необыкновенное прикосновеніе и слѣдствіе сего прикосновенія.

Посему можно сказать, что Самъ Іисусъ Христосъ обратно предлагаетъ нашему вниманію и размышленію вторый, сдѣланный нами вопросъ: подлинно ли Тотъ, Который есть Божія Сила, такъ преданъ во власть человѣковъ, что единымъ нѣкакимъ прикосновеніемъ они могутъ извлекать изъ Него для себя сію Божественную силу?—Потщимся же, колико можемъ, изслѣдовать и сей вопросъ, уже не столько слѣдуя собственному желанію знать, сколько соотвѣтствуя намѣренію Самого Спасителя, желающаго наставить насъ и привести въ благодатное къ Нему приближеніе.

Прежде всего въ настоящемъ изслѣдованіи должны мы утвердить для себя, какое только возможно, истинное и вѣрное понятіе о той непостижимой силѣ, которою Іисусъ Христосъ исполненъ такъ, что при одномъ прикосновеніи, да и то не къ самому Его тѣлу, а токмо къ краю одежды, оная уже проливается и производитъ чудесное дѣйствіе. Таковое понятіе даетъ намъ Апостолъ, когда говоритъ объ Іисусѣ Христѣ, что въ Немъ *живетъ всяко исполненіе Божества тѣлесно* (Колос. XI, 9).

Человѣчество Іисуса Христа есть полный сосудъ Божественныхъ даровъ, которые при единомъ прикосновеніи преливаются изъ него; есть устіе Божественнаго источника, въ которомъ вся внутренняя и сокровенная полнота животворящей силы Божіей становится приступною и удобопріемлемою; есть оный, пророкомъ Исаіею въ таинственномъ откровеніи видѣнный, *горящій уголь* (Исаія VI, 6), который чрезъ одно прикосновеніе къ устамъ пророка,

все существо его проникнулъ своею огненною силою, и очистилъ и освятилъ его. Приложимъ сіи понятія къ описаннымъ въ Евангеліи дѣйствіямъ Іисуса Христа: и мы точно найдемъ въ сихъ дѣйствіяхъ возвѣщаемое Апостоломъ исполненіе Божественныхъ силъ, наполняющихъ самую тѣлесность Богочеловѣка и на все отъ нея преливающихся. Онъ пріемлетъ въ руки хлѣбы, и Его неоскудѣвающее исполненіе творитъ пять хлѣбовъ достаточными для пяти тысячъ народа. Онъ беретъ броніе, и Его вседѣйствующее исполненіе сообщаетъ сему бренію силу отверсти очи слѣпому. Онъ прикасается мертвому и Его животворящее исполненіе возбуждаетъ жизнь угасшую. Онъ получаетъ отъ жены кровоточивой прикосновеніе только къ краю ризы Его, и Его безпредѣльное исполненіе достигаетъ ея чудотворною своею силою, *и абіе ста токъ крови ея*,—она исцѣлѣла.

Впрочемъ, Евангельская исторія показываетъ, что не всѣ наружно приближавшіеся ко Христу принимали отъ Его исполненія. Онъ представляетъ намъ въ одно время множество народа Его сопровождающее, окружающее, стѣсняющее; и одну только жену, Ему прикасающуюся такъ, что сіе прикосновеніе ощутилъ Онъ не тѣломъ, а Божественною Своею силою. *Наставниче*, говоритъ Ему Петръ и сущіе съ Нимъ, *народи одержатъ Тя и гнѣтутъ*. Іисусъ отвѣтствуетъ: *прикоснуся Мнѣ нѣкто*.—Должна быть нѣкая тайна въ семъ прикосновеніи.

Для сей-то тайны Господь и предложилъ вопросъ Свой: *кто есть коснувыйся Мнѣ*? Онъ благоволилъ, чтобы всѣ мы знали тайну сію и умѣли бы прикасаться къ Нему для нашего спасенія. Сія жена прикоснулась ко Христу тайно, стыдясь всенародно изъяснять Ему свою болѣзнь; но когда двукратный вопросъ Его: *кто есть коснувыйся Мнѣ?* показалъ ей, что поступокъ ея утаенъ быть не можетъ,—тогда она, хотя не безъ смущенія, открыла и намѣреніе и слѣдствіе своего прикосновенія. *Трепещущи пріиде, и падши предъ Нимъ, еяже ради вины прикоснуся Ему, повѣда Ему предъ всѣми людьми, и яко исцѣлѣ абіе*. Тогда Господь, научая ее не стыдиться прежняго недуга, но утѣшаться полученнымъ исцѣленіемъ, въ то же время открываетъ въ наставленіе всѣмъ тайну ея чудодѣйственнаго прикосновенія: *дерзай, дщи, вѣра твоя спасе тя*. Вѣра есть соотвѣтственное орудіе спасительнаго ко Христу прикосновенія; ею прикасающійся и къ ризамъ Его достигаетъ даже до внутренности Его Божественнаго исполненія; она есть духовный магнитъ, привлекающій небесныя силы (Изъ слова въ недѣлю 24. Т. I, стр. 118—122).

Исцѣленіе двухъ слѣпыхъ и нѣмаго бѣсноватаго. (Матѳ. IX, 27—35.)

По возвращеніи Своемъ изъ Гергесинской страны въ Галилею, Христосъ Спаситель вновь ознаменовалъ Свое присутствіе тамъ поразительными чудесами,—особенно воскрешеніемъ одной дѣвицы, и молва объ этомъ пронеслась по всему краю. Тогда начали къ Нему безпрерывно обращаться страждущіе, то съ тѣми, то съ другими болѣзнями; и всюду Онъ обнаруживалъ Свою власть надъ природою, съ одинаковою легкостью врачуя всякіе недуги. Народъ огласилъ Его подъ именемъ Сына Давидова,—высокимъ и почетнымъ именемъ, которое они въ былое время усвояли царямъ своимъ, а преимущественно соединяли съ представленіемъ о желанномъ Мессіи—Спасителѣ. Одинъ слухъ объ Немъ, одно имя Его привлекали къ Нему всѣхъ, даже не знавшихъ Его лично и не видѣвшихъ. Къ числу

такихъ принадлежали именно два слѣпца.

Слѣпцы эти попались Ему на дорогѣ, когда Онъ шелъ оттуда, гдѣ воскресилъ умершую. Желая получить отъ Него даръ исцѣленія по примѣру другихъ, они шли за Нимъ и кричали: *помилуй ны, (Іисусе) Сыне Давидовъ*,—«умилосердись надъ нами, Сынъ Давидовъ!» Но Онъ не давалъ отвѣта имъ и какъбы вовсе не обращалъ на нихъ вниманія. Тѣ слѣдовали за Нимъ неотступно, повторяя свою просьбу, пока, наконецъ, не пришли въ тотъ домъ, куда Спаситель направилъ Свой путь. Тутъ они являются къ Нему снова. Тогда Іисусъ спрашиваетъ ихъ:«вѣрите ли, что Я могу это сдѣлать?» Евангеліе не объясняетъ, на что̀ указывалъ собою этотъ вопросъ; но само собою, понятно, чего именно слѣпцы хотѣли,—они искали прозрѣнія. Слѣпцы отвѣчаютъ: «такъ, Господи, вѣримъ». Тогда Онъ прикоснулся къ ихъ очамъ, сказавъ: «пусть будетъ вамъ по вѣрѣ вашей», и глаза ихъ тотчасъ открылись. Чудо это совершилось, такимъ образомъ, еще быстрѣе, нежели прозрѣніе слѣпорожденнаго, о которомъ повѣствуется въ Евангеліи Іоанна (IX). Тамъ по крайней мѣрѣ предшествовало помазаніе очей бреніемъ, умовеніе въ купальнѣ Силоамской, а здѣсь чудо совершено и безъ этихъ легкихъ посредствъ,—однимъ прикосновеніемъ руки. Но за то и вѣра со стороны слѣпцовъ была изъявлена полная и рѣшительная. Слѣпорожденнаго Спаситель вызвалъ къ изъявленію вѣры, уже совершивъ чудо, а тутъ Онъ спрашиваетъ слѣпцовъ напередъ о вѣрѣ ихъ во всемогущество Его, и по этой вѣрѣ присуждаетъ имъ даръ искомаго цѣленія. Отсюда открывается, почему не вдругъ была исполнена ихъ просьба, и чего именно хотѣлъ Онъ, заставляя ихъ такъ долго просить Его: Онъ хотѣлъ испытать и вызвать наружу вѣру ихъ. И дѣйствительно, она обнаружила у нихъ себя достойнымъ образомъ. Во-первыхъ, эта самая усильность и неотступность ихъ прошенія свидѣтельствовала о совершенствѣ вѣры ихъ. Но возьмемъ еще во вниманіе то, что положеніе ихъ, въ своемъ родѣ, было исключительное. Они, по своему состоянію, лично не знали Іисуса и не могли видѣть своими глазами тѣхъ разнообразныхъ Его чудотвореній, при которыхъ другіе такъ часто бывали свидѣтелями и могли въ качествѣ очевидцевъ убѣждаться въ ихъ сверхъестественности;—они, по выраженію святаго Златоуста, «отъ слуха единаго вѣру пріемлютъ». Можно себѣ представить, какъ легко могла она рушиться у нихъ и обратиться въ невольное недовѣріе при одномъ признакѣ невниманія къ ней, при малѣйшемъ неуспѣхѣ. Не смотря на все это, они выдерживаютъ испытаніе съ рѣшимостью и подъ конецъ открыто даютъ увѣреніе въ ея неизмѣнности. Такая безпритязательность и добрая твердость вѣры ихъ стоила вполнѣ своей блистательной награды: не нужно забывать, что это все были еще первые образцы живой, глубокой вѣры въ Іисуса Христа, послѣ Его явленія во плоти; послѣдующимъ родамъ суждено идти уже по слѣдамъ ихъ. Спаситель, очевидно, вѣдалъ заранѣе, что вѣра слѣпцовъ сильна была пройти такой нелегкій искусъ, и захотѣлъ подвергнуть ее оному, чтобы потомъ еще больше сообщить ей силы вѣрнымъ исполненіемъ просимаго.

Это великое дѣло Спасителя представило въ себѣ еще одну особенную черту. Давъ зрѣніе слѣпцамъ, Онъ строго запретилъ имъ разглашать объ этомъ предъ кѣмъ бы то ни было, желая оставить дѣло Свое въ неизвѣстности; это же, между прочимъ, самое желаніе святый Златоустъ усматриваетъ и въ

домашнемъ способѣ исцѣленія, такъ какъ оно совершилось не на улицѣ, гдѣ начали просить Христа слѣпцы, а нарочито въ домѣ. Имъ трудно было, разумѣется, удержать себя въ молчаніи, не смотря на сдѣланное запрещеніе, и они, вышедши, тотчасъ же разгласили о Христѣ повсюду; да и самая видимость чуда вела дѣло къ огласкѣ. Но что же была за цѣль того запрещенія? Что за цѣль, когда въ иныхъ случаяхъ Спаситель Самъ указывалъ другимъ на дѣла Свои и иногда прямо посылалъ исцѣленныхъ возвѣщать о чудесахъ Его? Было бы дерзко думать, будто Христосъ иное говорилъ здѣсь, а иное имѣлъ въ мысли, и только хотѣлъ тѣмъ воспламенить усердіе слѣпцовъ къ проповѣди о Немъ. Такой образъ дѣйствій не въ духѣ Божественнаго Основателя христіанской вѣры, хотя подобная двуличность и допускается тѣми ложными ея послѣдователями, которые увѣряютъ, что цѣль освящаетъ средства. Нѣтъ, здѣсь не должно видѣть никакого противорѣчія въ дѣйствіяхъ Іисуса; и сдѣланное слѣпцамъ запрещеніе имѣло у Него прямой смыслъ и свое опредѣленное основаніе. Христосъ Спаситель учитъ насъ, по замѣчанію того же святаго отца, избѣгать славы человѣческой и отвергать ее, когда дѣло касается только нашего личнаго прославленія; а когда она относится къ Богу, не только не отвергать, но и распространять ее между людьми. Являясь въ качествѣ чрезвычайнаго Посланника Божія и дѣйствуя съ достоинствомъ и властію единороднаго Сына Божія, Спаситель въ то же время былъ человѣкомъ ради насъ; въ этомъ состояніи явился Онъ, между прочимъ, для того, чтобъ открыть людямъ въ Своемъ Лицѣ совершеннѣйшіе пути нравственной дѣятельности; это и дѣлалъ Онъ, оставляя намъ образцы, да послѣдуемъ стопамъ Его (1 Петр. II, 21). Съ этою цѣлью Онъ и при чудесныхъ проявленіяхъ Божественной силы Своей всюду подавалъ намъ примѣры человѣческихъ, высоко-нравственныхъ дѣйствій, располагая насъ подражать Ему въ мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ. Такъ Онъ и здѣсь намъ показалъ нарочитый примѣръ безпристрастія къ славѣ человѣческой и душевнаго смиренія. Слава Божія, слава Отца Небеснаго при каждомъ случаѣ была первымъ предметомъ заботъ Его; но въ настоящемъ случаѣ Онъ только показалъ опредѣленнымъ образомъ, что въ Себѣ Самъ лично, какъ человѣкъ, Онъ не ищетъ человѣческаго почитанія и готовъ всѣми мѣрами избѣгать его. Этотъ урокъ былъ для людей своего рода благодѣяніемъ не менѣе важнымъ, какъ и видимые дары врачеванія.

При выходѣ слѣпцовъ, Ему снова представили страждущаго для исцѣленія: то былъ нѣмой-бѣсноватый, у котораго дѣйствіемъ духа тьмы связанъ былъ языкъ. Нѣмота бываетъ, какъ извѣстно, и отъ естественныхъ причинъ, иногда отъ природы, иногда отъ несчастныхъ случаевъ поврежденія въ организмѣ, и ея мгновенное исцѣленіе было также чудеснымъ дѣломъ. Но здѣсь мы не имѣемъ основанія вводить какія либо естественныя объясненія; потому что Евангелистъ прямо сообщаетъ намъ, что это была нѣмота одержимаго бѣсомъ, — и когда потомъ былъ изгнанъ бѣсъ, нѣмой проговорилъ.

Всѣ эти благодѣтельныя чудеса больше и больше возбуждали въ народѣ уваженіе къ Іисусу, какъ къ чрезвычайному, въ своемъ родѣ единственному, Посланнику Божію. Когда послѣдовало исцѣленіе нѣмаго, народъ говорилъ въ изумленіи: «никогда такъ не было видано во Израилѣ» (33). Но что же противники и постоянные завистни-

ки Спасителя—фарисеи, которые всюду искали случая въ чемъ либо заподозрить Его дѣйствія? Они начали утверждать, что Христосъ изгоняетъ бѣсовъ силою же князя бѣсовскаго. Это нелѣпое нареканіе высказывалось у нихъ не однажды. При другомъ случаѣ Евангелистъ описываетъ съ подробностью, какое объясненіе имѣлъ съ ними Христосъ по этому предмету, доказывая имъ съ очевидностью, что сатана не можетъ изгонять самъ себя (Матѳ. XII, 24—30). Но здѣсь Евангельская исторія представляетъ намъ сильнѣйшее опроверженіе ихъ клеветы на самомъ дѣлѣ. Обратимся опять къ заключительнымъ словамъ Евангельскаго чтенія: *и прохождаше Іисусъ грады вся и веси, уча на сонмищихъ ихъ и проповѣдая Евангеліе Царствія, и цѣля всякъ недугъ и всяку язю въ людехъ* (IX, 35). Все это обнаруживаетъ рядъ непрерывныхъ благодѣяній человѣчеству, — духовныхъ и тѣлесныхъ, которыхъ сила бѣсовская и не захотѣла бъ никогда и не могла бы сдѣлать (Воскр. Чт., г. XXV, ч. I, стр. 407—412).

Воскрешеніе сына Наинской вдовы (Лук. VII, 11—16).

Въ скоромъ времени послѣ исцѣленія слуги Капернаумскаго сотника, Іисусъ Христосъ отправился въ Наинъ,—тоже Галилейскій городъ, находившійся невдалекѣ отъ Капернаума; за Христомъ слѣдовали ученики и множество народа. Когда приблизились они къ городскимъ воротамъ, то встрѣтили многочисленное собраніе жителей города, которые несли хоронить умершаго; это былъ единственный сынъ одной вдовы. Понятно, какова была скорбь несчастной матери. Господь увидѣлъ ея стенанія и горесть, и, сжалившись надъ нею, вдругъ произноситъ ей утѣшительное слово: «не плачь». Затѣмъ Онъ прикоснулся къ одру, на которомъ несли умершаго; несущіе остановились. Тогда Христосъ сказалъ: «юноша, тебѣ говорю,—встань»; и мертвецъ поднявшись сѣлъ и началъ говорить. Іисусъ отдалъ его матери его (11—15).

Это чудесное событіе объяло присутствовавшихъ страхомъ, и всѣ, воздавая славу Богу, говорили, что великій Пророкъ явился между ними, и что Богъ посѣтилъ людей Своихъ, т. е. оказалъ знаки Своего благоволенія къ избранному народу (16). При всей бѣдности и скромности внѣшняго положенія Іисусова, народъ не могъ не проникнуться чувствомъ его сверхъестественнаго величія, и впечатлѣніе совершившагося чуда напомнило имъ древнюю славу пророческаго времени, которое такъ ясно говорило о близкихъ сношеніяхъ Бога съ избраннымъ народомъ Своимъ и съ блистательными откровеніями котораго росла и утверждалась въ ихъ душѣ неумирающая надежда—дождаться, наконецъ, и встрѣтить Того великаго Пророка отъ ихъ братіи, Котораго предуказалъ имъ Моисей (Второзак. XVIII, 15). Дивясь внезапному чуду, народъ имѣлъ полное основаніе назвать Іисуса *пророкомъ великимъ*; кромѣ того, что и между древними пророками только немногіе, какъ Илія и Елисей, совершали подобныя чудеса, нужно взять еще во вниманіе ту легкость, съ которою Христосъ воздвигнулъ умершаго, и тотъ независимый, владычественный тонъ рѣчи, съ какимъ обратился Онъ къ мертвецу, призывая его къ жизни. Притомъ же Христосъ все это дѣлалъ, уже будучи окруженъ славою прежнихъ многочисленныхъ чудесъ Своихъ, изъ которыхъ многія по своей необычайности почти равнялись воскрешенію умершаго.

Представляя намъ утѣшительный образъ состраданія къ плачущей вдовѣ

со стороны Христа Спасителя, Церковь въ одной изъ пѣсней своихъ наводитъ этимъ каждаго изъ насъ на мысль о безотрадности его собственнаго положенія при видѣ того омертвенія, въ которое приводитъ душу грѣхъ,—и напоминая это, побуждаетъ просить милости Спасителя. Объ этомъ говоритъ одно изъ молитвенныхъ воззваній въ акаѳистѣ Іисусу Сладчайшему, которое Церковь влагаетъ въ уста вѣрующаго: «видя вдовицу зѣльнѣ (т. е. сильно) плачущую, Господи, якоже тогда умилосердився сына ея на погребеніе несома воскресилъ еси, сице и о мнѣ умилосердися, Человѣколюбче, и грѣхами умерщвленную мою душу воскреси»... (Конд. 2). Хорошо было бы, если бы именно въ такихъ чувствахъ и такомъ направленіи высказывалась наша любовь къ самимъ себѣ. Мы любимъ каждый свою душу, по естественному побужденію стараемся беречь ее, пуще роднаго дѣтища,—и въ самомъ дѣлѣ она стоитъ того, чтобы съ особеннымъ усердіемъ позаботиться о ней, она одно у насъ, и въ цѣломъ мірѣ для насъ не найдется ей замѣны: такъ вотъ въ чемъ прежде всего должна остановиться наша забота о ней,—на ея жалкомъ истощенномъ положеніи, подъ вліяніемъ мертвящей силы беззаконія. Душа наша не можетъ умирать какъ тѣло, то есть по закону внѣшняго разложенія,—она живетъ въ личности своей и существуетъ непрестанно; но если остается она въ томъ необновленномъ видѣ, въ какомъ вообще теперь находится человѣкъ естественный до благодатнаго возрожденія, то въ ней постоянно дѣйствуетъ истощающее, разрушающее начало зла и совершается, такъ сказать, процессъ непрерывнаго умиранія; каждая минута жизни отзывается отсутствіемъ истинной жизни, безсиліемъ и мертвою неподвижностью на добро.—Опытъ милости къ несчастной вдовѣ, показанный Спасителемъ, можетъ представлять и особенное утѣшеніе для тѣхъ, кому суждено бываетъ въ жизни испытывать положеніе, подобное положенію этой женщины. Не ей одной выпала на долю такая тяжкая утрата: какъ въ давнія времена, такъ и теперь опытъ жизни весьма часто даетъ намъ видѣть, а нерѣдко и самимъ на себѣ выносить горестные случаи и примѣры того, какъ утрачиваются близкіе сердцу родные, какъ сироты остаются безъ отца или матери, вдовы лишаются дѣтей, въ которыхъ полагали утѣшеніе и опору своей жизни. Господь и Спаситель нашъ остается и для нихъ тѣмъ же Утѣшителемъ въ скорби, какимъ Онъ явился и для Наинской вдовы. Онъ предъ нами теперь не творитъ тѣхъ чудесъ воскрешенія, какое совершилъ въ ту пору; но это состраданіе, которое Онъ обнаружилъ въ отношеніи къ скорбящей матери умершаго, это участіе къ ея безутѣшному положенію, которое Онъ обнаружилъ еще при первомъ взглядѣ на печальное зрѣлище, ручается намъ и будетъ ручаться за то, что Онъ всегда и всюду видитъ скорбь страждущей души и не пройдетъ мимо нея безъ вниманія и соотвѣтственнаго облегченія (Воскр. Чт., г. XXV, ч. II, стр. 744—746).

Святаго Амвросія Медіоланскаго изъясненіе Евангелія о воскрешеніи сына Наинской вдовы.

Бысть посемъ, идяше Іисусъ во градъ, нарицаемый Наинъ, и съ Нимъ идяху ученицы Его мнози и народъ многъ. Якоже приближися ко вратомъ града, и се, изношаху умерша, сына единородна матери своей: и та бѣ вдова: и народъ отъ града многъ съ нею. И видѣвъ ю Господь, милосердова о ней, и рече ей: не плачи. И приступль коснуся во

одрѣ. Возлюбленные о Христѣ братіе! кто изъ насъ не видитъ изъ словъ нынѣ чтеннаго Евангелія, какъ сѣтующая по своемъ сынѣ мать преклонила милосердаго Бога, та, говорю, мать, которой сердце раздиралось отъ скорби о смерти единороднаго сына ея, на погребеніе коего, изъ уваженія къ ней, собралось множество народа? Конечно, эта жена была не изъ числа женъ обыкновенныхъ, ибо сподобилась видѣть сына своего воскресшимъ изъ мертвыхъ. Что же значитъ сіе? Не то ли, что и всѣ сыны Святыя Православныя Церкви должны быть совершенно увѣрены въ будущемъ своемъ воскресеніи? Спаситель потому и запретилъ сей женѣ плакать, что хотѣлъ воскресить сына ея.

Умершаго несли на одрѣ, устроенномъ изъ дерева, которое отъ прикосновенія Спасителя получило животворную силу, въ знаменіе того, что всякій человѣкъ можетъ спастись посредствомъ животворящаго древа крестнаго.

Несшіе бренное тѣло на погребеніе, услышавъ слово Божіе, тотчасъ остановились. Братіе, не тѣ ли же и мы мертвецы? Не лежимъ ли и мы бездыханны на одрѣ недуговъ душевныхъ, когда нашу внутренность палитъ огнь сладострастія; когда въ насъ хладѣетъ усердіе къ Богу; когда тѣлесныя немощи разслабляютъ въ насъ силы душевныя, или когда мы въ сердцѣ своемъ питаемъ нечистые помыслы? Вотъ кто насъ несетъ на погребеніе; вотъ что приближаетъ насъ ко гробу!

Хотя смерть лишаетъ умершаго всякой надежды возвратиться къ жизни, хотя тѣло его опускается въ могилу; но слово Божіе столь животворно, столь сильно, что можетъ возвратить жизнь и бездыханному трупу; ибо едва Спаситель сказалъ: *юноша, тебѣ глаголю, востани*, юноша всталъ, оставилъ гробъ, началъ говорить и возвратился къ своей матери. Но какой это гробъ, братіе? Не наши ли это злые нравы? Не тотъ ли это гробъ, о которомъ говоритъ Писаніе: *гробъ отверстъ гортань ихъ* (Псал. V, 10), и изъ котораго выходятъ гнилыя и мертвыя слова? Христіанинъ! отъ сего гроба освобождаетъ тебя Іисусъ Христосъ; изъ сего гроба чувственности и ты долженъ востать, коль скоро услышишь слово Божіе.

Когда мы не стараемся омыть своихъ грѣховъ слезами покаянія, тогда матерь наша Святая Церковь оплакиваетъ насъ такъ же, какъ Наинская вдовица оплакивала своего единороднаго сына. Видя, что мы обременены смертными грѣхами, стремимся къ вѣчной смерти, она скорбитъ духомъ и болѣзнуетъ о нашей погибели; потому что мы называемся утробою ея, какъ это видно изъ словъ Апостола, который говоритъ: *ей, брате, азъ да получу, еже прошу у тебе о Господѣ: успокой мою утробу о Господѣ* (Филим. I, 20). Мы плоть отъ плоти и кость отъ костей ея, и когда сія чадолюбивая матерь болѣзнуетъ о насъ, то съ нею соболѣзнуетъ и народъ многъ. Христіанинъ, встань съ одра душевныхъ твоихъ недуговъ; востань изъ гроба духовной твоей мертвенности; и тогда погребатели твои остановятся, тогда и ты проглаголешь словеса живота вѣчнаго,—и всѣ убоятся, ибо примѣръ одного можетъ послужить къ исправленію многихъ; всѣ прославятъ Бога, даровавшаго намъ великую Свою милость и избавившаго насъ отъ вѣчныя смерти (Воскр. Чт., ч. X, стр. 261—262).

Библіографическій указатель къ IX гл. Евангелія отъ Матѳея и парал.

О воскрешеніи дочери Іаира и исцѣленіи кровоточивой.

1) На Ев. Матѳея IX, 18—26. *Св. Іоанна Златоустаго* о воскрешеніи дочери Іаира и исцѣленіи кровоточивой. Бес. XXXI, ч. II, 31—46.

2) Ст. 18—26. *Филарета, митроп. Кіевскаго.* Воскресное Чтеніе, г. IV. 134—138.

3) Ст. 18. Руковозложеніе. Библ. пол. сл. Воскресное Чтеніе, 1877 г. II. 126.

4) Ст. 20—22. *Свящ. А. Ключарева.* Евангельское повѣствованіе объ исцѣленіи Господомъ жены кровоточивой. Душеп. Чт. 1863 г. I. 39—52.

5) *Прот. Нечаева.* Уроки покаянія, заимствованные изъ Еванг. въ Вел. канонѣ святаго Андрея Критскаго. Исцѣленіе кровоточивой. Душеп. Чт. 1880 г. 463—465.

6) Ст. 24. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О различномъ отношеніи Св. Церкви и міра къ умершимъ и значеніи словъ: „смерть и успеніе"—на языкѣ міра и Церкви. День кончины Пресвятой Богородицы не есть день Ея смерти, а день успенія. Слова и бес. III. 53—55.

7) На Евангеліе Марка V, 22. 35. Іаиръ. Библ. пол. сл. 1875 г. Воскресное Чтеніе, II. 204.

8) Ст. 39. *Иліодора, архіеп. Курскаго.* Объ истинѣ воскресенія. Бес. 177—184.

9) На Еванг. Лук. VIII, 50. *Св. Аѳанасія Александрійскаго* изъ толкованія Тв. святыхъ отцевъ, т. XXII. Тв. святаго Аѳанасія Александрійскаго, ч. IV, 502—503.

10) Ст. 41—56. Дочь Іаира. Воскресное Чтеніе, 1877 г. I. 30—31.

11) Ст. 41—56. Недѣля 24 по Пятидесятницѣ. Воскресное Чтеніе, г. XXV. № 32, 851—854.

12) Ст. 41—56. *Евсевія, еп. Могилевскаго.* Бес. въ 24 нед. по Пятидесятницѣ. Бес. на воскр. и праздн. Еванг., ч. II. 73—86.

13) Ст. 41—52. Младенецъ Іисусъ. Воскресное Чтеніе, II, 397—398.

14) Ст. 41. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О томъ, что Богъ есть единственное и вѣрное прибѣжище въ несчастіяхъ нашихъ, и что самыя несчастія мы должны признавать своимъ благомъ. I. 535—541.

15) Ст. 44—48. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* Бесѣда объ исцѣленіи кровоточивой. Волын. Епарх. Вѣд. 1876 г. № 24.

16) Ст. 44—56. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* О возможности и дѣйствительности чудесъ. III. 348—361.

17) Ст. 45. *Филарета, митроп. Московскаго.* О значеніи вопроса Іисуса Христа о прикосновеніи къ Нему, по поводу исцѣленія кровоточивой, и о способѣ исцѣленія. I. 74—77.

18) Ст. 49. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* Вѣра и спасеніе людей всегда и вездѣ находятся въ непрерывной связи между собою. II. 202—208.

19) Ст. 50. *Леонтія, архіеп. Варшавскаго.* Объ утѣшеніяхъ вѣры среди тяжкихъ испытаній въ жизни. I. 99—100.

20) Ст. 52. *Филарета, митроп. Московскаго.* О безсмертіи души. I. 159—162.

Объ исцѣленіи слѣпыхъ и нѣмого бѣсноватаго.

21) Матѳея IX, 27—35. *Блажен. Іеронима.* Изъясненіе Евангелія въ 7 нед. по Пятидесятницѣ. Воскресное Чтеніе, г. XVII. 135—136.

22) Ст. 27—35. *Филарета, митроп. Кіевскаго.* Воскресное Чтеніе, г. IV. 300—304.

23) Ст. 27—35. *Евсевія, еп. Могилевскаго.* Бес. въ 7 нед. по Пятидесятницѣ. Бес. на воскр. и праздн. Еванг., ч. I. 301—309.

24) *Прот. Нечаева.* Уроки покаянія. Исцѣленіе слѣпыхъ. Душеп. Чт. 1880 г. III. 469—474.

25) Ст. 28. *Вѣруете ли, яко могу сіе сотворити.* Воскресное Чтеніе, г. XXIV. II. 479.

О воскрешеніи сына Наинской вдовы (Лук. VII, 11—16).

26) *Блажен. Августина* о трехъ умершихъ, воскрешенныхъ Господомъ. Воскресное Чтеніе, г. XII. 375.

27) *Архим. Іосифа.* Воскрешеніе Наинскаго юноши. Духовн. Бес. 1861 г. XIV. 233—240.

28) Воскрешеніе Наинскаго юноши. Христ. Чт. 1851 г. II. 146—165.

29) *Бѣлюстина.* Послѣдній врагъ (Лук. VII, 11—16). Воскресное Чтеніе, т. XXXIII. II. 49—56.

30) Наинъ (Лук. VII, 11). Библ. пол. сл. Воскресное Чтеніе, 1876 г. II. 352.

31) *Епископа Епифифора,* слово на 14 ст. VII гл. Лук. Христ. Чт. 1852 г. II. 295.

32) Мать и сынъ (Лук. VII, 15). Воскресное Чтеніе, 1876 г. 352.

33) Лук. гл. VII, ст. 11—16. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Бесѣда о воскрешеніи сына Наинской вдовы. II. 103.

34) Ст. 11—16. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* О воскрешеніи сына Наинской вдовы и о томъ, что Богъ не только не виновникъ зла, но и былъ и пребываетъ благимъ, премудрымъ и святымъ, и при началѣ зла,—при попущеніи его,—и при существованіи зла до конца бытія міра, когда терпитъ зло. III. 326—327.

35) Ст. 13. *Исидора, митроп. Новгородскаго.* О воскрешеніи сына Наинской вдовы. 198—199.

36) Ст. 13. *Макарія, епископа Тамбовскаго.* Объ особенныхъ побужденіяхъ къ христіанскому милосердію. II. 91—99.

37) *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О томъ, что мы сильно привязываемся къ земному, къ своимъ грѣхамъ, что только наказанія Божіи, и то на время, заставляютъ насъ вразумляться и обращаться помыслами къ небесному. I. 497—503.

Посольство отъ Іоанна Крестителя къ Іисусу Христу (Матѳ. XI, 2—7).

Іоаннъ же, слышавъ во узилищи дѣла Христова, посла два отъ учениковъ своихъ. Рече Ему: Ты ли еси грядый, или иного чаемъ? (Матѳ. XI, 2—3.) Что̀ за причина сего, столь страннаго, посольства и вопрошенія? Неужели Іоаннъ дотолѣ не былъ еще убѣжденъ, что Іисусъ Христосъ есть обѣтованный Спаситель міра? Неужели могъ сомнѣваться въ семъ тотъ, который еще во чревѣ матернемъ, при недостаткѣ слова, проповѣдывалъ Его играніемъ радости; который при крещеніи съ благоговѣйнымъ трепетомъ говорилъ Ему: *азъ требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мнѣ?* Который, по крещеніи Его, видѣлъ отверстыя небеса, слышалъ гласъ Отца Небеснаго: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ;* видѣлъ Духа Святаго, въ видѣ голубя сшедшаго и почившаго на Немъ; который нѣсколько разъ, перстомъ указуя на Него, свидѣтельствовалъ всѣмъ велегласно: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра?*

Итакъ очевидно, что не для своего убѣжденія, но для увѣренія учениковъ своихъ Іоаннъ посылалъ ихъ къ Іисусу Христу съ симъ вопрошеніемъ.

Изъ повѣствованія Евангельскаго извѣстно, что ученики Іоанновы, плѣнившись Ангелоподобною святостью жизни его и Божественною нѣкоею силою его ученія, такъ къ нему прилѣпились, что никакъ не хотѣли отстать отъ него и тогда, когда уже Спаситель Христосъ проповѣдью и чудесами Своими привлекалъ къ Себѣ всѣхъ. Даже извѣстно, что они имѣли слабость, свойственную человѣкамъ, еще не усовершившимся въ благочестіи, завидовать славѣ Іисуса Христа, предъ которою, по мнѣнію ихъ, начинала умаляться слава ихъ учителя. Ибо они еще не знали, Кто есть Іисусъ Христосъ; а потому учителя своего, по необычайной строгости жизни и по старѣйшинству, ставили выше Его. При жизни своей Іоаннъ, какъ вѣрный служитель Божій, всячески старался исправить въ ученикахъ своихъ сію, хотя искреннюю, но неумѣстную ихъ къ нему ревность, и привесть ихъ къ вѣрѣ во Іисуса Христа. Такъ, когда они, послѣ спора о семъ съ Іудеями, пришли къ нему и выразили сію ревность, говоря: *равви, Иже бѣ съ тобою объ онъ полъ Іор-*

дана, Емуже ты свидѣтельствовалъ еси, се Сей крещаетъ, и вси грядутъ къ Нему;—онъ имъ отвѣчалъ: *вы сами мнѣ свидѣтельствуете, яко рѣхъ: нѣсмь азъ Христосъ, но яко посланъ есмъ предъ Нимъ – Оному подобаетъ расти, мнѣ же малитися* (Іоан. III, 26—30.) Но ученики Іоанна, приписывая сіи слова глубокому его смиренію, оставались при своемъ мнѣніи. Теперь, находясь въ темницѣ и, по откровенію Божію, предвидя близкую свою кончину, Предтеча Господень, заботясь о спасеніи учениковъ своихъ, изобрѣтаетъ новое, мудрое средство къ совершенному истребленію въ умахъ ихъ излишней къ нему привязанности; дабы они послѣ смерти его, желая прославить учителя своего, не отдѣлились отъ учениковъ Іисуса Христа. Будучи увѣренъ, что Господь Іисусъ Божественною премудростью Своею исправитъ погрѣшительное ихъ мнѣніе, онъ, раздѣляя съ ними немощи ихъ, подъ покровомъ собственнаго недоумѣнія, посылаетъ двухъ изъ нихъ съ симъ вопросомъ: *Ты ли еси грядый, или иного чаемъ?* Такимъ поступкомъ своимъ Іоаннъ представляетъ совершенный образецъ истинныхъ служителей слова Божія, которые не только не ищутъ славы своей, но боятся оной и паче всего заботятся о томъ, чтобы вся слава служенія ихъ принадлежала единому Богу.

И отвѣщавъ Іисусъ рече имъ: шедше возвѣстите Іоаннови, яже слышите и видите: слѣпіи прозираютъ и хроміи ходятъ, прокаженніи очищаются и глусіи слышатъ, мертвіи востаютъ и нищіи благовѣствуютъ: и блаженъ есть иже аще не соблазнится о Мнѣ.

Всевѣдующій Господь Іисусъ, разумѣя мысли Своего Предтечи, на необычайный его вопросъ, необычайный даетъ и отвѣтъ. Отвѣчаетъ не словами, что Онъ есть Спаситель міра, обѣтованный Отцемъ, ибо сіе соблазнило бы Іудеевъ, которые и безъ того говорили Ему: *Ты Самъ о Себѣ свидѣтельствуеши,*—но такими дѣлами, изъ которыхъ ученики Іоанновы должны были сами совершенно въ томъ увѣриться. Святый Евангелистъ Лука повѣствуетъ, что Спаситель въ тотъ же часъ, вмѣсто отвѣта посланнымъ, *исцѣлилъ многихъ отъ недуговъ и ранъ, и духовъ злыхъ, и многимъ слѣпымъ даровалъ прозрѣніе.* И послѣ уже сихъ благодѣтельныхъ чудесъ, которыхъ ученики Іоанновы были очевидцами, даетъ имъ отвѣтъ: «идите, возвѣстите Іоанну, что̀ слышите и видите:— слѣпые прозираютъ, хромые ходятъ, прокаженные очищаются, глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ и нищимъ благовѣствуется». Сіи чудныя и благотворительныя роду человѣческому дѣла, свойственныя единому Богу, какъ несомнительные признаки обѣтованнаго Спасителя міра, возвѣщены о Немъ еще чрезъ пророка Исаію, который говорилъ: *укрѣпитеся, руцѣ ослабленыя, и колѣна разслабленая: утѣшитеся, малодушніи умомъ, укрѣпитеся, не бойтеся: се Богъ нашъ судъ воздаетъ, и воздастъ, Той пріидетъ и спасетъ насъ. Тогда отверзутся очи слѣпыхъ, и уши глухихъ услышатъ. Тогда скочитъ хромый, яко елень, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ* (XXXV, 3—4). *Духъ Господень на Мнѣ, Егоже ради помаза Мя, благовѣстити нищимъ посла Мя, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣнникомъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе* (LXI, 1).—Кромѣ сего, дабы совершенно истребить въ душахъ учениковъ Іоанновыхъ погрѣшительное ихъ о Немъ мнѣніе, Іисусъ Христосъ показываетъ, что отъ Божественнаго Его всевѣдѣнія не могутъ скрыться самыя тайныя помышленія ихъ сердца. Именно, поелику глубокое

смиреніе и уничиженіе Спасителя, подъ которыми сокрывалась слава Божества Его, соблазняли какъ ихъ, такъ и прочихъ Іудеевъ, по ложному понятію міра и плоти, ожидавшихъ явленія Мессіи во всемъ блескѣ и славѣ видимаго царскаго величія;—то Онъ заключаетъ, наконецъ, весь отвѣтъ Свой сими словами: *блаженъ есть, иже аще не соблазнится о Мнѣ*, т. е. блаженъ всякій тотъ, кому глубокое смиреніе и уничиженіе Іисуса Христа во время жизни Его на землѣ и крестныя Его смерти не воспрепятствуютъ вѣровать въ Его Божество. Спасительное дѣйствіе сего отвѣта въ сердцахъ учениковъ Іоанновыхъ произвело то, что они возвратились къ своему учителю съ вѣрою во Іисуса Христа и, по кончинѣ Предтечи, присоединились къ ученикамъ Его (Воскр. Чт., г. II, стр. 110—112).

Посольство отъ Іоанна Крестителя къ Іисусу Христу (Матѳ. XI, 2—19. Лук. VII, 18—28).

(А. Л—ва.)

Находясь въ темницѣ, Іоаннъ Креститель слышитъ отъ учениковъ своихъ о чудесныхъ дѣлахъ, совершаемыхъ Іисусомъ Христомъ, и это даетъ ему поводъ послать къ Іисусу Христу двухъ учениковъ съ вопросомъ: «*Ты ли еси грядый, или иного чаемъ*», то есть ты ли обѣтованный Мессія, или Мессія еще не пришелъ, и намъ нужно только ожидать Его? Въ то время, когда посланные пришли къ Іисусу, Онъ совершалъ дѣла, которыя по ветхозавѣтнымъ пророчествамъ именно долженъ былъ совершать Мессія. И указаніемъ на сіи дѣла, Спаситель отвѣчаетъ на предложенный Ему вопросъ. *Шедше*, говоритъ Онъ, *возвѣстите Іоаннови, яже слышите и видите: слѣпіи прозираютъ, и хроміи ходятъ, прокаженніи очищаются и глусіи слышатъ: мертвіи возстаютъ, и нищіи благовѣствуютъ*, и потомъ присовокупляетъ: *и блаженъ есть, иже аще не соблазнится о Мнѣ.*

Буквальный смыслъ всѣхъ этихъ словъ, въ которыхъ Евангеліе повѣствуетъ о посольствѣ Іоанна, самъ собой ясенъ, и было бы напрасно распространяться въ изъясненіи ихъ. Но что здѣсь собственно останавливаетъ вниманіе, и что служило и до сихъ поръ служитъ предметомъ разнорѣчія между толковниками,—это вопросъ о внутреннемъ состояніи самого пославшаго. Не будемъ разбирать всѣхъ мнѣній, которыя породилъ этотъ вопросъ, и изъ которыхъ многія до такой степени натянуты и произвольны, что рѣшительно не заслуживаютъ даже и опроверженія.

Мы остановимся только на двухъ мнѣніяхъ. По одному,—которое ведетъ свое начало отъ святаго Златоуста и кажется намъ истиннымъ, Іоаннъ отправляетъ посольство къ Іисусу не для собственнаго удостовѣренія, а для удостовѣренія учениковъ своихъ. По другому же объясненію допускается, что Іоаннъ самъ имѣлъ нужду въ такомъ посольствѣ для разсѣянія своихъ собственныхъ недоумѣній. Это мнѣніе идетъ также изъ древнихъ временъ христіанства, въ особенности усвоено и развито теперь западными учеными. Таково мнѣніе одного изъ Нѣмецкихъ ученыхъ—Ольц-Гаузена.

Въ словахъ же: *мній же въ Царствіи Небеснѣмъ болій его есть*, Нѣмецкій толковникъ думаетъ видѣть, наконецъ, и прямое свидѣтельство Самого Іисуса Христа, что Іоаннъ по своему разумѣнію таинъ Царствія Небеснаго былъ ниже самаго послѣдняго изъ новозавѣтныхъ вѣрующихъ, и посему естественно долженъ былъ испытать нѣкоторое сомнѣніе касательно лица Мессіи.—Сдѣлаемъ разборъ этого мнѣнія.

Для опроверженія мысли, что посольство было собственно для учениковъ Іоанна, Ольц-Гаузенъ считаетъ вполнѣ достаточнымъ сдѣлать то одно замѣчаніе, что для учениковъ Іоанновыхъ было бы вполнѣ достаточно свидѣтельство ихъ учителя; какъ мы, говоритъ онъ, дѣйствительно и видѣли это на Апостолахъ. Не смотря на всю рѣшительность и догматическій тонъ, съ которыми приводится это доказательство, мы, однакожъ, не понимаемъ совершенно его силы. «Достаточно было бы для учениковъ Іоанновыхъ свидѣтельства Іоанна». Но развѣ не было этого свидѣтельства? Развѣ не говоритъ же самъ авторъ этого доказательства, что именно оно, это свидѣтельство, нѣкоторыхъ учениковъ Іоанна привело къ послѣдованію за Іисусомъ? Отчего же, спросимъ мы его, не всѣ ученики Іоанна сдѣлались послѣдователями Іисуса? Не скажетъ же онъ, конечно, на это, что не всѣмъ, а только нѣкоторымъ свидѣтельствовалъ онъ о Мессіи. Дѣло въ томъ, что, тогда какъ нѣкоторыя болѣе простыя и болѣе доступныя дѣйствію благодати души съ полнымъ довѣріемъ приняли слово Іоанново, другіе ученики его, чрезмѣрно пристрастные къ своему учителю, никакъ не хотѣли считать его ниже Іисуса; напротивъ, о Самомъ Іисусѣ они думали, что Онъ обязанъ всѣмъ Своимъ возвышеніемъ собственно Іоанну, и потому естественно были недовольны и завидовали, когда слава Іисуса возрастала и затемняла собою славу Іоаннову. По свидѣтельству Евангелія, такія чувствованія ученики Іоанновы высказали прямо своему учителю, когда стали замѣчать, что крещеніе Іисусово пріобрѣтаетъ Ему болѣе учениковъ, чѣмъ сколько было у Іоанна (Іоан. III, 26). Хотя Іоаннъ со всею силою, какъ увидимъ ниже, говорилъ по этому поводу предъ учениками своими о Божественномъ достоинствѣ Іисуса, не видно, однакожъ, чтобы это свидѣтельство вразумляло ихъ; очень вѣроятно, что и въ то время, когда Іоаннъ находился въ темницѣ, ученики опять съ такимъ же горькимъ чувствомъ скорби о своемъ учителѣ повѣствовали ему о дѣлахъ Іисуса; чувство это, естественно, становилось въ нихъ сильнѣе при видѣ уничиженнаго положенія ихъ учителя. Но въ то же время по поводу этихъ чудесъ они, конечно, не могли не испытать и того общаго впечатлѣнія, которое Евангелистъ выражаетъ словами: *пріятъ же страхъ всѣхъ, и славляху Бога, глаголюще: яко Пророкъ велій возста въ насъ и яко посѣти Богъ людій Своихъ* (Лук. VII, 16). Очень естественно, что нѣкоторые изъ нихъ даже приходили къ вопросу: ужъ не Мессія ли въ самомъ дѣлѣ этотъ дивный человѣкъ,—и только чрезмѣрное пристрастіе къ учителю останавливало и подавляло возникавшую вѣру. Въ такихъ обстоятельствахъ Іоанну, который въ продолженіе своего служенія тщетно убѣждалъ учениковъ своихъ въ томъ, что Іисусъ Христосъ есть Мессія, конечно, было очень прилично послать ихъ къ Самому Іисусу, чтобы, наконецъ, самое дѣло наглядно показало имъ все превосходство Іисуса предъ Іоанномъ, и такимъ образомъ сокрушилась бы самая главная преграда, какая была между ними и Іисусомъ. «Ученики Іоанна, говоритъ Златоустъ, почитая Іисуса простымъ человѣкомъ, а учителя своего болѣе нежели человѣкомъ, съ досадою смотрѣли на то, что слава Іисусова возрастала, а Іоаннъ, какъ самъ о себѣ говорилъ, приближался уже къ концу. Все это препятствовало имъ придти ко Іисусу, такъ какъ зависть преграждала доступъ. И хотя Іоаннъ, доколѣ находился съ

ними, часто вразумлялъ ихъ и училъ; впрочемъ и тѣмъ не убѣдилъ. Когда же приближался уже къ смерти, еще болѣе о томъ заботился, ибо опасался, чтобы не оставить имъ повода къ превратному толку, и чтобы они не были навсегда отлученными отъ Христа. Что же онъ дѣлаетъ? Выжидаетъ случая отъ самихъ услышать, что Іисусъ творитъ чудеса; и тутъ самъ не даетъ имъ совѣтовъ, посылаетъ не всѣхъ, но только двоихъ, о которыхъ, быть можетъ, зналъ, что они способнѣе прочихъ увѣровать, дабы вопросъ не былъ подозрителенъ, и дабы они изъ самыхъ дѣлъ увидѣли разность между нимъ и Іисусомъ».

Несправедливо Нѣмецкій толковникъ ссылается въ свою пользу на прямой буквальный смыслъ Евангельскаго повѣствованія о посольствѣ Іоанна къ Іисусу. Дѣйствительно, въ этомъ повѣствованіи ничего не говорится, чтобы Іоаннъ посылалъ съ вопросомъ къ Іисусу собственно для учениковъ, но не говорится и того, чтобы посылалъ для себя. Евангельское повѣствованіе хочетъ передать только то, что посольство было отъ Іоанна, а при этомъ, какая бы ни была цѣль посольства со стороны Іоанна, безъ сомнѣнія, во всякомъ случаѣ посланные могли выразиться такъ: *Іоаннъ Крститель посла насъ къ Тебѣ, глаголя: Ты ли еси грядый, или иного чаемъ* (Лук. VII, 20)? Форма отвѣта Іисусова: *шедше возвѣстите Іоаннови...* очевидно находится только въ соотвѣтствіи съ формою вопроса, предложеннаго отъ лица Іоанна, и потому не показываетъ еще, чтобы этотъ отвѣтъ нуженъ былъ собственно для разсѣянія недоумѣній самого Іоанна. Равно заключительныя слова: *и блаженъ есть, иже не соблазнится о Мнѣ,* не относятся лично къ Іоанну, а вообще къ тому, кто недоумѣвалъ объ Іисусѣ.

Итакъ самый разсказъ Евангельскій не даетъ еще права видѣть въ вопросѣ Іоанна его сомнѣніе объ Іисусѣ; чтобы понимать такъ этотъ разсказъ, для сего нужно еще прежде найти какія-нибудь другія основанія.

Нѣмецкій толковникъ находитъ для этого, повидимому, очень глубокое психологическое основаніе,—ссылается на внутренній опытъ, по свидѣтельству котораго въ жизни каждаго вѣрующаго бываютъ минуты искушенія, въ которыя обыкновенно колеблется и самое твердое убѣжденіе. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, справедливо ли вообще считать неизбѣжными и совершенно законными для каждаго вѣрующаго такія минуты искушенія, мы только спросимъ: какое именно въ душѣ Іоанна было основаніе, или лучше, было ли это основаніе усумниться въ Мессіи, въ разсматриваемомъ нами случаѣ?

Защитники этого сомнѣнія хотятъ въ этомъ случаѣ указать основаніе для него (его, очевидно, имѣетъ въ виду и Ольц-Гаузенъ, хотя и не раскрываетъ съ такою полнотою, какъ другіе приверженцы одного съ нимъ мнѣнія) въ Іудейскихъ народныхъ предразсудкахъ, господствовавшихъ въ то время о лицѣ Мессіи. Эти предразсудки,—говорятъ,—были общіе: сами Апостолы не были чужды ихъ, и потому часто соблазнялись о Мессіи. Странно же, говорятъ, послѣ этого допустить, чтобы одинъ Іоаннъ устоялъ противъ соблазна. Онъ былъ бы въ семъ случаѣ явленіемъ одинокимъ, неимѣющимъ, вопреки законамъ развитія человѣческой жизни, никакой связи съ окружающею средою, и потому неестественнымъ и невѣроятнымъ. Итакъ вотъ краеугольный камень, на которомъ держится разсматриваемое нами мнѣніе; это именно — историческая аналогія. Посмотримъ, твердъ ли этотъ камень.

Что предразсудки народные были,—объ этомъ, безъ сомнѣнія, нѣтъ нужды и спорить. Но вопросъ въ томъ, были ли эти предразсудки нѣчто неизбѣжное, такъ чтобы они необходимо уже опутывали собою каждаго Іудея? Ветхозавѣтныя пророчества о лицѣ Мессіи, изъ которыхъ многія очень ясно и опредѣленно предуказывали даже и такія черты въ Мессіи, съ которыми всего менѣе могли примириться предразсудки Іудейскіе, напримѣръ Его уничиженное состояніе,—эти пророчества, конечно, не затѣмъ же даны были, чтобы ихъ не понимали. Предразсудочныя понятія о лицѣ Мессіи были слѣдствіемъ только грубаго невниманія къ слову Божію, были злоупотребленіями; но уже по этому самому не исключали возможности, при болѣе внимательномъ поученіи въ словѣ Божіемъ и при дѣйствіи благодати Божіей, которая не оставляетъ усердныхъ искателей истины,—не исключали, говоримъ, возможности и лучшей вѣры въ Мессію. Съ такою вѣрою мы, дѣйствительно, видимъ напримѣръ старца Сумеона, который не усумнился въ простомъ Младенцѣ бѣдной Маріи признать Мессію и предрекъ Ему и въ послѣдующей жизни уничиженія и страданія, которыя сдѣлаютъ Его для многихъ предметомъ прекаканій (Лук. XI, 34—35). Къ числу немногихъ избранныхъ, возвышавшихся надъ господствовавшими предразсудками современниковъ относительно Мессіи, принадлежалъ и Іоаннъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надобно обратить вниманіе не столько на то, какова среда, въ которой жилъ онъ (ибо въ этомъ случаѣ мы не узнаемъ еще человѣка, личность его здѣсь исчезаетъ въ общемъ порядкѣ)—сколько на то, какъ онъ, сообразно со своимъ личнымъ характеромъ, относился къ этой средѣ. Что же именно извѣстно намъ объ Іоаннѣ въ этомъ отношеніи?

Уже самое взыграніе Іоанна во чревѣ матернемъ, которымъ (взыграніемъ) онъ, по словамъ Златоуста, проповѣдывалъ Христа прежде своего рожденія, предзнаменовало въ немъ человѣка, который будетъ особенно близко знать Мессію. Исторія служенія его въ качествѣ Предтечи вполнѣ оправдываетъ такое предзнаменованіе.

Предъ самымъ заключеніемъ своимъ въ темницу, Іоаннъ съ особенною силою, въ особенно рѣзкихъ чертахъ исповѣдуетъ достоинство Мессіи въ Іисусѣ. Это было по случаю упомянутой уже нами жалобы, высказанной учениками Іоанновыми своему учителю, что крещеніе Іисуса пріобрѣтаетъ Ему болѣе послѣдователей, чѣмъ было у самого Іоанна. Іоаннъ на это отвѣчаетъ, что это такъ и должно быть, чтобы онъ стоялъ ниже Іисуса,—ибо онъ только Его Предтеча. Съ свѣтлымъ, одушевленнымъ чувствомъ радости, съ яснымъ сознаніемъ своего призванія, Іоаннъ говоритъ, что онъ теперь совершилъ свое дѣло и что посему теперь, естественно, должна уменьшаться слава его въ той мѣрѣ, какъ будетъ расти слава Мессіи. Онъ радуется радостью женихова друга, который привелъ жениху невѣсту его. *Сія убо радость моя исполнися*,—вотъ все его утѣшеніе, которое для него всего дороже, и болѣе котораго ему ничего не нужно,—утѣшеніе въ сознаніи, что онъ исполнилъ свой долгъ: привелъ къ Господу народъ, какъ невѣсту къ жениху! Засимъ Іоаннъ указываетъ самыя черты превосходства предъ собою Іисуса: называетъ Его приходящимъ свыше, съ небеси, и высшимъ всѣхъ, а себя сущимъ отъ земли, земнымъ, и тѣмъ ясно даетъ разумѣть, что называетъ Іисуса приходящимъ свы-

ше не въ смыслѣ простого Божественнаго призванія, ибо такое призваніе имѣлъ и самъ Іоаннъ, а въ томъ, что Онъ не имѣетъ, какъ Іоаннъ и вообще всѣ люди, человѣка отцемъ своимъ, но имѣетъ вѣчное происхожденіе отъ Отца Бога, Самъ есть Богъ, всѣмъ управляющій (какъ еще опредѣленнѣе высказывается это у Іоанна въ послѣдующихъ словахъ). Скорбитъ, что люди по ожесточенію своему не пріемлютъ свидѣтельства даже и такого Лица; однакоже тѣ немногіе, которые принимаютъ сіе свидѣтельство, тѣ собственнымъ внутреннимъ и глубокимъ опытомъ познаютъ, *яко Богъ истиненъ естъ*. Мессія Самъ чрезъ благодатное дѣйствіе несокрушимою печатью запечатлѣваетъ истинность ихъ вѣры. Ибо Онъ есть Сынъ Божій; посему слово Его есть непосредственно слово Божіе, и слѣдовательно имѣющее животворящую силу. Ему, какъ Сыну, Богъ даетъ Духа не въ мѣру, а все далъ въ руку Его. Посему, рѣшительно заключаетъ великій исповѣдникъ Мессіи, «вѣрующій въ Сына имѣетъ жизнь вѣчную, а не вѣрующій въ Сына не увидитъ жизни, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ (Іоан. III, 26—36).

Нужно ли послѣ этого усиливаться въ доказательствахъ, что въ посольствѣ Іоанна Крестителя къ Іисусу Христу не могло выражаться съ его стороны сомнѣнія о Христѣ, какъ Мессіи? И чѣмъ было ему теперь соблазняться, когда уже столько было ему откровеній о Мессіи и когда онъ имѣлъ такія чистыя и возвышенныя понятія о Его Царствѣ? Уничиженнымъ состояніемъ Спасителя? Но не самъ ли Предтеча называлъ Его Агнцемъ Божіимъ, вземлющимъ грѣхъ міра? Собственнымъ бѣдственнымъ положеніемъ въ темницѣ? Но то же самое понятіе о духовномъ Царствѣ Мессіи не должно ли было и съ этой стороны противодѣйствовать сомнѣнію, или какому-нибудь колебанію въ Іоаннѣ? По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что даже разбойникъ, вися на крестѣ и видя Христа висящаго на крестѣ, не усумнился исповѣдать Его, какъ Спасителя міра. Была ли его вѣра здравая, чистая, или примѣшивались къ ней чувственныя представленія о Царствѣ Мессіи, во всякомъ случаѣ странно было бы отвергать въ самомъ Предтечѣ Мессіи возможности того, что на самомъ дѣлѣ явилъ разбойникъ.

Напрасно для объясненія мнимаго сомнѣнія въ Іоаннѣ стараются утончить это сомнѣніе и сдѣлать вопросъ Іоанна тождезначащимъ со словами: *вѣрую, Господи, помози моему невѣрію*. Затрудненіе не исчезаетъ, какъ-бы они ни утончали сомнѣніе, и для объясненія его нужно во всякомъ случаѣ сдѣлать странное предположеніе, что Іоаннъ или забылъ всѣ прежнія, бывшія ему откровенія, или пришелъ къ мысли, что все это была одна мечта, обманъ его воображенія. Мы не отвергаемъ внутренней борьбы въ человѣкѣ, какъ условія его духовнаго совершенствованія, поэтому не отвергаемъ ея рѣшительно и въ Іоаннѣ. Но эта борьба, если была она, то была прежде, до того времени, когда Іоаннъ явился уже проповѣдникомъ Царства Мессіи; она намъ не раскрыта въ Священномъ Писаніи; намъ указанъ въ Іоаннѣ новый, уже готовый, опредѣленно сложившійся характеръ, а съ этимъ характеромъ стояло бы въ прямомъ противорѣчіи допущеніе въ Іоаннѣ колебанія касательно Мессіи, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ. Поэтому вмѣсто естественнаго взгляда на дѣло, который хочетъ провести въ своемъ объясненіи Ольц-Гаузенъ (и ему подобные толкователи), онъ вноситъ совершенную неестественность въ характеръ Іоанна.

Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о рѣчи Іисуса Христа, съ которой Онъ обратился къ народу по отшествіи учениковъ Іоанна. Мы видѣли то натянутое объясненіе, которое даетъ Ольц-Гаузенъ словамъ Іисуса объ Іоаннѣ: «чесо изыдосте видѣти въ пустыню?» видѣли, какъ онъ, вопреки прямому и очевидному смыслу ихъ, старается найти въ нихъ согласіе со своею мыслью. Ясно, что въ этихъ словахъ нѣтъ даже и тѣни намека на какое-нибудь колебаніе вѣры въ Іоаннѣ; потому что если бы только было это колебаніе,—какъ-бы мало оно ни было,—то объ Іоаннѣ уже нельзя было бы сказать, что онъ не трость, вѣтромъ колеблема!

Вообще же приводимыя Ольц-Гаузеномъ объясненія *какъ этихъ, такъ нижеслѣдующихъ словъ* Спасителя: *мній же въ Царствіи Небеснѣмъ болій его есть*, опровергается всѣмъ ходомъ рѣчи. Всю рѣчь Свою Спаситель прямо направляетъ къ обличенію Іудеевъ въ томъ, что они не хотѣли вѣрить ни Іоанну, ни Ему Самому. Такимъ образомъ дѣло Іоанна Іисусъ Христосъ ставитъ въ неразрывной связи со Своимъ собственнымъ дѣломъ, и вѣру его, уже по этому самому, очевидно ставитъ выше всякихъ колебаній. Иначе и самое обличеніе не могло бы имѣть мѣста. Если бы въ самомъ дѣлѣ Іоаннъ, который былъ Предтечею Мессіи и сообразно съ такимъ служеніемъ имѣлъ столько нарочитыхъ откровеній о Немъ,—если бы и онъ усумнился объ Іисусѣ, то что же послѣ этого сказать о прочихъ Іудеяхъ, которые не имѣли сихъ откровеній, и которымъ слѣдственно извинительнѣе сомнѣваться касательно достоинства Мессіи въ лицѣ Іисуса, тѣмъ паче, что подобное сомнѣніе было въ Іоаннѣ?

Какъ же именно нужно понимать слова Спасителя: *мній же въ Царствіи Небеснѣмъ болій его есть?* Мы признаемъ за лучшее объясненіе святаго Златоуста, который подъ словомъ *мній* разумѣетъ Іисуса Христа, какъ меньшаго по возрасту и мнѣнію другихъ. Ибо не только ученики Іоанна считали Іисуса низшимъ сравнительно съ Іоанномъ, но и вообще народъ часто уничижалъ Его, говоря, что Онъ *ядца и винопійца;* также—*не сей ли есть сынъ тектоновъ?* Смыслъ словъ будетъ таковъ: Іоаннъ безспорно великъ по своимъ личнымъ достоинствамъ, и его нравственное величіе, какъ великаго подвижника, очевидно для каждаго и въ самой внѣшней его жизни; но при всемъ этомъ Тотъ, Кто отчасти за несоблюденіе этой внѣшней строгости поведенія считается, какъ грѣшникъ, Тотъ въ новомъ благодатномъ Царствѣ больше его есть, будучи Самъ Царемъ и Главою этого Царства (Душ. Чт. 1862 г., ч. II, стр. 172—174. 176—183. 188—193).

Объ отвѣтѣ Господа посланнымъ отъ Іоанна Крестителя (Матѳ. XI, 4—19. Лук. VII, 22—35).

(Проф. М. Муретова.)

Въ отвѣтъ на вопросъ Крестителя Господь посылаетъ одно только извѣстіе о Своихъ дѣлахъ. *Пойдите,* отвѣчалъ Онъ, *скажите Іоанну, что слышите и видите: слѣпые прозрѣваютъ и хромые ходятъ, прокаженные очищаются и глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ и нищіе благовѣствуются.* Этими словами ветхозавѣтный пророкъ изображаетъ времена мессіанскія: «скажите, говоритъ Господь, робкимъ душею: будьте тверды, не бойтесь: вотъ Богъ вашъ пріидетъ и спасетъ васъ; тогда *откроются очи слѣпыхъ и уши глухихъ отверзутся, тогда хромой вскочитъ, какъ олень, и языкъ нѣмаго будетъ пѣть* (Исаія XXXV, 4—6).

Духъ Господа на Мнѣ, говоритъ Мессія, ибо Господь послалъ Меня *благовѣствовать нищимъ*, исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ свободу и узникамъ открытіе темницы» (LXX: слѣпымъ прозрѣніе; Исаія LXI, 1). Примѣчанія достойно, что въ настоящемъ случаѣ Христосъ не дѣлаетъ, какъ обыкновенно, указанія на Писанія. Онъ зналъ, что Его другъ и безъ этого выразительнаго: «какъ написано», пойметъ силу отвѣта. У Исаіи Іоаннъ заимствовалъ образъ Мессіи, какъ Агнца Божія, вземлющаго на Себя міровой грѣхъ (Исаія LIII); словами Исаіи Креститель описываетъ свою миссію, называя себя гласомъ вопіющаго въ пустынѣ (Исаія XL, 3); вообще Исаія былъ, такъ сказать, любимымъ пророкомъ Предтечи. Очевидная связь отвѣта Господа съ вышеприведенными пророчествами Исаіи (особ. Исаія LXI, 1) заставляетъ принимать выраженіе «πτωχοὶ εὐαγγελίζονται» въ страдательномъ, а не въ среднемъ значеніи, какъ Русскій и Славянскій переводы, т. е. не «нищіе (Апостолы) проповѣдуютъ Евангеліе, а нищимъ благовѣствуется и возвѣщается отъ Мессіи радостная вѣсть о спасеніи». Въ отличіе отъ πένης (pauper)—бѣдный, своими руками заработывающій себѣ пропитаніе (πένομαι), πτωχός означаетъ нищаго въ собственномъ смыслѣ, который ходитъ согнувшись (πτώσσω) для собиранія милостыни и живетъ подаяніями другихъ, человѣка приниженнаго и сокрушеннаго, не только бѣднаго, но и сознающаго себя таковымъ. Въ данномъ случаѣ подъ нищими нужно разумѣть всѣхъ вообще несчастныхъ и угнетенныхъ, какъ физически, такъ и духовно, коимъ слово Господа сообщаетъ внутреннее умиротвореніе и благодатный покой (Матѳ. XI, 28).

«*И блаженъ*, такъ оканчиваетъ Господь Свой отвѣтъ Іоанну, *кто не соблазнится о Мнѣ*. По своей формѣ (ὅς ἐάν съ сослагат.—всякій кто бы ни) изрѣченіе имѣетъ неограниченный смыслъ: оно можетъ относиться заразъ и къ Іоанну, и къ его невѣровавшимъ въ Іисуса ученикамъ, какъ и вообще ко всѣмъ соблазняющимся о Христѣ. Въ отношеніи къ Іоанну оно по связи съ дальнѣйшею рѣчью Господа безспорно заключаетъ одобреніе стойкости и непреклонности вѣры Крестителя въ мессіанское назначеніе Господа: блаженъ, кто, подобно Іоанну, не соблазнится обо Мнѣ, чья вѣра въ Меня столь же непоколебима, какъ вѣра Крестителя. Въ отношеніи къ ученикамъ Іоанновымъ и всѣмъ соблазняющимся о Христѣ оно содержитъ косвенное порицаніе ихъ маловѣрія: таковые не блаженны, какъ блаженъ Іоаннъ; это—несчастные слѣпцы, осужденные на нравственную смерть и мученія, потому что они лишены радостныхъ чаяній утѣхи Израилевой.

Евангелистъ Лука предъ отвѣтомъ Господа помѣщаетъ пояснительное добавленіе, что въ присутствіи пословъ Іоанновыхъ, тотчасъ же послѣ того, какъ они предложили вопросъ своего учителя, Христосъ *исцѣлилъ многихъ отъ болѣзней и недуговъ и отъ злыхъ духовъ, и многимъ слѣпымъ даровалъ зрѣніе* (Лук. VII, 21). Отсюда настоящее у Матѳея «что̀ видите и слышите», Лука измѣняетъ въ прошедшее, *что видѣли и слышали*. Точное разграниченіе у Луки болѣзней: νόσων, μαστίγων, πνευμάτων, πονηρῶν объясняется тѣмъ, что Евангелистъ, какъ врачъ, смотритъ на болѣзни съ точки зрѣнія тогдашней медицины (ср. подобное же въ VI, 17; V, 4 и др.).

Вопросъ Іоанна имѣлъ, такъ сказать, объективную сторону. Онъ предложенъ былъ Іисусу публично, въ присутствіи

многочисленной толпы Евреевъ, которые видѣли въ Іоаннѣ пророка и посланника Божія. Не зная сокровенныхъ мотивовъ вопроса, народъ могъ подумать, что Махеронскій узникъ поколебался въ своихъ убѣжденіяхъ относительно мессіанскаго назначенія Іисуса. Христосъ такимъ образомъ долженъ былъ отвѣчать не только Іоанну лично, но и народу, разсѣять подозрѣнія толпы и раскрыть ей истину. Поэтому вслѣдъ за удаленіемъ пословъ Іоанновыхъ (τούτων δε πορευομένων Матѳ. 7 ст.) Христосъ обращается къ народу съ рѣчью о Крестителѣ, о личномъ характерѣ Предтечи и значеніи его служенія для Царства Божія.

Въ отвѣтъ на недоумѣніе слушателей Господь ссылается на собственное ихъ сознаніе и личный опытъ ихъ: «*что смотрѣть*, вопрошаетъ Онъ, *ходили вы въ пустыню?* Какой образъ Іоанна напечатлѣлся въ вашей душѣ, когда вы созерцали (θεάσασθαι) въ пустынникѣ Крестителя и Предтечу на берегахъ Іордана? Пустыня не названа, но опредѣлена членомъ, какъ извѣстная слушателямъ *Іудейская пустыня*, въ которой и проповѣдывалъ и крестилъ Іоаннъ (Матѳ. III, 2). Выразительное указаніе на пустыню уже предуготовляетъ слушателей къ отрицательному отвѣту на ихъ недоумѣнія: питомцу дикой пустыни, закалившему свой духъ въ суровой школѣ аскетизма, не свойственно колебаться въ своихъ убѣжденіяхъ и быть легкомысленнымъ. *Трость ли вѣтромъ колеблемую?* Образъ Іоанна, проповѣдующаго въ Іудейской пустынѣ, вызываетъ въ умѣ Господа представленіе объ отлогихъ берегахъ Іордана, окаймлявшихся зеленою полосою гибкаго тростника. Воображенію Господа рисуется обычная картина Іудейской пустыни—сильный вѣтеръ и постоянно колеблющійся тонкій тростникъ. Ландшафтъ представлялъ полный контрастъ мощной фигурѣ пустынника и его громовымъ рѣчамъ. Этотъ контрастъ Христосъ вызываетъ теперь въ памяти слушателей. Когда выходили вы въ Іудейскую пустыню къ Іоанну, то казался ли онъ вамъ хотя сколько-нибудь похожимъ на тотъ постоянно колеблющійся туда и сюда тростникъ, среди котораго стоялъ могучій проповѣдникъ? Представлялся ли онъ вамъ способнымъ колебаться въ своихъ убѣжденіяхъ подобно гибкому и тонкому тростнику? Тростникъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ часто употребляется какъ символъ неустойчивости, слабости и непостоянства (3 Царств. XIV, 15. Іезек. XXIX, 6; ср. Ефес. IV, 14. Евр. XIII, 9).

Дальнѣйшее ἀλλὰ, которымъ начинается новый вопросъ, ясно предполагаетъ отрицательный отвѣтъ на предшествующій вопросъ, т. е. если не это, если Іоаннъ не былъ тростью вѣтромъ колеблемою, то «*что же ходили вы видѣть* (ἰδεῖν). *Человѣка, одѣтаго въ мягкія одежды? Вѣдь* (ἰδού) *носящіе мягкія одежды находятся въ чертогахъ*»? Μάλακα т. е. ἱμάτια—одежды изъ тонкой и нѣжной льняной ткани, дорогія и роскошныя. Въ такія одежды обыкновенно облекаются богачи и вельможи, когда они являются на пиръ къ царю въ его чертоги. Поэтому ношеніе этихъ одеждъ служитъ признакомъ изнѣженности и преданности чувственнымъ удовольствіямъ. Люди, облекающіеся въ такія одежды, не отличаются твердостью характера и выносливостью; они не въ состояніи бороться съ невзгодами жизни и переносить серьезныя лишенія. Чертоги царскіе, роскошь всякаго рода, изысканныя яства и нескончаемые пиры: вотъ сфера, въ которой только и сильны подобные люди! Не такимъ представлялся Іоаннъ, когда онъ кре-

стилъ народъ при Іорданѣ. Не въ веселыхъ чертогахъ царскихъ, а въ дикой и угрюмой пустынѣ проводилъ свою жизнь великій отшельникъ; не тонкій и мягкій ленъ, а грубую шерсть верблюда носилъ строгій подвижникъ; не отборныя яства, но акриды съ дикимъ медомъ были обычною пищею суроваго аскета. Человѣкъ съ такою могучею волею и закаленнымъ характеромъ конечно не могъ возроптать на тяжесть тюремной жизни и измѣнить свои убѣжденія; не только тюрьмѣ, но и пыткамъ, даже смерти самой не сломить подобную натуру. Этотъ отрицательный отвѣтъ предполагается также дальнѣйшимъ ἀλλὰ, которымъ, какъ и предыдущій, начинается слѣдующій вопросъ.

«*Что жъ ходили вы—пророка видѣть? Да, говорю вамъ, и больше пророка*». Замѣтить надо совпаденіе Матѳея и Луки въ употребленіи глаголовъ: θεάσασθαι—о тростникѣ и ἰδεῖν—о человѣкѣ, одѣтомъ въ мягкія одежды, и пророкѣ. Первый глаголъ означаетъ собственно: *созерцать*, смотрѣть на предметъ, такъ сказать разстилающійся предъ взоромъ—въ перспективѣ; второй *видѣть* особо и единично стоящій предметъ. Въ отношеніи къ Іорданскому тростнику и всему ландшафту болѣе годенъ θεάσασθαι, для Іоанна же, какъ отдѣльной фигуры ландшафта, болѣе соотвѣтствуетъ ἰδεῖν.

Отсутствіе ἀλλὰ предъ προφήτην даетъ знать, что отрицательно-воспроситель-ная рѣчь теперь переходитъ въ положительно-вопросительную.

Вопросъ: пророка видѣть? будилъ въ сознаніи Евреевъ великіе образы славнаго прошлаго, напоминая имъ исполинскіе типы древнихъ пророковъ. По силѣ слова и величію духа среди этихъ, такъ-сказать, героевъ теократіи выдающееся мѣсто принадлежитъ безспорно Иліи Ѳесвитянину. Этотъ огненный «ревнитель Іеговы», какъ извѣстно, жилъ въ дикихъ пещерахъ угрюмаго Кармила и подобно тучѣ, налеталъ оттуда по временамъ, чтобы громить развратный народъ, низвергать и поставлять царей, разить жрецовъ идольскихъ. Своимъ суровымъ отшельничествомъ, своими безпощадными и громовыми обличеніями, своимъ огненнымъ словомъ, своимъ безстрашіемъ предъ сильными міра сего, вообще всею личностью своею Іоаннъ всего болѣе напоминалъ грозный образъ (призракъ) могучаго Ѳесвитянина. Народъ готовъ былъ даже признать его за самого Илію сошедшаго съ небесъ. Такимъ казался Іоаннъ при Іорданѣ. Даже болѣе. Илія (какъ другіе пророки) иногда готовъ былъ колебаться подъ напоромъ раздумья и сомнѣній. Въ могучей личности Крестителя, напротивъ, не было замѣтно никакихъ тѣней, никакихъ задатковъ въ неустойчивости. Въ этомъ отношеніи онъ даже превосходилъ всѣхъ прежнихъ пророковъ, не исключая и Ѳесвитянина.

Здѣсь оканчивается первый отдѣлъ рѣчи Господа къ народу. Въ отвѣтъ на недоумѣніе толпы Христосъ изображаетъ ей нравственный характеръ Предтечи: не такой это человѣкъ, которому свойственны колебанія и сомнѣнія; строгій подвижникъ и грозный проповѣдникъ, онъ не только былъ пророкомъ *въ духѣ и силѣ Иліи*, но и превосходилъ пророка.

Мысль о превосходствѣ Крестителя надъ древними пророками со стороны твердости и силы характера обращаетъ затѣмъ умственный взоръ Христа къ созерцанію превосходства и *самаго служенія Предтечи* надъ пророческимъ. По стойкости своего характера Іоаннъ былъ больше пророка: это и естественно, ибо и миссія его была выше пророческой. Такова психологическая связь

слѣдующаго отдѣла съ предыдущимъ (10—15).

Краткое служеніе Іоанна можно выразить однимъ словомъ: «*Предтеча*». Частнѣе эту мысль Господь раскрываетъ, прежде всего пророчествомъ Малахіи (Матѳ. 10. Лук. XXVII): *Онъ есть тотъ, о комъ написано: вотъ Я пошлю вѣстника Моего предъ лицемъ Твоимъ и (Лук. который) приготовитъ путь Твой предъ Тобою*». Смыслъ пророчества такой: непосредственно прѣдъ самымъ явленіемъ Своимъ на землю въ лицѣ Мессіи Господь пошлетъ герольда, который долженъ возвѣстить о шествіи Мессіи и приготовить Ему дорогу. Образъ заимствованъ отъ обычаевъ восточныхъ царей — посылать во время своихъ путешествій герольдовъ для извѣщенія народа и исправленія дорогъ.

Креститель есть тотъ вѣстникъ, который, согласно пророчеству, долженъ явиться предъ Ангеломъ Завѣта и Божественнымъ Основателемъ новой религіи. Поэтому и отношеніе Крестителя къ Мессіи особенное, отличное отъ пророческаго. Пророки созерцали будущій фактъ яко зерцаломъ въ гаданіи,—Креститель прямо указалъ на Грядущаго и видѣлъ Его лицемъ къ лицу. Іоаннъ слѣдовательно больше пророка, онъ Предтеча. Онъ принадлежитъ не къ одному Ветхому Завѣту, но частью и къ Новому. Онъ стоитъ на границѣ обоихъ Завѣтовъ, составляя переходное и связующее между ними звено.

Матѳ. 11 ст.; Лук. 28 ст.: «*истинно говорю вамъ: въ рожденныхъ женами не возсталъ большій Іоанна Крестителя*». Выраженіе γεννητοὶ γυναικῶν служитъ торжественнымъ названіемъ человѣка вообще и иногда по его смертной природѣ. Нельзя понимать это изрѣченіе такъ, что Креститель превосходитъ всѣхъ вообще людей, но—только бывшихъ до него, ветхозавѣтныхъ, ибо прошедшее ἐγήγερται указываетъ только на прежнихъ, а не на будущихъ людей. Для яснѣйшаго ограниченія мысли Лука прибавляетъ προφήτης и измѣняетъ ἐγήγερται въ οὐδείς ἐστιν, т. е. Іоаннъ больше всѣхъ, только ветхозавѣтныхъ пророковъ, что̀, конечно, предполагается и у Матѳея, ибо если Іоаннъ выше всѣхъ, бывшихъ до него людей, то онъ, очевидно, выше и всѣхъ ветхозавѣтныхъ пророковъ.

«*Но меньшій въ Царствѣ Небесномъ больше его*». Мысль о превосходствѣ Іоанна надъ всѣми людьми Ветхаго Завѣта вызываетъ во Христѣ мысль объ отношеніи Крестителя къ Новому Завѣту. Это превосходство Крестителя ограничивается однимъ только ветхозавѣтнымъ періодомъ и не простирается на людей Завѣта Новаго. Здѣсь, напротивъ, каждый, даже меньшій членъ Царства Божія, превосходитъ Іоанна. Такова связь этого изрѣченія съ предыдущимъ.

Подъ «Царствомъ Небеснымъ» или яснѣе у Луки «Божіимъ» здѣсь разумѣется не вѣчное Царство славы (II том. IV, 18), а только основанное Христомъ на землѣ Царство мессіанское. Какъ послѣдній, хотя и величайшій человѣкъ Завѣта Ветхаго, Іоаннъ не вошелъ въ новозавѣтное Царство, такъ что здѣсь не только величайшій, какимъ является Іоаннъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, но и сравнительно меньшій членъ больше Іоанна, по скольку самый Новый Завѣтъ выше Ветхаго (1 Петр. I, 10, Евр. XI, 18). Находятъ невозможнымъ исключать Іоанна изъ новозавѣтнаго Царства въ виду того, что онъ имѣлъ твердую вѣру въ мессіанское назначеніе Господа. Но Царство Божіе основывается не на одной вѣрѣ въ Мессію, а и на полученіи даровъ Святаго Духа, которые Господь сообщилъ вѣрующимъ

уже послѣ Своего прославленія (ср. Іоан. VII, 39). Креститель, какъ мы знаемъ, не дожилъ до этого времени. Почему не дожилъ, то знаетъ Богъ.

Ограничивъ превосходство Крестителя ветхозавѣтнымъ періодомъ, Господь затѣмъ снова обращается къ раскрытію должности Крестителя и ея значенія въ общей исторіи домостроительства Божія на землѣ. Правда, Іоаннъ самъ не вошелъ въ Новый Завѣтъ, такъ что меньшій здѣсь больше Іоанна, тѣмъ не менѣе онъ—Предтеча—имѣлъ великое значеніе въ дѣлѣ устроенія мессіанскаго Царства, а именно:

Отъ дней Іоанна до нынѣ Царство Небесное нудится (силою берется) *и нуждницы* (употребляющіе усиліе) *восхищаютъ его* (Матѳ. 12 ст.). Проповѣдь Крестителя о пришествіи Мессіи и указаніе на Грядущаго сдѣлали то, что съ того времени (когда Іоаннъ проповѣдывалъ при Іорданѣ) и донынѣ (когда Христосъ говорилъ эту рѣчь) Царство Божіе служитъ предметомъ стремительнаго влеченія людей, желающихъ вступить въ это Царство; своей проповѣдью о Грядущемъ Креститель посѣялъ въ сердца людей неудержимое и пламенное рвеніе къ мессіанскому Царству. Образъ заимствованъ отъ завоеванія земныхъ царствъ; Царство Божіе представляется укрѣпленнымъ городомъ, который вѣрующіе стараются завоевать и войти въ него. Параллельное и объяснительное этому изрѣченіе находимъ у Луки (XVI, 16): «Законъ и пророки до Іоанна; съ сего же времени Царство Божіе *благовѣствуется* (εὐαγγελίζεται), и всякій съ усиліемъ входитъ въ него (εἰς αὐτὴν βιάζεται)». Такое-то значеніе для Царства Божія имѣла проповѣдь Предтечи.

Матѳ. 13—14 ст.: «*ибо всѣ пророки и законъ прорекли бо Іоанна, и, если хотите принять, онъ есть Илія, имѣющій прійти. Кто имѣетъ уши слышать да слышитъ!*» Изрѣченіе это служитъ основаніемъ мысли стиха предыдущаго, отсюда—γάρ. Оно отвѣчаетъ на вопросъ: почему отъ дней Іоанна Царство Божіе стало предметомъ усиленнаго влеченія вѣрующихъ? Это потому, говоритъ Господь, что въ лицѣ Крестителя окончился Ветхій Завѣтъ и начался Новый; прекратилось пророчество и настало исполненіе; Іоаннъ есть тотъ самый Илія, которому должно явиться уже при самомъ открытіи Царства Божія и пришествіе котораго составляетъ предметъ послѣдняго ветхозавѣтнаго пророчества. Таковъ общій смыслъ этого изрѣченія.

Въ частности подъ «закономъ», нужно разумѣть пятокнижіе Моусея (ὁ νόμος, извѣстный, опредѣленный членомъ, законъ), а подъ «пророками»—остальныя книги Ветхаго Завѣта и преимущественно пророческія. На эти двѣ части Евреи дѣлили ветхозавѣтную Библію. Выраженіемъ «до Іоанна» Господь указываетъ на то, что окончаніемъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ служитъ извѣстное послѣднее предсказаніе послѣдняго ветхозавѣтнаго пророка Малахіи о явленіи Иліи предъ пришествіемъ Мессіи. «Вотъ Я пошлю къ вамъ Илію пророка предъ наступленіемъ дня Господня великаго и страшнаго, и онъ обратитъ сердца отцевъ къ дѣтямъ и сердца дѣтей къ отцамъ, дабы Я пришедъ не поразилъ землю проклятіемъ» (Малах. IV, 5—6). Да, какъ-бы такъ Господь заключаетъ Свою рѣчь, Іоаннъ есть именно этотъ самый Илія пророкъ, который долженъ явиться предъ наступленіемъ дня Господня и предсказаніемъ о которомъ послѣдній ветхозавѣтный пророкъ закончилъ свои пророчества.

Спрашивается: какъ нужно понимать пророчество Малахіи—въ собственномъ,

или же иносказательномъ смыслѣ? Въ Еврейскомъ подлинникѣ слово «пророкъ» читается съ членомъ — hanavi, что указываетъ на извѣстнаго читателю пророка Илію, о которомъ повѣствуется въ 3 и 4 Царствъ. Поэтому LXX и Сирахъ (XLVIII, 7—12) справедливо разумѣютъ здѣсь Илію Θесвитянина, который былъ взятъ живымъ къ Богу на огненной колесницѣ (4 Царств. II, 15). Выраженіе: «ὁ μέλλων ἔρχεσθαι» показываетъ, что ожиданіе Иліи предъ пришествіемъ Мессіи было общенароднымъ, что подтверждается у Іоан. I, 21 и въ раввинской литературѣ.

Но если у Малахіи безспорно разумѣется историческій Илія Θесвитянинъ, то можно ли примѣнять это пророчество къ Іоанну Крестителю? Вѣдь, самъ Іоаннъ, какъ извѣстно, торжественно заявилъ предъ послами синедріона, что онъ—не Илія (Іоан. I, 21)? Также у Луки (I, 17) Ангелъ говоритъ Захаріи, что онъ—Іоаннъ предыдетъ предъ Господомъ только въ духѣ и силѣ Иліи. Ясно поэтому, что Господь называетъ Крестителя Иліею не въ собственномъ, а въ иносказательномъ смыслѣ. Если же такъ, то исполнилось ли въ лицѣ Іоанна пророчество Малахіи о пришествіи Иліи Θесвитянина предъ явленіемъ дня Господня?

Отчасти исполнилось, отчасти нѣтъ. Особенность пророческихъ изображеній та, что въ нихъ нѣтъ хронологически точной перспективы событій. Характерныя, но сходныя между собою, черты разныхъ эпохъ и лицъ въ нихъ нерѣдко рисуются въ одной общей картинѣ. Такъ и здѣсь, въ пророчествѣ Малахіи, въ одинъ общій образъ великаго дня Господня сливаются двѣ разныя эпохи—первое, уже бывшее, пришествіе Господа на землю, и второе, имѣющее быть явленіе Его на страшный судъ. Оба пришествія Господа предваряются явленіемъ великаго пророка Иліи; но предтечею перваго пришествія былъ пророкъ только въ духѣ и силѣ Иліи, предвѣстникомъ втораго будетъ самъ Илія Θесвитянинъ, живымъ взятый на небо. Такимъ образомъ пророчество Малахіи исполнилось въ лицѣ Предтечи не вполнѣ и въ несобственномъ смыслѣ: полноты и буквальнаго исполненія его нужно ожидать предъ вторымъ пришествіемъ Господа. Этимъ объясняется оговорка Господа: «если хотите принять», очевидно ограничивающая примѣненіе пророчества къ Іоанну только духовно-нравственною стороною; отсюда же—ὁ μέλλων ἔρχεσθαι, имѣющій придти—объ Иліи, а не ὁ ἐληλυθώς или ἐλθών, уже пришедшій; этимъ же таинственно-иносказательнымъ только примѣненіемъ этого пророчества къ Іоанну мотивируется и воззваніе Господа: «имѣющій уши слышать да слышитъ»—воззваніе обыкновенно употребляемое Христомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда Онъ высказываетъ что либо иносказательное и таинственное (Матѳ. XIII, XIX. 15. Марк. IV. 9. 23; VII, 16. Лук. VIII, 8; XIV, 35; ср. Матѳ. XXIV, 15).

Стихи 12—16 Лука опускаетъ. Они имѣютъ спеціально-Іудейскій оттѣнокъ и стоятъ въ ближайшемъ отношеніи къ народно-Іудейскимъ ожиданіямъ Иліи предъ Мессіею. Для христіанъ изъ язычниковъ названіе Предтечи Иліею могло быть неудобовразумительнымъ.

Но какъ-бы въ замѣнъ опущеннаго Лука дѣлаетъ добавленіе къ Матѳееву тексту: «*и весь народъ слушавшій и мытари оправдали Бога, крестившись крещеніемъ Іоанна: а фарисеи и законники отвергли волю Бога о себѣ, не крестившись отъ него*» (Лук. 29—30 ст.).

Стихи 16—19 Матѳея и 31—35 Луки составляютъ третій отдѣлъ рѣчи Господа о Крестителѣ. Сказавъ снача-

ла о характерѣ Іоанна, потомъ—о мѣстѣ его въ исторіи домостроительства Божія на землѣ, Господь говоритъ теперь объ отношеніи народа Еврейскаго къ тому дѣлу, какое предуготовилъ Іоаннъ и совершилъ Іисусъ. Іоаннъ былъ Илія,—Предтеча, посланный къ Евреямъ для того, чтобы они приготовились къ явленію «дня Господня». Но они не оправдали воли Божіей, ибо не приняли ни Іоанна, ни Іисуса. Въ этомъ отношеніи они уподобились капризнымъ и упрямымъ дѣтямъ, которымъ нельзя угодить и которые сами не знаютъ, чего хотятъ. Внѣшній мотивъ къ этой рѣчи могли дать Господу слѣдившіе за Нимъ ученики фарисейскіе и Іоанновы, которые можетъ быть подняли въ толпѣ смутный ропотъ по поводу заявленія, что меньшій въ Царствѣ Божіемъ больше Іоанна.

Матѳ. 16, Лук. 31: «*Но* (у Лук.: *итакъ*—вслѣдствіе прибавленія ст. 29—30) *кому уподоблю родъ сей? Подобенъ онъ* (Лук.: *подобны они*) *дѣтямъ, сидящимъ на улицѣ, которые, крича другъ другу,* (у Лук.: *и кричащимъ одни другимъ*) *говорятъ: мы играли вамъ на свирѣли, и вы не плясали: вопили мы, и вы не рыдали.*»

Частица δὲ показываетъ, что начинается новый рядъ мыслей, въ которомъ Іоанну противопоставляются его современники. Іоаннъ не былъ тростью, вѣтромъ колеблемою; его служеніе состояло въ приготовленіи людей къ принятію Грядущаго, и онъ исполнилъ эту миссію. Но если таковъ былъ Предтеча, то не такимъ оказался народъ. Онъ—этотъ народъ по своему легкомыслію не воспользовался служеніемъ Предтечи и не приготовился къ принятію Грядущаго. Γενεὰ ταύτη или Лука яснѣе—οἱ ἄνθρωποι τῆς γενεᾶς ταύτης—родъ сей, люди рода сего, т. е. современное Іоанну и Христу поколѣніе народа Еврейскаго, понимаемаго въ цѣломъ какъ теократическая нація. Говоря «родъ сей», Христосъ, можетъ быть, указалъ на роптавшую толпу, возбуждаемую учениками Іоанновыми и фарисейскими. Толпа эта подобна дѣтямъ, которыя сидятъ на улицѣ, раздѣлившись на двѣ партіи. Изъ нихъ одна партія предлагаетъ другой играть въ одинаковую съ нею игру, но та по капризу и упрямству отказывается отъ этой игры и предлагаетъ свою, на что̀ первая партія, въ свою очередь, также отвѣчаетъ упрямымъ отказомъ. Игры дѣтей обыкновенно состоятъ въ подражаніи дѣйствіямъ взрослыхъ—здѣсь похоронным и свадебнымъ обрядамъ. Смыслъ сравненія такой: одна партія дѣтей хочетъ играть въ свадьбу и, изображая музыкантовъ, дудитъ на свирѣляхъ съ тою цѣлью, чтобы другая партія плясала подъ ихъ звуки, подражая подпившимъ гостямъ. Но вторая партія не желаетъ игры и вопитъ похоронныя завыванія, чтобы первая отвѣчала рыданіями и ударами въ грудь, отъ чего эта, въ свою очередь, также упрямо отказывается. Христосъ имѣетъ въ виду собственно тотъ моментъ, когда дѣти, разсорившись между собою, громко укоряютъ другъ друга (προσφωνοῦντα τοῖς ἑτέροις) въ нежеланіи поддержать игру: «мы вамъ дудѣли, а вы не плясали», шумятъ одни; «но мы вамъ вопили, а вы не рыдали», кричатъ другіе. Такимъ образомъ по капризу и упрямству дѣтей игра разстроивается.

Что̀ народъ Еврейскій подобенъ такимъ капризнымъ и упрямымъ ребятамъ, это Господь доказываетъ (γάρ) изъ того, ка́къ отнесся этотъ народъ къ Царству Божію, его предвозвѣстнику (Іоанну) и Устроителю (Іисусу).

Матѳ. 18 — 19. Лук. 34 — 35: «*ибо пришелъ Іоаннъ, ни пьетъ, ни пьетъ* (это гиперболическое выраженіе Лука ограничиваетъ добавленіемъ: *ни хлѣба*

ни вина), и говорятъ: онъ бѣснуется. Пришелъ Сынъ Человѣческій, ѣстъ и пьетъ; и говорятъ: вотъ человѣкъ ядца и винопійца (обжора и пьяница), *мытарей пріятель и грѣшниковъ.*

Многіе изъ древнихъ и новыхъ толкователей подъ одною изъ играющихъ партій разумѣютъ Іоанна и Христа. При этомъ одни относятъ къ Іоанну и Христу партію дѣтей, играющихъ на свирѣли и поющихъ похоронныя пѣсни, а къ Евреямъ—не желающихъ ни плясать, ни рыдать. Въ такомъ случаѣ изрѣченіе получаетъ такой смыслъ: сначала Іоаннъ проповѣдывалъ Евреямъ постъ и покаяніе, но его обзываютъ сумасбродомъ; потомъ явился Христосъ съ проповѣдью о свободѣ духа, но Его третируютъ какъ обжору и пьяницу. Другіе разумѣютъ Іудеевъ подъ первою партіею играющихъ дѣтей, которые говорятъ, а Іоанна и Христа — подъ ἑτέρους, которымъ говорятъ. Тогда дѣло представляется въ такомъ видѣ: Евреи желали веселья и радостей, а Іоаннъ проповѣдывалъ имъ суровый постъ и подвижничество; потомъ захотѣлось имъ поста и скорби, а Христосъ заповѣдуетъ радоваться и веселиться, пока Женихъ на землѣ. Но ни то, ни другое толкованіе принять нельзя: а) Христосъ уподобляетъ, взаимно укоряющимъ другъ друга (ἑτέρους ἀλλήλους) дѣтямъ «родъ сей», очевидно противополагая этому роду Себя и Іоанна; странно было бы, если бы Господь разумѣлъ Себя и Іоанна въ числѣ этихъ играющихъ и ссорящихся между собою дѣтей; б) если при λέγουσιν ст. 18 и 19 подлежащимъ служатъ Евреи, то ясно, это же подлежащее должно разумѣть и при λέγουσιν ст. 16. Такимъ образомъ сущность сравненія состоитъ только въ уподобленіи Евреевъ капризнымъ дѣтямъ, которымъ нельзя угодить, потому что они сами не вѣдаютъ чего хотятъ.

И оправдана премудрость чадами ея (Лук. «всѣми»—пояснительная глосса, которой, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ нѣтъ). Изрѣченіе не довольно ясное и потому разнотолкуемое.

Надлежащее разумѣніе его дается очевиднымъ контрастомъ между τέκνα σοφίας и предыдущимъ παιδία καθημένα ἐν ἀγοραῖς. Τέκνον — чадо, питомецъ; παιδία во множ. уничиж. — дѣти, мальчики, ребятишки. Контрастъ этотъ становится вполнѣ понятнымъ въ виду того, что Евреи представляли мудрость и глупость не какъ абстрактныя понятія, но какъ живыя и конкретныя лица. Въ притчахъ Соломона (Притч. XI) глупость изображается какъ царица преисподней, куда нисходятъ души глупцовъ. Напротивъ, премудрость представляется царицею неба и совѣтницею Бога, посредницею творенія и міропромышленія, руководительницею всего ветхозавѣтнаго домостроительства Божія (Притч. VIII); а въ Новомъ Завѣтѣ Самъ Іисусъ Христосъ является ипостасно вочеловѣчившеюся Божественною Премудростью или воплотившимся Логосомъ Божіимъ (Іоан. I, 1—18. Лук. XI, 49; ср. Матѳ. XXIII, 34). Такимъ образомъ тѣ, которые отвергли Іоанна и Іисуса, т. е. Евреи какъ теократическій народъ, подобны капризнымъ и неразумнымъ ребятамъ; они суть чада глупости, царицы преисподней, — той глупости, о которой говоритъ Богодухновенный философъ. Но эта мысль о дѣтяхъ глупости, отвергшихъ Божественную волю, вызываетъ во Христѣ по контрасту мысль о чадахъ Мудрости, оправдавшихъ Ея намѣренія и планы. Таковы суть всѣ внявшіе гласу вопіющаго въ пустынѣ и вѣрующіе во Христа, какъ воплотившуюся Премудрость Божію. Чада глупости своимъ дѣтски легкомысленнымъ поведеніемъ какъ-бы набросали нѣкоторую тѣнь на правду Бо-

жію и не оправдали Божественной Премудрости. Но (καὶ=ἀλλά) это только чада глупости. Не въ нихъ нужно искать оправданія Божественной Премудрости; Она имѣетъ своихъ истинныхъ чадъ, которыя своею вѣрою въ Господа Іисуса осуществляютъ ея святую волю и являютъ ея Божественную правду. Все изрѣченіе сходно и параллельно съ предъидущимъ замѣчаніемъ Луки (29—30); «народъ и мытари *оправдали Бога*, крестившись крещеніемъ Іоанновымъ; а фарисеи и законники (представители Евреевъ какъ теократ. народа) *отвергли* (не оправдали) *волю Божію* о себѣ, не крестившись отъ Него». При такомъ толкованіи понятными дѣлаются: аор. гномич. ἐδικαιώθη и πάντων у Луки, т. е. всѣ безъ исключенія чада мудрости, вѣрующіе всѣхъ временъ и народовъ.

Этимъ оканчивается отвѣтъ Господа на вопросъ Іоанна. Ни единаго намека Господь не дѣлаетъ на то, что вѣра Іоанна въ Іисуса была или неустойчивая, или не вполнѣ правая. Напротивъ, вся рѣчь Господа отъ начала и до конца раскрываетъ одну общую мысль, что *изъ рожденныхъ женами не возставалъ большій Іоанна* (Матѳ. XI, 11), и что *нѣтъ ни одного пророка выше Крестителя* (Лук. VII, 28). (Прав. Обозр. 1883 г., т. III, стр. 433—452.)

Оправданная премудрость.

И оправдися премудрость отъ чадъ своихъ (Матѳ. XI, 19). Эти слова составляютъ заключеніе рѣчи Іисуса Христа, въ которой Онъ высказалъ Свои сужденія объ Іоаннѣ Крестителѣ и современномъ ему Іудейскомъ народѣ. Спаситель поставляетъ на видъ Своимъ слушателямъ высокое достоинство и значеніе Іоанна. Но представляя его выше всѣхъ рожденныхъ женами, Іисусъ Христосъ не оставилъ безъ обличенія грѣховъ и безумія народа, который не хотѣлъ слушать такихъ людей Божіихъ, какъ Іоаннъ Предтеча, не цѣнилъ обилія благодати своего времени, въ которое не только проповѣдывалъ Іоаннъ, но и пришелъ Самъ Сынъ Божій, и не воспользовался предложенными ему для своего спасенія средствами. Онъ рѣзко порицаетъ Своихъ слушателей за ихъ легкомысліе и сравниваетъ ихъ съ играющими дѣтьми. По словамъ Его, они были столь же неразумны и безсмысленны, какъ дѣти; такими же остаются они и теперь въ отношеніи къ своему спасенію. Мало того въ поведеніи ихъ подтвердился и тотъ давно замѣченный фактъ, что отъ легкомыслія близкій переходъ и къ нечестію; дѣло не ограничилось тѣмъ, что они не оказывали почтенія посланникамъ Божіимъ и не вѣрили ихъ словамъ, но и презирали ихъ и издѣвались надъ ними; такъ какъ не терпящій истины и не слѣдующій ей не терпитъ и тѣхъ, которые проповѣдуютъ ее. Объ Іоаннѣ за его воздержаніе они говорили, что онъ бѣса имѣетъ; между тѣмъ какъ объ Іисусѣ Христѣ, обращавшемся среди мытарей и грѣшниковъ съ цѣлію ихъ спасенія, говорили, что Онъ *ядца и винопійца*. Показавъ народу этотъ его грѣхъ, Іисусъ Христосъ заключилъ Свою рѣчь многозначительными словами: «и оправдана премудрость чадами ея».

Кого или что̀ нужно разумѣть здѣсь подъ премудростію? Изъ вышесказаннаго открывается, что здѣсь разумѣются *премудрость* или *благодать Божія*, по которой Онъ послалъ вѣстниковъ спасенія, Іоанна и Самого Іисуса Христа, и по которой одинъ изъ нихъ дѣйствовалъ такъ, а другой иначе, равно имѣя въ виду спасеніе людей. Образъ дѣйствій Божественныхъ всегда отличается отъ того, какъ дѣйствуютъ люди: сначала у нихъ веселые праздники: «мы играли вамъ на свирѣляхъ, и вы не плясали», а потомъ трауръ и оплаки-

ванія мертвыхъ: «мы пѣли вамъ печальныя пѣсни, и вы не рыдали» (17). Міръ сначала даетъ хорошее, а потомъ худшее вино (Іоан. II, 10). Но премудрость Божія поступаетъ совершенно обратно: у нея сначала скорби, а потомъ радость, сначала законъ, а потомъ Евангеліе, сначала покаяніе, а потомъ миръ, сначала смерть, а потомъ жизнь, сначала Іоаннъ, а потомъ Христосъ, сначала худшее, а потомъ лучшее вино, сначала «страданія сущихъ во Христѣ, и затѣмъ слава». И эта-то премудрость Божія и «оправдана чадами ея» въ спасительныхъ своихъ дѣйствіяхъ.

Независимо отъ этого подъ «премудростію», о которой въ текстѣ рѣчь, мы должны также разумѣть и Самого *Іисуса Христа*; въ Немъ лично явилась премудрость, Онъ есть Тотъ, Котораго Соломонъ, мудрѣйшій изъ людей, изображалъ въ своихъ притчахъ, какъ премудрость Божію, и Котораго былъ только прообразомъ и сѣнью, «въ Которомъ сокровенны всѣ сокровища премудрости и разума» (Колос. II, 3).

Кромѣ того, эту премудрость мы имѣемъ также и въ *Евангеліи* объ Іисусѣ Христѣ, которое исполнено премудрости и содержитъ весь совѣтъ Божій о нашемъ спасеніи.

Но кого же нужно разумѣть подъ *чадами* и что значитъ слово *оправдана?* Трудно отвѣчать на это съ полною опредѣленностью. По смыслу всей рѣчи Іисуса Христа, которой нашъ текстъ составляетъ только заключеніе, подъ первымъ словомъ можно разумѣть *чадъ міра* и слово «оправдывать» принимать въ значеніи произносить приговоръ, порицать; но въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, чада премудрости суть истинные ученики Іисуса Христа, которые любятъ премудрость, защищаютъ ее, свидѣтельствуютъ о ней и оправдываютъ ее (ср. Лук. VII, 29).

Такъ какъ каждое изъ этихъ значеній имѣетъ свое основаніе, и каждое изъ нихъ содержитъ важное наставленіе, то мы можемъ принять то и другое вмѣстѣ.

Если признать, что подъ «чадами премудрости» нужно разумѣть чадъ міра, то о нихъ рѣчь здѣсь въ томъ смыслѣ, что они не только творенія Божіи и Его премудрости, но и могутъ и должны быть учениками Божественной премудрости, или же, что они мудры только по своему самообольщенію (см. ст. 25). Они считаютъ себя мудрыми, между тѣмъ какъ, подобно фарисеямъ и книжникамъ (Лук. VII, 30), они отвергли волю Божію о себѣ. Они находятъ погрѣшительное въ словѣ Божіемъ, дерзаютъ говорить даже противъ Іисуса Христа и отвергаютъ Евангеліе, какъ нѣчто неразумное. Такимъ точно образомъ поступали Іудеи, произносившіе свое сужденіе объ Іоаннѣ Крестителѣ и объ Іисусѣ Христѣ, порицавшіе того и другаго, критиковавшіе ихъ дѣйствія, будучи при этомъ сами похожи на сидящихъ на улицѣ и играющихъ дѣтей.

Но произнося свое сужденіе противъ Божественной премудрости, они только, конечно, невольно оправдываютъ ее, именно своимъ противорѣчіемъ въ сужденіяхъ объ Іисусѣ Христѣ и Іоаннѣ, при чемъ они сами себя обвиняли, произносили себѣ приговоръ. Премудрость оправдалась не прямо отъ этихъ чадъ своихъ, но отъ ихъ свидѣтельствъ о ней, хотя, повидимому, и неблагопріятныхъ для нея. Все, что ни говорятъ люди противъ Бога и Его истины, они только этимъ произносятъ сами себѣ приговоръ, такъ что Судія всего міра можетъ сказать и скажетъ: «твоими устами буду судить тебя, лукавый рабъ!» (Лук. XIX, 22.)

Совершенно въ другомъ видѣ представляется смыслъ словъ Спасителя, если подъ «чадами мудрости» разумѣть

чадъ Божіихъ, потому что они таковы въ дѣйствительности; они родились изъ премудрости и любятъ ее. Будучи дѣтьми премудрости, они получили духа премудрости, суть ученики Іисуса Христа, и Онъ Самъ въ Своей премудрости есть также ихъ премудрость (1 Коринѳ. I, 24). Высокое служеніе чадъ Божіихъ: оно имѣетъ цѣлью оправдать премудрость, которую они познали и полюбили, т. е. Іисуса Христа, исповѣдать и защитить истину, оправдать предъ невѣрующими Божественную премудрость, представить въ пользу и оправданіе ея собственное свидѣтельство, и такимъ образомъ защитить слово Божіе отъ всякихъ обвиненій. Чада міра порицаютъ Господа Іисуса и не вѣруютъ Его слову, но чада Божіи должны прославлять и оправдывать Его. Они сами оправданы Іисусомъ и вѣрою въ Него, и съ ихъ стороны Онъ долженъ быть оправдываемъ ими, ихъ свидѣтельствомъ, ихъ жизнью. Въ этомъ состоитъ высокое ихъ призваніе—быть свидѣтелями Божіими (Исаія XLIII, 10), исповѣдывать Его Господомъ, защищать Его истину, когда и гдѣ бы она ни подверглась нападенію. Такъ должна быть оправдываема своими чадами премудрость, когда въ этомъ мірѣ ее подозрѣваютъ и порицаютъ. Если же они не хотятъ этого дѣлать, то кто же тогда замѣнитъ ихъ? Хотя Богъ не нуждается въ нашемъ оправдываніи Его, но Онъ хочетъ, чтобы мы были Его свидѣтелями и сообщниками, чтобы вмѣстѣ съ Нимъ вѣчно торжествовать (2 Солун. I, 10). Истинныя чада мудрости суть всегда исповѣдники и защитники ея.

Въ сказанномъ заключается важное *наставленіе* для чадъ Божіихъ: всѣ они должны прилежно исполнять эту свою обязанность, словомъ и дѣломъ исповѣдывать своего Бога; потому что всѣ призваны къ этому служенію, каждый можетъ сдѣлать для своего Господа и сказать за Него свое слово, чего и ожидаетъ Господь и что̀ выражаетъ, говоря въ Евангеліи отъ отъ Луки, что премудрость оправдана отъ *всѣхъ* своихъ чадъ (Лук. VII, 35). Апостолъ Павелъ подаетъ намъ въ этомъ образецъ, свидѣтельствуя о себѣ: «я не стыжусь благовѣствованія Христова», хотя оно однимъ представляется соблазномъ, а другимъ—юродствомъ, «потому что оно есть сила Божія ко спасенію всякому вѣрующему» (Римлян. I, 16).

При исполненіи этой обязанности истинные христіане не должны удивляться, если міръ судитъ о нихъ по своему; что̀ бы ни дѣлали чада Божіи, они не угодятъ міру. Пусть всякій старается угождать не міру, но Богу (1 Сол. IV, 1). «Пришелъ Іоаннъ, ни ѣстъ, ни пьетъ; и говорятъ: въ немъ бѣсъ; пришелъ Сынъ Человѣческій, ѣстъ и пьетъ; и говорятъ: вотъ, человѣкъ, который любитъ ѣсть и пить вино, другъ мытарямъ и грѣшникамъ. И оправдана премудрость чадами ея» (Воскр. Чт. 1876 г. т. I, стр. 257—260).

Угроза нераскаяннымъ (Матѳ. XI, 21—24).

(Прот. Нечаева.)

Господь Іисусъ возвѣстилъ горе Галилейскимъ городамъ—Хоразину, Виѳсаидѣ и Капернауму за то, что они не покаялись, не смотря на то, что Онъ благовѣствовалъ въ нихъ чаще, чѣмъ въ другихъ городахъ, и Свое благовѣстіе подкрѣплялъ многочисленными чудесами. Въ частности, обращаясь къ Капернауму, Онъ сказалъ: «*и ты, Капернауме, иже до небесъ вознесыйся, до ада снидеши: зане аще въ Содомѣхъ быша силы были бывшія въ тебѣ, пребыли убо быша до днешняго дне. Обаче глаголю вамъ, яко земли Содомстѣй отраднѣе будетъ въ день судный, неже*

тебѣ (Матѳ. XI, 23—24). Тяжки были грѣхи Содомлянъ, ихъ крайній развратъ и нечестіе, вопіявшіе къ Богу, за что ихъ городъ вмѣстѣ съ окрестными мѣстами чудесно разрушенъ огнемъ и сѣрою, и провалился. Страшно это наказаніе Содомлянъ, и потому въ Писаніи представляется, какъ поразительный примѣръ Божественнаго мщенія за грѣхи и какъ доказательство, что тяжкіе грѣхи не остаются ненаказанными. Но Содомляне, по слову Христову, избѣжали бы этого наказанія и пребыли бы доселѣ, если бы слышали благовѣстіе и видѣли чудеса, подобныя тѣмъ, какія были въ Капернаумѣ,— ибо тогда Содомляне покаялись бы и заслужили бы пощаду. Жители Капернаума виновнѣе Содомлянъ, ибо не вразумились проповѣдію и чудесами Самого Христа, обитавшаго среди нихъ, и потому заслужили болѣе строгое наказаніе. Капернаумъ, славившійся многолюдствомъ, цвѣтущею торговлею и промышленностью и богатствомъ жителей, наипаче же прославившійся пребываніемъ въ немъ Христа, обитавшаго среди нихъ, съ высоты своей славы, какъ-бы съ неба, поверженъ какъ-бы въ адъ, въ крайнее униженіе, опустошенный и разрушенный до основанія Римлянами. Но это только временное наказаніе. Оно не строже, а пожалуй легче казни, постигшей Содомъ. За то въ день страшнаго суда Содомлянамъ отраднѣе будетъ, чѣмъ жителямъ Капернаума и другихъ городовъ не подорожившимъ проповѣдью и дѣлами среди нихъ Самого Христа Спасителя.

Угроза Христа Спасителя, обращенная къ городамъ, не принявшимъ благовѣстіе Его, относится и къ христіанамъ. Всѣ мы, какъ христіане, какъ члены Церкви Христовой, оглашаемся благовѣстіемъ Христовымъ изъ Евангелія и изъ устъ пастырей Церкви. Всѣмъ намъ дарованы обильныя силы и средства ко спасенію въ таинствахъ, служащихъ источникомъ благодати Божіей. Ко всѣмъ намъ относится обѣтованіе Христа: «Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка»,—слѣдовательно Христосъ близокъ къ намъ не менѣе, чѣмъ къ жителямъ Капернаума, въ которомъ Онъ обиталъ и который былъ для Него Своимъ, какъ-бы роднымъ городомъ. Но чѣмъ больше кому дано, тѣмъ больше съ того взыщется. Жителямъ городовъ, не принявшимъ благовѣстіе Христа и не покаявшимся, грозитъ на судѣ Христовомъ наказаніе тягчайшее, чѣмъ Содомлянамъ, потому что имъ дано больше средствъ для спасенія, чѣмъ Содомлянамъ. Не забывай, грѣшная душа, этого примѣра, и если не хочешь подвергнуться бѣдственной участи современныхъ Христу презрителей Его благовѣстія, страшись подражать имъ въ грѣхахъ, которыми они навлекли на себя грозный судъ Христовъ. Внимательно прислушивайся къ благовѣстію Христову и устрояй твою жизнь по его указанію; упражняй себя въ подвигахъ покаянія и добродѣланія, пользуясь для сего обильными благодатными средствами, предлагаемыми Святою Церковію, — со смиреніемъ и безпрекословнымъ послушаніемъ подчинись ея руководству въ дѣлѣ спасенія. Помни, что внѣ ея нѣтъ спасенія, ибо только въ ней обитаетъ Христосъ (Душеп. Чт. 1881 г., ч. III, стр. 354—355).

Славословіе Богу Отцу за открытіе тайнъ младенцамъ (Матѳ. XI, 25—27).

(Св. Іоанна Златоуста).

Въ то время отвѣщавъ Іисусъ, рече: исповѣдаютися, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцемъ. Ей, Отче, яко тако

бысть благоволеніе предъ Тобою! (Матѳ. XI, 25—27.)

Слово *исповѣдаютися* здѣсь значитъ—благодарю. Благодарю, говорилъ Онъ, *яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ*. Премудрыми Господь именуетъ здѣсь книжниковъ и фарисеевъ, и сіе Онъ говоритъ для того, чтобы учениковъ Своихъ сдѣлать болѣе усердными и вмѣстѣ показать имъ, сколь великихъ рыбари удостоились благъ, которыхъ всѣ тѣ лишились. Называя же ихъ мудрыми, говоритъ не о мудрости истинной и достохвальной, но о той, которую они приписывали своимъ силамъ. Посему не говоритъ: *открылъ* безумнымъ, но *младенцамъ*, то есть, не притворнымъ, а простымъ; и показываетъ, что фарисеи сего не получили не потому только, что не были того достойны, но и лишились того по самой справедливости. Для чего Онъ благодаритъ Отца, когда Онъ Самъ сіе сотворилъ? Какъ Онъ молится и ходатайствуетъ за насъ предъ Богомъ, показывая тѣмъ многую любовь къ намъ въ иномъ мѣстѣ, такъ поступаетъ и здѣсь; ибо и сіе исповѣданіе исполнено Его любви. Симъ показываетъ Онъ и то, что (фарисеи) не отъ Него только отпали, но и отъ Отца. Ибо слова, сказанныя ученикамъ—*не пометайте святая псомъ* (Матѳ. XVII, 6), исполнилъ Самъ прежде на самомъ дѣлѣ. Потомъ Онъ показываетъ вышесказанными словами и Свою первоначальную волю и волю Отца: Свою, когда благодаритъ и радуется о совершившемся; волю Отца, когда показываетъ, что Отецъ сіе сдѣлалъ не потому, что былъ умоленъ, но потому, что Самъ по Себѣ восхотѣлъ. Ибо говоритъ: *тако бысть благоволеніе предъ Тобою*, то есть, такъ Тебѣ угодно было! — А почему отъ нихъ утаилъ? Послушай, что говоритъ на сіе Павелъ: *ищуще свою правду поставити, правдѣ Божіей не повинушася* (Римлян. X, 3). Итакъ помысли: каковымъ надлежало быть ученикамъ, слышащимъ сіе, когда они узнали то, чего не знали мудрые, и узнали сіе по откровенію Божію, бывъ еще младенцами. Лука повѣствуетъ, что Іисусъ въ тотъ самый часъ возрадовался и сказалъ оныя слова, когда семьдесятъ учениковъ, пришедши, возвѣщали о повиновеніи имъ бѣсовъ; а сіе самое дѣлало ихъ не только ревностнѣйшими, но и располагало къ большему смиренію. Ибо какъ они могли удобно впасть въ высокомудріе, потому что изгоняютъ бѣсовъ, то Онъ тутъ же ихъ и располагаетъ къ смиренію. Поелику побѣды ихъ надъ бѣсами были слѣдствіемъ не собственнаго ихъ тщанія, а дѣйствіемъ откровенія.—Посему и книжники и премудрые, сами себя почитающіе разумными, отпали по причинѣ своей гордости. Итакъ, если по сей причинѣ сокрыто отъ нихъ то, (что открыто младенцамъ), то и вы, сказано, бойтесь и пребудьте младенцами. Потому что, какъ младенческое состояніе содѣлало васъ достойными откровенія, такъ противное состояніе лишило ихъ онаго. Ибо какъ слова — *утаилъ еси*, не означаютъ того, чтобы Богъ былъ причиною всего сего; такъ и слова — *открылъ еси*, сказаны здѣсь въ томъ же смыслѣ, въ какомъ говоритъ Павелъ: *предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ* (Римлян. I. 28), и ослѣпилъ помышленія ихъ,—не означая того, будто Богъ сіе производитъ, но относя сіе къ людямъ, подающимъ къ тому причину. Далѣе, дабы ты не подумалъ, что когда Господь говорилъ: *исповѣдаютися, яко утаилъ еси и открылъ еси та младенцемъ*, Самъ по Себѣ не имѣлъ той же силы и не могъ совершить того же, такъ благодаритъ, говоря: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ*. И тѣмъ которые радуются, что имъ повинуются

бѣсы, говоритъ: чему вы удивляетесь, что бѣсы вамъ повинуются? Моя суть вся; *вся Мнѣ предана суть*. Когда же слышишь — *предана*, не предполагай тутъ ничего человѣческаго. Ибо сіе выраженіе не должно вести тебя къ той мысли, будто два Бога нерожденныхъ. А что Онъ родился и вмѣстѣ есть Владыка всего, сіе видно изъ другихъ многихъ мѣстъ. Потомъ Онъ предлагаетъ нѣчто и сего важнѣе и тѣмъ отверзаетъ твое разумѣніе: *и никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ*. Незнающимъ кажется, что сіи слова не зависятъ отъ предыдущихъ, между тѣмъ какъ находится между ними великое согласіе. Ибо Господь сказавъ: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ*, даетъ разумѣть, говоря: чему тутъ дивиться, что Я Владыка всего, когда Я имѣю и нѣчто большее? Я знаю Отца и единосущенъ Ему. *И емуже аще волитъ Сынъ открыти*. Не сказано: кому заповѣдуетъ или кому повелѣваетъ, но *емуже аще волитъ*. Сынъ же, открывая Отца, открываетъ и Себя. Когда же говоритъ— *ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ*, не то разумѣетъ, что всѣ Его не познали; но что никто не имѣетъ объ Отцѣ такого знанія, какое имѣетъ о Немъ Сынъ (Бес. XXXVIII на Матѳ. 168).

Изъ бесѣдъ объ упокоеніи труждающихся и обремененныхъ (Матѳ. XI, 28—29).

(Филарета митрополита Московскаго.)

Пріидите ко Мнѣ, вси труждающіися и обремененніи, воззвалъ Господь Іисусъ, когда предъ очами Его находились Іудеи, среди которыхъ Онъ проповѣдывалъ. Какое на нихъ Онъ могъ видѣть иго, которое бы затрудняло ихъ, и бремя, которое бы ихъ отягчало?— Во-первыхъ, бремя грѣховъ, подъ которымъ и сильный Царь Израилевъ изнемогалъ подобно рабу, страждущему болью въ костяхъ отъ несоразмѣрнаго силамъ ношенія тяжестей: *нѣсть мира въ костехъ моихъ*, говорилъ Онъ, *отъ лица грѣхъ моихъ: яко беззаконія моя превзыдоша главу мою: яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ* (Псал. XXXVII, 4—5). Во-вторыхъ, иго *закона Моисеева*, который Апостолъ Петръ называетъ именно *игомъ, егоже*—говоритъ онъ въ изъясненіе сего названія — *ни отцы наши, ни мы возмогохомъ понести* (Дѣян. XV, 10); котораго при томъ тяжесть въ послѣдніе дни іудейства удвоена и утроена была ученіями и заповѣдями человѣческими отъ книжниковъ и фарисеевъ; *связуютъ бо*, глаголетъ о нихъ Господь, *бремена тяжка и бѣдны носима, и возлагаютъ на плеща человѣческа* (Матѳ. XXIII, 4). Въ-третьихъ, иго и бремя многихъ и различныхъ золъ и бѣдъ, лежавшихъ на Іудейскомъ народѣ вообще и упадавшихъ на многихъ изъ онаго порознь: напримѣръ, иго власти языческой, изъподъ котораго хотя и силились гордые Іудеи восклонять голову и вопіять: *сѣмя Аврааамле есмы, и никомуже работахомъ николиже* (Іоан. VIII, 23), но которое тѣмъ не менѣе тяготѣло на выѣ ихъ и восходило выше головы ихъ, поелику лежало даже на первосвященствѣ ихъ и на самомъ облаченіи первосвященническомъ, которое Римляне держали запертымъ въ своей крѣпости;— иго синагоги, которая преслѣдовала исповѣдающихъ истину, не угодную ея предразсудкамъ и властолюбію;—наконецъ, частныя бремена нищеты, угнетенія отъ сильныхъ, неправеднаго суда, болѣзней, печалей.

Таковыми и подобными бременами отягченныхъ, трудностями утомленныхъ, всѣхъ призывалъ къ Себѣ Господь Іисусъ Христосъ: и поелику призывалъ

всѣхъ безъ изъятія; поелику Богъ Отецъ *послалъ* Его *Спасителя міру* (1 Іоан. IV, 14), а не одному народу, или времени, поелику *словеса Его не прейдутъ* даже и тогда, когда *прейдутъ небо и земля* (Марк. XIII, 31); то и теперь Онъ еще глаголетъ, и между нами *труждающихся и обремененныхъ* ищетъ и къ Себѣ призываетъ.

Іисусъ Христосъ облегчаетъ отягченныхъ бременемъ грѣховъ; ибо хотя бы грѣхи цѣлаго міра на тебѣ лежали, Онъ подъемлетъ съ тебя все сіе бремя, переноситъ оное на Себя, и тѣмъ уничтожаетъ. *Се, Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра.* Если ты побѣжденъ грѣхомъ,—Агнецъ Божій побѣждаетъ его въ тебѣ. Если ты проданъ подъ грѣхъ,—искупляетъ тебя. Если ты связанъ грѣхомъ, какъ ярмомъ,—разрѣшаетъ тебя. Если ты падаешь подъ бременемъ грѣха,—возставляетъ тебя. Если даже ты умерщвленъ грѣхомъ,—Богъ, воскресившій Христа, и *мертваго* тебя *прегрѣшеньми сооживитъ Христомъ* (Ефес. XI, 5); *Кровъ Христова, Иже Духомъ Святымъ Себе принесе непорочна Богу, очиститъ совѣсть твою отъ мертвыхъ дѣлъ, во еже служити тебѣ Богу живу и истинну* (Евр. IX, 14).

Іисусъ Христосъ упокоиваетъ труждающихся подъ игомъ закона, тѣхъ, которые, подвизаясь въ добродѣтели, болѣе испытываютъ тягость и препоны подвига, нежели успѣхи онаго, и съ продолженіемъ онаго болѣе, повидимому, изнемогаютъ, нежели возмогаютъ; ибо Христосъ, Божія Сила и Божія Премудрость, даруетъ и свѣтъ чистаго познанія, и силу совершеннаго исполненія, и подвигъ облегчаетъ, и подвижника укрѣпляетъ, и препоны отъемлетъ, и помощь посылаетъ, и сквозь опасности безвредно проводитъ, и враговъ нашихъ въ насъ побѣждаетъ, и Свою въ насъ побѣду вѣнчаетъ.

Іисусъ Христосъ облегчаетъ и упокоиваетъ бѣдствующихъ, страждущихъ, печальныхъ; ибо не только, яко избавитель, всегда можетъ Онъ отвратить, или пресѣчь бѣдствіе, прекратить страданіе, уничтожить причину печали; но, яко совершенный побѣдитель зла, въ самой области зла устрояющій собственное Царство блага, Онъ можетъ среди самаго бѣдствія открыть въ человѣкѣ чувство благополучія, самое страданіе растворить удовольствіемъ, самой печали дать вкусъ радости. Его сіе дѣло, что Іовъ, послѣ безвинной потери имѣнія и дѣтей, благословляетъ Бога, и въ несносной болѣзни, на гноищѣ, не соглашается роптать; что Петръ, въ темницѣ и въ оковахъ, какъ будто въ праздникъ, поетъ всенощную пѣснь; что Павелъ радуется въ страданіяхъ; что Кипріанъ на смертный о себѣ приговоръ отвѣтствуетъ: *слава Богу!*

Таковъ поистинѣ еще на земли небесный, и прежде смерти безсмертный и блаженный *покой душъ нашихъ*, который *обрѣтается* во Христѣ (т. II-й, стр. 315—317).

Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ (Матѳ. XI, 29). Господь нашъ Іисусъ Христосъ призываетъ къ Себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ и обѣщаетъ имъ успокоеніе. *Обрящете покой душамъ вашимъ. Азъ упокою вы.*

Къ какому бы кто ни принадлежалъ роду лишенныхъ покоя, всѣхъ призываетъ къ Себѣ милосердый Господь; всѣмъ предлагаетъ вѣрное средство достигнуть покоя. Какое средство?—*Научитеся*, говоритъ, *отъ Мене.* Сдѣлайтесь учениками Господа Іисуса; принимайте и исполняйте Его ученіе: *и обрящете покой душамъ вашимъ.* Господь присовокупляетъ, что Онъ *кротокъ и смиренъ сердцемъ*, частью ободряя и

поощряя насъ, чтобы мы не усумнились приступить къ столь высокому Учителю, частью указуя на смиреніе, какъ на одинъ изъ важныхъ предметовъ ученія, которое отъ Него должно принять, для обрѣтенія покоя душамъ.

Почему смиреніе высоко цѣнится Богомъ?

Если бы кому неяснымъ казалось, почему смиреніе, добродѣтель не блистательная, высоко цѣнится предъ Богомъ, и Онъ преимущественно *смиреннымъ даетъ благодать* (1 Петр. V, 5),—таковой пусть размыслитъ объ отношеніи смиренія къ прочимъ добродѣтелямъ и о его противоположности порокамъ.

Если нѣтъ ничего противнѣе Богу, какъ гордость, потому что въ ней скрывается обоготвореніе себя, то, по противоположности, всего паче должно быть пріятно Богу смиреніе, которое, вмѣняя себя за ничто, всякое благо, честь и славу восписуетъ Богу. Гордость не пріемлетъ благодати, потому что наполнена собою; смиреніе удобно пріемлетъ благодать, потому что упразднено какъ отъ себя, такъ и отъ всякой твари. Если гордость Ангеловъ съ неба низринула во адъ; то, по противоположности, надлежитъ заключить, что смиреніе отъ самаго ада, то-есть, отъ самой глубины грѣха, можетъ возвести на небо. Если высшая изъ добродѣтелей, *любовь*, по слову Апостола, *долготерпитъ, не завидитъ, не превозносится, не раздражается, николиже отпадаетъ* (1 Коринѳ. XIII, 4—8); то это потому, что ее поддерживаетъ и ей споспѣшествуетъ смиреніе.

Смиреніе есть соль добродѣтелей. Какъ соль придаетъ пищѣ вкусъ, такъ смиреніе сообщаетъ добродѣтелямъ совершенство. Безъ соли пища удобно повреждается; безъ смиренія добродѣтель удобно растлѣвается гордостью, тщеславіемъ, нетерпѣливостью, и погибаетъ.

Есть смиреніе, которое человѣкъ стяжаваетъ своимъ подвигомъ, познавая свою немощь, недостоинство, ничтожество, тайно укоряя себя за свои погрѣшности и недостатки, не позволяя себѣ судить ближнихъ, укрощая себя трудомъ и послушаніемъ, избирая во всемъ простое и неизысканное. И есть смиреніе, въ которое вводитъ Богъ человѣка судьбами Своими, попуская ему испытывать оскорбленія, укоренія, уничиженіе, лишенія (Т. III-й. Изъ бесѣды въ день обрѣтенія мощей препод. Сергія, стр. 121 и изъ слова въ день Благовѣщенія, стр. 36—37).

Избранныя толкованія изъ твореній св. отцевъ на XI гл. Ев. отъ Матѳея.

(Св. Исидора Пелусіота.)

Ст. 3. *Ты ли еси грядый, или иного чаемъ?* Вопросъ этотъ предложилъ Іоаннъ Господу, пріуготовляясь быть усѣченнымъ за истину и ко Господу стараясь привести учениковъ своихъ, которые послѣ его свидѣтельства, по причинѣ строгаго житія Іоаннова, сомнѣвались еще, точно ли Господь больше Іоанна. И Господь доказалъ сіе тѣмъ, что̀ совершилъ вскорѣ за симъ, многими чудотвореніями подтвердивъ истину Іоаннова свидѣтельства и невѣровавшихъ слышанному послѣ видѣннаго ими отпустивъ отъ Себя увѣровавшими (ч. I, стр. 23—24).

Ст. 8. Объ облекающихся *въ мягки ризы*. Что носить мягкія, тонкія и доброцвѣтныя одежды не значитъ сохранять правило подвижничества по Богу, спроси объ этомъ Іоанна Богослова, описывающаго хитонъ Господень; и онъ скажетъ тебѣ: *бѣ же хитонъ* Его *не швенъ, свыше истканъ весь* (Іоан. XIX, 20). Но кому неизвѣстна малоцѣнность той одежды, какую употребляли бѣдные Галилеяне, которымъ особенно нравилось таковое одѣяніе, сотканное съ нѣ-

которымъ искусствомъ? Попроси свѣдѣній у Божественнаго Матѳея, извѣщающаго объ Іоаннѣ Крестителѣ, и дастъ тебѣ такой отвѣтъ: *самъ же Іоаннъ имяше ризу свою отъ влас̀ъ велблюждь* (Матѳ. III, 4). Смотри также, какъ ведемудрый и Богоносный Лука изображаетъ кичливость Иродову и порицаетъ одежду, въ какую былъ онъ облеченъ (Дѣян. XII, 21). *Въ мягки ризы* одѣянные, говоритъ онъ, живутъ въ домахъ царскихъ (Лук. VII, 25), но не отличаются одеждами, достойными духовнаго брачнаго чертога. Посему, если вожделѣваешь онаго, малоцѣнностью одежды подражай Богу нашему Іисусу; потому что роскошь въ одеждахъ — знакъ здѣшней изнѣженности, а не горней свѣтоносности (ч. I, стр. 53—54).

Ст. 9 и 11. Почему *не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна* (11) и что въ Іоаннѣ *лишше пророка* (9)? Іоаннъ *болій въ рожденныхъ женами*, потому что пророчествовалъ въ самой материей утробѣ, и самъ, сокрываясь во тмѣ, узналъ пришедшій Свѣтъ. А *лишше* пророка въ немъ то, что о Комъ пророчествовалъ, и Кого всѣ патріархи и пророки представляли себѣ только въ снахъ и видѣніяхъ, узрѣть же собственными очами не сподобились, Того увидѣлъ пришедшимъ во плоти (ч. I, стр. 23).

Преподобнаго Макарія Египетскаго изъясненіе 11 ст. XI гл. св. Матѳея.

Подлинно, изъ рожденныхъ женами никто не больше Іоанна Крестителя; потому что онъ—полнота всѣхъ пророковъ. Всѣ пророчествовали о Господѣ, издали показывая Его пришествіе, но Іоаннъ, пророчествуя о Спасителѣ, представилъ Его предъ очи всѣхъ, взывая и говоря: *се Агнецъ Божій!* Какъ сладостенъ и прекрасенъ гласъ того, кто прямо указуетъ на Проповѣдуемаго имъ! Никто изъ рожденныхъ женами не больше Іоанна Крестителя: *мній же во Царствіи Небеснѣмъ болій его есть* (Матѳ. XI, 11). Это свыше рожденные отъ Бога Апостолы, пріявшіе начатокъ Духа Утѣшителя; ибо они сподобились судить со Христомъ, быть сопрестольниками Христовыми, содѣлались избавителями человѣковъ. А найдешь также, что они раздѣляютъ море лукавыхъ силъ и преводятъ вѣрныя души; найдешь, что они дѣлатели, воздѣлывающіе душевный виноградъ; найдешь, что они други жениховы, обручающіе Христу души; ибо сказано: *обручихъ васъ единому Мужу* (2 Коринѳ. XI, 2); найдешь, что они даютъ жизнь человѣкамъ; однимъ словомъ, найдешь, что они многочастно и многообразно служатъ Духу. Сей-то *мній болій* есть Іоанна Крестителя (Бес. 28, стр. 299—300).

Св. Исидора Пелусіота о томъ, что значитъ сказанное объ Іоаннѣ: мній же во Царствіи Небеснѣмъ, и проч. (11 ст.).

Мній въ Царствіи Небеснѣмъ болій есть Іоанна. Совершенный въ законѣ, какимъ былъ Іоаннъ, безъ сомнѣнія, меньше крестившагося въ смерть Христову. Ибо вотъ что̀ значитъ Небесное Царство,—спогребстись съ Христомъ, снисшедшимъ расхитить добычу смерти, совостать съ Нимъ, дарующимъ державу надъ смертью. Посему, такъ какъ Іоаннъ, хотя былъ *болій* всѣхъ рожденныхъ женами, но усѣченъ прежде, нежели даровано Небесное Царство; то, хотя по правдѣ законной содѣлался неукоризненнымъ, однакоже, смертью своею предваривъ усовершившихся духомъ жизни во Христѣ, не достигъ до нихъ. Поэтому всякій *мній въ Царствіи Небеснѣмъ*, то есть въ возрожденіи по Христу, *болій есть*, какъ сказано

оправдавшагося закономъ; ничтоже бо совершилъ законъ (Евр. VII, 19).

Св. Аѳанасія Александрійскаго на ст. 29—30.

Возмите иго Мое на себе, и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ. Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть. Воспользовавшись симъ, Божественный Апостолъ назвалъ грѣхъ обременительнымъ и *удобь обстоятельнымъ* (Евр. XII, 1). Ибо что̀ тягостнѣе и вреднѣе грѣха? А равно и съ противной стороны, что̀ легче и полезнѣе добродѣтели? Грѣхъ, какъ сказано въ Притчахъ, *многихъ уязвивъ низверже своею тяжестію* (Притч. VII, 26). *Плѣнницами же своихъ грѣховъ кійждо затязается* (Притч. V, 22). А добродѣтель держащихся ея оживляетъ и возноситъ на высоту, по слову Приточника: *древо живота есть держащимся ея* (Притч. III, 18), и по слову Псалмопѣвца: *пріемляй кроткія Господь* (Псал. CXLVI, 6). Посему-то грѣхъ символически представляется въ видѣ *таланта оловяна вземлющагося* (Захар. V, 7). И у кого есть плотскія бремена и плотскія похоти, кого обдержитъ грѣхъ, тѣмъ не свободно возводити око къ небу. Посему и *иго* Спасителево *благо*, и бремя легко. Но скажутъ: почему же легко, когда говоритъ: *аще не возненавидитъ кто отца и матерь* (Лук. XIV, 26), и *иже не пріиметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ* (Матѳ. X, 38), и *иже не отречется всего своего имѣнія, не можетъ быти Мой ученикъ* (Лук. XIV, 33), когда повелѣваетъ отдать и самую душу? Да научитъ тебя Павелъ, который говоритъ: *еже бо нынѣ легкое печали по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ* (2 Коринѳ. IV, 17); и еще: недостойны страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ (Римлян. VIII, 18). (Тв. св. оо., т. XXIV. Тв. св. Аѳанасія Александрійскаго, ч. IV, стр. 487—488).

Изъ бесѣды св. Іоанна Златоустаго на слова Евангелія отъ Матѳея гл. XI, 28—30.

Пріидите ко Мнѣ, вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. Не сей только, или тотъ, но всѣ вы, которые обременены заботами, болѣзнями, грѣхами, пріидите ко Мнѣ, не для того, чтобы Мнѣ поразить васъ казнью, но чтобы разрѣшить васъ отъ грѣховъ; пріидите, не потому, что Я имѣю нужду въ вашемъ прославленіи, но потому, что Я хощу вашего спасенія. Азъ, говоритъ Господь, упокою вы; не сказалъ просто: спасу васъ, но, что̀ гораздо болѣе, сдѣлаю васъ свободными отъ всякаго страха и безпокойства.

Возмите иго Мое на себе, и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ. Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть.—Не пугайтесь; слыша объ игѣ: оно благо; не трепещите, когда Я говорю о бремени: оно легко. Но какъ же Самъ Онъ прежде сказалъ, что *узкая врата и тѣсный путь вводяй въ животъ* (Матѳ. VII, 14)? Такъ, узки врата и тѣсенъ путь бываетъ для тебя, доколѣ ты преданъ безпечности и разслабленъ душею. Но если ты исполняешь все, что̀ сказано, тогда бремя будетъ для тебя легко;—вотъ почему Господь и назвалъ таковымъ Свое бремя!—«Ка́къ же я могу все исполнить»? Если будешь смиренъ, кротокъ и тихъ; потому что смиренномудріе есть причина всякаго любомудрія. Посему-то Господь, когда восхотѣлъ преподать намъ Божественные законы, началъ ученіемъ о смиреномудріи (Матѳ. V, 3); посему-то и въ на-

стоящемъ мѣстѣ Онъ то же дѣлаетъ, обѣщая притомъ и величайшую награду за сію добродѣтель. Ибо ты, будучи смиренъ, не для другихъ только будешь полезенъ, но прежде всего успокоишь самого себя: *обрящете покой душамъ вашимъ*. Такимъ образомъ еще прежде будущихъ наградъ, Господь и здѣсь уже вознаграждаетъ тебя, и здѣсь уже даетъ тебѣ возмездіе, и притомъ, чтобы сдѣлать Свое наставленіе удобопріятнѣйшимъ, представляетъ тебѣ въ примѣръ Себя Самого.—Чего ты боишься? какъ-бы такъ Онъ сказалъ. Того ли, чтобы тебѣ не унизить себя смиреніемъ? Смотри на Меня; отъ Меня научись всему Моему, и тогда ясно увидишь, какое благо есть смиреніе.

Видишь ли, сколь многими побужденіями Господь располагаетъ Своихъ учениковъ къ смиреномудрію! Во-первыхъ, собственнымъ примѣромъ: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь*. Во-вторыхъ, тою пользою, какую они получатъ отъ сей добродѣтели: и обрящете покой душамъ вашимъ. Въ-третьихъ, тою наградою, которую Онъ даруетъ имъ: и Азъ упокою вы. Наконецъ тѣмъ, что Онъ Свое иго содѣлалъ легкимъ: иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть.

Но какъ же Онъ называетъ Свое бремя легкимъ, когда Самъ же говоритъ: *аще кто не возненавидитъ отца своего и матеръ, не можетъ Мой быти ученикъ;* и *иже не носитъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ, не можетъ Мой быти ученикъ;* и *всякъ отъ васъ, иже не отречется всего своего имѣнія, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. XIV, 26—27, 33); когда повелѣваетъ даже отречься отъ собственной своей души (Матѳ. XVI, 25)? Когда ты будешь дѣятеленъ и равностенъ, тогда все будетъ для тебя легко и удобно. Посему то и Христосъ, дабы вразумить насъ, что мы и сами должны трудиться,—не говоритъ отдѣльно ни объ одномъ только легкомъ и удобномъ, ни объ одномъ тяжкомъ, но и то и другое совокупляетъ вмѣстѣ: Онъ говоритъ и объ игѣ, и называетъ его благимъ; и бремя именуетъ, и тутъ же прибавляетъ: легкое. Сіе для того, чтобы ты не избѣгалъ сего ига, какъ тяжкаго, и не пренебрегалъ имъ, какъ слишкомъ легкимъ.

Но ежели и послѣ всего этого, добродѣтель представляется тебѣ тяжкою, то вспомни, что порокъ несравненно тягостнѣе. Это даетъ разумѣть Господь и тѣмъ самымъ, что Онъ не говоритъ прежде: *возмите иго Мое:* но: *пріидите ко Мнѣ, вси труждающіися и обремененніи*. Сими словами Онъ показываетъ, что грѣхъ для насъ есть ноша тяжелая и бремя неудобоносимое. Поэтому Онъ не сказалъ только: труждающіися, но и прибавилъ: обремененніи. Такимъ же образомъ и пророкъ Давидъ описываетъ свойство грѣховъ: *яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ* (Псал. XXXVII, 5); а Захарія называетъ ихъ талантомъ оловянымъ (Захар. V, 7). Это подтверждаетъ и самый опытъ. Ничто такъ не тяготитъ душу, ничто такъ не омрачаетъ ума и не преклоняетъ его долу, какъ чувство своей грѣховности; напротивъ, ничто такъ не воскрыляетъ и не возноситъ душу горѣ, какъ стяжаніе праведности и добродѣтели. Подумай: что, напримѣръ, тягостнѣе того состоянія, когда ничего не имѣешь; что непріятнѣе обязанности—не только не противиться обижающему, но и подставлять ему свою щеку;—умереть насильственною смертью? Однакожъ, если мы все сіе разсмотримъ надлежащимъ образомъ, то оно покажется для насъ легкимъ и удобнымъ, даже такимъ, что приноситъ намъ удовольствіе. Не возмущайтесь же; изслѣдуемъ лучше со всею точностью ка-

ждую вещь, и, если хотите, прежде всего разсмотримъ то, что̀ наиболѣе кажется для многихъ тяжкимъ. Скажи мнѣ, что̀ труднѣе и обременительнѣе: объ одномъ брашнѣ заботиться, или о весьма многихъ другихъ нуждахъ? Одною одеждою одѣваться и не желать ничего болѣе, или, обладая великимъ богатствомъ, день и ночь мучиться, пугаться, трястись надъ нимъ, предаваться скорби и печали при одной мысли о потерѣ его; бояться, чтобы моль не истребила, чтобы слуга твой не укралъ сего и не убѣжалъ съ нимъ отъ тебя?

Опять для разсудительнаго человѣка легче подставить свою щеку другому, нежели самому бить другаго. Чрезъ сіе ты начинаешь войну, а тѣмъ прекращаешь ее; чрезъ сіе воспламеняешь въ другомъ огнь, а тѣмъ и въ самомъ себѣ погашаешь пламень; а всякому извѣстно, что лучше не быть въ пламени, нежели горѣть. Еслижъ такъ съ тѣломъ, то кольми паче съ душею!

Наконецъ, что̀ легче? Подвизаться или быть увѣнчаннымъ? Ратоборствовать или получать награду? Съ волнами бороться, или находиться у пристани? —Такъ, и умереть лучше, нежели жить. Смерть избавляетъ насъ отъ бурь и опасностей, а жизнь подвергаетъ насъ безчисленнымъ навѣтамъ и крайностямъ, которыя дѣлаютъ ее для насъ несносною. Если ты не вѣришь моимъ словамъ, то послушай тѣхъ, которые видѣли мучениковъ во время ихъ страдальческихъ подвиговъ, какъ они, бывъ поражаемы ударами и пронзаемы острыми орудіями, были веселы и радостны; какъ они, бывъ положены на кострахъ, веселились болѣе, нежели гуляющіе по цвѣтущему саду. Вотъ почему и Павелъ, когда настало время ему отойти изъ сего міра и окончить жизнь насильственною смертью, воскликалъ: *радуюся и сорадуюся всѣмъ вамъ: такожде вы радуйтеся и сорадуйтеся мнѣ* (Филиппис. II, 17—18).

Впрочемъ, можно бы и другими различными способами доказать, что иго добродѣтели пріятно и легко; но мы если угодно, посмотримъ, какія бремена грѣхъ налагаетъ на человѣка. Итакъ выведемъ на среду любостяжателей, которые употребляютъ даже безчестныя средства для полученія прибытковъ. Что̀ можетъ быть мучительнѣе любостяжанія? Съ этими прибытками сколько бываетъ ежедневно печалей, сколько заботъ, сколько огорченій, сколько опасностей, сколько навѣтовъ и браней, сколько безпокойствъ и возмущеній! Какъ моря никогда не увидишь безъ волнъ, такъ и душу любостяжателя никогда не найдешь свободною отъ заботы и печали, отъ страха и смущенія; въ ней, подобно какъ на морѣ, за первыми волнами бѣгутъ другія, въ слѣдъ за сими устремляются новыя;—не утихли еще и сіи, а вотъ уже воздымаются другія. Равномѣрно, что несчастнѣе тѣхъ, которые чрезмѣрно любятъ плоть свою и привязаны къ настоящей жизни? Что тягостнѣе сего рабства? Они живутъ не лучше Каина, непрестанно объяты трепетомъ и ужасомъ, и при видѣ каждаго умершаго плачутъ болѣе, нежели ближніе умершаго,—плачутъ отъ страха собственной кончины. Чья жизнь, наконецъ, безпокойнѣе и бурнѣе жизни людей гордыхъ и надменныхъ?

Научитеся убо отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ. Такъ, незлобіе есть мать всѣхъ благъ. Не бойся и не отвергай того ига, которое освобождаетъ тебя отъ всѣхъ иныхъ тягостей; но со всею готовностью подклонись подъ него, и тогда вполнѣ узнаешь сладость его. Оно не сотретъ твоей выи; ибо возлагается на тебя единственно для твоего благоустроенія (Христ. Чт. 1838 г., ч. III, стр. 39—50).

Библіографическій указатель къ II гл. Ев. Матѳея и парал.

Святоотеческія толкованія.

1) *Св. Іоанна Златоустаго* о посольствѣ Іоанна Крестителя къ Іисусу Христу (Матѳ. XI, 1—6). Бес. XXXVI на Ев. Матѳея, ч. II, 145. Свидѣтельство Господне о Крестителѣ и дал. (7—24). Тамъ же. Бес. XXXVII, 145—159.

2) *Блаженнаго Іеронима.* Зачѣмъ Іоаннъ посылалъ учениковъ своихъ къ Господу съ вопросомъ: *Ты ли еси грядый, или иного чаемъ* (Матѳ. XI, 3. Лук. VII, 20), когда прежде самъ говорилъ о Немъ: *Се Агнецъ Божій?* Твор. блажен. Іеронима въ Русск. перев. Т. II. 600—603.

3) *Св. Григорія Двоеслова.* О вопросѣ Іоанна Предтечи о личности Іисуса Христа и объ отвѣтѣ на него Іисуса Христа, кн. I, 48—57.

4) Ст. 8. *Преп. Исидора Пелусіота* объ облекающихся *въ мягкія ризы.* Часть I-я. 53—54.

5) Ст. 11. *Его же.* Почему *не восста въ рожденныхъ женами болій* Іоанна, и что въ Іоаннѣ *мнимое пророка* (ст. 9)? Ч. I. 23.

6) Ст. 12. *Препод. Исидора Пелусіота.* Почему *Царствіе Небесное нудится.* Часть III. 46—47.

7) *Св. Аѳанасія Александрійскаго.* Бес. на Матѳея XI, 27. *Вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ, и никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ: ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыти.* Христ. Чт. 1835 г. II, 119—134.

8) На ст. 28. *Святителя Тихона Задонскаго* (см. кн. Сокровище духовное).

Новѣйшія толкованія.

9) Лук. VII, 19 и дал. *С. Соллертинскаго.* О посольствѣ Іоанна Крестителя къ Іисусу Христу. Пастырство Христа Спасителя. 27—33.

10) О томъ же см. въ Обозр. Франц. богосл. журн. Прав. Обозр. 1865 г. XVIII. 267—268.

11) Матѳея XI, 4—9. Правильное употребленіе глазъ. Воскресное Чтеніе, 1875 г. 59.

12) Ст. 7. Соблазны. Воскресное Чтеніе, 1876 г. I. 354—355.

13) Ст. 11. Отвѣтъ на вопросъ: кто это *мній—болій*, и въ которомъ Царствѣ: благодати, или славы? Душеп. Чт. 1867 г. I, 139—141. Изв. и зам.

14) Ст. 12. Мысли епископа Ѳеофана 193.

15) На ст. 16—19. Мысли, его же, стр. 195.

16) *С. Соллертинскаго.* Толкованіе имени „Сынъ Человѣческій". Пастырство Христа Спасителя. 80—81.

17) *Прот. Нечаева.* Уроки покаянія, заимствованные изъ Еванг. въ Великомъ канонѣ святаго Андрея Критскаго. Нищіе, мытари, грѣшники (Матѳ. XI, 19. Лук. VII, 21). Душ. Чт. 1881 г. I. 233—236.

18) Ст. 20—30. *Филарета митроп. Кіевскаго.* Воскресное Чтеніе, IV, 282—287.

19) Ст. 21—22. Епископа Ѳеофана Мысли. 196.

20) Ст. 27. *Филарета, митроп. Московскаго.* Чт. въ Общ. люб. дух. просвѣщ. 1873 г., Апрѣль 19—420.

21) *Его же.* О потребности воплощенія Сына Божія насъ ради человѣкъ. Слова и рѣчи. III. 339—340.

22) Ст. 28. *Никанора, митроп. Пріидите ко Мнѣ, вси труждающіися и обремененніи.* Домашн. Бес. 1863 г. Вып. 43, 319—321.

23) Ст. 27—28. *Никанора, архіеп. Херсонскаго.* О призываніи искателей истины. Взгляды на развитіе общечеловѣческой мысли, знанія и науки. Поуч. III. 325—336.

24) Ст. 28. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* О призываніи труждающихся. Слова и бес. II. 199.

25) На тотъ же ст. Воскресное Чтеніе, г. III, 123—127, г. X, 420—422.

26) На тотъ же ст. Христ. Чт. 1853 г. II, 89—92.

27) На тотъ же ст. Мысли еп. Ѳеофана 197.

28) Ст. 29. *Григорія, архіеп. Казанскаго.* Важность смиренія въ дѣлѣ спасенія. Слов. II. 244—253.

29) На тотъ же ст. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О жизни по закону и любви къ добродѣтели. Слов. и бес. III, 457—460.

30) Ст. 29. Размышленія о кротости и смиреніи. Христ. Чт. 1828 г. XXV, 348—350.

31) *Обрящете покой душамъ вашимъ* (ст. 29). Воскресное Чтеніе, ч. XXXIV. II. 478.

32) Ст. 30. *Филарета, митроп. Московскаго.* О благомъ игѣ Христовомъ. Слов. III. 162—168.

33) Ст. 30. Благое иго Христово. Духовн. Бес. 1870 г. I, № 23. 385—391.

34) Иго Христово легкое и облегчающее всѣ трудности. Воскресное Чтеніе, ч. XI. 28—30.

35) О томъ же. Христ. Чт. 1854 г., ч. I, 356—360.

Милосердіе Господа къ покаявшейся грѣшницѣ (Лук. VII, 36—50).

(По изображенію св. Ефрема Сирина)

(Свящ. П. Смирнова.)

Евангельское повѣствованіе о женѣ блудницѣ начинается изображеніемъ грѣховнаго состоянія, въ которомъ она находилась до своего обращенія къ Господу: *се жена во градѣ, яже бѣ грѣшница* (Лук. VII, 37), то есть, извѣстная всѣмъ въ городѣ за явную грѣшницу. Для чего слово Божіе, въ настоящемъ случаѣ и подобныхъ ему, даетъ намъ видѣть всю глубину нравственнаго паденія нашихъ ближнихъ? Для того, конечно, чтобы тѣмъ поразительнѣе представить намъ величіе силы Божіей, могущей извлечь человѣка изъ самой глубочайшей бездны грѣха, чтобы тѣмъ живѣе и усладительнѣе былъ для насъ образъ неизрѣченной любви Божіей, всегда милующей кающихся грѣшниковъ, какъ-бы ни были грѣхи ихъ велики и многочисленны. Видя паденіе жены и удивляясь силѣ Божіей, возстановившей ее, мы должны ужасаться грѣха въ себѣ самихъ, и по примѣру и стопамъ ея спѣшить къ покаянію, ободряя себя надеждою на милосердіе Господа. Святый Ефремъ Сиринъ, образецъ смиренія и христіанской снисходительности къ ближнимъ, не боится говорить о проступкахъ грѣшницы и изображаетъ ея грѣховное состояніе мрачными чертами: «грѣшница сія, братіе мои», говоритъ онъ, «была сѣтью для мужчинъ и безстыдными своими поступками уловляла ихъ въ мрежу свою. Какъ ненавистница чистоты, восхваляла она сладострастіе и непотребствомъ своимъ дерзко посмѣивалась надъ закономъ» (стр. 211, 212). Но святый отецъ самъ говоритъ, чему научался онъ въ этомъ глубокомъ паденіи ея: «видѣлъ я блудницу: она была смущена, а потомъ, когда просвѣтлѣлъ взоръ ея, и когда спросилъ я, сказала мнѣ: иди и подобно мнѣ пріими оставленіе грѣховъ» (стр. 190). «Есть надежда грѣшникамъ, что исцѣлены будутъ покаяніемъ», восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, пойду и я... и присоединюсь къ нечистой блудницѣ, которая плакала предъ Тобою, Господи, и помилована». (стр. 177).

Когда и какъ начался спасительный переворотъ въ душѣ грѣшницы — не говоритъ священное повѣствованіе. Изъ ученія слова Божія и изъ нѣкоторыхъ другихъ примѣровъ обращенія грѣшниковъ можно видѣть, что такой переворотъ начинается дѣйствіемъ благодати Божіей, взыскующей погибшихъ (Лук. XXII, 61; XV, 17) и приводящей ихъ къ познанію своихъ прегрѣшеній. Господь, невидимо приведшій грѣшницу въ домъ Симона для наставленія фарисеевъ и всѣхъ насъ, со скорбью видѣлъ гибельное увлеченіе ея въ сѣти разврата и нашелъ средство обратить на путь истины заблудшую. «Слово ли Его,—дыханіе жизни,—возбудило омертвѣвшую во грѣхахъ, или распростерлась передъ нею, какъ мрежа, молва объ Іисусѣ, съ сердоболіемъ прощающемъ грѣхи (стр. 213),—только въ эту, омраченную грѣхомъ, душу проникъ свѣтъ истины и добра. Она восчувствовала, при содѣйствіи благодати Божіей, гибельное состояніе души своей и пришла къ милосердному Господу просить исцѣленія и помилованія. «Какъ ловецъ», по слову Сирскаго учителя, «Господь уловлялъ Своими щедротами одичавшую голубицу, которая скрылась изъ обитаемыхъ мѣстъ и отлетѣла въ безплодную пустыню, разставилъ тенета Свои и распростеръ ихъ предъ обезумѣвшею; скоро подкралась она, вошла, и по простотѣ воли своей уловлена эта дикая голубица» (стр. 213). Все это—

дѣло милосердаго Господа; мы можемъ только изумляться непостижимой премудрости и благости Его въ спасеніи грѣшниковъ и, изумляясь, сами взывать къ Нему: имиже вѣси судьбами спаси насъ!

Поучительна и достойна подражанія та готовность, съ какою грѣшница послѣдовала гласу призывающей благодати. Какъ только она узнала, что милующій грѣшниковъ Господь — въ домѣ Симона, поспѣшила прибѣгнуть къ Его помощи. Между тѣмъ сколько представлялось препятствій и затрудненій къ совершенію такого подвига! Время вечери могло показаться несоотвѣтственнымъ сокрушенному раскаянію; не мѣсто ему было повидимому,— въ домѣ фарисея, въ глазахъ людей, непріязненныхъ грѣшникамъ; наконецъ, иной бы на ея мѣстѣ не рѣшился придти въ чужой домъ безъ приглашенія... Но ни ложный стыдъ предъ людьми, ни представленіе трудностей, ожидающихъ ее на пути добродѣтели, ни обычная во многихъ грѣшникахъ наклонность отлагать со дня на день обращеніе свое,—ничто не остановило благоразумную жену въ ея твердомъ намѣреніи принести покаяніе. Въ душѣ ея была одна мысль, одно пламенное желаніе—пасть къ стопамъ Небеснаго Врача и излить предъ Нимъ свое сокрушенное сердце. Если лучъ небеснаго свѣта среди молитвы, или при особыхъ какихъ либо случаяхъ жизни коснется нашего сердца, озаритъ предъ нами наше бѣдственное положеніе, возжжетъ въ насъ желаніе лучшей жизни,—не ожесточимъ сердца нашего, и на зовъ благодати отзовемся немедленно истиннымъ обращеніемъ къ Богу и покаяніемъ. Всѣ, угодившіе Богу, такимъ образомъ сподобились Его благодати. Такъ Апостолы пошли за Господомъ по первому слову Его; Ниневитяне, Закхей — поспѣшили раскаяться, и были помилованы; Корнилій и евнухъ царицы Кандакійской не медлили обращеніемъ ко Христу и получили благодать. Медлительность, раздумье, отлагательства—гибельны въ дѣлѣ спасенія: живое и сильное, въ началѣ, расположеніе къ покаянію съ теченіемъ времени легко можетъ охладѣть; возьмутъ силу старыя привязанности: грѣшникъ снова на пути міра,—и скоро ли опять посѣтитъ, и еще посѣтитъ ли — душу, блуждающую въ земныхъ помыслахъ, свѣтлый лучъ благодати?

Грѣшница—въ домѣ Симона, у ногъ Спасителя. Каждое движеніе ея поучительно; каждое дѣйствіе исполнено глубокаго смысла и значенія. Не напрасно святый Евангелистъ изображаетъ покаяніе ея съ такою подробностью: *принесши алавастръ мира и ставши при ногу Его созади плачущися, начатъ умывати ноги Его слезами, и власы главы своея отираше, и облобызаше ноги Его, и мазаше миромъ* (38). Какое глубокое сокрушеніе видно въ самомъ положеніи и во всѣхъ дѣйствіяхъ кающейся! Обремененная грѣхами, она не смѣетъ явиться предъ лице Господа, но становится позади и повергается къ ногамъ Его. Въ этомъ положеніи разсыпаются волосы ея и слезы льются изъ очей ея такими полными струями, что ихъ достаетъ на омовеніе ногъ Спасителя. Она не представляетъ ничего въ оправданіе своихъ преступленій, не говоритъ объ увлеченіи молодости, недостаткахъ воспитанія, дурныхъ примѣрахъ, не ссылается на другихъ женъ въ Іудеѣ, жившихъ не лучше ея, не оправдывается незнаніемъ предписаній закона, признаетъ себя во всемъ виновною,—молчитъ и рыдаетъ. Не видимъ подробной исповѣди грѣховъ; но о болѣзненныхъ язвахъ души ея и содѣланныхъ ею беззаконіяхъ не говорили ли выразительнѣе всякихъ словъ эти

горестныя слезы, эти тяжкія воздыханія? Притомъ, грѣхи ея были всѣмъ извѣстны: поверженная, плачущая, она исповѣдала предъ Богомъ и людьми, что все то, что̀ знаютъ и говорятъ о ней,—горькая правда. «Въ доказательство, какъ велика болѣзнь ея», говоритъ святый Ефремъ, «изъ очей ея лились слезы, и всѣ члены ея содрагались» (стр. 219). Сочувствуя ея печали, раздѣляя спасительный плачъ ея, великій проповѣдникъ покаяннаго сокрушенія влагаетъ въ уста ея слѣдующія умилительныя слова: «Господи!.. неправда и лукавство сокрушили меня... Гнойный струпъ неправдъ раскрылся у меня, и множество всякихъ нечистотъ покрыло меня. Исцѣли меня, Величайшій изъ врачей, умоляю Тебя. Войди въ бѣдную, болящую душу мою, смятенную лютыми страстями, и, изгнавъ ихъ, освободи меня... Міръ — это море—унесъ меня на волнахъ своихъ; Ты, Господи—пристань жизни, спаси меня отъ потопленія» (стр. 215 — 216). О если бы Господь каждому изъ насъ далъ плакать о грѣхахъ своихъ слезами покаявшейся грѣшницы!

Между тѣмъ какъ Симонъ и другіе, бывшіе у него въ это время, фарисеи колебались въ своихъ понятіяхъ о достоинствѣ Лица Іисуса Христа, и лучшіе изъ нихъ согласились признать Его не болѣе, какъ пророкомъ, — въ душѣ жены блудницы не было никакихъ сомнѣній въ Божественномъ величіи Господа. Въ храминѣ Симона не разсуждаетъ она, не справляется съ мнѣніемъ почетныхъ гостей, учителей народа, сидѣвшихъ вокругъ Іисуса Христа, точно ли Онъ — Господь и Спаситель; сильно и твердо идетъ наперекоръ наиболѣе извѣстному ихъ мнѣнію о Немъ и, не колеблясь ни минуты, повергается къ ногамъ Его. Сынъ Божій, пришедшій спасти людей, — Единъ, имѣющій власть отпущать грѣхи; и потому она прибѣгла къ Нему съ мольбою объ оставленіи ея грѣховъ. «Знаю и исповѣдаю, Господи, думала она, что щедроты ниспослали Тебя къ нашему роду; по изволенію Своему пришелъ Ты на землю и посѣтилъ грѣшниковъ, чтобы, по милосердію Своему, снова воззвать ихъ къ жизни и по щедротамъ Своимъ очистить ихъ. На мнѣ, которая такъ бѣдствую, покажи, Господи, милость Твою и щедроты Твои, потому что имѣю въ нихъ нужду» (стр. 214—215). Глубоко сознавая всю гнусность своихъ прегрѣшеній, она, подкрѣпляемая вѣрою въ неизрѣченное милосердіе Іисуса, не приходитъ въ отчаяніе, не теряетъ отрадной надежды, что Онъ можетъ исцѣлить ее и возвратить ей утраченную душевную красоту. Кающаяся не смущается тѣмъ, что Господь не вдругъ обратилъ къ ней Свой милостивый взоръ, не тотчасъ сказалъ ей кроткое и ободрительное слово. Она ждала довольно долго Его сладчайшаго гласа: *отпускаются тебѣ грѣси* (48), и не усумнилась, не предалась унынію и нетерпѣнію,—но съ дерзновеніемъ она емлется за ноги Спасителя, и во все время не перестаетъ лобызать ихъ и омывать слезами. Святый Ефремъ изумляется сему дерзновенію кающейся блудницы и великому милосердію къ ней Владыки. «Что̀ хотѣла, то и дѣлала она. Омывала слезами ноги Его, и не погнушался Онъ бѣдною. Въ горькомъ сокрушеніи со слезами лобызала Его она, и не отгналъ Онъ отъ Себя блудницу. Едва приблизилась къ Нему, дерзновенно стала прикасаться къ членамъ Его» (стр. 220). Любовь горячая и совершенная къ Господу—Врачу и Спасителю—вѣнчала покаяніе грѣшницы и руководила ея дѣйствіями. Что̀ могла сдѣлать для Господа жена, отверженная всѣми и смущенная въ грѣхахъ

своихъ? Но любовь изобрѣтательна.— Былъ у Іудеевъ обычай—омывать водою ноги гостямъ, наиболѣе уважаемымъ (Быт. XVIII, 4), отирать ихъ полотенцемъ (Іоан. XIII, 4) и въ знакъ радости умащать голову елеемъ (Матѳ. VI, 17). Симонъ, по недостатку любви и уваженія къ Іисусу Христу, не оказалъ Ему этой преимущественной чести предъ другими гостями. Сердце жены какъ будто чувствовало это, и она спѣшила съ избыткомъ восполнить недостатокъ любви и почтенія въ домохозяинѣ. По дорогѣ въ домъ Симона она заготовляетъ дорогое муро, можетъ быть, на послѣднее свое достояніе, для того, чтобы помазать не главу, а ноги Спасителя; пришедши въ домъ, омываетъ ихъ не водою, а слезами; вмѣсто полотенца отираетъ своими волосами; съ любовью непрестанно лобызаетъ ихъ и мажетъ драгоцѣннымъ и благовоннымъ муромъ. Но, кромѣ желанія почтить предъ всѣми возлюбленнаго Господа, въ этихъ дѣйствіяхъ кающейся выразилась еще другая мысль любви: глаза, волосы, благовонія служили ей доселѣ поводомъ и орудіемъ къ соблазну своему и другихъ; теперь свидѣтельствовала она, что отселѣ всю себя, и душу, и тѣло свое посвящаетъ на служеніе единому Господу.

По мѣрѣ того, какъ въ дѣйствіяхъ глубокаго сокрушенія, твердой, живой и дерзновенной вѣры и горячей, полной самоотверженія любви, видимо выражалось покаяніе жены, невидимо совершалось примиреніе ея съ Господомъ и внутреннее обновленіе. Господь въ началѣ ничего не говорилъ ей, но возлежащимъ на вечери не трудно было примѣтить, что Онъ милостиво внималъ скорбнымъ ея воздыханіемъ и утѣшался покаяніемъ ея несравненно болѣе, чѣмъ вечерею Симона. «Капли слезъ, пролитыхъ грѣшницею», говоритъ святый Ефремъ, «были для Него лучше всякаго питія, какое предлагалось на вечери. Вздохи, какія услышалъ Онъ въ дому Симоновомъ, и слезы, истекшія изъ очей блудницы, стали вожделѣннѣе приготовленнаго Ему пиршества» (стр. 222—233).

Что же Симонъ? Какое впечатлѣніе произвели на него покаянныя дѣйствія жены и милосердіе къ ней Господа? Привыкнувъ вмѣстѣ со всѣми гордыми фарисеями презирать грѣшниковъ и почитать осквернѣніемъ для себя общеніе съ ними, онъ соблазнился снисходительностью къ ней Спасителя. Ему казалось страннымъ и несовмѣстнымъ съ достоинствомъ Праведника и Пророка (какимъ онъ почиталъ Господа), что Господь не отгналъ отъ Себя нечистую блудницу, не укорилъ ее, не далъ ни словомъ, ни знакомъ замѣтить ея непотребства, но еще дозволилъ ей лобызать Его ноги и съ радостью принималъ отъ нея знаки любви къ Нему. И Симонъ поколебался въ своихъ понятіяхъ о достоинствѣ Іисуса Христа, и въ сомнѣніи говорилъ самому себѣ: *Сей, аще бы былъ Пророкъ, видѣлъ бы, кто, и какова жена прикасается Ему: яко грѣшница еетъ* (Лук. VII, 39). Но Симону предстояло видѣть еще болѣе. Проникая тайныя его помышленія, Господь Сердцевѣдецъ Самъ принялъ на Себя защиту грѣшницы и Своего милосердія къ ней! Онъ обнаруживаетъ сокровенные гордые помыслы и сомнѣнія фарисея и вмѣстѣ раскрываетъ тѣ высокія преимущества, какія имѣло въ очахъ Божіихъ искреннее покаяніе грѣшницы въ сравненіи съ его холодною, чуждою любви, добродѣтелью: ни одна слеза жены блудницы не оставлена Господомъ безъ вниманія; ни одинъ вздохъ ея сокрушеннаго сердца не утаился отъ всевидящихъ очей любви Его; все замѣтилъ, обнаружилъ, оправдалъ и прославилъ Милосердый! Обращая вниманіе

Симона на великую любовь жены, Господь сталъ говорить ему о ней и сказалъ: Симонъ, видишь ли ты эту жену? Я взошелъ къ тебѣ въ домъ, но ты не далъ даже воды для омовенія ногъ Моихъ; а она слезами обливала Мои ноги и вмѣсто полотенца волосами своими отирала ихъ. Ты не облобызалъ Меня и тѣмъ не хотѣлъ показать предъ другими, что любишь Меня; она же съ того времени, какъ Я вошелъ къ тебѣ не переставала лобызать ноги Мои. Ты не оказалъ Мнѣ обыкновеннаго знака вниманія,—не помазалъ масломъ главы Моей; она же благовоннымъ и дорогимъ мѵромъ помазала ноги Мои. Посему-то Я говорю тебѣ: *отпущаются грѣси ея мнози, яко возлюби много*» (47). Съ какимъ утѣшеніемъ, съ какою радостью грѣшница должна была внимать сладчайшему гласу Спасителя, Который такъ милостиво принялъ и такъ высоко оцѣнилъ знаки ея раскаянія и любви къ Нему, между тѣмъ какъ люди презирали и отталкивали ее отъ себя! Но еще къ большей ея радости этотъ гласъ небесной Любви обращается къ ней самой и возвѣщаетъ ей полное отпущеніе грѣховъ и блаженное примиреніе съ Богомъ. *Рече ей* (Іисусъ): *отпущаются тебѣ грѣси... вѣра твоя спасе тя: иди въ миръ* (48, 50).

«Какъ прекрасна въ Тебѣ, Господи, полнота щедротъ Твоихъ, когда врачуешь уязвленныхъ»! восклицаетъ святый Ефремъ». Какъ приличны Тебѣ щедроты благости Твоей, когда оставляешь долги!... Чѣмъ воздала Тебѣ оная блудница, когда оставилъ Ты ей всѣ долги ея?—Купила только мѵра и пришла помазать ноги Твои. Дорога и прекрасна была любовь ея, побѣдоносна была вѣра ея; потому что за мѵро и слезы очей своихъ получила отъ Тебя оставленіе грѣховъ. У ней грѣхи, мѵро и слезы, а у Тебя милость и полнота щедротъ» (стр. 204). Но взоръ святаго Ефрема глубоко проникаетъ въ тайну неизрѣченнаго милосердія Божія: въ произвольныхъ дѣйствіяхъ кающейся онъ видитъ Богомъ предуставленныя средства того духовнаго возрожденія и укрѣпленія, которое мы получаемъ, по благодати Божіей, въ спасительныхъ таинствахъ. «Вошла она въ слезную купель, чтобы очиститься въ ней; взяла съ собою мѵро и слезы и пришла къ Виновнику святыни, чтобы при омовеніи ея соблюденъ былъ весь чинъ крещенія... Преклонила она свою главу къ ногамъ Его, омыла ихъ слезами и отерла своими волосами, чтобъ получить оставленіе грѣховъ, потому что чрезъ это, какъ чрезъ крещеніе, получила освященіе отъ нашего Господа... Къ животворному Огню, Который прикровенъ былъ плотію и воспламенилъ міръ, приблизилась она тѣломъ своимъ: отъ сего и сама воспылала огнемъ и потреблены въ ней терніи грѣховъ» (стр. 221—222).

Таково утѣшительное и величественное повѣствованіе о женѣ, покаявшейся и помилованной Господомъ! «Да будутъ благословенны милосердіе и любовь Господа, потому что благодѣянія Его безконечны; не изсякаетъ никогда море щедротъ Его; богато и преизобильно сокровище Его (стр. 236). Итакъ приступите, кающіеся, и примите оставленіе грѣховъ своихъ. Дверь отверзта умоляющимъ. Іисусъ никому не отказываетъ въ прошеніи его... Ударяйте въ дверь Милосердаго, не отходите отъ праговъ Его, приближайтесь къ Нему съ упованіемъ, и дастъ вамъ оставленіе грѣховъ» (стр. 235). (Душеп. Чт. 1860 г., ч. I, стр. 215—229).

Жена грѣшница и фарисей (Лук. VII, 34—50).

Евангельская исторія представляетъ намъ умилительнѣйшій примѣръ покаянія въ лицѣ жены грѣшницы, омочившей мvромъ и слезами ноги Спасителя, —примѣръ, достойный глубокаго изученія для всѣхъ обремененныхъ грѣхами и желающихъ разрѣшиться отъ сей тяжести.

Первое—что̀ особенно поражаетъ въ семъ покаяніи, это—совершенное забвеніе оной ложной стыдливости и того малодушнаго страха, которые, къ сожалѣнію, такъ часто останавливаютъ покаянные порывы нашего сердца вопросомъ: «что̀ скажутъ люди, что̀ скажетъ свѣтъ? —Жена грѣшница не заботится о томъ, что̀ могъ подумать о ея поступкѣ и фарисей, воззвавшій Спасителя на вечерю, и совозлежавшіе съ нимъ, и множество другихъ свидѣтелей ея грѣшной исповѣди, но, какъ говоритъ блаженный Сvмеонъ Богословъ, «увѣдѣвши, гдѣ обитаетъ Спаситель, приходитъ дерзновенно на вечерю фарисея».—Кто истинно сокрушается чувствомъ собственной грѣховности, которую раскрываетъ передъ нимъ совѣсть, тотъ не заботится о людскихъ мнѣніяхъ и пересудахъ; истинный стыдъ подавляетъ въ немъ ложную стыдливость, и какъ о ложно кающихся можно сказать съ блаженнымъ Августиномъ, что «ихъ болѣе занимаетъ мнѣніе свѣта, нежели правда Божія возбуждаетъ къ покаянію»; такъ объ истинно кающихся можно повторить слова того же блаженнаго учителя: «они перестаютъ краснѣть передъ судомъ свѣта и стыдятся только передъ судомъ истины».

Далѣе, жена грѣшница, тяготимая въ своей совѣсти, не ищетъ заглушать упреки ея новыми обаяніями грѣха, какъ дѣлаютъ многіе, устрашаясь перваго шага открывающагося предъ ними скорбнаго пути покаянія, но усильно ищетъ и обрѣтаетъ врача для недуговъ своихъ. Не безъ смущенія и страха она приближается къ Нему и—приближается столько, сколько позволяло ей чувство собственнаго недостоинства: *ста при ногу Его созади плачущися* (Лук. VII, 38). Отъ гнѣва ярости Божіей она убѣгаетъ подъ покровъ Его безконечнаго милосердія къ грѣшникамъ,—не дерзаетъ стать прямо предъ лицемъ Небеснаго Судіи и Врача, но становится *созади*; для нея, конечно, было бы невыразимымъ блаженствомъ, если бы Онъ заговорилъ, или даже воззрѣлъ на нее; но она не дерзаетъ и помыслить объ этомъ; и то уже для нея много, что Онъ не гонитъ, терпитъ ее у ногъ Своихъ!... Такъ, истинно кающійся ищетъ и стремится всегда приближаться къ Богу, но творитъ сіе не безъ смущенія и страха о собственномъ недостоинствѣ и съ полнымъ сознаніемъ своей неправды и правды Божіей. Чуждый фарисейскихъ притязаній на праведность, онъ *издалеча стоитъ и ни очи свои возводитъ на небо* (Лук. XVIII, 13). Лукаво не измышляетъ *вины о грѣсѣ своемъ* (Псал. CXL, 4), но смиренно молитъ благаго и милосердаго Бога только объ одномъ: не отвергать, не исключать его изъ числа членовъ Царства Своего: *нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой, сотвори мя, яко единаго отъ наемникъ твоихъ!* (Лук. XV, 19.)

Евангельская исторія замѣчаетъ потомъ, что жена грѣшница, *ставши при ногу Его созади плачущися, начатъ умывати ноз̀ Его слезами и власы главы своея отирати, и облобызаше ноз̀ Его, мазаше мvромъ* (Лук. VII, 38):—умилительныя и трогательныя явленія величайшей любви къ Богу! Лобызаніе грѣшницею ногъ Спасителя,

орошеніе ихъ драгоцѣннымъ мyромъ и въ особенности употребленіе, которое она сдѣлала изъ своихъ власовъ—обыкновеннаго предмета роскоши и тщеславія женъ—показывали ясно, что она теперь *вмѣняла вся уметы быти*, только бы *пріобрѣсть Христа* (Филиппис. III, 8). Безъ подобной всецѣлой и нераздѣльной любви не возможно и истинное покаяніе; ибо нельзя служить вмѣстѣ и Богу и мамонѣ; надобно, по слову Спасителя, *возлюбить Бога всѣмъ сердцемъ, всею душею и всею мыслію* (Матѳ. XXII, 37), и пожертвовать Ему однажды и навсегда всѣми грѣховными привычками, наклонностями и страстями, какъ-бы дороги намъ и любезны онѣ ни были. Кто отказывается отъ подобной жертвы, тотъ показываетъ, что у него есть предметъ, который онъ предпочитаетъ Богу, или иначе, тотъ отказываетъ Ему въ своемъ сердцѣ, и не только отказываетъ, но и отдаетъ его этому предмету предпочтительно предъ Богомъ! Напрасно нѣкоторые думаютъ извинять себя тѣмъ, что они приносятъ Богу другія жертвы. Они точно приносятъ, или готовы принесть ихъ; но при этомъ раздѣлѣ жертвъ, отдаютъ Богу то, что̀ не столько драгоцѣнно для нихъ и съ чѣмъ не трудно было имъ разстаться, а самое любимое и дорогое овча оставляютъ при себѣ; но на это-то дорогое овча и нужно прежде всего вознесть ножъ; ибо истинная любовь къ Богу обязываетъ насъ приносить въ жертву Ему самое лучшее и драгоцѣнное для насъ—ту привычку—наклонность или страсть, которая наиболѣе преобладаетъ въ душе нашей и наиболѣе ей любезна. Такъ поступила жена грѣшница, великость любви которой засвидѣтельствовалъ Самъ Спаситель: *отпущаются грѣси ея мнози, яко возлюби много* (Лук. VII, 47)! Но въ то время, какъ грѣшница, оправданная и примиренная и съ правосудіемъ Божіимъ, и сама съ собою, уносила въ сердцѣ своемъ небесную радость и утѣшеніе, воззвавшій Господа на вечерю фарисей снѣдаемъ былъ суетными и горькими помыслами. Онъ не умѣлъ оцѣнить ни великаго раскаянія грѣшницы, ни милосердія къ ней Спасителя. Трогательная картина покаянія прошла предъ очами его, не возбудивъ въ душѣ ни одного трогательнаго чувства, или помысла; она пробудила только таившіяся въ ней и гордость, и невѣріе, и недостатокъ любви къ ближнему.—Надменный своею праведностью, гордый фарисей хотя и воззвалъ Спасителя на вечерю къ себѣ, но сдѣлалъ это не по чувству уваженія и любви къ Нему; ибо не оказалъ Спасителю и обыкновенныхъ знаковъ радушія и усердія: *внидохъ въ домъ твой, воды на нозѣ Мои не далъ еси... лобзанія Ми не далъ еси... масломъ главы Моея не помазалъ еси* (Лук. VII, 45). Какъ же должна была возмутиться гордость его при видѣ Спасителя, предпочитавшаго покаяніе грѣшницы этой мнимой праведности и дозволявшаго женѣ не только прикасаться къ Нему, но и лобызать ноги Его и отирать ихъ власами! Теперь она перешла въ немъ въ совершенное невѣріе: *Сей, аще бы былъ Пророкъ, видѣлъ бы, кто, и какова жена прикасается Ему, яко грѣшница есть* (VII, 39): вотъ умозаключеніе невѣрія и жестокосердія! Вмѣсто того, чтобы радоваться обращенію грѣшницы и сколько можно способствовать ему, лукавое сердце фарисея завистуетъ дарамъ благости Божіей, явленнымъ ей; нравственное улучшеніе грѣшницы возбуждаетъ въ немъ только подозрительность и негодованіе; для него было бы пріятнѣе, если бы Господь отвергъ ее отъ Себя и оставилъ коснѣть по прежнему въ тинѣ грѣха,—потому что сердце фарисея совершенно чуждо было той Ан-

гельской любви, которая радуется *о единѣмъ грѣшникѣ кающемся* (Лук. XV, 7), и которая, по слову Апостола, *милосердствуетъ, не завидитъ.... не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ... вся любитъ, вся терпитъ* (1 Коринѳ. XIII, 4—5). (Воскр. Чт., г. XIV, стр. 488—490).

Библіографическій указатель къ VII гл. Лук. ст. 36—50.

1) *Св. Григорія Двоеслова.* О достоподражаемомъ покаяніи Маріи Магдалины. Бесѣды въ перев. архим. Климента. Книга II' 162—178.

2) *Анатолія, архіеп. Могилевскаго.* Бес. на Еванг. Лук. VII, 36—50. Воскресное Чтеніе, г. XX. 448—451. 455—458. 479—482. 491—494.

3) *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* Бесѣда на Евангельское повѣствованіе объ обѣдѣ въ домѣ фарисея. Слов. и бес. II. 370—376.

4) *Епископа Ѳеофана.* Мысли на 36—39 ст. Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ.

5) *Прот. Нечаева.* Уроки покаянія, заимствованные изъ Еванг. въ Великомъ канонѣ святаго Андрея Критскаго. Симонъ фарисей и блудница. Душеп. Чт. 1881 г. I. Мартъ. 374—377.

6) Іисусъ Христосъ въ гостяхъ у Симона фарисея. Домашн. Бес. 1876 г. Вып. 51. 1235—1237.

7) Судъ Божій и судъ человѣческій. Прав. Собес. 1858 г. I. 567.

8) Марія Магдалина. Воскресное Чтеніе, XXXIII. I. 325—333.

9) На ст. 50. Воскресн. Чтеніе, г. XII. 213.

10) *Архим. Евстафія.* Замѣтка о женѣ, помазавшей ноги Спасителя мурромъ (Лук. VII, 37). (По поводу статьи Тренча въ Чт. въ Общ. за 1877 г. окт.). Стр. 1878 г. I. 292—294.

Іисусъ Христосъ отражаетъ клевету фарисеевъ, приписавшихъ Ему сношеніе съ веельзевуломъ (Матѳ. XII, 22—37. Лука XI, 14 — 23; 12, 10. Марк. III, 20—30).

Разъ привели къ Іисусу Христу бѣсноватаго, который отъ болѣзни былъ слѣпъ и нѣмъ. Іисусъ Христосъ исцѣлилъ его, такъ что слѣпой и нѣмой сталъ говорить и видѣть. Весь народъ, въ удивленіи, говорилъ: «ужели это не Мессія, Сынъ Давидовъ?» (Матѳ. 22—23. Лук. 14).

Іисусъ Христосъ вошелъ, между тѣмъ, въ одинъ домъ, чтобы подкрѣпить Себя съ учениками пищею; но сошелся народъ, и не удалось имъ и хлѣба поѣсть. Въ это время книжники и фарисеи, которые всѣми силами старались увѣрять, что это не Мессія, и которыхъ смущало и выставляло клеветниками всенародное восклицаніе: «ужели это не Мессія?»— рѣшились, съ большею злостью, продолжать дѣло клеветы. Душею замысла были книжники, пришедшіе изъ Іерусалима. Пустили въ ходъ молву, что Онъ потерялъ умъ, постарались, чтобы эта вѣсть дошла до родныхъ Его. Родные пошли съ намѣреніемъ увести Его съ собой (Марк. III, 20—21).

Іерусалимскіе книжники настоятельно утверждали, что «въ Немъ веельзевулъ», и что при помощи этого-то бѣсовскаго князя Онъ и изгоняетъ бѣсовъ» (Матѳ. 24. Марк. 22. Лук. 15).

Іисусъ же Христосъ, зная помышленія ихъ, подозвалъ ихъ и началъ говорить притчами: «какъ можетъ сатана сатану изгонять? Если царство раздѣлится само въ себѣ, то оно запустѣетъ. И если городъ, или домъ раздѣлится самъ въ себѣ, то онъ не можетъ устоять. Такъ и сатана, если изгоняетъ сатану, и значитъ, возсталъ на самого себя и раздѣлился, то не можетъ устоять царство

его, но пришелъ конецъ ему. Это Я замѣчаю на счетъ вашего разглашенія, будто Я чрезъ веельзевула изгоняю бѣсовъ. И если Я при помощи веельзевула изгоняю бѣсовъ, то сыны ваши чьею помощью изгоняютъ?» *(А такъ какъ вы не обвиняете своихъ заклинателей, то)* «на судѣ они будутъ вашими обвинителями» *(въ предубѣжденіи на счетъ Меня)*. (Матѳ. 25 — 27. Марк. 23—24. Лук. 17—19).

«А если Я перстомъ Божіимъ, (или) силою Духа Божія изгоняю бѣсовъ, — это значитъ, что дошло до васъ Царствіе Божіе» (Матѳ. 28. Лук. 20).

«Когда сильный съ оружіемъ охраняетъ свой домъ, тогда имѣніе его въ безопасности. Никто не можетъ, вошедъ въ этотъ домъ, восхитить въ немъ имуществъ, если прежде не свяжетъ сильнаго. Но когда Сильнѣйшій его придетъ и побѣдитъ его, тогда отберетъ все оружіе, на которое тотъ надѣялся, расхититъ домъ его и раздѣлитъ похищенное у него. Кто не со Мною, тотъ противъ Меня; и кто не со Мною собираетъ, тотъ расточаетъ» (Матѳ. 29—30. Марк. 27. Лук. 21—23).

«Потому истинно говорю вамъ: всѣ грѣхи и хуленія, какими бы ни хулили, простятся человѣкамъ; даже если кто скажетъ слово на Сына Человѣческаго, прощенъ будетъ; но кто произнесетъ хулу на Духа Святаго», (т. е. на чудесныя дѣйствія, о которыхъ знаетъ, что они совершены Имъ), «тому не будетъ прощенія ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ, но повиненъ онъ вѣчному суду».—Это Онъ сказалъ на счетъ тѣхъ, которые говорили, будто въ Немъ духъ нечистый (Матѳ. 31—32. Марк. 28—30).

Потомъ, обращая ихъ вниманіе на то, что по дѣламъ Его, благотворнымъ и святымъ, нельзя заключать, чтобы Онъ былъ въ союзѣ съ духами злобы, а, напротивъ, богохульныя рѣчи ихъ самихъ обличаютъ въ нихъ духъ злой, Онъ присовокупилъ: «согласитесь же, что дерево хорошо, если плодъ его хорошъ; или опять согласитесь, что худо дерево, когда плодъ его худъ; потому что дерево по плоду узнаютъ. Порожденія эхидны! какъ вы можете говорить доброе, будучи злы? потому что уста выражаютъ то, чѣмъ полно сердце. Добрый человѣкъ изъ доброй сокровищницы сердца выноситъ доброе; а злой человѣкъ изъ злой сокровищницы выноситъ злое. Но Я сказываю вамъ, что за всякое вредное слово, какое произнесутъ люди, дадутъ отвѣтъ въ день суда». *(Помните, что говорится:)* «по словамъ твоимъ могутъ оправдать тебя, и по словамъ твоимъ могутъ осудить тебя» (Матѳ. 33—37).

Кого надо разумѣть подъ сынами фарисеевъ въ 27 ст. XII гл. Матѳ. и 19 ст. XI гл. Луки.

Златоустъ подъ словами «сыны ваши» разумѣетъ учениковъ Господа, которые уже получили отъ Него власть изгонять бѣсовъ и изгоняли ихъ, и даетъ такой смыслъ всему этому изрѣченію Господа: «Апостолы чьею силою изгоняютъ бѣсовъ?... Если Я, какъ вы говорите, изгоняю бѣсовъ силою веельзевула, то тѣмъ болѣе они, какъ получившіе на то власть отъ Меня. Однакоже ничего подобнаго о нихъ не говорите. Почему же вы Меня, даровавшаго имъ власть сію, обвиняете, а ихъ освобождаете отъ обвиненій? Впрочемъ, это не избавитъ васъ отъ наказанія, а подвергнетъ еще большему. Посему-то Спаситель присовокупилъ: они будутъ вамъ судіями. Поелику ученики Мои, будучи одного съ вами рода и получивъ одинаковое образованіе, вѣруютъ въ Меня и повинуются Мнѣ, то очевидно, что они судятъ тѣхъ, которые дѣлаютъ и говорятъ противное» (ср. Ѳеофил.). Другіе подъ

словами «сыны ваши» разумѣютъ учениковъ фарисейскихъ, которые упражнялись въ заклинаніяхъ злыхъ духовъ (Дѣян. XIX, 13) и, можетъ быть, по милости Божіей къ одержимымъ злыми духами, дѣйствительно иногда изгоняли ихъ. Смыслъ всему этому изрѣченію въ этомъ случаѣ дается такой: ваши ученики также изгоняютъ бѣсовъ, — чьею силою? Если справедливо, какъ вы говорите, что Я, изгоняющій бѣсовъ, изгоняю ихъ силою князя бѣсовскаго, т. е. имѣю сношеніе съ нечистою силою, то вы также должны смотрѣть и на своихъ учениковъ, что и они имѣютъ сношенія съ нечистою силою и изгоняютъ бѣсовъ тою же силою. Однакоже о нихъ вы не говорите и не скажете такъ, слѣдовательно и о Мнѣ не можете говорить этого, а должны признать, что таковыя дѣла Я дѣлаю силою Божіею. Слѣдовательно, ваши же ученики могутъ быть судьями вашими, могутъ свидѣтельствовать, что вы неправо мыслите о силѣ, которою Я изгоняю бѣсовъ, и вывести васъ изъ заблужденія относительно Моихъ дѣйствій и увѣрить васъ, что здѣсь дѣйствуетъ сила Божія.

Мысли епископа Ѳеофана на Ев. Марк. III гл. 24 ст.

Аще царство на ся раздѣлится, не можетъ стати царство то. Пока качествуетъ единомысліе лукавства грѣховнаго,—крѣпко бываетъ въ насъ царство тьмы и грѣха; но когда благодать Божія плѣненную грѣхомъ часть духа привлечетъ къ себѣ, освободивъ ее изъ плѣна, тогда происходитъ раздѣленіе: грѣхъ на одной сторонѣ, добро на другой. Коль скоро, вслѣдствіе сего возбужденія, сознаніемъ и свободою человѣкъ сочетается съ добромъ, грѣхъ теряетъ всякую опору и идетъ къ разложенію. Постоянство въ принятомъ добромъ намѣреніи и терпѣніе въ трудахъ по нему совсѣмъ разстроиваютъ грѣхъ и истребляютъ. Тогда начинается царство добра внутри, и стоитъ, пока не вкрадется какое либо злое помышленіе и, привлекши къ себѣ произволеніе, не произведетъ снова раздѣленія. Дай только ходъ зародившемуся грѣховному заблужденію, сочетайся съ нимъ и произведи его въ дѣло,—опять начнетъ добро слабѣть, а зло расти, пока совсѣмъ его не истребитъ. Это почти непрерывная исторія внутренней жизни у тѣхъ, кои слабосерды и не имѣютъ твердаго нрава (Мысли на каждый день года, стр. 281).

Его же на Ев. Луки XI гл. 21—22 ст.

«*Егда крѣпкій вооружився хранитъ свой дворъ, во смиреніи суть* (безопасны) *имѣнія его: егда же крѣпшій его нашедъ побѣдитъ его, все оружіе его возметъ, на неже уповаше, и корысть его раздаетъ*» (Лук. XI, 21—22).

Это иносказаніе объясняетъ, какъ Господомъ разоряется власть бѣсовская надъ душами. Пока душа въ грѣхѣ, ею владѣетъ духъ злой, хоть не всегда явно показываетъ то. Онъ сильнѣе души потому и не боится возстанія съ ея стороны, властвуетъ и тиранствуетъ надъ нею безъ сопротивленія. Но когда Господь приходитъ въ душу, привлеченный вѣрою и покаяніемъ, тогда разрываетъ всѣ узы сатанинскія, изгоняетъ бѣсовъ и лишаетъ его всякой власти надъ душею такого. И пока работаетъ душа та Господу, бѣсы не могутъ возобладать надъ нею, ибо она сильна Господомъ, сильнѣе ихъ. Когда же душа оплошаетъ и отшатнется отъ Господа, бѣсъ опять нападаетъ и одолѣваетъ, и бываетъ ей бѣдной хуже, чѣмъ прежде. Это всеобщій невидимый порядокъ явленій въ духовномъ мірѣ. Если бъ у насъ открылись умныя очи, мы увидѣли бы всемірную брань духовъ съ душами; побѣждаетъ то одна, то другая сторона,

смотря потому, общаются ли души съ Господомъ вѣрою, покаяніемъ и ревнованіемъ о добрыхъ дѣлахъ, или отстаютъ отъ Него нерадѣніемъ, безпечностью и охлажденіемъ къ добру.—(Тамъ же, стр. 388.)

Его же на Ев. Матѳ. XII гл. 30 ст.

1) «*Иже нѣсть со Мною, на Мя есть: и иже не собираетъ со Мною, расточаетъ*». Выходитъ, что можно цѣлый вѣкъ трудиться и думать, что собрано много всякаго добра,—а все ни къ чему, коль скоро собираемо было не съ Господомъ. Что же значитъ собирать съ Господомъ? Трудиться и дѣйствовать по вѣрѣ въ Господа, по заповѣдямъ Его, съ помощью благодати Его, воодушевлянсь обѣтованіями Его,—жить такъ, чтобъ духомъ жизни былъ духъ Христовъ. Есть въ мірѣ двѣ области —добра и зла, истины и лжи. Только добро и истина составляютъ настоящее имѣніе, прочное и цѣнное; но добро и истина только отъ Господа, и пріобрѣтаются лишь съ помощью Его. Понятно, что кто не съ Господомъ собираетъ, тотъ не соберетъ истины и добра,—не соберетъ того, что можно назвать настоящимъ имѣніемъ, прочнымъ и цѣннымъ. Если же, кромѣ этого, ничего нельзя назвать прочнымъ и цѣннымъ, то что ни собиралъ бы кто, все не въ прокъ, все напрасный трудъ, напрасная трата силъ и времени.—(Тамъ же, стр. 388.)

2) «*Иже нѣсть со Мною, на Мя есть: и иже не собираетъ со Мною, расточаетъ*» (Матѳ. XII, 30).

Кто съ Господомъ? Тотъ живетъ и дѣйствуетъ въ духѣ Его, кто не позволяетъ себѣ ни мыслей, ни чувствъ, ни желаній, ни намѣреній, ни словъ, ни дѣлъ, которыя были бы неугодны Господу и противны Его явнымъ заповѣдямъ и опредѣленіямъ. Кто живетъ и дѣйствуетъ иначе, тотъ не съ Господомъ, слѣдовательно не собираетъ, а расточаетъ. Что жъ расточаетъ? Не только силы и время, но и то, что собираетъ. Богатство, напримѣръ, не съ Господомъ собираетъ тотъ, кто копитъ только его, не дѣлясь съ другими и себя лишая даже нужнаго, или кто, собирая его, частью истрачиваетъ на пышное содержаніе себя, частью расходуетъ на тщеславныя жертвы, частью оставляетъ наслѣдникамъ. На тотъ свѣтъ явится онъ ни съ чѣмъ,—и будетъ тамъ бѣднѣйшимъ изъ бѣднѣйшихъ. Напротивъ, съ Господомъ собираетъ тотъ, кто чрезъ руки бѣдныхъ и нуждающихся препровождаетъ собранное въ вѣчныя сокровищницы. Когда умретъ такой человѣкъ,—на томъ свѣтѣ все найдетъ сохраненнымъ, нерасточеннымъ, хотя бы онъ всю жизнь свою расточалъ. То же самое приложимо и къ собиранію знаній. Тутъ расточеніе еще очевиднѣе, потому что еще здѣсь становится явнымъ, какъ не о Господѣ мудрствующій собираетъ будто горы знаній, а между тѣмъ всѣ онѣ—хламъ, призракъ истины, а не истина. У такихъ не только не бываетъ знанія, но и смыслъ человѣческій теряется. Они начинаютъ бредить, какъ сонные. Читайте системы матеріалистовъ, и вы увидите, что это такъ.—(Тамъ же, стр. 204—205.)

Изъясненіе словъ Іисуса Христа:

«*Иже нѣсть на вы, по васъ есть. Иже нѣсть со Мною, на Мя есть*» (Лук. IX, 50; XI, 23).

По первому изрѣченію, кажется, довольно только не противорѣчить проповѣди Евангельской, чтобъ быть съ нею согласнымъ; а по второму требуется, напротивъ, положительное согласіе съ ученіемъ вѣры.

Но противорѣчія здѣсь нѣтъ нисколько. Первое сказано о тѣхъ, кои не разо-

ряютъ дѣла Божія, стараются даже сами подражать истиннымъ посланникамъ Христовымъ, хотя и не имѣютъ искренняго желанія споспѣшествовать вѣрѣ. Пусть они продолжаютъ свой трудъ, говоритъ Господь, повредить дѣлу Моихъ посланниковъ они не могутъ. Такъ и Апостолъ Павелъ послѣ смотрѣлъ на лицемѣрно проповѣдающихъ, но проповѣдающихъ Христа. *Всяцѣмъ*, говоритъ онъ, *образомъ, аще лицемѣріемъ, аще истиною Христосъ проповѣдаемъ есть: и о семъ радуюся, но и возрадуюся*» (Филипп. I, 18). Но послѣднее изрѣченіе направлено противъ явныхъ враговъ Христовыхъ — фарисеевъ, кои учили совсѣмъ противному, нежели Самъ Христосъ и Его Апостолы и составляли для себя и другихъ свое самодѣльное спасеніе. О нихъ-то говоритъ Господь: «*иже нѣсть со Мною, на Мя есть: и иже не собираетъ со Мною, расточаетъ*» (Матѳ. XII, 30). Нельзя устроить спасеніе безъ Спасителя, нельзя дать другому жизни, не заимствовавъ ее отъ Источника жизни. Кто безъ Іисуса Христа думаетъ спасать другихъ, тотъ не спасаетъ, а погубляетъ: «*безъ Него не можетъ творити ничесоже добраго*» (Іоан. XV, 5).

Итакъ напрасно нравоучитель-философъ сталъ бы хвалиться, что онъ, проповѣдуя раціонализмъ (вѣру въ одинъ разумъ), хотя другимъ путемъ, но къ той же цѣли приводитъ, какъ и Евангеліе. Нѣтъ! уча безъ вѣры и не для вѣры истинной, онъ не собираетъ со Христомъ, а расточаетъ. Но пусть и философія путемъ разума показываетъ намъ нужду спасенія чрезъ вѣру Христову, пусть даже изслѣдываетъ истины нашей вѣры, только бы изслѣдованіе ея было безпристрастное и здравое; она не повредитъ истинѣ Божіей, которая не боится изслѣдованій разума. Философія въ такомъ случаѣ не противъ насъ, а по насъ есть.—(Воскр. Чт., г. VII, стр. 232.)

Св. Василія Великаго на Матѳ. XII, 28 и Лук. XI, 20.

По свидѣтельству трехъ Евангелистовъ Господь сказалъ Іудеямъ: *аще ли же Азъ о Дусѣ Божіи изгоню бѣсы, убо постиже на васъ Царствіе Божіе* (Матѳ. XII, 28), а Лука говоритъ, что Онъ сказалъ: *аще ли же о перстѣ Божіи изгоню бѣсы, убо постиже на васъ Царствіе Божіе* (Лук. XI, 20). Посему какъ знаменія, бывшія въ Египтѣ чрезъ Моусея и произведенныя перстомъ Божіимъ, такъ и дивныя знаменія Самого Бога совершены дѣйствіемъ Духа. Но какъ въ чудесахъ Моусеевыхъ, такъ и въ чудесахъ Господнихъ, Духъ называется перстомъ Божіимъ не потому, что Онъ такая же малая сила у Бога, какъ у тѣла перстъ. Но поелику одно изъ дарованій, раздаваемыхъ Духомъ, есть дарованіе чудесъ и исцѣленій, то одно дарованіе, а не всѣ дарованія Духа, называетъ Писаніе перстомъ. *Овому бо духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума, о томъ же Дусѣ, иному же дарованія исцѣленій, иному же пророчество* и проч. (1 Коринѳ. XII, 8—11). Иной сказалъ бы, что всѣ сіи и другія, какія только есть, дарованія Духа составляютъ какъ-бы тѣло Его, одно же которое нибудь изъ дарованій есть перстъ (ч. III, стр. 183—184).

Грѣхъ противъ Духа Святаго.

Сего ради глаголю вамъ: всякъ грѣхъ и хула отпустится человѣкомъ, а яже на Духа хула, не отпустится человѣкомъ: и иже аще речетъ слово на сына Человѣческаго, отпустится ему: а иже речетъ на Духа Святаго, не отпустится ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій (Матѳ. XII, 31—32). Эти слова соста-

вляютъ начало обширной рѣчи Спасителя *о грѣхахъ языка* человѣческаго. Въ ней Онъ говоритъ о трехъ различныхъ родахъ этихъ грѣховъ, отъ которыхъ предостерегаетъ Своихъ слушателей. Сначала, въ нашемъ текстѣ, Господь Іисусъ говоритъ о самомъ большемъ грѣхѣ языка, о «богохульствѣ»; потомъ о всѣхъ «злыхъ» словахъ, которыя составляютъ изліяніе злаго сердца (33—35); и, наконецъ, предостерегаетъ отъ «безполезныхъ» словъ, за которыя мы нѣкогда должны будемъ дать отчетъ (36—37).

Мы обратимъ здѣсь вниманіе только на грѣхъ богохульства, и главнымъ образомъ на грѣхъ *противъ Святаго Духа*, за который нѣтъ прощенія, и посмотримъ, въ чемъ онъ состоитъ, почему онъ такъ важенъ и остается безъ прощенія.

Уже вводныя слова Спасителя: *сего ради глаголю вамъ*, а также повтореніе Его словъ (32) показываютъ намъ важность ихъ; но если ближе разсмотримъ ихъ, то сначала увидимъ въ нихъ *утѣшительное обѣщаніе* прощенія грѣховъ вообще, а потомъ *строгую угрозу* непрощаемости грѣха противъ Святаго Духа.

Такимъ образомъ въ нашемъ текстѣ прежде всего заключается утѣшительное обѣтованіе прощенія грѣховъ, которое Господь высказываетъ въ словахъ: *всякъ грѣхъ и хула отпустится человѣкомъ*. Но эту истину, которую обыкновенно проходятъ безъ вниманія, при разсмотрѣніи вышеприведенныхъ словъ Господа, мы прежде сего и должны обратить вниманіе по ея важности и утѣшительности.

Господь Іисусъ Христосъ въ начальныхъ словахъ Своей рѣчи учитъ насъ, что грѣхи прощаются, что Богъ готовъ простить величайшіе и тягчайшіе грѣхи, если только мы въ духѣ и истинѣ прибѣгаемъ къ Нему. «У Тебя прощеніе, да благоговѣютъ предъ Тобою» (Псал. CXXIX, 4). «Всякій грѣхъ», говоритъ Іисусъ Христосъ, какъ-бы великъ, тяжелъ и гнусенъ онъ ни былъ, и какъ-бы часто ни совершался, простится людямъ, и именно по благодати Божіей и ради крестныхъ заслугъ Іисуса Христа. «Если будутъ грѣхи ваши, какъ багряница, то сдѣлаются бѣлыми, какъ снѣгъ; если будутъ красны, какъ пурпуръ,—сдѣлаются какъ бѣлая волна» (Исаія I, 18). Благость и милосердіе Божіе такъ далеко простираются, что Онъ готовъ простить и вопіющіе на небо грѣхи, какъ грѣхъ Каина, и даже богохульство. Апостолъ Павелъ, напримѣръ, говоритъ о себѣ, что онъ «прежде былъ хулитель», но что былъ помилованъ (1 Тимоѳ. I, 13). Далѣе Іисусъ Христосъ говоритъ: *и иже аще речетъ слово на Сына Человѣческаго, простится ему*. Многіе говорили противъ Сына Человѣческаго во время жизни Его на землѣ и во время смерти Его на Голгоѳѣ; многіе, къ сожалѣнію, говорятъ еще и теперь; но и такіе грѣшники могутъ найти прощеніе подъ крестомъ Спасителя. Хотя бы грѣхи человѣка восходили до неба, но благодать Божія безконечно больше и «Кровь Іисуса Христа, Сына Божія, очищаетъ отъ всякаго грѣха» (1 Іоан. I, 7).

Послѣ утѣшенія, предложеннаго въ первыхъ словахъ Господа, и обѣщанія милосердія, слѣдуетъ угроза, что грѣхи противъ Духа Святаго не будутъ прощены Богомъ: *а иже речетъ на Духа Святаго, не отпустится ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій*.

Эти строгія слова, возбуждающія въ каждомъ священный ужасъ къ этому грѣху и совершенію его, необходимо приводятъ къ вопросу: въ чемъ именно состоитъ грѣхъ противъ Святаго Духа? Отвѣтъ представляетъ связь рѣчи,

въ которой стоитъ разсматриваемый нами текстъ, или обстоятельства, послужившія поводомъ къ произнесенію Господомъ словъ о грѣхѣ противъ Святаго Духа. Евангелистъ повѣствуетъ, что Іисусъ Христосъ только исцѣлилъ бѣсноватаго, который былъ слѣпъ и нѣмъ (22). „И дивился весь народъ и говорилъ: не это ли Христосъ, Сынъ Давидовъ? Фарисеи же, услышавъ сіе, сказали: Онъ изгоняетъ бѣсовъ не иначе, какъ силою веельзевула, князя бѣсовскаго (23—24). Фарисеи, въ своей враждѣ противъ Іисуса Христа, лучше всего желали бы отвергнуть чудо, какъ это часто они дѣлали; но этого теперь не могли они сдѣлать, такъ какъ чудо происходило предъ глазами всего «народа»; къ тому же это былъ фактъ, котораго не могъ совершить ни одинъ человѣкъ. И, такъ какъ чудо изгнанія бѣса было несомнѣнно, то вражда и злоба довела ихъ до того, что они сказали: «Онъ изгоняетъ бѣсовъ силою веельзевула, князя бѣсовскаго».

Несомнѣнный фактъ, что они были ожесточенные враги Іисуса и говорили такъ только вслѣдствіе злобы своей. Несомнѣнно также, что они говорили это вопреки ясному своему сознанію, говорили противъ совѣсти; ибо когда они посылали своихъ учениковъ вмѣстѣ со слугами Ирода къ Іисусу, то говорили: «Учитель! *мы знаемъ*, что Ты справедливъ и истинно пути Божію учишь и т. д. (Матѳ. XXII, 16). И Никодимъ, который хотя здѣсь и не могъ участвовать, но былъ фарисей и князь Іудейскій, говорилъ Іисусу, какъ-бы отъ имени всѣхъ: «Равви! *мы знаемъ*, что Ты учитель, пришедшій отъ Бога, ибо такихъ чудесъ, какія Ты творишь, никто не можетъ творить, если не будетъ съ нимъ Богъ» (Іоан. III, 2). И если и другія чудеса Іисуса Христа почему либо могли быть неубѣдительны для фарисеевъ, то изгнаніе Имъ бѣса должно было убѣдить ихъ въ Божественномъ посланничествѣ Его, такъ какъ оно было откровеніемъ вышечеловѣческой силы, доказательствомъ силы Божіей, Святаго Духа, которой нельзя было отрицать, вслѣдствіе чего «и дивился весь народъ», и почти готовъ признать Іисуса Христа Мессіей, «Сыномъ Давида». Фарисеи желали помѣшать этому, но такъ какъ фактъ чуда былъ доказанъ, то они въ злобѣ своей прибѣгли къ богохульному утвержденію, что «Онъ изгоняетъ бѣсовъ не иначе, какъ силою веельзевула, «князя бѣсовскаго», и это былъ *грѣхъ противъ Святаго Духа*. Поэтому онъ состоялъ въ томъ, что они Іисуса, Святаго Израилева, обвиняли въ союзѣ съ діаволомъ, и чудеса Его приписывали силѣ діавола, между тѣмъ какъ эти дѣла совершались дѣйствіемъ силы Божіей, Святаго Духа, Которымъ такъ обильно исполненъ Іисусъ Христосъ, что очень хорошо знали это фарисеи и клеветники. Въ общемъ это не только было гнусное обвиненіе Іисуса Христа, но и дерзкое порицаніе Святаго Духа, Которымъ Іисусъ Христосъ совершалъ Свои чудеса,—порицаніе, которое было тѣмъ виновнѣе, что происходило изъ діавольской злобы и высказано было совершенно противъ совѣсти. А что это былъ грѣхъ противъ Святаго Духа, о которомъ здѣсь говоритъ Іисусъ Христосъ, яснѣе всего открывается изъ словъ Евангелиста Марка, приведенныхъ имъ непосредственно за объясняемыми нами словами Господа: «потому что они говорили: въ Немъ нечистый духъ» (Марк. III, 30). Они не только обвиняли Іисуса Христа, но и Святаго Духа, пребывавшаго въ Немъ, называли нечистымъ, діавольскимъ духомъ и порицали Его самымъ возмутительнымъ образомъ. Высочайшее откровеніе бла-

годати и милости Божіей было заподозрѣно и потоптано ногами, объявлено дѣломъ діавола, въ чемъ высказалась ужасная ихъ злоба и высочайшая степень вражды противъ Бога.

Ясное названіе этого грѣха противъ Духа Святаго находится только въ приведенномъ мѣстѣ Евангелиста Матеея и въ обоихъ параллельныхъ мѣстахъ Марка и Луки; но сюда же относятся и слѣд. слова Іоан. VII, 32 и д. VIII, 48; X, 20, 31. Дѣян. IV, 13—17; V, 17 и д. XXXIII, 40; VII, 51 и д., въ которыхъ говорится, что фарисеи превратнымъ образомъ судили о словахъ и дѣлахъ Христа и Апостоловъ, безсовѣстно хулили ихъ, препятствовали обращенію другихъ и такимъ образомъ дерзко противились дѣйствію Святаго Духа.

Сверхъ того, нужно взять во вниманіе, что грѣхъ противъ Духа Святаго, о которомъ говорится въ нашемъ текстѣ, совершается не только по отношенію къ *лицу* Святаго Духа, но и по отношенію къ *служенію и дѣятельности* Его, такъ что этотъ грѣхъ состоитъ не только въ томъ, что когда кто либо дерзкимъ образомъ словами порицаетъ Святаго Духа, но онъ совершается и тогда, когда упорно Ему противодѣйствуютъ. Ибо человѣкъ въ этомъ противодѣйствіи можетъ зайти такъ далеко, что отвергаетъ отъ себя Святаго Духа, посмѣвается надъ всѣми Его внушеніями и съ ожесточеніемъ закрываетъ свое сердце, чтобы не слышать Его голоса, подобно тѣмъ Іудеямъ, къ которымъ говорилъ первомученикъ Стефанъ: «жестоковыйные! люди съ необрѣзаннымъ сердцемъ и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому, какъ отцы ваши, такъ и вы» (Дѣян. VII, 51). Святый Духъ оставляетъ наконецъ такихъ упорныхъ людей и удаляется отъ нихъ, такъ какъ Онъ вслѣдствіе этого не возбуждаетъ въ нихъ ни покаянія, ни вѣры, и они никогда не могутъ найти прощенія.

Правда, нужно замѣтить, что Господь Іисусъ говоритъ здѣсь о «рѣчахъ» противъ Святаго Духа и о «хулѣ» противъ Него, слѣдовательно о грѣхахъ слова и языка; но эти рѣчи или хула, проистекая изъ сердца, открываются въ жизни и дѣлахъ человѣка, и слѣдовательно потому заключаютъ въ себѣ злыя мысли и стремленія.

Такимъ образомъ грѣхъ противъ Святаго Духа чрезвычайно *тяжекъ*, такъ какъ онъ всегда совершается вопреки ясному сознанію и по діавольской злобѣ. Онъ есть грѣхъ противъ *собственнаго существа Божія*, потому что Богъ есть духъ. Поелику же, далѣе, существо Божественное составляетъ *любовь*, то грѣхъ противъ Святаго Духа потому — такой страшный грѣхъ, что имъ уничижается и хулится любовь и благость Божія. Кто такимъ образомъ, не смотря на всѣ предостереженія и дѣйствія Святаго Духа, вопреки ясному сознанію, возмущается противъ свѣта и познанія истины, тотъ совершаетъ духовное самоубійство. Грѣхъ этотъ потому крайне грѣшенъ и не находитъ себѣ прощенія, что онъ представляется совершеннымъ ожесточеніемъ и нераскаянностью, высшею степенью злобы и вражды противъ Бога. Какъ великъ и страшенъ предъ Богомъ этотъ грѣхъ, показываетъ исторія современныхъ Ною людей, о которыхъ Господь сказалъ: «не имать пребывати *Духъ Мой* въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть» (Быт. VI, 3), и слѣдствіемъ сего было истребленіе ихъ потопомъ. Далѣе, примѣръ Израильтянъ въ пустынѣ, которые ожесточили сердца свои противъ голоса Святаго Духа, и поэтому не вошли въ покой Божій (Евр. III, 7—11). Затѣмъ новый примѣръ грѣха противъ Духа Святаго и дальнѣйшихъ слѣдствій его мы видимъ въ Ананіи и Сапфирѣ,

которые за ложь противъ Духа Святаго тотчасъ были наказаны смертью (Дѣян. V, 1—11).

Господь Іисусъ Христосъ говоритъ: *не отпустится ему*, согрѣшившему противъ Духа Святаго, *ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій*, потому что этотъ грѣхъ, какъ мы уже показали, чрезвычайно грѣшенъ, такъ какъ онымъ всецѣло отвергается Самъ Святый Духъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благодатныя Его дѣйствія и возможность прощенія, и потому что такъ Богъ опредѣлилъ и нашелъ это справедливымъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что выраженія «ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій» относятся къ тогдашнему іудейству и начинавшемуся христіанству; но слова Господа, очевидно, означаютъ нынѣшнее состояніе жизни и вѣчность. Это подтверждаютъ и слова въ Евангеліи Марка, гдѣ сказано: «но кто будетъ хулить Духа Святаго, тому не будетъ прощенія *во вѣкъ*, но подлежитъ онъ *вѣчному* осужденію» (III, 29). Изъ этихъ же словъ Господа «ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій» естественно вытекаетъ заключеніе, что нѣкоторые грѣхи, не прощенные въ *семъ вѣкѣ*, могутъ быть прощены въ *будущемъ вѣкѣ*. Это прощеніе можетъ быть исходатайствовано молитвами Святой Церкви, которая и молится за скончавшихся въ вѣрѣ, но не успѣвшихъ принести покаянія и получить прощенія за свои вольныя и невольныя прегрѣшенія (Воскр. Чт. 1876 г., т. II, стр. 331—336).

Преподобнаго Исидора Пелусіота о хулѣ на Святаго Духа.

Хула на Сына Человѣческаго потому можетъ быть прощена, что хулящіе Его злословятъ Его дотолѣ, пока, по слѣпотѣ душевныхъ очей, не видятъ того, что въ лицѣ Его непостижимымъ образомъ Божество соединилось съ бренною плотью, т. е. злословятъ по невѣдѣнію сокровеннаго въ Немъ Божества; но когда очистятъ душу свою, то, уразумѣвъ воплощеніе Божества, дѣлаются вѣрующими, а чрезъ сіе избѣгаютъ осужденія. Но что̀ касается до хульниковъ Святаго Духа, то сіи обнаруживаютъ явную злобу и неблагодарность, потому что вооружаются противъ очевидныхъ дѣлъ Божіихъ, какъ напримѣръ Іудеи, кои хотя ясно видѣли, что Іисусъ Христосъ Божественною силою исцѣлялъ больныхъ и изгонялъ бѣсовъ, тѣмъ не менѣе говорили, что Онъ это дѣлалъ посредствомъ веельзевула, а хула, которая касается прямо Божества, не можетъ быть прощена (Кн. I, пис. 59).

О томъ же св. Аѳанасія Александрійскаго.

Священныя Писанія возвѣщаютъ намъ, что Христосъ по неизрѣченномъ единеніи двусоставенъ, и именно изъ Божества и человѣчества. Ибо *Слово плотъ бысть*. Итакъ Самъ Христосъ именуетъ Божество Слова Духомъ Святымъ, какъ и Самарянкѣ сказалъ: *Духъ есть Богъ* (Іоан. IV, 24), а человѣчество Слова — Сыномъ Человѣческимъ (Іоан. XIII, 31); ибо говоритъ: *нынѣ прославися Сынъ Человѣческій*. И Іудеи, оскорблявшіе всегда Бога, въ отношеніи ко Христу впадали въ сугубую хулу. Одни, соблазняясь плотію Его, тѣмъ, что Онъ Сынъ Человѣческій, почитали Его пророкомъ, а не Сыномъ Божіимъ, и называли Его *ядцею и винопійцею* (Матѳ. XI, 19); и симъ даровалъ Онъ прощеніе; потому что полагалось тогда начало только проповѣди, и для міра не вмѣстимо было увѣровать въ Бога, содѣлавшагося человѣкомъ. Почему и говоритъ Христосъ: *иже аще речетъ слово на Сына Человѣческаго*, т. е. на тѣло Его, *отпустится Ему*

Ибо осмѣлюсь сказать, что и самые блаженные ученики не имѣли совершеннаго понятія о Божествѣ Его, пока не снисшелъ на нихъ Духъ Святый въ день Пятидесятницы; потому что и, по воскресеніи, *видя Его, ови поклонишася, ови же усомнѣшася* (Матѳ. XXVIII, 17), однакоже не были за сіе осуждены. Но которые хулятъ Духа Святаго, то есть, Божество Христово, и говорятъ, что *о веельзевулѣ, князѣ бѣсовстѣмъ, изгонитъ бѣсы* (Лук. XI, 15), тѣмъ *не отпустится ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій*. Замѣтить же надлежитъ, что Христосъ не сказалъ: не отпустится хулившему и покаявшемуся, но хулящему, т. е. пребывающему въ хулѣ. Ибо достодолжное покаяніе разрѣшаетъ всѣ грѣхи. Иные, изслѣдывая сказанное, говорятъ, что четыре есть способа, которыми совершается отпущеніе грѣховъ, и два изъ нихъ имѣютъ мѣсто здѣсь, а два—въ будущемъ вѣкѣ. Поелику память наша не въ состояніи упомнить всѣ прегрѣшенія цѣлой жизни, чтобы человѣку покаяться въ нихъ здѣсь, то человѣколюбивый Господь нашъ для непокаявшихся, какъ говорятъ они, предуготовилъ два способа покаянія въ будущемъ вѣкѣ. Когда дѣлалъ кто добро безъ различія, или подвигнутый состраданіемъ къ ближнему, или по другимъ какимъ человѣколюбивымъ побужденіямъ; тогда въ будущемъ вѣкѣ, во время суда, будетъ сіе взвѣшено, и если окажется въ этомъ какой перевѣсъ, то будетъ ему прощеніе. И это—первый способъ. А второй есть слѣдующій: когда кто, одержимый грѣхами, слыша, что̀ говоритъ Господь: *не судите, да не судими будете*, и убоявшись, никого не осуждаетъ за житіе его, то, какъ хранитель заповѣди, онъ не осудится, потому что Всенеложный не забываетъ Своей заповѣди. Другіе же два способа прощенія имѣютъ мѣсто здѣсь. Когда кто, будучи во грѣхахъ, по смотрѣнію промысла Божія, подвергается несчастіямъ, нуждамъ, болѣзнямъ; ибо чрезъ это Богъ неизвѣстнымъ намъ образомъ очищаетъ его. И если искушаемый благодаритъ, то за благодарность пріемлетъ награду. Если же не благодаритъ, то осуждается и за тѣ грѣхи, за которые терпитъ онъ наказаніе, и сверхъ того подвергнется отвѣтственности за неблагодарность. Поэтому, кто грѣшитъ въ чемъ либо предъ людьми, тотъ имѣетъ много случаевъ къ полученію прощенія. Ибо кто грѣшитъ противъ одного человѣка и дѣлаетъ добро другому человѣку, тотъ оправдывается тѣмъ же самымъ естествомъ, противъ котораго согрѣшилъ. Но хула на Духа есть невѣріе, и нѣтъ другаго случая къ полученію прощенія, какъ дѣлаться вѣрнымъ; и грѣхъ безбожія и невѣрія не простится ни здѣсь, ни въ будущемъ вѣкѣ (Тв. св. Аѳанасія Александрійскаго, ч. IV, стр. 491—493).

Іисусъ Христосъ укоряетъ фарисеевъ за требованіе знаменія отъ Него (Матѳ. XII, 38—45. Лук. XI, 16, 29—32, 24—26).

Тогда нѣкоторые изъ книжниковъ и фарисеевъ, чтобы испытать, Мессія ли Онъ, сказали Ему: «Учитель! хотѣлось бы намъ видѣть отъ Тебя знаменіе». То есть, имъ хотѣлось и себя и другихъ увѣрить, что исцѣленія больныхъ, какъ напримѣръ и теперь—бѣсноватаго, слѣпаго и нѣмаго, не такъ важны, чтобы изъ-за нихъ провозглашать Іисуса Мессіею, Сыномъ Давидовымъ, а пусть, говорили они, Онъ покажетъ имъ чудо съ неба, какъ Моисей, который послалъ манну съ облаковъ,—какъ Іисусъ Навинъ, который остановилъ солнце,—или какъ Илія, который низ-

велъ то дождь, то огонь съ неба. Уже сталъ сходиться во множествѣ народъ, вѣроятно, чтобы посмотрѣть на что-то необыкновенное. Но Іисусъ Христосъ началъ говорить:—«родъ лукавый и прелюбодѣйный знаменія ищетъ; но знаменія не будетъ для него, кромѣ знаменія Іоны пророка. Потому что какъ Іона былъ во чревѣ китовомъ три дня и три ночи, такъ и Сынъ Человѣческій будетъ въ сердцѣ земли три дня и три ночи». (Такимъ образомъ Іисусъ Христосъ пророчествуетъ о Своей смерти и погребеніи и даетъ разумѣть, какъ нѣкогда и въ Іерусалимскомъ храмѣ по изгнаніи торгующихъ, что рѣшительнымъ знаменіемъ Божественной власти Его будетъ тридневное воскресеніе Его изъ мертвыхъ). «Царица Юга», продолжалъ Онъ, «возстанетъ на судъ съ людьми рода сего и осудитъ ихъ, ибо она приходила отъ предѣловъ земли, послушать премудрости Соломоновой; и вотъ, здѣсь больше Соломона. Ниневитяне возстанутъ на судъ съ родомъ симъ и осудятъ его, ибо они покаялись отъ проповѣди Іониной, и вотъ, здѣсь больше Іоны». *(Я могъ бы показать вамъ и знаменіе съ неба; но оно произведетъ впечатлѣніе на время. Невѣріе, какъ злой демонъ, возвратится и, нашедши въ вашихъ сердцахъ ту же зависть и злобу, овладѣетъ навсегда вашею душею и будетъ дѣйствовать еще ужаснѣе).* (Матѳ. 38—42. Лук. 29—32.)

Знайте: «когда нечистый духъ выходитъ изъ человѣка, то ходитъ по безводнымъ мѣстамъ, ища покоя, и не находя говоритъ: возвращусь въ свой домъ, изъ котораго я вышелъ; и пришедъ находитъ его не занятымъ, выметеннымъ и убраннымъ; тогда идетъ и беретъ съ собой другихъ семь духовъ, злѣйшихъ себя, и вошедши живутъ тамъ: и бываетъ для человѣка того послѣднее хуже перваго. Такъ будетъ и съ этимъ лукавымъ родомъ» (Матѳ. 43—45. Лук. 24—26).

Знаменіе Іоны пророка (Матѳ. XII, 39—40).

Онъ же отвѣщавъ, рече имъ: родъ лукавъ и прелюбодѣй знаменія ищетъ: и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны пророка: якоже бо бѣ Іона во чревѣ китовѣ три дни и три нощи, тако будетъ и Сынъ Человѣческій въ сердцы земли три дни и три нощи (Матѳ. XII, 39—40).

Исторія Іоны есть высокое и дивное пророчество о Спасителѣ. Іона былъ *знаменіемъ*, говоритъ Самъ Господь, знаменіемъ, которое предвозвѣщало великое событіе новозавѣтное, подобно тому какъ съ вечера чермнующееся море предвѣщаетъ ведро (Матѳ. XVI, 2, 4). Съ этой точки зрѣнія посмотримъ на чудесную исторію древнѣйшаго пророка, и мы найдемъ самыя выразительныя черты, прообразующія высочайшій предметъ всѣхъ древнихъ пророковъ.

Корабль, на которомъ бѣжитъ Іона въ Ѳарсисъ, наполненъ разноплеменными плавателями, которые имѣютъ каждый своего бога (Іон. I, 5). Воздвигается страшная буря и угрожаетъ потопленіемъ всему кораблю. Ни облегченіе груза корабля, ни молитва къ богамъ, ничто не помогаетъ бѣдствующимъ. Не образъ ли это всего рода человѣческаго, того состоянія людей, въ которомъ они были до явленія благодати Искупителя? И здѣсь, въ разсѣянныхъ языкахъ на землѣ, видимъ страшныя опасности и бѣдствія, видимъ нелѣпыя заблужденія и гибельные пороки, брани и нестроенія; и ничто не помогаетъ человѣчеству: не даютъ ему мира и счастія ни мудрецы, ни правители и законодатели.

И что̀ еще? Надъ всѣмъ человѣчествомъ виситъ ужасная туча гнѣва Божія, и бездна вѣчной смерти готова поглотить всѣхъ грѣшниковъ. — Кто избавитъ этотъ великій корабль отъ страшной гибели?

На кораблѣ, ѣдущемъ въ Ѳарсисъ, находится пророкъ, который, смиренно сознавая свою погрѣшность, обращаетъ на себя всѣ бѣдствія корабля и для спасенія его предлагаетъ самого себя въ жертву: *возмите мя*, говоритъ, и *вверзите въ море, и утолится море отъ васъ* (I, 12).

Такъ для всего человѣчества обрѣтается одинъ Избавитель — Господь Іисусъ Христосъ. Сынъ Божій говоритъ къ Отцу: *жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси, тѣло же совершилъ Ми еси: всесожженій и о грѣсѣ не взыскалъ еси. Тогда рѣхъ: се пріиду, еже сотворити волю Твою, Боже* (Псал. XXXIX, 7—8). Онъ же, приближаясь ко времени страданій и смерти Своей, говорилъ: *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы.—Азъ душу Мою полагаю, да паки пріиму ю. Никтоже возметъ ю отъ Мене, но Азъ полагаю ю о Себѣ* (Іоан. X, 11, 17—18). И вотъ, наконецъ, дѣйствительно предаетъ Себя въ руки убійцъ: *Азъ есмь: аще убо Мене ищете, оставите сихъ ити* (Іоан. XVIII, 8). Разъяренное море отверзаетъ свои бездны и пріемлетъ Іону. Въ то же время ужасное чудовище моря поглощаетъ пророка и становится ему гробомъ. *И преста море отъ волненія своего.* Такъ всѣ лютыя бѣдствія, всѣ стрѣлы гнѣва Божія обращаетъ къ Себѣ Божественный Искупитель нашъ. Ужаснѣйшая изъ всѣхъ казнь и смерть вземлетъ Его отъ среды живыхъ. И сею искупительною жертвою умилостивляется раздраженное противъ насъ правосудіе Божіе; Божественною Кровію погашается пламень геенны, для насъ возжженной!—

Іона молится во чревѣ кита. Молится и Господь посреди страданій смертныхъ: молится въ саду Геѳсиманскомъ, предавая волю Свою въ волю Отца,— пригвожденный ко кресту, испрашивая помилованія самимъ распинателямъ,— вися на крестѣ, молится, призывая любовь Отца Своего, съ молитвою же, наконецъ, исходитъ духъ Его изъ умученнаго крестными страданіями тѣла...

Сравнимъ молитву Іоны съ молитвою Богочеловѣка на крестѣ.—Во чревѣ кита та́къ вопіетъ къ Богу пророкъ, изображая всѣ ужасы своего состоянія: *отверглъ мя еси во глубины сердца морскаго.—Азъ рѣхъ: отринухся отъ очію Твоею: еда приложу призрѣти ми ко храму святому Твоему? Возліяся на мя вода до души моея, бездна обыде мя послѣдняя* (Іон. II, 4—6). Не подобный ли сему, только несравненно въ высшей степени скорбный, гласъ слышится на крестѣ? *Боже мой, Боже мой! вскую мя оставилъ еси?—Боже мой, воззову во дни, и не услышиши, и въ нощи*, и нѣтъ мнѣ покоя. *Ты же во святѣмъ живеши, хвало Израилева! Обыдоша мя телцы мнози;—яко вода изліяхся и разсыпашася вся кости моя;—въ персть смерти свелъ мя еси* (Псал. XXI, 2—4, 13, 15, 17).

Но вотъ и молитва упованія *во глубинахъ сердца морскаго: да взыдетъ изъ истлѣнія животъ мой къ Тебѣ, Господи Боже мой! Внегда скончаватися отъ мене души моей, Господа помянухъ, и да пріидетъ къ Тебѣ молитва моя ко храму святому Твоему* (Іон. II, 7—8). Та же молитва о помощи въ душѣ Страдальца Голгоѳскаго: *Ты же, Господи, не удали помощь Твою отъ Мене: избави отъ оружія душу Мою;—спаси Мя отъ устъ львовыхъ* (Псал. XXI, 21—22).

Не ревность ли о славѣ Божіей, ревность къ Богослуженію истинному до-

вершаетъ молитву Іоны? *Хранящіи суетная и ложная*, (вы, слѣпые поклонники идоловъ) *милость свою* (своего благодѣтеля Бога истиннаго) *оставиша. Азъ же со гласомъ хваленія и исповѣданія пожру Тебѣ, елика обѣщахъ, воздамъ Тебѣ, во спасеніе мое Господеви* (Іон. II, 10—11).—Ревность о славѣ Божіей, увѣренность въ скоромъ распространеніи повсюду спасительной вѣры оканчиваетъ молитву крестную: *Повѣмъ имя Твое братіи моей, посредѣ Церкве воспою Тя. Отъ Тебе похвала моя, въ церкви великій исповѣмся Тебѣ. Помянутся и обратятся ко Господу вси концы земли, и поклонятся предъ Нимъ вся отечествія языкъ.—Сѣмя мое поработаетъ Ему: возвѣститъ Господеви родъ грядущій: и возвѣстятъ правду Его людемъ родитися имущимъ, яже сотвори Господь* (Псал. XXI, 23—32).

Якоже бѣ Іона во чревѣ китовѣ три дни и три нощи, тако былъ и *Сынъ Человѣческій*—Сынъ Божій *въ сердцы земли три дни и три нощи* (Матѳ. XII, 40). Было три дня, (хотя не полные), въ которые не видѣли на землѣ живущаго Спасителя нашего, и было три нощи (хотя не всѣ три обыкновенныя), въ которыя сокрытъ Онъ былъ въ сѣни смертной.

Исполнилась молитва Іоны: *да взыдетъ изъ истлѣнія животъ мой къ Тебѣ, Господи Боже мой!* Исполнилось и то, что̀ еще предсказано въ пророческой молитвѣ у Давида: *не оставиши душу мою во адѣ, ниже даси преподобному Твоему видѣти истлѣнія* (Псал. XV, 10). *И повелѣ Господь китови, и изверже Іону на сушу* (Іон. II, 11). Искупителя нашего *Богъ воскреси*, говоритъ Апостолъ Петръ, *разрѣшивъ болѣзни смертныя, якоже не бяше мощно держиму быти Ему отъ нея* (смерти), *какъ начальнику жизни* (Дѣян. II, 24).

Что̀ послѣдовало за чудеснымъ исшествіемъ Іоны изъ кита? Пророкъ проповѣдью покаянія оглашаетъ великій языческій городъ—Ниневію; развращенные язычники смиряются и вѣруютъ Богу истинному; и городъ, уже предназначенный на истребленіе, покрывается милосердіемъ Божіимъ. Какое прекрасное изображеніе того, что̀ совершилось, несравненно въ большемъ видѣ, по воскресеніи Господа? Отъ лица Распятаго Апостолы и преемники ихъ проповѣдываютъ покаяніе народамъ; самые грубые язычники, какъ и образованные, простые и мудрые, цари и цѣлыя царства обращаются къ Богу истинному, къ вѣрѣ въ Бога—Спасителя грѣшниковъ; весь родъ человѣческій, надъ которымъ тяготѣло проклятіе Божіе, покрывается благодатію, которая призываетъ всѣхъ въ Царство Небесное и всѣхъ вводитъ туда вѣрующихъ (Воскр. Чт., г. IV, стр. 50—52).

Преп. Исидора Пелусіота о томъ, что три дня и три ночи пребылъ Господь во гробѣ (Матѳ. XII, 40).

Вотъ объясненіе, что Господь три дня и три ночи пребылъ во гробѣ. Написано: *якоже бѣ Іона во чревѣ китовѣ три дни и три нощи, тако будетъ и Сынъ Человѣческій въ сердцы земли три дни и три нощи* (Матѳ. XII, 40). Посему возвѣщающій о Себѣ, что исполнитъ прообразованное Іоною, въ точности зная сіе (потому что Самъ былъ съ Іоною и ввергаемымъ въ глубину и извергаемымъ изъ глубины), несомнѣнно исполнилъ это, столько же времени пробывъ во гробѣ, сколько Іона въ китѣ. Если же требуешь и другаго объясненія, вотъ оно. Въ шестый часъ пятка Господь распятъ, отъ шестаго часа до часа девятаго была тьма, разумѣй это, какъ ночь; отъ девятаго часа опять свѣтъ; это уже

день; въ слѣдъ за симъ ночь пятка; суббота еще день; ночь субботы и утро дня Господня, какъ говоритъ Евангелистъ: *свитающи во едину отъ субботъ* (Матѳ. XXVIII, 1). Если же хочешь знать и третіе объясненіе, то оно таково: въ пятокъ Господь предалъ духъ,—это одинъ день; былъ во гробѣ всю субботу, потомъ и субботнюю ночь; когда возсіявалъ день Господень, возсталъ изъ гроба, и это еще день, потому что по части, какъ самъ знаешь, познается цѣлое. Такъ и мы обыкли совершать поминки скончавшихся. Въ какомъ бы часу дня ни скончался кто, миновавъ только слѣдующій день, на другой послѣ него обыкновенно правимъ третины умершаго. Имѣешь теперь, какъ думаю, разрѣшеніе вопроса. А если упорные состязатели требуютъ полныхъ трехъ дней и ночей, то отвѣчай: и царь, если, внявъ ходатайству и прошенію заключенныхъ въ рудокопняхъ и тюрьмахъ, обѣщаетъ простить имъ вину по истеченіи третьяго дня, даетъ же свободу, предваривъ этотъ срокъ, то сею скоростью наипаче доказываетъ истинность обѣщанія. И Владыка, возставъ изъ мертвыхъ скорѣе, нежели обѣщалъ, справедливо отъ всѣхъ да пріемлетъ поклоненіе.

Его же. О трехъ дняхъ и нощахъ пребыванія Господня во гробѣ.

Крайне дивлюсь и изумляюсь несмысленности спрашивающихъ: по какой причинѣ Христосъ воскресъ прежде трехъ дней? Ибо, если утверждаютъ, что Онъ вовсе не воскресъ, то для чего входятъ въ розысканія о времени? Если же воскресъ, но раньше, нежели обѣщалъ; то да признаютъ, что воскресеніемъ доказана вмѣстѣ и несомнѣнная истина изрѣченнаго Имъ. Ибо совершивъ, что было и казалось (говорю это судя по немощи человѣческой) невозможнымъ, конечно, не оказался бы немощнымъ для возможнаго, хотя всего болѣе показывало бы немощь, если бы воскресъ позднѣе; а то, что воскресъ ранѣе, служило доказательствомъ самой великой силы. И потому, что уничтожилъ тьмочисленные списки Еллинскихъ боговъ, ниспровергъ всѣхъ идоловъ, истребилъ нечестивые жертвенники, обагренные человѣческими кровми, привелъ въ безсиліе діавола, обратилъ въ бѣгство демоновъ, укротилъ дикія племена, Іудеевъ подвергъ великимъ бѣдствіямъ, а увѣровавшихъ въ Него возводитъ превыше неба,—надлежало имъ поклониться Его Божественной и непреодолимой силѣ, а не спорить о часахъ. Ибо что̀ всего важнѣе и превышаетъ всякій разумъ, то не можетъ быть опровергнуто маловажнымъ. Но впрочемъ, поелику преизобиліе истины велико, попытаюсь приступить къ разсмотрѣнію самаго дѣла. Итакъ, въ отраженіе ихъ нападенія, сказано имъ будетъ слѣдующее: если увидимъ, что какой либо должникъ, обѣщавшійся уплатить заимодавцу своему долгъ по прошествіи трехъ дней, уплатилъ прежде срока, то осудимъ ли, какъ солгавшаго, или подивимся, какъ болѣе должнаго устоявшему въ истинѣ? Я держусь послѣдняго, а конечно, того же мнѣнія и они. Посему, что̀ же несообразнаго въ этомъ, если Христосъ сказалъ, что воскреснетъ въ третій день, воскресъ же ранѣе, чтобы показать Свою силу, привести въ омертвѣніе стражей и заградить уста Іудеямъ? Воскреснуть ранѣе —сіе не подавало повода къ обвиненію, а замедленіе воскресенія внушило бы великое подозрѣніе. Воскресеніе надлежало совершиться, когда стража была при гробѣ и стерегла. А если бы совершилось по истеченіи назначенныхъ дней и по удаленіи стрегущихъ, то дѣло показалось бы подозрительнымъ.

Если же Христосъ не воскресъ, то какъ Апостолы именемъ Его совершали такія знаменія? Почему недостовѣрными будутъ тѣ свидѣтели, которые тысячами опасностей и смертей увѣряли въ истинѣ не чернилами, но собственною своею кровью запечатлѣвъ свидѣтельство? Но если нужно дойти до самой точности, то скажу еще слѣдующее. Христосъ изрекъ, что воскреснетъ въ третій день; имѣешь пятокъ, имѣешь и субботу до захожденія солнца, а по субботѣ воскресъ, коснувшись крайнихъ дней и совершивъ весь средній вполнѣ. Ибо и сказалъ, что воскреснетъ въ третій день, а не послѣ трехъ дней. *Разорите*, говоритъ, *церковь сію, и тремя денми воздвигну ю* (Іоан. II, 19). Да и пророкъ, пѣсненно предвозвѣщая, что смерть восплачетъ тогда, будучи связана крѣпчайшею смертію, сказалъ: *исцѣлитъ ны по двою дню, въ третій день воскреснемъ и живи будемъ* о Немъ (Осія VI, 3). Если же будутъ указывать на слова *три дня и три нощи* (Матѳ. XII, 39), то отвѣчу, что прикосновеніемъ съ оными исполнилъ обѣщаніе. Ибо все продолженіе двадцати четырехъ часовъ называется однимъ днемъ. Но если кто родится или умретъ, въ первый или въ послѣдній изъ сихъ часовъ, причисляется ему самый день. Напримѣръ, если кто родится предъ самымъ захожденіемъ солнца, и день этотъ будетъ первый день мѣсяца, то весь онъ причисляется родившемуся. А если другой родится по захожденіи солнца, то будетъ это уже второй день. Итакъ почему же, когда разность во времени состоитъ въ одномъ часѣ, а, можетъ быть, не составляетъ и одного часа, объ одномъ говорится, что родился въ первый день, о другомъ же, что во второй? Потому что для всякаго явно и ясно, что одинъ прикосновеніемъ только совершилъ предшествовавшія затѣмъ сутки, а другой жилъ послѣдовавшія затѣмъ сутки, состоявшія изъ полныхъ двадцати четырехъ часовъ. Посему, если подтверждается это и точнымъ разумѣніемъ временъ, то для чего напрасно мучатъ себя усиливающіеся утверждать, будто бы Истина не устояла въ истинѣ? (Тв. св. Исидора Пелусіота, ч. I, стр. 77—78 и ч. II, стр. 1—4. Тв. св. оо., т. XXXIV.)

Святаго Григорія Богослова на ст. 43—45 XII гл. Матѳея.

Сподобившись, по дару, отпущенія грѣховъ, со всякимъ тщаніемъ блюди оное, чтобы отпущеніе зависѣло отъ Бога, а соблюденіе и отъ тебя. Какъ же сего достигнуть? Помни всегда Христову притчу; это будетъ для тебя самымъ лучшимъ и совершеннымъ пособіемъ. Вышелъ изъ тебя нечистый и вещественный духъ, изгнанный крещеніемъ. Ему несносно гоненіе; онъ не терпитъ быть бездомнымъ и безпріютнымъ; проходитъ *сквозѣ безводная мѣста*, гдѣ пересохъ Божественный потокъ (ибо тамъ любитъ онъ быть); скитается, *ища покоя, и не обрѣтаетъ*. Приступаетъ къ душамъ крещеннымъ, въ которыхъ порчу омыла купель. Боится воды, душитъ его очищеніе, какъ легіонъ издохъ въ морѣ. Опять возвращается въ домъ, изъ котораго вышелъ, потому что безстыденъ и упоренъ; снова приступаетъ, новыя дѣлаетъ покушенія. Если найдетъ, что Христосъ водворился и занялъ мѣсто, имъ оставленное, то снова отраженный уходитъ безъ успѣха, продолжая свое жалкое скитаніе. Если же найдетъ въ тебѣ мѣсто *пометенное* и *украшенное*, пустое, ничѣмъ не занятое, равно готовое къ принятію того или другаго, кто бы ни пришелъ первый, поспѣшно входитъ, поселяется съ бо́льшими противъ прежняго запасами, и *будутъ послѣдняя горша первыхъ*. Ибо прежде была надежда на исправленіе

и осторожность, а теперь явно стало поврежденіе, чрезъ удаленіе добра привлекающее къ себѣ лукавое; почему для поселившагося обладаніе мѣстомъ сдѣлалось тверже (Твор. св. оо., т. III. Тв. Григорія Богослова, ч. III, стр. 309).

Мысли епископа Ѳеофана о томъ же.

Во всякомъ человѣкѣ, нераскаянно живущемъ во грѣхѣ, живетъ бѣсъ, какъ въ домѣ, и всѣмъ у него распоряжается. Когда, по благодати Божіей, такой грѣшникъ приходитъ въ сокрушеніе о грѣхахъ своихъ, кается и перестаетъ грѣшить,—бѣсъ изъ него изгоняется. Сначала онъ не безпокоитъ покаявшагося, потому что въ немъ на первыхъ порахъ много ревности, которая какъ огонь, жжетъ бѣсовъ и, какъ стрѣла, отражаетъ ихъ. Но потомъ, когда ревность начинаетъ охладѣвать,—подступаетъ и бѣсъ издали со своими предложеніями, вбрасываетъ воспоминаніе о прежнихъ удовольствіяхъ и вызываетъ къ нимъ. Не поостерегись только покаянникъ,—отъ сочувствія перейдетъ скоро къ желанію; если и здѣсь не опомнится и не возвратитъ себя въ состояніе прежней трезвенности, то паденіе не далеко. Изъ желанія раждается склоненіе на грѣхъ и рѣшимость; внутренній грѣхъ готовъ, для внѣшняго ожидается только удобство. Представься оно, и грѣхъ будетъ сдѣланъ. Съ этимъ вмѣстѣ бѣсъ опять входитъ и начинаетъ гнать человѣка отъ грѣха ко грѣху еще быстрѣе, чѣмъ прежде. Это изобразилъ Господь притчею о вторичномъ возвращеніи бѣса въ домъ очищенный, подметенный (Мысли на каждый день года, стр. 206—207).

Іисусъ Христосъ похваляетъ слушающихъ и соблюдающихъ слово Божіе (Лук. XI, 27—28; VIII, 19—21. Марк. III, 31—35. Матѳ. XII, 46—XIII, 1).

Когда Онъ говорилъ это, одна женщина изъ народа громко сказала Ему: «блаженно то чрево, которое носило Тебя, и сосцы, которые Тебя питали!» На это Онъ отвѣтилъ: «блаженны тѣ, которые слышатъ слово Божіе и соблюдаютъ его!» (Лук. XI 27—28.)

Между тѣмъ Матерь Божія, которую всенародно ублажала женщина, и братья Его стояли внѣ дома, желая говорить съ Нимъ. Не могши подойти къ Нему по причинѣ множества народа, они послали къ Нему, звать Его. Тогда кто-то сказалъ Ему: «Мать и братья и сестры Твои на дворѣ спрашиваютъ Тебя, хотятъ видѣть и говорить съ Тобою». Но Онъ въ отвѣтъ на это сказалъ: «кто мать Моя и кто братья Мои?» — И обозрѣвъ сидящихъ около Себя, указалъ рукою на Своихъ учениковъ и прибавилъ: «вотъ мать Моя и братья Мои! Вообще, кто будетъ слушать слово Божіе и сотворитъ волю Отца Моего Небеснаго, тотъ Мнѣ братъ и сестра и мать». — Вышедъ же въ тотъ день изъ дома, Онъ пошелъ къ морю (Матѳ. XII, 46 — 50. Марк. III, 31—35. Лук. VIII, 19—21).

Мать и братья Іисусовы

(Филарета, митроп. Московскаго).

Сѣдяше, повѣствуетъ Евангелистъ Маркъ, *народъ окрестъ Его* (Іисуса). *Рѣша же Ему: се Мати Твоя и братія Твоя и сестры Твоя внѣ ищутъ Тебе. И отвѣща имъ, глаголя: кто есть мати Моя или братія Моя?*

Что не хощетъ Онъ знать братій Своихъ, то понять не трудно. Въ то время они были достойны такого отчужденія, потому что, какъ замѣчаетъ Еванге-

листъ Іоаннъ, *ни братія Его вѣроваху въ Него* (VII, 5). Но и кромѣ вины невѣрованія ихъ, справедливо сіе потому, что это были мнимые только братья Іисуса, ибо это было родство Іосифа, мнимаго отца Іисусова. Такимъ образомъ отрекаясь отъ братій, по рожденію плотскому такъ называемыхъ, Господь не отрицаетъ истины земной, а утверждаетъ небесную истину Своего Божественнаго происхожденія.

Но какимъ образомъ и Матерь Господа подвержена одинакому жребію съ Его братіями? Она не мнимая, а истинная Матерь Его по человѣчеству; сего высокаго достоинства никогда не унизила Она невѣрованіемъ въ Него, яко истиннаго Сына Божія. А Онъ-то произноситъ вожделѣнное имя Матери, уклоняется отъ того, чтобы видѣть Ее: *кто есть Мати Моя?* то видитъ ее, и не даетъ Ей имени Матери: *что есть*, глаголетъ, *Мнѣ и Тебѣ, Жено?* И паки: *Жено, се сынъ Твой.*

Вспомнимъ Его ученіе: *иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ: и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Матѳ. X, 37). Такъ поучая, такъ долженъ Онъ былъ и творить и примѣромъ дать силу поученію, по собственному Его правилу, что *велій въ Царствіи Небеснѣмъ* долженъ *сотворить и научить* (Матѳ. V, 19). Посему надлежало Господу Іисусу когда-нибудь въ земной жизни Своей дѣломъ показать, какъ любитъ Онъ земную Матерь Свою совершенно, только *паче* Отца Своего Небеснаго, и какъ сыновнюю по человѣчеству любовь приноситъ въ жертву дѣлу Божію, Имъ совершаемому.

Теперь смотрите, какъ симъ умозрѣніемъ объясняются дѣла Христовы, казавшіяся съ перваго взгляда непонятными.

Матерь Іисуса и братія Его приходятъ, чтобы взять Его изъ дома, гдѣ Онъ многочисленному народу проповѣдуетъ небесную истину. Они предприняли сіе по доброму побужденію, почитая Его находящимся въ опасности, потому что Его враги оглашали Его то неистовымъ, то дѣйствующимъ чрезъ князя бѣсовскаго, и умышляли погубить Его. Но если бы Онъ покорился волѣ Своихъ сродниковъ, то былъ бы нанесенъ вредъ дѣлу Божію, не только потому, что безвременно прервалась бы Его проповѣдь, но и потому, что враги Его, какъ доказательство клеветы, употребили бы взятіе Его сродниками, какъ будто имѣющаго нужду въ ихъ попеченіи. Итакъ должно было угожденіе Матери принести въ жертву; и сія жертва опять была полнымъ всесожженіемъ, то есть Господь принесъ въ жертву всю Свою любовь къ Возлюбленной Матери, и самую мысль и память о Ней: *кто есть Мати Моя?*

Какъ-бы такъ говорилъ Онъ: «для чего волею земной Матери хотите вы отвлечь Меня отъ исполненія воли Отца Небеснаго? Когда сіи двѣ воли влекутъ въ разныя стороны,—Я знаю и тотчасъ покажу, которой изъ нихъ и съ какою рѣшительностью должно послѣдовать. Оставляю земное рожденіе и родство, какъ-бы Я забылъ его, какъ-бы его совсѣмъ не было: совершенно преданъ есмь волѣ Отца Небеснаго и дѣлу Его, и Царствію Его; здѣсь ищу Себѣ и родства, если его имѣть надобно; *кто есть Мати Моя и братія Моя?* Кто же они? *Чада Божіи, вѣрующіе во имя Его, иже не отъ крове, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася* (Іоан. I, 12—13); или паче: *иже аще сотворитъ волю Божію, сей братъ Мой, и сестра Моя, и мати Ми есть*».

Когда несчастный примѣръ и желанія вашихъ родителей, сродниковъ, людей, вами почитаемыхъ и любимыхъ, отвлекаютъ васъ отъ исполненія свя-

щенныхъ обязанностей къ Богу, вовлекаютъ въ дѣла противныя закону, нарушающія миръ совѣсти, противныя истинному благу и спасенію безсмертной души вашей; тогда спросите себя и вы словомъ Іисусовымъ: *кто есть мати моя или братія моя?* Вспомните, что у васъ есть лучшее и высшее обыкновеннаго родства; что Богъ — Отецъ вашъ; что Церковь—Матерь ваша; что всѣ творящіе волю Божію, всѣ Святые суть ваши братія или по крайней мѣрѣ желаютъ быть вамъ братіями; не унизьте себя предъ симъ высокимъ родствомъ; не разлучите себя отъ сего добраго и прекраснаго семейства; сотворите и вы волю Божію вмѣсто человѣческой; да и на васъ укажетъ Господь и речетъ: *се мати Моя и братія Моя.* (Изъ слова въ день рождества Пресвятыя Богородицы. Т. I-й, стр. 142—144.)

О томъ же прот. Нечаева.

Однажды, во время бесѣды Іисуса Христа съ народомъ, толпами тѣснившимся вокругъ Него, дали Ему знать, что пришла Его Мать и братья и желаютъ видѣть Его. Тогда воззрѣвъ на окружающихъ слушателей (Марк. III, 34), Онъ сказалъ: «*мати Моя и братія Моя сіи суть, слышащіи слово Божіе и творящіи е*» (Лук. VIII, 21). Нѣтъ сомнѣнія, что Іисусъ Христосъ любилъ Свою земную Матерь. Въ предсмертныя минуты на крестѣ Онъ завѣщалъ попеченіе о Ней Своему возлюбленному ученику Іоанну. Любилъ Онъ и братьевъ Своихъ по плоти (не родныхъ впрочемъ) и двоихъ изъ нихъ даже принялъ въ ликъ Апостоловъ. Но какъ ни дорожилъ Онъ этимъ родствомъ, для Него не менѣе, если не болѣе, было дорого другое родство. Кто внимательно слушалъ слово Божіе, исходившее изъ устъ Его, слагалъ оное въ сердцѣ своемъ и проводилъ его въ жизнь, тотъ, по слову Его, то же для Него значитъ, что родная мать и братья. Слушатели и исполнители слова Христа суть самые дорогіе Его сродники. Родство, которое соединяетъ Его съ ними, есть родство *нравственное и таинственное.*

И въ житейскихъ, чисто человѣческихъ отношеніяхъ, кромѣ родства плотскаго, существуетъ родство духовное. Узы послѣдняго даже иногда крѣпче связуютъ людей, чѣмъ узы перваго. Что же именно служитъ основою этого нравственнаго единенія, нравственнаго родства? Преимущественно бесѣды. Въ бесѣдѣ слышится душа человѣка; бесѣда—проводникъ мыслей и чувствъ, наполняющихъ душу, проводникъ духовнаго вліянія одной души на другую. Есть бесѣды, которыя властительно дѣйствуютъ на душу слушателей, притягиваютъ ихъ сильнѣе магнита къ бесѣдующему, нравственно сродняютъ съ нимъ. Но если слово человѣческое обладаетъ такою силою привлеченія, то не болѣе ли это свойственно слову Божію? Не заключается ли въ немъ несравненно бо́льшихъ условій для духовнаго сродненія человѣка съ Богомъ во Христѣ Іисусѣ? Слово Божіе по самой природѣ своей живо и дѣйственно, проходитъ до раздѣленія души и духа, проникаетъ въ сокровенные изгибы нашей совѣсти. Слово Божіе есть свѣтъ для ума, сладость для сердца. Слово Божіе исходитъ изъ тѣхъ же устъ, которые изрекли нѣкогда: «да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ», — да будетъ твердь, да будутъ свѣтила на тверди небесной» и т. д., «и бысть». Слово Божіе въ устахъ Іисуса склоняло на Его сторону враговъ Его. Слуги, посланные архіереями схватить Іисуса, заслушались словъ Его и не осмѣлились наложить на Него рукъ. Отъ словъ Іисуса: «Азъ есмь», падали ницъ толпы воиновъ, при-

шедшихъ въ садъ Геѳсиманскій связать Его.

Слово Христово привлекало къ Нему тысячи народа, со всѣхъ сторонъ приходившаго слушать Его. Слово Христово есть не просто слово, облеченное нравственною силою, какъ и всякое сильное слово человѣческое,—оно есть сила Божія, живый носитель благодати Божіей, проводникъ ея въ пріемлющія души. Оно есть сѣмя нетлѣннаго рожденія, какъ и сказано о христіанахъ, обращенныхъ ко Христу проповѣдью Евангелія, что они порождены не отъ сѣмени тлѣннаго, но отъ нетлѣннаго, отъ слова живаго Бога (1 Петр. I, 23). Это сѣмя, слово живаго Бога, воспринятое вѣрующею душею, развиваясь болѣе и болѣе, образуетъ въ ней новаго, Богоподобнаго человѣка, сроднаго духовнотаинственно съ Богочеловѣкомъ, такъ что этотъ новый человѣкъ дѣлается поистинѣ какъ бы матерью Іисуса, воспринимая Его въ душѣ, какъ мать воспринимаетъ въ утробѣ, дѣлается братомъ Его, сочетаваясь съ Нимъ духовно-братскимъ союзомъ, становясь единымъ съ Нимъ духомъ (1 Коринѳ. VI, 17).

Родственная близость къ Іисусу — какое высокое достоинство! Какъ не дорожить этимъ благомъ паче всего на свѣтѣ, какъ не стремиться къ достиженію этого достоинства?—Къ сожалѣнію, равнодушіе людей къ истинному своему благу и достоинству — обыкновенное явленіе. Слово Божіе, сродняющее съ Іисусомъ, читается въ нашемъ обществѣ гораздо рѣже, чѣмъ всякія другія книги, хотя книги слова Божія никогда не были столь распространяемы, какъ въ послѣднее время. Одни не любятъ заглядывать въ слово Божіе потому, говорятъ, что оно имъ извѣстно еще со школьной скамьи, другіе потому, что оно мудрено и неудобовразумительно. Но если слово Божіе есть для души хлѣбъ насущный, то уклоняться отъ чтенія слова Божія потому, что содержаніе его извѣстно, значитъ то же, что голодному не брать въ руки хлѣба потому, что онъ извѣстенъ. Онъ не будетъ сытъ отъ того, что знаетъ, имѣетъ понятіе о его питательности.— Слово Божіе дѣйствительно во многихъ мѣстахъ мудрено, — но это должно не отталкивать отъ него, а только возбуждать ревность къ изученію и уразумѣнію въ немъ того, что доступно человѣческому постиженію. Шарады и ребусы возбуждаютъ пытливость и отнимаютъ не мало времени для разгадки ихъ. И этимъ не тяготятся, ночи проводятъ въ мукахъ разгадки ихъ пустѣйшаго, непитательнаго для души содержанія, а словомъ Божіимъ тяготятся, отъ труда разумѣнія его высокихъ и спасительныхъ истинъ уклоняются подъ предлогомъ ихъ неудобовразумительности, какъ будто онѣ всѣ неудобовразумительны,— трудъ этотъ почитаютъ излишнимъ, какъ будто Господь могъ предложить въ словѣ Своемъ то, что излишне знать для насъ!

Уклоняться отъ чтенія слова Божія, особенно Евангельскаго, значитъ уклоняться отъ родственнаго общенія со Христомъ. А кто не дорожитъ общеніемъ съ Нимъ здѣсь, тотъ находится въ опасности лишиться блаженнаго общенія съ Нимъ тамъ. Что посѣешь, то пожнешь (Душеп. Чт. 1880 г., ч. III, стр. 229—233).

Библіографическій указатель къ XII гл. Ев. Матѳея 22—50 ст. и парал.

Святоотеческія толкованія.

1) Ст. 25—32. Изъясненіе св. Златоустаго въ XLI Бес. на Еванг. Матѳея, ч. II, 207—217. Съ 33—37 ст. въ Бес. XLII. 220—229. 38—45 ст. въ Бес. XLIII. 235—251 въ 46—49. Бес. XLIV. 256—261.

2) Ст. 32. *Препод. Симеона Новаго Богослова.* Слово 64. О хулѣ на Духа Святаго. Душеп. Чт. 1880 г. I. Января 20—23.

3) *Св. Аѳанасія Александрійскаго* о томъ же. Христ. Чт. 1839 г. IV. 133—169.

4) *Св. Ефрема Сирина.* Какой грѣхъ не простителенъ (Матѳ. XII, 32). Твор. святыхъ отцевъ, т. XV. М. 1850 г. Твор. св. Ефрема Сирина, ч. IV, 86—87.

5) Ст. 38. Изъясненіе *св. Іоанна Златоуста* на Матѳея XII, 38. Къ желающимъ и требующимъ чудесъ. Воскресное Чтеніе, г. XI. 77—78.

6) Ст. 46—50. *Св. Григорія Двоеслова.* О родствѣ съ Іисусомъ Христомъ вѣрующихъ въ Него. Кн. I. 26—33.

Новѣйшія толкованія:

7) Примиреніе кажущагося противорѣчія въ словахъ Іисуса Христа: *иже нѣсть со Мною, на Мя есть* (Матѳ. XII, 30. Лук. XI, 23) и *Иже нѣсть на вы, по васъ есть* (Марк. IX, 40. Лук. IX, 50). Воскресное Чтеніе, 1877 г. II. 360—362.

8) Ст. 31—32. *Прот. Нечаева.* Хула на Духа Святаго. Душеп. Чт. 1872 г. январь. 77—83.

9) Ст. 38. Мысли *еп. Ѳеофана.* Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ. 238.

10) Ст. 49. Мысли его же. 207.

11) Сходство и различіе между чудесами Моисея и чудесами Іисуса Христа. Воскресное Чтеніе, 1877 г. 367—376.

12) На Еванг. Марк. III гл. ст. 29. Мысли епископа Ѳеофана. 282.

13) На Еванг. Лук. XI гл. ст. 23. Изъясненіе митроп. Григорія. Кто не Христовъ, тотъ врагъ Христу. Дух. Бес. 1858 г. I. 273—279.

14) Ст. 27. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О личности жены, ублажавшей Матерь Божію, и о томъ, что исповѣдывать имя Христово должно безъ страха и стыда. Слова и Бес. III. 127—137.

15) Ст. 27. *Григорія, архіеп. Казанскаго:* Объ обѣтахъ Господу Богу. Слова и Бес. II. 152—161.

16) Ст. 28. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* О томъ, что Пресвятая Дѣва удостоилась высочайшаго блаженства, воспитавъ и приготовивъ Себя къ тому слышаніемъ и храненіемъ слова Божія, и что каждый изъ насъ тѣмъ же способомъ можетъ насадить и возрастить въ себѣ Богоподобныя добродѣтели. Слово въ день рождества Пресвятыя Богородицы.

17) Ст. 28. *В. Н. Блаженни слышащіи слово Божіе.* Душеп. Чт. 1863 г. III. 182.

18) На тотъ же стихъ. Воскресное Чтеніе, г. XXXIV. II. 630.

19) Ст. 31. Мысли епископа Ѳеофана. 392.

20) Ст. 34. Мысли его же. 394.

21) Ст. 35. *Блюди, еда свѣтъ, иже въ тебѣ, тьма есть.* Воскресное Чтеніе, г. XVIII. 173—174.

Евангельскія притчи изъ природы (Матѳ. XIII гл. и парал.).

Очень часто Спаситель училъ притчами изъ природы. Къ числу такихъ относится, во-первыхъ, притча о сѣятелѣ, посѣявшемъ сѣмя на различной почвѣ. Одно упало при дорогѣ, и было поклевано птицами; другое упало на камень и скоро дало ростокъ, но, при отсутствіи тѣни, увяло отъ солнечнаго зноя; иное упало между терніемъ и заглохло, не принесши плода; иное, наконецъ, упало на хорошую почву и въ свое время принесло богатые плоды. Съ различными подробностями эта притча разсказывается у трехъ Евангелистовъ: Матѳея (XIII, 3 — 23), Марка (IV, 5—25 и Луки VIII, 5 — 15). У нихъ же находимъ и объясненіе ея, данное

Самимъ Спасителемъ. Зерно, упавшее при дорогѣ, Онъ сравниваетъ съ человѣкомъ, который принимаетъ слово Божіе, но подъ вліяніемъ лукаваго скоро забываетъ его. Посѣянное на камнѣ означаетъ того, кто съ радостью слышитъ и принимаетъ слово Божіе. Принятое имъ, оно производитъ нѣкоторую благотворную перемѣну въ его жизни. Но, не имѣя нравственной твердости и встрѣчая препятствія, онъ уступаетъ и нейдетъ далѣе по пути нравственнаго усовершенствованія. Терніе и плевелы, заглушающіе доброе сѣмя, уподобляются Спасителемъ заботамъ и удовольствіямъ, которыя такъ сильно овладѣваютъ нашею душею, что мы изъ-за нихъ забываемъ о Богѣ и перестаемъ повиноваться слову Его. Сѣмя, упавшее и выросшее на доброй землѣ, — высокія Евангельскія истины, которыя, проникая въ кроткое сердце, наполняютъ его любовью къ Богу и ближнимъ.

Въ связи съ приведенною притчею стоитъ другая—о пшеницѣ и плевелахъ (Матѳ. XIII, 24—30, 36—43). Въ святой землѣ растутъ въ пшеницѣ особаго рода плевелы, по виду очень похожіе на пшеницу: разница между ними почти не замѣтна; отличить ихъ отъ пшеницы можно только тогда, когда послѣдняя созрѣетъ для жатвы. Спаситель говоритъ, что плевелы были посѣяны не людьми. Этимъ Онъ поучаетъ насъ, чтобы мы не осуждали другихъ, не считали ихъ источникомъ зла; предоставляя рѣшеніе этого Богу, мы должны заботиться только о своемъ усовершенствованіи.

Третья притча изъ природы—о зернѣ горчичномъ (Матѳ. XIII, 31—32). Приходилось ли вамъ когда-нибудь, читатели, посѣять маленькое зернышко горчичное или какое-нибудь другое, какъ оно пускаетъ ростокъ, который постепенно, день ото дня, дѣлается выше и толще? Но въ восточныхъ странахъ все ростетъ гораздо скорѣе, нежели у насъ и тамошнее горчичное растеніе не похоже на наше: тамъ изъ горчичнаго зерна вырастаетъ большое дерево, на вѣтвяхъ котораго птицы вьютъ гнѣзда.

Какой же небесный смыслъ это земной притчи? Говоря, что «Царство Небесное подобно горчичному зерну», Спаситель научаетъ насъ, что число Его послѣдователей и любящихъ Его и вѣрующихъ въ Него, будетъ постоянно разрастаться, увеличиваться, подобно горчичному зерну.

Къ числу притчей изъ природы относится и притча, представляющая новое изображеніе возрастанія сѣмени, брошеннаго въ землю. Она записана только Евангелистомъ Маркомъ (VI, 26—29) и имѣетъ цѣлью обратить наше вниманіе на тайну зарожденія и возрастанія растенія.

Въ Евангеліи Луки мы находимъ притчу о безплодной смоковницѣ (XIII, 6—9). Хозяинъ сада хотѣлъ срубить смоковницу, не приносящую плода, но садовникъ упросилъ его оставить ее еще на годъ, говоря, что онъ окопаетъ ее, обложитъ навозомъ, и тогда она, быть можетъ, принесетъ обильный плодъ, который вознаградитъ за прежніе годы безплодія. Спросимъ самихъ себя: какой плодъ мы приносимъ и достойны ли мы благости Божіей, дающей намъ время, случай и силу дѣлать добро, и искреннихъ друзей, помогающихъ намъ своими совѣтами творить дѣла, достойныя званія нашего?

Въ тѣсной внутренней связи съ указанною притчею стоитъ разсказъ Евангелиста Марка объ изсохшей смоковницѣ (XI, 12—20), относящійся къ тому времени, когда Іисусъ обнаружилъ Свою силу многими чудесами,—къ концу Его земной жизни, когда Онъ скор-

бѣлъ о той неблагодарности, съ какою отнесся къ Нему народъ Его, когда Онъ плакалъ о ихъ городѣ, прекрасномъ Іерусалимѣ, и предсказалъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя скоро должны были постигнуть Іерусалимлянъ и весь народъ за то, что не слушали Его проповѣди. Смоковница должна была служить урокомъ Его ученикамъ и показала имъ, что ожидаетъ не повинующихся Ему и Его Отцу (Лук. XXI, 29—33). Указывая на зеленые листья какъ на знаменіе, Спаситель учитъ тѣмъ, что какъ по обилію зелени на смоковницѣ мы узнаемъ о близости лѣта, такъ и при концѣ міра встрѣтимъ несомнѣнные признаки близкаго наступленія Царствія Божія, что все въ мірѣ можетъ измѣниться, но слово Его—неизмѣнно.

Припомнимъ прекрасную притчу изъ природы о виноградной лозѣ и вѣтвяхъ ея (Іоан. XV, 1—8) Объясненіе ея даетъ Самъ Спаситель, говоря, что Онъ Самъ—лоза, а мы вѣтви, что Богъ Отецъ—виноградарь, который обрѣзываетъ безплодныя вѣтви и выбрасываетъ вонъ, а плодовитыя подвязываетъ, чтобы онѣ принесли еще болѣе плода на слѣдующій годъ.—Это значитъ, что не дѣлающіе добра другимъ будутъ наказаны, а приносящіе духовные плоды, о которыхъ говорится въ послан. къ Галатамъ (V, 22), при помощи Божіей, будутъ возрастать въ дѣланіи добра; бѣдствія и испытанія, посылаемыя имъ, еще тѣснѣе соединятъ ихъ съ Богомъ. Чѣмъ ближе мы ко Христу, тѣмъ будемъ святѣе. Богъ радуется, когда мы живемъ и дѣйствуемъ въ духѣ любви, радости и мира. Вотъ какой урокъ даетъ намъ виноградная лоза: стоитъ подумать о немъ!

Между притчами изъ природы есть одна о полевыхъ цвѣтахъ. «Посмотрите на полевыя лиліи, какъ онѣ растутъ? Не трудятся, ни прядутъ», говоритъ Спаситель (Матѳ. VI, 28—30). Говоря эти слова, Онъ, вѣроятно, для большей наглядности, указалъ на какой-нибудь роскошный цвѣтокъ лиліи, росшій на горѣ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ въ то время сидѣлъ Самъ. Удивляясь цвѣтамъ, Онъ хотѣлъ вызвать то же чувство и въ слушателяхъ. Да они и стоятъ того. Ихъ цвѣтъ и ткань не болѣе ли достойны удивленія, чѣмъ дорогія ткани, приготовляемыя человѣкомъ, чѣмъ тончайшія матеріи—произведенія ума и богатства человѣческаго? Что же слѣдуетъ отсюда?—Полевые цвѣты учатъ насъ возлагать всѣ свои нужды на Бога съ полною увѣренностью, что Тотъ, Кто одѣваетъ эти кратковременныя созданія, позаботится о насъ—Своихъ безсмертныхъ дѣтяхъ, и дастъ намъ все нужное, если только мы покоримся Ему и будемъ вѣрить въ Его милосердіе.

Седьмая глава Евангелиста Матѳея ясно поучаетъ насъ притчею о плодахъ древесныхъ. Какъ на деревьяхъ мы находимъ плоды, свойственные только этому дереву, такъ точно и личный характеръ человѣка выражается въ соотвѣтствующихъ ему словахъ и дѣйствіяхъ. «Не можетъ доброе дерево приносить плоды худые; ни дерево худое приносить плоды добрые».

Два раза говоритъ Спаситель о жатвѣ. «Жатвы много, а дѣлателей мало» (Матѳ. IX, 37—38), говоритъ Онъ, думая о тѣхъ, которые готовы обратиться къ Отцу Его Небесному и только ждутъ посланныхъ Имъ, чтобы привести ихъ къ Нему. Въ другой разъ, обращая вниманіе Своихъ учениковъ на богатый урожай (Іоан. IV, 35—38), Онъ говоритъ имъ, что они соберутъ плоды скорѣе, нежели ожидаютъ. Іоаннъ Креститель училъ народъ, и вотъ теперь созрѣли плоды его ученія, которые соберутъ Апостолы (Воскр. Чт. 1874 г., т. I, стр. 156—158).

Изъясненіе притчи о сѣятелѣ и сѣмени (Лук. VIII, 5—15. Матѳ. XIII, 3—23. Марк. IV, 3—25).

Іисусъ Христосъ нерѣдко предлагалъ Іудеямъ Свое ученіе въ притчахъ или аллегорическихъ сказаніяхъ, заимствованныхъ изъ природы и быта народнаго: Евангеліе оставило намъ довольно образцовъ въ подобномъ родѣ. Это, какъ Самъ Спаситель объяснялъ ученикамъ, дѣлалось у Него съ нарочитою цѣлью. Когда Апостолы, выслушавъ приведенную притчу, начали спрашивать Его о внутреннемъ смыслѣ ея, Спаситель отвѣчалъ: *вамъ есть дано вѣдати тайны Царствія Божія: прочимъ же въ притчахъ, да видяще не видятъ и слышаще не разумѣютъ;*— «вамъ дано знать тайны Царствія Божія, а прочимъ сообщается это въ притчахъ, такъ что они видя не видятъ и слыша не разумѣютъ» (10). Но что же значитъ это? Ужели Христосъ намѣренно скрывалъ Свое ученіе подъ приточными образами, чтобы оставлять слушателей Своихъ въ невѣдѣніи? Нѣтъ, Онъ говоритъ только о свойствѣ приточнаго изложенія вообще, которое не выводило вполнѣ внутренняго содержанія наружу, въ его, такъ сказать, наличности, а только давало намекъ о немъ и самому слушателю предоставляло вникать въ смыслъ его, такъ что невнимательный могъ не разумѣть ничего. Что же касается народа, то онъ, дѣйствительно, еще мало понималъ ученіе Спасителя, а нѣкоторые даже соблазнялись онымъ; при этомъ должно однакоже замѣтить, что притчи находились издавна въ большомъ употребленіи у жителей востока, и слѣдовательно это былъ во всякомъ случаѣ способъ изложенія самый общедоступный для народа и приспособленный къ его обычному образу представленія, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ притчей Христовыхъ могли быть знакомы для Іудеевъ еще по прежнимъ—образнымъ выраженіямъ пророковъ, какъ напримѣръ притча о виноградаряхъ (Матѳ. XXI, 33—42. Лук. XX, 16), съ которою очень ясно совпадаетъ выраженіе пророка Исаіи: виноградъ Господа Саваоѳа домъ Израилевъ есть (Исаія V, 7), и другія сравненія, представленныя тутъ же у пророка. Если народъ мало могъ понимать что либо при посредствѣ притчи, то безъ притчи еще менѣе. При всей загадочности своей, приточный образъ выраженія давалъ народу въ помощь близкія къ опыту сравненія и въ то же время, возбуждая вниманіе слушателей, приготовлялъ и изощрялъ оное къ принятію болѣе открытой проповѣди Евангелія. Потому Спаситель и прибавилъ въ концѣ притчи: «имѣющій уши слышать пусть слышитъ» (8); этимъ, очевидно, указывается на необходимость усиленнаго и добровольнаго вниманія со стороны слушателей. Между тѣмъ прикровенность притчи устраняла поводъ къ соблазну для людей невнимательныхъ и невѣрующихъ и отнимала случаи къ нареканію со стороны противниковъ ученія Христова. Но, съ другой стороны, Спаситель дѣлалъ все необходимое къ тому, чтобы сообщить людямъ прямое разумѣніе Божественныхъ истинъ Евангелія. Онъ объяснялъ притчи Свои Апостоламъ, а все это дѣлалось у Него съ тою цѣлью, чтобы Апостолы могли впослѣдствіи и прочимъ передать, что сами слышали; Онъ уготовлялъ Своихъ учениковъ быть *свѣтомъ міра* (Матѳ. V, 14), когда имѣло наступить къ тому благопріятное время.

Какое же объясненіе далъ Спаситель Своей притчѣ? «Притча сія вотъ что значитъ,—сказалъ Онъ Апостоламъ: сѣмя есть слово Божіе. Посѣянное при

дорогѣ означаетъ тѣхъ слушающихъ, къ которымъ потомъ приходитъ діаволъ и уноситъ слово изъ сердецъ ихъ, чтобы они не увѣровали и не спаслись. А посѣянное на каменьяхъ означаетъ тѣхъ, которые, когда услышатъ слово, съ радостью принимаютъ, но которые не имѣютъ корня и временемъ вѣруютъ, а во время искушенія отпадаютъ. Упадшее въ терніи означаетъ тѣхъ, которые слышатъ слово, но когда отходятъ, тогда оно заботами, богатствомъ и сластями житейскими заглушается, и плодъ не созрѣваетъ. А посѣянное на доброй землѣ означаетъ тѣхъ, которые, услышавъ слово, хранятъ оное въ добромъ и чистомъ сердцѣ и приносятъ плодъ въ терпѣніи» (11—15).—Такимъ образомъ притча изображаетъ различныя состоянія тѣхъ лицъ, которымъ сообщается слово Божіе, и различную судьбу его дѣйствія въ душѣ ихъ. Слово Божіе называется сѣменемъ, очевидно потому, что будучи свыше посылаемо отъ Бога, какъ Насадителя истинной жизни нашей, должно потомъ быть воспринято у насъ во внутренность души, какъ въ почву, и принести плодъ истинной добродѣтели.—За исключеніемъ посѣяннаго на доброй землѣ, сѣмя упало еще въ разныя мѣста, кои всѣ оказались неблагопріятными для его роста: это значитъ, что жизнь человѣческая въ этомъ мірѣ представляетъ много случаевъ, неблагопріятныхъ для возрастанія добрыхъ плодовъ слова Божія. Первый изъ этихъ случаевъ бываетъ тотъ, когда небесное сѣмя падаетъ на сердце, разсѣянное и небрежно открытое для всякихъ непріязненныхъ вліяній, какъ почва, лежащая при дорогѣ: сѣмя топчется толпою мимоходящихъ впечатлѣній и дурныхъ мыслей, и вмѣстѣ уносится изъ памяти врагомъ невидимымъ, который никогда не дремлетъ и не упускаетъ случая отнять у человѣка его насущное достояніе. Это, впрочемъ, общій недостатокъ нашего нравственнаго состоянія, въ большей или въ меньшей мѣрѣ; онъ какъ предшествуетъ, такъ и сопутствуетъ всѣмъ прочимъ неблагопріятнымъ условіямъ, которыя указаны Христомъ далѣе. Сѣмя слова Божія, объясняетъ онъ далѣе, и падаетъ еще на каменистую почву,—на сердца тѣхъ людей, которые хотя съ радостью принимаютъ оное, но не имѣютъ корня, т. е. не даютъ у себя сѣмени укорениться, и потому временемъ вѣруютъ, а въ другое время, среди искушеній и напастей, отступаютъ. Замѣтимъ,—это люди, не имѣющіе корня.

Такъ, среди напастей только и искушеній выводится наружу душа человѣческая изъ глубины ея; и только здѣсь доброе сѣмя, если остается цѣло и достигло глубины сердца, пускаетъ корни въ жизнь и разростается; если же этого не бываетъ, то, значитъ, сѣмя осталось на одной поверхности души, безъ углубленія. Наконецъ, сѣмя падаетъ еще среди тернія,—на сердца тѣхъ людей, у которыхъ слово тоже принимается и начинаетъ дѣйствовать, но потомъ подавляется житейскою суетою и страстными привязанностями. Это—люди, которые смотрятъ на обѣ стороны, устремляютъ свои взоры впередъ и обращаются назадъ; это неочищенная и неразработанная почва, которая съ равною готовностью воспитываетъ въ себѣ и добрый ростокъ, и дурныя, безполезныя растенія, не смотря на то, что сіи послѣднія потомъ подавляютъ и заглушаютъ его.—Но вотъ—сѣмя падаетъ и на ту добрую почву, на которой воспринятое слово хранится въ добромъ и чистомъ сердцѣ;—это значитъ, что для успѣшнаго возрастанія плодовъ слова Божія въ душѣ требуется непрерывно доброе настроеніе сердца и безпрестанное очищеніе его отъ худыхъ

мыслей, какъ сорныхъ травъ. Плодъ приносится въ терпѣніи; потому что все это есть неутомимый трудъ, усиленная борьба, — борьба человѣка съ собственною невнимательностью, чтобы, пользуясь ею, діаволъ не похищалъ у насъ слова небеснаго; борьба съ напастями, среди которыхъ сѣмя слова болѣе и болѣе укоренялось бы въ сердцѣ; борьба съ приманками и увлеченіями страсти, чтобы подавлять ихъ злыя сѣмена въ самомъ началѣ. За то и плодъ здѣсь обѣщается такой богатый и обильный; по выраженію притчи, онъ достигаетъ размѣровъ сторичнаго плода,—хотя, разумѣется, вообще онъ не у всѣхъ бываетъ одинаковъ, какъ это выражено въ самомъ же текстѣ притчи у другихъ Евангелистовъ (Матѳ. XIII, 8. Марк. IV, 8). (Воскр. Чт., г. XXV, ч. 2, стр. 771—776.)

Св. Исидора Пелусіота о словахъ Писанія: ово убо сто, ово же шестьдесятъ, ово же тридесятъ (Матѳ. XIII, 8).

Слова сіи: *ово убо сто, ово же шестьдесятъ, ово же тридесятъ* могутъ указывать на дѣвство, воздержаніе и честный бракъ, а могутъ также означать обученіе души, служеніе тѣла и раздаяніе денегъ. Ибо спасать душу лучше служенія, совершаемаго посредствомъ тѣла, равно какъ и самаго раздаянія денегъ; потому что первое соединено бываетъ съ трудами и пролитіемъ пота, а второе выполняется съ помощью пріобрѣтаемаго совнѣ (Тв. св. оо., т. XXXIV. Тв. св. Исидора Пелус., ч. I, стр. 409).

Изъясненіе притчи о добромъ сѣмени и плевелахъ (Матѳ. XIII, 24—30).

(Прот. Богословскаго.)

Въ притчѣ о добромъ сѣмени и плевелахъ, выросшихъ на одномъ полѣ, Евангеліе начертало намъ судьбу Церкви Христовой или Царствія Божія на землѣ.

Содержаніе притчи, какъ и всѣхъ другихъ, изрѣченныхъ Небеснымъ Учителемъ истинъ, заимствовано изъ міра дѣйствительности, безъ всякой примѣси вымысла или прикрасъ. Воспроизведемъ его нашею рѣчью.

Одинъ землевладѣлецъ подготовилъ свое поле подъ посѣвъ пшеницы. На сѣмена онъ отобралъ такую пшеницу, которая весьма старательно была вывѣяна и очищена отъ всякой примѣси сорныхъ травъ. Работники, съ охотою и любовью занимавшіеся своимъ дѣломъ, надѣялись, что нива дастъ образцовый урожай. Но у добраго землевладѣльца былъ врагъ,—завистникъ, который не хотѣлъ, чтобы у ненавистнаго ему хозяина спорилось и выходило что-нибудь хорошее. Воспользовавшись случаемъ, когда работники спали, онъ разбросалъ по засѣянному полю сѣмена вредныхъ растеній и, не примѣченный никѣмъ, ушелъ. Нива зазеленѣла, поднялась въ ростъ, наконецъ, заколосилась. Работники, къ немалому изумленію своему, примѣтили, что между колосьями пшеницы высятся и плевелы. Идутъ они къ своему хозяину и съ замѣтнымъ волненіемъ говорятъ: «господинъ! не отборное ли, не самое ли чистое сѣмя ты сѣялъ на своемъ полѣ? откуда же плевелы»? Господинъ отвѣчаетъ, что это врагъ его сдѣлалъ. Работники предлагаютъ: «не угодно ли, мы выполемъ ниву и очистимъ ее отъ вредныхъ растеній»? (Видно усердіе, но необдуманное.) Нѣтъ!—говоритъ господинъ,—берегитесь, чтобы, исторгая плевелы, не выдернуть съ нивы и пшеницы. (Само собою разумѣется, что мочки отъ корней, на которыхъ держатся стебли, переплелись между собою; и, выдергивая одинъ стебель, есте-

ственно задѣнешь и поднимешь другой, вмѣстѣ растущій.) Что же дѣлать? Оставьте, — продолжаетъ господинъ, — пусть все вмѣстѣ растетъ до жатвы; а во время жатвы я прикажу жнецамъ отобрать напередъ плевелы и связать ихъ особо въ снопы, чтобы сожечь ихъ, а пшеницу убрать ко мнѣ въ житницу (Матѳ. XIII, 24—30).

Смыслъ притчи. Сынъ Божій Христосъ Господь пришелъ устроить Царство Небесное, или, что то же, учредить Церковь избранныхъ на землѣ. Онъ установилъ, чтобы въ это Царство вводимы были люди чистые, безъ всякаго пятна или порока. Для того всѣ предварительно омываются отъ всякихъ нравственныхъ нечистотъ таинственными водами крещенія; и всѣ снабжены бываютъ духовными дарами благодати, чтобы здѣсь, на землѣ, возращать достойные неба духовные плоды. Плоды эти, по указанію Апостола, суть: благодушіе, мирное настроеніе духа, долготерпѣніе, доброта, честность, кротость, воздержанность, твердая вѣра въ Провидѣніе и царствующая надъ всѣми любовь (Галат. V, 22—23).

Въ Церкви Христовой есть особенныя *служенія*, есть приставники, руководители, *споспѣшники дѣла Божія* (1 Коринѳ. III, 9).

Взяты они, для руководства вѣрующихъ и для направленія ихъ свободной дѣятельности, изъ среды собратій своихъ, какъ способные во всемъ сочувствовать имъ; это, послѣ *Апостоловъ, пророковъ и Евангелистовъ*, суть *пастыри и учители* (Ефес. IV, 11) и, въ союзѣ съ ними, родители въ быту домашнемъ,—воспитатели, учители и начальники въ учрежденіяхъ, образующихъ полезныхъ гражданъ,—и въ общественной жизни правители и всѣ власти, такъ какъ сущія власти отъ Бога учинены суть (Римлян. XIII, 1).

Казалось бы, нельзя лучше охранить сыновъ Царства Христова отъ вредныхъ вліяній и обезпечить имъ восходъ въ горнее отечество. Но въ дѣйствительности, на этой же Божіей нивѣ, среди добрыхъ плодовъ, пробиваются и чуждыя ей злокачественныя поросли: безчинства, піянство, непотребства въ разнообразныхъ видахъ, зависть, вражды, ссоры, корыстолюбіе, обманы, вѣроломство, убійства, развратныя ученія, смуты, возстаніе на родителей, хулы на власти, на таинства вѣры (Галат. V, 19—21. 2 Петр. II, 10. Іуд. I, 8).

Итакъ опять выходитъ то же, на что еще и въ древности жаловался Богъ у пророковъ: *Я насадилъ тебя, какъ доброродную лозу*, — самое чистое сѣмя; *какъ превратился ты у Меня въ горесть, виноградъ чуждій?* (Іерем. II, 21.) *Насадихъ лозу избранну, и ждахъ, да сотворитъ гроздіе, и сотвори терніе* (Исаія V, 2).

Въ немаломъ недоумѣніи между нами и «*споспѣшники Богу*» на Его полѣ. Сѣтуютъ родители: «не старались ли мы воспитывать семью свою въ страхѣ Божіемъ? Не всѣмъ ли дѣтямъ одинаково внушали, чтобъ они были добры, внимательны къ наставленіямъ старшихъ, трудолюбивы, честны, независтливы? Отчего же нашелся между ними несчастный, который возсталъ противъ нашей власти и безчеститъ насъ своимъ поведеніемъ»? Жалуются наставники, просвѣтители юношества: «мы добросовѣстно передавали молодымъ людямъ, что открывала намъ наука; мы выдѣляли для нихъ тѣ свѣдѣнія, которыхъ польза доказана опытами вѣковъ и признана религіею: отчего же нѣкоторые вдались въ наученія странныя и вводятъ въ жизнь народную начала разрушительныя»? Скорбятъ пастыри и учители: «мы питали паству свою словомъ

истины; помогали пасомымъ благими совѣтами, старались воздерживать ихъ отъ предосудительныхъ увлеченій и грѣховъ; располагали ихъ къ жизни святой, Богоугодной: отчего же лжеучители, которые проповѣдуютъ плотоугодіе, отводятъ отъ жизни, Богомъ преданной, и распространяя невѣріе, ведутъ къ явной погибели,—находятъ себѣ послѣдователей? *Откуда убо плевелы?*

Есть врагъ добра, противникъ Богу, *льстяй вселенную всю* (Апокалипс. XII, 9), который нѣкогда отторгъ третью часть звѣздъ небесныхъ и повергъ на землю (XII, 4). Это не есть какая либо темная и безличная сила; напротивъ, это есть существо разумное, но злое и злотворное. Въ притчѣ оно названо «діаволъ», — клеветникъ, переносчикъ всего худаго отъ одного уха къ другому, дѣйствующій скрытно среди людей и чрезъ послушныхъ ему людей. *Онъ яко левъ рыкая* (такъ изображается ненасытная его жадность), *ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. V, 8). Въ добрѣ онъ всегда отыскиваетъ зло и крайнее зло умѣетъ представить подъ видомъ высшаго добра. Въ прекрасныхъ намѣреніяхъ замѣчаетъ своекорыстіе, въ подвигахъ самоотверженія видитъ тщеславіе; въ дѣлахъ благочестія, въ набожности находитъ малодушіе и пугливую совѣсть; въ свободомысліи и пренебреженіи благочестивыми преданіями открываетъ сильный духъ и самостоятельность воли.

Зарожденіе зла почти неуловимо: оно совершается «спящимъ человѣкомъ», — во дни утомленія, во враждѣ, въ увлеченіи страстью, въ часы разсѣянности, унынія, въ слѣпомъ раздраженіи. Но проявленія зла, особенно въ безнравственности и безвѣріи, бываютъ въ большей или меньшей мѣрѣ ощутительны. Ревнителямъ чистоты и истины крайне желательно бываетъ исторгнуть эти плевелы изъ среды живыхъ. Но согласно ли это будетъ съ правосудіемъ Божественнымъ? Илія пророкъ въ святой ревности о славѣ Божіей хотѣлъ было истребить нечестивыхъ поклонниковъ Ваала или бурею, или землетрясеніемъ, или огнемъ; но тогда погибли бы и тѣ семь тысячъ, которыя сохранили вѣру въ истиннаго Бога во всей чистотѣ. Сыны Громовы просили у Господа дозволенія низвести огонь на одно Самарянское селеніе за то, что тамъ не приняли Его. Господь воспретилъ имъ. Самарія въ ближайшемъ времени съ особеннымъ усердіемъ приняла благовѣстіе о Христѣ. Отнимите нравственно упадшее дѣтище отъ сердца нѣжно любящей его матери, доброй и благочестивой, хотя и слабой; ея душа связана съ его душею: перенесетъ ли она его погибель? и не впадетъ ли въ отчаяніе? Лишите семью опоры со стороны отца или матери: можно ли поручиться за безопасность сиротъ? Нѣтъ! восторгая плевелы, легко восторгнуть и пшеницу. У промысла Божія есть средства воздавать каждому по дѣламъ его, не прибѣгая къ чрезвычайнымъ мѣрамъ.

Непрестанно проявляя суды Свои и въ обыкновенныхъ явленіяхъ природы, и въ текущихъ событіяхъ царствъ и народовъ, Онъ особо *уставилъ есть день, въ онь же хощетъ судити вселенную въ правдѣ* (Дѣян. XVII, 31). Это и есть упоминаемая въ притчѣ «жатва» или «кончина вѣка».

«Кончина вѣка» бываетъ и «частная», для каждаго изъ насъ въ особенности. По словамъ Апостола, *лежитъ человѣкомъ единою умрети, потомъ же судъ* (Евр. IX, 27). Сразитъ кого коса смерти—отдѣленная отъ тѣла душа предстанетъ на предварительный судъ. На немъ взвѣшены будутъ всѣ мысли, побужденія, слова, намѣренія, дѣла: и выдѣлится все, достойное награды или

осужденія. Ничто не будетъ опущено или забыто: вся жизнь, отъ колыбели до гроба, будетъ ясна; и совѣсть признаетъ правоту суда, ожидающаго душу въ послѣдній день міра.

Когда же закончатся судьбы Царства Небеснаго на землѣ, настанетъ всемірная жатва, откроется судъ для всей вселенной. *Пріидетъ Сынъ Человѣческій во славѣ Своей и вси святіи Ангели съ Нимъ* (Матѳ. XXV, 31). Ангелы—«жатели». Они встрѣчаютъ насъ при переходѣ въ вѣчность. Но и на землѣ они невидимо окружаютъ насъ, хранятъ и помогаютъ намъ въ борьбѣ со злыми вліяніями и въ подвигахъ добра. Какъ незримые свидѣтели всей жизни нашей, они со всею точностью опредѣляютъ, что̀ въ нашихъ дѣлахъ зависитъ отъ нашего разумѣнія или произвола, что̀ отъ чуждыхъ внушеній, и что̀ отъ благодати, съ покорностью и благодарно принятой,—преобладала ли въ насъ любовь къ ближнему, или мы дѣйствовали по самолюбію или тщеславію,—на сколько назидательна была наша жизнь, или мы сѣяли соблазны? Всѣ плевелы очистятъ, пшеницу отберутъ: нечестивыхъ, по суду Сѣдящаго на престолѣ, ввергнутъ во огонь вѣчный, а праведныхъ введутъ въ жизнь вѣчную (Прав. Обозр. 1876 г., т. III, стр. 723—728).

Св. Исидора Пелусіота на притчу о плевелахъ.

Хощеши ли, да шедше исплевемъ плевелы (Матѳ. XIII, 28)? говорятъ Ангельскія силы, желающія всегда преданно служить Божіей волѣ; потому что видятъ и нашу лѣность и великое Божіе долготерпѣніе. Но имъ воспрещается сдѣлать сіе, чтобы вмѣстѣ съ плевелами не была исторгнута пшеница, не былъ похищенъ грѣшникъ, подающій надежду исправленія, и вмѣстѣ съ родителями, которые содѣлались порочными, не были истреблены невинныя дѣти, которыя находятся нерѣдко еще въ отеческихъ чреслахъ, но предстоятъ уже Богу, видящему сокровенное. Чины Ангельскіе, какъ Божіи, подобно всякому естеству, рабы, не знаютъ того, чего еще нѣтъ; а Господь и знаетъ это, и нерѣдко приводилъ въ исполненіе. Не лишилъ Онъ жизни согрѣшающаго Исава еще бездѣтнымъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ не истребить отъ него рожденнаго Іова; не предалъ смерти мытаря Матѳея, чтобы не воспрепятствовать дѣлу Евангелія; не умертвилъ непотребныхъ блудницъ, чтобы въ мірѣ были и образцы покаянія; не наказалъ и отреченія Петрова, потому что провидѣлъ горькія слезы; не истребилъ, наказавъ смертью, гонителя Павла, чтобы не лишить спасенія предѣлы вселенной. Посему тѣ плевелы, которые остаются до жатвы и не измѣняются, то есть, не приносятъ плода покаянія, какъ болѣзнующіе совершеннымъ неплодіемъ, уготовляются великому огню (Тв. св. оо., т. XXXIV. Тв. св. Исидора Пелус., ч. I, стр. 125—126).

На притчу о зернѣ горчичномъ (Матѳ. XIII, 32).

Подобно есть Царствіе Небесное зерну горушичну, еже малѣйше есть отъ всѣхъ сѣменъ: егда же возрастетъ, болѣе всѣхъ зелій есть (Матѳ. XIII, 32). Великое всегда бываетъ изъ малаго, и первый шагъ въ высшей степени важенъ. Кто не пренебрегъ малымъ дѣйствіемъ, тотъ часто достигалъ великихъ цѣлей.

Въ мірѣ физическомъ, по волѣ Создателя, всѣ существа тѣсно соединены между собою. Здѣсь нѣтъ ни одного предмета столь малаго, который не имѣлъ бы отношенія къ великому, который не составлялъ бы части въ ве-

ликомъ зданіи вселенной. Все, отъ малаго до великаго, отъ ничтожнаго былія до кедра Ливанскаго, отъ едва замѣтнаго насѣкомаго до человѣка,—все это такъ связано, что составляетъ одну неразрывную цѣпь.

То же самое замѣчается и въ нравственномъ мірѣ. И здѣсь всѣ нравственныя дѣйствія находятся между собою во внутренней связи, такъ что малѣйшій поступокъ можетъ быть источникомъ или величайшихъ добродѣтелей, или ужаснѣйшихъ пороковъ.

Нѣсколько капель воды, которыми напоили жаждущаго изъ состраданія къ нему; лепта, поданная бѣдной вдовицѣ; искренній вздохъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* слезная просьба: *нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой;* вѣрующая молитва: *помяни мя, Господи, во Царствіи Твоемъ!*—все это было началомъ добродѣтельныхъ чувствованій и поступковъ, которыми восходили люди на высшія степени христіанскаго совершенства.

Какъ часто можно находить подобные опыты и въ жизни обыкновенной! Какъ часто доброе слово, сказанное во время, тушило огромное, съ давнихъ лѣтъ возжженное пламя вражды! Какъ часто дружескій совѣтъ спасалъ невинность, защищалъ честь и утверждалъ миръ и спокойствіе въ семействѣ!

И слѣдовательно, какъ надобно быть осторожнымъ и осмотрительнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ! Ты пренебрегъ добрымъ поступкомъ, казавшимся тебѣ маловажнымъ. Но кто знаетъ, можетъ быть въ этомъ поступкѣ всевѣдущій Богъ указывалъ тебѣ начало величайшихъ добродѣтелей? Погода казалась тебѣ неблагопріятною, и ты остался внѣ дома Божія. А кто знаетъ, можетъ быть ты чрезъ это потерялъ благопріятное время для спасенія души своей! Можетъ быть, молитвы Святой Церкви и слова Евангельскія тронули бы твое сердце и положили основаніе для твоего давно откладываемаго обращенія. Робость удержала тебя отъ загражденія устъ, которыя произносили клевету на твоего собрата. Но этотъ поступокъ могъ ослабить въ тебѣ самомъ отвращеніе отъ несправедливости; скоро ты будешь только улыбаться при подобныхъ рѣчахъ, а потомъ пріимешь и дѣйствительное участіе въ порицаніи добраго имени собрата.

Только *вѣрный въ малѣ и во многѣ вѣренъ есть* (Лук. X, 10). (Воскр. Чт., г. XXIV, стр. 219—220.)

Значеніе притчи о зернѣ горчичномъ, препод. Исидора Пелусіота.

По многимъ причинамъ Господь Царство Небесное уподобилъ зерну горчичному (Матѳ. XIII, 31); во-первыхъ, въ означеніе крайняго Своего обнищанія, коему Онъ подвергся, для освобожденія насъ отъ бѣдствій настоящей жизни; во-вторыхъ, въ означеніе того, что въ началѣ Евангельской проповѣди Церковь Его состояла изъ небольшаго числа членовъ; въ-третьихъ, по естественной крѣпости горчицы, въ каковой крѣпости имѣютъ нужду идущіе путемъ тѣснымъ, и, наконецъ, въ знаменіе того, что какъ горчица не раздѣляется и отъ сѣченія, такъ и соединившійся съ Господомъ и возрастшій въ совершеннаго человѣка такъ долженъ быть соединенъ съ Нимъ, что никакія бѣдствія не должны отлучать его отъ Господа (Кн. I, пис. 199, стр. 127, ср. кн. I, пис. 698, стр. 461 и кн. II, стр. 465).

О томъ же преподобнаго Исаіи.

Великое таинство заключается въ маломъ зернѣ горчичномъ, какъ объясняютъ отцы; почему въ ученіе

наше написано: *подобно есть Царствіе Небесное зерну горушичну, еже вземь человѣкъ всѣя на селѣ своемъ: еже малѣйше убо бысть отъ всѣхъ сѣменъ: егда же возрастетъ, болѣе (всѣхъ) зелій есть, и бываетъ древо: яко пріити птицамъ небеснымъ и витати на вѣтвехъ его* (Матѳ. XIII, 31—32). Если это такъ, то прилично намъ подражать свойствамъ сего сѣмени. Когда (Писаніе) называетъ его самымъ меньшимъ изъ всѣхъ сѣмянъ, то симъ показываетъ, что мы должны возлюбить смиренномудріе, считая себя ниже всякаго, и имѣть кротость и долготерпѣніе. Его красный (румяный) цвѣтъ означаетъ стыдливость и цѣломудріе, чтобы мы не допускали въ плоти нашей ничего порочнаго. Его острая сила знаменуетъ ненависть къ страстямъ и суетамъ міра. А что сила его не иначе обнаруживается, какъ когда оно будетъ истолчено и истерто,—этимъ доказывается, что добродѣтель не принесетъ никакой пользы, если въ воздѣлываніи оной не понесемъ труда и скорби. Оно способствуетъ также для сбереженія мясъ, чтобы они не портились. И такъ симъ сѣменемъ, подобнымъ Царствію Небесному, которое есть Христосъ, осыплемъ разслабленныя и умершія наши воли, чтобы они не возсмердѣли и не производили въ себѣ червей. Ибо Господь Іисусъ для того содѣлался человѣкомъ, чтобы мы подражали Ему, по мѣрѣ силъ нашихъ, были свободны отъ заботъ, и не развлекались попеченіями суетнаго міра. По образу сего сѣмени будемъ разсматривать себя: подобны ли мы Ему смиреніемъ сердца, кротостью души, горячностью любви? Самъ же Господь Іисусъ да укрѣпитъ насъ милосердіемъ Своимъ въ исполненіи Его воли; ибо Его слава и Царство во вѣки вѣковъ. Аминь. (Духовно-нравственныя слова. Слово 11, стр. 102—104.)

Притча Спасителя о закваскѣ

(Прот. Нечаева).

Подобно есть Царствіе Небесное квасу (закваскѣ), егоже вземши жена скры въ сатѣхъ (мѣрахъ) трехъ муки, дондеже вскисоша вся (Матѳ. XIII, 33). Въ сей притчѣ Спаситель изобразилъ дѣйствія основанной имъ Божественной вѣры въ цѣломъ человѣческомъ родѣ и въ отдѣльныхъ лицахъ.

Подъ Царствіемъ Небеснымъ, или иначе подъ Царствіемъ Божіимъ (Лук. XIII, 20), о которомъ идетъ рѣчь въ притчѣ о закваскѣ, равно какъ и въ другихъ притчахъ Спасителя, разумѣется собственно Царство благодати, т. е. та область безпредѣльнаго владычества Божія, которая заключаетъ въ себѣ всѣхъ вѣрующихъ во имя Іисуса Христа, многоразличными средствами благодати уготовляемыхъ къ наслѣдію Царства славы, а также благодатное владычество Божіе въ каждомъ истинно вѣрующемъ.

По внѣшнему пространству Церковь Христова—это Царствіе Божіе на землѣ—не обширна была въ началѣ христіанства; при земной жизни Спасителя она состояла изъ немногихъ учениковъ Его, и тѣ принадлежали только къ избранному народу. Кто могъ думать, взирая на такое, едва примѣтное начало христіанства,—что оно распространится по всему міру? Но надлежало случиться именно тому, чего по человѣческимъ расчетамъ нельзя было ожидать. Новая вѣра, проповѣданная Христомъ, долженствовала произвести въ родѣ человѣческомъ нѣчто подобное тому, что производитъ закваска въ тѣстѣ. *Малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ* (1 Коринѳ. V, 6), т. е. закваска, какъ-бы ни была мала, сообщаетъ свое свойство — кислоту — всему смѣшенію, раствору муки. Такъ равно и новая

вѣра, казавшаяся сначала весьма ограниченною въ своихъ дѣйствіяхъ, должна была произвести переворотъ, подобный броженію отъ закваски, во всемъ человѣческомъ родѣ, распространиться по всему лицу земли, не смотря на многоразличныя препятствія. Она торжествовала надъ всѣми препятствіями, какія встрѣчала въ своемъ распространеніи со стороны вѣками утвердившихся вѣрованій, нравовъ, обычаевъ, со стороны Іудеевъ и язычниковъ, со стороны правительствъ и простаго народа, со стороны мудрецовъ, жрецовъ и всѣхъ вообще лицъ, которыхъ выгоды тѣсно связаны были съ отживавшими суевѣріями. Всѣ эти препятствія какъ ни велики казались, безсильны были остановить ту могущественную силу, которая вступила съ ними въ борьбу.

Впрочемъ, главная цѣль притчи не одни внѣшніе успѣхи новой вѣры въ человѣческомъ родѣ, но вмѣстѣ внутреннія ея дѣйствія въ людяхъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи притча о закваскѣ представляетъ наглядно слѣдующія истины:

Закваска сообщаетъ свое свойство, то есть свойство кислоты, всему смѣшенію, проникаетъ во всѣ части его и уподобляетъ ихъ себѣ. Подобнымъ сему образомъ и вѣра Христова преобразуетъ всю природу человѣка, вводя въ нее начало новой, Божественной жизни, которое истребляетъ въ насъ человѣка ветхаго, плотскаго, и творитъ новаго, или, что̀ то же, возраждаетъ насъ въ жизнь духовную, святую. Сіе обновленіе и освященіе совершается посредствомъ таинствъ: крещенія, муропомазанія, покаянія и причащенія. Облеченный благодатными силами, сообщаемыми въ сихъ таинствахъ, и вѣрно храня залогъ благодати, человѣкъ вступаетъ въ жизнь, совершенно отмѣнную отъ жизни человѣка естественнаго, ветхаго и плотскаго, то есть человѣка чуждаго благодати и находящагося подъ исключительнымъ господствомъ растлѣнной грѣхомъ природы своей. Новая жизнь, совершенно противоположная жизни человѣка ветхаго, проявляется во всѣхъ частяхъ духовной и тѣлесной природы человѣка, возрожденнаго и освященнаго благодатію. Умъ его есть умъ Христовъ, находится въ полномъ послушаніи вѣры, и, озаряемый свѣтомъ ея, постигаетъ тайны спасенія, и въ самой высочайшей изъ этихъ тайнъ, которая для плотскихъ умовъ Іудея и язычника кажется соблазномъ и безуміемъ, то есть въ тайнѣ искупленія человѣка крестными страданіями и смертью Богочеловѣка,—зритъ откровеніе величайшей мудрости Божіей. Желанія и дѣянія людей возрожденныхъ возвышаются, наконецъ, до полнаго согласія съ волею Божіею: *всякъ, рожденный отъ Бога, грѣхи не творитъ, яко сѣмя его въ немъ пребываетъ: и не можетъ согрѣшати, яко отъ Бога рожденъ есть* (1 Іоан. III, 9). Въ сердцѣ людей возрожденныхъ, очищенномъ и умягченномъ благодатію, царствуетъ миръ Божій, превосходящій всякъ умъ. Самое тѣло человѣка возрожденнаго является чистымъ сосудомъ чистой души. Такимъ образомъ закваска жизни благодатной заквашиваетъ весь составъ человѣка, всему существу его сообщаетъ свое свойство.

Обратимся опять къ притчѣ. Закваска сама собою производитъ броженіе въ тѣстѣ; дѣло жены только положить закваску въ тѣсто, и потомъ она оставляетъ его, пока оно само собою вскиснетъ. Подобное сему замѣчается въ дѣлѣ духовнаго обновленія или возрожденія человѣка. Для сего дѣла, безъ сомнѣнія, нужно участіе пастырей Церк-

ви; они совершаютъ таинства, чрезъ которыя сообщается человѣку благодатная жизнь; они сѣютъ сѣмя слова Божія на нивахъ душъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ они суть только орудія силы Божественной, которая дѣйствуетъ чрезъ нихъ, но успѣхами своего дѣйствованія обязана одной себѣ. «Я посадилъ, Аполлосъ поливалъ, а возрастилъ Богъ. Посему и посадившій и поливавшій есть ничто, а все Богъ возрастившій» (1 Коринѳ. III, 6—7). Сими словами Апостолъ Павелъ имѣлъ намѣреніе положить конецъ раздѣленію между христіанами Коринѳской Церкви, которое вышло изъ-за того, что одни отдавали преимущество тому, иные другому учителю. Изъ чего было бы спорить, изъ-за чего раздѣляться, когда бы помнили, что сила Божія одинаково могущественна, чрезъ какихъ бы учителей ни дѣйствовала, и могущество свое почерпаетъ въ себѣ одной, а не заимствуетъ его отъ нихъ?

Впрочемъ, обновленіе человѣка, хотя есть дѣло собственно чудодѣйствующей силы Божіей, совершается, въ то же время, при необходимомъ участіи свободы человѣка. Сотворить насъ Богъ могъ безъ насъ, но возсоздать и обновить насъ не можетъ безъ насъ. Вотъ и закваска производитъ броженіе не во всякомъ растворѣ муки: растворъ изъ муки разсолодѣвшей и залежавшейся не вскиснетъ, какъ ни заквашивай. Это же можно примѣнить и къ душѣ. Когда нѣтъ въ душѣ пріемлемости ко внушеніямъ благодати, когда суеты земныя, прелести міра, любочестіе, корыстолюбіе и другія страсти наполняютъ своими нечистыми соками все сердце наше, тогда благодать Божественная, сообщаемая каждому изъ насъ въ таинствахъ, при всемъ своемъ могуществѣ ничего не сдѣлаетъ съ нами; тогда происходитъ, что мы, пріявъ общеніе Духа, не чувствуемъ въ себѣ присутствія Его, не ощущаемъ, чтобы въ насъ дѣйствовало начало жизни Божественной. Итакъ, что же нужно для того, чтобы благодать Божія не тща была въ насъ, чтобы она произвела въ душахъ нашихъ переворотъ, подобный броженію, производимому закваскою въ тѣстѣ? Что нужно, чтобы въ умахъ нашихъ возсіялъ свѣтъ духовнаго вѣдѣнія, воля и сердце получили направленіе къ одному доброму и святому, самые члены тѣла содѣлались орудіями правды и святыни? Нужно, чтобы мы и сами не оставались праздными и старались соотвѣтствовать влеченіямъ благодати свободною готовностью и рѣшительными усиліями собственной воли оставить жизнь человѣка ветхаго и начать жизнь, свойственную человѣку новому. Не подумаемъ, впрочемъ, что благодать Божія тотчасъ увѣнчаетъ наши усилія полнымъ успѣхомъ. Нѣтъ, побѣда надъ человѣкомъ ветхимъ не достается такъ скоро и легко. И закваска не вдругъ заквашиваетъ тѣсто, а постепенно. Закону постепенности слѣдуетъ и духовная жизнь. Нельзя вдругъ утвердиться въ подвигахъ благочестія и добродѣтели. Мы должны постоянно упражняться въ нихъ, постоянно бороться съ искушеніями, слабостями и страстями, отвлекающими насъ отъ такого упражненія, если хотимъ утвердиться въ истинно-духовной жизни (Душеп. Чт. 1862 г., ч. I, стр. 40, 43—47).

О томъ же препод. Исидора Пелусіота.

Подъ именемъ кваса, коему Господь уподобилъ Царствіе Небесное (Матѳ. XIII, 33), разумѣется безсѣменное воплощеніе Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, которое оживотворило всѣ концы земли, и соединеніе Его съ единосущнымъ нашему тѣломъ, заим-

ствованнымъ отъ Богородицы Маріи, посредствомъ коего всѣ люди возрождены къ новой жизни (Кн. 1, пис. 201).

Св. Аѳанасія Александрійскаго на ту же притчу по Евангелисту Лукѣ (XIII, 21).

Кому уподоблю Царствіе Божіе? Подобно есть квасу, егоже пріемши жена скры въ сатѣхъ трієхъ муки, дондеже вскисе все. Пусть обратитъ вниманіе на сіе всякій, сомнѣвающійся въ сказанномъ, а именно, что человѣкъ, пріобрѣтшій и малую закваску добродѣтели, хотя не успѣлъ охлѣботворить оной, однакоже имѣлъ такое намѣреніе, но не возмогъ исполнить онаго или по безпечности, или по нерадѣнію, или по недостатку мужества, и потому, что отлагалъ сіе со дня на день,—не останется въ забвеніи у праведнаго Судіи, когда будетъ онъ нечаянно застигнутъ и пожатъ; напротивъ того, Богъ, по смерти таковаго, возбудитъ ближнихъ его, направитъ мысли ихъ, привлечетъ сердца, преклонитъ души, и подвигнутые симъ, поспѣшатъ они подать ему помощь и пособіе. И поелику Владыка коснулся сердецъ ихъ, восполнятъ они недостатки отшедшаго. А кто, покрытый весь терніями, ведетъ худую жизнь, исполненную нечистотъ; кто никогда не приходитъ въ сознаніе, небоязненно и равнодушно погружается въ смрадъ сластолюбія, исполняя всякія плотскія пожеланія, вовсе не заботясь о душѣ и предаваясь совершенно плотскому образу мыслей; тому, если застигнутый въ такомъ состояніи преселится онъ изъ сей жизни, никто, конечно, не подастъ руку помощи, и участь его будетъ рѣшена, такъ что ни жена, ни дѣти, ни братья, ни родные, ни друзья ни мало не помогутъ ему, потому что ни во что̀ поставитъ его Богъ (Тв. св. оо., XXIV т. Тв. Аѳанасія Александрійскаго, ч. IV, стр. 505).

Почему Господь называется бисеромъ, и почему Царство Небесное уподобляется ищущу добрыхъ бисерей (Матѳ. XIII, 45)? Исидора Пелусіота.

Взыскавшій *многоцѣненъ бисеръ* и отдавшій за него все, *елико имяше,* есть новый Господній народъ, пренебрегшій отеческое и достояніе и Богослуженіе, и взыскующій Господа славы. А бисеромъ называется Господь, потому что соединенъ съ глубиною Божества, и познается только одними рыбарями и истолкователями Его (Тв. св. оо., т. XXXIV. Тв. Исидора Пелусіота, ч. I, стр. 119).

Обрѣтеніе сокровища, скрытаго на полѣ.

Подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на полѣ, которое, найдя, человѣкъ утаилъ, и отъ радости о немъ идетъ и продаетъ все, что имѣетъ, и покупаетъ поле то (Матѳ. XIII, 44). У всѣхъ народовъ—восточныхъ и западныхъ—былъ обычай прятать свои сокровища во время войны и другихъ общественныхъ бѣдствій въ тайномъ, но примѣтномъ мѣстѣ, чтобы можно было потомъ найти ихъ. Для этого выбирались—насыпи, поле, дупло древесное и проч. Но нерѣдко бывало, что кто-нибудь другой находилъ такое мѣсто и пользовался кладомъ, какъ собственностью. О такомъ-то обрѣтеніи клада и говорится въ Евангельской притчѣ. Человѣкъ, вѣроятно, пахавшій поле, находитъ скрытое въ немъ сокровище. Онъ радуется находкѣ, но хранитъ ее въ тайнѣ, и, надѣясь воспользоваться ею, тщательно засыпавъ ее опять, чтобы кто другой не воспользовался ею, онъ идетъ, продаетъ все, что̀ имѣетъ, и покупаетъ поле. Теперь онъ хозяинъ поля и все-

го, что̀ на немъ находится, слѣдовательно имѣетъ полное право и на кладъ,—никто не смѣетъ оспаривать у него этого права.

Спаситель уподобляетъ Царство Небесное скрытому сокровищу, разумѣя подъ нимъ Евангеліе и нравственную жизнь принимающихъ его. Евангеліе—сокровище, лучше золота и серебра, дороже всего міра. Человѣкъ можетъ пріобрѣсть весь міръ, но безъ Евангелія онъ бѣднякъ. И наоборотъ—тотъ богатъ, кто слѣдуетъ Евангелію (имѣетъ его), хотя бы во всемъ остальномъ онъ терпѣлъ крайнюю нужду.

Когда въ человѣкѣ пробуждается совѣсть, смягчается сердце, когда онъ сознаетъ свою грѣховность и безсиліе и видитъ въ Евангеліи свѣтъ, жизнь и спасеніе, тогда оно становится для него сокровищемъ. Многіе язычники, услышавъ Евангеліе въ первый разъ, тотчасъ сознаютъ его важность и такимъ образомъ находятъ сокровище. Но оно скрыто и неизвѣстно тому, кто слушаетъ только слова Евангельскія, и до сердца котораго они не доходятъ. Человѣкъ, о которомъ говоритъ притча, можетъ быть, сотни разъ проходилъ по тому мѣсту, гдѣ лежало сокровище, топталъ его ногами и взрывалъ плугомъ, не подозрѣвая, что оно такъ близко, пока не открылъ его. Точно также многіе слушаютъ Евангеліе нѣсколько лѣтъ и не видятъ въ немъ сокровища, пока не проникнетъ въ ихъ сердце слово пастыря или друга и не повѣетъ на нихъ благодатію Духа Святаго.

Когда, такимъ образомъ, Евангеліе коснется сердца человѣческаго, тогда и возможна нравственная перемѣна въ немъ. Все другое, кромѣ души, теряетъ тогда свою важность, благовѣстіе о спасеніи чрезъ Христа считается важнѣе всего. Участвовать въ этомъ великомъ дѣлѣ спасенія, получить прощеніе, примиреніе, спасеніе,—вотъ къ чему направляются тогда силы человѣка. Человѣкъ, о которомъ говоритъ притча, продалъ все, что̀ имѣлъ, и купилъ поле, гдѣ лежало сокровище. Святый Апостолъ Павелъ говоритъ, что онъ готовъ лишиться всего, чтобы только пріобрѣсть Христа. Спаситель ясно учитъ всѣхъ, что главное и необходимое для насъ одно—Евангеліе, въ сравненіи съ которымъ все другое теряетъ свою цѣну (Воскр. Чт. 1874 г. I, стр. 321—322).

Значеніе притчи о сокровищѣ, скрытомъ въ полѣ.

(Филарета, митроп. Московскаго.)

Притча говоритъ: *подобно есть Царствіе Небесное сокровищу сокровену на селѣ, еже обрѣтъ человѣкъ, скры: и отъ радости его идетъ, и вся, елика имать, продаетъ и купуетъ село то* (Матѳ. XIII, 44). Примѣчайте: сокровище готово, достаточно для обогащенія; владѣющій полемъ имѣетъ и сокровище, въ немъ скрытое; но, безъ старанія обрѣсти оное, тщетно имѣетъ; другой знаетъ о сокровищѣ, но также безъ попеченія, безъ пожертвованія, безъ рѣшимости продать все, чтобы купить поле и воспользоваться сокровищемъ, тщетно знаетъ.

Благодать есть сокровище готовое, довольное для обогащенія всѣхъ и каждаго,—гдѣ? на какомъ полѣ?—Мало ли гдѣ! Напримѣръ, на полѣ уединенія и благоговѣйнаго безмолвія, на полѣ цѣломудрія и воздержанія; только продай все, чтобы возобладать такимъ полемъ, и найдешь сокровище. Но наипаче близкое и для всѣхъ доступное поле, въ которомъ сокровенно положено сокровище благодати, есть Церковь. Какое сокровище сокрыто въ ея священныхъ собраніяхъ! Въ нихъ сокрыто присутствіе Самого Христа Господа, по собственному Его увѣренію, что *идѣже еста*

два или тріе собрани во имя Его, *ту* есть и Онъ *посредѣ ихъ* (Матѳ. XVIII, 20); а въ Немъ *вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Колос. II, 3), равно и сокровища всѣхъ прочихъ даровъ духовныхъ и Божественныхъ. Какое сокровище въ молитвахъ, славословіяхъ Церкви! Въ нихъ дышетъ благодать пророковъ, Апостоловъ, Святыхъ; въ нихъ наипаче, *Самъ Духъ* Святый *ходатайствуетъ о насъ воздыханіями неизглаголанными* (Римлян. VIII, 26), какъ сказуетъ Апостолъ. Какое сокровище въ ея чтеніяхъ Евангельскихъ! *Есть бо*, говоритъ Аѳанасій Великій (въ посланіи къ Маркеллину), *въ словесѣхъ писаній Божественныхъ Господь, Егоже стерпѣти не могуще* (духи тьмы), *вопіяху: молю Тя, да не прежде времени мучиши насъ*. Та же сила, которая, исходя въ словѣ Христовомъ, прогоняла бѣсовъ, исцѣляла недуги, воскрешала мертвыхъ, просвѣщала свѣтомъ Божественнымъ, пребываетъ и нынѣ въ Его словѣ, въ Его Евангеліи. Какое сокровище въ таинствахъ, и наипаче въ таинствѣ Тѣла и Крови Господней! Въ немъ сокрыта вѣчная жизнь, съ ея неисповѣдимыми благами, по реченному отъ Господа: *ядый Мою Плоть и піяй Мою Кровь имать животъ вѣчный*. Надобно только умѣть воспользоваться толикими сокровищами, надобно усвоить ихъ себѣ, а для сего надобно *продать*, или отдать за безцѣнокъ, пренебречь, отвергнуть вся, *елика имаши*, именно, твое самоугодіе, твои страсти, твои порочные навыки, твои плотскія желанія, твою лѣность, твою невнимательность, твою разсѣянность.

Могу и долженъ указать вамъ, братія Христіане, какъ и себѣ, еще, кажется, болѣе близкое поле сокровища.—Это самое сердце Христіанина; это—нашъ внутренній человѣкъ. Если крещеніе Христіанина есть *рожденіе водою и духомъ*, какъ и дѣйствительно есть, по слову Христову; а рожденіе не иное что̀ есть, какъ начатіе новой жизни; и слѣдовательно Христіанинъ въ крещеніи получаетъ новую жизнь, и конечно ту, о которой сказалъ Апостолъ: *живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ;* то помыслите, какое сокровище въ насъ положено святымъ крещеніемъ, какую благодать мы въ немъ пріяли! Мы пріяли въ немъ начатокъ жизни Христовой въ насъ, или, какъ выражается святый Павелъ, *начатокъ духа* (Изъ слова въ день рожденія Государя. Т. II, стр. 152—153).

Значеніе притчи о неводѣ. Препод. Исидора Пелусіота.

Подъ именемъ невода, коему Господь уподобилъ Царство Небесное (Матѳ. XIII, 47), разумѣется то, что, какъ брошенный въ море неводъ захватываетъ всякаго рода рыбу; такъ и вѣчное Царство Христово, заключая въ себѣ людей всѣхъ странъ, доставляетъ спасеніе каждому, по мѣрѣ вѣры; потому что участниками вѣчной радости дѣлаются не благородные, или знаменитые, а благонравные и чистые по жизни, кои сдѣлались добычею истинныхъ ловцовъ. Посему, какъ изъ невода по извлеченіи его изъ воды, добрыя рыбы собираются въ сосуды; такъ, когда надъ Церковью Господнею, т. е. надъ именующимися христіанами и соединенными единствомъ вѣры, будетъ судъ, то устоявшіе въ истинѣ будутъ взяты въ сосуды, т. е. въ вѣчныя обители, а еретики и противящіеся истинному ученію будутъ извержены изъ Царствія Небеснаго (Кн. I, пис. 204—205).

Библіографическій указатель къ XIII гл. Ев. Матѳея и парал.

Святоотеческія толкованія.

1) *Св. Іоанна Златоуста.* Бес. на Матѳея XIII, 24—33. Христ. Чт. 1839 г.

2) *Св. Григорія Двоеслова.* О подобіи Царства Небеснаго сокровищу, многоцѣнному бисеру и неводу. Бесѣды въ перев. архим. Климента. Кн. I. 93—102.

3) *Его же.* О различныхъ свойствахъ слушателей Слова Божія. Кн. I. 132—141.

4) Избранныя мѣста изъ святыхъ отцевъ на притчу о сѣмени (Лук. VIII, 5—15). Воскресное Чтеніе, XXIV. 293—295.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

5) О притчахъ Іисуса Христа. *И глаголаше Іисусъ притчами много* (Матѳ. XIII, 3). Христ. Чт. 1882 г. VII, 273—283. Притча: Сѣятель одинъ, а земля не одинакова, или препятствія на пути къ добру внутри и внѣ насъ (Матѳ. XIII, 3—9, 19—23). Тамъ же. 284—317.

6) Притчи: 1) Сокровище на полѣ и 2) Жемчужина. Христ. Чт. 1823 г. IX, 212—228.

7) Притчи: 1) Горчичное зерно и горчичное растеніе; 2) Закваска. Тамъ же. 314—329.

8) Притча о пшеницѣ и плевелахъ. (Матѳ. XIII, 29—30). Христ. Чт. 1836 г. II. 181—206.

9) Притча о неводѣ, ввергенномъ въ море (Матѳ. XIII, 47—50). Христ. Чт. 1838 г. Ч. II. 318—328.

10) Христіанская жизнь, по ученію, содержащемуся въ притчахъ Господа нашего Іисуса Христа. Воскресное Чтеніе, г. XXXIV. I. 116—126. О началѣ или существѣ христіанской жизни. О характерѣ дѣйствій благодати, начинающей и совершающей жизнь христіанскую. 146—156. О степеняхъ и существенныхъ свойствахъ христіанской жизни. 170—180. Враги жизни христіанской. 196—212. Объ обязанностяхъ христіанина, по ученію притчей Іисуса Христа. 221—227.

11) Горчица (Матѳ. XIII, 31—32). Библ. пол. сл. Воскресное Чтеніе, 1874 г. II. 191—192.

12) Плевелы (XIII, 25). Тамъ же. 1877 г. I. 224.

13) *Ѳоменко.* Святая земля и Евангельскія притчи. Воскресное Чтеніе, 1880 г. № 17, 175—178. № 19. 200—205.

14) *Ѳ. Смирнова.* Притчи Іисуса Христа въ нравственно-соціальномъ отношеніи. Притча о сѣятелѣ. Воскресное Чтеніе, 1882 г. 129—131. Притча о плевелахъ. 139—141. Притча о зернѣ горчичномъ. 147—148. Притча о закваскѣ. 165—166. Притчи о сокровищѣ и жемчужинѣ. 166.

15) Притча о сокровищѣ, сокровенномъ на селѣ. Воскресное Чтеніе, г. IX. 157—161. Тамъ же, г. XXIV, 91.

16) Притча о зернѣ горчичномъ. Воскресное Чтеніе, г. XIII, 334, г. XIV. 393, г. XXIV. 211.

17) Притча о горчичномъ сѣмени. Прав. Соб. 1858 г. III. 120.

18) Доброе сѣмя и плевелы. Прав. Соб. 1859 г. II. 183.

19) Драгоцѣнная находка. Прав. Соб. I. 445.

20) *Вл. Соловьева.* Царство Божіе и Церковь въ откровеніи Новаго Завѣта. Притчи Іисуса Христа (Матѳ. XIII, 4—8, 18—23, 24—30, 36—43, 31—32. 33, 44, 45—46, 47—50) Прав. Обозр. 1885 г. III.

21) *Епископа Ѳеофана.* Размышленія на разныя мѣста изъ XIII гл. Еванг. Матѳея. Домашн. Бес. 1871 г. Вып. 26. 28.

22) *Экземплярскаго.* О причинахъ религіознаго сомнѣнія въ современномъ намъ обществѣ (Матѳ. XIII, 15). Воскресное Чтеніе, 1880 г. № 47. 511—516.

23) *На Евант. Марка* IV, 26—27. *Тако есть Царствіе, якоже человѣкъ вметаетъ сѣмя въ землю.* Воскресное Чтеніе, г. XVI. 282—284.

24) Мысли епископа Ѳеофана на тотъ же текстъ. Домашн. Бес. 1871 г.

25) *На Евант. Луки* VIII, 5—8. Бесѣда въ нед. 21 по Пятидесятницѣ. Воскресное Чтеніе, г. X. 271—274.

26) Ст. 11. Сѣмя есть слово Божіе. Воскресное Чтеніе, г. VIII. 279, г. XVI. 282.

27) Ст. 15. *Св. В. П.* Плодотворное слышаніе слова Божія. Воскресное Чтеніе, г. XXXII. 1073—80.

28) Ст. 5—15. *Бѣлюстина.* Проповѣдь. Воскресное Чтеніе, г. XXXIII, II. 69—76.

29) Ст. 5—15. Сѣятель. (Евангельская притча). Прав. Соб. 1865. II. 303—316.

30) Ст. 17. Мысли епископа Ѳеофана. Домашн. Бес. 1871 г. Вып. 43.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

31) *На Евант. Матѳея.* XIII, 24—30. *Никанора, архіеп. Херсонскаго.* Высокое значеніе притчи о человѣкѣ, посѣявшемъ доброе сѣмя, сущность притчи и нравственный смыслъ ея II. 349—351.

32) Ст. 24—30. 37—43. *Григорія, архіеп. Казанскаго.* Нравственное зло—его происхожденіе, причины попущенія и конецъ. II. 199—209.

33) Ст. 27. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* О появленіи ересей и расколовъ въ Церкви Христовой вскорѣ по утвержденіи ея на землѣ и о томъ, что они суть произведеніе діавола. Слово въ недѣл. 7 по Пасхѣ.

34) Ст. 28. *Филарета, митроп. Московскаго.* О происхожденіи душевныхъ плевелъ—заблужденій и пороковъ и о нашей безпечности. II, 235—239.

35) *На Евант. Луки* VIII, 1—3 ст. *Никанора, архіеп. Херсонскаго.* О правѣ собственности. III. 266—290.

36) Ст. 4—15. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Бесѣда на притчу о сѣятелѣ и сѣмени. II. 108.

37) Ст. 5—8. *Дмитрія, архіеп. Волынскаго.* О томъ, что сѣмя есть слово Божіе, и о препятствіяхъ къ его плодоношенію. I. 504—508.

38) Ст. 15. *Леонтія, архіеп. Варшавскаго* Изъясненіе притчи о сѣятелѣ и сѣмени. I. 84—86.

Отправленіе двѣнадцати Апостоловъ на проповѣдь (Марк. VI, 7—13. Лук. IX, 1—6. Матѳ. IX, 35—38; X, 1—16).

Во время Своихъ путешествій съ проповѣдью Іисусъ Христосъ замѣтилъ, какъ много было людей между Іудеями, желавшихъ научиться истинѣ, но имъ не у кого было узнать ее, потому что мало было учителей, умѣвшихъ научить народъ вѣрно понимать истину. Поэтому Онъ сказалъ Своимъ ученикамъ: «жатвы много, а дѣлателей мало. Итакъ молите Господина жатвы, чтобы выслалъ дѣлателей на жатву Свою».

Потомъ Онъ призвалъ къ Себѣ двѣнадцать Апостоловъ и повелѣлъ имъ идти по всей странѣ съ проповѣдью о Царствіи Божіемъ, желая такимъ образомъ еще во время Своего пребыванія на землѣ приготовить ихъ къ трудамъ, ожидавшимъ ихъ послѣ Его вознесенія на небо. Онъ послалъ ихъ по двое въ различныя области Іудейской земли и далъ имъ власть творить чудеса Его именемъ.

Прежде чѣмъ они отправились въ путь, Іисусъ Христосъ сказалъ имъ: «на путь къ язычникамъ не ходите и въ городъ Самарянскій не входите (проповѣдь о наступленіи Царства Мессіи должна была распространиться сначала между Іудеями и уже послѣ вознесенія Христа—между другими народами), а идите къ погибшимъ овцамъ дома Израилева.

Ходя же проповѣдуйте, что приблизилось Царство Небесное; (для доказательства наступленія Царства Мессіи) больныхъ исцѣляйте, прокаженныхъ очищайте, мертвыхъ воскрешайте, бѣсовъ изгоняйте. Даромъ получили, даромъ и давайте (подобно Іисусу Христу Апостолы должны творить чудеса по любви и милосердію, не изъ корысти).

Не берите съ собою ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни обуви (кромѣ той, которая на ногахъ), ни посоха (запаснаго); ибо трудящійся достоинъ пропитанія (вы будете кормиться подаяніями тѣхъ, кого будете учить).

Въ какой бы городъ или селеніе ни вошли вы, навѣдывайтесь, кто въ немъ достоинъ (къ принятію проповѣди о Царствѣ Мессіи) и тамъ оставайтесь, пока не выйдете.

А входя въ домъ, привѣтствуйте его, говоря: миръ дому сему. И если домъ будетъ достоинъ, то миръ вашъ придетъ на него (ваши благожеланія ему исполнятся); если же не будетъ достоинъ, то миръ вашъ къ вамъ возвратится.

А если кто не приметъ васъ и не послушаетъ словъ вашихъ, то, выходя изъ дома, отрясите прахъ отъ ногъ своихъ во свидѣтельство на нихъ (чтобы показать имъ невозможность оправданія ихъ предъ Богомъ въ нежеланіи принять проповѣдь о Царствѣ Мессіи). Истинно говорю вамъ: отраднѣе будетъ землѣ Содомской и Гоморрской въ день суда, нежели городу тому.

Вотъ Я посылаю васъ, какъ овецъ среди волковъ; итакъ будьте мудры, какъ зміи, и просты, какъ голуби (змій—образъ хитрости и мудрости, голубь—кротости и незлобія). Остерегайтесь же людей; ибо они будутъ отдавать васъ въ судилища и въ синагогахъ своихъ будутъ бить васъ. И поведутъ васъ къ правителямъ и царямъ за Меня для свидѣтельства предъ ними и язычниками (послѣдними и дальнѣйшими словами Христосъ указывалъ на проповѣдническую дѣятельность Апостоловъ послѣ Его вознесенія во всемъ мірѣ, на страданія и на смерть ихъ за имя Его).

Когда же будутъ предавать васъ, не заботьтесь, какъ или что сказать; ибо въ тотъ часъ дано будетъ вамъ, что сказать. Ибо не вы будете говорить, но Духъ Отца вашего будетъ говорить въ васъ.

Предастъ же братъ брата на смерть и отецъ сына, и возстанутъ дѣти на родителей и умертвятъ ихъ. И будете ненавидимы всѣми за имя Мое: претерпѣвшій же до конца (мученія и оставшійся твердымъ въ вѣрѣ) спасется.

Когда же будутъ гнать васъ въ одномъ городѣ, бѣгите къ другой. Ибо истинно говорю вамъ: не успѣете обойти городовъ Израилевыхъ, какъ придетъ Сынъ Человѣческій (откроется Царство Мессіи послѣ Его славнаго воскресенія).

Ученикъ не выше учителя и слуга не выше господина своего (т. е. Я предсказываю вамъ ту же участь, которую ожидаю Я Самъ—Учитель вашъ). Довольно для ученика, чтобы онъ былъ, какъ учитель его, и для слуги, чтобы онъ былъ, какъ господинъ его. Если хозяина дома назвали веельзевуломъ (діаволомъ, княземъ бѣсовъ); не тѣмъ ли болѣе домашнихъ его.

Итакъ не бойтесь ихъ (страданій, ожидающихъ васъ), ибо нѣтъ ничего сокровеннаго, что не открылось бы, и тайнаго, что не было бы узнано (настанетъ время, когда всѣ поймутъ ваше ученіе и признаютъ вашу невинность; а потому:—) что говорю вамъ въ темнотѣ, говорите при свѣтѣ; и что на ухо слышите, проповѣдуйте на кровляхъ.

И не бойтесь убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ убить; а бойтесь болѣе того, кто можетъ и душу и тѣло погубить въ геенну.

Не два ли воробья продаются за ассарій? И ни одинъ изъ нихъ не упадетъ на землю безъ воли Отца вашего. У васъ же и волосы на головѣ всѣ сочтены. Не бойтесь же, вы лучше многихъ воробьевъ (этими двумя примѣрами Спаситель ободряетъ учениковъ, желаетъ напомнить имъ, что жизнь ихъ въ рукахъ Бога, Который заботится о всѣхъ тваряхъ на землѣ).

Итакъ, всякаго, кто исповѣдуетъ Меня предъ людьми, исповѣдаю и Я предъ Отцемъ Моимъ Небеснымъ.

Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю: не миръ пришелъ Я принести, но мечъ (Спаситель выражаетъ въ этихъ словахъ мысль, что Его ученіе возбудитъ въ людяхъ много

ссоръ, несогласій, потому что многіе люди отнесутся враждебно къ этому ученію и не поймутъ спасительности его). Ибо Я пришелъ раздѣлить (вѣрующихъ отъ невѣрующихъ) человѣка съ отцемъ его и дочь съ матерью ея, и невѣстку со свекровью ея. И враги человѣку домашніе его.

Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, недостоинъ Меня, и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели Меня, недостоинъ Меня.

И кто не беретъ креста своего (не готовъ идти на страданія и смерть за имя Мое), тотъ недостоинъ Меня. Сберегшій душу свою (въ этой временной жизни чрезъ самоотверженіе) ради Меня сбережетъ ее для жизни вѣчной.

Принимающій васъ принимаетъ Меня, а принимающій Меня принимаетъ Пославшаго Меня. Принимающій пророка во имя пророка получитъ награду пророка, и принимающій праведника во имя праведника получитъ награду праведника. И кто напоитъ одного изъ малыхъ сихъ (вѣрующихъ въ Меня) только чашею холодной воды (ради Меня); истинно говорю вамъ, не потеряетъ награды своей».

Апостолы исполнили повелѣнія Учителя Своего: они отправились въ путь, проходили по селеніямъ съ проповѣдью о покаяніи и наступленіи Царства Мессіи и вмѣстѣ съ тѣмъ изгоняли бѣсовъ, исцѣляли больныхъ и, согласно словамъ Христовымъ, всюду находили пріютъ и пищу.

Анализъ содержанія X главы Евангелія отъ Матѳея.

Предшествующіе стихи съ 35—38, IX главы составляютъ какъ-бы вступленіе къ повѣствованію о посланіи Апостоловъ. Въ нихъ содержится сожалѣніе Господа о народѣ и возбужденіе учениковъ къ молитвѣ о явленіи дѣлателей сей духовной жатвы.

Въ началѣ X главы, съ 1—4 говорится о дарованіи Апостоламъ чудодѣйственной силы и власти и перечисляются имена Апостоловъ.

Съ 5 стиха по конецъ главы слѣдуютъ наставленія Апостоламъ. Іисусъ Христосъ преподалъ имъ правила Апостольскаго служенія: 1) въ отношеніи къ людямъ (5—15); 2) въ отношеніи къ нимъ самимъ (16—31) и 3) въ отношеніи къ тѣмъ и другимъ (32—42).

1) Правила перваго рода слѣдующія:

а) Апостолы не должны идти къ язычникамъ и Самарянамъ, а только къ Израильтянамъ (5—6).

б) Должны проповѣдывать и исцѣлять даромъ (7—8).

в) Не должны запасаться ничѣмъ лишнимъ въ дорогу (9—10).

г) Входя въ городъ или селеніе, должны освѣдомляться, кто въ немъ достоинъ, чтобы въ его домѣ остановиться (11).

д) Входя въ домъ, привѣтствовать миромъ (12—13).

е) Кто не приметъ,—отрясать и прахъ отъ ногъ, во свидѣтельство будущаго осужденія (14—15).

2) Правила втораго рода слѣдующія:

а) Апостоламъ требуется быть незлобивомудрыми (16—18).

б) Въ гоненіяхъ твердо уповать на помощь свыше (19—20).

в) За имя Христово—терпѣть до конца, и предательство отъ своихъ, и ненависть отъ всѣхъ (21—22).

г) Въ преслѣдованіяхъ бѣжать изъ города въ городъ (23).

д) Быть готовыми подвергнуться участи Своего Господа (24—25).

е) Помнить, что нѣтъ ничего сокровеннаго, что бы не открылось (26—27).

ж) Не страшиться смерти, а бояться вѣчной погибели (28).

з) Вполнѣ полагаться на промыслъ Божій (29—31).

3) Наставленія третьяго рода слѣдующія:

а) Должно помнить, что ни исповѣданіе Христа, ни отреченіе отъ Него не останется безъ соотвѣтственнаго возмездія (32—33).

б) Не должно ожидать мира, или земнаго благоденствія за исповѣданіе вѣры; но быть готовымъ подвергнуться за нее и враждѣ домашнихъ (34—36).

в) Должно любить Іисуса Христа болѣе единокровныхъ (37).

г) Любить Его, Спасителя, до самоотверженія (38—39).

д) Знать, что самое малое дѣло любви, оказанное посланнымъ отъ Іисуса Христа, не останется безъ награды.

Ст. 5. Толкованіе святаго Исидора Пелусіота. Что значитъ сказанное Апостоламъ: на путь языкъ не идите?

Не идти *на путь языкъ* значитъ не сходиться съ ними въ образѣ мыслей, равно какъ и *во градъ Самарянскій* не входить значитъ не то, чтобы удаляться отъ сожительства съ ними, но чтобы не пріобщаться къ ихъ злочестію и лукавству (ч. I, стр. 104).

Ст. 7—8. О безкорыстномъ и вѣрномъ раздаяніи благодатныхъ даровъ.

(Филарета, митрополита Московскаго).

Ходяще проповѣдуйте, глаголюще, яко приближися Царствіе Небесное: болящія исцѣляйте, прокаженныя очищайте, мертвыя воскрешайте, бѣсы изгоняйте. Туне пріясте, туне дадите (Матѳ. X, 7—8). Въ основаніе святаго безкорыстія облагодатствованныхъ человѣковъ, Господь полагаетъ чистѣйшее безкорыстіе Божіе въ раздаяніи благодати. Туне пріясте, туне дадите. Какъ получили вы благодать Апостольства и даръ чудотворенія? Пріобрѣли ли вашими подвигами? Заслужили ль вашими добродѣтелями? Нѣтъ! Подвиги земнородныхъ, земными силами совершаемые, не могутъ достигнуть до неба; добродѣтели сыновъ Адамовыхъ никогда не могутъ покрыть грѣховъ ихъ, кольми паче заслужить награду Божественную. Благодать Божія, какъ и все Божіе, столь безцѣнно, что высочайшія и совершеннѣйшія твари не имѣютъ ничего достойнаго, что̀ бы воздать за малѣйшія изъ даровъ ея. Потому и нарицается она *благодатію*, что дается единственно по благости Божіей. Если вы такъ ее получили, то такъ и употребляйте. Воздайте ее Раздаятелю хотя тѣмъ однимъ, чтобы преподавать оную другимъ вѣрно, по ея намѣренію. Не назначайте на землѣ цѣны тому, что̀ на небесахъ цѣны не имѣетъ. Не повредите чистѣйшаго дара нечистотою вашего своекорыстія. *Туне пріясте, туне дадите* (Чт. въ Общ. кн. XII, стр. 3. Въ день рожд. Императрицы А. Ѳ. 1-го іюля 1828 г.)

Ст. 9—10. О томъ же—Филарета, митроп. Кіевскаго.

Туне пріясте, туне дадите. Не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ, ни пиры въ путь, ни двою ризу, ни сапогъ, ни жезла: достоинъ бо есть дѣлатель мзды своея (Матѳ. X, 9—10). Весьма достойно замѣчанія нашего, съ какимъ особеннымъ вниманіемъ Спаситель остерегаетъ Апостоловъ Своихъ отъ двухъ наипаче страстей, тщеславія и любостяжанія, къ которымъ наиболѣе склонно растлѣнное грѣхомъ сердце человѣческое. Напоминая имъ, что они безъ всякихъ заслугъ получили отъ Него даръ чудотворенія, отсѣкаетъ симъ корень гор-

дости—*туне пріясте*,—и вмѣстѣ повелѣваетъ безъ всякой мзды сообщать другимъ тѣ дары, которые они получили отъ Господа даромъ—*туне дадите*. А дабы сердца ихъ сохранить во всей чистотѣ, какая требуется для принятія отъ Бога небесныхъ даровъ, и утвердить ихъ въ единой вѣрѣ и упованіи на единое всемогущество Его, Онъ запрещаетъ имъ совершенно имѣть и злато, и сребро, и мѣдь, и двѣ одежды, и даже тѣ вещи, которыя, повидимому, необходимы въ пути. А заповѣдуетъ питаться и одѣваться тѣмъ, что̀ Господь пошлетъ имъ руками вѣрующихъ, дабы все вниманіе ихъ обращено было на единую проповѣдь Евангелія;—и вмѣстѣ обѣщаетъ, что труды ихъ облегчатся усердіемъ вѣрующихъ въ доставленіи имъ нужнаго для ихъ содержанія. *Достоинъ бо есть дѣлатель мзды своея*. Сія ревность Спасителя къ отрѣшенію учениковъ Своихъ отъ всего земнаго показываетъ свойство сыновъ Царствія Небеснаго, совершенно противоположное духу и правиламъ сыновъ вѣка сего, у которыхъ суетная слава, злато и сребро суть идолы, коимъ они приносятъ въ жертву свое сердце; а тщетная заботливость о питаніи и украшеніи тѣла поглощаетъ все ихъ время и всѣ ихъ силы. Спаситель, поставивъ Апостоловъ свѣтилами въ Церкви Своей, хощетъ, чтобы истинно вѣрующіе въ Него, взирая на сіи свѣтила, ежели не могутъ подражать имъ въ совершенной нестяжательности, по крайней мѣрѣ, ограничивали бы попеченія о временныхъ благахъ стяжаніемъ нужнаго для жизни и ограждали сердце свое отъ страсти тщеславія и любостяжанія, ежели хотятъ имѣть съ ними участіе въ Царствіи Небесномъ.

Ст. 16. Избранныя толкованія святыхъ отцевъ.

Будите мудри, яко змія, и цѣли яко голубіе (Матѳ. X, 16).

Будите мудри яко змія. «Какъ змѣя всего болѣе старается о спасеніи головы, такъ и ты отдай все—имѣніе, тѣло, даже жизнь; но только сохрани вѣру. Ибо вѣра есть глава и корень. Если она останется неприкосновенною, тогда и ты, хотя бы все потерялъ, все опять получишь въ обиліи» (Златоустъ). Итакъ благо тому, кто на смертномъ одрѣ можетъ сказать: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ* (2 Тимоѳ. IV, 7).

«Змія прижимаетъ одно ухо къ землѣ, а другое закрываетъ хвостомъ. Такъ и христіанинъ долженъ хранить свои уши отъ соблазнительныхъ рѣчей и обольстительныхъ внушеній міра» (Августинъ).

«Когда змѣя ползетъ чрезъ трещину, тогда она снимаетъ свою старую кожу. Такъ и Христосъ хочетъ, чтобы мы шли узкимъ путемъ и умерщвляли ветхаго человѣка (Исидоръ Пелусіотъ). Когда мы пресмыкаемся долу и живемъ среди суеты мірской, тогда образуется въ душѣ отъ этого праха нѣкій твердый слой, какъ-бы другая кожа. И потому христіанинъ долженъ какъ можно чаще отрясать прахъ земной и заботиться *о совлеченіи грѣховнаго тѣла плоти* (Колос. II, 11). А кто пренебрегаетъ этой мудростью зміиной, того грѣховная природа можетъ до такой степени окаменѣть и окрѣпнуть, что перемѣнить ее будетъ невозможно».

Будите мудри яко змія, и цѣли яко голубіе. «Надобно замѣтить, что Господь не хочетъ Своимъ ученикамъ представить для подражанія ни голубя безъ змія, ни змія безъ голубя, да-

бы простота голубя была изощрена хитростью змія, и хитрость змія была умѣрена простотою голубя» (Григорій Великій).

«Я не хочу, говоритъ Господь, чтобы вы всегда были какъ голуби, дабы слишкомъ большая простота не ввела васъ въ сѣти искушенія; но не хочу, чтобы вы всегда были только какъ зміи; потому что въ такомъ случаѣ вы будете изливать ядъ на всякаго. Будьте подобны зміямъ, если не хотите быть въ плѣну; но если вы плѣнены, тогда будьте какъ голуби, дабы не мстить своимъ противникамъ и оскорбителямъ» (Златоустъ).

Хощу васъ мудрыхъ быти во благое, простыхъ же во злое (Римлян. XVI, 19). Воскр. Чт., г. XXIV, стр. 310).

Будите мудри яко змія, можетъ быть, въ томъ отношеніи, что змѣя благоразумно и смышлено совлекаетъ съ себя старость. Ибо когда ей нужно скинуть кожу, вползаетъ въ тѣсное мѣсто, гдѣ было бы отвсюду тѣло ея сжато; и такимъ образомъ, протѣсняясь чрезъ него, скидаетъ съ себя старость. Такъ, можетъ быть слово сіе и отъ насъ требуетъ, чтобы, идя тѣснымъ и скорбнымъ путемъ, совлекались мы ветхаго человѣка и облекались въ новаго, и чтобы юность наша обновлялась, *яко орля* (Псал. CII, 5). (Тв. Василія Великаго ч. II, стр. 34).

Кто мудръ какъ змія и цѣлъ яко голубь?

Мудръ, какъ змія, кто предлагаетъ ученіе съ осмотрительностью и съ разумѣніемъ, какъ успѣшно привести слушателей къ благопокорливости. А цѣлъ, какъ голубь, кто не держитъ и въ мысли, чтобы мстить злоумышляющему, но продолжаетъ ему благодѣтельствовать, по заповѣданному Апостоломъ: *вы же не стужайте, доброе творяще* (2 Солун. III, 13). Ибо Господь даетъ сіе повелѣніе ученикамъ, посылая ихъ на проповѣдь, гдѣ была потребность и въ мудрости для убѣжденія, и въ незлобіи на злоумышляющихъ, чтобы, какъ тамъ змій умѣлъ и подойти съ лицемъ льстивымъ и говорить увлекательно, почему слушающіе его отступили отъ Бога и предались грѣху, такъ и мы избрали для себя и лице и способъ, и время, и всѣми мѣрами устрояли *словеса на судъ* (Псал. CXI, 5), стараясь слушателей отвести отъ грѣха и привести къ Богу, а въ искушеніяхъ соблюдали терпѣніе до конца, какъ сказано въ Писаніи (Матѳ. XXIV, 13). (Василій Великій. Тв. св. оо., т. IX, стр. 331—332).

Ст. 16. Мудрость зміиная, простота голубиная.

(*Прот. Нечаева.*)

Съ этою заповѣдью Господь Іисусъ Христосъ обращается ближайшимъ образомъ къ Апостоламъ, посылая ихъ на проповѣдь Евангелія. Онъ не скрываетъ отъ нихъ опасностей, грозящихъ имъ со стороны враговъ Царства Его. Попасть въ среду ихъ такъ же опасно, какъ опасно овцѣ попасть къ волкамъ. Враги Царства Христова съ волчью свирѣпостью, прикрываемою иногда видомъ овечьей тихости, готовы уничтожить Царство Христово и стереть съ лица земли проповѣдниковъ его. Какъ же должны поступать эти проповѣдники среди такихъ враговъ?—Со зміиною мудростью и голубиною простотою.—Что же общаго между мудростью зміи и тою мудростью, которая заповѣдуется Апостоламъ въ виду враговъ ихъ проповѣди?—Змія—животное пресмыкающееся, и повидимому, меньше чѣмъ четвероногія и птицы надѣленное средствами самосохраненія. Четвероногія могутъ убѣжать

отъ враговъ на ногахъ, птицы улетаютъ отъ нихъ на крыльяхъ. У зміи нѣтъ ни ногъ, ни крыльевъ, за то вмѣсто тѣхъ и другихъ у ней есть мудрость, или хитрость, при помощи которой она не только себя съ успѣхомъ защищаетъ отъ людей и звѣрей, но еще и сама наноситъ имъ вредъ и даже смерть. Съ этою цѣлью она прибѣгаетъ къ разнообразнымъ уловкамъ: свивается въ кольцо, вдругъ распрямляется, дѣлаетъ неожиданные извороты; скрывается подъ цвѣтами и изъ-подъ нихъ наскакиваетъ на любующихся ими неосторожныхъ зрителей; искусно прячетъ преимущественно голову, обвивается вокругъ своей жертвы, вонзаетъ въ нее ядовитое жало.—Когда Христосъ Спаситель заповѣдуетъ Апостоламъ подражать зміямъ въ мудрости, Онъ чрезъ это внушаетъ имъ не то, чтобы они старались съ ловкостью и искусствомъ зміи вредить врагамъ своимъ, не щадя самой жизни ихъ,—нѣтъ, этого не могъ внушать Тотъ, Кто заповѣдалъ любить враговъ и благотворить имъ,—Христосъ Спаситель прежде всего хощетъ того, чтобы Апостолы при встрѣчѣ съ врагами ихъ проповѣди соблюдали свойственную зміямъ осторожность и безъ особенной нужды не подвергали жизни своей опасности отъ этихъ враговъ, уклонялись отъ этой опасности. Апостолы должны помнить, что ихъ жизнь нужна не для нихъ только, а главнымъ образомъ для другихъ, для служенія спасенію ихъ. Поэтому они должны беречь себя, чтобы имѣть возможность продолжать это святое служеніе. Не береги они себя, кто же тогда сталъ бы возвѣщать повсюду слово истины? —Согласно съ сею заповѣдью и поступали Апостолы Христовы. Возьмемъ напримѣръ Апостола Павла. Онъ во многихъ случаяхъ показалъ великое самоотверженіе, многими опытами засвидѣтельствовалъ, что ему не страшна смерть. Онъ даже радъ былъ умереть. Онъ говорилъ, что смерть для него пріобрѣтеніе, что онъ желаетъ разрѣшиться отъ узъ тѣла и быть со Христомъ. Это, утверждалъ онъ, для него несравненно лучше. Но, прибавлялъ онъ, «оставаться во плоти нужнѣе для васъ. И я вѣрно знаю, что останусь и пребуду со всѣми вами, для вашего успѣха и радости въ вѣрѣ» (Филиппис. I, 21—25). Ревность о распространеніи вѣры Христовой и объ умноженіи успѣховъ ея въ вѣрующихъ,—вотъ что̀ паче всего привязывало Апостола къ жизни, и вотъ почему онъ со зміиною мудростью старался беречь себя при встрѣчѣ съ врагами. Такъ не разъ угрожаемый смертью отъ разъяренныхъ враговъ его проповѣди, Іудеевъ и язычниковъ, онъ объявлялъ себя Римскимъ гражданиномъ и этимъ обуздывалъ ихъ, потому что всѣ знали, что съ Римскимъ гражданствомъ соединены великія права и Римскаго гражданина нельзя оскорблять безнаказанно. Разъ онъ, для избѣжанія неправеднаго противъ него суда со стороны мѣстныхъ Сирійскихъ властей, потребовалъ суда предъ кесаремъ и путешествіемъ по сему случаю въ Римъ избавилъ себя отъ гоненій въ Палестинѣ. Узнавъ о заговорѣ сорока Іудеевъ, поклявшихся убить Павла, онъ спасъ себя отъ этой опасности доносомъ на нихъ начальству. Разъ онъ представленъ былъ на судъ синедріона по обвиненію будто онъ возбуждаетъ повсюду неуваженіе къ Іудейскому храму и Моѵсееву закону. Павелъ, зная разногласіе членовъ синедріона, фарисеевъ и саддукеевъ, по вопросу о воскресеніи мертвыхъ, со зміиною мудростью воспользовался этимъ разногласіемъ и торжественно сказалъ, что онъ судится за ученіе о воскресеніи мертвыхъ. Слѣдствіемъ было то, что

за него вступились фарисеи, вѣровавшіе въ воскресеніе мертвыхъ.

Но Апостоламъ предстояло встрѣчаться не съ одною грубою силою, но и съ такими врагами ихъ проповѣди, которые будутъ противодѣйствовать успѣхамъ ея духовнымъ оружіемъ,—земною мудростью. Потому и зміиная мудрость, которую заповѣдуетъ Апостоламъ Господь Іисусъ, должна состоять не въ одномъ умѣньѣ оберегать себя отъ гоненій и смерти, а вмѣстѣ въ находчивости въ отвѣтахъ этимъ врагамъ. Земной мудрости, взимающейся на разумъ Божій, открывающійся въ Евангеліи, Апостолы должны противопоставлять мудрость духовную, любомудріе Богопросвѣщенное. Они должны знать, что Евангеліе предназначено не для однихъ простыхъ мало разсуждающихъ людей, но и для мудрыхъ міра сего, что въ немъ заключается рѣшеніе высшихъ вопросовъ вѣдѣнія, отвѣта на которые человѣческій умъ напрасно ищетъ внѣ Божественнаго откровенія. Согласно съ заповѣдію о зміиной мудрости въ этомъ смыслѣ—и поступали Апостолы. Ап. Павелъ говоритъ о себѣ: «я долженъ мудрецамъ и невѣждамъ» (Римлян. I, 14). И какъ блистательно онъ исполнялъ этотъ долгъ въ отношеніи къ мудрецамъ, показываетъ рѣчь его въ Аѳинскомъ ареопагѣ предъ самыми образованными членами Аѳинскаго общества (Дѣян. XVII, 22—31). Заповѣдь объ употребленіи зміиной мудрости противъ враждебной Евангелію земной мудрости Христосъ Спаситель подкрѣпилъ обѣтованіемъ: «Азъ дамъ вамъ уста и премудрость, ейже не возмогутъ противитися, или отвѣщати вси противляющіися вамъ» (Лук. XXI, 15).

Апостоламъ въ земной мудрости призваны подражать продолжатели ихъ ученія, пастыри Церкви, епископы и пресвитеры. Знаменательна въ семъ отношеніи одна изъ внѣшнихъ принадлежностей архіерейскаго сана: жезлъ, употребляемый архіереями при священнослуженіи, съ поперечникомъ наверху, представляющимъ подобіе двухъ зміиныхъ головъ, обращенныхъ одна къ другой. Это изображеніе служитъ для высшихъ пастырей Церкви наглядным напоминаніемъ объ ихъ обязанности пасти Христово стадо со зміиною мудростью.

Но со зміиною мудростью Апостолы и преемники ихъ служенія пастыри Церкви должны по заповѣди Христа Спасителя соединять цѣлость или простоту голубиную; *будите мудри яко змія, и цѣли* (просты) *яко голубіе*. Это значитъ, что они, не давая себя въ обиду, и сами никого не должны обижать, —именно они должны вести себя въ отношеніи къ врагамъ Евангелія безъ умысла причинить имъ лично какой-нибудь вредъ. Противъ козней ихъ, противъ тлетворнаго ученія ихъ они должны возставать и другихъ предохранять, но въ отношеніи къ нимъ самимъ держать себя съ простосердечіемъ, съ кротостью и благодушіемъ, подражая голубямъ, которые между птицами также кротки, смирны и чужды лукавства, какъ овцы между четвероногими. Такими и являли себя всегда истинные пастыри Христова стада, напримѣръ святители Христовы, которыхъ потому Святая Церковь и называетъ *образомъ кротости* (въ тропарѣ святителямъ), хотя въ то же время ихъ ревность по вѣрѣ запечатлѣвалась зміиною мудростью, зорко слѣдившею за волками и оберегавшею отъ ихъ нападеній Христово стадо.

Зміиная мудрость обязательна не для однихъ вождей христіанскаго общества, но и для всякаго христіанина при встрѣчѣ съ волками. Положеніе истиннаго христіанина въ мірѣ часто

походитъ на положеніе овцы посреди волковъ. Мы не говоримъ объ отношеніи міра къ Царству Христову въ странахъ не христіанскихъ, напримѣръ въ Турціи, гдѣ оно всегда было и есть враждебно,—возьмемъ любую христіанскую страну. Въ христіанской странѣ, повидимому, немыслима опасность для овецъ Христова стада отъ волковъ, и однакоже она существуетъ. Правда, въ нашемъ, напримѣръ, отечествѣ нѣтъ волковъ или враговъ Евангелія, подобныхъ тѣмъ, отъ которыхъ приходилось жестоко страдать христіанамъ во времена Апостольскія и ближайшія къ нимъ; но духъ противленія Христовой истинѣ и нечестія всегда жилъ и теперь живетъ въ нѣдрахъ христіанскаго общества. Никому изъ насъ не угрожаетъ гоненіе и смерть отъ людей, зараженныхъ этимъ духомъ; но есть другаго рода опасность отъ нихъ, болѣе грозная, опасность для нашихъ душъ, опасность для нашей вѣры и благочестія. Нужна не малая зміиная мудрость, чтобы миновать эту опасность, не впасть въ челюсти волковъ, не щадящихъ Христова стада (Дѣян. XX, 36). (Душеп. Чт. 1878 г. Янв., стр. 106—114.)

Ст. 22. Изъясненіе словъ Іисуса Христа: и претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ (Матѳ. X, 22)

(Филарета, митрополита Московскаго.)

Спастися, въ обыкновенномъ употребленіи сего слова, значитъ избавиться отъ опасности, отъ врага, отъ бѣды, отъ страданія, отъ смерти, отъ погибели. Такъ Ной посредствомъ ковчега спасся отъ водъ потопа, Лотъ бѣгствомъ спасся отъ огня Содомскаго. Въ высшемъ духовномъ разумѣ, *спастися* значитъ избавиться отъ врага діавола, или отъ опасности подвергнуться его мучительству, сохраниться, или очиститься отъ грѣха, какъ источника всѣхъ бѣдъ и страданій, освободиться отъ клятвы закона, связующей и поражающей грѣшника, избѣгнуть осужденія отъ вѣчнаго правосудія, быть безопаснымъ отъ поглощенія бездною, *идѣже червь не умираетъ, и огнь не угасаетъ,* гдѣ жизнь и безсмертіе непрестанно убиваются смертію неумирающею. Кто такимъ образомъ спасется отъ всякаго зла, того жребіемъ, очевидно, должно быть благо и блаженство.

Вспомогательное средство спасенія есть терпѣніе, и притомъ терпѣніе до конца.

Христосъ Спаситель поставляетъ терпѣніе въ ближайшемъ соотношеніи съ гоненіями за имя Его. *Се Азъ*, говоритъ Онъ, *посылаю васъ, яко овцы посредѣ волковъ:—предадятъ вы на сонмы, и на соборищахъ ихъ біютъ васъ:—и будете ненавидими всѣми имене Моего ради: претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ.* Гоненіе за истинную вѣру есть открытое и торжественное поприще терпѣнія; и славный въ Церкви чинъ претерпѣвшихъ до конца и спасшихся суть святые мученики.

Начальникъ нашего спасенія преподалъ ученіе о спасительномъ терпѣніи въ слѣдъ за предреченіемъ о гоненіяхъ за вѣру, по естественной послѣдовательности; но симъ не ограничилъ области терпѣнія. Посему всѣ мы, если желаемъ спастися, должны стяжать терпѣніе и сохранить оное до конца. *Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ.*

Область терпѣнія должна простираться на всю жизнь человѣка и на всѣ судьбы человѣчества въ семъ мірѣ. Съ терпѣніемъ—человѣкъ пріобрѣтаетъ и сохраняетъ блага, успѣваетъ въ предпріятіяхъ, достигаетъ исполненія желаній, безвредно выдерживаетъ

прираженія золъ; вышедъ изъ терпѣнія, онъ тотчасъ въ опасности утратить благо и пострадать отъ зла, или, что̀ не менѣе бѣдственно, сдѣлать зло. Минута нетерпѣнія можетъ разстроить годы и вѣки.

Безъ терпѣнія нѣтъ подвига, а безъ подвига нѣтъ добродѣтели, ни дарованія духовнаго, ни спасенія. Ибо *Царствіе Небесное нудится* (Матѳ. XI, 12).

Хочешь ли, по заповѣди Христовой, стяжать совершенную любовь, объемлющую и враговъ?—Размысли, ка́къ сіе возможно. Въ людяхъ встрѣчаешь ты часто недостатки, нерѣдко пороки, иногда и ненависть къ тебѣ, а это располагаетъ къ неуваженію людей, къ отвращенію отъ нихъ, ко взаимной ненависти, а не къ любви. Ка́къ же стяжать любовь ко всѣмъ?—Если рѣшишься и пріобучишь себя съ терпѣніемъ взирать на недостатки и пороки людей и на самую ненависть къ тебѣ, то можешь возлюбить всѣхъ, не преставая ненавидѣть пороки, а безъ терпѣнія не можешь.

Хочешь ли, по Апостолу, быть *чадо послушанія* (1 Петр. I, 14)?—Размысли, ка́къ сіе возможно. Если начальствующій или старѣйшій будетъ тебѣ повелѣвать только то, чего ты и самъ желаешь, то ты будешь исполнять свою волю, исходящую изъ устъ другого. Трудно признать здѣсь добродѣтель послушанія. Послушаніе несомнительно тогда, когда ты, очевидно, не своему слѣдуешь мудрованію и не своимъ желаніямъ, но разсужденію и волѣ повелѣвающаго. Посему надобно, да и неизбѣжно, чтобы тебѣ нерѣдко повелѣваемо было то, что̀ тебѣ не по мысли, не по желанію, не по вкусу, что̀ тягостно для твоей нѣги, непокойно и обременительно для твоей безпечности; но чтобы сіе исполнить безъ противленія, безъ прекословія, безъ ропота, для сего нужно терпѣніе. Итакъ, если имѣешь терпѣніе, то можешь имѣть послушаніе, а безъ терпѣнія не можешь.

Подобно сему и всякая добродѣтель требуетъ нѣкоторыхъ лишеній, труда, подвига, брани противъ страстей, вожделѣній, искушеній, не всегда легко и скоро увѣнчаваемой побѣдою, и слѣдственно требуетъ терпѣнія. Если поколеблется терпѣніе,—не устоитъ и другая добродѣтель. И поелику добродѣтель есть обязанность всей жизни до конца, то и терпѣніе есть потребность всей жизни до конца (Изъ слова въ день памяти преподобн. Сергія. Т. III-й, стр. 92—93, 95).

Ст. 32—33. О случаяхъ и условіяхъ для пріобрѣтенія славнаго вѣнца исповѣдниковъ Христовыхъ.

Всякъ, иже исповѣсть Мя предъ человѣки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ: а иже отвержется Мене предъ человѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ (Матѳ. X, 32—33). Есть ли теперь въ наше время поприще для пріобрѣтенія славнаго вѣнца исповѣдниковъ Христовыхъ, особенно въ обществахъ мирныхъ и благоустроенныхъ, гдѣ вѣра и Церковь не встрѣчаютъ открытыхъ враговъ, или свободны отъ видимыхъ нападеній ихъ?

Для нѣкоторыхъ и многихъ есть и теперь, какъ и въ первыя времена христіанства, то же самое поприще для стяжанія вѣнца исповѣдника и мученика; тьма невѣрія и лжевѣрія и теперь еще облегаетъ съ разныхъ сторонъ Царство Христово; плевелы ересей и расколовъ и теперь еще прозябаютъ и растутъ, или вновь посѣваются на разныхъ мѣстахъ обширной нивы Господней; голосъ лжеименной мудрости и теперь такъ громко и гордо

вопіетъ наперекоръ кроткому гласу Евангельской истины. Кто находится въ непосредственномъ сношеніи съ этими врагами вѣры, или кто призванъ особымъ долгомъ своего званія на защиту истины, тотъ стоитъ на поприщѣ исповѣдниковъ и даже мучениковъ Христовыхъ, и можетъ или вѣнчаться этими славными вѣнцами, или заклеймить себя позорнымъ пятномъ измѣны вѣрѣ и истинѣ и подвергнуться отверженію, которое произнесетъ надъ нимъ Іисусъ Христосъ предъ Отцемъ Небеснымъ.

Но есть и для каждаго изъ васъ и во всякое время нашей жизни, ближе къ намъ поприще, на которомъ мы можемъ пріобщаться подвиговъ и награды исповѣдниковъ. Жизнь каждаго христіанина должна быть высокимъ и святымъ поприщемъ исповѣданія вѣры, упованія и добродѣтелей любви. И сколько бываетъ самыхъ обыкновенныхъ случаевъ въ жизни, когда мы или уклоняемся отъ этого поприща, или сходимъ съ него не со славою побѣды и не съ заслугою награды, достойной вѣрнаго и непреклоннаго исповѣдника имени Христова, а съ позорнымъ пятномъ измѣны заповѣди Господней!

Духъ маловѣрія, лжевѣрія и невѣрія всегда тайно гнѣздится и живетъ между христіанами; онъ высказывается въ разныхъ случаяхъ и подъ разными видами, но всегда идетъ противъ вѣры и истины. И кто не встрѣчалъ его между своими ближними? Случается многимъ изъ насъ быть въ обществѣ людей, гдѣ безъ благоговѣнія и страха Божія, безъ уваженія къ святынѣ вѣры и истины говорятъ о вѣрѣ и истинѣ, слышатся глумленіе, кощунство и богохульство по отношенію ко всему святому и священному въ Христовой вѣрѣ. Легкомысліе ли, маловѣріе ли, или злонамѣренное невѣріе двигаетъ къ этомъ случаѣ устами говорящихъ:—во всякомъ случаѣ, кто говоритъ такъ, тотъ стоитъ въ это время на сторонѣ враговъ ученія Христова и Апостольскаго. Не случай ли это защищенія и исповѣданія оскорбляемой и унижаемой вѣры Христовой, кто горитъ любовію къ Господу Іисусу и Евангелію Его? Станьте противъ дерзкихъ пререканій святынѣ и истинѣ, заградите, сколько можете, словомъ истины уста суесловія и кощунства: за свою ревность ко святой истинѣ Христовой вы пріобщаетесь воздаянія исповѣдниковъ вѣры Христовой. Но уклонитесь отъ этого случая изъ стыдливости и опасенія навлечь на себя за ревность къ вѣрѣ насмѣшку и непріятное нареканіе,—вы потеряете награду исповѣдниковъ, раздѣлите нечестивый разговоръ, хотя безъ участія мысли и сердца, подъ видомъ невинной шутки, изъ приличія участвовать въ разговорѣ общества; тогда вы пріобщитесь къ сторонѣ тѣхъ, которые *стыдятся и отвергаются* Іисуса Христа *предъ человѣки*, и которыхъ Самъ Іисусъ Христосъ отвергнется предъ Отцемъ Небеснымъ.

Лукавый духъ міра, въ которомъ живетъ и дѣется тайна беззаконія, своими обычаями и правилами всегда стоитъ въ явной и тайной враждѣ съ духомъ и правилами христіанской жизни, созидаемой тайною благочестія въ Церкви Христовой. Правила и обычаи свѣта и мірской жизни развиваютъ и питаютъ въ насъ потребность наслажденій земныхъ, удовольствій временныхъ; духъ христіанскаго благочестія, правила и уставы Церкви Христовой развиваютъ въ насъ потребность благъ духовныхъ, воспитываютъ упованіе блаженства вѣчнаго, обѣщаннаго вѣрнымъ слугамъ Христовымъ. И тутъ бываютъ случаи, когда христіанинъ явно становится на сторону поборниковъ одного и измѣнни-

ковъ другого. Напримѣръ, потребность мірскихъ удовольствій и развлеченій, обычаи свѣтской жизни, приличія людскія, желаніе избѣжать невыгодныхъ нареканій отъ судей приличія и вкуса зовутъ васъ въ веселое собраніе свѣтскихъ развлеченій и удовольствій, и это—тогда, когда долгъ званія христіанина, нарочитое время церковнаго праздника, звукъ церковнаго колокола призываютъ васъ въ храмъ Божій,—въ храмъ молитвы и славословія Бога. Куда склонится въ это время христіанинъ? Если на сторону мірскихъ удовольствій,—онъ отвергаетъ въ это время долгъ христіанина, званіе упованія своего: если же не устыдится въ это время отказаться отъ обычныхъ удовольствій міра и вѣрно послѣдуетъ долгу христіанскаго званія,—онъ пріобщается мздовозданію святыхъ, которые, сознавая этотъ долгъ, не стыдились ни предъ кѣмъ словомъ и жизнью исповѣдывать и проповѣдывать все, что̀ заповѣдано Іисусомъ Христомъ.

Неправда въ мірѣ всегда находится въ непримиримой враждѣ съ правдою; и самоотверженная любовь къ послѣдней, или рабская и лицемѣрная услужливость въ пользу первой раздѣляютъ христіанъ на двѣ стороны,—на сторону поборниковъ правды и на сторону измѣнниковъ ея. Требуется, напримѣръ, свидѣтельство въ пользу угнетенной правды, въ защищеніе страждущей невинности предъ судомъ человѣческимъ, и это свидѣтельство, это защищеніе нужно бываетъ высказывать противъ людей сильныхъ и знатныхъ, вопреки собственнымъ вашимъ выгодамъ, вопреки дружбѣ и пріязни, не въ пользу узамъ родственнымъ и кровнымъ. Не поприще ли это для исповѣданія истины и правды и для стяжанія награды достойныхъ исповѣдниковъ имени Христова? Правда и истина на землѣ—Христовы, и кто желаетъ быть Христовымъ, долженъ защищать и хранить ихъ. И кто измѣнитъ правдѣ на судѣ человѣческомъ, кто убоится и устыдится защищать ее изъ угожденія людямъ сильнымъ, изъ-за собственной выгоды, изъ уваженія къ чувствамъ дружбы и родства, тотъ оскорбляетъ достоинство христіанина. Изъ любви къ Іисусу Христу, къ Его ученію и заповѣдямъ, христіанинъ долженъ жертвовать любовью ко всѣмъ и ко всему: *иже любитъ отца или матеръ паче Мене, говоритъ Онъ, нѣсть Мене достоинъ: и иже любитъ отца или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Матѳ. X, 37). (Воскр. Чт., г. XVI, стр. 78—79.)

Ст. 37. Аще кто любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ.

Такъ могъ сказать только Богъ, или Богочеловѣкъ. Въ отношеніи къ другимъ существамъ, какъ-бы они ни были велики, могущественны и благотворны, такое требованіе было бы не по нимъ, превыше ихъ и неприлично имъ. Но въ отношеніи къ Богу такое требованіе совершенно справедливо и даже необходимо. *Справедливо;* ибо Отецъ Небесный первѣе и выше всѣхъ отцевъ и матерей земныхъ. Послѣдніе сами должны любить Его паче всего, и слѣдовательно сами же должны требовать отъ дѣтей своихъ, чтобы и они любили Его паче всего, и слѣдовательно ихъ. *Необходимо;* ибо если человѣкъ не будетъ любить Бога паче отца и матери, то у него земной отецъ и мать будутъ выше Бога,—что̀ совершенно противузаконно.

Но сей же самой любви, какая подобаетъ единому Богу, и въ той же самой степени требуетъ отъ насъ, и требуетъ непремѣнно, Іисусъ Христосъ; ибо Онъ есть Богъ нашъ истинный, и вѣра въ Него, какъ истиннаго Бога

есть необходимая обязанность каждаго (Воскр. Чт., г. IV, стр. 337—338).

Христіанскій примѣръ самоотверженія отеческой любви къ сыну изъ любви къ Богу.

Иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ (Матѳ. X, 37). Родительская любовь къ дѣтямъ часто, и безъ намѣренія со стороны отца и матери, незамѣтно для нихъ, переходитъ за предѣлы надлежащаго, христіанскаго употребленія и, пользуясь именемъ и правами законной любви къ дѣтямъ, въ то же время становится враждою на Бога и святый законъ Его, а христіанскихъ родителей съ такимъ чувствомъ къ дѣтямъ дѣлаетъ недостойными и лукавыми рабами Господа нашего Іисуса Христа. Любить сына и по животной привязанности къ нему не обращать вниманія на то, кто растетъ и крѣпнетъ подъ покровомъ отеческой любви, — человѣкъ честный, или развратный, вѣрный слуга отечеству, или буйный крамольникъ и врагъ всякаго порядка, истинный христіанинъ, или человѣкъ безъ вѣры и добрыхъ убѣжденій, поборникъ Евангелія и правды, или измѣнникъ вѣры и предатель истины,—ужели это любовь, достойная отца—христіанина, любовь, которую внушаетъ ему долгъ христіанскаго отца и прямой законъ Евангелія? Нѣтъ, это значитъ любить въ своемъ сынѣ только плоть и кровь, а не любить его души и жизни разумной; это любовь животная, а не человѣческая, тѣмъ болѣе не христіанская, которая дѣйствуетъ по духу любви Христовой и по Евангельскому закону; эта любовь противна любви къ Господу и требованіямъ святаго закона Его; эта любовь—вражда на Бога. Среди различныхъ явленій такой отеческой любви, для ея обличенія и вразумленія, какъ отрадно встрѣтиться въ исторіи первыхъ временъ христіанства съ примѣрами истинной любви къ дѣтямъ, въ лицѣ христіанскихъ родителей, которые съ самоотверженіемъ жертвовали всякою любовью къ дѣтямъ любви къ Господу и святой вѣрѣ Его, какъ скоро первая становилась преступною предъ обязанностями послѣдней. Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ. Вѣроотступничество въ лицѣ Римскаго императора Юліана имѣло многихъ послѣдователей со стороны христіанъ, не твердыхъ въ вѣрѣ, малодушныхъ при угрозахъ и льстивыхъ обѣщаніяхъ ненавистника христіанства. Одинъ изъ такихъ подражателей вѣроотступнику былъ юноша, сынъ знатнаго гражданина города Беріи и высокаго государственнаго сановника, но при всемъ томъ благочестиваго и преданнаго вѣрѣ христіанина. Когда сынъ открылъ свои мысли о вѣрѣ и о несчастномъ паденіи своемъ отцу, благочестивый отецъ не пощадилъ ради имени Іисуса Христа ни честью и именемъ своего сына, ни своею любовью къ нему, ни разсчетами на милость у царя вѣроотступника; отецъ немедленно лишилъ сына имени своего и публично отрекся отъ него. Предпріимчивый юноша—богоотступникъ отправился къ богоотступнику—повелителю искать у него покровительства, защиты предъ отцемъ, награды и чести за свое отреченіе отъ христіанства въ угоду царю, врагу и гонителю имени Христова. Юліанъ, мечтавшій весь міръ обратить къ древнему, упадавшему тогда языческому идолослуженію, весьма доволенъ былъ всякими примѣрами вѣроотступничества и не щадилъ наградъ и милостей своихъ для умноженія числа подобныхъ себѣ нечестивцевъ; онъ обласкалъ юношу, успокоилъ его и обѣщался самъ своимъ посредничествомъ возвратить ему расположе-

ніе отца и права на достояніе его. Прибывъ въ Берію, Юліанъ пригласилъ къ своему столу въ числѣ многихъ знаменитыхъ гражданъ города и благочестиваго отца съ вѣроотступникомъ сыномъ; за столомъ Юліанъ обратился къ отцу отверженнаго сына съ такими словами: «мнѣ кажется, несправедливо было бы дѣлать насиліе людямъ съ инымъ настроеніемъ мыслей и противъ воли человѣка направлять его къ другимъ мыслямъ. Итакъ не принуждай сына слѣдовать своему ученію, когда онъ не хочетъ этого. Вѣдь я не принуждаю же тебя слѣдовать моему, хотя и очень легко могъ бы принудить къ этому!» — «Ты, царь, говоришь объ этомъ беззаконникѣ, который истинѣ предпочелъ ложь?» отвѣчалъ благочестивый отецъ въ негодованіи на богоотступника сына. Въ отвѣтѣ христолюбиваго отца было столько непобѣдимой ревности на защиту святой вѣры Христовой и вмѣстѣ столько неустрашимаго негодованія на богоотступничество сына, покровительствуемое богоотступнымъ царемъ, что сей измѣнникъ вѣрѣ и совѣсти не нашелъ въ себѣ и обычной дерзости, чтобы защитить ложь противъ истины. Чувствуя себя безсильнымъ противъ святой ревности защитника христіанства, Юліанъ принялъ видъ притворной кротости и, обращая дѣло въ шутку, сказалъ юношѣ: «я самъ позабочусь о тебѣ, когда не могъ склонить на это твоего отца». Дѣйствительно, отецъ юнаго богоотступника не измѣнилъ своего праведнаго гнѣва на беззаконнаго сына; на него не дѣйствовали ни ласки, ни угрозы нечестиваго царя; для него не было страшнѣе приговора Господа Іисуса: *иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣстъ Мене достоинъ* (Воскресн. Чт., г. XXI, стр. 137—138).

Ст. 41. Св. Исидора Пелусіота на слова: пріемляй пророка во имя пророче мзду пророчу пріиметъ.

Смыслъ словъ: *пріемляй пророка во имя пророче мзду пророчу пріиметъ*, говоря кратко, таковъ: кто по другой какой потребности, или по другому предлогу, удостоиваетъ чести доброе, тотъ не будетъ еще участвовать въ славѣ добраго; но тотъ прославится вмѣстѣ съ добрымъ, кто почтилъ доброе ради самого добра. Ибо многіе чтутъ пророковъ или праведниковъ, или по причинѣ славы человѣческой, или по причинѣ житейской выгоды. Иные заняты этимъ, тратятъ на сіе деньги, и никто о нихъ не скажетъ, что примутъ *мзду пророчу*. Но кто, безъ такихъ прикровеній, откровенною душею взирая на доброе, почтитъ святыхъ, тотъ справедливо прославится вмѣстѣ со святыми (ч. I, стр. 45—46).

Его же на ст. 42.

Сказанное: подать *чашу студеныя воды* относится къ тѣмъ, у кого это только и есть, а не къ изобилующимъ богатствомъ, которые могутъ и одеждами снабдить томимыхъ голодомъ, болѣзнями и наготою. И не дивись, если подающій воду за дѣло сіе не останется безъ награды; потому что милостыня цѣнится не по подаянію, но по произволенію, когда и слово удостоивается одобренія. Ибо сказано: *се слово паче даянія блага*. Но присовокуплено также: *обоя же у мужа благодатна* (Сирах. XVIII, 17), то есть у того, кто въ состояніи дать. Ибо взыскуется не только поданное, сколько изобиліе и произволеніе подающаго. Ибо многіе отъ многаго подаютъ малое, а многіе отъ малаго многое. Цѣнится не мѣра подаваемаго, но срав-

ниваемое съ сею мѣрою изобиліе подающихъ. Посему и влагающая двѣ лепты превзошла всѣхъ принесшихъ много; потому что тѣ принесли часть, а она пожертвовала всѣмъ своимъ достояніемъ (ч. I, стр. 24—25).

Библіографическій указатель къ X гл. Ев. Матѳея и парал.

Святоотеческія толкованія.

1) *Св. Григорія Двоеслова* о цѣли, для коей Господь сообщаетъ людямъ силу творить знаменія и чудеса. Воскресное Чтеніе, г. XI. 197—199. Его же объ Апостолахъ (5—10). Кн. 1. 33—42.

2) *Преп. Исидора Пелусіота:* будите мудри яко змія, и цѣли яко голуби (Матѳ. X, 16), ч. I, 85—86. Тв. святыхъ отцевъ, т. XXXIV). Тамъ же 444—446, ч. III, т. XXXVI, 47.

3) *Его же* на слова: *не печытеся, како или что возглаголите* (Матѳ. X, 19), ч. III. 132.

4) *Блаженнаго Іеронима.* Изъясненіе Евангелія, читаемаго въ 1-ю нед. по Пятидесятницѣ (Матѳ. X, 22—23, 32—38). Воскресное Чтеніе, XVII. 77—78.

5) *Блаженнаго Августина.* Смерть души и смерть тѣла (Матѳ. X, 28). Воскресное Чтеніе, 1879 г. № 18. 198.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

6) Пастырскія наставленія Іисуса Христа Апостоламъ при отправленіи ихъ на проповѣдь (Матѳ. X, 1—41. Марк. VI, 7—13. Лук. IX, 1—6). Руков. для сел. п. 1869 г. I, 585—600.

7) Іисусъ Христосъ и Его Апостолы. Прав. Обозр. 1865 г. XVI. 224—228.

8) О св. двенадесяти Апостолахъ по сказанію Четвероевангелія и Дѣяній Апостольскихъ. Воскресное Чтеніе, г. XVI. 131—134.

9) Соборъ св. двенадесяти Апостоловъ. Воскресное Чтеніе, г. IV. 103—107.

10) Апостолъ (Матѳ. X, 2). Библ. пол. сл. Воскресное Чтеніе, 1874 г. I. 160. Алфей (Матѳ. X, 3). Тамъ же. 95. Варѳоломей (X, 3). Тамъ же. 351. Іаковъ (X, 3). Тамъ же. 1875 г. II. 222. Іуда Искаріотскій (X, 4). Тамъ же 1876 г., I. 175—176.

11) *Филарета, митроп. Кіевскаго.* Бес. на Матѳея X, 1—15. Воскресное Чтеніе, г. IV. 216—219. На ст. 16. Воскресное Чтеніе, г. III. 235. Ст. 32—42. Воскресное Чтеніе, г. V. 71—74.

12) Ст. 16. Воскресное Чтеніе, г. XXIV. 310.

13) Ст. 16. *Архим. Аванасія.* Христіанская откровенность и осторожность въ рѣчахъ. Христ. Чт. 1866 г., ч. II. 51—64.

14) Ст. 28. Происхожденіе и безсмертіе души. Христ. Чт. 1864 г. I. 76—90. 188—228.

15) Ст. 32—42. Изъясненіе Евангелія въ недѣлю всѣхъ Святыхъ. Воскресное Чтеніе, г. III. 104—108.

16) Ст. 32. Воскресное Чтеніе, г. XV. 97—101.

17) Ст. 32—37. Воскресное Чтеніе, г. XVII. 77.

18) Ст. 32—33. *Прот. М. Богословскаго.* Объ исповѣдничествѣ. Дух. Бес., 1859 г. VIII. 386—394.

19) *Свящ. П. Смирнова.* Подвиги исповѣдничества. Душеп. Чт. 1873. II. 320—324.

20) Ст. 32—33. *Прот. Нечаева.* Отреченіе отъ Христа. Душеп. Чт. 1884 г. Августъ. 458—461.

21) Ст. 34—37. Семейныя раздѣленія ради вѣры и благочестія христіанскаго. Воскресное Чтеніе, г. XXII. 175—179. 188—193. 205—210.

22) Ст. 36. *И врази человѣку домашніе его.* Воскресное Чтеніе, г. VIII. 398—400.

23) *Епископа Ѳеофана.* Размышленія на разныя мѣста X гл. Еванг. Матѳея. Домашн. Бес. 1871 г. Вып. 23. VI гл. Еванг. Марка. Вып. 35. 37.—IX гл. Еванг. Луки. Вып. 43, и отдѣльно. Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ. 184—185. 188—189. 301. 400.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ.

24) Матѳ. X, 30. *Павла, архіеп. Кишиневскаго.* И во время благоденствія Церкви исповѣданіе вѣры во всей его силѣ также возможно, какъ было возможно и во времена гоненій. II. 293—297.

25) Ст. 32—33. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* Черты истиннаго исповѣдника Христова. II. 290—296.

26) Ст. 32—36. *Исидора, митроп. Новгородскаго.* О предсказаніи тяжкихъ бѣдствій исповѣдникамъ Христовымъ. 155—156.

27) Ст. 37. *Филарета, митроп. Московскаго.* О совершеннѣйшей любви къ Богу. II. 103—110.

28) Ст. 37. *Григорія, архіеп. Казанскаго.* Почему многіе люди мало любятъ Бога. II. 3—10.

Слухъ объ Іисусѣ тревожитъ убійцу Предтечи (Лук. IX, 7—9. Марк. VI, 14—16. Матѳ. XIV, 1—2).

Съ проповѣдью Апостольскою быстро распространилась молва о дѣяніяхъ Іисуса. Имя Его стало извѣстнымъ при дворѣ Ирода Антипы, Галилейскаго властителя. На душѣ его теперь лежало тяжкое преступленіе: не задолго передъ тѣмъ онъ предалъ смерти величайшаго изъ пророковъ, Предтечу Іоанна. Нашлись люди, которые говорили, что это Іоаннъ воскресъ изъ мертвыхъ; другіе говорили, что это предвѣстникъ Мессіи Илія явился; а иные думали, что кто-нибудь изъ древнихъ пророковъ или подобный имъ праведникъ возсталъ. Между тѣмъ Иродъ въ недоумѣніи разсуждалъ: «Іоанну я отсѣкъ голову; кто жъ это, о которомъ я слышу столько чудеснаго?» Но, мучимый совѣстью, приходилъ къ заключенію: «(должно быть) это Іоаннъ Креститель, которому я отсѣкъ голову; онъ воскресъ изъ мертвыхъ; потому-то и чудеса совершаются имъ». И искалъ увидѣть Его.

Изъ бесѣды Евсевія Могилевскаго объ усѣкновеніи главы Іоанна Предтечи (Марк. VI, 17—29).

Иродъ пославъ, ятъ Іоанна, и связа его въ темницѣ,—взялъ Іоанна, посадилъ его въ темницу. Кто этотъ Иродъ? Сынъ того Ирода, при которомъ родился Христосъ Спаситель въ Виѳлеемѣ, и который покушался убить обѣтованнаго Царя Іудейскаго Христа Спасителя, но вмѣсто Его избилъ множество младенцевъ Виѳлеемскихъ. Отъ нечестиваго отца былъ нечестивый и сынъ. Этотъ Иродъ назывался Антипою. У Ирода, отца его, еще было два сына, Филиппъ и Архелай, между которыми, по смерти Ирода, отца ихъ, раздѣлено было его царство. Иродъ Антипа, убійца Іоанна Крестителя, получилъ въ управленіе Галилею, Филиппъ, Итурею, а Архелай Іудею и Самарію. Вскорѣ потомъ, по низложеніи ихъ, изъ ихъ царствъ сдѣланы были Римскія области и поручены правителямъ изъ Римлянъ; одинъ изъ нихъ былъ Пилатъ, судившій и предавшій на смерть Іисуса Христа.

За что Иродъ посадилъ Іоанна въ темницу? Евангелистъ отвѣчаетъ: *Иродіады ради жены брата своего, яко оженися ею,* т. е. Иродъ посадилъ Іоанна въ темницу за Иродіаду, жену своего брата Филиппа, потому что женился на ней. Какъ это случилось? Случай этотъ Евангелистъ раскрываетъ далѣе, говоря: *глаголаше бо Іоаннъ Иродови: не достоитъ тебѣ имѣти жену Филиппа, брата твоего* (18). Іоаннъ, какъ проповѣдникъ истины, какъ пророкъ и Ангелъ, посланный предъ лицемъ Господа, да уготовитъ путь Ему, не боялся возвѣщать истину, обличалъ неправду и въ самомъ царѣ. Іоаннъ говорилъ Ироду: *не достоитъ тебѣ имѣти жену Филиппа, брата твоего.* Объ Иродѣ далѣе замѣчено, что онъ *бояшеся Іоанна, вѣдый его мужа праведна и свята, и соблюдаше его* (20). Отселѣ видно, что Іоаннъ не въ этомъ одномъ случаѣ обличалъ Ирода, но и при другихъ случаяхъ говорилъ царю

правду, и царь слушалъ пророка съ удовольствіемъ, какъ передаетъ Евангелистъ Маркъ: *и послушавъ его, многа творяше, и въ сладость его слушаше.* Но не могъ Иродъ такъ слушать обличеніе своей постыдной страсти, которой онъ сдѣлался слѣпымъ и низкимъ рабомъ. Иродъ за это обличеніе не только посадилъ Іоанна въ темницу, но и хотѣлъ убить его еще до того случая, по которому, дѣйствительно, ему усѣкнута глава. Евангелистъ Матѳей говоритъ: *и хотящь его убити, убоася народа, зане яко пророка его имѣяху* (Матѳ. XIV, 5). Когда пророкъ Божій сталъ обличать нечестиваго Ирода въ его порокѣ, противномъ Божескимъ и человѣческимъ законамъ, Иродъ не уважилъ ни званія пророка, ни святости истины, но, какъ низкій рабъ грѣха, преслѣдуетъ Іоанна за своего идола и ввергаетъ проповѣдника истины въ темницу. Еще не убилъ Іоанна, но это не по уваженію ни къ пророку, ни къ истинѣ; онъ хотѣлъ убить, но только боялся народа, который почиталъ Іоанна за пророка; боялся, чтобы народъ не возсталъ на защиту чтимаго имъ пророка.

Иродіада же гнѣвашеся на него, и хотяше его убити: и не можаше (19). И нечестивая, незаконная жена сочувствовала нечестивому мужу, злобилась, искала смерти пророка и не находила случая къ тому. Грѣхъ былъ общій и обличеніе пророка относилось къ обоимъ равно; потому оба, мужъ и жена, за одно искали мщенія обличителю порока. Но нечестивая Иродіада помышляла о погубленіи пророка Божія и въ то время, когда Иродъ, можетъ быть, забывалъ о немъ, или невольно удерживался отъ мести пророку, вспоминая о немъ, какъ о мужѣ праведномъ и святомъ, котораго прежде слушалъ онъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ поступалъ по словамъ его.

И приключився дню удобну, егда Иродъ рождеству своему вечерю творяше княземъ своимъ и тысячникомъ и старѣйшинамъ Галилейскимъ (21): и вшедши дщерь тоя Иродіады, и плясавши, и угождши Иродови и возлежащымъ съ нимъ, рече царь дѣвицѣ: проси у мене егоже аще хощеши, и дамъ ти (22): и клятся ей, яко егоже аще попросиши у мене, дамъ ти, и до полцарствія моего.

Смотрите, какъ порокъ ослѣпляетъ человѣка! Какъ дѣлаетъ человѣка легкомысленнымъ и безумнымъ!

Видите, Иродъ не стыдится показывать себя рабомъ страсти! Отъ нечестиваго корня нечестивая и отрасль, съ матернимъ молокомъ напитанная нечестіемъ; дочь Иродіады плясала и угодила Ироду и гостямъ его,—и что же дѣлаетъ царь? что говоритъ нечестивой плясавицѣ? «Проси у меня, чего хочешь, и дамъ тебѣ». И поклялся ей: «чего бы ты ни просила, дамъ тебѣ, даже до полцарствія моего». Не безуміе ли это? За что же хочетъ дать даже до полцарствія? За пляску! Какъ Исавъ нѣкогда продалъ первенство въ снѣдь, такъ Иродъ готовъ отдать до полцарствія своего за пляску! Смотрите, до чего доводитъ страсть! Какъ унижаетъ она человѣка! Какъ помрачаетъ его смыслъ и здравое чувство!—Пляска не была въ употребленіи у Іудеевъ на пиршествахъ, а вошла въ домы вельможъ Іудейскихъ изъ обычаевъ языческихъ. Впрочемъ, нѣкоторые и языческіе законодатели запрещали пляски на пиршествахъ, почитая ихъ противными благоприличію и показывающими человѣка крайне испорченнаго; они почитали пляски училищемъ страстей.

Примѣчаніе къ ст. 21. Такъ какъ этотъ праздникъ былъ предъ началомъ войны Антипы съ Аретой, то, по всей вѣроятности, Антипа совершалъ его не

въ своемъ золотомъ дворцѣ, а въ тѣхъ палатахъ, которыя были устроены Иродомъ Великимъ въ крѣпости Махерѣ. Такъ какъ въ это время было здѣсь средоточіе войскъ, то, не безъ основанія полагаютъ, что Антипа, устрояя праздникъ въ Махерѣ, надѣялся имѣть самый благопріятный случай для представленія войскамъ своей новой супруги, изъ-за которой онѣ должны были проливать кровь. Да и скорость исполненія просьбы Саломіи указываетъ на то, что темница Іоанна была недалеко отъ того дворца, въ которомъ совершалось празднество.

Она же (дщерь Иродіады) *изшедши рече матери своей: чесо прошу? Она же рече: главы Іоанна Крестителя.* Какъ Иродъ безумно обѣщался и поклялся, такъ Иродіада даетъ безумный совѣтъ своей дочери. Было обѣщано до полцарства, и Иродіада предпочитаетъ полцарству главу проповѣдника истины, обличителя ихъ беззаконія. Вотъ примѣръ, какъ страсть гибельно порабощаетъ себѣ человѣка и дѣлается его идоломъ. Грѣшникъ, предаваясь грѣху, становится рабомъ грѣха, плѣнникомъ своей страсти. Кто хочетъ быть свободнымъ, тотъ долженъ не предаваться страстямъ, а покоряться духу Христову и слѣдовать истинѣ, внимая слову Божію, которое есть совершеннѣйшая истина, и сія истина, по слову Христа Спасителя, *свободитъ насъ* (Іоан. VIII, 32), т. е. содѣлаетъ насъ истинно свободными, не порабощенными порокамъ и страстямъ, а свободно служащими Богу и стремящимися къ истинному счастію и блаженству небесному.

И вшедши (дщерь Иродіады) *абіе со тщаніемъ къ царю, просяше, глаголющи: хощу, да ми даси абіе на блюдѣ главу Іоанна Крестителя* (25). Эта дщерь была отъ брата Иродова Филиппа. Какъ нечестивая мать скоро дала злой совѣтъ, воспользовавшись удобнымъ временемъ, когда царь, съ гостями, предавшись чувственнымъ удовольствіямъ былъ въ опьяненіи легкомыслія; такъ и дочь ея, достойная матери, является безчувственною, скорою на зло. Видно, голосъ совѣсти въ ней былъ уже заглушенъ разсѣянностью. Видно, она уже привыкла равнодушно смотрѣть на смерть человѣка. Иначе какъ-бы такъ дерзко могла просить у царя смерти праведника: *хощу, да ми даси на блюдѣ главу Іоанна Крестителя.*

Примѣчаніе. По преданію, повторяемому отцами Церкви, Иродіада не удовольствовалась и этимъ; но, взявши голову Іоанна, иголками исколола его мертвый языкъ, за то, что онъ нѣкогда такъ смѣло обличалъ ее въ беззаконіи, и потомъ, завернувъ голову въ тряпку, вышвырнула за окошко.

26 ст. *И прискорбенъ бывъ царь: клятвы же ради и за возлежащихъ съ нимъ не восхотѣ отрещи ей.* Царь прискорбенъ былъ—опечалился! Гдѣ тутъ царское величіе и царская мудрость? Отчего опечалился царь? Не долженъ ли былъ царь презрѣть безумное желаніе плясавицы, если бы самъ не сочувствовалъ злому желанію? Ужели онъ не понималъ, почему дочь Иродіады проситъ главу Іоанна Крестителя? Достойно было бы царя, если бы онъ, услышавъ безумное желаніе легкомысленной плясавицы, съ негодованіемъ объявилъ ей предъ всѣми своими гостями, что онъ никакъ не могъ включать въ предметъ клятвы, что̀ либо противное законамъ Божескимъ и человѣческимъ, и что настоящее требованіе противно его царскому достоинству и долгу. Нѣтъ, онъ, какъ слѣпой рабъ страстей, честь почелъ за безчестіе, и великодушіе за слабость. Явно, печаль царя не показывала въ немъ любви къ добродѣтели; а какъ онъ уже хотѣлъ убить Іоанна,

только боялся народа (Матѳ. XIV, 5), почему и Самъ Спаситель называлъ его лисицею, т. е. лицемѣромъ, то, съ вѣроятностью, можно думать, что эта печаль была лицемѣрная или невольное смущеніе помраченной совѣсти, а въ самомъ дѣлѣ онъ радъ былъ случаю исполнять свое собственное желаніе—положить невозвратное молчаніе на уста грознаго обличителя, потому такъ поспѣшно и рѣшился совершить великое злодѣяніе.

И абіе пославъ царь спекулатора, повелѣ принести главу его (27). *Онъ же шедъ усѣкну его въ темницѣ, и принесе главу его на блюдѣ, и даде ю дѣвицѣ: и дѣвица даде ю матери своей* (28). Такъ Предтеча окончилъ поприще своего служенія! Такъ умолкъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ! Такъ не стало проповѣдника покаянія; не стало друга Жениха—Христа; не стало того, о которомъ Самъ Богъ Сынъ свидѣтельствовалъ: не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя! (Матѳ. XI, 11.)

И слышавше ученицы его, пріидоша и взяша трупъ его, и положиша его во гробѣ (29). Ученики Предтечи Христова исполняютъ послѣдній долгъ къ своему учителю; берутъ тѣло его и со скорбью и благоговѣніемъ скрываютъ его во гробѣ.

Примѣчаніе. Обезглавленное тѣло Іоанна долженствовало быть вынесено на общее кладбище, гдѣ обыкновенно вырываемы были огромныя ямы, куда сбрасывали трупы людей, не имѣвшихъ права или средствъ на почетное погребеніе. Но ученики, узнавъ о смерти своего учителя, выпросили позволеніе взять его тѣло съ собою въ городъ Самарію (называемую въ то время Севастомъ), и тамъ похоронили возлѣ могилъ пророковъ Елисея и Авдія. — Людская злоба не оставила, однакожъ, и здѣсь Іоанна въ покоѣ. Церковные историки передаютъ вѣрованіе, что богоотступникъ Юліанъ велѣлъ раскопать могилу Іоанна и, вырывъ кости, разсыпать ихъ на вѣтеръ, дабы онѣ не могли болѣе служить предметомъ благоговѣнія. Но благочестивые христіане успѣли собрать эти кости и передали ихъ для храненія игумену Іерусалимскому Филиппу. Въ 395 году онѣ были съ честью перенесены въ Константинополь и положены въ церкви, которую императоръ Ѳеодосій выстроилъ на развалинахъ храма Сераписа.

Богъ скоро явилъ праведный судъ Свой надъ нечестіемъ. Сперва наказалъ Богъ Ирода пораженіемъ всего войска его на войнѣ съ сосѣднимъ царемъ; потомъ, будучи обольщенъ честолюбіемъ и отправившись въ Римъ искать высшихъ честей, Иродъ Антипа лишенъ былъ всѣхъ преимуществъ и имѣнія и сосланъ въ заточеніе въ Галлію, вмѣстѣ съ нечестивою Иродіадою; тамъ онъ погибъ въ темницѣ. Такъ *похвала нечестивыхъ погибнетъ* (Притч. XI, 7).

Гнѣвъ Божій постигъ и Саломію. Преданіе говоритъ, что, когда она вышла зимою на рѣку, ледъ подломился подъ ногами ея, такъ что она погрузилась въ воду до самой головы, которая была оттерта льдинами.

Удаленіе Іисуса Христа изъ области Ирода на восточную сторону моря (Лук. IX, 10. Марк. VI, 30—32. Матѳ. XIV, 13. Іоан. VI, 1).

Потребность въ отдыхѣ для учениковъ и извѣстіе объ убійствѣ Іоанна Крестителя, въ соединеніи съ извѣстіемъ о намѣреніи убійцы видѣть Іисуса, заставляютъ Господа удалиться на восточную сторону моря, въ область тетрарха Филиппа (Лук. III, 1), единственнаго сына Ирода Великаго, о которомъ въ народѣ остались добрыя воспоминанія. Пустынное мѣсто, куда

удалились Іисусъ и ученики Его, по Евангелисту Лукѣ, было близъ *Виѳсаиды*. Такъ какъ по связи со всѣми предыдущими и послѣдующими повѣствованіями рѣчь здѣсь идетъ о переправѣ на восточную сторону моря, то, значитъ, и о Виѳсаидѣ говорится здѣсь восточной, о Виѳсаидѣ-Юліи (недалеко отъ впаденія Іордана въ Галилейское море), названной такъ тетрархомъ Филиппомъ въ честь дочери Августа, Юліи. А слѣдовательно, выраженіе Евангелиста Іоанна: πέραν τῆς θαλάσσης τῆς Γαλιλαίας τῆς Τιβεριάδος, должно понимать такъ, что здѣсь дано два названія одного и того же моря. Второе названіе, обозначающее собственно берегъ Тиверіады, Евангелистъ употребилъ, вѣроятно, потому, что Іисусъ и Апостолы отправились отъ сего берега; на это послѣднее указываетъ ст. 23, гдѣ говорится, что на другой день приплыли изъ Тиверіады другія (ср. ст. 22) суда къ мѣсту чудеснаго насыщенія народа.

Святаго Іоанна Златоустаго бесѣда на усѣкновеніе главы святаго Іоанна Крестителя (Матѳ. XIV, 1—10).

Нынѣ Евангеліе возвѣстило намъ о злодѣяніи Ирода, о неистовствѣ женъ, о безумномъ веселіи мужей, о нечестивомъ пирѣ, о беззаконномъ дарѣ, о преступномъ дѣлѣ и о погребеніи честнѣйшаго тѣла. Я ужасаюсь, возлюбленные мои, когда взору моему представляются совершенныя Иродомъ дѣла.

Въ то время, говоритъ Евангелистъ, *услышавъ Иродъ четвертовластникъ слухъ Іисусовъ, и рече отрокомъ своимъ: Сей есть Іоаннъ Креститель, егоже азъ усѣкнухъ: той воскресе отъ мертвыхъ, и сего ради силы дѣются о немъ* (Матѳ. XIV, 1—2. Лук. IX, 8). Такимъ образомъ Иродъ сознается въ убійствѣ, котораго скрыть не можетъ, сознается и въ томъ, что убіенный имъ есть пророкъ и мужъ праведный. Ибо, если бы онъ не признавалъ сего, то не сказалъ бы, что онъ воскресъ изъ мертвыхъ, и что потому силы дѣются о немъ. О, нечестивое сознаніе, само себя обличающее въ убійствѣ!

За что же Иродъ убилъ пророка? За то, что пророкъ былъ проповѣдникъ истины и посредствомъ обличенія хотѣлъ воспрепятствовать его беззаконному дѣлу. И при томъ, кого убилъ онъ? Мужа праведнаго, болѣе котораго не было изъ всѣхъ, рожденныхъ женами, какъ свидѣтельствовалъ объ немъ Самъ Господь, — убилъ мужа, провождавшаго жизнь въ пустынѣ необитаемой, безводной, безплодной, неприступной, не имѣвшей ни деревъ, ни другихъ растеній и травъ. Въ пустынѣ же Іоаннъ жилъ не потому, чтобы обѣгалъ связи и общенія съ людьми, но для того, чтобы не видѣть и не слышать ужасныхъ человѣческихъ злодѣяній. Онъ никогда ни сѣялъ, ни жалъ, а потому и не имѣлъ ни хлѣба, ни вина, ни ложа, служащаго для пріятнаго отдохновенія, ни мягкихъ подушекъ, разслабляющихъ тѣла женоподобныхъ мужей, ни подсвѣчника, ни стола, ни скамьи, ни чаши, ни стакана. Живя въ удаленіи отъ міра, онъ и не пользовался ничѣмъ мірскимъ. Онъ жилъ не въ позлащенномъ чертогѣ, а въ пещерѣ, сдѣланной изъ самороднаго камня. Полъ служилъ для него и столомъ и скамьею, и ложемъ. Вмѣсто мяса животныхъ онъ употреблялъ въ пищу акриды, вмѣсто роскошныхъ и сладкихъ снѣдей—медъ дикій. Чашею служила ему длань и рука; вмѣсто вина пилъ онъ чистую, истекавшую изъ камня, воду.

Такого-то человѣка, какъ говоритъ Евангелистъ, Иродъ *емъ связа его и всади въ темницу, Иродіады ради, жены Филиппа, брата своего* (Матѳ. XIV, 3). Странное дѣло! Іоаннъ, обли-

чая, хотѣлъ разрѣшить душу Ирода, связанную грѣхомъ; а Иродъ связываетъ того, кто хотѣлъ разрѣшить его. Но Іоаннъ и связанный не переставалъ говорить, и заключенный въ темницу продолжалъ обличать; онъ исполнялъ сказанное въ Писаніи: *глаголахъ предъ цари, и не стыдяхся* (Псал. CXIX, 46). Іоаннъ не боялся смерти, но боялся не говорить истины. Сего-то мужа убилъ Иродъ, и такимъ образомъ, убивъ его, совершилъ не одно, а многія убійства. Ибо убившій учителя и наставника душъ человѣческихъ убиваетъ не одного его, а и всѣхъ тѣхъ, которыхъ сей въ продолженіи своей жизни могъ бы оживотворить словомъ.

Съ другой стороны, въ какое время Иродъ убилъ Іоанна? Срамно и говорить, но срамно не говорящему, а совершившему убійство. *Дню бывшу рождества Иродова, пляса дщи Иродіадина посредѣ и угоди Иродови. Тѣмже и съ клятвою изрече ей дати, егоже аще воспроситъ. Она же наваждена матерію своею, даждь ми, рече, здѣ на блюдѣ главу Іоанна Крестителя* (Матѳ. XIV, 6—9). О гибельный день рожденія! Въ сей день Иродъ совершаетъ убійство пророка, вмѣсто того, чтобы пригласить къ столу своему мужей благочестивыхъ. Въ сей день Ироду слѣдовало бы позаботиться о вдовахъ, оказать состраданіе сирымъ, дабы содѣйствіемъ многихъ и разнообразныхъ молитвъ обезопасить свою жизнь. Но онъ, вмѣсто сего, пиршествуя съ невоздержными мужами и безчестными женами, упившись виномъ и обольстившись безстыдными женщинами, убиваетъ Предтечу, денницу дня, Іоанна, и чрезъ убійство угашаетъ яркій свѣтильникъ вѣры, свѣтъ цѣлаго міра. Угасивъ сей свѣтильникъ, Иродъ самъ остался во тьмѣ. Хотя бренный сосудъ Іоанна поверженъ на землю; но немерцающій свѣтильникъ духа его обличалъ яркимъ свѣтомъ вѣры и находившихся во адѣ.

Такъ, Иродъ убилъ великаго мужа, и какъ еще убилъ? *Дню бывшу рождества Иродова*, говоритъ, *пляса дщи Иродіадина посредѣ*. Забава достойная такого пиршества! Ибо гдѣ женоподобная нѣга и роскошь, гдѣ пьянство и всякія забавы, тамъ нѣтъ ничего твердаго, но все шатко и непостоянно, все обличаетъ безуміе Ирода. Слушайте сіе вы, которые любите смотрѣть на пляшущихъ,—вы, которые такъ внимательно слѣдите своими взорами разнообразное движеніе ногъ вѣтреныхъ юношей и вмѣстѣ растлѣваете свои сердца ихъ растлѣнными и изнѣженными тѣлами,—слушайте, какой плодъ (убійство) принесло искусное плясаніе. *Она же наваждена матерію, даждь ми, рече, здѣ на блюдѣ главу Іоанна Крестителя*. О жестоконравное исчадіе свирѣпой львицы! Не проситъ ни золота, ни серебра, ни драгоцѣнныхъ камней, но главу Іоанна. Хорошо, если бы просила по внушенію вѣры; ибо, дѣйствительно, глава Іоаннова дороже золота, серебра и камней драгоцѣнныхъ. Но нѣтъ, просила не по вѣрѣ, не для того, чтобы воздать сей главѣ должную честь, но для того, чтобы, убивъ обличителя, успокоить тѣмъ свою мать, преданную грѣху. *И печаленъ бысть царь*, услышавъ сіе, не потому, впрочемъ, что у него просили убіенія пророка, а потому что боялся народа; ибо всѣ почитали Іоанна пророкомъ. Если бы Иродъ дѣйствительно опечалился потому, что чувствовалъ благоговѣніе къ пророку, то онъ еще сначала не связалъ бы его и не заключилъ бы въ темницу. Нѣтъ, онъ опечалился, именно боясь народа. Душа Иродова была въ то время подобна кораблю, среди моря волнуемому и обращаемому то въ ту, то въ другую сторону. Совершить убійство пре-

пятствовалъ ему страхъ народа; не совершить убійства онъ не могъ по причинѣ данной клятвы и по причинѣ пировавшихъ съ нимъ. Но, несчастный! будучи ослѣпленъ неистовою страстью къ женщинѣ и употребляя данную клятву какъ-бы въ извиненіе своего убійства, онъ посылаетъ спекулатора и повелѣваетъ отсѣчь главу Іоанну. О вы, которые любите такъ охотно клясться, послушайте, какъ это опасно! Послушайте Господа говорящаго: *не клянитеся всяко* (Матѳ. V, 34). Если бы несчастный Иродъ не произнесъ въ то время клятвы, то онъ не приказалъ бы совершить убійства. Конечно, гораздо лучше было бы ему не клясться; но если онъ и поклялся уже, то лучше было бы не исполнить клятвы; ибо, ежели настоитъ необходимость выбирать изъ двухъ золъ одно, то, безъ сомнѣнія, лучше выбрать зло меньшее.

И посла усѣкну Іоанна въ темницѣ. Возлюбленные мои! какая рука дерзнула поднять мечъ на святую главу Іоанна, предъ которымъ въ пустынѣ благоговѣли звѣри, котораго трепетали львы, страшились змѣи, ехидны и аспиды, котораго по причинѣ святости жизни его, питали дикія пчелы своими трудами; ибо онѣ, собирая съ разныхъ цвѣтовъ и травъ пустынныхъ какъ-бы золотыя капли росы, приносили ему медъ свой? И спекулаторъ пресѣкъ жизнь такого мужа, не устрашившись ангелоподобнаго его лица, не почувствовавъ благоговѣнія къ свѣтлому его взору, сіявшему Божественнымъ блескомъ! Нѣтъ, я думаю, что спекулаторъ, посланный для умерщвленія Іоанна, былъ упоенъ Иродомъ, и имѣя мечъ въ рукахъ, очей не имѣлъ; и такимъ образомъ глава Іоанна (который никогда не пилъ вина), была отсѣчена и принесена на блюдѣ въ среду пиршества; но и въ это время она произнесла: *не достоитъ ти имѣти жены брата твоего.* Такъ, праведникъ жилъ и по смерти, и по отсѣченіи главы не умолкалъ его голосъ. О, жестокость человѣческая! Такимъ-то правителямъ подчиненные Іудеи и пріученные ими къ убійствамъ, наконецъ, не устрашились и Христоубійства. Исаію они перепилили пилою, Іеремію умертвили мечемъ, Навуѳея побили камнями, Захарію также убили, Іисуса Христа распяли. Но, предоставивъ имъ самимъ плачъ о своихъ злодѣяніяхъ, прибѣгнемъ къ таинственному свѣту во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь. (Воскр. Чт., г. XVII, стр. 185—188.)

Изъ бесѣды Анатолія, архіеп. Могилевскаго о чудѣ насыщенія пятью хлѣбами и двумя рыбами пяти тысячъ народа. (Матѳ. XIV, 13—22.)

По возвращеніи Апостоловъ съ первой проповѣди Евангелія, Іисусъ Христосъ, получивъ отъ учениковъ Іоанна Крестителя извѣстіе о мученической его кончинѣ, повелѣлъ Апостоламъ отправиться въ уединенное мѣсто для отдохновенія послѣ ихъ подвиговъ, а Самъ удалился изъ Галилеи въ пустыню чрезъ Тиверіадское озеро на лодкѣ, не желая присутствіемъ Своимъ въ странѣ подвластной Ироду, раздражать кровожадную его подозрительность, потому что не наступилъ еще часъ крестныхъ страданій Спасителя, и симъ поступкомъ Своимъ благоволилъ въ лицѣ Своемъ какъ-бы повторить данный Апостоламъ въ другое время совѣтъ: *егда гонятъ вы во градѣ семъ, бѣгайте въ другій* (Матѳ. X, 23).

Народъ окрестныхъ городовъ, внимавшій ученію Спасителя, узнавъ объ удаленіи Его, съ такою поспѣшностью съ женами и дѣтьми устремился за Нимъ пѣшій по берегу озера въ пу-

стыню, что не успѣлъ взять съ собою никакой пищи. Столь пламенное желаніе сего народа внимать ученію Іисуса Христа разительно обличаетъ нашу беззаботность къ пріобрѣтенію познанія путей Божіихъ, ибо то же ученіе, которое Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ во время земной жизни Своей, ежедневно провозглашается въ храмахъ нашей Церкви; а изъ насъ многіе не только скучаютъ проповѣдью слова Божія, но даже самымъ Богослуженіемъ; иные же по самымъ ничтожнымъ предлогамъ въ часы общественнаго молитвословія остаются въ домахъ и предаются предосудительнымъ забавамъ и чувственнымъ удовольствіямъ. Чѣмъ можемъ мы оправдаться въ такой небрежности о душевномъ нашемъ спасеніи, сравнивая нашу безпечность касательно вѣчной участи съ такою жаждою упомянутаго народа слушать ученіе Спасителя, что для сей цѣли оставилъ свои домы, свои дѣла и свои занятія?

Столь пламенное усердіе народа вполнѣ заслуживало благоволеніе и милость, которыя Іисусъ Христосъ оказалъ ему. Вышедши къ народу безъ всякой со стороны его просьбы, Спаситель сжалился надъ нимъ и исцѣлилъ всѣхъ бывшихъ между народомъ недужныхъ, страдавшихъ различными болѣзнями. *И изшедъ Іисусъ, видѣ многъ народъ, и милосердова о нихъ и исцѣли недужныя ихъ.*

Собравшійся въ пустыню народъ, не чувствуя еще голода, беззаботно внималъ словамъ Спасителя, слѣдилъ взоромъ своимъ за всѣми Его дѣйствіями и движеніями. Подъ вечеръ уже святые Апостолы заботливо стали помышлять, что народу нужно подкрѣпить тѣлесныя силы пищею, и обратились о томъ съ предложеніемъ ко Господу. *Поздѣ же бывшу, приступиша къ Нему ученицы Его, глаголюще: отпусти народы, да шедше въ веси, купятъ брашна себѣ.* Такою заботливостью святые Апостолы показали, что они были достойными учениками Іисуса Христа. Но Господь, промышляющій о всемъ мірѣ, дающій пищу и птенцамъ вороновымъ, призывающимъ Его (Псал. CXLVI, 9), чтобы остановить вниманіе учениковъ Своихъ на малѣйшемъ обстоятельствѣ предстоящаго чуда, не открывая Своего намѣренія, увѣряетъ ихъ, что алчущій народъ не имѣетъ нужды идти въ селенія для покупки пищи. Іисусъ же рече: *не требуютъ отъити: дадите вы имъ ясти.* По замѣчанію другаго Евангелиста, Господь, испытывая учениковъ, присовокупилъ еще: *чимъ купимъ хлѣбы, да ядятъ сіи* (Іоан. VI, 5)? На этотъ вопросъ Апостолъ Филиппъ отвѣчалъ: *двѣма стома пѣнязей хлѣбы не довлѣютъ имъ, да кійждо ихъ мало что пріиметъ* (Іоан. VI, 7). Пѣняземъ или динаріемъ именовалась золотая монета. И дѣйствительно, не смотря на плодородіе Палестины и дешевизну въ ней жизненныхъ потребностей, ничего не значило двѣсти динаріевъ для покупки въ такомъ количествѣ хлѣба, чтобы каждому человѣку изъ находившагося въ пустынѣ народа досталось хотя понемногу. Если бы, впрочемъ, и не требовалось для сей цѣли болѣе денегъ, то гдѣ Апостолы могли ихъ столько взять, когда они, оставивъ свои хижины и все свое имѣніе для удобнѣйшаго послѣдованія за Спасителемъ, сами питались нищенски? Но чѣмъ болѣе, по сознанію Апостоловъ, требовалось денегъ для насыщенія присутствующаго народа, тѣмъ явственнѣе оказалось сверхъестественное потомъ пріумноженіе хлѣба. Присемъ нельзя не замѣтить внимательности Апостоловъ къ нуждѣ народа, о которой предстательствуетъ предъ Господомъ, а равно и готовности ихъ оказать услуги на-

роду. Они не чувствуютъ утомленія отъ пути, послѣ котораго Самъ Спаситель предложилъ имъ отдохнуть; потому что, хотя тѣлесная природа требовала успокоенія, но любовь ихъ принимала искреннее участіе въ требованіи народа. Такъ, хотя вѣра Апостоловъ еще была слаба, но по близости къ Спасителю уже заронилась въ сердцѣ ихъ искра той любви къ ближнему, которую завѣщалъ Спаситель Своимъ послѣдователямъ.

Рѣшительное сознаніе Апостоловъ въ недостаткѣ средствъ къ удовлетворенію предстоявшей нуждѣ народа было непререкаемымъ доказательствомъ совершившагося затѣмъ чуда. По разспросамъ оказалось, что въ цѣлой толпѣ бывшаго въ пустынѣ народа не было болѣе пяти ячменныхъ хлѣбовъ и двухъ рыбъ, которыя нашлись у одного отрока; но что это значило для такого множества людей? *Глаголаша Ему: не имамы здѣ токмо пять хлѣбъ и двѣ рыбѣ.* Оставалось, повидимому, одно средство—отпустить народъ въ окрестныя селенія. Но Спаситель повелѣлъ Апостоламъ принести къ Нему отысканные хлѣбъ и рыбу. *Онъ же рече: принесите Ми ихъ сюмо.* Въ слѣдъ затѣмъ, повелѣвъ народу возлечь на траву рядами по пятидесяти человѣкъ и по сту, Господь взялъ пять хлѣбовъ и двѣ рыбы, воззрѣлъ на небо, научая насъ Своимъ примѣромъ возносить очи упованія нашего къ Богу, благословилъ и, преломивъ, далъ хлѣбы и рыбы ученикамъ, а ученики раздали народу. И ѣли всѣ и насытились; ѣвшихъ же было около пяти тысячъ человѣкъ, кромѣ женъ и дѣтей.

Очевидно, что это событіе не могло совершиться всѣми силами природы, совокупно взятыми со всѣми искусствами, слѣдовательно было дѣйствіемъ Божественнаго всемогущества. Повидимому, каждая крошка хлѣба и рыбы умножилась тысячекратно и каждая крошка доставляла ѣвшимъ совершенное насыщеніе. Но кто въ состояніи изъяснить: какимъ образомъ совершилось и умноженіе пяти хлѣбовъ и двухъ рыбъ, и насыщеніе ими свыше пяти тысячъ народа,—когда и въ окружающей насъ природѣ множество видимъ явленій, а не постигаемъ производящей ихъ внутренней силы? Взглянемъ напримѣръ на ниву, засѣянную рожью, или пшеницей. По наблюденіямъ, каждое зерно, брошенное въ землю, подвергшись вліянію солнечной теплоты, проникающей въ землю, дождевой воды и воздуха, какъ-бы пробуждается къ жизни растительной. Сперва размягчается оболочка каждаго зерна, внутренній составъ его становится жидкимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ изъ одного конца сѣмени вырастаетъ корешокъ и углубляется въ землю, а съ другаго конца подымается въ верхъ стебелекъ, пробирается сквозь землю и выходитъ на воздухъ. Корешокъ, развѣтвляясь въ направленіи, противоположномъ свѣту, постоянно сосетъ въ землѣ пищу, переработываетъ ее по свойству растенія и передаетъ своему стеблю, который производитъ изъ себя трубочки, подраздѣляетъ ихъ, связываетъ будто кольцами, ткетъ изъ безчисленныхъ нитей будто ленточные свои листочки, наконецъ образуетъ колосъ, устрояетъ на немъ для каждаго новаго зерна гнѣздышко, окутываетъ покровами, и будто иглами ограждаетъ колосъ отъ вредныхъ насѣкомыхъ. Возрастая такимъ образомъ, рожь, или пшеница, радуетъ взоръ земледѣльца, качаемая дыханіемъ вѣтра, будто волны рѣки, обильной водами. Но, наблюдая постепенно явленія растительности, мы не понимаемъ внутренней, данной имъ Богомъ, жизненной силы, и не постигаемъ, какимъ искусствомъ эта сила произво-

дитъ нити тоньше паутины и клѣточки, изъ коихъ столь удивительно составляется цѣлое растеніе. Тѣмъ болѣе неизслѣдимы дѣла Божіи, совершаемыя непосредственно Его всемогуществомъ, каково и насыщеніе пятью хлѣбами пяти тысячъ народа. Не прообразовало ли это чудо таинства Божественной Евхаристіи, въ которой подъ видами хлѣба и вина Іисусъ Христосъ, Агнецъ Божій, по выраженію Церкви, «раздробляется, но не раздѣляется, и всегда ядомый—николиже иждивается, но, пребывая непрерывно въ Церкви, освящаетъ причащающихся». Кромѣ сего, насыщеніе въ пустынѣ болѣе пяти тысячъ народа пятью хлѣбами и двумя рыбами научаетъ насъ не предаваться отчаянію въ самыхъ тѣсныхъ обстоятельствахъ жизни, но возлагать всю свою надежду на Бога, Который не только сверхъестественною силою, но и самыми обыкновенными, повидимому, средствами силенъ избавить человѣка отъ постигающихъ его бѣдствій и вывесть на свѣтъ правду его.

Послѣ чудеснаго насыщенія въ пустынѣ народа, по свидѣтельству Евангелиста Іоанна, Іисусъ Христосъ *глаголаученикомъ Своимъ: соберите избытки укрухъ, да не погибнетъ ничтоже. Собраша же,* продолжаетъ Евангелистъ, *и исполниша двенадесяте кошя укрухъ отъ пятихъ ячменныхъ хлѣбъ, иже избыша ядшимъ* (Іоан. VI, 12—13). Собирая остатки хлѣба, святые Апостолы окончательно убѣдились въ сверхъестественномъ его пріумноженіи, а Господь нашъ повелѣніемъ собрать ихъ научаетъ насъ дорожить дарами Божіими, употреблять ихъ только на дѣйствительныя нужды, а не расточать ихъ на роскошь, прихоти и чувственныя удовольствія. Ибо если Іисусъ Христосъ, для Котораго ничего не стоило насытить пятью хлѣбами пять тысячъ народа, заповѣдалъ собрать и приберечь на послѣдующее время остатки чудесно пріумноженнаго хлѣба, то съ какою расчетливостью должны мы пользоваться благами, ниспосылаемыми промысломъ Божіимъ для поддержанія бытія и состоянія нашего на землѣ! Аминь. (Воскр. Чт., г. XIX, стр. 157—160.)

Блаженнаго Іеронима изъясненіе Евангелія, читаемаго въ 8-ю нед. по Пятидесятницѣ (Матѳ. XIV, 14—22).

Во время оно видъ Іисусъ многъ народъ и милосердова о нихъ, и исцѣли недужныя ихъ.

Въ семъ Евангельскомъ сказаніи находится духовный смыслъ.—Послѣдованіе народа за Іисусомъ изъ городовъ означаетъ то, что народъ оставилъ свой прежній образъ жизни и различныя свои мнѣнія; а исшествіе Іисуса Христа изъ уединеннаго мѣста къ пришедшимъ означаетъ то, что они не имѣли силъ сами дойти до Него, хотя желали придти; почему Спаситель и вышелъ изъ Своего уединенія къ нимъ на встрѣчу, подобно тому какъ отецъ вышелъ на встрѣчу къ возвращавшемуся сыну (Лук. XV). Увидѣвъ множество народа, Онъ сжалился надъ нимъ и исцѣлилъ недужныхъ, да полная вѣра тотчасъ получитъ вознагражденіе.

Поздѣ же бывшу, приступиша къ Нему ученицы Его, глаголюще: пусто есть мѣсто и часъ уже мину: отпусти народы, да шедше въ веси купятъ брашна себѣ.

Все здѣсь исполнено таинствъ. Идетъ Господь въ пустое мѣсто, за Нимъ слѣдуетъ народъ; Іисусъ Христосъ милосердуетъ о немъ, исцѣляетъ недужныхъ, и все это дѣлаетъ не при началѣ дня, не въ полдень, но къ вечеру, когда солнце зашло.

Іисусъ же рече имъ: не требуютъ отъити, дадите вы имъ ясти. Народъ, дѣйствительно, не имѣлъ надобности искать другой пищи и покупать себѣ хлѣбъ, потому что предъ глазами его былъ хлѣбъ небесный. Іисусъ Христосъ велѣлъ Апостоламъ, у которыхъ не было хлѣба, накормить пришедшихъ, чтобы болѣе прославить чудо, которое Онъ имѣлъ совершить.

Они же глаголаша Ему: не имамы здѣ, токмо пять хлѣбъ и двѣ рыбѣ. У Евангелиста Іоанна говорится, что Андрей, братъ Петра, сказалъ Ему: здѣсь есть у одного отрока пять хлѣбовъ ячменныхъ и двѣ печеныя рыбки (Іоан. VI, 9). По моему мнѣнію, отрокъ этотъ означалъ Моусея, а двѣ рыбы—или два завѣта, или двѣ скрижали закона. Итакъ у Апостоловъ, прежде нежели пострадалъ Спаситель и возсіялъ свѣтъ Евангелія Его, было только пять хлѣбовъ и двѣ рыбы, жившія въ соленыхъ и горькихъ водахъ. *Онъ же рече: принесите Ми ихъ сѣмо.* Іисусъ Христосъ велѣлъ принести къ Себѣ пять хлѣбовъ и двѣ рыбки для того, чтобы освятить ихъ и умножить.—Да внемлютъ сему Маркіонъ и Манихей!....

И повелѣвъ народомъ возлещи на травѣ, и пріемъ пять хлѣбъ и обѣ рыбѣ, воззрѣвъ на небо, благослови: и преломивъ даде ученикомъ хлѣбы, ученицы же народомъ. Народу велѣно возлещи на травѣ; а по другому Евангелисту, на землѣ по сту, по пятидесяти (Марк. VI, 40. Лук. IX, 13), въ показаніе того, что, поправъ плоть свою и цвѣты ея, т. е. покоривъ себѣ, какъ сухое сѣно, удовольствія міра, человѣкъ посредствомъ покаянія, образуемаго числомъ пятидесятнымъ, долженъ восходить на высоту совершенства, образуемаго числомъ сторичнымъ. Воззрѣніемъ на небо Господь далъ знать, что туда мы должны обращать очи наши. Какъ хлѣбы стали умножаться, послѣ того какъ Господь преломилъ ихъ и передалъ ученикамъ Своимъ; такъ и законъ и пророки начали питать язычниковъ послѣ того, какъ Господь открылъ заключающіяся въ нихъ тайны. Видимъ также, что народъ получаетъ пищу отъ Господа чрезъ Апостоловъ.

И ядоша вси и насытишася, и взяша избытки укрухъ, дванадесять коша исполнъ. Каждый изъ Апостоловъ исполнилъ свою кошницу остатками, или для того, чтобы запасти на будущее время пищу для язычниковъ; или чтобы остатками доказать, что раздѣленные и умноженные были подлинные.

Ядущихъ же бѣ мужей яко пять тысящъ, развѣ женъ и дѣтей. По числу пяти хлѣбовъ было и ядшихъ пять тысячъ. Въ счетъ вошли только мужи, то есть возрасшіе въ мужа совершенна и послѣдовавшіе Мужу, Емуже Востокъ имя (Захар. VI, 12). Такъ и въ книгѣ Чиселъ, при описаніи количества священниковъ, левитовъ и войска, рабы, женщины, дѣти и чернь не упоминаются (Числ. I).

Абіе понуди Іисусъ ученики Своя влѣзти въ корабль и варити Его на ономъ полу, дондеже отпуститъ народы. Слѣдовательно ученики не самовольно оставили Господа. По любви къ Нему они ни на минуту не хотѣли быть въ разлукѣ съ Нимъ (Воскр. Чт. г. XVIII, стр. 147—148).

Чудо хожденія по морю (Матѳ. XIV, 22—34).

Тотчасъ по совершеніи чудеснаго насыщенія народа Христосъ побудилъ учениковъ Своихъ войти въ судно и отправилъ ихъ впередъ, на другую сторону озера; Самъ остался, между тѣмъ, на мѣстѣ, пока отпустилъ народъ; а потомъ удалился на гору для уединенной молитвы. Это было уже ночью.

Ученики достигли уже половины озера, но были въ опасномъ положеніи; потому что съ противоположной стороны дулъ сильный вѣтеръ и лодку ихъ било волнами. Къ этому времени, «въ 4-ю стражу ночи», какъ говоритъ Евангелистъ, вдругъ является невдалекѣ отъ нихъ Самъ Іисусъ, ходя по морю. Выраженіе: «въ 4-ю стражу ночи» указываетъ на тогдашнее раздѣленіе ночнаго времени въ военномъ быту Римлянъ, у которыхъ ночной караулъ смѣнялся три раза въ теченіе ночи и такимъ образомъ раздѣлялъ ее на 4 части. Нежданное и непостижимое появленіе Іисуса еще болѣе смутило учениковъ: они сочли это за призракъ и отъ страха вскричали. Но Спаситель тотчасъ подалъ имъ Свой голосъ съ моря и сказалъ имъ: «успокойтесь, это Я; не бойтесь». Это мгновенно вызвало смѣлость въ Петрѣ, и онъ отвѣчалъ Спасителю: «Господи! если это Ты, то повели мнѣ придти къ Тебѣ по водѣ». Спаситель даетъ Свое соизволеніе. Петръ, не колеблясь и не медля, выступилъ изъ лодки и началъ идти по водѣ на встрѣчу Іисусу. Только во время уже путешествія Апостолъ обратилъ вниманіе на сильный вѣтеръ, который поднималъ волны кругомъ его —испугался и сталъ утопать; тогда онъ воззвалъ къ Спасителю о помощи. Іисусъ подалъ руку, поддержалъ его и сдѣлалъ ему выговоръ не за смѣлую его рѣшимость, а за недостатокъ вѣры. Маловѣрный, сказалъ Онъ Петру, зачѣмъ ты усумнился»? Когда вошли они въ судно, вѣтеръ совсѣмъ утихъ. Видя все это, бывшіе въ суднѣ подошли ко Христу, поклонились Ему и сказали: «воистину Ты Сынъ Божій». Путешествіе окончилось своимъ порядкомъ, и они пристали къ берегу Геннисаретскому.

Чудесное путешествіе Апостола Петра по морю показываетъ намъ то, какія иногда чрезвычайныя дѣла можетъ совершать въ человѣкѣ благочестивая и мужественная вѣра, если не ослабляется въ своемъ дѣйствованіи, и какъ вообще многое въ жизни нашей зависитъ отъ силы этой вѣры, или слабости ея. Общая сторона представленнаго явленія не въ томъ, что Петръ ходилъ по водѣ; это былъ случай исключительный въ его жизни, да и на это рѣшился онъ потому только, что увидѣлъ своего Учителя ходящимъ по водѣ. Общая сторона явленія въ томъ здѣсь заключается, что Петръ, нося въ душѣ рѣшимость вѣры, шелъ съ нею невредимо посреди опасности, но когда сталъ упадать духомъ въ виду ея,—началъ было погибать и только непосредственною помощью Спасителя поддержанъ былъ въ минуту крайности. Не буря водная угрожала ему гибелью, а *буря помышленій сумнительныхъ* внутри его, какъ выражается Святая Церковь (Акаѳ. Іисус. Сладч., конд. 4), точно также, какъ и на водѣ его держала не плотность водной массы, а крѣпость вѣры. Это можетъ быть приложено ко всякому, кто призванъ идти путемъ вѣры. Съ другой стороны, случаи такого затруднительнаго положенія, въ которомъ находился Петръ, могутъ встрѣчаться въ нравственной жизни каждаго. Эти случаи бываютъ различные.

Въ одной изъ Богослужебныхъ пѣсней своихъ (нед. 3 гл. на утр. пѣснь 6, ирм.) Святая Церковь сравниваетъ положеніе утопающаго Петра съ положеніемъ человѣка, потопляемаго бездною грѣховъ, и влагаетъ въ уста этого послѣдняго молитву, гдѣ проситъ онъ Христа Спасителя подать ему руку помощи, какъ нѣкогда Петру. Кто спитъ въ грѣховномъ самозабвеніи и вовсе не думаетъ выйти изъ этого положенія, тотъ, очевидно, не можетъ здѣсь идти въ сравненіе: онъ не борется съ опа-

сностью, а прямо дѣлается жертвою ея. Но вотъ—когда человѣкъ, сознавая свое гибельное положеніе, начинаетъ выбиваться, такъ сказать, наружу и становится на высокомъ пути покаянной вѣры, ему сейчасъ тутъ открывается, какъ много еще нужно будетъ ему препобѣдить трудностей и какъ сильно бороться съ самимъ собою, чтобы, наконецъ, совершенно придти къ Спасителю. И тутъ-то иногда приходится ему видѣть себя въ большой крайности: прежніе навыки, нажитыя наклонности, сокровенные въ душѣ зародыши грѣховныхъ побужденій,—все это возмущаетъ свѣтлую настроенность его вѣры, и волнуется въ душѣ его неудержимой бурей. Въ эти трудныя минуты человѣкъ бываетъ занятъ не тѣмъ уже, чтобы силою характера сдержать порывы страсти въ душѣ своей и сообщить ей благонастроенную тишину вѣры, а тѣмъ, чтобы какъ-нибудь удержаться на своей нравственной точкѣ опоры и не погубить вовсе добраго начала. Разумѣется, если будетъ въ этомъ достигать удачи, онъ будетъ постепенно получать и силу усмирять самыя движенія страстей. Это одно. Далѣе, тоже въ одной изъ пѣсней своихъ (ирм. 6-й пѣсни 6-го гл.), Церковь называетъ настоящую жизнь человѣка «моремъ житейскимъ», которое волнуется «напастей бурею», т. е. различными огорченіями и превратностями, хотя и здѣсь главною виною служитъ та же общая напасть грѣха, постигшая родъ человѣческій. Житейскія огорченія испытываются всѣми нами, больше или меньше; но чаще всего и сильнѣе приходится испытывать ихъ тѣмъ людямъ, которые сознательно, по цѣлямъ нравственнымъ, выступаютъ на борьбу съ этимъ увлекающимъ движеніемъ случайностей. Стараясь идти твердымъ и прямымъ путемъ Богоугожденія и стать выше обольстительныхъ приманокъ жизни, человѣкъ встрѣчаетъ себѣ непріятность въ томъ самомъ, что по началу льстило ему надеждою земнаго удовольствія; входить въ неизбѣжныя столкновенія съ людьми, безуспѣшно искавшими увлечь его въ преступное содружество, терпитъ различныя въ жизни лишенія, неудачи, наконецъ—нарочитыя искушенія, посылаемыя Богомъ для его испытанія. Здѣсь опять иногда приходится человѣку видѣть себя въ трудномъ положеніи, когда, по слову Псалмопѣвца, *исчезаетъ душа* (Псал. CVI, 5) его въ скорбяхъ, и самая вѣра его начинаетъ колебаться; это бываетъ въ минуты какихъ либо сильныхъ, неожиданныхъ несчастій, какъ говорятъ, ударовъ судьбы; бываетъ это и среди мелкихъ обыденныхъ непріятностей и безпокойствъ, которыя, накопляясь иногда около человѣка, самою многочисленностью своею истощаютъ его терпѣніе, и, подобно мелкимъ, быстро движущимся волнамъ, приводятъ въ колебаніе силу его постоянства.—Наконецъ, бываютъ у человѣка движенія помысловъ собственно «сумнительныхъ», т. е. помысловъ сомнѣнія относительно тѣхъ или другихъ предметовъ вѣры. Они являются по временамъ и въ ту пору, когда человѣкъ окончательно уже установилъ свои убѣжденія въ послушаніи вѣрѣ и сознательно усвоилъ себѣ ея внушенія,—являются точно также, какъ и въ нравственномъ отношеніи—принятыя въ душу добрыя правила жизни ускользаютъ иногда изъ вниманія, и на мѣсто ихъ возникаютъ прежнія, оставленныя человѣкомъ дурныя стремленія, вызывая его на борьбу съ ними. Но больше всего человѣкъ страдаетъ мучительнымъ духомъ сомнѣнія въ ту пору, когда онъ, хотя пріобрѣлъ уже общее сознаніе о достоинствѣ истины, но не усвоилъ себѣ еще ея частнаго содержанія, какъ слѣдуетъ; однимъ сло-

вомъ—когда убѣжденія его, какъ говорятъ, находятся еще въ переходномъ состояніи.—Во всѣхъ этихъ случаяхъ единственное для человѣка средство сохранить въ себѣ духъ вѣры и сберечь послѣдніе остатки ея состоитъ въ томъ, чтобы обратиться съ мольбою о помощи къ Спасителю и высказать Ему Самому крайность своего положенія: Онъ всегда близокъ и готовъ подать скорое содѣйствіе упадающему духомъ, сообщить новое, сильное возбужденіе вѣрѣ его. Искренняя, хотя бы и краткая, молитва въ этомъ случаѣ весьма важное дѣло; сознаніе недостатка своей вѣры можетъ замѣнить силу самой вѣры, потому что будетъ служить ея же посильнымъ выраженіемъ (Воскр. Чт., г. XXV, ч. I, стр. 468—472).

Блаженнаго Іеронима изъясненіе Евангелія, читаемаго въ девятую недѣлю по Пятидесятницѣ (Матѳ. XIV, 23—34).

И отпустивъ народы, взыде на гору единъ помолитися: поздѣ же бывшу, единъ бѣ ту.

Если бы были здѣсь Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, кои видѣли славу Іисуса Христа во время преображенія, то, можетъ быть, и они взошли бы съ Нимъ на гору; но народъ не можетъ слѣдовать за Нимъ на высоту, если Онъ не преподастъ ему ученія близъ моря на берегу и не напитаетъ его въ пустынѣ. На гору взошелъ Іисусъ помолитися не тѣмъ естествомъ, которое напитало пятью хлѣбами пять тысячъ мужей, кромѣ женъ и дѣтей, но тѣмъ, которое, услышавъ о смерти Іоанновой, удалилось въ пустыню. Такимъ образомъ изъ дѣйствій во Іисусѣ Христѣ одни принадлежатъ Божескому Его естеству, а другія человѣческому, но Лице Его одно.

Корабль же бѣ посредѣ моря, влаяся волнами: бѣ бо противенъ вѣтръ. Итакъ хорошо сдѣлали Апостолы, что не хотѣли отстать отъ Него, чтобы не потерпѣть кораблекрушенія во время Его отсутствія. Ибо во время пребыванія Его на горѣ, тотчасъ поднялся противный вѣтръ и возмутилъ море. Апостолы были въ большой опасности; ибо буря свирѣпствовала до самаго пришествія Іисуса Христа къ нимъ. *Въ четвертую же стражу нощи иде къ нимъ Іисусъ ходя по морю.* Воинскія стражбы раздѣляютъ на части, изъ коихъ каждая содержитъ три часа. Посему, когда говорится, что Господь пришелъ къ ученикамъ въ четвертую стражу ночи, то симъ показывается, что они всю ночь бѣдствовали, и только въ послѣдней части ночи получили помощь. *И видѣвше Его ученицы по морю ходяща, смутишася, глаголюще: яко призракъ есть, и отъ страха возопиша.* Если по Маркіону и Манихею Господь нашъ не истинно родился отъ Дѣвы, но являлся только въ призракѣ, то какъ Апостолы боятся, чтобы не былъ это призракъ? *Абіе же рече Іисусъ, глаголя: дерзайте, Азъ есмь, не бойтеся.* Если Іисусъ, сказавъ: *Азъ есмь*, не объяснилъ, кто Онъ, то это или потому, что ученики по голосу могли узнать, кто говорилъ съ ними во мракѣ ночномъ, или потому, чтобы они вспомнили о томъ, кто говорилъ Моисею: *тако речеши сыномъ Израилевымъ: Сый посла мя къ вамъ* (Исход. III, 14). *Отвѣщавъ же Петръ рече: Господи, аще Ты еси, повели ми пріити къ Тебѣ по водамъ. Онъ же рече: пріиди.* Въ Петрѣ всюду видна самая пламенная вѣра. Такъ, когда Іисусъ спрашивалъ учениковъ, за кого принимаютъ Его люди, онъ исповѣдалъ Его Сыномъ Божіимъ. Когда Господь открылъ волю Свою идти на страданія, онъ пререкаетъ Ему, заблуждая не разумѣнію, но не заблуждая по

любви, по которой не хотѣлъ, чтобы умеръ исповѣданный имъ Сынъ Божій. На Ѳаворѣ со Іисусомъ онъ взошелъ въ числѣ первыхъ изъ восшедшихъ съ Нимъ. Когда повели Іисуса на судъ къ архіерею, онъ одинъ вошелъ во дворъ архіерейскій. Грѣхъ отреченія своего отъ Господа, происшедшій отъ внезапнаго страха, онъ тотчасъ омылъ горькими слезами. Когда Іисусъ Христосъ, по воскресеніи Своемъ изъ мертвыхъ, явился ученикамъ Своимъ на морѣ Тиверіадскомъ, онъ, чтобы скорѣе достигнуть Его, бросился съ корабля въ море. И теперь съ тою же пламенною вѣрою изъявляетъ увѣренность въ томъ, что по волѣ Учителя онъ можетъ сдѣлать то же самое, что Сей могъ сдѣлать по естеству. Ты только прикажи, (какъ-бы такъ говорилъ Господу) и воды окрѣпнутъ подъ ногами моими, и тяжелое, по природѣ, тѣло мое сдѣлается легкимъ.

И изшедъ изъ корабля Петръ, хождаше по водамъ, пріити ко Іисусови. Нѣкоторые изъ того, что Іисусъ Христосъ ходилъ по водамъ и не погружался, заключаютъ, что у Него тѣло было воздушное. Но какъ же Петръ, бывъ человѣкомъ, ходилъ по водамъ? *Видя же вѣтръ крѣпокъ, убояся, и начень утопати, возопи глаголя: Господи, спаси мя.* Вѣра духа пламенѣла, а немощь человѣческая влекла въ глубину; и Господь попустилъ обнаружиться въ Петрѣ этой немощи, чтобы укрѣпить вѣру его и дать уразумѣть ему, что если онъ не утопалъ, то единственно по содѣйствію силы Господней. *И абіе Іисусъ простеръ руку, ятъ его и глагола ему: маловѣре, почто усумнѣлся еси? И вшедшимъ имъ въ корабль, преста вѣтръ.* Если Апостолъ Петръ, самый пламенный по вѣрѣ, послѣ того какъ онъ убоялся, названъ маловѣрнымъ, то что̀ должно сказать о насъ, у коихъ нѣтъ и малѣйшей части малой его вѣры? *Сущіи же въ кораблѣ, пришедше поклонишася Ему, глаголюще: во истину Божій Сынъ еси.* Находившіеся въ кораблѣ исповѣдали Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ потому только, что по одному мановенію Его море утихло, что, впрочемъ, иногда послѣ большихъ бурь и само собою дѣлается; а Арій, находясь въ церкви, дерзаетъ утверждать, что Онъ сотворенъ!

И пришедше пріидоша въ землю Геннисареѣскую. Кто познаетъ значеніе слова: Геннисареѣ (цвѣтущая долина), тотъ уразумѣетъ, что это происхожденіе Іисуса Христа съ Апостолами и бывшими на кораблѣ въ землю Геннисареѣскую означаетъ то, что Онъ, освободивъ Церковь Свою отъ гоненій и кораблекрушенія, успокоитъ ее въ самой тихой пристани (Воскр. Чт., г. XVII, стр. 153—154).

Какъ нужно понимать Евангельское повѣствованіе о хожденіи Іисуса Христа по морю?

(С. Д—ва.)

Нѣкоторые изъ раціоналистическихъ изслѣдователей Священнаго Писанія (какъ Павлюсъ, Штольцъ и Гфререрь) относятъ слова Евангелія: περιπατῶν ἐπὶ τῆς θαλάσσης или ἐπὶ τὴν θάλασσαν (Матѳ. XIV, 25. Марк. VI, 48. Іоан. V, 19) къ хожденію Іисуса Христа не по морю (Тиверіадскому или Геннисаретскому озеру, называвшемуся вслѣдствіе своей обширности моремъ), но *при* морѣ, у моря, т. е. по морскому берегу; другіе (напр. Больтенъ) утверждаютъ, что Іисусъ Христосъ не ходилъ, а только *плавалъ* по морю; по мнѣнію третьихъ (напр. Шенкеля), это былъ призракъ, созданный фантазіею учениковъ въ то время, когда они находились въ раздумьѣ, возбужденномъ ихъ колебаніемъ въ вѣрѣ въ Іисуса Христа, какъ Мес-

сію; иные же (какъ Вейссе) все это повѣствованіе объясняютъ аллегорически, или же прямо объявляютъ за поэтическій разсказъ, составленный въ интересахъ докетизма, не признающаго человѣческой природы въ Іисусѣ Христѣ и свойственныхъ ей ограниченій, а слѣдовательно и подчиненія въ извѣстномъ отношеніи физическимъ законамъ (Гильгенфельдъ).

Но при безпристрастномъ чтеніи Евангельскаго повѣствованія нельзя не замѣтить, что здѣсь идетъ дѣло о дѣйствительномъ чудесномъ событіи, необъяснимомъ изъ обыкновенныхъ физическихъ или психическихъ законовъ. Это видно, не говоря уже о филологическихъ основаніяхъ, свидѣтельствующихъ не въ пользу вышеприведенныхъ объясненій,—изъ историческаго (а не аллегорическаго) и вмѣстѣ чудеснаго характера тѣхъ событій, которыя предшествовали и которыми сопровождалось хожденіе Іисуса Христа по морю, каковы напримѣръ чудесное насыщеніе громадной массы народа сравнительно ничтожнымъ количествомъ пищи и исцѣленіе многихъ больныхъ (Матѳ. XIV, 19, 21, 36); изъ словъ Евангелиста: «*пошелъ*» (ἀπῆλθε) къ нимъ (ученикамъ) Іисусъ (Матѳ. XIV, 25), устраняющихъ всякую мысль о призракѣ, и изъ аналогическихъ примѣровъ хожденія Апостола Петра по водѣ (Матѳ. XIV, 29) и чудеснаго утишенія Іисусомъ Христомъ бури (Матѳ. VIII, 26. Марк. IV, 39. Лук. VIII, 24), указывающаго на Его владычество надъ стихіями и ихъ силами. Подтвержденіемъ этому служитъ также чрезвычайное изумленіе народа, когда онъ нашелъ Іисуса Христа на другой сторонѣ моря (Іоан. VI, 25. Марк. VI, 51), потому что народу было извѣстно, что на той сторонѣ моря, на которой совершилось чудесное умноженіе хлѣбовъ, «кромѣ одной лодки, въ которую вошли ученики Его, иной не было, и что Іисусъ не входилъ въ лодку съ учениками Своими, и отплыли одни ученики Его» (Іоан. VI, 12), и, наконецъ, то дѣйствіе, которое этимъ событіемъ было произведено на учениковъ Іисуса Христа: они признали это событіе сверхъестественнымъ и пришли къ несомнѣнному убѣжденію, что виновникъ его есть истинный Сынъ Божій, засвидѣтельствовавши это убѣжденіе устнымъ исповѣданіемъ своей вѣры и поклоненіемъ Іисусу Христу, какъ Сыну Божію (Матѳ. XIV, 33). Если бы Іисусъ Христосъ шелъ по берегу или плылъ у берега моря, если бы такимъ образомъ это явленіе не выходило изъ ряда обыкновенныхъ, то ученики Его совершенно не имѣли бы основанія также для своего испуга и, конечно, не сочли бы своего Учителя за призракъ (Матѳ. XIV, 26. Марк. VI, 49—50. Іоан. VI, 19), а тѣмъ болѣе не могли бы среди шума бурныхъ волнъ (Іоан. VI, 18) слышать и понимать слова Іисуса (Матѳ. XIV, 27—30), потому что лодка учениковъ была почти на самой серединѣ моря (Матѳ. XIV, 24. Іоан. VI, 19), которое имѣло въ ширину около десяти верстъ; находясь на столь значительномъ разстояніи отъ Іисуса, они едва ли могли даже видѣть Его, потому что дѣло происходило еще до наступленія дня, на разсвѣтѣ (Матѳ. XIV, 25. Марк. VI, 48. Іоан. VI, 16—17). Что хожденіе Іисуса Христа по морю не было произведеніемъ фантазіи учениковъ, это видно, кромѣ вышеуказанныхъ основаній, также изъ словъ Іисуса Христа, которыми Онъ успокоилъ учениковъ, думавшихъ, что это былъ призракъ (Матѳ. XIV, 26—27. Марк. VI, 49—50), изъ Его разговора съ Петромъ, простертія Имъ руки, которою Онъ поддержалъ усумнившагося въ вѣрѣ и

вслѣдствіе того начинавшаго утопать Петра, и наконецъ, изъ того, что Онъ вошелъ въ лодку къ ученикамъ (Матѳ. XIV, 28, 32. Марк. VI, 51),—призракъ, конечно, не могъ дѣлать этого. Въ частности, о воззрѣніи на повѣствованіе о хожденіи Іисуса Христа по морю, какъ на докетическій вымыселъ, нужно замѣтить, что это объясненіе, несправедливое по отношенію вообще ко всѣмъ четыремъ Евангеліямъ и обличающее крайнее неуваженіе къ нимъ, въ особенности неудачно по отношенію къ Евангелію Іоанна, какъ потому, что въ этомъ Евангеліи отъ I гл. 14 ст. и до конца самымъ рѣшительнымъ и очевиднымъ образомъ исключается всякая тѣнь докетизма, такъ и потому, что Евангелистъ Іоаннъ излагаетъ этотъ разсказъ со всевозможною краткостью, какъ только переходъ къ послѣдующему, безъ присоединенія какихъ либо разсужденій и рѣчей и слѣдовательно безъ особенныхъ дидактическихъ цѣлей.

Поэтому единственно правильнымъ нужно принять взглядъ на хожденіе Іисуса Христа по морю, какъ на дѣйствительное чудесное событіе. Такъ именно смотрятъ на это событіе Евангелисты, излагающіе повѣствованіе о немъ. Того же взгляда держится и Православная Церковь, которая совершенно справедливо видитъ въ этомъ событіи одно изъ фактическихъ доказательствъ Божественности Іисуса Христа (Воскр. Чт. 1875 г., т. I, стр. 300—301).

Библіографическій указатель къ XIV гл. Ев. Матѳея и парал.

Святоотеческія толкованія.

1) *Блаженнаго Августина.* Слово на усѣкновеніе главы св. Іоанна Предтечи. Воскресное Чтеніе, г. XV. 199—201.

2) *Св. Епифанія Кипрскаго.* О пророкахъ, ихъ кончинѣ и мѣстѣ погребенія. Іоаннъ Креститель. Воскресное Чтеніе, г. X. 145.

3) *Преп. Исидора Пелусіота.* О четировластникѣ Иродѣ, о Крестителѣ и объ Иродіадѣ, ч. II. 484—488. Твор. святыхъ отцевъ, т. XXXV.

4) Матѳея XIV, 14—22. *Блаженнаго Ѳеофилакта.* Изъясненіе Еванг., читаемаго въ 8-ю недѣлю по Пятидесятницѣ. Воскресное Чтеніе, г. X. 161—162.

5) *Его же.* Изъясненіе Евангелія въ 9-ю недѣлю по Пятидесятницѣ (Матѳ. XIV, 22—34). Воскресное Чтеніе, г. X. 171—172.

Новѣйшія толкованія

въ духовныхъ журналахъ:

6) Иродъ (Матѳ. XIV, 1—11). Библ. пол. сл. Воскресное Чтеніе, 1875 г. II. 112. Виесаида (XIV, 13). Тамъ же. 1874 г. II. 46. Иродія (Марк. VI, 17—28). 1875 г. II. 128.

7) *А. Лашкарева.* Святый Іоаннъ Креститель, какъ проповѣдникъ при дворѣ Ирода (Матѳ. XIV, 3—4). Стран. 1868 г., т. I. 41—55.

8) Иродъ Антипа, тетрархъ Галилеи. Воскресное Чтеніе, г. XX. 194—196.

9) Усѣкновеніе главы пророка, Предтечи и Крестителя Господня Іоанна. Воскресное Чтеніе, 1881 г. 327—329.

10) *Соллертинскаго.* О мученической кончинѣ св. Іоанна Предтечи. Христ. Чт. 1886 г., ч. I. 174—210.

11) Темница св. Іоанна Крестителя. Воскресное Чтеніе, г. XVIII. 197—202.

12) *Прот. Руднева.* Нѣсколько мыслей по случаю праздника Усѣкновенія главы Крестителя Господня Іоанна. Душеп. Чт. 1868 г. III. 82—86.

13) Разсказъ объ обрѣтеніи главы святаго Іоанна Предтечи. Воскресное Чтеніе, 1880 г. 70—72. Тамъ же, г. III. 433—434.

14) Усѣкновеніе честныя главы святаго Іоанна Крестителя. Духовн. Бес. 1860 г., ч. IV. 35. 481—490.

15) Выписка изъ синаксаря на усѣкновеніе честныя главы св. Іоанна Предтечи. Воскресное Чтеніе, г. I. 163—165.

16) Праздникъ Усѣкновенія главы святаго

Іоанна Предтечи. Воскресное Чтеніе, XXIX. I. 519—524.

17) Объясненіе тропаря на Усѣкновеніе св. Іоанна Предтечи. (О проповѣди Іоанна Предтечи во адѣ: предметъ проповѣди, лица, цѣль и слѣдствія). Воскресное Чтеніе, г. XXI. 212—215.

18) *Е. П. Ак—нова.* На рубежѣ двухъ завѣтовъ. Личность Иродіады. Обличеніе Іоанномъ Предтечею незаконнаго брака и недовольство обличаемыхъ. Поступательное движеніе противъ Іоанна Крестителя со стороны Іудейскихъ вождей въ союзѣ съ Антипой и Иродіадой. Заключеніе Предтечи въ Махеронъ. Мѣстоположеніе Махеронской крѣпости и положеніе въ ней Іоанна Крестителя; доступъ къ нему учениковъ его. Празднество въ Махеронѣ и мученическая кончина Іоанна Крестителя. Стран. 1888 г., Сент. 10—19.

19) Матѳея XIV, 2, 15—16, 28. Мысли *епископа Ѳеофана.* Домашн. Бес. 1871 г. Вып. 18. 27. 29 и отдѣльно. Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ. 147. 240. 248 и 323.

20) Ст. 14—22. Чудесное насыщеніе народа. Воскресное Чтеніе, г. XXV. I. 463—468.

21) Матѳея XIV, 22—34. Воскресное Чтеніе, г. XVII. 153.

22) Ст. 34. Геннисаретская земля. Библ. пол. сл. Воскресное Чтеніе, 1874 г. II. 143—144.

23) Марк. VI, 20. *Орды.* Невѣріе нашего времени. Воскресное Чтеніе, 1880 г. 308—311.

24) *Прот. Нечаева.* Уроки покаянія.... Утопающій Петръ. Душеп. Чт. 1880 г. III. Ноябрь. 348—352.

25) Марк. VI, 50. Утѣшеніе страждущихъ христіанъ изъ словъ Спасителя къ Апостоламъ во время бури: *Азъ есмь.* (Перев. съ Англ.) Духовн. Бес. 1861 г. XII. 177. 222.

26) Марк. VI, 45—51. Ученики во время бури. *Изъ Берсье.* Прав. Обозр. 1888 г. Ноябрь. 531—543.

27) Марк. VI, 33, 50. Мысли епископа Ѳеофана. Домашн. Бес. 1871 г. Вып. 35. 37. и отдѣльно. Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ. 302—305.

28) Мысли, его же, Лук. IX, 10, 12—17. 365—368.

Въ Словахъ и Бесѣдахъ:

29) Матѳ. XIV, 14—22. *Евсевія, епископа Могилевскаго.* Бес. въ 8-ю недѣлю по Пятидесятницѣ. Бес. на воскр. и праздн. Еванг., ч. I. 309—318.

30) Ст. 22—34. *Его же.* Бес. въ 9-ю нед. по Пятидесятницѣ. Бес. на воскр. и праздн. Еванг., ч. I. 318—329.

31) Ст. 10. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О пиршествѣ Ирода, сходствѣ съ нимъ нашихъ вечеринокъ и пагубныхъ слѣдствіяхъ ихъ. III. 204—210.

32) Ст. 30. *Филарета, архіеп. Черниговскаго.* Грѣхъ есть самое ужасное дѣло. II. 74.

33) Ст. 31. *Арсенія, митроп. Кіевскаго* О томъ, что во всѣхъ бѣдствіяхъ и злоключеніяхъ вѣра есть благонадежнѣйшее пособіе, и что, потерявъ вѣру, мы дѣлаемся несчастны. I. 299— 304.

34) Марк. VI, 14—29. *Григорія, архіеп. Казанскаго.* О смерти Іоанна крестителя. II. 217—226.

35) Ст. 21. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О томъ, какъ праздновалъ Иродъ день своего рожденія, и какъ надобно праздновать день своего Ангела. III. 211—218.

36) Ст. 22—28. *Его же.* О томъ, что̀ довело Ирода до безразсудной клятвы и пророкоубійства. О древнихъ христіанскихъ вечеряхъ любви въ сравненіи съ нашими вечерями и о сходствѣ этихъ послѣднихъ съ вечерею Ирода. III. 219—231. О гибельныхъ слѣдствіяхъ пляски. 232—239.

37) Ст. 26. *Леонтія, архіеп. Варшавскаго.* Объ обстоятельствахъ Усѣкновенія главы святаго Іоанна Крестителя и о легкомысленной клятвѣ вообще. II. 113—114.

38) Ст. 27—28. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* Объ усѣкновеніи главы святаго Іоанна Крестителя. О причинахъ и цѣли невинныхъ страданій въ семъ мірѣ. II. 164—170. О чрезвычайной цѣли допущенія Промысломъ Божіимъ мученической смерти Іоанна Крестителя: *да и сущимъ во адѣ Спасово проповѣсть пришествіе.* II. 172—173.

39) Ст. 27—28. *Никанора, архіеп. Херсонскаго.* Размышленіе объ усѣкновеніи главы святаго Іоанна Предтечи и о значеніи этого событія. I. 236—248.

Изъясненіе бесѣды о хлѣбѣ небесномъ (Іоан. VI, 22—71).

(Филарета, архіеп. Черниговскаго.)

Ст. 22—25. Народъ, остававшійся на восточномъ берегу озера, утромъ спѣшилъ отыскать Іисуса. Онъ переправился на лодкѣ, приплывшей изъ Тиверіады. Такъ какъ зналъ онъ, что одни ученики вошли въ лодку, а другой вечеромъ не было; то, увидавъ Іисуса въ Капернаумѣ, догадывались, что оказался Онъ здѣсь не безъ чуда. «Равви! когда Ты сюда пришелъ?» спрашивали Его.

Ст. 26 — 27. «Вы ищете Меня не потому, что видѣли чудеса, но потому, что ѣли хлѣбъ и насытились», говорилъ Господь. Онъ не отвѣчаетъ на вопросъ: когда пришелъ? Онъ говоритъ о состояніи сердецъ ихъ и о томъ, что̀ нужно для этихъ бѣдныхъ душъ.—Эти люди, видѣвшіе нѣсколько чудесъ Іисуса, въ самомъ чудѣ цѣнили только пользу для земной жизни. Они были одной закваски съ утилитаристами новаго времени. Для подобныхъ людей духовное важно только въ той мѣрѣ, въ какой выгодно оно для земной жизни, иначе иные изъ нихъ не дадутъ за него ни вздоха. Что̀ же сказано такимъ людямъ? «Ищите не пищи тлѣнной, но пищи пребывающей въ жизнь вѣчную, которую дастъ вамъ Сынъ Человѣческій». Ἐργάζεσθε значитъ трудиться надъ чѣмъ либо, пріобрѣтать (Притч. XXI, 63. Лук. XVI, 16), сопоставленное же съ словомъ: ищите, ст. 26 требуетъ того, чтобы домогались пріобрѣтать. Пища тлѣнная сама по себѣ показываетъ, что она не стоитъ того, чтобы душа полна была заботъ о ней. «Пища для чрева и чрево для пищи; но Богъ уничтожитъ то и другое» (1 Коринѳ. VI, 13). Пища, остающаяся въ душѣ на цѣлую вѣчность, также сама собою показываетъ, что о ея пріобрѣтеніи надобно заботиться искреннею душею и постоянно. Спаситель не говоритъ, что надобно быть беззаботнымъ, о нуждахъ временной жизни. Это не въ Его духѣ (1 Солун. IV, 10. 2 Солун. III, 12. Ефес. IV, 28. 1 Коринѳ. IX, 18). Онъ учитъ искать прежде всего пищи духовной (Матѳ. VI, 25, 33. Лук. X, 41). Онъ собственно говоритъ противъ утилитаристовъ, которые такъ низко цѣнятъ духовное и слишкомъ высоко удобства земной жизни. Онъ требуетъ, чтобы прежде всего была во вниманіи пища духовная, та, которую можетъ подавать только Онъ. Люди многому даютъ названіе духовной пищи: наукамъ, наслажденіямъ изящными предметами и пр. Но это—дѣла людей, а не Сына Божія. Истинная философія есть философія Сына Божія. Онъ указываетъ человѣку какъ высокое достоинство его въ его безсмертномъ духѣ, такъ и смиренную земную долю его. Онъ же, и только Онъ одинъ, даетъ человѣку достигать высокаго назначенія его. Пищу, которая даетъ жизнь душѣ на цѣлую вѣчность счастливую, подаетъ только Онъ—Сынъ Божій. «Ибо на Немъ положилъ печать Отецъ». Чудеса, прозрѣнія въ даль незримую людьми, извѣстныя въ Его дѣятельности, увѣряютъ, какъ царская печать, что Онъ возлюбленный Богомъ Посланникъ, какого еще не видалъ міръ (Златоустъ), и что Онъ въ состояніи подавать самую питательную, самую лучшую и отнюдь не обманчивую пищу.—(Августинъ).

Ст. 28. «Что̀ намъ дѣлать, чтобы творить дѣла Божія?» спрашивали слушатели. Они поняли изъ упрека, сказаннаго имъ, что отъ нихъ требуется исканіе духовной пищи—дѣлъ добрыхъ. Между тѣмъ думали, что едва ли недовольно для нихъ заповѣдей Моисея. Какія еще нужны дѣла? говорили они.

Ст. 29. «Вотъ дѣло Божіе, отвѣчалъ Господь, вѣруйте въ Того, Кого послалъ Онъ».—Дѣло Божіе, дѣло самое угодное Богу, сл. Іоан. IV, 34 — вѣра въ Посланника небеснаго.—Іоаннъ писалъ: «заповѣдь же Его такова, чтобы мы вѣровали во имя Сына Его Іисуса Христа и любили другъ друга, какъ Онъ заповѣдалъ намъ (1 Іоан. III, 23).

Ст. 30—31. *Отцы наши ядоша манну въ пустыни, якоже писано.* По этимъ словамъ видно, что требующіе чуда были люди книжные, которые читаютъ Писаніе. Поелику же это было въ Капернаумѣ, то должны мы признать въ нихъ фарисеевъ—членовъ Капернаумской синагоги. По чуду умноженія хлѣбовъ для 5000 народа, признали Спасителя Мессіею. Людямъ книжнымъ мало было этого чуда: они требовали новаго чуда въ увѣреніе небеснаго посланничества Іисусова, такого же чуда, какое, по ихъ понятію, совершилъ Моусей,ославъ манну съ неба (Исх. XVI, 4, 14, 25. Числ. XI, 7. Псал. LXXVII, 23—24).

Ст. 32 — 33. Спаситель вразумляетъ этихъ людей, что не Моусей посылалъ имъ манну, а Отецъ Небесный, что манна не есть лучшая пища, а только образъ ея, что хлѣбъ лучшій сходитъ только съ неба. Первая мысль такъ была очевидна сама по себѣ, что не требовала доказательствъ; она ясно выражена была и у Моусея (Исход. XVI, 15) и въ Псалмѣ; но терявшіе ее изъ вида воображали себѣ Моусея какимъ-то полубогомъ, безъ котораго нѣтъ спасенія на землѣ, тогда какъ онъ только слуга Божій, ожидавшій спасенія для людей отъ Мессіи-Пророка. О маннѣ Спаситель не отвергаетъ того, что она сходила съ неба. «Хлѣбомъ небеснымъ питалъ ихъ», говорилъ священный пѣвецъ (Псал. CIV, 40). Если бы это было произведеніе земли, чудесно умножавшееся каждый день, какъ думаютъ иные (Толуккъ), то не для чего было хранить манну въ ковчегѣ завѣта. Однако манна все-таки была вещественная по составу своему и не была лучшею пищею, потому что насыщала только тѣло, а не душу безсмертную; она только вызывала желанія лучшей пищи, указывала на духовный хлѣбъ въ будущности. Лучшій хлѣбъ, удовлетворяющій всѣмъ нуждамъ души и при томъ на цѣлую вѣчность, сходитъ съ неба; это Сынъ Божій, явившійся на землѣ для спасенія людей. Вотъ это такое чудо любви Отца Небеснаго, котораго міръ не видалъ и въ другой разъ не увидитъ.

Ст. 34. *Рѣша къ Нему: Господи, всегда даждь намъ хлѣбъ сей.* Это говорятъ опять люди простые, тѣ, которые видѣли чудо умноженія хлѣбовъ. Они думаютъ, что Господь говоритъ о чудесной пищѣ вещественной и въ простотѣ души, угнетаемой нуждами земли, смиренно выражаютъ просьбу: когда бы всегда была у нихъ такая чудесная пища!

Ст. 35—36. *Азъ есмь хлѣбъ животный.* Онъ есть тотъ хлѣбъ, сообщающій жизнь вѣчную, котораго должны желать всѣ люди, созданные для вѣчности, и которымъ такъ мало дорожатъ многіе. Какъ уже не разъ замѣчалъ Онъ (Іоан. VI, 2, 26; V, 17, 36; III, 32), люди видятъ Его и не принимаютъ Его; говорятъ: «дать имъ вкушать хлѣбъ», и не пользуются предложеннымъ. «Приходящій ко Мнѣ не будетъ алкать и вѣрующій въ Меня не будетъ жаждать никогда». По объясненію Спасителя, приходить къ Іисусу то же, что вѣровать въ Іисуса, только вѣра разумѣется здѣсь одушевляемая любовью (Іоан. VII, 37—38). (Ученіе о Словѣ, стр. 119—124.)

Ст. 35. Св. Исидора Пелусіота на слова Писанія: Азъ есмь хлѣбъ животный.

Господь называется хлѣбомъ, Самъ Себя нарицая симъ именемъ, по разумѣнію первоначально открывающемуся, какъ содѣлавшійся для всѣхъ спасительною пищею, а въ смыслѣ таинственномъ, какъ вложившій квасъ въ человѣческое смѣшеніе, очистившій и какъ-бы испекшій оное огнемъ Божества Своего, и содѣлавшійся единымъ съ Нимъ Лицемъ и единою достопоклоняемою Vпостасью (Тв., ч. I, стр. 206).

Филарета, архіеп. Черниговскаго.

Ст. 37. *Все, еже дастъ Мнѣ Отецъ, ко Мнѣ пріидетъ.* Хотя люди, подобные большинству слушателей, не вѣрятъ въ Него, но будутъ такіе, которые придутъ къ Нему, — тѣ, которые приведены будутъ Отцемъ Небеснымъ, или какъ послѣ говоритъ, которые научены будутъ Богомъ (45). *Все, — ко Мнѣ пріидетъ:* придутъ не то, что люди извѣстнаго племени и извѣстной вѣры, напримѣръ Іудеи, придутъ люди изъ всѣхъ племенъ, всякой религіи, всякаго пола, всякаго возраста и всякаго времени, по изволенію Божію. Это то же, что̀ прежде (33) названо міромъ, или всякою плотію (Іоан. XVII, 2). *Ко Мнѣ пріидетъ.* Спасеніе не дѣло одной благодати, оно зависитъ и отъ нашей воли. Благодать не уничтожаетъ въ насъ свободы; она только исправляетъ разстроенный грѣхомъ духовный организмъ. «Пагуба отъ тебя Израиль» (Осія XIII, 19). *Грядущаго ко Мнѣ не ижденѹ вонѣ*, не отвергну, а приму съ любовью (Іоан. X, 28). Небесная любовь съ отверстыми объятіями принимаетъ возвращающагося заблудшаго сына (Лук. XV, 20).

Ст. 38—40. *Яко снидохъ съ небесе, не да творю волю Мою... воля Пославшаго Мя,—да все, еже даде Ми, не погублю.* Пусть не опасаются того, что участь вѣрующаго въ Іисуса едва ли такъ надежна, какъ надежна была участь учениковъ Моѵсея. Ненадежны дѣла самыхъ высокихъ умовъ, самыхъ сильныхъ характеровъ, дѣйствующихъ по одной человѣческой волѣ: хорошо еще, если бы не вносили новаго разстройства въ человѣческія общества геніальные реформаторы вѣры, законовъ, быта общественнаго; на дѣлѣ рѣдко, очень рѣдко, это бываетъ. А какъ прочны, какъ долговѣчны постройки ихъ, объ этомъ говорить не нужно. Сынъ Человѣческій явился съ неба не съ тѣмъ, чтобы творить Свою волю (Іоан. Ѵ, 19, 30). Онъ *творитъ волю пославшаго Отца.* Тамъ, гдѣ исполняется воля Отца Небеснаго, не мѣсто сомнѣніямъ за участь людей. Смущаемые бѣдами земной жизни, или толками забывчиваго саддукейства, люди доходятъ до сомнѣній о назначеніи людей; но Сынъ Отца Небеснаго твердо знаетъ, что воля небесная желаетъ спасенія для всѣхъ. Избранный народъ назывался наслѣдіемъ Божіимъ (1 Царств. XXVI, 19. Псал. XXVII, 9; XXXII, 12). Теперь по волѣ Отца наслѣдіе Божіе—вѣрующіе во Христа Іисуса. Все дѣло Сына Божія состоитъ въ томъ, чтобы всѣ переданные Отцемъ Сыну въ собственность, иначе всѣ вѣрующіе въ Сына, не погибли, а жили вѣчно блаженною жизнью (Матѳ. XIII, 16). Впрочемъ, тутъ дѣло идетъ не о томъ, какъ спасаются вѣрующіе во Христа, по безусловному ли опредѣленію Отца Небеснаго, или условному. Объ этомъ надобно искать наставленіе въ другихъ мѣстахъ Писанія (Ученіе о Словѣ, стр. 124—126).

Изъясненіе 38—40 ст. Властова.

Ст. 38. *Яко снидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца.*

Призывая всѣхъ людей къ Себѣ именемъ Отца, Господь Іисусъ указываетъ на полное тождество воли Своей съ волею Отца и на то, что на землѣ всякое дѣяніе Его, какъ Богочеловѣка, есть выполненіе воли Его, какъ Бога. Когда Господь глаголетъ: «снидохъ съ небесе, да не творю волю Мою», Онъ указуетъ на человѣческую волю Свою, которая могла, какъ въ Адамѣ, быть несогласною съ волею Божіею, ибо Господь Іисусъ былъ полный человѣкъ и вмѣстѣ съ симъ Богъ; когда же онъ присовокупляетъ: «но да творю волю пославшаго Мя Отца»,—то Онъ глаголетъ о Божественной волѣ Своей, тожественной съ волею Отца, которой Онъ какъ человѣкъ подчиняетъ человѣческую волю Свою. Въ сугубости естества Богочеловѣка кроется разъясненіе словъ Господа Іисуса, когда Онъ глаголетъ о томъ, что не творитъ волю Свою, или о томъ, что единый Отецъ вѣдаетъ о днѣ и часѣ послѣдняго дня, и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, когда Онъ говоритъ по человѣчеству.

По этому поводу святый Григорій Богословъ со ссылкою на эти мѣста Евангелія говоритъ: «не вѣдѣти убо глаголетъ яко человѣкъ... Сынъ не инако знаетъ день или часъ, развѣ якоже Отецъ..., но познавый Сына позна Отца (Іоан. XIV, 7)... кратко рещи: Сынъ есть сокращенное и удобное показаніе естества Отца».

39. *Се же есть воля пославшаго Мя Отца, да все, еже даде Ми, не погублю отъ Него, но воскрешу е въ послѣдній день.*

40. *Се же есть воля пославшаго Мя, да всякъ видяй Сына и вѣруяй въ Него имать животъ вѣчный, и воскрешу его Азъ въ послѣдній день.*

Конечная цѣль есть воскрешеніе въ послѣдній день: ст. 39-й: вся еже даде Ми Отецъ», и стихъ 40-й: всякаго вѣрующаго. Не безъ основанія можно видѣть въ семъ двойномъ рѣченіи о воскресеніи, во-первыхъ, всю совокупность вѣрующихъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, всю Церковь Христову въ обширнѣйшемъ ея значеніи—какъ благодатное общество людей, соединенныхъ общею любовью ко Христу, не смотря на раздѣляющія ихъ на землѣ пространство и время. Воскресеніе обѣщаетъ Господь всему этому безчисленному количеству избранныхъ особей, какъ единой Церкви. Во-вторыхъ (40), Господь повторяетъ то же обѣщаніе воскресенія въ жизнь вѣчную каждому отдѣльно христіанину, какъ вѣчной душѣ, не имѣющей никогда потерять своего индивидуальнаго значенія и сознанія и имѣющей свою собственную, ей принадлежащую радость вѣчной жизни, независимо отъ той общей радости, въ которой она участвуетъ, какъ членъ «всего», т. е. Вселенской вѣчной Церкви.

Слова *«видяй Сына»*,—θεωρῶν τὸν Υἱὸν переведены очень хорошо въ Латинскомъ переводѣ Bibliae Sacrae: quisquis conspicit Filium; т. е. кто созерцаетъ постоянно и неизмѣнно Сына, тотъ только и вѣруетъ и тотъ имѣетъ животъ вѣчный. Или быть можетъ еще правильнѣе сказать,—постоянно видитъ и созерцаетъ Сына тотъ, кто вѣруетъ, ибо, вѣруя въ Спасителя и Благодѣтеля, нельзя отвести мысленнаго взора отъ Того, Который любовію зоветъ къ Себѣ: «гряди ко Мнѣ, не изжену, не погублю, воскрешу» (Опытъ изученія Евангелія св. Іоанна, т. I, стр. 262—264).

Филарета, архіеп. Черниговскаго.

Ст. 41—42. Того, что Іисусъ Христосъ есть хлѣбъ, сшедшій съ неба, не хотѣли принять нѣкоторые слушатели. Мы знаемъ, говорили, отца и мать Его; а Онъ говоритъ, что Онъ съ неба! Несовмѣстимыя мысли! Подобныя сомнѣнія недовольныхъ выражались много разъ (Матѳ. XIV, 55. Іоан. X, 19, 24). Тутъ опять слышенъ голосъ членовъ Капернаумской синагоги, озаботившейся собрать толки о происхожденіи Чудотворца Капернаумскаго и Канскаго.

Ст. 43—46. «Не ропщите между собою, отвѣчалъ Господь; никто не можетъ придти ко Мнѣ, если не привлечетъ его Отецъ, пославшій Меня». Ἑλκύσῃ понимаютъ такъ: приведетъ какъ отецъ дитя къ лѣкарю или учителю. Но это не точное пониманіе дѣла. По указанію (45) ἑλκύσῃ здѣсь означаетъ дѣйствіе Божіе на внутренность души; такъ и въ другихъ мѣстахъ Писанія (Пѣсн. пѣсн. I, 4. Іерем. XXXI, 4. Осія XI, 3—5. Іоан. XII, 32). Для вѣры въ Іисуса необходимо дѣйствіе благодати на разумъ и волю человѣка: самъ по себѣ человѣкъ не въ состояніи придти къ Іисусу вѣрою и любовью. Потому естественно, что ученые Іудейскіе, какъ и люди въ родѣ Штраусовъ и Ренановъ, занятые мечтами о своей учености, не допускающими до ихъ гордыхъ сердецъ благодати, не понимаютъ ученія Іисусова. Объ отношеніи благодати къ свободѣ человѣка, Августинъ замѣчаетъ: «не думай, что привлеченъ будетъ противъ воли; будетъ привлеченъ духъ любовью. Какъ повѣрю, что по волѣ, если привлеченъ буду? Говорю тебѣ по волѣ мало, по удовольствію—много. Что такое быть привлеченнымъ по удовольствію? Откройся Господу, и Онъ исполнитъ прошеніе сердца (Псал. XXXVII, 4). Есть извѣстное услажденіе сердечное, для котораго сладка та небесная пища». *Есть писано во пророцѣхъ*... Спаситель въ защищеніе Своей мысли свидѣтельствуется пророками. Онъ приводилъ слова Исаіи LIV, 13. Но сказавъ о пророкахъ, конечно, указываетъ искать и другія свидѣтельства, каково Іерем. XXXI, 33—34. Послѣ того какъ сказалъ: наставитъ Отецъ, прибавляетъ, что эти слова не то значатъ, будто люди могутъ видѣть непосредственно Самого Отца; существо Божіе созерцается только Сыномъ (Іоан. I, 2—3, 18). Этимъ дается понять, что какъ въ Божествѣ есть Отецъ и Сынъ, такъ спасеніе людей устроялось и устрояется Отцемъ при посредствѣ Сына—и что если хотятъ знать объ Отцѣ, то должны слушать Сына,—иначе порядокъ спасенія людей зависитъ не отъ воли людей, а отъ воли неба.

Ст. 47—50. Какъ прежде всего говорилъ Самарянкѣ, что земная вода не утоляетъ жажды, а утоляетъ жажду души вода духовная, которую Онъ преподаетъ (IV, 13—14), такъ теперь сравниваетъ земную манну (Исход. XVI, 13) съ манною небесною и говоритъ, что земная манна не сообщала безсмертія тѣлу, а манна небесная даритъ безсмертіе душѣ. «Истинно, истинно говорю вамъ: вѣрующій въ Меня имѣетъ жизнь вѣчную», говоритъ Онъ предъ лицемъ маловѣрія и невѣрія, подтверждая слово сіе клятвеннымъ увѣреніемъ. «Отцы ваши ѣли манну въ пустыни и умерли». Гордившіеся манною, указывая на чудесную манну, забыли о томъ, что манна не спасла ихъ отцевъ отъ смерти; мало того, за противленіе волѣ Божіей тѣ испытали на себѣ гнѣвъ Божій (Псал. XCIV, 10—11; LXXVII, 33. 1 Коринѳ. X, 5).

Ст. 51. «Я хлѣбъ живый.... Хлѣбъ же, который Я дамъ, есть Плоть Моя, которую Я дамъ за жизнь міра». Три раза говорилъ доселѣ Спаситель: Я хлѣбъ живый. Теперь говоритъ: дамъ хлѣбъ—Плоть Мою, которую дамъ за жизнь міра. Ясно, что теперь говорится о хлѣбѣ другаго вида. Тамъ хлѣбъ—Онъ Самъ, Его ученіе и благодать, усвояемыя вѣрою. Здѣсь хлѣбъ—Плоть Его. Тамъ хлѣбъ уже предложенный. Здѣсь говоритъ: дамъ хлѣбъ, обѣщаетъ подать. Плоть Его, которую обѣщаетъ подать въ пищу,—не одно воплощеніе Его (Шлейрмахеръ): воплощеніе уже совершилось; а здѣсь—плоть, которую дастъ за жизнь міра; послѣднее не можетъ имѣть другаго значенія, кромѣ значенія смерти искупительной. Итакъ Спаситель обѣщаетъ установить новую пищу, пищу Евхаристіи и предсказываетъ о Своей примирительной смерти.

Ст. 52—53. Тогда Іудеи стали спорить между собою и говорили: «какъ Онъ можетъ дать намъ ѣсть Плоть Свою»? Іудеи поняли, что Іисусъ началъ говорить уже не о пищѣ чисто духовной, а о Плоти Своей. Они не понимали только: какъ Плоть Его можетъ быть пищею?

Ст. 54—58. Въ отвѣтѣ Своемъ Спаситель ни словомъ, ни намекомъ не далъ знать, что Іудеи, понявъ слова Его о вкушеніи Плоти Его, поняли неправильно. Напротивъ, Онъ подтверждаетъ эту увѣренность ихъ: «тѣ, которые, говоритъ Онъ, не будутъ вкушать Плоти и Крови Его, не будутъ имѣть жизни въ себѣ. Напрасно самоволіе, Іудейское ли, или кальвинское, раскольническое ли или раціоналистическое, будетъ уклоняться отъ новой пищи предлогами придуманными. Самоволію говорятъ: упорное отреченіе отъ этой пищи сопровождается потерею духовной жизни.—Крещеніемъ начинается въ христіанствѣ жизнь духовная. Но ее надобно не только поддерживать, но и умножать. Благодатное средство къ тому—вкушеніе Тѣла и Крови Христовой. Если же отвергаютъ это средство: упорство наказываетъ само себя,—жизнь духовная не только не умножается, но можетъ совсѣмъ погаснуть.—*Ядый Мою Плоть.. имать жизнь вѣчную.* То, что̀ выражено было отрицательно, выражается въ видѣ положенія. Ясно и прямо говорится, что вкушающій Плоть и піющій Кровь Его принимаетъ въ себя жизнь. Разумѣть тутъ принятіе духовной пищи вѣрою значило бы не слышать, что̀ говоритъ Господь.—«Плоть Моя истинно есть пища и Кровь Моя истинно есть питіе». Господь видѣлъ, что Іудеи сильно соблазняются словами Его;—для ихъ успокоенія, по ихъ мыслямъ, надобно было сказать: какъ вы, вкушая хлѣбъ, принимаете его въ себя,—такъ и Меня должны вы принять въ сердце свое. Но Онъ еще усиливаетъ тревожное сомнѣніе Іудеевъ.—Онъ говоритъ: «Плоть Моя истинно есть пища и Кровь Моя истинно есть питіе», истинно, съ исключеніемъ всякой неточности или образности. Напрасно думаютъ, что пока не была установлена евхаристія, сами Апостолы не могли въ точности понять о ней словъ Спасителя, и слѣдовательно не нужно было говорить о пищѣ евхаристіи. Какъ въ каждомъ пророчествѣ не все бываетъ понятно, пока оно не исполнится, но нельзя говорить, что по такому свойству пророчество не нужно; такъ и пророчество Господа объ евхаристіи стало вполнѣ понятно каждому вѣрующему по исполненіи его; но оно, какъ обѣщаніе высокаго благодѣянія, было утѣшительно и до исполненія,—оно возвышало вѣру въ Мессію Іисуса, обѣщающаго послать пищу болѣе чудную, чѣмъ была манна времени Моусеева. *Ядый Мою Плоть и піяй Мою Кровь*

во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ. Вотъ объясненіе на слова: Плоть Моя истинно есть пища. Какъ вещественная пища и вещественное питіе обращаются въ собственность тѣлеснаго организма; такъ тотъ, кто будетъ вкушать Тѣло Христово и пить Кровь Его, будетъ усвоять себѣ Христа Господа.— Это не то, что нравственное усвоеніе себя Христу. Это усвоеніе Господа дѣйствительное, зависящее отъ воли Господа. Святый Иларій пишетъ: «если Слово стало плотію, и мы принимаемъ въ пищѣ Господа Слово, истинно ставшее плотію; какъ не естественно пребываетъ въ насъ Онъ, родившійся человѣкомъ, принявшій на Себя все естество наше и сообщающій намъ въ таинствѣ плоть, соединенную съ вѣчнымъ естествомъ»? Вкушающіе Плоть Мою будутъ пользоваться тою же блаженною жизнью, которою «Я живу чрезъ Отца, пославшаго Меня», говоритъ Господь. Такъ какъ здѣсь говорится о жизни Посланника, то надобно разумѣть не предвѣчную жизнь Сына, а жизнь Мессіи. Такъ понималъ святый Кириллъ Александрійскій. «Сей-то есть хлѣбъ сшедшій съ небесъ», заключаетъ Спаситель, показывая въ тайномъ Тѣлѣ Своемъ, предлагаемомъ людямъ, болѣе высокую, болѣе живительную пищу, чѣмъ была манна. Подлинно чудо Евхаристіи, совершающееся въ христіанскомъ мірѣ каждый день во всѣхъ углахъ земнаго шара, есть чудо величайшее, предъ которымъ манна является ничтожною, какъ по благотворности, такъ по обширности дѣйствія новаго чуда.

Ст. 57. Василія Великаго на слова: и Азъ живу Отца ради.

Если Сынъ живетъ Отца ради, то живетъ ради другаго, а не ради Себя. Но кто живетъ ради другаго, тотъ не можетъ быть истинною жизнью. Ибо святый по благодати не источно святъ. Посему ложно сказалъ Сынъ: *Азъ есмь животъ* (Іоан. XI, 25); и еще: *тако и Сынъ, ихже хощетъ, живитъ* (Іоан. V, 21). Поэтому сказанное разумѣть должно о человѣчествѣ, а не о Божествѣ (Тв. св. оо., т. VII. Тв. Василія Великаго, ч. III, стр. 168).

О томъ же.

Здѣсь изрѣченіе, какъ думаю, именуетъ не предвѣчную жизнь; ибо все живущее ради другаго не можетъ быть источною жизнью, какъ нагрѣваемое другимъ не можетъ быть источною теплотою; а Христосъ и Богъ нашъ сказалъ о Себѣ: *Азъ есмь животъ* (Іоан. XI, 25); но означаетъ сію жизнь во плоти, совершившуюся въ семъ времени, какою жилъ Онъ Отца ради; ибо по Его изволенію пришелъ въ жизнь человѣческую. И не сказалъ: Я жилъ Отца ради, но говоритъ: *Азъ живу Отца ради*, ясно указывая на настоящее время. Можетъ же рѣченіе сіе именовать и ту жизнь, какою Христосъ живетъ, имѣя въ Себѣ Самомъ Слово Божіе. И что таково подлинно значеніе сихъ словъ, узнаемъ изъ присовокупленнаго. *И ядый Мя*, говоритъ Онъ, *живъ будетъ Мене ради.* Мы ядимъ Его Плоть и піемъ Его Кровь, дѣлаясь причастниками Слова и Премудрости, чрезъ Его вочеловѣченіе и жизнь, подлежащую чувствамъ. А Плотію и Кровію наименовалъ Онъ таинственное Свое пришествіе, означилъ также ученіе, состоящее изъ дѣятельнаго, естественнаго и богословскаго, которымъ душа питается и пріуготовляется со временемъ къ созерцанію Сущаго. И таковъ можетъ быть смыслъ сего изрѣченія (ч. VI, стр. 31).

Филарета, архіеп. Черниговскаго.

Ст. 59. *Сія рече на сонмищи, уча въ Капернаумѣ.* Такъ какъ въ синагогу собирались по субботамъ (Лук. IV, 16. Дѣян. XIII, 14, 42), то собраніе, предъ которымъ Спаситель преподавалъ наставленіе въ Капернаумской синагогѣ, было, безъ сомнѣнія, въ субботу. Такимъ образомъ Господь предлагалъ ученіе о Себѣ, какъ о хлѣбѣ жизни и о святой евхаристіи не только предъ Апостолами, но предъ народомъ и предъ учителями Іудейскаго народа.

Ст. 60—71. Бесѣда Спасителя съ учениками.

Ст. 60—66. «Многіе изъ учениковъ говорили: какія странныя слова»! Эти ученики—не то, что избранные (XII, 67) и не то, что народъ. Изъ нихъ многіе соблазнялись въ умѣ тѣмъ, что̀ слышали (61) и между собою говорили: это σκληρὸς λόγος—рѣчь невыносимая, оскорбляющая чувство, такъ что едвали кто можетъ слушать ее. Предсказаніе о смерти Мессіи разрушало пріятныя мечты о сильномъ царствѣ Мессіи, которыми тѣшились такъ много, а тутъ еще слова о преподаніи Плоти въ пищу. Все это казалось слишкомъ страннымъ, невыносимымъ. Ученики тайно между собою мѣнялись словами недовѣрія (Іоан. X, 20). Спаситель видѣлъ, что̀ происходитъ въ душѣ ихъ. Для вразумленія ихъ говоритъ, что своими глазами увидятъ вознесеніе Его на небо. Ученики соблазнялись тѣмъ, что Плоть Его будетъ пищею. Столько же, если не болѣе, непонятно и то, что Тѣло Его вознесется на небо. Но если опытомъ чувствъ убѣждены будутъ въ дѣйствительности вознесенія Плоти, то должны будутъ вѣрить, что могущество Его прострется и на то, чтобы Плоть Его была чудною пищею для вѣрныхъ. Подобное наставленіе (Іоан. VI, 63): «Духъ животворитъ, плоть не пользуетъ ни мало». Подъ плотью и духомъ иные разумѣютъ чувственный и духовный образъ мыслей, показывая въ первомъ неспособность къ уразумѣнію духовныхъ предметовъ. Но Спаситель говоритъ не о томъ, что можетъ находить истину, а о томъ, что можетъ животворить, или не приносить никакой пользы. Онъ хочетъ уяснить слова Свои о плоти и удалить поводъ къ соблазну. Плоть Христова даетъ жизнь оттого, что въ ней есть духъ животворящій и всесильный; плоть же, о которой думаютъ Іудеи, можетъ ли быть полезною на что-нибудь (2 Коринѳ. V, 16. 1 Петр. III, 18)? Глаголы, яже Азъ глаголахъ вамъ, духъ суть и животъ суть. Слова Его относились къ Тѣлу и Крови Его; итакъ глаголы должно замѣнить словами: Тѣло и Кровь; Его Тѣло и Кровь, о которыхъ Онъ говорилъ, суть духъ и жизнь: Тѣло—носитъ въ себѣ духъ, Кровь носитъ въ себѣ жизнь. Такъ понимали слова Христовы Кириллъ Александрійскій, Леонтій. (Ученіе о Словѣ, стр. 126—131.)

Слова еп. Михаила на 62 и 63 ст.

Восхожденіе ко Отцу совершилось въ вознесеніи воскресшаго Христа; но въ чемъ же тутъ бо́льшій соблазнъ для Іудеевъ? Понимая подъ восхожденіемъ Христа туда, гдѣ былъ прежде, вознесеніе Его, надобно добавить рѣчь Господа та́къ: неужели вы и тогда соблазнитесь, когда увидите и проч.? Но это будетъ противно контексту рѣчи. Господь здѣсь говоритъ о восхожденіи Своемъ въ обширномъ смыслѣ, какъ восхожденіи въ славу Свою чрезъ страданія (Лук. XXIV, 26); въ видимыхъ страданіяхъ начало славы Его; пострадавъ Онъ умеръ, воскресъ и вознесся. На этотъ-то исходный, такъ сказать, пунктъ Его славы,—страданія Свои и

позорную смерть Онъ и указываетъ здѣсь какъ на предметъ соблазна для Іудеевъ еще бо́льшаго, чѣмъ соблазнъ о теперешней рѣчи Его. Если вы соблазнились теперь словомъ Моимъ о хлѣбѣ жизни—Плоти Моей, что̀ же будетъ, не большій ли соблазнъ для васъ будетъ, когда увидите страданія и позорную смерть Мою, не уразумѣвъ по плотскому направленію вашихъ воззрѣній (63), что эти страданія и смерть—путь къ славѣ Моей и восхожденію туда, гдѣ Я былъ прежде? Крестная смерть Мессіи всегда дѣйствительно была величайшимъ соблазномъ для Іудеевъ (XII, 31. 1 Коринѳ. I, 23. Галат. V, 14).

Духъ и плоть употребляются здѣсь не въ собственномъ значеніи и означаютъ *духовное и плотское* разумѣніе, или воззрѣніе или — вообще нравственное направленіе. Мысль та, что высокія истины ученія Христова надобно понимать духовно вѣрою, а не чувственно, по ихъ только видимой сторонѣ (ср. Злат. и Ѳеофил.). Если не духовнымъ окомъ и не вѣрою смотрѣть на страданія Христовы, то они будутъ соблазномъ, и такое воззрѣніе поведетъ къ погибели, а не къ жизни вѣчной; смотрящій такъ соблазнится ими еще болѣе, чѣмъ рѣчью о Плоти и Крови Его. Надобно духовнымъ окомъ вѣры смотрѣть на все сіе; такое воззрѣніе оживотворитъ душу, не повергнетъ ее въ соблазнъ, а приведетъ ко Христу и слѣдовательно къ жизни вѣчной; плотское же пониманіе не принесетъ никакой пользы, а напротивъ, причинитъ величайшій вредъ. «Плоть не пользуетъ ни мало: это Онъ сказалъ не о Своей плоти,—отнюдь нѣтъ,—но о тѣхъ, которые Его слова понимаютъ чувственно. Что̀ значитъ понимать чувственно? Смотрѣть на предметы просто и не представлять ничего больше, — вотъ что̀ значитъ понимать чувственно. Но не та́къ должно судить о видимомъ, а надобно внутренними очами прозирать во всѣ его тайны. Вотъ это значитъ понимать духовно (Злат.).—*Слова—духъ и жизнь*: ученіе, которое Я вамъ предлагаю содержитъ именно сей *духъ* животворящій, раскрываетъ вамъ высшее духовное разумѣніе предметовъ вѣры, а потому суть вмѣстѣ и *жизнь*, ибо оживляютъ вѣру человѣка, а съ тѣмъ вмѣстѣ приводятъ его къ жизни вѣчной. Ваше пониманіе низкое, чувственное, неправильное; Мое ученіе духовное, возвышенное, истинное (ср. Властова, стр. 274). (Толков. Ев., ч. III, стр. 243—245.)

О значеніи таинства причащенія (Іоан. VI, 53, 56, 63).

(Прот. Базарова).

Если въ церковномъ отношеніи христіанинъ участвуетъ въ торжествѣ единенія всѣхъ вѣрующихъ у одного стола Господня, то здѣсь въ глубокой тайнѣ соединенія со Христомъ онъ входитъ въ единеніе съ Самимъ Богомъ. «Ядущій Мое Тѣло и піющій Мою Кровь во Мнѣ пребываетъ и Я въ немъ (Іоан. VI, 56), сказалъ Самъ Спаситель. Пребываніе это не есть только одно минутное прикосновеніе. И оно одно—это прикосновеніе творитъ чудеса (Марк. V, 29). Но здѣсь идетъ рѣчь о постоянномъ пребываніи, о соединеніи неразрывномъ, о сожитіи неразлучномъ. Іисусъ Христосъ сказалъ о Себѣ: «Я лоза, а вы вѣтви. Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ, такъ и вы, если не будете во Мнѣ» (Іоан. XV, 5, 4). Наше единеніе со Христомъ не есть одинъ только союзъ любви или благодарности, но существенная, неразрывная связь нашего естества съ Его обоготвореннымъ естествомъ. Если послѣ паденія человѣка оставалось еще средство къ

спасенію его въ перетвореніи самой природы его, то это совершилось именно во Христѣ, такъ справедливо названномъ у Апостола новымъ Адамомъ, въ которомъ мы должны переродиться, чтобы сдѣлаться способными снова къ жизни, не ежедневной и мірской, но жизни пребывающей вѣчно. Но какъ бы могъ переродиться человѣкъ, спрашиваетъ себя каждый вмѣстѣ съ Никодимомъ, если ужъ онъ разъ узрѣлъ свѣтъ съ данными отъ природы его наклонностями ко грѣху? Ему пришлось бы не перерождаться, но перетворяться, а это значило бы, потерявъ свое личное бытіе, явиться новыми существами, совсѣмъ чуждыми прежнему. Богъ же по Своей премудрости не хотѣлъ уничтожить истекшаго разъ изъ Него же бытія, чтобы замѣнить его новымъ. Это значило бы на языкѣ человѣческомъ—поправлять свою ошибку, дѣлая позже опыты на томъ же поприщѣ. Но Богъ не такъ измѣнчивъ, какъ слабый человѣкъ, и не такъ слабъ въ дѣлахъ Своихъ, какъ подверженный измѣненію геній человѣческій. Всемогущій и Премудрый, Онъ избралъ мудрое средство къ возобновленію испортившейся природы человѣка. Сынъ Божій дѣлается Самъ человѣкомъ, и, явившись среди людей, возвѣщаетъ міру возможность возсоединенія человѣка съ Богомъ черезъ искреннее и сверхъестественное общеніе съ Нимъ и Его природою.

Но какъ соединиться съ Нимъ, какъ сродниться съ этимъ Богочеловѣкомъ послѣ того, какъ Онъ оставилъ землю и сдѣлался намъ доступенъ только вѣрою, да путемъ историческаго преданія? На землѣ есть узы брака, есть союзъ родства, соединяющій людей не только въ интересахъ жизни, но въ самыхъ сердечныхъ потребностяхъ. Другого средства къ сближенію съ отсутствующимъ, хотя и дорогимъ по образу и вліянію на нашу жизнь, у насъ нѣтъ. Развѣ въ состояніи замѣнить намъ это одна идеальная любовь, одно священное чувство дружбы къ нашему Спасителю? Нѣтъ, ни узы родства, связующія людей плотски, ни связи любви и дружбы, поддерживающія только духовныя отношенія, недостаточны для такого союза, въ которомъ вся природа человѣка должна быть проникнута новымъ духомъ, новою жизнью. Для этого нужна была небывалая таинственная связь, которую бы человѣкъ не только сознавалъ въ глубинѣ души своей, но — что еще важнѣе—въ которую бы онъ *вѣровалъ* всею силою души своей. Господь нашъ Іисусъ Христосъ могъ бы ограничить наше единеніе съ Богомъ однимъ требованіемъ поклоненія Ему духомъ и истиною, и тогда нашлись бы и между христіанами набожные факиры, которые по часамъ стали бы погружаться во внутреннее созерцаніе Бога. Но такое насиліе собственной природы далеко недостаточно для того, чтобы переродить всего человѣка въ его природномъ составѣ. Человѣкъ не духъ, но и не плоть только. Состоя изъ души и тѣла, онъ въ этомъ двусоставномъ существѣ долженъ будетъ жить вѣчно. Поэтому и соединеніе его со Христомъ должно было выразиться не въ одной только духовной формѣ вѣры, но и въ тѣлесныхъ знакахъ духовнаго единенія со своимъ Спасителемъ.

«Истинно, истинно, говорю вамъ, если не будете ѣсть Плоти Сына Человѣческаго и пить Крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни» (Іоан. VI, 53). Что можетъ быть яснѣе этихъ словъ Іисуса Христа касательно таинства Тѣла и Крови Его! Они были такъ ясны, что, по словамъ Евангелиста, это привело въ недоумѣніе и соблазнъ многихъ изъ учениковъ Его, такъ что съ этого времени многіе отошли отъ Него

и уже не ходили за Нимъ (LX, 66). И что же? Онъ же Самъ предлагаетъ даже избраннымъ Его двѣнадцати, не хотятъ ли они отойти отъ такого ученія! Стало быть, это былъ рѣшительный вызовъ, данный какъ современнымъ, такъ и будущимъ вѣрующимъ, на испытаніе—оставаться, или отойти? Разумъ человѣка, даже здравый, но недалекій, конечно, отвратился бы отъ такихъ *странныхъ* словъ, и только одна благоразумная вѣра отвѣтила съ любовью на предложенную задачу словами неисходнаго положенія: «Господи! къ кому же намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни; и мы увѣровали и познали, что Ты—Христосъ, Сынъ Бога живаго!» (67 — 68.) Кто не убѣдится послѣ этого, что святая сущность христіанскаго таинства лежитъ въ самомъ Тѣлѣ и Крови Христовыхъ, которыя должны быть приняты въ насъ, чтобы совершить внутри насъ истинное перерожденіе нашей природы чрезъ общеніе со Христомъ даже тѣлесно. Если мы въ доказательство родства нашего съ нашими близкими по плоти говоримъ, что въ насъ течетъ та же кровь, то также справедливо мы можемъ сказать и о нашемъ общеніи со Христомъ въ таинствѣ Евхаристіи, что Его Кровь течетъ въ нашихъ жилахъ.

Но, среди самаго яснаго ученія о таинствѣ Тѣла и Крови Своей, Господь прибавилъ: «плоть не пользуетъ ни мало. Духъ животворитъ» (63). И дѣйствительно одного общенія плотскаго со Христомъ было бы недостаточно для спасенія нашего. Человѣкъ хотя и плотянъ, но вмѣстѣ и духовенъ. Посему и соединеніе его со Христомъ въ таинствѣ причащенія должно быть по преимуществу духовное. «Духъ животворитъ». Что бываетъ съ нашимъ тѣломъ, когда оно неодушевлено силою духа, намъ показываетъ ежедневно горестный примѣръ смерти нашихъ собратій. Но и одушевленное тѣло еще не даетъ намъ настоящаго образа человѣка, назначеннаго для жизни въ Богѣ, пока оно не оживлено духомъ. Духъ животворитъ; онъ даетъ настоящую жизнь этому одушевленному организму, называемому человѣкомъ. Что за жалкая машина была бы это гордое животное на землѣ, если бы его дѣятельность, подобно прочимъ животнымъ, ограничивалась бы одними инстинктами животной природы! Гдѣ носили бы мы въ немъ образъ или даже подобіе Божіе, если бы не одухотворяло его это начало Божественное, которое мы называемъ духомъ? Но духи бываютъ различные. Есть духи даже злые. Итакъ, чтобы имѣть въ себѣ духа Божія, нужно пріобщаться духу Христову, этому образу ѵпостаси Божественной, который приблизился до насъ путемъ не только воплощенія, но и вочеловѣченія. И вотъ гдѣ сила таинства Тѣла и Крови Христовыхъ! Здѣсь, въ этомъ таинствѣ, соприкасаясь и соединяясь тѣлесно и осязательно съ человѣческою природою Богочеловѣка, мы вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаемся участниками и Его Божественной природы, неразрывно соединенной въ лицѣ Его съ человѣческимъ естествомъ (Христ. Чт. 1871 г., ч. I, Февр. 329—342).

Ст. 63. Существенныя особенности слова Христова, отличающія его отъ слова человѣческаго. (Амвросія, архіеп. Харьковскаго.)

Глаголы, яже Азъ глаголахъ вамъ, духъ суть и животъ суть (Іоан. VI, 63). Священное Писаніе даетъ намъ понять въ словѣ Христовомъ три существенныя особенности, отличающія его отъ слова человѣческаго: во-первыхъ, въ отношеніи къ его смыслу и вліянію на людей, потомъ въ способахъ проникновенія его въ души человѣче-

скія и, наконецъ, въ господствующемъ его направленіи.

Іисусъ Христосъ съ первыхъ словъ Своей проповѣди далъ намъ понять, что Онъ не человѣкъ-мыслитель, не ученый, сообщающій людямъ новое ученіе, а обѣтованный Искупитель міра, пришедшій совершить спасеніе людей и призвать всѣхъ въ Царство Отца Своего Небеснаго. Его слово, какъ слово Сына Божія, было, по сознанію самихъ слушателей, *со властію*, покоряющею духъ человѣка силѣ Божіей, а не таково, какъ слова книжниковъ и фарисеевъ (Марк. I, 22). Поэтому при первомъ его звукѣ смирялись души способныя его слышать, какъ умолкаетъ малое дитя предъ твердымъ голосомъ своего отца. Это и теперь чувствуютъ всѣ берущіе въ руки Евангеліе съ мыслью, что въ немъ Богъ говоритъ душѣ человѣческой.

При этомъ общемъ понятіи о словѣ Христовомъ для насъ становится весьма важною та особенность, что Господь никогда не обращался къ одному уму человѣка, а всегда къ цѣлому духу человѣческому,—его уму, сердцу и совѣсти. Онъ бралъ людей тамъ, гдѣ ихъ находилъ—по внутреннему ихъ состоянію,—въ страданіяхъ сердца, въ мученіяхъ совѣсти, въ скорбяхъ земной жизни и, давъ имъ почувствовать тягость настоящаго ихъ состоянія, возводилъ ихъ къ сознанію возможности лучшей жизни и говорилъ: «покайтеся, приблизилось Царствіе Небесное (Марк. I, 15)—пріидите ко Мнѣ труждающіися и обремененные» (Матѳ. XI, 28). Такимъ образомъ Онъ, явившись въ міръ, какъ-бы подавалъ Своему погибающему созданію Свой творческій и отеческій голосъ. Какая мысль въ голосѣ человѣка, зовущаго насъ къ себѣ и называющаго насъ по имени? На первый разъ никакой. Все дѣло въ томъ, знакомъ ли намъ голосъ, милъ ли онъ намъ и желательно ли намъ видѣть того, кто зоветъ насъ къ себѣ. Если зоветъ любимый нами человѣкъ, мы идемъ и не зная зачѣмъ; съ другой стороны, если мы заблудились, нуждаемся въ чемъ-нибудь, страдаемъ, мы идемъ на всякій понятный намъ голосъ въ надеждѣ помощи. Въ этомъ смыслѣ ученіе Спасителя нашего и называется званіемъ Божіимъ, привлеченіемъ человѣка къ Богу (Іоан. VI, 44. 2 Тимоѳ. I, 9), и въ этомъ же смыслѣ Онъ говоритъ, что овецъ Своихъ Онъ знаетъ по имени, и что овцы гласа Его слушаютъ (Іоан. X, 3). Это таинственное отношеніе духа человѣческаго ко Христу Спасителю всегда познается и нами, но не умомъ, а сознаніемъ и опытомъ сердца, если мы не очерствѣли и и не оплотянѣли, а, по слову Господа, имѣемъ уши, чтобы Его слышать (Матѳ. XI, 25).

Что̀ касается до способовъ дѣйствованія слова Христова на человѣка или до тѣхъ путей, какими оно проникаетъ въ нашу душу и покоряетъ насъ себѣ, то эти пути и способы навсегда останутся для насъ тайною. Когда, гдѣ, и какъ изъ нашей грѣшной души Господь позоветъ насъ къ Себѣ, съ чего Онъ начнетъ убѣждать, или лучше, побѣждать насъ, когда и чѣмъ Онъ дастъ намъ почувствовать силу Своего слова, —всего этого ни узнать, ни изучить, ни привести въ систему мы не можемъ. Это Господь далъ намъ понять въ бесѣдѣ о возрожденіи съ ученымъ и любознательнымъ Никодимомъ: «Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ; такъ бываетъ со всякимъ рожденнымъ отъ Духа» (Іоан. III, 8). Что это ученіе о таинственныхъ дѣйствіяхъ благодати возрожденія относится не только къ христіанскимъ та-

инствамъ, но и къ слову и ученію Христову, мы находимъ этому подтвержденіе въ знаменіяхъ, явленныхъ при сошествіи Святаго Духа на Апостоловъ: на каждаго изъ нихъ низошли «огненные языки»—знакъ слова, и, «при шумѣ съ неба, какъ-бы отъ несущагося сильнаго вѣтра»—знакъ силы; затѣмъ мы видимъ оправданіе того и другого указанія въ послѣдовавшемъ затѣмъ обращеніи проповѣдью Апостола Петра многихъ тысячъ людей къ вѣрѣ во Христа (Дѣян. II). Побѣждаемые благодатію Христовою, мы подчиняемся Его руководству, а подчинившись, начинаемъ познавать и Его Божественное ученіе въ качествѣ истинъ, просвѣщающихъ умъ до пріобрѣтенія цѣлаго *образа здравыхъ словесъ* (2 Тимоѳ. I, 13) или цѣльнаго христіанскаго міросозерцанія. Отсюда становится яснымъ, что просвѣщеніе ученіемъ Христовымъ совершается не такъ, какъ просвѣщеніе наукою человѣческою, а въ обратномъ порядкѣ. Въ наукѣ мы сначала изучаемъ, познаемъ и потомъ вслѣдствіе познанія убѣждаемся въ истинѣ, а въ просвѣщеніи Евангельскою истиною сначала убѣждаемся въ силѣ Христовой, покоряемся Ему, и вѣруемъ въ Него, какъ Сына Божія, какъ Свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ (Іоан. I, 9), а потомъ уже въ этомъ свѣтѣ познаемъ всю совокупность открытыхъ намъ таинъ Божественной премудрости въ дѣлѣ спасенія людей. И только этотъ путь ведетъ къ истинному христіанскому Богопознанію. Кто сначала относится къ Евангелію умомъ вопрошающимъ, пытливымъ и сомнѣвающимся, тотъ встрѣчаетъ всюду затрудненія и не дойдетъ до убѣжденія въ Христовой истинѣ, а кто начинаетъ смиреннымъ, послушливымъ пріятіемъ всѣми силами своего духа благодатныхъ впечатлѣній Евангелія, ощущая на себѣ благотворность его Божественнаго свѣта, тотъ *сердцемъ вѣруетъ въ правду* (Римлян. X, 10) и умомъ дойдетъ до сознательнаго убѣжденія въ превосходствѣ христіанскаго ученія предъ всѣми ученіями человѣческими. И только при этомъ условіи могутъ быть ясны, отчетливы и крѣпки христіанскія убѣжденія. Кто, по слову Спасителя, сталъ причастнымъ силы Его, тотъ «не можетъ вскорѣ злословить Его» (Марк. IX, 39).

Призываніемъ въ Царствіе Божіе опредѣляется понятіе и о направленіи слова Христова. Оно не есть ученіе, питающее только любознательность ума человѣческаго, а созидающее новую духовную жизнь въ человѣчествѣ, чрезъ проведеніе въ его сознаніе истиннаго идеала человѣческаго совершенства и чрезъ указаніе способовъ приближенія къ нему. Самъ Господь указываетъ на опыты благотворности Своего ученія въ примѣненіи его къ жизни, какъ на лучшія средства убѣжденія въ его истинѣ: «кто хочетъ творить волю Отца Небеснаго, говоритъ Онъ, тотъ узнаетъ о семъ ученіи, отъ Бога ли оно» (Іоан. VII, 17). Оторванное отъ жизни ученіе Христово представляетъ для ума человѣческаго непримиримыя противорѣчія,—напротивъ, направляемое къ жизни, оно становится для насъ въ каждомъ частномъ случаѣ руководящимъ свѣтомъ. Однажды Апостолы, оскорбленные тѣмъ, что жители одного селенія Самарянскаго не приняли ихъ Учителя, возревновали о чести Его и просили, чтобы Онъ позволилъ имъ, по примѣру пророка Иліи, низвести огонь съ неба и истребить ихъ, но Господь сказалъ имъ: «не знаете, какого вы духа, ибо Сынъ Человѣческій пришелъ не погублять души человѣческія, а спасать» (Лук. IX, 52—56). Какъ цѣльность въ исповѣданіи ученія вѣры, такъ и цѣльность во взглядахъ на жизнь,

установленныхъ словомъ и примѣромъ Спасителя нашего, у Апостола Павла равно называются духомъ Христовымъ: «кто духа Христа не имѣетъ, тотъ и не Его» (Римлян. VIII, 9). Поэтому и весь характеръ ученія христіанскаго такъ опредѣляетъ тотъ же Апостолъ: «слово мое и проповѣдь моя не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы» (1 Коринѳ. II, 4). (Вѣра и Разумъ 1886 г. отдѣл. церковн., стр. 74—76. 78—81.)

Филарета, архіеп. Черниговскаго.

Ст. 64. *Но суть отъ васъ нѣцыи, иже не вѣруютъ.—Сего ради рѣхъ вамъ, яко никтоже не можетъ пріити ко Мнѣ, аще не будетъ ему дано отъ Отца Моего.* Причина, почему слова о Тѣлѣ и Крови Христовой кажутся странными, заключается въ извѣстныхъ слушателяхъ и ихъ расположеніяхъ. Ни обширность разума, ни строгость характера сами по себѣ не спасутъ никого отъ слабой и невѣрной вѣры: и разумъ и воля—больны въ насъ. Необходимо просить помощь небесную и просить постоянно для каждаго момента жизни душевной. Безъ того въ душѣ всегда будетъ являться невѣріе, неспособное понимать ученіе Сына Божія (Іоан. VI, 36). Надобно положить, что слова: *суть отъ васъ нѣцыи, иже не вѣруютъ*, сказаны были съ особенною выразительностью, особымъ тономъ рѣчи и движеніемъ очей. Ибо Евангелистъ въ слѣдъ затѣмъ прибавляетъ: «Іисусъ сначала зналъ, кто суть невѣрующіе и кто предатель Его». Зналъ сначала, какъ только въ первый разъ являлся кто къ нему: при первомъ свиданіи сказалъ Онъ Симону, что онъ будетъ Кифою по твердости испытанной паденіемъ. Зналъ съ перваго свиданія и того, *кто есть предаяй Его?* Переводъ: *кто предастъ*,—неточенъ: предъ взоромъ Спасителя являлась будущность, какъ присущая дѣйствительность. Іуда во время бесѣды о таинственной пищѣ былъ, по извѣстію Евангелиста, въ числѣ невѣрующихъ. Іоаннъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдитъ за Іудою и обрисовываетъ злой характеръ его (XII, 4; XIII, 2, 27; XIV, 22); онъ одинъ показываетъ и имя Отца Его (71). Іуда тайно возбуждалъ въ другихъ недовѣріе то ѣдкими шутками, то вопросами хитрой злости. Все это дѣлалось за глазами Учителя, за глазами и тѣхъ, которые особенно близки были къ Учителю. Спаситель зналъ все это и терпѣлъ. По всей вѣроятности, ловкость злаго Іуды имѣла большое участіе въ томъ, что «многіе изъ учениковъ отошли отъ Него и уже не ходили съ Нимъ». «Нѣкоторые, говоритъ блаженный Августинъ, соблазнились и ушли, а тотъ (Іуда) остался, но не съ тѣмъ, чтобы понимать Его, а съ тѣмъ, чтобы не понимать Его», точнѣе, дѣлить славу славнаго Учителя и собирать воровски серебряники.

Мысли еп. Ѳеофана.

Ст. 66—67. Когда Господь предложилъ ученіе о таинствѣ Тѣла и Крови, полагая въ немъ необходимое условіе общенія съ Собою и источникъ жизни истинной, тогда *мнози отъ ученикъ Его идоша вспять и ктому не ходяху съ Нимъ.* Слишкомъ чудеснымъ показалось имъ такое дѣло безпредѣльной къ намъ милости Божіей, и нерасположеніе къ чудесному отторгало ихъ отъ Господа. Господь видѣлъ это, и однакожъ, готовый быть распятымъ за спасеніе всякаго, не находилъ возможнымъ умалить, или отмѣнить чудесное. Такъ оно необходимо въ экономіи нашего спасенія! Хотя, конечно, съ сожалѣніемъ, но оставилъ Онъ ихъ идти отъ Себя во тьму невѣрія и пагубу,—и не имъ только, но и избраннымъ двѣнадцати

сказалъ по сему случаю: *еда и вы хощете ити*, изъявляя готовность и ихъ отпустить, если не склонятся предъ чудесностью. Отсюда выходитъ, что бѣгать чудеснаго есть то же, что бѣгать Господа Спасителя, и отвращающійся отъ чудеснаго есть то же, что погибающій. Да внемлютъ сему тѣ, которые приходятъ въ ужасъ при одномъ напоминаніи о чудесномъ! Встрѣтятъ и они чудо, которому не возмогутъ уже перечить: это смерть и по смерти судъ. Но послужитъ ли это непереченіе имъ во спасеніе, одинъ Богъ знаетъ (Мысли на каждый день года, стр. 135—136).

Филарета, архіеп. Черниговскаго.

Ст. 67—71. «Тогда сказалъ Іисусъ двѣнадцати: не хотите ли и вы отойти»? Евангелистъ, столько точный въ описаніи принадлежностей историческихъ, не выставляетъ ни именъ, ни самаго званія Апостоловъ. Это объясняется только тѣмъ, что то и другое предполагаетъ онъ извѣстнымъ для читателей изъ другихъ Евангелій. Вопросъ предложенъ Спасителемъ въ такомъ видѣ, что обѣщаетъ отвѣтъ отрицательный, и слѣдовательно выражаетъ довѣренность Спасителя къ избраннымъ. Но какъ вопросъ о рѣшеніи воли посторонней, онъ показываетъ, что быть или не быть въ числѣ спасаемыхъ зависитъ отъ воли каждаго. Спаситель не принуждаетъ никого идти за Нимъ, хотя любовь Его и желаетъ того, чтобы шли. Предложенный выборъ касался особенно Іуды, желавшаго казаться однимъ изъ лучшихъ и для котораго, конечно, лучше было бы оставить теперь Іисуса, чѣмъ страстью ко славѣ и корысти доведену быть до роли предателя. «Симонъ Петръ отвѣчалъ: Господи! къ кому намъ идти? Мы увѣровали и познали, что Ты Христосъ Сынъ Бога живаго». Ученики не понимали теперь многаго въ словахъ Небеснаго Учителя; но основанія вѣры были въ нихъ,—они уже вѣрили, что Іисусъ есть Мессія и Сынъ Божій; а это зерно впослѣдствіи подъ вліяніемъ свѣта и влаги Духа Святаго раскроется въ прекрасное древо.—Святый Кириллъ замѣчаетъ: «они должны были увѣровать и познать. Ибо если вѣра уже принимаетъ Божественное, то она не отказывается тѣмъ отъ всякаго изслѣдованія, напротивъ, должна стремиться возвысить себя до извѣстнаго познанія, по словамъ Павла, въ зеркалѣ и гаданіи. Хорошо также говорятъ не прежде о познаніи, потомъ о вѣрѣ, а ставятъ напередъ вѣру, оставляя знаніе слѣдовать за нею. Ибо послѣ вѣры знаніе, а не прежде вѣры». Вмѣсто: «Сынъ Бога живаго» въ лучшихъ Греческихъ спискахъ читается: «Святый Божій»; происхожденіе перваго чтенія понятно: оно взято изъ исповѣданія Симонова, произнесеннаго въ другое время (Матѳ. XVI, 16). Въ пророчествѣ Даніила (IX, 24) Святый Божій—Мессія, Который иначе назывался праведнымъ (Исаія LIII, 11). Іисусъ отвѣчалъ имъ: «не двѣнадцать ли васъ избралъ Я? но одинъ изъ васъ діаволъ», Іисусъ не только не прибавляетъ одобренія исповѣданію Петра, но еще дѣлаетъ вразумленіе. Почему это такъ? «Иначе ученики, которые остались съ Нимъ, тогда какъ другіе оставили Его, могли вообразить себѣ, что Онъ станетъ льстить имъ» (Златоустъ). Была теперь нужда не ободрять, а вразумлять. Такъ какъ любовь Господа отличила 12 учениковъ особеннымъ Своимъ вниманіемъ, особенною почестью—именемъ посланниковъ, то она имѣла право ожидать, что исповѣданіе, высказанное Петромъ, составляетъ душевную и незамѣнимую собственность всѣхъ 12.—Къ скорби любви оказалось, что одинъ изъ нихъ слиш-

комъ далекъ отъ желаемаго совершенства, и любовь для пользы любимыхъ объявляетъ: «одинъ изъ васъ діаволъ». Нѣтъ сомнѣнія, что Іуда, о которомъ, какъ замѣчаетъ Евангелистъ (71) говорилъ теперь Христосъ, былъ въ началѣ человѣкъ добрый и благочестивый, не уступавшій во многомъ прочимъ избраннымъ: иначе онъ не былъ бы въ числѣ 12 избранныхъ. Начальникъ отступниковъ—духовъ въ началѣ бытія своего принадлежалъ къ высшимъ, лучшимъ созданіямъ Божіимъ; но потомъ по своей волѣ сталъ вождемъ духовъ непокорныхъ Богу, оставившихъ порученное имъ служеніе (Іуд. I, 6). Точно также Іуда не удержалъ за собою высокаго достоинства, увлеченный гордостью и страстью къ деньгамъ. Онъ названъ діаволомъ въ значеніи врага, противника Іисусова, въ душѣ котораго таятся мысли, вовсе противныя исповѣданію Петра. Іуда предатель называется Искаріотскимъ и въ другихъ Евангеліяхъ (Матѳ. X, 4; XXVI, 14. Лук. XXII, 3). Что̀ это за названіе? Можно думать, что Искаріотъ то же, что *ишъ каріотъ*, человѣкъ изъ мѣстечка Каріотъ, уроженецъ Каріотскій, и въ нѣкоторыхъ спискахъ читается: ἀπὸ τοῦ Καριώτου; Каріотъ городъ колѣна Іудова (Іис. Нав. XV, 25). Только тогда надлежало бы видѣть въ Греческомъ: ἀνὴρ Καριώτης: иначе нельзя указать примѣра гдѣ бы *ишъ* въ соединеніи съ названіемъ мѣста употреблялось безъ перевода. Потому болѣе вѣроятнымъ считаютъ, что Искаріотъ—прозваніе, данное по занятію Іуды и означаетъ носителя шкатулки, эконома, въ Сирскомъ переводѣ: скаріута-тирэ экономъ. Такое занятіе Іуды указано въ Евангеліи Іоан. XIII, 29. (Ученіе о Словѣ, стр. 133—136.)

Библіографическій указатель къ VI гл. Ев. Іоанна.

1) Ст. 1. *А. Некрасова.* Экзегетическія примѣч. Прав. Собес. 1886 г. I. 96—97.

2) Ст. 6. *Голубинскаго.* Вопросъ о насущномъ хлѣбѣ. Воскресное Чтеніе, 1872 г. 334—337.

3) Ст. 26. *Ищете Мене, не яко видѣсте знаменіе, но яко ялы есте хлѣбы, и насытистеся.* Воскресное Чтеніе, г. XXII. 300—302.

4) Ст. 26—36. *Иннокентія, архіеп. Херсонскаго.* О таинствѣ евхаристіи: какъ пріуготовлялась сія Божественная трапеза, какъ въ свое время учредилась и какъ, учрежденная, хранилась до нашихъ дней. Сочин. изд. Вольфа. IV. 106—115. О плодахъ причащенія. IV. 120—126.

5) Ст. 37. *Все, еже даетъ Мнѣ Отецъ, ко Мнѣ пріидетъ, и грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ.* Воскресное Чтеніе, г. V. 213.

6) Истинность Тѣла и Крови Христовой въ св. Евхаристіи. Воскресное Чтеніе, 1886 г. 401—408.

7) О томъ же. *Архіеп. Никанора.* Поученіе и Бесѣда, т. IV. 185—198 (Противъ графа Л. Толстаго).

8) О причащеніи. Воскресное Чтеніе, г. III. 505—507.

9) Ст. 53. *Арсенія, митроп. Кіевскаго.* О таинствѣ причащенія подъ обоими видами—хлѣба и вина (противъ католиковъ). Слова. II. 242—268.

10) Ст. 54. *Св. Иринея Ліонскаго.* О томъ, что Плоть и Кровь Іисуса Христа, вкушаемыя вѣрующими въ таинствѣ Евхаристіи, служатъ несомнѣннымъ залогомъ и основаніемъ будущаго воскресенія ихъ плоти. Воскресное Чтеніе, г. XXI. 21—23.

11) Ст. 54. *Ядый Мою Плоть и піяй Мою Кровь имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день.* Воскресное Чтеніе, г. XXV. № 2. 51.

12) Ст. 56. *Архим. Фотія.* О плодахъ св. причащенія. Духовн. Бес. 1863 г. XVIII. 547—556.

13) Ст. 68. Назидательныя размышленія. Христ. Чт. 1827 г. XXV. 342.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ...ственных Наук Академии Наук СССР